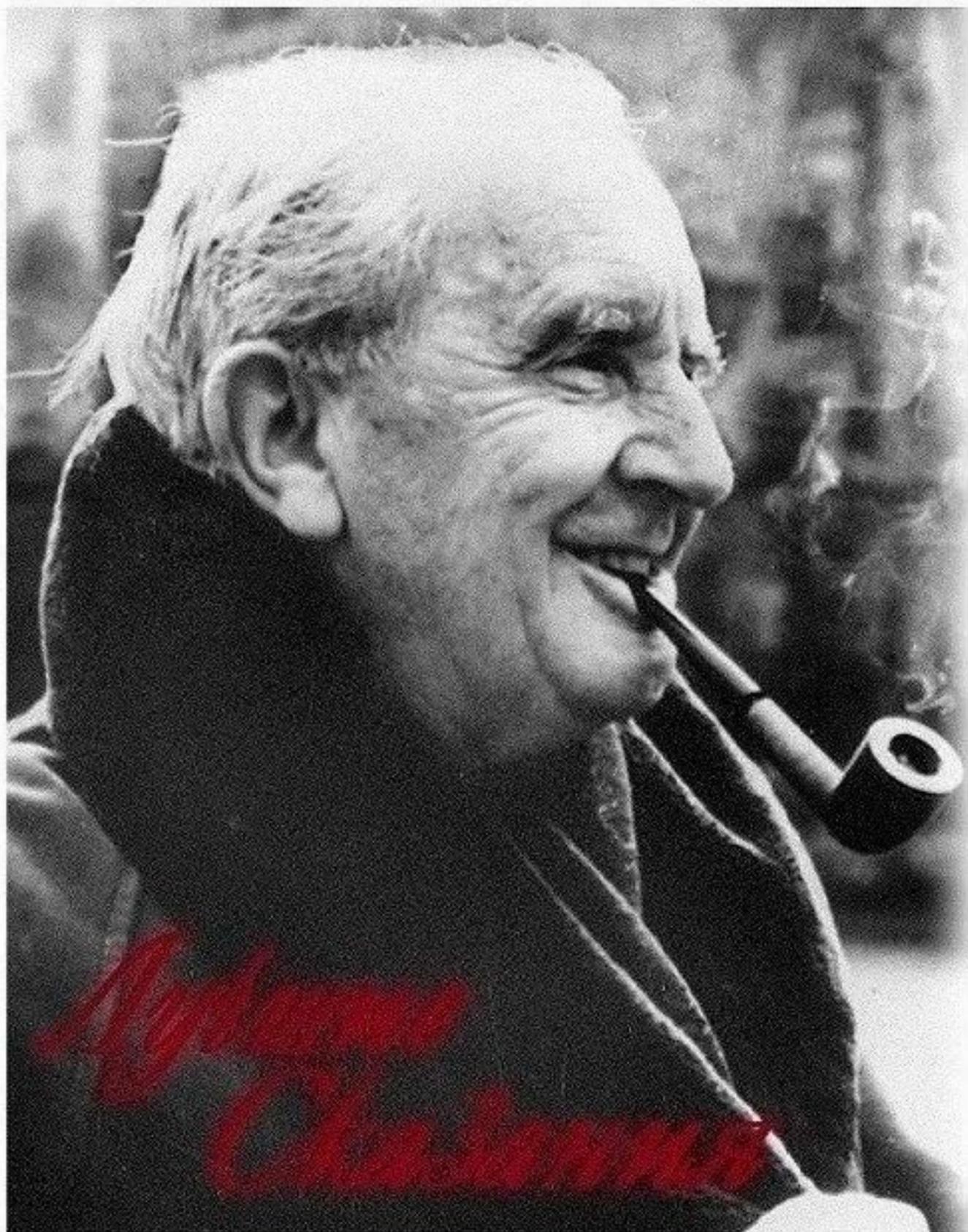

Док.Р.Р.ТОВАКМЕН

РЕТРОМОХОРОМ

Հիմնադրամիջոց. հիմնադրամիջոց. հիմնադրամիջոց. հիմնադրամիջոց

Джон Рональд Руэл Толкин

Джон Рональд Роуэл Толкиен. Лучшие сказания (Литературная сказка Англии #3)

В серии Ретромонохром представлены лучшие истории лучших сказочников мира, отечественных и зарубежных.

Это сказки нашего детства и отрочества — сказки из любимых старых книжек, в обрамлении любимых же иллюстраций.

В пятом выпуске собраны лучшие литературные переводы на русский произведений родоначальника эпической фэнтези — Джона Рональда Роуэла Толкиена о Средиземье.

Содержание

◆ Введение ◆	0005
Об авторах	0022
Писатель	0023
Переводчик Наталья Леонидовна Рахманова	0031
Переводчик Андрей Андреевич Кистяковский	0032
Переводчик Владимир Сергеевич Муравьев	0033
Переводчик Н. Эстель	0039
Художник Михаил Самуилович Беломлинский	0040
Художница Яна Станиславовна Ашмарина	0041
Художник Тед Несмит	0042
Хоббит, или Туда и Обратно	0043
Введение	0043
Кристофер Толкиен Предисловие [24]	0047
1 Нежданные гости	0052
2 Баранье жаркое	0069
3 Передышка	0080
4 Через гору и под горой	0086
5 Загадки в темноте	0093
6 Из огня да в полымя	0107
7 Небывалое пристанище	0118
8 Пауки и мухи	0132
9 В бочках — на волю	0146
10 Радужный приём	0155
11 На пороге	0162
12 Что ждало их внутри	0167
13 Пока хозяина не было дома	0179
14 Огонь и вода	0186
15 Тучи собираются	0192
16 Ночной вор	0198
17 Гроза разразилась	0202
18 Обратный путь	0209
19 Последняя глава	0215
Властелин колец	0221
Введение	0221
Хранители	0222
Две твердыни	0548
Возвращение государя	0807
Сильмариллион	1029
#1	1029
Айнулиндалэ	1032
Валаквента	1039
Квента Сильмариллион ◆ ◆ Повесть о Сильмарилах	1044
Акаллабет	1217
О Кольцах Власти и Третьей эпохе	1235
Приложения	1254
Сказание об Арагорне и Арвен 50	1290

**Джон Рональд Роуэл Толкиен
Лучшие сказания**

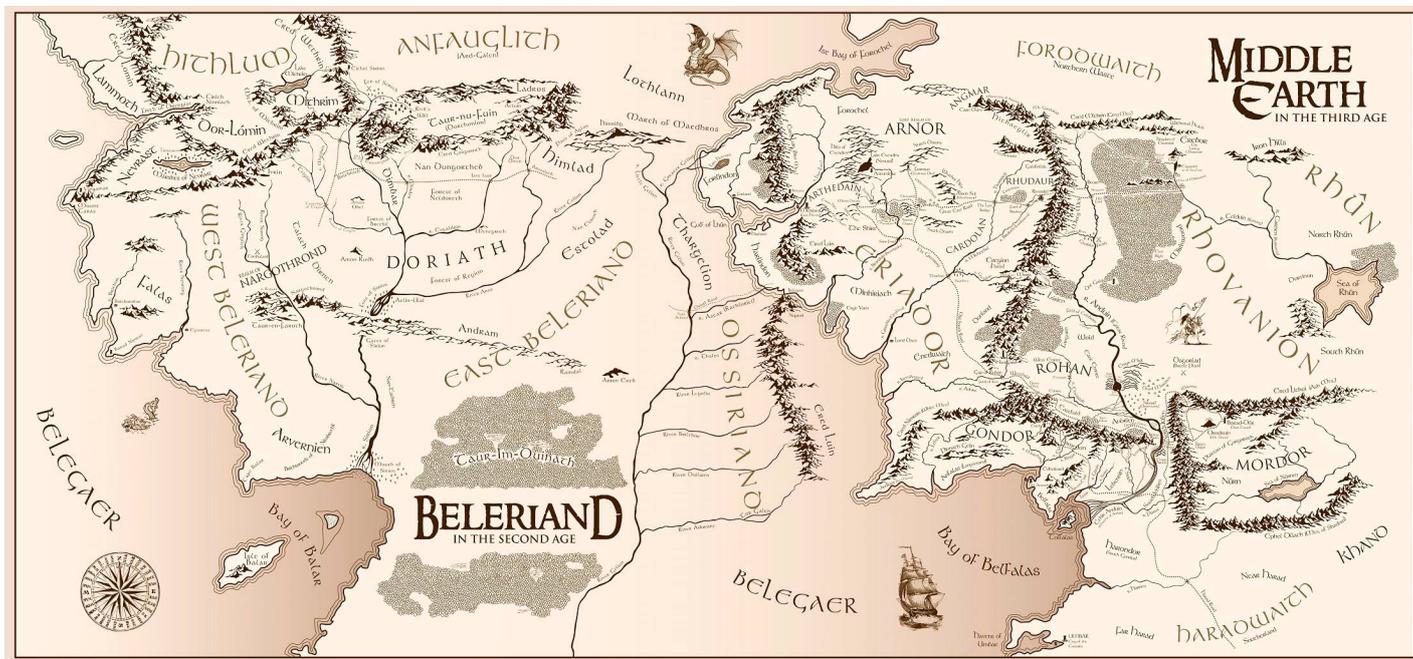
❖ Введение ❖

«Когда Вы пишете сложную историю, Вы должны сразу рисовать карту — потом уже будет поздно»

Дж. Р. Р. Толкиен

Мир Толкиена. Карта Средиземья во Второй и Третьей эпохах (затенённые области — затопленные впоследствии земли времен Второй эпохи)

В оформлении сборника дополнительно использованы работы Теда Несмита и других художников. Там, где автор изображения известен, он указан.

Дж. Р. Р. Толкиен о вселенной Средиземья (Письмо к Мильтону Уолдману)

Текст приведён по книге: Толкин Дж. Р. Р... Письма. © Эксмо: Москва, 2004

После того как «Аллен энд Анвин», от которого Толкиен требовал однозначного ответа, поневоле отказалось публиковать «Властелина Колец» вместе с «Сильмариллионом», Толкиен был уверен, что Мильтон Уолдман из «Коллинза» в ближайшее время выпустит обе книги в своем издательстве. Весной 1950 г. Уолдман сообщил Толкиену, что надеется приступить к набору уже осенью. Но возникли задержки, главным образом из-за частых отъездов Уолдмана в Италию и его болезни. К концу 1951 г. никаких определенных договоренностей касательно публикации достигнуто не было, а в издательстве «Коллинз» общий объем обеих книг вызывал все большее опасение. По всей вероятности, именно по просьбе Уолдмана Толкиен написал нижеследующее письмо — длиной почти в десять тысяч слов, с целью доказать, что «Властелин Колец» и «Сильмариллион» взаимозависимы и неразделимы. Письмо, заинтересовавшее Уолдмана настолько, что он отдал его в перепечатку, не датировано, но написано, вероятно, в конце 1951 г.

Дорогой Мильтон!

Вы попросили дать краткое описание материала, имеющего отношение к моему воображаемому миру. Трудно сказать хоть что-нибудь, не сказав при этом слишком многого: при попытке найти пару слов распаиваются шлюзы энтузиазма, эгоист и художник немедленно желает сообщить, как этот материал разрастался, на что похож и что (как ему кажется) автор имеет в виду или пытается изобразить. Кое-что из этого я обрушу на вас; однако приложу и просто краткое резюме содержания: это (возможно) все, что вам нужно, или до чего дойдут руки и на что времени хватит.

Если говорить о том, когда и как это сочинялось и разрасталось, все это началось одновременно со мной, — хотя не думаю, что это кому-то интересно, кроме меня самого. Я имею в виду, что не помню такого периода в моей жизни, когда бы я это все не созидал. Многие дети придумывают, — или по крайней мере берутся придумывать, — воображаемые языки. Сам я этим развлекаюсь с тех пор, как научился писать. Вот только перестать я так и не перестал, и, конечно же, как профессиональный филолог (особенно интересующийся эстетикой языка) я изменился в том, что касается вкуса, и усовершенствовался в том, что касается теории и, возможно, мастерства. За преданиями моими ныне стоит целая группа языков (по большей части лишь схематично намеченных). Но тем созданиям, которых по-английски я не вполне правильно называю эльфами^[1], даны два родственных языка, почти доработанных: их история записана, а формы (воплощающие в себе два разных аспекта моих лингвистических предпочтений) научно выводятся из общего источника. Из этих языков взяты практически все *имена собственные*, использованные в легендах. Как мне кажется, это придает ономастике определенный характер (единство, последовательность лингвистического стиля и иллюзию историчности), чего заметно недостает иным сходным творениям. Не всякий, в отличие от меня, сочтет это важным, поскольку меня судьба покарала болезненной чувствительностью в подобных вопросах.

Но страстью столь же основополагающей для меня *ab initio*^[2] был миф (не аллегория!) и волшебная сказка, и в первую очередь — героическая легенда на грани волшебной повести и истории, которых на мой вкус в мире слишком мало (в пределах моей досягаемости). Уже в студенческие годы мысль и опыт подсказали мне, что интересы эти — разноименные полюса науки и романа — вовсе не диаметрально противоположны, но по сути родственны. Впрочем, в вопросах мифа и волшебной сказки я не «сведуц»^[3], ибо в таких вещах (насколько я с ними знаком) я неизменно искал некое содержание, нечто определенного настроения и тона, а не просто знание. Кроме того, — и здесь, надеюсь, слова мои не прозвучат совсем уж абсурдно — меня с самых юных лет огорчала нищета моей любимой родины: у нее нет собственных преданий (связанных с ее языком и почвой), во всяком случае того качества, что я искал и находил (в качестве составляющей части) в легендах других земель. Есть эпос греческий и кельтский, романский, германский, скандинавский и финский (последний произвел на меня сильнейшее впечатление); но ровным счетом ничего английского, кроме дешевых изданий народных сказок. Разумеется, был и есть обширный артуровский мир, но при всей его величественности он не вполне прижился; ассоциируется с почвой Британии, но не Англии; и не заменяет того, чего, на мой взгляд, недостает. Во-первых, его «фэери»-составляющая слишком уж обильна и фантастична, слишком непоследовательна и

слишком повторяется. Во-вторых, что более важно: артуриана не только связана с христианством, но также явным образом его в себе содержит.

В силу причин, в которые я вдаваться не буду, это мне кажется пагубным. Миф и волшебная сказка должны, как любое искусство, отражать и содержать в растворенном состоянии элементы моральной и религиозной истины (или заблуждения), но только не эксплицитно, не в известной форме первичного «реального» мира. (Я говорю, конечно же, о нынешней нашей ситуации, а вовсе не о древних, языческих, дохристианских днях. И я не стану повторять того, что попытался высказать в своем эссе, которое вы уже читали.)

Только не смейтесь! Но некогда (с тех пор самонадеянности у меня поубавилось) я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд — от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной сказки; так, чтобы более значительные основывались на меньших в соприкосновении своем с землей, а меньшие обретали великолепие на столь обширном фоне; цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей, Англии. Ему должны быть присущи желанные мне тон и свойства: нечто холодное и ясное, что дышит нашим «воздухом» (климат и почва северо-запада, под которыми я разумею Британию и ближайшие к ней области Европы, не Италию и не Элладу, и уж конечно, не Восток); обладая (если бы я только сумел этого достичь) той волшебной, неуловимой красотой, которую некоторые называют кельтской (хотя в подлинных произведениях древних кельтов она встречается редко), эти легенды должны быть «возвышенны», очищены от всего грубого и непристойного и соответствовать более зрелому уму земли, издревле проникнутой поэзией. Одни легенды я бы представил полностью, но многие наметил бы только схематически, как часть общего замысла. Циклы должны быть объединены в некое грандиозное целое — и, однако, оставлять место для других умов и рук, для которых орудиями являются краски, музыка, драма. Вот абсурд!

Разумеется, сей самонадеянный замысел сформировался не сразу. Сперва были просто истории. Они возникали в моем сознании как некая «данность», и по мере того, как они являлись мне по отдельности, укреплялись и связи. Захватывающий, хотя и то и дело прерываемый труд (тем более что, даже не говоря о делах насущных, разум порою устремлялся к противоположному полюсу и сосредотачивался на лингвистике); и, однако ж, мною всегда владело чувство, будто я записываю нечто, уже где-то, там, «существующее», а вовсе не «выдумываю».

Разумеется, я сочинял и даже записывал много всего другого (особенно для моих детей). Кое-каким вещицам удалось выскользнуть из тисков этой разветвляющейся, всепоглощающей темы, будучи в основе своей и радикально с нею не связанными: например, «Лист работы Ниггля» и «Фермер Джайлс», единственные две, что увидели свет. «Хоббит», в котором куда больше внутренней жизни, задумывался абсолютно независимо; начиная его, я еще не знал, что и он оттуда же. Однако ж, как выяснилось, он оказался настоящей находкой: он завершал собою целое, обеспечивал ему спуск на землю и слияние с «историей». Как высокие Легенды начала дней предполагают эльфийский взгляд на вещи, так промежуточная повесть о хоббите принимает, по сути дела, человеческую точку зрения, — а последняя история соединяет их во едино.

Я терпеть не могу Аллегорию — аллегорию сознательную и умышленную, — и, однако ж, все попытки объяснить сущность мифа и волшебной сказки по необходимости задействуют язык иносказания. (И, конечно же, чем больше в истории «жизни», тем с большей легкостью к ней применимы аллегорические интерпретации; а чем лучше сделана намеренная аллегория, тем скорее ее воспримут просто как историю.) Как бы то ни было, во всей этой писанине^[4] речь идет главным образом о Падении, Смертности и Машине. О Падении — неизбежно, и мотив этот возникает в нескольких формах. О Смертности, тем более что она оказывает влияние на искусство и тягу к творчеству (или скорее к вторичному творчеству), у которой вроде бы нет никакой биологической функции и которая не имеет отношения к удовлетворению простых, обыкновённых биологических потребностей, с каковыми в нашем мире она обычно враждует. Это стремление одновременно сочетается со страстной любовью к первичному, настоящему миру и оттого исполнено ощущения смертности — и в то же время миром этим не насыщается. В нем заключены самые разные возможности для «Падения». Оно может стать собственническим, цепляясь за вещи, созданные «как свои собственные»; творец вторичной реальности желает быть Богом и Повелителем своего личного произведения. Он упрямо бунтует против законов Создателя — особенно же против смертности. И то, и другое (поодиночке или вместе) непременно ведет к жажде Власти, и того, чтобы воля срабатывала быстрее и эффективнее, — и отсюда к Машине (или Магии). Под последним я разумею любое использование внешних систем или приспособлений (приборов) вместо того, чтобы развивать врожденные, внутренние таланты и силы или даже просто использование этих талантов во имя искаженного побуждения подчинять: перепахивать реальный мир или принуждать чужую волю. Машина — наша более очевидная современная форма, хотя и соотносится с магией теснее, нежели обычно признается.

Слово «магия» я использовал не вполне последовательно; эльфийская королева Галадриэль даже вынуждена объяснять хоббитам, что они ошибочно употребляют это слово как для обозначения уловов Врага, так и действий эльфов. Моя непоследовательность объясняется тем, что термина для обозначения последнего не существует (ведь все человеческие истории страдают той же путаницей). Однако эльфы призваны (в моих историях) продемонстрировать разницу. Их «магия» — это Искусство, освобожденное от многих его человеческих ограничений: более легкое и непринужденное, более живое, более полное (произведение и замысел идеально соответствуют друг другу). А целью ее является Искусство, а не Власть, вторичное творчество, а не подчинение и не деспотичная переделка Творения. «Эльфы» «бессмертны», по меньшей мере пока длится этот мир, и потому их скорее занимают горести и тяготы бессмертия среди изменчивого времени, нежели смерть. Врага в последовательных его обликах всегда «естественным образом» занимает абсолютная Власть, он — Владыка магии и машин; но проблема, — что это страшное зло может родиться и рождается от вроде бы доброго корня, из желания облагодетельствовать мир и других^[5] — быстро и в соответствии с собственными планами благодетеля, — становится повторяющимся мотивом.

Циклы начинаются с космогонического мифа: «Музыки Айнур». Явлены Бог и Валар (или власти; в английском языке именуемые богами). Последние

являются, скажем так, ангелическими силами, функция которых — осуществлять делегированную власть в своих сферах (правления и руководства, но не творения, созидания или переделывания). Они «божественны», то есть изначально пришли «извне» и существовали «до» сотворения мира. Их могущество и мудрость проистекают из Знания космогонической драмы, которую они восприняли сперва как драму (как в некотором смысле мы воспринимаем историю, сочиненную кем-то другим), а позже — как «реальность». С точки зрения чисто художественного приема это, разумеется, дает нам существ того же уровня красоты, могущества и величия, что и «боги» высших мифологий, которых, тем не менее, способен признать, — ну, скажем прямо, — разум, верующий в Святую Троицу.

Сразу же после этого мы переходим к «Истории эльфов», или «Сильмариллиону» как таковому; к миру, как мы его воспринимаем, но, конечно же, преображенному, по-прежнему полумифическому: то есть в нем действуют разумные воплощенные создания, более-менее сопоставимые с нами. Знание Драмы Творения было неполным: неполным у каждого отдельно взятого «бога»; и осталось бы неполным, даже если соединить воедино все знание пантеона. Ибо (отчасти, чтобы исправить зло бунтаря Мелькора, отчасти ради того, чтобы замысел был исполнен и завершен до мельчайших подробностей) Творец явил отнюдь не все. Двумя величайшими из тайн стали создание и природа Детей Господних. Боги знали лишь то, что Дети явятся в назначенный срок. Таким образом, Дети Господни изначально сродни и связаны друг с другом и изначально — различны. Поскольку они также — существа, совершенно «иные», нежели боги, и в создании их боги участия не принимали, боги тянутся к ним душой и исполнены к ним любви. Это — *Перворожденные*, эльфы, и *Пришедшие Следом*, люди. Судьба эльфов — бессмертие и любовь к красоте этого мира, которая расцветет пышным цветом благодаря их утонченным, совершенным дарам; их бытию дано длиться, пока существует мир, и не покидают они его, даже будучи «убиты», но возвращаются — и, однако же, с появлением Пришедших Следом удел эльфов — наставлять их, и уступать им место, и «угасать» по мере того, как Пришедшие Следом обретают силу и вбирают в себя жизнь, от которой оба рода произошли. Судьба (или Дар) людей — это смертность, свобода от кругов мира. Поскольку весь цикл представлен с эльфийской точки зрения, смертность через миф не объясняется; это — тайна Господа, о которой ведомо лишь одно: «то, что Господь назначил людям, сокрыто»: и здесь — источник печали и зависти для бессмертных эльфов.

Как я уже сказал, свод легенд «Сильмариллион» — вещь необычная, и отличается от всех известных мне подобных произведений тем, что он не антропоцентричен. В центре его внимания и интереса не люди, но «эльфы». Люди неизбежно оказываются вовлечены в повествование: в конце концов, автор — человек, и, если обретет аудиторию, это будут люди, и люди по необходимости фигурируют в наших преданиях как таковые, а не только преображенные или отчасти представленные под видом эльфов, гномов, хоббитов и проч. Однако они остаются на периферии — как пришедшие позже, и, хотя значимость их неуклонно растет, вовсе не они — главные герои.

На космогоническом плане имеет место падение: падение ангелов, сказали бы мы. Хотя, конечно же, по форме совершенно отличное от христианского мифа. Эти предания «новые», они не заимствованы напрямую из других ми-

фов и легенд, но неизбежно содержат в себе изрядную долю древних широко распространенных мотивов или элементов. В конце концов, я считаю, что легенды и мифы в значительной степени сотканы из «истины» и, несомненно, представляют отдельные ее аспекты, которые воспринять можно только в такой форме; давным-давно определенные истины и формы воплощения такого рода были открыты и неизбежно возникают вновь и вновь. Не может быть «истории» без падения — все истории в конечном счете повествуют о падении — по крайней мере для человеческих умов, таких, какие мы знаем и какими наделены.

Итак, продолжаем: эльфы пали — прежде, чем их «история» смогла стать историей в повествовательном смысле этого слова. (Первое падение людей, в силу приведенных причин, нигде не фигурирует: когда люди появляются на сцене, все это осталось в далеком прошлом; существуют лишь слухи о том, что на какое-то время люди оказались под властью Врага и что некоторые из них раскаялись.) Основной корпус предания, «Сильмариллион» как таковой, посвящен падению одареннейшего рода эльфов, изгнанию их из Валинора (некое подобие Рая, обитель Богов) на окраинном Западе, их возвращению в Средиземье, землю, где они родились, но где давно уже господствует Враг, их борьбе с ним, пока еще зримо воплощенной силой Зла. Название книги объясняется тем, что связующей нитью для всех событий становится судьба и суть Первозданных Самоцветов, или *Сильмарилли* («сияние чистого света»). Сотворение драгоценных камней главным образом символизирует собою эльфийскую функцию вторичного творчества, однако ж Сильмарилли — нечто большее, чем просто красивые вещицы.

И был Свет. И был Свет Валинора зримо явлен в Двух Древах, Серебряном и Золотом^[6]. Враг убил их из злобы, и на Валинор пала тьма, хотя от них, прежде чем они умерли окончательно, был взят свет Солнца и Луны. (Характерное различие между этими легендами и большинством других состоит в том, что Солнце — не божественный символ, но вещь «второго порядка», и «солнечный свет» (мир под солнцем) становятся терминами для обозначения падшего мира и искаженного, несовершенного видения).

Однако главный искусник эльфов (Фэанор) заключил Свет Валинора в три непревзойденных самоцвета, Сильмарилли, еще до того, как Древа были осквернены и погибли. Таким образом, впредь сей Свет жил лишь в этих драгоценных камнях. Падение эльфов является следствием собственного отношения Фэанора и его семерых сыновей к этим камням. Враг завладевает ими, вставляет их в свою Железную Корону и хранит их в своей неприступной твердыне. Сыновья Фэанора дают ужасную, кощунственную клятву вражды и мести, — против всех и кого угодно, не исключая и богов, кто дерзнет посягнуть на Сильмарилли или станет утверждать свое право на них. Они сбивают с пути большую часть своего народа; те восстают против богов, покидают рай и отправляются на безнадежную войну с Врагом. Первым следствием их падения становится война в Раю, гибель эльфов от руки эльфов; и это, а также их пагубная клятва неотступно сопутствуют всему их последующему героизму, порождая предательство и сводя на нет все победы. «Сильмариллион» — это история Войны эльфов-Изгнанников против Врага, все события которой происходят на северо-западе мира (в Средиземье). В него включено еще несколько преданий о триумфах и трагедиях, однако заканчивается это все катастрофой

и гибелью Древнего Мира, мира долгой *Первой эпохи*. Самоцветы обретенны вновь (благодаря вмешательству богов под самый конец) — однако для эльфов они навсегда утрачены: один канул в море, другой — в земные недра, а третий стал звездой в небесах. Этот легендарий завершается повествованием о конце мира, о его разрушении и возрождении, о возвращении Сильмарилли и «света до Солнца» — после последней битвы, которая, как мне кажется, более всего прочего навеяна древнескандинавским образом Рагнарека, хотя не слишком-то на него похожа.

По мере того как предания становятся менее мифологичными и все более уподобляются историям как таковым и эпосам, в них вступают люди. По большей части это «хорошие люди» — семьи и их вожди, что, отрекшись от служения Злу и прослышав о Богах Запада и Высоких эльфах, бегут на запад и вступают в общение с эльфами-Изгнанниками в разгар их войны. В преданиях фигурируют главным образом люди из Трех Домов Праотцов; их вожди стали союзниками эльфийских владык. Общение людей и эльфов уже предвещает историю более поздних эпох, и повторяющейся темой звучит мысль о том, что в людях (таковых, каковы они сейчас) есть толика «крови» и наследия эльфов и что людские искусство и поэзия в значительной степени зависят от нее или ею определяются^[7]. Таким образом, имеют место два брачных союза представителей рода смертных и эльфов: оба впоследствии объединяются в роду потомков Эарендила, представленном Эльрондом Полуэльфом, который фигурирует во всех историях и даже в «Хоббите». Главное из преданий «Сильмариллиона», и притом наиболее полно разработанное — это «Повесть о Берене и эльфийской деве Лутиэн»^[8]. Здесь, помимо всего прочего, мы впервые встречаемся со следующим мотивом (в «Хоббитах» он станет доминирующим): великие события мировой истории, «колесики мира», зачастую вращают не владыки и правители, и даже не боги, но те, кто вроде бы безвестен и слаб, — благодаря тайной жизни творения и той составляющей части, неведомой никому из мудрых, кроме Единого, которую приносят в Драму Дети Господни. Не кто иной, как Берен, изгой из рода смертных, добивается успеха (с помощью Лутиэн, всего лишь слабой девы, пусть даже эльфийки королевского рода) там, где потерпели неудачу все армии и воины: он проникает в твердыню Врага и добывает один из Сильмариллей из Железной Короны. Таким образом он завоевывает руку Лутиэн и заключается первый брачный союз смертного и бессмертной.

История как таковая (мне она представляется прекрасной и впечатляющей) является героико-волшебным эпосом, что сам по себе требует лишь очень обобщенного и поверхностного знания предыстории. Но одновременно она — одно из основных звеньев цикла, и, вырванная из контекста, часть значимости утрачивает. Ибо отвоевание Сильмарилля, высшая из побед, ведет к катастрофе. Клятва сыновей Фэанора вступает в действие, и желание завладеть Сильмарилем обрекает все эльфийские королевства на гибель.

В цикл входят и другие предания, почти столь же полно разработанные и почти столь же самодостаточные — и, однако ж, связанные с историей в целом. Есть «Дети Хурина», трагическая повесть о Турине Турамбаре и его сестре Ниниэль, где в качестве главного героя выступает Турин: персонаж, как сказали бы (те, кому нравятся такого рода рассуждения, хотя толку в них чуть), унаследовавший ряд черт Сигурда Вельсунга, Эдипа и финского Куллерво. Есть

«Падение Гондолина»: главной эльфийской твердыни. А еще — предание, или ряд преданий, о «Страннике Эарендиле»^[9]. Это крайне значимый персонаж, поскольку он приводит «Сильмариллион» к финалу; он же через своих потомков обеспечивает основные связки и персонажей для преданий более поздних эпох. Его функция как представителя обоих Народов, людей и эльфов, заключается в том, чтобы отыскать путь через море назад в Землю Богов и в качестве посланника убедить их вновь вспомнить об Изгнанниках, сжалиться над ними и спасти их от Врага. Его жена Эльвинг происходит от Лутиэн и до сих пор владеет Сильмарилем. Однако проклятье по-прежнему действует, и сыновья Фэанора разоряют дом Эарендила. Но тем самым обретен выход: Эльвинг, спасая Самоцвет, бросается в Море, воссоединяется с Эарендилем, и благодаря силе великого Камня они наконец-то попадают в Валинор и выполняют свою миссию — ценою того, что отныне им не позволено вернуться ни к людям, ни к эльфам. Тогда боги вновь выступают в поход, великая рать является с Запада, и Твердыня Врага разрушена; а сам он выдворен из Мира в Пустоту, дабы никогда более не возвращаться в воплощенном виде. Оставшиеся два Сильмарилля извлечены из Железной Короны — и снова утрачены. Последние двое сыновей Фэанора, побуждаемые клятвой, похищают Самоцветы — и через них находят свою гибель, бросившись в море и в расщелину земли. Корабль Эарендила, украшенный последним Сильмарилем, вознесен в небеса как ярчайшая из звезд. Так заканчивается «Сильмариллион» и предания Первой эпохи.

В следующем цикле речь идет (или пойдет) о Второй эпохе. Но для Земли это — темные времена, об истории которых рассказывается немного (да больше и не стоит). В великих битвах против Изначального Врага материка раскололись и подверглись разрушениям, и Запад Средиземья превратился в бесплодную пустошь. Мы узнаем, что эльфам-Изгнанникам если не приказали, то по крайней мере настоятельно посоветовали возвратиться на Запад и жить там в покое и мире. Им предстояло навечно поселиться не в Валиноре, но на Одиноком острове Эрессэа в пределах видимости Благословенного Королевства. Людей Трех Домов вознаградили за доблесть и верность союзникам тем, что позволили им поселиться «западнее всех прочих смертных», в Нуменор^[10], на огромном острове — «Атлантиде». Смертность, судьбу или дар Господень боги, конечно же, отменить не в силах, однако нуменорцам отпущен долгий срок жизни. Они подняли паруса, отплыли из Средиземья и основали великое королевство мореходов почти в виду Эрессэа (но не Валинора). Большинство Высоких эльфов тоже возвратились на Запад. Но не все. Часть людей, тех, что в родстве с нуменорцами, остались в землях неподалеку от морского побережья. Некоторые из Изгнанников возвратиться вообще не пожелали или отложили возвращение (ибо путь на запад для бессмертных открыт всегда, и в Серых Гаванях стоят корабли, готовые уплыть без возврата). Да и орки (гоблины) и прочие чудовища, выведенные Изначальным Врагом, уничтожены не все. Кроме того, есть Саурон. В «Сильмариллионе» и Преданиях Первой эпохи Саурон, один из обитателей Валинора предался злу, перешел на сторону Врага и стал его главным полководцем и слугою. Когда Изначальный Враг терпит сокрушительное поражение, Саурон в страхе раскаивается, но в итоге не является, как ему приказано, на суд богов. Он остается в Средиземье. Очень медленно, начиная с благих побуждений, — преобразования и восстановления разо-

ренного Средиземья, «о котором боги позабыли», — он превращается в новое воплощение Зла и существо, алчущее Абсолютной Власти, — и потому снедаем все более жгучей ненавистью (особенно к богам и эльфам). На протяжении сумеречной Второй эпохи на Востоке Средиземья растет Тень, все больше и больше подчиняя себе людей — которые умножаются в числе по мере того, как эльфы начинают угасать. Таким образом, три основные темы сводятся к следующему: задержавшиеся в Средиземье эльфы; превращение Саурана в нового Темного Властелина, повелителя и божество людей; и Нуменор-Атлантида. Они представлены в виде анналов и в двух Преданиях, или Повестях, «Кольца Власти» и «Низвержение Нуменора». Оба важны в качестве фона для «Хоббита» и его продолжения.

В первом представлено что-то вроде второго падения или по крайней мере «заблуждения» эльфов. По сути не было ничего дурного в том, что они задержались, вопреки совету, по-прежнему скорбно^[11] в смертных землях их древних героических деяний. Однако ж им хотелось один пирог да съесть дважды. Им хотелось наслаждаться миром, блаженством и совершенной памятью «Запада» — и в то же время оставаться на брэнной земле, где их престиж как высшего народа, стоящего над дикими эльфами, гномами и людьми, был несравненно выше, нежели на нижней ступени иерархии Валинора. Так они стали одержимы «угасанием» — именно в этом ключе они воспринимали временные изменения (закон мира под солнцем). Они сделались печальны, искусство их (скажем так) обращено в прошлое, а все их старания сводились к своего рода бальзамированию — даже при том, что они сохранили древнее стремление своего народа к украшению земли и исцелению ее ран. Мы узнаем об уцелевшем королевстве под властью Гильгалада — на окраинном северо-западе, примерно на тех древних землях, что остались еще со времен «Сильмариллиона», и о других поселениях — таких, как Имладрис (Ривенделл) близ Эльронда^[12]; и обширный край Эрегион у западного подножия Туманных гор, близ Копей Мории, главного гномьего королевства Второй эпохи. Там в первый и единственный раз возникла дружба между обычно враждебными народами (эльфами и гномами), а кузнечное ремесло достигло высшей ступени развития. Однако многие эльфы прислушались к Саурону. В те стародавние дни он еще обладал прекрасным обликом, и его побуждения вроде бы отчасти совпадали с целями эльфов: исцелить разоренные земли. Саурон отыскал слабое место эльфов, предположив, что, помогая друг другу, они сумеют сделать западное Средиземье столь же прекрасным, как Валинор. На самом-то деле то был завуалированный выпад против богов; подстрекательство попытаться создать отдельный, независимый рай. Гильгалад все эти предложения отверг, как и Эльронд. Но в Эрегионе закипела великая работа — и эльфы оказались на волосок от того, чтобы взяться за «магию» и машины. При помощи Сауроновых познаний они сделали *Кольца Власти* («власть» (*power*) во всех этих преданиях — слово зловещее и недоброе, за исключением тех случаев, когда оно применяется по отношению к богам^[13]).

Главное их свойство (в этом кольца были схожи) состояло в предотвращении или замедлении *упадка* (т. е. «перемен», воспринимаемых как нечто нежелательное), в сохранении всего желанного или любимого, или его подobia, — такой мотив более или менее характерен для эльфов в целом. Но при этом кольца усиливали врожденные способности владельца — тем самым

приближаясь к «магии», а это побуждение легко исказить и обратить во зло, в жажду господства. И, наконец, они наделены и другими свойствами, которыми они обязаны Саурону уже непосредственно («Некроманту»: так именуется он, роняющий мимолетную тень, как предзнаменование, на страницы «Хоббита»): например, делают невидимыми материальные объекты и видимыми — сущности незримого мира.

Эльфы Эрегиона создали, почти исключительно силой своего собственного воображения, без подсказки, Три несказанно прекрасных и могущественных кольца, направленных на сохранение красоты: эти невидимостью не наделяли. Но тайно, в подземном Огне, в своей Черной Земле, Саурон создал Единое Кольцо, Правящее Кольцо, что заключало в себе свойства всех прочих и контролировало их, так что носящий его мог прозревать мысли всех тех, кто пользовался меньшими кольцами, мог управлять всеми их действиями и в конечном счете мог целиком и полностью поработить их. Однако Саурон не принял в расчет мудрости и чуткой проницательности эльфов. Едва он надел Единое Кольцо, эльфы узнали об этом, постигли его тайный замысел и устрашились. Они спрятали Три Кольца, так что даже Саурон не сумел отыскать их, и они остались неоскверненными. Остальные же Кольца эльфы попытались уничтожить.

В последовавшей войне между Сауроном и эльфами Средиземье, особенно в его западной части, подверглось новым разрушениям. Эрегион был завоеван и разорен, и Саурон захватил в свои руки немало Колец Власти. Их он раздал тем, что согласились принять кольца (из честолюбия или жадности), дабы окончательно исказить и поработить их. Отсюда — «древние стихи», ставшие лейтмотивом «Властелина Колец»:

*Три — эльфийским владыкам в подзвездный предел;
Семь — для гномов, царящих в подгорном просторе;
Девять — смертным, чей выверен срок и удел.
И Одно — Властелину на черном престоле
В Мордоре, где вековая тьма.^[14]*

Таким образом, Саурон обретает в Средиземье почти абсолютную власть. Эльфы еще держатся в потаенных укрытиях (до поры не обнаруженных). Последнее эльфийское королевство Гильгалада расположено на окраинном западном побережье, где находятся гавани Кораблей: положение его крайне непрочное. Эльронд Полуэльф, сын Эарендила, хранит своего рода зачарованное убежище в Имладрисе (Ривенделл по-английски) на восточной границе западных земель^[15]. Однако Саурон повелевает умножающимися ордами людей, которые никогда не общались с эльфами, а через них, косвенно — с истинными и непадшими Валар и богами. Он правит растущей империей из гигантской темной башни Барад-дур в Мордоре, близ Горы Огня, владея Единым Кольцом.

Но, чтобы достичь этого, ему пришлось вложить большую часть своей собственной внутренней силы (распространенный и весьма значимый мотив в мифе и волшебной сказке) в Единое Кольцо. Когда он надевал Кольцо, его власть над землей, по сути дела, возрастала. Но, даже если Кольца он не надевал, эта сила все равно существовала и пребывала «в контакте» с ним: он не «умалялся». До тех пор пока кто-либо другой не захватил бы Кольца и не объявил бы его своим. Если бы такое произошло, новый владелец мог бы (если бы

был от природы достаточно силен и героичен) бросить вызов Саурону, овладеть всем, что тот узнал или сотворил со времен создания Единого Кольца и, таким образом, сверг бы Саурона и узурпировал бы его место. В этом-то и заключался основной просчет: пытаясь (по большей части безуспешно) поработить эльфов и желая установить контроль над умами и волей своих слуг, Саурон сам неизбежно оказывался уязвим. Было и еще одно слабое место: если Единое Кольцо уничтожить, истребить, тогда сила Саурона растаяла бы, а само его существо умалилось бы вплоть до полного исчезновения, так что он превратился бы в тень, в жалкое воспоминание о злонамеренной воле. Но такой возможности он не рассматривал и не опасался этого. Кольцо не сумел бы уничтожить ни один кузнец, уступающий искусством самому Саурону. Его нельзя было расплавить ни в каком огне, кроме лишь того неугасимого подземного пламени, где оно было отковано, — недостижимого пламени Мордора. И так силен был соблазн Кольца, что любой, кто им пользовался, подпадал под его власть; ни у кого не достало бы силы воли (даже у самого Саурона) повредить Кольцо, выбросить его или пренебречь им. По крайней мере, так он думал. В любом случае Кольцо он носил на пальце.

Таким образом, на протяжении Второй эпохи у нас есть великое Королевство и теократия зла (ибо Саурон также — божество для своих рабов), что набирает силу в Средиземье. На западе — собственно говоря, северо-запад — единственная подробно описанная область в этих преданиях, — находятся ненадежные прибежища эльфов, а люди тех земель остаются более-менее неиспорченными, пусть и невежественными. Лучшие, более благородные люди, по сути дела, являются родней тех, кто уплыл в Нуменор, но пребывают в состоянии «гомеровской» простоты патриархально-племенной жизни.

Тем временем богатство, мудрость и слава *Нуменора* все росли под властью рода великих королей-долгожителей, прямых потомков Эльроса, сына Эарендила, брата Эльронда. «Низвержение Нуменора», Второе Падение людей (людей исправленных и все-таки смертных) оборачивается катастрофой, что положила конец не только Второй эпохе, но и Древнему Миру, первозданному миру легенды (представленному как плоский и имеющий предел). После этого начинается Третья эпоха, Век Сумерек, *Medium Aevum*^[16], первая эпоха расколотого, измененного мира и последняя для длительного владычества зримых, полностью воплощенных эльфов; и последняя, когда Зло принимает единое, исполненное могущества, воплощенное обличие.

«Низвержение» отчасти является результатом внутренней слабости в людях — следствия, если угодно, первого Падения (о котором в этих преданиях речи не идет): люди раскаялись, но окончательно исцелены не были. Награда на земле для людей куда опаснее наказания! Падение свершилось благодаря тому, что Саурон коварно воспользовался этой слабостью. Центральной темой здесь (как мне кажется, в истории о людях это неизбежно) является Воспрещение, или Запрет.

Нуменорцы живут у предела видимости самой восточной из «бессмертных» земель, Эрессэа; и, поскольку они единственные из людей говорят по-эльфийски (этот язык они выучили во времена Союза), они постоянно общаются со своими давними друзьями и союзниками, — и теми, что живут на благословенном Эрессэа, и теми, что из королевства Гильгалада на берегах Средиземья. Таким образом они сделали и видом, и даже способностями почти

неотличимы от эльфов, однако ж оставались смертны, хотя наградой им стал тройной и более чем тройной срок жизни. Награда оборачивается для них гибелью — или орудием искушения. Их Долгая жизнь способствует достижениям в искусстве и умножению мудрости, но порождает собственническое отношение к тому и к другому; и вот они уже жаждут больше *времени* на то, чтобы всем этим наслаждаться. Отчасти, предвидя это, боги с самого начала наложили на нуменорцев Запрет: никогда не плавать к Эрессэа и на запад — лишь до тех пор, пока виден их собственный остров. Во всех прочих направлениях они могли путешествовать, куда хотели. Людям не позволялось ступать на «бессмертные» земли, чтобы те не пленились бессмертием (в пределах мира), которое противоречит предписанному им закону, особой судьбе или дару Илуватара (Господа): сама их природа, по сути дела, бессмертия не выдержала бы^[17].

В отпадении нуменорцев от благодати можно проследить три фазы. Сперва — покорность, послушание свободное и добровольное, пусть и без полного понимания. Затем на протяжении долгого времени они повинуются неохотно, ропща все более и более открыто. Под конец они восстают — возникает раскол между людьми Короля, бунтовщиками, и небольшим меньшинством преследуемых Верных.

На первой стадии, будучи народом мирным, нуменорцы проявляют свою доблесть в морских плаваниях. Потомки Эарендила, нуменорцы стали превосходными мореходами, и, поскольку на Запад им путь был закрыт, они плавают до самого Крайнего Севера, и на юг, и на восток. По большей части пристают они у западных берегов Средиземья, где помогают эльфам и людям в борьбе с Сауроном и навлекают на себя его непримиримую ненависть. В те дни они являлись к дикарям почти как божественные благодетели, принося дары искусства и знания, и вновь уплывали, — оставляя по себе немало легенд о королях и богах, приходящих со стороны заката.

На второй стадии, во дни Гордыни и Славы, и недовольства Запретом, они стали стремиться, скорее, к богатству, нежели к благоденствию. Желание спастись от смерти породило культ мертвых; богатства и искусства расточались на гробницы и монументы. Теперь они основали поселения на западном побережье, но поселения эти становились, скорее, крепостями и «факториями» владык, взыскующих богатств; нуменорцы превратились в сборщиков дани и увозили за море на своих огромных кораблях все больше и больше добра. Нуменорцы принялись ковать оружие и строить машины.

Со вступлением на престол тринадцатого короля из рода Эльроса, Тар-Калиона Золотого, самого могущественного и гордого из всех королей, эта фаза закончилась и началась последняя. Узнав, что Саурон присвоил себе титул Короля Королей и Владыки Мира, Тар-Калион решил усмирить «узурпатора». В ореоле мощи и величия он отправляется в Средиземье, и столь громадна его армия, и столь ужасны нуменорцы в день своей славы, что слуги Саурона не смеют противостоят им. Саурон смиряется, преклоняется перед Тар-Калионом и отвезен в Нуменор в качестве заложника и пленника. Но там, благодаря своему коварству и познаниям, он стремительно возвышается от слуги до главного королевского советника и своими лживыми наветами склоняет ко злу короля и большинство лордов и жителей острова. Он отрицает существование Бога, утверждая, что Единый — это лишь выдумка завистливых Валар Запада, оракул их собственных желаний. А главный из богов — тот, что обита-

ет в Пустоте, тот, что в конце концов одержит победу и создаст в пустоте бесчисленные королевства для своих слуг. Запрет же — не более чем обманная уловка, подсказанная страхом и рассчитанная на то, чтобы не позволить Королям Людей отвоевать для себя жизнь вечную и соперничать с Валар.

Возникает новая религия и поклонение Тъме, со своим храмом, выстроенным по наущению Саурана. Верных преследуют и приносят в жертву. Нуменорцы приносят зло и в Средиземье и становятся там жестокими и злыми владыками-некромантами, убивая и мучая людей; древние легенды заслоняются новыми преданиями, мрачными и ужасными. Однако на северо-западе ничего подобного не происходит; ибо туда, где живут эльфы, приплывают только Верные, оставшиеся эльфам друзьями. Главная гавань неиспорченных нуменорцев находится близ устья великой реки Андуин. Оттуда влияние Нуменора, все еще благое, распространяется вверх по Реке и вдоль побережья на север вплоть до самого королевства Гильгалада, по мере того, как складывается Всеобщее наречие.

Но наконец замысел Саурана осуществляется. Тар-Калион чувствует, как к нему подступают старость и смерть, прислушивается к последнему наущению Саурана и, построив величайшую из флотилий, отплывает на Запад, нарушая Запрет, и идет на богов войной, дабы силой вырвать у них «жизнь вечную в пределах кругов мира». Перед лицом подобного бунта, этого вопиющего безумства и кощунства, а также и перед лицом вполне реальной опасности (ибо нуменорцы, направляемые Сауроном, вполне могли учинить разор в самом Валиноре) Валар слагают с себя доверенную им власть, взывают к Богу и получают силу и дозволение действовать; старый мир разрушен и изменен. Разверзшаяся в море пропасть поглощает Тар-Калиона и его флотилию. Сам Нуменор, оказавшись на краю разлома, обрушивается и навечно исчезает в бездне вместе со всем своим величием. После этого на земле не остается зримых обиталищ существ божественной и бессмертной природы. Валинор (или Рай) и даже Эрессэа изъяты и сохранились лишь в памяти земли. Теперь люди могут плыть на Запад, если захотят, и так далеко, как только могут, но к Валинору и к Благословенному Королевству они не приблизятся, а вновь окажутся на востоке и так возвратятся обратно; ибо мир стал круглым и ограниченным, и из сферы его не вырваться иначе, как через смерть. Лишь «бессмертные», задержавшиеся на земле эльфы, до сих пор могут, ежели пожелают, устать от кругов мира, взойти на корабль и отыскать «прямой путь», достичь древнего или Истинного Запада и обрести там покой.

Итак, ближе к концу Второй эпохи происходит великая катастрофа; однако эпоха еще не окончена. Остались те, кто выжил в катаклизме: *Элендиль Прекрасный*, предводитель Верных (имя его означает «*Друг эльфов*») и его сыновья *Исильдур* и *Анарион*. Элендиль, персонаж, уподобленный Ною, не принимал участия в бунте; на восточном побережье Нуменора стояли его корабли, подготовленные к отплытию и с людьми на борту. Он бежит прочь перед всепоглощающей бурей гнева Запада и подхвачен и высоко вознесен вздымающимися волнами, разрушившими запад Средиземья. Он и его люди выброшены на берег; отныне они — изгнанники. Там они основывают нуменорские королевства: Арнор на севере, близ владений Гильгалада, и Гондор близ устьев Андуина дальше к югу. Саурон, будучи бессмертным, едва спасается при гибели Нуменора и возвращается в Мордор, где спустя некоторое время набирает

достаточную силу, чтобы бросить вызов изгнанникам Нуменора.

Вторая эпоха завершается созданием *Последнего Союза* (людей и эльфов) и великой осадой Мордора. Она заканчивается низвержением Саурона и уничтожением второго зримого воплощения зла. Однако победа досталась дорогой ценой, и при одной пагубной ошибке. Гильгалад и Элендил пали в битве с Сауроном. Исильдур, сын Элендила, срубил кольцо с руки Саурона — и сила покинула Саурона, а дух его бежал во тьму. Однако зло начинает действовать. Исильдур объявляет Кольцо своим как «виру за отца» и отказывается бросить его в Огонь тут же, рядом. Он уводит войско, но тонет в Великой Реке; Кольцо утрачено и исчезает бесследно неведомо куда. Однако оно не уничтожено, и Темная Башня, отстроенная с его помощью, все еще стоит, пустая — но и не разрушенная. Так заканчивается Вторая эпоха — с утверждением нуменорских владений и гибелью последнего короля Высоких эльфов.

В Третью эпоху события вращаются в основном вокруг Кольца. Темный Властелин уже не восседает на троне, но его чудовища истреблены не полностью, и его жуткие слуги, рабы Кольца, по-прежнему здесь — тени среди теней. Мордор обезлюдел, Темная Башня пуста, на границах этой недоброй земли выставлена стража. У эльфов еще остались потаенные убежища: в Серых Гаванях, где стоят их корабли, в Доме Эльронда и в других местах. На севере королевством Арнор правят потомки Исильдура. Южнее, по обоим берегам Великой Реки Андуйн, стоят города и крепости нуменорского королевства Гондор, где правят короли из рода Анариона. Далеко на неизведанных (в контексте этих преданий) Востоке и Юге находятся страны и королевства людей диких или злобных, схожих лишь в своей ненависти к Западу, почерпнутой у своего хозяина Саурона: однако Гондор и его мощь преграждают им путь. Кольцо потеряно — есть надежда, что навсегда; и Три Кольца эльфов в руках у тайных хранителей действуют, сохраняя память о красоте древности и поддерживая зачарованные островки мира, где Время словно бы застыло и распад обуздан, — подобие благоденствия Истинного Запада.

Но на севере Арнор приходит в упадок, распадается на мелкие княжества и наконец исчезает. Остатки нуменорцев становятся потаенным бродячим народом, и, хотя род истинных Королей, наследников Исильдура, отнюдь не прервался, известно это только в Доме Эльронда. На юге Гондор достигает апогея могущества, почти уподобившись Нуменору, а затем медленно угасает до упаднического средневековья — нечто вроде надменной, освященной веками, но все более беспомощной Византии. Надзор за Мордором ослабевает. Натиск восточан и южаков усиливается. Род Королей прерывается, в последнем городе Гондора, в Минас Тирите («Башне Стражи»), правят потомственные Наместники. Заключен бессрочный союз с Коневодами Севера, рохиррим или Всадниками Рохана; они расселяются на ныне безлюдных зеленых равнинах, что некогда составляли северную часть королевства Гондор. На обширный первозданный лес, Зеленолесье Великое, расположенный к востоку от верховьев Великой Реки, падает тень; тень растет, лес становится Мирквудом, т. е. Лихолесьем. Мудрые обнаруживают, что источник ее — Чародей («Некромант» «Хоббита»), чей потаенный замок находится на юге Великого Леса^[18].

В середине этой эпохи появляются хоббиты. Происхождение их неизвестно (даже им самим)^[19], поскольку великие, они же цивилизованные, народы, из тех, что составляют летописи, их своим вниманием обошли, а сами хоббиты

ничего не записывали, довольствуясь лишь невразумительными устными преданиями, пока не покинули границ Мирквуда, спасаясь от Тени, и не забрели на Запад, вступив в сношения с последними обитателями королевства Арнор.

Главное их поселение, все обитатели которого — хоббиты и где поддерживается упорядоченная, цивилизованная, пусть простая деревенская жизнь, — это *Шир*, изначально — пахотные земли и леса земель короны Арнора, пожалованные в лен; однако к тому времени, как о *Шире* стало хоть что-то известно, «Король», создатель законов, давно сгинул, оставив по себе лишь воспоминания. Бильбо — хоббит и герой одноименной повести — отправляется «в приключение» в 1341 году Ши́ра (или, 2941 году Третьей эпохи: то есть в последнем ее столетии).

В этой истории, заново пересказывать которую нет смысла, сущность хоббитов и положение дел с хоббитами никак не объясняются, но представлены как нечто само собою разумеющееся, и то немногое, что рассказывается об их истории, преподносится в форме случайного упоминания о чем-то и без того известном. «Мировая политика» в целом, обрисованная выше, разумеется, тоже подразумевается; на нее также периодически ссылаются мимоходом как на события, подробно записанные где-то в другом месте. Эльронд — персонаж весьма значимый, хотя его величавость и благородство, его великое могущество и происхождение несколько затушевываются и в полной мере не явлены. Есть также отсылки к истории эльфов, к падению Гондолина и так далее. Тени и зло Мирквуда обеспечивают, на сниженном плане «волшебной сказки», одну из главных составляющих приключения. Лишь в одном эпизоде вся эта «мировая политика» срабатывает как часть сюжетного механизма. Маг^[20] Гандальв отозван по крайне важному делу — это попытка справиться с угрозой Некроманта — и бросает хоббита в разгар «приключения» без помощи и совета, вынуждая его научиться стоять на своих собственных ногах и стать по-своему героем. (Многие читатели отметили этот момент и догадались, что Некромант непременно должен сыграть весьма заметную роль в продолжении или в других преданиях о тех временах.)

Тон и стиль «Хоббита», в общем и целом иной, объясняется тем (с точки зрения происхождения), что это произведение воспринималось мною как материал из грандиозного цикла, который можно обработать в виде «волшебной сказки» для детей. Кое-какие особенности тона и манеры изложения, как мне теперь видится, ошибочны — даже с этой точки зрения. Но мне не хотелось бы менять слишком много. Ведь, в сущности, это — эскиз простого, заурядного человека, не наделенного ни творческим потенциалом, ни благородством и героизмом (впрочем, не без зачатков всего этого) на возвышенном фоне; и по сути дела (как отметил один из критиков), тон и стиль меняются по мере развития хоббита, от волшебной сказки к благородному и высокому, — и вновь снижаются в эпизоде возвращения.

Поход за драконьим золотом, главная тема повести «Хоббит» как таковой, в рамках общего цикла является периферийной и не то чтобы значимой, — и связана с ним главным образом через историю гномов, а такая ни в одном предании не выдвигается на первый план, хотя зачастую роль играет важную^[21]. Но в ходе приключения хоббит вроде бы «по чистой случайности» становится владельцем «волшебного кольца», главное и единственно очевидное на

первый взгляд свойство которого заключается в том, чтобы делать владельца невидимым. И хотя в контексте повести это лишь случайность, непредвиденная и ни в какие планы похода не включенная, она оказывается залогом успеха. По возвращении хоббит, ставший мудрее и дальновиднее, пусть его манера изъясняться ничуть не изменилась, сохранил кольцо как свой маленький секрет.

Продолжение, «Властелин Колец», самая объемная и, хотелось бы надеяться, пропорционально лучшая часть всего цикла, все это дело завершает: я попытался включить в роман и довести до логического разрешения все элементы и мотивы предшествующего материала: эльфов, гномов, Королей Людей, героических «патриархально-эпических» всадников, орков и демонов, ужасы слуг Кольца и некромантии, и неизъяснимый ужас Темного Трона, а что до стиля — будничную разговорность хоббитской речи, поэзию и самый что ни на есть возвышенный прозаический слог. Нам предстоит увидеть низвержение последнего воплощения Зла, уничтожение Кольца, окончательный уход эльфов и возвращение истинного Короля в величии своем, которому предстоит принять Владычество над людьми, унаследовав все то, что можно заимствовать из эльфийского мира через судьбоносный брак с Арвен, дочерью Эльронда, равно как и через происхождение по прямой линии от королевского дома Нуменора. Но в то время, как самые ранние Предания воспринимаются, так сказать, глазами эльфов, это последнее великое Предание, спускающееся с уровня легенды и мифа на брентную землю, воспринимается главным образом глазами хоббитов; таким образом оно становится, по сути дела, антропоцентричным. Глазами хоббитов, а не людей как таковых, поскольку последнее Предание должно со всей отчетливостью проиллюстрировать повторяющуюся тему: какое место занимают в «мировой политике» непредвиденные и непредсказуемые волеизъявления и достойные деяния тех, кто на первый взгляд мал, невелик, позабыт в уделах Великих и Мудрых (как добрых, так и злых). А мораль всего этого (в придачу к непосредственной символике Кольца, которое олицетворяет желание власти как таковой, стремящееся реализовать посредством физической силы и машин, а также неизбежно посредством лжи) очевидна: без возвышенного и благородного простое и вульгарное непередаваемо гнусно; без простого и обыденного благородная героика бессмысленна.

«Властелин Колец» невозможно «втиснуть» в абзац-другой, пусть даже весьма пространные..... Книга начата в 1936 году, и все ее части переписывались по много раз. Едва ли хоть одно из ее 600000 слов осталось непродуманным. Тщательно взвешивалось местоположение, размер, стиль и отношение к целому любой черты, главы, эпизода. Я говорю это не похвальбы ради. Сдается мне, очень может быть, что я сам себя ввел в заблуждение, запутался в паутине пустых фантазий, для других особой ценности не представляющих, — невзирая на то, что несколько читателей книгу в целом одобрили. А сказать я пытаюсь вот что: существенно менять текст я не могу. Я роман закончил, «из сердца вон», так сказать; труд был колоссальный; так что пусть выстоит или падет таким, каков есть.

Далее в письме дается краткое содержание (без комментариев) сюжета «Властелина Колец», после чего Толкин пишет:

Вот вам длинное и, тем не менее, бесцветное резюме. Многие важные для произведения персонажи ни словом не упомянуты. Опущены даже целые вымышленные расы, как, скажем, примечательные энты, Пастыри Дерев, древнейшие из живущих разумных созданий. Поскольку здесь мы пытаемся иметь дело с «повседневностью», что упрямо поднимается, вовеки неистребимая, под тяжелой поступью мировой политики и мировых событий, затрагиваются там и любовные истории, или любовь в разных облициях, в «Хоббите» целиком и полностью отсутствующая. Но возвышеннейшая из любовных историй, история Арагорна и Арвен, дочери Эльронда, лишь упоминается вскользь, как нечто уже известное. Пересказана она в другом месте, в коротенькой повести «Об Арагорне и Арвен Ундомиэль». Думается мне, простенькая «деревенская» любовь Сэма и его Розы (подробно нигде не описанная) *абсолютно необходима* для постижения его (главного героя) характера и для темы взаимоотношения жизни обыденной (в которой мы дышим, едим, трудимся, зачинаем детей) и квестов, самопожертвования, великих дел, «тоски по эльфам» и чистой красоты. Но больше я не скажу ни слова и не стану отстаивать тему любви-заблуждения, явленной в Эовин^[221] и ее первой любви к Арагорну. Кажется мне, что теперь вряд ли возможно исправить недостатки этой огромной, всеобъемлющей книги — или сделать ее «пригодной для печати», если на данный момент она не такова. Небольшая поправка (уже осуществленная) ключевого эпизода в «Хоббите», проясняющая характер Голлума и его отношение к Кольцу, позволит мне сократить главу II Книги I «Тень прошлого», упростить ее и оживить — а также слегка упростить весьма спорное начало Книги II. Если *прочие материалы*, «Сильмариллион» и некоторые другие предания или связки, такие, как «Низвержение Нуменора», будут опубликованы или приняты к публикации, тогда возможно было бы обойтись без значительного количества разъяснений предыстории, в частности, всего того, что содержится в главе «Совет у Эльронда» (Кн. II). Однако в целом все это сведется от силы к удалению одной-единственной длинной главы (из приблизительно 72).

Не знаю, прочтете ли вы в итоге это все (даже если разберете почерк)??

Инфографика «Бестиарий главных разумных рас вселенной Толкиена». Автор неизвестен

O BESTIÁRIO DE TOLKIEN

O universo criado por J.R.R. Tolkien, a Terra-Média, é habitada por uma variedade de criaturas fantásticas. O cuidado e dedicação do autor com o processo de elaboração dessa história é referência para muitos autores da literatura fantástica. Ele considerou aspectos específicos de cada raça que criava, dando uma base muito sólida para suas histórias. Conheça melhor algumas das criaturas encontradas em suas obras.

Armadamento

Raças não armadas
Os ents, os elfos e os hobbits são raças pacíficas e preferem não se envolverem em guerras. Têm as suas vidas consagradas à natureza e a uma vida tranquila.

Raças armadas
Os anões, humanos, nazgurs e orcs são raças naturalmente guerreiras. O reino de guerra está intimamente ligado com as suas culturas e modo de vida.

O caso de Sauron
Sauron é da raça dos Maiar, a propósito uma raça pacífica, mas por ter-se corrompido, tornou-se um instigador de guerras.

Hierarquia

Divindade
Eru existiu antes do tempo. Foi Ele quem criou os Valar e os Maiar, e quem os mandou como crias Arda - a Terra-média.

Semi-divindades
Os Valar e os Maiar foram criados por Eru. Os Valar povoaram a Terra-média, os Maiar para ajudá-los.

Cronologia

Antes do tempo
Não há contagem de tempo nesta dimensão, Tolkien a chama de "Timeless Hall".

15000
Anos das Lâmpadas
Foram os anões que os Valar criaram, forjaram e deram vida à Terra-Média.

10500
Anos das Árvores
Foram os anões que os elfos passaram e habitaram a Terra-média, assim como os ents e os anões.

1497
590
3441
2751
Primeira Era
Quando Eru criou o Sol e a Lua, começaram os eras humanos.

Segunda Era
A segunda era iniciou-se após a tomada do Um Anel de Sauron por Galad.

Comparações morfológicas

Crânios

Raça	Crânio	Características
Humanos	17cm x 12,5cm	Foi a base referencial para a criação dos demais seres mitológicos da história.
Anões	18,8cm x 20,8cm	Crânio mais robusto que os homens, apesar de menor. Forma mais achatada e larga.
Orcs	18cm x 20,8cm	Formação craniana é maior, apesar de mais estreita e deformada na mandíbula.
Hobbits	9cm x 4,5cm	São um pouco maiores proporcionalmente à dos humanos e ligeiramente pontiaguda.

Pés

Raça	Pé	Características
Humanos	25cm	Tem pelagem fina, pele fina no dorso e um pouco mais grossa na sola. Apesar de resistente, necessita de proteção na maioria dos ambientes.
Hobbits	22,5cm	São peludos e de pele muito grossa, o que os livra da necessidade de sapatos para proteção e aquecimento.

Olhos

Raça	Olho	Características
Humanos	3,5cm	Geralmente em posição horizontal à 0°. A cor do seu iris pode variar do castanho ao azul, conforme a raça.
Elfos	4,5cm	Têm os olhos maiores que os humanos e inclinados cerca de 30°. Por sua iris ser maior, podem enxergar na penumbra.

Orelhas

Raça	Orelha	Características
Humanos	1cm	Têm 1/4 do tamanho do corpo, e arredondada na parte superior e geralmente estranha.
Hobbits	4,5cm	São um pouco maiores proporcionalmente à dos humanos e ligeiramente pontiaguda.
Elfos	6,5cm	Representa 1/3 do tamanho do corpo e tem formato de folha da maneira para cima, sendo bastante pontiaguda.

Reposo

Raça	Reposo
Humanos	Dormem de anos em anos.
Elfos	Descansam admirando a luz do luar e das estrelas cerca de 4h por dia.
Anões	Dormem pouco e possuem sono leve, acordando com qualquer ruído suspeito.
Hobbits	Dormem de 10 a 12 horas.
Humanos	Dormem cerca de 8h por dia.
Nazgurs	Não sentem cansaço, fogem ou escaçam.
Orcs	Dormem pouco, apenas o suficiente.
Sauron	Descansa, periodicamente, de olhos abertos.

Tempo de vida

Raça	Tempo de vida
Humanos	O mais antigo tem mais de 18000. Não se sabe a quanto podem viver.
Elfos	Imortais, falecem apenas por ferimentos muito graves.
Anões	Vivem cerca de 250 anos.
Hobbits	Podem viver até 100 anos.
Humanos	Sua média de vida é de 90 anos.
Nazgurs	Seus espíritos são libertados quando Sauron é destruído.
Orcs	Não mais de 50 anos.
Sauron	É imortal por natureza, mas falece quando seu espírito é consumido.

Idioma

Raça	Idioma
Humanos	Possuem idioma próprio e raramente o utilizam.
Elfos	Sua língua comum é o Sindarin, compartilhado alguns povos da Quenya.
Anões	Khuzdul, idioma usado por Aulë, quando os criou.
Hobbits	Dileta da língua geral - westron - apenas nos nomes.
Humanos	Falam apenas a língua geral, westron.
Nazgurs	Língua negra de Mordor, na sua forma mais antiga e pura.
Orcs	Idioma de Mordor simplificado, e anteriormente orco.
Sauron	Sua própria língua, o idioma de Mordor.

J.R.R. Tolkien

é considerado o pai da literatura moderna fantástica, com obras traduzidas para mais de 20 idiomas e mais de 200 milhões de cópias vendidas.

Tolkien e a Guerra
Após se formar, Tolkien combateu na 1ª Guerra Mundial, experiência que o influenciou no criação de seus livros. A relação entre Frodo e Sam foi inspirado no senso de lealdade entre soldados e oficiais.

Estudos Filológicos
Tolkien foi filólogo e sua paixão pelo estudo de idiomas o influenciaram na criação do idioma élfico, inspirado no galego e hebraico.

ΠΙΣΤΙΣ
(característica)

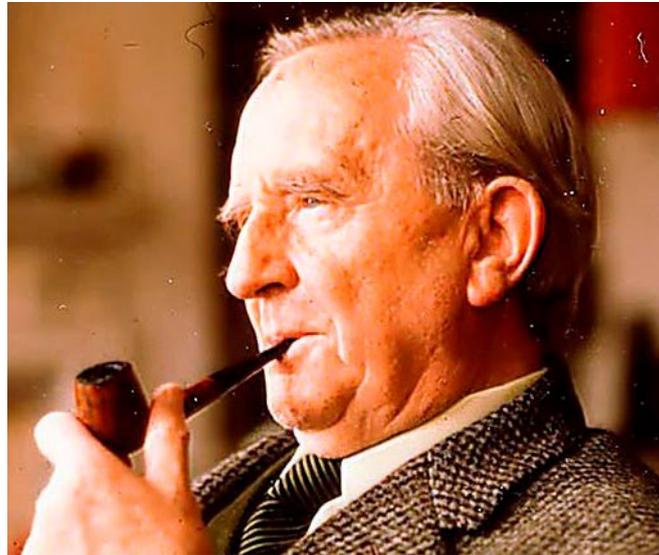
Sapótem-se que toda sua obra literária surgiu para que seus idiomas ocupassem uma história.

Vida religiosa
Tolkien era católico fervoroso e suas obras tiveram influência do Evangelho. Sua intenção era criar uma mitologia baseada por valores morais, ao contrário dos mitólogos romanos e gregos.

Писатель

«Подлинная история писателя содержится в его книгах, а не в фактах биографии»
Дж. Р. Р. Толкиен

1892–1973

Джон Рональд Руэл Толкиен — английский писатель и поэт, переводчик, лингвист, филолог. Профессор Оксфордского университета.

Автор «Властелина колец» стал прародителем нового жанра в мире литературы и оказал влияние на писателей последующих лет. Неудивительно, что на придуманных Джоном архетипах строится современное фэнтези. Мастеру пера подражали Урсула Ле Гуин, Джоан Роулинг, Кристофер Паолини, Терри Брукс и другие авторы произведений. Наиболее известен как автор классических произведений «высокого фэнтези»: «Хоббит, или Туда и обратно», «Властелин колец» и «Сильмариллион».

Толкиен^[23] занимал должности профессора англосаксонского языка Роулинсона и Босуорта в Пемброк-колледже Оксфордского университета (1925–1945), английского языка и литературы Мертона в Мертон-колледже Оксфордского университета (1945–1959). Вместе с близким другом К. С. Льюисом состоял в неформальном литературоведческом обществе «Инклинги». 28 марта 1972 года получил звание командора Ордена Британской империи от королевы Елизаветы II.

После смерти Толкиена его сын Кристофер выпустил несколько произведений, основанных на обширном корпусе заметок и неизданных рукописей отца, в том числе «Сильмариллион». Эта книга вместе с «Хоббитом» и «Властелином колец» составляет единое собрание сказок, стихов, историй, искусственных языков и литературных эссе о вымышленном мире под названием Арда и его части Средиземье. В 1951–1955 годах для обозначения большей части этого собрания Толкиен использовал слово «легендариум» (англ. *Legendarium*). Многие авторы писали произведения в жанре фэнтези и до Толкиена, однако из-за большой популярности и сильного влияния на жанр многие называют Толкиена «отцом» современной фэнтези-литературы, подразумевая, главным образом, «высокое фэнтези».

В 2008 году британская газета The Times поставила его на шестое место в списке «50 величайших британских писателей с 1945 года». В 2009 году американский журнал Forbes назвал его пятым в числе умерших знаменитостей с самым большим доходом.

Биография Род Толкиенов

Большинство предков Толкиена по линии отца были ремесленниками. Род Толкиенов происходит из Нижней Саксонии, однако с XVIII века предки писателя поселились в Англии, «быстренько превратившись в коренных англичан», по выражению самого Толкиена. Толкиен выводил свою фамилию из немецкого слова tollkühn, которое означает «безрассудно храбрый». Несколько семей с фамилией Tolkien и её вариантами по сей день живут на северо-западе Германии, прежде всего в Нижней Саксонии и Гамбурге. Один немецкий писатель предположил, что фамилия, скорее всего, произошла от названия деревни Tolcupen близ Растенбурга в Восточной Пруссии (ныне северо-восточная Польша), хотя до Нижней Саксонии там далеко. Название этой деревни, в свою очередь, происходит из вымершего прусского языка.

Родители матери Толкиена, Джон и Эмили Джейн Саффилд (англ. Suffield), жили в Бирмингеме, где с начала XIX века владели зданием в центре города под названием «Овечий дом» (Lamb House). С 1812 года прапрадед Толкиена Уильям Саффилд держал там книжный и канцелярский магазин, а с 1826 прадед Толкиена, тоже Джон Саффилд, торговал там декоративными тканями и чулками

Детство и юность

Мало кто знает, что на самом деле Джон Рональд Руэл Толкиен родился 3 января 1892 года, в африканском городке Блумфонтейн, который до 1902 года являлся столицей Оранжевой республики. Его отец Артур Толкиен, управляющий банком, вместе со своей беременной супругой Мейбл Саффилд перебрался в это солнечное местечко из-за повышения на службе, а 17 февраля 1894 у влюбленных родился второй сын — Хилари.

Джон Толкиен в детстве

Когда маленький Рональд учился ходить, он наступил на тарантула. Паук укусил малыша, и тот в панике метался по саду, пока нянька не поймала его и

не отсосала яд. Став взрослым, он вспоминал жаркий день и как он в ужасе бежит, путаясь в высокой жухлой траве, но самого тарантула забыл начисто и утверждал, что никакого особого отвращения к паукам этот эпизод ему не внушил. Однако же в его книгах не раз встречаются чудовищные пауки, укусы которых ядовит.

В 1896 году Мейбл с детьми возвращается в Англию, Артур Толкиен остаётся в Африке. Однако в феврале того же года он умирает, официально от ревматической лихорадки. Оставшись одна с двумя детьми, Мейбл просит помощи у родственников. Возвращение домой было тяжёлым: родственники матери Толкиена не одобряли её брака. Семья поселилась в Сэйрхоуле возле Бирмингема. Мейбл Толкиен осталась одна с двумя маленькими детьми на руках и с очень скромным доходом, которого только-только хватало на проживание. Стремясь найти опору в жизни, она погрузилась в религию, приняла католичество (это привело к окончательному разрыву с родственниками-англиканами) и дала детям соответствующее образование; в результате Толкиен всю жизнь оставался глубоко религиозным человеком.

Твёрдые религиозные убеждения Толкиена сыграли значительную роль в обращении Клайва Льюиса в христианство, хотя, к разочарованию Толкиена, Льюис предпочёл англиканскую веру католической.

Саффилд крутилась словно белка в колесе. Она сама обучала детей грамоте, и Джон слыл прилежным учеником: к четырем годам мальчик научился читать и проглатывал один за другим произведения классиков. Фаворитами Толкиена были Льюис Кэрролл и Джордж Макдональд, а произведения братьев Гримм и Стивенсона будущему писателю пришлись не по душе.

В 1904 году Мейбл умерла от диабета, и мальчики остались на попечении ее духовного наставника Френсиса Моргана, который служил священником бирмингемской церкви и увлекался филологией.

Джон Толкиен с младшим братом Хилари

Дошкольный возраст дети проводят на природе. Этих двух лет Толкиену хватило на все описания лесов и полей в его произведениях. В свободное время Толкиен с удовольствием рисовал пейзажи и изучал ботанику. В 1900 году Толкиен поступает в Школу короля Эдуарда, где он выучил древнеанглийский язык и начал изучать другие — валлийский, древненорвежский, финский, гот-

ский. У него рано обнаружился лингвистический талант, после изучения староваллийского и финского языков он начал разрабатывать «эльфийские» языки (за всю жизнь Толкиен выучил 14 языков и придумал 19, причём часть из них, древнеэльфийский квенья и первогномский кхуздул — с весьма достоверными признаками «лингвистического старения»). Впоследствии он учился в школе святого Филиппа и оксфордском колледже Эксетер.

В 1911 году талантливый юноша организовал с товарищами Робом, Джеффри и Кристофером секретный «Чайный клуб» и «барровианское общество». Дело в том, что ребята любили чай, нелегально продававшийся в школе и библиотеке. Летом 1911 г. Толкиен побывал в Швейцарии, о чём впоследствии упоминает в письме 1968 года, отмечая, что путешествие Бильбо Бэггинса по Мглистым горам основано на пути, который Толкиен с двенадцатью товарищами проделал от Интерлакена до Лаутербруннена. Осенью того же года Джон продолжил учебу. Его выбор пал на престижный Оксфордский университет, куда одаренный парень поступил без особого труда.

Джон Толкиен в молодости

Случилось так, что после окончания университета Джон отправился на службу в армию: в 1914 году парень изъявил желание стать участником Первой мировой войны. Молодой человек участвовал в кровопролитных сражениях и даже пережил битву на Сомме, в которой потерял двоих товарищей, из-за чего ненависть к военным действиям преследовала Толкиена всю оставшуюся жизнь.

Джон Толкиен в военной форме

Литература

С фронта Джон вернулся инвалидом и стал зарабатывать преподавательской деятельностью, далее взобрался по карьерной лестнице, и в 30-летнем возрасте получил должность профессора англо-саксонского языка и литературы. Безусловно, Джон Толкиен был талантливым филологом. Уже позже он сказал, что придумал сказочные миры лишь для того, чтобы выдуманный язык, соответствующий его личной эстетике, казался естественным.

В то же время человек, слывший лучшим языковедом в Оксфордском уни-

верситете, взялся за чернильницу с пером и придумал собственный мир, начало которому было положено еще на школьной скамье. Таким образом, литератор создал сборник мифов и легенд, названный «Средиземьем», но позже ставший «Сильмариллионом» (цикл выпущен сыном писателя в 1977 году).

Далее, 21 сентября 1937 года Толкиен порадовал поклонников фэнтези книгой «Хоббит, или Туда и обратно». Примечательно, что это произведение Джон придумал для своих маленьких детей, чтобы в семейном кругу рассказывать отпрыскам об отважных приключениях Бильбо Бэггинса и мудрого волшебника Гэндальфа, владельца одного из колец власти. Но эта сказка случайно попала в печать и завоевала бешеную популярность среди читателей всех возрастов.

В 1945 году Толкиен представил на суд общественности рассказ «Лист кисти Ниггля», пропитанный религиозными аллегориями, а в 1949-м вышла юмористическая сказка «Фермер Джайлс из Хэма».

В 1948 году Толкиен закончил работу над романом «Властелин колец» — почти десятилетие спустя после первого наброска. Он предложил книгу издательству Allen & Unwin. По замыслу Толкиена, одновременно с «Властелином колец» следовало опубликовать «Сильмариллион», но издательство не пошло на это. Тогда в 1950 году Толкиен предложил своё произведение издательству Collins, но сотрудник издательства Милтон Уолдмен (Milton Waldman) заявил, что роман «остро нуждается в урезании». В 1952 году Толкиен снова написал в Allen & Unwin: «Я с радостью рассмотрю возможность публикации любой части текста». Издательство согласилось опубликовать роман целиком, без урезаний.

В начале 1960-х «Властелин колец» был выпущен в США с разрешения Толкиена издательством Ballantine Books и имел ошеломляющий коммерческий успех. Роман попал на благодатную почву: молодёжь 1960-х, увлечённая движением хиппи и идеями мира и свободы, увидела в книге воплощение многих своих мечтаний. В середине 1960-х «Властелин колец» переживает настоящий «бум». Сам автор признавал, что успех ему льстит, но со временем устал от популярности. Ему даже пришлось поменять номер телефона, потому что поклонники надоедали ему звонками.

В 1961 году Клайв С. Льюис хлопотал о присуждении Толкиену Нобелевской

премии по литературе. Однако шведские академики отклонили номинацию с формулировкой, что книги Толкиена «ни в коей мере нельзя назвать прозой высшего класса». Премию в тот год получил югославский писатель Иво Андрич.

Затем Джон сочинил цикл стихов «Приключения Тома Бомбадила и другие стихи из Алой книги» (1962), произведение «Дорога вдаль и вдаль идет» (1967) и рассказ «Кузнец из Большого Вуттона» (1967).

Также Толкиен осуществил перевод книги пророка Ионы для издания «Иерусалимской Библии», которую опубликовали в 1966 году.

Все произведения, вышедшие после 1973 года, включая «Сильмариллион», изданы его сыном Кристофером.

Семья

Из биографии Джона известно, что он был примерным семьянином. В 1908 году автор фэнтези познакомился с Эдит Бретт, которая на тот момент осталась сиротой и жила в пансионе. Влюбленные часто сидели в кафе, смотрели с балкона на тротуар и забавлялись киданием кусочков сахара в прохожих.

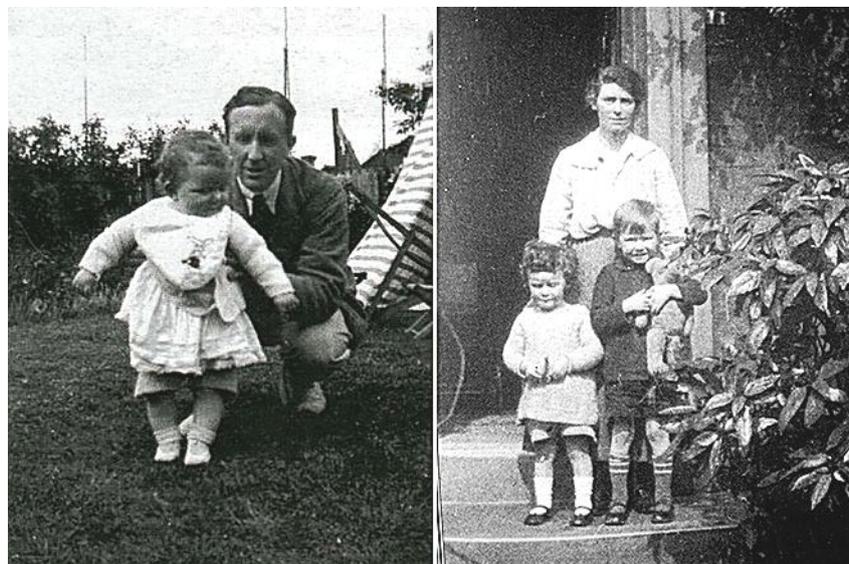
Влюбленность помешала Толкиену сразу поступить в колледж, к тому же Эдит была протестанткой и на три года старше его. Отец Френсис взял с Рональда честное слово, что тот не будет встречаться с Эдит, пока ему не исполнится 21 год — то есть до совершеннолетия, когда отец Френсис переставал быть его опекуном. Толкиен выполнил обещание, не написав Мэри Эдит ни строки до этого возраста. Они даже не встречались и не разговаривали.

Вечером в тот же день, когда Толкиену исполнился 21 год, он написал Эдит письмо, где объяснялся в любви и предлагал руку и сердце. Она ответила, что уже обручена, но сделала это, так как думала, что Толкиен забыл её. Спустя неделю Толкиен приехал в Челтнем, где Эдит встретила его на вокзале. В тот же день она возвратила жениху кольцо и вместе с этим объявила о помолвке с Толкиеном. По условиям их обручения в январе 1913 Эдит объявила, что переходит в католичество, как настаивал Толкиен. Хозяин пансионата, ярый протестант, был в ярости и немедленно выгнал её из дома. Они поженились в католической церкви Св. Марии в Уорике в среду 22 марта 1916 года. Помолвка состоялась в Бирмингеме в январе 1913 года, а свадьба — 22 марта 1916 года в английском городе Уорик, в католической церкви Св. Марии. Его союз с Эдит Бретт оказался долгим и счастливым. Супруги прожили вместе 56 лет и воспитали троих сыновей: Джона Фрэнсиса Руэла (1917), Майкла Хилари Руэла (1920), Кристофера Руэла (1924), и дочь Присциллу Мэри Руэл (1929).

Джон Толкиен с семьей

Джон Толкиен и его жена Эдит

После смерти жены в 1971 году Толкиен возвращается в Оксфорд.

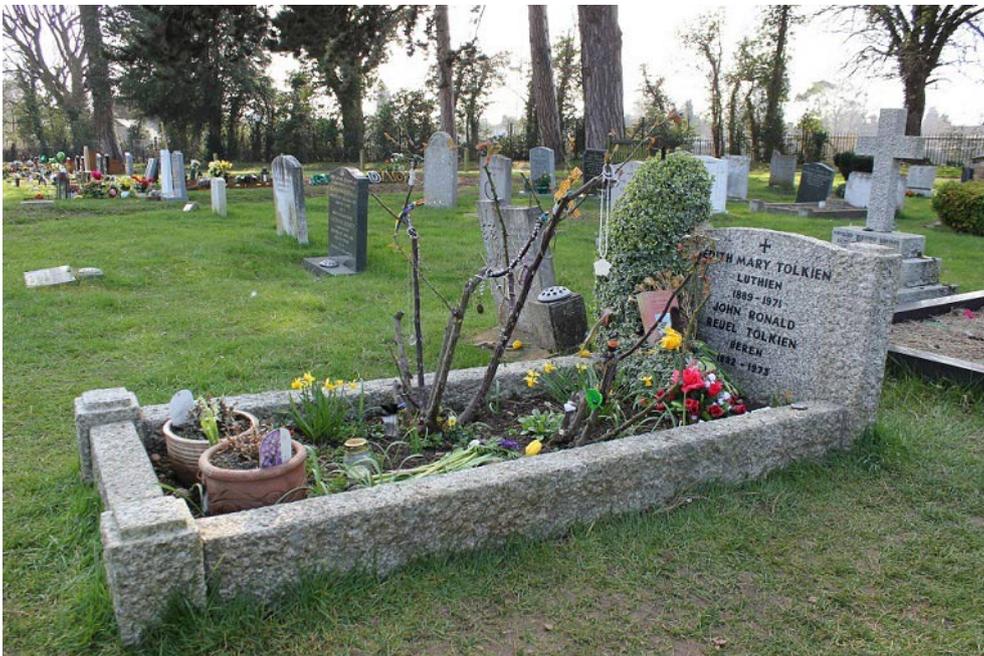
В конце 1972 года он сильно страдал от несварения желудка, рентген показал диспепсию. Врачи назначили ему диету и потребовали полностью исключить употребление вина. 28 августа 1973 года Толкиен отправился в Борнмут, к старому другу — Денису Толхерсту. 30 августа, в четверг, он присутствовал на мероприятии по случаю дня рождения миссис Толхерст. Чувствовал себя не очень хорошо, ел мало, но выпил немного шампанского. Ночью стало хуже, и под утро Толкиена доставили в частную клинику, где и обнаружили кровоточащую язву желудка. Несмотря на оптимистичные прогнозы вначале, к субботе развился плеврит, и в ночь на воскресенье 2 сентября 1973 года Джон Рональд Руэл Толкиен скончался в возрасте восьмидесяти одного года.

Эдит Толкиен умерла на 82-м году жизни, а Джон пережил супругу на год и восемь месяцев.

Супругов похоронили в одной могиле. Гравировка на надгробной плите гласит:

Эдит Мэри Толкиен
Лютинэн
1889–1971
Джон Рональд Руэл Толкиен
Берен
1892–1973

Библиография

1925 — «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь»

1937 — «Хоббит, или Туда и обратно»

1945 — «Лист кисти Ниггля»

1945 — «Баллада об Аотру и Итрун»

1949 — «Фермер Джайлс из Хэма»

1953 — «Возвращение Беорхтнота, сына Беорхтхельма»

1954–1955 — «**Властелин колец**»

1962 — «Приключения Тома Бомбадила и другие стихи из Алой книги»

1967 — «Дорога вдаль и вдаль идёт»

1967 — «Кузнец из Большого Вуттона»

Книги, изданные посмертно:

1976 — «Письма Рождественского Деда»

1977 — «**Сильмариллион**»

1998 — «Роверандом»

2007 — «Дети Хурина»

2009 — «Легенда о Сигурде и Гудрун»

2013 — «Падение Артура»

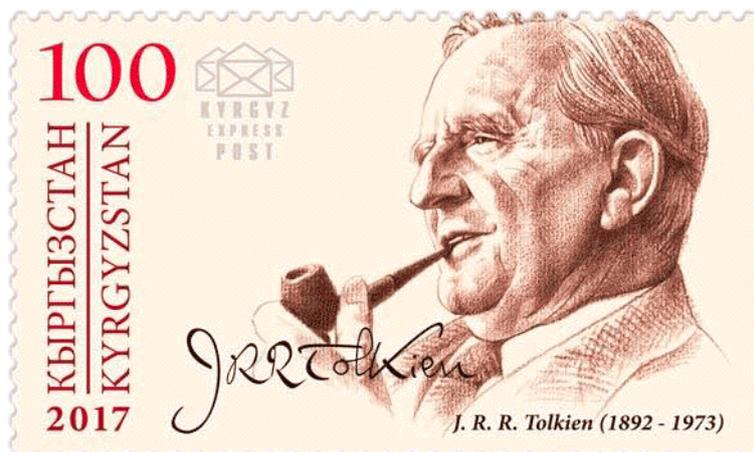
2015 — «История Куллерво»

2017 — «Повесть про Берена и Люттиен»

Марка Кыргызстана из юбилейной серии

В составлении биографии использованы материалы с сайтов **Википедия** и **24СМИ**

Переводчик Наталья Леонидовна Рахманова

1930

Советская и российская переводчица с английского языка.

Дочь писателя Л. И. Рахманова. Жена историка Якова Гордина. Родилась в Ленинграде. Живёт в Санкт-Петербурге. Окончила английское отделение филологического факультета ЛГУ. Печатается как переводчик с 1957 года. Перевела с английского языка произведения В. Скотта, С. Льюиса, Э. М. Форстера, Р. Л. Стивенсона, У. Фолкнера, Г. Грина, Д. Р. Р. Толкиена, Б. Шоу и других авторов.

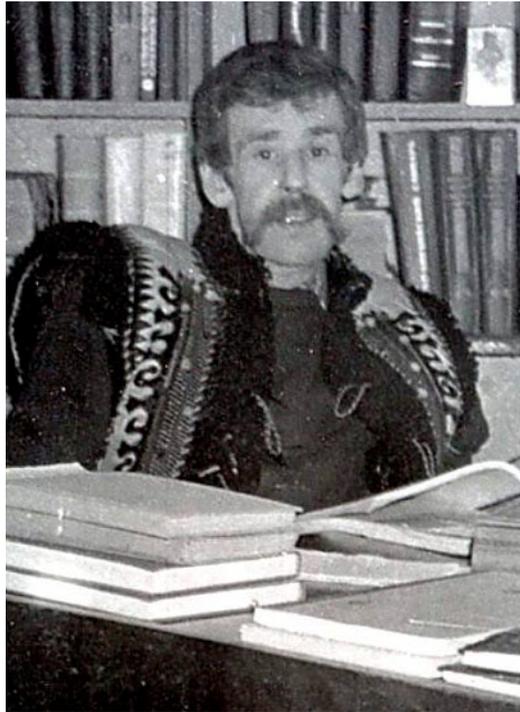

Материал для биографической справки найден в интернете

Переводчик Андрей Андреевич Кистяковский

1936–1987

Советский переводчик, правозащитник.

Происходит из старинного рода. Праправнук Александра Фёдоровича Кистяковского. Многие в семье были в 1930-е годы репрессированы. Кратковременному аресту подвергнулся и отец Кистяковского Андрей Юльевич, который в начале Великой Отечественной войны преподавал в Московском военно-инженерном училище, полковник-инженер, впоследствии заведовал кафедрой спортивных сооружений в Московском инженерно-строительном институте.

Ушёл из школы в восьмом классе, работал, служил в армии.

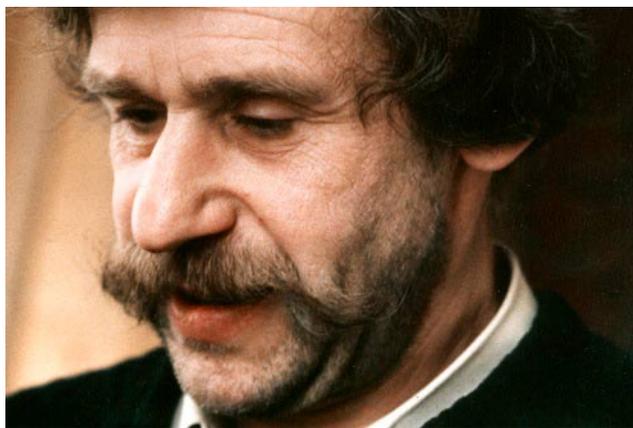
Учился в Московском автомеханическом институте. В 1971 году окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ по специальности «английский язык и литература». Публиковался с 1967 года. После окончания университета работал переводчиком художественной литературы с английского (в СССР были опубликованы его переводы рассказов У. Фолкнера, Р. Данкена, Ч. П. Сноу, Ф. О'Коннор и др.).

В 1960-е сблизился с кругом художников-нонконформистов «Лианозовской школы». В 1974–1976 годах перевел на русский роман Артура Кестлера «Слепящая тьма» (перевод издан в Нью-Йорке в 1978 году; в СССР вышел в 1988 году).

Андрей Кистяковский, начало 80-ых

С конца 1970-х стал участвовать в работе основанного в 1974 году А. И. Солженицыным на гонорары от издания «Архипелага ГУЛАГ» Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям, распорядителем которого в СССР с 1977 года был С. Д. Ходорович. После ареста в апреле 1983 года Ходорович назначил Кистяковского своим преемником. 18 мая 1983 года Кистяковский объявил о том, что вступил в распоряжение фондом. Подвергся обыскам, угрозам и избиению.

Последние годы жизни тяжело болел, но успел завершить перевод книги Дж. Р. Р. Толкиена «Хранители».

Материал для биографической справки найден в интернете

Переводчик Владимир Сергеевич Муравьев

1939–2001

Российский филолог, переводчик, литературовед. Отец религиоведа А. В. Муравьева, сын И. И. Муравьевой, пасынок Е. М. Мелетинского и Г. С. Померанца.

Окончил филологический факультет МГУ (1960), диплом писал по Тынянову и формалистам, затем переключился на англистику. С 1960 годов и до смерти работал во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы: сначала — библиографом, затем — заместителем главного редактора бюллетеня «Современная художественная литература за рубежом». С 1993 года вернулся к библиографической работе в отделе комплектования ВГБИЛ.

Автор двух книг о творчестве Джонатана Свифта, статей об английской классической и современной литературе — в частности, одной из первых на русском языке статей о творчестве Джона Рональда Руэла Толкиена («Толкьен и критики»; в журнале «Современная художественная литература за рубежом», 1976, № 3). Подготовил в 1984 году диссертацию, но не защитил.

В начале 1970-х годов Владимир Муравьев занимался в семинаре по художественному переводу Евгении Калашниковой и Марии Лорие. Работа Муравьева-переводчика началась с нескольких произведений Фланнери О'Коннор и Мюриэл Спарк, среди других его работ — романы Шона О'Фаолейна, «Альгамбра» Вашингтона Ирвинга, произведения О.Генри, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Уильяма Фолкнера, Ивлины Во и др. Однако наиболее известна его

работа над трилогией Толкиена «Властелин колец» (совместно с Андреем Кистяковским); соавтор Муравьёва умер в ходе работы над книгой, и Муравьёв завершал перевод в одиночку. Этот перевод стал первым опубликованным в СССР (первая часть — 1983) и считается наиболее высокохудожественным, хотя и подвергается критике поклонников Толкиена за различные вольности и отступления от буквы подлинника.

Помимо англистики и переводов Муравьев занимался и русистикой (писал энциклопедические статьи по Чаадаеву, Леонтьеву и утопизму). В юности был близко знаком с А. А. Ахматовой, написал воспоминания об этом знакомстве, опубликованные Фонтанным домом в 2001 году.

Владимир Муравьёв участвовал в диссидентских кружках рубежа 1950-1960-х годов, был близким другом (а с 1987 года — и крёстным отцом) Венедикта Ерофеева — одним из тех, у кого хранилась рукопись поэмы «Москва — Петушки».

Материал для биографической справки найден в интернете

«Толкиен оставил подробные рекомендации, что и как переводить»

(Статья с сайта журнала "Нескучный сад")

Интервью А. В. Муравьёва от 2012 года. Версия для печати

19 декабря — российская премьера "Хоббита". В России существует множество вариантов переводов трилогии «Властелин колец», а почитатели Толкиена все никак не могут договориться, какой из переводов лучше, какой более соответствует замыслу англичанина. Мы решили поговорить о самых первых переводах, неожиданно появившихся в книжных магазинах еще в советские времена, с Алексеем МУРАВЬЕВЫМ — сыном одного из первых переводчиков этой книги Владимира Муравьева. Как они создавались, почему их не запретили и как возникла сама идея перевести книгу, которую читает и перечитывает уже не одно поколение людей

Алексей Муравьев (р. 1969) — российский историк и религиовед. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии Наук, секретарь редакционной коллегии журнала «Христианский Восток». Сын переводчика и литературоведа Владимира Муравьева — автора перевода трилогии «Властелин колец» Джона Роналда Руэла Толкиена (совместно с А. Кистяковским).

— Какова, на ваш взгляд, судьба произведений Толкиена и рецепция его творчества в России?

— Толкиен прежде всего популярен в англо- и германоязычном мире. Германцы, кельты и англосаксы воспринимают его книги как определенного рода литературную игру со своим культурно-мифологическим достоянием. Что касается России, то тут нет прямой отсылки к мифологическому прошлому. С нашим славянским тезаурусом играют другие. По литературному и философскому качеству наше отечественное доморощенное фэнтези хуже, чем Толкиеновское, в нем нет результата рефлексии прожитого XIX — начала XX века (в частности, войны), но что-то оно отражает. Чем лучше мы представляем контекст, тем лучше понимаем, что хочет сказать Толкиен.

Не могу сказать, что хорошо представляю, какова была рецепция в России, когда в 1981 году на русском вышла первая часть «Властелина колец». Насколько понимаю, на первом этапе была довольно небольшая группа читателей из детей интеллигенции и их друзей. Затем, когда в конце 1980-х-1990-х начались процессы социальной трансформации, возник спрос на героическую

романтику, и книги Толкиена «попали в струю». Наша современная культура, условно ее можно назвать визуальной, кинематографической, довольно циничная, в ней мало героики, а если и есть, то какая-то несерьезная. И тут получилось, что из книг Толкиена взяли десять процентов — оказался востребован событийный и героический пафос. Видимо, на волне этого явления и возникли все эти религиозные интерпретации в виде Толкиенутих и прочих. Когда же началось формирование более структурированного общества, интерес к его произведениям спал. А новый всплеск интереса подогрел выход кинотрилогии «Властелин колец». В каком-то смысле фильм заменяет текст. Я человек текстов, поэтому для меня это явление, скорее, деградации. Мы постепенно уходим от цивилизации, в центре которой текст, к той, в центре которой образ. С одной стороны, это общество с более быстрым типом взаимодействия, поскольку образ воздействует непосредственно на подсознание, а с другой, такая цивилизация воспринимает текст как тип образа, продуцирующую образы среду. Произведения Толкиена, особенно трилогия, образны и кинематографичны, поэтому какая-то аудитория у них, безусловно, будет. Кроме всего прочего, мы живем в постмодернистской культуре, в которой отсутствует понятие сакральности, а Толкиен дает некое представление о героике, с ней соществующей. И то, что человек тянется к таким текстам, — знак цивилизационного дефицита, степень которого, наверное, и определяется рецепция его произведений.

Наверное, и в дальнейшем «культурное место» Толкиена будет определяться еще и тем, насколько актуален будет литературно-исторический и человеческий опыт XIX — начала XX веков. Будут ли читать Пушкина, Достоевского, Толстого, Диккенса, вплоть до Честертона и Льюиса — современников Толкиена. Конечно, всегда найдутся тинейджеры, которые прочитают эти книжки просто ради развлечения, это естественно, но как культурный факт неинтересно.

— **Чем вы можете объяснить появление в России такого количества переводов «Властелина колец»?**

— Насколько я понимаю, для Муравьева и Кистяковского было важно интеллектуальное, мифологическое и событийное функционирование текста в рамках русской литературы, а для других переводчиков это был культовый текст, для которого важно именно квази-религиозное его бытование. На одном интернет-форуме я прочитал такие слова: «Как Муравьев с Кистяковским могли такое-то имя так перевести?..» Я понял, что мы находимся не перед возмущением читателя, которому что-то непонятно, а перед возмущением религиозного адепта, увидевшего, что в его «Библии» нечто исказили. Как Лютер мог так перевести? А ведь Лютер как раз был великий переводчик! И вот это обвинение, как мне кажется, показывает, что какая-то часть переводчиков смотрела на текст как на религиозный, и, работая над ним старалась, не дай Бог, не отступать от оригинала, но главное, не особо задумывалась, на какой культурный язык переводить.

— **Как возникла идея совместной работы Муравьева и Кистяковского над переводом?**

— Они обсуждали планы, делились идеями и как-то отец сказал: «Хорошо бы Толкиена издать, но ведь не издадут!». Андрей Андреевич Кистяковский загорелся идеей: «Не издадут?.. Сейчас посмотрим!». Он был человек, что на-

зывается, заводной и отправился улаживать дело в издательство «Детская литература», к Наталье Викторовне Шерешевской. И там согласились на публикацию сокращенного варианта перевода. Ну и они стали работать.

— **И как все это происходило?**

— Кистяковский жил на улице Чехова (Малой Дмитровке), в доме, где сейчас «Кофеин», рядом с Ленкомом. А мы — на Готвальда (Чаянова), через Садовое кольцо, чуть дальше, чем сейчас. Это пятнадцать минут ходу, и отец часто бывал у Андрея Андреевича. Обычно меня отправляли поиграть с дочкой Кистяковского Ксюшей, она была немного меня старше, а отец с Андреем Андреевичем ходили, что-то правили, даже ругались. Каждый переводил свою часть дома и при встрече все это обсуждалось. Кистяковский был человеком горячим, ярко выраженным холерическим типом, отстаивал каждое слово, они с отцом, бывало, сильно спорили, но в целом, это были рабочие споры, творчески влиявшие на процесс. Отец в этих случаях часто сдавался, хотя по натуре был максималистом и часто критиковал перевод Кистяковского по мелочам, но не в целом. Про то, что он считал качественным переводом, он говорил: «Да, это сделано», «Это работа!». Как я понимаю, перевод Кистяковского, особенно некоторых стихов, иногда вызывал у него досаду, он сокрушался: как человек талантливый этого не увидел, почему это не перевел, зачем сместил акцент... Особенно мне помнится разница подходов к вводному стихотворению: «Three Rings for the Elven-kings under the sky», Андрей Андреевич перевел его начало как «Три кольца — премудрым эльфам — для добра их гордого», а отец «Три кольца — для царственных эльфов в небесных шатрах». Но когда я прочитал стихи Толкиена в оригинале, они как-то не очень меня впечатлили, а в переводе их удалось вытащить на вполне пристойный уровень — и это сознательная установка и заслуга обоих соавторов. Стихи в первой части в основном переводил Андрей Андреевич Кистяковский. Вообще, отец предъявлял к стихотворным переводам «гамбургский счет», о многих современных переводах говорил: «Маршаковщина!». Он считал, что в развесело-разухабистых переводах Самуила Яковлевича Маршака многое потеряно, а переводы Кистяковского отчасти следуют этой традиции. Разница в их отношении к поэзии, как мне кажется, была вот в чем: Андрей Андреевич был профессиональным переводчиком поэзии, но именно переводчиком, а отца с поэзией связывали более сложные отношения. Тут сказались и его восторженное отношение к Ахматовой, и знакомство с Пастернаком, и воспоминания детства, когда его отчим Григорий Соломонович Померанц и мама — Ирина Игнатьевна Муравьева весь вечер могли сидеть и читать стихи. И все их друзья читали стихи, и вот это отношение к поэзии как к магическому действию осталось у него на всю жизнь. Все детство у нас прошло в чтении русской поэзии. Отец помнил наизусть безумное количество стихов и страшно переживал, если чего-то не мог вспомнить: «Все, конец, я не помню следующей строчки!».

Возвращаюсь к переводу. Они много спорили на тему перевода названий. Ведь Толкиен оставил подробные рекомендации, что и как переводить. Одни имена придумал отец, другие — Кистяковский.

— **Какие, например?**

— В первом варианте крепость Изенгард (Isengard) называлась Скальград. Для максимальной узнаваемости вместо старогерманских названий Кистяковский ввел славянские. В книге «Слово живое и мертвое» Нора Галь пишет

о том, что только плохие переводчики оставляют названия и имена без перевода. А вот, например, в русской версии фильма *Baggins* остался Бэггинсом. Английское слово «bag» у русского человека ассоциаций не вызывает, а у Толкиена сказано, что это имя обязательно должно быть переведено. По-моему, у Кистяковского получился оптимальный вариант — Торбинс. Название деревни эльфов *Lothlorien* (от слова «лотос», «лилия») у него Кветлориэн. Эльф *Glorfindel* переведен как Всеславур — на горизонте маячит тут чуть ли не Святогор-богатырь и Илья Муромец. Во второй редакции, когда Кистяковского уже не было в живых, отец в интересах единообразия отказался от некоторых из этих находок, в частности, от Скальграда.

— Когда и как вы познакомились с трилогией Толкиена? Наверное, в числе первых русских читателей-слушателей?

— Отец перевел первую часть трилогии, наверное, в 1980-м, я был тогда в четвертом-пятом классе. Летом мы жили в деревне, и он приехал прочитать нам машинописный перевод. Ощущение было совершенно потрясающее — сочетание культурной наполненности, пицци для разума и интересности. И первый вопрос был такой: «Когда же будет продолжение?». Потом стало понятно, что нескоро, и отец дал мне оригинал, так что вторую и третью часть я читал по-английски.

— И каково было ощущение — после перевода первой части перейти к оригиналу? Насколько это были разные тексты?

— Мне было одиннадцать-двенадцать лет, и английский текст читать было сложно, нужен был словарь, что-то я спрашивал у отца, но помню, что было очень интересно. Наверное, на тот момент я понял из него процентов пятнадцать. Сейчас мой младший сын (ему пятнадцать) тоже что-то читает по-английски, но, боюсь, что степень его погружения в текст тоже небольшая. Потом, будучи в Америке или Англии, я прочитал трилогию заново. Это было, конечно, совершенно другое ощущение, ведь иностранный текст воспринимается иначе. Думаю, там действует иной интерпретирующий механизм. В первый раз английский текст показался мне менее интересным, ведь хороший перевод работает в нескольких регистрах и дает ощущение связи с контекстом русской литературы. А к тому времени я мало прочитал английских книг, и не мог сказать: «Ах, это Кольридж, а это Милтон». Кроме того, плохо себе представлял германо-скандинавскую и кельтскую мифологию, и хотя в детстве мы читали скандинавские саги, но они уже были переведены, и это были факты русской литературы.

— А что запомнилось вам из перевода первой части, прочитанного отцом в деревне? Какие-то фразы, образы, сюжетные ходы...

— Тут мы вступаем в очень сложную область психологии переводчика. В переводе человек часто использует привычные для себя выражения, я это вижу особенно в третьей части трилогии. Что касается первой, интереснее всего для меня было описание деревенского мира, идиллии хоббитской деревни. Меня поразило эпизод, когда Бильбо идет и видит впереди родственницу, с которой ему жутко не хочется встречаться, сует руку в карман с Кольцом и исчезает. Поскольку мы жили не только в городе, но летом и в деревне, я хорошо знал эту жизнь. Встреча на улице в деревне — одно из важнейших социальных событий, и тут вдруг Бильбо этого избегает. Он словно чувствует, что у него появилась какая-то власть над социальной жизнью деревни. А главное —

я тогда увидел, что деревенский быт книги — это наш деревенский быт, Бруиненский брод — это наша переправа, а это какой-то наш мужичок. Запомнилась история с Black Riders — злодеями, которые гонятся за героями. Одно из самых ярких воспоминаний — эпизод с Томом Бомбадиллом, когда вся эта уютная социальная структура падает в дикую архаику, все переворачивается, и герои уже не те, кем были. Вторую часть, где страшная Мория, переводил Кистяковский, и это было немножко другое. Она воспринималась как более авантюрная, в ней больше динамики, действия, тогда она мне казалась даже интереснее.

— **А расскажите про привнесение переводчика в текст. Вы сказали, что узнавали отца в переводе третьей части.**

— Там есть эпизод, когда хоббиты попадают в плен к гоблинам, оркам. И потому, как эти орки переговариваются, понятно, что они из нашего родного жлобья. В первом варианте перевода было еще больше узнаваемых черт. Отец использовал тут язык хулиганов своего детства. Он много где учился, в частности, в послевоенные школе на Петровско-Разумовских аллеях. Это был жуткий бандитский район, ткнуть кого-то ножом считалось у старшеклассников в школе в порядке вещей. В такой среде очень развит язык унижения, манипулировать человеком можно, только унизив его. Не помню, какие именно слова отец использовал в переводе, кажется, «заморыш», «недомерок», «сейчас мы тебя ножичком почикаем», главное, осталось ощущение точного попадания в социально-психологическую реальность. Также в переводе задействована славянизированная лексика, этот важный момент часто недооценивают. В речи Гэндальфа много славянизмов, архаических выражений и конструкций — это способ стилистического возвышения. В русском языке в виде высокого и низкого стилей сохраняется память о славяно-русском двуязычии, это отражено в теории штилей Ломоносова. Введение этих маркеров мне кажется очень правильным, так преемственность традиции достигается путем апеллирования к прошлому нашей культуры.

Елена Калашникова

Материалы для биографии взяты с Википедии и "Фантлаба"

Переводчик Н. Эстель

Настоящее имя: Надежда Черткова.

Перевела, с 1992 и по 2006 год, произведения многих зарубежных писателей, большей частью авторов фэнтези. Среди прочего, книги Джона Рональда Роуэла Толкиена, Лоуренса Уотт-Эванса и Терри Брукс.

Автор замечательного перевода «Сильмариллиона».

Больше ничего неизвестно.

Обложка первого отечественного издания «Сильмариллиона». 1992 год

Сведения для биографической справки взяты из интернета

Художник Михаил Самуилович Беломлинский

1934

Российский художник-иллюстратор. Отец писательницы Юлии Беломлинской.

Окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина. Работал, в значительной степени, с детской литературой, с 1971 г. был главным художником журнала «Костёр». В 1989 г. эмигрировал в США, работал арт-директором газеты «Новое русское слово».

Наиболее известной работой Беломлинского являются иллюстрации к российскому изданию сказки Дж. Р. Р. Толкиена «Хоббит» в переводе и. Рахмановой (1976). Кроме того, в разные годы Беломлинский иллюстрировал книги: Марк Твен «Янки при дворе короля Артура»; Дж. Даррелл «Говорящий свёрток», «Дон Кихот»; Житков Б. С. «Что бывало»; Мориц Ю. П. «Собака бывает кусачей»; Толкиен Дж. Р. Р. «Хоббит, или туда и обратно». Беломлинский также известен своими многочисленными шаржами.

Михаил Беломлинский рассказывает о себе:

Я ленинградец. Сколько себя помню, я все время рисовал, начал рисовать еще мелом на тротуаре. Потом все пошло очень гладко: после эвакуации поступил в художественную школу. Отвела меня туда моя тетя, причем не только для учебы, но и для получения стипендии, в ту пору это была дополнительная рабочая карточка. Ну, а из школы я поступил уже в Академию художеств, на графический факультет, по окончании которой был принят в Союз художников, поскольку начал работать еще студентом. Так что занимаюсь рисованием практически всю жизнь, ничего другого делать не умею и не люблю. Окончив Академию, я много поездил по Союзу. Был на Камчатке, на Командорских островах, на Чукотке. Можно сказать, впервые Америку увидел «с той стороны».

Когда в 1989 году мы решили всей семьей эмигрировать в Америку, я понимал, что профессия художника здесь не самая дефицитная.

В Нью-Йорке я работал в газете «Новое русское слово», а потом в газете «Русский базар».

И опять я занимался любимым делом — рисовал иллюстрации, заставки, дизайн рекламы, карикатуры, шаржи. Дружеские шаржи — мое любимое рисование.

В 2002–2005 годах я сделал рисунки к замечательным 13 книжкам Лемони Сникета из серии «33 несчастья» для питерского издательства «Азбука» (раньше я делал для них обложки к шести книжкам Сережи Довлатова, а они переиздавали «Хоббита» с моими рисунками). Издательство купило весь проект серии «Тридцать три несчастья», переводили и присылали мне, а я им — рисунки. Скоро выходит фильм по первым книжкам, с моей любимой Мерил Стрип

и Джимом Керри, и, конечно, я с нетерпением жду его. Хочется сравнить работу этой киногруппы с моей.

Опубликовано в журнале: «Слово\Word» 2009, № 63

С сайта "Фантлаб"

Художница Яна Станиславовна Ашмарина

1963–2015

Российская художница-иллюстратор, график, переводчик, редактор. Известна под коллективным псевдонимом **Ян Юа** и сольным **Я. Кельтский**.

Родилась в Баку, дочь известного художника-карикатуриста Станислава Ашмарина. Окончила Свердловскую художественную школу. Первая публикация — иллюстрации к повести Виктора Жилина «День свершений» в журнале «Уральский следопыт» (1987).

Иллюстрировала книги братьев Стругацких, Андрея Лазарчука, Андрея Столярова, российские издания Урсулы Ле Гуин, Роджера Желязны, Роберта Джордана, Дж. Р. Р. Толкиена и других авторов. Переводила произведения Роджера Желязны и Урсулы Ле Гуин, принимала участие в проектах «Люди в чёрном», «Секретные материалы», «Звёздные войны» (новеллизация фильмов)

Работала художницей в штате издательства «Terra Fantastica» Николая Ютанова. Сотрудничала с издательствами АСТ, Эксмо.

Участник семинара Бориса Стругацкого. Сотрудничала с журналом «Полдень. XXI век». Жила и работала в Санкт-Петербурге.

Скончалась 20 февраля 2015 года от рака.

Долгая и добрая ей память.

Награды и призы

Лауреат премии «Странник» в номинации «художник, иллюстратор»:

1995 за иллюстрации к собранию сочинений Роберта Хайнлайна,

1997 за иллюстрации к декалогии Роджера Желязны «Янтарные хроники»,

1999 за иллюстрации к книгам Роберта Джордана из цикла «Колесо Времени».

Лауреат премии «Интерпресскон» (1997, 2004) в номинации «художник, иллюстратор» за иллюстрации к книгам: «Королевская кровь» Далии Трускиновской, «Ведьмак» Анджея Сапковского, «Венценосный крэг» Ольги Ларионовой, «Путь обмана» Николая Ютанова.

Для создания биографии использованы материалы с Википедии

Художник Тед Несмит

1956

Канадский художник-иллюстратор и архитектор-рендерер. Наиболее известны его иллюстрации к работам Дж. Р. Р. Толкина — «Сильмариллион», «Хоббит, или Туда и обратно» и «Властелин колец».

Родился в середине 1950-х в Годерич, провинция Онтарио, Канада.

В 1972 году Несмит отправил несколько рисунков Толкиену и получил ответ профессора, которому понравились эти работы, уже спустя несколько недель. Впрочем, Толкиен отметил, что образ Бильбо Бэггинса получился немного детским. Это подвигло Несмита на новые визуальные интерпретации работ Толкиена.

Стиль толкиновских работ Несмита смешивает люминистические пейзажи (люминизм) и викторианский неоклассический стиль.

Четыре его работы были включены в Календарь Толкиена 1987 года и затем его работы стали регулярно появляться в следующих выпусках календарей, в том числе сольных выпусках.

В октябре 1996 года Несмит проиллюстрировал выпуск «Сильмариллиона» (первое иллюстрированное издание), в то же время сложились их сильные рабочие взаимоотношения с Кристофером Толкиеном.

Этот выпуск был издан в 1998; второе издание в 2004 году включило ещё больше иллюстраций Несмита.

Несмит — член Общества Толкиена и Общества Мифотворчества. Он также музыкант, гитарист и тенор. Некоторые его музыкальные работы также вдохновлены работами Толкиена.

Материалы для биографической справки взяты с сайта Википедии.

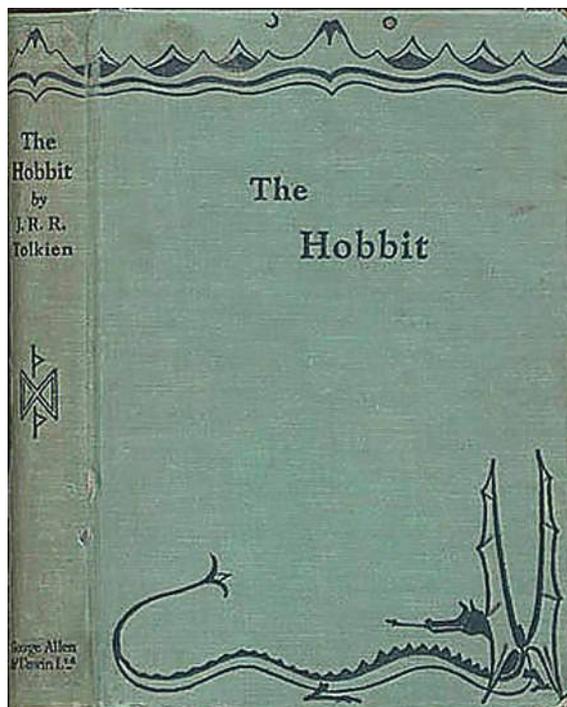
Хоббит, или Туда и Обратно

Введение

The Hobbit, or There and Back Again повесть-сказка

Обложка первого издания повести с авторским изображением дракона (© London, Allen Unwin, 1937).

Бэг-Энд (Торба-на-Круче) — жилище Бильбо и Фродо Бэггинсов (Торбинсов) в Хоббитоне в разрезе. Рисунок датского художника-иллюстратора

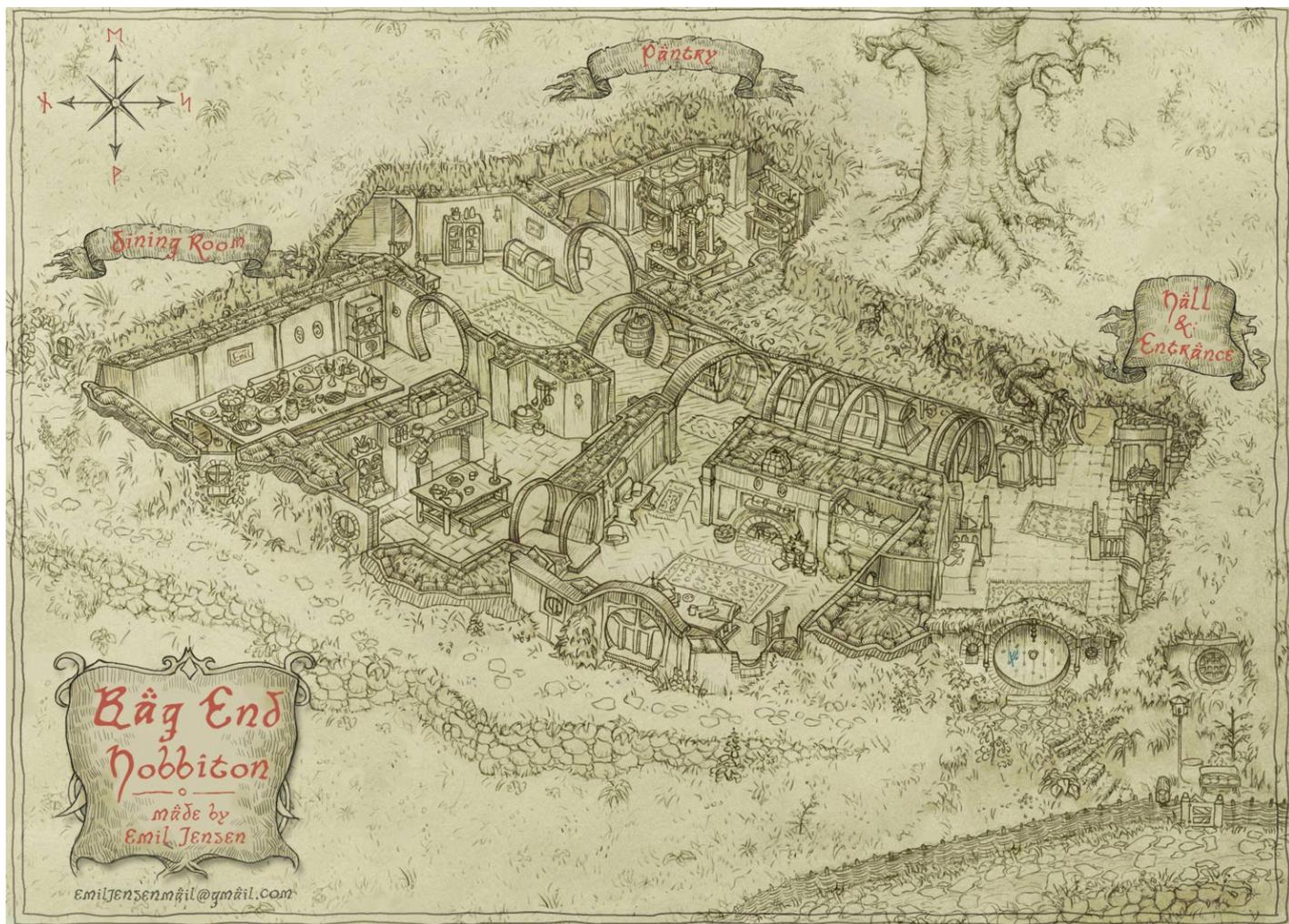
Эмиля Йенсена.

Предисловие и часть иллюстраций воспроизведены по изданию:

Хоббит роман: иллюстрации автора

© The J.R.R. Tolkien Copyright Trust, 1937,1951, 1966, 1978, 1995, 1997

© Christopher Tolkien, 1987, 2007

© Перевод. В. Баканов, 2014

© Перевод. Е. Доброхотова-Майкова, 2014

© Перевод стихов. Г. Кружков, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Иллюстрации Джона Р. Р. Толкиена

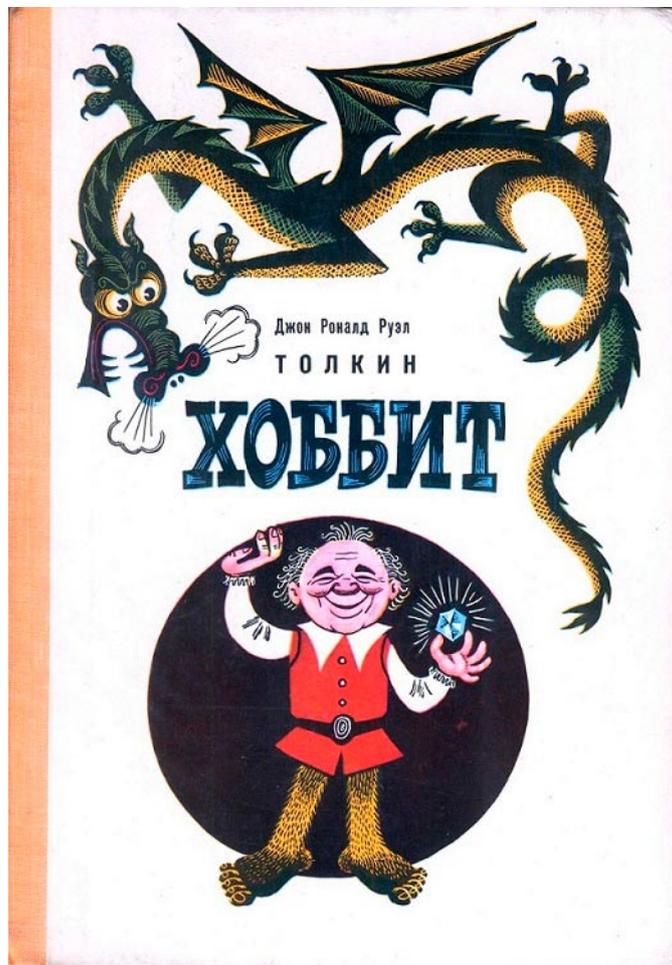

Текст сказки и большинство иллюстраций воспроизведены по книге:

Хоббит, или туда и обратно

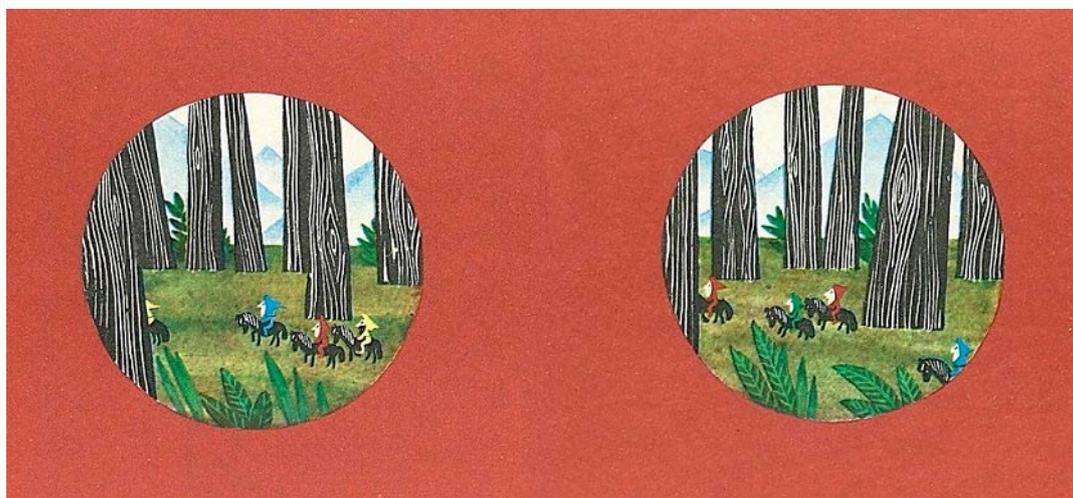
повесть-сказка

© Ленинград: Издательство «Детская литература», 1976 г.

Рисунки М. Беломлинского

Перевод с английского
Н. Рахмановой

Всемирно известная повесть-сказка классика английской литерату-

ры о разрушительной силе денег, о борьбе добра и зла

ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

ХОББИТ,

ИЛИ

ТУДА И ОБРАТНО

Повесть-сказка

Рисунки
М. Беломлинского

Кристофер Толкиен Предисловие^[24]

Книга «Хоббит» впервые увидела свет 21 сентября 1937 г.

Мой отец не раз говорил, будто отчетливо помнит, как написал первую ее фразу. Много позже, в письме к У. Х. Одену в 1955 г., он рассказывал:

- Все, что я помню насчет того, откуда пошел «Хоббит», — я сидел, проверяя школьные экзаменационные работы, во власти непреходящей усталости этого ежегодного труда, каковой ложится на плечи безденежных многодетных преподавателей. На чистом листке я нацарапал: «В норе под землей жил хоббит». Почему — я сам не знал; не знаю и сейчас. Долгое время я ничего по этому поводу не предпринимал, и за несколько лет продвинулся не дальше того, что начертил карту Трора. А в начале тридцатых все это стало «Хоббитом»...

Но когда именно он написал эту самую первую фразу (сегодня известную на стольких языках:

In einer Hdhle in der Erde da lebte ein Hobbit. — Dans un trou vivait un hobbit. — I holu I jordinni bjo hobbi. — In una cavern sorto terra vivera uno hobbit. — Kolossa maan sisalla asui hobitti. — отец не помнил. Впоследствии мой брат Майкл записал свои воспоминания о тех вечерах, когда отец, повернувшись спиной к очагу в своем тесном кабинете дома в Северном Оксфорде (Нортмур-Роуд, 22), рассказывал нам с братьями разные истории. Он уверял, будто отчетливо помнит тот день, когда отец объявил, что нам предстоит услышать длинную повесть о маленьком существе с шерстистыми ступнями, спросил нас, как оно должно зваться — и, сам отвечая на свой же вопрос, обронил: «Думаю, мы назовем его “хоббитом”». Поскольку моя семья переехала из этого дома в начале 1930-х гг., и поскольку у брата сохранились его собственные сказки, написанные в подражание «Хоббиту», которые он датирует 1929-м годом, он был уверен, что «Хоббит» «начался» никак не позже этого года. Брат полагал, что отец написал первую фразу «В норе под землей жил хоббит» летом, до того, как начал рассказывать эту историю нам, и что он просто-напросто повторил эти вступительные слова, «как если бы тут же, на месте их придумал». А еще ему запомнилось, что я (в ту пору мне шел пятый год) бдительно подмечал мелкие несоответствия по мере развития сюжета и однажды перебил отца со словами: «В прошлый раз ты сказал, что входная дверь у Бильбо — синяя, а у Торины — золотая кисточка на капюшоне, а теперь говоришь, что входная дверь у Бильбо — зеленая, а кисточка на капюшоне Торины — серебряная». Отец пробормотал сквозь зубы: «Черт бы подрал этого мальчишку», — и «зашагал через всю комнату» к письменному столу сделать необходимые пометки.

Неизвестно, во всем ли эти воспоминания соответствуют действительности или нет, но очень может быть, что «самый первый, небрежно набросанный черновик, который так и не пошел дальше первой главы», и от которого сохранилось три страницы, датируется именно этим периодом.

В декабре 1937 года, два месяца спустя после выхода книги, я написал письмо Деду Морозу и всюду разрекламировал «Хоббита», спрашивая, знает ли о нем Дед Мороз: дескать, книга могла бы послужить отличным рождественским подарком. А еще я по памяти рассказал адресату об истории создания книги:

Папа написал ее сто лет тому назад и читал ее нам с Джоном и Майклом во время наших зимних «чтений», по вечерам после чая. Но последние главы были лишь в набросках и даже не напечатаны на машинке. Закончил он ее около года тому назад ^[25] и дал почитать знакомой. Она передала рукопись од-

ной из сотрудниц издательства «Джордж Аллен энд Анвин», и после долгих переговоров они ее все-таки издали, по цене 7 шиллингов 6 пенсов. Это моя любимая книга...^[26]

По-видимому, большая часть истории уже существовала в записанном виде к зиме 1932 года, когда ее прочел К. С. Льюис, однако дальше гибели Смауга повесть не продвинулась; «заключительные главы» были созданы только в 1936 г.

В течение этих лет мой отец был целиком поглощен «Силь-мариллионом», мифами и легендами, что впоследствии стали «Первой Эпохой Мира» или «Древними Днями»; к тому времени они уже глубоко и прочно укоренились в отцовском воображении, равно как и в его сочинениях. За текстом «Сильмариллиона», созданным (по всей вероятности) в 1930 г., последовала новая версия, еще более подробная и проработанная: ближе к концу она обрывалась, ведь в декабре 1937 г. от отца потребовали продолжения к «Хоббиту», и ему пришлось отложить «Сильмариллион» и взяться за «новую историю о хоббитах». В этот-то мир, по его собственному выражению, и «забрел ненароком мистер Бэггинс», или, как отец рассказывал в письме от 1964 г.^[27]:

К моменту выхода «Хоббита» эти «предания Древних Дней» обрели связную форму. Предполагалось, что «Хоббит» никакого отношения к ним не имеет. Пока мои дети еще не выросли, я имел привычку придумывать и рассказывать вслух, а порою и записывать «детские истории» им на забаву. Предполагалось, что «Хоббит» — одна из таких историй. «Увязывать» его с «мифологией» необходимости не было, однако он естественным образом притягивался к этому господствующему в моем создании творению, и в результате укрупнялся и становился героичнее в процессе.

Это «притяжение» «преданий Древних Дней» наглядно проявилось также в отцовских картинах и рисунках тех лет. Ярким тому примером может послужить изображение Мирквуда — рисунок тушью в главе VIII «Мухи и пауки», восстановленный в настоящем издании «Хоббита»^[28]: он был включен в первое британское и американское издания, но в последующих тиражах уже не воспроизводился. Это — очень близкая к оригиналу переработка более раннего изображения красками еще более зловещего леса под названием Таур-на-фуин. На этой иллюстрации к одной из легенд «Сильмариллиона», истории Турина, запечатлена встреча эльфов Белег и Гвиндора: их крохотные фигурки едва различимы среди корней гигантского дерева в центре. В варианте с Мирквудом эльфы отсутствуют, а вместо них представлен огромный паук (и грибов тоже поприбавилось!) (В данном случае мой отец был готов, много лет спустя, найти для этого пейзажа и третье применение: приписав на цветном изображении «Лес Фангорна» [лес Древоборода во «Властелине Колец»], автор позволил включить его в число иллюстраций для «Календаря Дж. Р. Р. Толкиена 1974 г.». С этой подписью картина воспроизводится в книге «Дж. Р. Р. Толкиен: художник и иллюстратор» под № 54. Эльфы Белег и Гвиндор теперь изображают собою хоббитов Пиппина и Мерри, заплутавших в Фангорне: но у Белег остался его могучий меч — а на ногах его обувь! Мой отец, по-видимому, надеялся, что никто ничего не заметит, поскольку фигурки так малы; а может, не возражал, даже если кто-то и отследит несоответствие.)

Отец предполагал поставить черно-белый рисунок «Мирквуд» в самом начале книги, а карту Трора поместить в главу I (или в главу III, где Эльронд впервые обнаруживает тайные письмена). Изначально предполагалось нанести лунные руны на обратную сторону карты: на первом, тщательно прорисованном варианте карты, которая близко воспроизводит приведенный здесь исходный набросок, значилась подпись: «Карта Трора. Перерисована Б. Бэггинсом. Чтобы увидеть лунные руны, поднесите к свету». Чарльз Ферт, сотрудник

издательства «Аллен энд Анвин» возразил: читатели, дескать, «просто перелистнут страницу, вместо того, чтобы посмотреть на руны сквозь нее, как полагается»; «мы как раз пробуем куда более тонкий способ изобразить руны так, будто они есть и в то же время их нет», писал он в январе 1937 г. Отец отвечал: «Мне прямо не терпится узнать, каким таким способом вы воспроизводите магические руны», но еще до исхода месяца выяснилось, что «от “магии” пришлось отказаться из-за ошибки при изготовлении клише». Тогда он нарисовал руны в зеркальном отображении, «чтобы в напечатанном виде они читались правильно, если поднести лист к свету. Но это все я оставляю на усмотрение производственного отдела, надеясь, тем не менее, что не понадобится помещать волшебные руны на лицевую сторону карты, испортив тем самым весь эффект (разве что, говоря «магия», вы подразумеваете нечто «магическое»)». По-видимому, решающим доводом послужили соображения себестоимости. Как объяснили автору, цену на книгу предполагалось поставить невысокую, и иллюстрации в финансовую смету уже не вписывались; «но когда вы прислали нам эти рисунки, — писала Сьюзен Дагналл, — они оказались такими прелестными, что мы просто не могли их не вставить, хотя с экономической точки зрения это, конечно же, было совершенно неправильно». «Пусть производственный отдел поступает с картой [картой Трора] по своему усмотрению, — писал отец, когда было решено поместить ее в конце книги, — я ему очень благодарен». Так и вышло; но, по всей видимости, отец посылал в издательство два варианта лунных рун; и напечатали в итоге отнюдь не «более качественно прорисованные руны», присланные на замену первому рисунку; «те, что представлены в книге, нарисованы из рук вон плохо (и не вполне вертикальны)».

Это лишь небольшой образчик чрезвычайно учливой, хотя и слегка истеричной переписки полувековой давности. Письмам случалось разминуться, грипп поражал изготовителя клише, типографа и весь производственный отдел в самый неподходящий момент. Верхнюю кромку иллюстрации «Мирквуд» отрезали (и так и не восстановили; и вряд ли восстановят когда-либо, поскольку впоследствии мой отец подарил оригинал своему китайскому студенту). Он мучительно переживал необходимость ограничиться только двумя цветами при прорисовке карт, — «замена синего на красный на втором форзаце [карта Диких земель] все портит»; — и задавался вопросом, нельзя ли заменить красный цвет синим на карте Трора. Еще хуже вышло с суперобложкой; пожалуй, именно она причинила больше всего хлопот. В первоначальной цветовой гамме красным цветом были изображены солнце и дракон, красным же написано название, и красный отблеск играл на огромной центральной горе, изображенной на корешке переплета. Отсылая в апреле свой эскиз, отец предвидел возражение, что он-де использовал слишком много цветов (синий, зеленый, красный и черный): «С этой проблемой можно справиться, заменив красный на белый (вероятно, рисунок от этого только выиграет) и убрав солнце вообще или обведя его контуром. Присутствие в небе солнца и луны одновременно имеет отношение к магии, заключенной в двери». (Ср. стр. 73: «Мы зовем его Дуриновым днем, если молодой месяц висит в небе одновременно с солнцем».) «Мы бы предложили убрать красный цвет, — отвечал Чарльз Ферт, — поскольку название в белом цвете ярче выделяется на общем фоне, и еще потому, что единственная деталь обложки, которая нам не вполне нра-

вится, это отблеск на центральной горе: на наш взгляд, немного смахивает на торт».

В результате суперобложку отец перерисовал. «Злополучную розовую глазурь на горном торте я убрал, — писал он. — Теперь рисунок выполнен в синем, черном и зеленом цветах. При изображении дракона и солнца немного красного все-таки использовалось, но красный цвет можно вообще убрать; в таком случае солнце исчезнет, или можно обвести его тонким черным контуром. Мне кажется, цветовая гамма первоначального эскиза смотрелась более привлекательно. Должен сказать, что мои дети (если в таком вопросе на них можно полагаться) решительно предпочитают первый вариант, с красным отблеском на центральной горе, — но, возможно, им мила ассоциация с тортом». Отец продолжал отстаивать красный цвет для дракона, солнца, заглавия на передней стороне обложке и прочих деталей; но Чарльз Ферт был непоколебим. «Увы, — писал он, — от красного придется отказаться». «Больше всего меня печалит солнце, обведенное контуром, — сетовал отец, посмотрев на конечный результат, — но я понимаю, что тут ничего не поделаешь». Для американского издания была подготовлена новая суперобложка. Издатели утверждали: «Ваша обложка смотрится как-то слишком по-британски, а такие вещи всегда дезориентируют и подрывают нашу книготорговлю». «Я несказанно рад, что наша суперобложка смотрится по-британски, — писал отец, — но я ни за что на свете не стал бы подрывать или дезориентировать их книготорговлю».

Три недели спустя после публикации «Хоббита», Стэнли Анвин написал моему отцу, предупреждая, что «широкая публика... в будущем году станет шумно требовать от вас новых историй про хоббитов!» В своем ответе (от 15 октября 1937 г.) отец признавался:

И все же я слегка обеспокоен. Понятия не имею, что еще можно сказать о хоббитах. По-моему, мистер Бэггинс полностью исчерпал как туковскую, так и бэггинсовскую стороны их натуры. Зато я готов поведать многое, очень многое, — а многое уже и записано, — о том мире, в который хоббиты вторглись. Вы, разумеется, можете взглянуть на все, что есть, и сказать, что вы обо всем этом думаете, когда пожелаете — если пожелаете. Мне весьма любопытно узнать мнение человека стороннего, помимо мистера К. С. Льюиса и моих детей, на предмет того, представляет ли оно хоть какую-то ценность и годится ли на продажу само по себе, отдельно от хоббитов. Но если «Хоббит» и в самом деле утвердился надолго и публика потребует продолжения, так я пораскину мозгами и попытаюсь выудить из этого материала какую-нибудь тему и обработать ее приблизительно в том же стиле и для той же аудитории, — возможно, задействуя и уже имеющихся хоббитов. Моя дочка не прочь послушать про семейство Туков. Один из читателей просит подробнее рассказать о Гэндальфе и о Некроманте. Но это предметы слишком мрачные — слишком и чересчур для загвоздки Ричарда Хьюза [29]. Боюсь, что помянутая загвоздка проявляется на каждом шагу; хотя, по чести говоря, именно присутствие (пусть даже лишь на границе) ужасного придает, на мой взгляд, этому вымышленному миру убедительность и достоверность. Безопасная волшебная страна — фальшивка в любом мире. В настоящий момент я, подобно мистеру Бэггинсу, переживаю легкий приступ «потрясенности» [30]; от души надеюсь, что я не воспринимаю себя слишком уж всерьез. Но должен признаться, что ваше письмо пробудило во мне слабую надежду. То есть, я начинаю задумываться, а не удастся ли (быть может!) в будущем по возможности совместить долг и удовольствие? Вот уже семнадцать лет я трачу почитай что все каникулы на экзамены и тому подобные занятия, понуждаемый настоятельными финансовыми потребностями (главным образом медицинского и образовательного свойства). Что до сочинительства стихов и прозы, эти минутки я выкрадывал, порою мучаясь угрызениями совести, из времени уже запроданного, так что писал от случая к случаю, и не то чтобы продуктивно. А теперь, возможно, я смогу делать то, к чему всей душой стремлюсь, нимало не греша против финансовых обязательств. Возможно!

В ноябре в издательство «Аллен энд Анвин» были отосланы «Сильмариллион», длинная неоконченная поэма «Лэ о Лей-тиан» (пересказ одной из ключевых легенд Древних Дней) и другие произведения; месяц спустя рукописи вернулись к автору. В сопроводительном письме от 15 декабря Стэнли Анвин уговаривал моего отца «написать новую книгу по “Хоббиту”», сообщая, что «первое издание распродано» и что «мы со дня на день ждем допечатку с четырьмя

цветными иллюстрациями^[31]. Если кто-то из ваших друзей непременно хочет иметь у себя первоиздание, им лучше бы поторопиться и купить его у первого же книготорговца, у которого еще найдется в запасе экземпляр-другой».

В письме от 16 декабря отец отвечал Стэнли Анвину:

Я даже не предполагал, что подсунутый вам материал соответствует вашим требованиям. Понятно, что, совершенно вне зависимости от этого, требуется продолжение к «Хоббиту» — «вторая серия», так сказать. Обещаю хорошенько над этим поразмыслить. Но я уверен, вы мне посочувствуете, если я скажу, что создание тщательно проработанной и последовательной мифологии (и двух языков в придачу) поглощает человека почти целиком, и в сердце моем царят Сильмарилли. Так что Бог весть, что из этого выйдет. Мистер Бэггинс возник как комическая сказочка в среде традиционных и несообразных гномов из волшебных сказок братьев Гримм и помимо своей воли оказался затянута на самый краешек этого мира — так, что даже Саурон Ужасный выглянул из-за грани. А на что еще способны хоббиты? Они могут быть комичны, да только комизм этот — обывательский, разве что изобразить его на фоне чего-то более фундаментального.

Три дня спустя мой отец сообщает Чарльзу Ферту: «Я написал первую главу новой истории про хоббитов — “Долгожданные гости”».

Это была первая глава «Властелина Колец».

1987

1

Нежданные гости

Жил-был в норе под землёй хоббит. Не в какой-то там мерзкой грязной сырой норе, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего съесть. Нет, нора была хоббичья, а значит — благоустроенная.

Она начиналась идеально круглой, как иллюминатор, дверью, выкрашенной зелёной краской, с сияющей медной ручкой точно посередине. Дверь отворялась внутрь, в длинный коридор, похожий на железнодорожный туннель, но туннель без гари и без дыма и тоже очень благоустроенный: стены там были обшиты панелями, пол выложен плитками и устлан ковром, вдоль стен стояли полированные стулья, и всюду были прибиты крючочки для шляп и пальто, так как хоббит любил гостей. Туннель вился всё дальше и дальше и заходил довольно глубоко, но не в самую глубину Холма, как его именовали жители на много миль в округности. По обеим сторонам туннеля шли двери — много-много круглых дверей. Хоббит не признавал восхождений по лестницам: спальни, ванны, погреба, кладовые (целая куча кладовых), гардеробные (хоббит отвёл несколько комнат под хранение одежды), кухни, столовые располагались в одном этаже и, более того, в одном и том же коридоре. Лучшие комнаты находились по левую руку, и только в них имелись окна — глубоко сидящие круглые окошечки с видом на сад и на дальние луга, спускавшиеся к реке.

Наш хоббит был весьма состоятельным хоббитом по фамилии Бэггинс. Бэггинсы проживали в окрестностях Холма с незапамятных времён и считались очень почтенным семейством не только потому, что были богаты, но и потому, что с ними никогда и ничего не приключалось и они не позволяли себе ничего неожиданного: всегда можно было угадать заранее, не спрашивая, что именно скажет тот или иной Бэггинс по тому или иному поводу. Но мы вам поведаем историю о том, как одного из Бэггинсов втянули-таки в приключения и, к собственному удивлению, он начал говорить самые неожиданные вещи и совершать самые неожиданные поступки. Может быть, он и потерял уважение соседей, но зато приобрёл... Впрочем, увидите сами, приобрёл он в конце концов или нет.

Матушка нашего хоббита... кстати, кто такой хоббит? Пожалуй, стоит рассказать о хоббитах подробнее, так как в наше время они стали редкостью и сторонятся Высокого Народа, как они называют нас, людей. Сами они низкорослый народец, примерно в половину нашего роста и пониже бородатых гномов. Бороды у хоббитов нет. Волшебного в них тоже, в общем-то, ничего нет, если не считать волшебным умение быстро и бесшумно исчезать в тех случаях, когда всякие бестолковые, неуклюжие верзилы, вроде нас с вами, с шумом и треском ломаются, как слоны. У хоббитов толстенькое брюшко; одеваются они ярко, преимущественно в зелёное и жёлтое; башмаков не носят, потому что на ногах у них от природы жёсткие кожаные подошвы и густой тёплый бурый мех, как и на голове. Только на голове он курчавится. У хоббитов длинные ловкие тёмные пальцы на руках, добродушные лица; смеются они густым утробным смехом (особенно после обеда, а обедают они, как правило, дважды в день, если получится).

Теперь вы знаете достаточно, и можно продолжать.

Как я уже сказал, матушка нашего хоббита, то есть Бильбо Бэггинса, была легендарная Белладонна Тук, одна из трёх достопамятных дочерей Старого Тука, главы хоббитов, живших По Ту Сторону Реки, то есть речушки, протекавшей у подножия Холма. Поговаривали, будто давным-давно кто-то из Туков взял себе жену из эльфов. Глупости, конечно, но и до сих пор во всех Туках и в самом деле проскальзывало что-то не совсем хоббитовское: время от времени кто-нибудь из клана Туков пускался на поиски приключений. Он исчезал вполне деликатно, и семья старалась замять это дело. Но факт остаётся фактом: Туки считались не столь почтенным родом, как Бэггинсы, хотя, вне всякого сомнения, были богаче.

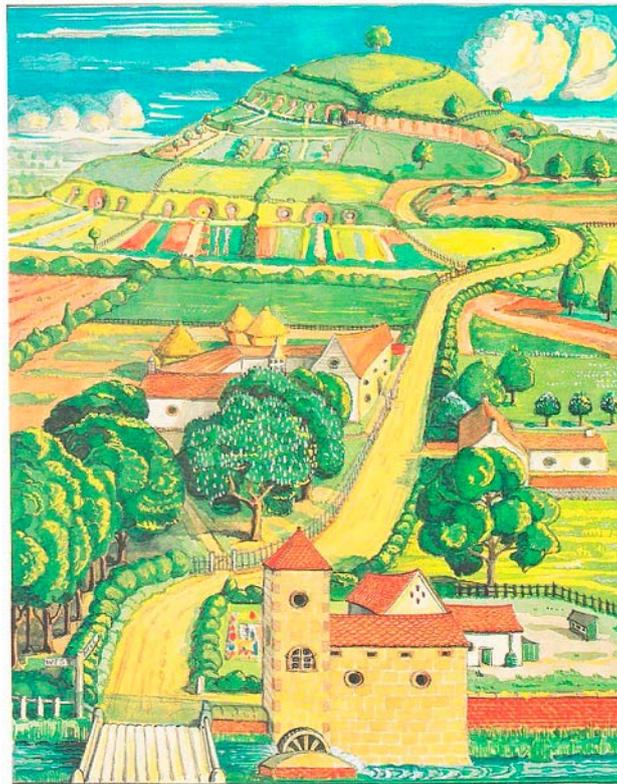
Нельзя, правда, сказать, что после того как Белладонна Тук вышла замуж за мистера Банго Бэггинса, она когда-нибудь пускалась на поиски приключений. Банго, отец героя нашей повести, выстроил для неё (и отчасти на её деньги) роскошную хоббичью нору, роскошней которой не было ни Под Холмом, ни За Холмом, ни По Ту Сторону Реки, и жили они там до конца своих дней. И всё же вполне вероятно, что Бильбо, её единственный сын, по виду и всем повадкам точная копия своего солидного благопристойного папаши, получил от Туков в наследство какую-то странность, которая только ждала случая себя проявить. Такой случай не подворачивался долго, так что Бильбо Бэггинс успел стать взрослым хоббитом, лет этак около пятидесяти; он жил-поживал в прекрасной хоббичьей норе, построенной отцом, в той самой, которую я так подробно описал в начале главы, и казалось, он никуда уже не двинется с места.

Шир (Хоббитания). Дж. Р. Р. Толкиен

Но случилось так, что однажды в тиши утра, в те далёкие времена, когда в мире было гораздо меньше шума и больше зелени, а хоббиты были многочисленны и благоденствовали, Бильбо Бэггинс стоял после завтрака в дверях и курил свою деревянную трубку, такую длинную, что она почти касалась его мохнатых ног (кстати, аккуратно причёсанных щёткой). И как раз в это время мимо проходил Гэндальф.

Гэндальф! Если вы слышали хотя бы четверть того, что слышал про него я, а я слышал лишь малую толику того, что о нём рассказывают, то вы были бы подготовлены к любой самой невероятной истории. Истории и приключения

The hill : hobbiton-across-the Water

вырастали как грибы всюду, где бы он ни появлялся. Он не бывал в этих краях уже давным-давно, собственно говоря, с того дня, как умер его друг Старый Тук, и хоббиты уже успели забыть, каков Гэндальф с виду. Он отсутствовал по своим делам с той поры, когда все они были ещё хоббитятами.

Так что в то утро ничего не подозревавший Бильбо просто увидел какого-то старика с посохом. На старике была высокая островерхая синяя шляпа, длинный серый плащ, серебристый шарф, громадные чёрные сапоги, и ещё у него была длинная, ниже пояса, белая борода.

— Доброе утро! — произнёс Бильбо, желая сказать именно то, что утро доброе: солнце ярко сияло и трава зеленела. Но Гэндальф метнул на него острый взгляд из-под густых косматых бровей.

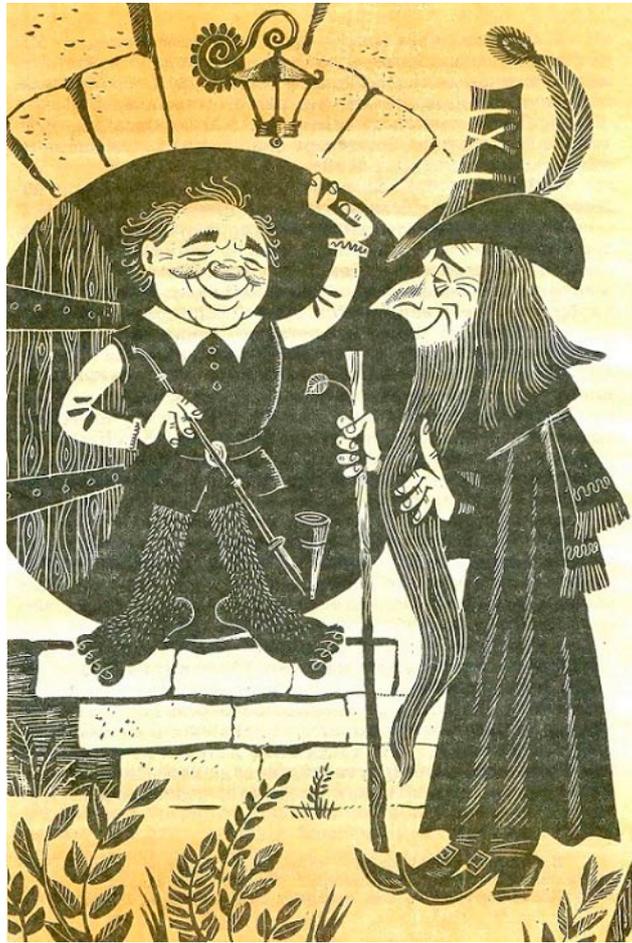
— Что вы хотите этим сказать? — спросил он. — Просто желаете мне доброго утра? Или утверждаете, что утро сегодня доброе — неважно, что я о нём думаю? Или имеете в виду, что нынешним утром все должны быть добрыми?

— И то, и другое, и третье, — ответил Бильбо. — И ещё — что в такое дивное утро отлично выкурить трубочку на воздухе. Если у вас есть трубка, присаживайтесь, отведайте моего табачку! Торопитесь некуда, целый день впереди!

И Бильбо уселся на скамеечку возле двери, скрестил ноги и выпустил красивое серое колечко дыма; оно поднялось вверх и поплыло вдаль над Холмом.

— Прелестно! — сказал Гэндальф. — Но мне сегодня некогда пускать колечки. Я ищу участника приключения, которое я нынче устраиваю, но не так-то легко его найти.

— Ещё бы, в наших-то краях! Мы простой мирный народ, приключений не жалуем. Бр-р, от них одно беспокойство и неприятности! Ещё, чего доброго, пообедать из-за них опоздаешь! Не понимаю, что в них находят хорошего, — сказал наш мистер Бэггинс и, заложив большой палец за подтяжку, опять выпустил колечко, ещё более роскошное. Затем достал из ящичка утреннюю по-

что и начал читать, притворяясь, будто забыл о старике. Он решил, что тот не внушает доверия, и надеялся, что старик пойдёт своей дорогой. Но тот и не думал уходить. Он стоял, опершись на посох, и, не говоря ни слова, глядел на хоббита так долго, что Бильбо совсем смутился и даже немного рассердился.

— Доброго утра вам! — произнёс он наконец. — Мы тут в приключениях не нуждаемся, благодарствуйте! Поищите компаньонов За Холмом или По Ту Сторону Реки.

Он хотел дать понять, что разговор окончен.

— Для чего только не служит вам «доброе утро», — сказал Гэндальф. — Вот теперь оно означает, что мне пора убраться.

— Что вы, что вы, милейший сэр! Позвольте... кажется, я не имею чести знать ваше имя...

— Имеете, имеете, милейший сэр, а я знаю ваше, мистер Бильбо Бэггинс, и вы моё, хотя и не помните, что это я и есть. Я — Гэндальф, а Гэндальф — это я! Подумать, до чего я дожил: сын Белладонны Тук отделяется от меня своим «добрым утром», как будто я пуговицами вразнос торгую!

— Гэндальф! Боже милостивый, Гэндальф! Неужели вы тот самый странствующий волшебник, который подарил Старому Туку пару волшебных бриллиантовых запонок, — они ещё застёгивались сами, а расстёгивались только по приказу? Тот, кто рассказывал на дружеских пирушках такие дивные истории про драконов и гоблинов^[32], про великанов и спасённых принцесс и везучих сыновей бедных вдов? Тот самый, который устраивал такие неподражаемые фейерверки? Я их помню! Старый Тук любил затевать их в канун Иванова дня³³. Какое великолепие! Они взлетали кверху, точно гигантские огненные лилии, и львиный зев, и золотой дождь, и держались весь вечер в сумеречном

небе!

Вы, вероятно, уже заметили, что мистер Бэггинс был вовсе не так уж прозаичен, как ему хотелось, а также, что он был большим любителем цветов.

— Бог мой! — продолжал он. — Неужели вы тот самый Гэндальф, по чьей милости столько тихих юношей и девушек пропали невесть куда, отправившись на поиски приключений? Любых — от лазанья по деревьям до визитов к эльфам. Они даже уплывали на кораблях к чужим берегам! Бог ты мой, до чего тогда было инте... я хочу сказать, умели вы тогда перевернуть всё вверх дном в наших краях! Прошу прощения, я никак не думал, что вы ещё... трудитесь.

— А что же мне делать? — спросил волшебник. — Ну вот, всё-таки приятно, что вы кое-что обо мне помните. Во всяком случае, вспоминаете мои фейерверки. Значит, вы не совсем безнадёжны. Поэтому ради вашего дедушки и ради бедной Белладонны я дарю вам то, что вы у меня просили.

— Прошу прощения, я ничего у вас не просил!

— Нет, просили. И вот сейчас уже второй раз — моего прощения. Я его даю. И пойду ещё дальше: я пошлю вас участвовать в моём приключении. Меня это развлечёт, а вам будет полезно, а возможно, и выгодно, если доберётесь до конца.

— Извините! Мне что-то не хочется, спасибо, как-нибудь в другой раз. Всего хорошего! Пожалуйста, заходите ко мне на чашку чая в любой день! Скажем, завтра? Приходите завтра! До свиданья!

И с этими словами хоббит повернулся, юркнул в круглую зелёную дверку и поскорее захлопнул её за собой, стараясь в то же время хлопнуть не слишком громко, чтобы не вышло грубо, — всё-таки волшебник есть волшебник.

— Чего ради я пригласил его на чай? — спросил он себя, направляясь в кладовку. Бильбо, правда, совсем недавно позавтракал, но после такого волнующего разговора не мешало подкрепиться парочкой кексов и глоточком чего-нибудь эдакого.

А Гэндальф долго ещё стоял за дверью и тихонько покатывался со смеху. Потом подошёл поближе и остриём посоха нацарапал на красивой зелёной двери некий странный знак. Затем он зашагал прочь, а в это время Бильбо как раз доедал второй кекс и размышлял о том, как ловко он увернулся от приключений.

На другой день он, в общем-то, забыл про Гэндальфа. У него была неважная память, и ему приходилось делать заметки в особой гостевой книжечке, например: «Гэндальф, чай, среда». Но накануне он так разволновался, что ничего не записал.

Как раз когда он собирался пить чай, кто-то с силой дёрнул дверной колокольчик, и тут Бильбо всё вспомнил! Он сначала бросился в кухню, поставил на огонь чайник, достал ещё одну чашку с блюдечком, положил на блюдо ещё пару кексов и тогда уж побежал к двери.

Только он хотел сказать: «Извините, что заставил вас ждать!», как вдруг увидел, что перед ним вовсе не Гэндальф, а какой-то гном с синей бородой, заткнутой за золотой кушак; блестящие глаза его так и сверкали из-под тёмно-зелёного капюшона. Едва дверь отворилась, он шмыгнул внутрь, как будто его только и ждали. Потом повесил плащ с капюшоном на ближайший крючок и с низким поклоном произнёс:

— Двалин, к вашим услугам.

— Бильбо Бэггинс — к вашим! — ответил хоббит, который от удивления даже не нашёлся что спросить. Когда молчать дольше стало уже неловко, он добавил: — Я как раз собирался пить чай, не присоединитесь ли вы ко мне?

Прозвучало это, быть может, несколько натянуто, но он старался проявить радушие. А как бы поступили вы, если бы незнакомый гном явился к вам домой и безо всяких объяснений повесил у вас в прихожей плащ, будто так и надо?

За столом они просидели недолго. Собственно, они только успели добратся до третьего кекса, как снова раздался звонок в дверь, ещё более громкий, чем раньше.

— Извините! — сказал хоббит и побежал открывать.

«Вот наконец и вы!» — так собирался он встретить Гэндальфа на сей раз. Но это опять оказался не Гэндальф. За дверью стоял старый-престарый гном с белой бородой и в красном капюшоне. Он тоже прошмыгнул внутрь, едва отворилась дверь, как будто его кто-то приглашал.

— Я вижу, наши собираются, — сказал он, заметив на вешалке зелёный капюшон Двалина. Он повесил рядышком свой красный капюшон и, прижав руку к груди, сказал:

— Балин, к вашим услугам.

— Благодарю вас! — ответил Бильбо в совершеннейшем изумлении.

Ответил он, конечно, невпопад, но уж очень его выбили из колеи слова «наши собираются». Гостей он любил, но он любил *з н а к о м ы х* гостей и предпочитал приглашать их *с а м*. У него мелькнула страшная мысль, что кексов может не хватить — и тогда ему самому (а он знал свой долг хозяина и собирался выполнить его, чего бы ему это ни стоило) придётся обойтись без кексов.

— Заходите, выпейте чаю! — ухитрился он выдать наконец, набрав воздуха в лёгкие.

— Меня больше бы устроил стаканчик пивца, милостивый сэръ, если это не слишком затруднит вас, — сказал белобородый Балин. — Но не откажусь и от кекса с изюмом, если он у вас найдётся.

— Сколько угодно! — к собственному удивлению ответил Бильбо и, опять-таки к своему удивлению, побежал бегом в погреб, нацедил пинту³⁴ пива, оттуда — в кладовую, прихватил там два превосходных круглых кекса с изюмом, которые испёк для себя «на после ужина», и примчался назад.

В столовой Балин и Двалин сидели за столом и беседовали, как старые друзья (они на самом деле были братья). Бильбо только успел поставить на стол кувшин с пивом и кексы, как тут же прогремел колокольчик — раз и ещё раз!

«Ну, уж теперь наверняка Гэндальф», — подумал Бильбо, с пыхтением спеша по коридору. Как бы не так! Явились ещё два гнома, оба в синих капюшонах, серебряных кушаках и с жёлтыми бородами. Оба несли по мешку с рабочими инструментами и по лопате. Они тоже проворно шмыгнули в приотворённую дверь — и Бильбо больше не удивлялся.

— Чем могу служить, любезнейшие гномы? — спросил он.

— Кили, к вашим услугам! — сказал один.

— И Фили тоже! — добавил другой.

И оба они сорвали с головы свои синие капюшоны и низко поклонились.

— К вашим услугам и к услугам ваших родственников! — ответил Бильбо,

вспомнив на этот раз о хороших манерах.

— Я вижу, Двалин и Балин уже тут, — сказал Кили. — Присоединимся к честной компании!

«Компания! — подумал мистер Бильбо. — Что-то не нравится мне это слово. Присяду-ка я на минутку, соберусь с мыслями и глотну чайку».

Едва он успел примоститься в уголке и отпить один глоток — а четверо гномов между тем расселись вокруг стола и вели разговор про рудники и золото, про злобных гоблинов и про безобразия драконов и много ещё про что, чего он не понял, да и не хотел понимать, так как всё это отдавало приключениями, — как вдруг — дзинь-дзинь-дзинь-дзинь! — колокольчик зазвонил снова, да так громко, будто какой-то шалун-хоббитёнок пытался оторвать его.

— Ещё кто-то! — сказал Бильбо, моргая.

— Ещё много кто, судя по звонку, — заметил Фили. — Да мы их видели — за нами следом шли четверо.

Бедняга хоббит рухнул на стул в прихожей, обхватил голову руками и принялся размышлять: что произошло, что ещё произойдёт и неужели они все останутся ужинать?! Тут звонок дёрнули пуще прежнего, и Бильбо бросился к дверям. Едва он повернул ручку, как — нате вам! — гости уже в прихожей, кланяются и повторяют по очереди «к вашим услугам». Гномов было уже не четверо, а пятеро. Пока Бильбо предавался размышлениям, подоспел ещё один. Звали их Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн. И вскоре два фиолетовых, серый, коричневый и белый капюшоны висели на крючках, а гномы прошествовали в столовую, засунув свои широкие ладошки за серебряные и золотые кушаки. В столовой теперь и впрямь набралась целая компания. Одни требовали эля, другие — портера, кто-то — кофе, и все без исключения — кексов, так что хоббит совсем сбился с ног.

Только на огонь был поставлен большой кофейник, только гномы, покончив с кексами, перешли на ячменные лепёшки с маслом, как вдруг раздался... не звонок, а громкий стук. Целый град ударов обрушился на красивую зелёную дверь Бильбо Бэггинса. Кто-то молотил по ней палкой!

Бильбо опрометью бросился по коридору, очень сердитый и совершенно задёранный и затормошённый, — такого несуразного чаепития в его жизни ещё не бывало! Он рванул дверь на себя — и все стоявшие за ней попадали вперёд друг на друга. Ещё гномы, целых четверо! А позади них, опершись на посох, стоял Гэндальф и хохотал. Он измолотил прекрасную дверь самым безжалостным образом, но при этом исчезла и тайная метка, которую он начертил накануне утром.

— Спокойнее, спокойнее! — сказал он. — Как это не похоже на вас, Бильбо, — заставлять друзей ждать у порога, а потом взять да как распахнуть дверь — трах-тарарах! Позвольте мне представить: Бифур, Бофур, Бомбур и, обратите особое внимание, Торин!

— К вашим услугам! — сказали Бифур, Бофур, Бомбур, став рядком. Потом они повесили два жёлтых капюшона, один бледно-зелёный и один небесно-голубой с длинной серебряной кистью, который принадлежал Торину. Торин был невероятно важный гном, не кто иной, как сам знаменитый Торин Оукеншильд, и он был ужасно недоволен тем, что ему пришлось растянуться на пороге, да ещё Бифур, Бофур и Бомбур навалились сверху, а Бомбур, надо сказать, был невероятно толстый и тяжёлый. Поэтому Торин держался сперва

очень высокомерно и никаких услуг не предлагал, но бедный мистер Бэггинс так рассыпался в извинениях, что Торин наконец пробормотал: «Не будем об этом говорить», — и перестал хмуриться.

— Ну вот мы и в сборе, — сказал Гэндальф, окинув взглядом висевшие на стенке тринадцать капюшонов — лучших отстежных капюшонов для хождения в гости — и свою собственную шляпу. — Превесёлое общество! Надеюсь, опоздавшим тоже найдётся что-нибудь поесть и выпить? Что у вас? Чай? Благодарю покорно! Мне, пожалуй, красного винца.

— Мне тоже, — сказал Торин.

— Хорошо бы ещё крыжовенного варенья и яблочного пирога, — вставил Бифур.

— И пирожков с мясом, и сыра, — дополнил Бофур.

— И пирога со свининой, и салата, — добавил Бомбур.

— И побольше кексов, и эля, и кофе, если не трудно! — закричали остальные гномы из столовой.

— Да подкиньте несколько яиц, будьте так добры! — крикнул Гэндальф вдогонку хоббиту, когда тот поплёлся в кладовку. — И захватите холодную курицу и маринованных огурчиков!

«Можно подумать, что он не хуже моего знает, какие у меня припасы в доме!» — пробормотал мистер Бэггинс, который решительно потерял голову и начал опасаться, не свалилось ли на него нежданно-негаданно самое что ни на есть скверное приключение. К тому времени, как он собрал все бутылки и кушанья, все ножи, вилки, стаканы, тарелки и ложки и нагромоздил всё это на большие подносы, он совсем упарился, побагровел и разозлился.

— Чтоб им объесться и обпитья, этим гномам! — сказал он вслух. — Нет чтобы помочь!

И гляди-ка! Балин и Двалин, тут как тут, стоят в дверях кухни, а за ними Фили и Кили, и не успел Бильбо слова вымолвить, как они подхватили подносы и два небольших столика, вихрем унесли их в столовую и заново накрыли на всю компанию.

Гэндальф сел во главе стола, остальные тринадцать гномов разместились вокруг, а Бильбо, присев на скамеечку у камина, грыз сухарик (аппетит у него совсем улетучился) и пытался делать вид, будто ничего особенного не происходит и с приключениями всё это ничего общего не имеет. Гномы всё ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отодвинулись от стола, и Бильбо сделал движение вперёд, порываясь убрать тарелки и стаканы.

— Надеюсь, вы не уйдёте до ужина? — спросил он вежливо самым своим ненастойчивым тоном.

— Ни в коем случае! — ответил Торин. — Мы и после ужина не уйдём. Разговор предстоит долгий. Но сперва мы ещё помузицируем. За уборку!

И двенадцать гномов (Торин был слишком важной персоной, он остался разговаривать с Гэндальфом) живо вскочили со своих мест и мигом сложили одна на другую грязные тарелки, а на них всё, что ещё было на столе. Потом они двинулись в кухню, и каждый держал на вытянутой руке целую башню тарелок, увенчанную бутылкой, а бедняга хоббит бежал следом и буквально верещал от испуга:

— Пожалуйста, осторожней! Не беспокойтесь, пожалуйста, я сам!

Но гномы в ответ грянули песню:

*Бейте тарелки, бейте розетки!
Вилки тупите, гните ножи!
Об пол бутылки! В печку салфетки!
Будет порядок — только скажи!*

*Рвите на части скатерти, гости!
Лейте на стулья жир от котлет!
Корки и кости под ноги бросьте!
Мажьте горчицей ценный паркет!*

*Чашки и рюмки — в чан с кипятком!
Ломом железным поворошите,
Выньте, откиньте и обсушите —
И на помойку всё целиком!*

*Кто там без дела? Стыд и позор!
Эй, осторожно, хрупкий фарфор!³⁵*

Ничего подобного они, естественно, не натворили, а, наоборот, всё вымыли и прибрали в мгновение ока, пока хоббит вертелся посреди кухни, стараясь за ними уследить. Потом все вернулись в столовую и увидели, что Торин сидит, положив ноги на решётку камина, и курит трубку. Он выпускал невиданной величины кольца и приказывал им, куда лететь: то в трубу, то на часы на каминной полочке, то под стол, то к потолку, где они начинали описывать круги. Но куда бы не летело кольцо Торина, Гэндальф оказывался проворнее. Пуф! — он посылал колечко поменьше из своей короткой глиняной трубки, и оно проскальзывало сквозь каждое кольцо Торина. После этого колечко Гэндальфа делалось зелёным, возвращалось к нему и парило у него над головой. Таких колечек набралось уже целое облако, и в полумраке комнаты вид у Гэндальфа был таинственный и по-настоящему колдовской. Бильбо стоял и любовался; он и сам любил пускать колечки и теперь краснел от стыда, вспоминая, как накануне утром гордился своими колечками, которые ветер уносил за Холм.

— А теперь перейдём к музыке! — сказал Торин. — Несите инструменты!

Кили и Фили побежали и принесли скрипочки; Дори, Нори и Ори достали откуда-то из-за пазухи флейты; Бомбур притащил из прихожей барабан; Бифур и Бофур тоже вышли и вернулись с кларнетами, которые они, раздеваясь, оставили среди тростей; Двалин и Балин одновременно сказали: «Извините, но я забыл мой инструмент на крыльце!»

— Захватите и мой! — сказал Торин.

Они приволокли две виолы ростом с себя и арфу Торина, закутанную в зелёную материю: арфа была золотая и красивая; и когда Торин ударил по струнам, все заиграли тоже, полилась такая неожиданная, такая сладостная, мелодичная музыка, что Бильбо позабыл обо всём и унёсся душой в неведомые края, туда, где в небе стояла чужая луна — далеко По Ту Сторону Реки и совсем далеко от хоббичьей норки Под Холмом. Через окошечко в склоне Холма в комнату проникла темнота, огонь в камине (стоял ещё апрель) начал гаснуть, а они всё играли и играли, и тень от бороды Гэндальфа качалась на стене.

Тьма заполнила комнату, камин потух, и тени пропали, а гномы продолжали играть. И вдруг, сперва один, потом другой, глухо запели таинственную песню гномов, что пелась в таинственной глуши их древних жилищ. Вот от-

рывок из их песни, если только слова без музыки могут быть похожи на песню:

*За синие горы, за белый туман
В пещеры и норы уйдёт караван;
За быстрые воды уйдём до восхода
За кладом старинным из сказочных стран.*

*Волшебники-гномы! В минувшие дни
Искусно металлы ковали они;
Сапфиры, алмазы, рубины, топазы
Хранили они и гранили они.*

*На эльфа-соседа, царя, богача
Трудились они, молотками стуча;
И солнечным бликом в усердье великом
Украсить могли рукоятку меча.*

*На звонкие цепи, не толще струны,
Нанизывать звёзды могли с вышины;
В свои ожерелья в порыве веселья
Вплетали лучи бледноликой луны.*

*И пили они что твои короли
И звонкие арфы себе завели;
Протяжно и ново для уха людского
Звучало их пенье в глубинах земли.*

*Шумели деревья на склоне крутом,
И ветры стонали во мраке ночном;
Багровое пламя взвилось над горами —
И вспыхнули сосны смолистым огнём.*

*Тогда колокольный послышался звон,
Разверзлась земля, почернел небосклон.
Где было жилище — теперь пепелище:
Не ведал пощады свирепый дракон.*

*И гномы, боясь наказания с небес,
Уже не надеясь на силу чудес,
Укрылись в богатых подземных палатах —
И след их сокровищ навеки исчез.*

*За синие горы, где мрак и снега,
Куда не ступала людская нога,
За быстрые воды уйдём до восхода,
Чтоб золото наше отнять у врага³⁶.*

И, слушая их пение, хоббит почувствовал, как в нём рождается любовь к прекрасным вещам, сотворённым посредством магии или искусными умелыми руками, — любовь яростная и ревнивая, влечение, живущее в сердцах всех гномов. И в нём проснулось что-то туковское, ему захотелось видеть громадные горы, слышать шум сосен и водопадов, разведывать пещеры, носить меч вместо трости.

Он выглянул в окно. На чёрном небе поверх деревьев высыпали звёзды. Он подумал о драгоценностях гномов, сверкающих в тёмных пещерах. Внезапно за лесом За Рекой взметнулось пламя (наверное, кто-то разжёл костёр), и Бильбо представилось, как мародёры-драконы водворяются на его мирном Холме и сжигают всё вокруг. Он вздрогнул и сразу сделался опять обыкновенным мистером Бэггинсом из Бэг-Энда, что Под Холмом.

Он встал, дрожа всем телом. Он колебался: то ли просто принести лампу, то ли сделать вид, будто он идёт за ней, а самому спрятаться в погребе между пивными бочками и не вылезать, пока гномы не уйдут. Но тут он вдруг заметил, что музыка и пение прекратились, все гномы уставились на него и глаза их светятся во мраке.

— Куда это вы? — окликнул его Торин тоном, в котором ясно чувствовалось, что он догадывается о намерениях Бильбо.

— Нельзя ли принести лампу? — робко спросил Бильбо.

— Нам нравится в темноте, — хором ответили гномы. — Тёмные дела совершаются во тьме! До рассвета ещё далеко.

— Да, да, конечно! — сказал Бильбо и сел, но впопыхах сел мимо скамейки, прямо на каминную решётку, с грохотом повалил кочергу и совок.

— Ш-ш! — сказал Гэндальф. — Сейчас будет говорить Торин.

И Торин начал так:

— Гэндальф, гномы и мистер Бэггинс! Мы сошлись в доме нашего друга и собрата по заговору, превосходного, дерзновенного хоббита — да не выпадет никогда шерсть на его ногах! — воздадим должное его вину и элю!

Он перевёл дух, давая хоббиту возможность сказать, как полагается, вежливые слова, но бедный Бильбо Бэггинс воспринял сказанное совсем не как похвалу: он шевелил губами, пытаясь опровергнуть слова «дерзновенный» и, что ещё хуже, «собрат по заговору», но так волновался, что не мог произнести вслух ни звука. Поэтому Торин продолжал:

— Мы сошлись здесь, дабы обсудить наши планы, наши способы и средства, наши умыслы и уловки. Очень скоро, ещё до рассвета, мы тронемся в долгий путь, в путешествие, из которого некоторые из нас, а возможно, даже все, кроме, разумеется, нашего друга и советчика, хитроумного чародея Гэндальфа, могут не вернуться назад. Настал торжественный миг. Наша цель, как я полагаю, известна всем нам. Но уважаемому мистеру Бэггинсу, а может быть, и кому-нибудь из младших гномов (я думаю, что не ошибусь, если назову Кили и Фили) ситуация в настоящий момент может представляться требующей некоторых разъяснений.

Таков был стиль Торины. Он ведь был важной персоной. Если его не остановить, он продолжал бы в том же духе без конца, пока бы совсем не запыхался, но так бы и не сообщил обществу ничего нового. Однако его самым грубым образом прервали. Бедняга Бильбо при словах «могут не вернуться назад» почувствовал, что к горлу у него подкатывается крик, и крик этот наконец вырвался наружу, пронзительный, точно свисток паровоза, вылетевшего из туннеля. Все гномы повскакивали с мест, опрокинув стол. На конце своего волшебного посоха Гэндальф зажёл голубой огонь, и в его мерцающем свете все увидели, что несчастный хоббит стоит на коленях на коврике перед камином и трясётся, как желе. Вдруг он плашмя хлопнулся на пол с отчаянным воплем: «Молния убила! Молния убила!» — и долгое время от него не могли добиться ниче-

го другого. Гномы подняли его и перенесли в соседнюю гостиную, с глаз долой, положили там на диван, поставили рядом стакан вина, а сами вернулись к своим «тёмным делам».

— Легко возбудимый субъект, — сказал Гэндальф, когда все заняли свои места. — Подвержен необъяснимым приступам, но один из лучших — свиреп, как дракон, которому прищемили хвост дверью.

Если вам когда-нибудь доводилось видеть дракона, которому прищемили хвост дверью, то вы поймёте, что это чисто поэтическое преувеличение в применении к любому хоббиту, даже к двоюродному прадеду Старого Тука по имени Бычий Рёв, который был такого гигантского (для хоббита) роста, что мог ездить верхом на лошади. Это он когда-то как ураган налетел на армию гоблинов из Маунт-Грэма в битве на Зелёных Полях и сшиб своей деревянной палицей голову с плеч их короля Гольфимбуля. Голова пролетела сто метров по воздуху и угодила прямо в кроличью нору; таким образом была выиграна битва и одновременно изобретена игра в гольф.

Тем временем изнеженный потомок Бычьего Рёва приходил в себя на диване в гостиной. Отлежавшись и глотнув вина, он с опаской подкрался к двери в столовую. Говорил Глойн, и вот что Бильбо услышал:

— Пф! (Или другой какой-то пренебрежительный звук вроде этого.) Думаете, он подойдёт? Легко Гэндальфу расписывать, какой он свирепый, а ну как возбудится и заорёт не вовремя — тогда дракон и все его родственники проснутся — и мы погибли! Сдаётся мне, его крик вызван страхом, а вовсе не возбуждением! Право, не будь на дверях волшебного знака, я бы решил, что мы попали не туда. Едва я увидел, как этот пузан подпрыгивает и пыхтит в дверях, я сразу заподозрил неладное. Он больше смахивает на бакалейщика, чем на взломщика!

Тут мистер Бэггинс нажал на ручку и вошёл. Туковская порода в нём взяла верх. Он почувствовал, что он обойдётся без настоящей постели и без завтрака, только бы его считали свирепым. Кстати, он и вправду рассвирепел, услышав слова «как этот пузан подпрыгивает...». Много раз впоследствии бэггинсовская сторона его существа раскаивалась в безрассудном поступке, и он говорил себе: «Бильбо, ты глупец, ты сам, по доброй воле, встрял в это дело».

— Прошу прощения, — проговорил он, — я нечаянно услышал ваши слова. Не буду делать вид, будто понимаю, о чём идёт речь; особенно мне непонятно замечание о взломщиках. Но думаю, что я правильно усвоил одно (всё это он называл «держаться с достоинством»): вы считаете меня никуда не годным. Хорошо, я вам докажу, на что я способен. Никаких волшебных знаков у меня на дверях нет, её красили всего неделю назад, и вы, разумеется, ошиблись адресом. Как только я увидел ваши несимпатичные физиономии, я сразу заподозрил, что вы попали не туда. Но считайте, что вы попали туда. Скажите, что надо делать, и я постараюсь это выполнить, хотя бы мне пришлось сражаться с кошмарными хобборотнями в Самой Крайней Пустыне. У меня был двоюродный прапрапрадедушка Тук Бычий Рёв, так он...

— Верно, верно, только это было давно, — прервал его Глойн. — А я говорил про вас. И уверяю вас, на ваших дверях есть знак, как раз тот знак, который используют — или использовали в прошлом — представители вашей профессии. И означает он вот что: «Опытный взломщик возьмётся за хорошую работу, предпочтительно рискованную, оплата по соглашению». Можете называть

себя «кладоискатель высшей категории», если вам не по вкусу «взломщик». Некоторые именуют себя так. Нам-то всё равно. Гэндальф сообщил нам, что один местный специалист срочно ищет работу и что собрание назначается здесь, в среду, на пять часов.

— Как же не быть знаку, — вмешался Гэндальф. — Я сам его поставил на дверях. И по весьма веским причинам. Вы меня просили подыскать для экспедиции четырнадцатого, я и выбрал мистера Бэггинса. Пусть кто-нибудь попробует сказать, что я ошибся, выбрал не того и попал не туда, и можете отправляться *в т р и н а д ц а т е р о м* и получать сполна всё, что причитается за это число. А не хотите — ступайте домой, копайте уголь!

Он так сердито воззрился на Глойна, что гном вжался в спинку стула, а когда Бильбо открыл было рот, чтобы задать вопрос, Гэндальф повернулся и кинул на него такой грозный взгляд из-под лохматых бровей, что Бильбо со стуком захлопнул рот.

— Вот так, — произнёс Гэндальф. — И чтобы больше никаких споров. Я выбрал мистера Бэггинса, и будьте довольны. Если я сказал, что он Взломщик, — значит, он взломщик или будет взломщиком, когда понадобится. Он далеко не так прост, как вы думаете, и совсем не так прост, как думает он сам. Настанет время, когда вы все (если доживёте) будете благодарить меня за него. А теперь, Бильбо, мой мальчик, неси-ка лампу и прольём немного света вот на эту вещь.

На столе, под большой лампой с красным абажуром, он расстелил обрывок пергамента, похожий на карту.

— Это дело рук Трора, вашего деда, Торин, — сказал он в ответ на взволнованные возгласы гномов. — Это план Горы.

— Не вижу, чем это нам поможет, — разочарованно сказал Торин, быстро оглядев план. — Я и без того прекрасно помню Гору и её окрестности. Я знаю, где Кромешный Лес и где Иссохшая Пустошь, — там водились драконы.

— Тут на карте и нарисован Дракон, — сказал Балин, — но коль скоро мы доберёмся до Горы, мы и без карты его найдём.

— Есть ещё одна подробность, которой вы не заметили, — возразил волшебник, — потайной ход. Видите вот ту руну на западной стороне и руку с вытянутым указательным пальцем над другими рунами, слева? В этом месте есть потайной ход в Нижний Ярус.

— Когда-то он, возможно, и был потайным, — возразил Торин, — но где уверенность, что он остался потайным до сих пор? Старый Смог живёт там так давно, что у него было время разобраться во всех ходах и выходах.

— Может, и так, но он им всё равно не пользуется.

— Почему?

— Потому что ход слишком узок для него. «Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», — гласят руны. В такую нору Смог не мог бы протиснуться даже в молодые годы, а тем более теперь, когда он пожрал столько гномов и людей из Дейла.

— А по-моему, нора очень широкая, — подал голос Бильбо (который никогда не сталкивался с драконами, а что касается нор, был знаком только с хоббичьими). Он опять разгорячился и увлёкся происходящим, и забыл, что лучше помалкивать. Он обожал всякие карты, у него у самого в прихожей висела большая карта Окрестностей, где его любимые дорожки для прогулок были

помечены красными чернилами. — Не пойму, как такую огромную дверь можно утаить от кого бы то ни было, даже если Дракон проглядел её? — спросил он. (Не забывайте, он был всего лишь маленький хоббит.)

— Самыми разными способами, — ответил Гэндальф. — Но как утаили именно эту дверь, мы не узнаем, пока не увидим её своими глазами. Насколько я могу понять из надписей на карте, дверь надёжно заперта и сливается с Горой. Обычный приём гномов, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — подтвердил Торин.

— Кроме того, — продолжал Гэндальф, — я забыл упомянуть, что к карте приложен ключик необычной формы. Вот он! — И Гэндальф протянул Торину серебряный ключ с длинным стержнем и с затейливой бородкой. — Берегите его!

— Ещё бы не беречь! — сказал Торин и нацепил ключик на золотую цепочку, которая висела у него на шее и уходила под куртку. — Теперь наше положение перестает быть таким безнадёжным. До сих пор нам было не ясно, с чего начинать. Мы думали держать путь на Восток, соблюдая осторожность и осмотрительность, и дойти до самого Долгого Озера. Тогда-то и начались бы неприятности...

— Не тогда, а намного раньше; уж я-то знаю, что такое путь на Восток, — прервал Гэндальф.

— Оттуда мы могли бы двинуться вверх по Реке Быстротечной, — продолжал Торин, пропустив слова Гэндальфа мимо ушей, — и достичь развалин Дейла — старинного города в долине реки под сенью Горы. Правда, никому из нас не по душе идти через Главные Ворота. Там река течёт прямо под ними, по туннелю, сквозь большой утёс у Южной Оконечности Горы, и из этих же ворот обыкновенно вылетает дракон, на мой взгляд, слишком часто, если только он не переменял своих привычек.

— Да, там не пройти, — сказал волшебник, — если не заручиться поддержкой какого-нибудь знаменитого Воина, а то и Сказочного Богатыря. Я пытался кого-нибудь подыскать, но воинам нынче не до того — они сражаются друг с другом в чужих краях, а сказочных богатырей в здешних местах раз, два — и обчёлся, если они вообще не перевелись. Мечи затупились, боевыми топорами валят деревья, щиты употребляют вместо люлек и крышек для кастрюль, а драконы, по счастью, за тридевять земель, и для здешних жителей они фигуры почти что легендарные. Потому-то я и решил прибегнуть к взлому, особенно когда вспомнил про Боковой Вход. И вот тут-то входит в игру наш милый Бильбо Бэггинс, самой судьбой избранный Взломщик. Так что давайте обсуждать дело дальше и выработаем план действий.

— Превосходно, — сказал Торин. — Может быть, наш многоопытный взломщик выскажет какие-нибудь ценные мысли или предложения? — И он с преувеличенной вежливостью поклонился Бильбо.

— Прежде всего я хотел бы услышать побольше о самом деле, — сказал хоббит (в голове у него всё перемешалось, в животе похолодело, но он, как истинный потомок Туков, решил не отступать). — То есть про золото, и про дракона, и про всё прочее, и как золото туда попало, и чьё оно, и так далее.

— Господи помилуй! — сказал Торин. — Разве вы не видели карты? Не слышали нашей песни? И разве не об этом мы толкуем уже много часов подряд?

— И всё-таки я хочу услышать всё подробно и по порядку, — упрямо сказал

Бильбо, напуская на себя деловой вид (обычно предназначавшийся для тех, кто пытался занять у него денег) и изо всех сил стараясь казаться умным, осмотрительным, солидным специалистом, чтобы оправдать рекомендацию, полученную от Гэндальфа. — Я также хотел бы подробнее услышать о степени риска, о непредвиденных расходах, о том, сколько времени отводится на всё это предприятие, о вознаграждении и прочая, и прочая.

Под этим подразумевалось: «Что перепадёт мне? И вернусь ли я живым?»

— Ну, хорошо, так и быть, — сказал Торин. — Много лет тому назад, во времена моего деда Трора, нашу семью вытеснили с Дальнего Севера, и ей пришлось перебраться со всеми своими богатствами и орудиями труда назад, к этой самой Горе, что на карте. Гору эту некогда открыл мой давний предок Трейн Старший, но теперь гномы из нашего рода принялись за неё всерьёз: изрыли её вдоль и поперёк, расширили жилища и мастерские, и при этом, как я понимаю, нашли довольно много золота и массу драгоценных камней. Как бы там ни было, они баснословно разбогатели и прославились, и дед мой стал королём Под Горой, и его очень чтили люди, которые поначалу жили на Юге, но постепенно расселились вверх по Реке Быстротечной до самой долины под сенью Горы. Тогда-то они и построили весёлый город Дейл. Их правители всегда посылали за нашими кузнецами и богато вознаграждали даже наименее искусных. Отцы отдавали нам своих сыновей в обучение и щедро платили, особенно съестными припасами, так что мы не давали себе труда пахать, сеять и вообще добывать пропитание. То были счастливые дни, и даже у самых небогатых из нас водились свободные денюжки и досуг для того, чтобы изготавливать красивые вещи просто так, для собственного удовольствия. Я уж не говорю о диковиннейших волшебных игрушках, каких в нынешнее время не увидишь нигде на свете! Чертоги моего деда буквально ломились от всевозможного оружия и драгоценных камней, резных изделий и кубков, а ярмарка игрушек в Дейле считалась чудом Севера.

Всё это, несомненно, и привлекло внимание дракона. Драконы, как известно, воруют золото и драгоценности у людей, у эльфов, у гномов — где и когда только могут — и стерегут свою добычу до конца жизни (а живут драконы фактически вечно, если только их не убьют), но никогда не попользуются даже самым дешёвым колечком. Сами они сделать неспособны ровно ничего, даже не могут укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне. В те времена на Севере расплодилось множество драконов, а золота, как видно, становилось всё меньше, потому что гномы кто бежал на Юг, кто погиб, и картина всеобщего разорения и опустошения приобретала всё более угрожающие размеры. Так вот, был там один особенно жадный, сильный и отвратительный змей по имени Смог. Однажды с Севера до нас донёсся гул, похожий на гул урагана, и все сосны на Горе застонали и заскрипели под ветром. Те гномы, кто находился под открытым небом, а не внутри Горы (на счастье, я был в их числе), издали увидели, как дракон, весь в пламени, приземлился на нашей Горе. Потом он двинулся вниз, дополз до леса и поджёл его. К этому времени в Дейле звонили во все колокола и воины спешно вооружались. Гномы бросились к Главным Воротам, но там их поджидал дракон. Никто из них не спасся. Река закипела от жара, туман окутал Дейл, и в этом тумане дракон напал на воинов и почти всех истребил — обычная печальная история, в те годы, увы, нередкая. Потом дракон вернулся назад, к Горе, прополз

через Главные Ворота и очистил от жителей все улицы и переулки, подвалы, особняки и галереи. И когда на Горе не осталось в живых ни одного гнома, Смог забрал все сокровища себе. Наверное, он, как водится у драконов, свалил всё в кучу где-нибудь в самой дальней пещере и с тех пор спит на захваченном золоте. По ночам он выползал через Главные Ворота, похищал жителей Дейла и съедал их, так что Дейл постепенно пришёл в упадок, а население частью погибло, а частью разбежалось. Не знаю доподлинно, что там творится сейчас, едва ли кто-нибудь осмеливается жить близко к Горе, разве что у Долгого Озера.

Мы, малочисленная горстка гномов, спасшихся в тот день, сидели в своём убежище и оплакивали судьбу, проклиная Смога. Вдруг вошли мой отец и дед с опалёнными бородами. Они были очень мрачны и неразговорчивы. Когда я спросил, как им удалось уцелеть, они велели мне помолчать и сказали, что в своё время я всё узнаю. Потом мы покинули эти края и, скитаясь с места на место, зарабатывали себе на жизнь, как могли: нам случалось даже братья за кузнечное ремесло или трудиться в угольных шахтах. Но об украденных у нас сокровищах мы помнили всё время. И даже сейчас, когда, признаюсь, мы отложили кое-что про чёрный день и уже не терпим нужды (тут Торин погладил золотую цепь, висевшую у него на шее), мы всё ещё полны решимости вернуть их обратно и отомстить Смогу, если удастся.

Я часто ломал голову над тем, как спаслись отец и дед. Теперь я понимаю, что у них был в запасе Боковой Вход, о котором никто, кроме них, не знал. Очевидно, они и составили карту, и мне бы хотелось знать: каким образом её захватил Гэндальф и почему она не попала ко мне — законному наследнику?

— Я её не захватывал, мне её дали, — ответил волшебник. — Ваш дед Трор, как вы помните, был убит в рудниках Морайи царём гоблинов Азогом.

— Будь проклято его имя! — отозвался Торин.

— А Трейн, ваш отец, двадцать первого апреля — в прошлый четверг минуло как раз сто лет с того дня — ушёл неизвестно куда, и с тех пор вы его не видели...

— Всё это верно, — подтвердил Торин.

— Так вот, ваш отец перед уходом отдал мне карту и просил передать её вам: а что касается времени и места, которые я выбрал, чтобы вручить её, то моей вины тут нет, ведь чего мне стоило вас разыскать! Когда ваш отец отдавал мне карту, он и своё-то имя позабыл, не то что ваше, так что скажите мне спасибо! Получайте! — И он протянул бумагу Торину.

— Всё равно не понимаю, — сказал Торин, и Бильбо захотелось повторить то же самое. Объяснение и ему показалось не вполне ясным.

— Ваш дед, — медленно и сумрачно проговорил волшебник, — собираясь на рудники Морайи, отдал карту на хранение сыну. После гибели вашего деда отец ваш отправился попытать счастья с картой; он пережил множество всяких злоключений, но так и не добрался до Горы. Я познакомился с ним в темницах чёрного мага Некроманта; как он попал туда — не знаю.

— Вы-то что там делали? — спросил Торин, содрогнувшись, и все гномы тоже вздрогнули.

— Неважно. Интересовался кое-чем, как всегда, и, надо сказать, там мне пришлось довольно туго. Даже я, Гэндальф, еле-еле уцелел. Я пытался спасти вашего отца, но было уже поздно: он повредился в уме, мысли его путались,

он не помнил ни о чём, кроме карты и ключа.

— С гоблинами Морайи мы давно расквитались, — сказал Торин, — надо будет теперь заняться Некромантом.

— Вздор! Такого врага не одолеть всем гномам, вместе взятым, даже если бы их можно было ещё собрать с четырёх концов земли. Отец ваш хотел одного: чтобы его сын разобрался в карте и употребил ключ в дело. Так что дракон и Гора — этого вам за глаза хватит!

— Внимание! Внимание! — вырвалось у Бильбо.

— В чём дело? — спросили гномы и разом обернулись к нему, а он, не в силах совладать с собой, воскликнул:

— Послушайте, что я скажу!

— Что такое? — спросили гномы.

— Мне кажется, вам надо пойти на Восток и на месте выяснить, что и как. В конце концов, существует Боковой Вход, и драконы когда-нибудь да спят, и, если посидеть у входа подольше, что-нибудь непременно придёт в голову. А потом, знаете, по-моему, на сегодня разговоров достаточно. Как там говорится насчёт рано вставать, рано в кровать и так далее? Перед вашим уходом я накормлю вас хорошим завтраком.

— Перед нашим *о б щ и м* уходом, вы хотите сказать, — отозвался Торин. — Разве не вы Главный Взломщик? И не ваше разве дело сидеть у входа, не говоря уже о том, чтобы проникнуть внутрь? Но насчёт кровати и завтрака я с вами согласен. Перед дорогой я обычно ем яичницу из шести яиц с ветчиной — конечно, не болтунью, а глазунью, да смотрите, чтоб глазки были целы!

После того как и остальные гномы объявили, что они желают на завтрак (никто из них не подумал сказать хотя бы «пожалуйста», что немало обидело Бильбо), все поднялись из-за стола. Хоббиту пришлось ещё каждого устроить на ночь; он предоставил им все гостевые комнаты, постелил на креслах и диванах, наконец разместил всех и улёгся в свою кроватку, очень усталый и не вполне успокоенный. Единственное, что он твёрдо решил, — ни в коем случае не вставать ни свет ни заря, чтобы накормить всех этих дармоедов. Туковские настроения в нём повыветрились, и он был далеко не уверен, что наутро отправится куда бы то ни было.

Лёжа в постели, он слышал, как в соседней с ним парадной спальне Торин напевает.

*За синие горы, за белый туман
В пещеры и норы уйдёт караван;
За быстрые воды уйдём до восхода
За кладом старинным из сказочных стран...*

Бильбо заснул под эту песню и видел скверные сны. Когда он проснулся, уже давно рассвело.

2

Баранье жаркое

Бильбо живо вскочил, надел халат и вошёл в столовую. Ни души! Он застал там лишь следы обильного и поспешного завтрака. В комнате всё было перевёрнуто вверх дном, в кухне громоздились груды грязной посуды, перепачканы были чуть не все кастрюли и горшки. Бильбо с грустью убедился в том, что вечерняя пирушка не просто дурной сон. Но зато он с облегчением увидел, что гости отправились в путь без него, не удосужившись его разбудить («Даже спасибо не сказали», — подумал он). В то же время Бильбо был немного разочарован и сам удивился своему разочарованию. «Не будь дураком, Бильбо Бэггинс, — уговаривал он себя, — в твои ли годы мечтать о драконах и всякой сказочной чепухе!»

И он надел фартук, разжёг плиту, вскипятил воду и быстро перемыл всю посуду. Потом уютненько позавтракал на кухне и тогда только приступил к уборке столовой. Солнце уже сияло вовсю, входная дверь стояла распахнутой, в дом залетал тёплый весенний ветерок. Бильбо начал громко насвистывать и совсем позабыл про вечер накануне. Только-только он собирался сесть и уютненько позавтракать во второй раз у раскрытого окна в столовой, как вдруг

появился Гэндальф.

— Голубчик, — сказал он, — да когда же ты пожалуешь? А ещё говорил «рано вставать»! Скажите на милость — сидит завтракает, или как там у тебя это называется, а между тем половина одиннадцатого! Они не могли ждать и оставили тебе послание.

— Какое послание? — спросил бедный мистер Бэггинс в неопишемом волнении.

— Вот те раз! — воскликнул Гэндальф. — Я тебя не узнаю — ты даже не вытер пыль на каминной полке!

— При чём тут каминная полка? Хватит с меня мытья посуды на четырнадцать персон!

— Если бы ты вытер каминную полку, ты бы нашёл под часами вот это! — И Гэндальф протянул Бильбо записку (написанную, естественно, на собственной, Бильбо, писчей бумаге).

Вот что Бильбо прочёл:

«Торин и К° шлют Взломщику Бильбо свой привет! За гостеприимство — сердечная благодарность, предложение профессиональной помощи принимается с признательностью. Условия — оплата при вручении искомого размером до, но не превышая, четырнадцатой части общего дохода (буде таковой случится). Возмещение путевых издержек в любом случае гарантировано, похоронные издержки ложатся на К° или на её представителей (если меры не приняты покойным заранее).

Не считая возможным нарушать ваш драгоценный отдых, мы отправляемся вперёд, дабы сделать необходимые приготовления. Будем ожидать вашу почтенную особу в харчевне Зелёный Дракон, Байуотер, ровно в 11 утра.

Надеясь на Вашу пунктуальность, имеем честь пребывать глубоко преданные Торин и К°».

— Остаётся ровно десять минут. Тебе придётся бежать, — заметил Гэндальф.

— Но... — начал Бильбо.

— Никаких «но», — отрезал волшебник.

— Но ведь... — сделал ещё одну попытку Бильбо.

— Никаких «но ведь»! Бегом!

Бильбо потом никак не мог вспомнить, каким образом очутился на улице — без шапки, без трости, без денег, без всех тех вещей, которые привык брать с собой, выходя из дому. Оставив второй завтрак недоеденным и посуду после себя невымытой, он сунул Гэндальфу ключи от дома и побежал со всех своих мохнатых ног по улочке мимо большой мельницы, через мост и ещё с милю По Ту Сторону Реки.

Ну и запыхался же он, и упарился же, когда ровно в одиннадцать, с боем часов, достиг Байуотера. И на тебе! Оказалось, что носовой платок он тоже забыл дома!

— Bravo! — сказал Балин, ждавший его в дверях харчевни.

Тут из-за поворота дороги, которая вела в деревню, показались остальные.

Они ехали верхом на пони, и каждый пони был навьючен всевозможной поклажей — тюками, мешками и прочими пожитками. Самый маленький пони, очевидно, предназначался Бильбо.

— Теперь залезайте оба — и в путь! — скомандовал Торин.

— Прошу прощения, — запротестовал Бильбо, — я не успел надеть шляпу, забыл носовой платок и не захватил денег. Вашу записку я получил только в десять сорок пять, чтобы быть точным.

— А вы не будьте таким точным, — посоветовал Двалин, — и не волнуй-

тесь! Придётся вам до конца путешествия обходиться без носовых платков и ещё много без чего. А вместо шляпы... у меня в багаже есть лишний капюшон и плащ.

Вот так в одно прекрасное утро в самом конце апреля они тронулись потихоньку в путь. Бильбо был облачён в тёмно-зелёный плащ и чуть-чуть полинялый тёмно-зелёный капюшон, которые ему одолжил Двалин. Одежда была ему велика, выглядел он довольно нелепо.

Боюсь и вообразить, что подумал бы при виде Бильбо его отец Банго. Бильбо утешался единственно тем, что его нельзя принять за гнома, так как у него нет бороды.

Не успели они отъехать от харчевни, как их догнал Гэндальф, совершенно великолепный на великолепном белом коне. Он привёз Бильбо уйму носовых платков, любимую трубку и табак. Вся компания весело поехала дальше. По дороге путешественники целый день рассказывали разные истории и пели песни, замолкая лишь на то время, пока останавливались перекусить. И хотя это случалось далеко не так часто, как хотелось Бильбо, он всё-таки понемногу стал входить во вкус такой жизни и подумывал, что приключения — это не так уж плохо.

Сперва они проезжали владения хоббитов — просторный добропорядочный край с отличными дорогами, населённый почтенным народом; время от времени им встречался какой-нибудь гном или фермер, спешившие по своим делам. Потом пошла местность, где жители говорили на незнакомом языке и пели песни, каких Бильбо раньше не слыхивал. Наконец они углубились в Пустынную Страну, где уже не попадалось ни жителей, ни трактиров, а дороги становились всё хуже да хуже. Впереди замаячили сумрачные горы, одна другой выше, казавшиеся чёрными из-за густых лесов. На некоторых виднелись древние замки такого зловещего вида, как будто их построили нехорошие люди. Всё кругом сделалось мрачным, погода вдруг испортилась, стало холодно и сыро. Ночевать им приходилось где попало.

— Подумать только — июнь на носу! — ворчал Бильбо; его пони хлюпал по грязнейшей просёлочной дороге в хвосте процессии. Близился вечер, время чая прошло, весь день не переставая лил дождь, с капюшона текло в глаза, плащ промок насквозь, пони устал и спотыкался о камни. Путешественники были не в духе и молчали.

«Наверняка дождь промочил тюки с сухой одеждой и вода попала в мешки с едой, — с грустью думал Бильбо. — Как бы мне хотелось очутиться сейчас у себя дома, в моей славной норке, у очага, и чтобы чайник начинал петь!..»

Ещё не раз потом ему пришлось мечтать об этом!

А гномы всё труси́ли вперёд да вперёд, не оборачиваясь, словно совсем забыв про хоббита. За серыми тучами, должно быть, село солнце, и, когда они спустились в глубокую долину, по дну которой бежал поток, сделалось совсем темно. Поднялся ветер, ивы по берегам закачались и зашелестели. К счастью, старинный каменный мост был цел и им не пришлось переправляться вброд, а то река вздулась от дождей и с шумом бежала с гор и холмов.

Когда они наконец очутились на другом берегу, совсем стемнело. Ветер разогнал тучи, проглянула луна. Они спешили, и Торин пробормотал что-то насчёт ужина и «где бы отыскать сухое местечко на ночь». И тут только заметили, что Гэндальфа нет. Он ехал с ними всю дорогу, так и не объясняя —

участвует он в их походе или просто провожает до поры до времени. Он ел больше всех, болтал больше всех и хохотал громче всех. А теперь он просто-напросто исчез, и всё тут!

— Как раз когда так пригодился бы волшебник! — простонали Дори и Нори (они разделяли взгляд хоббита на то, что есть надо регулярно, часто и как можно больше).

В конце концов решили заночевать где есть и только передвинулись под деревья, так как там земля была суше. Но зато ветер стряхивал воду с листьев, и звук падающих капель — «кап, кап» — наводил уныние. К тому же что-то приключилось с костром, огонь словно заколдовали. Гномы обычно умеют разложить костёр буквально где угодно и из чего угодно, независимо от того, есть ветер или нет. Но в этот вечер у них ничего не клеилось, даже у Ойна и Глойна, уж на что они были мастера по части костров.

Потом вдруг неведь чего испугался один из пони и ускакал. Его не успели перехватить, и он забежал в реку. Пытаясь вытащить его из воды, Фили и Кили чуть не утонули, а поклажу унесло течением. Там, как назло, была большая часть провизии, поэтому их ожидал скудный ужин и ещё более скудный завтрак.

Так они сидели, хмурые, промокшие, и ворчали, а Ойн и Глойн продолжали возиться с костром и переругиваться. Бильбо с грустью размышлял о том, что приключения — это не увеселительная прогулка в сияющий майский день. И вдруг Балин, который выполнял роль дозорного, закричал:

— Смотрите, огонь!

Немного поодаль темнел холм, местами довольно густо поросший деревьями. В гуще деревьев и впрямь сверкал огонь, красноватый, уютный, словно свет костра или факелов.

Они поглядели-поглядели и принялись спорить. Одни стояли за то, чтобы пойти и просто посмотреть, что там такое, — хуже не будет. Другие убеждали: «Местность нам незнакома, и горы чересчур близко. Чем меньше проявлять любопытства в пути, тем меньше вероятности попасть в беду».

Кто-то сказал:

— Но нас как-никак четырнадцать.

А ещё один проговорил:

— Куда запропастился Гэндалф?

И этот вопрос принялись повторять все наперебой.

Тут дождь полил пуще прежнего, а Ойн и Глойн подрались.

Это решило дело.

— В конце концов, с нами Взломщик, — сказали они и направились в сторону огонька, со всеми возможными предосторожностями, ведя своих пони под уздцы. Они добрались до холма и ступили в лес, потом начали подниматься вверх, но нигде не было видно тропы, которая бы вела к дому или ферме. Как они ни старались, всё равно шороха, треска и скрипа (равно как воркотни и чертыханья), пока они продирались в полной темноте сквозь чащу, было хоть отбавляй.

Внезапно красный свет ярко блеснул между стволами совсем близко.

— Теперь очередь за Взломщиком, — сказали они, подразумевая Бильбо.

— Ступайте и проверьте, что это за свет и зачем он и всё ли тихо и безопасно, — приказал Торин хоббиту. — Поторапливайтесь и, если всё в порядке, по-

быстрее возвращайтесь. Если не в порядке, тоже попробуйте вернуться. Не сможете вернуться — дважды крикните сычом, а один раз ухните филином, и мы постараемся что-нибудь предпринять.

И Бильбо пришлось идти, так и не успев объяснить, что он и одного раза не сумеет ухнуть филином или крикнуть сычом. Зато хоббиты умеют совершенно бесшумно ступать в лесу. Они очень гордятся своим умением, и Бильбо не раз презрительно фыркал, слушая «тарарам», который, по его мнению, устроили гномы, пробираясь по лесу. Я-то лично думаю, что мы с вами не заметили бы ровнёхонько ничего, даже если бы кавалькада прогарцевала в двух шагах от нас. Что же касается Бильбо, то, когда он крался к огоньку, наверное, даже осторожный хорёк ничего бы не услышал. Бильбо благополучно, никого не вспугнув, добрался до огня, и вот что он увидел.

Трое громадных великанов сидели у огромного костра, сложенного из буквых брёвен. Они поджаривали куски барана на длинных деревянных вертелах и слизывали с пальцев жир. В воздухе разносился дивный аппетитный аромат. Рядом стоял бочонок с чем-то вкусным, и великаны то и дело окунали туда кружки. Это были тролли! Тут не могло быть никаких сомнений. Даже Бильбо, несмотря на свою затворническую жизнь, сразу догадался, кто они, по их грубым неотёсанным физиономиям, их великанским размерам, массивным каменным ногам, а главное — по их разговору, который был совсем, совсем непохож на великосветский!

— Вчера баранина, сегодня баранина — видно, и завтра, чтоб мне лопнуть, придётся жрать эту чёртову баранину, — проговорил один тролль.

— Хоть бы какой завалящий кусок человечины! — отозвался второй. — И с какой радости этот Вильям, тупая башка, приволок нас в здешние места? Выпивка тоже кончается, — добавил он, толкая Вильяма под локоть, как раз когда тот делал глоток из кружки.

Вильям поперхнулся.

— Заткнись! — заорал он, как только отдышался. — Ты что думаешь — людишки нарочно будут вам с Бертом подвёртываться — нате, лопайте? С той поры, как мы спустились с гор, вы с Бертом полторы деревни умяли, не меньше. Где их ещё взять? Нынче такие времена пришли, что скажите «спасибо, Билл» и за такого жирненького горного барана, как этот.

Он оторвал зубами большой кусок от бараньей ноги, которую жарил, и утёр губы рукавом.

Да, боюсь, что тролли всегда ведут себя так некультурно, даже те, у которых по одной голове. Услыхав всё это, Бильбо понял, что следует немедленно действовать. Либо надо тихонько вернуться назад и предупредить своих, что в нескольких шагах сидят три здоровенных тролля в прескверном настроении и явно не откажутся отведать жареных гномов или, для разнообразия, жареных пони. Либо он должен показать класс кражи со взломом. Настоящий Взломщик первой категории в подобных обстоятельствах очистил бы карманы троллей (дело почти всегда того стоит), стянул бы барана прямо с вертела, похитил бы пиво — и был таков. А тролли при этом его бы и не заметили. Взломщики более практичные, лишённые профессионального тщеславия, пырнули бы предварительно троллей кинжалом. После чего весело скоротали бы ночь за сытным ужином.

Бильбо всё это знал. Он немало прочитал о том, чего сам в своей жизни не

видел и не делал. Он испытывал сильнейшее возбуждение, но и отвращение тоже. Ему хотелось быть в сотне миль отсюда и в то же время... в то же время он как-то не мог просто взять и вернуться к Торину и К° с пустыми руками. Поэтому он стоял, скрытый мраком, и размышлял. Из всех известных ему многообразных деяний взломщиков обчистить карманы троллей казалось ему наименее трудным. Наконец он решился и заполз за дерево как раз позади Вильяма.

Берт и Том отошли к бочонку. Вильям снова опрокинул кружку. Набравшись духу, Бильбо сунул свою маленькую ручку к Вильяму в обширный карман. Кошелёк был там и показался Бильбо большим, как мешок. «Ха, — подумал он, входя во вкус своего нового ремесла и аккуратно вытягивая кошелёк. — Лиха беда — начало!»

Да, это было только начало! Кошельки у троллей всегда со зловредным секретом, и этот кошелёк не был исключением.

— Эй, ты кто такой? — пропищал кошелёк, очутившись снаружи, и Вильям схватил Бильбо за шиворот прежде, чем тот успел отскочить за дерево.

— Чтоб мне лопнуть, Берт, погляди, кого я сцапал! — сказал Вильям.

— Что за штука? — спросили Берт и Том, подходя к нему.

— Почём я знаю! Ты что за штука?

— Я — Бильбо Бэггинс, вз-з-хоббит, — ответил бедняга Бильбо, трясясь всем телом и пытаясь сообразить, как ему прокричать по-совиному, пока его не придушили.

— Вззхоббит? — повторили тролли, насторожившись. Тролли соображают туго и поэтому с подозрением относятся ко всему незнакомому.

— А чего, собственно, вззхоббиту понадобилось в моём кармане? — заметил Вильям.

— А приготовить обед из него можно? — поинтересовался Том.

— Попробуй — узнаешь, — ответил Берт, берясь за вертел.

— Шкуру ободрать, так, поди, и мяса-то на один укус останется, — проговорил Вильям, который только что плотно поужинал.

— Может, поискать — тут ещё такие найдутся? Пирог бы состряпали, — сказал Берт. — Эй, ты, много вас тут шныряет по лесу? Кролик ты несчастный, — добавил он, поглядев на мохнатые ножки хоббита. Он схватил Бильбо за ноги и сильно встряхнул его.

— Много, — пискнул Бильбо и тогда только спохватился, что нельзя выдавать друзей. — Нет, нет, никого, — быстро прибавил он.

— Это как понять? — спросил Берт, держа Бильбо в воздухе, но на этот раз за волосы.

— Так и понять, — ответил Бильбо, переведя дух. — Пожалуйста, любезные господа, не готовьте из меня ничего! Я сам хорошо готовлю, я лучше готовлю, чем готовлюсь, вы понимаете, что я хочу сказать? Я вам стготовлю превосходный завтрак, если вы меня не приготовите на ужин.

— Заморыш несчастный! — сказал Вильям. Он и так уже за ужином наелся и напился пивом. — Заморыш несчастный! Берт, отпусти ты его!

— Не отпущу, пока не объяснит, что значит «много» и «никого», — возразил Берт. — Не желаю, чтоб мне глотку во сне перерезали! Вот подпалю ему пятки над костром, живо заговорит!

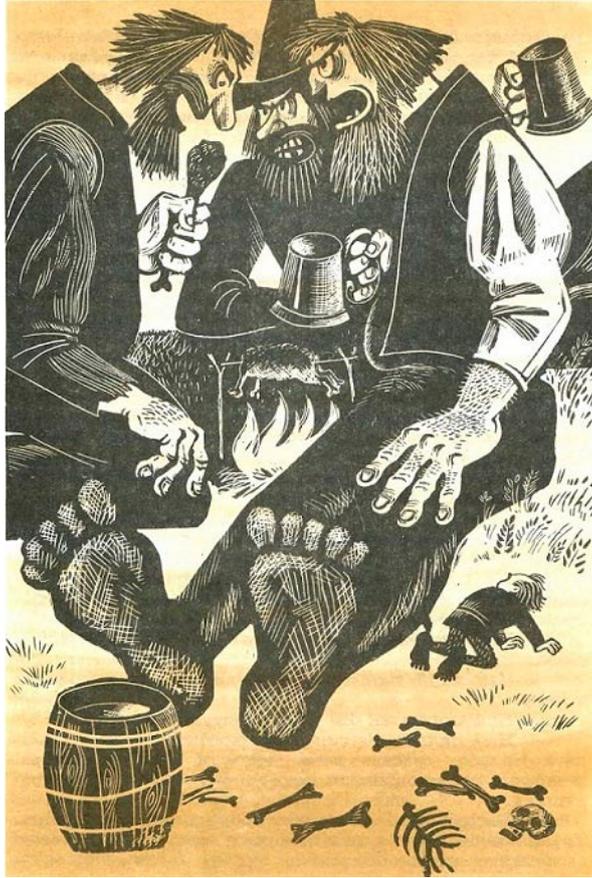
— А я этого не допущу, — сказал Вильям. — Я его поймал.

— Вильям, говорил я тебе, что ты жирный дурак, — заорал Берт, — и ещё повторю!

— А ты хам!

— Я тебе этого не спущу, Билл Хаггинс! — завопил Берт и двинул Вильяму кулаком в глаз.

Тут началась зверская потасовка. Берт выронил Бильбо, и у того хватило ума отползти в сторону, чтобы его не растоптали. А тролли принялись отчаянно драться, громко обзывая друг друга всякими, надо сказать, весьма подходящими именами. Немного погодя они повалились на землю и, сцепившись, лягаясь и пинаясь, покатались прямо в костёр, а Том колотил их обоих веткой, чтобы образумить, отчего они, естественно, ещё больше разъярились.

Тут бы хоббиту самое время улизнуть. Но его бедные мохнатые ножки сильно помял Берт своей лапицей, силы покинули Бильбо, голова кружилась, он лежал за кругом света, падавшего от костра, и отдувался.

В самом разгаре драки вдруг появился Балин. Гномы издалека услышали шум и, напрасно прождав Бильбо или уханья совы, по одному поползли на свет костра. Едва Том увидел в круге костра Балина, он испустил страшный вой. Тролли просто терпеть не могут гномов (во всяком случае — в сыром виде). Берт и Билл мигом перестали драться и зашипели: «Том, мешок, скорей!» И прежде чем Балин, соображавший, где тут в этой кутерьме найти Бильбо, понял, что происходит, на голову ему набросили мешок и он уже лежал на земле.

— Сейчас ещё полезут, — сказал Том, — или я здорово ошибаюсь. Это то самое и есть — много и никого. Вззхоббитов — никого, а гномов — много. Я так кумекаю!

— А ведь похоже, ты прав, — подтвердил Берт. — Давайте-ка отойдём от света.

Так они и сделали. Держа наготове мешки, в которых таскали баранов и другую добычу, они притаились в темноте. Стоило появиться очередному гному и застыть в удивлении при виде костра, пустых кружек, обглоданных костей, как — хлоп! — вонючий противный мешок опускался ему на голову, и гном валился на землю. Очень скоро Двалин лежал рядышком с Балином, Фили и Кили тоже лежали вместе, Дори, Нори и Ори были брошены один на другого, а Ойн, Глойн, Бифур, Бофур и Бомбур самым неудобным образом свалены в кучу у костра.

— Будут знать, — сказал Том. Бифур и Бомбур доставили им массу неприятностей, сопротивляясь, как бешеные (все гномы в минуту смертельной опасности сопротивляются, как бешеные).

Последним показался Торин, и его-то уж не захватили врасплох. Он уже ожидал худшего, и ему не надо было видеть ноги своих соратников, торчащие из мешков, чтобы понять, что дела идут не слишком блестяще. Он остановился поодаль, в полумраке, и проговорил:

— Что тут творится? Кто расправился с моими людьми?

— Это тролли! — подал из-за дерева голос Бильбо. — Они прячутся с мешками в кустах.

— Ах так! — сказал Торин и бросился к костру так быстро, что тролли не успели накинуть на него мешок. Он выхватил из костра большую горящую ветку и ткнул ею Берту в глаз. На некоторое время Берт выбыл из строя. Бильбо тоже не зевал — обхватил Тома за ногу, с большим, надо сказать, трудом, так как нога была толщиной с молодое дерево. Но тут же кубарем отлетел и упал прямо в куст, потому что Том, размахнувшись, подбросил ногой в лицо Торину ворох углей. За это Том получил поленом в зубы и потерял передний зуб. Ну и завыл же он! Но в эту самую минуту Вильям подкрался сзади и набросил на Торуна мешок. На этом бой закончился. В плачевном положении очутилась вся компания: гномы лежали, аккуратно увязанные в мешки, в двух шагах сидели трое обозлённых троллей, притом двое в ожогах и синяках, и спорили — жарить гномов на медленном огне целиком, или крошить и сварить, или просто сесть на каждого и раздавить в лепёшку. Бильбо лежал на кусте; одежда на нём была изорвана, весь в ссадинах, он не смел шелохнуться, боясь, что его услышат.

И тут-то появился наконец Гэндальф. Но никто его не заметил. Тролли как раз порешили изжарить гномов сразу, а съесть погода. Это была идея Берта, и после долгих пререканий другие двое с ним согласились.

— Чего хорошего — жарить сейчас, всю ночь провозимся, — послышался чей-то голос.

Берт подумал, что говорит Вильям.

— Не начинай снова-здоровая, Билл, — огрызнулся он, — а то и впрямь всю ночь провозимся.

— Кто начинает? — отозвался Вильям, думавший, что те слова произнёс Берт.

— Ты начинаешь, — ответил Берт.

— Врёшь, — возразил Вильям, и спор начался сначала. В конце концов они договорились искрошить гномов и сварить. Тролли притащили огромный чёрный котёл и достали ножи.

— Да не стоит их варить! Воды под рукой нет, а до колодца топать дале-

ко, — раздался голос.

Берт и Вильям решили, что говорит Том.

— Молчи! — оборвали они его. — А то мы так никогда не кончим. Будешь болтать, пойдёшь за водой.

— Сам молчи! — отозвался Том, который думал, что говорил Вильям. — Кто болтает? Ты и болтаешь!

— Балда! — сказал Вильям.

— Сам балда! — отрезал Том.

И они опять заспорили ещё яростнее, чем прежде, но в конце концов пришли к соглашению сесть на каждый мешок по очереди и расплющить гномов, а сварить как-нибудь в другой раз.

— На кого первого сядем? — спросил голос.

Берт думал, что говорит Том.

— Давайте сперва на последнего, — ответил Берт, которому Торин повредил глаз.

— Чего ты сам с собой разговариваешь? — сказал Том. — Хочешь на последнего — садись на последнего. Где он тут?

— В жёлтых чулках, — сказал Берт.

— Ерунда, в серых, — послышался голос, похожий на Вильямов.

— Я нарочно запомнил — в жёлтых, — настаивал Берт.

— Точно, в жёлтых, — подтвердил Вильям.

— Так чего ты говоришь — в серых?! — возмутился Берт.

— Не говорил я. Это Том сказал.

— Я-то при чём? — завопил Том. — Сам ты сказал!

— Один двоих не переспорит, заткнись! — скомандовал Берт.

— Ты это кому говоришь? — крикнул Вильям.

— Ну хватит! — сказали Том и Берт вместе. — Ночь кончается, скоро рассвет. За дело!

— Рассвет вас застанет — и камнем всяк станет! — сказал голос, похожий на голос Вильяма. Но говорил не Вильям.

В эту самую минуту занялась заря и в ветвях поднялся птичий гомон. Вильям уже ничего не мог сказать, ибо, нагнувшись к Торину, превратился в камень, а Берт и Том уставились на него и тоже окаменели. Так и стоят они по сей день, совсем одни, разве что птицы на них садятся. Вам, может быть, известно, что тролли обязаны вовремя спрятаться под землю, чтобы рассвет их не застиг, в противном случае они превратятся в скалы, в горную породу, из которой произошли, и застынут навсегда. Именно это и случилось с Бертом, Томом и Вильямом.

— Превосходно! — проговорил Гэндальф, выступая из-за деревьев и помогая Бильбо слезть с колючего куста.

И тут Бильбо всё понял. Чародей Гэндальф! — вот чей голос заставил троллей пререкаться так долго, что рассвет наступил и покончил с ними. Гэндальф и Бильбо развязали мешки и выпустили гномов. Те чуть не задохнулись и были в крайне раздражённом состоянии. Ещё бы! Разве приятно лежать и слушать, как тролли обсуждают — зажарить тебя, раздавить или искрошить?

— Нашёл время лазать по карманам, — проворчал Бомбур, — когда главное для нас — найти огонь и пищу!

— Уж чего-чего, а этого у них тебе бы всё равно не получить без боя, — ска-

зал Гэндальф. — Но так или иначе сейчас вы теряете время. Ясно, что у троллей должна быть выкопана где-то яма или пещера, куда они прятались от солнца! Не мешает в неё заглянуть!

Они поискали-поискали и вскоре нашли следы каменных сапог, которые вели в лес. Они шли по этим следам вверх по склону холма, пока не дошли до запрятанной в кустах большой каменной двери, которая закрывала вход в пещеру. Но открыть её не могли, сколько ни толкали все вместе и сколько ни пробовал Гэндальф всякие заклинания.

— Может быть, это подойдёт? — спросил Бильбо, когда они совсем выбились из сил и разозлились. — Я нашёл его на земле, там, где дрались тролли.

И он протянул большущий ключ, который Вильяму, наверное, казался крохотным и незаметным. Ключ, на их счастье, должно быть, выпал у Вильяма из кармана до того, как тролль обратился в камень.

— Так что же ты раньше молчал? — закричали все хором. Гэндальф выхватил у Бильбо ключ и сунул его в замочную скважину. Один мощный толчок всей компанией — каменная дверь отворилась, и они вошли внутрь. На земле валялись кости, в пещере отвратительно пахло, но среди беспорядочного нагромождения всевозможных трофеев — от медных пуговиц до стоявших в углу горшков, полных до краёв золотых монет, — на полках и на земле путники нашли груды еды. По стенам висело много разной одежды, троллям она была явно мала и, боюсь, принадлежала их жертвам. Ещё там имелись мечи — самой разной выделки, формы и длины. Два из них сразу бросились в глаза благодаря своим красивым ножнам и рукоятям, усыпанным драгоценностями.

Гэндальф и Торин забрали себе эти два меча, а Бильбо взял кинжал в кожаном чехле. Для тролля этот кинжал был всё равно что маленький карманный ножичек, но хоббиту он мог служить мечом.

— Сразу видно — клинки отличные, — сказал чародей, наполовину вытаскивая мечи из ножен и с любопытством разглядывая их. — Их ковали не тролли и не люди из здешних краёв, и сделаны они не в наше время. Когда разберём руны, узнаем о них больше.

— Уйдём поскорей отсюда, тут такой омерзительный запах, — взмолился Фили.

Они унесли горшки с монетами и ту снедь, которая выглядела съедобной. А также полный бочонок эля. Они уже были весьма не прочь позавтракать и не стали воротить нос от запасов троллей. Ведь съестного у них оставалось мало. Они подкрепились хлебом и сыром, вдоволь выпили эля и поджарили на углях копчёной свинины. Затем легли спать. Как вы понимаете, после такой ночи поспать не грех. Проотдыхав почти до вечера, они привели пони, погрузили на них горшки с золотом, перевезли подальше и закопали невдалеке от тропы, шедшей вдоль реки. Они тщательно заколдовали это место и произнесли много заклинаний, рассчитывая вернуться сюда за золотом. Покончив с этим, они сели на пони и затрусили опять по дороге, ведущей на восток.

— Где вы изволили пропадать, если не секрет? — спросил Торин у Гэндальфа дорогой.

— Разведывал, что впереди, — отвечал тот.

— А что вас заставило вернуться так вовремя?

— Привычка оглядываться назад.

— В самом деле! — пробормотал Торин. — А нельзя ли поясней?

— Я пустился вперёд обследовать наш путь. Имейте в виду, дорога очень скоро станет опасной и трудной. Меня также беспокоил вопрос, где пополнить наш скудный запас провианта. Только я отъехал, как мне повстречались двое знакомых из Ривенделла.

— Где это? — вмешался Бильбо.

— Не прерывай! — отозвался Гэндальф. — Если нам повезёт, ты туда скоро попадёшь и сам всё узнаешь. Как я уже сказал, я встретил двоих людей Элронда. Они мне и рассказали, что три тролля спустились с гор, обосновались в лесах неподалёку от большой дороги, распугали всех обитателей в округе и подстерегают путников. У меня сразу возникло ощущение, что там, позади, во мне нуждаются. Оглянувшись, я увидел в отдалении костёр и поехал прямо на него. Вот теперь вы всё знаете. Пожалуйста, в другой раз будьте осторожней, а то мы никуда не доберёмся!

— Мы вам весьма признательны! — проговорил Торин.

3

Передышка

Погода исправилась. Но ни в этот день, ни на следующий, ни ещё через один путешественники не пели и не рассказывали историй. Им чудилось, будто над ними нависла угроза. Они ночевали под открытым небом, и пони их ели сытнее, чем они сами, так как трава вокруг росла в изобилии, а тюки опустели — запасов, пополненных в пещере троллей, хватило ненадолго. Однажды утром они переправились через реку в мелком месте, где с грохотом перекачивались камни и по воде несло пену. Противоположный берег был крутой и скользкий. Когда они наконец с трудом взобрались на него, ведя под уздцы пони, то увидели высокие горы. Горы словно надвигались на них — казалось, до ближайшей не больше дня пути. Тёмной и мрачной выглядела эта гора, хотя на её бурых склонах кое-где лежали полосы солнечного света, а за ней торчали снежные пики.

— Та самая гора? — воскликнул Бильбо, с благоговением глядя на неё округлившимися глазами. В жизни ему не приходилось видеть ничего громаднее.

— Ну что ты! — возразил Балин. — Это начинаются Туманные Горы, а нам надо перебраться через них или под ними. Только тогда мы попадём в Дикий Край. И даже оттуда ещё далеко до Одинокой Горы, где Смог стережёт наши сокровища.

— Ах так! — произнёс Бильбо. И в эту минуту он вдруг почувствовал такую усталость, какой не испытывал прежде. Он опять вспомнил своё удобное креслице у камина в любимой гостиной и услышал, как поёт чайник.

Теперь поход возглавлял Гэндальф.

— Если пропустим дорогу, мы пропали, — сказал он. — Прежде всего нам нужна провизия, а потом отдых в достаточно безопасном месте. К Туманным Горам нужно приступить, зная правильную дорогу, а то легко и заблудиться.

Когда они спросили, куда он их ведёт, Гэндальф ответил:

— Вы подошли, как некоторым из вас, вероятно, известно, к самой границе Дикого Края. Где-то впереди прячется прекрасная долина Ривенделл, там, в

Последнем Домашнем Приюте, живёт Элронд. Я послал ему весточку через своих знакомых, и нас ждут.

Звучало это приятно и утешительно, но туда надо было ещё дойти, а не так-то легко отыскать дорогу в Последний Домашний Приют. Местность впереди неуклонно и постепенно повышалась к подножию ближайших гор; ничто не нарушало её однообразия — не было ни деревьев, ни расщелин, ни холмов, лишь широкий склон цвета вереска и крошащиеся скалы с редкими зелёными пятнами травы и мха, свидетельствовавшими о присутствии воды.

* * *

Утро миновало, день перевалил за середину, но по-прежнему в безмолвной пустыне не появлялось никаких признаков жилья. Путешественников обуяло нетерпение. Прямо под их ногами вдруг открывались лоцины с обрывистыми склонами, где внизу, к их удивлению, росли деревья и протекали речки. Возникали расщелины, такие узкие, что на первый взгляд их ничего не стоило перепрыгнуть, но они были невероятно глубокие, и на дне их kloкотали водопады. Встречались тёмные овраги, через которые нельзя перепрыгнуть и куда нельзя спуститься. Попадались трясины, с виду казавшиеся зелёными и весёлыми лугами в ярких цветах. Но если на них ступал пони с поклажей, он исчезал навсегда.

На поверку от брода до гор оказалось намного дальше, чем путники предполагали. Единственная тропа была отмечена белыми камнями — и совсем маленькими, и большими, наполовину скрытыми мхом и вереском. Гэндальф то и дело нагибался с коня, мотая бородой, и выискивал белые камушки; остальные следовали за ним.

День начал склоняться к вечеру, а поискам не было конца. Давно прошло время чая, быстро смеркалось, луна ещё не взошла. Пони под Бильбо начал спотыкаться о корни и камни. И вдруг они очутились на краю крутого обрыва, да так неожиданно, что конь Гэндальфа чуть не кувырнулся вниз.

— Ну вот, мы и пришли! — воскликнул волшебник, и все столпились вокруг него и заглянули вниз. Там они увидели долину, услышали журчание воды, спешившей по каменному ложу. В воздухе стоял аромат зелени, по ту сторону реки виднелись огоньки.

Бильбо никогда не забыть, как они скользили и скатывались в сумерках по крутой извилистой тропе вниз, в укромную долину Ривенделл. Делалось всё теплее, сосновый дух подействовал на Бильбо усыпляюще, он поминутно клевал носом, чуть не падая с пони, и несколько раз ткнулся носом ему в холку. По мере того как они спускались, настроение у них подымалось. Сосны сменились буками и дубами, потёмки убаюкивали. Когда они выехали на прогалину совсем близко к потоку, стало темно, все краски померкли.

«Хм-м, пахнет эльфами!» — подумал Бильбо и посмотрел вверх на звёзды. Они мерцали ярким голубым светом. И тут среди деревьев неожиданно, как взрыв смеха, зазвучала песня:

*Да что вы, да что вы,
Куда вы, куда вы?
Сносились подковы,
Тут всюду канавы,*

*Манит вас опушка,
Журчит здесь речушка,
Ха-ха!*

*Останьтесь-ка лучше,
По нашему зову.
Костёр лижет сучья,
Лепёшки готовы.
Тра-та, тра-та-та-та,
В долину, ребята,
Ха-ха!*

*Куда ж вы, бедняги?
В лесу что-то рыщут,
Трепещут, как флаги,
У них бородачи.
И Фили, и Кили
На пони вскочили
В лесу,
Ха-ха!*

*У нас бы остались,
Чем мчаться в тревоге,
Ведь пони устали
И сбились с дороги.
День клонится к ночи,
Останься, кто хочет,
И песенке этой
Внимай до рассвета,
Ха-ха!³⁷*

Там, в деревьях, какие-то существа хохотали и пели и, признаться, мололи порядочную чепуху. Но их это не смущало, и если бы вы им сказали об этом, они бы рассмеялись пуще прежнего. Конечно, то были эльфы.

Бильбо даже разглядел их в сгущавшейся темноте. Он немножко побаивался эльфов, но в то же время они ему нравились, хотя он редко сталкивался с ними. Гномы — те не очень ладят с эльфами. Даже такие рассудительные гномы, как Торин и его друзья, считают эльфов глупыми (а считать эльфов глупыми — как раз и есть самая настоящая глупость). Эльфы их раздражают, потому что любят дразнить гномов и подшучивать над их бородами.

— Вот так потеха! — сказал какой-то голос. — Вы только поглядите! Хоббит Бильбо верхом на пони! Какая прелесть!

— Чудеса да и только!

Тут они принялись петь новую песню, такую же несуразную, как и та, что я записал дословно. Наконец высокий молодой эльф вышел из-за деревьев и поклонился Гэндальфу и Торину.

— Добро пожаловать в долину! — произнёс он.

— Благодарим вас! — чуть-чуть сердито ответил Торин. Но Гэндальф уже сошёл с лошади и весело болтал с эльфами.

— Вы немного сбились с дороги, — сказал первый эльф, — если, конечно, вы ищете дорогу, которая ведёт через реку к дому на той стороне. Мы вам её покажем. Но к мосту и через мост лучше идти пешком. Не хотите ли немнож-

ко побыть с нами и попеть? Или поедете дальше сразу? Там готовят ужин, — добавил он, — от костров тянет дымом.

Как ни устал Бильбо, он с удовольствием задержался бы в лесу. Пение эльфов июньской ночью под звёздным небом стоит послушать, если вам нравятся такие вещи. Бильбо хотелось перекинуться несколькими словами с этими существами, которые знали, как его зовут и кто он такой, хотя он их никогда раньше не видел. Эльфам известно многое, они, как никто, подхватывают новости на лету и быстрее, чем падает водопад, узнают обо всём, что творится на земле.

Но гномы единодушно стояли за ужин, притом не откладывая, и потому не пожелали задерживаться. Они двинулись дальше, ведя пони под уздцы. Эльфы вывели их на хорошую тропу на самый берег реки. Она бежала быстро, с шумом, как все горные потоки в летние вечера после того, как солнце весь день растапливает снег на вершинах. На тот берег шёл каменный мостик без перил, такой узкий, что пони с трудом могли по нему пройти. Пришлось продвигаться осторожно, по одному, ведя за собой пони. Эльфы светили им яркими фонариками и пели весёлую песенку, пока вся компания переправлялась через реку.

— Не обмакни бороду в воду, папаша! — кричали эльфы Торину, который шёл через мост, согнувшись в три погибели. — Её смачивать не надо — она и так выросла длинная!

— Следите, чтобы Бильбо не съел все кексы! — кричали другие. — Такой толстяк не пролезет в замочную скважину!

— Тише, тише, Добрый Народ! Спокойной ночи! — остановил их Гэндальф, который замыкал шествие. — И долины имеют уши, а некоторые эльфы — чересчур длинные языки. Спокойной ночи!

Наконец они подошли к Последнему Домашнему Приюту, двери которого были гостеприимно распахнуты.

* * *

Странное дело: о том, что хорошо, о днях, которые провёл приятно, рассказывается скоро, и слушать про них не так уж интересно. А вот про то, что неприятно, что вызывает страх или отвращение, рассказы получаются долгими и захватывающими.

Путешественники провели в гостеприимном доме немало дней, по меньшей мере четырнадцать, и покидать его им не хотелось. Бильбо с радостью оставался бы там ещё и ещё, даже если бы мог без всяких хлопот по одному только желанию перенестись домой, в хоббичью норку. И всё же рассказать об их пребывании там почти нечего.

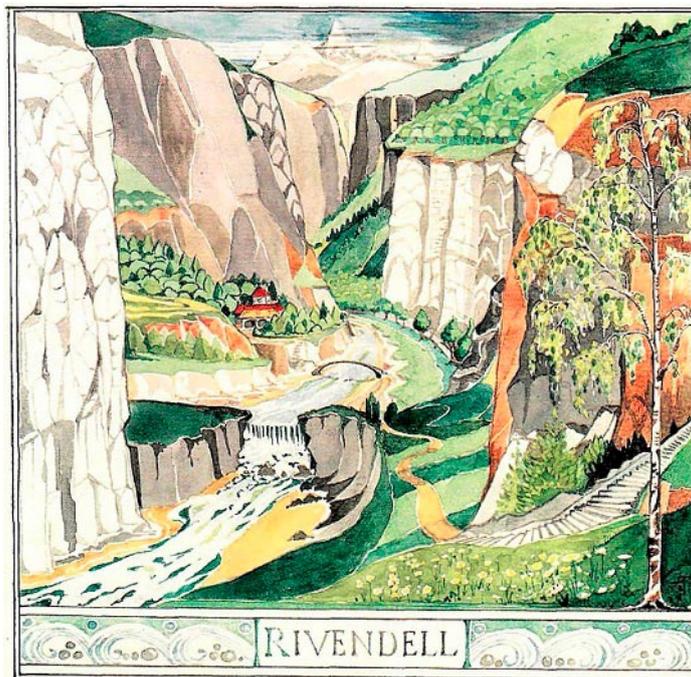
Хозяин дома Элронд был друг эльфов и предводитель тех людей, у которых в предках числились эльфы и открыватели Севера.

Он был благороден и прекрасен лицом, как повелитель эльфов, могуч, как воин, мудр, как колдун, величествен, как король гномов, и добр, как нежаркое лето. Дом Элронда был само совершенство; там было хорошо всем — и тем, кто любит поест и поспать, и тем, кто любит трудиться, и кто любит слушать или рассказывать истории, петь или просто сидеть и думать, и тем, кому нравится всё понемножку.

Злу не было места в долине.

Ривендэйл (Раздол). ♦ Дж. Р. Р. Толкиен

Наши путешественники и их пони за несколько дней отдохнули и набрались сил. Настроение у них исправилось, одежду им починили, синяки и царапины залечили, наполнили мешки едой, лёгкой по весу, но очень питательной, и надавали много полезных советов. Так они дожили до кануна Иванова дня и с восходом солнца в Иванов день должны были отправиться дальше.

Элронд в совершенстве знал руны. За день до отъезда он осмотрел мечи, найденные в логовище троллей, и сказал:

— Их ковали не тролли. Мечи старинные, работы древних великих эльфов, с которыми я в родстве. Мечи делали в Гондолине для войны с гоблинами. Должно быть, они застряли в сокровищнице какого-нибудь дракона или стали добычей гоблинов — ведь драконы и гоблины разрушили город Гондолин много веков назад. Этот меч — знаменитое оружие, Торин, на языке рун он именуется Оркрисст, что в переводе на гондолинский означает Сокрушитель Гоблинов. А этот меч, Гэндальф, зовётся Глемдринг — Молотящий Врагов — некогда его носил король Гондолина. Берегите их!

— Интересно, как они попали к троллям? — проговорил Торин, с любопытством разглядывая свой меч.

— Наверное сказать нельзя, — ответил Элронд, — но можно догадаться, что ваши тролли ограбили других грабителей или раскопали остатки чужих трюфеев, припрятанных где-то в горах.

Торин задумался над его словами.

— Я буду беречь его как зеницу ока, — сказал он. — Да сокрушит он гоблинов, как встарь!

— Вашему пожеланию, возможно, суждено сбыться, едва вы очутитесь в горах, — заметил Элронд. — Теперь покажите карту!

Он развернул её и долго разглядывал, качая головой. Элронд не очень одобрительно относился к гномам — вернее, не очень одобрял их любовь к золо-

ту, — но он ненавидел драконов, их жестокость и коварство. С сожалением он вспоминал весёлые колокола города Дейла, так как видел потом его развалины и опалённые берега реки Быстротечной. На карту падал свет широкого серебряного месяца. Элронд поднял карту кверху и посмотрел на просвет.

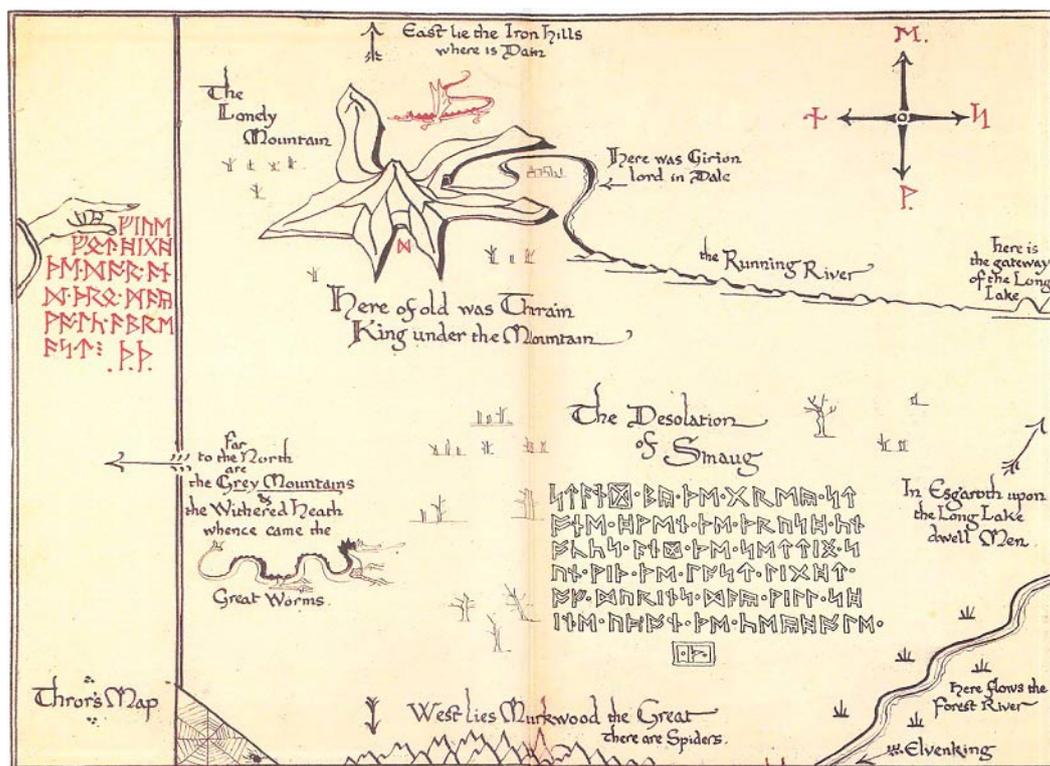
— Что это? — воскликнул он. — За простыми рунами, говорящими: «Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», — проступают лунные буквы!

— Что за лунные буквы? — Хоббит не мог долее сдерживаться. Я уже говорил, как ему нравились карты. Ещё ему нравились руны и вообще всякие необычные буквы и затейливые почерки. У самого у него почерк был не ахти какой.

— Лунные буквы — те же руны, но обычно они не видны, — ответил Элронд. — Их разглядишь только в лунные ночи, когда луна светит на них сзади, а есть такие хитрые лунные буквы, что видны только при той фазе луны, в какой она была, когда их начертали. Их изобрели гномы и писали серебряными перьями. Эти надписи, очевидно, сделаны в такую, как сегодня, ночь — в канун Иванова дня.

Карта Трора. Дж. Р. Р. Толкиен.

— Что они означают? — спросили Гэндальф и Торин одновременно, немного раздосадованные тем, что Элронд обнаружил такую вещь первым, хотя и то сказать: до сих пор такого случая не представлялось.

— «Стань в Дьюрин день у серого камня, когда прострекочет дрозд, — прочёл Элронд, — и заходящее солнце бросит последний луч на дверную скважину».

— Дьюрин, ну как же! — промолвил Торин. — Он был старейшим из старейшин древнего рода гномов Длиннобородых и моим самым первым предком. Я — потомок Дьюрина.

— Что же такое Дьюрин день? — поинтересовался Элронд.

— Как всем должно быть известно, мы называем Дьюриным тот день, когда последняя осенняя луна и солнце стоят в небе одновременно. Боюсь, что нам это знание не очень-то поможет, так как в наше время утрачено умение вычислять, когда же наступит такой день.

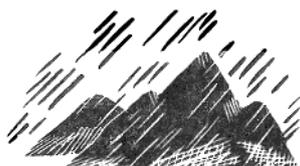
— Это мы посмотрим, — вмешался Гэндальф. — Что-нибудь ещё написано?

— При сегодняшней луне больше ничего не разобрать, — ответил Элронд и отдал карту Торину. После чего все спустились к воде посмотреть, как пляшут и поют эльфы.

Утро Иванова дня было такое прекрасное, о каком можно только мечтать: на голубом небе ни облачка, лучи солнца танцевали на воде. Путешественники выехали в путь, сопровождаемые прощальными песнями и добрыми напутствиями. Они были готовы к дальнейшим приключениям и твёрдо знали дорогу, которая их выведет через Туманные Горы в лежащую за ними страну.

4

Через гору и под горой

Десятки тропинок вели в горы, изрезанные множеством расселин. Но тропинки по большей части оказывались ложными или заводили в тупик. В расселинах же гнездилась всякая нечисть и подстерегали страшные опасности.

Много дней и много миль пролегло между нашими путешественниками и Последним Домашним Приютом. Они поднимались всё выше и выше, тропа была трудная, опасная, путь окольный, пустынный, бесконечный. Если глянуть назад — внизу расстилалась местность, которую они не так давно покинули. Далеко-далеко на Западе, в сиреневой дымке лежала родная страна Бильбо, мир безопасный и уютный, и в нём — его собственная хоббичья нор-

ка. Становилось всё холоднее, между скал свистел пронзительный ветер.

Порой со склонов скатывались камни, вырвавшиеся из растопленного дневным солнцем снега, и проскакивали между путешественниками или пролетали над головой. Ночи были промозглые, неудобные, путешественники не смели петть и громко разговаривать, так как эхо раскатывалось самым жутким образом, и тишина явно хотела, чтобы её не нарушало ничто, кроме шума воды, воя ветра и стука камней. «Там внизу разгар лета, — думал Бильбо, — косят траву, устраивают пикники... Мы ещё с гор не начнём спускаться, а там уже пойдёт жатва и сбор ягод».

Остальным приходили в голову не менее унылые мысли. А между тем с Элрондом они прощались в самом радужном настроении и предвкушали, как перевалят через горы и быстро поскачут дальше. Они даже рассчитывали добраться до потайной двери в Одинокой Горе той же осенью в новолуние. «Может быть, как раз поспеет в Дьюрин день», — говорили они.

Только Гэндальф качал головой и помалкивал. Гномы уже много лет не ходили этой дорогой, но Гэндальф бывал тут и знал, что с тех пор, как драконы выжили отсюда людей и гоблины расселились здесь после проигранной гномами битвы при рудниках Морайи, зло безнаказанно царит в Диком Краю и путников всюду подстерегают опасности. Даже продуманные планы мудрых чародеев вроде Гэндальфа и добрых людей вроде Элронда могут провалиться, когда совершаешь опасное путешествие по Дикому Краю. Гэндальф был достаточно мудр, чтобы понимать это. Он знал, что в любую минуту может случиться непредвиденное, и не надеялся, что удастся обойтись без страшных происшествий во время перехода через высокие горы с их недоступными пиками и зловещими долинами, где властвует беззаконие. Обойтись и не удалось!

Всё шло хорошо, пока однажды они не попали в грозу, да какую! Казалось, гремит гром не грозовой, а пушечный. Всякий знает, как страшно бушуют гром и молнии в горах, ночью, когда две грозы идут войной друг на друга. Молнии раскалываются, ударяясь об вершины, скалы содрогаются, ужасные раскаты грома сотрясают воздух, эхо разносится по всем пещерам и углублениям, и тьма наполняется оглушающим грохотом и сверканием.

Бильбо никогда ничего подобного не видел и даже вообразить не мог. Они находились высоко в горах на узкой площадке, на краю головокружительного обрыва, отвесно уходящего вниз. Они устроились на ночлег под нависшей скалой; Бильбо лежал, закутавшись в одеяло, и дрожал всем телом. Выглядывая одним глазком из-под одеяла, он видел при вспышках молнии по другую сторону долины каменных великанов, которые перебрасывались обломками скал, ловили их и снова швыряли во мрак; обломки сыпались вниз, в гущу деревьев, или с грохотом разлетались вдребезги. Потом поднялся ветер и полил дождь; ветер хлестал дождём и градом со всех сторон, так что навес перестал быть защитой. Скоро путешественники промокли. Пони их стояли, понурились головы, поджав хвосты, некоторые тихонько ржали от страха. Слышно было, как великаны гогочут и перекликаются по всем склонам.

— Так не годится! — сказал Торин. — Если даже нас не сдует ветром, или не смочет дождём, или не поразит молнией, то любого может схватить великан и поддать ногой, как футбольный мяч.

— Коли знаете местечко получше, так возьмите и отведите нас туда! —

сварливым тоном отозвался Гэндальф, которого тоже не радовало соседство великанов.

После некоторых препирательств решили послать Фили и Кили поискать убежище поудобнее. Зрение у них было острое, а поскольку они были моложе других гномов лет этак на пятьдесят, то им всегда давали такие поручения (когда становилось ясно, что бессмысленно посылать Бильбо). «Когда ищешь, то обязательно находишь», — так сказал младшим гномам Торин. Спору нет, если ищешь, то всегда что-нибудь найдёшь, но совсем не обязательно то, что искал. Так получилось и на этот раз.

Вскоре Фили и Кили ползком явились назад, держась за скалы, чтобы не снесло ветром.

— Мы нашли сухую пещеру, — заявили они, — тут за углом. Там всем хватит места, для пони тоже.

— А вы как следует её осмотрели? — спросил волшебник. Он-то знал, что горные пещеры редко пустуют.

— Ещё бы! — ответили они, хотя всем было ясно, что осмотреть внимательно у них не хватило времени — так быстро они вернулись.

В том и состоит коварство пещер, что никогда не знаешь, далеко ли пещера простирается, куда она выведет и что подстерегает вас внутри. Сведения, принесённые Фили и Кили, показались вполне удовлетворительными. Ветер по-прежнему завывал, и гром гремел, и им стоило больших трудов добраться вместе с пони до пещеры. Хорошо, что до неё было действительно недалеко: они скоро упёрлись в скалу, выступавшую на тропинку, и, обогнув её, обнаружили в стене низкий ход. Сквозь отверстие как раз протиснулись рассёдланные, без поклажи пони. Так приятно было слушать, как снаружи беснуются ветер и дождь, и чувствовать себя в безопасности от великанов и их каменных мячей. Но волшебник ни в коем случае не хотел рисковать: он зажёг свой посох, как когда-то (так давно!) в столовой у Бильбо, и они обследовали пещеру вдоль и поперёк.

Пещера была порядочных размеров, но не слишком велика и не очень таинственна. Сухой пол, уютные закоулки. Ойн и Глойн хотели развести на пороге костёр, чтобы обсушить вещи, но Гэндальф строго-настрого запретил. Тогда все расстелили мокрую одежду прямо на земле, вытащили сухую из тюков, завернулись в одеяла, достали трубки и принялись пускать колечки. Гэндальф, чтобы доставить друзьям удовольствие, окрашивал колечки в разные цвета и заставлял плясать под сводами. Путешественники болтали-болтали и совсем забыли про грозу. Они обсуждали, что каждый сделает со своей долей золота (сейчас оно не казалось им недоступным). Потом они один за другим заснули.

Как показала эта ночь, они хорошо сделали, взяв в путешествие Бильбо. Он долго не спал, а когда наконец заснул, то видел отвратительные сны. Ему снилось, будто трещина в задней стене пещеры растёт, раскрывается всё шире и шире; ему стало страшно, но он не мог крикнуть, не мог пошевелиться и просто лежал и смотрел. Потом ему приснилось, будто пол пещеры наклоняется и сам он падает, катится — неизвестно куда!

Он сильно вздрогнул и проснулся и тут же понял, что то был не совсем сон. Трещина в конце пещеры действительно разошлась и превратилась в широкий проход, в щели мелькнул хвост последнего пони и исчез. И тут Бильбо за-

вопил, да так громко и пронзительно, как умеют вопить только хоббиты, несмотря на свой маленький рост. И тогда в одно мгновение, не успели бы вы проговорить «ой, стой!», из трещины посыпались гоблины, большие-пребольшие, уродливые-преуродливые — несметные толпы гоблинов. На каждого гнома их пришлось по шесть штук, и даже на Бильбо — два. Они похватили наших путешественников и протащили через щель так быстро, что вы не успели бы молвить «куда — беда!». Но Гэндальфа они не успели сграбастать! И причиной тому был вопль Бильбо. Волшебник проснулся в мгновение ока, как будто и не спал, и когда гоблины подступили к нему, в пещере сверкнул ослепительный свет, запахло порохом и нескольких гоблинов убило на месте. Щель со стуком сомкнулась, и Бильбо и гномы очутились по другую её сторону! Куда же девался Гэндальф? Этого не знали ни они, ни гоблины, да гоблины и не стали этого выяснять. Они продолжали тащить Бильбо и гномов. Вокруг стояла темень сплошная, непроницаемая, в такой тьме умеют видеть только гоблины, привыкшие жить в глубине гор. Проходы шли во всех направлениях, пересекаясь, перепутываясь, но гоблины знали нужную дорогу так же хорошо, как вы знаете дорожку к ближайшей почте. Тропа всё спускалась и спускалась, и внизу была невыносимая духота. Гоблины вели себя грубейшим образом, безжалостно щипали пленников и хохотали ужасным деревянным смехом.

Наконец впереди замерцал красный свет, и гоблины запели, затянули хриплыми голосами жуткую песню, пришлёпывая в такт плоскими ступнями по камням и потряхивая своих пленников:

*Хлоп! Стоп! Вот тебе в лоб!
Глядь! Хвать! Как тебя звать?
Живут гоблины тут,
Эй, смелей, сюда!*

*Стук! Звон! Топот и стон!
Раз-два — молоток! Три-четыре — свисток!
Вперёд в подземный ход,
Эй, шевелись побыстрей!*

*Треск! Свист! Кнут, хлыст!
Бей и стучи! Рычи и мычи!
Врёшь, врешь! От нас не уйдёшь!
Гоблины пьют, хохочут, поют —
А ну-ка вперёд, в подземный ход,
Живей, живей, живей!*

Звучало это устрашающе. Стены содрогались от «хлоп, стоп», «треск, свист» и от безобразного смеха. Смысл песни был достаточно ясен: гоблины достали кнуты и погнали пленников перед собой, хлеца их: вжик, вжик! Гномы жалобно стонали и повизгивали. И вдруг все они ввалились в огромную пещеру.

Посредине пылал большой красный костёр, по стенам горели факелы, в пещере было полно гоблинов. Все они загоготали, затопали ногами и захлопали в ладоши, когда внутрь вбежали гномы, и последним (а значит, ближе всего к кнутах) — бедняга Бильбо. За ним, гикая и щёлкая кнутами, следовали погонщики. В углу сбились в кучу пони, на земле валялись тюки и мешки, вспоротые и развороченные; гоблины рылись в них, обнюхивая вещи, ощупывая их

и переругиваясь. Как это ни печально, гномы больше никогда не видели своих отличных пони, в том числе крепенького весёлого белого, которого одолжил Гэндальфу Элронд, так как лошадь не смогла бы пройти по горным тропам. Скажу по секрету: гоблины едят лошадей, и пони, и осликов, и кое-кого ещё и вечно голодны. Но сейчас пленникам было не до пони, они думали только о себе. Гоблины сковали им руки за спиной, привязали всех гуськом к одной длинной цепи и поволокли в дальний угол пещеры. Малютка Бильбо болтался в самом хвосте.

В углу, в полумраке, на большом плоском камне восседал большущий гоблин с огромной головой, а вокруг стояли воины, вооружённые топорами и кривыми мечами. Гоблины, надо сказать, жестокие, злобные и скверные существа. Они не умеют делать красивых вещей, но зато отлично делают всё злодейское. Они не хуже гномов, исключая наиболее искусных, умеют рыть туннели и разрабатывать рудники, когда захотят, но сами они всегда грязные и неопрятные. Молоты, топоры, мечи, кинжалы, мотыги, клещи и орудия пытки — всё это они прекрасно делают сами или заставляют делать других. Другие — это пленники, рабы, которые работают на них, пока не умрут от недостатка воздуха и света. Не исключено, что именно гоблины изобрели некоторые машины, которые доставляют неприятности человечеству, особенно те, которые предназначаются для уничтожения большого числа людей за один раз. Механизмы, моторы и взрывы всегда занимали и восхищали гоблинов. Однако в те времена, о которых мы рассказываем, и в той дикой местности гоблины ещё не доросли до такой стадии цивилизации (так это называется). Они ненавидели всех без разбора, особенно порядочных и процветающих, а не то что питали именно к гномам особую ненависть. В некоторых местностях отдельные бессовестные гномы даже заключали с гоблинами союзы. Но к гномам того племени, к которому принадлежал Торин, гоблины питали самую настоящую вражду из-за войны, о которой мы уже упоминали, но о которой речь здесь не пойдёт. А вообще-то гоблинам всё равно кого поймать, лишь бы застать жертву врасплох, чтобы та не могла защищаться.

— Кто эти жалкие отродья? — спросил Верховный Гоблин.

— Гномы и вот этот! — ответил один из погонщиков, дёрнув цепь так, чтобы Бильбо упал на колени. — Они прятались в нашей передней галерее.

— С какой стати? — обратился Верховный Гоблин к Торину. — Поручусь, что затевали какую-нибудь пакость! Подозреваю, что шпионили за моим народом! Нисколько не удивлюсь, если они воры! А ещё вероятнее, убийцы! И ещё, чего доброго, друзья эльфов! Ну! Что скажете?

— Гном Торин, к вашим услугам! — произнёс Торин (это была простая вежливость, как вы понимаете). — В тех поступках, которые вы нам приписываете, мы не виноваты. Мы укрывались от грозы в удобной и пустой, как нам показалось, пещере. В наши намерения никоим образом не входило беспокоить гоблинов! — И это была правда!

— Гм! — сказал Верховный Гоблин. — Так, значит! А могу я осведомиться, что вам вообще понадобилось в горах и откуда вы взялись и куда направлялись? Я бы хотел знать о вас всё. Правда, это вам мало поможет, Торин Оукеншильд, мне и так достаточно известно о вашем племени. Но лучше выкладывайте всё начистоту.

— Мы отправились в путь, желая повидать наших родственников: племян-

ников и племянниц, кузенов и кузин, троюродных и четвероюродных братьев и сестёр и других потомков наших общих предков, которые проживают к востоку от этих поистине гостеприимных гор, — ответил Торин. Он находился в затруднении: как выложить всё начистоту в условиях, где правда не слишком уместна.

— Он лжёт, о величайший из великих! — вмешался один из погонщиков. — Несколько наших были поражены молнией в пещере, когда мы предложили этим существам спуститься с нами вниз. Наши умерли на месте. И потом, как он объяснит вот это? — Тут гоблин показал меч Торина — меч из логовища троллей.

Верховный Гоблин бросил взгляд на меч и испустил леденящий душу вой ярости и злобы, и все воины заскрежетали зубами, загрохотали щитами и затопали ногами. Они сразу признали меч. В своё время, когда светлые эльфы Гондолина теснили гоблинов и сражались с ними под стенами своего города, этот меч убил сотни гоблинов. Эльфы называли его Оркрест, или Сокрушитель Гоблинов, но сами гоблины прозвали его просто Кусач. Они ненавидели его и ещё больше тех, в чьих руках он находился.

— Убийцы гоблинов и друзья эльфов! — завопил Верховный Гоблин. — Рубите их! Хлещите их! Кусайте их! Грызите их! Бросить их в ямы со змеями, чтоб не видели они больше дневного света!

Он до того остервенился, что спрыгнул с трона и, разинув пасть, кинулся на Торина.

В этот миг все огни в пещере разом потухли и из костра — п-ф-ф! — взметнулся до самого свода столб синего раскалённого дыма, разбрасывая белые колючие искры, которые стали жечь гоблинов. Невозможно описать, какой поднялся визг, писк, вой, беготня и трескотня, рычание и ворчание. Сотни диких кошек и волков, если бы их поджаривали живьём всех вместе на медленном огне, не могли бы поднять такой невообразимый шум-гам. Искры прожигали гоблинов насквозь; гарь, наполнившая пещеру, была такой густой, что даже глаза гоблинов, привычные к тьме, не могли ничего разглядеть. Скоро все гоблины катались по полу, сцепившись клубками, кусаясь, лягаясь, пинаясь и колошматя друг друга, как сумасшедшие.

Внезапно сам собой сверкнул меч и пронзил Верховного Гоблина. Тот упал мёртвым, а его воины с диким визгом бросились врассыпную и исчезли в темноте.

Меч вернулся в ножны.

— Быстро за мной! — приказал спокойно, но сурово чей-то голос. И ничего не успев сообразить, Бильбо опять затрусил в конце цепочки по тёмным переходам, а визг и вой гоблинов постепенно затихли вдали.

— Скорей! Скорей! — торопил голос. — Сейчас опять зажгут факелы.

— Одну минутку! — попросил Дори, шедший перед Бильбо. Он, насколько позволяли связанные руки, помог хоббиту вскарабкаться ему на спину, и затем все пустились вперёд бегом, позвякивая цепями, спотыкаясь и чуть не падая. Они бежали вперёд не останавливаясь, бежали долго и, вероятно, уже находились в самой глубине гор.

И тут Гэндальф зажжёт свой посох. Конечно же, всё это было делом рук Гэндальфа. Но пока им некогда было спрашивать его, откуда он взялся. Он опять вытащил меч, и опять меч засветился во мраке. Сперва, когда вокруг

были гоблины, меч пылал от гнева, а теперь он светился тихим голубым светом, довольный тем, что убил повелителя гоблинов. Ему ничего не стоило перерубить цепи, и он в два счёта освободил пленников. Меч звали Глемдринг, то есть Молотящий Врагов, если помните. Гоблины прозвали его Колотун и ненавидели ещё больше, чем Кусача, если это возможно. Оркрист тоже удалось спасти: Гэндальф выхватил его из рук остолбеневшего стражника. Гэндальф вообще успевал о многом подумать, и хотя не был всемогущ, многое мог сделать для друзей, чья жизнь подвергалась опасности.

— Все тут? — спросил он, с поклоном вручая Торину меч. — Ну-ка: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... по стойте, где же Фили и Кили? Ага, здесь! Двенадцать, тринадцать и мистер Бэггинс четырнадцатый. Неплохо, могло быть и хуже, но, опять же, могло быть и получше. А так — ни пони, ни пици; где мы — неизвестно, и по пятам гонится орда разозлённых гоблинов. Вперёд!

И они двинулись вперёд. Гэндальф оказался прав: позади в тёмных переходах, которые они только что покинули, послышались шум, топот и ужасные крики гоблинов. Гномы припустили ещё быстрее, а поскольку Бильбо не мог за ними угнаться, то они взялись нести его по очереди на спине.

И всё-таки гоблины бегают быстрее гномов, к тому же они лучше знали дорогу, так как сами прорывали ходы, вдобавок они обезумели от ярости. Так что гномы, как ни старались уйти от преследования, вскоре услышали приближающиеся крики и завывания. Шлёпанье множества ног слышалось буквально за ближайшим поворотом. В туннеле позади них замелькали огни факелов. А гномы уже выбились из сил.

— Зачем, ах зачем покинул я мою норку! — повторял несчастный мистер Бэггинс, подпрыгивая на спине у Бомбура.

— Зачем, эх зачем брали мы с собой в поход этого недотёпу! — повторял бедный толстяк Бомбур, пошатываясь под ношей. От жары и страха пот капал у него с носа.

В этот момент Гэндальф немного отстал, и Торин, последовал его примеру. Они свернули за угол.

— Меч из ножен, Торин! — крикнул волшебник.

Ничего другого им не оставалось. Ух, как не понравилось это гоблинам! На полном ходу они выскочили из-за угла — и вдруг Сокрушитель Гоблинов и Молотящий Врагов остро и ярко сверкнули им в глаза. Передние выронили факелы и испустили предсмертный вой. Средние завопили ещё громче и бросились назад, сшибая бежавших за ними. «Кусач и Колотун!» — завизжали они. Началась паника, гоблины, оставшиеся в живых, опрометью помчались обратно.

Ещё долго гоблины не осмеливались заглянуть за страшный поворот. Тем временем гномы успели углубиться далеко-далеко в тёмные ходы царства гоблинов. Сообразив это, уцелевшие гоблины снова зажгли факелы, надели мягкие башмаки и пустились вслед за гномами своих самых быстрых скороходов с острым слухом и зрением. Те помчались вперёд в темноте быстро, как хорьки, и бесшумно, как летучие мыши. Потому-то ни Бильбо, ни сам Гэндальф не слышали их приближения. И не видели их. Но зато гоблины различали беглецов прекрасно, так как посох Гэндальфа испускал слабый свет, освещая гномам дорогу. Внезапно Дори, который теперь оказался последним и нёс Бильбо,

схватили за ногу. Дори закричал и грохнулся на землю, а хоббит полетел в черноту, стукнулся головой о камень и потерял сознание.

5

Загадки в темноте

Когда Бильбо наконец открыл глаза, то не понял даже, открыл ли их: такая вокруг стояла непроницаемая темень. Поблизости ни души. Представьте себе, как Бильбо испугался! Он ничего не слышал, ничего не видел и ничего не ощущал, кроме холодного каменного пола под собой.

С великим трудом он поднялся на четвереньки и пополз, пока не дотронулся до стенки туннеля. Ни гоблинов, ни гномов не было слышно. Голова у него кружилась, он даже не мог определить, в какую сторону они бежали, перед тем как он свалился.

Выбрав, как ему показалось, правильное направление, он так и пополз на четвереньках и полз довольно долго, пока рука его не коснулась маленького холодного металлического колечка, лежавшего на земле. То был поворотный момент в его карьере, но он этого ещё не знал. Машинально он положил колечко в карман — сейчас оно было ни к чему. Потом сел на холодный пол и долго предавался горестным раздумьям. Он представлял себе, как жарит яичницу с беконом у себя дома. Желудок давно намекал ему, что пора бы подкрепиться, и от голода он чувствовал себя ещё более несчастным.

Он не мог сообразить, что делать дальше, не мог вспомнить, почему его бросили одного, почему в таком случае гоблины его не выбрали, а также почему у него так болит голова. Причина же заключалась в том, что он завалился в уголок и лежал себе в темноте. Как говорится, с глаз долой... и почти что дух вон.

Через некоторое время он нащупал в кармане трубку, она не сломалась — уже хорошо. Потом достал кисет, там оставалось немного табаку — ещё того лучше. Потом пошарил по карманам — и не нашёл ни одной спички! Мечты его разлетелись в прах. Одумавшись, он, правда, решил, что так даже лучше. Бог знает, к чему привели бы чирканье спичками и запах табака! Кто кинулся бы на него из чёрных ходов? Но всё же на момент отсутствие спичек его огорчило. Охлопывая себя кругом, он наткнулся на рукоять кинжала, который взял в пещере троллей и о котором совсем забыл. Хорошо, что гоблины не заметили его, — он был засунут за пояс. Бильбо вытащил кинжал из ножен — и тот слабо засветился во мраке.

«Значит, тоже изделие эльфов, — подумал Бильбо, — а гоблины, хоть и не рядом, но и не так далеко».

Он немного успокоился. Всё-таки замечательно иметь при себе оружие, сделанное в Гондолине для войны с гоблинами, о которой пелось столько песен. Он уже заметил, что гоблины, увидев оружие эльфов, сразу терялись.

«Идти назад? — размышлял он. — Исключено! Вбок? Бессмысленно! Вперёд? Единственная разумная вещь! Итак, вперёд!»

Он встал на ноги и пошёл дальше, держа в одной руке перед собой кинжал, другой касаясь стены. Сердце его колотилось и трепыхалось.

Да, Бильбо очутился в чрезвычайно трудном положении. Но вы должны помнить, что для него оно было менее трудным, чем было бы, скажем, для меня или для вас. Хоббиты всё-таки не то, что люди. Кроме того, хотя норки у них симпатичные, уютные, хорошо проветрены и совсем не похожи на туннели гоблинов, хоббиты всё же гораздо больше привыкли к подземным переходам, чем мы, и не так легко теряют способность ориентироваться под землёй. Особенно когда уже опомнятся после того, как трахнулись головой о камень. Ступают хоббиты бесшумно, умеют ловко спрятаться и быстро оправляются от ушибов и падений. У них неисчерпаемые запасы мудрых пословиц и поговорок, о которых люди никогда не слыхали или давно позабыли.

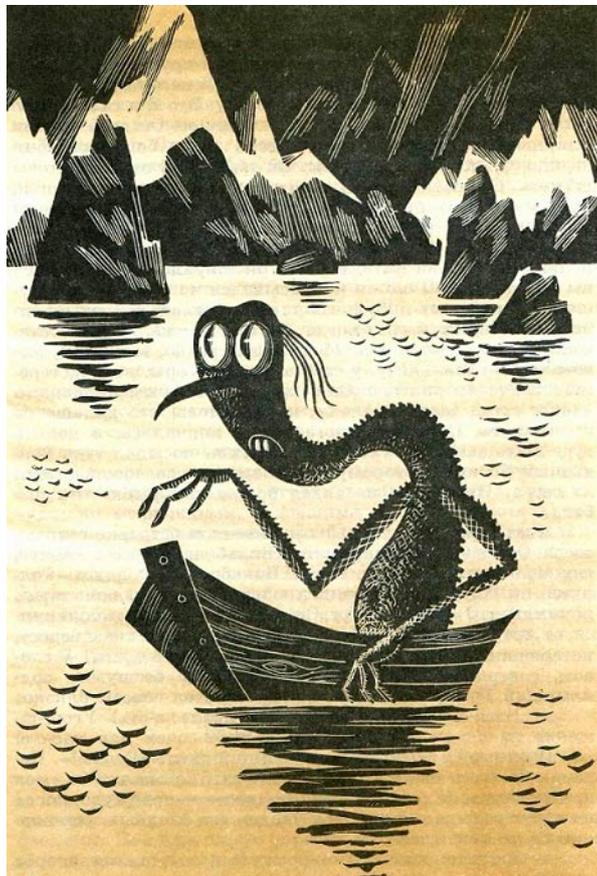
И всё-таки мне лично не хотелось бы оказаться на месте мистера Бэггинса. Казалось, туннель никогда не кончится. То и дело влево и вправо отходили проходы, Бильбо видел их благодаря свечению кинжала. Туда он не заглядывал, только торопился дальше, боясь, как бы оттуда не выскочили гоблины или ещё какие-нибудь страшные твари. Он шёл да шёл, всё дальше и дальше, всё вниз да вниз. И по-прежнему ни звука, лишь изредка взмах крыльев проносящейся мимо летучей мыши. Сперва он пугался, но потом перестал — мыши пролетали часто. Не знаю уж, сколько он так плёлся, но наконец почувствовал, что устал, как никогда; ему казалось, что он уже перешёл в завтра и так будет идти всю жизнь.

Неожиданно, ни о чём не подозревая, он плюхнулся в воду! Бр-р-р! Вода была ледяная! Это встряхнуло Бильбо и заставило собраться. Он не знал, просто ли это лужа на дороге или берег подземного потока, пересекавшего туннель, или край глубокого и таинственного подземного озера. Кинжал почти перестал светиться. Бильбо замер на месте и прислушался: «кап-кап» капали капли с невидимой крыши в воду. Никаких других звуков.

«Значит, это лужа или озеро, а не река», — подумал Бильбо. Он не решался войти в воду в темноте. Плавать он не умел, и ему представлялись разные противные скользкие создания с выпученными слепыми глазами, извиваю-

щиеся в воде. Странные существа водятся в прудах и озёрах в глубине гор: рыбы, чьи предки заплыли туда бог весть как давно да так и не выплыли на свет, глаза их всё выпучивались и выпучивались оттого, что они силились видеть во мраке. Есть там твари и более страшные, чем рыбы. Они поселились в пещерах раньше гоблинов и теперь скрываются по тёмным закоулкам, шныряют, подсматривают и разнюхивают.

Здесь, в глубине и в темноте, у самой воды жил старый Голлум — большая скользкая тварь. Не знаю, откуда он взялся и кто или что он был такое. Голлум — и всё. Чёрный, как сама темнота, с двумя громадными круглыми бесцветными глазами на узкой физиономии. У него была лодчонка, и он тихо скользил в ней по озеру. Это и в самом деле было озеро, широкое, глубокое и ледяное. Он грёб своими длинными задними лапами, свесив их за борт, грёб беззвучно, без единого всплеска. Не таковский он был, чтобы шуметь. Он высматривал своими круглыми, как плошки, глазами слепых рыб и выхватывал их из воды длинными пальцами с быстротой молнии. Мясо он тоже любил. Когда ему удавалось поймать гоблина, он бывал доволен: они нравились ему на вкус. Но сам он старался не попасться им на глаза. Обычно он набрасывался на них сзади и душил, если какому-нибудь гоблину случалось оказаться одному на берегу озера, когда Голлум рыскал поблизости. Они, правда, спускались к воде очень редко, так как чувствовали, что там внизу, у самых корней горы, их подстерегает что-то неприятное. Они наткнулись на озеро давным-давно, когда рыли туннели, и убедились, что дальше не проникнуть. Поэтому дорога там и кончалась, и ходить туда было незачем — если только их не посылал туда Верховный Гоблин, которому вдруг захотелось поесть рыбки из озера. Иногда он не видел больше ни рыбки, ни рыбака.

Жил Голлум на скользком каменном островке посреди озера. Он уже давно заметил Бильбо и наставил на него, как телескопы, бледные глаза. Бильбо

не мог видеть Голлума, но Голлум-то его видел и изнывал от любопытства, понимая, что это не гоблин. Он влез в лодочку и оттолкнулся от островка, а Бильбо тем временем сидел на берегу, потерявший дорогу и растерявший последние мозги, — словом, совершенно растерянный. И вдруг бесшумно подплывший Голлум прошипел и просвистел совсем близко:

— Блес-с-ск и плес-с-ск, моя прелес-с-сть! Угощ-щщение на с-с-славу! С-сладкий кус-с-сочек для нас-с-с!

И он издал страшный глотающий звук: «Голлм!» Недаром имя его было Голлум, хотя сам он звал себя «моя прелес-с-сть». У хоббита чуть сердце не выпрыгнуло, когда он вдруг услышал шипение и увидел два бледных, уставившихся на него глаза.

— Ты кто такой? — спросил он, выставляя вперёд кинжал.

— А он кто такой, моя прелес-с-сть? — прошипел Голлум (он привык обращаться к самому себе, потому что больше ему не с кем было разговаривать). Он явился именно затем, чтобы разузнать, кто это. Голода он сейчас не испытывал, только любопытство; будь он голоден, он сперва бы сцапал Бильбо, а потом уже зашипел.

— Я мистер Бильбо Бэггинс. Я потерял гномов, потерял волшебника и не знаю, где я. И знать не хочу, мне бы только выбраться отсюда.

— Что за ш-ш-штука у него в руках? — спросил Голлум, глядя на кинжал, который ему явно не понравился.

— Меч, выкованный в Гондолине!

— Ты слышиш-ш-шь? — прошипел Голлум и сделался очень вежливым. — Не присес-с-сть ли тебе, моя прелес-с-сть, не побес-с-с-седовать ли с ним немнож-ж-жко? Как ему нравятс-с-ся з-з-загадки? Может быть, нравятс-с-ся?

Голлум старался вести себя как можно дружелюбнее, во всяком случае, до поры до времени, пока не выяснит побольше о мече и о хоббите, один ли он в самом деле и можно ли его с-с-съес-с-сть, и не проголодался ли он, Голлум. Загадки — вот что пришло ему в голову. Загадывать загадки да изредка отгадывать их — единственная игра, в которую ему приходилось играть давным-давно с другими чудными зверюшками, сидевшими в своих норках. С тех пор он потерял всех своих друзей, стал изгнанником, остался один и заполз глубоко-глубоко, в самую тьму под горой.

— Хорошо, — сказал Бильбо, решив быть покладистым, пока не узнает побольше об этом создании — одно ли оно, злое ли и дружит ли с гоблинами. — Сперва ты, — добавил он, потому что не успел ничего придумать.

И Голлум прошипел:

*Не увидать её корней,
Вершина выше тополей,
Всё вверх и вверх она идёт,
Но не растёт.*

— Ну, это легко, — сказал Бильбо. — Наверное, гора.

— Иш-ш-шь как прос-с-сто догадалс-с-ся! Пус-с-сть у нас-с-с будет с-с-состязание! Ес-с-сли моя прелес-с-сть с-с-спрос-с-сит, а он не отгадает, моя прелес-с-сть его съес-с-ст. Ес-с-сли он с-с-спросит нас-с-с, а мы не догадаем-с-с-ся, мы с-с-сделаем то, что он прос-с-сит, хорош-ш-шо? Мы покаж-ж-жем ему дорогу, моя прелес-с-сть.

— Согласен, — сказал Бильбо, не смея отказаться и отчаянно пытаюсь придумать загадку, которая бы спасла его от съедения.

*На красных холмах
Тридцать белых коней
Друг другу навстречу
Помчатся скорей,*

*Ряды их сойдутся,
Потом разойдутся,
И смиренными станут
До новых затей.*

Вот всё, что он сумел из себя выжать, — слово «съесть» мешало ему думать. Загадка была старая, и Голлум, конечно, знал ответ не хуже нас с вами.

— С-с-старьё! — прошипел он. — З-з-зубы! З-з-зубы, моя прелес-с-сть! У нас-с их ш-ш-шес-с-сть!

Затем он задал вторую загадку:

*Без голоса кричит,
Без зубов кусает,
Без крыльев летит,
Без горла завывает.*

— Минутку! — вскричал Бильбо, в чьих ушах по-прежнему звучало «съесть». К счастью, нечто подобное он когда-то слышал и теперь напряг свою память и ответил: — Ветер, разумеется, ветер!

Он был так доволен собой, что следующую загадку сочинил сам. «Пускай помучается, мерзкое создание», — подумал он.

*Огромный глаз сияет
В небесной синеве,
А маленький глазок
Сидит в густой траве.
Большой глядит — и рад:
«Внизу мой младший брат!»*

— С-с-с, — просвистел Голлум. Он так давно жил под землёй, что забыл про такие вещи.

Но когда Бильбо уже начал надеяться, что гадкое существо проиграло, Голлум вызвал в памяти те далёкие времена, когда он жил с бабушкой в норке на берегу реки.

— С-с-с, моя прелес-с-сть, — просвистел он, — одуванчик, вот какой с-с-смысл.

Но такие будничные заурядные надземные загадки ему надоели. К тому же они напомнили ему о тех днях, когда он был не такой одинокий, не такой противный, не скрывался, не таился. И у него испортилось настроение. И ещё он проголодался. Поэтому на сей раз он загадал загадку покаверзнее:

*Её не видать
И в руки не взять,
Царит над всем,
Не пахнем ничем.*

Встаёт во весь рост

*На небе меж звёзд.
Всё начинается
И всё кончает.*

На несчастье Голлума, Бильбо когда-то слышал что-то вроде этого, и во всяком случае отгадка окружала его со всех сторон.

— Темнота! — выпалил он, даже не почесав в затылке и не приставив пальца ко лбу.

*Без замков, без засовов дом,
слиток золота спрятан в нём, —*

сказал он просто так, чтобы оттянуть время, пока не придумает что-то поистине неразрешимое. Он считал загадку достаточно затасканной и постарался выразить её хотя бы новыми словами. Но для Голлума она неожиданно оказалась трудной. Голлум свистел и шипел, пыхтел, но никак не мог догадаться.

Бильбо уже начал терять терпение.

— Ну, так что же? — сказал он. — По звукам, которые ты издаёшь, можно подумать, что ответ — «кипящий чайник».

— Порас-с-скинуть мозгами, пус-с-скай дас-с-ст нам время порас-с-скинуть, моя прелес-с-сть.

— Ну? — повторил Бильбо, сочтя, что дал достаточно время «порас-с-скинуть». — Говори отгадку.

И тут Голлум вдруг вспомнил, как в детстве воровал из гнёзд яйца и потом, сидя на бережке, учил свою бабушку высасывать их.

— Яйт-с-са, — прошипел он. — Яйт-с-са, вот как! — И поскорее загадал:

*Без воздуха живёт она
И, как могила, холодна,
Не пьёт, хотя в воде сидит,
В броне, хотя и не звенит.*

Теперь Голлум, в свою очередь, считал загадку ужасно лёгкой, потому что ответ был вечно у него на уме. Просто в эту минуту его так разволновала загадка про яйца, что труднее не придумывалось. Но бедняге Бильбо она показалась неразрешимой, он ведь старался, когда мог, не иметь дела с водой. Вы-то, конечно, знаете ответ или просто догадались, так как сидите себе с комфортом дома и никто вас не собирается съесть. Бильбо откашлялся разок-другой, но ответ не явился.

Вскоре Голлум начал посвистывать от удовольствия, обращаясь к самому себе:

— Интерес-с-сно, вкус-с-сный ли он? С-с-сочный ли? Можно ли его с-с-схрупать?

Он снова начал таращиться на Бильбо из темноты.

— Минутку! — взмолился хоббит, дрожмя дрожа. — Полминутки! Я-то дал тебе время пораскинуть мозгами.

— Пус-с-сть пос-с-спеш-ш-шит, пос-с-спеш-ш-шит! — проговорил Голлум и начал перебираться из лодки на берег, поближе к Бильбо. Но едва он опустил свою тощую паучью лапу в воду, оттуда выскочила испуганная рыба и плюхнулась прямо Бильбо на ногу.

— Ух! — вскрикнул он. — Какая холодная, липкая! — И тут его осенило. — Рыба! — закричал он. — Рыба, рыба!

Голлум был страшно разочарован. А Бильбо, не теряя ни минуты, задал новый вопрос, так что Голлumu — хочешь не хочешь — пришлось залезть обратно в лодку и думать дальше.

*Две ноги
На трёх ногах,
А безногая в зубах.
Вдруг четыре прибежали
И с безногой убежали.*

Он выбрал не самое удачное время для этой загадки, но уж очень он торопился. В другой раз Голлumu пришлось бы поломать себе голову, но сейчас, когда только что шла речь о рыбе, «безногая» угадалась довольно легко, а остальное пошло как по маслу: «Человек сидит на табурете и ест рыбу. Прибежала кошка, утащила рыбу». Голлум решил, что подоспело время спросить что-нибудь действительно непосильное и устрашающее. И вот что он спросил:

*Уничтожает всё кругом:
Цветы, зверей, высокий дом,
Сжует железо, сталь сожрёт
И скалы в порошок сотрёт,
Мощь городов, власть королей
Его могущества слабей.*

Бедняга Бильбо сидел и перебирал в уме имена всех чудовищ и страшилищ, о которых слышал, но никто из них не натворил стольких ужасов сразу. У него было чувство, будто ответ совсем не про чудовищ и он его знает, но голова у него отказывалась варить. Он впал в панику, а это всегда мешает соображать. Голлум опять перекинул лапы за борт, спрыгнул в воду и зашлёпал к берегу. Глаза его всё приближались к Бильбо... У Бильбо язык прилип к гортани, он хотел крикнуть: «Дай мне ещё время! Дай время!» Но у него вырвался только писк: «Время! Время!»

Бильбо спасла случайность: это и была разгадка.

Голлум снова был разочарован. Он начинал злиться, игра ему надоела, он проголодался. На этот раз он не вернулся в лодку, а уселся в темноте подле Бильбо. Это окончательно вывело Бильбо из равновесия и лишило способности соображать.

— Пус-с-сть с-с-спрос-с-сит ещё рас-с-с, пус-с-сть, пус-с-сть! — прошипел Голлум.

Но Бильбо был просто не в состоянии думать, когда рядом сидела такая мерзкая мокрая холодная тварь и всё время его трогала и ощупывала. Бильбо чесался, Бильбо щипал себя — ничего не выходило.

— С-с-спрос-с-си нас-с-с, с-с-спрос-с-си! — шипел Голлум.

Бильбо щипнул себя ещё разок, похлопал себя со всех сторон, сжал рукоять кинжала и даже пошарил другой рукой в кармане. Там он нашарил колечко, которое подобрал в туннеле и про которое забыл.

— Что такое у меня в кармане? — спросил он вслух. Он задал вопрос так, сам себе, но Голлум подумал, что вопрос относится к нему, и ужасно заволновался.

— Нечес-с-стно, нечес-с-стно! — зашипел он. — Ведь правда, моя пре-

лес-с-сть, ведь нечес-с-стно с-с-спраш-ш-шивать нас-с-с, что у него в мерс-с-ском кармаш-ш-шке?

Бильбо, сообразив, что произошло, не нашёл ничего лучше, как повторить ещё раз громче:

— Что у меня в кармане?

— С-с-с, — зашипел Голлум. — Пус-с-сть дас-с-ст нам догадаться с трёх рас-с-с.

— Ладно! Отгадывай! — сказал Бильбо.

— Рука? — спросил Голлум.

— Неправильно, — ответил Бильбо, вовремя убравший руку из кармана. — Ещё раз!

— С-с-с, — прошипел Голлум. Он ещё больше разволновался и стал вспоминать все предметы, которые держал у себя в карманах: рыбьи кости, зубы гоблинов, мокрые ракушки, кусочек крыла летучей мыши, камень для заострения клыков и прочую гадость. — Нож! — выдавил он из себя наконец.

— Не угадал! — обрадовался Бильбо, давно потерявший нож. — Последний раз!

Голлум теперь оказался в состоянии куда более тяжёлом, чем после загадки про яйца. Он шипел, и плевался, и раскачивался взад и вперёд, и шлёпал лапами по земле, корчился и извивался, но никак не решался ответить в последний раз.

— Давай же! — торопил Бильбо. — Я жду!

Он храбрился и делал уверенный и бодрый вид, но на самом деле боялся думать, чем кончится игра независимо от того, догадается Голлум или нет.

— Время истекло! — объявил он.

— Бечёвка или пус-с-сто! — взвизгнул Голлум. Он поступил не очень честно — не дело высказывать две догадки сразу.

— Ни то и ни другое! — закричал с облегчением Бильбо. В ту же минуту он вскочил на ноги, прислонился спиной к скале и выставил вперёд кинжал. Он знал, конечно, что игра в загадки очень старинная и считается священной и даже злые существа не смеют плутовать, играя в неё. Но Бильбо не доверял этому скользкому созданию: с отчаяния оно могло выкинуть любую штуку. Под любым предлогом оно могло нарушить договор. Да и последняя загадка, если на то пошло, согласно древним правилам игры, не могла считаться настоящей.

Но Голлум пока не нападал на Бильбо. Он видел в руке у Бильбо оружие и сидел тихо, дрожа и что-то шепча. Наконец Бильбо не выдержал.

— Ну? — сказал он. — Где обещание? Мне пора. Обещал показать дорогу — показывай!

— Мы обещ-щ-щали, моя прелес-с-сть? Вывес-с-сти мерс-с-ского Бэггинс-с-са на дорогу? Воз-з-зможно. Но что же у него в кармаш-ш-шке? Не бечёвка, моя прелес-с-сть, но и не пус-с-сто, не пус-с-сто. Голлим!

— Тебя это не касается, — ответил Бильбо. — Обещание надо выполнять.

— Какой он с-с-сердитый, моя прелес-с-сть, как торопитс-с-ся, — прошипел Голлум. — Пус-с-сть подождёт, подождёт. Мы не пус-с-стимс-с-ся по туннелям нас-с-спех. Мы должны с-с-сперва вз-з-зять кое-что важное.

— Тогда живей! — скомандовал Бильбо, радуясь, что отделается от Голлума. Он думал, что Голлум просто ищет предлога, чтобы удрать и не вернуться. Что

он там бормочет? Какая такая важная вещь припрятана у него на чёрном озере? Бильбо ошибался. Голлум собирался вернуться. Он очень проголодался и разозлился. У этого злобного обездоленного создания родился план.

На островке, о котором Бильбо ничего не знал, Голлум прятал всякую дрянь, а кроме того очень полезную, очень прекрасную и очень волшебную вещь. Кольцо — золотое драгоценное кольцо!

— Подарок на мой день рождения, — шептал он, как любил шептать себе в беспросветно тёмные нескончаемые дни. — Вот что нам нужно сейчас-с-с, нужно сейчас-с-с!

Дело в том, что кольцо это было не простое, а чудесное. Тот, кто надевал его на палец, делался невидимым, и лишь при ярком солнечном свете можно было разглядеть тень, да и то очень слабую и неверную.

— Подарок! Получен в день рождения, моя прелес-с-сть.

Так он всегда твердил себе, но кто знает, каким путём Голлум заполучил его в те давние времена, когда таких колец было на свете много. Вероятно, сам Мастер — повелитель колец не знал этого. Сперва Голлум носил кольцо на пальце, потом ему надоело, и он стал носить его в мешочке на шее, пока кольцо не натёрло ссадину. Теперь Голлум обычно держал кольцо под камнями на своём островке и то и дело проверял, там ли оно. Он надевал его изредка, когда уж очень невмоготу становилось жить с ним в разлуке или когда бывал очень голоден, а рыба прискучила. Тогда он крался по тёмным туннелям вверх, высматривая случайных гоблинов. Порой он даже отваживался заглядывать туда, где горели факелы: глаза у него болели, он жмурился, но он был в безопасности! Да, в полной безопасности. Никто его не видел, не замечал, и вдруг — р-раз! — пальцы его впивались в горло гоблина. Всего несколько часов назад он надевал кольцо и поймал гоблинёнка. Как тот заверещал! От него осталась пара косточек про запас, но сейчас Голлumu хотелось чего-нибудь понежнее.

— В полной безопас-с-сности, — шептал он себе под нос. — Он не увидит нас-с-с, правда, моя прелес-с-сть? Нет, не увидит, и мерс-с-ский мечиш-ш-шко нам будет не с-с-страшен, не страш-ш-шен.

Вот какие планы копошились в его злобном умишке, когда он вдруг зашлёпал к лодке и исчез в темноте. Бильбо решил, что только он его и видел. Но на всякий случай немного подождал: всё равно он не представлял себе, как отсюда выбраться.

Внезапно он услышал пронзительный крик. Мурашки побежали у него по коже. Где-то не очень далеко в темноте бранился и причитал Голлум. Он был на островке, рылся то там, то сям, искал и копался, но безрезультатно.

— Где оно? Куда задевалос-с-сь? — услышал Бильбо. — Потерялос-с-сь, моя прелес-с-сть! Потерялос-с-сь. Нес-с-счастливые мы, горемычные, моя прелес-с-сть, оно потерялос-с-сь!

— Что случилось? — окликнул его Бильбо. — Что потерялось?

— Пус-с-сть не с-с-спраш-ш-шивает нас-с-с! — взвизгнул Голлум. — Его не кас-с-саётся! Голлм! Потерялос-с-сь, голлм, голлм!

— Я тоже потерялся! — закричал в нетерпении Бильбо. — И хочу найтись. Я выиграл, ведь ты обещал. Иди теперь сюда. Иди и выводи меня, а потом будешь искать дальше!

Как ни был несчастен Голлум, Бильбо всё равно не мог проникнуться к

нему сочувствием. И потом, от вещи, которая нужна Голлуму позарез, наверняка хорошего ждать нечего.

— Иди сюда! — закричал Бильбо громче.

— Нет, нет, моя прелес-с-сть, пус-с-сть подождёт! — прошипел Голлум. — Мы ещё поищем, оно потерялос-с-сь, голлм.

— Но ты так и не ответил на последний вопрос, а обещание надо держать, — настаивал Бильбо.

— Пос-с-следний вопрос-с-с! — повторил Голлум. И вдруг из темноты послышалось пронзительное шипение: — Что же у него в кармаш-ш-шке? Пус-с-сть с-с-скажет. С-с-сперва пус-с-сть с-с-скажет.

Вообще-то у Бильбо не было причин не говорить Голлуму отгадку. Но его раздосадовала вся эта канитель. В конце концов, он выиграл, почти честно и притом с риском для жизни.

— Разгадки отгадываются, а не подсказываются, — возразил он.

— Но загадка была нечес-с-стная, — ответил Голлум. — Вопрос-с-с, а не загадка, моя прелес-с-сть, не загадка.

— Ну, раз мы перешли на простые вопросы, то я спросил первым, — ответил Бильбо. — Что ты потерял?

— Что у него в кармаш-ш-шке, моя прелес-с-сть?

Свист и шипение раздались вдруг опять так громко и пронзительно, что Бильбо посмотрел в ту сторону и, к своему ужасу, увидел две устремлённые прямо на него горящие точки. По мере того как у Голлума росло подозрение, его глаза разгорались всё ярче.

— Что ты потерял? — настаивал Бильбо.

Теперь глаза у Голлума загорелись зелёным огнём, и два огонька начали приближаться с угрожающей быстротой. Голлум бешено грёб к берегу. Пропажа и подозрение вызвали такой прилив ярости в его душе, что никакой кинжал был ему теперь не страшен. Бильбо не мог, конечно, догадаться, что привело в такое бешенство гадкое создание, но понял, что всё пропало, сейчас Голлум убьёт его. Он повернулся и бросился бежать, не разбирая дороги, по тёмному туннелю, который привёл его сюда. Он старался держаться поближе к стенке и вёл по ней рукой.

— Что у него в кармаш-ш-шке? — услышал он громкое шипение и всплеск, когда Голлум выпрыгнул из лодки в воду.

— Интересно, что у меня там такое? — спросил себя Бильбо, ковыляя по туннелю. Он сунул левую руку в карман. На вытянутый палец ему скользнуло холодное кольцо.

Шипение послышалось уже совсем за его спиной. Бильбо обернулся и увидел зелёные фонарики — глаза Голлума. Совершенно потеряв голову от страха, Бильбо рванулся вперёд, споткнулся о корень и хлопнулся на землю плашмя.

В одно мгновение Голлум его настиг. Но прежде чем Бильбо успел хоть что-нибудь сделать — перевести дух, вскочить на ноги или вытащить кинжал, — Голлум пробежал мимо, не обратив на него никакого внимания и шёпотом ругаясь и причитая.

Что это значило? Голлум отлично видел в темноте. Даже сейчас, оставшись позади, Бильбо различал впереди бледный свет, исходивший из глаз Голлума. Бильбо с трудом поднялся и осторожно двинулся вслед за Голлумом. Ничего

другого ему не оставалось. Не ползти же обратно к озеру. Глядишь, может, Голлум и выведет его куда-нибудь на волю, сам того не зная.

— Мес-с-сть! Мес-с-сть! — шептал Голлум. — Мес-с-сть, Бэггинсу! Оно ис-с-чезло! Что у него в кармаш-ш-шке? Мы догадываемс-с-ся, моя прелес-с-сть, догадываемс-с-ся. Бэггинс-с-с наш-ш-шёл его, наш-ш-шёл подарок на день рождения!

Бильбо наострил уши. Он наконец и сам начал догадываться. Он ускорил шаги, нагнал Голлума и пошёл за ним, держась на безопасном расстоянии. Тот по-прежнему быстро шлёпал вперёд, не оглядываясь и вертя головой из стороны в сторону, — Бильбо замечал это по слабому отсвету на стенах.

— Подарок на день рождения! З-з-злодейс-с-ство! Как мы потеряли его, моя прелес-с-сть? Яс-с-сно, яс-с-сно. Когда мы в пос-с-следний рас-с-с с-с-скрутили здес-с-сь ш-ш-шею мерз-з-зкому пис-с-скуну. Так, так! Оно брос-с-сило нас-с-с, пос-с-сле с-с-стольких лет! Оно ис-с-чезло, похищ-щ-щено, голлм!

Неожиданно Голлум сел и зарыдал. Жутко и жалко было слушать, какие он издавал свистящие, булькающие, хлюпающие звуки. Бильбо остановился и прижался к стене. Постепенно Голлум перестал плакать и опять начал бормотать. Он, видимо, вёл спор с самим собой.

— Незачем ис-с-скать, незачем. Мы не можем вс-с-спомнить вс-с-се мес-с-ста, где бываем. Бес-с-сплезно. Оно в кармаш-ш-шке у Бэггинс-с-са. Мерс-с-ский пролаза наш-ш-шёл его, мы уверены. Нет, мы только догадываемс-с-ся, моя прелес-с-сть, только догадываемс-с-ся. Мы не узнаем, пока не поймаем мерс-с-ское с-с-создание, пока не с-с-свернём ему ш-ш-шею. Но ведь он не знает, что может делать подарок, правда? Он будет прос-с-сто держать его в кармаш-ш-шке. Он не мог уйти далеко. Он потерялс-с-ся, мерс-с-ское пронырливое с-с-создание. Он не знает дороги отс-с-сюда, не знает, он с-с-сам говорил. Да, говорил, но он хитрый. Он не говорит разгадки, моя прелес-с-сть! Не говорит, что у него в кармаш-ш-шке. Он с-с-сумел войти — значит, с-с-сумеет и выйти. Он убежал к задней двери. Значит, и мы пойдём к задней двери. Там его с-с-сцапают гоблинс-с-сы. Там ему не выйти, моя прелес-с-сть. Гоблин-с-сы! Ес-с-сли наш-ш-ше с-с-сокровище у него, оно дос-с-станется гоблинс-с-сам, голлм! Они догадаютс-с-ся, что оно умеет делать. Мы никогда не будем в безопас-с-сности, никогда, голлм! Гоблинс-с-с наденет его и ис-с-чезнет. Гоблинс-с-с будет тут, но мы его не увидим. Даже наш-ш-ши ос-с-стрые глас-с-ски его не заметят. И тогда гоблинс-с-с притворитс-с-ся, подкрадетс-с-ся и с-с-сцапает нас-с-с, голлм, голлм! Хватит болтать, моя прелес-с-сть, торопис-с-сь. Ес-с-сли Бэггинс-с-с пошёл в ту с-с-сторону, надо догонять. Дальш-ш-ше! Ос-с-сталось недалеко! С-с-скорее!

Голлум вскочил, как подброшенный, и зашлёпал с невероятной быстротой вперёд. Бильбо поспешил за ним, по-прежнему соблюдая осторожность. Теперь главной его заботой было не хлопнуться опять и не наделать шума. В голове у него крутился вихрь — смесь надежды и отчаяния. Оказывается, найденное им кольцо — волшебное! Оно делает невидимым! Бильбо, конечно, знал из старинных сказок о таких вещах, но как-то трудно поверить, что ты сам совершенно случайно нашёл такое кольцо. Однако верь не верь, а ведь Голлум с его глазами-фонарями проскочил мимо него.

Они бежали всё дальше и дальше: Голлум — шлёп-шлёп — впереди, шипя и бранясь, Бильбо позади, бесшумно, как истинный хоббит. Вскоре они добежа-

ли до того места, где по обе стороны, как Бильбо заметил ещё на пути к озеру, открывались боковые ходы. Голлум сразу принялся считать их: «Один с-с-слева, один с-с-справа, так. Два с-с-справа, два с-с-слева, так, так, так». И так далее.

Считая, он продвигался всё медленнее, шаги его становились всё неувереннее, а бормотание плаксивее: ведь он удалялся от воды, и ему делалось страшно. Гоблины могли выскочить в любой момент откуда угодно, а кольцо-то он потерял. Наконец он остановился у небольшой дыры слева. «С-с-седьмой с-с-справа, так! Ш-ш-шес-с-стой с-с-слева, так! — шептал он. — Здес-с-сь. Дорога к задней двери, так. Проход здес-с-сь!»

Он заглянул туда и отшатнулся.

— Мы не с-с-смейем идти дальш-ш-ше, моя прелес-с-сть, не с-с-смейем. Там гоблинс-с-сы, много гоблинс-с-сов. Мы чуем их. С-с-с! Как нам пос-с-ступить? Провалитесь-с-ся им, утопитесь-с-ся! Надо обождать здес-с-сь, моя прелес-с-сть, немного обождать и ос-с-смотреться.

Таким образом, всё застопорилось: Голлум вывел-таки Бильбо на правильную дорогу, но Бильбо не мог пройти! У входа, сгорбившись и свесив голову между колен, сидел Голлум, глаза его мерцали холодным светом.

Бильбо тише мышки отделился от стены. Но Голлум сразу насторожился, потянул воздух носом, глаза его загорелись зелёным огнём. Он тихо, но угрожающе зашипел. Голлум не мог видеть хоббита, но темнота обострила его слух и нюх. Он пригнулся, упёршись плоскими ладонями в землю, и вытянул шею вперёд, почти касаясь носом каменного пола. Глаза его излучали слабый свет, в этом свете был едва различим его чёрный силуэт, но Бильбо чувствовал, что Голлум, как натянутый лук, готовый распрямиться, собрался для прыжка.

Бильбо и сам замер на месте и почти перестал дышать. Он был в отчаянии. Необходимо выбраться отсюда, из этого страшного мрака, пока у него остались силы. Надо бороться. Ударить кинжалом злобную тварь, убить, опередить его, пока он не убил Бильбо. Нет, это будет нечестно. Бильбо невидим, а у Голлума нет кинжала, да он ещё и не пытался убить его, Бильбо. И потом, Голлум такой одинокий, такой несчастный и заброшенный. Внезапно сердце Бильбо наполнилось сочувствием, жалостью, смешанной со страхом, он представил себе череду бесконечных беспросветных дней, без всякой надежды на лучшую жизнь, — лишь жёсткий камень, холодная рыба, вечное шныряние и бормотание. Все эти мысли молнией пронеслись у Бильбо в голове, он содрогнулся. И вдруг совершенно неожиданно его озарила новая мысль, и он, словно подброшенный приливом решимости и энергии, прыгнул!

Для человека такой прыжок был бы не бог весть как труден, но ведь это был ещё и прыжок в неизвестность... Бильбо перелетел прямо через голову Голлума, на метр в высоту, два с половиной в длину. Ему было невдомёк, что он чуть не размозжил себе череп о низкий свод туннеля.

Голлум откинулся назад и попытался схватить хоббита, но поздно — лапы его цапнули только воздух, а Бильбо, приземлившись на свои крепкие мохнатые ножки, помчался по боковому ходу. Он улепётывал не оборачиваясь. Сперва шипение и брань слышались прямо за спиной у Бильбо, потом прекратились. Раздался душераздирающий крик, полный злобы и отчаяния. Голлум был побеждён. Дальше он бежать не смел. Он проиграл: упустил добычу и потерял то единственное, чем дорожил. У Бильбо от его крика чуть сердце от

страха не выскочило, но он продолжал бежать. Потом слабый, как эхо, но полный угрозы, до него донёлся вопль: «Вор, вор! Бэггинс-с-с вор! Ненавис-с-стный, ненавис-с-стный, навс-с-егда, навс-с-егда!»

Потом наступила тишина. Но и тишина испугала Бильбо. «Если гоблины так близко, что он их почуял, — думал он, — тогда они слышали его визг и брань. Осторожнее, а то эта дорога приведёт к плохому концу».

Проход был низкий и пол грубо обработан. Для хоббита места хватало, но всё же он несколько раз ушиб пальцы ног, споткнувшись о торчащие камни. «Низковато для гоблинов, во всяком случае, для крупных», — подумал Бильбо. Он не знал, что даже самые крупные гоблины могут передвигаться с огромной скоростью внаклонку, касаясь руками земли.

Вскоре пологий спуск кончился и опять начался подъём, делаясь всё круче и круче. Бильбо пришлось снизить скорость. Туннель сделал поворот, тропа пошла резко вниз, и там, в конце короткого спуска, Бильбо увидел свет, падавший из-за следующего поворота. Не красный, как от костра или факелов, а белый, дневной, какой бывает только под открытым небом. Бильбо пустился бегом. Он буквально скатился вниз, завернул за последний угол — и очутился на площадке, освещённой солнечным светом. После стольких часов мрака свет ослепил его, но на самом деле то была всего лишь полоса света, падавшая из раскрытой большой каменной двери. Бильбо замигал и вдруг увидел гоблинов: те в полном вооружении с обнажёнными мечами сидели перед дверью, не спуская глаз с ведущего к ней туннеля. Они были настороже, начеку, наготове.

Гоблины увидели Бильбо раньше, чем он их. Да, увидели! То ли нечаянно, то ли нарочно, решив выкинуть фокус со своим новым господином, кольцо исчезло! Гоблины бросились к Бильбо с дикими воплями восторга.

Боль утраты и страха охватила Бильбо, как раньше Голлума, и, забыв про кинжал, он с горя сунул руки в карманы. О радость, кольцо было там в левом кармане! Оно наделось ему на палец — и гоблины застыли как вкопанные. Они ничего не понимали: только что он был тут и вдруг пропал. Они опять завыли, на этот раз не от восторга, а от разочарования.

— Где он? — вопили одни.

— Нырнул назад в туннель! — кричали другие.

— Сюда! — орали третьи. — Туда!

— Посмотреть за дверью! — рывкнул капитан гоблинов.

Послышались свистки, забряцало оружие, зазвенели клинки, гоблины, рыча и ругаясь, забегали взад и вперёд, натываясь друг на друга, падая и постепенно разъярясь. Поднялась страшная суматоха, кутерьма и тарарам.

Бильбо до смерти перепугался, но у него хватило здравого смысла нырнуть за большую бочку, из которой пила стража, чтобы его не сшибли с ног, не затоптали и не поймали на ощупь.

— Надо добраться до двери, во что бы то ни стало добраться до двери! — повторял он себе, но решил на это не сразу. Дальше всё происходило, как в игре в жмурки, только страшней. Вокруг метались гоблины, бедняга хоббит раза два увернулся, потом был сбит с ног гоблином, который не мог понять, на что налетел, потом Бильбо встал на четвереньки, проскользнул под ногами у капитана, поднялся во весь рост и кинулся к двери.

Дверь всё ещё не была заперта, но какой-то стражник почти полностью

прикрыл её. Бильбо попробовал её толкнуть, но даже с места не сдвинул. Попробовал протиснуться в щель, но застрял. Какой ужас! Пуговицы его курточки зацепились за косяк. Бильбо уже видел, что там за дверью: несколько ступенек сбегали вниз, в узкое ущелье между высокими скалами, солнце вышло из-за облаков и ярко освещало пейзаж по ту сторону двери. Но Бильбо не мог вырваться из тисков!

Внезапно один из гоблинов заорал:

— Рядом с дверью тень! Там кто-то есть!

Сердце у Бильбо бешено заколотилось, он рванулся изо всех сил, пуговицы разлетелись в стороны! Разодрав куртку и жилет, Бильбо вырвался наружу и поскакал по ступенькам, как козлик, а ошеломлённые гоблины остались подбирать его красивые медные пуговицы.

Разумеется, они тут же с гиканьем и криками кинулись за ним вдогонку. Но гоблины не любят солнечный свет, ноги у них слабеют, голова кружится. Им было не поймать Бильбо, который с кольцом на пальце перебегал в тени деревьев быстро, бесшумно, стараясь не появляться на солнце. Вскоре, ругаясь и брюзжа, гоблины побрели назад стеречь дверь.

Бильбо спасся!

6

Из огня да в полымя

Бильбо удрал от гоблинов, но понятия не имел, где находится. Он потерял капюшон, плащ, еду, пони, пуговицы и друзей. Он брёл и брёл куда глаза глядят. Наконец тени гор упали на тропу перед Бильбо. Он оглянулся: солнце садилось за горы *п о з а д* него! Тогда он посмотрел вперёд и увидел уходящие вниз склоны. Внизу сквозь деревья кое-где проглядывали поляны.

— Боже милосердный! — воскликнул Бильбо. — Кажется, я вышел по другую сторону Туманных Гор! Где же, о где же Гэндальф и гномы? Только бы они не остались во власти гоблинов!

Он шёл да шёл, поднялся из впадинки, перевалил через её край и опять стал спускаться. Но всё время его терзала одна крайне неприятная мысль: а не должен ли он теперь, когда на пальце у него волшебное кольцо, вернуться в кошмарные туннели и разыскать своих друзей. Только он пришёл к решению, что это его долг, и почувствовал себя вконец несчастным — как вдруг услышал голоса.

Он остановился и прислушался — на гоблинов, кажется, непохоже. Он тихонько подкрался поближе. Каменистая тропка, по которой он шёл, вилась вниз, слева возвышалась скала, справа спускался склон с лощинами, заросшими кустарником и невысокими деревьями. В одной из лощин в кустах кто-то разговаривал.

Бильбо подполз ещё ближе — и вдруг между двух валунов мелькнул красный капюшон: оттуда выглядывал Балин, как всегда стоящий в дозоре. Бильбо чуть не захлопал в ладоши и не закричал от радости. Но сдержался. Он ещё не снял кольца, боясь какой-нибудь неожиданной и неприятной встречи, и теперь Балин смотрел прямо сквозь него.

«Устрою-ка я им сюрприз», — подумал Бильбо, пробираясь сквозь кусты, росшие по краю лощины.

Гэндальф спорил с гномами. Они обсуждали события, происшедшие с ними в туннелях, и решали, что делать дальше. Гэндальф убеждал гномов, что нельзя продолжать путь, оставив мистера Бэггинса в руках гоблинов и даже не выяснив, жив он или нет, и не попытавшись его спасти. А гномы выражали недовольство.

— В конце концов, он мой друг, — говорил волшебник, — и вовсе не так уж плох. Я за него отвечаю. Всё-таки безобразие, что вы его потеряли.

Гномы же утверждали, что вообще не надо было брать его с собой, и возмущались, почему он потерялся, а не держался около них, и зачем Гэндальф не выбрал кого-нибудь посообразительнее.

— Пока от него больше хлопот, чем пользы, — сказал кто-то. — Коли ещё идти обратно искать его в тёмных туннелях, так плевать я на него хотел!

— Да, я взял его с собой, а я ничего бесполезного не беру. Или вы мне помогаете искать его, или я ухожу и — расхлёбывайте неприятности сами. А вот если мы найдём его, вы ещё не раз поблагодарите меня. Почему ты сам убежал, Дори, а его бросил?

— Вы бы тоже бросили, — огрызнулся Дори, — если бы вас схватили в темноте за ноги, дёрнули и поддали в спину ножищей!

— Так чего же ты не подобрал его после?

— Господи помилуй! Вы ещё спрашиваете! Гоблины в темноте дерутся, кусаются, валяются друг на друга, бьют кого попало... Вы мне чуть голову не отхватили Глемдрингом, а Торин тычет во все стороны Оркристом. Тут вы вдруг ослепляете всех вашей вспышкой, гоблины с визгом отступают, вы кричите: «Все за мной!» — и все вам повинуются. То есть мы думали, что все. Вы прекрасно понимаете, что нам некогда было себя пересчитывать. Мы проскочили мимо часовых, за дверь и скатились сюда. И вот мы здесь, а Взломщика нет, чтоб ему пусто было!

— А Взломщик тут как тут! — заявил Бильбо, выступая вперёд и снимая кольцо.

Бог ты мой, как они подскочили от неожиданности! Как завопили от удивления и радости! Гэндальф был изумлён не меньше других, но, пожалуй, доволен больше. Он подозвал Балина и сделал ему выговор, высказав всё, что думает о дозорных, у которых посторонний может свалиться как снег на голову. Надо сказать, после этого случая Бильбо сильно вырос в глазах гномов. Если раньше, несмотря на уверения Гэндальфа, они сомневались в том, что он взломщик первой категории, то теперь их сомнения рассеялись. Балин был ошарашен больше других. И все гномы признали Бильбо ловкачом.

Бильбо до того был доволен похвалами, что, посмеявшись в душе, ничего не сказал про кольцо, а когда его стали расспрашивать, ответил:

— Ну, просто подкрался потихоньку, по-хоббитовски.

— Даже мыши не удавалось прокрасться у меня под носом и остаться незамеченной, — проговорил Балин. — Снимаю перед вами капюшон. — Что он и сделал, добавив: — Балин, к вашим услугам.

— Мистер Бэггинс, ваш слуга, — ответил Бильбо.

Потом они потребовали у него отчёта о приключениях с той минуты, как он потерялся. И он рассказал им всё... кроме того, что нашёл кольцо («Подожду пока», — решил он). Особенно их заинтересовало состязание в загадках, а когда он описал Голлума, они, сочувствуя, пришли в ужас.

— И тут, когда он уселся рядом со мной, я не смог ничего придумать, — закончил Бильбо, — и просто спросил: «Что у меня в кармане?». И он не отгадал с трёх раз. Тогда я сказал: «Ты обещал? Обещал! Теперь выводи меня!» Но он бросился на меня и хотел убить, я побежал и упал, и он не заметил меня в темноте. Тогда я пошёл за ним следом и услышал, как он бормочет что-то себе под нос. Он думал, что я сам знаю, как выбраться из-под горы, и побежал к задней двери. А потом вдруг взял и уселся при выходе из туннеля, так что я не мог пройти. Тогда я перепрыгнул через него и пустился наутёк.

— А как же стража? — спросили гномы. — Разве стражников не было?

— Были! И ещё сколько! Но я от них увернулся и удрал. Дверь была еле при-

отворена, я застрял и потерял кучу пуговиц... — Он с сожалением поглядел на порванную одежду. — Но я всё равно протиснулся — и вот я здесь!

Гномы глядели на него по-новому, с уважением: он так запросто рассказывал про то, как увернулся от стражников, перепрыгнул через Голлума и протиснулся в дверь, словно всё это не доставило ему никакого труда и волнений.

— Что я вам говорил? — засмеялся Гэндальф. — Мистер Бэггинс далеко не так прост, как вы думаете.

При этом он бросил на Бильбо странный взгляд из-под косматых бровей, и у хоббита мелькнуло подозрение, что волшебник догадывается о той части истории, которую он выпустил.

У него тоже накопилось много вопросов. Может быть, Гэндальф объяснил всё гномам раньше, но Бильбо-то этого не слышал. Он хотел знать, каким образом волшебник вывел гномов и что это за лощина.

Чародей, не скроем, всегда был не прочь лишний разок похвастаться своей мудростью. Поэтому он с удовольствием рассказал Бильбо, что они с Элрондом прекрасно знали о злых гоблинах, живущих в этой части гор. Но раньше главные ворота выходили на другую тропу, более лёгкую и доступную, где гоблины часто ловили путников, которых ночь застигла вблизи ворот. По-видимому, люди забросили ту дорогу и гоблины устроили новые ворота в конце тропы, по которой шли гномы. Произошло это, видно, совсем недавно, ибо до сих пор дорога считалась вполне безопасной.

Так вот, едва Гэндальф услышал вопль Бильбо, он мигом сообразил, что произошло. Он убил вспышкой гоблинов, кинувшихся на него, и успел скользнуть в щель как раз в тот момент, когда она захлопывалась. Он шёл по пятам за погонщиками и пленниками, дошёл до тронного зала, а там сел в уголке и сотворил самый удачный из своих колдовских трюков.

— Очень деликатное было дело, — сказал он, — всё висело на волоске!

Но Гэндальф недаром столько практиковался в колдовстве с помощью огня и света (даже хоббит, если помните, всю жизнь не мог забыть чудесные фейерверки на праздниках Старого Тука). Что было дальше, мы знаем. Гэндальфу было известно о задней двери, как гоблины называли нижние ворота, где Бильбо потерял пуговицы.

— Гоблины устроили там ворота давным-давно, — сказал Гэндальф, — отчасти как лазейку, если понадобится бежать, отчасти как средство попасть на ту сторону гор; по ночам они делают туда вылазки и набеги и всячески разбойничают. Они строго охраняют эту дверь, и до сих пор никому не удавалось в неё проскочить. Теперь они будут стеречь её ещё строже.

Гэндальф засмеялся, остальные тоже. Что говорить, убытки их были велики, но зато они прикончили Верховного Гоблина и множество простых гоблинов в придачу и сами спаслись, так что пока, можно считать, находились в выгодном положении.

Но волшебник быстро вернул их к действительности.

— Мы уже отдохнули, — сказал он, — пора двигаться дальше. Ночью сотни гоблинов пустятся за нами в погоню, а смотрите — тени уже удлиннились. До сумерек нам надо уйти на несколько миль вперёд. Если хорошая погода сохранится, то взойдёт луна, и это нам на руку. Гоблины, правда, не очень-то боятся луны, но мы по крайней мере увидим, куда идти. Да, да! — ответил он на новые расспросы хоббита. — Ты потерял счёт времени, пока блуждал в туннелях.

Сегодня четверг, гоблины поймали нас в понедельник ночью, вернее, во вторник утром. Мы проделали много миль, прошли через самое сердце гор и теперь очутились на другой стороне — словом, порядочно спрямили. Но вышли не туда, куда привела бы нас первоначальная тропа. Мы взяли слишком к северу, впереди нам предстоит малоприятная местность. И пока мы чересчур высоко. Итак, в путь!

— Я страшно хочу есть, — простонал Бильбо, только сейчас осознавший, что ничего в рот не брал с позапрошлого вечера. Каково это для хоббита, только представьте! Теперь, когда возбуждение прошло, он ощутил, что пустой животик обвис и ноги дрожат.

— Ничем не могу помочь, — ответил Гэндальф. — Разве что ты вернёшься и вежливо попросишь гоблинов отдать тебе твоего пони и поклажу.

— Нет уж, благодарю покорно! — воскликнул Бильбо.

— В таком случае затянем потуже кушаки и зашагаем дальше. Лучше остаться без ужина, чем самим превратиться в ужин.

По дороге Бильбо посматривал по сторонам, чем бы закусить: чёрная смородина только цвела, орехи ещё не созрели, ягоды боярышника не поспели. Бильбо пожевал щавеля, зачерпнул воды из горного ручейка, пересекавшего тропинку, и даже проглотил три ягодки земляники, но голода не утолил.

Они шли и шли. Неровная каменистая тропка пропала. Исчезли кусты, высокая трава между валунами, участки дёрна, обглоданного кроликами, исчезли чебрец и шалфей, мята и жёлтые горные розочки. Путники очутились на широком крутом склоне, усеянном камнями — остатками оползня. Когда они начали спускаться, камни и щебень посыпались у них из-под ног. Потом за скакали обломки камней покрупнее, приведя в движение осыпь, потом стали срываться большие глыбы. Вскоре весь склон выше и ниже их тронулся с места, и они поехали вниз, среди пыли, треска и грохота скачущих камней.

Спасли их деревья. Путники докатились до границы сосновой рощи, переходившей внизу, в долине, в густой тёмный лес. Одни задержались, уцепившись за нижние ветви деревьев, другие (в том числе маленький хоббит) спрятались за стволы, чтобы укрыться от грозного наступления валунов. Вскоре опасность миновала, осыпь остановилась, лишь далеко внизу, среди папоротника и корней деревьев, ещё слышался отдалённый грохот сорвавшихся камней.

— Так! Это нас сильно продвинуло вперёд, — заметил Гэндальф. — Если гоблины сюда сунутся, обойтись без шума им будет нелегко.

— Неужели? — иронически пробормотал Бомбур. — Зато легко будет сбрасывать нам камни на голову.

Гномы и Бильбо чувствовали себя неважно и, морщась, потирали изодранные и ушибленные места.

— Пустяки! Сейчас мы свернём и окажемся в стороне от осыпи. Надо торопиться! Оглянитесь вокруг!

Солнце давно село за горы, сумерки сгущались, путники быстро ковыляли по дорожке, которая полого спускалась прямо на юг. Лесной мрак становился всё гуще и беззвучнее. Ветер совсем стих, и даже шёпота ветвей не было слышно в лесу.

— Неужели мы пойдём дальше? — спросил Бильбо, когда стемнело настолько, что он смутно видел лишь колыхание бороды Торина рядом с собой,

и стало так тихо, что дыхание гномов казалось громким шумом. — Пальцы на ногах у меня разбиты, ноги ноют, живот болтается, как пустой мешок.

— Ещё немного, — сказал Гэндальф.

Прошла, как им показалось, целая вечность, и вдруг они вышли на поляну, ярко освещённую луной. Чем-то место это им всем не понравилось, хотя ничего определённо плохого они сказать не могли.

Внезапно у подножия горы послышался вой — жуткий, заунывный. Он раздавался справа и слева, всё ближе и ближе. То были волки, воющие на луну, волки, собирающиеся в стаю.

Хотя поблизости от родной норки мистера Бэггинса волков не водилось, он узнал вой сразу. Его достаточно часто описывали в сказках, а один из старших кузенов Бильбо по туковской линии, большой любитель путешествовать, не раз был по-волчьи, чтобы напугать Бильбо. Но слышать волков вот так, в лесу, ночью, при луне — это было слишком! Даже волшебное кольцо — слабое средство против волков, особенно против страшной стаи, жившей под сенью гоблинской горы в Диком Краю. Такие волки обладают ещё более тонким нюхом, чем гоблины, им не обязательно видеть свою жертву.

— Что делать, как быть?! — закричал Бильбо. — Спасшись от гоблинов, попался волкам!

Слова его стали пословицей, хотя теперь в подобной неприятной ситуации мы говорим «из огня да в полымя».

— На деревья, быстро! — приказал Гэндальф. Они кинулись к деревьям, окружавшим поляну, и мигом взобрались на самые верхние ветки, которые только могли их выдержать. Вы бы животики надорвали, если бы увидели (естественно, с безопасного расстояния), как гномы сидели на ветвях и бороды у них свисали вниз — точь-в-точь спятившие старички вздумали поиграть в мальчишек. Фили и Кили взгромоздились на верхушку высокой лиственницы, которая стала теперь похожа на рождественскую ёлку. Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн устроились с большим удобством на высоченной сосне с солидными ветвями. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин сидели на другой сосне. Двалин и Балин вскарабкались на высокую стройную ель с редкими ветвями и пытались отыскать себе местечко в гущине верхушки. Гэндальф, который был значительно выше прочих, подобрал себе такую высокую сосну, куда остальные не могли бы взобраться. Гэндальфа совершенно скрыли ветки, только глаза его сверкали в лунном свете.

А Бильбо? Бильбо никуда не мог залезть и бегал от ствола к стволу, словно потерявший норку кролик, за которым гонится собака.

— Опять ты бросил Взломщика! — заметил Нори, заглядывая вниз.

— Не могу же я вечно таскать его на спине, — возразил Дори, — то по туннелям, то по деревьям! Кто я, по-твоему? Носильщик?

— Его съедят, если мы не предпримем никаких мер, — проговорил Торин. Вой слышался всё ближе и ближе, окружая их кольцом. — Дори! — окликнул он, ибо Дори сидел ниже всех на самом удобном дереве. — Скорее подай руку мистери Бэггинсу!

Дори, несмотря на своё ворчанье, был гном очень порядочный; он спустился пониже и протянул руку, но и тут бедняга Бильбо не мог достать до неё. Дори пришлось слезть на землю и нагнуться, чтобы Бильбо забрался к нему на спину. В эту минуту волки с воем выбежали на поляну. Сотни волчьих глаз

установились на Дори и Бильбо. И всё-таки Дори не бросил хоббита в беде: он дождался, пока тот перелез с его плеч на дерево, и только тогда подпрыгнул и ухватился за нижнюю ветку. Как раз вовремя! Волк щёлкнул зубами и чуть не сдёрнул Дори за плащ. В одно мгновение вся стая сгрудилась вокруг дерева, волки с воем запрыгали у ствола, глаза их горели, языки свисали наружу.

Но даже дикие-предикие варги (так назывались злые волки по ту сторону Туманных Гор) не умеют лазать по деревьям. На какое-то время путешественники оказались в безопасности. На их счастье, ночь была тёплая и безветренная. На деревьях и вообще-то долго не просидишь, а уж когда холод да ветер и внизу караулят волки, то и подавно.

Эта поляна, окружённая кольцом деревьев, очевидно, была местом сбора волков. Они всё прибывали и прибывали. Волки, принявшись, обошли поляну кругом и скоро определили каждое дерево, где кто-нибудь да прятался. Всюду они поставили часовых, остальные (насколько можно судить, не одна сотня) уселись большим кружком. В центре сидел громадный серый волк и говорил на ужасном языке варгов. Гэндальф понимал язык варгов, Бильбо нет, но и так можно было догадаться, что речь идёт только о жестоких и злых делах. Время от времени варги хором отвечали серому вожаку, и каждый раз, слыша их жуткое рывканье, хоббит чуть не падал от страха с сосны.

Сейчас я вам расскажу, что услышал Гэндальф и чего не понял Бильбо. Варги и гоблины нередко действовали сообща, совершая свои чёрные дела. В ту пору гоблины частенько устраивали набеги, чтобы добыть пищу или рабов. В таких случаях они призывали на помощь варгов и потом делились с ними добычей. Иногда гоблины ехали на варгах верхом, как на конях. На эту самую ночь был как раз намечен большой набег. Варги явились сюда на свидание с гоблинами, а те опаздывали. Причиной, как мы знаем, послужила смерть Верховного Гоблина и вообще суматоха, вызванная гномами, Бильбо и волшебником, которых, вероятно, разыскивали в туннелях до сих пор.

Несмотря на все опасности, подстерегающие людей в этой отдалённой стране, некоторые храбрецы в последнее время начали возвращаться сюда с юга, рубить деревья и строить себе дома в более светлых лесах — по долинам и по берегам рек. Их постепенно набралось много, все они были отважные, хорошо вооружённые люди, даже варги не смели нападать на них при ярком солнечном свете. Вот варги и сговорились с гоблинами напасть ночью на деревню, ближнюю к горам. Если бы их план удался, на следующий день в деревне никого не осталось бы в живых: никого, кроме тех, кого гоблины взяли бы в плен.

Жуткие это были речи; опасность угрожала не только храбрым лесорубам, их жёнам и детям, но и самому Гэндальфу с его друзьями. Варги разозлились и удивились, обнаружив их на месте сбора. Они заподозрили, что друзья лесорубов явились шпионить за ними и отнесут новости в деревню, и тогда гоблинам и волкам придётся драться не на жизнь, а на смерть, вместо того, чтобы с лёгкостью разделаться со спящими — сожрать или утащить их. Поэтому варги решили караулить пленников по крайней мере до утра, чтобы эти существа не удрали. К тому времени с гор придут гоблины, а гоблины умеют лазать по деревьям или валить их.

Теперь вам понятно, почему Гэндальф, прислушивавшийся к рычанию и тывканью варгов, отчаянно испугался, даром что был волшебник. Он понял,

что они попались, и ещё неизвестно, удастся ли им спастись. Но он решил, что так просто не сдастся, хотя, сидя на верхушке дерева в окружении волков, много сделать не сможет. Сперва он обобрал со своей сосны крупные шишки, потом поджёг одну из них посохом и швырнул в волков. Шишка с шипением упала волку на спину, его лохматая шкура сразу же загорелась, он с жутким воем заметался по поляне. За первой полетела вторая, третья — одна горела голубым пламенем, другая красным, третья зелёным. Они взрывались, ударяясь о землю, и разлетались цветными искрами, пуская густой дым. Самая большая шишка стукнула вожака по носу, он подпрыгнул на три метра в воздух, а потом принялся носиться кругом, кусая с испуга и злости своих подданных.

Гномы и Бильбо ликовали и кричали от радости. Страшно было смотреть, в какую ярость пришли волки. Они перебудоражили лес. Волки вообще боятся огня, а этот огонь был особенный, сверхъестественный. Искра, попадая на шкуру, впивалась в неё, прожигала волка насквозь, и, если он не начинал кататься по земле, его быстро охватывало пламя. Скоро по всей поляне катались волки, пытаясь загасить искры; те, которые уже пылали, с громким воем носились вокруг, поджигая других.

* * *

— Что за шум сегодня ночью в лесу? — удивился Повелитель орлов. Он сидел на вершине утёса, и чёрный силуэт его вырисовывался в лунном свете. — Я слышу голоса волков! Уж не гоблины ли там безобразничают?

Несколькими взмахами крыльев он поднялся в воздух, и немедленно двое орлов снялись со скал по обе стороны от него и последовали за ним. Описывая круги, они внимательно смотрели вниз и наконец заметили кольцо варгов — маленькую точку далеко-далеко под собой. У орлов острое зрение, они видят мельчайшие предметы с большого расстояния. Глаза Повелителя орлов Туманных Гор могли смотреть прямо на солнце, не мигая, или с высоты в милю видеть ночью кролика, бегущего в траве. Он не мог разглядеть сидевших в ветвях, но видел мечущихся волков и вспышки огня, слышал вой и тьяканье. А ещё он увидел отблеск лунного света на копьях и шлемах гоблинов: длинные цепи этих злых существ, извиваясь, двигались по склонам гор от ворот в лес.

Орлов не назовёшь добрыми. Бывают они трусливыми и жестокими. Но орлы древней породы северных гор были гордые, могучие и благородные — самые замечательные из птиц. Они не любили гоблинов и не боялись их. Когда орлы удостаивали гоблинов своим вниманием (что бывало редко, ибо орлы их не едят), то налетали на гоблинов сверху и гнали к пещерам, не давая им вернуться разбой. Гоблины ненавидели и боялись орлов, но не могли добраться до их гнёзд на вершинах скал и прогнать с гор.

Этой ночью Повелителем орлов овладело любопытство, он захотел узнать, что творится в лесу. По его приказу множество орлов покинули вершины и, медленно кружа над лесом, стали постепенно снижаться туда, где кольцом сидели волки и ждали гоблинов.

Они хорошо сделали, что спустились! Там, внизу, творилось что-то страшное и невообразимое. Загоревшиеся волки, убежав в лес, подожгли его в

нескольких местах. Стояло лето, на восточных склонах давно не выпадало дождей. Пожелтый папоротник, хворост, густой ковер из сосновых иголок, кое-где сухие деревья охватило пламенем. Вокруг прогалины бушевал огонь. Но караульные волки не оставили деревьев, на которых прятались гномы. Они бесновались и с воем прыгали на стволы, ругали гномов на своём ужасном наречии, языки их вываливались из пасти, глаза горели свирепым красным огнём.

Внезапно на поляну с криками выскочили гоблины. Они думали, что там идёт бой с лесорубами. Но узнав, в чём дело, одни сели на землю от хохота, другие замахали копьями и застучали древками о щиты. Гоблинам огонь не страшен.

Скоро они придумали план, показавшийся им самим замечательно остроумным. Они собрали волков в стаю и накидали вокруг стволов папоротника и валежника. Они до тех пор бегали вокруг, топая и хлопая, хлопая и топая, пока не потушили пожар, но гасить огонь возле деревьев, где сидели гномы, не стали. Наоборот, они подбросили туда ещё листьев, сучьев и папоротника. Вокруг гномов образовалось кольцо дыма и пламени. Распространиться наружу гоблины ему не давали, зато оно стягивалось всё теснее, и вскоре ползучее пламя перекинулось на кучи валежника и листьев, нагромождённых под деревьями гномов. Дым ел Бильбо глаза, он уже ощущал жар костра, сквозь дымовую завесу он видел, как гоблины пляшут вокруг их деревьев. Позади кольца воинов, танцующих с копьями и топорами, стояли на почтительном расстоянии волки, наблюдали и выжидали.

И тут гоблины затянули страшную песню:

*Пятнадцать птиц на ветвях качались,
Под ветром перья у них трепыхались.
Но крыльев — увы! — не досталось пташкам.
Как же снова вспорхнуть бедняжкам?
Покончим с ними каким путём?
Зажарим? Сварим? Съедем сырём?*

Потом они перестали плясать и закричали:

— Летите, птички! Летите, коли можете! Слезайте оттуда, птички, а то зажаритесь прямо в гнёздышках! Пойте, птички, пойте! Чего молчите?

— Убирайтесь прочь, негодники! — прокричал в ответ Гэндальф. — Ещё не время для гнёзд. Кто озорничает с огнём, тех наказывают!

Гэндальф хотел их подразнить и показать, что не боится. Но на самом деле он боялся, а ведь он был волшебник! Как будто не слыша его, гоблины продолжали петь:

*Жги лес! Огонь до небес!
Пламя, играй! Факел, пылай!
Ночь, посветлей! Нам веселей,
Э-гей!*

*Жарь их, пеки! Добавь-ка муки!
Ну-ка, ну-ка — перца и лука!
Петрушки и соли — жалко нам, что ли?
Ночь, посветлей! Нам веселей!
Э-гей!
Э-ге-ге-гей!*

Э-гей!

При возгласе «э-гей!» пламя лизнуло ствол дерева под Гэндальфом, потом перескочило на соседние деревья. Кора загорелась, нижние ветки затрещали.

Тогда Гэндальф забрался на самую верхушку. Из его посоха вырвалось невиданное ослепительное сверкание. Волшебник приготовился спрыгнуть с высоты прямо на копья гоблинов. Тут бы ему и конец, но зато он, наверное, убил бы немало врагов, свалившись им на головы. Но он не успел прыгнуть.

В этот миг с неба на него упал Повелитель орлов, схватил в когти — и взмыл ввысь.

Вопль гнева и изумления вырвался у гоблинов. Гэндальф что-то сказал Повелителю орлов, тот громко крикнул, и тотчас сопровождавшие его чёрные птицы ринулись вниз, как огромные чёрные тени. Волки завyli и заскрежегали зубами. Гоблины завопили и затопали от ярости, напрасно бросая в воздух свои тяжёлые копья. Орлы кидались на них, сильными взмахами чёрных крыльев сбивали гоблинов с ног или гнали прочь, в лес. Орлиные когти царапали их. Другие орлы схватили гномов, которые вскарабкались теперь на самые верхушки и покачивались там, замирая от страха.

Бедняжку Бильбо чуть опять не бросили одного! Он еле успел уцепиться за ноги Дори, когда того последним подхватил орёл. Они взвились вверх над суматохой и пожаром, Бильбо болтался в воздухе, руки у него буквально вырывались из плеч.

Гоблины и волки разбежались теперь по всему лесу. Несколько орлов ещё кружили над полем битвы. Внезапно пламя охватило деревья до самых вершин, они с треском запылали. Вся поляна обратилась в шквал искр и дыма. Бильбо вовремя оказался в воздухе, ещё минута — и он бы погиб.

Вскоре зарево пожара осталось далеко внизу — красное мерцание на чёрном фоне. Орлы подымались всё выше широкими плавными кругами. Никогда Бильбо не забыть этого полёта. Он крепко вцепился в щиколотки Дори и стонал: «Руки, мои руки!», а Дори кричал: «Ноги, мои ноги!»

У Бильбо всегда кружилась от высоты голова. Ему делалось дурно, если он заглядывал вниз с края небольшого обрыва; он недолго любил приставные лестницы, не говоря уже о деревьях (до сих пор ему не приходилось спасаться от волков). Можете вообразить, как кружилась у него голова теперь, когда он взглядывал вниз и видел под собой тёмную землю да кое-где поблескиванье лунного света на горной породе или на поверхности ручья, пересекавшего равнину.

Вершины гор всё приближались — каменные острия, торчащие вверх из черноты. Может, там внизу и стояло лето, но тут было очень холодно. Бильбо закрыл глаза и прикинул — долго ли ещё продержится. Он представил себе, что произойдёт, если он отпустит руки. Его замутило.

Как раз когда силы покидали его, полёт закончился. Бильбо разжал пальцы и со стоном упал на твёрдую площадку. Он лежал и радовался, что не сгорел в пожаре, и боялся свалиться с узкого выступа в чёрный провал. В голове у него всё путалось после ужасных событий последних трёх дней, а также от голода. Неожиданно он услышал собственный голос:

— Теперь я знаю, каково куску бекона, когда вилка снимет его со сковородки и положит назад на полку.

— Нет, не знаешь! — возразил ему голос Дори. — Сало всё равно рано или

поздно опять попадёт на сковородку, и ему это известно. А мы, смею надеяться, не попадём. И потом, орлы не вилки!

— И скалы не опилки! Ой! — произнёс Бильбо, садясь, и с беспокойством посмотрел на орла, который примостился неподалёку. Интересно, какую ещё он болтал чепуху и не обиделся ли орёл. Не следует обижать орлов, если ты всего лишь маленький хоббит и лежишь ночью в горном орлином гнезде.

Но орёл точил клюв о камень, отряхивал перья и не обратил на его слова никакого внимания. Вскоре подлетел другой орёл.

— Повелитель приказал тебе принести пленников на Большой Уступ! — прокричал он и улетел.

Первый орёл взял Дори в когти и исчез в ночном мраке, оставив Бильбо одного. Бильбо начал было размышлять, что означает слово «пленники» и скоро ли он попадёт вместо кролика орлам на ужин, но тут орёл вернулся за ним, схватил за куртку на спине и взмыл вверх. На этот раз лететь пришлось недалеко. Бильбо очутился на широком уступе. Он лежал, замерев от страха. Сюда не вела ни одна тропа, сюда можно было только прилететь, а отсюда — улететь или спрыгнуть в пропасть. Остальные путешественники уже сидели там, прислонившись спиной к скале.

Повелитель орлов тоже был там и беседовал с Гэндальфом. Выходило, что Бильбо никто не собирался есть. Волшебник и главный орёл, судя по всему, были знакомы и даже в дружеских отношениях. Дело в том, что Гэндальф, частенько бывавший по роду своих занятий в горах, однажды оказал услугу орлам, вылечив их повелителя от раны, нанесённой стрелой. Так что «пленники» означало лишь «пленники гоблинов» и ничего более. Прислушиваясь к их беседе, Бильбо понял, что теперь-то они окончательно покинут ужасные горы. Гэндальф просил Великого орла, чтобы орлы перенесли его самого, гномов и

Бильбо как можно дальше, это сократило бы им путь через равнину. Однако Повелитель орлов не соглашался относить их туда, где поблизости живут люди.

— Они станут стрелять в нас из больших тисовых луков, — пояснил он, — подумают, что мы прилетели за их овцами. И у них есть для этого основания. Нет! Мы рады были вырвать у гоблинов из рук игрушку и рады отблагодарить лично вас, но рисковать жизнью ради гномов не согласны.

— Хорошо, — сказал Гэндальф, — тогда отнесите нас просто как можно дальше к югу, по вашему усмотрению. Мы вам и так многим обязаны. А сейчас мы умираем с голода.

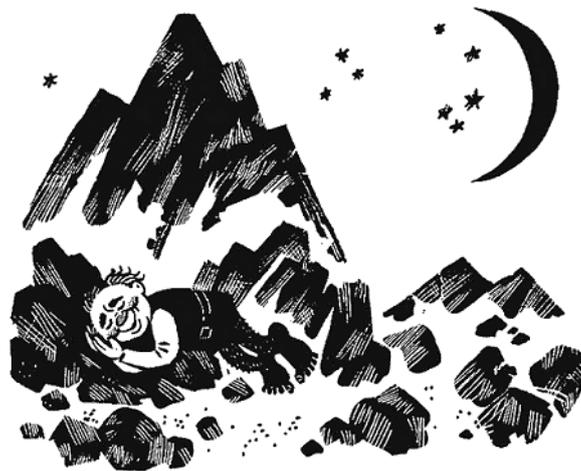
— Я уже умер, — пропищал Бильбо слабым голосом, но его никто не услышал.

— Этому горю помочь нетрудно, — сказал Повелитель орлов.

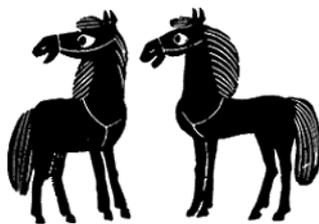
Немного погодя вы могли бы увидеть яркий весёлый огонь костра на уступе скалы и тёмные фигурки около него — это гномы готовили ужин. От костра шёл дивный аромат жаркого. Орлы принесли на скалу хворосту, кролика, зайцев и барашка. Гномы ловко справились со всеми приготовлениями. Бильбо так ослаб, что не мог помогать, да и в любом случае толку от него было бы мало: он не умел свежевать кроликов и разделявать мясо, так как мясник всегда доставлял ему мясо разделанным — только жарь. Гэндальф тоже прилёг отдохнуть.

Так закончились приключения в Туманных Горах.

Вскоре желудок Бильбо приятно отяжелел, хотя в душе он и предпочёл бы хлеб с маслом, а не куски мяса, зажаренного на палочках. Он почувствовал, что готов заснуть. Свернувшись на жёстких камнях, он уснул и спал крепче, чем когда-либо на перине у себя дома.

7

Небывалое пристанище

На другое утро хоббита разбудило взошедшее солнце. Он встал с намерением посмотреть на часы и поставить на огонь чайник... но тут же обнаружил, что он вовсе не дома. Он сел и стал с тоской думать о том, как приятно было бы сейчас умыться и почистить зубы...

Ни умыться, ни почистить зубы, ни получить на завтрак чаю, жареного хлеба и копчёной свинины ему не удалось. Пришлось довольствоваться холодной бараниной и кроликом, после чего они начали собираться в путь.

Теперь ему позволили взобраться орлу на спину и держаться за перья. Гномы прокричали прощальные слова, обещая когда-нибудь отблагодарить Повелителя орлов, — и пятнадцать громадных птиц взмыли в небо. Солнце всё ещё стояло низко, воздух был свежий, туман лежал в долинах и вился вокруг вершин. Бильбо приоткрыл глаза и увидел, что земля далеко внизу, а горы остались позади и всё уменьшаются в размерах. Бильбо опять зажмурился и ещё крепче вцепился в перья.

— Не щиплись! — сказал недовольно орёл. — Что ты трусишь, как кролик? Хотя ты и впрямь смахиваешь на кролика. Прекрасное утро, приятный ветерок. Что может быть лучше полёта?

Бильбо хотел ответить: «Тёплая ванна и поздний завтрак на лужайке перед домом», но не посмел и только самую чуточку отпустил пальцы.

Через какое-то время орлы, должно быть, завидели ту цель, к которой направлялись, и начали опускаться. Они опускались большими кругами по спирали, довольно долго, так что хоббит не вытерпел и опять открыл глаза. Земля теперь была гораздо ближе, внизу виднелись деревья — кажется, дубы и вязы, — обширные луга и речка. И прямо на пути у реки, которой из-за этого приходилось делать петлю, из земли торчал вверх каменный холм, скала, словно передовой пост далёких гор или гигантский обломок, заброшенный сюда на равнину каким-то невообразимым великаном.

Сюда-то, на верхушку скалы, сели один за другим орлы и опустили своих пассажиров.

— Счастливый путь! — закричали они. — Куда бы он ни лежал! И пусть примет вас в конце родное гнездо!

У орлов принято так говорить, когда они хотят быть любезными.

— Да несёт вас попутный ветер туда, где плывёт солнце и шествует луна, — ответил Гэндальф. Он знал, как полагается вежливо ответить.

Верхушка скалы представляла собой площадку, от неё вниз, к реке, вели ступеньки и вытоптанная тропа. Реку в этом месте можно было перейти вброд по большим плоским камням. Компания задержалась здесь, чтобы обсудить свои планы.

— Я с самого начала намеревался по возможности благополучно переправить вас через горы, — начал волшебник. — Благодаря моему умелому руководству и, что не столь важно, удачному стечению обстоятельств, с этой задачей я справился. В конце концов, это не моё приключение. Я, может быть, приму в нём ещё разок участие, но сейчас меня ждут другие неотложные дела.

Гномы застонали от огорчения. Бильбо не мог сдержать слёз. Они-то уж разлакомились, решив, что Гэндальф останется с ними до самого конца и будет всегда вызволять их из затруднений.

— Я же не собираюсь исчезать сию минуту, — сказал Гэндальф. — Подожду ещё денёк-другой. Возможно, я помогу вам выпутаться из теперешнего положения, да мне и самому нужна кое-какая помощь. У нас нет еды, нет вещей, нет лошадей, и вам неизвестно, где вы находитесь. Это я сейчас объясню. Вы сейчас на несколько миль севернее той тропы, которой должны были следовать, если бы не сбились второпях с горной дороги. В здешних местах людей мало, но недалеко отсюда живёт Некто. Он и выбил ступеньки в скале, которую, если не ошибаюсь, называет Каррок. Сюда он заходит редко и уж во всяком случае не днём, дожидаться его здесь бесполезно. И даже опасно. Мы должны сами его разыскать. Если при встрече всё обойдётся мирно, я с вами распрощусь и пожелаю, как орлы, счастливого пути, куда бы он ни лежал.

Гномы умоляли не бросать их, сулили драконово золото, серебро и драгоценности, но он оставался неумолим.

— Там увидим, — отвечал волшебник на все уговоры. — Хочу думать, что я и так уже заслужил часть вашего золота. То есть вашим оно будет, когда вы его сумеете добыть.

Наконец они отстали от него. Выкупались в речке, которая у брода была мелкой, чистой, с каменистым дном, и, обсушившись на солнышке, почувствовали себя освежёнными, хотя ушибы и царапины ещё болели, и, конечно, они проголодались. Перейдя вброд на тот берег (хоббит ехал у кого-то на спине), путешественники зашагали по высокой зелёной траве вдоль раскидистых дубов и высоких вязов.

— А почему скала называется Каррок? — спросил Бильбо, шедший теперь рядом с волшебником.

— Он называет её Каррок, потому что так ему хочется.

— Кто называет?

— Некто, о ком я говорил. Очень важная персона. Прошу, будьте с ним вежливы. Пожалуй, я буду представлять вас постепенно, по двое. И не вздумайте его раздражить, а то бог знает, что может получиться. Предупреждаю — он очень вспыльчив и прямо-таки ужасен, когда рассердится, но в хорошем настроении вполне мил.

Гномы, услышав, о чём волшебник толкует с Бильбо, столпились вокруг них.

— И к такой личности вы нас ведёте? Разве вы не могли подыскать кого-нибудь подороже? И нельзя ли объяснить попонятней? — забросали они его вопросами.

— Именно к такой! Нет, не мог! Я и так объяснил достаточно понятно, — сердито ответил волшебник. — Если непременно желаете знать, его имя Беорн. Он меняет шкуры.

— Как! Меховщик? Который делает из кролика котика, когда не удаётся

превратить его в белку? — спросил Бильбо.

— Боже милостивый, ну конечно, естественно, само собой разумеется — нет! — вскричал Гэндальф. — Сделайте одолжение, мистер Бэггинс, не говорите глупостей. И потом, заклинаю тебя всеми чудесами света, Бильбо, не упоминай ты больше слова «меховщик», пока находишься в радиусе ста миль от его дома! Чтобы никаких таких слов, как «меховая накидка, муфта, меховой капюшон, меховое одеяло» и тому подобное! Да, он меняет шкуры, но свои собственные! Он является то в облике громадного чёрного медведя, то в облике громадного могучего черноволосого человека с большими ручищами и большой бородой. Одни говорят, будто он — медведь из старинного и знаменитого рода чёрных медведей, живших в горах, пока не пришли великаны. Другие говорят, будто он потомок людей, живших в горах до тех пор, пока там не завёлся Смог и другие драконы и пока с севера не пожаловали гоблины. Не знаю, конечно, но мне кажется, что правильнее второе предположение. Во всяком случае, на нём нет ничьих чар, кроме своих собственных. Живёт он в дубовой роще в просторном деревянном доме, держит скот и лошадей, которые не менее чудесны, чем он. Они на него работают и разговаривают с ним. Он их не ест и на диких животных тоже не охотится. Он держит ульи, бесчисленные ульи с большими злыми пчёлами, и питается главным образом сливками и мёдом. В обличье медведя он скитается далеко от дома. Однажды я застал его сидящим в одиночестве на вершине Каррока ночью; он смотрел, как луна садится на Туманные Горы, и бормотал на медвежьем языке: «Придёт день, все они сгинут, и тогда я вернусь назад». Потому-то я и думаю, что некогда он пришёл с гор.

Бильбо и гномам нашлось теперь над чем поразмыслить, так что они замолчали и перестали приставать с расспросами к Гэндальфу. Они брели и брели, то вверх, то под уклон. Припекало. Бильбо до того проголодался, что охотно поел бы желудей, если бы они уже созрели и падали на землю.

Наконец во второй половине дня они заметили, что цветы стали расти так, как будто их нарочно посеяли. Каждый сорт отдельно. Особенно много было клевера: целые моря красного клевера, короткого белого, сладко пахнущего мёдом, розового. В воздухе стояло сплошное жужжание и гудение. Повсюду трудились пчёлы. И какие! Крупнее шершней. Бильбо в жизни ничего похожего не видел.

«Такая ужалит, — подумал он, — так я вдвое распухну!»

— Уже близко, — сказал Гэндальф. — Начались пчелиные угодья.

Вскоре показалась гряда могучих древних дубов, а за ними — высокая живая колючая изгородь, через которую не пролезть и не увидеть, что за ней.

— Вам лучше обождать здесь, — сказал волшебник. — Когда позову или свистну, следуйте за мной. Но только помните — парами, с промежутком в пять минут. Бомбур у нас самый толстый, он сойдёт за двоих и будет последним. Пойдёмте, мистер Бэггинс! Где-то тут должны быть ворота.

С этими словами волшебник двинулся вдоль изгороди, забрав с собой оробевшего Бильбо.

Вскоре они увидели высокие и широкие ворота, а за ними — сад и низкие деревянные постройки: несколько бревенчатых с соломенными крышами амбаров, конюшен и сараев и длинный низкий жилой дом. С южной, внутренней, стороны высокой изгороди рядами стояли бесчисленные островерхие

ульи, крытые соломой. В воздухе слышался несмолкаемый гул гигантских пчёл, которые беспрестанно влетали в ульи и вылетали оттуда, вползали и выползали.

Волшебник и хоббит толкнули тяжёлые скрипучие ворота и пошли по широкой дорожке к дому. Прямо по траве к ним подбежали рысцой холёные гладкие лошадки с очень умными мордами, внимательно посмотрели на вошедших и ускакали к строениям.

— Они доложат ему о приходе чужих, — промолвил Гэндальф.

Наконец путь им преградил дом, который вместе с двумя пристройками образовывал двор. Посредине двора лежал ствол большого дуба, подле валялись отрубленные сучья. Тут же стоял громадный человек с густой чёрной бородой и чёрными волосами, с могучими голыми руками и ногами. На нём была шерстяная туника до колен, он опирался на громадный топор. Лошадки стояли рядом, уткнув морды ему в плечо.

— Ух! Вот они! — сказал человек лошадям. — На вид не страшные, ступайте! — Он громко захохотал. — Кто вы такие и что вам надо? — спросил он нелюбезно. Он возвышался над Гэндальфом, как скала. Что же касается Бильбо, то он свободно прошёл бы у человека под ногами, даже не задев головой края серой туники.

— Я — Гэндальф! — заявил волшебник.

— Первый раз слышу! — пробурчал человек. — А это что за фитюлька? — спросил он, насупив чёрные мохнатые брови и наклоняясь, чтобы разглядеть хоббита.

— Это мистер Бэггинс, хоббит безупречной репутации, из очень хорошей семьи, — ответил Гэндальф.

Бильбо поклонился. Шляпы он снять не мог, ибо не имел её.

— Я волшебник, — продолжал Гэндальф. — Разумеется, я о вас слышал. Вы не знаете меня, но, может быть, знаете моего кузена Радагаста? Он живёт близ южной границы Чёрного Леса.

— Как же, славный малый, хоть и волшебник. Одно время я с ним часто виделся. Ладно, теперь я знаю, кто вы или за кого себя выдаёте. Что вам надо?

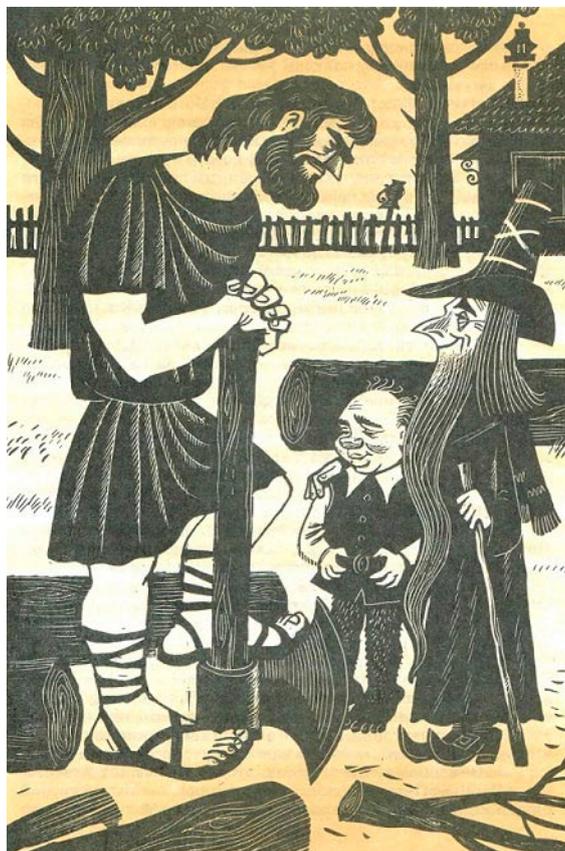
— Сказать по правде, мы потеряли наши пожитки, заблудились и очень нуждаемся в помощи или хотя бы в добром совете. Дело в том, что в горах нам досталось от гоблинов.

— Го-облинов? — переспросил человек уже менее нелюбезным тоном. — Ого, значит, вы им попались в лапы? А зачем, спрашивается, вы к ним полезли?

— Это получилось нечаянно. Они застигли нас врасплох во время ночлега в горах. Мы совершали переход из западного края в здешний. Но это долгая история.

— Тогда проходите в дом и расскажите хоть часть, коли на это не уйдёт целый день, — сказал человек, открывая дверь внутрь.

Следуя за ним, Гэндальф и Бильбо очутились в просторном холле, где посредине был сложен очаг. Несмотря на летнюю пору, пылали поленья, и дым поднимался кверху к почерневшим балкам, ища выхода в крыше. Они миновали этот темноватый зал, освещённый лишь огнём очага да светом, падавшим через потолочную дыру, и вышли через небольшую дверку на веранду, стоящую на деревянных сваях. Обращённая на юг, она ещё хранила дневное

тепло, солнце пронизывало её косыми лучами и золотым дождём падало в сад, заросший цветами до самых ступенек веранды.

Они сели на деревянные скамьи; Гэндальф приступил к рассказу, а Бильбо раскачивал коротенькими ножками, не достававшими до полу, поглядывал на цветы в саду и гадал, как они называются, — половины из них он никогда раньше не видал.

— Я шёл в горах с одним-двумя друзьями... — начал волшебник.

— Одним-двумя? Я вижу только одного, да и того еле могу разглядеть, — прервал его Беорн.

— По правде говоря, мне не хотелось вам мешать, я боялся, что вы заняты. Если позволите, я подам сигнал.

— Подавайте, так и быть.

Гэндальф пронзительно свистнул, и тут же Торин и Дори показались из-за угла дома на садовой дорожке, а через минуту стояли перед ними и низко кланялись.

— Вы хотели сказать — с одним-тремя! — заметил Беорн. — Это уже не хоббиты, а гномы!

— Торин Оукеншильд, к вашим услугам! Дори, к вашим услугам! — проговорили оба гнома, снова кланяясь.

— Спасибо, я в ваших услугах не нуждаюсь, — ответил Беорн. — Зато вы, видно, нуждаетесь в моих. Я не очень-то долюбливаю гномов. Но коли вы и вправду Торин, сын Трейна, внук Трора, а ваш спутник вполне порядочный гном, и вы враги гоблинов и не замышляете никаких каверз в моих владениях... кстати, как вы здесь очутились?

— Они шли в земли своих отцов, что лежат к востоку за Чёрным Лесом, — вставил Гэндальф. — Мы по чистой случайности оказались в ваших владениях. Мы переходили Верхний Перевал и думали попасть на дорогу, проходя-

щую южнее ваших земель. И тут на нас напали злые гоблины. Об этом я и собирался вам рассказать.

— Ну, так и рассказывайте, — нетерпеливо сказал Беорн, не отличавшийся вежливостью.

— Разразилась страшная гроза. Каменные великаны перебрасывались обломками скал, поэтому мы укрылись в пещере — я, хоббит и ещё несколько гномов...

— По-вашему, два — это несколько?

— Нет, конечно. Но нас было больше...

— Куда же они подевались? Убиты, съедены, вернулись домой?

— Н-нет. Они, очевидно, постеснялись явиться все сразу, когда я свистнул. Видите ли, мы просто боимся быть вам в тягость.

— Давайте свистите! Раз уж всё равно навязались в гости, так одним-двумя больше — погоды не делает, — проворчал Беорн.

Гэндальф опять свистнул — и в то же мгновение перед ними предстали Нори и Ори.

— Вот это да! — сказал Беорн. — Быстро, ничего не скажешь. Где вы прятались, у Гэндальфа в табакерке? Пожалуйте сюда.

— Нори, к вашим услугам, Ори, к ва... — начали они, но Беорн их прервал:

— Благодарствую. Когда ваши услуги понадобятся, я их сам попрошу. Садитесь и давайте продолжать, а то не успеем дослушать историю до ужина.

— Как только мы заснули, — продолжал Гэндальф, — щель в задней стене пещеры раздвинулась, оттуда выскочили гоблины и схватили хоббита, гномов и вереницу наших пони...

— вереницу? Да вы что — бродячий цирк? Или везли с собой горы поклажи? Или для вас шестеро значит вереница?

— Нет, нет! По правде говоря, с нами было больше шести пони, так как нас тоже было больше... ага, вот ещё двое.

В эту минуту появились Балин и Двалин и поклонились так низко, что вымели бородами каменный пол. Громадный человек нахмурился, но гномы до того старались быть вежливыми, так кивали, кланялись, перегибались в поясице и махали перед его коленями своими капюшонами с истинно гномовской вежливостью, что Беорн перестал хмуриться и отрывисто расхохотался. Уж очень они были смешные!

— И в самом деле, цирк, — сказал он. — Входите, господа весельчаки, входите. Как ваши имена? Услуги мне сейчас не нужны, только имена. Садитесь и перестаньте так суетиться.

— Балин и Двалин, — ответили гномы, не смея обидеться, и, опешив, сели прямо на пол.

— Дальше! — приказал Беорн волшебнику.

— На чём я остановился? Ах, да. Меня не схватили. Я убил парочку гоблинов вспышкой из посоха...

— Славно! — вставил Беорн. — Значит, иногда и волшебник может на что-то пригодиться.

— ...и проскользнул в трещину, когда она закрывалась. Я последовал за ними в главный зал, где толпились гоблины — Верховный Гоблин с тридцатью или сорока вооружёнными стражниками. Я подумал: «Если бы даже гномы не были скованы вместе — что может поделатъ дюжина против такой уймы?»

— Дюжина? В первый раз слышу, чтобы восемь называлось дюжиной. Или у вас в табакерке есть ещё кто-то в запасе?

— Да, вот ещё одна пара, Фили и Кили, — проговорил Гэндальф, когда перед ними возникли эти двое и принялись улыбаться и кланяться.

— Хватит, хватит, — оборвал их Беорн. — Сядьте и молчите! Продолжайте, Гэндальф!

И Гэндальф продолжал, пока не дошёл до схватки во мраке у нижних ворот и до того ужасного момента, когда обнаружилось, что потерялся мистер Бэггинс. «Мы пересчитали друг друга, и выяснилось, что хоббита нет. Нас осталось всего четырнадцать».

— Четырнадцать?! Значит, от десяти отнять один будет четырнадцать? Это что-то новенькое! Вы хотите сказать «девять», или же мне представили не всех членов отряда.

— Да, разумеется, вы ещё не видели Ойна и Глойна. А-а-а, вот и они. Вы извините их за лишнее беспокойство?

— Ладно. Пускай идут! Скорей входите и садитесь! Послушайте, Гэндальф, всё равно получается так: вы, десять гномов и хоббит, который потерялся. Итого двенадцать, а не четырнадцать. Может, волшебники считают не так, как люди? Но сейчас-то уж, пожалуйста, продолжайте.

Беорн старался не показывать виду, как его заинтересовала эта история. Встарь он знал именно ту часть гор, о которой шла речь. Он кивал головой и одобрительно ворчал, слушая про то, как нашёлся хоббит, как они катились по каменной круче, и про волчью стаю в лесу.

Когда Гэндальф дошёл до того места, как они залезли на деревья, а волки расселись под ними, Беорн встал и зашагал взад и вперёд, бормоча:

— Меня бы туда! Они бы у меня не отделались фейерверком!

— Ну, что ж, — сказал Гэндальф, очень довольный тем, что рассказ производит впечатление, — я сделал всё, что мог. И вот мы сидим на деревьях, волки беснуются внизу — и тут с гор являются гоблины и видят нас. Они завопили от восторга и запели издевательские песни: «Пятнадцать птиц...»

— Боже милостивый! — простонал Беорн. — Не уверяйте меня, будто гоблины не умеют считать. Умеют. Двенадцать не пятнадцать, и они это отлично знают.

— Я тоже. Там ещё были Бифур и Бофур. Просто я не осмелился представить их раньше. Вот они.

При этих словах появились Бифур и Бофур.

— И я! — выпалил Бомбур, с пыхтеньем догоняя предыдущую пару. Он был очень толстый и к тому же рассердился, что его оставили на конец, поэтому очень запыхался. Он отказался выждать пять минут и прибежал сразу.

— Ну, вот, теперь вас действительно пятнадцать, а раз гоблины умеют считать, то, значит, столько и сидело на деревьях. Можете наконец закончить ваш рассказ без помех.

Только тут мистер Бэггинс понял, как умно поступил Гэндальф. Перерывы подогревали любопытство Беорна, а постепенный рассказ Гэндальфа помешал Беорну прогнать гномов сразу, как подозрительных попрошаек. Беорн избегал приглашать к себе в дом гостей. Друзей у него было мало, жили они довольно далеко от него, и он никогда не принимал больше двух друзей за один раз. А тут на его веранде собралось целых пятнадцать незнакомцев!

К тому времени, когда волшебник закончил рассказ о том, как их спасли орлы и перенесли на скалу Каррок, солнце село за Туманные Горы и в саду пролегли длинные тени.

— Отличный рассказ! — сказал Беорн. — Давненько такого не слышал. Может, вы всё и сочиняете, но рассказ заслуживает ужина. Хотите есть?

— Да, очень! — ответили гости хором. — Большое спасибо!

В холле теперь совсем стемнело. Беорн хлопнул в ладоши, и вбежали четыре красивейших белых пони и несколько рослых серых собак. Беорн что-то сказал на непонятном языке, состоявшем из звуков, которые издают звери. Послушные животные вышли и снова вернулись, неся в пасти по факелу. Они зажгли факелы от пламени очага и воткнули их в подсвечники, прикреплённые на столбах, окружавших очаг. Собаки, когда хотели, стояли на задних лапах и держали в передних всё, что нужно. Они ловко достали доски и козлы, прислонённые к стене, и расставили перед очагом.

Потом послышалось «бя-бя-а-а» — и вбежало несколько белоснежных овец под предводительством большого угольно-чёрного барана. Одна овца держала во рту белую скатерть с вышитыми по углам фигурами животных, другие несли на своих широких спинах подносы с чашами и деревянными тарелками, ножами и деревянными ложками. Собаки быстро разложили всё это на столах. Столы были такие низкие, что даже Бильбо удобно было сидеть. Пони придвинул к торцу стола две скамеечки с широкими плетёными сиденьями на коротких толстых ножках — для Гэндальфа и Торина, а на дальнем конце поставил большой чёрный, тоже невысокий и тоже с плетёным сиденьем стул для Беорна. Беорн сел и вытянул свои толстые ноги далеко под стол. Вероятно, сиденья, как и столы, нарочно сделали низкими, чтобы чудесным животным, служившим Беорну, ловко было сидеть. Ну, а на что же уселись остальные? О них тоже позаботились. Пони прикатали круглые, как барабаны, колоды, гладко отёсанные и отполированные и удобные даже для Бильбо. Скоро все разместились за столом во главе с Беорном. В холле, наверное, давно не бывало такого многочисленного сборища.

И тут начался ужин или обед (назовите, как хотите), какого они не видали с тех пор, как покинули Последний Домашний Приют. Вокруг трепетало пламя факелов и очага, а на столе горели две высокие красные восковые свечи. Пока гости насыщались, Беорн развлекал их, рассказывая своим густым раскатистым голосом истории про дикие земли и особенно про тёмный, полный опасностей лес, который простирался далеко на Север и на Юг и преграждал путь на Восток, — про ужасный Чёрный Лес.

Гномы слушали и качали головами, так как знали, что скоро им предстоит проникнуть в глубину Чёрного Леса и что после Туманных Гор лес этот — самое опасное из препятствий, подстерегающих их на пути к цитадели дракона. Поев, они тоже принялись рассказывать истории, но Беорн был сонный и слушал невнимательно. Гномы тараторили про золото, серебро и драгоценности, про кузнечное ремесло, а Беорна такие вещи мало интересовали: в холле не было ни одного золотого или серебряного предмета и, кроме ножей, ничего металлического.

Гномы долго ещё сидели за столом и пили мёд из деревянных чаш. Снаружи совсем стемнело. В огонь подбросили поленьев, факелы загасили, языки пламени плясали перед ними, а вокруг возвышались столбы, и верхушки их

уходили вверх в темноту, как у деревьев в лесу. Может быть, тут было замешано волшебство, только Бильбо слышался шорох листвы в стропилах и уханье совы. Потом он начал клевать носом, голоса стали затихать, удаляться... и вдруг он вздрогнул и проснулся.

Проснулся оттого, что входная дверь заскрипела и хлопнула. Беорн исчез. Гномы сидели на полу перед очагом, скрестив ноги, и пели песню. Вот некоторые куплеты, но не все, их было гораздо больше, и пели гномы долго-долго:

*Дул ветер, мрачный и сырой,
И вереск гнулся под горой.
Смешала тень и ночь и день
Угрюмой сумрачной порой.*

*Дул ветер с тёмных стылых гор,
Под ним стонал окрестный бор.
Скрипел, стонал, во тьме шуришал
Листвы тревожный разговор.*

*Дул ветер прямо на восток,
И лес промок, и лес продрог.
Кустарник стыл, и в небе плыл
Лохматых туч густой поток.*

*Дул ветер прямо к той горе,
Где прячется дракон в норе,
Где сизый дым плывёт над ним
И тает в лунном серебре.*

Бильбо опять задремал. Внезапно поднялся Гэндальф.

— Пора спать, — сказал он, — пора нам, но не Беорну. Здесь в холле мы можем спать спокойно, ничего не боясь, но, предупреждаю, помните о том, что посоветовал нам Беорн на прощанье: ни в коем случае не выходите из дому до восхода солнца, а то вам придётся плохо.

Бильбо увидел, что у боковой стены, между ней и столбами, им уже постелили на низком помосте. Для Бильбо приготовили соломенный тюфячок и шерстяные одеяльца. Он свернулся калачиком и с удовольствием закутался в одеяла, несмотря на летнюю пору. Огонь затухал. Бильбо заснул. Среди ночи он проснулся: в очаге тлели угли, гномы и Гэндальф дышали ровно и, видимо, крепко спали. Луна теперь стояла высоко и заглядывала в дыру в потолке, на полу лежало пятно лунного света. Снаружи слышалось ворчание и какой-то шум, будто за дверями ворочался большой зверь. Бильбо подумал: не Беорн ли там в медвежьем обличье и не съест ли он их? Потом он закутался в одеяло с головой и, несмотря на свои страхи, снова уснул.

Когда он проснулся окончательно, было уже позднее утро. Кто-то из гномов споткнулся о Бильбо и брякнулся на пол. То был Бофур. Когда Бильбо открыл глаза, он ворчал и сердился.

— Вставай, лежебока, а то завтрака не достанется.

Бильбо вскочил как встрёпанный.

— Завтрак? — закричал он. — Где?

— Большая часть у нас в желудках, — отозвались гномы, бродившие по холлу, — а то, что осталось, — на веранде. Мы с восхода ищем Беорна и не можем

найти. Зато нашли на веранде накрытый к завтраку стол.

— А где Гэндальф? — спросил Бильбо, выскакивая на веранду.

— Где-то шатается, — ответили ему.

Волшебник не возвращался до вечера. Только на закате он вошёл в комнату, где ужинали хоббит и гномы. Опять им подавали чудесные звери. Беорна не было ни слышно, ни видно с прошлого вечера, и гномы недоумевали.

— Где же наш хозяин? И где вы пропадали целый день? — закричали все при виде Гэндальфа.

— Отвечаю на вопросы по порядку, и то после ужина! У меня с утра ни куточка во рту не было.

Наконец Гэндальф отодвинул тарелку и кувшин (он съел целых два хлеба, намазанных маслом, мёдом и сметаной, и выпил по крайней мере литр медового напитка) и достал трубку.

— Сперва отвечу на второй вопрос, — проговорил он. — Бог ты мой! Это помещение прямо создано для того, чтобы пускать кольца дыма!

Они ещё долго не могли ничего из него вытянуть, так как он увлёкся пусканием колец: колечки у него облетали вокруг столбов, меняли форму и окраску, наконец погнались друг за другом и вылетели в потолочную дыру.

— Я разбирался в медвежьих следах, — ответил наконец Гэндальф. — Сегодня ночью тут, видимо, гостила уйма медведей. Я сразу понял, что Беорн один не мог натоптать столько следов, и притом следов самой различной величины. Я бы сказал, что всю ночь до рассвета здесь плясали медведи мелкие и крупные, средние и великаны. Они сошлись со всех сторон, кроме одной: никто не пришёл с запада, с гор. И туда ведут следы только одного медведя. Я дошёл по ним до скалы Каррок, там они спустились в реку, а на тот берег я уже не стал перебираться — река там чересчур глубокая и течение сильное. Следы на той стороне уходили прямо в сосновые леса на восточном склоне Туманных Гор, где у нас произошла такая миленькая встреча с варгами. Таким образом, я, кажется, ответил и на первый вопрос, — закончил Гэндальф.

Бильбо показалось, будто он понимает, к чему клонит волшебник.

— Как же быть, если он приведёт сюда варгов и гоблинов? — воскликнул он. — Нас всех перебьют! Вы же раньше говорили, что он с ними не дружит!

— Ну так что? И сейчас говорю. Не болтай глупостей. Иди-ка лучше спать, а то голова у тебя уже плохо варит.

Хоббит и впрямь чувствовал себя разбитым, и ему оставалось только лечь спать. Он уснул под пение гномов. Засыпая, он по-прежнему думал о Беорне; ему приснилось, что сотни чёрных медведей медленно и тяжело кружатся в пляске при лунном свете. Он проснулся среди ночи, когда все спали, и услышал то же шарканье, сопенье и ворчанье за дверью, что и предыдущей ночью.

Наутро их разбудил сам Беорн.

— А, так вы ещё тут? — сказал он. Он приподнял хоббита за шиворот и засмеялся: — Я вижу, ты ещё не съеден варгами, гоблинами и злыми медведями! — И самым неуважительным образом ткнул мистера Бэггинса в живот:

— Наш пончик опять отъелся на сдобе и мёде. Пойдём, добавим ещё!

И все пошли с ним завтракать. На этот раз Беорн был в прекрасном расположении духа и очень смешил их разными забавными историями. Им не пришлось долго гадать, где он пропал и почему так любезен, — он скоро сам им рассказал. Он совершил поход за реку в горы и, надо заметить, обернулся за-

мечательно быстро. Побывав на обгорелой волчьей поляне, он убедился, что по крайней мере часть рассказанного гномами — правда. Он поймал в лесу варга и гоблина и узнал от них, что патрули гоблинов вместе с варгами ещё разыскивают гномов. Их очень озлобила смерть Верховного Гоблина и обожжённый нос вожака волков, а также гибель многих главных варгов от пожара, устроенного волшебником. Они затевали набег на земли, лежащие вблизи Туманных Гор, чтобы поймать гномов и отомстить людям и всем существам в округе, укрывающим, как они подозревали, гномов.

— Рассказ ваш был отменный, — заключил Беорн, — но теперь, когда я убедился в его правдивости, он мне ещё больше по душе. Я предлагаю вам любую помощь, какая в моих силах. Жили бы вы, как я, на краю Чёрного Леса, вы бы тоже никому не верили на слово. После такого случая я буду лучше относиться ко всем гномам. Надо же, убили Верховного Гоблина, самого Верховного Гоблина! — И он рассмеялся свирепым смехом.

— А что вы сделали с гоблином и варгом? — полюбопытствовал Бильбо.

— Идите посмотрите! — ответил Беорн, и они последовали за ним. На воротах торчала голова гоблина, а тут же за воротами на дереве была прибита шкура волка. Беорна страшно было иметь врагом. Но им-то он был теперь друг, и Гэндальф почёл за лучшее откровенно рассказать ему всю историю и цель их путешествия.

Вот какую помощь пообещал Беорн. Он предоставит каждому гному пони, а Гэндальфу лошадь, чтобы им добраться до леса. Он даст в дорогу провизии, которой при умелой экономии хватит на несколько недель. Провизия будет лёгкой и удобной для перевозки — орехи, мука, запечатанные кувшины с сухими фруктами, глиняные горшочки с мёдом и особого приготовления кексы, которые очень долго сохраняют свои питательные свойства. Достаточно съесть кусочек такого кекса, и у тебя хватит сил надолго. Только Беорн знал секрет их приготовления: в них входил мёд, как почти во всю его пищу. Были эти кексы вкусны, хотя и вызывали жажду. Он предупредил, что воду везти с собой не надо, так как всю дорогу до леса будут попадаться ручьи и источники.

— Но путь через Чёрный Лес будет трудным, опасным и неизведанным, — сказал Беорн. — Ни воды, ни пищи там не добудешь. Орехи ещё не созрели, а кроме орехов, там не растёт ничего съедобного. Все живые существа в лесу — злые, скверные и диковинные. Я дам вам мехи для воды, луки и стрелы. Но не думаю, чтобы в Чёрном Лесу нашлась какая-нибудь подходящая дичь и питьё. Тропу пересекает Чёрный Ручей с сильным течением. Не вздумайте в нём купаться или пить из него: я слышал, что он заколдован и напускает сонливость, забывчивость. Не стоит стрелять в дичь, а то, погнавшись за добычей, в сумраке леса можно потерять тропинку, этого же делать ни под каким видом нельзя. Вот и все мои советы. В лесу я уже ничем вам помочь не смогу, рассчитывайте на свою удачу, на собственную храбрость и на те припасы, которые я вам даю с собой. На границе леса прошу отослать домой всех пони и лошадь. Желаю успеха. Мой дом всегда открыт для вас, если вам случится возвращаться этой дорогой.

Они его, естественно, поблагодарили, отвесили множество поклонов, подметая пол капюшонами, произнесли неоднократно «к вашим услугам, о господин просторных деревянных чертогов!» Но на душе у них скребли кошки от

его зловещих слов. До них наконец дошло, что путешествие их опаснее, чем они воображали, и даже если они преодолеют все трудности, в конце пути их ждёт дракон.

Всё утро они провели в сборах. В полдень они поели с Беорном в последний раз, сели на своих новых скакунов и, попрощавшись с хозяином, выехали за ворота. Покинув его владения, обнесённые высокой изгородью, они взяли к северу, а потом повернули на северо-запад. Следуя совету Беорна, они пренебрегли главной лесной дорогой, проходившей по южной границе его владений. Беорн предупредил их, что этой дорогой теперь часто пользуются гоблины, а сама дорога, как он слышал, на востоке сильно заросла и упирается в непроходимые болота. В нескольких же днях езды к северу от Каррока прячется тропинка, мало кому известная, которая ведёт через Чёрный Лес прямо к Одинокой Горе.

— Гоблины, — заключил Беорн, — не посмеют пересечь реку ближе, чем за сотню миль от Каррока и моего дома — ночью он недурно охраняется. Но на вашем месте я бы поспешил: если они устроят набег скоро, то успеют перейти реку к югу и прочешут весь этот край леса, чтобы отрезать вам путь. А варги, надо сказать, бегают быстрее, чем пони. Итак, отправляйтесь скорее!

Они скакали молча, выбирая почву помягче или покрытую травой; слева темнели горы, впереди придвигалась линия деревьев, окаймлявших реку. Солнце до самого вечера золотило луга.

Как-то трудно было всё время помнить о гоблинах и погоне, и, отъехав на несколько миль от дома Беорна, они снова принялись болтать, петь и перестали думать про тёмную лесную дорогу, поджидавшую их впереди. Вечером, когда стало смеркаться и на фоне заката засверкали вершины, путешественники остановились на ночлег и выставили караульных. Но спали беспокойно, и во сне им слышался вой волков и крики гоблинов.

Утро предвещало погожий день. По земле стлался белый туман, воздух был прохладный, но вскоре на востоке встало красное солнце, туман рассеялся, и не успели ещё тени укоротиться, как путники снова отправились в путь. Они ехали уже два дня, но ничего и никого не видели, кроме травы и цветов, птиц и одиноких деревьев, да изредка благородных оленей, которые паслись или дремали в тени рощиц. На третий вечер они так торопились скорее достичь въезда в лес, что не останавливались до самой ночи и даже некоторое время ехали ночью при луне. В сумерках Бильбо то слева, то справа чудились неясные очертания большого медведя, кравшегося в том же направлении. Но когда он сказал об этом Гэндальфу, тот ответил только:

— Ш-ш! Не обращай внимания!

На следующий день они выехали до рассвета. Как только рассвело, они увидели чёрную мрачную стену леса, который словно выступал им навстречу или поджидал их. Дорога пошла вверх; хоббиту почудилось, будто их обступает тишина. Голоса птиц слышались всё реже. Не стало оленей, даже кролики пропали. В середине дня они достигли кромки Чёрного Леса и спешили, чтобы отдохнуть под нависшими ветками первых деревьев. Стволы были толстые, узловатые, ветки искривлённые, листья длинные и тёмные. Плющ обвивал деревья и стлался по земле.

— Ну, вот и Чёрный Лес! — сказал Гэндальф. — Самый большой лес в северном краю. Как он на ваш взгляд? Теперь придётся отослать назад чудных по-

ни.

Гномы недовольно заворчали, но Гэндальф посоветовал вести себя осмотрительнее.

— Беорн не так далеко, как вы думаете, и вообще надо обещания выполнять. Беорн — опасный враг. У мистера Бэггинса глаза получше ваших: он свидетель, что каждую ночь с наступлением темноты рядом появлялся большой медведь или сидел поодаль и наблюдал при свете луны за нашим лагерем. Он не только охранял вас и следил, туда ли вы едете, но и присматривал за своими пони. Беорн вам друг, но своих животных он любит, как родных детей. Вы даже не представляете, какое одолжение он вам сделал, разрешив ехать на своих пони так далеко и так быстро.

— А как насчёт лошади? — спросил Торин. — Вы, кажется, не упомянули, что вы её отсылаете.

— Я и не отсылаю.

— Как же ваше обещание?

— Это моё дело. Я не отсылаю лошадь оттого, что возвращаюсь на ней сам!

Так они услышали, что Гэндальф собирается бросить их на опушке Чёрного Леса, и пришли в отчаяние. Но как его ни убеждали, решения он не переменил.

— Обо всём этом мы договорились на Карроке, — возразил он. — Спорить бессмысленно. Как я уже говорил, меня ждут неотложные дела на Юге. Я и так из-за вас опаздываю. Может быть, мы ещё встретимся до конца приключения, а может быть, и нет. Это зависит от того, насколько вы удачливы, отважны и сообразительны. Я посылаю с вами мистера Бэггинса, ведь я вам не раз говорил, что он не так прост, как вы думаете. Скоро вы в этом убедитесь. Так что не унывай, Бильбо, не хмурься! Не унывайте, Торин и К°! Экспедицию затеяли вы сами. Думайте всё время о сокровищах, которые вас ждут, и выбросьте из головы лес и дракона! По крайней мере — до завтрашнего утра!

Наутро он повторил то же самое. Пришлось им наполнить мехи водой из прозрачного родника, бывшего у самого входа в лес, и расседлать пони. Поклажу они поделили между собой поровну, но Бильбо счёл свою долю невыносимо тяжёлой, ему совсем не улыбалось тащить тюк на спине много миль.

— Не волнуйтесь, — утешил его Торин. — Тюк полегчает слишком скоро, ещё захотите, чтобы мешки стали тяжелее, когда провизия начнёт подходить к концу.

Наконец они простились со своими пони и повернули их головами к дому. Те весело затрусили обратно, явно радуясь тому, что оставляют позади мрак Чёрного Леса. Бильбо мог бы поклясться, что в ту минуту, как пони повернули к дому, от леса отделилась тёмная фигура, схожая с медвежьей, и пустилась за ними вслед.

— До свиданья! — сказал Гэндальф Торину. — Всем, всем до свиданья! Идите через лес прямо, не сходите с тропы, а то вряд ли найдёте её снова и вряд ли выйдете из Чёрного Леса. В таком случае ни мне, ни кому другому вас больше не видать.

— А нам обязательно идти через лес? — простонал хоббит.

— Да, обязательно! — отрезал волшебник. — Или вы идёте насквозь через лес, или откажитесь от сокровищ. Да я и не позволю вам теперь пойти на пятный, мистер Бэггинс. Мне стыдно за вас! Как вы можете даже думать так?

Теперь вы отвечаете передо мной за всех гномов.

— Нет, нет! — начал оправдываться Бильбо. — Вы меня не так поняли. Я хотел сказать — нет ли дороги в обход?

— Есть, если тебе хочется топтать лишние двести миль к Северу, а потом вдвое больше к Югу. Нет, уж лучше держитесь лесной тропы, не падайте духом, уповайте на будущее, и, если вам невероятно повезёт, вы, может быть, и выйдете в один прекрасный день из леса и увидите впереди Длинное Болото, а за ним — возвышающуюся на Востоке Одинокую Гору, где живёт старина Смог. Будем надеяться, что он вас не ждёт.

— Утешили, нечего сказать, — проворчал Торин. — До свиданья! Не хотите идти с нами, так лучше уж поезжайте. Хватит разговоров!

— Тогда до свиданья, и пусть свидание состоится! — произнёс Гэндальф и, повернув лошадь, поехал на Запад. Но он не мог утерпеть, чтобы не сказать самых последних напутственных слов. Он повернулся и приставил ладони ко рту.

— До свида-а-анья! Пожа-а-алуйста, осторо-о-ожней! Не сходи-и-ите с тропы-ы! — донеслось до них еле слышно.

Затем Гэндальф пустил лошадь галопом и скрылся из виду.

— До свиданья, до свиданья, скатертью дорога! — проворчали гномы, сердясь ещё больше оттого, что отъезд Гэндальфа их ужасно огорчил. Предстояла самая опасная часть путешествия. Каждый взвалил на плечи тяжёлый тюк и кожаный мешок с водой, потом они повернулись спиной к солнечному свету и вступили в Чёрный Лес.

8

Пауки и мухи

Они вошли в лес, словно в мрачный туннель, пройдя гуськом под аркой, которую образовывали два высоких дерева, склонившихся друг к другу, — такие старые и настолько задушенные плющом, что на ветках лишь кое-где виднелись побуревшие листочки. Вскоре дневной свет остался у входа в лес, далеко позади, словно яркая светящаяся дырочка. Узкая тропинка вилась между стволами. Тишина сделалась столь глубокой, что звук шагов гулко отдавался в лесу и казалось, деревья нагибаются и прислушиваются.

Когда глаза их привыкли к полумраку, они стали кое-что различать по сторонам в тёмно-зелёном сумраке. Иногда тоненькому солнечному лучику удалось прорваться сквозь листву и спутанные ветки. Но это было редко, а потом и вовсе прекратилось.

В лесу прыгали чёрные белки. Зоркие и любопытные глаза Бильбо, освоившись в темноте, подмечали, как, вильнув пушистым хвостом, белки удирали с тропинки и прятались за стволы. В подлеске, в плотных слоях сухих листьев слышались шорох, возня, шныряние и ворчание. Но кто издавал все эти звуки, Бильбо не мог разглядеть. Что было самое противное — так это паутина: густая, необыкновенно толстая, она протягивалась от дерева к дереву, оплетала нижние ветки по обе стороны тропы. Тропу паутина не пересекала нигде, по волшебной ли причине или по какой другой — неизвестно.

Прошло немного времени, и они возненавидели лес так же горячо, как ненавидели гоблинские туннели; им казалось, что из него уже никогда не выбраться.

Под лесной полог не проникало ни единого дуновения чистого воздуха, там навсегда застыли духота, темнота и тишина. Даже гномов это угнетало, хотя они и привыкли работать в шахтах и подолгу жили под землёй. А уж хоббит — даром что жил в норке — любил проводить летние дни на воздухе и теперь совсем задыхался.

Хуже всего было ночью. Тьма становилась непроглядной, и это не преуве-

личение — они действительно ничего не видели. Нет, пожалуй, неправда, что ничего: они видели чьи-то глаза. Ночью в окружающей тьме начинали вспыхивать огоньки, на путников нацеливались пары глаз — жёлтые, красные, зелёные, — потом исчезали и возникали уже в другом месте. Порой огоньки сверкали откуда-то сверху, с веток, и это было очень страшно. Но больше всего Бильбо не нравились отвратительные, бледные, выпуклые глаза. «Как у насекомых, — думал он, — только что-то чересчур большие».

Ночью они не мёрзли, но всё же сначала пытались поддерживать сторожевой костёр. Вскоре, однако, пришлось от костров отказаться, так как стоило зажечь огонь — и из темноты на путешественников со всех сторон начинали пялиться сотни и сотни глаз, хотя сами обладатели глаз оставались невидимыми. Что ещё хуже — огонь привлекал тысячи серых и чёрных мотыльков, подчас величиной с ладонь; они вились и трепыхались у самого лица. Мотыльки надоедали невыносимо, равно как и огромные чёрные, как вакса, летучие мыши. Пришлось по ночам дремать в сплошной, наводящей жуть тьме.

Всё это, как казалось хоббиту, продолжалось целую вечность. Он всегда хотел есть, потому что теперь приходилось экономить продукты. Дни следовали за днями, а лес ничуть не менялся, и путники встревожились. Запасы провизии иссякали. Гномы попробовали стрелять белок и потратили уйму стрел, но сбили лишь одну. Когда её зажарили, она оказалась несъедобной, и белок оставили в покое.

Их мучила жажда, так как запасы воды убывали, а им пока не попалось ни одного источника или ручейка. Так всё и шло, пока однажды дорогу им не преградил поток, неширокий, но быстрый, казавшийся тоже чёрным. Хорошо, что Беорн предостерег их, а то они непременно напились бы воды и наполнили бы пустые мехи. А теперь они задумались, как перейти поток, не входя в воду. Когда-то тут, видно, пролегали деревянные мостки, но сейчас от них остались лишь обломанные столбики у самого берега.

Бильбо встал на колени и, взглядевшись в черноту, вдруг воскликнул:

— У того берега лодка! Что бы ей быть на нашей стороне!

— Как вы думаете, далеко она? — спросил Торин. Гномы уже убедились, что у Бильбо самые зоркие глаза.

— Совсем недалеко. Метрах в десяти, не больше.

— Всего десять метров! Я думал, тут по крайней мере двадцать пять! Что делать, я теперь не так хорошо вижу, как сто лет назад. Впрочем, десять или двадцать пять — какая разница? Нам всё равно не перепрыгнуть ручей, а плыть или идти вброд опасно.

— Умеет кто-нибудь забрасывать верёвку?

— Что толку? Даже если удалось бы зацепить лодку, она наверняка привязана.

— По-моему, нет, — сказал Бильбо, — но в такой темноте не разглядишь.

— Дори самый сильный, но Фили самый молодой, и глаза у него лучше видят, — сказал Торин. — Фили, подойди сюда, видишь ты лодку, о которой говорит мистер Бэггинс?

Фили долго всматривался и, наконец разглядев лодку, определил, как мог, расстояние. Ему принесли верёвку, самую длинную из взятых с собой, и привязали к её концу большой железный крюк — из тех, которыми пристёгивали тюки к ремням, когда несли их на спине. Фили взял крюк в руку, покачал его

на ладони и швырнул через поток.

Крюк плюхнулся в воду!

— Недолёт! — заметил Бильбо, следивший за процедурой. — Ещё полметра, и он бы зацепился за лодку. Попробуй ещё раз. Думаю, что, если ты и дотронешься до мокрой верёвки, чары тебе не повредят.

Фили вытянул верёвку и взялся за крюк, но проделал это с большой опаской. Вторично он зашвырнул верёвку дальше.

— Спокойно! — сказал Бильбо. — Ты закинул крюк за дальний борт. Тяни полегоньку.

Фили стал медленно тянуть, и вскоре Бильбо сказал:

— Осторожней! Крюк лежит на борту, надо, чтобы он не соскользнул.

Крюк зацепился за борт, верёвка натянулась, Фили тащил и тащил, но безрезультатно. Ему на помощь пришёл Кили, потом Ойн и Глойн. Они тянули изо всех сил и вдруг все разом хлопнулись навзничь. Но Бильбо был начеку, он перехватил у них верёвку и задержал палкой чёрную лодочку, которую быстро понесло течением.

— Помогите! — закричал Бильбо, и подоспевший на крик Балин схватил лодку за корму.

— Значит, всё-таки она была привязана, — сказал Балин, глядя на обрывок фалиня³⁸, прикрепленный к лодке. — Удачный рывок, друзья, и удачно, что наша верёвка оказалась крепче.

— Кто поплывёт первый? — спросил Бильбо.

— Я, — ответил Торин, — и со мной вы, Фили и Балин. Больше в лодке никто не поместится. Затем Кили, Ойн, Глойн и Дори, потом Ори, Нори, Бифур и Бофур. И последними — Двалин и Бомбур.

— Всегда я последний, мне надоело, — запротестовал Бомбур. — Пусть сегодня кто-нибудь другой будет последним.

— А зачем ты такой толстый? Вот и плыви, когда в лодке меньше груза. И не вздумай ворчать и оспаривать приказания, а то с тобой произойдёт что-нибудь скверное.

— Тут нет вёсел. Как же перебраться на другой берег? — поинтересовался хоббит.

— Дайте мне ещё одну верёвку и ещё крючок, — попросил Фили. Привязав крюк к верёвке, он закинул её в темноту как можно дальше и выше. Крюк не свалился вниз — следовательно, застрял в ветвях.

— Залезайте, — скомандовал Фили, — кто-нибудь будет тянуть за верёвку, которая в ветвях, а кто-нибудь из оставшихся пусть держит первую верёвку. Когда мы переправимся на тот берег, тяните лодку обратно.

Таким образом они все благополучно переправились через заколдованный поток. Только что Двалин вылез из лодки на берег с мотком верёвки в руках, а Бомбур (кстати, не перестававший ворчать) собирался последовать за ним, как вдруг действительно произошло нечто скверное. Впереди на тропке слышался бешеный стук копыт, из темноты возник силуэт мчащегося оленя. Олень врзался в отряд гномов, раскидал их в разные стороны и взвился в воздух. Он перемахнул через поток одним прыжком, но... ему не удалось достичь того берега невредимым. Торин, едва ступив первым на противоположный берег, натянул лук и вложил стрелу на тот случай, если поблизости притаился хозяин лодки. Торин был единственный, кто удержался на ногах и сохранил

присутствие духа; теперь он уверенно и метко послал стрелу в оленя. Приземлившись, зверь пошатнулся, его поглотила тьма леса, послышался звук спотыкающихся копыт, потом всё стихло.

Только все хотели воздать хвалу меткому стрелку, как послышался отчаянный возглас Бильбо:

— Бомбур в воде! Бомбур тонет!

Мечты об оленине вышибло у них из головы. Увы! То была правда. Когда олень вылетел из лесу и опрокинул Бомбура, толстяк стоял на суше только одной ногой. Падая, Бомбур нечаянно отпихнул лодку от берега, попытался ухватиться за скользкие корни, руки у него сорвались, он плюхнулся в воду, а лодку закрутило и унесло по течению.

Все кинулись к ручью и увидели над водой капюшон Бомбура. Они быстро кинули ему верёвку с крюком и вытянули его на сушу. Бомбур, естественно, промок насквозь, и это было ещё ничего, но вот беда: он спал, сжимая верёвку в руке, да так крепко, что руку не могли разжать. Он продолжал спать, несмотря на все попытки его разбудить.

Они всё ещё стояли над ним, проклиная его неуклюжесть и свою невезучесть и оплакивая утрату лодки, лишённые теперь всякой возможности подобрать убитого оленя, как вдруг в отдалении послышались звуки рога и лай собак. Неожиданно впереди на тропе показалась белая лань, настолько же ослепительно белоснежная, насколько олень был чёрен. Прежде чем Торин успел предостерегающе крикнуть, гномы вскочили и выстрелили из луков. Ни одна стрела не попала в цель. Лань повернулась и исчезла среди деревьев так же бесшумно, как появилась, и гномы напрасно продолжали пускать стрелы ей вслед.

— Стойте! Перестаньте! — закричал Торин, но поздно: гномы в возбуждении расстреляли последние стрелы. И теперь подаренные Беорном луки стали бесполезны.

Уныние охватило всю компанию, и в последующие дни оно ещё усилилось. После заколдованного ручья тропа вилась точно так же, лес был всё тот же. Если бы они знали о лесе побольше, то догадались бы, что приближаются к восточной опушке леса и ещё немного терпения и отваги и они выйдут в более редкий лес, куда проникает солнце. Но они не догадывались. К тому же они попеременно несли тяжёлого Бомбура — четверо тащили его, а остальные несли их поклажу. Не полегчай тюки за последние дни, им бы нипочём не справиться. Но даже тяжёлые тюки лучше тяжёлого Бомбура. Толстяк, к сожалению, не заменял собой мешков с едой. Настал день, когда у них почти не осталось ни пищи, ни питья. В лесу ничего не росло — лишь губки на деревьях да растения с бледными листьями и неприятным запахом.

Через четыре дня после того, как они переправились через поток, начался сплошной буковый лес. Путники сперва обрадовались этой перемене: пропал подлесок, темнота перестала быть такой густой, освещение сделалось зеленоватым. Однако светились лишь бесконечные ряды прямых серых стволов, возвышающихся, словно колонны в громадном сумеречном зале. Появился ветерок, зашелестела листва, но и шелест был какой-то печальный. Сверху слетали листья, напоминая о том, что приближается осень. Под ногами шуршал сухой ковёр, накопившийся от прежних осеней.

Два дня спустя они заметили, что тропа пошла под уклон, и скоро оказа-

лись в ложбине, заросшей могучими дубами.

— Да кончится когда-нибудь этот проклятый лес?! — проговорил Торин. — Кто-то должен залезть на дерево, просунуть голову сквозь листву и оглядеться. Надо выбрать самое высокое дерево у самой тропы.

Конечно, под «кто-то» разумелся Бильбо. Выбор пал на него потому, что забираться — так уж забираться на самую верхушку, а для этого надо быть очень лёгким, чтобы выдержали тонкие ветки. Несчастный мистер Бэггинс был не большой мастак лазать по деревьям, но делать нечего — его посадили на нижние ветки исполинского дуба, росшего на обочине, и хочешь не хочешь, а пришлось карабкаться вверх. Бильбо продирался сквозь густые сучья, ветки хлопали его по лицу, кололи глаза, Бильбо перепачкался зелёным и чёрным о старую кору, много раз чуть не сорвался и наконец, преодолев самый трудный участок, где буквально не за что было ухватиться, долез до верха. А пока лез — только и думал, есть ли на дереве пауки и удастся ли ему спуститься вниз, не свалившись.

Наконец голова его оказалась над лиственной крышей. Свет ослепил Бильбо. Снизу его окликали гномы, но он ничего не отвечал и, зажмурившись, только крепче вцеплялся в ветки. Солнце сверкало так ярко, что он долго не мог открыть глаза, когда же открыл, то увидел море тёмной зелени, колышущейся на ветру. Бильбо долго наслаждался ветерком, ласкавшим ему лицо и волосы. Наконец крики гномов, которые там, внизу, буквально лопались от нетерпения, напомнили ему о деле. Он стал оглядываться по сторонам, но сколько ни гляди — кругом было сплошное море зелени.

На самом-то деле, как я уже говорил, до опушки леса оставалось недалеко. Будь Бильбо посообразительнее, он бы понял, что высокое дерево, на котором он сидел, росло на дне широкой впадины, и с верхушки невозможно было заглянуть за край этой большой чаши и увидеть, как далеко простирается лес. Но Бильбо этого не понял, и поэтому полез вниз в совершенном отчаянии. Ищарапаный, потный, несчастный, он спустился во мрак леса и долго не мог ничего различить вокруг. Его отчёт поверг и остальных в отчаяние.

— Лес нигде, нигде не кончается. Что нам делать? Какой толк было посылать хоббита? — восклицали они, как будто Бильбо был виноват во всём.

В этот вечер они доели последние крохи, а проснувшись наутро, опять ощутили грызущий голод. Лил дождь и уже просачивался кое-где через густой полог леса. Во рту у них пересохло от жажды, но дождь не принёс облегчения — не будешь же стоять, высунув язык, и ждать, когда на язык упадёт капля. Единственное утешение им неожиданно доставил Бомбур!

Он вдруг проснулся, сел и задумчиво поскрёб затылок. Он никак не мог взять в толк, где он и почему такой голодный: он забыл всё, что происходило после пирушки в доме хоббита в то майское утро. Немалых трудов им стоило убедить его, что всё было так, как они рассказывают.

Услышав, что есть нечего, он горько заплакал.

— Зачем я только проснулся! — воскликнул он. — Я видел такие прекрасные сны! Мне снилось, будто я бреду по лесу вроде этого, на деревьях горят факелы, с веток свисают фонари, на земле пылают костры. В лесу идёт пир, идёт и не кончается. Лесной король сидит в короне из листьев, все распевают весёлые песни, а уж какие там блюда и напитки! Я просто описать не могу.

— Тем лучше, — сказал Торин. — Раз ты не способен говорить ни о чём дру-

гом, кроме еды, то лучше помолчи. Нам и так от тебя одни неприятности. Если б ты сейчас не проснулся, мы оставили бы тебя в лесу, и смотри тогда свои дурацкие сны. Думаешь, легко тебя тащить после такого долгого поста?

Что им оставалось делать? Они затащили потуже кушаки на тощих животных, взвалили на плечи тюки и поплелись дальше по тропинке, даже не надеясь выйти живыми из леса. Они брели весь день из последних сил, да ещё Бомбур непрерывно стонал и жаловался, что ноги у него подкашиваются и он сейчас ляжет и уснёт.

Вдруг Балин, шедший впереди, воскликнул:

— Что это? Между деревьями мелькнул огонь!

Они остановились и стали всматриваться. И в самом деле: вдали мелькнул красный огонёк, потом ещё и ещё. Путники торопились вперёд, нимало не задумываясь — а вдруг это гоблины или тролли. Вскоре они разобрали, что это свет от множества факелов и костров.

— Сны-то мои сбываются, — пропыхтел Бомбур, еле поспевавший сзади. Он хотел бежать прямо туда, но остальные не забыли предостережений чародея и Беорна.

Они долго спорили и наконец решили выслать двух разведчиков — пусть подползут поближе к огням и постараются что-нибудь выяснить. Но тут опять вышла заминка: никому не улыбалось заблудиться и навсегда потерять своих товарищей. Под конец голод поборол благоразумие: не в силах более слушать, как Бомбур расписывает яства на лесном пире, они все вместе покинули тропу и углубились в лес. Проблуждав некоторое время между стволами, перебираясь ощупью от дерева к дереву, они наконец увидели ярко освещённую, расчищенную и выровненную полянку. Там было полно народу — ни дать ни взять, эльфы! Одетые в зелёную и коричневую одежду, они сидели на пнях вокруг костра. Позади них на деревьях торчали факелы, но что самое замечательное — они ели, пили и веселились.

Аромат жареного мяса был так притягателен, что путники, не сговариваясь, выпрямились во весь рост и шагнули сквозь кусты на полянку, одержимые одним желанием — выпросить поесть. Но едва они ступили в круг, как все огни погасли, словно по мановению волшебной палочки, кто-то из эльфов поддал ногой поленья, взвился сноп сверкающих искр, и костёр потух. Путники очутились в беспросветной тьме и долго не могли отыскать друг друга. Проблуждав во мраке, налетая на деревья, хватаясь за стволы, спотыкаясь о пни, аукая во весь голос и наверняка перебудив всех обитателей леса на много километров вокруг, они наконец ухитрились собраться и на ощупь пересчитать друг друга. К этому времени они совершенно запутались, где дорожка, и безнадежно заблудились, во всяком случае — до утра.

Оставалось только лечь спать, не сходя с места. Пролежали они недолго. Бильбо только-только задремал, как вдруг Дори, стоявший на часах, громко шепнул:

— Опять огоньки. Больше, чем прежде.

Они опять вскочили и бросились в ту сторону, где ясно слышались голоса и смех. Но едва они приблизились к кострам, повторилось то же самое, что и в предыдущий раз.

Пришлось опять лечь спать.

Но история с огнями на этом не кончилась. Когда время зашло далеко за

полночь, их разбудил Кили:

— Вон там целый пожар — костры, факелы; слышите — поют, играют на арфах!

Они послушали-послушали и, не в состоянии преодолеть искушения, снова встали и пошли. Результат оказался самый плачевный. Этот пир был ещё пышнее, ещё роскошнее прежних, во главе пирующих сидел лесной король в венке из листьев на золотоволосой голове, точь-в-точь король из бомбуровского сна. Эльфы передавали по кругу чаши, одни играли на арфах, другие пели. В их блестящие волосы были вплетены цветы, драгоценные камни сверкали у них на воротниках и кушаках, лица и голоса были исполнены веселья. Песни были такие звонкие и прекрасные, что Торин выступил на середину круга...

Поющие умолкли на полуслове, настала мёртвая тишина; все огни погасли, на месте костров поднялись столбы чёрного дыма, зола и пепел запорошили гномам глаза. Лес снова наполнился их криками и воплями.

Бильбо бегал кругом и звал, звал:

— Дори, Нори, Ори, Ойн, Глойн, Фили, Кили, Бомбур, Бифур, Двалин, Балин, Торин Оукеншильд!

Те, невидимые в темноте, делали то же самое, добавляя ещё «Бильбо!» Но постепенно крики гномов стали затихать, удаляться, потом, как показалось хоббиту, превратились в вопли о помощи, потом всё стихло, и Бильбо остался один в полной тишине и темноте.

То был один из самых скверных моментов в его жизни. Бильбо довольно быстро решил, что до утра делать ничего не надо: бессмысленно блуждать во мраке по лесу и выбиваться из сил, не имея никакой надежды на завтрак, чтобы их восстановить. Бильбо сел, прислонился спиной к дереву и, в который раз, стал вспоминать свою далёкую норку, прекрасные кладовые. Он погрузился в мечты о беконе, яйцах и жареном хлебе, как вдруг почувствовал чьё-то прикосновение. К его руке прижалась какая-то крепкая липкая верёвка, а когда он попытался встать, тут же упал, так как ноги его оказались спутаны той же гадостью.

И вдруг из-за спины у него появился здоровенный паук. Он-то и начал обматывать Бильбо паутиной, пока тот дремал. Бильбо видел его глаза, чувствовал, как притрагиваются мохнатые лапы; паук трудился на совесть, опутывая и опутывая Бильбо своими мерзкими нитями. Хорошо, что Бильбо вовремя очнулся, — ещё минута, и он бы уже не смог шевельнуться. И тогда паук впрыснул бы ему яд, как проделывают с мухами обыкновенные пауки. Бильбо стал отчаянно отбиваться от гадкой твари кулаками и вдруг вспомнил про кинжал. Как только он выхватил его, паук отпрыгнул назад, а Бильбо тем временем перерубил нити, опутывавшие ноги. Теперь настал его черёд нападать, и он накинулся на паука. Если бы паук знал, что ему грозит, он бы пустился наутёк сразу, но он явно не привык к «добыче» с таким жалом, и Бильбо успел нанести ему удар кинжалом в голову. Паук заскакал, заплясал, дико задёргал лапами, и тогда Бильбо уложил его вторым ударом. Но тут же упал сам и надолго потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, его окружал обычный тусклый дневной полумрак. Паук лежал рядом мёртвый, клинок кинжала был в чёрных пятнах. Убить гигантского паука в темноте, в одиночку, без помощи волшебника, гномов или

кого бы то ни было — это, я вам скажу, было неслыханное событие в жизни мистера Бэггинса. Он почувствовал себя совсем другим — более храбрым и беспощадным. Он вытер кинжал о траву и вложил в ножны.

— Отныне я буду называть тебя Жалом, — сказал он клинку.

Затем он отправился на разведку. В лесу царило безмолвие. Прежде всего следовало разыскать друзей; далеко уйти они не могли, разве что их взяли в плен эльфы или кто-нибудь похуже. Бильбо понимал, что кричать тут небезопасно, поэтому долго стоял на месте и раздумывал, в какой стороне тропа и куда двинуться на поиски гномов.

«Зачем мы не послушались советов Беорна и Гэндальфа! — сокрушался он. — А теперь мы так всё запутали. „Мы“! Хорошо, если „мы“, а то одному так страшно!»

Наконец он припомнил, откуда неслись ночью крики о помощи; к счастью (а оно ему сопутствовало с рождения), он определил это более или менее правильно и тут же стал красться в том направлении. Как я уже не раз говорил, хоббиты, как никто, умеют бесшумно ступать по лесу; кроме того, Бильбо надел кольцо.

Он осторожно крался до тех пор, пока не различил впереди клубок черноты, слишком густой даже для Чёрного Леса — словно клочок тёмной ночи, который забыл рассеяться с наступлением дня. Подобравшись ближе, он понял, что это паутина, намотанная в несколько слоёв. И тут он увидел над собой пауков: гигантские, страшные-престрашные, они сидели на ветвях. Бильбо задрожал: кольцо кольцом, а вдруг они его почувют? Стоя за деревом, он некоторое время наблюдал их в тишине и покое леса и вдруг понял, что отвратительные твари разговаривают друг с другом! Голоса их походили на тоненький скрип и свист, но он разобрал слова. Они говорили про гномов!

— Жаркая была схватка, но дело того стоило, — сказал один. — Ну и жёсткая у них шкура, зато внутри они наверняка сочные.

— Да, да, повисят немножко — ещё вкуснее станут, — подхватил другой.

— Не передержите их, — подал голос третий, — чтоб не засохли, а то что-то худоваты. Видно, плохо питались последнее время.

— Убейте их сейчас, говорю вам, — просвистел четвёртый, — а потом пусть повисят дохлые.

— Да они и так уже дохлые, поверьте мне, — возразил первый.

— Ничего не дохлые. Сейчас один крутился — видно, очухался. Идём — покажу.

И толстый паук быстро побежал к ветке, с которой рядком свисала дюжина больших свёртков. Только тут Бильбо заметил их в тени дерева и ужаснулся: из свёртков торчали — где гномова нога, где нос, где кончик бороды, а где капюшон.

Паук направился к самому толстому из свёртков.

«Должно быть, бедняга Бомбур», — подумал Бильбо.

Паук сильно ущипнул Бомбура за кончик носа. Бомбур был явно жив. Раздался приглушённый вопль, и торчащая нога метко лягнула паука. Послышался звук, как будто ударили по выдохшемуся футбольному мячу; взбешённый паук свалился с ветки, но вовремя ухватился за собственную нить.

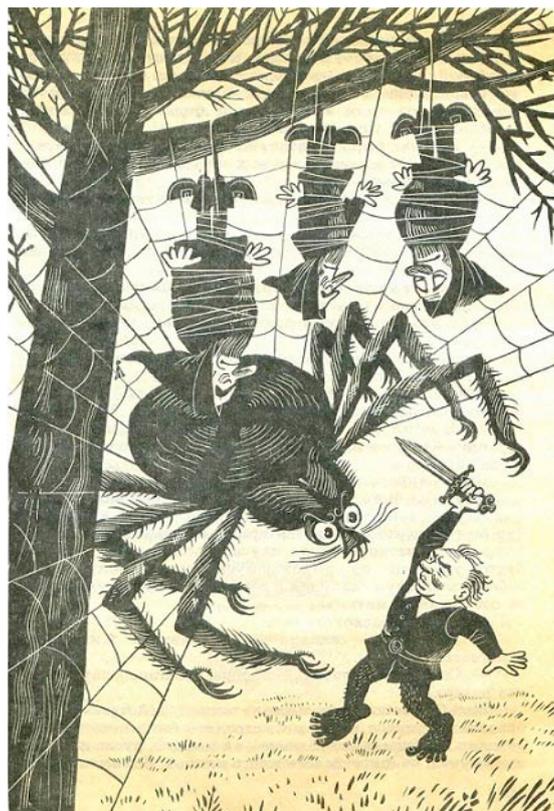
Остальные расхохотались.

— Ты прав, — сказали они, — завтрак жив-здоров и лягается.

— Сейчас перестанет, — злобно прошипел паук и полез наверх.

Бильбо понял, что настал момент действовать. Добраться до пауков он не мог, стрелять было нечем. Оглядевшись, он увидел углубление — очевидно, русло пересохшего ручья, — где валялось много камней. Бильбо недурно метал камни. Недолго думая, он подобрал гладкий, как яйцо, камень, очень удобно лёгший в ладонь. Мальчиком Бильбо много упражнялся, швыряя камни в разные предметы, так что кролики, белки и птицы разбегались и разлетались без оглядки, едва завидев, как он наклоняется. Став взрослым, он много времени отдавал метанию колец, дротика, стрельбе по пруту, игре в кегли, шары и другие тихие игры метательного и швырятельного свойства. Бильбо вообще много чего умел помимо того, что пускал кольца дыма, загадывал загадки и стряпал. Просто мне некогда было рассказать об этом раньше. И сейчас тоже некогда. Пока он подбирал камни, паук долез до Бомбура, и через секунду тому бы несдобровать. И тут Бильбо бросил камень. Бац! — камень ударил паука по макушке, и паук без чувств шлёпнулся с дерева на землю, задрал лапы.

Второй камень со свистом прорвал большую паутину и наповал сразил паука, сидевшего в центре. В колонии пауков поднялась паника, и на время, могу вас уверить, они и думать забыли про гномов. Видеть Бильбо они не могли. Но сообразили, с какой стороны летят камни. С молниеносной быстротой они помчались по веткам, выбрасывая нити во всех направлениях. Пространство наполнилось смертоносными качелями.

Но Бильбо уже перебежал на другое место. Ему захотелось раздражить пауков, раззадорить, как следует разозлить. Когда к месту, где он раньше стоял, сбежалось штук пятьдесят пауков, Бильбо принялся швырять в них камнями, а потом, приплясывая между деревьями, запел песню, чтобы привлечь внимание пауков, а также гномов:

*Жирный паук
Взгромоздился на сук*

*И не видит меня
Среди белого дня.*

*Эй, старый дурак,
Я подам тебе знак,
Паутину бросай
И меня догоняй!*

Может, и не слишком складная дразнилка, но не забывайте — он сочинил её сам, экспромтом, в самый неподходящий момент. Песенка своё дело сделала: пока он пел, кидался камнями и топал ногами, буквально все пауки бросились к нему. Одни спрыгнули и бежали по земле, другие мчались по веткам и, раскачиваясь, перепрыгивали с дерева на дерево, третьи перекидывали новые нити через тёмное пространство. Пауки оказались гораздо проворнее, чем Бильбо ожидал. Очень уж они разозлились. Во-первых, им не понравились камни, во-вторых, пауки терпеть не могут, когда им говорят «жирный паук», ну, а уж «старый дурак» и подавно обидно всякому!

Бильбо бросился на новое место, но пауки разбежались теперь по всей поляне и быстренько начали плести паутину между стволами. Очевидно, замысел их был таков: очень скоро хоббит неминуемо очутится в западне — и путь ему будет отрезан. Но, окружённый со всех сторон охотящимися на него насекомыми, Бильбо нашёл в себе мужество затянуть ещё одну песенку:

*Паутины вьётся нить,
Мне готовят сети,
Но меня им не скрутить
Ни за что на свете.*

*Вот я, вот! Вам везёт,
Слушайте, глядите!
Пауки, дураки,
Ну-ка догоните!*

Тут он повернулся и увидел, что последний свободный промежуток между двумя высокими деревьями тоже затянут паутиной, но, по счастью, не настоящей густой сеткой, а отдельными толстыми нитями, наспех протянутыми туда-сюда. Бильбо вытащил кинжал, перерубил их и с пением побежал дальше.

Пауки заметили кинжал и, хотя вряд ли поняли, что это такое, всей оравой погнались за хоббитом по земле и по ветвям; их мохнатые лапы мелькали, челюсти щёлкали, глаза вылезали из орбит, пауки задыхались от ярости.

Бильбо забежал далеко в глубь леса, потом совершенно бесшумно прокрался обратно, а пауки помчались дальше в том же направлении.

Времени у Бильбо было в обрез: скоро обескураженные пауки, потеряв его, вернутся к гномам. До этого он должен успеть спасти своих друзей. Самое трудное влезть на ту длинную ветвь, на которой болтаются свёртки. Сомневаюсь, чтобы он справился, если бы с ветки не свисала липкая нить, неосторожно оставленная каким-то пауком. Бильбо взобрался по ней наверх, обдирая кожу с ладоней, и столкнулся нос к носу со старым толстым противным пауком, караулившим пленников. Он занимался тем, что время от времени щипал их, чтобы распознать, который сочнее, и как раз думал угоститься до возвращения остальных, как вдруг мистер Бэггинс без долгих размышлений пырнул его кинжалом, и паук шлёпнулся с дерева мёртвый.

Следующей задачей было освободить ближайшего гнома. Но как? Разрубить нить, на которой тот висит? Несчастный свалится на землю с большой высоты. Бильбо дополз до первого свёртка, качая ветку, отчего бедные гномы запрыгали и задёргались. «Фили или Кили, — подумал Бильбо, увидев кончик голубого капюшона. — Скорей всего — Фили», — решил он, разглядев длинный острый нос, торчавший из свёртка. Перегнувшись вперёд, Бильбо ухитрился перерезать почти все крепкие липкие нити, опутавшие Фили, и тот, брыкаясь, предстал его глазам. Боюсь, что Бильбо, не удержавшись, расхохотался при виде того, как Фили дёргал затёкшими руками и ногами и плясал на нити, державшей его под мышками, точь-в-точь как игрушечный плясунчик.

Наконец Фили с помощью Бильбо взобрался на ветку и тут показал себя с лучшей стороны — помог хоббиту освобождать остальных, хотя чувствовал себя прескверно: его мутило от паучьего яда и от того, что он провисел полдня и полночи, вращаясь вокруг своей оси и дыша только носом. Ему далеко не сразу удалось содрать клейкую паутину с ресниц и бровей, а бороду — ту и во все потом пришлось местами выстричь. Итак, вдвоём они принялись подтягивать на ветку каждого гнома по очереди и высвобождать из коконов. Всем было так же худо, как Фили, а тем, у кого нос был короче или кто получил большую дозу яда, и того хуже.

Таким путём они освободили Кили, Бифура, Бофура, Дори и Нори. Бедняга Бомбур до того был измучен (его, как самого толстого, щипали чаще других), что скатился с ветки, хлопнулся на землю, на кучу листьев, и остался лежать без движения. Но пятеро гномов всё ещё болтались на конце ветки, когда начали возвращаться пауки, рассвирепевшие пуще прежнего.

Бильбо сразу перебежал по ветке и начал отгонять кинжалом пауков, лезущих наверх. Но, освобождая Фили, он снял кольцо, а надеть забыл, так что пауки теперь увидели его и засвистели, брызгая слюной:

— Мы тебя видим, змеёныш! Мы тебя высосем, так что от тебя только кости да кожа останутся! Ух! У него Жало! Пускай, всё равно мы до него доберёмся, повисит у нас вниз головой денька два!

Тем временем освобождённые гномы трудились, перерубая ножами нити на оставшихся пленниках. Ещё немного — и все будут свободны.

Но что дальше? Пауки изловили их довольно легко, но то ночью, в темноте, напад врасплох. На этот раз дело пахло смертным боем!

— Вниз! Спускайтесь! — закричал Бильбо гномам. — Не сидите там, вас сейчас поймают сетями!

Пауки густым потоком карабкались по соседним деревьям и ползли по веткам над головой у гномов.

Гномы мигом попрыгали или попадали вниз — все одиннадцать, одной кучей. Они еле стояли на ногах от слабости. Теперь все очутились на земле, считая толстяка Бомбура, которого подпирала с боков его кузены — Бифур и Бофур. Бильбо прыгал вокруг, размахивая своим Жалом, а сотни разъярённых пауков пялили на них глаза со всех сторон — сбоку, сверху, снизу. Положение казалось безнадежным.

И тут начался бой! У одних гномов были с собой ножи, у других — палки, кругом валялись камни, а у Бильбо был эльфовский кинжал. Они раз за разом отбивали атаки пауков и многих перебили. Но долго так продолжаться не могло.

Бильбо совсем умаялся, из гномов только четверо стояли твёрдо на ногах, пауки неминуемо одолели бы всех, как обессилевших мух.

Бильбо, ломавшему себе голову над тем, как быть дальше, оставалось только выдать гномам тайну своего кольца. Жаль, но делать нечего.

— Сейчас я исчезну, — сказал он. — Постараюсь отвлечь пауков на себя, а вы держитесь все вместе и прорывайтесь в противоположном направлении, влево, приблизительно туда, где мы видели костры эльфов.

Он с большим трудом втолковал им это — до того они обалдели от болтания в воздухе, от криков, от бросания камней и размахивания палками.

Мешкать было нельзя: пауки окружали их всё теснее. Бильбо надел кольцо и, к великому изумлению гномов, мгновенно исчез.

Сразу же между деревьями справа послышалось: «жирный паук», «старый дурак». Это привело пауков в замешательство. Они остановились. Некоторые побежали на голос. Слова «старый дурак» совершенно вывели их из себя, они просто потеряли голову. Балин, быстрее других смекнувший, в чём состоит план Бильбо, повёл гномов в наступление. Гномы сгрудились плотной кучкой, посылая град камней, отогнали пауков и прорвались сквозь их заслон.

В противоположной стороне пение и крики внезапно прекратились. Молясь, чтобы Бильбо не схватили, гномы продвигались вперёд. Слишком медленно! Они измучились и уже еле-еле ковыляли, а пауки шли по пятам. То и дело гномам приходилось оборачиваться и отражать врага. Многие пауки бежали по веткам у них над головой, выбрасывая длинные клейкие нити.

Дело оборачивалось совсем плохо, как вдруг снова возник Бильбо и неожиданно напал на пауков сбоку.

— Бегите дальше! — прокричал он. — Я их задержу!

И он задержал их! Он метался взад и вперёд, перерубая нити, кромсая лапы, протыкая толстые тела! Пауки раздувались от бешенства, шипели и плевались, изрыгали страшные проклятия, но Жало внушало им такой страх, что они не осмеливались подойти близко. Никакие проклятия не помогали — добыча медленно, но верно ускользала от них.

Страшный бой длился долго — наверное, не один час. Наконец, когда Бильбо почувствовал, что ему больше не поднять руки, не сделать ни одного удара, преследователи вдруг оставили их в покое и, обманутые в своих ожиданиях, отправились восвояси, в свой тёмный угол леса.

И тут гномы заметили, что находятся на краю поляны, где раньше горели костры эльфов. Им пришло в голову, что здесь сохранилось доброе волшебство и паукам оно не по вкусу. Здесь путники могли отдохнуть и отдышаться.

Так они и сделали. Но отдышавшись, пристали к Бильбо с расспросами — главное, как он ухитрился исчезнуть. История с кольцом так их заинтересовала, что они забыли про всё на свете. Балин потребовал заново пересказать происшествие с Голлумом, загадки и вообще всё с самого начала, но так, чтобы кольцо заняло своё надлежащее место. Вскоре свет стал меркнуть, и тогда посыпались другие вопросы: где они? Где тропа? Где взять еды? Что делать дальше? Все эти вопросы они задавали теперь Бильбо и явно ждали ответа от него. Как видите, они резко переменили своё мнение о мистере Бэггинсе и (как и предрекал Гэндальф) прониклись к нему уважением. Теперь они не ворчали на него — они ждали, что Бильбо предложит какой-нибудь потрясающий план. Они прекрасно понимали, что, если бы не хоббит, их бы уже не бы-

ло в живых, поэтому благодарили его ещё и ещё. Кое-кто даже поклонился ему до земли, но от слабости не удержался на ногах и ткнулся носом в землю.

История кольца нисколько не уронила его в их мнения: они поняли, что кроме везения и кольца у него ещё есть смекалка и без неё ничего бы не вышло. Они до того расхваливали Бильбо, что он и впрямь почувствовал себя храбрым искателем приключений, а найдись что поесть, он стал бы ещё храбрее.

Но поесть было нечего. Бильбо думал и думал, как отыскать потерянную тропу, но его усталая голова отказывалась соображать. Он просто сидел, уставившись на нескончаемые ряды деревьев. Все примолкли, закрыли глаза, но Балин долго ещё посмеивался и бормотал:

— Голлум! А я-то думал! Вот, значит, как он прошмыгнул у меня под носом! Теперь понятно! Ах, вы «просто крались, крались и подкрались», мистер Бэггинс? Вы «потеряли кучу пуговиц» в дверях? Ах ты, старый хитрец, хитрец, хи... хи... — Тут Балин тоже заснул.

И вокруг надолго воцарилась тишина.

Внезапно Двалин открыл глаза и огляделся.

— А где же Торин? — спросил он.

Вот ужас-то! Их и в самом деле было только тринадцать: двенадцать гномов и хоббит. Куда девался Торин? Какая его постигла участь? Заколдовали его или съели лесные чудовища? Содрогаясь от ужаса, гномы и Бильбо лежали, пока не заснули беспокойным сном. Их мучили кошмары. Вечер перешёл в ночь. И тут мы на время оставим их, пока они спят, усталые, измученные, даже не выставив караульных.

У Торина была несколько другая судьба. Торин, шагнув вперёд к костру, упал, как одурманенный. Крики заблудившихся гномов, вопли, когда их схватили и опутали пауки, звуки сражения на следующий день — ничего этого Торин не слышал. Потом его подобрала лесные эльфы, связали и унесли с собой.

Да, разумеется, пирующие были лесными эльфами. Существа они были не злые, но с недоверием относились к чужим и всегда соблюдали крайнюю осторожность. Они были не так мудры, как высшие эльфы, но тоже умели искусно колдовать и были более коварны. Ведь большинство из них, в том числе их родственники с гор и холмов, происходили от древних племён, не посещавших славного Волшебного царства. А вот солнечные эльфы, морские эльфы и подземные эльфы жили и воспитывались в том царстве годами, становясь всё прекраснее, мудрее и учение, и потом, возвратившись в Большой Мир, своё колдовское искусство употребляли на сотворение невиданной красоты. Лесные эльфы иногда появлялись в сумерках, в промежутках между заходом солнца и восходом луны, но предпочитали ночь и звёзды. Они бродили по густым лесам, каких в наше время совсем не осталось. Селились они на краю леса, откуда проще выезжать в поля на охоту, скакать верхом или просто бегать на просторе при лунном или звёздном свете. После прихода людей они ещё больше пристрастились к сумеркам и мраку. Но всё-таки они оставались эльфами, а эльфы — Добрый Народ.

В большой пещере у восточной границы Чёрного Леса жил могущественный король лесных эльфов. Перед громадными каменными дверьми протекала река, сбегавшая с лесистых холмов, и дальше впадала в болота, расположенные у подножия гор. Эта большая пещера под землёй состояла из много-

численных залов и ходов, от неё ответвлялось множество мелких пещерок. И пещера, и коридоры были куда светлее и веселее гоблинских, совсем не такие глубокие и не такие опасные. Подданные короля, вообще-то говоря, жили и охотились по большей части на открытом воздухе, в лесах. Жили они на земле и на деревьях, из всех деревьев больше любили буковые. Пещера же была королевским дворцом, сокровищницей и крепостью при нападении врагов. Там же находились и темницы для пленных. Туда и потащили Торина, с которым обращались не слишком вежливо, так как гномов здесь не жаловали. В старину у эльфов даже случались войны с гномами, которых они обвиняли в краже эльфовских сокровищ. Справедливость требует сказать, что гномы объясняли это по-иному — они, мол, взяли то, что им принадлежало. Король эльфов когда-то заказал им драгоценные украшения, дав для этого золото и серебро, а потом отказался платить за работу. И тогда гномы, не получив платы, оставили украшения у себя. У могущественного короля эльфов и в самом деле была слабость — он был скуповат. Сокровищница его ломилась от золота, серебра и алмазов, но он хотел ещё и ещё, чтобы сравняться в богатстве с прежними властелинами эльфов. Его народ не добывал руду, не обрабатывал металлы и драгоценные камни, не торговал и не возделывал землю. Любой гном это знал.

Но Торин и его предки не имели никакого отношения к той старой расправе между эльфами и гномами. Поэтому, когда с него сняли чары и он проснулся, он был возмущён их обращением. И решил, что из него не вытянут ни одного слова про золото и драгоценности.

Король устремил на Торина суровый взгляд и стал его расспрашивать, но Торин на всё отвечал только одно: он умирает от голода.

— Зачем ты и твои спутники трижды нападали на мой народ во время пира?

— Мы не нападали, — отвечал Торин, — мы хотели попросить еды, ибо умирали от голода.

— Где сейчас твои друзья? Что они делают?

— Не знаю, вероятно, умирают от голода в лесу.

— Что вы делали в лесу?

— Искали пищу и питьё, ибо умирали от голода.

— А что вам там понадобилось? — вконец рассердившись, спросил король.

Но Торин стиснул губы и не пожелал отвечать.

— Отлично! — сказал король. — Уведите его и держите в подземелье, пока не скажет правды! Пусть сидит хоть сто лет!

Эльфы связали Торина ремнями и заперли в одну из самых дальних темниц с крепкой деревянной дверью. Ему дали вдоволь еды и питья, пусть и не очень изысканных, — ведь лесные эльфы не гоблины, и даже со злейшими врагами они обращались вполне сносно. Только к гигантским паукам были беспощадны.

Бедный Торин лежал в королевской темнице. Поев хлеба, мяса и попив воды, он теперь невольно испытывал чувство благодарности.

Потом он вспомнил про своих горемычных друзей. Ему недолго пришлось ломать себе голову над тем, что с ними стряслось, — очень скоро он всё узнал. Но об этом рассказывается в следующей главе, где пойдёт речь о новом приключении, в котором хоббит снова показал, на что способен.

9

В бочках — на волю

На другой день после битвы с пауками Бильбо и гномы сделали последнюю отчаянную попытку выбраться из леса. Они поднялись и, пошатываясь, побрели в ту сторону, где, по мнению восьми друзей из тринадцати, проходила тропа. Но им не довелось узнать, кто был прав. Тусклый день начинал переходить в тёмный вечер, и вдруг кругом засветились сотни ярких факелов, словно сотни красных звёзд. Из темноты выпрыгнули лесные эльфы с луками и копьями и закричали им: «Стой!»

О том, чтобы сопротивляться, не приходилось и думать. Даже если бы гномы и не обессилели до такой степени, всё равно их единственное оружие — ножи — не шло в сравнение со стрелами эльфов: эльфы попадали в птичий глаз в полной темноте. Поэтому путники сели и стали ждать. Все, кроме Бильбо: он надел кольцо и быстро отступил в сторонку. Потому-то, когда эльфы связали и выстроили гномов длинной цепочкой и пересчитали их, хоббит остался несосчитанным.

И шагов его эльфы также не расслышали, когда он трусил позади всей вереницы. Гномам завязали глаза. Бильбо еле поспевал за ними, так как эльфы

подгоняли гномов безжалостно, не обращая внимания на то, что пленники устали и ослабели. Король велел им спешить, и они спешили.

Внезапно факелы впереди остановились, и хоббит нагнал эльфов, как раз когда те ступили на мост. Под мостом стремительно неслась тёмная река, мост упирался в ворота, закрывавшие вход в огромную пещеру, которая уходила в глубь крутого холма, поросшего лесом. Высокие буки спускались по склону до самого берега, так что корни их омывались водой.

По этому-то мосту и погнали пленников, но Бильбо несколько замешкался. Уж очень ему не понравился зияющий вход в пещеру. В последнюю минуту он всё-таки решил не бросать друзей одних и только-только проскочил вслед за последним эльфом, как ворота с лязгом захлопнулись.

Войдя внутрь и шагая по гулким, извилистым переходам, освещённым красным светом факелов, эльфы затянули песню.

Коридоры тут были не такие, как под горой гоблинов, — покороче, прорыты не так глубоко под землёй и потому менее душные. В просторном зале с колоннами, вырубленными прямо в скале, на резном деревянном кресле восседал король эльфов. На голове у него красовалась корона из ягод и красных листьев, ибо уже наступила осень. Весной он обычно носил корону из лесных цветов. В руке он держал резной дубовый посох.

К нему подвели пленников. Он посмотрел на них с неприязнью, но велел развязать их, так как увидел, что они изранены и измучены.

— Тем более что верёвки больше не нужны, — добавил король. — Кто сюда попал, тому не убежать через волшебные ворота.

Он долго и дотошно расспрашивал гномов — куда они направляются, откуда и зачем. Но добился от них не больше, чем от Торина: гномы были сердиты и держались, прямо скажем, невежливо.

— Что мы тебе сделали, о король? — заявил Балин, который был теперь за старшего. — Разве преступление — заблудиться в лесу, проголодаться, попасть в паутину к паукам? Разве пауки — твои домашние животные, что ты так разгневался?

От таких вопросов король, естественно, рассердился ещё больше и ответил:

— Да, без спроса шататься по моим владениям — преступление. В лесу вы трижды нападали на моих подданных и взбудоражили пауков криками и буйством. После того переполоха, который вы учинили, я имею полное право знать, что привело вас сюда. Не ответите сразу — я продержу вас в тюрьме до тех пор, пока не научитесь уму-разуму и вежливости!

Король приказал посадить каждого гнома в отдельную камеру, дать всем поесть и попить, но не выпускать, пока хоть один из них не заговорит. Но он им не открыл, что Торин тоже у него в плену.

Обнаружил это Бильбо.

Бедный мистер Бэггинс! Как уныло тянулось время, пока он жил здесь совсем один, прячась, не смея ни на минуту снять кольцо, почти не смыкая глаз, даже когда удавалось забиться в самый дальний, тёмный уголок. От нечего делать он принялся бродить по королевскому дворцу. Ворота запирались волшебным образом, но Бильбо всё-таки ухитрился выскользнуть наружу. Лесные эльфы иногда выезжали гурьбой на охоту или по иным лесным делам или же отправлялись в земли, лежащие на Востоке. Если Бильбо проявлял достаточную прыть, то проскакивал вслед за эльфами. Это был опасный трюк, несколь-

ко раз его чуть не защемило воротами, когда они с грохотом захлопывались вслед за эльфами. Затесаться в их толпу Бильбо боялся, зная, что тень его видна, хотя при свете факелов она была тоненькая и колеблющаяся. Боялся он и того, что на него нечаянно натолкнутся.

Когда же он всё-таки выходил наружу, то без всякого толку: бросить товарищей он не хотел, да, собственно, без них и не знал, куда деваться. Он не мог всё время держаться подле охотников и свободно следовать за ними, поэтому так и не нашёл пути из лесу.

Страшась заблудиться, уныло бродил он неподалёку от ворот и поджидал оказии, чтобы вернуться под землю. Охотник он был никудышный, поэтому в лесу всегда голодал, зато во дворце таскал еду со стола, когда поблизости никого не было, или из кладовых, так что голодным не оставался.

«Точно вор, который вынужден изо дня в день грабить один и тот же дом, — думал Бильбо. — Вот когда началось самое скучное, самое тоскливое приключение в нашем утомительном неуютном походе! Очутиться бы сейчас у себя дома, у тёплого очага, и чтобы лампа горела!» Как ему хотелось призвать на помощь волшебника, но об этом нечего было и мечтать. Наконец он понял следующее: если здесь кто-нибудь что-нибудь и сделает, то только мистер Бэггинс, один, без посторонней помощи.

Недели через две своей подпольной жизни, следя и следуя за стражниками, то есть шпионя за ними при каждом удобном случае, Бильбо выведал, где заперт каждый гном. Он разыскал все двенадцать камер в разных местах дворца и постарался изучить дорогу к ним. Каково же было его удивление, когда однажды он подслушал разговор двух стражников и узнал, что в тюрьме (в особо тайном месте) содержится ещё один гном.

Он, конечно, сразу догадался, что это Торин, и вскоре догадка его подтвердилась. Преодолев множество трудностей, он ухитрился пробраться к камере и, пока поблизости никого не было, перекинулся несколькими словами с предводителем гномов.

Торин так настрадался в одиночестве, что уже не находил сил сердиться на свои злоключения и даже начал подумывать, не рассказать ли королю про сокровища и про цель похода (видите, до какой степени он был подавлен). Когда он услышал голосок Бильбо под дверью, то не поверил своим ушам. Впрочем, он быстро убедил себя в том, что не ошибается, подошёл к двери, и они долго шептались через замочную скважину.

После этого Бильбо украдкой передал каждому гному приказ Торина — а именно, что их предводитель Торин тут, с ними, и ни один не должен выдавать королю цель их поисков, пока Торин не отдаст такого распоряжения. Как видите, Торин воспрянул духом, выслушав, как хоббит спасал гномов от пауков. Он опять решил пока не откупаться от короля и посулить ему сокровища лишь в крайнем случае, когда не останется никаких надежд спастись другим способом. Иначе говоря, если высокоуважаемый мистер Бэггинс-невидимка (а он очень высоко вознёсся во мнении Торина) не сумеет придумать какой-нибудь выход.

Бильбо, однако, был настроен далеко не так радужно. Ему совсем не нравилось, что на него возлагают такие надежды.

Бильбо ломал-ломал себе голову над новой проблемой, так что чуть совсем не разломал её, но блестящих идей что-то не рождалось. Кольцо-невидимка —

вещь, конечно, прекрасная, но его не наденешь на четырнадцать пальцев сразу. Впрочем, как вы догадываетесь, в конце концов Бильбо спас своих друзей, и вот каким образом.

Слоняясь, как всегда, по дворцу, Бильбо совал нос во все щели и однажды обнаружил чрезвычайно интересную штуку. Большие ворота не были единственным входом в пещеру! В одном месте под дворцом протекал поток, впадавший дальше к Востоку в реку Лесную. Там, где подземный поток вытекал из горы, имелся шлюз. Каменная крыша здесь почти касалась поверхности воды, с крыши опускали до самого дна решётку, чтобы никто не попал этим путём внутрь или наружу. Но решётку частенько поднимали, так как через шлюз проходила оживлённая речная торговля.

Если бы кто-нибудь проник этим путём, то очутился бы в тёмном канале с грубо обтёсанными стенками, уводившем в самую сердцевину горы. Там, где река проходила под пещерами, каменный потолок был прорублен и люк, находившийся в королевских погребах, закрыт большой дубовой крышкой.

В погребах стояли бочки — видимо-невидимо бочек. Лесные эльфы, и в особенности их король, обожали вино, а виноград в этих краях не рос. Вино и некоторые другие товары ввозили от родичей с Юга или из ещё более дальних мест, где жили люди, занимавшиеся виноградарством.

Прячась за бочонками, Бильбо обнаружил крышку люка и узнал о её назначении. Он стал наведываться туда почаще, подслушивал болтовню королевских слуг и вскоре выяснил, что вино и прочие товары доставляются по реке или сушей от Долгого Озера. Оказывается, на озере до сих пор благополучно жили люди, построившие город на сваях прямо в воде, чтобы предохранить себя от разных врагов. Из Озёрного города бочки во дворец эльфов доставлялись по реке Лесной. Их скрепляли друг с другом наподобие плота и с помощью шестов или вёсел пригоняли вверх по течению. Иногда их грузили на баржи. Пустые же бочонки эльфы бросали в люк, поднимали решётку шлюза, и бочонки, подхваченные потоком, выплывали на речной простор; они плыли себе, покачиваясь, по течению, пока их не прибывало к мыску у восточной оконечности Чёрного Леса. Там их собирали в кучу, связывали вместе и сплавляли дальше в Озёрный город, стоявший у того места, где река Лесная впадала в Долгое Озеро.

Бильбо потратил немало дней, размышляя о шлюзе и обдумывая, нельзя ли использовать его для побега. И наконец у него начал созреть отчаянный план.

Как-то вечером пленникам понесли ужин. Стражники затопали по коридору, унося факелы. Бильбо остался в темноте и тут услышал, как главный дворецкий желает начальнику стражи доброй ночи.

— А ну-ка зайдите ко мне, — добавил он, — отведайте винца, его только что привезли. Сегодня вечером придётся потрудиться — очистить погреба от пустых бочек, так что надо сперва выпить, чтоб работа спорилась.

— С удовольствием, — смеясь, отозвался начальник стражи. — Попробуем, годится ли оно для королевского стола. Сегодня во дворце пир, было бы негоже подавать наверх кислятину!

Услыхав это, Бильбо задрожал от волнения: он понял, что ему подвернулся случай привести в исполнение свой замысел.

Он шёл за эльфами по пятам, пока они не вошли в небольшое подвальное

помещение. Тут они сели за стол, на котором стояли две большие кружки, начали пить и весело смеяться.

Бильбо неслыханно повезло! Обычно лесных эльфов не так-то просто напоить — вино должно быть очень крепким. Но это новое вино было, очевидно, высшего качества. Оно предназначалось лишь для королевских пиров, его пили небольшими кубками, а не такими кружками, какие стояли на столе у главного дворецкого.

Скоро начальник стражи начал клевать носом, потом уронил голову на стол и захрапел. Дворецкий, не замечая, что его собутыльник спит, некоторое время продолжал болтать и смеяться, потом голова его тоже склонилась на стол — и он крепко заснул. Тут-то в комнатку и прокрался хоббит. Через минуту начальник стражи остался без ключей, а Бильбо бесшумно бежал по коридорам к камерам. Тяжеленная связка ключей оттягивала ему руки, время от времени ключи звякали и брякали, и несмотря на то, что на пальце у него было кольцо, сердце в груди замирало.

Сперва он отпер камеру Балина и, как только гном вышел, опять её запер. Можете себе представить, как обрадовался и удивился Балин, как тут же начал задавать вопросы про то, что затеял Бильбо, и вообще про всё, про всё.

— Некогда, некогда! — ответил хоббит. — Иди за мной без разговоров! Мы должны держаться вместе и бежать все вместе, это наш последний и единственный шанс. Если нас поймают, один бог знает, куда засадит вас король, да ещё закуёт по рукам и ногам. Не спорь, сделай милость!

Бильбо перебежал от двери к двери, пока его свита не разрослась до двенадцати душ. Ловкостью гномы, скажем прямо, не отличались — было темно, да они и засиделись. У Бильбо ёкало сердце каждый раз, как кто-нибудь из них налетал в темноте на соседа или ворчал себе под нос. «Проклятые гномы, опять устраивают тарарам!» — волновался Бильбо.

Но всё прошло хорошо, стражников они не встретили. В этот вечер в лесах и в дворцовых залах шёл пир по поводу осеннего праздника. Поэтому почти все эльфы беспечно веселились.

Наконец после долгих блужданий они добрались до темницы Торина, которая находилась в дальнем конце дворца, очень глубоко и, по счастью, недалеко от погребов.

— Клянусь честью, — проговорил Торин, когда Бильбо шёпотом велел ему выйти и он разглядел в темноте фигуры своих друзей, — Гэндальф был прав, как всегда. Я вижу, вы взломщик на славу. Мы все перед вами в неоплатном долгу. Что же дальше?

Настал момент разъяснить план, но Бильбо совсем не был уверен в том, как к нему отнесутся гномы. Опасения его оправдались. Гномы были ужасно недовольны и громко запротестовали невзирая на своё крайне опасное положение.

— Мы непременно разобьёмся вдребезги, набьём себе шишек и под конец утонем! — заворчали они. — Мы думали, у тебя действительно стоящий план! Нечего было красть ключи и открывать камеры. Нет, это бредовая идея!

— Ну что же, — сказал Бильбо, расстроенный и раздосадованный, — отправляйтесь по своим камерам, если вам так нравится. Я вас опять запроу, сидите себе, придумывайте план получше. Но предупреждаю: вряд ли мне выпадет другой такой случай завладеть ключами, даже если у меня возникнет та-

кое желание.

Тут они опомнились и приутихли. Им, разумеется, оставалось делать только то, что предлагал Бильбо, другого выхода не было. Пришлось красться вслед за хоббитом вниз, в нижние погреба.

Они миновали открытую дверь, там всё ещё, блаженно улыбаясь, крепко спали начальник стражи и дворецкий. Королевское вино навевает приятные сны. Но какое будет выражение лица у начальника стражи на следующий день! Добросердечный Бильбо осторожноенько прицепил ему ключи к поясу. «Может, ему не так попадёт, — подумал мистер Бэггинс. — Он в сущности не злой и с пленниками обращался вполне сносно. То-то он удивится! Решит, наверное, что мы прошли через запертые двери с помощью колдовства. Прошли! Нет ещё, для этого надо действовать, и быстро!»

Балина поставили караулить начальника стражи и дворецкого и, если те очнутся, подать знак. Остальные отправились в соседний погреб с луком. Нельзя было терять ни минуты. Бочонки уже стояли приготовленные посреди погреба. Винные не годились, так как их днища было трудно вышибить, не наделав шума, и ещё труднее закрыть.

Но были там и другие бочки, в которых поставляли масло, яблоки и ещё всякую всячину. Скоро нашлось тринадцать сносных бочек — по числу гномов. Некоторые оказались даже слишком просторны, и, залезая в них, гномы с тревогой подумали, как их будет трясти и швырять. Бильбо расстарался и добыл соломы и ещё чего-то мягкого и устроил гномов с наивозможным комфортом.

Наконец двенадцать гномов были благополучно упакованы. Больше всего хлопот доставил Торин — он вертелся и крутился в своём бочонке и ворчал, как пёс, укладывающийся спать в тесной конуре. Балин тоже напоследок поднял шум по поводу недостаточного числа отдушин и утверждал, что задыхается, когда и крышка-то ещё не была наложена. Бильбо со всей тщательностью заткнул щели, приладил крышки и теперь, оставшись в одиночестве, лихорадочно суетился, доканчивая упаковку.

Он волновался не зря. Едва успел он прикрыть крышкой Балина (который был последним), как послышались голоса и замелькал свет. В погреба ввалились эльфы, заливаясь смехом, разговаривая и напевая обрывки песен. Они оставили весёлый пиршественный стол в одном из верхних залов и хотели как можно скорее вернуться назад.

— Где же старина Гэлион, где дворецкий? — воскликнул один. — Что-то я не видел его за столом. Он должен быть тут.

— Задам я старому копуше, коли запоздает, — подхватил другой. — У меня нет никакого желания торчать тут, когда наверху идёт веселье!

— Ха-ха-ха! — раздался хохот. — Старый каналья спит носом в кружку! Они тут с приятелем капитаном уже напировались.

— Тряхни его! Буди! — нетерпеливо закричали остальные.

Гэлиону очень не понравилось, что его трясут и будят, а тем более потешаются над ним.

— Это вы опоздали, — пробурчал он. — Я вас тут ждал без конца, а вы там напились и забыли про ваши обязанности. Неудивительно, что я заснул от усталости.

— А никто и не удивляется, — подхватили они, — причина-то рядом, в

кружке! Дай-ка нам глотнуть твоего снотворного, а уж тогда приступим к работе. Тюремщика будить не станем. Он уже своё получил.

Все они хлебнули по очереди винца и развеселились ещё больше. Но сообщать не перестали.

— Помилуй, Гэлион! — закричали они, взявшись за бочонки. — Ты так рано начал пировать, что в голове у тебя всё перепуталось. Ты приготовил нам полные бочки вместо пустых.

— Делайте своё дело! — рявкнул дворецкий. — Полные! С пьяных глаз чего не покажется. Те самые бочки и есть, какие надо. Сбрасывайте, говорю!

— Ладно, ладно, — согласились они, подкатывая бочонки к люку. — Тебе отвечать, коли бочонки с лучшим королевским маслом и вином достанутся людям с озера.

*Катите бочки
Во весь дух,
Столкните в речку —
Плюх-плюх-плюх! —*

запели они, подкатывая с грохотом бочки к люку и сбрасывая одну за другой в тёмную дыру. Одни бочки были действительно пустые, другие — с гномами, все они летели вниз и хлопались с громким всплеском в воду, иногда падали одна на другую, стучались о стенки туннеля, сталкивались и, крутясь и подсакивая, уносились по течению.

И в эту минуту Бильбо вдруг осознал, какой допустил промах. Возможно, вы давно заметили слабое место в его замысле и посмеиваетесь над Бильбо. Хорошо вам смеяться, но ещё неизвестно, как вели бы себя вы на его месте. Да, сам он не успел залезть в бочку, а если бы и успел, всё равно некому было его упаковать и закрыть крышкой. Казалось, на этот раз он бесповоротно теряет друзей и до конца жизни будет шнырять по пещерам и воровать. Если бы даже ему удалось убежать через главные ворота, едва ли он нашёл бы гномов. Как добраться сушей туда, куда выносит бочонки, он не знал. И что будет теперь с его друзьями? Ведь он не успел открыть им всё, что подслушал, им неизвестно, как он собирается поступить, покинув границы леса.

Наконец к люку подкатили последний бочонок! В отчаянии и полной растерянности бедняга Бильбо обхватил его руками и полетел вместе с ним вниз. Бух! Он хлопнулся в холодную тёмную воду, и бочонок накрыл его сверху.

Он вынырнул, фыркая и отплёвываясь, и уцепился за обшивку, точно крыса, но сколько ни старался, не мог вскарабкаться наверх — бочонок всякий раз перевёртывался и окунал его. Бочонок был пустой и плыл, словно пробка. Уши у Бильбо были залиты водой, но он всё ещё слышал пение эльфов:

*Эй, плывите полным ходом
В лес, откуда все вы родом,
В час, когда придёт рассвет,
Отправляйтесь солнцу вслед.*

Внезапно с гулким стуком крышка люка захлопнулась, голоса стихли. Бильбо очутился в тёмном туннеле и поплыл в ледяной воде один-одинёшенек — ведь друзей, законопаченных в бочках, всё равно что нет.

Вскоре впереди замаячило серое пятно. Бильбо услышал скрип поднимаемых решёток и увидел, что очутился в гуще подпрыгивающих, толкущихся бо-

чонков и бочек, которые теснились под сводом, стремясь вырваться на свободу, в открытую реку. Бильбо, как мог, увёртывался, чтобы его не задавило и не расплющило. Наконец давка прекратилась, бочки начали разбегаться в стороны и постепенно, по одной выплывать из-под каменной арки на свет. И тут Бильбо порадовался, что не сумел оседлать бочку: у самого выхода между бочкой и низким сводом не оставалось места даже для хоббита.

* * *

Они поплыли по реке под нависающими ветвями деревьев, которые росли по берегам. «Интересно, думал Бильбо, — каково там гномам? Много ли воды набралось в бочки через щели?» Те бочки, которые сидели в воде глубже, очевидно, и содержали гномов. «Только бы крышки держались плотно!» — беспокоился он. Но скоро забыл и думать о гномах — ему стало не до них. Он приспособился держать голову над водой, но замёрз ужасно и боялся, что долго так не выдержит — либо замёрзнет насмерть, либо разожмутся пальцы — и он утонет.

Счастье опять улыбнулось ему: крутящимся течением к берегу пригнало несколько бочек, в том числе и бочонок Бильбо. Они застряли там, зацепившись за невидимую корягу. Бильбо воспользовался передышкой и перебрался на верх своего бочонка, пока тот упирался в соседние бочки. Там он растянулся, раскинув руки и ноги, чтобы удержать равновесие. Ветер дул резкий, но всё же был не такой холодный, как вода. Немного погодя бочки отцепились, опять выплыли на середину реки и, вертясь, поплыли дальше. Как и предполагал Бильбо, удержаться на бочке оказалось невероятно трудно. К счастью, Бильбо был лёгкий, а бочка большая и тяжёлая, к тому же через щели внутрь набралось порядочно воды. И всё-таки Бильбо чувствовал себя так же уютно, как если бы ехал верхом без уздечки и стремян на пузатом пони, который всё время норовит поваляться по траве.

Таким вот способом мистер Бэггинс достиг наконец места, где деревья по обоим берегам поредели и сквозь них проглянуло светлое небо. Река вдруг расширилась и слилась с Лесной, быстро бежавшей прочь от королевского дворца. Деревья больше не затеняли тусклой глади, и на её скользкой поверхности плясали прерывистые отражения облаков и звёзд. Потом быстрые воды Лесной прибили всю ватагу бочонков и бочек к северному берегу, где течением вымыло широкую бухту. Сюда-то на отлогий берег, покрытый галькой, вынесло большую часть бочонков, но несколько штук сперва ударилось о выступающую каменную гряду.

На берегу уже стояли люди. Ловко и быстро они согнали баграми бочки в кучу на отмель, пересчитали, потом обвязали верёвкой и оставили до утра. Бедные гномы! Бильбо повезло больше. Он соскользнул с бочки в воду, вышел на берег и бросился к домишкам, которые заметил невдалеке от реки.

Теперь он не колебался, когда предоставлялась возможность поужинать без приглашения, он уже привык пробавляться чужим. Он по горькому опыту знал, что значит быть по-настоящему голодным. Между деревьями мелькало пламя костра, притягивая к себе Бильбо, мокрого, дрожащего, в изодранной одежде.

Не будем подробно останавливаться на том, как он провёл ночь, — нам

некогда, мы приближаемся к концу их путешествия на Восток и к последнему, самому важному приключению. Естественно, сперва волшебное кольцо ему, как всегда, помогло, но потом его выдали мокрые следы и лужицы, которые он оставлял, когда шёл или сидел. К тому же у него разыгрался насморк, и он, как ни старался удержаться, всё время громогласно чихал. Вскоре в деревушке поднялась суматоха. Тогда Бильбо удрал в лес и унёс каравай хлеба, кожаную флягу с вином и пирог, которые ему не принадлежали. Пришлось скоротать остаток ночи мокрым, вдали от костра, зато фляга помогла ему согреться, и он даже подремал немного на опавших листьях, хотя пора была осенняя и погода промозглая.

Проснулся он оттого, что удивительно громко чихнул. Был серый рассвет, около реки стоял весёлый шум. Там сооружали плот из бочек, эльфы-плотовщики собирались сплавать их вниз к Озёрному городу. Бильбо снова чихнул. С него больше не капало, но он совершенно продрог. Окоченевшие ноги плохо ему повиновались, но всё же он доковылял до берега и влез на груды бочонков, никем не замеченный в общей суете. Солнце ещё не взошло, так что Бильбо не отбрасывал тени, и, к счастью, долго не чихал. Багры заработали. Эльфы, стоявшие на мелководье, принялись отпихивать бочки, плот заскрипел и закачался.

— Что-то нынче тяжёленьки! — ворчали эльфы. — И сидят слишком глубоко. В них точно что-то есть. Если бы приплыли днём, мы бы в них заглянули.

— Некогда! — прокричал плотовщик. — Толкайте!

И бочки наконец стронулись с места, сначала медленно, потом эльфы, стоявшие на каменном мысу с шестами, оттолкнули их ещё разок, и бочки поплыли быстрее, быстрее, выскочили на середину реки, и их понесло к озеру.

10

Радужный приём

По мере того как они плыли дальше, становилось светлее и теплее. В скором времени река сделала поворот, обогнув круто поднимавшийся слева уступ, у подножия которого билась и бурлила вода, берега сгладились, деревья пропали из виду, и перед Бильбо открылась такая картина: впереди широко расстилалась низина, вся изрезанная ручейками, сотней извилистых ручейков, на которые распадалась здесь река; вода стояла в болотах и заводях, испещрённых островками. Но посредине равнины по-прежнему упорно струилась сильная быстрая река. А вдалеке, уходя тёмной вершиной в растрёпанное облако, вздымалась Гора! Отсюда не видны были её соседки и холмистые подступы к ней. Гора вздымалась одиноко и глядела вверх болот на лес. Вот она — Одинокая Гора! Долгий путь прошёл Бильбо, много претерпел опасных приключений ради того, чтобы увидеть Гору. И как же она ему теперь не понравилась!

Из разговоров плотовщиков Бильбо узнал, что все сухопутные дороги с востока к Чёрному Лесу заглохли; что с той поры, как в горах обитали гномы, землетрясения изменили весь край. Болота и трясины разрастались, тропинки исчезали, всадники и пешие — тоже, если пытались отыскать дорогу среди топей. Тропа через Чёрный Лес, которой воспользовались гномы по совету Беорна, на своём восточном конце одичала. Только река предоставляла пока что единственный надёжный путь от северного края Чёрного Леса до равнины под сенью Горы.

Так что, сами видите, Бильбо удачно напал на единственную приличную дорогу. Если бы он знал, что весть об их побеге достигла ушей Гэндальфа, находившегося в ту пору очень далеко, и тот, обеспокоенный их судьбой, заканчивает свои другие дела и собирается разыскивать Торина и К°, ему это доставило бы большое утешение. Но Бильбо, дрожавший на бочке, ничего не ведал. Он знал лишь, что река никак не кончается, что он смертельно голоден, схватил страшнейший насморк и что ему не нравится зловещий вид Горы, кото-

рая по мере приближения явно смотрит на него всё более неодобрительно и угрожающе.

Скоро, однако, река повернула к Югу, Гора осталась в стороне, к концу дня берега сделались скалистыми, и река, собрав воедино все свои разбежавшиеся веточки, превратилась в могучий, стремительный и глубокий поток.

Солнце уже село, когда, сделав ещё один крутой поворот, река влилась в Долгое Озеро. Долгое Озеро! Бильбо думал, что только в море бывает столько воды. Оно было такое широкое, что противоположные берега казались далёкими-далёкими, и такое длинное, что его северного конца вообще не было видно. Только зная карту, Бильбо помнил, что там, вдалеке, где мерцают звёзды Большой Медведицы, из Дейла в озеро сбегает река Быстротечная и вместе с Лесной заполняет бывшую горную долину. На южном конце озера вода спадала водопадом, и обе реки спешили дальше, уже вместе, в неведомые земли. В вечерней тишине грохот водопада раздавался словно отдалённый рокот грома.

Близ устья Лесной стоял странный город, о котором упоминали эльфы в королевских погребках. Его выстроили не на суше (хотя и на берегу виднелись кое-какие строения), а прямо на озере. От сильного течения впадавшей здесь реки его защищал скалистый мыс. Широкий деревянный мост вёл с берега к высоким прочным сваям, на которых расположился деревянный город. Оживлённый, деловой, этот город всё ещё преуспевал, занимаясь торговлей; товары доставлялись сюда по реке с Юга до водопадов, оттуда их переправляли в город сушей. Но в прежние славные времена, когда на Севере процветал Дейл, Озёрный город был ещё богаче, ещё могущественнее, чем теперь, имел целую флотилию лодок, для того чтобы грузить золото и вооружённых воинов. В те времена случались войны и совершались деяния, память о которых осталась лишь в легендах. Груды развалин прежнего большого города виднелись в воде у берега, когда озеро в засуху мелело.

Многое уже забылось, хотя люди и пели старые песни про гномов — хозяев Горы, про королей Трора и Трейна из рода Дьюрина, про появление дракона и гибель властителей Дейла. В песнях пелось и про то, как в один прекрасный день Трор и Трейн вернутся, и тогда золото потечёт рекой из ворот Горы, весь край огласится новыми песнями и радостным смехом. Но легенда легендой, а дела делами, и будничная жизнь текла своим чередом.

* * *

Едва на озере завидели плот, как от свай отделились лодки, плотовщиков окликнули, те бросили верёвки, на лодках заработали вёсла, плот стянули с быстрины и отвели за высокий мыс в залив. Там его пришвартовали к мосту. Вскоре должны были прибыть люди с Юга и одни бочки забрать с собой, а другие набить снадью, чтобы их опять доставили вверх по реке во дворец лесных эльфов. Покамест бочки остались качаться на воде, а плотовщики и лодочники отправились пировать в Озёрный город.

То-то они удивились бы, увидев, что творилось на берегу после их ухода, когда стемнело. Прежде всего Бильбо отрезал верёвки, выкатил одну бочку на сушу и вскрыл её. Послышались стоны — и оттуда вылез гном в самом жалком виде. В свалявшейся бороде застряла мокрая солома, всё тело так затекло

и болело и так он был избит и исколочен, что еле удержался на ногах. Он побрёл по мелкой воде к берегу и там сразу же со стоном повалился на песок. У него был вид, как у голодного пса, которого привязали в будке и забыли на неделю. То был Торин, и узнать его вы смогли бы только по золотой цепи и бывшему небесно-голубому, а теперь грязному и рваному капюшону с потускневшей серебряной кистью. Далеко не сразу он стал мало-мальски вежливо разговаривать с хоббитом.

— Ну что — живой вы или нет? — спросил наконец Бильбо довольно-таки сердито. Он, видно, забыл, что сам-то успел один раз сытно поесть, всё время свободно двигал руками и ногами и вволю дышал. — Не на свободе вы, что ли? Если хотите есть и намерены продолжать вашу дурацкую затею (да, да, вашу, а не мою), то похлопайте себя руками, разотрите ноги и постарайтесь помочь мне вынуть остальных, пока есть время!

Торин, конечно, внял голосу рассудка, с кряхтением поднялся и с грехом пополам помог хоббиту. Нелегко было им в темноте, копошась в холодной воде, распознать, в которых бочках сидят гномы. На стук и окрик отозвались только шестеро. Их откупорили и помогли им выбраться на берег, и они тут же повалились со стонами и охами на песок. Их до того промочило, скрючило и избил, что они не могли как следует прочувствовать своего избавления и испытывать благодарность к избавителю.

Двалин и Балин пострадали больше всех, и ждать от них помощи было бесполезно. Бифур и Бофур были посуше и поцелее, но тем не менее легли на песок и не пожелали ничего делать. Фили и Кили, будучи помоложе и упакованные тщательнее в маленьких бочонках с большим количеством соломы, вылезли в довольно благополучном виде; они отделались всего несколькими синяками, а затёкшие руки и ноги скоро отошли.

— Ну, на всю жизнь нанюхался яблоч! — проговорил Фили. — В бочке стоял такой яблочный дух... Без конца вдыхать запах яблоч, когда не можешь шевельнуться, когда промёрз до костей и тебя мутит от голода — есть от чего сойти с ума. Я бы сейчас ел и ел что угодно, не останавливаясь, но яблока в рот не возьму.

Фили и Кили охотно взялись помогать, и вскоре оставшихся гномов вытащили на берег. Толстяк Бомбур то ли спал, то ли был без сознания. Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн наглотались воды и были чуть живы; их пришлось перенести на берег на руках.

— Итак, мы собрались вместе! — промолвил Торин. — Видимо, мы должны благодарить за это судьбу и мистера Бэггинса. Он безусловно заслужил нашу благодарность, хотя и жаль, что он не подготовил более удобный способ транспортировки. Тем не менее ещё раз к вашим услугам, мистер Бэггинс. По-настоящему мы почувствуем благодарность, когда поедем и придём в себя. А пока — что делать дальше?

— Предлагаю идти в Озёрный город, — ответил Бильбо. — Что же ещё?

Ничего другого не оставалось, и, покинув остальных на берегу, Торин, Фили, Кили и хоббит направились вдоль озера к мосту. В начале моста стояли часовые, но они караулили не слишком бдительно, так как давно уже не было повода для беспокойства. Если не считать отдельных перебранок с лесными эльфами по поводу пошлости на пользование рекой, они были с ними в добрых отношениях. Больше поблизости никто не жил. Некоторые из молодых и

вообще сомневались в существовании дракона и подсмеивались над дедками и бабками, которые утверждали, будто видали в молодости дракона, летавшего над городом. Неудивительно, что стражники пили и веселились у очага в караулке и не слышали, как вскрывали бочки, не слышали шагов четырёх лазутчиков. Они просто остолбенели, когда вошёл Торин Оукеншильд.

— Кто ты такой, чего тебе надо? — завопили они, вскакивая и хватаясь за оружие.

— Я — Торин, сын Трейна, внук Трора, король Под Горой! — горделиво ответил гном, и в эту минуту он и выглядел как король, несмотря на порванную одежду и выпачканный капюшон. Золото сверкало у него на воротнике и кушаке, глаза горели глубоким таинственным огнём. — Я вернулся. Я хочу видеть вашего бургомистра.

Стражники пришли в неопишное волнение. Те, кто поглупее, выбежали из караулки, как будто ожидали увидеть текущее по реке золото. Капитан выступил вперёд.

— А эти кто? — спросил он, указывая на Фили, Кили и Бильбо.

— Сыновья дочери моего отца, — ответил Торин, — Фили и Кили из рода Дьюрина. А это мистер Бэггинс, прибывший с нами с Запада.

— Если вы пришли с миром, положите оружие! — потребовал капитан.

— У нас его нет, — ответил Торин, и то была почти правда. Ножи у гномов лесные эльфы отобрали, Оркрист — тоже. У Бильбо, правда, оставался кинжал, но, как всегда, спрятанный под одеждой, и Бильбо промолчал. — К чему оружие нам, кто воротился в своё королевство, как было предсказано встарь. Да мы и не могли бы сражаться против столь многих. Отведите нас к вашему бургомистру.

— Он на пиру, — возразил капитан.

— Тем более ведите! — взорвался Фили, которому эти церемонии надоели. — Мы устали, хотим есть после долгой дороги, среди нас больные. Потопрапливайтесь, а то как бы вам не попало от вашего бургомистра.

— Хорошо, следуйте за мной, — согласился наконец капитан и в сопровождении шести солдат повёл их по мосту, в ворота и на главную площадь. Площадь, собственно, тоже была водой, и вокруг неё кольцом стояли на высоких сваях дома побольше. Потом они прошли по деревянной набережной, с которой вниз к воде спускались лестницы с многочисленными ступеньками. В одном самом большом доме (то была ратуша) сияли огни и раздавался гул голосов. Они вошли внутрь и остановились, ослеплённые светом, глядя на длинные столы и сидящих за ними людей.

— Я — Торин, сын Трейна, внук Трора, король Под Горой! Я вернулся! — воскликнул Торин в самых дверях, чтобы опередить капитана.

Все повскакивали с мест. Бургомистр тоже встал с кресла. Но никто не был удивлён больше, чем плотовщики — эльфы, сидевшие в дальнем конце зала. Они столпились у стола, за которым сидел бургомистр, и закричали:

— Это пленники нашего короля, они сбежали из тюрьмы. Эти бродяги не желали объяснить, кто они такие и зачем шныряют в лесу и пугают наших эльфов.

— Правда это? — спросил бургомистр. Честно говоря, он не очень-то поверил в возвращение короля Под Горой (если таковой вообще существовал).

— Правда то, что нас незаконно схватили и по приказу короля эльфов зато-

чили в темницу без всякого повода с нашей стороны. Мы совершали путешествие в свою страну, — ответил Торин. — Но никакие замки и никакие засовы не воспрепятствуют возвращению короля, предсказанному встарь. Насколько мне известно, ваш город не входит в царство лесных эльфов. Я говорю с бургомистром Озёрного города, а не с плотовщиками короля эльфов.

Бургомистр заколебался и вопросительно оглядел пирующих. Король эльфов считался могущественным правителем в этих краях. Бургомистр не хотел с ним ссориться, к тому же не придавал большого значения старым песням. Его интересовали торговля, пошлины, грузы, золото, в них он понимал толк, благодаря чему и занимал свой теперешний пост. Но остальные были другого мнения, и вопрос быстро решился помимо бургомистра. Новость распространилась с быстротой пожара. В ратуше и снаружи раздавались приветственные возгласы, с набережной слышался топот бегущих ног. Кто-то затянул куплеты старых песен, в которых говорилось про возвращение короля Под Горой (то, что вернулся не сам Трор, а внук, их не смущало), кто-то подхватил песню, и она раскатилась над озером:

*Король всех гор окрестных,
Пещер, ручьёв и скал,
Вернулся наконец-то
И править нами стал.*

*Опять в его короне
Сапфиры заблестят,
Куплеты старых песен
Повсюду зазвучат.*

*Зашелестят деревья,
И травы запоют,
И золотые реки
В долины побегут.*

*Сверкнут в траве озёра,
И зацветёт земля,
И кончатся раздоры
С приходом короля.*

Вот такие были в ней слова, только она была гораздо длиннее и смешивалась с криками, звуками арф и скрипок. Поистине такого волнения в городе не помнил даже старейший из старцев. Лесные эльфы тоже дивились происходящему и немного испугались. Они ведь не знали, каким образом сбежал Торин, и начинали думать, что их король совершил серьёзную ошибку. Что касается бургомистра, то он почёл за лучшее прислушаться к гласу народа и хотя бы на время притвориться, будто верит Торину и его рассказам. Он уступил ему своё большое кресло и усадил Фили и Кили рядом с Торинем на почётные места. Даже Бильбо отвели место за головным столом, и в общей сумятице никто не попросил у него объяснить, откуда он-то взялся (ведь о нём в песнях не было ни одного самого отдалённого намёка).

Вскоре в город при всеобщем ликовании привели остальных гномов; ушибы и царпины им перевязали, их накормили, предоставили квартиры и ублажили самым восхитительным и исчерпывающим образом. Торины с компани-

ей поселили в большом доме, дали им лодки и гребцов, целыми днями перед их домом толпился народ и распевал песни: стоило кому-нибудь из гномов высунуть нос на улицу, его радостно приветствовали. Песни пелись главным образом старые, но попадались и совсем новые, в которых с уверенностью говорилось про близкую гибель дракона и про то, как по реке в Озёрный город вот-вот потянутся суда с дорогими подарками. Вдохновителем этих новых песен был сам бургомистр, но они не привели гномов в особый восторг.

Тем временем они жили в довольстве, отъелись, потолстели и набрались сил. Собственно, через неделю они вполне оправились, нарядились в новую одежду из превосходной материи, каждый в свои цвета, бороды их были расчёсаны и ухожены, гномы выступали важно, а Торин ходил с таким гордым видом, будто уже отвоевал своё королевство и изрубил Смога на мелкие кусочки.

Вот тут-то, как он и прочил Бильбо, благодарность и уважение гномов к маленькому хоббиту стали расти с каждым днём. Никто больше не ворчал, не сетовал. Они пили за его здоровье, хлопали по спине и вообще всячески его обхаживали. Что было очень кстати, так как Бильбо находился далеко не в лучшем настроении. Он не мог забыть зловещего вида Горы, не переставал думать о драконе и, кроме того, был жестоко простужен. Три дня подряд он чихал и кашлял, сидел дома, а когда стал выходить, то всё равно его речи на банкетах ограничивались словами «бде очень бдиядно».

* * *

Тем временем лесные эльфы приплыли с грузами домой и произвели сенсацию во дворце своим сообщением. Я так и не знаю, что случилось с начальником стражи и главным дворецким. Никто из гномов во время своего пребывания в Озёрном городе, естественно, ни слова не проронил о ключах и о бочках, и Бильбо ни разу не надел кольца. Но кое-какие догадки у эльфов возникли, хотя мистер Бэггинс по-прежнему оставался для них загадкой.

Как бы то ни было, король знал теперь, зачем пожаловали сюда гномы, и сказал себе: «Так, так! Посмотрим! Всё равно без моего ведома через Чёрный Лес им не провезти никаких сокровищ. Но скорее всего они плохо кончат, и поделом им!» Король несколько не верил в то, что гномы захотят сражаться и сумеют победить такого опытного дракона, как Смог, и сильно подозревал, что они скорее всего предпримут попытку взлома. Это свидетельствует о его проницательности, которой не хватило людям из Озёрного города, хотя, как мы увидим в конце, король не совсем был прав. Послав своих шпионов на озеро и дальше, настолько близко к Горе, насколько позволял страх перед драконом, он стал ждать.

К концу второй недели Торин начал собираться в путь. Пока энтузиазм жителей не остыл, надо было заручиться их помощью. Тянуть было опасно. Он обратился к бургомистру и его советникам и объявил, что ему и его спутникам пора продолжать поход.

Тут впервые за всё время бургомистр удивился и немножко струхнул. И задумался — а вдруг Торин и в самом деле потомок прежних королей. Ему и в голову не приходило, что гномы отважатся идти на Смога. Он думал, что они обманщики, которых рано или поздно разоблачат и прогонят. Он ошибался.

Ведь Торин действительно был внуком короля Под Горой, а на что не отважится родовитый гном, если он задумал отомстить или вернуть свою собственность.

Но бургомистр и обрадовался, что гномы уходят. Содержать их было накладно: жизнь при них превратилась в сплошной затянувшийся праздник, а дела стали. «Пусть себе идут, сунутся к Смогу — посмотрим, как он их встретит!» — подумал он. А вслух сказал:

— Ну разумеется, о Торин, сын Трейна, внук Трора! Ты просто обязан отобрать свои сокровища. Час, который предсказывали старики, настал. Чем можем — тем вам поможем, но и вы уж отблагодарите нас, когда отвоюете королевство.

И вот в холодный осенний день, когда дул резкий ветер и с деревьев слетали листья, три большие лодки покинули Озёрный город, увозя гребцов, гномов, мистера Бэггинса и большие запасы продовольствия. Бургомистр и его советники вышли на ступени ратуши, чтобы пожелать им счастливого пути. Жители города пели им вслед песни. На воду упали некрашенные вёсла, лодки двинулись на Север. Наступил последний этап долгого путешествия.

И единственный, кто был удручён и несчастлив, это Бильбо.

11

На пороге

За два дня они пересекли Долгое Озеро и вышли в реку Быстротечную. Теперь Одинокая Гора возвышалась прямо перед ними. Против течения плыть было трудно. К концу третьего дня, проделав несколько миль вверх по реке, они причалили к левому, западному берегу и высадились на сушу. Здесь их ждали посланные раньше люди и пони с провизией и всем необходимым. Гномы, сколько могли, навьючили на пони, остальное сложили в палатку. Люди из Озёрного города, пригнавшие пони, не согласились переночевать так близко к Горе даже одну ночь.

— Подождём, когда сбудутся песни! — сказали они.

В этой дикой местности легче было поверить в дракона, чем в Торина. Охранять запасы в палатке в сущности не требовалось, так как край был необитаемый. Поэтому свита покинула их и пустилась в обратный путь.

Наши путники провели тревожную ночь и несколько приуныли. На следующий день они сели на пони и продолжали путь. Балин и Бильбо, ехавшие сзади, вели на поводу двух пони, нагруженных тяжёлой поклажей; остальные прокладывали впереди тропу, ибо дорог не было. Они взяли к северо-западу от Быстротечной и всё приближались к большому отрогу Одинокой Горы, выступавшему им навстречу. Путешествие совершалось в тишине и безмолвии. Кончились смех, звуки арфы и пение; гордые надежды, зашевелившиеся было у них в душе, пока они внимали на озере старинным песням, угасли, место их заступил безысходный мрак. Они знали, что путешествие подходит к концу и конец может оказаться ужасным. Природа вокруг сделалась скудной и унылой, краски потускнели, тогда как, по словам Торина, в былые времена отличались свежестью и разнообразием. Трава поредела, исчезли деревья и кусты — от них остались почерневшие корявые пни. Путники достигли Драконова Запустения, и достигли на исходе года. Они подъехали к самому подножию Горы, не встретив ничего угрожающего. Гора высилась прямо над ними, тёмная и жуткая. Они разбили лагерь на западном склоне большого отрога,

кончавшегося бугром, который назывался Вороньей Высотой. Там когда-то находился сторожевой пост, но туда они пока не осмелились подняться — уж слишком это было оголённое место.

Прежде чем искать на западной стороне Горы потайную дверь, Торин выслал отряд разведчиков исследовать южный склон, где должны были находиться Главные ворота. Для этой цели он выбрал Балина, Фили с Кили и Бильбо. Те пробрались вдоль серых молчаливых утёсов к подножию Вороньей Высоты. Там река Быстротечная, сделав широкую петлю по долине, где некогда стоял Дейл, уходила от Горы в сторону озера, бурная и шумливая, как все горные реки. Берега её, голые и скалистые, обрывались в поток. Глядя сверху через узкую реку, которая пенилась и бурлила между валунов, они увидели в широкой долине темнеющие руины крепостных стен, башен и старинных домов.

— Вот всё, что осталось от города Дейл, — промолвил Балин. — Склоны горы когда-то зеленели лесами, долина была изобильна и отрадна для глаз, в городе раздавался звон колоколов.

Голос Балина звучал печально, лицо помрачнело: он сопровождал Торина в тот день, когда появился дракон.

Идти дальше они не рискнули, а обогнули отрог и, спрятавшись за большим камнем, высунули головы: они увидели чёрное отверстие в высокой стене — Главные ворота. Оттуда выбегала река Быстротечная и оттуда же вырывались пар и чёрный дым. Вокруг всё было неподвижно, двигались лишь пар, вода, да изредка проносилась мрачная зловеющая ворона. Тишину нарушал лишь шум потока, бегущего по камням, да хриплое карканье. Балин содрогнулся.

— Вернёмся! — сказал он. — Здесь нам делать нечего. Очень мне не нравятся эти противные птицы, они смахивают на вражеских лазутчиков.

— А дракон, значит, жив, сидит где-то под горой, если судить по дыму, — вставил хоббит.

— Скорее всего ты прав, хотя дым ещё ничего не доказывает, — возразил Балин. — Если бы даже дракон улетел или притаился где-нибудь на одном из склонов, подкарауливая добычу, дым и пар, наверное, всё равно выходили бы наружу. Гора изнутри, вероятно, заполнена его зловонными испарениями.

Подавленные, стараясь не шуметь, возвращались они в лагерь под карканье ворон. Ещё так недавно, в июне, они гостили в прекрасном доме Элронда; сейчас только-только начиналась осень, но казалось, что прошла целая вечность. Они очутились в безлюдном, заброшенном месте, без всякой надежды на помощь. Путешествие их закончилось, но до конца приключения было по-прежнему далеко, а мужества и выдержки могло хватить лишь ненадолго.

Как ни странно, у мистера Бэггинса их осталось больше, чем у других. Он часто брал у Торина карту и рассматривал её, вдумываясь в значение рун и лунных букв. Именно он заставил гномов начать опасные поиски потайной двери на западных склонах. Они перенесли лагерь в длинную узкую долину, укрывшуюся за низкими отрогами. На этом западном склоне было меньше следов разбойничьих набегов дракона, даже сохранилось немного травы для их пони. Из этого нового лагеря, всегда закрытого тенью Горы, день за днём, разбившись на отряды, они выходили на поиски. Если верить карте, где-то здесь высоко по склону пряталась потайная дверь. День за днём они возвра-

щались в лагерь не солоно хлебавши.

И вдруг совершенно неожиданно они нашли то, что искали. Однажды Фили, Кили и хоббит прошли в конец узкой долины и копошились там среди камней. Около полудня, заглянув за большой, торчащий, точно столб, обломок скалы, Бильбо увидел нечто вроде грубых ступеней. Он подозревал двух гномов, и они в волнении начали подниматься втроем по ступенькам, которые вывели их на тропку, местами пропадавшую, местами всё-таки заметную, и так, по ней, пришли на гребень южного отрога, а оттуда — на узкий выступ, огибавший Гору. Поглядев вниз, они увидели, что прямо под ними лежит лагерь. Осторожно поднимаясь по скале, они прошли гуськом по узкому выступу, свернули за угол и очутились на небольшой укромной площадке, заросшей травой. Вход на неё снизу, от лагеря, виден не был. Скала, к которой примыкала площадка, была совершенно гладкая и ровная, точно сложенная каменщиком. Ни трещин, ни стыков, ничего похожего на косяки, притолоку или порог, никаких следов засова, щеколды или скважины — и однако они не сомневались, что перед ними та самая дверь.

Они колотили по ней, толкали, пихали и наваливались на неё, умоляли открыться, произносили обрывки заклинаний, отворяющих двери, — скала оставалась неподвижной. Наконец, выбившись из сил, они растянулись на траве, а когда завечерело, начали спускаться вниз.

В ту ночь в лагере не утихало возбуждение. Наутро все покинули лагерь, оставив Бофура и Бомбура караулить пони и те припасы, что они захватили с реки. Остальные, пройдя долину, взобрались по найденной накануне тропе на узкий выступ. Там было не пронести тюков — тропинка обрывалась с одной стороны вниз на глубину пятидесяти метров. Зато каждый гном обмотал вокруг пояса верёвку. Они благополучно достигли травянистой ниши, там, наверху, устроили новый лагерь и подняли на верёвках из нижнего всё необходимое. Таким же способом они потом опускали друг друга, чтобы обменяться новостями с караульными или сменить Бофура. Бомбур ни под каким видом не желал подняться наверх — ни на верёвках, ни по тропе.

— Я не муха, чтобы порхать над обрывом, — отвечал он. — Закружится голова, наступлю себе на бороду, и опять вас станет тринадцать. А верёвки меня не выдержат.

Как вы увидите позже, верёвки, к счастью для него, выдержали...

Тем временем друзья обследовали выступ дальше и обнаружили тропинку, которая вела наверх. Но далеко уходить побоялись, да и не видели надобности. На вершине царил тишина, лишь ветер шуршал в трещинах. Они разговаривали тихо, не пели, не перекликались — опасность подстерегала повсюду. Те, что возились с дверью, пока ничего не добились. В своём нетерпении они махнули рукой на руны и лунные буквы и без усталости пытались определить на глаз, где именно на гладкой поверхности скалы прячется дверь. Они привезли из Озёрного города кирки и другие инструменты и сперва попробовали применить их. Но при первом же ударе о скалу рукоятки раскололись, чуть не повыдергав им руки из плеч, стальные части сломались или погнулись, точно свинцовые. Гномы поняли, что их навыки в горном деле бессильны против чар, которые заперли эту дверь. Они испугались и того шума, который сами же наделали: каждый удар усиливался эхом.

Бильбо до смерти надоело сидеть на пороге. То есть никакого порога, разу-

меется, не было, просто гномы в шутку называли так травянистый пятачок; они припомнили Бильбо его слова, сказанные ох как давно, когда к нему в норку нагрянули неожиданные гости. Он тогда сказал, что они посидят на пороге и что-нибудь придумают. И вот теперь они сидели и сидели, думали и думали или бесцельно топтались поблизости, и лица их всё вытягивались и вытягивались.

Они было воспрянули духом, обнаружив тропу, но теперь совсем приуныли. И всё же не хотели сдаться и уйти ни с чем. Теперь и хоббит был не бодрее других. Он ничего не делал, только сидел, прислонившись к скале, и глядел на запад, поверх отрогов, поверх широких просторов, за чёрную стену Чёрного Леса, туда, где ему всё мерещились Туманные горы. Если его спрашивали, что он делает, хоббит отвечал:

— Вы же говорили, что моё дело сидеть на пороге и думать, как попасть внутрь, вот я и думаю.

Но подозреваю, что он думал не столько о деле, сколько о той стране, что лежала в голубой дали, о тихой родной стране и о своей хоббичьей норке под Холмом.

В траве посредине площадки лежал серый камень. Бильбо обычно сидел, уныло уставившись на него или следя за большими улитками. Тем, видно, нравилась укромная площадка, прохладные стены, и они медленно ползали по ним, с удовольствием присасываясь к камню.

— Завтра пойдёт последняя неделя осени, — сказал однажды Торин.

— А за ней последует зима, — добавил Бифур.

— И наступит следующий год, — закончил Двалин, — и бороды у нас будут расти, пока не свесятся со скалы до самой долины, а здесь по-прежнему ничего не произойдёт. Чем только занимается наш Взломщик? Раз у него есть кольцо-невидимка, — значит, теперь с него и спрос больше, вполне мог бы пройти в Главные ворота и разведать как и что.

Бильбо услышал его слова (гномы находились наверху, как раз над нишей) и подумал: «Боже милостивый, так вот что они придумали! Несчастный я несчастный, вечно я должен вызволять их из неприятностей, во всяком случае, после отъезда волшебника. Что же мне делать? Так я и знал, что в конце меня ждёт что-то совершенно ужасное. Нет, я просто не в состоянии видеть ещё раз ту злосчастную долину Дейла. А дымящиеся ворота чего стоят!..»

Он так расстроился, что ночью почти не сомкнул глаз. На следующий день гномы разбрелись кто куда; одни, спустившись вниз, совершали моцион на пони, другие лазали по склону. Весь день Бильбо в унынии просидел в нише, глядя на камень или вдаль через узкий проход. У него было странное чувство, будто он чего-то ждёт. «Может, волшебник вдруг объявится», — думал он.

Когда он поднимал голову, то видел кусок дальнего леса. Вот солнце повернуло на запад — и на лес легло жёлтое пятно, как будто солнце осветило последнюю осеннюю листву. Вскоре большой оранжевый шар скатился к горизонту. Бильбо увидел довольно высоко над краем земли еле заметный бледный узенький серп новорождённой луны. В тот же момент он услышал у себя за спиной резкое щёлканье. Он обернулся: на сером камне сидел большущий дрозд, угольно-чёрный, с бледно-жёлтой грудкой, пестревшей тёмными точками. Щёлк! Дрозд схватил улитку и ударил ею об камень. Щёлк! Шёлк!

И вдруг Бильбо осенило! Забыв про осторожность, стоя на самом краю кар-

низа, он стал громко звать гномов и махать руками. Гномы, спотыкаясь о камни, бросились к нему, недоумевая, что случилось.

Бильбо быстро всё объяснил. Все замолчали: хоббит стоял у серого камня, гномы нетерпеливо ждали. Солнце спускалось всё ниже, и надежды их таяли. Солнце село в полосу багровых облаков и скрылось. Гномы застонали, но Бильбо по-прежнему стоял не двигаясь. Узенький серп начал спускаться к горизонту. Стало темнеть. И вдруг, когда все уже совсем отчаялись, сквозь просвет в облаках прорвался красный луч. Он проник через узкий проход в нишу и упал на гладкую поверхность скалы. Дрозд, который, склонив голову набок, тоже следил за ним со своего насеста бусинками глаз, вдруг застрекотал. От стены с треском отскочил каменный осколок. На высоте трёх футов от земли, в том месте, куда упал луч, в скале вдруг появилась дырочка.

Испугавшись, как бы не пропустить момент, гномы кинулись к скале и навалились на неё — она не подавалась.

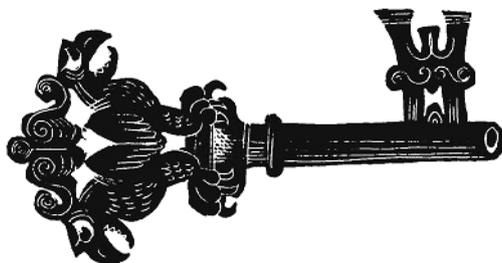
— Ключ! Ключ! — крикнул Бильбо. — Где Торин?

Подбежал Торин.

— Ключ! — закричал ему Бильбо. — Который был при карте! Скорее, а то будет поздно!

Торин выхватил ключ, висевший у него на груди, и вставил в дырочку. Ключ подошёл! Торин повернул его. Дзинь! Луч пропал, луна исчезла, небо почернело.

Они опять нажали на дверь, и часть стены медленно-медленно отошла. Появились длинные прямые щели. Очертилась дверь в пять футов вышиной и в три шириной и беззвучно и тяжело распахнулась внутрь. Из глубины, словно пар, выплыла темнота, глазам их предстала глубокая зияющая чернота — разверстый вход в глубь Горы.

Что ждало их внутри

Гномы долго стояли перед дверью и спорили, и наконец Торин произнёс речь:

— Настало время для того, чтобы высокочтимый мистер Бэггинс, проявивший себя за долгое время пути как превосходный компаньон, как хоббит, исполненный отваги и находчивости, поражающими несоразмерностью с его небольшим ростом, и, если я могу так выразиться, наделённый запасом удачливости, который превышает обычный, отпущенный судьбой... Настало, повторяю, время для того, чтобы он оказал нам услугу, ради которой его включили в нашу Компанию, и заработал обещанную долю.

Вы уже знакомы со стилем Торина в исключительно важных случаях, поэтому не буду пересказывать его речь дословно. Он распространялся ещё довольно долго. Случай был действительно важный, но хоббитом овладело нетерпение. Он тоже достаточно хорошо изучил Торина и сразу сообразил, к чему тот клонит.

— Если от меня ждут, чтобы я первым вошёл в потайную дверь, о Торин Оукеншильд, сын Трейна, да удлинится бесконечно твоя борода, — сказал Бильбо с раздражением, — то так и скажите! Я мог бы, конечно, отказаться. И так я уже вызволял вас дважды, а это в сделку не входило, так что кое-какую награду я уже заслужил. Но, как говаривал мой отец, «третий раз за всё платит». И пожалуй, я не откажусь. Я теперь больше верю в свою счастливую звезду, чем в былые времена (он имел в виду прошлую весну, перед тем как покинул родной дом, но ему казалось, что то было тысячу лет назад). Ладно, чтобы отвязаться, я согласен заглянуть туда разок. Кто составит мне компанию?

Он не ожидал, что раздастся хор добровольцев, поэтому и не был разочарован. Фили и Кили явно чувствовали себя неловко и переминались с ноги на ногу. Все остальные даже и не скрывали своего нежелания присоединиться к Бильбо — все, кроме старого Балина, вечного караульного, который очень

привязался к хоббиту. Он сказал, что во всяком случае зайдёт внутрь и, может быть, даже сделает с десяток шагов, чтобы в крайнем случае было кому позвать на помощь.

Что я могу сказать гномам в оправдание? Что они были намерены щедро заплатить Бильбо за его услуги. Раз они взяли его специально для того, чтобы он делал за них трудную работу, то и не возражали, чтобы он её сделал, коли сам не против. Но они непременно выручили бы его из беды, как поступили уже в начале путешествия при встрече с троллями, когда у них ещё не было никаких причин быть ему благодарными. Что правда, то правда: гномы не герои, а расчётливый народец, превыше всего ставящий деньги; попадаются гномы хитрые и коварные и вообще дрянные. Но есть и вполне порядочные, вроде Торины с Компанией, только не надо ждать от них слишком многого.

На бледном небе, запятнанном чёрными облаками, показались звёзды. Хоббит юркнул в заколдованную дверь. Идти внутри Горы оказалось делом несложным. Это вам не гоблинские низкие туннели и не корявые подземные ходы в пещере лесных эльфов. Коридор в Горе был сделан гномами в расцвете их могущества и мастерства: прямой, как по линейке, с гладким полом и гладкими стенками, он шёл под уклон ровно и плавно, куда-то в таинственную черноту.

Через короткое время Балин пожелал Бильбо удачи и остался стоять посреди туннеля, откуда ещё виднелись неясные очертания двери и, из-за особого устройства туннеля, шелестящий шёпот гномов слышался совсем близко. Затем Бильбо надел кольцо и стал красться по туннелю вглубь и вниз. Напуганный преувеличенно громкими отголосками эха, он превзошёл себя самого в бесшумности и осторожности. Он дрожал от страха, но на физиономии у него были написаны решимость и суровость. Ведь он был далеко не тот хоббит, который выбежал когда-то без носового платка из Бэг-Энда. Он обходился без платка уже целую вечность. Проверив, на месте ли кинжал, он затянул кушак и продолжал путь.

«Вот оно, Бильбо Бэггинс, — сказал он себе. — Ты по собственной воле увяз в этом деле с головой, вот теперь и расплачивайся за свою глупость. Какой же я идиот! — твердил в нём отнюдь не туковский голос. — На что мне сдались сокровища дракона? Если бы я мог проснуться и очутиться не в этом проклятом туннеле, а в своей прихожей! Да пускай бы сокровища оставались здесь на века вечные!»

Поскольку это был не сон, то он и не проснулся, а продолжал идти вперёд да вперёд. Наконец очертания двери исчезли, Бильбо остался совсем один. Вскоре сделалось жарковато. «Может, жар идёт из глубины? Я вижу впереди яркое зарево», — подумал он.

Так оно и было. Красный свет разгорался всё ярче, и в туннеле становилось положительно жарко. Над Бильбо начали проплывать клочья пара, окутывать его. Бильбо обливался потом, ему слышался какой-то булькающий, пульсирующий шум, похожий на клокотание большого котла, кипящего на огне, и одновременно на мурлыканье гигантской кошки. Вскоре Бильбо безошибочно узнал храп крупного зверя. Впереди, в красном зареве кто-то спал. Бильбо на момент приостановился. Но только на момент — и сразу двинулся дальше. Это был самый мужественный поступок в его жизни. Бильбо одержал настоящую победу над самим собой перед лицом неведомой опасности, подстерегаю-

щей его впереди. Итак, после короткой остановки Бильбо двинулся дальше. Вообразите себе теперь такую картину: Бильбо доходит до конца туннеля, до отверстия приблизительно той же величины и формы, что наружная дверь, заглядывает туда; перед ним открывается сокровищница древних гномов — самая нижняя пещера у самого основания Горы. Там темно, границ огромной пещеры не видно, можно лишь догадываться о её величине; вблизи же на каменном полу огненная громада. И эта громада — Смог!

Исполинский золотисто-красный дракон лежал и крепко спал. Из пасти и из ноздрей вырывался дребезжащий звук и струйки дыма, но пламени он сейчас не извергал. Под его туловищем, под всеми лапами и толстым свёрнутым хвостом, со всех сторон от него, скрывая пол, высились груды драгоценностей: золото в слитках, золотые изделия, самоцветы, драгоценные камни в оправе, жемчуг и серебро, отливающее красным в этом багровом свете.

Смог спал на боку, сложив крылья, подобно громадной летучей мыши; хоббит видел снизу его длинный живот, в который вдавились драгоценные камни и золото от долгого лежания на богатом ложе. На ближайшей к нему стене смутно поблёскивали кольчуги, шлемы, топоры, мечи и копья, на полу рядами стояли большие кувшины и сосуды, вмещавшие несметные богатства.

Сказать, что у Бильбо захватило дух, будет слишком слабо. С тех пор как люди исказили язык эльфов, которому научились в эпоху, когда мир был несказанно прекрасен, не найдётся слов, чтобы выразить всё удивление и восхищение Бильбо. Он и раньше слышал рассказы и песни про сокровищницы драконов, но не мог представить себе их великолепия, да и страсть гномов к золоту была ему чужда. Но сейчас душа его прониклась восторгом; словно околдованный, он застыл на месте, забыв про страшного стража.

Он глядел и глядел и не мог оторваться, потом, словно его влекла какая-то

сила, прокрался к куче сокровищ. Над его головой спал дракон, страшный и грозный даже во сне. Бильбо схватил большую чашу с двумя ручками, такую тяжёлую, что еле поднял её, и со страхом бросил взгляд наверх. Смог шевельнул крылом, расправил когти, храп зазвучал по-иному...

Бильбо ринулся к выходу. Но дракон пока не проснулся, просто теперь ему снился другой сон. Маленький хоббит мчался по длинному туннелю. Сердце его стучало, ноги тряслись, он сжимал чашу и мысленно твердил: «Ай да я! Теперь они увидят! Так, значит, я больше смахиваю на бакалейщика, чем на взломщика? Пусть-ка попробуют повторить это!»

Но никто и не думал этого повторять. Балин был счастлив видеть хоббита живым, изумлён и ничуть не меньше восхищён. Он взял Бильбо на руки и вынес наружу. Была ночь, облака застилали звёзды, Бильбо лежал с закрытыми глазами, переводил дух и наслаждался свежим воздухом, не замечая, как взволнованные гномы хвалят его, хлопают по спине и обещают услуги всех членов своих семей из поколения в поколение.

Гномы всё ещё передавали из рук в руки чашу и с воодушевлением обсуждали, как обретут в недалёком будущем все свои сокровища.

Вдруг внутри Горы послышался глухой раскат грома, как будто рокотал потухший вулкан, надумавший опять извергаться. Они прикрыли дверь и заложили щель камнем, чтобы дверь не захлопнулась, но из глубины Горы доносились страшный грохот, рёв и топот, так что скала под ними сотрясалась.

Гномы сразу забыли своё самонадеянное бахвальство и съёжились от страха. Упускать из виду Смога было рано. Если живёшь бок о бок с драконом, изволь с ним считаться. Драконы не умеют найти применение своему богатству, зато, как правило, знают каждую вещь наперечёт. Смог не был исключением из правила. Беспокойный сон (в нём самым неприятным образом фигурировал какой-то мелкорослый воин невиданной отваги, обладатель страшного меча) сменился дремотой, потом дракон вдруг пробудился. В пещере пахло чем-то незнакомым. Может быть, запах принесло в ту дыру? Хоть и маленькая, она всегда слегка тревожила Смога. Он уставился на неё с подозрением. Отчего он не завалил её давным-давно? В последнее время ему даже чудилось доносившееся оттуда слабое постукивание. Он поднял голову и втянул воздух. И тут заметил, что исчезла чаша.

Воры! Пожар! Убийство! Такого не случалось ещё ни разу с тех пор, как он поселился в Горе! Ярость его не поддаётся описанию; такую ярость испытывают лишь купающиеся в роскоши богачи, если у них внезапно пропадёт вещь, которой они обладают давно, но которая не понадобилась им ни разу в жизни. Смог изрыгнул пламя, пещера наполнилась дымом, гора зашаталась. Он попытался засунуть голову в дыру, потом заревел что было мочи и, втянув шею, помчался вон из логова по просторным туннелям горного дворца к Главным воротам. В голове у него сидела одна мысль: обшарить всю гору, изловить вора, растерзать и растоптать его! Смог вылетел из ворот, вода в реке зашипела, со свистом поднялся пар; разбрызгивая огонь, Смог взмыл в воздух и приземлился на вершине Горы, окружённый языками зелёного и алого пламени. Гномы услышали страшный шум его крыльев и вжались в стену, надеясь спрятаться от драконьих глаз, высматривающих врага.

Все они неминуемо погибли бы, если бы опять-таки не Бильбо.

— Скорей! — шёпотом приказал он. — За дверь! В туннель! Здесь оставать-

ся нельзя!

Только они хотели нырнуть внутрь горы, как вдруг Бифур закричал:

— Мои братья! Бомбур и Бофур! Мы забыли про них, они внизу в долине!

— Они погибнут, и наши пони тоже, мы останемся без припасов! — застонали остальные гномы. — Мы ничего не можем поделать!

— Вздор! — оборвал их Торин. К нему вернулось прежнее достоинство. — Мы не можем их бросить! Внутрь войдут мистер Бэггинс, Балин, а также Фили и Кили — все сразу дракону не достанутся. Остальные... где верёвки? Живей!

Вероятно, за всё время похода в такую передрыгу они ещё не попадали. Наверху по горным ущельям гулко гремел рёв взбешённого дракона. В любой момент он мог слететь вниз, изрыгая пламя, или облететь Гору и застать их в тот момент, когда они бешено тянули верёвки на краю обрыва. Бофур успел подняться, всё было тихо. Потом показался Бомбур, он пыхтел и отдувался, верёвки скрипели, но вокруг было по-прежнему тихо. Потом втащили инструменты и мешки с провизией... И тут разразилась гроза! Послышался резкий свист крыльев. Верхушки скал тронул красный отсвет. То был Смог.

Они едва успели нырнуть в туннель и втащить свои мешки, как из-за Горы вывернулся дракон; крылья его издавали дикий свист, подобный завыванию ветра, пламя лизало склон Горы. Огненное дыхание спалило траву перед дверью, проникло в приоткрытую дверь и обожгло гномов. Дрожащее пламя взметнулось вверх, чёрные тени скал заплясали. Потом снова воцарилась темнота. Внизу пони заржали от страха, разорвали верёвки и в панике ускакали. Дракон ринулся за ними вдогонку.

— Только мы их и видели! — проговорил Торин. — Если Смог заметит кого, спасения нет. Тут нам суждено и остаться, разве только у вас возникнет охота вернуться к реке по открытому пространству на глазах у Смога.

Такая перспектива никого не прельстила. Они отползли подальше от входа и лежали так, пока в приоткрытую дверь не заглянул бледный рассвет. Они дрожали всем телом, хотя внутри было тепло и душно. В течение ночи они несколько раз слышали то нарастающий, то затихающий рёв дракона, облетавшего Гору.

Увидев пони и следы лагеря, дракон, конечно, догадался, что с реки и озера кто-то приходил, и теперь раз за разом прочёсывал склон Горы с той стороны, где стояли пони. Но каменную дверь он не заметил, а укромная терраска не пропускала в туннель палящее пламя. Тщетно дракон обыскивал гору, наконец к рассвету злоба его остыла — и он отправился на своё золотое ложе спать и набираться сил. Грабежа он не забыл и не простил бы даже через тысячу лет, когда время обратило бы его самого в обуглившийся камень, но он мог позволить себе ждать. Неторопливо заполз он в своё логово и прикрыл глаза.

С наступлением утра страх у гномов немного рассеялся. Они поняли, что подобного рода происшествия неизбежны, когда имеешь дело с таким грозным и коварным хранителем сокровищ, и пока рано отказываться от задуманного. Всё равно им, как справедливо сказал Торин, пока не уйти отсюда. Пони их пропали или были съедены, требовалось выждать, пока Смог ослабит свою бдительность, а они наберутся смелости двинуться в обратный путь пешком. Хорошо ещё, что они спасли часть продуктов и могли протянуть некоторое время.

Они долго обсуждали, как быть, но не придумали никакого способа изба-

виться от Смога. Бильбо так и подмывало упрекнуть гномов за то, что с самого начала эта проблема была слабым местом в их замыслах. Но тут, как свойственно попавшим в безвыходное положение, гномы принялись брюзжать и укорять хоббита за то, что поначалу им так понравилось — а именно, что он унёс чашу и слишком рано разозлил Смога.

— А что ещё прикажете делать взломщику? — сердито огрызнулся Бильбо. — Меня нанимали не драконов убивать — это дело воинов, а красть сокровища. Я положил такое начало, какое мог. А вы ожидали, что я приволоку на спине всё богатство Трора? Уж кому жаловаться, так это мне. Вам надо было захватить с собой пятьсот взломщиков, а не одного. Дедушка ваш, конечно, заслуживает всяческих похвал, но вы-то не подумали ознакомить меня с размерами его богатства. Чтобы вынести все сокровища наверх, мне понадобилась бы не одна сотня лет, и то если бы я был в пятьдесят раз больше, а Смог — кроткий, как ягнёнок.

После этого гномы извинились перед Бильбо.

— Что же вы предлагаете, мистер Бэггинс? — учтиво осведомился Горин.

— Если вы спрашиваете про то, как вынести сокровища, то пока не представляю. Несомненно, это зависит от того, насколько удачный оборот примут наши дела и удастся ли избавиться от Смога. Вообще-то избавляться от драконов — не моя специальность, но я постараюсь сделать всё от меня зависящее. Лично я не надеюсь ни на что и хотел бы только добраться живым до дома.

— Ну, до этого ещё далеко. Что нам делать сегодня, сейчас?

— Хорошо, если хотите знать моё мнение, то мы должны сидеть, где сидим. Днём мы, вероятно, сможем выходить на воздух. А вскоре, возможно, рискнём послать кого-нибудь вниз к складу — пополнить наши запасы. Но помните: к ночи все должны возвращаться в туннель. А теперь я предлагаю вам следующее. У меня есть кольцо. Сегодня же днём, когда Смог, вернее всего, заснёт, я проберусь туда. Быть может, что-нибудь произойдёт новенькое. «У всякого дракона есть слабое место», — говаривал мой отец, но думаю, что он основывался не на личном опыте.

Гномы, само собой разумеется, с энтузиазмом приняли его предложение. Они уже очень уважали маленького Бильбо. К полудню он был готов ко второй вылазке в логово дракона. Если бы он знал побольше о драконах и их коварстве, то, может, и не был бы так уверен в себе и не рассчитывал застать Смога спящим.

Снаружи сияло солнце, но в туннеле было темно, как ночью. Полоска света из прикрытой двери вскоре пропала. Столь бесшумны были шаги Бильбо, что беззвучнее мог быть лишь дымок на слабом ветру. Он уже поздравлял себя, подходя к дальнему концу туннеля. Оттуда еле виднелся свет.

«Старина Смог устал, спит, — подумал Бильбо. — Видеть он меня не может, слышать тоже. Не унывай, Бильбо!» Он не знал или же забыл об остром нюхе драконов. Кроме того, у них имеется весьма неудобное свойство — спать с приоткрытыми глазами, если что-то возбуждает их подозрение.

Бильбо заглянул в пещеру. Смог, казалось, крепко спал и лежал, как мёртвый, в темноте, потушив своё пламя, даже дымок не вырывался из ноздрей. Бильбо только хотел спустить ногу на пол, как вдруг из-под опущенного века драконова левого глаза блеснул тоненький красноватый луч. Смог только притворился, что спит! Он наблюдал за входом! Бильбо отпрянул и ещё раз

благословил судьбу за кольцо. И тут Смог заговорил:

— Ага, пожаловал вор! Я тебя чую, я слышу твоё дыхание. Милости прошу, бери ещё, тут всего вдоволь, не стесняйся!

Однако Бильбо был не таким уж невеждой по части драконов. Если Смог думал заманить его внутрь, то он просчитался.

— Спасибо, о Смог Ужасный! — ответил он. — Я пришёл не за подарками. Я просто хотел взглянуть, так ли ты огромен и страшен, как рассказывают. Я не очень верил сказкам.

— И как ты меня находишь? — спросил дракон, невольно польщённый, хотя и не поверил ни одному слову Бильбо.

— Поистине песни и сказки далеки от действительности, о Смог, Приносящий погибель, — ответил Бильбо.

— Для вора и лжеца ты очень воспитан, — заметил дракон. — Ты, оказывается, знаешь моё имя, но мне твой запах что-то незнаком. Кто ты такой и откуда?

— Я из-под Холма; мой путь лежал через горы, под горами и по воздуху. Я тот, кого никто не видит.

— Это-то я и сам вижу, — ответил Смог. — Но вряд ли это твоё настоящее имя.

— Я — Разгадывающий загадки и Разрубающий паутину, я — Жалящая Муха. Меня избрали для счастливого числа.

— Прелестные прозвища! — фыркнул дракон. — Но счастливое число не всегда выигрывает.

— Я тот, кто живыми хоронит друзей, топит их и достаёт живыми из воды. Я тот, кто невредимым выходит из костра, из воды, из-под земли.

— Что-то с трудом верится, — усмехнулся дракон.

— Я — друг медведей и гость орлов. Находящий кольца, Приносящий счастье, Ездок на бочках, — продолжал Бильбо, очень довольный своими загадками.

— Это уже лучше! — одобрил Смог. — Но не очень-то увлекайся! Придержи своё воображение.

Разговаривать с драконами нужно именно так, когда не хочешь раскрыть своё настоящее имя (что весьма благоразумно) и не хочешь разозлить их прямым отказом (что тоже весьма благоразумно). Никакой дракон не устоит перед соблазном поговорить загадками и потратить время на их разгадывание. Смог не всё понял (в отличие от вас, вам-то известны все приключения Бильбо), но кое-что сообразил и, довольный, посмеялся в своей гнусной душе.

«Так я и подозревал, — подумал он. — Ясно, люди с озера задумали какую-то гадость. Презренные торговцы бочками, чтоб мне быть ящерицей! Я не заглядывал туда целую вечность, но теперь я ими займусь!»

— Отлично, Ездок на бочках! — сказал он вслух. — Может быть, Бочкой звали твоего пони? Он действительно был довольно жирный. Видно, ты не всю дорогу сюда проделал по воздуху и пешком. Должен тебе доложить, прошлой ночью я съел шестерых пони и скоро поймаю и съем остальных. В оплату за вкусный ужин я дам тебе полезный совет: не водись с гномами, тебе же лучше будет.

— С гномами? — переспросил Бильбо, притворяясь удивлённым.

— Нечего притворяться! — обрезал его Смог. — Кто кто, а уж я знаю запах и

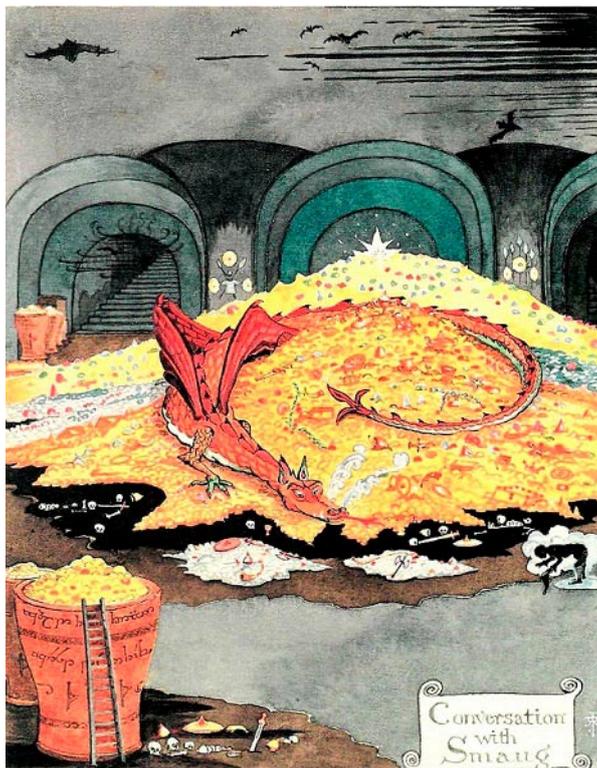
вкус гномов. Как будто я могу съесть пони из-под гнома и не учуять запаха! Ты плохо кончишь, Вор на бочках, если будешь знаться с гномами. Так им и передай от моего имени.

Он скрыл от Бильбо, что одного запаха — запаха хоббита — он не разобрал, так как никогда с ним раньше не сталкивался, и теперь был немало озадачен.

— Ну что, хорошие денежки получил вчера за мою чашу? — продолжал дракон. — Ну, скажи честно? Как, ровно ничего?! Очень на них похоже. Они, стало быть, прячутся за твоей спиной, а ты за них отдувайся, тащи у меня всё, что плохо лежит? И чего ты из кожи лезешь? Тебе пообещали приличный куш? И не мечтай! Радуйся, если ноги унесёшь.

Разговор со Смогом. Дж. Р. Р. Толкиен

Бильбо стало очень и очень не по себе. Каждый раз, как луч драконова глаза, шаривший по пещере, попадал на него, он трясся от страха и его охватывало безотчётное желание выскочить на середину пещеры, снять кольцо и во всём признаться Смогу. Словом, драконовы чары начинали на него действовать. Собрав всё своё мужество, Бильбо ответил:

— Тебе известно не всё, о Смог Могущественный, не только золото привело нас сюда.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Смог. — Вот и проговорился! Нас! Скажи уж прямо «нас четырнадцать», мистер Счастливое Число! Рад слышать, что у вас есть и другие дела в наших краях. Тогда, может быть, у вас ещё не всё потеряно. А тебе не приходило в голову, что украсть золото ты, может, и украл бы понемножку, лет этак за сто или больше, но далеко ли унёс бы его? К чему оно на горе? Или в лесу? Силы небесные! Ты ни разу не задумался, прибыльное ли это дело? Четырнадцатая часть — столько тебе обещали? А как доставить её? А стоимость перевозки? А сколько уйдёт на вооружённую охрану и налоги?

И Смог громко захохотал. Душа у него была злобная и низкая; он знал, что его догадка недалеко от истины. Но предполагал, что всё это затеи людей с

озера и большая часть добычи осядет в Озёрном городе, который в дни его молодости назывался Эсгарот.

Трудно поверить, но бедный Бильбо действительно был огорошен. До сих пор все его помыслы и силы сосредоточивались на том, как бы добраться до Горы и найти вход. Он ни разу не задумался над тем, как вынести сокровища из Горы, а уж тем более, как доставить в Бэг-Энд Под Холмом свою долю. Сейчас у него возникло нехорошее подозрение: а что, если гномы знают об этом важном моменте и втихомолку посмеиваются над Бильбо? Вот какое действие оказывают на неопытных драконовы речи. Конечно, Бильбо следовало бы остеречься, но уж очень деспотичной натурой был Смог.

— Я тебе вот что скажу, — Бильбо сделал попытку не поддаваться дракону и остаться верным своим друзьям, — мысль о золоте пришла нам в голову не сразу. Мы прибыли сюда над горами и под горами, по воде и по воздуху для МЕСТИ. Ведь не можешь же ты не сознавать, о Смог безмерно богатый, что твоё богатство создало тебе много врагов?

Тут Смог опять расхохотался, но как!.. От этого сокрушительного хохота Бильбо бросило на землю, а далеко наверху гномы прижались друг к другу, решив, что хоббиту пришёл безвременный и ужасный конец.

— Мечь! — фыркнул Смог, и глаза его загорелись ярким огнём, озарившим пещеру от пола до потолка, словно молния. — Мечь! Король Под Горой давно умер, а куда подевались его родственнички? Что-то я не вижу, чтобы они рвались в бой, чтобы свести со мной счёты. Властелин Дейла Гирион умер, его народ я пожрал, как волк овец, а где сыновья его сыновей? Они и близко не смеют подойти. Я убиваю, когда захочу, никто не дерзает сопротивляться. Всех воинов прошлого я уничтожил, а нынче такие не рождаются. Тогда я ещё был молод и слаб, теперь я стар и могуч, могуч! — злорадно торжествовал дракон. — Моя броня вдесятеро крепче щитов, мои зубы — мечи, когти — копья, удар хвоста подобен удару молнии, крылья несут с быстротой урагана, моё дыхание — смерть!

— Я слышал, — пискнул перепуганный Бильбо, — что драконы мягче снизу, а именно в области... в области груди. Но у особы, столь основательно защищённой, всё, конечно, продумано.

— Твои сведения устарели, Вор во тьме, — отрезал Смог. — Сверху и снизу я покрыт бронёй из железных чешуй и твёрдых драгоценных камней. Никакой клинок не пронзит меня.

— Я мог бы сам об этом догадаться, — ответил Бильбо. — Поистине не найдётся равного Смогу Непроницаемому. Кто ещё обладает столь великолепным жилетом из бриллиантов?!

— Да, такой жилет в самом деле большая редкость, — подтвердил Смог, как это ни глупо, весьма довольный. Откуда ему было знать, что хоббит уже в прошлый раз успел заметить его редкостный наряд и теперь мечтал рассмотреть его поближе, имея на то свои причины.

Дракон перекатился на спину.

— Смотри! — приказал он. — Что скажешь?

— Потрясающе! Восхитительно! Безупречно! Ослепительно! — восклицал Бильбо, думая про себя в то же время: «Старый болван! Да у тебя слева на груди дырка, голое тело торчит, как улитка из раковины!»

Высмотрев, что хотел, мистер Бэггинс решил поскорее убраться подобру-по-

здорову.

— Ну, не буду дольше задерживать Ваше Великолепие, — сказал он, — и лишать вас столь необходимого отдыха. Пони не так-то легко ловятся. И взломщики тоже, — съязвил он напоследок, стремглав удирая по туннелю.

Он напрасно не удержался от насмешки: как ни быстро бежал хоббит, дракон успел просунуть в отверстие свою ужасную морду и пустить ему вдогонку огненную струю. К счастью, вся голова целиком не пролезла, но пламя и пар из ноздрей обожгли Бильбо, так что он мчался, спотыкаясь, точно слепой, от страха и боли. Он так был доволен собой, доволен тем, как умно вёл беседу со Смогом, что увлёкся и допустил в конце ошибку. Этот случай отрезвил его. «Неразумно смеяться над живым драконом!» — сказал он себе, и впоследствии фраза стала его любимой поговоркой, а потом и известной пословицей. «Приключение ещё далеко не кончено», — добавил он. И это тоже была чистая правда.

День уже склонялся к вечеру, когда наконец хоббит выбрался из туннеля и свалился на «пороге» в обмороке. Гномы привели его в чувство и смазали ожоги особой мазью, хранившейся у Торина. Но долго ещё у него на затылке и на пятках не росла шерсть. Пока Бильбо приходил в себя, друзья всячески старались его ободрить. Они жаждали услышать рассказ о Смоге, особенно о том, почему тот устроил такой страшный шум и каким образом уцелел Бильбо.

Но хоббит впал в состояние нервное и озабоченное, и мало что удалось из него вытянуть. Пока они разговаривали, рядом на скале всё время сидел старый дрозд и, склонив голову набок, прислушивался. Можете себе представить, в каком дурном настроении был Бильбо, если он схватил камень и запустил в дрозда. Тот отлетел, но сразу же вернулся обратно.

— Противная птица! — в сердцах вскричал Бильбо. — Не нравится она мне, по-моему, она нас подслушивает.

— Оставьте его в покое, — остановил его Торин. — Дрозды — птицы порядочные и дружелюбные; этот дрозд очень стар, быть может, он — последний из старинной породы дроздов, которые жили в этих местах и ели из рук моего отца и деда. Порода их была долговечной и волшебной. А вдруг он тоже из тех, что жили тогда, лет двести тому назад? Жители Дейла научились понимать их язык и посылают как гонцов в Озёрный город и в другие места.

— Ну, так у меня найдутся кое-какие новости для Озёрного города, — мрачно заметил Бильбо. — Только вряд ли там будет кому понимать язык дроздов.

— Как? Что случилось? — закричали наперебой гномы. — Рассказывай же!

И Бильбо пересказал разговор с драконом и признался, что его мучает ужасная мысль — что дракон сделал свои выводы из его загадок.

— По-моему, он догадался, что мы попали сюда через Озёрный город и пользовались помощью его жителей. У меня есть предчувствие, что следующую атаку он предпримет в том направлении. И дёрнуло меня сболтнуть про езду на бочках!

— Ничего, ничего! Что сделано, того не воротишь. Да и потом, я слышал, что в разговорах с драконом трудно не допустить ошибки, — ободряюще сказал Балин, которому очень хотелось утешить хоббита. — Если хочешь знать, то, на мой взгляд, ты очень неплохо вышел из положения — выяснил кое-что очень полезное и остался жив, а этим мало кто может похвастаться, кому довелось перемолвиться с драконом. Нам, возможно, ещё очень пригодится про-

реха на бриллиантовом жилете старого ящера.

Его слова сообщили разговору новое направление, и все принялись обсуждать, как убивали драконов в жизни и в сказках, разного рода колющие и режущие удары, удары снизу, сбоку и сверху, всякие приёмы, уловки и военные хитрости.

В продолжение разговоров Бильбо глядел на удлиняющиеся тени, и его тоска и дурные предчувствия всё усиливались.

Наконец он прервал гномов:

— Я убеждён, что оставаться здесь весьма небезопасно, да и какой смысл сидеть тут? Свежую траву дракон сжёт, уже ночь, холодно. Я могу поклясться, что дракон налетит на наше укрытие ещё раз. Смог знает теперь, как я проник в его логово, и, уж будьте уверены, догадается, куда ведёт туннель. Он разнесёт вдребезги наш склон, чтобы отрезать нам доступ внутрь. А если при этом раздавит нас, что ж, тем больше порадуется.

— Какие мрачные мысли, мистер Бэггинс! — сказал Торин. — Почему же Смог не заделал ближний к себе конец туннеля, если не хочет нас допускать? Мы бы услышали, если бы он его закрыл.

— Не знаю, не знаю. Наверное, сперва хотел меня заманить туда во второй раз, а теперь отложил на после ночной охоты или не хочет портить свою спальню. Не спорьте, прошу вас. Смог может вылететь в любую минуту. Единственное наше спасение — забраться поглубже в туннель и закрыть дверь.

Он говорил так горячо, что гномы послушались его, зашли внутрь, но медлили захлопнуть дверь. Им это казалось безрассудным: кто знает, удастся ли открыть её снова изнутри, а оказаться запертыми в помещении, откуда один выход — через логово дракона, им очень не хотелось. Тем более что и снаружи, и внутри всё было тихо. Они долго сидели недалеко от полуоткрытой двери и продолжали беседовать. Разговор зашёл о гадких намёках дракона относительно гномов. Лучше бы Бильбо никогда их не слышал! Как хотелось ему верить сейчас гномам, которые клялись, будто действительно не задумывались о том времени, когда отнимут у дракона сокровища.

— Мы знали раньше, что попытка наша будет рискованной, — объяснил Торин, — знаем и теперь. Но я уверен, что у нас будет достаточно времени обдумать, как поступить дальше, после того как мы завладеем богатствами. Что касается вашей доли, мистер Бэггинс, то, уверяю вас, мы бесконечно вам благодарны, и вы сами отберёте для себя, что захотите, как только будет что делить. Я понимаю ваше беспокойство по поводу доставки, допускаю, что проблема сложна, ибо с течением времени здешние края не стали безопаснее, скорее наоборот, но мы вам непременно поможем и возьмём на себя часть расходов по перевозке золота. Хотите верьте, хотите нет!

Здесь разговор обратился на сами сокровища и на отдельные вещи, которые запомнили Торин и Балин. Сохранились ли в целости копья, изготовленные для армий великого короля Бледортина, давно уже умершего? Копья с трижды закалёнными наконечниками и древками, искусно украшенными золотом, — их так и не успели передать королю и получить за них плату. Щиты, выкованные для давно погибших воинов. Большой золотой кубок Трора, с двумя ручками, чеканкой и резьбой, изображавшими птиц и цветы; глаза у птиц и лепестки у цветов были из драгоценных камней. Кольчуги, позолоченные и посеребрённые и непробиваемые. Ожерелье властелина Дейла, Гириона, из

пятисот ярко-зелёных изумрудов, которое он отдал гномам в уплату за сработанную ими кольчугу для старшего сына, — никогда никто не носил подобной кольчуги из мелких колец чистого серебра, крепостью втрое превышающей стальную. Но прекраснее всего был громадный алмаз, который гномы когда-то нашли под Горой, в самой глубине, и назвали Сердце Горы, Аркенстон Трейна.

— Аркенстон, Аркенстон! — повторял Торин, задумчиво опершись подбородком о колени. — Слово шар с тысячью граней. При свете очага он сверкал, как вода на солнце, как снег в сиянии звёзд, как роса в лунную ночь.

Бильбо слушал все эти разговоры вполуха. Колдовская притягательная сила сокровищ уже не действовала на него. Он сидел ближе всех к двери и ловил малейшие звуки снаружи и из глубины туннеля.

По мере того как тьма сгущалась, Бильбо нервничал всё больше.

— Закройте дверь! — умолял он. — Мне всё время чудится дракон, мне страшно. Тишина пугает меня больше, чем вчерашний грохот. Закройте дверь, пока не поздно!

Что-то в его голосе заставило гномов внять его просьбе. Торин, очнувшись от грёз, встал и откинул ногой камень, не дававший двери закрыться. Что-то щёлкнуло. Скважина на двери исчезла. Они были заперты в Горе навсегда!

И как нельзя более вовремя! Едва успели они отойти чуть подальше от входа, как страшный удар обрушился на склон Горы, точно в неё ударили стенобитные орудия из цельного дуба, раскачиваемые руками великанов. Скала загудела, стены в туннеле затрещали, камни посыпались им на головы. Что произошло бы, если бы дверь не закрыли, боюсь и вообразить. Они бросились в глубь туннеля, радуясь, что пока живы, слыша позади себя рёв и громыханье. В ярости Смог разносил скалы, дробил камни бешеными ударами своего огромного хвоста; терраска, опалённая трава, камень, где сидел дрозд, стены, покрытые улитками, узкий выступ превратились в кашу, на долину обрушилась лавина обломков.

Смог, оказываясь, украдкой выбрался из логова, тихо поднялся в воздух и затем медленно и тяжело, как чудовищная ворона, полетел вокруг Горы, думая поймать врасплох кого-то или что-то на западной стороне и найти дыру, через которую пролез вор. Когда он никого не нашёл и не увидел дыры там, где рассчитывал, то впал в дикую ярость и начал крушить ненавистный склон.

Разрядив таким образом свою злобу, Смог немного утихомирился и решил, что с этой стороны беспокоить его больше не станут. Теперь оставалось осуществить ещё одну месть.

— Ездок на бочках! — фыркнул он. — Прибыл по воде — значит, приплыл по реке. Запах его мне незнаком, но если он и не с озера, то всё равно не обошёлся без их помощи. Они ещё меня увидят и запомнят, кто настоящий король Под Горой!

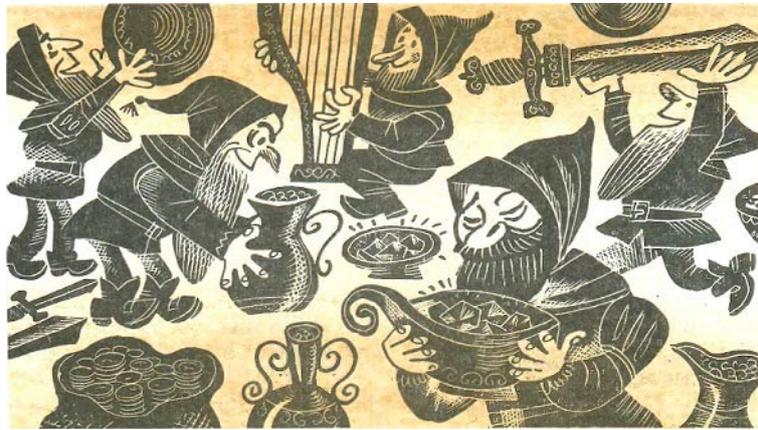
Дракон взмыл в пламени и дыму в небо и устремился на юг, к реке Быстро-течной.

13

Пока хозяина не было дома

Тем временем гномы сидели в беспросветной темноте. Со всех сторон их обступила мёртвая тишина. Ели они мало и мало разговаривали. Время шло, но они не знали — день сейчас или ночь и сколько прошло суток. Они боялись шевельнуться, так как в туннеле громко отдавалось эхо от их возни и голосов. Они засыпали и просыпались в той же нескончаемой темноте и тишине. Просидев там, как им казалось, много дней, они начали задыхаться от недостатка воздуха, в голове у них мутилось. Дольше выносить такую жизнь они не могли. Кажется, они обрадовались бы даже звукам, говорящим о возвращении дракона. В тишине им чудилось, будто Смог подстраивает какую-то новую каверзу. И потом, не могли же они сидеть так вечно.

Наконец Торин не выдержал:

— Попробуем открыть дверь. Я просто умру без свежего воздуха. Пусть лучше Смог меня уничтожит там наверху, чем задохнуться здесь.

Кто-то из гномов встал и ощупью добрался до того места, где прежде была дверь. Но выяснилось, что верхний конец туннеля завалило обломками скалы. Ключ и волшебство были отныне бессильны открыть её.

— Мы попались! — вырвался у них вопль. — Конец! Тут мы и умрём!

Почему-то как раз, когда отчаяние гномов достигло предела, Бильбо почувствовал, что у него стало легче на сердце, как будто какую-то тяжесть убрали у него из-под жилета.

— Ну, ну! — ободряюще сказал он. — «Пока жив — надейся!» — говорил мой

отец. Помните, третий раз за всё платит. Я, так и быть, спущусь вниз. Дважды я побывал там, зная, что меня ждёт дракон, рискну и в третий. Во всяком случае, единственный выход наружу ведёт вниз. И на этот раз вам придётся следовать за мной.

Они согласились — что им ещё оставалось? Торин первый шагнул к Бильбо.

— Теперь осторожней, — прошептал хоббит, — соблюдайте полную тишину! Может, там и нет Смога, а может, и есть. Не будем рисковать зря.

Они шли и шли. Гномы, естественно, не могли красться с беззвучностью хоббита, они всячески пыхтели, шаркали ногами, а эхо многократно усиливало пыхтенье и шарканье. Бильбо не раз замирал на месте и со страхом прислушивался, но снизу не доносилось ни звука. Когда до нижней дыры оставалось, насколько он мог судить, не очень далеко, он надел кольцо и обогнал гномов. В кольце не было большой необходимости — и без него все были невидимы, ибо чернота стояла сплошная. Настолько сплошная, что хоббит не заметил, как вышел из туннеля; он упёрся рукой о пустоту... и кубарем полетел в яму.

Он лежал лицом вниз, затаив дыхание, не смея шелохнуться. Ничего не произошло. Когда он медленно поднял голову, то далеко и высоко над собой увидел белёсое пятно, отнюдь не похожее на красный свет, исходивший от дракона. Однако в яме стоял густой тяжёлый драконий запах.

Наконец мистер Бильбо Бэггинс не мог дольше выносить неизвестность.

— Будь ты проклят, старый ящер! — пропищал он громко. — Хватит играть в прятки! Освети меня и потом сожри, если поймашь!

В невидимом зале отозвалось лишь слабое эхо.

Бильбо поднялся и тогда сообразил, что не знает, в какую сторону шагнуть. «Интересно, чем занят Смог? — подумал он. — Сегодня днём (или вечером?) его явно нет дома. Если Ойн и Глойн не потеряли трут и кремень, можно выбить огня и оглядеться. А там, может быть, что-нибудь и произойдёт».

— Огня! — закричал он. — Кто даст огня?!

Гномы, разумеется, переполошились, когда Бильбо со стуком провалился в яму, и сбились в кучу недалеко от выхода.

— Ш-ш-ш!.. — зашипели они, услышав его голос.

Хоббит таким образом обнаружил, в какой они стороне, но далеко не сразу ему удалось добиться от них толка. Только когда Бильбо затопал ногами и пронзительно закричал: «Огня! Огня!» — Торин сдался и послал Ойна и Глойна за трутом и кремнём на другой конец туннеля.

Через некоторое время замелькал огонь: показался Ойн с небольшим факелом в руке, Глойн нёс ещё несколько штук под мышкой. Бильбо проворно подбежал к дыре и схватил факел. Но не смог уговорить гномов зажечь остальные факелы и присоединиться к нему. Как обстоятельно пояснил Торин, мистер Бэггинс всё ещё оставался официальным Взломщиком и Разведчиком. Если он считал нужным с риском для своей жизни зажечь огонь — его дело. Они же подождут его доклада, не покидая туннеля. Гномы уселись около дыры и стали наблюдать за Бильбо.

Они увидели, как маленькая тёмная фигурка пересекла пещеру, держа над собой факел. Пока Бильбо был близко, они видели при свете факела поблёскивание золота и слышали позвякивание, когда хоббит спотыкался о какой-ни-

будь золотой предмет. Потом огонёк стал удаляться, заплясал где-то выше, выше — это Бильбо карабкался на груди сокровищ. Вскоре он очутился на самой верхушке и продолжал бродить взад и вперёд. Они увидели, что он на мгновение наклонился, но не поняли зачем.

А наклонился он из-за Аркенстона, Сердца Горы! Бильбо сразу узнал его из описания Торина, да и не могло быть на всём свете двух таких алмазов, даже в другой такой же несравненной сокровищнице. Это и был тот белый блеск, который притягивал Бильбо наверх. Постепенно пятно превратилось в светящийся белый шар. Сейчас шар мерцал разноцветными искрами, так как свет факела играл на его гранях. Наконец шар очутился прямо перед хоббитом, и у того перехватило дыхание. Величайшее из сокровищ светилось собственным светом, исходящим изнутри, и в то же время, гранённое и отшлифованное гномами, выкопавшими его в незапамятные времена, вбирало в себя свет извне и преломляло его десятками тысяч белых сверкающих граней, и это белое свечение переливалось всеми цветами радуги. Рука Бильбо, повинувшись таинственной силе, потянулась к Аркенстону и взяла его. Его коротеньким пальчиком было не сомкнуться вокруг большого и тяжёлого камня, но Бильбо ухитрился поднять его и, закрыв глаза, сунул в карман.

«Вот теперь я настоящий вор, — подумал он. — Разумеется, я скажу про него гномам... в своё время. Они ведь говорили, что я могу выбирать свою долю сам. Я бы выбрал Аркенстон, а они пускай забирают всё остальное». Но всё же на душе у него было как-то беспокойно, он словно чувствовал, что речь тогда шла не об Аркенстоне и что из-за него у Бильбо ещё выйдут большие неприятности.

Он двинулся дальше, спустился с другой стороны кучи, свет его факела скрылся. Но вскоре гномы опять увидели его вдалеке: Бильбо пересекал пещеру. Наконец он дошёл до больших дверей, на него повеяло свежим воздухом, но струя воздуха чуть не загасила факел. Он робко выглянул за дверь и различил очертания просторных коридоров и начало широкой лестницы, уходящей вверх, во тьму. Но по-прежнему никаких признаков дракона не заметил. Только Бильбо хотел повернуть назад, как что-то чёрное пронеслось мимо его лица и даже слегка задело. Бильбо вскрикнул, споткнулся и шлёпнулся на землю. Факел упал и потух.

«Кажется, просто летучая мышь, — растерянно пробормотал Бильбо. — Что же теперь делать? Где тут восток, где юг, север или запад?»

— Торин, Балин! Ойн, Глойн! Фили, Кили! — заорал он во всё горло, но в чёрном необъятном пространстве голосок его прозвучал тоненько и еле слышно. — Свет погас! Кто-нибудь! Сюда, помогите!

Куда вдруг девалась его храбрость?

До гномов донеслись слабые возгласы хоббита, но разобрали они только «помогите!»

— Что такое стряслось? — недоумённо произнёс Торин. — Дело, очевидно, не в драконе, а то бы хоббит перестал уже кричать.

Они подождали немножко и прислушались, но никаких звуков, кроме далёких воплей Бильбо, не слышали.

— Кто-нибудь, зажгите ещё факел! — приказал Торин. — Делать нечего, придётся идти на помощь нашему Взломщику.

— Пора наконец и нам помочь ему, — отозвался Балин. — Я пойду с удо-

вольствием. Тем более что сейчас, по-моему, опасность нам не грозит.

Глойн зажёл несколько факелов, гномы один за другим вылезли из туннеля и, держась за стену, поспешили на крики. Очень скоро они наткнулись на Бильбо, который тоже пробирался им навстречу. Едва завидев мерцание факелов, он сразу взял себя в руки.

— Испугался летучей мыши, и погас факел, только и всего! — объяснил он.

Они вздохнули с облегчением, но тут же начали ворчать, недовольные тем, что испугались зря. Что бы они сказали, если бы он показал им в эту минуту Аркенстон, прямо и не знаю. Но достаточно им было, проходя мимо, мельком заметить блеск сокровищ, как сердца у них запылала главной страстью. А когда в сердце гнома, пусть даже самого почтенного, зажигается страсть к золоту и драгоценным камням, он становится отважным, а иногда даже свирепым.

Поэтому дальше уговаривать гномов не пришлось. Они так и рвались осмотреть пещеру. Каждый схватил по горящему факелу, и они начали обходить зал вокруг, забыв про страх и осторожность. Они стали громко разговаривать, перекликаться, показывать друг другу разные вещи, которые выуживали из кучи или снимали со стены. Они подносили драгоценности к глазам, рассматривали на свет, ощупывали и ласкали, подбирали драгоценные камни и распихивали их по карманам, а что унести не могли, то со вздохом роняли обратно, пропуская сквозь пальцы. Торин в этом отношении мало чем отличался от остальных. Притом он метался из стороны в сторону и что-то искал, искал и не мог найти. Искал он Аркенстон, но пока никому ничего не говорил о нём.

Гномы снимали со стен кольчуги и оружие и надели на себя. Как царственно выглядел сейчас Торин, облачённый в золотую чешуйчатую кольчугу, в поясе, затканном алыми рубинами, держащий в руке топор с серебряной рукоятью!

— Мистер Бэггинс! — окликнул он. — Получайте первую награду в счёт вашей доли! Сбросьте старый плащ и наденьте вот это!

И он накинул на Бильбо небольшую кольчужку, сплетённую в давние времена для какого-нибудь принца эльфов. К этой кольчуге из серебряной стали, называемой у эльфов митрил, полагался пояс из жемчугов и хрусталя. На голову хоббиту надели лёгкий шлем из тиснёной кожи, укреплённый изнутри стальными обручами и усаженный по краю мелкими алмазами.

«Я чувствую себя великолепно, — подумал Бильбо. — Но вид у меня, должно быть, очень нелепый. То-то потешались бы надо мной дома, Под Холмом. А всё-таки жалко, что тут нет зеркала!»

Мистер Бэггинс в отличие от гномов не потерял головы при виде богатств и устоял перед их чарами. Гномы всё ещё рылись в сокровищнице, но Бильбо прискучило это занятие.

— Торин! — воскликнул он. — Что дальше? Мы вооружились, но разве оружие и доспехи помогали когда-либо против Смога Ужасного? Сокровища ещё не отвоёваны. Нам пока важно не золото, а выход отсюда. Мы и так слишком долго испытываем судьбу!

— Вы правы! — отозвался Торин, опомнившись. — Идёмте. Теперь я поведу вас. И за тысячу лет я не забыл бы ходов во дворце.

Он созвал гномов, и, подняв факелы над головой, они вышли все вместе через высокие двери, с тоской оглядываясь назад.

Сверкающие кольчуги они опять прикрыли старыми плащами, а блестящие шлемы — истрёпанными капюшонами. Они шли за Торином, словно цепочка огоньков в темноте, то и дело настораживаясь — не слышно ли дракона. Хотя всё кругом пострадало от времени или было покорёжено, испорчено и перепачкано влетающим и вылетающим чудовищем, Торин узнавал каждый коридор, каждый поворот. Они карабкались по длинным лестницам, поворачивали, спускались по гулким переходам, снова делали поворот и снова взбирались по ступеням вверх. Ступени были гладкие, выбиты прямо в скале, широкие, удобные. Всё выше и выше поднимались гномы, но нигде не встречали ни единого признака живой души, лишь тени воровски разбегались в стороны с приближением факелов, трепетавших на сквозняке. Ступени при всём их удобстве не были приспособлены для хоббитовских коротеньких ног. Бильбо уже выдохся и чувствовал, что ещё немного — и он не сможет сделать ни шагу. И тут вдруг потолок взметнулся вверх, на недостижимую для факелов высоту. Откуда-то сверху проглянул тусклый луч, воздух сделался чище. Впереди, в широких, наполовину обгоревших дверях, которые криво висели на петлях, забрезжил слабый свет.

— Это главный зал Трора, — промолвил Торин, — здесь устраивались пиршества и собирался королевский совет. Отсюда уже недалеко до Главных ворот.

Они прошли через бывший зал: там гнили столы, истлевали обугленные перевёрнутые стулья и скамейки; на полу вперемежку с бутылками, чашами, сломанными кубками из рогов валялись в пыли черепа и кости. Они прошли ещё одни двери и ещё одни, и вдруг ушей их коснулось журчание воды, и свет из тусклого сделался более ярким.

— Здесь берёт начало река Быстротечная, — сказал Торин. — Она приведёт нас к Главным воротам.

Из тёмной дыры в скале выбегал бурливый поток и струился по узкому стоку, выдолбленному в камне искусными руками старинных мастеров. Рядом шла мощёная дорога, такая широкая, что по ней могло пройти много людей в ряд. Друзья бросились по ней, обогнули выступ, и — о чудо! — в глаза им хлынул дневной свет. Перед ними выросла высокая арка, почерневшая, ободранная, но со следами старинной резьбы. Туманное солнце посылало между отрогами Горы бледные лучи, которые золотили порог. Стайка летучих мышей, потревоженных дымом факелов, вихрем пронеслась у них над головой. Путники испуганно рванулись вперёд и поскользнулись на камнях, сглаженных и покрытых слизью оттого, что по ним постоянно проползал дракон. Река дальше бежала в сторону долины свободно, шумно пенясь. Они побросали ненужные теперь факелы на землю и застыли, глазам своим не веря: они вышли за Главные ворота и перед ними расстилалась долина, где прежде стоял Дейл.

— Да! — произнёс Бильбо. — Вот уж не ожидал, что доведётся глядеть из этих ворот. Никогда с большим удовольствием не любовался я солнцем и не ощущал на своём лице ветра. Бр-р-р! Однако и холодный же ветрище!

И в самом деле, дул резкий восточный ветер, безжалостно предвещая зиму. Обвивая отроги Горы, он влетал в долину и завывал между скал. Путники так долго парились в глубине жарких драконовых пещер, что теперь на открытом воздухе их билась дрожь.

Внезапно Бильбо ощутил помимо усталости ещё и зверский голод.

— Сейчас, судя по всему, позднее утро, — сказал он. — А значит, и время завтрака, если найдётся, что поесть. Но я не уверен, что главный вход в пещеру Смога — самое безопасное место для этой цели. Нельзя ли найти местечко поспокойней?

— Правильно! — подхватил Балин. — Я, пожалуй, знаю такое местечко: старый сторожевой пост на юго-западном конце Горы.

— А далеко ли оно? — осведомился хоббит.

— Часов пять ходьбы. Идти будет трудно, предупреждаю. Дорога от ворот по левому берегу реки вся разбита. Зато посмотрите сюда! Река перед руинами Дейла сворачивает к востоку. Там когда-то был мост, он вёл к лестнице, круто поднимавшейся на высокий правый берег. Оттуда мы попадём на дорогу к Вороньей Высоте. Там же есть, или была, тропа, ответвлявшаяся от дороги в сторону поста. Даже если сохранились ступеньки, взобраться туда — дело нелёгкое.

— Силы небесные! — простонал хоббит. — Опять идти, опять куда-то лезть, и даже позавтракать не дадут! Интересно, сколько завтраков, обедов и ужинов мы пропустили, пока сидели в этой мерзкой норе без часов и вне времени?

Вообще говоря, с той минуты, как дракон разгромил волшебную дверь, прошло две ночи и один день, и худо-бедно, а кое-какая еда была, но Бильбо совершенно потерял счёт времени, и для него что одна ночь, что целая неделя было всё едино.

— Да что вы! — засмеялся Торин (он опять повеселел и позвякивал драгоценными камешками в карманах). — Это мой-то дворец вы называете мерзкой норой! Погодите, вот уж его приберут, почистят и отделают заново!

— Что произойдёт только после смерти Смога, — хмуро проворчал Бильбо. — Кстати, где он? Я бы отдал вкусный завтрак за то, чтобы знать это. Надеюсь, он не на вершине горы — сидит и любуется на нас сверху?

Идея эта вызвала большой переполох, и гномы быстро согласились с Бильбо и Балином.

— Надо уходить отсюда, — сказал Дори. — Я всё время спиной ощущаю его взгляд.

— Как здесь холодно и неприятно, — вставил Бомбур. — От жажды тут не умрёшь — вода рядом, а вот пищи я что-то не вижу. Дракону тут, наверное, всегда голодно.

— Пошли! Пошли! — закричали остальные. — Скорее на тропу Балина!

Справа от скалы дороги не оказалось совсем. Они стали пробираться между валунами по левому берегу реки. Запустение, безлюдье снова отрезвили даже Торина. Мост, о котором вспоминал Балин, давно обвалился, камни его, точно простые валуны, загромождали мелкий шумный поток. Они без труда одолели брод и по старинным ступеням вскарабкались на высокий берег. Короткое время спустя они напали на старую дорогу и скоро пришли в глубокую лоцину, укрытую среди скал. Там они немного передохнули, позавтракали сухарником и запили его водой. (Если хотите знать, что такое сухарник, то могу лишь сказать, что в основе его были сухари, не портился он фактически бесконечно, считался питательным, но отнюдь не замечательным, ибо представлял интерес только с точки зрения упражнения челюстей. Жители Озёрного города приготавливали его специально для длинных путешествий.)

Затем они двинулись дальше. Дорога ушла от реки в сторону, и теперь

неуклонно стал приближаться южный отрог Горы. Наконец они ступили на горную тропу, которая круто пошла вверх. Медленно и долго тащились путники друг за другом и вот во второй половине дня дотащились до вершины гребня и увидели, как на западе садится холодное осеннее солнце.

Они нашли площадку, обрывавшуюся с трёх сторон вниз, а с четвёртой ограниченную скалой, в которой имелась дыра наподобие двери. С площадки открывался широкий обзор на Восток, Юг и Запад.

— Здесь, — сказал Балин, — в былые времена всегда стояли часовые. Дверь эта ведёт в вырубленную в скале комнату, заменявшую караульное помещение. Вокруг Горы было несколько таких постов, но во времена нашего благоденствия в них не было особой надобности, и наши часовые, вероятно, распустились и утратили бдительность, в противном случае мы задолго до катастрофы услышали бы о появлении в нашем краю дракона и всё могло обернуться по-другому. Мы можем укрыться здесь и видеть многое, оставаясь невидимыми.

— Какой смысл, коли нас уже заметили, когда мы поднимались, — возразил Дори, который непрерывно бросал взгляды вверх, словно ожидал увидеть там Смога, взгромоздившегося на вершину, как ворона на колокольню.

— Ничего другого не остаётся, — ответил Торин. — Больше мы сегодня пройти не сможем.

— Мудрые слова! — воскликнул Бильбо, бросаясь на землю.

В караульном помещении поместилось бы сколько угодно народу; в задней стене был выход в ещё одну комнатку, лучше защищённую от наружного холода. Видно, сюда не заглядывали за время владычества Смога даже дикие звери. Путники сложили там свою поклажу, одни сразу же легли и заснули, другие уселись около наружной двери и принялись обсуждать дальнейшие действия. О чём бы они ни заговаривали, каждый раз возвращались к одному и тому же вопросу: где Сmog? Они обратили взор на Запад и не увидели там никого, на Востоке — тоже, на Юге не было никаких признаков дракона, но там роились стаи птиц. Путешественники глядели в ту сторону и гадали: что бы это значило? Уже появились первые мерцающие холодным блеском звёзды, а они так ни до чего и не додумались.

14

Огонь и вода

А теперь, если вы, как и гномы, хотите узнать новости о Смоге, вернёмся на два дня назад, когда он разнёс склон с потайной дверью и в бешенстве улетел.

Был вечер. Жители Озёрного города Эсгарота сидели по домам, испугавшись сильнейшего ветра и промозглого воздуха, но несколько человек всё же прогуливались по набережным и любовались звёздами, отражавшимися на глади озера. Одинокую Гору всегда заслоняли от глаз невысокие холмы на дальнем конце озера, между которыми с севера сбегала Быстротечная. Лишь остроконечную вершину видели жители, и то в ясную погоду, но они редко глядели в ту сторону, потому что даже в утреннем свете Гора казалась зловещей и мрачной. Сейчас её скрывала ночная тьма.

Внезапно вершина озарилась каким-то светом. Но только на миг.

— Смотрите, — сказал один из прогуливавшихся. — Опять свет! И прошлой ночью караульные тоже видели там огни с полночи до рассвета; огни то появлялись, то гасли. Что-то там творится неладное.

— Может, король Под Горой куёт золото, — заметил другой. — Он уже давно отправился на Север. Пора уже начать песням сбываться.

— Какой ещё король? — пробурчал угрюмый голос. — Помяните моё слово, пламя изрыгает ворюга дракон, единственный король Под Горой, которого мы знаем.

— Вечно ты предсказываешь плохое, — возмутились соседи. — То наводнение, то мор на рыбу! Хоть бы раз придумал что-нибудь повеселее!

Вдруг между холмами мелькнул яркий свет и позолотил северный конец озера.

— Король Под Горой! — закричали все. — «Золотые реки в долину побегут!» С гор течёт золотая река!

Всюду распахнулись окна, послышался топот бегущих ног. Опять поднялось всеобщее ликование, но обладатель угрюмого голоса бросился бегом к бургомистру.

— Дракон! Летит дракон! Провалиться мне на этом месте! — закричал он. — Рубите мосты! К оружию! К оружию!

Раздались звуки трубы, прозвучал военный сигнал, эхо разнеслось в скалистых берегах. Ликование прекратилось, радость сменилась страхом. Вот как получилось, что дракон не застал город врасплох.

Вскоре озёрные жители увидели красную искру, которая неслась в их сторону, разгораясь и увеличиваясь с каждой секундой, — так велика была скорость полёта дракона. Тут уж и самым глупым пришлось признать, что пророчества сбылись как-то не так. Времени у них оставалось немного. Все сосуды в городе наполнили водой, все воины вооружились, каждую стрелу и каждый дротик привели в готовность, мост разобрали и уничтожили. Едва успели закончить приготовления, как послышался нарастающий рёв, озеро, взбудораженное могучими взмахами крыльев дракона, заходило красными волнами.

Под крики и возгласы людей Смог ринулся вниз, прямо на мост — и, озадаченный, приостановился. Мост исчез, люди сгрудились на острове, со всех сторон окружённые водой — чересчур глубокой, тёмной и холодной. Если бы Смог нырнул в озеро, поднялся бы такой дым и пар, что туман покрыл бы сушу на несколько дней. Но озеро было сильнее Смога, оно быстро затушило бы его. С рёвом устремился Смог к городу. Туча чёрных стрел взлетела кверху, стрелы застучали и защёлкали по его броне, подожжённые его дыханием дровки с шипением падали в озеро. Никакой фейерверк не мог сравниться с этим ночным зрелищем. Услышав свист стрел, пронзительный звук труб, дракон совершенно обезумел от ярости. Уже давным-давно никто не осмеливался дать ему отпор. Никто и сейчас не посмел бы, если бы не человек с угрюмым голосом — Бэрд было его имя; он бегал взад и вперёд, подбадривая стрелков, уговаривая бургомистра сражаться до последней стрелы.

Пламя вырывалось из пасти дракона. Он кружил над городом, освещая озеро; деревья на берегах пламенели, как медь, как кровь, а у подножий их металась чёрные тени. Потом дракон упал вниз навстречу урагану стрел, не помня себя от злобы, желая одного: поджечь город. Соломенные крыши, деревянные балки запылали сразу, хотя перед прилётом дракона их пропитали водой. Сотни рук всякий раз окатывали водой то место, куда падала искра. Опять закружил над городом дракон. Взмах хвоста — и крыша ратуши рассыпалась, в ночное небо запрыгали языки непокорного пламени. Ещё и ещё кидался вниз Смог — и дом за домом загорался и рушился. Ни одна стрела не могла остановить дракона, ни одна не причинила ему вреда больше, чем какая-нибудь болотная муха.

Со всех сторон люди прыгали в воду. Женщин и детей собрали на лодках посредине рыночной площади. В озеро побросали оружие. Плач и стон стояли в городе. Ещё недавно там раздавались весёлые песни про гномов, теперь гномов проклинали. Бургомистр уже направился украдкой к своей большой позолоченной лодке, намереваясь в суматохе скрыться. Вскоре опустевший город неизбежно должен был сгореть — и на поверхности озера не осталось бы никаких следов.

Об этом и мечтал дракон. Пусть они рассаживаются по лодкам, думал он, наплевать. Славно будет поохотиться за ними, когда они поплывут, а то и так перемрут с голоду. А попробуют сунуться на сушу — он будет тут как тут. Теперь он подожжёт прибрежные леса, спалит посевы и пастбища. Давно он так

не развлекался, как сейчас, устраивая травлю целого города.

Но среди горящих руин засела группа лучников. Капитаном их был Бэрд, тот самый воин с угрюмым голосом и угрюмым лицом, которого приятели обвиняли в том, что он вечно предсказывает наводнения и мор на рыбу. Но при этом они прекрасно знали, что он человек отважный и достойный. Он был дальним потомком Гириона, властителя Дейла, чьи жена и сын спаслись когда-то из руин Дейла по реке Быстротечной. Сейчас он стрелял из большого тисового лука до тех пор, пока не расстрелял все стрелы, кроме одной. К нему уже подбиралось пламя пожара. Товарищи оставили его одного. Он натянул лук в последний раз.

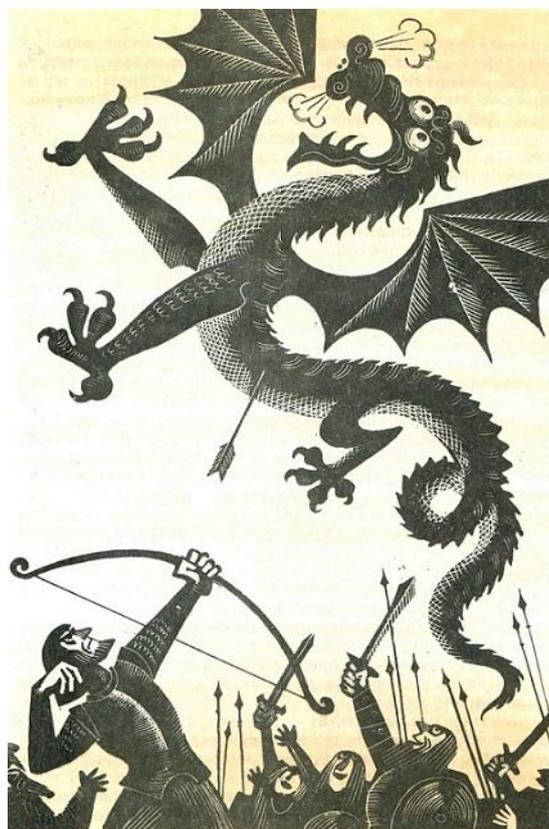
Внезапно из темноты выпорхнула и бесстрашно села ему на плечо птица. Бэрд вздрогнул от неожиданности, но то был всего лишь старый дрозд. Он нагнулся к уху Бэрда и застрекотал. Бэрд подивился тому, что понимает птичий язык, но ведь он был родом из старинного города Дейла.

— Погоди! — сказал ему дрозд. — Встаёт луна. Отыщи тёмное пятно на груди Смога, когда он будет пролетать над тобой!

Бэрд молчал в изумлении, а дрозд тем временем рассказал ему о том, что увидел и услышал на Горе.

Тогда Бэрд изо всех сил натянул лук. Дракон опять летал над городом, на этот раз очень низко; на востоке в это время поднялась луна и посеребрила широко раскинутые крылья дракона.

— Стрела моя! — сказал воин. — Чёрная стрела! Я берёг тебя до последней минуты. Ты никогда ещё меня не подводила, всегда я находил тебя и забирал обратно. Я получил тебя от отца, а он — от своих предков. Если ты в самом деле вышла из кузницы истинного короля Под Горой, то лети теперь вперёд и бей метко!

Дракон ринулся вниз, и в тот миг, когда он снижался, лунный свет заиграл на его брюхе, засверкал разноцветными лучами на драгоценных камнях. Но

одно место оставалось тёмным. Запела тетива, чёрная стрела просвистела в воздухе и угодила прямо в тёмное пятно на груди дракона. Она вошла глубоко, вся целиком — зубчатый наконечник, древко и перья. С пронзительным рёвом, который оглушил людей, повалил деревья и расщепил камни, Смог подпрыгнул в воздухе, перевернулся и рухнул вниз.

Он рухнул прямо на город. Корчась в предсмертных судорогах, он разметал горящий город, искры и угли полетели во все стороны. Озеро закипело, густой пар внезапно забелел в темноте. Раздалось шипение, вихрем закрутилась воронка на поверхности озера — и всё стихло. Так пришёл конец Смогу и Эсгароту.

Но Бэрд уцелел.

Всё выше поднималась луна на небосводе, холодный ветер завывал всё громче. Он скрутил белый туман жгутами, погнал на запад и там разодрал в клочья и развеял над болотами вблизи Чёрного Леса. Тогда на поверхности озера стали видны многочисленные чёрные точки — лодки. Ветер донёс с озера голоса жителей Эсгарота, оплакивавших свой город, добро, разрушенные дома. Если бы в то время они способны были думать о чём-либо, кроме своих несчастий, то поняли бы, что должны благодарить судьбу: три четверти населения города всё-таки остались живы, леса, поля, пастбища, скот и большая часть лодок уцелели, а дракон был мёртв. Но до их сознания ещё не дошёл смысл последнего события.

Опечаленные, замёрзшие, собрались они вместе на берегу озера, и гнев их обратился на бургомистра, который сбежал из Эсгарота тогда, когда другие были ещё готовы стойко защищать город.

— У него, может, и подходящая голова для торговых дел, особенно если речь идёт о его собственных, — ворчали они, — но в опасную минуту на него полагаться нельзя.

И они принялись восхвалять отвагу Бэрда, его последний замечательный выстрел.

— Был бы он жив, мы бы сделали его королём. Увы! Он погиб, Бэрд, потомок Гириона, застреливший дракона!

При этих словах из темноты возникла высокая фигура. С человека стекала вода, тёмные волосы свисали ему на лицо и на плечи, глаза горели неистовым огнём.

— Бэрд не погиб! — вскричал он. — Он нырнул глубоко в озеро, когда на Эсгарот упал бездыханный враг. Я Бэрд, потомок Гириона, победитель дракона!

— Король Бэрд! Король Бэрд! — раздались возгласы, а бургомистр заскрежетал зубами.

— Гирион был властителем Дейла, а не королём Эсгарота, — сказал он. — В Озёрном городе бургомистров всегда выбирали из числа старейших и мудрых, а не из простых воинов. Пусть Бэрд отправляется в своё королевство, Дейл теперь свободен благодаря его же доблести, ничто не мешает его возвращению. Кто хочет, может уходить с ним, если считает холодные камни под сенью Горы лучше зелёных берегов озера. Благоразумные останутся здесь и будут охранять свой город, а потом наслаждаться покоем и изобилием.

— Хотим короля Бэрда! — продолжал кричать народ. — Хватит с нас торговцев!

— Да здравствует стрелок, долой денежные мешки! — подхватили все, и эхо

отозвалось на берегу.

— Кто я такой, чтобы недооценивать стрелка Бэрда, — вкрадчиво продолжал бургомистр (Бэрд стоял теперь рядом с ним). — Сегодня он заслужил выдающееся место в списке благодетелей нашего города. Он достоин того, чтобы о нём слагали бессмертные песни. Но почему же, мой народ, — бургомистр выпрямился во весь рост и возвысил голос, — почему вы обвиняете во всём меня? За какую вину хотите вы меня прогнать? Кто пробудил дракона от спячки, я вас спрашиваю? Кто получил от нас дорогие дары и щедрую помощь и заставил нас поверить, будто старые предания начинают сбываться? Кто сыграл на нашей доверчивости и воспламенил наше воображение? И какое же золото прислали они по реке нам в награду? Огонь и гибель! С кого нам требовать возмещения наших убытков, помощи нашим вдовам и детям?

Как вы видите, бургомистр недаром занимал свой пост. В результате его слов народ забыл и думать про нового короля и обратил своё негодование на Торина с Компанией. Со всех сторон слышались гневные выкрики и угрозы, и многие из тех, кто прежде громче всех пел старинные песни, теперь громче всех кричали, что гномы нарочно наслали на них дракона.

— Неразумные люди! — проговорил Бэрд. — К чему тратить слова и гнев на тех несчастных? Они, без сомнения, погибли в огне первыми, ещё раньше, чем Смог напал на нас.

И в эту минуту ему вспомнилось то баснословное богатство, которое теперь никому не принадлежало и никем не охранялось, и он умолк. Бэрд задумался над словами бургомистра о восстановлении Дейла, представил, как снова зазвонят золотые колокола. Только бы найти приверженцев и работников!

И тогда он снова заговорил:

— Сейчас не время ссориться, бургомистр, не время заниматься сменой власти. Надо делать дело. Пока ещё я служу вам, хотя настанет час — и я, быть может, и вправду подамся на Север с теми, кто захочет последовать за мной.

И он пошёл присмотреть за устройством лагеря и оказать помощь больным и раненым. Бургомистр же остался сидеть на земле и, нахмурившись, смотрел ему вслед. Он был себе на уме и поэтому больше не стал ничего говорить, только громко приказал принести огня и еды.

Куда ни подходил Бэрд, всюду он слышал пробегавший, точно огонь в лесу, разговор о безмерных сокровищах, которые никто теперь не охраняет. Говорили о том, что можно будет возместить все свои потери и, сверх того, разбогатеть и свободно покупать предметы роскоши на Юге. Мечты эти помогли им перенести бедственное положение, помогли коротать холодную горестную ночь. Кров удалось соорудить не для всех (у бургомистра он, конечно, был), еды не хватало (даже у бургомистра кончились запасы). Многие в эту ночь простудились или заболели с горя и вскоре умерли. И в последующие месяцы многие болели и страдали от голода.

Тем временем Бэрд взялся руководить людьми, отдавал приказы по собственному усмотрению, но всегда от имени бургомистра. Нелегко было управлять людьми, строить им жильё, принимать меры для их защиты. Большинство, возможно, не перенесло бы зимы, если бы не подоспела подмога. Бэрд первым делом послал гонцов вверх по реке — просить помощи у короля лесных эльфов. Гонцы встретили войско эльфов на полдороге, хотя прошло всего три дня, как убили дракона.

Король лесных эльфов услышал о том, что случилось, от собственных гонцов и от птиц, дружески относившихся к эльфам. Великое волнение поднялось среди всего крылатого племени, обитавшего по соседству с Драконовым Запустением. Несметные стаи кружили в воздухе, быстрокрылые гонцы сновали по всему небу. Над лесом, где жили эльфы, стояли свист, щебет и стрекотанье. Новость распространилась и над Чёрным лесом: «Смог умер!» Листва шелестела, всюду настораживались уши. Весть докатилась до сосновых лесов Туманных Гор. Её услышал Беорн в своём бревенчатом доме, и гоблины засовещались в пещерах.

— Боюсь, что больше мы не услышим о Торине Оукеншильде, — сказал король лесных эльфов. — Уж лучше бы он оставался моим пленником. Но, как говорится, и самый дурной ветер приносит добрую весть.

Ведь он тоже никогда не забывал легенды о богатствах Трора. Вот почему гонцы Бэрда встретили короля, когда тот со множеством копьеносцев и лучников двигался в их сторону. Над ними тучей летели вороны, думавшие, что надвигается война, какой в здешних краях не бывало вот уже много-много лет.

Услышав о просьбе Бэрда помочь ему, король сжалился над озёрными жителями, ибо эльфы — народ хороший и доброжелательный, и изменил свой маршрут, хотя сперва направлялся прямо к Горе. Он поспешил вниз по реке к Долгому Озеру. Поскольку эльфы не располагали достаточным числом лодок и плотов, войску пришлось избрать медленный путь пешком, но большой запас провианта король послал водой. Эльфы — народ быстроногий, и хотя они отвыкли от ненадёжных болотистых земель, лежавших между лесом и озером, переход совершили быстро. Уже через пять дней после смерти дракона они подошли к берегам озера и увидели руины города. Как и следовало ожидать, их встретили с восторгом, жители и бургомистр согласились заключить любую сделку с королём эльфов в обмен на помощь.

Скоро план действий был готов. Вместе с женщинами и детьми, стариками и больными на озере остался бургомистр, а также некоторые мастеровые люди и искусные эльфы. Они остались валить деревья и вылавливать брёвна, спущенные из леса по реке. Потом они принялись строить вдоль берега хижинны, чтобы расселить людей на зиму. По распоряжению бургомистра и под его надзором начали составлять план нового города, который должен был стать ещё красивее и больше прежнего, но не на старом участке озера, а дальше к северу.

Жители озера отныне испытывали страх перед местом, где лежал мёртвый дракон. Не вернуться ему было больше на своё золотое ложе, он застыл на дне, как страшное каменное изваяние. И сотни лет спустя громадные кости белели на мелководье в тихую погоду среди руин старого города. Редко кто осмеливался проплывать в лодке над этим проклятым местом, и уж никто не решался нырнуть там, чтобы подобрать драгоценные камни, выпавшие из его знаменитого панциря.

Остальные же мужчины, кто был ещё не стар и крепок, и почти всё войско эльфов отправились походом к горе.

Итак, на одиннадцатый день после гибели города головная часть войска прошла через каменные ворота в конце озера и ступила на безлюдную землю.

15

Тучи собираются

Вернёмся теперь к Бильбо и гномам. Они дежурили по очереди всю ночь до утра, однако не заметили и не услышали ничего подозрительного. Но днём пуще прежнего стали собираться птицы. Они летели стаями с юга, а воронье, издавна жившее в окрестностях Горы, кружило над ней и не переставая кричало.

— Происходит что-то странное, — сказал Торин. — Время осенних перелётов уже прошло, да и птицы все местные — скворцы, зяблики. А там вдали я вижу стервятников, питающихся мертвечиной, они словно ждут битвы.

Бильбо вдруг протянул руку.

— Смотрите, старый дрозд вернулся! Значит, он спасся, когда Смог расплющил наш склон. Но улитки вряд ли уцелели.

И в самом деле, дрозд подлетел к ним, уселся на камень, забил крыльшками и застрекотал. Потом склонил голову набок и прислушался, потом снова застрекотал и снова склонил голову набок.

— По-моему, он что-то пытается нам сказать, — предположил Балин, — но я не могу разобрать — что. Дрозды тараторят чересчур быстро и непонятно. А ты разбираешь, что он говорит, Бэггинс?

— Н-не всё, — ответил Бильбо, который не понял ровно ничего. — По-мое-

му, старичок очень взволнован.

— Что бы ему быть вороном! — заметил Балин.

— А мне казалось, ты ворон недолюбливаешь. В прошлый раз ты от них прямо шарахался.

— Так то вороны! И к тому же противные грубиянки подозрительного вида. Ты слышал, как они нас обзывали! Нет, вороны совсем другое. Народ Трора когда-то очень дружил с ними, они приносили нам тайные сведения, а в награду получали от нас всякие блестящие вещицы, которые с удовольствием прятали у себя в гнёздах. Они живут долго, память у них прекрасная, и всё, что знают и помнят, они передают своим детям. В молодости я знавал многих воронов. Ведь и эту высоту когда-то называли Вороньей потому, что здесь над караульным помещением жила знаменитая мудрая пара воронов — старый Карк и его жена. Не думаю, однако, чтобы кто-нибудь из этой древней породы остался в живых.

Едва он замолчал, старый дрозд издал громкий крик и немедленно улетел.

— Мы его не понимаем, — сказал Балин, — но он-то, уверен, понимает нас. Следи внимательно, сейчас что-то будет.

Немного погодя послышалось хлопанье крыльев, вернулся дрозд, и не один, а вместе с дряхлым-предряхлым вороном. Почти слепой, с лысой головой, огромный ворон еле передвигался. Опустившись на площадку, он медленно, с трудом скакнул к Торину.

— О Торин, сын Трейна, и Балин, сын Фандина, — прокаркал он (и на этот раз Бильбо всё понял, так как ворон говорил человеческим, а не птичьим языком). — Я — Роак, сын Карка. Карк умер, ты знал его когда-то. Сто пятьдесят три года протекло с тех пор, как я вылупился из яйца, но я помню всё, что рассказывал отец. Ныне я предводитель больших воронов, живущих в окрестностях Горы. Нас мало, но зато мы помним прежнего короля Под Горой. Большинство моих подданных сейчас отсутствует, ибо с юга дошли великие новости — одни доставят тебе радость, другие огорчат. Смотри! Птицы собираются к Горе и к Дейлу со всех сторон, ибо распространилась весть, что Смог умер!

— Умер? Умер? — наперебой закричали гномы. — Так, значит, мы зря боялись, сокровища теперь наши! — Они вскочили и запрыгали от восторга.

— Да, он мёртв, — ответил Роак. — Дрозд, да не выпадут никогда его перья, видел, как погиб Смог, а ему можно верить. Смог пал в битве с жителями Эсгарота три ночи назад с восходом луны.

Не сразу удалось Торину успокоить гномов и убедить их выслушать ворона до конца. Описав битву, престарелый ворон продолжал:

— Такова радостная весть, Торин Оукеншильд. Возвращайся в свои чертоги без страха, сокровища до поры до времени твои. До поры до времени, потому что сюда стягиваются не только птицы. Слух о смерти стража сокровищ прокатился повсюду, а легенда о богатствах Трора не устарела от того, что её рассказывали без конца. Многие мечтают о том, что им тоже достанется часть добычи. Сюда уже движется войско эльфов, и с ними — стервятники, рассчитывающие на бой и кровопролитие. Озёрные жители ропщут и причину своих бедствий видят в гномах. Они остались без крова, многие умерли. Смог разрушил их город, поэтому они тоже думают возместить свои убытки за счёт ваших сокровищ, независимо от того — живы вы или погибли. Пусть ваша мудрость подскажет, какой выбрать путь. Послушайте моего совета: не доверяйте

бургомистру Озёрного города, больше заслуживает доверия тот, кто застрелил дракона. Зовут его Бэрд, он из Дейла, потомок Гириона. Человек он угрюмый, но верный. Нам бы очень хотелось стать очевидцами мира между гномами, людьми и эльфами. Но мир будет стоять вам немало золота. Я кончил.

И тут Торин дал волю своему гневу:

— Спасибо тебе, Роак, сын Карка. Тебя и твоё племя мы, разумеется, не забудем. Но пока мы живы, никаким вора́м и насильникам не отнять у нас золото. Если хочешь заслужить нашу благодарность, приноси нам известия о тех, кто будет приближаться к Горе. И ещё будет у меня к тебе просьба: если есть среди вас молодые с сильными крыльями, пошли гонцов к моей родне в северные горы, пусть расскажут о наших бедах. Главное — добраться до моего двоюродного брата Дейна, что живёт в Железных Холмах, не так далеко отсюда, у него много опытных воинов. Пусть поспешит нам на помощь!

— Не знаю, к хорошему или плохому приведёт твоё решение, — прокаркал Роак, — но я сделаю, как ты просишь.

И он тяжело полетел прочь.

— Назад, в Гору! — воскликнул Торин. — Времени у нас в обрез!

— А еда нужна позарез! — подхватил Бильбо, всегда мыслящий практично. Он считал, что с гибелью дракона приключение их по существу закончено (в чём сильно ошибался). Он отдал бы почти всю свою часть добычи, лишь бы мирно уладить эту историю.

— Назад в Гору! — повторили хором гномы, как будто и не слышали слов Бильбо. Пришлось последовать за ними.

* * *

У гномов оставалось в запасе несколько дней. Они ещё раз исследовали пещеры и установили, что войти можно только через Главные ворота, все же остальные отверстия, ведущие в Гору (кроме потайной двери), давно завалены Смогом, и от них не осталось и следа. Поэтому гномы усердно взялись укреплять главный вход и прокладывать к нему новую тропу. Внутри нашлось сколько угодно лопат, топоров и молотков, оставшихся от старинных рудокопов и плотников, а во всех этих видах работ гномы по-прежнему не знали себе равных.

Пока они трудились, вороны постоянно приносили им вести. Так, гномы узнали, что король эльфов повернул к озеру, — значит, время ещё есть. Выяснилась ещё одна приятная новость: у эльфов убежали несколько пони и сейчас бродили сами по себе на берегах Быстротечной недалеко от бывшего лагеря гномов, где сохранились кое-какие запасы провизии. Ворон отвёл туда Фили и Кили, они поймали пони и привезли на них всё, что смогли.

Прошло четыре дня, и наконец гномы услышали, что объединённые армии жителей Озёрного города и эльфов подходят к Горе. За эти дни надежды их укрепились: еды должно было хватить на несколько недель (главную пищу, разумеется, составлял сухарник, порядком им надоевший, но даже сухарник лучше, чем ничего); они успели поставить перед воротами каменную стену сухой кладки, высокую и толстую. В стене они оставили смотровые дырки, через которые могли и стрелять, но входа не сделали. Они вылезали наружу и влезали внутрь по приставным лестницам, а материалы втаскивали на верёвках.

Под новой стеной они прорезали низкую арку для выбегавшего потока, а дальше так раскопали узкое русло, что между горой и обрывом, с которого поток падал к Дейлу водопадом, образовался широкий водоём. Добраться до ворот теперь можно было только вплавь или по узкому выступу вдоль скалы. Пони они повели к ступеням, шедшим от старого моста вверх, сняли с них поклажу и отослали их без седоков на юг, к хозяевам.

Наконец однажды ночью в долине вспыхнули огни — множество огней, словно там зажгли костры и факелы.

— Они пришли! — воскликнул Балин. — Лагерь огромный. Должно быть, они вошли в долину в сумерках.

В ту ночь гномы спали мало. Едва рассвело, они увидели из-за стены группу воинов. Воины медленно взбирались наверх. Скоро гномы разглядели вооружённых людей у озера и стрелков-эльфов. Те влезли на обломки скал и оказались на уровне водопада. И удивились же они, увидев перед собой водоём и вместо ворот — стену, сложенную из свежеобтёсанных камней!

Они остановились, переговариваясь, показывая руками, и в эту минуту их громким голосом окликнул Торин:

— Кто вы такие? Почему вы пришли к воротам короля Под Горой вооружённые, словно желая войны? Чего вы хотите?

Ему ничего не ответили. Одни повернули назад сразу, другие ещё некоторое время разглядывали укрепления, потом последовали за первыми. В тот же день они перенесли лагерь и укрыли его между отрогами Горы. Среди скал зазвучали голоса и песни, чего не бывало уже давно. Эльфы заиграли на арфах, слышались дивные мелодии. И со звуками музыки холодный воздух словно согрелся, и до гномов донёсся слабый аромат лесных цветов, как будто сейчас была не глубокая осень, а весна.

Бильбо нестерпимо захотелось сбежать из суровой крепости, спуститься вниз, присоединиться к весёлому пиру у костров. У гномов помоложе тоже дрогнули сердца: лучше бы, мол, всё шло по-иному, забормотали они, лучше бы дружить с этими весельчаками. Но Торин насупился и бросил на них сердитый взгляд. Тогда гномы вынесли арфы и прочие музыкальные инструменты, найденные в сокровищнице, и заиграли и запели, желая умиловить Торуна. Но их песня была непохожа на песни эльфов и больше походила на ту первую, которую гномы пели когда-то в хоббичьей норке:

*Король законный занял трон,
В суровой битве пал дракон,
И всякий враг погибнет так —
Об этом заявляет он.*

*Ковали чаши мастера
Из золота и серебра,
Граня алмаз, рубин, топаз,
Они трудились до утра.*

*Былого мастерства секрет:
В корону врезать самоцвет,
Всадить в эфес звезду с небес
И в ожерелье — лунный свет.*

*Свободны здешние края,
Еды здесь много и питья.
Вперёд, вперёд, Лесной Народ,
Ведь королю нужны друзья.*

*Во все края наш зов таков:
В пещеры прежние, домой!
Лесной Народ, король вас ждёт,
Воздаст вам щедрою рукой.*

*Король законный занял трон,
В суровой битве пал дракон,
И всякий враг погибнет так —
Об этом заявляет он.*

Песня и впрямь понравилась Торину, он оттаял, повеселел и принялся прикидывать, через какое время Дейн достигнет Одинокой Горы, если выступил из Железных Холмов сразу же, как получил весть от брата. Бильбо расстроился, услышав песню и последующий разговор, — уж очень они ему показались воинственными.

На другое утро гномы увидели отряд копьеносцев, пересекавших реку и поднимающихся по долине. Они несли зелёное знамя короля эльфов и голубое знамя Озёрного города. Вскоре они очутились прямо перед стеной, закрывавшей ворота.

И снова их окликнул Торин громким голосом:

— Кто вы, пришедшие с оружием в руках к воротам Торина, сына Трейна, короля Под Горой?

На сей раз он получил ответ. Высокий темноволосый человек с хмурым лицом выступил вперёд.

— Приветствую тебя, Торин! Зачем ты укрылся там, точно разбойник в берлоге? Мы с тобой пока не враги, мы не чаяли видеть вас в живых и теперь радуемся. А раз уж вы живы, то у нас есть о чём потолковать и посоветаться.

— Кто ты и о чём нам советаться?

— Я — Бэрд, от моей руки погиб дракон. Я освободил твоё богатство. Разве это тебя не касается? Кроме того, я — прямой наследник Гириона из Дейла, в твоей сокровищнице найдётся немало драгоценных украшений, украденных когда-то Смогом из этого города. Разве не стоит об этом потолковать? Далее, в последней битве Смог разрушил дома жителей Эсгарота, а я пока что служу их бургомистру. От его имени я спрошу тебя: неужели нет в тебе сочувствия к чужому горю и страданиям? Тебе помогли в трудную минуту, а ты в ответ навёл на них гибель, хотя и не намеренно.

Что же, сказано было справедливо и честно, хотя тоном гордым и угрюмым. Бильбо думал, что Торин признает законность сказанного. (О том, что это он, он один обнаружил уязвимое место дракона, никто никогда не вспомнил. Да он этого и не ждал.) Но Бильбо не принял во внимание власти золота и характера гномов. Долгие часы провёл Торин в сокровищнице, и алчность крепко завладела им. Главным образом он разыскивал Аркенстон, но при этом замечал и другие чудесные вещи, с которыми связаны были воспоминания о трудах и печалях его народа.

— Самый главный и каверзный вопрос ты приберёг на конец, — ответил

Торин. — Никто не имеет права посягать на сокровища моего народа, ибо Смог, укравший их, лишил в своё время мой народ крова, а кого и жизни. Сокровища не принадлежали дракону, и теперь с их по мощью не искупить его злодеяний. Стоимость товаров и полученную от жителей озера помощь мы честно возместим. Но ничего, слышите, ничего не дадим, если нам будут угрожать силой. Пока у наших дверей стоит вооружённое войско, мы взираем на вас как на врагов и грабителей. Я тоже, в свою очередь, спрошу вас: а какую часть сокровищ отдали бы нашему клану вы, если бы нашли нас мёртвыми?

— Вопрос обоснованный, — ответил Бэрд, — но вы не погибли, а мы не грабители. И ведь кроме прав есть ещё просто жалость, которую богатый может испытывать к нуждающимся, если те отнеслись к нему дружески, когда он бедствовал. Притом другие мои вопросы остались без ответа.

— Повторяю, я не намерен вести переговоры с вооружёнными воинами, осаждающими мои ворота. А тем более с эльфами, к которым я не питаю добрых чувств. Наши переговоры их не касаются. Ступайте отсюда, пока в вас не полетели стрелы! Захотите опять говорить со мной — сперва отошлите войско эльфов обратно в лес, где им место, тогда и возвращайтесь, но без оружия!

— Король эльфов — мой друг, он поддержал озёрных жителей в тяжёлое время и сделал это по чистой дружбе, бескорыстно, — возразил Бэрд. — Мы дадим вам срок одуматься. Образумьтесь к нашему приходу!

С этими словами Бэрд повернул назад, и отряд спустился в лагерь.

Не прошло и нескольких часов, как снова явился отряд, вперёд выступили трубачи, и один из них, протрубив, объявил:

— От имени Эсгарота и Леса мы зываем к Торину Оукеншильду, сыну Трейна, именуящему себя королём Под Горой! Мы предлагаем ему выполнить представленные ему требования или же отныне считаем его своим заклятым врагом! Он обязан передать одну двенадцатую часть богатств Бэрду как убийце дракона и наследнику Гириона. Из этой части Бэрд выделит в помощь Эсгароту, сколько найдёт нужным. Но если Торин ищет дружбы и уважения соседей, как было в обычае у его отцов в старину, то сам внесёт от себя долю для поддержки жителей озера.

В ответ Торин схватил лук и пустил стрелу в глашатая. Стрела вонзилась в щит и затрепетала.

— Если таков твой ответ, — прокричал глашатай, — то объявляю Гору осаждённой. Вы не покинете её до тех пор, пока не призовёте нас для перемирия и переговоров. Мы не поднимем на вас оружия, но и не выпустим отсюда. Сидите на своём золоте и ешьте его, коли охота!

На этом гонцы быстро удалились, и гномы остались обдумывать своё положение. Торин впал в такую мрачность, что никто не посмел бы ему перечить, если бы и захотел, но в том-то и горе, что большинство гномов держалось одного с ним мнения, за исключением разве толстяка Бомбура, Фили и Кили. Бильбо, разумеется, не одобрил нового поворота событий. Ему и так давно опостылела Гора, а тут ещё предстояло сидеть в осаде! Это было слишком!

«Вся Гора изнутри провоняла драконом, — ворчал он себе под нос, — тошнит от этого запаха. И сухарник уже не лезет в горло».

16

Ночной вор

Дни тянулись медленно и скучно. Гномы убивали время, раскладывая сокровища по кучкам и приводя их в порядок. Торин наконец завёл разговор об Аркенстоне Трейна и убедительно попросил своих спутников обшарить все углы.

— Аркенстон моего отца, — сказал он, — один дороже золотой реки, а для меня он и вовсе не имеет цены. Из всего богатства именно его я предназначаю для себя и жестоко отомщу всякому, кто найдёт его и утаит.

Бильбо слышал его слова и очень испугался: что будет, если камень найдут? Он спрятал его в узелок с тряпьем, который клал себе под голову вместо подушки. Но промолчал, потому что по мере того, как скука становилась всё невыносимее, в голове его постепенно зрел план.

Всё шло без изменений, как вдруг вороны принесли новость, что Дейн с пятью сотнями гномов вышел из Железных Холмов и дня через два будет в Дейле.

— Боюсь, им не подойти к Горе незамеченными, — закончил Роак. — Как бы не завязался бой в долине. Не нравится мне это. Народ они, конечно, решительный, но едва ли им под силу справиться с войском, которое вас осаждает. А если и справятся, то что ожидает вас? По пятам за ними идут зима и снег.

Чем вы будете кормиться без поддержки и расположения соседей? Дракона не стало, но как бы сокровища не принесли вам смерть!

Но вразумить Торина было невозможно.

— Зима и мороз пощиплют людей и эльфов тоже, — возразил он. — Они, может быть, не вынесут жизни в необитаемом крае. Как навалятся на них мои родственники и нажмёт зима — так они поневоле заговорят по-другому.

В эту ночь Бильбо решился. Ночь была безлунная, небо чёрное. Как только полностью стемнело, Бильбо отошёл в угол задней комнаты и вытащил из узелка верёвку и Аркенстон, завернутый в тряпицу. Потом вылез на верхушку стены. Там дежурил Бомбур.

— Здорово холодно! — сказал Бомбур.

— А внутри довольно тепло, — заметил Бильбо.

— Ещё бы. Но мне ещё стоять до двенадцати ночи, пробурчал толстяк. — Скверная вышла история. Упаси бог, чтобы я осуждал Торина, да растёт его борода беспредельно, а только он всегда был упрямец и не отличался гибкостью.

— С гибкостью и у меня сейчас неважно, — заметил Бильбо. — Ноги совершенно одеревенели, я оттоптал их на каменных лестницах и в коридорах. Дорого я дал бы за то, чтобы походить по мягкой травке.

— А я бы дорого дал за глоток чего-нибудь крепкого, за сытный ужин да за мягкую постель!

— К сожалению, пока осада продолжается, не могу тебе этого предложить. Но зато могу предложить вот что: уже давно я не стоял на часах и с удовольствием за тебя подежурю, если хочешь. Всё равно мне сегодня не спится.

— Ты хороший товарищ, Бильбо Бэггинс, с радостью соглашаюсь. Если что заметишь, не забудь — сперва разбуди меня! Я лягу недалеко от двери, слева от входа.

— Ступай, ступай, — сказал Бильбо. — Я разбужу тебя в полночь, а ты разбудишь следующего часового.

Едва Бомбур ушёл, Бильбо надел кольцо, привязал верёвку, перелез через стену и начал спускаться вниз. Впереди у него было пять часов. Бомбур будет спать, он мог спать в любое время, после приключений в Чёрном Лесу он всё мечтал увидеть те же прекрасные сны. Остальные трудились, и вряд ли кому-то из гномов, даже Фили и Кили, могло прийти в голову выйти на стену не в своё дежурство.

Темнота стояла полная, дорога была незнакома. Наконец Бильбо умудрился добраться до излучины, и оставалось перейти вброд, чтобы выйти прямо к лагерю. Поток в этом месте был неглубокий, но широкий, и маленький хоббит с трудом перебрался в темноте на другую сторону. Он был почти уже на том берегу, как вдруг оступися на скользком камне и с шумом шлёпнулся в холодную воду. Только он выбрался на сушу, дрожа от холода и отплёвываясь, как подбежали эльфы с фонарями и стали шарить между камнями.

— Нет, это не рыба! — сказал один. — Тут прячется шпион. Прикройте фонари, а то ему они помогут больше, чем нам, если он — забавное маленькое существо, слуга гномов.

— Слуга, вот ещё! — в негодовании фыркнул Бильбо — и тут же громко чихнул. Эльфы немедленно кинулись на звук.

— Светите сюда! — окликнул их Бильбо. — Тут я, тут! — Он стянул кольцо с пальца и выглянул из-за валуна.

Эльфы мигом оправились от изумления и схватили его.

— Кто ты? Гномовский хоббит? Что ты тут делаешь? Почему наши часовые тебя не заметили? — забросали они Бильбо вопросами.

— Я — мистер Бильбо Бэггинс, — ответил он с достоинством, — спутник Торина. Я хорошо знаю вашего короля в лицо, но он, вероятно, не знает, как выгляжу я. Меня наверняка помнит Бэрд, и его-то я и хочу видеть.

— Вот как! — сказали эльфы. — А какое у вас к нему дело?

— Какое бы ни было, любезные эльфы, оно касается только меня. Если есть у вас желание вернуться в родные леса, а не сидеть вечно в этом унылом холодном месте, ведите меня поскорее к костру, чтобы я обсох, а потом дайте поговорить с начальниками. Только скорее. Я могу провести здесь не больше двух часов.

Вот как случилось, что часа через два после побега Бильбо сидел у жаркого костра перед большой палаткой, а рядом, с любопытством глядя на него, сидели король лесных эльфов и Бэрд. Хоббит в доспехах, сделанных руками эльфов, завернутый в старое одеяло, — такое зрелище увидишь не каждый день.

— Знаете, право, — Бильбо говорил самым своим деловым тоном, — создалось совершенно невыносимое положение. Я лично крайне устал от всей этой истории. Я хочу домой, на запад, там жители гораздо благоразумнее. Но, понимаете, у меня в этом деле свой интерес — четырнадцатая доля, как гласит письмо, к счастью, я его сохранил. — И он достал из кармана своей старой куртки, надетой поверх кольчуги, смятое, сложенное во много раз письмо Торина, найденное им на каминной полочке под часами. — Четырнадцатая часть общего дохода, — продолжал он. — Лично я готов внимательно рассмотреть ваши притязания и вычесть из целого справедливо причитающуюся вам сумму и только потом заявить право на свою долю. Но вы не знаете Торина Оукеншильда. Уверяю вас, он так и будет сидеть на куче золота, пока не умрёт с голоду, если вы отсюда не уйдёте.

— Ну и пусть! — отозвался Бэрд. — Такому безмозглому упрямцу туда и дорога.

— Совершенно верно, — продолжал Бильбо. — Я вас понимаю. Но, с другой стороны, зима приближается, скоро тут будет и снег, и мороз. Продовольствия будет не хватать, даже эльфам придётся туго. Возникнут и другие трудности. Вы не слыхали про Дейна и гномов с Железных Холмов?

— Слыхали когда-то. А какое они имеют к нам отношение? — спросил король.

— Так я и думал. Значит, у меня есть кое-какие сведения, которых нет у вас. Дейн, должен вам сообщить, находится в двух днях перехода отсюда, с ним по крайней мере пятьсот свирепых гномов; многие из них опытные воины, участвовали в ужасной войне гномов с гоблинами, вы несомненно о ней слышали. Когда они дойдут сюда, начнутся большие неприятности.

— Зачем ты нам всё это рассказываешь? — сурово спросил Бэрд. — Ты предаёшь твоих друзей или запугиваешь нас?

— Дорогой Бэрд! — пропищал Бильбо. — Не спеши с выводами! В жизни не встречал таких подозрительных людей! Просто я пытаюсь избавиться от неприятностей всех заинтересованных лиц. Теперь я сделаю вам предложение.

— Послушаем! — отозвались король и Бэрд.

— Вернее, посмотрим! — поправил хоббит. — Вот! — И он вынул из тряпи-

цы Аркенстон.

Сам король эльфов, чьи глаза привыкли взирать на красивые вещи, был поражён. Даже Бэрд молча дивился камню. Словно шар, наполненный лунным светом, висел он перед ними в сети, сотканной из сверкания снежинок.

— Это Аркенстон Трейна, — пояснил Бильбо, — Сердце Горы. И сердце Тори-на. Для него камень ценнее золотой реки. Отдаю его вам. Он поможет вам вести переговоры. — И Бильбо не без сожаления протянул чудесный камень Бэрду. Тот, как зачарованный, уставился на Аркенстон в своей руке.

— Но как он достался тебе и почему ты отдаёшь его, как свой? — спросил он, оторвав с усилием взор от камня.

— Н-ну, — смущённо ответил хоббит, — он не совсем мой, но я... понимаете, я готов не требовать своей доли. Может, я и Взломщик, со стороны виднее, я лично себя таковым никогда не считал, но Взломщик более или менее честный. Сейчас я возвращаюсь назад, и пусть гномы делают со мной, что хотят. Надеюсь, камень принесёт вам пользу.

Король эльфов посмотрел на Бильбо, как на диковину.

— Бильбо Бэггинс! — сказал он. — Ты более достоин носить королевские доспехи эльфов, чем многие из тех, на ком они сидят лучше. Но что-то я сомневаюсь, чтобы Торин Оукеншильд думал так же! Пожалуй, я всё-таки лучше знаком с гномами, чем ты. Вот мой совет: оставайся с нами, тут тебе будут оказаны почёт и гостеприимство.

— Спасибо, спасибо большое, — ответил Бильбо и поклонился. — Я думаю, негоже было бы покинуть друзей сейчас, после того как мы столько пережили вместе. Да и я обещал старине Бомбуру разбудить его в двенадцать ночи!

Сколько ни уговаривали его, он не остался, тогда с ним послали провожа-тых, и король с Бэрдом на прощанье отдали ему честь.

Когда Бильбо проходил через лагерь, какой-то старик, сидевший у дверей одной из палаток, закутавшись в тёмный плащ, встал и подошёл к нему.

— Отличный поступок, мистер Бэггинс! — сказал он, хлопая Бильбо по спине. — Прост-прост, а всегда выкинет что-нибудь неожиданное!

Это был Гэндальф!

Впервые за много дней Бильбо пришёл в восторг. Но когда он тут же хотел расспросить волшебника, тот остановил его:

— Всё в своё время! Если не ошибаюсь, события идут к концу. Тебе сейчас придётся солоно, но не унывай! Может, ты и выкрутишься. Вас всех ожидают такие новости, о которых даже вороны не слышали. Доброй ночи!

Озадаченный, но в то же время приободрённый, Бильбо поспешил дальше. Его привели к безопасному броду и благополучно доставили сухим на другой берег; тут он распростился с эльфами и стал карабкаться вверх к воротам. Им вдруг овладела безмерная усталость, но всё-таки он влез по верёвке на стену ещё до полуночи. Верёвка, слава богу, висела там, где он её оставил. Он отвязал её, спрятал, а потом уселся на стене и задумался: что же произойдёт дальше? На душе у него было тревожно.

В двенадцать он разбудил Бомбура, потом свернулся в уголке калачиком и, не слушая благодарностей толстяка (он сознавал, что не очень-то их заслужил), крепко заснул, выбросив из головы все заботы. И, скажем по секрету, он видел во сне яичницу с беконом.

17

Гроза разразилась

На другое утро спозаранку в лагере раздались звуки труб. Вскоре на узкой тропе показался гонец. На некотором расстоянии от стены он остановился, окликнул гномов и спросил, согласен ли Торин выслушать новых послов, — есть новости, и обстоятельства переменились.

— Вероятно, подходит Дейн! — сказал Торин своим сподвижникам. — Они прослышали о его приближении. Я так и думал, что настроение у них живо переменится. Пусть придут в небольшом количестве, без оружия, и я выслушаю их! — крикнул он посланцу.

Около полудня снова заколыхались знамёна Леса и Озера. Приближалось двадцать человек. В начале узкой тропы они положили мечи и копья и приблизились к воротам. Гномы с удивлением увидели Бэрда и короля эльфов, впереди которых выступал какой-то старик в плаще и капюшоне, нёсший в руках деревянную шкатулку, окованную железом.

— Приветствую тебя, Торин, — произнёс Бэрд. — Ты не передумал?

— Моё решение не меняется оттого, что несколько раз вошло и село солнце, — ответил Торин. — Ты пришёл задавать мне пустые вопросы? Я вижу, войско эльфов не отослано домой, как я велел! Ты пришёл зря. Пока они тут, я отказываюсь вести переговоры.

— Так, значит, не существует ничего, за что бы ты отдал часть твоего золота?

— Ничего такого, что можешь предложить ты.

— А что скажешь об Аркенстоне Трейна? — спросил Бэрд, и в тот же миг старик откинул крышку шкатулки и поднял вверх драгоценный камень. Камень сверкнул ярким белым блеском. От изумления у Торина отнялся язык. Долгое время все молчали.

Наконец Торин заговорил, и голос его звучал хрипло от сдерживаемой злобы:

— Этот камень принадлежал моему отцу, он мой. Почему я должен выкупать свою собственность? — Любопытство взяло верх, и он, не удержавшись, спросил: — Как попала к вам в руки святыня нашего королевского рода? Правда, вора́м не задают таких вопросов.

— Мы не воры, — возразил Бэрд. — То, что принадлежит тебе, мы отдадим в обмен на наше.

— Как он попал к вам, я спрашиваю? — с нарастающим гневом закричал Торин.

— Я дал! — пискнул до смерти перепуганный Бильбо, выглядывая из-за стены.

— Ты? Ты? — завопил Торин, поворачиваясь к хоббиту и хватая его обеими руками. — Жалкий хоббит! Ах ты... Взломщик паршивый! — От возмущения Торин не находил слов и тряхнул бедного Бильбо, как щенка. — Клянусь бородой Дьюрина! Хотел бы я увидеть сейчас Гэндальфа! Будь он проклят за то, что подсунул нам тебя! Пусть отсохнет его борода! А тебя я сброшу со скалы! — И Торин поднял Бильбо кверху.

— Остановись! Твоё желание исполнилось! — произнёс чей-то голос. Старик со шкатулкой скинул плащ и капюшон. — Гэндальф тут! И кажется, как раз вовремя. Вам не нравится мой Взломщик — что делать, но, пожалуйста, не калечьте его! Поставьте его и послушайте сперва, что он скажет.

— Да вы все тут в заговоре! — зарычал Торин и неохотно поставил Бильбо на стену. — Никогда больше не буду иметь дело с волшебниками и их приятелями. Что ты можешь сказать в своё оправдание, ты, крысиное отродье?

— Ай-ай-ай, как всё это неприятно! — сказал Бильбо. — Может быть, вы помните, что разрешили мне самому выбрать свою четырнадцатую часть? Возможно, я принял ваше разрешение чересчур буквально, мне говорили, что гномы порой любезнее на словах, чем на деле. Правда, было время, когда вы, смею думать, считали, что я вам принёс кое-какую пользу. Крысиное отродье... Нет, вы слышали? Так это и есть благодарность за услуги, которую вы мне обещали, Торин, от себя и от вашей семьи? Считайте, что я распорядился своей долей, как хотел, и покончим с этим!

— Так я и сделаю, — мрачно отозвался Торин. — Я покончу с тобой все отношения. Смотри не попадайся мне больше! — Он повернулся и крикнул вниз через стену: — Меня предали! Расчёт был верный: я не могу не выкупить Аркенстон, сокровище нашего рода. За него я отдаю четырнадцатую часть богатства серебром и золотом. На это уйдёт доля изменника, пусть он убирается с этой наградой, а вы там делите её, как знаете. Ему перепадёт немного, не сомневаюсь. Забирайте его, коли хотите, чтобы он остался жив. Я расстаюсь с ним без сожалений.

— Спускайся к своим друзьям, — буркнул он, обращаясь к Бильбо, — а не то я тебя сброшу.

— А как же золото и серебро? — спросил Бильбо.

— Отдадим своим чередом, когда управимся. Спускайся!

— Пока не будет выкупа, камень останется у нас! — воскликнул Бэрд.

— Для короля Под Горой вы ведёте себя не слишком красиво, — проговорил Гэндальф. — Но всё ещё может перемениться.

— Вот именно, — подтвердил угрожающе Торин; и так велика была власть богатства над его душой, что он уже прикидывал, как бы с помощью Дейна захватить Аркенстон и не уплатить обещанный выкуп.

Бильбо спустился по верёвке со стены, и в награду за все труды ему досталась лишь кольчуга, подаренная раньше Торинном. Многие гномы не могли смотреть ему в глаза от стыда и искренне жалели, что Бильбо изгнан с позором.

— До свиданья! — крикнул им Бильбо. — Может, мы ещё встретимся как друзья.

— Прочь! — рявкнул Торин. — На тебе кольчуга, сделанная руками гномов, она слишком хороша для тебя. Стрелой её не пробьёшь, но если ты сейчас же не уберёшься, я тебе ноги прострелю, жалкая тварь! Скорей!

— Не торопись! — сказал Бэрд. — Мы даём вам время до завтрашнего утра. В полдень мы вернёмся и проверим, приготовлен ли выкуп за камень. Если всё будет без обмана, уйдём мы и уйдёт войско эльфов. А теперь до свиданья!

Они ушли к себе в лагерь, а Торин немедленно послал гонцов Роака к Дейну, велел пересказать, что здесь произошло, и поторопить его.

Прошёл день, миновала ночь. Наутро ветер переменился, было пасмурно и мрачно. На рассвете в лагере людей и эльфов поднялся переполох: скороходы донесли, что из-за восточного отрога показалось войско. То был Дейн. Он шёл без привала всю ночь и потому прибыл раньше, чем ожидали. На каждом его воине была длинная стальная кольчуга до колен, на ногах — поножи из тонкой и гибкой металлической сетки; только подданные Дейна владели секретом её выделки. Гномы вообще необычайно сильны и выносливы для своего роста, но воины Дейна выделялись особенной силой. В руках они держали тяжёлые двуручные боевые мотыги, сверх того у каждого на боку висел короткий широкий меч, а за спиной — круглый щит. Бороды у них были расчёсаны надвое, заплетены и заткнуты за пояс. Шлемы были железные, башмаки тоже железные, а лица — суровые.

Затрубили трубы, призывая к оружию людей и эльфов. Армия гномов приближалась с поразительной быстротой; они остановились между рекой и восточным отрогом, после чего несколько воинов перешли реку и, не доходя до лагеря, положили на землю оружие и подняли кверху руки в знак мирных намерений. Бэрд сам вышел им навстречу, и Бильбо с ним.

— Нас послал Дейн, сын Нейна, — сказали гномы. — Услыхав, что возродилось прежнее королевство, мы поторопились соединиться с нашими родственниками. А кто вы такие? Зачем вы стоите под укреплёнными стенами, словно враги?

Если передать эти приличествующие случаю старомодно учтивые слова простым языком, то они означали: «Вам тут делать нечего. Мы всё равно пройдем дальше, так что посторонитесь, или будем драться». Гномы хотели протиснуться между Горой и излучиной реки, так как этот узкий перешеек выглядел наименее защищённым.

Бэрд, естественно, отказался пропустить гномов к Горе. Он твёрдо решил

сперва дожидаться золота и серебра в обмен на Аркенстон; он не верил, чтобы Торин исполнил своё обещание после того, как получит столь значительное и воинственное подкрепление. Новоприбывшие доставили бы в крепость большой запас продовольствия, ибо воины Дейна, несмотря на быстроту перехода, несли на спинах громадные тюки. Тогда осаждённые выдержали бы многонедельную осаду, а тем временем подоспели бы новые и новые гномы, так как родственников у Торины сохранилось много. Гномы могли также открыть другие входы и поставить там охрану, и тогда осаждающим пришлось бы буквально окружить Гору со всех сторон, а на это у них не хватило бы народу.

Бэрд совершенно правильно угадал замыслы гномов (недаром летали взад-вперёд между Торином и Дейном вороны). Но путь гномам был пока преграждён, поэтому как они ни горячились, а пришлось послам удалиться, бранясь себе в бороды. Бэрд сразу же послал к воротам своих гонцов, но никакого выкупа они там не обнаружили. Более того, в них полетели из-за стены стрелы и они в испуге повернули обратно. В лагере у людей и эльфов поднялась суматоха, как перед боем. Гномы Дейна уже наступали вдоль восточного берега реки.

— Простофили, — усмехнулся Бэрд, — так близко подойти под самую Гору! Они ничего не смыслят в надземной войне, привыкли воевать в рудниках. С их правого фланга у нас спрятано в скалах много лучников и копьеносцев. Говорят, кольчуги у гномов хороши, но мы это проверим. Мы нападём на них сейчас, сразу с обеих сторон, пока они не опомнились.

Но король эльфов промолвил:

— Нет, ради золота я не стану торопиться начинать битву. Гномы всё равно не минуют нас, и что бы они ни затеяли, мы сразу заметим. Будем надеяться, что примирение ещё возможно. Если же, к несчастью, дело дойдёт до схватки, что ж, на нашей стороне численный перевес.

Король, однако, не принял в расчёт характера гномов. Сознание, что Аркенстон в руках у осаждающих, лишало их покоя. Они уловили колебания Бэрда и его друзей и решили нанести удар немедля. Внезапно, без всякого предупреждения они молча пошли в атаку. Запели луки, засвистели стрелы. Бой начался!

И вдруг, ещё внезапнее, наступила тьма! Небо закрыла чёрная туча. Поднялся ураган и принёс раскаты грома (и это накануне зимы!), молния осветила вершину Горы. А ниже грозовой тучи появилась ещё одна — чёрный вихрь, мчавшийся к Горе не по ветру, а с севера, будто туча из птиц, настолько сплошная, что просвета между крыльями не было.

— Стойте! — закричал вдруг Гэндальф, он встал между наступающими гномами и рядами людей и эльфов и поднял руки. — Стойте! — повторил он громовым и грозным голосом, и посох его сверкнул, как молния. — Грядёт ужас! Увы, скорее, чем я думал. Близятся гоблины! С ними Больг, чьего отца Азога ты убил в рудниках Морайи, о Дейн! Смотрите! Над армией гоблинов несутся летучие мыши. Гоблины скачут на варгах, и варги у них в свите!

Смятение охватило изумлённых воинов. Тьма всё сгущалась. Гномы с ужасом глядели в небо. У эльфов из груди вырвался стон.

— Сюда! — закричал Гэндальф. — Мы ещё успеем держать совет. Пусть Дейн, сын Нейна, придёт к нам.

Так началась битва, которой никто не ожидал, её назвали потом битвой пяти армий. Страшно вспомнить о ней! На одной стороне были гоблины и чудовищные варги, на другой — эльфы, люди и гномы.

История этой битвы такова. С момента смерти Верховного Гоблина враждебность его племени к гномам переросла в смертельную ненависть. Гонцы засновали между их городами, колониями, крепостями; гоблины решили овладеть всем Севером. Тайным образом собирали они сведения; под всеми горами ковалось оружие, вооружались армии. Потом гоблины двинулись в поход. Они шли под землёй, туннелями, либо под покровом ночи. И наконец в глубине большой горы Ганабад, где была их столица, собралось невиданное войско. Гоблины задумали дожидаться грозы и напасть на гномов врасплох. Здесь они услышали весть о гибели Смога и обрадовались. Ночь за ночью бежали они между гор по пятам за Дейном и внезапно появились у Горы. Никто, даже вороны не ведали об их нашествии. Что было известно Гэндальфу, нельзя сказать, но, во всяком случае, столь внезапное нападение явилось и для него неожиданностью. На совете Гэндальф, король эльфов, Бэрд и Дейн выработали следующий план: гоблины — всеобщие враги, с их приходом распри должны быть забыты. Единственный способ — заманить гоблинов в долину между отрогами Горы, а самим засесть наверху. Но если часть войска гоблины перебросят через Гору, окружив её со всех сторон, то союзники пропали, так как тогда гоблины атакуют их и с тыла и сверху. Гроза пронеслась, гром укатился на юго-восток, но туча летучих мышей опускалась всё ниже, кружилась у них над головой, закрывая свет и наполняя сердца страхом.

— К Горе! — закричал Бэрд. — Займём места, пока есть время!

На южном отроге по всему склону стояли эльфы, на восточном — люди и гномы. Бэрд с отрядом наиболее проворных людей и эльфов взобрался на гребень восточного отрога, чтобы обозревать северную сторону. О ужас! Окрестности Горы почернели от полчищ врагов. Через минуту передние гоблины обогнули отрог и хлынули в долину. То были лучшие наездники среди гоблинов, их вой и визг раздирали уши. Отряд храбрецов из войска Бэрда встал у них на пути, пытаясь отвлечь их. Потом люди разбежались в стороны, но многие были убиты. Как и надеялся Гэндальф, гоблины, разозлённые нежданном сопротивлением, сосредоточились позади авангарда и теперь в ярости кинулись в долину. Их багрово-чёрных знамён было не сосчитать, гоблины неслись беспорядочным и буйным потоком.

Страшная то была битва. Самое опасное из приключений Бильбо, которым впоследствии он больше всего гордился и которое с удовольствием вспоминал, хотя роль его тогда была весьма незначительна. Собственно говоря, он с самого начала надел кольцо и исчез из виду, не избавившись, однако, полностью от опасности. Волшебное кольцо не спасает в полной мере в случае нападения гоблинов и не отвращает летящие стрелы и копья. Зато оно всё-таки помогает выскользывать из-под ног, и голова ваша не становится избранной мишенью какого-нибудь ретивого гоблина, желающего снести своим мечом именно её. Снести её могут только случайно.

Первыми бросились в атаку эльфы. Их воодушевляла ожесточённая холодная ненависть к гоблинам. Так сильна была их злоба, что копья и мечи в их руках светились во тьме холодным сиянием. Когда вражеское войско столпи-

лось в долине, эльфы выпустили в них ливень стрел. Вслед за стрелами полетели тысячи копий. Гоблины оглушающе выли. Скалы почернели от гоблинской крови.

Едва гоблины оправились от натиска эльфов, в долине прокатился рокошущий рёв. С возгласами «Морайя!» и «Дейн!» выскочили с другой стороны гномы Железных Холмов, потрясая боевыми мотыгами, а за ними выбежали воины Озёрного города с длинными мечами.

Паника охватила гоблинов. Они повернулись навстречу новому врагу, и тогда эльфы снова бросились в атаку в удесятёрённом количестве. Многие гоблины уже ударились в бегство вдоль реки, чтобы избежать ловушки, варги уже стали кидаться на своих седоков, разрывая трупы и раненых. Уже победа, казалось, близка, как вдруг сверху раздались новые клики. Гоблины действительно взобрались на Гору с обратной стороны и теперь бешеным потоком струились по склонам вниз, не обращая внимания на тех из своих, кто с воем срывался в пропасть. Гоблины хотели атаковать отроги сверху, от ворот. На каждый отрог вели тропы с главной Горы; людей, эльфов и гномов Дейна не хватало, они не могли перерезать каждую тропу. Надежда на победу померкла. Удалось отразить лишь первый натиск чёрной лавины.

День давно перевалил за половину. Гоблины снова собрались в долине. Туда уже примчались хищные варги и с ними гвардия Больга — гоблины громадных размеров со стальными кривыми саблями. Грозное небо всё темнело. По-прежнему большие летучие мыши кружили над головами эльфов и людей и впивались в раненых, как вампиры. Бэрд изо всех сил защищал восточный отрог, но постепенно и он начал отступать. А эльфов вместе с королём загнали к самому сторожевому посту на Вороньей Высоте.

Вдруг послышался громкий клич, из ворот раздался звук трубы. Они забыли про Торуна! Часть стены, разбитая ломом, свалилась в водоём. Из пролома выскочили король Под Горой и его соратники. Куда девались их плащи и капюшоны?! Их заменили сверкающие доспехи. Глаза гномов горели красным огнём. В сумерках золотые доспехи Торуна светились как будто раскалённый

металл на углях.

Гоблины, засевшие на Горе, начали сбрасывать на них камни, но гномы продолжали спускаться, прыгая с уступа на уступ. Так они сбежали по склону в долину и вступили в бой. Варги и всадники падали мёртвыми или обращались в бегство под их натиском. Торин с бешеной силой размахивал мечом, и казалось, что он неуязвим.

— Ко мне! Ко мне, эльфы и люди! Ко мне, мои родичи! — взывал он, и голос его гудел в долине, как рог.

К нему на помощь бросились гномы Дейна. Туда же вниз сбежали с отрогов многие люди, и Бэрд не смог удержать их. С другой стороны появились копьеносцы эльфов. Гоблинов опять разбили, долина покрылась чёрными горами отвратительных трупов. Варгов отогнали, Торин теснил мечом гвардию Больга, но не мог же он пронзить все ряды сразу. Уже много полегло людей, и гномов, и прекрасных эльфов, которые могли бы жить да жить в своих лесах. По мере того как долина расширялась, атака Торина ослабевала. Соратников его было слишком мало, фланги не защищены. Скоро варги перешли в атаку, и гномам Торина пришлось образовать кольцо, ибо со всех сторон их окружили гоблины и волки. Гвардия Больга с воём устремилась на наших гномов, точно волны на песчаный остров. Друзья уже не могли им помочь, так как с Горы сыпались всё новые полчища гоблинов, и повсюду людей и эльфов медленно одолевали.

На эту картину с горестью взирал Бильбо. Он занял позицию на Вороньей Высоте вместе с эльфами, отчасти потому, что оттуда было больше шансов спастись, а отчасти (как подсказывала ему туковская часть его сознания) потому, что в неизбежной последней схватке он предпочитал защищать короля эльфов. Гэндальф, кстати сказать, тоже сидел рядышком на земле, погружённый в глубокое раздумье, очевидно собираясь устроить под конец какой-то последний волшебный взрыв.

«Теперь уже недолго осталось, — думал Бильбо. — Как только гоблины захватят ворота, так мы все будем перебиты или взяты в плен. Как подумаешь, сколько пришлось всего перенести зря, так, право, плакать хочется. По мне, лучше бы старина Смог продолжал лежать на проклятых сокровищах, всё равно они теперь достанутся этим гнусным тварям. Бедный толстяк Бомбур, бедные Балин, Фили и Кили, и Бэрд тоже, и озёрные жители, и весёлые эльфы — все они погибнут! Горе мне! Много я слышал песен про битвы, и так выходило, будто и поражение может приносить славу. А на самом деле всё это очень неприятно, чтобы не сказать печально. Как бы мне хотелось очутиться где-нибудь подальше!» Ветер вдруг разогнал тучи, запад перерезала красная полоса заката. Бильбо обернулся на свет, у него вырвался громкий возглас, сердце часто забило — на фоне светлой полосы он увидел тёмные летящие тени.

— Орлы! Орлы! — закричал он. — Приближаются орлы!

Глаза редко подводили Бильбо. В самом деле, это летели орлы, ряд за рядом, несчётное войско, должно быть, собранное со всех гнёзд Севера.

— Орлы! Орлы! — Бильбо прыгал и размахивал руками. Видеть его эльфы не могли, но слышали. Они подхватили крик, и голоса их разносились по всей долине. — Орлы! — ещё раз крикнул Бильбо, но тут камень, брошенный сверху, ударил его по шлему, Бильбо рухнул на землю и больше ничего не видел и не слышал.

18

Обратный путь

Когда Бильбо пришёл в себя, вокруг не было буквально ни души. Он лежал на плоских камнях Вороньей Высоты. Стоял безоблачный холодный день. Бильбо окоченел, весь дрожал, но голова у него горела.

— Что произошло? — спросил он себя. — К числу павших героев меня как будто пока не отнесёшь. Хотя ещё не всё потеряно.

С трудом, преодолевая боль, он приподнялся и сел. Поглядев вниз, он не увидел в долине живых гоблинов. Голова его начала понемножку проясняться, ему показалось, что там ходят эльфы. Он протёр глаза. Лагерь людей и эльфов стоял на прежнем месте. Около Главных ворот было заметно какое-то шевеление — кажется, гномы разбирали стену. Но тишина стояла мёртвая — ни песен, ни весело перекликающихся голосов. В воздухе нависла скорбь.

— Всё-таки, пожалуй, это победа! — сказал Бильбо, ощупывая ноющую голову. — И унылая, однако, это вещь.

Вдруг из-за края обрыва показалась голова карабкающегося вверх человека; тот направлялся в сторону Бильбо.

— Эй! — закричал Бильбо слабым голосом. — Эй, что нового?

— Что за голос раздаётся среди камней? — Человек остановился, озираясь вокруг.

И тут Бильбо вспомнил про кольцо! «Тьфу ты, — подумал он. — Быть невидимкой, оказывается, тоже не всегда выгодно. Если бы не кольцо, я, наверное, провёл бы ночь в тепле и уюте».

— Это я, Бильбо Бэггинс, спутник Торина! — закричал он, срывая кольцо.

— Удачно, что я тебя нашёл! — сказал человек, шагнув к нему. — Я уже давно тебя ищу. Тебя причислили бы к убитым, если бы не волшебник: он уверял, будто в последний раз слышал твой голос именно тут. Ты сильно ранен?

— Кажется, только садануло по голове, — ответил Бильбо. — Хорошо, на мне шлем и череп у меня крепкий. Но всё равно я чувствую слабость, и ноги как соломенные.

— Я отнесу тебя в лагерь, — сказал человек и с лёгкостью поднял его на руки.

Человек шёл уверенно и быстро. Спустя короткое время он уже поставил Бильбо на землю перед палаткой. В дверях стоял Гэндальф с рукой на перевязи! Даже волшебник и тот был ранен, а что говорить о других — в войске почти не осталось не пострадавших.

Увидев Бильбо, старик очень обрадовался.

— Бэггинс! — воскликнул он. — Вот так сюрприз! Всё-таки жив! Ну и рад же я! Я уж боялся, что даже тебе изменило счастье. Страшная вышла история, чуть всё не кончилось крахом. Но о конце я тебе потом расскажу. Сейчас идём! — Тон его вдруг сделался серьёзным. — Тебя ждут, — добавил он и ввёл хоббита в палатку.

— Торин! — сказал он, входя. — Я привёл его.

Да, там лежал Торин Оукеншильд, весь израненный; пробитая кольчуга и зазубренный топор валялись рядом на полу. Торин поднял голову.

— Прощай, добрый вор, — сказал он. — Я ухожу в чертоги ожидания к моим праотцам до той поры, когда мир изменится к лучшему. Я оставляю всё золото и серебро, так как там, куда я ухожу, оно мало ценится. Я хочу проститься с тобой по-хорошему и взять обратно свои слова, произнесённые тогда у ворот, и загладить свои поступки.

Бильбо, опечаленный, преклонил колена.

— Прощай, король Под Горой! — сказал он. — Никакие горы золота не заменят нам тебя и не возместят этой утраты. Но я всё-таки рад, что разделял с тобой опасности, — не всякому Бэггинсу доставалась честь участвовать в таком приключении.

— Это не так! — возразил Торин. — В тебе хорошего больше, чем ты думаешь, недаром ты родился в доброжелательном краю. Доля отваги, доля мудрости, сочетающихся в меру. Если бы наш брат побольше ценил вкусную пищу, застолье и песни и поменьше золото, то в мире было бы куда веселее. Но какой этот мир ни есть — печальный или весёлый — а я его покидаю. Прощай!

И Бильбо пошёл прочь, сел один в уголке, завернулся в одеяло и, верите или нет, заплакал. Он плакал так, что глаза покраснели и голос охрип. У него была добрая душа, у Бильбо Бэггинса. Прошло немало времени, пока он решился отпустить самую пустячную шутку. «Какая удача, — сказал он себе, — что я очнулся тогда, когда очнулся. Лучше бы, конечно, Торин остался жить, но я рад, что мы расстались добрыми друзьями. Ты олух, Бильбо Бэггинс, такую ты заварил кашу с этим камнем — и всё зря: тебе так и не удалось купить мир и спокойствие, всё равно битва состоялась. Но уж в этом ты не виноват».

* * *

Обо всём, что происходило после того, как его оглушили, он узнал позднее от волшебника. Услыхав рассказ Гэндальфа, он огорчился больше, чем порадовался. Он устал, ему отчаянно хотелось домой. Но с этим приходилось подождать, поэтому пока что я расскажу о свершившихся событиях.

Орлы давно заподозрили, что гоблины сколачивают войско. Передвижение гоблинов в горах не ускользнуло от их зорких глаз. Тогда и они тоже собрались во главе с предводителем орлов в Туманных горах. Наконец, почуяв, что идёт битва, они в мгновение ока перенеслись вместе с ураганом в долину. Именно они прогнали гоблинов со склонов горы вниз прямо в гущу их врагов или посбрасывали в пропасть. Орлы быстро очистили Одинокую Гору, и тогда эльфы и люди спустились с отрогов в долину и вступили в бой.

Но даже и вместе с орлами их всё равно было меньше, чем гоблинов. И тут, когда уже отчаяние овладело защитниками Горы, появился сам Беорн — никто не знал, откуда он взялся. Он пришёл один, в обличье медведя, такой свирепый, что казался громаднее обычного. Рёв его был громче грохота барабанов и пушек, он расшвырял волков и гоблинов направо и налево, точно пёрышки. Он напал на них с тыла и прорвался сквозь их заслон. Гномы всё ещё бились на круглом невысоком холме. Там Беорн остановился, подобрал Тори́на, пронзённого вражескими копьями, и вынес его из боя.

Потом быстро вернулся и с удвоенной яростью напал на врагов; никто не мог ему сопротивляться, никакое оружие его не брало. Он разметал гвардию Больга, повалил его самого и растоптал. Ужас охватил гоблинов, и они бросились врассыпную. Люди, эльфы и гномы, воодушевлённые поддержкой Беорна, воспрянули духом и погнались за гоблинами. Не давая им скрыться, они одних загнали в реку Быстротечную, других — в болота у реки Лесной. В болотах и погибла большая часть гоблинского войска, а те, кто успел добраться до царства лесных эльфов, были убиты там же или затащены в Чёрный Лес, где и затерялись в дебрях. В песнях потом пелось, что в тот день погибло три четверти всех гоблинов Севера и что горы много лет подряд наслаждались покоем.

Победа была закреплена ещё до наступления ночи, но, когда Бильбо вернулся в лагерь, погоня продолжалась, и в долине оставались главным образом тяжелораненые.

— А где орлы? — спросил Бильбо у Гэндальфа вечером, лёжа под несколькими одеялами.

— Одни участвуют в погоне, большинство вернулись в свои гнёзда. Они не захотели оставаться здесь и улетели с рассветом. Дейн одарил их предводителя золотом и поклялся им в вечной дружбе.

— Жалко. То есть жалко, что они улетели, я бы их с удовольствием повидал, — сонным голосом произнёс Бильбо. — Может, я увижу их на обратном пути? Скоро мне можно будет отправиться домой?

— Когда пожелаешь, — ответил Гэндальф.

Но в действительности прошло ещё несколько дней, прежде чем Бильбо пустился в обратный путь. Сперва они похоронили Тори́на. Его закопали глубоко под Горой, и Бэрд положил ему на грудь Аркенстон.

— Пусть камень хранится здесь, пока стоит Гора! — произнёс он. — Да принесёт он счастье его народу, который будет жить здесь отныне!

На могиле король эльфов оставил Оркрисст, меч эльфов, отобранный у Тори́-

на в плену. В песнях говорится, будто меч светился в темноте, если приближались враги, поэтому на крепость гномов никто не мог напасть врасплох. Теперь здесь поселился Дейн, сын Нейна, и теперь он стал королём Под Горой, и со временем ещё много гномов собралось у его трона. Из двенадцати спутников Торина осталось десять: храбрые и верные Фили и Кили погибли, прикрывая своими щитами и телами Торина, ибо он приходился им родным дядей. Десятеро остались с Дейном, и Дейн распорядился богатством по совести.

Само собой разумеется, уже речи не было о том, чтобы разделить сокровища, как было задумано, поровну между Балином, Двалином, Дори, Нори и Ори, Ойном и Глойном, Бифуром, Бофуром и Бомбуром и Бильбо. Но Бэрд получил четырнадцатую часть всего серебра и золота в слитках и в изделиях. Дейн сказал при этом:

— Мы сдержим обещание, данное покойным, ведь и он теперь владеет своим Аркенстоном.

Даже и четырнадцатая часть оказалась баснословным богатством, больше богатств любого из смертных королей. Из этой части Бэрд послал много золота бургомистру Озёрного города и щедро одарил своих друзей и сподвижников. Королю эльфов он подарил изумруды Гириона, самую любимую свою драгоценность, которая только что вернулась к нему.

А Бильбо он сказал:

— Золото и серебро столько же твоё, сколько моё, хотя старый договор и утратил силу, — столь многие принимали участие в завоевании и спасении сокровищ. Ты отказался от права на свою долю, однако я бы не хотел, чтобы сбылись прежние слова Торина, в которых он потом раскаялся. Если помнишь, он сказал, будто бы мы поскупимся. Тебя я бы как раз вознаградил щедрее, чем других.

— Ты очень добр, — ответил Бильбо, — но, честное слово, мне так легче. Ведь если бы я повёз домой кучу золота, дорогой не обойтись бы без войн и смертоубийств. А что бы я стал делать с золотом дома? Нет, пусть уж лучше остаётся в твоих руках.

В конце концов Бильбо согласился взять две небольшие шкатулки, одну с серебром, другую с золотом — сколько мог увезти пони.

— Может, с этим я кое-как и управлюсь, — добавил Бильбо.

Настало наконец время проститься с друзьями.

— Прощай, Балин! — сказал он. — Прощай, Двалин, прощайте, Дори, Нори, Ори, Ойн, Глойн, Бифур, Бофур и Бомбур! Пусть никогда не поредеют ваши бороды! — И, обернувшись к Горе, добавил: — Прощай, Торин Оукеншильд! Прощайте, Фили и Кили! Пусть никогда не изгладится память о вас!

Гномы, провожавшие его за ворота, низко поклонились, но не могли вымолвить ни слова от волнения.

— До свидания, счастливый путь, куда бы он ни лежал, — выговорил наконец Балин. — Если вздумаешь навестить нас, когда дворец наш снова станет прекрасным, то какой мы грандиозный пир устроим!

— Если вы когда-нибудь будете проходить мимо моего дома, — сказал Бильбо, — входите не стучась. Чай подаётся в четыре, но милости прошу во всякое время.

И он отвернулся.

* * *

Войско эльфов пустилось в обратный путь. Оно, как ни грустно, сильно уменьшилось, но оставшиеся всё равно радовались: дракон был мёртв, гоблины разбиты; эльфы мечтали о весне, которая шла на смену зиме.

Гэндальф и Бильбо ехали позади короля эльфов, а рядом с ними шагал Беорн в облике человека, всю дорогу смеялся и громко пел. Так они ехали, пока не доехали до границ Чёрного Леса. Тут пришлось сделать привал, так как волшебник и Бильбо не захотели входить в лес, как ни уговаривал их король погостить у него во дворце. Гэндальф и Бильбо решили обогнуть лес с севера, пройдя по пустынной местности, лежавшей между лесом и Серыми горами. Дорога была, конечно, длинной и скучной, но теперь, без гоблинов, здесь казалось безопасней, чем на тёмных тропах в гуще Чёрного Леса. К тому же с ними шёл Беорн.

— Прощай, король эльфов! — сказал Гэндальф. — Да будет весел ваш зелёный лес, мир ещё достаточно молод! Желаю веселья всему вашему народу!

— Прощай, Гэндальф! — ответил король. — Желаю тебе и впредь сваливаться как снег на голову, когда ты нужнее всего. Чем чаще ты будешь гостем в моём дворце, тем мне приятнее!

— Прошу вас, — проговорил Бильбо, запинаясь и переминаясь с ноги на ногу, примите от меня подарок! — И он протянул королю серебряное с жемчугом ожерелье, которое поднёс ему на прощанье Дейн.

— Чем же я заслужил такой дар, о хоббит? — спросил король.

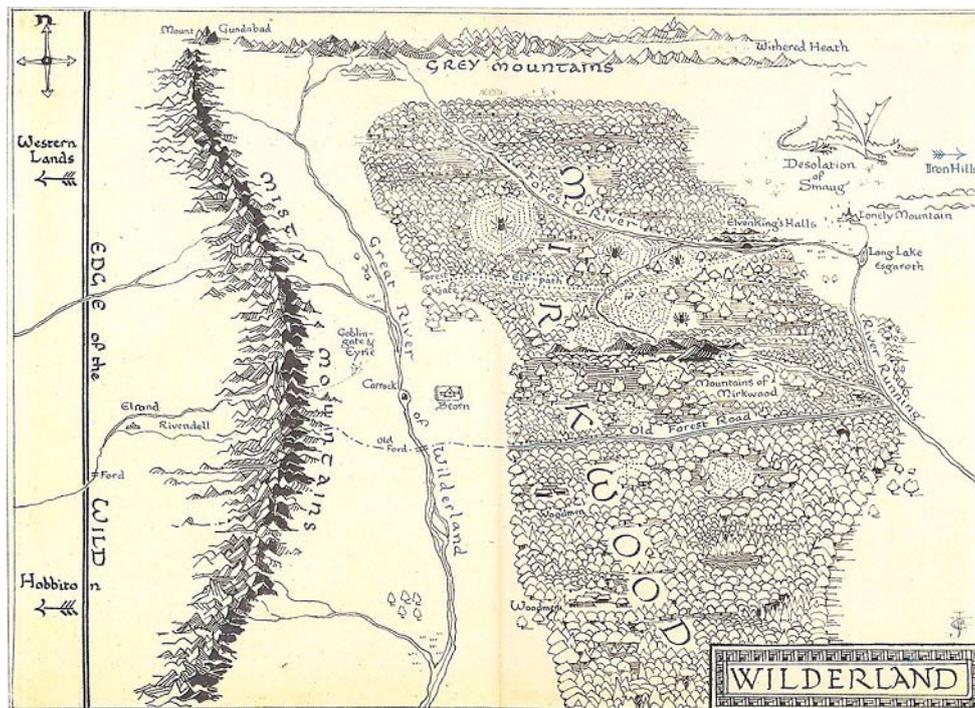
— Э-э-э, я думаю... мне кажется... — промямлил в смущении Бильбо, — я... э-э-э... обязан вам за ваше... м-м-м... гостеприимство. И Взломщикам свойственно чувство благодарности. Я выпил много вашего вина и съел много вашего хлеба.

— Я принимаю твой дар, о Бильбо Щедрый! — торжественно произнёс король. — Причисляю тебя к друзьям эльфов и благословляю. Да не укоротится твоя тень, иначе воровство станет слишком лёгким делом. Прощай!

Карта Мирквуда (Лихолесья, оно же Чернолесье). Дж. Р. Р. Толкиен

Эльфы повернули к лесу, а Бильбо тронулся в долгий обратный путь. В пути им встретилось немало трудностей и разных приключений. Всё-таки дикая местность осталась дикой. В те дни кроме гоблинов там водилось много всякой нечисти. Но на этот раз Бильбо хорошо охраняли и вели правильной дорогой; с ним шли волшебник и Беорн, и Бильбо ни разу не подвергался настоящей опасности. Понемножку, в середине зимы, они добрались до дома Беорна и остались погостить. Святки прошли весело, отовсюду по приглашению Беорна сошлось множество гостей. Гоблины Туманных Гор больше их не беспокоили: после поражения они притихли и попрятались в глубочайшие норы. Варги покинули леса, и люди теперь путешествовали без опаски. Беорн стал предводителем в тех местах и управлял Диким Краем. Говорят, что его потомки в течение многих поколений владели умением превращаться в медведей. Попадались среди них и нехорошие, злые люди, но большинство душой походило на Беорна, хотя были меньше ростом и не такие сильные. При них последних гоблинов выгнали из Туманных Гор, и по соседству с Диким Краем воцарились мир и покой.

Уже настала прекрасная и тёплая весна, светило яркое солнце, когда Бильбо и Гэндальф простились с Беорном. Как ни скучал Бильбо по родному дому, но дом Беорна покидал с сожалением, ибо цветы в саду Беорна весной не уступали чудесным цветам в разгар лета.

Они вышли на дорогу и скоро достигли того перевала, где когда-то попали в лапы гоблинов. На сей раз на перевал они взошли утром и, оглянувшись, увидели землю, освещённую неярким утренним солнцем. Там, далеко на горизонте, еле виднелась Одинокая Гора. На её главной вершине поблёскивал нарастающий снег.

— Вот и снег после огня, — проговорил Бильбо, — и даже драконам приходит конец. — И он повернулся спиной к Горе, как бы ставя точку в конце своего путешествия. Туковское в нём выдыхалось с каждым днём, а бэггинсовское брало верх. — Сейчас я хочу одного: как можно скорее очутиться в собственном кресле!

Последняя глава

Было первое мая, когда наши путешественники добрались до края долины Ривенделл, где стоял Последний (а с этой стороны — первый) Домашний Приют. Опять был вечер, пони устали, особенно тот, что вёз поклажу. Оба всадника нуждались в отдыхе. Спускаясь по крутой тропинке, Бильбо услышал пение эльфов среди деревьев, как будто они так и не переставали петь с их отъезда. Едва всадники очутились на нижней прогалине, эльфы запели песню, очень похожую на прежнюю:

*Нет больше дракона,
Нет огненной пасти,
Низвергнут он с трона,
Конец его власти.
Оружье ржавеет,
И рушатся троны,
Богатство скудеет,
Тускнеют короны —
А листья порхают,
Укрытые тенью,
А воды сверкают,
И слышится пенье:
Тра-та, тра-та-та-та,
В долину, ребя-та!*

*Алмазов светлее
Горят в небе звёзды,
На лунной аллее
Серебряный воздух.
Огонь пышет, братцы,
Как золота слитки!
Зачем же скитаться?
От странствий — убытки.
Тра-та, тра-та-та-та!
Останьтесь, ребя-та!
В какие вы дали
Спешите так поздно?*

*Брести вы устали,
Мигают вам звёзды,
Уймьтесь отныне,
Кончайте скитаться!
Ведь зльфы в долине
Вас просят остаться.
Тра-та, тра-та-та-та,
Останьтесь, ребя-та,
Тра-та! Тра-та-та-та!
Ха-ха!*

Потом эльфы выступили из-за деревьев, поздоровались и провели Бильбо с волшебником через мост к дому Элронда. Там путников приняли радушно и попросили рассказать об их приключениях. Рассказывал Гэндальф, так как сонный Бильбо помалкивал. В большинстве приключений он участвовал сам, и он-то и сообщил волшебнику многое, пока они ехали. Но время от времени, услышав что-нибудь новое, Бильбо открывал глаза и прислушивался.

Так он узнал, почему Гэндальф отсутствовал: он принимал участие в большом совете добрых волшебников, занимающихся белой магией и в этой области весьма сведущих. Им наконец удалось выгнать Некроманта из его мрачного пристанища на южной окраине Чёрного Леса.

— Отныне, — добавил Гэндальф, — лес делается менее опасным, а Север надолго освободится от его злой власти. Но было бы спокойнее, если бы его совсем изгнали из мира, в котором мы живём.

— Лучшего и желать нельзя, — подтвердил Элронд, — но боюсь, что произойдёт это ещё не в наше время, да и вообще не скоро.

За рассказом о путешествии последовали другие рассказы, потом ещё и ещё — о былом и о новых событиях, и о том, чего вовсе не бывало, и наконец голова Бильбо свесилась на грудь, и он сладко уснул.

Проснулся он в белоснежной постели, луна глядела прямо в открытое окно. Снизу, от ручья доносились звонкие голоса эльфов:

*Эй, песенку эту затянем мы хором,
Пусть ветер порхает по травам дозором,
Пушкой в лунном свете все тени короче,
Пусть звёзды сверкают на куполе ночи.*

*Пляшите, пляшите, гоните тревоги,
В траве шелестите, крылатые ноги.
Пусть воды речные звеня протекают,
Мы праздник весёлый отпразднуем в мае.*

*Одарим усталого путника снами,
Пушкой себе дремлет в лесу рядом с нами,
Под голову — травы, пусть спит он, счастливый,
Баюкай его, серебристая Ива.*

*Умолкни, Сосна, не буди его, Ясень,
Пусть сон его будет спокоен и ясен,
Пусть в светлые сны не врываються звуки,
Дубы, не скрипите, умолкните, Буки!*

— Одно слово — Весёлый Народ! — сказал Бильбо, высовывая голову в ок-

но. — Какой же час ночи? Право, ваша колыбельная и пьяного гоблина разбудит! Впрочем, благодарю вас за неё.

— А твой храп разбудит и дракона за тридевять земель! — возразили ему со смехом. — Но мы тоже тебя благодарим. Приближается рассвет, а спишь ты с вечера.

— Поспать в доме Элронда — великое дело, — отозвался Бильбо, но я бы хотел ещё и выспаться в нём. Доброй ночи ещё раз, мои прекрасные друзья! — И Бильбо опять бросился на постель и проснулся лишь поздним утром.

Усталость его скоро прошла, и он не раз плясал и перекидывался шутками с эльфами рано утром и поздно ночью. Но даже жизнь в долине эльфов не могла его удержать, его всё время тянуло домой. Поэтому через неделю он простился с Элрондом, с великим трудом уговорил его принять подарки и поехал с Гэндальфом дальше.

Как только они выехали из долины, небо потемнело, поднялся ветер и полил дождь.

— В мае не соскучишься! — сказал Бильбо, пряча лицо от хлеставшего дождя. — Что же, легенды остались позади, мы возвращаемся домой. Наверное, это первая весточка о доме.

— Дорога впереди ещё длинная, — заметил Гэндальф.

— Но зато она ведёт только к дому и никуда больше, — ответил Бильбо.

Они доехали до реки, отмечавшей границу Дикого Края, и спустились с крутого берега к знакомому броду. Вода в реке поднялась, так как снега таяли и дождь лил день-деньской. Они кое-как переправились на другую сторону и поспешили вперёд, ибо уже вечерело. Путешествие повторялось в обратном порядке за тем исключением, что компания была меньше, настроение грустнее и не было троллей.

По дороге Бильбо то и дело узнавал места и вспоминал, что тут или там произошло год назад и что при этом говорилось (ему казалось, что прошло десять лет). Конечно же, он сразу заметил место, где пони убежал в реку, а они свернули с дороги и пережили пренеприятные приключения с Томом, Бертом и Биллом.

Невдалеке от дороги Гэндальф и Бильбо откопали спрятанное ими год назад золото троллей.

— Мне и так до конца жизни хватит, — сказал Бильбо. — Лучше ты возьми его, Гэндальф. Уж кто-кто, а ты найдёшь ему применение.

— Найти-то найду! — ответил Гэндальф. — Но я за справедливый делёж. Кто знает, может быть, тебе понадобится золота гораздо больше, чем ты думаешь.

Они положили золото в мешки и взвалили на пони, чем те остались очень недовольны. После этого продвижение их сильно замедлилось, так как большую часть пути пришлось брести пешком. Но зато как приятно было ступать по мягкой зелёной траве! Хоббит шёл и наслаждался и утирал пот красным шёлковым платком. Но не своим — из его запаса ни один не уцелел, и этот платок дал ему займы Элронд, ибо с июнем пришло лето, а с ним — зной.

Поскольку всё на свете имеет конец, и наша повесть тоже, то настал день, когда они завидели местность, где Бильбо родился и вырос, где каждый холмик и каждое дерево были знакомы ему как свои пять пальцев. С бугра он увидел вдалеке родной Холм и вдруг остановился и произнёс.

*Дорога вдаль и вдаль ведёт,
Через вершины серых скал —
К норе, где солнце не сверкнёт,
К ручью, что моря не видал.
По снегу зимних холодов
И по цветам июньских дней,
По шёлку травяных ковров
И по суровости камней.*

*Дорога вдаль и вдаль ведёт,
Под солнцем или под луной,
Но голос сердца позовёт —
И возвращаешься домой.
Молчишь, глядишь, глядишь кругом,
И на лугу увидишь ты
Знакомый с детства отчий дом,
Холмы, деревья и цветы.*

Гэндальф покосился на него.

— Бильбо, дорогой! — сказал он. — Что с тобой? Я тебя не узнаю!

Они перешли через мост, миновали мельницу на реке и оказались у дома мистера Бэггинса.

— Боже милостивый! Что происходит?! — воскликнул он в изумлении.

У дверей толпилась масса народу, самого разного — солидного и несолидного; все входили и выходили и, как с досадой отметил Бильбо, даже ног не вытирали о коврик.

Впрочем, его удивление нельзя сравнить с их удивлением. Дело в том, что он вернулся в разгар аукциона. На калитке висело большое объявление, чёрным по белому гласившее, что 22 июня господа Грабб, Грабб и Бэрроуз будут продавать с аукциона имущество покойного Бильбо Бэггинса, эсквайра, из Бэг-Энда Под Холмом, графство Хоббитон; распродажа состоится ровно в десять утра. Сейчас почти подошло время ленча, и большая часть вещей была распродана за различную цену, а вернее сказать, за бесценок, как нередко водится на аукционах. Родственники Бильбо, Саквиль-Бэггинсы, как раз занимались тем, что измеряли комнаты, желая проверить, уместится ли тут их собственная мебель. Словом, Бильбо был признан пропавшим без вести, и не все обрадовались, когда оказалось, что он жив и здоров.

Возвращение мистера Бильбо Бэггинса вызвало большой переполох как Под Холмом, так и За Холмом и По Ту Сторону Реки. Интерес к этому событию спал далеко не сразу. Юридическая волокита продолжалась ещё несколько лет. Много утекло воды, прежде чем мистера Бэггинса признали живым. Тех, кто на распродаже купил вещи по дешёвке, пришлось убеждать в этом особенно долго. В конце концов, чтобы сэкономить время, Бильбо откупил обратно большую часть собственной мебели. Но его серебряные ложечки так и пропали безвозвратно. Откровенно говоря, он подозревал, что это дело рук Саквиль-Бэггинсов. Что касается этих родственников, то они так и не согласились считать вернувшегося Бэггинса подлинным и относились к нему недружелюбно. Уж очень им хотелось жить в его славной норке.

Кроме того, Бильбо обнаружил, что потерял не только серебряные ложечки — он потерял репутацию. Правда, всю свою жизнь он оставался другом эльфов, его посещали гномы, волшебники и тому подобные личности, но он пере-

стал считаться почтенным хоббитом. В Хоббитоне он слыл «тронутым», другого мнения придерживались только его племянники и племянницы по туковской линии, но и то взрослые не одобряли их дружбы с Бильбо.

Должен честно сказать, что его это ни капли не волновало. Он был вполне доволен жизнью, чайник у него на очаге пел ещё музыкальнее, чем прежде, в безмятежные дни, до эры Незванных Гостей. Кинжал он повесил над камином. Кольчугу растянул в прихожей, а впоследствии подарил музею. Золото и серебро разошлись главным образом на подарки (что до некоторой степени объясняет привязанность к нему племянников и племянниц). Волшебное кольцо он хранил в глубокой тайне и пользовался им, когда приходили неприятные посетители.

Он пристрастился писать стихи и ходить в гости к эльфам. Многие соседи покачивали головами, вертели пальцами у лба и говорили: «Бедняга Бэггинс!» Мало кто верил рассказам о его приключениях. Но Бильбо, несмотря ни на что, чувствовал себя счастливым до конца жизни, а жизнь его была на редкость долгой.

* * *

Однажды осенним вечером несколько лет спустя после путешествия Бильбо сидел в кабинете и писал мемуары. Он думал назвать их «Туда и обратно. Странствия хоббита». Вдруг в дверь позвонили, вошёл Гэндальф и с ним гном не кто иной, как Балин!

— Входите! Входите! — закричал Бильбо. Они уселись в кресла у камина. Балин заметил, что жилет на мистере Бэггинсе стал не в пример богаче, чем раньше, с настоящими золотыми пуговицами. А Бильбо заметил, что борода у Балина удлинилась ещё на несколько дюймов. И на нём роскошный пояс, расшитый драгоценными камнями.

Они, естественно, предались воспоминаниям. Бильбо спросил, как поживают Под Горой и вокруг неё. Выяснилось, что живут все как нельзя лучше. Бэрд выстроил город Дейл заново, и туда собрались люди с озера, с юга и запада; долину возделывают, и она опять сделалась плодородной. Места Запустения весной изобилуют цветами и птицами, осенью славятся плодами и праздничными пирами. Озёрный город тоже восстановили, и теперь он опять разбогател, и по реке Быстротечной вверх и вниз снуют лодки с товарами. Эльфы, гномы и люди живут в большой дружбе.

Старый бургомистр кончил плохо. Бэрд дал ему много золота для жителей Озёрного города. Но так как бургомистр принадлежал к тому сорту людей, кто легко подхватывает заразу, то он и заболел драконовой болезнью, забрал почти всё золото, сбежал в Дикий Край и там умер от голода.

— Новый бургомистр ведёт себя умнее, — закончил Балин, и пользуется большой популярностью. Ему, естественно, вменяется в заслугу нынешнее процветание. В новых песнях уже поётся про то, как при нём наконец потекли золотые реки.

— Так, значит, в каком-то смысле старинные пророчества сбылись? — заметил Бильбо.

— Конечно! — ответил Гэндальф. — Почему бы им не сбыться? Ты, надеюсь, не утратил веры в пророчества оттого, что сам помогал их осуществлять? Не

думаешь же ты всерьёз, будто всякий раз ты выходил сухим из воды просто так, благодаря твоей счастливой звезде? Право же, всё складывалось так удачно не только ради твоего спасения. Спору нет, мистер Бэггинс, личность вы превосходная, и я вас очень люблю, — тут он добродушно улыбнулся маленькому хоббиту, — но не забывайте, пожалуйста, что мир огромен, а вы персона не столь уж крупная!

— Ну и прекрасно! — засмеялся Бильбо. — Зато у меня отличный табачок! — И протянул волшебнику табакерку.

* * *

Автор этой книги — Джон Рональд Руэл Толкиен (1892–1973) — известный учёный, профессор литературы из Оксфорда, специалист по средневековому фольклору и мифологии. Сказочную повесть об удивительном и трогательном народце хоббитах профессор Толкиен написал в 1936 году. После «Хоббита» Дж. Р. Р. — так называют Толкиена во всём мире — создал трилогию «Властелин Колец» о дальнейшей судьбу Волшебного кольца и персонажах «Хоббита» и этим навечно вписал своё имя в историю английской фантастической литературы.

95 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Властелин колец

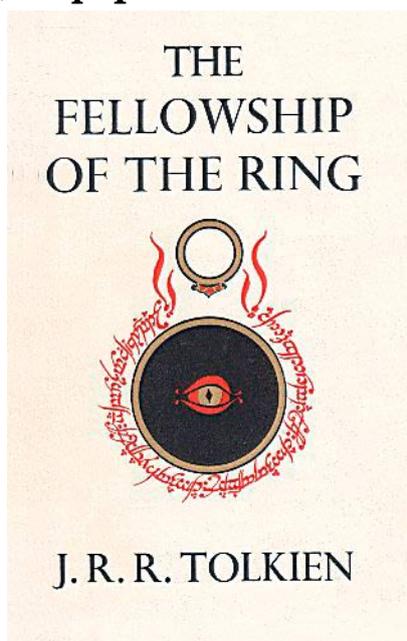
Введение

Lord of the Rings

роман-эпопея

Обложка первого издания «Братства Кольца», первой части романа (George Allen & Unwin, 1954). Оформление выполнено автором.

Первое полное издание перевода Кистяковского и Муравьёва (М.: Радуга, 1988–1992)

Одно из самых известных произведений жанра фэнтези. «Властелин колец» был написан как единая книга, но из-за объёма при первом издании его разделили на 3 части. В виде трилогии он публикуется и по сей день, хотя часто в едином томе.

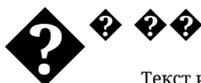
«Властелин колец» является одной из самых известных и популярных книг XX века. Книга переведена по меньшей мере на 38 языков. Она оказала огромное влияние на литературу в жанре фэнтези, на настольные и компьютерные игры, на кинематограф и вообще на мировую культуру. Именно под влиянием работ профессора Толкиена появилось ролевое движение.

Хранители

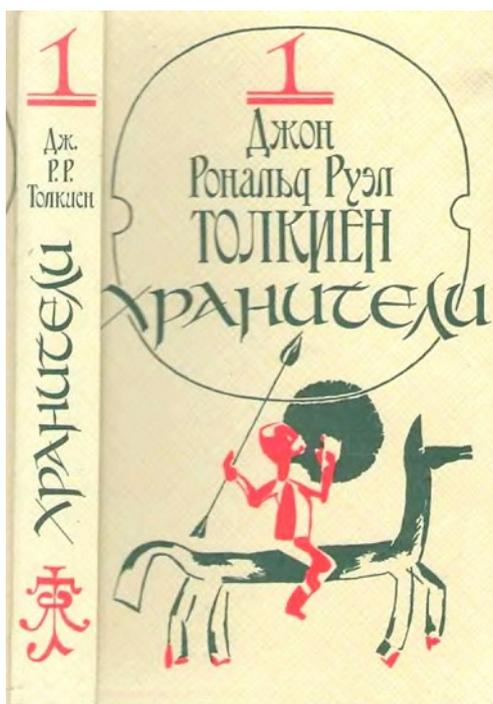
Введение

The Fellowship of the Ring

London 1954

Текст и оформление воспроизведёны по книге:

© Предисловие и перевод на русский язык издательство «Радуга», 1988

Предисловие В. Муравьёва

Джон Рональд Руэл ТОЛКИЕН

ХРАНИТЕЛИ

ЛЕТОПИСЬ ПЕРВАЯ ИЗ ЭПОПЕИ «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Перевод В. Муравьёва (Пролог и Книга первая) и А. Кистяковского (Книга вторая и все стихотворения)

Оформление художника Э. Зарянского

Известный британский писатель в своей философской сказочной повести, составляющей первую книгу эпопеи «Властелин Колец», отстаивает идеи человечности, готовности к подвигу и самопожертвованию во имя родины, культурного единения народов.

Языком образов, созданных на материале валлийских легенд, ирландских и исландских саг, скандинавской мифологии и древнегерманского эпоса, автор недвусмысленно заявляет, что победа добра в мире и в человеческой душе зависят от самого человека.

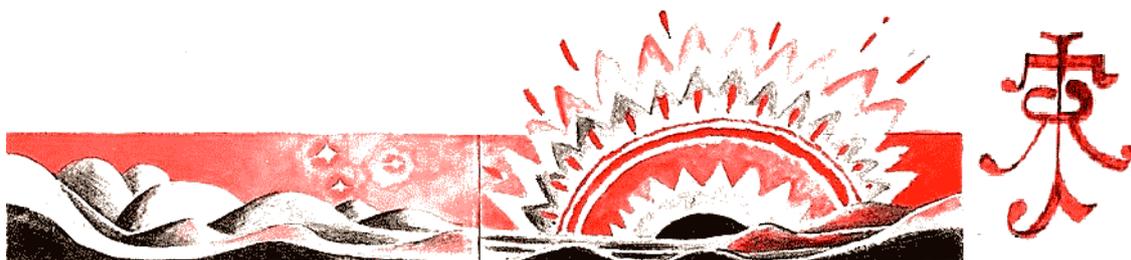

1. Хоббитания
2. Векочувный лес
3. Великий Западный Тракт
4. р. Барандунн, или Брендиллум
5. оз. Морок
6. р. Буйиал, или Миттейиал
7. р. Бесноватал, или Бруниен
8. р. Сержеструй
9. Северное нагорье
10. г. Фортост, или Северн
11. р. Андунн, или Великая Река
12. Голубые горы
13. Мория
14. Остранна, или Дуброва
15. Лоритан
16. Мглистые горы
17. р. Изен
18. Сирые Равнины
19. Эриадор
20. Лихомесье
21. Мустангрим, или Вистания
22. Гондор
23. Белые горы
24. Бурые Равнины
25. г. Эстарот
26. Одинокая гора

27. Подгорное Нарктало
28. Серые горы
29. Долгое озеро
30. Железистый крик
31. Галхоманье
32. Этгейбал
33. Пристань Шюнна
34. Ангмар
35. Раздог
36. крепость Дув-Гулдур
37. Приречное нагорье
38. Гиблые Болота
39. Нандамф, или Болонь
40. г. Минас-Тирит
41. Итильские земли
42. Мордор
43. Черные горы
44. Назарные горы
45. Горгорот
46. Бард-Дур, или Бастион Тьмы
47. Ородруин, или Роковая гора
48. Рушное озеро
49. Арнор
50. крепость Исенгард
51. г. Норгора
52. гора Заперт

Летопись первая из эпопеи «Властелин колец»

Предыстория

Долгая жизнь Джона Рональда Руэла Толкиена (1892–1973) закончилась — именно закончилась, а не оборвалась! — полтора десятка лет назад. Она стала преддверием его посмертного существования на земле, конца которому пока не предвидится. Если подыскивать подобие для этой жизни, то больше всего она, пожалуй, похожа на просторный, но вовсе не огромный, просто большой кабинет, он же домашняя библиотека, в старинном, то есть всего-навсего викторианском, доме; справа камин с мраморной доской, кресло у камина, гравюры, резные этажерочки с диковинками — между стеллажами. Много всякого (больше всего книг, хотя их не слишком много), но ничего, как ни странно, лишнего. А хозяин словно сейчас только вышел и вот-вот вернется — вышел не через дверь (через дверь мы вошли), а через сияющее и поистине огромное окно в другом конце кабинета. И его жизнь — вовсе не кабинетная, но это потом — представима лишь в ярком и чистом свете.

Выйти-то он, конечно, вышел, от смерти никуда не денешься, но вышел затем, чтобы остаться с нами. И остался, даром что его покамест в кабинете вроде бы и нет; ну как же нет, есть он, и даже без особенной мистики — говорил же завзятый материалист лорд Бертран Рассел: почему мы знаем, вдруг столы за нашей спиной превращаются в кенгуру? Такого нам не надо, обойдемся без австралийских сумчатых, а вот Джон Рональд Руэл, разумеется, присутствует за нашей спиной, и вырастают за нею деревья, без которых он жизни никак не мыслил, они были для него главным жизнетворным началом. И много чего еще до странности знакомого мы обнаружим наяву стараниями Дж. Р. Р. Толкиена, невзначай оглянувшись.

Но мы не оглядываемся — успеется; мы медленно обводим глазами оставленную нам на обозрение долгую жизнь. И *очертания* воображаемого кабинета расплываются: в последние годы жизни профессора Толкиена его скромная библиотека размещалась в бывшем гаражике, пристроенном к стандартному современному домику на окраине Оксфорда. Пристройка эта, кстати, заодно служила кабинетом, где всемирно известный автор эпопеи «Властелин Колец» принимал посетителей, в том числе и английского литератора Хамфри Карпентера, который впоследствии, в 1977 году, опубликовал его жизнеописание, сущий кладезь фактов — черпай не вычерпашь. Будем черпать. Перенесемся от конца жизни к ее началу и представим себе времена почти непредставимые, хоть не такие уж и далекие.

Джон Рональд Руэл Толкиен (и Джон, и в особенности Руэл — имена фамильные, до поры до времени, а у друзей всегда он звался просто Рональдом) родился 3 января 1892 года в городе Блумфонтейне, столице южноафриканской Оранжевой Республики, за семьсот с лишним километров к северо-востоку от Кейптауна, посреди ровной, пыльной, голой степи — вельда. Через семь лет разбушевалась взбудоражившая весь мир и открывшая XX век англо-бурская война, повсюду запели «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне», а название жалкого городка замелькало во фронтовых сводках на первых страницах газет. Но пока это была такая глушь... Такая самая, в которую было тогда принято отправлять молодых англичан — чтобы выказывали и доказывали упорство и предприимчивость. Вот и англичанин в третьем поколении Артур Толкиен, внук германского иммигранта фортепьянных дел мастера Толькюна, когда семейная фирма вконец разорилась, выхлопотал се-

бе место управляющего банком в Блумфонтейне. Ему хотелось не столько ехать за тридевять земель, сколько жениться на любимой девушке, некой Мейбл Саффилд, чей отец, опустившись от суконщика до коммивояжера, требовал от жениха жизненных перспектив. В родном Бирмингеме их не было, а в Южной Африке пусть отдаленные, но обозначались. Мейбл отдали скрепя сердце, и Артур увез ее в тридешатое царство, то бишь в Оранжевую Республику, где она родила ему не только вышеупомянутого Рональда, но и младшего его брата Хилари Артура Руэла.

Очень мало осталось в памяти у старшего сына от Южной Африки: ну, тарантул укусил, ну, змеи живут в сарае и туда маленьким ходить нельзя, по забору скачут соседские обезьянки, норовят не то стащить, не то слопать белье, по ночам воют шакалы и рычат львы, отец сажает деревца, а кругом страшный простор безграничного вельда, тяжкий зной и жухлая высокая трава. А больше, пожалуй, и ничего. Нет, качал головой профессор Толкиен, больше, кажется, ничего не помню.

В апреле 1895 года мальчики вместе с матерью отплыли в Англию — повидаться с родными и отдохнуть от южноафриканского климата. Отдохнули неплохо и собрались обратно к отцу. Накануне отъезда, 14 февраля 1896 года, под диктовку четырехлетнего Рональда писалось письмо: «Я теперь такой стал большой, и у меня, совсем как у большого, и пальтишко, и помочи... Ты, наверно, даже не узнаешь и меня, и малыша...» Письмо это не было отправлено, потому и сохранилось. В этот день пришла телеграмма о том, что у отца кровоизлияние в мозг — следствие ревматизма. На следующий день — о его смерти.

Плыть в Южную Африку было незачем. Мейбл Толкиен осталась в Бирмингеме с двумя малолетками сиротами на руках и почти без средств к существованию: очень немного удалось скопить ее мужу за пять блумфонтейнских лет. Правда, она знала латынь, французский, немецкий, рисовала, играла на фортепьяно — могла, стало быть, давать уроки. И решила как-нибудь сводить концы с концами, главное же — ни от кого не зависеть, ни на кого не рассчитывать, никому не быть обязанной. Впрочем, на бедствующую родню с обеих сторон надеяться и не приходилось. Она задешево сняла коттедж за городом, возле дороги из Бирмингема в Стратфорд-на-Эйвоне. Дети должны расти у реки или озера, среди деревьев и зелени — таково было одно из ее твердых убеждений. Мейбл вообще придерживалась убеждений твердых и вскоре обрела для них прочную основу, обратившись в католичество. (Она овдовела в двадцать пять лет, была очень миловидна и обаятельна, но жить заново не собиралась.) По тогдашним временам в Англии обращение это означало многое, и прежде всего, помимо перемены общепринятых мнений, особый образ жизни, почти демонстративно противопоставленный общему социальному быту.

Мало того, она и детей решила, что называется, «испортить», сильно затруднив им жизнеустройство, и со свойственной ей неукоснительностью занялась их религиозным воспитанием. Роль этого материнского решения в судьбе и формировании личности Рональда Толкиена трудно переоценить. Волею обстоятельств оно стало необратимым, и Толкиен никогда ни на йоту не поступился преподанными ему в нежном возрасте религиозными принципами. Правда, никакого неопитского рвения у него не было, и в отличие, скажем, от своего старшего современника, новообращенного Г. К. Честертона, он

не считал нужным провозглашать свое кредо на всех перекрестках. Зато в другом они очень схожи: оба эти приверженца римско-католического вероисповедания — англичане до мозга костей. Рональд, кстати, и внешне удался в мать (Хилари — в отца) и по-настоящему дома чувствовал себя только в глубокой английской провинции, вустерширской «глубинке».

Мейбл преподавала сыновьям отнюдь не только вероучение и закон божий. По-видимому, у нее был недюжинный педагогический талант, унаследованный старшим сыном: она прекрасно подготовила мальчиков к учебе в самой престижной школе Бирмингема, предъявлявшей очень высокие требования. Именно она приохотила Рональда к любовному изучению языков; именно ей он обязан тем, что в конце концов, победив на конкурсе, обеспечил себе в 1903 году возможность учиться на казенный счет. Не случись этого, совсем другая была бы у него судьба. Потому что Мейбл Толкиен умерла в 1904 году.

Детей она препоручила своему духовнику, отцу Френсису Моргану; из него получился заботливый, усердный, надежный и строгий опекун. Остатком сбережений он распорядился как нельзя более умело; свои деньги (а их у него было в обрез) прикладывал не считая. Прожил он, по счастью, еще долго, и его подопечные на всю жизнь сохранили к нему почтительную благодарность. Он, правда, сделал серьезный промах, за который Рональд был ему особенно признателен: подыскав мальчикам в 1908 году пансион (с двоюродной теткой они не ладили), отец Морган не обратил никакого внимания на одну тамошнюю жиличку — девятнадцатилетнюю незаконнорожденную сироту Эдит Брэтт. По роду своих занятий он, видимо, не привык замечать молоденьких и очень хорошеньких девушек, тем более что эта была на три года старше Рональда.

Нельзя сказать, чтобы Рональд был развит не по летам; напротив, ему было в точности шестнадцать. Его филологическая одержимость уже сказала в полной мере, но она была вовсе не угрюмая, а веселая и затейливая. К этому времени он хорошо знал латынь и греческий, сносно — французский и немецкий, но подлинным открытием для него стали готский, древнеанглийский и древнеисландский, а затем и финский. Он даже не столько изучал языки, то есть изучал, конечно, но не грамматически, не формально, — он вникал в них и проникался ими, воспринимая не слова и не конструкции, а тексты, по преимуществу поэтические, в их животрепещущей языковой насыщенности. И тексты казались ему нотными записями. Ему не хватало наличной лексики языка — скажем, готского, — и он методом экстраполяции, с помощью чутья и воображения, создавал слова и обороты, которые могли быть, должны были быть. Собственно, и языков ему тоже не хватало, и он начинал изобретать новые, например скрещивая древнеанглийский и уэльский на фоне финского. Изобретались и алфавиты. Можно было предвидеть, что раньше или позже для этих новоизобретенных праязыков понадобится, чтобы закрепить ощущение языкового единства, изобретать тексты, а для текстов — праисторию и прамифологию. И «Беовульф», и «Сага о Вёльсунгах» казались ему — и не зря — отзвуками древнейших эпических преданий. Они не сохранились — ну что ж, значит, надо их...

Мы забегаем вперед. Процесс этот шел, но в школьные годы так далеко еще не продвинулся. Увлеченность Рональда была очень заразна, и он прекрасно умел ею делиться. В школе он основал первое в своей жизни филоло-

гическое сообщество, своеобразный «клуб четырех». Впоследствии такого рода клубы при участии Толкиена возникали как бы самопроизвольно, но никогда и ни с кем у него не было более тесных дружеских отношений, чем с этими тремя однокашниками. Тут стоит заметить, что щупловатый Рональд во все не был ни тихоней, ни заморышем. Нет, это был общительный и веселый, чтоб не сказать — проказливый, подросток, отчасти даже спортсмен — регбист, игрок школьной команды.

Словом, в общем счете Рональду было примерно шестнадцать; а вот очаровательная резвушка Эдит Брэтт, для которой потом будет придумано имя Лучиэнь и легенда на придачу и которая пока что, в пансионе, снимала комнатку этажом ниже, — та, по-видимому, была моложе своих девятнадцати. Из комнатки доносилось пение и стрекот швейной машинки; вообще-то она окончила музыкальную школу и собиралась стать учительницей музыки, а вдруг да и пианисткой. Своего пианино у нее не было, а на том, что стояло в гостиной, хозяйка пансиона охотно разрешала играть для гостей, упражняться на нем не дозволялось. Вот она и шила — не сидеть же без дела! Тем более что с музыкальной карьерой было не к спеху: от матери осталось кой-какое наследство (земельный участок), и на прожитье худо-бедно хватало. Но жилось ей довольно одиноко, и с Рональдом они сразу подружились — у них обоих был талант человеческого общения. Они заключили наступательно-оборонительный союз против хозяйки пансиона. Они закупали лакомства на сэкономленные гроши и (втроем с Хилари) устраивали тайные пирушки. Они (вдвоем с Рональдом) гуляли, проказничали, катались на велосипедах. Скорее всего эта дружба с естественным оттенком полувлюбленности и двумя-тремя робкими поцелуями осталась бы светлым промельком, чистым воспоминанием юной поры. У них не было главного — не было общности интересов, а упорный интерес Рональда к слову уже стал средоточием его жизни. Но тут вмешался опекун.

Вначале недооценив опасности девического соседства, отец Морган затем ее переоценил. Он привык выслушивать исповеди и видеть изнанку отношений полов — то, что настоятельно требует покаяния. Рональду каяться пока было явно не в чем (а то бы он, кстати, покался), но когда отец Морган стороной случайно узнал об одной велосипедной прогулке своего подопечного, он сопоставил факты, встревожился и принял меры. Он немедленно переселил мальчиков от греха подальше и запретил Рональду всякие встречи и всякую переписку с Эдит. Не от черствости и не из ханжества: он объяснил ему, что до двадцати одного года за его будущее в ответе опекун, а будущее его решается в ближайшие два года. Ему прямая дорога в Оксфорд, но платить за обучение им и вместе с опекуном не по карману. Есть лишь один выход: блестяще сдать вступительные экзамены и получить именную стипендию. Таковая присуждается только до девятнадцати лет; в январе 1911 года будет уже поздно, и придется избирать иное жизненное поприще. Между тем нежные отношения со взрослыми девицами учебе нимало не способствуют.

Не способствует ей и насильственное разлучение с подругой, которая оттого становится втрое дороже; горечь и тоска тоже не способствуют. Однако прав был и отец Морган: Рональд действительно подзапустил занятия, и первая его попытка поступить в Оксфорд успехом не увенчалась. Впору было впасть в уныние, опустить руки и заодно уж взбунтоваться против опекуна.

Все это, однако, было не в натуре Рональда. Он, напротив, засел за книги, но и от регби не отлынивал, а уж в «клубе четырех» развернулся вовсю. И в декабре 1910-го все-таки стал оксфордским стипендиатом.

В Оксфорде ему повезло с наставниками: тщательно выявив характер его способностей и устремлений, в нем угадали будущего крупного ученого-педагога и перевели с классического отделения, куда он поступил, на недавно созданное отделение истории английского языка и литературы — со специализацией по языку, разумеется. Впрочем, как уже говорилось, язык был для него функцией текста, и текста поэтического. (Хроника тоже воспринималась как поэтический текст.) Он начал писать стихи, сперва как бы переводы с древнеанглийского, потом — все больше и больше отдаваясь от подлинника, сам толком не зная куда. Со школьными друзьями из «клуба четырех» он поддерживал близкие отношения (хотя завелись и новые друзья) и, конечно, читал им создания своей лингвистической музыки. Один из них спросил его: «Слушай, Рональд, а о чем это?» И Рональд задумчиво ответил: «Еще не знаю. Надо выяснить». Шел 1914 год.

Все ли переменялось после 4 августа, дня вступления Англии в войну? Для Толкиена — почти ничего: те же аудитории, те же преподаватели, такие же лекции. Сверстников, правда, сильно поубавилось — в ответ на призыв лорда Китченера многие тысячи студентов ушли на фронт рядовыми. Толкиен этого не сделал; вместе с двумя друзьями из школьного клуба он записался в полк Ланкаширских стрелков (третий друг ушел на флот), и к академическим занятиям прибавились военные учения. Стихов он писал все больше, и в них стали все отчетливее вырисовываться очертания сказочно-мифологической страны Валинор, озаренной не солнцем и не луной, а сиянием двух деревьев. Живут там, кажется... эльфы, и язык у них... эльфийский. Он перепечатал стихотворения (их набралось десятка три) и предложил их лондонскому издательству католической ориентации. Стихи были отвергнуты с холодным негодованием: хорошенькие развлечения у молодого католика в годину бедствий! И что это еще за Валинор? Чуть ли не язычеством пахнет...

Их отношения с Эдит возобновились еще в 1913 году; в тот самый день, как ему исполнился двадцать один год, Рональд сделал ей письменное предложение. Оказалось, правда, что она тем временем обручилась с другим, но это недоразумение было улажено, и она согласилась ждать дальше — уже в качестве невесты перед богом. Этот заключенный на небесах брак был освящен на земле 22 марта 1916 года, с благословения отца Моргана. А 4 июня Ланкаширских стрелков отправили во Францию: готовилось грандиозное наступление на реке Сомме. Младшему офицеру связи Дж. Р. Р. Толкиену предстояло в нем участвовать.

Началось оно 1 июля, и в этот день на пятнадцатимильном участке фронта легли мертвыми шестьдесят тысяч англичан; таких потерь британская армия еще не знала. В гряде гниющих трупов остался один из «клуба четырех». Батальон Толкиена бросили в огонь 14 июля; Джон Рональд Руэл оказался среди уцелевших. И вышел невредимым из дальнейших, столь же бесплодных атак — июльских, августовских, сентябрьских, октябрьских. Чудес храбрости он не совершал — да в этой мясорубке и не было места чудесам, — он просто шел или полз под огнем по грязи и по мертвым телам бок о бок с другими, и солдаты считали его своим, и это наверняка было для него главное. Много лет

спустя он писал об одном из героев эпопеи «Властелин Колец»: «Мой Сэм Скрэмби целиком срисован с тех рядовых войны 14-го года, моих сотоварищей, до которых мне по человеческому счету было куда как далеко».

Без малого четыре месяца на передовой в разгар самой кровопролитной из тогдашних бесславных битв, а потом — сыпной тиф, повальное окопное заболевание. И в такой острой форме, с такими осложнениями, что почти два года пришлось скитаться по госпиталям; на фронт он больше не попал. В декабре 1916-го получил он письмо от школьного друга из «клуба четырех», убитого через несколько дней: «...дай тебе Бог сказать все и за меня тоже, хоть когда-нибудь, когда меня уже давно не будет на свете...»

Тут, собственно, конец биографической предыстории и начало семейной жизни и академической карьеры профессора Толкиена — это с одной стороны, а с другой — тогда-то, на больничной койке, он наконец понял, что он пишет и что ему надо писать помимо ученых исследований и наряду с ними. Оказывается, надо глубже и глубже, не жалея трудов, вчитываться в саги и хроники, эпические песни и предания, в сказки и легенды и различать за ними, да не за ними, а в них, между строк, облик некоего связующего сказочно-мифологического целого и затем, с помощью чутья и воображения, воссоздавать его нынешними словами. Он пишет «Книгу утраченных сказаний». Для того чтобы — «не смейтесь, пожалуйста!» (это он в письме) — «можно было ее просто посвятить Англии, моей стране».

Вот и видно, что не писатель Толкиен — в том смысле, с каким мы привыкли связывать писательство. Визионер какой-то, выдумщик. К двадцати восьми годам жизнь дает ему столько материала! Можно о детстве, о раннем сиротстве, что-нибудь в жанре «Дэвида Копперфилда». Можно школьный роман, религиозно-проблемный, университетский, можно вполне содержательную любовную историю. А военный опыт чего стоит! Взять хоть ровесника его, Р. Олдингтона, модного в 20—30-е годы представителя английского «потерянного поколения». Тот на передовой провел гораздо меньше, но не простил этого своей родине и в романе «Смерть героя» излил законное негодование против Англии, заключив прочувствованный монолог словами: «Да поразит тебя сифилис, старая сука!»

Так что очень нетипичен и совсем не ко времени был стыдливо-патриотический замысел Толкиена слить «в одно широкое и ясное лазорье» видение мира, присущее англосаксонскому, кельтскому, исландскому, норвежскому, финскому эпосам. Когда-то он писал о «Калевале»: «Хотел бы я, чтобы у нас в Англии было что-нибудь в этом роде». Теперь он вознамерился создать «что-нибудь в этом роде» в крайне неблагоприятной общественной атмосфере — и если не вопреки своему жизненному опыту, то почти вне связи с ним. Но без сопряжения с жизненным опытом, с современностью могло получиться только то, что и получалось, — псевдоэпос, стилизация, имитация. Другое дело, что сам по себе опыт еще не подсказка; надо найти способ его использования, общения к замыслу, пусть и самому фантастическому.

И замысел этот добрых два десятилетия срастался с его профессией, душой, воображением и даже просто бытом. Срастался — и, разумеется, преображался. Он стал называться «Сильмариллион» — потому что сердцевиной его сюжета сделалась история трех украденных из рая земного, страны Валинор, волшебных бриллиантов, Сильмариллов. Валинор же стал обителью божеств,

или, если угодно, архангелов-демиургов, соучастников творения мира, Средиземья. Кроме того, Валинор — обетованный край для первородных существ Средиземья, бессмертных эльфов. Там бессмертье им не в тягость, а в Средиземье оно их постепенно изнуряет, становясь дурной циклической бесконечностью аналогичных происшествий. Поэтому людям, сотворенным вслед за эльфами в том же облике, смерть дарована в виде особой милости, как таинственный залог иного, высшего назначенья, высшего, нежели даже блаженство.

Однако не будем вдаваться в тонкости; кое-что из этого нелишне знать читателю «Властелина Колец», но поскольку «Сильмариллион» — самостоятельное произведение, постольку мы его оставим в стороне. Так, в стороне останется почти вся его первая часть, мифы творения, над которыми Толкиен трудился едва ли не больше всего и которые в окончательной, посмертной редакции «Сильмариллиона» выглядят все-таки довольно убого. Достаточно знать, что это — попытка образного осмысления и, так сказать, сюжетной интерпретации первой главы библейской Книги Бытия; тут нет ничего удивительного, потому что Средиземье в начальном и конечном счете — наш мир. Отметим лишь, что Толкиеновское осмысление гораздо более ортодоксально, чем это может показаться на первый взгляд.

Зато не мешает знать, откуда взялись в Средиземье гномы, а также орки, драконы, тролли и прочая нечисть, не говоря уже о самом Властелине Колец. Гномы — плод самодеятельности одного из демиургов, мастеровитого и нетерпеливого: он никак не мог дожидаться, когда же наконец вседержителю благоугодно будет кого-нибудь сотворить. Будучи как бы телепатически в общих чертах знаком с вышним замыслом, демиург сотворил существа кряжистые и упорные, хорошо приспособленные к борьбе со злом (изначально опоганившим Средиземье), но несколько аляповатые. Он не сообразил, что даровать им свободу воли не в его власти, и так бы и остались гномы големами, если бы вседержитель не смилостивился и не разрешил гномов — с тем только, что они покамест будут почивать в горных недрах, а выйдут на свет божий в свой черед. Поэтому в Средиземье и бытует легенда, будто гномы сами собой произошли из камня.

Зло в Средиземье, как сказано, присутствует изначально: прародитель его, сперва самый могущественный из демиургов, звался Мелкор. Он тоже был соучастником замысла творения, но, движимый гордыней, своеволием и своекорыстием, сделался его извратителем, самозванным князем мира сего. Он-то и развел на земле нежить и нечисть, и одним из самых мерзостных его деяний было выведение орков, ибо это — порченные мукой и чародейством эльфы. Самовластие не терпит сопротивления, достоинства и независимости, оно ненасытно, оно стремится быть вездесущим — и Мелкор от начала веков и дней Средиземья всеми силами возвеличивался путем разрушения, подавления, осквернения. Он — злой дух истории. Его главный подручный, Саурон, — из числа младших демиургов — особенно искусен по части лжи и коварства. Пока не пришел его срок, он был тенью Мелкора, потом стал его местоблюстителем.

Когда Средиземье еще пребывало во тьме, Валинор озаряло сияние двух деревьев; туда переселились благороднейшие из эльфов, и главный их искусник, Феанор, изготовил и огранил три несравненных бриллианта — Сильма-

рилла; оживленные его мастерством, они впитали свет деревьев и лучились ярче звезд.

Мелкора они томили нестерпимым вожделением: он с того и начал, что возжаждал Света, но для одного себя, и до времени затаился во тьме, ведь похитить деревья было нельзя. Но вот открылся путь к прежде недостижимому — погасить Свет и оставить его себе. И путь этот открыл Феанор, ибо Сильмариллы созданы были не во славу Света: мастер возлюбил дело рук своих, рукотворное сокровище, паче нерукотворного. Да и волшебство всегда связано с заклятием, а заклятие — с проклятием. Такие и тому подобные азбучно-мифологические прописи, так сказать заповедные мифологемы, образуют подоплеку сюжетной игры «Сильмариллиона», задуманного как нечто вроде «Суммы мифологии». Пока и поскольку это так, «Сильмариллион» немногим более чем лакомое блюдо для своего брата специалиста, способного угледеть намеки и отсылки, оценить сопряжения и соответствия, то есть прочесть его при свете «Калевалы» и «Старшей Эдды». И все же... и все же есть здесь и свой нравственный заряд, и самостоятельное сюжетное напряжение, да и игровое начало не сводится к академическим забавам. Не нужно, правда, забывать, что мы говорим о «Книге утраченных сказаний» в ее окончательном виде, то есть о некоем синтезе попыток написать ее. А теперь вернемся к лиходейскому умыслу Мелкора.

Первым делом он нашел себе сообщницу — исчадие мрака и пустоты, именуемое Унголиант и принявшее облик громадной паучьей самки. Во время праздника прокрались они к светоносным деревьям, и Мелкор пронзил их черным копьем, а Унголиант высосала животворное сиянье. Сильмариллы были ревниво укрыты от чужих глаз во дворце Феанора; тем легче было Мелкору их похитить.

В наступившей вселенской тьме он перенесся на север Средиземья, воздвиг там неприступную и неоглядную крепость Тонгородрим и в глубине ее воссел на черный трон; чело его венчала железная корона с тремя Сильмариллами.

С тех пор он уже не Мелкор, а Моргот («черный супостат» по-эльфийски — так назвал его разъяренный Феанор); эта перемена имени знаменует его превращение из подобия Локи, злокозненного божества древнескандинавского пантеона, в сущего Люцифера, Владыку Мрака. Феанор же с сыновьями и родичами дали страшную, кощунственную клятву вернуть Сильмариллы любой ценой — «и лучше бы им этой клятвы не давать, но нарушить ее было нельзя».

Отсюда начинается уже не мифологическая, а легендарная предыстория Средиземья, на которую, как заметит читатель, нередко оглядываются герои «Властелина Колец»; и среди ее героев все больше людей. Архангелы-божества отступают за горизонт, а бессмертные (их, правда, можно убить, и они могут зачахнуть) и благороднейшие эльфы, поглощенные нескончаемыми войнами с Морготом, сплошь и рядом оказываются деспотами, убийцами и вероломными злодеями. Худую службу служит им их бессмертье, невозможность оглянуться на прожитую жизнь. Их жизнь может только оборваться. Они в плену своей судьбы, а их союзники люди, не покорившиеся злу и не связанные с ним порукой волшебства, судьбе неподвластны. Нет нужды пересказывать эти легенды: по мере надобности это делает сам Толкиен, но уже совсем в другом качестве, не в качестве автора «Сильмариллиона».

Мрачные, зловещие и несколько однообразные саги повествуют о том, как тяготеющее над Сильмариллами двойное проклятье сгубило всех причастных к нему, да и не только их. Одно за другим сокрушают Моргот и Саурон царства эльфийского края Белерианда. И лишь сыну смертного витязя и эльфийской царевны Эарендилу удается при путеводном свете отнятого у Моргота человеческой рукой Сильмарилла доплыть до Валинора и вымолить спасение Средиземья от всевластия мрака. Тонгородрим пал, и Моргот был навеки ввергнут во тьму кромешную, но Саурон избежал его участи.

Так закончилась Первая эпоха Средиземья, или, как выражаются эльфы, Древняя Пора. «Сильмариллиону» тоже конец, эпилог приписан к нему гораздо позже, в 20-е годы, между ним и Древней Порой зияла первозданная пустота. История пока что была историей эльфов (вмещавшей миф о сотворении мира) и, как таковая, бесперспективна, вроде эльфийского бессмертия. Разве что начинать новый ее цикл — чему мифология определенно противится, мифологическая эпоха в принципе однократна — или шлифовать мифы, умножать и переписывать легенды. Этим Толкиен и занимается — скорее по инерции, довольно вяло. Куда больше занимает его работа над всеобъемлющим толковым словарем английского языка (это детище было зачато в Оксфорде в 1878 году и к началу 20-х годов нашего века еще не родилось), издание англосаксонских текстов, пропаганда среди коллег древнеанглийской и древнеисландской литератур; наконец, и едва ли не в первую очередь, — преподавание: в 1925 году, тридцати семи лет от роду, он стал профессором Оксфордского университета, такое редко случалось.

К тому же Джон Рональд Руэл был редкостно заботливым семьянином, а к 1930 году у него было уже трое сыновей и дочь. Детям он уделял очень много времени и оказался неистощимым сказочником и неутомимым затейником, отчасти как бы пародируя свою бурную клубно-университетскую деятельность. И в домашней атмосфере один из побегов его воображения превратился в деревце, а оно, пересаженное на тучную почву «Сильмариллиона», породило волшебный лес, из которого Толкиен вышел на простор... Средиземья.

Сам он всячески распространял и поощрял версию о том, как однажды среди ночи ему подвернулся в экзаменационном сочинении чистый лист и он будто бы возьми да напиши на нем ни с того ни с сего: «В земле была нора, а в норе жил да был хоббит». «Имена существительные, — замечал он, — всегда обрастают в моем сознании рассказами. И я подумал, что не мешало бы выяснить, какой такой хоббит. Но это было только начало».

А и в самом деле, что еще за хоббит? Дотоле никаких хоббитов в Средиземье не обитало и не предвиделось. Да и этот хоббит, как можно заметить, покамест обитал не в Средиземье, а в норке. Откуда же он там взялся?

Из сказки. Но не из сказки волшебно-богатырской — там таких не водится. Гномы — пожалуйста, эльфы — сколько угодно (правда, совсем не такие эльфы, как в «Сильмариллионе», — таких почитай что и нету). Тролли, драконы, оборотни, они же серые волки, злые чудища-страшилища (да хоть бы и те же орки), колдуны и ведьмы, русалки и кощеи — это все есть. А хоббитов нет и быть не может. Есть, правда, вспомогательные животные, в том числе серый заяц. Так, может, хоббиты (они ведь до известной степени зайцы) проходят по такому разряду? Или они вообще явились из животного, скажем так, эпоса, воплощая некую аллегория и потому недоочеловечились?

Тут-то мы и наткнулись на еще один вопрос: а кто такие, собственно, хоббиты? Более или менее человечки? Да нет, зачем же человечкам жить в норках. И — что важнее — ростом они для человечков очень не удались. Когда Джонатану Свифту понадобились человечки, он их сделал ровно в двенадцать раз меньше Гулливера — и получились лилипуты, человеческие существа в своем праве. А если человека уменьшить вдвое, получатся недомерки, карлики, коротыши — словом, какие-то убогонькие, богом обиженные. Нет, хоббиты не человечки, и сами они такому определению очень противятся.

Да, они пришли из сказки — из той импровизированной домашней сказки, где из игрушечного ящика берется плюшевый заяц и вселяется в игрушечный (совсем как настоящий) домик. В домике он пьет чай из кукольной посуды на игрушечном столике, а потом — с девочки, может, и этого бы хватило, но сказки рассказывались мальчикам — говорится: «И отправился зайка путешествовать». Остается ли он в своем странствии зайкой? А смотря какое странствие, смотря какая сказка. Ни басен, ни сатир, ни апологов, ни физиологических саг детям обычно не рассказывают; если же начинаются «страшные опасности и ужасные приключения», которых жаждал типичный ребенок Буратино, то заяц-герой, выступая в несвойственных зайцу как таковому ролях и совершая нехарактерные для длинноухого (или шерстолапого) поступки, по мере надобности преображается. Заяц-то он, может, и заяц, но какой-то такой заяц... Ну как у Булгакова Мастер говорит Бегемоту: «Мне кажется, вы не очень-то кот». Даже и ходит он все больше на задних лапах, хотя в человека и не превращается, в отличие от буратино (т. е. марионетки) Пиноккио, который у Коллоди только к этому и стремится.

Если читатель знаком с опубликованной в 1937 году (и переведенной на русский язык в 1976-м) книгой Толкиена «Хоббит», то он, вероятно, уже уловил аналогию с ее героем, хоббитом по имени Бильбо, не по-сказочному — а если иметь в виду домашнюю импровизированную сказку, то как раз по-сказочному — наделенным фамилией. В начале этой книги он еще почти совсем игрушечный; и когда он описывается «с заячьей стороны» (сколько ни отнекивайся Толкиен, а «хоббит» все-таки сращение двух слов: homo [лат.], «человек», + (ra)bbit [англ.], «кролик»), то за этим явно виден папа-рассказчик, вертящий в руках плюшевого зверька. Жил себе и жил наш Бильбо, господин Торбинс, в своей уютной норке — а там все было как надо, и вот видишь, домик, только окна у них там не такие, круглые у них окна, и столик, и камин, и сервиз... Жил себе и жил, чай распивал. Но однажды утром проходил мимо (под руку подвертывается, скажем, Дед-Мороз)... один волшебник с длинной бородой. И пошло-поехало. Гномы нагрянули! Дым коромыслом! И отправился Бильбо в путешествие.

Куда его было отправлять в путешествие? Да, разумеется, в ту страну (папа увлекся и принялся вместе с сыновьями рисовать карты, похожие на давным-давно нарисованные) — по такой стране, которая называется... Средиземье. Да как бы она ни называлась, но чего только там нет! (Выше мы уже объясняли, чего только нет в сказочных краях. Кроме хоббитов, все есть. А теперь будут и хоббиты.) Толкиен примеряется к сказке, насквозь пронизанной обращенной к детям интонацией, и персонажи мира «Сильмариллиона» одомашниваются: эльфы уже не эпические витязи с проклятьем на челе, а шустрые резвунчики; тролли — болваны людоеды, которых сам бог велит обвести во-

круг пальца; даже орки-гоблины и те не злодеи, а скорее злыдни. А уж Гэндальф — суций Санта Клаус! Что ж, правильно, так и надо, детская сказка диктует свои законы, и далеко не сразу обнаруживается, что одно другому на самом-то деле не противоречит, что это просто разные ракурсы изображения. Но все же обнаруживается; и почти неожиданно для читателя вольное странствие Бильбо Торбинса превращается чуть ли не в боевой маршрут. И что-то за этим стоит — или движется. И Гэндальф вовсе не Дед-Мороз, и вообще...

И вообще, игрушечные декорации врастают в землю (они только казались игрушечными), приключения становятся событиями, и гул их разносится далеко за пределами сказки — какое-то колечко подвернулось где-то там господину Бильбо Торбинсу: ох, не к добру это колечко! — и меняется масштаб, а с ним и роли персонажей. Бывший заяц Бильбо к концу «Хоббита» вовсе не таков, каким отправился в путешествие, но это бы еще ладно, он-то, грабитель-хоббит, сокращенно — грахоббит, не особенно изменился — изменился игрушечный мир, бесповоротно ставший Средиземьем. Вот, значит, где странствовал Бильбо, но тогда... но тогда надо, чтобы явилось Средиземье! И надо не выдумывать, а выяснять — с этим Толкиен давно согласен. Но как же его вытянуть, это Средиземье? За что схватиться? Уж не за то ли колечко, которое Бильбо случайно... Да, вот именно, за него! Ведь не зря грахоббит довольно-таки нахально и неожиданно для себя его присвоил.

Волшебный мир, по которому странствовал господин Торбинс, вовсе не такой уж волшебный. Это наш мир, но неопознанный, а опознание дается опытом, и опытом нелегким, то есть многого требующим и от героя, и от автора-рассказчика, организатора и осуществителя сюжета открытия мира. Да и от читателя: Толкиен — автор требовательный, и читатель праздный и небрежный ему не нужен. Открыватель мира и своей к нему причастности не может быть ни праздным, ни небрежным, ни невнимательным. Истый читатель Толкиена (а таких нашлись многие миллионы), раз открывши Средиземье, никуда оттуда не денется, а со временем и до «Сильмариллиона» доберется. Между тем в «Сильмариллионе» описывается вовсе не тот мир, по которому путешествует Бильбо. Между нами и Бильбо дистанции нет, он из нашей детской, а вот между Бильбо и героями мрачных легенд — расстояние огромное.

И в книге «Хоббит» он его понемногу преодолевает, сам того не ведая, как до поры до времени и Толкиен не ведал, что творил (во всякой книге история героя в какой-то мере история автора). Да, трудновато приходится Бильбо: на каждом шагу он вынужден доказывать — и притом все время сам, без посторонней помощи, — что он не столько хоббит, сколько грахоббит. Но это его дело, и он с ним неплохо справляется, осваиваясь в Средиземье. А вот чтобы к делу мог приступить читатель — для этого пришлось потрудиться профессору Толкиену, пустив в ход всю свою изобретательность и эрудицию, все свои профессиональные навыки. Словом, времена Бильбо должны были стать Третьей эпохой, и за колечко его надо было вытащить всю историю Средиземья. А для этого следовало как минимум ее придумать.

Это открытие так поразило самого Толкиена, что он даже бросил писать (или, если верить его детям, записывать) «Хоббита», когда выяснилось, что грахоббит Бильбо ни под каким видом в драконоборцы не годится. А через дракона не перепрыгнешь. Ну, бросил и бросил, это было в порядке вещей,

удивительно, скорее, что он удосужился написанное перепечатать в одном экземпляре. Видимо, по свойственной ему аккуратности; и еще затем, чтобы иной раз дать почитать друзьям и знакомым. Дети подросли, и их теперь ничуть не волновало, найдется ли для бывшего плюшевого зайки выход из безвыходного положения.

Заведомо, казалось бы, суждено было этой машинописи присоединиться к «Сильмариллиону» лишь внешним образом — «в портфеле», где, как писал Козьма Прутков, «много замечательного, но, к сожалению, неоконченного (d'inacheve)». Однако, по счастью, профессора Толкиена (который, надо сказать, был легок на подъем, но трудно раскачивался) подвигли к выполнению трудновыполнимой задачи обстоятельства, не в последнюю очередь материальные. Всемогущая случайность сделала так, что ученица профессора восторженно рассказала о его забавах подруге — редактору издательства «Аллен энд Ануин», та заинтересовалась и, без особого труда проникнув к профессору, испросила машинопись на прочтение (можно себе представить, сколь мало Толкиен ценил свое сочинение, если выдал его единственный (!) экземпляр по первой просьбе). Сьюзен Дагнэл — хочется назвать ее имя, потому что ей мы практически обязаны всем, что было дальше, — прочла машинописный текст и на свой страх и риск написала Толкиену, что издательство от рукописи в восторге, просит только, если можно, закончить сюжет. Толкиен такую возможность изыскал. Однако и в законченном виде сюжет вызвал глубокое недоумение директора издательства Стэнли Ануина. Он отдал рукопись на рецензию сыну, и тот с высоты своих десяти лет снисходительно, но очень доброжелательно рассудил, что пяти-, шести-, семи-, восьми — и девятилетним малышам эта будущая книжка просто-таки необходима. Не оторвутся.

И действительно, «Хоббит» имел потрясающий успех. Читали книгу отнюдь не только пяти-девятилетние малыши — от нее не могли оторваться и отроки, и взрослые читатели. Но именно дети отроческого возраста безошибочно почуяли, что им рассказано не только и не просто о похождениях зайки, расслышали в «Хоббите» дальнейшее эхо еще не написанной эпопеи. И с детской неотвязностью требовали у потрясенного успехом книги издателя ее продолжения.

Мистер Ануин обратился на этот счет к автору «Хоббита», и тот, не к чести его будь сказано, попытался всучить ему «Сильмариллион». Издатель умоляюще-вежливо отписал Толкиену, что присланная груда рукописей — это в общем-то не книга, а скорее источник продолжения «Хоббита». Тут он был не совсем прав, но, возражая ему, Толкиен, как это часто бывает в честном споре, натолкнулся на соображения в пользу оппонента. Действительно, ведь недаром в конце «Хоббита» мелькнула спина Некроманта — уж не старый ли это знакомец Саурон Великий, правая рука Моргота? Кто ж, как не он?

И Толкиен принялся выискивать в тексте «Хоббита» то самое, что в нем подметили дети, — то, что в нем *само написано* (вспомним, ведь так начинался и «Сильмариллион»). Взять хоть колечко: что-то уж очень стал меняться Бильбо с тех пор, как его заполучил. Оно по сюжету так и надо, чтоб менялся, но сюжет — это не насилие над материалом повествования, а выявление его скрытых возможностей.

Нет, видимо, не простое это колечко: вот и Гэндальфа оно почему-то встревожило. А Гэндальф — вовсе не устроитель «страшных опасностей и ужасных

приключений», каким он отрекомендовался Бильбо (адресуясь к детям-читателям) в начале «Хоббита». Такому было бы не под силу выгнать Некроманта из крепости Дул-Гулдур в глубине Лихолесья — ему впору разве что троллей дурачить; какие-то захудалые гоблины его чуть не искрошили вместе с гномами, потом простые волки едва не заели, а он только и мог, что в них шишками кидаться. Ну, положим, все это с точки зрения Бильбо...

Примерно так рассуждает Толкиен в письмах к издателю; вряд ли что-нибудь из этого было понятно мистеру Ануину, зато, когда его автор все еще почти вслепую написал первую, довольно безоблачную главу новой «хоббитской» книги и прислал ее на отзыв, она была тут же предъявлена сыну-рецензенту, теперь уже одиннадцатилетнему, и одобрена безоговорочно. «Пишите, не останавливайтесь», — посоветовал мистер Ануин профессору Толкиену.

Толкиен этому совету последовал — и попал в свою обычную переделку: у него понаписалось такое, что не лезло ни в какие сюжетные ворота. Даже перед спасительным кольцом, подлинным хозяином которого уже стал Некромант, рассказ топтался, как верблюд перед игольным ушком. Решение было найдено посредством умножения: кольцо оказалось одним из многих, но Главным из них. И мистеру Ануину пришло сообщение, что будущая книга называется «Властелин Колец». На этом сообщении она и застряла, потому что сюжетное задание предстало перед автором во весь рост: тут нужны были не месяцы, а годы и годы кропотливой предварительной работы. Может, историю Средиземья от «Сильмариллиона» до походов Бильбо и не надо тащить в сюжет, но «выяснить» ее (любимое словцо Толкиена) требовалось досконально.

Между тем подсказывать ее начала сама действительность: в те самые дни, когда ненаписанная книга получила заглавие, Чемберлен подписал Мюнхенское соглашение с Гитлером. А дальше развернулись такие события, и с такой быстротой... Сколько угодно может Толкиен раздраженно настаивать на том, что его книга не есть иносказание Второй мировой войны, — и конечно же, нет, подобное аллегорическое истолкование (опробованное критикой) эпопею примитивизирует, обедняет и опошляет. Но когда он в полемическом запале утверждает, будто она и совсем не связана с семью военными годами, — это уж извините. Никак в это не верится — хотя бы потому, что его сын Майкл был зенитчиком, а Кристофер — военным летчиком (старший — Джон — принял священнический сан и призыву не подлежал). Да и струнулась-то книга с очередной мертвой точки в начале 1944 года — вряд ли случайно. Как шла над ней работа, можно проследить по очень частым письмам Кристоферу в армию. Вскоре конверты стали разбухать, вместо сообщений о книге пошел ее текст.

Однако и в 1945-м эпопея была еще очень далека от завершения, и все потому же — надо было уяснить и продумывать многотысячелетнюю предысторию Средиземья. Читатель своевременно ознакомится с ней в приложениях; пока что ограничимся ее самым сжатым очерком.

После низвержения Моргота людям — то есть лучшим из них, тем, кто стоял до конца в борьбе с невероятным Злом, казалось всепобеждающим, — был дарован в награду огромный цветущий остров вдали от истерзанного войнами материка Средиземья. Там воздвиглось в несравненном могуществе и великолепии царство Нуменор, и первым его государем был сын Зарендила

полуэльф Элрос. Три тысячи лет просуществовал Нуменор, и блеск его затмил даже память о былых эльфийских царствах.

А те эльфы, которые не пожелали переселяться в блаженный край Валинор, и люди, оставшиеся в Средиземье, вскоре, то есть через пятьсот трудных лет, снова оказались лицом к лицу с возродившимся Злом — Сауроном, ново-явленным властелином черного царства Мордор. Он собрал рассеянных приверженцев Моргота и возвеличился, но все же покорить людей, эльфов и гномов, вместе взятых, было ему не под силу, и он решил подчинить их себе коварством и чародейством. Он соблазнил потомков Феанора, эльфов-искусников, выковать для сильных мира сего волшебные кольца, которые помогут им во всех их свершениях. Велики были познания Саурона, и он делился ими с эльфийскими кузнецами, а у них перенимал мастерство. И участвовал в изготовлении колец для людей и гномов; правда, три кольца для своих царей эльфы смастерили без него. Это, однако, не препятствовало его замыслу, а замыслом было неодолимое владычество над всеми и вся. И в 1600 году Второй эпохи, когда эльфы любовались своей работой, Саурон закончил свою, и с вершины Роковой горы Ородруина раскатилось его громовое заклятье:

*Три Кольца — для царственных эльфов в небесных шатрах,
 Семь — для властительных гномов, гранильщиков в каменном лоне,
 Девять — для Девятерых, облеченных в могильный прах,
 Одно наденет Владыка на черном троне
 В стране по имени Мордор, где распростерся мрак.
 Одно Кольцо покорит их, одно соберет их,
 Одно их притянет и в черную цепь скует их
 В стране по имени Мордор, где распростерся мрак.*

Обманутые мастера расслышали его, поняли — и спрятали три эльфийских кольца: надевать их теперь было нельзя, чтоб не стать рабами Саурона. А тот раздал кольца людям и гномам. С гномами у него не получилось: они, как мы помним, были сработаны крепко, с большим запасом сопротивления. Кольца развращали их, и они становились непомерно алчными, но Саурону от этого никакой прибыли не было. Они нагромождали сокровища и оказывались добычей золотолюбивых драконов, которые пожирали их вместе с кольцами. Так были утрачены четыре кольца из семи; остальные Саурон ухитрился отобрать.

Зато получилось с людьми: девять смертных владык стали рабами колец, бессмертными мертвецами — и самыми верными приспешниками Саурона, который, подобно Морготу, принялся сокрушать царства и княжества Средиземья.

Но сравниться в мощи с Нуменором не мог никто; оттуда приплыл большой флот, и Саурон Великий был взят узником и увезен в заморское царство. Тамошнего государя он опять-таки соблазнил призраком земного бессмертья: ради него надлежало лишь покорить блаженные края — это ли не во власти величайшего из царей земных? В 3319 году туда отправилась могучая армада — и сгинула в морской пучине, поглотившей заодно и царство Нуменор. (Толкиен, разумеется, имеет в виду легенду об Атлантиде.)

Спасти удалось немногим, тем, кто не алкал чужого удела бессмертья, и в их числе был благородный Элендил, основатель княжеств Арнор и Гондор, будущий победитель Саурана — ценою собственной жизни. Сын его Исильдур завладел Кольцом Всевластья и если бы не погиб, то стал бы преемником Черного Властелина. К счастью для себя, он погиб, а Кольцо кануло в реку Андунин.

И началась Третья эпоха, в которую главными противниками неизбежного (ибо сохранилось Кольцо, и Девятеро Кольценосцев свирепствовали в Средиземье, готовя встречу своему Владыке) нового наступления Зла стали тайные посланцы Валинора маги и их Светлый Совет. Но тут уж мы, того и гляди, вступим на страницы эпопеи.

Она была закончена осенью 1949 года, дорабатывалась и блуждала по издательствам еще пять лет. «Аллен энд Ануин» опубликовало первую часть в августе 1954-го, вторую — в октябре, третью (с приложениями) — лишь через год. Кстати, считать эпопею трехтомной не следует: ее разделили натрое для удобства публикации, и даже названия томов придумал не сам Толкиен, а его бывший малолетний рецензент, ныне отцовский компаньон Райнер Ануин.

Началось победное шествие книги. Перепечатывалась и перепечатывается она в Англии и в США почти каждый год, а то и чаще. Первым ее переводом был голландский (1956), воспоследовали шведский, польский, датский, немецкий, итальянский, французский, японский, финский, норвежский, португальский, венгерский, исландский и т. д. Но это уже не предыстория, а мы ограничимся ею. Подсказывать или предписывать читателю должное понимание еще не прочитанной книги незачем; достаточно, что мы его к ней подвели, а уж он сам разберется, как это блестяще показала публикация «немного сокращенного» перевода первой части издательством «Детская литература» в 1982 году.

На прощанье хочется, однако, обратить внимание на факт столь очевидный, что он обычно ускользает от внимания. Первая фраза пролога: «Рассказ у нас пойдет в особенности о хоббитах». Между тем называется-то эпопея «Властелин Колец». Что это значит и как это понимать?

Вернее всего, пожалуй, так: это книга о природе власти, которая хочет быть властью над человеком, власти безнравственной и порабощающей, основанной на лжи и насилии. Духовная капитуляция перед такой властью и всякая ей сопричастность растлевают и губят человека. Общие нравственные законы существования человечества непреложны. Человеческое достоинство — главное достояние человека, и нужно отстаивать его до конца любой ценой, в любых обстоятельствах.

И конечно же, книга «в особенности о хоббитах» — о том, как мистер Пиквик, он же Фродо Торбинс, и его верный слуга Сэм Уэлер, он же Сэммиум Скромби, оказались главными и роковыми противниками Саурана Великого, самозваного властелина мира сего.

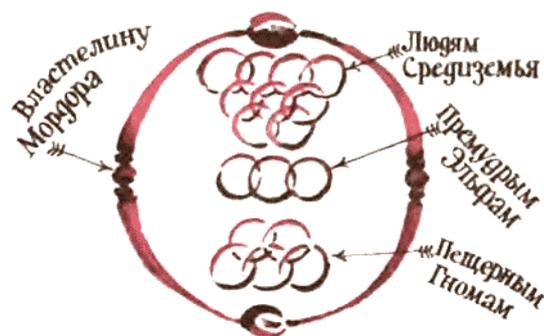
Как всякий автор предисловия, обращенного к читателю, я льщу себя надеждой, что читатель обращен ко мне лицом. Стало быть, пока что спиной к книге. Посмотрите, что у вас за спиной.

В. Муравьев

Три Кольца — премудрым эльфам — для добра их гордого,

*Семь Колец — пещерным гномам — для труда их горного,
 Девять — людям Средиземья — для служенья черного
 И бесстрашия в сраженьях смертоносно твердого,
 А Одно — всесильное — Властелину Мордора,
 Чтоб разъединить их всех, чтоб лишит их воли
 И объединить навек в их земной юдоли
 Под владычеством всесильным Властелина Мордора.*

Пролог
1

О хоббитах

а рассказ у нас пойдет в особенности о хоббитах, и любознательный читатель многое узнает об их нравах и кое-что из их истории. Самых любознательных отсылаем к повести под названием «Хоббит», где пересказаны начальные

главы Алой Книги Западных Пределов, которые написал Бильбо Торбинс, впервые прославивший свой народец в большом мире. Главы эти носят общий подзаголовок «Туда и Обратно», потому что повествуют о странствии Бильбо на восток и возвращении домой. Как раз по милости Бильбо хоббиты и угодили в самую лавину грозных событий, о которых нам предстоит поведать.

Многие, однако, и вообще про хоббитов ничего не знают, а хотели бы знать — но не у всех же есть под рукой книга «Хоббит». Вот и прочтите, если угодно, начальные сведения о хоббитах, а заодно и краткий пересказ приключений Бильбо.

Хоббиты — неприметный, но очень древний народец; раньше их было куда больше, чем нынче: они любят тишину и покой, тучную пашню и цветущие луга, а сейчас в мире стало что-то очень шумно и довольно тесно. Умелые и сноровистые, хоббиты, однако, терпеть не могли — да не могут и поныне — устройств сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы и прялки. Издревле сторонились они людей — на их языке Громадин, — а теперь даже и на глаза им не показываются. Слух у них завидный, глаз острый; они, правда, толстоваты и не любят спешки, но в случае чего проворства и ловкости им не занимать. Хоббиты привыкли исчезать мгновенно и бесшумно при виде незваной Громадины, да так наловчились, что людям это стало казаться волшебством. А хоббиты ни о каком волшебстве и понятия не имели: отроду мастера прятаться, они чуть что — скрывались из глаз, на удивление своим большим и неуклюжим соседям.

Они ведь маленькие, в полчеловека ростом, меньше даже гномов — пониже и не такие крепкие да кряжистые. Сейчас-то и трехфутовый хоббит — редкость, а раньше, говорят, все они были не очень уж малорослые. Согласно Алой Книге, Бандобрас Крол (Быкобор), сын Изенгрима Второго, был ростом четыре фута пять дюймов и сживал верхом на лошади. Во всей хоббитской истории с ним могут сравниться лишь два достопамятных мужа древности; об их-то похождениях и повествуется в нашей хронике.

Во дни мира и благоденствия хоббиты жили как жилось — а жилось весело. Одевались пестро, все больше в желтое и зеленое, башмаков не носили: твердые их ступни обрастали густой курчавой шерсткой, обычно темно-русой, как волосы на голове. Так что сапожное ремесло было у них не в почете, зато процветали другие ремесла, и длинные искусные пальцы хоббитов мастерили очень полезные, а главное — превосходные вещи. Лица их красотой не отличались, скорее добродушием — щекастые, ясноглазые, румяные, рот чуть не до ушей, всегда готовый смеяться, есть и пить. Смеялись до упаду, пили и ели всласть, шутки были незатейливые, еда по шесть раз на день (было бы что есть). Радушные хоббиты очень любили принимать гостей и получать подарки — и сами в долгу не оставались.

Очевидно, хоббиты — наши прямые сородичи, не в пример ближе эльфов, да и гномов. Исстари говорили они на человеческом наречии, по-своему перекроенном, и во многом походили на людей. Но что у нас с ними за родство — теперь уж не выяснить. Хоббиты — порождение незапамятных дней Предначальной Эпохи. Одни эльфы хранят еще письменные преданья тех канувших в прошлое древних времен, да и то лишь о себе — про людей там мало, а про хоббитов и вовсе не упоминается. Так, никем не замеченные, хоббиты жили себе и жили в Средиземье долгие века. В мире ведь полным-полно всякой чуд-

ной твари, и кому было какое дело до этих малюток? Но при жизни Бильбо и наследника его Фродо они вдруг, сами того ничуть не желая, стали всем важны и всем известны, и о них заговорили на Советах Мудрецов и Властителей.

* * *

Третья эпоха Средиземья давно минула, и мир сейчас уж совсем не тот, но хоббиты живут там же, где жили тогда: на северо-западе Старого Света, к востоку от Моря. А откуда они взялись и где жили изначально — этого никто не знал уже и во времена Бильбо. Ученость была у них не в почете (разве что родословие), но в старинных семействах по-прежнему водился обычай не только читать свои хоббитские книги, но и разузнавать о прежних временах и дальних странах у эльфов, гномов и людей. Собственные их летописи начинались с заселения Хоббитании, и даже самые старые хоббитские были восходят к Дням Странствий, не ранее того. Однако же и по этим преданиям, и по некоторым словечкам и обычаям понятно, что хоббиты, подобно многим другим народам, пришли когда-то с востока.

Древнейшие были их хранят смутный отблеск тех дней, когда они обитали в равнинных верховьях Андуина, между окраинами Великой Пуцци и Мглистыми горами. Но почему они вдруг пустились в трудное и опасное кочевье по горам и перебрались в Эриадор — теперь уж не понять. Упоминалось там у них, правда, что, мол, и людей кругом развелось многовато и что на Пуццу надуинулась какая-то тень и омраченная Пуцца даже и называться стала по-новому — Лихолесье.

Еще до кочевья через горы насчитывалось три породы хоббитов: лапитупы, струсы и беяки. Лапитупы были посмутнее и помельче, бород не имели, башмаков не носили; у них были цепкие руки и хваткие ноги, и жили они преимущественно в горах, на горных склонах. Струсы были крепенькие, коренастые, большерукие и большеногие; селились они на равнинах и в порежье. А беяки — светлокожие и русоволосые, выше и стройнее прочих; им по душе была зелень лесов.

Лапитупы в старину водили дружбу с гномами и долго прожили в предгорьях. На запад они стронулись рано и блуждали по Эриадору близ горы Заверть, еще когда их сородичи и не думали покидать свое Глухоманье. Они были самые нормальные, самые правильные хоббиты, и они дольше всех сохранили обычай предков — рыть норы и подземные ходы.

Струсы давным-давно жили по берегам Великой Реки Андуин и там по привычке к людям. На запад они потянулись за лапитупами, однако же свернули к югу вдоль реки Бесноватой; многие из них расселились от переправы Тарбад до Сирых Равнин; потом они опять немного подались на север.

Беяки — порода северная и самая малочисленная. Они, не в пример прочим хоббитам, сблизилась с эльфами: сказки и песни им были милее, нежели ремесла, а охота любезнее земледелия. Они пересекли горы севернее Раздола и спустились по левому берегу реки Буйной. В Эриадоре они вскоре смешались с новооседлыми хоббитами иных пород и, будучи по натуре смелее и предприимчивее прочих, то и дело волею судеб оказывались вожаками и старейшинами струсов и лапитупов. Даже во времена Бильбо беяцкая порода очень еще чувствовалась в главнейших семействах, вроде Кролов и Правителей Забрэндии.

Между Мглистыми и Лунными горами хоббитами встретились и эльфы, и

люди. В ту пору еще жили здесь дунаданцы, царственные потомки тех, кто приплыл по морю с Заокраинного Запада; но их становилось все меньше, и Северное Княжество постепенно обращалось в руины. Пришельцев-хоббитов не обижали, места хватало, и они быстро обжились на новых землях. Ко времени Бильбо от первых хоббитских селений большей частью и следа не осталось, однако важнейшее из них все-таки сохранилось: хоббиты по-прежнему жили в Пригорье и окрестном лесу Четбор, милях в сорока к востоку от Хоббитании.

В те же далекие времена они, должно быть, освоили и письменность — на манер дунаданцев, которые когда-то давным-давно переняли ее у эльфов. Скоро они перезабыли прежние наречия и стали говорить на всеобщем языке, распространившемся повсюду — от Арнора до Гондора и на всем морском побережье, от Золотистого Взморья до Голубых гор. Впрочем, кое-какие свои древние слова хоббиты все же сохранили: названия месяцев, дней недели и, разумеется, очень многие имена собственные.

Тут легенды наконец сменяет история, а несчетные века — отсчет лет. Ибо в тысяча шестьсот первом году Третьей эпохи братья-беляки Марчо и Бланко покинули Пригорье и, получив на то дозволение от великого князя в Форносте³⁹, пересекли бурную реку Барандуин во главе целого полчища хоббитов. Они прошли по Большому Каменному мосту, выстроенному в лучшие времена Северного Княжества, и распространились по заречным землям до Западного взгорья. Требовалось от них всего-навсего, чтобы они чинили Большой мост, содержали в порядке остальные мосты и дороги, препровождали княжеских гонцов и признавали князя своим верховным владыкой.

Отсюда и берет начало Летосчисление Хоббитании (Л.Х.), ибо год перехода через Брендидуим (так изменили хоббиты название реки) стал для Хоббитании Годом Первым, рубежом дальнейшего отсчета⁴⁰. Западные хоббиты сразу же полюбили свой новообретенный край, за его пределами не появлялись и вскоре снова исчезли из истории людей и эльфов. Они хоть и считались княжескими подданными, но делами их вершили свои вожаки, а в чужие дела они носа не совали. Когда Форност ополчился на последнюю битву с ангмарским царем-колдуном, они будто бы послали на помощь князю отряд лучников, но людские хроники этого не подтверждают. В этой войне Северное Княжество сгнуло; с той поры хоббиты стали считать себя полновластными хозяевами дарованной им земли и выбрали из числа вожаков своего Хоббитана, как бы наместника бывшего князя. Добрую тысячу лет войны обходили их стороной, и, пережив поветрие Черной Смерти в 37 г. (Л.Х.), они плодились и множились, пока их не постигла Долгая Зима, а за нею страшный голод. Многие тысячи погибли голодной смертью, но уже и Дни Нужды (1158–1160) ко времени нашего рассказа канули в далекое прошлое, и хоббиты снова привыкли к изобилию. Край их был богатый и щедрый, и хотя достался им заброшенным, но прежде земля возделывалась на славу, и хозяйский взор князя некогда радовали уголья и нивы, сады и виноградники.

С востока на запад, от Западного взгорья до Брендидуимского моста, земли их простирались на сорок лиг и на пятьдесят — от северных топей до южных болот. Все это стало называться Хоббитанией; в этом уютном закоулке хоббиты наладили жизнь по-своему, не обращая внимания на всякие безобразия за рубежами их земель, и привыкли считать, что покой и довольство — обыденная судьба обитателей Средиземья, а иначе и быть не должно. Они забыли

или предали забвенью то небольшое, что знали о ратных трудах Стражей — давних радетелей мира на северо-западе. Хоббиты состояли под их защитой и перестали думать об этом.

Чего в хоббитах не было, так это воинственности, и между собой они не враждовали никогда. В свое время им, конечно, пришлось, как водится в нашем мире, постоять за себя, но при Бильбо это уже было незапамятное прошлое. Отошла в область преданий и единственная битва в пределах Хоббитании: в Зеленополье в 1147 г. (Л.Х.), когда Бандобрас Крол наголову разгромил вторгнувшихся орков. Климат и тот смягчился: бывшие зимние нашествия волков с севера стали бабушкиными сказками. Так что если в Хоббитании и можно было найти какое-нибудь оружие, то разве что по стенам, над каминами или среди хлама, пылившегося в музее города Землеройска. Музей этот назывался Мусомный Амбар, ибо всякая вещь, которую девать было некуда, а выбросить жалко, называлась у хоббитов *мусомом*. Такого мусома в жилищах у них накапливалось изрядно, и многие подарки, переходившие из рук в руки, были того же свойства.

Однако сытная и покойная жизнь почему-то вовсе не изнежила этих малюток. Припугнуть, а тем более пришибить хоббита было совсем непросто; может статья, они потому так и любили блага земные, что умели спокойно обходиться без них, переносили беды, лишения, напасти и непогодь куда тверже, чем можно было подумать, глядя на их упитанные животики и круглые физиономии. Непривычные к драке, не признававшие охоты, они вовсе не терялись перед опасностью и не совсем отвыкли от оружия. Зоркий глаз и твердая рука делали их меткими лучниками — да и не только лучниками. Если уж хоббит нагибался за камнем, то всякий зверь знал, что надо удирать без оглядки.

По преданию, когда-то все хоббиты рыли себе норы; они и сейчас считают, что под землей уютнее всего, но со временем им пришлось привыкать и к иным жилищам. По правде сказать, во дни Бильбо по старинке жили только самые богатые и самые бедные хоббиты. Бедняки ютились в грубых землянках, сущих норах, без окон или с одним окошком; а те, кто позажиточнее, из уважения к древнему обычаю строили себе подземные хоромы. Не всякое место годилось для рытья широких и разветвленных ходов (именовавшихся *смиалами*); и в низинах хоббиты, размножившись, начали строить наземные дома. Даже в холмистых областях и старых поселках, таких, как Норгорд или Кролы, да и в главном городке Хоббитании, в Землеройске на Светлом нагорье, выросли деревянные, кирпичные и каменные строения. Особенно они были сподручны мельникам, кузнецам, канатчикам, тележникам и вообще мастеровым; ведь, даже еще живучи в норах, хоббиты с давних пор строили сараи и мастерские.

Говорят, будто обычай строить фермы и амбары завели в Болотищах у Брендидуима. Тамошние хоббиты, жители Восточного удела, были крупные и большеногие и в сырую погоду носили гномские башмаки. Но они, известное дело, происходили от струсов: недаром у них почти у всех обрастали волосом подбородки. Ни у лапитупов, ни у беляков никакой бороды не росло. Действительно, на Болотище и на Заячьи Холмы к востоку от Брендидуима хоббиты явились особняком, большей частью с юга: у них остались диковинные имена, и слова они роняли такие, каких в Хоббитании никогда не слыхивали.

Вполне вероятно, что строить хоббиты научились у дунаданцев, как научились многому другому. Но могли научиться и прямо у эльфов, у первых наставников людей. Ведь даже Вышние эльфы тогда еще не покинули Средиземье и жили в то время на западе, близ Серебристой Гавани, да и не только там, но совсем неподалеку от Хоббитании. С незапамятного века виднелись на Подбашенных горах за пограничными западными топиями три эльфийские башни. Далеко окрест сияли они в лунном свете. Самая высокая была дальше всех: она одиноко высилась на зеленом кургане. Хоббиты из Западного удела говорили, будто с вершины этой башни видно Море; но, насколько известно, на вершине башни ни один хоббит не бывал. Вообще редкие хоббиты видели Море, мало кто из них по Морю плавал и уж совсем никто об этом не рассказывал. Море морем, а даже речонки и лодочки были хоббитам очень подозрительны; и тем более тем из них, кто почему-либо умел плавать. Все реже и реже хоббиты заговаривали с эльфами и стали их побаиваться, а заодно и тех, кто с ними якшался. И Море сделалось для них страшным словом, напоминающим о смерти, и они отвратили взгляды от западных холмов.

У кого бы они строить ни научились, у эльфов или у людей, но строили хоббиты по-своему. Башен им не требовалось. А требовались длинные, низкие и уютные строения. Самые старинные из них походили на выползшие из-под земли смиалы, крытые сеном, соломой или торфяными пластами; стены их немного пучились. Правда, так строили в Хоббитании только поначалу, а с тех пор все изменилось и усовершенствовалось, отчасти благодаря гномам, отчасти собственными стараниями. Главной особенностью хоббитских строений остались круглые окна и даже круглые двери.

Дома и норы в Хоббитании рассчитывались на большую ногу, и обитали там большие семьи. (Бильбо и Фродо Торбинсы — холостяки — составляли исключение, как и во многом другом, например в своих эльфийских пристрастиях.) Иногда, подобно Кролам из Преогромных Смиалов или Брендизайкам из Хоромин-у-Брендидуима, многие поколения родственников жили — не сказать, чтобы мирно — в дедовских норах, то бишь наземных особняках. Кстати, хоббиты — народ чрезвычайно семейственный, и уж родством они считались крайне старательно. Они вырисовывали длинные, ветвистые родословные древа. С хоббитами важнее всего понять, кто кому родня и кто кому какая родня. Однако же в нашей книге было бы совершенно невозможно изобразить родословное древо, даже обозначив на нем только самых главных членов самых главных семейств — тут никакой книги не хватит. Генеалогические древа в конце Алой Книги Западных Пределов — сами по себе книга, и в нее никогда не заглядывал никто, кроме хоббитов. А хоббитам, если они верны себе, только это и требуется: им надо, чтобы в книгах было то, что они и так уже знают, и чтобы изложено это было просто и ясно, без всякой путаницы.

2. О трубочном зелье

Вот что надо бы еще упомянуть насчет хоббитов: исстари был у них диковинный обычай — они всасывали или вдыхали через глиняные или деревянные трубки дым тлеющих листьев травы, называемой ими «трубочное зелье», или «травка», по-видимому, разновидности *Nicotiana*. Великой тайной окутано происхождение этого странного обычая, или «искусства», как именуют его хоббиты. Все, что удалось по этому поводу обнаружить с древних времен, свел воедино Мериадок Брендизайк (позднее Правитель Забрендии), и

ввиду того, что он, а также и табак из Южного удела играют некоторую роль в нашей повести, придется процитировать его введение к «Травнику Хоббитании».

«Это, — пишет он, — единственное искусство, которое мы твердо и по совести можем считать нашим собственным изобретением. Неизвестно, когда хоббиты начали курить, во всех наших легендах и семейных историях это само собой разумеется, многие века народ Хоббитании курил различные травы, смрадные и благоуханные. Однако все летописи сходятся в том, что Тобольд Громобой из Длиннохвостья в Южном уделе первым вырастил настоящее трубочное зелье в своем огороде во дни Изенгрима Второго, год примерно 1070-й согласно Летосчислению Хоббитании (Л.Х.). Лучшее наше зелье по-прежнему там и растет: в особенности же сорта, ныне известные под названием «Длиннохвостая травка», «Старый Тоби» и «Южная звезда».

Каким образом Старый Тоби разнюхал это растение — неизвестно: сам он на смертном одре ни в чем не признался. По части трав он был знаток, но отнюдь не путешественник. По слухам, в юности он часто бывал в Пригорье, но далее Пригорья, как это в точности выяснено, никуда не отлучался. Весьма вероятно, что именно в Пригорье он растение и отыскал: там, кстати говоря, оно и поныне произрастает на южных склонах. Хоббиты-пригоряне утверждают, будто им впервые пришлось в голову курить трубочное зелье. Они, разумеется, во всем стремятся опередить жителей Хоббитании, которых называют «колонистами»; но в данном случае, полагаю, они не совсем неправы. Искусство курения подлинного зелья, несомненно, берет свое начало в Пригорье: оттуда оно распространилось среди гномов и других мимоходцев — Следопытов, Магов и им подобных бродяг, которые и сейчас сходятся на этом древнейшем дорожном перекрестке. Таким образом, следует признать первоисточником и центром распространения вышеупомянутого искусства старинный пригорянский трактир «Гарцующий пони», который с незапамятных лет содержит семья Наркисс.

И тем не менее наблюдения, произведенные мною во время моих неоднократных путешествий на юг, убедили меня, что зелье, подлежащее курению, произрастает не только в нашей части света, но также и в низовьях Андуина, куда его, очевидно, завезли морским путем люди Западного Края. Ныне оно изобилует в землях Гондора и растет там не в пример пышнее, нежели на севере, где отнюдь не является дикорастущим, но требует тепла и ухода, подобно как в Длиннохвостье. Гондорцы называют его «сладкий табак» и ценят лишь за благоухание цветов. Оттуда по Неторному Пути его могли занести в наши места на протяжении долгих столетий между княжением Элендила и нынешними днями. Но гондорские дунаданцы и те признают, что хоббиты первыми надумали курить эту траву. Даже маги до этого не додумались. Правда, в минувшие дни знавал я одного мага, который был не чужд нашему искусству и преуспел в нем, как и во всем, за что брался».

3. О благоустройстве Хоббитании

Хоббитания делилась на четыре удела: Северный, Южный, Восточный и Западный, а уделы — на округа, именовавшиеся в честь самых древних и почтенных местных родов, хотя потомки этих родов обитали порой совсем в другой части Хоббитании. Почти все Кролы по-прежнему жили в Укролье; но с Торбинсами и Булкинсами, например, дело обстояло иначе. Помимо уделов,

имелись еще Восточные и Западные Выселки: Восточные — это Заячьи Холмы, а Западные были прирезаны к Хоббитании в 1164 году (Л.Х.).

В ту давнюю пору, о которой мы ведем речь, в Хоббитании почти что и не было никакого «правительства». Каждый род сам, как умел, разбирался со своими делами — большей частью насчет того, как вырастить получше урожай и как повкуснее прокормиться. А в остальном хоббиты были более или менее покладистые, вовсе не жадные; привычно довольные своим, на чужое они не зарились — так что земли, фермы, мастерские и заведения хозяев не меняли, а мирно переходили по наследству.

Издревле помнилось, конечно, что был когда-то великий князь в Форносте или, как переименовали хоббиты, в Северне, где-то там, к северу от Хоббитании. Но князя-то уже не было чуть не тысячу лет, и даже развалины княжьего Северна заросли травой. Однако же хоббиты по-прежнему говорили про диких зверей и про нечисть вроде троллей, что им и князь не указ, какой с них спрос. От стародавнего князя они вели все свои законы и порядки и блюли их истово и по доброй воле, потому что законы — они и есть самые правильные Правила, и тебе древние, и справедливые.

Древнейшим родом испокон веков были у них Кролы: титул Хоббитана перешел к ним (от Побегайков) много сот лет назад, и с тех пор его неизменно носил старейшина Крол. Хоббитан главенствовал на всеобщих сходках, предводительствовал дружиной и ополчением, но и дружина и ополчение потребны были лишь в случае опасности, а случаев таких давным-давно не бывало, и титул Хоббитана стал всего лишь знаком почтения. Род Кролов, и то сказать, был в большом почете как весьма многочисленный и чрезвычайно богатый; в каждом поколении рождались Кролы особого склада и очень уж не робкого десятка. Подобные их свойства терпеть терпели (все ж таки богачи), но не одобряли. Однако старейшину рода по заведенному называли по всей Хоббитании Наш Крол, а если нужно было, то и добавляли к его имени порядковый номер: скажем, Изенгрим Второй.

На деле же единственной властью был городской голова Землеройска (а заодно и всей Хоббитании), которого переизбирали раз в семь лет во время Вольной Ярмарки на Светлом нагорье, в те три или четыре летних дня, которые у хоббитов делили год надвое и назывались «прилипки». Голова обязан был главным образом возглавлять большие пиршества по случаю хоббитанских праздников, довольно-таки частых. Но вдобавок он исправлял обязанности Начальника Почтовых Дел и Старшины Ширрифов, так что его заботам препоручалась Доставка посланий, а также Управа благочиния. Никаких других услуг в Хоббитании не имелось, и с посланиями забот было куда больше, чем с благочинием. Отнюдь не каждый хоббит знал грамоту, но уж если знал, то писал всем своим друзьям (и избранной родне) — всем, кого за дальностью проживания нельзя было навестить, гуляючи после обеда.

Ширрифами хоббиты называли свою стражу — вернее сказать, тех, кто им таковую заменял. Формы они, конечно, не носили (ничего подобного и в помине не было), только втыкали перо в шапку, и были скорее сторожами, чем стражниками — следили не за народом, а за зверьем. Всего их было двенадцать, по три в каждом уделе, и занимались они там Удельными делами. Кроме них, был еще непостоянный числом отряд, которому поручалось «обхаживать границы», чтоб никакие чужаки, будь то Громадины или мелюзга, не на-

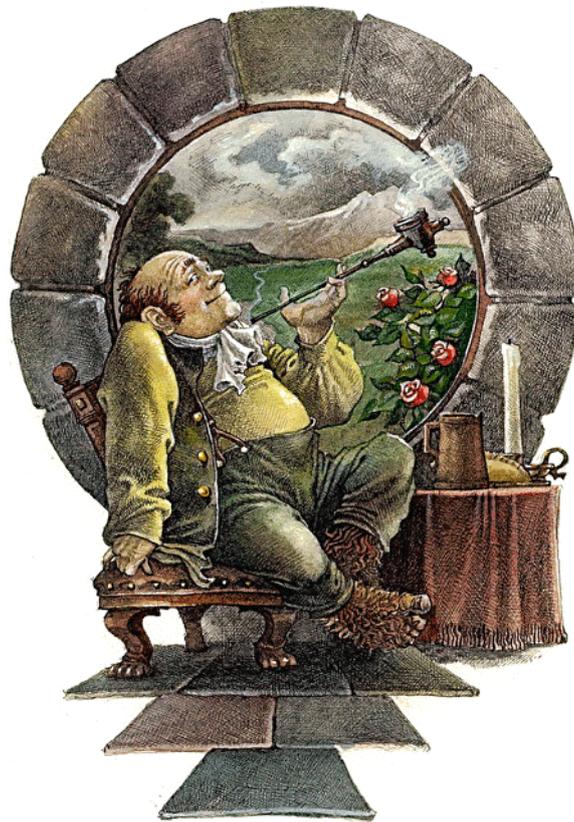
творили в Хоббитании безобразий.

В те времена, когда начинается наша повесть, от пролаз, как назывались непрошенные гости, прямо-таки отбою не стало. Четыре удела Хоббитании обменивались известиями и слухами о невиданных зверях и непонятных чужаках, которые рыскали возле границ, частенько нарушая их: это был первый признак, что жизнь идет не совсем так, как надо, как было всегда, — ведь об ином, давно забытом, глухо напоминали только самые старинные сказания. Тогда еще никто не понимал, в чем дело, даже сам Бильбо. Шестьдесят лет минуло с тех пор, как он пустился в свое памятное путешествие; он был стар, даже по хоббитскому счету, хотя у них, в общем, было принято доживать до ста лет; но богатства, привезенные им, судя по всему, не истощились. Много или мало осталось у него сокровищ — этого он никому не открывал, даже любимому племяннику Фродо. И ни о каком Кольце тоже речи не было.

4. О том, как нашлось Кольцо

Бильбо. Роман Писарев

Как рассказано в книге «Хоббит», однажды к Бильбо явился великий маг Гэндальф Серый, а с ним тринадцать гномов: царь-изгнанник Торин Дубоцит и двенадцать его сотоварищей. Апрельским утром 1341 года от заселения Хоббитании Бильбо, сам себе на удивленье, вдруг отправился далеко на восток возвращать гномам несметные сокровища, скопленные за много столетий в Подгорном Царстве. Им сопутствовал успех: от дракона, который стерег клад, удалось избавиться. Решила дело Битва Пяти Воинств, в которой погиб Торин и совершено было много ратных подвигов; однако долгая летопись Третьей эпохи упомянула бы об этом в одной, от силы в двух строках, если бы не одно будто бы случайное происшествие по дороге.

У орлов. Даррел Свит

Во Мглистых горах, по пути к Глухоманью, на путников напали орки; Бильбо отстал от своих и потерялся в черном лабиринте копей. Пробираясь ползком и ощупью, он нашарил какое-то кольцо и не долго думая положил его себе в карман, просто как случайную находку.

В тщетных поисках выхода он забрел в самую глубь горы, к холодному озеру, посреди которого на каменном островке жил Горлум, мерзкое существо с белесыми мерцающими глазами. Он плавал на плоскодонке, загребая широкими плоскими ступнями, ловил слепую рыбу длинными когтистыми пальцами и пожирал ее сырым. Он ел всякую живность, даже орков, если удавалось поймать и задушить какого-нибудь без особой возни. У него было тайное сокровище, доставшееся ему давным-давно, когда он еще жил наверху, на белом свете: волшебное золотое кольцо. Если его надеть, становишься невидимкой. Только его он и любил, называл «прелестью» и разговаривал с ним, даже когда не брал с собою. Обычно не брал: он его хранил в укромном месте на островке и надевал, только если шел охотиться на орков.

Будь кольцо при нем, он бы, наверно, сразу кинулся на Бильбо, но кольца при нем не было, а хоббит держал в руке эльфийский кинжал, служивший ему мечом. И чтобы оттянуть время, Горлум предложил Бильбо сыграть в загадки: если тот какую-нибудь не отгадает, то Горлум убьет его и съест, а если не отгадает Горлум, то он выведет Бильбо наружу.

Загадки в темноте. Роман Писарев

Бильбо согласился: смертельный риск был все же лучше безнадежных блужданий, и они загадали друг другу немало загадок. Наконец Бильбо выиг-

рал, хотя выручила его не смекалка, а опять-таки случайность: он запнулся, подбирая загадку потруднее, зачем-то полез рукой в карман, нащупал подобное и забытое кольцо и растерянно вскрикнул: «Что там у меня в кармане?» И Горлум не отгадал — с трех попыток.

Существуют разногласия насчет того, можно ли считать этот вопрос загадкой, отвечающей строгим правилам игры; но все согласны, что раз уж Горлум взялся отвечать, то обязан был соблюсти уговор. Этого от него и потребовал Бильбо, несколько опасаясь, что скользкая тварь как-нибудь его обманет, хотя такие уговоры издревле считаются священными у всех, кроме самых отпетых злодеев. Но за века одиночества и тьмы душа Горлума стала совсем черной, и предательство было ему нипочем. Он пронырнул темной водой на свой остров неподалеку от берега, оставив Бильбо в недоумении. Там, думал Горлум, лежит его кольцо. Он был голоден и зол; и ему ли, с его «прелестью», бояться какого-то оружия?

Но кольца на островке не было: потерялось, пропало. От истошного визга Горлума у Бильбо мурашки поползли по спине, хотя он сначала не понимал, в чем дело. Зато Горлум пусть поздно, но понял. «Что там у него в карманцах?» — злобно завопил он. С бешеным зеленым огнем в глазах он поспешил назад — убить хоббита, отобрать «прелесть». Бильбо спохватился в последний миг, опрометью бросился от воды — и снова его спасла случайность. Удирая, он сунул руку в карман, и кольцо оказалось у него на пальце. Горлум промчался мимо: он торопился к выходу, чтоб устеречь «вора». Бильбо осторожно крался за ним; из ругани и жалобного бормотанья Горлума, обращенного к «прелести», хоббит наконец разобрался во всем, и сквозь мрак безнадежности забрезжил просвет надежды. С волшебным кольцом он мог спастись и от орков, и от Горлума.

Остановились они у незаметного лаза — потайного прохода к нижним воротам копей на восточном склоне. Здесь Горлум залег в засаде, пригнувшись и прислушиваясь, и Бильбо хотел было его заколоть — но верх взяла жалость. И хотя кольцо он себе оставил — без него надеяться было не на что, — однако же не поддался соблазну убить захваченную врасплох злосчастную тварь. В конце концов, собравшись с духом, он перескочил через Горлума и побежал вниз по проходу, а за ним неслись отчаянные и яростные вопли: «Вор, вор! Ворюга! Навсегда ненавистный Торбинс!»

* * *

Любопытно, что своим спутникам Бильбо сперва рассказал все это немного иначе: будто бы Горлум обещал ему «подарочек», если он победит в игре; но, отправившись на свой островок за проигранным сокровищем — волшебным кольцом, когда-то подаренным ему на день рождения, — обнаружил, что оно исчезло. Бильбо догадался, что это самое кольцо он и нашел; а раз он выиграл, то имеет на него полное право. Но выбрать-то ему все равно было надо, и поэтому, умолчав о кольце, он заставил Горлума показать ему дорогу взамен обещанного «подарочка». Так он и записал в своих воспоминаниях, и своей рукою не изменил в них ни слова, даже после Совета у Элронда. Должно быть, в таком виде рассказ его вошел и в подлинник Алой Книги, в некоторые списки и выдержки из нее. В других списках, однако, приводится подлинная история (наряду с выдуманной): она явно составлена по примечаниям Фродо или Сэммиума — оба знали, как было на самом деле, но, видимо, исправлять рукопись старого хоббита не захотели.

Гэндальф же сразу не поверил рассказу Бильбо и очень заинтересовался кольцом. Он донимал Бильбо расспросами и постепенно вытянул из него правду, хотя они при этом чуть не поссорились, но, видно, маг полагал, что дело того стоит. К тому же его смутило и насторожило, что хоббит вдруг принялся выдумывать: это было на него совсем не похоже. Да и про «подарочек» сам бы он не выдумал. Позже Бильбо признавался, что это его надоумило подслушанное бормотанье Горлума: тот все время называл кольцо своим «подарочком на день рождения». И это тоже показалось Гэндальфу странным и подозрительным; но вся правда оставалась сокрытой от него еще многие годы. Что это была за правда, узнаете из нашей повести.

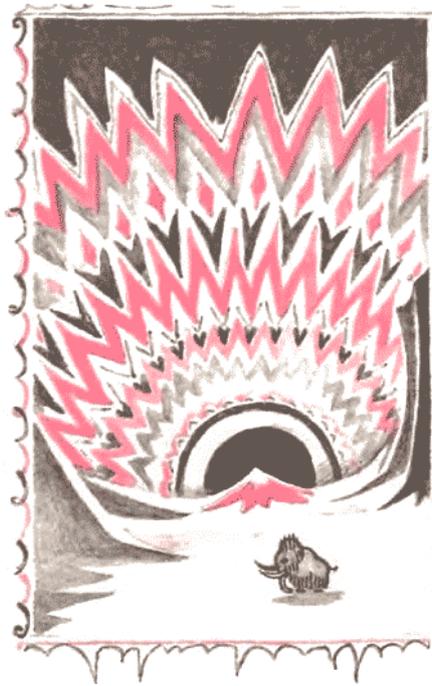
* * *

Нет нужды расписывать дальнейшие приключения Бильбо. Невидимкою проскользнул он мимо стражи орков у ворот и догнал спутников, а потом с помощью кольца не раз выручал своих друзей-гномов, но хранил его в тайне, сколько было возможно. Дома он тоже кольцом не хвастался, и знали о нем лишь Гэндальф да Фродо, а больше никто во всей Хоббитании — так по крайней мере думал Бильбо. И одному Фродо он показывал начатые главы рассказа о путешествии Туда и Обратно.

Свой меч, названный Терном, Бильбо повесил над камином; волшебную кольчугу — дар гномов из драконова сокровища — он отдал в землеройский Мусомный Амбар; правда, выдавший виды дорожный плащ с капюшоном висел в шкафу, и кольцо было всегда при нем — в кармане, на цепочке.

Он вернулся домой на пятьдесят втором году жизни, 22 июня 1342 года (Л.Х.), и в Хоббитании все спокойно шло обычным чередом, пока Бильбо Торбинс не собрался праздновать свое стоодиннадцатилетие (год 1401-й). Тут и начало нашей повести.

Книга 1

*А небеса цвели при нем
Ракетами, как дивный сад,
Где искры что цветы горят
И как дракон рокошет гром.*

Глава I

Долгожданное угощение

Когда Бильбо Торбинс, владелец Торбы-на-Круче, объявил, что хочет пышно отпраздновать свое наступающее стоодиннадцатилетие, весь Норгорд загудел и взволновался.

Бильбо слыл невероятным богачом и отчаянным сумасбродом вот уже шестьдесят лет — с тех пор как вдруг исчез, а потом внезапно возвратился с добычей, стократно преувеличенной рассказами. Только самые мудрые старики сомневались в том, что вся Круча изрыта подземными ходами, а ходы забиты сокровищами. Мало этого, к деньгам еще и здоровье, да какое! Сколько воды утекло, а господин Торбинс и в девяносто лет казался пятидесятилетним. Когда ему стукнуло девяносто девять, стали говорить, что он «хорошо сохранился», хотя вернее было бы сказать «ничуть не изменился». Многие качали головой: это уж было чересчур, даже и несправедливо, как везет некоторым — и старость их обходит, и деньгам переводу нет.

— Не к добру это, — говорили они. — Ох, не к добру, и быть беде!

Но беды покамест не было, а рука мистера Торбинса не скудела, так что ему более или менее прощали его богатство и чудачества. С родней он был в ладах (кроме, разумеется, Лякошель-Торбинсов), и многие хоббиты победнее да попроще любили его и уважали. Но сам он близко ни с кем не сходил, пока не подросли внучатые племянники.

Старшим из них и любимцем Бильбо был рано осиротевший Фродо Торбинс, сын его троюродного брата с отцовской стороны и двоюродной сестры — с материнской. В девяносто девять лет Бильбо сделал его своим наследником, и Лякошель-Торбинсы опять остались с носом. Бильбо и Фродо родились в один и тот же день, 22 сентября. «Перебирайся-ка, сынок, жить ко мне, — сказал однажды Бильбо, — а то с днем рождения у нас суцая морока». И Фродо переехал. Тогда он был еще в ранних летах — так хоббиты называют буйный и опрометчивый возраст между двадцатью двумя и тридцатью тремя годами.

С тех пор Торбинсы весело и радушно отпраздновали одиннадцать общих дней рождения; но на двенадцатый раз, судя по всему, готовилось что-то невиданное и неслыханное. Бильбо исполнялось сто одиннадцать — три единицы, — по-своему круглое и вполне почетное число (даже легендарный Старый Крол прожил только до ста тридцати), а Фродо тридцать три — две тройки, — тоже случай особый: на тридцать четвертом году жизни хоббит считался совершеннолетним. И замолоти языки в Норгорде и Приречье: слухи о предстоящем событии разнеслись по всей Хоббитании. Везде заново перемывали кости Бильбо и пересказывали его приключения: хоббиты постарше вдруг оказались в кругу слушателей и чинно рылись в памяти.

Кого слушали разиня рот, так это старого Хэма Скромби, известного под прозвищем Жихарь. Слушали его в трактирчике «Укромный уголок» на дороге в Приречье; а говорил он веско, потому что лет сорок, не меньше, садовничал в Торбе-на-Круче, да еще до того пособлял там же старому Норну. Теперь он и сам состарился, стал тяжел на подъем, и работу за него почти всю справлял его младшенький, Сэм Скромби. Оба они были в лучших отношениях с Бильбо

и Фродо. И жили опять же на Круче, в третьем доме Исторбинки, чуть пониже усадьбы.

— Уж как ни говори про господина Бильбо, а хоббит он первостатейный и вежливость очень даже соблюдает, — заявил Жихарь. И ничуть не прилгнул: Бильбо был с ним очень даже вежлив, называл его «почтенный Хэмбридж» и приглашал на ежегодный совет насчет овощей — уж про «корнеплодие», тем более про картофель, Жихарь соображал лучше всех в округе (что так, то так, соглашался он).

— Да ведь, кроме Бильбо, там в норе еще этот, как его, Фродо? — заметил старый Сдубень из Приречья. — Зовется-то он Торбинс, но Брендизайк, считай, наполовину, если не больше — такой идет разговор. Чего не пойму — так это зачем было Торбинсу из Норгорда брать себе жену, смех сказать, в Забрендии, где народ ох не нашенский!

— Да где ж ему быть нашенским, — вмешался папаша Дзулап, сосед Жихаря, — ежели они живут по какую не надо сторону Брендидуима и вперлись в самый что ни на есть Вековечный Лес? Нашли местечко, нечего сказать!

— Дело говоришь, папаша! — согласился Жихарь. — Ну, вообще-то Брендизайки с Заячьих Холмов в самый что ни на есть Вековечный Лес не вперлись, но что народ они чудной, это ты верно сказал. Плавают там почему зря посередь реки — куда это годится? Ну, и само собой, беды-то недолго ждать, помяни мое слово. И все ж таки господин Фродо — такого хоббита поискать надо. Из себя вылитый господин Бильбо — но мало ли кто на кого похож? Ясное дело, похож: отец тоже Торбинс. А вообще-то какой был настоящий, правильный хоббит господин Дрого Торбинс: ну ничего про него не скажешь, кроме того, что утонул!

— Утонул? — удивились несколько слушателей. Они слыхивали, конечно, и об этом, и о многом другом; но хоббиты — большие любители семейных историй, и эту историю готовы были в который раз выслушать заново.

— Говорят, вроде бы так, — сказал Жихарь. — Тут в чем дело: господин Дрого, он женился на бедняжке барышне Примуле Брендизайк. Она приходилась господину Бильбо прямой двоюродной сестрой с материнской стороны (а мать ее была младшенькая у тогдашнего Нашего Крола); ну а сам господин Дрого, он был четвероюродный. Вот и получилось; что господин Фродо и тебе двоюродный, и тебе, пожалуйста, почти что прямой родственник, с той и с этой стороны, как говорится, куда ни кинь. Господин Дрого, он состоял в Хороминах при тесте, при тогдашнем, это, Правителе, ну, Горбадок Брендизайк, тоже ой-ой-ой любил поесть, а тот-то взял и поехал, видали дело, на дощанике поперек Брендидуима, стало быть, они с женой и потонули, а господин Фродо, бедняга, остался сиротой, вот оно как было-то.

— Слышал я, что они покушали и поехали погулять под луной в лунном свете, — сказал старый Сдубень, — а Дрого был покушавши, тяжелый, вот лодку и потопил.

— А я слышал, что она его спихнула, а он ее потянул за собой, — сказал Пескунс, здешний мельник.

— Ты, Пескунс, не про все ври, про что слышал, — посоветовал Жихарь, который мельника недолго любил. — Ишь ты, пошел чесать языком: спихнула, потянул. Там лодки, дощаники-то, такие, что и не хочешь, а опрокинешься, и тянуть не надо. Словом, вот и остался Фродо сиротой, как у них говорится, на

мели: один как перст, а кругом эти ихние, которые в Хороминах. Крольчатник, да и только. У старика Горбадока там всегда сотни две родственников живут, не меньше. Господин Бильбо думал бы думал, лучше бы не придумал, чем забрать оттуда парня, чтоб жил, как полагается.

Ну а Лякошель-Торбинсам все это дело, конечно, поперек жизни. Они-то собрались захватить Торбу, еще когда он ушел с гномами и говорили, будто сгинул. А он-то вернулся, их выгнал и давай себе жить-поживать, живет не старится, и здоровье никуда не девается. А тут еще, здрасьте пожалуйста, наследничек, и все бумаги в полном порядке, это будьте уверены. Нет, не видать Лякошель-Торбинсам Торбы как своих ушей, лишь бы они только своих ушей не увидели.

— Денег там, я слышал, говорили, уймаща запрятана, — сказал чужак, проезжий из Землеройска в Западный удел. — Круча ваша, говорят, сверху вся изрыта, и каждый подземный ход прямо заставлен сундуками с золотом, и серебром, и драгоценными штуками.

— Это ты, поди, слышал больше, чем говорили, — отозвался Жихарь. — Какие там еще драгоценные штуки? Господин Бильбо, он денег не жалеет, и нехватки в них вроде бы нет; только ходов-то никто не рыл. Помню, лет шестьдесят тому вернулся назад господин Бильбо, я тогда еще был сопляк сопляком. Только-только стал подручным у старика Норна (он покойнику папаше был двоюродный брат), помогал ему гонять любопытную шушеру, и как раз усадьбу распродавали. А господин Бильбо тут и нагрязнул: ведет пони, груженого здоровенными мешками и парой сундуков. Все это, конечно, были сокровища из чужих земель, где кругом, известно, золотые горы. Только ходы-то зачем рыть? И так все поместится. Разве что у моего Сэма спросить: он там все знает. Торчит и торчит в Торбе, за уши не оттянешь. Подавай ему дни былые; господин Бильбо знай рассказывает, а мой дурак слушает. Господин Бильбо его и грамоте научил — без худого умысла, конечно, ну, авось и худа из этого не выйдет.

«Эльфы и драконы! — это я-то ему. — Ты лучше со мной на пару смекни про картошку и капусту. И не суй нос в чужие дела, а то без носа останешься» — так и сказал. И повторить могу, если кто не расслышал, — прибавил он, взглянув на чужака и на мельника.

Но слушатели оставались при своем мнении. Слишком уж привыкла молодежь к басням о сокровищах Бильбо.

— Сколько он там сначала ни привез, так потом пригрел, — возразил мельник, чувствуя за собой поддержку. — Дома-то не сидит, болтается где ни на есть. Смотри-ка, сколько у него чужедальних гостей: по ночам гномы приезжают, да этот еще шлендра-фокусник Гэндалф, тоже мне. Не, Жихарь, ты что хочешь говори, а темное это место, Торба, и народ там муторный.

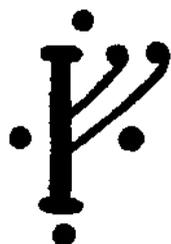
— А ты бы, наоборот, помалкивал, Пескунс, если про что не смыслишь, — опять посоветовал Жихарь мельнику, который ему не нравился даже больше обычного. — Пусть бы все были такие муторные. Я вот знаю кое-кого, кто и кружку пива приятелю не поставит, хоть ты ему вызолоти нору. А в Торбе — там дело правильно понимают. Сэм наш говорит, что на Угощение пригласят всех до единого и всем, заметь, будут подарки, да не когда-нибудь, а в этом месяце.

* * *

Стоял ясный, погожий сентябрь. Через день-два распространился слух (пущенный, вероятно, все тем же всезнающим Сэмом), что на праздник будет огненная потеха — а огненной потехи в Хоббитании не бывало уже лет сто, с тех пор как умер Старый Крол. Назначенный день приближался, и однажды вечером по Норгорду прогрохотал чудной фургон с диковинными ящиками — и остановился у Торбы-на-Круче. Хоббиты высовывались из дверей и вглядывались в темень. Лошадьми правили длиннородые гномы в надвинутых капюшонах и пели непонятные песни. Одни потом уехали, а другие остались в Торбе. Под конец второй недели сентября со стороны Брендидуимского моста среди бела дня показалась повозка, а в повозке старик. На нем была высокая островерхая синяя шляпа, серый плащ почти до пят и серебристый шарф. Его длинная белая борода выглядела ухоженной и величавой, а лохматые брови клоками торчали из-под шляпы. Хоббитята бежали за ним по всему поселку, до самой Кручи и на Кручу. Повозка была гружена ракетами, это они сразу уразумели. У дверей Бильбо старик стал сгружать большие связки ракет, разных и невероятных, с красными метками «Г» и с теми же по-эльфийски:

Это, конечно, была метка Гэндальфа, а старик на повозке был сам маг Гэндальф, известный в Хоббитании искусник по части устройства разноцветных огней и пускания веселых дымов. Куда опасней и труднее были его настоящие дела, но хоббиты об этом ничего не знали, для них он был чудесной приправой к Угощению. Потому и бежали за ним хоббитята.

— Гэндальф едет, гром гремит! — кричали они, а старик улыбался. Его знали в лицо, хотя навещал он Хоббитанию не часто и мельком, а гремучих фейерверков его не помнили теперь даже самые древние старики: давненько он их тут не устраивал.

Когда старик с помощью Бильбо и гномов разгрузил повозку, Бильбо раздал маленьким зевакам несколько монет — но не перепало им, к великому их огорчению, ни хлопушки, ни шутихи.

— Бегите домой, — сказал Гэндальф. — Хватит на всех — в свое время! — И скрылся вслед за Бильбо, а дверь заперли.

Хоббитята еще немножко подождали и разбрелись. «Ну когда же, в самом-то деле, праздник?» — думали они.

А Гэндальф и Бильбо сидели у открытого окна, глядя на запад, на цветущий сад. День клонился к вечеру, свет был чистый и яркий. Темно-алые львиные зевы, золотистые подсолнухи и огненные настурции подступали к круглым окошкам.

— Хороший у тебя сад! — сказал Гэндальф.

— Да, — согласился Бильбо. — Прекрасный сад и чудесное место — Хоббитания, только вот устал я, пора на отдых.

— Значит, как сказал, так и сделаешь?

— Конечно. Я от своего слова никогда не отступаюсь.

— Ну, тогда и разговаривать больше не о чем. Решил так решил — сделай все по-задуманному, тебе же будет лучше, а может, и не только тебе.

— Хорошо бы. Но уж в четверг-то я посмеюсь, есть у меня в запасе одна шуточка.

— Как бы над тобой самим не посмеялись, — покачал головою Гэндальф.

— Там посмотрим, — сказал Бильбо.

* * *

На Кручу въезжала повозка за повозкой. Кое-кто ворчал, что вот, мол, «одни чужаки руки греют, а местные мастера без дела сидят», но вскоре из Торбы посыпались заказы на разные яства, пития и роскошества — на все, чем торговали в Норгорде и вообще в Хоббитании. Народ заволновался: до праздника считанные дни, а где же почтальон с приглашениями?

Приглашения не замедлили, так что даже почтальонов не хватило, пришлось набирать доброхотов. К Бильбо несли сотни вежливых и витиеватых ответов. «Спасибо, — гласили они на разные лады, — спасибо, непременно придем».

Ворота Торбы украсила табличка: ВХОДИТЬ ТОЛЬКО ПО ДЕЛУ НАСЧЕТ УГОЩЕНИЯ. Но, даже измыслив дело насчет Угощения, войти было почти невозможно. Занятой по горло Бильбо сочинял приглашения, подкалывал ответы, упаковывал подарки и устраивал кой-какие свои дела, с Угощением никак не связанные. После прибытия Гэндальфа он на глаза никому не показывался.

Однажды утром хоббиты увидели, что на просторном лугу, к югу от главного входа в Торбу, разбивают шатры и ставят павильоны. Со стороны дороги прорубили проход через заросли и соорудили большие белые ворота. Три семейства Исторбинки, чьи усадьбы граничили с лугом, ахнули от восторга и упивались всеобщей завистью. А старый Жихарь Скромби перестал даже притворяться, будто работает в саду.

Шатры выростали не по дням, а по часам. Самый большой из них был так велик, что в нем поместилось громадное дерево, стоявшее во главе стола. На ветки дерева понавешали фонариков. А интереснее всего хоббитам была огромная кухня под открытым небом, на лугу. Угощение готовили во всех трактирах и харчевнях на много лиг вокруг, а здесь, возле Торбы, вдобавок орудовали гномы и прочие новоприбывшие чужеземцы. Хоббиты взволновались еще сильнее.

Между тем небо затянуло. Погода испортилась в среду, накануне Угощения. Встревожились все до единого. Но вот настал четверг, двадцать второе сентября. Засияло солнце, тучи разошлись, флаги заплескались, и пошла потеха.

Бильбо Торбинс обещал всего-то навсего Угощение, а на самом деле устроил великое празднество. Ближайших соседей пригласили от первого до последнего. А если кого и забыли пригласить, то они все равно пришли, так что это было не важно. Многие были призваны из дальних уделов Хоббитании, а некоторые даже из-за границы. Бильбо встречал званых (и незваных) гостей у Белых ворот. Он раздавал подарки всем и каждому; а кто хотел получить еще один, выбирался черным ходом и снова подходил к воротам. Хоббиты всегда дарят другим подарки на свой день рождения — подарки обычно недорогие,

и не всем, как в этот раз; но обычай хороший. В Норгорде и Приречье что ни день, то чье-нибудь рождение, а значит, в этих краях всякий хоббит может рассчитывать хотя бы на один подарок в неделю. Им не надоедает.

А тут и подарки были просто удивительные. Хоббиты помоложе так поразились, что чуть не позабыли угощаться. Им достались дивные игрушки: некоторым — чудесные, а некоторым — так даже волшебные. Иные были заказаны загодя, год назад, и привезли их из Черноречья и Подгорного Царства: гномы постарались.

Когда всех встретили, приветили и провели в ворота, начались песни, пляски, музыка, игры — а еды и питья хоть отбавляй. Угощение было тройное: полдник, чай и обед (или, пожалуй, ужин). К полднику и чаю народ сходился в шатры; а все остальное время пили и ели, что кому и где хочется, с одиннадцати до половины седьмого, пока не начался фейерверк.

Фейерверком заправлял Гэндальф: он не только привез ракеты, он их сам смастерил, чтобы разукрасить небо огненными картинками. Он же наготовил множество хлопушек, шутих, бенгальских огней, золотой россыпи, факельных искрометов, гномьих сверкающих свечей, эльфийских молний и гоблинского громобоя. Получались они у него превосходно, и с годами все лучше.

Огнистые птицы реяли в небе, оглашая выси звонким пением. На темных стволах дыма вспыхивала ярко-зеленая весенняя листва, и с сияющих ветвей на головы хоббитам сыпались огненные цветы, сыпались и гасли перед самым их носом, оставляя в воздухе нежный аромат. Рои блистающих мотыльков вспархивали на деревья, взвивались в небо цветные огни — и оборачивались орлами, парусниками, лебединами стаями. Багровые тучи низвергали на землю блистающий ливень. Потом грянул боевой клич, пучок серебряных копий взметнулся к небу и со змеиным шипом обрушился в реку. Коронный номер в честь Бильбо Гэндальф приберег под конец: он, видно, задумал насмерть удивить хоббитов, и своего добился. Все огни потухли; в небо поднялся исполинский дымный столп. Он склубился в дальнюю гору, вершина ее разгорелась и полыхнула ало-зеленым пламенем. Из пламени вылетел красно-золотой дракон, до ужаса настоящий, только поменьше: глаза его горели яростью, пасть изрыгала огонь; с бешеным ревом описал он три свистящих круга, снижаясь на толпу. Все пригнулись: многие попадали ничком. Дракон пронесся над головами хоббитов, перекувырнулся в воздухе и с оглушительным грохотом взорвался над Приречьем.

— Пожалуйте к столу! — послышался голос Бильбо.

Общий ужас и смятение как рукой сняло; хоббиты повскакивали на ноги. Всех ожидало дивное пиршество; особые столы для родни были накрыты в большом шатре с деревом. Там собрались сто сорок четыре приглашенных (это число у хоббитов называется «гурт», но народ на гурты считать не принято) — семьи, с которыми Бильбо и Фродо состояли хоть в каком-нибудь родстве, и несколько избранных друзей дома, вроде Гэндальфа.

И многовато было среди них совсем еще юных хоббитов, явившихся с родительского позволения: родители обычно позволяли им допоздна засиживаться за чужим столом — а то поди их накорми, не говоря уж — прокорми.

Во множестве были там Торбинсы и Булкинсы, Кролы и Брендизайки, не обойдены Ройлы (родня бабушки Бильбо), Ейлы и Пойлы (дедова родня), представлены Глубокопы, Бобберы, Толстобрюхлы, Барсуксы, Дороднинги, Дудсто-

ны и Шерстопалы. Иные угодили в родственники Бильбо нежданно-негаданно: кое-кто из них и в Норгорде-то никогда не бывал. Присутствовал и Оддо Лякошель-Торбинс с женою Любелией. Они терпеть не могли Бильбо и презирали Фродо, но приглашение было писано золотыми чернилами на мраморной бумаге, и они не устояли. К тому же кузен их Бильбо с давних пор славился своей кухней.

Сто сорок четыре избранника рассчитывали угоститься на славу; они только побаивались послеобеденной речи хозяина (а без нее нельзя). Того и жди, понесет он какую-нибудь околесицу под названием «стихи» или, хлебнув стакан-другой, пустится в рассказни о своем дурацком и непонятном путешествии. Угощались до отвала: ели сытно, много, вкусно и долго. Чего не съели, забрали с собой. Потом несколько недель еды в окрестностях почти никто не покупал, но торговцы были не в убытке: все равно Бильбо начисто опустошил их погреба, запасы и склады — за деньги, конечно.

Наконец челюсти задвигались медленнее, и настало время для Речи. Гости, как говорится у хоббитов, «подкушали» и были настроены благодушно. В бокалах — любимое питье, на тарелках — любимое лакомство... Так пусть себе говорит что хочет, послушаем и похлопаем.

— Любезные мои сородичи, — начал Бильбо, поднявшись.

— Тише! Тише! Тише! — закричали гости; хоровой призыв к тишине звучал все громче и никак не мог стихнуть.

Бильбо вылез из-за стола, подошел к увешанному фонариками дереву и взгромоздился на стул. Разноцветные блики пробегали по его праздничному лицу; золотые пуговицы сверкали на шелковом жилете. Он был виден всем в полный рост: одну руку не вынимал из кармана, а другой помахивал над головой.

— Любезные мои Торбинсы и Булкинсы, — начал он опять, — разлюбезные Кролы и Брендизайки, Ройлы, Ейлы и Пойлы, Глубокопы и Дудстоны, а также Бобберы, Толстобрюхлы, Дороднинги, Барсуксы и Шерстопалы!

— И Шерстолапы! — заорал пожилой хоббит из угла. Он, конечно, был Шерстолап, и недаром: лапы у него были шерстистые, здоровенные и возлежали на столе.

— И Шерстолапы, — согласился Бильбо. — Милые мои Лякошель-Торбинсы, я рад и вас приветствовать в Торбе-на-Круче. Нынче мне исполнилось сто одиннадцать лет: три, можно сказать, единицы!

— Урра! Урра! Урра! Многая лета! — закричали гости и радостно забарабанили по столам. То самое, что нужно: коротко и ясно.

— Надеюсь, что всем вам так же весело, как и мне.

Оглушительные хлопки. Крики: «Еще бы!», «А как же!», «Конечно!». Трубы и горны, дудки и флейты и прочие духовые инструменты; звон и гул.

Молодые хоббиты распечатали сотни музыкальных хлопушек со странным клеймом ЧРНРЧ: им было непонятно, зачем такое клеймо, но хлопушки прекрасные. А в хлопушках — маленькие инструменты, звонкие и чудно сделанные. В углу шатра юные Кролы и Брендизайки, решив, что дядя Бильбо кончил говорить (вроде все уже сказал), устроили оркестр и начали танцевать. Юный Многоград Крол и молоденькая Мелирот Брендизайк взобрались на стол и стали с колокольцами в руках отплясывать «Брызгу-дрызгу» — очень милый, но несколько буйный танец.

Однако Бильбо потребовал внимания. Он выхватил горн у какого-то хоббигенка и трижды в него протрубил. Шум улегся.

— Я вас надолго не задержу! — прокричал Бильбо.

Отовсюду захлопали.

— Я созвал вас нынче с особой целью. — Сказано это было так, что все насторожились. — Вернее, не с одной, а с тремя особыми целями! — Наступила почти что тишина, и некоторые Кролы даже приготовились слушать. — Во-первых, чтобы сказать вам, что я счастлив всех вас видеть и что с такими прекрасными и превосходными хоббитами, как вы, прожить сто одиннадцать лет легче легкого!

Радостный гомон одобрения.

— Добрую половину из вас я знаю вдвое хуже, чем следует, а худую половину люблю вдвое меньше, чем надо бы.

Сказано было сильно, но не очень понятно. Плеснули редкие хлопки, и все призадумались: так ли уж это лестно слышать?

— Во-вторых, чтобы вы порадовались моему дню рождения.

Прежний одобрительный гул.

— Нет, не моему: НАШЕМУ. Ибо в день этот, как вы знаете, родился не только я, но и мой племянник, мой наследник Фродо. Нынче он достиг совершеннолетия и вступает во владение имуществом.

Кое-кто из старших снисходительно похлопал. «Фродо! Фродо! Старина Фродо!» — выкрикивала молодежь. Лякошель-Торбинсы насупились и стали гадать, как это Фродо «вступает во владение».

— Вдвоем нам исполняется сто сорок четыре года: ровно столько, сколько вас тут собралось, — один, извините за выражение, гурт.

Гости безмолвствовали. Это еще что за новости? Многие, а особенно Лякошель-Торбинсы, оскорбились, сообразив, что их пригласили сюда только для ровного счета. «Скажет тоже: один гурт. Фу, как грубо».

— К тому же сегодня годовщина моего прибытия верхом на бочке в Эсгарот при Долгом озере. Хотя тогда я про свой день рождения не сразу и вспомнил. Мне было всего-то пятьдесят один год, а что такое в молодости год-другой! Правда, пиршество учинили изрядное; только я, помнится, был сильно простужен и едва выговаривал: «Пребдого бдагодаред». Теперь я пользуюсь случаем выговорить это как следует: премного благодарен вам всем за то, что вы удосужились прибыть на мое скромное празднество!

Упорное молчание. Все боялись, что сейчас он разразится песней или какими-нибудь стихами, и всем заранее было тоскливо. Что бы ему на этом кончить? А они бы выпили за его здоровье. Но Бильбо не стал ни петь, ни читать стихи. Он медленно перевел дыхание.

— В-третьих и в-последних, — сказал он, — я хочу сделать одно ОБЪЯВЛЕНИЕ. — Это слово он вдруг произнес так громко, что все, кому это было еще под силу, распрямылись. — С прискорбием объявляю вам, что хотя, как я сказал, прожить сто одиннадцать лет среди вас легче легкого, однако же пора и честь знать. Я отбываю. Только вы меня и видели. ПРОЩАЙТЕ!

Он ступил со стула и исчез. Вспыхнул ослепительный огонь, и все гости зажмурились. Открыв глаза, они увидели, что Бильбо нигде нет. Сто сорок четыре ошарашенных хоббита так и замерли. Старый Оддо Шерстолап снял ноги со стола и затоптал. Потом настала мертвая тишина: гости приходили в себя. И

вдруг Торбинсы, Булкинсы, Кролы, Брендизайки, Ройлы, Ейлы, Пойлы, Глубокопы, Бобберы, Толстобрюхлы, Барсуксы, Дороднинги, Дудстоны, Шерстопалы и Шерстолапы заговорили все разом.

Они соглашались друг с другом, что это безобразно и неучтиво и что надо это поскорее заесть и запить. «Я и всегда говорил, что он тронутый», — слышалось отовсюду. Даже проказливые Кролы, за малым исключением, не одобрили Бильбо. Тогда, правда, почти никто еще не понимал, что же произошло: бранили вздорную выходку.

Только старый и мудрый Дурри Брендизайк хитро прищурился. Ни преклонные годы, ни преизобильные блюда не помutilи его рассудка, и он сказал своей невестке Замиральде:

— Нет, милочка, это все не просто так. Торбинс-то, оболтус, небось опять сбежал. Нейметса старому балбесу. Ну и что? Еда-то на столе осталась.

И он крикнул Фродо принести еще вина.

А Фродо был единственный, кто не вымолвил ни слова. Он молча сидел возле опустевшего стула Бильбо, не обращая внимания на выкрики и вопросы. Он, конечно, оценил проделку, хотя знал о ней заранее, и едва удержался от смеха при дружном возмущении гостей. Но ему было как-то горько: он вдруг понял, что не на шутку любит старого хоббита. Гости ели и пили, обсуждали и осуждали дурачества Бильбо Торбинса, прежние и нынешние, — разгневались и ушли одни Лякошель-Торбинсы. Наконец Фродо устал распорядиться; он велел подать еще вина, встал, молча осушил бокал за здоровье Бильбо и тишком выбрался из шатра.

* * *

Бильбо Торбинс говорил речь, трогая золотое Кольцо в кармане: то самое, которое он столько лет втайне берег как зеницу ока. Шагнув со стула, он надел Кольцо — и с тех пор в Хоббитании его не видел ни один хоббит.

С улыбкой послушав, как галдят ошеломленные гости в шатре и вовсю веселятся не удостоенные особого приглашения хоббиты, он ушел в дом, снял праздничный наряд, сложил шелковый жилет, аккуратно завернул его в бумагу и припрятал в ящик. Потом быстро натянул какие-то лохмотья и застегнул старый кожаный пояс. На поясе висел короткий меч в потертых черных ножнах. Бильбо вздохнул и вытащил из пронафталиненного шкафа древний плащ с капюшоном. Плащ хранился, как драгоценность, хотя был весь в пятнах и совсем выцветший — а некогда, вероятно, темно-зеленый. Одежда была ему великовата. Он зашел в свой кабинет и достал из потайного ящика обернутый в тряпье загадочный сверток, кожаную папку с рукописью и какой-то толстый конверт. Рукопись и сверток он втиснул в здоровенный заплечный мешок, который стоял посреди комнаты, почти доверху набитый. В конверт он сунул золотое Кольцо на цепочке, запечатал его, адресовал Фродо и положил на каминную доску. Но потом вдруг схватил и запихнул в карман. Тут дверь распахнулась, и быстрым шагом вошел Гэндальф.

— Привет! — сказал Бильбо. — А я как раз думал, почему это тебя не видно?

— Рад, что *тебя* теперь видно, — отвечал маг, усаживаясь в кресло. — Я хочу перекинуться с тобою словом-другим. Так что — по-твоему, все в порядке?

— А как же, — подтвердил Бильбо. — Вспышка только лишняя — даже я

удивился, а прочие и подавно. Твоя, конечно, работа?

— Моя, конечно. Недаром ты многие годы скрывал Кольцо, и пусть уж гости твои гадают как умеют, исчез ты или пошутил.

— А шутку мне испортил, — сказал Бильбо.

— Да не шутку, а дурацкую затею... только вот говорить-то теперь поздно. Растревожил родню, и девять или девяносто девять дней о тебе будет болтать вся Хоббитания.

— Пусть болтает. Мне нужен отдых, долгий отдых, я же тебе говорил. Бессрочный отдых: едва ли я сюда когда-нибудь вернусь. Да и незачем, все устроено... Постарел я, Гэндальф. Так-то вроде не очень, а кости ноют. Нечего сказать: «Хорошо сохранился!» — Он фыркнул. — Ты понимаешь, я тонкий-пре-тонкий, как масло на хлебе у скупердя. Скверно это. Надо как-то переиначивать жизнь.

Гэндальф не сводил с него пристального, озабоченного взгляда.

— Да, в самом деле скверно, — задумчиво сказал он. — Ты, пожалуй, все правильно придумал.

— Это уж чего там, дело решенное. Я хочу снова горы повидать, понимаешь, Гэндальф, — горы, хочу найти место, где можно и вправду отдохнуть. В тишине и покое, без всяких настырных родственников, без гостей, чтобы в звонок не звонили. И книгу мою ведь нужно дописать. Я придумал для нее чудесный конец: «...и счастливо жил до скончания дней».

Гэндальф рассмеялся.

— Конец неплохой. Только читать-то ее некому, как ни кончай.

— Кому надо, прочтут. Фродо вон уже читал, хоть и без конца. Ты, кстати, приглядишь за Фродо?

— В оба глаза, хоть мне и не до того.

— Он бы, конечно, пошел за мной по первому зову. Даже и просился, незадолго до Утощения. Но пока что у него это все на словах. Мне-то перед смертью надо снова глушь да горы повидать, а он сердцем здесь, в Хоббитании: ему бы лужайки, перелески, ручейки. Уютно, спокойно. Я ему, разумеется, все оставил, кроме разных безделок, — надеюсь, он будет счастлив, когда пообвыкнется. Пора ему самому хозяином стать.

— Все оставил? — спросил Гэндальф. — И Кольцо тоже? У тебя ведь так было решено, помнишь?

— К-конечно, все... а Кольцо... — Бильбо вдруг запнулся.

— Где оно?

— В конверте, если хочешь знать, — разозлился Бильбо. — Там, на камине. Нет, не там... У меня в кармане! — Он замялся. — Странное дело! — пробормотал он. — Хотя чего тут странного? Хочу — оставляю, не хочу — не оставляю.

Гэндальф поглядел на Бильбо, и глаза его чуть блеснули.

— По-моему, Бильбо, надо его оставить, — сказал он. — А ты что — не хочешь?

— Сам не знаю. Теперь вот мне как-то не хочется с ним расставаться. Да и зачем? А ты-то чего ко мне пристал? — спросил он ломким, чуть ли не визгливым голосом, раздраженно и подозрительно. — Все-то тебе мое Кольцо не дает покоя: мало ли что я добыл, твое какое дело?

— Да, именно что покоя не дает, — подтвердил Гэндальф. — Долго я у тебя допытывался правды, очень долго. Волшебные Кольца — они, знаешь ли, вол-

шебные, со всякими подвохами и неожиданностями. А твое Кольцо мне было особенно любопытно, скрывать не стану. Если уж ты собрался путешествовать, то мне его никак нельзя упускать из виду. А владел ты им, кстати, не чересчур ли долго? Поверь мне, Бильбо, больше оно тебе не понадобится.

Бильбо покраснел и метнул гневный взгляд на Гэндальфа. Добродушное лицо его вдруг ожесточилось.

— Почему ты знаешь? — выкрикнул он. — Какое тебе дело? Мое — оно мое и есть. Мое, понятно? Я его нашел: оно само пришло ко мне в руки.

— Конечно, конечно, — сказал Гэндальф. — Только зачем так волноваться?

— С тобой разволнуешься, — отозвался Бильбо. — Говорят тебе: оно мое. Моя... моя прелесть! Да, вот именно — моя прелесть!

Гэндальф смотрел спокойно и пристально, только в глазах его огоньком зажглось тревожное изумление.

— Было уже, — заметил он. — Называли его так. Правда, не ты.

— Тогда не я, а теперь я. Ну и что? Подумаешь, Горлум называл! Было оно его, а теперь мое. Мое, и навсегда!

Гэндальф поднялся, и голос его стал суровым.

— Поостерегись, Бильбо, — сказал он. — Оставь Кольцо! А сам ступай куда хочешь — и освободишься.

— Разрешил, спасибо. Я сам себе хозяин! — упрямо выкрикнул Бильбо.

— Легче, легче, любезный хоббит! — проговорил Гэндальф. — Всю твою жизнь мы были друзьями, припомника. Ну-ну! Делай, как обещано: выкладывай Кольцо!

— Ты, значит, сам его захотел? Так нет же! — крикнул Бильбо. — Не получишь! Я тебе мою прелесть не отдам, понял? — Он схватился за рукоять маленького меча.

Глаза Гэндальфа сверкнули.

— Я ведь тоже могу рассердиться, — предупредил он. — Осторожнее — а то увидишь Гэндальфа Серого в гневе!

Он сделал шаг к хоббиту, вырос, и тень его заполнила комнату.

Бильбо попятился; он часто дышал и не мог вынуть руку из кармана. Так они стояли друг против друга, и воздух тихо звенел. Гэндальф взглядом пригвоздил хоббита к стене; кулаки Бильбо разжались, и он задрожал.

— Что это ты, Гэндальф, в самом деле, — проговорил он. — Словно и не ты вовсе. А в чем дело-то? Оно же ведь мое? Я ведь его нашел, и Горлум убил бы меня, если б не оно. Я не вор, я его не украл, мало ли что он кричал мне вслед.

— Я тебя вором и не называл, — отозвался Гэндальф. — Да и я не грабитель — не отнимаю у тебя твою «прелесть», а помогаю тебе. Лучше бы ты мне доверял, как прежде. — Он отвернулся, тень его съезжилась, и Гэндальф снова сделался старым и усталым, сутулым и озабоченным.

Бильбо провел по глазам ладонью.

— Прости, пожалуйста, — сказал он. — Что-то на меня накатило... А теперь вот, кажется, прошло. Мне давно не по себе: взгляд, что ли, чей-то меня ищет? И все-то мне хотелось, знаешь, надеть его, чтоб исчезнуть, и все-то я его трогал да вытаскивал. Пробовал в ящик запирать — но не было мне покоя, когда Кольцо не в кармане. И вот теперь сам не знаю, что с ним делать...

— Зато я знаю, что с ним делать, — объявил Гэндальф. — Пока что знаю. Иди и оставь Кольцо здесь. Откажись от него. Отдай его Фродо, а там уж — моя

забота.

Бильбо замер в нерешительности. Потом вздохнул.

— Ладно, — выговорил он. — Отдам. — Потом пожал плечами и виновато улыбнулся. — По правде сказать, зачем и празднество было устроено: чтоб раздарить побольше подарков, а заодно уж... Казалось, так будет легче. Зря казалось, но теперь нужно доводить дело до конца.

— Иначе и затевать не стоило, — подтвердил Гэндальф.

— Ну что ж, — сказал Бильбо. — Пусть оно достанется Фродо в придачу к остальному. — Он глубоко вздохнул. — Пора мне, пойду, а то как бы кому на глаза не попасться. Со всеми я распрощался... — Он подхватил мешок и шагнул к двери.

— Кольцо-то осталось у тебя в кармане, — напомнил маг.

— Осталось, да! — горько выкрикнул Бильбо. — А с ним и завещание, и прочие бумаги. Возьми их, сам распорядись. Так будет надежнее.

— Нет, мне Кольцо не отдавай, — сказал Гэндальф. — Положи его на камин. Фродо сейчас явится. Я подожду.

Бильбо вынул конверт из кармана и хотел было положить его возле часов, но рука его дрогнула, и конверт упал на пол. Гэндальф мигом нагнулся за ним, поднял и положил на место. Хоббита снова передернуло от гнева.

Но вдруг лицо его просветлело и озарилось улыбкой.

— Ну, вот и все, — облегченно сказал он. — Пора трогаться!

Они вышли в прихожую. Бильбо взял свою любимую трость и призывно свистнул. Из разных дверей появились три гнома.

— Все готово? — спросил Бильбо. — Упаковано, надписано?

— Готово! — был ответ.

— Так пошли же! — И он шагнул к двери. Ночь была ясная, в черном небе сияли звезды. Бильбо глянул ввысь и вздохнул полной грудью.

— Неужели? Неужели снова в путь, куда глаза глядят, и с гномами? Ох, сколько лет мечтал я об этом! Прощай! — сказал он своему дому, склонив голову перед его дверями. — Прощай, Гэндальф!

— Не прощай, Бильбо, а до свидания! Поосторожней только! Ты хоббит бывалый, а пожалуй что и мудрый...

— Поосторожней! Еще чего! Нет уж, обо мне теперь не беспокойся. Я счастлив, как давно не был, — сам небось понимаешь, что это значит. Время мое пришло, и путь мой передо мною.

Вполголоса, точно боясь потревожить темноту и тишь, он пропел себе под нос:

*В поход, беспечный пешеход,
Уйду, избыв печаль, —
Спешит дорога от ворот
В заманчивую даль,
Свивая тысячи путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,
Не знаю я пока!*

Постоял, помолчал и, не вымолвив больше ни слова, повернулся спиной к огням и пошел — за ним три гнома — сначала в сад, а оттуда вниз покатою тропой. Раздвинув живую изгородь, он скрылся в густой высокой траве, слов-

но ее шевельнул ветерок.

Гэндальф постоял и поглядел ему вслед, в темноту.

— До свидания, Бильбо, дорогой мой хоббит! — тихо сказал он и вернулся в дом.

* * *

Фродо не замедлил явиться и увидел, что Гэндальф сидит в полутьме, о чем-то глубоко задумавшись.

— Ушел? — спросил Фродо.

— Да, ушел, — отвечал Гэндальф, — сумел уйти.

— А хорошо бы... то есть я все-таки надеялся целый вечер, что это просто шутка, — сказал Фродо. — Хотя в душе знал, что он и правда уйдет. Он всегда шутил всерьез. Вот ведь — опоздал его проводить.

— Да нет, он так, наверно, и хотел уйти — без долгих проводов, — сказал Гэндальф. — Не огорчайся. Теперь с ним все в порядке. Он тебе оставил сверток — вон там.

Фродо взял конверт с камина, поглядел на него, но раскрывать не стал.

— Там должно быть завещание и прочие бумаги в этом роде, — сказал маг. — Ты теперь хозяин Торбы. Да, и еще там золотое Кольцо.

— Как, и Кольцо? — воскликнул Фродо. — Он и его мне оставил? С чего бы это? Впрочем, пригодится.

— Может, пригодится, а может, и нет, — сказал Гэндальф. — Пока что я бы на твоём месте Кольца не трогал. Береги его и не болтай о нём. А я пойду спать.

Теперь Фродо поневоле остался за хозяина, и ему, увы, надо было провожать и выпроваживать гостей. Слухи о диковинном деле уже облетели весь луг, но Фродо отвечал на любые вопросы одно и то же: «*Наутро все само собой разъяснится*». К полуночи за особо почтенными гостями подъехали повозки. Одна за другой наполнялись они сытыми-пресытыми, но исполненными ненасытного любопытства хоббитами и катили в темноту. Пришли трезвые садовники и вывезли на тачках тех, кому не служили ноги.

Медленно тянулась ночь. Солнце встало гораздо раньше, чем хоббиты, но утро наконец взяло свое. Явились приглашенные уборщики — и принялись снимать шатры, уносить столы и стулья, ложки и ножи, бутылки и тарелки, фонари и кадки с цветами, выметать объедки и конфетные фантики, собирать забытые сумки, перчатки, носовые платки и нетронутые яства (представьте, попадались и такие). Затем подоспели неприглашенные Торбинсы и Булкинсы, Барсуксы и Кролы и еще многие вчерашние гости, из тех, кто жил или остановился неподалеку. К полудню пришли в себя даже те, кто сильно перекушал накануне, и возле Торбы собралась изрядная толпа незваных, но не то чтобы неожиданных гостей.

Фродо вышел на крыльцо улыбаясь, но с усталым и озабоченным видом. Он приветствовал всех собравшихся, однако сообщил немногим более прежнего. Теперь он просто-напросто твердил направо и налево:

— Господин Бильбо Торбинс отбыл в неизвестном направлении; насколько я знаю, он не вернется.

Кое-кому из гостей он предложил зайти: им были оставлены «гостинцы» от

Бильбо.

В прихожей громоздилась куча пакетов, свертков, мелкой мебели — и все с бумажными бирками. Бирки были вот какие:

«АДЕЛАРДУ КРОЛУ, в его ПОЛНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ, от Бильбо» — зонтик. За многие годы Аделард присвоил десятки зонтиков без всяких бирок.

«ДОРЕ ТОРБИНС в память о ДОЛГОЙ переписке, с любовью от Бильбо» — огромная корзина для бумажной трухи. Дора, сестра покойника Дрого и старейшая родственница Бильбо и Фродо, доживала девяносто девятый год: пятьдесят из них она изводила бумагу на добрые советы любезным адресатам.

«МИЛЛУ ГЛУБОКОПУ, а вдруг понадобится, от Б. Т.» — золотое перо и бутылка чернил. Милл никогда не отвечал на письма.

«АНЖЕЛИЧКУ от дяди Бильбо» — круглое веселое зеркальце. Юная Анжелика Торбинс явно считала свое миловидное личико достойным всеобщего восхищения.

«Для пополнения БИБЛИОТЕКИ ГУГО ТОЛСТОБРЮХЛА, от пополнителя» — книжная полка (пустая). Гуго очень любил читать чужие книги и в мыслях не имел их возвращать.

«ЛЮБЕЛИИ ЛЯКОШЕЛЬ-ТОРБИНС, в ПОДАРОК» — набор серебряных ложек. Бильбо подозревал, что это она растащила почти все его ложки, пока он странствовал Туда и Обратно. Любелия о его подозрениях прекрасно знала. И когда она явилась — попозже, чем некоторые, — она сразу же поняла гнусный намек, но и дареными ложками не побрезговала.

Это лишь несколько надписей, а гостинцев там было видимо-невидимо. За многие годы долгой жизни Бильбо его обиталище довольно-таки захламотилось. Вообще в хоббитских норах хлам скоплялся как по волшебству, отчасти поэтому и возник обычай раздаривать как можно больше на свои дни рождения. Вовсе не всегда эти подарки были прямо-таки *новые*, а не передаренные: один-два образчика старого *мусома* непонятного назначения обошли всю округу. Но Бильбо-то обычно дарил новые подарки и не передаривал дареное. Словом, старинная нора теперь малость порасчистилась.

Да, все гостинцы были с бирками, надписанными собственной рукой Бильбо, и кое-что было подарено с умыслом, а кое-что в шутку. Но, конечно, большей частью дарилось то, что пригодится и понадобится. Малоимущие хоббиты, особенно с Исторбинки, были очень даже довольны. Старому Жихарю Скромби достались два мешка картошки, новая лопата, шерстяной жилет и бутылка ревматического снадобья. А старый Дурри Брендизайк, в благодарность за многократное гостеприимство, получил дюжину бутылок «Старого Виньяра», крепленого красного вина из Южного удела; вина вполне выдержанного, тем более что заложил его еще отец Бильбо. Дурри тут же простил Бильбо, что было прощать, и после первой же бутылки провозгласил его мужиком что надо.

Тоже и Фродо жаловаться не приходилось. Главные-то сокровища: книги, картины и всяческая несравненная мебель — оставлены были ему. И при всем при этом никакого следа денег или драгоценностей: ни денежки, ни бусинки никому не досталось.

Новый день потонул в хлопотах. С быстротой пожара распространился слух, будто все имущество Бильбо пойдет в распродажу или, того пуще, на дармовщину — приходи и бери. Охочие хоббиты валили толпами, а спроважи-

вать их приходилось по одному. Телеги и тачки загромоздили двор от крыльца до ворот.

В разгар суматохи явились Лякошель-Торбинсы. Фродо как раз пошел передохнуть и оставил за себя своего приятеля, Мерри Брендизайка. Когда Оддо громогласно потребовал «этого племянничка Бильбо», Мерри поклонился и развел руками.

— Ему нездоровится, — сказал он.

— Проще говоря, племянничек прячется, — уточнила Любелія. — Ну а мы пришли его повидать — и непременно повидаем. Поди-ка доложи ему об этом!

Мерри отправился докладывать, и Лякошели долго проторчали в прихожей. Наконец их впустили в кабинет. Фродо сидел за столом, заваленным кипой бумаг. Вид у него был нездоровый — и, уж во всяком случае, не слишком приветливый; он поднялся из-за стола, держа руку в кармане, но разговаривал вполне учтиво.

А Лякошели вели себя весьма напористо. Сначала они стали предлагать за разные вещи бросовые цены. Фродо отвечал, что подарки подарками, а вообще-то здесь ничего не продается; они поджали губы и сказали, что это им крайне подозрительно.

— Мне одно ясно, — добавил Оддо, — что уж кто-кто, а ты-то себе неплохо руки нагрел. Требую немедленно показать завещание!

Если б не «племянник», усадьба досталась бы Оддо. Он прочел завещание, перечел его — и фыркнул. Увы, все в нем было ясно и правильно, и положенные восемь свидетелей аккуратно расписались красными чернилами.

— Опять мы остались в дураках! — сказал Оддо жене. — Шестьдесят лет прождали — и опять! Что он тебе, серебряные ложки преподнес? Вот подлец!

Он злобно глянул на Фродо и пошел прочь. Любелія, правда, задержалась. Вскоре Фродо опасно выглянул из кабинета и увидел, что она тщательно шарит все уголки и выстукивает стены и полы. Он твердой рукой выпроводил ее, попутно избавив от нескольких небольших, но ценных приобретений, случайно завалившихся ей в зонтик. Она, видно, готовилась изречь на прощание что-то убийственное — и, обернувшись на крыльце, прошипела:

— Ты еще об этом пожалеешь, молокосос! Ты-то чего остался? Тебе здесь не место: какой из тебя Торбинс? Ты... ты самый настоящий Брендизайк!

— Слышал, Мерри? Вот как меня оскорбляют, — сказал Фродо, запирая за нею дверь.

— Ничего себе оскорбляют, — отозвался Мерри Брендизайк. — Тебе комплимент сделали, а ты говоришь — оскорбляют. Ну какой из тебя Брендизайк?

* * *

Они прошлись по дому и выгнали трех юнцов-хоббитов (двух Булкинсов и одного Боббера), которые копались в погребках. С резвым Гризли Шерстолапом у Фродо вышла настоящая потасовка: тот выстукал гулкое эхо под полом в большой кладовой и копал не покладая рук.

Росказни о сокровищах Бильбо будили алчное любопытство и праздные надежды: известно ведь, что темным, а то и злодейским путем добытое золото принадлежит любому хвату, лишь бы ему не помешали вовремя ухватить.

Одолев Гризли и выпихнув его за дверь, Фродо рухнул на стул в прихожей.

— Закрывай лавочку, Мерри, — сказал он. — Запри дверь и не пускай больше никого, пусть хоть с тараном придут.

Он уселся за поздний чай, и едва уселся, как в дверь тихо постучали. «Опять Любелія, — подумал он. — Нет уж, пусть подождет до завтра — авось придумает что-нибудь пообиднее». Он прихлебнул из чашки, не обращая внимания на новый, куда более громкий стук. Вдруг в окне показалась голова мага.

— Если ты меня сейчас же непустишь, Фродо, я тебе не то что дверь высажу, я всю твою лачугу загоню в тартарары! — крикнул он.

— Это ты, Гэндальф? Прости, пожалуйста! — спохватился Фродо, кидаясь к дверям. — Заходи, заходи! Я думал, что Любелія.

— Тогда ладно, прощаю. Не волнуйся, я ее сейчас видел в Приречье — такую кислую, что у меня до сих пор оскомила.

— А я уж лучше и жаловаться не буду. Честно говоря, я чуть не надел Кольцо Бильбо: так и хотелось исчезнуть.

— Не надел, и молодец! — сказал Гэндальф. — Поосторожнее с Кольцом, Фродо. Я из-за него и вернулся: сказать тебе пару слов.

— А в чем дело?

— Что ты про него знаешь?

— То, что Бильбо рассказывал, всю историю — как он его нашел и как оно ему пригодило.

— И какую же историю он тебе рассказывал? — поинтересовался маг.

— Нет, не ту, которую гномам и которая записана в его книге, — ответил Фродо. — Он рассказал мне все по правде — почти сразу, как я сюда переехал. Раз ты у него дознался, то чтоб и я знал. «Пусть у нас все будет начистоту, Фродо, — сказал он, — только ты уж помалкивай. Теперь-то оно все равно мое».

— Еще того интереснее, — заметил Гэндальф. — Ну, и как тебе это нравится?

— Ты насчет выдумки про «подарочек»? Да, бестолковая и нелепая выдумка. А главное, очень уж не похоже на Бильбо: я, помню, здорово удивлялся.

— Я тоже. Но владельцы волшебных сокровищ рано или поздно становятся на себя непохожими. Вот и ты будь поосмотрительнее. Это Кольцо не для того сделано, чтоб ты исчезал, когда тебе удобно, у него могут быть и другие свойства.

— Что-то непонятно, — сказал Фродо.

— Да и мне не совсем понятно, — признался маг. — Кольцо это заинтересовало меня по-настоящему только вчера вечером. Ты не волнуйся, я разберусь. И послушай моего совета, спрячь его куда-нибудь подальше. А главное, не давай никакого повода к толкам и пересудам. Повторяю тебе: береги его и не болтай о нем.

— Вон какие загадки! А что в нем опасного?

— Я еще не уверен и говорить не буду. Но в следующий раз, наверно, кое-что услышишь. Пока прощай, я тотчас ухожу. — Он поднялся.

— Как тотчас? — вскрикнул Фродо. — А я-то думал, ты хоть неделю у нас поживешь, и так надеялся на твою помощь...

— Я и собирался, да вот не пришлось. Меня, вероятно, долго не будет, но в конце-то концов я непременно явлюсь тебя проведать. Будь готов принять ме-

ня в любое время: я приду тайком. На глаза хоббитам я больше показываться не хочу, я уж вижу, что меня в Хоббитании невзлюбили. Говорят, от меня только морока да безобразие. Кто, как не я, сбил с толку Бильбо — а может, даже и сжил его со свету. Мы с тобой, оказывается, в сговоре и сейчас делим его богатства.

— Говорят! — воскликнул Фродо. — Говорят, конечно, — Оддо с Любелией. Фу, какая мерзость! Я бы с радостью отдал и Торбу, и все на свете, лишь бы вернуть Бильбо или уйти вместе с ним. Я очень люблю родные места, но, честное слово, кажется, зря за ним не увязался. Когда-то я его снова увижу — да и увижу ли?

— Я тоже не знаю когда, — сказал Гэндальф. — И еще многого не знаю. Будь осторожней! И жди меня в самое неподходящее время. А пока прощай!

Фродо проводил его до крыльца. Гэндальф помахал рукой и пошел широким шагом; Фродо показалось, что старого мага пригибает к земле какая-то тяжкая ноша. Вечерело, и его серый плащ вмиг растворился в сумерках.

Они расстались надолго.

Глава II Тень прошлого

Ни за девять, ни за девяносто девять дней разговоры не умолкли. Второе исчезновение Бильбо Торбинса обсуждали не только в Норгорде, но везде и повсюду: обсуждали год с лишним, а вспоминали и того дольше. Хоббитятам рассказывали эту историю по вечерам у камелька, и постепенно Сумасшедший Торбинс, исчезавший с треском и блеском, а появлявшийся с грудой сокровищ, стал любимым сказочным хоббитом и остался в сказках, когда всякая память о подлинных событиях померкла.

Но поначалу в округе говорили, что Бильбо и всегда-то был не в себе, а теперь и вовсе свихнулся, дело его пропащее. Наверняка свалился в какой-нибудь пруд или в реку — тут ему и был печальный, но заслуженный конец. А виноват во всем — кто же, как не Гэндальф!

«Оставил бы этот дурацкий маг хоть Фродо в покое — из него, глядишь, и вышел бы толковый хоббит», — говорил кто поумнее, качая головой. И, судя по всему, маг таки оставил Фродо в покое, но хоббитской толковости в нем не прибывало. Фродо был тоже какой-то странный, вроде Бильбо. Траура он соблюдать не стал и на следующий год задал праздник по случаю столетия Бильбо: полновесная, говорил он, дата. Но что это был за праздник, всего двадцать приглашенных! Правда, ели до отвала и пили до упаду, как говорится у хоббитов.

Словом, кое-кто очень удивлялся, но Фродо взял обычай праздновать день рождения Бильбо, соблюдал его год за годом, и все привыкли. Он сказал, что Бильбо, по его разумению, жив-живехонек. А когда его спрашивали, где же он, Фродо пожимал плечами.

Жил он особняком, как и Бильбо, только друзей у него было много, особенно среди молодежи. А вполне своими чувствовали себя в Торбе Перегрин Крол (для друзей просто Пин) и Мерри Брендизайк (полное имя его было Мериадок, но об этом очень редко вспоминали). Фродо гулял с ними по горам и долам, но чаще бродил один, и простой народ дивился, чего ему не спится по ночам. Мерри и Пин подозревали, что он спознался с эльфами, по примеру дяди Биль-

бо.

Время шло, и все стали замечать, что Фродо тоже не худо «сохраняется»: у него по-прежнему был вид крепкого и ловкого хоббита едва за тридцать. «Кому везет, тому и счастье», — говорили о нем; но, когда ему подкатило к пятидесяти, народ насторожился.

Сам Фродо, оправившись от первого огорчения, обнаружил, что быть господином Торбинсом, хозяином Торбы-на-Круче, очень даже приятно. Десяток лет он просто радовался жизни и в будущее не заглядывал — хотя иногда все-таки жалел, что не ушел с Бильбо. И порою, особенно по осени, ему грезились дикие, неизведанные края, виделись горы, в которых он никогда не бывал, и моря, о которых только слышал. Он начал сам себе повторять: «А когда-нибудь возьму и уйду за Реку». И тут же внутренний голос говорил ему: «Когда-нибудь *потом*».

Между тем приближалось его пятидесятилетие — а пятьдесят лет казались Фродо весьма знаменательной (и даже зловещей) датой. В этом самом возрасте Бильбо сделался отчаянным хоббитом. Фродо забеспокоился, любимые тропы ему надоели. Он разглядывал местные карты, где Хоббитания была окружена белыми пятнами. Он все чаще и все дольше гулял один, а Мерри и другие друзья с тревогою следили за ним. А кто следил, тот видел, как он заводит долгие беседы с чужаками, которых в Хоббитании стало видимо-невидимо.

* * *

Ходили слухи о каких-то диковинных делах за границей; Гэндальф не появлялся уже много лет и даже вестей о себе не слал, так что Фродо подбирал всякую малую весточку. Через Хоббитанию поспешали большие отряды эльфов — раньше-то хоббиты знали про них только понаслышке, а теперь эльфы шли и шли по вечерам лесною окраиной, проходили и не возвращались. Они покидали Средиземье: у них была своя судьба. Шли, однако, и гномы — тоже во множестве. Древний путь с востока на запад вел через Хоббитанию в Серебристую Гавань; гномы же издавна хаживали этим трактом в копи, на Голубые горы. От них-то хоббиты и узнавали, что делается в чужих краях; правда, хозяева были нелюбопытны, а прохожие неразговорчивы. Но теперь Фродо все чаще попадались другие, дальние гномы. Они спешили на запад и, озираясь, полупешотом, говорили про Врага и про страну Мордор.

Это слово было известно только по очень древним сказаньям: оно затемняло их зловещей тенью. Оказывается, едва только Светлый Совет очистил от злодейства Лихолесье, как оно закрепилось в древней своей твердыне, в Мордоре. Черный Замок был заново отстроен, и от него расползался по Средиземью холодный мрак и обессиливающий ужас. Всюду гремели войны. В горах множились орки. И тролли стали не те, что прежде, — не тупоумные и косолапые, а хитрые и по-новому вооруженные. Заходила речь и о чудищах страшнее — но тут уж говорили обиняками.

Простой народ, конечно, знал об этом маловато. Однако даже самые тугухие домоседы и те кое-что прослышали, а кому случилось побывать на границе, те и повидали.

Однажды весенним вечером у камина в «Зеленом драконе» Сэм Скромби,

садовник Фродо, вел беседу с Тодом Пескунсом, мельниковым сыном. Вокруг собрались завсегдаи кабачка.

— Чудные нынче ходят слухи, — заметил Сэм.

— А ты уши развесь, — посоветовал Тод, — еще и не то услышишь. Поди вон к моей бабке — она тебе нараскажет!

— Что ж, — сказал Сэм, — и бабкины сказки иной раз не мешает послушать. Она ведь их не сама придумала. Взять хоть тех же драконов.

— Возьми их себе, — сказал Тод, — мне не надо. Я про них карапузом голоштаным наслушался, а как штаны надел, так и думать забыл. У нас в Приречье только один дракон, да и тот зеленый. Верно я говорю? — обратился он к слушателям, и те дружно захохотали.

— Это ты меня уел, — засмеялся с прочими и Сэм. — А вот как насчет древесных великанов? Говорят, за северными болотами недавно видели одного — выше всякого дерева!

— Кто это говорит?

— Ну, хоть бы и мой братан Хэл. Он работает у господина Боббера и все время бывает в Северном уделе. Он и видел.

— Этот увидит, только нам не покажет. А уж чего он там видит — ему, конечно, виднее, раз другим-то ничего не видать.

— Да нет, настоящий великан — за один шаг три сажени отмахивает, а сам вроде громадного вяза, идет-шагает!

— Вязы не шагают, а растут, где выросли.

— Да шагал же, говорят тебе; а вязы там не растут.

— Ну а коли не растут, так откуда же он там взялся? — отрезал Тод.

Кругом одобрительно засмеялись: Тода не объедешь.

— Язык у тебя здорово подвешен, — сказал Сэм, — только ведь не один наш Хэллиус всякого-разного навидался. По всей Хоббитании говорят, что такого еще не было: идут и идут с востока невиданные чужаки, целыми толпами. И слышал я, что эльфы струнулись на запад, к гаваням за Белой Крепостью. — Сэм как-то неопределенно махнул рукой: ни он и никто из хоббитов не знал, какое и где это там Море за их западной окраиной, за древними руинами. Были только старые предания про Серебристую Гавань, откуда отплывают и не возвращаются эльфийские корабли. — Плывут они и плывут, уплывают на запад, а нас оставляют, — проговорил Сэм чуть ли не нараспев, печально и торжественно покачав головою.

Тод фыркнул:

— Старые байки на новый лад. Да мне-то или тебе какое до них дело? И пусть себе плывут! Хотя куда им плыть: ты ведь этого не видал, да и вообще никто в Хоббитании. Может, и не плывут, кто их разберет.

— Ну, не знаю, — задумчиво сказал Сэм. Он однажды вроде бы видел эльфа в лесу и все надеялся, что когда-нибудь еще увидит и порасспросит. Из легенд, слышанных в детстве, ему больше всего запомнились обрывочные рассказы про эльфов. — Даже и в наших краях есть такие, кто понимает Дивный Народ и умеет с ним разговаривать, — сказал он. — Тоже и мой хозяин, господин Торбинс. Он рассказывал мне, как они уплывают, и вообще у него что ни слово, то эльфы. А уж старый Бильбо, тот, помню, про них все на свете знал.

— Оба сдвинутые, — сказал Тод. — Старик Бильбо, тот совсем, а теперь вот и Фродо тоже сдвинулся. От него, что ль, ты слухов набираешься? Гляди, сам

не свихнись. Ладно, ребята, кто куда, а я домой. Бывайте здоровы! — Он вы хлебнул кружку и шумно распрощался.

Сэм еще посидел, но больше ни с кем не заговаривал. Ему было о чем поразмыслить. И работы наутро в саду непочатый край, лишь бы ведро. Всходы все гуще. Работа, конечно, работой... А Сэм думал совсем о другом. Потом вздохнул, поднялся и вышел.

Апрельское небо расчищалось после проливного дождя. Солнце село, и прохладный вечер, отступая, тихо тускнел. Ранние звезды зажигались над головой Сэма, а он брел вверх по склону, задумчиво и чуть слышно насвистывая.

* * *

Между тем объявился Гэндальф, всегда неожиданный гость. После Угощения его не было три года. Потом он мимоходом наведлся, внимательно поглядел на Фродо, сказал ему пару пустяков — и даже ночевать не остался. А то вдруг зачастил: являлся, как смеркнется, но к рассвету словно бы его и не было. Где и зачем пропадает, не объяснял, а интересовался только здоровьем Фродо да всякой чепухой.

И вдруг даже этим перестал интересоваться. Девять с лишним лет Фродо его не видел и ничего о нем не слышал: должно быть, решил он, Гэндальфу просто больше нет дела до хоббитов. Но однажды вечером, когда наплывали сумерки, раздался знакомый стук в окно кабинета.

Фродо от всей души обрадовался старинному приятелю. Они стояли и разглядывали друг друга.

— Ну, все в порядке? — спросил Гэндальф. — А ты молодец, Фродо!

— Да и ты, — сказал Фродо, а про себя подумал, что маг постарел и сторбился. Хоббит пристал к нему с расспросами, и они засиделись далеко за полночь.

* * *

Позавтракали они поздно, и маг уселся с Фродо перед раскрытым окном. В камине полыхал огонь, хотя и солнце пригревало, и с юга тянул теплый ветерок. Отовсюду веяло свежестью, весенняя зелень разливалась в полях, и яркой листвою курчавились деревья.

Гэндальф припоминал, какая была весна почти восемьдесят лет назад, когда Бильбо умчался за приключениями без носового платка. С тех пор волосы Гэндальфа еще побелели, борода и брови отросли, лицо новыми морщинами изрезали заботы, но глаза блестели по-прежнему, и кольца дыма он пускал с обычным вкусом и сноровкой.

Но курил он молча, и Фродо тоже сидел тихо, сидел и думал. Яркий утренний свет омрачало предчувствие недобрых вестей Гэндальфа. Наконец он сам решился прервать молчание.

— Ты было начал мне что-то говорить про мое Кольцо, Гэндальф, — напомнил он. — Начал, да не кончил, отложил на утро. Может, сейчас продолжишь? Ты говоришь, Кольцо опасное, а мне, знаешь ли, непонятно. Что значит — опасное?

— А вот слушай, — отвечал маг. — Могущество у него такое, что сломит любого смертного. Сломит и овладеет им... Давным-давно в Остранне были отко-

ваны эльфийские кольца: колдовские, как вы их называете, кольца — они и правда были не простые и разные, одни более, другие менее могущественные. Менее могущественные были всего лишь пробой мастерства, тогда еще несовершенного, — но даже эти кольца, по-моему, опасны для смертных. А уж Великие Кольца, Кольца Всевластья, — они гибельны. Надо тебе сказать, Фродо, что смертные, которым доверено владеть Магическими Кольцами, не умирают, но и не живут по-настоящему: они просто тянут лямку жизни — без веселья, без радости, да еще и с превеликим трудом. И если смертный часто надевает Кольцо, чтоб стать невидимкой, то он тает — или, как говорят Мудрые, *развоплощается*, — а потом становится невидимкой навечно, зримый только глазу Властелина Колец. Да, раньше или позже — позже, если он сильный и добрый, — но ему суждено превратиться в Прислужника Темных Сил, над которыми царит Черный Властелин.

— Ужас какой! — сказал Фродо.

И они надолго замолчали. Только садовые ножницы Сэма Скромби щелкали за окном.

* * *

— И давно ты это знаешь? — спросил наконец Фродо. — А Бильбо знал?

— Бильбо знал ровно столько, сколько тебе сказал, — отвечал Гэндальф. — Иначе он не оставил бы тебе такое опасное наследство, даже и на меня бы не понадеялся. Он думал, что Кольцо очень красивое и всегда может пригодиться; а если с ним самим что-то не так, то Кольцо тут ни при чем. Он говорил, что Кольцо у него из головы нейдет и все время его тревожит; но дело-то, думал он, не в Кольце. Хоть и понял: за ним надо приглядывать, оно бывает меньше и больше, тяжелее и легче, а может вдруг соскользнуть с пальца и пропасть.

— Да, это он мне написал, — сказал Фродо, — и оно у меня всегда на цепочке.

— Весьма разумно, — заметил Гэндальф. — А свою долгую жизнь Бильбо с Кольцом не связывал. Он думал, что у него просто судьба долгожителя, и очень этим гордился. А жил в тревоге и безотчетном страхе. «Я стал тонкий и какой-то прозрачный», — пожаловался он мне однажды. Еще немного — и Кольцо взяло бы свое.

— Да ты мне скажи, ты это давно знаешь? — снова спросил Фродо.

— Что *это*? — сказал Гэндальф. — Я, Фродо, знаю много такого, что никому не ведомо. Но если ты спрашиваешь про *это* Кольцо, то я, можно сказать, и до сих пор не все знаю. Осталась последняя проба. Но догадка моя, без сомнения, верна... А когда меня впервые осенило? — Гэндальф задумался. — Погоди-ка... да, в тот самый год, когда Совет Светлых Сил очистил Лихолесье — как раз перед Битвой Пяти Воинств. Правильно, когда Бильбо нашел Кольцо. Мне вдруг стало тревожно, но я не знал почему. Меня удивляло, как же это Горлум завладел одним из Магических Колец — а что одним из Магических, это было ясно. В разговоре с Бильбо он странно проврался — про «подарочек»; потом, когда Бильбо поведал мне правду, я понял — тут, впрочем, и понимать было нечего, — что оба они хотели доказать свое неоспоримое право на Кольцо: Горлум, дескать, получил его «в подарочек на день рождения», а Бильбо выиграл «в

честной игре». Ложь ко лжи, да еще такая похожая, — конечно, я забеспокоился. Видно, Кольцо заставляет врать и подсказывает вранье. Тут я впервые понял, что дело совсем не шуточное, и сказал Бильбо, чтоб он был поосторожнее с Кольцом, но он не послушался и даже рассердился на меня. Что было делать? Не отбирать же у него Кольцо — да и с какой стати? Я следил и выжидал. Пожалуй, надо было посоветоваться с Саруманом Белым, но что-то меня удерживало.

— Это кто? — спросил Фродо. — В жизни о нем не слышал.

— Откуда же тебе, — улыбнулся Гэндальф. — Ему до хоббитов дела нет — или не было. Он великий мудрец — первый среди магов, глава Совета. Много сокровенного открыто ему, но он возгордился своим знанием и вознесся над всеми. С давних пор углубился он в тайны Колец, проницая сумрак забвенья; и, когда речь о них зашла на Совете, слова его развеяли мою тревогу. Я отринул подозренье, но не расстался с ними. И по-прежнему следил и выжидал.

Бильбо не старел, а годы шли. Шли и шли, словно бы не задевая его. И подозренье вновь овладело мною. Но я сказал себе: «Он наследовал долгую жизнь с материнской стороны. Не такие уж древние его годы. Подождем!» Я ждал и бездействовал до прощального вечера Бильбо. Тогда он заговорил и повел себя так, что во мне ожили все тревоги, убаюканные Саруманом. Я понял, что тут зияет мрачная тайна. И потратил долгие годы, разгадывая ее.

— Но ведь ничего страшного не случилось? — испуганно спросил Фродо. — Со временем-то он придет в себя? Успокоится?

— Ему сразу стало легче, как только он избавился от Кольца, — отвечал Гэндальф. — Однако над Кольцами властвует лишь одна сила, и есть лишь Один, кому все известно про Кольца и про то, чем они грозят своим владельцам, даже временным. Правда, про хоббитов, кажется, никто ничего толком не знает. Изучал их пока один я — и сколько изучал, столько изумлялся. То они мягче масла, то вдруг жестче старых древесных корней. По-моему, некоторые из них даже могут долго противиться Кольцам — хотя вряд ли этому поверили бы в Совете Мудрых. Так что, пожалуй, за Бильбо ты не волнуйся.

Он, конечно, владел Кольцом много лет и много раз надевал его. Оно впечаталось в его жизнь, и отпечаток изгладится не скоро — лучше бы оно больше не попадалось ему на глаза. Не попадется — и он, быть может, проживет без него еще очень долго, ибо это легче, чем расстаться с ним. А расстался он с ним по собственной воле, вот что самое главное. Нет, за Бильбо я спокоен — с тех пор как он ушел, оставил Кольцо. Теперь твой черед и твой ответ.

А ты меня очень тревожишь — ты и все вы, милые, глуповатые, бестолковые хоббиты. Большая будет потеря для мира, если мрак поглотит Хоббитанию, если все ваши потешные олухи — Бобберы, Дудстоны, Булкинсы, Толсто-брюхлы и прочие, не говоря уж о чудесных чудаках Торбинсах, станут жалкими трусами и темными подлецами.

Фродо поежился.

— С чего это мы станем трусами да подлецами? — спросил он. — И кому нужны такие подданные?

— Всеобщему Врагу, — мрачно ответил Гэндальф. — Хотя, по правде-то говоря, доныне хоббиты ему и на ум не приходили — доныне, заметь! Скажи за это спасибо судьбе. Но отныне Хоббитания в опасности. Вы ему не нужны — у него хватает рабов, но теперь он вас не забудет. А мерзкие рабы-хоббиты ему

приятнее, чем хоббиты веселые и свободные. К тому же он озлоблен на вас, и месть его будет страшна.

— Месть? — удивился Фродо. — А за что же мстить? Ну хоть убей, не понимаю, при чем тут Бильбо, я и наше Кольцо.

— Как это при чем? — нахмурился Гэндальф. — Ты, видно, чего-то не уразумел; впрочем, сейчас поймешь. Я и сам прошлый раз еще не был уверен, но теперь-то все разъяснилось. Дай-ка мне Кольцо.

Фродо вынул Кольцо из брючного кармана и, сняв его с цепочки, прикрепленной к поясу, нехотя подал магу. Кольцо оттягивало руку, словно оно — или сам Фродо, или оба вместе — почему-то не хотело, чтобы его коснулся Гэндальф.

Маг осторожно принял его. Кольцо было из чистого червонного золота.

— Какие-нибудь знаки на нем есть? — спросил Гэндальф.

— Никаких, — ответил Фродо. — На нем нет ни царапины, его словно никто никогда не носил.

— Так смотри!

И к удивленью, если не к ужасу Фродо, маг вдруг швырнул Кольцо в огонь. Фродо вскрикнул и схватил щипцы, но Гэндальф удержал его.

— Подожди! — повелительно сказал он, метнув на Фродо суровый взгляд из-под седых бровей.

Кольцо не плавилось. Вскоре Гэндальф поднялся, опустил шторы и задернул занавески. Тихая комната помрачнела, и только щелканье ножниц Сэма доносилось из сада. Маг пристально смотрел в огонь, потом нагнулся, ухватил Кольцо щипцами и ловко вынул его из угольев. Фродо перевел дыхание.

— Оно холодное, — объявил Гэндальф. — Возьми!

Ладонь Фродо дрогнула под нежданной тяжестью.

— Возьми пальцами! — приказал Гэндальф. — И посмотри!

Фродо взял и увидел тонкую, тончайшую резьбу изнутри и снаружи Кольца. Оно было словно испещрено легким огнем, ярким, но каким-то туманным, проступившим из глубины.

— Мне непонятны эти огненные буквы, — сказал Фродо дрожащим голосом.

— Тебе непонятны, — откликнулся Гэндальф, — зато мне понятны. Старинные руны эльфов, а язык мордорский. Я не хочу, чтобы он звучал здесь. На всеобщий язык надпись можно перевести так:

*А одно — Всесильное — Властелину Мордора,
Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли
И объединить навек в их земной юдоли...*

Это строки из памятного одним эльфам стихотворного заклинания:

*Три Кольца — премудрым эльфам — для добра их гордого,
Семь Колец — пещерным гномам — для труда их горного,
Девять — людям Средиземья — для служенья черного
И бесстрашия в сраженьях смертоносно твердого,
А Одно — всесильное — Властелину Мордора,
Чтоб разъединить их всех, чтоб лишит их воли
И объединить навек в их земной юдоли
Под владычеством всесильным Властелина Мордора.*

Гэндальф глубоко вздохнул и медленно проговорил:

— Твое Кольцо — Кольцо Всевластия, которому покорны остальные девятнадцать. Кольцо, утраченное много лет назад в ущерб власти Врага. Оно ему нужно больше всего на свете — и он не должен его получить!

Фродо сидел молча и неподвижно, сжавшись от страха, словно его окутала холодом и тьмою черная туча с востока.

— Так это — Вражье Кольцо? — пролепетал он. — Да как же, да зачем же оно ко мне попало?

— А! — сказал Гэндальф. — Это очень долгая история. Началась она в те Черные Лета, память о которых — достояние Мудрых, и то не всех. Если рассказывать сначала, мы с тобою до осени тут просидим... Вчера я говорил тебе о Сауроне, Властелине Колец. Твоих ушей достигли верные слухи: он вспрыгнул, покинул Лихолесье и перебрался в Мордорский Замок — свою древнюю крепость. Слово «Мордор» тебе знакомо: оно то и дело чернеет даже в хоббитских летописях, источая страх и мрак. Да, снова и снова — разгром, затишье, но потом Тьма меняет обличье и опять разрастается.

— Хоть бы при мне-то этого не было, — сказал Фродо.

— А при мне уже много раз было, — отозвался Гэндальф, — все-то всегда говорили: хоть бы не при мне. Выбирать судьбу нам не дано; однако на этот раз нам дано время, и главное — не упустить его. А время у нас, Фродо, едва ли не на исходе. Враг с каждым днем все сильнее. Ему еще нужен срок, но срок недолгий. Надо опередить его замыслы и воспользоваться невероятным случаем — быть может, себе на погибель.

Враг очень силен, но, чтобы сломить всякий отпор, сокрушить последние оплоты и затопить Средиземье Тьмою, ему недостает одного — Кольца Всевластия.

Три прекраснейших Кольца эльфы от него укрыли: рука его их не коснулась и не осквернила. Семь Колец было у гномов; три он добыл, остальные истребили драконы. Девять он роздал людям, величавым и гордым, чтобы поработить их. Давным-давно превратились они в кольценосцев-призраков, в Прислужников Мрака, его самых страшных вассалов. Давным-давно... да, очень давно не видывали на земле Девятерых. Но кто знает? Мрак опять разрастается; возможно, появятся и они, исчадия мрака... А впрочем, не будем говорить о них сейчас, в милой Хоббитании, ярким утром.

Да, нынче так: Девять Колец у его подручных; и те из Семи, которые уцелели, хранятся в Мордоре. Три покамест укрыты, но что ему до них! Ему нужно Кольцо Всевластия: он выковал его, это его Кольцо, в него вложена часть его древней силы — и немало ее ушло, чтобы спаять Кольца в черную цепь. Если это Кольцо найдется, власть Саурона возрастет стократ, и даже Три эльфий-

ских будут ему подвластны: все сделанное с их помощью падет, и сила его станет необоримой.

Мы стоим в преддверии страшной поры. Саурон думал, что Кольца Всевластия больше нет, что эльфы его уничтожили, как и следовало сделать. А теперь он знает, что оно цело, что оно нашлось. И сам ищет его, идет, преклонив свою мысль сюда, на поиски. Такова его великая надежда — и великий страх.

— Да почему, почему же его не расплавили? — вскрикнул Фродо. — И как это Враг лишился его, если он такой могучий, а оно ему так дорого? — Он сжимал Кольцо в руке, словно к нему уже тянулись черные пальцы.

— Оно было отнято у него в давние годы, — сказал Гэндальф. — Велика была сила эльфов, и люди тогда еще были заодно с ними. Да, люди Западного Края поддержали их. Не худо бы нам припомнить эту главу древней истории: тогда было и горе, и мрак надвигался, но против них воздвиглась великая доблесть, и тогдашние подвиги не пропали даром. Однажды я, быть может, расскажу тебе эту повесть, или ты услышишь ее от кого-нибудь, кто знает ее лучше меня.

А нынче тебе всего лишь надо узнать, как закатилась эта штука в Торбу, что в Норгорде, Хоббитания, и тут тоже есть чего порассказать, так что истории мы коснемся вскользь. Эльфийский царь Гил-Гэлад и Великий князь Западного Края Элендил низвергли Саурона, но и сами пали в последней роковой сече; и сын Элендила Исильдур отсек Саурону палец вместе с Кольцом и взял Кольцо себе. И сгинул Саурон, и духу его в Средиземье не стало, и минули несчетные века, прежде чем тень его вновь сгустилась в Лихолесье.

А Кольцо пропало. Оно кануло в воды Великой Реки Андуина. Ибо Исильдур возвращался с войны по восточному берегу реки, и возле Ирисной Низины его подстерегли орки с Мглистых гор и перебили почти всю его дружину. Он хотел невидимкой спастись вплавь, но Кольцо соскользнуло с его пальца, орки увидели его и поразили стрелами.

Гэндальф помолчал.

— И там, в темных заводях у Ирисной Низины, — продолжал он, — Кольцо исчезло из легенд и былей; то, что узнал ты сейчас от меня, неведомо почти никому, и даже Совет Мудрых пребывает в неведении о дальнейшей судьбе Кольца. Ну вот, а теперь пойдет совсем другой рассказ.

* * *

Через несколько тысячелетий, и все же опять-таки давным-давно, в Глухоманье, на берегу Великой Реки Андуина жил искусный и тихий народец, похожий на брендидуимских хоббитов. Они плели тростниковые челны и плавали по Реке, ибо любили ее. Была среди них почтенная семья, большая и зажиточная; а главенствовала в ней суровая и приверженная древним обычаям бабушка. Самый ловкий и пытливый из этой семьи звался Смеагорлом. Все ему надо было знать: он нырял в омуты, подкапывался под зеленые холмы, добирался до корней деревьев, но не подымал глаз к вершинам гор, древесным кронам и цветам, раскрытым в небеса, — взгляд его был прикован к земле.

Был у него приятель по имени Деагорл, такой же остроглазый, но не такой сильный, хитрый и шустрый. Однажды они отправились на лодке вниз к Ирисной Низине и заплыли в заросли лиловых ирисов да пышных камышей.

Смеагорл выпрыгнул на берег и пошел рыскать по лугу, а Деагорл удил, оставшись в лодке. Вдруг клюнула большая рыба и рывком стащила его за собою под воду. Заметив на дне что-то блестящее, он выпустил леску, набрал в грудь побольше воздуха, нырнул и черпнул горстью.

Вынырнул он с водорослями в волосах и пригоршней ила в руке, отдышался и поплыл к берегу. С берега окунул руку в воду, обмыл грязь, и — смотри пожалуйста! — на ладони у него осталось прекрасное золотое кольцо: оно дивно сверкало на солнце, и Деагорл радостно любовался им. Сзади неслышно подошел Смеагорл.

— Отдай-ка его нам, миленький Деагорл, — сказал Смеагорл, заглядывая через плечо приятеля.

— Это почему же? — удивился Деагорл.

— А потому, что у нас, миленький, сегодня день рождения, и мы хотим его в подарочек, — отвечал Смеагорл.

— Ишь ты какой, — сказал Деагорл. — Был тебе уже от меня сегодня подарочек, небось не пожалуешься. А это я для себя нашел.

— Да как же, миленький, да что ты, да неужели же? — проворковал Смеагорл, вцепился Деагорлу в горло и задушил его — Кольцо было такое чудное и яркое.

Он взял Кольцо и надел его на палец.

Никто не узнал, что случилось с Деагорлом: он принял смерть далеко от дома, и тело его было хитро запрятано. А Смеагорл вернулся один, пробравшись домой невидимкой, ибо, когда владелец Великого Кольца надевает его, он становится незримым для смертных. Ему очень понравилось исчезать: мало ли что можно было эдак натворить, и он много чего натворил. Он стал подслушивать, подглядывать и пакостничать. Кольцо наделило его мелким всевластьем: тем самым, какое было ему по мерке. Родня чуралась его (когда он был видим), близкие отшатнулись. Его пинали, а он кусался. Он привык и наловчился воровать, он ходил, и бормотал себе под нос, и все время злобно урчал: горлум, горлум, горлум... За это его и прозвали Горлум; всем он был гадок, и все его гнали, а бабушка и вовсе запретила ему возвращаться в нору.

Так и бродил он в одиночестве, хныкал, урчал, ворчал и сам себе жаловался, какие все злые. Плача и сетуя, добрал он до горного холодного потока и пошел вверх по течению. Невидимыми пальцами ловил он речную рыбу и ел ее живьем. Однажды было очень жарко, он склонился над омутом, ему жгло за тылок, а вода нестерпимо блестела. Ему это было странно: он совсем позабыл, что на свете есть солнце. А когда вспомнил, поднял кулак и погрозил солнцу.

Потом он глаза опустил и увидел Мглистые горы, из которых пробивался источник. И вдруг подумал: «Ах, как прохладно и темно под этими скалами! Солнце не будет на нас там глазеть. Горы тоже пускают корни, у них есть свои тайны, и тайны эти будем знать только мы».

Ночной порою он поднялся в горы, нашел пещеру, из которой сочился темный поток, и червем заполз в каменную глубь, надолго исчезнув с лица земли. И Кольцо вместе с Горлумом поглотила первозданная тьма, так что даже тот, кто его выковал, хоть и стал могуч пуще прежнего, но был о нем в неведении.

— Подожди, ты сказал — Горлум? — вскричал Фродо. — Как Горлум? Это что, та самая тварь, на которую наткнулся Бильбо? Как все это мерзко!

— По мне, это не мерзко, а горько, — возразил маг, — ведь такое могло бы случиться и кое с кем из хоббитов.

— Ни за что не поверю, что Горлум сродни хоббитам, — отрезал Фродо. — Быть этого не может!

— Однако это чистая правда, — заметил Гэндальф. — О чем другом, а о происхождении хоббитов я знаю побольше, чем вы сами. Даже из рассказа Бильбо родство вполне очевидно. О многом они с Горлумом одинаково думали и многое одинаково помнили. А понимали друг друга чуть ли не с полуслова, куда лучше, чем хоббит поймет, скажем, гнома, орка или даже эльфа. Загадки-то у них были, помнишь, прямо-таки общие.

— Это верно, — согласился Фродо. — Хотя не одни хоббиты загадывают загадки, и все они, в общем, похожи. Зато хоббиты никогда не жульничают, а Горлум только и норовил. Он ведь затеял игру, чтоб улучшить миг и застать Бильбо врасплох. Очень для него выходила приятная игра: выигрывает — будет кого съесть, а проиграет — беда невелика.

— Боюсь, что так оно и было, — сказал Гэндальф. — Но было и кое-что другое, чего ты покамест не уразумел. Даже Горлум — существо не совсем пропащее. Он оказался крепче иного человека — он же сродни хоббитам. В душе у него остался заветный уголок, в который проникал свет, как солнце сквозь щелку: свет из прошлого. А может, ему было приятно снова услышать добрый голос, напоминавший о ветре и деревьях, о залитой солнцем траве и о многом, многом забытом.

Но конечно же, в конце концов черная неодолимая злоба опять взъярилась в нем, а целителя поблизости не было. — Гэндальф вздохнул. — Увы! Для него надежды мало. Но все же есть — даже для него, хоть он и владел Кольцом очень долго, так долго, что и сам не упомнит, с каких пор. Правда, надевал он его редко — зачем бы в крошечной-то тьме? Поэтому и не «истаял». Он тощий, как щепка, жилистый и выносливый. Но душа его изъедена Кольцом, и пытка утраты почти невыносима.

А все «глубокие тайны гор» обернулись бездонной ночью; открывать было нечего, жить незачем — только исподтишка добывай пищу, припоминай старые обиды да придумывай новые. Жалкая у него была жизнь. Он ненавидел тьму, а свет — еще больше; он ненавидел все, а больше всего — Кольцо.

— Как это? — удивился Фродо. — Кольцо же его «прелесть», он только о нем и думал? А если он его ненавидел, то почему не выбросил?

— Ты уже много услышал, Фродо, пора бы тебе и понять, — сказал Гэндальф. — Он ненавидел и любил Кольцо, как любил и ненавидел себя. А избавиться от него не мог. На то у него не было воли.

Кольцо Всевластья, Фродо, само себе сторож. Это оно может предательски соскользнуть с пальца, а владелец никогда его не выкинет. Разве что подумает, едва ли не шутя, отдать его кому-нибудь на хранение, да и то поначалу, пока оно еще не вцепилось во владельца. Насколько мне известно, один только Бильбо решился его отдать — и отдал. Да и то не без моей помощи. Но даже Бильбо не оставил бы Кольцо на произвол судьбы, не бросил бы его. Нет, Фродо, решал дело не Горлум, а само Кольцо. И решило.

— Решило сменить Горлума на Бильбо, что ли? — спросил Фродо. — Уж вернее было бы подкатиться к какому-нибудь орку.

— Ну, это опять-таки дело непростое, — сказал Гэндальф. — И не тебе над этим смеяться. Ты вот удивляешься, что Бильбо оказался тут как тут и нечаянно нашарил его в потемках...

...Но зло не правит миром безраздельно, Фродо. Кольцо хотело вернуться к своему Властелину — недаром его выловил бедняга Деагорл, а потом был умерщвлен. И не зря им завладел Горлум. Горлума оно понемногу источило — но дальше-то что? Он мелкий и жалкий; и, пока оно было при нем, он оставался в своем озерце. И вот когда подлинный его Властелин набрал силу и потянулся за ним своей черной думой, оно бросило Горлума. Однако подобрал его не орк, не тролль, не человек, а Бильбо из Хоббитании!

Думаю, что это случилось наперекор воле Врага. Видно, так уж было суждено, чтобы Кольцо нашел не кто-нибудь, а именно Бильбо. Стало быть, и тебе суждено было его унаследовать. Мне в этом видится проблеск надежды.

— А мне не видится, — возразил Фродо. — Хотя, правда, я тебя не очень-то понимаю. Скажи лучше, как ты все это разузнал — про Кольцо и про Горлума? Или ты ничего толком не знаешь, а просто придумываешь?

Гэндальф поглядел на Фродо, и глаза его блеснули.

— Кое-что я знал, а кое-что разузнал, — сказал он. — Но тебе, знаешь ли, я не собираюсь докладывать обо всех моих поисках. Хватит того, что твое Кольцо оказалось Кольцом Всевластья — судя по одной только огненной надписи...

— А это ты когда открыл? — перебил его Фродо.

— На твоих глазах, в твоей гостиной, — жестко отвечал маг. — Но я заранее знал, что мне это откроется. Я много путешествовал и долго искал — а это последняя проба. Последнее доказательство, и теперь все ясно. Нелегко было разобраться, при чем тут Горлум и как он затесался в древнюю кровавую историю. Может, мне и надо было начинать догадки с Горлума, но теперь я догадок не строю. Я просто знаю, как было. Я его видел.

— Ты видел Горлума? — изумленно воскликнул Фродо.

— Да, видел. Без него не разберешься, это понятней понятного. Но и до него не очень-то доберешься.

— Что ж с ним случилось потом, после Бильбо? Это ты знаешь?

— Довольно смутно. То, что я рассказал тебе, рассказано со слов Горлума, хотя он-то, конечно, не так рассказывал. Горлум — превеликий лгун, и каждое слово его приходится обчищать. К примеру, Кольцо у него так и оставалось «подарочком на рождение» — будто бы от бабушки: у нее, мол, много было всяких безделушек. Дурацкая выдумка. Конечно, бабушка Смеагорла была женщина властная и хозяйственная, но чтобы в ее хозяйстве водились Кольца Власти — это вряд ли, и уж тем более вряд ли она стала бы их дарить внукам на дни рождения. Однако вранье враньем, а все-таки правда — пусть и наизнанку.

Горлум никак не мог забыть, что он убил Деагорла, и всеми силами защищался от собственной памяти: грыз в темноте черные кости, повторяя своей «прелести» одну и ту же, одну и ту же ложь, пока сам в нее почти не уверовал. Ведь правда же, тогда был его день рождения и Деагорл должен был подарить ему Кольцо. Оно затем и подвернулось — ему в подарок. Это самый настоящий подарок на день рождения — и так далее в том же роде.

Я терпел его бессвязную болтовню сколько мог, но любой ценой надо было попытаться до правды, и пришлось мне обойтись с ним круто. Я пригрозил ему огнем, и он наконец рассказал все, как было, — понемногу, огрызаясь, истекая слезами и слюнями. Его, видите ли, обидели, унизили и вдобавок ограбили. Я у него выпытал и про загадки, и про бегство Бильбо, но вот дальше — тут он словно онемел и только выхныкивал иногда мрачные намеки. Видно, какой-то ужас сковывал его язык, и я ничего не мог поделать. Он плаксиво бубнил, что своего никому не уступит и кое-кто узнает еще, как его пинать, обманывать и грабить. Теперь у Горлума есть хорошие, такие чудесненькие друзья — и они очень даже покажут кому надо, где орки зимуют. Они ему помогут, а Торбинс-ворюга еще поплатится. Он еще поплатится и наплачется, твердил Горлум на разные лады. Бильбо он ненавидит люто и клянет страшно. Но хуже другое: он знает, кто такой Бильбо и откуда явился.

— Да кто же ему сказал? — взволновался Фродо.

— Ну, если на то пошло, так Бильбо сам ему сдуру представился, а уж потом нетрудно было выяснить, откуда он явился, — если, конечно, выползти наружу. И Горлум выполз, ох, выполз. По Кольцу он тосковал нестерпимо — тоска эта превозмогла страх перед орками и даже его солнцезобязнь. Протосковал он год, а то и два. Видишь ли, Кольцо хоть и тянуло его к себе, но уже не истачивало, как прежде, и он понемногу начал оживать. Старость давила его, ужасно давила, но вечная опаска пропала; к тому же он был смертельно голоден.

Любой свет — что лунный, что солнечный — был ему нестерпим и ненавистен, это уж, наверно, так с ним и будет до конца дней; но хитрости и ловкости ему не занимать. Он сообразил, что укрыться можно и от солнечного, и от лунного света, можно быстро и бесшумно пробираться темной ночью, когда мрак проникают только его белесые глаза, и ловить всяких маленьких беспечных зверюшек. Его освежило ветром, он отъелся, а поэтому стал сильнее и смелее. До Лихолесья было недалеко; дотуда он, в свой час, и добрался.

— И там ты его нашел? — спросил Фродо.

— Я его там видел, — отвечал Гэндальф, — но попал он туда не сразу, сначала он шел по следу Бильбо. А потом... толком-то я, пожалуй, так и не знаю, что было потом: он нес какую-то околесицу, захлебывался руганью и угрозами. «Что у него было в карманцах? — бормотал он. — Нет, не догадался я, что там у него моя прелесть. Гад, гад, гаденыш. Нечестный вопрос, нечестный. Он смошенничал, он, а не я, он правила нарушил. Надо было сразу его удавить, правда, моя прелесть? Ничего, моя прелесть, ничего, еще удавим».

И так без конца. Ты вот уже морщишься, а я это терпел изо дня в день, с утра до вечера. Ну, не совсем зря: по каким-то его обмолвкам я все же понял, что он дошлепал до Эсарота, подсматривал и подслушивал на улицах города. Большие новости гулко отдаются в пустынных краях: все только и говорили, что про Бильбо, сплетая воедино были и небылицы. Да на обратном пути, после победы в Битве Пяти Воинств, и мы не таились. Горлум на ухо востер — он живо услышал и понял, что ему было надо.

— Почему же он тогда не выследил Бильбо до конца? — спросил Фродо. — Или он побывал у нас в Хоббитании?

— Да вот, — сказал Гэндальф, — в том-то и дело, что не побывал. Пошел-то он к вам. Дошел до Великой Реки и вдруг свернул. Дальней дороги он бы вряд ли испугался, не такой. Нет, что-то сбило его с пути. И мои друзья, которые из-

ловили его для меня, того же мнения.

Свежий его след подняли лесные эльфы. Он вел через Лихолесье и обратно; правда, поймать самого Горлума им не удалось. А лес был полон жуткой памяти о нем, перепугались все зверюшки и птицы. Слышно было, что явилось новое чудище: призрак-кровопийца, от которого детенышам нет спасенья ни на деревьях, ни в норах.

От западной окраины Лихолесья след повернул назад, потом, петляя, повел на юг, вывел из лесу и затерялся. Тут-то я и сделал большую ошибку. Да, Фродо, ошибку, и не первую; боюсь только, что самую опасную. Я оставил его в покое — пусть идет, куда хочет. У меня была куча срочных дел, и я по-прежнему верил в мудрость Сарумана.

С тех пор прошло больше полувека, и я заплатил за свой просчет черными, трудными днями. Когда я понял, что мне позарез нужен Горлум — а это было после ухода Бильбо, — след его давным-давно потерялся. Вряд ли я отыскал бы Горлума, но меня выручил преданный друг по имени Арагорн, лучший следопыт и охотник нынешних времен. Вместе с ним мы прочесали все Глухомастье, без особой надежды и понапрасну. И когда, отчаявшись, я решил бросить поиски, Горлум вдруг нашелся. Мой друг едва ли не чудом вернулся из смертельно опасного путешествия и приволок его с собой.

Где Горлум пропал, так и осталось тайною. Он обливался слезами, называл нас скверными и жестокими, а в горле у него клокотало: «Горрррум, горрррум» — недаром его так прозвали. Даже под угрозой огня он только хныкал, ежился, заламывал свои длинные руки и лизал пальцы, словно обожженные, будто они напоминали ему о какой-то давней жестокой пытке. Он ничего не сказал, но боюсь, что сомнений нет: он медленно, потихоньку, шаг за шагом прокрался на юг — и попал в Мордор.

* * *

Комнату затопила тяжелая тишина, и Фродо услышал, как колотится его сердце. Снаружи все тоже будто замерло — даже ножницы Сэма перестали щелкать.

— Да, в Мордор, — повторил Гэндальф. — Оно и понятно, там приют всякой злобе и зависти: туда стягивает лиходеев Черный Властелин. А ведь Кольцо Врага исковеркало душу Горлума, и он внял неотступному зову. К тому же все шептались о том, что Мордор снова окутан мраком и что там клубится душная, беспощадная ненависть. Там, только там, были его настоящие друзья: они-то и помогут ему отомстить, думал Горлум.

Несчастный дурак! Да, он пробрался в Мордор и узнал много — чересчур даже много. Он долго бродил у границ этой страшной страны — тут и попался, и был притянут к общеобязательному допросу чужаков. Арагорн изловил Горлума после того, как он пробыл там очень, очень долго и возвращался назад. То ли его послали, то ли он сам надумал какую-нибудь пакость. Впрочем, это неважно: главный вред от него уже позади.

Да, но вред невосполнимый! Ибо Враг выпытал у него, что Кольцо Всевластия нашлось. Известно, где Горлumu досталось Кольцо. Известно, что это Великое Кольцо, оно дарует нескончаемую жизнь. Понятно, что это не одно из Трех эльфийских: эльфы их сохранили, и в них нет мерзости, они чисты. По-

нятно, что это не одно из Семи гномьих или Девяти мертвецких: тут все известно. Враг понял, что Кольцо — то самое. И вдобавок услышал про хоббитов и Хоббитанию.

Может статься, он ее сейчас и отыскивает — если уже не нашел. И знай, Фродо, что ваше родовое имя тоже выплыло заодно с прочим.

— Но ведь это ужасно! — вскричал Фродо. — Ужасней ужасного — даже твои жуткие намеки и неясные остережения так меня не пугали. Гэндальф, о, Гэндальф, надежный мой друг, что же мне делать? Теперь вот мне по-настоящему страшно. Скажи, Гэндальф, что мне делать? Какая все-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

— Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя. И за это, друг мой Фродо, была ему немалая награда. Недаром он не стал приспешником зла, недаром спасся; а все потому, что начал с жалости!

— Прости, не о том речь, — сказал Фродо. — Страх обуял меня, но Горлума все равно жалеть глупо.

— Не видел ты его, — сказал Гэндальф.

— Не видел и не хочу, — отрезал Фродо. — А тебя просто не понимаю. Неужели же ты, эльфы и кто там еще, — неужели вы пощадили Горлума после всех его черных дел? Да он хуже всякого орка и такой же враг. Он заслужил смерть.

— Заслужить-то заслужил, спору нет. И он, и многие другие, имя им — легион. А посчитай-ка таких, кому надо бы жить, но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтобы уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все. Мало, очень мало надежды на исправление Горлума, но кто поручится, что ее вовсе нет? Судьба его едина с судьбою Кольца, и чует мое сердце, что он еще — к добру ли, к худу ли — зачем-то понадобится. В час развязки жалость Бильбо может оказаться залогом спасенья многих — твоего, кстати, тоже. Да, мы его пощадили: он старый и жалкий, таких не казнят. Он остался в заточении у лесных эльфов — надеюсь, они обходятся с ним по-доброму.

— Все равно, — сказал Фродо, — пусть даже и не надо было убивать Горлума, но зачем Бильбо оставил себе Кольцо? А главное, зачем оно мне-то досталось? Ведь я уж тут совсем ни при чем! Как же ты у меня его не отобрал, почему не заставил выкинуть или истребить?

— Выкинуть? Истребить? — сердито откликнулся маг. — Ты что, пропускал мои слова мимо ушей? Думай все-таки, прежде чем говорить. Выкинуть его можно только по безрассудству. Магические Кольца не пропадают бесследно: со временем они возвращаются в мир, и мало ли кто их найдет, сам подумай. Ведь Кольцо может попасть в руки Врага, да и непременно попадет: он тянет его к себе могучим, тяжким усилием.

Да, милый Фродо, ты в большой опасности, оттого-то мне и беспокоенно. Но ставки нынче такие, что опаснее всего — не рисковать, даже и тобою; однако помни, что, когда я отлучался, ты был под неусыпным надзором и охраной. Я знаю, ты ни разу не надевал Кольцо, и, стало быть, оно тебя не поработило. Пока что — нет... А девять лет назад, при нашем последнем свидании, я еще ничего толком не знал.

— Хорошо, нельзя выкинуть, так можно истребить: ты же сам сказал, что

это давным-давно надо было сделать! — в отчаянии воскликнул Фродо. — Предупредил бы меня, написал бы, что нужно, — и я бы от него отделался.

— Отделался бы? А как? Ты пробовал?

— Нет, не пробовал. Но его же, наверно, как-то можно сплющить или расплавить?

— А ты попробуй! — сказал Гэндальф. — Возьми да попробуй!

* * *

Фродо опять достал Кольцо из кармана и поглядел на него. Оно было чистое и гладкое, без всяких надписей. Ярко лучилось золото, и Фродо подумал: какой у него густой и чудный отлив, как оно дивно скруглено. Изумительное и поистине драгоценное Кольцо. Он вынул его, чтобы швырнуть в огонь, но вдруг понял, что сделать этого не может, что себя не переломишь. Он нерешительно взвешивал Кольцо на ладони, вспоминая зловещую повесть Гэндальфа; наконец собрал все силы — и обнаружил, что поспешно запихивает Кольцо в карман.

Гэндальф невесело рассмеялся.

— Вот видишь? Уже и ты, Фродо, не можешь с ним расстаться, бережешь его от вреда. Не мог я «заставить» тебя — разве грубой силой, а этого ты бы не выдержал. И никакой силой Кольцо не истребить. Бей его сколько хочешь шестипудовым кузнечным молотом — на нем и следа не останется. Да что там ты — я и то ничего с ним сделать не смогу.

В огне твоего камина и обычное-то золото не расплавится. А Кольцо, ты видел, в этом огне только посвежело, даже не нагрелось. И во всей твоей Хоббитании нет такого кузнеца, который мог бы хоть чуть-чуть его сплющить. Ему нипочем даже горнила и молоты гномов. Было поверье, что Магические Кольца плавятся в драконовом огне, но теперешние драконы — жалкие твари, кому из них под силу расплавить Великое Кольцо, которое выковал сам Саурон!

Есть только один способ: добраться до Ородруина, Роковой горы, и бросить Кольцо в ее пылающие недра... если ты по-настоящему захочешь, чтобы оно расплавилось и стало навсегда недоступно Врагу.

— Да нет, я, конечно, очень хочу, чтобы оно... чтобы стало недоступно! — заторопился Фродо. — Только пусть это не я, пусть кто-нибудь другой, разве такие подвиги мне по силам? Зачем оно вообще мне досталось, при чем тут я? И почему именно я?

— Вопрос на вопросе, — сказал Гэндальф, — а какие тебе нужны ответы? Что ты не за доблесть избран? Нет, не за доблесть. Ни силы в тебе нет, ни мудрости. Однако же избран ты, а значит, придется тебе стать сильным, мудрым и доблестным.

— Да как же я! Ты, Гэндальф, ты и сильный и мудрый. Возьми у меня Кольцо, оно — тебе.

— Нет! — вскрикнул Гэндальф, отпрянув. — Будь у меня такое страшное могущество, я стал бы всевластным рабом Кольца. — Глаза его сверкнули, лицо озарилось изнутри темным огнем. — Нет, не мне! Ужасен Черный Властелин — а ведь я могу стать еще ужаснее. Кольцо знает путь к моему сердцу, знает, что меня мучает жалость ко всем слабым и беззащитным, а с его помощью — о, как бы надежно я их защитил, чтобы превратить потом в своих ра-

бов. Не навязывай мне его! Я не сумею стать просто хранителем, слишком оно мне нужно. Предо мной — мрак и смерть.

Он подошел к окну, поднял шторы и отдернул занавеси. В комнату снова хлынуло солнце. Мимо окошка, посвистывая, прошел Сэм.

— Как видишь, — сказал маг, обернувшись к Фродо, — решать придется тебе. Но я тебя не оставлю. — И он положил руку на плечо Фродо. — Я помогу тебе снести это бремя, пока это бремя твое. Только не надо медлить. Враг не мешкает.

Настало молчание. Гэндальф снова сел в кресло и попыхивал трубкой: должно быть, задумался. И глаза прикрыл, но из-под век зорко следил за Фродо. А Фродо неотрывно глядел на темно-алые уголья в камине, только их и видел, и чудилось ему, что он заглядывает в огненный колодец. Он думал о багровых расселинах древней и страшной Горы.

— Так! — сказал наконец Гэндальф. — Ну, и о чем же ты размышляешь? Что решил?

— Ничего, — глухо откликнулся Фродо. Но огненная тьма вдруг выпустила его. Он снова сидел в светлой комнате, изумляясь яркому окну и солнечному саду. — А впрочем, решил. Я не все понимаю, что ты говоришь, но покамест придется мне, наверно, оставить Кольцо у себя и сберечь его, а там будь что будет.

— С тобой много чего может быть, — сказал Гэндальф, — но начинаешь ты очень неплохо. Не скоро Кольцо тебя склонит ко злу.

— Это тебе виднее, — сказал Фродо. — Только хорошо бы ты все-таки нашел какого-нибудь хранителя понадежней. А пока что, если ты прав, то я в большой опасности, и друзья мои тоже. Вряд ли мне, стало быть, удастся сберечь Кольцо и уберечь друзей, если я останусь дома. Придется мне бросить Торбу, покинуть Хоббитанию и вообще уйти куда глаза глядят. — Он вздохнул. — Лишь бы в Хоббитании все осталось как было — правда, я иной раз клял хоббитов за глупость последними словами, призывая на них землетрясение и драконов, но нет уж, лучше не надо. Пока у меня за спиной Хоббитания, мне как-то легче: я знаю, что есть отступление, хотя отступать и некуда.

Я, конечно, и раньше думал, не уйти ли мне, только представлял себе какой-то пикник, приключения, как у Бильбо или даже интереснее — разные ведь бывают, и все хорошо кончаются. А тут — из страха в страх, и смерть по пятам. Да и путешествовать мне, видно, придется одному, раз мне выпала такая доля — спасти Хоббитанию. Только я же маленький, для всех там чужой и — как бы это сказать? — не из них. А Враг такой сильный и страшный.

Он не признался Гэндальфу, что, пока говорил, в сердце его вспыхнуло желание пойти вслед за Бильбо — пойти и, быть может, даже встретиться с ним. Желание было такое сильное, что страх отступил: он, пожалуй, так бы и кинулся бежать, вроде Бильбо — без шапки и наобум.

— Ты ли это, Фродо? — воскликнул Гэндальф. — Верно сказал я когда-то: изумительные существа хоббиты. Кажется, и месяца хватит, чтоб их изучить, а они через сто лет тебя несказанно удивят. Вот уж чего не ожидал — даже и от тебя! Бильбо-то не ошибся с наследником, хотя не понимал, как это важно. Да, похоже, что ты как нельзя более прав. По нынешним временам Кольцу не место в Хоббитании: тебе — да и не только тебе — придется уйти и на время забыть, что ты Торбинс. Опасное это имя за пределами Хоббитании. Дай-ка я

придумаю тебе другое. Назовись ты, пожалуй, Накручинсом.

А пойдешь ты все-таки не один. Кому там из своих приятелей ты вполне доверяешь, кто из них способен выстоять в смертельных испытаниях?.. Впрочем, таких, наверно, и нет; а все же подумай о спутнике, он тебе очень понадобится! И болтай поменьше, даже с близкими друзьями! У Врага повсюду шпионы, он все слышит.

Маг вдруг осекся и прислушался. В комнате и в саду стояла звонкая тишина. Гэндальф прокрался к окну, вспрыгнул на подоконник, протянул длинную руку — и в окне, жалобно пискнув, появилась курчавая голова Сэма Скромби, вытянутая за ухо.

— Так, так, клянусь бородой! — сказал Гэндальф. — Сэм Скромби, он самый! Под окном, значит?

— Да что вы, сударь, что вы, господин Гэндальф! — горячо возразил Сэм. — Под каким окном! Я тут просто полел и подстригал траву: видите? — Он показал в свое оправданье садовые ножницы.

— Вижу, — мрачно отозвался Гэндальф. — А вот щелкать твои ножницы давно что-то перестали. Подслушивал?

— Подсушивал, сударь? Да нет, зачем же, все и так подсохло.

— Ты дурака-то не валяй! Что ты слышал и зачем подслушивал? — Глаза Гэндальфа сверкнули и брови ощетинились.

— Господин Фродо, хоть вы-то! — в ужасе выкрикнул Сэм. — Вы-то хоть не позволяйте ему, а то он меня во что-нибудь — раз — и превратит. Доказывай потом моему старику, что это я. Я же ничего худого не хотел, честное слово, сударь!

— Ни во что он тебя не превратит, — сказал, еле сдерживая смех, изумленный и озадаченный Фродо. — Он знает, как и я, что ты подслушивал без худого умысла. Ты бояться-то не бойся, а спрошено — отвечай!

— Да что ж, сударь, — втянув голову в плечи, признался Сэм. — Я порядком слышал, хотя понял-то не все: и про Врага, и про Кольца, и про господина Бильбо — ну, там, драконы, Огненная гора — и, конечно, про эльфов. Вовсе даже не собирался подслушивать — а слышал: сами знаете, как нечаянно бывает. Меня ведь хлебом не корми, а дай послушать про эльфов, мало ли что там Тод говорит. Хоть бы одним глазком их повидать. Вы вот, сударь, пойдете — ну и мне бы эльфов показали, а?

Гэндальф вдруг рассмеялся.

— Ну-ка давай сюда! — крикнул он и, втащив через подоконник ошарашенного Сэма, поставил его, с ножницами и лопатой в руках, на пол. — Говоришь, эльфов тебе показать? — спросил он, всматриваясь в Сэма и неволью улыбаясь. — Ты, стало быть, расслышал, что хозяин твой уходит?

— Расслышал, а как же. Тут-то я и поперхнулся, а это уж небось вы расслышали. Да я нечаянно — ведь такое огорчение!

— Ничего не поделаешь, Сэм, — грустно сказал Фродо. Он вдруг понял, что прощание с Хоббитанией будет очень трудное и что прощается он не только с Торбой. — Надо мне идти. А ты, — и он сурово посмотрел на Сэма, — если ты и правда за меня тревожишься, то уж держи язык за зубами, ладно? Проболтаешься хоть о чем-нибудь, что ненароком подслушал, и Гэндальф, чего доброго, превратит тебя в пятнистую жабу, а с ужами, знаешь ли, шутки плохи.

Сэм задрожал и бухнулся на колени.

— Встань, Сэм! — велел Гэндальф. — Я придумал кое-что пострашнее: ни о чем ты не проболтаешься и впредь будешь знать, как подслушивать. Ты пойдешь с Фродо!

— Я? С хозяином? — воскликнул Сэм, подскочив, как собака, которую позвали гулять. — И увижу эльфов и еще много всякого? Урра! — крикнул он и вдруг расплакался.

Глава III Дорога втроем

— Выйти надо втихомолку и как можно скорее, — постоянно напоминал Гэндальф.

С первого разговора прошло уже две или три недели, а Фродо в путь пока не собрался.

— Знаю, знаю, — говорил Фродо. — Только это ведь непросто — скорее, да еще втихомолку. Уйду я, как Бильбо, — и раскатится молва по всей Хоббитании.

— Нет уж, ты, как Бильбо, не уходи! — сказал Гэндальф. — Этого еще нам не хватало! Скорее — да, но не вдруг. Подумай, конечно, как покинуть Хоббитанию без лишнего шума, а все же не мешкай: как бы не замешкаться.

— Может, осенью, после нашего общего дня рождения? — предложил Фродо. — К тому времени я как раз все устрою.

По правде говоря, когда дошло до дела, у него начисто пропала всякая охота к путешествиям. Торба вдруг стала донельзя уютной, и он всю радувался последнему своему лету в Хоббитании. «А осенью, — думал он, — у нас поскучнет, и сердце по-всегдашнему запросится в чужие края». Про себя он уже твердо решил дожидаться пятидесятилетия и стодвадцативосьмилетия Бильбо. Будет годовщина — тут-то и в путь, по примеру Бильбо. Без этого примера он бы и шагу не сделал, в жизни бы с духом не собрался. О цели странствия он старался не думать, и с Гэндальфом не откровенничал. Может, маг и сам обо всем догадывался, но, по своему обычаю, помалкивал...

— Да-да, все устрою и отправлюсь, — повторил Фродо.

Гэндальф поглядел на него и усмехнулся.

— Ладно, — сказал он, — пусть так, лишь бы не позже. Что-то мне очень тревожно. Только ты смотри, никому ни слова о том, куда путь держишь! И чтобы Сэм твой тоже молчал, как убитый, а то он у меня и правда запрыгает жабой.

— Куда я путь держу, — сказал Фродо, — этого я и сам не знаю, так что тут мудро проболтаться.

— Без глупостей! — насупился Гэндальф. — Я не к тому говорю, чтоб ты пропал неизвестно куда. Но Хоббитанию ты покидаешь — и надо, чтобы об этом никто не знал. Куда-нибудь ты да пойдешь, на север, на юг, на запад или даже на восток — это вот и надо сохранить в тайне.

— Мне так грустно оставлять Торбу и со всеми прощаться, что я даже не подумал, куда отправлюсь, — сказал Фродо. — А куда, в самом-то деле? Почему я знаю, где можно спрятаться? Бильбо — тот ушел за сокровищем, ушел и вернулся, а мне, значит, нужно вернуть сокровище, а самому сгинуть — так, что ли?

— Так, да не так, — отозвался Гэндальф. — Тут и я тебе не указчик. Может,

ты дойдешь до Ородруина, а может, это вовсе не твое дело — как знать? Я знаю другое: пока что ты к такому пути не готов.

— Еще бы! — воскликнул Фродо. — Ну а мой-то путь — куда?

— По краю, — ответил маг. — По самому краешку, твердо и осторожно. Иди-ка ты, пожалуй, в Раздол. Это не слишком опасный путь, хотя на дорогах нынче беспокойно, а осенью будет даже и страшновато.

— В Раздол? — переспросил Фродо. — Хорошо, пойду на восток, к Раздолу. Сэм тоже со мной пойдет, повидает эльфов, то-то ему радость!

Он обронил это как бы между прочим; но ему не шутя захотелось побывать в той блаженной долине, где Дивный Народ все еще жил мирно и счастливо.

Как-то летним вечером в «Укромном уголке» и «Зеленом драконе» обсуждали невероятное — что там великаны и прочая нечисть на границах! Оказывается, Фродо продает, если уже не продал, Торбу — и кому? Лякошель-Торбинсам!

— Ну, за хорошие деньги, — говорили одни.

— За свою цену, — возражали другие, — будьте покойны, Любелия гроша лишнего не даст. (Оддо уже успел умереть, дожив до ста двух лет и не дождавшись свершения своих чаяний.)

О цене очень спорили; но больше о том, с чего бы это Фродо вздумал продавать такое прекрасное имение. Некоторые намекали — на это намекал и сам господин Торбинс, — что денежки счет любят, а у него они на исходе: еле хватит рассчитаться в Норгорде и переехать к родственникам в Зайгорд.

— Лишь бы подальше от Лякошелей, — добавлял кое-кто. Но все так привыкли к рассказам о несметных богатствах Бильбо, что отвыкать было невмочь, и многие винили Гэндальфа. Того хоть и было не видать, не слышать, но жил-то он, известно, у Фродо — прятался небось в Торбе. Положим, было не слишком понятно, зачем магу нужно, чтоб Фродо переехал в Зайгорд, но, видать, зачем-то понадобилось.

— Да, осенью переезжаю, — подтверждал Фродо. — Мерри Брендизайк подыскивает там для меня чистенькую норку, а может, и уютный домик.

Мерри в самом деле подыскал и купил премиленький домик в Кроличьей Балке, чуть подальше Зайгорда. Всем, кроме Сэма, Фродо говорил, что туда он и задумал перебраться. Путь на восток подсказал ему эту мысль: Заячьи Холмы — по дороге, Фродо жил там в детстве, так почему бы ему туда не вернуться.

* * *

Гэндальф пробыл в Хоббитании больше двух месяцев. Потом, однажды вечером к концу июня, как раз когда планы Фродо устоялись, он вдруг объявил, что наутро уходит.

— Надеюсь, ненадолго, — сказал он. — У меня кое-какие дела на юге. Я у вас и так засиделся.

Сказано это было невзначай, но Фродо показалось, что маг сильно озабочен.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Да пока ничего, но до меня дошли тревожные и не слишком понятные вести — надо разобраться. Я тут же вернусь или, на худой конец, подам ве-

сточку. А вы поступайте, как решено, только берегитесь, а пуще всего берегите Кольцо. И непреложный тебе совет: *не надевай его!* Когда вернусь, точно еще не знаю, — сказал он, прощаясь на рассвете. — Но уж к вашему отходу поспею непременно. Пожалуй, придется мне на всякий случай проводить вас по Тракту.

Сначала Фродо опасливо прикидывал, какие такие вести мог получить Гэндальф, но потом успокоился: уж очень хорошая была погода. Лето пышное, осень плодоносная — даже Хоббитания давно такого не видывала. Ветки ломались от яблок, соты истекали медом, и пшеница вздымала тугие колосья.

Лишь когда вплотную подошла осень, Фродо встревожился не на шутку. Середина сентября, а Гэндальф как в воду канул. На носу день рождения и переезд, а от него ни слуху ни духу. Между тем начались хлопоты. Приезжали и помогали упаковываться друзья Фродо: Фредегар Боббер, Фолко Булкинс и, уж конечно, Перегрин Крол с Мерри Брендизайком. Их общими стараниями в Торбе все было вверх дном.

20 сентября от жилища Фродо к Брендидуимскому мосту отъехали два фургона, груженные нераспроданной утварью. Следующий день прошел в ожидании Гэндальфа. Утро пятидесятилетия Фродо выдалось ясное и яркое, такое же, как в памятный день Утощения. Гэндальфа не было. Под вечер Фродо накрыл на пятерых праздничный стол, пытаясь разогнать свое уныние. Вот и с друзьями тоже скоро надо будет расставаться. Молодые хоббиты — Мерри Брендизайк, Фредегар Боббер, Фолко Булкинс, Перегрин Крол — веселились шумно и беспечно, прогорланили уйму песен, припомнили всякую быль и небыль, выпили за здоровье Бильбо, потом за обоих новорожденных вместе, как было заведено на днях рождения Фродо. Потом вышли подышать свежим воздухом, поглядели на звезды — и отправились спать. А Гэндальф так и не явился.

* * *

На другое утро они быстро, в десять рук, нагрузили последнюю повозку. С нею отправились Мерри и Толстик (так у них звался Фредегар Боббер).

— Кому-то надо печку для вас, лодырей, растопить в новом доме, — сказал Мерри. — Ладно, авось послезавтра свидимся — ежели вы не заснете в дороге мертвым сном.

Фолко позавтракал и ушел, остался один Пин. Фродо был сам не свой: он все еще ждал Гэндальфа и решил задержаться до сумерек. А там, если уж он очень понадобится магу, пусть сам идет в Кроличью Балку, глядишь, еще и первый доберется. Фродо решил пойти к Зайгордной переправе окольным путем, чтоб напоследок хоть поглядеть на Хоббитанию.

— Заодно и жир стоню, — сказал он себе, глядя в пыльное зеркало на стене в полупустой прихожей. Он давно уже сидел сиднем и несколько расплылся.

Чуть за полдень явились Лякошель-Торбинсы: Любелия со своим белобрысым отпрыском Лотто.

— Насилу дождались! — сказала она, переступив порог. Это было невежливо и неверно: до двенадцати ночи хозяином Торбы оставался Фродо. Но что взять с Любелии — ведь она ждала на семьдесят семь лет дольше, чем собиралась: ей уже перевалило за сто. И пришла не просто так, а присмотреть, чтобы

Брендизайки и прочие по ошибке не захватили бы с собой чего чужого, и еще за ключами. Спровадить ее было непросто: она принесла с собой опись проданного имущества и желала проверить, все ли на месте. Проверила раз, потом другой, получила запасные ключи и заручилась обещаньем, что третьи ключи будут ей оставлены у Скромби в Исторбинке. Она хмыкнула и поджала губы — мол, знаем мы этих Скромби, утром половины вещей недосчитаешься, — но наконец ушла.

И Фродо ей даже чаю выпить не предложил.

А сам напился чаю с Пином и Сэмом Скромби у себя на кухне. Объявлено было, что Сэм на всякий случай ходит с ним в Забрендию, «приглядит за хозяином и посмотрит, чего он там посадит». Жихарь такое дело одобрил, не переставая ворчать, что вот, мол, у некоторых одни прогулки на уме, а ему-то между делом подсудобили в соседки Любелию.

— Последнее чаепитие в Торбе! — сказал Фродо и решительно отодвинул стул. Посуду за собой они назло Любелии не вымыли. Сэм с Пином быстро увязали три мешка и вынесли их на крыльцо. Пин пошел прогуляться по саду, а Сэм куда-то исчез.

* * *

Солнце село, и Торба казалась угрюмой, опустелой, разоренной. Фродо побродил по знакомым комнатам — закатный свет тускнел, из углов выползали темные тени.

Скоро совсем смерклось. Он прошел к дальней садовой калитке: а вдруг все-таки появится Гэндальф?

В чистом небе разгорались звезды.

— Хорошая будет ночь, — сказал Фродо вслух. — Вот и отлично, идти одно удовольствие. Засиделись, честное слово. Пойду, а Гэндальф пусть уж догоняет. — Он повернул к дому и остановился, услышав голоса где-то рядом — наверно, в Исторбинке. Старый Жихарь и еще кто-то: голос незнакомый, а мерзкий до тошноты. О чем спрашивает чужак, не разобрать, слышны только ответы старика Скромби — осторожные и опасливые, чуть ли не испуганные.

— Нет, господин Торбинс уехал. Нынче утром, и мой Сэм с ним; все уже вывезли. Да вот так и вывезли — что не продали, то вывезли... А зачем и почему — не мое это дело... да и не ваше. Известно куда — в Кроличью Балку, а может, и дальше, это все знают. Да вон — прямая дорога. Нет, сам не бывал, на кой мне, там народ дурной. Не, передать ничего не возьмусь. Спокойной ночи!

Мягко сошли шаги с Кручи, и Фродо удивился, почему он так рад, что сошли, а не взошли. «Видно, я насмерть устал от расспросов и всякого любопытства, — подумал он. — Ужас какой у нас любопытный народ!»

Он хотел было узнать у папаши Скромби, кто это к нему приставал, но вдруг раздумал и быстро зашагал к Торбе.

Пин сидел и спал, откинувшись на свой мешок. Сэма не было. Фродо заглянул в черную дверь.

— Сэм! — позвал он. — Где ты там? Пора!

— Иду, сударь! — откликнулся тот и выскочил откуда-то из глубины, отирая губы. Он прощался в погребе с пивным бочонком.

Фродо захлопнул и запер круглую дверь, а ключ отдал Сэму.

— Беги давай к себе, — сказал он. — А оттуда напрямик — встретимся у калитки за лугом. Улицей не пойдем: подсматривают, подслушивают. Ну — живо!

Сэм умчался во тьму.

— Вот и выходим наконец! — сказал Фродо Пину.

Они вскинули мешки на спину, взяли палки и пошли вдоль западной стены Торбы.

— Прощайте! — вымолвил Фродо, взглянув на черные слепые окна. Он помахал рукой, повернулся и (точно так же, как Бильбо, только он об этом не знал) нырнул в садовые заросли вслед за Пином. Они перепрыгнули низкую слегу и ушли в поле, всколыхнув темноту и прошелестев высокой травой.

Они спустились по западному склону к калитке в узенький проулок. Там остановились, подтянули мешочные ляжки — и вскоре слышали топоток и пыхтенье Сэма. Свой до отказа набитый мешок он вздел на самые плечи, а на голову нахлобучил какой-то мятый фетр — якобы шапку. В темноте он был суший гном.

— Что потяжелее — это вы, конечно, мне, — сказал Фродо. — Бедняги улитки и бедные все, кто носит свой дом и свой скарб на спине!

— У меня мешок совсем легкий, сударь. Можно сколько угодно еще, — объявил Сэм добрым и лживым голосом.

— Нет уж, Сэм! — сказал Пин. — Как-нибудь снесет, сам накладывал — себе и нам вровень. Он тут у нас малость ожирел: пройдетя, авось его мешок вместе с ним и полегчает.

— Смилуйтесь над старым, немощным хоббитом! — со смехом взмолился Фродо. — В конце пути меня будет качать, как на ветру. Однако шутки в сторону. Ты, Сэм, наверняка взвалил на себя сверх всякой меры, вот сделаем привал — разберемся и переложим.

И он взялся за свой посох.

— Ночная прогулка — чего же лучше-то! — сказал он. — Отшагаем мили три-четыре по свежему воздуху, да и на боковую.

Пошли проулком на запад, а после свернули налево, в поля, и засемили гуськом вдоль живых изгородей, мимо межевых рожиц, в тихой ночной мгле. Плащи у них были темные, шли они невидимками, будто все трое надели волшебные кольца. Когда три хоббита идут тишком да молчком — за ними нелегко уследить. Даже осторожные полевые зверюшки едва замечали бесшумных путников.

Ручей к западу от Норгорда перешли по лавам в одну досточку. Извилистая черная ручьиная лента с обеих сторон обросла густым ольшаником: ветки тянулись к воде. Еще миля-другая на юг — и они перебежали большую дорогу от Брендидуимского моста. Оказались в Укролье и, свернув на юго-восток, потрусили к Зеленым Холмам. Тропинка взметнулась в гору, они оглянулись и увидели далеко позади мягкое мерцанье огней Норгорда, рассеянных по ласковой Ручьева долине. Вскоре оно пропало за спусками и подъемами; вот уже и Приречье с его мутно-серым прудом. Дальний отсвет окон крайнего домика в последний раз просквозил деревья. Фродо обернулся и снова помахал рукою.

— Почем знать, увижу ли я еще когда-нибудь нашу долину, — негромко проговорил он.

После трехчасового пути решено было все-таки отдохнуть. Стояла ясная, прохладная, звездная ночь, но дымчатые клочья тумана всползали на холмы из низменных луговин и от глубинных ручейков, — всползали и оседали. Облетевшие березки, покачиваясь над головами хоббитов, тонкой черной сетью веточек застилали бледное небо. Они поужинали не по-хоббитски скромно и двинулись дальше. Вскоре они набрали на узкую дорогу, извивавшуюся вверх-вниз по холмам, серевшую вдали во мраке: дорогу к Лесному Чертогу и к Заводям, к Зайгородному парому. Она уводила далеко в сторону от главного пути Ручьевой долины и, забегая на Зеленые Холмы, вела в Лесной Угол, в глухомань Восточного удела.

Потом они угодили в овражину между высокими деревьями, по-ночному шелестевшими сохнувшими листьями. Темень была непроглядная. Сначала они разговаривали, тихо напевали песенки, благо услышать их было уже некому. Затем шагали молча, и Пин начал отставать. Наконец перед крутым подъемом он остановился и зевнул.

— Ох, спать хочется, — сказал он, — того и гляди, упаду и засну. А вы что, на ходу спать будете? Время-то какое: к полночи близко.

— А я-то думал, ты любитель ночных прогулок, — сказал Фродо. — Ну ладно, торопиться нам пока особенно некуда. Мерри нас ждет не раньше чем послезавтра, и у нас есть денек-другой в запасе. Вот сейчас подыщем местечко и заночуем.

— Дует с запада, — заметил Сэм. — Обойдемте-ка этот холм, сударь, там наверняка найдется укрытое и уютное местечко. Там вроде бы и елового сухоостоя порядочно.

Сэм исходил окрестности Норгорда миль на двадцать, но дальше земля для него кончалась.

Возле самой вершины пологого лесистого холма они набрали на ельник, свернули с тропинки в смолистую темень, наломали сухого лапника, насобирали шишек и разожгли костер. Веселое пламя заплясало у корней столетней ели: хоббиты пригрелись и начали клевать носами. Каждый по-своему устроился между корнями, укутался плащом и одеялом и тут же крепко уснул.

Дозорного не оставили: даже Фродо ничего не опасался — они ведь были в Хоббитании! Костер стал грудой пепла, и кой-какие звери явились поглядеть на спящих. Лис, который случайно пробежал мимо, замер и принюхался.

— Хоббиты! — сказал он сам себе. — Вот тебе на! Дела кругом, слышно, чудные, но чтоб хоббит спал в лесу под деревом — да не один, а целых три! Не-ет, тут что-то кроется.

* * *

Настало тусклое, сырое утро. Фродо проснулся первым и, охая, щупал спину, чуть не насквозь продырявленную еловым корнем, а шея и вовсе не ворочалась. «Ну и прогулочка! Что бы мне было спокойно поехать? — думал он, как ему обычно думалось в начале всякого похода. — А на моих любимых перинах спят теперь Лякошель-Торбинсы! Им бы на еловых корнях поспать». Он потянулся.

— Хоббиты, подъем! — крикнул он. — Смотрите, что за утро!

— А что за утро? — спросил Пин, одним глазом выглядывая из-под одея-

ла. — Сэм! Завтрак чтоб был готов к полдесятого! Умывальную воду разогрел?

Сэм вскочил, как встрепанный, и мутно огляделся.

— Нет, сударь, не разогрел, сударь! — выговорил он спросонья.

Фродо сорвал с Пина одеяло, пихнул его раз-другой и ушел на опушку. На восточном краю неба красный солнечный диск показался над волнистым покровом тумана. Деревья в червонно-золотом осеннем убранстве, казалось, уплывали в туманное море. Внизу слева дорога круто уходила в овраг и там исчезала.

Когда он вернулся, Сэм с Пинем уже развели костер.

— Воду! — заорал Пин. — Где вода?

— Я воду в карманах не ношу, — сказал Фродо.

— А мы думали, ты пошел за водой, — огорчился Пин, раскладывая еду и расставляя кружки. — Хоть теперь-то сходи.

— Вместе с тобой, — сказал Фродо. — И фляжки тоже не мешает прихватить.

Под горой шумел ручей. Они наполнили фляжки и походный котелок под струей водопада с уступа серого камня в хоббитский рост. Вода была ледяная; они умывались, пыхтя и отфыркиваясь.

Не спеша позавтракали, старательно упаковали мешки и снялись в одиннадцатом часу; день выдался ясный, и солнце пригревало все горячее. Спустились напрямик, перешли ручей, клокотавший в трубе под дорожной насыпью, а там опять вверх-вниз по склонам, и так от холма к холму; их мешки с плащами, одеялами, флягами, съестным припасом и прочей поклажей, казалось, тяжелели с каждым шагом. Скоро они притомились и запарились, а дорога все петляла, вползала на холмы и снова ныряла вниз, но потом обернулась плавным спуском в широкую долину. Перед ними простерлось редколесье, сливавшееся вдалеке с бурой стеною деревьев. Вот он, Лесной Угол, а за ним и река Брендидуим. Ох как еще далеко; а дорога вилась и вилась нескончаемой бечевой.

— Дорога уходит вдаль, — сказал Пин. — Ну и пускай уходит, а я пока дальше идти не согласен. И вообще давно пора обедать.

Он уселся на обочине и устало поглядел на восток, где за бескрайним знойным маревом текла знакомая река, возле которой он жил, сколько себя помнил. Сэм стоял рядом. Его круглые глаза были широко распахнуты — он-то попал невесть куда, в неизвестные края.

— А эльфы живут в этом лесу? — спросил он.

— Ни про каких эльфов слыхом не слыхивал, — отрезал Пин. Фродо молчал. Он тоже глядел на дорогу, уводящую на восток: глядел, точно в первый раз ее увидел. Вдруг он произнес громко и отдельно, ни к кому не обращаясь:

*В поход, беспечный пешеход,
Уйду, избыв печаль, —
Спешит дорога от ворот
В заманчивую даль,
Свивая тысячи путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,
Не знаю я пока!*

— Смахивает на вирши старины Бильбо, — сказал Пин. — Или это ты сам

сочинил в его духе? Не очень-то ободряет.

— Даже не знаю, сам или не сам, — отозвался Фродо. — Пришло на язык так, будто сочинилось; но, может, мне это просто памятно с очень давних пор. А на Бильбо и правда очень похоже, особенно на Бильбо в последние годы, перед его уходом. Он часто повторял, что на свете всего одна Дорога, что она как большая река: истоки ее у каждой двери и любая тропка — ее проток. «Знаешь, Фродо, как опасно выходить из дверей, — бывало, говорил он. — Ступишь на дорогу — и сразу хватайся за ноги, а то живо окажешься там, куда ворон костей не заносил. Вот видишь тропку? Так это она самая ведет через Лихолесье к Одинокой горе, а оттуда напрямиком в тартарары». Это он приговаривал после всякой дальней прогулки про тропку от крыльца Торбы-на-Круче.

— А я так скажу: часок-другой эта вот дорога меня никуда не уведет, — заключил Пин, высвобождаясь из лямок.

За ним выпростались и Сэм с Фродо — и тоже прилегли к обочине, мешки под головы, ногами на дорогу. Отдохнули, хорошенько пообедали, потом опять как следует отдохнули.

* * *

Солнце клонилось к западу, разливая предвечерний свет, когда хоббиты спускались с холма. Покамест они не встретили ни одной живой души — в Лесной Угол мало кто ездил, да и зачем? Три путника брели по заросшей дороге час или два; но вдруг Сэм остановился и прислушался. Дорога, вдоволь напетлявшись, шла теперь прямо, прорезая травяные заросли; там и сям высились купы деревьев, предвестников близкого леса.

— Нас вроде догоняет лошадь, не то пони, — сказал он. Только что был поворот, а за поворотом не видно.

— Может, Гэндальф? — предположил Фродо, но тотчас почувствовал, что нет, не Гэндальф, и ему вдруг захотелось укрыться от этого всадника, кто бы он ни был. — Чепуха, конечно, — сказал он, как бы извиняясь, — а все-таки не надо, чтоб нас видели на дороге, ну их всех. А если это Гэндальф, — с усмешкой прибавил он, — то мы ему устроим встречу, чтоб впредь не опаздывал. Нука, раз-два-три, разбегайся и смотри!

Сэм и Пин, отбежав налево, исчезли в ложбинке неподалеку от обочины. Фродо помедлил: любопытство или какое-то другое чувство мешало ему спрятаться. Стук копыт приближался. Он едва успел юркнуть в густую траву за деревом у дороги и выставил голову поверх толстого корня.

Из-за поворота показался черный конь, не хоббитским пони чета; а на нем — высокий всадник, ссутуленный в седле. Из-под широкого черного плаща виднелись только стремяна да сапоги с длинными шпорами. Лицо его скрывал капюшон.

Конь поравнялся с деревом, за которым лежал Фродо, и замер. Недвижим был и всадник: он словно прислушивался. Сиплое сопенье донеслось до Фродо, и голова всадника повернулась направо, потом налево. Казалось, он ловил нюхом какой-то чуть слышный запах.

Внезапный и безрассудный ужас охватил Фродо: его видно, его сейчас найдут... и неожиданно ему вспомнилось Кольцо. Он не смел вздохнуть, боялся пошевелиться; но Кольцо вдруг стало его единственной надеждой, и рука сама

поползла к карману. Только надеть, надеть его, и все в порядке, и он в безопасности. Гэндальф не велел... да ладно! Бильбо надевал же Кольцо, и ничего. «Я ведь у себя, я в Хоббитании», — подумал он, и рука его коснулась цепочки. В этот миг всадник выпрямился и тронул поводья. Конь неуверенно переступил, шагнул вперед и пошел ровной иноходью.

Хоббиты прячутся от Назгула. Джон Хоу

Фродо подполз к обочине и глядел всаднику вслед, пока тот не исчез в сумеречной дали. Далеко-далеко черный конь свернул направо, в придорожную рощицу.

— Что-то это странновато, чтоб не сказать: страшновато, — пробормотал Фродо, направляясь к своим спутникам.

Пин и Сэм лежали в траве пластом и ничего не видели; он рассказал им про непонятного всадника.

— Не знаю уж почему, но я был уверен, что он меня ищет и вынюхивает. И как-то мне очень не хотелось ему попасться. Странно все это: в Хоббитании никогда таких не бывало.

— Какое вообще до нас дело Большому Народу? — проворчал Пин. — И чего это он сюда приперся? Чего ему здесь надо?

— Да тут люди бывают, — сказал Фродо. — Кажется, в Южном уделе случилась какая-то передряга с бестолковыми Громадинами. Но про таких всадников разговору не было. Не знаю, откуда он взялся.

— Прошу прощенья, — вмешался вдруг Сэм. — Я знаю, откуда. Из Норгорда этот черный всадник, ежели только он здесь один-единственный. И знаю да-

же, куда он путь держит.

— То есть как? — сурово спросил Фродо, метнув на Сэма изумленный взгляд. — Знаешь — и не сказал?

— Да я только сейчас вспомнил, простите, сударь, великодушно. Оно ведь как было: я давеча к моему старику с ключами, а он мне и говорит: «Вот тебе раз, — говорит, — а я-то, дурак, думал, что ты уехал с господином Фродо нынче поутру. Тут, понимаешь, приставал один: куда, говорит, делся Торбинс из Торбы-на-Круче? А куда ему деться, уехал, и все тут. Я и послал его в Кроличью Балку, но он мне, понимаешь ли, здорово не понравился. Уехал, говорю, уехал, господин Торбинс и обратно не будет. Так он на меня, представляешь, зашипел, ровно змей». — «А он из каких был-то?» — это я у отца спрашиваю. «Да кто его знает, — говорит, — только уж точно не хоббит. Высокий такой и черный, наклонился надо мной и сопит. Небось дальний, из Большого Народа. Выговор такой шепелявый». Особо-то мне было некогда отца расспрашивать, вы же меня ждали; ну а потом позабыл вам сказать. Да и старик мой подслеповат, а этот когда подъехал, уже стемнело. Отец ведь все вроде правильно сказал, а что я не вспомнил, так подумаешь, чего особенного, правда, сударь?

— Да старик-то, что с него взять? — отозвался Фродо. — Я и сам слышал, как он говорил с чужаком, который про меня расспрашивал; даже собрался было пойти узнать у него, в чем дело. Жаль, не пошел, и досадно, что ты мне раньше не сказал. Нам бы надо поосторожнее.

— А может, это вовсе и не тот всадник, — вмешался Пин. — Вышли мы тайком, шли без шума, не мог он нас выследить.

— А сопел да вынюхивал, как и тот, — сказал Сэм. — И тоже весь черный.

— Зря мы Гэндальфа не дождались, — пробормотал Фродо. — А может, и не зря, трудно сказать.

— Так ты про всадника-то про этого что-нибудь знаешь? Или просто догадки строишь? — спросил у Фродо Пин, расслышавший его бормотание.

— Ничего я толком не знаю, а гадать боюсь, — задумчиво ответил Фродо.

— Ну, твое дело, милый родственничек! Пожалуйста, держи про себя свои секреты, только дальше-то как будем? Я бы не прочь передохнуть-поужинать, но лучше возьмем-ка ноги в руки. А то мне что-то не по себе от ваших рассказней про нюхающих всадников.

— Да, нам лучше не задерживаться, — сказал Фродо. — И давайте не по дороге, а то вдруг этот всадник вернется или другой объявится. Прибавим шагу: до Заячьих Холмов еще идти да идти.

* * *

Длинные тени деревьев протянулись по траве, провожая снова пустившихся в путь хоббитов. Теперь они держались сажен за десять от дороги и шли очень и очень скрытно. Не так-то это было легко: дерновина, кочки, неровная почва, да и деревья то и дело скоплялись в перелески.

Между тем алое закатное солнце потускнело у них за спиной прежде, чем они прошли многомильную, прямую, как струна, дорогу, стремившуюся к лесу. Она вдруг круто свернула влево, в Йельские Низины, к дальним Заводям; по правую сторону синела могучая дубрава без конца и края, в которую углублялась извилистая дорожка, ведущая в Лесной Чертог.

— Туда и пойдём, — сказал Фродо.

Невдалеке от перепутья они набрали на огромное дуплистое дерево, ещё живое, поросшее пучками тоненьких веточек вокруг темных ран от давно обломившихся сучьев; в дупло можно было залезть через широкую щель, невидимую с дороги. Они и залезли, уселись на палой листве и гнилых щепках. Отдохнули и перекусили за тихой беседой, время от времени настораживая уши.

Когда они снова выбрались на дорожку, уже смеркалось. Западный ветерок, вздыхая, перебирал ветви. Листья перешептывались. Дорогу их мягко и медленно поглотил сумрак. На угрюмом востоке высоко над деревьями засветилась звезда. Они шли рядышком, нога в ногу, чтоб не падать духом. Зажглись другие звезды, крупные и яркие, хоббиты перестали беспокоиться и больше не прислушивались к цокоту копыт. Они даже замурлыкали, по хоббитскому обыкновению: хоббиты мурлычут, возвращаясь домой ночью. Обычно они мурлычут-напевают приглашение к ужину или постельную песню; но эти хоббиты затянули походную песню (конечно же, приглашающую, кроме всего прочего, к ужину и спатеньки). Слова сочинил Бильбо Торбинс, а напев был древнее здешних гор, и Фродо научился ему, гуляя с Бильбо по Ручьевой долине и беседуя о Приключениях. Слова такие:

*Еще не выстыл сонный дом,
Еще камин пылает в нем,
А мы торопимся уйти
И, может, встретим на пути
Невиданные никогда
Селенья, горы, города.*

*Пусть травы дремлют до утра —
Нам на рассвете в путь пора!
Зовут на отдых вечера —
Не зазовут: не та пора!*

*Поляна, холм, усадьба, сад
Безмолвно ускользнут назад:
Нам только б на часок прилечь,
И дальше в путь, до новых встреч!*

*Быть может, нас в походе ждет
Подземный путь, волшебный взлет —
Сегодня мимо мы пройдем,
Но завтра снова их найдем,
Чтоб облететь весь мир земной
Вдогон за солнцем и луной!*

*Наш дом уснул, но мир не ждет —
Зовет дорога нас вперед:
Пока не выцвела луна,
Нам тьма ночная не страшна!*

*Но мир уснул, и ждет нас дом,
Вернемся и камин зажжем:
Туман, и мгла, и мрак, и ночь
Уходят прочь, уходят прочь!..
Светло, и ужин на столе —*

Заслуженный уют в тепле.

И кончилась песня.

— Приют в дупле! Приют в дупле! — переиначил Пин.

— Тише! — сказал Фродо. — Как будто снова стук копыт.

Все трое замерли, словно тени. По долине раскатывался цокот, пока еще дальний, но все ближе — с подветренной стороны. Они юркнули поглубже в густую тень угрюмых деревьев.

— Убегать не будем, — сказал Фродо. — Нас не видно, а я хочу поглядеть: неужели еще один?

Цокот приближался. Прятаться как следует было уже некогда, и Сэм с Пином схоронились за огромным пнем, а Фродо залег неподалеку от тропки. Светло-серой полосой прорезала она лесной сумрак. Наверху вызвездило, но луны не было.

Копыта стихли. Фродо увидел черный промельк между деревьями — и обе тени, словно кто-то вел лошадь, слились с темнотой. Потом черная фигура возникла там, где они сошли с тропки, в том самом месте. Тень заколыхалась, и Фродо расслышал тихое внимательное сопение, а потом тень словно бы осела и поползла к нему.

Фродо опять подумал, что надо надеть Кольцо. И, будто повинуюсь чьему-то велению, не понимая, что делает, нашарил его в кармане. Стояла страшная тишина; но вдруг раздалась звонкая песня и зазвучал легкий смех. Чистые голоса, словно веселые колокольчики, всколыхнули прохладный ночной воздух. Черная тень поднялась, попятилась и, слившись с тенью лошади, утонула в сумраке по ту сторону тропки. Фродо перевел дыхание.

— Эльфы! — воскликнул Сэм, хрипло, как спросонья. — Эльфы, сударь! — Он бы так и кинулся на голоса, но Фродо с Пином удержали его.

— Да, эльфы, — сказал Фродо. — Это ведь Лесной Угол — они здесь почти каждый год проходят весной и осенью. Вот уж кстати! Вы же ничего не видели, а Черный Всадник спешил и пополз прямо к нам; и дополз бы, если б не их песня. Она его спугнула.

— Ну а к эльфам-то — идем или не идем? — заторопил Сэм. Про всадника он уже и думать забыл.

— Слышишь ведь, они сами к нам идут, — сказал Фродо. — Надо только подождать.

Пение приближалось. Один ясный голос пел звонче всех остальных. Слова были дивные, древние, один Фродо понимал их, да и то с трудом. Но вслушиваться было и не надо: напев подсказывал слова. Фродо разобрал их так:

*Зарница всенощной зари
За дальними морями,
Надеждой вечною гори
Над нашими горами!*

*О Элберет! Гилтониэль!
Надежды свет далекий!
От наших сумрачных земель
Поклон тебе глубокий!*

*Ты злую мглу превозмогла
На черном небосклоне*

*И звезды ясные зажгла
В своей ночной короне.*

*Гилтониэль! О Элберет!
Сиянье в синем храме!
Мы помним твой предвечный свет
За дальними морями!*

И кончилась песня.

— Это же заморские эльфы. Песня про Элберет! — изумился Фродо. — Редко они забредают к нам в Хоббитанию, их и в Средиземье-то почти что нет! Очень странно!

Хоббиты сидели неподалеку от дорожки и ждали. Скоро появились эльфы. Звездным светом мерцали их глаза, в тихом сиянии струились волосы; серебристая тропа возникала у них под ногами. Прошли они молча, и только последний эльф обернулся, посмотрел на хоббитов и рассмеялся.

— Неужели Фродо? — звонко воскликнул он. — Поздновато! Заблудились, что ли? — Он позвал остальных, и эльфы обступили сидящих.

— Чудеса, да и только! — сказали они. — Трое хоббитов ночью в лесу! Такого не бывало со времен Бильбо! Что случилось?

— Ничего не случилось, о Дивный Народ, — сказал Фродо, — просто нам с вами оказалось по пути. Я люблю гулять при звездах и был бы рад составить вам компанию.

— Вот уж без вас обойдемся, нудный народ хоббиты! — рассмеялись они. — Откуда вы знаете, что нам по пути — ведь путь наш вам неизвестен!

— А вы откуда знаете, кто я такой? — спросил в ответ Фродо.

— Тут и знать нечего, — отвечали они. — Мы много раз видели тебя с Бильбо. Это ты нас не видел.

— Куда вы идете и кто ваш предводитель? — спросил Фродо.

— Я, Гаральд, — отвечал эльф, который первым заметил хоббитов. — Гаральд из колена Славуров. Мы изгнанники, наша родня давным-давно отплыла, и Море ждет нас. Есть еще, правда, наши в Раздоле. Впрочем, расскажи-ка лучше про себя, Фродо. С тобой ведь что-то неладно?

— О всезнающий народ, — вмешался Пин. — Скажите нам, кто такие Черные Всадники?

— Черные Всадники? — тихо откликнулись они. — А что вам до Черных Всадников?

— Ехали за нами двое... или один, может быть, — сказал Пин, — вот как раз отстал, когда вы явились.

Эльфы ответили не сразу; они посоветовались на своем языке, потом Гаральд обернулся к хоббитам.

— Мы пока подождем об этом говорить, — сказал он. — А вы и правда идите-ка с нами. У нас это не в обычае, но уж ладно, идите. С нами и переночуете.

— Дивный, дивный народ! Я и надеяться не смел! — сказал Пин, а Сэм, тот просто онемел от радости.

— Спасибо тебе, о Гаральд из колена Славуров, — сказал Фродо и поклонился. — *Элен сейла люменн оменнтиэльво* — звезда осияла нашу встречу, — прибавил он на древнеэльфийском языке.

— Ого, друзья! — смеясь, предостерег своих Гаральд. — Вслух не секретни-

чайте: с нами знаток Древнего Наречия. Бильбо-то оказался прекрасным учителем! Привет тебе, о друг эльфов! — сказал он, поклонившись Фродо. — Мы рады, что нам по пути. Пойдем, но иди в середине, чтобы не отстать и не заблудиться: впереди долгая дорога.

— Долгая? А вы куда? — снова спросил Фродо.

— В самую глушь за Лесным Чертогом. Идти далеко, но там отдохнешь, и завтрашний путь твой станет короче.

Шли они молча и мелькали, как тени, ибо эльфы ходят еще бесшумнее хоббитов. Пин стал было задремывать и спотыкаться, но рядом шел эльф, держал его под руку и не давал упасть. А Сэм шагал рядом с Фродо и шел как во сне — страшноватом, но восхитительном.

Лес по обе стороны густел и густел: смыкающиеся деревья были моложе, а стволы у них — толще; потом тропа углубилась в лощину, справа и слева нависли заросли орешника. Наконец эльфы свернули в самую чащу, где вдруг словно чудом открылась узкая зеленая просека; теснее и теснее смыкались высокие стены деревьев — но вдруг расступились, и впереди простерся ровный луг, матово-серый в ночном свете. С трех сторон окружал его лес; а с востока он обрывался крутым склоном, и могучие древесные кроны вздымались к ногам откуда-то снизу.

Эльфы уселись на траве и завели негромкий разговор между собой; хоббитов они словно бы перестали замечать. А те дремали, укутавшись в плащи и одеяла. Ночь надвинулась; дальние деревенские огоньки в долине погасли. Пин крепко уснул, улегшись щекой на кочку.

Высоко на востоке зажглась Звездная Сеть, Реммират; пронизывая туман, разгорелся, как пламенный рубин, Боргиль. Потом вдруг, словно по волшебству, небо разъяснилось, а из-за окраины мира блеснул Небесный Меченосец Мэнальвагор в сверкающем поясе. Эльфы встретили его звонкой песней, и где-то неподалеку вспыхнуло ярко-алое пламя костра.

— Что же вы? — позвали хоббитов эльфы. — Идемте! Настал час беседы и веселья.

Пин сел, протер глаза и зябко поежился.

— Добро пожаловать, друзья! Костер горит, и ужин ждет, — сказал эльф, склонившись к сонному Пину.

Зеленый луг уходил в лес и становился лесным чертогом, крышей которому служили ветви деревьев. Мощные стволы выстроились колоннадой. Посредине чертога полыхал костер, а с ветвей сияли серебряные и золотые фонари. Эльфы сидели вокруг огня на траве или на круглых чурбачках. Верней, одни сидели, другие раздавали кубки и разливали вино, а третьи разносили яства.

— Угощение скудно, — извинились они перед хоббитами, — мы ведь не у себя дома, это походная стоянка. Вот будете у нас, тогда примем по-настоящему.

— Да я даже в день рождения вкуснее не угощал, — сказал Фродо.

Пин потом не слишком помнил, что он пил и ел: он больше глядел на ясные лица эльфов и слушал их голоса, разные и по-разному дивные; и казалось ему, что он видит чудесный сон. Он только помнил, что давали хлеб: белый и такой вкусный, будто ты изнемогал от голода, а тебе протянули пышный ломоть; потом он выпил кубок чего-то чистого, как из родника, и золотистого, словно летний вечер.

А Сэм и словами не мог описать, что там было, и вообще никак не мог изобразить, хотя помнил эту радость до конца дней своих. Он, конечно, сказал одному эльфю:

— Ну, сударь, будь у меня в саду такие яблоки, вот тогда я был бы садовник! Правда, чего там яблоки: вот пели вы, так это да!

Фродо пил, ел и разговаривал, не без труда подбирая слова. Он еле-еле понимал по-эльфийски и вслушивался изо всех сил. Ему было приятно, что он мог хотя бы поблагодарить тех, кто ему прислуживал, на их родном языке. А они улыбались и радовались: «Ай да хоббит!»

Потом Пин уснул, и его осторожно уложили на мягкое травяное ложе между корнями деревьев. Сэм встряхивал головой и не желал покидать хозяина. Пин уже видел седьмой сон, а Сэм все сидел у ног Фродо: крепился, крепился — и наконец прикорнул. Зато Фродо еще долго не спал: у него был разговор с Гаральдом.

* * *

О былом и нынешнем говорили они, и Фродо долго расспрашивал его про последние события за пределами Хоббитании. Наконец он задал вопрос, который давно был у него на языке:

— А скажи, Гаральд, ты с тех пор видел Бильбо?

— Видел, — улыбнулся Гаральд. — Даже дважды. На этом самом месте он с нами прощался. А другой раз — далеко отсюда.

Где — он не сказал, а Фродо не стал спрашивать.

— Поговорим о тебе, Фродо, — предложил Гаральд. — Кое-что я про тебя уже знаю: и по лицу догадался, и вопросы твои недаром. Ты покидаешь Хоббитанию в тяжком сомнении: за свое ли дело взялся и удастся ли тебе его довершить? Так?

— Так, — подтвердил Фродо. — Только я думал, что про мои дела знает один Гэндальф да вот еще Сэм. — Он поглядел на Сэма — тот мирно посапывал.

— От эльфов тайны к Врагу не просачиваются, — сказал Гаральд.

— К Врагу? — удивился Фродо. — Ты, стало быть, знаешь, почему я навсегда ухожу из Хоббитании?

— Я знаю, что Враг гонится за тобою по пятам, — отвечал Гаральд, — а почему — этого не знаю. Но помни, Фродо: опасность впереди и позади, угроза отовсюду.

— Ты про Всадников? Я так и подумал, что они от Врага. А кто они такие?

— Тебе Гэндальф про них ничего не говорил?

— Про них — нет, ничего.

— Тогда и не надо — ведь страх обессиливает. По-моему, ты вышел в последний час; надеюсь, что не опоздал. Не медли и не оглядывайся: уходи из Хоббитании как можно скорее.

— Твои намеки и недомолвки пугают больше, чем разговор напрямик, — сказал Фродо. — Я знал, что впереди опасности; но думал, что хотя бы нашу Хоббитанию мы минуем без всяких злоключений.

— Хоббитания не ваша, — возразил Гаральд. — Жили в ней до вас, будут жить и после, когда хоббиты станут сказкой. Вы же не сами по себе живете, а если и отгородились от мира, то мир-то от вас не отгораживался!

— Видимо, так; да только всегда у нас было мирно, спокойно и уютно. А теперь-то что делать? Я решил потихоньку пробраться в Забрендию, а оттуда в Раздол. И вот выследили; как же мне быть?

— Иди, куда собрался. Мужества у тебя, по-моему, хватит. А мудрый совет — это уж дело Гэндальфа. Я ведь не знаю, почему ты собрался в путь и зачем нужен Врагу. Ну а Гэндальф, наверно, знает — да и не только это. Ты ведь с ним увидишься?

— Надеюсь... Я ждал его до последней минуты: он должен был прийти самое позднее два дня назад — и не пришел. Как ты думаешь, что могло случиться? Может, подождать его?

Гаральд помрачнел и задумался.

— Дурные вести, — проговорил он наконец. — Гэндальф никогда не запаздывает. Есть, однако же, присловье: в дела мудрецов носа не суй — голову потеряешь. Раз у тебя был с ним такой уговор, то сам уж решай, ждать его или нет.

— Есть и другое присловье, — заметил Фродо. — Говорят: у эльфа и ветра не спрашивай совета: оба скажут в ответ — что да, то и нет.

— Так у вас говорят? — рассмеялся Гаральд. — И зря: всякий совет к разуму хорош, а любой путь может обернуться бедою. Потому-то мы на ветер советов не бросаем. А за тебя мне трудновато выбирать: ты же о своих делах молчишь. Ну, все же рискну, дружбы ради. Иди скорее; если Гэндальф не объявится, обязательно подыщи себе другого спутника — один не ходи. Присмотрись к друзьям и выбери самого надежного. Да не забудь поблагодарить меня за совет — я даю его неохотно. У эльфов свои заботы и свои печали, совсем иные, чем у прочих. Редко скрещиваются наши пути; но нынче скрестились они, конечно, недаром, а может статься, и не в последний раз. Впрочем, об этом лучше помолчим: боюсь сказать лишнее.

— Я тебе, разумеется, очень благодарен, — отозвался Фродо, — но про Черных Всадников ты мне все-таки зря не объяснил. По-твоему выходит, мне еще долго быть без Гэндальфа, а я толком не понимаю, кто они такие.

— Что тут понимать? Ты знай просто, что это подручные Врага! — сказал Гаральд. — Беги от них! Ни слова с ними! Они — смерть! И не выспрашивай ты у меня, ибо сам про них узнаешь со временем, увы, куда больше, чем знаю я. Да хранит тебя Элберет, о Фродо, сын Дрого!

— А храбрость откуда я возьму? — спросил Фродо. — Мне очень страшно, и храбрости вот-вот не хватит.

— Ну, храбрость порой непонятно откуда и берется! — заметил Гаральд. — Надейся, хватит тебе храбрости! А пока спи! Утром нас уж не будет, но гонцов мы вышлем. Кому надо, узнают про тебя — без охраны и помощи не останешься. Я назвал тебя Другом Эльфов: прими же в напутствие это прозвание! Редко мы так привечаем чужих и редко слышим от них слова на родном языке.

Фродо вдруг почувствовал, что засыпает.

— Я и правда, пожалуй, посплю, — пробормотал он.

Эльф отвел его к травяному ложу рядом с Пином; он вытянулся и тут же уснул как убитый.

Глава IV Напрямик по грибы

Родо пробудился на диво свеж и бодр. Он лежал под густой сенью склоненных почти до земли тяжелых ветвей; на постели из душистой травы и папоротника было мягко и уютно. Солнце просвечивало сквозь трепетную, еще зеленую листву. Он потянулся и проворно выпрыгнул из своего живого шалаша.

Сэм сидел на траве у лесной опушки. Пин разглядывал небо и соображал погоду. Эльфы ушли.

— Фрукты, питье и хлеб они нам оставили, — сказал Пин. — Давай завтракай. Хлеб еще совсем свежий. Я бы и без тебя все слопал, да Сэм прямо изо рта рвет.

Фродо уселся возле Сэма и принялся за еду.

— Ну и как же мы сегодня? — поинтересовался Пин.

— В Забрендию, да поживее, — отвечал Фродо, уписывая за обе щеки.

— А Всадников — побоку? — весело спросил Пин, к неудовольствию Фродо.

При утреннем солнце Черные Всадники стали казаться Пину просто страшной сказкой, безобидной нелепицей.

— Вряд ли так уж побоку, — сухо сказал Фродо. — Хорошо бы вот до реки добраться, чтоб они не заметили.

— Ну а Гаральд тебе про них что-нибудь объяснил?

— Так, кое-что, намеками да загадками, — уклонился Фродо.

— Ты спросил, почему они нюхают?

— Мы в подробности не входили, — сказал Фродо с набитым ртом.

— А надо было. По-моему, это самое главное.

— Ежели так, то Гаральд бы тебе слова лишнего не сказал, — отрезал Фродо. — И вообще, оставь ты меня в покое! Я, может, не хочу болтать за едой! Я, может, подумать хочу!

— Это за едой-то? — удивился Пин. — Много надумаешь! — Он встал и пошел поразмяться.

А Фродо и вправду думал: что утро яркое, даже чересчур яркое, в самый раз для погони. И о словах Гаральда... Но его невеселые думы разогнал звонкий галдеж Пина. Он бегал по опушке и радостно голосил.

«Нет, зачем же им! — решил про себя Фродо. — Одно дело — позвать их с собой через Хоббитанию — ешь себе и пей, веселая прогулка. А на чужбину, голодать и мучиться — нет, не возьму я их, даже если и захотят. Мне оставлено, я и в ответе. Сэма и того нельзя...»

Он посмотрел на Сэма Скромби и встретил его взгляд.

— Ты что, Сэм? — спросил он. — Что смотришь? Я ведь уйду из Хоббитании, далеко уйду. И в Балке-то, пожалуй, ни дня не задержусь!

— Ну что ж, сударь!

— А ты со мной, что ли?

— Конечно.

— Опасное это дело, Сэм. Очень опасное. Вернуться живым почти и надежды нет.

— Тогда уж и я с вами не вернусь, сударь, чего там, — сказал Сэм. — Они мне: «Ты смотри, его не бросай!» А я им и говорю: как же, сейчас брошу, дождитесь. Да я с ним хоть на Луну отправлюсь, и пусть только эти, как их, Черные Всадники встанут поперек, будут иметь дело со Скромби, не обрадуются. А они в смех.

— Да кто они, ты о ком говоришь?

— Они-то? Эльфы, конечно. Ночью был разговор — всё-то они про вас знают: куда, зачем да почему. Ну, я спорить и не стал. Ох, сударь, что за народ! Ну и ну!

— Да, народ дивный, — согласился Фродо. — Ну вот ты на них теперь поглядел — понравились они тебе?

— Да как сказать, сударь, — задумчиво отвечал Сэм. — Я-то что, мне они и по рассказам нравились. Ну все-таки гадал: какие они будут? А они не такие — с тем и возьми. Древние — а притом совсем юные, веселые и вроде бы печальные — поди-ка разберись.

Фродо изумленно поглядел на Сэма, будто и в нем ждал странных перемен. Говорил не тот Сэм Скромби, которого он знал, — а с виду тот самый, только что лицо необычно задумчивое.

— Так зачем же тебе уходить из Хоббитании, раз ты их повидал? — спросил Фродо.

— Да понимаете, сударь, с этой ночи я какой-то другой. Знаю ведь — путь долгий, ведет в темноту... а назад нельзя. Эльфы, драконы, горы — это все, конечно, здорово... да мне-то не за этим надо с вами идти. Тут штука-то в чем? Я ведь обязательно вам пригожусь — и не здесь, не в Хоббитании... если вы понимаете, про что я толкую.

— Нет, не понимаю, Сэм. Но Гэндальф, кажется, выбрал мне хорошего спутника. Ладно, пойдем пока вместе.

Фродо молча покончил с завтраком. Потом встал, огляделся и позвал Пина. Тот прибежал немедля.

— Пора выходить, — объявил Фродо. — Заспались мы, а путь неблизкий.

— Это ты заспался, — сказал Пин. — Я-то давно проснулся; мы только и ждали, пока ты кончишь есть да размышлять.

— Вот и кончил. Нам надо как можно скорей к Зайгородному парому. Только не по дороге, а напрямик.

— Напрямик — это лететь надо, — отозвался Пин. — Пешком пути нет.

— Найдем, — сказал Фродо, — проберемся. Паром к востоку от Лесного Чертога, а дорога забирает влево — вон там, видите? Обходит Болотище с севера и со стороны Заводей выводит на плотину. Но это же сколько миль! Если пройдем прямо — срежем на четверть.

— Дольше едешь — дальше будешь, — возразил Пин. — Местность трудная: болота, бездорожье — уж кто-кто, а я-то знаю. А если ты насчет Черных Всадников, то с ними разницы нет — что на дороге, что в лесу или в поле.

— В лесу и в поле легче спрятаться, — возразил Фродо. — Ждут нас на дороге, а в стороне, глядишь, и разыскивать не будут.

— Ладно! — согласился Пин. — Пойдем прыгать по кочкам: ты впереди, мы

за тобой. Только жалко все-таки. Могли бы успеть до закрытия в «Золотой шесток», там расчудесное пиво, лучшее в здешних местах. Давно я его не пробовал.

— Тогда и спорить не о чем! — решил Фродо. — Дольше едешь — дальше будешь, а в кабаке и вовсе застрянешь. Ишь ты, нацелился на «Золотой шесток». Нет, нам бы успеть до заката в Балку. А ты что думаешь, Сэм?

— Я-то что, я как вы скажете, — вздохнул Сэм, подумав о лучшем в Хоббитании пиве.

— Стало быть, договорились, пошли в болото и колючки! — заключил Пин.

Жарко было почти как вчера; облака с запада сулили грозу. Хоббиты спустились по крутому травянистому склону и нырнули в заросли. Им надо было оставить Лесной Чертог по левую руку и наискось пробраться через лес на восточной стороне холма, потом выйти на равнину. А уж там — напрямик к парому, благо препятствий нет никаких, кроме канав да изгородей. Фродо рассчитал, что им идти по прямой миль восемнадцать, не больше. Вблизи заросли оказались куда гуще, чем виделись издалека. Никакой тропы не было; пробирались наобум. Вышли к речке, на глинистый обрыв, поросший колючим кустарником. Речка преграждала путь: чтобы перейти через нее, надо было измызгаться, исцарапаться и вымокнуть.

— Для начала неплохо! — с мрачной ухмылкой заметил Пин.

Сэм поглядел назад — в просвет кустарника еще виден был зеленый гребень лесного холма.

— Смотрите! — шепнул он, схватив Фродо за руку.

Путники обернулись и увидели на гребне черного коня, а рядом — черную ссутуленную фигуру.

Назад пути не было. Фродо первым съехал вниз по глине, к прибрежным кустам.

— Вот так! — сказал он Пину. — Что ты, что я — мы оба правы. Напрямик, может, и не ближе; но хороши бы мы были, если б задержались на дороге. У тебя лисьи уши, Сэм, крадется кто-нибудь за нами?

Они замерли и затаили дыхание: погони было не слышно.

— Такой спуск лошадь не одолеет, — объявил Сэм. — Но этот гад, видать, знает, что мы тут спустились. Давайте-ка поторопимся!

Поторопишься тут, как же, — с тяжелыми, громоздкими мешками за спиной сквозь колючую чащобу терновника и ежевики. Лесной гребень заслонял их от ветра, и стояла затхлая духота. Выбравшись наконец на открытое место, они пропотели хоть отжимай, еле передвигали ноги, а расцарапаны были, как разрисованы, и вдобавок потеряли направление. На равнине речка прибралась, сровняла с землей высокие берега и сделалась широкой и мелкой, сворачивая к Болотищу и большой реке.

— Здравствуйте, так это же Плавенка! — запоздало удивился Пин. — Если мы все-таки пойдем, как надумали, то надо ее сейчас же перейти и сильно податься вправо.

Перешли по мелководью и, спотыкаясь, затрусили по распахнувшейся равнине, огибая камыши. Потом их снова окружили деревья: высокий дубняк вперемешку с вязами и ясенем. Ровно стало идти, под ноги хоть и не смотри, но уж очень смыкались деревья, впереди ничего не разберешь. Ветер взметал

палую листву, нависшее черное небо брызнуло дождем. Потом ветер улегся, и обрушился ливень. Они торопились что было мочи, прыгали с кочки на кочку, увязали в грудях прошлогодней листвы, а дождь никак не унимался. Шли молча, то и дело озираясь и поглядывая по сторонам.

Примерно через полчаса Пин сказал:

— Мы, пожалуй, слишком вправо забрали, к югу: давно бы должны были выйти в поле. Знаю я этот лес, он в ширину не больше мили, а мы чего-то все идем и идем.

— Нет уж, больше не будем петлять, — сказал Фродо, — а то совсем заплутаемся. Идем — и ладно. Боюсь я выходить на открытое место.

Минуло еще полчаса. Сквозь рваные тучи проглянуло солнце, и дождь поутих. Было за полдень, а голод не тетка. Они устроились под развесистым вязом; пожелтевшая листва его еще не осыпалась, и у корней было совсем сухо. Эльфы наполнили их фляги давешним бледно-золотистым напитком, свежим, чистым, медвяным. Вскоре они уже смеялись над моросившим дождем, а заодно и над Черными Всадниками. Идти-то оставалось всего ничего.

Фродо привалился спиной к стволу и закрыл глаза. Сэм с Пином, сидя возле, вполголоса завели:

*А ну — развею тишину,
Спою, как пели в старину,
Пусть ветер воеет на луну
И меркнет небосвод.*

*Пусть ветер воеет, ливень льет,
Я все равно пойду вперед,
А чтоб укрыться от невзгод,
Во флягу загляну.*

— А ну! Во флягу загляну! — чуть громче пропели они — и осеклись.

Фродо вскочил на ноги. С ветром донесся протяжный вой, цепенящий, злобный и унылый. Он перекатывался из дола в дол, наливаясь холодной хищной яростью, и, как тупой бурав, сверлил уши. Они слушали, словно бы оледенев; а вою, не успел он прерваться, ответило дальнейшее завывание, такое же яростное и жуткое. Потом настала мертвая тишина.

— Станный какой крик, правда? — сказал Пин деланно бодрым, но слегка дрожащим голосом. — Птица, наверно; правда, не слышал я у нас в Хоббитании таких птиц.

— Не зверь и не птица, — возразил Фродо. — Один позвал, другой ответил — и даже слова были в этом кличе, только жуткие и непонятные. На чужом языке.

Обсуждать не стали. На уме у всех были Черные Всадники, а про них лучше помалкивать, это они уже поняли. Идти — опасно, прятаться — еще опаснее, но куда же денешься, если надо как-то пробраться к парому — да поскорее, чтобы засветло. Они вскинули мешки на плечи и припустились вперед торопливой трусцой.

Вскоре лес кончился; дальше раскинулись луга. Видно, они и правда слишком забрали к югу: за равниной, далеко влево, смутно виднелась Косая Гора по ту сторону Брендидуима. Крадучись выбрались они из-под деревьев и побежали лугом.

Поначалу без лесного прикрытия было страшновато. Далеко позади возвышалось лесистое всхолмье, где они завтракали. Фродо оглядывался: не виден ли там — крохотной черною точкой — недвижимый Всадник. Всадника не было. Солнце прожгло облака и опускалось за дальние холмы, яркими закатными вспышками озаряя равнину. Страх отпустил, но тоскливая неуверенность росла. Однако земля была уже не дикая: покосы, пажити. Потом потянулись изгороди с воротами, возделанные поля, оросительные протоки. Все было знакомо, надежно и мирно: обыкновенная Хоббитания. Путники, что ни шаг, успокаивались. Да и река была уже близко, а Черные Всадники остались где-то позади — лесными призраками.

Краем большого, заботливо ухоженного брюквенного поля они подошли к ровному частоколу. За широкой калиткой пролегла прямая колея; невдалеке виднелась рощица, за нею — усадьба. Пин остановился.

— Знаю я, чья это усадьба! — воскликнул он. — Это же хутор Бирюка!

— Из огня да в полымя! — сказал Фродо, отпрянув, будто ненароком оказался у драконьего логова.

Сэм и Пин изумленно уставились на него.

— А чем тебе не по душе старый Бирюк? — удивился Пин. — Всем Бренди-зайкам он добрый друг. Бродяг не любит, псы у него злющие — ну так ведь и места какие, чуть ли не граница. Тут, знаешь, не зевай.

— Это все равно, — сказал Фродо и смущенно рассмеялся. — Да вот боюсь я Бирюка с его собаками — по старой памяти боюсь. Мальчишкой я к нему, бывало, лазил за грибами — и частенько попадался. А в последний раз он отлупил меня как следует, взял за шиворот и показал собакам. «Видите этого злыдня? — говорит. — Как он к нам снова пожалует, ешьте его с потрохами, я разрешаю. А пока — ну-ка, проводите». И они шли за мной до самого парома, представляете? У меня душа в пятках трепыхалась, хотя собаки знали, что делали: шли за мной, рычали, но не трогали, раз не велено.

Пин захохотал.

— Ну вот и разберетесь, — сказал он. — Ты же тут вроде жить собрался. Бирюк — мужик что надо, ежели к нему за грибами не лазить. Пойдем-ка от калитки напрямую, чтобы видно было, что мы не какие-нибудь бродяги. А встретим его, слово за мной. С Мерри они приятели, да и я с ним всегда ладил как нельзя лучше.

Путники шли гуськом вдоль колеи; вскоре показались тростниковые крыши усадьбы и приусадебных строений. Прочный, ладный кирпичный дом был обнесен высокой крепкою оградой с дубовыми воротами.

Из-за ворот раздался звонкий, дружный лай, потом окрик:

— Клык! Волк! Хват! Ко мне!

Фродо и Сэм замерли, а Пин сделал еще несколько шагов. Ворота приоткрылись, и три громадных пса кинулись к путникам с буйным лаем. На Пина они и внимания не обратили. Двое бросились к Сэму: прижали его к забору и обнюхивали. Третий, огромный и по виду самый свирепый, стал перед Фродо, следя за ним и глухо рыча.

Из ворот вышел толстый, коренастый и краснолицый хоббит.

— Здрасьте! Привет! А позвольте узнать, кто вы такие и чего вам тут надо? — спросил он.

— Привет и вам, господин Бирюк! — сказал Пин.

Тот пригляделся.

— Ба, да это никак Пин — господин Перегрин Крол, я хотел сказать! — Бирюк широко ухмыльнулся. — Давненько я вас не видел. Ну, вам повезло, что мы старые знакомые. Я как раз собирался спустить собак. Бродят тут всякие, а сегодня особенно. Ох, близковато к реке, — сказал он, покачав головой. — А этот и вообще невесть откуда пожаловал, чудо-юдо какое-то. Другой раз нипочем его не пропущу. Костьми лягу.

— Это вы о ком? — спросил Пин.

— Да он вам навстречу поехал. Как же вы разминулись? — удивился Бирюк. — Я же говорю — чудище, и вопросы чудные... Да вы бы зашли в дом, поговорим толком. Я как раз и пива наварил.

Ему, видно, хотелось порассказать о пришельце не спеша и подробно.

— А собаки? — спросил Фродо.

— Собаки вас не тронут, коли я им не велю, — рассмеялся хозяин. — Эй, Клык! Хват! К ноге! — позвал он. — К ноге, Волк!

— Это господин Фродо Торбинс, — представил Пин. — Вы его, поди, не помните, но он, было время, здесь жил.

При имени «Торбинс» Бирюк изумленно и пристально поглядел на Фродо. Тот подумал было, что припомнились ворованные грибы и что на него сейчас спустят собак. Но хозяин взял его под руку.

— Ну и дела, — сказал он. — Это же надо, а? О хоббите речь, а хоббит навстречь! Заходите, заходите! Есть разговор.

Все расселись у широкого камина. Хозяйка принесла пиво в корчаге и разлила по четырем кружкам. Пиво было — вкуснее некуда, так что Пин даже застыдился своих слов про «Золотой шесток». Сэм прихлебывал осторожно: мало ли чего наварят в здешних местах. И хозяина его здесь обидели — давно, правда, а все-таки.

Поговорили о погоде, об урожае (вообще-то не хуже обычного), потом Бирюк грохнул кружкой по столу и оглядел гостей.

— Ну, господин Перегрин, — спросил он, — откуда идете, куда путь держите? Ежели ко мне, то чуть-чуть стороной не обошли.

— К вам, да не совсем, — отвечал Пин. — Правду сказать, коли уж вы все равно догадались, так мы к вам невзначай угодили. Заблудились в лесу по пути к парому.

— Торопились, так лучше бы дорогой, — заметил хозяин. — Хотя не в этом дело. Вы, господин Перегрин, ладно уж, гуляйте у меня туда-сюда невозбранно. И вы тоже, господин Торбинс... Хотя насчет грибов-то вы как? Все так же? — Он загоготал. — Да, вот видите, помню, помню мальчонку Фродо Торбинса. Ох и разбойник же был! Фамилию-то вашу я, правда, забыл — да мне напомнили. Сегодняшний, он, думаете, о чем выспрашивал?

Они ждали, сдерживая нетерпение.

— Да-а, — неторопливо и с удовольствием сказал Бирюк, — подъехал на вороном к воротам — не заперты были — и в двери суется. Черный, весь в черном, лица не видать, словно боится, что узнаю. Я думаю: «Ишь ты какой! Чего приперся-то к нам в Хоббитанию?» Граница рядом, разные шастают; таких, правда, отродясь не видывал. Выхожу к нему. «Ну, — говорю, — здрасьте, в чем дело? Это вы не туда заехали, давайте-ка обратно на дорогу».

Что-то он мне не понравился; тоже и Хват — выбежал, понюхал, хвост поджал и скулит. А тот, черный, сидит не шелохнется. «Я издали, — говорит, глухо, будто без голоса, и кажет на запад, через мою, стало быть, землю. — Торбинс здесь?» А сам шипит, сопит и клонится на меня. Клонится, а лица-то нет — дырка под башлыком, и все; меня аж дрожь пробрала. Ну, дрожь дрожью, а чего он лезет, куда не просят?

«Давай-давай отсюда! — говорю. — Какие тебе здесь Торбинсы! Не туда заехал. Торбинсы, они в Норгорде живут, заворачивай обратно, только не по моей земле, — говорю, — а дорогой».

«Торбинса там нет, — шепчет, а шепот у него с присвистом. — Торбинс сюда поехал. Он здесь, близко. Скажешь, когда он появится, — золота привезу».

«Вези, вези, — говорю, — только не мне. Убирайся-ка подобру-поздорову, а то, смотри, собак спущу».

Он зашипел, вроде как в насмешку, и на меня конем. Я еле успел отскокить, а он дал шпоры, выбрался на дорогу, и поминай как звали... Ну а вам-то куда надо?

Фродо глядел в огонь и думал: как же теперь до парома-то?

— Не знаю, что вам и сказать, — замялся он.

— Не знаешь — послушай, чего тебе скажут, — посоветовал Бирюк. — Эх, господин Фродо, господин Фродо, и чего вас понесло в Норгорд? Дурной там народ! — (Сэм заерзал на стуле и сурово поглядел на Бирюка.) — Вот и всегда-то вы так — нет бы сначала рассудить да посоветоваться. Услышал я, помню, что вы отбились от прямой родни, от Брендизайков, и пристали к троюродному деду, — ну, говорю, добра не жди. Старый Бильбо кашу заварил, а расхлебывать вам. Он богатства-то, поди, не трудами праведными в дальних краях раздобыл. А теперь и нашлись такие тамошние, которым очень стало интересно: чьи это драгоценности зарыты у него в Норгорде?

Фродо смолчал: сварливый Бирюк угодил в самую точку.

— Так-то вот, господин Фродо, — продолжал тот. — Хорошо хоть, у вас ума хватило вернуться в родные края. Послушайте-ка доброго совета: вернулись — и живите себе тихо-мирно, с чужаками не якшайтесь. У вас и здесь друзей хватит, верно говорю. А коли тот черный снова заявится, я уж с ним разберусь — хотите, скажу, что вы навсегда уехали из Хоббитании, а то и вовсе померли. Да они и не за вами небось охотятся, а за господином Бильбо — незачем вам было фамилию-то менять!

— Пожалуй, что и так, — согласился Фродо, не отрывая глаз от огня.

Бирюк задумчиво глянул на него.

— Вы, я вижу, своей головой жить хотите, — заметил он. — И то сказать: пора уж. Да и про этого черного вы, поди, больше моего знаете, вряд ли я вас очень-то удивил. Знаете — и ладно, держите про себя, я не любопытный. А на душе у вас, видать, беспокойно. Думаете, как бы потихому добраться до парома, так?

— Думаю, — признался Фродо. — Только думать тут нечего, надо идти, и будь что будет. Спасибо вам за доброту вашу! Я ведь вас и ваших собак, не поверите, тридцать лет побаивался. Сдуру, конечно: был бы у меня надежный друг. Эх, жалко мне от вас уходить. Ну, может, еще наведаюсь, тогда и посидим.

— Милости просим, — сказал Бирюк. — А пока вот чего. Время к закату, нам

пора ужинать, мы ведь ложимся и встаем вместе с солнцем. Может, поужинаете у нас?

— Большое спасибо, — отозвался Фродо. — Только боюсь, медлить нам нельзя. Уж и так еле-еле к ночи доберемся до переправы.

— Та-та-та, ух, спешка, слова сказать не дадут. А я о чем: поужинаем, у меня есть крытая повозка, вот я вас и довезу. Оно и быстрее будет, и надежнее, а то мало ли что.

Это меняло дело, и Фродо согласился — к великому облегчению своих спутников. Солнце почти скрылось за холмами, сумерки густели. Явились двое сыновей и три дочери Бирюка; громадный стол накрыли мгновенно, еды хватило бы на добрую дюжину гостей. Принесли свечи, разожгли камин. Пива было сколько угодно; главное блюдо, тушеные грибы с ветчиной, подобрали дочиста. Собаки лежали у огня и обгладывали кости.

После ужина Бирюк и его сыновья ушли с фонарями готовить повозку. Когда гости вышли, на дворе было совсем темно. Они уложили мешки и пристроились сами. Бирюк хлопнул вожжами по бокам двух откормленных пони. Жена его стояла в освещенных дверях.

— Ты сам-то поосторожней! — крикнула она. — С чужими не задирайся, довезешь — и прямо домой.

— Ладно, — сказал он, и повозка выехала за ворота.

Ночь была тихая, совсем безветренная, но прохладная.

Ехали медленно, без фонаря; до плотины — по дороге, а там — насыпью. У перепутья Бирюк слез, поглядел туда-сюда — темнота непроглядная, и ни звука. Речной туман клубился над запрудой и расплзался по полям.

— Ишь, темень, — сказал Бирюк. — Ну, обратно-то я фонарь зажгу, а сейчас так.

До парома было больше пяти миль. Хоббиты сидели, плотно укутавшись в плащи; слышен был только скрип колес да перестук копыт. Фродо казалось, что повозка не едет, а едва ползет. Пин клевал носом; Сэм настороженно глядел в туман.

Наконец справа смутно забелелись два высоких столба — поворот к парому. Бирюк натянул вожжи; повозка приостановилась на повороте и съехала под гору. Снова миг тишины... а потом все услышали тот самый звук, который боялись услышать, — клацанье копыт. Оно приближалось от реки.

Бирюк соскочил с передка, обхватил лошадиные шеи, чтобы пони не фыркали, и уставился в туманный мрак. Крепь-крап, крепь-крап — хрупали копыта, и этот звук гулко отдавался в тихом вечернем воздухе.

— Вы лучше спрячьтесь, сударь, — торопливо посоветовал хозяину Сэм. — Лягте на дно повозки и накройте там ветошью, а мы уж этого Всадника как-нибудь спровадим. — Он выпрыгнул из повозки и встал рядом с Бирюком. Всадники так всадники — только пусть сначала его затопчут.

Крап-кроп, крап-кроп. Сейчас наедет.

— Эй, там! — хрипло крикнул Бирюк.

Клацанье копыт стихло. За несколько шагов проступили очертания всадника в плаще.

— Ну-ка, стоп! — приказал Бирюк. Он швырнул вожжи Сэму и шагнул вперед. — Стой где стоишь! Чего тебе надо, куда едешь?

— Я за господином Торбинсом. Вам такой не попадался? — глухо спросил чей-то голос, очень знакомый... Ну конечно же — Мерри Брендизайк. Из-под плаща показался фонарь и осветил изумленное лицо Бирюка.

— Господин Мерри! — воскликнул он.

— Он самый. А вы думали кто? — спросил Мерри, появляясь из тумана и встряхивая поводьями.

Страх сразу пропал: перед ними был всего-навсего хоббит верхом на пони, по уши укутанный в шарф.

Фродо выпрыгнул к нему из повозки.

— Нашлись, пропащие! — весело сказал Мерри. — А я уж думал, вы где-нибудь застряли, к ужину не поспеете. Да тут еще туман поднялся. Ну, я и поехал осматривать овраги, а то ведь свалитесь — кто вас вызволит? И вот бывает же — разминулись. А вы-то где их нашли, господин Бирюк? На плаву в утином пруду?

— Да они просто шли не путем, — объяснил тот. — Я чуть было на них собак не спустил; погодите, сами вам расскажут. А теперь, значит, извините, господин Мерри, господин Фродо и прочие, мне домой надо. Жена ведь, сами понимаете, а ночь-то вон какая темная.

Он подал повозку назад и развернул ее.

— Всем, стало быть, доброй ночи, — сказал он. — Надо же, денек выдался, рассказать — не поверят. Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, — вам-то еще, конечно, добираться... да и мне тоже; ну, поглядим.

Он зажег фонари и выпрямился во весь рост. А потом вдруг достал огромную корзину из-под сиденья.

— Чуть не забыл, — добавил он. — Тут вот от жены кое-что, может, пригодится — с особым приветом господину Торбинсу!

Они проводили глазами тусклые фонари, быстро канувшие в глухую ночь. Неожиданно Фродо рассмеялся: он учуял из плотно закрытой корзины сытный запах жареных грибов.

Глава V Раскрытый заговор

— Что ж, поторопимся и мы, — сказал Мерри. — Я уж вижу, вам шутить некогда, на месте поговорим.

И хоббиты припустились вниз прямой дорогой — ровной, накатанной, обложенной большими белеными камнями. Сотня-другая шагов, и они вышли к реке, на широкую пристань, возле которой покачивался грузный бревенчатый паром. Причальные сваи светлели под двумя высокими фонарями. На берег напознала белесая мгла; но вода впереди была черная, только в камышах — молочные завитки тумана. За рекой туман редел.

Мерри провел пони по паромным мосткам, следом сошли остальные путники. Он неторопливо оттолкнулся длинным шестом, и между паромом и пристанью поплыли мощные, медленные струи Брендидуима. Восточный берег был крут; от причала мерцающей цепочкой фонарей отходила извилистая дорожка; на Косой Горе перемигивались в тумане красные и желтые огоньки: окна Хоромин-у-Брендидуима, древней усадьбы Брендизайков.

Давным-давно Горемык Побегайк, глава стариннейшего в Болотище, а то и во всей Хоббитании семейства, переплыл реку, которая поначалу была хобби-

танской восточной границей. Он выстроил (и вырыл) Хоромины и стал из Побегайка Брендизайком, правителем почти что независимого края. Семейство его плодилось и множилось, правил он долго-долго, постройки первоначального поместья со временем заняли все склоны Горы, и стало у Хоромин три роскошных подъезда, много других дверей и около сотни окон. Брендизайки и их многочисленные родичи принялись сначала рыть, а потом и строить, и застроили всю округу. Закладкой Хоромин началась история Забрэндии, густо населенной и почти независимой области Хоббитании, полоски земель между рекой и Вековечным Лесом. Главное здешнее селение, сгрудившееся на всхолмье за Хороминами, именовалось Зайгордом.

Жители Болотища подружились с Брендизайками, и власть Управителя Хоромин (так именовался глава семейства) признавали все до одного хуторяне от Заводей до Камышовника. Однако в доброй старой Хоббитании жители Заячьих Холмов слыли чужаками, если не чужаками. Хотя, если рассудить здраво, они мало в чем отличались от хоббитов из четырех уделов. Разве что в одном: любили плавать на лодках, а некоторые даже и без лодок.

С востока никакого заслона поначалу не было, но потом Брендизайки поставили высокую изгородь и назвали ее Отпорной Городьбою. Она была поставлена давным-давно и с тех пор ушла ввысь и разрослась вширь: ее подправляли из года в год. Лукою выгибалась она от Брендидуимского моста до самого устья Ветлянки — миль двадцать с лишком. Защищать-то защищала, но, к сожалению, не очень. Лес так и норовил подобраться к Городьбе, и в Забрэндии запирали на ночь входные двери, чему в Хоббитании даже верить не хотели.

Паром тихо подплывал к чужому берегу. Переправа была в новинку только Сэму, и ему казалось, что речные струи отделяют его от былой жизни, оставшейся в тумане: впереди зияла черная неизвестность. Он почесал в затылке и подумал: «Вот ведь нейметя-то! Жили бы да жили!»

Хоббиты спрыгнули с парома. Мерри зачаливал, а Пин уже вел пони по дорожке. Сэм в последний раз оглянулся на Хоббитанию и сиплым шепотом вымолвил:

— Гляньте-ка, сударь! Кажется мне, что ли?

На дальней пристани, в тусклом свете фонарей, кто-то появился — кто-то или что-то, черный живой мешок, колыхавшийся у причала. Сперва он ползал и словно бы обнюхивал пристань, а потом попятился и скрылся в тумане за фонарями.

— Это что еще за новости в Хоббитании? — вытаращил глаза Мерри.

— Это за нами по пятам, — сказал Фродо. — И больше пока не спрашивай! Скорее! — Они взбежали по дорожке вверх, оглянулись на туманный берег и ничего не увидели.

— Спасибо, хоть лодок больше нет на западном берегу! — сказал Фродо. — А верхом можно переправиться?

— До Брендидуимского моста миль двадцать — разве что вплавь, — сказал Мерри. — Только я в жизни не слыхал, чтобы здесь на лошадях переплывали реку. А кто верхом-то?

— Потом скажу. Когда дверь запрем.

— Потом так потом. Вы с Пином дорогу знаете: я тогда на пони к Толсти-

ку — вас небось еще ужином корми.

— Мы вообще-то поужинали у Бирюка, — сказал Фродо, — но можем и еще раз.

— Вот обжоры! Давай корзину! — потребовал Мерри и скрылся в темноте.

До Кроличьей Балки было не так уж близко. Они оставили по левую руку Косую Гору с Хороминами и вышли на дорогу — главную, от Брендидуимского моста на юг. Полмили к мосту — и они свернули вправо; еще миля-другая проселком — и подошли к узким воротам в частой ограде. Дом стоял в стороне от прочих — за то и был выбран, — длинный, приземистый, с дерновой крышей, пучеглазыми оконцами и большой круглой дверью.

От ворот шли в темноте по мягкой зеленой тропке: ни луча не пробивалось из-за ставен. Фродо постучался; отворил Толстик Боббер, и домашний свет озарил крыльцо. Они проскользнули внутрь, задвинули все засовы и оказались в просторной прихожей с дверями по обеим сторонам. Напротив был коридор в глубь дома. Из коридора появился Мерри.

— Ну, что скажете? — спросил он. — Мы хоть и на скорую руку, но постарались, чтобы все было как дома. А ведь приехали-то вчера вечером — такой был ералаш!

Фродо огляделся. И правда как дома. Его любимые вещи — любимые вещи Бильбо, если на то пошло, — все нашли свои места, словно в Торбе. Приятно, уютно, спокойно — и ему мучительно захотелось остаться здесь, чтобы здесь и кончить свои дни. Друзья для него так старались, а он... Фродо снова испуганно подумал: «Как же им объяснить, что я скоро уйду, очень скоро, сейчас — нет, завтра. И объяснения не отложишь».

— Удивительно! — воскликнул он, сглотнув трудный комок. — Точно никуда и не уезжал.

Они скинули мешки и повесили плащи. Мерри повел их по коридору и отворил дверь в дальнем конце. Оттуда сверкнул огонь и пахнуло паром.

— Неужели баня? — восхитился Пин. — Ай да Мериадок!

— Чья очередь? — спросил Фродо. — Сначала кто старше или кто быстрее? Вы так и так второй, сударь мой Перегрин.

— А ну-ка прекратите! — одернул их Мерри. — Ишь надумали — начинать новое житье со свары! Чтоб вы знали, так там три ушата и котел кипятку. Кстати — может, пригодятся — полотенца, мыло и прочее. Обливайтесь и отмывайтесь, да поживей!

Мерри с Толстиком отправились на кухню довершать приготовления к ночному ужину. Через коридор из умывальной наперебой доносились обрывки песен, галдеж и плеск. Потом все перекрыл голос Пина: тот горланил излюбленную банную песню Бильбо:

*Эй, пой! Окатись Горячей Водой!
Пот и заботы походные смой!
Только грязнуля да квелый злодей
Не возносят хвалу Горячей Воде!*

*Сладок напев ручьев дождевых,
Питающих корни трав луговых,
Но жгучий пар над Горячей Водой
Слаще, чем аромат над лучшей едой!*

*Пенный, терпкий глоток пивка
Слаще воды из горного родника,
Когда окатишь себя с головой
Белой от пара Горячей Водой!*

*Сладко целует небо фонтан,
Нежный и стройный, как девичий стан,
Но слаще, чем поцелуи дев молодых,
Струи кусачей Горячей Воды!*

Раздался шумный всплеск и крик Фродо: «Эй, ты!» Похоже, Пин ухитрился чуть не разом выплеснуть на себя и на пол весь свой огромный ушат.

Мерри подошел к дверям.

— Ну вы, грязнули! — позвал он. — Как насчет поужинать и хлебнуть пивка?

Фродо вышел, причесываясь. Мерри сунул нос в дверь.

— Ничего себе! — воскликнул он. На полу можно было плавать. — Это вы, голубчик Перегрин, натворили? Все вытрите досуха — а не поспеете к ужину, значит, такая ваша судьба.

Ужинали на кухне, за столом возле большого камина.

— Ну, грибов-то вы уже наелись? — спросил Толстик без особой надежды.

— Наелись и еще поедим! — крикнул Пин.

— Грибы мои! — объявил Фродо. — Их изготовила лучшая хозяйка на свете — госпожа Бирючиха! Уберите лапы, я вам сам положу.

Хоббиты очень любят грибы, даже больше нашего. Поэтому юный Фродо и повадился когда-то лазить к Бирюку. Но сейчас грибов было вдоволь, по-хоббитски. И кроме грибов снеди хватало, так что даже Толстик Боббер под конец облегченно, хотя и с трудом вздохнул. Они отодвинули стол и расположились в креслах у огня.

— Потом приберемся, — сказал Мерри. — Давайте рассказывайте. Ишь какие — у них приключения, а тут работай. Ну-ка, с начала до конца, а особенно про Бирюка — что он, свихнулся? В чем дело-то? Я чуть не обалдел — это чтобы он чего-нибудь испугался?

— Испугаешься тут, — прервал неловкое молчание Пин. — Поглядел бы я на тебя: куда ты, туда и они — Черные Всадники.

— Какие такие всадники?

— Черные на черных конях, — объяснил Пин. — Фродо, видно, говорить не желает — ну, так я вам расскажу.

И он рассказал про их путешествие от самого Норгорда. Сэм кивал головой, покашливал и поддакивал. Фродо молчал.

— Я бы наверняка подумал, что ты все это сочиняешь, — сказал Мерри, — если б не видел своими глазами ту мерзость на пристани. И если бы не слышал голоса Бирюка. А ты что скажешь, Фродо?

— Из него всю дорогу слова было не выжать, — пожаловался Пин. — В молчанку играет, а толку-то: даже Бирюк догадался, что все беды — от сокровищ дяди Бильбо.

— Пусть себе гадает, — буркнул Фродо. — В точности ему ничего не известно.

— Это как сказать, — возразил Мерри. — Старик дошлый: на уме у него ку-

да больше, чем на языке. Он и по Вековечному Лесу, говорят, побродил в свое время — и вообще чего только не знает! Ты хоть скажи, Фродо, догадался-то он правильно?

— Ну... — Фродо помедлил. — Кое-что он сообразил верно. Все это связано с тогдашними приключениями Бильбо, и Всадники ловят, а вернее, разыскивают его или меня. И раз на то пошло, скажу еще, что дело совсем нешуточное и очень опасное. Здесь не укрытие и спрятаться мне негде. — Он оглядел окна и стены так, словно они вот-вот исчезнут. Трое молодых хоббитов обменялись многозначительными взглядами.

— Наконец-то, — прошептал Пин.

— Да! — сказал Фродо и решительно выпрямился. — Пора, хватит откладывать. У меня для вас грустная новость, не знаю только, с чего начать.

— Уж так и быть, — спокойно предложил Мерри, — давай я за тебя начну.

— Ты — за меня? — воззрился на него Фродо.

— Вот-вот, а ты послушай. У тебя сейчас тяжело на сердце: трудно ведь так сразу прощаться. Ты, конечно, давно собирался уйти из Хоббитании, да все откладывал; но вот подкралась большая беда, и раздумывать стало недосуг. Пошел, а в путь тебе совсем не хочется. Нам тебя очень жалко.

Фродо раскрыл было рот, потом закрыл — и глядел так изумленно, что они расхохотались.

— Фродо, старина! — воскликнул Пин. — Ты что, и правда думал, что всем нам заморочил голову? Куда тебе: и старался-то не очень, и мозгов-то не хватит. Ты уж с апреля в путь собираешься. Ходишь, бормочешь: «Когда-то снова увижу эту долину?» — и всякое такое. Да еще притворяешься, что деньги, мол, на исходе, а кому подумать, Торбу продал — Лякошелям!..

— Вот тебе раз, — протянул Фродо. — А я-то думал — я такой осторожный и скрытный. Что бы, интересно, сказал на это Гэндальф? Так, значит, весь Норгорд только о моем отъезде и говорит?

— Глупости! — возразил Мерри. — Хоть и ненадолго, но пока что тайна твоя известна одним нам, заговорщикам: мы ведь тебя знаем как облупленного, пойми. Ты о чем-нибудь думаешь, а у тебя на лице все и написано. Правду сказать, я очень к тебе приглядывался, когда Бильбо ушел, потому что понял: и этот уйдет, дай срок. Очень мы боялись, что ты улепетнешь от нас потихоньку. Весну и лето мы с тебя глаз не спускали, все взвесили и решили. Ты от нас так просто не удерешь, не надейся!

— Ничего не поделаешь, дорогие мои друзья, — сказал Фродо. — Вам горько, мне еще горше, но отговаривать меня не надо. Раз уж вы догадались, так лучше помогите или хотя бы не мешайте.

— Да ты не понял! — крикнул Пин. — Кто тебя держит — иди, а уж мы как-нибудь от тебя не отстанем, я и Мерри. Сэм замечательный малый, он за тебя дракону глотку перегрызет, если дотянется. Только ведь тебе одного спутника мало будет, путешествие-то опасное.

— Дорогие мои, хорошие хоббиты! — дрогнувшим голосом воскликнул Фродо. — Ну разве могу я на это согласиться? Я тоже давно все обдумал и решил. Опасное, говорите, путешествие? Гораздо хуже! Это вам не поход за сокровищами, не прогулка «Туда и Обратно». Смерть со всех сторон и за каждым поворотом.

— Спасибо, объяснил, — насмешливо отозвался Мерри и вдруг отчека-

нил: — Потому-то мы с тобой и пойдем. Мы знаем, какое это страшное Кольцо, вот и хотим помочь тебе против Врага.

— Кольцо?! — проговорил вконец ошеломленный Фродо.

— Да, Кольцо, — сказал Мерри. — Ну, Фродо, ты, видно, думаешь, что друзья у тебя — полные олухи. Да я про Кольцо знаю уж сколько лет, знал еще при Бильбо, но раз ему угодно было секретничать, так и я не болтал. Бильбо я знал хуже, чем тебя: и сам был куда моложе нынешнего, и он куда хитрей твоего. Но была и на него проруха — хочешь, расскажу?

— Рассказывай, — слабо отозвался Фродо.

— Попал он в проруху из-за Лякошелей. Однажды, за год до Угощения, шел я по дороге и завидел впереди Бильбо. Я за ним, а тут, извольте, вдали показались Лякошели, идут навстречу. Бильбо попятился, сунул руку в карман, и вдруг — на тебе — исчез! Я так обалдел, что сам чуть не забыл спрятаться; потом опомнился, прыг через ограду и плюх в траву. Лякошели прошли, а на пустой дороге спокойненько возникает Бильбо и сует в карман что-то золотое, блестящее.

Мне, конечно, стало интересно. Да что там, я прямо шпионить за ним начал. Судите, как знаете, — такой уж я был любопытный в свои восемнадцать лет. Увы, Фродо, надо еще признаться, что я один во всей Хоббитании — кроме тебя, конечно, — видел даже записки Бильбо.

— И записки? — вскричал Фродо. — Да что же это в самом деле! Неужели ничего нельзя сохранить в тайне?

— Почему, можно, но не от всех, — сказал Мерри. — Я, правда, одним глазком только глянул, а уж как ловчил! Записки свои он берег словно зеницу ока. Любопытно, что с ними случилось, я бы еще и другим глазом поглядел. У тебя они, кстати, не с собой?

— Нет. Записок в Торбе не было. Видно, Бильбо их забрал.

— Да, ну так вот, — продолжал Мерри, — я что знал, то держал про себя до нынешней весны. А когда запахло бедой, мы составили наш заговор, и каждый выложил, что ему известно. Ты ведь молчун, вроде Гэндальфа — тот, правда, еще хуже тебя. Не скрою, однако, был у нас и главный слухач-соглядатай, не скрою и, ладно уж, покажу.

— Покажи, где он? — сказал Фродо, затравленно озираясь, словно ждал, что сейчас из буфета вылезет черный соглядатай в черной маске.

— Давай, Сэм, не стесняйся! — позвал Мерри, и Сэм встал, виновато опустив руки, красный до ушей. — Вот кто у нас главный добытчик сведений! И немало, я тебе скажу, он их добыл, пока его не сцапали. А с тех пор как воды в рот набрал — честность ему, видите ли, не позволяет.

— Сэм! — только и мог воскликнуть Фродо. Он даже не знал, смеяться, сердиться или с облегчением вздохнуть: так и так он-то выходил дурак дураком.

— Я, сударь! — испуганно объявил Сэм. — С вашего позволения, сударь! Я ведь потому, что из-за вас, сударь, и Гэндальфу я, право слово, не поперек. Он зря-то ничего не скажет, а ведь он что сказал? Вы ему: один, мол, пойду, а он вам: нет, говорит, возьми с собой тех, на кого надеешься!

— На кого уж теперь надеяться, — проворчал Фродо, и Сэм опустил несчастные глаза.

— Смотря что ты имеешь в виду, — возразил Мерри. — Можешь надеяться, что мы пойдем за тобой в огонь и в воду, что погибнем, если придется, вместе.

И тайны твои, будь уверен, сохраним не хуже тебя. А что мы тебя бросим и ты пойдешь один — на это не надейся. Глупый ты, Фродо, — мы же твои друзья! И в путь собрались не сослепу. Мы знаем почти все, что рассказал тебе Гэндальф, знаем про Кольцо. Нам очень страшно, но мы пойдём с тобой, а не возьмешь — все равно пойдём.

— И вы уж простите, сударь, — прибавил Сэм, — только эльфы-то вам что посоветовали? Гаральд сказал же вам: бери, кто с тобой захочет, разве не так?

— Так-то так, — сказал Фродо, глядя на ухмыляющегося Сэма. — Только глазам и ушам своим я верить теперь не буду: вижу, дескать, спит, слышу, мол, храпит. Я тебя ногой-то проверю, от хитрости ты храпишь или взаправду!.. Да и все вы, конечно, хороши! — добавил он, обернувшись к заговорщикам. — Ну, разбойники! — Он невольно фыркнул и развел руками. — Что ж, ладно, сдаюсь. Принимаю совет Гаральда. Не было бы так страшно, я бы, может, и в пляс пустился, замечательные вы мои негодяи. Что уж скрывать: я до смерти боялся этого вечера, а вышла такая радость.

— Сказано — сделано. Атаману Фродо и всей шайке его — ура! — закричали хоббиты и заплясали вокруг Фродо. А Мерри с Пином пляску оставили и начали песню: сочиненную, конечно, заранее, вроде той, которую пели гномы, отправляясь в путь с Бильбо:

*Ур-р-ра! Споем, друзья, втроем,
Прощай, очаг и отчий дом!
Сквозь ветер злой, дожди и зной
Мы до Раздола добредем!*

*Туда, где эльфы с давних пор
Живут в тени туманных гор,
Мы побредем, покинув дом,
Лихим врагам наперекор!*

*А что потом — решим потом,
Когда в Раздоле отдохнем, —
Нелегок долг, и путь далек,
Но мы вернемся в отчий дом!*

*Близка рассветная пора!
Нам в путь пора! Нам в путь пора!*

— Неплохо спето! — заметил Фродо. — Но уж ежели так, то дел у нас хватает, и давайте примемся за них под крышей, ведь потом крыши-то не будет.

— Крыша крышей, а песня песней, — сказал Пин. — Так ты что, и правда думаешь в путь до рассвета?

— Пока не решил, — ответил Фродо. — Я боюсь Черных Всадников и боюсь оставаться в доме, про который им известно, что я в нем поселился. Гаральд мне, опять же, задерживаться не советовал. Я бы только очень хотел повидаться с Гэндальфом. Вот и Гаральд удивился, что Гэндальф обещал, да не пришел. Вопрос один, вопрос другой. Первый: долго ли Всадникам до Зайгорда? Второй: долго ли нам собираться? Путь — сами знаете...

— На второй вопрос ответ готов, — сказал Мерри, — хоть через час. Я уж все собрал. Шесть лошадок щиплют травку, мешки набиты; разве только подбавить чего-нибудь для тепла и брюха?

— Да вы, я вижу, опытные заговорщики, — восхитился Фродо. — Но может, все-таки денек подождем Гэндальфа?

— Мы-то подождем, только Всадники твои как бы не нагрянули, сам гляди, — сказал Мерри. — Они бы, пожалуй, уже до нас добрались, да застряли, наверно, у Северного Хода, там Городьба в три сажени до самой реки. И сторожа по ночному времени никого не пустят, проси не проси. Разве что прорвутся силой, но там, по-моему, вряд ли прорвешься. Там и днем-то не очень пустят, тем более каких-то черных и подозрительных. Пустить не пустят, но Забрэндия — не крепость, сам понимаешь.

Фродо задумался.

— Вот как мы сделаем, — сказал он наконец. — Выходим завтра чуть свет. Только не по дороге: это самое опасное. Вдруг нас обложили со всех сторон — я же не знаю, сколько Всадников, может, два, а может, больше. Нам бы надо уйти, как под землю нырнуть.

— Это же вам путь только через Вековечный Лес! — с ужасом воскликнул Толстик. — Берегитесь, лучше куда угодно, чем туда. Подумаешь, какие-то Черные Всадники!

— Вот ты и подумай на досуге, — посоветовал ему Мерри. — Страшно это, конечно, а все же Фродо, наверно, прав. Там нас преследовать не будут — повезет, так и всякая погоня нас потеряет.

— Это в Лесу-то Вековечном вам повезет? — взвизгнул Толстик. — Покамест никому не везло. Погоня их потеряет, как же! Сами навек потеряетесь! Туда никто не ходит.

— Ну как — никто?! — сказал Мерри. — Брендизайки ходят: не каждый день, конечно, но когда понадобится. И своя тропка у нас там есть. Фродо по ней ходил — давным-давно, правда. И я тоже ходил, несколько даже раз: днем, когда деревья спят.

— Ваше дело, ваше дело! — замахал руками Фредегар. — По мне, так страшнее Вековечного Леса ничего и на свете нет, а что о нем рассказывают, лучше даже не слушать. Ну, я-то что, я же с вами не иду. И теперь, честное слово, очень рад, что остаюсь: вот Гэндальф не сегодня завтра объявится, я ему все про вас расскажу.

Толстик любил Фродо, но бросать Хоббитанию боялся: мало ли что окажется где-то там. Он и за рекой-то был в первый раз. Впрочем, заговорщики не собирались брать его с собой: по плану ему надлежало стеречь дом и сбивать с толку любопытных — притворяться, что господин Торбинс здесь, пожалуйста, только не сейчас. На всякий случай были наготове даже старые костюмы из Торбы; Толстик их наденет, авось его и примут за Фродо. Никто не подумал, что это самая опасная роль.

— Прекрасно! — сказал Фродо, разобравшись в заговорщицких замыслах. — Как бы мы иначе оповестили Гэндальфа? Вряд ли эти Всадники умеют читать, и все же я не рискнул бы оставить письмо. А коли Толстик будет на месте, так и думать нечего: уж Гэндальф-то за нами угонится. Стало быть, с утра в Вековечный Лес!

— Мне-то что, — сказал Пин, — в Лес так в Лес. Я только не завидую Толстику — вот поглядит он на Черных Всадников.

— А я тебе не завидую, — отозвался Фредегар. — Зайдешь в Лес — обратно

запросишься, да поздно будет.

— Ладно, хватит спорить, — сказал Мерри. — Нам еще надо прибраться и кое-что упаковать. Я ведь вас затемно разбужу.

Когда Фродо наконец улегся, он никак не мог заснуть. Ноги ныли; спасибо, хоть завтра верхом. Мало-помалу он погрузился в смутный сон, и казалось ему, что он смотрит сверху, из окна, в лесную темень, а у корней деревьев ползают, пригнувшись, какие-то твари — и наверняка до него доберутся.

Издали донесся шум: ветер, наверно, пробежал по листьям. Нет, понял он, это не ветер, это дальнее Море, а шума волн он никогда наяву не слышал — только во сне. А потом окна не стало — простор. И никаких деревьев. Вокруг шелестел черный вереск, соленый запах щекотал ноздри. Фродо поднял глаза и увидел высокую белую башню на крутой скале. Ему хотелось взобраться туда, чтобы поглядеть на Море, он стал карабкаться по склону, но вдруг небо озарилось молнией и грянул гром.

Глава VI

Вековечный Лес

Родо вскочил как встрепанный. В комнате было темно: Мерри стоял в коридоре со свечою в руке и громко барабанил по приоткрытой двери.

— Тише! Что случилось? — заплетающимся со сна языком испуганно выговорил Фродо.

— Еще спрашивает! — удивился Мерри. — Вставать пора, половина пятого. На дворе непроглядный туман. Вставай, вставай! Сэм уже завтрак готовит, Пин и тот на ногах. Я пошел седлать пони. Разбуди лежебоку Толстика, пусть хоть проводит нас.

К началу седьмого все пятеро были готовы в путь. Толстик зевал во весь рот. Они бесшумно выбрались из дому и зашагали по задней тропке вслед за Мерри, который вел тяжело навьюченного пони, — через рощицу, потом лугами. Листья влажно лоснились, с каждой ветки капало, и холодная роса серым пологом заволакивала траву. Стояла тишь, и дальние звуки слышались совсем рядом: квохтали куры, хлопнула чья-то дверь, заскрипела калитка.

Пони были в сенном сарае: крепкие, один к одному, медлительные, но выносливые, под стать хоббитам. Беглецы сели поудобнее, тронули лошадок — и углубились в густой туман, который словно нехотя расступался перед ними и смыкался позади. Ехали шагом, час или около того; наконец из мглы неожиданно выступила Городьба, высокая, подернутая серебристой паутиной.

— Ну и как же мы через нее? — спросил Фродо.

— За мной! — отвечал Мерри. — Увидишь.

Он свернул налево и поехал вдоль Городьбы, которая вскоре отошла назад

краем оврага. В овраг врезался пологий спуск, глубже, глубже — и становился подземным ходом с кирпичными стенами. Ход нырнул под ограду и выводил в овраг на той стороне.

Толстик Боббер осадил пони.

— Прощай, Фродо! — воскликнул он. — Зря ты в Лес пошел, гиблое это место, сегодня же в беду, чего доброго, попадете. А все-таки желаю вам удачи — и сегодня, и завтра, и всегда!

— Если б у меня только и было впереди, что Вековечный Лес, я был бы счастливымчиком, — отозвался Фродо. — Гэндальфу передай, чтоб торопился к Западному Тракту: мы тоже из Лесу туда и уж там припустимся! Прощай! — Тут его голос заглушило эхо, и Фредегар остался наверху один.

Ход был темный, сырой и упирался в железные ворота. Мерри спешил и отпер их, а когда все прошли — захлопнул. Ворота сомкнулись, и зловеще клацнул запор.

— Ну вот! — сказал Мерри. — Путь назад закрыт. Прощай, Хоббитания, перед нами Вековечный Лес.

— А про него правду рассказывают? — спросил Пин.

— Смотря что рассказывают, — отвечал Мерри. — Если ты про те страсти-мордасти, какими Толстика пугали в детстве, про леших, волков и всякую нечисть, то вряд ли. Я в эти байки не верю. Но Лес и правда чудной. Все в нем какое-то настороженное, не то что в Хоббитании. Деревья здесь чужаков не любят и следят-следят-следят за ними во все... листья, что ли? — глаз-то у них нет. Днем это не очень страшно, пусть себе следят. Бывает, правда, иногда — одно ветку на тебя обронит, другое вдруг корень выставит, третье плющом на ходу оплетет. Да это пустяки, а вот ночью, мне говорили... Сам-то я ночью был здесь раз или два, и то на опушке. Мне казалось, будто деревья шепчутся, судачат на непонятном языке и сулят что-то недоброе; ветра не было, а ветки все равно колыхались и шелестели. Говорят, деревья могут передвигаться и стеной окружают чужаков. Когда-то они даже к Городьбе подступали: появились рядом с нею, стали ее подрывать и теснить, клонились на нее сверху. Тогда хоббиты вышли, порубили сотни деревьев, развели большой костер и выжгли вдоль Городьбы широкую полосу. Лес отступил, но обиды не забыл. А полоса и сейчас еще видна — там, немного подалее в Лесу.

— Деревья — и всё? — опять спросил Пин.

— Да нет, еще водятся будто бы разные лесные чудища, — ответил Мерри, — только не тут, а в долине Ветлянки. Но тропы и здесь кто-то протаптывает: зайдешь в Лес, а там, откуда ни возьмись, тропа, и вдобавок неверная — леший ее знает, куда поведет, да каждый раз по-разному. Тут раньше была одна неподалеку, хотя теперь, может, и заросла, — большая тропа к Пожарной Прогалине, и за ней маленькая тропка вела наискось, примерно в нужную сторону, на северо-восток. Авось разыщу.

Из нескончаемого оврага вывела наверх, в Лес, еле заметная дорожка, вывела и тут же исчезла. Въезжая под деревья, они оглянулись: позади смутной полосой чернела Городьба — вот-вот скроется из виду. А впереди были только стволы и стволы, впрямь и вкривь, стройные и корявые, гладкие и шишковатые, суковатые и ветвистые, серо-зеленые, обомшелые, обросшие лишайником.

Не унывал один Мерри.

— Ты ищи, ищи свою большую тропу, — хмуро понукал его Фродо. — Того и гляди, растеряем друг друга или все вместе заплутаемся!

Пони наудачу пробирались среди деревьев, осторожно ступая между извилистыми, переплетающимися корнями. Не было никакого подлеска, никакого молодняка. Пологий подъем вел их в гору, и деревья нависали все выше, темнее, гуще. Стояла глухая тишь; иногда по неподвижной листве перекатывалась и шлепалась вниз набрякшая капля. Ветви словно замерли, ниоткуда ни шелеста; но хоббиты понимали, что их видят, что их рассматривают — холодно, подозрительно, враждебно. Причем все враждебнее да враждебнее: они то и дело судорожно оборачивались и скидывали головы, точно опасаясь внезапного нападения. Тропа не отыскивалась, деревья заступали путь, и Пин вдруг почувствовал, что больше не может.

— Ой-ой-ой! — жалобно закричал он во весь голос. — Я ничего худого не замышляю, пропустите меня, пожалуйста!

Все в испуге застыли, но крик не раскатился по Лесу, а тут же заглох, точно придушенный. Ни эха, ни отзвука: только Лес сгустился плотнее и зашелестел как будто злорадней.

— Не стал бы я на твоём месте кричать, — сказал Мерри. — Пользы ни на грош, а навредить может.

Фродо подумал, что, наверно, пути давно уже нет и что зря он повел друзей в этот зловредный Лес. Мерри искал взглядом тропу, но очень неуверенно, и Пин это заметил.

— Ну, ты прямо с ходу заблудился, — проворчал он, а Мерри в ответ облегченно присвистнул и показал пальцем вперед.

— Да, дела! — задумчиво проговорил он. — Деревья ведь, а на месте не стоят. Вон она, оказывается, Пожарная-то Прогалина, а тропка к ней — ух, куда ушла!

Путь их светлел, деревья расступались. Они вдруг вынырнули из-под ветвей и оказались на широкой поляне. Над ними раскрылось небо, неожиданно голубое и чистое. Солнце не успело подняться высоко, но уже слало вниз приветливые лучи. Листва по краям Прогалины была гуще и зеленее, словно отгораживала ее от Леса. На Прогалине не было ни деревца: жесткая трава, а среди нее торчал квелый болиголов, бурый бурьян, вялая белена и сухой чертополох. Все опадало и осыпалось, всему был черед стать прахом, но после чащоб Вековечного Леса здесь было чудо как хорошо.

Хоббиты приободрились: солнце поднялось, небо засияло над ними, и хлынул дневной свет. В дальнем конце Прогалины вдруг ясно обозначилась тропка среди деревьев. Она уходила в Лес, вверх по склону: над нею нависали густые ветви, то сходясь вплотную, то раздвигаясь.

Но теперь они ехали веселее и куда быстрее прежнего, в надежде, что Лес смиростивился и все-таки пропустит их. Однако не тут-то было: вскоре тайное лихоедеяство стало явным. Спертый воздух напитался духотой, деревья стиснули их с обеих сторон и заслонили путь. Каждый шаг давался с трудом, копыта пони утопали в грудах прелых листьев, запинаясь за скрытые корни, и в глухой тишине стук этот больно отдавался в ушах. Фродо попробовал было для бодрости громко затянуть песню, но его сдавленный голос был еле слы-

шен:

*Смело идите по затененной земле,
Верьте, не вечно клубиться мгле,
Вам суждено одолеть леса,
И солнце должно осветить небеса:
На рассвете дня, на закате дня
Разгорится заря, ветерком звеня,
И он разгонит промозглую мглу,
Сгинут навек...*

Тут ему точно горло перехватило. Воздух затыкал рот, слова не выговаривались. С нависшего над тропой дерева обрушился за их спиной громадный ко-рявый сук. Впереди стволы сомкнулись еще плотнее.

— Видать, не понравилось им, что их суждено одолеть, — заметил Мерри. — Давай пока лучше подождем с песнями. Вот выйдем на опушку, повернемся и споем что-нибудь громовым хором!

Говорил он шутливо, стараясь унять тревожную дрожь в голосе. На его слова не откликнулись: всем было жутковато. А у Фродо душа так и ныла: он корил себя за легкомыслие и уж совсем было собрался повернуть всех вспять (то есть неведомо куда), как вдруг тягостный подъем кончился, деревья раздвинулись и выпустили путников на ровную поляну, а тропа побежала напрямик к зеленому холму, безлесному, похожему на лысое темя над вздыбленными волосами.

* * *

Они снова заторопились вперед — хоть бы ненадолго выбраться из-под гнета Вековечного Леса! Тропа пошла книзу, потом опять в гору, подвела их наконец к открытому крутому подъему и исчезла в траве. Лес обступал холм ровным кругом, точно густая шевелюра плешивую макушку.

Хоббиты повели своих пони по склонам вкруговую, добрались наконец до вершины, остановились и огляделись. Кругозор застилала синеватая солнечная дымка. Вблизи туман почти совсем растаял, подалее осел по лесным прогалинам, а на юге подымался, словно пар, из пересекавшего Лес глубокого оврага и расползлся белыми клочьями.

— Вон там, — показал Мерри, — течет Ветлянка, с Курганов Южного нагорья на юго-запад, в самую глубь Леса, прорезает его и впадает в Брендидуим. Вот куда нам больше всего не надо — говорят, от реки-то и есть главное лесное колдовство.

Но в той стороне, куда показывал Мерри, пелена тумана над сырой и глубокой речной расселиной скрывала всю южную половину Леса. Было уже около одиннадцати, солнце припекало, но осенняя дымка была по-прежнему непроницаемой. На западе не видать было ни Городьбы, ни речной долины за нею. И сколько ни глядели они на север, не могли найти взглядом Великого Западного Тракта. С четырех сторон зелеными волнами окружал их неоглядный Лес.

Юго-восточный склон холма, казалось, круто уходил в лесную глубь; так со дна морского вздымается гора, образуя у воды видимость островного берега. Хоббиты сидели на зеленой макушке, посматривали на безбрежный Лес и

подкреплялись. Когда перевалило за полдень, далеко на востоке обозначились сероватые очертания Курганов за пределами Вековечного Леса. Это зрелище их очень порадовало: значит, все-таки у Леса есть предел. Хотя идти к Могильникам они вовсе не собирались — хоббитские легенды о них были еще пострашнее, чем рассказы о Лесе.

Пополдничава и собравшись с духом, они поехали вниз. Исчезнувшая путеводная тропа вдруг отыскалась у северного подножия и устремилась к северу; однако не успели они обрадоваться, как заметили, что их медленно, но верно заносит вправо, на юго-восток. Скоро тропа пошла под уклон, должно быть к долине Ветлянки, то есть совсем уж в ненужную сторону. Посовещались и решили оставить обманную тропу, свернуть налево в чащу и наудачу держать путь к северу. Они хоть и не увидели Тракта с холма, но это дела не меняло. Кстати же слева от тропы вроде и земля была посуше, и деревья пореже, обыкновенные елки да сосны, не то что здесь — дубы, буки, грабы и совсем уж какие-то загадочные древние породы.

Поначалу казалось, что решили они правильно: даже и поехали опять быстрее, хотя, когда солнце пронизывало листву, светило оно чуть ли не сзади. Опять начали сходиться деревья. Откуда ни возмись, глубокие рытвины пересекали путь, будто гигантские колеи, заброшенные рвы или овраги, поросшие репейником. И все, как назло, поперек. Обойти их не было возможности, надо было перебираться, а внизу частая поросль и густой терновник — влево и не пробуй, а вправо расступается. Подавшись вправо, с горем пополам выкарабкивались наверх, а там темной стеною теснились деревья: налево и в гору не пускали, так что хоббиты поневоле шли направо под гору.

Через час-другой они потеряли направление — знали только, что идут не на север. Кто-то вел их, и они покорно брели все восточнее и южнее, в глубь Леса — в самую глубь.

Солнце клонилось к западу, когда они угодили в овражище шире и глубже всех прочих. Спустились — вернее, обрушились они туда чуть не кувырком, а выкарабкаться вперед или назад по такой крутизне и думать было нечего: не бросать же пони вместе с поклажей! Влево пути, конечно, не было; побрели вправо, вниз по оврагу. Податливая почва чавкала под ногами, повсюду струились родники, и вскоре оказалось, что они идут следом за журчащим, лепечущим ручейком, пробившимся сквозь болотный дерн. Потом склон стал круче, разлившийся ручей уверенно забурлил и потоком хлынул под откос. Они шли глубокой, сумрачной балкой, сверху затененной деревьями.

Вдруг перед ними точно распахнулись ворота, и в глаза блеснул солнечный свет. Они вышли из огромной промоины, прорезавшей высокий и крутой, почти отвесный глинистый берег. У ног их раскинулись пышные заросли осоки и камыша; впереди высился другой берег, такой же крутой и скользкий. Дремотный зной стоял в укромной речной долине. Посредине тихо катила мутно-бурые струи река, обросшая ветлой и ильмовником; над нею склонялись дряхлые ивы, ее обступали ветхие вязы, осклизлые берестовые стволы загромождали русло, тысячи тысяч палых листьев несла вода, их желтые мириады вяло трепетали в воздухе, тянуло теплым ветерком — и шуршали камыши, шелестела осока, перешептывались ивовые и вязовые ветви.

— Ну, теперь понятно, куда нас занесло! — сказал Мерри. — Совсем не в ту

сторону. Это Ветлянка! Пойду-ка я поразведаю.

Он пробежал солнечной полянкой и затерялся в высокой траве. Потом вернулся — как из-под земли вырос — и объявил, что под обрывом, у самого берега, вовсе не топко и есть прекрасная тропа.

— Пойдем по ней влево, — сказал он. — Глядишь, и выберемся на восточную опушку.

— Ну-ну, — покачал головой Пин. — Глядишь, может, и выберемся, если тропа выведет, а не заведет в топь. Ты думаешь, кто ее проложил и зачем? Уж наверно, не для нас. Что-то мне в этом Лесу сильно не по себе, и я теперь готов верить любым небылицам про эти места. А далеко нам, по-твоему, до восточной опушки?

— Понятия не имею, — сообщил Мерри. — Равно как и о том, далеко ли мы от низовья Ветлянки и кто здесь умудрился проторить тропку. Одно знаю: вот такие пироги.

Раз так, делать было нечего, и они вереницей потянулись за Мерри к его неведомой тропе. Буйная осока и высокие камыши то и дело скрывали хоббитов с головой, но единожды найденная тропа никуда не девалась: она петляла и ловчила, выискивая проход по топям и трясинам. И все время попадались ручьи, стремившиеся к Ветлянке с лесной верховины: через них были заботливо перекинуты древесные стволы или вязанки хвороста.

Жара донимала хоббитов. Мошकारа гудящим роем толклась над ними, и солнце немилосердно пекло им спины; наконец тропку перекрыла зыбкая серая тень, какие-то тощие ветви с редкой листвою. Что ни шаг — душней и трудней. Земля словно источала сонливость, и сонно колыхался парной воздух.

Фродо тяжело клевал носом. Пин, который едва плелся перед ним, вдруг опустился на колени. Фродо придерживал пони и услышал голос Мерри:

— Зря мучаемся. Все, я шагу больше не ступлю. Поспать надо. Там вон, под вязами, прохладней. И мух меньше!

Фродо его неверный голос очень не понравился.

— Взбодрись! — крикнул он. — Не время спать! Надо сначала выбраться из Леса!

Однако спутников его цепенила дремота. Сэм зевал и хлопал глазами. Фродо почувствовал, что и сам засыпает — в глазах у него все поплыло, и неотвязное жужжанье мерзких мух вдруг стихло. Был только легкий шепот, мягкое журчанье, дальний шелест — листья, что ли? Листья, конечно. Он поднял усталые глаза и увидел над собою громадный вяз, древний и замшелый. Вяз раскинул над ними ветви, словно распростер бесчисленные руки — длинные, узловатые, серые. Его необъятный корявый ствол был иссечен черными трещинами, тихо скрипевшими под перешептыванье вялой листвы. И кругом сыпались листья... Фродо зевнул во весь рот и опустился на траву.

Мерри с Пином еле-еле дотащились до могучего ствола, сели и прислонились к нему возле зияющих трещин. Сэм плелся где-то сзади. Вверху плавно покачивалась сплошная завеса желто-серой листвы. Путники утомленно закрыли глаза и словно бы слышали сквозь дрему: вода у вяза, вода увяжет, вода притянет и в сон затянет... Они уснули, уютно убаюканные журчанием реки, у самого ствола огромного серого вяза.

Фродо изо всех сил отгонял сон, ему даже удалось встать на ноги. Его неодо-

лимо тянуло к воде.

— Погоди-ка, Сэм, — пробормотал он. — Хорошо бы еще ноги... окунуть...

В полусне, цепляясь за ствол, он перебрался к воде, туда, где толстые, узловатые корни всасывались в реку, точно драконьи детеныши на водопое. Фродо оседлал дракончика, поболтал натруженными ногами в прохладной бурой воде и тут же уснул, прислонившись к необъятному стволу.

Сэм сидел и зевал во весь рот, изредка почесывая в затылке: как-то все-таки непонятно. Чудно что-то. Солнце еще не село, а они спят и спят. С чего бы это?

— Подумаешь, разморило, это пустяки, — соображал он. — А вот дерево чересчур уж большое, ишь, тоже мне, расшелестелось! Вода, мол, притянет и в сон затащит — доспишься, чего доброго!

Он стряхнул дремоту, встал и пошел поглядеть, как там пони. Две лошадки паслись далековато от тропы; он привел их обратно и тут услышал шумный всплеск и тихое-тихое клацанье. Что-то плюхнулось в воду, и где-то плотно притворили дверь.

Сэм кинулся к берегу и увидел, что хозяин с головой ушел в воду возле самого берега, длинный цепкий корень потихоньку топит его, а Фродо даже не сопротивляется.

Сэм поскорей схватил хозяина за куртку и вытащил из-под корня, а потом кое-как и на сушу. Фродо очнулся и захлеб закашлялся; носом хлынула вода.

— Представляешь, Сэм, — выговорил он наконец, — дерево-то спихнуло меня в воду! Обхватило корнем и окунуло!

— Что говорить, заспались, сударь, — сказал Сэм. — Отошли бы хоть подалее от воды, если уж так вам спится.

— А наши-то где? — спросил Фродо. — Не заспались бы и они!

Сэм с Фродо обошли дерево. Пин исчез. Трещина, у которой он прилег, сомкнулась, словно ее и не было. А ноги Мерри торчали из другой трещины.

Сначала Фродо и Сэм били кулаками в ствол возле того места, где лежал Пин. Потом попробовали раздвинуть трещину и выпустить Мерри — безуспешно.

— Так я и знал! — воскликнул Фродо. — Ну что нас понесло в этот треклятый Лес! Остались бы лучше там, в Балке! — Он изо всех сил пнул дерево. Еле заметная дрожь пробежала по стволу и ветвям; листья зашуршали и зашептались, словно пересмеиваясь.

— Вы небось топора-то, сударь, не захватили? — спросил Сэм.

— Есть, кажется, у нас топорик, ветки рубить, — припомнил Фродо. — Да тут разве такой нужен!

— Погодите-ка! — вскрикнул Сэм, будто его осенило. — А если развести огонь? Вдруг поможет?

— Поможет, как же, — с сомнением отозвался Фродо. — Зажарим Пина, и больше ничего.

— А все же давайте-ка подпалим ему шкуру, авось испугается. — Сэм ненавистно глянул на раскидистый вяз. — Если он их не отпустит, я все равно его свалю — зубами подгрызу! — Он кинулся к лошадям и живо разыскал топорик, трутницу и огниво.

Они натащили к вязу кучу хвороста, сухих листьев, щепок — не с той, конечно, стороны, где были Пин и Мерри. От первой же искры взметнулся огонь,

хворост затрепал, и мелкие языки пламени впились в мшистую кору. Древний исполин содрогнулся, шелестом злобы и боли ответила листва. Громко вскрикнул Мерри, изнутри донесся сдавленный вопль Пина.

— Погасите! Погасите! — не своим голосом завопил Мерри. — А то он грозит меня надвое перекусить, да так и сделает!

— Кто грозит? Что там с тобой? — Фродо бросился к трещине.

— Погасите! Погасите скорей! — умолял Мерри.

Ветки вяза яростно всколыхнулись. Будто вихрем растревожило все окрестные деревья, будто камень взбаламутил дремотную реку. Смертельная злоба будоражила Лес. Сэм торопливо загасил маленький костер и вытоптал искры. А Фродо, вконец потеряв голову, стремглав помчался куда-то по тропке с истошным криком: «Помогите! Помогите! Помогите-и-и-ите!» Он срывался на визг, но сам себя почти не слышал: поднятый вязом вихрь обрывал голос, бешеный ропот листвы глушил его. Но Фродо продолжал отчаянно верещать — от ужаса и растерянности.

А потом вдруг замолк — на крики его ответили. Или ему показалось? Нет, ответили: сзади, из лесной глубины. Он обернулся, прислушался — да, кто-то пел зычным голосом, беспечно и радостно, но пел невесть что:

*Гол — лог, волглый лог, и над логом — горы!
Сух — мох, сыр — бор, волглый лог и доли!*

В надежде на помощь и в страхе перед новой опасностью Фродо и Сэм оба замерли. Вдруг несусветица сложилась в слова, а голос стал яснее и ближе:

*Древний лес, вечный лес, прелый и патлатый —
Ветерочков переплеск да скворец крылатый!
Вот уж вечер настает, и уходит солнце —
Тома Золотинка ждет, сидя у оконца.
Ждет-пождет, а Тома нет — заждалась, наверно,
Золотинка, дочь реки, светлая царевна!
Том кувшинки ей несет, песню распевает —
Древний лес, вечный лес Тому подпевает:
Летний день — голубень, вешний вечер — черен,
Вешний ливень — чудодей, летний — тараторень!
Ну-ка, буки и дубы, расступайтесь, братцы, —
Тому нынче недосуг с вами препираться!
Не шуршите, камыши, жухло и уныло —
Том торопится-спешит к Золотинке милой!*

Они стояли как зачарованные. Вихрь словно выдохся. Листья обвисли на смиренных ветвях. Снова послышалась та же песня, и вдруг из камышей вынырнула затрепанная шляпа с длинным синим пером за лентой тульи. Вместе со шляпой явился и человек, а может, и не человек: ростом хоть поменьше Громадины, но шагал втройне: его желтые башмаки на толстых ногах загребали листву, будто бычьи копыта. На нем был синий кафтан, и длинная курчавая густая борода заслоняла середину кафтана; лицо — красное, как наливное яблоко, изрезанное смеховыми морщинками. В руке у него был большой лист-поднос, а в нем плавали кувшинки.

— Помогите! — кинулись навстречу ему Фродо и Сэм.

— Ну! Ну! Легче там! Для чего кричать-то! — отозвался незнакомец, протянув руку перед собой, и они остановились как вкопанные. — Вы куда несетесь

так? Мигом отвечайте! Я — Том Бомбадил, здешних мест хозяин. Кто посмел обидеть вас, таких козявок?

— Мои друзья попались! Вяз! — еле переводя дыхание, выкрикнул Фродо.

— Понимаете ли, сударь, их во сне сцапали, вяз их схватил и не отпускает! — объяснил Сэм.

— Безобразит Старый Вяз? Только и всего-то? — вскричал Том Бомбадил, весело подпрыгнув. — Я ему спою сейчас — закую в дремоту. Листья с веток отпою — будет знать, разбойник! Зимней стужей напою — заморожу корни!

Он бережно поставил на траву поднос с кувшинками и подскочил к дереву, туда, где торчали одни только ноги Мерри. Том приложил губы к трещине и тихо пропел что-то непонятное. Мерри радостно взбрыкнул ногами, но вяз не дрогнул. Том отпрянул, обломал низкую тяжелую ветку и хлестнул по стволу.

— Эй! Ты! Старый Вяз! Слушай Бомбадила! — приказал он. — Пей земные соки всласть, набирайся силы. А потом — засыпай: ты уже весь желтый. Выпускай малышат! Хват какой нашелся!

Он схватил Мерри за ноги и мигом вытащил его из раздавшейся трещины.

Потом, тяжко скрипя, разверзлась другая трещина, и оттуда вылетел Пин, словно ему дали пинка. Со злобным старческим скрежетом сомкнулись оба провала, дрожь пробежала по дереву, и все стихло.

— Спасибо вам! — сказали хоббиты в четыре голоса.

Том расхохотался.

— Ну а вы, малышня, зайцы-непоседы, — сказал он, — отдохнете у меня, накормлю как следует. Все вопросы — на потом: солнце приугасло, да и Золотинка ждет — видно, заждалась нас. На столе — хлеб и мед, молоко и масло... Ну-ка, малыши, — бегом! Том проголодался!

Он поднял свои кувшинки, махнул рукой, приглашая за собою, и вприпрыжку умчался по восточной тропе, во весь голос распевая что-то совсем уж несуразное.

Разговаривать было некогда, удивляться тоже, и хоббиты поспешили за ним.

Только спешили они медленно. Том скрылся из виду, и голос его слышен был все слабей и слабей. А потом он вдруг опять зазвучал громко, будто прихлынул:

*Поспешайте, малыши! Подступает вечер!
Том отправится вперед и засветит свечи.
Вечер понадвинется, дунет темный ветер,
А окошки яркие вам тропу осветят.
Не пугайтесь черных вязов и змеистых веток —
Поспешайте без боязни вы за мною следом!
Мы закроем двери плотно, занавесим окна —
Темный лес, вечный лес не залезет в дом к нам!*

И все та же тишь, а солнце уже скрылось за деревьями. Хоббитам вдруг припомнился вечер на Брендидуиме и сверканье Хоромин. Впереди неровным частоколом вставала тень за тенью: необъятные стволы, огромные ветви, темные густые листья. От реки поднялся белый туман и закружился у ног, мешаясь с сумеречным полумраком.

Идти было трудно, а хоббиты очень устали, ноги у них отяжелели, как свинцом налитые. Странные звуки крались за ними по кустам и камышам, а

мерзко-насмешливые древесные рожи, кривясь, ловили их взгляды. Шли они сами не свои, и всем четверым казалось, что лесному чародейству нет конца, что от этого дурного сна не очнуться.

У них совсем уже подгибались ноги, когда тропа вдруг мягко повлекла их в гору. Послышался приветливый переплеск: в темноте забелел пенистый водопадик. Деревья расступились; туман отполз назад. Они вышли из лесу на широкое травянистое всхолмье. Река, ставшая быстрой речушкой, весело журчала, сбегая им навстречу, и поблескивала в свете зажигающихся звезд.

Невысокая шелковистая трава под ногами была, должно быть, обкошена. Подстриженные деревья на опушке стояли стройной живой изгородью. Ровной, обложенной булыжником дорожкой обернулась извилистая тропа. Она привела и на вершину травяного холма, залитого серым звездным светом; все еще вдалеке, на возвышенном склоне, теплились окна дома. И снова вниз повела дорожка, и снова повела вверх по травяной глади. В глаза им блеснул широкий желтый просвет распахнутой двери. Вот он, дом Тома Бомбадила, у подножия следующего холма, — оставалось только сойти к нему. За ним высился голый крутой скат, а еще дальше в глубоком сумраке чернели Могильники. Усталость как рукой сняло, половины страхов как не бывало. Навстречу им зазвенела песня:

*Эй, шагайте веселей! Ничего не бойтесь!
Приглашает малышей Золотинка в гости.
Поджидает у дверей с Бомбадилом вместе.
Заходите поскорей! Мы споем вам песню!*

А потом зазвучал другой голос — чистый и вековечный, как весна, и радостно-переливчатый, словно поток с яснеющих утренних высей:

*Заходите поскорее! Ну а мы споем вам
О росе, ручьях и речках, о дождях веселых,
О степях, где сушь да вереск, о горах и долах,
О высоком летнем небе и лесных озерах,
О капели с вешних веток, зимах и морозах,
О закатах и рассветах, о луне и звездах —
Песню обо всем на свете пропоем мы вместе!*

И хоббиты оказались на пороге, озаренные ясным светом.

Глава VII У Тома Бомбадила

Четыре хоббита переступили широкий каменный порог — и замерли, по-маргивая. Они оказались в низком, но просторном покое, освещенном всякими лампадами и пламенем вереницы длинных свеч, сверкавших на темной гладкой столешнице. В кресле, в дальнем конце покоя, лицом к дверям, сидела хозяйка дома. Ее белокурые волосы ниспадали на плечи и мягко струились вниз; ее облекало платье, нежно-зеленое, как юный тростник, а пояс был золотой с ярко-голубыми незабудками; вокруг нее на зеленых и бурых блюдах плавали кувшинки — и как на озерном троне сидела она.

— Входите, дорогие гости, — прозвучал ее голос, тот самый, чистый и вековечный.

Робко вступили они в покой, неловко и низко кланяясь, точно постучались, чтобы попросить напиток, в обычный дом у дороги, а им отворила прекрас-

ная эльфийская дева в цветочном уборе. Но они и слова не успели вымолвить, как она перепрыгнула через лилии и, смеясь, устремилась к ним, и платье ее прошелестело, точно прибрежный камыш, шелохнутый ветерком.

— Смелее, милые друзья! — сказала она. — Смейтесь, веселитесь! Я — Золотинка, речная царевна.

Пропустив их мимо себя, она затворила дверь и обернулась, отстраняя ночь за дверью легким движением гибких белых рук.

— Пусть ночь останется в Лесу! — сказала она. — Вы, верно, все еще страшитесь густого тумана, темных деревьев, заводей и омутов да неведомой твари лесной. Не бойтесь, не надо! Нынче вы под надежным кровом Тома Бомбадила!

Они переминались у порога, а Золотинка, улыбаясь, разглядывала их.

— Прекрасная госпожа Золотинка! — промолвил наконец Фродо, охваченный непонятным ликованием. Бывало, он обмирал от восторга, внимая чарующим эльфийским голосам, но тут волшебство было совсем другое, и восторг не теснил ему грудь, а согревал сердце: чудесное не было чуждым. — Прекраснейшая госпожа! — повторил он. — Мне вдруг стала внятной таинственная отрада ваших песен.

*О тростинка стройная! Дочь Реки пречистой!
Камышинка в озере! Трель струи речистой!
О весна, весна и лето и сестрица света!
О капель под звонким ветром и улыбка лета!*

И он осекся, сам себе удивляясь. А Золотинка рассмеялась.

— Добро пожаловать! — сказала она. — Вот не знала, что в Хоббитании живут такие речистые хоббиты. Но ты, верно, дружен с эльфами: у тебя такие ясные глаза и звонкий голос. Как хорошо, что вы до нас добрались! Ну, рассаживайтесь, хозяин сейчас придет, только задаст корму лошадкам — они ведь устали не меньше вашего.

Хоббиты ног под собой не чуяли и охотно уселись в низкие тростниковые креслица. Золотинка хлопотала у стола, а они не сводили с нее глаз, наслаждаясь, словно танцем, резвой прелестью ее движений. Со двора доносилось веселое пение. Снова и снова повторялось уже слышанное «сыр-бор», «голлог», «сух-мох», и звучал припев:

*Молодчина Бомбадил — вовремя пришел ты к ним —
В голубом своем камзоле, а ботинки желтые!*

— Прекрасная госпожа! — снова заговорил Фродо. — Может, это и глупый вопрос, но все-таки скажите, кто такой Том Бомбадил?

— Он такой и есть, — отозвалась Золотинка, с улыбкой обернувшись к нему.

Фродо вопросительно взглянул на нее.

— Ну да, вот такой, как предстал перед вами, — ответила она на его вопросительный взгляд. — Он здесь всюду хозяин: ему подвластны леса и воды, холмы и доли.

— Значит, он — повелитель здешнего края?

— Да нет же! — возразила она, и улыбка ее потускнела. — Как это было бы тягостно! — прибавила она вполголоса, почти про себя. — Деревья и травы и все обитатели нашего края живут себе и живут, ничьих им велений не нужно.

А Том Бомбадил — всем хозяевам хозяин. Он знает наперечет все неведомые тропы и тайные броды, разгуливает по лесу и пляшет на холмах среди бела дня и темной ночи; никто и ни в чем ему не помеха. Старый Том Бомбадил не ведает страха — он здесь извечный хозяин.

Дверь распахнулась, и вошел Том Бомбадил. Он был без шляпы, его пышные курчавые волосы венчала корона из желто-алых листьев. Том рассмеялся, подошел к Золотинке и взял ее под руку.

— Вот она, моя хозяйка, в изумрудном блеске! — сказал он хоббитам. — Вся в зеленом серебре и звездистых искрах! Больше свеч на стол, хозяйка! Сдвинем занавески — и за доброю едой вечер минет быстро. Стол накрыт, и ужин ждет — молоко да масло, белый хлеб и желтый мед — значит, все прекрасно!

— Стол-то накрыт, — отозвалась Золотинка, — а вот гости готовы ли к ужину?

Том захлопал в ладоши и весело удивился самому себе:

— Вот растяпа! Заспешил! Приглашает ужинать! А зайчата — чуть живые, им умыться нужно. Ну-ка, милые, сюда. А плащи — снимайте. Есть и мыло и вода — умывайтесь, зайцы!

Он отворил неприметную дверь в глубине зала, и хоббиты потянулись за ним: короткий коридорчик, и за углом — дверь в северную пристройку с покрашенным потолком. По стенам тесаного камня развешаны были зеленые циновки и желтые коврики, плиточный пол устилал свежий тростник. У одной стены рядом лежали четыре плотных тюфячка и белые стопки постельного белья; у другой, напротив, стояла широкая скамья, а на ней — глиняные плошки и коричневые кувшины с кипятком и холодной водой. И возле каждого ложа — мягкие зеленые шлепанцы.

Вскоре умытые и освеженные хоббиты сидели за столом, по двое с боков, во главе — хозяин, против него — Золотинка. Ужинали долго и весело. Изголодавшиеся хоббиты уплетали за обе щеки, но сыру и сливок, хлеба и меда, зелени и ягод было вдоволь. Пили они из своих кубков словно бы кристальную родниковую воду, но она веселила пуще вина и развязала им языки. Вдруг оказалось, что они звонко распевают, словно петь было легче и проще, чем говорить.

Наконец Золотинка с Томом поднялись и убрали со стола. Гостей пересадили в кресла у камина; они положили усталые ноги на подставленные скамеечки. В широком камине радостно полыхал огонь, и веяло сладковатым запахом: дрова, наверно, были яблоневые. В прибранном покое погасили огни, осталась лишь одна лампада да четыре свечи на каминной доске, по паре с каждого края. И со свечою в руках возникла перед ними Золотинка: каждому из них пожелала она покойной ночи и приятного сна.

— Отдохните до утра! — сказала она. — Лесных гулов и ночных шорохов не бойтесь! Двери наши овеивает ветер с холма, а в окна проникает лишь лунный и звездный свет. Доброй ночи!

И ушла, шелестя и мерцая, точно прожурчал в ночной тиши ручеек по прохладным камушкам.

Том сидел рядом с ними и молчал, а они набирались храбрости спросить хоть о чем-нибудь из того, о чем хотели спросить за ужином. Глаза у них слипались. Наконец Фродо проговорил:

— Ты меня услышал, хозяин, или просто случайно проходил мимо?

Том словно очнулся от приятного сновидения.

— Что? На помощь? Нет, не слышал, я ведь песни распевал и тропинкою речною к дому своему шагал... ну а в общем стороною про тебя и раньше знал: знал, что хоббиты-зайчата в лес попали не случайно, да и все тропинки тайно нынче сходятся к Ветлянке — Старый Вяз сюда их тянет, чтобы путников губить... Так, а мне чего ж хотелось... на лесной тропинке?..

Он снова закивал: его клонила дремота, но он продолжал, теперь уже напевно:

*У меня там было дело — собирать кувшинки,
Чтоб потом преподнести их милой Золотинке;
Я всегда так делаю перед первым снегом,
Чтоб они цвели у ней до начала лета —
Собираю на лугу в чистом светлом озере,
Чтоб ладони холодов их не заморозили.
Я у этих берегов — давнею порою —
И жену свою нашел — раннею весною:
В камышах она звенела песней серебристой,
А над нею распевал ветерок росистый.*

Он открыл глаза, и взгляд его блеснул синевой.

*Так что видите, друзья, я теперь не скоро
У Ветлянки окажусь — может, лишь весною, —
Да и с Вязом повидаюсь под конец распутицы,
В дни, когда на нем листва весело распухнет
И когда моя жена в золотистом танце
На реку отправится, чтобы искупаться.*

Том опять приумолк; но Фродо уж не мог удержаться и задал свой самый главный вопрос.

— Расскажи нам, хозяин, — попросил он, — про этот страшный Старый Вяз. Кто он такой? Я раньше о нем никогда не слышал.

— Нет, не надо! — в один голос вскрикнули Мерри и Пин, выпрямившись в креслах. — Сейчас не надо! Лучше утром!

— Верно! — согласился Том. — Верно, лучше отдохайте, ночь не для таких рассказов! Спице бестревожно, зайцы, и не бойтесь старых вязов! Да и шорохов ночных тоже не пугайтесь!

С этими словами он задул лампаду и, взявши в руки по свече, проводил их в спальню.

Тюфяки и подушки были мягче мягкого; хоббиты задернули пологи, укутались в белые шерстяные одеяла и мгновенно уснули.

Тяжелый сон отуманил Фродо. Ему грезилось, будто встает молодая луна и в ее бледном свете перед ним возникает мрачная высокая скала, прорезанная аркой. Потом его словно подняли ввысь, и он увидел не скалу, а скопище скал: темная равнина, зубчатая ограда, черная башня, а на ней кто-то стоит. Юная луна светила несмело: видна была только темная-темная башня да светлая фигурка наверху. Понизу ярились дикие голоса и злобно рычали волки. Из-за луны вдруг выплыла размашистая тень; тот, наверху, вскинул руки, и ослепительным лучом ударило из его посоха. Плеснули орлиные крылья, а внизу завывали, заклацали клыками волки. Ветер донес яростный стук копыт — с восто-

ка, с востока, с востока. «Черные Всадники!» — понял Фродо и проснулся в холодном поту; быстрыми молоточками стучала у него в висках кровь. «Неужели же, — подумал он, — я наберусь храбрости покинуть эти стены?» Он лежал затаив дыхание, но теперь все было тихо. Наконец он свернулся калачиком и погрузился в сон без сновидений.

А рядом с ним сладко спал Пин; но сон его вдруг обернулся удушьем, он заворочался и застонал. И разом проснулся или будто бы проснулся, слыша в темноте странные звуки из сна: «пыт-пыт», «ы-ыхх-хы-хы» — и, будто кто-то потирает ветви друг о друга, карябает по стене и стеклам деревянными когтями: «скырлы, скырлы, скырлы». Он спросонья подумал, не вязы ли возле дома; и страшнее смерти оказалось, что он ни в каком не в доме, а в дупле Старого Вяза и над ним раздается жуткое, скрипучее старческое хихиканье. Он сел в постели, оперся на мягкие, ласковые подушки и облегченно откинулся на них. Тихим эхом прозвучали у него в ушах слова Золотинки: «Лесных гулов и ночных шорохов не бойтесь! Отдохните до утра!» И он опять сладко заснул.

Мирный сон Мерри огласился урчанием воды: вода тихо чмокала, обсасывая стены, и разливалась, расплзлась вокруг дома темной, бескрайней стоячей заводью. Вода смачно булькала у стен, медленно и мутно прибывала, приплескивала. «Я же утону! — подумалось Мерри. — Она просочится, хлынет, затопит, и я утону». И стал утопать в слизистом иле, вскочил, ударился ногой о твердый плитняк, вспомнил, где он находится, и снова лег. И не то расслышал, не то припомнил тихие слова: «Двери наши овевает ветер с холма, а в окна проникает лишь лунный и звездный свет. Доброй ночи!» Он глубоко вздохнул и погрузился в сон.

Как помнилось Сэму, он-то проспал ночь без просыпу, спал как бревно, а бревна не просыпаются.

Утро разбудило сразу всех четверых. Том расхаживал по комнате, прищелкивая, как скворец. Заслышав, что они проснулись, он хлопнул в ладоши и воскликнул: «Эй! Пой! Веселись! Пой во весь голос!» Потом раздвинул желтые занавеси, и свет хлынул в широкие окна с запада и востока.

Они радостно вскочили. Фродо подбежал к восточному окну и поглядел на задний двор, весь мутно-серый от росы. Он боялся увидеть окна вровень с землей, а на земле следы копыт. На самом же деле окна заслоняли бобовые гирлянды, а дальше застил утренний свет высокий серый холм. Сочилось бледное утро: на востоке, за длинными ватными мятыми тучами с алой каймой, занимался желтый рассвет. Нависшие небеса предвещали дождь; но заря была все яснее, и ярко заалели цветущие бобы среди влажно-зеленой листвы.

Пин глядел в западное окно, и перед ним клубился туман. Лес был подернут мутной пеленою. Казалось, смотришь сверху на серое облачное месиво. В глубь Леса уходил огромный овраг, испуская клубы и выползки тумана: там была долина Ветлянки. Слева с холма струился поток, убегая в белесую муть. А под окном был цветущий сад, серая садовая изгородь и трава, осеребренная росинками. Никаких вязов поблизости не было.

— С добрым утром, малыши! — воскликнул Том. — Солнца нынче нету: тучи с запада пришли, заслонили небо. Скоро должен хлынуть дождик, бойкий и речистый, — пригодится Золотинке для осенней чистки. Поднял я ее до света песенкой веселой. Лежебокам счастья нету — вспомните присловье: «Ранним птахам — сытный завтрак, остальным — вода и травка!» Не проспять бы

вам до завтра! Подымайтесь, сони!

Не очень-то поверили хоббиты насчет воды и травки, но на всякий случай мешкать не стали — и завтракали, пока мало-помалу не опустошили стол. Ни Тома, ни Золотинки не было. Том хлопотал по дому: из кухни доносился звон посуды, с лестниц — дробот его башмаков, в открытые окна вдруг долетали обрывки песен. Распахнутые окна глядели на запад: далеко простиралась туманная долина. Густой плющ копил морось и порою ронял на землю редкие струйки воды. Мало-помалу тучи заволокли все небо; черная стена леса исчезла за отвесным дождевым пологом.

И сквозь мерный шум дождя откуда-то сверху — наверно, с ближнего холма — слышался голос Золотинки, чистый и переливчатый. Слова уплывали от слуха, но понятно было, что песня ее полнится осенним половодьем, как певучая повесть реки, звенящая всепобеждающей жизнью от горных истоков до морского далекого устья. Подойдя к окну, Фродо очарованно внимал струистому пению и радовался дождливому дню, неожиданной задержке. Надо было идти дальше, надо было спешить — но не сегодня.

С запада примчался верховой ветер, расшевелив тяжелые, сырые тучи: им было невмоготу тащиться дальше, они проливались над Курганами. Белая известковая дорожка перед домом превратилась в молочный ручей, пузыристо исчезающий за водяною завесой. Из-за угла рысью выбежал Том; руками он словно бы разводил над собою дождь — и точно, оказался совсем сухой, лишь башмаки снял и поставил на каминную решетку. Потом уселся в большое кресло и поманил к себе хоббитов.

— Золотинка занята годовой уборкой, — объявил он. — Плещется везде вода, все вокруг промокло. Хоббитам идти нельзя: где-нибудь утонут. Переждите день, друзья, посидите с Томом. Время непогоды — осень — время для беседы, для рассказов и расспросов... Тому много ведомо! Том начнет для вас рассказ под шуршанье мороси: речь пойдет издалека, все вопросы — после.

И он поведал им немало дивного, то словно бы говоря с самим собою, то вдруг устремляя на них ярко-синие глаза из-под курчавых бровей. Порою рассказ его превращался в монотонный распев, а иногда Том вскакивал и пускался в неистовый пляс. Он говорил о пчелах и свежих медвяных цветах, о травах и кряжистых, заслоняющих небо деревьях, рассказывал про тайны чащоб и колючих непролазных кустарников, про обычаи невиданных птиц и неведомых тварей земных, про злые и добрые, темные и светлые силы.

Они слушали — и Лес представлялся им совсем по-иному, чем прежде, а себя они видели в нем назойливыми, незванными чужаками. То и дело — впрямую или обиняком — упоминался Старый Вяз, властный, могучий, злокозненный. И не раз Фродо благодарил судьбу за их чудесное спасение.

Вековечный Лес недаром так назывался: он был последним лоскутом древнего, некогда сплошного покрова земли. Праотцы нынешних деревьев набирали в нем силу, старея, подобно горам; им еще помнились времена их безраздельного владычества над землею. Несчетные годы напитали их гордыней, мудростью, злобой. И не было из них опаснее Старого Вяза с гнилой сердцевинной, но богатырской, нерастраченной мощью: он был жесток и хитер, он повелевал ветрами и властвовал по обе стороны реки. Ненасытно всасывался он в плодородную почву, тянул из нее соки, расплзался по земле серой паутиной корней, раскидывал в стороны узловатые серые руки — и подчинил себе Лес

от Городьбы до Южного нагорья...

Но вот Лес был позабыт, и рассказ Тома вприпрыжку помчался вдоль бурного, взлохмаченного потока, мимо вспененных водопадов, по склонам слоистых скал и крутым каменистым осыпям, вверх по темным, сырým расселинам — и докатился до нагорья. Хоббиты слышали о великих Могильниках и зеленых курганах, о холмах, увенчанных белыми коронами из зазубренных камней, и земляных пещерах в тайных глубинах между холмами. Блеяли овцы. Воздвигались высокие стены, образуя могучие крепости и мощные многобашенные твердыни; их владыки яростно враждовали друг с другом, и юное солнце багрово блистало на жаждущих крови клинках. Победы сменялись разгромами, с грохотом рушились башни, горели горделивые замки, и пламя взлетало в небеса. Золото осыпало усыпальницы мертвых царей, смыкались каменные своды, их забрасывали землей, а над прахом поверженных царств выростала густая трава. С востока приходили кочевники, снова блеяли над гробницами овцы — и опять подступала пустошь. Из дальнего далека надвигалась Необоримая Тьма, и кости хрустели в могилах. Умертвия бродили по пещерам, брэнча драгоценными кольцами и вторя завываниям ветра мертвым звоном золотых ожерелий. А каменные короны на безмолвных холмах ослаблялись, щерились в лунном свете, как обломанные белые зубы.

Хоббитам было страшновато. Даже до Хоббитании докатывались мрачные рассказы о Могильниках и умертвиях. Правда, у них такого и слушать не хотели — зачем? Все четверо разом вспомнили тихий домашний камин: вот и у Тома такой, только гораздо крепче, гораздо надежнее. Они даже перестали слушать и робко зашевелились, поглядывая друг на друга.

Их испуганный слух отворила совсем иная повесть — о временах незапамятных и непонятных, когда мир был просторнее и Море плескалось у западных берегов, будто совсем рядом; а Том все брел и брел в прошлое, под древними звездами звучал его напев — были тогда эльфы, а больше никого не было. Вдруг он умолк и закивал головой, словно задремал. Хоббиты сидели как замороженные: от слов его выдохся ветер, растаяли облака, день пропал и простерлась глухая ночь в белых звездных огнях.

Миновало ли утро, настал ли вечер, прошел ли день или много дней — этого Фродо не понимал: усталость и голод словно бы отступили перед изумлением. Огромные белые звезды глядели в окно; стояла бестревожная тишь. Изумление вдруг сменилось смутным страхом, и Фродо выговорил:

— Кто Ты, Господин?

— Я? — переспросил Том, выпрямляясь, и глаза его засинели в полумраке. — Ведь я уже сказал! Том из древней были: Том, земля и небеса здесь издревле были. Раньше рек, лесов и трав, прежде первых ливней, раньше первых бед и засух, страхов и насилий был здесь Том Бомбадил — и всегда здесь был он. Все на памяти у Тома: появление Дивных, возрождение Смертных, войны, стоны над могилами... Впрочем, это все вчера — смерти и умертвия, ужас Тьмы и Черный Мрак... А сегодня смерклось только там, вдали, за Мглистым, над горой Огнистою.

Словно черная волна хлестнула в окна, хоббиты вздрогнули, обернулись — но в дверях уже стояла Золотинка, подняв яркую свечу и заслоняя ее рукой от сквозняка, и рука светилась, как перламутровая раковина.

— Кончился дождь, — сказала она, — и свежие струи бегут с холмов под

звездными лучами. Будем же смеяться и радоваться!

— Радоваться, есть и пить, — весело подхватил Том, — повесть горло сушит. Том с утра проговорил, а зайчишки слушали. Приустиали? Стало быть, собираем ужин!

Он живо подскочил к камину за свечой, зажег ее от пламени свечи Золотинки, протанцевал вокруг стола, мигом исчез в дверях, мигом вернулся с огромным, заставленным снедью подносом и принялся вместе с Золотинкой накрывать на стол. Хоббиты сидели, робко восхищаясь и робко посмеиваясь: так дивно прелестна была Золотинка и так смешно прыгал Том. А все же казалось, что у них общий танец: друг с другом, у стола, за дверь и назад, — вскоре большущий стол был весь в свечах и яствах. Желто-белым сияньем лучились настенные светильники. Том поклонился гостям.

— Время ужинать, — сказала Золотинка, и хоббиты заметили, что она в нежно-серебристом платье с белым поясом. А Том был светло-синий, незабудочный, только гетры зеленые.

Ужин оказался еще обильнее вчерашнего. Хоббиты, заслушавшись Тома, даже забыли о еде и теперь наворачивали свое, будто проголодали неделю.

Они не отвлекались на песни и разговоры: уж очень вкусно угощали. Еды и питья было вдосталь — наелись, напились, и голоса их зазвенели радостным смехом.

А Золотинка спела им немало песен, веселых и тихих: они услышали, как струятся реки и колышутся озера — большие, светлые, — увидели в них отражение неба и звездную рябь. Потом она пожелала им доброй ночи и оставила их у камина. Но Том словно очнулся от дремоты — и начал расспрашивать.

Удивительно — он знал про них почти все и даже помнил их предков, знал, что делалось в Хоббитании с Начальной поры, от которой до живых хоббитов ничего не дошло. Вскоре они перестали удивляться... только все же было странно, что чаще других Том поминал того же Бирюка, а они-то!

— Руки у Бирюка — чуткие к земле, он работает жарко, а смотрит в оба глаза. Он обеими ногами стоит на земле и хоть шагает валко, не оступился еще ни разу, — так поняли Тома хоббиты.

Том, наверно, и с эльфами водил знакомство: не Гаральд ли рассказал ему последние вести о Фродо?

Знал он так много и так хитро выпрашивал, что Фродо, сам не заметив, рассказал ему про Бильбо, про свои надежды и страхи едва ли не больше, чем самому Гэндальфу. А Том лишь безмолвно покивал головою; но, когда он услышал о Черных Всадниках, глаза его хитро блеснули.

— Покажи мне вашу «прелесть»! — велел он, прерывая беседу; и Фродо, к собственному изумлению, вдруг спокойно отстегнул Кольцо и протянул его Тому.

Оно словно бы сплющилось, а потом расплылось на его смуглой ладони. Том со смехом поглядел сквозь Кольцо.

Станный вид представился хоббитам, тревожный и смешной: ярко-синий глаз в золотом ободке. Том надел Кольцо на мизинец и поднес его к свече. Поднес и поднес; но вдруг они ошарашенно ахнули. Как же это — Том не исчез!

А Том рассмеялся и подкинул Кольцо к потолку: оно исчезло со злобным

свистом.

Фродо растерянно вскрикнул — а Том с улыбкой наклонился к нему через стол и вручил откуда-то взявшееся Кольцо.

Фродо осмотрел Кольцо, сурово и подозрительно, словно одолжил его какому-то фокуснику.

Оно было все такое же тяжелое — Фродо всегда удивлялся, как оно оттягивает карман. Но ему стало обидно, что Тому Кольцо — нипочем, а Гэндальф небось не зря считал, что оно ужасно важное. Он немного переждал и, когда Том рассказывал, какие хитрые бывают барсуки, потихоньку надел Кольцо на палец.

Мерри зачем-то повернулся к нему и еле подавил испуганное восклицание — где? как? Фродо обрадовался: все в порядке, Кольцо — то самое, недаром небось Мерри изумленно пялится на его стул. Он вскочил и бесшумно пробрался к двери.

— Как тебя, Фродо, что ль? — окликнул его Том, сверкнув ясными, спокойными, всевидящими глазами. — Брось озорничать-то! Ишь ведь — выцвел, ровно моль... Ну-ка, возвращайся! Да сними свою игрушку — без нее ты лучше. Посидите тихо, зайцы. Вам в дорогу завтра. Том расскажет, как добраться побыстрее до Тракта. Слушайте внимательно, чтобы не плутать вам!

Фродо принужденно рассмеялся, снял Кольцо и сел на свое место.

Том пообещал на завтра солнечный день, и выйти надо было как можно раньше, потому что здешнюю погоду даже Том не мог предсказать: она менялась чаще и прихотливей, чем наряды Золотинки.

По его совету они решили идти к северу, западным краем нагорья, в обход Могильников. Если повезет, за день можно добраться до Великого Западного Тракта. Том наказал им ничего не бояться — и никуда не соваться.

— По зеленой траве, по краю нагорья, подальше от Волглого Лога, где злая мгла, и Обманные Камни, и земли мерзких умертвий! — Том повторил это несколько раз и велел держаться как можно западнее. Потом все они заучили наизусть призывную песню на будущий день — пригодится, если попадут в беду:

*Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу,
Отыщи его в пути, где бы ни бродил он!
Догони и приведи из далекой дали!
Помоги нам, Бомбадил, мы в беду попали!*

Они спели ее вместе с ним, он со смехом похлопал каждого по плечу и отвел их в спальню, высоко держа свечи.

Глава VIII Мгла над могильниками

Спал Фродо без сновидений. Но под утро послышался ему — то ли во сне, то сли наяву — нежный напев, словно осветивший изнутри серую завесу дождя; завеса стала стеклянно-серебряной, медленно раздвинулась, и перед ним открылась зеленая даль, озаренная солнцем.

Тут-то он и проснулся; а Том уже ходил и свистал, будто целое дерево, полное птичьих гнезд; и солнце показалось из-за холма, брызнув в открытые окна. Снаружи все было зеленое и отливало бледным золотом.

Завтракали они снова одни, болтая что на язык взбредет, готовясь распро-

щаться; а на сердце была тяжесть, хоть утро — чистое, мягкое, голубое — манило их в путь. Пони только что не прыгали: бодрые, резвые. Том вышел на крыльцо, помахал шляпой и потанцевал — в объяснение, что время не ждет. Хоббиты со вздохом пустились в путь петливой тропой и у крутого склона спешили, но Фродо вдруг застыл в нерешительности.

— А Золотинка-то! — воскликнул он. — А красавица-то наша, осиянная изумрудным блеском! С нею мы же не попрощались, мы же ее с вечера не видели!

Он бы даже и назад повернул, но вдруг до них донесся переливчато-нежный оклик. Золотинка стояла на высоком гребне, стояла и звала их; ее волосы струились на ветру и сеяли солнечный свет. С росистой травы из-под ее танцующих ног вспрыгивали яркие зайчики.

Они поспешили вверх по склону последнего тамошнего холма и, запыхавшись, столпились вокруг нее. И склонились перед нею; но она повела рукой, приглашая их оглядеться; и оттуда, с вершины, увидели они утреннюю землю. Дали распахнулись, точно и не было тяжелой мути, застилавшей мир, когда они стояли на верхней проплешине Вековечного Леса: она и сейчас виднелась, бледно-зеленая в оправе темных крон. И громоздились лесистые кручи, зеленые, желтые, красно-золотые, расцвеченные солнцем и скрывавшие дальнюю долину Брендидуима. На юге источала слюдяной отблеск Ветлянка — там, где Главная река Хоббитании широким броском уносила свои воды в неведомые края. Ступенями нисходили на север, в смутную, неверную даль, серо-зеленые и буроватые всхолмья. На востоке высились курган за курганом, озаренные ранним солнцем, исчезающие в дымчатой, млечной голубизне; и подсказкой не то странной памяти, не то древних преданий угадывались за ними далекие вершины гор.

Они надышались свежим воздухом, и все им казалось нипочем: только шагнуть-прыгнуть, а там уж ноги сами до места донесут. Даже обидно было трусить тропами к Тракту: нет бы, как Том, раз-два, с камня на камень, и вот тебе, пожалуйста, горы.

Они не могли найти прощальных слов, но это и не понадобилось — заговорила сама Золотинка.

— Спешите же, милые друзья! — сказала она. — От задуманного не отступайте, будьте упорны! К северу, с ветром у левой щеки, с добрым напутствием в сердце! — И обратилась к Фродо: — Прощай, Друг Эльфов, мы радостно свиделись и весело расстаемся!

А Фродо промолчал. Он только низко поклонился и повел пони вперед; за ним тронулись остальные. Приветный кров Тома Бомбадила, долина и самый Лес скрылись из виду. В ложбине застоялась теплая сырость и сладко пахла густая увядающая трава. Внизу они оглянулись и снова увидели Золотинку — дальнюю, маленькую, стройную — как цветок, озаренный солнцем. Она стояла, простирая к ним руки; ее прощанье эхом огласило ложбину, она помахала, повернулась — и исчезла за гребнем холма.

* * *

Тропа вилась понизу, у зеленого подножия холма, и вывела их в другую ложбину, шире и глубже, а потом запетляла вверх-вниз по склонам: холм за

холмом, ложбина за ложбиной. Ни деревьев, ни ручьев — только трава да тишь, беглый шепоток ветра и далекие птичьи вскрики. Солнце поднималось все выше и грело все жарче.

И всякий раз на вершине ветерок утихал. Когда им снова открылся запад, дальний Лес, казалось, все еще дымился дождевой испариной. А за горизонтом как-то смеркло, и синий мрак очертил небо, будто жарко и тяжело надвинулся на глаза небесный зной.

К полудню они въехали на холм с широкой и плоской вершиной, похожей на большое блюдо. На дне блюда — ни ветерка, а небо надвинулось и давило. Они подъехали к закраине и глянули на север — вон, оказывается, сколько проехали! Правда, струистый воздух застилал взгляд, но все равно понятно было, что Лог кончается. Впереди перед ними лежала глубокая долина, ее замыкали два отвесных склона. А дальше холмов не было: виднелась смутная темная полоса.

— Это деревья, — объяснил Мерри. — Возле Тракта, наверно, вдоль обочины. Говорят, посажены невесть когда.

— Прекрасно! — сказал Фродо. — Если мы столько же пройдем к вечеру, то Лог останется позади, а там уж найдем, где заночевать.

С этими словами он поглядел на восток и увидел плосковерхие зеленые курганы — у некоторых вершины были пустые, а из других торчал белый камень, как сломанный зуб.

Зрелище это добра не сулило — впрочем, и посреди их травянистого блюда оказался такой же камень. Был полдень; камень не отбрасывал тени, но приятно охлаждал спины хоббитов, усевшихся подкрепиться. Пили, ели, радовались — какое все было вкусное! Уж Том постарался. А расседланные пони бродили поблизости.

* * *

Трудный путь, сытная еда, теплое солнце и запах травы — перележали, вытянув ноги и глядя в небо, оттого все и случилось. Пробудились они в испуге: ведь вовсе и не думали спать. Камень заглодел и отбрасывал длинную бледную тень на восток. Желтоватое солнце еле-еле проблескивало сквозь туман, а он подымался, густой и белый, подымался со всех сторон. Тишь и стылая сырость. Пони сбились в кучу и опустили головы.

Торопливо вскочив, хоббиты бегом кинулись к западной закраине кургана — они были на острове среди тусклой мглы. Даже солнце тонуло в белесом разливе, а с востока напозала холодная серая муть. Мгла, мгла и мгла; она крышей склубилась над их головами. Мглистая зала, и камень — колонной.

Судя по всему, они угодили в ловушку, но пока не потеряли присутствия духа. Еще виделась им дорога, еще они знали, куда к ней идти. А остаться, переждать здесь туман — об этом у них даже мысли не было.

Они провели своих пони, одного за другим, пологим северным склоном холма вниз, в туманное море. А промозглая мгла набухала сыростью — даже волосы стали мокрыми и липкими. В самом низу они остановились и надели плащи, которые миглом отсырели и отяжелели. Медленно пробирались их пони, кое-как нащупывая путь. Лишь бы выйти из ложбины — а там по прямой, там не собьешься до самого Тракта. Они надеялись, что за Логом туман поре-

деет или вообще рассеется.

Продвигались очень медленно. Чтобы не разбрестись и не потеряться — тесной цепочкой. Фродо во главе, за ним Сэм, Пин и Мерри. Тропе, казалось, конца не будет, но вдруг Фродо заметил, что с двух сторон надвинулась плотная темень. Стало быть, сейчас будет северное ущелье. Волглый Лог пройден.

— Быстрее! За мной! — крикнул он через плечо и заторопился вперед. Но надежда тут же обернулась тревогой — все уже смыкалась черная теснина. Потом вдруг расступилась, и перед ним возникли два громадных каменных зубца. Наверно, проход, только непонятно, откуда они взялись, сверху их не было видно. Фродо с разгона прошел между зубцами — и на него словно обрушилась темнота. Пони фыркнул, вздыбился, и Фродо упал наземь, а поднявшись, обнаружил, что он один: друзья исчезли.

— Сэм! — крикнул он. — Пин! Мерри! Сюда, не отставайте!

В ответ ни звука. Его охватил ужас, он побежал назад через каменные врата с отчаянным зовом: «Сэм! Сэ-э-эм! Пин! Мерри! Где вы?» Пони скрылся в сыром тумане. Откуда-то — кажется, слева, с востока, — донесся еле слышный ответный зов: «Эй, Фродо! Фродо! Эй!» Он бросился на крик — и, карабкаясь по ребристым уступам, опять позвал друзей, потом еще раз и еще. «Фродо, эй! — откликнулись наконец тонкие голоса сверху, из мглы, и захлебнулись воплем: — Помогите! Помогите! На по-о-мощь!» Фродо изо всех сил карабкался вверх и вверх, наугад, в глухую темень.

Под ногами вдруг стало ровно, и он понял, что добрался до вершины кургана. Ноги его подкашивались, он весь взмок и теперь трясся от холода. Никого — тишь и мутная темнота.

— Где вы? — жалобно выкрикнул он.

Ответа не было. Он крикнул еще раз и настороженно прислушался. В ушах засвистел студеный ветер; Фродо заметил, что изо рта у него валит белесый пар. Погода менялась: туман расползлся рваными клочьями, темнота проредилась. Фродо поднял глаза и увидел в разрывах туч тусклые звезды. Снова дунул ветер, и зашелестела трава.

Ему послышался придушенный вскрик, и он побежал туда, где кричали; а мгла свертывалась и таяла, обнажая звездное небо. Восточный ветер пронизывал до костей. Справа черной тенью высился Могильник.

— Ну, где же вы? — крикнул он снова, испуганно и сердито.

— Здесь! — глухо отозвался из-под земли цепенящий голос. — Здесь, я жду тебя!

— Нет-нет-нет, — выдохнул Фродо, но двинуться с места не мог.

Колени его подломились, и он рухнул наземь. Тишь, никого: может, помешалось? Он с дрожью поднял глаза и увидел, что над ним склоняется темная фигура, пригвождая к земле ледяным взглядом, словно двумя мертвыми лучами. Холодная стальная хватка сдавила Фродо — он вмиг окостенел с головы до ног и потерял сознание.

Когда Фродо пришел в себя, все забылось, кроме ужаса. Потом вдруг мелькнуло: конец, попался, в могиле. Умертвие схватило его, околдовало, и теперь он во власти мрачных чар, о которых в Хоббитании даже и шепотом говорить боялись. Он не смел шелохнуться, простертый на каменном полу, руки кре-

стом на груди.

Замерший во мраке, скованный смертным страхом, думал он почему-то совсем не о смерти, а вспоминал Бильбо и его рассказы, вспоминал, как они бродили вдвоем по солнечным долинам Хоббитании, толкуя про путешествия и приключения. В душе самого жирного, самого робкого хоббита все же таится (порою очень глубоко таится) будто запасенная про черный день отчаянная храбрость. А Фродо был вовсе не жирный и вовсе не робкий; хоть он и не знал этого, но Бильбо, да и Гэндальф тоже, считали его лучшим хоббитом во всей Хоббитании. Он понял, что странствие его кончилось, и кончилось ужасно, — именно эта мысль и придала ему мужества. Фродо напрягся для предсмертной схватки: он уже не был покорной жертвой.

Собираясь с силами, он неожиданно заметил, что темнота исподволь отступает под наплывом зеленоватого света снизу, из-под каменных плит. Свет холодной волною разлился по его лицу и телу, а стены и свод по-прежнему оставались во тьме. Фродо повернул голову и увидел, что рядом с ним простерты Сэм, Пин и Мерри. Они лежали на спинах, облаченные в белые саваны и мертвенно-бледные. Вокруг них громоздились груды соковок, и омерзительно тусклое золото казалось могильным прахом. Жемчужные венчики были на их головах, золотые цепи на запястьях, а пальцы унизаны перстнями. У каждого сбоку меч, у каждого в ногах щит. И еще один меч — обнаженный — поперек горла у всех троих.

Зазвучало пение — медленное, невнятное, замогильное. Далекий-далекий, невыносимо тоскливый голос будто просачивался из-под земли. Но скорбные звуки постепенно складывались в страшные слова — жестокие, мертвящие, неотвратимые. И стонущие, жалобные. Будто ночь, изнывая тоской по утру, злобно сетовала на него; словно холод, тоскуя по теплу, проклинал его. Фродо оцепенел. Пение становилось все отчетливее, и с ужасом в сердце он различил наконец слова заклęcia:

*Костенейте под землей
до поры, когда с зарей
тьма кромешная взойдет
на померкший небосвод,
чтоб исчахли дочерна.
солнце, звезды и луна,
чтобы царствовал — один —
в мире Черный Властелин!*

* * *

У изголовья его что-то скрипнуло и заскреблось. Он приподнялся на локте и увидел, что лежат они поперек прохода, а из-за угла крадется, перебирая пальцами, длинная рука — крадется к Сэму, к рукояти меча у его горла.

Жуткое заклятье камнем налегло на Фродо, потом нестерпимо захотелось бежать, бежать без оглядки. Он наденет Кольцо, невидимкой ускользнет от мертвья, выберется наружу. Он представил себе, как бежит по утренней траве, заливаясь слезами, горько оплакивая Сэма, Пина и Мерри, но сам-то живой и спасшийся. Даже Гэндальф и тот его не осудит: что ему еще остается?

Но мужество сурово подсказывало ему иное. Нет, хоббиты не бросают дру-

зей в беде. И все же он нашарил в кармане Кольцо... а рука умертвия подбиралась все ближе к горлу Сэма. Внезапно решимость его окрепла, он схватил короткий меч, лежавший сбоку, встал на колени, перегнулся через тела друзей, что было сил рубанул по запястью скребущей руки — и перерубил ее. Меч обломился. Пронесся неистовый вой, и свет померк. Темноту сотрясло злобное рычание.

Тьма в могильнике. Тед Несмит

Фродо упал на Мерри, щекой на его холодное лицо. И неожиданно припомнил все, что скрылось за клубами мглы: дом у холма, Золотинку, песни Тома. Он вспомнил ту песню-призыв, которую Том разучил с ними. Неверным, дрожащим голосом он начал: «Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу!» — и с этим именем голос его окреп, зазвучал в полную силу, словно труба запела в темном склепе:

*Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу!
Отыщи его в пути, где бы ни бродил он!
Догони и приведи из далекой дали!
Помоги нам, Бомбадил, мы в беду попали!*

Эхо смолкло, и настала мертвая тишь, только сердце Фродо гулко стучало. Долгая тишь; а потом, как через толстую стену, из-за холмов, издалека, все ближе, зазвучал ответный напев:

*Вон он я, Бомбадил, — видели хозяина?
Ноги легкие, как ветер, — обогнать нельзя его!
Башмаки желтей желтка, куртка ярче неба,
Заклинательные песни — крепче нет и не было!*

Покатился грохот разметаемых камней, и в склеп хлынул свет, живой и яр-

кий. Пролом засиял в стене у изножия, и в нем показалась голова Тома в шляпе с пером, а за спиной его вставало багряное солнце. Свет пробежал по лицам трех неподвижных хоббитов, смывая с них трупную зелень. Теперь казалось, что они всего лишь крепко спят.

Том пригнулся, снял шляпу и с песней вошел в темный склеп:

*В небе — солнце светлое, спит Обманный Камень —
Улетай, мертвие, в земли Глухоманья!
За горами Мглистыми сгинь туманом гиблым,
Чтоб навек очистились древние могилы!
Спи, покуда смутами ярый мир клокочет,
Там, где даже утренний свет чернее ночи!*

Надрывный и протяжный крик ответил на его песню; обрушились своды в глубине Могильника, и воцарился покой.

— Ну-ка, вылезай скорей из могильной сырости! — велел Том. — Нам еще твоих друзей надо к солнцу вынести.

Они вынесли Мерри, Пина, потом Сэма. Мимоходом Фродо увидел в земляной осыпи обрубленную кисть, копошившуюся, как недодавленный паук. Том вернулся в пустой склеп — оттуда донесся гул и топот. Вышел он с ворохом оружия и украшений — золотых и серебряных, медных и бронзовых, старинной чеканки, в многоцветных камнях, — взобрался на зеленый могильный холм и рассыпал добычу по солнечной траве.

Он постоял молча, держа шляпу на отлете и глядя на трех неподвижных хоббитов у подножия Могильника. Потом, простерши правую руку вверх, вымолвил звучно и повелительно:

*Мертво спит Обманный Камень — просыпайтесь, зайцы!
Бомбадил пришел за вами — ну-ка, согревайтесь!
Черные Ворота настезь, нет руки мертвия,
Злая тьма ушла с ненастьем, с бысролетным ветром!*

К несказанной радости Фродо, все трое приподнялись, потянулись, протерли глаза и вскочили на ноги. С изумлением глядели они на Фродо, на Тома, во весь рост возвышавшегося над ними, на свои грязно-белые лохмотья и золотые украшения.

— Это еще что за новости? — начал было Мерри, встряхнув головой в золотом венце набекрень. Вдруг он осекся и закрыл глаза. — Да, помню, помню, как все это случилось! — глухо выговорил он. — Ночью напали они с севера, и было их — не счесть. Копье пробило мне сердце. — Он схватился за грудь. — Да нет, что же это! — крикнул он, с усилием поднимая голову. — Словно во сне! Куда ты подевался, Фродо?

— Должно быть, сбился с дороги, — отвечал Фродо, — но лучше об этом не вспоминать. Что прошло, то миновало. А теперь — в путь!

— В какой там путь, сударь! — воскликнул Сэм. — Что я, голый пойду? — Он сбросил венец, пояс, кольца, сорвал саван и шарил глазами по траве, словно ожидая увидеть где-то неподалеку свое хоббитское платье: куртку, штаны, плащ.

— Не ищите зря одежду, все равно не сыщете, — сказал Том, мигом спрыгнув с могильного холма и пританцовывая вокруг хоббитов как ни в чем не бывало.

— Почему же это не искать? — удивился Пин, с веселым недоумением глядя на пляшущего Бомбадила. — А как же?

Том только покачал головой.

— Радуйтесь лучше, что вышли на свет из безвозвратных глубин: от свирепых умертвий спасения нет в темных провалах могил. Живо! Снимайте могильную гниль и по траве — нагишом! Надо стряхнуть вам подземную пыль... Ну а я на охоту пошел.

И побежал под гору, насвистывая и припевая. Фродо долго глядел ему вслед, а Том вприпрыжку мчался на юг зеленой ложбиной между холмами с посвистом и припевом:

*Гоп-топ! Хоп-хлоп! Где ты бродишь, мой конек?
Хлоп-хоп! Гоп-топ! Возвращайся, скакунок!
Чуткий нос, ловкий хвост, верный Хопкин-Бобкин,
Белоногий толстунок, остроухий Хопкин!*

Так пел Том Бомбадил, на бегу подбрасывая шляпу и ловя ее, пока не скрылся в низине, но и оттуда доносилось: «Гоп-топ! Хлоп-хоп!», откуда не подул южный ветер.

Парило по-вчерашнему. Хоббиты побегали по траве, как им было велено. Потом валялись на солнышке, изнывая от радости, точно их чудом перенесли в теплынь с мороза; с такой радостью большой однажды легко встает с постели и видит, что жизнь заново распахнута перед ним настезь.

К тому времени, как Том вернулся, они успели прогреться до седьмого пота и здорово проголодаться. Из-за гребня холма выскочила его подброшенная шляпа; потом появился он сам: а за ним *шесть* пони: пять их собственных и еще один, наверно, Хопкин-Бобкин — он был крупнее, крепче, толще (и старше) остальных. Мерри, бывший хозяин всех пони, называл их как придется, а с этих пор они стали отзываться на клички, которые дал им Том Бомбадил. Том подозвал их, одного за другим; они подошли и выстроились в ряд, а Том насмешливо поклонился хоббитам.

— Забирайте-ка лошадок! — сказал Том. — Им, бедняжкам, стало страшно, и они от вас удрали — бросили хозяев. У лошадок нос по ветру: как учуяли умертвий — мигом поминай как звали... Но ругать нельзя их! Где же это видано — лезть самим в Могильники? Может, хоббитам-то надо поучиться у лошадок? Вишь — цела у них поклажа. Молодцы, лошадушки! И чутье у них вернее: убежали от умертвий, от подземной лютой смерти... Нет, нельзя ругать их!

— А шестой для кого? — поинтересовался Фродо.

— Для меня, — ответил Том. — Он мой дружок. Бродит, где захочется. Но когда его покличешь, прибегает тотчас же. Том проводит хоббитов тропкой самой краткой, чтоб они сегодня же добрались до Тракта.

Хоббиты пришли в восторг, и благодарности их не было конца, а Том рассмехался и сказал:

— Тома Золотинка ждет, и забот — полон рот. Он проводит хоббитов, чтоб не беспокоиться. Ведь они какой народ? С ними уйма хлопот! Только вызволишь из Вяза — под землей завязнут. Если не дойдут до Тракта — что-то будет завтра?.. Нет, уж лучше проводить их — и освободиться.

Судя по солнцу, еще и десяти не было, но хоббиты с удовольствием пообедали бы, если б на то хватило припасов. Хватило только на завтрак: они съели все, что запасли накануне, и почти все, что подвез Том. Не так уж это было много для изголодавшихся хоббитов, однако на душе у них стало куда веселее. Пока они завтракали, Том бродил по холму и перебирал сокровища. Львиную их долю он сложил сверкающей грудой — «пусть найдет, кто найдет, и спокойно владеет, будь то птица, зверь, человек или эльф»: так было снято могильное заклятие, чтоб сюда снова не явились умертвия. Себе он взял сапфировую брошь, бархатисто-переливчатую, словно крылья бабочки. Том долго смотрел на нее, будто что-то припоминая. Потом покачал головой и промолвил:

— Та, что некогда ее на плече носила, ярче дня была лицом, солнечней сапфира... Так пускай же эту брошку носит Золотинка: будет память нам о прошлом — звездочка-живинка.

Каждому хоббиту достался кинжал — длинный, прямой, с красно-золотым змейчатым узором по клинку. Обнаженные, они сверкали холодно и сурово, а ножны были черные, легкие и прочные, из неведомого металла, усыпанные самоцветами. То ли их сберегли чудесные ножны, то ли сохранило могильное заклятье, но ни пятна ржавчины не было на ясных клинках.

— Впору малышам кинжалы, пригодятся как мечи, — сказал Том. — Не единожды, пожалуй, нападут на них в ночи злые слуги Властелина, что таится, словно тать, у Огнистой. Но отныне их нельзя врасплох застать. Хоббит с арнорским кинжалом — он что кролик с тайным жалом: нападешь, а он ужалит... Заречешься нападать!

Он объяснил хоббитам, что клинки выкованы полторы тысячи лет назад оружейниками княжества Арнор, которое пало под натиском с севера: ратной силой его бы, может, и не одолеть, но одолело злое чародейство, ибо колдуны владели тогда северным Ангмарским краем.

— Все, что было, давно забыли, — как бы про себя молвил Том. — Лишь одинокие странники в мире, потомки древних властителей, охраняют покой беспечных народов. Но странников этих совсем немного. Мало осталось воителей...

Хоббиты не очень-то поняли, о чем он бормочет, но перед глазами их вдруг простерлись бессчетные годы, будто нескончаемая долина, а по ней бродили люди, словно редкие тени, высокие и угрюмые, опоясанные длинными мечами, а последний — с тусклой звездой во лбу. Потом видение померкло, и глаза им залил солнечный свет. Медлить было незачем. Быстро увязав мешки (Мерри, Пин и Сэм давно уж переоделись в запасное платье), они навьючили их на пони. Подаренное оружие болталось на поясе и путалось в ногах. «Вот уж незачем-то, — думали они. — Мало ли что, конечно, приключится, но чтобы драться, да еще мечами?..»

Наконец они пустились в путь. Свели пони с холма, уселись на них и рысцой двинулись по долине. Оглядывались и видели, как лучится в солнечном свете золотая грудка на вершине кургана. Потом свернули за отрог, и курган пропал из виду.

Фродо озирался по сторонам, но никаких каменных зубцов не было, как не бывало; и вскоре они выехали северной ущелиной на пологую равнину. То ря-

дом с ними, то обгоняя, рысил Хопкин-Бобкин со своим веселым седоком: толстунок бежал легче легкого. Том распевал, почти не умолкая, но распевал что-то совсем уж непонятное, на странном, должно быть древнем, языке, в котором, казалось, только и есть, что изумленные и восхищенные возгласы открытия мира.

Ехать пришлось куда дольше, чем они думали. Если б даже вчера они не загнули у Камня, то все равно и к вечеру не добрались бы до цели. Темная полоса, которая видна была с кургана, оказалась не Трактом, а кустарником по краю глубокой рытвины — границы древнего королевства, сказал Том и нахмурился, вспоминая что-то, о чем не захотел рассказывать. По другому краю рытвины тянулась глухая и высокая каменная стена.

Том провел их низом, заросшей тропой сквозь пролом в стене, и они рысцой припустились по широкой равнине. Через час-другой им открылся с возвышения древний Тракт, пустынный, сколько хватал глаз.

— Приехали наконец! — сказал Фродо. — Моим коротким путем мы задержались дня на два, не больше. И может, не зря задержались — сбили их со следу.

Трое спутников поглядели на него. Им разом припомнились Черные Всадники и полузабытый страх. Они оглянулись на заходящее солнце и окинули взглядом Тракт: никого, пусто.

— А ты думаешь, — сказал Пин, — за нами и сейчас, нынче вечером, тоже погоня?

— Нет, — ответил вдруг за Фродо Том Бомбадил. — И завтра вряд ли будет: где-то закружилась. Впрочем, я не знаю точно — земли здесь чужие. Да и не желаю знать я этих черных татей!

Хоббиты очень хотели, чтоб он и дальше ехал с ними. Уж он бы и с Черными Всадниками разделался! Вот сейчас они окажутся совсем уж в чужих краях, о которых в Хоббитании и говорили-то недомолвками. Их так потянуло домой, так незачем было в темную, сумеречную даль! Очень им стало грустно, очень одиноко. Они стояли молча и не торопились прощаться, даже когда Том уже произнес напутствие:

— Вот вам мой совет последний: к вечеру сегодня доберитесь до селенья, что зовут Пригорьем. Есть трактир в Пригорье древний, им владеет Наркисс — человек пустой, да верный: татам не предаст вас. Дом его многооконный очень просто выискать по гарцующему пони на огромной вывеске. Заночуете в трактире, хорошенько выпитесь — и опять вперед наутро: путь у вас неблизкий... А теперь — смелее, зайцы! В путь, судьбе навстречу! Главное сейчас — добраться до Пригорья к вечеру.

Они попросили его проводить их до трактира и распить с ними прощальную чашу, но он со смехом отказался, промолвив:

*Здесь кончаются края, мне навеки верные,
Распрощаемся, друзья, здесь на веки вечные!*

Он повернул пони, вскинул шляпу — и навсегда исчез за насыпью.

— Очень это обидно, что мы теперь без господина Бомбадила, — сказал Сэм. — Вот кто знал, куда и чего. Сколько ни пройдем, а такого не встретим... ну правда чудной господин! А насчет «Пони», что он говорил, так хорошо, кабы это было вроде «Зеленого дракона». Кто там живет-то, в Пригорье?

— Есть и хоббиты, — сказал Мерри, — есть и Громадины. А в общем-то, вроде как дома. Брендизайки ездили туда, говорят — ничего.

— Может, и ничего, — заметил Фродо, — но Хоббитания кончилась. И вы уж, пожалуйста, не будьте «вроде как дома». А заодно помните, что я теперь вовсе не Торбинс. Спросят — так Накручинс.

Они ехали в сумраке; темнота густела позади и спереди, но скоро вдали за мерцали огни. Крутой косогор заслонял мутное небо, а внизу раскинулось большое селение. Туда они и поспешили, в надежде на жаркий огонь, стены с крышей и дверь — отгородиться от ночи.

Глава IX «Гарцующий пони»

Пригорье было главным селением здешних мест; еще три ютились неподалеку: за горой — Подстенок, в глубокой теснине к востоку — Гребешок и Арчет у опушки Четбора — словом, жилой островок среди пустынного края. На две-три мили от подошвы горы простирались пашни и отступал лес.

Жили здесь темно-русые, ширококостные, приземистые люди веселого и независимого нрава; никаких властей они не признавали, зато с хоббитами, гномами и эльфами ладили не в пример лучше, чем тогдашние (да и теперешние) Громадины. Согласно их собственным преданьям, явились они сюда раньше всех прочих: они, мол, прямые потомки первых западных поселенцев незапамятных времен. Уйму народу сгубили древнейшие усобицы, однако же, когда цари и князья возвратились из-за Великого моря, пригоряне жили себе да поживали, где и прежде, и живут-поживают там до сих пор, а бывшие цари и князья давным-давно уж стали небывальщиной.

Во времена нашей повести иных людей и не водилось на дальнем Западе, во всяком случае на добрую сотню лиг вокруг Хоббитании. Только в глухомани за Пригорьем скитались какие-то странные бродяги: пригоряне прозвали их Следопытами, а откуда они взялись, было неизвестно. Они были не по-здешнему рослые и смуглые, видели будто бы чуть не сквозь стену, слышали, как трава растет, и понимали звериный и птичий язык. Бродяжили они где-то на юге, ходили и на восток — до самых Мглистых гор; правда, становилось их все меньше, и появлялись они все реже. А когда появлялись — приносили новости из дальних земель, рассказывали чудные стародавние сказания, и слушать-то их слушали охотно, однако недолго любили.

Местные хоббиты, довольно многочисленные, опять-таки обитали здесь якобы с наидревнейших времен, задолго до того, как их сородичи перешли Брендидуим и заселили Хоббитанию. Хоббиты облюбовали Подстенок, но строились и в Пригорье, особенно выше по склону, над людскими жилищами. Громадины и Коротышки (как они называли друг друга) жили по-соседски; со своими делами те и другие управлялись на свой лад, но считали, что они два сапога пара. Больше нигде в нашем мире такого необычного (и образцового) благоустройства не было.

Ни здешние Громадины, ни Коротышки были не охотники до путешествий: им и своих новостей хватало — как-никак четыре селения. Иной раз пригорянские хоббиты добирались до Забрэндии, а то и до Восточного удела; да и до них было недалеко добираться: день езды от Брендидуимского моста, — но гостей из Хоббитании тоже наезжало маловато. Редкий Брендизайк

или особо шустрый Крол гостил в трактире денек-другой; однако теперь и такого почти не случалось. Пригорян и всех прочих заграничных хоббитов в Хоббитании называли чужеродцами и чурались их: они, мол, тупые и неотесанные. Таких чужеродцев развелось в ту пору на Западе куда больше, чем думали в Хоббитании. Иные из них и правда были сущие бродяги: рыли норы где ни попадя и чуть что — снимались с места. Но как раз в Пригорье-то жили хоббиты основательные и зажиточные, ничуть не плоше своей дальней родни в Хоббитании. И не совсем еще забылись те времена, когда дорога между Пригорьем и Хоббитанией была торной. Многие Брендизайки, как ни считай, были родом из Пригорья.

Каменных людских домов было в Пригорье до сотни: мостились они большей частью на косогоре над Трактом, окнами на запад. С этой стороны гору огибал уходящим за склоны полукружием глубокий ров, а за ним тянулась надежная ограда. Тракт пересекал ров по гати и утыкался в добротные ворота. От южной окраины селения Тракт продолжался — за воротами такими же добротными. Под вечер те и другие накрепко запирались, и привратницкие будки стояли за ними.

Внутри селения дорога сворачивала направо, к подножию горы, и подводила к большому трактиру. Он был построен очень давно, когда эта дорога не пустовала. Ведь Пригорье строилось на древнем перекрестке, и старая-старая дорога пересекала Великий Тракт к западу от селения, и в былые дни не только люди, но и разный прочий народ хаживал тамошними путями. «Такого и в Пригорье не услышишь», — говорили в Восточном уделе, и говорили по старой памяти, с той поры когда в трактире обменивались новостями с юга, севера и востока, а хоббитанским хоббитам доводилось их выслушивать. Но северный край давно опустел, и северный путь зарос травой: пригоряне называли его Неторным Путем.

А трактир как стоял, так и стоит, и трактирщик по-прежнему важная персона. Там у него собираются лентяи, болтуны, завзятые сплетники всякого роста из всех четырех селений, находят приют Следопыты и прочие бродяги, останавливаются путники, почти что все гномы — а кому еще ездить по Великому Тракту, туда и сюда?

Совсем стемнело, когда Фродо и его спутники, уже при звездах, миновали Неторное Перепутье и наткнулись на запертые Западные Ворота. Впрочем, за воротами была сторожка, а в сторожке сидел человек. Он изумленно вскочил и с фонарем в руках поспешил им навстречу.

— Кто такие, откуда едете? — неприветливо спросил он.

— Хотим остановиться у вас в трактире, — ответил Фродо. — Едем на восток, а пока что приехали сюда.

— Хоббиты! Целых четыре хоббита! Судя по выговору, из самой Хоббитании, вот оно как! — пробормотал привратник.

Потом он не спеша растворил ворота и пропустил путников.

— Редко прибывают к нам ночью гости из Хоббитании! — продолжал он вслух, когда они задержались у ворот. — А чего это, простите, вам понадобилось ехать на восток, еще дальше Пригорья? И как вас величать прикажете, не считите за любопытство?

— Мало ли как нас величают и мало ли что нам понадобилось, — отрезал

Фродо, — здесь не место об этом разговаривать. — Ему не понравился чересчур любознательный привратник.

— Да ведь с меня же спросят, кого я пропустил по ночному времени, — стал оправдываться тот.

— Мы — хоббиты из Забрэндии, дела у нас у всех разные, добрались вот до вас, — сказал Мерри. — Я, например, Брендизайк. Чего еще-то? А нам говорили, что пригоряне всегда рады гостям.

— Да рады, еще бы не рады! — заверил их привратник. — Я-то ничего такого, а вы вот погодите, вас еще доймают расспросами! Уж подумаешь, старый Горри полюбопытствовал... К нам нынче кто только не забредает. В «Пони» придете, так сами удивитесь.

Привратник пожелал им доброй ночи, они кивнули и проехали; однако Фродо заметил, что он поднял фонарь и смотрит им вслед. Ворота лязгнули: хоть это хорошо — запираются. Почему это привратнику так интересно про хоббитов из Хоббитании? Может, Гэндальф про них спрашивал? Очень просто: они Лесом да Могильниками, а он уже здесь... Все равно, как-то подозрительно глядел привратник и неприятно разговаривал.

А привратник посмотрел-посмотрел вслед хоббитам и пошел в свою сторожку. Но едва он повернулся спиной к воротам, их перемахнул какой-то человек — и тут же растворился в уличной темноте.

Хоббиты ехали по улице и с удивлением оглядывали непривычно большие дома. Когда Сэм увидел трехэтажный, многооконный трактир, у него даже сердце упало. Великаны выше деревьев и прочие чудища — ладно, это когда-нибудь потом; а тут кругом громадины-люди и огромные людские дома — честное слово, хватит, на сегодня уж натерпелись. Может, вообще черные оседланные кони стоят во дворе трактира, а Черные Всадники глядят на подъезжающих из окон?

— Неужели же, сударь, здесь и остановимся? — спросил он у Фродо. — Лучше поспрошаем каких ни на есть хоббитов — все привычнее!

— А чем тебе плох трактир? — отозвался Фродо. — И Том Бомбадил нам сказал: сюда. Погоди, внутри небось поуютнее.

Трактир, если приглядеться, и снаружи обещал уют. Он стоял у самого Тракта, два крыла его упирались в склон холма, так что окна второго этажа были сзади вровень с землей. Широкие ворота вели во двор; вход в дом был слева, над шестью широкими ступеньками. Дверь украшала гордая вывеска:

ГАРЦУЮЩИЙ ПОНИ, СОДЕРЖИТ ЛАВР НАРКИСС

Многие окна первого этажа чуть светились из-за плотных штор.

Они оставили во дворе нерасседланных пони и поднялись по ступенькам. Фродо вошел первым и чуть не натолкнулся на лысого, краснолицего толстяка в белом переднике. Он мчался наперерез, из одной двери в другую, с подносом, заставленным пенистыми пивными кружками.

— Можно у вас... — начал Фродо.

— Мигом, я мигом! — крикнул тот через плечо и канул в табачный дым и гул голосов.

В самом деле, не успел Фродо опомниться, как он уже снова стоял перед ним.

— Добрый вечер, маленький мой господин! — сказал он. — Что угодно?

— Четыре постели и стойла для пятерых пони. А вы — господин Наркисс?

— Вот именно! — обрадовался толстяк. — А зовут Лавр. Лавр Наркисс к вашим услугам! Из Хоббитании? — спросил он и вдруг шлепнул себя ладонью по лбу, словно что-то припомнив. — Хоббиты! — воскликнул он. — Ах да, ведь хоббиты! Имечко позвольте?

— Господин Крол, господин Брендизайк, — представил спутников Фродо. — А это Сэм Скромби. Лично я — Накручинс.

— Ну что ты будешь делать! — вскрикнул Лавр Наркисс, щелкнув пальцами. — Забыл — и все тут! Ничего, вспомню, успеется. Я тут прямо с ног сбился: а про вас, значит, так. Дорогие гости из Хоббитании к нам редко жалуют — устроим, как не устроить. Правда, сегодня все забито, местечка свободного нет, яблоку негде упасть. У ворот невпроворот, как говорят у нас в Пригорье. Эй, Ноб! — заорал он. — Ах ты, телепень шерстолапый! Ноб!

— Иду, хозяин! Здесь я! — Шустрый круглолицый хоббит выскочил из какой-то двери; завидев сородичей, он так и разинул рот.

— А где Боб? — крикнул трактирщик. — Ах, не знаешь! Так найди! Ноги в руки! Не мне за вами следить, у меня глаз на затылке нет! Скажи Бобу: во дворе пять штук пони, пусть устраивает как знает!

Ноб ухмыльнулся, подмигнул и убежал.

— Да, так, значит, о чем я? — спохватился хозяин и хлопнул себя по лбу. — Как говорится, память дырявая, а заштопать некогда. И вечерочек еще тоже выдался: ни вздохнуть, ни охнуть. Голова кругом идет. Тут прошлой ночью странная компания с юга подвалила. Неторным Путем. Потом гномы — с востока, ясное дело, на запад. А теперь вы. Кабы вы не хоббиты, так и делать бы нечего: нет мест, хоть режьте, а нет! Ну а раз уж вы хоббиты, то я вам прямо скажу: есть для вас места! Еще когда трактир строили, нарочно отвели в северном флигеле комнатку-другую — вдруг хоббиты приедут! Там, конечно, пониже, чем тут; все как вы любите: окна круглые, потолки низкие. Ужин вам — это само собой, еще бы, это сейчас. Пойдемте!

Он провел их покатым коридором и распахнул дверь.

— Ай да комнатка! — сказал он. — Как, подойдет? Ну, я побежал, простите, слова сказать некогда. Две руки, две ноги — тут бы и шести не хватило, звоните, Ноб все сделает, все принесет. А не услышит, телепень этакий, звоните, топайте и кричите!

Наконец он в самом деле убежал и дал им передохнуть.хлопот у него, видно, и правда было поперх головы, но болтать он наловчился на ходу. Они осмотрелись: небольшая комнатка выглядела очень уютно. В камине пылал яркий огонь, перед камином стояли низкие кресла. Круглый стол был накрыт свежей скатертью, на столе — колокольчик. Звонить, однако, не пришлось, Ноб явился сам: в одной руке подсвечник, в другой — поднос, уставленный тарелками.

Ужин был подан в мгновение ока: горячий бульон, заливное мясо, ежевичный джем, свежесдобенный хлеб, вдоволь масла и полголовы сыру. Словом, не хуже, чем в Хоббитании, даже Сэм перестал недоверчиво поглядывать по сторонам; он, впрочем, перестал, еще когда принесли свежайшее пиво.

Подоспел хозяин, погулял вокруг стола — и с извинением откланялся.

— Вот поужинаете, захочется вам общества, — сказал он в дверях, — а мо-

жет, и не захочется, может, сразу в постель, доброй ночи, спокойного сна, — но если захочется, приходите в залу, все вам будут очень рады: как же, гости из Хоббитании, да еще наверняка с новостями! Может, порасскажете, может, споете — все хорошо! Словом, захотите — придете, не захотите — как хотите. Будет какая надобность, звоните в колокольчик!

За час с небольшим хоббиты наелись, напились и приободрились. Фродо с Пинном, а заодно уж и Сэм решили пойти народ поглядеть и себя показать. Мерри сказал, что он им не компания — залы, дескать, в трактирах везде одинаковые: дым, шум и гам.

— Посижу лучше спокойно у огонька, потом, может, выйду прогуляться. Только вы там языки-то не распускайте, помните, что мы — тайные беглецы, а Хоббитания — рядом, нас любая собака учует, если обнюхает!

— Ладно, ладно! — сказал Пин. — Ты сам-то не потеряйся — и учти, что снаружи хорошо, а внутри — лучше!

В зале собрался самый разный и самый пестрый народ. Фродо разглядел их, когда глаза его привыкли к тамошнему свету, чтоб не сказать полутьме. Красноватые отблески сеял огромный камин, а три многосвечных светильника тонули в табачном дыму. Лавр Наркисс, стоя у огня, разговаривал одновременно с двумя гномами и тремя людьми странного вида. На скамьях сидели попережку пригоряне, местные хоббиты, гномы и еще всякие, в дыму не разобрать.

При виде хоббитанских хоббитов пригоряне захлопали в ладоши и радостно загомонили. Чужаки, особенно те, с Неторного Пути, оглядели их с головы до ног. Хозяину не терпелось представить пригорянам новоприбывших гостей, а тех — этим: так не терпелось, что хоббитов просто огорошил перечень имен. У пригорян фамилии все больше растительные: Тростняк, Верескор, Чертополокс, Осинник и тому подобные. Здешние хоббиты не отставали: самое частое имя у них было Стародуб. Норкинсы, Запескунсы, Прорытвинсы, Длинноноги — наверняка не без родни в Хоббитании. Оказались и настоящие Накручинсы: они живо смекнули, что Фродо не иначе как их новоявленный дядюшка!

Дружелюбие здешних хоббитов мешалось с любопытством, и вскоре Фродо понял, что без объяснений не обойдешься. Он сказал, что интересуется историей и географией (все закивали, хотя слова были диковинные), что собирается писать книгу (изумленное молчание было ему ответом), что он и его друзья собирают сведения о хоббитах, живущих за пределами Хоббитании, особенно о восточных хоббитах.

Все наперебой загалдели; если бы Фродо в самом деле собирался писать книгу и если бы у него была сотня ушей, он бы за несколько минут набрал материалу на десяток глав. Мало того, ему посоветовали обратиться к таким-то и таким-то, начиная «хоть бы с того же Наркисса». Потом стало ясно, что сию минуту Фродо ничего писать не будет; тогда хоббиты снова принялись выспрашивать о хоббитанских делах. Фродо, как всегда, цедил слова в час по чайной ложке и скоро оказался в одиночестве — сидел в уголке, смотрел да слушал.

Люди и гномы обсуждали события на востоке и обменивались новостями — в общем-то, всем известными. Там, откуда пришли люди с Неторного,

земля горела у них под ногами, и они искали новых мест. Пригоряне сочувствовали, но, видно, надеялись, что их эти поиски обойдут стороной. Один из пришельцев, косоглазый и уродливый, предсказал в ближайшем будущем нашествие с юго-востока.

— И место им лучше пусть приготовят заранее, а то они его сами найдут. Жить-то надо, и не только иным-прочим!

Сказано это было нарочито громко, и местные обменялись тревожными взглядами.

Хоббиты разговаривали в стороне; людские заботы их не слишком тревожили. Норы или даже домики хоббитов Большому Народу ни к чему. Все сгрудилось вокруг Сэма и Пина, а те разливались соловьем, особенно Пин — за каждой его фразой следовал взрыв хохота. Последняя, самая смешная новость была про то, как в Землеройске рухнула крыша Ратушной Норы, и не кто-нибудь, а сам голова Вил Тополап еле успел выскочить, с головы до ног обсыпанный известкой, что твой пончик сахарной пудрой. Смех смехом, а некоторые вопросы Фродо очень не понравились. Один из здешних хоббитов, например, раз-другой-третий побывавший в Хоббитании, так-таки любопытствовал, где это там живут Накручинсы и с кем они в родне.

Вдруг Фродо заметил, что даже по здешним местам странный, суровый человек с обветренным лицом, сидя в полумраке у стены за кружкой пива, внимательно прислушивается к беззаботной болтовне хоббитов. Он курил длинную трубку, устало вытянув под столиком ноги в охотничьих сапогах, выдавших виды и обляпанных грязью. Старый пятнистый темно-зеленый плащ он не снял и, несмотря на духоту, даже не откинул капюшон. Из-под капюшона глаза его жестко поблескивали, и видно было, что глядит он на хоббитов.

— Это кто? — спросил Фродо, улучив случай перешепнуться с хозяином. — Представлен, кажется, не был?

— Этот-то? — шепотом же отвечал хозяин, скосив глаз и не поворачивая головы. — Да как вам сказать. Непонятный народ, шляются туда-сюда... мы их для смеху Следопытами прозвали. Он и слово-то редко обронит, но вообще ему есть о чем порассказать. Пропадет на месяц, если не на год, — а потом на тебе, тут как тут, сидит пиво пьет. Прошлой весной он частенько здесь бывал, потом пропал — и вот опять объявился. Не знаю, как его на самом деле зовут, а у нас-то называют Бродяжником. Странно, однако же, что вы про него спросили. — Но тут Лавра позвали — где-то кончилось пиво, — и последние его слова остались без объяснений.

Фродо заметил, что Бродяжник смотрит прямо на него, будто догадался, что о нем была речь. Потом он кивнул и сделал знак рукой, приглашая Фродо к себе. Фродо подошел, и Бродяжник откинул капюшон: густые черные волосы его уже пробил седина, на длинном скуластом лице сурово светились серые глаза.

— Меня зовут Бродяжником, — негромко сказал он. — А вы, кажется, господин Накручинс, если Лавр не перепутал?

— Он не перепутал, — сухо ответил Фродо. Что-то чересчур пристально его разглядывали.

— Разумеется, нет. Так вот, сударь мой Накручинс, — сказал Бродяжник, — я бы на вашем месте слегка урезонил своих молодых друзей. Погреться, выпить, закусить, поболтать — это все, конечно, прекрасно, но здесь вам не Хоб-

битания: мало ли кто слушает их болтовню. Не мое дело, разумеется, — прибавил он, улыбнувшись углом рта и не спуская глаз с Фродо, — но в Пригорье, знаете, нынче бывает самый разный народ!

Фродо выдержал пристальный взгляд и промолчал; а взгляд обратился на Пина, который под общий смех рассказывал об Угощении. Еще немного — и расскажет, как Бильбо исчез: про сказочного Торбинса ведь всем интересно, а некоторым — особенно!

Фродо рассердился. Вздор, конечно: здешние хоббиты ничего не поймут, посмеются и забудут — мало ли чего, мол, творится у них там за Рекой, — но есть и такие, кто выслушает в оба уха (тот же Лавр Наркисс!), кому и про Бильбо кое-что известно.

Он закусил губу, думая, что бы сделать. Пин услаждал слушателей и, видно, совсем забылся. Как бы он не упомянул Кольцо — ему недолго, а уж тогда...

— Быстро — прервать! — шепнул ему на ухо Бродяжник.

Фродо вспрыгнул на стол и начал громкую речь. От Пина отвернулись: хоббиты решили, что господин Накручинс наконец хлебнул пива и стал пословно-охотливее.

Фродо почувствовал себя полным болваном и принялся, как это было у него в обычае, когда доходило до речей, копать в кармане. Он нащупал цепочку, Кольцо — и ему вдруг до ужаса захотелось исчезнуть... правда, захотел он будто не сам, а по чьей-то подсказке. Он удержался от искушения и сжал Кольцо в горсти — словно затем, чтобы оно не ускользнуло и не наделало безобразий. Во всяком случае, оно ему вроде бы ничего не подсказало: попробовало, да не вышло. Для начала он произнес «приятственное слово», как сказали бы в Хоббитании:

— Все мы очень тронуты вашим теплым приемом, и смею надеяться, что мое краткое пребывание здесь обновит былые узы дружбы между Хоббитанией и Пригорьем, — потом замялся и закашлялся.

Теперь на него глядели все в зале.

— Песню! — крикнул кто-то из хоббитов.

— Песню! Песню! — подхватили другие. — Что-нибудь новенькое или из старенького, чего никто не слышал!

Фродо на миг растерялся. Потом припомнил смешную песню, которую очень любил Бильбо (и очень гордился ею — должно быть, потому, что сам ее сочинил). Вот она — целиком, а то нынче из нее помнят только отдельные строки:

*Под горой стоит трактир.
Но не в этом диво.
Дивно то, что как-то встарь
Соскочил с луны лунарь,
Чтобы выпить пива.*

*Вот зашел в трактир лунарь,
Но не в этом дело.
Там был пес, и этот пес
Хохотал над ним до слез —
Видимо, за дело.*

Вот лунарь спросил пивка,

Но не это странно.
Там был кот, и этот кот
На дуде играл гавот
Весело и рьяно.

А корова у дверей,
Подбочась вальяжно,
Под дуду пустилась в пляс
И плясала целый час,
Но не это важно.

И неважно, что ножи,
Ложки и тарелки
Стали весело скакать,
В огоньках свечей сверкать
Да играть в горелки.

А корова поднялась,
Гордо и отважно,
Да как встанет на дыбы,
Как пойдет бодать дубы! —
Это все не страшно.

Вот испил пивка лунарь,
Но беда не в этом.
Худо то, что он под стул
Закатился и уснул
И не встал с рассветом.

Начал кот опять дудеть,
Но не в этом штука.
Он дудел что было сил,
Тут и мертвый бы вскочил.
А лунарь — ни звука.

Спит лунарь — и ни гугу,
Как в своей постели.
Ну, подняли старину,
Зашвырнули на луну —
В самый раз успели.

Дунул кот в свою дуду
Гулко и беспечно —
Лопнула его дуда,
А была ведь хоть куда!
Но ничто не вечно.

Тут корова вдруг взвилась
В небо, будто птица.
Долетела до луны,
Поглядела с вышины —
Ох, не воротиться!

На луне она живет,
Но не в том потеха.

*На заре веселый пес
Зубы скалить стал всерьез —
Озверел от смеха.*

*Убралась луна с небес,
Быстро и устало:
Дождалась богатыря,
Выпивоху-лунаря, —
Тут и солнце встало.*

*Огляделось — день как день,
Небо — голубое,
Но в трактире не встает,
А ложится спать народ —
Это что ж такое?!*

Хлопали громко и долго. У Фродо был неплохой голос, да и песня понравилась. Потребовали еще пива и захотели послушать песню заново. Поднялся крик: «Еще разок! Просим!» Фродо пришлось выпить кружку-другую и спеть песню сначала. Ему подпевали: мотив был знакомый, слова подхватывали на лету. Теперь уж ликовал Фродо. Он беззаботно скакал по столу, а когда дошел до слов «Тут корова вдруг взвилась», подпрыгнул и сам, только чересчур высоко — так что угодил в поднос с пивными кружками, поскользнулся и хлопнулся со стола. Слушатели приготовились дружно захохотать во всю глотку — и замерли с разинутыми ртами: певец исчез. Как в подпол провалился и даже дырки не оставил!

Наконец местные хоббиты позакрывали рты, вскочили на ноги и во весь голос призвали Лавра к ответу. Вокруг Пина и Сэма мгновенно образовалась пустота; их оглядывали угрюмо и неприязненно. Из компанейских ребят они превратились в пособников приبلудного колдуна, который пожаловал в Пригорье невесть зачем. Один чернявый пригорянин щурился на них так злорадно-понимающе, что им стало и вовсе не по себе. А тот кивнул косоглазому южанину, и они вышли вместе (Сэм вспомнил, что весь вечер они вполголоса переговаривались, поглядывая на хоббитов). Следом за ними поспешил и прихватчик Горри.

Фродо клял себя на чем свет стоит. Раздумывая, как бы загладить промах, он прополз под столом в темный угол к Бродяжнику, который сидел совершенно спокойно, будто ничего не случилось. Фродо откинулся к стене и снял Кольцо. Как оно оказалось у него на пальце — это была загадка. Разве что он во время песни держал руку в кармане, а когда падал, руку выдернул и случайно подхватил его — разве что так... Уж не само ли Кольцо, подумал он, сыграло с ним эту шутку и обнаружило себя по чьему-то желанию или велению — но по чьему? Те, которые сейчас вышли, были ему очень подозрительны.

— Так, — сказал Бродяжник, заметив его, но не поворачивая головы. — Ну зачем это вам понадобилось? Молодежь и та не могла бы навредить больше. Да, прямо ногой в капкан. Ногой — или, может, пальцем?

— Не понимаю, о чем вы толкуете, — раздраженно отозвался Фродо.

— Понимаете, как нельзя лучше понимаете, — усмехнулся Бродяжник, — только вот пусть шум уляжется. А тогда если позволите, *господин Торбинс*, я с

вами и правда хотел бы потолковать.

— О чем же это нам с вами толковать? — спросил Фродо, как бы не заметив, что его назвали настоящим именем.

— О делах довольно важных — и для вас и для меня, — ответил Бродяжник, поймав взгляд Фродо. — Впрочем, не бойтесь, ничего страшного.

— Ну что ж, послушаем, — сказал Фродо, стараясь не поддаваться собеседнику. — Потом, попозже.

А у камина горячо пререкались. Лавр Наркисс, отлучившийся на кухню, подоспел к шапочному разбору и выслушивал теперь сбивчивые и несогласные между собою рассказы о диковинном деле.

— Я его своими глазами видел, господин Наркисс, — утверждал один хоббит. — Я своими глазами видел, как его видно не стало. Растворился в воздухе, да и все тут.

— Не скажите, господин Стародуб! — поспешно остерегал хозяин.

— А вот и скажу! — утверждал господин Стародуб. — И что скажу, на том стою!

— Нет, тут что-то не так! — говорил трактирщик, сомнительно качая головой. — Чтобы господин Накручинс, с его комплекцией, растворился в воздухе? Тем более какой уж здесь воздух!

— А тогда где же он? — крикнули несколько голосов.

— Мне-то почему знать? Его дело; по мне, лишь бы утром не забыл заплатить. А куда же он денется, если господин Крол — вот он, нигде не растворился.

— Ну а я сам видел, как его стало не видно! — упрямылся господин Стародуб.

— Какая-то вышла ошибка, — не сдавался Лавр Наркисс, собирая на поднос разбитую посуду.

— Конечно, ошибка! — сказал Фродо. — Никуда я не исчез. Вот он я! Просто надо было перекинуться парой слов с Бродяжником.

Он шагнул вперед, и его озарило каминное пламя, но от него отпрянули, как от призрака. Напрасно он объяснял, что просто-напросто быстро отполз под столами. Оставшихся хоббитов и пригоряч как ветром сдуло — ни пива, ни разговоров им больше не хотелось, а в дверях один-другой обернулись и мрачно поглядели на Фродо. Замешкались только гномы и два или три чужеземца: они распрощались с хозяином, даже не покосившись на Фродо и его друзей. Вскоре в зале остался один Бродяжник, почти незаметный у стены.

Однако трактирщик не слишком огорчился: должно быть, смекнул, что много еще вечеров будет собираться тот же народ — судить да рядить о диковинном происшествии.

— Что же это вы творите, господин Накручинс? — с веселой укоризной спросил он. — Завсегдатаев моих распугали, посуду перебили!

— Прошу прощенья, что причинил столько хлопот, — сказал Фродо. — Уверю вас, это вышло совершенно ненамеренно. Прискорбный случай.

— Бывает, бывает, господин Накручинс! Однако же впредь, если вам вздумается исчезать или там колдовать, вы уж скажите загодя — и не кому-нибудь, а мне. Мы тут, знаете, не привыкли ко всяким чародейским штукови-

нам: сперва подготовить народ надо!

— Больше никаких шуток, господин Наркисс, это я вам твердо обещаю. В общем, нам давно пора спать; мы ведь тронемся рано утром. Вы уж приглядайте, чтобы наши пони были готовы к восьми, ладно?

— Хорошо, будут готовы! Только вот перед сном надо бы мне лично с вами поговорить. Я кой-чего припомнил важное — надеюсь, что никакого огорчения не выйдет. Сейчас пригляжу за тем, за сем — и к вам, с вашего позволения.

— Да, пожалуйста! — пролепетал Фродо упавшим голосом и подумал: сколько же ему еще разговаривать перед сном о важных делах? Неужели все они тут заодно? Даже добродушная круглая физиономия Лавра Наркисса показала ему зловещей.

Глава X

Бродяжник

Родо, Пин и Сэм, один за другим, вошли в свою темную комнату. Мерри не было, огонь в камине еле теплился. Только раздув уголья и подкинув несколько поленьев, они заметили, что Бродяжник от них не отстал: он, оказывается, уже сидел в кресле у дверей!

— Ого! — сказал Пин. — Кто это такой, чего ему надо?

— Меня зовут Бродяжником, — отозвался тот, — а друг ваш обещал мне разговор, и надеюсь, что он об этом не забыл.

— Да, вы желали «потолковать о делах довольно важных», — припомнил Фродо. — Что же это за дела?

— Именно довольно важные, — отвечал Бродяжник. — И о цене уговоримся наперед.

— О какой такой цене?

— Не вскидывайтесь! Давайте я скажу вам, что знаю, дам добрый совет — и буду ждать благодарности.

— А дорого она нам станет? — спросил Фродо.

Он решил, что попал в лапы вымогателю, и мысленно пересчитал захваченные с собою деньги. Маловато, да и отдавать жалко.

— По карману, — невесело усмехнулся Бродяжник, будто угадав расчеты Фродо. — Просто-напросто вы берете меня в спутники, и я иду с вами, пока мне это угодно.

— Еще чего! — отрезал Фродо, изумленный и встревоженный больше прежнего. — Нам не нужен спутник, а был бы нужен, я про него сначала все разузнал бы — кто он такой да чем занимается.

— Так и надо, — одобрил Бродяжник, скрестив ноги и усевшись поудобнее. — Вы, кажется, приходите в себя, и это явно к лучшему. Хватит уж безрас-

судства. Стало быть, я скажу вам, что знаю, а благодарность за вами — авось не замедлит.

— Тогда выкладывайте, что вы там знаете, — потерял терпение Фродо.

— Чересчур много такого, о чем вам-то лучше не знать, — с прежней усмешкой отозвался Бродяжник. — Что же до вас... — Он встал, подошел к двери, быстро раскрыл ее и медленно затворил. Потом снова уселся в кресло. — У меня чуткий слух, — сказал он, понизив голос. — Исчезать я, правда, не умею, но доводилось мне охотиться на самую пугливую дичь — и подстергать ее. Вот и нынче вечером стерег я Тракт лиги за две от Западных Ворот. Смотрю — едут четыре хоббита дорогою из Волглого Лога. Не буду пересказывать, о чем они между собой толковали и как прощались со стариной Бомбадиллом. Главное — один хоббит говорит другим: «Смотрите же — я теперь никакой не Торбинс. Спросят — так Накручинс!» Тут-то мне и стало интересно: я проводил хоббитов по Тракту до ворот и дальше — к «Гарцующему пони». Наверно, господин Торбинс недаром скрывает свою настоящую фамилию, но я посоветовал бы ему быть еще осторожнее.

— Не понимаю, почему фамилия моя здесь кого-то интересует, — сердито ответил Фродо, — и уж совсем не понимаю, отчего она вас-то интересует. Наверно, господин Бродяжник недаром подстерегает и подслушивает, но я посоветовал бы ему не говорить загадками.

— Слово за слово! — рассмеялся Бродяжник. — Однако загадок нет: я ожидаю хоббита по имени Фродо Торбинс, и время мое на исходе. Я знаю, что он покинул Хоббитанию, скрывая тайну, очень важную для меня и моих друзей... Только не хватайтесь за кинжал! — предупредил он хоббитов, когда Фродо вскочил с места, а Сэм смерил его вызывающим взглядом. — Я сберегу вашу тайну не хуже вас. А беречь — надо! — Он подался вперед и с сомнением поглядел на них. — Будьте настороже, следите за каждой тенью! — тихо и твердо сказал он. — Черные конники уже побывали в Пригорье. Один, говорят, вчера прискакал по Неторному, а к вечеру явился и второй. Один — с юга, другой — с севера.

Сидели и молчали. Наконец Фродо сказал Пину и Сэму:

— Мне бы сразу догадаться — и привратник допытывался, и хозяин поглядывал искоса: видно, что-то прослышал. Не зря ведь он тащил нас в залу? Мы, конечно, тоже хороши — надо было сидеть в своей комнате, и все тут.

— Надо было, — подтвердил Бродяжник. — Я бы вам это объяснил, да Лавр помешал — не скандал же устраивать!

— А вы думаете, он... — начал было Фродо.

— Нет, этого я не думаю, — предугадал вопрос Бродяжник. — Просто Лавр не любит, когда разные бродяги тревожат почтенных гостей.

Фродо смущенно поглядел на него.

— И то сказать, чем я с виду лучше иного колоброда? — сказал Бродяжник, вскинув глаза на Фродо и все так же хмуро улыбаясь. — Надеюсь, однако же, что мы еще познакомимся как следует, тогда ты мне и объяснишь, зачем было исчезать, не кончив песни. Эта проделка...

— Да не проделка, а просто нечаянно! — прервал его Фродо.

— Положим, нечаянно, — согласился Бродяжник. — То есть не по твоей воле. Но из-за этой нечаянной проделки все вы под угрозой. Кстати, прости мне

«ты» — это знак доверия, у нас иначе не говорят.

— Говори, как привык, — сказал Фродо. — А что под угрозой — это не новость. Конники давно уж гонятся за мною; наоборот, хорошо, что мы разминулись в Пригорье.

— Зря ты так думаешь! — строго возразил Бродяжник. — Они вернутся, или другие нагрянут — есть ведь и другие. Число их мне известно, ибо я знаю, кто они такие. — Он помолчал, и глаза его сурово блеснули. — Здесь в Пригорье — как и везде, впрочем, — немало дрянных людишек. Бит Осинник, например, — видели его сегодня? О нем идет скверная молва; кто у него только не гостит! Наверняка заметили — чернявый такой, с кривой ухмылкой. Липнул к одному южанину, с ним и вышел — после твоей нечаянной проделки. Южане мне очень подозрительны, а Бит Осинник кого угодно за грош продаст, даже и не за грош, а просто потехи ради.

— Кого это он будет продавать и при чем тут моя, как ты говоришь, проделка? — спросил Фродо, по-прежнему словно не замечая намеков Бродяжника.

— Вас он будет продавать, и за хорошую цену, — отвечал Бродяжник. — Рассказ о нынешнем вечере очень дорого стоит. Поддельным именем никого теперь не обманешь: все ясней ясного. Вас опознают еще до утра. Довольно объяснений? Берите или не берите меня в провожатые, ваше дело. Земли между Хоббитанией и Мглистым хребтом я исходил вдоль и поперек. Я старше, чем вам кажется; опыт мой пригодится в пути. На Тракт вам нельзя: конники будут следить за ним днем и ночью. В глушь тоже нельзя. Из Пригорья вы, может, и выберетесь, проедете по солнышку часок-другой, а потом-то что? Настигнут вас в стороне от дороги, где и на помощь звать некого. Вы знаете, что с вами будет, если они вас нагонят? Берегитесь!

Голос Бродяжника изменился. Хоббиты с изумлением увидели, что спокойное лицо его потемнело, а руками он крепко сжал поручни кресла. В комнате было тихо и сумрачно, камин едва теплился. Бродяжник глядел незрячими глазами, вспоминая что-то давнее, словно вслушиваясь в ночь.

— Да, так вот, — сказал он, проведя рукой по лбу. — Я про ваших преследователей знаю больше, чем вы. Вы их боитесь — и правильно, только самого страшного не понимаете. Надо, чтоб завтра и след ваш простыл. Бродяжник поведет вас неведомыми тропами — если он годится вам в провожатые.

Снова надвинулось молчанье. Фродо, в испуге и сомненье, медлил с ответом. Сэм нахмурился, глянул на хозяина, вскочил и выпалил:

— С вашего позволения, сударь, я скажу: нет, не годится! Бродяжник, он на что напирает: берегитесь, мол! — и тут я с ним согласен. Только не его ли поберечься для начала-то? Он ведь из Глухоманья, а там, слышно, добрые люди не живут. Что-то он про нас хитрым делом вызнал, это ясно. Так поэтому надо брать его в провожатые? Чего доброго, заведет он нас, как сам сказал, туда, где и на помощь-то позвать некого. Нет, сударь, как знаете, конечно, а у меня к нему душа не лежит.

Пин поерзал было на стуле, но смолчал. Бродяжник, не ответив Сэму, вопросительно посмотрел на Фродо. Тот отвел глаза.

— Нет, Сэм, ты, пожалуй, не прав, — медленно выговорил он. — А ты, — он обратился к Бродяжнику, — ты же совсем не такой, как с виду, а зачем притворяешься? Начал говорить — вроде пригорянин, а теперь и голос другой. Сэм прав: как же ты советуешь нам следить за каждой тенью, а сам ждешь, что мы

тебе сразу и безоглядно доверимся? Кто ты на самом деле? Что ты про меня — про мои дела — знаешь? Как узнал?

— Вы, я вижу, и без моих советов настороже, — усмехнулся Бродяжник. — Но одно дело осторожность, другое — нерешительность. Без меня вы до Раздола не доберетесь, так что вам волей-неволей придется мне поверить. Жду я от вас, однако, не столько доверия, сколько решимости. На вопросы твои — правда, не на все — готов для пользы дела ответить. Только что в этом толку, раз у вас наготове недоверие? Я отвечу — вы еще спросите. Так и до рассвета можно проговорить. Вот что, впрочем...

В дверь постучали, и на пороге появился Наркисс со свечами, а за ним виднелся Ноб с ведрами кипятку. Бродяжник незаметно встал и отступил в темный угол.

— Пришел пожелать вам доброй ночи, — сказал хозяин, ставя подсвечники на стол. — Ноб, воду не сюда, а в спальни! — Он захлопнул перед ним дверь. — Тут вот какое дело, — продолжал трактирщик смущенно и нерешительно. — Если из-за меня вышел какой вред, уж простите великодушно. Сами ведь знаете: одно на другое налезает, а я человек занятой. Видите ли, мне велено было поджидать одного хоббита из Хоббитании, по имени Фродо Торбинс.

— Ну и при чем же тут я? — спросил Фродо.

— А, ну да! — закивал трактирщик. — Вы, значит, просто примите к сведению. Мне было сказано, что приедет он под именем Накручинс, и даны, извините, приметы.

— Да? И какие же приметы? — опрометчиво прервал его Фродо.

— Повыше обычного хоббита, плотненький, краснощекий, — торжественно отчеканил наизусть Лавр.

Пин хмыкнул, Сэм насупился.

— «Хотя это тебе, Лаврик, не приметы, — сказал он мне тогда. — Хоббиты — народ похожий, все плотненькие, все краснощекие. Но учти, что все-таки повыше других, рыжеватый и с раздвоенным подбородком. Прищур задумчивый, глаза блестящие, глядит прямо». Прошу прощенья, но я за его слова не отвечаю, если что не так.

— За его слова? А кто это — он? — взволновался Фродо.

— Ах ты, батюшки, забыл сказать: да приятель мой, Гэндальф. Вообще-то он маг, но мы с ним всегда были в дружбе. А теперь вот я даже и не знаю, чего от него ждать: или все пиво мне сквасит, или вообще меня самого в чурбан превратит — у него это мигом, он на расправу-то скор. Может, потом и пожалеет, да ведь сделанного не разделаешь.

— Так что же вы натворили? — нетерпеливо спросил Фродо.

— О чем бишь я? — задумался трактирщик, щелкнув пальцами. — Ах, ну да, старина Гэндальф. Месяца три тому останавливался он у меня в трактире. И вот однажды влетает на ночь глядя прямо ко мне в комнату — даже постучать забыл — и говорит: «Утром, Лаврик, мы уже не увидимся, я до свету уйду. У меня к тебе поручение». — «Слушаю, — говорю, — хоть десять». А он мне: «Ты сможешь отправить с оказией письмо в Хоббитанию? Сможешь передать с кем понадежнее?» — «Уж подыщу кого-нибудь, — отвечаю, — завтра или послезавтра». — «На послезавтра, — говорит, — не откладывай». И дал мне пись-

мо. Надписано-то оно проще простого, — сказал Лавр Наркисс.

Он достал письмо из кармана, принял важный вид (ибо очень гордился своей грамотностью) и зачитал по складам:

— «ХОББИТАНИЯ, ТОРБА-НА-КРУЧЕ, ФРОДО ТОРБИНСУ».

— Письмо — мне — от Гэндальфа! — воскликнул Фродо.

— Так, стало быть, настоящая-то ваша фамилия — Торбинс? — спросил трактирщик.

— Сами ведь знаете, — сказал Фродо. — Отдавайте-ка мне это письмо и объясните, пожалуйста, почему вы его не отправили вовремя. Затем ведь, наверно, и пришли? Долго, однако, раскачивались!

— Ваша правда, сударь, — виновато признал бедняга Лавр, — и опять же прощенья просим. Что мне будет от Гэндальфа — прямо страшно и подумать. Только я ведь без задней мысли: схоронил его понадежнее до подходящего случая, а случая нет и нет — ну и вылетело оно за хлопотами у меня из головы. Зато уж теперь обо всем постараюсь, я оплошал, с меня и спрос: что смогу — только скажите, — сразу сделаю. Да и помимо письма у меня был какой уговор с Гэндальфом? Он мне: «Лавр, мол, тут к тебе явится один мой друг из Хоббитании — а может, и не один, — назовется Накручинсом. Лишних вопросов ему не задавай. Будет в беде — выручай, не жалея ни сил, ни денег, сам знаешь, за мной не пропадет». Вот, значит, и вы, а беда-то рядом ходит.

— Это вы о чем? — осведомился Фродо.

— Да об этих черных, — объяснил хозяин, понизив голос. — Они ведь спрашивали Торбинса, и хоббитом буду, если подобру спрашивали. В понедельник заезжали — собаки скулят и воют, гуси галдят и гогочут — жуть какая-то, честное слово! Двое сунулись в дверь и сопят: подавай им Торбинса! У Ноба аж волосы дыбом. Я-то их кой-как спровадил: езжайте, мол, дальше, там вам и Торбинс, и что хотите. А они уехать уехали, но спрашивали вас, слышно, до самого Арчета. Этот, как его, из Следопытов, ну Бродяжник-то, — он тоже все про вас спрашивал и прямо рвался сюда: ни вам поужинать, ни отдохнуть!

— Верно говоришь, рвался! — вдруг промолвил Бродяжник, выступив из темноты. — И зря ты, Лавр, не пустил меня — тебе же было бы меньше хлопот!

— А ты, значит, уж тут как тут! — мячиком подпрыгнул трактирщик. — Пролез-таки! Теперь-то чего тебе надо, скажи на милость?

— Теперь он здесь с моего ведома, — объявил Фродо. — Он пришел предложить свою помощь.

— Ну, вам, как говорится, виднее, — пожал плечами господин Наркисс, окинув Бродяжника подозрительным взглядом. — Только я бы на вашем месте со Следопытами из Глухоманья, знаете, не связывался.

— А с кем прикажешь ему связываться? — сквозь зубы процедил Бродяжник. — С жирным кабатчиком, который и свое-то имя еле помнит, даром что его день напролет окликают? Они ведь не могут навечно запереться у тебя в «Пони», а домой им путь заказан. Им надо ехать или идти — дальше, очень далеко. Или, может, ты сам с ними пойдешь, отобьешься от Черных Всадников?

— Я-то? Чтоб я из Пригорья? Да ни за какие деньги! — до смерти перепугался толстяк, будто ему и правда это предложили. — Ну, а если вам, господин Накручинс, и в самом деле переждать у меня? Какая спешка? Что вообще за катавасия с этими черными страхолюдами? Откуда они взялись?

— Они из Мордора, Лавр. Понимаешь? Из Мордора, — вполголоса вымол-

вил Бродяжник.

— Ох ты, спаси и сохрани! — побледнел от страха Лавр Наркисс. Видно, слово «Мордор» тяжело лежало у него на памяти. — Давно у нас в Пригорье хуже ничего не слышали!

— Услышите еще, — сказал Фродо. — Ну а помочь-то мне вы все-таки согласны?

— Да как же не помочь, помогу, — шепотливой скороговоркой заверил господин Наркисс. — Хотя и не знаю, что толку от меня и таких, как я, против... против... — Он запнулся.

— Против Тьмы с Востока, — твердо выговорил Бродяжник. — Толку немного, Лавр, но уж какой ни на есть. Ты, например, можешь бесстрашно оставить у себя на ночь господина Накручинса — и не припоминать его настоящее имя.

— Еще бы, еще бы, — с видимым испугом, но тем решительнее закивал трактирщик. — Но черные, они-то ведь знают, что я вам не в помощь. Ох, какая, правда, жалость, что господин Торбинс нынче так себя обнаружил. Про Бильбо-то здесь давно уж слышали-переслышали. Ноб и тот, видать, понял, а ведь есть у нас и которые побыстрее соображают.

— Что ж, надо надеяться, Всадники покамест не нагрянут, — сказал Фродо.

— Конечно, конечно, надо надеяться, — поспешно поддакнул Лавр. — Тем более, будь они хоть сто раз призрак, в «Пони» нахрапом не проберешься. До утра спите спокойно, Ноб про вас слова лишнего не скажет, а мы уж всем домом приглядим, чтоб разные страхолюды здесь не шастали.

— Только на рассвете чтоб нас разбудили, — наказал Фродо. — Надо выйти в самую рань. Завтра, будьте добры, в полседьмого.

— Дело! Заказ есть заказ! — обрадовался трактирщик. — Доброй ночи, господин Торбинс, то есть, простите, Накручинс! А, да, вот только — где же господин Брендизайк?

— Не знаю, — мгновенно встревожившись, отозвался Фродо. Про Мерри они как-то позабыли, а время было позднее. — Гуляет, наверно. Он сказал, пойдет подышит воздухом.

— Да, за вами глаз да глаз! — со вздохом заметил господин Наркисс. — Пойду-ка велю запереть все двери — когда ваш приятель, конечно, вернется, — пусть за этим Ноб приглядит.

Наконец хозяин покинул их, снова бегло прищурившись на Бродяжника и покачав головой. Шаги его в коридоре удалились и стихли.

— Ну как, письмо-то будешь читать? — спросил Бродяжник.

Фродо внимательно рассмотрел печать — да, печать Гэндальфа, бесспорно, — потом сломал ее. Лист был исписан скорым и четким почерком:

ГАРЦУЮЩИЙ ПОНИ, ПРИГОРЬЕ
Равноденствие, год по Летосчислению
Хоббитании 1418-й.

Друг мой Фродо!

Меня настигли дурные вести. Спешу, времени совсем нет; а ты выбрайся побыстрее из Торбы: к концу июля, самое позднее, чтобы в Хоббитании и духу твоего не было! Вернусь, когда смогу; запоздаю — нагоню. Если пойдете через Пригорье, оставьте мне весточку. Трактирщику (Наркиссу) доверять можно. Надеюсь, в дороге встретите моего

друга: человек высокий, темноволосый, зовут Бродяжником. Он все знает и поможет. Идите к Раздолу — там-то уж наверняка свидимся. А не успею — Элронд о вас позаботится и скажет, как быть дальше. Тороплюсь, прости —
ГЭНДАЛЬФ.

Да, к слову: **не надевай его, ни в коем случае не надевай!** Идите днем, ночью прячьтесь!
Еще к слову: когда встретите Бродяжника, будьте осторожны — мало ли кто может так назваться. По-настоящему его зовут Арагорн.

Древнее золото редко блестит,
Древний клинок — ярый.
Выйдет на битву король-следопыт:
Зрелый — не значит старый.

Позарастают беды былъем,
Вспыхнет клинок снова,
И короля назовут королем —
В честь короля иного.

И еще к слову: надеюсь, Лавр не замедлит отослать письмо. Он человек как человек, только память у него — дырявое решето. Забудет — суп из него сделаю.

Удачи!
Г.

Фродо прочел письмо про себя, потом отдал его Пину и кивнул на Сэма: мол, прочтешь, передай ему.

— Да, натворил дел наш голубчик Наркисс! — сказал он. — Как бы Гэндальф и правда суп из него не сделал — и поделом! Эх, получил бы я письмо вовремя, давно бы уже в Раздоле были. Но что же такое с Гэндальфом? Он пишет, будто собирается в огонь шагнуть.

— А он уже много лет идет сквозь огонь, — сказал Бродяжник. — Напрямик и без колебаний.

Фродо обернулся и задумчиво поглядел на него, припомнив «еще к слову» Гэндальфа.

— Почему же ты не сказал мне, что ты его друг? — спросил он. — И дело бы с концом.

— Ты думаешь? Я, положим, сказал бы, но верить мне надо было на слово, а что вам мои слова? — возразил Бродяжник. — Про письмо я не знал. Да и зачем же я-то буду вам говорить о себе: сперва с вами надо разобраться. Враг то и дело ставит мне ловушки. Я разобрался — и готов был вам кое-что объяснить; однако же надеялся, — сказал он со странной улыбкой, — что вы доверитесь мне и без особых объяснений. Иногда просто устаешь от враждебности и недоверия. Впрочем, вид у меня, конечно, к дружелюбию не располагает.

В Гарцующем пони. Том Хильдебрандт

— Это верно, — облегченно рассмеялся Пин, дочитавший письмо. — Но у нас в Хоббитании говорят: перо соколье — нутро воронье. А тебе каким же с виду и быть, раз ты недельку-другую полежал в засаде.

— Неделя в засаде — это пустяки. Многие годы надо пробродить по Глухоманью, чтобы стать похожим на Следопыта, — сказал Бродяжник. — Вы таких

испытаний не знаете... и хорошо, что не знаете.

Пин поверил, но Сэм все еще с недоверием оглядывал Бродяжника.

— А нам почему знать, что ты и есть тот самый Бродяжник, про которого пишет Гэндальф? — спросил он подозрительно. — Ты ведь Гэндальфа и не упомянул бы — если б не письмо. Может, ты вообще подмененный — прибил настоящего, чтобы нас незнамо куда заманить. На это что скажешь?

— Скажу, что тебя на мякине не проведешь, — ответил Бродяжник. — А еще скажу тебе, Сэм Скромби, что если б я убил настоящего Бродяжника, то тебя прикончил бы, не сходя с места. Если б я охотился за Кольцом, оно уже сейчас было бы моим!

Он встал и словно бы вырос. В глазах его блеснул суровый и властный свет. Он распахнул плащ — и положил руку на эфес меча, дотоле незамеченного. Хоббиты боялись шелохнуться. Сэм глядел на Бродяжника, разинув рот.

— Не бойтесь, я тот самый Бродяжник, — сказал он с неожиданной улыбкой. — Я Арагорн, сын Арахорна; и за ваши жизни порукой моя жизнь или смерть.

Молчание длилось долго. Наконец заговорил Фродо.

— Я так и знал, что ты друг, еще до письма, — сказал он. — Ну, может, и не знал точно, а все же надеялся. Ты нынче вечером нагнал на меня страху, и не один раз — но это не тот, не ледяной страх. Был бы ты из них, ты бы ласку на показ, а иное про запас.

— Ну да, — рассмеялся Бродяжник. — А я про запас невесть что держу, и ласки от меня не видать. Впрочем, *древнее золото редко блестит*.

— Так это про тебя стихи? — спросил Фродо. — То-то я не мог понять, к чему они. А откуда ты знаешь, что Гэндальф тебя упоминает, — ты ведь письма-то не читал?

— Да я и не знаю, — ответил он. — Только я и есть Арагорн, а стало быть, и стихи обо мне.

Бродяжник извлек меч из ножен, и они увидели, что клинок сломан почти у самой рукояти.

— Толку от него мало, правда, Сэм? — улыбаясь, спросил он. — Но близится время, когда он будет заново откован.

Сэм промолчал.

— Ну что же, — сказал Бродяжник, — значит, с Сэмова позволения, дело решенное: Бродяжник ваш провожатый. Завтра, кстати, нам предстоит нелегкий путь. Даже если мы без помехи выберемся из Пригорья, все равно вряд ли уйдем незаметно. Постараемся хотя бы, чтобы нас потеряли из виду: есть отсюда одна-другая неведомая тропка. А собьем погоню — тогда на Заверть.

— На Заверть? — недоверчиво спросил Сэм. — На какую еще Заверть?

— Гора такая, к северу от Тракта, на полпути к Раздолу. Оттуда все видно — вот и оглядимся. Если Гэндальф пойдет за нами следом, он явится туда же. А после Заверти — еще труднее, еще опасней.

— Ты когда видел Гэндальфа последний раз? — спросил Фродо. — Ты знаешь, где он, что с ним?

— Нет, не знаю, — сумрачно ответил Бродяжник. — Весною мы вместе пришли с запада. Много лет берег я пределы Хоббитании, пока он был занят другим! Границы ваши он без охраны почти никогда не оставлял. Последний раз я видел его в начале мая; он сказал, что ваше дело разъяснилось и что вы пойдете к Раздолу в конце сентября. Я думал, что он с вами, и отправился по своим делам, а напрасно: наверняка пригодился бы.

С тех пор как мы знакомы, я тревожусь впервые. Мало ли почему нет его самого — но вести какие-то он непременно должен был прислать! А вестей не было; наконец до меня дошли слухи, что Гэндальф пропал, а по Хоббитании рыщут Черные Всадники. Это рассказали мне эльфы Гаральда; от них же узнал я, что вы на пути в Забрендию, и решил покараулить у Западного Тракта.

— Так ты думаешь, это Черные Всадники задержали Гэндальфа? — спросил Фродо.

— Если не они, то разве что сам Враг; больше задержать его никому не под силу, — сказал Бродяжник. — Но не отчаивайся, выше голову! Вы у себя в Хоббитании толком не знаете, кто такой Гэндальф, вам ведомы лишь его шутки да веселые затеи. Правда, на этот раз задача у него еще опаснее, чем обычно.

— Ох, простите, — вдруг зевнул Пин, — но устал я до смерти. Тревоги и заботы — это пусть уж завтра, а нынче я лягу, а то как бы сидя не уснуть. Где же несчастный лопух Мерри? Если придется напоследок разыскивать его в потемках — я ему потом голову оторву.

* * *

При этих его словах грохнула входная дверь, по коридору прокатился быстрый стук шагов, и в комнату ворвался Мерри, а за ним — растерянный Ноб. Мерри с трудом перевел дыхание и выпалил:

— Я видел их, Фродо! Видел! Они здесь — Черные Всадники!

— Черные Всадники! — Фродо вскочил. — Где?

— Да здесь же, здесь, в самой деревне. Я часок посидел у огня — вы не приходили — и пошел гулять. Стоял у фонаря, глядел на звезды. И вдруг меня дрожью проняло: подкралась какая-то мерзкая жуть, черное пятно продырявило темноту в стороне от фонарей. Появилось — и скользнуло куда-то в густую те-

мень. Лошади не было.

— Куда скользнуло? — настороженно и резко спросил Бродяжник.

Мерри вздрогнул, приметив чужака.

— Говори! — сказал Фродо. — Это друг Гэндальфа. Потом объясню.

— Вроде бы к Тракту, — продолжал Мерри. — Я как раз и решил проследить, только не знал, за кем или за чем, свернул в проулок и дошел до последнего придорожного дома.

— Да ты храбрец, — заметил Бродяжник, не без удивления поглядев на Мерри. — Однако это было очень безрассудно.

— Ни особой храбрости, ни безрассудства от меня не потребовалось, — возразил Мерри. — Я шел будто не по своей воле: тянуло, и все тут. Куда — не знаю; но вдруг я как бы опомнился — и услышал почти рядом два голоса. Один шепелявил с каким-то присвистом, а в ответ ему раздавалось невнятное бормотанье. Я ничего не разобрал: ближе подойти не смел, а убежать — ноги не слушались. Стою, дрожу, насилу-то повернулся к ним спиной и хотел было припуститься опрометью, как вдруг сзади надвинулась жуть, и я... упал, наверно.

— Я его нашел, сударь, — пояснил Ноб. — Господин Наркисс выслал меня поискать с фонарем — ну, я сначала к Западным Воротам, потом к Южным; смотрю — возле самого дома Бита Осинника, у забора, что-то неладно: вроде двое склонились над третьим, хотят его уволочь. Я: «Караул!» — и туда, подбегаю — никого, только вот господин Брендизайк лежит, будто уснул прямо на дороге. Я уж его тряс-тряс, насилу-то он оклемался и бормочет дурным шепотом: «Я, — говорит, — ровно утонул и на дне лежу», а сам не двигается. Я туда-сюда; что делать? А он вдруг как вскочит — и стрелой в «Пони», знай поспевай за ним.

— Наверно, все так и было, — сказал Мерри, — я, правда, не помню, что я там нес, хотя сон был страшнее смерти; впрочем, сна тоже не помню, и на том спасибо. Точно меня куда-то затащили.

— Едва не затащили, — уточнил Бродяжник. — В замогильный мрак. Должно быть, Всадники оставили где-то своих коней и пробрались в Пригорье Южными Воротами. От Осинника они знают все последние новости; косоглазый южанин тоже наверняка шпион. Веселая у нас будет ночь.

— А что? — спросил Мерри. — Нападут на трактир?

— Это вряд ли, — сказал Бродяжник. — Не все еще подоспели; да и не так они действуют. Им нужна глушь и темень; а большой дом, суматоха, огни, куча народу — нет, это им незачем: путь-то у нас еще долгий, время есть. Сами не нападут, но подручных у них здесь хватит — одни помогут охотно, другие от страха. Тот же Осинник, пяток южан, да и привратник Горри. Всадники в понедельник с ним поговорили на моих глазах; когда отъехали, он был белый, как стена, и колени тряслись.

— Стало быть, кругом враги, — сказал Фродо. — Что делать?

— Спать здесь, по спальням не расходиться! Они уж наверняка проведали, где ваши спальни — круглые окна на север, почти вровень с землею. Останемся здесь, окна закроем ставнями, дверь запрем на все засовы. Сейчас мы с Нобом сходим принесем ваши пожитки.

Он отлучился, и Фродо наспех рассказал Мерри обо всем, что произошло за вечер. Когда Бродяжник и Ноб вернулись, Мерри размышлял над письмом

Гэндальфа.

— Значит, так, господа гости, — сказал Ноб, — я там взворошил ваши постели и положил в каждую по диванному валику, с вашего позволения. Еще бурое такое шерстяное покрывало подвернул — очень вышло похоже на вашу голову, господин Тор... простите, сударь, Накручинс, — прибавил он с ухмылкой.

— В темноте поначалу не отличат! — рассмеялся Пин. — Ну а когда разберутся?

— Там видно будет, — сказал Бродяжник. — Может, до утра как-нибудь продержимся.

Они составили заплечные мешки на полу, придвинули кресло к запертой двери и затворили окно. Затворял Фродо — и глянул мельком на ясные звезды. За темными склонами Пригорья ярко сиял Серп: так хоббиты называют Большую Медведицу. Он вздохнул, закрыл тяжелые внутренние ставни и задернул занавеси. Бродяжник разжег в камине большое пламя и задул свечи.

Хоббиты улеглись на полу, ногами к огню, а Бродяжник уселся в кресле у дверей. Почти не разговаривали; один Мерри приставал с расспросами.

— «Корова вдруг взвилась!»! — хихикнул он, заворачиваясь в одеяло. — Ну, Фродо, ты уж если что выкинешь, так держись! Эх, меня там не было! Ничего, зато местные будут лет сто поминать твою шутку.

— Это будь уверен, — сказал Бродяжник.

Затем все примолкли, и хоббиты уснули один за другим.

Глава XI Клинок в ночи

Пока они готовились ко сну в пригоряньском трактире, над Забрэндией стояла недобрая ночь: туман вперемешку с мраком. Глухо было в Кроличьей Балке. Толстик Боббер приоткрыл дверь и осторожно высунул нос. Весь день ему было как-то страшновато, а под вечер он даже и лечь не решился. В недвижимом воздухе таилась смутная угроза. Он всмотрелся в туманную тьму и увидел, что калитка сама собой беззвучно растворилась — а потом бесшумно закрылась. Ему стало страшно, как никогда в жизни. Он, дрожа, отпрянул и отчаянным усилием стряхнул с себя тяжелое оцепенение. Потом захлопнул дверь и задвинул все засовы.

Ночь становилась все темнее. Послышался глухой перестук копыт: лугом подводили лошадей. У ворот перестук стих, и темноту продырявили три черных пятна: одно приблизилось к двери, два других стерегли углы дома. Пятна притаились, и тишь стала еще глуше; а ночи не было конца. Деревья у дома словно замерли в немом ожидании.

Но ветерок пробежал по листьям, и где-то крикнул первый петух. Жуткий предрассветный час миновал. Пятно у двери шевельнулось. В беззвездной и безлунной мгле блеснул обнаженный клинок. Мягкий, но тяжелый удар сотряс дверь.

— Отворить, именем Мордора! — приказал злобный, призрачный голос. От второго удара дверь подалась и рухнула — вместе с цепями, крюками и запорами. Черные пятна втянулись внутрь.

И тут, где-то в ближней рощице, гулко запел рожок. Он прорезал ночь, словно молния:

ВСТАВАЙ! НАПАСТЬ! ПОЖАР! ВРАГИ!

Толстик Боббер дома не сидел. Увидев, как черные пятна ползут к дверям, он понял, что ему или бежать, или погибать. И побежал — черным ходом, через сад, полями. Пробежал едва ли не лигу до ближнего дома и упал на крыльце.

— Нет, нет, нет! — стонал он. — Я ни при чем! У меня его нету!

Про что он бормочет, не разобрались, но поняли главное: в Забрендии враги, нашествие из Вековечного Леса. И грянул призыв:

НАПАСТЬ! ПОЖАР! ВРАГИ! ГОРИМ!

Брендизайки трубили в старинный рог, трубили сигнал, не звучавший уже добрую сотню лет, с тех пор как в свирепую зиму по льду замерзшей реки пришли с севера белые волки.

ВСТАВАЙ! ВРАГИ!

Откуда-то слышался отзыв: тревога по всей форме. Черные пятна выползли из дома. На ступеньки упал продырявленной хоббитский плащ. Лугом стук копыт притих, потом ударил галоп, удаляясь во мглу. Повсюду звучали рожки, перекликались голоса, бегали хоббиты. Но Черные Всадники вихрем неслись к северу. Пусть себе галдит мелкий народец! В свое время Саурон с ним разберется. А пока что их ждали другие дела — дом пуст. Кольца нет, дальше! Они стоптали стражу у ворот и навсегда исчезли из хоббитских краев.

Назгулы. Джон Хоу

В предрассветный час Фродо внезапно очнулся от сна, словно кто-то его разбудил. И увидел: Бродяжник настороженно прислушивается, глаза его отливают каминным огнем, по-прежнему ярким; сидел он напряженно и неподвижно.

Потом Фродо опять уснул; но в сон его врывался гул ветра и яростный стук копыт. Ветер сотрясал гостиницу, а где-то в дальней дали звучал рог. Фродо стряхнул сон, открыл глаза и услышал исправный петушиный крик во дворе. Бродяжник отдернул занавеси и резко распахнул ставни, а потом окно. Серый рассвет хлынул в комнату, и утренний холодок забрался под одеяла.

Вслед за Бродяжником они прошли по коридору к своим спальням — и поняли, что его совет спас им жизнь. Окна были выломаны и болтались на петлях; ветер трепал изодранные занавеси; искромсанные диванные валики лежали на полу, среди разбросанного постельного белья; бурое покрывало в клочьях. Бродяжник тут же сходил за хозяином. Бедняга Лавр испуганно хлопал заспанными глазами, которые, по его уверению, он ни на миг не сомкнул, — и

все, мол, было тихо.

— То есть в жизни не видывал подобного! — возгласил он, в ужасе воздев руки к потолку. — Чтобы гостям было опасно спать в своих постелях, чтобы портили совсем почти новые валики, — это что же дальше-то будет?

— Ничего хорошего, — посулил Бродяжник. — Но тебе будет поспокойнее, когда ты от нас избавишься. Мы сейчас трогаемся. Завтрака не надо: на ходу что-нибудь перекусим.

Наркисс побежал распорядиться, чтоб седлали и выводили пони — и приготовили закуску. Вернулся он в полной растерянности. Пони исчезли! Ворота конюшни запахнуты настезь, а внутри пусто! Свели не только хоббитских пони — пропали все лошади до одной.

Фродо был вконец расстроен. Как же они проберутся к Раздолу пешком, если их преследуют конные враги? Тогда уж чего там, лучше прямо на луну — или аж звездами! Бродяжник молча оглядел хоббитов, словно оценивая их силы и решимость.

— Все равно ведь пони от конников не спасенье, — сказал он, как бы угадав мысли Фродо. — И той тропой, которой я вас поведу, лучше пешком, чем на пони. Как с припасами? Отсюда до Раздола мы их не пополним, надо захватить с лихвой — можем ведь задержаться, можем пойти кружным путем. На спинах-то вы много унесете?

— Сколько понадобится, — храбро ответил Пин, хотя сердце у него екнуло. — Пропадать — так хоть не впроголодь!

— Я за двоих понесу, — хмуро вызвался Сэм.

— А чем бы делу помочь, господин Наркисс? — спросил Фродо. — Нельзя ли как-нибудь раздобыть пару пони — ну, пусть одного — для поклажи? Я понимаю, нанять вряд ли... А если купить? — В уме он опасно пересчитал все их деньги.

— Сомневаюсь, — уныло сказал трактирщик. — Все пригорянские пони — два или три — были у меня в стойлах. Лошадей у нас в Пригорье раз-два и обчелся, а какие есть — те не на продажу. Ну да уж постараемся. Сейчас вот разыщу бездельника Боба, пусть пойдет поспрашивает.

— Да, пожалуй, — как бы взвешивая, проговорил Бродяжник, — пусть спрашивает. Один-то пони нам все-таки нужен. Но теперь и думать нечего выйти рано и незаметно. Искать пони — все равно что в походный рог трубить. Такой, верно, у них и был расчет.

— Есть одна малая кроха утешения, — сказал Мерри. — А если трезво рассудить, то и не малая, и не кроха. Раз уж эдак вышло, то давайте как следует позавтракаем. Где там телепень Ноб?

Задержались они больше чем на три часа. Боб явился с известием, что никаких лошадей или пони на продажу нет — вот только Бит Осинник соглашается уступить одну дряхлую животину.

— Кожа да кости, — сказал Боб, — этому пони давно на живодерню пора, а Осинник за него, будьте уверены, запросит втрое — учуял, скалдырник, поживу.

— Осинник? — насторожился Фродо. — Может, здесь какой-нибудь подвох? Может, этот пони убежит к нему назад со всею нашей поклажей или они через него нас выследят — мало ли?

— Может быть, может быть, — сказал Бродяжник. — Хотя нет, едва ли. Не вернется к Осиннику никакое животное, единожды от него улизнувши. Наверно, он просто решил на прощанье урвать лишний клочок — пони этот, я уверен, при последнем издыхании. Что ж, выбора у нас нет. Сколько он за него хочет?

Бит Осинник запросил двенадцать серебряков — в самом деле, втрое против здешней цены на крепкого пони. Купленная скотинка была костлявая, заморенная, забитая, но подыхать пока не собиралась. Лавр Наркисс заплатил за нее из своего кармана и предложил Мерри еще восемнадцать серебряков — возмещение за пропавших пони. Он был человек честный и довольно зажиточный, но тридцати серебряков ему было жалко до слез, тем паче что половину пришлось выложить паршивцу и сквалыге Осиннику.

Однако он не прогадал. Позднее оказалось, что свели только одну лошадь. Других просто спугнули, и они потом отыскиались на лугах Пригорья. Правда, пони Мерри Брендизайка удрали к Тому Бомбадилу. Там они паслись и нагуливали жир как ни в чем не бывало, но, когда Том узнал, что стряслось в Пригорье, он отправил их обратно к Наркиссу, и тот нежданно-негаданно заполучил пятерых лошадок. В Пригорье им было, конечно, не так привольно, но все же Боб ухаживал за ними на славу, и они как-никак избежали страшного путешествия. Ну, зато и в Раздole не побывали.

Но это было потом, а пока что денежки Лавра Наркисса то ли ухнули, то ли ахнули. Да и других забот хватало. Когда его жильцы проведали, что ночью был налет на трактир, поднялся страшный переполох. У гостей с юга увели несколько лошадок, и они во все горло поносили трактирщика, пока не обнаружилось, что один из их братии тоже исчез по ночному времени, а был это не кто иной, как косоглазый приятель Бита Осинника. Тогда все стало ясно.

— Коли-ежели подбираете по дороге конокрадов и мне их за своих выдайте, — громко сердился Наркисс, — так уж извольте сами за них расплачиваться, и нечего тут на меня орать. Подите вон, спросите у Осинника, куда это делся его дружок!

Но оказалось, что тот, косоглазый, ничей вроде бы не был приятель и никто даже не помнил, когда он к ним пристал.

После завтрака хоббитам пришлось заново уложить все мешки в расчете на пеший и очень долгий путь: снеди прибавилось изрядно. Выбрались они примерно к десяти часам. Пригорье давно уж проснулось и гудело, как растревоженный улей. Еще бы: явление Черных Всадников, вчерашнее исчезновение Фродо, а теперь кража лошадей и последняя сногшибательная новость: оказывается, Бродяжник-Следопыт нанялся в провожатые таинственным хоббитам из Хоббитании. Возле трактира собралась уйма народу; подходили из ближних селений, переговаривались и терпеливо ждали выезда путников. Постояльцы торчали в дверях и высовывались из окон.

Бродяжник переменял план: решено было двинуться из Пригорья прямо по Тракту. Сворачивать сразу толку не было — за ними увязался бы длинный хвост: поглядеть, куда их несет, и проследить, чтоб ни на чью землю не залезли. Распрощались с Нобом и Бобом, расстались с Лавром Наркиссом, осыпав его благодарностями.

— Надеюсь, до лучших времен, — сказал Фродо. — Хотел бы я погостить у вас как следует; может, когда и удастся.

Тронулись в путь встревоженные и понурые, под недобрыми взглядами толпы. Кое-кто все-таки пожелал им удачи, но слышнее были худые напутствия. Правда, пригоряне знали, что Бродяжник шуток не любит, и, когда он поднимал на кого-нибудь глаза, тут же смолкали. Он шел впереди, рядом с Фродо; за ними — Пин и Мерри; а позади Сэм вел пони, нагруженного по силам, но изрядно, — впрочем, глядел он уже куда веселее, видно, почуял перемену судьбы. Сэм задумчиво грыз яблоко. Яблоко у него были полны карманы: Боб и Ноб позаботились на прощанье.

— Идешь с яблочком, сидишь с трубочкой, вот оно и ладно, — пробормотал Сэм. — Да ведь яблочек-то на весь путь разве напасешься?

Постепенно они перестали обращать внимание на любопытных, чьи головы то и дело выныривали из-за оград и дверей. Последний дом, ободранный и покосившийся, был, однако, обнесен прочным бревенчатым забором. В оконце мелькнула желтоватая и косоглазая физиономия.

«Вот оно что! — подумал Фродо. — Значит, здесь он прячется, тот южанин... Ну, по виду сущий орк, как их Бильбо описывал».

На забор, широко ухмыляясь, облокотился ражий детина с нахальной мордой — бровастый, глаза темные и мутные. Когда путники подошли, он вынул изо рта трубку и смачно сплюнул.

— Привет, долгоногий! Что, дружков нашел? — сказал он.

Бродяжник не ответил.

— Вам тоже привет, мелюзга бестолковая! — обратился он к хоббитам. — Вы хоть знаете, с кем спутались? Это же Бродяжник Оголтельный, понятно? Его еще и не так называют, говорить неохота. Ну, ночью сами поглядите, что по чем! А ты, Сэмчик, смотри у меня, не обижай моего дохлого пони. Тьфу! — Он снова изрыгнул жирный плевок.

Сэм обернулся.

— А ты, Осинник, — сказал он, — спрячь-ка лучше свою поганую харю, а то ведь знаешь, что бывает! — Половина большого яблока с маху угодила Биту в нос; он мигом исчез и разразился из-под забора запоздалой руганью.

— Вкусное было яблоко, — со вздохом заметил Сэм.

Деревня кончилась. Сопровождавшие их дети и зеваки отстали и побрели назад, к Южным Воротам. Лиги две-три путники шли по Тракту, петлявшему направо и налево; потом дорога пошла под уклон, прорезая густой лес. Бурое Пригорье высилось позади; они свернули к северу узкой, еле заметной тропкой.

— Тут-то мы и скроемся от посторонних глаз, — сказал Бродяжник.

— Только не кратким путем, — усомнился Пин. — А то мы раз пошли наискосок через лес, так потом еле выбрались.

— Тогда меня с вами не было, — усмехнулся Бродяжник. — У меня все косяе пути ведут прямиком куда надо.

Он еще раз оглядел пустой Тракт и углубился в кустистый пролесок, сделав знак быстро следовать за ним.

Здесьних мест они не знали и оценить его замысел не могли: ясно было только, что он собрался сперва держать путь на Четбор (или по-старинному: Арчет), но оставить его по левую руку, потом резко свернуть к востоку и Глухоманьем идти на Заверть. Так они срезали огромную излучину Тракта, который далеко стороной обходил Комариные Топи. Но зато и попадали в самые

Топи, а как их Бродяжник описывал, так это, как говорится, спасибо за новости.

Ну а пока что идти было в охотку. Когда бы не давешние ночные тревоги, так и вообще бы лучше некуда. Мягко сияло солнце, пригревало и не жарило. Лес в долине был еще весь в многоцветной листве, мирный и пышный. Бродяжник уверенно вел их запутанными тропами, из которых они сами нипочем бы не сумели выбрать нужную. А он еще вдобавок хитрил и петлял, чтобы сбить погоню со следу.

— Осинник высмотрит, конечно, где мы свернули с дороги, — сказал он, — однако за нами не пойдет, просто подскажет кое-кому. Он тут неплохо знает все тропы, хоть и хуже меня. А те, кому он подскажет, наверняка неподалеку. Пусть они думают, что мы пошли прямо на Арчет, нам того и надо.

Бродяжник ли так их вел или еще почему-нибудь, но погони не было: замечали путников разве что птицы, лисы да шустрые белки. Они заночевали в лесу, а утром тихо-мирно продолжили путь. Из лесу они выглянули только на третий день, выглянули и спрятались. Пригорянские уголья они миновали — теперь начинались Комариные Топи.

Под ногами чавкало, следы наполнялись мутной водой; из осоки и камышей выпархивали мелкие птахи. Сначала хоббиты шли бодро и уверенно, потом стали прыгать, оскользаясь, с кочки на кочку. Здесь даже Следопыты пути не знали: как повезет. На них напустилась мошкара: она гудела над головой, заползала в волосы, забиралась в рукава, в штанины — и впивалась, кусала, жалила.

— Да этак меня просто съедят! — не выдержал Пин. — Это уж не Топи Комариные, а какое-то комариное Царство.

— А ежели, скажем, хоббита поблизости нет, то из кого же они, гады, кровь пьют? — любопытствовал Сэм, ожесточенно хлопая себя по шее.

На редкость мерзостный выдался денек в этой тусклой глуши. И ночлег был холодный, сырой, неудобный; пискливые кровопийцы глаз не давали сомкнуть. Камыши и осока кишели стрекочущей тварью, какой-то дурной роднёю сверчка. Всю ночь уши терзало тарахтенье: «Кррррочки! Кррррочки! Кррррочки!» Под утро хоббиты просто ошалели.

Немногим лучше был и четвертый день; немногим легче четвертая ночь. Кровопросцы, как их обозвал Сэм, не стрекотали, но комарье по-прежнему колыхалось над путниками ненасытно звенящим облаком.

Когда Фродо улегся, донельзя усталый и почти без надежды уснуть, ему вдруг привиделся дальний отсвет на востоке: вспыхивало и гасло. А до рассвета было еще несколько часов.

— Что это за вспышки? — спросил он у Бродяжника, который стоял и всматривался в сырую тьму.

— Слишком далеко, не понять, — отвечал тот. — Очень странно: будто молния бьет и бьет в вершину холма.

Фродо лег, но долго еще видел яркие вспышки и темную фигуру Бродяжника. Наконец его сморил тяжелый сон.

На пятый день они оставили за собой топкую трясиину и заросли камыша. Начался едва заметный, но долгий и утомительный подъем. С востока подступу-

пали крутые безлесные холмы. Правый, самый высокий и каменистый вздымался поодаль от прочих: круча с притупленной вершиной.

— Это Заверть, — сказал Бродяжник. — Древняя дорога — мы ее обошли слева — тянется у подножия горы. Завтра к полудню доберемся до нее, а там и на вершину подыдемся. Да, вершины нам не миновать.

— Ты о чем? — спросил Фродо.

— Я о том, что путь наш выверен, никуда не денешься... Только вот неизвестно, что нас там ждет. С горы, однако, хорошо виден Тракт.

— Ты же ведь ожидал найти там Гэндальфа?

— Ожидал, но теперь на это надежды мало. Если он даже пойдет этим путем, то, может статься, в обход Пригорья и про нас не узнает. В один и тот же час мы туда вряд ли попадем, а не попадем — разминемся: ни ему нас, ни нам его ждать нельзя. Если Всадники не засеки нас в лесу, то обязательно пойдут к Заверти: оттуда все-все видно. И сейчас вот мы стоим, а нас видит разное зверье и птицы...

Хоббиты встревоженно поглядели на дальние холмы, а Сэм окинул взглядом бледное небо, словно ожидая оттуда угрюмого орла или мрачного коршуна.

— Ну, ты обнадежишь, Бродяжник, — покачав головою, пробормотал он.

— Стало быть? — спросил Фродо.

— Стало быть, так, — задумчиво и как бы нехотя выговорил Бродяжник. — Пойдем-ка мы напрямиком по лесу на Буреломное Угорье и подберемся к Заверти. Есть там одна тропка с севера. И уж чему быть, того не миновать.

Они шли и шли почти без отдыха целый день напролет; ранний холодный вечер окутал их сыростью. Под ногами, однако, стало немного суше; позади сгущался туман. Стонали и всхлипывали незримые птицы, провожая красный диск солнца. Затем настала омертвелая тишь. Хоббиты с тоской припомнили бестревожные закаты за круглыми окнами далекой-далекой Торбы.

На закате они подошли к речке, которая кружила между холмами и терялась в затхлых топях, и шли берегом, покуда не стемнело. Тогда они наконец остановились и устроились на ночь близ чахлого ольшаника у берега реки. В мутном небе над ними нависали мрачные, безлесные взгорья. Они караулили посменно, а Бродяжник, похоже, и вовсе не спал. Луна убывала, и после полуночи холодный серый свет заливал окрестность.

Вышли с первым лучом солнца. Воздух был студеный, небо — бледно-голубое. Хоббиты чувствовали, что отдохнули, несмотря на полубессонную ночь. Они уже привыкли к долгим переходам и скудному рациону; в Хоббитании просто не поверили бы, что можно обходиться почти без еды. А Пин сказал, что Фродо все равно раздобрел чуть ли не вдвое.

— Какое там раздобрел, — вздохнул Фродо, прокалывая новую дырочку в ремне, — от меня уже вообще ничего не осталось. Если так дальше пойдет, то я, чего доброго, стану привидением.

— Не надо об этом к ночи! — неожиданно резко оборвал их Бродяжник.

Горы надвинулись, угрюмо и неуверенно, то вздымаясь на тысячу с лишним футов, то сходя на нет и ложбинами пропуская путников на восток. И всюду виднелись поросшие травой серо-зеленые останки древних стен и плотин, а кое-где руины старинных каменных построек. Ночью они подошли к за-

падным склонам; там и заночевали. Настала ночь на пятое октября: шесть суток, как они покинули Пригорье.

А утром и тропа каким-то чудом обнаружилась, давно уж ее видно не было. Они свернули по ней направо и пошли к югу. Хитрая была тропа: она ровно таилась и от горных наблюдателей, и от соглядатаев снизу. Ныряла во всякую ложбину, пряталась под кручами, виляла меж валунов или тянулась под прикрытием камней, которые скрывали путников, точно высокие, надежные стены.

— Кто, интересно, проложил эту тропу? — полюбопытствовал Мерри, когда они углубились в очередной каменный проход. — Не слишком-то мне здесь нравится: напоминает Волглый Лог. На Заверти есть могильники?

— Нету, — отвечал Бродяжник. — Дунаданцы на Буреломном Угорье не жили, а лишь держали оборону от чародейской напасти из Ангмара. Затем и была проложена эта тропа — скрытый подход к вершине. Когда-то на Заверти высилась дозорная башня под названьем Амон-Сул, или, на всеобщем языке, Ветрогорная. Враги сожгли и разрушили ее до основания, остался только неровный каменный круг, словно венец над взлобьем древней горы. А башня была высокая и горделивая; во дни Последнего Союза на ней стоял сам Элендил, поджидая Гил-Гэлада.

Хоббиты искоса поглядывали на Бродяжника. Видно, ему были ведомы не только потаенные пути, но и старинные были.

— А кто такой Гил-Гэлад? — спросил Мерри, но Бродяжник не отвечал: он задумался.

Ответил негромкий голос:

*Гил-Гэлад, светлый государь,
Последний всеэльфийский царь,
Хотел навеки превозмочь
Нависшую над миром ночь.*

*Сиял, как солнце, щит в ночи,
Ломались черные мечи,
А светлый меч меж черных скал
Разящей молнией сверкал.*

*И царь сумел развеять ночь —
Развеять, но не превозмочь, —
И закатилась навсегда
За край небес его звезда.*

Все изумленно обернулись к Сэму.

— А дальше? — спросил Мерри.

— Дальше вот не помню, — признался Сэм. — От господина Бильбо я это слышал еще мальчишкой: он ведь знал, что я на эльфах вроде как помешался, и все-то мне про них рассказывал. Он меня и грамоте выучил, а стихов, какие сам сочинял, прочел без счету.

— Это не он сочинил, — сказал Бродяжник. — Это начало старинной «Песни о гибели Гил-Гэлада»; Бильбо просто перевел ее с эльфийского языка на всеобщий.

— Там еще много было — и все про Мордор, — сказал Сэм. — Меня, помню, страх взял, я и не стал запоминать дальше. Почему было знать, что самому туда

выпадет идти.

— Ну, покамест все же не в Мордор! — сказал Пин.

— Потише, — одернул его Бродяжник. — Осторожнее с этим словом.

Было уже за полдень, когда они подошли к южному сходу тропы и увидели перед собой в неярком и чистом свете октябрьского солнца серо-зеленую насыпь, вкруговую подводящую к северному склону горы. Решено было немедля взойти на гору. Куда уж тут скрываться, одна надежда, что никого кругом нет, ни недругов, ни соглядатаев. Склоны, сколько их было видно, пустовали. Если Гэндальф здесь и побывал, то никаких следов не оставил.

На западном склоне Заверти обнаружилась невидная лощина, а в глубине ее — сырое русло, густо поросшее высокой травой. Там они оставили Сэма, Пина, пони и всю поклажу. И полезли наверх, а через час или около того Бродяжник выбрался на вершину; Фродо и Мерри из последних сил поспевали за ним, одолевая каменистые кручи.

На вершине Заверти они нашли, как и предсказывал Бродяжник, древнее кольцо обомшелых руин. Но посередине плоской вершины сложенные пирамидою камни хранили черные следы недавнего пламени. Земля вблизи была выжжена дотла, траву кругом опалило, словно язык огня жарко облизал вершину; и царила мертвенная, непроницаемая тишь.

С редкозубого венца древней твердыни озирали они широко простертую даль: все больше однообразную пустошь, лишь кое-где к югу редкие рощи и проблески воды. Отсюда, с южной стороны, был хорошо виден извилистый Незапамятный Тракт, змеившийся от западных пределов холмами и низинами и пропадавший за первым темным восточным взгорьем. На всем Тракте, сколько его видать, не было ни живой души. Они посмотрели дальше — и увидели сумрачно-бурые отроги Мглистых гор; за ними высокие серые склоны и наконец снеговые выси, поблескивающие в облаках.

— Вот и пожалуйста! — сказал Мерри. — Было зачем сюда торопиться — ни тебе деревца, ни ручейка, ни укрытия. И Гэндальфа, конечно, нет: что ему тут делать-то?

— Да, делать ему здесь нечего, — задумчиво согласился Бродяжник. — Хотя если он был в Пригорье дня через два после нас, сюда он мог добраться раньше нашего — и подождать.

Вдруг он резко нагнулся, разглядывая верхний камень в груди закопченных булыжников, плоский и белый, не тронутый огнем. Потом поднял его и повертел в пальцах.

— Ну-ка, посмотри, — предложил он Фродо. — Что это, по-твоему?

На исподе камня Фродо заметил несколько глубоких царапин.

— Четыре палочки и две точки, — сказал он.

— Не совсем так, — улыбнулся Бродяжник. — Отдельный знак слева похож на руническое «Г». Может быть, это весть от Гэндальфа: царапины свежие. Однако же необязательно, ибо Следопыты тоже пишут рунами и нередко бывают в этих местах.

— Ну а если от Гэндальфа, то что это значит? — спросил Мерри.

— «Гэ» — три, — ответил Бродяжник. — «Третьего октября здесь был Гэндальф» — три дня назад, значит. И еще это значит, что писал он второпях, застигнутый опасностью: написать длиннее и яснее не успел. Тогда дела наши плоховаты.

— Пусть так, а хорошо бы, это все-таки был он, — сказал Фродо. — Насколько спокойнее — знать, что он где-то рядом, впереди или хоть позади.

— Пожалуй, — согласился Бродяжник. — Я-то уверен, что он был здесь и что здесь на него обрушилась какая-то напасть: вон как пламя прошлось по камням. Помнишь, Фродо, те вспышки на востоке? Мы как раз три дня назад их видели. Наверно, его здесь окружили и застали врасплох; неизвестно только, чем это кончилось. Короче, его нет, поэтому нам надо пробираться к Раздолу на свой страх и риск.

— А далеко до Раздола? — спросил Мерри, усталыми глазами озирая неоглядные дали.

С вершины Заверти мир казался хоббитам удручающе огромным. Где-то далеко внизу нескончаемой узкой лентой тянулся пустой Тракт.

— В лигах не меряно, — отозвался Бродяжник. — Я знаю, сколько ходу по сносной погоде: отсюда до Бруиненского брода, до реки Бесноватой моих восемь дней. наших не меньше четырнадцати — да и пойдем мы не по Тракту.

— Две недели! — сказал Фродо. — Всякое может случиться.

— Всякое, — подтвердил Бродяжник.

Они стояли у южного края вершины, и Фродо впервые в полную силу почувствовал горький, бездомный страх. Ну что же это такое, почему нельзя было остаться в милой, веселой, мирной Хоббитании? Он повел взглядом по ненавистному Тракту — на запад, к дому. И увидел, что дорогою медленно ползут две черные точки; еще три ползли с востока им навстречу.

— Смотрите-ка! — воскликнул он, указывая вниз.

Бродяжник тут же упал наземь, в траву за каменными зубьями, и потянул за собой Фродо. Рядом шлепнулся Мерри.

— В чем дело? — прошептал он.

— Пока не знаю, но готовьтесь к худшему, — ответил Бродяжник.

Они подобрались к закраине и снова выглянули из-за камней. Утренний свет потускнел; с востока надвигались тучи. Пять крохотных, еле заметных черных пятнышек — казалось бы, ничего страшного, — но и Фродо, и Мерри сразу почуяли, что там, на дороге, неподалеку от подножия Заверти, собрались они самые, Черные Всадники.

— Да, это они, — сказал Бродяжник, у которого глаза были куда зорче. — Враг рядом!

Тем временем Сэм с Пином не дремали. Они обследовали ближнюю лоцинку и склон возле нее. У родника натоптано, круг от костра, примятая трава — чья-то наспех устроенная стоянка. За обломками скал на краю лоцины Сэм нашел груды валежника.

— Это, поди, старина Гэндальф наготовил, — сказал он Пину. — Может, конечно, и не он, но у кого-то был расчет сюда вернуться.

— Что же это я, — восторженно воскликнул Бродяжник, узнав про их открытия, — мне самому надо было первым делом здесь все проверить! — и поспешил к роднику. — Проворонил, — сказал он, вернувшись. — Сэм и Пин успели все затоптать. Топливо-то заготовили Следопыты довольно давно — но есть тут и свежие следы сапог, несколько пар... — Он задумался, как бы что-то решать.

Хоббитам явственно припомнились Черные Всадники в длинных плащах и огромных сапогах. Если они эту лоцину разведали, то лучше бы из нее поско-

рее убраться. Сэм беспокойно огляделся: враг, значит, неподалеку, мили, может, за две, а они-то с Пином разбегались!

— Давайте-ка отсюда удирать, господин Бродяжник, — просительно сказал он. — И час-то поздний, и вид у этой лощинки какой-то подозрительный...

— Да, лощинка ненадежная, — отозвался Бродяжник, подняв глаза к небу и соображая время. — И все-таки, знаешь, Сэм, вернее будет остаться здесь, хоть мне тоже здесь не нравится. Но до ночи мы ничего лучше не сыщем. По крайней мере хоть укрылись — у них ведь везде шпионы. Нам надо пересечь Тракт, а он под надзором. И за Трактом пустошь.

— Всадники же незрячие, — заметил Мерри. — При дневном свете они и пробираются-то нюхом — или как это лучше назвать, не знаю. А ты нас и на вершине вмиг положил плашмя, а теперь говоришь «увидят» — непонятно как-то получается.

— На вершине я был очень неосторожен, — ответил Бродяжник. — Я все искал — нет ли других вестей от Гэндальфа, и мы втроем долго проторчали на виду. Всадники незрячие, это верно; а черные кони видят, и кругом — на земле и в воздухе — снуют вражеские шпионы, кишат мелкие прислужники и подсказчики. Сколько их оказалось в Пригорье, помните? Всадники распознают мир по-своему: днем им приметны наши тени, а в темноте они различают черную тайнопись природы, нам неведомую. И теплую кровь они чувят все время, чувят с жадной и мстительной злобой. Есть ведь иное чутье, помимо обонянья и зрения. Мы же чуем, что они здесь; а они нас — вдесятеро острее. И еще, — он понизил голос, — их притягивает Кольцо.

— Неужто же нет никакого спасенья? — затравленно озираясь, воскликнул Фродо. — Тронешься с места — увидят и поймают! Останешься на месте — учуют и найдут!

— Подожди, не надо отчаиваться, — сказал Бродяжник, положив руку ему на плечо. — Ты не один. Для начала запалим-ка этот сушняк: огонь будет нам охраной и защитой. Саурон прибирает огонь под свою руку, он все прибирает, — но пока что Всадники огня побаиваются и огонь — наш друг.

— Хорош друг, — пробурчал Сэм. — Вот разожжем сейчас костер — и, стало быть, мы здесь, только еще покричать осталось, чтоб не пропустили.

Отыскав на дне лощины укромную полянку, они развели костер и наскоро приготовили еду. Вечерние тени сгустились; похолодало. И голод вдруг накинудся зверем: они же ничего не ели с утра, а ужин их был поневоле скромный. Впереди лежала пустошь, где хозяйничали звери и птицы; печальные, заброшенные земли. Там только и бывали что мимоходом редкие Следопыты. Других странников совсем было немного, да и что это были за странники: ну, например, тролли — забредут иной раз из северных ложбин Мглистых гор. Нет, путешественники бывают только на Тракте, чаще всего это гномы, которые спешат по своим делам и с чужаками словом не обмолвятся.

— Не хватит у нас припасов, — сказал Фродо. — Хоть и скудно мы ели последние два дня, хоть и сегодняшний ужин — не пирушка, а все-таки переели, тем более — две недели впереди, если не больше.

— Лес прокормит, — обнадежил его Бродяжник. — Ягоды, коренья, травы, а то и дичи добуду. Не зима, еда найдется. На пропитанье хватит: затяните потуже пояса и надейтесь на будущие трапезы Элронда!

За ложбиной ничего было не видно, только серый, клубящийся сумрак. А небо расчистилось, и в нем тихо зажигались звезды. Фродо и прочие хоббиты жались к костру и кутались во что попало; только Бродяжник сидел поодаль, запахнувшись в свой дырявый плащ, и задумчиво покуривал трубку.

Пала ночь, и ярко вспыхивал огонь костра; а Бродяжник стал рассказывать им сказки и были, чтобы уберечь от страха. Ему памятливы были многие древние легенды и повести стародавних лет, эльфийские и людские, о добрых и злых делах и небывальщине. «Сколько же ему лет, — думали они, — откуда же он все это знает?»

— Расскажи нам про Гил-Гэлада, — попросил Мерри, когда окончилась повесть о древнеэльфийских царствах. — Вот «Песня о гибели Гил-Гэлада» — ты ведь ее знаешь?

— Да уж, конечно, знаю, — отвечал Бродяжник. — И Фродо тоже знает: его эта древняя история прямо касается.

Мерри и Пин поглядели на Фродо, а тот смотрел в костер.

— Нет, я очень немного знаю — только то, что Гэндальф рассказывал, — задумчиво проговорил он. — Знаю, что Гил-Гэлад — последний из могучих эльфийских царей Средиземья. «Гил-Гэлад» по-эльфийски значит «звездный свет». Вместе с воинством друга эльфов Элендила он выступил в грозный поход и вторгнулся в край...

— Ладно! — прервал его Бродяжник. — Об этом, пожалуй, не стоит рассказывать, когда прислужники Врага рыщут неподалеку. Доберемся до чертогов Элронда — там и услышите всю повесть с начала до конца.

— Ну, расскажи хоть что-нибудь про тогдашнее, — взмолился Сэм, — про эльфов расскажи, какие они тогда были. Про эльфов-то сейчас очень бы не худо послушать, а то уж больно темень поджигает.

— Расскажу вам про Тинувиэль, — согласился Бродяжник. — Коротко расскажу, потому что сказание очень длинное, а конец его забыт и никому теперь, кроме Элронда, неведомо даже, был ли у него конец. Красивая повесть, хотя и печальная, как все древние сказанья Средиземья; и все же на душе у вас, пожалуй, станет светлее.

Он задумался, припоминая, а потом не заговорил, а тихонько запел:

*Над росной свежестью полей,
В прохладе вешней луговой,
Болиголов, высок и прян,
Цветением хмельным струится,
А Лучиэнь в тиши ночной,
Светла, как утренний туман,
Под звуки лютни золотой
В чудесном танце серебрится.*

*И вот однажды с Мглистых гор
В белесых шапках ледников
Усталый путник бросил взор
На лес, светившийся искристо
Под сонной сенью облаков,
И сквозь прозрачный их узор
Над пенным кружевом ручьев
Ему привиделась зарница*

В волшебном облике земном.
Тот путник Берен был; ему
Почудилось, что в золотом
Лесу ночном должна открыться
Тропинка к счастью; в полутьму,
За чуть мерцающим лучом,
Светло пронзавшим кутерьму
Теней, где явь и сон дробится,

Он устремился, будто вдруг
Забыв о грузе тяжких лиг
Далекого пути на юг,
Но Лучиэнь легко, как птица,
Как луч, исчезла в тот же миг,
А перед ним — лишь темный луг,
Болиголов, да лунный лик,
Да леса зыбкая граница...

С тех пор весеннею порой,
Когда цветет болиголов —
Могучий, пряный и хмельной, —
Он часто видел, как рябится
Туман над чашами цветов
В прозрачном танце, но зимой
Не находил ее следов —
Лишь туч тяжелых вереницы

Тянулись над Ворожеей.
Но вскоре песня Лучиэнь
Затрепетала над землей
И пробудила, словно птица,
Весенний животворный день,
И по утрам, перед зарей,
Стирающей ночную тень,
Поляны стали золотиться

Под светоносною листвой.
И он вскричал: — Тинувиэль! —
Хотя нигде ее самой
Не видел в тишине росистой, —
И звонким эхом: — Соловей! —
Откликнулся весь край немой,
Озвучив тишину полей
Чудесным именем эльфийским.

И замерла Тинувиэль,
Прервав свой танец и напев,
Звеневший, словно птичья трель
Иль по весне ручей речистый:
Ведь имена бессмертных дев,
Как и названья их земель
Заморских, как немой распев
Потусторонних волн пречистых,

Несущих смертных в мир иной, —

*Все это тайны; и она
Решила, что самой судьбой,
Весенним эхом серебристым
В дар Берену принесена,
Что, даже жертвуя собой —
Ей смерть со смертным суждена, —
Посмертно счастье воскресит с ним.*

Бродяжник вздохнул и немного помолчал.

— На самом-то деле, — заметил он, — это вовсе не рассказ, а песнь: такие песенные сказания у эльфов называются «*энн-сэннат*». На нашем всеобщем языке они не звучат — вы слышали дальше, неверное эхо. А рассказывается о том, как Берен, сын Бараира, встретил Лучиэнь Тинувиэль. Берен был смертный, а Лучиэнь — дочь Тингола, который царствовал над эльфами в самые древние, самые юные века Средиземья; и прекрасней ее не бывало даже в тогдашнем юном мире. Ее прелесть была отрадней звезд над туманами северного края; и нежным сиянием лучилось ее лицо. В те дни Всеобщий Враг, кому и сам Саурон был лишь прислужником, царил на севере, в Ангбэнде, но эльфы Запада вернулись в Средиземье, чтоб войной отнять у него украденные волшебные алмазы Сильмариллы; и предки людей были заодно с эльфами. Однако Враг одолел, и пал в битве Бараир, а Берен чудом спасся и, не убоившись смертоносных ужасов, прошел сквозь горы к тайному царству Тингола в Нелдоретском лесу. Там он увидел и услышал Лучиэнь: она танцевала и пела на поляне возле чародейной реки Эсгальдуин; и назвал он ее Тинувиэль, что значит на былом языке «соловей». Много невзгод постигло их затем; надолго они расстались. Тинувиэль вызволила его из холодных застенков Саурона, и вместе они радостно встретили страшные испытания, а пройдя их, низвергли с трона самого Врага и сорвали с него железный венец с тремя Сильмариллами, ярчайшими из всех алмазов, и один из них стал свадебным выкупом Лучиэни, поднесенным ее отцу Тинголу. Однако же случилось так, что Берен не устоял перед Волколаком, ринувшимся на него из ворот Ангбэнда, и умер на руках у Тинувиэль. Но она избрала смертную участь, чтобы последовать за ним по ту сторону смерти; и если верить песенным сказаниям, то они встретились там, за Нездешними Морями, и, взявшись за руки, побрели по тамошним луговинам. Так вот и случилось, что одна-единственная из всех эльфов Лучиэнь Тинувиэль умерла и покинула здешний мир, и вечноживущие утратили самую свою любимую. Но это она сочетала людей с древними владыками эльфов. И живы еще потомки Лучиэни, и предречено в сказаниях, что не сгинут они понапрасну. Того же рода и Элронд из Раздола. Ибо от Берена и Лучиэни родился Диор, наследник Тингола; а его дочерью была Светлая Элвин, которую взял в жены Эарендил, тот самый, что снарядил корабль в Нездешние Моря и выплыл из туманов нашего мира, блистая Сильмариллом в венце. А от Эарендила пошли князя Нуменора, нашего Западного Края.

И пока говорил Бродяжник, они неотрывно разглядывали его странное, горделивое лицо, смутно озаряемое алыми отблесками костра. Глаза его сияли, и голос звучал дивно и твердо. Над его головой стояло черное звездное небо. И вдруг высоко позади него полыхнула бледным светом вершина Заверти. Располневшая луна медленно ползла по темному склону, и звезды над ними погасли. Рассказ был кончен. Хоббиты задвигались, потягиваясь.

— Смотри-ка! — сказал Мерри. — Луна встает; должно быть, уже поздно.

Все подняли глаза — и все увидели близ вершины горы черный комочек, явственный в лунном свете. Это, наверно, луна обозначила большой камень или выступ скалы.

Сумрак наливался ознобной темнотой. Сэм и Мерри поежились, встали и пошли подтащить топлива. Было как будто тихо и спокойно, но Фродо вдруг охватил цепкий ледяной страх, и он торопливо пододвинулся к огню. Откуда-то сверху прибежал Сэм.

— Вроде бы и никого, — сказал он. — Только я что-то испугался. Из лощины никуда не пойду. Подкрадываются, что ли?

— Ты кого-нибудь видел? — спросил Фродо, вскочив на ноги.

— Нет, сударь, никого не видел, даже и не смотрел.

— А я пожалуй что видел, — сказал Мерри. — Показались мне две или три черные тени. Как бы не сюда ползли.

— Ближе к костру, спиной к огню! — приказал Бродяжник. — Подберите жерди посуше и подлиннее!

Уселись молча и настороже, вглядываясь в немую темень. Ни шороха; Фродо мучительно захотелось крикнуть во весь голос, чтобы спастись от гнетущей тишины...

— Тише! — прошептал Бродяжник, и тут же Пин задохнулся приглушенным возгласом:

— Что это, что это там такое?

Они скорее почувяли, чем увидели, как из-за края лощины возникла тень: одна, другая, третья... Три, нет, уже четыре зыбкие фигуры застыли над ними на склоне холма, черные, словно дыры в темноте. Послышался змеиный шип; дохнуло могильным холодом. Потом тени качнулись и придвинулись.

Пин и Мерри в страхе бросились ничком на траву. Сэм беспомощно осел рядом с хозяином. А Фродо охватил невыносимый, леденящий ужас... и вдруг он понял, что надо всего лишь надеть Кольцо. Он не забыл Могильники, не забыл предупреждения Гэндальфа, но противиться не было сил. И язык отнялся. Сэм в испуге глядел на него снизу: хозяин в опасности, и никак ему не помочь — ну никак. Фродо закрыл глаза и попробовал устоять, одолеть... нет, не вмоготу. Он потянул цепочку, нащупал Кольцо — и медленно надел его на указательный палец левой руки.

Все осталось, как было, в расплывчатой мгле; только черные тени вдруг направились и прояснились. Перед ним возникли пять высоких воинов в серых плащах: двое стояли на гребне холма, трое приближались. Запавшие их глазницы светились острыми, беспощадными взглядами, на сединах — серебряные шлемы, в руках — стальные мечи. Они снова шагнули вперед, впиваясь в него ледяными глазами. Фродо в отчаянии обнажил свой кинжал — и кинжал зарделся, словно раскаленная головня. Двое замерли. Третий был выше всех, шлем его венчала корона. В одной руке он держал длинный меч, в другой — кинжал: клинки отливали мертвенным светом. Он ринулся к Фродо.

Амон Сул. Анато Финистарк

А Фродо, упав наземь, сам не зная почему, вдруг вскричал: «О Элберет! Гилтониэль!» — и ударил кинжалом в ногу подступившего врага. Яростный вопль всколыхнул темноту, и ледяное смертоносное жало вонзилось в плечо

Фродо. Теряя сознание, он увидел, как из мглы вырвался Бродяжник с двумя факелами в руках. Последним усилием Фродо сорвал Кольцо с пальца и, обронив кинжал, упал навзничь.

Глава XII Переправа

Фродо очнулся, сжимая Кольцо в руке отчаянной, мертвой хваткой. Он лежал у костра, пламеневшего ярко и высоко; он увидел над собой склоненные встревоженные лица Сэма, Пина и Мерри.

— Что случилось? Где король-мертвец? — выговорил он непослушным языком.

Ему не ответили: у всех троих от радости перехватило дыхание, да и вопрос был непонятный. Потом уж Сэм рассказал, как, откуда ни возьмись, надвинулись страшные тени, и Фродо вдруг исчез, а его, Сэма, сшибло с ног. Он слышал голос хозяина — то ли из дальней-предальной дали, то ли вообще из-под земли, и голос этот выкрикивал что-то совсем непонятное. Искали, шарили, нечаянно наткнулись — лежит ничком, весь ооченел, меч под ним. Бродяжник велел им уложить его у огня и чтоб костер был как следует, а сам исчез: давно уж.

Сэм, видно, снова стал сомневаться насчет Бродяжника и, когда тот угрюмой тенью появился рядом, заслонил Фродо, выдернув меч из ножен; но Бродяжник, как бы не видя обнаженного клинка, опустился на колени возле раненого.

— Нет, Сэм, я не из Черных Всадников, — мягко сказал он, — и не из их под-

ручных. Я хотел узнать, где они затаились — и отчего. Им бы заново напасть, а они отступили. Непонятно мне это. Однако поблизости даже духу их нет.

Услышав пересказ бессвязных речей Фродо, он очень обеспокоился, покачал головой и тяжело вздохнул. И велел Мерри с Пином беспрерывно кипятить воду и все время промывать рану.

— Огонь чтоб так и пылал, и держите его в тепле! — распорядился он, отошел от костра и подозвал Сэма. — Теперь, кажется, кое-что ясно, — сказал он вполголоса. — Враги напали вроде бы впятером: не все, должно быть, собрались, и отпора не ожидали. Отошли они, боюсь, недалеко и назавтра к ночи снова явятся. Им некуда спешить — по их расчетам, дело почти что сделано. Кольцо далеко не уйдет. Да, Сэм, они так понимают, что хозяин твой случайно задержался на пороге смерти, и чем дальше — больше им подвластен. Похоже на то — а впрочем, еще посмотрим!

Сэм беспомощно расплакался.

— Это ты брось! — сказал ему Бродяжник. — И уж изволь положиться на меня. Ваш Фродо куда покрепче оказался, чем я думал; правда, Гэндальф на то и намекал. Его чудом не убили, и теперь ему главное дело — держаться, а он продержится — вот этого-то они и не понимают. А я постараюсь его немножко подлечить. Грейте его и стерегите; если что — кричите во всю мочь и палите все вокруг; я ненадолго.

С этими словами он снова исчез во тьме.

* * *

Фродо задремывал и просыпался от холодной, вяжущей боли. У него постепенно омертвело плечо, рука, весь бок. Друзья без устали промывали ему рану и грели-согревали его, как только могли. А ночь тянулась медленно и вяло. Серый предутренний свет уже затопил лощину, когда Бродяжник наконец вернулся.

— Смотрите-ка! — воскликнул он, подняв с земли дотоле не замеченный и распоротый у подола черный плащ. — Вот так прошелся меч нашего Фродо. Плащ-то он распорол, а ранить его не ранил: этого царственного мертвеца простым клинком не достанешь. Вот имя Элберет — оно ему было страшнее, чем удар кинжальчика... А нашему Фродо — да, страшнее не бывает!

Бродяжник снова нагнулся и поднял длинный и тонкий кинжал, холодно блеснувший в рассветной мгле. Конец зазубренного жестокого клинка был обломан, и кинжал на глазах истаял тонким дымом — лишь рукоять уцелела.

— Плохи наши дела! — заметил он. — Нынче почитай что и некому врачевать такие страшные раны. Сделаю, конечно, что смогу, но могу я немного.

Он сел на землю, положил на колени черную рукоять и пропел над нею медленное заклинание на незнакомом языке. Потом отложил рукоять в сторону, пригнулся к Фродо и проговорил ему на ухо какие-то странные слова. Из поясной сумки он извлек длинные листья.

— Это целема, — объяснил он, — по-древнему *ацэлас*. На здешнем каменистом Угорье она не растет, я отыскал ее в темноте по запаху далековато отсюда, в чащобе к югу от Тракта.

Он растер лист в пальцах, и разнеслось сладкое, тонкое, стойкое благоухание.

— Что называется, повезло, — сказал он. — Здесь у нас, на севере, мало кто слышал о целеме — разве что Следопыты. Они ее ищут и находят возле древних стойбищ. Растение-то волшебное, но и оно если поможет, то ненадолго... Тяжелая рана.

Он заварил листья и промыл терпко-душистым отваром раненое плечо Фродо. Благоуханная свежесть успокаивала и проясняла душу. И у Фродо боль слегка утихла, но оледенелая, неподъемная рука словно примерзла к боку. Он горько корил себя за то, что надел Кольцо по велению Врага. Он-то теперь, наверно, останется калекой на всю жизнь, а дальше как быть? Сил ведь нет двинуться...

Между тем обсуждалось именно это — как быть дальше. Решено было немедленно покинуть Заверть.

— Дело ясное, — сказал Бродяжник. — Место это, значит, давно уже под вражеским надзором. Если и был здесь Гэндальф, то был и ушел, отбившись от врагов. А если мы пробудем здесь еще ночь, то тут нам и конец, где угодно лучше, чем здесь.

Как только рассвело, они наспех перекусили и собрались. Фродо идти не мог, и его ношу разделили на четверых, а самого усадили на пони. За последние дни заморенный конек поправился на удивление: потолстел, окреп и привязался к новым хозяевам, особенно к Сэму. Видно, Бит Осинник так его заездил, что даже самый трудный путь был ему не в тягость по сравнению с прежней жизнью.

Путь их лежал на юг, и прежде всего надо было, увы, пересечь Тракт, чтобы как можно скорее добраться до лесистых мест. Иначе под рукой не будет хвоста: а Бродяжник велел все время обогревать Фродо, тем более ночью — да и всем им огонь послужит какой-никакой защитой. И еще он хотел выгадать время, опять-таки срезав размашистую дорожную петлю: от восточного подножия Заверти Тракт круто и надолго сворачивал к северу.

* * *

Скрытно и осторожно обогнули они юго-западный склон горы, подобрались к Тракту, перебежали его — он был пуст на всем видимом протяжении, — и над головами их перекликнулись два замогильных голоса. Пригибаясь, они со всех ног метнулись в густой кустарник. Шли они под уклон, но кругом не было ни тропки, и приходилось то продираться сквозь кусты и заросли цепких, чахлых деревец, то брести по вязким проплешинам. Трава торчала редкими, серыми, скудными пучками; деревца осыпали их вялой, трухлявой листвой. Безотрадные это были места, и продвигались они медленно и уныло. Верховой Фродо тоскливо оглядывал тяжело понурившихся друзей — даже Бродяжник казался усталым и угрюмым.

Плечо Фродо наливалось ледяной болью, но жаловаться не годилось: он помалкивал и, стиснув зубы, терпел что было сил. Миновали четыре тяжелых, однообразных дня. Заверть медленно отдалилась, дальние горы немного приблизились. После той переклички на Тракте враги не объявлялись, и не понять было, следят или следуют они за ними. Темнота их страшила, и ночами они сторожили по двое, с дрожью ожидая, что серую, мутную лунную мглу вдруг пронизжут черные пятна. Но никаких пятен, сколько ни гляди, не было,

и слышался только сухой шелест жухлой травы. Близкой и страшной беды, какую они почуяли на Заверти, как не бывало. Неужели же Всадники так вот сразу и сбились со следа? Вряд ли: наверняка затаились, выжидают, готовят новую засаду.

Вечерело в пятый раз, и начался еле заметный подъем: они пересекали широкую-широкую долину. Бродяжник опять свернул на северо-восток; на шестой день они одолели долгий пологий склон, и вдали показалось лесистое взгорье. Где-то внизу виднелся Тракт; справа в жидком солнечном свете поблескивала тускло-серая река. Другая река угадывалась совсем уж далеко, в затуманенной каменистой ложбине.

— Боюсь, придется нам, хочешь не хочешь, немного пройти по Тракту, — задумчиво сказал Бродяжник. — Перед нами, вон она, речка Буйная, по-эльфийски Митейтиль. Она берет начало в Эттенблате, в излюбленной логовине троллей к северу от Раздола, и там, на юге, впадает в Бесноватую. Когда они сливаются, их начинают именовать Сероструй. Широкое у него морское устье. И никак эту Буйную не обойдешь ниже эттенблатских истоков. Один путь — Последний Мост, а по нему-то и идет Тракт.

— А другая какая река виднеется? — спросил Мерри.

— Да там-то уж Бесноватая, Бруинен, там и до Раздола рукой подать, — отозвался Бродяжник. — Но оттуда до Последнего Моста еще идти и идти, Тракт хорошие петли выделяет. Как мы брод перейдем, этого я еще не придумал. На первый случай хватит с нас и одной реки. Нам и то повезет, если Последний Мост покамест свободен.

Рано поутру путники снова приблизились к Тракту. Бродяжник и Сэм отправились на разведку — никого: ни пешеходов, ни всадников. Тракт пустой, и конских следов нет — два дня назад здесь, в предгорье, шел дождь, так, может, смыло, а с тех пор не проезжали.

Прибавили шагу, торопились изо всех сил, и через милю-другую вдалеке под крутую горой показался Последний Мост. Того и гляди, из-под горы возникнут черные... — да нет, ничего такого не видать. Бродяжник велел им спрятаться в кустах, а сам пошел вперед — и вскоре вернулся.

— Врагов у Моста нет и не было, — сказал он. — Хотел бы я знать, куда они подевались. Зато вот что я нашел — а это совсем уж непонятно. — Он вытянул руку с бледно-зеленым камнем на ладони. — Лежал на Мосту в грязи посреди дороги. Это эльфийский берилл. Положили на виду — а может, и обронили, — но все-таки обнадеживает. Так что через Мост рискнем, а там... там посмотрим, но дорогой не пойдем, пока не будет указанья пояснее.

Медлить не стали ни минуты и благополучно миновали Мост. Кругом стояла тишь, только река клокотала под тремя огромными арками. Прошли с милю; Бродяжник свернул налево в узкую лощину и зашагал еле заметной тропой по редколесью у подножия угрюмых холмов.

Хоббиты пробирались между сумрачными деревьями и радовались, что тоскливая низина и страшный Тракт остались позади; но и здесь места были дикие, глухие, зловещие. По сторонам все выше громоздились горы. На выступах и вершинах виднелись остатки древних стен, развалины башен — они точно таили в себе какую-то неясную угрозу. Фродо ехал на пони и мог огля-

дываться и размышлять. Он припоминал описания из книги «Туда и Обратно», рассказ про мрачные башни на горах к северу от Тракта, в той лесистой стороне, где водились тролли и где случилось первое настоящее приключение Бильбо. Не в те ли края они попали, а может, и в те же места?

— А здесь кто живет? — спросил он. — И кто эти башни выстроил? Это что, Троллистое плато?

— Оно самое, — сказал Бродяжник. — Только строили не они: тролли строить не умеют. Теперь здесь никто не живет: жили люди, нынче их нет. Легенды гласят, будто их поработил ангмарский царь-чародей и они предались злу, а во время Великой войны сгинули вместе со своим повелителем. Их уже и горы давно забыли, а тень злодейства, видите, не рассеялась.

— А ты-то это откуда знаешь, раз людей давным-давно уже здесь нет? — спросил Перегрин. — Если даже горы забыли, то ведь звери и птицы такого не расскажут?

— Наследники Элендила хранят память о былом, — отвечал Бродяжник. — Да и в Раздоле многое помнят, куда больше, чем я вам могу рассказать.

— А ты в Раздоле часто бывал? — любопытно спросил Фродо.

— Бывал, — отозвался Бродяжник. — Когда-то я там и жил, и возвращаюсь туда всякий раз, как выпадет случай; но, видно, не судьба мне там оставаться, не живется мне, вечному страннику, в дивных чертогах Элронда.

Горы обступали их все теснее. Далеко позади остался торный путь к реке Бруинен. Путники зашли в длинную долину, сущее ущелье, темное и тихое. Над каменными взлобьями нависали деревья, обнажая узловатые, старчески цепкие корни; выше по склонам густел сосняк.

Хоббиты вконец выбились из сил. Шаг за шагом пробирались они по нехоженой низине, загроможденной рухнувшими деревьями и обломками скал. Низом они шли не только из-за Фродо, которому неважно было вскарабкаться на кручу: зачем карабкаться-то? Все равно там не пройдешь. А на второй день засмурело. Ровный западный ветер нагнал с моря беспросветную хмарь, и на темные вершины гор заморосил обмочной дождь. К вечеру на них нитки сухой не осталось, и ночлег их был безрадостный, даже огня не развели. Наутро горы показались еще выше и круче, а долина уводила на север, куда вовсе не надо. Бродяжник, видно, тоже встревожился: уж десять дней, как с Заверти, и припаса всего ничего. А дождик сеял и сеял.

Заночевали на уступе, в каменной пещерке, скорее выемке скалы. Фродо мучился. От холода и сырости рана разнылась хуже некуда, и мертвенная, леденящая боль спать не давала. Он метался, ворочался и с ужасом прислушивался к ночным шумам и шорохам: ветер свистел в расселинах, струилась-капала вода, кряхтели горы, скатывались камни. Он вдруг почувствовал, что черные призраки — вот они, здесь, сейчас конец всему на свете; сел и увидел спину Бродяжника, который стерег их в бессонном бдении и курил трубку. Он откинулся на спину и забылся смутным сном, гуляя по свежей, пахучей траве своего садика — там, в Хоббитании, — и все это было бледно и странно, а по-настоящему четко чернели одни высокие призраки у входа в пещеру.

Когда он проснулся утром, дождик уже перестал. Тяжко нависшие облака расплзались, и сквозило бледно-голубое небо. Ветер снова менялся. Вышли вовсе не спозаранок. После холодного, невкусного завтрака Бродяжник отлу-

чился и велел им покамест носа из пещеры не казать. Взберется, сказал он, куда-нибудь повыше — и оглядится.

Принес он недобрые вести.

— Далековато занесло нас на север, — заметил он. — Непременно надо южнее податься, а то, чего доброго, забредем в Эттенблат, в северную глухомань. Там тролли хозяйничают, и места мне незнакомые. Можно бы, конечно, попробовать выйти на Раздол с севера, если напрямиком; но опять же и путь долгий, и дороги я толком не знаю, да и припасов не хватит. Придется, хочешь не хочешь, выбираться к Бруиненской переправе.

Остаток дня они карабкались по осыпям. Нашли ущелье, которое вывело их в долину, пролежавшую на юго-восток, в самом подходящем направлении; но под вечер путь им преградил скалистый хребет, выщербленный, на фоне небесной темени, точно обломанная пила. Либо назад, неизвестно куда, либо уж, куда ни шло, вперед.

Попытались одолеть его с ходу, но не тут-то было. Фродо спешился и старался не отстать от друзей, а ноги дрожали и подкашивались. Пони великими трудами затягивали на кручи; а сами они то и дело теряли тропу, да и была ли она, эта тропа, неизвестно, а поклажа тяжелая. Почти что стемнело, и сил у них не было никаких, когда они наконец взобрались на вершину. Между зубцами оказалась узкая седловина, и впереди был крутой спуск. Фродо упал за смертью — и лежал, вздрагивая и закусывая губу. Левая рука безжизненно свисала; мертвая хватка ледяной боли впивалась в плечо и в грудь. Деревья и камни казались смутными тенями.

— Дальше идти нельзя, — сказал Мерри Бродяжнику. — Фродо, сам видишь, на ногах не стоит. Очень я боюсь за него. Ну и что нам делать? Ты думаешь, как — в Раздолето его сумеют вылечить, если мы туда доберемся?

— Там посмотрим, — сказал Бродяжник. — Я больше ничего сделать пока что не могу; из-за его раны я вас так и подгоняю. Но сегодня — это ты прав — дальше нельзя.

— А что такое с хозяином? — тихо спросил Сэм, умоляюще глядя на Бродяжника. — Ранка-то была махонькая и уже затянулась: только белый шрамик на плече.

— Фродо пронзило оружие Врага, — отозвался Бродяжник. — Ядовитое, гибельное, колдовское оружие. Мне это черное чародейство неподвластно. Что еще я могу тебе сказать? Держись, Сэм!

Холодная выдалась ночевка на высоком уступе, хотя и развели костерок под скрюченными корнями громадной сосны: здесь, наверно, когда-то глину брали. Хоббиты съежились и прижимались друг к другу. Свиристел ледяной ветер, и слышны были стоны и вздохи нижних деревьев. Фродо одолел полусон: ему мерещилось, будто над ним плещут черные крылья, а на крыльях — мертвецы, отыскивающие, где это он укрылся.

Забрезжило ясное, прозрачное утро; воздух посвежел, и промытые дождем бледные небеса источали неяркий свет. Путники приободрились: вот бы еще солнышко пригрело, а то руки-ноги совсем ооченели. Как только рассвело, Бродяжник, прихватив с собой Мерри, отправился обозревать окрестности на восточный пик. Когда они вернулись с просветлевшими лицами, солнце уже сияло вовсю. Шли они почти что правильно, и теперь нужно было спуститься

крутым откосом и оставить горы по левую руку. Бродяжник опять углядел вдали серый отблеск Бруинена, а путь к переправе хоть пока и не виден, но пролегает неподалеку от реки, вдоль ее ближнего берега.

— Надо нам снова выбираться на Тракт, — сказал он. — По горам не пройдем. Будь что будет, а торного пути нам никак не миновать.

Наспех позавтракали и сразу тронулись в путь. Медленно спускались по южному склону: но он оказался вовсе не так уж и крут, не то что вчерашний подъем, и вскоре Фродо снова усадили на пони. Бывший одер Бита Осинника на диво сноровисто выбирал путь и даже почти не встряхивал седока, точно заботился о нем. Путники мало-помалу повеселели. Даже Фродо под лучами утреннего солнца словно бы полегчало, но в глазах у него то и дело мутилось, и он поспешно протирал их обеими руками.

Пин шел чуть впереди прочих. Вдруг он обернулся и крикнул:

— Эй, здесь тропа!

Подшли — верно, тропа: она, виясь, выползала из нижних перелесков и терялась на пути к вершине. Местами она совсем заросла, ее загромоздили сброшенные валуны и сваленные стволы; но, видно, когда-то по ней очень и очень хаживали. Проложил ее какой-то дюжий тяжелоступ: старые деревья были срублены или сломаны и огромные скалы расколоты или отодвинуты.

Они пошли по тропе, потому что по ней легче всего было спускаться, но шли они очень осторожно, особенно когда забрели в тенистый лес, а тропа стала шире и отчетливей. Вынырнув из густого ельника, она устремилась вниз по склону, а потом исчезла за могучей скалой. Они свернули вслед и увидели, что тропа ринулась под тяжелое взлобье, обросшее деревьями. В каменной стене была дверца, приоткрытая и висевшая на одной петле.

Перед этой дверцей они все остановились. За нею виднелась то ли пещера, то ли чертог, утопавший в пыльной мгле. Бродяжник, Сэм и Мерри, нажав изо всех сил, растворили застрявшую дверцу, и Мерри с Бродяжником зашли внутрь. Там были груды истлевших костей, пустые кувшины и разбитые горшки.

— Как есть логово троллей! — возгласил Пин. — А ну-ка, выбирайтесь из пещеры, и ноги в руки. Теперь-то нам известно, кто тропу протоптал, — вот и припустимся от них подалее!

— Куда торопиться, — сказал Бродяжник, выходя из пещеры. — Логово-то логово, но уж очень заброшенное. Бояться, по-моему, нечего. Спустимся потихоньку, а там уж и припустимся, если на то пошло.

От натопанной площадки у дверцы тропа вела круто вниз, лесистым склоном. Не желая трусить на глазах у Бродяжника, Пин побежал вперед и присоединился к Мерри. Сэм с Бродяжником шли за ними по бокам пони, везшего Фродо: тропа была такая широкая, что хоббиты могли при желании шествовать строем по четыре или по пять.

Но прошествовали они недалеко: Пин вернулся бегом, а за ним и Мерри, оба насмерть перепуганные.

— Тролли, ну тролли же! — вопил Пин. — Там, внизу, прогалина, и мы увидели их из-за деревьев. Огромные-то какие!

— Пойдем поглядим, — сказал Бродяжник, подобрав суковатую дубину. Фродо промолчал; Сэм таращил глаза.

* * *

Солнце поднялось высоко и пронизывало почти безлистные ветви, ярко озаряя прогалину. Они подобрались к ней и застыли, затаив дыхание. Вот они, тролли: три громадных чудовища. Один склонился, а два других смотрели на него.

Бродяжник пошел к ним как ни в чем не бывало.

— Ну, ты, каменная дохлятина! — сказал он и обломал свою дубинку о задницу склонившегося тролля.

И хоть бы что. Хоббиты так и ахнули, а потом даже Фродо расхохотался.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Хороши, нечего сказать: забываем собственную семейную историю! Это же те самые трое, которых подловил Гэндальф, когда они спорили, как вкуснее приготовить тринадцать гномов и одного хоббита!

— Вот уж не думал, что мы в тех местах! — удивился Пин. Он прекрасно знал семейную историю: сколько раз ему рассказывали ее что Бильбо, что Фродо; но, по правде-то говоря, он ей ни на грош не верил. Да и теперь тоже он очень подозрительно глядел на каменных троллей, ожидая, что они вот-вот оживут.

— Ладно там ваша семейная история, вы хоть бы о троллях что-нибудь помнили! — усмехнулся Бродяжник. — Время за полдень, солнце сияет, а вы туда же: тролли, мол, в прогалине засели! Дела не знаете — пусть; ну как не заметить, что у одного за ухом старое птичье гнездо. Хорош был бы живой тролль с таким-то украшением!

Всех одолел хохот. Фродо точно ожил, радостно припоминая первую удачную проделку Бильбо. И солнце правда так тепло сияло, и муть перед глазами немного рассеялась. Они сделали привал в этой прогалине: так вкусно было закусывать в тени огромных ног тролля.

— Может, кто-нибудь надумает спеть, пока солнце светит? — предложил Мерри, когда ложки отстучали. — А то ведь мы давно уж ничего эдакого не слыхивали, а?

— С Заверти не слыхивали, — сказал Фродо. Все поглядели на него. — Да не во мне дело! — сказал он. — Мне-то как раз говорили... я гораздо лучше себя чувствую, но куда мне петь! Разве вот Сэм что-нибудь такое сообразит...

— Ну, Сэм, давай, раз уж никуда не денешься! — сказал Мерри. — Пускай голову в ход, ежели больше нечего!

— Там разберемся, чего до времени в ход пускать, — сказал Сэм. — Вот, например, чего же... Ну, стихи не стихи, а в этом роде: так, пустяки. Был разговор, я и подумал.

Он встал, сложил руки за спиной, точно в школе, и произнес, то ли пропел на старинный мотив:

*На утесе, один, старый тролль-нелюдим
Думает безотрадно: «И-эхх, поедим!..»
Вгрызся, как пес, в берцовую кость,
Он грызет эту кость много лет напролет —
Жрет, оглоед! Тролль-костоглот!
Ему бы мяса, но, смиряя плоть,*

Он сиднем сидит — только кость грызет.

Вдруг, как с неба упал, прибежал, прискакал,
Клацая бутсами, шерстолап из-за скал.
— Кто тут по-песью взгрызается в кости
Люто любимой тещи моей?
Ну, лиходеи! Ох, прохиндеи!
Кто тебе разрешил ворошить на погосте
Кости любимой тещи моей?

— Я без спроса их спер, — объяснил ему тролль, —
А теперь вот и ты мне ответить изволь:
Продлили бы кости, тлевшие на погосте,
Жизнь опочившей тещи твоей?
Продлили бы, дуралей?
Ты ж только от злости
Квохчешь над прахом тещи своей!

— Что-то я не пойму, — был ответ, — почему
Мертвые должны служить твоему
Безвозмездному пропитанью для выживанья.
Ропщут их прах к отмщенью, а прощя —
Мощи усохшей тещи —
Ее священное посмертное достоянье,
Будь она хоть трижды усопшей.

Ухмыльнулся тролль с издевкой крутой,
— Не стой, — говорит, — у меня над душой,
А то, глядишь, и сам угодишь
Ко мне в живот,
Крохобор, пустоболт,
Проглочу живьем, словно кошка — мышь:
Я от голода костоед, а по норову — живоглот!

Но таких побед, чтоб живой обед
Прискакал из-за скал, в этом мире нет:
Скользнув стороной у обидчика за спиной,
Пнул шерстолап его,
Распроклятого эксгуматора вороватого, —
Заречешься, мол, впредь насмешничать надо мной
И тещу грызть супостатово!

Но каменный зад отрастил супостат,
Сидя на камне лет двадцать подряд.
И тяжкая бутса сплющилась, будто
Бумажный колпак или бальный башмак.
Истинно, истинно так!
А ведь если нога ненадежно обута,
То камень пинать станет только дурак!

На несколько лет шерстолап охромел,
Едва ковыляет, белый как мел.
А тролль по-песью припал на утесе
К останкам тещи —
Ледащий, тощий, —

*Ему не жестко сидеть на утесе,
И зад у него все плоче.*

— Это нам всем в науку! — рассмеялся Мерри. — Ну, Бродяжник, повезло тебе, что ты его дубиной двинул, а то бы рукой, представляешь?

— Ну, ты даешь, Сэм! — сказал Пин. — Я такого раньше не слышал.

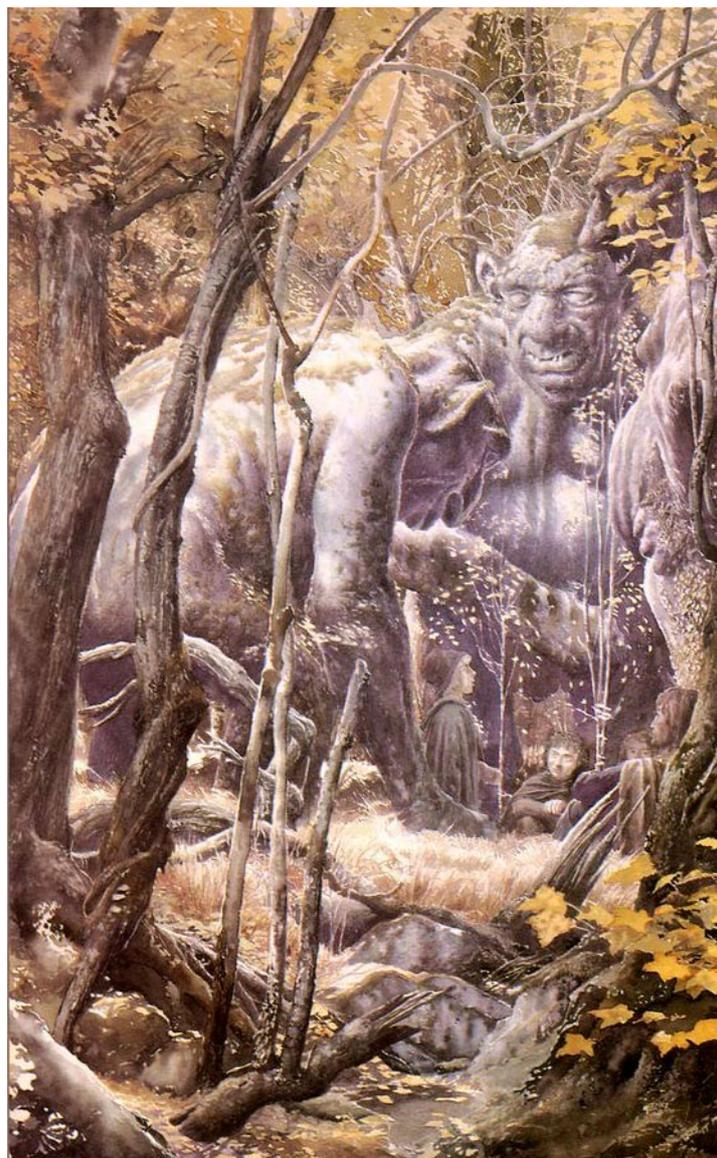
Сэм пробормотал в ответ что-то невнятное.

— Сам небось придумал, не то раньше, не то сейчас, — решил Фродо. — Сэммиум меня вообще чем дальше, тем больше удивляет. Был он заговорщиком, теперь оказался шутником, ишь ты! И чего доброго, окажется волшебником — а не то и воителем?

— Не окажусь, — сказал Сэм. — То и другое дело мне не с руки.

Привал. Алан Ли

Предвечернее солнце озаряло лесистый склон; и вниз их вела, должно быть, та самая тропа, по которой когда-то шли Гэндальф и Бильбо с гномами. Прошагали несколько миль — и оказались над Трактом, возле его обочины, на вершине громадной насыпи. Тракт давным-давно прятнул в сторону от реки Буйной, клокочущей в узком русле, и размашисто петлял у горных подножий, то ныряя в лес, то прорезая заросли вереска: стремился к еще далекой Переправе. Бродяжник указал им в траве у гребня грубо отесанный, обветренный

валун, испещренный гномскими рунами и какой-то еще тайнописью.

— Здрасьте пожалста! — сказал Мерри. — Да это же небось камень-отметина у сокровищницы троллей. У Бильбо-то много ли от тех сокровищ осталось, а, Фродо?

Фродо поглядел на камень и подумал: «Вот бы ничего не принес Бильбо, кроме этих неопасных сокровищ, с которыми так легко было расстаться!»

— Ничего не осталось, — сказал он. — Бильбо раздал все до грошика: мол, краденое впрок не идет.

Вечерело, тени удлинялись; сколько хватал глаз, Тракт был по-прежнему пуст. Да все равно другого пути у них теперь не было; они сошли с насыпи, свернули влево и припустились во всю прыть. Сбоку выдвигался длинный отрог, скрывая закатное солнце, и навстречу им с гор повеяло стужей.

Они уже начали высматривать по сторонам место для ночевки, когда сзади вдруг донесся отчетливый и памятный до ужаса стук копыт. Все разом оглянулись, но напрасно: дорога только что круто свернула. Стремглав бросились они вверх по склону, поросшему вереском и голубикой, и укрылись в густом орешнике, футов за тридцать от сумеречного, смутно-серого Тракта. Копыта стучали все ближе, цокали дробно и четко; послышался тихий, рассеянный ветерком перезвон, легкое звяканье бубенцов.

— Что-то не похоже на Черных Всадников, — сказал Фродо, вслушиваясь.

Хоббиты согласились — вроде не похоже, но оставались начеку. После ужасов многодневной погони во всяком звуке за спиной им слышалась опасность и угроза. Зато Бродяжник подался вперед, приложил ладонь к уху, и лицо его просияло радостью.

Смерклось; шелест пробежал по кустам. А бубенцы раздавались все звонче, дробный перестук приближался — и вдруг из-за поворота вылетел белый конь, блеснувший в сумерках, словно светлая птица. Уздечка мерцала самоцветами, как звездными огоньками. За всадником реял плащ; капюшон был откинут, и золотые волосы струились по ветру. Фродо почудилось, будто фигура верхового пламенеет ясным светом.

Бродяжник выпрыгнул из кустов и с радостным окликом кинулся к Тракту; но прежде, чем он вскочил и вскрикнул, всадник поднял взгляд и придержал коня. Завидев Бродяжника, он спешился и побежал ему навстречу.

— *Аи, на вэдуи Дунадан! Маэ гвэринниэн!* — воскликнул он.

И слова незнакомца, и его звонкий голос сразу успокоили их: во всем Средиземье только у эльфов был такой переливчатый выговор. Однако в приветствии его прозвучала тревога, и говорил он с Бродяжником быстро и озабоченно.

Потом Бродяжник призывно махнул рукой, и хоббиты поспешили вниз, на дорогу.

— Это Всеславур; он из замка Элронда, — сказал Бродяжник.

— Привет тебе, долгожданный гость! — обратился к Фродо эльф-воитель. — Меня выслали тебе навстречу: мы опасались за тебя.

— Значит, Гэндальф в Раздоле? — вскричал Фродо.

— Нет. Когда я уезжал, его там не было, — ответил Всеславур, — но уехал я девять дней назад. До Элронда дошли худые вести: мои родичи, по пути через ваши края за Барандуином, проведали и тотчас дали нам знать, что по запад-

ным землям рыщут Девятеро Кольценосцев, а вы пустились в дальний путь с опасным бременем и без провожатого, не дождавшись Гэндальфа. Даже у нас в Раздole мало кому по силам противостоять Девятерым лицом к лицу, но Элронд все-таки набрал и отправил нарочных на север, на запад и на юг: ведь вы, уходя от погони, могли заплутаться в глуши. Мне выпало наблюдать за Трактом; семь суток назад я достиг Моста Митейтиля и оставил вам знак — берилл. За Мостом таились трое прислужников Саурона; они отступили передо мной и умчались на запад. Я ехал по их следам и встретил еще двоих: те свернули на юг. Тогда я стал искать ваш след, нашел его два дня назад и снова проехал Мост, а сегодня приметил, где вы спустились с гор. Однако будет, остальное потом. Вам придется рискнуть и выдержать страх открытого пути — вечером и ночью. За нами пятеро; когда они нападут на ваш след, примчатся быстрее ветра. Где прочие, не знаю — должно быть, стерегут Брод. Об этом пока лучше не думать.

Тем временем вечерние тени сгустились, и Фродо сковала неодолимая усталость. Еще на раннем закате перед глазами его задернулась темная пелена; теперь и лица друзей были почти не видны. Боль впивалась ледяной хваткой и не отпускала. Покачнувшись, он припал к плечу Сэма.

— Хозяин мой ранен, ему плохо, — сердито сказал Сэм. — Он ехать не сможет, если не отдохнет.

Всеславур подхватил падающего Фродо, бережно принял его на руки и с тревогой глянул ему в лицо.

Бродяжник в кратких словах рассказал об атаке на вершине Заверти, о смертоносном кинжале; достал и протянул эльфу сбереженную рукоять. Тот брезгливо взял ее в руки, но рассмотрел очень внимательно.

— Здесь начертаны колдовские, лиходейские письмена, — сказал он. — Незримые для вас. Спрячь-ка ее, Арагорн, у Элронда пригодится. Только спрячь подальше и не касайся ее. Нет, такие раны мне залечивать не дано. Сделаю, что сумею, но об отдыхе вам пока что и думать нечего.

Чуткими пальцами прощупал он плечо Фродо, и еще суровее стало его лицо: видно, учуял недоброе. А Фродо вдруг почувствовал, что цепкий холод приразнял когти, рука немного согрелась и боль приутихла. Сумеречная завеса проредилась, точно стаяло тяжелое облако. Выплыли из тумана, прояснились лица друзей, и ему прибыло сил и надежды.

— Поедешь на моем коне, — сказал Всеславур. — Стремена я подтяну к чепраку: устроишься поудобнее. И не бойся ничего — с коня не упадешь, раз я ему скажу, чтоб ты не падал. Скачет он ровно и легко; а если что случится, он тебя вынесет, будь уверен — даже вражеские черные скакуны ему не соперники.

— Никуда он меня не вынесет! — воспротивился Фродо. — Что же, я спрячусь в Раздол или где там у эльфов, а друзья — пропадай? Нет уж!

— Не пропадут без тебя твои друзья, — улыбнулся Всеславур. — Погоня за тобой, а не за ними. Ты и твоя ноша, Фродо, — вот наша главная опасность.

Тут возразить было нечего, и Фродо согласился сесть на белого коня. Зато свои мешки они навьючили на пони и пошли гораздо быстрее, даже очень быстро — да разве за эльфом угонишься! Он вел их вперед: сначала сквозь тусклый вечерний сумрак, потом — сквозь ненастную ночную тьму, и не было ни звезд, ни луны. Остановился Всеславур, когда хмуро забрезжило утро. Пин,

Мерри и Сэм еле на ногах держались; Бродяжник и тот как-то сторбился, а Фродо приник к холке коня: его сморил тяжкий сон.

Они отошли с Тракта в заросли вереска, упали наземь и мгновенно заснули. И едва, кажется, сомкнули глаза, как сторожевой Всеславур их разбудил. Утреннее солнце бередило глаза; ночная непогода рассеялась.

— Ну-ка, выпейте! — велел Всеславур, что-то разливая по кружкам из своей оправленной серебром фляги.

Они выпили — вода и вода, чистая вода, вроде весенней, не теплая и не холодная, без всякого особого вкуса, но она разливала по телу силу и вселяла бодрость. Съеденные после нее затхлый хлеб и ссохшиеся яблоки (больше ничего не осталось) утолили голод лучше самого обильного завтрака в Хоббитании.

Проспали они меньше пяти часов, а потом снова шли, шли и шли по бесконечной ленте древнего Тракта — только два раза за день позволил им отдохнуть Всеславур. К вечеру они одолели миль двадцать с лишним и оказались у крутого поворота направо, в низину, напрямую к Бруиненскому броду. Хоббиты прислушивались и присматривались — пока никого, но Всеславур все чаще останавливался и с тревогой на лице поджидал их, если они отставали. Раз или два он даже заговорил с Бродяжником по-эльфийски.

Но как бы ни тревожились провожатые, а хоббиты нынче свое прошли. Они спотыкались и пошатывались, мечтая только об одном — дать роздых ногам. Боль терзала Фродо вдвое против вчерашнего, и даже днем все виделось ему призрачно-серым, точно мир выцвел и странно опустел. Теперь уж он нетерпеливо ждал ночи как избавления от тусклой пустоты.

Наутро, в предрассветный час, хоббиты снова брели по дороге — заспанные, усталые, унылые. А Переправа была еще далеко, и они, чуть не падая, каким-то чудом поспевали за провожатыми.

— Страшнее всего будет здесь, на пути к реке, — молвил Всеславур, — ибо чувствует мое сердце, что погоня скачет по пятам, а у Переправы нас ждет засада.

Дорога спускалась под гору меж травянистыми склонами, и хоббиты шли по мягкой траве, чтобы отдохнули ступни. К вечеру с обеих сторон вдруг надвинулся густой сосняк, а потом дорога втиснулась в ущелье, между сырими отвесными утесами из бурого гранита. Эхо преследовало путников стуком несчетных копыт и несметных шагов. Внезапно дорога вырвалась на простор из теснины: перед ними лежал пологий спуск к Броду, а на том, крутом и утесистом берегу вилась наверх тропа и громоздились горы, заслоняя бесцветное небо.

Из ущелья выкатилось оставленное ими эхо — шарканье подошв, стук копыт, — и вздрогнули нижние ветви сосен. Всеславур обернулся, прислушался — и вдруг опрометью ринулся к спутникам.

— Скачи! — крикнул он Фродо. — Скачи! Прочь от врагов!

Белый конь метнулся вперед; хоббиты побежали вниз по склону, Всеславур и Бродяжник — за ними. А сзади раскатом гулкового эха грянули копыта, из ущелья вылетел Черный Всадник и придержал коня, покачиваясь в седле. Еще один, еще один и еще двое.

— Вперед! Скачи! — снова крикнул Всеславур.

Но Фродо отпустил поводья: странная слабость одолевала его. Конь перешел на шаг, и он обернулся. Всадники стояли на гребне холма недвижимыми черными статуями; за ними клубился серый туман. Вдруг в хоббите проснулся страх и гнев. Рука его оставила уздечку, и он обнажил меч, сверкнувший на солнце розоватым блеском.

— Скачи! Да скачи же! — крикнул Всеславу и приказал коню по-эльфийски, звонко и горделиво: — *Норо лим, норо лим, Асфалот!*

Белый конь прынул вперед и быстрее ветра помчался по дороге. В тот же миг ринулись с холма черные кони, и Фродо услышал леденящий вой, тот самый, что недавно оглашал Южный удел Хоббитании. Возопил ответный вой, а из-за скал и деревьев показались еще четыре Всадника: двое поскакали к Фродо, двое других — наперехват, к Переправе. Их словно раздувало ветром, и все ширились их черные крылья, охватывая кругозор.

Фродо еще раз поглядел через плечо — друзей уже не было видно. Всадники немного отстали: даже их бешеные черные скакуны не могли тягаться с белым конем Всеславура. Но он взглянул вперед — и потерял всякую надежду. Ему не успеть к Переправе — те двое его перехватят. Видел он их теперь совершенно отчетливо: ни капюшонов, ни плащей — серые латы, белые саваны и длинные сивые космы. Мечи мерцали в костяных руках, глаза сверкали из-под надвинутых шлемов, и свирепый вой не умолкал.

Ужас сковал Фродо. Меч был забыт, крик застрял в горле, сам он и двинуться боялся. Зажмурившись, прижался он к лошадиному загривку. Ветер свистал в ушах, а серебряные бубенцы брэнчали глухо и странно. Его заново пронзил мертвенный холод, но эльфийский конь яростно вздыбился и промчался к реке, нос к носу миновав передового Всадника.

Всплеснулась вода, пена закипела у ног Фродо, его обдало брызгами, потом словно приподняло, и он приоткрыл глаза. Конь взбирался по каменистой тропе. Брод был позади.

Но погоня ничуть не отстала. Одолев крутой склон, конь Фродо остановился, повернулся к реке и неистово заржал. На том берегу у самой воды черным строем стояли Девятеро Всадников, и Фродо трепетал, не смея взглянуть на страшные лики мертвецов. Переправиться им ничто не мешает, а ему до Раздола еще скакать и скакать долгой неверной дорогой: нагонят, не уйдет. И ужасающе внятен стал безмолвный приказ: ни с места. Опять обуял его гнев, но противиться не было сил.

И первый черный конник тронул коня вперед — тот испуганно вздыбился у воды. Неимоверным усилием Фродо распрямил спину и поднял меч.

— Уходите! — вскрикнул он. — Уходите к себе в Мордор, я вам не дамся!

Всадники приостановились, но в срывающемся голосе Фродо не было той власти, что у Бомбадила. Ему ответил сиплый, мертвенный хохот.

— Сюда иди! Сюда иди! — хором позвали они. — Ты наш, твое место в Мордоре!

— Уходите! — полупшепотом повторил Фродо.

— Кольцо! Отдавай Кольцо! — откликнулись замогильные голоса. Главарь пришпорил коня и погнался в реку; за ним двое других.

— Именем Элберет и прекрасной Лучиэнь клянусь, — проговорил Фродо, воздев меч, — Кольца вы не получите. И я не ваш!

Тогда главарь, бывший уже посреди Переправы, привстал в стремях,

грозно поднял руку — и Фродо онемел. Язык его прилип к гортани, сердце замерло, меч переломился и выпал из дрожащей руки. Эльфийский конь с храпом встал на дыбы — казалось, первый Всадник вот-вот достигнет другого берега.

Но раздался оглушительный рев и грохот: гул яростного потока, влекущего груды валунов. Фродо смутно увидел, как вся река поднялась и вздыбилась конницей бушующих волн — ему почудились среди воды белые всадники, белые кони, пышные гривы. Водяная громада обрушилась на троих Черных и мигом сшибла их, бешено пенясь над водяной гробницей. Остальные шестеро прянули назад.

Как сквозь сон, услышал Фродо дальние крики, и за Черными Всадниками, все еще медлившими на том берегу, ему привиделся белый витязь в сверкающих латах, а позади него — туманные фигурки, алым пламенем факелов прорезающие серую мглу, которая поглотила весь мир.

Черные кони, шалея от ужаса, ринулись в поток — его буйный, торжествующий рев заглушил дикие вопли Всадников, исчезнувших среди пены и валунов. Падая с коня, Фродо подумал, что ему суждено стинуть в грохочущем разливе вместе со своими врагами. И лишился чувств.

Книга 2

*Свивая тысячи путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,
Не знаю я пока.*

Глава I Нежданные гости

Фродо проснулся, открыл глаза — и сразу понял, что лежит в кровати. Сначала он подумал, что немного заспался после длинного и очень неприятного сновидения, — ему и сейчас еще было не по себе. Так, значит, он дома, и путешествие ему снилось? Или, может, он долго болел? Но потолок над ним выглядел непривычно и странно: высокий, плоский, с темными балками, украшенными искусной узорчатой резьбой. Фродо совсем не хотелось вставать; спокойно лежа в уютной постели, он разглядывал солнечные блики на стенах и прислушивался к шуму отдаленного водопада.

— Где это я? И который теперь час? — спросил он вслух, обращаясь к потолку.

— В замке Элронда, — прозвучал ответ. — И сейчас у нас утро, десять часов. Утро двадцать четвертого октября, если ты и это хочешь узнать.

— Гэндальф! — приподнявшись, воскликнул Фродо. Так оно и было: у открытого окна в удобном кресле сидел старый маг.

— Да, я здесь, — отозвался он. — Но самое удивительное, что и ты тоже здесь — после всех твоих нелепых глупостей в пути.

Фродо промолчал и опять улегся. Ему было слишком покойно и уютно, чтобы спорить, а главное, он прекрасно знал, что ему не удастся переспорить Гэндальфа. Он проснулся окончательно и постепенно припомнил страшные вехи недавнего путешествия — путь «напрямик» по Вековечному Лесу, бегство из трактира «Гарцующий пони» и свой поистине безумный поступок, когда он надел на палец Кольцо в лощине у подножия горы Заверть. Пока он размышлял обо всех этих происшествиях и старательно, однако безуспешно вспоминал, как же он попал сюда, в Раздол, Гэндальф молча попыхивал трубкой, выпуская за окно колечки дыма.

— А где Сэм? — после паузы спросил Фродо. — И все остальные... с ними ничего не случилось?

— Успокойся, все они живы и здоровы, — отвернувшись от окна, ответил Гэндальф. — А Сэм дежурил у твоей постели, пока я не прогнал его отдохнуть — он ушел спать полчаса назад.

— Так что же приключилось возле Переправы? — осторожно спросил у Гэндальфа Фродо. — Когда мы тайком пробирались к Раздолу, мир казался мне каким-то призрачным, а сейчас я почти ничего не помню.

— Еще бы! Ведь ты уже начал развоплощаться, становился призраком — из-за раны в плече. Эта рана тебя едва не доконала. Появись ты у Переправы часа на два позже, и тебя никто не сумел бы спасти. А все же ты оказался поразительно стойким — честь тебе и хвала, мой дорогой хоббит! В Могильнике ты держался просто молодцом. Жаль, что ты поддался Врагу у Заверти.

— Тебе, я вижу, многое известно. — Фродо с удивлением посмотрел на Гэндальфа. — Про Могильник я еще никому не рассказывал: сначала боялся об этом вспоминать, а потом нам всем стало не до рассказов. И вдруг оказывается, что ты все знаешь...

— Ты разговаривал во сне, — объяснил ему Гэндальф, — и я без труда обследовал твою память. Зато сейчас тебе беспокоиться не о чем. Вы вели себя прекрасно — и ты, и твои друзья, — хотя порою не очень-то мудро. Но от вас потребовалось немало мужества, чтоб совершить это далекое и опасное путешествие с Кольцом, за которым охотится Враг.

— Мы не добрались бы сюда без Бродяжника, — признался Фродо. — Но где же был ты? Без тебя я не знал, на что мне решиться.

— Меня задержали, — ответил Гэндальф. — И это могло нас всех погубить... А впрочем, теперь я ни в чем не уверен: возможно, все обернулось и к лучшему.

— А что тебя задержало?

— Не торопись — узнаешь. Сегодня тебе нельзя много разговаривать... и много слушать — чтобы не утомляться. Так считает Элронд, — заключил маг.

— Да ведь говорить и слушать легче, чем думать. Думать-то утомительней, — возразил Фродо. — Я уже, как видишь, пришел в себя и помню уйму непонятных событий. Что тебя задержало? Объясни мне хоть это!

— Всему свое время, — ответил Гэндальф. — Когда ты поправишься, мы соберем Совет, и там ты узнаешь решительно все. А сейчас я скажу тебе только одно — меня предательски заманили в ловушку.

— Тебя? — недоверчиво переспросил Фродо.

— Да, меня, Гэндальфа Серого, заманили в ловушку, — подтвердил маг. — В мире много могущественных сил, есть среди них и добрые, и злые. Перед некоторыми даже мне приходится отступать. С некоторыми я еще никогда не сталкивался. Но теперь великой битвы не минуешь. Черные Всадники переправились через Андуйн. А это значит, что приближается война.

— Выходит, ты знал про Всадников и раньше — еще до того, как я с ними встретился?

— Знал и однажды говорил тебе о них, ибо Черные Всадники — это Призраки Кольца, девять прислужников Черного Властелина. Но я не знал, что они опять появились, иначе увел бы тебя из Хоббитании. Мне стало известно про Вражьих прислужников, когда я расстался с тобой, в июне... но об этом тоже узнаешь чуть позже. Меня задержали далеко на юге, и от гибельных несчастий нас избавил Арагорн.

— Да, — сказал Фродо, — без него мы погибли бы. И ведь когда он появился, мы его испугались. А Сэм, тот ему так и не поверил — по крайней мере до встречи с Всеславуrom.

— Слышал я и про это. — Гэндальф улыбнулся. — Ну да теперь-то Сэм ему верит.

— А вот это замечательно! — воскликнул Фродо. — Потому что мне очень нравится Бродяжник. Даже больше — я его по-настоящему полюбил... хотя он, конечно же, странный человек, а временами казался нам просто зловещим. Но знаешь? — он часто напоминал мне тебя. Скажи, неужели у Большого Народа не редкость такие люди, как Бродяжник? Я-то считал, что они просто большие — большие, грубоватые и не слишком умные: добрые, бестолковые, вроде Лавра Наркисса, или глупые, но опасные, вроде Бита Осинника. Ведь у нас, в Хоббитании, людей почти нет, и мы встречаем их только в Пригорье.

— Вы и пригорян очень плохо знаете, если ты считаешь Лавра бестолковым, — мимолетно усмехнувшись, заметил Гэндальф. — Язык у него работает проворней, чем голова, но по-своему он очень толковый, не сомневайся. Ему свои выгоды ясно видны, даже сквозь три кирпичных стены — есть такое пригорянское присловье. Но в Средиземье редко встречаются люди, подобные Арагорну, сыну Арахорна. Рыцарей из Заморья почти не осталось. И возможно, в Великой Войне за Кольцо погибнут последние соплеменники Арагорна.

— Ты хочешь сказать, что предки Бродяжника — это и есть Рыцари из Заморья? — не веря своим ушам, воскликнул Фродо. — Значит, их род до сих пор не угас? А ведь я считал его просто бродягой.

— Бродягой?! — гневно переспросил Гэндальф. — Так знай же: дунаданцы — северные потомки великого племени Западных Рыцарей. В прошлом они мне иногда помогали, а в будущем нам всем понадобится их помощь: мы благополучно добрались до Раздола, но Кольцу суждено упокоиться не здесь.

— Видимо, так, — согласился Фродо. — Но я-то думал — попасть бы сюда... и надеялся, что дальше мне идти не придется. Месяц я провел на чужбине, в пути — и этого для меня совершенно достаточно. Теперь мне хочется как следует отдохнуть. — Фродо умолк и закрыл глаза. Но, немного помолчав, заговорил снова: — Я тут подсчитывал, и у меня получается, что сегодня только двадцать первое октября. Потому что мы вышли к Переправе двадцатого.

— Хватит, — сказал Гэндальф, — тебе вредно утомляться. Элронд был прав... А как твое плечо?

— Не знаю, — ответил Фродо. — Вроде бы никак. — Он пошевелился. — И рука вроде двигается. Наверно, я уже совсем поправился. И она уже не холодная, — добавил хоббит, дотронувшись правой рукой до левой.

— Превосходно, — сказал Гэндальф. — Ты быстро выздоравливаешь. Скоро Элронд разрешит тебе встать — все эти дни он врачевал твою рану...

— Дни? — удивленно перебил его Фродо.

— Ты лежал здесь три дня и четыре ночи. Эльфы принесли тебя двадцатого, под вечер, а уснул ты, так и не придя в сознание. Ну, и сейчас тебе, естественно, кажется, что сегодня только двадцать первое октября. Мы очень тревожились, а твой верный Сэм не отходил от тебя ни ночью, ни днем — разве что исполнял поручения Элронда. Элронд искусный и опытный целитель, но оружие Врага беспощадно и смертоносно. Я подозревал, что обломок клинка остался в твоей зарубцевавшейся ране, и, по правде сказать, не слишком надеялся, что его удастся обнаружить и вынуть. Элронд нащупал этот губительный обломок только вчера — он уже ушел глубоко и с холодной неотвратимостью приближался к сердцу.

Фродо вспомнил зазубренный нож, исчезающий в руке Бродяжника, и содрогнулся.

— Не бойся, — сказал Гэндальф. — Он исчез навеки, когда Элронд извлек его из твоего плеча. Но ты сумел доказать нам, что хоббиты цепко держатся за этот мир. Многие могучие и отважные воины из Большого Народа, которых я знал, меньше чем в неделю стали бы призраками от раны, нанесенной моргульским клинком, — а ведь ты сопротивлялся семнадцать дней!

— Объясни мне, почему они такие опасные, эти Черные Всадники, — попросил Фродо. — И что они хотели сделать со мной?

— Они хотели пронзить твое сердце моргульским клинком, — ответил Гэндальф. — Обломок клинка остается в ране и потом неотвратно двигается к сердцу. Если бы Всадники своего добились, ты сделался бы таким же призрачным, как они, но слабее — и попал бы под их владычество. Ты стал бы призраком Царства Тьмы, и Черный Властелин тебя вечно мучил бы за попытку присвоить его Кольцо... хотя вряд ли найдется мука страшнее, чем видеть Кольцо у него на пальце и вспоминать, что когда-то им владел ты.

— Хорошо, что я не знал об этой опасности, — снова содрогнувшись, прошептал Фродо. — Я и без того смертельно перепугался, но если б я знал тогда, чем рискую, у меня не хватило бы сил пошевелиться. Не понимаю — как мне удалось спастись?

— У тебя, по-видимому, особая судьба... или участь, — негромко заметил Гэндальф. — Я уж не говорю про твою храбрость и стойкость! Благодаря твоей храбрости Черному Всаднику не удалось всадить клинок тебе в сердце, и ты был ранен только в плечо. Но, и раненый, ты на редкость стойко сопротивлялся — вот почему обломок клинка за семнадцать дней не дошел до сердца. И все же ты был на волосок от гибели. Враг приказал тебе надеть Кольцо, и, надев его, ты вступил в Призрачный Мир. Ты увидел Всадников, а они — тебя. Ты как бы сам отдался им в руки.

— Я знаю, — сказал Фродо. — И всю жизнь буду помнить, какие они страшные, особенно ночью... А почему мы видим их черных коней?

— Потому что они живые, из плоти и крови. Да и плащи у Всадников самые обычные — они лишь маскируют их бесплотную призрачность.

— А тогда почему эти живые кони ничуть не боятся своих призрачных седоков? Всех других животных охватывает страх, если к ним приближаются Черные Всадники. Собаки скулят, гуси в ужасе гогочут... даже конь Всеславура и тот испугался!

— Потому что их кони выращены в Мордоре, чтоб служить вассалам Черного Властелина. Не все его подданные — бесплотные призраки. Ему подвластны и другие существа: орки и тролли, варги и волколаки, даже многие люди — короли и воины — выполняют его лиходейскую волю. И он покоряет все новые земли.

— А Раздол? А эльфы? Над ними-то он не властен?

— Сейчас — нет. Но если ему удастся покорить весь мир, не устоят и эльфы. Многие эльфы — хотя отнюдь не все — страшатся воинства Черного Властелина, им приходится отступать перед его могуществом. Однако он уже никогда не сумеет заставить их подчиниться или заключить с ним союз. Мало этого, здесь, в Раздоле, до сих пор живут его главные противники, почти такие же могучие, как он, — я говорю о Преображающихся эльфах, древних владыках

Эльдара-Заморского. Они не боятся Призраков Кольца, ибо рождены в Благословенной Земле, а поэтому им доступен и Призрачный Мир. Эти воины в прошлом не раз побеждали и зримых, и незримых — призрачных — врагов.

— Когда у Переправы я оглянулся назад, — не очень уверенно припомнил Фродо, — мне почудилось, что рядом с Черным Всадником появилась белая сверкающая фигура. Это и был Всеславур, да?

— Да, — сказал маг. И, помолчав, добавил: — Всеславур объединил для тебя два мира, реальный и призрачный, невидимый живым, потому что он — Преображающийся эльф, великий витязь из Перворожденных. Словом, в Раздоле отыщутся силы, способные на время сдержатъ Врага, — да и в других местах такие силы есть, даже у вас, в мирной Хоббитании. Но если течение событий не изменится, свободные земли превратятся в островки, окруженные океаном Черного воинства — его собирает Властелин Мордора... А пока, — перебил он себя, вставая, и его борода грозно встопорщилась, — мы должны сохранять спокойное мужество. Через несколько дней ты совсем поправишься — если я не заговорю тебя сегодня до смерти. Здесь, в Раздоле, нам ничто не угрожает... до поры до времени. Так что не тревожься.

— Мужества у меня нет, и сохранять мне нечего, — отозвался Фродо, — но я не тревожусь. Расскажи мне, пожалуйста, о моих друзьях, и тогда уж я окончательно успокоюсь. Меня почему-то клонит косну, но, пока ты не расскажешь, что с ними случилось, я все равно не смогу уснуть.

Гэндальф пододвинул кресло к кровати и окинул Фродо испытующим взглядом. На щеки хоббита вернулся румянец, а глаза у него были ясными и спокойными. Он весело улыбался и выглядел здоровым. Но все же маг с тревогой подметил некоторые почти неуловимые изменения: дело в том, что левая рука хоббита, неподвижно лежащая поверх одеяла, казалась бледной и странно бесплотной.

— К несчастью, этого избежать невозможно, — пробормотал Гэндальф себе под нос. — А ведь он не прошел даже половины пути... и что с ним случится, когда он его закончит, не сумеет, наверно, предсказать сам Элронд. Что ж, будем надеяться на лучшее. Возможно, он станет полупрозрачным, как хрустальный сосуд, светящийся изнутри, — для тех, чьи глаза способны отличить внутренний, истинный свет от призрачного... Выглядишь ты здоровым, — сказал он вслух. — Думаю, тебе и правда не повредит, если ты услышишь о своих друзьях. Я не буду спрашивать разрешения у Элронда, но расскажу лишь вкратце, а потом уйду, чтобы не помешать тебе уснуть снова. Вот что случилось возле Переправы — насколько мне удалось разобраться. Как только ты поскакал к реке, Черные Всадники ринулись за тобой. У горы Заверть ты вступил в их мир — поэтому они тотчас же тебя увидели и не должны были полагаться на зрение коней. А кроме того, их притягивало Кольцо. Их кони растоптали бы твоих друзей — им пришлось уступить Всадникам дорогу. Задержать Всадников они не могли: ведь те преследовали тебя вдевятиером, так что даже Арагорн с Всеславуrom не выстояли бы в бою против их отряда.

Потом, когда Призраки Кольца умчались, твои друзья побежали к реке. Неподалеку от Переправы, у самой дороги, есть полускрытая деревьями лощина; спустившись в нее, твои друзья и Всеславур быстро развели небольшой костер, ибо Всеславуру было известно, что если Всадники сунутся в реку, то Элронд взъярит ее буйным разливом, и они не смогут тебя догнать; но с остав-

шимися на суше придется драться. Как только разбушевались волны разлива, Всеславур, а за ним Арагорн и остальные выскочили с горящими головнями на дорогу. Всадники оказались между водой и огнем, узнали во Всеславуре Преображающегося эльфа и потеряли свое бесноватое мужество, а их кони мгновенно взбесились от страха. Трое Всадников, преследуя тебя, попытались на конях переплыть реку — их смела первая же волна разлива. Шестерых остальных взбесившиеся кони затащили в реку немного попозже — их всех захлестнули бурные волны.

— Так они погибли? — обрадовался Фродо.

— К сожалению, нет, — ответил Гэндальф. — В разливе погибли только их кони... но без коней — какие же они теперь Всадники? Им пришлось поспешно убраться восвояси. И хотя их самих так просто не уничтожишь, они, я думаю, сгинули надолго... Когда разлив окончательно схлынул, твои друзья переправились через реку и нашли тебя на этом берегу — ты лежал ничком, холодный и бледный, а под тобой валялся твой сломанный меч. Конь Всеславура стоял рядом. Арагорн опасался, что ты убит, — о худшем ему даже думать не хотелось. Тебя подняли и понесли в Раздол, и на полпути вам встретились эльфы.

— А чем Всадники прогневили реку?

— Они исконные враги эльфов, а Элронд — владыка здешнего края. Когда враги подступают к Раздолу, река, по велению Элронда, разливается, и все живое гибнет в волнах. Как только Предводитель Призраков Кольца спустился к воде, река разлилась. Ну и, если так можно выразиться, я немного подогрел ее гнев — не знаю уж, успел ты заметить или нет, что первые, самые свирепые, валы вспенивались могучими белыми всадниками, а за конницей, подгоняемые ревущими волнами, катились огромные серые валуны. Когда я увидел силу разлива, мне показалось, что мы переусердствовали и не сможем обуздать водяное воинство, но все обошлось: вас река не тронула.

— Да-да, припоминаю, — проговорил Фродо, — я услышал страшный грохочущий рев и решил, что нам всем суждено утонуть — и мне, и Всадникам, и моим друзьям. Зато теперь нам ничто не угрожает!

Гэндальф остро глянул на Фродо, но тот уже умолк и закрыл глаза.

— Ты прав, — сказал маг, — нам ничто не угрожает... пока. Как только ты встанешь на ноги, мы пышно отпразднуем победу у Переправы, и праздник будет посвящен вам — тебе, Арагорну и твоим спутникам.

— Неужели нам? — изумился Фродо. — Знаешь, меня до сих пор поражает, что о нас позаботились Всеславур и Элронд — причем, похоже, без всякой причины.

— Ну, причина-то у них была, и, сказать по правде, даже не одна, — с легкой улыбкой возразил Гэндальф. — Во-первых, я попросил их об этом. Во-вторых, тебе доверено Кольцо. В-третьих, ты родственник и наследник Бильбо, а он вытащил Кольцо на свет.

— Милый Бильбо! Где-то он сейчас? — сонным голосом пробормотал Фродо. — Вот бы рассказать ему о наших неурядицах, они бы наверняка его позабавили... — С этими словами Фродо уснул.

Итак, Фродо благополучно добрался до Последней Светлой Обители на востоке. В этой Обители, как говаривал Бильбо, было приятно и есть, и спать, и

рассказывать о своих недавних приключениях, и петь песни, и читать стихи, или размышлять, сидя у камина, или ровно ничего не делать. Если кто-нибудь туда попадает, рассказывал Бильбо друзьям в Хоббитании, он мигом вылечивается от усталости и тоски, от забот, страхов и всех болезней.

Под вечер, когда Фродо проснулся снова, он почувствовал себя совершенно здоровым и понял, что ему очень хочется есть, а может быть, выпить бокал вина, чтобы потом почитать стихи, или попеть веселые песни, или рассказать о своем путешествии. Он откинул одеяло, соскочил на пол и с радостью ощутил, что его левая рука действует почти так же хорошо, как раньше. У кровати на стуле лежала одежда — ее, видно, сшили, пока он спал, и она пришлась ему как раз впору. Одеваясь, он глянул на себя в зеркало и с удивлением обнаружил, что очень исхудал: он опять напоминал того юного Фродо, которого некогда приютил Бильбо; но глаза, смотревшие на него из зеркала, были глазами зрелого хоббита.

— Да, кое-что ты повидал с тех пор, как глядел на меня из зеркала в Хоббитании, — сказал Фродо своему двойнику. — А теперь посмотри-ка на здешний праздник! — Он раскинул руки и сладко потянулся.

В это время кто-то постучал в дверь, и на пороге комнаты появился Сэм. С радостной улыбкой он подошел к Фродо, бережно погладил его левую руку, а потом смущенно отвернулся в сторону.

— Здравствуй, Сэм, — проговорил Фродо.

— Вишь ты — теплая! — воскликнул Сэм. — Это я про вашу левую руку. Ведь она была у вас ледышка ледышкой: мало что холодная, так еще и прозрачная. Ну да теперь уже все позади! Гэндальф послал меня, чтобы я у вас спросил, готовы ли вы к сегодняшнему празднику... Мне подумалось, что он надо мной насмехается.

— Вполне готов, — сказал ему Фродо. — И мне не терпится повидать друзей.

— Я отведу вас, — предложил Сэм. — Ведь этот замок — огромный и удивительный. Кажется, ты все уже здесь разведаль, а потом сворачиваешь в какой-нибудь закоулок и находишь кучу новых неожиданностей. А эльфы-то, эльфы! Ведь они тут хозяйева, куда ни пойдешь, везде их встречаешь! Одни — как короли, прекрасные и строгие, так что на них даже боязно глядеть. Зато другие — ну чистые дети! И всюду музыка, всюду песни... Я тут, конечно, не совсем освоился — у меня и времени было маловато, да и храбрости, по правде-то сказать, не хватало...

— Я знаю, почему у тебя не было времени, — с благодарностью в голосе перебил его Фродо. — Зато уж сегодня мы всласть повеселимся! Идем, покажи мне здешние «закоулки».

Они миновали множество переходов, спустились по нескольким пологим лестницам и вышли в огромный тенистый парк, разбитый на высоком берегу реки. И здесь, у восточного торца дома, на просторной веранде, обращенной к востоку, Фродо увидел своих друзей. В долине за рекой уже сгущались сумерки, но далекие пики восточных гор еще освещало заходящее солнце. Предвечерний сумрак был прозрачным и теплым, звучно шумел отдаленный водопад, а воздух был напоен ароматом цветов, запахом трав и свежей листвы, как будто здесь, в парке у Элронда, остановилось на отдых отступающее лето.

— Ур-р-р-ра! — вскакивая, закричал Пин. — Вот он — наш благородный родич! Да здравствует Фродо — Властелин Кольца!

— Уймись! — резко оборвал его Гэндальф, сидевший в глубине затененной веранды, так что Фродо не сразу его заметил. — Эта долина недоступна для зла — и все же не следует его сюда призывать. Властелином Колец величают не Фродо, а хозяина Черного Замка в Мордоре — его тень снова простерлась над миром. Мы-то укрылись в надежной крепости. Но и вокруг нее уже сгущается мрак.

— Ну, началось, — пробурчал Пин. И потом, обращаясь к Фродо, добавил: — Так вот он нас беспрестанно и утешает. Я знаю, что нам всем надо быть начеку. Но в этом доме почти невозможно думать о мрачном или грустном. Мне тут все время хочется петь — только не знаю я подходящей песни.

— Да и у меня тоже песенное настроение, — радостно рассмеявшись, заметил Фродо. — Но сначала мне хочется поесть и выпить.

— С этим здесь просто, — сказал ему Пин. — Тем более что тебе не изменил твой нюх: ты сумел проснуться как раз к обеду.

— Не к обеду, а к пиршеству, — поправил его Мерри. — Едва только Гэндальф торжественно объявил, что ты выздоравливаешь, началась подготовка — я думаю, нас ждет роскошный пир. — Не успел он договорить, как зазвонили колокольчики, сзывающие гостей к праздничному столу.

Гости собрались в Трапезном зале, уставленном рядами длинных столов. Элронд сел во главе стола, стоявшего отдельно от остальных, на возвышении, а возле хозяина, лицом друг к другу, привычно расположились Всеславур и Гэндальф.

Фродо смотрел на них — и не мог насмотреться: ведь Элронда, героя бесчисленных легенд, он видел впервые, а Всеславур и Гэндальф — даже Гэндальф, которого он вроде бы знал, — обрели рядом с Элрондом свой подлинный облик, облик непобедимых и достославных витязей.

Ростом Гэндальф был ниже, чем эльфы, но белая борода, серебристые волосы, широкие плечи и благородная осанка придавали ему истинно королевский вид; а его зоркие глаза под снежными бровями напоминали приугасшие до времени угольки... но они могли вспыхнуть в любое мгновение ослепительным — если не испепеляющим — пламенем.

Всеславур — могучий, высокий и статный, с волосами, отливающими огненным золотом, — казался юным, но спокойно-мудрым, а глаза его светились решительной отвагой.

По лицу Элронда возраст не угадывался: оно, вероятно, казалось бы молодым, если б на нем не отпечатался опыт бесчисленных — и радостных, и горестных — событий. На его густых пепельных волосах неярко мерцала серебряная корона, а в серых, словно светлые сумерки, глазах трепетали неуловимо проблескивающие искры. Он выглядел мудрым, как древний властитель, и могучим, как зрелый, опытный воин. Да он и был воином-властителем, этот исконный Владыка Раздола.

Напротив Элронда, в кресле под балдахином, сидела прекрасная, словно фея, гостья, но в чертах ее лица, женственных и нежных, повторялся или, вернее, угадывался мужественный облик хозяина дома, и, взглядевшись внимательней, Фродо понял, что она не гостья, а родственница Элронда. Была ли она юной? И да, и нет. Изморозь седины не серебрила ее волосы, и лицо у нее было юношески свежим, как будто она только что умылась росой, и чистым

блеском предрассветных звезд лучились ее светло-серые глаза, но в них таилась зрелая мудрость, которую дает только жизненный опыт, только опыт прожитых на земле лет. В ее невысокой серебряной диадеме мягко светились круглые жемчужины, а по вороту серого, без украшений, платья тянулась чуть заметная гирлянда из листьев, вышитых тонкой серебряной нитью.

Это была дочь Элронда, Арвен, которую видели немногие смертные, — в ней, как говорила народная молва, на Землю возвратилась красота Лучиэнь, а эльфы дали ей имя Андомиэль: для них она была Вечерней Звездой. Андомиэль недавно вернулась из Лориэна — там, за горами, в лесной долине, жила ее родня по материнской линии. А сыновья Элронда, Элладан и Элроир, странствовали где-то далеко на севере, потому что поклялись отомстить мучителям матери, северным оркам.

Красота Андомиэль ошеломила Фродо — он с трудом верил, что живое существо может быть таким ослепительно красивым, а узнав, что ему приготовлено место за столом Элронда, он почти испугался: его всполошила столь высокая честь. В особом кресле с несколькими подушками он был не ниже других гостей, но самому-то себе он казался крохотным и недостойным своих замечательных сотрапезников. Однако это чувство вскоре прошло. За столом царило непринужденное веселье, а обильная и поразительно вкусная еда была под стать его аппетиту, так что он смотрел главным образом в тарелку.

Но, утолив первый голод, он поднял голову, отыскивая взглядом своих друзей. Они сидели за соседним столом — и его верный Сэм, и Пин, и Мерри. Фродо вспомнил, как Сэма убеждали, что здесь он не слуга, а почетный гость, — он хотел прислуживать Фродо за столом. Однако Бродяжника Фродо не увидел.

Справа от Фродо восседал гном — необычайно важный и богато одетый. Его раздвоенная седая борода ниспадала на ослепительно белый камзол, закрывая пряжку серебряного пояса. В массивную золотую цепочку-ожерелье были вправлены ярко сверкающие бриллианты. Заметив, что Фродо на него смотрит, гном повернулся к нему и сказал:

— Здравствуй и процветай, уважаемый хоббит! — Он встал с кресла и, поклонившись, добавил: — Гном Глоин. Готов к услугам. — А потом отвесил еще один поклон.

Фродо удивился, однако не растерялся. Он встал и, не обратив ни малейшего внимания на посыпавшиеся с кресла подушки, ответил:

— Фродо Торбинс. Готов служить — и тебе, и твоим уважаемым родичам. — Он поклонился гному и с интересом спросил: — Скажи, пожалуйста, *ты тот самый Глоин* — спутник знаменитого Торина Дубощита?

— Совершенно верно, — подтвердил гном. Он поднял с пола упавшие подушки и помог Фродо забраться в кресло. — Тебе я подобного вопроса не задаю, — с церемонной учтивостью заметил он, — мне уже сообщили, что ты родственник и наследник всеми почитаемого Бильбо Торбинса. Поздравляю тебя с прибытием в Раздол!

— Спасибо, — искренне поблагодарил его Фродо.

— Я слышал, что тебе и всем твоим спутникам встретились в пути странные испытания... Странные и страшные, — поправился гном. — Хотел бы я знать, что могло заставить четверых — не одного, как когда-то Бильбо, а четверых хоббитов отправиться в путешествие! Впрочем, может быть, я слишком назойлив? Элронд и Гэндалф дали мне понять, что они не желают об этом

распространяться.

— Их мудрость не вызывает у меня сомнений, — осторожно, но вежливо ответил Фродо. Он решил, что даже в гостях у Элронда о Кольце следует говорить с осторожностью; да ему и не хотелось о нем говорить. — Должен сознаться, — добавил он, — что мне в свою очередь не терпится узнать, зачем это всеми уважаемый гном пустился в долгое и опасное путешествие, покинув свой замок в Подгорном Царстве.

— Мудрость Элронда и Гэндальфа несомненна, — тонко усмехнувшись, заметил Глоин. — Они намерены собрать Совет, и на нем, я думаю, мы многое узнаем. А сейчас... — Глоин опять усмехнулся, — ...не поговорить ли нам о чем-нибудь другом?

Они понимающе посмотрели друг на друга и завели разговор об их родных местах, который не иссяк до конца застолья. Вернее, говорил главным образом Глоин, потому что Хоббитанию, как считал Фродо, серьезные происшествия обходили стороной (он твердо решил не упоминать о Кольце), а гному было что порассказать про последние события на севере Глухоманья. Он поведал Фродо, что владыкой земель, лежащих между Мглистыми горами и Лихолесьем, стал теперь Гримбеорн, сын Беорна, и границы его обширных владений не смеют нарушать ни орки, ни волколаки.

— Я уверен, — оживленно рассказывал Глоин, — что по старой дороге из Дола в Раздол можно путешествовать без опаски только благодаря воинам Гримбеорна. Они охраняют Горный Перевал и Брод у Крутня... Но их пошрины высоки, и они по-прежнему не жалуют гномов, — покачав головой, добавил Глоин. — Зато в них нет ни капли вероломства, а это сегодня многого стоит. Но лучше всего к нам относятся люди, основавшие в Доле Приозерное королевство. Сейчас там правит внук Барда Лучника, старший сын Беина, король Бранд. Он искусный правитель, и его королевство простирается далеко к югу и востоку от Эстарота на Долгом озере.

— А как твой народ? — спросил его Фродо.

— У нас произошло множество событий, — ответил Глоин, — и хороших, и плохих. Но хороших, пожалуй, все-таки больше: нам до сих пор постоянно везло. Хотя и мы, разумеется, ощущаем черное дыхание зловещей тучи, нависшей над всем Средиземным миром. Если хочешь, я расскажу тебе про нас поподробней. Но как только устанешь, сразу же оборви меня. На гнома, говорят, не найдешь утомона, когда он растолкуется про свою кузницу.

И Глоин начал подробный рассказ о судьбе Подгорного Царства гномов. Он встретил внимательного и чуткого слушателя: Фродо не прерывал его, не показывал, что устал, ни разу не попытался заговорить сам, хотя уже через четверть часа перестал улавливать смысл рассказа, потерявшись среди многих странных имен и земель, о которых он и слыхом не слыхивал. Его, правда, порадовала весть о Даине — тот по-прежнему правил Подгорным Царством. Ему шел двести пятьдесят первый год, он пользовался всеобщим уважением и любовью, а богатства гномов постоянно приумножались. Из десяти участников его похода, сражавшихся в Битве Пяти Воинств у Одинокой, семеро жили в Подгорном Царстве: Двалин, Глоин, Дори, Нори, Бифур, Бофур и толстяк Бомбур. Бомбур стал теперь таким толстым, что не может перебраться с дивана за стол — перед трапезой шестеро молодых гномов поднимают его и несут к столу.

— А что случилось с тремя остальными — Оином, Ори и Балином? — спросил Фродо.

— Сгинули. — Лицо Глоина омрачилось. — Но мне не хочется про это вспоминать. Давай поговорим о чем-нибудь веселом... — И Глоин пустился в описание ремесел, которыми по праву гордятся гномы: — У нас есть на редкость искусные мастера. Но наши оружейники уступают древним. Многие старинные секреты утеряны. Оружие и доспехи, сработанные гномами, до сих пор славятся на все Средиземье, однако до захвата Горы драконом щиты и кольчуги получались прочнее, а мечи и кинжалы — острее, чем сейчас. Зато в добыче даров земли и строительстве мы превзошли наших предков. Посмотрел бы ты на наши каналы и мощенные цветными плитами дороги, на туннели-улицы с каменными деревьями, проложенные внутри Одинокой горы, или сторожевые и дозорные башни, возведенные снаружи, на ее склонах! Тогда бы ты смог воочию убедиться, что в Подгорном Царстве времени не теряли.

— Я обязательно к вам наведаюсь... если удастся, — пообещал Фродо. — Представляю, как изумился бы Бильбо, если б увидел все эти перемены!

— Ты его, наверно, очень любил? — полуутвердительно заметил Глоин и, посмотрев на Фродо, лукаво улыбнулся.

— Еще бы! — пылко воскликнул хоббит. — Да за одну, пусть даже мимолетную, встречу с ним я отдал бы все чудеса на свете!

Между тем обед подошел к концу. Элронд и Арвен, встав из-за стола, направились к выходу из Трапезного зала, а за ними чинно последовали гости. Они миновали широкий коридор и вступили за хозяевами в следующий зал, освещенный пламенем пылающего камина. Фродо осмотрелся и подошел к Гэндальфу.

— Эльфы называют этот зал Каминным, — негромко сказал ему старый маг. — Сейчас ты услышишь множество песен и занимательных историй... если не уснешь: здешняя обстановка хорошо убаюкивает. В камине тут всегда поддерживают огонь, он и обогревает и освещает этот зал, но по будним дням зал обычно пустует — сюда приходят лишь очень немногие, чтобы отдохнуть и поразмышлять в тишине.

Когда Элронд занял свое обычное место, эльфы-менестрели начали петь, мелодично аккомпанируя себе на лютнях. Зал постепенно наполнялся гостями, и Фродо, радостно оглядываясь вокруг, видел удивительно разные от природы, но одинаково веселые и оживленные лица, на которых золотились отсветы пламени, ярко полыхавшего в огромном камине. Рядом с камином, у резной колонны, Фродо заметил одинокую фигурку и сочувственно подумал, что видит больного: тот сидел, опустив голову на грудь, так что его лица Фродо не разглядел, а рядом стояла чашечка для воды и лежал недоеденный ломтик хлеба. Бедный, он не смог пойти на пиршество, подумал Фродо... но разве здесь болеют?

Вскоре лютни менестрелей умолкли, а Элронд встал и приблизился к камину.

— Пробудись, мой маленький друг, — сказал он. Потом обернулся к Фродо и добавил: — Приготовься. Мне кажется, наступает мгновение, о котором ты уже давно мечтаешь.

Тот, кто сидел у камина, пошевелился и, подняв голову, посмотрел на го-

стей.

— Бильбо! — радостно вскричал Фродо.

— Здравствуй, малыш, — отозвался Бильбо. — Я знал, что ты сможешь пробраться в Раздол. Сегодняшний праздник посвящен тебе — и ты вполне заслужил эту честь. Надеюсь, тебе понравился обед?

— Конечно, понравился! — воскликнул Фродо — Но скажи — почему же ты-то не пришел? И почему я тебя до сих пор не видел?

— Потому что ты спал, — ответил Бильбо. — А я навещал тебя каждый день и сидел с Сэмом у твоей постели. Что же до праздника, то последнее время я редко принимаю участие в пирах — у меня есть много дел поважнее.

— А что ты делаешь?

— Сижу и размышляю. Это чрезвычайно важное дело. Я давно заметил, что Каминный зал — наилучшее в мире место для размышлений... Если тебя от них не пробуждают, — добавил он, покосившись на Элронда, и глаза у него были вовсе не заспанные. — «Пробудись!..» Я не спал, уважаемый Элронд. Вы слишком быстро закончили пир и оторвали меня от важнейших раздумий: когда вы пришли, я сочинял песню и напряженно обдумывал последние строки — они у меня почему-то не складывались, а теперь уж, наверно, никогда и не сложатся. Пение эльфов настолько прекрасно, что я забываю о собственных песнях. У меня осталась одна надежда — на помощь Дунадана. А кстати, где он?

— Мы обязательно его отыщем, — с улыбкой пообещал хоббиту Элронд. — Вы уединитесь где-нибудь в уголке, и ты завершишь свои важнейшие раздумья, а потом споешь нам новую песню, чтобы мы могли сравнить ее с нашими. — Элронд распорядился найти Дунадана, хотя никто не понимал, где он и почему его не было на праздничном обеде.

Фродо подсел к своему старшему другу, а около них пристроился Сэм. Они принялись оживленно болтать, не обращая внимания на праздничный гомон и удивительно мелодичные песни эльфов. Но у Бильбо было не много новостей. Он ушел из Хоббитании куда глаза глядят, и оказалось, что они глядят в Раздол: ему хотелось жить среди эльфов.

— Я добрался сюда без всяких приключений, — рассказывал он, — и, немного отдохнув, отправился навестить своих друзей гномов. Это было мое последнее путешествие. Старина Балин куда-то сгинул, и я пожалел, что явился к гномам. Меня опять потянуло в Раздол, и, вернувшись, я обосновался здесь. Ведь надо же мне написать мою Книгу! Ну и порой я сочиняю песни, а эльфы изредка их поют — только чтоб доставить мне удовольствие: песни эльфов гораздо лучше. Я часто сижу в Каминном зале и размышляю о мире, о нашем времени... Но, знаешь, время здесь вроде бы не движется, как будто оно не властно над эльфами...

В Раздол стекаются все важные новости, но я ничего не слышал о Хоббитании — только последние вести про Кольцо. Гэндальф часто бывал в Раздоле, однако от него не много узнаешь: он стал даже более скрытным, чем раньше. Правда, кое-что мне рассказывал Дунадан. Трудно поверить, что мое Кольцо принесло в Средиземье столько тревог! И Гэндальф так поздно его разгадал... ведь я мог доставить Кольцо к эльфам без всяких затруднений много лет назад. Мне приходила мысль вернуться за ним, но я уже старый, и меня не пустили. Элронд с Гэндальфом твердо уверены, что Враг повсюду меня разыски-

вал.

Я помню, Гэндальф мне как-то сказал: «У Кольца теперь новый хранитель, Бильбо. И если оно возвратится к тебе, нам не избежать величайших бедствий». Гэндальф часто говорит загадками. Но он сказал, что позаботится о тебе, и я положился на его обещание. И вот ты тут, живой и здоровый... — Бильбо вдруг странно посмотрел на Фродо. — Оно у тебя? — спросил он шепотом. — Знаешь, после стольких поразительных событий мне хочется еще раз на него взглянуть.

— У меня, — помедлив, ответил Фродо. Ему — он и сам не понимал отчего — очень не хотелось вынимать Кольцо. — Оно осталось таким же, как было, — отвернувшись от друга, добавил он.

— А мне все же хочется на него посмотреть!

Днем, когда Фродо окончательно проснулся, он нащупал Кольцо у себя на груди, — видимо, кто-то, пока он спал, вынул Кольцо у него из кармана и повесил на цепочке ему на шею. Цепочка была очень тонкой, но прочной... Фродо неохотно вытащил Кольцо. Но едва Бильбо протянул к нему руку, Фродо испуганно и злобно отшатнулся. С неприязненным изумлением он внезапно заметил, что его друг Бильбо куда-то исчез: перед ним сидел сморщенный карлик, глаза у карлика алчно блестели, а костлявые руки жадно дрожали. Ему захотелось ударить самозванца.

Мелодичная музыка вдруг взвизгнула и заглохла — у Фродо в ушах тяжело стучала кровь. Бильбо глянул на его лицо и судорожно прикрыл глаза рукой.

— Теперь я понимаю, — прошептал он. — Спрячь Кольцо и, если можешь, прости меня. Прости меня за это тяжелое бремя. Прости за все, что тебе предстоит... Неужели злоключения никогда не кончатся? Неужели любую начавшуюся историю кто-то обязательно должен продолжить? Видимо, так. А моя Книга? Вряд ли мне ее суждено закончить... Но давай не будем друг друга мучить. Расскажи мне, пожалуйста, про нашу Хоббитанию — ни о чем ином я не хочу сейчас думать!

Фродо с облегчением спрятал Кольцо. Перед ним снова сидел его друг, звонко и мелодично звучали лютни, а на лицах приятных и милых гостей играли веселые блики огня. Бильбо заворуженно слушал Фродо: любые вести из родной Хоббитании, будь то вновь посаженное дерево или проказа малолетнего сорванца, доставляли ему огромное удовольствие. Увлеченные жизнью Четырех уделов, хоббиты не увидели рослого человека в просторном темно-зеленом плаще, который неслышно приблизился к ним и долго смотрел на них с доброй улыбкой. Наконец Бильбо заметил пришельца.

— А вот и Дунадан, — сказал он племяннику.

— Бродяжник! — удивленно воскликнул Фродо. — У тебя, оказывается, много имен!

— Этого имени я не слышал, — вмешался Бильбо. — Почему Бродяжник?

— Потому что так меня прозвали пригоряне, — невесело усмехнувшись, ответил Арагорн. — Мы ведь познакомились с Фродо в Пригорье.

— А почему Дунадан? — спросил их Фродо.

— Так величают Арагорна эльфы, — объяснил ему Бильбо. — Ты забыл их язык? Ну-ка, припомни мои уроки: *дун-адан* — Западный Рыцарь. Впрочем, сейчас не время для уроков. — Бильбо опять посмотрел на Арагорна. — Где ты

был, Дунадан? — спросил он его. — И почему это тебя не видели на пиру?

— Нам часто не хватает времени на радости, — серьезно ответил хоббиту Арагорн. — Неожиданно вернулись Элладан и Элроир. Мне надо было с ними поговорить — они привезли важные известия.

— Да-да, я понимаю, мой друг, — сказал Бильбо. — Но теперь, когда ты услышал их новости, у тебя найдется немного времени? Мне не обойтись без твоей помощи. Элронд сказал, что, завершая праздник, он хочет услышать мою новую песню, а я застрял на последних строчках. Давай отойдем куда-нибудь в уголок и попытаемся доработать мою песню вдвоем.

— Давай, — улыбаясь, согласился Арагорн.

Бильбо с Арагорном куда-то ушли, и Фродо остался совсем один, потому что Сэм тем временем уснул. Он чувствовал себя одиноким и заброшенным, хотя вокруг было много эльфов. Но они, не обращая на него внимания, отрешенно слушали песни менестрелей. Вскоре музыка ненадолго умолкла, а потом зазвучала новая песня, и тогда Фродо тоже стал слушать.

Поначалу красота старинной мелодии и музыка слов полужнакомого языка завораживали его, но смысла он не улавливал, хотя Бильбо, до ухода в Раздол, учил племянника языку эльфов. Ему казалось, что музыка и слова обретали очертания чужедальних земель, искрящиеся отблески каминного пламени сгущались в золотистый туман над Морем, вздыхающим где-то у края Мира, и замороженность Фродо преображалась в сон, и вокруг него вспенивались величавые волны никогда еще не виданных им сновидений.

А потом вдруг волны безмолвных сновидений снова обрели утраченный голос, и в звуках слов стал угадываться смысл, и Фродо понял, что слушает Бильбо, который декламировал напевные стихи:

*В Арверниэне свой корабль
сооружал Эарендил;
на Нимбретильских берегах
он корабельный лес рубил;
из шелкового серебра
соткал, сработал паруса
и серебристые огни
на прочных мачтах засветил;
а впереди, над рябью волн,
был лебедь гордый вознесен,
венчавший носовой отсек.*

*На запад отплывает он,
наследник первых королей,
в кольчуге светлой, со щитом,
замороженным от мечей
резною вязью древних рун;
в колчане — тяжесть черных стрел,
упруг и легок верный лук —
драконий выгнутый хребет, —
на поясе — заветный меч,
меч в халцедоновых ножнах,
на голове — высокий шлем,
украшенный пером орла,
и на груди — смарагд.*

В Заморье от седых холмов
у кромки Торосистых льдов
Эарендил на юг поплыл,
в мерцанье северных светил;
но вот ночные небеса
перечеркнула полоса
пустынных, мертвых берегов,
проглоченных Бездонной Мглой,
и он свернул назад, домой,
теснимый яростью ветров
и непроглядной тьмой.

Тогда, раскинув два крыла,
к Эарендилу на корабль
спустилась Элвин и зажгла
на влажном шлеме у него
живой светильник, Сильмарилл,
из ожерелья своего.
И вновь свернул Эарендил
на запад солнца; грозный шторм
погнал корабль в Валинор,
и он пробился, он проник
в иной, запретный смертный мир —
бесцветный, гиблый с давних пор, —
по проклятым морям.

Сквозь вечно сумеречный мир,
сквозь вздыбленное буйство лиг
неисчислимых, над страной,
схороненной морской волной
в эпоху Предначальных Дней,
Эарендил все дальше плыл
и вскоре смутно услышал
обвал валов береговых,
дробящих в пене между скал
блеск самородков золотых
и самоцветов; а вдали,
за тусклой полосой земли,
вздымалась горная гряда
по пояс в блеклых облаках,
и дальше — Заокраинный Край,
Благословенная Страна,
и над каскадами долин —
цветущих, светлых — Илмарин,
неколебимый исполин,
а чуть пониже, отражен
в Миражном озере, как сон,
мерцал огнями Тирион,
эльфийский давний бастион,
их изначальный дом.

Оставив свой корабль у скал,
поднялся он на перевал
и неожиданно попал
в Благословенный Край,

где правит с Предначальных Лет
один король — король навек —
и где по-прежнему живет,
не зная ни забот, ни бед,
Бессмертных род — живой народ
из мифов и легенд.

Пришелец был переодет
в одежды эльфов, белый цвет
искрился на его плечах,
а эльфы, снявши свой запрет,
поведали ему — в словах
и недоступных всем иным
виденьях — тайны старины,
преданья о былых мирах
и старины о том, как мрак
густел, но отступал в боях
перед Союзом Светлых Сил —
Бессмертных и людей.

Но даже здесь Эарендил
судьбы скитальца не избыл:
от Элберет он получил —
навечно — дивный Сильмарилл,
и два серебряных крыла
Владычица ему дала,
чтоб облететь по небу мир
за солнцем и луной.

И вот взлетел Эарендил,
навек покинув мир иной
за гордой горною грядой,
подпершей небеса.
Он устремляется домой —
рассветной искрой островной,
расцветившей перед зарей
туманный небосвод.

Пока была светла луна
и зажжена его звезда,
за много лет он много раз —
небесный страх вселенских тайн —
над Средиземьем пролетал,
где отзвуком былых веков
из Первой и Второй эпох
всегда звучал печальный стон
бессмертных дев и смертных жен.
И он не улетал домой:
он путеводною звездой
звал нуменорцев за собой,
указывая путь морской
в их отчие края.

На этом мелодическая декламация завершилась. Фродо открыл глаза и огляделся. В середине зала он увидел Бильбо. Улыбающиеся эльфы дружно ап-

лодировали. Когда аплодисменты эльфов смолкли, один из них сказал:

— А теперь нам надо послушать твою песню еще раз.

— Спасибо, Линдир. — Бильбо встал и раскланялся. — Но это было бы слишком утомительно.

— Для тебя-то? — со смехом переспросили эльфы. — Ты ж никогда не утомляешься от чтения своих стихов! А без повторного чтения мы ничего не определим.

— Что-что? — вскричал Бильбо. — Вы не сможете отличить мою манеру от манеры Дунадана?

— Мы с трудом различаем творения смертных.

— Чепуха, Линдир, — вскинулся Бильбо. — Не верю я, что у вас такой грубый слух. Спутать творения человека и хоббита — все равно что не отличить яблоко от горошины!

— Возможно. И огороднику это было бы непростительно. Но у нас-то масса своих собственных дел, и сравнивать плоды земные нам недосуг.

— Не будем спорить, — отозвался Бильбо. — Меня почти усыпило столько пения и музыки. Я загадал вам загадку, а вы уж угадывайте... коли есть охота.

С этими словами он подошел к Фродо.

— Видимо, песня превзошла мои ожидания, — с невольной гордостью сказал он племяннику. — Они редко просят о повторном исполнении. Но, так или этак, свое я сделал. Ну а тебе удалось догадаться?

— Я даже и не пробовал, — улыбнулся Фродо.

— Да и незачем, — сказал Бильбо. — В песне все мое. Дунадан предложил мне только смарагд. Ему это почему-то показалось важно. А может, он решил, что я не справился с песней... или уж если взялся в доме у Элронда за создание песни про Эарендила, то это целиком и полностью мое дело. Ну, и тут он, пожалуй, прав.

— Видимо, так, — согласился Фродо. — Но я не смог оценить твою песню. Перед тем как ты начал петь, я уснул, и мне показалось, что это не песня, а просто продолжение моих сновидений. Я узнал твой голос только под конец.

— Да, для хоббита песни эльфов чересчур сладкозвучны, — согласился Бильбо. — Но, пожив среди них, к этому привыкаешь. Хотя я должен тебе сказать, что эльфы никогда не пресыщаются музыкой, как будто это хорошая еда. Знаешь, давай-ка уйдем отсюда, чтоб нам не мешали спокойно поговорить.

— А это не оскорбит их? — забеспокоился Фродо.

— Нисколько, — успокоил племянника Бильбо. — Здесь никого насильно не держат: приходи и уходи, когда пожелаешь, только не мешай радоваться другим.

Хоббиты встали и, стараясь не шуметь, начали пробираться к выходу из зала. Сэма они решили не будить — он спал с блаженной улыбкой на лице. У выхода Фродо грустно оглянулся, и, хотя его радовал предстоящий разговор, он понял, что не хочет отсюда уходить — здесь было удивительно спокойно и уютно. В это время послышалась новая песня:

*А Элберет Гилтониэль
Севрен ренна мириэль
А мэрель эглер Элленас!
На-кэард раллан дириэль*

*А галадреммин эннорас,
Фаруилос, ле линнатон
Нэф аэр, си нэф азарон!*

На пороге Фродо еще раз оглянулся. Элронд неподвижно сидел в своем кресле, и отблески огня, словно солнечные блики, золотили его спокойное лицо. Рядом с Элрондом сидела Арвен, а возле нее стоял Арагорн, и это немного удивило Фродо. Под расстегнутым плащом с откинутым капюшоном на груди у Арагорна серебрилась звезда, оттененная тускло мерцающей кольчугой. Он о чем-то беседовал с Арвен, и в то мгновение, когда Фродо отворачивался, она посмотрела прямо на него — этот взгляд хоббит запомнил навеки. Он стоял, зачарованный взглядом Арвен, а слова песни, сливаясь с музыкой, звучали, как звонкое журчание родника...

— Пойдем, — нетерпеливо позвал его Бильбо. — Они будут петь еще очень долго, и после этой песни, про Элберет, запоют о своей Благословенной Земле.

Хоббиты осторожно притворили дверь и отправились в маленькую комнату Бильбо — из ее окна, обращенного к югу, открывался вид на реку Бруинен. Им не захотелось предаваться воспоминаниям, не захотелось думать о зловещей туче, медленно наползающей с юго-востока, — сидя у распахнутого настежь окна, они толковали о сегодняшних радостях: об эльфах и прекрасных парках Раздола, о звездах и деревьях и ласковой осени...

— Прошу прощения, — прервал их Сэм, постучавшись и заглядывая в комнату. — Я хотел спросить, не надо ли вам чего?

— А может, ты хотел напомнить нам с Фродо, что ему пора спать? — откликнулся Бильбо.

— Да что ж, вроде бы и правда пора, — смущенно, но твердо объявил Сэм. — Ведь завтра с самого утра Совет, а это после раны-то разве легко?

— Ты прав, — усмехнувшись, поддержал его Бильбо. — Можешь пойти и доложить Гэндальфу, что Фродо послушно отправился спать. Спокойной ночи, — сказал он племяннику. — Как же я рад, что мы снова увиделись! По-моему, ни одно существо на свете не может поддержать приятной беседы так же хорошо, как хоббит из Хоббитании. Но вскоре мы опять надолго расстанемся. И боюсь, что главы о твоём путешествии ты будешь вписывать в мою Книгу сам — за последнее время я здорово одряхлел. Приятных снов, мой милый малыш! А я немного прогуляюсь по парку — мне хочется взглянуть на созвездие Элберет.

Глава II Совет

На другой день, проснувшись с рассветом, Фродо, превосходно отдохнувший и бодрый, решил прогуляться по берегу Бруинена. Когда он оделся и вышел в парк, из-за отдаленной горной гряды встало огромное, но неяркое солнце, в воздухе серебрились осенние паутинки, на листьях мерцали капельки росы, а над речкой таяла предрассветная дымка. Сэм молча шагал с ним рядом, радостно вдыхая росистый воздух и удивленно разглядывая далекие горы, покрытые сверкающими снежными шапками.

За крутым поворотом извилистой дорожки они увидели Бильбо и Гэндальфа — те сидели на низкой каменной скамейке, искусно вырубленной в прибрежном утесе, и беседовали. Бильбо приветственно улыбнулся.

— Доброе утро, — сказал он хоббитам. — Совет, я думаю, скоро начнется.

— Скоро? Ты уверен? — спросил его Фродо. — А я надеялся немного погулять. Меня так и манит тот сосновый лес! — Фродо кивнул в сторону бора, черневшего на северном склоне долины.

— Погуляешь, если еще не стемнеет, после Совета, — сказал ему Гэндальф. — Но я не стал бы загадывать вперед. Нам нужно многое сегодня обсудить.

* * *

Вскоре в Замке прозвенел колокол.

— Элронд созывает участников Совета, — подымаясь со скамьи, проговорил Гэндальф. — Вы оба приглашены, и Бильбо и Фродо. Опаздывать здесь не принято, пойдёмте.

Маг зашагал по дорожке к дому, Бильбо и Фродо двинулись за ним, а забытый и немного обиженный Сэм, что-то бормоча, поплелся сзади. Гэндальф подошел к той самой веранде, где накануне Фродо встретился с друзьями. Подымаясь по лестнице, Фродо оглянулся. Солнечное утро разгоралось в день, под берегом мирно шумела река, небо звенело птичьими трелями, и Фродо показалось, что его злоключения, так же как разговоры о грозной туче, встающей над миром, приснились ему — слишком спокойным, ясным и ласковым было это осеннее утро; но, переступив порог Зала совещаний, хоббит обнаружил, что лица гостей, которых Элронд пригласил на Совет, были необычайно тревожными и сумрачными.

Первым Фродо увидел Элронда, потом заметил Всеславура и Глоина, а в углу, хмурясь, сидел Арагорн, и на нем был выцветший походный плащ. Остальных собравшихся Фродо не знал. Элронд посадил его возле себя, оглядел молчаливых гостей и сказал:

— Позвольте представить вам хоббита Фродо, племянника Бильбо из далекой Хоббитании. Нелегким и опасным был его путь, а в Раздол ему пришлось прорываться с боем.

Потом Элронд назвал гостей, которых Фродо видел впервые. В зале сидел сын Глоина, Гимли; эльф Гэлдор из селения Серебристая Гавань, посланный в Раздол Сэрданом Корабелом; эльф Леголас, сын Трандуила, короля эльфов Северного Лихолесья; несколько эльфов — советников Элронда во главе со старшим советником Эрестором. А немного поодаль от остальных сидел высокий темноволосый человек с жестким взглядом светло-серых глаз на красивом, благородном и мужественном лице.

Его давно не стриженные волосы беспорядочными кудрями ниспадали на плечи, прикрывая тонкое серебряное ожерелье с бледно-перламутровым самоцветом впереди; через плечо у него была перекинута перевязь с охотничьим рогом, оправленным в серебро; а его дорогая и богатая одежда — он был одет для путешествия верхом, — посеревшая от пыли, заляпанная грязью и залоснившаяся до блеска от конского пота, говорила о долгих и трудных странствиях. Он с удивлением смотрел на Фродо и Бильбо.

— А это Боромир, — представил его Элронд, — посланник людей, живущих на юге. Он прибыл лишь сегодня утром, и я разрешил ему участвовать в Совете, потому что беды его народа связаны с общей бедой Средиземья.

Не все, что обсуждалось на Совете Элронда, надобно пересказывать в нашей истории. Сначала речь шла про Крайние земли, о которых Фродо ничего не знал, а поэтому рассеянно слушал говоривших; но когда слово предоставили Глоину, хоббиту сразу же стало интересно — ведь с подданными Даина дружил Бильбо. Оказалось, что гномы Подгорного Царства давно уже ощущают смутную тревогу.

— Много лет назад, — рассказывал Глоин, — нас обуяла тяга к переменам. Все началось незаметно, исподволь. Некоторые гномы почему-то решили, что нам стало тесно в Одинокой горе, что не худо бы найти пристанище попросторней. Пошли разговоры про Морийское царство — или, на языке гномов, Казад-Дум, — созданное трудами наших отцов. Многие утверждали, что настало время вернуться в наши исконные владения.

Мория!.. — Глоин грустно вздохнул. — Мечта гномов Северного мира! Наши предки стремились к богатству и славе — они вгрызались в горные недра, добывая драгоценные камни и металлы, пока не выпустили на поверхность земли замураванный в огненных безднах Ужас. Гномам пришлось бежать из Мории, но они постоянно вспоминали о ней — со страхом и тайной надеждой вернуться. Однако поколения сменялись поколениями, и ни один гном, кроме Трора с дружиной, не решился возвратиться на родину отцов — а Трор сгинул в Казад-Думе навеки. И вот туда отправился Балин. Король Даин не хотел его отпускать, но он ушел, сманив Ори с Оином и многих других отважных гномов.

Это было тридцать лет назад. Вначале Балину сопутствовала удача: посланный от него гонец рассказал, что они проникли в древнее царство и начали восстанавливать брошенные жилища. Но с тех пор никто не слышал о Балине...

Ну вот. А потом, около года назад, к Даину прибыл еще один гонец, да только не от Балина, а из далекого Мордора. Он явился ночью, на черном коне, и, вызвав Даина к Сторожевой Башне, надменно передал ему, что Саурон Великий — так назвал своего хозяина гонец — хочет заключить с гномами союз. Он обещал вернуть нам Магические Кольца, если мы расскажем ему про хоббитов. «Сауруну Великому, — заключил гонец, — известно, что одного из них ты некогда знал».

Даин не сразу нашелся с ответом, и Саурунов гонец пренебрежительно добавил: «Могучий Властелин Саурон Великий полагает, что ты, в знак будущей дружбы, найдешь ему этого мелкого воришку — именно так выразился гонец — и попросишь, а если он не отдаст, то отнимешь Кольцо, которое он когда-то украл. Это кольцо ничего не стоит, — продолжал гонец, — но Саурон Великий хочет увериться в твоей дружбе на деле. Выполни поручение Великого Властелина, и он отдаст тебе три Кольца, принадлежавшие в древние времена гномам... да и Морийское царство станет твоим — Великий Властелин позаботится и об этом. А если ты не можешь одолеть хоббита, скажи хотя бы, где он живет, — и тебе обеспечена щедрая награда. Но страшись обмануть Сауруна Великого!»

Последние слова гонец прошипел, как будто внезапно превратился в змею, так что воины, охранявшие Башню, содрогнулись. Однако Даин твердо сказал: «Я не могу дать тебе ответа сразу. Мне надо обдумать твои слова».

«Думай, но не трать слишком много времени», — с явной угрозой проговорил гонец.

«А разве я не властен над своим временем?» — не теряя достоинства, спросил Даин.

«Пока еще властен», — буркнул гонец и, не попрощавшись, скрылся во тьме.

С тех пор нас гложет мрачная тревога. Даже если б голос Саурина гонца был сладким как мед, мы все равно бы встревожились: нам ясно, что любые предложения Саурина таят в себе угрозу и подлое вероломство. Мы знаем, что крепнущую мощь Мордора питают не выкорчеванные вовремя корни, а ее сущность остается прежней... Дважды возвращался гонец Саурина и дважды уезжал, не получив ответа. Он назначил нам последний, по его словам, срок — и явится за ответом в конце этого года.

Я пришел в Раздол предупредить Бильбо, что его упорно разыскивает Враг, и узнать, если Бильбо сам это знает, зачем Врагу понадобилось Кольцо, которое якобы ничего не стоит. И еще государь Даин наказал мне попросить совета у Владыки Раздола — ведь на нас надвигается Черная Тень. Совсем недавно нам стало известно, что к Бранду, правителю Приозерного королевства, тоже являлся гонец от Саурина, а у Бранда очень тяжелое положение. На восточных границах его владений того и гляди разразится война. Если гонцы не получают ответа, Саурон двинет свое Черное воинство и против Даина, и против Бранда — а тот боится надвигающейся войны и может подчиниться Черному Властелину.

— Ты пришел вовремя, — сказал ему Элронд. — На сегодняшнем Совете тебе станет ясно, *какое* кольцо разыскивает *Враг*. Ты поймешь, что у вас нет иного выхода, кроме битвы с Врагом не на жизнь, а на смерть — даже без надежды победить в этой битве. Враг у всего Средиземья один. А Кольцо... Вы сами призваны решить, что же нам делать с этим Кольцом, которое якобы ничего не стоит...

Я сказал *призваны*, — продолжал Элронд, — однако я не призывал вас в Раздол. Вы пришли сами, пришли одновременно — и вашу встречу не сочтешь случайной. Вы призваны разрешить смуту с Кольцом и окончательно решить судьбу Средиземья.

А поэтому мы откроем вам тайны Кольца, известные до сих пор лишь очень немногим. И прежде всего — историю Кольца. Я начну рассказ; закончат его другие.

Голос Элронда, спокойный и звучный, отчетливо слышали все приглашенные. Элронд рассказывал о Второй эпохе, когда были выкованы Магические Кольца, и о древнем Властелине Мордора, Сауроне. Отдельные части этой истории были знакомы многим гостям, но всю ее не знал до этого никто, и гости слушали, затаив дыхание, об эльфах-кузнецах, живших в Остранне, об их тесной дружбе с гномами-морийцами — так называли гномов из Мории, — о стремлении эльфов Остранны к знаниям и о том, как Саурон, прикинувшись другом, предложил им помощь, и они ее приняли, и достигли замечательной искусности в ремеслах, а Саурон выведал все их секреты и выковал на вершине Огненной горы, расположенной в Мордоре, Кольцо Всевластья для владычества над всеми остальными Кольцами. Но эльф Селебримбэр узнал об этом

и спрятал три сделанных им Кольца, и началась кровопролитная, разорительная война, и ворота Морийского царства захлопнулись.

Элронд кратко рассказал гостям, как он следил за Кольцом Всевластья, но эта история всем известна, потому что он в свое время распорядился подробно записать ее в Летопись бытия, а значит, ее нет нужды пересказывать.

Потом Элронд поведал о Нуменоре, о том, как это государство погибло, и о том, как короли Большого Народа вернулись, возрожденные Морем, в Средиземье, о могучем короле Элендиле Высоком, о его сыновьях Исильдуре и Анарионе, основавших два могущественных княжества — Арнор на севере и Гондор на юге. Саурон пошел на князей войной, а они обратились за помощью к эльфам, и после переговоров был заключен Последний Союз Людей и Эльфов.

Элронд вздохнул и, помолчав, продолжил:

— Объединенная дружина Элендила и Гил-Гэлада собралась в Арноре для похода на Мордор, и я тогда подумал, что ее мощь и сила, ее гордые знамена и могучие витязи напоминают мне древнейшую — Первую — эпоху и Великую Соединенную Дружину, которая разгромила мрачный Тонгородрим, и эльфы решили, что разделались с Врагом, но вскоре поняли, что жестоко ошиблись...

— Напоминают? Тебе? — вслух спросил Фродо, ошеломленный последними словами Элронда. — А я всегда думал... — проговорил он с запинкой, смущенный тем, что Элронд умолк, — ...я думал... ведь Первая эпоха... она... Ведь она же кончилась давным-давно?

— Ты прав, — без улыбки сказал ему Элронд. — И однако я ее прекрасно помню...

Моим отцом был Эарендил, уроженец эльфийского царства Гондолин, а матерью — Элвин, дочка Диора, который был сыном Лучиэнь из Дориафа. Я свидетель всех трех эпох Средиземья и участник бесчисленных битв с Врагом, кончавшихся страшными для нас поражениями или поразительно бесплодными победами...

Я был глашатаем великого Гил-Гэлада и участвовал в битве у Ворот Мордора, которая завершилась разгромом Врага, потому что копьё Гил-Гэлада, Айглосу, так же как мечу Элендила, Нарсилу, не нашлось равных во Вражьем воинстве. Сражался я и на склонах Ородруина — или, в переводе, Огненной горы, — где погиб Гил-Гэлад и пал Элендил, сломав свой меч о шлемы врагов, но и сам Саурон был повержен Исильдуром, который завладел Кольцом Всевластья.

— Так вот оно что! — вскричал Боромир. — Значит, Кольцо Всевластья сохранилось? По нашим-то преданиям, оно исчезло, когда завершилась Вторая эпоха. А им, оказывается, завладел Исильдур?

— Да, завладел, — подтвердил Элронд. — Хотя не должен был этого делать. Кольцо следовало тогда же уничтожить — в пламени Ородруина, где оно родилось. Но Исильдур оставил Кольцо у себя. Видели это лишь мы с Сэрданом — все остальные воины погибли, — и мы попытались предостеречь Исильдура, но он не послушался нашего совета.

«Мой брат и отец погибли, — сказал он нам, — а Кольцо я добыл в честном поединке и возьму его на память о своих сородичах». Однако он не долго владел Кольцом: оно превратилось в его проклятье, и ему еще повезло, что он просто погиб, а не сделался призраком Царства Тьмы.

Об этом знали только мы, северяне, да и то лишь немногие, — продолжал

Элронд. — С Ирисной Низины, где пал Исильдур, вернулось всего-навсего три человека, и среди них Охтар, его оруженосец; он сберег сломанный меч Элендила, которым Исильдур добыл Кольцо, и, возвратившись, отдал обломок Валендилу, сыну Исильдура, воспитанному в Раздоле. Нарсил, а верней, два обломка Нарсила, потому что Меч пока не перекован и его былая слава не восстановлена.

Я назвал победы над Врагом бесплодными? Последнюю лучше назвать неполной: Саурон был сломлен, но ушел живым; Кольца он лишился, но оно сохранилось; Черный Замок в Мордоре сровняли с землей, но его фундамент остался цел, и, пока Кольцо Всевластия не уничтожено, пока не выкорчеваны корни Зла, полная победа над Врагом невозможна. Многие люди и многие эльфы сложили головы во время войны: Исильдур, Анарион, Элендил, Гил-Гэлад — великие витязи и все их воины. Тогдашний союз людей и эльфов наречен Последним не для пышного названия: Смертных становится на Земле все больше, но жизнь каждого человека сокращается, а Перворожденных остается все меньше, хотя над ними не властно время, — наши пути постепенно расходятся, и мы уже с трудом понимаем друг друга.

Вскоре после битвы на Ирисной Низине княжество Арнор пришло в упадок, город Ануминас у озера Морок обезлюдел, и его разрушило время, а потомки подданных князя Валендила переселились в Форност на Северном нагорье, но и этот город давно заброшен. Его именуют Форпостом Смерти, и люди опасаются туда забредать, потому что враги рассеяли арнорцев и от их когда-то неприступных крепостей остались лишь поросшие полынью курганы.

Гондорское княжество все еще не погибло; а сначала, подобно древнему Нуменору, оно неуклонно разрасталось и крепло. Горделивые замки гондорских рыцарей, крепости на суше и укрепленные порты славились далеко за пределами княжества. Столица Гондора, Звездная Цитадель — или, по-нуменорски, город Осгилиат — была построена в излучине Андуина. Там, на высоком берегу реки, в просторном саду Великого Князя посадили семечко Белого Дерева, созревшее в дни Предначальной Эпохи на далеких землях Заокраинного Запада и некогда привезенное из-за Моря Исильдуром. Семя проросло и лет через двадцать превратилось в могучее, раскидистое дерево. К востоку от столицы, в Изгарных горах, возвышалась Крепость Восходящей Луны, или Минас-Итил по-нуменорски, а к западу, в Белых горах, — Минас-Анор, или Крепость Заходящего Солнца.

Но холодное дыхание всесильного времени притушило славу княжества Гондор. Одряхло и засохло Белое Дерево, а князь Менельдил, сын Анариона, умер, не оставив сына-наследника, и род князей-нуменорцев угас. Потом стражей, охранявших Мордор, однажды ночью сморила дрема, и Темные Силы, вырвавшись на свободу, укрылись за высокими стенами Горгорота, а вскоре, тоже под покровом ночи, захватили Крепость Восходящей Луны и перебили все окрестное население, и Минас-Итил стал Минас-Моргулом, или Крепостью Темных Сил. Люди Гондора отступили на запад и засели в Крепости Заходящего Солнца, с грустью назвав ее Минас-Тиритом, что значит Крепость Последней Надежды. Между крепостями началась война, и город Осгилиат был разрушен до основания, и в его развалинах поселились тени, призрачные ночью и прозрачные днем.

Поколения приходили на смену поколениям, и война пожирала множество

жизней, но Минас-Тирит продолжал бороться, и Враг не сумел прорваться за Андуйн, и путь от Каменных Гигантов до Моря все еще считается сравнительно безопасным. Здесь мой рассказ подходит к концу: после того как погиб Исильдур, Кольцо Всевластия бесследно исчезло, и Три Кольца получили свободу. Однако сейчас они снова в опасности, ибо Кольцо Всевластия нашлось... но об этом вам поведают другие гости — я не участвовал в последних событиях.

* * *

Едва Элронд смолк, поднялся Боромир.

— Досточтимый Элронд, — проговорил он, — разреши мне дополнить твой рассказ про Гондор, ибо гондорцами я послан в Раздол, и гостям, конечно же, полезно узнать, от какой опасности мы их прикрываем.

Верьте, нуменорцы-южане не уничтожены и честь Гондорского княжества не забыта: мы одни заслоняем Запад от Моргула, сдерживая натиск Вражьего воинства. Подумайте, что ждет западные земли, если враги прорвутся за Андуйн!

А это бедствие неотвратимо приближается. Силы Черного воинства растут. Роковая, а по-вашему, Огненная гора — проклятый Ородруин — снова дымится! Нас окружает Завеса Тьмы, ибо мощь Мордора многократно умножилась. Как только Враг возвратился в свой Замок, мы потеряли Итильские земли, лежащие на восточном берегу Андуйна под охраной опорной крепости Итил. А летом нынешнего года, в июне, нас атаковала огромная армия, объединившая под черными знаменами Мордора неистовых вастаков с ордами хородримцев, и нам пришлось отступить к Реке. Но враги страшны нам не численным перевесом — им служат какие-то Темные Силы.

Они появляются как Черные Всадники, похожие на сгустки ночных теней, и, когда эти Всадники вступают в бой, их союзники сражаются словно одержимые, а наших воинов сковывает ужас, и они не могут справиться с конями, которые удирают бешеным галопом, едва появятся Черные Всадники. В последнем сражении на восточном берегу уцелело лишь несколько сотен гондорцев, и, отступая за реку, они разрушили мост — единственный мост в разоренном Осгилиате, — а отряд, который прикрывал отступление, был прижат к реке и безжалостно истреблен.

Спастись посчастливилось всего четверым: моему брату, мне — мы сражались в этом отряде, — да двум на редкость могучим воинам, сумевшим, как и мы, переплыть Андуйн...

Теперь мы закрепились на западном берегу, и оседлать Реку враги не могут, а западные и северные наши соседи — те, что знают о разгоревшейся битве, — посылают нам слова горячей благодарности... но еще ни разу не прислали подкреплений, и, когда наш Властитель взывает о помощи, откликаются на призыв только мустангримцы.

И вот, в это тяжелое для гондорцев время я решил пробраться в далекий Раздол. Мне пришлось одолеть много сотен лиг по тайным и давно заброшенным тропам — сто десять дней я провел в пути. Но меня заботит не военный союз — мудрость Элронда вошла в поговорку, а нам очень нужен мудрый совет... совет и разгадка непонятных пророчеств. Дело в том, что накануне июньского нападения, после которого нас отбросили за Реку, моему брату и

мне, обоим под утро приснились точь-в-точь одинаковые сны.

Нам снилось, что восточное небо потемнело и за гранью горизонта зарокотал гром, но на западе, в зареве заходящего солнца, еще яснее засияла голубизна и звонкий голос негромко проговорил:

*Сломал свой верный меч Элэндил,
В бою себя не щадя,
А Исильдур в том бою добыл
Проклятие для себя.
Но в Имладрисе скуют опять
Сломанный Меч вождя,
И невысоклик отважится взять
Проклятие на себя.*

Мы с братом не поняли этих странных слов, а обратившись к нашему отцу, Денэтору — Верховному Властителю крепости Минас-Тирит и знатоку древнейших преданий Средиземья, — узнали только, что в давние времена Имладрисом называлось поселение эльфов, основанное где-то далеко на севере легендарно мудрым Владыкою Элрондом. Народу Гондора грозит гибель, это понимает каждый из нас; и вот мой брат вбил себе в голову, что мы с ним видели пророческий сон, а поэтому должны разыскать Элронда и узнать смысл таинственных предсказаний. Но дорога на север трудна и опасна, ею давно уже никто не пользуется, а мне знакомы тайные тропы, и вместо брата отправился я. Неохотно отпускал меня в путь отец, долго блуждал я по северным землям, ибо многие слышали об Элронде Мудром, но мало кто знает, где он живет. Однако мне удалось отыскать дорогу, и я благополучно добрался до Имладриса.

— И здесь тебе откроется много тайн, — неторопливо поднявшись, сказал Арагорн. Он положил свой меч на стол перед Элрондом, и гости увидели, что он сломан пополам. — Вот он, Сломанный Меч вождя!

— Кто ты? И что тебя связывает с Гондором? — в крайнем изумлении спросил Боромир, окинув взглядом выцветший плащ и усталое, исхудавшее лицо дунаданца.

— Он Арагорн, сын Арахорна, — негромко ответил Боромиру Элронд, — отдаленный, но единственный и прямой наследник Исильдура, властителя крепости Итил. Дунаданцы-северяне, потомки нуменорцев, считают Арагорна своим вождем... но их, к несчастью, осталось немного.

— Значит, оно принадлежит тебе? — вскакивая на ноги, воскликнул Фродо — то ли облегченно, то ли с испугом.

— Оно принадлежит не тебе и не мне, — спокойно, но веско сказал Арагорн. — А сейчас — так уж решила судьба — именно ты назначен его Хранителем.

— Время настало. Покажи Кольцо, — проговорил Гэндальф, обращаясь к Фродо. — Пусть Боромир убедится воочию, что его сон оказался вещим!

В зале воцарилась мертвая тишина; все напряженно смотрели на Фродо; а он, растерянный и странно испуганный, чувствовал, что не хочет показывать Кольцо, ему даже дотронуться до него было трудно. Но он сумел себя превозмочь и дрожащей рукой вытащил Кольцо. Оно — то мерцающее, то ярко взблескивающее — приковало взгляды всех собравшихся в зале.

— Вот оно, Проклятье Исильдура, — сказал Элронд.

— Невысоклик! — ошарашенно пробормотал Боромир, глядя сверкающими глазами на Фродо, который поднял руку с Кольцом. — Так, значит, пробил последний час Последней Надежды гондорского народа? Но тогда зачем нам Сломанный Меч?

— Ты не понял: сказано *пробил час*, но не сказано *последний час Минас-Турита*, — спокойно объяснил Боромиру Арагорн. — Но роковой час в самом деле пробил, и он призывает нас к великим делам. Сломанный Меч принадлежал Элендилу, и его потомки сберегли этот Меч — хотя ничего другого не сохранили, — ибо в древности арнорцам было предсказано, что, когда отыщется Проклятье Исильдура, меч его отца сумеют восстановить и он превратится в проклятье для врагов. Так хочешь ли ты, чтоб наследник Элендила поспешил на помощь гондорским воинам?

— Я пришел просить совета, а не помощи, — гордо ответил Боромир Арагорну. — Но на Гондор обрушились тяжкие испытания, и не нам отказываться от меча Элендила... если то, что некогда кануло в прошлое, и правда может возвратиться на землю, — с явным недоверием добавил гондорец.

Фродо почувствовал, что Бильбо злится: его оскорбили сомнения Боромира. Внезапно он вскочил на ноги и выпалил:

*Древнее золото редко блестит,
Древний клинок — ярый.
Выйдет на битву король-следопыт:
Зрелый — не значит старый.
Позарастают беды быльем,
Вспыхнет клинок снова,
И короля назовут королем —
В честь короля иного.*

— Может, это звучит не очень-то складно, да зато объясняет твой загадочный сон, — прочитав стихок, объявил Боромиру Бильбо. — Если ты не услышал объяснений Элронда... одолев пятьсот лиг пути, чтоб услышать! — Ядовито хмыкнув, Бильбо сел в свое кресло.

— Я сочинил это сам, — прошептал он Фродо, — когда Дунадан поведал мне о себе. И почти жалею, что завершил свои путешествия, а поэтому не смогу отправиться с Дунаданом и увидеть, как он исполнит свой долг.

Арагорн с улыбкой выслушал Бильбо, а потом серьезно сказал Боромиру:

— Я прощаю тебе твое недоверие. Мне ли не знать, что я ничуть не похож на изваяния Исильдура и его отца, которые ты видел в доме Денэтора. Я прямой потомок великого Исильдура — но всего лишь потомок, а не сам Исильдур. У меня за плечами долгая жизнь. И поверь, те несколько сотен лиг, которые отделяют Раздол от Гондора, только малая часть бесконечных лиг, которые я одолел в своей жизни. Множество рек и горных хребтов, болотистых равнин и засушливых плоскогорий приходилось мне пересекать в пути; я видел немало далеких стран, где светят незнакомые и чужие нам звезды...

...Но своей родиной я считаю север. Здесь со времен князя Валендила рождались и умирали все мои предки. Арнорцы вели нелегкую жизнь, однако в неразрывной череде поколений — от отца к сыну — передавался меч, напоминавший нам о былом могуществе... И вот еще что я скажу тебе, Боромир. Нас, дунаданцев, осталось немного, нам постоянно приходится странствовать, потому что мы, как пограничные стражи, неутомимо выискиваем прислужни-

ков Врага, которые рыщут по бескрайнему Глухоманью, разделяющему западные и восточные земли, а иногда пробираются и в населенные области.

Ты сказал — *мы одни заслоняем Запад, сдерживая натиск Вражьего воинства*. Но, едва вы встретились с Черными Всадниками, враги отбросили вас за Андуйн. Так вот, Боромир, в мире много сил, помимо организованного Вражьего воинства, которым приходится давать отпор. Вы защищаете *свои* границы, прикрывая соседей от армии Моргула, и ни о чем, кроме собственных границ, не заботитесь, а мы — стражи пограничного Глухоманья — боремся со всеми Темными Силами. Не Вражье воинство — Безымянный Страх разогнал бы жителей севера и запада, если б арнорцы не скитались по дикому Глухоманью, без отдыха сражаясь с Темными Силами. Скажи, кто чувствовал бы себя спокойно — даже за стенами своего жилища, в самых отдаленных и мирных странах, — если бы призрачные подданные Мордора беспрепятственно проникали в западные земли? Кто отважился бы пуститься в путь? Но когда из черных лесных чащоб, из трясинных болот или мглистых ущелий выползают темные союзники Мордора, их неизменно встречают арнорцы, и они отступают за Изгарные горы.

А мы не требуем даже слов благодарности. Путники подозрительно косятся на нас, горожане и сельские жители Средиземья с презрительным сочувствием называют бродягами... Совсем недавно один толстяк, живущий по соседству с такими существами, что, услышав о них, он умер бы от страха, назвал меня — не желая оскорбить! — Бродяжником... он не знает, зачем мы странствуем, и снисходительно жалеет неприкаянных скитальцев. Но нам не нужна его благодарность. Он, подобно всем его сородичам и соседям, живет спокойно, мирно и счастливо — вот что «скитальцы» считают наградой. Вернее, считали...

Потому что сейчас мир опять начинает меняться. Проклятье Исильдура — Кольцо Всевластия — явилось из долгого небытия на землю. Нам предстоит великая битва. Сломанный Меч будет перекован, и я отправлюсь с тобой в Минас-Тирит.

— Проклятье Исильдура явилось на землю... — повторил Боромир слова Арагорна. — А я... я видел блестящее колечко, которое показал нам всем невысоклик. Объясни мне, почему вы так твердо уверены, что это и есть Кольцо Исильдура? Он умер до начала нашей эпохи, и Кольцо, говорят, бесследно исчезло. Где оно было все эти годы? Как попало к нынешнему владельцу?

— Ты узнаешь об этом, — пообещал Элронд.

— Однако не сейчас, уважаемый хозяин? — очень обеспокоенно осведомился Бильбо. — Я чувствую, что настало обеденное время, и мне обязательно нужно подкрепиться.

— Я еще ни о чем тебя не просил, — сдерживая улыбку, сказал ему Элронд. — Но раз уж ты сам о себе напомнил, то прошу тебя — расскажи нам свою историю. Если ты не создал из нее поэму, то, так уж и быть, изложи все в прозе. Я думаю, тебе не надо объяснять, что чем короче получится твой рассказ, тем скорее ты сможешь подкрепить свои силы?

— Что ж, ладно, — согласился Бильбо. — Сегодня я расскажу *правдивую* историю. И если кто-нибудь из гостей удивится, — Бильбо искоса глянул на Глоина, — пусть постарается не ворошить прошлое. За последние годы я многое понял... Так пусть же и меня поймут — и простят! Вот что случилось на самом

деле...

Гости, не встречавшиеся раньше с Бильбо, изумленно слушали о его приключениях, и старый хоббит был очень рад, что может рассказать про встречу с Горлумом, припомнив решительно все подробности. Он повторил все до единой загадки. Он охотно поведал бы и о прощальном празднестве, о своем исчезновении, о пути в Раздол, но Элронд поднял руку и сказал:

— Прекрасно, мой друг. Нам важно знать, что Кольцо ты, уходя, передал Фродо. Давай послушаем твоего преемника.

Фродо рассказал обо всех своих злоключениях с тех пор, как сделался Хранителем Кольца; но его не радовало внимание слушателей. А их интересовал каждый его шаг, каждая особенность в поведении Всадников: гости постоянно перебивали Фродо, чтобы обсудить мельчайшие подробности.

— Неплохо, мой друг, — сказал ему Бильбо, когда он умолк и с облегчением сел. — Жаль, что тебя беспрестанно прерывали. Я успел кое-что записать — но не все, и нам еще предстоит к этому вернуться. Твои приключения на пути к Раздолу составят в Книге несколько глав — если я сумею ее дописать.

— Да, история получилась длинная, — как бы через силу подтвердил Фродо. — И все же она выглядит, по-моему, неполной — особенно без подробного рассказа Гэндальфа.

Гэлдор сидевший неподалеку от хоббитов, услышал последнее замечание Фродо.

— Невысоклик прав, — обратился он к Элронду, — рассказ о Кольце кажется неполным. Я тоже хочу кое-что узнать. Вы не ответили на вопрос Боромира — почему вам ясно, что Кольцо невысокликов выковал Черный Властелин Мордора? И что об этом думает Саруман? Он хорошо изучил повадки Врага, но его почему-то нет среди нас. Какой совет дал бы нам Саруман, если б он знал то же, что мы?

— Твои вопросы, — ответил Элронд, — так тесно переплетаются между собой, что их прояснит нам одна история — история, которую расскажет Гэндальф. Она завершит повесть о Кольце, ибо Гэндальф знает больше нас всех.

— Гэлдор просто не связал воедино все, что услышал на Совете, — начал Гэндальф. — Фродо отслеживают Черные Всадники; Даину, в награду за сведения о Бильбо, сулят вернуть Магические Кольца... Разве не ясно, что находка Бильбо очень нужна Властелину Мордора? А Бильбо, как известно, нашел Кольцо. Теперь подумаем о других Кольцах. Девятью Кольцами владеют назгулы, принявшие обличье Черных Всадников. Семь — потеряны или уничтожены. — При этих словах Глоин встрепенулся, но сделал над собой усилие и смолчал. — Судьба Трех нам тоже известна. Так за каким Кольцом охотится Враг?

Боромир прав: между Рекой и Пещерой — между потерей и находкой Кольца — зияет многовековая пропасть, которую Мудрые неспешно изучали... слишком неспешно и слишком долго: они забыли о мудрости Врага. А он, конечно же, не сидел без дела и обнаружил истину чуть позже нас — к счастью, позже! — нынешним летом. И все же Мудрые едва не опоздали.

Кое-кому из собравшихся известно, что в самом начале нашей эпохи я рискнул посетить Чародея в Дул-Гулдуре и, тайно разведав, чем он занимает

ся, понял, что наши опасения подтвердились: это был Саурон, Извечный Враг, вновь оживший и набирающий силу. И кое-кто, я думаю, все еще помнит, что Саруман, на собранном тогда Совете, убедил Мудрых не начинать войну, и много лет мы только наблюдали. Но когда, сгустившись над мрачным Дул-Гулдуром, к северу поползла зловещая туча, даже Саруман одобрил войну, и объединенная дружина Совета Мудрых выбила Черного Властелина из Лихолесья. В том же году было найдено Кольцо — странное совпадение, если это совпадение.

Но Мудрые медлили чересчур долго: наша победа оказалась бесплодной, как и предсказывал Владыка Раздола. Саурон тоже следил за нами и успел подготовиться к нашему удару, управляя Мордором из тайного убежища с помощью девяти Призрачных прислужников, которые захватили Моргульскую крепость. Когда наше войско подошло к Лихолесью, он сделал вид, что принимает битву, а сам, стремительно отступив на юг, сбил посты у границы Мордора, уничтожил охрану Черного Замка и открыто провозгласил себя Властелином. В своих владениях он был неуязвим для нашей поспешно собранной дружины, и мы опять созвали Совет, понимая, что он ищет Кольцо Всевластья. Не узнал ли Враг чего-нибудь нового в своих упорных поисках Кольца — вот что обсуждалось на последнем Совете. Но Саруман сумел успокоить Мудрых, повторив — как он это делал не раз, — что Кольцо Всевластья сгинуло навсегда.

«Врагу известно, — сказал Саруман, — что мы до сих пор не разыскали Кольца, и, надеясь найти его, он теряет время: его надеждам не суждено исполниться. Кольцо поглотил Андуйн Великий, и, пока Саурон был безликим призраком, течение унесло его сокровище в Море, а из морских глубин ничто не возвращается. Кольцо Всевластья упокоилось навеки».

Гэндальф умолк и посмотрел в окно — туда, где высились Мглистые горы, у подножия которых текла река, долго покоившая Кольцо Всевластья.

— Моя вина тяжела, — сказал Гэндальф. — Меня убаюкали слова Сарумана, и я слишком поздно обнаружил опасность.

— Мы все виноваты, — проговорил Элронд. — Но, быть может, только благодаря тебе Завеса Тьмы еще не сомкнулась над Средиземьем.

— Меня убедили доводы Сарумана, — тяжело вздохнув, продолжал Гэндальф, — но в глубине души я предчувствовал опасность, а поэтому очень хотел узнать, где, как и когда Кольцо Всевластья попало к несчастному лиходею Горлуму. Он должен был вылезти из подземного логова, чтобы попытаться отыскать свою «прелесть», и я решил учредить за ним слежку. Он и вылез, но ловко ускользнув от преследователей, снова исчез — как сквозь землю провалился. А я — никогда себе этого не прощу! — спокойно наблюдал за Врагом и бездействовал.

Время рождало все новые заботы и постепенно притупляло мои старые страхи... Но однажды они неожиданно всколыхнулись, преобразившись в острую и глубокую тревогу. Кто все же истинный хозяин Кольца, которое отнял у Горлума Бильбо? И как я должен себя вести, если мои предчувствия подтвердятся? Вот что мне нужно было решить. Но я ни с кем об этом не говорил, ибо неосторожно сказанное слово могут услышать не только друзья. В наших бесчисленных войнах с Врагом болтовня часто оборачивалась бедой, и мы научились страшиться предательства.

Меня заинтересовало колечко Бильбо около семнадцати лет назад. Я очень быстро тогда убедился, что вокруг Хоббитании рыщут соглядатаи: Черному Властелину служат шпионами даже некоторые звери и птицы. Мне пришлось обратиться за помощью к дунаданцам, и они уничтожили немало шпионов, а когда я открыл свои опасения Арагорну, он сманил меня в Глухоманье на поиски Горлума.

— Я убедил Гэндальфа, — вставил Арагорн, — что надо обязательно разыскать Горлума, хотя он считал, что время упущено. Но мне, потомуку и наследнику Исильдура, хотелось расплатиться за его вину, и я отправился с Гэндальфом на поиски.

Гэндальф коротко рассказал Совету, как он странствовал с Арагорном по землям Глухоманья — на юге они дошли до Изгарных гор, за которыми начинаются владения Врага, и там впервые услышали о Горлуме.

— Мы думали, что он прячется где-нибудь в горах, и обшарили чуть ли ни каждое ущелье, и все-таки не смогли его разыскать, и меня охватило тоскливое отчаяние. Но именно отчаяние освежило мою память, и я вдруг вспомнил слова Сарумана, которые вполуха выслушал на Совете.

«Магические Кольца, — сказал он тогда, — отличаются друг от друга драгоценными камнями. А свое Кольцо — Кольцо Всевластья — Саурон выковал совершенно гладким, однако на нем есть тайная надпись, и Мудрый сможет ее прочитать».

Больше Саруман ничего не сказал. И вот, вспомнив его слова, я стал думать, кто же мог знать, как выявляется тайная надпись. Знал создатель Кольца, Саурон. А Саруман? При всей его глубочайшей мудрости сам он разгадать эту тайну не мог, ибо никогда не видел Кольца — значит, он где-то нашел разгадку. Кто же, кроме Черного Властелина, видел Кольцо до его исчезновения? Только один человек — Исильдур. Я бросил безнадежные поиски Горлума и, не теряя времени, отправился в Гондор. Некогда там почитали Мудрых, а с особым почтением относились к Саруману — он подолгу гащивал у великого Князя. Меня Верховный Властитель Денэтор встретил гораздо сдержанней, чем раньше, и весьма неохотно допустил в Хранилище древних рукописей и старинных книг.

«Если тебя, как ты говоришь, интересуют древние летописи Гондора — что ж, читай, — сказал он мне хмуро. — А для меня прошлое ясней будущего... ну, да это уж мои заботы. Однако даже мудрейший Саруман находил здесь только то, что я знаю».

Так напутствовал меня Денэтор. И все же я нашел в Хранилище манускрипты, которые мало кто способен понять, ибо наречия народов древности знают сейчас лишь мудрейшие из Мудрых. Да, Боромир, я разыскал там запись, сделанную рукой самого Исильдура, и едва ли кто-нибудь ее читал — кроме меня да, быть может, Сарумана. Оказывается, после победы над Врагом Исильдур вернулся в княжество Гондор — а не «ушел, чтобы где-то бесславно сгинуть», как повествуют северные предания.

— Северные — возможно, — сказал Боромир. — Но мы, гондорцы, исстари знаем, что Исильдур действительно возвращался в Гондор, чтобы поручить княжество Менельдилу, сыну своего убитого брата; и тогда же, в память о погибшем брате, он посадил в столице нашего княжества последнее семя Белого Дерева.

— И тогда же сделал последнюю запись, — дополнил рассказ Боромира Гэндальф, — о которой в Гондоре, вероятно, забыли. Эта запись касается Кольца Всевластия, добытого Исильдуром в поединке с Сауроном. Вот что мне удалось прочитать:

«Отныне Кольцо Всевластия станет достоянием Великих Князей Арнора; однако сей манускрипт я оставляю в Гондоре — ибо здесь тоже живут потомки Элендила, — дабы и на юге не забылись удивительные деяния нашей эпохи».

И тут же дается описание Кольца:

«Оно было раскаленным, когда я взял его в руку, словно только что вынутое из горна в кратере Роковой горы, и мне показалось, что мой ожог не заживет никогда. Однако рука моя исцелилась, и Кольцо остыло и сделалось на вид меньше — и все же не потеряло прежней привлекательности, равно как и формы, приданной Ему Врагом. И потускнели магические знаки на Нем и едва виднелись. Знаки же суть буквы эльфов Остранны, однако язык надписи мне незнаком. Язык сей есть, вероятно, язык Врага, ибо звучит он при чтении букв уродливо и таинственно. Мне неведомо, какое зло таит в себе Вражья надпись, но я срисовываю ее, дабы сохранилась она в памяти потомков, ежели буквы, уже едва зримые, исчезнут совсем. Кольцу Всевластия недостает, как представляется мне, жара Вражьей ладони, ибо раскаленная она была, словно багровое пламя, и при сем черная, словно ночная тьма, и Гил-Гэлад был сражен; и ежели накалить Кольцо в огне, то проступит, быть может, и таинственная надпись, однако я страшусь причинить Ему зло, ибо чувствую, что Оно уже дорого мне, и слишком дорого заплатили за Него нуменорцы».

Итак, мои предположения оправдались. Враг воспользовался буквами эльфов, но сделал надпись на мордорском языке, и эта надпись давно известна, ибо, когда Враг выковывал Кольцо, эльф Селебримбэр проник в его замыслы и отчетливо услышал магические слова, которые Саурон мысленно повторял, выбивая надпись на Кольце Всевластия.

Я простился с Денэтором и поспешил в Хоббитанию, но на пути получил известие от эльфов, что Арагорн все-таки поймал Горлума, и решил сначала побывать в Лихолесье. Арагорн преодолел смертельные опасности, выслеживая Горлума у границ Мордора, но об этом пусть он расскажет сам.

— А что о них расскажешь? — проговорил Арагорн. — Когда пробираешься мимо Черного Замка или путешествуешь по Моргульской долине с ее лугами цветущих предсмертников, поневоле приходится преодолевать опасности. Мне не удалось разыскать Горлума, и, отчаявшись, я уже повернул к северу, но внезапно обнаружил то, что искал: в прибрежном песке возле мелкого озера виднелись отпечатки босых подошв, и след вел не к югу, в Мордор, а на север. Горлум двигался вдоль Гиблых Болот, и дня через два я его поймал. Он весь был покрыт зеленоватой тиной, и, боюсь, ему не за что меня любить: он прокусил мне руку, и я не стал с ним нежничать, так что потом он упрямо молчал, а раскрывал рот, только чтоб есть — мне приходилось в пути добывать ему пищу, — мои вопросы оставались без ответа. Возвращение на север с пойманным Горлумом далось мне гораздо тяжелее поисков: всю дорогу я гнал его впереди себя, заткнув ему рот кляпом из мешковины, а на шею накинув веревочную петлю, и, когда мы добрались наконец до Лихолесья и я сдал его на попечение эльфов Трандуила, меня от усталости шатало ветром. Надеюсь, что больше мы с ним не встретимся — ведь он, вдобавок ко всем его преле-

стям, еще и воняет, как дохлый стервятник; но у Гэндальфа он омерзения не вызвал: они беседовали довольно долго.

— Долго и с пользой, — подтвердил Гэндальф, не пожелав заметить насмешку Арагорна. — Во-первых, история, рассказанная Горлумом, совпала с сегодняшним рассказом Бильбо. Но это не имеет большого значения: я и сам догадался, как было дело. Важнее другое — Горлум сказал мне, что нашел Кольцо на заре эпохи в Великой Реке у Ирисной Низины. Он смертный и должен был давно умереть, но прожил неимоверно долгую жизнь — ее, без сомнения, продлило Кольцо. Известно, что только Кольцо Всевластья продлевает жизнь своему владельцу — другим Кольцам это не под силу.

Если же и это тебя не убеждает, — добавил маг, посмотрев на Гэлдора, — то есть еще одна, главная, проверка. Вы все видели Кольцо невысокликов — золотое, круглое и без всякой гравировки. Однако, когда его поддержишь над огнем — хотя не каждый на это осмелится, — четко проступает Наговор Врага. Однажды я бросил Кольцо в камин, и вот что мне удалось прочитать:

Эш назг дурбатулук, эш назг гимбатул, эш назг тхратулук, агх выр-зым-иши кримпатул!

Голос мага вдруг стал зловещим — глухо и монотонно прозвучали слова, но гулко и мощно раскатились по залу, — и содрогнулись могучие стены Замка, и подернулось дымкой яркое солнце...

— Ни разу не звучал этот язык в Имладрисе, — проговорил Элронд, когда настала тишина и участники Совета перевели дыхание.

— И надеюсь, больше ни разу не прозвучат, — ответил Гэндальф Владыке Раздола. — Но я не прошу у тебя прощения, ибо от меня, Гэндальфа Серого, потребовали доказательств моей правоты. А для того, чтобы звуки этого языка не затопили навеки западные земли, надо запомнить, что Кольцо невысокликов — это, как в древности определили Мудрые, *Сокровище Сокровенной Мощи Врага*. Во тьме Черных Лет эльфы Остранны впервые услышали мрачное заклинание:

*А Одно — Всесильное — Властелину Мордора,
Чтоб разъединить их всех, чтоб лишит их воли
И объединит навек в их земной юдоли
Под владычеством всесильным Властелина Мордора.*

И поняли, что попали в сети предательства.

Да, многое рассказал мне Горлум, хотя говорил он невнятно и неохотно. Ему удалось пробраться в Мордор, где он был пойман прислужниками Врага, и у него выпытали решительно все, и Враг знает, что Кольцо нашлось, долгое время хранилось в Хоббитании, а потом опять куда-то исчезло. Однако скоро ему станет известно — а быть может, известно уже и сейчас, — что хоббиты переправили Кольцо к эльфам, ибо девять Призрачных прислужников преследовали Фродо до самого Раздола...

* * *

— Так он, этот Горлум, маленькая тварь? — прервал затянувшееся молчание Боромир. — Маленькая тварь, но большой лиходей? И к какой участи его приговорили?

— Он заключен под стражу в Северном Лихолесье, только и всего, — ответил Арагорн. — Ему пришлось немало претерпеть. У Врага его, по-видимому, страшно пытали, и он до сих пор не избавился от ужаса. Однако я рад, что его охраняют — и не кто-нибудь, а бдительные эльфы Лихолесья. Отчаяние и ненависть, горечь и страх сделали его невероятно опасным, так что, если б он был на свободе, я не удивился бы любому злодейству, совершенному этим злочастливым существом. Да и вряд ли его отпустили из Мордора без какого-нибудь черного Вражьего умысла. А ему, на вид удивительно хилому, ненависть придает недюжинные силы!

— Меня прислали с горестным известием, — внезапно воскликнул эльф Леголас, — но его поистине страшный смысл я понял только на сегодняшнем Совете. Дело в том, что Смеагорл, прозванный Горлумом, сумел погубить своих стражников и скрылся.

— Скрылся? — удрученно вскричал Арагорн. — Это действительно зловеющая новость. Как же случилось, что эльфы оплошали?

— Наша доброта обернулась беспечностью, и он удрал, — сказал Леголас. — Но, по всей вероятности, узнику помогли — а это значит, что о наших делах известно кому-то за пределами Лихолесья. Мы добросовестно охраняли Горлума, хотя нам не нравится роль охранников; но, уходя, Гэндальф попросил Трандуила не углублять черного отчаяния узника, и мы выпускали его прогуляться, чтобы не держать в подземелье все время...

— Ко мне вы отнеслись гораздо суровей, — сверкнув глазами, перебил его Глоин. Он вспомнил свое заточение у эльфов — его-то все время держали в подземелье.

— Успокойся, мой друг, — вмешался Гэндальф. — Не надо вспоминать улаженных ссор. Если мы допустим, чтоб эльфы и гномы начали считаться старыми обидами, Совет никогда не будет завершен.

Глоин встал и молча поклонился, а эльф продолжил прерванный рассказ:

— В погожие дни мы приводили узника на поляну с огромным деревом по середине, и он, вскарабкавшись высоко вверх, подолгу сидел там, скрытый листвой, а стражники ждали его внизу. Но однажды он отказался слезть; стражникам не хотелось стаскивать его силой — он умел намертво вцепляться в ветви, держась за них и руками и ногами, — поэтому они просто сидели под деревом: убежать-то ему все равно было некуда.

И как раз в тот летний безлунный вечер на нас неожиданно напали орки. Завязалась битва, и только под утро нам удалось отбить нападение — полчища орков дрались отчаянно, но им, жителям степей Загорья, было непривычно сражаться в лесу... А потом, разгромив их свирепую орду, мы обнаружили, что стражники Горлума перебиты и сам он куда-то исчез.

Похоже, что этот неожиданный набег был совершен для его освобождения и ему сообщили о нем заранее — но каким образом, нам не известно. Горлум весьма хитроумная тварь, а Вражьих шпионов становится все больше. Когда Бард Лучник уничтожил Дракона, мы выбили Темные Силы из Лихолесья, однако сейчас они опять появились, и наше поселение превратилось в остров, со всех сторон окруженный врагами. Следы беглеца мы потом нашли, хотя их почти затоптали орки, и следы вели на юг, к Дул-Гулдуру — самому опасному району Лихолесья, — мы не отваживаемся туда заходить...

— Короче, он скрылся, — заключи Гэндальф, — и охотиться за ним нам сей-

час недосуг. Значит, такая уж у него доля. И быть может, ни он, ни Властелин Мордора не знают, что ему уготовано в будущем.

А теперь я отвечу на вопрос Гэлдора, — немного помолчав, продолжал Гэндальф. — Итак, почему среди нас нет Сарумана и что он мог бы нам присоветовать? Это довольно длинная история, и знает о ней пока только Элронд; впрочем, и ему я рассказал ее вкратце, а она требует подробного изложения, ибо к прежним бедам Средиземья прибавилась еще одна серьезнейшая беда, завершившая на сегодня повесть о Кольце.

Когда этим летом я был в Хоббитании, меня постоянно грызла тревога, и я отправился к южным границам этой маленькой мирной страны, ибо чувствовал, что опасность быстро приближается, хотя и не мог определить — какая. На юге мне рассказали о войне в Гондоре и о том, что гондорцы отступили за Реку; а когда я услышал про Черных Всадников, ощущение приближающейся опасности усилилось. Однако никто их как будто не видел — даже несколько усталых беженцев с юга, которые встретились мне по дороге; и все же моя тревога росла, ибо южные беженцы были очень напуганы, а причину страха почему-то скрывали. Тогда я свернул на Неторный Путь, и в Пригорье мне встретился Радагаст Карий — он, как и я, носит титул Мудрого. Радагаст некогда жил в Розакрайне, рядом с Лихолесьем, но куда-то переселился... Так вот, он сидел у обочины дороги, а рядом, на лугу, пасся его конь.

«Гэндальф! — обрадованно вскричал Радагаст. — Тебя-то я и разыскивал. Мне сказали, что ты обитаешь на западе, в стране с неуклюжим названием Хоббитания, — я ведь совсем этих мест не знаю».

«Правильно сказали, — ответил я, — до Хоббитании отсюда — рукой подать. Так что потише про неуклюжие названия: хоббиты очень обидчивый народец. Но у тебя, вероятно, важные новости? Ты ведь никогда не любил путешествовать, и едва ли твои привычки изменились».

«Очень важные, — сказал Радагаст. Потом, тревожно оглядевшись, добавил: — Очень важные и очень скверные. Назгулы. Они опять появились. В этот раз — как Черные Всадники. Им удалось переправиться через Реку, и теперь они движутся к северо-западу».

Вот почему меня грызла тревога, — посмотрев на Фродо, проговорил Гэндальф. — «У Врага здесь какая-то тайная надобность или тайный умысел», — сказал Радагаст.

«Что ты имеешь в виду?» — спросил я.

«А зачем Призрачным Всадникам Хоббитания?»

Тут мне, признаться, стало не по себе, ибо сражение с Девяткой назгулов устроит и самого отважного из Мудрых: все они в прошлом великие воины, а их Предводитель — чародей и король — наводил ужас на своих врагов, даже когда еще не был призраком.

«Кто прислал тебя ко мне?» — спросил я.

«Саруман Белый, — ответил Радагаст. — И он просил меня тебе передать, что, если ты нуждаешься в какой-нибудь помощи, поезжай к нему в Ортханк; однако не медли».

Эти слова ободрили меня. Ибо Саруман — мудрейший из Мудрых... так мне в то время казалось. Радагаст тоже могущественный маг, исконный повелитель растений и животных (особенно ревностно служат ему птицы), но Сару-

ман исстари следит за Врагом, он хорошо изучил все его повадки и часто помогал нам справиться с ним. Мы легко выбили Врага из Дул-Гулдура благодаря мудрым советам Сарумана; жаль, что нас тогда не удивила ответная победа Врага на юге...

«Я поеду к Саруману», — проговорил я. Мне подумалось, что, быть может, Саруман знает, как прогнать назгулов за Андуйн.

«Но отправляйся сейчас же, — посоветовал Радагаст, — ибо я искал тебя довольно долго, а Саруман говорил, что к ранней осени назгулы сумеют добраться до Хоббитании — и тогда он не сможет тебе помочь. А мне пора поворачивать восвояси». Радагаст безмолвно подозвал коня, вскочил в седло и хотел уехать.

«Подожди, Радагаст! — крикнул я ему вслед. — Оповести своих подданных, зверей и птиц, что нам, вероятно, понадобится их помощь».

«Считай, что они оповещены», — сказал он и, тронув коня, быстро скрылся из глаз, словно бы спасаясь от Девятки назгулов.

Я не мог тогда же последовать за Карим. Мой конь был измучен, да и я устал: мы покрыли в тот день огромное расстояние; а главное, мне хотелось собраться с мыслями. И вот, отложив решение на утро, я переночевал в пригородском трактире, а выспавшись, решил отправиться к Саруману — никогда не прощу себе этой ошибки!

Фродо я написал подробное письмо, в котором объяснил, что мы встретимся у эльфов, и поручил отослать письмо Лавру Наркиссу — он хозяин трактира, мой давний знакомец, — а утром, затемно, отправился в путь. Саруман живет далеко на юге, в крепости Изенгард к северу от Ристании, которую гондорцы называют Мустангримом. С юга просторную Ристанийскую равнину замыкают Белые горы Гондора, или Эред-Нимрас по-нуменорски, а на севере в нее вклинивается Мглистый хребет; там, в неприступной высокогорной долине, окруженной могучими отвесными скалами, расположен замок Сарумана Орханк. Этот замок — высокий, с тайными покоем — возвели в стародавнее время нуменорцы, и попасть в него можно только через ворота, которые перегородивают Изенгардское ущелье, рассекающее естественную ограду долины — пояс из темных каменных утесов.

Я подъехал к воротам на исходе дня; их охраняла многочисленная стража; но Саруман, видимо, давно меня ждал: ворота распахнулись и, когда я проехал, бесшумно захлопнулись за моей спиной; и меня вдруг кольнуло неясное опасение.

Однако я все же подъехал к замку, и Саруман, неспешно спустившись по лестнице, отвел меня в один из верхних покоев. На руке у него я заметил кольцо.

«Итак, ты приехал», — сказал он степенно, но мне показалось, что в его глазах вспыхнула на мгновение холодная насмешка.

«Приехал, как видишь, — ответил я. — Мне нужна твоя помощь, Саруман Белый!» Услышав свой титул, Саруман разозлился.

«Ты просишь помощи, Гэндальф *Серый*? — с издевкой в голосе переспросил он. — Значит, хитроумному и вездесущему магу, который вот уже третью эпоху вмешивается во все дела Средиземья — причем обычно непрошено и незвано, — тоже может понадобится помощь?»

Меня поразило его злобный тон. «Не ты ли, — удивленно спросил его я, — наказал гонцу Радагасту Карему передать мне, что нам надо объединить наши силы?»

«Предположим, что я ему это сказал, — ответил Саруман. — А теперь объясни мне, почему ты явился сюда так поздно? Ты долго скрывал от Совета Мудрых и от меня, Верховного Мудреца Совета, событие поистине величайшей важности! А сейчас, бросив укывище в Хоббитании, ты спешно приехал ко мне... Зачем?»

«Затем, что Девятеро черных кольценосцев опять начали свою призрачную жизнь. Затем, что они переправились через Реку. Радагаст сказал...»

«Радагаст Карий? — с хохотом перебил меня Саруман, и его презрение провалилось наружу. — Радагаст — Грозный Повелитель Букашек? Радагаст Простак! Радагаст Дурак! Хорошо, что у него хватило ума без рассуждений сыграть свою дурацкую роль! Он неплохо сыграл ее — и вот ты здесь. Здесь ты и останешься, Гэндальф Серый, — надо же тебе отдохнуть от путешествий. Ибо этого хочу я, Саруман, Державный Властитель Колец и Соцветий!»

Он резко встал, и его белое одеяние внезапно сделалось переливчато-радужным, так что у меня зарябило в глазах.

«Белый цвет заслужить нелегко, — сказал я. — Но еще труднее обелить себя вновь».

«Обелить? Зачем? — Саруман усмехнулся. — Белый цвет нужен Мудрым только для начала. Отбеленная или попросту белая ткань легко принимает любой оттенок, белая бумага — любую мудрость».

«Потеряв белизну, — упорствовал я. — А Мудрый остается истинно мудрым, лишь пока он Берен своему цветущему».

«Довольно! — резко сказал Саруман. — Мне некогда слушать твои поучения. Ибо я вызвал тебя в свой замок, чтобы ты сделал окончательный выбор».

Саруман приосанился и произнес речь — по-моему, он ее приготовил заранее: «Предначальная Эпоха миновала, Гэндальф. Средняя тоже подходит к концу. Начинается совершенно новая эпоха. Годы эльфов на земле сочтены; наступает время Большого Народа, и мы призваны им управлять. Но нам необходима полнота всевластья, ибо лишь нам, Мудрейшим из Мудрых, дано знать, как устроить жизнь, чтобы люди жили мирно и счастливо.

Послушай, Гэндальф, мой друг и помощник, — продолжал Саруман проникновенно и вкрадчиво, — о нас с тобою я говорю *мы*, в надежде, что ты присоединишься ко мне. На земле появилась Новая Сила. Перед ней бессильны прежние Союзы. Время нуменорцев и эльфов прошло. Я сказал — выбор, но у нас его нет. Мы *должны* поддержать Новую Силу. Это мудрое решение, поверь мне, Гэндальф. В нем — единственная наша надежда. Победа Новой Силы близка, и поддержавших ее ждет великая награда. Ибо с возвышением Новой Силы будут возвышаться и ее союзники; а Мудрые — такие, как мы с тобой, — постепенно научатся ею управлять. О наших планах никто не узнает, нам нужно дождаться своего часа, и сначала мы будем даже осуждать жестокие методы Новой Силы, втайне одобряя ее конечную цель — Всезнание, Самовластие и Порядок, — то, чего мы мечтали добиться, а наши слабые или праздные друзья больше мешали нам, чем помогали. Нам не нужно — и мы не будем — менять наших целей, мы изменим лишь способы, с помощью которых мы к ним стремились».

«А теперь послушай меня, Саруман, — сказал я ему, когда он умолк. — Мы не раз слышали подобные речи, но их произносили глашатаи Врага, дурача доверчивых и наивных. Неужели ты вызвал меня для того, чтобы повторить мне их болтовню?»

Он искоса глянул на меня и спросил: «Так тебя не прельщает дорога Мудрейших? Все еще не прельщает? Ты не хочешь понять, что старые средства никуда не годятся? — Саруман положил мне руку на плечо и тихо сказал, почти прошептал: — Мы должны завладеть Кольцом Всевластья. Вот почему я тебя призвал. Мне служат многие глаза и уши, я уверен — ты знаешь, где хранится Кольцо. А иначе зачем бы тебе Хоббитания — и почему туда же пробираются назгулы?» Саруман посмотрел на меня в упор, и в его глазах полыхнула алчность, которую он не в силах был скрыть.

«Саруман, — отступив, сказал я ему, — нам обоим известно, что у Кольца Всевластья может быть только один хозяин, поэтому не надо говорить *мы*. Но теперь, когда я узнал твои помыслы, я ни слова не скажу тебе про Кольцо. Ты был Верховным Мудрецом Совета, однако тебе не вмоготу быть Мудрым. Ты, как я понял, предложил мне выбор — подчиниться Саурону или Саруману. Я не подчинюсь ни тому, ни другому. Что-нибудь еще ты можешь предложить?»

Он глянул на меня холодно и с угрозой. «Я и не надеялся, — проговорил он, — что ты проявишь благоразумие Мудрейшего — даже ради своей собственной пользы; однако я дал тебе возможность выбрать, и ты выбрал воистину глупейшее упрямство. Что ж, оставайся покуда здесь».

«Покуда — что?» — спросил его я.

«Покуда ты не откроешь мне, где хранится Кольцо, — ответил он мне. — Или покуда оно не отыщется вопреки твоему малоумному упрямству. Тогда, вероятно, Державный Властитель сможет заняться второстепенными делами. Он решит, к примеру, какой награды заслуживает упрямство Гэндальфа Серого».

«Решить-то, пожалуй, ему будет просто, — проговорил я, — да легко ли выполнить?» Но Саруман только издевательски рассмеялся, ибо он знал не хуже меня, что я произношу пустые слова.

Меня отвели на Дозорную площадку, с которой Саруман наблюдает за звездами; спуск оттуда — витая лестница в несколько тысяч каменных ступеней — охраняется внизу отрядом стражников; да и ведет эта лестница во внутренний двор. Оставшись один, я оглядел долину, некогда покрытую цветущими лугами; теперь лугов здесь почти не осталось: я видел черные провалы шахт, плоские крыши оружейных мастерских и бурые дымки над горнами кузниц. Дымки подымались отвесно вверх, ибо долина защищена от ветра поясом скал, и сквозь дымное марево, которое окутывало башню Ортханка, мне были видны стаи волколаков и отряды хорошо вооруженных орков — Саруман собирает собственное воинство, значит, Врагу он еще не подчинился. Крохотной была Дозорная площадка — я не мог согреться даже ходьбой, а вечные ледники дышали вниз холодом, и в долину сползали промозглые туманы; но горше дыма изенгардских кузниц, мучительней холода и сильнее одиночества меня терзали мысли о Всадниках, во весь опор скачущих к Хоббитании.

Я был убежден, что это назгулы, хотя и не верил теперь Саруману; однако про назгулов он не солгал, ибо по дороге я слышал известия, которые подтвердили его слова. Мне было страшно за друзей в Хоббитании, и все же меня не

покидала надежда: я надеялся, что Фродо, получив письмо, не медля ни дня, отправился в Раздол и Черные Всадники его не нашли. Однако жизнь все переиначила. Я надеялся на исполнительность хозяина трактира и опасался могущества Властелина Мордора. Но Лавр забыл отправить письмо, а девять прислужников Черного Властелина оказались слабее, чем я о них думал, — у страха, как известно, глаза велики, и я, пойманный в Саруманову ловушку, одинокий, испуганный за своих друзей, переоценил могущество и мудрость Врага.

— Я видел тебя! — вдруг воскликнул Фродо. — Ты ходил, словно бы заключенный в темницу — два шага вперед и два назад, — но тебя ярко освещала луна!

Гэндальф удивленно посмотрел на Фродо.

— Это был сон, — объяснил ему хоббит, — и я его сейчас очень ясно вспомнил, хотя приснился-то он мне давно: когда я только что ушел из дома.

— Да, темница моя была светлой, — сказал Гэндальф, — но ни разу в жизни меня не одолевали столь мрачные мысли. Представьте себе, я, Гэндальф, угодил в предательские паучьи сети! Однако и в самой искусной паутине можно отыскать слабую нить.

Сначала я поддался мрачному настроению и заподозрил в предательстве Радагаста Карего — именно на это и рассчитывал Саруман, — однако, припомнив разговор с Радагастом, понял, что Саруман обманул и его: я неминуемо ощутил бы фальшь, ибо Радагаст не умеет притворяться. Да, Радагаст был чист предо мной — именно поэтому попал я в ловушку: меня убедили его слова.

Но поэтому лопнул и замысел Сарумана: Радагаст выполнил свое обещание. Расставшись со мной, он поехал на восток и, когда добрался до Мглистых гор, поручил Горным Орлам помогать мне. От них ничто не могло укрыться: ни назгулы, ни огромные стаи волколаков, ни орды орков, вторгшихся в Лихо-лесье, чтобы освободить злосчастного Горлума; и Орлы отправили ко мне гонца.

Однажды ночью, уже под осень, быстрееший из Горных Орлов — Ветробой — прилетел в Изенгард и, снизившись над Ортханком, увидел меня на Дозорной площадке.

«Я принес тебе важные известия», — сказал он. Когда Ветробой передал мне новости, собранные Орлами, я его спросил: «А меня ты можешь унести отсюда?»

«Могу, — сказал он. — Если нам по дороге. Я был послан сюда как гонец, а не как конь. Впрочем, если тебе нужен конь, я доставлю тебя в Эдорас, к ристанийцам, — такое расстояние для меня не крюк». Что ж, о лучшем и мечтать было нечего, ибо в Мустангриме, где живут ристанийцы, давние повелители диких коней, я мог получить то, что мне требовалось — а требовался мне быстроногий конь, чтобы побыстрее добраться до Хоббитании.

«Ты думаешь, они не подчинились Врагу?» — на всякий случай спросил я Орла, ибо предательство Сарумана Белого подорвало мою веру в Светлые Силы.

«Ристанийцы платят Мордору дань — ежегодно отсылают туда коней, так я слышал, — ответил Орел. — Это именно дань, а не дар союзнику. Но если Саруман, как ты говоришь, тоже превратился в Темную Силу, ристанийцы не смогут отстоять свою независимость».

Ветробой пролетел над Ристанийской равниной и приземлился у северо-западных отрогов Белых гор, неподалеку от крепости Эдорас. Здесь уже ощущалось перерождение Сарумана: он опутал ристанийцев сетями лжи, и конунг не поверил моим словам, когда я сказал, что Саруман — предатель. Однако он разрешил мне выбрать коня — с тем чтоб я тотчас же уехал из Ристании, — и мой выбор очень его раздосадовал: я выбрал на диво резвого коня, он считался, как мне с горечью поведал конунг, лучшим конем в табунах Мустангрима.

— Тогда это действительно замечательный конь, — сказал Арагорн и, вздохнув, добавил: — Мне очень горько, что Властелин Мордора получает лучших коней Средиземья — хотя я понимаю, что из последних событий это далеко не самое мрачное. Однако еще несколько лет назад ристанийцы никому не платили дани.

— Да и сейчас не платят, — вмешался Боромир, — все это злобные выдумки Врага. Мне ли не знать витязей Мустангрима — наших верных и бесстрашных союзников?

— Завеса Тьмы, — проговорил Арагорн, — затемнила немало южных земель. Под ее тенью переродился Саруман. Возможно, затемнен уже и Мустангрим. Тебе ведь неизвестно, что ты узнаешь, если сумеешь вернуться на юг.

— Только не это, — возразил Боромир. — Мустангримцы не станут покупать независимость, отдавая в рабство своих коней. Они повелители, и повелители любящие. А кони их пасутся на северных пастбищах, вдали от Вражьей завесы тьмы, и так же свободолобивы, как их хозяева.

— Но конь, которого я себе выбрал, — продолжал Гэндальф, — несравним с другими. Он неутомим и быстр, как ветер, ему уступают даже кони назгулов. Ристанийцы называют его Светозаром: днем он похож на серебристую тень, а ночью его невозможно увидеть — особенно когда он мчится по дороге. Легок его шаг и стремителен бег; до меня на него никто не садился, но я укротил его и помчался на север, и, когда Фродо добрался до Могильников, я уже пересек границу Хоббитании, а ведь мы отправились в путь одновременно — он из Норгорда, а я из Эдораса.

Светозар неутомимо скакал на север, но я беспокоился все сильнее и сильнее. Черные Всадники приближались к Хоббитании, и, хотя расстояние между нами сокращалось, они по-прежнему были впереди.

Вскоре я понял, что Всадники разделились: одни остались у восточной границы, там, где проходит Неторный Путь, а другие проникли в Хоббитанию с юга. Фродо я дома уже не застал и долго расспрашивал садовника Скромби — долго расспрашивал и мало узнал, ибо он говорил главным образом о себе да еще о новых хозяевах Торбы.

«Мне вредны перемены, — жаловался он. — Я старый, и перемены к худшему подрывают мое здоровье». Он без конца твердил о переменах к худшему.

«Ты еще не видел перемен к худшему, — сказал я ему, — и, будем надеяться, не увидишь». Но из его старческой болтовни я узнал, что Фродо уехал неделю назад, а вечером после его отъезда у дома побывали Черные Всадники. Окончательно расстроенный, я двинулся дальше. Жители Заячьих Холмов суетились, словно муравьи у разоренного муравейника. Подъехав к дому в Кроличьей Балке, я увидел, что он разгромлен и пуст, а на веранде валяется плащ Фродо. Больше надеяться было не на что, и я поехал по следам назгулов, ре-

шив не расспрашивать окрестных жителей — и напрасно: они бы меня успокоили. Потом Всадники опять разделились, и я отправился по следам тех, которые поехали в сторону Пригорья, — мне хотелось как следует допросить Лавра.

«Ну, Лавр, — думал я по дороге, — если ты не отослал моего письма, я загоню тебя в чан с кипящим супом, и ты сварись там, как лавровый лист!» Меньшего он, вероятно, и не ждал, потому что, увидев мое лицо, задрожал, словно сухой лепесток на ветру.

— Что ты с ним сделал? — воскликнул Фродо: ему стало жаль хозяина трактира. — Он принял нас как близких друзей и потом всячески нам помогал.

— Не бойся, — улыбнувшись, ответил Гэндальф. — Я его даже и припугнуть не успел, ибо, когда он перестал трястись и сказал мне, что вы ушли с Арагорном, меня охватила буйная радость.

«С Бродяжником?» — радостно переспросил его я.

«С ним, — виновато прошептал Наркисс, решив, что разгневал меня еще больше. — И ведь я говорил им, что он бродяга. Но они вели себя очень странно... или нет, я бы сказал — своенравно».

«Милый мой дурень! Дорогой мой осел! — не в силах сдержаться, заорал я. — Да я не слышал столь приятных известий с середины лета, глупый мой Лавр! Нынешней ночью я спокойно усну — впервые за не знаю уж сколько месяцев!»

Я заночевал в трактире у Наркисса и все думал: куда же исчезли назгулы? — ведь пригоряне видели только двоих. Однако ночью положение прояснилось. С юго-запада прибыли еще пятеро: они снесли Западные Ворота и промчались по селению, словно пять смерчей, — пригоряне до сих пор трясутся от страха и с минуты на минуту ждут конца мира. Под утро за Всадниками отправился я.

Я приехал в Хоббитанию позже, чем назгулы, но вот что, по-моему, там произошло. Предводитель Девятки с двумя Всадниками остался в засаде у южной границы, двое Всадников поехали в Пригорье, а четверо спешно поскакали к Торбе. Потом, когда они никого не нашли ни в самой Торбе, ни на Заячьих Холмах, им пришлось вернуться к южной границе, и сколько-то времени дорога не охранялась — про Вражьих шпионов я не говорю. Предводитель приказал четверым Всадникам ехать напрямик на северо-восток, а сам помчался по Западному Тракту, понимая, что хоббиты удрали из Хоббитании.

Ну а я поскакал к Буреломному Угорью, ибо понял, куда мог двинуться Арагорн, и на второй день уже был у Заверти, но Вражьи прислужники меня опередили. Бой принять они не решились, и я беспрепятственно поднялся на Заверть, однако темнота придала им смелости (я подъехал к горе на исходе дня), и мне пришлось немало потрудиться, чтобы отогнать расхрабренных назгулов, — я думаю, даже во время гроз, когда над Завертью сверкают молнии, там не бывает так светло, как в ту ночь.

Утром я решил пробиваться к Раздолу, но не напрямик, а в обход, с севера. Искать Фродо на Буреломном Угорье, сражаясь по ночам с Вражьими Прислужниками, было бесполезно да и попросту глупо: ведь если б я и разыскал хоббитов, то привел бы за собой весь Вражий Отряд, — поэтому я целиком положился на Арагорна и совершенно открыто повернул к северу, считая, что

хотя бы несколько назгулов неминуемо кинутся меня преследовать, а я, сделав широкую петлю, опережу их, подъеду к Раздолу с севера и во главе сильной дружины эльфов разобью Вражий Отряд по частям. Однако четверо моих преследователей через несколько дней куда-то скрылись — поскакали, как потом выяснилось, к Переправе, — и все же я немного помог Арагорну: на него напали лишь пятеро назгулов.

А я поднялся вдоль реки Буйной к ее верховьям на Троллистом плато, и там мне пришлось расстаться со Светозаром, ибо среди каменистых россыпей он неминуемо поломал бы ноги. Светозар вернулся к своим повелителям, но стоит мне мысленно его позвать, и он явится, где бы я в это время ни был. Через четырнадцать дней после битвы у Заверти я добрался наконец до владений Элронда и узнал, что здесь уже ждут хоббитов; а через три дня Хранитель Кольца прорвался с помощью Всеславура в Раздол.

На этом заканчивается моя история — да простят мне гости и досточтимый хозяин, что я столь долго занимал их внимание, — но, как мне кажется, Хранитель Кольца должен был узнать совершенно точно, почему он вовремя не получил помощи, тем более что помощь обещал ему я, Великий Маг Гэндальф Серый из Мудрых, *впервые* нарушивший свое обещание.

Итак, — заключил свой рассказ Гэндальф, — теперь вам известна история Кольца от его изготовления до нынешнего дня. Но мы ни на шаг не приблизились к цели. Ибо нам надобно сообща решить, *что мы с ним сделаем*.

Гости сидели неподвижно и молча. Наконец молчание нарушил Элронд:

— Ты поведал нам горестную историю, Гэндальф. Ибо Мудрые полностью доверяли Саруману и ему известны все наши планы. Твоя история лишний раз подтвердила, что, проникая в коварные помыслы Врага, невольно проникаешься и его коварством. Такое перерождение, увы, не новость — в древности это случалось не раз. Так что из всех сегодняшних рассказов меня особенно удивил рассказ об отваге и стойкости невысоклика Фродо. Я знаю близко лишь одного невысоклика — Бильбо, — и сегодня мне стало ясно, что он не так уж сильно отличается от своих земляков из мирной Хоббитании. Видимо, с тех пор как я был на Западе, в мире произошли серьезные перемены.

Умертвий мы знаем под многими именами, а в преданиях о нынешнем Вековечном Лесе он очень часто называется Бесконечным, ибо еще не слишком давно — не слишком давно, по моим понятиям, — белка, прыгая с дерева на дерево, могла перебраться из сегодняшней Хоббитании в Сирые Равнины у Мглистых гор. Мне случалось путешествовать по Вековечному Лесу, и я видел там множество жутковатых диковин. А Бомбадила — если это тот самый Властитель, вернее, Охранитель Заповедного Края, с которым эльфов столкнула судьба, когда мир Средиземья был юн и прекрасен, а он уже казался древним, как Море, — так вот, мы звали его Йарвенем Бен-Адаром, Безотчим Отцом Заповедных Земель; гномы величали Йарвена Форном, а северные потомки нуменорцев — Оральдом... Но, быть может, я зря не пригласил его на Совет?

— Он не пришел бы, — проговорил Гэндальф.

— А если все же послать ему приглашение? Или просто попросить о помощи? — предложил Эрестор. — Ведь, насколько я понял, он властен даже над Вражьим Кольцом?

— Ты понял не совсем верно, — возразил Гэндальф. — Точнее будет опреде-

лить так: *над ним* не властно Кольцо Врага. Йарвен сам себе хозяин и властелин. Но он не может повелевать Кольцом — и не может защитить от него других. Он замкнулся в своем Заповедном Крае, очертив зримые лишь ему границы, и сам их теперь никогда не переступает.

— Однако в очерченных им границах он по-прежнему Всевластный Повелитель Края? — выслушав Гэндальфа, спросил Эрестор. — Так, быть может, он возьмет на хранение Кольцо?

— По собственной охоте не возьмет, — сказал Гэндальф. — А если и возьмет — по просьбе Мудрых, — то отнесется к нему как к пустой безделушке. Через несколько дней он забудет о нем, а потом, вероятней всего, просто выбросит. Его не интересует исход Войны, и он был бы очень ненадежным Хранителем, а значит, Кольцо ему доверить нельзя.

— Да и в любом случае, — сказал Всеславур, — мы только отсрочили бы день поражения. Йарвен живет далеко от Раздола. Мы не сможем пробраться к нему с Кольцом, не замеченные шпионами Черного Властелина. А впрочем, даже если и сможем, Саурон узнает — не сейчас, так позже, — где мы храним Кольцо Всевластья, и обрушит всю свою мощь на Йарвена. Выстоит ли Йарвен в этом единоборстве? Сомневаюсь. Я думаю, что в конце концов, когда Светлые Силы будут уничтожены, Йарвен тоже падет в борьбе — уйдет из этого мира последним, как он появился здесь некогда первым, — и Завеса Тьмы сомкнется над Средиземьем.

— Я не знаю Йарвена, — вмешался Гэлдор, — хотя, конечно же, слышал о нем; но, по-моему, Всеславур совершенно прав. Сила, способная противостоять Врагу — если она действительно существует, — таится не в заповедном могуществе Йарвена: ведь Враг, как мы уже не раз убеждались, властен даже над первозданной природой. Я думаю, только эльфы — Перворожденные — могли бы дать отпор Саурону. Так хватит ли у нас для этого сил?

— У меня — не хватит, — ответил Элронд.

— И у Трандуила не хватит, — сказал Леголас.

— Я не глашатай Сэрдана Корабела, — немного помолчав, проговорил Гэлдор, — но боюсь, что и мы не выстоим пред Врагом.

— А объединиться Черный Властелин нам не даст, и наши земли превратятся в островки, окруженные океаном Черного Воинства, — заключил эти горькие признания Элронд.

— Мы не сможем, — вступил в разговор Всеславур, — силою защитить Кольцо от Врага, а поэтому у нас есть только два выхода: отослать его за Море или уничтожить.

— Гэндальф открыл нам, — возразил Элронд, — что Кольцо можно уничтожить лишь в Мордоре, а заморские жители его не получают: оно принадлежит миру Средиземья и ему не суждено покинуть наш мир.

— Тогда надобно упокоить Кольцо в Морских Глубинах, — предложил Всеславур, — чтобы ложь Сарумана обернулась правдой. Ибо теперь совершенно ясно, что он солгал на прошлом Совете: его уже сжигала жажда всевластья, и, зная, что Вражье Кольцо нашлось, он намеренно ввел в заблуждение Мудрых. Но Морские Глубины — надежная могила, там уж Кольцо упокоится навеки.

— К сожалению, ты не прав, — сказал ему Гэндальф. — Морские Глубины тоже населены, и у Врага повсюду найдутся прислужники. Но главное, там, где была вода, может со временем воздвигнуться суша, а мы, Мудрецы Сре-

диземья, призваны окончательно избыть судьбу Кольца — не на год, не на несколько поколений Смертных, даже не на несколько эпох, а навечно.

— И если путь в Заповедный Край считается опасным, — вмешался Гэлдор, — то дорога к Морю еще опасней. Ибо мой опыт подсказывает мне, что Враг будет ждать нас на Западном Тракте, как только поймет, где хранится Кольцо. Ну а разъяснят ему это назгулы. Их спешили, и они вернулись восвояси, но Саурон даст им новых коней — еще более выносливых и быстрых, чем прежние. А когда во главе Вражьего воинства снова встанут Девятеро назгулов, Гондор будет окончательно разгромлен, и Враг, двигаясь по Взморью на север, обложит западные поселения эльфов...

— Ты слишком быстро расправился с Гондором! — гневно перебил Гэлдора Боромир. — Не так-то просто его разгромить. Я сказал, что мы боремся из последних сил, однако наши последние силы не по зубам даже свежему Вражьему воинству.

— Не по зубам без назгулов, — уточнил Гэлдор. — Но Врагу не обязательно завоевывать Гондор: он может отыскать обходные пути и, отрезав вас от всего Средиземья, двинет основные силы на север, а у ваших северных и западных границ оставит сильные заградительные отряды.

— Но в таком случае, — заключил Эрестор, — у нас, как сказал нам только что Всеславур, есть действительно лишь два выхода. И оба очень похожи на тупики. Вот уж поистине неразрешимая задача!

— Однако мы должны ее разрешить, — с сумрачным спокойствием проговорил Элронд. — Какая дорога нам кажется безопасней — западная, к Морю, или восточная, в Мордор? Западная. Но Враг превосходно знает, что эльфы всегда отступали на запад, и неминуемо превратит этот путь в западню. Значит, единственная наша надежда — если у нас еще осталась надежда — таится в неожиданном для Врага решении. Путь к Ородруину — вот наш путь. Кольцо должно быть предано Огню.

Зал совещаний затопила тишина. За окном весело сияло солнце, под берегом мирно журчала река, но Фродо почувствовал, как черный страх ледяными щупальцами сжал его сердце. Ему показалось, что Боромир шевельнулся, и он с надеждой посмотрел на гондорца. Тот рассеянно играл охотничьим рогом и хмурился. Потом решительно сказал:

— Я не понимаю, чего вы боитесь. Да, Саруман оказался предателем, но ведь глупцом никто из вас его не считает. Почему вы думаете, что Вражье Кольцо можно лишь спрятать или уничтожить? Раз уж оно очутилось у нас, надо обратить его против хозяина. Свободным Витязям Свободного Мира оно поможет сокрушить Врага. Именно этого он и боится!

Народ Гондора покорить невозможно, но нам угрожает поголовное истребление. Отважный спешит серьезно вооружиться, когда ему предстоит решительный бой. Пусть же Кольцо будет нашим оружием, если в нем скрыта столь грозная мощь!

— Светлые Силы, — возразил Элронд, — не могут использовать Кольцо Всевластья. Нам это слишком хорошо известно. Его изготовил Черный Властелин, чтобы осуществить свои черные замыслы. В нем скрыта огромная мощь, Боромир, так что и владеть им может лишь тот, кто наделен поистине великим могуществом. Но Могучим оно особенно опасно. Вспомни — Саруман Бе-

лый переродился, едва он решил завладеть Кольцом. Мы знаем, что если кто-нибудь из Мудрых одолеет Саурона с помощью Кольца, то неминуемо воссядет на его трон и сам переродится в Черного Властелина. Это еще одна важная причина, почему Кольцо необходимо уничтожить, ибо, покуда оно существует, опасность проникнуться жаждой всевластья угрожает даже Мудрейшим из Мудрых. Перерождение всегда начинается незаметно. Саурон Черный не родился злодеем. Я боюсь взять Вражье Кольцо на хранение. И никогда не воспользуюсь им в борьбе.

— Я тоже, — твердо сказал Гэндальф.

В глазах Боромира промелькнуло недоверие, но потом он горестно опустил голову.

— Да будет так, — проговорил он. — Значит, нам, гондорским воинам, надо полагаться лишь на собственное оружие. Пока Мудрые охраняют Кольцо Всевластья, мы будем сдерживать Вражье воинство. И, быть может, Сломанный Меч Элендила превратится в проклятие для врагов Гондора... если тот, кто его унаследовал, унаследовал не только Сломанный Меч.

— Настанет день, — сказал Арагорн, — когда мы проверим это в бою.

— Надеюсь, он настанет не слишком поздно, — мрачно нахмурившись, обронил Боромир. — Мы не просим помощи, но она нужна нам. И еще — нас очень поддержит уверенность, что с Врагом боремся не только мы...

— Будьте уверены, что это так, — спокойно сказал Боромиру Элронд. — В Средиземье много могучих сил, о которых не знают жители Гондора. И все они борются с общим Врагом.

— Но было бы хорошо, — вмешался Глоин, — если б эти разрозненные силы объединились. Другие Кольца — не столь опасные — могли бы помочь нам в борьбе с Врагом. Семь, к несчастью, потеряны для гномов... хотя Балин, уходя в Казад-Дум, надеялся, что отыщется Кольцо, принадлежавшее Трору.

— Напрасная надежда, — проговорил Гэндальф. — Кольцо перешло к его сыну Трэйну, но внук Трора, Торин, Кольца не получил: его отняли у Трэйна в Дул-Гулдуре, и я думаю, что тут не обошлось без попыток...

— Проклятые чародеи! — воскликнул Глоин. — Когда же мы им за все отмстим? — Потом, немного помолчав, добавил: — Но Тремя-то Враг завладеть не сумел? Тремя Магическими Кольцами эльфов? Говорят, это очень могущественные Кольца. Они ведь тоже изготовлены Сауроном, но Владыки эльфов не страшатся их лиходеяства. Так нельзя ли с их помощью обуздать Врага?

— Разве ты не понял меня, гном Глоин? — после долгого молчания спросил Элронд. — Не Враг выковал Кольца эльфов. Он их даже ни разу не видел. Кольца эльфов подвластны лишь эльфам. Но они бессильны на поле сражения. С их помощью нельзя убивать и обуздывать: они помогают познавать мир, творить добро и сдерживать зло, зародившееся в сердцах жителей Средиземья, когда здесь начались Войны за власть. С тех пор как Враг лишился Кольца, нам удавалось противостоять Злу, но, если он завладеет им снова, ему откроются все наши помыслы, и мы утратим свободную волю, а Темные Силы станут непобедимыми — именно к этому стремится Враг.

— Но скажи, — спросил у Элронда Глоин, — тебе известно, как изменится мир, когда исчезнет Кольцо Всевластья?

— Неизвестно, — с грустью ответил Элронд. — Некоторые надеются, что Три Кольца, к которым никогда не притрагивался Враг, помогут залечить кро-

вавые раны, нанесенные миру во время войны... но боюсь, что эти надежды не оправдаются. Я думаю, что, уничтожив Кольцо Всевластья, мы уничтожим силу остальных, и чудесная магия нынешнего мира сохранится лишь в сказочных преданиях о прошлом...

— Однако эльфы, — сказал Всеславур, — все же готовы уничтожить Кольцо, чтобы навеки разделаться с Врагом.

— Значит, получается, — заключил Эрестор, — что у нас есть только одна дорога — и она заведомо никуда не ведет. Нам не добраться до Огненной горы. Элронд мудр, мы все это знаем, и единственную дорогу, ведущую к победе, никто не назовет дорогой безрассудства... но вместе с тем она неодолима, и нас неминуемо ждет поражение.

— Поражение неминуемо ждет лишь того, кто отчаялся заранее, — возразил Гэндальф. — Признать неизбежность опасного пути, когда все другие дороги отрезаны, — это и есть истинная мудрость. Поход в Мордор кажется безрассудным? Так пусть безрассудство послужит нам маскировкой, пеленой, застилающей глаза Врагу. Ему не откажешь в лиходейской мудрости, он умеет предугадывать поступки противников, но его сжигает жажда всевластья, и лишь по себе он судит о других. Ему наверняка не придет в голову, что можно пренебречь властью над миром, и наше решение уничтожить Кольцо — поход в Мордор — собьет его с толку.

— Я тоже думаю, — проговорил Элронд, — что поначалу он не поймет, в чем дело. Дорога на Мордор очень опасна, но это единственный путь к победе. У себя дома Саурон всемогущ, так что тому, кто отправится в Мордор, ни сила, ни мудрость не даст преимуществ — тайна, вот что здесь самое важное, и, быть может, эту великую миссию слабый выполнит даже успешней, чем сильный, ибо сильный не привык таиться от опасностей, а борьба с Врагом приведет его к гибели. Слабые не раз преображали мир, мужественно и честно выполняя свой долг, когда у сильных не хватало сил.

— Мне все понятно, — сказал вдруг Бильбо, — можешь не продолжать, досточтимый Элронд. Я начал эту злополучную историю, и мой долг призывает меня с ней покончить. Мне очень хорошо жилось у эльфов, а мой труд, как я думал, был близок к завершению. Мне казалось, что скоро я смогу написать: *и с тех пор он жил счастливо до конца своих дней*. По-моему, это замечательная концовка, хотя ее трудно назвать необычной. Но теперь она, вероятно, изменится или в лучшем случае отодвинется, потому что Книга станет длиннее. Жаль!.. Так когда мне надо выходить?

Боромир с изумлением посмотрел на Бильбо, однако сдержал невольную усмешку, заметив, что другие участники Совета выслушали хоббита серьезно и уважительно.

— Да, мой друг, — проговорил Гэндальф, — если б ты начал эту историю, тебе пришлось бы ее закончить. Однако летописцу должно быть известно, что в одиночку начать историю невозможно: даже самый великий и могучий герой способен внести лишь крохотный вклад в историю, которая изменяет мир. Не надо смущаться. Мы все понимаем, что за шуткой ты скрыл мужественный порыв. Но такая миссия тебе не по силам. Ты не сможешь пробраться к Огненной горе. А главное, у Кольца теперь новый Хранитель. Так что не меняй концовку в Книге. И будь готов написать продолжение, когда смельчаки вернутся

назад.

— Вот уж чего я от тебя не слышал, так это совета пожить спокойно! — с досадливым облегчением воскликнул Бильбо. — Твои прежние советы оказывались мудрыми — боюсь, не оказался бы сегодняшней глупым... А если говорить серьезно и откровенно, то нет у меня ни сил, ни удачливости, чтобы снова взять Кольцо на хранение. Его лиходейское могущество возросло, а я-то чувствую себя старым и слабым. Но скажи — кого ты назвал смельчаками?

— Тех, кто отправится с Кольцом в Мордор.

— Не разговаривай со мной, будто я несмышлениш! Кого именно ты имел в виду? По-моему, это, и только это, нужно решить на сегодняшнем Совете. Я знаю — эльфов хлебом не корми, только дай им вволю поговорить, а гномы привыкли терпеть лишения и могут неделями обходиться без пищи, но я-то всего лишь пожилой хоббит, и у меня от голода уже кружится голова. Так давайте назовем имена смельчаков — или сделаем перерыв на обед!

Бильбо умолк, и настала тишина. Никто из гостей не проронил ни слова. Фродо обвел взглядом собравшихся, но никто не поднял на него глаза: все молчали и смотрели в пол, предаваясь собственным мрачным раздумьям. Его охватил леденящий страх — он вдруг понял, что сейчас поднимется и самому себе произнесет приговор. Неужели же ему нельзя отдохнуть, нельзя спокойно пожить в Раздолье? Здесь Бильбо, здесь так покойно и уютно...

— Я готов отнести Кольцо, — сказал он, — хотя и не знаю, доберусь ли до Мордора.

Элронд внимательно посмотрел на Фродо.

— Насколько я понимаю, — проговорил он, — именно тебе суждено это сделать, и если ты не проберешься в Мордор, то Завеса Тьмы сомкнется над Средиземьем. От слабых невысокликков из мирной Хоббитании зависит судьба средиземного мира — перед ними падут могучие крепости, а Великие придут к ним просить совета... если бремя, которое ты берешь на себя, в самом деле окажется тебе по силам.

Ибо это тяжкое бремя, Фродо. Столь тяжкое, что никто не имеет права взваливать его на чужие плечи. Но теперь, когда ты выбрал свою судьбу, я скажу, что ты сделал правильный выбор.

— Но вы ведь не пошлете его одного? Ведь не пошлете, правда же, господин Элронд? — закричал вдруг Сэм и, не в силах сдержаться, выскочил из своего укромного уголка, куда он проюркнул перед началом Совета и где до сих пор тихохонько сидел на полу.

— Конечно, нет, — отозвался Элронд, с улыбкой повернувшись к встревоженному Сэму. — Ты его обязательно будешь сопровождать. Разве мы можем разлучить тебя с Фродо, если ты ухитрился пробраться за ним даже на секретный Совет Мудрых?

Сэм покраснел и поспешно спрятался.

— Эх, господин Фродо, — пробормотал он, — зря мы ввязались в эту страшную свистопляску! — Потом сокрушенно покачал головой и снова сел на пол.

Глава III Путь на юг

Вечером хоббиты собрались у Бильбо и устроили собственное секретное совещание. Мерри с Пином были возмущены, когда узнали о проделке Сэма.

— Где же справедливость? — негодовал Пин. — Этого пройдоху не выгнали из зала, не заковали в цепи за наглое самозванство, а наградили, и он отправится с Фродо!

— Наградили! — грустно усмехнулся Фродо. — Скажи уж — приговорили к страшному наказанию. Подумай, можно ли считать наградой поход в Мордор, да еще и с Кольцом! А я-то надеялся, что у меня его заберут и мне удастся отдохнуть в Раздоле.

— Да, гостить у эльфов приятней, чем тащиться в Мордор, — согласился Мерри. — Но мы ведь завидуем не тебе, а Сэму. Раз уж ты взялся за это дело, для нас не придумаешь худшего наказания, чем отпустить тебя в поход одного. Часть пути мы одолели вместе — надо вместе его и закончить.

— Я тоже так считаю, — вмешался Пин. — Нам, хоббитам, нельзя разлучаться. Если меня не запрут в темницу, я обязательно пойду с Фродо. Ведь нужно же, чтобы его сопровождал хотя бы один благоразумный спутник!

— Для этой-то роли ты никак не подходишь, — проговорил Гэндальф, заглянув в окно: Бильбо жил на первом этаже. — Но вы слишком рано начали волноваться, ибо пока еще ничего не решено.

— Ничего не решено? — переспросил его Пин. — Так что же вы делали на вашем Совете?

— Говорили и слушали, — объяснил ему Бильбо. — Каждый рассказывал то, что он знает, и узнавал то, что ему неизвестно. Все слушали друг друга с открытыми ртами. Между прочим, даже всеведущий Гэндальф услышал неожиданную для него весть — о бегстве Горлума, — да не подал виду.

— Ты ошибаешься, — возразил Гэндальф, — мне эту новость сообщил Ветробой. Если хочешь знать, то с открытыми ртами сидели на Совете лишь Бильбо да Фродо, а я *ничего* нового не услышал.

— Ничего так ничего, — согласился Бильбо, понимая, что с Гэндальфом спорить бесполезно, — но на Совете весь день говорили и слушали, а решили только про Фродо и Сэма. Бедняги, им выпала суровая доля... впрочем, они ее выбрали сами. Я предвидел, что так и должно случиться, если меня не отпустят в Мордор. Но могу по секрету сказать вам, друзья, что не им одним суждена эта доля: с Кольцом отправится большая группа — как только разведчики возвратятся в Раздол. Они уже ушли на разведку, Гэндальф?

— Некоторые ушли, — ответил маг. — Некоторые собираются и уйдут утром. Им вызвались помочь следопыты-северяне и эльфы Трандуила из Северного Лихолесья. Вы отправитесь после возвращения разведчиков, так что Фродо еще успеет отдохнуть.

— Вот-вот, и потащимся мы в Мордор зимой, — с мрачным неодобрением пробурчал Сэм.

— Что ж, придется, — заметил Бильбо, — ведь тут отчасти виноват и Фродо — зачем он ждал моего дня рождения? Между прочим, он странно его отпраздновал. Неужели он думал меня порадовать, когда отдавал в этот день мой дом вздорным занудам Лякошель-Торбинсам? Как бы то ни было, сделанное — сделано, дожидаться весны не позволяет обстановка, а уходить до возвращения разведчиков — глупо.

Когда сквозь муть осенних слез

*Оскалится мороз,
Когда ясна ночная стужа,
В глуши опасен путь.*

Но неразведанный путь гораздо опасней.

— Боюсь, что Бильбо прав, — сказал Гэндальф. — Мы должны выяснить, где сейчас Всадники.

— Так они уцелели? — спросил его Мерри.

— Их не уничтожишь, — ответил Гэндальф, — пока не уничтожен их Властелин. Надеюсь, им пришлось вернуться восвояси — без коней в нашем мире они бессильны, — но это обязательно надо проверить. А пока забудь свои страхи, Фродо. Не знаю уж, будет от меня прок или нет, однако я думаю, что пойду с тобой в Мордор, ибо, как здесь было правильно сказано, тебе необходим благоразумный спутник.

Фродо охватила буйная радость, которую он не захотел скрывать, так что довольный Гэндальф снял шляпу, церемонно поклонился, но при этом добавил:

— Заметь, я лишь *думаю*, что отправлюсь с тобой. Окончательно мы еще ничего не решили. Неизвестно, что скажут Элронд и Арагорн. Кстати, мне нужно повидаться с Элрондом. — Гэндальф надел свою шляпу и ушел.

— Как ты считаешь, — спросил Фродо у Бильбо, — сколько времени мне придется ждать?

— Не знаю, — откровенно признался Бильбо. — Здесь ведь почти не замечаешь времени. Но разведчикам предстоит нелегкая дорога, так что едва ли ты уйдешь скоро. Мы успеем до этого вволю наговориться. А ты не хочешь помочь мне с Книгой? Мы закончим ее и начнем твою. Скажи, тебе еще не приходило в голову, чем твоя Книга должна завершиться?

— Приходило, — мрачно ответил Фродо. — И ничего хорошего я об этом не думаю.

— Ну что ты, мой друг! — воскликнул Бильбо. — Книги *обязаны* хорошо кончаться. Как тебе нравится такой вот конец: *с тех пор они больше никогда не расставались, и счастливей их не было никого на свете.*

— Да, это замечательная концовка, — согласился Фродо. И грустно добавил: — Только не очень-то я в нее верю.

Хоббиты обсудили путешествие к эльфам и попытались угадать, какие опасности встретятся Фродо на пути в Мордор. Однако целительный покой Раздола вскоре развеял их тревожные мысли. Будущее по-прежнему казалось им мрачным, и все же оно не омрачало настоящего, а радость жизни укрепляла их веру в счастливое завершение опасного похода, — хоббиты радовались каждому дню, проведенному среди гостеприимных эльфов, каждой трапезе и каждой песне, услышанной в уютном Каминном зале.

Дни незаметно уходили в прошлое, и на смену осени подступала зима. Ветерок, подувающий с Мглистых гор, постепенно наливался знобящим холодом, сухо шуршала облетающая листва, и выцветала серебристая синева неба. В белесом блеске полной луны чуть заметно мерцали ночами звезды, но на юге, почти что у самой земли, до рассвета сверкала багровая звезда, и лунный блеск не мог ее пригасить — она заглядывала в комнату Фродо, словно кровавый, всевидящий глаз.

Хоббиты прожили в Раздоле два месяца, и к началу декабря, когда кончилась осень, группы разведчиков стали возвращаться. Одни из них обследовали северные земли — верховья Буйной, Троллистое плато и Серые горы у истоков Андуина; другие спустились по Бесноватой и Серострую к давно разрушенной крепости Тарбад, чтоб узнать обстановку на Сирых Равнинах; третьи перевалили Мглистый хребет, прошли вдоль Андуина до Ирисной Низины и вернулись к Бесноватой через горный перевал, который зовется Черноречным Каскадом; четвертые прошли по Восточному Тракту и потом, осторожно продвигаясь на юг, исследовали западные окраины Лихолесья вплоть до Чародейских Дебрей Дул-Гулдура. Последними возвратились сыновья Элронда — они побывали в Глухоманной Пустоши и на Бурых Равнинах к востоку от Андуина, — но рассказали о своем путешествии лишь отцу.

Разведчики нигде не обнаружили Всадников — даже ни разу не слышали о них. Не видели Всадников и Великие Орлы, могучие союзники Радагаста Карего. Горлум тоже бесследно исчез, а на севере рыскали стаи волколаков. Три утонувших черных коня были найдены в реке Бесноватой, у Переправы, и еще пять трупов — чуть ниже, на перекатах; там же, прижатые течением к утесу, мокли в воде изодранные плащи.

— По крайней мере восьмерых из Девятки Бесноватая спешила, — рассуждал Гэндальф. — Можно надеяться, что Призрачные прислужники на какое-то время потеряли силу и вернулись в Мордор бесформенными призраками; но полной уверенности у меня нет.

Если же это действительно так, то они не помешают нашему походу, ибо не скоро появятся опять. У Врага, разумеется, много прислужников, но им, чтоб узнать, куда мы отправились, придется тайно пробираться к Раздолу — тайно, ибо дунаданцы не дремлют, — и тут разыскивать наши следы; а мы постараемся не оставить следов. Однако медлить больше нельзя, надо выступить не откладывая, сейчас же.

Элронд призвал хоббитов к себе.

— Время настало, — объявил им он. — Хранителю Кольца пора выступать. Но теперь ему необходимо помнить, что помощи он в дороге не получит: мы будем слишком далеко от него. — Элронд внимательно посмотрел на Фродо и серьезно спросил: — Ты не передумал? Ибо принуждать тебя мы не вправе.

— Нет, — сказал Фродо. — Я пойду. С Сэмом.

— Даже совета я не смогу тебе дать, — немного помолчав, проговорил Элронд. — Завеса Тьмы с каждым днем расширяется, она доползла почти до Сероструя, а затемненные земли скрыты от меня, я не в силах предугадать твой будущий путь и не знаю, как ты доберешься до Мордора. Множество тайных и открытых врагов будут встречаться тебе на пути, но помни — даже во владениях Саурона Хранитель Кольца может встретить друзей. Мы разошлем о тебе сообщения всем союзникам Совета Мудрых, но я не уверен, что мои гонцы проберутся через страны, охваченные войнами.

Мы найдем тебе нескольких надежных спутников, но их должно быть очень немного, ибо успех твоего похода зависит только от быстроты и скрытности.

Всего вас будет девять Хранителей — ровно столько же, сколько Призра-

ков-назгулов. Кроме твоего преданного Сэма, тебя отправится сопровождать Гэндальф, и, быть может, в этом труднейшем походе завершатся его великие труды.

Остальных спутников тебе предоставят Свободные Народы Свободного Мира — эльфы, гномы и люди. От эльфов вызвался идти Леголас, от гномов — Гимли, а от людей — Арагорн.

— Бродяжник? — радостно воскликнул Фродо.

— Он самый, — с улыбкой откликнулся Арагорн. — Ты ведь не откажешься от моего общества?

— Я думал, — взволнованно сказал ему Фродо, — что ты уходишь помогать гондорцам, и не смел попросить тебя отправиться с нами.

— Ухожу, — спокойно подтвердил Арагорн. — Но пока мы не достигнем южных земель, нас ждет одна и та же дорога — много сотен лиг мы одолеем вместе. Боромир тоже отправится с нами — он опытный путешественник и храбрый воин.

— Нужны еще двое, — заметил Элронд. — В Раздоле найдется немало охотников...

— А мы? — горестно воскликнул Пин. — Значит, получается, что нас не возьмут? Мы тоже хотим сопровождать Фродо!

— Вы не понимаете, — отозвался Элронд, — просто не можете себе представить, какие воистину губительные опасности ждут Фродо на пути в Мордор.

— Да и Фродо знает не больше, чем они, — неожиданно поддержал хоббитов Гэндальф. — И никто из нас этого как следует не знает. Ясно, что, если бы наши дружные хоббиты понимали, *какие* им предстоят испытания, они не решились бы отправиться в путь. Но горько проклинали бы свою нерешительность, ибо они преданные друзья Фродо. А в этом походе их верная преданность окажется важнее могущества и мудрости. Надеюсь, ты знаешь не хуже меня, что даже великий витязь Всеславур не сможет одолеть в единоборстве Врага или силой пробиться к Ородруину.

— Ты прав, — неохотно согласился Элронд. — Но Хоббитании тоже угрожает опасность, и вот я хотел, чтобы наши хоббиты предупредили об этом своих земляков. И, уж во всяком случае, Перегрин Крол слишком юн для такого путешествия. Я не могу отпустить его в Мордор.

— Тогда прикажи взять меня под стражу, иначе я все равно убегу, — сказал Пин.

Элронд посмотрел на него и вздохнул.

— Что ж, придется отпустить и тебя, — с грустной улыбкой проговорил он. — Значит, Отряд Хранителей набран. Через семь дней вы отправитесь в путь.

Эльфы-кузнецы перековали Нарсил и выбили на его клинке эмблему — семь звезд между узким полумесяцем и солнцем, — ибо Арагорн, сын Арахорна, прямой потомок королей Нуменора, отправлялся защищать Гондорское княжество. Грозно выглядел обновленный меч: днем, вынутый из темных ножен, он сверкал на солнце, словно раскаленный, а ночью, в холодном свете луны, отливал сумрачным, льдистым блеском. Арагорн дал ему новое имя — Андрил, что значит Возрожденная Молния.

Арагорн с Гэндальфом, готовясь к походу, изучали древние карты Средизе-

мья и подробные летописи прежних эпох, издавна хранящиеся в Замке Элронда. Случалось, что к ним присоединялся и Фродо; но больше времени он проводил с Бильбо, целиком положившись на мудрость спутников.

Вечерами хоббиты собирались все вместе и, сидя в уютном Каминном зале, слушали древние предания эльфов, а днем, покуда Мерри и Пин бродили по приуспнувшему зимнему парку, Фродо с Сэмом сидели у Бильбо, и он читал им свои стихи или отрывки из незаконченной книги.

Утром за день до выступления в путь Фродо один забежал к Бильбо, и тот, плотно притворив дверь, выдвинул из-под кровати деревянный сундучок, открыл крышку и вынул меч в сильно потертых кожаных ножнах.

— Твой меч сломался, — сказал старый хоббит, — и я сохранил его, чтоб отдать на перековку, да вовремя не отдал, а теперь уже поздно: за один день меч не восстановят даже искусные кузнецы Раздола. Так, может, тебе подойдет вот этот? — Бильбо вытащил меч из ножен, и его искусно отполированный клинок озарил комнату холодным блеском. — Меня он часто спасал от гибели. Но сейчас тебе он нужнее, чем мне.

Фродо с благодарностью принял меч.

— И вот еще что я хочу тебе подарить.

Бильбо бережно вынул из сундучка небольшой, но явно увесистый сверток, и, когда он размотал серую тряпицу, Фродо увидел кольчужную рубаху, скованную из матово-серебристых колец, — тонкая, однако плотная и прочная, она была украшена прозрачными самоцветами, а пояс к ней поблескивал светлыми жемчужинами.

— Красивая, правда? — проговорил Бильбо, подойдя с кольчужой поближе к окну. — И очень полезная, можешь не сомневаться. Мне подарил ее некогда Торин, да теперь-то она едва ли мне пригодится — разве что как память о моем путешествии. В руках она кажется довольно тяжелой, но надень ее — и ты не почувствуешь ее веса.

— Да ведь я... По-моему, я буду в ней выглядеть... немного странно, — отозвался Фродо.

— То же самое подумалось и мне, — сказал Бильбо, — когда я увидел ее впервые. Носи ее под одеждой, только и всего. Никто, кроме нас, о ней не узнает. Да-да, не говори про нее никому! Я надеюсь... — Бильбо огляделся по сторонам и, наклонившись к Фродо, шепотом закончил: — ...что ее не пробьешь никаким оружием — даже кинжалом Черного Всадника.

— Тогда я возьму ее, — решил Фродо. Он надел кольчугу, как советовал Бильбо, под куртку, а сверху накинул плащ, так что не было видно и меча.

— Никто не догадается, — заметил Бильбо, — что ты надежно защищен и вооружен. Остается пожелать вам счастливого пути... — Он резко отвернулся, выглянул в окно и запел какую-то веселую песенку.

Но этот маневр не обманул Фродо: он видел, что Бильбо глубоко огорчен расставанием со всеми своими земляками.

— Я не знаю, как мне тебя благодарить...

— А-а, чепуха, — сказал ему Бильбо и дружески хлопнул его по плечу. — Вот это плечи! — проворчал он, трясая ушибленной об кольчугу ладонью. Потом, после паузы, серьезно добавил: — Хоббиты должны помогать друг другу. А мы к тому же еще и родственники. Так что нечего меня благодарить... Обещай мне вести себя в походе благоразумно и запоминать предания чужедаль-

них народов — а я постараюсь закончить Книгу. Может, у меня еще хватит времени, чтобы описать и твои приключения. — Он снова умолк, отошел к окну и принялся вполголоса напевать:

*Пылает солнце за окном,
А в комнате — очаг;
Я вспоминаю о былом,
О светлых летних днях,*

*Которые навек ушли,
Как те цветы в полях,
Что летом весело цвели,
А осенью их прах*

*Развевали ветерки
Над палюю листвой,
И паутинки стерегли
Ее шуршащий слой...*

*О жизни думаю былой —
И о цветенье лет,
Когда очередной зимой
Снега засыплют след*

*Моих прижизненных забот
И прерванных затей,
А мир ворота распахнет
Для будущих людей.*

*Я вспоминаю о былом,
Но сердцем — у дверей,
С надеждой встретить за углом
Вернувшихся друзей.*

Декабрьский день был холодным и хмурым. Голые ветви парковых деревьев гнулись под напором восточного ветра, а вдали, на северных склонах долины, заунывно шумел сосновый лес. По низкому, придавленному к земле небу торопливо ползли тяжелые тучи.

Хранители собирались уйти наутро, но Элронд посоветовал им выступить вечером и пробираться под прикрытием ночной темноты, пока они не уйдут далеко от Раздола.

— У Саурона, — сказал он, — много прислужников — четвероногих, двуногих и даже крылатых. Назгулы наверняка уже вернулись к хозяину, так что он знает об их поражении и его терзает ядовитая ярость. На север, конечно же, посланы соглядатаи. Птицы, как известно, летают быстро, поэтому берегитесь ясного неба!

Хранители взяли с собою в дорогу только легкое военное снаряжение — их главным оружием была скрытность. У Арагорна, скитальца пограничного Глухоманья, под выцветшим буровато-зеленым плащом висел на поясе возрожденный Андрил — другого оружия он брать не стал. У Боромира был меч, напоминающий Андрил — тоже из Нуменора, но не такой прославленный, — легкий щит и рог на перевязи. Он протрубил в рог, и над притихшей долиной

раскатилось могучее бархатистое эхо, заглушившее рокот отдаленного водопада, журчание реки внизу под обрывом и свист ветра в обнаженных ветвях.

— Да рассеются союзники проклятого Саурона! — воскликнул гондорец, опуская рог.

— А теперь спрячь свой рог, Боромир. Он не скоро понадобится тебе еще раз, — веско сказал Боромиру Элронд. — Надеюсь, ты и сам понимаешь — почему?

— Понимаю, конечно, — ответил Боромир. — И в пути я готов таиться от шпионов. Но *начинать* поход по-воровски, крадучись, мне не позволяет воинская гордость.

Гимли, единственный из Отряда Хранителей, открыто облачился в кольчужную рубаху; а за пояс он заткнул боевой топор. У Леголаса был лук, колчан со стрелами и прикрепленный к поясу длинный кинжал; у Фродо — Терн (про кольчугу Торина он решил не говорить своим спутникам); у остальных хоббитов — мечи из Могильника. Гэндальф взял свой Магический Жезл и меч Яррист, изготовленный эльфами.

Элронд дал им теплую одежду — куртки и плащи, подбитые мехом; провизию, запасную одежду и одеяла они погрузили во вьюках на пони — это был тот самый престарелый пони, с которым они удирали из Пригорья.

Но теперь его трудно было узнать: он казался помолодевшим лет на пятнадцать. Сэм настоял, чтобы в новое путешествие взяли их верного старого помощника, сказав, что Билл (так он звал пони) зачахнет, если останется в Раздоле.

— Это ж до изумления умная скотинка. Проживи мы тут месяца на два подольше, и он заговорил бы, — объявил Сэм. — Да он и без слов сумел объяснить мне — не хуже, чем Перегрин Владыке Раздола, — что, если его не заключат под стражу, он все одно побежит за нами.

В самом деле, тяжело нагруженный Билл, судя по его довольному виду, с легким сердцем отправлялся в поход — не то что другие спутники Фродо, которых томили тяжкие предчувствия, хотя уходили они налегке.

Распростившись с эльфами в Каминном зале, Хранители вышли на восточную веранду и теперь ждали задержавшегося Гэндальфа. С востока подползали студёные сумерки; теплые отсветы каминного пламени золотили окна Замка. Бильбо, зябко кутаясь в плащ, стоял рядом с Фродо и грустно молчал. Арагорн понуро сидел на ступеньках — лишь Элронд догадывался, какие мысли одолевали бесстрашного странника Глухоманья. Сэм, почесывая Биллу лоб, бездумно смотрел в темную пустоту — туда, где под обрывом, на каменных перекатах, глухо рычал бесноватый Бруинен.

— Билл, дружище, — пробормотал он, — по-моему, зря ты с нами связался. Жил бы себе здесь и горюшка не знал... жевал бы душистое раздольское сено... а там, глядишь, пришла бы весна... — Но Билл ничего не ответил хоббиту.

Сэм поправил вещевого мешок и принялся вспоминать, все ли он взял: котелки, чтоб готовить на привалах еду (мудрые-то, они про это не думают), коробочку с солью (никто ведь не позаботится), хоббитанский табак (эх, мал запасец!), несколько пар шерстяных носков (главное в дороге — теплые ноги) и разные мелочи, забытые Фродо, но аккуратно собранные заботливым Сэмом, чтобы, когда они вдруг понадобятся, вручить их с торжественной гордостью

хозяину (как так забыли — а Сэм-то на что?). Ну, кажется, ничего не упустил...

— А веревка-то! — неожиданно припомнил он. — Эх, растяпа, не взял веревку! И ведь я вчера еще себе говорил: «Сэм, обязательно захвати веревку, она наверняка понадобится в пути!» Наверняка. Но придется обойтись без веревки. Потому что где ее сейчас добудешь?

Вскоре на веранде появился Гэндальф; его сопровождал Владыка Раздола.

— Сегодня, — негромко проговорил Элронд, — Хранитель Кольца отправляется в дорогу — начинает Поход к Роковой горе. Выслушайте мое последнее напутствие. Он один отвечает за судьбу Кольца и, добровольно взяв на себя это бремя, не должен выбрасывать Кольцо в пути или отдавать его слугам Врага. Он может на время доверить Кольцо только Мудрецу из Совета Мудрых или другому Хранителю — только им! — да и то лишь в случае крайней нужды. Однако Хранители не связаны клятвой, ибо никто не способен предугадать, какие испытания ждут их в пути и по силам ли им дойти до конца. Помните — чем ближе вы подступите к Мордору, тем труднее вам будет отступить, а поэтому...

— Тот, кто отступает, страшась испытаний, зовется отступником, — перебил его Гимли.

— А тот, кто клянется, не испытав своих сил, и потом отступает от собственной клятвы, зовется клятвопреступником, — сказал Элронд. — Лучше уж удержаться от легкомысленных клятв.

— Клятва может укрепить слабого...

— Но может и сломить, — возразил Элронд. — Не надо загадывать далеко вперед. Идите, и да хранит вас наша благодарность! Пусть звезды ярко освещают ваш путь!

— Счастливо... счастливого пути! — крикнул Бильбо, запинаясь от волнения и знобкой дрожи. — Вряд ли ты сможешь вести дневник... Фродо, друг мой... но когда ты вернешься... а я уверен, что ты вернешься... ты поведаешь мне о своих приключениях, и я обязательно закончу Книгу... Только возвращайся поскорей! До свидания!

Многие подданные Владыки Раздола провожали в дальнюю дорогу Хранителей. Слышались мелодичные голоса эльфов, желающих Отряду доброго пути, но никто не смеялся, не пел песен — проводы получились довольно грустные.

Путники перешли по мостику Бруинен — здесь, у истоков, он был еще узким — и начали подыматься на крутой склон, замыкающий с юга раздвоенную долину, в которой издавна жили эльфы. Поднявшись к холмистой вересковой равнине, они окинули прощальным взглядом мерцающий веселыми огоньками Раздол — Последнюю Светлую Обитель — и углубились в ветреную ночную тьму.

Хранители дошли по Тракту до Переправы и тут круто свернули на юг. Перед ними расстилалась изрытая оврагами, поросшая вереском каменистая равнина, ограниченная с востока Мглистым хребтом; если б они пересекли хребет, а потом спустились к руслу Андуйна, то быстрее достигли бы южных земель, ибо долина Великой Реки славилась плодородием и удобными дорогами. Но именно поэтому соглядатаи Саурана наверняка стерегли приречные

пути; а продвигаясь к югу по западной равнине, отделенной от Андуйна Мглистым хребтом, путники надеялись остаться незамеченными.

Впереди Отряда шел Гэндальф Серый; по правую руку от него — Арагорн, превосходно знавший западные равнины, так что темнота не была ему помехой; за ними шагали остальные путники; а замыкал шествие эльф Леголас, который, как и все лихолесские эльфы, ночью видел не хуже, чем днем. Сначала поход был просто утомительным, и Фродо почти ничего не запомнил — кроме ледяного восточного ветра. Этот ветер, промозглый, пронизывающий до костей, неизменно дул из-за Мглистых гор, так что Фродо, несмотря на теплую одежду, постоянно чувствовал себя продрогшим — и ночью, в пути, и днем, на отдыхе.

По утрам, когда непроглядный мрак сменялся серым бессолнечным сумраком, путники находили место для отдыха и забирались под колючие ветви падуба — заросли этих низкорослых кустов, словно островки, чернели на равнине — или прятались в каком-нибудь овраге. Вечером, разбуженные очередным часовым, они вяло съедали холодный ужин и, сонные, продрогшие, отправлялись в путь.

Хоббиты не привыкли к таким путешествиям, и утрами, когда зачинался рассвет, у них от усталости подкашивались ноги, но им казалось, что они не двигаются, а из ночи в ночь шагают на месте: унылая, изрезанная оврагами равнина с островками колючих зарослей падуба не менялась на протяжении сотен лиг. Однако горы подступали все ближе. Мглистый хребет сворачивал к западу, и теперь они шли по предгорному плато, рассеченному трещинами черных ущелий и отвесными стенами высоких утесов. Извилистые, давно заброшенные тропы часто заводили Хранителей в тупики — то к обрыву над бурным пенистым потоком, то к сухой, но широкой и глубокой расселине, то к пологому спуску в бездонную трясиину.

* * *

На четырнадцатую ночь погода изменилась. Восточный ветер ненадолго стих, а потом устойчиво потянул с севера. Тяжелые тучи к рассвету рассеялись, прозрачный воздух стал морозней и суше, а из-за Мглистых гор выплыло солнце — громадное, но по-зимнему неяркое и холодное. Путники подошли к гряде холмов, поросших могучими горными дубами — казалось, что их черно-серые стволы вырублены в древние времена из гранита.

На юге, преграждая Отряду дорогу, высился гигантский горный хребет с тремя особенно высокими пиками в серебрящихся шапках вечных снегов. Фродо внимательно рассматривал горы; к нему неслышно подошел Гэндальф и, приложив ладонь козырьком ко лбу, глянул на далекий заснеженный хребет.

— Здесь начинаются земли Остранны, или, как называли ее люди, Дубровы, — опустив руку, сказал он Фродо. — В Остранне некогда жили эльфы, но эти времена давно миновали. Птица, летящая из Раздола в Остранну, должна одолеть лишь сорок пять лиг. Но если двигаться пешком, как мы, то надо пройти лиг двести — триста. В Остранне и климат гораздо лучше, и земля плодородней, чем на северных равнинах, но теперь нам придется удвоить осторожность: сюда наверняка посланы соглядатаи.

— За один по-настоящему солнечный день я согласен даже учетверить осторожность! — откидывая капюшон, воскликнул Фродо.

— А впереди-то горы, — вмешался Пин. — Должно быть, ночью мы свернули к востоку.

— Не было этого, — возразил Гэндальф. — В солнечную погоду просто дальше видно, вот почему ты увидел горы. Мглистый хребет у границ Остранны плавно сворачивает на юго-запад. Ты что же — ни разу не заглянул в карту, пока мы гостили у Владыки Раздола?

— Почему не заглянул? — обиделся Пин. — Я заглядывал, можно даже сказать — изучал. Но у меня плохая зрительная память. Зато наш Фродо наверняка все помнит!

— Нам не понадобится никаких карт, — сказал подошедший к хоббитам Гимли. Он взволнованно смотрел на далекие горы. — Ведь это владения моих предков. Вон они, овеванные легендами вершины — заснеженные Зирак, Бараз и Шатхур!

Я видел их, да и то издалека, только раз, но они хорошо мне знакомы. Им посвящено множество легенд, а их изображения — в металле и камне — не раз создавали наши мастера. Ибо под ними, в огромных пещерах, расположено древнее царство гномов — Казад-Дум, или, по-эльфийски, Мория, а на всеобщем языке — Черная Бездна. Чуть дальше высится пик Баразинбар — по-эльфийски Карадрас, Багровый Рог; а за ним, правее, еще два пика: Зиракзил — Селебдор, Серебристый, и Бундушатхур — Фануиндхол, Тусклый.

Здесь неприступный Мглистый хребет прогибается седловиной узкого перевала, по которому можно попасть в долину, известную всем средиземским гномам. У этой долины несколько названий: по-гноми Азанулбизар; по-эльфийски Нандурион; ну а на всеобщем языке — Черноречье.

— Нам надо пробраться к Азанулбизару, — объявил Гэндальф, когда гном замолчал. — Поднявшись на перевал через Багровые Ворота — так именуют его западный склон, — мы спустимся по Черноречному Каскаду в долину. Там вы увидите озеро Зеркальное и вытекающую из него речку Серебрянку.

— Непроглядна вода Келед-Зарама, — сказал Гимли, — и холодны как лед ключи Кибель-Налы. Неужели же мне суждено это счастье — увидеть наше заповедное озеро?

— Если и суждено, то мимоходом, мой друг, — глянув на гнома, откликнулся Гэндальф. — Ибо наш путь лежит *мимо* Зеркального, вниз по Серебрянке, через Тайные Чащобы, к Великой Реке и потом...

Он умолк.

— И что же потом? — спросил его Мерри.

— И потом — дальше, — ответил Гэндальф, — к концу путешествия... в конце концов. Не будем загадывать далеко вперед. Нам удалось дойти до Остранны — но это лишь первый шаг к победе. Мы остановимся тут на сутки: Остранна славится целебным климатом, а нам не мешает набраться сил. Край, где некогда жили эльфы, необычайно долго остается целебным, его нелегко отравить лихорадочным.

— Правильно, — поддержал Гэндальфа Леголас. — Но для нас, исконно лесных жителей, эльфы Остранны были странным народом, и я уже не чувствую здесь их следов: деревья и травы мертво молчат. Хотя... — Леголас на мгновение замер, — ...да, камни еще помнят о них. Слышите? Слышите жалобы кам-

ней? Они ограничили нас, навек сохранили нас, вдохнули в нас жизнь и навеки ушли. Они ушли навеки, — сказал Леголас. — Давно нашли Вековечную Гавань.

Но путники слышали только шум ветра.

В лощине, укрытой зарослями падуба, путники развели небольшой костер, и на этот раз их завтрак-ужин не показался им скудным, унылым и безвкусным. Они не торопились улечься спать, потому что им предстоял целый день отдыха и долгая ночь спокойного сна, а потом — бестревожная, полновесная дневка. Лишь одному Арагорну было беспокойно. После еды он поднялся на холм, долго смотрел на далекие горы и очень настороженно к чему-то прислушивался. Потом, снова подойдя к лощине, он недоуменно глянул на спутников, словно бы удивляясь их веселой беспечности.

— В чем дело, Бродяжник? — спросил его Мерри. — Неужели тебе чего-нибудь не хватает? Может, ты соскучился по восточному ветру?

— Пока еще нет, — усмехнулся Арагорн. — Но кое-чего мне действительно не хватает. Я бывал в Остранне и зимой, и летом. Здесь нет охотников, ибо нет жителей, поэтому всегда было много птиц и всяких мелких безобидных зверюшек. А сейчас весь этот край будто вымер. Я чувствую, что вокруг — на многие лиги! — нет ни одного живого существа. И мне хотелось бы понять — почему.

— Это и правда не совсем понятно, — согласился Гэндальф. Но потом добавил: — А может, мы и распугали всю живность?

— Мы ведь не охотимся, — возразил Арагорн. — Но мне всегда было спокойно в Остранне. А сейчас я постоянно ощущаю тревогу.

— Значит, нам нужно быть начеку, — сразу же посерьезнев, заметил Гэндальф. — Если с тобой путешествует Следопыт, да не просто Следопыт, а сам Арагорн, надобно верить его ощущениям. Потише, друзья, — сказал он хоббитам. — И давайте-ка сразу выставим часового.

В тот день первым часовым был Сэм. Все остальные спокойно уснули, но Арагорн, видимо, не собирался спать. Едва разговоры путников прекратились, настала тяжкая, тревожная тишина — ее почувствовал даже Сэм. Ясно слышалось дыхание спящих; а когда пони переставил ногу, раздался поразительно громкий стук. Стоило Сэму немного пошевелиться, и он слышал похрустывание собственных суставов. На небе не было ни единого облачка; солнце медленно вползало все выше; мертвая тишина углублялась и крепла. Потом на юге, в безоблачном небе, появилось какое-то темное пятнышко, напоминающее крохотную черную тучку; ветра не было, но пятнышко приближалось.

— Что это? На облако вроде бы не похоже, — шепотом сказал Арагорну Сэм. Арагорн, не отвечая, смотрел в небо; пятнышко, приближаясь, быстро росло и вскоре рассыпалось на отдельные точки. — Да это же птицы! — воскликнул Сэм. Птицы летели необычайно низко и не прямо вперед, а широкими зигзагами, как будто что-то искали на земле.

— Ложись и молчи! — прошипел Арагорн, затаскивая Сэма под ветви кустарника, потому что несколько сотен птиц внезапно отделились от основной стаи и стремительно полетели к той самой лощине, в которой расположились на отдых путники. Птицы были похожи на ворон, но совершенно черных и

очень больших; когда они проносились над лощиной, их тень на мгновение закрыла солнце, и тишину вспорол громогласный карк, тут же заглушенный хлопаньем крыльев.

Как только птицы скрылись из глаз, Арагорн поднялся и разбудил Гэндальфа.

— Над западными равнинами, — сказал он мрачно, — рыщут стаи черных ворон, и одна из них только что пролетала над нами. В Остранне черные вороны не живут, они гнездятся на Сирых Равнинах. Не знаю, зачем они сюда пожаловали, возможно, просто в поисках пищи, но, по-моему, их послал Враг — шпионить. А высоко в небе кружатся стервятники, и уж они-то наверняка служат Саурону. Мне кажется, нам надо уходить отсюда, сегодня же: за Остранной установлена слежка.

— Но в таком случае, — отозвался Гэндальф, — шпионы стерегут и Багровые Ворота, а значит, на перевал подыматься нельзя. Интересно, как же мы попадем в Черноречье? Ладно, подумаем об этом потом. Главное сейчас — добраться до Мглистого. Ты прав, уходить нам придется сегодня, так что отдыха у нас не будет.

— Наше счастье, — сказал Арагорн, — что мы разожгли небольшой костер и он потух до прилета ворон. С кострами нужно распротиться надолго.

— Вот ведь наказание, — жаловался Пин, проснувшись под вечер и узнав от Сэма, что спокойной ночевки у них не будет, а костры отменены на долгое время. — Из-за стаи каких-то дурацких ворон мы теперь даже и выспаться не можем. А я-то мечтал о горячем ужине!

— Мечтай и дальше, — посоветовал ему Гэндальф. — Я вот, например, мечтаю согреться и спокойно выкурить трубку табаку. Но одно я могу пообещать твердо: на юге мы все непременно согреемся.

— Боюсь, не стало бы нам даже жарко, а не только тепло, — пробурчал Сэм. — Ну и пусть, зато мы наконец доберемся до Роковой горы и повернем домой. Я и то уж подумал про Багровый Рок, что он и есть Роковая гора, пока Гимли не назвал нам его по-своему — Бариза... Бирази... Сам Враг язык сломит!.. Короче говоря, мы еще не дошли. — Сэм не верил географическим картам, и все расстояния в этих краях казались ему такими громадными, что он уже окончательно в них запутался.

Днем Хранители прятались в лощине. Несколько раз они видели ворон, но те вроде бы их не замечали, а к вечеру снова улетели восвояси. Немного переждав, Хранители поели, свернули лагерь и отправились на юг — туда, где в лучах заходящего солнца багрово искрилась вершина Баразинбара. Предгорное плато уже укутали сумерки, и в темнеющем небе одна за другой зажигались первые ночные звезды.

Арагорн вывел их на торную тропу. Вернее, это была не тропа, а древний, давно заброшенный тракт, связывавший Остранну с горным перевалом. Из-за гор выплыла полная луна, и в ее голубовато-серебристом свете утесы по обеим сторонам тракта отбрасывали на землю черные тени. Фродо присмотрелся к утесам внимательней и увидел, что это вовсе не утесы, а искусно вырубленные в камне фигуры; но их уже разрушило неумолимое время. Отряд двигался к югу всю ночь. Под утро, в сером предрассветном сумраке, Фродо случайно глянул на небо и заметил, а точнее, лишь смутно ощутил, как над ними про-

неслась бесшумная тень, стершая с небосвода — всего лишь на мгновение — веселые искорки звезд. Фродо вздрогнул.

— Ты сейчас ничего не заметил в небе? — еле слышным шепотом спросил он Гэндальфа, шагавшего с Арагорном впереди Отряда.

— Заметить не заметил, но почувствовал, — сказал Гэндальф. — На секунду стало как будто темней. Наверно, надо нами проплыло облачко.

— Очень уж быстро оно проплыло, — ни к кому не обращаясь, пробормотал Арагорн. — Особенно для такой безветренной погоды...

Больше ночью ничего не случилось. Рассвет был ясный и солнечный, но прохладный; ветер опять подувал с востока.

Еще две ночи шел Отряд к Мглистому; извилистая дорога то карабкалась на холм, то сбегала в ложбину, но было заметно, что она постепенно поднимается все выше; и вот, когда кончилась вторая ночь, Отряд вплотную подступил к Баразинбару, или, как называли его эльфы, Карадрасу, — громадному пику со снежной вершиной и кроваво-красными каменистыми склонами, на которых не было ни лесов, ни лугов.

Зачинался пасмурный и холодный рассвет; серые тучи закрывали солнце; ветер дул теперь с северо-востока. Гэндальф повернулся лицом к ветру, потянул носом и сказал Арагорну:

— Зима нагоняет нас. Горы на севере покрыты снегом почти до подножия. Послезавтра мы поднимемся к Багровым Воротам, и там нас, возможно, заметят соглядатаи; но самым опасным и коварным врагом, весьма вероятно, окажется погода. Так какой же путь ты выбрал бы, Арагорн?

Фродо, случайно уловивший эти слова, понял, что слышит продолжение разговора, который начался гораздо раньше.

— Я думаю, ты знаешь не хуже меня, что любой путь к затененным землям гибельно опасен, — ответил Арагорн. — Но мы *должны* одолеть этот путь, а значит, нам надо добраться до Андуина. На юге Мглистый перевалить невозможно, пока не выйдешь к Ристанийской равнине. Ты сам поведал о предательстве Сарумана. Так откуда нам знать, не пала ли Ристания? Нет, к ристанийцам идти нельзя, а поэтому придется штурмовать перевал.

— Ты забыл, — сказал Гэндальф, — что есть еще один путь, неизведанный и темный, но, по-моему, проходимый: тот путь, о котором мы уже говорили.

— И больше я о нем говорить не хочу, — отрезал Арагорн. Но, помолчав, добавил: — И не буду... пока окончательно не уверюсь, что другие пути совершенно непроходимы.

— Нам надо решить, куда мы пойдём, сегодня же, — напомнил Арагорну Гэндальф.

— Хорошо, я согласен, — сказал Арагорн. — Давай обсудим все это еще раз, когда настанет время выходить.

Вечером, пока их спутники ели, Арагорн с Гэндальфом отошли в сторону и принялись вполголоса о чем-то совещаться, посматривая на глыбу Багрового Рога. Его крутые скалистые склоны были бесплодно голыми и угрюмыми, а вершина терялась в тяжелых тучах. Очень неприветливо выглядел перевал! Однако, когда Арагорн и Гэндальф объявили, вернувшись, что нынешней ночью надо попытаться его одолеть, Фродо обрадовался. Он, конечно, не знал,

про какой «неизведанный и темный» путь говорил поутру Арагорну Гэндальф, но почему-то заранее его боялся.

— Может статья, что Багровые Ворота стерегут соглядатаи Врага, — сказал Гэндальф. — Да и погода внушает мне серьезные опасения. Мы рискуем попасть на перевале в метель. Нам придется идти как можно быстрее. Даже и тогда мы поднимемся к седловине не меньше чем за два ночных перехода. Сегодня вечером рано стемнеет, поэтому пора сворачивать лагерь: мы едва-едва успеем собраться.

— Разрешите и мне кое-что добавить, — сказал обычно молчаливый Боромир. — Я рос неподалеку от Белых гор и не раз бывал на большой высоте. Высоко в горах и летом-то холодно, а сейчас нас ждет там трескучий мороз. Без костра мы замерзнем у перевала насмерть — ведь нам, как я понял, предстоит дневка. Значит, пока мы еще здесь, внизу, нужно собрать побольше сушняка, чтобы каждый взял с собой вязанку дров.

— А Билл прихватит две, — сказал Сэм. — Ты ведь не подведешь нас, правда, дружище? — спросил он у Билла. Пони промолчал, но посмотрел на Сэма довольно мрачно.

— Неплохая мысль, — согласился Гэндальф. — Однако нам надо твердо запомнить, что костер мы разожжем лишь в крайнем случае, когда действительно окажемся перед выбором — погибнуть или отогреться у огня.

Сначала Отряд продвигался быстро, но через несколько лиг склон стал круче, а разрушенный тракт превратился в тропу, загроможденную острыми осколками скал. Небо сплошь затянули тучи, и путников накрыла черная тьма. Лица обжигал ледяной ветер. К полуночи извилистая, чуть заметная тропка вывела путников на узкий карниз — справа от них, в круговерти ветра, угадывалась пустота глубокой пропасти, а слева вздымалась отвесная стена. Они не одолели и четверти пути.

Вскоре Фродо почувствовал на лице холодные уколы редких снежинок, а потом началась густая метель. Тьма, сделавшаяся вдруг сизо-белесой, стала вместе с тем еще непроглядней — согнутые фигуры Арагорна и Гэндальфа, до которых Фродо мог дотянуться рукой, скрылись в мутной метельной мгле.

— Ох, не нравится мне эта кутерьма, — пыхтел у него за спиной Сэм. — Я люблю полюбоваться на метель из окошка, утречком, лежа под теплым одеялом. Пусть бы она разразилась над Норгордом, то-то хоббиты были бы рады. А здесь она нам совсем ни к чему.

В Хоббитании сильных снегопадов не бывает — разве что изредка у северной границы, — и, если выпадает немного снежку, хоббиты радуются ему, как дети. Никто из живых хоббитов (кроме Бильбо) не видел редкостно свирепой зимы 1311 года, когда на засыпанную снегом Хоббитанию напали полчища белых волков, перешедших по льду речку Брендидуим.

Гэндальф остановился. Толстый слой снега покрывал его плечи и капюшон плаща. На тропе снега уже было по щиколотку.

— Именно этого я и опасался, — повернувшись к Арагорну, проговорил Гэндальф. — А что ты теперь скажешь, Следопыт?

— Что и я опасался, — ответил тот. — Правда, меньше, чем всего другого. Северяне привыкли к горным метелям. Но в южных горах метели — редкость, а если и случаются, то на большой высоте. Да ведь мы-то не успели забраться

высоко.

— Так, может быть, это лиходейство Врага? — спросил подошедший к ним Боромир. — У нас поговаривают, что в Изгарных горах он повелевает даже погодой. Правда, они принадлежат ему, а Мглистый хребет — далеко от Мордора. Но могущество Врага постоянно растет.

— Длинные же он отрастил себе руки, если способен перебросить метель из северных земель в южные, — сказал Гимли.

— Длиннее некуда, — проворчал Гэндальф.

Пока они стояли, ветер утих, а через несколько минут прекратился и снегопад. Тогда они снова двинулись вперед. Однако затишье оказалось обманчивым. Не успели они одолеть и пол-лиги, как в лицо им дунул колючий ветер, окреп, налился ураганной силой, потом опять началась метель, снег повалил огромными хлопьями, и вскоре разбушевался неистовый буран. Теперь даже могучий Боромир шел с трудом. Хоббиты тащились в хвосте колонны, и всем их спутникам было понятно, что если буран будет продолжаться, то идти дальше они не смогут. Фродо едва передвигал ноги. Сэм, охая, плелся за ним. Пин и Мерри ковыляли молча. Гимли и тот выбился из сил, а ведь гномы славятся своей выносливостью.

Внезапно Отряд замер на месте, как будто путники стоворились остановиться, хотя никто не сказал ни слова. Вокруг раздавались очень странные звуки. Возможно, это завывал ветер, но в его гулком многоголосом вое ясно слышались злобные угрозы, визгливый хохот и хриплые вопли... Нет, ветер не мог так выть! Неожиданно сверху скатился камень, потом еще один, потом еще... Путники прижались к отвесной стене; камни с треском падали на карниз, подскакивали и валились в черную пропасть; временами раздавался тяжелый грохот, и сверху низвергались огромные валуны.

— Надо возвращаться, — сказал Боромир. — Я не раз попадал в горные метели и знаю, как воет по ущельям ветер... но сейчас мы слышим вовсе не ветер! Это же голоса вражеских сил! Да и камнепад здесь начался не случайно.

— Думаю, что воет-то именно ветер, — заметил Арагорн, — но Боромир прав: дальше идти в самом деле нельзя. У Совета Мудрых много врагов, хотя и не все они — союзники Саурана.

— Эльфы назвали Карадрас Кровожадным задолго до появления Врага, — буркнул Гимли.

— Неважно, кто нам препятствует, — сказал Гэндальф. — Важно, что препятствие сейчас неодолимо.

— Так как же нам быть? — горестно спросил Пин. Он стоял, привалившись к холодной стене, и его сотрясала мелкая дрожь.

— Ждать перелома погоды на месте или возвращаться, — ответил Гэндальф. — Пробиваться вперед бессмысленно и опасно. Чуть выше, если я правильно помню, тропа выходит на открытый склон. Там не укроешься от ветра и камней... или какой-нибудь новой напасти.

— И возвращаться бессмысленно, — добавил Арагорн. — От подножия горы до этой стены нет ни одного сносного укрытия.

— Тоже мне, укрытие, — проворчал Сэм. Но никто, кроме Фродо, его не слышал.

Хранители стояли, прижавшись к стене. Карниз, врезанный в южный склон, тянулся, полого поднимаясь вверх, с юго-востока на северо-запад и впереди круто поворачивал к югу, так что стена загораживала путников от резкого северо-восточного ветра; но бешено крутящиеся белесые вихри — снег валил все гуще и гуще — захлестывались к ним и сверху, и снизу.

Они касались друг друга плечами, а пони Билл стоял перед хоббитами, заклоняя их от снежных смерчей, но вокруг него уже намело сугроб, и, если б не рослые спутники хоббитов, их очень скоро завалило бы с головой.

Фродо одолевала стылая дрема; потом он пригрелся в снежной норе, и завывание ветра постепенно заглохло, сменившись гулом каминного пламени, а потом у камина появился Бильбо, но в его голосе прозвучало осуждение. *Не могу понять — зачем ты вернулся? Зачем прервал этот важный поход из-за самой обычной зимней метели?*

Мне хотелось отдохнуть, прошептал Фродо, но Бильбо, проворно затушив камин, выволок племянника из теплого кресла, и в комнату вползла ледяная тьма...

— ...слышишь, Гэндальф? Их занесет с головой, — проговорил Бильбо голосом Боромира, и Фродо почувствовал, что висит в воздухе, вытащенный из уютной снежной норы. Тут уж он окончательно проснулся. — Они же заснут и замерзнут насмерть, — опуская Фродо, сказал Боромир. — Надо немедленно что-то предпринять!

— Ты прав, — озабоченно отозвался Гэндальф и достал из кармана кожаную баклагу. — Пусть каждый отхлебнет по одному глотку, — сказал он, передав баклагу Боромиру. — Это необычайно живительный напиток — *здравур* — драгоценный дар Имладриса.

Глоток пряной, чуть терпкой жидкости не только согрел окоченевшего Фродо, но и прогнал его недавние страхи. Остальные Хранители тоже оживились. Однако ветер свирепствовал по-прежнему, а метель даже стала как будто сильнее.

— Не разжечь ли костер? — спросил Боромир. — Похоже, мы уже поставлены перед выбором — погибнуть или отогреться у огня.

— Что ж, можно, — ответил Гэндальф. — Если здесь есть соглядатаи Саурона, они все равно уже нас заметили.

У Хранителей были и дрова, и растопка (они последовали совету Боромира), но ни эльф, ни гном — уж на что мастера! — не сумели высечь такую искру, которая зажгла бы отсыревший хворост. Пришлось взяться за дело Гэндальфу. Он прикоснулся Жезлом к вязанке хвороста и скомандовал: *«Наур ан адриат аммин!»* Сноп зеленовато-голубого пламени ярко осветил метельную темень, хворост вспыхнул и быстро разгорелся. Теперь яростные порывы ветра только сильнее разжигали костер.

— Если перевал стерегут соглядатаи, то меня-то они наверняка засеки, — с мрачной гордостью заметил маг. — Я просигналил им ГЭНДАЛЬФ ЗДЕСЬ так понятно, что никто не ошибется.

Но Хранители едва ли слышали Гэндальфа. Они, как дети, радовались огню. Разгоревшийся хворост весело потрескивал, и Хранители, не обращая внимания на буран, на лужи талой воды под ногами, со всех сторон обступили костер, чтоб согреться в его животворном тепле. На их изнуренных, но раскрасневшихся лицах играли огненно-золотистые блики, а вокруг, словно бы

заклучив их в темницу, кипела сизая метельная тьма.

Однако хворост сторал очень быстро.

Пламя приугасло, и в тускнеющий костер бросили последнюю вязанку дров.

— Ничего, скоро начнется рассвет: ночь-то на исходе, — сказал Арагорн.

— Ночь-то на исходе, — пробормотал Гимли, — да в такое ненастье и расвета не заметишь.

Боромир немного отступил от костра.

— Буран стихает, — объявил он. — Да и ветер как будто начал выдыхаться.

Фродо утомленно смотрел в костер; из черной тьмы выпархивали снежинки, вспыхивали, словно серебряные звездочки, и тут же гасли, растаяв над пламенем; а вокруг неумолчно завывал ветер и клубилась беспросветная метельная мгла. Фродо сонно закрыл глаза, покачнулся, разлепил отяжелевшие веки — и вдруг заметил, что ветер умолк, а над холмиком слабо золотящихся углей лениво кружится лишь несколько снежинок. Он поднял голову и увидел, что на востоке черное небо слегка посветлело.

Сеющий сквозь серые тучи рассвет открыл глазам измученных путников немые, в саване снегов, горы. Внизу горбились глубокие сугробы, и под ними угадывалась извилистая тропинка, но вверху тяжелые снеговые тучи, угрожающие путникам новой метелью, плотно занавесили седловину перевала.

— Баразинбар не смирился, — проговорил Гимли. — Если мы осмелимся идти вперед, он снова обрушит на нас буран. Надо возвращаться, и как можно скорей.

Все понимали, что надо возвращаться. Но как? В нескольких шагах от карниза на тропе громоздились такие сугробы, что хоббиты утонули бы в них с головой. Да и на карнизе, где стояли путники, возвышались холмы снеговых заносов — а ведь карниз прикрывала от ветра стена!

Гнев горы. Тед Несмит

— Гэндальф расчистит невысокликам путь своим огненным Жезлом, — сказал Леголас. Буран ничуть не встревожил эльфа, и он, один из всего Отряда, сохранил до утра хорошее настроение.

— Или Леголас слетает на небо, — откликнулся Гэндальф, — и разгонит тучи, чтоб солнце растопило для Отряда снег. Мой Жезл — не печка, — добавил он, — а снег, по несчастью, невозможно испепелить.

— Не сумеет умный — осилит сильный, — вмешался Боромир, — так у нас говорят. Буран начался, — продолжал гондорец, — когда мы обогнули вон тот утес, — он указал на большую скалу, которая заслоняла от путников тропку, — до нее отсюда пол-лиги, не больше. И вот, если самый сильный из нас осилит дорогу к этому утесу, оттуда мы все спустимся без труда.

— Надо попробовать, — сказал Арагорн. — Уж вдвоем-то мы одолеем поллиги.

Арагорн был самым рослым в Отряде, но Боромир казался крепче. Они отправились, Боромир — впереди; кое-где снег доходил ему до плеч, и он врезался в него, словно плуг — или как очень усталый пловец.

Леголас, улыбаясь, глядел на людей; потом повернулся к магу и воскликнул:

— Да поможет уму и силе искусство!

А потом проворно зашагал по снегу, и Фродо заметил — как бы впервые, хотя он знал об этом и раньше, — что у эльфа не было тяжелых башмаков, которыми снабдили Хранителей в Имладрисе; а легкие эльфийские туфли Леголаса почти не оставляли на снегу следов.

— До свидания! — весело крикнул он Гэндальфу. — Я постараюсь отыскать вам солнце! — Он прибавил шагу и, словно танцуя, обогнал медленно бредущих людей, махнул им рукой, звонко рассмеялся и скрылся из глаз за поворотом тропинки.

Люди медленно продвигались вперед; остальные молча смотрели им вслед, пока и они не исчезли за поворотом. Клубящиеся у вершины тучи стусились; вниз поплыли редкие снежинки.

Прошло, вероятно, около часа — хоббитам показалось, что гораздо больше, — и вот на тропе появился эльф. Потом они увидели людей, медленно, с трудом, поднимающихся в гору.

— Мне не удалось заманить сюда солнце, — подмигнув хоббитам, сказал Леголас. — Оно ублажает южные земли, и его, как я понял, ничуть не беспокоят несколько тучек над этой горюшкой. Но зато я принес хорошие вести тем, у кого тяжелая поступь. За скалой, про которую говорил Боромир, намело довольно высокий сугроб, и наши воители из Племена Сильных приготовились погибать перед этой преградой, ибо тропинка-то идет по ущелью, а выход из ущелья закрыт сугробом. Ну, пришлось мне объяснить Сильным, что они от-

чаялись перед снежной крепостью шириной не больше десяти шагов и что за нею на нашей тропке лежит слой снега по щиколотку хоббитам.

— Так я и думал, — проворчал Гимли. — Конечно же, злая воля Баразинбара раскочахла этот проклятый буран. Баразинбар не жалуется гномов и эльфов...

— К счастью, Баразинбар, вероятно, забыл, что к Отряду Хранителей прикнули люди, — перебил гнома подошедший гондорец, — и люди, скажу без хвастовства, не слабые... Мы одолели снежный завал — проторили в сугробе узкую тропку — для тех, кто не может порхать по-эльфийски.

— Да как же мы-то туда доберемся? — взволнованно спросил Пин, высказав общую тревогу хоббитов.

— Не беспокойся, — ответил ему Боромир. — Я устал, но силы у меня еще есть; у Арагорна — тоже. Мы отнесем вас к завалу. И начнем, почтеннейший Перегрин, с тебя.

Пин вскарабкался гондорцу на спину.

— Держись крепче, — сказал Боромир. — У меня-то руки должны быть свободными. — Он зашагал по тропинке вниз. За ним отправился Арагорн с Мерри.

Разглядывая протоптанную в снегу дорожку, Пин восхищался силой людей. Даже сейчас, с хоббитом на закорках, Боромир расширял руками проход, чтоб остальным было легче идти.

Вскоре они подошли к сугробу, который, словно гигантская стена вдвое выше человеческого роста, перегородил узкое ущелье. Гребень сугроба был плотным и острым, да и весь сугроб казался монолитом, разрубленным посередине узкой тропой. За сугробом Мерри с Пином и Леголас остались дожидаться других, а люди снова ушли наверх.

Боромир вернулся через полчаса — с Сэмом за спиной, следом шел Гэндальф, ведя в поводу навьюченного пони, верхом на пони сидел гном Гимли, а замыкал шествие Арагорн с Фродо.

Едва Арагорн миновал сугроб, как путников оглушил раскатистый грохот, и откуда-то сверху посыпались камни, взвихрившие облако снежной пыли; потом, когда белая завеса развеялась, Хранители увидели, что проход в сугробе завален ссыпавшимися вниз камнями.

— Хватит, Баразинбар! — взмолился Гимли. — Мы же уходим! Оставьте нас в покое! — Но гора, казалось, и сама успокоилась, как бы удовлетворенная отступлением пришельцев: начавшийся было камнепад иссяк, а тучи, закрывавшие перевал, рассеялись.

Слой снега под ногами становился все тоньше, и вскоре, спустившись по круче, путники вышли к той самой площадке, где вчера их застигли первые снежинки.

Утро начинало клониться к полудню; с площадки, где стояли утомленные Хранители, открывались широкие предгорные дали — холмы, озерца, извилистые овраги, заросли падуба, островки дубрав... А внизу виднелась неглубокая лощина, в которой они отдыхали накануне.

У Фродо отчаянно болели ноги; он продрог до костей и хотел есть; а когда ему вспомнилось, что дорога вниз займет по крайней мере полдня, у него на мгновение потемнело в глазах; он закрыл их, а открыв, с удивлением обнаружил, что видит какие-то черные точки. Он протер глаза — точки не исчезли: они кружились в прозрачном воздухе, и Фродо решил, что он начал слеп-

нуть...

— Опять птицы, — сказал Арагорн, тоже увидевший их.

— Теперь уж с этим ничего не поделаешь, — глянув на птиц, отозвался Гэндальф. — Друзья ли они, или Вражьи шпионы, или просто безобидные птахи, нам все равно придется спускаться: Карадрас не любит ночных гостей.

Путники, спотыкаясь, побрели вниз; их подгонял ледяной ветер. Багровые Ворота оказались закрытыми.

Глава IV Путешествие во тьме

Только под вечер, в пасмурных сумерках, остановились усталые путники на отдых. Багрово-черная громада Баразинбара дышала вниз холодом — дул порывистый ветер. Гэндальф пустил свою баклагу по кругу, и все Хранители отхлебнули здравура. После ужина они устроили совет.

— Сегодня ночью мы отдохнем, — объявил Гэндальф, — ибо штурм перевала дорого дался каждому из нас...

— А куда мы пойдем потом? — спросил Фродо.

— У Хранителей есть только две дороги, — ответил Гэндальф, — назад в Раздол или вперед, к Огненной горе.

Когда Гэндальф упомянул о возвращении, лицо Пина радостно просветлело, а Мерри и Сэм весело встрепенулись. Но Боромир с Арагорном остались бесстрастными, а Гимли и Леголас выжидательно промолчали. Фродо понял, что все его спутники хотят, чтобы первым высказался он.

— Вернуться... — нерешительно начал Фродо, потом преодолел нерешительность и закончил: — ...мы можем, по-моему, только с победой. Или с позором — признав свое поражение. Я предлагаю пробиваться вперед.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Гэндальф. — Вернуться — значит признать свое поражение, которое неминуемо обернется гибелью для всех свободных народов Средиземья. Кольцо Всевластья останется в Раздоле, ибо иного убежища не найдешь; Враг со временем узнает об этом, двинет все свое воинство против Элронда, и рано или поздно Раздол падет, а Враг сделается Всесильным Властителем, и Завеса Тьмы сомкнется над Средиземьем. Черные кольценосцы — страшные противники, но, когда их хозяин добудет Кольцо, они окажутся просто непобедимыми.

— Я и говорю — надо пробиваться, — с тяжелым вздохом повторил Фродо. — Ты знаешь другую дорогу через горы?

— Знаю, мой друг, — ответил Гэндальф. — Но это довольно мрачная дорога. Арагорн даже слышать о ней не хотел, пока надеялся одолеть перевал.

— Если она еще хуже перевала, то это и правда мрачная дорога! — глянув на Арагорна, воскликнул Мерри. — Ну а все-таки расскажи нам о ней хоть немного, чтобы мы знали самое худшее.

— Дорога, про которую я говорю, проходит через пещеры Мории, — сказал Гэндальф.

Гимли взволнованно посмотрел на мага, но даже и его охватил страх: о гиблых пещерах необъятной Мории сложено немало страшных легенд.

— Никто не знает, — заметил Арагорн, — сохранился ли сквозной проход через Морию.

— Зато все знают, — добавил Боромир, — что Мория именуется Черною Без-

дной. Да и для чего нам спускаться в Морию? Зачем штурмовать неприступные перевалы? Давайте выйдем к Мустангримской равнине: мустангримцы — давние союзники гондорцев, они помогут нам добраться до Андуина. А можно спуститься по реке Изен, чтобы выйти к Гондору с юга, через Приморье.

— Завеса Тьмы разрастается, — сказал Гэндальф, — и сейчас уже нельзя ругаться за ристанийцев. Ты ведь был у них довольно давно. А главное, на пути к Ристанийской равнине никак не минуешь владений Сарумана. Настанет время, и я сведу с ним счеты. Ну а пока Хранителю Кольца не следует подходить близко к Изенгарду: Сарумана сжигает жажда всевластия, и он попытается завладеть Кольцом. Так что Ристания для нас закрыта.

Теперь о дальнем, обходном, пути. Во-первых, он окажется чересчур долгим — мы затратим на него не меньше чем год. Во-вторых, за долинами западных рек наверняка следят Саруман и Саурон, а убежищ на этих незаселенных равнинах нам не найти, ибо эльфов там нет. Пробираясь на север к Владыке Раздола, ты был для Врага лишь случайным путником, на которого он не обратил внимания. Но теперь ты воин Отряда Хранителей, и тебе угрожают такие же опасности, как и Главному Хранителю Кольца, Фродо. Гибельные опасности, ибо если нас обнаружат...

Впрочем, боюсь, что нас уже обнаружили, — неожиданно перебил сам себя Гэндальф, — обнаружили на подступах к Багровым Воротам. Нам необходимо скрыться от соглядатаев, чтобы Враг опять потерял нас из виду: не обходить горы, не штурмовать перевалы, а спрятаться под горами, в пещерах Мории, — вот что сейчас самое разумное. Этого Враг от нас не ожидает.

— Как знать, — возразил Гэндальфу Боромир. — Зато уж если он догадается, где мы, то нам не выбраться из этой ловушки. Говорят, Враг распоряжается в Мории, словно в своем собственном Черном Замке. Называют же Морию Черной Бездной!

— Не всякому слуху верь, — сказал Гэндальф. — В Мории хозяйничает вовсе не Враг. Правда, там могут встретиться орки, однако я думаю, что этого не случится — полчища орков истреблены и рассеяны в Битве Пяти Воинств у Одинокой. Горные Орлы недавно сообщили, что орки опять стекаются к Мглистому... но, надеюсь, в Морию они еще не проникли.

Зато, возможно, мы встретим здесь Балина с его небольшой, но отважной дружиной, и тогда нам нечего бояться орков. Как бы то ни было, путь через Морию — единственный, других путей у нас нет.

— Я пойду с тобой, Гэндальф! — воскликнул Гимли. — Меня не страшат древние предания. Но сначала нужно отыскать Ворота, которые захлопнулись давным-давно!

— Превосходно сказано, мой милый Гимли, — с легкой улыбкой отозвался Гэндальф. — Я найду Ворота и сумею открыть их. А уж с гномом мы наверняка не заблудимся. Я-то спускался в Морию один — когда разыскивал пропавшего Трэйна — и, как видишь, вышел оттуда живым. Я прошел тогда Морию насквозь, Арагорн, — добавил маг, посмотрев на Бродяжника.

— Я тоже спускался однажды в Морию, — сказал Арагорн, — со стороны Черноречья. И тоже ухитрился выйти живым. Но второй раз я туда лезть не хочу: слишком солоно мне там пришлось.

— Я и первый-то раз не хочу, — буркнул Пин.

— Я тоже не хочу, — пробормотал Сэм.

— Да и никто не хочет, — заметил Гэндальф. — Однако нам надо попасть в Черноречье. Поэтому я спрашиваю, кто *согласится* — не захочет, а согласится — идти через Морию, чтобы потом добраться до Андуйна.

— Я! — с готовностью воскликнул Гимли.

— Я тоже, — мрачно сказал Арагорн. — Ты не отказался штурмовать перевал, предупредив меня, что мы можем погибнуть, — и мы едва не замерзли насмерть. Я пойду с тобой через Морию, Гэндальф. Но помни — не нам, а именно тебе угрожает в Мории смертельная опасность!

— А я, — угрюмо объявил Боромир, — соглашусь лезть в эту Черную Бездну только вместе со всеми Хранителями. Два невысоклика не хотят туда лезть. Леголас и Фродо — главный Хранитель! — и Мерри пока еще ничего не сказали.

— Я против Мории, — проговорил эльф.

Все посмотрели на Фродо и Мерри. Оба хоббита долго молчали. Затянувшееся молчание нарушил Фродо.

— Я боюсь спускаться в Морию, — сказал он. — Но и совет Гэндальфа не хочу отвергать. Давайте отложим решение до утра. Очень уж сейчас темно и тоскливо. И страшно. Послушайте, как воет ветер!

Путники прятались под ветвями падуба. Они оборвали разговоры и прислушались. Ветер свистел в обнаженных ветвях и шуршал засохшими стеблями вереска. Но в этот приглушенный свистящий шорох вплетался заунывный, с переливами, вой, словно ветер выл над горным ущельем.

Арагорну не понадобилось вслушиваться долго.

— Ветер? — вскакивая, воскликнул он. — Ветер волчьими голосами не воет! Волколаки опять перебрались через Мглистый!

— Видимо, охота началась, — сказал Гэндальф. — Так стоит ли откладывать решение на утро? Если мы с вами и доживем до рассвета, нам не прорваться к Ристанийской равнине.

— А далеко эта Мория? — спросил Боромир.

— Ты хочешь узнать, — переспросил его Гэндальф, — далеко ли отсюда Западные Ворота? Я думаю, лигах в десяти... для орла. А самыми короткими наземными тропами получится лиг восемнадцать — двадцать.

— Надо прятаться в Морию, — сказал Боромир. — Боишься орка — не утаишься от волка!

— Так-то оно так, — согласился Арагорн, проверяя, легко ли вынимается его меч. — Но, с другой стороны, где волк, там и орк: в ущельях волки-оборотни, да в пещерах-то орки — ордами.

— Не послушался я Элронда, — шепнул Пин Сэму, — и зря. Ну какой из меня Хранитель? От этого воя все во мне обмирает. Никогда еще в жизни я так не боялся, даром что Бандобрас Быкобор — мой предок.

— А у меня, — прошептал ему Сэм в ответ, — как сердце оборвалось, когда Бродяжник вскочил, так по сю пору в пятках и трепыхается. Ну да ничего — авось пронесет. Арагорн с Боромиром — бывалые люди; Гимли, он у нас всем гномам гном; да и Леголас — тоже эльф не промах. А старина Гэндальф, тот одно слово — маг. Нет, думаю, не сожрут нас волки.

Путники хотели заночевать в лощине, но теперь, для того чтобы защититься от волколаков, они поднялись на соседний холм с тремя или четырьмя

кряжистыми дубами, которые были обнесены оградой из больших серых валунов. Кое-где каменная ограда обвалилась, и Хранители, понимая, что ночная тьма не помешает стае волколаков найти их, поспешно разожгли небольшой костер.

Путники сидели возле костра и все, кроме двух часовых, дремали — это был не сон, а тревожное забытие. Пони Билл трясся от страха; он взмок, словно только что пробежал лиг двадцать. Вой теперь слышался со всех сторон, а вокруг, в черной ночной темноте, злоеще поблескивали парные огоньки. Внезапно там, где ограда обвалилась, Хранители увидели огромного волколака — он застыл в проломе и хрипло взвыл, словно бы подавая сигнал к атаке.

Подняв мерцающий Магический Жезл, Гэндальф шагнул навстречу зверю.

— Ну ты, шелудивая собака Саурона, — нарочито негромко проговорил он. — Перед тобой — Гэндальф. Убирайся отсюда, если тебе дорога твоя шкура.

С коротким рычанием зверь прыгнул вперед — мелодично прозвенела спущенная тетива, и, коротко взвыв, он рухнул на землю: в горле у него торчала стрела. Леголас тотчас же вынул вторую. Но кольцо злоещих огоньков распалось. Гэндальф и Арагорн подошли к ограде — волколаков на склонах холма уже не было: стая, лишенная вожака, отступила. Путников окружала безмолвная тьма.

Миновала полночь; близился рассвет; на западе, почти что у самой земли, то гасла, ныряя в драные тучи, то снова бледно вспыхивала луна; эти слабые, судорожно короткие вспышки бессильно меркли в предрассветном сумраке. Внезапно громкий многоголосый вой вырвал Фродо из зыбкого забытия — волколаки, беззвучно окружившие холм, со всех сторон ринулись в атаку.

— Сушняка в костер! — крикнул Гэндальф хоббитам. — Мечи наголо! Стать спиной к спине.

В неверном свете разгорающегося костра Фродо видел, как серые тени перемахивают невысокую каменную ограду. Арагорн сделал молниеносный выпад, и огромный зверь, захлебно скуля, рухнул на землю с пронзенным горлом; холодно блеснул меч Боромира, и у второго волколака отлетела голова; третьего зарубил топором гном; стрела Леголаса прикончила четвертого; однако все новые серые тени, волна за волной, вплескивались в ограду.

Фродо с надеждой глянул на Гэндальфа. Фигура мага, как показалось хоббиту, неожиданно выросла почти до неба, ослепительно вспыхнул Магический Жезл, и, словно высеченный из камня великан, Гэндальф на мгновение застыл в неподвижности, заслоняя Хранителей от наступающих волколаков. Потом он взмахнул Магическим Жезлом, и над холмом громогласно прозвучало заклинание:

— *Наур ан адриат аммин!*

Дуб, на который был направлен Жезл, превратился в неистово полыхающий факел, за ним вспыхнули остальные дубы, и над холмом, ярко осветив поле битвы, распустился гигантский огненный цветок. Ослепленные волколаки в ужасе попятнулись; мечи Хранителей, разбрызгивая искры, как будто их только что вынули из горна, крушили ошеломленных, оцепеневших зверей; вспыхнувшая в воздухе стрела Леголаса поразила в сердце черного волколака — он оглушительно взвыл и свалился замертво. Его смерть завершила ночную битву, уцелевшие звери обратились в бегство.

Медленно догорали вековые дубы; над холмом клубилось дымное облако; с первыми лучами бледной зари погасли последние всплески огоньков, пробежавшие по обугленным дубовым стволам.

— Ну, что я говорил, — сказал Сэм Пину, устало засовывая в ножны свой меч. — Старину Гэндальфа просто так не сожрешь, не на того напали. Одно слово — маг!

Путники окинули взглядом равнину и увидели, что все волколаки скрылись. Но на склонах холма не было и трупов! Леголас молча подобрал свои стрелы — они валялись недалеко от ограды; он был уверен, что ни разу не промахнулся, и, однако, стрелы, все, кроме одной (от нее остался только наконечник), лежали, целехонькие, в зарослях вереска.

— Так я и думал, — заметил Гэндальф. — Это волколаки, волки-оборотни, а не просто волки: трупов-то нет! Давайте-ка быстро позавтракаем — и в путь.

Погода в этот день опять изменилась. Как бы по приказу могущественной силы, которая больше не нуждалась в буране, потому что путники отступили от перевала, ветер быстро разогнал тучи, а потом, когда небо расчистилось, утих. Из-за гор неспешно выплыло солнце. При ясной погоде движущийся Отряд издали был виден на открытой равнине — а отсиживаться в укрытии путники не могли.

— Нам нужно добраться до Мории засветло, — с мрачной серьезностью объявил Гэндальф, — иначе мы вообще до нее не доберемся. Двадцать пять лиг — расстояние небольшое, но Арагорн не знает здешних дорог, да и я был здесь всего один раз.

Ворота вон там, — продолжал маг, указывая Жезлом на юго-восток, где в голубоватой рассветной дымке виднелись зубчатые контуры Мглистого, обрывающегося к равнине отвесной стеной. — Когда нас прогнал с перевала буран, я свернул на юг и пошел вдоль хребта, чтобы хоть немного приблизиться к Мории. Чужало мое сердце, что она нам понадобится! Надеюсь, мы быстро найдем Ворота и успеем до темноты ускользнуть от оборотней.

Гимли подгоняло пылкое нетерпение, и он шагал впереди, рядом с Гэндальфом. Когда-то у Ворот Мории бил родник, питающий небольшую речку Привратницу, или, как называли ее эльфы, Сираннону, и Гэндальф надеялся отыскать эту речку, чтоб выйти по приречной дороге к Воротам. Однако то ли Привратница пересохла, то ли маг взял неверное направление, но ему не удалось найти дорогу.

Путники блуждали по каменистой равнине, иссеченной сетью извилистых трещин и усеянной россыпями бурых камней. Маг сворачивал то к востоку, то к западу, но речка по-прежнему никак не отыскивалась, и все понимали, что, двигаясь без дороги, они не доберутся к вечеру до Ворот. Бесконечно тянулась бесплодная равнина — бурая, иссохшая, растрескавшаяся почва, красноватые валуны да россыпи гальки. Вокруг не было ни птиц, ни зверей. Путники обреченно шагали за Гэндальфом и старались не думать, что с ними будет, если ночь застигнет их на этой равнине.

Гимли, ушедший немного в сторону, вдруг вскарабкался на валун и подзвал Гэндальфа. За магом к нему свернули все путники. Гном показывал рукой на запад. Глянув туда, путники увидели каменистое русло пересохшей

речки. А по берегу речки тянулась дорога, некогда мощенная красными плитами.

— Ага, наконец-то! — воскликнул Гэндальф — Интересно, что же произошло с рекой? Но, как бы то ни было, это она — Привратница, или, по-эльфийски, Сираннона. Вперед, друзья, нам надо спешить!

Уставшие путники зашагали быстрее: их подбадривала надежда спрятаться от оборотней.

А время шло; перевалило за полдень; солнце начало клониться к западу. Путники сделали короткий привал, торопливо поели и отправились дальше. Перед ними маячили Мглистые горы; но дорога нырнула в глубокую ложбину, и теперь виднелись лишь снежные вершины, пока еще ярко освещенные солнцем.

Через несколько часов дорога свернула. Раньше Хранители шли на юг, и слева от них тянулось нагорье, а теперь они круто забирали к востоку. Вскоре русло уперлось в скалу с промоиной наверху и ямой у основания. Со скалы когда-то низвергался водопад, а сейчас змеился чуть заметный ручей.

— Да, Сираннона высохла, — сказал Гэндальф. — Но мы, несомненно, приближаемся к Воротам. Это водопад Приморийский Порог, и слева от него, если я не ошибаюсь, в скале должны быть вырублены ступеньки, а дорога, сделав просторную петлю, выходит к верхнему срезу Порога у северного склона Сираннонской долины. Долина тянется с востока на запад (гномы называли ее Родниковой), и лестница выводит к ее западному концу; а напротив, у восточного конца долины, расположены Ворота и бьет родник. Давайте-ка посмотрим, сохранились ли ступеньки.

Они без труда отыскали ступеньки, и Гимли, а вслед за ним Гэндальф и Фродо торопливо поднялись к Родниковой долине. На месте долины чернело озеро. Заходящее солнце вызолотило небо, но в матово-черной, как бы мертвой, воде не отражались ни Хранители, ни горы, ни закат. Сираннону, видимо, запрудил обвал, поэтому она и затопила долину. В конце долины, над черной водой, тяжело громоздились отвесные утесы — зловещие, темные, монолитные. Не то что Ворота — даже тонкой трещины не увидел Фродо в этих утесах.

— Вон она, Морийская Стена, — сказал Гэндальф, заметив, что Фродо разглядывает утесы. — Когда-то в ней были Западные Ворота — или, как называли их люди, Эльфийские, — ибо дорога, по которой мы шли, связывала Родниковую долину с Остранной. Но путь напрямую, как видишь, затоплен, а переходить вброд это мертвое озеро никто из нас, насколько я понимаю, не захочет. Тем более что озеро, наверно, глубокое.

— Давайте вернемся, — предложил Гимли, — и попробуем подняться по главной дороге. Нам так и так пришлось бы возвращаться, даже если бы тропка не была затоплена: Билл не умеет лазить по лестницам.

— Билла-то в Морию не возьмешь, — сказал Гэндальф. — Там встречаются иногда такие переходы, в которые не сможет протиснуться пони.

— Жалко Билла, — пробормотал Фродо. — И Сэма жалко. Что-то он скажет? Как расстанется со своим любимцем?

— Да, жалко, — согласился Гэндальф. — Пони служил нам верой и правдой, а мы его бросим на произвол судьбы. И ведь я говорил — не берите Билла, предлагал вам отправиться в поход налегке. Ибо с самого начала подозревал, что нам придется идти через Морию.

Меркла, догорая, вечерняя заря, и в небе льдисто поблескивали звезды, когда изрядно замученные путники, поспешно поднявшись по главной дороге, вышли к северному склону долины, в двух примерно лигах от Морийской Стены. Долина, шириною около двух лиг, протянулась в длину лиги на три или четыре, а между барьером из скал и водой виднелась узкая полоска земли. Хранители пошли вдоль озера на восток — туда, где располагались Ворота Мории, — вернее, не пошли, а почти побежали, чтобы найти Ворота до темноты.

На подходе к Стене, в конце долины, путь им неожиданно преградил залив, перерезавший сухую полоску земли между озером и грядой береговых скал. Вода в заливе, темная и затхлая, была затянута зеленой ряской; залив походил на руку утопленника, мертвой хваткой вцепившегося в скалы. Гимли отважно шагнул вперед — никто не успел его остановить, — залив был мелкий, но со скользким дном; поскользнувшись, Гимли едва не упал, однако сумел сохранить равновесие и вскоре выбрался на сухое место; за ним последовали остальные путники; вступая в ледяную зеленоватую воду, Фродо невольно содрогнулся от омерзения.

Когда замыкавший шествие Сэм вывел на берег дрожащего пони, Хранители слышали приглушенный всплеск, как будто из воды вдруг выпрыгнула рыба и тотчас же плашмя шлепнулась обратно; обернувшись, они увидели, что по озеру, от центра, вкруговую расходятся волны — черные в сумеречном вечернем свете; потом раздалось прерывистое бульканье, и над озером снова сомкнулась тишина. Золотистые отблески вечерней зари скрывались за тучами; сумрак сгущался.

Гэндальф торопливо шагал вперед; хоббиты с трудом поспевали за ним; теперь они двигались вдоль Морийской Стены по каменистой и узкой полоске суши, загромажденной острыми обломками скал; путники старались не отходить от Стены, даже придерживались за нее руками, чтобы матово-черная, с прозеленью вода все время была от них как можно дальше. Когда они одолели около лиги, в сумраке нежданно прорисовались деревья: у Стены стояли два мощных дуба, на мелководье валялись почерневшие ветки, а в глубину озера, двумя рядами, протянулись остовы полуистлевших стволов. Здесь, вероятно, кончалась дорога, обсаженная по обеим сторонам дубами. Деревья, растущие возле Стены, выглядели на диво могучими и древними; с Порога, под отвесной стеной Мглистого, они казались совсем не высокими, но сейчас Фродо с изумлением осознал, что раньше ему не доводилось видеть таких могучих и громадных дубов — они возвышались над головами Хранителей, словно гигантские сторожевые башни, охраняющие вход в подгорное царство.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул Гэндальф. — Здесь кончается Эльфийский Тракт. Гномы прорубили Западные Ворота, чтобы беспрепятственно торговать с эльфами, а эльфы насадили дубовую аллею в Родниковой долине, принадлежавшей гномам, чтобы увековечить их тесную дружбу — дуб считался символом Остранны. Ибо в те благословенные времена народы Средиземья дружили между собой, даже эльфы и гномы умели не ссориться.

— Я ни разу не слышал, — заметил Гимли, — что эта дружба прервалась из-за гномов.

— А я не слышал, — сказал Леголас, — что эта дружба прервалась из-за эльфов.

— Я частенько слышал и то и другое, — оборвал начинающуюся перепалку Гэндальф. — Сейчас не время решать, кто прав. Надеюсь, вы-то останетесь друзьями. Ибо мне очень нужна ваша помощь, а действовать сообща могут только друзья. Мы должны найти и открыть Ворота, пока не стало совсем темно.

А вы, — сказал он, повернувшись к остальным, — приготовьтесь без промедления вступить в Морию, как только мы отыщем и отворим Ворота. Нам ведь придется расстаться с Биллом, поэтому надо его разгрузить. Теплую одежду можно не брать: она не понадобится нам ни в Мории, ни потом, когда мы пойдём на юг. А пищу и, главное, баклаги с водой, которые тащил до сих пор пони, надо распределить между всеми Хранителями.

— А как же быть со стариной Биллом? — испуганно и негодуя воскликнул Сэм. — Да я без него и с места не сдвинусь! Завели беднягу неведомо куда, а теперь бросим на съедение волколакам?

— Мне ведь тоже его жаль, — сказал Гэндальф. — Но тебе, мой друг, придется выбирать между твоим хозяином и Биллом. Пойми, когда мы откроем Ворота, ты его и затащить-то в Морию не сможешь, он не полезет в эту Черную Бездну.

— Со мной полезет, — возразил Сэм. — Я не оставлю его на растерзание этим вашим растреклятым оборотням!

— Ну, до растерзания-то, надо полагать, дело не дойдет, — проговорил Гэндальф. Он ласково погладил пони по голове, наклонился к нему и негромко сказал: — Ты многому научился в Раздоле, Билл. Береги себя, когда будешь возвращаться, а береженого, как известно, и судьба бережет. Никто из нас не знает своей судьбы — но мы всегда надеемся на лучшее... Никто из нас не знает своей судьбы, — повторил маг, обернувшись к Сэму. — Будем надеяться, что Билл выживет.

Сэм ничего не ответил Гэндальфу. Он молча стоял рядом с пони и плакал. А тот прижался к нему и вздохнул, как бы поняв, о чем идет речь. Сэм принялся развьючивать пони; остальные путники сортировали поклажу, разбирая по своим вещевым мешкам то, что им надо было взять с собой.

Распределив поклажу, Хранители огляделись, пытаясь понять, что же делает Гэндальф. Но он, казалось, ничего не делал — стоял и пристально смотрел в Стену, как будто хотел просверлить ее взглядом. А Леголас прижимался к ней, словно бы вслушиваясь, и глаза у него были почему-то закрыты. Гимли молча бродил вдоль Стены, постукивая по ней обухом топора.

— Ну вот, мы готовы удирать в Морию, — сказал Мерри. — А где же Ворота?

— Если ворота, сделанные гномами, закрыты, то их невозможно увидеть, — со сдержанной гордостью ответил Гимли. — Даже мастер, который сделал ворота, и тот не сумеет их потом найти, пока не скажет заветного заклинания.

— Да, но Западные Ворота Мории не были тайными, — заметил Гэндальф. — Ворота прорубили для друзей-эльфов, и, если их в наше время не переделали, тот, кто знает, где они расположены, должен без труда обнаружить их и открыть.

Гэндальф опять посмотрел на Стену. В середине между сторожевыми дубами она была неестественно гладкой, и Гэндальф, приблизившись к ней вплотную, начал ощупывать ее руками, бормоча какие-то непонятные слова. Потом, отступив, спросил своих спутников:

— А теперь? Теперь вы что-нибудь видите?

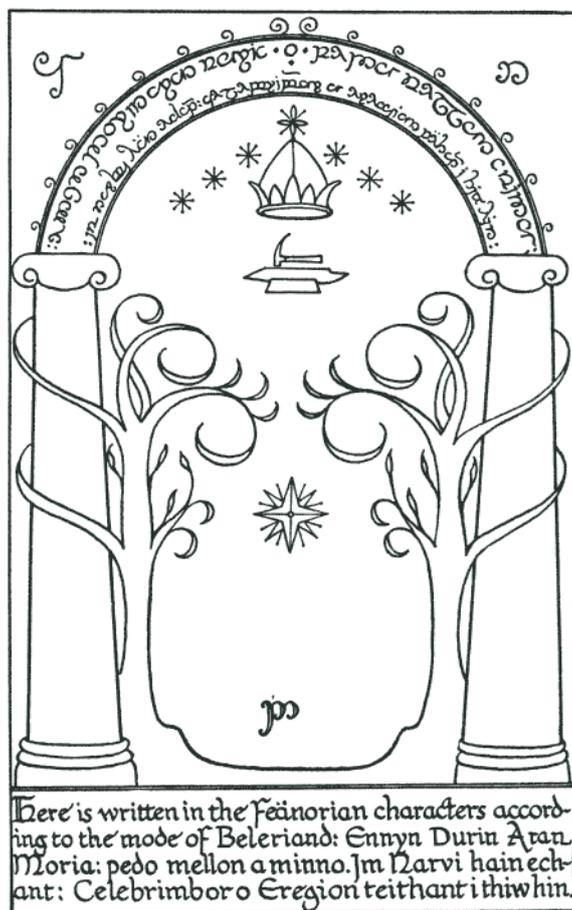
Стену осветила взошедшая луна, но Хранители не заметили никаких изменений — сначала. А потом на поверхности Стены появились тонкие серебристые линии, стали постепенно ярче, отчетливей, и вскоре глазам изумленных путников открылся искусно выполненный рисунок.

Вверху аркой выгибалась надпись из прихотливо сплетенных эльфийских букв; под надписью виднелись молот и наковальня, увенчанные короной с семью звездами; опиралась арочная надпись на дубы, точь-в-точь как те, что росли у Стены; а между дубами сияла звезда, окруженная ореолом расходящихся лучей.

— Эмблема Дарина! — воскликнул Гимли, показав на молот с наковальней и корону.

— И символ Остранны, — сказал Леголас.

— И Звезда Феанора, — добавил Гэндальф, разглядывая обрамленную лучами звезду. — Мы не видели рисунка, ибо древний *ночельф*, которым расписаны Западные Ворота, оживает лишь в свете луны или звезд под звуки старозельфийского языка, давно забытого народами Средиземья. Я и сам с трудом припомнил слова, оживившие под моими пальцами рисунок.

— А что здесь написано? — спросил Фродо Гэндальфа. — Я вроде знаю эльфийские руны, но эту надпись прочитать не могу.

— Ничего удивительного, — ответил Гэндальф, — ибо это старозельфийский язык. А Бильбо учил тебя новозельфийскому. Мне-то старозельфийский понятен, да тут не написано самого главного. Вот что здесь сказано — я перевожу: *Западные Ворота Марийского Государя Дарина открывает заветное заклинание, друг. Скажи, и войдешь. А ниже, мелкими буквами, написано: Я, Нарви, сработал эти Ворота. Наговор запечатлел Селебримбэр из Остранны.*

— А что это значит — «скажи, и войдешь»? — поинтересовался Мерри.

Гимли ответил:

— Если ты друг, скажи заклинание, и Ворота откроются и ты войдешь.

— Я тоже думаю, — проговорил Гэндальф, — что эти Ворота подчиняются заклинанию. Иногда Ворота, сработанные гномами, открываются только в особых обстоятельствах; иногда — только перед особо избранными; а иногда только особо избранные в особых обстоятельствах могут их отпереть, ибо они запираются на замок. У этих-то замка, мне кажется, нет. Их делали для друзей и не считали тайными. Они обыкновенно были открыты, и стражники мирно сидели под деревьями. А если Ворота порой закрывали, то они отворялись при звуках заклинания: механических запоров у Ворот не было. Правильно я понял эту надпись, Гимли?

— Совершенно правильно, — подтвердил гном. — Но слова заклинания, к несчастью, забыты. Ибо род Нарви давно угас.

— Да разве *ты-то* не знаешь заклинания? — ошарашенно спросил у Гэндальфа Боромир.

— Нет, не знаю, — ответил Гэндальф.

Хранители с испугом посмотрели на мага, лишь один Арагорн остался спокойным, ибо он не раз путешествовал с Гэндальфом и верил, что тот откроет Ворота.

— Тогда зачем же мы сюда пришли? — с тревожной злостью вскричал Боромир. — Ты говорил, что спулся в Морию, что прошел ее насквозь... и не знаешь, где вход?

— Я знаю, где вход, и привел вас к нему, — бесстрастно ответил гондорцу Гэндальф, но его глаза недобро блеснули. — Я не знаю заветного заклинания — пока. Ты спрашиваешь, зачем мы сюда пришли? Отвечаю: чтобы нас не сожрали волколаки. Но ты задал мне еще один вопрос. И в ответ мне придется спросить у тебя: не усомнился ли ты в моих словах, Боромир? — Тот промолчал, и Гэндальф смягчился. — Я спулся в Морию с востока, из Черноречья, а не отсюда, — спокойно объяснил он. — Западные Ворота открываются наружу; изнутри на них надо легонько нажать, и они откроются, как обычные двери; а тот, кто стоит перед ними здесь, должен произнести заветное заклинание, иначе отсюда в Морию не проникнешь.

— Так что же нам делать? — спросил мага Пин, словно бы напряженного разговора и не было.

— Тебе — побиться о Ворота головой, — ответил Гэндальф, — авось сломаются. А мне — отдохнуть от бестолковых вопросов и постараться вспомнить ключевые слова.

Было время, — пробормотал маг, — когда они сами приходили мне в голову. Да я и сейчас их вроде бы не забыл. Западные Ворота прорубали для друзей — заклинание должно быть очень простым. А на каком языке? Наверняка на эльфийском...

Гэндальф опять подошел к Стене и дотронулся Жезлом до Звезды Феанора.

***Аннос эдэлен, эдро до аммин,
Фэннас ноготрим асто бет ламмин! —***

негромко, но звучно проговорил он. Серебристый рисунок немного потускнел, однако Стена осталась монолитной.

Маг повторил те же самые слова в других сочетаниях — и ничего не добился. Перепробовал много иных заклинаний, говорил то негромко и медленно, нараспев, то громко и повелительно, тоном приказа, произносил отдельные эльфийские слова и длинные, странно звучащие фразы — отвесные утесы оставались недвижимыми, и лишь тьма скрадывала их резкие очертания. От озера подувал промозглый ветер, в небе зажигались все новые звезды, а Ворота по-прежнему были закрыты.

У врат Морни. Тед Несмит

Гэндальф опять отступил от Стены и, шагнув к ней, резко скомандовал:
— Эдро!

Потом он повторил это слово — «откройся!» — на всех без исключения западных языках, однако опять ничего не добился, в гневе отбросил свой Магический Жезл и молча сел на обломок скалы.

И тотчас же в черной ночной тишине послышалось отдаленное завывание волколаков. Тревожно всхрапнул испуганный Билл, но Сэм подошел к нему, что-то прошептал, почесал за ухом, и пони притих.

— Как бы он со страху куда-нибудь не удрал, держи его крепче, — сказал Боромир. — Похоже, что он еще нам понадобится... если нас не разыщут здесь волколаки. Проклятая лужа! — Боромир нагнулся, поднял камень и швырнул его в озеро.

Вода проглотила брошенный камень с утробным, приглушенно чавкнувшим всплеском, — а в ответ озеро вспузырилось, забулькало, и от того места, где утонул камень, по воде разбежалась круговая рябь.

— Что ты делаешь, Боромир! — всполошился Фродо. — Тут и так-то страшно! — Фродо поежился. — Этот гиблый пруд... он страшней волколаков, страшней Мории, а ты его баламутишь!

— Бежать отсюда надо, — пробормотал Мерри.

— Когда же Гэндальф откроет Ворота? — дрожащим голосом спросил Пин.

А Гэндальф, казалось, не замечал своих спутников. Он сидел, поставив локти на колени и обхватив ладонями склоненную голову — то ли задумавшись, то ли отчаявшись. Опять послышался вой волколаков. Раскатившаяся по озеру круговая зыбь злобно лизнула каменистый берег.

Внезапно маг с хохотом вскочил, перепугав и без того напуганных спутников.

— Ну конечно же! — весело воскликнул он. — И как я, глупец, сразу не догадался? А впрочем, любая разгаданная загадка кажется потом поразительно легкой.

Он встал, уверенно подошел к Стене, направил Жезл на Звезду Феанора и звонким голосом сказал:

— **Мэллон!**

Звезда вспыхнула и тотчас погасла. В стене обозначились створки Ворот и медленно, но бесшумно и плавно распахнулись. В черном проеме, за входной площадкой, смутно виднелись две крутые лестницы — одна вверх, а другая вниз.

— Я неверно понял арочную надпись, — объяснил маг. — Да и Гимли ошибся. В ней же дается ключевое слово! Вот как следовало ее перевести: «Западные Ворота Морийского Государя Дарина открывает заветное заклинание, друг». Когда я сказал по-эльфийски друг — *мэллон*, — Ворота сразу же открылись. В наше смутное и тревожное время такая простота кажется безумной. Дни всеобщего дружелюбия миновали... Однако Ворота открыты. Идемте.

Гэндальф вошел в открытые Ворота и уже было начал подниматься по лестнице — поставил ногу на первую ступеньку, — но тут, с неистовством лавины в горах, на путников обрушилось множество событий. Фродо кто-то ухватил за ногу, и он, болезненно вскрикнув, упал. С коротким, хриплым от ужаса ржанием Билл поскакал вдоль Морийской Стены и мгновенно растворился в ночной темноте. Сэм рванулся за ним вдогонку, но, услышав болезненный вскрик хозяина, с проклятьями бросился к нему на выручку. Остальные путники оглянулись назад и увидели, что вода у берега бурлит, словно в ней бьется, пытаясь распутаться, тугой клубок разозленных змей.

Одна змея... впрочем, нет, не змея, а змеистое, слизистое, зеленое щупальце с пальцами на конце уже выбралось на берег, подкралось к Фродо и, схватив его за ногу, потащило в зловонную пузыристую воду. Сэм, не раздумывая, выхватил меч, рубанул слабо светящееся щупальце, и оно, потускнев, бессильно замерло, а Фродо торопливо поднялся на ноги и, пошатываясь, вошел в распахнутые Ворота.

Сэм тоже попятился к пещере. Из бурлящей, покрытой пузырями воды выползло штук двадцать пальчатых страшилищ, а воздух отравило удушливое зловоние.

— В пещеру! Вверх по лестнице! Быстро! — отпрянув назад, прокричал Гэндальф.

Хранители, оцепеневшие на миг от ужаса (выручать Фродо бросился лишь Сэм), опомнились — и вовремя: когда Сэм с Фродо, шедшие последними, начали подниматься, а Гэндальф, отступая, подошел к лестнице, извивающиеся щупальца дозмеились до Ворот, и одно просунулось внутрь пещеры. Гэндальф не стал подниматься вверх. Но если он мысленно подыскивал слово, которое заставило бы Ворота закрыться, то тут же и выяснилось, что этого не нужно: множество жаждущих добычи чудищ жадно ухватились за створки Ворот и, со страшной силой рванув их, захлопнули. Пещеру затопила черная тишина — лишь слабо светилось, темнея и замирая, перерубленное створками Ворот щупальце да снаружи слышались глухие удары.

Сэм, стоящий рядом с Фродо, всхлипнул и бессильно сел на холодную ступеньку.

— Бедный Билл, — пробормотал он. — Черные вороны, буран, волколаки, пальчатые щупальца — кто ж это выдержит! И я не смог ему ничем помочь, ведь мне и правда пришлось выбирать: то ли гнаться за горемыкой Биллом, то ли уходить с хозяином в пещеру. Ну и, конечно же, я пошел с хозяином.

Тем временем Гэндальф приблизился к Воротам и ударил по ним Магическим Жезлом. На мгновение Жезл ослепительно вспыхнул, пещера наполнилась рокочущим грохотом, дрогнули под путниками каменные ступени, однако Ворота остались закрытыми.

— Так и есть, — сказал Гэндальф. — Ворота не открываются. Теперь у нас одна дорога — на восток. Я думаю, что эти беснующиеся щупальца выдрали последние эльфийские дубы и, пытаясь выломать ими Ворота, вызвали обвал, замуровавший нас в Мории. Жаль, дубы были очень красивые.

— Мне стало страшно, — проговорил Фродо, — когда нам пришлось переходить залив. Я понял, что мы попадем в беду. Кто это был? — спросил он Гэндальфа. — Который напал на меня у Ворот. Или их было, по-твоему, много?

— Я ни разу не сталкивался с такими существами, — немного помолчав, ответил Гэндальф. — Но все эти руки, насколько я понимаю, направляла одна лиходейская воля. Кто-то выполз — или был выгнан — из самых глубинных подземных вод. Там, в неизведанных черных безднах, обитает немало древних чудовищ, пострашнее, чем орки или волколаки. — Маг не добавил, что чудовище из бездны охотилось, по-видимому, именно за Фродо.

— Только чудовищ нам и не хватало, — хрипло пробурчал себе под нос Боромир. — И ведь я был против этой Черной Бездны. Кто теперь выведет нас отсюда? — Боромир не хотел, чтоб его услышали, но гулкое эхо усилило звук...

— Я, — отозвался Гэндальф. — И Гимли. Кстати, нам пора отправляться в путь. — Он поднял вверх свой Магический Жезл, и тот засветился голубоватым светом.

Держа в руке светящийся Жезл, Гэндальф начал подниматься по лестнице. Лестница была крутой, но широкой. Путники насчитали двести ступеней, а потом увидели сводчатый коридор, уводящий в таинственную темную даль.

— Давайте поедим, — предложил Фродо. — Вряд ли в Мории найдутся ступля, а здесь, на ступеньках, можно есть сидя. — Его отпустил леденящий страх, и он вдруг понял, что очень проголодался.

Путники поели, сидя на ступенях; после еды Гэндальф вынул баклагу, и все в третий раз отхлебнули здравура.

— Здравура осталось совсем немного, но нам всем было необходимо подкрепиться, — пряча баклагу, заметил маг. — Воду тоже придется экономить. В Мории много родников и речек, но пить пещерную воду нельзя. Нам не удастся пополнить баклаги, пока мы не выйдем из пещер Мории.

— А долго нам придется идти? — спросил Фродо.

— Три или четыре дня, — сказал маг. — Если не стрясется какой-нибудь беды. По прямой от Западных до Восточных Ворот лиг сорок. Но прямой дороги здесь нет.

Хранители собрали вещевые мешки и пошли за Гэндальфом по темному коридору. Всем им хотелось оказаться в Черноречье, под открытым небом, как можно скорей, и они решили, что не будут отдыхать, хотя их буквально шатало от усталости. Гэндальф бессменно возглавлял колонну. В левой руке он держал свой Жезл, рассеивающий черную тьму коридора шага на три вперед, а в правой — Яррист. Рядом шел неутомимый Гимли, и за ним — Фродо с обнаженным Терном. Клинки Терна и Ярриста не светились, а значит, орков поблизости не было, ибо мечи, изготовленные эльфами в Предначальную Эпоху, тревожно мерцали, когда неподалеку появлялись орки. Позади Фродо шел верный Сэм, Мерри с Пином, Леголас и Боромир; замыкал шествие молчаливый Арагорн.

После двух или трех плавных поворотов путники заметили, что движутся под уклон. Вскоре их стала донимать жара, однако духоты они не ощущали, а иногда их лица овевало прохладой: сквозь отдушины, как-то выходящие на поверхность, в пещеры проникал свежий воздух с гор. Временами при свете Магического Жезла Фродо видел поперечные галереи, лестницы, ведущие то вверх, то вниз, разветвления коридора, по которому они шли, и с тревожным любопытством пытался понять, какими ориентирами пользуется маг.

Гимли если и помогал Гэндальфу, то главным образом верой в победу — его не угнетала безмолвная тьма, — но маг выбирал направление сам, изредка предварительно советуясь с гномом. Схему пещер Морийского царства не мог удержать в голове даже Гимли, несмотря на то что он, сын Глоина, принадлежал к племени подгорных гномов. Да и маг руководствовался только чутьем, ибо, разыскивая некогда Трэйна, пересек Морию с востока на запад, а сейчас они шли с запада на восток; однако направление он выбирал безошибочно: чутье ни разу его не подвело.

— Не надо тревожиться, — сказал Арагорн.

Гэндальф, стоя у развилки коридора, дольше обычного совещался с Гимли, и Хранителей охватило смутное беспокойство.

— Не надо тревожиться, — повторил Арагорн. — Мы не раз попадали с ним в скверные переделки, и он всегда находил из них выход; а от эльфов я слышал об его путешествиях, куда опаснее и серьезней этого. Мы пошли за ним в Морию, и он нас выведет — выведет, что бы с ним самим ни случилось. Он умеет отыскивать дорогу во тьме искусней, чем кошки королевы Берутиэль.

Такой проводник был спасением для Отряда. Хранители не успели заготовить факелов — во время свалки у Ворот Мории никто об этом, разумеется, не подумал, — а без света они не ушли бы далеко. Во-первых, коридор постоянно разветвлялся; во-вторых, на пути им попадались речки, глубокие колодцы и

широкие расселины; через одну из них, шириной шага в три, гулкую (по ней струился ручей) и при взгляде сверху бездонно-черную, Пина едва уговорили перепрыгнуть.

— Веревка, — уныло укорил себя Сэм. — И ведь я же знал, что она понадобится!

Расселины преграждали им путь все чаще, и они продвигались удручающе медленно. Спуску, казалось, не будет конца. От усталости у них подкашивались ноги, однако отдыхать никто не хотел. Фродо опять стало не по себе. Сначала, после спасения от щупалец и глотка живительного раздольского здравура, он как будто бы совсем успокоился, а теперь его снова одолевал страх. Хотя он полностью вылечился от раны, нанесенной ему Черным Всадником у Заверти, ранение не прошло для него бесследно. Он начал отчетливей воспринимать мир: ему нередко открывалось то, чего другие обычно не замечали. Он лучше спутников видел во тьме; увереннее их предвидел опасности; раньше, чем они, предчувствовал неудачи. Маг был, конечно, дальновидней Фродо, но сейчас Фродо, Хранитель Кольца, ощущал, что их окружают враги — Кольцо висело у него на шее и наливалось грозной, холодной тяжестью, — большой отряд незримых врагов ждал их где-то впереди, в засаде, а один враг крался за ними. Однако Фродо не подымал тревоги, ибо доверял своим опытным спутникам гораздо больше, чем себе самому, — он крепко сжимал рукоять Терна, стараясь не отставать от Гимли и Гэндальфа. Интересно, знал ли о врагах маг?..

Хранители почти не разговаривали друг с другом, а если и обменивались короткими фразами, то понижали голос до глухого шепота. Тишину нарушал лишь шорох шагов, а когда Гэндальф выбирал дорогу и путники поневоле стояли на месте, в черном безмолвии затихшего коридора раздавалось негромкое журчание воды. Но с некоторых пор Фродо стал слышать — или ему это только казалось? — какой-то едва различимый шум, не похожий на журчание пещерных ручьев. Этот шум напоминал осторожное шлепанье пары проворных босых подошв. Шлепанье обрывалось — однако не сразу, и слышалось дольше, чем звучало бы эхо, — когда останавливались сами Хранители.

К полуночи путники вступили в зал с тремя черными полукружиями арок, за которыми начинались три коридора, и тут Гэндальф серьезно задумался. Все коридоры были попутными, ибо вели, в общем-то, на восток; но левый опускался, правый подымался, а средний тянулся вдаль горизонтально, да зато был уже и ниже, чем крайние.

— Нет, не помню я этого места. Решительно не помню, — признался маг. Он поднял вверх светящийся Жезл, в надежде обнаружить над арками знаки, которые помогли бы ему сделать выбор. Никаких надписей на стенах не было. — Видимо, я слишком утомлен, — сказал он, — чтобы решать сейчас, куда нам идти. Да и вам, я думаю, не мешало бы отдохнуть. Надо отложить решение до утра... хотя светлей здесь утром не станет. И все же утро вечера мудренее.

В северной стене огромного зала путники заметили каменную дверь. Гэндальф подошел к ней и, стоя чуть сбоку, слегка надавил на нее рукой — негромко скрипнув, дверь отворилась.

— Назад! — рывкнул маг, когда Мерри и Пин с радостными возгласами юрк-

нули за дверь, решив, что здесь они отдохнут спокойней, чем на каменном полу неуютного зала. — Назад! — Хоббиты отступили в зал. — Мы не знаем, куда ведет эта дверь, — объяснил им Гэндальф. — Я войду первый.

Он вошел и, высветив Магическим Жезлом небольшую комнату с низким потолком, позвал оставшихся за дверью Хранителей.

— Видите? — спросил он вошедших спутников, указав Жезлом на круглую дыру, которая чернела в середине комнаты. У дыры валялись ржавые цепи и осколки разбитой каменной крышки.

— Не одерни вас Гэндальф, — сказал Арагорн, с укором глянув на Мерри и Пина, — ухнули бы вы, голубчики, вниз и, быть может, еще и сейчас бы гадали, когда вам суждено долететь до дна. У нас, по счастью, есть опытный проводник — нечего без надобности соваться вперед.

— Это Караульная, — объявил Гимли. — Здесь днем и ночью сидели часовые, охранявшие вход в те три коридора. А колодец для воды был закрыт крышкой. Он, я думаю, очень глубокий. — Гном с усмешкой покосился на хоббитов.

Колодец словно бы притягивал Пина. Пока Хранители расстилали одеяла — как можно дальше от черной дыры, — Пин подполз к краю колодца и, подавив страх, заглянул внутрь. На него повеяло влажной прохладой. Не совсем понимая, чего ему хочется, он нашарил камень, швырнул его вниз, затаил дыхание и прислушался к тишине. Однако ему не хватило воздуха — так долго падал в колодец камень, — он несколько раз перевел дыхание и наконец услышал далекий всплеск, многократно повторенный колодезным эхом.

— Что это? — тотчас насторожился Гэндальф. Пришлось Пину во всем признаться. Маг успокоился, но Пина выругал. — Мы не на прогулке для хоббитов-несмышленишек, — гневно нахмурившись, сказал он Пину. — Когда ты в следующий раз соскучишься, лучше уж прыгай в колодец сам, чтоб избавить Отряд от юного неслуха. А сейчас угомонись и посиди молча.

Гэндальф прислушался: все было тихо; и вдруг из темной глубины колодца выкатилось усиленное эхом постукивание: тук-тук-тук, тук-таки-тук. Потом оборвалось и, когда эхо смолкло, зазвучало опять: так-туки-так... Донельзя подозрительное и странное постукивание — как будто кто-то подавал сигналы. Однако вскоре постукивание стихло, и Караульная погрузилась в темную тишину — Жезл Гэндальфа едва светился.

— Мы слышали молот, — объявил гном, — или я в этом ничего не смыслю.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Гэндальф. — И ничего хорошего это нам не сулит. Надеюсь, что камень Пина тут ни при чем; и все же его идиотская выходка может обернуться грозной бедой. Никогда не делайте ничего подобного!.. А теперь — всем, кроме Пина, спать. Пин, во искупление своей вины, назначается часовым. Спокойной ночи.

Несчастный Пин, не сказав ни слова, отошел к двери и там притих. Караульную комнату затопила тьма — Жезл Гэндальфа окончательно потух. Пин не отрывал взгляда от колодца — ему казалось, что из черной дыры непременно выползет подгорное чудище. Он очень хотел закрыть колодец — хоть чем-нибудь, хотя бы одеялом, — однако не решился к нему подойти, даром что Гэндальф, по-видимому, спал...

На самом-то деле Гэндальф не спал: он мучительно вспоминал свое прежнее путешествие, пытаясь определить, куда им идти, ибо в Мории даже ни-

чтожнейшая ошибка могла закончиться гибелью Отряда. Через час маг встал и подошел к Пину.

— Иди уж, отдохни, — сказал он ворчливо. — Мне все равно не удастся заснуть. Я тут подумаю, а заодно и покараулю. Завтра нам предстоит нелегкий денек.

Я знаю, почему мне так трудно думать, — усевшись у двери, пробормотал маг. — Все дело в том, что я давно не курил. Ну да, я выкурил последнюю трубку накануне штурма Багровых Ворот.

Последнее, что видел, засыпая, Пин, был маг, прятавший в ладонях трубку — ее огонек высветил на мгновение узловатые пальцы и крючковатый нос.

Утром Хранителей разбудил Гэндальф — он так и просидел всю ночь у двери; зато его спутники прекрасно выспались.

— Я решил, куда мы пойдём, — сказал маг. — Средний коридор чересчур узкий, дорога к Воротам должна быть шире. В левом коридоре жарко и душно — он ведет вниз, к Морийским Копям. А нам пора подыматься вверх, и мы пойдём по правому коридору.

Восемь часов поднимались Хранители, сделав лишь два коротких привала. Они не слышали ничего тревожного и видели только огонек Жезла, который, подобно путеводной звездочке, неумоимо выводил их из Черной Бездны. Стены коридора постепенно раздвигались, потолка в темноте уже не было видно, а пол покрывали каменные плиты. Путники вышли на большой тракт; ни ям, ни предательских расселин здесь не было, и они двигались быстрее, чем вчера, тем более что коридор ни разу не разветвлялся.

По прямой они одолели, как считал Гэндальф, пятнадцать, а может, и восемнадцать лиг; но пройти им пришлось лиг двадцать — тридцать. Коридор полого подымался вверх, и у Фродо постепенно поднималось настроение; однако он все еще был угнетен и временами слышал — или думал, что слышит, — приглушенное шлепанье босых подошв.

Хранители упорно двигались вперед, пока у хоббитов не кончились силы; все уже начали подумывать о ночлеге — и вдруг оказались в черной пустоте. Они не заметили, как вышли из коридора и попали в огромную прохладную пещеру. Путники взволнованно окружили Гэндальфа; в спину им подувал теплый ветерок, а пещерный воздух был на диво свежим.

— Ну вот! — обрадованно воскликнул Гэндальф. — Кажется, мы вышли к жилым пещерам. Значит, я выбрал верную дорогу. Если мне не изменяет память, мы сейчас выше Восточных Ворот, и здесь, вдалеке от глубинных ярусов, можно, я думаю, оглядеться при свете.

Гэндальф поднял Магический Жезл, и пещеру озарила ослепительная вспышка. Черная тьма на мгновение расступилась, и путники увидели громадный зал с высоким куполообразным потолком, полированными зеркально-черными стенами и четырьмя широкими стрельчатыми арками, за которыми угадывались четыре коридора — на запад (из которого путники вышли), на восток, на юг и на север. Больше они ничего не разглядели: вспыхнувший, как молния, Жезл померк.

— Да, мы добрались до жилых ярусов, — притушив Жезл, проговорил маг. — Для освещения жилищ в отвесных склонах прорублено множество

окон-шахт, но сейчас ночь, и мы их не видели. Сегодня дальше идти не стоит: мы все утомились, а бедные хоббиты просто валяются с ног от усталости. Если я прав, то завтра утром нам не придется вставать в темноте. А теперь — спать. К завтрашнему дню мы должны как следует набраться сил. Пока нам неизменно сопутствовала удача, и большая часть пути уже пройдена... однако мы еще не покинули Морию, а Восточные Ворота — далеко внизу.

Хранители отошли к западной арке — потому что оттуда тянуло теплом, а по пещере гуляли холодные сквозняки — и, завернувшись в одеяла, прикорнули у стены. Хоббитов преследовали странные видения: им чудилось, что они безнадежно заблудились в бесконечном лабиринте черных коридоров и, пытаясь выбраться, оказались на дне безбрежного моря враждебной тьмы. Самые мрачные легенды о Мории были не такими мрачными, как правда, — а ведь с ними ничего плохого не случилось, и Гэндальф считал, что им повезло...

— Ай да гномы! — пробормотал Сэм. — Это ж надо — продолбить такую Черную Бездну! И трудилась тут, наверно, прорва работников. А зачем? Разве можно жить в темноте? Стало быть, жить-то они здесь не жили?

— Как это не жили? — оскорбился гном. — Здесь было великое Морийское царство. Везде сияли яркие огни, и Мория славилась на все Средиземье — об этом говорится в наших преданиях.

Гимли резко отбросил одеяло, вскочил на ноги и нараспев прочитал — под аккомпанемент гулко эха:

*Был свет еще не пробужден,
Когда, потрянув последний сон,
Великий Дарин, первый гном,
Легко шагнул за окоем
Высоких колыбельных скал
И в лунной тьме ему предстал
Неназванною новизной
Новорожденный мир земной.*

*Дарил он землям имена,
И оживала тишина
В названьях рек, равнин и гор,
Болот, ущелий и озер,
Но вот, как видят вещей сон,
Зеркальное увидел он
И отраженный в бездне вод —
Короной звездной — небосвод.*

*На царство первая заря
Венчала юного царя
У вод Зеркального. Но трон
Был в Морию перенесен,
И золоченый Тронный Зал
Огнями вечными сиял —
Ни тьма ночей, ни злая мгла
Сюда проникнуть не могла.*

Искристый свет крыла простер

*Под легким сводом юных гор,
Чертоги светлые всегда
Звенели музыкой труда —
Не зная страхов и забот,
Трудился даринский народ,
А в коях донных добывал
Алмазы, мрамор и металл.*

*Дремал в глубинах грозный рок,
Но этого народ не знал —
Ковал оружие он впрок
И песни пел под кровлей скал.*

*Недвижный мрак крыла простер
Под грузным сводом древних гор,
И в их тени давным-давно
Зеркальное черным-черно;
Но опрокинут в бездну вод —
Короной звездной — небосвод,
Как будто ждет он, словно встарь,
Когда проснется первый царь.*

— Здорово! — восхищенно воскликнул Сэм. — Надо мне выучить ваше сказание. Но после него здешняя темнота кажется еще чернее, чем раньше. А интересно — алмазы-то тут остались?

Гимли промолчал. Прочитав сказание, он не захотел участвовать в разговоре.

— Алмазы? — переспросил хоббита Гэндальф. — Нет, драгоценностей тут не осталось — по крайней мере в жилых пещерах. Их давно уже разграбили орки. Но на нижние ярусы, к шахтам и кладовым, не спускаются теперь даже алчные орки, ибо там властвует древний ужас.

— А зачем же Балин вернулся в Морию? — спросил мага дотошный Сэм.

— За легендарным *мифрилом*, — ответил Гэндальф. — Не железо — рабочий материал гномов, не золото и алмазы — их любимые игрушки — принесли гномам богатство и славу, а истинное, или морийское, серебро, которое эльфы называли мифрилом. В те времена морийское серебро стоило раз в десять дороже золота, а сейчас оно стало поистине бесценным, ибо его просто нет в Средиземье.

Рудная жила морийского серебра залегает на самых глубинных ярусах, тянется под горами к Багровому Рогу и там уходит в недоступные бездны. Мифрил обогатил и прославил гномов, однако от него-то и пошли все их беды, ибо, охотясь за этим металлом, они вгрызались в земные недра, пока не разбудили Глубинный Ужас, или Великое Лихо Дарина. Когда гномы бежали из Мории, добытым мифрилом завладели орки, а потом, не зная всех его свойств, заплатили им дань Черному Властелину.

Мифрил!.. Мечта народов Средиземья. Ковкий, как медь, прочный, как сталь, сияющий после полировки, как зеркало, никогда не тускнеющий и удивительно легкий. Эльфы очень ценили мифрил; их древняя эмблема, Звезда Феанора, изображение которой вы видели на Воротах, изготовлена из морийского серебра — мифрила. Между прочим, Торин подарил Бильбо мифрильную кольчугу. Интересно, где она? Наверно, лежит в каком-нибудь сундуке...

— Мифрильную кольчугу? — изумился Гимли. — Вот уж воистину — царский подарок!

— Ты прав, — спокойно подтвердил Гэндальф. — Эта кольчуга стоит дороже, чем вся Хоббитания с ее обитателями.

Фродо просунул руку под рубашку и погладил прохладные колечки кольчуги. Он сдержался и ничего не сказал своим спутникам, но был ошеломлен словами Гэндальфа. Чтобы заплатить за его кольчугу, не хватило бы всех богатств Хоббитании?! Знал ли об этом Бильбо? Наверняка! Да, он сделал ему царский подарок. Но, вспомнив Бильбо и далекую Хоббитанию, Фродо припомнил то давнее время, когда он жил себе в Торбе-на-Круче и знать не знал, ведать не ведал про Морию, про мифрил, а главное — про Кольцо. Как ему хотелось повернуть время вспять!..

* * *

Вскоре усталые путники уснули, и Фродо остался один на один с черной тишиной — он был часовым.

Он сидел, прижавшись к западной арке, и порой невольно заглядывал в коридор. Ему казалось, что по этому коридору, поднимаясь из темных глубин Мории, в пещеру вползает леденящий страх; на лбу у него выступил холодный пот, и, вытирая лоб, он с ужасом почувствовал, что его рука напоминает ледышку. Два часа своего дежурства, которые показались ему годами, он внимательно вслушивался в мертвую тишину, однако решительно ничего не слышал — даже шлепанья босых подошв.

И вместе с тем его сковывала дрема. Уже перед самым концом дежурства, когда он опять заглянул в коридор, ему померещилось, что к пещере приближаются два чуть заметно мерцающих огонька. Он вздрогнул, зажмурился и потряс головой. Потом выглянул в коридор еще раз. Никаких мерцающих огоньков там не было. «Позор, — укоризненно сказал он себе. — Наверно, я просто заснул на посту». Он встал и больше уже не садился, пока его не сменил Леголас.

Добравшись до одеяла, он мгновенно уснул, и на него навалился все тот же сон: ему казалось, что он слышит шаги — осторожное шлепанье босых подошв — и видит два мерцающих глаза, и они приближаются... Он в ужасе проснулся — пещеру заливал сероватый свет, а его спутники негромко переговаривались друг с другом.

— Доброе утро! — сказал ему Гэндальф. — Ибо над миром разгорается утро, и оно принесло нам добрую весть. Мы пересекли Морийское царство, и до вечера нам надо спуститься к Воротам, чтобы выйти наконец в долину Черноречья.

— Да, хорошо бы, — пробормотал Гимли. — Великая Мория, погруженная во тьму, нагонит страх на любого храбреца. И похоже, что Балин не проник в Морию — ведь какие-то следы он должен был оставить...

* * *

Гэндальф решил не устраивать дневки.

— Нам всем нужен отдых, — сказал он Хранителям, — но до озера Зеркаль-

ного — полдня пути. И насколько я понимаю, никому из нас не хочется провести в Мории еще одну ночь.

— Что верно, то верно, — проворчал Боромир. — Куда нам надо идти? На восток?

— Пока не знаю, — ответил Гэндальф. — По-моему, мы выше и северней Ворот, но найти к ним дорогу не так-то легко. Сначала мне надо спокойно осмотреться. Северная арка — самая светлая. Давайте-ка заглянем в северный коридор. Если мы сможем добраться до окна, мне станет ясно, где мы находимся, и я решу, куда нам идти. Но, к сожалению, окна в Морийских пещерах прорубали, как правило, очень высоко.

Хранители быстро свернули лагерь, и Гэндальф повел их в северный коридор. Коридор освещался откуда-то справа. Пройдя его — сто пятьдесят шагов, они увидели полуоткрытую дверь, через которую в коридор попадал свет. За дверью обнаружилась квадратная комната с окошком, прорубленным в восточной стене; путники, привыкшие к полной темноте, невольно зажмурились, остановились на пороге. Потом осторожно шагнули в комнату.

Наступая на какие-то хрупкие осколки, покрытые ковром черно-серой пыли, путники подошли к прямоугольному камню трех или четырех пядей высотой, расположенному в середине комнаты так, что свет из маленького окошка под потолком освещал белую мраморную плиту, которая лежала на большом камне.

— Уж не могилу ли мы нашли? — пробормотал Фродо и со скверным предчувствием склонился над плитой. К нему подошел Гэндальф. Плиту покрывали странные руны:

— Это древнеморийский язык, — посмотрев на плиту, проговорил маг, — стародавнее наречие людей и гномов. — И добавил: — Здесь выбита надгробная надпись:

**БАЛИН, СЫН ФУНДИНА,
ГОСУДАРЬ МОРИИ.**

— Значит, Балин погиб, — сказал Фродо.

Гимли надвинул свой капюшон на глаза.

— Этого-то я и опасался, — промолвил он.

Глава V Морийский мост

Хранители молча стояли у могилы. Фродо печально вспоминал Балина и его многолетнюю дружбу с Бильбо и давний приезд гнома в Хоббитанию. От-

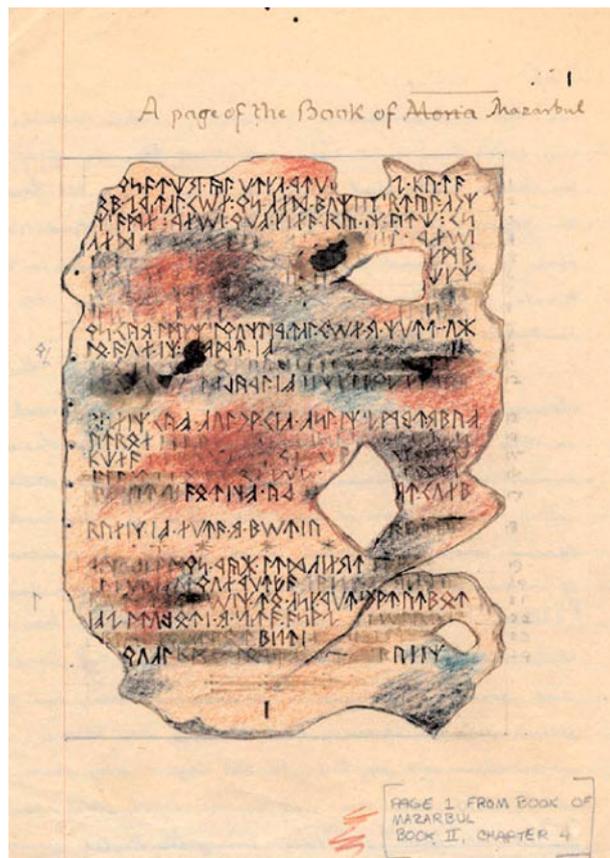
сюда, из пыльного морийского склепа, мирная жизнь тех далеких времен казалась полузабытой волшебной сказкой.

Наконец, преодолев унылое оцепенение, путники разбрелись по пыльной комнате, надеясь разыскать какие-нибудь следы, которые прояснили бы участь Балина или судьбу его храброй дружины. Под окном, напротив двери в коридор, они обнаружили еще одну дверь. Теперь, по привыкнов к дневному свету, они заметили, что хрупкие осколки, все время хрустевшие у них под ногами, были костями убитых воинов; а среди костей, в черно-серой пыли, валялись боевые топоры гномов, разбитые шлемы, треснувшие щиты и кривые мечи с воронеными клинками — излюбленное оружие горных орков.

У стен, в глубоких и вместительных нишах, стояли взломанные дубовые сундуки, окованные заржавевшими железными полосами; возле одного из них, под разбитой крышкой, Гэндальф увидел разодранную книгу. Нижний край книги обгорел, она была истыкана мечами или стрелами и заляпана бурыми пятнами — кровью. Гэндальф бережно поднял книгу и осторожно положил ее на могилу Балина. Фродо с Гимли подошли к магу и смотрели, как он перелистывает страницы, исписанные многими разными почерками на эльфийском, дольском и морийском языках. Страницы были твердыми и ломкими, словно тонкие костяные пластины.

Первая страница книги Мазарбула (гномского королевства в Мории). Рис. Д. Р. Р. Толкиена

— Насколько я понимаю, — проговорил Гэндальф, — это летопись Балинского похода. Начата она тридцать лет назад, со вступления дружины Балина в Черноречье. Видите, тут написано I/3? По-моему, это значит *год первый, страница третья* — двух первых страниц в книге недостает. И вот что мне удалось разобрать.

Мы уничтожили охрану орков у Ворот и в Кар... — дальше прочитать невоз-

можно, страница залита кровью; но тут-то все ясно: *в Караульной комнате. Однако часовые успели поднять тревогу, и многих орков мы... — видимо, убили — ...в битве у Зеркального озера. Флои порубил целый отряд врагов, но и сам был смертельно ранен вражеской стрелой...* Две строчки я прочитать не сумел. Дальше говорится: *...выбили орков из Двадцать первого чертога в Северном крыле. Здесь...* Опять непонятно, но упоминается слово *шахта*. И наконец: *...Балин со своими советниками расположился в Летописном чертоге...*

— Это и есть Летописный чертог, — оглянувшись на сундуки, заметил Гимли.

— Дальше несколько страниц залито кровью, я разобрал только слова *золото, топор Дарина и шлем*. Потом: *...Балин провозгласил себя государем Морийского царства*. Тут кончается первая запись, и после трех звездочек другой рукой написано: *Мы нашли истинное серебро...* Снова ничего непонятно, кроме предпоследней строки: *...Оин отправился к складу оружия на Третьем глубинном ярусе...* — опять пятно крови — *...на запад...* — и после проткнутой копьем дыры — *...к Эльфийским Воротам*.

Гэндальф молча листал Летопись.

— Несколько страниц очень сильно попорчены, при этом свете их не прочтешь, — после долгой паузы сказал он спутникам, — но видно, что их заполняли в спешке и, по всей вероятности, разные летописцы. Потом сколько-то страниц вырвано и следующие помечены цифрой V — пятый год с начала похода, V/1, V/2, V/3, V/4... Нет, ничего не могу разобрать. А тут? Ага, вот разборчивый почерк, но запись почему-то сделана по-эльфийски.

Гимли придвинулся к надгробию вплотную и под рукой Гэндальфа заглянул в Летопись.

— Это почерк Ори, — объявил он. — У него, как я слышал, была привычка записывать важные сообщения по-эльфийски.

— Боюсь, что это важное сообщение окажется весьма и весьма печальным, — сказал маг, вглядываясь в Летопись. — Первое ясное слово тут — *скорбь*. Дальше снова трудно разобрать, и потом — *...ра*. По-видимому, *вчера*. Да, так оно и есть, слушайте: *...вчера, 10-го ноября, погиб государь Мории Балин. Он спустился к Зеркальному, и его застрелил из лука притаившийся в скалах орк. Царские дружинники уничтожили орка, однако огромный отряд врагов...* Конец страницы оборван, а следующая страница начинается словами: *...с востока по Серебрянке...* Тут опять пятно засохшей крови, и потом: *...успели закрыть Ворота...* дальше дыра, пробитая, вероятно, стрелой, и несколько слов: *...удержали бы Ворота, если б не...* А ниже страница обуглена, так что осталось лишь одно слово — *чудовищный*. Жаль Балина, он был храбрым воином и со временем стал бы великим государем. Его царствование длилось только пять лет. Здесь Летопись, как видите, обрывается, а разыскивать вырванные страницы нам некогда, и мы, наверно, никогда не узнаем, что же произошло с Балинской дружиной.

Да, это очень мрачная Летопись, — листая книгу, заключил маг. — Дружинники, без сомнения, тоже погибли, и погибли мучительной смертью... Послушайте... *Нам некуда отступить. Некуда! Они захватили Мост и Караульную. Лони, Фрар и Ноли свалились...* Тут шесть или семь страниц слиплись от крови, а дальше речь идет о Западных Воротях: *Привратница затопила долину. Вода поднялась до самых Ворот. Глубинный Страж уволок Оина в воду. Нам некуда*

отступать. Некуда!.. И все, нижний край страницы оторван. — Маг в задумчивости опустил голову. — Ага, вот еще одна страница, — шагнув к нише, проговорил он и поднял с полу измятый листок. — Она исписана только до половины. Похоже, что ею заканчивается Летопись. Слушайте: ...*Нам некуда отступать. Некуда! Они вызвали из Глубинных ярусов Смерть! От страшного грохота где-то внизу того и гляди провалится пол. Они приближаются!..* Это заключительные слова Летописи... Да, хотелось бы мне понять, о чем говорит последний летописец. — Маг снова задумался и умолк.

— «Нам некуда отступать», — пробормотал Гимли. И вдруг Хранители отчетливо осознали, что они забрались в могильный склеп. Всем, даже Гэндальфу, стало не по себе.

— Они воевали на два фронта, — нарушил напряженную тишину Гэндальф, — защищали и Восточные, и Западные Ворота. Да и в Мории их подстерегал враг... дорого бы я дал, чтоб узнать — какой. Героическая, но безрассудная попытка не удалась, Балин и все его дружинники погибли... А теперь нам пора отсюда уходить. Гимли, захвати Балинскую Летопись, ее надобно передать Даину, хотя она и ввергнет его в печаль. Спи спокойно, отважный Балин, Мория приютила тебя навсегда!.. Пойдемте, нас ждет нелегкая дорога.

— А куда мы теперь? — спросил Боромир.

— Сначала обратно, — ответил Гэндальф. — Но мы не напрасно потратили время. Этот склеп — бывший Летописный чертог, и теперь я знаю, где мы находимся: на Седьмом ярусе, в Северном крыле. А Ворота расположены на Первом ярусе. Сейчас мы вернемся в Купольный зал — у гномов он назывался Двадцать первым чертогом, — спустимся по восточному коридору вниз и, свернув на юг, выйдем к Воротам. В путь! — Гэндальф шагнул вперед...

...И тотчас из гулких глубин Мории до них донесся раскатистый грохот — Р-Р-Р-О-К, — и они ощутили под ногами судорожную дрожь каменного пола.

Путники, не сговариваясь, ринулись к двери.

Р-Р-Р-О-К — волна грохочущего рокота во второй раз прокатилась по Морийским пещерам, и потом еще раз, и еще, и еще — Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-О-К, — как будто недра необъятной Мории кто-то превратил в громадный барабан. И, словно в ответ громopodobному грохоту, неподалеку резко протрубил рог, и Хранители услышали тяжелый топот.

— Орки! — громко воскликнул Гимли.

— Они приближаются, — вскричал Леголас.

— Ловушка, — хрипло проговорил маг. — Мы пойманы, как некогда дружинники Балина. Но с ними не было меня! Посмотрим...

Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-О-К — гремела Мория, и стены комнаты явственно сотрясались.

— Попытайтесь запереть восточную дверь! — крикнул Арагорн, обнажая меч. — Надо прорваться в Купольный зал! Мы с Боромиром пойдем впереди.

— Не торопись, — остановил Арагорна Гэндальф. — Нам пока незачем начинать драку. Давайте отступим через восточную дверь.

Снова пронзительно протрубил рог. Слитный топот быстро приближался. Все Хранители выхватили мечи. Яррист светился синеватым светом. Радужно мерцал маленький Терн. Боромир закрыл западную дверь.

— Подожди! — Гэндальф шагнул к Боромиру, приоткрыл дверь и громко

крикнул: — Кто нарушает покой Балина, державного властителя Морийского царства?

В ответ послышались раскаты хохота и раздались резкие слова команды, Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-О-К — гремело из глубины.

Гэндальф принагнулся, выглянул за дверь, и на мгновение его Жезл ослепительно вспыхнул. Прежде чем орки успели опомниться, маг уже снова захлопнул дверь: ни одна стрела его не задела.

— Там не только орки, — сказал он спутникам. — С ними черные урхи из Мордорских земель, они гораздо опасней орков. И один гигантский пещерный тролль, а может, и несколько, я не разглядел. В Купольный зал нам дорога закрыта.

— Да и на восток, я думаю, закрыта, — обронил угрюмое пророчество Боромир.

— Здесь пока тихо, — возразил Арагорн, подошедший тем временем к восточной двери. — За дверью лестница, ведущая вниз, так что Купольный зал нам вроде бы не нужен, но, по-моему, отступить, не зная куда, с погоней за плечами очень опасно. Мы даже не можем запереть дверь — засов на ней сломан, и открывается она внутрь. Сначала надо остановить врагов... Они запомнят Летописный чертог, — процедил он сквозь зубы, оглянувшись назад, — а кое-кто из них останется здесь навсегда.

В коридоре послышались тяжелые шаги. Боромир торопливо подсунул под дверь пять или шесть сломанных мечей и забил их, как клинья, дубовой доской. Шаги смолкли, и на каменную дверь обрушился из коридора сокрушительный удар; дверь выдержала, но мелко затряслась, и от следующего удара немного приоткрылась — клинки-клинья, отъезжая назад, прочертили в полу глубокие борозды. На дверь обрушился третий удар, и в щель просунулась огромная рука, покрытая зеленовато-черной чешуей. Потом дверь еще раз содрогнулась, и Хранители увидели гигантскую ступню — черно-зеленую, плоскую и беспалую. Скрежеща клиньями по каменному полу, дверь медленно, но неуклонно открывалась.

Боромир рубанул по руке мечом, но меч со звоном отскочил вверх и, едва не вывернув гондорцу кисть, отлетел под ноги оцепеневшему Фродо.

А Фродо, неожиданно для себя самого, неистово выкрикнув: «Бей, Хоббитания!», рванулся к двери и со всего размаха вонзил Терн в чешуйчатую ступню. Хранителей оглушил пронзительный вой, и громадная ступня отдернулась за дверь — Фродо едва удержал Терн. Стекая с Терна, на каменный пол шмякнулось несколько черных капель. Боромир снова захлопнул дверь и вогнал в щель выскочившие клинья.

— Ай да Хоббитания! — воскликнул Арагорн. — Хоббиты, я вижу, разят без пощады. У тебя превосходный клинок, мой друг!

А дверь уже снова сотрясалась от ударов. Окажись она деревянной, ее давно разнесли бы в щепки: у нападающих были палицы или молоты. Внезапно она опять приоткрылась. Воздух взрезали свистящие стрелы; однако дверь была открыта не полностью, и стрелы, ударяясь о северную стену, с еле слышным шорохом валились на пол. Совсем близко протрубил рог, и в комнату начали протискиваться орки; щель была узкой — дверь заклинило, — и враги пролезали внутрь поодиночке.

Хранители не успели сосчитать врагов — бой был жаркий и яростный, но короткий. Орки, не ожидавшие такого отпора, мешая друг другу, топтались на месте. Леголас уложил двух орков из лука; орку, вспрыгнувшему на могилу Балина, перерубил ноги подоспевший Гимли; троих орков убил Боромир; двоих — Арагорн; одного — Гэндальф. Орки дрогнули, попятились к двери и с визгливыми воплями убрались в коридор.

Враги ранили — к счастью, легко — лишь Сэма: он сумел вовремя отскочить, и ятаган орка оцарапал ему плечо; зато орк не успел приготовиться к защите, и Сэм, сделав глубокий выпад, проткнул его насквозь своим мечом из Могильника. В карих, сузившихся глазах Сэма полыхал суровый бойцовский огонь — то-то удивились бы его родители, если бы увидели сейчас сына.

— А теперь — отступаем, — распорядился Гэндальф, — пока они снова не привели тролля.

Однако Хранители не успели отступить: в комнату протиснулся предводитель врагов — огромный, чуть ниже Арагорна, орк со смуглым, широким и плоским лицом, маленькими, горящими, словно угли, глазами, вздернутым носом и низким лбом. На нем была черная кольчужная рубаха, свисающая до голенищ кожаных сапог, и вороненый, инкрустированный серебром шлем; в левой руке он держал щит, а в правой — длинное и массивное копьё. Другие орки толпились у двери, но входить в комнату явно не спешили.

Орк-предводитель бросился к Фродо и, закрывшись от Арагорнова меча щитом, умело нырнув под меч Боромира, со страшной силой метнул копьё, пригвоздившее несчастного Фродо к стене; правда, хоббит успел повернуться, и копьё вошло ему не прямо в грудь, а соскользнуло по мифрильной кольчуге чуть вбок. Сэм перерубил вражье копьё, и Фродо безжизненно сполз по стене, а орк уже выхватил черный ятаган и хотел прикончить незащитного Фродо, но в это мгновение тяжелый Андрил, сверкнув, обрушился на шлем врага, и он упал с разрубленной головой — шлем не спас его от Возрожденной Молнии. Боромир и Арагорн рванулись к двери, но остальные орки поспешно отступили.

Р-Р-Р-О-К — тяжело вздохнула Мория.

— Скорей! — властно скомандовал Гэндальф. — Все на лестницу! Не то будет поздно!

Арагорн подхватил упавшего Фродо, вытолкнул Мерри с Пином из комнаты и быстро проскользнул в полуоткрытую дверь. Следом вышли остальные Хранители. Последним выбрался на лестницу Леголас, таща за собой упирающегося Гимли: гном, словно бы позабыв об опасности, никак не хотел уходить от могилы. Боромир что есть силы потянул дверь, и она медленно, со скрипом, закрылась; однако запереть ее было нечем.

— Меня... не ранило... Я пойду... сам, — одышливо сказал Арагорну Фродо.

Тот чуть не выронил хоббита из рук.

— Так ты, значит, жив? — изумился он.

— Мертвые не разговаривают, — проворчал Гэндальф. — Но нам сейчас некогда удивляться чудесам. Спускайтесь и ждите меня внизу, а если я вскорости не появлюсь — уходите. Ворота в двух примерно лигах к югу. Да смотрите не спуститесь ниже Первого яруса!

— Я тоже останусь, — сказал Арагорн.

— Спускайся! — властно приказал Гэндальф. — Мечом ты тут ничего не сде-

лаешь.

На лестнице не было оконных шахт, и они спускались в полной темноте. Фродо машинально считал ступени; их оказалось восемьдесят пять: на этом лестничный марш закончился. Путники подняли головы вверх, но увидели только огонек Жезла. Вероятно, враги еще не опомнились, и маг по-прежнему стоял у двери. Фродо с трудом перевел дыхание — ему было трудно вздохнуть глубоко; он обессиленно прислонился к Сэму, и тот обнял его за плечи. Внезапно послышался голос Гэндальфа, но слов Хранители разобрать не смогли: их исковеркало гулкое эхо. Глухо громыхнул глубинный гром; дрогнул под ногами путников пол.

Вдруг Жезл мага ослепительно вспыхнул, стер на мгновение темноту — и потух. Р-Р-Р-Р-О-К — победно громыхнула тьма, а потом грозно грохочущий рокот загремел у них над самой головой — Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — и стих. По лестнице кубарем скатился Гэндальф.

— Идемте! — крикнул он, вскакивая на ноги. — Мне повстречался страшный противник, я с трудом выстоял. В путь, скорее! Сначала нам придется идти без света, у меня нет сил, чтоб засветить Жезл. Гимли пойдет со мной, впереди. Не отставайте от нас ни на шаг. Вперед!

Ничего не поняв из объяснений Гэндальфа — а расспрашивать его никто не решился, — Хранители послушно двинулись за ним. Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — гремело вдаль; громыхание казалось теперь приглушенным, однако оно доносилось не снизу, а как бы катилось вслед за беглецами. Никаких иных признаков преследования — торопливого топота, громких воплей или резких команд — путники не слышали. Гэндальф шагал, никуда не сворачивая, хотя им встречались поперечные галереи: коридор, по которому они сейчас шли, вел в нужную сторону, к Восточным Воротам. Порой им попадались крутые лестницы, и маг, чтобы не свалиться вниз, постукивал по полу Магическим Жезлом — так обыкновенно ходят слепые, — засветить Жезл он все еще не мог.

За час они одолели чуть больше лиги и несколько раз спускались по лестницам; темнота была безмолвной и беспросветной; но с каждым шагом в них крепла надежда, что им удалось уйти от погони. После седьмой, самой длинной, лестницы (Фродо насчитал в ней сто ступеней) Гэндальф устало остановился и сказал:

— По-моему, мы спустились на Первый ярус. Если двигаться по этому коридору дальше, он уведет нас в Южное крыло. Пора сворачивать налево, к востоку. Надеюсь, Ворота уже недалеко. Я очень устал. Мне нужен отдых. Иначе я просто не дотащу до Ворот.

Гимли подставил магу плечо, и тот тяжело опустился на ступеньку.

— Ты сдерживал того, который грохотал? — спросил его Гимли. — Который из Глубин?

— Не знаю, — раздумчиво ответил Гэндальф. — Я впервые встретился с таким противником, и мне не оставалось ничего другого, как запереть дверь Неснимаемым Наговором. Я знаю много Неснимаемых Наговоров, да чтобы наложить их, требуется время, и дверь не становится от этого прочнее: открыть ее нельзя, а выломать — можно.

Я готовился встретить орков и троллей. За дверью уже слышались их голо-

са, но о чем они толкуют, я не разобрал: их тарабарский язык очень труден для понимания. Впрочем, одно-то слово я уловил — они все время его повторяли, — *гхаиш*, или в переводе — «огонь». А потом им на помощь явился союзник, которого они сами панически боятся.

Кто он такой или что это такое, я понять не сумел; а главное, не знаю, можно ли победить его в единоборстве. Неснимаемый Наговор он преодолел: несмотря на мое отчаянное сопротивление, дверь начала понемногу открываться. Тогда, собрав последние силы, я произнес Запретительное Заклятье. Но дверь, под напором противоборствующих сил, разлетелась вдребезги — а ведь она была каменной!

Мне не удалось ничего разглядеть, ибо в комнате клубилось косматое облако — раскаленное и темное, как дым над горном. Я не успел подготовиться к встрече, и меня — к счастью! — отшвырнуло вниз, а стены комнаты с грохотом рухнули.

Над могилой морийского государя Балина воздвиглось истинно царское надгробие. Надеюсь, моего противника завалило... хотя уверенности у меня нет. Так или иначе, мы выиграли время: нас отгородил от преследователей обвал. Ох и вымотал меня этот поединок! А впрочем, чепуха, мне уже лучше... Да, так что же произошло с Фродо? Я, признаться, ушам своим не поверил, когда вдруг послышался его голосок. Мне-то казалось, что в руках у Арагорна поразительно храбрый, но мертвый хоббит.

— Я жив... и, по-моему, невредим, — сказал Фродо. — На груди у меня, наверно, громадный синяк... ну да ничего, это скоро пройдет.

— Хоббиты умеют разить без пощады, а сами, похоже, изготовлены из мифрила, — с мимолетной усмешкой заметил Арагорн. — Теперь я понимаю, как серьезно рисковал, насильно навязывая им свое общество в пригорянском трактире толстяка Наркисса. Этот орк проткнул бы насквозь и быка!

— Меня он, по счастью, проткнуть не сумел, — проговорил Фродо, потирая грудь. — Правда, мне почудилось, что я оказался между молотом и наковальней, — добавил он. Больше хоббит ничего не сказал: ему в самом деле было трудно дышать.

— Ты частенько напоминаешь мне Бильбо, — глянув на Фродо, заметил Гэндальф. — Он тоже любил удивлять своих спутников.

Размышляя о словах Арагорна и Гэндальфа, Фродо так и не смог решить, все ли они сказали, что думали.

Путники шли по коридору на юг. Неожиданно Гимли с тревогой спросил:

— Вы видите свет? Там, впереди? По-моему, это отблески пожара.

— *Гхаиш*, — невольно пробормотал маг. — Интересно, что они имели в виду? Но деваться нам некуда, надо идти... — Он, не останавливаясь, шагнул вперед.

Гимли был прав. Шагов через тридцать коридор круто пошел под уклон, и путники увидели низкую арку, озаряемую изнутри бликами огня. В коридоре стало светло и жарко.

Гэндальф подал им знак остановиться, вошел под арку и на мгновение замер — его осветили розоватые всполохи.

— Нам подготовили пышную встречу, — вернувшись к Отряду, сказал он спутникам, — но теперь я знаю, где мы находимся. За аркой расположен Привратный покой, через который тянется Главный тракт, соединяющий Восточ-

ные и Западные Ворота. Миновав арку, мы свернем налево, Привратный чертог выведет нас к Мосту, мы пересечем Морийский ров, подыдемся по лестнице и выйдем в Черноречье! До Ворот осталось пол-лиги, не больше. А сейчас посмотрите, как нам везет.

Путники заглянули в Привратный чертог. Он был просторней и выше, чем Двадцать первый. Посредине этого удлиненного зала двумя рядами тянулись колонны, похожие на могучие каменные деревья. Поднятые вверх ветви деревьев поддерживали теряющийся в сумраке потолок. Справа, совсем недалеко от арки, зал пересекала широкая трещина, в которой буйно полыхало пламя, и на черных стволах деревьев-колонн дрожали кроваво-красные блики. Иногда змеистые языки пламени злобно обвивались вокруг колонн. Над расселиной клубилась дымная туча.

— Если б мы шли по Главному тракту, нас перебили бы у этой трещины, — покачав головой, проговорил Гэндальф. — Будем надеяться, что нам повезло и она задержит наших преследователей. Однако времени терять нельзя...

Только что Гэндальф это сказал, как путники услышали тяжкий грохот, угрожающие крики и звуки рога. От грохота содрогнулись каменные колонны и бессильно опали языки пламени.

— За мной! — властно приказал Гэндальф. — Если сегодня солнечный день, орки не решатся выходить из пещер. Последнее усилие, и мы спасены!

Гэндальф торопливо вышел из-под арки и побежал по Привратному чертогу на восток. Зал оказался более длинным, чем думали Хранители; но пол был ровный, и бежать им было бы вовсе не трудно, если б не их застарелая усталость. За расселиной послышались пронзительные вопли — орки заметили убегающих путников. Над головой Фродо просвистела стрела. Боромир глянул назад и расхохотался.

— Ишь, рассвирепели! — прокричал он. — А вот не устраивай другим ловушек!

— Рано радуешься! — оборвал его маг. — Впереди опасный и узкий Мост.

Вскоре им открылась черная пропасть и узкая, без перил, арка Моста длиной в пятьдесят — шестьдесят шагов. Гномы выстроили его столь узким, чтобы защищать Морию от врагов, если те выломают внешние ворота. Идти по нему можно было лишь гуськом. Подбежав к Мосту, Гэндальф остановился, и его окружили запыхавшиеся Хранители.

— Гимли — первый, — приказал маг. — За ним — хоббиты, Леголас и люди.

Стрела клюнула Фродо в спину и, со звоном отскочив, упала на землю. Другая, проткнувшая шляпу мага, торчала из нее, как черное перо. Фродо с тревогой посмотрел назад. За расселиной, в отсветах огня, толпились черные фигурки орков — их собралось там несколько сотен. Они размахивали длинными копьями и черными, в багровых бликах, ятаганами. Все громче грохотал глубинный гром — Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К.

Леголас вынул из колчана стрелу, но, оглянувшись, испуганно вскрикнул и уронил ее. К расселине подошли два громадных тролля с длинными каменными плитами в руках: они собирались соорудить мост. Однако не троллей испугался эльф. Внезапно орки в страхе расступились, и путники увидели исполинскую тень, окутанную космато клубящейся тучей; в ней угадывалась свирепая мощь, внушающая ужас всему живому.

У расселины туча на миг замерла, и багровое пламя сейчас же поблекло,

будто придушенное завесой дыма. А потом чудовищный союзник орков легко перемахнул раскаленную трещину, и поблекшие было языки пламени с приветственным гулом взметнулись вверх, радужно расцветив косматую тучу; сгусток тьмы в туче уплотнился и обрел очертания громадного человека с клинком пламени в правой руке и длинным огненным хлыстом в левой.

— Спасайтесь! — отчаянно закричал Леголас. — Это Барлог! Его не уничтожишь! Спасайтесь!

Глаза гнома остекленил ужас.

— Вот оно, Великое Лихо Дарина, — прошептал он и, выронив топор, закрыл лицо обеими руками.

— Барлог, — хрипло пробормотал Гэндальф. — Теперь понятно. — Он оперся на Жезл. — А я и так до смерти устал.

Барлог стремительно приближался к Хранителям. Тролли перекрыли расщелину плитами, и орки двинулись вслед за Барлогом. Боромир громко протрубил в рог, и клич Гондора, усиленный эхом, остановил орду наступающих орков; даже Барлог на мгновение задержался. Но отзвуки вскоре заглохли, и враги снова двинулись вперед.

— Бегите! Живо! — скомандовал Гэндальф. — Поднимайтесь по лестнице и уходите к Зеркальному. Этот противник вам не по силам. Да и я не смогу его остановить, если в бой ввяжутся орки с троллями. Мне надо встретить его на Мосту. — Путники по одному перешли Мост и остановились около лестницы, не в силах бросить Гэндальфа одного. А Боромир с Арагорном застыли у рва.

Темная туча с огненными проблесками, окутывающая черную фигуру Барлога, неспешно подползла к узкому Мосту. В середине Моста, опираясь на Жезл и устало ссутулившись, стоял Гэндальф. Барлог тоже на мгновение замер; его косматая мантия уплотнилась и раздалась в стороны, как два крыла; огненный хлыст со многими хвостами щелкнул, рассыпая багровые искры; клинок раскаленного, но темного пламени обрел форму изогнутого меча. Однако Гэндальф не сдвинулся с места.

— Уходи, — негромко проговорил он. Орки молчали; Привратный чертог затопило зловещее предгрозовое безмолвие. — Я служитель вечного солнечного пламени, — все так же негромко продолжал Гэндальф, — и повелитель светлого пламени Анора. Тебе не поможет Багровая тьма: Огонь Глубин на земле бессилён. Ты не пройдешь по Мосту. Уходи!

Барлог ничего не ответил Гэндальфу. Проблески огня в его крыльях угасли, но багровой чернью налился ятаган и тускло засветились хвосты хлыста. Он шагнул вперед, и черные крылья, неожиданно выросшие до гигантских размеров, завесой тьмы нависли над магом. Однако сомкнуть два черных крыла над серо-серебристой фигуркой Гэндальфа Барлогу явно было не под силу.

Тогда он развел ослабевшие крылья и поднял багрово-черный ятаган.

Холодно взблеснул голубоватый Яррист.

Путников ослепила синеватая вспышка, раздался звон, и багровый ятаган распался на тысячу тусклых осколков. Барлог вздрогнул и в замешательстве попятился; маг покачнулся, однако не отступил.

— Ты не пройдешь, — проговорил он.

Барлог молча устремился вперед. Засвистел и оглушительно хлопнул хлыст.

— Ему не выстоять одному! — вскричал Арагорн и побежал по узкому Мосту к магу. — *Элендил!* — громко воскликнул он. — Я с тобой Гэндальф, мы его сокрушим!

— Гондор! — грозно прорычал Боромир и помчался по Мосту вслед за Арагорном.

А Гэндальф поднял Магический Жезл и, когда он засверкал, как маленькое солнце, резко, наискось, опустил его вниз, словно бы перечеркивая Мост перед Барлогом. Вспыхнул сноп серебристого пламени, Магический Жезл сломался пополам, а Мост под Барлогом обрушился в пропасть.

Гэндальф и барлог. Джон Хоу

С хриплым воем проваливаясь вниз, Барлог взмахнул над головой хлыстом, и хлыст дважды опоясал мага. Увлекаемый в пропасть тяжестью Барлога, Гэндальф ухватился за Мост руками, однако не удержался и, вскрикнув: «Беги-и-ите!», исчез в пасти Морийского рва; черный обломок разрушенного Моста, похожий на высунутый из пасти язык, мелко подрагивал в наступающей тьме.

* * *

Беззвучная тьма стала бархатно-черной. Парализованные ужасом, путники молчали. Первыми опомнились Арагорн с Боромиром. Едва они успели отступить к лестнице, остатки Моста рухнули в пропасть. Мертвую тишину нарушил Арагорн.

— Надо идти, — сказал он спутникам. — Это его последняя воля. Отныне я поведу Отряд.

Спотыкаясь на крутой неосвещенной лестнице, путники побрели за Арагорном вверх; Боромир замыкал колонну беглецов.

Лестница вывела их в гулкий коридор; Арагорн, не задерживаясь, двинулся вперед. Рядом с Фродо шел всхлипывающий Сэм, да и сам Фродо безмолвно плакал. Глухой, постепенно замирающий рокот едва заметно сотрясал пол. Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-О-К, Р-Р-О-К... Р-О-К...

Впереди показался освещенный зал. Хранители невольно зашагали быстрее. Зал освещали четыре окна, узкие и длинные, словно бойницы. Напротив коридора, из которого они вышли, путники заметили каменную дверь. Открыв ее, они увидели Ворота — высокую, ослепительно сияющую арку.

Вернее, Ворота путники не увидели — их давно не было, — они увидели выход. А у выхода, в тени, расположились часовые, пятеро спокойно дремлющих орков; здесь не ожидали появления Хранителей. Первым вскочил предводитель стражи — и тут же упал, сраженный Арагорном. Остальные орки в ужасе разбежались. Хранители быстро подошли к выходу и спустились по древним каменным ступеням.

Страшное путешествие завершилось.

Арагорн без отдыха двинулся дальше: он решил сразу же уйти от Ворота, чтоб орки не смогли настигнуть Отряд. Перед путниками лежала долина Черноречья. Мглистые горы заслоняли солнце, но впереди долина приветливо золотилась, а вверху синело просторное небо с легкими барашками белых облаков. Совсем недавно перевалило за полдень.

Остановившись, они оглянулись назад. В прозрачной тени Мглистого хребта угрюмо чернела громадная арка. Где-то глубоко-глубоко под землей чуть слышно ворочался умирающий грохот — Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-О-К... Р-Р-О-К... Р-О-К...

И тут, не в силах преодолеть скорбь, Хранители дали волю слезам. Одни стояли и плакали молча, другие, рыдая, повалились на землю. Всхлипывал даже суровый Боромир. Еще раз чуть слышно вздохнули глубины — РОК, — и в долине воцарилась тишина.

Глава VI Кветлориэн

— Нам пора уходить, — сказал Арагорн. Оглянувшись, он поднял Андрил — и воскликнул: — Прощай, Гэндальф! Я ведь говорил: «Тебе угрожает смертельная опасность». По несчастью, я оказался прав — и безнадежным видится наше путешествие! — Повернувшись к спутникам, Арагорн добавил: — Но мы и без надежды пойдем к Мордору. Может быть, нам удастся отомстить. А на скорбь у нас нет времени, друзья. Нам предстоит многотрудный путь.

Путники вытерли слезы и огляделись. На севере, по узкому затемненному ущелью между двумя отрогами Мглистого, катился, прыгая с уступа на уступ, серовато-белый вспененный поток, а немного дальше к северо-востоку возвышались три исполинских пика — Фануиндхол, Карадрас и Селебдор.

— Видите? Это Черноречный Каскад, — показал на уступчатое ущелье Арагорн. — Именно оттуда мы спустились бы в Черноречье, улыбнись нам счастье у Багровых Ворота.

— А над нами вместо этого посмеялся Баразинбар. Вон он и сейчас, проклятый, ухмыляется! — Гимли погрозил горе кулаком.

Отроги Мглистого, образующие ущелье с каскадом серебристых от пены водопадов, тянулись к востоку лиги на полторы, а потом русло Серебрянки расширилось, и она спокойно текла по равнине до впадения в большое овальное

озеро, наполовину закрытое тенью Мглистого; однако гладкая поверхность озера казалась темной даже на востоке — там, где его не закрывала тень. Зеркальная, без ряби, озерная вода была похожа на вечернее небо, каким оно видится из освещенной комнаты. Иссиня-лазоревого овал озера обрамляли ярко-зеленые луга.

— Помните, я его спросил в Остранне, — с грустью сказал своим спутникам Гимли, — «Неужели же мне суждено это счастье — увидеть наше заповедное озеро?» И вот теперь я увидел Зеркальное, а чувствую себя осиротевшим и несчастным...

Хранители шагали по древней дороге, мощенной шестиугольными растрескавшимися плитами; трещины в плитах и стыки между ними поросли вереском и колючим терновником. Дорога спускалась к холмистой равнине, сворачивала у Зеркального на юго-восток и потом тянулась по берегу Серебрянки; возле дороги, то справа, то слева, валялись разбитые каменные статуи. У озера высилась огромная колонна, ее вершина была разрушена.

— Это Даринский Столп! — воскликнул Гимли. — Арагорн, можно я спущусь к озеру?

— Только сразу же возвращайся обратно, — посмотрев на небо, ответил Арагорн. — Солнце закатится часа через три. Днем орки из пещер не выходят, но к ночи снарядят за нами погоню, так что нам надо уйти подальше. Сейчас новолуние, и ночь будет темной, а в темноте орки необычайно опасны.

— Пойдем, ты должен заглянуть в Келед-Зарам, — позвал гном Фродо и побежал вниз.

Фродо, преодолев апатию и усталость, побрел к темному овалу Зеркального; следом за хозяином пошел и Сэм.

Возле колонны Гимли задержался и, когда подошли хоббиты, сказал:

— Видите, тут по-морийски написано: «Отсюда Дарин впервые заглянул в Келед-Зарам». — На колонне виднелись полустертые руны, однако прочитать их было невозможно: песок и ветры заровняли надпись. — Давайте заглянем в озеро и мы! — повернувшись к берегу, предложил Гимли.

Путники наклонились над темной водой. Сначала они ничего не увидели. А потом в сине-зеркальной поверхности проступили серебристые блески звезд — хотя на небе сияло солнце — и снежные шапки высоких гор. Путников озеро почему-то не отразило, и они в смущении отошли от берега.

— Здравствуй и прощай, Заповедное Озеро! — низко поклонившись, воскликнул Гимли. Потом повернулся к хоббитам и добавил: — Здесь покоится Корона Дарина. Она ожидает его пробуждения...

— Что ты там видел? — спросил Пин Сэма, когда гном и хоббиты догнали Отряд. Но задумавшийся Сэм ничего не ответил.

Серебрянка на севере, а Белогривка на юге ограничивали большую холмистую долину с основанием из черных скальных пород, прикрытых слоем плодородной почвы; поэтому дно у рек было черным, и долину исстари называли Черноречьем, хотя, освещенные лучами солнца, обе реки весело серебрились, а чернели только вечерами да в непогоду. Возможно, первые жители долины пришли сюда, когда было пасмурно.

Путники шагали по берегу Серебрянки.

— От Зеркального до слияния Серебрянки с Белогривкой лиг десять, — на ходу рассказывал Арагорн, — и там, в лесу, мы сможем заночевать. Этот путь наметил для Отряда Гэндалф, чтобы выйти потом к Великой Реке. Когда Серебрянка и Белогривка сливаются, образуется полноводная Золотая Ворожея, которая впадает в Андуйн Великий.

— Они сливаются у Кветлориэна, — с радостным волнением подхватил Леголас, — самого прекрасного поселения эльфов, расположенного в удивительном Золотом Лесу. Серебряные деревья Кветлориэна (у них серо-серебристая кора) не теряют осенью густой листвы: она становится ярко-золотой и держится на ветках до прихода весны. Весною прошлогодняя листва опадает, устилая лесные поляны золотом, а на ветках, одновременно с новыми листьями, распускаются золотисто-желтые цветы, наполняющие воздух медовым благоуханием. Так повествуют древние легенды — я-то ни разу не был в Лориэне. Хотелось бы мне побывать там весной!

— Там и зимой неплохо побывать, — обронил Арагорн. — Но Лориэн далеко. А сейчас нам надо уйти от Мории, поэтому прибавьте-ка шагу, друзья.

Арагорн размахисто шагал вперед, и Сэм с Фродо начали отставать. Они весь день ничего не ели. У Сэма от ссадины, оставленной ятаганом, поднялся жар и кружилась голова; а вместе с тем после жаркой Мории его прохватывала на ветру дрожь — даром что в небе сияло солнце. Фродо хрипло и часто дышал; каждый шаг давался ему с трудом.

Через полчаса, посмотрев назад и увидев, что хоббиты очень отстали, Леголас тревожно окликнул Арагорна. Тот оглянулся и подбежал к отставшим. Следом за ним вернулся и Боромир. Остальные Хранители сразу остановились.

— Простите, друзья, — сказал Арагорн. — Сегодня так много всего случилось и я так спешил увести вас от Мории, что про ваши-то раны совсем забыл. Да вы и сами-то хороши — не напомнили! Конечно же, нам надо было задержаться и первым делом осмотреть ваши раны!.. Ну а теперь чуть-чуть потерпите. Впереди есть удобное для привала место, и там уж я сделаю все, что смогу. Давай-ка, Боромир, понесем их на руках!

Вскоре путники увидели ручей, с тихим журчанием впадающий в Серебрянку. А потом, перекатившись через черный порог, Серебрянка разливалась широкой заводью, которую обступили разлапистые пихты с плотным подлеском из колючей ежевики. Арагорн продрался сквозь колючие кусты и вышел на маленькую прибрежную поляну, поросшую голубикой и затененную пихтами. Здесь устроили короткий привал. Солнце начинало клониться к западу, а они одолели только несколько лиг, и орки без труда могли их настичь...

Пока Хранители собирали сушняк, разводили костер и кипятили воду, Арагорн осматривал раны хоббитов. Ссадина Сэма была неглубокой, но она почему-то до сих пор кровоточила, и Арагорн с беспокойством склонился над Сэмом. Однако осмотр его явно обрадовал.

— Тебе повезло, — сказал он Сэму. — Многие расплачивались гораздо серьезней за своего первого убитого орка. Ты был ранен чистым клинком. А орки нередко мажут ятаганы очень сильными и зловредными ядами. Эту-то ранку мы быстро залечим. — Арагорн порылся в вещевом мешке и достал при-

горшню засохших листьев. — Это листья целемы, — объяснил он, — я нарвал их неподалеку от горы Заверть. Сухие, они действуют слабее, чем свежие, но твою-то ссадину, думаю, исцелят. Положи их в кипяток, а когда он остынет, промой рану и осторожно вытри. Ну, теперь твоя очередь, Фродо.

— Мне уже лучше, — объявил хоббит, не давая Арагорну расстегнуть на нем плащ. — Я просто устал и очень проголодался — отдых и еда меня полностью вылечат.

— Оказаться между молотом и наковальней — не шутка, — усмехнулся Арагорн и серьезно добавил: — А вдруг у тебя переломаны ребра? Нет уж, ты не противься осмотру! — Он бережно снял с Фродо плащ, рубашку... недоуменно нахмурился, а потом рассмеялся. Кольчуга мерцала, как Серебрянка под солнцем. Арагорн снял ее, слегка встряхнул — и драгоценные камни радужно сверкнули, а шорох тонких кольчужных колец напомнил ему шум летнего дождичка. — Посмотрите-ка, друзья, — сказал Арагорн, — на драгоценную шкурку нашего Фродо. Если бы средиземские охотники знали, что у хоббитов такая редкостная шкурка, они бы толпами стекались в Хоббитанию...

— И стрелы искуснейших охотников Средиземья не причинили бы хоббитам ни малейшего вреда, — разглядывая кольчугу, заметил Гимли. — Ведь это же кольчужная рубаха из мифрила! Из мифрила!!! А такой великолепной работы я, признаться, ни разу не видел — и даже не знал, что такое возможно. Не об этой ли кольчуге говорил Гэндальф? Тогда он, по-моему, ее недооценил.

— То-то я думал, — вмешался Мерри, — зачем ты все время сидишь у Бильбо? А он, оказывается, снаряжал тебя в путь. Вот ведь какой замечательный старикан! Надо при случае ему сказать, что его подарок спас Фродо от смерти.

Там, где об кольчугу ударилось копьё, мифрильные кольца, продавив подкольчужник — рубашку из тонкой эластичной кожи, — синевато отпечатались у Фродо на груди, но кольчуга не порвалась, и соскользнувшее копьё резко отшвырнуло хоббита в сторону, пригвоздив, как бабочку, за плащ к стене, и на боку у него вздулся огромный синяк. Пока другие готовили еду, Арагорн приготовил взвар из целемы и промыл хоббиту все его синяки. Острый запах целемного взвара повис над укрытой от ветра поляной, и вскоре Хранители с радостью ощутили, что их усталость быстро проходит. Ссадина Сэма перестала кровоточить, а Фродо почувствовал, что может дышать; однако синяк от удара копьём долго не рассасывался и болел много дней — для того чтобы Фродо мог носить кольчугу, Арагорн сделал ему мягкую перевязку.

— Когда ты в кольчуге, — сказал он хоббиту, — я чувствую себя гораздо спокойней. Носи ее, не снимая, до конца похода — тем более что она поразительно легкая. Отдохнуть от нее ты сможешь у друзей, там, где могущество Врага бессильно... но, к сожалению, таких заповедных земель на нашем пути встретится не много.

Подкрепившись, Хранители потушили костер, забросали кострище пихтовыми ветками, чтобы скрыть следы своего привала, и выбрались вслед за Арагорном на дорогу. Примерно через час Мглистый хребет загородил от путников заходящее солнце, и в горах залегли темные тени. С реки, расползаясь по прибрежным низинам, потянулись белесые космы тумана. На востоке серые вечерние сумерки постепенно скрадывали просторную равнину, обманно приближая к шагающим Хранителям черную щеточку далекого леса. Теперь,

когда Сэм и Фродо приободрились, Отряд мог двигаться довольно быстро, и путники шли еще часа три, сделав лишь одну короткую передышку.

Долину окутала ночная тьма. В небе ясно поблескивали звезды, однако месяц еще не взошел. Фродо и Гимли, прислушиваясь к ночи, шагали последними. Все было тихо. Наконец Гимли нарушил тишину.

— Погони не слышно, — сказал он хоббиту, — или я глух, как дубовый пенёк. Может быть, орки напали на нас, потому что хотели выгнать из Мории, а про наш поход — про Кольцо Всевластья — они не знают, да и знать не желают? Правда, когда им надо отомстить, они подолгу преследуют врагов...

Фродо вынул из ножен Терн и поднял вверх — клинок не светился. А все-таки хоббит слышал шаги! С тех пор как путников накрыла ночь, он слышал шлепанье босых подошв, иногда заглушаемое шумом ветра. Или ему это только казалось? Да нет же, он слышал их, вот и сейчас... он резко оглянулся, и ему почудилось, что над дорогой плывут две светящиеся точки. Он взгляделся пристальней — и ничего не увидел.

— Устал? — заботливо спросил его Гимли.

— Не в этом дело, — ответил Фродо. — По-моему, за нами кто-то крадется. Я почти все время слышу шаги. А сейчас вот видел два мерцающих огонька — глаза, да и только!.. — Фродо умолк.

Гимли посмотрел назад и прислушался.

— Ты ошибаешься, — сказал он Фродо. — Это поступь ветра в траве. А глаза... вон их сколько, мерцающих огоньков! — Гимли указал на ночное небо. — Пойдем! А то мы и так отстали.

Шелест ветра стал гуще, слышнее, ночная темень впереди уплотнилась, и путники поняли, что приближаются к лесу.

— Это Кветлоризэн! — возликовал Леголас. — Здесь начинается Золотой Лес. Какая жалость, что сейчас не весна!

Дорога нырнула в искристый мрак — высокие серебристо-серые деревья заслонили от путников звездное небо золотым пологом шуршащей листвы.

— Ты прав, — радостно подтвердил Арагорн, — это действительно Золотой Лес, где по плану Гэндальфа мы сможем заночевать. Он предполагал, что в эльфийских владениях орки не отважатся нас преследовать.

— А удалось ли эльфам отстоять свой край от Вражьей Тучи? — усомнился Гимли.

— Лихолесские эльфы не бывали в Лоризэне много десятилетий, — сказал Леголас, — но, как я слышал, наши сородичи успешно сдерживают Завесу Тьмы, хотя их владения сильно уменьшились.

— Да, их владения очень уменьшились. — Арагорн, словно вспомнив о чем-то, вздохнул. — Они отступили в глубину Лоризэна, и сегодня нельзя рассчитывать на их помощь. Давайте пройдем немного вперед и отыщем подходящую для ночлега поляну. — Арагорн повернулся и зашагал по дороге; однако Боромир не сдвинулся с места.

— А обойти этот лес нельзя? — спросил он.

— Обойти? Зачем? — удивился Арагорн.

— Неведомые беды на тайных тропах всегда оказываются гораздо опасней, чем открытые враги на торных дорогах, — мрачно хмурясь, объяснил Боромир. — По совету Гэндальфа мы спустились в Морию... так теперь и тебе не

терпится согнуться? Выбраться из Лориэнского Леса нелегко, а выбраться таким же, как был, невозможно — вот что говорят о Лориэне в Гондоре!

— И ведь правильно говорят, — заметил Арагорн, — а вот смысл присловья, видимо, забылся — иначе гондорцы не боялись бы Лориэна. Но, как бы то ни было, выйти к Андуйну можно отсюда только по лесу — если ты не хочешь возвращаться в Морию или подниматься на Баразинбар.

— Конечно, не хочу, — сказал Боромир, — а поэтому пойду за тобой через лес. Однако помни — он тоже опасен!

— Опасен, — согласился Арагорн. — Для зла. И для тех, кто ревностно служит злу. А теперь — вперед, мы теряем время.

* * *

Путники одолели не больше лиги, когда журчащую слева Серебрянку заглушил шум водопада справа. Шагов через тридцать они увидели впереди черный, с кругами водоворотов, поток, перерезавший серую полосу дороги.

— Это Белогривка! — воскликнул Леголас. — О ней сложено немало песен, и мы, северные лесные эльфы, до сих пор поем их, не в силах забыть вспененные гривы ее водопадов, радужные днем и синеватые ночью, гул серебряных, с чернью, перекатов да безмолвную глубину ее темных омутов. Но некогда обжитые берега Белогривки давно пустуют, Белый Мост разрушен, а эльфы оттеснены орками на восток. Подождите меня, я спущусь к воде, ибо говорят, что эта река исцеляет грусть и снимает усталость. — Эльф спустился по крутому берегу, изрезанному множеством небольших бухточек, вошел в воду и крикнул спутникам: — Здесь неглубоко! Спускайтесь и вы! Давайте переправимся на южный берег. Я вижу удобную для ночлега поляну. И быть может, под говор белогривого водопада нам всем привидятся приятные сны.

Путники спустились вслед за Леголасом. Фродо вступил в прохладную воду — здесь, на перекате, река была мелкой — и ощутил, что уныние, грусть, усталость, память о потерях и страх перед будущим, как по волшебству, оставили его.

Хранители медленно перешли Белогривку (из нее не хотелось выбираться быстро), вскарабкались на обрывистый правый берег, приготовили еду и спокойно поели, а Леголас рассказал им несколько преданий о Кветлориэне древних времен, когда весь мир Средиземья был светел и над шелковыми лугами Великой Реки ясно спали звезды и солнце.

Когда он умолк, в ночной тишине послышался монотонный шум водопада, и постепенно Хранителям стало казаться, что они различают голоса эльфов, поющих какую-то грустную песню.

— Эту речку назвали Белогривкой люди, — после долгой паузы сказал Леголас, — а по-эльфийски она называется Нимродэлью, что значит *Дева с белыми волосами*. Про нее сложена печальная песня, и мы часто поем ее на нашем северном наречии, потому что сложили эту песню у нас; но эльфы Элронда тоже ее поют — на всеобщем языке, — и вот как она звучит:

*Расцветом утренних надежд,
Звездю заревой,
В светлейшей белизне одежд*

С каймою золотой,

Сияя, будто лунный след
Перед ненастьем дня,
От тленья угасавших лет
Кветлориэн храня,
Ясна, лучиста, как листок
На ясене весной,
Свободна, словно ветерок
В бескрайности степной,

Над серебристою рекой
Бродила Нимродэль,
И смех ее в тиши лесной
Звенел, как птичья трель.

Но засыпает серый прах
Следы ее шагов:
Ушла — и сгнула в горах,
Когда у берегов

За цепью золотистых скал,
Где жарок небоскат,
Ее корабль эльфийский ждал —
Ждал много дней подряд.

Но тщетно ждали моряки
И Эмрос — рулевой;
Однажды ночью ветерки
Скрутились в грозовой,

Издоранный громами шквал,
И он взъярил отлив,
И вмиг корабль на юг угнал,
Едва не утопив.

И в клочьях пены штормовой
Лишь очертанья гор
Увидел утром рулевой,
И проклял он с тех пор

И вероломство кораблей,
И горечь перемен —
Удел бессмертных королей, —
И вечный Лориэн.

И, словно чайка в небесах,
Метнулся он за борт
И с ветром в светлых волосах
Поплыл, как лебедь, в порт,

Где южные закаты спят
И брезжится заря
Эльфийского пути назад
В Предвечные Края.

*Но Запад и Восток молчат
О древнем короле,
И смог ли он доплыть назад,
Не знают на земле...*

Голос у Леголаса неожиданно пресекся.

— Дальше я петь не могу, — сказал он. — Это только часть нашей давней песни, но остального я, к сожалению, на память не знаю. Песня очень грустная: она рассказывает о том, как Кветлориэн затопила печаль, когда морийцы, добывая мифрил, невольно разбудили злое лихоедейство, а Нимродэль погибла в Белых горах...

— Гномы не совершали никаких лихоедейств! — перебив Леголаса, воскликнул Гимли.

— Правильно, я и не сказал — *совершили*, — откликнулся эльф, — я сказал — *разбудили*. Лихоедейство бессильно перед Перворожденными, но, когда оно проснулось, многие эльфы решили покинуть Кветлориэн — Лориэн Цветущий на всеобщем языке, — и по дороге к Морю Нимродэль погибла...

— Говорят, — помолчав, продолжал Леголас, — что Нимродэль, как и все лориэнские эльфы, жила на вершине громадного дерева; недаром эльфов из Кветлориэна называют древесянами, или галадриэммами. Возможно, они и сейчас так живут, ибо в глубине Лориэнского Леса растут редкостно могучие деревья.

— Должен признаться, — подал голос Гимли, — что на дереве я чувствовал бы себя спокойней. — Он покосился в сторону Мглистого. — Меня не обрадует встреча с орками.

— Гимли прав, — сказал Арагорн. — Ведь мы сидим у самой дороги, а мелкая речка орков не остановит. Надо попробовать забраться на дерево.

Хранители не стали возвращаться на дорогу, а пошли по правому берегу реки, сворачивая к западу, в чащу леса. После слияния Серебрянки и Белогривки, у группы особенно мощных деревьев — из-за пышных крон лишь угадывалась их огромная высота, — Леголас остановился и предложил своим спутникам:

— Подождите меня, я влезу на дерево и посмотрю, какая у него вершина. Вдруг нам удастся скоротать там ночь? Мне не привыкать к лесным гигантам... правда, о *мэллорнах* — исполинских ясенях — я слышал только в старинных легендах.

— Не знаю, как ты, — отозвался Пин, — а я не умею спать на деревьях, даже легендарных. Я ведь не птица!

— Ну так вырой нору, — сказал ему Леголас. — Но если ты хочешь спастись от орков, не теряй времени и забирайся поглубже! — Эльф подпрыгнул, ухватился за ветку... и, тотчас отпустив ее, соскочил на землю. Ибо сверху, из золотистой тьмы, раздался повелительный окрик:

— *Даро!*

— Не шевелитесь, — шепнул Хранителям Леголас.

Вверху послышался мелодичный смех, а потом негромкий, но звонкий голос произнес несколько непонятных слов. Леголас ответил на том же языке.

— Кто он и что он говорит? — спросил Пин.

— Эльф! — мгновенно догадался Сэм. — Ты что, не слышишь, какой у него

голос?

— Да, это эльф, — подтвердил Леголас. — Он говорит на лориэнском наречии. По его словам, ты так громко пыхтишь, что тебя и зажмурившись можно подстрелить. — У Сэма от страха перехватило дыхание. Между тем лориэнец заговорил снова. — Он сказал, — начал переводить Леголас, — что мы у друзей и бояться нам нечего... Он узнал во мне северного сородича... Да ему и про Фродо, оказывается, известно... Он предлагает Фродо и мне залезть на дерево, чтобы познакомиться... А остальных просит подождать внизу.

С дерева опустили веревочную лестницу. Сделанная из очень тонкого шпагата, она, как вскоре убедились Хранители, была вместе с тем необычайно прочной. Леголас проворно взбежал по лестнице; Фродо подымался осторожно и медленно; за хозяином взбирался преданный Сэм, стараясь дышать размеренно и беззвучно.

Нижние ветви исполинского ясеня расходились от ствола в стороны и вверх, а потом, подобно гигантскому цветку, разветвлялся вкруговую самый главный ствол, и на дне громадной золотолиственной чаши покоилась серебристая платформа из досок — или, как говорили лориэнцы, *дэлонь* — с отверстием посредине для веревочной лестницы.

Добравшись до платформы, Фродо и Сэм увидели трех лориэнских эльфов, неожиданно вынырнувших из искристой тьмы, ибо, когда те сидели неподвижно, маскировочные плащи превращали их в невидимок. Эльфы подошли к запыхавшимся хоббитам, и один из них сказал на всеобщем языке:

— Добро пожаловать в Лориэн, друзья. Мы редко принимаем у себя гостей и почти забыли всеобщий язык. Помнят его только наши разведчики, которые часто покидают Лес, ибо им нужно следить за врагами и узнавать последние средиземские новости. Даже наши северные сородичи и те давно уже не бывали в Лориэне. Я-то разведчик. Меня зовут Хэлдар. А мои братья, Орофин и Рамил, почти не знают всеобщего языка.

Эльфы, услышав свои имена, учтиво, но молча поклонились хоббитам.

— Про вас нам поведали посланцы Элронда, и мы припомнили, хотя и с трудом, что где-то на северо-западе Средиземья в давние времена жили невысоклики, или, как вы себя называете, хоббиты. Мы не допускаем сюда чужаков, но за вас ручается наш северный родич, да вы и без поручительства не похожи на лиходеев, а поэтому мы, как просил нас Элронд, готовы помочь вам добраться до Андуйна. Сегодняшнюю ночь вы проведете здесь, а завтра переправитесь через Ворожею. Сколько воинов у вас в Отряде?

— Восемь, — ответил Хэлдару Леголас, — они, я, еще два хоббита (всего их четыре) да два человека; об одном из них вы, может быть, слышали. Это Арагорн, следопыт-северянин.

— Да, Арагорн, сын Арахорна, известен в Лориэне, — подтвердил Хэлдар. — Мы знаем о нем от нашей Владычицы. Но ты назвал мне только семерых.

— Восьмой — гном, — сказал Леголас.

— Гном? — нахмурившись, переспросил Хэлдар. — Мы не имеем с гномами дела. Черные Годы разрушили наш союз. Я не могу допустить его в Лориэн.

— Но этого гнома из Царства Даина сам Элронд назначил в Отряд Хранителей, — попытался переубедить Хэлдара Фродо.

Хэлдар принялся совещаться с братьями, изредка спрашивая о чем-то Лего-

ласа; тот отвечал им на лориэнском наречии, и Фродо не понял, про что они говорят. Наконец Хэлдар повернулся к хоббитам.

— Ладно, я нарушу наши обычаи и пропущу гнома в Лориэн, — сказал он, — если Арагорн с Леголасом пообещают, что будут внимательно за ним следить. Но мы завяжем ему глаза, как только он переправится через реку. — Эльф помолчал и деловито закончил: — Однако пора кончать разговоры. Орки давно уже стекаются в Морию, а вокруг Лориэна рыщут волколаки. Вы сказали, что шли через Морию, — значит, за вами гонятся орки. На ранней заре мы отправимся в путь. Хоббиты будут ночевать здесь. А люди и гном — на соседнем ясене, там у нас есть еще одна дэлонь. Ты отвечаешь за них, Леголас! Мы не доверяем ни гномам, ни людям.

Леголас бесшумно спустился вниз, чтобы исполнить поручение Хэлдара. Вскоре послышалось громкое сопение, и Мерри с Пином вылезли на платформу; обоим явно было не по себе.

— Мы захватили ваши одеяла, — немного отдышавшись, проговорил Мерри. — А остальной багаж Бродяжник припрятал и завалил его сверху ворохом листьев.

— Зря вы тащили их сюда, — сказал Хэлдар. — На вершине мэллорна зимой прохладно — хотя сегодня-то ветер южный, — но у нас найдутся и запасные одеяла, и теплые плащи, подбитые мехом: ведь здесь, при слиянии Селебранты и Нимродэли, расположен постоянный сторожевой пост.

Хоббиты, конечно, не отказались от второго (и, надо сказать, очень вкусного!) ужина, а поев, надели меховые плащи, завернулись в свои, потом в эльфийские одеяла и попытались уснуть — да не тут-то было! Хоббиты не любят забираться высоко и никогда не устраивают спален наверху — потому что в их одноэтажных жилищах попросту нет никакого «верха». А у дэлони на вершине исполинского ясеня мало того что не было стен, не было даже перил по краям — только переносный плетень из прутьев, который защищал часовых от ветра. Вот и попробуй усни в такой спальне!

— Не проснуться б на земле, — пробормотал Пин.

— Если я засну, — откликнулся Сэм, — то не проснусь, даже если грохнусь об землю... Да разве на такой высоте уснешь? — добавил он сонно и начал похрапывать.

Фродо бездумно смотрел во тьму. Рядом спокойно посапывал Сэм, на небе перемигивались неяркие звезды, у края дэлони сидели эльфы, едва различимые в сумраке ночи. Хоббит видел только двух часовых; третий, наверно, спустился вниз. Фродо устало закрыл глаза и, убаюканный шелестом листвы, уснул.

Он проснулся под утро. Хоббиты спали. Ни одного эльфа на дэлони не было. Бледно светился рогатый месяц. В отдалении слышались хриплые голоса, мерный топот и звон металла. Шум нарастал, становился отчетливей...

Вдруг над центральным отверстием дэлони показалась чья-то голова в капюшоне — Фродо вскочил, — это был эльф.

— Что случилось? — прошептал Фродо.

— *Ирчи!* — коротко шепнул ему эльф и забросил на дэлонь свернутую лестницу.

— Орки? — шепотом спросил его Фродо. Но эльф, ничего не ответив, исчез.

Топот укатился к северо-востоку. На лес опустилась черная тишина. Теперь даже ветер не шуршал листвой, не было слышно даже водопада. Фродо сел и укутался в одеяла. Хорошо, что орки не застигли их на земле... но разве ясень — надежная защита? Орки славились острым чутьем, да к тому же умели лазать по деревьям. Фродо вытащил из ножен Терн — клинок вспыхнул, но вскоре померк. И все же Фродо не покидала тревога; мало этого — она росла. Он встал и, подкравшись к отверстию для лестницы, осторожно заглянул в черную дыру. Ему не удалось ничего разглядеть, но он услышал шуршащий шорох, не похожий на шелест ветра в траве...

И на шаги эльфов тоже не похожий — потому что эльфы ходят бесшумно. Фродо затаил дыхание и прислушался. Да, кто-то карабкался вверх. Фродо пристально глядел во тьму...

И вскоре увидел светящиеся глаза. Тот, кто карабкался к дэлони, замер — подозрительные звуки внизу оборвались — и теперь не мигая смотрел на Фродо. Фродо вздрогнул. Глаза смигнули, вокруг серебристо-серого ствола стремительно скользнула смутная тень, и за стволом послышался замирающий шорох...

А из тьмы вдруг вынырнул лориэнец Хэлдар. Легко, почти не касаясь ветвей, он вскарабкался вверх и удивленно сказал:

— К вам тут наведалься странный пришелец. Я его заметил еще с земли. Да и он меня, вероятно, увидел — потому что удрал. Но это не орк. Сначала, когда я на него посмотрел, то подумал, что кто-нибудь из вас, невысокликов, спустился с дэлони: пришелец был маленький. Да ведь вам-то незачем от меня удирать, и мне стало ясно, что это враг.

Но я не решился его пристрелить, ибо он мог перед смертью вскрикнуть, а орки не успели уйти далеко. Они явились со стороны Мории, переправились, поганые лиходеи, через речку и долго рыскали по южному берегу — наверно, учуяли, куда вы свернули. Их было тут сотни полторы, не меньше. Нам не удалось бы их остановить, поэтому я остался на посту, Рамил, подражая вашим голосам, увлек их орду в Тайные Чащобы, а Орофин отправился к нашим за подмогой.

Ни один орк не вырвется из Леса. А с завтрашнего дня у западных границ будут дежурить пограничные отряды. Спи. На рассвете мы отправимся в Стэрру.

Зарево по-зимнему бледного солнца, золотясь в листве исполинских ясеней, напомнило проснувшимся на рассвете хоббитам летнюю зарю в их далекой Хоббитании. К западу от дэлони сквозь ветви деревьев виднелась узкая долина Белогривки со вспененной лестницей многочисленных водопадов. На северо-западе блестела Серебрянка, Золотую Ворожею закрывали деревья.

Хранители быстро собрались в путь.

— Прощай, Нимродэль, — сказал Леголас.

— Прощай, — повторил и Фродо, думая, что вряд ли он когда-нибудь увидит такую на диво светлую речку с успокоительным голосом и животворной водой.

Хэлдар повел их вдоль Ворожеи. Вскоре к ним присоединился и Рамил.

— Ваши преследователи, — сказал он Хранителям, — проплутают в Тайных

Чащобах до вечера, и ни один из них не вернется домой — об этом позаботятся воины Лориэна.

Лиги через три Хэлдар остановился и, повернувшись лицом к Золотой Ворожее, дважды негромко свистнул по-птичьи.

— На том берегу, — объяснил он Хранителям, — расположен Второй сторожевой пост.

Из-за деревьев вышел эльф-часовой в маскировочном плаще, но с откинутым капюшоном. Хэлдар искусно перебросил через реку свернутую в моток серебристую веревку. Эльф поймал ее и привязал к дереву.

— Ворожея здесь очень холодная, — сказал Хэлдар. — Но в наше бурное и тревожное время опасно строить постоянные мосты. Смотрите, как мы переходим реку.

Эльф туго натянул веревку и крепко-накрепко привязал к дереву. А потом спокойно, словно по дороге, прошелся над речкой туда и обратно.

— Для меня-то это обычная переправа, — сказал Леголас. — А как быть другим? Неужели они будут переправляться вплавь?

— Зачем же вплавь? — отозвался Хэлдар. — У нас тут есть еще две веревки. Мы натянем их чуть повыше первой, и, держась за них, твои товарищи переправятся.

Когда этот шаткий мост был сделан, Хранители перешли на северный берег — одни медленно, с большим трудом, другие немного быстрее и свободней. У хоббитов лучшим канатоходцем стал Пин: он держался только за одну веревку и шагал вперед довольно уверенно, однако старался не смотреть вниз. А Сэм шел медленно, мелкими шажками, крепко ухватившись за обе веревки, и не отрывал взгляда от золотистой воды. На берегу он с облегчением вздохнул и воскликнул:

— Век живи — век учись, как говорит мой старик. Правда, он всю жизнь копается в земле, а не ползает, ровно паук, по паутинкам...

Рамил остался на южном берегу и после переправы отвязал две веревки, а третью, отвязанную переправившимся Хэлдаром, вытянул к себе и смотал. Потом он повесил моток на плечо, прощально помахал Хранителям рукой и зашагал обратно к Первому посту.

— Итак, друзья, вы вступили в Стэрру, или, по-вашему, Сердце Лориэна, — торжественно объявил Хранителям Хэлдар. — Немногие бывали на этом берегу... — Хэлдар помолчал и буднично закончил: — А теперь мы завяжем гному глаза — я говорил об этом Леголасу. Остальные пойдут с открытыми глазами, пока мы не приблизимся к Лесной Крепости.

— Леголас не мог решать за меня, — мрачно нахмурившись, проговорил Гимли. — Я не пленник. Не шпион Саурана. Жители Подгорного Царства Даина никогда не вступали в сделки с Врагом. Почему ж ты считаешь меня лиходеем?

— Как ты думаешь, — спросил его Хэлдар, — стал бы я нарушать наш древний закон, если бы считал тебя лиходеем? По закону я должен уничтожить гнома, который пытается проникнуть в Стэрру. А ты с моей помощью переправился через реку!

— Я пойду вперед с открытыми глазами или вернусь в Подгорное Царство, где меня никто не назовет соглядатаем, — гордо ответил Хэлдару Гимли. Отступив, он положил руку на топорнице.

— Ты отрезал себе дорогу назад, перейдя Золотую Ворожею, — сказал Хэлдар. — Я должен доставить тебя к Владыкам, а уж они решат, что с тобой делать. Если ты попробуешь переплыть речку, тебя пристрелит первый же часовой.

Гимли выхватил из-за пояса топор.

Хэлдар молниеносно вынул стрелу и натянул тетиву; второй эльф — тоже.

— Проклятый упрямец, — сокрушенно пробормотал Леголас.

— Гимли, ни с места! — рывкнул Арагорн, так что Леголаса никто не услышал. Гимли замер, и Арагорн сказал: — Отряд веду я — вы должны меня слушаться. Гимли будет несправедливо унижен, если завяжут глаза лишь ему. Мы все пойдем с завязанными глазами... хотя это очень замедлит путешествие.

— Ох и хорошо же мы будем выглядеть! — внезапно расхохотавшись, воскликнул Гимли. — Марш сумасшедших в Золотом Лесу... Я готов разыграть из себя сумасшедшего вдвоем с Леголасом, — добавил он весело. — Остальные могут остаться зрителями.

— Ты гном, — возмутился Леголас, — а я...

— Упрямец? — ехидно спросил его Арагорн. — Нет уж, давайте поступим по справедливости. Завяжи мне глаза! — обратился он к Хэлдару.

— Помни, ты ответишь мне за каждый синяк, если я упаду, — буркнул Хэлдару гном, ощупывая туго затянутую повязку.

— Не упадешь, — уверенно сказал ему Хэлдар, — у нас в Лориэне превосходные тропы.

— Странные времена, — проворчал Леголас. — Мы все враги одного Врага, на небе сияет ясное солнце, и при этом я должен идти вслепую, оказавшись в гостях у своих же сородичей.

— Не странные, а страшные, — возразил ему Хэлдар. — Наша разобщенность и взаимное недоверие вызваны лиходейской мудростью Врага и его истине грозным могуществом. Нас, лориэнцев, столько раз предавали, что мы почти никому не доверяем — кроме, быть может, раздольских сородичей — и наше поселение превратилось в остров, со всех сторон окруженный врагами. — Помолчав, Хэлдар мрачно добавил: — Завеса Тьмы разрастается и крепнет. Она не может сомкнуться над Лориэном, но ее могучие черные крылья огибают нас и с востока, и с запада. Теперь если мы и решимся уйти, нам не удастся прорваться к Морю. Мглистый захвачен ордами орков. В Глухоманье рыщут стаи волколаков. Говорят, уже затемнена Ристания и Враг подступил к Великой Реке. Значит, свободные гавани эльфов остались только на северо-западе за Вековечным Лесом и землями невысокликов.

— Да, к западу от наших земель есть приморские поселения эльфов, — с важным видом подтвердил Мерри.

— Счастлив народ, — воскликнул Хэлдар, — живущий неподалеку от западных гаваней! Мы не были там с незапамятных времен. Расскажи мне о них, — попросил он хоббита.

— Да я их не видел, — признался Мерри. — Раньше-то мне не случалось путешествовать. И если б я знал, что творится в мире, то вряд ли решился бы уйти из Хоббитании.

— Даже для того, чтоб увидеть Имладрис или Кветлориэн? — спросил его Хэлдар. — Наш нынешний мир суров и опасен, некоторые свободные земли

затемнены, а любовь часто оборачивается печалью — но становится от этого еще прекрасней. — Эльф помолчал и грустно закончил: — Многие думают, что Завеса Тьмы развеется со временем даже над Мордором и сгинет бесследно... Я в это не верю. Мир никогда уже не будет прежним, а солнце — таким же ясным как раньше. Быть может, настанет короткое просветление, и мы, эльфы, прорвемся к Морю... чтобы покинуть Средиземье навеки. Неужели нам предстоит уйти из Лориэна и жить в мире, где не растут мэллорны? — ведь, если верить эльфийским преданиям, за Морем нет Золотых Лесов. Не знаю уж, как мы сможем там жить!

Хранители гуськом брели по тропе. Впереди колонны неспешно шел Хэлдар, а замыкал шествие второй лориэнец. Тропа была мягкой — вероятно, песчаной, — и вскоре путники зашагали уверенней. Наверно, из-за того, что они шли вслепую, все их чувства очень обострились. Фродо ощущал чуть заметный запах приуснувшей на зиму, но живой травы, слышал и шепот ясеневои листвы, и переключку птиц, и журчание ручьев, и спокойный плеск полноводной Ворожеи. Когда Отряд пересекал поляны, он чувствовал на щеках солнечный свет, хотя зимнее солнце не было жарким.

Еще над Ворожеей ему вдруг почудилось, что он уходит из сегодняшнего мира, как будто шаткий мостик был перекинут через три эпохи и вел к минувшим Предначальным Дням. В Стэрре это странное ощущение усилилось — возможно, из-за плотной повязки на глазах, — и Фродо не мог отделаться от мысли, что вокруг него оживает прошлое. В Раздоле все *напоминало* о прошлом, а здесь оно было живым и реальным; злоба и лихоедействие, печаль и страдания хоть были и не властны над северными эльфами, но уже подступили к Раздолу вплотную, а Лориэн жил так, будто зло еще не родилось.

Хранители без отдыха шагали за Хэлдаром, пока заметно посвежевший ветер не принес им весть о наступлении вечера. Они поели и, завернувшись в одеяла, спокойно уснули на мягкой лужайке, заслоненной от северного ветра кустами, — Хэлдар не разрешил им снять повязки, так что на дерево они влезть не могли, а про орков почему-то даже не вспомнили. Наутро они снова пустились в путь и сделали привал только после полудня. Поев, они уже собирались трогаться, как вдруг услышали эльфийские голоса.

К северо-западным границам Леса двигался сильный заградительный отряд, чтобы отразить нападение орков, если они снова сунутся в Лориэн; некоторые вести, принесенные воинами, Хэлдар кратко пересказал Хранителям. Орки, попытавшиеся их настичь, были уничтожены в Тайных Чащобах; эльфы видели странное существо, вроде бы двуногое, но похожее на зверя; поймать пришельца эльфам не удалось, а стрелять в него издали они не хотели — вдруг это просто безобидный звереныш? — и пришелец удрал вдоль реки на восток. Хранители удивились беспечности эльфов, но Хэлдар объяснил им, что настоящие лиходеи решаются проникать в Лориэн только ордами, а значит, пришелец был и правда зверенышем.

— Но главного вы еще не слышали, — сказал Хэлдар. — Владыки Лориэна разрешили вам всем — даже гному! — идти с открытыми глазами. Похоже, что они знают каждого из вас. Быть может, пока меня не было в Лориэне, от Элронда прибыл новый гонец. — Гимли он первому снял повязку. И, поклонившись, воскликнул: — Не гневайся, друг! С тех пор как настали Черные Го-

ды, ни один гном не бывал в Лориэне. Тебе оказана высокая честь!

Вскоре сняли повязку и с Фродо. Он открыл глаза и взволнованно огляделся. Хранители стояли на огромном лугу. Слева от них возвышался холм, покрытый ярко-изумрудной травой. Холм венчала двойная диадема из высоких и, видимо, древних деревьев, а в центре росло еще одно дерево, громадное даже среди этих гигантов. Это был мэллорн — исполинский ясень — с белой дэлонью в золотистой листве. Внутреннее кольцо древесной диадемы образовывали тоже исполинские ясени, а внешнее — неизвестные хоббитам деревья с необыкновенно стройными белыми стволами и строго шарообразными кронами, но без листьев. Изумрудные склоны округлого холма пестрели серебристыми, как зимние звезды, и синими, словно крохотные омуты, цветами, а над холмом, в бездонной голубизне неба, сияло ясное послеполуденное солнце.

Лотлориэн. Тим Хильдебрандт

— Перед вами Курган Горестной Скорби, — с печальной гордостью проговорил Хэлдар. — Под ним, как утверждают наши предания, на месте своего лориэнского жилища, похоронен первый властитель Лориэна — или, по-вашему, Благословенного Края — Эмрос, переселившийся сюда из Эльдара. Здесь даже в самые суровые зимы не увядают эльдарские всегда живые цветы и шелестит о прошлом вечнозеленая трава. Отдохните, нам остался один переход, вечером вы предстанете перед нашими Владыками.

* * *

Усталые Хранители прилегли на траву, но Фродо ошеломленно озирался по сторонам, не в силах лечь или даже пошевелиться. Он смотрел на канувший в

прошлое мир, освещенный навеки исчезнувшим светом, и этот поразительно древний мир, открываясь его изумленному взгляду, как бы на его же глазах и рождался. Он видел лишь знакомые ему цвета — белый, желтый, зеленый, синий, — но они были такими свежими и яркими, словно явились ему здесь впервые, а он, разглядев их, дал им названия. Тут нельзя было летом сожалеть о весне или мечтать зимою о лете — в неизменной жизни Благословенного Края прошлое и будущее сливались воедино.

Неожиданно Фродо заметил Сэма — он ошарашенно протирал глаза, будто не верил тому, что видит.

— Раньше я думал, — пробормотал Сэм, — что если эльфы, то надо, чтоб ночь... чтобы темный лес, и луна, и звезды... А тут нате-ка вам — белый день... да светлей светлого, да ярче яркого!.. И оно им, оказывается, в самый раз подходит! Вроде ты не сам по себе, а в песне... если вы понимаете, про что я толкую.

Хэлдар посмотрел на них и улыбнулся, словно он не только услышал слова, не только понял, о чем Сэм «толкует», но проник в сокровенный смысл его мыслей.

— Вы почувствовали могущество Владычицы Лориэна, — не очень понятно объяснил он хоббитам. — Хотите подняться на Дэлонь Эмроса?

Хоббиты шли к вершине Кургана. Фродо неспешно шагал за Хэлдаром, ощущал на лице ветерок — словом, жил — и однако отчетливо чувствовал, что попал в извечно неизменный мир и что, когда ему придется уйти отсюда, он, путник из далекой Хоббитании, на веки веков останется в этой жизни.

Они приблизились к центральному мэллорну. И тотчас ветер потянул с юга, и в шелесте золотистой ясеновой листвы Фродо услышал, как лазоревые волны накатываются из минувшего далека на берег, давно смытый в бездонные глубины, а над бескрайней лазурью всхлипывают чайки, которых никто в Средиземье не видел.

Хэлдар уже исчез наверху. Фродо взялся за веревочную лестницу, а левой рукой оперся на мэллорн — никогда еще ему столь полно не открывалась живая жизнь, пульсирующая в дереве. Он ощущал бархатистую кожу-кору и могучую, но незащитную древесную плоть не как лесничий, столяр или плотник, а так, словно стал побратимом ясеня. На Дэлони Хэлдар взял его за руку и, повернув к югу, серьезно сказал:

— Прежде всего посмотри туда!

Фродо послушно поглядел на юг и увидел в отдалении невысокий холм, то ли поросший гигантскими деревьями, то ли застроенный серебристыми замками с прозрачно-золотистыми куполами крыш. Холм излучал, как почудилось Фродо, светлую, неодолимо притягательную силу, и ему, словно у него вдруг выросли крылья, захотелось подняться в прозрачный воздух, чтобы перелететь к светлому холму и спокойно отдохнуть там от всех невзгод. Потом он глянул на восток — перед ним расстилался Золотой Лес, по которому спокойно текла Ворожея, впадающая в Андуин — Великую Реку. Он всмотрелся пристальней и с удивлением заметил, что левый берег Андуина Великого и низкие луга восточного Заречья подернуты серовато-блеклой пеленой — там привычно хозяйничала зима. На лугах кое-где щетинился кустарник, а уходящие за горизонт приземистые холмы поросли редким, с проплешинами, лесом. В серой мгле обесцвечивались и меркли бледные лучи предвечернего

солнца, ярко золотящегося над Кветлоризном. Хэлдар посмотрел на Андуйн и сказал:

— Чуть дальше, за этим редким мелкоколесьем, теснятся дремучие Чародейские Дебри, где ели и пихты, продираясь к свету, безжалостно душат своих же сородичей, а у земли, в душном и сыром сумраке, заживо гниют их нижние ветви. Там, на высоком, но болотистом холме высится неприступный замок Дул-Гулдур, в котором некогда скрывался Враг, а сейчас творится что-то непонятное. Над его островерхой дощатой крышей часто клубятся черные тучи, иногда озаряемые вспышками молний, но какие силы противостоят в Дебрях, не знает пока даже наша Владычица. — Хэлдар умолк и спустился вниз; Фродо с Сэмом последовали за эльфом.

У подножия Кургана они увидели Арагорна, молчаливого и неподвижного, как ясень Эмроса; в руке он держал серебристый цветок, а глаза его светились памятью о счастье. Фродо понял, что их проводник переживает какое-то светлое мгновение, вечно длящееся в неизменности Лориэна. Ибо суровое лицо Арагорна было сейчас молодым и прекрасным, а его выцветший походный плащ казался в солнечных лучах золотым. Перед Фродо стоял нуменорский рыцарь. «Ванаимэльда, Арвен», — услышал он. Арагорн пошевелился — и увидел хоббитов.

— Сюда неизменно стремится мое сердце, — грустно улыбнувшись, сказал Арагорн. — И если наш путь не завершится победой, оно упокоится здесь навеки. Пойдемте! — Арагорн взял хоббитов за руки, и они присоединились к остальным путникам. В этой жизни он больше никогда здесь не был.

Глава VII Зеркало Галадриэли

Хэлдар повел Хранителей дальше. Солнце клонилось к Мглистому хребту, а на востоке сгущались вечерние тени. Тропинка нырнула в ясеньевый лес, где сумрак был уже почти ночным, и эльфы зажгли неяркие фонари.

Но вскоре сумрак опять поредел — Хранители вышли на просторную поляну. Впереди поляна плавно расширялась, открывая взгляду высокую стену, отделенную от путников широким рвом с почти отвесными изумрудными склонами. За стеной, под шатром темнеющего неба, усеянного серебристыми крапинками звезд, высились такие громадные ясени, каких они не видели даже здесь, в Лориэне. Ветви у этих могучих гигантов росли вкруговую на нескольких уровнях, как бы образуя древесные этажи. Сквозь густую листву каждого этажа проблескивало множество разноцветных огоньков — серебряных, синих, зеленых и золотых. Хэлдар повернулся к Хранителям и сказал:

— Это Галадхэн — Лесная Крепость, где исстари живут Властители Лориэна! Но отсюда в Крепость попасть невозможно, ибо Ворота расположены на юге. И до них не близко — Галадхэн велик.

Вдоль рва тянулась широкая дорога, мощенная шестигранной белой брусчаткой; она сворачивала на юго-восток. Слева от Хранителей, за темной стеной, высился расцвеченный огоньками Галадхэн; в листве загорались все новые огоньки, и, когда путники подошли к мосту, пологий склон Галадхэнского холма казался отражением далекого неба с яркими блестками цветных звезд.

Белокаменный, изогнутый аркою, мост подвел путников к монолитной сте-

не, и Хэлдар зашагал вдоль нее на восток. Шагов через тридцать стена оборвалась, но за нею, шагах в четырех от первой и параллельно ей, шла вторая стена, а между ними тянулся узкий коридор. В этот-то коридор Хэлдар и свернул; теперь путники пошли обратно; в конце коридора виднелись Ворота, обращенные на восток. Фродо восхитился. Ворота, прорубленные в южной стене, были обращены к Андуну Великому! А получилось так потому, что древние зодчие не сомкнули стену, возводя ее вокруг города, а протянули ее концы параллельно друг другу, оставив между ними узкий коридор. Вот в этом-то коридоре и располагались Ворота.

Справа от Ворот, на бронзовой цепочке, висел молоток с деревянной ручкой. Постучав молотком, Хэлдар что-то крикнул, и массивные Ворота бесшумно отворились; но ни одного стражника Фродо не заметил. Путники вошли, и Ворота закрылись. Еще через двадцать или тридцать шагов высокая стена справа оборвалась — Хранители вступили в Лесную Крепость. Жителей Галадхэна видно не было, но повсюду слышались их звонкие голоса; а на холме негромко звучала песня, мелодичная и веселая, как весенний дождик.

Хранители подымались довольно долго. И наконец увидели высокий фонтан, подсвеченный оливково-зелеными фонариками. За фонтаном, на самой вершине холма, рос особенно могучий ясень с матово-серебряной бархатистой корой и шелково шелестящей золотой листвой. Вдоль его ствола шла белая лестница, теряясь наверху в золотистом сумраке. На нижних ступенях этой белой лестницы сидели три вооруженных эльфа. Увидев Хранителей, стражники встали.

— Владыки Лориэна, — объявил Хэлдар, — поручили мне привести к ним наших гостей.

Один из эльфов протрубил в рог, и вверху прозвучал троекратный отзыв.

— Пойдемте, — сказал Хранителям Хэлдар, — я покажу вам дорогу наверх. Владыки просили эльфа Леголаса и невысоклика Фродо подняться первыми. Остальные гости пусть следуют за ними. Жилище Владык расположено высоко, но, если вы устанете, мы сможем передохнуть.

Много «этажей» миновал Фродо, подымаясь по лестнице к жилищу Владык. Наконец в чаше разветвленного ствола показалась огромная белая дэлонь; Фродо вылез на нее вслед за Хэлдаром и увидел большой деревянный дом. Хэлдар открыл двустворчатую дверь и знаком пригласил хоббита войти.

Глазам Фродо открылся зал, освещенный мягким серебристым светом. Овальной формы, с изумрудным полом, лазоревым потолком и бирюзовыми стенами, зал казался драгоценным камнем, внутри которого застыло мгновение вечно дрящейся волшебной жизни. В центре зала, на золотых тронах сидели рядом Селербэрн и Галадриэль, окруженные многочисленной свитой эльфов.

Увидев хоббита, Владыки встали — так у эльфов приветствовали гостей даже самые великие властители, — и Фродо, пораженный их величественной красотой, едва сдержал возглас изумления. Владыки Лориэна были высокими — Селербэрн чуть-чуть повыше Галадриэли, — а широкие, ослепительно белые мантии не скрывали их юношеской стройности. На плечи им ниспадали длинные волосы — серебряные у Владыки и золотистые у Владычицы. Возраст по лицам Владык не угадывался, и только глаза, глубокие, словно Море,

но острые, как лучи Вечерней Звезды, говорили об их глубочайшей памяти и опыте древнейших мудрецов Средиземья.

Хэлдар подвел хоббита к Владыкам, Галадриэль лишь глянула ему в глаза, а Селербэрн сказал на всеобщем языке:

— Добро пожаловать, Фродо из Хоббитании! Сядь рядом с нами и немного отдохни. Мы поговорим, когда придут остальные.

Каждого входящего в зал Хранителя Селербэрн вежливо называл по имени, а приветствовал на его родном языке.

— Здравствуй, сын и посланник Трандуила! Мне жаль, что нашим северным родичам все труднее прорываться в Благословенный Край.

— Входи, Арагорн, сын Арахорна! Ты не был у нас тридцать восемь лет и жил суровой бродяжьей жизнью — я вижу это по твоему лицу. Но борьба, как ты знаешь, скоро завершится. А пока — забудь о своих заботах: в Лориэне ты сможешь спокойно отдохнуть.

— Приветствую тебя, Гимли, сын Глоина! После гибели великого государя Дарина границы Лориэна закрылись для гномов. Ради тебя мы нарушили наш закон. Так пусть же сегодняшняя встреча в Галадхэне поможет восстановить нашу древнюю дружбу и развеять Черную Тучу над Средиземьем!

Гном низко поклонился Владыкам.

Когда Хранители собрались в зале, Селербэрн обвел их вопросительным взглядом.

— На Совете у Элронда, по словам гонца, выбрали девять Хранителей, — сказал он. — Значит, потом что-нибудь изменилось?

— Нет, — возразила ему Владычица, — Совет не менял своего решения. — Голос Галадриэли был звучным и мелодичным, но неожиданно низким. Хранители промолчали. — Насколько я знаю, — продолжала Владычица, — с Хранителями отправился Гэндальф Серый. Мне давно хотелось повидать его вновь, но границ Лориэна он не переступал, а я могу проследить его путь, только когда он в моих владениях — на чужих землях уследить за магом не под силу и самому зоркому глазу...

— Гэндальфа Серого поглотила Тьма, — тяжело вздохнув, проговорил Арагорн. — Ему не удалось вырваться из Мории.

— Это поистине зловещая новость, — в наступившем молчании сказал Селербэрн и, посмотрев на Хэлдара, спросил по-эльфийски: — Почему мне не сообщили об этом раньше?

— Хэлдар не знает о нашем горе, — ответил на всеобщем языке Леголас. — Сначала мы были слишком измучены, чтобы рассказывать про поход через Морию, а потом целительный покой Лориэна приглушил на время горечь утраты, и нам не хотелось об этом вспоминать.

— Приглушил, но не вылечил, — добавил Фродо. — Ибо наша утрата невосполнима, а горе никогда не забудется. Гэндальф сумел вывести нас из Мории и погиб в битве за наше спасение!

— Но если он сумел вывести вас из Мории, то почему же сам не ушел вместе с вами? — недоуменно спросил Хранителей Селербэрн.

— Потому что погиб, — отозвался Арагорн. — Давай я расскажу тебе все по порядку. — Арагорн поведал Владыке Лориэна о буране на Карадрасе, о воронах и волколаках, об отступлении в Морию и Глубинном Страже, о Летопис-

ном чертоге, могиле Балина, атаке орков и битве на Мосту. — ...Это был Барлог, — заключил Арагорн, — Багровый Огонь под Покровом Тьмы.

— Враг из багровых подгорных глубин, — добавил с подавленным испугом Леголас.

— Глубинный Ужас, разбуженный гномами, или Великое Лихо Дарина, — не скрывая страха, пробормотал Гимли.

— Мы издавна знали, что в недрах Карадраса таится страшный Багровый Враг, — посмотрев на Гимли, сказал Селербэрн. — Так, значит, гномы опять его растревожили? Жаль, что я допустил тебя в Лориэн... тебя и всех, кто с тобой пришел. А Гэндальфа следовало бы назвать безумцем — ибо спуститься в Морию мог только безумец! — но он был Мудрым... и не мне судить, обуяло ли его напоследок безумие.

— Гэндальф Серый, — вмешалась Галадриэль, — никогда не совершал безумных поступков, а тем, кого он вел через Морию, были неизвестны все его замыслы И уж во всяком случае, за поступки Гэндальфа можно винить лишь Гэндальфа! А гномы... Скажи, если бы народу Лориэна пришлось покинуть Благословенный Край и спустя много лет кто-нибудь из нас, например Владыка Селербэрн Мудрый, смог бы снова побывать в Лориэне, — разве он упустил бы такую возможность? — Галадриэль умолкла, а потом заговорила, словно бы вспоминая древнюю летопись: — Непроглядна вода Келед-Зарама, и холодны как лед ключи Кибель-Налы. Но, пока не проснулся Глубинный Ужас, чудесные чертоги славного Казад-Дума были ярко освещены и жарко натоплены... — Плавная речь Владычицы пресеклась, но на ее губах расцвела улыбка. И гневный, угрюмо нахмурившийся Гимли вдруг увидел в глазах своих мнимых врагов дружеское сочувствие и участливую любовь. Он растерян — а потом благодарно — улыбнулся, встал и, поклонившись, звонко ответил:

— Однако Золотые Леса Лориэна прекрасней мраморных чертогов Мории, а сверкающие сокровища Морийского царства меркнут пред красотой Лориэнской Владычицы!

Эльфы и Хранители долго молчали. Наконец Селербэрн заговорил снова:

— Простите меня за резкие слова! Они рождены горечью и тревогой. Мы постараемся вам всем помочь — каждому из вас, — и особенно тому, кто взвалил на себя тягчайшее бремя.

— Нам известно, зачем вы отправились в поход, — посмотрев на Фродо, сказала Галадриэль, — и хотя я не знаю, как он закончится, но надеюсь все же, что Гэндальф не зря упорно вел Хранителей к Лориэну. Ибо народ Благословенного Края живет на востоке с Начальной Поры, и нам знакомы уловки злодейства гораздо лучше, чем другим средиземцам.

Мы переправились через горы еще до того, как пали первые западные твердыни, и с тех пор обреченно, без надежды на победу, однако не отступая, сдерживаем Зло. Это я собрала в начале эпохи Первый Совет Светлых Сил Средиземья — потом его назвали Советом Мудрых, — и, если б тогда, как я предлагала, Верховным Мудрецом Совета стал Гэндальф, жизнь, возможно, пошла бы иначе. А впрочем, для Средиземья не все еще потеряно: многое зависит от вашего Похода, и я думаю, что сумею кое в чем вам помочь, ибо мне открыто не только минувшее, не только то, что происходит сейчас, но отчасти и то, что должно случиться. А пока я скажу вам, что ваш Поход — это путь над пропастью по

лезвию ножа; вас, а с вами и все Средиземье, погубит первый же неверный шаг и спасет лишь взаимная верность.

Потом, словно связывая Хранителей воедино, Владычица медленно обвела их взглядом — они ощущали, что не могут пошевелиться, пока она сама не опустила глаза, — и после паузы успокоенно сказала:

— А теперь вас всех ожидает отдых.

Хранители вздохнули — облегченно и устало. Сначала, под завораживающим взглядом Владычицы, каждого из них, кроме Леголаса и Арагорна, охватило тревожное недоверие к себе (Сэм, тот даже мучительно покраснел), а сейчас вдруг сковала спокойная усталость.

— Доброй вам ночи, — проговорил Селербэрн. — Вы измучены горем и тяжкими злоключениями, но мы поможем вам набраться сил для борьбы с бесчисленными слугами Зла.

Этой ночью, к радости четверки хоббитов, Хранителям не пришлось забираться на дерево. Эльфы разбили у фонтана шатер, приготовили для гостей удобные постели и, пожелав им спокойного сна, удалились. Когда затихли голоса эльфов, путники обсудили вчерашнюю ночевку, вспомнили Курган великого Эмроса, поговорили о нынешних Владыках Лориэна, но ни словом не обмолвились о событиях в Мории — для этого у них пока не было сил.

— Скажи-ка, а почему ты покраснел у Владычицы? — вдруг спросил Сэма любопытный Пин. — Эльфы-хозяева могли подумать, что ты замышляешь какое-то лихое действо. Надеюсь, в твоей лихоедейской голове не таится ничего особенно опасного — кроме гнусной кражи моего одеяла?

— Да разве от нее одеяло-то загородит? — не ответив на шутку, проворчал Сэм. — Она же мне прямо в душу заглянула! Глядит и спрашивает — а что ты, мол, сделаешь, если я предложу тебе отправиться в Хоббитанию? Да еще и садик с домиком посулила!

— Вот так штука! — изумился Пин. — Она ведь и мне... Ну, да что там рассказывать, — оборвал он себя и смущенно умолк.

Оказалось, что каждому участнику похода, как поняли, глядя друг на друга, Хранители, был предложен ясный, но безжалостный выбор между верностью и самой заветной мечтой: переложить смертельно опасную борьбу со Всеобщим Врагом на чужие плечи, сверни с дороги — и мечта сбудется.

— Да уж, рассказывать, пожалуй, не стоит, — пробормотал Гимли и тоже умолк.

— А по-моему, стоит, — возразил Боромир. — Быть может, Владычица хотела нас испытать с неведомыми нам, но добрыми замыслами... И все же зачем она нас искушала? Зачем столь искусно внушила нам веру, что может выполнить свои обещания? Не затем ли, чтоб выведать все наши мысли?.. Я-то, конечно, не стал ее слушать. Верность слову — закон для гондорца... — Однако Хранители так и не узнали, что же ему-то пообещала Владычица, ибо он резко переключился на Фродо: — А чем Владычица прельщала тебя?

Фродо не захотел отвечать Боромиру.

— Об этом, я думаю, не нужно рассказывать, — убежденно повторил он за Пином и Гимли.

— Будь начеку! — посоветовал ему гондорец. — Неизвестно, какие у нее намерения...

— Известно! — перебил Боромира Арагорн. — А вот ты не знаешь, о чем говоришь. На этой земле нет места Злу: оно умирает даже в помыслах лиходеев, если они приносят его с собой... правда, порою погибают и лиходеи — но только те, для которых Зло стало единственной основой жизни. Так что сегодня я усну спокойно — впервые с тех пор, как покинул Раздол. Надеюсь, наши невзгоды и горести хотя бы на время канут в небытие. Нам необходимо как следует отдохнуть. — Арагорн лег и мгновенно уснул.

Вскоре уснули и остальные Хранители. Их не тревожили даже сновидения, а спали они необычайно долго. Когда, проснувшись, они вылезли из шатра, в небе светило серебристое солнце, а над круглым водоемом высокого фонтана круто выгибалась яркая радуга.

Спокойно-светлые, словно капли росы, искрились над Галадхэном ясные дни, и вскоре Хранители потеряли им счет; иногда с востока напознала туча, но, пролившись дождем, быстро выцветала и уплывала стайкой облачков на запад; день ото дня становилось теплее, прозрачный воздух казался весенним, однако в мягкой лесной тишине по-прежнему ощущалось дыхание зимы. Хранители гуляли по окрестностям Галадхэна, плотно ели и много спали, но их житье не казалось им скучным — видимо, они очень вымотались в пути.

Владыки больше не призывали гостей, а другие эльфы, жившие в Крепости, почти не знали всеобщего языка. Хэлдар, пожелав им счастливого пути, снова отправился на северную границу — теперь там стояла сильная дружина. Леголас постоянно пропадал у сородичей, он даже редко ночевал в шатре и только обедать приходил к Хранителям.

Болезненная, как свежая рана, тоска, не дававшая Хранителям говорить о Гэндальфе, постепенно сменилась благодарной грустью, и теперь они часто его вспоминали. Порой в мелодичных эльфийских песнях им слышалось имя сгинувшего друга — лориэнцы тоже оплакивали мага. «*А митрандир э сэрберен*», — печально пели жители Галадхэна; они, как сказал Хранителям Леголас, называли Гэндальфа Серебристым Странником. Но переводить их песни Леголас отказывался — говорил, что ему неостанет искусности, — да и горькая печаль, по его словам, вызывала желание не петь, а плакать.

Первым, кто переплавил свою горечь в песню, оказался, как это ни странно, Фродо, хотя обычно песен не сочинял и даже в Раздоле, слушая эльфов, сам он почти никогда не пел, даром что помнил множество песен. А сейчас, прислушиваясь к лориэнским напевам, неожиданно для себя создал песню о Гэндальфе. Но, когда он попытался спеть ее Сэму, она распалась на неуклюжие куплеты — так рассыпаются сухие листья под порывами ветра. И все же он ее спел:

*Бывало, смеркнется чуть-чуть,
И слышен шум его шагов;
Но на рассвете в дальний путь
Он уходил без лишних слов,*

*На запад или на восток —
Сквозь тьму пещер, простор степной,
Ненасстья, ветры, пыль дорог, —
Во вьюжный мрак и южный зной.*

*В отважных странствованиях он
Прекрасно понимал язык
Любых народов и племен
И огненно-драконий рык —*

*Воитель с гибельным мечом,
Целитель с чуткою рукой,
Мудрец со старческим челом,
Навек отринувший покой.*

*Один стоял он на Мосту,
Седой, усталый пилигрим,
Как древний витязь на посту,
Готовый в бой, а перед ним —*

*Багровый Ужас из Глубин,
Непобедимый, страшный Враг,
Но витязь выстоял — один! —
И канул навсегда во мрак...*

— Ишь, а ведь вы скоро превзойдете Бильбо! — выслушав песню, восхитился Сэм.

— Куда мне, — возразил Фродо. — Но что мог, я сделал.

— Только, знаете, сударь, хорошо бы еще придумать, какой он был искусник насчет всяких фейерверков. Что-нибудь вроде такого вот куплета:

*А небеса цвели при нем
Ракетами, как дивный сад,
Где искры что цветы горят
И как дракон рокошет гром, —*

хотя он устраивал все еще чудесней.

— Ну, это уж ты сам опиши. Или, может, опишет когда-нибудь Бильбо. А я больше говорить сейчас про Гэндальфа не в силах. И не знаю, как расскажу об его участии Бильбо...

Фродо и Сэма одолевало беспокойство. Они решили прогуляться по лесу, но в тихих, ласково прохладных сумерках обоим казалось, что исполинские ясени шелестят им про скорое расставание с Лориэном.

— Что ты думаешь об эльфах, Сэм? — нарушил Фродо шелестящую тишину. — Я уже задавал тебе этот вопрос, но с тех пор мы ближе узнали эльфов. Так что ты думаешь про них теперь?

— Да ведь они, эльфы-то, здорово разные, — откликнулся Сэм, — даром что родичи. Эльф, он, конечно, одно слово — эльф, его и по голосу ни с кем не спутаешь... А присмотришься — не похожи они друг на друга. Вы вот возьмите хоть здешних, благословенных, — наш-то, Леголас, он ведь вовсе другой. Здешние привязаны к своей Благословенности вроде как мы с вами к нашей Хоббитании. Они ли уж переделали по себе свою землю, или она их к себе приспособила, этого я вам сказать не могу, а только их край как раз им под стать. Они ведь не хотят никаких перемен, а тут и захочешь, так ничего не изменишь. У них даже завтра никогда не бывает: просыпаешься утром — опять сегодня... если вы понимаете, про что я толкую. И магии ихней я ни разу не видел...

— Да тут ее ощущаешь на каждом шагу! — перебив Сэма, воскликнул Фродо.

— Ощущать-то ощущаешь, а видеть не видишь, — упрямо возразил хозяину Сэм. — Вот Гэндальф, тот был и правда маг — помните, какие он засвечивал огни? Все небо горело, и слепой бы увидел... Жаль, что Владыки нас больше не зовут. Потому что, я думаю, ихняя Владычица может показать настоящее волшебство... Хотелось бы мне на это поглядеть! Да и вы бы, наверно, с удовольствием посмотрели, раз уж бедняга Гэндальф погиб.

— Нет, — сказал Фродо. — Здесь и так хорошо. А Гэндальф нужен мне без всякой магии. Я ведь любил его не за то, что он маг.

— Оно конечно, — согласился Сэм. — И вы не подумайте, что я их ругаю. Просто очень мне хочется увидеть настоящие чудеса — как в древних сказках. А так-то край даже лучше раздольского. Тут ведь живешь — вроде ты и дома, а вроде бы и приехал в гости на праздник... если вы понимаете, про что я толкую. Меня бы отсюда и пирогом не выманить — да ведь никто за нас наше дело не сделает, а значит, пора собираться в дорогу. Потому что, как любил говорить мой старик, сидя сиднем, дела не сделаешь. И сдается мне, что здешние эльфы в нашем походе никакие не помощники, даже и с ихней благословенной магией. Куда уж им против настоящего мага! Мы еще наплачемся в пути без Гэндальфа!

— Наверно, — со вздохом откликнулся Фродо. — И все же я думаю, что Владычица эльфов захочет дать нам прощальное напутствие.

Едва он сказал последние слова, навстречу им вышла Владычица Лориэна — высокая, стройная, спокойная и прекрасная.

Она поманила хоббитов за собой и, обойдя с востока вершину холма, привела их на обнесенную оградой поляну. Замедлив шаги, хоббиты огляделись. По поляне струился неглубокий ручей, вытекающий из фонтана у жилища Владык, а вдоль ручья шла пологая лестница. Все трое спустились по лестнице в лоцинку, и здесь, возле гладкой, как зеркало, заводи, хоббиты увидели серебряную чашу на низком постаменте из белого мрамора. Возле чаши стоял серебряный кувшин.

Владычица нагнулась, взяла кувшин и наполнила чашу водой из ручья. Потом легонькодохнула на воду, дождалась, когда рябь успокоится, и сказала:

— Перед вами Зеркало Владычицы Лориэна. Я привела вас к нему для того, чтобы вы, если у вас достанет решимости, заглянули за грань обыденно зримого.

В синеватом сумраке тесной лоцинки высокая и стройная фигура Галадриэли излучала, как почудилось взволнованным хоббитам, холодное бледно-опаловое сияние.

— А зачем нам заглядывать за грань зримого и что мы увидим? — спросил ее Фродо.

— По моей воле Магическое Зеркало явит вам все, что вы пожелаете, — ответила хоббиту Владычица Лориэна. — Но гораздо интереснее, а главное — полезней предоставить Зеркалу полную свободу. Я не знаю, что именно покажет вам Зеркало — прошлое, определившее вашу нынешнюю жизнь, или какие-нибудь сегодняшние события, способные повлиять на вашу судьбу, или то, что, возможно, случится в будущем. Да и вы едва ли сумеете понять, какие события открываются перед вами — минувшие, нынешние или грядущие... —

Владычица помолчала и спросила Фродо: — Так хочешь ли ты заглянуть в мое Зеркало?

Фродо не ответил на ее вопрос.

— А ты? — обратилась Владычица к Сэму. — Насколько я знаю, — добавила она, — у вас назвали бы это волшебством. Слово «волшебство» мне не очень понятно — тем более что вы именуете волшебством и уловки, которыми пользуется Враг. Ты хотел увидеть эльфийскую магию — или, по-твоему, настоящее волшебство, — так попробуй заглянуть в Магическое Зеркало.

— Я попробую, — неуверенно отозвался Сэм. И, обернувшись к Фродо, со вздохом сказал: — Хорошо бы глянуть на Торбу-на-Круче. Мы ж просто страх сколько не были дома! Да разве волшебство Норгорд-то покажет? Небось увижу я какие-нибудь звезды... или такое, что и понять невозможно.

— А все же попробуй, — сказала Галадриэль. — Только не касайся воды руками.

Сэм вскарабкался на подножие постамента и опасливо заглянул в серебряную чашу. Темная вода отражала лишь звезды.

— Ясное дело, — проговорил он ворчливо, — звездочки небесные... — И внезапно умолк. Вместо черного неба с яркими звездами в чаше сияло весело солнце и на ветру подрагивали ветви деревьев. Однако понять, что ему пришло в голову, хоббит не успел, ибо свет померк, и в неясной мгле он заметил Фродо — тот лежал возле темной каменной стены, и лицо у него было мертвенно-бледное. Потом видение опять изменилось, и Сэм увидел самого себя. Он брел нескончаемыми темными коридорами, долго взбирался по спиральной лестнице, стараясь кого-то разыскать — но кого?.. Точно в причудливо обрывчатом сне, перед ним уже снова сияло солнце и мелко подрагивали ветви деревьев — не от ветра, как ему показалось вначале, а под ударами топора. Сэм всполошился.

— Что за лихое действо! — вскричал он зло. — Кто ему дозволил, проклятому Пескуншишке? Они же полезные Норгорду деревья — чтоб затенять дорогу от Мельницы до Приречья, — а он, проклятый лиходейщик, их рубит! Эх, очутиться бы сейчас в Хоббитании — он бы у меня *на носу себе зарубил* не хвататься ручищами за чего не просили!

Но, взглядевшись внимательней, Сэм обнаружил, что там, где стояла Старая Мельница, строится уродливый кирпичный дом, а рядом со стройкой вздымается к небу закопченная краснокирпичная труба. Клубы дыма, быстро сгущаясь, черной завесой затягивали Зеркало.

— А в Норгорде-то худо, — пробормотал Сэм. — Господин Элронд, видно, знал, что делает, когда посылал Перегрину домой... Ну лиходейщики! — вдруг выкрикнул он, соскочил с пьедестала и угрюмо сказал: — Я ухожу домой. Они разрушили Исторбинку и выгнали на улицу моего старика. Я видел — ковыляет он, горемыка, по Норгорду и катит в тачке все свое барахлишко.

— Ты же не можешь вернуться один, — спокойно напомнила Сэму Галадриэль. — Когда тебе очень захотелось уйти, ты решил, что не вправе покинуть Фродо. А Зеркало часто открывает события, для которых время еще не настало и, весьма вероятно, никогда не настанет — если тот, кому оно их открыло, не свернет с выбранной им однажды дороги, чтобы предотвратить возможное будущее. Магическое Зеркало — опасный советчик.

Зеркало Галадриэль. Алан Ли

— А мне и не надо никаких советов. И волшебства не надо, — пробурчал Сэм. Потом замолчал и сел на траву. — Нет уж, наша дорога домой лежит, по всему видать, через Мордор, — после паузы глухо выговорил он. — Но ежели мы доберемся до Хоббитании, а там все окажется, как было в Зеркале, пусть лиходейчики пеняют на себя!

— А тебе не хочется заглянуть в Зеркало? — посмотрев на Фродо, спросила Галадриэль. — Ты сказал, что всюду ощущаешь здесь магию... но эльфийская магия тебя не прельщает?

— Я и сам не знаю, — ответил Фродо. И, немного помолчав, с надеждой добавил: — Ты думаешь, мне стоит в него заглянуть?

— Я не буду тебе ничего советовать, — сказала Галадриэль. — Решайся сам. Да и видения Зеркала не принимай за советы, ибо, случайно узнав о событиях, которые способны изменить нашу жизнь, мы рискуем отказаться от того, что задумали, и навеки предать свою собственную судьбу. Случайные знания очень опасны, хотя иногда и помогают в борьбе... По-моему, ты достаточно мудр и отважен, чтобы верно понять увиденное в Зеркале, но поступай как хочешь, — заключила Галадриэль.

— Я хочу посмотреть, — проговорил Фродо и, взобравшись на постамент,

заглянул в Зеркало. Гладь воды сразу же просветлела — взгляду хоббита открылась равнина, освещенная лучами заходящего солнца. Вдали равнину замыкали горы; от гор, петляя меж пологими холмами, тянулась к Фродо полоска дороги; но потом она круто сворачивала налево и вскоре исчезала за чертой горизонта. По дороге ползла чуть заметная точка — Фродо всмотрелся, — крохотная фигурка... Хоббита охватило радостное волнение: он был уверен, что это Гэндальф, но с белым жезлом и в белом плаще. Однако лица его Фродо не разглядел — он ушел по дороге налево, за горизонт, — и потом, вспоминая этого белого путника, Фродо не смог для себя решить, Гэндальфа он видел или Сарумана; а равнину стерло новое видение.

По маленькой комнате с квадратным столом, заваленным грудой исписанных листков, от окна к двери прошаживался Бильбо; в окно барабанили капли дождя, а старый хоббит был чем-то взволнован; внезапно он замер, но поверхность Зеркала подернулась рябью, и комнатка исчезла.

Когда Магическое Зеркало прояснилось, Фродо по внезапному озарению осознал, что перед ним, чередой разрозненных видений, мелькают вехи великой Истории, в которую и его вовлекла судьба.

Ему открылось штормовое Море — он сразу понял, что именно *штормовое*, хотя до этого Моря не видел, — вздыбленное сизыми громадами волн; тяжелые тучи закрывали солнце, но оно, прожигая их свинцовую пелену, освещало корабль, плывущий к востоку. Потом возник многолюдный город, расщепленный надвое могучей рекой; потом — горделивая горная крепость с семью башнями из белого камня. А потом сверкнуло рассветное солнце, осветив совершенно спокойное Море. Прозрачную рябь голубоватой воды испаривал корабль под черными парусами и с белым деревом на узком флаге. Корабль медленно приблизился к берегу и тотчас же скрылся за дымным заревом, и солнце закатилось, и в багровом сумраке краткими вспышками кровавых боев проступили картины нескончаемой битвы, и багровый сумрак стал черной тьмой, и Фродо ничего уже не мог разглядеть. А потом, когда тьма немного поубавилась, от берега отвалил серебристый корабль и вскоре скрылся в морских просторах. Фродо приготовился слезть на землю.

Но зеркальная чаша вдруг опять почернела — словно черная дыра в бесконечную пустоту, — и, всплыв из тьмы на поверхность Зеркала, к Фродо медленно приблизился ГЛАЗ. Обрамленный багровыми ресницами пламени, тускло светящийся мертвенной желтизной, был он, однако, напряженно-живым, а его зрачок — скважина в ничто — постоянно пульсировал, то сужаясь, то расширяясь. Фродо с ужасом смотрел на Глаз, не в силах вскрикнуть или пошевелиться.

Стеклянисто-глянцевое яблоко Глаза, иссеченное сетью кровавых прожилок, ворочалось в тесной глазнице Зеркала, и Фродо, скованный леденящим ужасом, понимал, что Глаз, обшаривая мир, силится разглядеть и Хранителя Кольца, но, пока у него есть воля к сопротивлению, пока он сам не захочет открыться, Глаз бессилен его обнаружить. Кольцо, ставшее невероятно тяжелым, туго натягивало тонкую цепочку, и шея хоббита клонилась вниз, а вода в Зеркале кипела и клокотала.

— Осторожнее, мой друг. Не коснись воды, — мягко сказала Фродо Галадриэль, и он отпрянул от черного кипятка, и Глаз, постепенно тускнея, утонул, а в Зеркале отразились вечерние звезды. Фродо торопливо соскочил с постамента

и, все еще дрожа, посмотрел на Владычицу.

— Мне знакомо твое последнее видение, — проговорила она. — Не надо пугаться. Но знай — не песни и лютни менестрелей и даже не стрелы эльфийских воинов ограждают Лориэн от Черного Властелина. Ибо, когда он думает об эльфах, мне открываются все его замыслы, и я могу их вовремя обезвредить, а ему в мои мысли проникнуть не удастся.

Владычица посмотрела на восток и как бы отстранила что-то левой рукой, а правую медленно подняла к небу. Вечерняя Звезда, любимица эльфов, светила столь ярко, что фигура Владычицы отбрасывала на землю чуть заметную тень. В лоцинке уже было по-ночному темно, но внезапно ее словно молния озарила: на левой руке у Владычицы Лориэна ослепительно сверкнуло золотое кольцо с овальным переливчато-перламутровым самоцветом, и Фродо *понял* — или так показалось.

— Да, — спокойно подтвердила Галадриэль, хотя он ни слова не сказал вслух. — Одно из Трех сохраняется в Лориэне. Мне доверено владеть Нэином. Враг об этом не знает — пока. И от твоей удачи — или неудачи — зависит судьба Благословенного Края. Ибо, если ты погибнешь в пути, Магия Средиземья падет перед лиходейством, а если сумеешь исполнить свой долг, мир подчинится всевластному Времени, а мы уйдем из Благословенного Края или станем, как и вы, смертными, добровольно сдавшись новому властелину, от которого не спасешь даже память о прошлом.

Галадриэль умолкла; молчал и Фродо; потом он посмотрел ей в глаза и спросил:

— А какую судьбу выбрала бы ты — если б тебе было дано выбирать?

— К сожалению, мне не дано выбирать, — печально ответила ему Владычица. — Мы будем вечно вспоминать Лориэн — даже за Морем, в Благословенной Земле, — и наша тоска никогда не смягчится. Однако ради победы над Сауроном эльфы готовы отказаться от родины — поэтому мы и приютили Хранителей: вы не в ответе за судьбу Лориэна... А если б я стала мечтать о несбыточном, то мне захотелось бы, чтоб Вражье Кольцо навеки сгнуло в Андуйне Великом.

— Ты мудра, бесстрашна и справедлива, — сказал ей хоббит. — Хочешь, я отдам тебе Вражье Кольцо? Его могущество — не по моим силам.

Неожиданно Владычица звонко рассмеялась.

— Так, значит, *мудра, бесстрашна и справедлива?* — все еще усмехаясь, повторила она. — Когда ты предстал предо мною впервые, я позволила себе заглянуть в твое сердце — и тебе удалось отомстить мне за это. Ты становишься поразительно прозорливым, Хранитель! Зачем скрывать, я много раз думала, как поступлю, если Вражье Кольцо волею случая окажется у меня, — и вот теперь я могу его получить! Зло непрерывно порождает зло, независимо от того, кто принес его в мир, — так, быть может, я совершу великое благо, завладев доверенным тебе Кольцом?

Тем более что мне оно достанется без насилия и я не сделаюсь *Черной Властительницей!* Я буду грозной, как внезапная буря, устрашающей, как молния на ночных небесах, ослепительной и безжалостной, как солнце в засуху, любимой и почитаемой и опасной, как пламя, холодной, как зимняя звезда, — но не **ЧЕРНОЙ!**

Она подняла к небу левую руку, и самоцвет Нэина вдруг ярко вспыхнул, и

Фродо испуганно отступил назад, ибо увидел ту самую Властительницу, о которой только что говорила Галадриэль, — ослепительно прекрасную и устрашающе грозную. Но она опять мелодично рассмеялась и опустила руку, и самоцвет померк, и Фродо с облегчением понял, что обознался: перед ним стояла Владычица эльфов — высокая, но хрупкая, прекрасная, но не грозная, в белом платье, а не в сверкающей мантии, и голос у нее был грустно-спокойный.

— Я прошла испытание, — сказала она. — Я уйду за Море и останусь Галадриэлью.

После долгого молчания Владычица сказала:

— Пойдемте. Завтра вы покинете Лориэн, ибо выбор сделан и время не ждет. А сейчас вас желает видеть Владыка.

— Но сначала ответь мне, — попросил ее Фродо, — на вопрос, который я не задал Гэндальфу: хотел спросить его, да все не решался, а потом он погиб в Морийских пещерах. Мне доверено главное Магическое Кольцо — почему ж я не вижу других Хранителей? Почему не знаю их тайных помыслов?

— Ты ведь не пытался увидеть и узнать, — ответила Владычица. — И никогда не пытайся! Это неминуемо тебя погубит. Разве Гэндальф тебе не говорил, что сила любого Магического Кольца зависит от могущества его Хранителя? Если ты будешь распорядиться Кольцом, не сделавшись истинно могучим и мудрым, то рано или поздно Всеобщий Враг сумеет подчинить тебя своей воле и ты, незаметно для себя самого, начнешь выполнять все его повеления. Помни — ты Хранитель, а не Владелец: тебе доверено *не владеть*, а *хранить*. Трижды ты надевал на палец Кольцо... однако скажи — по своей ли воле? И все же ты стал удивительно прозорливым! Тебе открылись мои тайные мысли — немногие Мудрые могут этим похвастаться! Ты увидел Глаз Великого Врага и узнал Нэин у меня на пальце... Скажи, ты заметил мое Кольцо? — спросила Владычица, повернувшись к Сэму.

— Какое кольцо? — переспросил ее Сэм. — Ты показала рукой на Вечернюю Звезду, и она очень ярко тебя осветила, но я не видел никакого кольца и, признаться, не понял, про что вы толкуете. Но раз уж ты дозволила мне говорить, то и я прошу тебя вместе с хозяином — возьми ты у него это Вражье Кольцо! Ведь ежели бы оно перешло к тебе, то тебя-то никто не посмел бы послушаться! Ты-то навела бы порядок в мире. Лиходеи зареклись бы сносить Исторбинку и выгонять на улицу моего старика. Они у тебя сами нахлебались бы лиха!

— Да, я сумела бы их обуздать, — задумчиво подтвердила Галадриэль. — Но потом... Впрочем, Кольцо остается у Фродо, так что не будем об этом говорить. Пойдемте, вас ждет Владыка Лориэна.

Глава VIII Прощание с Лориэном

Все Хранители собрались у Владыки. После приветствий Селербэрн сказал: — Отряду Хранителей пора выступать. Перед вами снова открывается выбор. Тот, кто решится продолжить Поход, завтра должен покинуть Кветлориэн. А тот, кто не хочет идти с Хранителем, волен пока что остаться у нас. Но, если Враг завладеет Кольцом, гости эльфов будут втянуты в битву — ведь нам предстоит прорываться к Морю, — а в этой битве уцелеют немногие.

Все молчали.

— Они решили продолжить Поход, — оглядев гостей, сказала Галадриэль.

— Для меня Поход — это путь домой, — объявил Боромир, — мой выбор прост.

— А ты уверен, — спросил его Селербэрн, — что Хранители собираются идти в Минас-Тирит?

— Мы еще не знаем, как нам идти, — озабоченно ответил Владыке Арагорн. — Гэндальф ни разу об этом не говорил. Да, по-моему, он и не успел обдумать, куда мы пойдём после Кветлориэна.

— Впереди — Андуин, — напомнил Владыка. — Через него можно переправиться лишь на лодке, ибо мосты в Остигиате разрушены. Если вам нужно попасть в Минас-Тирит, вы можете двигаться вдоль правого берега; но по левому берегу дорога короче. Так какой же путь вы думаете избрать?

— Путь через Гондор длиннее, но безопасней, — сказал Боромир. Арагорн промолчал.

— Я вижу, вам еще не ясен ваш путь, — сказал Селербэрн. — И не мне его выбирать. Я помогу вам немного иначе. Некоторым Хранителям лодка не в диковину — Боромиру, Леголасу, Арагорну-следопыту...

— И одному из хоббитов! — выкрикнул Мерри. — По нашему делу течет Брендидуим, и я-то знаю, что речная лодка — это... это не дикая кобылица, которая норовит пришибить седока.

— Прекрасно, мой друг, — сказал Селербэрн. — Я могу снабдить вас лориэнскими лодками. Они у нас небольшие и легкие, но прочные, так что вы сможете плыть без опаски, а там, где понадобится, нести их по берегу: на Андуине много порогов и перекатов. Пешком путешествовать утомительнее, чем в лодках, а главное, спускаясь по Великой Реке, вы спокойно обдумаете, куда вам свернуть — на восток, в Мордор, или к западу, в Гондор.

Арагорн очень обрадовался лодкам, ибо он все еще не мог решить, по какому берегу вести Отряд. Остальные Хранители тоже приободрились. Впереди их ждали великие опасности, в этом ни один из них не сомневался; ну а все-таки *плыть* навстречу опасностям гораздо приятней, чем тащиться пешком. Всеобщей радости не разделял лишь Сэм: он был уверен, что речные лодки гораздо опаснее диких кобылиц (которых, как он думал, вообще не бывает).

— Мы приготовим лодки и походное снаряжение к завтрашнему дню, — пообещал Селербэрн. — А сейчас уже поздно, вам пора отдохнуть. Доброй ночи и приятных снов!

— Спи спокойно, — сказала Галадриэль, — вы еще успеете выбрать дорогу. А быть может, каждый из вас уже начал — не заметив этого — тот единственный путь, который предназначен ему судьбой.

Хранители вернулись в свой шатер у фонтана — Леголас вместе с ними, — чтоб устроить совет: слова Владычицы их не очень-то успокоили.

Долго и бурно обсуждали путники, как добраться до Роковой горы; но вскоре стало совершенно ясно, что почти всех их пугает Мордор и они хотят идти в Минас-Тирит — чтобы хоть ненадолго оттянуть путешествие к страшному логову Черного Властелина. Впрочем, позови их Фродо за Андуин, им удалось бы преодолеть страх; однако Фродо упорно молчал, и они не знали, на что решиться.

Если бы Гэндальф был по-прежнему с ними, Арагорн без колебаний свер-

нул бы в Гондор, веря, что пророческий сон Боромира, подтвердивший древнее предание дунаданцев, призывает его, наследника Элендила, выйти на битву со Всеобщим Врагом. Но Гэндальф сгинул, и Арагорн понимал, что ему придется сопровождать Фродо, если тот захочет переправиться через Андуйн. И однако — чем он поможет хоббиту, слепо нырнув под Завесу Тьмы?

— Я-то и один пойду в Минас-Тирит, это мой долг, — сказал Боромир. Потом он пристально посмотрел на Фродо, как бы пытаясь прочесть его мысли, но, заметив, что хоббит не собирается говорить, опустил голову и раздумчиво продолжил: — Если Кольцо необходимо уничтожить, то силой оружия тут ничего не добьешься, и Хранителю незачем идти в Гондор. Но если необходимо уничтожить *Врага*, то глупо отказываться... — Боромир замолчал, словно до этого он рассуждал сам с собой, а теперь вдруг понял, что говорит вслух, и закончил явно не так, как хотел: — ...от военной помощи Великого Гондора.

Фродо встревожили слова Боромира. *Глупо отказываться*, начал гондорец... От чего? Может — от Кольца Всевластья? Фродо вспомнил, что на Совете у Элронда он уже заводил об этом разговор, но Элронд тогда же ему все объяснил, и он как будто бы понял, в чем дело. Хоббит с надеждой глянул на Арагорна, однако тот, погруженный в раздумье, видимо, просто не слушал Боромира. На этом их совещание и кончилось. Мерри с Пином давно уже спали; Сэм крепился, но украдкой позевывал; в воздухе ощущалась предрассветная свежесть. Фродо забрался под одеяло и уснул.

Поутру они начали собираться в путь. Эльфы принесли к их шатру одежду и несколько небольших мешков с продовольствием. Гимли развязал один из мешков, вынул тонкую коричневую лепешку, разломил ее — внутри она оказалась кремовой — и, еще не попробовав, разочарованно сказал:

— Галеты... — Однако снизошел до пробы.

И в одно мгновение сжевал лепешку.

— Остановись! — со смехом закричали эльфы. — Ты и так проголодаешься теперь только к вечеру, да и то если будешь весь день работать.

— В жизни не ел таких вкусных галет, — признался Гимли. — Просто чудеса! Уж на что люди из Приозерного королевства мастера готовить дорожные галеты, но с вашими лепешками их нельзя и сравнивать.

— У нас они называются не галетами, а *путлибами*, или, в переводе на всеобщий язык, дорожным хлебом, — объяснили эльфы. — Если их не ломать, они будут свежими даже через несколько недель пути, так что храните их на черный день. Путнику — хотя бы и громадине-человеку — достаточно всего лишь путлибы в сутки, чтобы не чувствовать ни голода, ни усталости.

Потом хозяйева вынули одежду — длинные лориэнские плащи с капюшонами из легкой и тонкой, но плотной ткани, сшитые по мерке на каждого Хранителя. Они казались переливчато-серебристыми в прозрачной тени исполинских ясеней и как бы впитывали любые оттенки, золотясь под солнцем, зеленея в траве, голубея на фоне безоблачного неба и становясь бесцветно-сероватыми в сумерки, — Хранители не однажды с удивлением замечали, что эльфов необычайно трудно разглядеть, когда им хочется, чтобы их не увидели (ходят-то они совершенно бесшумно), и очень обрадовались подаренным плащам. На шее ворот плаща и капюшон застегивались маленькой малахитовой брошкой в форме листа с золотыми прожилками.

— А он волшебный? — осведомился Пин, радостно разглядывая свой новый плащ.

— Мы не понимаем, что значит «волшебный», — ответил хоббиту один из эльфов. — Твой плащ — эльфийский, можешь не сомневаться... если ты это имеешь в виду. Вода и воздух, земля и камни, деревья и травы Благословенного Края отдали ему переливчатые краски, мягкость и красоту, прочность и вековечность, ибо все, что окружает эльфов, оживает в изделиях их мастеров. Плащи — одежда воинов и разведчиков, но именно одежда, а не воинские доспехи; от стрел или копий они не спасут. Зато защитят от холода и дождя, прикроют в жару от палящего солнца и скроют в походе от вражеских глаз. Вы удостоились особой дружбы Владык, ибо доселе ни один чужестранец не получал в подарок лориэнской одежды.

Между тем настала пора уходить. Хранители с грустью глянули на шатер, который долго заменял им дом — хотя они не сумели бы вспомнить, сколько дней им пришлось тут прожить, — на фонтан у шатра, на мэллорн Владык... Отвернувшись, они увидели Хэлдара. Фродо очень обрадовался знакомцу.

— Я охраняю северную границу, — поднявшись по склону, сказал им эльф, — но меня назначили вашим проводником, и я ненадолго вернулся в Галладхэн. Долина Черноречья застлана дымом, а земные недра тяжело содрогаются — в горах происходит что-то неладное, и вы не смогли бы уйти на север, домой. Но путь по Андуйну пока свободен. Идемте, времени терять нельзя.

Мэллорны звенели голосами эльфов, но на тропках путникам никто не встретился; они спустились к подножию холма, миновали Ворота, коридор между стенами, перешли по белому мосту через ров и свернули следом за Хэлдаром на восток.

Тропа петляла по густому лесу, небо закрывали золотистые листья, и путники чувствовали, что идут под уклон. Лиг через десять ясени расступились, в небе сверкнуло полуденное солнце, путники невольно ускорили шаг, вышли на открытую поляну и огляделись. Справа от них струилась Ворожея, прозрачная, звонкая и не очень широкая; а впереди, перерезая им путь на восток, бесшумно катил свои темные воды необозримо широкий и хмурый Андуйн. С севера узкую луговую косу окаймляла стена исполинских ясеней; за Андуйном, среди кочковатых лугов, щетинились кусты и редкие перелески; за Ворожеей до темной линии горизонта тянулись угрюмые голые леса. Реки ограничивали с юга и востока цветущие земли Благословенного Края, Хранители подступили к рубежам Глухоманья.

На левом берегу Золотой Ворожеи, шагах в тридцати от ее впадения в Андуйн, виднелся низкий белокаменный причал; у причала были пришвартованы лодки разных размеров и всевозможных цветов. Эльфы грузили припасы Хранителей в три небольшие светло-серые лодочки. Сэм опасно подошел к берегу, нагнулся, поднял моток веревки — она была легкая, а на ощупь шелковистая — и спросил у эльфов:

— Это тоже нам?

— Конечно, — ответили хоббиту эльфы. — Мы положили в каждую лодку по три мотка — чтоб уж с избытком. Никогда не пускайся в путешествие без веревки — длинной, легкой, тонкой и прочной. А наши веревки как раз такие. И они не единожды вам пригодятся.

— А то я не знаю! — воскликнул Сэм. — Мы вот ушли из Раздола без веревки, так я себя клял до самого Лориэна...

— Можете отчаливать, — объявил Хэлдар. — Только не торопитесь выходить в Андуин. Сначала вам надо освоиться с лодками.

— Да-да, будьте осторожны, друзья, — поддержали Хэлдара другие эльфы. — У наших лодок мелкая осадка, даже когда они загружены до предела, и вы не сразу к этому привыкнете. Испробуйте их сперва возле берега.

* * *

Хранители не спеша расселись по лодкам — первыми Фродо и Сэм с Арагорном, за ними Мерри и Пин с Боромиром, а очень сдружившиеся в последнее время Гимли и Леголас поплыли вдвоем; к ним погрузили мешки с провизией.

На дне лодочек лежали весла с лопастями в форме широкого листа. Арагорн оттолкнулся веслом от причала и пошел для пробы вверх по реке. Он греб умело, но течение было быстрым, и лодка двигалась довольно медленно. Сэм устроился на передней банке и, вцепившись обеими руками в борта, со страхом смотрел на могучий Андуин. Ворожея весело искрилась под солнцем; порой мимо лодки проплывал к Андуину чуть-чуть притонувший ясеновый лист. Вскоре путники миновали косу и над ними сомкнулся полог листвы; воздух был сух, но свеж и прохладен; тишину нарушала лишь песня жаворонка.

Арагорн развернулся и пошел по течению. Вдруг из-за крутого поворота реки стремительно выплыл громадный лебедь с гордо изогнутой белоснежной шеей, янтарными глазами, золотистым клювом и слегка раскинутыми в стороны крыльями. Послышалась негромкая мелодичная музыка, и, когда невиданная птица приблизилась, путники поняли, что это лодка, с изумительным искусством сработанная эльфами, — издали лебедь казался живым, хотя он и был неестественно огромным. Два гребца в светлосерых плащах слаженно работали черными веслами, над которыми распростерлись широкие крылья. В лодке сидел Владыка Лориэна, а рядом с ним стояла Галадриэль — высокая, стройная, в белом одеянии и венке золотистых вечноживых цветов; она пела печальную эльфийскую песню, негромко аккомпанируя себе на арфе. Грустно, но сладкозвучно звенел напев, словно бы приглушаемый зимней прохладой:

*Я пела о золотистой вешней листве, и леса шелестели листвою;
Я пела о ветре, и ветер звенел в шелковистой траве луговой;
В Заокраинный Край уплывала луна,
И за нею спешила морская волна
В Эльдамар, где среди светозарных долин
Возвышается гордый гигант Илмарин
И, горами от Мстительной мглы заслонен,
Полыхает огнями Святой Тирион,
А на Дереве Белом, как искры утрат,
В каждой капле росы наши слезы горят...
О Златой Лориэн! Слишком долго я здесь
Прожила в окружении смертных и днесь
Безнадежно пою про корабль в те Края,
Где зажглась бы для нас прежней жизни Заря...*

— Мы приплыли, чтобы пожелать вам удачи на вашем опасном и трудном пути, — допев песню, сказала Галадриэль.

— Вы долго были гостями эльфов, — добавил Селербэрн, — но так уж случилось, что мы ни разу не разделили трапезы. Владычица приглашает вас на прощальный обед у берегов Великой Пограничной Реки.

Фродо почти не притронулся к еде. Он с грустью поглядывал на Владычицу эльфов, предчувствуя, что это их последняя встреча. Владычица не казалась могущественной и грозной, хотя была по-всегдашнему красива. Она неожиданно представилась хоббиту (как и всем, кто сталкивается с эльфами сейчас) неизменно юной и вечно прекрасной жительницей давно ушедшего прошлого.

После обеда Владыка Лориэна рассказал Хранителям о Приречных землях:

— Андуин течет по широкому ущелью среди лесов и каменистых степей. Сначала он круто забирает к востоку, а потом, после нескольких гигантских петель, устремляется, постепенно сужаясь, на юг, прорезает небольшое бесплодное взгорье и после довольно опасного переката разбивается на два разъяренных потока об остров Тол-Брандир — по-вашему Скалистый, — чтобы низвергнуться в низины Болони, или, как именуют их эльфы, Нэндальфа. Водопад Оскаленный — по-эльфийски Рэрос — на лодках, конечно же, одолеть невозможно, и вам придется обходить его берегом. Однако тем, кто свернет в Минас-Тирит, лучше распрощаться с Андуином до Рэроса, чтобы идти по Ристанийской равнине, минуя болотистые низины Нэндальфа. Только не уклоняйтесь на северо-запад, к лесам у южных отрогов Мглистого, ибо про эти древние леса сложено немало странных легенд.

— Последний раз я пересек Мустангрим на пути к Раздолу, — сказал Боромир. — И хотя пробирался я по западным землям — от Белых гор к Серострую и Бесноватой, — хотя я не знаю восточного Мустангрима, но дорогу домой отыщу и с востока.

Заметив, что гондорец не собирается продолжать, Галадриэль встала и торжественно возгласила:

— Пусть каждый выпьет прощальный бокал — за успешное завершение начатого пути! — Когда Хранители осушили бокалы, хозяйка снова предложила им сесть. — Мы распрощались, и нас уже разделила незримая тень предстоящей разлуки, — после долгой паузы сказала она. — Но прежде чем вы покинете Лориэн, примите прощальные подарки эльфов.

Сначала она обратилась к Арагорну:

— Для тебя, Предводитель Отряда Хранителей, наши мастера изготовили ножны под стать прославленному мечу Элендила. Меч, извлеченный из этих ножен, не может сломаться или затупиться... Однако вскоре между нами встанет непроглядно черная Завеса Тьмы. Так нет ли у тебя заветного желания, которое могла бы исполнить лишь я, Владычица эльфов Благословенного Края?

И Арагорн ответил Галадриэли:

— Владычица, к исполнению моего желания приведет меня лишь мой собственный путь — путь сквозь Тьму до победы или гибели. Все мои помыслы о будущей жизни связаны с эльфами Раздола и Лориэна, но исполнить мое заветное желание не под силу даже тебе или Элронду...

— Как знать, — возразила ему Владычица. И добавила: — Прими же еще

один дар. — Она протянула Арагорну брошь, сработанную из прозрачно-зеленого самоцвета. Брошь — орел с распростертыми крыльями — источала мягкий искрящийся свет, словно заслоненное листьями солнце. — Я получила этот камень от матери и подарила его своей дочери Селебрайне, а та — своей; но отныне он твой. Ибо предсказано, что *в свой час ты назовешься Элессар — Эльфийский Берилл из рода Элендила.*

И Арагорн поклонился, и принял брошь, и приколот на грудь; и все вдруг заметили его поистине королевский облик: он сбросил с плеч, как почудилось Фродо, тяжелый груз многолетних скитаний по самым гибельным Глухومانым землям.

— Благодарю тебя, о Владычица Лориэна, давшая жизнь Селебрайне и Арвен, за этот неоценимый дар, — сказал он.

Владычица молча склонила голову.

Двум юным хоббитам, Пину и Мерри, Галадриэль подарила серебряные пояса с массивными пряжками в форме цветка, а Боромиру — золотой, инкрустированный топазами; Леголас получил лориэнский лук, более упругий и мощный, чем лихолесские, и колчан с тонкими, но тяжелыми стрелами.

— Ну а для тебя, мой милый садовник, — ласково сказала Владычица Сэму, — у меня приготовлен особый подарок: скромный, однако, надеюсь, полезный. — Она протянула хоббиту шкатулку с единственной буквой, выгравированной на крышке. — Это руна «Г», — объяснила Владычица, — а в шкатулку я положила немного земли, благословленной мною на щедрое плодородие в любых краях Средиземного мира. Она не защитит от опасностей на пути, не спасет от вражеских мечей и стрел, но если ты когда-нибудь возвратишься домой и удобрить этой землею свой сад — пусть даже давно разоренный и заброшенный, — то он расцветет с необычайной пышностью. И тогда, быть может, тебе вспомнится Лориэн, который ты видел, к сожалению, лишь зимой, ибо наше лето давно миновало.

Сэм густо покраснел и, бормоча неуклюжие слова благодарности, низко поклонился Владычице эльфов.

— Осталось узнать, — сказала Галадриэль, — какой подарок в память об эльфах было бы приятно получить гному.

— Никакого, Владычица, — отозвался Гимли. — Мне достаточно, что я видел собственными глазами прекрасную Владычицу Благословенного Края.

— Вы слышали? — спросила у эльфов Галадриэль. — Теперь, я думаю, вам не будет казаться, что всякий гном — угрюмый корыстолюбец? И однако без подарка мы тебя не отпустим, дорогой мой Гимли, — добавила она. — Скажи мне, что ты хотел бы получить на память об эльфах Благословенного Края?

— Я ничего не прошу, Владычица, — ответил ей гном. И надолго умолк. Но потом набрался храбрости и закончил: — Если же говорить о *несбыточных* желаниях... то я пожелал бы получить в подарок прядь волос Владычицы Лориэна. Гномы умеют ценить драгоценности, а в сравнении с твоими волосами, Владычица, золото кажется ржавым железом! Не гневайся — я ведь ни о чем не прошу... — На этот раз он умолк окончательно.

Послышалось испуганное перешептывание эльфов, а Селербэрн в изумлении глянул на гнома. Но Владычица улыбнулась и мягко спросила:

— Что же ты сделал бы с этим подарком?

— Хранил бы его как великую драгоценность, — не задумываясь, ответил

Владычице гном, — в память о дружбе с эльфами Лориэна.

И Владычица, отрезав у себя прядь волос, отдала ее гному и раздумчиво сказала:

— Я ничего не хочу предрекать, ибо на Средиземье надвигается Тьма и мы не знаем, что ждет нас в будущем. Но если Тьме суждено развеяться, ты сумеешь добыть немало золота — однако не станешь его рабом.

— Тебя, Хранитель, я одариваю последним, — посмотрев на Фродо, сказала Галадриэль, — именно потому, что давно уже решила, как хоть немного облегчить твой путь. — Владычица поднялась и протянула хоббиту хрустальный, светящийся изнутри сосуд. — В этом *фиале*, — объяснила она, — капля воды из Зеркальной Заводи, пронизанная лучами Вечерней Звезды. Чем чернее тьма, тем ярче он светится. Надеюсь, что если на твоём пути померкнут иные источники света, то тебе поможет Эльфийский Светильник — вспомни тогда Галадриэль с ее Зеркалом!

Владычица, озаряемая светом фиала, казалась могущественной, прекрасной и величавой, но вовсе не грозной, как когда-то у Зеркала. Фродо поклонился, ничего не сказав: нужных слов ему в голову не пришло.

Селербэрн проводил Хранителей до причала. Под косыми лучами заходящего солнца мягко золотились волны Ворожеи; небо звенело трелями жаворонков. Путники разделились, как в первый раз, когда решили испробовать лодки; эльфы оттолкнули их шестами от берега, громко пожелали счастливого пути, и они поплыли к Андуину Великому. На косе, при впадении Ворожеи в Андуин, молча стояла Владычица Лориэна. Легкие лодки вынесло на стрежень, и Лориэн медленно начал удаляться, словно могучий златопарусный корабль, уплывающий от Хранителей в безвозвратное прошлое.

За косой величественно-хмурый Андуин затемнил прозрачные струи Ворожеи, лодки быстро понесло к югу, и вскоре светлая фигурка Галадриэли стала маленькой, чуть заметной черточкой, светящейся искрой в ладонях рек. Фродо почудилось, что искра вдруг вспыхнула — это Галадриэль поднялась на цыпочки и вскинула руки в последнем прощании, — а потом сквозь шелест попутного ветра ему послышалась отдаленная песня, едва различимая и все-таки звонкая. Но теперь Владычица Лориэна пела на древнеэльфийском языке Заморья — мелодия звучала необычайно красиво, однако слова лишь тревожили Фродо:

*Аи! Лауриэ лантар ласси суринен,
Йэни унóтимэ ве рáмар алдарон!
Йэни ве линтэ йулдар аваниер
Ми оромарди лиссэ-мировóрева
Андунэ релла, Вардо желлúмар
Нэ лоини йоссем тинтилар о элени
Омарьо апретáри-лиринен.*

Си мон а йулма нин энквуантума?

*Ан си Тинталлэ Варда Оиолоссао
Ве фанйар тарьйат Элентáри ортане
Ар илье тиер Рундулáве лумбуле;
Ар синданопрела капто морниэ.*

Си ванва нэ Рóмэлло ванва, Валимар!

*Намариэ! Наи хирувалио Валимар.
Наи эльо хирава. Намариэ!*

Но смысл песни — очень невнятно — все же отпечатался в памяти Фродо, хотя и слова, и события той эпохи, о которой вспоминала Владычица Лориэна, казались ему недоступно чужедальними: «Ветер срывает золотистые листья с бесчисленных, словно годы, золотистых ветвей. Долгие, долгие годы прошли, как медовая свежесть над лугами Заморья, и звезды трепетали в голубых небесах над светлым перевалом от голоса Ее, и Она, Варда, притушила звезды и Море, отделившее нас от Отчего Края, окутала Вечновечерняя Мгла. И потеряян, потеряян для нас Валимар. Прощай, Валимар! Но с надеждой тебя найти мы не расстанемся во веки веков!..»

Вардой называли живущие в Средиземье эльфы Предвечную Владычицу Заокраинного Края — Элберет.

Неожиданно Андуин свернул к востоку, и высокий, поросший деревьями берег скрыл от Фродо Благословенный Край. Больше он там никогда не бывал.

Путешественники плыли на юго-восток. Предзакатное солнце, отражаясь в реке, слепило их наполненные слезами глаза. Гимли плакал, ничуть не таясь.

— Теперь, повидав Благословенный Край, — печально сказал своему спутнику гном, — я уж ничто не назову прекрасным... Кроме ее прощального дара.

Он ощупал в кармане плоскую коробочку, где хранился золотистый локон Галадриэли.

— Я с трудом решился на Поход в Мордор, — вытирая слезы, заговорил он снова, — а про главные-то опасности, оказывается, не знал. И ведь Элронд предупреждал нас, что никому не известно, какие испытания нам встретятся на пути. Я боялся невзгод и лишений во Тьме — но этот страх меня не остановил. А если б я знал, как страшно измучаюсь, когда мне придется покидать Лориэн, то еще из Раздола ушел бы домой. Потому что, поймай меня завтра же Враг, муки горше, чем сегодняшнее прощание, ему не придумать... Бедный я, несчастный!

— Нам всем тяжело, — сказал ему Леголас. — Всем, кто живет в наше смутное время. Каждый из нас обречен на потери. Но тебя-то не назовешь бедным и несчастным: ты не потерял самого себя — а это самая горькая потеря. В тяжелое мгновение ты остался с друзьями — и ничем не замутненная память о счастье будет тебе пожизненной наградой.

— Память? — с сомнением отозвался Гимли. — Спасибо тебе за добрые слова, но память — слишком холодное утешение. Ведь она лишь зеркало ушедшей жизни. Во всяком случае, так думают гномы. Для эльфов прошлое вечно продолжается, и память у них — как живая жизнь; а мы вспоминаем о том, что ушло, и наша память подернута холодком... — Гимли умолк, а потом воскликнул: — Ладно, нечего себя травить. Разговорами горю все равно не поможешь... и ледяной ванной, между прочим, тоже. А нас вон вынесло на самую стремнину. — Он сел поудобнее, взялся за весла и начал выгребать к западному берегу — туда, где виднелась лодка Арагорна.

Могучие, темные воды Андуина уносили Хранителей на юго-восток. Здесь

безраздельно властвовала зима. По берегам теснились голые деревья, заслоняя от путников приречные земли. Теплый ветер из Лориэна утих, и Андуин окутала стылая тишина. Не было слышно даже щебета птиц. Потускневшее солнце скрылось за лесом, и на реку пали промозглые сумерки, сменившиеся вскоре беззвездной ночью. Путники плыли у левого берега; голые деревья, словно серые призраки, жадно тянули узловатые корни к черной, глухо плещущейся воде. Фродо устало закрыл глаза, и его сморила беспокойная дрема.

Глава IX Великая Река

Проснулся Фродо на лесной поляне. Он был заботливо укутан в одеяло и все же чувствовал, что очень продрог. Занималось холодное серое утро. Поляну обступили высокие деревья, а где-то внизу шумела река. Неподалеку Гимли разводил костерок.

Позавтракав, путники сразу отчалили; однако грести никому не хотелось, и лодки спокойно плыли по течению. Впереди, куда бы они ни свернули, путников ждали великие опасности; они были рады, что Скалистый далеко, и отнюдь не спешили до него добраться. Зато они совсем не тратили сил, и Арагорн решил, что не будет их торопить. Он лишь следил, чтоб они плыли весь день, с раннего утра и до позднего вечера, ибо опасался, что, пока они отдыхали, Властелин Мордора не сидел сложа руки.

Прибрежные леса постепенно редели, а на третьи сутки исчезли совсем. Восточный берег взбугрился холмами, которые простирались до самого горизонта — бесформенные, бурые и совершенно безжизненные, — ни птицы или зверя, ни деревца или кустика или хоть скалы, чтоб отдохнуть глазу. Путники приплыли к Бурым Равнинам, тянувшимся вдоль Андуина от Чародейских Дебрей до Приречного взгорья и Гиблых Болот. Враг ли отравил их каким-нибудь лиходейством, выжег ли багровый подземный огонь, или опустошила черная саранча — этого не знал даже Арагорн; они издревле были мертвыми и пустынными.

Западный берег, тоже безлесный, закрывали густые заросли камыша — его фиолетово-черные метелки шелестели на ветру печально и глухо. Когда стена камыша обрывалась, Фродо видел холмистые луга, покрытые густой и высокой травой, а за ними — полоску далекого леса и уступчатые контуры Мглистого хребта.

В камышах слышались птичьи голоса; иногда над рекой пролетали утки; а однажды путники заметили лебедей.

— Лебеди! — воскликнул Сэм. — Здоровущие!

— И черные, — мрачно добавил Арагорн.

— До чего же холодный и угрюмый край, — зябко поежившись, пробормотал Фродо. — Я думал, что на юге радостно и тепло и все цветет, а зимы не бывает.

— Разве это юг? — откликнулся Арагорн. — В низовьях Андуина и на морском побережье уже наступила пора цветенья — там, я думаю, тепло и радостно, — если южные края не затемнены. А мы-то еще в средней полосе — у северной границы Ристанийской державы, которая проходит по реке Кристалимке, — всего лиг на сто южнее Хоббитании. Здесь в это время и снег может выпасть. Ристанийские земли славятся плодородием, и раньше они были гу-

сто заселены, но теперь близ Андуина никто не живет, ибо у его восточных берегов снова стали появляться орки. А кочуют они огромными ордами, уничтожая на своем пути все живое, и, говорят, вторгаются даже к ристанийцам.

Сэм с беспокойством огляделся по сторонам. Раньше, когда они плыли через лес, ему казалось, что из прибрежных чащоб за ними наблюдают шпионы Врага; ну а теперь, на открытых просторах, он чувствовал себя совсем беззащитным.

Андуин резко свернул к югу. Берега медленно уплывали назад. Холмы на востоке как бы приплюснуло: западный берег превратился в низину, поросшую пучками жесткой травы. Андуин широко разлился и обмелел. Восточный ветер был сухим и холодным.

Путники почти не разговаривали друг с другом — каждый был погружен в собственные раздумья. Фродо вспоминал цветущий Лориэн, яркое солнце и прозрачные ливни, золотые леса и серебристые реки. Леголас мысленно перенесся на север: ему представилась летняя ночь, поляны, затененные голубыми елями, журчание искрящихся под звездами родников и звонкие голоса лихолесских эльфов. Гимли размышлял, где найти алмаз — большой, но прозрачный, словно капля росы, — чтоб выдолбить шкатулку для дара Галадриэли. Мерри с Пином пытались понять, какие заботы одолевают их спутника — Боромир грыз ногти, что-то бормотал, а иногда подгрребался к лодке Арагорна и очень странно смотрел на Фродо. Сэм думал, что путешествие по реке, оказавшееся, к счастью, не слишком опасным, доконает его полнейшим бездельем. Скрюченный и несчастный, сидел он в лодке, глядя на уныло однообразные берега, — Арагорн даже весел ему не доверял, когда приходилось обходить мели.

Заканчивался четвертый день их плавания; в воздухе клубился вечерний туман; Сэм, как обычно, сидел на носу, устало сторбившись и поглядывая назад. Ему не терпелось вылезти из лодки и ощутить под ногами твердую землю. Внезапно он выпрямился, протер глаза и долго смотрел на большое бревно, которое медленно плыло за лодками. Потом его взгляд скользнул по берегу, и он опять дремотно притих.

В эту ночь они остановились на островке неподалеку от западного берега реки. После ужина, уютно укутавшись в одеяло, Сэм сказал засыпающему Фродо:

— Сегодня, часа эдак за два до привала, мне примерещилось что-то непонятное... А теперь вот я думаю — может, не примерещилось?

— Так примерещилось или нет? — спросил его Фродо, зная, что Сэм все равно не утомонится, пока не расскажет свою историю до конца. — Давай уж толком — что ты увидел?

— Бревно, — таинственно шепнул ему Сэм. — Да не просто бревно, а живое и с глазами.

— Ну, бревен тут в реке много, — сладко зевнув, отозвался Фродо. — А насчет глаз — это ты брось. Бревен с глазами даже здесь не бывает.

— Ан нет, бывает, — уперся Сэм. — Я тоже думал — бревно и бревно, плывет себе за Гимлиной лодкой, и все. Да оно вдруг начало нас догонять. Ну, и тут уж я увидел глаза: светятся на бревне, ровно два огонька. А потом смотрю — бревно-то живое. Потому что у него были лапы, как у лебедя, только

большие, и оно этими лапами гребло. Что, думаю, за сон? И протер глаза. А бревно заметило, что я пошевелился, и стало как мертвое — ни лап, ни глаз. Я и раздумал подымать тревогу: решил, что все это мне со сна примерещилось. А когда отвернулся и глянул на берег, мне показалось, что какой-то зверь выскочил из воды и притаился в осоке. Как вы думаете — что это было?

— Пожалуй, не сон, — сказал ему Фродо. — Эти глаза появлялись и раньше. Я видел их в Мории, а потом в Черноречье. И однажды существо с такими же глазами карабкалось к нам на дэлонь в Лориэне. Хэлдар тогда его тоже заметил. А помнишь, про что нам рассказывали эльфы, которые поубивали орков из Мории?

— Конечно, помню, — ответил Сэм. — И рассказы вашего дядюшки помню. И, по-моему, знаю, кто нас преследует. Горлум, чтоб ему, проклятому, провалиться!

— Вот и я так думаю, — отозвался Фродо. — Наверно, из Лихолесья он удрал в Морию и сумел нас выследить. А теперь преследует.

— Наверно, — согласился с хозяином Сэм. — И стало быть, надо нам крепко поостеречься! А то ведь у этого склизкого лиходейщика лапы не дрогнут — подкрадетсЯ да и придушит. Сейчас уж не стоит будить Бродяжника. Вы тоже спите. А я посторожу. Потому как в лодке-то я просто груз, могу и днем неплохо отоспаться.

— Груз-наблюдатель, — усмехнулся Фродо. — Ладно, ты, значит, сторожи до полуночи, а потом обязательно меня разбуди — если ничего не стрясется раньше.

В полночь Сэм разбудил хозяина и доложил, что ничего тревожного не заметил:

— Вроде бы что-то тут плескалось в реке, а потом и на берегу что-то шебуршало, да это, я думаю, ветер и волны.

Фродо сел и закутался в одеяло.

Хранители спали; все было тихо; время тянулось дремотно и медленно; у хоббита уже начали слипаться глаза... Вдруг возле лодок послышался всплеск, и кто-то осторожно вынырнул из воды. За борт ухватилась бледная рука, пловец подтянулся, заглянул в лодку и медленно повернул голову к островку. Фродо сидел у самого берега. Он ясно увидел два светящихся глаза, услышал даже дыхание пришельца — вскочил, выхватил из ножен меч... Но светящиеся глаза мгновенно погасли, раздался плеск, и пловец исчез. А рядом с Фродо уже стоял Арагорн.

— В чем дело? — шепотом спросил он хоббита.

— Горлум, — коротко ответил Фродо.

— Так ты о нем знаешь? — удивился Арагорн. — Он выследил нас в Морийских пещерах. А теперь вот прилачился преследовать на бревне. Я было пытался его изловить, да ничего у меня из этого не вышло: он юркий, как ласка, и скользкий, как угорь. Значит, надо от него уплыть, ибо на свободе он очень опасен: и сам способен исподтишка убить, и врагов при случае может привести.

Больше в ту ночь Горлум не появлялся. Днем путники отдыхали на острове, а вечером снова отправились в путь. Теперь, укладываясь по утрам спать, они

всегда выставляли часового. Но ни один часовой Горлума не видел. Может быть, он не подходил к ним близко, а может быть, попросту отстал в пути — Хранители взялись наконец за весла. Плыли они быстрее, чем прежде, и до восьмой ночи — без всяких происшествий.

Погода была холодной и пасмурной, ветер устойчиво дул с востока. К вечеру небо немного расчищалось, и в разрывах туч появлялся месяц — еле заметный серебристый серп.

А приречные земли опять изменились. Бурые, поросшие терновником утесы подступали к Андуну с обеих сторон; за ними, громоздясь все выше и выше, вставали уступчатые скалистые кряжи с черными провалами глубоких ущелий; кое-где, вцепившись корнями в скалы, гнулись на ветру корявые кедры, увитые цепкими стеблями плюща. Путники подходили к Приречному взгорью, которое ристанийцы называли Привражьем: у этих земель была недобрая слава.

Над скалами кружилось множество птиц; солнце, закрытое пеленой облаков, уплывало за буро-багровые скалы; лежа под прикрытием береговых утесов, Арагорн рассеянно поглядывал в небо и обдумывал, не мог ли злоумышленный Горлум сообщить об Отряде Вражьи вассалам; Хранители готовились рассаживаться по лодкам. Вдруг Арагорн поспешно вскочил. Он увидел вдалеке громадную птицу, которая летела на юго-восток.

— Послушай-ка, Леголас, — окликнул он эльфа, — как по-твоему, это не орел?

— Орел, — всмотревшись, ответил эльф. — Хотел бы я знать, что он тут делает? Ведь орлы гнездятся только в горах. А Приречное взгорье — это не горы.

— До наступления темноты мы отчаливать не будем, — решительно объявил Арагорн Хранителям.

К ночи восточный ветер утих. Андун окутала безмолвная тьма. Ущербный месяц едва светился, и тускло мерцали в тумане звезды. Сэм недоверчиво рассматривал месяц.

— Странное дело, — сказал он Фродо. — Месяц ведь вроде бы везде один — что здесь, в Глухоманье, что у нас, в Хоббитании. А вот получается, как будто их два — над Лориэном свой собственный, а везде другой, — или я совсем запутался во времени. Помните, когда мы оказались у эльфов и в первую ночь ночевали на дэлони, месяц уменьшался — рожками вправо, — и жить ему оставалось не больше недели. Ну вот, а теперь мы ушли из Лориэна и плыли семь дней, и вчера я смотрю — на небо карабкается молоденький месяц, только что народившийся, рожками влево. Так выходит, время-то стояло на месте? Не тридцать же дней мы гостили у эльфов!

— Не знаю, — задумчиво отозвался Фродо. — Эльфы, по-моему, не властны над временем — значит, оно все же движется в Лориэне; но и время пока еще не властно над эльфами — поэтому его в Лориэне не замечаешь. Могущество Владелицы Нэина велико...

— Говорить о Нэине за пределами Лориэна нельзя даже с самыми близкими друзьями, даже со мной, — перебил его Арагорн. Он окинул берег тревожным взглядом. Однако ничего тревожного не заметил и, посмотрев на Сэма, коротко объяснил: — Пока мы жили в Благословенном Краю, месяц умер, и родился снова, и снова умер. Время не остановишь. Тридцать дней мы гости-

ли у эльфов. Зима, сковавшая Средиземье, кончается. Подступает весна последней надежды. — Арагорн умолк и подошел к лодкам. — Пора отправляться, — сказал он громко. — Это последний ночной переход. Дальше я руслу Реки не знаю. Ниже по течению нам встретится Сарн-Гебир — Взгорный Перекат на всеобщем языке, — и ночью нас там неминуемо разобьет. А днем, при свете, мы заранее остановимся, чтобы обойти его по прибрежной тропе. Но до Взгорного отсюда лиг сто, не меньше. Правда, и здесь надо плыть с осторожностью, чтобы не напороться на утес или остров. Поэтому держитесь все время за мной.

Сэма назначили впередсмотрящим. Туман развеялся, и яркие звезды искристо высветлили воду Реки. Бликующая рябь слепила глаза. Сэм внимательно вглядывался во тьму. Перевалило за полночь; у невидимых берегов глухо шумела в скалах вода; течение становилось все более быстрым. Внезапно Сэм предостерегающе вскрикнул — впереди, преграждая Хранителям путь, от западного берега до середины Реки протянулась узкая каменистая мель. Течение, круто выгибаясь влево, потащило лодки к восточному берегу. Вспененная вода ревела и клокотала; там, где сузившийся вдвое поток разбивался об утесы восточного берега, крутились белые от пены водовороты.

— Ночью нам эту стремнину не пройти! — крикнул Боромир, пытаясь повернуть. — А если за ней начинается Взгорный, нас всех утопит, как слепых котят!

— Надо выгребаться к западному берегу! — резко разворачиваясь, прокричал Арагорн.

Гимли с Леголасом тоже повернули. Арагорн мощно налегал на весла.

— Я ошибся в расчетах, — сказал он Фродо. — Мы уже, видимо, подошли к Сарн-Гебиру. Андуин течет быстрее, чем я думал.

Путники с трудом выгребались против течения. Лодки медленно ползли вперед. Но их отжимало к правому берегу. Он казался зловещим и черным.

— Левее! Нас может посадить на мель, и лодки перевернет! — крикнул Боромир.

Фродо почувствовал, что днище лодки царапают камни прибрежной отмели. А потом глухое рычание стремнины резко взрезал пронзительный свист, и с берега в путников полетели стрелы. Одна проткнула капюшон Арагорна — счастье, что Следопыт в это время пригнулся; другая хищно клюнула Фродо и, звякнув, отскочила от мифрильной кольчуги; третья расщепила лопасть весла, которым греб в средней лодке Мерри. Сэму казалось, что он видит стрелков — черные силуэты на темных утесах, — восточный берег был очень близко.

— Ирчи! — по-эльфийски вскричал Леголас.

— Орки! — тревожно воскликнул Гимли.

— Горлумова работа, — пробормотал Сэм, — больше-то их некому было привести. Чтоб ему сдохнуть, треклятому лиходейщику! Да и Андуин тоже на них работает — так ведь и тащит к восточному берегу!

Хранители гребли из последних сил. Стрелы то проносились над их головами, то с глухим всплеском вспарывали воду. Однако больше попаданий не было. Орки прекрасно видят в темноте, но Хранителей спасли лориэнские плащи — без них им пришлось бы, наверное, худо.

Лодки медленно продвигались вперед. Вскоре напор течения ослабел. Хранители выгреблись на середину реки, и утесы справа поглотила тьма. Тогда они резко свернули влево, пересекли Реку и, причалив к берегу, скрывшись под ветками прибрежных кустов, перевели дыхание и бросили весла.

Леголас вынул из колчана стрелу, поднялся по уступчатым скалам чуть вверх, натянул тетиву и глянул за Реку. Однако разглядеть ничего не смог. Да и крики орков постепенно затихли. Фродо снизу смотрел на эльфа. В ночном небе перемигивались звезды, но с юга наползали черные тучи, и звезды одна за другою меркли.

Внезапно путников охватил страх.

— *О Элберет Гилтониэль*, — вскидывая голову, прошептал Леголас.

Обгоняя надвигающиеся с юга тучи, к путникам приближалась крылатая тень, огромная, как древний сказочный дракон. Из-за Андуина слышались радостные вопли. Фродо замер от леденящего ужаса, и ему вдруг вспомнился холодный клинок, блеснувший перед его глазами у Заверти. Он бессильно съежился и закрыл глаза.

Зазвенела тетива лориэнского лука. Со свистом устремилась к небу стрела. Крылатая тень конвульсивно дернулась и, хрипло вскрикнув, исчезла за Андуином. В небе снова мерцали звезды. Вопли на восточном берегу стихли. Черную тишину ничто не нарушало.

* * *

Передохнув, Хранители взялись за весла и медленно поплыли вверх по течению. Вскоре им встретился узкий залив. Они вошли в него, причалили к берегу и решили остановиться тут до рассвета. Костер, даже маленький, мог выдать их оркам, и они подкрепились эльфийскими лепешками.

— Будь благословен лориэнский лук и верный глаз лихолесского эльфа! — дожевав лепешку, воскликнул Гимли. — Это был замечательный выстрел, мой друг!

— Я так и не понял, в кого стрелял, — подавляя дрожь, сказал Леголас.

— Я тоже не понял, кто к нам летит, но меня не радовала предстоящая встреча, совсем не радовала, — признался Гимли. — Мне почему-то вдруг вспомнилась Мория... — Гном опасно оглянулся по сторонам. — ...и Барлог, — шепотом закончил он.

— Это не Барлог, — возразил Фродо, который еще не успел оправиться от черного ужаса, — а кто-то другой. Барлог похож на раскаленную тучу. А тот, которого подстрелил Леголас... ондохнул на меня... — Фродо зябко поежился, — ...могильным холодом. И мне показалось... — Хоббит запнулся и не стал продолжать.

— Что тебе показалось? — подхватил Боромир, перегнувшись через борт к лодке Арагорна.

— Да ведь только показалось, — уклонился Фродо, — так что нечего об этом и говорить. А вот орки явно очень приуныли, когда Леголас подстрелил их союзника.

— Приуныли и обозлились, — уточнил Арагорн. — Но мы, к сожалению, не знаем их замыслов. На всякий случай приготовьтесь к бою. Нынешней ночью нам спать не придется.

Немо тянулись ночные часы. Монотонно шумел в отдалении Перекат. За Рекой таилась враждебная тишина. Тяжелые тучи, принесенные с юга, опустились на Андуин, словно волглое одеяло. Безветренный мрак был теплым и влажным. На ветках, тускло поблескивая во тьме, висели бисеринки мелких капель.

Когда на востоке затлел рассвет, серое, процеженное сквозь тучи утро открыло глазам утомленных путников печальный и странно смягчившийся мир: ни резких контуров, ни темных теней — лишь полупрозрачная белесая мгла. Восточного берега не было видно.

— Не люблю туман, — пробормотал Сэм. — А вот, глядишь, и туман пригодится. Может, не отыщут нас теперь орки-то?

— Может, и не отыщут, — сказал Арагорн. — Если мы сумеем отыскать тропу, чтобы обойти по берегу Сарн-Гебир.

— А зачем нам Река и прибрежные тропы? — вмешался Боромир. — Настало время бросить эти эльфийские скорлупки. — Кивком головы гондорец указал на лодки. — Раз мы добрались до Взгорного Переката, надо уходить к западу, сворачивать на юг и переправляться через Чистолесицу.

— Это путь в Минас-Тирит, — сказал Арагорн. — А мы еще не решили, куда нам идти. Но главное, двигаться вдоль Болоньских топей, не зная точно, где свернуть на юг, гораздо опасней, чем плыть по Реке. Ты ведь не знаешь восточной Ристании. А Река не даст нам сбиться с пути.

— Как только туман над рекой развеется, нас перебьют, — возразил Боромир. — А если даже мы оторвемся от орков и дойдем до Скалистого — дальше-то что? Перепрыгнем Оскаленный и свернем в болота?

— Оскаленный мы обойдем по берегу, — сказал Арагорн. — И заодно уж осмотримся. Ты забыл или просто не хочешь вспоминать про древние Сторожевые Посты нуменорцев — Амон-Ведар и Амон-Слоуш? Быть может, оглядев окрестные земли, мы решим наконец, куда нам идти.

Боромир долго спорил с Арагорном. Однако, убедившись, что Фродо и остальные решили идти вдоль Реки, сказал:

— Гондорцы не привыкли сворачивать в сторону, когда их друзей ждет нелегкий путь. Я помогу вам перенести лодки, а потом вместе спустимся к Скалистому, хотя из-за орков это очень опасно. Но потом сразу же уйду на запад — один, если я недостоин попутчиков.

Понизу туман слегка развеялся. Было решено, что Арагорн с Леголасом отправятся на поиски прибрежной тропы.

— До появления орков, — сказал Арагорн, — путники часто спускались по Андуину, и тропу, я думаю, найти не трудно: Взгорный всегда обходили берегом.

— С тех пор как у Андуина бродят орки, прорваться по Реке с севера на юг почти невозможно, — предупредил Боромир. — И чем дальше к югу, тем опасней Андуин.

— Любая дорога на юг опасна, — спокойно ответил ему Арагорн. — Ждите нас здесь до завтрашнего утра. Если мы к этому сроку не возвратимся, выберите предводителя и сразу же уходите.

С тяжелой тревогой смотрели путники, как скрываются в тумане Леголас и Арагорн. Однако их тревога оказалась напрасной. Разведчики вернулись часа

через два.

— Все в порядке, — спустившись, объявил Арагорн. — Чуть выше по берегу тянется тропа, которая выводит за Взгорным к причалу. Пройти нам придется лиги полторы: лигу вдоль Переката и до него пол-лиги. За южным причалом течение быстрее, но рифов и отмелей в Реке уже нет. А северный причал, где тропа начинается, довольно далеко, и плыть к нему долго. Так что надо выбирать здесь. Главное — вытащить на тропу лодки: берег тут, как видите, крутой и скалистый.

— Это будет нелегко, — проворчал Боромир.

— Но мы с этим справимся, — сказал Арагорн.

— Конечно, справимся! — воскликнул Гимли.

Выгрузка очень утомила путников, но в конце концов с нею было покончено. Сначала на тропу вынесли поклажу. Потом, отдохнув, приступили к лодкам, которые оказались поразительно легкими. Из какой древесины они изготовлены, Леголас не знал, а остальные тем более — она была твердой, но почти невесомой, так что нести разгруженную лодку могли по тропе даже Пин и Мерри. Однако дотащить лодки до тропы без помощи Боромира, наверно, не удалось бы. Высокие уступы крошащихся скал, облепленные ползучими стеблями плюща, глубокие расселины, прикрытые ежевикой, которая намертво вцеплялась в одежду, ледяные ручьи, бездонные колодцы — для маленьких путников с лодками в руках такой подъем был бы неодолим. Даже могучие Арагорн с Боромиром едва одолели этот трудный подъем — но лодки были доставлены на тропу, и дальше дело пошло быстрее.

Справа к тропе подступала стена из отвесных, с извилистыми трещинами, утесов, а слева рычала невидимая Река, процеживаясь сквозь зубья Взгорного Переката. Иногда на тропе попадались камни, скатившиеся сверху, иногда — промоины; но их нетрудно было обойти. Вскоре тропа повернула налево и спустилась к причалу в естественной бухточке. Пешеходный путь вдоль берега кончился: дальше громоздились неприступные скалы. Этот путь Хранители проделали дважды и в два приема все перенесли.

Между тем постепенно начало смеркаться; путники сели на каменный причал и устало пригорюнились. День умирал; в отдалении монотонно выл Сарн-Гебир, навевая на путников тяжелую дрему.

— Ну вот, пришли, — сказал Боромир. — Однако плыть мы сегодня не можем. Нам всем нужно как следует выспаться.

— Нужно, — согласился с гондорцем Арагорн. — Но долгого сна у нас не получится, ибо дежурить мы будем по двое: три часа сна и час на посту. Если туман продержится до утра, мы, возможно, ускользнем от врагов.

За ночь никаких происшествий не случилось, лишь брызнул под утро небольшой дождичек. На рассвете Хранители отправились в путь. Пелена тумана слегка поредела; путники жались к западному берегу, сереющему под ними в молочной мгле. Часа через три стал накрапывать дождь, и вскоре начался весенний ливень. Чтоб лодки не затопило, их прикрыли фартуками, сделанными из тонкой непромокаемой кожи, но плыть продолжали — почти что вслепую.

Ливень разодрал завесу тумана и быстро иссяк. Небо расчистилось. Темные

тучи уползли на север. Зубчатые края Приречного взгорья с обеих сторон стеснили Андуйн; путников стремительно несло вперед; повернуть и выгрести против течения они, вероятно, теперь не смогли бы.

Фродо тревожно смотрел вперед. Хранители приближались к огромным утесам, смутно напоминающим фигуры людей. Высокие, могучие, злоеще грозные, они походили на каменных воинов, охраняющих низовья Реки от врагов. Путникам предстояло проплыть между ними.

— Это Каменные Гиганты, — сказал Арагорн, — великие витязи Нуменорского королевства. — И громко крикнул остальным Хранителям: — Следуйте за мной! Держитесь на стремнине! Идите как можно дальше друг от друга!

Каменные Гиганты были уже близко. Они пронесли сквозь бури столетий приданный им создателями величественный облик. Немые, но грозные, древние, но могучие, в каменных, растрескавшихся от времени шлемах, смотрели они, чуть сощурившись, на север, предостерегающе подняв левую руку вверх и сжимая в правой боевой топор. Величавые часовые легендарного королевства внушали Фродо благоговейный страх, и он не поднял на Гигантов глаза, когда их тени накрыли путников. Даже Боромир опустил голову, проплывая в отчаянно пляшущей лодочке между исполинскими стражами прошлого.

Каменные Гиганты. Тед Несмит

Отвесные, уходящие в небо утесы стремительно проносились мимо Хранителей; черная, как волнистое зеркало, вода оглушительно грохотала; было сумеречно и знобно; ледяной ветер пронизывал до костей. Фродо прижался к дрожащему Сэму, вслушиваясь в его прерывистое бормотание:

— Если выживу... больше никогда... ни за что... близко не подойду... издали не гляну...

— Не бойтесь! — раздался вдруг странный голос.

Фродо оглянулся и увидел Бродяжника — однако не сразу его узнал. Ибо перед ним стоял не Бродяжник — усталый скиталец дикого Глухоманья, — а прекрасный, молодой и могучий витязь. Неколебимо и гордо, с поднятой головою и небрежно откинутым назад капюшоном, возвышался он на корме лоризэнской лодки, оседлавшей бешеную стремнину Андуина, — король, возвращающийся в свое королевство.

— Не бойтесь! — Голос был спокойный и звучный: его не заглушило рычание Реки. — Долгие годы мечтал я увидеть Каменных Гигантов — Исильдура с Анарионом. Своему потомку Элессару Эльфийскому, сыну Арахорна из рода Элендила, они помогут одолеть стремнину. Не бойтесь. Здесь нам ничто не угрожает.

Ущелье, по которому плыли Хранители, быстро сужаясь, поворачивало на запад; монолитный рокот стиснутого потока многократно усиливало гулкое эхо; грохочущий сумрак синевато сгущался... Но вот впереди чуть забрезжил свет, стены ущелья неожиданно расступились, и Хранителей вынесло в спокойное озеро. Бледное, выстуженное ветром небо с редкими перьями взлохмаченных облаков, мелко дробясь, отражалось в воде. Солнце стояло довольно низко. Скалистые берега овального озера поросли могучими кряжистыми дубами; холодно и сиро блестели на солнце их искривленные бурями ветви. В отдалении, у южной окраины озера, возвышались над пологим берегом три горы; среднюю с двух сторон омывала Река.

— Это Тол-Брандир, — сказал Арагорн, указывая спутникам на среднюю гору. — А слева и справа от него, за протоками, древние Сторожевые Посты нуменорцев: Амон-Слоуш и Амон-Ведар — Наслух и Овид на всеобщем языке. Там когда-то дежурили часовые, чтоб слушать и наблюдать, не приближаются ли враги. Но, говорят, на берегах острова Тол-Брандир никогда не бывал ни человек, ни зверь... А за островом вечно ярится Рэрос.

Увлекаемые к югу медленным течением, Хранители поели и немного передохнули. А потом снова взялись за весла. Низкое солнце стало тускло-багровым; на юге темнела громада Скалистого и отчетливо слышался рев Оскаленного. К острову путники подошли в темноте.

Кончался десятый день их путешествия по Великой Реке. Земли Глухоманья остались позади. Утром им предстояло свернуть на запад или на восток.

Глава X Разброд

Арагорн повел их по правой протоке. Между Овидом и протокой тянулся Алуг. Дальше земли тонули во тьме. Арагорн повернул и причалил к берегу.

— Я ни разу не слышал, — сказал он спутникам, — чтоб возле Овида появлялись орки. Однако часовой нам все-таки нужен.

Хранители вытащили лодки на берег, завернулись в одеяла и вскоре уснули. Ночью ничего тревожного не случилось. Каждый часовой дежурил по часу — Горлум и орки до рассвета не появлялись. Если Горлум продолжал следить за Отрядом, то таился где-то невидимый и неслышимый. Но Арагорну спалось плохо и беспокойно. Под утро он встал и подошел к Фродо, который только что сменил Сэма.

— До твоего дежурства еще далеко, — сказал ему хоббит. — Почему ж ты не спишь?

— Сам не знаю, — ответил Арагорн. — Что-то встревожило меня во сне. Давай-ка глянем на твой Терн.

— Зачем? — удивленно спросил его Фродо. — Ты думаешь, к нам подбираются орки?

— Давай посмотрим, — повторил Арагорн.

Фродо вынул из ножен меч. Края клинка чуть заметно светились.

— Орки! — с беспокойством пробормотал хоббит. — Не очень близко... а все же близко.

— Довольно близко, — подтвердил Арагорн. — Но, быть может, это лишь соглядатаи Саурона, которые бродят по восточному берегу. До последнего времени, насколько я знаю, у Амон-Ведара орки не появлялись. А впрочем, с тех пор как гондорцы отступили, в приречных землях многое изменилось. Нам надо идти теперь очень осторожно.

Утренняя заря напоминала зарево далекого пожара. Космами темного дыма клубились на востоке тяжелые тучи, освещенные снизу тускло мерцающим солнцем; но вскоре солнце выплыло в чистое небо, золотисто высветив резкие контуры Тол-Брандира. Фродо с любопытством разглядывал остров. Стеною отвесных утесов поднимался он из поблескивающей мелкой рябью протоки; по крутым склонам его, выше опорных утесов, карабкались к вершине дубовые рощицы; а сама вершина — громадный скалистый шпиль — была совершенно бесплодной и голой. Над островом кружились птицы; но никаких зверей — или хотя бы змей в расселинах скал — Фродо не заметил.

После завтрака Арагорн сказал своим спутникам:

— Время настало, друзья. Сегодня нам придется наконец решить, куда мы свернем — на запад, в Гондор, чтобы открыто драться с Врагом, или на восток, в страну страха и тьмы. А возможно, нам предстоит разойтись, чтобы каждый мог выполнить свой собственный долг. Откладывать решение нельзя, ибо за Андуином бродят орки — если они еще не переправились на этот берег — и задержка может нас погубить.

Арагорн умолк. Но никто из Хранителей не нарушил тишины, никто не пошевелился. Тогда Арагорн заговорил снова:

— Видимо, бремя выбора ляжет на твои плечи, Фродо. Мы зовемся Хранителями, ибо сопровождаем тебя, но за судьбу Кольца отвечаешь ты один, тебе доверил его Совет Мудрых, и не нам определять, куда ты пойдешь. У меня нет права давать советы Главному Хранителю: я не Гэндальф — хотя заменял его, как мог, в дороге — и не знаю, на что решился бы он после Тол-Брандира. А впрочем, и Гэндальф оставил бы, мне кажется, выбор за тобой. Да, Фродо, твое слово — главное и окончательное.

— Я знаю, что нужно спешить, — медленно и далеко не сразу проговорил Фродо. — Но это очень тяжкое бремя — окончательный выбор. Дай мне час на раздумье, Арагорн, и, вернувшись, я скажу свое слово. Потому что я хочу побыть один.

— Что ж, подумай в одиночестве, Фродо, сын Дрого, — согласился Арагорн, окинув хоббита добрым и сочувственным взглядом. — Час мы подождем тебя здесь. Только не уходи далеко.

Сколько-то времени Фродо сидел не двигаясь; голова его была опущена. Сэм, внимательно наблюдавший за хозяином, пробормотал себе под нос:

— Я-то, конечно, помолчу. А только чего тут думать, когда и так все ясно?

Словно бы в ответ на бормотанье Сэма, Фродо поднялся и ушел. Чтобы не глядеть ему в спину, Хранители отвернулись. Однако Боромир, как заметил Сэм, пристально следил за ним, пока его не заслонили деревья, росшие на склоне Овида.

Без всякой цели бродя по лесу, Фродо случайно вышел на заброшенную дорогу. Она вела к вершине горы. Там, где подъем становился круче, виднелись почти разрушенные каменные ступени, расколотые во многих местах корнями деревьев. Фродо машинально пошел вверх и вскоре оказался на лужайке, окруженной с трех сторон горными рябинами. В центре лужайки лежал плоский серый валун; как бы расступившись, чтобы не заслонять утреннее солнце, деревья открывали на востоке Тол-Брандир и кружащих вокруг его вершины птиц. В отдалении грозно выл Рэрос.

Фродо сел на камень и, подперев подбородок ладонями, глубоко задумавшись, притих. Перед его мысленным взором стремительно промелькнули события, случившиеся после ухода Бильбо из Торбы. Он припомнил рассказы Гэндальфа, начало Похода, Совет у Элронда — но окончательное решение ускользало, мысли двоились...

Внезапно ему стало не по себе: чей-то взгляд в спину оборвал, скомкал его раздумья. Он торопливо вскочил, оглянулся — и с невольным облегчением увидел Боромира. На лице гондорца застыла чуть напряженная, но добрая улыбка.

— Я беспокоился за тебя, Фродо, — сказал он. — Если Арагорн прав и орки близко, то бродить по лесу в одиночку очень опасно. Особенно тебе — ты ведь поистине бесценная добыча для врагов. Меня одолевают горькие мысли. Разреши мне посидеть тут с тобой, раз уж я тебя отыскал. Когда мы собираемся все вместе, каждое слово вызывает бесконечные споры. А здесь, вдвоем, нам, быть может, удастся найти какое-нибудь мудрое решение.

— Спасибо тебе, Боромир, — отозвался Фродо. — Да только вряд ли ты сумеешь мне помочь. Потому что я знаю, как мне надо поступить, — и боюсь. Просто боюсь, Боромир.

Фродо замолчал. Сквозь ровный гул Рэроса слышался свист ветра в голых ветвях деревьев. Боромир подошел к хоббиту и сел рядом с ним на камень.

— А ты уверен, что мучаешься не впустую? — мягко спросил он. — Зачем заранее отвергать всякую помощь? Я же вижу, что тебе нужен совет. Выслушай меня, Фродо!

— В том-то и дело, что я догадываюсь, какой ты дашь мне совет, Боромир, — сказал Фродо. — Он кажется мудрым... но сердце предостерегает меня.

— Предостерегает? Против чего? — резко спросил Боромир.

— Против отсрочки, — ответил Фродо. — Против легкого пути. Против желания сбросить с плеч тяжелое бремя. Против... как бы это сказать?.. Ну да — против слепой веры в силу и надежность людей.

— А между тем эта сила надежно охраняет вас от великих бедствий! — воскликнул Боромир.

— Я несколько не сомневаюсь в доблести гондорцев, — сказал Фродо. — Но мир сейчас быстро меняется. Стены Минас-Тирита крепки, я знаю. А вдруг они окажутся недостаточно крепкими? Что тогда?

— Мы встретим смерть, как подобает воинам, — ответил Боромир. — Да и есть ведь еще надежда, что Вражье воинство сломает зубы о нашу крепость.

— Нету такой надежды, пока существует Кольцо, — отрезал Фродо.

— Кольцо! — подхватил Боромир, и глаза его вспыхнули. — Не странно ли, что нам всем доставляет столько тревог такая крохотная пустяковинка — золотое колечко. Покажи-ка ты мне, как оно хоть выглядит, а то я даже и не разглядел его на Совете у Элронда.

Подняв голову, Фродо заметил странный блеск в глазах Боромира. И хотя лицо гондорца было по-прежнему дружелюбным, хоббит почувствовал холодную отчужденность.

— Его лучше не вынимать, — коротко сказал он.

— Лучше так лучше, — сразу же отступил Боромир, — тебе видней. Но говорить-то о нем, надеюсь, можно? Вы вот все время толкуете про его страшное могущество в руках Врага: дескать, мир сейчас меняется и, если Кольцо не уничтожить, Минас-Тирит, а потом и все Средиземье сгинет под Завесой Тьмы. Возможно, так и случится, я не спорю — если Кольцо попадет к Врагу. Ну а если оно останется у нас?

— Элронд предупреждал на Совете, что Кольцо может служить лишь злодейству, — напомнил гондорцу Фродо.

— Да не пой ты с чужого голоса! — вскричал Боромир. Он встал и принялся беспокойно ходить по лужайке. — А впрочем, быть может, они и правы — Гэндальф, Элронд, все эти эльфы и маги, — для самих себя. Быть может, они действительно станут злодеями, если к ним попадет Кольцо. Хотя по-настоящему-то я до сих пор не знаю, мудрые они или просто робкие... Но нас, людей из Минас-Тирита, которые вот уже много лет защищают Средиземье от Черного Властелина, не превратишь в злодеев! Нам не нужна власть над миром и Вражья магия. Мы хотим сокрушить Всеобщего Врага, чтобы отстоять свою свободу — и только. Но заметь, как удивительно все совпало: сейчас, когда силы у нас на исходе, снова нашлось Великое Кольцо — подарок судьбы, иначе не скажешь! К победам приводят лишь решительность и бесстрашие. Ради победы в справедливой битве отважный воин должен быть готов на все. Чего не сделает воин для победы — истинный воин? Чего не сделает Арагорн? А если он откажется — разве Боромир дрогнет в борьбе? Кольцо Всевластья даст мне великое могущество. Под моими знаменами соберутся доблестные витязи из всех свободных земель — и мы навеки сокрушим Вражье воинство!

Боромир, казалось, позабыл о Фродо. Он возбужденно расхаживал взад и вперед по лужайке, толкуя про защиту Минас-Тирита и наступательные бои, про могучие союзы людей и будущие победы. Его голос гремел все громче, а уверенность в окончательной победе над Врагом стремительно росла. И вот уже Вражье воинство в беспорядке покатило к Мордору, последних врагов беспощадно добились у стен Черного Замка, а он, Боромир, стал великим королем — справедливым и мудрым.

Внезапно гондорец замер перед понуро сидящим на камне хоббитом.

— Так нет же, они хотят лишиться Кольца! — вскричал он. — Именно лишиться, а не уничтожить его — ибо если крохотный невысоклик слепо сунется в темный Мордор, то Враг неминуемо завладеет своим сокровищем!

Боромир глянул сверху вниз на Фродо.

— Надеюсь, ты и сам понимаешь, мой друг? — спросил он. — Ты сказал, что

боишься. Но в тебе говорит не страх, а здравый смысл.

— Да нет, мне просто страшно, — возразил Фродо. — Просто страшно, Боромир. И все же я рад, что ты высказался. Теперь у меня не осталось сомнений.

— Давно бы так! — воскликнул гондорец.

— Ты не понял меня, Боромир, — сказал Фродо. — Я не пойду в Минас-Тирит.

— Но тебе непременно нужно завернуть к нам, хотя бы ненадолго, — продолжал настаивать Боромир. — Минас-Тирит уже близко, и доберешься ты от Скалистого до Мордора ничуть не быстрее, чем из нашей крепости. А зато у нас ты узнаешь последние вести о Враге. Пойдем, Фродо, — сказал Боромир, дружески положив ему руку на плечо. Но, выдавая скрытое возбуждение гондорца, рука его мелко дрожала.

Фродо встал и, с беспокойством оглядев Боромира, отступил — человек был вдвое больше хоббита и намного сильнее.

— Неужели ты боишься меня? — спросил Боромир. — Разве я похож на предателя или бандита? Да, мне нужно твое Кольцо, теперь ты это знаешь. Но, клянусь честью гондорца, я отдам его тебе после победы. Сразу же отдам!

— Нет! — испуганно вскрикнул Фродо. — Я не могу доверять его другим. Не могу!

— Глупец! — прорычал Боромир. — Упрямый глупец! Ты погибнешь сам — по собственной глупости — и погубишь всех нас. Если кто-нибудь из Смертных может претендовать на Великое Кольцо, то, уж конечно, не вы, невысоклики, а люди Нуменора — и только они! Нелепая случайность отдала тебе в руки Кольцо. Оно могло стать моим! Оно должно стать моим! Отдай его мне!

Фродо, не отвечая, попятился, чтобы отгородиться от громадного гондорца хотя бы камнем.

— Зря ты боишься, — немного спокойней сказал Боромир. — Почему бы тебе не избавиться от Кольца? А заодно — от всех твоих страхов и сомнений. Объяви потом, что я отнял его силой, что я гораздо сильнее тебя. Ибо я гораздо сильнее тебя, невысоклик!.. — Гондорец перепрыгнул камень и бросился к Фродо. Его красивое, мужественное лицо отвратительно исказилось, глаза полыхнули алчным огнем.

Увернувшись, Фродо опять спрятался за камень и, вынув дрожащей рукой Кольцо, надел его — потому что Боромир снова устремился к нему. Ошеломленный, гондорец на мгновение замер, а потом стал метаться по лужайке, пытаясь отыскать исчезнувшего хоббита.

— Жалкий штукарь! — яростно орал он. — Теперь я знаю, что у тебя на уме! Ты хочешь отдать Кольцо Саурону — и выискиваешь случай, чтобы сбежать, чтобы предать нас всех! Ну подожди, дай мне только до тебя добраться! Будь ты проклят, Вражье отродье, будь проклят на вечную тьму и смертный мрак!.. — В слепом неистовстве гондорец споткнулся о камень, грохнулся на землю и мертво застыл, словно его сразило собственное проклятье; а потом вдруг начал бессильно всхлипывать.

Ветер усилился; заунывный свист привел гондорца в себя. Он медленно встал, вытер глаза и пробормотал:

— Что я тут нагородил? Что я натворил? Фродо! Фродо! — со страхом закричал он. — Фродо, вернись! У меня помутился разум, но это уже прошло! Фродо!..

Однако Фродо был уже далеко: не слыша последних выкриков Боромира, не разбирая дороги, бежал он вверх. Жалость и ужас терзали хоббита, когда ему вспоминался озверевший гондорец с искаженным лицом и горящими глазами, в которых светилась безумная алчность.

Вскоре он выбрался на вершину горы, перевел дыхание и поднял голову. Ему открылась, но как бы в тумане, мощенная плитами круглая площадка, каменная, с проломами, ограда вокруг нее, беседка на четырех колоннах за оградой и многоступенчатая лестница к беседке. Хоббит понял, что перед ним Амон-Ведар — или Овид на всеобщем языке, — Обзорный Сторожевой Пост нуменорцев. Он поднялся по лестнице, вошел в беседку, сел в Караульное Кресло и осмотрелся.

Однако сначала ничего не увидел, кроме призрачно туманных теней — ведь у него на пальце было Вражье Кольцо. А потом тени вдруг обрели резкость и стали картинами неоглядного мира, будто хоббит, как птица, вознесся в небо. На восток уходили неведомые равнины, обрамленные в отдалении чащобами без названий, за которыми высились безымянные горы. На севере поблескивала ленточка Андуина, и слева к Реке подкрадывался Мглистый, сверкая зубьями заснеженных скал. На западе зеленели ристанийские пастбища и крохотно чернела башенка Ортханка, с которой Гэндальфа унес Ветробой. На юге, от вспененных струй Оскаленного, низвергающихся под радугой в низины Болони, Андуин устремлялся к Этэрским Плавням и там, разделившись на множество протоков, вплескивался в серо-серебристое Море, над которым, подобно солнечным пылинкам, кружились мириады и мириады птиц.

Но не было мира в зацветающем Средиземье. На Мглистом, как муравьи, копошились орки. Под голубыми елями восточного Лихолесья дрались люди, эльфы и звери. Дымом затянуло границы Лориэна. Над Морией клубились черные тучи. В землях Бранда полыхали пожары.

Вооруженные всадники, настегивая коней, мчались по широким равнинам Ристании. Изенгард охраняли стаи волколаков. Вастаки и хородримцы двигались на запад: лучники, меченосцы, верховые копейщики, сотники и тысячники в легких колесницах, тяжело груженные припасами обозы, пустые телеги для награбленного добра — несметная сила Вражьего воинства.

Фродо снова посмотрел на юг. В Белых горах, к западу от Андуина, горделиво вздымалась могучая крепость, окруженная белокаменной неприступной стеной, — Минас-Тирит, надежда гондорцев. И в сердце хоббита вспыхнула надежда. Однако на черном предгорном плато к востоку от Андуина, у Изгарных гор, воздвиглась громадная черная крепость — хищная, многолюдная, грозная. Фродо невольно посмотрел на восток. За Изгарными горами, в долине Горгорота, темной даже под сверкающим солнцем, громоздилась одиночная Роковая гора, окутанная клубами багрового дыма. Взгляд хоббита скользнул чуть дальше. И вот, заслоня остальные видения, ему открылся укрепленный Замок. Фродо хотел отвернуться — и не смог. На уступчатом утесе, за бесчисленными стенами, окруженный приземистыми дозорными башнями, которые лепились по уступам все выше, застыл, словно черный паук, Барад-Дур — Бастион Тьмы, логово Саурана. И тьма загасила надежду хоббита.

А потом он ощутил ГЛАЗ.

Глаз напряженно разыскивал Хранителя, который осмелился надеть Коль-

цо. Как цепкий палец, он обшаривал Средиземье. Фродо чувствовал, что от Глаза не спрячешься. Вот он уже ощупывает Наслух. Вот скользнул по ущельям Скалистого... Фродо спрыгнул с Караульного Кресла, упал, скорчился на полу беседки, заслонил глаза лориэнским капюшоном.

Он беззвучно шептал: *Не отдам! Не сдамся!* — а в беседке звучало: *Отдам! Сдамся!* — и гулкое эхо разносило над Овидом эту сиплую клятву бессилия. А потом в голове у него прозвенело: *Сними! Сними же, дуралей, Кольцо!* — и над Овидом разлилась тишина.

В крохотном Хранителе противоборствовали две могучие силы. На мгновение они уравнились, и он потерял сознание. А когда пришел в себя, то почувствовал, что ни Глаза, ни Голоса больше нет: у него снова была свободная воля, и он сорвал с пальца Кольцо — как раз вовремя. Над беседкой пронеслась темная тень, вниз дохнуло могильным холодом — и опять засверкало солнце. В небе перекликались птичьи голоса.

Фродо медленно поднялся на ноги. Он чувствовал слабость, как после болезни, но воля его окончательно окрепла.

— Я должен идти один, — сказал он. — Потому что темная сила Кольца уже злодействует у нас в Отряде. Да, мне надо уходить одному. Теперь я и верить-то могу не всем, а тех, кто меня никогда не предаст — старину Сэма или Мерри с Пином, — слишком люблю, чтоб тащить в Мордор. Бродяжник рвется на помощь гондорцам, и он им нужен сейчас вдвойне — раз Боромир заражен злодейством. Надо уходить одному. Сразу же.

Он сбегал вниз, к той самой лужайке, где его нашел Боромир, и прислушался. До него донеслись встревоженные крики.

— Они меня ищут, — сказал он вслух. — Интересно, сколько же прошло времени? Наверное, несколько часов, не меньше. — Ему показалось, что крики приближаются. — Как же быть? — пробормотал он негромко. И твердо сказал: — Уходить. Сразу. Иначе я вообще никогда не уйду. И прощаться нельзя. Они меня не отпустят! Значит, надо уходить, не прощаясь.

И Фродо надел на палец Кольцо.

Там, где только что стоял хоббит, медленно подымалась примятая трава. А вниз по склону прошуршали шаги — легкие, как шелест весеннего ветра.

Остальные Хранители, собравшись в кружок, сидели на берегу. И хотя каждый из них дал себе слово спокойно ждать, разговор постоянно возвращался к решению Фродо.

— Да, тяжелый ему предстоит выбор, — со вздохом сказал Арагорн. — Путь на восток смертельно опасен из-за орков, а идти в Гондор, быть может, еще опасней, ибо Врагу донесут, где мы укрылись, и под натиском Темных Сил Минас-Тирит рано или поздно падет. Ведь даже Элронд признал, что противостоять всему Вражьему воинству он не в силах. Как же быть? Боюсь, что лишь Гэндальф сумел бы разгадать эту гибельную загадку. Но Гэндальфа нет...

— А значит, разгадывать ее придется нам, — продолжил за Арагорна Леголас. — Мы должны помочь Фродо. Давайте-ка позовем его и проголосуем, куда идти. Мне кажется, что, раз путь на восток закрыт, надо пробраться в Гондор и немного переждать.

— И мне так кажется, — поддержал Гимли. — Но, если Фродо все же решит свернуть на восток, я пойду с ним.

— Да и я пойду, — отозвался Леголас. — Бросить его сейчас было бы предательством.

— Ну, предателей-то среди нас, я думаю, нет, — сказал Арагорн. — Однако, если Фродо отправится в Мордор, ему не помогут ни семь, ни семьдесят семь спутников... а возможно, и навредят: большой Отряд легко обнаружить. Так что я предложил бы всего троих: Сэма (разве он отстанет от хозяина?), себя и Гимли.

— А мы? — негодуяюще воскликнул Мерри. — Мы с Пином еще в Норгорде решили, что пойдём за Фродо куда угодно... И пойдём... Да только это же ужасно — отпускать его... прямо к Врагу в зубы! Мы должны его остановить!

— Конечно, должны! — поддержал приятеля Пин. — Ну мыслимо ли сейчас туда лезть! Вот он и не может решиться: понимает, что одного мы его не отпустим, а просить нас идти с ним в Мордор — не хочет... Мог бы, правда, и догадаться, что мы без всяких просьб, сами пойдём — если не сумеем его удержать.

— Эх, не знаете вы хозяина, — вмешался Сэм. — Это он-то не может решиться? Да он небось уже в Лориэне решил! Ну на кой ему, скажите, Минас-Тирит? Ты уж не сердись, — ища глазами гондорца, добавил Сэм. И вдруг обеспокоенно воскликнул: — А где же Боромир? Он ведь еще с вечера вроде как не в себе... Ну да ладно, у него дом рядом, ему не до нас... А хозяин, он давно уж решил, что пойдет в Мордор. Решить-то решил, да побаивался. Ему и сейчас, ясное дело, страшно. Он, конечно, много кой-чего повидал с тех пор, как ушел из Торбы, — раз не выбросил это треклятое Кольцо в Реку и не удрал куда глаза глядят... Ну а все-таки страх его гложет. Да и кто тут не испугается, хотел бы я знать? А про нас про всех он понимает, что мы его не бросим, — это-то ему главная помеха и есть. Потому как у него решено идти одному. Он вот сейчас вернется, и мы еще хлебнем с ним горя — попомните мои слова, — он ведь никого в Мордор брата не захочет!

— А Сэм-то, пожалуй, прав, — задумчиво сказал Арагорн. — Так что же нам делать?

— Не пускать его! Ни в коем случае не пускать! — вскричал Пин.

— У нас нет на это права, — возразил Арагорн. — Он Главный Хранитель и один отвечает за судьбу Кольца. Мы не должны диктовать ему свою волю. Не должны, да и не сможем: слишком грозные силы втянуты в борьбу за Великое Кольцо.

— А тогда пусть скорей возвращается, и будь что будет, — жалобно сказал Пин. — От такого ожидания и рехнуться недолго. Час-то, наверно, давно прошел?

— Гораздо больше, чем час, — подтвердил Арагорн. — Пора бы ему вернуться.

Хранители встали, и в это мгновение из-за деревьев вышел Боромир, растерянный и угрюмый. Он приостановился, словно пересчитывая своих спутников, и молча сел на траву немного поодаль от них.

— Где ты был, Боромир? — спросил его Арагорн. — Тебе не встретился Фродо?

— Встретился, — чуть помедлив, ответил гондорец. — А потом исчез. Я уговаривал его пойти в Минас-Тирит... и погорячился... И он исчез. Видимо, на-

дел Кольцо. Исчез, как сквозь землю провалился. Мне не удалось его разыскать. Я думал, он уже вернулся.

— И тебе больше нечего сказать? — мрачно нахмурившись, спросил гондорца Арагорн.

— Сейчас — нечего, — с усилием проговорил Боромир.

— Да это как же? — испуганно воскликнул Сэм. — Его же нельзя надевать! От него же один только Враг знает, какие беды могут стрястись!

— Ну, он его, наверное, сразу и снял, — рассудительно сказал Мерри. — Вроде Бильбо, когда ему хотелось отделаться от незваных гостей.

— А куда он хоть пошел-то? — взволнованно вскричал Пин. — Его ведь уже целую вечность нету! Где он?

— Когда ты его видел, Боромир? — спросил Арагорн.

— Полчаса... а может, час назад, — неуверенно отозвался гондорец. — Он исчез... Я долго его искал. Я не знаю! Не знаю!.. — Боромир обхватил руками голову и умолк.

— Целый час? — простонал Сэм. — Скорей! Пойдемте! Надо его найти! — Сэм бросился в лес.

— Подожди! — тревожно окликнул хоббита Арагорн. — Поодиночке нельзя! Надо разделиться на пары!..

Но никто его не слушал. Сэм уже подбегал к лесу. Мерри с Пином мчались вдоль берега Реки. «Фродо! Фродо!» — кричали они, и гулкое эхо далеко разносило их звонкие голоса. Леголас и Гимли тоже скрылись в лесу.

Арагорн рванулся за Сэмом, потом остановился и крикнул Боромиру:

— Приди в себя! Сейчас некогда разбираться, что ты учинил с Фродо. Беги за Пином и Мерри. Охраняй их и, если Фродо не отыщется, возвращайся сюда. Я тоже скоро вернусь.

Боромир побежал вдоль Реки. Арагорн — вверх по склону горы. Он догнал Сэма у лужайки, окаймленной с трех сторон горными рябинами. Тяжело отдуваясь, хоббит разглядывал Тол-Брандир, словно Фродо мог перенестись туда на крыльях.

— Пойдем вместе, — сказал ему Арагорн. — Никто из нас не должен бродить здесь в одиночку. Того и гляди, грянет какая-нибудь беда. Я ее чувствую. Скорее! Мы подыдемся на Амон-Ведар и посмотрим, что творится вокруг. Фродо, по-моему, пошел именно туда. Так что не отставай и смотри в оба. — Арагорн быстро зашагал к Обзорному Сторожевому Посту.

Сэм не смог угнаться за следопытом. Потеряв его из виду, он остановился.

— Не умеешь как следует работать ногами — работай головой, — посоветовал он себе. — У гондорца нету привычки врать. Да только вот рассказал он вроде бы не все. Что-то новое испугало хозяина, и его вдруг сразу как стукнуло — уходить. А куда? Ясное дело, на восток. Без Сэма? То-то и получается, что без Сэма. — У хоббита на глаза навернулись слезы. — Да не реви ты, а думай! — одернул он себя. — Летать хозяин пока не умеет. А восток — за Рекой. А у берега — лодки. Ну-ка, Сэм, бери ноги в руки и дуй к берегу — авось поспеешь!

Хоббит умолк и помчался вниз. Упал, до крови ободрал колени, торопливо вскочил и побежал дальше. Вот и берег. Сэм осмотрелся. И на мгновение застыл, вытаращив глаза. С берега медленно съезжала лодка. Пустая. И рядом никого не было. Вскрикнув, хоббит рванулся к Реке. Пустая лодка съехала в

воду.

— Я тоже! — отчаянно заорал Сэм. — Я тоже! — И, разбежавшись, плюхнулся в Андуин. Лодка уже отошла от берега. Сэма подхватило мощное течение, и он тотчас же скрылся под водой.

Из пустой лодки послышалось проклятие. Потом проворно заработали весла — сами по себе, — лодка развернулась и подошла к тому месту, где скрылся Сэм.

Голова Сэма показалась над водой. В его широко открытых глазах застыл ужас. Он судорожно отплевывался. Фродо протянул ему левую руку, а правой цепко ухватил за волосы.

— Ну-ну, ничего, — проговорил он с испугом. — Держи меня за руку. Сейчас мы причалим.

— Спасите! — жалобно воскликнул Сэм. — Я не вижу руку-то! Я тону! Спасите!

— Да вот она, вот! — отозвался Фродо. Он похлопал Сэма рукой по плечу, и тот немедленно в нее вцепился. — Держись за борт, — сказал ему Фродо. — Мне же надо грести. — Сэм перехватился.

Фродо быстро подошел к берегу, вылез из лодки и снял Кольцо. Сэм торопливо выбрался на луг.

— Ну и репей! — сказал ему Фродо.

— Да как же вы, сударь, на такое решились-то? — укоризненно воскликнул дрожащий Сэм. — Что бы вы делали, если б я не поспел?

— Спокойно шел бы себе на восток, — невольно улыбнувшись, ответил Фродо.

— Спокойно! — с негодованием подхватил Сэм. — Без всех, а главное, даже без меня? А ну как с вами что-нибудь случится? Кто вам поможет? Одному-то? Нет уж! Этого я, сударь, вынести не могу!

— Не можешь? А если ты погибнешь в дороге? Как по-твоему — я смогу это вынести? — спросил его Фродо. — Ведь я иду в Мордор!

— А то куда же? — отозвался Сэм. — Конечно, в Мордор. Вместе и пойдем.

— Послушай, Сэм, — сказал ему Фродо. — Сейчас вернутся все наши спутники и опять заведут бесконечные споры. А мне обязательно надо уйти. В этом — единственное спасение, пойми!

— Идти одному — гибель, а не спасение, — возразил Сэм. — Я тоже пойду. Или никто из нас никуда не пойдет. Да я все лодки сейчас продырявлю, чтоб не отпускать вас одного в Мордор!

Фродо благодарно и весело рассмеялся.

— Одну-то оставь, — сказал он Сэму. — Иначе как мы переправимся через Андуин? Ладно, собирай свои пожитки, репей!

— Я мигом! — радостно откликнулся Сэм. — Вещевой-то мешок у меня уже собран. Только вот немного еды прихватчу...

Оттолкнувшись от берега, Фродо сказал:

— Значит, не удалось мне уйти одному. А ведь я, признаться, и рад, что не удалось. Ужасно рад, дорогой ты мой Сэм! Видно, так уж нам суждено судьбой — идти вместе до самого конца. Будем надеяться, что наши спутники сумеют отыскать безопасный путь. Но мы-то едва ли их когда-нибудь встретим.

— Гора с горой, говорят, не сходятся, а мы ведь не горы, — возразил ему Сэм.

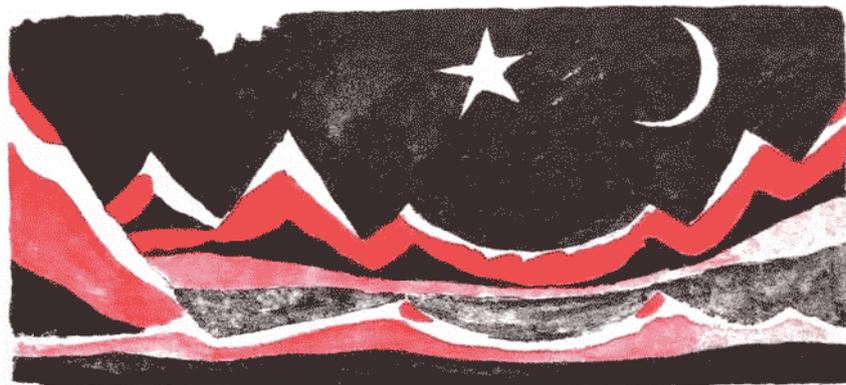

Два хоббита плыли на восток.

Фродо усердно работал веслами, но легкую лодку сносило течением. Утесы Скалистого остались позади; рев Оскаленного явственно приближался. Сэм старательно помогал хозяину — и все же медленно, очень медленно, пересекали хоббиты могучий Андуин.

В конце концов они добрались до берега у южных склонов лесистого Наслуха. Вынув из лодки вещевые мешки, они оттащили ее от воды и спрятали за большим серым валуном.

А потом, не мешкая, пустились в путь.

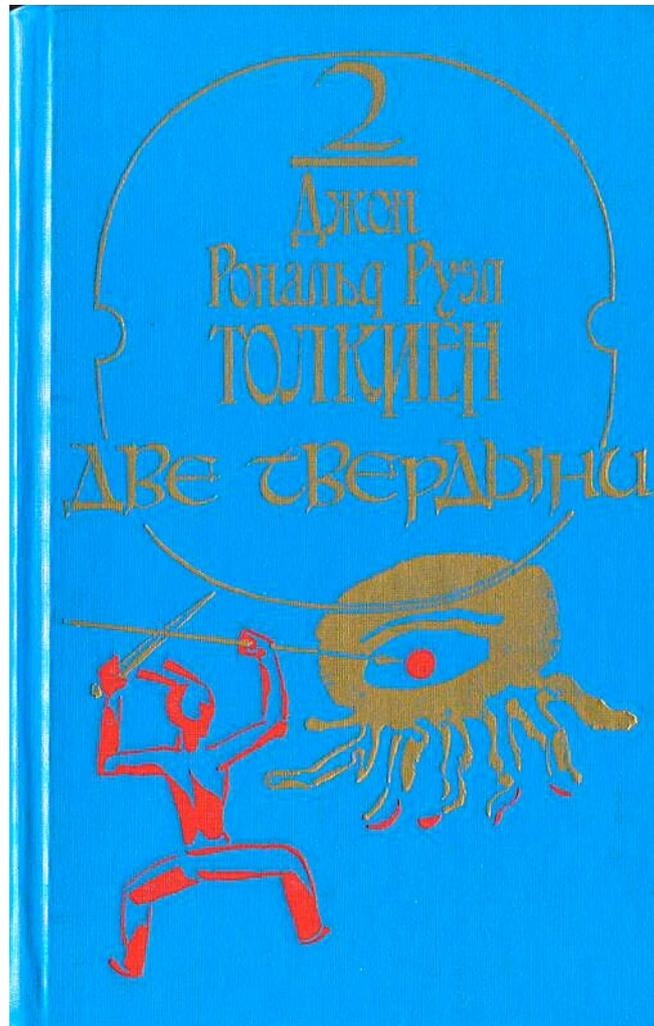

Две твердыни
Введение
The Two Towers
London 1954

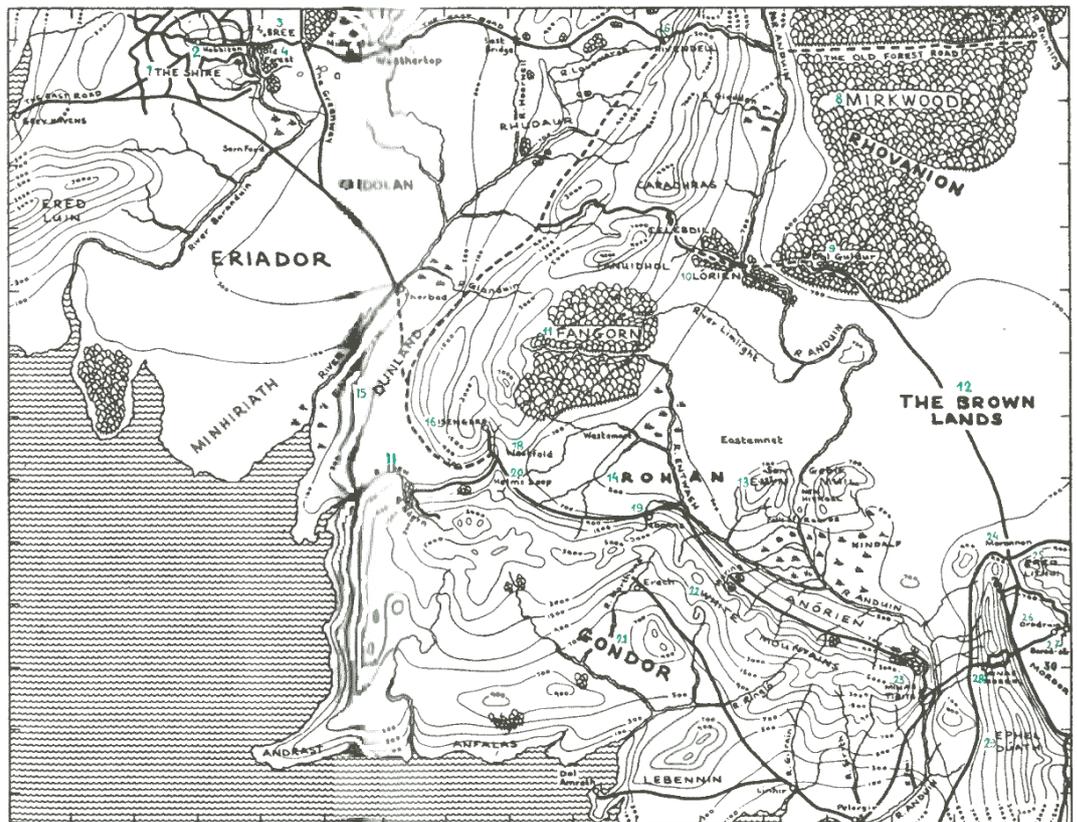

Текст и оформление воспроизведены по книге:

© Перевод на русский язык издательство «Радуга», 1990

1. Хоббитания
2. Норгорд
3. Пригорье
4. Вековечный Лес
5. г. Заверть
6. Раздола
7. Андуйн, или Великая Река
8. Лихолесье
9. Дул-Гуадур
10. Лориэн, или Лаурелиндоренан
11. Фангорн, или Великий Лес
12. Бурье Равнины, или Бурьятье
13. Приречное взгорье, или Привражье
14. Ристания, или Мустангрим
15. Дуланд
16. Изенгард
17. р. Изен
18. Вестфольд
19. Эдорас
20. Хельмово ущелье
21. Гондор
22. Белые горы, или Эред-Нимрайс
23. Минас-Тирит
24. Мораннон, или Черные Ворота
25. горы Эред-Литуйн
26. Ородруин, или Роковая гора
27. Барад-Дур, или Бастион Тьмы
28. Минас-Моргул, или Крепость Темных Сил
29. Изгарные горы, или Эфель-Дуат
30. Мордор

Перевод В. Муравьева

Оформление художника Э. Зарянского

Джон Рональд Руэл ТОЛКИЕН

ДВЕ ТВЕРДЫНИ

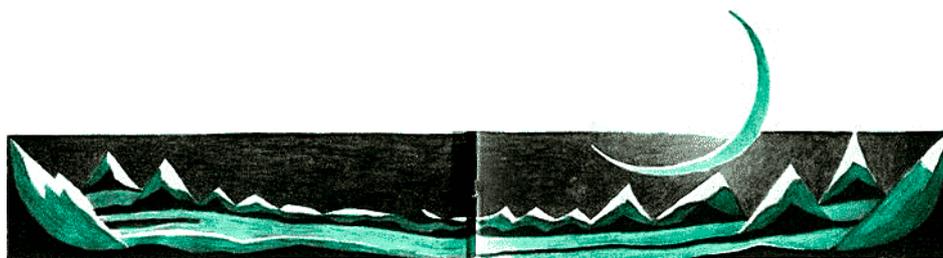
ЛЕТОПИСЬ ВТОРАЯ
ИЗ

ЭПОПЕИ
«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Известный британский писатель в своей философской сказочной повести, составляющей вторую книгу эпопеи «Властелин Колец», оставляет идеи человечности, готовности к подвигу и самопожертвованию во имя родины, преодоления национальной розни и культурного единения народов.

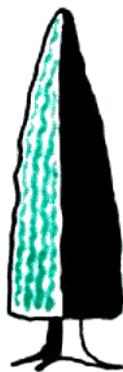
Языком образов, созданных на материале валлийских легенд, ирландских и исландских саг, скандинавской мифологии и древне-германского эпоса, автор недвусмысленно заявляет, что победа добра в мире и в человеческой душе зависит от самого человека.

Книга 3

*О белокаменный Гондор!
С незапамятных пор
Западный веял Ветер
от Взморья до Белых гор,
И сеял Серебряный Саженец
серебряный свет с ветвей —
Так оно было в давние
времена королей.*

Глава I Отплытие Боромира

Арагорн взбегал крутою тропой, приглядываясь к земле. Хоббиты ступают легко: иной Следопыт и тот, бывало, сбивался с их следа. Но близ вершины тропу увлажнил ручей, и наконец нашлись едва заметные вмятинки.

«Все верно, — сказал он сам себе. — Фродо побывал наверху. Что ему оттуда открылось? А вот и обратный след».

Он замешкался: не взойти ли на Пост, не там ли ждет его путеводное озарение? Правда, время не ждет... Внезапно решившись, Арагорн ринулся по массивным плитам, по мшистым ступеням к Сторожевому Посту, сел в Караульное Кресло и поглядел окрест.

Но солнце точно померкло; расплылись и отодвинулись блеклые дали. Глаза его неотразимо притягивал север: там среди угрюмых вершин парил в поднебесье огромный орел, снижаясь широким опльвом.

Так он осматривался и вдруг замер: чуткое ухо его уловило смутный гомон в подножном лесу у берега Андуина. Послышались крики, и он насторожился. Кричали орки, истошно и грубо. Потом зычно затрубил рог: раскаты его прогремели по горным склонам и огласили ущелья своей горделивой яростью, заглушая тяжкий гул водопада.

— Рог Боромира! — воскликнул он. — Боромир, Боромир зовет на помощь!

Он в три прыжка одолел ступени и помчался по тропе.

— Горе мне! — повторял он. — Неверный выпал мне день, и, что я ни де-

лаю, все невпопад. Где же наконец Сэм?

Он бежал со всех ног, а кричали все громче, и все слабее с грозным надрывом трубил рог. Неистово-злобные вопли орков разразились торжеством — и зычный призыв осекся. У последнего откоса, возле самого подножия, заглохли и крики. Стихая, они отделились влево, и влево обратился Арагорн, но его обступило безмолвие. Он обнажил сверкнувший меч и с кличем «Элендил! Элендил!» бросился напролом сквозь чащу.

В миле от Парт-Галена, что по-эльфийски означает Зеленый Луг, на приозерной прогалине отыскался Боромир. Он сидел, прислонившись к могучему стволу, будто отдыхал. Но Арагорн увидел, что он весь истыкан черноперыми стрелами; в руке он сжимал меч, обломанный у рукояти, рядом лежал надвое треснувший рог. И кучами громоздились у ног его трупы изрубленных орков.

Арагорн опустился возле него на колени. Боромир приоткрыл глаза, сиюсь заговорить. И наконец сказал:

— Я хотел отобрать Кольцо у Фродо. Я виноват. Но я расплатился.

Он обвел взглядом груды мертвецов: их было тридцать с лишним.

— Невысокликков... я не уберег. Но их не убили... только связали. — Веки его смежились, и он тяжело промолвил: — Прощай, Арагорн! Иди в Минас-Тирит, спасай наших людей. А я... меня победили.

— Нет! — воскликнул Арагорн, взяв его за руку и целуя холодеющий лоб. — Ты победил. И велика твоя победа. Покойся с миром! Минас-Тирит выстоит.

И Боромир, преодолевая смерть, улыбнулся.

— Куда? Ты видел, куда они побежали? — допытывался, склонившись к нему, Арагорн. — Фродо был с ними?

Но Боромир замолк навеки.

— Увы мне! — сказал Арагорн. — Вот так отошел к предкам наследник Денэтора, блюстителя Сторожевой Крепости! Горестный конец ждал его. И Отряд наш распался по моей вине — напрасно Гэндальф мне доверился. Что же мне теперь делать? Предсмертным веленьем своим Боромир позвал меня в Минас-Тирит, и сердце мое зовет меня туда же. Но где Кольцо и где Хранитель Кольца? Как мне найти их, как спасти великий замысел от крушенья?

Он стоял на коленях, роняя слезы на мертвую руку Боромира. Так их увидели Леголас и Гимли, охотники на орков, неслышно пробравшиеся западным склоном. Гимли держал в руке окровавленный топор; Леголас — длинный кинжал: стрел у него больше не было. Выйдя на прогалину, они в изумленье застыли — и горестно понурили головы, ибо, как им показалось, поняли, что произошло.

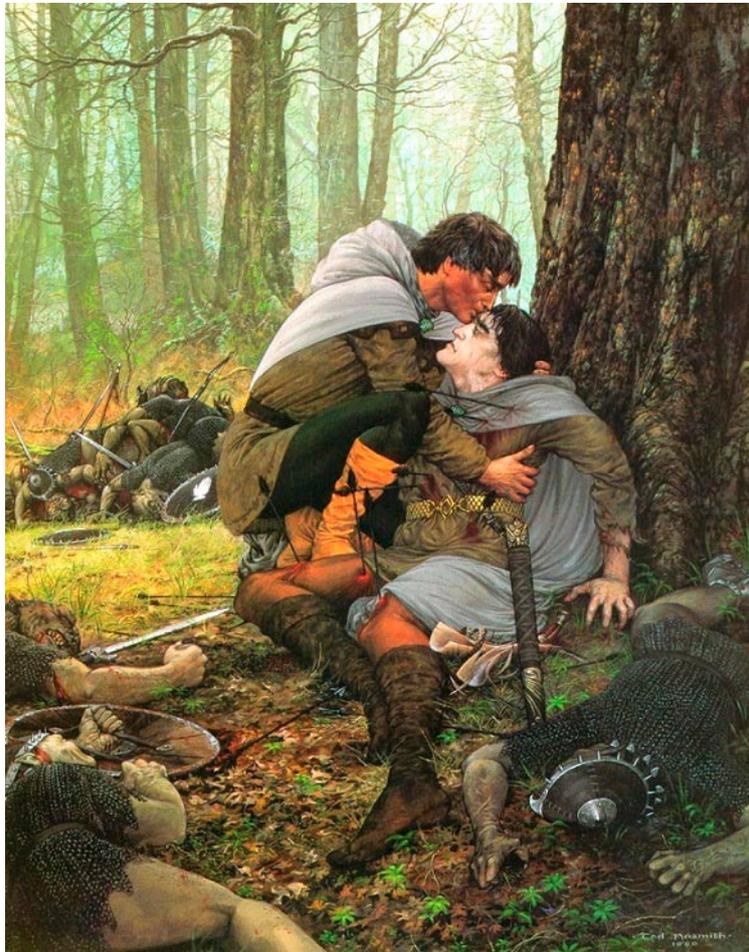
Последние слова Боромира. Тед Несмит

— Увы! — сказал Леголас, став рядом с Арагорном. — Мы охотились за орками и немало перебили их в лесу, но лучше б мы были здесь. Мы услышали рог и явились, но, кажется, поздно. Обоих вас постигла жестокая гибель.

— Да, Боромир мертв, — глухо сказал Арагорн. — Я невредим, ибо меня с ним не было. Он погиб, защищая хоббитов; я в это время был на вершине.

— Хоббитов? — воскликнул Гимли. — Где же они? И где Фродо?

— Не знаю, — устало обронил Арагорн. — Перед смертью Боромир сказал мне, что орки их связали; будто бы не убили. Я послал его за Мерри и Пином, и

я не спросил его, куда подевались Фродо и Сэм; а когда спросил, было поздно. Что я ни сделал сегодня, все обернулось во зло. Что делать теперь?

— Теперь — хоронить павшего, — сказал Леголас. — Не оставлять же его среди падали!

— Только без промедления, — добавил Гимли. — Он бы и сам велел не медлить. Надо бежать за орками, коли есть хоть какая-то надежда, что узники живы.

— Да мы же не знаем, с ними ли Хранитель Кольца, — возразил Арагорн. — А если нет? Его ведь нам и надо искать — первым делом! Да, трудный перед нами выбор!

— Что ж, в таком случае начнем с неотложного, — сказал Леголас. — Нет у нас ни времени, ни даже лопат, чтобы схоронить, как подобает, нашего соратника, чтобы насыпать над ним курган. Разве что сложить каменную гробницу.

— Трудно и долго будет складывать гробницу, — заметил Гимли. — Камни придется таскать от реки.

— Ну что же, тогда возложим его на ладью, — сказал Арагорн, — а с ним его оружие и оружие поверженных врагов. Доверим его останки водопадам Рэроса и волнам Андуина. Река Гондора убережет тело гондорского витязя от осквернителей праха.

Они наспех обыскали убитых орков и собрали в кучу их ятаганы, рассеченные щиты и шлемы.

— Взгляните! — вдруг воскликнул Арагорн. — Это ли не знамение? — И он извлек из грязной груды оружия два ясных клинка с червлено-золотой насеч-

кой, а за ними и двое черных ножен, усыпанных мелкими алыми самоцветами. — У орков нет таких кинжалов, а у наших хоббитов были. Орки, конечно же, их обшарили, но кинжалы взять побоялись, учуяли, что добыча опасная: ведь они откованы мастерами Западного Края, исписаны рунами на погибель Мордору. Стало быть, наши друзья если и живы, то безоружны. Прихватчу-ка я их с собой, эти клинки: может, вопреки злой судьбе они еще вернутся к владельцам.

— А покамест, — сказал Леголас, — я подберу какие ни на есть целые стрелы, а то мой колчан пуст.

Он перерыл оружие, поискал кругом и нашел добрый десяток целых стрел — но древко у них было куда длиннее, чем у обычных стрел орков. Леголас задумчиво приглядывался к ним.

Между тем Арагорн разглядывал убитых и сказал:

— Многие тут у них явились не из Мордора. Есть, как я понимаю — а я в этом понимаю, — северные орки, с Мглистых гор. А есть и такие, что совсем невесть откуда. Да и снаряжены по-особому.

Среди мертвецов простерлись четыре крупных гоблина — смуглые, косоглазые, толстоногие, большерукие. При них были короткие широкие мечи, а не кривые ятаганы, какими рубятся орки, и луки из тиса, длиной и выгибом хоть бы и человеку впору. Щиты их носили незнакомую эмблему: малая белая длань на черном поле; над наличниками блистала светлая насечка: руническое «С».

— Такого я прежде не видывал, — признался Арагорн. — Что бы это значило?

— «С» значит «Саурон», — сказал Гимли. — Тут и гадать нечего.

— Ну нет! — возразил Леголас. — Саурон — и эльфийские руны?

— Подлинное имя Саурона под запретом, его ни писать, ни произносить нельзя, — заметил Арагорн. — И белый цвет он не жалует. Нет, орки из Баррад-Дура мечены Огненным Глазом. — Он призадумался. — «Саруман» — вот что, наверно, значит «С», — наконец проговорил он. — В Изенгарде созрело злодейство, и горе теперь легковерному Западу. Этого-то и опасался Гэндальф: предатель Саруман так или иначе проведал о нашем Походе. Узнал, наверно, и о гибели Гэндальфа. Не всю погоню из Мории перебили эльфы Лориэна, да и на Изенгард есть окольные пути. Орки медлить не привыкли. А у Сарумана и без них хватает осведомителей. Помните — птицы?

— Много тут загадок, и не время их разгадывать, — перебил его Гимли. — Давайте лучше воздадим последние почести Боромиру!

— А все же придется нам разгадывать загадки, чтобы сделать правильный выбор, — отвечал Арагорн.

— Сколько ни выбирай — все равно ошибешься, — сказал гном.

Своим боевым топором Гимли нарубил веток. Их связали тетивами, настелили плащи. Получились носилки, и на этих грубых носилках отнесли они к берегу тело соратника, а потом — грудку оружия, некое свидетельство последней, смертельной брани. Идти было недалеко, но трудно дался им этот ближний путь, ибо тяжел был покойный воитель Боромир.

Арагорн остался на берегу, у погребальной ладьи, а Леголас и Гимли побежали к Парт-Галену. Дотуда была всего миля или около того, но вовсе не так

уж скоро пригнали они две лодки.

— Чудные дела! — сказал Леголас. — Две у нас, оказывается, лодки, и не более того. А третьей как не бывало.

— Орки, что ли, похозяйничали? — спросил Арагорн.

— Какие там орки! — отмахнулся Гимли. — Орки ни одной бы лодки не оставили и с поклажей разобрались бы по-своему.

— Ну, я потом погляжу, кто там побывал, — обещал Арагорн.

А пока что они возложили Боромира на погребальную ладью. Серая скатка — эльфийский плащ с капюшоном — стала его изголовьем. Они причесали его длинные темные волосы: расчесанные пряди ровно легли ему на плечи. Золотая пряжка Лориэна стягивала эльфийский пояс. Шлем лежал у виска, на грудь витязю положили расколотый рог и сломанный меч, а в ноги — мечи врагов. Прицепленный челн шел за кормой: его плавно вывели на большую воду. Со скорбною силой гребли они быстрым протоком, минуя изумрудную прелесть Парт-Галена. Тол-Брандир сверкал крутыми откосами: перевалило за полдень. Немного проплыли к югу, и перед ними возникло пышное облако Рэроса, мутно-золотое сияние. Торжественный гром водопада сотрясал безветренный воздух.

Печально отпустили они на юг по волнам Андуйна погребальную ладью; неистовый Боромир возлежал, навек упокоившись, в своем плавучем гробу. Поток подхватил его, а они протабанили веслами. Он проплыл мимо них, черный очерк ладьи медленно терялся в золотистом сиянье и вдруг совсем исчез. Ревел и гремел Рэрос. Великая Река приняла в лоно свое Боромира, сына Денэтора, и больше не видели его в Минас-Тирите, у зубцов Белой Башни, где он, бывало, стоял дозором поутру. Однако же в Гондоре повелось преданье, будто эльфийская ладья проплыла водопадами, взрезала мутную речную пену, вынесла свою ношу к Остигиату и увлекла ее одним из несчетных устьев Андуйна в морские дали, в предвечный звездный сумрак.

Трое Хранителей безмолвно глядели ей вслед. И сказал Арагорн:

— Долго еще будут высматривать его с высоты Белой Башни — и ждать, не придет ли он от горных отрогов или морским побережьем. Но он не придет.

Первым начал он медленное похоронное песнопение:

*По светлым раздольям Ристании, по ее заливным лугам
Гуляет Западный Ветер, подступает к стенам.
«Молви, немолчный странник, Боромир себя не явил
В лунном сиянии или в мерцании бледных светил?» —
«Видел его я, видел: семь потоков он перешел,
Широких, серых и буйных, и пустошью дальше ушел,
И, уходя в безлюдье, шел, пока не исчез
В предосеннем мареве, в сонном сиянье небес.
Шел он к северу: верно, наверно, Северный Брат
Знает, где странствует витязь, не ведающий преград». —
«О Боромир! Далёко видно с высоких стен,
Но нет тебя в неоглядной, в западной пустоте».*

И продолжил Леголас:

*От ста андуинских устьев, мимо дюн и прибрежных скал
Южный несется Ветер: как чайка, он застонал.*

*«Какие же вести с Юга? Стоны и вскрики — к чему?
Где Боромир-меченосец? Стенаний я не пойму». —
«Где бы он ни был — не спрашивай
Над грудями желтых костей,
Усеявших белый берег и черный берег — как те,
Как древние костные груды, рассыпавшиеся в прах.
Спроси лучше Северный Ветер, что он сберег впотьмах!» —
«О Боромир! Далёко вопли чаек слышны,
Но тебя не дождутся с юга, с полуденной стороны».*

И опять вступил Арагорн:

*От Княжеских, от Привражских, непроходимых Врат
Грохочет Северный Ветер, обрушиваясь, как водопад.
«Какие вести оттуда, могучий, ты нам принес?
Ты трубишь горделиво — за громом не ливень ли слез?» —
«Я слышал клич Боромира, и рог его слышал я,
Пролетая над Овидом, где гладью помчалась ладья,
Унося его щит разбитый и его сломанный меч,
Его непреклонный лик и мертвую мощь его плеч». —
«О Боромир! Отныне и до конца времен
Ты пребудешь на страже там, где ты был сражен».*

Так они проводили Боромира. Потом развернули лодку, изо всех сил выгребая против течения, к Парт-Галену.

— Восточный Ветер вы оставили мне, — сказал Гимли, — но я за него промолчу.

— И правильно сделаешь, — сказал Арагорн, спрыгнув на берег. — В Ми-нас-Тирите лицом встречают Восточный Ветер, но о вестях его не спрашивают. Что ж, вот мы и снарядили в путь Боромира, наш-то путь где? — Он обошел приречный луг, обыскал его скорым и пристальным взглядом. — Орков здесь не было. Они бы все истоптали. Зато мы сами прошли по своим следам. Я уж теперь не знаю, были тут наши хоббиты или нет с тех пор, как потерялся Фродо. — Он вернулся к берегу, к тому месту, где в реку впадал медлительный ручей. — Вот здесь следы отчетливые, — заметил он. — Хоббит забрел в реку и вышел назад; только не знаю, давно ли это было.

— Ну и как, тебе что-нибудь понятно? — спросил Гимли.

Арагорн ответил не сразу: он прошел к месту ночевки и осмотрел поклажу.

— Двух мешков не хватает, — сказал он. — Сэмова мешка уж точно нет — он был самый большой и тяжелый. Понятно: Фродо взял лодку, и его самый верный друг, его слуга уплыл вместе с ним. Должно быть, Фродо возвратился, пока мы его разыскивали. Я встретил Сэма на склоне и велел ему бежать за мной, но он, значит, не побежал. Он догадался, что на уме у хозяина, и вернулся в самую пору. Нет, не вышло у Фродо — от Сэма так просто не избавишься!

— От нас-то зачем ему избавляться, слова не молвив на прощанье? — полюбопытствовал Гимли. — Опять загадка!

— Не загадка, а разгадка, — возразил Арагорн. — Похоже, Сэм был прав. Фродо решил не вести нас — никого из нас — на верную смерть в Мордор. А сам пошел — понял, что должен идти. Видно, что-то случилось — и он одолел свой страх и сомнения.

— Может быть, он бежал от орков, — предположил Леголас.

— Он бежал, это верно, — согласился Арагорн, — но думаю, что не от орков.

А отчего Фродо решил бежать, этого Арагорн не сказал, хоть и догадывался отчего. Надолго осталось в тайне горькое признание Боромира.

— Ну, уж одно-то нам ясно, — сказал Леголас. — Ясно, что Фродо на нашем берегу нет: лодку взял он, больше некому. И Сэм уплыл вместе с ним: иначе кто бы взял его мешок?

— И выбор простой, — подтвердил Гимли. — Либо погнаться за Фродо на последней нашей лодке, либо за орками пешим ходом. Так и так затея безнадежная. Да и время все равно упущено.

— Погодите, дайте подумать! — сказал Арагорн. — Надо мне на этот раз выбрать правильно, а то нынче все не так. — Он постоял, точно прислушиваясь, потом вымолвил: — В погоню за орками. Я повел бы Фродо в Мордор и охранял бы его до конца, но теперь другое дело: искать его в заречной пустоши — значит отдать на смертную пытку двух пленников. Сердце вещает мне твердо: за судьбу Хранителя Кольца я больше не в ответе. Вдевятером и ввосьмером мы исполнили, что сумели. Втроем мы должны выручать товарищей. Скорее в путь! Спрячем где-нибудь лишнюю поклажу — бежать придется почти без роздыху, днем и ночью!

Они вытянули на берег последнюю лодку и укрыли ее в чаще, а под нею — все, что могло обременить в дороге. И, покинув Парт-Гален, под вечер вернулись на берег озера, туда, где в неравном бою пал Боромир. След орков искать не понадобилось.

— Сразу видать, кто прошел, — сказал Леголас. — Нейметса им, лишь бы нагадить, вытоптать, выломать, вырубить — даже в стороне от своего пути.

— Однако же скороходы они изрядные, — заметил Арагорн, — и неутомимые. Пока что след как на ладони, но зелени скоро конец, дальше камни да осыпи.

— Ну, так за ними! — сказал Гимли. — Гномы тоже ходоки привычные и двужильные, не хуже орков. Только догоним мы их не скоро: давно уж они припустились отсюда.

— Да, — согласился Арагорн, — не худо бы нам всем троим быть двужильными гномами. Но будь что будет, нечего загадывать: идем вдогон. И горе врагам, если наши ноги быстрее! Тогда погоня кончится побоищем и станет сказанием трех свободных народов: эльфов, гномов и людей. Вперед же, трое гончих!

Он прынул, точно олень, и замелькал меж деревьев. Сомнения его сменились решимостью, и он мчался без устали, а Леголас и Гимли не отставали. Приозерный лес остался далеко позади. Они бежали предгорьем вверх по каменистой тропе, и справа, на рдяном закатном небе, темнели зубчатые хребты. Мимо сумеречных скал проносились три серые тени.

Глава II Конники Ристании

Смеркалось. Позади, у лесистых подножий, деревья тонули в тумане, и туман подползал к светлым заводям Андуина, но в небесах было ясно. Высыпали та звезды. Новорожденная луна проплывала на западе, и скалы отбрасывали угольно-черные тени. Возле крутых откосов пришлось замедлить шаг,

чтобы не сбиться со следу. Взгорье тянулось далеко на юг двумя прерывистыми цепями. Западные их склоны были крутые, обрывистые, а восточные — пологие, изрезанные балками и узкими лощинами. Всю ночь напролет взбирались они по осыпям на ближний возвышенный гребень, а потом спускались темными провалами к извилистой ложбине.

Там и остановились — в глухой и стылый предутренний час. Луна давно уже зашла, звезды еле мерцали, за восточным кряжем смутно брезжил рассвет. Арагорн постоял в раздумье: едва заметные следы, приведшие в низину, пропали начисто.

— Куда они, по-твоему, свернули? — спросил, подошедши, Леголас. — То ли на север, а там побегут напрямиком к опушкам Фангорна и лесом почти до самого Изенгарда — ну, если они и правда оттуда? То ли, может быть, на юг, к Онтаве?

— Куда бы они ни бежали, к реке их путь не лежит, — отозвался Арагорн. — И коли все в Ристании прахом не пошло и Саруман здесь не воцарился, то орки, по-моему, опрометью кинутся через равнины Мустангрима. Пойдемте-ка на север!

Ложбина пролегала, точно каменный желоб, между ребристыми кряжами, и неспешно струился по дну ее, среди массивных валунов, убогий ручеек. Справа нависали скалы; слева высился серый склон, расплывчатый в ночном неверном свете. Добрую милю к северу прошли они наудачу. Приникая к земле, Арагорн пядь за пядью обследовал балки и впадины слева; Леголас ушел вперед. Вдруг эльф вскрикнул, и к нему тотчас подбежали.

— За иными уж и гнаться не надо, — сказал Леголас. — Смотрите!

Скопление валунов у медленного ручья оказалось грудой мертвецов. Пять жестоко изрубленных орков, два из них безголовые. Кровавая лужа еще не совсем подсохла.

— Вот тебе и на! — воскликнул Гимли. — Впотьмах не разберешь, что тут случилось.

— Что бы ни случилось, а нам это на руку, — сказал Леголас. — Кто убивает орков, тот наверняка наш друг. Люди живут здесь в горах?

— Не живут здесь люди, — сказал Арагорн. — И мустангримцам здесь делать нечего, и от Минас-Тирита далековато. Разве что с севера кто-нибудь забрел — только зачем бы это? Нет, никто сюда не забредал.

— Ну и как же тогда? — удивился Гимли.

— Да они сами себе злодеи, — нехотя отвечал Арагорн. — Мертвецы-то все северной породы, гости издалека. Ни одной нет крупной твари с бледной дланью на щите. Повздорили, должно быть: а у этой погани что ни свара, то смертоубийство. Решали, куда бежать дальше.

— И не убить ли пленников, — прибавил Гимли. — Их-то лишь бы не тронули.

Арагорн обыскал все вокруг, но попусту. Они пошли вдоль русла; бледнел восток, тускнели звезды, и расплзлся серый полусвет. Немного севернее обнаружилось ущельице с витым, упругим ручейком, проточившим сквозь камни путь в ложбину. По откосам кое-где торчала трава, шелестели жесткие кусты.

— Ну вот! Нашлись следы: вверх по ручью, — сказал Арагорн. — Туда они и побежали, когда разобрались друг с другом.

И погоня, свернув, ринулась в ущелье — бодро, будто после ночного отдыха, прыгали они по мокрым, скользким камням. Наконец взобрались на угрюмый гребень — и порывистый ветер весело хлестнул их предутренным холодом, ероша волосы и тормоша плащи.

Обернувшись, они увидели, как яснеют дальние вершины над Великой Рекой. Рассвет обнажил небеса. Багряное солнце вставало над черными враждебными высями. А впереди, на западе, по бескрайней равнине стелилась муть; однако ночь отступала и таяла на глазах, и пробуждалась многоцветная земля. Зеленым блеском засверкали необозримые поля Ристании; жемчужные туманы склубились в заводях, и далеко налево, за тридцать с лишним лиг, вдруг воссияли снежно-лиловые Белые горы, их темные пики, блистающие льдистыми ожерельями в розовом свете утра.

— Гондор! Вот он, смотрите, Гондор! — воскликнул Арагорн. — Если бы довелось мне увидеть тебя, о Гондор, в иной, в радостный час! Покамест нет мне пути на юг к твоим светлым потокам.

*О белокаменный Гондор! С незапамятных пор
Западный веял Ветер от Взморья до Белых гор,
И сеял Серебряный Саженец серебряный свет с ветвей —
Так оно было в давние времена королей.
Сверкали твои твердыни, и с тех, с нуменорских времен
Был славен венец твой крылатый и твой золотой трон.
О Гондор, Гондор! Узрим ли Саженца новый свет,
Принесет ли Западный Ветер горный отзвук, верный ответ?*

— Вперед! — сказал он, переводя взгляд на северо-запад и свою дальнюю дорогу.

Погоня стояла над каменным обрывом. Сорока саженьями ниже тянулся широкий щербатый уступ, а за ним — скалистый отвес: Западная Ограда Ристании. Последний обрыв Приречного взгорья: дальше, сколько хватало глазу, раскинулась пышная степь.

— Гляньте! — вскричал Леголас, указывая на бледные небеса. — Снова орел — высоко-высоко! Летит вроде бы отсюда, возвращается к себе на север. Летит — ветер обгоняет! Гляньте, вон он!

— Нет, друг мой Леголас, — отозвался Арагорн, — незачем и глядеть. Не те у нас глаза. Выше высокого, должно быть, летит. Наверно, он — вестник, и хотел бы я знать, с какими вестями, не его ли я вчера и видел? А ты лучше вон куда погляди! Туда, на равнину! Уж не наша ли это погань там бежит? Вглядись-ка толком!

— Да, — согласился Леголас, — там-то все как на ладони. Бежит целое полчище — все пешим ходом. А наша ли это погань — не разобрать. Далековато до них, лиг двенадцать, не меньше. Если не больше: степь — она обманчива.

— Лиг до них, сколько ни есть, все наши, — проворчал Гимли. — Ладно, теперь хоть след искать не надо. Бежим вниз — любой тропой!

— Любая тропа длиннее оркской, — возразил Арагорн.

При дневном свете след нельзя было потерять. Орки, видно, неслись со всех ног, разбрасывая корки и обглодки мякинного хлеба, изодранные в клочья черные плащи, засаленные тряпицы, разбитые кованые сапоги. След вел на

север, вдоль по гребню, и наконец подвел к глубокой стремнине, откуда низвергался злобный ручей. Тропка вилась по уступам, резко ныряла вниз и пропадала в густой траве.

Так они окунулись в живые зеленые волны, колыхавшиеся у самых отрогов Приречного взгорья. Ручей расструился в зарослях желтых и белых водяных лилий — и зазвенел где-то вдали, унося свои притихшие воды покатыми степными склонами к изумрудной пойме дальней Онтавы.

Погоня. Тед Несмит

Зима отстала, осталась за хребтом, а здесь веял резвый, ласковый ветерок, разносил едва уловимое благоуханье весенних трав, наливающихся свежим соком. Леголас полной грудью вдохнул душистый воздух, точно утоляя долгую и мучительную жажду.

— Травы-то как пахнут! — сказал он. — Всякий сон мигом соскочит. А ну-ка, прибавим ходу!

— Да, здесь легконогим раздолье, — сказал Арагорн. — Не то что оркам в кованых сапогах. Теперь мы, пожалуй, немного наверстаем!

Они бежали друг за другом, точно гончие по горячему следу, и глаза их сверкали восторгом погони. Справа пролежала загаженная полоса, окаймленная истоптанной травой. Вдруг Арагорн что-то воскликнул и свернул с пути.

— Погодите! — крикнул он. — За мной пока не надо!

Он кинулся в сторону, увидев следы маленьких босых ног. Далеко они его не увели: кованые подошвы явились следом и по кривой выводили обратно, теряясь в общей грязной неразберихе. Арагорн прошел до обратного поворота, наклонился, выудил что-то из травы и поспешил назад.

— Ага, — сказал он, — дело ясное: хоббитские это следы. Должно быть, Пина; Мерри повыше будет. А вот на что поглядите!

И на ладони его заблестал под солнцем как будто кленовый лист, неожиданно прекрасный здесь, на безлесной равнине.

— Застежка эльфийского плаща! — наперебой воскликнули Леголас и Гимли.

— Листы Кветлоризна падают со звоном, — усмехнулся Арагорн. — И этот упал не просто так: обронен, чтобы найтись. То-то, я думаю, Пин и отбежал в сторону, рискнув жизнью.

— Живой, значит, — заметил Гимли. — И голова на плечах, и ноги на месте. Спасибо и на том: не зря, стало быть, бежим.

— Лишь бы он не очень поплатился за свою смелость, — сказал Леголас. — Скорее, скорее! А то я как подумаю, что наши веселые малыши в лапах у этой сволочи, так у меня сердце не на месте.

Солнце поднялось в зенит и медленно катилось по небосклону. Облака приплыли с моря, и ветер их рассеял.

Незаметно приблизилась закатная пора. Сзади, с востока, напоздали длинные цепкие тени. Погоня бежала ровно и быстро. Сутки прошли с тех пор, как они схоронили Боромира, а до орков было еще далеко. Невесть сколько: в степи не разберешь.

В густых сумерках Арагорн остановился. За день у них было две передышки, и двенадцать лиг отделяли их от того обрыва, где они встречали рассвет.

— Трудный у нас выбор, — сказал он. — Заночуем или поспешим дальше, пока хватит сил и упорства?

— Вряд ли орки сделают привал, а тогда мы от них и вовсе отстанем, — отозвался Леголас.

— Как это не сделают, им отдохнуть-то надо? — возразил Гимли.

— Где это слыхано, чтобы орки бежали степью среди бела дня? А эти бегут, — сказал Леголас. — Стало быть, и ночью не остановятся.

— Мы же в темноте, чего доброго, со следа собьемся, — заметил Гимли.

— С такого следа не собьешься, он и в темноте виден, и никуда не сворачивает, — посмотрел вдаль Леголас.

— Идти по следу напрямик немудрено и впотьмах, — подтвердил Арагорн. — Но почем знать, вдруг они все-таки свернут куда-нибудь, а мы пробежим мимо? Попадем впросак, и волей-неволей придется ждать рассвета.

— Тут еще вот что, — добавил Гимли. — Следы в сторону заметны только днем. А может, хоть один из хоббитов да сбежит или кого-нибудь из них потащат на восток, к Великой Реке — ну, в Мордор; как бы нам не проворонить такое дело.

— Тоже верно, — согласился Арагорн. — Правда, если я там, на месте распри, не ошибся в догадках, то одолели орки с белой дланью на щите, и теперь вся свора бежит к Изенгарду. А я, видимо, не ошибся.

— Пес их, орков, знает, — сказал Гимли. — Ну а если Пин или Мерри все-таки сбежит? В темноте мы бы давешнюю застежку не нашли.

— Вдвойне теперь будут орки настороже, а пленники устали вдвое пуще прежнего, — заметил Леголас. — Вряд ли кому из хоббитов удастся снова сбежать, разве что с нашей помощью. Догоним — как-нибудь выручим, и догонять надо не мешкая.

— Однако даже я, бывалый странник и не самый слабосильный гном, не до-

бегу до Изенгарда без передышки, — сказал Гимли. — У меня тоже сердце не на месте, и я первый призывал не мешкать; но теперь хорошо бы отдохнуть, а потом прибавить ходу. И уж если отдыхать, то в глухие ночные часы.

— Я же сказал, что у нас трудный выбор, — повторил Арагорн. — Так на чем порешим?

— Ты наш вожатый, — сказал Гимли, — и к тому же опытный ловчий. Тебе и решать.

— Я бы не стал задерживаться, — вздохнул Леголас, — но и перечить не стану. Как скажешь, так и будет.

— Не в добрый час выпало мне принимать решение, — горько молвил Арагорн. — С тех пор как миновали мы Каменных Гигантов, я делаю промах за промахом.

Он помолчал, вглядываясь в ночную темень, охватывающую северо-запад.

— Пожалуй, заночуем, — наконец проговорил он. — Тьма будет непроглядная: беда, коли и вправду потеряем след или не заметим чего-нибудь важного. Если б хоть луна светила — но она же едва народилась, тусклая и заходит рано.

— Какая луна — небо-то сплошь затянуто, — проворчал Гимли. — Нам бы волшебный светильник, каким Владычица одарила Фродо!

— Ей было ведомо, кому светильник нужнее, — возразил Арагорн. — Фродо взял на себя самое тяжкое бремя. А мы — что наша погоня по нынешним грозным временам! И бежим-то мы, может статься, без толку, и выбор мой ничего не изменит. Но будь что будет — выбор сделан. Ладно, утро вечера мудренее!

Растянувшись на траве, Арагорн уснул мертвым сном — двое суток, от самого Тол-Брандира, ему глаз не привелось сомкнуть; да и там не спалось. Пробудился он в предрассветную пору — и мигом вскочил на ноги. Гимли спал как сурок, а Леголас стоял, впиваясь глазами в северный сумрак, стоял задумчиво и неподвижно, точно стройное деревце безветренной ночью.

— Они от нас за тридевять лиг, — хмуро сказал он, обернувшись к Арагорну. — Чует мое сердце, что уж они-то прыти не сбавили. Теперь только орлу их под силу догнать.

— Мы тоже попробуем, — сказал Арагорн и, наклонившись, пошевелил гнома. — Вставай! Пора в погоню! А то и гнаться не за кем будет!

— Темно же еще, — разлепив веки, выговорил Гимли. — Небось, пока солнце не взошло, Леголас их тогда и с горы не углядел.

— Теперь гляди не гляди, с горы не с горы, при луне или под солнцем — все равно никого не вымотришь, — отозвался Леголас.

— Чего не увидят глаза, то, может, услышат уши, — улыбнулся Арагорн. — Земля-то, наверно, стонет под их ненавистой поступью.

И он приник ухом к земле, приник надолго и накрепко, так что Гимли даже подумал, уж не обморок ли это — или он просто снова заснул?

Мало-помалу забрезжил рассвет, разливаясь неверным сиянием. Наконец Арагорн поднялся, и лицо его было серое и жесткое, угрюмое и озабоченное.

— Доносятся только глухие, смутные отзвуки, — сказал он. — На много миль вокруг совсем никого нет. Еле-еле слышен топот наших уходящих врагов. Однако же громко стучат лошадиные копыта. И я вспоминаю, что я их слышал, еще когда лег спать: кони галопом мчались на запад. Скачут они и те-

перь, и еще дальше от нас, скачут на север. Что тут творится, в этих краях?

— Поспешим же! — сказал Леголас.

Так начался третий день погони. Тянулись долгие часы под облачным покровом и под вспыхивающим солнцем, а они мчались почти без продыху, сменяя бег на быстрый шаг, не ведая усталости. Редко-редко обменивались они немногими словами. Их путь пролегал по широкой степи, эльфийские плащи сливались с серо-зелеными травами: только эльф различил бы зорким глазом в холодном полуденном свете бесшумных бегунов, и то вблизи. Много раз возблагодарили они в сердце своем Владычицу Лориэна за *путлибы*, съеденные на бегу и несказанно укреплявшие их силы.

Весь день вражеский след вел напрямик на северо-запад, без единого витка или поворота. Когда дневной свет пошел на убыль, они очутились перед долгими, пологими, безлесными склонами бугристого всхолмья. Туда, круто свернув к северу, бежали орки, и след их стал почти незаметен: земля здесь была тверже, трава — реже. В дальней дали слева вилась Онтава, серебряной лентой прорезая степную зелень. И сколько ни гляди, нигде ни признака жизни. Арагорн дивился, почему бы это не видать ни зверя, ни человека. Правда, ристанийские селенья располагались большей частью в густом подлесье Белых гор, невидимом за туманами; однако прежде коневоды пасли свои несметные стада на пышных лугах юго-восточной окраины Мустангрима и всюду было полным-полно пастухов, обитавших в шалашах и палатках, даже и в зимнее время. А теперь почему-то луга пустовали и в здешнем крае царило безмолвие, недоброе и немирное.

Остановились в сумерках. Дважды двенадцать лиг пробежали они по ристанийским лугам, и откосы Приречного взгорья давно уж сокрыла восточная мгла. Бледно мерцала в туманных небесах юная луна, и мутью подернулись тусклые звезды.

— Будь сто раз прокляты все наши заминки и промедленья! — сказал в сердцах Леголас. — Орки далеко опередили нас: мчатся как ошалелые, точно сам Саурон их подстегивает. Наверно, они уже в лесу, бегут по темным взгорьям, поди сыщи их в тамошней чащобе!

— Зря мы, значит, надеялись и зря из сил выбивались, — сквозь зубы проскрежетал Гимли.

— Надеялись, может, и зря, а из сил выбиваться рано, — отозвался Арагорн. — Впереди долгий путь. Но я и вправду устал. — Он обернулся и взглянул назад, на восток, тонуций в исчерна-сизом мраке. — Неладно в здешних землях: чересчур уж тихо, луна совсем тусклая, звезды еле светят. Такой усталости я почти и не припомню, а ведь негоже Следопыту падать с ног в разгар погони. Чья-то злая воля придает сил нашим врагам и дает нам незримый отпор: не так тело тяготит, как гнетет сердце.

— Еще бы! — подтвердил Леголас. — Я это почуюл, лишь только мы спустились с Привражья. Нас не сзади оттягивают, а теснят спереди. — Он кивком указал на запад, где над замутненными просторами Ристании поблескивал тонкий лунный серп.

— Саруманово чародейство, — проговорил Арагорн. — Ну, вспять-то он нас не обратит, но заночевать придется, а то вон уже и месяц тучи проглотили. Путь наш лежит между холмами и болотом; выступим на рассвете.

Первым, как всегда, поднялся Леголас; да он едва ли и ложился.

— Проснитесь! Проснитесь! — воскликнул он. — Уже алеет рассвет. Диковинные вести ждут нас у опушки Фангорна. Добрые или дурные, не знаю, но медлить нельзя. Проснитесь!

Витязь и гном вскочили на ноги; погоня ринулась с места в карьер. Вскормье виделось все отчетливее, и еще до полудня они подбежали к зеленеющим склонам голых хребтов, напрямую устремленных к северу. Суховатая земля у подошвы поросла травяной щетиной; слева, миль за десять, источали холодный туман камышовые плесы и перекаты Онтавы. Возле крайнего южного холма орки вытоптали огромную черную проплешину. Оттуда след опять вел на север, вдоль сохлых подножий. Арагорн обошел истоптанную землю.

— Тут у них был долгий привал, — сказал он, — однако же изрядно они нас опередили. Боюсь, что ты прав, Леголас: трижды двенадцать часов, не меньше, прошло с тех пор. Если они прыти не поубавили, то еще вчера под вечер добежали до опушки Фангорна.

— И на севере, и на западе только и видать, что траву в дымке, — пожаловался Гимли. — Может, заберемся на холмы — вдруг оттуда хоть лес покажется?

— Не покажется, — возразил Арагорн. — Холмы тянутся к северу лиг на семь, а там еще степью все пятнадцать до истоков Онтавы.

— Тогда вперед, — сказал Гимли. — Лишь бы ноги не подвели, а то что-то на сердце так и давит.

Бежали без роздыху, и к закату достигли наконец северной окраины всхолмья. Но теперь они уж не бежали, а брели, и Гимли тяжело ссутулился. Гномы не ведают устали ни в труде, ни в пути, но нескончаемая и безнадежная погоня изнурила его. Угрюмый и безмолвный Арагорн шел за ним следом, иногда пытливо склоняясь к черным отметинам. Один Леголас шагал, как всегда, легко, едва будоража траву, словно летучий ветерок: лориэнские дорожные хлебцы питали его сытней и надежней, чем других, а к тому же он умел на ходу, с открытыми глазами забываться сном, недоступным людям или гномам, — эльфийским мечтанием о нездешних краях.

— Взойдемте-ка на тот вон зеленый холм, оглядимся! — позвал он усталых друзей и повел их наискось к лысому темени последней вершины, высившейся особняком. Тем временем солнце зашло, и пал вечерний сумрак. Густая серая мгла плотно окутала зримый мир. Лишь на дальнем северо-западе чернелись горы в лесной оправе.

— Вот тебе и огляделись, — проворчал Гимли. — Зато уж здесь как-никак, а заночуем. Крепко что-то похолодало!

— Северный ветер дует, от снеговых вершин, — сказал Арагорн.

— К утру подует восточный, — пообещал Леголас. — Отдохните, раз такое дело. Только ты, Гимли, с надеждой зря расстался. Мало ли что завтра случится. Говорят, поутру солнце путь яснит.

— Яснило уж три раза кряду, а толку-то? — сказал Гимли.

Холод пробирал до костей. Арагорн и Гимли засыпали, просыпались — и всякий раз видели неизменного Леголаса, который то стоял недвижно, то рас-

хаживал взад-вперед, тихо напевая что-то на своем древнем языке, и звезды вдруг разгорались в черной небесной бездне. Так проплыла ночь, а рассвет они встретили вместе: бледная денница озарила мертвенно-безоблачное небо; наконец вошло солнце. Ветер дул с востока, туманы он разогнал и обнажил угрюмую равнину в жестком утреннем свете.

Перед ними далеко на восток простерлось ветреное раздолье Ристании. Эти степи они мельком видели много дней назад, еще плывучи по Андуйну. На северо-западе темнел Великий Лес Фангорн; до его неприветных опушек было не меньше десяти лиг, а там холмами и низинами стояло в мутно-голубой дымке несметное древесное воинство. Дальше взблескивала, точно поверх серой тучи, высокая вершина Метхедраса, последней из Мглистых гор.

Из лесу, между крутыми берегами, струила ключевые воды еще узкая и быстрая Онтава. К ней сворачивал след орков от всхолмья.

Арагорн пригляделся к следу до самой реки, потом проводил взглядом реку к истокам и вдруг заметил вдали какое-то пятно, смутное перекаати-поле на бескрайней зеленой равнине. Он кинулся на землю, прижался к ней ухом и вслушался. Но рядом стоял Леголас: из-под узкой, длинной ладони он увидел зорким эльфийским оком не тень и не пятно, а маленьких всадников, много-много всадников, и копыта их поблескивали в рассветных лучах, точно мелкие звезды, сокрытые от смертных взоров. Далеко позади за ними вздымался и расхлестывался черный дым.

Пустая степь хранила безмолвие, и Гимли слышал, как ветер ворошит траву.

— Всадники! — воскликнул Арагорн, вскочив на ноги. — Большой отряд быстроконных всадников близится к нам.

— Да, — подтвердил Леголас, — всадники. Числом сто пять. У них желтые волосы, и ярко блещут их копыта. Вожатый их очень высок.

— Далеко же видят эльфы, — с улыбкой сказал Арагорн.

— Тоже мне далеко, — отмахнулся Леголас. — Они от нас не дальше чем за пять лиг.

— За пять лиг или за сто сажений, — сказал Гимли, — все равно нам от них в степи не укрыться. Как, будем их ждать или пойдем своим путем?

— Ждать будем, — сказал Арагорн. — Я устал, и орков мы не нагоним. Вернее, их нагнали раньше нашего: всадники-то возвращаются вражеским следом. Может, они встретят нас новостями.

— Или копытами, — сказал Гимли.

— Три пустых седла, но хоббитов что-то не видать, — заметил Леголас.

— А я не сказал — добрыми новостями, — обернулся к нему Арагорн. — Добрые или дурные — подождем, узнаем.

Слишком были бы заметны и подозрительны их черные силуэты на палевом небе; и они неспешно спустились северным склоном, облюбовали у подножия блеклый травянистый бугорок, укутались в плащи, сели потеснее.

Налетал пронизывающий ветер. Гимли было не по себе.

— А что ты про них знаешь, Арагорн, про этих коневодов? — спросил он. — Может, мы здесь сидим и ждем, пока нас убьют?

— Народ мне знакомый, — отвечал Арагорн. — Заносчивые они, своевольные; однако ж твердые и великодушные, слово у них никогда не расходится с делом; в бою неистовы, но не кровожадны, смысленные и простоватые: книг у

них нет, лишь песни помнит каждый, как помнили их в седой древности сыны и дочери человеческие. Давно я здесь, правда, не был и не знаю: может, их подкупили посулы предателя Сарумана или подкосили угрозы Саурона. С гондорцами они искони в дружбе, хоть и не в родстве: некогда их привел с севера Отрок Эорл, и они, наверно, сродни обитателям краев приозерных, подвластных Барду, и лесных, подвластных Беорну. Там, как и здесь, тоже много высоких и белокурых. И с орками тамошние и здешние враждуют.

— А Гэндалф говорил, есть слух, будто они здесь данники Мордора, — заметил Гимли.

— Боромир этому не поверил, я тоже не верю, — отозвался Арагорн.

— Сейчас разберется, чья правда, — сказал Леголас. — Их вон уже слышно.

Вскоре даже Гимли слышал, как близится топот копыт. Всадники свернули от реки к всхолмью и мчались по черному следу наперегонки с ветром.

Издали звенели сильные, юные голоса. Вдруг они общим громом грянули из-за холма, и показался передовой: он вел отряд на юг, мимо западных склонов. Длинной серебристой вереницей мчались за ним кольчужные конники, витязи как на подбор.

Высокие, стройные кони с расчесанной гривой, в жемчужно-серых чепраках, помахивали хвостами. И всадники были под стать им, крепкие и горделивые; их соломенно-желтые волосы взлетали из-под шлемов и развевались по ветру; светло и сурово глядели их лица. Ясенево копье было в руках у каждого, расписной щит за спиной, длинный меч у пояса, узорчатые кольчуги прикрывали колени.

В строю по двое мчались они мимо, и хотя иной из них то и дело привставал в стременах, озирая окрестность по обеим сторонам пути, однако же безмолвные чужаки, следившие за ними, остались незамеченными. Дружина почти что миновала их, когда Арагорн внезапно поднялся и громко спросил:

— Конники Ристании, нет ли вестей с севера?

Всадники мигом осадили своих скакунов и рассыпались вкруговую. Трое охотников оказались в кольце копий, надвигавшихся сверху и снизу. Арагорн стоял молча, и оба его спутника замерли в напряженном ожидании.

Конники остановились разом, точно по команде: копья наперевес, стрелы на тетивах. Самый высокий, с белым конским хвостом на гребне шлема, выехал вперед; жало его копья едва не коснулось груди Арагорна. Тот не шелохнулся.

— Кто вы такие, зачем сюда забрели? — спросил всадник на всеобщем языке Средиземья, и выговор его был гортанный и жесткий, точь-в-точь как у Боромира, у гордого гондорского витязя.

— Я зовусь Бродяжником, — отвечал Арагорн. — Я пришел с севера. Охочусь на орков.

Всадник соскочил с седла. Другой выдвинулся и спешился рядом; он отдал ему копье, обнажил меч и встал лицом к лицу с Арагорном, изумленно и пристально разглядывая его.

— Поначалу я вас самих принял за орков, — сказал он. — Теперь вижу, что вы не из них. Но худые из вас охотники, ваше счастье, что вы их не догнали. Бежали они быстро, оружием их не обидели, и ватага была изрядная. Догони

вы их ненароком, живо превратились бы из охотников в добычу. Однако, знаешь ли, Бродяжник, что-то с тобой не так. — И он снова смерил усталого Следопыта зорким, внимательным взглядом. — Не подходит тебе это имя. И одет ты диковинно. Вы что, исхитрились спрятаться в траве? Как это мы вас не заметили? Может, вы эльфы?

— Есть среди нас и эльф, — сказал Арагорн. — Вот он: Леголас из Северного Лихолесья. А путь наш лежал через Кветлоризн, и Владычица Цветущего Края обласкала и одарила нас.

Еще изумленнее оглядел их всадник и недобро сощурился.

— Не врут, значит, старые сказки про Чародейку Золотого Леса! — промолвил он. — От нее, говорят, живым не уйдешь. Но коли она вас обласкала и одарила, стало быть, вы тоже волхвы и чернокнижники? — Он холодно обратился к Леголасу и Гимли: — А вас что не слышно, молчуны?

Гимли поднялся, крепко расставил ноги и стиснул рукоять боевого топора; черные глаза его сверкнули гневом.

— Назови свое имя, коневод, — сказал он, — тогда услышишь мое и еще кое-что в придачу.

Высокий воин насмешливо посмотрел на гнома сверху вниз.

— Вернее было бы тебе, чужаку, назваться сначала, — сказал он, — но так и быть... Имя мое — Эомер, сын Эомунда, а звание — Третий Сенешаль Мустангрима.

— Послушай же, Эомер, сын Эомунда, Третий Сенешаль Мустангрима, что скажет тебе Гимли, сын Глоина: вперед остерегайся глупых речей и не берись судить о том, до чего тебе как до звезды небесной, ибо лишь скудоумие твое может оправдать тебя на этот раз.

Взгляд Эомера потемнел, глухим ропотом отозвались ристанийцы на слова Гимли, и вновь надвинулись со всех сторон острия копий.

— Я бы одним махом снес тебе голову вместе с бородищей, о почтенный гном, — процедил Эомер, — да только вот ее от земли-то едва видать.

— А ты приглядишься получше, — посоветовал Леголас, в мгновение ока наложив стрелу и натянув лук, — это последнее, что ты видишь в жизни.

Эомер занес меч, и худо могло бы все это кончиться, когда б не Арагорн: он встал между ними, воздев руку.

— Не взыщи, Эомер! — воскликнул он. — Узнаешь побольше — поймешь, за что так разгневались на тебя мои спутники. Мы ристанийцам вреда не замышляем: ни людям, ниже коням. Может, выслушаешь, прежде чем разить?

— Выслушаю, — сказал Эомер, опуская меч. — Но все же лучше бы мирным чужестранцам, забредшим в Ристанию в наши смутные дни, быть поучтивее. И сперва назови мне свое подлинное имя.

— Сперва ты скажи мне, кому вы служите, — возразил Арагорн. — В дружбе или во вражде вы с Сауроном, с Черным Властелином Мордора?

— Я служу лишь своему властителю, конунгу Теодену, сыну Тенгела, — отвечал Эомер. — С тем, за дальней Завесой Мрака, мы не в дружбе, но мы с ним и не воюем; если ты бежишь от него, то скорее покидай здешние края. Границы наши небезопасны, отовсюду нависла угроза; а мы всего и хотим жить по своей воле и оставить свое при себе — нам не нужно чужих хозяев, ни злых, ни добрых. В былые дни мы привечали странников, а теперь с непрошеными гостями велено быстро управляться. Так кто же ты такой? Ты-то кому слу-

жишь? По чьему веленью преследуешь орков на нашей земле?

— Я не служу никому, — сказал Арагорн, — но прислужников Саурона преследую повсюду, не разбирая границ. Вряд ли кому из людей повадки орков знакомы лучше меня, и гонюсь я за ними не по собственной прихоти. Те, кого мы преследуем, захватили в плен двух моих друзей. В такой нужде мчишься без оглядки, конный ты или пеший, и ни у кого на это не спрашиваешь дозволения. И врагам заранее счет не ведешь — разве что потом по отсеченным головам. Я ведь не безоружен.

Арагорн сбросил плащ. Блеснули самоцветные эльфийские ножны, и яркий клинок Андрилы взвился могучим пламенем.

— Элендил! — воскликнул он. — Я Арагорн, сын Араторна, и меня именуют Элессар, Эльфийский Берилл, Дунадан; я — наследник великого князя гондорского Исильдура, сына Элендила. Вот он, его сломанный и заново скованный меч! Кто вы — подмога мне или помеха? Выбор за вами!

Гимли и Леголас не верили глазам — таким своего сотоварища они еще не видели: Эомер словно бы умалился, а он точно вырос, лицо его просияло от блеском власти и величия древних изваяний. Леголасу на миг почудилось, будто чело Арагорна увенчала белая огненная корона.

Эомер отступил и почтительно потупил гордый взор.

— Небывалые настали времена, — проговорил он. — Сказанья и были вырастают навстречу тебе из травы. Скажи мне, о господин, — обратился он к Арагорну, — что привело тебя сюда? Речи твои суровы и темны. Давно уж Боромир, сын Денэтора, поехал за ответом на прорицанье, и конь, ему отданный, вернулся назад без всадника. Ты — северный вестник рока: что же он велит нам?

— Велит выбирать, — отвечивал Арагорн. — Скажи Теодену, сыну Тенгела, что войны не минуешь, в союзе с Сауроном или против него. Жить по-прежнему никому больше не дано, и оставить при себе то, что мнишь своим, — тоже. Но об этом потом, если мне придется — а надо, чтоб привелось, — говорить с самим конунгом. Теперь же время не терпит, и мне нужна твоя помощь, хотя бы твои вести. Ты слышал уже, мы гнались за ватагой орков, чтобы освободить друзей. Каков твой совет?

— Мой совет — оставить погоню, — сказал Эомер. — Орки перебиты все до единого.

— А наши друзья?

— Были одни лишь трупы орков.

— Да, что-то непонятно, — сказал Арагорн. — А вы хорошо искали? Точно ли не было других мертвецов, только орки? Наши друзья — маленькие, на ваш взгляд почти что дети, босые, в серой одежде.

— Ни детей, ни гномов не было среди мертвых, — сказал Эомер. — Мы пересчитали убитых и, как велит наш обычай, свалили падаль грудой и подожгли ее. Останки, наверно, еще дымятся.

— Они не дети и не гномы, — сказал Гимли. — Друзья наши были хоббиты.

— Хоббиты? — удивился Эомер. — Какие такие хоббиты? Чудно вы их называете.

— Они и народец-то чудной, — сказал Гимли. — Но с этими двумя мы очень сдружились. А про хоббитов вы слышали в том прорицании, которое встревожило Минас-Тирит. Там сказано было: «...невысоклик отважится взять...» Хоб-

биты и есть невысоклики.

— Невысоклики! — расхохотался спешенный всадник рядом с Эомером. — Ох, невысоклики! Это коротышки-то из детских песенок и северных побасенок? Ой-ой-ой! Мы что, заехали в сказку или все-таки ходим средь бела дня по зеленой траве?

— Бывает, что не различишь, — сказал Арагорн. — Ведь сказки о нашем времени будут слагаться потом. Ты говоришь — по зеленой траве? Вот тебе и сказка средь бела дня!

— Замешкались мы, — сказал всадник Эомеру, не обращая внимания на Арагорна. — Надо нам торопиться на юг, Сенешаль. А они пусть тешатся выдумками, эти дикари. Или, может, связать их и доставить конунгу?

— Спокойствие, Эотан! — распорядился Эомер на здешнем наречии. — Оставь меня с ними. И выстрой эоред на дороге, сейчас пойдем к Онтаве.

Эотан что-то буркнул под нос, потом отдал команду, всадники отъехали и построились поодаль. На склоне остались лишь трое путников с Эомером.

— Удивительны речи твои, Арагорн, — сказал он. — Однако же говоришь ты правду, это ясно: мы ведь не лжем никогда, так что нас нелегко обмануть. Правду ты говоришь, но не договариваешь. Не расскажешь ли все толком, чтобы я знал, как мне быть?

— Много недель назад выступили мы из Имладриса, куда прорицание — помнишь? — привело Боромира из Минас-Тирита, — начал Арагорн. — Сыну Денэтора я был попутчиком: мы готовились биться бок о бок в грядущей войне с Сауроном. Но вышли мы не вдвоем, и Отряд наш имел совсем иное поручение, о котором я пока не вправе говорить. Вел Отряд Гэндальф Серый.

— Гэндальф! — воскликнул Эомер. — Как же, Гэндальф Серая Хламида у нас повсюду известен, однако нынче, знай это, именем его тебе не снискать милости конунга. Сколько люди помнят, он то и дело вдруг наведывался: бывало, по многу раз в год, а бывало, пропадал и на десять лет. И всегда приносил тревожные вести — теперь его только горевестником называют.

Да и то сказать — вот был он у нас прошлым летом, и с тех пор все пошло кривь и вкось. Начались нелады с Саруманом. Дотолем мы Сарумана считали другом, а Гэндальф сказал нам, что в Изенгарде точат на нас мечи. Ортханк, сказал он, был его узилищем и он чудом спасся. Он просил помощи у Теодена, но Теоден отказал. Будешь у конунга — ни слова о Гэндальфе! Гнев его не остыл. Ибо Гэндальф выбрал себе коня по имени Светозар, благороднейшего из отборного табуна Бэмаров, коня, чьим седоком может быть лишь конунг. Прародителем этой породы был жеребец Эорла, понимавший человеческий язык. Правда, семь суток назад Светозар воротился, но конунг пуще прежнего гневен: конь одичал и никому не дается в руки.

— Стало быть, Светозар добрался в отчий край один из дальних северных земель, — сказал Арагорн. — Там расстались они с Гэндальфом. Но Гэндальфу уж не быть его седоком. Он сгинул навеки в бездонных копиях Мории.

— Скорбная весть, — сказал Эомер. — Скорбная для меня и для тех, кто мыслит схоже; но, увы, многие мыслят иначе — узнаешь, представши пред конунгом.

— Боюсь, даже и тебе невдомек, какая это скорбная весть, — отозвался Арагорн. — Месяца не пройдет, как ее страшная тяжесть ляжет на сердце всем и

каждому. Однако ж если гибнут великие, то с малых великий спрос. Вот я и повел наш Отряд от здешних ворот Мории через Кветлориэн — о нем ты, Эомер, сначала узнай истину и больше не роняй пустых слов — и оттуда по Великой Реке до водопадов Рэроса. Там был убит Боромир — теми орками, которых вы истребили.

— О, горе нам! — тоскливо воскликнул Эомер. — Какого воина лишился Минас-Тирит, и все мы — какого лишились воина! Первейший был богатырь — всюду пели ему хвалу. У нас-то он бывал редко — воевал на восточных окраинах Гондора, — но я его все-таки видел. Он больше походил на резвых сынов Эорла, чем на суровых витязей Гондора, и стал бы, наверно, в свой час великим полководцем. Однако же Гондор не прислал вести о его гибели. Когда это случилось?

— Четвертые сутки пошли, — отвечал Арагорн. — Вечером того дня мы бросились в погоню от подножия Тол-Брандира.

— Как, пешие? — не понял Эомер.

— Да, как видишь, пешие.

Изумленно распахнулись глаза Эомера.

— Неверно прозвали тебя, о сын Араторна, — вымолвил он. — Тебе бы не Бродяжником зваться, а Крылоногом. Придет время — песни сложат об этом вашем походе. За неполные четверо суток одолели вы четырежды двадцать и пять лиг! Крепки же мышцы у потомков Элендила! Но, господин мой, что прикажешь мне делать? Конунг ждет; медлить мне не пристало. Перед дружиной я в своих речах не волен; однако по правде сказал тебе, что покамест мы не воюем с Черным Властелином. Конунг преклонил слух к малодушным наперникам, и все же войны нам не избежать. Гондор — наш старинный союзник, мы его в беде не покинем и будем сражаться бок о бок; так мыслю я, и многие скажут подобно. Я в ответе за западные пределы Ристании, и я приказал отогнать табуны за Онтаву; за табунами снялись пастушеские селенья, а здесь остались одни сторожевые дозоры.

— Так вы, значит, не платите дани Саурону? — вырвалось у Гимли.

— Не платим и никогда не платили, — отрезал Эомер. — Слышал я отзвуки этой лжи, но не знал, что она разнеслась так далеко. Было вот что: несколько лет тому назад посланцы Черных Земель торговали у нас лошадей и давали большую цену, но понапрасну. Нельзя им лошадей продавать: они их портят. Тогда к нам заслали орков, ночных конокрадов, и те угнали немало коней — вороных, только вороных: у нас теперь их почитай что и нет. Ну, с орками-то наша расправа была и будет короткая, и с одними орками мы бы управились.

А управляться надо с Саруманом. Он объявил себя хозяином всех здешних земель, и вот уже много месяцев мы с ним воюем. И такие ему орки подвластны, и сякие, на волколаках верхом, да только ли орки! Он перекрыл Проходное Ущелье, и теперь поди знай, откуда грянет напасть — с востока или с запада.

Трудный это неприятель: хитроумный и могущественный чародей, мастер глаза отводить — гибель у него обличий. Где только, говорят, его не увидишь: является там и сям, старец-странник, в плаще с капюшоном, ни дать ни взять Гэндальф — с тем и Гэндальфа припоминают. Его земные лазутчики проникают повсюду, а небесные зловеще парят над нами. Не знаю, что нам выпадет, но хорошего не предвижу: по всему видать, есть у него среди нас незнаемые

союзники. Ты и сам их увидишь в хоромах конунга, если поедешь с нами. Поедем с нами, Арагорн! Неужели напрасно мелькнула у меня надежда, что ты явился нам в помощь посреди невзгод и сомнений?

— Буду, как только смогу, — глухо отвечал Арагорн.

— Нет, поедем сейчас! — заклинал Эомер. — Как воспрянули бы сыны Эорла, явись среди них в эту мрачную пору наследник, преемник Элендила! Ведь и сейчас идет битва за битвой на Западной Окраине, и боюсь, худо выходит нашим.

Да и в северный этот поход я выступил без позволения конунга, под малой охраной оставив его дворец. Разведчики доложили мне, что большая ватага орков спустилась с Западной Ограды трое суток назад, и среди них замечены были дюжие, с бледной дланью на щите: Саруманово воинство. Я заподозрил то, чего пуще всего опасаясь, — что Ортханк и Черный Замок стакнулись, что они против нас заодно, — и вывел свой эоред, личную свою дружину, и мы нагнали орков на закате, тому двое суток, у самой опушки Онтвальда. Там мы их окружили и вчера с рассветом взяли на копья. Погибли, увы, пятнадцать дружинников и двенадцать коней! Ибо орков оказалось больше, нежели мы насчитали: немалая свора подошла к ним с востока, из-за Великой Реки. След их виден к северу отсюда. Еще свора выбежала из лесу: огромные твари и тоже мечены бледной дланью. Они уж нам знакомы, они крупнее и свирепее прочих.

Словом, мы их всех порешили. Но долгая вышла отлучка. Копья нужны на юге и на западе. Неужели же ты не пойдешь с нами? Есть для вас кони, сам видишь. И твой из времен пробудившийся меч без дела не останется. Найдется дело и для топора Гимли, и для лука Леголаса, да простят они мне опрометчивые слова о Владычице Золотого Леса. Я ведь говорил по нашему разумению, а ежели что не так, то рад буду узнать лучше.

— Спасибо тебе на добром слове, — сказал Арагорн, — и сердце мое рвется за тобой, однако я не могу оставить друзей, куда есть надежда.

— Надежды нет, — сказал Эомер. — Ты не найдешь тех, кого ищешь, в северных пределах.

— Однако же они позади не остались. Неподалеку от Западной Ограды нам был явный знак, что хотя бы один из них жив и ждет. Правда, оттуда до самого всхолмья нет никакого их следа, ни напрямик, ни по сторонам, если только не изменил мне напрочь глаз следопыта.

— Тогда что же, по-твоему, с ними случилось?

— Не знаю. Может статься, они убиты и похоронены вместе с орками; но ты говоришь, не было их среди трупов, и вряд ли ты ошибаешься. Вот разве что их утащили в лес до начала битвы, даже прежде чем вы окружили врагов. Ты вполне уверен, что никто из них не выскользнул из вашего кольца?

— Могу поклясться, что ни один орк никуда не выскользнул после того, как мы их окружили, — сказал Эомер. — К опушке мы подоспели первыми и сомкнули кольцо, а после этого если кто и выскользнул, то уж никак не орк, и разве что эльфийским волшебством.

— Друзья наши были одеты так же, как мы, — заметил Арагорн, — а мимо нас вы проехали средь бела дня.

— И правда, — спохватился Эомер, — как это я позабыл, что когда кругом чудеса, то и сам себе лучше не верь. Все на свете перепуталось. Эльф рука об

руку с гномом разгуливают по нашим лугам; они видели Чаровницу Золотолесья — и ничего, остались живы: и заново блещет предбитвенный меч, сломанный в незапамятные времена, прежде чем наши праотцы появились в Ристании! Как в такие дни поступать и не оступаться?

— Да как обычно, — отвечал Арагорн. — Добро и зло местами не менялись: что прежде, то и теперь, что у эльфов и гномов, то и у людей. Нужно только одно отличать от другого — в дому у себя точно так же, как в Золотом Лесу.

— Поистине ты прав, — сказал Эомер. — Но тебе я и так верю, верю подсказке сердца. Однако же я — человек подневольный. Я связан законом: он запрещает чужакам проезд и проход через Ристанию иначе как с дозволения самого конунга, а в нынешние тревожные дни кара послушнику — смерть. Я просил тебя добром ехать с нами, но ты не согласен. Ужели придется сотнею копий одолевать троих?

— Закон законом, а своя голова на плечах, — отвечивал Арагорн. — Да я здесь и не чужак: не единожды бывал я в ваших краях и бился с вашими врагами в конном строю Мустангрима — правда, под другим именем, в ином обличье. Тебя я не видел, ты был еще мальчиком, но знался с твоим отцом Эомундом, знаю и Теодена, сына Тенгела. В те времена властителям Ристании на ум бы не пришло чинить препоны в столь важном деле, как мое.

Мой долг мне ясен, мой путь прям. Поторопись же, сын Эомунда, не медли с решением. Окажи нам помощь или на худой конец отпусти нас с миром. Или же ищи исполнить закон. Одно скажу: тогда дружина твоя сильно поредет.

Эомер помолчал, потом поднял голову.

— Нам обоим надо спешить, — сказал он. — Кони застоялись, и с каждым часом меркнет твоя надежда. Я принял решение. Следуй своим путем, а я — я дам тебе лошадей. Об одном прошу: достигнешь ли своего или проедешь впустую, пусть кони вернутся в Медусельд за Онтавой, к высокому замку в Эдорасе, где нынче пребывает Теоден. Лишь так ты докажешь ему, что я в тебе не ошибся. Как видишь, ручаюсь за тебя — и, может статься, ручаюсь жизнью. Не подведи меня.

— Не подведу, — обещал Арагорн.

Недоуменно и мрачно переглядывались всадники, когда Эомер велел отдать чужакам свободных лошадей, но один лишь Эотан осмелился поднять голос.

— Ладно, — сказал он, — витязю Гондора — поверим, что он из них, — впопору сидеть на коне, но слыханное ли дело, чтоб на ристанийского коня садился гном?

— Неслыханное, — отозвался Гимли. — И уж будьте уверены — ни о чем таком никогда не услышите. В жизни на него не полезу — куда мне такая огромная животиная? Коль на то пошло, я и пешком не отстану.

— Отстанешь, а нам задерживаться некогда, — сказал ему Арагорн.

— Садись-ка, друг мой Гимли, позади меня, — пригласил Леголас. — Ведь и то правда: тебе конь не нужен, а ты ему и того меньше.

Арагорну подвели большого мышастого коня; он вскочил в седло.

— Хазуфел имя ему, — сказал Эомер. — Легкой погони, и да поможет тебе прежний, мертвый его седок, Гарульф!

Резвый и горячий конек достался Леголасу. Арод звали его. Леголас велел

его разнуздать.

— Не нужны мне ни седло, ни поводья, — сказал он и легко прынул на коня, а тот, к удивлению ристанийцев, гордо и радостно повиновался каждому его движению: эльфы и животные, чуждые злу, сразу понимали друг друга. Гимли усадили позади приятеля, он обхватил его, но было ему почти так же муторно, как Сэму Скромби в лодке.

— Прощайте, удачного поиска! — напутственно крикнул Эомер. — Скорей возвращайтесь, и да заблещут наши мечи единым блеском!

— Я вернусь, — проронил Арагорн.

— И меня ждите, — заверил Гимли. — Так говорить о Владычице Галадриэли отнюдь не пристало. И если некому больше, то придется мне поучить тебя учтивости.

— Поживем — увидим, — отозвался Эомер. — Видать, чудные творятся дела, и в диво не станет научиться любезности у гнома с боевым топором. Однако ж покамест прощайте!

С тем они и расстались. Ристанийским коням не было равных. Немного погодя Гимли обернулся и увидел в дальней дали муравьиный отряд Эомера. Арагорн не оборачивался, чтобы не упустить след под копытами, и склонился ниже холки Хазуфела. Вскоре они оказались близ Онтавы, и обнаружился, как и говорил Эомер, след подмоги с востока.

Арагорн спешил, осмотрел следы и снова вскочил в седло, отъехал влево и придержал коня, чтобы ступал осторожнее. Потом будто что-то приметил, опять спешил и долго расхаживал, обыскивая глазами израненную землю.

— Что ясно, то ясно, а ясно немного, — выговорил он наконец. — Конники на обратном пути все затоптали, подъехавши строем от реки. Только восточный след свежий и нетронутый, и назад, к Андуну, он нигде не сворачивает. Сейчас нам надо ехать помедленнее и глядеть в оба, не было ли бросков в стороны. А то орки, видать, здесь как раз и учуяли погоню: того и гляди, попробуют подевать куда-нибудь пленников, пока не поздно.

День понемногу мрачнел. С востока приплыли тяжелые тучи. Темная муть заволокла солнце, уходившее на запад, а Фангорн приближался, и все чернее нависали лесистые склоны, и ни налево, ни направо никакие следы не уводили, путь устилали трупы и трупики, пронзенные длинными стрелами в сером оперенье.

Тускнели сумерки, когда они подъехали к лесной опушке; в полукружье деревьев еще дымился неостывший пепел огненного погребенья. Рядом были свалены грудой шлемы и кольчуги, рассеченные щиты, сломанные мечи, луки, дротики и прочий воинский доспех. Из груды торчал высокий кол, а на нем гоблинская башка в изрубленном шлеме с едва заметной Белой Дланью. Поодаль, у берега реки, вытекавшей из лесной чащи, возвышался свеженасыпанный холм, заботливо обложенный дерном; в него были воткнуты пятнадцать копий.

Арагорн с друзьями принялись обыскивать поле боя, но солнце уже скрылось, расползлся густой туман. Ночью нечего было и надеяться набрести на след Пина и Мерри.

— Все попусту, — угрюмо сказал Гимли. — Много загадок выпало нам на пути от Тол-Брандира, но эта — самая трудная. Наверно, горелые кости наших

хоббитов смешались с костями орков. Тяжко придется Фродо, коли весть эта застанет его в живых, и едва ли не тяжелее будет тому старому хоббиту в Раздоле. Элронд им идти не велел.

— А Гэндальф решил — пусть идут, — возразил Леголас.

— Ну, Гэндальф тоже пошел и сам же сгинул первым, — заметил Гимли. — Ошибся он на этот раз в своих расчетах.

— Не в том был расчет Гэндальфа, чтобы спастись от гибели или уберечь нас, — сказал Арагорн. — Тут не убережешься, а берись за дело волей-неволей, чем бы оно ни кончилось. Так вот: отсюда мы пока никуда не тронемся. Непременно надо оглядеться поутру.

Заночевали чуть дальше от кровавого поля, под раскидистыми ветвями гостеприимного дерева, совсем бы каштан, да только многовато сберег он широких, бурых прошлогодних листьев, нависших отовсюду, точно хваткие старческие руки; они скорбно шелестели под легким ночным ветерком.

Гимли поежился. У них было всего-то по одеялу на каждого.

— Давайте разведем костер, — сказал он. — Ну, опасно, ну и ладно. Пусть их орки сбегаются на огонь, как мотыльки на свечку!

— Если вдруг наши несчастные хоббиты блуждают в лесу, они тоже сюда прибегут, — сказал Леголас.

— Мало ли кого притянет наш костер, не орков, может статься, и не хоббитов, — сказал Арагорн. — Мы ведь неподалеку от горных проходов предателя Сарумана. И на опушке Фангорна, где лучше, как говорится, веточки не трогать.

— Подумаешь, а мустангримцы вчера большой огонь развели, — сказал Гимли. — Они не то что веточки, деревья рубили, сам видишь. Сделали свое дело, переночевали здесь же, и хоть бы что.

— Во-первых, их было много, — отвечал Арагорн. — Во-вторых, что им гнев Фангорна, они здесь редко бывают, и в глубине леса им делать нечего. А нам, чего доброго, надо будет углубиться в Лес. Так что поосторожнее! Деревья не трогайте!

— Деревья и незачем трогать, — сказал Гимли. — Конники их и так тронули, вон сколько лапника кругом валяется, да и хвороста хоть отбавляй.

Он пошел собирать хворост и лапник и занялся костром; но Арагорн сидел безмолвно и неподвижно, прислонившись к мощному стволу, и Леголас стоял посреди прогалины, наклонившись и вглядываясь в лесную темень, будто слушал дальние голоса.

Гном понемногу развел костер, и все трое обсели его, как бы заслоняя от лишних взглядов. Леголас поднял глаза и посмотрел на охранявшие их ветви.

— Взгляните! — воскликнул он. — Дерево радуется теплу!

Может быть, их обманула пляска теней, однако всем троим показалось, что нижние, тяжкие ветви пригнулись к огню, а верхние заглядывали в костер; иссохшие бурые листья терлись друг о друга, будто стосковавшись по теплу.

Внезапно и воочию, как бы напоказ, была им явлена безмерная, чуждая и таинственная жизнь темного, неизведанного Леса. Наконец Леголас прервал молчание.

— Помнится, Келеборн остерегал нас против Фангорна, — сказал он. — Как думаешь, Арагорн, почему? И Боромир тоже — что за рассказы слышал он

про этот Лес?

— Я и сам слышался о нем разного — и от гондорцев, и от других, — отвечал Арагорн, — но, когда бы не Келеборн, я бы по-прежнему считал эти рассказы выдумками от невежества. Я-то как раз хотел спросить у тебя, есть ли в них толика правды. Но коль это неизвестно лесному эльфу, что взять с человека?

— Ты странствовал по свету больше моего, — возразил Леголас. — А у нас в Лихолесье о Фангорне ничего не рассказывают, вот только песни поют про онодримов, по-вашему онтов, что обитали здесь давным-давно — ведь Фангорн древнее даже эльфийских преданий.

— Да, это очень древний Лес, — подтвердил Арагорн, — такой же древний, как Вековечный у Могильников, только этот вдесятеро больше. Элронд говорил, что они общего корня: останки могучей лесной крепости Предначальных Времен — тех лесов без конца и края, по которым бродили Перворожденные, когда люди еще не пробудились к жизни. Однако есть у Фангорна и собственная тайна. А что это за тайна, не знаю.

— Я так и знать не желаю, — сказал Гимли. — Пусть Лес не тревожится за свои тайны, мне они ни к чему.

Кинули жребий, кому оставаться на часах: первым выпал черед Гимли. Остальные двое улеглись, и сон мгновенно оцепенил их; однако Арагорн успел проговорить:

— Гимли! Не забудь — здесь нельзя рубить ни сука, ни ветки. И за валежником далеко не отходи, пусть уж лучше костер погаснет. Чуть что — буди меня!

И уснул как убитый. Леголас покоился рядом с ним: сложив на груди легкие руки, лежал с открытыми глазами, в которых дремотные видения мешались с ночной полуявью, ибо так спят эльфы. Гимли сторбился у костра, задумчиво поводя пальцем вдоль острия секиры. Лишь шелест дерева нарушал безмолвие.

Вдруг Гимли поднял голову и в дальнем отблеске костра увидел сутулого старика, укутанного в плащ; он опирался на посох, шляпа с широкими обвислыми полями скрывала его лицо. Гимли вскочил на ноги, потеряв от изумления дар речи, хотя ему сразу подумалось, что они попали в лапы к Саруману. Арагорн с Леголасом приподнялись, пробужденные его резким движением, и разглядывали ночного пришельца. Старик стоял молча и неподвижно.

— Подходи без опаски, отче, — выпрямившись, обратился к нему Арагорн. — Если озяб, погреешься у костра.

Он шагнул вперед, но старец исчез, как провалился. Нигде поблизости его не оказалось, а искать дальше они не рискнули. Луна зашла; костер едва теплится.

— Кони! Наши кони! — вдруг воскликнул Леголас.

А коней и след простыл. Они сорвались с привязи и умчались неизвестно куда. Все трое стояли молча, бессильно опустив руки, ошеломленные новой зловещей бедой. До единственных здешних соратников, ристанийских витязей, сразу стало далеко-далеко: за опушками Фангорна простиралась, лига за лигой, необъятная и тревожная степь. Откуда-то из ночного мрака до них словно бы донеслись ржанье и лошадиный храп; потом все стихло, и холодный ветер всколыхнул уснувшую листву.

— Ну что ж, ускакали они, — сказал наконец Арагорн. — Ни найти, ни догнать их не в нашей власти: если сами не вернуться, то на нет и суда нет. Отправились мы пешком, и ноги пока остались при нас.

— Ноги! — устало фыркнул Гимли. — Пускать свои ноги в ход — это я пожалуйста, только есть свои ноги не согласен. — Он подкинул хворосту в огонь и опустился рядом.

— Совсем недавно тебя и на лошадь-то было не заманить, — рассмеялся Леголас. — Ты погоди, еще наездником станешь!

— Куда уж мне, упустил свой случай, — отозвался Гимли.

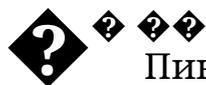
— Если хотите знать, — сказал он, мрачно помолчав, — то это был Саруман, и никто больше. Помните, Эомер как говорил: является, дескать, старец-странник в плаще с капюшоном. Так и говорил. То ли он, Саруман, лошадей спугнул, то ли угнал, ничего теперь не поделаешь. И попомните мое слово, много бед нам готовится!

— Слово твое я попомню, — обещал Арагорн. — Попомню еще и то, что наш старец прикрывался не капюшоном, а шляпой. Но все равно ты, пожалуй что, прав, и теперь нам не будет покоя ни ночью, ни днем. А пока все-таки надо отдохнуть, как бы оно дальше ни вышло. Ты вот что, Гимли, спи давай, а я пока раулю. Мне надо немного подумать, выплюсь потом.

Долго тянулась ночь. Леголас сменил Арагорна, Гимли сменил Леголаса, и настало пустое утро. Старец не появлялся, лошади не вернулись.

Глава III Урукхай

Пин был окован смутной и беспокойной дремой: ему казалось, что он слышит собственный голосок где-то в темных подвалах и зовет: «Фродо, Фродо!» Но Фродо нигде не было, а гнусные рожи орков ухмылялись из мрака, и черные когтистые лапы тянулись со всех сторон. Мерри-то куда же делся?

Пин проснулся, и холодом повеяло ему в лицо. Он лежал на спине. Наступал вечер, небеса тускнели. Он поворочался и обнаружил, что сон не лучше яви, а явь страшнее сна. Он был крепко-накрепко связан по рукам и ногам. Рядом с ним лежал Мерри, лицо серое, голова обмотана грязной кровавой тряпкой. Кругом стояли и сидели орки, и числа им не было.

Трудно складывалось бывшее в больной голове Пина, еще труднее отделялось оно от сонных видений. А, ну да: они с Мерри бросились бежать направо, через лес. Куда, зачем? Затмение какое-то: ведь окликал же их старина Бродяжник! А они знай бежали, бежали и орали, пока не напоролась на свору орков: те стояли, прислушивались и, может, даже не заметили бы их, да тут поди не заметь. Заметили — вскинулись: визг, вой, и еще орки за орками выскакивали из ольшаника. Они с Мерри — за мечи, но орки почему-то биться не желали, кидались и хватали за руки, а Мерри отсек несколько особо хватких лап. Эх, молодчина все-таки Мерри!

Потом из лесу выбежал Боромир: тут уж оркам, хочешь не хочешь, пришлось драться. Он искрошил их видимо-невидимо, какие в живых остались, бежали со всех ног. Но они втроем с Боромиром далеко не ушли, их окружила добрая сотня новых орков, здоровенных, с мечами и луками. Стрелы так и сыпались, и все в Боромира. Боромир затрубил в свой огромный рог, аж лес загу-

дел, и поначалу враги смешались и отпрянули. Но на помощь, кроме эха, никто не спешил; орки расхрабрились и освирепели пуще прежнего. Больше Пин, как ни силился, припомнить ничего не мог. Последнее, что помнил, — как Боромир, прислонясь к дереву, выдергивал стрелу из груди; и вдруг обрушилась темнота.

«Ну, наверно, дали чем-нибудь по голове, — рассудил он. — Хоть бы Мерри, беднягу, не очень поранили. А как с Боромиром? И с чего это орки нас не убили? Где мы вообще-то и куда нас волокут?»

Вопросов хватало — ответов не было. Он озяб и изнемог. «Зря, наверно, Гэндалф уговорил Элронда, чтоб мы пошли, — думал он. — Какой был от меня толк? Помеха, лишняя поклажа. Сейчас вот меня украли, и я стал поклажей у орков. Вот если бы Бродяжник или хоть кто уж догнали бы их и отобрали нас! Да нет, как мне не стыдно! У них-то ведь дела поважнее, чем нас спасать. Самому надо стараться!»

Пин попробовал ослабить путы, но путы не поддавались. Орк, сидевший поблизости, гоготнул и сказал что-то приятелю на своем мерзостном наречии.

— Отдыхай, пока дают, ты, недомерок! — обратился он затем к Пину на всеобщем языке, и звучал он чуть ли не мерзостнее, чем их собственный. — Пока дают, отдыхай! Ножками-то зря не дрыгай, мы тебе их скоро развяжем.

Наплачешься еще, что не безногий, соплями и кровью изойдешь!

— Моя бы воля, ты бы и щас хлюпал, смерти просил, — добавил другой орк. — Ох, попищал бы ты у меня, крысеныш вонючий!

И он склонился к самому лицу Пина, обдав его смрадом и обнажив желтые клыки. В руке у него был длинный черный нож с зубчатым лезвием.

— Тише лежи, а то ведь не выдержу, пощекочу немножечко, — прошипел он. — Еще чухнешься — я, пожалуй, и приказ малость подзабуду. Ух, изенгардцы! *Углу к у багронк ша пушдуг Саруман-глоб бубхош скай!* — И он изрыгнул поток злобной ругани, щелкая зубами и пуская слюну.

Пин перепугался не на шутку и лежал без движения, а перетянутые кисти и лодыжки ныли нестерпимо, и щебень впивался в спину. Чтоб легче было терпеть, он стал прислушиваться к разговорам. Кругом стоял галдеж, и, хотя орки всегда говорят, точно грызутся, все же ясно было, что кипит какая-то свара, и кипела она все круче.

К удивлению Пина, оказалось, что ему почти все понятно: орки большей частью изъяснялись на общем наречии Средиземья. Тут, видно, был пестрый сброд, и, говори каждый по-своему, вышла бы полная неразбериха. Злобствовали они недаром: не было согласия насчет того, куда бежать дальше и что делать с пленниками.

— И убить-то их толком нет времени, — пожаловался кто-то. — Прогуляться — прогулялись, а поиграться некогда.

— Тут ладно, ничего не поделаешь, — сказал другой. — Убьем хоть поскорее, прямо щас и убьем, а? Чего их с собой тащить, раз такая спешка. Завечерело уже, надо бежать дальше.

— Приказ есть приказ, — отозвался басистый голос. — **ВСЕХ ПЕРЕБИТЬ, КРОМЕ НЕВЫСОКЛИКОВ. ИХ ПАЛЬЦЕМ НЕ ТРОГАТЬ. ПРЕДСТАВИТЬ ЖИВЬЕМ КАК МОЖНО СКОРЕЕ.** Что непонятно?

— Непонятно, зачем живьем, — раздалось в ответ. — С ними что, на пытке

потеха?

— Да не то! Я слышал, один из них что-то там знает или есть у него при себе что-то, какая-то эльфийская штукавина, помеха войне. А допрашивать всех будут, вот и живьем.

— Ну и что, ну и все? Давайте щас общем и найдем! Мало ли что найдется, самим еще, может, понадобится!

— Забавно разговариваете, — мягко сказал жуткий голос. — Пожалуй, донести придется. Пленников НЕ ВЕЛЕНО ни мучить, ни обыскивать: такой У МЕНЯ приказ.

— У меня такой же, — подтвердил басистый голос. — ЖИВЬЕМ, КАК ВЗЯЛИ: НЕ ОБДИРАТЬ. Так мне было велено.

— А нам ничего такого никто не велел! — возразил один из тех, кто начал спор. — Мы с гор прибежали убивать, мстить за наших: все ноги отбили. Вот и хотим — убить, и назад.

— Мало ли чего вы хотите, — раздался ответный рык. — Я — Углук. Я над вами начальник. И веду вас к Изенгарду самым ближним путем!

— А что, Саруману уже и Всевидящее Око не указ? — спросил жуткий голос. — Мы что-то не туда бежим: в Лугбурзе ждут нас и наших вестей.

— Да как же через Великую Реку, — возразил кто-то. — А к мостам не пробьемся: маловато нас все-таки.

— А вот я переправился, — сказал жуткий голос. — Крылатый назгул ждет поджидает нас там, на севере, на восточном берегу.

— Может, и поджидает! Ты-то с ним улетишь, прихватишь пленников и будешь в Лугбурзе молодец молодцом; а мы пробирайся как знаешь через эти края, где рыщут коневоды. Не-ет, нам надо вместе. Края опасные: кругом разбойники да мятежники.

— Ага, вместе нам надо, — прорычал Углук. — С вами, падалью, вместе только в одну могилу. Как с гор спустились, так обделались. Где бы вы были, не будь нас! Мы — бойцы, мы — Урукхай! Мы убили большого воина. Мы взяли в плен эту мелюзгу. Мы — слуги Сарумана Мудрого, Властителя Белой Длани, подающей нам вкусную человечину. Мы — посланцы Изенгарда, вы шли за нами сюда и за нами пойдете отсюда, нашим путем. Я — Углук, слышали? Я свое слово сказал.

— Многовато наговорил ты, Углук. — В жутком голосе послышалась издевка. — Ох, как бы в Лугбурзе совсем не решили, что умной башке Углука не место на его плечах. А заодно и спросят: откуда ж такое завелось? Уж не от Сарумана ли? А Саруман-то кто такой, с чего это он свои поганые знаки рисует? Властитель Белой Длани, ишь ты! Спросят они у меня, у своего верного посланца Грыشناка, а Грышнак им скажет: Саруман — паскудный глупец, а то и предатель. Но Всевидящее Око следит за ним и уж как-нибудь его устережет.

— «Падаль» он говорит? Про кого, про нас? Слыхали, ребята, они человечину жрут: да не нас ли они едят, не нашу ли мертвечину!

Орки загалдели, залазгали обнаженные мечи. Пин осторожно крутнулся в путях: не будет ли чего видно. Охранники оставили хоббитов и подались поближе к заварушке. В сумеречном полусвете маячила огромная черная фигура — должно быть, Углук, — а перед ним стоял Грышнак, приземистый и кривоногий, но неимоверно широкоплечий, и руки его свисали чуть не до земли. Их обступили гоблины помельче. «Не иначе как северяне», — подумал Пин.

Они выставили мечи и кинжалы, но нападать на Углука не решались.

А тот гаркнул, и, откуда ни возьмись, набежали десятка полтора орков его породы. Внезапно Углюк прыгнул вперед и короткими взмахами меча снес головы паре недовольных. Грышнак шарахнулся в темноту. Прочие попятись, один споткнулся о Мерри и с проклятием растянулся плашмя. Зато спас свою жизнь: через него перепрыгнули меченосцы Углука, рассеивая и рубя противников. Охранника с желтыми клыками распластали чуть не надвое, и труп его с зубчатым ножом в руке рухнул на Пина.

— Оружие отставить! — рявкнул Углюк. — Хватит с них! Бежим на запад, вниз проходом и напрямиком к холмам, дальше по берегу до самого леса. Бежать будем днем и ночью, понятно?

«Давай-давай, — подумал Пин, — пока ты, гнусное рыло, будешь их собирать да строить, мы тут авось кое-что свое провернем».

И было что провертывать. Острие черного ножа полоснуло его по плечу, скользнуло к руке. Ладонь была вся в крови, но холодное касание стали бодрило и обнадеживало.

Орки понемногу строились, но кое-кто из северян опять заартачился, двоих изенгардцы зарубили, остальные понуро повиновались. Стояла ругань, царила неразбериха.

За Пином почти наверняка никто не следил. Ноги его были спутаны плотно, руки — только в кистях, и не за спиной, а впереди. И хотя узел затянули нестерпимо, пальцами он шевелить мог. Он подвинул мертвеца и, сдерживая дыхание, стал тереть перетяжку об отточенное лезвие: рука трупа крепко сжимала нож. Перерезал! И по-хоббитски ловко наладил и затянул двойную петлю на прежний манер; только теперь она, если надо, мигом развязывалась. А уж потом лежал смиреннее смиренного.

— Пленных на плечи! — рявкнул Углюк. — И без штучек! Если кто из них по дороге подохнет, отправитесь за ними!

Дюжий орк ухватил Пина, точно куль муки, продел башку между его связанными руками, поддернул руки книзу, приплюснув хоббита лицом к чешуйчатой шее, и побежал со всех ног. Так же было — углядел он одним глазом — и с Мерри. Орковы лапы-клешни сжимали руки Пина мертвой хваткой, когти впивались в тело. Он зажмурил глаза и постарался снова заснуть.

Вдруг его опять бросили на камни. Ночь едва надвинулась, и тощий полумесяц плыл на запад. Они были на краю скалы, тусклая мгла расстилалась впереди. Где-то рядом журчала вода.

— Вот они, дозорные, вернулись, — сказали рядом.

— Ну, что видели? — рыкнул Углюк.

— Да ничего не видели, один только всадник, удрал на запад. Впереди никого нет.

— Пока нет, а потом чего будет? Ну дозорные из вас! Почему не подстрелили? Он же поднимет тревогу, и подлюги коневоды нас еще до утра перехватят. Теперь бежать надо вдвое шибче прежнего.

На Пина пала черная тень Углука.

— Давай вставай! — велел орк. — Не всё моим ребятам тебя таскать Сейчас дорога пойдет под гору, беги сам, только смотри у меня! Не вздумай кричать, удрать тоже не пробуй — не выйдет. А в случае чего я из тебя жилы-то повытя-

ну, не рад будешь, что жив остался.

Одним махом перерезав ременные путы, он освободил ноги Пина, схватил его за волосы и поставил перед собой. Пин упал как подкошенный, и Углук снова вздернул его стоймя за волосы. Орки заливались хохотом, Углук сунул ему в зубы фляжку, и горло Пина обожгла какая-то скверная, горькая и вонючая жидкость. Ноги, однако, выпрямились; боль пропала, он мог стоять.

— Где там другой! — сказал Углук. Он отошел к Мерри и дал ему здоровенного пинка. Мерри застонал, а Углук рывком посадил его, сдернул перевязь с пораненной головы и смазал рану каким-то черным снадобьем из деревянной коробочки. Мерри вскрикнул от боли, яростно отбиваясь. Орки свистели и улюлюкали.

— Лечиться не хочет, вот обалдуй! — гоготали они. — Сам не знает, чего ему надо! Ох, ну мы с ними потом и позабавимся!

Покамест, однако, было не до забав. Нужно было скорее бежать и чтобы пленники бежали наравне. Углук лечил и вылечил Мерри на свой манер: ему залили в глотку мерзкое питье, перерезали ножные путы, вздернули на ноги, и Мерри стоял, чуть пошатываясь, бледный, угрюмый, но живехонький. Лоб был рассечен, но боль унялась, и на месте воспаленной, кровоточащей раны появился и остался навсегда глубокий бурый шрам.

— А, Пин, вот и ты! — сказал он. — Тоже решил немного прогуляться? Не вижу завтрака, а где твоя постель?

— А ну, заткни глотку! — рявкнул Углук. — Языки не распускать! Молчать, пока зубы торчат! Обо всем будет доложено, и с рук вам ничего не сойдет. И постелька вас ждет, и лакомый завтрак — кости свои сгрызете!

Спускались тесниной в туманную степь. Мерри и Пина разделяла дюжина или больше орков. Наконец под ногами зашелестела трава, и сердца хоббитов воспрянули.

— Прямо бегом марш! — скомандовал Углук. — Держать на запад и чуть к северу. Лугдуш ведущий — не отставать!

— А что нам делать, когда солнце взойдет? — спросил кто-то из северян.

— Брать ноги в руки! — ощерился Углук. — А ты как думал? Может, сядем на травку, подождем бледнокожих?

— Мы же под солнцем не можем бежать!

— У меня побежите сломя голову! — пообещал Углук. — Помните, мелюзга: кто начнет спотыкаться, тому, клянусь Белой Дланью, не видать больше своей берлоги. Навязали вас, гнид, на мою голову, эх вы, горе-вояки! Давай живей шевелись, покуда не рассвело!

Орки сорвались с места и припустились звериной побегой. Это был не воинский строй, а гурьба: бежали вразброд, натываясь друг на друга и злобно переругиваясь, — бежали, однако ж, очень быстро. К хоббитам было приставлено по три охранника. Пин оказался в хвосте ватаги. «Долго так не пробегу, — думал он, — с утра маковой росинки во рту не было». Один из охранников держал наготове плеть-семихвостку, но пока что в ней не было нужды: глоток мерзостного бальзама по-прежнему горячил и бодрил. И голова была на диво ясная.

Снова и снова виделось ему, как наяву, склоненное над их прерывчатым следом суровое лицо Бродяжника, без устали бегущего вдогон. Но даже и Сле-

допыт, опытный из опытных, — что он разберет в этой слякотной каше? Как различит его и Мерри легкие следы, затоптанные и перетоптанные тяжелыми коваными подошвами?

За откосом, через милю или около того, они попали в котловину, под ногами была сырая мягкая земля. Стелился туман, осветленный косым прощальным светом месяца. Густые черные тени бегущих впереди орков потускнели и расплылись.

— Эй там! Поровнее! — рявкнул сзади Углук.

Пина вдруг осенил быстрый замысел, и медлить он не стал. Он бросился направо, увернулся от простершего лапы охранника, нырнул в туман и, споткнувшись, растянулся на росистой траве.

— Стой! — завопил Углук.

Орки спутались и смешались. Пин вскочил на ноги и кинулся наутек. Но за ним уже топотали орки; кто-то обошел его спереди.

«Спасись и думать нечего! — соображал Пин. — Главное-то сделано — я оставил назатоптанные следы на сырой земле!»

Он схватился за горло связанными руками, отстегнул эльфийскую брошь и обронил ее в тот самый миг, когда его настигли длинные руки и цепкие клешни.

«Пролежит здесь, наверно, до скончания дней, — подумал он. — И зачем я ее отстегнул? Если кто-нибудь из наших и спасся, наверняка они охраняют Фродо!»

Ременная плеть со свистом ожгла ему ноги, и он подавил выкрик.

— Будет! — заорал подоспевший Углук. — Ему еще бежать и бежать. Обои вшивари пусть ноги в ход пустят! Помоги им, только не слишком!.. Получил на память? — обратился он к Пину. — Это так, пустяки, а вообще-то за мной не заржавеет. Успеется, а пока чеши давай!

Ни Пин, ни Мерри не помнили, как им бежалось дальше. Жуткие сны и страшные пробуждения сливались в один тоскливый ужас, и где-то далеко позади все слабее мерцала надежда. Бежали и бежали — со всех ног, кое-как поспевая за орками; выбивались из сил, и плеть подгоняла их, жестоко и умело. Запинались, спотыкались и падали — тогда их хватали и несли.

Жгучее оркское снадобье потеряло силу. Пину опять стало зябко и худо. Он споткнулся и упал носом в траву. Когтистые лапы подхватили его и подняли, опять его несли, как мешок, и ему стало темным-темно: ночь ли наступила, глаза ли ослепли, какая разница.

Он слышал грубый гомон: должно быть, орки требовали передышки. Хрипло орал Углук. Пин шлепнулся оземь и лежал неподвижно, во власти мрачных сновидений. Но скоро снова стало больно: безжалостные лапы взялись за свое железной хваткой. Его бросали, встряхивали, наконец мрак отступил, он очнулся и увидел утренний свет. Его швырнули на траву; кругом выкрикивали приказы.

Пин лежал пластом, из последних сил отгоняя мертвящее отчаяние. В голове мутилось, в теле бродил жар: верно, опять поили снадобьем. Какой-то орк, подавшись в его сторону, швырнул ему кусок хлеба и обрезок сухой солонины. Тронутый плесенью черствый ломоть Пин жадно сглодал, но к мясу не прикоснулся. Он, конечно, с голоду и сапог бы съел, но нельзя же брать мясо у

орка, страшно даже подумать чье.

Он сел и осмотрелся. Мерри лежал ничком неподалеку. Они были на берегу бурливой речонки, впереди возвышались горы: ранние солнечные лучи брызнули из-за вершины. Ближний склон оброс понизу неровным лесом.

У орков опять был яростный галдеж и свара: северяне ни за что не хотели бежать дальше с изенгардцами. Одни показывали назад, на юг; другие — на восток.

— Ладно, хватит! — заорал Углук. — Дальше мое дело! Убить нельзя, вам сказано, а хотите их бросить, бросайте: понабегались, мол, так и мы понабегались не меньше вашего — бросайте! А уж я присмотрю, никуда они не денутся. Урукхай потрудится и повоюет, ему не привыкать. Бойтесь бледнокожих, так и бегите! Вон туда — в лес! — зычно указал он. — Может, и доберетесь — больше-то вам некуда. Давай шевелись! Да живо, пока я не оттяпал башку-другую: то-то взбодритесь!

Еще ругань, еще потасовка — и больше сотни орков отделились и опрометью кинулись по речному берегу в сторону гор. При хоббитах остались изенгардцы: плотная, сумрачная свора, шесть-семь дюжин здоровенных, черномазых и косоглазых орков с большими луками и короткими, широкими мечами, — и с десятков северян, посмелее и покрупнее.

— Ну, теперь разберемся с Грышнаком, — объявил Углук, но даже самые стойкие его заединщики поглядывали через плечо, на юг.

— Знаю, знаю, — прорычал он. — Лошадники распроклятые нас унюхали. А все из-за тебя, Снага. Тебе и другим дозорным надо бы уши обрубить. Погодите, бой за нами, а мы бойцы. Мы еще поедим ихней конины, а может, и другого мяса, послаще.

Пин обернулся: почему это иные урукхайцы указывали на юг? Оттуда донеслись хриплые вопли, и явился Грышнак, а за ним с полсотни таких же, кривоногих и широкоплечих, с руками до земли. На их щитах было намалевано красное око. Углук выступил им навстречу.

— Явились — не запылились! — хохотнул он. — Никак передумали?

— Вернулся приглядеть, как выполняются приказы и чтобы пленников не тронули, — проскрежетал Грышнак.

— Да неужели! — издевался Углук. — Зря беспокоился. Я и без тебя как-нибудь распоряджусь: и приказы выполним, и пленников не тронем. Еще-то чего надо: уж больно ты запыхался. Может, забыл что-нибудь?

— Забыл с одним дураком посчитаться, — огрызнулся Грышнак. — Он-то и сам на смерть наскочит, да с ним крепкие ребята остались, жаль, если сгинут без толку. Вот я и вернулся им помочь.

— Помогай нашелся! — реготал Углук. — Если только драться помогать, а то лучше бегите-ка в свой Лугбурз, нас бледнокожие окружают. Ну и где же твой хваленый назгул? Опять под ним коня подстрелили, а? Ты бы его, что ли, сюда позвал, может, и пригодился бы, если рассказы про назгулов не сплошь вранье.

— Назгулы, ах, назгулы, — произнес Грышнак, вздрагивая и облизываясь, точно слово это мучительно манило его могильной гнилью. — Помалкивай лучше, Углук, серая скотинка, — вкрадчиво посоветовал он. — Тебе такое и в самом паскудном сне не привидится. Назгулы! Вот кто всех насквозь видит! Ох и нависишься ты вверх ногами за такие свои слова, ублюдок! — лязгнул он

зубами. — Ты что, не знаешь? Они — зрачки Всевидящего Ока. А тебе подавай крылатого назгула — не-ет, подождешь. По эту сторону Великой Реки им пока что не велено показываться — рановато. Вот грянет война — тогда увидите... но и тогда у них будут другие дела.

— Ты зато больно много знаешь, умник! — отозвался Углук. — Не на пользу тебе это, вовсе не на пользу. Тоже ведь и в Лугбурзе могут призадуматься, не слишком ли много ума у тебя в башке. А пока что ты языком болтаешь, а мы, Урукхай, посланцы грозного Изенгарда, должны разгрести за вами, и разгребем! Кончай хайлом мух ловить! Строй свое отребье! Прочая сволочь вон уже драпает к лесу. Давай за ними — все равно не видать тебе Великой Реки как своих ушей. Бегом марш, да живо! Я от вас не отстану.

Изенгардцы снова схватили Пина и Мерри и мешками закинули их за плечи. Земля загудела под ногами. Час за часом бежали они без передышки, приостанавливаясь, только чтобы перебросить хоббитов на новые спины. То ли бежалось им, здоровякам, быстрее, то ли план особый был у Грыشناка, но постепенно изенгардцы обогнали мордорских орков, и свора Всевидящего Ока сгрудилась позади. Немного осталось догонять северян, а там и до леса почти что рукой подать.

Пина обдавали болью синяки и ушибы на всем теле, и горело лицо, исцарапанное о гнусную чешуйчатую шею и волосатое ухо. Впереди убегали, не убегая, согнутые спины, и толстые крепкие ноги топали, топали, топы-топы, без усталости, точно кости, скрученные проволокой, отмеряя жуткие миги нескончаемого сна.

Под вечер углуковцы северян обогнали. Те мотались под лучами солнца, хотя и солнце-то уже расплылось в холодном, стылом небе, но они бежали, свесив головы и высунув языки.

— Эй вы, слизни! — хохотали орки Изенгарда. — Каюк вам. Щас бледнокожие вас догонят и слопают. Гляньте, вон они!

Донесся злобный крик Грыشناка: оказалось, что это не шутки. Появились конники, и мчались они во весь опор, еще далеко-далеко, но нагоняя быстро и неотвратимо, словно накат прибоа застрявших в песке ленивых купальщиков.

Вдруг изенгардцы, на удивление Пину, кинулись бежать чуть не вдвое быстрее прежнего: того и гляди, добегут, одолеют первые. И еще он увидел, как солнце заходит, теряется за Мглистыми горами и быстро падает ночная тень. Солдаты Мордора подняли головы и тоже прибавили ходу. Лес надвигался темной лавиной. Навстречу выплеснулись перелески, тропа пошла в гору, забирая все круче и круче. Орки, однако, шагу не сбавляли. Впереди орал Углук, сзади — Грышнак: призывали своих молодцов наподдать напоследок.

«Добегут, успеют, а тогда все», — думал Пин и, чуть не вывернув шею, исхитрился глянуть через плечо. И увидел краем глаза, что на востоке всадники уже поравнялись с орками, мчатся по равнине. Закат золотил их шлемы и жала копий; блестели длинные светлые волосы. Они окружали орков, сбивая их в кучу, оттесняя к реке.

«Что же за люд здесь живет?» — припоминал Пин. Было б ему в Раздоле-то поменьше слоняться, а побольше смотреть на карты и вообще учиться уму-ра-

зуму. Но ведь тогда какие головы дело обмозговывали: откуда ему было знать, что в недобрый час придется думать самому, без Гэндальфа, без Бродяжника, да что там, даже и без Фродо. Про Мустангрим ему помнилось только, что отсюда родом конь Гэндальфа Светозар; это, конечно, уже хорошо, но одного этого все-таки маловато.

«От орков-то они нас как отличат? — задумался Пин. — Они ведь небось про хоббитов здесь слыхом не слыхали. Хорошо, конечно, ежели они истребят гадов-орков всех подчистую, но лучше бы нас заодно не истребили!»

А между тем очень было похоже, что его и Мерри, как пить дать, стопчут вместе с орками, убьют и похоронят в общей куче.

Среди конников были и лучники, стрелявшие на скаку. Они подъезжали поближе и одного за другим подстреливали отстающих, потом галопом отъезжали, и ответные стрелы орков, не смевших остановиться, ложились под копыта их коней. Раз за разом подъезжали они, и наконец их меткие стрелы достигли изенгардцев. Один из них, пронзенный насквозь, рухнул перед самым носом Пина.

Подошла ночь, однако ристанийские всадники битвы не начинали. Орков перебили видимо-невидимо, но осталось их все же сотни две с лишком. Уже в сумерках орки взбежали на холм, ближний к лесу, до опушки было саженой триста, только дальше ходу не было: круг конников сомкнулся. Дюжины две орков не послушались Углука и решили прорваться, вернулись трое.

— Вот какие у нас дела, — гадко рассмеялся Грышнак. — В хорошую переделку угодили! Ну ничего: великий Угрук нас, как всегда, вызволит.

— Недомерков наземь! — скомандовал Угрук, как бы не расслышав грышнаковской подначки. — Ты, Лугдуш, возьми еще двоих и неси охрану. Не убивать, пока бледнокожие, суки, не прорвутся. Понятно, нет? Покуда я живой, они тоже пусть поживут. Только чтоб не пискнули, и не вздумай упустить. Ноги им свяжи!

Последний приказ выполнили злобно и старательно. Однако же Пин впервые оказался рядом с Мерри. Орки галдели и ссорились, орали и клацали оружием, а хоббиты тем временем ухитрились перемолвиться словечком.

— Голова у меня совсем не варит, — сказал Мерри. — Укатали, сил больше никаких нет. Если даже окажусь на свободе, далеко не уползу.

— А путлибы-то! — шепнул Пин. — Путлибы! Слушай: у меня есть. У тебя ведь тоже? Они же не обыскивали, мечи забрали, и все.

— Да были вроде у меня в кармане, — отозвался Мерри, — раскропились только, наверно. Какая разница: я же ртом в карман не залезу!

— Ртом лезть и не надо. У меня... — Но тут ему с размаху пнули в ребра: галдеж прекратился и охранники снова были начеку.

Ночь стояла тихая и холодная. Вокруг холма, на котором сгрудились орки, вспыхнули сторожевые костры, рассеивая золотисто-красные отблески. Костры были неподалеку, но всадники возле костров не показывались, и много стрел было растрачено впустую, пока Угрук не велел отставить стрельбу.

А всадники вовсе исчезли. Потом уж, когда луна как бы нехотя взошла из туманного сумрака, они порой мелькали в огневых просветах — несли, должно быть, неусыпный дозор.

— Солнца, падлы, дожидаются! — процедил один из охранников. — А мы, может, не будем дожидаться, рванем, слушай, а? Углук-то о чем думает, где у него башка?

— Башка у меня где, говоришь? — рыкнул Углук, вынырнув из темноты. — Я, значит, ни о чем не думаю? Гады вы все-таки! Не лучше тех желтопузых с севера или горилл из Лугбурза. Какие из них бойцы — завизжат, и наутек, а вонючих коневодов тринадцать на дюжину, не управимся мы с ними, тем более на ровном месте. Одно только умеют эти желтопузые вшивари: видят в темноте, что твои совы, но тут и это без пользы. Белокожие, слышно, тоже мастера глазом темень буровить, да у них еще кони! Говорят, на пару с конем они и ночной ветерок углядят. Но кое-чего они покамест не учуяли: Маухур и с ним отборные ребята идут на подмогу лесом, вот-вот подспеют.

Изенгардцев Углуку вроде бы удалось приободрить; прочие орки по-прежнему роптали и артачились. Выставили дозорных, но те большей частью улеглись наземь, стосковавшись по спасительной темноте. А темно стало хоть глаз выколи: на луну напозла с запада черная туча, и собственные ноги исчезли из виду. Тьма сгущалась между кострами. Но отдыхать до рассвета оркам не дали, от восточного склона донесся гвалт, и, верно, неспроста. Действительно: конники беззвучно подъехали, спешились, ползком пробрались в лагерь, перебили с десятков орков и растворились в ночи. Углук кинулся наводить порядок.

Пин и Мерри сели. Охранники-изенгардцы убежали с Углуком. Однако помышлять о спасении было рановато: обоих перехватили под горло волосатые лапищи, и, притянутые друг к другу, они увидели между собой огромную башку и мерзостную харю Грышнака; пасть его источала гнилой смрад. Стиснув хоббитов до костного хруста, он принялся ощупывать и обшаривать их. Пин задрожал, когда холодная клешня проехала по его спине, обдирая кожу.

— Шшто, малышатки? — вкрадчиво прошептал Грышнак. — Как отдыхается? Ну да, ну да, неуютненько. Тут тебе ятаганы и плети, а там — гадкие острые пики. А не надо, не надо мелюзге соваться в дела, которые им не по мерке.

Крюковатые пальцы рыскали все нетерпеливее. Глаза орка светились бледным огнем добела раскаленной злобы.

Внезапно Пин разгадал, точно учуял, умысел врага: «Грышнак знает про Кольцо! Углук отлучился, вот он нас и обыскивает: ему оно самому нужно!» Сердце Пина сжималось от ужаса, и все же он изо всех сил соображал, как бы им половчее обойти ослепленного алчностью злыдня.

— Зря ищешь — не найдешь его, — шепнул он. — Не так-то это просто.

— Не найдешь его? — мигом отозвался Грышнак, вцепившись в плечо Пина. — Чего это не найдешь? Ты о чем говоришь, лягушоночек?

Пин немного выждал и вдруг едва слышно заурчал:

— *Горлум, горлум.* Ни о чем, моя прелесть, — прибавил он.

Хватка Грышнака стала судорожной.

— Ого! — тихо-тихо протянул гоблин. — Так ты вот о чем, а? Ого! Оч-чень опасно слишком много знать, оч-чень.

— Еще бы, — подхватил Мерри, поняв, куда клонит Пин. — Еще бы не опасно: тебе не меньше нашего. Но это уж твое дело. Лучше скажи, хочешь его заполучить или нет? А если хочешь — что дашь за это?

— Заполучить? Заполучить? — повторил Грышнак как бы в недоумении,

но дрожь выдавала его. — Что я дам за это? Как то есть — что дам?

— Да вот так, — сказал Пин, отцеживая слово за словом. — Чего тебе без толку-то шарить в темноте. Времени нет, возни много. Ты только ноги нам поскорее развяжи, а то не скажем больше ни словечка.

— Козявочки вы несчастненькие, — зашипел Грышнак, — да все, что у вас есть, и все, что вы знаете, вы в свое время выложите: наизнанку вывернетесь! Об одном жалеть будете — что вам больше нечем ублажить Допросчика, ох как будете жалеть и как скоро! Куда спешить? Спешить-то некуда. Думаете, почему вас до сих пор не распотрошили? Уж поверьте мне, малявочки вы мои, что не из жалости: такого даже за Углуком не водится.

— Чего-чего, а этого нет, — согласился Мерри. — Только добычу-то еще тащить и тащить, к тому же все равно не в твое логово, как дело ни обернись. Притащат нас в Изенгард, и останется большой гоблин Грышнак с преогромным носом, а руки нагреет Саруман. Нет, хочешь подумать о своей выгоде, думай сейчас.

Грышнак вконец остервенел. Особенно взъярило его имя Сарумана. Время было на исходе, гам затих. Того и гляди, вернется Углук или охранники-изенгардцы.

— Ну, говорите: у тебя оно, что ли? Или у тебя? — повел он глазами-угольями.

— Горлум, горлум! — отвечал Пин.

— Ноги развяжи! — отозвался Мерри.

Лапищи орка содрогнулись.

— Ладно же, гниды недоделанные! — скрежетнул он. — Ножки вам развязать? Да я вас лучше вашими кишками удавлю. Вы что, думаете, я вас до костей не обыщу? Обыщу! Изрежу обоих на мелкие вонючие клочья! И ножки ваши не понадобятся, я и так вас унесу туда, где нам никто не помешает!

Он подхватил и притиснул под мышками обоих хоббитов до костного хруста; невероятная силища была в его руках и плечах. Пришлепнув им рты ладонями, он втянул голову в плечи и прыгнул вперед. Быстро и бесшумно добрался он до ската, а там проскочил между орками-дозорными и темным призраком смешался с ночью, сбегая по холму на запад, к реке, вытекавшей из леса. Серел мутный широкий простор, и одинокое пламя колыхалось впереди.

Пробежав с десятков саженей, он остановился, всматриваясь и вслушиваясь. Ничего было не видно, ничего не слышно. Он медленно пробирался вперед, согнувшись чуть не вдвое, потом присел на корточки, снова вслушался — и выпрямился: настал миг рискнуть и прорваться. Но вдруг перед ним возник темный конный силуэт. Конь заржал и вздыбился. Всадник что-то прокричал.

Грышнак бросился наземь плашмя, подминая под себя хоббитов, и обнажил ятаган. Он, конечно же, решил на всякий случай убить пленников, но решение это было роковое. Ятаган брякнул и блеснул в свете дальнего костра слева. Из мрака свистнула стрела: то ли пущена она была очень метко, то ли судьба ее подправила — но стрела пронзила его правую руку. Он уронил ятаган и вскрикнул. Топотнули копыта, и едва Грышнак вскинулся и побежал, как его насквозь прободало копье. Он дико взвыл и тяжело рухнул, испуская дух.

Хоббиты лежали ничком, как их бросил Грышнак. Другой конник подъехал на помощь товарищу. То ли конь его видел по-особому, то ли особое было у

него чутье, только он перепрыгнул хоббитов, а седок не заметил их, прикрытых эльфийскими плащами, прижавшихся к земле, испуганных до полусмерти.

Наконец Мерри шевельнулся и тихо прошептал:

— Ну ладно, это вышло, а теперь же что?

Ответа ждать не пришлось. Орки услышали предсмертные вопли Грышнака. На холме раздались еще и не такие вопли: обнаружилось, что хоббиты исчезли, и Углук, должно быть, оттяпал виновным одну-другую башку. Ответные крики орков вдруг слышались справа, за сторожевыми кострами, со стороны леса и гор. Явился, верно, долгожданный Маухур и с ходу кинулся на конников. Пронесся топот коней. Ристанийцы стянули кольцо вокруг холма, подставившись под стрелы орков, лишь бы никто из них не ушел; кое-кого отрядили разобратся с новоприбывшими. Мерри и Пин оказались за пределами битвы: путь к бегству никто им не преграждал.

— Ишь ты, — сказал Мерри, — будь у нас руки и ноги свободны, мы бы, пожалуй что, и спаслись. Но я до узлов не дотянусь, их не перегрызу.

— Была нужда их грызть, — возразил Пин. — Зачем бы это? Я же тебе начал говорить: руки-то у меня свободны. Связаны так, для виду. Ты не болтай зря, а поешь-ка вот путлибов.

Он высвободил кисти и залез в карман. Путлибы раскрошились, конечно, однако никуда не делись, обернутые листьями. Хоббиты съели по две, если не по три раскрошенные галеты. Вкус их был давний и вызвал на память милые светлые лица, веселый смех и вкусную, полузабытую еду. Они сидели и вкушали, медленно и задумчиво, не обращая внимания на крики и лязги битвы, происходившей рядом. Первым опомнился от забытья Пин.

— Бежать надо, — сказал он. — Погоди-ка!

Ятаган Грыشناка лежал рядом, но он был тяжелый и неудобный; пришлось проползти к трупу гоблина, нащупать и вытащить длинный острый нож. Этим ножом он мигом разрезал все их путы.

— Поехали! — сказал он. — Вот малость разогреемся, тогда уж можно и на ноги, а дальше своим ходом. Только знаешь, для начала лучше все-таки ползком.

И они поползли. Земля была сырая и мягкая, ползти было легко, только ползлось медленно. Они сильно приняли в сторону от сторожевого костра и продвигались совсем потихонечку, пока не добрались до речного берега: внизу, под кручей, клокотала вода. Хоббиты обернулись.

Шум битвы стих. Наверно, Маухура с его «ребятами» искрошили или прогнали. Конники возобновили свою безмолвную зловещую стражу. Недолго им оставалось нести ее. Ночь уходила. На востоке, по-прежнему безоблачном, побледнели небеса.

— Надо нам куда-нибудь спрятаться, — сказал Пин, — а то ведь, чего доброго, заметят. Или стопчут нас конники, а потом увидят, что мы не орки, — утешительно, конечно... — Он встал и потопал ногой. — Ну и веревки, почище проволоки — но у меня ноги понемногу оживают. Поковыляем, что ли. Ты как, Мерри?

Мерри поднялся на ноги.

— Да, — сказал он, — пожалуй, попробуем. Ай да путлибы — не то что это

оркское снадобье. Из чего, интересно, они его делают. Хотя вообще-то лучше не знать из чего. Давай-ка глотнем водички, чтобы отбить его вкус!

— Нет, здесь к речке не спустишься, берег уж больно крутой, — возразил Пин. — Пойдем к лесу, там посмотрим.

Бок о бок побрели они вдоль берега. За спиной у них светлел восток. Они беседовали и перешучивались, как истые хоббиты, сопоставляя впечатления последних дней. Никто со стороны и вдомек бы не взял, что они еле держатся на ногах, чудом избавились от неминуемой пытки и смерти, а теперь очутились одни в дальнем, диком краю, и надеяться им было не на что и не на кого.

— Ну, сударь мой Крол, вы лицом в грязь не ударили, — подытожил Мерри. — В книге Бильбо тебе причитается чуть ли не целая глава: уж я ему тебя при случае распишу. Молодец, нечего сказать, здорово ты раскусил этого волосатого бандюгу и ловко ему подыграл. Хотел бы я знать, найдет ли кто-нибудь твой след и сыщется ли твоя брошь. Я-то свою буду беречь пуще глаза, а ты, пожалуй что, пиши пропало. Да, надо мне подсуетиться, чтоб ты нос не задирал. Настал черед братана Брендизайка, а он, глядите, уж тут как тут. Ты вот небось туго смекаешь, куда это нас занесло: скажи спасибо, что я в Раздоле чуть поменьше твоего ворон насчитал. Идем мы вдоль Онтавы. Вон южные отроги Мглистых гор, а это — Фангорн.

И точно: впереди зачернела мрачная широкая опушка. Казалось, ночь отползает и прячется от рассветных лучей в непроглядную лесную глубину.

— Вперед, бесстрашный Брендизайк! — предложил Пин. — А может, все-таки назад? Вообще-то в Фангорн нам не велено соваться. Это из твоей ученой головы не вылетело?

— Не вылетело, — отвечал Мерри, — но лучше уж в чащу леса, чем в гуцу битвы.

Он первым вступил под сень обомшелых многовековых деревьев, под низко склоненные гигантские ветви; до земли свисали с них седые бороды лишайника, чуть колыхаясь от предутреннего ветерка. Хоббиты робко выглядывали из лесного сумрака: две крохотные фигурки в полусвете были точь-в-точь малютки эльфы, изумленно глазевшие с опушки Диколесья на первые рассветы мироздания.

За Великой Рекой, за Бурыми Равнинами алым пламенем вспыхнула денница, озаряя степные просторы. Звучной и дружной переключкой приветствовали ее охотничьи рога. Конники Ристании воспрянули к бою.

Мерри и Пин слышали, как звонко разнеслось в холодном воздухе ржание боевых коней и многоголосое пение. Огненный солнечный край возник над землей. И с громким кличем ринулись конники с востока; кровавым блеском отливали их панцири и копыта. Орки завопили и выпустили навстречу им тучу стрел, опустошив колчаны. Хоббиты видели, как несколько всадников грянулись оземь; но строй сомкнулся, лавина промчалась по холму, развернулась и помчалась обратно. Уцелевшие орки разбегались кто куда; их настигали и брали на копыта. Однако небольшой отряд, сбившись черным клином, упорно и успешно продвигался к лесу. Им оставалось одолеть с полсотни сажень, и ясно было, что они их одолеют, они сшибли трех всадников, преградивших им путь.

— Что-то мы с тобой загляделись, — сказал Мерри. — Смотри, Угрук! Как бы

нам с ним опять не встретиться!

Хоббиты повернулись и бросились без оглядки подалее в лес.

Поэтому и не видели они, чем кончилась битва, как Углука и его свору нагнали и окружили возле самой опушки Фангорна, как, спешившись, бился с Углуком на мечях и зарубил его Эомер, Третий Сенешаль Мустангрима. А на равнине зоркие конники догоняли и прикалывали последних беглецов.

Они предали погребению павших друзей и спели над могильным курганом похвальную песнь их доблести. Потом спалили вражеские трупы и рассеяли пепел. Тем и кончился набег орков, и ни в Мордоре, ни в Изенгарде вестей о нем не получили; но дым от кострища вознесся к небесам, и не одно недреманное око заметило его.

Глава IV Древень

Между тем хоббиты поспешно и бестолково пробирались напрямик темной лесной чащобой близ тихоструйной речки к западным горным склонам, все дальше и дальше уходя в глухую глубину Фангорна. Становилось не так страшно, и спешить вроде было уже незачем. Однако же задышка не проходила, а усиливалась, точно не хватало воздуха или воздух сделался таким, что его не хватало.

В конце концов Мерри потерял всякую прыть.

— Все, больше сил нет, — выговорил он непослушным ртом. — Глоток бы воздуха!

— Глотнем хотя бы воды, — сказал Пин. — А то у меня глотка совсем пересохла.

Он спустился к воде по извилистому толстому корню, присел и зачерпнул пригоршню. Вода струилась чистая и студеная, он никак не мог нахлебаться. Мерри рядом с ним — тоже. Питие освежило их, и на сердце полегчало; они посидели на берегу, омывая речной водой измученные ноги и поглядывая на молчаливые деревья, ряд за рядом возвышавшиеся над ними, тонувшие в сером сумраке.

— Заблудиться-то пока не успел? — спросил Пин, прислонившись спиной к могучему стволу. — А то смотри, пойдем обратно по течению и выйдем, где вошли.

— Оно бы можно, — сказал Мерри, — да на ноги плоха надежда, а тут еще и дышать нечем.

— Да, тускловато здесь и малость затхловато, — подтвердил Пин. — Мне, знаешь, припоминаются заброшенные палаты Старинной норы Кролов — ну, в смиалах. Дворец дворцом, запущенный только, мебель там отродясь не двигали, как стояла, так и стоит. Говорят, будто жил там сам Старый Крол, жил и жил, дряхлел вместе с палатами, а потом умер — и никто туда ни ногой вот уже лет сто. Старик мне доводится прапрадедушкой; дела, сам понимаешь, давние. Но с этим лесом сравнить — так вчера это было! Ты только посмотри на лишайник: всюду вырос, все оплел, висит-качается, точно бородой трясет. Деревья тоже, глянь, в сухой листве: листопадов для них словно и не бывало! Неприбрано, в общем. Вот уж не знаю, какая здесь может быть весна, а тем более весенняя уборка.

— Однако же солнце сюда порой заглядывает, — заметил Мерри. — Помнишь, Бильбо расписывал Лихолесье — так здесь вовсе совсем даже не то. Там все черно и гадко, там всякая мразь ютится. А здесь тускло, глухо, и одни деревья. Зверья никакого нет, зверье здесь жить не станет, им здесь не житье.

— И хоббитам не житье, — согласился Пин. — Взять хоть меня, — мне и идти через Фангорн ох как неохота. Идти миль сто, а есть нечего. Запас у нас как, имеется?

— Имеется, только пустяковый, — сказал Мерри. — Побежали-то мы как дураки, с пачкой-другой путлибов в карманах. Остальной припас в лодках остался.

Они проверили, сколько у них было эльфийских галет: крошево, дней на пять, да и то впроголодь.

— И ни тебе одеяльца, — вздохнул Мерри. — Ох и озябнем мы нынче ночью, куда бы нас ни понесло.

— Впору подумать, куда нас понесет, — заявил Пин. — Утро уж, поди, разгорается.

Лес впереди вдруг просиял золотистым светом: где-то, должно быть, лучи просквозили древесный шатер.

— Ишь ты! — сказал Мерри. — Пока мы тут с тобой торчали, солнце, наверно, пряталось за облаком, а теперь вот выглянуло. А может, взошло так высоко, что ему листва и ветки не помеха. Вот оно где сквозит — пойдём-ка поглядим!

Неблизко оно сквозило, пришлось попотеть: склон стал чуть ли не круче прежнего и уж куда каменистей. А свет разливался, и вскоре навис над ними скалистый откос: то ли обрез холма, то ли скос длинного отрога дальних гор. Он был голый — ни деревца, — и солнце всю искрилось на каменном сломе. Лес у подножия распростер ветви, точно согреваясь. Только что все казалось серым и тусклым, а тут проблеснуло густо-коричневое, и чернопятнистые стволы засверкали, залоснились, словно зверьи шкуры. Понизу они отливали зеленью под цвет юной травы: ранняя весна, не во сне ли увиденная, оставила им свой блеск.

Откос, однако, был вроде лестницы, грубой и неровной, образовавшейся, должно быть, по милости погоды, услужливо выветривавшей камень. Высоко-высоко, почти вровень с древесными вершинами, тянулся широкий уступ, по краям обросший жесткими травами, а на нем стояло одинокое дерево — обрубок с двумя склоненными ветвями, ни дать ни взять какой-то корявый человечиче: выбрался и стоит, греется на солнышке.

— А ну-ка, наверх! — воскликнул Мерри. — Глотнем воздуху, а заодно и оглядимся!

Оскользясь, карабкались они по скалистому склону. Если и правда здесь проложили лестницу, то уж точно не для них: чьи-то ноги были побольше и шагали пошире. Они очень спешили и поэтому не заметили, что их раны и порезы, ссадины и ушибы сами собой зажили и сил против прежнего прибавилось. Наконец они добрались до уступа возле того самого высокого обрубка; вскочили и обернулись спиной к взгорью, передохнули немного и поглядели на восток. Стало видно, что они прошли по лесу всего лишь три или четыре мили: судя по верхушкам деревьев, никак не больше. От опушки вздымался

черный дым, крутятся и стремясь вслед за ними.

— Переменился ветер, — сказал Мерри. — Снова дует с востока. Холодно здесь.

— Да, холодно, — сказал Пин. — И вообще: вот погаснет солнце, и все снова станет серое-серое. Жалость какая! Лес прямо засверкал под солнцем в своих ветхих обносках. Мне уж даже показалось, что он мне нравится.

— Даже показалось, что Лес ему нравится, ах ты, скажите на милость! — произнес чей-то неведомый голос. — Ну-ка, ну-ка, обернитесь, дайте я на вас спереди посмотрю, а то вот вы мне прямо-таки совсем не нравитесь, сейчас не торопясь порассудим да смекнем, как с вами быть. Давайте, давайте обернемся-ка!

На плечи хоббитам легли долгопалые корявые ручищи, бережно и властно повернули их кругом и подняли к глазам четырнадцатифутового человека, если не тролля. Длинная его голова плотно вросла в кряжистый торс. То ли его серо-зеленое облачение было под цвет древесной коры, то ли это кора и была — трудно сказать, однако на руках ни складок, ни морщин, гладкая коричневая кожа. На ногах по семь пальцев. А лицо необыкновеннейшее, в длинной окладистой бороде, у подбородка чуть не ветвившейся, книзу мохнатой и пышной.

Но поначалу хоббиты заметили одни лишь глаза, оглядывавшие их медленно, степенно и очень пронизательно. Огромные глаза, карие с прозеленью. Пин потом часто пытался припомнить их въяве: «Вроде как заглянул в бездонный колодезь, переполненный памятью несчетных веков и долгим, медленным, спокойным раздумьем, а поверху искристый блеск, будто солнце золотит густую листву или мелкую рябь глубокого озера. Ну вот как бы сказать, точно земля проросла древесным порождением и оно до поры дремало или мыслило сверху донизу, не упуская из виду ни корешочка, ни лепестка, и вдруг пробудилось и осматривает тебя так же тихо и неспешно, как издревле растило самого себя».

— Хррум, хуум, — прогудел голос, густой и низкий, словно контрабас. — Чудные, чудные дела! Торопиться не будем, спешка нам ни к чему. Но если бы я вас увидел прежде, чем услышал — а голосочки у вас ничего, милые голосочки, что-то мне даже как будто напоминают из незапамятных времен, — я бы вас попросту раздавил, подумал бы, что вы из мелких орков, а уж потом бы, наверно, огорчился. Да-а, чудные, чудные вы малыши. Прямо скажу, корни-веточки, очень вы чудные.

По-прежнему изумленный Пин бояться вдруг перестал. Любопытно было глядеть в эти глаза, но вовсе не страшно.

— А можно спросить, — сказал он, — а кто ты такой и как тебя зовут?

Глубокие глаза словно заволокло, они проблеснули хитровой искринкой.

— Хррум, ну и ну, — пробасил голос, — так тебе сразу и скажи, кто я. Ладно уж, я — онт, так меня называют. Так вот и называют — онт. По-вашему если говорить, то даже не онт, а Главный Онт. У одних мое имя — Фангорн, у других — Древень. Пусть будет Древень.

— Онт? — удивился Мерри. — А что это значит? Сам ты как себя называешь? Как твое настоящее имя?

— У-у-у, ишь вы чего захотели! — насмешливо прогудел Древень. — Много знать будете — скоро состаритесь. Нет уж, с этим не надо спешить. И погодите

спрашивать — спрашиваю-то я. Вы ко мне забрели, не я к вам. Вы кто такие? Прямо сказать, ума не приложу, не упомяну вас в том древнем перечне, который заучил наизусть молодым. Но это было давным-давно, может статься, с тех пор и новый перечень составили. Погодите-ка! Погодите! Как бишь там, а?

*Слух преклони к изначальному Перечню Сущих!
Прежде поименуем четыре свободных народа:
Эльфы, дети эфира, встречали зарю мирозданья;
Горные гномы затем очнулись в гранитных пещерах;
Онты-опекуны явились к древесным отарам;
Люди, лошадики смелые, смертный удел обрели.*

Хм, хм, хм-м-м...

*Бобр — бодрый строитель, баран быстроног и брыклив,
Вепрь — свирепый воитель, медведь — сластена-мохнач,
Волк вечно с голоду воет, заяц-затейник пуглив...*

Хм, хм-м-м...

*Орлы — обитатели высей, буйволы бродят в лугах,
Ворон — ведун чернокрылый, олень осенен венцом,
Лебедь, как лилия, бел, и, как лед, холоден змей...*

и-да, хм-хм, хм-хм-хм, как же там дальше? Там-тарарам-татам и татам-тарарам-там-там. Неважно, как дальше, вас все равно там нет, хотя список и длинный.

— Вот так и всегда нас выбрасывали из списков и выкидывали из древних легенд, — пожаловался Мерри. — А мы ведь не первый день живем на белом свете. Мы — хоббиты.

— Да просто надо вставить! — предложил Пин.

Хоббит хоть невелик, но хозяин хорошей норы —

ну, в этом роде. Рядом с первой четверкой, возле людей, Громадин то есть, — и дело с концом.

— Хм! А что, неплохо придумано, совсем неплохо! — одобрил Древень. — Пожалуй, так и будем соображать. Вы, значит, в норках живете? Хорошее, хорошее дело. М-да, а кто же это вас называет хоббитами? Звучит, знаете ли, не по-эльфийски, а все старинные имена придумали эльфы: с них и началось такое обыкновение.

— Никто нас хоббитами не называет, мы сами так себя зовем, — сказал Пин.

— У-гу-гу, а-га-га! Ну и ну! Вот заторопились! Вы себя сами так называете? Ну и держали бы это про себя, а то что же — вот так бряк первому встречному. Эдак вы невзначай и свои имена назовете.

— А чего тут скрывать? — засмеялся Мерри. — Если уж на то пошло, так меня зовут Брендизайк, Мериадок Брендизайк, хотя вообще-то называют меня просто Мерри.

— А я — Крол, Перегрин Крол, и зовут меня Пин, короче уж просто некуда.

— Эге-ге, да вы и впрямь, как я погляжу, сущие торопыги, — заметил Древень. — Что вы мне доверяете, за это спасибо, но вы бы лучше поосторожнее. Разные, знаете, бывают онты; а вернее сказать, онты онтам рознь, со всеми всякое бывает, иные, может, вовсе и не онты, хотя, по правде сказать, похожи,

да, очень похожи. Я буду, если позволите, звать вас Мерри и Пин — хорошие имена. Но свое-то имя я пока что вам не скажу — до поры до времени незачем. — И зеленый проблеск насмешки или всеведения мелькнул в его глазах. — Начать с того, что и говорить-то долговато: имя мое росло с каждым днем, а я прожил многие тысячи лет, и длинный получился бы рассказ. На моем языке, по-вашему, ну скажем, древнеонтском, подлинные имена рассказывают, долго-долго. Очень хороший, прекрасный язык, однако разговаривать на нем трудно, и долго надобно разговаривать, если стоит поговорить и послушать.

Ну а если нет, — тут его глаза блеснули здешним блеском и как бы немножко сузились, проницая, — тогда скажите по-вашему, что у вас нынче творится? И вы тут при чем? Мне отсюда кое-что и видно, и слышно (бывает, и унюхаешь тоже) — ну отсюда, с этой, как ее, с этой, прямо скажу, *а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-буруме*. Уж не взыщите: это малая часть нашего названья, а я позабыл, как ее называют на других языках, — словом, где мы сейчас, где я стою погожими утрами, думаю, как греет солнце, как растет трава вокруг леса, про лошадей думаю, про облака и про то, как происходит жизнь. Ну так как же? При чем тут Гэндальф? Или эти — *бурарум*, — точно лопнула контрабасная струна, — эти орки, что ли, и молодой Саруман в Изенгарде? Новости я люблю. Только без всякой спешки.

— Большие дела творятся, — сказал Мерри, — И как ни крути, а долгонько придется нам тебе о них докладывать. Ты вот нас просишь не спешить — так что, может, и правда спешить не будем? Не сочти за грубость, только надо бы тебя сперва спросить, как думаешь с нами обойтись, на чьей ты вообще-то стороне? Ты что, знаешь Гэндальфа?

— А как же, знаю, конечно: вот это маг так маг — один, который по-настоящему о деревьях заботится. А вы его тоже знаете?

— Очень даже знали, — печально выговорил Пин. — Он и друг наш был, и вожатый.

— Тогда отвечу и на другие ваши вопросы, — сказал Древень. — «Обходиться» я с вами никак не собираюсь: обижать вас, что ли? Нет, зачем же. Может, у нас вместе с вами что-нибудь да получится. А насчет «сторон», простите, даже и в толк не возьму. У меня своя, ничья сторона: хорошо, коли нам с вами окажется по дороге. Да, а про Гэндальфа вы почему так говорили, будто его уж и в живых нет?

— Нет его в живых, — угрюмо сказал Пин. — Вроде бы и надо жить дальше, а Гэндальфа с нами уж нет.

— Ого-го, ничего себе, — сказал Древень. — Хум, хм, вот тебе и на. — Он примолк и поглядел на хоббитов. — и-да, ну извините, не знаю, что и сказать. Дела, дела!

— Захочешь подробнее, мы тебе и подробнее расскажем, — пообещал Мерри. — Только это много времени займет. Ты опусти-ка нас на землю, а? Посидим, погреемся на солнышке, пока оно не спряталось. Устал, поди, держать-то нас.

— Хм, *устал*, говоришь? Нет, я не устал. Со мной такого почти что не бывает. И сидеть я не охотник. Я, как бы сказать, сгибаться не люблю. Но солнце и правда норовит спрятаться. Давайте-ка уйдем с этой — как вы ее называете?

— С горы, что ли? — предположил Пин.

— С уступа, с лестницы? — не отстал Мерри.

Древень медленно и задумчиво взвесил предложенные слова.

— Ну да, с горы. Вот-вот. Слово-то какое коротенькое, а она ведь здесь стоит спокон веков. Ну ладно, ежели вам так понятней. Тогда пошли, уйдем отсюда.

— Куда уйдем-то? — спросил Мерри.

— Ко мне домой, домов у меня хватает, — отвечал Древень.

— А далеко это?

— Вот уж не знаю. По-вашему, может, и далеко. А какая разница?

— Видишь ли, мы ведь чуть не нагишом остались, — извинился Мерри. — Еды и той почти что нет.

— А! Хм! Ну, это пустяки, — сказал Древень. — Я вас так накормлю-напою, что вам только расти да зеленеть. А если наши пути разойдутся, я вас доставлю куда захотите, на любую свою окраину. Пошли, пошли!

Бережно и плотно примостив хоббитов на предплечьях, Древень переступил огромными ногами и оказался у края уступа. Пальцы ног его впивались в камень, точно корни. Осторожно и чинно прошел он по ступеням и углубился в лес.

Широкими, ровными шагами шествовал он напрямик сквозь чащу, не отдаляясь от реки, все выше по лесистому склону. Из деревьев многие словно дремали, не замечая его: ступай, мол, своей дорогой; но были и такие, что с радостным трепетом вздымали перед ним ветви. Он шел и разговаривал сам с собой, и долгий, мелодичный поток странных звуков струился и струился мимо ушей.

Хоббиты помалкивали. Им почему-то казалось, что пока все более или менее в порядке, и надо поразмыслить, прикинуть на будущее. Пин наконец решился и заговорил.

— Древень, а Древень, — сказал он, — можно немного поспрашивать? Вот почему Келеборн не велел к тебе в Лес соваться? Он сказал нам, мол, берегись, а то мало ли.

— Н-да-а, вот что он вам сказал? — прогудел Древень. — Ну и я бы вам то же самое сказал, иди вы от нас обратно. Да, сказал бы я, вы поменьше плутайте, а главное — держитесь подальше от куцей Лаурелиндоренана! Так его встарь называли эльфы; нынче-то называют короче, Кветлориэн нынче они его называют. Так-то вот: звался Золотозвончатой Долиной, а теперь всего лишь Дремоцвет, если примерно по-вашему. И недаром, должно быть: ихнему бы краю цвести да разрастаться, а он, гляди-ка, чахнет, он все меньше и меньше. Ну, словом, неверные те места, и не след туда забредать, вовсе даже незачем, ни вам, ни кому другому. Вы оттуда выбрались, а зачем туда забрались, пока не знаю, и такого что-то ни с кем, сколько помню, не бывало. Да, неверный край.

Наши места тоже, конечно, хороши. Худые здесь случались дела со странниками, ох, худые, иначе не скажешь. М-да, от нас не выберешься: *Лаурелиндоренан линдолорендор малинорнелион орнемалин*, — как бы нехотя произнес он. — За Кветлориэном они, похоже, уж и света белого не видят. Келеборн застрял в своей юности, а с тех пор что у нас, что вообще за опушками Златолеся много чего переменилось. Но все же верно, что *Таурелиломеа-тумбалеморна Гумбалетауреа Ломеанор*, это да, это как и прежде. Да-да, многое переменилось, однако же это по-прежнему, хоть и не везде.

— Ты это о чем? — спросил его Пин. — Что не везде?

— Деревья с онтами, онты и деревья, — отвечивал Древень. — Сам-то я не очень понимаю, что происходит, и не смогу, наверно, толком объяснить. Однако попробую: вот некоторые из нас как были онты, так и есть, и живут по-положенному; а другие призаснули, вроде бы одеревенели, что ли. Деревья — наоборот, они все больше деревья как деревья, а некоторые, и очень таких многовато, пробуждаются. Иные даже и совсем пробудились: из этих кое-какие ни дать ни взять онты, хотя куда им до онтов. Да, дела, что ни говори.

Вот тебе дерево: растет-зеленеет как ни в чем не бывало, а сердцевина-то у него гнилая. Древесина — нет, древесина добротная, я не о том. Да взять те же древние ивы у нижнего тока Онтавы: их уж нет теперь, только в моей памяти навечно остались. Совсем они прогнили изнутри, держались еле-еле, а были тихие и простые, мягкие и легкие, что твой весенний листочек. И есть, наоборот, деревья в предгорьях — ядреные, как орех, а на поверку — дрянь дрянью. Сущяя это зараза. Нет, правда, пожалуй что, очень опасно к нам зазря забредать. Есть у нас черные, угрюмые лоцины, как были, так и есть.

— Вроде как там на севере, в Вековечном Лесу? — робко осведомился Мерри.

— Ну да, ну да, вроде как там, только гораздо хуже, чернее. Оно конечно, Великая Тьма и там, на севере, обрушилась, и там у вас тоже дурной памяти хватает. Только у нас кое-где Тьма изначально как лежала, так и лежит, а деревья-то иной раз постарше меня. Ну, мы, конечно, делаем, что можем. Отгоняем чужаков, не подпускаем кого не надо, учим и умудряем, выхаживаем и ухаживаем.

Мы, онты, издревле назначены древопасами. Теперь нас маловато осталось. Говорят, пастух и овца преподобны с лица, но и это вовсе не сразу, а жизнь им отмерена короткая. Зато онты с деревьями — живое подобие друг друга: века они обвыкают рядом. Ведь онты, они вроде эльфов: сами себе не слишком-то и любопытны, не то что люди, и уж куда лучше людей умеют вникать в чужие дела. И однако же люди нам, может, и больше сродни: мы, как бы сказать, переменчивей эльфов, видим снаружи, не только изнутри. Вообще-то что эльфы, что люди нам не чета: онты тверже ходят и дальше смотрят.

Кое-кто из моей близкой родни совсем уж одеревенел, им хоть в ухо труби, а сами только шепотом и разговаривают. Но есть и деревья, которые разогнулись, и с ними у нас идет разговор. Разговор, конечно, эльфы завели: они, бывало, будили деревья, учили их своему языку и учились по-ихнему. Древние эльфы, они были такие, им лишь бы разговоры выдумывать — ну со всеми обо всем говорили. А потом пала Великая Тьма, и они уплыли за Море или обрели приют в дальних краях, там сложили свои песни о веках невозвратных. Да, о невозвратных веках. В те давние времена отсюда до Лунных гор тянулся сплошной лес, а это была всего лишь его восточная опушка.

То-то было времечко! Я распевал и расхаживал день за днем напролет, гулким эхом вторили моему пению лесистые доли. Тогдашний лес походил на Кветлориэн, однако ж был гуще, мощнее, юнее. А какой духовитый был воздух! Я, помню, стоял неделями и надыхаться не мог.

Древень примолк, вышагивая размашисто и бесшумно, потом снова забормотал, бормотание стало напевом, в нем зазвучали слова, и хоббиты наконец расслышали обращенное к ним песнопение:

У ивняков Тасаринена бродил я весенней порой.
 О прയാная свежесть весны, захлестнувшей Нантасарион!
 И было мне хорошо.
 К вязам Оссирианда на лето я уходил.
 О светлый простор Семиречья, о звонкоголосица вод!
 И радостней мне не бывало.
 А осенью я гостил в березняках Нелдорета.
 О Таур-на-Нелдор в осеннем, златобагряном уборе!
 Я не видел прекрасней тебя.
 На взгорьях Дортониона я встречал холода.
 О ветер, о белоснежье, о зимний Ород-на-Тхон!
 И я возвысил голос и восславил творенье.
 А теперь эти древние земли сокрылись на дне морском,
 Остались мне Амбарон, Тауреморне и Аладоломэ,
 Брожу по своим краям и обхожу свой Фангорн,
 Где корни впились глубоко-глубоко,
 Где годы слежались, как груды палой листвы,
 У меня, в Тауреморналомэ.

Отзвучали медленные слова; Древень шествовал молча, а кругом стояла непроницаемая тишь.

День померк, и дымкой окутывались деревья у корней. В вышине возникли из полусвета и надвинулись темные взлобья: они подошли к южной оконечности Мглистых гор, к зеленым подножиям великана Метхедраса. От высокогорных истоков неслась по уступам и прыгала с круч шумливая, резвая Онтава. По правую руку тянулся отлогий, сумеречно-серый травянистый склон. Ни деревца на нем, сливавшемся с облачными небесами; уже мерцали из бездонных промоин ранние звезды.

Древень пошел вверх по склону, почти не сбавляя шага. Внезапно, хоббитам на изумление, гора расступилась.

Два высоких дерева явились по сторонам прохода, точно неподвижные привратники, но никаких ворот не было, вход преграждали лишь переплетенные ветви. Перед старым онтом ветви разомкнулись и поднялись, приветственно всплеснув листвою, темной, крупной, вечнозеленой; она лоснилась в тусклом сумраке. Открылась широкая травяная гладь — пол горного чертога с наклонными стенами-скалами высотой до полусотни футов; вдоль стен, крона за кроной, выстроились густолиственные стражи.

Дальней стеной чертога служила отвесная скала, прорезанная сквозной аркой — входом в сводчатый внутренний покой; остальной чертог от небосвода заслоняли одни вздетые ветви, и деревья так столпились возле арки, что видна была только широкая входная тропа. От реки оторвался ручеек и, угодив на отвесную скалу над аркой, расструился, затенькал, сделался серебристой занавесью. Внизу вода стекалась в каменный водоем, осененный деревьями, и, переполняя его, бежала к откосу, а там опять становилась ручьем, и мчалась вниз, и догоняла Онтаву в лесистых предгорьях.

— Кгм! Ну вот и пришли! — промолвил Древень, прерывая долгое молчание. — Отмерили мы с вами тысяч эдак семьдесят моих, онтских шагов, а сколько это будет вашим счетом, того не ведаю. Словом сказать, мы у гранитных корневищ Последней горы. Как это место называется? Ну, если малень-

кий кусочек его названия перевести на ваш язык, то оно, пожалуй что, называется Ключищи. Я здесь люблю бывать. Здесь и переночуем.

Он опустил хоббитов на травяной ковер, и они побежали вслед за ним к дальней арке. Снизу им стало видно, как он шагает, почти не сгибая колен, впиваясь в землю широкими пальцами, а потом уж опускаясь на всю ступню.

Древень постоял под струистой завесой, глубоко-глубоко вздохнул, рассмеялся и вошел в покой. Там стоял большой каменный стол, но никаких сидений возле него не было. Из углов ползла темнота. Древень поставил на стол две каменные чаши, должно быть с водой, повел над ними ладонями, и одна засветилась золотым, другая — темнозеленым светом. Покой озарился, по стенам и своду забегали зелено-золотые блики, точно лучистое летнее солнце пронизывало молодую листву. Хоббиты огляделись и увидели, что стали светиться деревья во всем чертоге, сначала чуть-чуть, а потом все ярче, и наконец всякий лист оделся ореолом — зеленым, золотым, медно-красным, а стволы казались колоннами, изваянными из прозрачного камня.

— Ладно, теперь и поговорим, — сказал Древень. — Только вам ведь, наверно, пить хочется. А может, вы, чего доброго, и устали. Ничего, сейчас освежитесь!

Он отошел в угол, в цветной полумрак: там обнаружились высокие корчаги с массивными крышками. Древень поднял и отложил крышку, запустил в корчагу черпак и наполнил три кубка, один огромный и два маленьких.

— В домах у онтов, — сказал он, — сидений не бывает. Так что вы давайте садитесь пока что на стол.

Он разом поднял обоих хоббитов и посадил их на гранитную плиту футах в шести над землей; они сидели, болтали ногами и прихлебывали из кубков.

В кубках была вода, на вкус вроде такая же, как из Онтавы близ опушки, но был в ней другой, какой-то несказанный привкус и запах, точно вдруг повеял свежий ночной ветерок и пахнуло дальним лесом. От пальцев ног свежая, бодрящая струя разлилась по всему телу, аж до корней волос. Да и волосы вправду шевельнулись, стали расти, виться, курчавиться. А Древень пошел за арку к водоему и подержал ноги в воде, потом вернулся, взял наконец свой кубок и опорожнил его одним долгим, прямо-таки нескончаемым глотком.

И поставил на стол пустой кубок.

— У-ух, а-ах, — выдохнул он. — Гм, кгм, мда-а, поговорим. Слезайте, садитесь на пол, а я прилягу, чтоб мне питье-то в голову не бросилось, не заснуть бы.

У правой стены была большая кровать фута два вышиной, застланная сеном и хворостом. Древень медленно опустился на нее, чуть-чуть прогнувшись посередине, и улегся в свое удовольствие, заложив руки за голову и глядя в потолок, на цветные зайчики. Мерри с Пином пристроились возле него на пышных копнах.

— Давайте рассказывайте, только без спешки! — приказал Древень.

И хоббиты принялись рассказывать с самого начала, с тех самых пор, как они покинули Норгорд. В рассказе их не было порядка, они все время перебивали друг друга, да и Древень то и дело останавливал рассказчика вопросами о том, что было раньше и что случилось после. Про Кольцо они ни слова не сказали, не сказали и о том, зачем они пустились в путь и куда направлялись.

А он ужас как любопытствовал обо всем: выпрашивал и про Черных Всадников, и про Элронда, и про Раздол, про Вековечный Лес, Тома Бомбадила, копи Мории, про Кветлоризн и про Владычицу Галадриэль. Хоббитанию, Норгорд и вообще свои места им пришлось описать не один раз. Древень слушал-слушал, а потом вдруг спросил:

— Вы там у себя не видели, кгм, онтов, нет? Онтов-то нет, я не о том, онтицы вам не встречались?

— Онтицы? — удивился Пин. — Они какие, вроде тебя?

— Ну да, вроде меня, хотя, кгм, нет, не вроде. Пожалуй что, уж и не помню, какие они, — задумчиво проговорил Древень. — Но им бы ваши края понравились, я потому и спросил.

Особенно же он любопытствовал насчет Гэндальфа и еще того пуще — про Сарумана и про все его дела. Хоббиты переглядывались и огорчались, что так мало об этом знают: только со слов Сэма, что говорилось на Большом Совете, что Гэндальф сказал. Одно они знали точно: Угрук со всей его сворой — изенгардцы, и хозяин их — Саруман.

— Гм, кгм! — сказал Древень, когда их рассказ кое-как подошел к концу и они наперебой повествовали о битве орков с ристанийскими конниками. — и-да, нечего сказать, целая груда у вас новостей. Рассказали вы мне, конечно, не все, чего там, очень много пропустили, это сразу видно, и-да. Ну, Гэндальф вам, наверно, так бы и велел. У вас там, видать, большие дела творятся, большие, и-да, а что за дела, узнается в свое время, лишь бы не позже. Ах ты, корни-веточки, вот ведь штука: откуда ни возьмись, явился народец, даже и в перечень не занесенный, и вот поди ж ты! Про Девятерых все давно уж и позабыли, кто они такие, а они объявились и гонятся за малышами; Гэндальф зачем-то берет малышей с собой в дальний путь, Галадриэль дает им приют в Карас-Галадхэне, орки гоняются за ними по голой степи — и-да, попали детки в большую переделку. Теперь только держись!

— А ты-то с кем? — рискнул спросить Мерри.

— Кгм, гм, мне дела нет до ваших Великих Войн, — отвечал Древень. — Пусть их люди с эльфами разбираются, как умеют. Туда же и маги: чародействуют, хлопочут, о будущем пекутся. Меня будущее не касается. И я — ни с кем, со мной-то ведь, соображайте, никого нет, верно? Моя забота — Лес, а нынче кто о Лесе заботится? Бывало, эльфы заботились, да эльфы давно уж не те. Все же если с кем бы то ни было, так, пожалуй, с эльфами: они ведь нас когда-то излечили от немоты, а такое не забывается, хоть и выпали нам разные пути, и-да, и уж само собой, не по пути мне со всякой мразью, вроде этих, эти-то враги всегдашние — («бурарум», — сердито пророкотал он на своем языке) — орки-то эти, и их хозяева тоже.

Когда они захватили Лихолесье, я встревожился, а потом они убрались в Мордор, и я думать о них забыл. Мордор — вон он где, далеко Мордор. Конечно, ежели повеет страшным ветром с востока, то и от лесов ничего не останется. Что тут делать старому онту? Погибай, либо уж как-нибудь.

Однако же вот Саруман! Саруман — наш сосед. Это так оставить нельзя. Надо, наверно, что-то делать. Я уж и то все время думал: как быть с Саруманом?

— А Саруман, он — кто? — спросил Пин. — Ты про него-то много ли знаешь?

— Саруман, он — маг, — объяснил Древень. — Маг, да и все тут. Мало я про

них знаю, про магов. Маги эти объявились, когда из-за Моря приплыли большие корабли: может, на кораблях они к нам приехали, а может, и нет, дело неясное. Саруман, помнится, был у них в большом почете. Поначалу он все разгуливал там да сям и совался не в свои дела, в людские и в эльфийские, а потом перестал соваться — давным-давно перестал, вам и не объяснить когда, — и облюбовал крепость Ангреност, по-ристанийски Изенгард. Держал себя тише тихого, а прославился на все Средиземье. Его, говорят, выбрали главою Светлого Совета, ну и, наверно, зря выбрали. Я уж теперь думаю, не тогда ли он стал склоняться ко злу. Однако соседей он до поры до времени никак не задевал. Любил со мной потолковать, по нашим местам гуляючи. Он прежде был учтивый, на все у меня позволения спрашивал, ежели мы встречались, и слушал в оба уха. Много я ему тогда порассказал такого, что сам бы он в жизни не выведал; а он держал язык на привязи. Ни разу не разговорился. Дальше — больше: и глаза-то его, как мне помнится (а давненько же я его не видел), стали ни дать ни взять окна в каменной стене, да-да, занавешенные окна.

Теперь-то мне, пожалуй, и понятно, чего ему надо. Власти ему надо, всемогущества. В голове у него одни колесики да винтики, а живое — глядишь, на что и сгодится, а нет — пропадай. Понятно, понятно; предатель он, не иначе. Это ж надо, с орками связался, всякая дрянь у него под началом. Бр-р-р, ктм! Да нет, еще того хуже, он и с ними как-то там чародействует, черные дела творит. Изенгардцы по вашим рассказам выходят не просто орки, а злодеи на людскую статью. Злыдням и нежити, отродью Великой Тьмы, дневной свет не вмоготу; а Сарумановы новоявленные орки хоть и злобствуют, да терпят. Что же это такое он там намудрил? Людей, что ли, испортил или орков обчеловечил? Хуже мерзости не придумаешь!

Древень бурчал и рокотал, точно про себя предавал Сарумана неизбежному, земляному, онтскому проклятию.

— То-то я в толк не возьму, с чего это орки так осмелели и среди бела дня шляются у меня по Лесу. Давеча только я додумался, что виною тут Саруман: он давным-давно разведал все лесные тропинки, а я, дурак, раскрывал ему здешние тайны. Вот он теперь и хозяйничает со своими сворами. Деревьев на опушках порубили видимо-невидимо — а хорошие были деревья. Много оставлено бревен — пусть, мол, гниют сорокам на радость, а еще больше оттащили в Изенгард, на растопку тамошних печей. Нынче Изенгард все время дымится.

Да чтоб ему сгнуть от корня до последней веточки! Я с этими порубленными деревьями дружил, я их многих помнил с малого росточка, и голоса их помню, а теперь их нет, как и не было. Где была звонкая чаща, там торчат пни и стелется кустарник. Нет, я, видать, проморгал. Запустил я свои дела. Хватит!

Древень рывком встал с постели, распрямился и ударил кулаком по столу. Огненные чаши вздрогнули и выплеснули цветное пламя. Глаза его тоже сверкнули зеленым огнем, и борода вздыбилась пышной метлою.

— Нет уж, хватит! — загудел он. — И вы со мной пойдете. Глядишь, чем и поможете. Не мне, а своим друзьям: им-то, в Ристании и Гондоре, каково, ежели враг и спереди, и с тыла. Пока пойдем вместе — на Изенгард!

— Да, мы пойдем с тобой, — согласился Мерри. — И попробуем быть тебе не в тягость.

— Непременно пойдем! — подхватил Пин. — И с ихней Белой Дланью обязательно разделаемся. На что другое, а на это я погляжу, пусть от меня и не будет толку. Углука я не забуду, и как мы бежали — тоже.

— Вот и ладно, и не забывай! — сказал Древень. — Но слова мои были спешные, а торопиться не надо. Разгорячился я. Надо успокоиться и подумать, а то ведь легко сказать «хватит»! Кому хватит, а кому и нет. Разберемся!

Он пошел под арку и постоял под струйчатой занавесью. Потом рассмеялся и встряхнулся, разбрызгивая зеленые и алые капли. Подумал, возвратился, лег на постель и лежал молча.

Вскоре хоббиты услышали, как он забормотал. И вроде бы считал на пальцах.

— Фангорн, Финглас, Фладриф, ага, всего-то, — вздохнул он. — и-да, маловато нас осталось, вот в чем печаль. — И обратился к слушателям: — Только трое осталось из тех, что бродили, пока не обрушилась Великая Тьма, ну да, трое: я, Фангорн, а еще Финглас и Фладриф — это их эльфийские имена; можете называть их Листвень и Вскорень, если вам так больше нравится. И вот из нас-то из троих Листвень и Вскорень уже никуда не годятся. Листвень заспался, совсем, можно сказать, одеревенел: все лето стоит и дремлет, травой оброс по колено. И весь в листьях, лица не видать. Зимой он, бывало, встрепетнется, да теперь уж и зимой шелохнуться лень. А Вскорень облюбовал горные склоны к западу от Изенгарда — самые, надо сказать, ненадежные места. Орки его ранили, родичей перебили, от любимых деревьев и пней не осталось. И ушел он наверх, к своим милым березам; теперь там и живет, и оттуда его не выманить. А все ж таки, сдается мне, молодых-то я, может, и наберу — вот только объяснить бы им, чтобы поняли, поддеть бы их как-нибудь, а то ведь мы ох как тяжелы на подъем. Экая жалость, что нам счет чуть ли не по пальцам!

— А почему по пальцам, вы же здесь старожилы? — удивился Пин. — Умерли, что ли, многие?

— Да нет! — сказал Древень. — Как бы это вам сказать: сам по себе никто из нас не умер. Ну, бывали, конечно, несчастья, за столько-то лет, а больше одеревенели. Нас и так-то было немного, а поросли никакой. Онтят не было — ну, детишек, по-вашему, — давным-давно, с незапамятных лет. Онтицы-то ведь у нас сгнули.

— Ой, прости, пожалуйста! — сказал Пин. — Прямо все до одной перемерли?

— Не перемерли они! — чуть не рассердился Древень. — Я же не сказал «перемерли», я сказал «сгнули». Запропалились невесть куда, никак не отыщутся. — Он вздохнул. — Я думал, все об этом знают, сколько песен про это: и эльфы их пели, и люди, от Лихолесья до Гондора, — как онты ищут онтиц. Надо же, совсем уж все позабыли.

— Вовсе мы ничего не забыли, — возразил Мерри. — Просто к нам, в Хоббитанию, песни из-за гор не дошли. Ты вот возьми да расскажи поподробнее, как было дело, а заодно и песню бы спел, какая лучше помнится. Расскажи, а?

— Ладно уж, расскажу и даже, так и быть, спою, — согласился явно польщенный Древень. — Поподробнее-то рассказывать некогда, придется покороче: время позднее, а завтра надо совет держать, заводить большой разговор, да, глядишь, и в путь собираться.

— Чудно об этом вспоминать и грустно рассказывать, — вымолвил он, призадумавшись. — В ту изначальную пору, когда повсюду шумел и шелестел дремучий Лес без конца и края, жили да были онты и онтицы, онтики и онтинки, и тогда, в дни и годы нашей давней-предавней юности, не было краше моей Фимбретили, легконогой Приветочки, — где-то она, ах, да! Да! Так вот, онты и онтицы вместе ходили-расхаживали, вместе ладили жилье. Однако же сердца их бились вразлад: онты полюбили сущее в мире, а онтицы возжелали иного; онтам были в радость высокие сосны, стройные осины, густолесье и горные кручи, пили они родниковую воду, а ели только паданцы. Эльфы стали их наставниками, и на эльфийский лад завели они беседы с деревьями. А у онтиц под опекой были деревья малые, и радовали их залитые солнцем луговины у лесных подножий; лиловый терновник проглядывал в зарослях, брезжил по весне вишневый и яблоневый цвет, летом колыхались пышные заливные луга, и клонились потом осенние травы, рассеивая семена. Беседовать с ними у онтиц нужды не бывало: те лишь бы слышали, что им велят, и делали, что велено. Онтицы-то и велели им расти как надо, плодоносить как следует; им, онтицам, нужен был порядок, покой и изобилие (ну, то есть нужно было, чтобы все делалось по-положенному). И онтицы устроили роскошные сады. А мы, онты, по-прежнему расхаживали да скитались и только иногда, редко навещали ихние сады. Потом Тьма заволокла север, и онтицы ушли за Великую Реку, разбили там новые сады, распахали новые поля, и совсем уж редко мы стали видеться. Тьму одолели, и тогда еще пышнее расцвела земля у наших подруг, и не бывало изобильнее их урожаев. Разноплеменные люди переняли их умения, и онтицы были у них в большом почете; а мы словно бы исчезли, ушли в полузабытую сказку, стали темной лесной тайной. Однако же мы вот они, а от садов наших онтиц и следа не осталось. Люди называют тамошние места Бурыми Равнинами, Бурятьем.

И вот еще помню, как сейчас, а сколько времени прошло — когда Заморские Рыцари взяли в плен Саурана, очень мне захотелось повидать Фимбретиль. Я ее помнил все такой же красавицей, хотя в последний раз она была во все не та, что в былые времена. И немудрено: они ведь трудились не покладая рук, стали сутулыми и смуглыми, волосы у них выцвели под солнцем, а щеки задубели яблочным румянцем. Но все же глаза у них наши — наши, зеленые глаза. Мы пересекли Андуйн, мы явились в тамошний край и увидели пустыню, изувеченную промчавшейся войной. И не было там наших онтиц. Мы их звали, мы их долго искали и спрашивали всех, кто нам ни попадался. Одни говорили, что не видали, другие — что видели, как они уходили на запад, на восток, а может, и на юг. Туда и сюда мы ходили: не было их нигде. Очень нам стало горько. Но Лес позвал нас обратно, и мы вернулись в любимое густолесье. Год за годом выходили мы из Леса и звали наших подруг, выкликали их милые, незабвенные имена. А потом выходили все реже, и выходили недалеко. Теперь наших онтиц как и не было, только и остались, что у нас в памяти, и отросли у нас длинные седые бороды. Много песен сложили эльфы про то, как мы искали наших подруг; потом и люди переиначили эльфийские песни. Мы об этом песен не слагали, мы про них помнили и напевали их древние имена. Наверно, мы с ними все-таки встретимся, и, может быть, еще отыщется край, где мы заживем вместе. Однако же предсказано другое, что мы воссоеди-

нимся, потерявши все, что есть у нас теперь. Нынче, кажется, к тому и дело идет. Тот Саурон, прежний, выжигал сады, а нынешний Враг, похоже, все леса норовит извести под корень.

Н-да, и вот эльфы давным-давно сложили про все про это одну такую песню. Пели ее всюду по берегам Великой Реки. Эльфийская это песня: мы бы не так пели, наша была бы очень длинная, чересчур даже длинная, пожалуй. Но эту-то, эльфийскую, мы все помним наизусть. По-вашему вот она как будет:

ОНТ.

*Березы оделись прозрачной листвой и вешним
соком полны,
Резвится и блещет лесной поток, прыгая
с крутизны,
Шагается вольно, ветер свеж, рокошет эхо
в горах —
Скорей, скорей возвращайся ко мне, в веселый
весенний край!*

ОНТИЦА.

*Весна залила поля и луга, расплеснулась зеленой
волной,
В цвету, как в снегу, блистают сады серебряной
белизной,
Брызжет солнце и плещут дожди, чтоб жажду земли
утолить.
Зачем же я возвращусь к тебе из своих цветущих
долин?*

ОНТ.

*Простерся и млеет летний покой, золотистый,
знойный, дневной,
Под лиственным кровом лесные сны бредут чудной
чередой,
В прохладных чертогах зеленая тишь, и западный
веет ветер —
Приди же ко мне! Возвратись ко мне!
Здесь лучше всего на свете!*

ОНТИЦА.

*Вызревают в летнем тепле плоды, и ягоды все
смуглей,
Золотые снопы и жемчуг зерна вот-вот повезут
с полей,
Наливаются яблоки, соты в меду, и пусть веет
западный ветер —
Я к тебе не вернусь ни за что: у меня лучше
всего на свете!*

ОНТ.

*Но грянет сумрачная зима, и мертвенной станет
тьень,
В древесном треске беззвездная ночь поглотит
бессолнечный день,*

*Ветер с востока все омертвит, обрушится черный
дождь,
И сам я тогда разыщу тебя, если ты сама
не придешь!*

ОНТИЦА.

*Небывалой зимой обомрут поля, кладбищами лягут
сады,
Заглохнут песни, и смех отзвучит, и сгинут наши
труды.
Тогда бывшее явится вновь, и мы друг друга найдем
И вместе пойдем в подзакатный край
под черным, злобным дождем!*

ОБА.

*Мы вместе пойдем заповедным путем за дальние
рубежи,
И нам откроется новый край, и снова заблещет
жизнь.*

Древень допел и примолк.

— Да, вот такая песня, — сказал он погодя. — Эльфийская, это само собой: траля-ля-ля, словцо за словцом, раз-два, и дело с концом. Однако же неплохо сочинили, ничего не скажешь. Только онтов малость обидели: очень уж коротко они говорят. Да, ну ладно, я, пожалуй, постою да посплю. А вы где встанете спать?

— Мы обычно спать не встаем, а ложимся, — сказал Мерри. — Мы бы, если можно, прямо здесь, на ложе, и поспали бы.

— Как то есть ложитесь спать? — удивился Древень. — Ах, ну да, конечно! Гм, кгм, спутался я: пришли мне на память древние времена и показалось, будто я говорю с онтятами, вот ведь как, ишь ты! Что ж, тогда ложитесь и спите. А я постою под ручеечком. Покойной ночи!

Древобород (Фангорн). Алан Ли

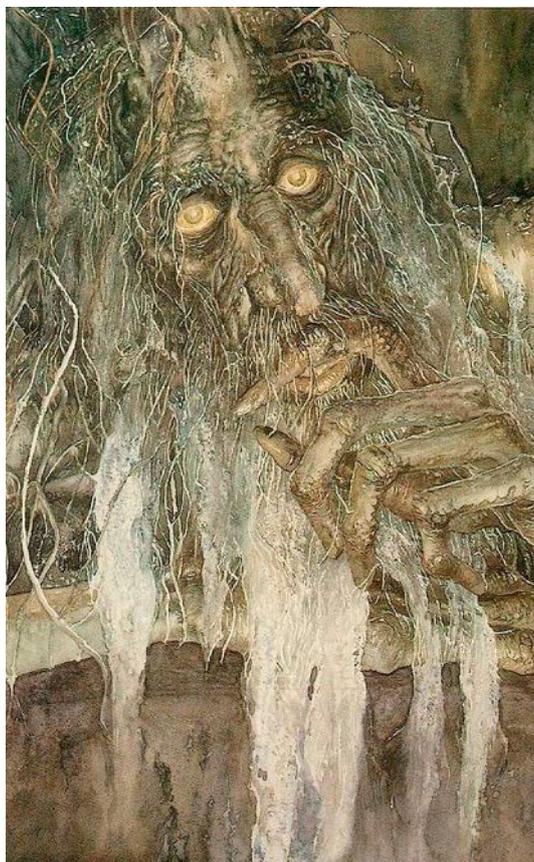
Хоббиты пристроились на постели, с головой зарывшись в душистое сено, свежее, мягкое, теплое. Мало-помалу угасли светильники и померкли разноцветные деревья; но все равно было видно, как Древень неподвижно стоит под аркой, закинув руки за голову. Вызвездило, и замерцали струи, тихо стекавшие к его ногам, и тенькали, тенькали, тенькали сотни серебряных звездных капель. Под этот капельный перезвон Мерри с Пином крепко-крепко уснули.

Когда они проснулись, пышнозеленый чертог освещало лучистое утреннее солнце, проникая в укромный покой. Высоко в небесах порывистый восточный ветер рассеивал облачные клочья. Древень куда-то подевался, и Мерри с Пином пока что пошли купаться в бассейне за аркой — и слышали его гуденье и пенье, а потом и сам он появился на широкой тропе меж деревьев.

— Кгм, кха! Ну, доброе утро, Мерри и Пин, — прогудел он при виде хоббитов. — Вы, однако, поспать горазды! А я уж нынче отшагал шагов под тысячу. Сейчас вот попьем водички и отправимся на Онтотомовище!

Он нацедил им по полному кубку из каменной корчаги, но не из вчераш-

ней, из другой. И вкус у воды был не тот, что вечером: она была гуще и сытнее, вроде и не питье вовсе, а прямо-таки еда. Хоббиты прихлебывали, сидя на краю высокого ложа, и закусывали эльфийскими хлебцами-путлибами (они были вовсе не голодные, но как-никак завтрак, жевать что-то полагается), а Древень стоял дожидался их, напевая то ли на онтском, то ли на эльфийском, то ли еще на каком языке и поглядывая на небо.

— А где оно, ваше Онтотомовище? — отважился наконец спросить Пин.

— Кгм, как? Онтотомовище-то где? — переспросил Древень, обернувшись. — Это не место, Онтотомовище, это собрание онтов, нынче такие собрания созываются очень-очень редко. Ну, сейчас-то многие, и-да, многие мне накрепко обещали быть. А соберемся мы, где и всегда: людское название этому месту — Тайнодол. Отсюда малость на юг. Надо нам подойти туда к полудню, не позже.

Вскоре они тронулись в путь. Древень, как накануне, усадил хоббитов на предплечьях. Выйдя из чертога, он свернул вправо, шутя перешагнул через бурливый ручей и пошел на юг возле безлесных подножий высоких обрывистых склонов. За каменистыми осыпями виднелись березняк и рябинник, а выше — темное густое красное лесье. Потом Древень отошел от предгорий и подался в Лес, где деревья были такие высокие, раскидистые и толстые, каких хоббиты в жизни не видывали. Поначалу их, почти как на опушке Фангорна, прихватило удушье, но очень скоро дыханье наладилось. Древень с ними не заговаривал. Он раздумчиво бухтел себе под нос, и слышалось только «бум-бум, рум-бум, бух-трах, бум-бум, трах-бах, бум-бум, та-ра-рах-бум» или вроде того — то угрюмей, то радостней, то глуше, то гулче. Иногда хоббитам чудился ответный гул, трепет или звук, не то из-под земли, не то над головой, а может быть, гудели стволы; но Древень знай себе вышагивал, не глядя по сторонам.

Пин принялся было считать мерные «онтские шаги», но сбился со счета на

третьей тысяче, а тут и Древень пошел чуть помедленнее. Внезапно остановившись, он опустил хоббитов на траву, раструбом приложил ладони ко рту и, словно из гулкового рога, огласил лес протяжным кличем. «Гу-у-гу-у-гу-умм!» — раскатилось окрест, и деревья явственно вторили зову. Потом со всех сторон издалека донеслось: «Гу-у-гу-у-гу-у-гу-у-гумм!» — и это был уже не отзвук, а отклик.

Древень примостил хоббитов на плечи и опять зашагал, время от времени повторяя громогласный призыв. Отклики слышались все ближе. Так они шли да шли — и наконец уперлись в глухую стену вечнозеленых деревьев неведомой хоббитам разновидности: они ветвились от самых корней, густой темно-глянцевитой листвой походили на падуб и были усыпаны крупными, налитыми оливковыми бутонами.

Древень свернул налево, и через несколько шагов живая преграда вдруг разомкнулась: утоптанная тропа ныряла в узкий проход и вела вниз по крутому склону в просторную чашеобразную долину, обнесенную поверху вечнозеленой изгородью. На округлой травянистой глади не было ни деревца, лишь посреди долины высились три белоснежные красавицы березы. По откосам сбегали еще две тропы, с запада и с востока.

Одни онты уже пришли, другие шествовали вдали по тропам, третьи вереницей спускались за Древнем. Пин и Мерри озирались и изумлялись: они-то ожидали, что онты все похожи на Древня, как хоббиты друг на друга (если, конечно, глядеть посторонним глазом), а оказалось — ничего подобного. Они были разные, как деревья: как деревья одной породы, но разного возраста и по-разному возросшие; или совсем уж несхожие, как бук и береза, дуб и ель. Были старые онты, бородатые и заскорузлые, точно могучие многовековые деревья (и все же по виду намного моложе Древня), были статные и благообразные пожилые исполины, но ни одного молодого, никакой поросли. Десятка два их сошлось у берез; с разных сторон брели еще двадцать или около того.

Сперва у хоббитов глаза разбежались от несхожести их фигур и окраски, обхвата и роста — и руки-ноги разной длины, и пальцев на них неодинаково (не меньше трех, не больше девяти). С подобиями дубов и буков Древень все же мог бы, наверно, посчитаться родней, но многие онты вовсе на него не походили. Иные были вроде каштанов: кожа коричневая, разлапистые ручищи, короткие толстые ноги. Иные — вроде ясеней: рослые серокожие онты, многопалые и длинноногие. Были еще пастыри сосен и елей (эти самые высокие), пестуны берез, рябин и лип. Но когда все онты столпились возле Древня, чинно кланяясь и учтиво приветствуя его благозвучными голосами, разглядывая чужестранцев неспешно и пристально, тут хоббитам сразу стало яснее ясного, до чего они друг на друга похожи: глаза-то у всех такие же — ну, не такие, конечно, бездонные, как у Древня, но спокойные, задумчивые, внимательные, с зеленым мерцанием.

Подросли последние; онты обступили Древня широким кругом и завели прелюбопытный и загадочный разговор. Полилась плавная молвь: каждый вступал в свой черед, и общий медленный распев притихал по одну сторону круга и гулко гудел по другую. Хотя Пин не различал и не понимал слов — по-онтски все ж таки разговаривали онты, — однако поначалу ему очень понравилось их слушать, пока не надоело. Он слушал и слушал (а они все говорили и пели) и наконец начал думать, что онтский язык слишком уж медленный,

интересно, сказали они или нет друг другу «доброе утро», а коли Древень делает переключку, то когда они доскажут ему свои имена.

«Хотел бы я знать, как по-онтски *да* или *нет*», — подумал он и зевнул.

Древень мгновенно все учуял.

— Кгм, кха-кха, ты вот что, друг мой Пин, — сказал он, и звучный хоровод онтов вдруг примолк. — Я и забыл, что вы такие несусветные торопыги. Но и то правда, скучновато слушать разговор на непонятном языке. Подите-ка погуляйте. Имена ваши на Онтотомлвище названы, все вас разглядели и все согласны, что вы не орки и что нужно добавить строку-другую в древний перечень. На этом мы пока что и порешили, и очень, я вам скажу, быстро порешили, едва ли не чересчур. Вы с Мерри побродите пока по долине, чем вам плохо. Пить захотите — там есть на северном склоне, повыше, очень вкусный источник. А тут еще надо изрядно поговорить, чтобы устроилось настоящее Онтотомлвище. Я потом приду вас проведать, тогда расскажу, как у нас чего.

Он опустил Пина и Мерри наземь, а они, не сговариваясь, оба враз сообразили низко и благодарственно поклониться. Онтов это очень позабавило: они о чем-то перемолвились, и зеленые искры замелькали в их взорах. Но вообще-то им, видимо, было уже не до хоббитов. А те побежали наверх западной тропой: надо же поглядеть, что там, за оградой, с этой стороны Тайнодола. Там громоздились лесистые откосы, и за высокогорным ельником сверкал сахарно-белый пик. Слева, на юге, тоже виднелся лес, лес и лес, уходивший в серую расплывчатую даль с бледной прозеленью. «Наверно, ристанийская равнина», — догадался Мерри.

— А где, интересно, Изенгард? — спросил Пин.

— Знал бы я, куда хоть нас занесло, — отозвался Мерри. — Ну, если это вот вершина Метхедраса, то у подножия его, помнится, как раз и есть Изенгард, крепость в глубоком ущелье. Небось вон там, слева за хребтиной. Видишь, не то дым сочится, не то туман?

— Изенгард, он какой? — выпрашивал дальше любопытный Пин. — Он ведь онтам, поди, не по зубам.

— Да и я тоже думаю — куда им, — согласился Мерри, — Изенгард — это скалистое кольцо, внутри каменная гладь, а посредине торчит высоченная гранитная башня, называется Ортханк. Там и живет Саруман, гранит на граните, на возвышении. Кругом скалы, во сто раз толще любых стен, ворот не помню сколько, может и не одни, и в каменном русле бежит горная речка, которая пересекает Врата Ристании. Да, онтам вроде бы там делать нечего. Но про онтов, понимаешь, как-то мне странно думается: не такие они смиренные, не такие смешные. С виду-то, оно конечно, — чудаковатые тихони, терпеливые, опечаленные, обиженные, обойденные жизнью; но, если их обидишь, тогда хвататься за голову и смазывать салом пятки.

— Ага, ага, — подтвердил Пин. — Сидит себе старая корова и жует свою жвачку; и глазом не успеешь моргнуть, как это не корова, а бык, и не сидит он, а вскачь несется на тебя. Да, хорошо бы старик Древень их расшевелил. Затем, видать, и собрал, только трудное это дело. Вчера, помнишь, как он сам собой разошелся, а потом пых-пых — и выкипел.

Хоббиты вернулись в долину. Онтотомлвище продолжалось вовсю: то глуше, то громче звучала напевная неспешная беседа. Солнце поднялось над

оградой, брызнули серебром кроны срединных берез, и желтоватым светом озарился северный склон. Блеснул незаметный родник. Хоббиты пошли за крайной круглой долины, возле вечнозеленой изгороди — так отрадно было не спеша брести по свежей мягкой траве, — и напрямик спустились к искристому фонтанчику. От кристальной студеной воды щемило зубы; они уселись на обомшелый валун и смотрели, как бегают по траве солнечные блики и проплывают тени облаков. Онтотомловище не смолкало. Какие-то все ж таки непонятные, совсем уж чуждедалние это были места, точно все былое осталось в другой жизни. И чуть не до слез захотелось увидеть лица и услышать голоса друзей — особенно Фродо, особенно Сэма и особенно Бродяжника.

Вдруг стихли голоса онтов, и невдалеке появился Древень, да не один, а со спутником.

— Кгум, кгу-гум, вот и я, — сказал Древень. — А вы тут, поди, притомились, всякое терпенье у вас кончается, ктмм, а что, разве не так? Нет уж, терпением вы запаситесь как следует. На первый случай мы все проговорили, это да; однако еще надо много чего растолковать и разжевать, довести до ума тех наших, кто живет далеко-далеко от Изенгарда, и еще тех, кого я не застал дома, когда утром приглашал на разговор; потом уж будем сообща решать, что нам делать. Ну, правда, онты не слишком долго решают, что им делать, ежели перед тем все как есть обговорено и разобрано до последнего листочка-корешка. Но толком-то если, еще поговорить надо: день-другой, не меньше. Так вот, я вам пока что товарища привел. Он здесь живет неподалеку. По-эльфийски зовут его Брегалад. Он говорит, решенье, мол, у него готово, на Онтотомловище ему, дескать, делать нечего. Гм, гм, таких торопливых онтов прямо-таки свет не видывал. Вы с ним поладите. Вот и до свидания! — И Древень удалился.

Брегалад стоял замерши, пристально разглядывая хоббитов; а те сидели в ожидании, когда-то он заторопится. Высокий, стройный и гибкий, он, наверно, считался у онтов молодым: гладкая, блестящая кора обтягивала его руки и ноги; у него были темно-алые губы и пышные серо-зеленые волосы. Наконец Брегалад заговорил, и звучный, как у Древня, голос был, однако же, тоньше и звонче.

— Кха-ха, эге-гей, ребятки, пойдете-ка погуляем! — пригласил он. — Меня, как сказано было, зовут Брегалад, по-вашему — Скоростень. Но это, конечно, не имя, а всего-то навсего кличка. Так меня прозвали с тех пор, как один наш старец едва-едва напыжился задать мне важный вопрос, а я ему ответил: «Да, конечно». Опять же и пью я слишком быстро: добрые онты только-только бороды замочили, а я уж губы утираю. Словом, идете со мной, не пожалеете!

Он протянул им руки — очень красивые, длинные, долгопалые. Весь день пробродили они втроем по лесу — хором пели песни, дружно смеялись. А смеялся Скоростень часто, и смеялся всегда радостно. Смеялся он, когда солнце являлось из-за облаков, смеялся при виде родника или ручья; смеясь, останавливался и кропил водой ноги и голову. Слышал трепет или шепоток деревьев — и тоже заливался смехом. А завидев рябину, стоял, раскинув руки, стоял и пел, гибкий, точно юное деревце.

Под вечер он привел их к себе домой: впрочем, дома-то никакого у него не было, а был мшистый камень в уютной зеленой лощинке. Рябины осеняли ее, и журчал ручей, как в любом жилище онта: этот, звеня, бежал сверху. Они разговаривали, пока не стемнело, а в темноте где-то неподалеку гудело Онто-

молвище, басовитое, гулкое и по-новому беспокойное; время от времени чей-нибудь голос звучал громче и тревожнее других, и общий гомон смолкал. Но их слух заполняла тихая речь Брегалада, и шелестели знакомые, понятные слова: он вел рассказ о том, как разорили его древний край, где старейшиной был Вскорень. «Вот оно что, — подумали хоббиты, — с орками у него, стало быть, особые счеты, то-то он долго и не раздумывал».

— Рябинник обступал мой дом, — печально повествовал Брегалад, — и рябины эти возрастали вместе со мною в тишине и покое незапамятных лет. Иные из них, самые старинные, были посажены еще ради онтиц, но те лишь взглянули на них и с усмешкой покачали головами: в наших, мол, землях у рябин и цветы белей, и ягоды крупнее. А по мне, так не бывало и быть не могло деревьев прекраснее и благороднее этих. Они росли и росли, раскидывая тенистую густолиственную сень и развешивая по осени тяжкие, ярко-багряные, дивные ягодные гроздья, и птицы слетались стаями на роскошный рябиновый пир. Я люблю птиц, хоть они и болтушки, и чего-чего, а уж ягод им хватало с избытком. Однако птицы почему-то стали грубые, злые и жадные, они терзали деревья, отклеивали грозди и разбрасывали никому не нужные ягоды. Явились орки с топорами и срубили мои рябины. Я приходил потом и звал их по именам, незабвенным и нескончаемым, но они даже не встрепенулись, они не слышали меня и отозваться не могли, они лежали замертво.

*О Орофарнэ, Лассемисте, Карнимириэ!
Рябины мои нарядные, горделивые деревья!
Рябины мои ненаглядные, о, как мне дозваться вас?
Серебряным покрывалом вас окутывал вешний цвет,
В ярко-зеленых уборах встречали вы летний рассвет,
Я слышал ваши приветные, ласковые голоса,
Венчалась червонными гроздьями рябиновая краса.
Но рассыпаны ваши кроны ворохами тусклых седин,
Голоса ваши смолкли навеки, и я остался один.
О Орофарнэ, Лассемисте, Карнимириэ!*

И хоббиты мирно уснули, внимая горестным песнопениям Брегалада, оплакивавшего на разных языках гибель своих возлюбленных, несравненных деревьев.

Наутро они снова пошли гулять втроем и провели весь день невдалеке от его жилища. Ходили они мало, больше сидели под зеленой закраиной; ветер стал холоднее, солнце редко пробивалось сквозь нависшие серые облака; и немолчные голоса онтов звучали то гулко и раскатисто, то глухо и печально; то почти наперебой, то медленно и скорбно, как погребальный плач. Настала вторая ночь, а совещанье все длилось; в разрывах мчащихся туч мутно мерцали звезды.

Забрезжил третий рассвет, ветреный и угрюмый. Онтормолвище загремело и снова притихло. Прояснилось утро, ветер улегся, и неподвижный воздух точно отяжелел в ожидании. Хоббиты заметили, что теперь-то Брегалад прислушивался в оба уха, хотя до их лоцинки вроде бы доносился лишь смутный гул.

Близился вечер, солнце клонилось к западу, за мгlistые вершины, и длинные желтые лучи пронизывали облака. Стало как-то уж очень тихо, кругом ни

звука, ни шороха. Ну вот, значит, кончилось Онтотомовище. Чем же оно кончилось? Брегалад напряженно замер, глядя на север, в сторону Тайнодола.

Вдруг по лесу раскатился зычный и дружный возглас: «Тррам-тарарам-тарам!» Деревья затрепетали и пригнулись, словно под могучим порывом ветра. Снова все смолкло, а потом донесся мерный, как будто барабанный рокот, его перекрывало грозное многогласие:

— Идем под барабанный гром: трамбам-барам-барам-бам-бом!

Онты приближались, и все оглушительнее гремел их походный напев:

— Идем-грядем, на суд зовем: трумбум-бурум-бурум-бум-бом!

Брегалад подхватил хоббитов и поспешно выбрался из лоцины.

Навстречу им шагали пятьдесят с лишним онтов; широкими, ровными шагами спускались они колонною по двое. Во главе их шествовал Древень, они отбивали такт ладонями по бедрам. Вблизи стало видно, что глаза их полыхают зеленым светом.

— Кхум, кхам! Вот и мы, идем-гремим, не так уж и долго пришлось нас ждать! — возгласил Древень, завидев Брегалادا с хоббитами. — Давайте становитесь в строй! Мы выступили в поход. В поход на Изенгард!

— На Изенгард! — подхватила дружина, и грянуло в один голос: — На Изенгард!

*На Изенгард! Пусть грозен он,
стенной гранитной огражден,
Пусть щерит черепной оскал
за неприступной крепью скал, —
Но мы идем крушить гранит,
и Изенгард не устоит!
Горит кора, обуглен ствол,
бушует лес и мрачен дол —
Обрушим своды и столбы
стопой разгневанной судьбы!
Идем под барабанный гром,
Идем-грядем, судьбу несем!*

Так пели онты, шагая на юг.

Брегалад с сияющими глазами пристроился к колонне возле Древня. Тот пересадил хоббитов к себе на плечи, они торжествующе оглядывали шагавшую вслед за ними онтскую дружину и прислушивались к суровому, монотонному напеву. Они хоть и надеялись, что в конце концов что-нибудь да случится, но такой разительной перемены вовсе не ожидали — точно потоком прорвало плотину.

— А ведь быстро рассудили онты, правда же? — радостно задыхаясь от собственной смелости, спросил Пин, когда онты перестали петь и слышалась лишь тяжкая поступь да гулкое прихлопывание.

— Быстро, говоришь? — отозвался Древень. — Хм! Да, пожалуй что, и быстро. Быстрее, чем я думал. Уж и не припомню, когда мы в последний раз так сердились: много-много веков назад. Мы, онты, сердиться-то не любим и очень редко сердимся, только если почуем, что нашим деревьям и нам самим чуть ли не гибель грозит. Такого в нашем краю не бывало со времен войны Сауруна и Заморских Витязей. А всё эти орки, древорубы треклятые — *рарум!* —

ишь, размахались топорами, ладно бы уж на дрова рубили, мерзавцы, еще куда бы ни шло, на дрова много не надо, — так ведь нет, для одного изуверства. Тут от соседа впору помощи ждать, а он, смотрите пожалуйста, заодно с ними. Нет, уж коли ты маг, с тебя и спрос особый; и то сказать, другие маги все ж таки не ему чета. Ни на эльфийском, ни на онтском, ни на людских языках и проклятья-то ему подходящего никак не сыщут. Долой Сарумана, да и только!

— А вы что, взаправду собрались сокрушить изенгардские стены? — осторожно поинтересовался Мерри.

— Ха, хм-м, да как тебе сказать, а почему бы и нет! Вам ведь небось и невдомек, какие мы сильные? Про троллей когда-нибудь слышали? Они очень сильные, тролли. Но они, тролли, не сами собой на свет появились, их вывел Предвечный Враг под покровом Великой Тьмы: вывел в насмешку над онтами, вроде как орков — над эльфами. Так вот мы гораздо сильнее троллей. Мы — кость от кости самой земли. Как древесные корни впиваются в камень, знаете? Только они впиваются веками, а мы — сразу, ну если, конечно, рассердимся. Изрубить-то нас, сильно постаравшись, можно, сжечь или чародейством каким одолеть — тоже не очень, но все-таки можно, а мы зато, коли захотим, и Изенгард вдребезги разнесем, и от стен его одно крошево оставим, понятно?

— Но Саруман-то не будет смотреть на вас, сложа руки?

— Кгм, да, нет, он не будет, это верно, и я об этом не забыл. По правде сказать, я как раз об этом все время и думаю. Но я из нас самый старший, многие онты куда помоложе, на сотни древесных веков. Сейчас они осерчали и у них одно на уме — сокрушить Изенгард. А потом немного поодумаются, поостынут, выпьют водички на ночь — и начнут успокаиваться. Ох, изрядно водички мы выпьем на ужин! Ну а пока пусть их топают и поют! Идти нам еще далеко, поразмыслить времени хватит. Лиха беда начало.

И Древень подхватил общий напев, раздававшийся с прежней силой. Однако мало-помалу голос его притих и смолк, а нахмуренный лоб глубоко взбродили морщины. Потом он поднял глаза, и Пин заметил в них скорбь — но не уныние. Казалось, зеленый огонь разгорелся еще сильнее, но светил он как бы издали, из темной глубины его мыслей.

— Оно конечно, друзья мои, может статься иначе, — медленно промолвил он. — Может статься и так, что судьба против нас, что *нас* постигнет рок, что это — последний поход онтов. Но если бы мы остались дома в блаженном бездействии, мы бы своей судьбы не миновали, раньше ли, позже ли, не все ли равно? Мы об этом давно размышляем — потому и в поход двинулись. Нет, спешки тут не было: просто решенье созрело. Зато, глядишь, и песни сложат когда-нибудь о нашем последнем походе. Да, — вздохнул он, — сами, может, и сгинем, но хоть другим поможем. Жаль только, если вопреки старым песням мы никогда больше не встретимся с онтицами. Очень бы мне хотелось еще разок повидать Фимбретиль. Однако ж, друзья мои, песни — они ведь как деревья: плодоносят по-своему и в свою пору, а случается, что и безвременно засыхают.

Онты шагали ровно и размашисто. Вначале путь их лежал на юг длинною логовиной; потом приняли вправо и двинулись наискосок, все выше и выше, к вздымавшимся за верхушками деревьев западным кряжам Метхедраса. Лес отступал; рассыпался купами окраинный березняк, а там лишь кое-где на го-

лом склоне торчали одинокие сосны. Солнце кануло за темный гребень. Стелились сумерки.

Пин оглянулся. То ли онтов прибавилось, то ли — что за наваждение? За ними оставался пустой и тусклый откос, а теперь он был покрыт деревьями. И деревья не росли, не стояли — они двигались! Неужели Фангорн очнулся от вековой дремы и выслал на горный хребет древесное воинство? Он протер глаза: может, он сам задремал или ему померещилось в сумерках — но нет, серые громады шествовали вверх по склону, разнося глухой шум, гудение ветра в бесчисленных ветвях. Онты всходили на гребень и давно уже не пели. Воцарились темень и тишь: только земля трепетала от поступи древопасов и пробегал шелест, зловещий многотысячелиственный шепот. С вершины стала видна далеко внизу черная пропасть, огромное ущелье между последними отрогами Мглистых гор — Нан-Курунир, Долина Сарумана.

— Изенгард окутала ночь, — вымолвил Древень.

Глава V Белый всадник

— Ну и ну, до костей пробирает, — выговорил Гимли, стуча зубами, хлопая в ладоши и приплясывая. На ранней зорьке они всухомятку перекусили и теперь дожидались, пока рассветет: вдруг да сыщутся все-таки хоббитские следы. — Да, а старик-то! — вспомнил он. — Вот чей след мне бы ох как хотелось увидеть!

— Зачем бы это? — удивился Леголас.

— Если по земле ходит, значит, он старик и старик, не более того, — пояснил гном.

— Откуда тебе следы возьмутся, трава-то жесткая и высокая.

— Это Следопыту не помеха, — возразил Гимли, — Арагорн и примятую былинку мигом заметит. Другое дело, что нечего ему замечать: при зраки следов не оставляют, а являлся нам Саруманов призрак. Что ночью, что поутру я то же самое скажу. Да он и сейчас небось исподтишка следит за нами с той вон лесной кручи.

— Очень может быть, — согласился Арагорн, — однако же вряд ли. Ты, Гимли, помнится, сказал: дескать, спугнули лошадей? Леголас, а ты не расслышал — по-твоему, как они ржали, испуганно?

— Ясно расслышал, — сказал Леголас. — Нет, ничуть не испуганно. Это мы в темноте перепугались, а они — нет, они ржали радостно, точно встречали старинного друга.

— Вот и мне так показалось, — сказал Арагорн. — А что было на самом деле — узнаем, если они вернуться. Ладно! Вон уж светлым-светло. Пойдем искать, думать будем потом! Вкруговую от ночлега и весь склон перед опушкой. Ищем следы хоббитов, с ночным пришельцем отдельно разберемся. Если им каким-нибудь чудом удалось сбежать, то они прятались за деревьями — больше негде. Не найдем ничего отсюда до опушки, тогда придется обыскивать поле битвы и рыться в пепле. Но там надежда плоха: ристанийские конники свое дело знают.

Они прощупывали и разглядывали каждую пядь. Печальное, поникшее над

ними дерево шелестело сухими листьями на холодном восточном ветру. Арагорн медленно продвигался к груде золы от дозорного костра над рекой, потом заново обошел холм последней сечи. Вдруг он остановился и нагнулся так низко, что лицо его утонуло в траве. И подозвал Леголаса с Гимли — те прибежали со всех ног.

— Вот наконец и новости! — объявил Арагорн и показал им изорванный бледно-золотистый лист, немного увядший и порыжелый. — Лист лориэнского мэллорна, в нем крошки, и вокруг крошки рассыпаны. А еще — взгляните-ка! — перерезанные пути.

— Здесь же и нож, которым их перерезали! — заметил Гимли и, склонившись, извлек из дерновины вдавленный в нее копытом короткий зубчатый клинок, затем отломанную рукоять. — Оркский кинжал, — прибавил он, брезгливо разглядывая резной черенок с омерзительной харей, косоглазой и ухмыляющейся.

— Да, это всем загадкам загадка! — воскликнул Леголас. — Связанный пленник сбегает от орков и ускользает от бдительного ока ристанийских конников. Потом останавливается посередь поля и перерезает пути оркским ножом. Не возьму в толк. Если у него были связаны ноги, то как он сбежал? Если руки — как орудовал ножом? Если ни ноги, ни руки — тогда что это за веревка, зачем разрезана? А каков голубчик-то: едва спасся, тут же уселся и давай закусывать. Сразу видно, что это хоббит, если б и листа мэллорна не было. Дальше, как я понимаю, руки у него обернулись крыльями, и он с песней улетел в лес. Полетим следом и запросто отыщем его: только за крыльями дело стало!

— Нет, видать, без чародейства не обошлось, — заключил Гимли. — Недаром по лесу тот старик шастал. Ну, Арагорн, Леголас нам почти все растолковал, как сумел. Может, ты лучше сумеешь?

— Да попробую, — усмехнулся Арагорн. — Плоховато вы осмотрелись, потому кой-чего и не сообразили. Верно, что пленник этот — хоббит и что либо руки, либо ноги ему еще прежде удалось высвободить. Думаю, что руки, — тогда все понятнее, это первое; а второе — его сюда *притащил* орк. Неподалеку на земле засохшие подтеки черной крови. И кругом глубокие следы копыт: судя по всему, волокли тело. Орка, разумеется, убили конники, и труп его сожгли в общем костре. А хоббита «посередь поля» не заметили: темень, а он в эльфийском плаще. Перерезал кинжалом мертвеца ножные пути; был он голодный и изнуренный, решил отдохнуть и подкрепиться — что здесь удивительного? Мешка при нем наверняка не было; стало быть, путлибы — из кармана: вот это по-хоббитски, и тут есть чему порадоваться. Я говорю «при нем», хотя, по моему, спаслись они оба — надеюсь, что так. Пока только надеюсь.

— А как же, по-твоему, удалось одному из них руки высвободить? — спросил Гимли.

— Чего не знаю, того не знаю, — отвечал Арагорн. — Не знаю и того, зачем орк их утащил. Едва ли он помогал им сбежать... Погодите, погодите-ка: я как будто разрешил один вопрос, который донимал меня с самого начала. Кажется, я начинаю понимать, почему орки, одолев Боромира, схватили Мерри с Пинном и бросились наутек. Остальных они не искали, скарб наш не разграбили, а припустились прямым путем к Изенгарду. Может, решили, что им в когти попал Хранитель Кольца со своим верным другом? Нет, не так. Не рискнули бы хозяева орков доверить им столь важную тайну, если б даже сами ее прове-

дали. Нельзя с орками в открытую говорить о Кольце: ненадежные они рабы. Им, должно быть, просто велели любой ценой захватить в плен хоббитов — и доставить их живьем. А перед решающей битвой кто-то попытался улизнуть с драгоценными узниками. Пахнет предательством, но это у них в заводе; какой-нибудь ражий и лихой орк решил дать тягу с живой добычей и отличиться в одиночку. Вот вам моя разгадка, можете разгадывать иначе. Ясно только, что хотя бы один из наших друзей спасся, и надо его найти и выручить: без этого нет нам пути в Ристанию. Раз судьба занесла его в Фангорн, придется следовать за ним, отринув страхи и опасения.

— Я уж и не знаю, что меня больше пугает: Фангорн или пеший путь в Ристанию, — проворчал Гимли.

— Тогда пошли в Лес, — сказал Арагорн.

Вскоре отыскались новые, опять-таки еле заметные хоббитские следы: возле берега Онтавы и под раскидистыми ветвями огромного дерева на самой опушке — земля там была голая и сухая.

— Уж один-то хоббит точно стоял здесь и озирался, а потом побежал в Лес, — сказал Арагорн.

— Значит, и нам Леса не миновать, — вздохнул Гимли. — Ох не по нутру мне этот Фангорн; и ведь сказано было — нам в него не забираться! За ними, так за ними, только бы не сюда.

— А я не думаю, что это злокозненный Лес, не внушает он мне опаски, — задумчиво произнес Леголас. Он стоял у лесного порога, подавшись вперед, вслушиваясь и вглядываясь в тусклую чащобу. — Кознями здесь и не пахнет; я, правда, чую слабое и дальнее злое эхо — наверно, где-нибудь в темной глуши деревья с гнилой сердцевиной таят недобрые замыслы. Но поблизости нет никакого лиходейства: просто Лес встревожен и рассержен.

— На меня-то за что ему сердиться? — буркнул Гимли. — Я ему худа не сделал.

— Не сделал, — подтвердил Леголас. — Но он и без тебя натерпелся. И еще — что-то такое в этом Лесу то ли творится, то ли готовится. Чувствуешь, как замерло все кругом? Дыханье перехватывает.

— Да, душновато, — согласился гном. — Лихолесье-то ваше куда погуще будет, и дух там спертый, но не такой затхлый, и деревья не такие ветхие.

— Древний Лес, очень древний, — проговорил эльф. — Я даже словно бы помолодел, а то с вами, детишками, я сущий дед-лесовик. Древний Лес, хранилище памяти. Мне бы здесь гулять да радоваться, кабы не война.

— Тебе-то конечно, — хмыкнул Гимли. — Ты как-никак лесной эльф, хотя все вы, эльфы, и лесные, и прочие, народ чудной. Однако ты меня приободрил. Что ж, куда ты, туда и я. Ты держи лук наготове, а я приготовлю секиру. Только пусть деревья не сердятся, — поспешно добавил он, покосившись на могучий дуб, под которым они стояли, — я их пальцем не трону. Просто не хочу, чтобы тот старик, чего доброго, застал нас врасплох, вот и все. Пойдемте!

Леголас и Гимли не отставали от Арагорна, а тот шел чутьем по грудам сухой листвы, меж ворохами валежника. «Беглецов, — рассудил он, — наверняка потянет к воде», — и держался близ берега Онтавы. Так они и вышли к тому месту, где Мерри и Пин напились, вымыли ноги и оставили две пары отчетли-

вых следов — побольше и поменьше.

— Добрая весточка, — сказал Арагорн. — Следы, правда, третьегодняшние, и похоже, что затем хоббиты пошли прочь от реки.

— Ну и как же нам быть? — спросил Гимли. — Прочесывать, что ли, весь Фангорн? Припасов у нас маловато. Хороши мы будем, ежели хоббиты найдутся через неделю-другую: усядемся рядком и для пущего дружества вместе ноги протянем.

— Хоть ноги вместе протянем, тоже неплохо, — сказал Арагорн. — В путь!

В свой черед они подошли к отвесу Древенной горы и, запрокинув головы, разглядывали щербленые ступени, ведущие на уступ. Сквозь быстрые рваные облака пробивалось солнце, оживляя и расцветчивая унылый серый лес.

— Взберемся наверх, оглядеться бы надо! — предложил Леголас. — Трудно все-таки дышится, а там воздух посвежее.

Арагорн пропустил друзей вперед и медленно поднимался следом, тщательно осматривая ступени и выступы.

— Почти уверен, что хоббиты здесь побывали, — сказал он. — Но следов их незаметно, а чьи тут небывалые следы — ума не приложу. Ладно, оглядимся, может, что и высмотрим.

Он выпрямился во весь рост и без особой надежды окинул взглядом окрестность. Уступ был обращен на юго-восток, с хорошим восточным обзором. Но виднелись только верхушки деревьев, серо-зеленой лавиной наползавших на степь.

— Изрядного мы крюка дали, — заметил Леголас. — Свернули бы на второй или третий день к западу от Великой Реки — и давным-давно все как один добрались бы досюда. Так ведь почему знать, куда тебе надо, пока не придешь.

— Нам вовсе и не надо было в Фангорн, — возразил Гимли.

— А попали мы сюда, как птички в силочку, — сказал Леголас. — Посмотри!

— Куда смотреть-то?

— Вон туда, в чащу.

— Ну и что ты там углядел своими эльфийскими глазами?

— Тише ты разговаривай! Смотри, смотри, — показал Леголас. — В лесу, на тропе, которой мы шли. Это он: видишь, пробирается между деревьями.

— Ага, теперь вижу! — зашептал Гимли. — Гляди, Арагорн! Говорил я тебе? Старик, он самый, в грязном сером балахоне, потому я его сначала и не заметил.

Арагорн присматривался к согбенному путнику: тот уже вышел из лесу у склона горы. С виду старый нищий, брел он еле-еле, подпираясь суковатым посохом; брел, устало понутив голову, не глядя по сторонам. В других землях они бы окликнули его, обратились с приветливым словом, а сейчас стояли молча, напрягшись в непонятном ожидании, чуя смутную и властную угрозу.

Гимли глядел во все глаза, как согбенный старец шаг за шагом приближался, и наконец не вытерпел, крикнул сдавленным шепотом:

— Бери лук, Леголас! Целься! Это Саруман. Не давай ему рта раскрыть, а то околдует! Стреляй сразу!

Леголас нацепил тетиву — медленно, будто вопреки чьей-то воле — и нехотя извлек стрелу из колчана, но к тетиве ее не приладил.

— Чего ты ожидаешься? Что это с тобой? — яростно прошептал Гимли.

— Леголас прав, — спокойно молвил Арагорн. — Нельзя беспричинно и без-

рассудно убивать немощного старика, чего бы мы ни опасались, что бы ни подозревали. Подождем, посмотрим!

Между тем старец вдруг ускорил шаг, мигом оказался у подножия каменной лестницы, поднял голову и увидел безмолвных наблюдателей на уступе, но не издал ни звука.

Лицо его скрывала накидка и нахлобученная поверх нее широкополая шляпа: виднелся лишь кончик носа да седая борода. Однако Арагорну показалось, что из-под невидимых бровей сверкнули острым блеском пронзительные глаза. Наконец старик нарушил молчание.

— С добрым утром, друзья! — негромко проговорил он. — Я не прочь с вами потолковать. Может, вы спуститесь или я поднимусь к вам?

Не дожидаясь ответа, он двинулся по ступеням.

— Ну же! — вскрикнул Гимли. — Стреляй в него, Леголас!

— Сказал же я, что не прочь потолковать с вами, — настойчиво повторил старик. — Оставь в покое лук, сударь мой эльф!

Лук и стрела выпали из рук Леголаса, и плечи его опустились.

— А ты, сударь мой гном, сделай милость, не хватайся за секиру! Она тебе пока не понадобится.

Гимли вздрогнул и замер, как изваянье, а старик горным козлом взлетел по ступеням: немощь его как рукой сняло. Он шагнул на уступ, сверкнув мгновенной белизной, точно белым одеяньем из-под засаленной ветоши. В тишине было слышно, как Гимли с присвистом втянул воздух сквозь зубы.

— Я повторяю, с добрым утром! — сказал старик, подходя к ним. За несколько футов он остановился, тяжело опершись на посох, вытянув шею и, должно быть, оглядывая всех троих таящимися под накидкой глазами. — Что привело вас в здешние края? Эльф, человек и гном — и все одеты по-эльфийски! Наверно, вам есть о чем порассказать: здесь такое не часто увидишь.

— Судя по твоим речам, ты хорошо знаешь Фангорн? — спросил в ответ Арагорн.

— Какое там! — отозвался старик. — На это ста жизней не хватит. Но я сюда иной раз захоживаю.

— Может быть, ты назовешься, и мы выслушаем тебя? — предложил Арагорн. — Утро на исходе, а мы торопимся.

— Меня вы уже выслушали: я спросил, что вы здесь делаете и что вас сюда привело. А имя мое!..

Старик залился тихим протяжным смехом. Холод пробежал по жилам Арагорна, и он встрепенулся, но это был не холодный трепет ужаса: он точно глотнул бодрящего морозного воздуха, ему точно брызнуло свежим дождем в лицо, прерывая тяжкий сон.

— Мое имя! — повторил старик, отсмеявшись. — А вы разве еще не угадали? Кажется, вам доводилось его слышать. Да наверняка доводилось. Лучше уж вы скажите, какими судьбами вас сюда занесло.

Но никто из троих не вымолвил ни слова.

— Можно подумать, что дела у вас неблагоприятные, — продолжал старик. — Но, по счастью, я о них кое-что знаю. Вы идете по следам двух юных хоббитов — так, кажется? Да, хоббитов. Не делайте вида, будто впервые слышите это слово. Вы его слышали прежде, да и я тоже. Они, хоббиты, стояли на этом

самом месте позавчера и здесь повстречались... скажем так, неведомо с кем. Любопытно вам это слышать? Или вы вдобавок захотите узнать, куда они после этого делись? Ладно уж, расскажу, что знаю. Однако почему мы стоим? Не так уж вы торопитесь, как вам кажется. Давайте-ка правда посидим, потолкуем.

Старик повернулся и отошел к россыпи валунов и высокой скале у отвесной кручи. И сразу же, словно рассеялось волшебство, все трое воспрянули. Гимли схватился за рукоять секиры, Арагорн обнажил меч, Леголас поднял свой лук.

Ничего этого как бы не замечая, старик присел на низкий и плоский обломок; его ветхий балахон распахнулся — да, он был весь в белом.

— Саруман! — крикнул Гимли, подскочив к нему с занесенной секирой. — Говори! Говори, куда упрятал наших друзей! Что ты с ними сделал? Говори живей, колдовством не спасешься, я надвое раскрою тебе череп вместе со шляпой!

Но старик опередил его. Он вскочил на ноги, одним махом вспрыгнул на скалу и внезапно вырос, как слепящий столп, сбросив накидку вместе с балахоном. Сверкало его белое одеяние. Он воздел посох, и секира Гимли бессильно звякнула о камни. Меч Арагорна запламенел в его недрогнувшей руке. Леголас громко вскрикнул, и стрела его, полыхнув молнией, прыгнула в небеса.

— Митрандир! — возгласил он затем. — Это Митрандир!

— Повторяю тебе: с добрым утром, Леголас! — промолвил старец.

Пышные волосы его блистали, как горный снег, сияло белоснежное облачение, ярко светились глаза из-под косматых бровей, и мощь была в его поднятой руке. От изумленья, ужаса и восторга все трое приросли к земле и утратили дар речи.

Гэндальф Белый. Тим Хильдебрандт

Наконец Арагорн обрел язык.

— Гэндальф! — воскликнул он. — Ты ли это возвратился в час нашего отчаяния! Как мог я тебя не узнать, о Гэндальф!

Гимли молча упал на колени, закрыв руками лицо.

— Гэндальф, — повторил старец, как бы припоминая давно забытое имя. — Да, так меня звали. Я был Гэндальфом.

Он сошел со скалы, поднял сброшенную серую хламиду и снова облачился в нее — будто просиявшее солнце утонуло в туче.

— Да, можете по-прежнему называть меня Гэндальфом, — сказал он, и голос его зазвучал, как прежде, стал голосом старого друга и наставника. — Встань, мой добрый Гимли! Нет за тобой вины, и вреда ты мне не нанес. Да по правде говоря, и не мог: я неуязвим для вашего оружия. Приободритесь же! Вот мы и встретились снова, на гребне вскипевшей волны. Грядет великая буря, но эта волна спадает.

Он возложил руку на круглую голову Гимли; гном поднял глаза и внезапно рассмеялся.

— Точно, Гэндальф! — признал он. — Но почему ты в белом?

— Теперь мне пристало белое одеяние, — отвечал Гэндальф. — Можно даже сказать, что я теперь Саруман — такой, каким ему надлежало быть. Но это по-

том, Расскажи-те-ка о себе! Я не тот, кого вы знали! Я сторел в черном пламени, захлебнулся в ледяных подземных водах. Забылось многое из того, что было мне ведомо прежде, и многое ведомо заново — из того, что было забыто. Я отчетливо вижу дали, а вблизи все как в тумане. Рассказывайте о себе!

— Что ты хочешь узнать? — спросил его Арагорн. — Столько всякого приключилось с тех пор, как мы вышли из Мории; это долгая повесть. Скажи нам сперва про хоббитов — ты нашел их, они целы и невредимы?

— Нет, я их не нашел и не искал, — покачал головой Гэндальф. — Долины Привражья были покрыты мглой, и я не знал, что их захватили в плен, пока орел не сказал мне об этом.

— Орел! — воскликнул Леголас. — Я видел орла в дальней выси: последний раз над Привражьем, четвертого дня.

— Да, — подтвердил Гэндальф, — это был Гвайгир Ветробой, тот, что вызволил меня из Ортханка. Я послал его в дозор, следить за Великой Рекой и разведать новости. Немало, однако, укрылось от его орлиного глаза в лесах и лощинах, и то, чего он не увидел, потом разузнал я сам. Хранитель Кольца ушел далеко, и подмоги ему не будет ни от меня, ни от вас. Черный Властелин едва не отыскал свое орудие всевластья; но этого не случилось, отчасти и потому, что я из заоблачных высей противился его непреклонной воле и отвел ее от Кольца: Тень пронеслась мимо. Но я тогда обессилел, совсем обессилел — и долго потом блуждал во мраке забвенья.

— Значит, про Фродо ты все знаешь! — обрадовался Гимли. — Где он, что с ним?

— Этого я не знаю. Он избегнул страшной опасности; но впереди его ждут другие, еще пострашнее. Он решился один-одинешенек идти в Мордор и от-

правился в путь — вот все, что мне известно.

— Не одинешенек, — сказал Леголас. — Похоже, Сэм увязался за ним.

— Вот как! — Гэндальф улыбнулся, и глаза его блеснули. — Увязался, значит? Это для меня новость, впрочем предвиденная. Хорошо! Хорошо, что это сбылось! Мне стало легче на сердце. Присядьте и расскажите подробнее о своих злоключениях.

Друзья уселись у его ног, и Арагорн повел рассказ. Гэндальф долго слушал молча, прикрыв глаза и положив руки на колени, и вопросов не задавал. И лишь когда Арагорн поведал о гибели Боромира и о скорбном отплытии его праха по Великой Реке, старик вздохнул.

— Ты сказал не все, что знаешь или о чем догадался, друг мой Арагорн, — мягко заметил он. — Бедняга Боромир! А я-то недоумевал, что с ним приключилось. Трудное выпало испытание ему, прирожденному витязю и военачальнику. Галадриэль говорила мне, что с ним неладно. Но он победил себя — честь ему и хвала. Значит, недаром мы взяли с собой юных хоббитов — даже если только ради Боромира. На самом же деле — не только ради него. Орки, на свою беду, дотащили их до Фангорна... да, мелкие камушки обрушивают горный обвал. Далекий гул его слышен уже сейчас — и горе Саруману, если он не успеет укрыться от лавины за крепостными стенами!

— В одном ты вовсе не изменился, дорогой друг, — сказал ему Арагорн. — Ты по-прежнему говоришь загадками.

— Да? Разве? — отозвался Гэндальф. — Нет, я просто говорил вслух сам с собой. Стариковский обычай: избирай собеседником мудрейшего — молодежи слишком долго все объяснять.

Он рассмеялся, но теперь и смех его был ласков, как теплый солнечный луч.

— Меня молодым не назовешь, даже в сравнение с королями древности, — возразил Арагорн. — Ты разъясни, попробуй, а я постараюсь понять.

— Как же мне вам разъяснить, чтоб всем троим было понятно? — призадумался Гэндальф. — Ладно, попробую — вкратце и как нельзя проще. Враг, разумеется, давно уже выведал, что Кольцо в наших руках и что оно доверено хоббиту. Он знает, сколько нас отправилось в путь из Раздола, знает, кто мы такие, про всех и каждого. Покамест неведома ему лишь наша цель. Он думает, что все мы держим путь в Минас-Тирит, ибо так он поступил бы на нашем месте. И поступил бы мудро, подрывая и умаляя враждебную мощь. Сейчас он в великом страхе ждет внезапного появления неведомого и могучего недруга, который наденет Кольцо, дабы низвергнуть его бывшего Властелина и самому воцариться на черном троне. Что мы хотим лишь низвергнуть, а не заменить его — это превыше его разумения. Что мы хотим уничтожить Кольцо — это ему и в самом страшном сне не приснится. Таков неверный залог нашей удачи, зыбкое основание надежды. Опережая призрак, он поспешил с войной: ведь если первый удар — смертельный, то второго не надо. И вот по мановению его зашевелились — раньше намеченного — давно и втайне снаряжавшиеся полчища. Мудрый глупец! Ему бы всеми силами охранять Мордор, чтоб туда муха не залетела, и всеми средствами охотиться за Кольцом — и не было бы у нас никакой надежды: с помощью самого Кольца он быстро отыскал бы его Хранителя. Но взор его рыщет за пределами Мордора и вперяется в Ми-

нас-Тирит. Скоро, очень скоро на Гондор обрушится грозная буря.

Ибо уже известно ему, что лазутчики, высланные наперехват Хранителям, сгинули без следа. Кольцо не отыскалось. И заложников-хоббитов ему не доставили. Если бы удалось хоть это, судьба наша повисла бы на волоске. Но не стоит беречь сердце ужасами испытаний, ожидавших хрупкую стойкость наших малышей в застенках Черного Замка. Пока что планы Врага сорвались — благодаря Саруману.

— Так значит, Саруман — не предатель? — удивился Гимли.

— Предатель, конечно, — сказал Гэндальф. — Вдвойне предатель. Ну не чудеса ли? Из наших недавних горестей горше всего казалась нам измена Сарумана; к тому же, сделавшись владыкой и воеводой, он большую силу набрал. Он сковал угрозой Мустангрим, и отсюда не шлют дружины в Минас-Тирит, на защиту от нашествия с востока. Но изменник всегда сам себе петлю вьет. Саруман возмечтал овладеть Кольцом или же захватить хоббитов и выпытать у них всю подноготную. А удалось ему на пару с Сауроном всего лишь вихрем домчать Мерри и Пина к Фангорну, и они как раз вовремя оказались там, куда бы иначе нипочем не попали!

А обоюдные подозрения путают их планы. В Мордоре о битве у опушки ничего не знают, спасибо ристанийским конникам; зато известно, что в Привражье были захвачены в плен два хоббита и что их умыкнули в Изенгард вопреки велению Черного Властелина. Теперь ему надо остерегаться Изенгарда на придачу к Минас-Тириту. И если Минас-Тирит падет, худо придется Саруману.

— Как жаль, что наши друзья поневоле мешают им сцепиться! — заметил Гимли. — Будь Изенгард и Мордор соседями, дрались бы они между собой, а нам было бы легче разделаться с обессиленным победителем.

— Мощь победителя возросла бы вдвое, а сомнения исчезли бы, — возразил Гэндальф. — Да и куда Изенгарду воевать с Мордором — разве что Саруман прибрал бы к рукам Кольцо, но теперь это ему больше не грозит. Он и сам еще не ведает, в какую петлю угодил. Вообще ему многое невдомек. Он так спешил ухватить добычу, что не усидел дома, вышел навстречу своим лазутчикам. Но опоздал: лишь куча пепла осталась от его свирепой своры. Недолго он здесь бродил. Его сомнения и помыслы ясны мне до смешного. В лесной науке он не смыслит: что ему Фангорн! Он решил, что конники перебили всех без разбора и спалили все трупы, а были с орками пленники или нет — это ему неизвестно. Он ничего не ведает ни о распре своих молодцов с посланцами Мордора, ни о Крылатом Супостате.

— Какой еще Крылатый Супостат! — перебил Леголас. — Я его подстрелил из лориэнского лука над Взгорным Перекатом; он рухнул в воду. Нагнал он на нас страху. А что это было за чудище?

— Это чудище стрелой не достанешь, — сказал Гэндальф. — Ты спешил всадника, добро тебе, но он опять верхом. Это назгул, один из Девятерых, они теперь носятся на крылатых тварях. Скоро эти невиданные чудища, черной тучей затмевая небеса, нависнут над последними ратями Запада, и ужас оледенит сердца наших воинов. Но пока что им не велено перелетать за Великую Реку, и Саруман еще не проведал о новом обличье Кольценосцев. В мыслях у него одно Кольцо: а вдруг его нашли на поле брани? Что, если оно теперь у Теодена, конунга Мустангрима, что, если он распознает Кольцо и сумеет им воспользоваться? Это страшит Сарумана больше всего; потому он и кинулся

назад в Изенгард, чтобы удвоить и утроить натиск на Ристанию. А угроза таится вовсе не там, куда обращен его воспаленный взор. Угроза у него под боком: про Древня-то он и думать забыл.

— Ты опять говоришь сам с собой, — улыбнулся Арагорн. — Я не знаю, кто такой Древень. О двойном предательстве Сарумана я догадался; но какой прок в том, что судьба забросила хоббитов в Фангорн, а мы попусту сбились с ног и потеряли время?

— погоди, погоди! — вмешался Гимли. — Я сперва хочу про другое спросить. Вчера-то вечером кто был на опушке — ты, Гэндальф, или же Саруман?

— Меня там вчера вечером не было, — отвечал Гэндальф, — стало быть, вы видели Сарумана. Должно быть, мы так схожи, что ты недаром покушался раскроить надвое мою шляпу.

— Ладно, ладно! — сказал Гимли. — Я рад, что это был не ты.

— Еще бы, о досточтимый гном, — опять рассмеялся Гэндальф. — Приятно все-таки хоть в чем-то не ошибиться. Мне ли, увы, этого не знать? Но ты не подумай, я на тебя ничуть не в обиде за приветливую встречу. Разве не я всегда твердил друзьям, чтобы они на всякий случай опасались собственной тени? Так что хвала тебе, Гимли, сын Глоина! Может быть, тебе однажды доведется увидеть рядом меня и Сарумана — тогда и разберешься.

— О хоббитах речь! — напомнил Леголас. — Мы прибежали сюда сломя голову их выручать, а ты, оказывается, знаешь, где они? Говори, где!

— Там же, где Древень и прочие онты, — отвечал Гэндальф.

— Онты! — повторил Арагорн. — Значит, не врут старые небылицы об исполинах-древопасах из лесной глуши? Есть еще онты на белом свете? А я думал, это обманный отзвук былых дней или просто ристанийские байки.

— Ристанийские! — воскликнул Леголас. — Да любой тебе эльф в Глухоманье слышал и помнит жалобные песни про онодримское разлучение! Но даже и для нас это древние были. Вот бы мне встретить живого онта, тогда бы я и вправду помолодел! Но «Древень» — это же «Фангорн» на всеобщем языке, а ты ведь говорил не о Лесе. Кто такой Древень?

— Ну и вопрос, — вздохнул Гэндальф. — Я о нем совсем немного знаю, а начни я рассказывать, и этой незатейливой повести конца не будет видно. Древень — это и есть Фангорн, главный здешний лесовод, извечный обитатель Средиземья. А знаешь, Леголас, возможно, ты с ним еще и встретишься. Вот Мерри с Пином повезло: они на него наткнулись прямо здесь, где мы сидим. Третьего дня он унес их к себе в гости на другой конец Леса, к горным подножиям. Он сюда частенько заходит, когда ему беспокойно — а нынешние слухи один другого тревожней. Я видел его четверо суток назад: он бродил по Лесу и, кажется, заметил меня, даже остановился — но я не стал с ним заговаривать; меня угнетали мрачные мысли, и я был изнурен поединком с Оком Мордора. Он промолчал и не окликнул меня.

— Наверно, он тоже принял тебя за Сарумана, — предположил Гимли. — Но ты о нем говоришь так, точно это друг. А вроде бы Фангорна надо остерегаться?

— Остерегаться! — усмехнулся Гэндальф. — Меня тоже надо остерегаться: опасней меня ты в жизни никого не встретишь, разве что тебя приволокут живьем к подножию трона Черного Владыки. И Арагорна надо остерегаться, и Леголаса. Поберегись, Гимли, сын Глоина, да и тебя тоже пусть поберегутся!

Конечно, Фангорн-Лес опасен — особенно для тех, кто размахивает топорами; и опасен лесной страж Фангорн — однако же мудрости и доброты ему не занимать. Веками копились его обиды, чаша терпения переполнилась, и весь Лес напоен гневом. Хоббиты с их новостями расплескали чашу и обратили гнев на Сарумана, на изенгардских древорубов. И будет такое, чего не бывало со Дней Предначальных: смиренные онты, воспрянув, познают свою непомерную силу.

— А что они могут? — изумленно спросил Леголас.

— Не знаю, — сказал Гэндальф. — Если бы я знал! Должно быть, и сами они этого не ведают.

Он замолчал, низко склонив голову.

Друзья не сводили с него глаз. Проглянувшее солнце озарило его руки и наполнило пригоршни светом, словно живую чашу. Он обратил лицо к небесам.

— Близится полдень, — сказал он. — Пора в путь.

— Пойдем туда, где сейчас Древень и хоббиты? — спросил Арагорн.

— Нет, — отвечал Гэндальф. — Наш путь не туда лежит. Я вас обнадежил, но от надежды до победы как до звезды небесной. Война зовет нас; все наши друзья уже сражаются. Верную победу в этой войне сулит одно лишь Кольцо. Скорбь и тревога обуревают меня, ибо впереди великие утраты, а может статься, и всеобщая гибель. Я — Гэндальф, Гэндальф Белый, но черные силы ныне превозмогают.

Он поднялся и устремил на восток пристальный взор из-под ладони, вглядываясь в непроницаемую даль. И покачал головой.

— Нет, — сказал он тихо, — его уже не вернуть: порадуемся хотя бы этому. Кольцо перестало быть для нас искушеньем. Мы пойдем навстречу отчаянию и гибели, но эта смертельная опасность миновала. — Он обернулся. — Мужайся, Арагорн, сын Араторна! В долине Привражья, в горестный час ты выбрал свой жребий: не сожалей о выборе, не называй вашу погоню тщетной. В тяжком сомнении ты избрал путь, указанный совестью. Ты поступил правильно, и награда не замедлила: мы с тобой встретились вовремя — беда, если бы разминулись. Спутники твои как хотят; они свое исполнили. Тебе же должно спешить в Эдорас, к трону Теодена, и да заблещет ярче всех молний меч твой Андрил, стосковавшийся по сече! Ристания охвачена войной, но страшнее войны — немощь Теодена.

— Значит, мы больше никогда не увидим веселых малышей-хоббитов? — спросил Леголас.

— Я этого не говорил, — сказал ему Гэндальф. — Почем знать? Иди туда, где ты нужен, наберись терпенья и не теряй надежды. Итак, в Эдорас! Мне с вами пока по пути.

— Пешему путнику — и старому, и молодому — долго отсюда брести до Эдораса, — сказал Арагорн. — Пока мы дойдем, все битвы уже отгремят.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Гэндальф. — Так ты идешь со мной?

— Да, мы пойдем вместе, — ответил Арагорн. — Но ты, конечно, опередишь меня, если захочешь.

Он поднялся и долгим взглядом посмотрел на Гэндальфа. Они стояли друг против друга, и в молчанье наблюдали за ними Леголас и Гимли. Суров, как серое каменное изваяние, высился Арагорн, сын Араторна, держа руку на мече; казалось, величавый исполин явился из-за морей на берег своей державы. А перед ним ссутулился согбенный годами старец, весь в белом сиянье, наде-

ленный властью превыше царей земных.

— Поистине сказал я, Гэндальф, — произнес наконец Арагорн, — что ты всегда и везде опередишь меня, если захочешь. И скажу еще вот что: ты — ниспосланный нам предводитель. У Черного Владыки Девятеро приспешников. Но властительней, чем они все, наш Белый Всадник. Он прошел сквозь огонь, бездна не поглотила его; и они рассеются перед ним. А мы пойдем вслед за ним, куда он нас поведет.

— Втроем не отстанем, — подтвердил Леголас. — Только все-таки, Гэндальф, расскажи ты нам, что выпало на твою долю в Мории. Неужто не расскажешь? Велико ли промедленье — а на сердце у друзей как-никак полегчает!

— Я уж и так промедлил, а время не ждет, — сказал Гэндальф. — Да и рассказов тут хватит на год с лишним.

— На год с лишним не надо, а полчаса можно, — попросил Гимли. — Расскажи хотя бы, как ты разделался с Барлогом.

— Не именуй его! — Гэндальф вздрогнул, лицо его мертвенно посерело, и он застыл в молчании. — Падал я очень долго, — наконец выговорил он, припоминая как бы через силу. — Я очень долго падал, а тот падал вместе со мной и опалил меня своим огнем до костей. Потом нас поглотили черные воды, и замогильный мрак оледенил мое сердце.

— Бездонна пропасть под Мостом Дарина, и несть ей меры, — глухо произнес Гимли.

— Она не бездонна, она лишь неимоверна, — сказал Гэндальф. — И однако ж я достиг ее дна, последней каменной глубины. Но он был со мной; лишившись огня, он сделался скользким и могучим, как огромный удав.

И там, в заподземном глухом тупике, мы продолжали бой. Он сдавливал меня змеиной хваткой, а я разил его мечом, и он бежал от меня по извилистым узким проходам, не кирками народа Дарина прорубленным, о Гимли, сын Глоина. Так глубоко не забирался ни один гном; каменные корневища гор источены безымянными тварями, неведомыми самому Саурону, ибо они древнее его. О тамошнем крошечном ужасе я молчу, чтоб не омрачить дневной свет. Выбраться оттуда я мог лишь вслед за врагом; я гнался за ним по пятам, и волей-неволей он вывел меня наконец к потайным ходам Казад-Дума: вверх и вверх вели они, и мы очутились на Бесконечной Лестнице.

— О ней уж и память изгладилась, — вздохнул Гимли. — Одни говорят, что это — сказка, другие — что Лестницу давным-давно разрушили.

— Это не сказка, и давным-давно ее не разрушили. В ней много тысяч ступеней, и винтом восходит она от каменных подземелий к Башне Дарина, вытесанной в остроконечной скале, вершине Зиракзигила, иначе Среброга, Келебдора по-среднеэльфийски.

Там, за одиноким окном, прорезью в оснеженном льду, был узкий выступ, точно орлиное гнездовье над мгlistым покровом гор. Сверху ярилось солнце, внизу залегли облака. Я выпрыгнул наружу вслед за ним, а он вспыхнул огненной головней. Ничьи глаза не видели этого Поединка на Вершине Вершин, а то бы песни о нем, может статься, пережили века. — И Гэндальф вдруг рассмеялся. — Но о чем тут слагать песни? Издали заметили только страшную грозу на вершине Келебдора: грохотал, говорят, гром, и молния за молнией разрывались лоскутьями пламени. Может, для песен и этого хватит? Дым сто-

ял над нами столбом, клубился смрадный пар, сыпалось ледяное крошево. Я одолел врага; он низвергся с заоблачных высот, в паденье обрушивая горные кручи. Но тьма объяла меня, и я блуждал в безначальном безвременье, путями, тайна которых пребудет нерушима.

Нагим меня возвратили в мир — ненадолго, до истечения сроков. И очнулся я на вершине горы. Ни окна, ни самой Башни не было; Лестницу загромоздили груды обожженных каменьеv. Я лежал один, не чая спасенья и помощи ниоткуда, на кремнистой крыше мира. Надо мною вершился звездный круговорот, и дни казались мне веками. Я внимал смутному, слитному ропоту земного бытия: предсмертным крикам и воплям рожениц, застольным песням и погребальному плачу и медленным, тяжким стонам утомленного камня. И прилетел Гваигир Ветробой; он меня поднял и понес неведомо куда.

«Ты поистине друг в беде, а я — твое вечное бремя», — сказал я ему.

«Был ты когда-то бременем, — проклекотал он, — но нынче ты не таков. Лебединое перышко несущая я в своих когтях. Солнечные лучи пронизывают тебя. И я тебе больше не нужен: отпущу — и ты поплывешь с потоками ветра».

«Не надо, не отпускай! — попросил я, понемногу возвращаясь к жизни. — Отнеси меня лучше в Кветлориэн!»

«Так мне и повелела Владычица Галадриэль, высылая меня за тобою», — отвечал он.

И принес он меня в Галадхэн, откуда вы недавно перед тем отплыли. Вы знаете, время там не старит, а целит, и я исцелился. Меня облачили в белые одежды. Я был советчиком и принимал советы. Необычной дорогой пришел я оттуда и принес вам устные посланья. Арагорну сказано так:

*На сумеречном Севере блесни, Эльфийский Берилл!
Друзей призови к оружию и родичей собери.
Они увидят, услышат — и откликнутся все, кто жив, —
И Серая выйдет Дружина на южные рубежи.
Тебе же сужден одинокий и непомерный труд:
Прямую дорогу к Морю мертвые стерегут.
А тебе, Леголас, Галадриэль передала вот что:
Царевич из Лихолесья! Под сенью лесной
Жил ты себе на радость. Но потеряешь покой!
Возгласы быстрых чаек и рокот прибрежной волны
Станут тебе отрадней возлюбленной тишины.*

Гэндальф замолк и прикрыл глаза.

— А мне, значит, ничего нет? — спросил Гимли и повесил голову.

— Темны слова ее, — сказал Леголас. — Моему уху они ничего не говорят.

— Для меня это не утешение, — буркнул Гимли.

— Тебе что, больше всех надо? Хочешь, чтобы она предрекла твою гибель?

— Да, хочу, если больше ей нечего мне передать.

— О чем вы там? — спросил Гэндальф. — Нет, моему уху обращенные к вам слова кое-что говорят. Прошу прощенья, Гимли! Я просто сызнова обдумывал эти два ее послания. Но есть и третье, не туманное и не скорбное.

— «Гимли, сыну Глоина, — сказала она, — поклон от его Дамы. Хранитель моей пряди, мысли мои неотлучно следуют за тобой. Да не остынет твоя доблесть, и пусть рубит твоя секира лишь то, что должно рубить!»

— В добрый час ты вернулся к нам, Гэндальф! — возгласил Гимли и пустил-

ся в пляс под диковатый напев на гномьем языке. — Ну, теперь держитесь! — кричал он, вертя топором над головой. — С Гэндальфом я, конечно, дал маху, но уж в следующий раз рубанем кого надо на славу!

— Следующего раза недолго ждать, — пообещал Гэндальф, вставая с камня. — Что ж, поговорили — и будет с нас на первый случай. Пора в путь!

Он снова завернулся в свою ветхую хламиду и пошел первым. Молча и быстро спустились они с горы, добрались до Онтавы и берегом вышли к опушке, на лужайку под развесистым дубом. Лошадей было по-прежнему не видеть и не слышать.

— Не возвратились они, — заметил Леголас. — Пешком побредем.

— Некогда мне пешком ходить, — сказал Гэндальф. Он задрал голову и зашвистел так пронзительно-звонко, что все на него обернулись — неужто свист этот издал благообразный старец с пышной бородой? Он просвистел трижды; им почудилось, будто восточный ветер донес издалека ржание лошадей, и они изумленно прислушались. Арагорн лег, приложил ухо к земле и почувал дальнейшее содроганье; вскоре оно превратилось в цокот быстрых копыт, стучавших все четче и ближе.

— Скачет не одна лошадь, — сказал Арагорн.

— Конечно, не одна, — отозвался Гэндальф. — Одной на четверых маловато.

— Их три! — воскликнул Леголас, вглядываясь в степную даль. — Вот скачут так скачут! Да это Хазуфел, и Арод мой с ним! Но третий мчится впереди: огромный конь, я таких в жизни не видывал.

— И не увидишь, — молвил Гэндальф. — Это Светозар, вожак царственного табуна Бэмаров: такой конь в диковинку самому конунгу Теодену. Видишь — он блещет серебром, а бег его плавен, точно живой ручей! Конь под стать Белому Всаднику, мой соратник в грядущих битвах.

Так говорил старый маг; и пышногривый красавец конь на скаку появился вдали, весь в серебряных бликах. Хазуфел и Арод поотстали, а Светозар приблизился легкой рысью, стал, склонил горделивую шею и положил голову на плечо старика. Гэндальф ласково потрепал его по холке.

— Далек был путь от Раздола, друг мой, — сказал он, — но ты не промедлил и примчался в самую пору. Теперь поскачем вместе и уж более не разлучимся до конца дней! Мы спешим в Медусельд, в тронный чертог вашего господина, — обратился Гэндальф к двум другим коням, стоявшим поодаль как бы в ожидании. Они понятливо склонили головы. — Время наше на исходе; позвольте, друзья мои, мы поедем верхом, и просим вас бежать со всею резвостью. Седок Хазуфела — Арагорн, Арода — Леголас. Гимли я посажу перед собою: надеюсь, Светозару будет не в тягость двойная ноша. Тронемся в путь немедля, только напьемся воды у Онтавы.

— Теперь хоть я понимаю, что случилось ночью, — сказал Леголас, взлетев на коня. — Сначала их, может быть, и спугнули, а потом они с радостным ржаньем понеслись навстречу своему вожаку Светозару. Ты знал, что он неподалеку, Гэндальф?

— Знал, — ответил маг. — Я устремил к нему мысль и призывал его поспешить, ибо вчера еще он был далеко на юге. А нынче помчится обратно — серебряной стрелой!

Гэндальф склонился к уху Светозара, и тот прынул с места, оглянувшись на собратьев; круто свернул к Онтаве, мигом отыскал покатый береговой спуск и брод, пересек реку и поскакал на юг по безлесной плоской равнине, колыхавшей от края до края серые травяные волны. Ни дорог, ни тропинок не было и в помине, но Светозар несся, точно летел над землей.

— Скачет напрямик на Эдорас, к подножиям Белых гор, — объяснил Гэндальф. — Так, конечно, быстрее. Есть туда и наезженная дорога, она осталась за рекой, в Остемнете, и сильно забирает на север, а здесь бездорожье, но Светозар каждую кочку знает.

Тянулись дневные часы, а они все ехали приречьем, заболоченными лугами. Высокая трава порой охлестывала колени всадников, и кони их словно плыли в серо-зеленом море. Ехали, минуя глубокие промоины и коварные топи среди зарослей осоки; Светозар скакал как посуху, и оба других коня поспешали за ним след в след.

Солнце медленно клонилось к западу; далеко-далеко, за бескрайней равниной, трава во всю ширь занялась багрянцем и, надвинувшись, озарились багровым отсветом склоны гор. А снизу подымалось и кровянило солнечный диск меж горами дымное облако: закат пламенел, как пожар.

— Это Врага Ристании, — объявил Гэндальф, — они прямо к западу от нас. А вон там, севернее, Изенгард.

— Дым валит тучей, — пригляделся Леголас. — Там что, большой пожар?

— Большая битва! — сказал Гэндальф. — Вперед!

Глава VI Конунг в золотом чертоге

Закат догорел, понемногу смерилось, потом стустилась ночная тьма. Они скакали во весь опор; когда же наконец остановились, чтоб дать отдых лошадям, то даже Арагорн пошатнулся, спешившись. Гэндальф объявил короткий ночлег. Леголас и Гимли разом уснули; Арагорн лежал на спине, раскинув руки; лишь старый маг стоял, опершись на посох и вглядываясь в темноту на западе и на востоке. В беззвучной ночи шелестела трава. Небо заволкло, холодный ветер гнал и рвал нескончаемые облака, обнажая туманный месяц. Снова двинулись в путь, и в жидком лунном свете кони мчались быстро, как днем.

Больше не отдыхали; Гимли клевал носом и наверняка свалился бы с коня, если б не Гэндальф: тот придерживал и встряхивал его. Хазуфел и Арод, изнуренные и гордые, попевали за своим вожаком, за серой еле заметной тенью. Миля за милей оставались позади; бледный месяц скрылся на облачном западе.

Выдался знобкий утренник. Мрак на востоке поблек и засерел. Слева, из-за дальних черных отрогов Привражья, брызнули алые лучи. Степь озарил яркий и чистый рассвет; на их пути заметался ветер, вороша поникшую от холода траву. Внезапно Светозар стал как вкопанный и заржал. Гэндальф указал рукой вперед.

— Взгляните! — крикнул он, и спутники его подняли усталые глаза. Перед

ними возвышался южный хребет, крутоверхие белые громады, изборожденные рытвинами. Зеленело холмистое угорье, и прилив степной зелени устремлялся в глубь могучей гряды — клиньями еще объятых темнотою долин. Взорам открылась самая просторная и протяженная из них. Она достигала горного узла со снежною вершиной, а широкое устье разлога стерегла отдельная гора за светлым речным витком. Еще неблизкое ее взлобье золотилось в утренних лучах.

— Ну, Леголас! — сказал Гэндальф. — Поведай нам, что ты видишь!

Леголас заслонила глаза от рассиявшегося солнца.

— Я вижу, со снеговых высей, блистая, бежит поток, исчезает в разлоге и возникает из мглы у подошвы зеленой горы, близ восточной окраины дола. Гора обнесена мощной стеной, остроконечной оградой и крепостным валом. Уступами вздымаются крыши домов; венчает крепость круглая зеленая терраса с высоким дворцом. Кажется, он крыт золотом: так и сияет. И дверные столбы золотые. У дверей стража в сверкающих панцирях; во всей крепости никакого движенья — видно, еще спят.

— Крепость называется Эдорас, — сказал Гэндальф, — а златоверхий дворец — Медусельд. Это столица Теодена, сына Тенгела, властителя Мустангрима. Хорошо, что мы подоспели к рассвету: вот она, наша дорога. А ехать надо с оглядкой — время военное, и коневоды-ристанийцы не спят и не дремлют, мало ли что издали кажется. Не прикасаться к оружию и держать языки на привязи — это я всем говорю, да и себе напоминаю. Надо, чтобы нас добром пропустили к Теодену.

Стояло хрустальное утро, и птицы распевали вовсю, когда они подъехали к реке. Она шумно изливалась в низину, широким извивом пересекая их путь и унося свои струи на восток, к камышовым заводям Онтавы. Сырые пышные луговины и травянистые берега заросли ивняком, и уже набухали, по-южному рано, густо-красные почки. Мелкий широкий брод был весь истоптан копытами. Путники переправились и выехали на большую колеистую дорогу, ведущую к крепости мимо высоких курганов у подошвы горы. Их зеленые склоны с западной стороны подернуло, точно снегом, звездчатыми цветочками.

— Смотрите, — сказал Гэндальф, — как ярко они белеют! Называются поминальниками, по-здешнему *симбельмейны*, кладбищенские цветы, и цветут они круглый год. Да-да, это все могильники предков Теодена.

— Семь курганов слева, девять — справа, — подсчитал Арагорн. — Много утекло жизней с тех пор, как был воздвигнут золотой чертог.

— У нас в Лихолесье за это время пять сотен раз осыпались красные листья, — сказал Леголас, — но, по-нашему, это не срок.

— Это по-вашему, а у мустангримцев другой счет времени, — возразил Арагорн. — Лишь в песнях осталась память о том, как построили дворец, а что было раньше, уж и вовсе не помнят. Здешний край они называют своей землей, и речь их стала невнятна для северных сородичей.

Он завел тихую песню на медлительном языке, неведомом ни эльфу, ни гному, но им обоим понравился ее протяжный напев.

— Послушать, так ристанийское наречие, — сказал Леголас, — и правда звучит по-здешнему, то красно и раздольно, то жестко и сурово: степь и горы. Но я, конечно, ничего не понял. Слышится в песне печаль о смертном уделе.

— На всеобщий язык, — сказал Арагорн, — это можно перевести примерно

так:

*Где ныне конь и конный? Где рог его громкозвучающий?
Где его шлем и кольчуга, где лик его горделивый?
Где сладкозвучная арфа и костер, высоко горящий?
Где весна, и зрелое лето, и золотистая нива?
Отгремели горной грозой, отшумели степными ветрами,
Сгнули дни былые в закатной тени за холмами.
С огнем отплясала радость, и с дымом умчалось горе,
И невозвратное время не вернется к нам из-за Моря.*

Такое поминанье сочинил давно забытый ристанийский песенник в честь Отрока Эорла, витязя из витязей: он примчался сюда с севера, и крылья росли возле копыт его скакуна Феларофа, прародителя нынешних лошадей Мустангрима. Вечерами, у костров, эту песню поют и поныне.

За безмолвными курганами дорога вкруговую устремилась вверх по зеленому склону и наконец привела их к прочным обветренным стенам и крепостным воротам Эдораса.

Возле них сидели стражи, числом более десятка; они тотчас повскакивали и преградили путь скрещенными копьями.

— Ни с места, неведомые чужестранцы! — крикнули они по-ристанийски и потребовали затем назвать себя и изъяснить свое дело. Изумленье было в их взорах и ни следа дружелюбия; на Гэндальфа они глядели враждебно.

— Добро вам, что я понимаю ваш язык, — отозвался тот на их наречии, — но странники знать его не обязаны. Почему вы не обращаетесь на всеобщем языке, как принято в западных землях?

— Конунг Теоден повелел пропускать лишь тех, кто знает по-нашему и с нами в дружбе, — отвечал самый видный из стражей. — В дни войны к нам нет входа никому, кроме мустангримцев и гондорцев, посланцев Мундбурга. Кто вы такие, что безмятежно едете в диковинном облаченье по нашей равнине верхом на конях, как две капли воды схожих с нашими? Мы стоим на часах всю ночь и заметили вас издалека. В жизни не видели мы народа чуднее вас и коня благородней того, на котором вы сидите вдвоем. Он из табуна Бэмаров, или же глаза наши обмануты колдовским обличьем. Ответствуй, не ведьмак ли ты, не лазутчик ли Сарумана, а может, ты чародейный призрак? Говори, ответствуй немедленно!

— Мы не призраки, — отвечал за Гэндальфа Арагорн, — и глазам своим можете верить. Что кони это ваши — знаете сами, нечего и спрашивать зря. Однако же редкий конокрад пригоняет коня хозяевам. Это вот — Хазуфел и Арод: Эомер, Третий Сенешаль Мустангрима, одолжил их нам двое суток назад. Мы их доставили в срок. Разве Эомер не вернулся и вас не предупредил?

Страж, как видно, смутился.

— Об Эомере у нас речи не будет, — молвил он, отводя глаза. — Если вы говорите правду, то конунга, без сомнения, надо оповестить. Пожалуй, вас, и то сказать, поджидают. Как раз две ночи назад к нам спускался Гнилоуст: именем Теодена он не велел пропускать ни единого чужестранца.

— Гнилоуст? — сказал Гэндальф, смерив его строгим взглядом. — Тогда больше ни слова! До Гнилоуста мне дела нет, дела мои — с повелителем Мустангрима. И дела эти спешные. Пойдешь ты или пошлешь объявить о нашем прибытии?

Глаза его сверкнули из-под косматых бровей; он сурово нахмурился.

— Пойду, — угрюмо вымолвил страж. — Но о ком объявлять? И как доложить о тебе? С виду ты стар и немощен, а сила в тебе, по-моему, страшная.

— Верно ты углядел и правильно говоришь, — сказал маг. — Ибо я — Гэндальф. Я возвратился. И, как видишь, тоже привел коня, Светозара Серебряного, неподвластного ничьей руке. Рядом со мной Арагорн, сын Араторна, наследник славы древних князей, в Мундбург лежит его дорога. А это — эльф Леголас и гном Гимли, испытанные наши друзья. Ступай же скажи своему подлинному господину, что мы стоим у ворот и хотим говорить с ним, если он допустит нас в свой чертог.

— Чудеса, да и только! — пожал плечами страж. — Ладно, будь по-твоему, я доложу о вас конунгу, а там воля его. Погодите немного, я скоро вернусь с ответом. Очень-то не надейтесь, время нынче недоброе.

И страж удалился быстрыми шагами, препоручив чужестранцев надзору своих сотоварищей. Вернулся он и взаправду скоро.

— Следуйте за мною! — сказал он. — Теоден допускает вас к трону; но всякое оружие, будь то даже посох, вам придется сложить у дверей. За ним приглядит охрана.

Негостеприимные ворота приоткрылись, и путники вошли по одному вслед за своим вожатым. В гору поднималась извилистая брусчатая улица: то плавные изгибы, то короткие лестницы, выложенные узорными плитами. Они шли мимо бревенчатых домов, глухих изгородей, запертых дверей, возле переливчатого полноводного ручья, весело журчавшего в просторном каменном желобе. Выйдя к вершине горы, они увидели, что над зеленой террасой возвышается каменный настил, из него торчала искусного ваяния лошадиная голова, извергавшая прозрачный водопад в огромную чашу; оттуда и струился ручей. Длинная и широкая мраморная лестница вела ко входу в золотой чертог; по обе стороны дверей были каменные скамьи для телохранителей конунга: они сидели с обнаженными мечами на коленях. Золотистые волосы, перехваченные тесьмой, ниспадали им на плечи; зеленые щиты украшал солнцевидный герб; их длинные панцири сверкали зеркальным блеском; они поднялись во весь рост и казались на голову выше простых смертных.

— Вам туда, — сказал вожатый. — А мне — обратно, к воротам. Прощайте! Да будет милостив к вам повелитель Мустангрима!

Он повернулся и, точно сбросив бремя, легко зашагал вниз. Путники вошли по длинной лестнице под взглядами молчаливых великанов-часовых и остановились у верхней площадки; Гэндальф первым ступил на мозаичный пол, и сразу же звонко прозвучало учтивое приветствие по-ристанийски.

— Мир вам, пришельцы издалека! — промолвили стражи и обратили мечи рукоятью вперед. Блеснули зеленые самоцветы. Потом один из часовых выступил вперед и заговорил на всеобщем языке:

— Я Гайма, главный телохранитель Теодена. Прошу вас сложить все оружие здесь у стены.

Леголас вручил ему свой кинжал с серебряным черенком, колчан и лук.

— Побереги мое снаряжение, — сказал он. — Оно из Золотого Леса, подарок Владычицы Кветлориэна.

Гайма изумленно вскинул глаза и поспешно, с видимой опаской сложил снаряжение возле стены.

— Можешь быть спокоен, никто его пальцем не коснется, — пообещал он.

Арагорн медлил и колебался.

— Нет на то моей воли, — сказал он, — чтобы расставаться с мечом и отдавать Андрил в чужие руки.

— На то есть воля Теодена, — сказал Гайма.

— Вряд ли воля Теодена, сына Тенгела, хоть он и повелитель Мустангрима, указ для Арагорна, сына Араторна, потомка Элендила и законного государя Гондора.

— В этом дворце хозяин Теоден, а не Арагорн, даже если б он и сменил Денэтора на гондорском троне, — возразил Гайма, преградив путь к дверям. Меч в его руке был теперь обращен острием к чужеземцам.

— Пустые перекоры, — сказал Гэндальф. — Веленье Теодена неразумно, однако же спорить тут не о чем. Конунг у себя во дворце волен в своем неразумии.

— Поистине так, — согласился Арагорн. — И я покорился бы воле хозяина дома, будь то даже хижина дровосека, если бы меч мой был не Андрил.

— Как бы он ни именовался, — сказал Гайма, — но ты положишь его здесь или будешь сражаться один со всеми воинами Эдораса.

— Почему же один? — проговорил Гимли, поглаживая пальцем лезвие своей секиры и мрачно поглядывая на телохранителя конунга, точно примеряясь рубить молодое деревце. — Не один!

— Спокойствие! — повелительно молвил Гэндальф. — Мы — ваши друзья и соратники, и всякая распря между нами на руку только Мордору — он отзовется злорадным хохотом. Время дорого. Прими *мой* меч, доблестный Гайма. Его тоже побереги: имя ему Яррист, и откован он эльфами много тысяч лет назад. Меня теперь можешь пропустить. А ты, Арагорн, образумься!

Арагорн медленно отстегнул пояс и сам поставил меч стоймя у стены.

— Здесь я его оставлю, — сказал он, — и повелеваю тебе не прикасаться к нему, и да не коснется его никто другой. Эти эльфийские ножны хранят Сломанный Клинок, перекованный заново. Впервые выковал его Тельчар — во времена незапамятные. Смерть ждет всякого, кто обнажит меч Элендила, кроме его прямых потомков.

Страж попятился и с изумлением взглянул на Арагорна.

— Вы словно явились по зову песни из дней давно забытых, — проговорил он. — Будет исполнено, господин, как ты велишь.

— Ну, тогда ладно, — сказал Гимли. — Рядом с Андрилом и моей секире не зазорно полежать отдохнуть. — И он с лязгом положил ее на мозаичный пол. — Теперь все тебя послушались, давай веди нас к своему конунгу.

Но страж мешкал.

— Еще твой посох, — сказал он Гэндальфу. — Прости меня, но и его надлежит оставить у дверей.

— Вот уж нет! — сказал Гэндальф. — Одно дело — предосторожность, даже излишняя, другое — неучтивость. Я — старик. Если ты непустишь меня с палкой, то я сяду здесь и буду сидеть, пока Теодену самому не заблагорассудится приковылять ко мне на крыльцо.

Арагорн рассмеялся.

— Кто о чем, а старик о своей палке, — сказал он. — Что ж ты, — укоризненно обратился он к Гайме, — неужели и вправду станешь отнимать палку у старика? А без этого не пропустишь?

— Посох в руке волшебника может оказаться не подпоркой, а жезлом, — сказал Гайма, пристально поглядев на ясеневую палку Гэндальфа. — Однако ж в сомнении мудрость велит слушаться внутреннего голоса. Я верю, что вы друзья и что такие, как вы, не могут умышлять лиходейства. Добро пожаловать!

Загремели засовы, тягучим скрежетом отозвались кованые петли, и громоздкие створки медленно разошлись. Пахнуло теплом, почти затхлым после свежего и чистого горного воздуха. В многоколонном чертоге повсюду таились тени и властвовал полусвет; лишь из восточных окон под возвышенным сводом падали искристые солнечные снопы. В проеме кровли, служившем дымоходом, за слоистой пеленой виднелось бледно-голубое небо. Глаза их пообвыкли, и на мозаичном полу обозначилась затейливая руническая вязь. Резные колонны отливали тусклым золотом и сеяли цветные блики. Стены были увешаны необъятными выцветшими гобеленами; смутные образы преданий терялись в сумраке. Но один из ковров вдруг светло озарился: юноша на белом коне трубил в большой рог, и желтые волосы его развевались по ветру. Конь ржал в предвкушении битвы, задрал голову, раздувая красные ноздри. У колен его бурлил, плеща зеленоватой пеной, речной поток.

— Вот он, Отрок Эорл! — сказал Арагорн. — Таким он был, когда примчался с севера и ринулся в битву на Келебранте.

Посредине чертога ровно и ясно пламенел гигантский очаг. За очагом, в дальнем конце зала, было возвышение: трехступенчатый помост золоченого трона. На троне восседал скрюченный старец, казавшийся гномом; его густые седины струились пышной волной из-под тонкого золотого обруча с крупным бриллиантом. Белоснежная борода устилала его колени, и угрюмо сверкали глаза навстречу незваным гостям. За его спиной стояла девушка в белом одеянии, а на ступеньках у ног примостился иссохший человечек, длинноголовый, мертвенно-бледный; он смежил тяжелые веки.

Молча и неподвижно взирал на пришельцев с трона венценосный старик. Заговорил Гэндальф:

— Здравствуй, Теоден, сын Тенгела! Видишь, я снова явился к тебе, ибо надвигается буря и в этот грозный час все друзья должны соединить оружие, дабы не истребили нас порознь.

Старик медленно поднялся на ноги, подпираясь коротким черным жезлом со светлым костяным набалдашником; тяжело лежало на конунге бремя лет, но, видно, старческому телу памятна еще была прежняя осанка могучего, рослого витязя.

— Здравствуй и ты, чародей Гэндальф, — отвечал он. — Но если ты ждешь от меня слова приветия, то ждешь напрасно: по чести, ты его не заслужил. Ты всегда был дурным вестником. Напасти слетаются вслед за тобой, как вороны, и все чернее их злобная стая. Скажу не солгу: когда я услышал, что Светозар вернулся, потеряв седока, я рад был возвращению коня, но еще больше рад избавлению от тебя; и не печалился я, когда Эомер привез весть о том, что ты наконец обрел вечный покой. Увы, дальнейшее эхо обычно обманчиво: ты не замед-

лил явиться вновь! А за тобою, как всегда, беды страшнее прежних. И ты, Гэндальф Зловещий Ворон, ждешь от меня милостивых речей? Не дождешься!

И он опустил на свой золоченый трон.

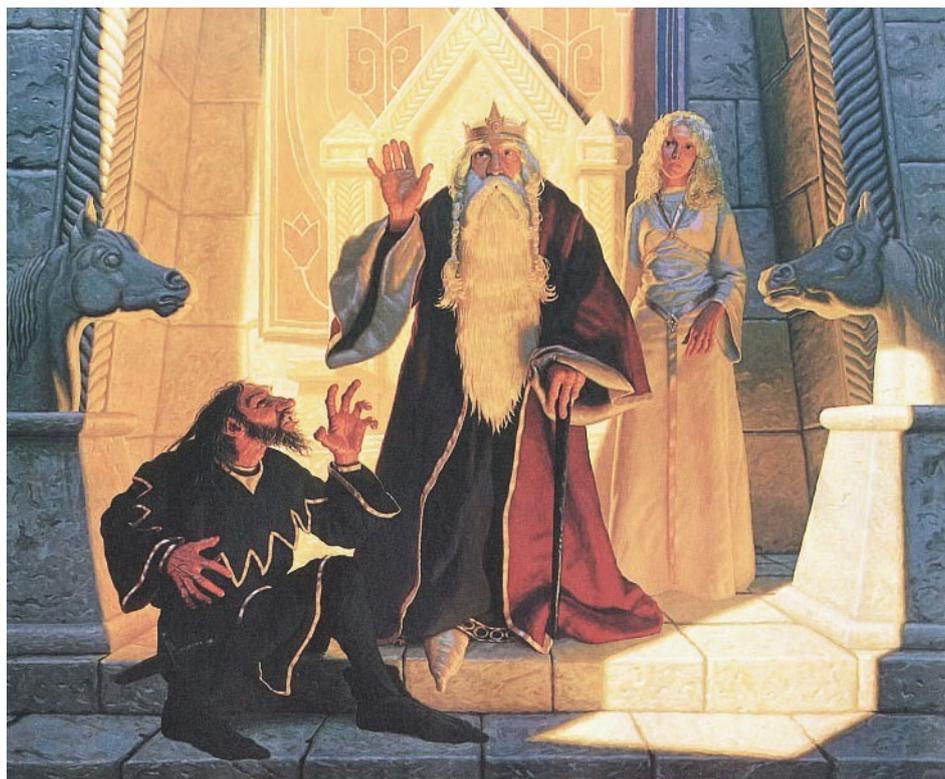
— Справедливы слова твои, государь, — сказал бледный человечек на ступеньках. — И пяти дней не прошло, как принесли нам скорбную весть о гибели сына твоего Теодреда в западных пределах: ты лишился правой руки, Второго Сенешаля Мустангрима. На Эомера надежда плоха: ему только дай волю, и он оставит дворец твой безо всякой охраны. А из Гондора между тем извещают, что Черный Властелин грозит нашествием. В лихую годину пожаловал вновь этот бродячий кознодей! Взаправду, о Зловещий Ворон, неужели радоваться нам твоему прилету? *Латспелл* нареку я тебя, Горевестник — а по вестям и гонца встречают.

Он издал сухой смешок, приподняв набрякшие веки и злобно оглядывая пришельцев.

— Ты слынешь мудрецом, приятель Гнилоуст, и на диво надежной опорой служишь ты своему господину, — спокойно заметил Гэндальф. — Знай же, что не одни кознодеи являются в горестный час. Бывает, что рука об руку с худыми вестями спешит подмога, прежде ненадобная.

Теоден и Гнилоуст. Тим Хильдебрандт

— Бывает, — ехидно согласился Гнилоуст, — но бывают еще и такие костоглоды, охочие до чужих бед, стервятники-трупоеды. Бывала ли от тебя когда-нибудь подмога, Зловещий Ворон? И с какой подмогой спешил ты сейчас? Прощлый раз ты, помнится, сам явился за подмогой. Конунг оказал тебе милость, позволил выбрать коня, и, всем на изумленье, ты дерзостно выбрал Светозара. Государь мой был опечален; но иным даже эта великая цена не показалась чересчур дорогой, лишь бы ты поскорее убрался восвояси. И нынче ты опять наверняка явился не с подмогой, а за подмогой. Ты что, привел дружину? Конников, меченосцев, копейщиков? Вот это была бы подмога, надобная

нам теперь. А ты — кого ты привел? Трех грязных голодранцев, а самому только нищенской сумы недостает!

— Неучтиво стали встречать странников во дворце твоём, о Теоден, сын Тенгела, — покачал головой Гэндальф. — Разве привратник не поведал тебе имен моих спутников? Таких почетных гостей в этом чертоге еще не бывало, и у дверей твоих они сложили оружие, достойное величайших витязей. Серое облачение подарили им эльфы Кветлориэна: оно уберегло их от многих опасностей на трудном пути в твою столицу.

— Так, стало быть, верно сказал Эомер, что вас привечала колдунья Золотого Леса? — процедил Гнилоуст. — Оно и немудрено: от века плетутся в Двиморнеде коварные тенета.

Гимли шагнул вперед, но рука Гэндальфа легла ему на плечо, и он замер.

*О Двиморнед, Кветлориэн,
Где смертных дней не властен тлен!
Укрыт вдали от смертных глаз,
Тот край сияет, как алмаз.
«Галадриэль! Галадриэль!» —
Поет немолчная свирель,
И подпевает ей вода,
И блещет белая звезда.
Кветлориэн, о Двиморнед,
Прозрачный мир, где тлена нет!*

Так пропел Гэндальф, и вмиг его облик волшебным образом изменился. Он сбросил хламиду, выпрямился, сжимая посох в руке, и произнес сурово и звучно:

— Мудрые не кичатся невежеством, о Грима, сын Галмода. Но без остатка сгнило твое нутро. Замкни же смрадные уста! Я не затем вышел из огненного горнила смерти, чтоб препираться с презренным холуем!

Он воздел посох, и грянул гром. Солнечные окна задернуло черным пологом, чертог объяла густая тьма. Огонь исчез в груди тускнеющих угольев. Виден был один лишь Гэндальф: высокая белая фигура у мрачного очага.

В темноте послышалось яростное шипенье Гнилоуста:

— Я же говорил, государь, надо было отнять у него посох! Болван и предатель Гайма погубил нас!

Проблистая ветвистая молния; казалось, свод раскололся. Потом все смолкло. Гнилоуст простерся ничком.

— Выслушай же меня, Теоден, сын Тенгела! — молвил Гэндальф. — Ты искал помощи в годину бедствий? — Он указал посохом на высокое окно: в разрыве туч открылась глубокая небесная лазурь. — Еще не всевластен мрак в Средиземье. Мужайся, повелитель Мустангрима! — вот тебе самая верная подмога. Отчаянье к советам глухо; отринь его, и я готов быть твоим советчиком, но лишь с глазу на глаз. А прежде выйди на свое крыльцо, погляди вокруг. Засиделся ты взаперти, внимая кривдам и кривотолкам.

Еще медленней прежнего поднялся с трона Теоден. В чертоге стало светлее. Девушка поддерживала дряхлого конунга; старец неверными шагами сошел по ступеням помоста и, волоча ноги, поплелся через огромную палату. Гнилоуст остался лежать, где лежал. Наконец они подошли к дверям, и Гэндальф гулко ударил в них посохом.

— Отворите! — крикнул он. — Отворите повелителю Мустангрима!

Двери распахнулись, и свежий воздух с шумом хлынул в чертог. Горный ветер засвистал в ушах.

— Отошли телохранителей к подножию лестницы, — сказал Гэндальф. — И ты оставь его, дева, на мое попечение.

— Иди, Эовин, сестрина дочь! — повелел конунг. — Время страхов миновало.

Девушка отправилась назад, но в дверях обернулась. Суров и задумчив был ее взор; на конунга она глянула с безнадежной грустью. Лицо ее сияло красотой; золотистая коса спускалась до пояса; стройнее березки была она, в белом платье с серебряной опояской; нежнее лилии и тверже стального клинка: кровь конунгов текла в ее жилах.

Так Арагорну впервые предстала при свете дня Эовин, ристанийская принцесса, во всей ее холодной, еще не женственной прелести, ясная и строгая, как внешнее утро в морозной дымке. А она поглядела на высокого странника в серых отрепьях и увидела властителя и воина, величавого и доблестного, умудренного долголетними многотрудными испытаниями. На миг она застыла, не сводя с него глаз, потом повернулась и исчезла.

— Государь, — сказал Гэндальф, — взгляни на свою страну! Вздохни полной грудью!

С крыльца на вершине высокой террасы, далеко за бурливой рекой виднелась зеленая степная ширь в туманном окоеме. Ее застилала косые дождевые полотна. Грозовые тучи еще клубились над головой и омрачали западный край небосвода: там, среди невидимых вершин, вспыхивали дальние молнии. Но все упорнее задувал северный ветер, и гроза, налетевшая с востока, отступала на юг, к морю. Внезапно тучи вспорол яркий солнечный луч, и засеребрились ливни, а река словно остекленела.

— Не так уж темно на белом свете, — молвил Теоден.

— Темно, да не совсем, — подтвердил Гэндальф. — И годы твои не так уж гнетут тебя, как тебе нашептали. Отбрось клюку!

Черный жезл конунга со стуком откатился. А конунг выпрямился устало и медлительно, точно разгибаясь из-под ярма. И стоял, стройный и высокий, а глаза его просияли небесной голубизной.

— Смутные, черные сны одолевали меня, — сказал он, — но я, кажется, пробудился. Да, Гэндальф, пожалуй, надо было тебе явиться пораньше. Боюсь, ты запоздал и подоспел лишь затем, чтоб увидеть крушение Мустангрима, мои последние дни в высоком чертоге, который построил некогда Брего, сын Эорла. Пепелище останется на месте древней столицы. И все же как быть, по-твоему?

— Сперва, — отвечал Гэндальф, — вели послать за Зомером. Ты ведь заточил его в темницу по совету Гримы, которого все, кроме тебя, называют Гнилоустом?

— Да, это так, — подтвердил Теоден. — Он послушался меня и вдобавок угрожал Гриму смертью у подножия моего трона.

— Твой верноподданный вправе ненавидеть Гнилоуста и презирать его советы, — возразил Гэндальф.

— Может быть, может быть. Пусть свершится по просьбе твоей. Кликни Гайму. Телохранитель он ненадежный, посмотрим, каков на посылках. Обе

провинности рассудим заодно, — сказал Теоден, и голос его был суров, но он встретил взгляд Гэндальфа улыбкой, и многие морщины на челе его изгладись бесследно.

Гайму призвали и отправили с порученьем в темницу, а Гэндальф указал Теодену на каменную скамью и сел у ног его на верхней ступени лестницы. Арагорн, Леголас и Гимли стояли неподалеку.

— Нет времени на долгие рассказы, — сказал Гэндальф. — А между тем многое не мешало бы тебе знать. Впрочем, должно быть, вскоре выпадет нам с тобой случай потолковать как следует. А пока открою тебе, что бедствия подлинные не в пример грознее тех, которыми пугал тебя Гнилоуст. Однако же явь — не морок, а ты теперь ожил въяве. Не только Гондор и Мустангрим противостоят Всеобщему Врагу. Полчища его несметны, но нас осеняет надежда, неведомая ему.

Быстрой стала речь Гэндальфа, тихий его голос был слышен одному конунгу, и глаза Теодена разгорались все ярче. Наконец он встал со скамьи и выпрямился во весь рост. Гэндальф стоял рядом, и оба глядели на восток с горной высоты.

— Поистине так, — произнес Гэндальф громко, звонко и отдельно. — Спасение наше там, откуда грозит нам гибель. Судьба наша висит на волоске. Однако надежда есть; лишь бы удалось до поры до времени выстоять.

Трое спутников Гэндальфа тоже обратили взоры к востоку. Неоглядная даль тонула во мгле; но они уносились мыслью за горные преграды, в край, окованный холодным мраком. Где-то там Хранитель Кольца? Тонок же тот волосок, на котором повисла общая судьба! Зоркому Леголасу почудилась точно бы светлая вспышка: должно быть, солнце блеснуло на шпиле гондорской Сторожевой Башни; и в запредельном сумраке зажегся ответный, крохотный и зловещий багровый огонек.

Теоден опустил на скамью: старческая немощь снова обессилила его вопреки воле Гэндальфа. Он обернулся и поглядел на свой дворец.

— Увы! — сказал он. — Увы мне, под старость мою нагрянули скорбные дни, а я-то надеялся окончить жизнь в мире, заслуженном и благодатном. Доблестный Боромир убит! Увы, молодые гибнут смертью храбрых, а мы, старики, догниваем, кое-как доживаем свой век.

— Длань твоя вспомнит былую мощь, если возьмется за рукоять меча, — сказал Гэндальф.

Теоден встал, рука его попусту обшаривала бедро: не было меча у него на поясе.

— Куда его спрятал Грима? — пробормотал он.

— Возьми, государь! — раздался чей-то звонкий голос. — Лишь в твою честь обнажался этот клинок, ты — его хозяин.

Два воина приблизились незаметно и остановились за несколько ступеней. Один из них был Эомер, без шлема и панциря; он держал за острие обнаженный меч и протягивал его конунгу.

— Это что еще такое? — сурово спросил Теоден. Он повернулся к Эомеру, статный и величавый: куда подевался скрюченный гном на троне, немощный старец с клюкой?

— Моя вина, государь, — с трепетом признался Гайма. — По моему разуме-

нию, ты простил и освободил Эомера, и я так возрадовался, что не взыщи за ошибку. Освобожденный Сенешаль Мустангрима потребовал меч, и я ему не отказал.

— Лишь затем, чтобы положить его к твоим ногам, государь, — сказал Эомер.

Теоден молча глядел на преклонившего колени Эомера. Все стояли неподвижно.

— Меч-то, может, возьмешь? — посоветовал Гэндальф.

Теоден потянулся за мечом, взялся за рукоять — и рука его на глазах обрела богатырскую силу и сноровку. Меч со свистом описал в воздухе сверкающий круг. Конунг издал клич на родном языке, призыв к оружию, гордый и зычный:

*Конники Теодена, конунг зовет на брань!
На кровавую сечу, в непроглядную тьму.
Снаряжайте коней, и пусть затрубят рога!
Эорлинги, вперед!*

Взбежав по лестнице, телохранители с изумленьем и восторгом поглядели на своего государя — и сложили мечи у его ног.

— Повелевай! — в один голос молвили они.

— *Весту Теоден хал!* — воскликнул Эомер. — Великая радость выпала нам — узреть возрожденное величье. Уж не скажут более про тебя, Гэндальф, будто приносишь ты одни горести!

— Возьми свой меч, Эомер, сестрин сын! — сказал конунг. — Гайма, походи за моим мечом: он хранится у Гримы. И Гриму приведи. Ты сказал, Гэндальф, что готов быть моим советчиком, но советов твоих я пока не слышал.

— Ты их уже принял, — отозвался Гэндальф. — Доверься Эомеру вопреки подлым наветам. Отбрось страхи и сожаленья. Ничего не откладывай. Всех годных к ратному делу немедля конным строем на запад, как и советовал тебе Эомер: надо, пока не поздно, расправиться с Саруманом. Не сумеем — все пропало. Сумеем — там будет видно. Женщины, дети и старики пусть перебираются из Эдораса в горные убежища — на этот случай они и уготованы. И как можно скорей: побольше припасов, поменьше скарба; лишь бы сами успели спастись.

— Да ты советчик хоть куда, — сказал Теоден. — Снаряжаться и собираться! Но хороши мы хозяйева! Верно сказал ты, Гэндальф, неучтиво стали встречать у нас странников. Вы скакали ночь напролет, вот уж и полдень; вам надо поесть и выспаться. Сейчас приготовят покои: отоспитесь после трапезы.

— Нет, государь, — сказал Арагорн. — Не будет нынче отдыха усталым. Сегодня же выступят в поход копейщики Мустангрима, и мы с ними — секира, меч и лук. Не должно оружию нашему залеживаться у твоих дверей. Я обещал Эомеру, что клинки наши заблещут вместе.

— И победа будет за нами! — воскликнул Эомер.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Гэндальф. — Изенгард — страшный противник, но во сто крат гибельнее грядущие напасти. Мы отправимся им навстречу, а ты, Теоден, поскорее уводи оставшихся всех до единого в Дунхергскую теснину.

— Нет, Гэндальф! — возразил конунг. — Ты сам еще не знаешь, каков ты ле-

карь. Я поведу ристанийское ополчение и разделю общую участь на поле брани. Иначе не будет мне покоя.

— Что ж, тогда и поражение Мустангрима воспоют как победу, — сказал Арагорн, и рядом стоявшие воины, бряцая оружием, возгласили:

— Да здравствует вождь Теоден! Вперед, эорлинги!

— Однако и здесь нельзя оставить безоружный люд без предводителя, — сказал Гэндальф. — Кого ты назначишь своим заместителем?

— Решение за мной, и я повременю, — отвечал Теоден. — А вот, кстати, и мой тайный советник.

Гайма показался в дверях чертога. За ним, между двух стражей, втянув голову в плечи, следовал Грима Гнилоуст. Лицо его было мучнистое, непривычные к солнцу глаза часто моргали. Гайма преклонил колени и вручил Теодену длинный меч в златокованных ножнах, усыпанных смарагдами.

— Вот, государь, твой старинный клинок Геругрим, — сказал он. — Нашелся у него в сундуке, который он никак не хотел отпирать. Там припрятано много пропавших вещей.

— Ты лжешь, — прошипел Гнилоуст. — А меч свой государь сам отдал мне на хранение.

— И теперь надлежит возвратить его владельцу, — сказал Теоден. — Тебе это не по нутру?

— На все твоя воля, государь, — отвечивал тот. — Я лишь смиренно пекусь о тебе и твоём достоянии. Но побереги свои силы, повелитель, они ведь уж не те, что прежде. Препоручи другим назойливых гостей. Трапеза твоя готова. Не пожалуешь ли к столу?

— Пожалую, — сказал Теоден. — И позаботься о трапезе для моих гостей, мы сядем за стол вместе. Ополчение выступает сегодня. Разошли глашатаев по столице и ближним весям. Мужам и юношам — всем, кому по силам оружие и у кого есть кони, — построиться у ворот во втором часу пополудни!

— Ох, государь! — воскликнул Гнилоуст. — Этого-то я и страшился: чародей околдовал тебя. И ты оставишь без охраны золотой чертог своих предков и свою казну? Без охраны останется повелитель нашего края?

— Околдовал, говоришь? — переспросил Теоден. — По мне, такие чары лучше твоих пошептов. Твоими заботами мне бы давно уж впору ползать на четвереньках. Нет, в Эдорасе не останется никого; даже тайный советник Грима сядет на коня. Ступай! У тебя еще есть время счистить с меча ржавчину.

— Смилоствивись, государь! — завопил Гнилоуст, извиваясь у ног конунга. — Сжалюсь над стариком, одряхлевшим в неусыпных заботах о тебе! Не отсылай меня прочь! Я и в одиночку сумею охранить твою царственную особу. Не отсылай своего верного Гриму!

— Сжалюсь, — сказал Теоден. — Сжалюсь и не отошлю. Я поведу войско; сражаясь рядом со мной, ты сможешь доказать свою верность.

Гнилоуст обвел враждебные лица взглядом затравленного зверя, судорожно изыскивающего спасительную уловку. Он облизнул губы длинным бледно-розовым языком.

— Подобная решимость к лицу конунгу из рода Эорла, как бы он ни был стар, — сказал он. — Конечно, преданный слуга умолил бы его пощадить свои преклонные лета. Но я вижу, что запоздал и государь мой внял речам тех, кто

не станет оплакивать его преждевременную кончину. Тут уж я ничем не могу помочь; но выслушай мой последний совет, о государь! Оставь наместником того, кто ведает твои сокровенные мысли и свято чтит твои веления! Поручи преданному и многоопытному советнику Гриму блюсти Эдорас до твоего возвращения — увы, столь несбыточного.

Эомер расхохотался.

— А если в этом тебе будет отказано, о заботливый Гнилоуст, ты, может, согласишься и на меньшее, лишь бы не ехать на войну? согласишься тащить в горы куль муки — хотя кто его тебе доверит?

— Нет, Эомер, не понимаешь ты умысла почтенного советника, — возразил Гэндальф, обратив на Гнилоуста пронзительный взгляд. — Он ведет хитрую, рискованную игру — и близок к выигрышу даже и сейчас. А сколько он уже отыграл у меня драгоценного времени! Лежать, гадина! — крикнул он устрашающим голосом. — Лежи, ползай на брюхе! Давно ты продан Саруману? И что тебе было обещано? Когда все воины полягут в бою, ты получишь свое — долю сокровищ и вожделенную женщину? Ты уж не первый год исподтишка, похотливо и неотступно следишь за нею.

Эомер схватился за меч.

— Это я знал и раньше, — проговорил он. — И за одно это я готов был зарубить его в чертоге, на глазах у конунга, преступив древний закон. Так, стало быть, он еще и изменник? — И он шагнул вперед, но Гэндальф удержал его.

— Эовин теперь в безопасности, — сказал он. — А ты, Гнилоуст, — что ж, для своего подлинного хозяина ты сделал все, что мог, и он у тебя в долгу. Но Саруман забывчив и долги платить неохоч; поезжай-ка скорей к нему, напomini о своих заслугах, а то останешься ни при чем.

— Ты лжешь, — прогнусил Гнилоуст.

— Недаром это слово не сходит у тебя с языка, — сказал Гэндальф. — Нет, я не лгу. Смотри, Теоден, вот змея подколодная! Опасно держать его при себе, и здесь тоже не оставишь. Казнить бы его — и дело с концом, но ведь много лет он служил тебе верой и правдой, служил, как умел. Дай ему коня и отпусти на все четыре стороны. Выбор его будет ему приговором.

— Слышишь, Гнилоуст? — сказал Теоден. — Выбирай: либо рядом со мною, в битве, докажешь свою преданность мечом, либо отправляйся, куда знаешь. Только, если мы снова встретимся, милосердия не жди.

Гнилоуст медленно встал, повел глазами исподлобья, взглянул на Теодена и открыл было рот, но вдруг разогнулся и выпрямился. Скрюченные пальцы его дрожали; взор зажегся такой нещадной злобой, что перед ним расступились, а он ощерился, с присвистом сплюнул под ноги конунгу, отскочил и кинулся вниз по лестнице.

— За ним! — распорядился Теоден. — Приглядите, чтоб он чего не учинил, но его не трогать и не задерживать. Если ему нужен конь, дайте ему коня.

— Еще не всякий конь согласится на такого седока, — сказал Эомер.

Один из телохранителей побежал вниз. Другой принес в шлеме родниковой воды и омыл камни, оскверненные плевком Гнилоуста.

— Теперь воистину добро пожаловать! — сказал Теоден. — Пойдемте побеседуем за нашей недолгой трапезой.

Они вернулись во дворец. Снизу, из города, слышались крики глашатаев и

пенье боевых рогов: объявляли приказ конунга и уже трубили сбор.

За столом у Теодена сидели Эомер и четверо гостей. Конунгу прислуживала Эовин. Ели и пили быстро и молча; лишь хозяин расспрашивал Гэндальфа про Сарумана.

— С каких пор он стал предателем, этого мне знать не дано, — сказал Гэндальф. — Зло овладевало им постепенно; некогда он, я уверен, был вашим искренним другом, и, даже когда черные замыслы его созрели и сердце ожесточилось, Мустангрим поначалу ему не мешал, а мог быть и полезен. Но это было давно, и давно уже он задумал вас погубить, собираясь для этого с силами и скрывая козни под личиной добрососедства. В те годы Гнилоуст просто-напросто сразу оповещал Изенгард обо всех твоих делах и намерениях. Это было ему нетрудно: чужаки-соглядатаи сновали туда-сюда, но Ристания — край открытый, и никто их не замечал. А он вдобавок советовал да наущничал, отравляя твои мысли, оледеняя сердце, расслабляя волю; подданные твои это видели, но ничего не могли поделать, ибо ты стал его безвольным подголоском.

Но когда я спасся из Ортханка и предостерег тебя, когда личина была сорвана — тут уж тайное сделалось явным, и Гнилоуст принялся опасно хитрить. Он выдумывал препоны, отводил удары, распылял войска. А изворотлив он был на диво: то стыдил за оглядку, то стращал колдовством. Помнишь, как по его наущению все войска впустую услали на север, когда они нужны были на западе? Твоими устами он запретил Эомеру погоню за сворой орков, и если бы Эомер не послушался твоего, а вернее, Гнилоустова злокозненного запрета, то орки сейчас доставили бы в Изенгард бесценную добычу. Не ту, о которой пуще всего мечтает Саруман, нет, — но двоих из нашего Отряда, сопричастных тайной надежде: о ней я даже с тобой, государь, пока не смею говорить открыто. Подумай только, что бы им довелось претерпеть и что Саруман проведаль бы на пагубу нам?

— Я многим обязан Эомеру, — сказал Теоден. — Говорят: словом дерзок, да сердцем предан.

— Скажи лучше: кривой суд всегда правое скривит, — посоветовал Гэндальф.

— Да, судил я вкривь, — подтвердил Теоден. — А тебе обязан прозрением. Ты опять явился вовремя. Позволь одарить тебя по твоему выбору: что ни захочешь — все твое. Лишь меч мой оставь мне!

— Вовремя явился я или нет, это мы увидим, — сказал Гэндальф. — А дар от тебя охотно приму, и выбор мой уже сделан. Подари мне Светозара! Ведь ты его лишь одолжил — таков был уговор. Но теперь я помчусь на нем навстречу неизведанным ужасам: один серебряный конь против девяти вороных. Чужим конем рисковать не след; правда, мы с ним уже сроднились.

— Достойный выбор, — сказал Теоден, — и нынче я с радостью отдаю тебе лучшего коня из моих табунов, ибо нет среди них подобных Светозару и, боюсь, не будет. В нем одном неожиданно возродилась могучая порода древности. А вы, гости мои, подыщите себе дары у меня в оружейной. Мечи вам не надобны, но там есть шлемы и кольчуги отменной работы мастеров Гондора. Подберите, что придется по душе, и да послужат они вам в бою!

Из оружейной нанесли груды доспехов, и вскоре Арагорн с Леголасом облачились в сверкающие панцири, выбрали себе шлемы и круглые щиты с золотой насечкой, изукрашенные по навершью смарагдами, рубинами и жемчу-

гом. Гэндальфу доспех был не нужен, а Гимли не требовалась кольчуга, если бы даже и нашлась подходящая, ибо среди сокровищ Эдораса не было панциря прочнее, чем его собственный, выкованный гномами Подгорного Царства. Но он взял себе стальную шапку с кожаным подбоем — на его круглой голове она сидела как влитая; взял и маленький щит с белым скакуном на зеленом поле, гербом Дома Эорла.

— Да сохранит он тебя от стрел, мечей и копий! — сказал Теоден. — Его изготовили для меня еще во дни Тенгела, когда я был мальчиком.

Гимли поклонился.

— Я не посрамлю твоего герба, Повелитель Ристании, — сказал он. — Да мне и сподручней носить щит с лошадьёю, чем носиться на лошади. Свои ноги — они как-то надежнее. Вот отвезут меня куда надо, опустят на твердую землю — а там уж я себя покажу.

— Увидим, — сказал Теоден.

Конунг встал, и Эовин поднесла ему кубок вина.

— *Фэрту Теоден хал!* — промолвила она. — Прими этот кубок и почни его в нынешний добрый час. Да окрылит тебя удача, возвращайся с победой!

Теоден отпил из кубка, и она обнесла им гостей. Перед Арагорном она помедлила, устремив на него лучистые очи. Он с улыбкой взглянул на ее прекрасное лицо и, принимая кубок, невзначай коснулся затрепетавшей руки.

— Привет тебе, Арагорн, сын Араторна! — сказала она.

— Привет и тебе, Дева Ристании, — отвечал он, помрачнев и больше не улыбаясь.

Когда круговой кубок был допит, конунг вышел из дверей чертога. Там его поджидала дворцовая стража, стояли глашатаи с трубами и собрался знатный люд из Эдораса и окрестных селений.

— Я отправляюсь в поход, может статься, последний на своем веку, — сказал Теоден. — Мой сын Теодред погиб, и нет прямых наследников трона. Наследует мне сестрин сын Эомер. Если и он не вернется, сами изберите себе государя. Однако же надо назначить правителя Эдораса на время войны. Кто из вас останется моим наместником?

Ни один не отозвался.

— Что ж, никого не назовете? Кому доверяет мой народ?

— Дому Эорла, — отвечивал за всех Гайма.

— Но Эомера я оставить не могу, да он и не останется, — сказал конунг. — А он — последний в нашем роду.

— Я не называл Эомера, — возразил Гайма. — И он в роду не последний. У него есть сестра — Эовин, дочь Эомунда. Она чиста сердцем и не ведает страха. Любезная Эорлингам, пусть примет она бразды правления; она их удержит.

— Да будет так, — скрепил Теоден. — Глашатаи, оповестите народ о моей наместнице!

И конунг опустился на скамью у дверей и вручил коленопреклоненной Эовин меч и драгоценный доспех.

— Прощай, сестрина дочь! — молвил он. — В трудный час расстаемся мы, но, может, еще и свидимся в золотом чертоге. Если же нет, если нас разобьют, уцелевшие ратники стекутся в теснину Дунхерга: там вы еще долго продержитесь.

— Напрасны эти слова, — сказала она. — Но до вашего возвращения мне день покажется с год.

И, говоря так, взглянула на Арагорна, стоявшего рядом.

— Конунг вернется, — сказал тот. — Не тревожься! Не на западе — на востоке ждет нас роковая битва!

Теоден и Гэндальф возглавляли молчаливое шествие, растянувшееся по длинной извилистой лестнице. Возле крепостных ворот Арагорн обернулся. С возвышенного крыльца, от дверей золотого чертога смотрела им вслед Эовин, опершись на меч обеими руками. Ее шлем и броня блистали в солнечных лучах.

Гимли шел рядом с Леголасом, держа секиру на плече.

— Ну, наконец-то раскачались! — сказал он. — Ох и народ эти люди — за все про все у них разговор. А у меня уж руки чешутся, охота секирой помахать. Хотя ристанийцы-то небось тоже рубаки отчаянные. А все ж таки не по мне такая война: поле боя невесть где, как хочешь, так и добирайся. Ладно бы пешком, а то трясись, мешок мешком, на луке у Гэндальфа.

— Завидное местечко, — сказал Леголас. — Да ты не волнуйся, Гэндальф тебя, чуть что, живенько на землю спустит, а Светозар ему за это спасибо скажет. Верхом-то секирой не помашешь.

— А гномы верхом и не воюют. С лошади удобно разве что людям затылки брить, а не оркам рубить головы, — сказал Гимли, поглаживая топорище.

У ворот выстроилось ополчение: и стар, и млад — все уже в седлах и в полном доспехе. Собралось больше тысячи; колыхался лес копий. Теодена встретили громким, радостным кличем и подвели его коня, именем Белогрив. Наготове стояли кони Арагорна и Леголаса. Покинутый Гимли только было насутился, как к нему подошел Эомер с конем в поводу.

— Привет тебе, Гимли, сын Глоина! — сказал он. — Вот видишь, все недосуг поучиться у тебя учтивости. Но, может, мы пока не будем квитаться? Обещаю, что более ни словом не задену Владычицу Золотого Леса.

— Я готов отложить наш расчет, Эомер, сын Эомунда, — важно отозвался Гимли. — Но если тебе выпадет случай воочию увидеть царицу Галадриэль, ты либо признаешь ее прекраснейшей на свете, либо выйдешь со мной на поединок.

— Да будет так! — сказал Эомер. — До тех пор, однако, прости мои необдуманные слова и в знак прощения изъяви, если можно, согласие быть моим спутником. Гэндальф поедет впереди, вместе с конунгом; а мой конь Огненог, с твоего позволения, охотно свезет нас двоих.

— Согласен и благодарен, — ответил польщенный вежливой речью Гимли. — Только пусть мой друг Леголас едет рядом с нами.

— Решено! — сказал Эомер. — Слева поедет Леголас, справа — Арагорн; кто устоит против нас четверых?

— А где Светозар? — спросил Гэндальф.

— Пасется у реки, — сказали ему. — И никого к себе близко не подпускает. Вон он, там, близ переправы, легкой тенью мелькает в ивняке.

Гэндальф свистнул и громко кликнул коня; Светозар переливисто заржал в ответ и примчался в мгновение ока.

— Западный ветер во плоти, да и только, — сказал Эомер, любуясь статью и

норовом благородного скакуна.

— Как тут не подарить, — заметил Теоден. — Впрочем, — повысил он голос, — слушайте все! Да будет ведомый всем вам Гэндальф Серая Хламида, муж совета и брани, отныне и присно желанным гостем нашим, сановником Ристании и предводителем Эорлинггов; и да будет слово мое нерушимо, пока не померкнет слава Эорла! Дарю ему — слышите? — Светозара, коня из коней Мустангрима!

— Спасибо тебе, конунг Теоден, — молвил Гэндальф. Он скинул свой ветхий плащ и отбросил широкополую шляпу. На нем не было ни шлема, ни брони; снежным блеском сверкнули его седины и засияло белое облачение.

— С нами наш Белый Всадник! — воскликнул Арагорн, и войско подхватило клич.

— С нами конунг и Белый Всадник! — пронеслось по рядам. — Эорлинги, вперед!

Протяжно запели трубы. Кони вздыбились и заржали. Копья грянули о щиты. Конунг воздел руку, и точно могучий порыв ветра взметнул последнюю рать Ристании: громоносная туча помчалась на запад.

Эовин провожала взглядом дальние отблески тысячи копий на зеленой равнине, одиноко стоя у дверей опустевшего чертога.

Глава VII Хельмово ущелье

Когда отъезжали от Эдораса, солнце уже клонилось к западу, светило в глаза, и простертую справа ристанийскую равнину застилала золотистая дымка. Наезженная угорная дорога вилась то верхом, то низом, разметав густые сочные травы, истоптанными бродами пересекая быстрые мутные речонки. В дальнем далеке, на северо-западе, возникали Мглистые горы, все темнее и выше, обрисованные зарей. Вечерело.

А войско мчалось во весь опор, почти что без остановок: боялись промедлить, надеялись не опоздать и торопили коней. Резвей и выносливей их не бывало в Средиземье, однако же и путь перед ними лежал неблизкий: добрых сорок лиг по прямой, а дорогою — миль сто сорок от Эдораса до Изенгардской переправы, где рати Ристании отражали Сарумановы полчища.

Надвинулась ночь, и войско наконец остановилось; пять с лишним часов проскакали они, но не одолели еще и половины пути. Расположились на ночлег широким кругом, при свете звезд и тусклого месяца. На всякий случай костров не жгли; выставили круговое охранение и выслали дозорных, серыми тенями мелькавших по ложбинам. Ночь тянулась медленно и бестревожно. Наутро запели рога, и дружина в одночасье снова тронулась в путь.

Мутновато-безоблачное небо стояло над ними, и наваливалась не по-вешнему тяжкая духота. В туманной поволоке вставало солнце, а за ним омрачала тусклые небеса черная, хищная, гроздовая темень. И ей навстречу, с северо-запада, расползлась у подножия Мглистых гор подлая темнота из Колдовской логовины.

Гэндальф придержал коня и поравнялся с Леголасом, ехавшим в строю возле Эомера.

— У тебя зоркие глаза, Леголас, — сказал он. — Вы, эльфы, за две лиги отличаете воробья от зяблика. Скажи ты мне, видишь ли что-нибудь там, на пути к Изенгарду?

— Далеко еще до Изенгарда, — отозвался Леголас, козырьком приложив ко лбу длиннопалую руку. — Темнотой окутан наш путь, и какие-то громадные тени колышутся во тьме у речных берегов, но что это за тени, сказать не могу. Сквозь темноту или туман я бы их разглядел, но некою властительной силой опущен непроницаемый занавес, и река теряется за ним. Точно лесной сумрак из-под бесчисленных деревьев ползет и ползет с гор.

— И вот-вот обрушится вдогон гроза из Мордора, — проговорил Гэндальф. — Страшная будет ночь.

Духота все сгущалась, под вечер их нагнали черные тучи, застлавши небеса, и уже впереди нависали лохматые клочья, облитые слепящим светом. Криваво-красное солнце утонуло в дымной мгле. Приблизилась северная оконечность Белых гор, солнце озарило слоистые кручи троеверхого Трайгирна, и закатным огнем полыхнули копья ристанийского воинства. Передовые увидели черную точку, потом темное пятно: всадник вырвался к ним навстречу из алых отблесков заката. Они остановились в ожидании.

Усталый воин в изрубленном шлеме, с иссеченным щитом медленно спешился, постоял, шатаясь, переводя дух, и наконец заговорил.

— Эомер с вами? — сипло спросил он. — Прискакали все-таки, хоть и поздно, только мало вас очень. Худо пошло наше дело после гибели Теодреда. Вчера мы отступили за Изен: многие приняли смерть на переправе. А ночью их полку прибыло, и со свежими силами они штурмовали наш берег. Вся изенгардская нечисть, все здесь, и числа им нет, а вдобавок Саруман вооружил диких горцев и заречных кочевников из Дунланда. Десять на одного. Опорную стену взяли приступом. Эркенбранд из Вестфольда собрал, кого мог, и затворился в крепости, в Хельмовом ущелье. Остальные разбежались кто куда. Эомер-то где? Скажите ему: все пропало. Пусть возвращается в Эдорас и ждет изенгардских волколаков, недолго придется ждать.

Теоден молча слушал, скрытый за телохранителями; тут он тронул коня и выехал вперед.

— Дай-ка поглядеть на тебя, Сэорл! — сказал он. — Я здесь, не в Эдорасе. Последняя рать эорлингов выступила в поход и без битвы назад не вернется.

Радостным изумлением просияло лицо воина. Он выпрямился — и горделиво преклонил колено, протягивая конунгу зазубренный меч.

— Повелевай, государь! — воскликнул он. — И прости меня! Я-то думал...

— Ты думал, я коснею в Медусельде, согбенный, как дерево под снежным бременем. Верно, когда ты поехал на брань, так оно и было. Но теперь не так: западный ветер стряхнул снег с ветвей. Дайте ему свежего коня! Скачем на выручку к Эркенбранду!

Тем временем Гэндальф проехал вперед; он глядел из-под руки на север, на Изенгард, и на отуманенный запад.

— Веди их, Теоден! — велел он, вернувшись галопом. — Скорей сворачивайте к Хельмову ущелью! На Изенских бродах вам делать уже нечего. А у меня другие, срочные дела — Светозар не подведет! — И крикнул еще Арагорну, Эо-

меру и телохранителям конунга: — Во что бы то ни стало сберегите государя! Ждите меня у Хельмовой Крепи! Прощайте!

Он склонился к уху Светозара, и точно стрела сорвалась с тетивы: мелькнул серебристый блик, порхнул ветерок, исчезла легкая тень. Белогрив заржал и вздыбился, готовый мчаться следом, но и самая быстрая птица не угналась бы за Светозаром.

— Это как же понимать? — спросил у Гаймы один из телохранителей.

— Так и понимать, что Гэндальф Серая Хламида куда-то очень спешит, — отвечивал Гайма. — Нежданно-негаданно он, Гэндальф, появляется и пропадает.

— Был бы здесь Гнилоуст, он бы живенько это объяснил, — заметил тот.

— Объяснил бы, — согласился Гайма, — да только я уж лучше подожду Гэндальфа, авось все само объяснится.

— Жди-жди, может, и дождешься, — послышалось в ответ.

Войско круто свернуло на юг и помчалось ночной степью. Уже близок был горный кряж, но высокие вершины Трайгирна едва виднелись в темном небе. На юге Вестфольдского низкодолья пролегала, уходя в горы, обширная зеленая логовина, посреди которой струилась река, вытекавшая из Хельмова ущелья. Река звалась Ущелицей, а ущелье носило имя Хельма, в честь древнего конунга-ратоборца, державшего здесь долгую оборону. Узкое, глубокое, извилистое ущелье взрезало склон Трайгирна, уходя на север, и наконец утесистые громады почти смыкались над ним.

На северном отроге у горловины ущелья возвышалась старинная башня, обнесенная могучей стеной древней каменной кладки. По преданию, во времена могущества и славы Гондора крепость эту выстроили заморские короли руками титанов. Горнбург звалась она; и трубный глас с высоты башни сто-крат откликался позади в ущелье, будто несметное воинство дней былых, хронившееся в пещерах, спешило на выручку.

Древние строители преградили ущелье от Горнбурга до южных утесов; под стеною был широкий водосток, откуда выбегала Ущелица, огибая скалистое подножие крепости, и ровной ложбиной по зеленому пологому склону стекала от Хельмовой Крепи к Хельмовой Гати, а оттуда — в Ущельный излог, к Вестфольдскому низкодолью. Ныне Горнбург стал оплотом Эркенбранда, правителя Вестфольда, воеводы западного пограничья. В предгрозе последних лет он, опытный и дальновидный военачальник, отстроил стены и обновил укрепления.

Войско еще мчалось низиной, приближаясь к устью излога, когда от передовых разъездов послышались крики и затрубили рога. Потом из темноты за-свистали стрелы. Вскоре прискакал разведчик: по ущелью рыскали орки верхом на волколаках и большое полчище надвигалось с севера, от Изенгардской переправы, видимо, к ущелью.

— Много там наших поодиночке перебито, — продолжал разведчик. — Отрядами кое-как отбиваются — но мечутся без толку, собирать их некому. Что с Эркенбрандом, никто вроде бы не знает. До Хельмовой Крепи он едва ли доберется, а может, уже и убит.

— Гэндальфа там не видели? — спросил Теоден.

— Видели, государь. То там, то сям проносился белый старик на серебряном коне: думали, это Саруман. Говорят, он впотьмах ускакал к Изенгарду. Еще говорят, будто видели Гнилоуста, правда, пораньше, этот скакал на север со своей оркой.

— Не завидую Гнилоусту, если он подвернется Гэндальфу, — сказал Теоден. — Зато я дурак дураком: сбежали оба советника, и прежний, и новый. Гэндальф, правда, посоветовал кое-что на прощанье, хоть это и без него ясно: надо пробиваться к Хельмовой Крепи, что бы там ни было с Эркенбрандом. Полчище, говоришь, валит, а каково полчище, не разузнал?

— Огромное полчище, — сказал разведчик. — У страха, конечно, глаза велики, но я говорил с опытными и хладнокровными воинами, и, по их словам, даже головной отряд орков во много раз больше всей нашей рати.

— Тогда поторопимся, — сказал Эомер. — Ту сволочь, которая встанет между нами и крепостью, перебьем с первого до последнего. А пещеры за Хельмовой Крепью забыли? Там, может статься, уже собралась не одна сотня воинов, и оттуда есть тайные ходы в горы.

— На тайные ходы надежда плоха, — сурово осек его конунг. — Саруман их небось давным-давно разведал. Однако ж оборонять Крепь можно долго. Вперед!

Арагорн и Леголас, по-прежнему рядом с Эомером, стали теперь передовыми. Понемногу с галопа перешли на шаг, темень сгущалась, а дорога вела все выше, прячась в сумрачных теснинах. Путь был свободен, своры орков мигом рассеивались, избегая малейшей стычки.

— Ох, боюсь, что о прибытии конунга с ополчением уже доложено Саруману или Саруманову главарю, да и точный счет нашим воинам известен, — утрюмо заметил Эомер.

А ратный грохот нарастал и нагонял их. Темнота наполнилась многотысячегласным сильным песенным ревом. Посреди излога, уже на высоте, обернувшись, они увидели бесчисленные факелы, красновато-огнистый ковер, расстилавшийся у горных подножий, и прерывистые огненные струи, всползавшие по склонам. Там и сям вспыхивали мрачные зарева.

— Большое войско идет за нами по пятам, — сказал Арагорн.

— Они несут огонь, — глухо отозвался Теоден, — и поджигают все на своем пути — дома, рощи и стога. Богатый край, благословенная долина, селенье за селеньем. Горе мне и моему народу!

— При дневном-то свете повернули бы мы коней и обрушились на поджигателей с высоты, — сказал Арагорн. — Не по мне это — бежать от них.

— Бежать осталось недолго, — заверил Эомер. — Вот-вот подъедем к Хельмовой Гати: там глубокий ров, надежный вал и до Крепи еще добрая миля. Развернемся и дадим бой.

— Нет, на оборону Гати у нас сил неостанет, — возразил Теоден. — Где нам: она длиннее мили и въезд очень широкий.

— Въезд все равно придется оборонять, значит, нужна тыловая застава, — сказал Эомер.

Ни звездочки не было в безлунном небе, когда передовые конники достигли въезда над рекой по широкой дороге, спускавшейся берегом от Горнбурга к

Гати. Из-за черного провала, со смутной высоты стены их окликнул часовой.

— Властитель Ристании ведет ополчение к Хельмовой Крепи, — отозвался Эомер. — Говорю я, Эомер, сын Эомунда.

— Мы такого и не чаяли, — молвил часовой. — Скорей заезжайте! Того и гляди, нагрянут орки.

Вскоре войско выстроилось за Гатью у реки, на пологом склоне. Взбодрившись, передавали из уст в уста, что Эркенбранд оставил в крепости изрядную дружину и ее немало пополнили беженцы.

— Пожалуй, наберется и с тысячу пеших ратников, — сказал старый Гамлинг, поставленный начальником низовой охраны. — Многие, правда, в чересчур уж почтенных летах, вроде меня, а у других, как у моего внука, молоко на губах не обсохло. Что слышно про Эркенбранда? Вчера говорили, будто он идет сюда с остатками отборной дружины Вестфольда. А нынче о нем ни слуху ни духу.

— Боюсь, что недаром, — сказал Эомер. — Дозорные наши вернулись ни с чем, а где ему быть? Всю долину заполонили враги.

— Худо наше дело, если он погиб, — молвил Теоден. — Могучий витязь — поистине в нем ожила доблесть Хельма Громобоя. Но ждать его здесь мы не можем: надо стянуть все силы к Горнбургу. Как у вас там с припасами? Мы-то налегке: на битву ехали, а не садиться в осаду.

— Три четверти вестфольдцев укрылись в здешних пещерах — стар и млад, женщины и дети, — сказал Гамлинг. — Но припасов все равно хватит надолго: туда согнали весь скот, да и кормов заготовлено в достатке.

— Это хорошо, — сказал Эомер. — Долину они выжгли и разграбили дотла.

— Разграбить Хельмову Крепь куда потруднее, это им дороговато станет, — проворчал Гамлинг.

Спешились у крепостной плотины и по гребню ее, а затем по откосу длинной вереницей провели коней к воротам Горнбурга. Там их тоже встретили с ликованием и новой надеждой; как-никак вдвое прибавилось защитников крепости.

Эомер быстро распорядился: конунгу с телохранителями и сотней-другой вестфольдцев предоставил оборонять Горнбург, а всех остальных разместил на Ущельной стене и Южной башне, ибо там ожидался главный натиск оголтелых полчищ. И там он был опаснее всего. Коней под малой охраной отвели подальше в ущелье.

Ущельная стена была высотой в двадцать футов и такой толщины, что по верху ее могли пройти рука об руку четверо, а парапет скрывал воинов с головой. На стену можно было спуститься по лестнице от дверей внешнего двора Горнбурга или подняться тремя пролетами сзади, со стороны ущелья. Впереди она была гладко обтесана, и громадные каменья плотно и вровень пригнаны, сверху они нависали, точно утесы над морем.

Гимли стоял, прислонясь к парапету, а Леголас уселся на зубце, потрагивая тетиву лука и вглядываясь во мглу.

— Вот это другое дело, — говорил гном, притопывая. — Насколько же мне легче дышится в горах! Отличные скалы! Вообще крепкие ребра у здешнего края. Как меня спустили с лошади, так ноги просто не нарадуются. Эх, дайте

мне год времени и сотню сородичей — да никакой враг сюда после этого даже не сунется, а сунется — костей не соберет.

— Охотно верю, — отозвался Леголас. — Ты ведь истый гном, гном всем на удивленье, любитель горного труда. Мне-то здешний край не по сердцу, что ночью, что наверняка и днем. Но с тобою я чувствую себя надежнее, мне от- радно, что рядом эдакий толстоногий крепыш с боевым топором. И правда, не помешала бы здесь сотня твоих сородичей. Но еще бы лучше — сотня лучников из Лихолесья. Ристанийцы — они стрелки по-своему неплохие, но мало у них стрелков, раз-два и обчелся!

— Темновато для стрельбы, — возразил Гимли. — А если уж на то пошло, так лучше всего бы сейчас как следует выспаться. Честное слово, таких сон- ных гномов, как я, свет еще не видывал. Маятное дело эта верховая езда. И од- нако ж секира у меня в руках ну прямо ходуном ходит. Ладно уж, раз спать нельзя, давайте сюда побольше орков, было бы только где размахнуться — и сразу станет не до сна.

Время тянулось еле-еле. В долине догорали далекие пожары. Изенгардское воинство теперь надвигалось в молчании: огненные змеи вились по излогу.

Вдруг от Гати донесся пронзительный вой и ответный клич ристанийцев. Факелы, точно уголья, сгрудились у въезда — и рассыпались, угасая. По при- речному лугу и скалистому откосу к воротам Горнбурга примчался отряд всад- ников: застава отступила почти без потерь.

— Штурмуют вал! — доложили они. — Мы расстреляли все стрелы, ров и проход завалены трупами. Это их задержит ненадолго — они лезут и лезут на вал повсюду, бесчисленные, как муравьи. Но идти на приступ с факелами им впредь будет неповадно.

Перевалило за полночь. Нависла непроглядная темень, душное затишье предвещало грозу. Внезапно тучи распорола ослепительная вспышка, и огромная ветвистая молния выросла среди восточных вершин. Мертвенным светом озарился склон от стены до Гати: там кишмя кишело черное воин- ство — приземистые, широкозадые орки и рядом рослые, грозные воины в ши- шаках, с воронеными щитами. А из-за Гати появлялись, напоззали все новые и новые сотни. Темный, неодолимый прибой вздымался по скату, от скалы к скале. Гром огласил долину. Хлынул ливень.

И другой, смертоносный ливень обрушился на крепостные стены: стрелы свистели, лязгали, отскакивали, откатывались — или впивались в живую плоть. Так начался штурм Хельмовой Крепи, а оттуда не раздалось ни звука, не вылетело ни единой ответной стрелы.

Осаждающие отпрянули перед безмолвной, окаменелой угрозой. Но мол- ния вспыхивала за молнией, и орки приободрились: они орали, размахивали копьями и мечами и осыпали стрелами зубчатый парапет, а ристанийцы с изумленьем взирали на волнуемую военной грозой зловещую черную ниву, каждый колос которой оцетинился сталью.

Загремели медные трубы, и войско Сарумана ринулось на приступ: одни — к подножию Ущельной стены и Южной башне, другие — через плотину на от- кос, к воротам Горнбурга. Туда устремились огромной толпой самые крупные орки и дюжие, свирепые горцы Дунланда. В блеске молний на их шлемах и щитах видна была призрачнобледная длань. Они бегом одолели откос и под-

ступили к воротам.

Крепость, словно пробудившись, встретила их тучею стрел и градом камней. Толпа дрогнула, откатилась врассыпную и снова хлынула вперед, опять рассыпалась и опять набежала, возвращаясь упорно, как приливная волна. Громче прежнего взвыли трубы, и вперед с громогласным ревом вырвался плотный клин дунландцев; они прикрывались сверху своими большими щитами и несли два огромных обитых железом бревна. Позади их столпились орки-лучники, держа бойницы под ураганным обстрелом. На этот раз клин достиг ворот, и они содрогнулись от тяжелых размашистых ударов. Со стены падали камни, но место каждого поверженного тут же занимали двое, и тараны все сокрушительней колотили в ворота.

Эомер и Арагорн стояли рядом на стене. Они слышали воинственный рев и гулкие удары таранов; ярко сверкнула молния, и при свете ее оба враз поняли, что ворота вот-вот поддадутся.

— Скорей! — крикнул Арагорн. — Настал час обнажить мечи!

Вихрем промчались они по стене и вверх по лестнице во внешний двор Горнбурга, прихватив с собой десяток самых отчаянных рубак. В стене была потайная дверца, выходившая на запад, узкая тропа над обрывом вела от нее к воротам. Эомер и Арагорн бежали первыми, ратники едва поспевали за ними. Два меча заблестали вместе.

— Гутвинэ! — воскликнул Эомер. — Гутвинэ и Мустангрим!

— Андрил! — воскликнул Арагорн. — Андрил и Дунадан!

Нападения сбоку не ожидали, и страшны были разящие насмерть удары Андрила, пылавшего белым пламенем. Стену и башню облетел радостный клич:

— Андрил! Андрил за нас! Сломанный Клинок откован заново!

Захваченные врасплох горцы обронили бревна-тараны, изготовившись к бою, но стена их щитов раскололась, точно гнилой орех. Отброшенные и разрубленные, падали они замертво наземь или вниз со скалы, в поток. Орки-лучники выстрелили не целясь и бросились бежать.

Эомер и Арагорн задержались у ворот. Гром рокотал в отдаленье, и где-то над южными горами вспыхивали бледные молнии. Резкий ветер снова задувал с севера. Рваные тучи разошлись, и выглянули звезды, мутно-желтая луна озарила холмы за излогом.

— Вовремя же мы подросли, — заметил Арагорн, разглядывая ворота. Их мощные петли и железные поперечины прогнулись и покривились, толстые доски треснули.

— Но здесь, снаружи, мы их не защитим, — сказал Эомер. — Смотри! — Он указал на плотину. Орки и дунландцы снова собирались за рекой. Засвистели стрелы, на излете звякая о камень. — Пойдем! Надо завалить ворота камнями и подпереть бревнами. Поспешим!

Они побежали назад. В это время около дюжины орков, схоронившихся среди убитых, вскочили и кинулись им вслед. Двое из них бесшумно и быстро, в несколько прыжков нагнали оставшего Эомера, подвернулись ему под ноги, оказались сверху и выхватили ятаганы, как вдруг из мрака выпрыгнула никем дотол не замеченная маленькая черная фигурка. Хрипло прозвучал клич: «*Барук Казад! Барук ай-мену!*», и дважды сверкнул топор. Наземь рухну-

ли два обезглавленных трупа. Остальные орки опрометью кинулись врассыпную.

Арагорн, почуяв недоброе, вернулся, но Эомер уже стоял на ногах.

Дверцу тщательно заперли, ворота загромождали бревнами и камнями; наконец Эомер, улучив минуту, обратился к своему спасителю.

— Спасибо тебе, Гимли, сын Глоина! — сказал он. — Я и не знал, что ты отправился с нами на вылазку. Но частенько незваный гость — самый дорогой. А что это тебе вздумалось?

— Да хотел прогуляться, сон стряхнуть, — отвечал Гимли. — А потом гляжу — уж больно здоровы эти горцы: ну, я присел на камушек и полюбовался, как вы орудуете мечами.

— Теперь я у тебя в неоплатном долгу, — сказал Эомер.

— Ночь длинная, успеешь расплатиться, — засмеялся гном. — Да это пустяки. Главное дело — почин, а то я от самой Мории своей секирой разве что дрова рубил.

— Двое! — похвастал Гимли, поглаживая топориче. Он возвратился на стену.

— Вот как, целых двое? — отозвался Леголас. — На моем счету чуть больше, хотя приходится, видишь, собирать стрелы: у меня ни одной не осталось. Но два-то десятка я уж точно уложил, а толку что? Их здесь что листьев в лесу.

Небо расчистилось, и ярко сияла заходящая луна. Но лунный свет не обрадовал осажденных: вражьи полчища множились на глазах, прибывала толпа за толпой. Вылазка отбросила их ненадолго, вскоре натиск на ворота удвоился. Свирепая черная рать, неистовствуя, лезла на стену, густо облепив ее от Горнбурга до Южной башни. Взметнувшись, цеплялись за парапет веревки с крючьями, и ристанийцы не успевали отцеплять и перерубать их. Приставляли сотни осадных лестниц, на месте отброшенных появлялись другие, и орки по-обезьяньи вспрыгивали с них на зубцы. Под стеной росли груды мертвецов, точно штормовые наносы, и по изувеченным трупам карабкались хищные орки и озверелые люди, и не было им конца.

Ристанийцы бились из последних сил. Колчаны их опустели, дротиков не осталось, копья были изломаны, мечи иззубрены, щиты иссечены. Трижды водили их на вылазку Арагорн с Эомером, и трижды отшатывались враги, уstraшенные смертоносным сверканьем Андрида.

Сзади по ущелью раскатился гул. Орки пробрались водостоком под стену и, скопясь в сумрачных расселинах скал, выжидали, пока все воины уйдут наверх отражать очередной приступ. Тут они повыскакивали из укрытий, целая свора бросилась в глубь ущелья, рубя и разгоняя коней, оставленных почти без охраны.

Гимли прыгнул со стены во двор, оглашая скалы яростным кличем: «*Казад! Казад!*», и сразу принялся за дело.

— Э-гой! — кричал он. — Орки напали с тыла! Э-гей! Сюда, Леголас! Тут их нам обоим хватит! *Казад ай-мену!*

Старый Гамлинг услышал из крепости сквозь шум битвы зычный голос гнома.

— Орки в ущелье! — крикнул он, взглядываясь с высоты. — Хельм! Хельм! За мной, сыны Хельма! — И ринулся вниз по лестнице во главе отряда вестфольдцев.

Смятые внезапной атакой орки со всех ног бежали в теснину и все до единого были изрублены или сброшены в пропасть; и молча внимали их предсмертным воплям и следили за падающими телами стражи потаенных пещер.

— Двадцать один! — воскликнул Гимли, взмахнув секирой и распластав последнего орка. — Вот мы и сравнялись в счете с любезным другом Леголасом.

— Надо заткнуть эту крысиную дыру, — сказал Гамлинг. — Говорят, гномы — на диво искусные каменщики. Окажи нам помощь, господин!

— Тесать камни секирой несподручно, — заметил Гимли. — Ногтями тесать я тоже не горазд. Ладно, попробуем, что получится.

Вестфольдцы набрали булыжников и щебня и под руководством Гимли замуровали водосток, оставив лишь небольшое отверстие. Полноводная после дождя Ущелица вспучилась, забурлила и разлилась среди утесов.

— Авось наверху посуше, — сказал Гимли. — Пойдем-ка, Гамлинг, посмотрим, что делается на стене.

Леголас стоял возле Арагорна с Эомером и точил свой длинный кинжал. Нападающие покамест отхлынули — наверно, их смутила неудача с водостоком.

— Двадцать один! — объявил Гимли.

— Отлично! — сказал Леголас. — Но на моем счету уже две дюжины. Тут пришлось поработать кинжалом.

Эомер и Арагорн устало опирались на мечи. Слева, от крепостного подножия, слышались крики, грохот и лязг — там вновь разгоралась битва. Но Горнбург стоял незыблемо, как утес в бушующем море. Ворота его сокрушили, однако завал из камней и бревен не одолел еще ни один враг.

Арагорн взглянул на тусклые звезды, на заходящую луну, золотившую холмистую окраину излога, и сказал:

— Ночь эта длится, словно многолетнее заточение. Что так медлит день?

— Да недолго уж до рассвета, — молвил Гамлинг, взобравшийся на стену вслед за Гимли. — Но много ли в нем толку? От осады он нас не избавит.

— От века рассвет приносит людям надежду, — отвечал Арагорн.

— Этой изенгардской нечисти, полуоркам и полулюдям, выпестованным злым чародейством Сарумана, — им ведь солнце нипочем, — сказал Гамлинг. — Горцы тоже рассвета не испугаются. Слышите, как они воют и вопят?

— Слышать-то слышу, — отозвался Эомер, — только их вой и вопли какие-то нечеловеческие, а скорее птичьи, не то зверьи.

— А вот ты бы вслушался, может, и слова бы различил, — возразил Гамлинг. — Дунландский это язык, я его помню смолоду. Когда-то он звучал повсюду на западе Ристании. Вот, слышите? Как они нас ненавидят и как ликуют теперь, в свой долгожданный и в наш роковой час! «Конунг, где ваш конунг? — вопят они. — Конунга вашего давайте сюда! Смерть Форгойлам — да сгинут желтоволосые ублюдки! Северянам-грабителям — смерть всем до единого!» Вот так они нас честят. За полтысячи лет не забылась их обида на то, что Отрок Эорл стал союзником Гондора и властителем здешнего края. Эту застарелую рознь Саруман разжег заново, и теперь им удержу нет. Ни закат им

не помеха, ни рассвет: подавай на расправу Теодена, и весь сказ!

— И все равно рассвет — вестник надежды, — сказал Арагорн. — А правда ли, будто Горнбург не предался врагам ни единожды, и не бывать этому, доколе есть у него защитники?

— Да, так поется в песнях, — устало отвечал Эомер.

— Будем же достойными его защитниками! — сказал Арагорн.

Их речи прервал трубный вой. Раздался грохот, полыхнуло пламя, повалил густой дым. Шипя, клубясь и пенясь, Ущелица рванулась новопроложенным руслом сквозь зияющий пролом в стене. А оттуда хлынули черные ратники.

— Вот проклятый Саруман! — воскликнул Арагорн. — Пока мы тут лясы точим, орки снова пробрались в водосток и подорвали стену колдовским огнем Ортханка! Элендил, Элендил! — крикнул он, кидаясь в пролом; а тем временем орки сотнями взлезали по лестницам. И сотни напирали с тыла, везде бушевала сеча, приступ накатывался, точно мутная волна, размывающая прибрежный песок. Защитники отступали к пещерам, сражаясь за каждую пядь, другие напропалую пробивались к цитадели.

Битва за Хорнбург. Алан Ли

Широкая лестница вела от ущелья на крепостную скалу, к задним воротам Горнбурга. У ее подножия стоял Арагорн со сверкающим мечом в руке: орки испуганно пятились, а те из своих, кому удавалось прорубиться к лестнице, стремглав бежали наверх. За несколько ступеней от Арагорна опустился на одно колено Леголас, натянув лук, готовый подстрелить любого осмелевшего орка.

— Все, Арагорн, черная сволочь сомкнулась, — крикнул он. — Пошли к воротам!

Арагорн побежал вслед за ним, но усталые ноги подвели: он споткнулся, и тут же с радостным воем кинулись снизу подстерегавшие орки. Первый из них, самый громадный, опрокинулся со стрелой в глотке, однако за ним спешили другие, попирая кровавый труп. Но сверху обрушился метко пущенный тяжкий валун — и смел их в ущелье. Ворота с лязгом затворились за Арагорном.

— Плоховаты наши дела, друзья мои, — сказал он и отер рукавом пот со лба.

— Да хуже вроде бы некуда, — подтвердил Леголас, — а все-таки здорово повезло, что ты уцелел. Гимли-то где?

— Не знаю, где он, — сказал Арагорн. — Я видел, он рубился у стены, а потом нас разнесло в разные стороны.

— Ой-ой-ой! Вот так новости! — огорчился Леголас.

— Да нет, он крепкий, сильный боец, — сказал Арагорн. — Будем надеяться, что он пробился к пещерам и там ему лучше, чем нам. Гном — он в любой пещере как дома.

— Ну ладно, будем надеяться, — вздохнул Леголас. — Но лучше бы он сюда пробился. Кстати бы узнал, что на моем счету тридцать девять.

— Если он и правда в пещерах, он тебя опять перекроет, — рассмеялся Арагорн. — Секирой он орудовал так, что залюбуешься.

— Пойду-ка я поищу, может, стрелы какие валяются, — сказал Леголас. — Когда-нибудь да рассветет, тут они и пригодятся.

Арагорн поднялся в цитадель и с огорчением узнал, что Эомера в Горнбурге нет.

— И не ищи, не проходил он, — сказал один из стражей-вестфольдцев. — Я видел, как он собирал бойцов в устье ущелья; рядом с ним дрались Гамлинг и гном, но туда было не пробиться.

Арагорн пересек внутренний двор и взошел на башню, в покой, где конунг стоял, ссутулившись, подле узкого оконца.

— Что нового, Арагорн? — спросил он.

— Ущелья стена захвачена, государь, и разгромлена оборона Крепи, но многие прорвались в Горнбург.

— Эомер здесь?

— Нет, государь. Однако и в ущелье отступило немало воинов: говорят, среди них видели Эомера. Может быть, там, в теснине, они задержат врага и проберутся к пещерам. А уж как им дальше быть...

— Им-то ясно, как дальше быть. Припасов, кажется, достаточно. Дышится легко — там воздушные протоки в сводах. Да к пещерам и подступу нет, лишь бы защитники стояли насмерть. Словом, долго могут продержаться.

— Так-то оно так, однако орков снарядили в Ортханке пробойным огнем, — сказал Арагорн. — Иначе бы мы и стену не отдали. Если не пробьются в пещеры, то могут наглухо замуровать защитников. Впрочем, нам и правда надо сейчас думать не о них, а о себе.

— Душно мне здесь, как в темнице, — сказал Теоден. — На коне перед войском, с копьем наперевес я бы хоть испытал в последний раз упоение битвы. А тут какая от меня польза?

— Еще ничего не потеряно, пока ты цел и невредим со своей дружиной в неприступнейшей цитадели Ристании. У нас больше надежды отстоять Горнбург, чем Эдорас или даже горные крепости Дунхерга.

— Да, Горнбург славен тем, что доселе не бывал во вражеских руках, — сказал Теоден. — Правда, на этот раз я и в нем не уверен. Нынче рушатся в прах вековые твердыни. Да и какая башня устоит перед бешеным натиском огромной орды? Знал бы я, как возросла мощь Изенгарда, не ринулся бы столь опрометчиво мериться с ним силою по первому слову Гэндальфа. Теперь-то его советам и уговорам другая цена, чем под утренним солнцем.

— Государь, не суди раньше времени о советах Гэндальфа, — сказал Арагорн.

— Чего же еще дожидаться? — горько обронил Теоден. — Конец наш близок и неминуем, но я не хочу подыхать, как старый барсук, обложенный в норе. Белогрив, Хазуфел и другие кони моей охраны — здесь, во внутреннем дворе. С рассветом я велю трубить в рог Хельма и сделаю вылазку. Ты поскачешь со мною, сын Араторна? Может быть, мы и прорубимся, а нет — погибнем в бою и удостоимся песен, если будет кому их слагать.

— Я поеду с тобой, — сказал Арагорн.

Он вернулся на внешнюю стену и обошел ее кругом, ободряя воинов и отражая вместе с ними самые яростные приступы. Леголас не отставал от него. Один за другим полыхали взрывы, камни содрогались. На стену забрасывали крючья, взбирались по приставным лестницам. Сотнями накатывались и сотнями валились со стены орки: крепка была оборона Горнбурга.

И вот Арагорн встал у парапета над воротной аркой, вокруг свистели вражеские стрелы. Он взглянул на восток, на бледнеющие небеса — и поднял руку ладонью вперед, в знак переговоров.

— Спускайся! Спускайся! — злорадно завопили орки. — Если тебе есть что сказать, спускайся к нам! И подавай сюда своего труса конунга! Мы — могучие бойцы, мы — непобедимый Урукхай! Все равно мы до него доберемся, выволокем его из норы. Конунга, конунга подавай!

— Выйти ему или оставаться в крепости — это конунг решает сам, — сказал Арагорн.

— А ты зачем выскочил? — издевались они. — Чего тебе надо? Подсчитываешь нас? Мы — Урукхай, нам нет числа.

— Я вышел навстречу рассвету, — сказал Арагорн.

— А что нам твой рассвет? — захохотали снизу. — Мы — Урукхай, мы бьемся днем и ночью, ни солнце, ни гроза нам не помеха. Не все ли равно, когда убивать — среди бела дня или при луне? Что нам твой рассвет?

— Кто знает, что ему готовит новый день, — сказал Арагорн. — Унесите-ка лучше ноги подобру-поздорову.

— Спускайся со стены, а то подстрелим! — заорали в ответ. — Это не переговоры, ты тянешь время и просто мелешь языком!

— Имеющий уши да слышит, — отозвался Арагорн. — Никогда еще Горнбург не видел врага в своих стенах, не увидит и нынче. Бегите скорей, иначе пощады не будет. В живых не останется никого, даже вестника вашей участи. Бьет ваш последний час!

Так властно и уверенно звучала речь Арагорна, одиноко стоявшего над разбитыми воротами лицом к лицу с полчищем врагов, что многие горцы опасно оглянулись на долину, а другие недоуменно посмотрели на небо. Но орки злобно захохотали, и туча стрел и дротиков пронеслась над стеной, едва с нее спрыгнул Арагорн.

Раздался оглушительный грохот, взвился огненный смерч. Своды ворот, над которыми он только что стоял, расселись и обрушились в клубах дыма и пыли. Завал размело, точно стог соломы. Арагорн бросился к королевской башне.

Орки радостно взревели, готовясь густой оравой ринуться в пролом, но снизу докатился смутный гомон, тревожный многоголосый повтор. Осадная рать застыла: прислушивались и озирались. И тут с вершины башни внезапно и грозно затрубил большой рог Хельма.

Дрожь пробежала по рядам осаждающих. Многие бросались ничком на землю и затыкали уши. Ущелье отозвалось раскатистым эхом, словно незримые трубачи на каждом утесе подхватывали боевой призыв. Защитники Горнбурга с радостным изумлением внимали немолчным отголоскам. Громовая переключка огласила горы, и казалось, не будет конца грозному и звонкому пенью рогов.

— Хельм! Хельм! — возгласили ристанийцы. — Хельм восстал из мертвых и скачет на битву! Хельм и конунг Теоден!

И конунг явился: на белоснежном коне, с золотым щитом и огромным копьем. Одесную его ехал Арагорн, наследник Элендила, а за ними — дружина витязей-эорлингов. Занялась заря, и ночь отступила.

— Вперед, сыны Эорла! — С яростным боевым кличем на устах, громыхая оружием, врезалась конная дружина в изенгардские полчища и промчалась от ворот по откосу к плотине, топча и сминая врагов, как траву. Послышались крики воинов, высыпавших из пещер и врубавшихся в черные толпы. Вышли на битву из Горнбурга все его защитники. А в горах все перекликались рога.

Ни громадные латники-орки, ни богатыри-горцы не устояли перед конунгом и сотней его витязей. Мечи сносили им головы, копья вонзались в спины; без оглядки, с воем и воплями бежали они вниз по склону, ибо дикий страх обуял их с рассветом, а впереди ожидало великое изумление.

Так выехал конунг Теоден из Хельмовой Крепи и отбросил осаждающих за Гать. У Гати дружина его остановилась в рассветном сиянии. Солнце, выглянув из-за восточного хребта, золотило жала их копий. Они замерли и молча глядели вниз, на Ущельный излог.

А тамошние места было не узнать. Где прежде тянулись зеленые склоны ложбины, нынче вырос угрюмый лес. Большие деревья, нагие, с белесыми кронами, недвижно высились ряд за рядом, сплетя ветви и разбросав по гу-

стой траве извилистые, цепкие корни. Тьма была разлита под ветвями. От Гати до опушки этого небывалого леса было всего лишь три сотни саженей. Там-то и скоплялось заново великое воинство Сарумана, опасное едва ли не пуще прежнего, ибо мрачные деревья пугали их больше, чем копья ристанийцев. Весь склон от Крепи до Гати опустел, но ниже, казалось, копошился огромный мушиный рой. Направо, по крутым каменистым осыпям, выхода не было, а слева, с запада, близилась их судьбина.

Там, на гребне холма, внезапно появился всадник в белом светоносном одеянии, грянули рога, и тысячный отряд пеших ратников с обнаженными мечами устремился в ложбину. Впереди всех шагал высокий, могучий витязь с красным щитом; он поднес к губам большой черный рог и протрубил боевой сигнал.

— Эркенбранд! — в один голос закричали конники. — Эркенбранд!

— Взгляните! — воскликнул Арагорн. — Белый Всадник! Гэндалфф возвратился с подмогой!

— Митрандир! Митрандир! — подхватил Леголас. — Вот это, я понимаю, волшебство! Скорее, скорее, поедем поглядим на лес, пока чары не рассеялись!

Изенгардцы с воплями метались из стороны в сторону, между двух огней. С башни снова затрубил рог, и дружина конунга помчалась в атаку по мосту через Хельмову Гать. С холмов ринулись воины Эркенбранда, правителя Вестфольда. Светозар летел по склону, точно горный олень, едва касаясь земли копытами, и от ужаса перед Белым Всадником враги обезумели. Горцы падали ниц; орки, визжа, катились кубарем, бросая мечи и копья. Несметное воинство рассеивалось, как дым на ветру. В поисках спасения ополоумевшие орки кидались во мрак под деревьями, и в этом мраке исчезали без следа.

Глава VIII Дорога на Изенгард

Так ясным весенним утром на зеленом лугу возле реки Ущелицы снова встретились конунг Теоден и Белый Всадник Гэндалф, и были при этом Арагорн, сын Араторна, эльф-царевич Леголас, Эркенбранд из Вестфольда и сановники Златоверхого дворца. Вокруг них собрались ристанийцы, конники Мустангрима, более Изумленные волшебством, нежели обрадованные победой: взоры их то и дело обращались к таинственному лесу, который не исчезал.

Но снова раздались громкие возгласы: из-за Гати показались воины, вышедшие из пещер, — и старый Гамлинг, и Эомер, сын Эомунда. А рядом с ними вразвалку шагал гном Гимли: шлема на нем не было, голова обвязана окровавленной тряпицей, но голос звучал по-прежнему задорно и зычно.

— Сорок два как один, любезный друг Леголас! — крикнул он. — Только вот у последнего оказался стальной воротник. Голова его слетела, а секира моя зазубрена. Твои-то как успехи?

— На одного ты меня перегнал, — отвечал Леголас. — Да ладно уж, гордись: коли ты на ногах держишься, то мне и проигрыш не в тягость!

— Привет тебе, Эомер, сестрин сын! — сказал Теоден. — Поистине рад я, что вижу тебя в живых.

— Здравствуй и ты, повелитель Ристании! — отвечал Эомер. — Видишь, рассеялся мрак ночи, и снова наступил день. Однако же диковинный подарок

преподнес нам рассвет! — Он удивленно огляделся и, посмотрев на лес, перевел взгляд на Гэндальфа. — А ты снова явился в трудный час, неожиданно и нежданно, — сказал он ему.

— Нежданно? — отозвался Гэндальф. — Негаданно? Я, помнится, даже назначил вам место встречи.

— Однако время ты не указал, и не знали мы, с чем ты вернешься, с какой неведомой подмогой. Ты — великий волшебник, о Гэндальф Белый!

— Может быть, и так. Но пока обошлось без моего волшебства. Я всего лишь дал в свое время нужный совет, и Светозар меня не подвел. А победу принесла ваша доблесть и крепкие ноги вестфольдцев, ни разу не отдохнувших за ночь.

Все уставились на Гэндальфа, онемев от изумления. Искося поглядывали на странный лес и протирали глаза: быть может, ему не видно того, что видят они?

Гэндальф весело расхохотался.

— Ах, вы о деревьях? — сказал он. — Да нет, деревья я вижу не хуже вас. Но это — этот исход вашей битвы от меня не зависел. Здесь растерялся бы даже целый Совет Мудрых. Я этого не замышлял и уповать на это не мог, однако же так вот случилось.

— Не твое волшебство, так чье же? — спросил Теоден. — Не Саруманово, это уж точно. Значит, есть колдун сильнее вас обоих, и надо узнать, кто он таков.

— Тут не волшебство, тут нет колдовского морока, — промолвил Гэндальф. — Встала древняя сила, старинные обитатели Средиземья: они бродили по здешним местам прежде, чем зазвенели эльфийские песни, прежде, чем молот ударил о железо.

*Еще руду не добыли, деревья не ранил топор,
Еще были юны подлунные, сребристые выси гор,
Колея еще не бывало в те стародавние дни,
А по лесам неспешно уже бродили они.*

— Ты задал загадку, а где на нее ответ? — спросил Теоден.

— Хочешь ответа, поехали со мною в Изенгард, — предложил ему Гэндальф.

— Как в Изенгард? — вскричали все разом.

— Да так вот, в Изенгард, — отвечал Гэндальф. — Туда лежит мой путь, и кто хочет, пусть едет со мной. Странные, должно быть, нас ожидают зрелища.

— Однако ж во всей Ристании, — возразил Теоден, — не найдется довольно ратников — даже если поднимутся на битву все до одного, забыв усталость и презрев раны, — не хватит их, чтобы осадить, а не то что взять неприступную твердыню Сарумана.

— Словом, я еду в Изенгард, — еще раз повторил Гэндальф. — И времени у меня в обрез: на востоке темень смыкается. Увидимся, значит, в Эдорасе, до ущерба луны!

— Нет! — сказал Теоден. — В смутный предрассветный час я усомнился в тебе, но теперь нам расставаться не с руки. Я поеду с тобою, если таков твой совет.

— Я хочу как можно скорее поговорить с Саруманом, — объяснил Гэндальф. — А он — виновник всех ваших бед, и слово теперь за вами. Но уж ехать, так ехать немедля — сможете?

— Воины мои утомлены битвой, — проговорил конунг, — да и сам я, по правде сказать, тоже очень устал: полсуток в седле, а потом бессонная ночь. Увы, старость моя неподдельна, и не Гнилоуст нашептал ее. От этого недуга исцеленья нет, тут и Гэндалфф бессилен.

— Что ж, пусть все, кто поедет со мной, сейчас отдохнут, — сказал Гэндалфф. — Тронемся ввечеру — да так оно и лучше, а впредь мой вам совет: таитесь, действуйте скрытно. И поменьше людей бери с собой, Теоден, — не на битву едем, на переговоры.

Отрядили гонцов из числа тех немногих, кто остался цел и невредим; на самых быстрых скакунах помчались они по ближним и дальним долам и весям, разнося весть о победе; и повелел конунг всем ристанийцам от мала до велика снаряжаться в поход и поспешать к Эдорасу, на боевой смотр — через двое суток после полнолуния. Он взял с собой в Изенгард Эомера и двадцать дружинников. А с Гэндалффом поехали Арагорн, Леголас и Гимли. Гном, несмотря на рану, не пожелал отстать от своих.

— Удар-то пустяковый, пришелся вкось по шлему, — сказал он. — Да если я из-за каждой поганой царапины...

— Сейчас попробуем подлечить, — прервал его Арагорн.

Теоден вернулся в Горнбург и опочил таким безмятежным сном, каким не спал уж много лет; легли отдыхать и те, кому предстоял с ним далекий путь. А остальные — все, кроме тяжелораненых, — принялись за дело, ибо надлежало собрать под стенами и в ущелье тела павших и предать их земле.

Орков в живых не осталось, и не было числа их трупам. Но многие горцы сдались в плен; в ужасе и отчаянии молили они о пощаде. У них отобрали оружие и приставили их к работе.

— Отстроите вместе с нами заново то, что разрушали с орками, принесете клятву никогда более с враждою не переступать Изенских бродов и ступайте себе восвояси, — сказал им Эркенбранд. — Саруман обманул вас, и дорогой ценой расплатились вы за вашу доверчивость, а если б одержали победу, расплатились бы еще дороже.

Дунландцы ушам своим не верили: Саруман говорил им, что свирепые ристанийцы сжигают пленников живьем.

Подле Горнбурга посреди поля насыпали два кургана: под одним схоронили вестфольдцев, под другим — ополченцев Эдораса. У самой стены был погребен главный телохранитель Теодена Гайма — он пал, защищая ворота.

Трупы орков свалили поодаль, возле опушки новоявленного леса. И многие тревожились, ибо неведомо было, что делать с огромными грудями мертвечины: закапывать — хлопотно, да и некогда, сжечь — неостанет хворосту, а рубить диковинные деревья никто бы не отважился, если б Гэндалфф и не запретил строго-настрого даже близко к ним подходить.

— И не возитесь с трупьем, — велел он. — К завтрашнему утру, я думаю, все уладится.

Еще далеко не закончено было погребение, когда конунг со свитою изготовились к отъезду. И Теоден оплакал своего верного стража Гайму и первым бросил горсть земли в его могилу.

— Великое горе причинил Саруман мне и всему нашему краю, — молвил он. — Когда мы с ним встретимся, я ему это попомню.

Солнце клонилось к западному всхолмью излога. Теодена и Гэндальфа провозжали до Гати — ополченцы и вестфольдцы, стар и млад, женщины и дети, высыпавшие из пещер. Звонко разливалась победная песнь — и вдруг смолкла, ибо угрюмые деревья внушали страх ристанийцам.

На опушке кони стали: им, как и их всадникам, не хотелось углубляться в лес. Недвижные, серые, зловещие деревья стояли в туманной дымке: их простертые ветви растопырились, точно лапы, готовые схватить и впиться, извилистыми щупальцами застыли корни, а под ними зияли черные провалы. Но Гэндальф тронулся вперед, и за ним последовали остальные, въезжая один за другим под своды корявых ветвей, осенявших дорогу из Горнбурга — а она оказалась свободна, рядом с нею текла Ущелица, и золотистым сиянием лучились небеса. А древесные стволы по обе стороны уже окутывали сумерки, и из густеющей мглы доносились скрипы, трески и кряхтенье, дальние вскрики и сердитая безголосая молвь. Ни орков, ни лесных зверей не было.

Леголас и Гимли ехали на одной лошади и держались поближе к Гэндальфу, а то Гимли сильно побаивался леса.

— Душно как, правда? — сказал Леголас Гэндальфу. — Нас обступает безысходный гнев. Слышишь, воздух трепещет?

— Слышу, — отозвался Гэндальф.

— А что случилось с несчастными орками? — спросил Леголас.

— Этого, я думаю, никто никогда не узнает, — отвечал Гэндальф.

Какое-то время они ехали молча, и Леголас все поглядывал по сторонам: если б не Гимли, он бы охотно остановился и послушал лесные голоса.

— Ничего не скажешь, чудные деревья, — заметил он, — а уж я ли их не навидался на своем веку! Сколько дубов знал от желудя до кучи трухи! А что, никак нельзя немного задержаться? Я походил бы по лесу, вслушался бы в их разговор, может, и понял бы, о чем речь.

— Нет, нет! — поспешно возразил Гимли. — Оставь их в покое! Я и так понимаю, о чем речь: им ненавистны все двуногие, вот они и переговариваются, как нас ловчее ловить и давить.

— Нет, не все двуногие им ненавистны, это ты выдумываешь, — сказал Леголас. — Ненавидят они орков, а до эльфов и людей им дела нет, они и не знают, кто мы такие. Откуда же? Они нездешние, они родились и выросли в лесной глуши, в тенистых ложбинах Фангорна. Так-то, друг мой Гимли: фангорнские это деревья.

— Ну да, из самого, стало быть, гиблого леса в Средиземье, — проворчал Гимли. — Спасибо им, конечно, здорово помогли, но не лежит у меня к ним душа. Любуйся на них, коли они тебе в диковинку, а вот мне и правда такое привелось увидеть! Что там все леса и долины на свете! До сих пор не нарадуюсь.

Говорю тебе, Леголас, чудной народ эти люди! Под носом у них диво дивное, на всем Севере не сыщешь подобного, а они говорят — пещеры! Пещеры, и все тут! Убежища на случай войны, кладовки для припасов! Друг мой Леголас, да знаешь ли ты, какие хоромы сокрыты в горных недрах возле Хельмова ущелья? Проведай об этом гномы, они бы стекались сюда со всех концов земли, чтобы только взглянуть на них, и платили бы за вход чистым золотом!

— А я не пожалел бы золота за выход, если б там случайно оказался, — заявил Леголас.

— Ты их не видел, что с тебя взять, — сказал ему Гимли. — Прощаю, так и быть, твою дурацкую шутку. Да ваш царский подгорный дворец в Лихолесье, который, кстати, гномы же и отделывали, — просто берлога по сравнению со здешними хоромами! Это огромные чертоги, в которых звучит и звучит медленная музыка переливчатых струй и вечной капли над озерами, прекрасными, как Келед-Зарам в сиянье звезд.

А когда зажигают факелы и люди расхаживают по песчаным полам под гулками сводами, тогда, представляешь, Леголас, гладкие стены сеют сверкающие самоцветов, хрусталей, рудных жил — и озаряются таинственным светом мраморные кружева и завитки вроде раковин, прозрачные, словно пясти Владычицы Галадриэли. И слушай, Леголас, повсюду вздымаются, вырастают из многоцветного пола причудливые, как сны, витые изваяния колонн — белоснежные, желто-коричневые, жемчужно-розовые, а над ними блещут сталактиты — крылья, гирлянды, занавеси, окаменевшие облака; башни и шпили, флюгеры и знамена висячих дворцов, отраженных в недвижно-стылых озерах, — и дивные мерцающие виденья рождаются в темностеклянной глади: города, какие и Дарину едва ли грезилась, улицы, колоннады и галереи, взвешенные над черною глубиной. Но вот падает серебряная капля, круги расходятся по стеклянистой воде — и волшебные замки колышутся, словно морские водоросли в подводном гроте. Наступает вечер — факелы унесли: видения блекнут и гаснут, а в другом чертоге, блистая новой красой, является новая греза. Чертогов там не счесть, Леголас, хоромина за хороминой, своды над сводами, бесконечные лестницы, и в горную глубь ведут извилистые ходы. Пещеры! Хоромы возле Хельмова ущелья! Счастлив жребий, что привел меня сюда! Уходя, я чуть не плакал.

— Ну раз так, Гимли, — сказал немного ошарашенный Леголас, — то желаю тебе уцелеть в грядущих битвах, вернуться в здешние края и снова узреть любезные твоему сердцу пещеры. Только ты своим-то про них не очень рассказывай: судя по твоим словам, здесь трогать ничего не надо, а от семейки гномов с молотками и чеканами вреда, пожалуй, не оберешься. Может, ристанийцы и правильно делают, что помалкивают об этих горных хоромах.

— Ничего ты не понимаешь, — рассердился Гимли. — Да любой гном просто обомлеет от восторга. Нет среди потомков Дарина таких, чтобы принялись здесь добывать драгоценные камни или металл, будь то даже алмазы и золото. Ты ведь не станешь рубить по весне на дрова цветущие деревца? Этот каменный цветник стал бы у нас изумительным, блистающим заповедником. Бережно и неспешно, тюк да тюк, там да сям, бывает, за день только один раз и приладишься с чеканом — мы знаешь как умеем работать! — и через десятки лет чертоги явили бы свою сокровенную красоту и открылись бы новые — там, где сейчас за расселинами скал зияют темные пропасти. И все бы озарилось светом, Леголас! Засияли бы такие же невиданные светильники, как некогда в Казад-Думе; и отступила бы ночь, от века заполонившая горные недра; она возвращалась бы только по нашему мановению.

— Удивил ты меня, Гимли, — сказал Леголас. — Раньше я таких речей от тебя не слыхивал. Еще немного — и я, чего доброго, начну сожалеть, что не видел твоих чертогов. Ладно! Давай заключим уговор: если обоих нас минует гибель — что вряд ли, — то немного попутешествуем вдвоем. Ты со мною в Фангорн, а потом я с тобой — к Хельмову ущелью.

— Фангорн-то я бы далеко стороной обошел, — вздохнул Гимли. — Но будь по-твоему, в Фангорн так в Фангорн, только уж после этого — напрямик сюда, я сам тебе покажу пещеры.

— Идет, — скрепил Леголас. — Но пока что, увы, и от пещер мы отъезжаем все дальше, а вот, гляди-ка, и лес кончается. Далеко еще до Изенгарда, Гэндальф?

— Кому как, — отозвался Гэндальф. — Сарумановы вороны летают по прямой, им пятнадцать лиг: пять от Ущельного излога до переправы, а оттуда еще десять до изенгардских ворот. Но мы отдохнем: заночуем.

— А там, на месте, что нас все-таки ожидает? — спросил Гимли. — Ты-то, конечно, знаешь заранее, а я даже не догадываюсь.

— Нет, я заранее не знаю, — отвечал маг. — Я там был вчера ночью; с тех пор могло случиться многое. Но ты, я думаю, сетовать не будешь, что зря проехался, хотя и покинул, не насмотревшись, Блистающие Пещеры Агларонда.

Наконец они выехали из лесу к развилку большой дороги, которая вела от Ущельного излога на восток, к Эдорасу, и на север, к Изенгардской переправе. Леголас остановил коня на опушке, с грустью оглянулся и громко вскрикнул.

— Там глаза! — закричал он. — Из-за ветвей глаза глядят нам вслед! В жизни не видал таких глаз!

Встревоженные его возгласом воины тоже остановились и обернулись, а Леголас поскакал обратно.

— Нет, нет! — завопил Гимли. — Езжай, куда хочешь, коли совсем свихнулся, а меня спусти с лошади! Ну тебя с твоими глазами!

— Стой, царевич Лихолесья! — приказал Гэндальф. — Сейчас не время. Погоди, от тебя этот лес не уйдет.

Между тем на опушке показались три удивительных исполина: ростом с троллей, футов двенадцати, если не больше, плотные, крепко сбитые, как деревья в поре, долгоногие, длиннорукие, многопалые; то ли одежда в обтяжку, то ли кожа была у них светло-бурая, курчавились кронами пышные волосы, торчали серо-зеленые, мшистые бороды. Огромные внимательные глаза глядели вовсе не на конников, взоры их устремлялись к северу. Внезапно они, приставив раструбом руки ко рту, издали громкий клич, похожий на пенье рога, но протяжнее и мелодичнее. Раздались ответные звуки; всадники обернулись в другую сторону и увидели, что с севера к лесу быстро приближаются такие же исполины, вышагивая в траве. Шагали они, точно аисты, но гораздо проворнее. Конники разразились изумленными возгласами, иные из них схватились за мечи.

— Оставьте оружие, — сказал Гэндальф. — Это всего-навсего пастухи. Они не враги наши, да они нас вовсе и не замечают.

Видимо, так оно и было: исполины, даже не взглянув на всадников, скрылись в лесу.

— Пастухи! — сказал Теоден. — А где же их стада? Кто они такие, Гэндальф? Тебе они, по всему виду, знакомы.

— Пастыри деревьев, — отвечал Гэндальф. — Давно ли, о конунг Теоден, внимал ты долгим рассказам у вечернего очага? Многие ристанийские дети, припомнив волшебные сказки и чудесные были, шутя отыскивали бы ответ на твой вопрос. Ты видел онтов, конунг, онтов из Фангорнского Леса, который на

вашем языке зовется Онтвальд. Может, тебе казалось, что он прозван так ненароком? Нет, Теоден, разуверься: это вы для них мимолетная небыль, столетья, минувшие со времен Отрока Эорла до старца Теодена, в их памяти короче дня, и летопись ваших деяний — как пляска солнечных зайчиков.

— Онты! — вымолвил конунг после долгого молчания. — Да, среди сказочных теней понятней нынешние чудеса, а время нынче небывалое. Век за веком мы холили коней и распахивали поля, строили дома, ковали мечи и косы, выезжали в дальние походы и помогали гондорцам воевать — и называли это жизнью людской, и думали, будто мир вертится вокруг нас. И знать не желали никаких чужаков за нашими рубежами. Старинные песни и сказания мы забывали: одни обрывки их случайно достигали детских ушей. И вот свершилось — древние небылицы ожили и, откуда ни возмись, явились среди бела дня.

— Вот и радуйся, конунг Теоден, — сказал Гэндальф. — Стало быть, нынче злая беда грозит не только недолговечному роду людскому, но и жизни иной, которая мнилась вам небылицей. Есть у вас союзники и соратники, неведомые вам самим.

— Не знаю, радоваться мне или печалиться, — возразил Теоден. — Ведь даже если мы победим — все равно много дивного и прекрасного исчезнет навсегда из жизни Среди земля.

— Исчезнет, — подтвердил Гэндальф. — Лиходейство Саурона с корнем выкорчевать не удастся, и след его неизгладим. Но такая уж выпала нам участь. Поехали дальше, навстречу судьбе!

Обросший лесом излог остался позади, свернули налево, к бродам. Леголас скакал последним, то и дело озираясь. Солнце уже закатилось, но, отъехав от горных подножий, они взглянули на запад и увидели за Вратами Ристании багряное небо и пылающие облака. Стаи черных птиц носились кругами и разлетались врассыпную у них над головой, с жалобным криком возвращаясь на свои скалистые кручи.

— Вдоволь поживы стервятникам на бранном поле, — сказал Эомер.

Они шли на рысях по темнеющей равнине. Медленно выплыла чуть урезанная луна, и в ее серебристом свете степь колыхала неровные серые волны. Часа через четыре подъехали к переправе; под откосом виднелись длинные отмели и высокие травянистые насыпи. С порывом ветра донесся волчий вой, и горестно припомнили ристанийцы, сколько доблестных воинов полегло в этих местах.

Прорезая насыпи, дорога витками спускалась к воде и поднималась в гору на том берегу. Три узкие тропы из тесаных камней и конские броды между ними вели через голый островок посередине реки. Конники смотрели на переправу и дивились: обычно там меж валунов клубилась и клокотала река, а сейчас было тихо. Безводное русло обнажило галечники и серые песчаные залежи.

— Унылые места, их и не узнать! — проговорил Эомер. — Саруман изуродовал все, что смог: неужели же запрудил и загадил источники Изена?

— Похоже на то, — сказал Гэндальф.

— Надо ли нам, — молвил Теоден, — непременно ехать этим путем, мимо наших мертвецов, истерзанных и изглоданных?

— Надо, — сказал Гэндальф. — Надо нам ехать этим путем. Скорбь твоя, конунг, понятна; ты, однако, увидишь, что волки с окрестных гор до наших мертвецов не добрались. Они обжираются трупами своих приятелей-орков: такая у них дружба, не на жизнь, а на смерть. Вперед!

Они спустились к реке, и волчий вой притих, а волки попятились: страшен был им вид Гэндальфа, грознобелого в лунном свете, и его гордого серебряного коня Светозара. Конники перешли на островок, а мерцающие глаза тускло и хищно следили за ними с высокого берега.

— Взгляни! — указал Гэндальф. — Друзья твои не дремали.

И они увидели посреди островка свеженасыпанный курган, обложенный камнями и утыканный копьями.

— Здесь покоятся все мустангримцы, павшие окрест, — сказал Гэндальф.

— Мир их праху! — отозвался Эомер. — Ржа и гниль источат их копья, но курган останется навеки — стеречь Изенгардскую переправу.

— И это тоже ты, Гэндальф, бесценный друг? — спросил Теоден. — Много ж ты успел за вечер и за ночь!

— Спасибо Светозару и другим безымянным помощникам, — сказал Гэндальф. — Дела было — только поспевай!

Одно скажу тебе в утешение возле этого холма: молва троекратно умножила число павших, хотя погибло и правда немало. Больше, однако, рассеялось; и я собрал всех, кого удалось собрать. Одних я отправил с Гримбладом из Вестфольда на помощь Эркенбранду, другим поручил погребение. Теперь они на пути к Эдорасу; твой сенешаль Эльфхельм ведет их, и вдогон им послана еще сотня-другая конников. Саруман обрушил на Хельмову Крепь все свое войско; завернул даже мелкие отряды, а все же я опасался, что какая-нибудь банда мародеров или свора волколаков нападет на незащищенную столицу. Теперь-то можешь не тревожиться: дворец твой ожидает тебя в целостности и сохранности.

— Радостно будет мне возвратиться под златоверхий кров моих предков, пусть и ненадолго, — сказал Теоден.

Распростившись с островком и скорбным курганом, пересекли реку и въехали на высокий берег. Едва они отдалились, волки снова злобно завыли.

Еще в седой древности была проложена дорога от Изенгарда к переправе. Она шла подле реки, сворачивая на восток, потом на север и наконец, оставив реку в стороне, вела напрямиком к изенгардским воротам на западной окраине долины, миль за шестнадцать от ее устья.

Ехали они не дорогой, а рядом с нею, по целине, густо заросшей свежей травой. Ехали быстрее, чем прежде, и к полуночи проскакали добрых пять лиг. Тут, у подножия Мглистых гор, и заночевали: конунг не на шутку утомился. Длинные отроги Нан-Курунира простерлись им навстречу, и густая темень сокрыла долину; луна отошла к западу, спряталась за холмами. Однако же из долины, затопленной темнотой, вздымался огромный столп дымных паров, клубившихся и опадавших, и под лучами луны черно-серебряные клочья расплзались в звездном небе.

— В чем тут дело, как думаешь, Гэндальф? — спросил Арагорн. — Похоже, будто горит вся Колдовская логовина.

— Нынче из этой логовины дым всегда клубами валит, — сказал Эомер. — Но такого и я, пожалуй что, не видывал. Дыма-то, поглядите, маловато, все

сплошь пар. Это Саруман готовит что-нибудь новенькое. Наверно, вскипятил воды Изена, оттого и русло сухое.

— Может, и вскипятил, — согласился Гэндальф. — Завтра утром узнаем, в чем дело с Изеном. А пока попробуйте все-таки отдохнуть.

Заночевали неподалеку от бывшего русла Изена, пустого и заглохшего. И спали, кому спалось. Но посреди ночи вскрикнули сторожевые, и все проснулись. Луна зашла. Блестали звезды, но темнее ночи вскрылась темнота — и пролилась по обе стороны реки, и уползала к северу.

— Ни с места! — велел Гэндальф. — Оружие не трогать! Погодите: сейчас минует!

Их окутал сплошной туман; сверху мигала горсточка серых звезд, но по обе руки стеною выросла темень; они оказались как бы в узкой лощине, стиснутые раздвоенным шествием исполинских теней. Слышались голоса и шепоты, стенания и тяжелый, протяжный вздох; и долгим трепетом ответствовала земля. Казалось, конца не будет их испуганному ожиданию; однако темнота растаяла, и звуки стихли, замерли где-то в горах.

А в южной стороне, близ Горнбурга, за полночь раздался громовой гул, точно ураган пронесся по долине, и содрогнулись недра земные. Всех объял ужас — затворившись, ждали, что будет. Наутро вышли поглядеть и замерли в изумлении: не стало ни волшебного леса, ни кроваво-черной груды мертвецов. Далеко в низине трава была вытоптана, будто великаны-пастухи прогнали там бесчисленные стада; а за милю от Гати образовалась огромная расселина, и над нею — насыпь щебня. Говорили, что там схоронены убитые орки; но куда подевались несметные толпы, бежавшие в лес, никто никогда не узнал: туда, на этот холм, не ступала нога человеческая, и трава на нем не росла. Его прозвали Мертвецкая Запасть. И диковинных деревьев в Ущельном излоге более не видели: как явились они ночью, так и ушли к себе обратно, в темные ложбины Фангорна. Страшной мезтью отомстили они оркам.

После этого конунгу с дружинниками не спалось; а ночь тянулась тихая, и только под утро вдруг обрела голос река. Валуны и мели захлестнуло половодьем, потом вода схлынула. Изен струился и клокотал деловито, как ни в чем не бывало.

На рассвете они изготовились к походу. За бледносерую дымкой вставало невидимое солнце. Отяжелела, напившись стылым смрадом, сырая утренняя мгла. Медленно ехали по широкой, ровной и гладкой дороге. Слева сквозь туман виднелся длинный горный отрог: въезжали в Нан-Курунир, Колдовскую логовину, открытую лишь с юга. Когда-то была она зеленой и пышной; ее орошал полноводный Изен, вбирая ручьи, родники и дождевые горные потоки, — и вся долина возделывалась, цвела и плодоносила.

Но это было давно. У стен Изенгарда и нынче имелись пашни, возделанные Сарумановыми рабами; но остальной долиной завладели волчцы и терние. Куманика оплела землю, задушила кустарник; под ее густыми порослями гнездились робкие зверьки. Деревьев не было; среди гниющей травы там и сям торчали обугленные, изрубленные пни — останки прежних роц. Угрюмое безмолвие нарушал лишь Изен, бурливший в каменистом русле. Плавали клочья дыма и клубы пара, оседая в низинах. Конники помалкивали, и сомнение

закрадывалось в их сердца: зачем их сюда понесло и добром ли все это кончится?

Через несколько миль дорога превратилась в мощеную улицу, и ни травинки не росло между каменными плитами. По обе стороны улицы текла вода в глубоких канавах. Громадный столб появился из мглы; на черном постаменте был установлен большой камень, высеченный и размалеванный наподобие длинной Белой Длани. Перст ее указывал на север. Недалеко, они знали, оставалось до ворот Изенгарда, и чем ближе к ним, тем тяжелее было на сердце — а впереди стеной стояла густая мгла.

Многие тысячелетия в Колдовской логовине высилась У горных подножий древняя крепость, которую люди называли Изенгардом. Ее извергла каменная глубь, потом потрудились нуменорские умельцы, и давным-давно обитал здесь Саруман, строитель не из последних.

Посмотрим же, каков был Изенгард во дни Сарумана, многими почитавшегося за верховного и наимудрейшего мага. Громадное каменное кольцо вросло в скалистые откосы, и лишь один был вход внутрь: большая арка с юга и под нею — туннель, прорубленный в скале, с обеих сторон закупоренный массивными чугунными воротами. Толстые стальные брусья глубоко впились в камень, а ворота были так подвешены на огромных петлях, что растворялись легко и бесшумно, от легкого нажима. За этим гулким туннелем приезжий оказывался как бы на дне чаши, от края до края которой была добрая миля. Некогда там росли меж аллей фруктовые рощи и журчали ручьи, стекавшие с гор в озерцо. Но к концу владычества Сарумана зелени не осталось и в помине. Аллеи замостили черным плитняком, вдоль них вместо деревьев тянулись ровными рядами мраморные, медные, железные столбы; их сковывали тяжкие цепи.

Громады скал, ограждавшие крепость, были источены изнутри ходами и переходами между тайниками, кладовыми и камерами, кругом обставлены всевозможными постройками; зияли бесчисленные окна, бойницы и черные двери. Там ютились тысячи мастеровых, слуг, рабов и воинов, там хранилось оружие, там, в подвалах, выкармливали волков. Все днище каменной чаши тоже было исверлено; низкие купола укрывали скважины и шахты, и при луне Изенгард выглядел беспокойным кладбищем. Непрестанно содрогалась земля; винтовые лестницы уходили вглубь, к сокровищницам, складам, оружейням, кузницам и горнилам. Вращались железные маховики, неумолчно стучали молоты. Скважины изрыгали дымные струи и клубы в красных, синих, ядовито-зеленых отсветах.

Дороги меж цепей вели к центру, к башне причудливой формы. Ее воздвигли древние строители, те самые, что вытесали скалистую ограду Изенгарда; казалось, однако же, что людям такое не под силу, что это — отросток костей земных, увечье разверзнутых гор. Гигантскую глянцевито-черную башню образовали четыре сросшихся граненых столпа. Лишь наверху, на высоте пяти-сот футов над равниной, они вновь расходились кинжальными остриями; посредине этой каменной короны была круглая площадка, и на ее зеркальном полу проступали таинственные письмена.

Ортханк называлась мрачная цитадель Сарумана, и волею судеб (а может, и случайно) имя это по-эльфийски значило Клык-гора, а по-древнеристаний-

ски — Лукавый Ум.

Могучей и дивной крепостью был Изенгард, и многие тысячи лет хранил он великолепие: обитали здесь и великие воеводы, стражи западных пределов Гондора, и мудрецы-звездочеты. Но Саруман медленно и упорно перестраивал его в угоду своим злокозненным планам и думал, что он — великий, несравненный, искусный зодчий; на самом же деле все его выдумки и ухищренья, на которые он разменял былую мудрость и которые мнились ему детищами собственного хитроумия, с начала до конца были подсказаны из Мордора: строил он не что иное, как раблепную копию, игрушечное подобие Барад-Дура, великой Черной Твердыни с ее бастионами, оружейнями, темницами и огнедышащими горнилами; и тамошний властелин в непомерном своем могуществе злорадно и горделиво смеялся над незадачливым и ничтожным соперником.

Таков был оплот Сарумана, так его описывала молва, хотя очевидцев и не было, ибо не помнилось ристанийцам, чтобы кто-нибудь из них проник за крепостные ворота; а те немногие, кто там побывал, — те, вроде Гнилоуста, ездили туда тайком и держали язык за зубами.

Гэндальф проехал мимо столба с изваянием Длани, и тут конники заметили, что Длань-то вовсе не белая, а точно испятнанная засохшей кровью, и вблизи стало видно, что ногти ее побагровели. Гэндальф углубился в туман, и они нехотя последовали за ним. Кругом, словно после половодья, разлились широкие лужи, поблескивали колдобины, налитые водой, журчали в камнях ручьи.

Наконец Гэндальф остановился, сделал им знак приблизиться — и они выехали из тумана. Бледный послеполуденный солнечный свет озарил ворота Изенгарда.

А ворот не было; ворота, сорванные с петель и покореженные, валялись поодаль, среди руин, обломков и бескрайней свалки щебня. Входная арка уцелела, но за нею тянулась расселина — туннель, лишенный кровли. По обеим его сторонам стены были проломлены, сторожевые башни сшиблены и стоптаны в прах. Если бы океан во всей своей ярости обрушился на горную крепь — и то бы он столько не наворотил.

А в кольце полуразваленных скал дымилась и пузырилась залитая водой огромная каменная чаша, испуская пары, колыхалось месиво балок и брусьев, сундуков и ларей и всяческой прочей утвари. Искривленные, покосившиеся столбы торчали над паводком; все дороги были затоплены, а каменный остров посредине окутан облаком пара. Но по-прежнему темной, незыблемой твердыней возвышалась башня Ортханка, и мутные воды плескались у ее подножия.

Конунг и его конники глядели и поражались: владычество Сарумана было очевидно ниспровергнуто, но кем и как? Снова посмотрели они на арку, на вывернутые ворота — и рядом с ними, на груде обломков, вдруг заметили двух малышей в сером, почти неразличимых средь камней. Подле них стояли и валялись бутылки, чашки и плошки; похоже, они только-только плотно откушали и теперь отдыхали от трудов праведных. Один, видимо, вздремнул, другой, скрестив ноги и закинув руки за голову, выпускал изо рта облачка и колечки синеватого дымка.

Теоден, Эомер и прочие ристанийцы обомлели от изумления: такое ни в одном сне не привидится, тем более посреди сокрушенного Изенгарда. Но прежде, чем конунг нашел слова, малыш-дымоиспускатель заметил в свою очередь всадников, вынырнувших из тумана, и вскочил на ноги. Ни дать ни взять юноша, только в половину человеческого роста, он стоял с непокрытой головой, на которой курчавилась копна каштановых волос, а облачен был в замызганный плащ, вроде Гэндальфа и его сотоварищей, когда те заявили в Эдорас. Возложив руку на грудь, он низко поклонился. Потом, словно не замечая мага и его спутников, обратился к Эомеру и конунгу:

— Добро пожаловать в Изенгард, милостивые государи! — промолвил он. — Мы тут исполняем должность привратников. Меня лично зовут Мериадок, сын Сарадока; а мой товарищ по оружию, которого — увы! — одолела усталость, — тут он отвесил товарищу по оружию хорошего пинка, — зовется Перегрин, сын Паладина, из рода преславного Крола. Обиталище наше далеко на севере. Хозяин крепости Саруман — он у себя, но затворился, видите ли, с неким Гнилоустом, иначе бы, разумеется, сам приветствовал столь почетных гостей.

— Да уж конечно, приветствовал бы! — расхохотался Гэндальф. — Так это, значит, Саруман поставил тебя стеречь выломанные ворота и принимать гостей, если будет тебе под силу оторваться от бутылки и оставить тарелку?

— Нет, ваша милость, он не изволил на этот счет распорядиться, — отвечал Мерри. — Слишком он был занят, извините. К воротам нас приставил некий Древень, теперешний управляющий Изенгарда. Он-то и повелел мне приветствовать властелина Ристании в подходящих выражениях. Надеюсь, я не оплошал?

— А на друзей, значит, плевать, на Леголаса и на меня! — воскликнул Гимли, которого так и распирало. — Ах вы мерзавцы, ах вы шерстопятые и шерстолапые лежебоки! Ну и пробежались мы по вашей милости! Двести лиг по лесам и болотам, сквозь битвы и смерти — и все, чтобы вас догнать! А вы тут, оказывается, валяетесь-пируете как ни в чем не бывало, да еще куревом балуетесь! Куревом, это ж подумать только! Вы откуда, негодяи, взяли табак? Ах ты, клещи с молотом, иначе не скажешь! Если я не лопну от радости и ярости, вот это будет настоящее чудо!

— Хорошо говоришь, Гимли, — поддержал его Леголас. — Однако мне вот любопытно, откуда они взяли вино.

— Бегать-то вы горазды, только ума не набегаешь, — заметил Пин, приоткрыв один глаз. — Видите же, сидим мы, победивши, на поле боя, среди всяческой добычи, и еще спрашиваете, откуда взялись эти заслуженные трофеи!

— Заслуженные? — взъярился Гимли. — Вот уж это никак!

Конники захохотали.

— Сомненья нет, мы свидетели встречи старых друзей, — сказал Теоден. — Это и есть, Гэндальф, твои пропащие спутники? Да, нынче наши дни исполнены чудес. Я уж их навидался с тех пор, как покинул Эдорас, а вот смотрите-ка, опять середь бела дня народец из легенд. Вы кто же, вы, что ли, невысоклики, которых у нас называют хольбитлы?

— Хоббиты, государь, с твоего позволения, — сказал Пин.

— Хоббиты? — неуверенно повторил Теоден. — Странно изменился ваш язык; однако же имя это вполне вам подходит. Хоббиты, значит! Нет, рассказ-

ни рассказнями, а правда их чудней.

Мерри поклонился; Пин встал и последовал его примеру.

— Приятны слова твои, государь, — сказал он. — Надеюсь, что я их правильно понял. И вот ведь чудо из чудес! В долгом нашем странствии не встречал я никого, кто бы знал хоть что-нибудь о хоббитах.

— Недаром предки мои родом с севера, — сказал Теоден. — Однако не буду вас обманывать: мы тоже о хоббитах знаем мало. Всего-то нам известно, что далеко-далеко, за горами и синими реками, будто бы живут невысоклики, в норах под песчаными дюнами. Но о делах и деяниях ваших речи нет; говорят, не знаю, правду ли, что нечего про них и рассказывать, что вы избегаете людского глаза, скрываясь во мгновение ока, и что не имеете равных в подражании любым птичьим голосам. Наверняка можно бы и еще про вас что-нибудь порассказать.

— Можно бы, государь, золотые твои слова, — сказал Мерри.

— Вот хотя бы, — сказал Теоден, — я и слыхом не слыхивал, что вы умеете пускать дым изо рта.

— Ну, это как раз неудивительно, — заметил Мерри, — этому искусству мы не слишком давно научились. Тобольд Громовой из Длиннохвостья, что в Южном уделе, впервые вырастил у себя в саду истинное табачное зелье, и было это по нашему счисленью примерно в тысяча семидесятом году. А о том, как старина Тоби набрел на эту травку...

— Ты бы остерегся, Теоден, — вмешался Гэндальф. — Хоббитах только дай волю — они усядутся хоть на поле битвы и давай обсуждать кушанья и стряпню, а заодно порасскажут о деяньях своих отцов, дедов и прадедов, девятиуродных родичей с отцовской и материнской стороны. В другой раз послушаем, как они пристрастились к табачному зелью. Мерри, где Древень?

— Я так понимаю, где-нибудь в северной стороне, — задумчиво сказал Мерри. — Он пошел водицы испить — чистой, сказал он, водицы. И онты вместе с ним доламывают Изенгард — вон, где-то там. — И Мерри махнул рукой в сторону дымящегося озера; они прислушались — и точно, оттуда доносился дальний грохот и рокот, будто лавина катилась с гор. Слышалось протяжное хру-у-umm хуу-мм! — как бы торжествующая переключка рогов.

— А Ортханк, стало быть, оставили без охраны? — сурово спросил Гэндальф.

— Там вода плещется на страже, — возразил Мерри. — Да и не одна вода: Скоростень и еще там ребятушки с ним — они ох как стерегут башню. Да ты погляди как следует — думаешь, это все торчат Сарумановы столбы? А Скоростень, по-моему, — вон он где, возле скалы, у подножия лестницы...

— Да, там стоит высокий серый онт, — подтвердил Леголас, — застыл и руки свесил, не отличишь от воротного столба.

— Уже изрядно за полдень, — сказал Гэндальф, — а мы, в отличие от вас, с раннего утра ничего не ели. Однако же мне бы надо сперва повидаться с Древнем. Он ничего мне передать не просил — или у тебя за питьем и кушаньем память отшибло?

— Он как раз очень даже просил, — сказал Мерри, — и давно бы я тебе это передал, если б меня не перебивали посторонними вопросами. Мне велено сказать вам, что ежели повелитель Ристании и Гэндальф соизволят съездить к северной окраине Изенгарда, то они там имеют встретить Древня, и он будет

очень рад с ними свидеться. Смею ли прибавить, что там для них приготовлена отличная трапеза из припасов, отысканных и отобранных вашими покорными слугами. — И он опять поклонился.

— Давно бы так! — рассмеялся Гэндальф. — Что ж, Теоден, поехали со мной, поищем, где там Древень! В обход придется ехать, но все равно недалеко. Зато, увидевши Древня, многое уразумеешь. Ибо он — Фангорн, древнейший и главнейший из онтов; переговоришь с ним — и услышишь первого из ныне живущих.

— Да, я поеду с тобой, — сказал Теоден. — До свидания, холь... хоббиты! Может, еще увидимся у меня во дворце.

Вы тогда мирно усядетесь рядом со мною и расскажете обо всем, о чем душа пожелает: и о деяниях ваших предков, обо всем, что памятно из них; поговорим заодно и про старину Тобольда, про его ученье о травах. До свидания, государи мои!

Хоббиты низко поклонились.

— Вот он, значит, повелитель Ристании! — вполголоса проговорил Пин. — Старик хоть куда. А учтивый какой!

Глава IX Хлам и крошево

Гэндальф и конунг с дружиной отправились на поиски Древня в объезд разрушенных изенгардеких стен, а Леголас, Гимли и Арагорн отпустили коней щипать, какую найдут, травку и уселись рядом с хоббитами.

— Догнать мы вас, голубчиков, догнали, но как вас сюда занесло — это уму непостижимо, — сказал Арагорн.

— Вот-вот, — подхватил Леголас, — пусть сильные мира сего обсуждают великие дела, а мы, охотники за хоббитами, возьмем-ка их в оборот, раз попались. Ведь что получается — мы их, можно сказать, проводили до самого леса, и все равно загадок не оберешься.

— А нам, наоборот, про вас, охотничков, интересно, — возразил Мерри. — Древень — это который самый старый онт — нам кое-что поразъяснил, теперь очередь за вами.

— За нами? — возмутился Леголас. — Кто за кем гнался? Мы за вами — вот давайте вы сперва и рассказывайте.

— Не сперва, а потом, — сказал Гимли. — После еды оно лучше пойдет. У меня голова с голодухи побаливает, да и время, кстати, самое обеденное. Соберите-ка вы нам, бездельники, какой ни на есть обед: хвастались ведь добычей. Поем-попью — глядишь, и пообрею.

— Сейчас мы тебя задобрим, — пообещал Пин. — Пить-есть-то где будете — здесь или все-таки, для пущего уюта, в Сарумановой бывшей караулке, вон там, под аркой? Мы-то здесь расположились, чтобы вас не проморгать.

— И проморгали, ротозеи! — сказал Гимли. — Но я в гости к оркам, даже к мертвым, не пойду и не стану подъедать за ними объедки.

— А кто тебя зовет в гости к оркам? — осведомился Мерри. — Нам они и самим, знаешь ли, слегка осточертели. В Изенгарде всякой твари было по паре: у Сарумана и у того хватало мозгов не очень-то доверять оркам. Ворота люди стерегли — похоже, это его лейб-гвардия. Ну, так или иначе, а кормили их не худо.

— И табачным зельем снабжали? — ехидно спросил Гимли.

— Нет, не снабжали, — рассмеялся Мерри. — Но это уже другая, послеобеденная история.

— Ладно, уговорили, ведите обедать! — согласился гном.

Следом за хоббитами они прошли под арку налево в широкую дверь за лестницей и очутились в просторном покое с большим очагом и двумя маленькими дверцами в дальней стене. Окна его глядели в туннель, и обычно здесь, должно быть, царила темнота; нынче, однако, свет проливался сквозь разломанные своды. В очаге пылал огонь.

— Это я разжег, — сказал Пин. — Как-никак, все веселей у огонька, тем более в тумане. Только вот хворосту маловато и дрова сыроваты. Спасибо, дымоход треснул, и тяга такая, что лучше некуда. А теперь огонек очень даже пригодится — я вам сделаю гренки. Хлебушек-то, извините, черственький, третьегоднейшей выпечки.

Арагорн и спутники его присели к длинному столу, а хоббиты скрылись за дверцами.

— Там у нас ихняя кладовка, ее, по счастью, не залило, — пояснил Пин, когда они вернулись с мисками, кружками, плоскими, столовыми ножами и съестными припасами.

— И нечего нос воротить, сударь ты наш Гимли, — сказал Мерри. — Это тебе не оркская жратва, а самая настоящая людоеда, как говорит Древень. Хотите вина или, может, пива? Имеется здоровенный бочонок — и недурное, знаете, пивцо. А это, извольте видеть, отличнейший окорочок. Не угодно ли поджаренного бекону? С гарниром, правда, плохо: последнюю неделю, представьте, никакого подвозу не было! Кроме мясного, могу предложить только хлеб с маслом и медом. Устроит?

— Ай да хоббиты! — сказал Гимли. — На славу задабривают!

Все трое ели так, что за ушами трещало, но и хоббиты от них, как ни странно, не отставали.

— Хочешь не хочешь, а гостям надо составить компанию, — вздохнули они, усаживаясь.

— Фу-ты, ну-ты, какие гостеприимные хозяева! — захохотал Леголас. — Чего дурака-то валяете, не было бы нас, вы бы и друг другу компанию составили.

— А что, почему бы и нет, — отвечивал Пин. — Орки нас чуть не уморили, раньше тоже знай пояс подтягивай. Давненько живем впроголодь.

— Изголодались, бедняжки, а по вам и не скажешь, — заметил Арагорн. — Вид у вас цветущий.

— Да уж, — сказал Гимли, выхлебнув кружку в один глоток и оглядывая их. — И волосы у вас вдвое гуще и кучерявее, чем прежде, и сами вы, помнится, были пониже — выросли, что ли? Расти-то вам вроде уж поздновато. Но Древень этот вас, видать, голодом не морил!

— Чего не было, того не было, — признался Мерри. — Но онты — они только пьют, а ведь иной раз и пожевать что-нибудь не мешает. Даже путлибы и те приедаются.

— Ах, вы напились воды из онтских родников? — сказал Леголас. — Тогда все понятно, и Гимли, стало быть, верно углядел. Про чудесные фангорнские родники у нас и песни поются.

— Я тоже слышался чудес о тамошних краях, — сказал Арагорн. — И никогда там не бывал. А вы побывали — вот и рассказывайте сперва об онтах!

— Онты, они, — начал Пин и осекся. — Они вообще-то совсем разные, онты. Вот глаза у них у всех — ну, необыкновенные! — Он поискал слов и махнул рукой. — Да что тут говорить, ведь вы онтов уже видели, хоть и издали, а они-то вас уж точно видели и донесли, что вы сюда едете. Ладно, еще посмотритесь на них, тогда, наверно, сами разберетесь.

— Погоди, погоди, ишь расказакался! — сказал Гимли. — Ни складу, ни ладу. Давай по порядку, с того злосчастливого дня, когда все пошло кувырком.

— Можно и по порядку, если времени хватит, — сказал Мерри. — Только сначала — если вы наелись, конечно, — набьем трубки и закурим. И вообразим ненадолго, будто мы, живы-здоровы, вернулись в Пригорье, а то и в Раздол.

Он достал толстенький кожаный кисет.

— Табачку у нас хоть отбавляй. Набивайте карманы, пока мы хорошие. Поутру был богатый улов — чего тут только не плавает! Пин изловил два бочонка: их небось вынесло откуда-нибудь из подвала. Мы их взяли да вскрыли, а там — что бы вы думали? — первейшее трубочное зелье, и ничуть не подмокшее.

Гимли растер табак в ладонях и понюхал.

— Пахнет не худо и на ощупь хорош, — сказал он.

— Да что там не худо, он лучше хорошего! — укорил его Мерри. — Друг мой Гимли, он же из Длиннохвостья! На бочонках-то было, шутка сказать, клеймо Громобоя! А вот как он сюда попал, ума не приложу. Не иначе, Саруман сам для себя расстарался. Оказывается, наши товары вывозят за тридевять земель. Но ведь как кстати пришелся, а?

— Пришелся бы кстати, — пробурчал Гимли, — будь у меня трубка. А я свою потерял не то в Мории, не то еще раньше. Или, может, вы и трубку тоже выловили?

— Увы, — сказал Мерри, — не выловили. И в кладовках не нашлось ничего похожего. Видно, Саруман не хотел табачком делиться с лейб-гвардией. Можно бы, конечно, сбегать в Ортханк, спросить, не одолжит ли он трубку, да, по моему, не стоит. Дружить так дружить — обойдемся одной трубкой на двоих.

— В следующий раз! — сказал Пин. Он сунул руку за пазуху и извлек оттуда мешочек на шнурке. — Есть которые на себе Кольца таскают, а у меня другие сокровища. Вот, например: моя старая черешневая трубка. А вот, смотрите-ка, еще одна — необкуренная! Зачем я ее сберегал, сам не знаю. Никак уж не считывал, что мне табачку подбросят, когда мой кончится. А вот поди ж ты — пригодилась. — Он протянул Гимли трубку с широким плоским чубуком. — Ну как, может, мы с тобой квиты?

— Скажешь тоже — квиты! — воскликнул Гимли. — О благороднейший из хоббитов, я твой должник навеки!

— Вы как хотите, а я пошел на воздух; там и ветер свежий, и небо над головой, — сказал Леголас.

— Мы тоже пойдем, — поддержал его Арагорн.

Они уселись на каменной россыпи у ворот. Слоистые туманы подымались и уплывали с ветром, открывая долину.

— Ну что ж, давайте и правда немного передохнем! — сказал Арагорн. —

Устроимся на развалинах и поболтаем, как выражается строгий Гэндальф, — пока его нету. Устал я, однако, на удивление, давно такого не припомню. — Он запахнул плащ, так что панциря стало не видно, откинулся, вытянул свои длинные ноги и выпустил изо рта струю голубого дыма.

— Глазам не верю, — развел руками Пин. — Явился не запылится Бродяжник-Следопыт!

— А он никуда и не девался, — сказал Арагорн. — Я и Бродяжник, и Дунадан, гондорский воин и северный Следопыт.

До поры до времени курили в молчании; их озаряли косые солнечные лучи из-за перистых облаков на западе. Леголас лежал неподвижно, широко раскрыв глаза, глядя на солнце и светлое небо, что-то медленно напевая себе под нос. Вдруг он сел, окинул взглядом друзей и сказал:

— Ладно, полежали! Время тянется хоть и медленно, но верно, туманы рассеялись, небо ясное; одни вы, диковинный люд, кутаетесь в дымы. Рассказ-то обещанный где?

— Ну, мой рассказ начинается с того, что я очнулся в темноте среди орков, связанный по рукам и ногам, — сказал Пин. — Погодите-ка, сегодня какое?

— По хоббитскому счислению пятое марта⁴¹, — отозвался Арагорн.

Пин посчитал на пальцах.

— Всего-то девять дней прошло! — сказал он. — А кажется, мы уж год как расстались. Трудно порядком припомнить дурной сон, целых три дня, переполненных жутью. Ежели что забуду, Мерри меня поправит, только я все-таки без подробностей: не хватало еще припоминать вонь, гнусь, бичи и всякое такое.

И он рассказал про последний бой Боромира и про бегство от Привражья до Леса. Слушатели кивали, когда рассказ совпадал с их догадками и домыслами.

— Кое-какие свои сокровища вы обрели в дороге, — сказал Арагорн. — Однако же радуйтесь — не потеряли! — Он отстегнул ремень под плащом и снял с него два кинжала в ножнах.

— Батюшки! — воскликнул Мерри. — Вот уж чего не чаял снова увидеть! Немного окровавить свой меч я все-таки успел, но потом Угрук чуть не с руками вырвал оба, у Пина и у меня. Ну и скрежетал же он зубами! Я было подумал: сейчас зарежет, но он только отшвырнул мечи, точно горячие уголья.

— Вот и твоя застежка, Пин, — сказал Арагорн. — Я сберег ее для тебя — ей ведь цены нет.

— А то я не знаю, — сказал Пин. — Я с нею расстался скрепя сердце — но что было делать?

— Правильно ты сделал, — отвечал Арагорн. — Кто не может расстаться с сокровищем, тому оно станет в тягость. Так, и никак иначе.

— Ладно, вот что они исхитрились руки освободить — вот это да! — сказал Гимли. — Повезло, конечно; но ведь известное дело — не всяк вывозит, кому везет.

— Вывезти вывезли, а куда следы подевались? — спросил Леголас. — Я уж думал, может, у вас крылья выросли?

— Нет, не выросли, — вздохнул Пин. — Тут не крылья, тут Грышнак потрудился. — Его передернуло, и он замолчал; про самое страшное досказывал Мерри — про цепкое обшариванье, про смрадное и жаркое пыхтенье, про ко-

столонную хватку волосатых лапищ Грышнака.

— Очень мне все это не по душе насчет орков из Барад-Дура, по-ихнему Лугбурза, — задумчиво сказал Арагорн. — Черному Властелину и его прислужникам и так-то слишком много было известно, а тут еще Грышнак наверняка изловчился оповестить его из-за реки о кровавой стычке с изенгардцами. Теперь он будет буровить Изенгард своим Огненным Оком. Угодил Саруман в переделку, нечего сказать.

— Да, кто бы ни победил, а ему не поздоровится, — сказал Мерри. — Как сунулись его орки в Ристанию, так и пошло у него все наперекосяк.

— Видели мы тут одним глазком этого старого мошенника, если верить Гэндальфу, что это не он был, — сказал Гимли. — На опушке Фангорна.

— Когда видели? — спросил Пин.

— Пять ночей назад, — отвечал Арагорн.

— Погоди-ка, ага, — сказал Мерри, — пять ночей назад — это значит, как раз начинается история, вам с начала до конца неизвестная. Наутро после битвы мы встретили Древня и к ночи попали в один из его домов, Ключищи называется. Утром отправились мы на Онтотомовище, но это не место, а собрание онтов, и такого я в жизни не видал и не увижу. Продолжалось оно весь день и еще два, а мы ночевали у онта по имени Скоростень. Только на третий вечер онты договорились до дела — и вскипели ой-ой-ой как! Лес замер, точно копил грозу, а потом она разразилась. Ох, слышали бы вы их походную песню!

— Слышал бы ее Саруман, он бы драпанул за сто земель, не разбирая дороги, — сказал Пин.

*На Изенгард! Пусть грозен он, стеной гранитной огражден,
Но мы идем крушить гранит, и Изенгард не устоит!*

Длинная была песня. В ней уж и слов не стало, одни рога распевали да гремели барабаны. Шумим-гремим, идем-грядем! Я было подумал, что они так себе расшумелись, но теперь знаю: они просто так не шумят.

— Стемнело, и мы взошли на гребень над Нан-Куруниром, — продолжил Мерри. — Тогда мне впервые показалось, что за нами движется Лес: ну, думаю, сплю и вижу онтские сны — ан нет, Пин тоже, хоть и раззява, а чего-то такое заметил. И оба мы здорово испугались, но в чем было дело, покамест не разгадали.

А это, оказывается, были гворны — так их онты именуют на «сокращенном языке». Древень про них вскользь упоминал, и я сообразил, что это вроде бы те же онты, только одеревенелые — во всяком случае, с виду. Стоят они там и сям, в лесу или на опушке, стоят-помалкивают и приглядывают за деревьями; а в ложбинах, что поглубже, их, наверно, скопилось многие сотни.

Сила в них тайная и страшная, и они напускают вокруг себя мрак — даже не заметишь, что движутся. А они очень даже движутся, и если рассердятся, то куда как быстро. Стоишь, к примеру, глядишь, какая погода, слушаешь шорох ветра — глядь, а ты уж среди леса, и огромные деревья тянутся к тебе корнями и голыми ветвями. Речь они сохранили, бывает, говорят с онтами — потому и зовутся гворны, как сказал Древень, — но вконец ошалели и одичали. Вот уж не приведи Фангорн с ними встретиться, если поблизости нет настоящего онта.

Ну, в общем, до полуночи мы скрывались в горах на севере Колдовской ло-

говины: онты, а за ними тьма-тьмущая гворнов. Мы их, конечно, видеть не могли; только слышали жуткое поскрипывание и побряхтывание. Темная была ночь, облачная. А с гор они двинулись, словно лавина, и ветер засвистал в ушах. Луна из-за туч не выглядывала, и в первом часу пополуночи на Изенгард с севера надвинулся густой лес. А кругом никого-никого — ни врагов, ни друзей. Только светилось окно высоко на башне — вот и все.

Древень с товарищами подобрался поближе к большим воротам, и мы с Пинном никуда не делись — сидели на плечах у Древня, и я чувствовал, как он напрягся. Но онты — они, если даже сильно волнуются, все равно очень осторожные и терпеливые. Они и застыли, как статуи, тихо дышали и молча вслушивались.

Внезапно все кругом загрохотало. Завыли трубы, гул прокатился по стенам Изенгарда. Мы уж думали — все, нас заметили, и сейчас начнется битва. Но не тут-то было. Просто Саруман выпустил из крепости все свое войско. Я мало чего понимаю про войну, про эту и про любую, ничего толком не знаю про ристанийских конников, что они за люди, но ясное было дело: Саруман задумал одним махом разделаться с конунгом и его подданными. А Изенгард от кого охранять? Я видел, как они шли: орки за орками, черные стальные полчища, и верховые — на громадных волках. Потом люди, и тоже их видимо-невидимо, при свете факелов различались их лица. Вроде бы люди как люди, высокие, темноволосые — мрачные, но не злобные. Жуть-то была не в них; страшно стало, когда пошли другие — росту людского, а хари гоблинские, изжелта-серые, косоглазые. И знаете, мне припомнился тот южанин в Пригорье; тот, правда, был все же скорей человек, чем орк.

— Да, я его тоже припоминал, — сказал Арагорн. — Мы навидались таких полуорков в Хельмовом ущелье. Теперь-то ясно, что тот южанин был шпионом Сарумана, но стакнулся ли он с Черными Всадниками или соблюл верность здешнему хозяину — кто его знает. Да и то сказать: разве их, лиходеев, разберешь, когда они служат верой и правдой, а когда плутуют и мошенничают?

— Короче говоря, набралось Сарумановой рати самое малое тысяч десять, — сказал Мерри. — Час или около того выходили они из ворот. Одни отправились к Бродам, другие — прямо на восток. Там был мост, примерно за милю отсюда, где река глубоко уходит в каменное русло. Да вон он, что там от него осталось: если встанешь, отсюда видно. Они сипло орали песни, гоготали и галдели. Ну, подумал я, ристанийцам-то, пожалуй, худо придется. Но Древень и ухом не повел. Он сказал: «Нынче мне до них дела нет. Я займусь Изенгардом, скалами и стенами».

В крошечной тьме Много не увидишь, но мне почудилось, будто гворны помалу двинулись на юг, как только затворились ворота. Должно быть, им-то было дело до орков. А поутру они продвинулись далеко в долину: там лежало темное пятно.

Как только удалилось Саруманово войско, настал наш черед. Древень опустил нас наземь, подошел к воротам и принялся колотить в них, вызывая Сарумана. Со стен посыпались стрелы и полетели камни. Ну, стрелы онтам нипочем: они их только язвят, будто осиные укусы. Онта можно истыкать стрелами, как игольник, а он почти и не заметит. Отрава их не берет, да и кожа потолще древесной коры. Разве что если изо всех сил рубануть топором:

вот топоров они не любят. Много, однако, понадобится дровосеков на одного онта, тем более что, единожды рубанув его, в живых уж точно не останешься. Онтский кулак мнет броню, как жечь.

Ну и вот, обстреляли они Древня, и тот малость осердился, «поспешничать» стал: есть у него такое словечко. Как гаркнет: «Хрру-ум — ху-ум» — и, откуда ни возмись, явилась ему на подмогу добрая дюжина онтов. А уж сердитый онт — это не шуточки. Пальцами — что рук, что ног — они мало сказать, впиваются в камень: они его крошат, что твой черствый хлеб. Представьте, что сделают со скалами лет за сто древесные корни; так вот, это делалось у нас на глазах.

Они шатали, трясли, дробили, колотили, молотили — бум-бам, тррах-крях, — и через пять минут эти огромные ворота валялись, где сейчас; а стены они рассыпали, как кролики роют песок. Не знаю уж, что там подумал Саруман, понял ли он, какая напасть на него свалилась; но надумать он ничегошеньки не надумал. Нынче он и маг-то, видно, так себе, плохонький, но волшебство побоку, просто кишка тонка, а для храбрости ему нужны рабы в ошейниках и колеса на ремнях, извините, конечно, за красивое выражение. Да уж, не то что старина Гэндальф. Саруман небось потому и прославился, что всех облапошил, запершись в Изенгарде.

— Нет, — возразил Арагорн. — Когда-то он был достоин своей громкой славы. Велики были его познания, победительна сметка, на диво искусны руки, а главное, он имел власть над чужими умами: мудрых он уговаривал, тех, кто поглупей, запугивал. И эту власть он сохранил: во всем Средиземье немногие устоят или поставят на своем, побеседовав с Саруманом, и это даже теперь, после его поражения. Гэндальф, Элронд, пожалуй, Галадриэль, а кто еще — не знаю, даром что козни его и злодейства очевидны и несомненны.

— Онты — они устоят, — сказал Пин. — Однажды ему их удалось объехать на кривой, другой раз не удастся. Да он про них мало что понимает и очень ошибся, исключивши их из расчетов. В его замыслах им места нет, а передумывать уж теперь поздно, когда они сами за ум взялись. Словом, онты пошли на приступ, остатки изенгардского гарнизона разбежались кто куда и, точно крысы, полезли изо всех дыр. Людей онты отловили, выспросили и отпустили; их здесь вылезло дюжины две-три, не больше. А вот из орков, крупных и мелких, вряд ли кто спасся. От онтов — может быть, но от гворнов — никак, а они тогда не все еще покинули долину, Изенгард был наглухо оцеплен.

Так вот, когда онты развалили и искрошили южные стены, а гарнизона и след простыл, откуда-то выскочил и сам Саруман. Он, верно, ошивался у ворот, провожал свое достославное воинство. Поначалу он ловко укрывался, и его не заметили. Но тучи разогнало, звезды засияли; словом, для онтов стало светло, как днем, и вдруг слышу — Скоростень кричит: «Древогуб, древогуб!» Он по натуре тихий и ласковый, Скоростень, но тем страшнее ненавидит Сарумана — его самые любимые рябины погибли под оркскими топорами. Он спрыгнул со стены у внутренних ворот и помчался по дороге к Ортханку: они, когда надо, быстрее ветра. Серенькая фигурка перебежала от столба к столбу и уже была у башенной лестницы, но еще чуть-чуть — и Скоростень сцапал бы и придушил его возле самых дверей.

Забравшись в Ортханк, Саруман тут же запустил на полную катушку все свои прохиндейские машины; а в стенах Изенгарда уже набралось порядком

онтов — одних призвал своим криком Скоростень, другие вломились с востока и севера — расхаживали и крушили что ни попадя. И вдруг скважины и шахты повсюду стали изрыгать огонь и вонючий дым. Кого обожгло, кого опалило. Один высокий, красивый онт — Буковец, кажется, его звали — попал в струю жидкого огня и загорелся, как факел: ужас несусветный!

Вот когда они впрямь рассвирепели. Я по глупости думал, что они и так уже здорово сердитые; но тут такое поднялось! Они трубили, гудели, голосили — от одного этого шума камни стали сами трескаться и осыпаться. Мы с Мерри забились поглубже в какие-то щели, заткнув уши плащами.

Точно смерч обрушился на Изенгард: онты выдергивали столбы, засыпали шахты валунами и щебнем; обломки скал летали кругом, как листья, взметенные вихрем. И посреди этого бушующего урагана незыблемо и невозмутимо высилась башня Ортханка: ни малейшего вреда не причинял ей град камней и железок, взлетающих на сотни футов.

Гнев Энгов. Тед Несмит

Спасибо, Древень головы не потерял; его, кстати, по счастью, даже не обожгло. Похоже было, что онты, того и гляди, угробят самих себя, а Саруман улизнет в суматохе каким-нибудь тайным подземным ходом. Они с разгону, как на стену лезли, кидались на черную гладкую башню — и без толку, разумеется. Тут, видно, постарались чародеи почище Сарумана. Ни щелочки в камне не сделали онты, только сами расшиблись и поранились.

Тогда Древень вышел за кольцо стен и затрубил так громко, что перекрыл голосом дикий шум и грохот. Вдруг наступило мертвое молчанье, и из верхнего окна башни донесся злорадный, пронзительный, леденящий хохот. Чудно он подействовал на онтов. Только что они были сами не свои от ярости — и вмиг стали угрюмые, холодные и спокойные. Собрались они в круг возле Древня: тот держал к ним речь, а они молча, неподвижно внимали. Говорил он на их языке; я так понял, что разъяснял им свой план, который был у него готов заранее, а может, и давным-давно. Потом они словно растворились в се-

рой темени; как раз уже начинало светать.

С башни они, конечно, глаз не спускали, но дозорные притаились где-то в тени, невидимые и неслышные. Другие все ушли на север и как в воду канули, а мы остались сами по себе. Денек выдался мрачный; мы бродили, осматривались и хоронились, как умели, от всевидящих и зловещих окон Ортханка. Искали мы хоть чего-нибудь поесть, ничего не находили, присаживались отдохнуть в укромном местечке и заглушали голод разговорами о том, каково-то воюют на юге, в Ристании, и как нынче дышится прочим разнесчастным Хранителям. Время от времени доносилось, будто с каменоломни, гулкое громаханье, и глухо рушились глыбы, раскатывая эхо в горах.

Под вечер мы отправились взглянуть, что там такое делается. Угрюмый лес гворнов вырос у края долины; другой подступил с северо-востока к изенгардскому кольцу. Подойти ближе мы не отважились, только послушали издали треск, грохот и шумы стройки. Онты и гворны копали пруды и канавы, возводили дамбы: скапливали воды Изена, родников, ручьев и речушек. Мы им мешать не стали.

В сумерках Древень явился к воротам. Он ухал, гудел и, кажется, был доволен. Вытянул свои длиннющие руки, размял ноги и продышался. Я спросил его, уж не устал ли он.

«Устал? — повторил он. — Не устал ли я? М-да, нет, не устал: так, разве что заскорузнул. Сейчас бы испить как следует водицы из Онтавы. А вот поработали мы на славу: перебросали камней и разворотили земли больше, чем лет эдак за сто. Зато, почитай что, и кончили дело. Вы ночью-то держитесь подалее от ворот и от этого, как его, туннеля! Вода оттуда хлынет — поначалу гнилая, мутная, пока не вымоет все пакости Сарумана, а уж потом Изен прикатит чистые, свежие воды». Он еще немного постоял, ковыряя стену и так себе, для развлечения, обрушивая стопудовые обломки.

Мы принялись выбирать место, где бы это поспокойней улечься и вздремнуть, но тут пошли диковинные дела. Раздался стук копыт: всадник мчался по дороге. Мы с Мерри залегли, а Древень укрылся в тени под аркой. Выскочил огромный конь, точно серебро заблестало. Темно уже было, но я разглядел лицо всадника: оно как будто светилось, и он был в белом облачении. Я сел и уставился на него разиня рот. Хотел позвать, да язык не слушался.

Но звать не понадобилось. Он стал рядом и глядел на нас. «Гэндальф!» — выговорил я наконец едва слышным шепотом. Вы думаете, он сказал: «Ах, Пин, привет! Какая приятная встреча!»? Как бы не так! Он гаркнул: «Вставай, лодырь-бездельник Крол! Куда, разрази вас гром, подевался в этой каше Древень? Мне он сейчас же нужен. Сыщи его, да поживее!»

Древень слышал его голос и вышел на свет: вот встретились так встретились! Меня, главное, поразило, что им хоть бы что. Гэндальф наверняка здесь и искал Древня, а тот, поди, затем и торчал у ворот, чтобы его встретить. А я то старику рассказывал-разливался про Морию и тому подобное. Помнится, правда, он странным глазом на меня при этом глядел. Только и остается думать, что он то ли виделся с Гэндальфом, то ли что о нем прослышал, да не торопился рассказывать. У него первое дело: «Спешить не надо: поспешишь — людей насмешишь»; но спеши не спеши, а эльфы и те за Гэндальфом не поспеют.

«Кгум! Вот и ты, Гэндальф! — проговорил Древень. — Ты как раз вовремя

явился. Вода, деревья, камни, скалы — это мне все под силу; а тут засел маг, и я не знаю, как быть».

«Вот что, Древень, — сказал Гэндальф. — Мне, понимаешь ли, нужна твоя помощь. Ты и так много сделал, но этого мало. Мне надо как-то разобраться с десятком тысяч орков».

Потом они оба куда-то ушли совещаться, чтоб без помех. Наверняка совещание это Древень счел поспешным и торопливым — да Гэндальф и правда очень торопился, он говорил на ходу, потом уж их слышно не стало. Минут, что ли, десять просоветались, самое большее — четверть часа. Потом Гэндальф вернулся — и, видно, отлегло у него от сердца, даже повеселел и сказал, спасибо, что рад нас видеть.

«Слушай, Гэндальф, — воскликнул я, — ты где вообще-то был? Ты остальных наших видел?»

«Где был, там меня уж нет, — отвечал он на гэндальфовский манер. — Да, кое-кого из остальных видел. Но с новостями подождем. Ночь опасная, медлить нельзя, мне еще скакать и скакать. Но с рассветом, может быть, просветлеет; увидимся — поговорим. Берегите себя и от Ортханка держитесь подальше. А пока — прощайте!»

Древень очень задумчиво проводил Гэндальфа глазами. Он, видимо, многое враз узнал и теперь медленно переваривал. Поглядел он на нас и говорит: «Хм, да вы, оказывается, не такие уж и торопыги. Рассказали куда меньше, чем могли, и ровно столько, сколько следовало, и-да, целый ворох новостей, и никуда от них не денешься! Вот тебе, Древень, и еще куча дел!»

Мы из него все ж таки кое-что вытянули — и новостям не порадовались. Огорчались мы, правда, только из-за вас троих, а про Фродо с Сэмом и беднягу Боромира и думать забыли. Оказывается, вам предстояла великая битва, и по чем еще было знать, уцелеете вы или нет.

«Гворны помогут», — сказал Древень. Потом он ушел и появился только нынче утром.

— Муторная была ночь, — продолжал Мерри. — Мы кое-как пристроились на высокой груде камней, а кругом все заволкло: мгла колыхалась над нами огромным одеялом. Парило, слышались шорохи, трески, удалялось медленное бормотание. Не иначе, сотня-другая гворнов отправилась на подмогу своим. Потом с юга донесся страшный громовой раскат, над Ристанией замелькали молнии, на миг выхватывая из темноты далекие черно-белые вершины. У нас в горах тоже гром грохотал, и долина наполнилась эхом, но совсем по-другому, не похоже на отзвуки битвы.

После полуночи онты разобрали свои запруды и затопили Изенгард через северный пролом. Гворны ушли, их темень рассеялась, и гром понемногу стих вдалеке. Луна спустилась к западному хребту.

А по Изенгарду расползались потоки, повсюду вскипали колдобины, черный паводок бурлил в лунном свете. Вода впивалась воронками в сарумановские шахты и скважины, оттуда вырывались столбы пара; свист, шипение, дым валил клубами. Вспыхивали разрывы. Длинный стусток тумана змея змеей оплел Ортханк; он стал будто снежный пик, огнисто-рдяный внизу и лунно-зеленый сверху. А вода все прибывала; Изенгард кипел, точно кастрюля супа на огне.

— Прошлой ночью Нан-Курунир изрыгнул нам навстречу мутное облако дыма, — сказал Арагорн. — Мы опасались, не Саруман ли это измыслил какое-нибудь новое злодейство.

— Ну да, Саруман! — фыркнул Пин. — Ему уж стало не до смеха: он, поди, задыхался в собственном смраде. Ко вчерашнему утру онтские воды затопили все хитрые провалы, и расстелился плотный вонючий туман. Мы в ту самую караульню и сбежали — и натерпелись там страху.

Вода прибывала; по туннелю мчалась река — того гляди, захлестнет, и поминай как звали. Мы уж думали: все, сгинем, как орки в норе; нашлась, спасибо, винтовая лесенка из кладовой, вывела поверх арки. Там мы уселись на камушке над паводком и глядели на великую изенгардскую лужу. Онты подбавляли и подбавляли воды, чтобы загасить все огни и залить все подземные пещеры. Туман прибывал, густел — и склубился в огромный гриб, с милю, не меньше, высотой. Вечером над восточным взгорьем опрокинулась исполинская радуга, и такой потом хлынул грязный ливень, что и заката видно не было. А в общем было довольно тихо, только где-то вдали тоскливо подвывали волки. Ночью онты остановили наводнение и пустили Изен по старому руслу. Тем все покамест и кончилось.

— И вода стала опадать. Небось там в пещерах есть нижние подвальные ярусы. Вот уж не завидую Саруману: из любого окна, смотри не смотри, ничего путного не увидишь, одна грязь да гадость. Мы тоже взгрустнули — кругом ни души, ни тебе онта, и новостей никаких. Так мы и проторчали всю ночь над аркою без сна, в холоде и сырости. Казалось, вот-вот что-нибудь такое приключится: Саруман-то в башне сидит! Ночью и впрямь поднялся шум, будто ветер свищет в долине. Вроде бы онты и те гворны, что уходили, вернулись назад, но куда они подевались, даже не спрашивайте — не знаю, и все тут. Промозглым туманным утром спустились мы вниз, огляделись, а кругом опять никогошеньки. Ну вот, пожалуй, и нечего больше рассказывать. После всей этой катавасии нынче тише тихого. А раз Гэндальф приехал, он и вообще порядок наведет. Эх, соснуть бы сейчас!

Помолчали. Гимли выколотил и заново набил трубку.

— Мне вот что еще интересно, — сказал он, запаливши трут и затянувшись, — про Гнилоуста. Ты сказал Теодену, что он в башне с Саруманом. Как он туда попал?

— Забыл рассказать, — спохватился Пин. — Нынче утром он пожаловал. Только это мы разожгли очаг, немного позавтракали — глядь, ан Древень тут как тут. Слышим: гудит, топочет и нас кличет.

«А, — говорит, — вот и вы, ребятки, ну как, не скучаете? А у меня для вас, — говорит, — новости. Гворны возвратились. Там, в Ристании, все хорошо и даже очень не худо! — смеется и хлопает лапищами по ляжкам. — Покончено, — говорит, — с изенгардскими орками-древору-бами. К нам сюда с юга едут и скоренько будут здесь — кое с кем вы, пожалуй, не прочь будете свидеться!»

Только он это сказал, как раздался цокот копыт. Мы кинулись к воротам, я глаза растопырил, жду Гэндальфа с Бродяжником во главе победного воинства, но не тут-то было! Из тумана выехал всадник на замороженном коне и виду довольно-таки неприглядного. А за ним — никого. Выехал он из тумана, уви-

дел, что здесь творится, разинул рот и аж позеленел от изумления. Совсем растерялся, сперва даже нас не заметил. А когда заметил, вскрикнул и вздыбил коня, но Древень шагнул раз-другой, протянул свою длинную руку и вынул его из седла. Конь метнулся и умчался, а его Древень отпустил, и он сразу хлоп на брюхо. Ползает и говорит: «Я, — говорит, — Грима, приближенный советник конунга, меня, — говорит, — Теоден послал к Саруману с неотложными вестями. Все, — говорит, — испугались ехать, кругом ведь гады-орки рыщут, я один вызвался. Ужас, — говорит, — что претерпел, до смерти устал, сутки голодаю. За мной, — говорит, — волки гнались, я, — говорит, — к северу крюка дал».

Я примечаю, как он косится на Древня, и думаю: «Все врет». А Древень посмотрел на него медленно-медленно: тот чуть в землю не вдавился. Потом Древень говорит: «Кха, кхм, а я тебя давно поджидаю, сударь ты мой Гнилоуст. — Тот совсем съежился и ждет, что дальше будет, а Древень-то: — Гэндальф уже побывал здесь, я все про тебя знаю и знаю даже, куда тебя девать. Гэндальф сказал, чтоб все крысы были в одной крысоловке: давай поспешай. Хозяин Изенгарда теперь я, а Саруман сидит у себя в башне; ступай к нему, раз у тебя такие неотложные вести».

«Пропусти меня, пропусти! — воскликнул Гнилоуст. — Я дорогу знаю».

«Раньше ты ее знал, это конечно, — сказал Древень. — Но теперь там трудновато пройти. Впрочем, ступай посмотри!»

Гнилоуст поплелся под арку, мы шли за ним следом; миновал он туннель, огляделся, увидел загаженную грязную топь между стенами и Ортханком и попятился.

«Отпустите меня! — заныл он. — Отпустите! Вести мои запоздали!»

«Что правда, то правда, — сказал Древень. — Но тебе предстоит выбирать: либо полезай в воду, либо оставайся со мной, подождем Гэндальфа и твоего государя. Что тебе больше нравится?»

Тот как услышал о государе, задрожал и сунулся было в воду, но отпрянул.

«Я не умею плавать!» — проскулил он.

«А там неглубоко, — сказал Древень. — Вода, правда, гнилая, но уж тебя-то, Гнилоуста, она не осквернит. Ступай вперед!»

И несчастный подлец погрузился в жижу почти по горло; сначала брел кое-как, потом схватился за бочонок, не то за доску. Древень проводил его.

«Добрался-таки, — сказал он, вернувшись. — А полз по ступеням и лязгал зубами — ну крыса крысой. В башне сидят, как сидели: оттуда высунулась рука и затащила его внутрь. Наверняка его встретили по заслугам. А я пойду обоюсю от этой гнуси. Если кому понадобится, я на северной окраине, а то здесь и воды-то чистой не сыщешь: ни тебе напиться, ни умыться, а онту без этого никак нельзя. А вы, зайчатки, вот что: побудьте-ка у меня привратниками. Тут ведь такие гости ожидаются — не кто-нибудь, а сам хозяин ристанийских угодий! Вы уж его привечайте, как у вас положено. Едет он тем более с победою: войско конунга одолело орков в кровавой битве. Нешто простой лесной онт сообразит, как его надо чествовать? Вы-то небось лучше нашего знаете людские словеса и обычаи. Много перебывало государей в зеленых ристанийских степях, а я не то что языка их не знаю, а и самые имена позабыл. Им, наверно, нужна будет людоеда: позаботьтесь, поищите, чем не стыдно угостить конунга». Ну, мы что могли, то сделали. Но хотел бы я все-таки знать,

кто этот Гнилоуст? Неужто он и правда был советником конунга?

— Был, — подтвердил Арагорн. — А заодно шпионом Сарумана, его главным соглядатаем в Ристании. Судьба его, впрочем, не пощадила: ему привелось увидеть поверженным в прах то величие, которому он поклонялся, и пережить крушение всех своих упований. Казалось бы, он довольно наказан, однако худшее у него впереди.

— Да уж едва ли Древень запихал его в Ортханк по доброте душевной! — сказал Мерри. — Очень он угрюмо посмеивался, когда пошел купаться и пить водичку. Ну а мы принялись не покладая рук ворошить плавучий хлам да по каморкам копать. Нашли мы целых три незатопленные кладовки, и вдруг на тебе — явились онты от Древня да и забрали все чуть не подчистую.

«Нам, — говорят, — нужна людоеда, чтоб хватило на двадцать пять человек». Так что, как видите, все поголовно подсчитаны, вы в том числе. Но вы не огорчайтесь, что остались: мы себя не обидели, смею вас уверить. А выпивки онты и вовсе никакой не взяли.

«Пить-то они что будут?» — говорю я им.

«Известно, что, — отвечают, — изенскую воду, она и для онтов, и для людей вполне годится». Наверняка, впрочем, онты состряпали из родниковой воды какой-нибудь свой напиток, и Гэндальф вернется с курчавой бородой. Словом, они отвалили, а мы, вконец усталые и голодные, давай отдыхать и кормиться. Внакладе-то мы не остались: усердствовали в поисках людоеды, а нашли такое, о чем и мечтать не смели. Пин притащил эти бочоночки с клеймом Громобоя, напыжился и говорит: «Поевши и подымить не грех». Ну вот и сказка вся.

— Да, теперь все разъяснилось, — одобрил Гимли.

— Неясно одно, — задумчиво сказал Арагорн, — как хоббитское зелье попало из Южного удела в Изенгард. Что-то я этого в толк не возьму. Положим, в Изенгарде я прежде не бывал, но уж пустынные края между Хоббитанией и Мустангримом исходил вдоль и поперек. Дороги там позаросли, места опасные, товары не возят. Видно, были у Сарумана тайные поставщики из хоббитов. Что ж, гнилоусты водятся не только в золотом чертоге конунга Теодена. Там на бочонках дата не обозначена?

— Обозначена, — сказал Пин. — Сбор тыща четыреста семнадцатого, прошлогодний, значит, то есть, виноват, уже позапрошлогодний, хороший был сбор.

— Ну, пока что он свои лиходейские затеи поневоле отложит, да и нам, по правде, нынче не до них, — сказал Арагорн. — А все ж таки скажу-ка я об этом Гэндальфу: пустяки тоже упускать из виду не след.

— Что он там застрял, хотел бы я знать, — сказал Мерри. — Время уж за полдень. Идемте прогуляемся! Вот тебе, Бродяжник, и представился случай побывать в Изенгарде, только виды там сейчас незавидные.

Глава X Красноречие Сарумана

Они прошли разрушенным туннелем, выбрались на каменный завал, и перед ними предстала черная громада Ортханка, ее окна-бойницы угрюмо и грозно обзревала разоренную крепость. Вода почти совсем спала. Остались

замусоренные, залитые водой ямины в мутной пене, но большей частью дно каменной чаши обнажилось, являя взору кучи ила, груды щебня, почернелые провалы и торчащие вкривь и вкось столбы. У щербатых закраин громоздились наносы, за стенами виднелась извилистая, заросшая темнолохматой зеленью лощина, стиснутая высокими горными отрогами. Со стороны северного пролома к Ортханку приближалась всадников.

— Это Гэндальф и Теоден с охраной, — сказал Леголас. — Пойдем к ним навстречу!

— Только поосторожней! — предупредил Мерри. — Плиты разъехались: того и гляди, оступишься и провалишься в какую-нибудь бездонную шахту.

Они пробирались по расколотым, осклизлым плитам бывшей главной дороги от ворот к башне. Всадники заметили их и подождали, укрывшись под сенью огромной подбашенной скалы. Гэндальф выехал им навстречу.

— Мы с Древнем основательно побеседовали и о том, о сем договорились, — сказал он, — а все прочие наконец-то хоть немного отдохнули. Пора и в путь. Вы тоже, надеюсь, удосужились отдохнуть и подкрепиться?

— Еще бы! — отозвался Мерри. — Подымить и то удосужились — для начала и напоследок. Мы теперь даже на Сарумана не очень сердимся.

— Вот как? — сказал Гэндальф. — А я все-таки сержусь, тем более что с ним-то как раз и придется сейчас иметь дело. Разговор предстоит опасный, а может, и бесполезный, но неизбежный. Кто хочет, пошли со мной — но глядите в оба! Учтите, тут не до шуток!

— Я-то пойду, — сказал Гимли. — Охота мне толком на него поглядеть и сравнить с тобой: будто уж вы так похожи?

— Не многого ли захотел, любезнейший гном? — сказал Гэндальф. — Если Саруману понадобится, ты его от меня ни за что не отличишь. И ты думаешь, у тебя хватит ума не поддаться на его уловки? Ну что ж, посмотрим. Как бы он только не заартачился: чересчур уж много собеседников. Онтам я, правда, велел на глаза не показываться, так что, пожалуй, он и рискнет.

— А чего опасного? — спросил Пин. — Стрелять он, что ли, в нас будет, огнем из окон поливать — или околдует издали?

— Да, наверно, попробует околдовать, в расчете на ваше легкомыслие, — сказал Гэндальф. — Впрочем, кто знает, что ему взбредет на ум и что он пустит в ход. Он сейчас опасней загнанного зверя. Помните: Саруман — коварный и могучий чародей. Берегитесь его голоса!

Черная скала — граненое подножие Ортханка — влажно поблескивала; ее чудовищные острые ребра, казалось, только что вытесаны. Несколько щербин да осыпь мелких осколков напоминали о бессильной ярости онтов.

С восточной стороны между угловыми столпами была массивная дверь, а над нею — закрытое ставнями окно, выходившее на балкон с чугунными перилами. К дверному порогу вели двадцать семь широких и гладких круговых ступеней, искусно вырубленных в черном камне мастерами незапамятных лет. Это был единственный вход в многоглазую башню, исподлобья глядевшую на пришельцев рядами высоких и узких стрельчатых окон.

Гэндальф и конунг спешили у нижней ступени.

— Я поднимусь к дверям, — сказал Гэндальф. — Я бывал в Ортханке, а коз-

ни Сарумана не застанут меня врасплох.

— Я тоже поднимусь, — сказал конунг. — Мне, старику, никакие козни уже не страшны. Я хочу лицом к лицу встретиться с врагом, который причинил мне столько зла. Мне поможет взойти Эомер.

— Да будет так, — скрепил Гэндальф. — А со мною пойдет Арагорн. Остальные пусть подождут здесь. Хватит с них и того, что они увидят и услышат отсюда.

— Нет! — воспротивился Гимли. — Мы с Леголасом желаем смотреть и слушать вблизи. У наших народов свои счеты с Саруманом. Мы последуем за вами.

— Ну что ж, следуйте! — сказал Гэндальф и бок о бок с Теоденом медленно взошел по ступеням.

Всадники разъехались по сторонам лестницы и остались на конях, тревожно и недоверчиво поглядывали они на страховидную башню, опасаясь за своего государя. Мерри с Пином присели на нижней ступени, им было очень не по себе.

— Это ж по такой грязище до ворот не меньше полумили! — ворчал Пин. — Эх, удрать бы сейчас потихонечку и спрятаться в караулке! Чего мы сюда притащились? Нас и не звал никто.

Гэндальф ударил жезлом в двери Ортханка: они отозвались глухим гулом.

— Саруман! Саруман! — громко и повелительно крикнул он. — Выходи, Саруман!

Ответа долго не было. Наконец растворились ставни за балконом, но из черного проема никто не выглянул.

— Кто там? — спросили оттуда. — Чего вам надо?

Теоден вздрогнул.

— Знакомый голос, — сказал он. — Клянусь тот день, когда впервые услышал его.

— Ступай позови Сарумана, коль ты у него теперь в лакеях, Грима Гнилоуст! — сказал Гэндальф. — И без оттяжек!

Ставни затворились. Они ждали. И вдруг послышался другой голос, низкий и бархатный, очарованье было в самом его звуке. Кто невзначай поддавался этому очарованью, услышанных слов обычно не помнил, а если припоминал, то с восторженным и бессильным трепетом. Помнилась же более всего радость, с какой он внимал мудрым и справедливым речам, звучавшим как музыка, и хотелось как можно скорее и безогляднее соглашаться, причащаться этой мудрости. После нее всякое чужое слово язвило слух, казалось грубым и нелепым; если же ее оспаривали, то сердце возгоралось гневом. Иные бывали очарованы, лишь пока голос обращался к ним, а после с усмешкой качали головой, как бы разгадав штукарский трюк. Многим было все равно, что кому говорится: их покорял самый звук речей. Те же, кому эти речи западали в душу, уносили восторг и сладкий трепет с собой, бархатистый голос слышался им непрестанно — он объяснял, уговаривал, нашептывал. Равнодушным не оставался никто, и немалое требовалось усилие, чтобы отвергнуть вкрадчивые или повелительные настояния этого мягкого и властного голоса.

— Ну, что случилось? — укоризненно спросил он. — Непременно нужно меня тревожить? Вот уж поистине покоя нет ни днем, ни ночью! — В укоре была доброта — и горечь незаслуженного оскорбления.

Все удивленно подняли глаза, ибо совсем бесшумно невесть откуда у перил появился старец, снисходительно глядевший на них сверху вниз, кутаясь в просторный плащ непонятного цвета — цвет менялся на глазах, стоило зрителям сморгнуть или старцу пошевелиться. Лицо у него было длинное, лоб высокий, темноватые глаза смотрели радушно, пронизательно и чуть-чуть устало. В белоснежной копне волос и окладистой бороде возле губ и ушей сквозили черные пряди.

— Похож, да не слишком, — пробормотал Гимли.

— Что ж вы молчите? — молвил благосклонный голос. — Ну, хотя бы двое из вас мне хорошо знакомы. Гэндальф, увы, знаком слишком хорошо: едва ли он приехал за помощью или советом. Но как не узнать тебя, повелитель Ристании Теоден: твой герб горделиво блещет и благородна осанка конунга из рода Эорла. О, достойный отпрыск преславного Тенгела! Отчего ты так промедлил, зачем давно не явился как друг и сосед? Да и сам я хорош! Надо, надо мне было повидаться с тобой, владыкой из владык западных стран, в нынешние грозные годы! Надо бы остеречь тебя от дурных и малоумных советов! Но, может статья, еще не поздно? Тяжкий урон нанес ты мне ради бранной славы со своими буйными витязями, но я не попомню зла и готов, несмотря ни на что, избавить тебя и царство твое теперь уже от неминуемой гибели, ибо в пропасть ведет тот путь, на который тебя заманили. Скажу больше: лишь я один в силах тебе помочь.

Казалось, Теоден хотел что-то ответить, но речь замерла на его устах. Он глядел в лицо Саруману, в его темные строгие глаза, призывно обращенные к нему, потом взглянул на Гэндальфа — видимо, его одолевали сомнения. А Гэндальф не шелохнулся: опустив глаза, он словно бы ожидал некоего знака, терпеливо и неподвижно. Конники заволновались: слова Сарумана были встречены одобрительным ропотом, — потом смолкли и застыли как зачарованные. Никогда, подумалось им, не оказывал Гэндальф их государю такого неподдельного почтения. Грубо и надменно разговаривал он с Теоденом. И сердца их стеснило темное предчувствие злой гибели: Гэндальф по своей прихоти готов был ввергнуть Мустангрим в пучину бедствий, зато Саруман открывал путь к спасению, и в словах его брезжил отрадный свет. Нависло тяжелое безмолвие.

Внезапно его нарушил гном Гимли.

— Да это не маг, а какой-то вертун, — буркнул он, сжимая рукоять секиры. — У этого ортханкского ловкача помощь означает предательство, а спасти — значит погубить: тут дело ясное. Только ведь мы сюда не за тем явились, чтобы молить его о помощи и спасении.

— Тише! — сказал Саруман, и голос его на миг потерял обаяние, а глаза метнули недобрый блеск. — Есть у меня и к тебе слово, о Гимли, сын Глоина, — продолжал он по-прежнему. — Далеко отсюда чертоги твои, и не твоя забота — здешние запутанные распри. Да сам бы ты в жизни не стал в них впутываться, и я тебя не виню за твое опрометчивое великодушие, за неуместное геройство. Но позволь мне сперва побеседовать с ристанийским конунгом, моим давним соседом и бывшим другом.

Что скажешь, конунг Теоден? Быть может, мы все же заключим мир и все мои познания, обретенные за много веков, послужат тебе на пользу? Рука об руку выстоим мы в трудные времена, предадим забвению взаимные обиды, и

наши дружественные края расцветут пышнее прежнего!

Но Теоден не отвечал — то ли в сомнениях, то ли в гневе. Заговорил Эомер.

— Выслушай меня, государь! — взмолился он. — Нас ведь предупреждали, что так и будет. Неужели же мы одержали многотрудную победу лишь затем, чтобы стоять, разинув рот, под окном у старого лжеца, точащего мед со змеиного жала? Это же волк из норы держит речь перед гончими псами! Какая от него помощь? Он всего лишь тщится избежать заслуженной участи. Но тебе ли вести беседу с предателем и кровопийцей, схоронив Теодреда на переправе и Гайму у Хельмовой Крепи?

— Змеиного жала? Да не ты ли норовишь ужалить в спину, змееныш? — не сдержал злобы Саруман. — Но одумайся, Эомер, сын Эомунда! — И речь его вновь заструилась. — Каждому свое. Ты — доблестный витязь, честь тебе и хвала. По велению конунга рази без пощады — таков твой славный удел. Оставь политику государям, ты для нее еще молод. Но если тебе суждено взойти на престол, заранее учись выбирать друзей. Дружбу Сарумана и могущество Ортханка неразумно отвергать во имя обид — подлинных или мнимых. Победа в одной битве еще не победа; к тому же победили вы с чужой и опасной помощью. Лесные чудища — ненадежные и своенравные союзники: в иной, недобрый час они могут обрушиться на вас самих, ибо люди им ненавистны.

Но рассуди, властелин Ристании, можно ли называть меня убийцей потому лишь, что в битве пали отважные воины? Двинув на меня свои рати — к моему великому изумлению, ибо я не желал войны, — ты отправил их на смертоносную брань. И если я — кровопийца, то уж род Эорла запятнан кровью с головы до ног, ибо немало войн в его достославной летописи и случалось конунгам отвечать ударом на вызов. Однако потом они заключали мир, и даже худой мир лучше доброй ссоры. Итак, молви свое слово, конунг Теоден: установим ли мы мир, восстановим ли дружбу? То и другое в нашей власти.

— Да, мы установим мир, — наконец глухо выговорил Теоден, и ристанийцы разразились радостными возгласами. Теоден поднял руку, призывая их к молчанию. — Да, мы установим мир, — сказал он ясно и твердо, — мир настанет, когда сгинешь ты и разрушатся твои козни, когда будет низвергнут твой Черный Властелин, которому ты замыслил услужливо нас предать. Ты лжец, Саруман, а ложь растлевает души. Ты протягиваешь мне руку дружбы? Это не рука: это коготь лапы, протянутой из Мордора, цепкий, длинный, острый коготь! Война началась из-за тебя: будь ты вдесятеро мудрей, все равно не вправе ждать от нас рабской покорности во имя чего бы то ни было; но, даже если б не ты ее начал, это твои орки зажигали живые факелы в Вестфольде и душили детей. Это они изрубили на куски мертвое тело Гаймы у ворот Горнбурга. Да, мир с Ортханком настанет — когда ты будешь болтаться на виселице подле этих окон и станешь лакомой поживой для своих друзей-воронов. Вот тебе приговор Дома Эорла. Предков своих я, может быть, и недостоин, однако холопом твоим не стану. Обольщай и предавай других, правда, голос твой прежней власти уже не имеет.

Ристанийцы недоуменно воззрились на Теодена, точно пробудившись от сладкого сна. После Сарумановых плавных речей голос их государя показался им сильным карканьем старого ворона. Но и Саруман был вне себя от бешенства. Он пригнулся к перилам, занес жезл, будто вот-вот поразит им конунга,

и поистине стал внезапно похож на змею, готовую прыгнуть и ужалить.

— Ах, на виселице! — процедил он, и вселял невольную дрожь его дико искажившийся голос. — Слабоумный выродок! Твой Дом Эорла — навозный хлев, где пьяные головорезы вповалку храпят на блевотине, а их вшивое отродье ползает среди шелудивых псов! Это вас всех заждалась виселица! Но уже захлестывается петля у вас на горле — неспешная, прочная, жестокая петля. Что ж, коли угодно, подышайте! — Он с трудом овладел собой, и речь его зазвучала иначе, — Но будет испытывать мое терпение. Что мне до тебя, лошажник Теоден, до тебя и до кучки твоих всадников, которые только удирать и горазды! Давно уж я понапрасну предлагал тебе участь, которой ты недостойн, обделенный разумом и величием. И сегодня предложил ее снова лишь затем, чтобы увидели путь спасения несчастные, увлекаемые на верную погибель. Ты отвечал мне хвастливой бранью. Что ж, будь по-твоему. Убирайтесь в свои лачуги!

Но ты-то, Гэндальф! О тебе я скорблю паче всего — скорблю и, прости, стыжусь за тебя. С кем ты ко мне приехал? Ведь ты горделив, Гэндальф, — и недаром: у тебя светлый ум, зоркий и проницательный глаз. Ты и теперь не хочешь выслушать меня?

Гэндальф шевельнулся и поднял взгляд.

— А ты что-нибудь забыл мне сказать, когда мы прошлый раз виделись? — спросил он. — Или, может быть, ты хочешь взять свои слова обратно?

Саруман помедлил, как бы раздумывая и припоминая.

— Обратно? — удивился он. — Что взять обратно? В тревоге за тебя, в заботе о твоём же благе я пытался помочь тебе разумными советами, а ты пропустил их мимо ушей. Я знаю, ты немного заносчив и непрошенных советов не любишь — и то сказать, своим умом крепок. Должно быть, ты ошибся и неверно меня понял — да попросту не дослушал. А я был кругом прав, но, видимо, слегка погорячился — и очень об этом сожалею. Я пекся лишь о твоём благе, да и сейчас зла на тебя не держу, хоть ты и явился с гурьбою невежд и забияк. Разве можем мы с тобой поссориться, разве дано нам такое право — нам, соучастникам верховного древнего ордена, главнейшего в Средиземье! Мы оба равно нужны друг другу — нужны для великих и целительных свершений. Отринем же пустые раздоры, поймем один другого и не будем путать посторонних в дела, которые им не по разуму. Да будут законом для них наши обоюдные решения! Словом, я готов немедля забыть о прежних неурядицах, готов принять тебя, как и должно. А ты — ужели не смиришь ты свою гордыню, не поступишь обидой ради общего блага? Поднимайся, я жду!

Такая сила обольщения была в этой последней попытке, что замороженные слушатели оцепенели в безмолвии. Волшебный голос все переменял. Они слышали, как милостивый монарх журит за просчеты своего горячо любимого наместника. Они тут были лишними: как напавшие и невоспитанные дети, подслушивали они речи старших, для них загадочные, однако решающие их судьбу. Да, не чета им эти двое — мудрецы, властители, маги. Конечно же, они поладят между собой. Сейчас Гэндальф войдет в башню и там, в высоких покоях Ортханка, два седовласых чародея поведут беседу о делах, непостижных простому уму. А они останутся у запертых дверей ждать наказания и дальнейших повелений. Теоден и тот невольно, как бы нехотя подумал: «Да, он предаст и покинет нас — мы пропали».

Но Гэндальф засмеялся, и наваждение рассеялось как дым.

— Ах, Саруман, Саруман! — смеясь, выговорил он. — Нет, Саруман, ты упустил свой жребий. Быть бы тебе придворным шутом, передразнивать царских советников — и глядишь, имел бы ты под старость лет верный кусок хлеба и колпак с бубенцами. Ну и ну! — покачал он головой, отсмеявшись. — Пойдем, говоришь, один другого? Боюсь, меня ты не поймешь, а я тебя и так вижу насквозь. И дела твои, и доводы памятны мне как нельзя лучше. Тюремщиком Мордора ты был прошлый раз, и не твоя вина, что я избег Барад-Дура. Нет уж, коли гость сбежал через крышу, обратно в дом его через дверь не заманишь. Так что не жди, не поднимусь. Слушай-ка, Саруман, в оба уха, я повторять не буду. Может, надумаешь спуститься? Как видишь, твой несокрушимый Изенгард лежит в руинах. Не зря ли ты уповаешь и на другие твердыни? Не напрасно ли к ним прикован твой взор? Оглянись и рассуди, Саруман! Словом, не надумаешь ли спуститься?

Тень пробежала по лицу Сарумана; он мертвенно побледнел. Сквозь маску его угадывалось мучительное сомнение: постыдно было оставаться взаперти и страшно покинуть убежище. Он явственно колебался, и все затаили дыхание. Но холодно скрежетнул его новый голос: гордыня и злоба взяли свое.

— Не надумаю ли спуститься? — с издевкой промолвил он. — И отдаться безоружным на милость разбойников и грабителей, чтобы лучше их слышать? Мне и отсюда вас хорошо слышно. Не одурачишь ты меня, Гэндальф. Ты думаешь, я не знаю, где укрыты от глаз подвластные тебе злобные лешие?

— Предателю всюду чудится ловушка, — устало отвечал Гэндальф. — Но ты зря боишься за свою шкуру. Если б ты и вправду меня понял, то понимал бы, что останешься цел и невредим. Напротив, я-то и могу тебя защитить. И оставляю за тобой решающий выбор. Покинь Ортханк своею волей — и ты свободен.

— Чудеса, да и только! — осклабился Саруман. — Вот он, Гэндальф Серый — и снисходителен, и милостив. Еще бы, ведь без меня в Ортханке тебе, конечно, будет куда уютней и просторней. Вот только зачем бы мне его покидать? А «свободен» — это у тебя что значит? Связан по рукам и ногам?

— Тебе, наверно, из окон видно, зачем покидать Ортханк, — отозвался Гэндальф. — Вдобавок сам подумай: твои орды перебиты и рассеяны, соседям ты стал врагом, своего теперешнего хозяина обманул или пытался обмануть, и, когда его взор сюда обратится, это будет испепеляющий взор. А «свободен» у меня — значит ничем не связан: ни узами, ни клятвой, ни зарокотом. Ступай, куда знаешь, даже... даже, если угодно, в Мордор. С одним условием: ты отдашь мне ключ от Ортханка и свой жезл. После ты их получишь обратно, если заслужишь; они берутся в залог.

Лицо Сарумана посерело, перекопилось, и рдяным огнем полыхнули глаза. Он дико, напоказ расхохотался.

— После! — вскрикнул он, срываясь на вопль. — Еще бы, конечно, после! После того как ты добудешь ключи от Барад-Дура, так, что ли? Добудешь семь царских корон, завладеешь всеми пятью жезлами и достанешь головой до небес? Как бы не так! Немного ж тебе надо, и уж без моей скромной помощи ты обойдешься. Я лучше займусь другими делами. А пока что, несчастный глупец, проваливай-ка подобра-поздорову и, если я тебе вдруг понадобится, приходи отрезвевши! Только без этой свиты — без шайки головорезов и жалкого охвостья! Прощай! — Он повернулся и исчез с балкона.

— Вернись, Саруман! — повелительно молвил Гэндальф. И к общему изумлению, Саруман появился снова, точно вытащенный; он медленно склонился к чугунным перилам, с трудом переводя дыхание. В морщинистом, дряхлом лице его не было ни кровинки, а рука, сжимавшая внушительный черный жезл, казалось, истлела до костей.

— Я тебе не дал разрешенья уйти, — строго сказал Гэндальф. — Я с тобой разговор не закончил. Ты ослаб рассудком, Саруман, и мне тебя жаль. Как много принес бы ты пользы, если бы перестал злобствовать и безумствовать. Но ты избрал свою участь — грызть капкан, в который сам себя загнал. Что ж, оставайся в капкане! Но помни, наружу теперь тебе нет пути. Разве что с востока протянутся за тобой ухватистые черные лапы. Саруман! — воскликнул он, и голос его властно загремел. — Гляди, я уж не тот Гэндальф Серый, кого ты предал врагам. Я — Гэндальф Белый, отпущенный на поруки смертью! А ты отныне бесцветен, и я изгоняю тебя из ордена и из Светлого Совета! — Он воздел руку и молвил сурово и ясно: — Саруман, ты лишен жезла!

Раздался треск, жезл преломился в руке Сарумана, и набалдашник его упал к ногам Гэндальфа.

— Теперь иди! — сказал Гэндальф, и Саруман вскрикнул, осел и уполз. И грянулось что-то сверху, тяжелое и блестящее: в перила, едва не задев Сарумана, возле виска Гэндальфа, на лестницу. Перила дрогнули и рассыпались вдребезги, лестница с треском брызнула огнистым снопом искр. А брошенный шар промчался вниз по ступеням: черный, хрустальный, багровеющий изнутри. И покатился к колдобине — там его успел перехватить Пин.

— Подлый негодяй! — воскликнул Эомер. Но Гэндальф пожал плечами.

— Нет, — сказал он, — это не Сарумановых рук дело. Брошено из другого, из высокого окна. Гнилоуст, я так думаю, с нами прощается, но неудачно.

— Потому неудачно, что он толком не знал, в кого метит, в тебя или в Сарумана, — предположил Арагорн.

— Может, и так, — согласился Гэндальф. — Хороша подобралась парочка! Они же заедят друг друга: слова страшнее всего. Впрочем, поделом вору и мука. Но если Гнилоуст выйдет из Ортханка живьем, ему изрядно повезет... Ну-ка, ну-ка, маленький, оставь шарик! Меня бы сначала спросил! — воскликнул он, резко обернувшись и увидев Пина, который медленно всходил по лестнице, точно нес непосильную тяжесть. Он сбежал ему навстречу и поспешно отобрал у хоббита темный шар, обернув его полрой плаща. — Дальше мое дело, — сказал он. — и-да, Саруман бы, пожалуй, не стал такими вещами швыряться.

— У него и без этого найдется чем швырнуть, — сказал Гимли. — Если разговор окончен, так хоть отойдем подальше!

— Разговор окончен, — сказал Гэндальф. — Отойдем.

У подножия лестницы ристанийцы громко и радостно приветствовали своего конунга и склонились перед Гэндальфом. Колдовство Сарумана развеялось: все видели его озлобленное бессилие и жалкий позор.

— Ну, вот и все, — вздохнул Гэндальф. — Надо бы Древню сказать, чем дело кончилось.

— А ему это невдомек? — удивился Мерри. — Могло, что ль, кончиться иначе?

— Да нет, наверно, не могло, — сказал Гэндальф, — хоть и висело на волоске. Но пришлось на это пойти: отчасти из милосердия, а отчасти... Надо было показать Саруману, что голос его теряет привычную власть. Деспоту не стоит прикидываться советником. И уж если тайное стало явным, то дальше его не утаишь. А мудрец наш как ни в чем не бывало принялся обрабатывать нас порознь на слуху друг у друга: нерасчетливо поступил. Но все-таки надо было дать ему последний случай отказаться от мордорского лиходейства, а заодно и от своих замыслов. Загладить постыдное прошлое: он ведь мог бы нам очень помочь. Лучше всякого другого знает он наши дела, и захоти он только — нынче же все пошло бы иначе. Но он предпочел свою бессильную злобу и надежную твердыню Ортханка. Не желает помогать, а желает начальствовать. И живет-то в ужасе перед тенью Мордора, а тянется к верховной власти. Вот уж кто несчастный дурак! Если с востока до него доберутся — пиши пропало. Мы-то не можем, да и не станем крушить Ортханк, а Саурон — тот пожалуй что и сокрушит.

— Ну а если победа Саурону не достанется? Ты тогда что с ним сделаешь, с Саруманом? — спросил Мерри.

— Я? С Саруманом? Да ничего я с ним делать не стану, — сказал Гэндальф. — Всякая власть мне претит. А вот что с ним станет, этого я не знаю. Жалко все-таки: столько добра и столько могущества пропадает даром. Зато нам-то как повезло! Вот уж не угадаешь заранее, злоба — она сама по себе в ущерб. Если б мы даже вошли в Ортханк, то и среди всех тамошних сокровищ вряд ли нашлось бы равное тому, которое вышвырнул Гнилоуст.

Раздался и осекся яростный вопль из высокого открытого окна.

— Похоже, Саруман со мной согласен, — сказал Гэндальф. — Вот теперь давайте отойдем подальше!

Они вернулись к разрушенному входу, и едва вышли из-под арки, как тут же, откуда ни возьмись, к ним зашагали онты, дотолпе скрытые за грудями камней. Древень шел во главе, и Арагорн, Гимли и Леголас в изумленье уставились на лесных великанов.

— Вот, кстати, три моих спутника, Древень, — сказал Гэндальф. — Я тебе про них говорил, но ты их еще не видел.

И представил их, одного за другим. Старый онт внимательно оглядел каждого и с каждым немного побеседовал. Последним оказался Леголас.

— Так ты, стало быть, сударь мой эльф, явился из так нынче называемого Лихолесья? Как оно ни зовись, а лес там был, помнится, хоть куда!

— Да наш лес — он и сейчас ничего себе, — скромно сказал Леголас. — Но ведь деревьев сколько ни есть, а все мало! Больше всего на свете хочется мне побродить по Фангорну, дальше опушки-то и побывать не привелось, а уж так тянуло!

Радостно замерцали глубокие глаза Древня.

— Ну что ж, авось еще и горы не очень постареют, как твое желанье сбудется, — сказал он.

— Надо, чтоб сбылось, — подтвердил Леголас. — Я условился с другом, что если мы останемся живы, то непременно наведаемся в Фангорн — с твоего позволения, конечно.

— Мы эльфам всегда рады, — сказал Древень.

— Друг мой, как бы сказать — не соврать, не из эльфов, — заметил Леголас. — Это Гимли, сын Глоина, вот он стоит.

Гимли низко поклонился, топор его выскользнул из-за пояса и брякнул о камни.

— Кгм, хм! Вот тебе и на! — сказал Древень, тускло взглянув на него. — Гном, да еще с топором! Ну, не знаю, не знаю! Кгм! Эльфам, я говорю, мы всегда рады, но это уж слишком, а? Н-да, подобрал себе дружка!

— Друзей не выбираешь, — возразил Леголас. — Одно скажу: покуда жив Гимли, я без него в Фангорн — ни ногой. А топор у него не на деревья, о владыка бескрайнего леса! Он им оркам головы рубит. В одном последнем бою четыре с лишним десятка завалил.

— Кхум! Дела, дела! — сказал Древень. — Ну, это, само собой, приятно слышать. Ладно, пусть будет как будет: торопиться нам некуда. А вот расставаться пора. Вечереет, а Гэндальф сказал, что вам надо выехать до ночи: повелитель Ристании торопится в свой золотой чертог.

— Да, да, ехать надо немедля, — сказал Гэндальф. — И твоих привратников я с собой заберу. Ты и без них прекрасно обойдешься.

— Обойтись-то обойдусь, — сказал Древень, — но отпускать их жалко. Мы так с ними быстро, прямо сказать, второпях подружились, что мне и самому удивительно — видно, в детство впадаю. Но ежели порассудить, то, может, и дивиться нечему: сколько уж веков не видел я ничего нового под солнцем и под луною, а тут на тебе. Нет, кто-кто, а они у меня в памяти останутся, и в Перечень я их поместил, велю онтам переучивать:

*Онты-опекуны явились к древесным отарам —
Исполины собой, земнородные водохлебы;
И хоббиты-хохотуны, лакомки-объедалы,
Храбрые малыши, человечьи зайчата.*

Так теперь он и будет читаться, покуда листья растут на деревьях. Прощайте же! Если до вашей прелестной Хоббитании дойдут какие-нибудь новости — дайте мне знать! Вам ведь понятно, о чем я? Я про онтиц: вдруг да чего увидите или прослышите. И сами ко мне выбирайтесь!

— Мы выберемся! — сказали в один голос Мерри с Пином и поспешно отвернулись.

Древень молча поглядел на них и задумчиво покачал головой. Гэндальфу же он сказал:

— Саруман, значит, убоился выйти? Ну, я так и знал. Нутро у него гнилое, как у последнего гворна. Правда, если бы меня одолели и истребили все мои деревья, я бы тоже небось затаился в какой-нибудь дыре и носа не казал наружу.

— Зря сравниваешь! — сказал Гэндальф. — Ты ведь не собирался заполнить мир своими деревьями в ущерб всякой иной жизни. А Саруман — да, он предпочел лелеять свою черную злобу и вынашивать новые козни. Ключ от Ортханка у него не отнимешь, а выпускать его оттуда никак нельзя.

— Не тревожься! Онты за ним приглядят, — пообещал Древень. — Следить будут денно и ночью, и без моего соизволения он шагу не ступит.

— Вот и ладно! — сказал Гэндальф. — Я только на вас и надеялся; хоть одной заботой меньше, а то мне, право, не до него. Но вы уж будьте начеку: воды

схлынули, и боюсь, одними часовыми вокруг башни не обойдешься. Наверняка из Ортханка есть глубокие подземные ходы, и Саруман рассчитывает тайком улизнуть. Уж коли на то пошло, затопите-ка вы Изенгард еще разок, да как следует, пока он весь не станет озером или ходы не обнаружатся. Заткните ходы, наводните пещеры — и пусть Саруман сидит в башне и поглядывает из окон.

— Положись на онтов! — сказал Древень. — Мы обшарим каждую пядь и перевернем все камушки до единого! И насадим вокруг деревья: старые, одичалые. Они будут называться Дозорный Лес. Любую белку в тот же миг заметят. Будь покоен! Семижды минет срок наших скорбей, которых он был виною, но мы и тогда не устанем его стеречь!

Глава XI Палантир

Солнце опускалось за длинный западный хребет, когда Гэндальф со спутниками и конунг с дружиною покинули Изенгард. Мерри сидел позади Гэндальфа, Арагорн взял Пина. Двое вестовых стрелой помчались вперед и вскоре исчезли из виду в долине. Остальные тронулись мерной рысью.

Онты чинно выстроились у ворот, воздев свои длинные руки и замерши, как истуканы. Мерри и Пин, точно по команде, обернулись у поворота извилистой дороги. Небо еще сияло солнечным светом, но серые развалины Изенгарда сокрыла вечерняя тень. Древня пока было видно: он стоял одиноко, словно древесный ствол, и хоббитам припомнилась их первая встреча на залитом солнцем горном уступе близ опушки Фангорна.

Подъехали к столбу с Белой Дланью: столб высился по-прежнему, но изваяние было сшиблено с верхушки его и расколото на куски. Посреди дороги валялся длинный, мертвенно-белый указующий перст с кроваво-черным ногтем.

— До чего же основательный народ эти онты! — заметил Гэндальф. Они проехали мимо, сумерки сгущались.

— Долго ли нам нынче ехать, Гэндальф? — спросил Мерри немного погодя. — Тебе-то небось все равно, что сзади тебя болтается жалкое охвостье, а охвостье еще прежде того устало, ему не терпится отдохнуть.

— А-а, расслышал и даже обиделся! — сказал Гэндальф. — Скажи лучше Саруману спасибо за вежливость! Он на вас крепко глаз положил. Если угодно, можешь даже гордиться — сейчас он только про тебя с Пином и думает: кто вы такие, откуда взялись, что вам известно, вас или не вас захватили в плен и как же вы спаслись, когда всех орков перебили, — над такими вот мелкими загадками бьется наш великий мудрец. Так что, любезный друг Мериадок, будь польщен его руганью.

— Благодарствуйте! — сказал Мерри. — Но мне еще более льстит мотаться у тебя за спиной, хотя бы потому, что я могу повторить свой вопрос: долго ли нам нынче ехать?

— Вот неугомонный хоббит! — расхохотался Гэндальф. — К каждому магу надо бы приставить хоббита-другого, дабы они, маги, следили за своими словами. Прости, что оставил тебя без ответа, даром что и ответ проще простого.

Сегодня мы не спеша проедем несколько часов и выберемся из долины. Завтра поскачем галопом.

Мы хотели ехать от Изенгарда степным путем в Эдорас, да передумали. К Хельмовой Крепи отправили гонцов, оповестить о завтрашнем прибытии конунга и созвать ополчение: на Дунхерг пойдем горными тропами. Отныне в открытую — ночью или днем, все равно, — велено будет ездить по двое, по трое.

— То от тебя слова не допросишься, то получай дюжину, — сказал Мерри. — Я ведь только и спросил, долго ли до ночлега? Почему мне знать, что это за Хельмова Крепь и разные Эдорасы? Я, может, чужестранец!

— Так разузнай, коли хочешь что-нибудь понять! А меня больше не тереби, не мешай мне думать.

— Ладно, ладно: сядем у костра, и я пристану к Бродяжнику, он не такой гневливый. Скажи только, чего ради нам таиться, разве мы не выиграли битву?

— Оттого и таиться, что выиграли: победили мы покамест на свою голову. Изенгард напрямую связан с Мордором — ума не приложу, как они обменивались вестями, а ведь обменивались! Сейчас Око Барад-Дура вперится в Колдовскую логовину и зарыщет по Ристании. Чем меньше оно увидит, тем лучше.

Дорога вилась по долине, то дальше, то ближе слышалось клокотанье Изена. Ночная тень напознала с гор. Туманы развеялись, подул холодный ветер. Бледная полная луна блистала на востоке. Горная цепь справа стала чередой голых холмов. Широкая серая гладь открывалась перед ними.

Наконец повернули коней с дороги налево, на мягкий и упругий травяной ковер, и через милую-другую наехали на лощину за округлым зеленым подножием Дол-Брана, последней горы Мглистого хребта, густо поросшей вереском. Скаты лощины устилал прошлогодний папоротник, сквозь настил из сырой пахучей земли пробивались плотные, крученые молодые побеги. По краям тянулись сплошные заросли боярышника. Примерно за час до полуночи путники спешили и развели костер в ямине под корнями раскидистого куста, большого, как дерево, старого и корявого, однако все ветви его были в набухших почках.

Выставили пару часовых, остальные поужинали, укутались в плащи и одеяла и миглом уснули. Хоббиты приютились в уголку на груди папоротниковой листвы. У Мерри слипались глаза, но Пину почему-то не спалось. Он вертелся с боку на бок, шурша и хрустя подстилкой.

— В чем дело? — спросил Мерри. — На муравейник улегся?

— Да нет, — сказал Пин. — Просто неудобно. Вспоминаю, сколько я уже не спал в постели.

Мерри сладко зевнул.

— Сочти на пальцах! — сонно сказал он. — Чего мудрить-то, от Лориэна и не спал.

— Да, как же! — хмыкнул Пин. — В настоящей постели, в спальне.

— Тогда от Раздола, — сказал Мерри. — А я сегодня и на иголках заснул бы.

— Тебе-то хорошо, Мерри, — тихо сказал Пин, помолчав. — Ты с Гэндальфом ехал.

— Ну и что?

— Ты у него что-нибудь узнал, вытянул из него? Или не удалось?

— Вытянул — куда больше обычного. Но ты же все слышал: ехали рядом и говорили мы громко. Ладно уж, поезжай ты с ним завтра, ежели думаешь больше выспросить — и если он согласится.

— Да? Можно? Вот здорово! А он такой же скрытник? Ничуть не изменился!

— Очень даже изменился! — сказал Мерри, приочнувшись от дремы и не понимая, почему другу нейметя. — Правда, это объяснить трудно. По-моему, он стал и добрее, и жестче, и веселее, и суровее. Словом, другой он стал, но вроде и не совсем другой — пока не разберешь. Ты вспомни, чем кончилось с Саруманом! Саруман-то раньше был главнее Гэндальфа в ихнем каком-то Совете, не знаю уж, что это за Совет. Он был Саруман Белый. А теперь Белый — Гэндальф. Саруману велено было вернуться — он и вернулся, и жезл его тютю; велели убираться — он и уполз на карачках!

— Не знаю, не знаю, только скрытности у него еще прибавилось против прежнего, — возразил Пин. — Взять хоть этот — ну, хрустальный шар. Вроде он доволен, что его заполучил. То ли он знает, то ли догадывается, что это за шар. И нам — ни полслова, а ведь шар-то я поймал, без меня бы он в пруду потонул. «Ну-ка, маленький, оставь шарик!» — и весь сказ. А правда, что это за шар? Тяжелый такой... — Пин говорил совсем-совсем тихо, точно сам с собой.

— Ага! — сказал Мерри. — Вон ты чего ворочаешься! Слушай, дружище Пин, ты вспомни-ка присловье Гаральда, которое Сэм любил повторять: «В дела мудрецов носа не суй — голову потеряешь!»

— Ну знаешь, за эти месяцы мы в делах мудрецов поневоле по уши завязли, — сказал Пин. — И головой только и делаем, что рискуем. Невелика была бы награда — посмотреть на этот шар!

— Спал бы ты, честное слово! — сказал Мерри. — Все в свое время узнаешь. Между прочим, по части любопытства пока еще ни один Крол Брендизайка не обставил, а ты, значит, решил на ночь глядя постоять за честь рода? Ох, не вовремя спохватился!

— Да ну тебя! Я всего-то и сказал, что хочу на этот шар поглядеть, а на него поглядишь, как же: Гэндальф лежит на нем, будто собака на сене. Тут еще ты заладил: нельзя да нельзя, спи да спи! Спасибо на добром слове!

— Пожалуйста, — сказал Мерри. — Ты меня прости, Пин, но уж как-нибудь потерпи до утра. Отоспимся, позавтракаем, загоримся любопытством — авось на пару и распотрошим мага! А сейчас не могу больше, до ушей зеваю. Покойной ночи!

Пин в ответ промолчал. Лежал он неподвижно, однако сна у него не было ни в одном глазу, и он досадовал на мирно засопевшего Мерри. Чем тише становилось, тем назойливее вертелся у него перед глазами черный шар. Он точно снова оттягивал ему руки, и снова мерещилась ему багровая глубь, в которую Пин успел на миг заглянуть. Он опять принялся ворочаться и старался думать о чем-нибудь другом.

Но это у него никак не получалось. Наконец он сел и огляделся. Его пронизала дрожь, и он запахнул в плащ. Яркая-белая луна холодно озаряла лоцину, кусты отбрасывали угольно-черные тени. Кругом все спали. Часовых было не видать: может, отошли на гору, а может, укрылись где-нибудь в папоротни-

ках. Движимый какой-то непонятной и неодолимой силой, Пин тихонько подкрался к спящему Гэндальфу и заглянул ему в лицо. Маг хоть вроде бы и спал, но с полуприкрытыми веками: из-под его длинных ресниц поблескивали белки. Пин поспешно отступил, но Гэндальф не шелохнулся, и хоббит, точно его что подтолкивало, обошел его со спины. Поверх одеяла маг был укрыт плащом, и рядом, у него под правой рукой, лежал круглый сверток в темной тряпиче — казалось, рука Гэндальфа только что соскользнула со свертка на землю.

Едва дыша, Пин подбирался все ближе и ближе, наконец встал на колени, воровато протянул обе руки, ухватил сверток и медленно поднял его: он был вовсе не такой уж тяжелый. «Пустяки, всего-то какая-нибудь стеклянная безделушка», — со странным облегчением подумал он, однако на место сверток не положил, а выпрямился, прижимая его к себе. Потом его осенило: он отошел на цыпочках и вернулся с большим булыжником. Снова вставши на колени, он разом сорвал тряпицу с круглого предмета, закутал в нее булыжник и подсунул его поближе к руке Гэндальфа.

И наконец посмотрел на гладкий хрустальный шар, черный и тусклый, лежавший возле его колен. Пин поднял его, торопливо обернул полрой плаща и хотел было вернуться к своему ложу, но тут Гэндальф зашевелился во сне и что-то пробормотал на чужом языке; рука его вытянулась, оцупала круглый сверток, он вздохнул и опять затих.

«Болван ты стоеросовый, — неслышно увещевал себя Пин. — Вляпаешься — не выберешься! Сейчас же положи обратно!» Но колени его тряслись, он не смел подойти к магу и обменять свертки. «Не выйдет, я его разбужу, — мелькнуло у него в голове, — надо сперва успокоиться. Так что уж ладно, посмотрю хоть, чтобы не зря. Только не здесь!» Он прокрался к зеленому холмику неподалеку от своего травяного ложа. Луна вдруг выглянула из-за края лощины.

Пин сел, сдвинул колени, пристроил на них шар и низко склонился к нему — точь-в-точь голодный мальчишка, стащивший миску с едой, — наконец отвел плащ и посмотрел. Тишина сомкнулась и зазвенела у него в ушах. Сначала шар был темный, янтарно-черный, сверкающий в лунных лучах, потом медленно засветился изнутри, впиваясь в его глаза, неотвратимо притягивая их. Шар вспыхнул и закрутился, нет, это в нем закрутился огненно-багровый вихрь — и вдруг погас. Хоббит ахнул, застонал и попробовал оторваться от шара, но только скрючился, сжимая его обеими руками. Он прикивал к нему все ближе и ближе, потом оцепенел, губы его беззвучно шевелились. С придушенным криком он опрокинулся навзничь.

Крик был ужасающий. Часовые спрыгнули в лощину. Весь лагерь мгновенно пробудился.

— Ах ты, воришка несчастный! — сказал Гэндальф, поспешно набросив плащ на хрустальный шар. — Ну, Пин, вот уж не было печали! — Он опустился на колени подле простертого, застывшего хоббита, чьи раскрытые глаза неподвижно глядели в небо. — Что же он успел натворить и чего нам теперь ждать?

Лицо мага резко осунулось.

Он взял Пина за руку и прислушался к его дыханью, потом возложил ладо-

ни ему на лоб. Дрожь пробежала по телу хоббита, и веки его сомкнулись. Он вскрикнул, сел и уставился на склоненные к нему в лунном свете бледные лица.

— Не для тебя эта игрушка, Саруман! — пронзительно и монотонно прокричал он. — Я тотчас же за нею пришлю. Понятно? Так и передай!

Он вскочил и бросился бежать, но Гэндальф перехватил и удержал его — бережно и крепко.

— Перегрин Крол! — молвил он. — Вернись!

Хоббит успокоенно прижался к надежной и твердой руке.

— Гэндальф, это ты! — воскликнул он. — Прости меня, Гэндальф!

— Простить? — нахмурился маг. — Сперва скажи за что!

— Я ук... унес шар и заглянул в него, — запинаясь, проговорил Пин. — И я увидел очень страшное, а уйти было нельзя. Он явился, и допрашивал меня, и стал на меня глядеть, и... и я больше ничего не помню.

— Нет, так не пойдет, — строго сказал Гэндальф. — Что ты увидел, о чем он допрашивал, что ты ему сказал?

Пин закрыл глаза и мелко задрожал, но не произнес ни слова. Все молча смотрели на него, кроме Мерри — тот отвернулся. Лицо Гэндальфа было по-прежнему сурово.

— Отвечай! — велел он.

Пин начал снова — глухим, непослушным голосом, но речь его с каждым словом становилась все отчетливее.

— Я увидел темное небо и высокую зубчатую башню, — сказал он. — И крохотные звезды. Казалось, видится то, что было давным-давно и далеко-далеко, но видится ясно и четко. Звезды меркли, мерцали: их точно гасили какие-то крылатые чудища — казалось, огромные летучие мыши вьются над башней. Я их насчитал девять. Одна полетела прямо на меня, разрастаясь и разрастаясь. У нее было жуткое — нет, нет! Нельзя об этом говорить.

Я хотел отдернуться — вдруг она оттуда вылетит, но она заслонила весь шар и исчезла, а появился он. Слов он не говорил, только глядел, и мне было все внятно.

«Ты возвратился? Почему так долго отмалчивался?»

Я не ответил. Он спросил: «Кто ты?», а я все молчал, терпел дикую боль и, когда стало совсем уж не вмоготу, сказал: «Хоббит».

А он будто вдруг увидел меня — и его хохот мучил, как медленная пытка. Я противился из последних сил; он сказал: «Погоди немного. Скоро снова свидимся. Пока скажи Саруману, что эта игрушка не для него. Я тотчас же за нею пришлю. Понял? Так и передай».

И снова злорадно захохотал, как клещами жилы вытягивал, страшнее всякой смерти... нет, нет! Об этом нельзя говорить. Больше я ничего не помню.

— Посмотри мне в глаза! — сказал Гэндальф.

Пин встретил его взгляд не сморгнув; длилось нестерпимое молчание. Потом лицо мага потеплело, и по нему скользнула тень улыбки. Он погладил Пина по голове.

— Ладно! — сказал он. — Будет! Ты уцелел. Глаза твои, вижу, не лгут. Ну, он недолго с тобой говорил. Олухом ты был и остался, но ты честный олух, Перегрин Крол. Будь на твоём месте кто поумнее, он бы, может, вел себя хуже. Но запомни вот что! Тебя и твоих друзей уберег, что называется, счастливый слу-

чай, но другой раз не убережет. Допроси он тебя толком, ты бы не вынес пытки и рассказал ему все, что знаешь, к нашей общей гибели. Но он поторопился. Одних сведений ему показалось мало, он решил немедленно заполучить тебя и не спеша замучить в темнице Черной Башни. Нет уж, ты не дергайся! Суешь нос в дела мудрецов, так и хвост не поджимай! Ладно уж, я тебя прощаю. Все не так худо обернулось, как могло бы.

Он бережно отнес Пина на папоротниковое ложе. Мерри сел возле друга.

— Лежи смирно и попробуй уснуть, Пин! — сказал Гэндальф. — А впредь больше доверяй мне! Зазудит опять — скажи, есть от этого средства. И, уж во всяком случае, не вздумай опять подкладывать мне камни под локоть! Побудьте вдвоем, это вам полезно.

Маг вернулся к остальным; они в угрюмом раздумье стояли над ортханкским камнем.

— Беда явилась за полночь и застала нас врасплох, — сказал он. — Спаслись мы чудом!

— А что хоббит, что Пин? — спросил Арагорн.

— Думаю, с ним все обойдется, — отвечал Гэндальф. — Пытали его недолго, а хоббиты — на диво стойкий народ. Память о пережитом ужасе и та у него быстро выветрится. Пожалуй, даже чересчур быстро. Не возьмешь ли ты, Арагорн, на сохранение этот камушек? Хранить его, конечно, опасно, но...

— Кому как, — сказал Арагорн. — У него есть законный владелец. Этот камушек — *палантир* Ортханка из сокровищницы Элендила, и установили его здесь гондорские князья. Роковые сроки близятся. И мой палантир может мне пригодиться.

Гэндальф взглянул на Арагорна и затем, к общему изумлению, с глубоким поклоном протянул ему завернутый камень.

— Прими его, государь! — сказал он. — И да послужит он залогом грядущих дней! Но позволь все же посоветовать тебе — до поры не гляди в него! Остерегись!

— Был ли я тороплив и тщеславен хоть раз за долгие годы испытаний? — спросил Арагорн.

— Ни разу. Не оступись под конец пути, — отвечал Гэндальф. — По крайней мере храни его в тайне. И вы все, свидетели ночного происшествия! Пуще всего берегитесь ненароком выдать хоббиту Перегрину, где хранится камень! Он его будет по-прежнему притягивать, ибо, увы, он держал его в руках еще в Изенгарде: это я недоглядел. Но я был занят Саруманом и не догадался, что это за Камень. Потом я был близок к разгадке, но меня сморила усталость и одолел сон. Лишь сейчас все открылось!

— Да, и вне всяких сомнений, — сказал Арагорн. — Теперь воочию видна связь между Изенгардом и Мордором: объяснилось многое.

— Диковинно могущество наших врагов и диковинна их немощь! — сказал Теоден. — Издавна говорят: нередко зло пожрется злом.

— Чаще всего так оно и бывает, — подтвердил Гэндальф. — Но в этот раз нам неимоверно повезло. Проступок хоббита, кажется, спас меня от чудовищного промаха. Я думал было сам изучить этот Камень, проверить его на себе. Сделай я это — и пришлось бы состязаться в чародействе с величайшим колдуном, а я не готов к такому испытанию, оно, может статься, и вообще не для меня. Но если б я и не подпал под его власть, узнан все равно был бы, а это па-

губно для нас — пока не настанет время выступить в открытую.

— По мне, так оно настало, — сказал Арагорн.

— Еще нет, — возразил Гэндальф. — Покамест враг в заблуждении, и это нам на руку. Прислужник Саурона думает, будто Камень в Ортханке; с какой стати нет? Значит, там же заключен и хоббит; Саруман для пущей муки принуждает его глядеть в чародейное зеркало. Ему запомнились голос и лицо хоббита, он ждет свою безвольную жертву — и ошибка его обнаружится еще не сейчас. Но мы-то что ж упускаем время попусту? Мы были слишком беспечны. Скорее в путь! Нечего медлить неподалеку от Изенгарда. Я поеду вперед и возьму с собой Перегринна Крола: нынче спать ему не придется.

— При мне останутся Эомер и десять дружинников, — сказал конунг. — Прочие пусть едут с Арагорном и мчатся во весь опор.

— Можно и так, — сказал Гэндальф. — Вместе или порознь — спешите в горы, к Хельмову ущелью!

В этот миг их накрыла огромная тень, яркая луна вдруг погасла. Дружинники с криком припали к земле, закрывая головы руками, словно защищаясь от удара сверху: их обуял слепой ужас и пронизал цепенящий холод. Еле-еле отважились они поднять глаза — и увидели огромную крылатую тварь, черным облаком затмившую луну. Она описала круг и вихрем умчалась на север: звезды тускнели на ее пути.

Ристанийцы поднялись на ноги, но двинуться с места не было сил. Гэндальф провожал чудище глазами, опустив крепко сжатые кулаки.

— Назгул! — крикнул он. — Посланец Мордора! Буревестник Саурона! Назгулы пересекли Великую Реку! Скачите, скачите, не ждите рассвета! И не дожидайтесь отстающих! Скачите!

Он кинулся прочь, кликнув на бегу Светозара. Арагорн быстро помог ему собраться. Гэндальф подхватил Пина на руки.

— На этот раз поедешь со мной, — сказал он. — Светозару лишняя ноша ни почем.

Серебряный скакун уже поджидал его, Гэндальф закинул за плечи свой легкий мешок, вскочил на коня и принял из рук Арагорна укутанного в одеяло и плащ Пина.

— Прощайте. Не мешкайте! — крикнул он. — Вперед, Светозар!

Красавец конь гордо тряхнул головой, его пышный хвост переливчато заблистал в лунном свете. Он прынул, взмыв над землей, и умчался, как северный ветер с гор.

— Приятная и спокойная выдалась ночка! — сказал Мерри Арагорну. — Везет же некоторым! Ему, видите ли, не спалось — он и не спал, захотелось ехать с Гэндальфом — пожалуйста! А надо бы ему окаменеть и остаться здесь в назидание потомкам.

— Если б не он, а ты подобрал ортханкский камень, думаешь, ты бы себя лучше показал? — спросил Арагорн. — Сомневаюсь! Словом, тебе не повезло: повезу тебя я. Иди собирайся и, если Пин что позабыл, прихвати. Мигом!

Светозар мчался по темной степи, его не надо было ни понукать, ни направлять. Прошло меньше часа, а они уже миновали Изенгардскую переправу

и высокий серый курган, утыканный копьями.

Пин мало-помалу приходил в себя. Он угрелся, лицо оведал свежий бодрящий ветер. Гэндальф был рядом. Ужас, затягивающий в камень, уродливая тень, затмившая луну, — все это осталось позади, как дурной сон или горный туман. Он вздохнул полной грудью.

— А я и не знал, что ты едешь без седла и уздечки, Гэндальф! — сказал он.

— Обычно я по-эльфийски не езжу, — отозвался Гэндальф. — Но Светозар не терпит сбруи: либо он берет седока, либо нет. Если берет, то уж позаботится, чтобы ты не упал — разве что нарочно спрыгнешь.

— А быстрота его какая? — спросил Пин. — Ветер так и свищет в ушах, а как плавно едем! Почти не касаясь земли!

— Сейчас он мчится быстрее самого быстрого скакуна, — сказал Гэндальф. — Но для него и это пустяки. Здесь идет подъем, и степь неровная. Однако смотри, как на глазах близятся Белые горы под звездным пологом! Вон та, островерхая, трехрогая — это Трайгирн. Недалеко уж до развилки, а там рукой подать и до Ущельного излога, где две ночи назад бушевала битва.

Пин ненадолго примолк. Он слушал, как Гэндальф мурлычет себе под нос обрывки песен на чужих языках, и миля уходила за милей. Наконец маг пропел целый стишок из понятных слов, и хоббит расслышал сквозь немолчный посвист ветра:

*Короли привели корабли,
Трижды их было три.
А на кораблях — что они привезли
Из дальней своей земли?
Семь светлых звезд, семь зрячих камней
И Саженец — белый как снег.*

— О чем это, Гэндальф? — спросил Пин.

— Я перебирал в памяти древние стихи и песни, — отвечал маг. — Хоббиты их, наверно, давно позабыли — даже и те немногие, что знали.

— Не все мы позабыли, — возразил Пин. — И сочинили много-много своих, хотя у тебя сейчас не хватит на них любопытства. Но этих стихов я никогда не слышал. Что это за семь звезд и семь камней?

— Палантиры королей древности, — отвечал Гэндальф.

— Какие такие палантиры?

— «Палантир» значит «дальнозоркий». Ортханкский камень — из них.

— Стало быть, его вовсе... вовсе не Враг изготовил, этот камень?

— Нет, не Враг, — сказал Гэндальф. — И не Саруман. Такое мастерство недоступно ни ему, ни Саурону. Да и никому в Западном Крае, палантиры — они из Эльдамара, изготовили их эльфы Нолдора. Может статься, это дело рук самого Феанора, дело дней столь давно минувших, что с тех пор потерян и счет векам. Однако же злая воля Саурона все на свете пятнает скверной. На этом и попался Саруман, как мне теперь понятно. Опасны орудия, свойства которых превыше нашего разумения. Однако и сам он не без вины. Он сокрыл этот Камень ради собственных тайных целей и в Совете о нем не заикнулся. А мы за грохотом сотрясающих Гондор нашествий да распрей и думать забыли о древних палантирах. Из людской памяти они тоже едва ли не исчезли: даже в Гондоре мало кто помнит о них, да и в Арноре немногие из дунаданцев поймут загадочные слова древней былины.

— А зачем они были людям древности? — спросил Пин, восхищенный и изумленный тем, что на все его вопросы отвечают, и спрашивая себя, долго ли это продлится.

— Чтобы видеть незримое очами и беззвучно разговаривать издали, — сказал Гэндальф. — Они тайно охраняли целость Гондора. Камни водрузили в Минас-Аноре, в Минас-Итиле и в нерушимом Ортханке, посреди неприступного Изенгарда. Но главенствовал над ними камень в Звездной Цитадели Осгилиата, ныне лежащего в руинах. Остальные три увезли на далекий север. От Элронда я слышал, будто один из них был в столице Арнора Ануминасе, другой — в Амон-Суле, Ветрогорной Башне, а главный Камень, Камень самого Элендила, — на Подбашенных горах, откуда виден Митлонд и серебристые корабли в Полумесячном заливе.

Палантиры отзывались друг другу в круговой переключке, и во всякое время любой из гондорских был открыт взору из Осгилиата. И вот оказывается, что одна лишь скала Ортханка выдержала напор времени и в тамошней башне сохранился палантир. Сам-то по себе он лишь крохотное зрелище давно минувших времен и событий. Тоже неплохо, но Саруману, видать, этого было мало. Он впивался взором все глубже и глубже и наконец разглядел Барад-Дур. Тут-то он и поймался!

Кто знает, куда подевались пропащие арнорские и гондорские Камни? В земле они схоронены или зарылись в ил на речном дне? Но один из них так или иначе достался Саурону и сделался его орудием. Должно быть, Камень из Минас-Итила, ибо эту крепость он взял давно и превратил ее в обитель ужаса — она стала называться Минас-Моргул.

Теперь-то легко догадаться, как был пленен и прикован блуждающий взгляд Сарумана и как его с той поры исподволь улещивали и запугивали. Из дня в день, год за годом прикидал он к колдовскому зеркалу и под надзором из Мордора впитывал мордорские подсказки. Ортханкский зрячий камень стал волшебным зеркальцем Барад-Дура: ныне всякий, кто взглянет в него — если он не наделен нестигаемой волей, — увидит и узнает лишь то, что угодно Черному Владыке, делается его добычей. А как он притягивает к себе! Мне ли этого не знать! Меня и сейчас подмывает испробовать свою силу, проверить, не смогу ли я высвободить палантир и увидеть в нем за океанской далью времен прекрасный град Тирион, немыслимое творение зодчества Феанора, увидеть в цвету и Белое Древо, и Золотое!

Он вздохнул и замолк.

— Жалко, я этого ничего не знал, — сказал Пин. — Вот уж истинно не ведал, что творил.

— Отлично ведал, — сказал Гэндальф. — Как же не ведал ты, что поступаешь дурно и по-дурацки! Ведал, и сам себе говорил это, и сам себя не послушал. А я тебя раньше не остерег, потому что сейчас только до всего этого додумался. Но если бы и остерег, тебя бы это ничуть не охладило и не удержало. Напротив! А вот как, ожегшись на молоке, станешь дуть на воду, тут и добрый совет кстати придется.

— О чем говорить! — сказал Пин. — Разложи теперь передо мной все эти семь Камней — я только зажмурюсь покрепче и заложу руки в карманы.

— Рад слышать, — сказал Гэндальф. — Затем и рассказано.

— Вот еще хотел бы я знать... — начал Пин.

— Смилоствивись! — воскликнул Гэндальф. — Если ублажать твоё любопытство рассказами, то остаток моих дней мне рта закрыть не удастся. Ну, что ещё ты хотел бы знать?

— Я-то? Названия звезд небесных и зверей земных, историю Средиземья, Верховья и Нездешних Морей. Всего-то навсего! — рассмеялся Пин. — Но мне это не к спеху, могу и подождать. Я спрашивал про ту черную тень; ты крикнул: «Посланец Мордора!» Какой посланец? Зачем ему надо в Изенгард?

— Это был крылатый Черный Всадник, кольценосец-назгул, — сказал Гэндальф. — А зачем? Ну вот, например, забрать тебя и доставить в Барад-Дур.

— Но он ведь не за мной летел, нет? — пролепетал Пин. — Он же не мог еще знать, что я...

— Никак не мог, — сказал Гэндальф. — По прямой от Барад-Дура до Ортханка добрых двести лиг, и даже назгул их меньше чем часа за три-четыре не пролетит. Но Саруман, конечно, наведывался к Камню после вылазки орков и волей-неволей выдал многие свои тайные помыслы. Вот и полетел посыльный разведать, что он там поделывает. После нынешней ночи и второй наверняка прилетит вдогон. И пропал Саруман, как та птичка, что увязила коготок. Откупиться пленником он не может. Камня у него не стало, он даже не знает, чего от него хотят. А Саурон заведомо подумает, что пленника он прячет и придерживает, а Камня чурается. Даже если Саруман расскажет посланцу всю правду, это Саруману не поможет. Изенгард — верно, разрушен, но он-то отсиживается в Ортханке, почему-то цел и невредим! Словом, Саурон непременно сочтет его мятежником, а ведь он затем и спешил с нами расплеваться, чтобы и тени таких подозрений не было! И как ему быть теперь, это суцая загадка. В Ортханке он, пожалуй, сможет кое-как отбиться от Девятерых: попробует, если придется. Может, даже попробует осадить какого-нибудь назгула, убить под ним крылатую тварь. Если у него это выйдет — пусть ристанийцы лучше глядят за своими воронными конями! Как это обернется для нас — тоже не знаю. Может быть, Враг собьется с толку, его на время ослепит гнев против Сарумана. Или же проведает, что я стоял на крыльце Ортханка — а позади невдалеке болтались хоббиты. И что наследник Элендила жив и стоял со мною рядом. Если ристанийские доспехи не обманули Гнилоуста, он вспомнит, кто таков Арагорн. Этого-то я и опасуюсь. Поэтому мы и бежим — чтоб как можно скорей попасть из огня да в полымя. Ибо Светозар несет нас с тобой, Перегрин Крол, в сторону Края Мрака.

Пин промолчал, только зябко укутался в плащ, как от порыва холодного ветра. Серая равнина мелькала под ними.

— Смотри! — показал Гэндальф. — Перед нами — долины Вестфольда: выезжаем на восточную дорогу. Вон там тень — это устье Ущельного излога: там — Агларонд и Блισταющие Пещеры. Но про них ты меня не спрашивай. Вот встретишься с Гимли, спроси у него — узнаешь тогда, какие бывают длинные ответы на короткие вопросы. Самому тебе увидеть их на этот раз не доведется, скоро мы их оставим далеко позади!

— Как это, а я думал, мы остановимся в Хельмовой Крепи! — сказал Пин. — Куда же ты так торопишься?

— В Минас-Тирит, пока его не захлестнуло войной.

— Ого! А это здорово далеко?

— Далековато, — сказал Гэндальф. — Втрое дальше, чем до столицы конун-

га Теодена, а до нее отсюда к востоку сотня с лишним миль, если считать по прямой, как летают посланцы Мордора. Путь Светозара длиннее — посмотрим, кто кого опередит.

На рассвете, часа через три, где-нибудь передохнем — отдых нужен даже Светозару. В горах где-нибудь: хорошо бы доскакать до Эдораса. Постарайся уснуть! Проснешься — и в глаза тебе блеснет первый рассветный луч на золотой кровле дворца эорлингов. А еще через два дня увидишь лиловую тень горы Миндоллуин и белые стены великой крепости Денэтора в утреннем свете.

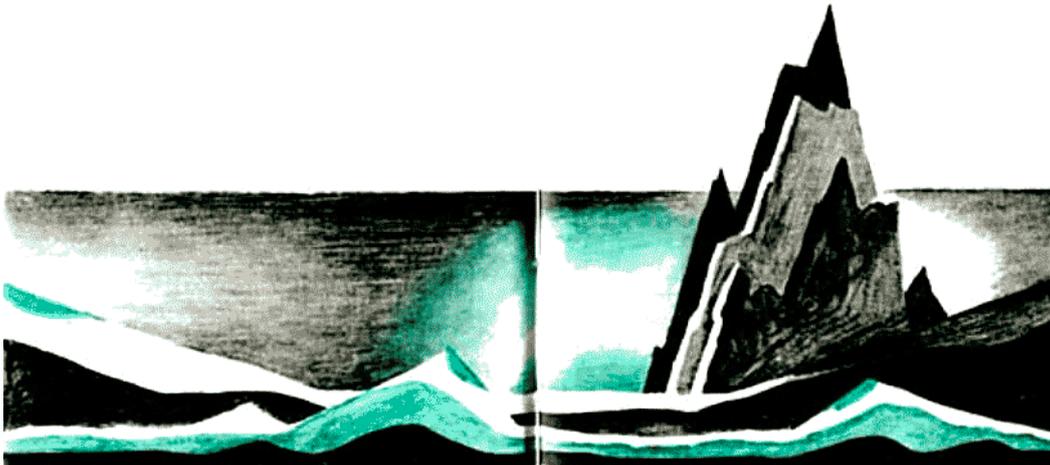
Скачи же, Светозар! Скачи, благородный конь, как никогда прежде! Ты вырос в этих краях, ты знаешь здесь каждый камень. Скачи во весь опор! Вся надежда на тебя!

Светозар встряхнул головой и звонко заржал, словно услышал зов боевой трубы. И прынул вперед. Копыта его сыпали искры; ночь расступалась по сторонам.

Пин понемногу засыпал, и ему казалось, будто они с Гэндальфом, неподвижные, как изваяния, сидят на каменной конской статуе, а из-под копыт коня в шуме и свисте ветра уносится земля.

Книга 4

*Зарница всенощной зари
За дальними морями,
Надеждой вечною гори
Над нашими горами!*

Глава I Приручение Смеагорла

— Ну, хозяин, засели мы, что гвозди, — ни туда, ни сюда, — сказал Сэм Скромби. Он стоял подле Фродо, горестно сторбившись, и без толку пялил глаза в сумрак.

В третий раз смеркалось С тех пор, как они бежали от своих, хотя где там было вести счет дням и часам, карабкаясь и пробираясь по голым обрывистым склонам Привражья, то возвращаясь след в след, потому что вперед уж никакого пути не было, то кружа и кружа на одном месте. Однако ж вперед они все-таки продвигались, держась по возможности ближе к краю путаного, ломаного нагорья. Края у него были отвесные, возвышенные, непроходимые; немо и хмуро взирали обветренные скалы на простершиеся от подножных раздрызганных осыпей гнило-зеленоватые безжизненные болота, над которыми не видать было ни единой птицы.

Хоббиты стояли у скалистого обрыва, далеко внизу серое голое подножие заволок туман, а поверху громоздились кручи, упиравшиеся в облака. С востока дул леденящий ветер. Ночь опускалась на болота: мутно-зеленый их цвет менялся на серо-бурий. Далеко справа был Андуин: днем он судорожно поблескивал в лучах неверного солнца, теперь потерялся в бесцветной мгле. Но за реку они не глядели, хотя где-то там были их друзья и светлые земли, населенные людьми. Они смотрели на юго-восток, откуда надвигалась грозная ночь, где даль была отчеркнута чернотой, как неподвижно склубившимся дымом. Там, между землей и небесами, мерцал ярко-красный огонек.

— Крепко засели! — сказал Сэм. — Одно было место во всем Средиземье, куда нам не хотелось, так теперь на тебе, нам туда и надо! Надо-то надо, а не попадешь, похоже, нас вообще малость подзанесло. Вниз поди-ка спустишься, а спустишься — как раз увязнешь по уши в непролазном болотище. Фью! А воняет-то как, замечаете? — Он сопнул.

— Уж как не заметить, — отозвался Фродо, не шевельнувшись.

Он глядел на черный оком и мигающий огонек.

— Мордор! — едва слышно вымолвил он. — Ну что ж, в Мордор так в Мордор. Поскорей бы только дойти, да и дело с концом!

Он зябко повел плечами: холодный ветер обволакивал густым, тяжелым смрадом.

— Ну ладно, — сказал он, устало прикрыв глаза, — засели мы не засели, а всю ночь не торчать же на уступе. Поищем какое ни на есть укрытие, заночуем, а наутро, глядишь, и выберемся.

— Выберемся, как же, — в такую дыру, откуда и вовсе не выберешься, — буркнул Сэм. — Нет, на утро надежда плоха. Говорю же: не туда нас занесло, отсюда пути нет.

— Да нет, путь-то найдется, — сказал Фродо. — Раз уж судьба мне туда попасть, то кривая вывезет. Другое дело — что это будет за кривая. Сказано было нам: промедление смерти подобно. Всякая оттяжка на руку врагу, а мы вот застряли, и ни с места. Может, нас уже водят на крючке из Черной Башни? Эх, что ни делает дурак, все он делает не так: давно надо было мне оставить Отряд, еще на севере, и обойти Привражье с востока посуху, а там как-нибудь и в Мордор горными тропами. А теперь сам посуди — ну разве мы с тобой сумеем вернуться обратно? По восточному берегу Андуйна рыщут орки. Да и всякий потерянный день невозместим. Устал я, Сэм, и, честное слово, не знаю, как нам быть. Еда-то у нас осталась?

— Обязательно осталась, сударь: эти, как бишь их там, путлибы. А кроме них — ничегошеньки. На самом-то деле грех жаловаться: я, когда их впервые отведал, вот уж не подумал бы, что приедятся, а приелись. Сейчас бы ломоть ржаного хлеба и кружку — да ладно, полкружки — пивка, это бы да! Волок я, волок свои котелки-сковородки, а что с них толку? И огонь не разведешь — не из чего, и какая стряпня, когда травы и той не сваришь: потому что нет ее, травы!

Они отошли назад, спустились по откосу и подыскали выбоину поуютнее. Закатное солнце потонуло в тучах, настала ночь. Спалось им плоховато: донимал холод, и они ворочались с боку на бок в своем каменном закоулке, стесненном косыми, обкрошенными громадами, с востока хотя бы не дуло, и то спасибо.

— Вы их больше не видели, сударь? — спросил Сэм, когда они, перемогая утреннюю дрожь, сидели в сером сумраке и жевали тоненькие путлибы.

— Нет, — сказал Фродо. — И не видел, и не слышал ничего, вот уже вторую ночь.

— Я тоже, — сказал Сэм. — Бррр! Ну и лупетки, извините за грубое выражение! Но, может, мы и правда от него наконец избавились, от слизняка несчастного. Горлум! Вот попадетса он мне, тогда узнает, где у него «горлум»!

— Авось не придется тебе об него руки марать, — сказал Фродо. — Не знаю уж, как он за нами уследил, но, кажется, потерял след — давай вместе порадуемся. На сухих камнях не то что следа — запаха не остается, как он ни приносивайся.

— Хорошо бы, — вздохнул Сэм. — Выискался тоже спутничек!

— Да уж, — сказал Фродо, — обойдемся, пожалуй, и без него. Однако ж пес с ним. Вот как бы отсюда все-таки спуститься! Я тут сам не свой: с востока смотрят-ищут, а мы, как нарочно, торчим здесь и подставляем, когда между нами и тамошним мраком ничего нет, одни мертвые болота. И оттуда еще Око поглядывает. Пойдем-ка поищем, не может же быть, чтобы сплошь кручи.

Но прошел день, и свечерело, а они все мытарились поверху: пути вниз,

как Сэм и сказал, не было и не предвиделось.

В тиши и запустении им иногда мерещились какие-то звуки: падал камень, шлепали по скале босые ноги. Они останавливались, прислушивались — ничего, лишь ветер грузно вздыхал, ушибаясь о скалы, но даже и этот звук напоминал им, как *тот* с присвистом втягивает воздух, ослабив острые зубы.

Внешний кряж Привражья сворачивал к северу, и они то карабкались над откосами, то брели захламощенной плоской складкой от расселины к расселине, стараясь держаться поближе к тысячефутовому обрыву в длиннущих трещинах. Расселины попадались все чаще, становились все глубже, и Фродо с Сэмом уходили все дальше налево, незаметно спускаясь миля за милей.

И зашли в тупик. Кряж изломом направился к северу, перед ними зияло глубокое ущелье. На той его стороне вздымалась на сто саженей отвесная, точно срезанная, щербатая серая скала. Вперед пути не было, надо было сворачивать на запад или на восток. На запад — значит карабкаться наугад, уходя от цели и забираясь в глубь каменного лабиринта, на восток — значит выйти на край пропасти.

— Вниз, в ущелье, больше некуда, Сэм! — сказал Фродо. — Поглядим, куда оно нас выведет.

— Оно выведет! — мрачно посулил Сэм.

Ущелье оказалось бездонное. Они набрали на пространную поросль чахлых, суковатых деревьев: все больше березки, редко сосенка. Многие иссохли и омертвели на корню — восточный ветер пощады не давал. Видимо, когда-то здесь был целый лесок, но уже ярдов через пятьдесят деревья поредели и сошли на нет, хотя пни торчали до самого края пропасти. Дно ущелья, круто уходящего под скалу, было усеяно битым камнем. Они подошли к просвету: Фродо просунулся и выглянул наружу.

— Смотри-ка! — сказал он. — То ли мы глубоко спустились, то ли скалы осели. Гораздо ниже, чем было, и откос не такой уж крутой.

Сэм опустил рядом с ним на колени и неохотно поглядел за обрыв. Потом покосился налево, на суровый отвес надвинувшейся скалы.

— Н-да, не крутой! — буркнул он. — Ну, вообще-то вниз — не вверх. Летать не все умеют, а прыгать чуть ли не все!

— Прыгать-то высоко все-таки, — сказал Фродо. — Примерно, — он смерил высоту глазами, — так, примерно саженей восемнадцать. Не больше!

— Тоже ничего себе! — заметил Сэм. — Ух! Ну и не люблю же я смотреть вниз с высоты! Смотреть-то пусть, лишь бы не спускаться.

— Ладно, ладно, — сказал Фродо. — Сможем мы здесь спуститься или нет, а попробовать надо обязательно. Погляди, и скала совсем другая: пологая, треснутая.

Скала была не пологая, но и правда как бы осунулась вниз. Она походила на бастион — или на морской берег, оставленный морем: пласты его ссохлись и перекосились, и склоны местами выглядели как огромные ступени.

— И уж ежели спускаться, то прямо сейчас. Темнеет рано. И некстати, по моему, гроза собирается.

Дымный очерк восточных гор заслонила темень, наползавшая на запад. Предгрозовый ветер донес бормотание грома. Фродо понюхал воздух и с большим сомнением взглянул на небо. Потом опоясался поверх плаща, затянул пояс, приладил на спине вещевой мешок — и ступил на край обрыва.

— Будем пробовать, — сказал он.

— Тогда ладно! — утрюмо согласился Сэм. — Только пробовать буду я.

— Ты? — удивился Фродо. — Ты же вроде ползать по скалам не любитель?

— Ну и что, ну и не любитель. Тут ведь, сударь, головой рассудить надо: пускай вперед того, который первым оскользнется. А то ничего себе — шмякнись на вас, и обоих поминай как звали!

Фродо и глазом не успел моргнуть, как он уже сидел, свесив ноги над обрывом; протянул их и нашаривал уступ на скале. Такого с ним, сколько ни припоминай, втрезве не бывало, и глупо это было донельзя.

— Да ну тебя! Сэм, не валяй дурака! — крикнул Фродо. — Ты же попросту убьешься — ишь, кинулся, даже не посмотрел куда. Давай назад! — Он подхватил Сэма под мышки и затащил обратно. — Ну-ну, подождем уж малость и обойдемся без спешки! — сказал он, лег на живот, высунулся и осмотрелся: смеркалось, хоть солнце и не село. — Да одолеем мы этот спуск, — сказал он немного погодя. — Я-то уж точно одолею, ты тоже, если хладнокровно и поосторожнее.

— Сами себя, что ль, подбадриваете? — сказал Сэм. — Ничего же не видно: вон как уж смерилось. Занесет где ногу не поставишь и рукой не уцепишься — тогда что?

— Тогда назад, — сказал Фродо.

— Легко сказать, — фыркнул Сэм. — Давайте-ка лучше подождем: утром оно как-никак посветлее будет.

— Нет! Нет, пока меня ноги держат! — сказал Фродо, сверкнув глазами, с каким-то внезапным упорством. — Каждый лишний час мне в тягость, каждая минута! Я пошел вниз. А ты сиди смирно, пока я не вернусь или не позову!

Он ухватился за выступ, осторожно сполз и еще с запасом нащупал ногами опору.

— Нашел! — крикнул он. — Уступ направо тут широкий, можно стоять и не держаться. Я дальше... — И голос его оборвался.

Налетевшая с востока сплошная темень охватила небосвод. Над головой раскатисто треснул гром, пламенная молния ударила в нагорье. Взревел шквальный ветер, с ревом его мешался дикий, цепенящий вой — тот самый, слышанный на Болотище, по пути из Норгорда. Он и в лесах Хоббитании замораживал кровь, а здесь, среди каменных дебрей, вонзался во сто крат яростней, ледяными жалами ужаса и отчаяния, — замирало сердце, и дух захватывало. Сэм упал ничком. Фродо невольно отнял руки от скалы, зажал уши, покачнулся, оступился и с жалобным воплем соскользнул вниз.

Сэм услышал этот вопль и, пересилив себя, подполз к краю обрыва.

— Хозяин, хозяин! — позвал он. — Хозяин!

Ответа не было. Его колотила дрожь, и все же он, лязгая зубами, выкрикнул еще раз:

— Хозя-а-а-ин!

Ветер сорвал крик с его губ и унес в глубину ущелья и дальше, в горную глушь, но вдруг слабо донесся ответный возглас:

— Здесь я, здесь, не кричи! Только я ничего не вижу.

Голос был еле слышен, хотя Фродо оказался вовсе не так уж далеко. Он не упал, а проехался животом по скале — благо она была в этом месте пологая и

ветер дул в спину, так что он, не опрокинувшись, задержался на уступе еще шире прежнего. Сердце его трепыхалось, он приник лицом к холодному камню. Вокруг было черным-черно: то ли мрак сгустился, то ли глаза отказали — может быть, он ослеп? Фродо с трудом перевел дыхание.

— Возвращайтесь! Возвращайтесь! — голосил Сэм вверху, из непроницаемой темноты.

— Не могу я, — проговорил он. — Ничего не видно: как я взберусь? Мне и двинуться-то невмочь.

— Чем помочь, сударь? Чем помочь? — отозвался Сэм, выставившись по пояс. Почему это хозяину ничего не видно? Ну темень, конечно, но не сказать, чтоб непроглядная. Ему-то Фродо был виден: одинокая серая фигурка, распластавшаяся на уступе. Виден-то виден, а как до него достанешь?

Снова загрохотал гром, и хлестнул ледяной ливень вперемешку с градом, обрыв мигом словно задержнуло мутной завесой.

— Сейчас я спущусь к вам! — прокричал Сэм, хотя зачем бы ему спускаться, было неясно.

— Не вздумай! погоди! — крикнул Фродо, голос его окреп. — Я скоро оклемаюсь! Мне уже получше. Не торопись! Тут без веревки не обойдешься!

— Веревки! — с несказанным облегчением возопил Сэм и в гневе обрушился на себя: — Эх, вот бы кого на веревке-то подвесить вверх ногами в науку всем остолопам! Ну и недотепа же ты, Сэм Скромби! Сколько раз мне Жихарь это повторял, словцо у него такое. Веревки!

— Да не болтай ты! — закричал ему Фродо, он уже почти пришел в себя и не знал, смеяться ему или сердиться. — Оставь Жихаря в покое! У тебя что, веревка в кармане и ты сам себя распекаешь? Так лучше доставай ее!

— Не в кармане, сударь, а в котомке! Ну и ну, сколько сотен миль проволоки, а понадобилась — забыл!

Сэм быстро развязал и перерыл котомку. На дне ее и в самом деле без труда отыскался целый моток шелковистосерой лориэнской веревки. Тьма перед глазами Фродо словно бы поредела, зрение понемногу возвращалось. Он увидел спускавшуюся к нему по воздуху серую змейку, различил ее серебристый отблеск — и голова его почти перестала кружиться. Фродо поймал конец, обвязался вокруг пояса и схватился за веревку обеими руками.

Сэм отступил назад, уперся ногами в пень и вытянул из-за обрыва что есть мочи карабкавшегося по отвесу Фродо; тот повалился в изнеможении.

Раскаты грома отдалились, но дождь хлестал пуще прежнего. Хоббиты заползли в ущелье и схоронились под каменным навесом, правда, не очень-то это им помогло. Кругом бурлили и пенились ручьи, вода низвергалась со скалы, как по водостоку огромной крыши.

— Я бы там или захлебнулся, или меня бы просто смыло, — сказал Фродо. — Как нам повезло, что ты прихватил веревку!

— Еще больше повезло бы, если бы я, раззява, припомнил о ней раньше, — сказал Сэм. — Ведь когда эльфы грузили лодки, они же положили по три мотка веревки в каждую. Очень мне ихняя веревка понравилась, и я один моток перепрятал к себе. «Наши, — говорят, — веревки не единожды вам пригодятся», вроде это Хэлдар сказал, а может, и другой кто из них. Правильно говорил.

— Жаль, я не захватил еще моток, — сказал Фродо, — но разве упомнишь, такая была неразбериха, когда мы с тобой улизнули. А захватил бы — спусти-

лись бы сейчас проще простого. Ну-ка, сколько в ней длины?

Сэм сноровисто промерил веревку на расставленных руках.

— Пять, десять, двадцать, примерно так тридцать локтей, чуть больше, чуть меньше, — сказал он.

— Не может быть! — воскликнул Фродо.

— Ага! Не может? — сказал Сэм. — Дивный народ эти эльфы! С виду-то она тонковата, а прочная какая, упругая и мягкая-мягкая. Моток-крохоток, и весу в нем нет. Дивный народ, иначе не скажешь!

— Тридцать локтей! — соображал Фродо. — А пожалуй что, и хватит. Если гроза до ночи кончится, я возьму да попробую спуститься.

— Дождь уж почти перестал, — заметил Сэм, — да ведь как бы в сумерках снова не обмишулиться! А вой-то каков был — забыли? У меня он до сих пор в ушах стоит. Ни дать ни взять Черный Всадник — спасибо, они хоть летать не умеют: а вдруг научились? Давайте лучше отлежимся до свету в этой дыре.

— Самое место здесь отлеживаться, когда из Черной Башни так и зыркают через болота, — сказал Фродо. — Да здесь лишней минуты оставаться нельзя!

С этими словами он встал, снова подобрался к обрыву и выглянул. На востоке разъяснилось: по небу ползли последние, обвислые грозовые лохмотья, и даже над Привражьем, над которым помедлили черные думы Саурона, гроза уже отбушевала. Она посекала градом и осыпала молниями долину Андуйна и мрачной, зловещей тенью заволокла Минас-Тирит, сокрывши вершины Белых гор. Медленно прокатилась она по Гондору к Ристании и омрачила закат перед взорами конников, мчавшихся равниной на запад. А здесь, над пустошью и смрадными болотами, расстелился голубой полог вечерних небес, и замерцали бледные звездочки, точно мелкие прорехи возле висячего месяца.

— Хорошо-то как, когда глаза видят, — сказал Фродо, глубоко вздохнув. — Знаешь, я ведь было подумал, что совсем ослеп — от молнии или от чего похуже. И вдруг увидел серую веревку, и она словно светилась.

— И верно, она в темноте вроде как серебрится, — сказал Сэм. — Раньше-то я этого не замечал, да и где ж было заметить: запихнул ее в котомку, там она и лежала, кушать не просила. А как вы ее думаете приспособить, коли уж вам невтерпеж карабкаться по скалам? Тридцать локтей — это, стало быть, от силы восемнадцать сажений: в обрез донизу хватит, и то если вы насчет высоты не ошиблись.

— Обвяжи ее вокруг пня, Сэм! — велел Фродо, немного подумав. — На этот раз пусть будет по-твоему, спускайся первый. Я тебя придержу, а ты знай себе отталкивайся от скалы руками и ногами. Ну если где сумеешь притулиться-постоять — тоже неплохо, я передохну. Спустишься до самого низу, отдашь веревку — и я за тобой. Я уже вполне оправился.

— Как скажете, — угрюмо проговорил Сэм. — Ладно, чему быть, того не миновать!

Он закрепил веревку на ближнем к обрыву пне, другой конец обвязал вокруг пояса, повернулся и нехотя полез в пропасть.

А спуск оказался вовсе не очень страшным. Вережка не только поддерживала, но словно подбадривала Сэма, хотя, ненароком взглянув вниз, он каждый раз зажмуривался. Один был очень трудный участок: отвесная круча, да еще скошенная внутрь, он оскользнулся и закачался на серебристой бечеве. Но

Фродо был начеку, он отпускал веревку равномерно и медленно, словом, все кончилось как нельзя лучше. Больше всего ему было боязно, что веревки не хватит, однако в руках у Фродо оставался еще изрядный моток, когда снизу донесся голос Сэма: «Готово!» Слышно его было хорошо, а видно не было: серый эльфийский плащ сливался с сумерками.

Фродо спускался подольше. Он тоже надежно обвязался, узел на пне был проверен, он закоротил веревку — в случае чего повиснет, а не шлепнется. И все же хорошо бы не упасть — в отличие от Сэма, он не слишком доверял тонкой серой бечеве. Однако ж дважды пришлось на нее целиком положиться: уступов поблизости не было и даже цепкие хоббитские пальцы не находили в скале ни трещинки. Но вот и он тоже ступил на землю.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Спустились! Прощай, Привражье! Ладно, а дальше-то что? Чего доброго, еще затоскуем по твердой земле, по камням под ногами?

Но Сэм не отвечал: он тоскливо глядел на скалистый обрыв.

— Недотепа я, недотепа! — сетовал он. — Дуботол! Веревочка моя! Завязана ты накрепко вокруг пня там наверху, а мы вон где. Эх и лесенку мы оставили для этого лиходея Горлума! Чего там, надо было вообще указатель поставить: ушли, мол, туда-то. Чужало мое сердце, что больно все просто получается!

— Просто не просто, а если сумеешь придумать, как нам было спуститься вместе с веревкой, то зови меня недотепой или любым другим Жихаревым словом, — сказал Фродо. — Коли хочешь, взбирайся обратно, отвяжи ее и спускайся, я на тебя посмотрю!

Сэм почесал в затылке.

— Да нет, чего-то не придумывается, уж не взыщите, — сказал он. — И все же ох как неохота мне ее оставлять! — Он ласково погладил веревку и встряхнул ее. — Жалко расставаться с эльфийским подарком: может, ее сама Галадриэль для нас сплела. Галадриэль... — пробормотал он, грустно покачал головой, взглянул наверх и на прощанье подергал веревку, легкую, крепкую, упругую.

К изумленью обоих хоббитов, веревка сорвалась с пня, Сэм перекувырнулся, и мягкие серые витки укрыли его с ног до головы. Фродо расхохотался.

— Кто, интересно, узел завязывал? — спросил он. — Еще спасибо, что до сих пор продержался! А я-то спокойно висел: Сэм, думаю, не подведет!

— Лазить туда-сюда по горам я, сударь, может, и не обучен, — обиженно сказал Сэм, — но насчет веревок и узлов прощенья просим. Это, с вашего позволения, наше семейное ремесло. У деда в Канатчиках исстари была сучильня; досталась-то она не Жихарю, а старшему брату, дяде моему Энди, но уж ежели узел завязать — так это лучше меня вряд ли кто спроворит во всей Хоббитании, не говоря уж в Средиземье.

— Ну, значит, веревка порвалась — перетерлась, наверно, о какой-нибудь острый выступ.

— Прямо — перетерлась! — За веревку Сэм обиделся еще больше, чем за себя. Он поднял ее и осмотрел. — Целехонька!

— Стало быть, все-таки узел подгулял, — настаивал Фродо.

Сэм покачал головой и не ответил. Он задумчиво перебирал веревку.

— Вы, сударь, думайте, как хотите, — наконец сказал он, — а я смекаю, что веревка сама отвязалась и прибежала, когда я ее позвал.

Он ловко смотал бечеву и любовно уложил ее в котомку.

— Прибежала, было дело, — согласился Фродо, — а прочее неважно. Давай лучше подумаем, как дальше быть. Скоро уж и ночь. Какие красивые звезды, а луна-то!

— Посмотришь — и сердцу веселее, правда? — сказал Сэм, взглянув на небо. — Что-то в них есть такое эльфийское. И месяц с прибылью. Мы же его две ночи, почитай что, не видели за тучами. Ишь рассветился!

— Да — сказал Фродо, — а все ж таки пока тускловат. Придется нам выждать денек-другой, а то при таком свете недолго и в топь угодить.

Еще не совсем стемнело, когда они тронулись в путь. Пройдя несколько шагов, Сэм обернулся и поглядел на обрыв. Издали ущелье казалось черной зубриной утеса.

— Хорошо, что веревка не осталась там висеть, — сказал он. — Авось оглоед потычется: куда это мы девались? Пусть-ка попрыгает с уступа на уступ на своих поганых перепончатых лапах!

Они отошли от подножия скалы и пробирались крутым откосом среди валунов, по щебняку, мокрому и скользкому после недавнего ливня. И чуть не свалились в расселину, которая внезапно разверзлась у них под ногами. Расселина была неширока, но прыгать впотьмах не стоило: к тому же где-то в глубине ее бойко журчал ручей. Она изгибалась влево, к северу, и уходила в горы, безнадежно преграждая им дорогу — не идти же ночью в обход!

— Пойдемте-ка лучше подле скал на юг, — предложил Сэм. — Повезет — так сыщется какой-нибудь сухой уголок, а то и пещерка.

— Может, и сыщется, — сказал Фродо. — Я порядком устал и еле плетусь, а тут еще сплошные каменья. Волей-неволей придется отдохнуть: эх, была бы перед нами хоть тропка — я бы шел и шел до упаду.

Идти по осыпи у подножий оказалось ничуть не легче. И Сэму не удалось сыскать ни уголок, ни пещерку: тянулся отлогий каменистый скос, а над ним все выше громоздились угрюмые отвесные кручи. Наконец, почти падая с ног, они притулились у огромного валуна неподалеку от обрыва. Сели рядышком, как можно теснее, чтобы как-нибудь угреться среди холодных камней, и сон начал их одолевать — бороться с ним не было сил. Высоко сиял ясный месяц: в его беловатом свете поблескивали голые глыбы. Утесистый обрыв заливал серый полумрак, изборожденный черными тенями.

— Ну ладно! — сказал Фродо, поднимаясь и зябко запахивая плащ. — Поспи-ка ты, Сэм, немного, укройся моим одеялом. А я постою — вернее, поброжу — на часах. — Вдруг он замер и, нагнувшись, крепко взял Сэма за плечо. — Что это такое? — прошептал он. — Взгляни на утес!

Сэм взглянул и присвистнул.

— Здрасьте! — сказал он. — Не успели соскучиться, чтоб его! Это же Горлум! А я-то думал, мы провели его за нос, спустившись с нашего пригорочка! Нет, вы только посмотрите! Сущий паук!

По бледно озаренному — с виду гладкому и скользкому — отвесу ползло, раскинув тонкие конечности, маленькое черное существо. Наверно, все двадцать его чутких, липучих пальцев цеплялись за любые щели и выступы, но казалось, оно по-насекомьи перебирает клейкими ножками. Спускалось оно

головой вниз, точно вынюхивало путь. Время от времени голова вертелась на длинной тонкой шее, и мерцали два бледных огонька — два глаза, смаргивавших в лунном свете и тут же закрывавшихся.

— Вы думаете, он нас видит? — спросил Сэм.

— Не знаю, — тихо отвечал Фродо, — но думаю, что нет. Эльфийские плащи неплохо скрывают даже от взгляда друзей: я, например, не вижу тебя в тени за несколько шагов. А он, помнится, враждует и с солнцем, и с луной.

— А чего ж он тогда прямо сюда ползет? — спросил опять Сэм.

— Тише ты, Сэм! — сказал Фродо. — Может быть, он нас унюхал. И слышит он, кажется, не хуже эльфов. По-моему, он что-то услышал: наверно, наши голоса. Мы там орали, как оглашенные, да и здесь с минуту назад галдели почему зря.

— Ну, мне он малость надоел, — сказал Сэм. — Терпел я, терпел — а теперь хочу перекинуться с ним парой ласковых слов. Удрать-то от него, похоже, все равно не выйдет.

И, надвинув серый капюшон, Сэм бесшумно пополз к утесу.

— Осторожней! — прошептал Фродо, следуя за ним. — Не вспугни его! Он даром что с виду ледащий, с ним шутки плохи!

Черная ползучая тварь уже спустилась на три четверти, до подножия утеса оставалось меньше пятидесяти футов. Недвижно притаившись в тени своего валуна, хоббиты глядели во все глаза. То ли ползти ему стало трудно, то ли он почему-то встревожился. Донеслось его сопенье, потом он злобно зашипел, точно выругался, поднял голову и вроде бы сплюнул, наконец двинулся дальше. И послышался его скрипучий, сиплый голос.

— Ахх, с-с-с! Оссторожно, моя прелессть! Поспешишь — шею сломаешь, а мы же не станем ломать шею, да, прелессть? Не станем, прелессть, — *горлум*! — Он снова поднял голову, смигнул и быстро закрыл глаза. — Нам она ненавистна, — прошипел он. — Мерзкий, мерзкий, трусливый свет — с-с-с, — она подсматривает за нами, моя прелессть, она суется нам в глаза.

Он спустился еще ниже, и сиплое бормотанье стало слышно совсем отчетливо.

— Где же оно, где его спрятали — Прелесть мою, мою Прелесть? Это наша Прелесть, наша, мы по ней скучаем. Воры, воры, гнусные воришки. Где они спрятались с моей Прелестью? Презренные! Ненавистные!

— Да, вроде ему невдомек, что мы здесь, — прошептал Сэм. — А что еще за прелесть? Это он про...

— Ш-ш-ш! — выдохнул Фродо. — Он уж совсем близко, ему теперь и шепот слышен.

И верно: Горлум опять вдруг замер, и его большая голова на жилистой шее моталась туда-сюда — видно, прислушивался. Замерцали его бледные глаза. Сэм затих, только пальцы у него дрожали. С гневом и омерзением он рассматривал жалкую тварь, а Горлум сполз еще ниже, шипя и пришептывая.

Он повис у них над головой, футах в двенадцати от земли, на срезе скалы. Надо было падать либо прыгать — даже Горлум не находил, за что уцепиться. Видимо, он хотел повернуться ногами книзу, но сорвался, испустив пронзительный визг и поджавшись, как падающий паук.

Сэм в два прыжка подскочил к утесу и кинулся на лежащего Горлума, но тот, ушибленный и захваченный врасплох, ничуть не растерялся. Сэм глазом

не успел моргнуть, как его неодолимо оплели длинные, гибкие руки и ноги, липкие пальцы подобрались к горлу, а острые зубы вонзились в плечо. Он только и сумел крепко ударить головой в физиономию Горлума. Горлум зашипел и сплюнул, но хватки не ослабил.

Худо пришлось бы Сэму, будь он один. Но Фродо был тут как тут, с обнаженным мечом в руке. Он схватил Горлума за редкие сальные космы, запрокинул ему голову, и налитые злобой бледные глаза поневоле обратились к небу.

— Отпусти его, Горлум! — велел он. — Это меч Терн, ты его уже видел, он очень острый. На этот раз смотри не уколись. Отпусти, а то глотку перережу.

Горлум смяк и отвалился дряблой кучей. Сэм встал, держась за укушенное плечо и сердито глядя на беспомощного врага, с жалким хныканьем елозящего у ног: таких не трогают.

— Не надо нас обижать! Не позволяй им нас обижать, прелесть! Они ведь нас не обидят, миленькие добренькие хоббитцы? Мы ничего, мы сами по себе, а они шасть на нас, как гадкая кошка на бедненькую мышку, правда, прелесть? Мы такие сиротки, горлум. Если с нами по-хорошему, мы будем очень, очень послушненькие, да, прелесть? Да-ссс.

— Ну и что с ним теперь делать? — спросил Сэм. — По-моему, давайте свяжем по рукам и ногам, чтоб неповадно ему было за нами таскаться.

— Это смерть для нас, ссмерть, — захныкал Горлум. — Жестокие хоббитцы! Они нас свяжут и оставят умирать с голоду на холодных, жестких камнях, горлум, горлум!

В горле у него клокотали рыдания.

— Нет, — сказал Фродо. — Убивать, так сразу. Но убивать его сейчас стыдно и недостойно. Бедняга! Да он и вреда-то нам никакого не причинил.

— Это точно, — буркнул Сэм, потирая плечо. — Не успел, только собирался. Погодите, причинит. Во сне нас задушит, вот что у него на уме.

— Похоже на то, — сказал Фродо. — Но за умысел не казнят.

Он задумался, что-то припоминая. Горлум лежал смиренно и даже хныкать перестал. Сэм, насупившись, не спускал с него глаз.

А Фродо слышались далекие, но отчетливые голоса из прошлого:

Какая все-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя.

Горлума жалеть глупо. Он заслужил смерть.

Заслужить-то заслужил, спору нет. И он, и многие другие, имя им — легион. А посчитай-ка таких, кому надо бы жить, но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтобы уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все.

— Да, ты прав, — сказал он вслух и опустил меч. — Я боюсь оставлять его в живых и все же убивать не стану... Ты и тут прав: нельзя увидеть его и не пожалеть.

Сэм воззрился на хозяина, который разговаривал то ли сам с собой, то ли невесть с кем. Горлум приподнял голову.

— Да, мы бедняжки, бедняжки мы, прелесть, — проскулил он. — Плохо нам жить, плохо! Хоббитцы не убьют нас, добренькие хоббитцы.

— Нет, не уьем, — сказал Фродо. — Но и не отпустим. В тебе уйма злобы и коварства, Горлум. Придется тебе идти с нами: за тобой нужен глаз да глаз. И будем ждать от тебя помощи, коли уж мы тебя пощадили.

— Да, да, да-sss, мы согласны, — заторопился Горлум и сел. — Добренькие хоббитцы! Мы пойдем с ними и будем искать для них в темноте совсем незаметные тропочки, искать и находить, да, прелесть? А куда идут хоббитцы по жесткой и холодной каменной стране, нам интересненько, нам очень интересненько!

Он поднял на хоббитов глаза — хитрые, жадные, бледно мерцавшие из-под белесых ресниц.

Сэм гневно посмотрел на него и, сдерживаясь, сжал зубы: он чуял, что мешаться не надо, у хозяина свой замысел. И все же ответ Фродо его совершенно поразил.

Фродо взглянул Горлуму прямо в лицо, тот сморгнул и потупился.

— Ты знаешь, куда мы идем, Смеагорл, — сказал он тихо и сурово. — А не знаешь, так догадываешься. Идем мы, разумеется, в Мордор, и путь туда тебе знаком.

— Ахх! Ш-ш-ш-ш! — прошипел Горлум, затыкая уши ладонями, точно слова, сказанные впрямую, язвили его слух. — Догадываемся, да, мы догадываемся и просим их туда не ходить, правда, прелесть? Зачем туда добреньким хоббитцам? Там пепел, зола и пыль, в горле першит, а водицы нет, там всюду нарыты ямы и везде шляются орки, тысячи тысяч орков. В такие места не надо ходить добреньким, умненьким хоббитцам — нет-sss, не надо.

— Так ты побывал там? — настаивал Фродо. — И тебя снова туда тянет, против воли?

— Снова, да, снова. Нет! — визгнул Горлум. — Это случилось нечаянно, правда, прелесть? Да, совсем нечаянно. Снова мы не хотим, нет, нет! — И вдруг его голос и речь неузнаваемо изменились; он захлебывался рыданиями и обращался вовсе не к хоббитам. — Оставь, отпусти меня, *горлум!* Мне больно. Бедные мои лапки, *горлум!* Я, мы, нет, я не хочу к тебе возвращаться. Не могу я его найти. Я устал. Я, мы не можем найти его, *горлум, горлум*, его нигде нет. А они подстерегают, не спят: гномы, люди, эльфы, ужасные эльфы с горящими глазами. Не могу я его найти. Аххх! — Он вскочил на ноги и погрозил костистым кулаком, узлом бескровной плоти, в сторону востока. — Не станем его искать! — крикнул он. — Для тебя — не станем. — Он съежился и припал к земле. — *Горлум, горлум!* — скулил он, не поднимая лица. — Не смотри на нас. Уходи! Иди спать!

— По твоему слову, Смеагорл, он не уйдет и не уснет, — сказал Фродо. — Но если ты и правда хочешь от него избавиться, то помоги мне. А для этого придется тебе проводить меня в его страну. Только до ворот: внутрь ты со мной не пойдешь.

Горлум снова сел и поглядел на него из-под полуопущенных век.

— И так известно, где он, — заскрежетал его голос. — Он всегда там, на одном месте. Орки вас доведут: здесь, на восточном берегу, они толпами бродят. Не просите Смеагорла. Бедный, бедный Смеагорл, нет его, он сгинул. У него отобрали его Прелесть, и он пропал.

— Может быть, он найдется, поищем вместе, — сказал Фродо.

— Нет, нет, никогда не найдется! Прелесть его пропала.

— Встань! — велел Фродо.

Горлум встал и прижался спиной к утесу.

— Решай! — сказал Фродо. — Когда тебе легче искать тропу — днем или ночью? Мы очень устали, но если ты скажешь — ночью, мы сейчас пойдем.

— Мерзкий яркий свет жжет нам глаза, — хныкнул Горлум. — А сейчас Белая Морда в небе, сейчас еще рано.

Скоро, скоро она скроется за горами, скоро. Сперва отдохните немножечко, добренькие хоббитцы!

— Тогда садись! — сказал Фродо. — И не вздумай удирать!

Хоббиты уселись с двух сторон рядом с ним, прислонившись к скале и вытянув ноги. Сговариваться им нужды не было: оба понимали, что задремать нельзя ни на миг. Луна медленно зашла, и серые скалы почернели. На небо высыпали яркие звезды. Ни один не шевелился. Горлум сидел, упершись подбородком в колени, распластав по земле вялые ладони и ступни, глаза его были закрыты, но он весь подобрался: видно, выжидал, ушки на макушке.

Фродо и Сэм переглянулись, понемногу расслабились, закинули головы и сомкнули веки, как бы засыпая. Вскоре послышалось их ровное дыхание. Пальцы Горлума затрепетали. Он едва заметно повел головой: приоткрылась одна, потом другая бледная щелка. Хоббиты явно спали.

Внезапно Горлум сорвался с места прыжком, как лягушка или кузнечик, и задал стрекача в темноту. Но Фродо и Сэм только этого и ждали. Сэм вмиг нагнал и сгреб его, а Фродо ухватил за ногу и повалил.

— Вот и опять твоя веревка пригодится, Сэм, — сказал он.

Сэм вытащил веревку.

— А куда же это вы намылились по холодным жестким камням, моя прелесть, сударь мой Горлум? — грозно спросил он. — Нам интересненько, нам очень интересненько! Голову даю на отсечение, что к своим дружкам-оркам! Ах ты, пакостная, лживая тварь! Тебе бы эту веревку на шею, да петельку потуже затянуть.

Горлум лежал, как колода, точно и не он улепетывал. Сэму он ничего не ответил, только смерил его ненавистным взглядом.

— Нам его просто нужно держать на привязи, — сказал Фродо. — Ноги ему не связывай — идти не сможет, руки тоже не надо, он через раз ходит на четвереньках. Привяжи его за щиколку и сам обвяжись.

Он стоял и смотрел, как Сэм завязывает узел, но тут Горлум изрядно удивил их обоих. Он вдруг разразился диким, пронзительным, несмолкаемым визгом: при этом катался по земле, извивался и тянулся к лодыжке зубами — перекусить веревку.

Фродо наконец понял, что он не притворяется: петля, что ли, слишком тугая? Он проверил: не слишком, и даже вовсе не слишком. Сэм был грознее на словах, чем на деле.

— Да в чем дело-то?! — прикрикнул он. — Раз ты норовишь сбежать, иди на привязи, а больно тебе никто не сделал.

— Нет, нам болестно, болестно! — сипел сквозь зубы Горлум. — Она кусает, она морозит! Гадкие, жестокие хоббитцы! Мы потому и хотели спастись, правда же, моя прелесть? Мы догадались, что хоббитцы станут нас мучить. Они якшались с эльфами, со злыми огнеглазыми эльфами. Снимите ее, снимите! Нам

болестно!

— Нет, не сниму, — покачал головой Фродо. — Разве что, — он помедлил, — разве что ты дашь честное слово, а я ему поверю.

— Мы поклянемся слушаться, да, да, да-sss, — стонал Горлум, корчась и хватаясь за лодыжку. — Болестно нам!

— Поклянешься? — спросил Фродо.

— Смеагорл поклянется, — вдруг сказал Горлум ясным голосом, уставив на Фродо странно заблестевшие глаза. — Смеагорл поклянется на Прелести.

Фродо резко выпрямился, и Сэма снова поразили его слова и суровый голос.

— На Прелести? Да ты что! — сказал он. — Опомнись!

Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли
И объединить навек в их земной юдоли.

Ты понимаешь, что тебе грозит, Смеагорл? Что ж, такую клятву ты поневоле сдержишь. Но клятва тебя предаст. Берегись!

Горлум съежился, прижав уши.

— На Прелести, на Прелести! — твердил он.

— И в чем же ты поклянешься? — спросил Фродо.

— Он поклянется быть послушненьким, — сказал Горлум. Он подполз к ногам Фродо и, елозя на животе, сипло зашептал, содрогаясь, точно все кости тряслись у него со страха: — Смеагорл поклянется, что никогда, никогда не отдаст ее Тому. Никогда! Смеагорл ее упасет и схоронит. Только дайте ему поклясться на Прелести.

— Нет! Этого нельзя, — сказал Фродо, строго и жалостливо глядя на него. — Ты жаждешь всего лишь увидеть и потрогать его, хотя сам знаешь, что это безумие. На нем — нельзя. Хочешь, поклянись им, ибо ты знаешь, где оно. Оно перед тобой.

Сэму на миг показалось, что хозяин его вырос, а Горлум совсем усох: величавая тень, могучий властитель, скрывающий тайные знаки избранности под серым облачением, и у ног его — скулящая собачонка. Однако же эти двое заведомо были в родстве: они читали в сердце друг у друга. Горлум стоял на коленях, обнимая ноги Фродо, по-собачьи лапаясь к нему.

— Прочь! Прочь! — сказал Фродо. — Ну, приноси свое обещанье!

— Мы обещаем, да, я обещаю! — проговорил Горлум. — Обещаю верно служить хозяину Прелести. Добрый хозяин, послушный Смеагорл, *горлум, горлум!*

Он вдруг заплакал и опять потянулся зубами к лодыжке.

— Отвяжи его, Сэм! — приказал Фродо.

Сэм неохотно повиновался. Горлум тут же вскочил и запрыгал вокруг, как нашкодивший пес, которого хозяин простил и приласкал. С этой минуты повадка его хоть ненадолго, а изменилась. Шипеть и хныкать он стал реже и обращался к спутникам, а не к себе и своей прелести. Он поджимался и вздрагивал от их внезапных движений, боялся подходить близко и с ужасом сторонился их эльфийских плащей, но был приветлив и жалко угодлив. Он кряхтел от смеха в ответ на любую шутку, прыгал и ликовал, когда Фродо был с ним ласков, и заливался слезами, если Фродо его корил. Сэм с ним почти не разговаривал и ни в чем ему не доверял: новый Горлум, Горлум-Смеагорл, был ему, пожалуй, чуть не противней прежнего.

— Ладно, Горлум, или как бишь тебя теперь, — сказал он. — Пошли! Луна скрылась, ночь на исходе. Пора в дорогу.

— Пошли, пошли, — вприскокку соглашался Горлум. — Пойдемте скорее! Есть только один путь от каменной страны через болота: ни к северу, ни к югу другого пути нет. Я его нашел, давно уже. Орки там не ходят, орки его не знают. Орки боятся болот, они их обходят за много-много миль. Хорошо вышло, что вы здесь оказались. И хорошо, что нашли Смеагорла, да. Смеагорл вас выведет!

Он побежал вперед и оглянулся, словно пес, зовущий хозяев на прогулку.

— Ты полегче, Горлум! — крикнул ему Сэм. — Не боль-но-то убегай! Я ведь далеко не отстану, а веревка — вот, наготове.

— Нет, нет, он не убежит! — сказал Горлум. — Смеагорл дал обещание.

И они пустились в путь под звездным пологом ночи. Горлум повел их назад на север, но вскоре они свернули, оставив за спиной обрывы Привражья, и спустились по каменным грудам к окраине необъятных болот. Быстро и бесшумно исчезли они в темноте. В огромной топкой пустыне перед Воротами Мордора царила сумрачная тишь.

Глава II Тропа через топи

Горлум двигался одинаково быстро на своих двоих и на четвереньках, вытянув шею вперед и выставив голову. Фродо и Сэм едва поспевали за ним, но он, видно, раздумал улизнуть и, когда они далеко отставали, оборачивался и поджидал их. Они пришли к давешней расселине, но уже вдалеке от горных подножий.

— Ага, вот она где! — крикнул Горлум. — Там понизу тропочка, мы по ней пойдём-пойдём и выйдем во-он туда. — Он махнул рукой на юго-восток, в сторону болот, гнилое и тяжкое зловоние которых превозмогало ночную свежесть.

Горлум порыскал на краю расселины и подозвал их:

— Сюда! Здесь легко можно спуститься. Смеагорл ходил здесь однажды, я здесь ходил, прятался от орков.

Хоббиты спустились во мглу следом за ним — оказалось и правда легко. Футов двенадцать шириною, не больше пятнадцати в глубину, впадина служила руслом одной из бесчисленных речушек, стекавших с Привражья, пополняя застойные хляби. Горлум свернул направо, более или менее к югу, и зашлепал по ровному каменному дну. Вода ему была явно очень приятна, он радостно хихикал и даже поквакивал себе под нос нечто вроде песенки.

*Ноги грызет холод,
Гложет кишки голод,
Камни больно кусаются —
Голые, словно кости,
Грызть их нету корысти —
Зубы об них обломаются.
А мокрая мягкая речка
Радует нам сердечко,
К усталым ногам ласкается.
И мы говорим с улыбкой...*

— Ха-ха! Кому же это мы улыбаемся? — прогнусавил он, покосившись на хоббитов. — А вот сейчас скажем кому. Он тогда сам догадался, треклятый Торбинс.

Глаза его гадко сверкнули в темноте, и Сэму это сверканье очень не понравилось.

*Живет она — не дышит,
Безухая — а слышит.
Как мертвая, холодна
В кольчуге своей она.
Все пьет и никак не напьется,
На земле — скачет и бьется.
Ей водомет — дыра,
А островок — гора.
Блестит она и мелькает,
Гладенькая такая!
И мы ее кличем с улыбкой:
Плыви к нам, вкусная рыбка —
Жирненькая!*

Песенка снова навела Сэма на мысль, которая осаждала его с тех самых пор, как он понял, что хозяин решил взять Горлума в провожатые: мысль о еде. Хозяин-то, наверно, об этом и вовсе не подумал, зато Горлум подумал наверняка. И вообще — как, интересно, Горлум кормился в своих одиноких скитаниях? «Плоховато кормился, — подумал Сэм. — Сразу видно, изголодался. Ох, не побрезгает он, коли уж рыбка не ловится, хоббитским мясом. Заснем — и ау! — как пить дать слопают обоих. Ну смотри, Сэм Скромби: на тебя вся надежда».

Они долго брели по дну темной извилистой расселины, усталым хоббитам казалось, что и конца этому не будет. Ущельице свернуло к востоку, расширилось, постепенно стало совсем неглубоким. Серая дымка предвещала рассвет. По-прежнему проворный Горлум вдруг остановился и посмотрел на небо.

— День недалеко, — прошептал он, будто День, того и гляди, услышит его и накинется. — Смеагорл спрячется здесь, я спрячусь, и Желтая Морда меня не заметит.

— Мы бы и рады увидеть *солнце*, — сказал Фродо, — да сил нет выбираться наверх: ноги подкашиваются.

— Не надо радоваться Желтой Морде, — сказал Горлум. — Она нарочно выдаст врагам. Добренькие умненькие хоббитцы спрячутся со Смеагорлом, а то кругом шныряют орки и злые люди — они далеко видят. Прячьтесь, хоббитцы, здесь, со Смеагорлом!

На отдых пристроились у крутого каменного ската расселины, из которой теперь высокий человек запросто мог бы выглянуть. Ручей бежал поодаль, под ногами была сухая гладь. Фродо и Сэм уселись на большом плоском камне, прислонившись к скату. Горлум плескался и копошился в ручье.

— Надо немного подкрепиться, — сказал Фродо. — Смеагорл, ты голодный? У нас у самих немного, но мы поделимся.

При слове «голодный» глаза Горлума зажглись зеленоватым светом и вытаращились так, что за ними стало не видно лица — исхудалого и землистого. Он заговорил по-старому, по-горлумски:

— Мы совсем, совсем изголодались, прелессть. А какая у них есть еда?

Сочненькая рыбка?

Из-за острых желтых зубов высунулся длинный язык и жадно облизнул бескровные губы.

— Нет, рыбы у нас нет, — сказал Фродо. — Вот только это, — он показал путлиб, — и вода, если здешнюю воду можно пить.

— Да, да, да-ссс, водица чистенькая, — сказал Горлум. — Пейте, пейте ее досыта, пока она есть. А что это такое хрустит у них на зубах, моя прелессть? Это вкусненькое?

Фродо отломил и протянул ему кусок лепешки в листовой обертке. Горлум понюхал лист, и лицо его исказилось отвращением и застарелой злобой.

— Смеагорл чует, чем пахнет! — процедил он. — Это листья из страны эльфов, кха! Ф-ф-ф, как они воняют! Он лазил по тем деревьям, и вонь пристала к его рукам, к моим милым лапкам. — Он бросил лист, отгрыз кусочек путлиба, тут же выплюнул его и закашлялся. — Аххх! Нет, — отплевывался он. — Бедненький Смеагорл из-за вас подавился. Пыль и зола, это есть нельзя. Ему придется голодать. Но Смеагорл потерпит. Добренькие хоббитцы! Смеагорл дал обещание. Он *будет* голодать. *Хоббитская* пища ему в рот не лезет, и он будет умирать с голоду. Бедненький худенький Смеагорл!

— Жаль, — сказал Фродо, — но уж тут я тебе ничем не смогу помочь. Эта пища, я думаю, пошла бы тебе на пользу, если б ты себя пересилил. Однако пока *что*, наверно, даже и пытаться не стоит.

Хоббиты молча хрустели путлибами. Сэм заметил, что они вроде бы стали гораздо вкуснее: Горлум напомнил, какая это чудесная еда, но он же и портил ему аппетит, провожая глазами каждый кусок, точно пес у обеденного стола. Лишь когда они сжевали по лепешке и разлеглись отдыхать, он, видимо, убедился, что никаких лакомств от него не прячут, отошел на несколько шагов, сел и похныкал от жалости к себе.

— Хозяин! — довольно громко прошептал Сэм, ему было плевать, слышит Горлум или нет. — Как ни крути, а поспать нам надо; только обоим зараз спать не дело — вон он, гад, каким голодным глазом на нас косится. Мало ли что он «дал обещание»! Горлум он или Смеагорлум — один леший: горбатого могила исправит, а он пока живой. Вы давайте-ка спите, сударь, а я вас разбуду, когда мне уж совсем неважноту станет. Будем спать по очереди, а то не ровен час...

— Что верно, то верно, Сэм, — сказал Фродо, не таясь. — Он *заведомо* изменился, но как и насколько, пока неизвестно. Однако, по-моему, нынче нам опасаться нечего. Ну, стереги, если хочешь. Часика два дай мне поспать, а там и буди.

Фродо так устал, что уронил голову на грудь и заснул, едва договорив. А Горлум, видать, свои штучки оставил. Он свернулся калачиком и тоже уснул как ни в чем не бывало — и хотя подозрительно присвистывал сквозь сжатые зубы, однако не шевелился, ровно убитый. Сэм послушал-послушал, как его спутники спят наперегонки, и чуть сам не заснул, но вместо этого встал, подошел к Горлуму и легонько его потыкал. Ладони Горлума раскрылись, пальцы задергались — и больше ничего. Сэм наклонился и сказал ему прямо в ухо: «Вкусненькая рыбка», но Горлум даже ухом не повел и присвистывал по-прежнему.

Сэм почесал в затылке.

— Может, и правда спит, — пробормотал он. — Будь я вроде Горлума, одним Горлумом меньше бы стало.

Он со вздохом отогнал заманчивые мысли о том, что и меч вот он, и за веревкой недалеко ходить, пошел и сел рядом с хозяином.

Открыв глаза, он увидел тусклые небеса, гораздо темнее, чем когда он заснул. Сэм вскочил на ноги и понял, что раз он такой бодрый и голодный, значит, проспал весь день, а уж часов-то девять отхватил наверняка. Фродо спал без задних ног, только на бок повернулся. А Горлума было не видать. Сэму припомнились многие нелестные клички, какими, исполняя отцовский долг, награждал его Жихарь, никогда не лазивший за словом в карман; потом он сообразил, что хозяин-то был прав — стеречься не от кого. Как-никак оба целы, невредимы и ничуть не удушены.

— Вот бродяга! — сказал он с некоторым раскаянием за свою подозрительность. — А где же он болтается, хотел бы я знать?

— Недалеко, недалеко! — сказал голос сверху, и Сэм увидел на фоне вечернего неба огромную голову и оттопыренные уши Горлума.

— Э-гей, ты чего там делаешь? — спросил Сэм, мигом став подозрительней прежнего.

— Смеагорл голодный, — сказал Горлум. — Он скоро вернется.

— А ну, воротись! — заорал на него Сэм. — Назад, кому говорю!

Но Горлума и след простыл. Разбуженный криками Фродо сидел и протира́л глаза.

— Здравсьте! — сказал он. — Что случилось? Сколько времени?

— Еще не знаю, — сказал Сэм. — Солнце, кажись, закатилось. А он удрал. Говорит, голодный.

— Ладно тебе! — сказал Фродо. — Тут уж ничего не поделаешь. Вернется, не бойся. И обещание заржаветь не успело, да и от своей Прелести он никуда не денется.

Фродо во всем разобрался, когда узнал, что они полсутки мирно проспали рядом с Горлумом, очень голодным и совершенно не связанным.

— Не поминай Жихаря попусту, — сказал он. — Ты был еле живой, и все обернулось не худо: оба мы отдохнули. А впереди трудная дорога, труднее еще не было.

— С едой плоховато, — сказал Сэм. — Сколько нам примерно за все про все времени понадобится? После-то, когда управимся, что будем делать? Я ничего не говорю, эти дорожные хлебцы тебя прямо-таки на ногах держат, спасибо и низкий поклон эльфам-пекарям, хотя в желудке все же ветер свищет, извините за грубость. Но и с ними беда — чем больше их ешь, тем меньше остается. Недельки так на три их, может, и хватит, ежели затянуть пояса и держать зубы на полке. А то мы на них здорово подналегли.

— Я не знаю, сколько нам времени нужно за все про все, — сказал Фродо. — Долгонько мы в горах проторчали. Но вот что я скажу тебе, Сэммиум Скромби — дорогой мой хоббит Сэм, друг из друзей, — по-моему, незачем нам и думать, что будет *после*, когда мы, как ты говоришь, *управимся*. На это нечего и надеяться, но если это нам вдруг удастся, то уж какое там *после*! Представляешь: Кольцо Всевластья упадет в огонь, а мы тут рядышком! Ну посуди сам, до

хлеба ли нам будет: нет, хлеб нам больше никогда не понадобится. Дотащимся как-нибудь до Роковой Горы, и дело с концом. Дотащиться бы — мне и это вряд ли по силам.

Сэм молча кивнул, взял хозяина за руку и склонился над ней: не поцеловал, только капнул слезами, отвернулся и утер нос рукавом. Потом встал, прошелся туда-сюда, якобы посвистывая, и выговорил сдавленным голосом:

— Да куда же этот лиходей подевался?

Горлум ждать себя не заставил: неслышно подобрался и, откуда ни возмись, вырос перед ними. Руки его и лицо были перепачканы черным илом. Он что-то дожевывал и ронял слюну. Что он там жевал, они любопытствовать не стали.

«Жуков-червяков, а может, каких пиявок, — подумал Сэм. — Бррр! Ну, оглоед, ну, бродяга!»

Горлум тоже помалкивал, покуда не напился и не умылся из ручья. Потом подошел к ним, облизываясь.

— Заморил червячка, — сказал он. — Отдохнули? Пойдем дальше? Добренькие хоббитцы крепенько поспали. Теперь верите Смеагорлу? Вот и хорошо, вот и очень хорошо.

Дальше было как раньше. Расселина становилась все площе и положе, каменистое дно стало глинистым, а скаты превратились в береговые пригорочки; ручей петлял без конца. Ночь была на исходе, но облачная хмарь скрывала звезды и луну, лишь разлитый кругом сероватый отсвет возвестил утро.

В стылый предутренний час они прыгали по мшистым кочкам, а ручей забулькал на последней россыпи каменных обломков и канул в ржавое озерцо. Шелестели и перешептывались сухие камыши, хотя в воздухе не было ни дуновенья.

И впереди, и по обе руки простирались в тусклом свете неоглядные топи и хляби. Тяжелые испарения стелились над темными смрадными мочажинами. Их удушливое зловоние стояло в холодном воздухе. Далеко впереди, на юге, высились утесистые стены Мордора, словно черный вал грозowych туч над туманным морем.

Хоббитам оставалось лишь целиком довериться Горлуму. Ведь им было невдогад, что у них за спиной, в двух шагах, прячется во мгле северная окраина болот. Будь им знакомы эти края, они могли бы, слегка задержавшись, вернуться немного назад, свернуть к востоку и выйти торными дорогами на голую равнину Дагорлада, поле древней битвы у Ворот Мордора. Правда, там они вряд ли пробрались бы: на твердой каменистой равнине укрываться негде, а через нее днем и ночью маршируют туда-сюда орки и прочая солдатня Саурона. Лориэнские плащи и те бы их не спасли.

— Ну и как же мы пойдем, Смеагорл? — спросил Фродо. — Нам обязательно лезть в эти вонючие болота?

— Необязательно, вовсе необязательно, — сказал Горлум. — Хоббиты могут куда быстрее добраться до черных гор и предстать перед Тем. Чутьку назад, немножечко обойти, — его жилистая рука махнула на север и на восток, — и попадете на большую, на жесткую, холодную дорогу, а там все дороги ведут прямо к Тому, да, да. И Тот туда все время смотрит, там он и заметил Смеагор-

ла, давным-давно. — Горлум не сразу совладал с дрожью. — Но Смеагорл тоже с тех пор осмотрелся, да-да: и глаза у него недаром, и нос, и ноги пригодились. Я знаю другие пути. Потруднее, подлиннее, зато безопаснее, если не хотите попасться Тому на глаза. Идите за Смеагорлом! Смеагорл проведет вас через болота в туманах, в густых, хороших туманах. Следуйте за Смеагорлом — и, может быть, Тот еще не скоро, совсем не так уж скоро вас сцапает.

Утро было хмурое и безветренное, болотные испарения лежали неподвижными пластами, небо плотно застлало низкие тучи. Горлум радовался, что солнца нет как нет, и торопил их. Едва передохнув, они пустились в путь — и с первых шагов утонули в туманной глуши: позади скрылось из виду Привражье, впереди — хребты Мордора. Они шли гуськом: Горлум, Сэм, Фродо.

Фродо был самый усталый, и, как ни медленно они шли, он все время отставал. Сплошная топь оказалась вблизи ячеистой: окна, заводи, озерца, раскисшие русла речонок. Наметанным глазом можно было прикинуть, а привычной ногой нащупать неверную, петлястую тропу. Уж на что сноровист по этой части был Горлум, но и ему понадобилась вся его сноровка. Голова его на длинной шее вертелась туда-сюда, он принюхивался и бормотал себе под нос. Иногда он поднимал руку: погодите, мол, дальше не суйтесь, — а сам продвигался на четвереньках, осторожно пробуя зыбун руками и ногами, а то и приныкая ухом к земле.

Это было нудно и утомительно. Зима с ее мертвенным, цепким холодом еще не отступила от здешнего захолустья. Никакой зелени и в помине не было, разве что синеватая, пеннистая ряска на маслянисто-черных заводях. Сухие травы и сгнившие на корню камыши казались в тумане убогими призраками невозвратного лета.

Тоши. Тед Несмит

Посветлело, туман поднялся и поредел. Высоко над гнилостными испаре-

нями, в ясной небесной лазури сияло золотистое солнце, однако свет его едва-едва пробивался сквозь густую волнистую пелену: над головой появилось блеклое пятно. Теплее не стало, мертвенный болотный мир ничуть не ожил, но Горлум все равно ежился, вздрагивал, глухо ворчал и наконец заявил, что идти нельзя. Точно загнанные зверьки, скорчились они на краю буроватых плавней. Стояла глубокая тишина, лишь шелестели жухлые стебли да трепетали невесть отчего сломанные былинки.

— Ну хоть бы одна пташка! — печально проговорил Сэм.

— Нет, птичек здесь нету, — сказал Горлум. — Вкусненькие птички! — Он облизнулся. — Змейсы есть, пиявсы, ползучая и плавучая, совсем невкусная гадость. А птичек нет, — вздохнул он.

Сэм на него брезгливо покосился.

Тянулись третьи сутки их путешествия с Горлумом. В иных, счастливых и светлых краях мягко легли вечерние тени, а они были снова в пути, и редко случалось им присесть, да и то не для отдыха, а из-за Горлума: он продвигался очень-очень осторожно и не слишком уверенно. Они забрели в самую глубь Гиблых, или Мертвецких, Болот, и было уже темновато.

Продвигались медленно, согнувшись в три погибели, держась поближе друг к другу, в точности повторяя движения Горлума. Мшистые ходуны стали широкими водяными окнами, и все труднее было выбирать места потверже, где нога не тонула в булькающей жиже. Легонькие хоббиты шли налегке, а то вряд ли бы и выбрались.

Вскоре совсем стемнело, в плотной черноте, казалось, не продохнуть. Когда кругом замелькали огоньки, Сэм даже протер глаза: подумал, что малость свихнулся. Сперва вспыхнул огонек где-то слева, бледненький и тусклый, вот-вот погаснет, но тут же явились еще и еще — одни точно светлые струйки дыма, другие как мутные язычки пламени, плясавшие над невидимыми свечами, и множество их возникло, точно призрачное шествие. А оба спутника воды, что ли, в рот набрали. И наконец Сэм не выдержал.

— Что это такое творится, Горлум? — шепотом спросил он. — Что это за огоньки? Кругом же обступили — чего мы им дались? Они откуда?

Горлум поднял голову, он полз на четвереньках, процупывая и обнюхивая черную лужу.

— Обступили, да, — прошептал он в ответ. — Заманивают нас к мертвецам, да, да, шаг в сторону — и засосет. А тебе-то что? Ты на них не гляди! Пусть себе пляшут! Где хозяин?

Сэм обернулся: Фродо снова отстал, его даже и видно не было. Сэм прошел немного назад, отступаясь на каждом шагу и призывая хозяина тихим, сильным шепотом. И наткнулся на Фродо, который стоял задумавшись, глядя на бледные огоньки. Руки его беспомощно повисли, с них капала вода и стекала слизь.

— Пойдемте, сударь! — сказал Сэм. — Вы на них не глядите! И Горлум то же говорит: чего глядеть? Пес с ними, давайте выберемся поскорее из этих гиблых мест — уж постараемся!

— Хорошо, — сказал Фродо, как бы очнувшись. — Иду. Не задерживайтесь!

Сэм поспешил обратно, запнулся за корень не то за кочку, увязил руки в илстой жиже и чуть не утопил в ней лицо. Послышалось шипенье, его обда-

ло смрадом, огоньки замигали-заплясали, сближаясь. Черная влага перед его глазами вдруг стала темным окном, в которое он заглянул, и, кое-как выдернув руки, отпрянул назад.

— Там же могила! — вскрикнул он, еле очнувшись от ужаса. — Полным-полно мертвецов, и все глядят!

— Мертвецкие Болота, да, да, так они и называются, — гадко хихикнул Горлум. — Не гляди в воду, когда свечи горят!

— Кто они такие? Откуда взялись? — вздрагивая, спрашивал Сэм у Фродо, который их нагнал.

— Не знаю, кто они, — сказал Фродо дремотным голосом. — Но я их тоже видел: в заводях, когда засветились свечи. Они лежат в черной глубине и глядят мертвыми глазами. Злобные, страшные хари, а рядом — скорбные и величавые, гордые и прекрасные лики, и водоросли оплели их серебристые кудри. И все мертвые, сплошь гнилые трупы, и свет от них замогильный. — Фродо провел ладонями по лицу. — Не знаю, кто они такие и откуда: кажется, я видел эльфов, людей — и орков подле них.

— Да, да, — сказал Горлум. — Все мертвые, все сгнили — эльфы, люди, орки. Потому болота и Мертвецкие. Здесь была великая битва, маленькому Смеагорлу об этом рассказывали, мне бабушка рассказывала, когда еще Прелесть не нашлась. Великая битва, которой не видно было конца. Бились высокие люди с длинными мечами, и страшные эльфы, и орки голосили без умолку. Они бились на равнине у Черных Ворот много дней, много месяцев. А потом напоззли, напоззли болота — проглотили могилы.

— Но это же все было я не знаю сколько тысяч лет назад, — сказал Сэм. — Не может там быть мертвецов! Волшебство, что ли, какое лиходейское?

— Не знаю, не знаю, Смеагорл не знает, — отвечал Горлум. — До них нельзя дорыться, не доберешься до них. Мы пробовали однажды, да, моя прелесть? — нет, не добрались. Глаз их видит, а зуб неймет, никак, моя прелесть! Они мертвые, их нет.

Сэм угрюмо посмотрел на него и, передернувшись, догадался, зачем Смеагорл хотел до них дорыться.

— Ну, с меня мертвецов хватит! — сказал он. — Как бы нам поскорее отсюда слинять?

— Посскорее, да, да посскорее, — сказал Горлум. — Посскорее и поосторожнее, а то как бы нашим хоббитам не провалиться к мертвецам и не засветить еще по свечечке. Ступайте след в след за Смеагорлом! Не смотрите на огоньки!

Он пополз куда-то вправо, в обход трясины, они старались не отставать от него и тоже поневоле опустились на карачки. «Еще малость поползаем — и будет не одна, а целых три препакостных горлумских прелести, как на подбор!» — подумал Сэм.

Тропа кое-как отыскалась, и они двинулись через топь — то ползком, то прыгая с зыбкой кочки на кочку: оступались, оскользались, шлепались в черную смрадную жижу. Перемазались с головы до ног, и воняло от всех троих, как из выгребной ямы.

В глухой ночной час они наконец миновали трясины и ступили на твердую, хотя и не очень-то твердую, землю. Горлум шипел и шептался сам с собой: видеть, он был доволен. Верхнее чутье, особый нюх и необычайная памяти-

вость на очертания помогли ему выбраться к нужному месту, а дальше он знал, как идти.

— Ну вот и пойдёмчики! — сказал он. — Умнички хоббитцы! Храбренькие хоббитцы! Совсем-совсем устали, конечно, мы тоже, моя прелесть, мы тоже. Но надо скорее увести хозяина подальше от мертвецких свечечек, да, да, подальше.

С этими словами он пустился чуть не вприпрыжку по длинной прогалине в камышах, а они, спотыкаясь, побежали следом. Внезапно он остановился, снова присел на четвереньки и потянул носом, зашипев не то встревоженно, не то недовольно.

— В чем дело-то? — проворчал подбежавший Сэм, которому почудилось, будто Горлум брезгливо фыркает. — Чего носом водить? Я нос зажимаю, и то у меня глаза на лоб лезут. И ты смердишь, и хозяин смердит — кругом от вони не продохнешь.

— Да, да, и Сэм смердит! — отозвался Горлум. — Бедняжечке Смеагорлу противно нюхать, но послушный Смеагорл терпит, помогает добренькому хозяину. Пуссть воняет! Нет, нет, в воздухе что-то неладное, и Смеагорлу это очень не нравится.

Он побрел дальше, однако становился все беспокойнее, то и дело выпрямляясь, изгибая шею и обращаясь ухом к юго-востоку. Поначалу хоббиты никак не могли взять в толк, что его тревожит. И вдруг все трое разом насторожились. Фродо и Сэму послышался вдалеке протяжный и неистово-злой леденящий вой. Они вздрогнули и в тот же миг ощутили, как повеяло стужей и колеблется воздух. Потом донесся шум налетающего ветра. Огоньки трепетали, блекли, гасли.

Горлум не двигался. Он стоял, сотрясаясь, и что-то лепетал; ветер с ревом и свистом обрушился на болота, расшвыривая клочья тумана, и высоко в небе показались рваные облака, а между ними заблестала луна.

На мгновение хоббиты обрадовались, но Горлум прижался к земле, ругмя ругая Белую Морду. Фродо и Сэм глядели в небо, вдыхали полной грудью свежий воздух — и увидели облачко, мчащееся от проклятых гор, черную тень, которую изрыгнул Мордор, огромную и жуткую крылатую тварь. Терзая слух смертоносным воем, она затмила месяц и, обгоняя ветер, унеслась на запад.

Они упали ничком, как подкошенные, беспомощно корчась на холодной земле. А призрачный замогильный ужас возвратился и пронесся ниже, прямо над ними, разметая крылами зловонные испарения. Пронесся и умчался обратно в Мордор, куда призывал его гнев Саурона, следом за ним бушующий ветер сорвал остатки туманной пелены с Мертвецких Болот. Впереди, сколько видел глаз, до подножий сумрачных гор простерлась голая пустыня в пятнах лунного света.

Фродо и Сэм привстали, протирая глаза, словно дети, очнувшиеся от дурного сна в обыкновенной темноте. Но Горлум лежал на земле как пришибленный. Они с трудом растолкали его, и все равно он не поднимал головы, стоя на карачках, уткнув локти в землю и прикрывая затылок широкими ладонями.

— Призраки! — стонал он. — Крылатые призраки! Прислужники Прелести! Они все видят, все. От них не спрячешься. Ненависстная Белая Морда! Они все расскажут Тому, и он увидит нас, он нас узнает, аххх, *горлум, горлум, горлум!*

И лишь когда луна закатилась далеко на западе за вершины Тол-Брандира,

они продолжили путь.

С этих пор Сэм стал замечать, что Горлум снова переменялся. Он угодничал и подлизывался пуще прежнего, но в глазах его мелькало странное выражение, особенно когда он поглядывал на Фродо, и говорил он все больше по-горлумски, на старый манер. Но еще тревожнее было то, что Фродо, видимо, совсем изнемог. Он не жаловался, он и вообще-то почти не раскрывал рта, но брел согнувшись, как под непосильным грузом, тащился еле-еле — Сэм то и дело просил Горлума подождать хозяина.

Между тем с каждым шагом к Воротам Мордора Кольцо на шее Фродо все тяжелее оттягивало цепочку и точно пригнетало его к земле. Но куда мучительнее донимало его Око: это из-за него, не из-за Кольца Фродо втягивал голову в плечи и робко сутулился. Оком он называл про себя жуткое, обессиливающее чувство могучей и враждебной воли, которой ничем земные преграды и воздушные заслоны, которая вот-вот отыщет, обнажит, пригвоздит мертвящим взором. Укрыться от него негде, последние покровы тонки и ненадежны. Фродо в точности знал, откуда исходит этот смертоносный луч — так же как сквозь закрытые глаза знаешь, где пламенеет жгучее и беспощадное солнце. Луч палил ему лицо, поэтому он и опускал голову.

Горлуму, может статься, было немногим легче. Но что творилось в его иссохшем сердце, что его больше мучило — ищущее ли Око, алчная ли тоска по Кольцу, до которого только руку протянуть, или унижительное обещание, наполовину исторгнутое страхом перед холодной сталью, — этого хоббитам знать было не дано. Да Фродо об этом и не думал, а Сэм большей частью думал о хозяине, своих грызущих страхов почти не замечая. Он теперь шел позади Фродо и ни на миг не терял его из виду: поддерживал, когда тот спотыкался, и старался подбодрить неуклюжими шутками.

Когда наконец рассвело, хоббиты с изумленьем увидели, насколько придвинулись угрюмые кручи. В холодном и ясном утреннем свете все же еще далекие стены-утесы Мордора не нависали угрозой на небосклоне, а исполинскими черными башнями сумрачно взирали окрест. Болота кончились, дальше тянулись торфяники и короста растрескавшейся грязи. К мерзости запустения у Саурановых Ворот вели длинные, голые, пологие склоны.

Покуда серо-стальной день не угас, они ютились, как черви, под огромным камнем, хоронились от крылатого ужаса, от жестоких пронзительных мертвых глаз. Страх опустошил память этих дней и тех двух ночей, когда они пробирались по унылому бездорожью. Воздух здесь был какой-то колкий, напитанный горечью, от него першило в пересохшем горле.

Наконец на пятое утро путешествия с Горлумом они снова остановились. Перед ними высились в серой мгле огромные утесы; вершины их скрывали дымные тучи, а подножия были укреплены мощными устоями и загромождены скалами, до ближней из них оставалось не более двенадцати миль. Фродо огляделся, и ему стало жутко. Отвратны были Мертвецкие Болота и пересохшая пустошь, но во сто крат чудовищнее то, что теперь открывал его запавшим глазам ползучий рассвет. Даже Могильные Топи весна еще подернет зеленоватой пеленой, но здесь не могло быть ни весны, ни лета. Здесь не было ничего живого, не было даже трупного тлена. Зияли ямины, засыпанные зо-

лой, загаженные белесовато-серой грязью, точно блевотиной горных недр. Бесконечными рядами возвышались груды каменного крошева и кучи обожженной, изъязвленной земли, — дневной свет как бы нехотя озарял изнанку смерти, кладбище без мертвецов.

Это была поистине мордорская пустыня, памятник на вечные времена непосильному труду рабских полчищ — цели трудов забудутся, но след их пребудет: опоганенная, неисцелимо изуродованная земля, разве что волны Великого Моря сокроют ее от глаз.

— Сейчас меня вывернет, — сказал Сэм.

Фродо промолчал. Они помедлили как бы на краю неминуемого бредового сновидения, которое надо претерпеть, нырнуть во мрак, чтобы пробудиться утром. Между тем светлело — жестоко и безысходно. Провалы и язвы прокаженной земли виднелись с ужасающей четкостью.

Между тучами и клоками дыма проглянуло солнце, но и солнечные лучи были осквернены. Хоббиты не обрадовались солнцу: оно, казалось, служило Врагу, высвечивая их во всей беспомощности — крохотные писклявые существа, копошащиеся на мусорной свалке Черного Властелина.

Идти дальше им было невмочь, искали, где бы отдохнуть. Присели за горой шлака, но она источала удушливый дым, и все трое начали кашлять и задыхаться. Первым встал Горлум; отплеываясь, бранясь и даже не взглянув на хоббитов, он уполз на четвереньках. Фродо и Сэм последовали за ним, и вскоре выискалась большая круглая яма, закрытая с запада насыпью. Там было, как и везде, холодно и гадко, на дне радужно лоснилась маслянистая лужа. Там они и приткнулись, в надежде хоть как-то укрыться от всевидящего Ока.

День тянулся медленно. Нестерпимо хотелось пить, но они лишь смочили губы водой из фляжек, наполненных в ручье — и он, и каменная расселина казались им теперь прекрасным виденьем. Хоббиты караулили по очереди. Сперва, несмотря на усталость, ни один из них уснуть не мог, но, когда солнце утонуло в тяжелой туче, Сэм задремал. Бодрствовать был черед Фродо: он разлегся на спине, но легче ему ничуть не стало, ноша давила все так же. Глядя в дымное небо, он видел странные тени, мчались темные конники, чудились полузабытые лица. Он потерял счет времени, явь смешалась с дремой, и наконец он забылся.

Сэм открыл глаза: ему показалось, будто хозяин зовет его. Но Фродо спал, съехав по скату на дно ямы. Возле него присел Горлум. Сэм было подумал, что он хочет разбудить Фродо, но нет, Горлум разговаривал сам с собой. Смеагорл спорил с кем-то, кто говорил его голосом, сипя и пришепетывая. И глаза его мерцали то бледным, то зеленым огнем.

— Смеагорл дал обещанье, — говорил первый.

— Да, да, моя прелесть, — отвечал другой, — мы обещались сбечь нашу Прелесть, не отдать ее Тому — нет, никогда. Но что ни шаг, мы к Тому все ближе. Что хочет хоббит сделать с нашей Прелестью, интересненько, да, нам интересненько.

— Не знаю. Тут уж ничего не поделаешь. Она у хозяина. Смеагорл обещал помогать хозяину.

— Да, да, помогать хозяину нашей Прелести. А если мы станем хозяином,

то будем помогать себе и сдержим обещание.

— Но Смеагорл обещал быть очень-очень послушным. Добренький хоббит! Он снял жестокую петлю с ноги Смеагорла. Он ласково говорит со мной.

— Очень-очень послушным, да, моя прелесть? Давай будем послушным и скользким, как рыбка: будем, сладенький мой, слушаться самого себя! Но мы не сделаем худа добренькому хоббиту, нет, совсем нет.

— Я же поклялся Прелестью, — возражал голос Смеагорла.

— Так возьми ее себе, — отвечал другой, — и сдержи клятву! Стань сам хозяином Прелести, *горлум!* Тогда другой хоббит, сердитый, неласковый, подозрительный хоббит, он у нас поползает в ногах, *горлум!*

— А добренького хоббита трогать не будем?

— Нет, не будем, если не понадобится. Он ведь все-таки Торбинс, моя прелесть, да, да, он Торбинс. Торбинс стащил у нас Прелесть. Он нашел ее и ничего нам не сказал. Ненависстные Торбинсы!

— Но это же не тот Торбинс!

— Все Торбинсы ненависстные. Все, у кого наша Прелесть. Она нам самим нужна!

— Но Тот увидит, Тот узнает. Он отберет ее у нас!

— Тот все видит, все знает. Тот слышал наше безрассудное обещание — мы нарушили его приказ-сс. Надо ее забрать. Призраки всюду рыскают. Забрать ее надо!

— Но Тому не отдавать!

— Нет, *ссладенький*. Суди сам, моя прелесть: когда она будет у нас, что нам стоит с ней скрыться, а? А может, мы станем сильные-сильные, сильнее призраков. Властелин Смеагорл? Несравненный Горлум! Горлум из Горлумов! Будем есть рыбку каждый день, три раза в день, свеженькую, вкусенькую, с моря. Самый Прелестный Горлум! Ее надо забрать. Скорее, скорее, скорее!

— Но их же двое. Они быстро проснутся и нас убьют, — заскулил Смеагорл, сдаваясь. — Не сейчас. Еще рано. Потерпим.

— Скорее, мы стосковались! Но скажем... — И другой замолчал, должно быть раздумывая. — Скажем — не сейчас? Пусть не сейчас. Она поможет нам. Она поможет, да.

— Нет, нет! Так нельзя! — заныл Смеагорл.

— Да! Нет у нас сил терпеть! Нет сил!

И каждый раз, когда говорил другой, длинная рука Горлума медленно ползла к Фродо — и отдергивалась со словами Смеагорла. Наконец обе скрюченные руки с дрожащими пальцами подобрались к горлу Фродо.

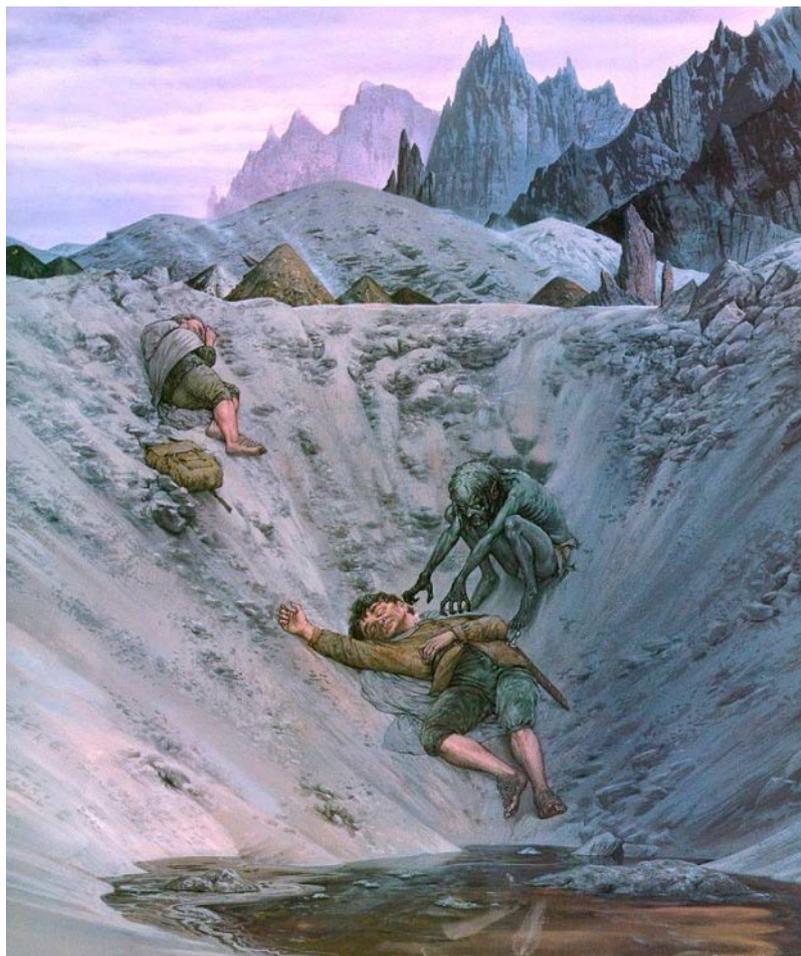

Сэм тихо лежал и внимательно слушал, следя за каждым движением Горлума из-под полуприкрытых век. Раньше он в простоте своей думал, что Горлум — тварь голодная и потому опасная — того и гляди, сожрет, не успеешь чухнуться. Теперь ему стало понятно, что все куда страшнее. Горлума неодолимо притягивало Кольцо. Тот — это, конечно, Черный Властелин, но вот кто такая *Она*, о которой было упомянуто под конец? Наверно, сукин кот Горлум сдружился тут с какой-нибудь дрянью. Но он оставил эти размышления: дело зашло далековато, пора вмешиваться. Руки-ноги его были как свинцом налиты, но он с усилием поднялся и сел, сообразив попутно, что надо быть поосторожнее и притвориться, будто ничего не слышал. Он шумно вздохнул и зев-

нул во весь рот.

Бормотанье Горлума. Тед Несмит

— Времени-то сколько? — сонным голосом спросил он.

Горлум зашипел сквозь зубы, постоял в угрожающей позе, но потом обмяк, плюхнулся на карачки и пополз к краю ямы.

— Добренькие хоббитцы! Добренький Сэм! — сказал он. — Заспались, сони, сильно заспались! Один послушный Смеагорл караулил! Вечер уже. Темнеет. Пора идти.

«Да уж! — подумал Сэм. — И пора нам с тобой, друг ситный, расставаться!» Но тут ему пришло в голову, что вернее-то, пожалуй, будет держать Горлума под присмотром.

— Чтоб ему провалиться! Вот еще напасть! — проворчал он, спустился вниз по скату и разбудил хозяина.

А Фродо, как ни странно, отоспался. Его посетили светлые сны. Черная тень словно бы отшатнулась, и посреди прокаженного края ему явились зрелища дальних стран. В памяти ничего не осталось, однако на сердце полегчало, и ноша не так бременила. Горлум по-собачьи обрадовался, он урчал, хихикал, тараторил, щелкал длинными пальцами, оглаживал колени Фродо. Тот ему улыбнулся.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Ты молодец, ты надежный вожатый. Мы уже почти у цели. Проводи нас к Воротам, дальше не надо. Доведешь до Ворот — и ступай, куда знаешь, только не к нашим общим врагам.

— К Воротам? — Горлум даже привизгнул от испуга и изумленья. — Хозяин говорит: проводи к Воротам? Да, он так сказал, а послушный Смеагорл делает

все, что велит хозяин, да, да. Вот мы подойдем поближе, и хозяин, может быть, передумает, посмотрим. Ничего там нет хорошего, у Ворот. Совсем ничего хорошего!

— Ладно, ладно, тебя забыли спросить! — сказал Сэм. — Ты знай веди!

В полутьме они выкарабкались из ямы и двинулись медленно и опасно. Вскоре их снова охватил страх — тот самый, что на болотах, когда над ними металось крылатое чудище. Они вжались в сухую зловонную землю, но сумеречные небеса не омрачились: видно, зловещий посланец Барад-Дура промчался стороной. Наконец Горлум встал и побрел дальше, вздрагивая и бормоча себе под нос.

Около часу пополудни страх опять пригвоздил их к земле, но отдаленная угроза и на этот раз быстро миновала: призрак летел выше туч и вихрем унесся на запад. Однако Горлум совсем обессилел от ужаса, он был уверен, что это за ними, что их почуяли.

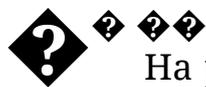
— Три раза! — прохныкал он. — Целых три раза! Они чуют нас, чуют Прелесть, они — ее прислужники. Здесь нам дальше идти нельзя. Изловят нас, изловят!

Тщетно его уламывали и улещивали. Лишь когда Фродо на него прикрикнул и взялся за рукоять меча, Горлум с глухим ворчаньем поднялся на ноги и потрусил впереди, как наказанный пес.

До конца мучительно долгой ночи и жуткой рассветной порой брели они в молчании, ничего не видя и не слыша, только ветер злобно свистел в ушах.

Глава III У запертых ворот

На рассвете они подошли к Мордору. Болота и пустыня остались позади; перед ними темнели горы, вздымая грозные вершины к белесому небу.

С запада Мордор ограждает сумрачная цепь Эфель-Дуата, Изгарных гор, а с севера — пепельно-серый, обветренный хребет Эред-Литуи. Вместе они образуют великую и неприступную стену вокруг скорбных выжженных равнин — Литлада и Горгорота — и горько-соленого внутреннего моря Нурнен; на северо-западе их длинные отроги сближаются и между ними пролегает глубокая теснина. Это — Кирит-Горгор, Ущелье Привидений, единственный проход во вражеские земли. Возле устья ущелья утесы с обеих сторон чуть пониже, и на двух крайних скалах, крутых, голых и черных, воздвигнуты высокие, массивные башни, именуемые Клыками Мордора. Их построили в давнюю пору, во времена славы и могущества Гондора после разгрома Саурона — дабы сбежавший Властелин не вздумал вернуться в свои былые владения. Но Гондор ослаб, гондорцы обленились, и многие века сторожевые башни пустовали. А потом Саурон возвратился, они были отстроены, наполнены воинством, вооруженным до зубов, и снова стали сторожевыми. Из их темных окон-глазниц глядели на север, восток и запад тысячи бессонных глаз.

Черный Властелин преградил ущелье от утеса до утеса мощной стеной с единственными чугунными воротами, и часовые день и ночь напролет расхаживали по зубчатому верху стены. В подножных утесах были вырублены сотни пещер, высверлены ходы и переходы; там кишмя кишели орки, всегда го-

товые к бою, как черное муравьиное полчище. Миновать кусачие Клыки Мордора мог лишь тот, кто был призван Сауроном либо же знал тайное заклятие, отмыкающее Мораннон, Черные Врата его царства.

Хоббиты смотрели на башни и стену в немом отчаянии. Даже издали, в тусклом предутреннем свете, им были видны часовые на стене и дозорные у ворот. Они притаились в каменной ложбинке под сенью последней северной горы Эфель-Дуата. От их укрытия до черной вершины ближней башни ворон летел бы сотню сажений. Над башней курился дымок, как над исполинской трубой.

Настал день, и красноватое солнце замигало над костистым гребнем Эред-Литуи. Внезапно на сторожевых башнях взревели фанфары; отовсюду, с гор и из ущелий, отозвались невидимые казармы и лагеря, далеко в Барад-Дуре загрохотали барабаны, завывли рога, и по равнине прокатилось зловещее, немолчное эхо. Мордор пробуждался к новому дню, к тяжкому труду и беспросветному ужасу; ночную стражу строем развели по каменным мешкам, и место ее заступила стража дневная, бодрая, свирепая и зоркая. Между зубцами стены тускло блистала сталь.

— Вот тебе и пожалуйста! — сказал Сэм. — Пришли к Воротам, только сдастся мне, что и зайти нас не пригласят, и ноги унести не дадут. Попадись я сейчас на глаза Жихарю — он бы нашел, что сказать! И ведь сколько раз говорил мне: не зарывайся, Сэм, выкапывать будет некому! Честное слово, так и говорил. Теперь уж не скажет: вряд ли мы с ним когда свидимся. А жаль, я бы послушал — пусть бы костерил меня день-деньской, я бы на него глядел и радовался. «Ну, Сэм, голова твоя садовая...» Только сперва, конечно, пришлось бы помыться, а то бы он меня не узнал. Без толку небось спрашивать: «Куда мы теперь?» Теперь мы никуда, разве что к оркам на поклон: проведите, мол, ребятушки!

— Нет, нет! — сказал Горлум. — Не надо к оркам. Дальше идти нельзя. Смеагорл так и говорил. Он говорил: подойдем к Воротам, посмотрим. Вот мы и смотрим. Да, моя прелесть, смотрим и видим. Смеагорл знал, что хоббиты здесь не пройдут, о да, Смеагорл это знал.

— Ну и какого же лешего ты нас сюда притащил? — спросил Сэм, хотя вопрос, конечно, был глупый и бессовестный.

— Потому что хозяин велел. Хозяин сказал: проводи нас к Воротам. И Смеагорл послушался. Хозяину видней, он мудреный.

— Да, да, это я велел, — сказал Фродо. У него был угрюмый, суровый и решительный вид. Перепачканный, изможденный, смертельно усталый, он, однако, словно распрямылся, и глаза его прояснились. — Велел, потому что мне нужно пробраться в Мордор, а другого пути туда я не знаю. Стало быть, этим путем. С собою я никого не зову.

— Нет, нет, хозяин! — взвыл Горлум, ошалело хватаясь за него, по-видимому, в жуткой тревоге. — Нельзя этим путем! Не надо! Не надо отдавать Прелесть Тому! С Прелестью он всех нас сожрет, он весь свет слопают. Оставь ее себе, добренький хозяин, пожалей Смеагорла. Владей ею, лишь бы Тот ее не заполучил. А еще лучше — уходи, иди, куда тебе хочется, и отдай ее обратно беденькому Смеагорлу. Да, да, хозяин: отдай, а? Смеагорл ее спрячет, схоронит, он сделает много-много добра, особенно добреньким хоббитцам. А хоббитцы

пойдут домой. Не ходи к Воротам!

— Мне сказано идти в Мордор — значит, так надо, — сказал Фродо. — Туда только один путь — значит, нечего и мешкать. Будь что будет.

Сэм помалкивал. Какой толк молоть языком: у хозяина на лице все как есть написано. Да по правде-то он и с самого начала ничего хорошего от этой затеи не ждал, но он был не из нытиков и считал, что коли уж не на что надеяться, то и огорчаться загодя незачем. Теперь дело к концу, ну и что с того: он при хозяине, хозяин при нем; вон сколько вместе протопали — зря, что ли, он за ним увязался. Разве ж можно одному в Мордор? Куда он, туда и Сэм, а Горлум пусть идет гуляет.

Горлум, однако, покамест идти гулять не собирался. Он ползал на коленях у ног Фродо, ломал руки и подвизгивал.

— Здесь не пройти, хозяин! — скулил он. — Есть другой путь. Да, да, совсем-совсем другой: темный, тайный, неприметный. Но Смеагорл его знает. Позволь, Смеагорл покажет тебе его!

— Другой путь? — сказал Фродо с сомнением, приглядываясь к Горлumu.

— Да-ссс! Да, сссовсем другой — был, и Смеагорл его отыскал. Пойдемте посмотрим — может, он есть и сейчас!

— Ты о нем раньше не говорил.

— Нет, хозяин же не спрашивал. Хозяин не говорил, куда он собрался, ни словечка не сказал бедненькому Смеагорлу. Он сказал: Смеагорл, проводи меня к Воротам и беги своей дорогой! Смеагорл убежал бы — и сделался хорошим и добрым. А сейчас хозяин говорит: здесь я войду в Мордор. И Смеагорлу очень-очень страшно: он не хочет потерять добренького хозяина. И он обещал, хозяин взял с него клятву, что он спасет Прелессть. А теперь хозяин попадется Тому, и Тот схватит ее черной рукой и наденет на черный палец — если идти здесь. Смеагорл хочет спасти хозяина и убересть Прелессть — вот он и вспомнил про другой путь, где однажды шел. Добренький хозяин. Смеагорл хороший, послушный, он хочет помочь.

Сэм нахмурился. Были бы у него не глаза, а сверла, он бы Горлума насквозь просверлил. Очень ему все это было сомнительно. Вроде бы Горлум и вправду встревожился и старается помочь Фродо. Но Сэм-то помнил, как он сам с собой разговаривал: ох, вряд ли без году неделя воскресший Смеагорл одержал победу, да и в том разговоре не за ним осталось последнее слово. Скорее уж, рассудил Сэм, Смеагорл и Горлум (или, как он их называл про себя, Липучка и Вонючка) помирились и договорились: оба одинаково не хотели, чтоб Фродо сцапали и Кольцо досталось Врагу; оно куда вернее до поры до времени ошиваться возле Фродо и поджидать случая — авось Вонючке удастся не мытьем, так катаньем наложить лапу на свою «Прелессть». А насчет другого пути в Мордор — это бабушка надвое сказала.

«Спасибо хоть, обоим невдомек, зачем хозяину в Мордор, — подумал он. — Проведай они, что господин Фродо собрался угробить ихнюю Прелессть, — ох, повело бы кота на мясо! Вонючка-то Врага до смерти боится — тот его и отпустил вроде под зарокom. Он бы нас мигom продал с потрохами, чтоб самому не попасться, да и Прелессть свою убересть от огня. Я так дело понимаю. Хорошо бы, хозяин его толком обмозговал. Ума-то у него палата, а вот что на уме — тут любой Скромби руками разведет. Слишком уж он именно что добренький».

Фродо ответил Горлуму не сразу. Пока Сэм медленно, но верно раздумывал и сомневался, он стоял и смотрел на черные утесы Кирит-Горгора. Их ложбинка была на склоне невысокой горы, над овражиной у мордорских стен, возле западной сторожевой башни. В утреннем свете были отчетливо видны пыльные дороги-большаки от Ворот Мордора: одна витками убегала на север, другая — восточная — терялась в туманах у подножий Эред-Литуи, третья огибала башню, выныривала из ущелья неподалеку от хоббитов с Горлумом, сворачивала к западным склонам Эфель-Дуата, в их густую тень, и, уже не различимая глазом, угадывалась вдоль берега Андуина, между горами и Великой Рекой.

Осматриваясь, Фродо заметил, что вся равнина Дагорлада словно колыхается. Повсюду двигались войска, большей частью скрытые за болотными туманами и дымными пеленами. Сверкали шлемы и копья, по дорогам с разных сторон двигались отряды конницы. Он вспомнил, что ему открылось с Овида всего неделю назад — а казалось, прошли годы. И понял, что надежда, на миг озарившая его сердце, была тщетной. Они слышали не предбитвенные трубы, а приветственные фанфары. Не поднялись против Черного Властелина из давно заросших травой могил опочившие во славе воины Гондора; нет, это разноплеменное воинство с необъятного Востока спешило на зов своего владыки: заночевали в одном-двух переходах от Ворот и теперь стягивались к крепости, вливаясь в сонмище рабов Саурана. И, точно вдруг поняв, что он одиноко стоит на виду у бесчисленных врагов, что жизнь его висит на волоске, Фродо набросил на голову легкий серый капюшон, спустился в ложбину и обратился к Горлуму.

— Смеагорл, — сказал он, — я еще раз доверюсь тебе. Видно, так надо: должно быть, мне суждено принимать помощь от тебя, от кого я меньше всего ее ожидал, а ты осужден помогать мне во искупление прежних своих злых умыслов. Пока что мне укорить тебя не в чем: ты достойно соблюдал свое обещание. Достойно, говорю я, — прибавил он, оглянувшись на Сэма, — ибо уже дважды мы были в твоей власти, но ты нас не тронул. И не поддался соблазну похитить у меня то, что тебе так желанно. Смотри же, не оплошай в третий раз! И помни, Смеагорл, ты в большой опасности.

— Да, да, хозяин! — сказал Горлум. — В ужасной опасности! У Смеагорла все поджилки трясутся, но он не убегает. Он знает: надо помочь добренькому хозяину.

— Я не о той опасности, которая грозит всем нам, — сказал Фродо. — Угроза еще страшнее нависла над тобой. Ты поклялся Прелестью, как ты называешь — не скажу что. Помни же: она, Прелесть, принудит тебя сдержать клятву, но извратит ее тебе на погибель. Она уже ищет тебя соблазнить. Ты сейчас невольно, по глупости открылся мне. «Отдай ее обратно Смеагорлу», — сказал ты. Не повторяй этих слов! Изгони всякое помышление об этом! Ты никогда не получишь ее обратно. Но если нечистая похоть осилит тебя — ты погиб. Обратно ты ее никогда не получишь, Смеагорл, но если иного выхода не будет, то я надену твою Прелесть, а Прелесть эта давным-давно подчинила тебя. И, надев ее, я буду приказывать, а ты — повиноваться, даже если я прикажу броситься в пропасть или кинуться в огонь. Берегись, потому что таков и будет мой приказ. Берегись, Смеагорл!

Сэм поглядел на хозяина одобрительно и недоуменно: ни такого вида, ни

таких речей он за ним не помнил.

Он-то всегда думал, что дорогой господин Фродо чересчур добрый и через это малость подслеповат. Причем само собой разумелось, что он все равно умней всех на свете (кроме разве что старого господина Бильбо и, может быть, Гэндальфа). Горлум, видно, тоже подумал — ему это было простительно, он и знал-то Фродо всего пять дней, — что добренького хозяина можно обвести вокруг пальца, и теперь обращенная к нему речь ошеломила и ужаснула его. Он ползал на брюхе и едва мог выговорить два слова: «Добренький хозяин».

Фродо немного подождал, давая ему успокоиться, и сказал уже не так сурово:

— Что ж, Горлум — или, может быть, Смеагорл, — расскажи мне, какой это другой путь, объясни, коли сможешь, чем он надежней того, который лежит передо мной. Поскорей только, я тороплюсь.

Но на Горлума жалко было смотреть: казалось, угрозы Фродо совсем его доконали. Какие там объяснения — он всхлипывал, скулил, снова и снова елозил по земле и умолял их обоих пожалеть «бедненького Смеагорла». Наконец он немного поутих, и Фродо мало-помалу вытянул из него, что если идти от Эфель-Дуата на запад, а потом свернуть к югу, то придешь на перекресток посреди густой рощи. Дорога направо ведет к Осгилиату и андуинским мостам, средняя — дальше на юг.

— Дальше, дальше, дальше, — повторял Горлум. — Мы по этой дороге никогда не ходили, но говорят, если пройти сто лиг, то увидишь Огромную Воду, которая не знает покоя. Там много-много рыбы, большие птицы ее ловят и едят — вкусненькие птицы, — только мы там, аххх, никогда не бывали, далеко очень. А еще дальше есть, говорят, совсем другие страны, но там Желтая Морда очень кусается, туч там почти никогда нет, а люди с черными лицами страшно свирепые. Мы туда не хотим идти.

— Не хотим, не хотим, — подтвердил Фродо. — И не пойдем, но тебя не туда занесло. Что третья дорога?

— Да-да, есть и третья дорога, — сказал Горлум, — дорога налево. Она сразу идет в гору, петляет, заводит высоко-высоко в серую тень. А потом огибает черную скалу — и видишь, вдруг видишь прямо над собой, и хочешь скорее куда-нибудь спрятаться.

— Что видишь-то? Что прямо над собой?

— Старую крепость, очень старую, а теперь очень страшную. Было много сказок с юга, когда Смеагорл был маленький, давным-давно. Да-да, по вечерам сидели на берегу Великой Реки под ивами и рассказывали, рассказывали сказки, и Река тогда еще была совсем другая, *горлум, горлум*.

Он захныкал и забормотал. Хоббиты терпеливо ждали.

— Да, сказки с юга, — продолжал наконец Горлум, — про высоких людей с ясными глазами, про их каменные дома словно горы, про короля в серебряной короне и про Белое Дерево — красивые сказки. Люди построили башни до небес, и выше всех была серебряно-белая, а в ней — Лунный камень, и кругом высокие белые стены.

— Это, наверно, Минас-Итил, Крепость Восходящей Луны, которую воздвиг Исильдур, сын Элендила, — заметил Фродо. — Тот самый Исильдур, что отрубил палец Врагу.

— Да-да, у него на черной руке только четыре пальца, — задрожав, сказал

Горлум, — но ему и четырех хватает. Крепость Исильдура была ему ненавистна.

— Ему все ненавистно, — сказал Фродо. — Но нам-то зачем нужна Крепость Восходящей Луны?

— Хозяин, хозяин, она как стояла, так и стоит: высокая башня, белые дома и крепостная стена, — только крепость стала нехорошая, некрасивая. Тот захватил ее очень давно, и теперь там страшно-страшно. Кто ее видит, хочет уползти и подальше спрятаться, уйти от ее тени. Но хозяину придется идти этим путем, потому что другого нет. Горы там становятся ниже, старая дорога доходит до самых вершин, до темного перевала, а потом вниз, вниз, вниз — на Горгорот. — Он говорил шепотом и дрожал.

— Ну и что? — сказал Сэм. — Враг-то, поди, знает эти горы как свои четыре пальца, и, уж наверно, ту дорогу охраняют не хуже этой? Башня же не пустая стоит?

— Нет, она не пустая, — прошептал Горлум. — Кажется, что пустая, а она не пустая, нет! Там ужас кто угнездился. Орки, конечно, орки, они везде, но там хуже орков, гораздо хуже. Дорога идет под стенами, в тени, и ведет через ворота. И за дорогой следят, следят изнутри Безмолвные Соглядатаи.

— Ну, спасибо за совет, — сказал Сэм. — Это нам, значит, прогуляться на юг — да видать, не близко — и влипнуть еще похуже, чем здесь?

— Да нет же, нет, — сказал Горлум. — Пусть хоббиты подумают, пусть попробуют рассудить. Оттуда Тот никого не ждет. Око его везде шарит, но по-разному: он ведь покуда еще не может видеть все сразу. Он давно завоевал земли от Изгарных гор до Реки, а теперь захватил мосты и думает, что до Лунной башни можно добраться только по мостам или на лодках, а лодки не спрячешь, и он их увидит.

— Ты-то больно много знаешь, что Тот думает да куда смотрит. Недавно с ним разговаривал, что ли? Или с орками якшался?

— Нехороший хоббит, глупенький, — отозвался Горлум, сердито сверкнув глазами на Сэма и опять обратившись к Фродо: — Смеагорл говорил с орками, конечно, говорил, прежде чем встретил хозяина, и не только с орками, со всеми говорил и расспрашивал: он в разные места ходил, Смеагорл. И сейчас повторяет, что ему сказали. Тот знает, что здесь, на севере, всего опаснее: потому и для нас это самый опасный путь. Однажды он выйдет из Черных Ворот, скоро выйдет — только отсюда можно выпустить большое войско. А там, на южном западе, он нападения не опасается, и там следят Безмолвные Соглядатаи.

— Час от часу не легче! — Сэм стоял на своем. — Пойдем, значит, туда, постучимся у ворот и спросим: извините, здесь вход в Мордор? Или они такие безмолвные, что и ответить не смогут? Зачем же тащиться за семь лиг киселя хлебать — уж тогда попробуем здесь за те же деньги.

— Шутить не стоит, — прошипел Горлум. — Совсем не смешно, нет-нет, во все не забавно! В Мордор идти незачем, но раз хозяин говорит: *Мне надо, я пойду*, значит, надо искать путь. И через страшную крепость он не пойдет, нет, конечно же, нет. Смеагорл ему поможет, хоть Смеагорлу и не говорят, зачем надо в Мордор. Смеагорл все время помогает. Он сам отыскал. Только он знает.

— Что ты сам отыскал? — спросил Фродо.

Горлум припал к его ногам и снова зашептал:

— В горы ведет мимо крепости маленькая тропочка — к лестнице, к длинной, очень длинной узкой лестнице. Одна лестница, другая, третья, потом, — и шепот его стал едва слышен, — проход, темный-темный проход, за ним узкая расселина в скалах и еще тропочка — высоко-высоко над главным входом. Там Смеагорл спасся из тьмы, но это было много лет назад. Может быть, тропочки уже нет, а может, и есть, может, и есть.

— Ох, не нравится мне вся эта петрушка, — сказал Сэм. — Ишь ты, как, оказывается, просто: иди да посвистывай. Тропочка-то, может, и есть, да уж наверняка ее стерегут. Тогда ее стерегли, а, Горлум? — И при этих словах ему почудилось — или нет? — зеленое мерцанье в глазах Горлума. Горлум что-то глухо проворчал, но вслух ничего не ответил.

— Стерегут или нет? — строго спросил Фродо. — А ты вправду *спасся* из тьмы, Смеагорл? Разве тебя не отпустили, не отпустили с поручением? Так считал Арагорн — тот, который изловил тебя у Мертвецких Болот.

— Это ложь! — прошипел Горлум, и глаза его зажглись злобой при имени Арагорна. — Он оболгал меня, да, оболгал. Я сам спасся. Да, мне велено было искать Прелесть, и я ее искал и искал, а как же иначе. Но не для Того, не для Черного. Прелесть — наша, она была моя, говорю вам. Я спасся сам.

Фродо был до странного уверен, что тут Горлум, может быть, не так уж и врет, что он и правда отыскал лазейку из Мордора и думал, что отыскал сам, без подсказки. К тому же Фродо заметил, что он говорил «я», а это случалось при редких проблесках забытой честности и правдивости. Но пусть даже Горлум и не врал, Фродо памятовал о коварстве Врага. «Спасение» это могло быть подстроено с ведома и позволения Саурона. К тому же Горлум явно что-то недоговаривал.

— Я тебя еще раз спрашиваю, — сказал он, — стерегут или нет твою тайную тропу?

Но самое имя Арагорна было Горлуму что нож острый, и обозлило сомнение в его правдивости, вдвойне обидное для лжеца, когда ему случится сказать правду или полуправду. Он не отвечал.

— Стерегут? — настаивал Фродо.

— Да-да, может, и стерегут, — буркнул Горлум. — Здесь все под надзором. Но иначе хозяин нигде не пройдет, тогда пусть уходит домой.

Больше из него не удалось вытянуть ни слова. Название этого высокогорного прохода он утаил или не знал.

А назывался он Кирит-Унгол, и слава у него была дурная. Арагорн объяснил бы им, что это имя значит, Гэндальф остерег бы их. Но с ними не было ни того, ни другого, оба они стояли среди развалин Изенгарда на ступенях Ортханка, и Гэндальф, теряя время, разделялся с предателем Саруманом. Однако, даже когда Гэндальф изрекал свой приговор и *палантир* расколол гранитные ступени, он искал мыслью Фродо и Сэммиума, чтоб их ободрить и поддержать.

Может быть, Фродо, сам того не зная, почувствовал эту незримую опору, как было на Овиде; хоть он и думал, что Гэндальф погиб, канул в бездну далекой Мории. Он долго молча сидел, склонив голову и тщетно перебирал в памяти наставления Гэндальфа: годных на этот случай не находилось. Увы, слишком рано покинул их мудрый вожатый, еще далеко было до здешнего сумрачного края. Ничего не говорил Гэндальф о том, как пробраться в Мордор, да и что бы он мог посоветовать? Когда-то он проник в Дул-Гулдур, северную цита-

дель Врага. Но бывал ли он в Мордоре, возле Барад-Дура и огнедышащей горы, после воцарения Саурона? Вряд ли. И вот — ему, невысоклику из Хоббитании, простому деревенскому хоббиту, надо быть смелее и находчивее магов и витязей. Злая выпала ему доля. Но не сам ли он избрал ее прошлогодней весной в своей уютной гостинной — так давно, будто это было на заре мирозданья, когда еще стояли в цвету Серебряное и Золотое Древа? Худой у него выбор. Какой путь предпочесть? И если на том и на другом подстерегают последний ужас и смерть, что толку выбирать?

Тянулся день. Над их серой ложбинкой в двух шагах от Ворот царства ужасов плотным пологом нависла незыблемая тишь. Высокое бесцветное небо в дымных разводах виделось как сквозь тускловатую водяную толщу.

Никакой орел из поднебесья не различил бы притаившихся хоббитов, молчаливых и неподвижных, закутанных в серые плащи. Может быть, он углядел бы распростертого на земле Горлума: должно быть, трупик изголодавшегося человеческого детеныша, едва прикрытый лохмотьями, одна кожа да кости — незавидная добыча!

Фродо уткнулся лицом в колени, а Сэм откинулся на спину, заложив руки за голову и глядя из-под капюшона в пустые небеса. Пустовали они долго, но потом Сэму почудилось, будто над ними парит на страшной высоте черная птица не птица; покружилась и улетела. Вторая, третья... четвертая. Они были еле-еле видны, но он-то знал, невесть откуда, что они громадные, как драконы, с широким размахом крыл. Он быстро прикрыл глаза и перекинулся навзничь. Вещий страх и жуткую оторопь, что вызывали у него Черные Всадники, замогильный вой ветра и тень, затмевавшая луну, он испытал и сейчас, но как бы мельком: угроза была отдаленная. Однако же явственная: ее ощутил и Фродо. Мысли его прервались, он вздрогнул, но не поднял лица. Горлум подобрался, точно перепуганный паук. Крылатые тени завершили облет и метнулись к себе в Мордор. Сэм облегченно вздохнул.

— Опять эти Всадники носятся по воздуху, — глухо прошептал он. — Я их видел. А вы как думаете, могут они нас увидеть, да еще с такой высоты? Те-то Черные Всадники вроде бы днем были слепые?

— Вроде бы так, — сказал Фродо. — Кони у них зато были зрячие. А эти их твари, чего доброго, видят лучше всякой хищной птицы: они на стервятников и похожи. Что-то они высматривают: Враг насторожился.

Страх исчез, но и полога безмолвия как не бывало, им казалось, будто они на невидимом островке, а теперь полог сдернули, и гибель опять грозила со всех сторон. И все же Фродо не отвечал Горлуму, он еще не сделал выбора. Глаза его были закрыты: то ли он дремал, то ли советовался сам с собой, ждал подсказки сердца и памяти. Наконец он шевельнулся и встал; казалось, сейчас прозвучит решительное слово. Но он сказал:

— Слышите? Что это такое?

Было чего испугаться: послышалось пенье и грубые окрики, сначала вдали, потом все ближе и ближе. Оба сразу подумали, что это за ними, что Черные Летуны их высмотрели, и ничуть не удивились молниеносной быстроте — то ли еще могут страшные слуги Саурона! Припав к земле, они прислушивались. Совсем близко звучали голоса, лязгало оружие, брэнчала сбруя. Фродо и Сэм

взялись за мечи: бежать было некуда.

Горлум по-паучьи всполз к краю ложбины, осторожно выглянул, не выставляя головы, между камнями и повис, неподвижный, бесшумный. Вскоре голоса стали удаляться и наконец стихли. На стене Мораннона затрубил рог. Горлум отцепился и ящеркой скользнул на дно ложбины.

— Люди идут и идут в Мордор, — сказал он. — Чернолицые люди. Мы раньше таких людей не видели, нет, Смеагорл таких свирепых не видел. У них черные глаза и длинные черные волосы, а в ушах золотые кольца; да, много всякого золотца на них, красивенького золотца. С красными, раскрашенными щеками, в красных плащах; и флаги у них красные, и наконечники копий. А щиты круглые, желтые и черные, с большими шипами посередине. Нехорошие люди: сразу видно, злые и жестокие. Гаже орков и гораздо больше. Смеагорл думает, что они с юга, с того конца Великой Реки: они пришли по южной дороге. Идут к Черным Воротам, и за ними, наверно, придут еще другие. Все время люди идут в Мордор. Когда-нибудь все люди будут в Мордоре, никого не останется.

— А олифантов с ними не было? — любопытствовал Сэм, развесив уши и позабыв всякий страх.

— Нет, не было олифантов. Кто это — олифанты? — спросил Горлум.

Сэм встал, заложил руки за спину (он всегда так делал, когда «говорил стихи») и начал:

*Я серый, как мышь.
Спина моя выше крыши.
Нос у меня как змея.
Дрожит подо мною земля.
Я на травке пастись люблю —
Невзначай деревья валяю.
Ножищами топ да топ,
Ушищами хлоп да хлоп,
А спать никогда не ложусь.
Я тысячу лет брожу,
Брожу сто веков подряд,
Из пасти рога торчат.
Олифантом зовуся я,
В самых южных живу краях.
Я древней всех зверей,
Всех огромней и всех мудрей.
Коль случится меня увидеть —
Увидать захочешь опять.
А коль увидеть не случится —
Будешь врать, что я небылица.
А я олифантом зовусь
И спать никогда не ложусь.*

— Вот, — сказал Сэм в заключение, — такие вот стихата я слышал у нас в Хоббитании. Может, и чепуха все это, а может, и нет. У нас ведь тоже сколько хочешь сказок и рассказней про южные края. Бывало, раньше иной хоббит нет-нет да и раскачается, спутешествует куда глаза глядят. Кое-кто так и пропал, а которые возвращались, тем веры не было: одно дело — «пригоряньские новости», другое — «припечатано в Хоббитании», как говорится. Слыхивал я рассказы про черных Громадин из солнечных стран. У нас они зовутся

смуглинги, и воюют они будто бы верхом на олифантах. Олифанты носят на спине дома и башни и швыряются деревьями и камнями. Как ты сказал: «Люди с юга, раскрашенные и золотом обвешанные», так у меня само с языка сорвалось: «А олифантов не было?» Потому что, если бы были, я бы сунулся поглядеть, и пропадай моя головушка. Но, может, и правда нет таких зверей на свете. — Он вздохнул.

— Нет, не было с ними олифантов, — повторил Горлум. — Смеагорл про них никогда не слышал и видеть их не хочет. Смеагорл не хочет, чтобы такие звери были на свете. Он хочет скорее уйти отсюда и спрятаться получше. Смеагорл хочет, чтобы хозяин пошел с ним вместе. Добренький хозяин, он пойдет со Смеагорлом?

Фродо встал. Как он ни был озабочен, а все же рассмеялся, когда Сэм читал старинные детские стишки про «олифанта», и смех помог ему решиться.

— Эх, нам бы тысячу олифантов и вперед бы пустить самого белого, а на нем — Гэндалфа, — сказал он, — тогда бы, глядишь, и пробились в эту проклятую страну. Но у нас олифантов нету, есть только усталые ноги, на которые вся надежда. Что ж, Смеагорл, три — счастливое число. Где там твоя третья дорога? Давай веди.

— Хороший хозяин, умный хозяин, добренький хозяин! — радостно восклицал Горлум, обнимая колени Фродо. — Самый хороший хозяин! Отдохните, добренькие хоббиты, только схоронитесь под камушками, чтоб вас совсем-совсем было не видно! Полежите, поспите, пока Желтая Морда не уберется. Тогда мы быстренько пойдем. Побежим тихонько и быстренько, как тени!

Глава IV

Кролик, тушенный с приправами

Остаток дня отдыхали, прячась от солнечного света, и, лишь когда тени удлиннились и ложбину затопило сумраком, собрались в дорогу, немного поели и выпили глоток-другой воды. От путлибов Горлум по-прежнему воротил нос, но от воды не отказался.

— Скоро напьемся вдоволь, — сказал он, облизывая губы. — Хорошая вода течет с гор к Великой Реке, вкусная водица там, куда мы идем. Там Смеагорл авось и покушенькает. Он очень голоднющий, очень, *горлум!*

Он приложил широкие плоские лапы к ввалившемуся животу, и в глазах его вспыхнул зеленоватый блеск.

В густых сумерках они подползли к западному краю ложбины, выскочили и припустились рысцей по взрытой, покореженной земле вдоль дорожной обочины. До полнолуния оставалось трое суток, но яркая луна выглянула из-за гор не раньше полуночи, и сперва было очень темно. Клык Мордора бурвил темноту красным лучом — больше ничего не видать было и не слышать, но бессонная стража Мораннона уж наверняка отовсюду смотрела.

Красный луч, точно одноглазый взгляд, преследовал беглецов, спотыкавшихся на каменистой пустоши. Выйти на дорогу они не смели, держались слева от нее, по возможности неподалеку. Наконец уже на исходе ночи, когда они изрядно утомились (только разок немного передохнули), луч стал огненной точкой и совсем исчез — его заслонил темный хребет нижнего кряжа: дорога свернула на юг.

На сердце полегчало, и они опять рискнули присесть, хотя Горлуму и не сиделось. По его прикидке, от Мораннона до распутия близ Остигилиата было около тридцати лиг, и он хотел их осилить за четыре ночных перехода. Они снова побежали, оступаясь на каждом шагу, но уже светало, и пустынное серое угорье все более обнажалось. Почти восемь лиг было пройдено, и хоббиты вконец выбились из сил, да и рисковать не стоило.

Взгляду их открывалась земля не столь запущенная и опоганенная, как у Ворота Мордора. Слева по-прежнему грозно нависали горы, но южная дорога, завидневшаяся поблизости, уходила наискосок, к западу от сумрачных подножий. Темные купы деревьев вверху на склонах казались осевшими клочьями туч, а впереди простиралась диковатая пустошь, заросшая вереском, раkitником, кизилом и всяким иным, незнакомым кустарником. Там и сям высилось несколько сосен. Усталые хоббиты приободрились: воздух был свежий и душистый, и все вместе напоминало им холмы далекого Северного удела. Ужасы отошли в будущее, а пока что они брели по земле, которая лишь недавно подпала под владычество Саурона, и Черный Властелин еще не успел ее изгадить. Но хоббиты не забывали, что клыкастая пасть его пока совсем неподалеку, хотя и спрятана за угрюмыми вершинами, и подыскивали какое ни на есть укрытие на опасное дневное время.

День был томительный. Они лежали в зарослях вереска и кое-как коротали медленные дневные часы: тень Эфель-Дуата давила на них, солнце скрывалось в серых тучах. Фродо временами засыпал, спокойно и глубоко, то ли доверяя Горлуму, то ли от усталости не желая о нем думать, а Сэм дремал вполглаза, даром что Горлум дрыхнул, гад, без задних ног, всхрапывая и дергаясь, — за такие сны ему бы голову оторвать. По правде-то, не спалось ему не из-за Горлума, а из-за голода: очень хотелось поесть по-домашнему, какой-нибудь горячей стряпнятинки.

Когда окрестность утонула в серой мгле, они тронулись в путь. Вскоре Горлум спустился на дорогу, и они зарысили быстрее, хоть и не без опаски. Держали ушки на макушке: не раздастся ли стук копыт, тяжелая поступь спереди или сзади? Но не слышно было ни копыт, ни поступи — ночь прошла спокойно.

Дорогу проложили в давние времена, и миль на тридцать от Мораннона она была уложена заново, но южнее изрядно заросла. Строили ее мастера своего дела: ровная и прямая, она врезалась в каменные откосы, взбегала на широкие прочные арки над ручьями, но постепенно исчезали всякие следы кладки, разве что высунется сбоку из кустов сломанный столб да проглянет обомшелая, затравенелая плита. Косогор за обочинами, как и сама дорога, зарос деревьями, вереском, папоротником. Большак превратился в заброшенный проселок, однако же прямой как стрела: он вел их к цели самым коротким путем.

Так вышли они на северную окраину земли, которую люди некогда звали Итилией, лесистое, ручьиное всхолмье. Луна уже почти округлилась, выпали звезды; воздух благоухал все гуще, и Горлуму это было явно не по нутру: он фыркал и злобно ворчал. Первые лучи рассвета застигли их в конце долгой, глубокой, крутосклонной ущелины, напрямую прорезавшей встречный утес.

Они вскарабкались на западный склон и огляделись.

В небе занималась заря, и они увидели, что горы отодвинулись, изогнувшись к востоку и теряясь вдали. На западе плавно уходили вниз подернутые дымкой пологие склоны. Дышали смолой хвойные рощи: пихты, кедры, кипарисы и еще другие деревья, неизвестные в Хоббитании; светились широкие прогалины. И повсюду росли душистые травы и раскинулся кустарник.

Сколько несчитанных миль прошли они на юг от Раздола и от родных мест, но лишь здесь вполне ощутили наступление весны. Весна хозяйничала напропалую: сквозь мох и плесень повсюду пробивались ростки, листовенницы зазеленели, из травы светло выглядывали изумленные цветы, и всю распевали птицы. Итилия, запущенный сад Гондора, дивила и радовала своей красотой.

На юге и на западе тянулись теплые долины Андуина, закрытые с востока хребтом Эфель-Дуата, однако удаленные от его тени, а с севера их защищало Привражье, и только с дальнего юга свободно прилетали и резвились теплые ветерки. Вокруг огромных, давным-давно посаженных, а нынче неухоженных деревьев весело разрастался молодняк: полонил землю душистый тамариск, росли маслины и лавры, можжевельник и мирт, кустился чебрец, извилистыми ветвями заслоняя проросшие плиты, шалфей цвел синими цветками, цвел красными, бледно-зелеными, были тут душица и свежая невзрачница и еще много разных трав, о которых Сэм понятия не имел. Провалы и каменистые скаты заросли камнеломкой и заячьей капустой. Очнулись и выглянули туберозы и анемоны, асфodelь и другие лилейные цветы кивали полураскрытыми бутонами, и густой пышно-зеленой травой поросли пруды, в которых задерживались прохладные горные струи на пути в Андуин.

Беглецы спустились вниз от дороги в зеленую гущу и с головой окунулись в запах духовитых трав и кустарников. Горлум кашлял и отплевывался, а хоббиты дышали полной грудью, и вдруг Сэм засмеялся — от радости, а не оттого, что было смешно. Они спускались вдогонку за речными струями, и быстрая речушка привела их в неглубокую лощину: там был обветшалый каменный водоем. Резные мшистые его края заросли шиповником, кругом рядами выстроились нежные ирисы, а на темной, зыбкой поверхности колыхались кувшинки; свежая, чистая вода изливалась по желобу.

Они умылись, напились и стали немедля искать укромное местечко для отдыха: это все ж таки были вражеские владенья. Недалеко отошли они от дороги и сразу наткнулись на военные увечья — застарелые и свежие шрамы земли; может, орки постарались, а может, еще какие Сауроновы лиходеи. Смердела незарытая отхожая яма, валялись древесные стволы, исчерканные мордорскими рунами, меченные грубым и страшным знаком Ока.

Сэм разведаль сток, обнюхал и потрогал незнакомые деревья, не говоря уж о кустиках и травах. За этим занятием он про близкий Мордор и думать забыл, но тот напомнил о себе сам: Сэм чуть не провалился в изгарную яму, в кучу обожженных, изрубленных костей и черепов. Яма уже заросла вереском, шиповником, ломоносом, зелень затянула следы недавнего побоища. Сэм поспешил обратно, но открытие свое утаил: не хватало еще, чтобы голодный Горлум полез ворошить и обгрызать мертвые кости.

— Поищемте местечко поуютнее, — сказал он. — Только не внизу. Чем выше, тем лучше.

И точно: над озерцом обнаружилась темно-бурая поросль прошлогоднего папоротника. Выше склон зарос темно-зеленым лавром, а вершину крутого холма венчал старый кедрач. Решено было забраться в папоротники и скоротать там наступающий день, по-видимому теплый и ясный. Идти бы и идти по рощам и полянам Итилии, тем более что и орки не любят дневного света; ну а вдруг они отсиживаются где-нибудь в темных тайниках и следят оттуда? И кроме них есть кому следить: у Саурана соглядатаев хватает. Да и все равно Горлум не потерпит Желтой Морды в небесах, а она вот-вот выглянет из-за кряжей Эфель-Дуата и начнет, назло Горлumu, светить и греть.

Сэм шагал и раздумывал о своем: о еде. В растреклятые Ворота соваться теперь не надо, и он снова посетовал на беспечность и недалёковидность хозяина; вообще кто там знает, что дальше будет, а эльфийские дорожные хлебцы не худо бы приберечь про черный день. С тех пор как он подсчитал, что запасу у них в обрез на три недели, прошло уж целых шесть дней.

«Это еще хорошо, ежели не припозднимся! — соображал Сэм. — А потом что — лапу сосать? Потом ничего не будет! А ну как будет?»

К тому же он после длинного ночного перехода, напившись и искупавшись, был еще голоднее обычного. Ужин или же завтрак на старой кухне в Исторбинке пришелся бы сейчас в самый раз. Тут его осенило, и он поглядел на Горлума. Тот встал на карачки и принюхивался, готовясь выползти из папоротников.

— Эй, Горлум! — позвал он. — Куда собрался? На добычу? Вот что, скорухват-руконог: ты от нашей еды нос воротишь, да и мне она поднадоела. А ты нынче так и рвешься помогать. Может, добудешь что-нибудь на зуб голодному хоббиту?

— Может быть, может быть, — сказал Горлум. — Смеагорл всегда помогает, если его ласково попросят.

— Ну так я тебя ласково попрошу, — сказал Сэм. — А если тебе этого мало, то попрошаю.

Горлум исчез; Фродо стгрыз полпутлиба, забрался поглубже в папоротник и уснул. Сэм пошел посмотреть, как ему спится; еще только-только светало, но и лицо хозяина, и его устало вытянутые руки виднелись ясно. Он вдруг вспомнил, как Фродо все спал и спал в доме Элронда, оправляясь от смертельной раны. Тогда Сэм почти не отлучался от его постели и заметил, что он как-то вроде бы светится изнутри. Теперь-то уж точно светился. Ни страха, ни озабоченности не было в лице Фродо, красивом и постаревшем, точно минули не месяцы, а многие годы: оно не изменилось, но тонкой сетью проступили на нем бесчисленные морщинки. Правда, Сэм Скромби думал не этими словами; он покачал головой — что, мол, тут скажешь! — и пробормотал:

— Люблю я его. Вот он такой и есть, как изнутри просвечивает. Да что там, люблю — вот и весь сказ!

Неслышно возвратился Горлум; взглянув на Фродо через плечо Сэма, он закрыл глаза и без единого слова отполз в сторону. Сэм через минуту подошел к нему и услышал жеванье и бурчанье. На земле подле него безжизненно вытянулись два небольших кроличка: он жадно косился на них.

— Смеагорл всегда послушно помогает, — сказал он. — Он принес кроликов, вкусненьких кроликов. Но хозяин заснул, и Сэму небось тоже хочется

спать? Он не будет сейчас есть кроликов? Смеагорл очень старается, но зверюшки не сразу ловятся.

Сэм был покамест согласен на кроликов, так он и сказал Горлуму. Правда, есть их сырьем он не собирался. Все хоббиты, само собой, умеют стряпать — их этому учат раньше, чем грамоте (которой бывает, что и не учат), но Сэм даже по хоббитским меркам был повар хоть куда, и, сколько раз за время их путешествия что-нибудь стряпалось, столько раз стряпал Сэм. Даже когда они с хозяином сбежали налегке, он и то успел прихватить кой-какую утварь: маленькую трутницу, две плоские кастрюльки, одна в другой, деревянную ложку, двухзубую вилку и несколько вертелов, а глубже и заботливее всего было припрятано в деревянной коробочке главное и невозполнимое сокровище — пригоршня соли. Однако надо было разводить огонь: вообще возни многовато, но того стоит. Сэм поразмыслил, достал кинжал, почистил, подточил его — и принялся свежевать кроликов. Спящего Фродо он не хотел оставлять без призора даже на пару минут.

— Слышь, Горлум, — сказал он, — у меня есть для тебя еще одно дело. Сходи-ка ты набери водицы в эти вот кастрюльки.

— Смеагорл ходит за водой, раз его просят, — сказал Горлум. — Но зачем хоббиту столько воды? Он напился, он умылся.

— За тем самым, — сказал Сэм. — Узнаешь, коль не догадываешься. Как воды принесешь, так сразу и узнаешь. Только смотри, за кастрюльки своей горлумской головой отвечаешь.

Пока Горлума не было, Сэм пошел снова взглянуть на Фродо. Тот по-прежнему мирно спал, и в этот раз Сэма особенно поразила худоба его лица и рук.

— Чересчур отощал, — ворчливо сказал он. — Будто и не хоббит вовсе. Ладно, вот стготовлю трусиков — и все-таки разбужу его.

Сэм набрал кучу сухого папоротника, слазил на гору и приволок хворосту; разлапистой кедровой ветви должно было хватить надолго. Он подрылся под холм и сварганил очажок, нащипал веточек, в два счета управился с огнивом, и запылало веселенькое пламя, почти не дымившее, а слегка благоухавшее. Он заслонял и подкармливал свой костерок, когда вернулся Горлум, осторожно неся полные кастрюльки и ворча себе под нос.

Он поставил воду, не расплескав, но вдруг увидел, чем занят Сэм, и издал сипловатый визг, рассерженный и испуганный враз.

— Аххх! Нет-ссс! — вскрикнул он. — Нельзя! С ума сошли глупые хоббитцы, да-да, совсем сошли с ума. Нельзя этого делать!

— Чего нельзя-то? — удивился Сэм.

— Нельзя распускать гадкие красные языки! — злился Горлум. — Огня нельзя, огня: он опасный! Он кусается, он жжется. Он выдаст нас врагам, обязательно выдаст!

— Да вряд ли, — сказал Сэм. — Не выдаст, если не совать в костер сырые ветки. Ну а выдаст — значит, такая наша судьба, никуда не денешься. Мне надо трусиков сварить-потушить.

— Сварить кроликов! — визгнул Горлум. — Испортить чудесное мясо, которое раздобыл и отдал Смеагорл, бедный голодненький Смеагорл! Зачем? Зачем, глупый хоббит? Они молоденькие, сочные, вкусненькие. Ешь их, ешь! — И он потянулся когтистой лапой за кроличьей тушкой, лежавшей на листах у огня.

— Но-но, прибери грабки! — сказал Сэм. — На вкус и цвет товарищей нет. Ты вон отплевываешься от наших хлебцев, а мне сырой кролик в глотку не полезет. Ты мне трусиков отдал — и ладно, это уж мое дело, как их слопать. Хочу вот их потушить, и хоть ты тресни. Иди налови других и кушенькай их, как знаешь, только чтоб я не видел. Давай, давай, а то кому что глаза мозолит: тебе мой костерок, а мне тут один хмырь болотный. За огнем я пригляжу, он дымить не будет, не беспокойся.

Горлум с ворчаньем уполз в папоротники, а Сэм занялся стряпней.

— Взять ту же крольчатину, — говорил он себе. — Что нужно хоббиту к ней на придачу? Травки-приправки, коренья-картохи, ну, хлеб само собой. А за травками-то, пожалуй, недалеко ходить. Горлум! — тихо позвал он. — Услуги, будь другом, в третий раз. Нарви мне кой-каких травок.

Горлум выставил голову из зарослей, но его физиономия не выражала ни дружелюбия, ни готовности к услугам.

— Лавровых листиков, тимьяна и шалфею — да скоренько, пока вода не закипела, — сказал Сэм.

— Нет! — сказал Горлум. — Смеагорл сердитый. И Смеагорл не любит вонючие листики. Он не ест всяких травок-кореньев, нет, моя прелесть, только если совсем-совсем голодный или если он заболел, бедненький Смеагорл.

— Если бедненький Смеагорл не будет слушаться, то вот сейчас вода вскипит и сильно его покусает, — пригрозил Сэм. — Злой Сэм ткнет его носиком в кипяточек, да, моя прелесть. Будь сейчас другое время года, ты у меня отыскал и нарыл бы брюквы, морковки, а может, и картох. Здесь наверняка много чего самосейкой растет. Эх, сейчас бы пяток картох!

— Смеагорл не пойдет никуда, он уже находился, да, моя прелесть, — прошипел Горлум. — Он боится ходить, и он очень устал, а хоббит плохой, гадкий, нехороший. Смеагорл не станет рыться в земле, искать коренья, морковки и картохи. Какие картохи, моя прелесть, какие такие картохи?

— Кар-то-фе-ли-ны, — сказал Сэм. — Жихарь в картошке души не чает, а уж ежели набить пустое брюхо, так лучше-то ничего и на свете нет. Картох тебе искать не надо, все равно не найдешь. Ты лучше будь послушненьким Смеагорлом и нарви мне травок, вот мы с тобой и поладим, а если не рассоримся по твоей милости, то я тебе как-нибудь сготовлю картошечки. Печеная рыбка с жареной картошечкой по рецепту С. Скромби — небось не откажешься.

— Нет, нет-sss, откажемся. Нельзя печь, нельзя портить вкусненькую рыбку. Дай рыбку сейчас, и не надо мерзсской картошечки!

— Ну, с тобой толковать — это надо гороху наестся, — сказал Сэм. — Ладно, иди дрыхни!

В конце концов он обошелся и без Горлума: нарвал травок-листочков на пригорке неподалеку, даже не потеряв из виду спящего хозяина. Сидя у костра, подкладывая хворостинки, он размышлял так себе, ни о чем: вода что-то долго не закипала. Кругом разливался утренний свет, теплело с каждой минутой; роса обсохла на траве и на листьях. Кастрюльки с заправленной по-умному крольчатинной булькали над костром, и Сэм, пока суд да дело, чуть не заснул. Кролики тушились час или около того: он тыкал в них вилкой и время от времени пробовал бульон.

Наконец он признал блюдо готовым, снял кастрюльки с огня и пошел бу-

дить Фродо. Тот приоткрыл глаза, увидел стоящего над ним Сэма и расстался с мирными, милыми, нездешними сновиденьями.

— Сэм, ты чего? — проговорил он. — Почему не спишь? Что-нибудь стряслось? Сколько времени?

— Да уж часа два как рассвело, — сказал Сэм. — У нас в Хоббитании примерно полдевятого. Пока ничего не стряслось. Хотя как сказать: ни тебе кореньев, ни лука, ни картох. Тут я кое-что потушил, сударь, и бульончик имеется: подзаправьтесь малость. Из кружки, что ль, будете? А можно прямо из кастрюльки, вот только остынет. Тарелок-то нет, все сикось-накось.

Фродо зевнул и потянулся.

— Ты бы лучше отоспался, Сэм, — сказал он. — И костер здесь разводить не надо бы. Но я правда жутко голодный. Хмм! — Он потянул носом. — Даже отсюда пахнет. Что это ты состряпал?

— Да Смеагорл расщедрился, — сказал Сэм. — Отвалил нам парочку крольчат; теперь небось локти кусает. Но к ним — ничегошеньки, спасибо хоть нашлось чем приправить.

Они устроились поудобнее и принялись уплетать мясо из кастрюлек, орудуя на пару ложкой и вилкой. Разломали и сжевали еще один путлиб — словом, пир, да и только.

— Фью-уу! Горлум! — присвистнув, позвал Сэм. — Иди сюда! Передумывай, пока не поздно. Отведай тушеной крольчатинки, тут еще порядком осталось.

Но ответа не было.

— Делать нечего, придется доедать, — вздохнул Сэм. — Да он себя не обидит: я думаю, пошел по свежатинку.

— И теперь уж давай поспи, — сказал Фродо.

— Я, так и быть, сосну, а вот вы, сударь, не дремите. С ним надо ухо остро. Он же все-таки наполовину Вонючка, ну, вы меня поняли, прежний Горлум-лиходея, а сейчас вроде как больше, чем наполовину. Сперва-то он, будьте уверены, меня попробует придушить. Худо мы с ним ладим, не нравится ему Сэм, нет-ссс, моя прелесть, совсем не нравится.

Они подлизали кастрюльки, и Сэм пошел вниз к ручью мыть посуду, домыл, встал на ноги и оглядел пригорок. Солнце как раз поднялось над дымным облаком или туманным маревом — над вечно затененными горами — и озарило золотистым светом дерева и лужайки. Вверху, над рощицей, вилась как нельзя более заметная под солнцем тонкая струйка сероватого дыма. Он вздрогнул и понял, что это дымит его костерок, который он толком не загасил.

— Хорош, нечего сказать! Вот недотепа! — пробурчал он и бегом припустил назад, но вдруг остановился и насторожил уши. Свистнули — или почудилось? Может, какая здешняя птица? А если свист, то не со стороны, где Фродо. Тут раздался ответный свист, совсем уж с другой стороны. Сэм помчался опрометью.

Оказалось, головешка подпалила кучку папоротника возле костра, и затлелась подсохшая трава. Он поспешно вытоптал огонь, разбросал золу и завалил очажок дерном. И пополз к Фродо.

— Слышали свист и потом ответный? — спросил он. — С минуточку-другую назад? Хорошо бы это были птицы, да что-то не похоже: скорее перекликаются по-птичь. А тут еще мой костерок дымить вздумал! Стрясется из-за меня бе-

да — никогда себе этого не прощу, ежели нас сразу не укокошат!

— Чшшш! — шепнул Фродо. — Кажется, голоса.

Хоббиты мигом увязали и навьючили котомки, отползли подальше в заросли и притаились.

Теперь уж не стало сомнений, что это голоса: негромкие, осторожные, но близкие, все ближе и ближе. Внезапно кто-то сказал совсем рядом:

— Вот след костра! Дым отсюда шел. Далеко он убежать не мог: должно быть, засел в папоротниках. Сейчас мы его словим, как кролика, и разберемся, что это за птица!

— И вытянем из него всю подноготную! — отозвался другой голос.

Четыре человека вошли в заросли с разных сторон. Бежать было некуда, прятаться поздно: Фродо и Сэм вскочили на ноги и стали спина к спине, выхватив мечи.

Но ловчие были изумлены куда больше, чем дичь. Четыре рослых воина остановились как вкопанные. Двое держали в руках копья с широкими светлыми жалами. У других двоих были луки в человеческий рост и колчаны с длинными зеленоперыми стрелами. Мечи при бедре у каждого; пятнистое бурозеленое облачение, видимо, служило для маскировки, затем же зеленые рукавицы, зеленые капюшоны и повязки на лицах. Видны были одни глаза, ясные и яркие. Фродо сразу припомнился Боромир: эти люди походили на него ростом, статью и речью.

— Кого искали, того не нашли, — сказал один. — А кого мы нашли?

— Это не орки, — сказал другой, отпустив рукоять меча, за которую взялся при виде Терна в руке Фродо.

— Может, эльфы? — неуверенно вымолвил третий.

— Нет! Это не эльфы, — заметил четвертый, самый высокий и, судя по осанке, их предводитель. — Эльфы больше в Итилию не заходят. К тому же, как известно, эльфы — народ дивной красоты.

— Видать, мы вас своей красотой не удивили, — сказал Сэм. — Спасибо на добром слове. А вы, может, перестанете нас обсуждать, представите сами и объясните, зачем помешали отдыху двух усталых странников?

Высокий воин в зеленом угрюмо рассмеялся.

— Я Фарамир, военачальник Гондора, — сказал он. — Странников в здешних местах не бывает: либо вы служите Черным Силам, либо Светлым.

— Однако же ни то, ни другое неверно, — сказал Фродо. — При всем уважении к военачальнику Фарамиру мы тем не менее странники.

— Тогда немедля объявите, кто вы такие и куда путь держите, — сказал Фарамир. — Нам некогда разгадывать загадки или обмениваться любезностями. Да! И где третий ваш спутник?

— Третий?

— Да, такой вороватый молодчик: он мочил нос в пруду, вон там. Довольно гнусного вида существо. Верно, из породы орков-соглядатаев или их подручный. Но он каким-то чудом исхитрился от нас улизнуть.

— Не знаю, где он, — сказал Фродо. — Он наш случайный спутник, и я за него не в ответе. Но если он вам еще попадется, пощадите его: приведите или отошлите к нам. Это жалкая, заблудшая тварь, меня свела с ним судьба. Что же до нас, то мы — хоббиты из Хоббитании, северо-западного края за многими реками. Меня зовут Фродо, сын Дрого, а это Сэммиум, сын Хэмбриджа, достой-

ный хоббит, взятый мною в услуженье. Мы пришли издалека — из Раздола, или Имладриса, как он иначе зовется. — Тут Фарамир насторожился и стал слушать очень внимательно. — С нами было еще семеро; один погиб в Мории, с другими мы расстались в Парт-Галене за Рэросом: двое из них нашей породы, а еще — гном, эльф и два человека, Арагорн и Боромир из южного града Минас-Тирита.

— Боромир! — воскликнули все четверо.

— Боромир, сын наместника Денэтора? — сказал Фарамир, и лицо его странно посуровело. — Вы шли с ним? Это поистине новости, если это правда. Знайте же малютки-странники, что Боромир, сын Денэтора, был Верховным Стражем Белой Крепости и нашим воеводою — худо приходится нам без него. Так почему же вы оказались в одном отряде с Боромиром? Отвечайте скорее, солнце уже высоко!

— Тебе ведомы слова, за разгадкой которых Боромир отправился в Раздол? — отвечал вопросом Фродо. — Но в Имладрисе скуют опять Сломанный меч вождя...

— Слова эти мне ведомы, — с удивлением сказал Фарамир. — И то, что они ведомы вам, говорит в вашу пользу.

— Так вот, Арагорн, о котором я упоминал, — владелец Сломанного Меча, — сказал Фродо. — А мы — невысоклики, о нас там тоже шла речь.

— Вижу, — задумчиво сказал Фарамир. — Вернее — вижу, что может быть и так. А Проклятие, которое добыл в бою Исильдур, — это что?

— Это пока сокрыто, — ответил Фродо. — Со временем, вероятно, разъяснится.

— Придется вас толком допросить, — сказал Фарамир, — а то все же непонятно, как вы забрели так далеко на восток и блуждаете в тени... — Он указал рукой и не стал называть горы. — Но это все потом, сейчас нам недосуг. Вам грозила гибель, недалеко прошли бы вы по этой дороге или окрестными холмами. Сегодня здесь будет большая сеча, и либо мы из нее не выйдем живыми, либо разгромим неприятеля и быстро отступим к Андуйну. Я оставлю с вами двоих, для вашей охраны и ради моего спокойствия. Безрассудно доверять случайным встречным на здешних дорогах. Если я вернусь, поговорим подробнее.

— Прощай же! — сказал Фродо, низко поклонившись. — Думай обо мне как знаешь, но я — в дружбе со всеми, кто воюет против общего врага. Мы пошли бы на бой, если бы столь могучие и доблестные мужи, как вы, не побрезговали нашей помощью, а я бы мог пренебречь своим поручением. Да воссияют ваши мечи!

— Что ни говори, а невысоклики — народ учтивый, — усмехнулся Фарамир. — Прощай!

Хоббиты снова уселись, но поверять друг другу мысли и сомнения не стали: рядом, в рассеянной тени лавров, стояли двое стражей. Они то и дело снимали повязки с лица — уж очень парило, — и Фродо видел светлокожих, темноволосых и сероглазых мужчин, полных достоинства и суровой печали. Разговаривали они вполголоса, сперва на всеобщем языке, но как-то по-старинному; потом зазвучало иное наречие. Фродо ушам не поверил, услышав эльфийский язык, правда немного измененный, и принялся удивленно разглядывать вои-

нов, ибо понял, что они — южные дунаданцы, потомки властителей Заокраинного Запада.

Наконец он решился заговорить с ними: они отвечали медлительно и немногословно. Звали их Маблунг и Дамрод, они были дружинниками Гондора, итильскими Следопытами, ибо их предки жили в Итилии, покуда она не была завоевана. Из таких, как они, наместник Денэтор составил передовые отряды, воины Следопыты втайне переправлялись через Андуин (где и как, они, конечно, не сказали) и набегами громили и рассеивали орков и прочую солдатню Саурана между Великой Рекой и Эфель-Дуатом.

— Отсюда до восточного берега Андуина около десятка лиг, — сказал Маблунг. — Так далеко мы редко заходим. Но нынче случай особый: подкарауливаем хородримцев, будь они сто раз неладны!

— Да, беда с этими южанами! — подтвердил Дамрод. — Говорят, в старину Гондор даже торговал с городскими царьками, хотя дружбы с ними никогда не было. Прежде владычество Гондора простиралось до устьев Андуина, и Умбар, самое ближнее их царство, был вассальным. Но это дела давние: много жизней утекло с тех пор. Умбар отложился, о прочих долго ничего не было известно. Лишь недавно узнали мы, что Враг соблазнил их посулами власти и наживы и они ему предались — издавна, как многие царства Востока, склонялись они к нему. Увы, дни Гондора сочтены, и недолго выстоят стены Минас-Тирита, ибо велико могущество Врага и непомерна его злоба.

— Но все же мы не сидим сложа руки и, сколько можем, препятствуем его умыслам, — сказал Маблунг. — Треклятые южане выслали огромное войско, будто без них мало полчищ собрал за стенами Мордора властелин Черного Замка, и оно шествует по древним дорогам, когда-то проложенным мастерами-строителями Гондора. Идут в открытую, не стерегутся: видно, уповают на могущество своего нового владыки, думают, что одна тень его воли оборонит их. Ну, мы их немного проучим. Несколько дней назад нас оповестили, что войско их на подходе и передовой отряд появится еще до полудня там, наверху, где развилиной проходит большак. Большак-то проходит, а они не пройдут. Фарамир их не пропустит: он теперь наш всегдашний предводитель в смертельных схватках. Но его смерть минует и судьба щадит — может стать, для горшей участи.

Разговор прервался: все замолкли и прислушались. Застыла настороженная тишь. Сэм выглядывал из своего папоротникового укрытия и зорким хоббитским глазом видел, что люди кругом прибывали и прибывали: крались по склонам в одиночку или длинными вереницами, хоронясь близ лесочков и рощиц, иные пробирались по траве и сквозь кустарник, почти невидимки в своем пятнистом буро-зеленом облачении. Все были в нахлобученных капюшонах, в зеленых рукавицах и вооружены, как Фарамир и его спутники. Прошли и бесследно исчезли среди бела дня. Высоко стояло полуденное солнце. Тени укоротились.

«Где-то наш оглоед Горлум? — подумал Сэм, забираясь в папоротник поглубже, чтоб не припекало. — Примут его за орка — мокрого места не оставят. А тут еще Желтая Морда так и норовит изжарить. Ну, ему к переделкам не привыкать: авось уцелеет».

Он разлежся возле Фродо, задремал — и проснулся от дальнего пенья рогов.

Проснулся, сел и огляделся: солнце светило вовсю и пекло немилосердно, их стражи замерли начеку в тени деревьев. Рога затрубили громче — и совсем неподалеку, на горе. Сэму послышался боевой клич и дикие вопли, но это по-дальше, словно из какой-то пещеры. Потом грохот битвы докатился до них: казалось, дерутся почти рядом. Сталь скрежетала о сталь, мечи со звоном врубались в железные шлемы и глухо ударяли о щиты, крики мешались с отчаянным визгом, и разносился громозвучный клич: *Гондор! Гондор!*

— Будто сто кузнецов враз за работой, — сказал Сэм Фродо. — Ближе-то лучше бы не надо.

Но битва еще приблизилась.

— Вот они! — крикнул Дамрод. — Смотрите-ка! Десяток-другой южан провал засаду: бегут вниз с дороги. Удирают со всех ног, а наши не отстают, и Фарамир впереди всех!

Сэм не пожелал упустить зрелище, пошел к стражам, взлез на высокий лавр и увидел, как смуглые люди в красном сломя голову мчатся по склону, а за ними — зеленые воины, с маху рубя их на бегу. Тучей летели стрелы. Вдруг с пригорка над их убежищем рухнул, ломая деревца, человек и чуть не придавил Фродо, распластавшись лицом вниз за несколько футов от него. Зеленоперые стрелы торчали из-под золотого наплечника, алый плащ был изорван, медный пластинчатый панцирь разрублен, черные космы, переплетенные золочеными нитями, намокли от крови. Его коричневая рука сжимала рукоять сломанного меча.

Так Сэм впервые увидел, как страшно люди бьются друг с другом, и ему это очень не понравилось. Он был рад, что хоть мертвого лица не видно. «Интересно, — подумал он, — как его звали, откуда он родом, злое у него было сердце или же его обманом и угрозами погнали в дальние края; может, ему вовсе не хотелось воевать, и он лучше остался бы дома», но эти мысли унеслись точно дым, ибо едва Маблунг шагнул к мертвецу, как накатился невероятный грохот. Голосили, вопили, орали, но все заглушал трубный вой, а потом землю сотряс топот, будто рушились тяжеленные бревна.

— Берегись! Берегись! — крикнул другу Дамрод. — Оборони нас валары! Мумак! Мумак!

С изумленьем, ужасом и восторгом увидел Сэм громадного зверя, сметающего деревья на пути вниз. Огромный, как дом, да нет, куда больше любого дома, он показался хоббиту живой горой в серой коже. У страха глаза велики, а он их вдобавок разинул, но хородский мумак и правда был зверем невиданной величины, теперь таких в Средиземье уже не осталось, нынешняя его отдаленная родня — пигмеи рядом с ним. Он мчался прямо на них, но свернул и прогрохотал мимо за несколько ярдов: ножищи его были как деревья, ушищи хлопали, как паруса, длинный хобот подъят, будто грозный, готовый наброситься змей, маленькие глазки воспалены; из-под задранных, будто рога, бивней в золотых кольцах хлестала кровавая пена. Алая с золотом изодранная попона волочилась за ним; на спине его застряли обломки боевой башни, сокрушенной о деревья; и крохотный человечек отчаянно цеплялся за его шею — могучий воин, исполин среди смуглингов.

Страшный зверь промчался, разметав рощу и разломав каменный водоем. Стрелы свистели вокруг него и отскакивали от его толстенной шкуры. Южане

и гондорцы бежали перед ним; кто попадался, тех он хватал хоботом и расшибал об землю. Вскоре он исчез из виду, трубя и топоча. Что с ним случилось — этого Сэм не узнал: может, он еще долго носился по пустошам, пока не сгинул в чужих краях или не угодил в глубокую яму, а может, с разгону добежал до Великой Реки и в ней утонул.

Сэм восхищенно перевел дыхание.

— Олифант! — выговорил он. — Есть, значит, олифанты, и я одного видел. Вот это жизнь! Но дома-то кто мне поверит? Ну, если больше ничего не покажут, я пошел спать.

— Спи, пока можно, — сказал Маблунг. — Но скоро начальник вернется, если он жив, конечно; а как вернется, так мы немедля и в путь. Лишь только Враг проведает о кровавой битве, сразу вышлет за нами погоню.

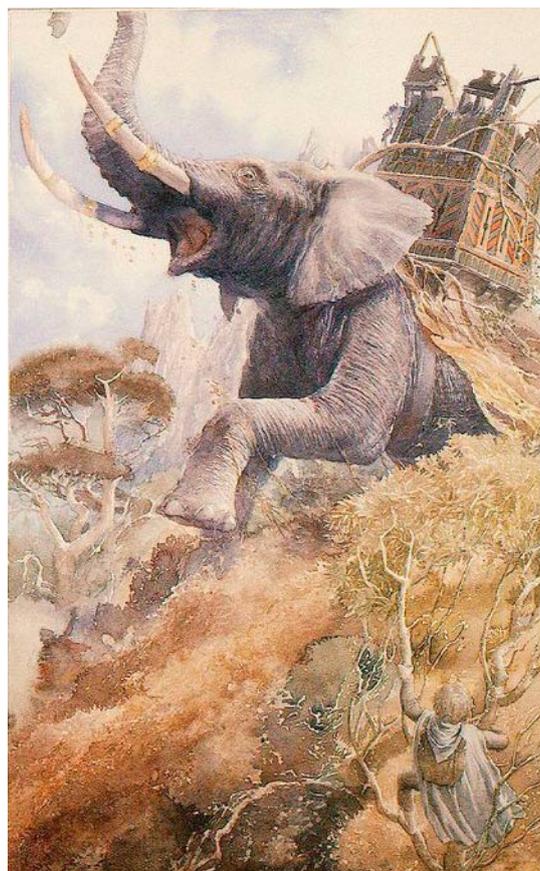
— Ну и уходите, только не топочите! — сказал Сэм. — Не мешайте мне спать, я всю ночь провел на ногах.

Маблунг рассмеялся.

— Сомневаюсь, что Фарамир оставит вас здесь, господин Сэммиум, — сказал он. — Впрочем, увидите сами.

Олифант. Алан Ли

Глава V Закатное окно

Сэму казалось, что он проспал несколько минут; между тем проснулся он часа через три, когда возвратился Фарамир и с ним много-много людей; все, кто уцелел в битве, собрались на склоне холма — человек двести или триста. Они расселись широким полукругом; Фарамир сидел посредине, перед ним

стоял Фродо. Это походило на странное судилище.

Сэм выполз из папоротников, никем не замеченный, и пристроился к человеческому полумесяцу с краю; оттуда было хорошо видно и слышно, и он глядел во все глаза и не пропускал ни одного слова, готовый, ежели что, тотчас ринуться на выручку хозяину. Повязка больше не скрывала лицо Фарамира, суровое и властное; его устремленные на Фродо серо-стальные глаза глядели остро, пронизательно и раздумчиво.

Сэм скоро понял, что Фарамиру подозрительны недомолвки Фродо, из-за которых неясно, зачем он шел с Отрядом от Раздола, почему расстался с Боромиром и куда направляется теперь. То и дело заводил он речь о Проклятии Исильдура: словом, явно раскусил, что самое важное от него скрывают.

— Раз невысоклик отважится взять на себя Проклятие Исильдура, — настаивал он, — и раз ты и есть тот невысоклик, значит, тебе известно, что это за Проклятие, и ты предъявил его Совету, о котором говоришь, а Боромир видел его. Так или не так?

Фродо не отвечал.

— Так! — сказал Фарамир. — Ты скрытничаешь, однако же все, что касается Боромира, касается и меня. Согласно былинам, Исильдура поразила оркская стрела, но стрел этих что песчинок в реке, и едва ли воитель Гондора Боромир принял бы одну из них за роковое знамение. Ты что же, был хранителем этого неведомого Проклятия? Оно сокрыто, сказал ты, не ты ли его сокрыл?

— Нет, сокрыл его не я, — сказал Фродо. — Оно не принадлежит мне, и нет его владельца среди смертных, ни самых великих, ни самых ничтожных. Если кто и вправе владеть им, то это Арагорн, сын Араторна, наш предводитель от Мории до Рэроса; я о нем говорил.

— Почему он, а не Боромир, страж Крепости, воздвигнутой сынами Элендила?

— Потому что Арагорн по отцовской линии прямой потомок Исильдура, сына Элендила. Он опоясан Элендиловым мечом.

Измученным гулом отозвалось собрание на эти слова. Послышались возгласы:

— Меч Элендила! Меч Элендила скоро заблещет в Минас-Тирите! Добрые вести!

Но Фарамир и бровью не повел.

— Может быть, — сказал он. — Но столь великие притязания надобно подтвердить, и, коли этот Арагорн явится в Минас-Тирит, от него потребуют бесспорных доказательств. Пока что — а я был там шесть дней назад — не явился ни он и никто другой из твоего Отряда.

— Боромир признал его притязания, — сказал Фродо. — Да будь здесь Боромир, он бы и ответил тебе на твои вопросы. Уже давно расстались мы с ним у Рэроса, и он направлялся прямиком в вашу столицу; наверно, по возвращении туда ты все от него узнаешь. Ему, как и всем остальным, было известно, зачем я в Отряде: Элронд из Имладриса объявил об этом всему Совету. Мне было дано поручение, оно привело меня сюда, но я не волен открыть его никому более. Скажу только, что тем, кто насмерть бьется с Врагом, не пристало меня задерживать.

Фродо говорил горделиво, хоть на сердце у него, верно, кошки скребли, и Сэм его мысленно одобрил. Но Фарамир не унимался.

— Так! — сказал он. — Ты, стало быть, советуешь мне не мешаться в чужие дела, уходить восвояси и отпустить тебя на все четыре стороны. Дескать, Боромир мне все объяснит, когда вернется. Вернется, говоришь ты! Ты был другом Боромиру?

Фродо живо припомнилось, как Боромир напал на него, и он замешкался с ответом. Взгляд Фарамира стал жестче.

— Много тягостей и невзгод вынесли мы бок о бок с Боромиром, — вымолвил наконец Фродо. — Да, я был ему другом.

Фарамир мрачно усмехнулся.

— И тебе горько было бы узнать, что Боромира нет в живых?

— Конечно, горько, — удивленно ответил Фродо. Он взглянул Фарамиру в глаза и оторопел. — Нет в живых? — сказал он. — Ты хочешь сказать, что он погиб и тебе это известно? Или ты просто испытуешь меня пустыми словами? Хочешь обманом вывести меня на чистую воду?

— Я даже орка не стану обманом выводить на чистую воду, — сказал Фарамир.

— Как же он погиб, откуда ты знаешь об этом? Ты ведь сказал, будто никто из нашего Отряда к вам в столицу не явился?

— О том, как он погиб, я надеялся услышать от его друга и спутника.

— Но я оставил его живым и здоровым. И насколько мне известно, он жив и поныне. Правда, гибель подстерегает нынче на каждом шагу.

— Да, на каждом шагу, — подтвердил Фарамир. — И гибельнее всего — предательство.

Сэм слушал, слушал — и так рассердился, что потерял всякое терпение. Последние слова Фарамира его доняли: он выскочил на середину полукруга и обратился к хозяину.

— Прошу прощения, сударь, — сказал он, — только, по-моему, уже хватит с вас колотушек. Кто он такой, чтобы эдак вам дерзить? После всего-то, что вам пришлось вынести ради них же, Громадин неблагоприятных!

— Вот что, начальник! — Он встал перед Фарамиром, руки в боки, с таким же видом, с каким распекал хоббитят, «по нахалке» отвечавших ему на строгий вопрос, что это они поделывают в чужом фруктовом саду. Послышался ропот, но большей частью воины ухмылялись: уж очень было забавно глядеть на их сурового предводителя, сидевшего на земле лицом к лицу с широко расставившим ноги разъяренным малышом-хоббитом, — такое не каждый день увидишь! — Вот что я тебе скажу, — продолжал Сэм. — Ты на что это намекаешь, а? Кончай ходить вокруг да около, говори прямо, а то дождешься, что набегит сто тысяч орков из Мордора! Если ты думаешь, что мой хозяин прикончил вашего Боромира и убежал, то не знаю, где твоя голова — но хоть не виляй! И не забудь сказать нам, что дальше-то делать собираешься. Жалко вот, между прочим, что некоторые на словах самые главные противники Врагу, а другим становятся поперек дороги, хотя другие-то, может, не меньше ихнего делают. То-то бы Враг на тебя сейчас порадовался: решил бы, что у него новый дружок объявился!

— Тише! — сказал Фарамир без малейшего гнева. — Не мешай говорить своему хозяину, он не в пример умнее. Я и без тебя знаю, что медлить нам опасно, однако улучил время, дабы разобраться в трудном деле. Будь я по-

спешлив, как ты, я бы давно уже вас зарубил, ибо мне строго-настрога велено убивать всех, кто обретаётся здесь без позволения властителя Гондора. Но мне претит всякое ненужное и даже необходимое убийство. И слов я на ветер не бросаю, будь уверен. Сядь рядом с хозяином и помолчи!

Сэм плюхнулся на землю, красный как рак. Фарамир снова обратился к Фродо.

— Ты спросил, откуда я знаю, что сына Денэтора нет в живых. Дурные вести крылаты. А ночью, как говорится, сердце сердцу весть подает. Боромир — мой родной брат.

Скорбная тень омрачила его лицо.

— Тебе памятно что-нибудь из богатырского доспеха Боромира?

Фродо немного подумал, опасаясь новой ловушки и недоумевая, чем это все может обернуться. Ему едва ли не чудом удалось спасти Кольцо от свирепой хватки Боромира, а как уберечь его в окруженье могучих витязей — этого он не представлял. Сердце его, однако, чувало, что Фарамир, с виду очень похожий на брата, осмотрительнее, мудрее и надежнее его.

— Да, я помню рог Боромира, — сказал он.

— Ответ верный и, судя по всему, правдивый, — сказал Фарамир. — Вспомни как следует, яви его перед глазами: это был рог восточного тура, оправленный серебром, с начертанием древних рун. Во многих поколениях наследовал его старший сын, и есть поверье, что если он затрубит в роковой час в древних пределах Гондора, то зов его будет услышан.

За пять дней до того, как я отправился в Итилию, одиннадцать дней назад, как ныне, предвечерней порой, я слышал этот зов: доносился он, казалось, с севера, но доносился глухо, словно бы чудился. Дурным предзнаменованием сочли это мы с отцом, ибо от Боромира с его ухода не было вестей и ни один пограничный страж не дал знать о его возвращении. А на третьи сутки мне было диковинное виденье.

Я сидел туманной ночью под бледной молодой луной на берегу Андуина, следил за его медленными водами и слушал скорбное шуршанье камышей. Мы несем ночной прибрежный дозор напротив Осгилиата, захваченного врагами: они переправляются и разбойничают. Но в тот полночный час все было тихо. И вдруг я увидел, или мне померещилась на воде серебристо-серая лодка чужеземного вида, с высоким гребенчатым носом; она плыла сама по себе.

Я похолодел, ибо ее окружало мертвенное сиянье, однако же встал, спустился к берегу и вошел в воду, влекомый неведомой силой. И лодка повернула ко мне и медленно проплыла вблизи, и я не отважился протянуть руку и остановить ее. Она глубоко осела, словно под тяжким грузом; казалось, она заполнена почти до краев прозрачной, светящейся водой; и в воде покоился мертвый витязь.

Он был весь изранен, сломанный меч лежал у него на коленях. Это был мой брат Боромир: я узнал его меч и доспех, его любимое лицо. Не было с ним лишь его рога, и незнаком был мне его пояс, точно из золотых листьев. *Боромир!* — воскликнул я. — *Где твой рог, Боромир? Куда плывешь ты, о Боромир?* — но он уж скрылся из виду. Лодку подхватило течение, и она, мерцая, исчезла в ночи. Сон это был или явь, не знаю, однако пробуждения не было. Я уверен, что он мертв и тело его уплыло вниз по Великой Реке.

— Увы! — сказал Фродо. — В твоём сновидении наяву я узнаю Боромира, каким помню его. Золотой пояс ему подарила Владычица Галадриэль. От нее же наши серые эльфийские плащи. А вот — брошь из Лориэна, — он притронулся к зеленовато-серебряной застежке под горлом.

Фарамир присмотрелся к ней.

— Красивая брошь, — сказал он. — Да, той же выделки. Так значит, путь ваш лежал через Лориэн? Встарь он звался Лаурелиндоренан, и уж давным-давно там не ступала нога человека, — тихо прибавил он, с новым изумлением глядя на Фродо. — Ну что ж, теперь мне понятней многое, что показалось странным. Не поведаешь ли ты мне еще что-нибудь? Ибо горестно думать, что Боромир погиб один вблизи родного края.

— Ничего не могу я поведать тебе в утешение, — сказал Фродо. — А твой рассказ мне кажется зловещим, но не более. Тебя посетило видение, призрак злой судьбы, прошлой, а может быть, и грядущей. Если только это не вражеское наваждение. Я видел прекрасные лики древних воителей в заводях Мертвецких Болот, и это было его лиходейское волшебство.

— Нет, тут он ни при чем, — сказал Фарамир. — Его наваждения отвращают сердце, а мое было полно скорби и сострадания.

— Но как же такое могло случиться наяву? — спросил Фродо. — Пороги Тол-Брандира не минует невредимой никакая лодка, а Боромир собирался домой через Онтаву, степями Ристании. Возможно ли, чтобы полный воды челн проплыл водопадами и не перевернулся?

— Не знаю, — сказал Фарамир. — А лодка откуда?

— Из Лориэна, — сказал Фродо. — У нас их было три: мы прошли по Андуйну на веслах до водопадов. Лодка эльфийская.

— Вы побывали в Сокрытой Стране, — сказал Фарамир, — но, кажется, чары ее остались для вас непостижны. Тем, кто виделся с Чаровницей из Золотого Леса, не след удивляться ничему. Смертным опасно покидать наш подлунный мир: вернутся они уж не теми, что были прежде. Так гласят легенды.

Боромир, о Боромир! — воскликнул он. — *Что поведала тебе она, Владычица, неподвластная смерти? Что увидела она, что пробудила в твоём сердце? Зачем пошел ты в Лаурелиндоренан, а не отправился своей дорогой, не примчался свежим утром на ристанийском коне?*

Он снова обернулся к Фродо и заговорил спокойно.

— И на все эти вопросы ты, наверно, мог бы дать ответ, о Фродо, сын Дрого. Пусть не здесь и не сейчас. Но чтобы ты не думал, будто меня обморочило наваждение, узнай, что рог Боромира возвратился наяву, но раздробленный надвое, топором или мечом. Осколки выбросило порознь: один нашли в камышах дозорные Гондора на севере, ниже впадения Онтавы, другой выловили в андуинском омуте — он подвернулся пловцу. Странные случайности, однако смерти не утаишь, как говорится.

И вот теперь осколки рога, которым владел старший сын, лежат на коленях у Денэтора: он сидит на своем высоком престоле и ждет страшных вестей. Ты все-таки умолчишь о том, как был раздроблен рог?

— Умолчу о том, чего не знаю, — сказал Фродо. — Но коль не ошибся в подсчетах, слышал ты его в тот самый день, когда мы расстались, когда я и мой слуга оставили Отряд. И теперь твой рассказ полнит меня ужасом. Если Боромир попал в беду и был убит, то боюсь, что все остальные мои спутники тоже

погибли — и сородичи, и друзья.

Быть может, ты перестанешь сомневаться во мне и отпустишь нас? Я устал, меня грызет скорбь и мучает страх. Но мне нужно нечто совершить или хоть попытаться, пока меня не убьют. Если из всех нас остались в живых лишь два невысоклика, так тем более надо спешить.

Возвращайся же, о Фарамир, доблестный военачальник Гондора, в свою столицу и защищай ее до последней капли крови, а мне позволь идти навстречу судьбе!

— Не много мне утешения в твоих речах, — сказал Фарамир, — однако же ты напрасно поддаешься страху. Если не эльфы из Лориэна, то кто, по-твоему, снарядил Боромира в последний путь? Не орки же, не прислужники Врага, да не будет он назван. Наверняка жив еще кто-нибудь из вашего Отряда.

Но что бы ни случилось близ нашей северной границы, ты, Фродо, очистился от подозрений. Раз я берусь в наши смутные дни судить о людях по их лицам и речам, то и с невысокликами, может статься, не ошибусь! Хотя, — и он наконец улыбнулся, — есть в тебе что-то странное, Фродо, — не эльфийское ли? И разговор наш куда важней, чем мне показалось сначала. Мне надлежит отвести тебя в Минас-Тирит к престолу Денэгора. По справедливости я буду достоин казни, если поступлю во вред своему народу. Так что нельзя торопиться с решением; а сейчас — в путь без проволочек.

Он вскочил на ноги и быстро распорядился. Воины его мигом разбились на мелкие отряды и исчезали между деревьями и в тени скал. Вскоре остались только Маблунг и Дамрод.

— Вы, Фродо и Сэммиум, пойдете со мной и моими дружинниками, — сказал Фарамир. — Все равно дорога на юг для вас пока закрыта. Несколько дней она вся будет запружена войсками, и после нынешней засады наблюдение усилят вдесятеро. Да вы сегодня недалеко и ушли бы: вы еле на ногах держитесь. Мы тоже устали. У нас есть тут тайное прибежище, миль за десять отсюда. Орки и вражеские соглядатаи его еще пока не разведали, а если и разведают, голыми руками не возьмут: целого войска будет мало. Там мы отдохнем, и вы тоже. А наутро я решу, что делать дальше и как быть с вами.

Фродо оставалось лишь принять это настоятельное приглашение. Ведь и правда, идти через Итилию сразу после вылазки гондорцев стало гораздо опаснее прежнего.

Они тут же тронулись в путь: впереди — Маблунг и Дамрод, за ними Фарамир с хоббитами. Мимо пруда, где они купались, вброд через ручей, потом на высокий холм, а оттуда все вниз и вниз, на запад — пологим, тенистым лесным склоном. Фарамир примерился к хоббитской трусце, и вполголоса шла беседа.

— Мы прервались, — сказал Фарамир, — не только потому, что время не терпит, как напомнил мне господин Сэммиум, но чтобы не было лишних ушей, ибо кое-что надо обсудить втайне; я недаром перевел разговор на судьбу брата, пренебрегши Проклятием Исильдура. Ты о многом умолчал, Фродо.

— Я не солгал ни словом, хоть сказал и не всю правду, — отозвался Фродо.

— Я не корю тебя, — сказал Фарамир. — Ты с честью вышел из трудного испытания, и в уме тебе не откажешь. Однако я вижу и то, что стоит за твоими речами. С Боромиром дружен ты не был, и расстались вы худо. Он, видно, на-

нес обиду — и тебе, и господину Сэммиуму. Я очень любил Боромира и отомщу за его смерть, но я хорошо его знал. Должно быть, это случилось из-за Проклятия Исильдура — ведь из-за него распался ваш Отряд? Мне ясно, что это — могущественный талисман, из тех, какие порождают распри между соратниками, если верить старинным былям. Верно ли я угадал?

— Верно, да не совсем, — сказал Фродо. — Распри не было в нашем Отряде, было сомнение — куда направиться от Привражья. А старинные были, коли на то пошло, учат нас не ронять лишних слов, когда дело идет о... талисманах.

— Увы, значит, как я сразу подумал, ссора вышла с одним Боромиром. Он хотел доставить талисман в Минас-Тирит. Как печально сложилась судьба: тебе, который видел его последним, зарок смыкает уста, и ты не можешь рассказать мне о главном, о том, что было у него на сердце перед смертью. Заблуждался он или нет, не знаю, но уверен в одном: умер он достойно и превозмог себя. Лицо его было еще прекрасней, нежели при жизни.

Прости меня, Фродо, что я поначалу выпытывал у тебя лишнее о Проклятии Исильдура. Не ко времени это было и не к месту, но я не успел рассудить. Бой был тяжелый, и меня ожидали иные заботы. Но как только я вдумался, о чем у нас зашла речь, я тут же отвел ее в сторону. Ибо мы, правители града, причастны древней мудрости, закрытой от иных. Мы происходим не от Элендила, но в жилах у нас тоже течет нуменорская кровь. Мы из колена Мардила, которого оставил наместником, отправляясь на войну, великий князь Эарнур, последний в роду Анариона. Детей у государя не было, и с войны он не вернулся. С тех пор и правят у нас наместники, вот уже многие века.

Я помню, как Боромир еще мальчиком, когда мы вместе читали сказанья о наших предках и летописи Гондора, все время сердился, что наш отец — не князь. «Сколько же надо сотен лет, чтобы наместник стал князем, коли князь не возвращается?» — спрашивал он. «В иных краях хватало и десятка лет, — отвечал ему отец. — А в Гондоре не достанет и десяти тысяч». Увы, бедняга Боромир! Это тебе что-нибудь о нем говорит?

— Говорит, — сказал Фродо. — Однако же к Арагорну он всегда относился с почтением.

— Еще бы, — сказал Фарамир. — Если он признал его право на великокняжеский престол, значит, признал себя его подданным. Но до самых трудных испытаний дело не дошло. Кто знает, что было бы в Минас-Тирите, где война превратила бы их в соперников.

Но я отвлекся. Род Денэтора, сказал я, издревле сопричастен премудрости дней былых; в наших сокровищницах хранятся старинные книги и многоязычные письма на ветхом пергаменте, на камне, на золотых и серебряных пластинах. Многое и прочесть у нас никто не сумеет, многое пылится под спудом. Я трудился над ними: мне ведомы начала знаний. Ради этих сокровищ наведывался к нам Серый Странник; еще ребенком я впервые увидел его, и дважды или трижды с тех пор.

— Серый Странник? — переспросил Фродо. — А как его имя?

— Мы его называли по-эльфийски, Митрандиром, — сказал Фарамир, — и ему это, кажется, было по нраву. «По-разному зовут меня в разных краях, — говорил он. — У эльфов я Митрандир, у гномов — Таркун, когда-то, на западе, о котором и молва стерлась, я звался Олорином, на юге я — Инканус, на севере — Гэндальф, на востоке я не бываю».

— Гэндальф! — воскликнул Фродо. — Так я и подумал. Гэндальф Серый, наш друг и советчик. Предводитель нашего Отряда. Он сгинул в Мории.

— Митрандир сгинул! — сказал Фарамир. — Злая, однако же, выпала вам доля. Даже не верится, что такой великий мудрец — наш верный помощник в невзгодах — мог погибнуть и мир лишился его несравненных познаний. Ты уверен, что он погиб? Может статься, он вас покинул из-за иных, неотложных дел?

— Уверен, — сказал Фродо. — Я видел, как его поглотила бездна.

— Наверно, страшной повестью чреватые твои слова, — сказал Фарамир. — Может быть, ты расскажешь ее ввечеру. Как мне теперь ясно, Митрандир был не только мудрецом и книжником — он был вершителем судеб нашего времени. Окажись он в Гондоре, когда мы с братом услышали во сне прорицание, он, верно, разъяснил бы его, не пришлось бы отправлять посланца в Раздол. А быть может, не стал бы разъяснять, и Боромир все равно не ушел бы от рока. Митрандир никогда не открывал нам будущего и не посвящал в свои замыслы. С позволения Денэтора — не знаю уж, как ему это удалось, — он был допущен в нашу сокровищницу, и я почерпнул из едва приоткрытого кладезя его познаний: он был скупым наставником.

Более всего занимали его летописи и устные предания времен Великой Битвы на равнине Дагорлада и основания Гондора, когда был низвержен Тот, кого называть не стану. И про Исильдура выпрашивал он, хотя о нем наши предания памяти не сохранили: он ушел, как сгинул.

Фарамир перешел на шепот.

— Я же частью узнал, частью домыслил и сохранил в глубокой тайне вот что. Исильдур заполучил некое сокровенное достояние Врага, да не будет он назван, и взял его с собой, уходя из Гондора навстречу неизвестной гибели. И казалось мне, что я понял, чего доискивается Митрандир, однако же поиски эти, устремленные в глубокую древность, счел любомудрием книжника. Но когда мы пытались разгадать таинственное прорицание, пришло мне на ум, что эта добыча и есть Проклятие Исильдура. Ибо ничего мы больше о нем не знаем, лишь упомянуто в одном из сказаний, что его пронзила стрела орка. Это же, и только это, сказал мне Митрандир.

Не знаю и не ведаю, какое вражеское достояние понадобилось Исильдуру: должно быть, некий могучий, гибельный талисман, орудие лиходейства Черного Властелина. И если оно сулит удачу в бою, то наверняка Боромир, гордый, бесстрашный, зачастую безоглядный, жаждущий блеска побед Минас-Тирита и блистания своей воинской славы, неудержимо возжелал этим орудием завладеть. В недобрый час отправился он в Раздол! И отец, и старшины послали бы меня, но он, как старший брат и закаленный воин, не мне чета (говорю без всякой обиды), настоял на своем.

Однако же не страшитесь! Я не подобрал бы этот талисман и на большой дороге. Если б даже Минас-Тирит погибал на моих глазах и я один мог бы его спасти с помощью вражеского колдовского орудья, возвеличить Гондор и прославиться, то и тогда — нет! Такою ценой не нужны мне ни победы, ни слава, о Фродо, сын Дрого.

— Так же решил и Совет, — сказал Фродо. — И мне они не нужны, и вообще — не мое это дело.

— Мне мечтается, — сказал Фарамир, — и цветущее Белое Древо в велико-

княжеском дворце, и Серебряный Венец на челе князя, и мирный Минас-Тирит — нет, Минас-Анор, град, каким он был в древности, светлый, высокий и дивный; прекрасный, как царь среди царей, а не грозный, подобно властелину, окруженному рабами; да и добрый властелин не лучше, даже если рабы им довольны. Воевать надо: мы защищаем свою жизнь и честь от убийцы, изувера и разрушителя; однако не по душе мне ни сверканье острых мечей, ни посвист быстрых стрел, ни слава великого воителя. Все это надобно лишь затем, чтобы оборонить то, что мы обороняем: светлый град, воздвигнутый нуменорцами, оплот памяти и хранилище древней мудрости, святилище красоты и светоч живой истины. Надо, чтоб его любили, а не боялись — и чтили, как почитают убеленных сединами мудрецов.

Так что оставь опасенья! Я тебя больше не буду выпрашивать: не спрошу даже, верно ли я догадался. Разве что ты сам мне доверишься — что ж, тогда попробую помочь тебе советом, а быть может, и делом.

Фродо на это ничего не сказал. Он едва не уступил желанию искать помощи и совета у этого сурового юноши, так были отрадны его ясные речи. Однако что-то его удержало, на сердце у него были страх и тревога — ведь если и в самом деле только они с Сэмом уцелели из Девяти Хранителей, то одни остались в ответе за все. Излишняя подозрительность надежней слепого доверия. К тому же, поглядывая на высокого спутника и внимая его голосу, он вспоминал Боромира: внезапно перекошенное лицо и алчный огонь в глазах. Непохожие братья были ужасно похожи.

Потом они шли молча, бесшумно скользя по траве мимо старых деревьев, точно серо-зеленые тени; над ними распевали птицы и отливала темным блеском вечнозеленая листва итильского леса.

Сэм в разговор не вступал, только прислушивался, в то же время ловя чутким хоббитским ухом окрестные лесные шумы и шорохи. Про Горлума ни разу упомянуто не было, и он был этому рад: никуда от Липучки, конечно, не денешься, но хоть малость-то отдохнуть и то хлеб. Вскоре он заметил, что идут они вроде одни, а кругом уйма людей: впереди мелькали Дамрод и Маблунг и со всех сторон быстрые, бесшумные, еле видные Следопыты поспешали к условленному месту.

Вдруг его точно кольнул в спину чей-то взгляд; он обернулся и успел углядеть маленькую темную фигурку, перебежавшую за деревьями. Сэм открыл было рот, но подумал и махнул рукой.

«Может, показалось, — сказал он сам себе. — Да и чего я буду лезть к ним с этой паскудиной, раз про него и помнить забыли? Что мне, больше всех надо?»

Наконец лес поредел, склон сделался круче. Они свернули вправо и набрали на речонку, тот самый ручеек, что точился из водоема, стал бурливым потоком, и его каменистое русло пролегалo по дну узкого ущелья, заросшего самшитом и остролистом. Приречные низины на западе были подернуты золотистой дымкой, и, озаренный предзакатным солнцем, широко струился Андун.

— А теперь, увы, я вынужден быть неучтивым, — сказал Фарамир. — Надеюсь, мне это простится: пока что, в нарушение всех приказов, я не только не убил вас, но даже не ослепил. Но тут уж запрет строжайший: эту тропу не дол-

жен знать никто, даже наши союзники-ристанийцы. Придется завязать вам глаза.

— Да пожалуйста, — сказал Фродо. — Эльфы и те не учтивее тебя: с завязанными глазами вступили мы в прекрасный Лориэн. Гном Гимли обиделся, а нам, хоббитам, хоть бы что.

— Ничего столь же прекрасного я вам не обещаю, — сказал Фарамир. — Прекрасно, впрочем, что вас не надо ни уламывать, ни принуждать.

На его тихий зов из-за деревьев немедля явились Маблунг и Дамрод и подошли к ним.

— Завяжите гостям глаза, — приказал Фарамир. — Плотно, но не туго. Руки не связывайте: они дадут слово, что подглядывать не станут. Я бы поверил им и так, без повязки, пусть бы шли зажмурившись, но не ровен час споткнутся и нечаянно откроют глаза. Кстати же приследите, чтобы они не оступались.

Дружинники завязали хоббитам глаза зелеными шарфами, низко нахлобучили им капюшоны и повели их за руку: прогулка по солнечной Итилии закончилась для Фродо и Сэма путешествием в темноте, и где они шли, можно было только гадать. Сначала спускались крутою тропой и залезли в такой узкий проход, что двинулись гуськом между каменных стен; дружинники направляли их сзади, крепко взяв за плечи. Где было трудно идти вслепую, их приподымали — и снова ставили на ноги. Справа слышался гул и плеск воды: все ближе, все громче. Наконец они остановились; Маблунг и Дамрод покрутили их, чтобы сбить с направления, и путь пошел наверх; потянуло холодом, шум потока отдалился. Потом их взяли на руки и понесли вниз по каким-то ступенькам: несли, несли, свернули за угол скалы, и снова кругом гулко закотала вода; их обдало моросью, и вот они опять стояли молча, с повязками на глазах, испуганные и растерянные. Сзади раздался голос Фарамира.

— Развяжите им глаза! — велел он. Капюшоны откинули, шарфы сняли, и они ошеломленно заморгали.

Они стояли на гладкой сырой плите, как бы на крыльце за черным провалом прорубленных в скале дверей, а перед ними — близко, рукой подать — колыхалась струистая водяная завеса, озаренная прямыми лучами заходящего солнца, и алый свет рассыпался мерцающим бисером. Казалось, они подошли к окну эльфийской башни, к занавесу из золотых и серебряных нитей, унизанных рубинами, сапфирами и аметистами, и трепетно переливалось драгоценное многоцветье.

— Вот вам и награда за терпение, — сказал Фарамир. — Подоспели минута в минуту к заходу солнца. Это Закатное Окно, Хеннет-Аннун, а перед ним — красивейший водопад Итилии, края блестящих вод. Не знаю, бывал ли здесь хоть один чужестранец. Покой попроще, чем окно, не княжеский покой; но заходите, посмотрите сами!

Солнце закатилось, и померкла водяная занавесь. Они вошли под низкую, грубоватую арку и оказались в большой сводчатой пещере; тусклые отблески факелов играли на стенах. Народу уже собралось много, но из узкой боковой двери входили еще и еще, по двое и по трое. Когда глаза их привыкли к полумраку, хоббиты увидели, что пещера выше и гораздо просторнее, чем им сперва показалось; здесь размещался, не стесняя людей, склад оружия и съестных припасов.

— Такое у нас прибежище, — сказал Фарамир. — Роскоши маловато, но переночуете спокойно и удобно. Сухо, еды вдоволь, очага, правда, нет. Некогда это был водосточный грот, из той вон арки вода выливалась, но древние мастера-каменщики ее отвели, и теперь она низвергается со скал высоко над нами. Все отверстия этого грота замурованы, — ни вода, ни супостат сюда не проникнут, кроме как тем же путем, что вы прошли с завязанными глазами. Выход есть еще один — через Водяное Окно, в глубокое озеро, полное острых скал. Отдыхайте, пока все вернутся и соберут на стол.

Хоббитов отвели в угол, к низкому ложу. Трапезу собирали быстро, несуетливо и споро. От стен принесли столешницы, водрузили их на козлы, заставили утварью, неприхотливой и добротной: блюдами, чашками, мисками — глиняными, глянцевито-коричневыми, и желтыми, самшитовыми, отличной токарной работы; царила чистота и опрятность. Кое-где поблескивали бронзовые чаши, и серебряный кубок был поставлен для Фарамира, посередине отдельного столика.

Фарамир прохаживался по пещере и негромко расспрашивал новоприбывших. Одни были отправлены преследовать и добывать разгромленный отряд, другие остались следить за дорогой: эти припозднились. Никто из южан не ушел, кроме огромного мумака; за ним не уследили. Враг не появлялся, не видеть было даже орков-согля-датаев.

— И ты ничего не видел и не слышал, Анборн? — обратился Фарамир к вошедшему.

— Ни слуху ни духу, государь, — отвечал тот. — Орки куда-то запропастились. Но то ли я видел, то ли мне померещилась диковинная тварь — уже в сумерках, когда все кажется больше, чем надо бы. Наверно, просто белка. — Сэм наострил уши. — Но если белка, то черная и без хвоста. Ты не велел нам напрасну бить зверей, я и не стал стрелять. Да и темно было, а этот зверек мигом скрылся в листьях. Я постоял, подождал немного — все-таки будто и не совсем белка, — а потом пошел, и тут она вроде бы зашипела на меня сверху. Да нет, пожалуй, крупная белка. Быть может, звери бегут от Врага, да не будет он назван, из Лихолесья, и забегают сюда к нам. Говорят, там водятся черные белки.

— Может быть, — сказал Фарамир. — Однако же это дурной знак. Нам здесь, в Итилии, только беглецов из Лихолесья и не хватало.

Сэму показалось, что он при этом оглянулся на хоббитов, однако Сэм снова решил промолчать. Они с Фродо лежали рядом и глядели на огни факелов, на расхаживающих и тихо переговаривающихся людей. Потом Фродо взял и заснул.

Сэм уговаривал себя не спать.

«Поди знай, — думал он. — С людьми дело темное. На словах-то хорош, да с тем и возьмешь. — Он зевнул до ушей. — Проспать бы с недельку — стал бы как новенький. А положим, не засну: как быть-то в случае чего? Больно уж тут много Громадин на одного хоббита. И все равно: не спи, Сэм Скромби, не смей спать!»

И не смел. Дверной проем потускнел, серая водяная пелена потерялась в темноте. И лишь монотонный шум и переплеск падающей воды не смолкал ни вечером, ни ночью, ни утром. Бормотанье и журчанье убаюкивало, и Сэм

яростно протер глаза кулаками.

Запылали новые факелы. Выкатили бочонок вина, раскладывали снедь, натаскали воды из-под водопада. Умывали руки; Фарамиру поднесли медный таз и белоснежное полотенце.

— Разбудите гостей, — сказал он, — и подайте им умыться. Время ужинать.

Фродо сел, зевнул и потянулся. Сэм недоуменно уставился на рослого воина, склонившегося перед ним с тазиком воды.

— Поставьте его на пол, господин, если можно! — сказал он. — И вам, и мне удобнее будет.

К веселому изумлению окружающих, он окунул в тазик голову и, отфыркиваясь, оплескал холодной водой шею и уши.

— У вас всегда моют голову перед ужином? — спросил воин, прислуживающий хоббитам.

— Да нет, обычно-то перед завтраком, — сказал Сэм. — Но ежели сильно не выспался — обдай голову холодной водой, и расправишься, что твой салат от поливки. Ффу-у! Ну, теперь авось не засну, пока не наемся.

Их провели и усадили рядом с Фарамиром на покрытые шкурками бочонки, куда повыше скамеек, на которых разместились люди. Внезапно все встали, обратились лицом к западу и с минуту помолчали, Фарамир сделал знак хоббитам поступить так же.

— Перед трапезой, — сказал он, садясь, — мы обращаем взгляд к погибшему Нуменору и дальше на запад, к нетленному Блаженному Краю, и еще дальше, к Предвечной отчизне. У вас нет такого обычая?

— Нет, — покачал головой Фродо, чувствуя себя неучем и невежей. — Но у нас принято в гостях перед едой кланяться хозяину, а вставая из-за стола, благодарить его.

— Это и у нас принято, — сказал Фарамир.

После долгой скитальческой жизни впроголодь, в холоде и грязи, ужин показался хоббитам пиршеством: золотистое вино, прохладное и пахучее, хлеб с маслом, солонина, сушеные фрукты и свежий сыр, а вдобавок — чистые руки, тарелки и ножи! Фродо и Сэм живо уплели все, что им предложили, не отказались от добавки, а потом и еще от одной. Вино приободрило их, и на сердце полегчало — впервые после Кветлоризна.

После ужина Фарамир отвел их в полузанавешенный закуток. Туда принесли кресло и две скамейки. В нише горела глиняная лампада.

— Скоро вам захочется спать, — сказал он, — особенно досточтимому Сэммиуму, который не смыкал глаз до самого ужина: то ли сберегал свой голод, то ли оберегал от меня хозяина. Однако после обильной еды, да еще с отвычки, лучше превозмочь сон. Давайте побеседуем. Вам ведь есть что рассказать о своем путешествии от Раздола. И не мешает поближе познакомиться с той страной, куда вас забросила судьба. Расскажите мне о брате моем Боромире, про старца Митрандира и про дивный народ Лоризна.

С Фродо сон соскочил, и он был очень не прочь поговорить. Но хотя вкусная еда и доброе вино развязали ему язык, он все же не распускал его. Сэм сиял благодушием и мурлыкал себе под нос, но сперва только слушал Фродо и усиленно поддакивал.

О многом поведал Фродо, умалчивая о Кольце и о назначении Отряда, расписывая доблести Боромира — в бою с волколаками Глухомани, в снегах Карадраса, в копиях Мории, где сгинул Гэндальф. Фарамира задел за живое рассказ о битве на Мосту.

— Не по душе Боромиру было бежать от орков, — сказал он, — да и от того свирепого чудища — Барлогом ты его назвал? — пусть даже и последним, прикрывая остальных.

— Он и был последним, — сказал Фродо. — Арагорн шел впереди: он один знал путь, кроме Гэндальфа. Не будь нас, не побежали бы ни он, ни Боромир.

— Быть может, лучше бы он погиб вместе с Митрандиром, избегнув злой судьбины за водопадами Рэроса, — сказал Фарамир.

— Может быть. Но расскажи, как обещал, о превратностях ваших судеб, — сказал Фродо, опять уходя от опасного оборота беседы. — Мне хотелось бы услышать о Минас-Итиле и об Остилиате, о несокрушимом Минас-Тири-те. Есть ли надежда, что он выстоит в нынешних войнах?

— Есть ли надежда, говоришь? — переспросил Фарамир. — Давно уж нет у нас никакой надежды. Может статься, меч Элендила, если он и вправду заблещет, возродит ее в наших сердцах и срок нашей черной гибели отодвинется, но ненадолго. Разве что явится иная, неведомая подмога — от эльфов иль от людей. Ибо мощь Врага растет, а наша слабнет. Народ наш увядает, и за этой осенью весне не бывать.

Некогда нуменорцы расселились по всему приморью и в глубь Материка, но злое безумие снедало их царства. Одни предались лиходействию и чернокнижью, другие упивались праздностью и роскошью, третьи воевали между собой, пока их обескровленные уделы не захватили дикари.

Гондор обошло стороной поветрие черной ворожбы, и Враг, да не будет он назван, в почете у нас не бывал; от века славилось древней мудростью и блистало гордой красотой, двойным наследием Заокраинного Запада, великое княжество потомков Элендила Прекрасного. Оно и поныне сверкает отблесками былой славы. Но гордыня подточила Гондор: в надменном слабоумии властители его мнили, будто Враг унялся навеки, изгнанный и недобитый Враг.

Смерть витала повсюду, ибо нуменорцы, как и прежде, в своем древнем царстве, оттого и погубленном, чаяли земного бессмертия. Князя воздвигали гробницы пышней и роскошней дворцов; имена пращуров в истлевших свитках были слаще их уху, нежели имена сыновей. Бездетные государи восседали в древних чертогах, исчисляя свое родословие; в тайных покоях чахлые старцы смешивали таинственные эликсиры, всходили на высокие холодные башни и вопрошали звезды. У последнего князя в колене Анариона не было наследника.

Зато наместники оказались дальновиднее и удачливее. Мудро рассудив, они пополнили свои рати крепкими поморами и стойкими горцами Эред-Нимрайса. И примирились с горделивыми северянами, вечной грозой тамошних пределов, народом, исполненным неистойвой отваги, нашими дальними родичами, в отличие от восточных дикарей и свирепых хородримцев.

И во дни Кириона, Двенадцатого Наместника (мой отец — двадцать шестой), они явились к нам на подмогу, и в жестокой битве на Келебранте наголову разгромили вторгшиеся с севера полчища наших врагов. Мы их зовем мустангримцами, коневодами-наездниками; им был дарован навечно дотоле

пустынный степной край Клендархон, который стал с той поры называться Ристанией. А они учинились нашими верными союзниками, не раз приходили нам на выручку и взяли под охрану северные наши пределы и Врата Ристании.

У нас они переняли то, что пришлось им по нраву, их государи научаются нашему языку, однако большей частью они держатся обычая предков, верны живым преданиям и сохраняют свое северное наречие. Они нам полюбились — рослые мужи и стройные девы, равные отвагою, крепкие, золотоволосые и ясноглазые; в них нам видится юность рода человеческого, отблеск Предначальных Времен. Наши законоучители говорят, будто мы с ними принадлежим к одному древнему Клану, породившему нуменорцев; но они происходят не как мы, от Хадора Златовласого, Друга Эльфов, а от его сынов, которые не откликнулись на зов в начале Второй Эпохи и не уплыли за море в Нуменор.

А надо вам сказать, что от истоков своих род людской, согласно нашим священным преданиям, делится на три Клана: Вышний, Люди Западного Света, нуменорцы; Средний, Люди Сумерек, как мустангримцы и их сородичи, поныне обитающие на Севере; и Отступный, Люди Тьмы.

Ныне, однако, мустангримцы во многом уподобились нам: нравы их смягчились, и ремесла стали искусствами; мы же, напротив, сделались им подобны и Вышними больше именоваться не можем. Мы опустились в Средний Клан, мы теперь Люди Сумерек, сохранившие память иных времен. Ибо, как и мустангримцы, мы ценим превыше всего воинскую доблесть и любим бранную потеху; правда, и сейчас воину положено знать и уметь многое помимо ремесла убийцы; но все же воин, а не кто другой, у нас в особом почете. Да в наши дни иначе и быть не может. Таков и был брат мой Боромир: искусный и отважный военачальник, и высший почет стяжал он у нас в Гондоре. В доблести он не имел равных: давно уж в Минас-Тирите не было среди наследников престола столь закаленных, могучих и неустрашимых ратников. И впервые так громозвучно трубил Большой Рог.

Фарамир вздохнул и замолк.

— Почему-то у вас, сэра, об эльфах не было речи, — сказал Сэм, расхрабрившись. Он заметил, что Фарамир отзывается об эльфах очень почтительно, и это еще более, чем его учтивость, обходительность, вкусная трапеза и крепкое вино, расположило к нему Сэма и усыпило его подозрения.

— Поистине ты прав, господин Сэммиум, — сказал Фарамир, — но я немного знаю об эльфах. Ты попал в точку: и в этом мы изменились не к лучшему, став из нуменорцев средиземцами. Как ты, быть может, знаешь, раз Митрандир был твоим спутником и тебе случалось беседовать с Элрондом, Эдайны, прародители нуменорцев, бились бок о бок с эльфами в первых войнах: за это и было им наградой царство посреди морей, вблизи Блаженного Края. Но когда в Средиземье пала тьма, людей развели с эльфами козни Врага, и с течением времени они расходились все дальше, шли разными путями. Ныне люди опасаются эльфов, не доверяют им, ничего о них толком не зная. И мы, гондорцы, не лучше других, подобны тем же ристанийцам: они, заклятые враги Черного Властелина, чураются эльфов и рассказывают про Золотой Лес страшные сказки.

Но все же есть среди нас и такие, кто с эльфами в дружбе, кто иной раз втайне пробирается в Лориэн; редко они оттуда возвращаются. Я не из них: я думаю, нынче губельно для смертных водиться с Перворожденными. Однако я завидую тебе, что ты разговаривал с Белой Владычицей.

— Владычица Лориэна! Галадриэль! — воскликнул Сэм. — Эх, видели бы вы ее, сэр, ну глаз оторвать нельзя. Я-то простой хоббит, мое дело — садовничать, а выше головы, сэр, сами понимаете, не прыгнешь, и по части стихов я не очень — не сочинитель, ну там, знаете, иногда приходится, смешное что-нибудь, песенку или в этом роде, но настоящих стихов сочинять сроду не стану — словом, куда мне о ней рассказывать, тут петь надо, это вам нужен Бродяжник, ну Арагорн то есть, или старый господин Бильбо, те запросто могут. А все ж таки хотелось бы и мне про нее сочинить песню. Ну и красивая же она, сэр! Не налюбуйешься! То, знаете, она как стройное дерево в цвету, а то вроде беленького амариллиса, ветерком ее колышет. Кремень, да и только — и мягче лунного света. Теплее солнышка, а холодна — что мороз в звездную ночь! Гордая, величавая — чисто гора в снегу, а веселенькая, как девчонка в ромашковом венке. Ну вот, у меня, конечно, чепуха выходит, я все не о том.

— Да, видно, она и в самом деле прекрасна, — сказал Фарамир. — Гибельная это прелесть.

— Да я бы не сказал «гибельная», — возразил Сэм. — По-моему, люди сами носят в себе свою гибель, приносят ее в Кветлориэн и удивляются — откуда, мол, взялась? Не иначе наколдовали! Ну как — может, и гибельная, сильная она уж очень. Об эту ее красоту — какая там прелесть! — можно расшибиться вдребезги, что твой корабль о скалу, или потонуть из-за нее, что хоббит в реке. Только ведь ни скала, ни река не виноваты, верно? Вот и Боро... — Он запнулся и покраснел.

— Да? «Вот и Боромир» — хотел ты сказать? — спросил Фарамир. — Договаривай! Он что, тоже принес с собой свою гибель?

— Да, сэр, уж вы извините, даром что витязь витязем, тут что и говорить! Но вы в общем-то сами почти догадались. А я аж от Раздола следил за Боромиром в оба глаза — не то чтобы что-нибудь, а мне ж хозяина беречь надо, — и я вам так скажу: в Лориэне он увидел и понял то, что я уж давно раскумекал, — понял, чего он хочет. А он с первого же мига захотел Кольцо Врага!

— Сэм! — в ужасе воскликнул Фродо. Он пребывал в раздумье и очнулся слишком поздно.

— Батюшки! — вымолвил Сэм, побелев как стена и вспыхнув как мак. — Опять двадцать пять! «Ты бы хлебало ногой, что ли, затыкал», — сколько раз говорил мне мой Жихарь, и дело говорил. Ах ты, морковка с помидорами, да что ж я натворил!

— Послушайте меня, сэр! — обратился он к Фарамиру, призвав на помощь всю свою храбрость. — Вы не имеете права обидеть хозяина за то, что у него остолоп слуга. Вы красиво говорили, тем более про эльфов, а я и уши развесил. Но ведь, как говорится, из словес хоть кафтан крои. Вы вот себя на деле покажите.

— Да уж, придется показать, — очень тихо проговорил Фарамир со странной улыбкой. — Вот, значит, ответ сразу на все загадки! Кольцо Всевластья — то, что, как мнили, навсегда исчезло из Средиземья! Боромир пытался его отобрать — а вы спаслись бегством? Бежали, бежали и прибежали ко мне! За-

брошенная страна, два невысоклика, войско под моим началом и под рукой — Кольцо из Колец! Так покажи себя на деле, Фарамир, воевода Гондора! Ха! — Он поднялся во весь рост, суровый и властный, серые глаза его блистали.

Фродо и Сэм вскочили со скамеек и стали рядом к стене, судорожно нащупывая рукояти мечей. В пещере вдруг сделалось тихо: все люди разом умолкли и удивленно глядели на них. Но Фарамир сел в кресло и тихонько рассмеялся, а потом вдруг заново помрачнел.

— Бедняга Боромир! Какое тяжкое испытание! — сказал он. — Сколько горя вы мне принесли, два странника из дальнего края, со своей погибельной ношей! Однако же я сужу о невысокликах вернее, чем вы о людях. Мы, гондорцы, всегда говорим правду. И если даже похвастаем — а это случается редко, — то и тогда держим слово насмерть. «Я не подобрал бы этот талисман и на большой дороге» — таковы были мои слова. И если бы я теперь возжаждал его — ведь я все же не знал, о чем говорил, — слова мои остались бы клятвой, а клятв нарушать нельзя.

Но я его не жажду. Может быть, потому, что знаю накрепко: от иной гибели нужно бежать без оглядки. Успокойтесь. А ты, Сэммиум, утешься. Хоть ты и проговорился, но это был голос судьбы. У тебя верное и вещее сердце, оно зорче твоих глаз. Оно тебя и на этот раз не подвело. Может быть, ты даже помог своему возлюбленному хозяину: я сделаю для него все, что в моих силах. Утешься же. Но впредь остерегись произносить это слово. Много и одной оговорки.

Хоббиты снова, присмирив, уселись на скамейки; люди вернулись к недопитым чаркам и продолжали беседу, решив, что их предводитель ненароком напугал малышей, но теперь все уладилось.

— Ну вот, Фродо, наконец мы стали друг другу понятней, — сказал Фарамир. — Коли ты нехотя взял это на себя, уступил просьбам, то прими мое почтительное сочувствие. И я дивлюсь тебе: ты ведь и не пытаешься прибегнуть к его силе. Вы для меня словно открываете неведомый мир. И все ваши сородичи таковы же? Должно быть, страна ваша живет в покое и довольстве, и садовники у вас в большом почете.

— Не все у нас хорошо, — сказал Фродо, — но садовники и правда в почете.

— Однако даже и в садах своих вы, наверно, иногда устаете — таков удел всякой твари под солнцем. А здесь вы вдали от дома, изнурены дорогой. На сегодня будет. Спите оба, и спите спокойно — лишь бы спалось. Не бойтесь! Я не хочу ни видеть, ни трогать его, не хочу знать о нем больше, чем знаю (этого слишком хватит): не оказаться бы мне пред гибельным для всякого соблазном слабее Фродо, сына Дрого. Идите отдыхайте, но сперва скажите мне — все-таки скажите, куда вы идете и что замышляете. Ибо надо разведать, рассчитать и подумать, а время идет. Наутро мы разойдемся, каждый своим путем.

Страх отпустил Фродо, и он неудержимо дрожал. Потом усталость тяжело оцепенила его: ни упорствовать, ни выкручиваться он больше не мог.

— Я искал пути в Мордор, — еле выговорил он. — На Горгорот, к Огнистой горе — бросить его в Роковую Расселину. Так велел Гэндальф. Вряд ли я туда доберусь.

Фарамир взирал на него в несказанном изумлении. Потом, когда он покачнулся, бережно подхватил его, отнес на постель и тепло укрыл. Фродо уснул

как убитый.

Рядом было послано для слуги. Сэм немного подумал, потом низко поклонился.

— Доброй ночи, господин мой, — сказал он. — Вы показали себя на деле.

— Показал? — спросил Фарамир.

— Да, сударь, и, знаете, хорошо показали. Это уж так.

Фарамир улыбнулся.

— Для слуги ты смел на язык, господин Сэммиум. Нет, я шучу: хвала от того, кто сам ее достоин, — высшая награда. Но я недостоин хвалы, ибо не было у меня побужденья поступить иначе.

— Вот вы, помните, сказали моему хозяину, что он похож на эльфа: оно и верно, и правильно. А я вам скажу, что вы как-то похожи на... — Сэм запнулся, — да пожалуй, на мага, на Гэндальфа.

— Вот как, — сказал Фарамир. — Может быть, сказывается нуменорская кровь. Доброй ночи!

Глава VI Запретный пруд

Фродо открыл глаза, увидел склоненного над ним Фарамира и отпрянул в испуге.

— Не надо пугаться, — сказал Фарамир.

— А что, уже утро? — зевнув, спросил Фродо.

— Еще не утро, однако ночь на исходе. Нынче полнолуние: хочешь пойти посмотреть? И кое о чем мне нужно с тобой посоветоваться. Очень не хотелось тебя будить; пойдешь?

— Пойду, — сказал Фродо, вылезая из-под одеяла и наброшенных шкур и поеживаясь: в нетопленной пещере застоялся холод. Тишину оглашал водопад. Он надел плащ и последовал за Фарамиром.

Сэм проснулся, будто его толкнули, увидел пустую постель хозяина и вскочил на ноги. В беловатом проеме сводчатой арки мелькнули две темные фигуры, высокая и низенькая. Он поспешил за ними вдоль вереницы спящих — на тюфяках, у стены. Мерцающая занавесь струилась шелковистым, жемчужно-серебряным пологом, капелью лунного света. Любоваться было некогда: он юркнул вслед за хозяином в боковой проход.

За проходом начались и никак не кончались сырые скользкие ступеньки; наконец они поднялись на дно глубокого каменного колодца, и вверху засветился бледный клочок небес. Отсюда вели две лестницы: одна прямо, должно быть на высокий берег реки, другая влево. На нее и свернули; она вилась, словно башенная.

Вынырнули из темноты на плоскую вершину утеса, просторную неограженную площадку. Справа низвергался поток, плеща по уступам и обрушиваясь с отвеса, клокотал и пенился прямо у них под ногами и убегал гладко вытесанным отводным руслом за гребень по левую руку от них: с востока на запад. На гребне, возле обрыва неподвижно стоял часовой и смотрел вниз.

Фродо поглядел, как пляшут и сплетаются масляночерные струи, потом обвел глазами дали. Охладевшая земля замерла в ожиданье рассвета. На западе опускалась круглая белая луна. Широкою долину заволокли туманы; под их

густой осеребренной пеленой катил темные воды Андуйн. За ним вставала чернота, пронизанная острыми, призрачно-светлыми зубьями Эред-Нимрайса, снеговых Белых гор княжества Гондор.

Фродо стоял, смотрел, и его пробирала дрожь: он думал, где затерялись в бескрайних ночных просторах его бывшие спутники. Идут они, спят или туман пеленает их оцепеневшие тела? Как хорошо было спать и не помнить, зачем его сюда привели.

Сэм этого тоже не мог понять и пробормотал наконец лишь для хозяйских ушей:

— Зрелище, сударь, на зависть, слов нет, да вот немного зябко, как бы не очочуриться!

Но услышал его не Фродо, а Фарамир.

— Луна заходит над Гондором, — сказал он. — Прекрасная Итил, покидая Средиземье, ласкает прощальным взором седовласый Миндоллуин. Не жаль и озябнуть немного. Но я не затем вас сюда привел, хотя тебя-то, Сэммиум, я во все и не звал, ты расплачиваешься за свою неусыпную бдительность. Ничего, глотнешь вина — согреешься. Пойдемте, я вам кое-что покажу!

Он подошел к безмолвному часовому над черным обрывом, и Фродо не отстал от него, а Сэм поплелся за ними. Ему было сильно не по себе на этой высокой скользкой скале. Фарамир указал Фродо вниз. Из пенистого озера поток устремлялся к скалам, заполнял глубокий овальный водоем, покрутившись там, находил узкий сток и с ропотом, пенясь, убегал вниз, на отлогий склон. Луна косо освещала подножие водопада; поблескивал бурливый водоем. Вскоре Фродо увидел на его ближнем краю черную фигурку, но она тут же, точно почуяв взгляд, нырнула и исчезла в клубящейся темной воде, рассекая ее, как стрела или брошенный плашмя камушек.

Фарамир повернулся к часовому.

— Теперь что скажешь, Анборн? Белка или, может, зимородок? Как там, на озерах Лихолесья, черные зимородки водятся?

— Кто это ни есть, только не птица, — отвечал Анборн. — О четырех конечностях и ныряет по-людски, да надо сказать, очень сноровисто. Чего ему там надо? Ищет лазейку к нам под Занавесь? Похоже, они до нас добираются. У меня с собой лук, и я расставил еще четверых вокруг пруда, стреляют немногим хуже меня. Как прикажешь, сразу подстрелим.

— Стрелять? — спросил Фарамир, быстро обернувшись к Фродо. Фродо помешкал. Потом сказал:

— Нет. Нет! Очень прошу, не стреляйте в него!

Сэм не решился, а надо бы сказать «да», поскорее и погромче. Ему было ничего не видно из-за спин, но он сразу догадался, о ком речь.

— Так ты, стало быть, знаешь, что это за тварь? — спросил Фарамир. — Тогда скажи, почему надо его пощадить. Ты о нем почему-то ни разу даже не упомянул, о своем заблудшем спутнике, и я решил не допытываться, лишь велел его поймать и привести. Послал своих лучших охотников, но он и их провёл и вот только сейчас объявился; один Анборн видел его в сумеречный час. Теперь на нем вина потяжелее: что там ловля кроликов на угорье! Он посмел проникнуть в Хеннет-Аннун — за это платят жизнью. Дивлюсь я ему: такой ловкач и хитрец, а резвится в пруду под самым нашим Окном. Может быть, он думает, что люди ночью спят и ничего не видят? С чего это он так оплошал?

— На этот вопрос целых два ответа, — сказал Фродо. — Во-первых, с людьми он мало знаком, и какой он ни хитрец, а прибежище ваше так укрыто, что он о нем ведать не ведает. Во-вторых, я думаю, что его сюда неодолимо влечет и он потерял голову.

— Влечет, говоришь ты? — переспросил Фарамир вполголоса. — Уж он не догадался ли о твоей тяжелой ноше?

— Он знает о ней. Он сам таскал ее много лет.

— Он таскал? — У Фарамира от изумленья дух перехватило. — А я-то думал, все загадки позади. Так он за ним охотится?

— Не теряет из виду. Оно у него зовется «Прелесть». Но сейчас не оно влечет его.

— Чего же ему надо?

— Рыбы, — сказал Фродо. — Смотри!

Они глядели вниз на темный пруд. Черная голова вынырнула в дальнем конце, в тени скал. Блеснуло серебро, пробежала мелкая рябь, и на диво проворная лягушачья фигурка выпрыгнула из воды на берег, уселась и впилась зубами во что-то серебристое, снова блеснувшее в последних лунных лучах: луна скрылась за утесом с другой стороны пруда.

Фарамир тихо рассмеялся.

— Рыбы! — сказал он. — Ну, это не столь губительно. Хотя как сказать: рыбка из пруда Хеннет-Аннуна обойдется ему очень дорого.

— Я прицелился, — сказал Анборн. — Стрелять или нет? Незванным гостям у нас одна кара — смерть.

— Погоди, Анборн, — сказал Фарамир. — На этот раз все не так просто. Что скажешь, Фродо? Почему его щадить?

— Это жалкая, изголодавшаяся тварь, — сказал Фродо. — Он не знает, что ему грозит. И Гэндальф, ваш Митрандир, наверняка просил бы уже поэтому не убивать его, а есть и другие причины. Эльфам он запретил его убивать: я точно не знаю почему, а о догадках своих лучше промолчу. Однако же тварь эта имеет касательство к тому, что мне поручено. Прежде чем ты нас нашел, он был моим провожатым.

— Провожатым! — повторил Фарамир. — Диковинные дела. Я готов на многое для тебя, Фродо, но это, пожалуй, слишком: отпустить поганого хитреца как ни в чем не бывало, чтобы он опять к вам пристал, коль того пожелает, или попался оркам, которые вывернут его наизнанку? Нет, его надо убить или хотя бы изловить. Изловить немедля или убить. Но кто угонится за этим скользким оборотнем, кроме пернатой стрелы?

— Давай я тихонько спущусь к нему, — сказал Фродо. — Держите луки наготове: если я его упущу, подстрелите меня. Я не убегу.

— Ступай, да поскорей! — сказал Фарамир. — Если повезет ему остаться в живых, то по гроб жизни он обязан быть твоим верным слугой. Проведи Фродо на берег, Анборн, только поосторожнее: у него что чутье, что слух. Дай мне твой лук.

Анборн что-то проворчал под нос и повел Фродо вниз по винтовой лестнице до площадки, оттуда вверх другой лестницей, и наконец они выбрались из узкой расщелины, укрытой за кустами. Фродо оказался на высоком южном берегу пруда. Стало темно, лишь водопад серел в меркнущих лунных отсветах.

Горлума видно не было. Фродо сделал несколько шагов; за ним неслышно следовал Анборн.

— Иди! — выдохнул он в ухо Фродо. — Справа круча. Если свалишься в пруд, выручать тебя будет некому, кроме твоего дружка-рыболова. И не вздумай удрать, не забудь, что рядом лучники, хоть их тебе и не видно.

Фродо пополз вперед по-горлумски, на карачках, ощупывая каждую пядь. Каменная тропа была ровная и гладкая, но очень скользкая. Он застыл и прислушался; сперва был слышен только шум водопада позади, потом он различил совсем недалеко сиплое бормотанье.

— Рыбка, славненькая рыбка. Белая Морда убралась, прелессть моя, наконец-то убралась, да-ссс. Можно скушененькать рыбку спокойно, нет, не спокойно, прелессть. Нашу Прелессть унесли, да, унесли. Гадкие хоббиты, пасскудные хоббиты. Бросили нас, *горлум*; и Прелесть унесли. Осстался один бедненький Смеагорл. Прелести нет. Мерзкие люди, хотят украсть мою Прелесть. Ненависстные воры! Рыбка, вкусненькая рыбка. Мы подкрепимся, станем сильнее всех. Зоркие глазки, сильные цепкие пальчики, да-ссс. Мы их передушим, прелесть. Мы их всех передушим, мы изловчимся. Вкусненькая рыбка. Славненькая рыбка!

И так оно продолжалось почти без умолку, как шум водопада; на придачу слышалось чавканье, хлюпанье и урчанье. Фродо вздрагивал от жалости и омерзения. Хоть бы он замолк, хоть бы никогда больше не слышать этого голоса. Анборн за пять-десять шагов. Можно отползти и сказать ему — пусть стреляют. Они, наверно, совсем близко подобрались, пока Горлум обжирается. Одна меткая стрела, и Фродо больше никогда не услышит этого мерзостного голоса. Но нет, нельзя, Горлум вправе на него полагаться. Слуга вправе полагаться на хозяина, на его заступничество. Без Горлума они бы утонули в Мертвецких Болотах. И Фродо чутьем знал, что Гэндальф не допустил бы убийства.

— Смеагорл! — тихо позвал он.

— Рыбка, вкусненькая рыбка, — сипел голос.

— Смеагорл! — сказал он погромче.

Голос смолк.

— Смеагорл, хозяин ищет тебя. Хозяин пришел. Иди сюда, Смеагорл!

Ответа не было, лишь тихий присвист, точно воздух втянули сквозь зубы.

— Иди сюда, Смеагорл! — повторил Фродо. — Тут опасно. Люди убьют тебя, если найдут. Иди скорее, если хочешь остаться в живых. Иди к хозяину!

— Нет! — сказал голос. — Злой хозяин. Оставил бедненького Смеагорла и завел себе новых друзей. Пусть хозяин подождет. Смеагорл не успел покушененькать.

— У нас нет времени, — сказал Фродо. — Возьми с собой рыбу. Иди сюда!

— Нет! Сначала Смеагорл съест рыбку!

— Смеагорл! — позвал Фродо, отчаиваясь. — Прелесть рассердится. Я возьму в руку Прелесть и скажу: пусть Смеагорл подавится костями. И никогда больше не отведаст рыбки. Иди, Прелесть ждет!

Зашипев по-змеиному, Горлум выскочил из темноты на четвереньках, словно пес к ноге. В зубах у него была полусъеденная рыбина, в руке другая, целая. Он приблизился к Фродо вплотную и обнюхал его с бледным огнем в глазах. Потом вытащил рыбину изо рта и выпрямился.

— Добренький хозяин! — прошептал он. — Славненький хоббит, вернулся

к бедненькому Смеагорлу. Послушненького Смеагорла позвали, и он сразу пришел. Пойдем, пойдем скорее, да-ссс. Деревьями, лесом, пока Морды спрятались. Да, да, пойдем скорее!

— Да, мы скоро пойдем, — сказал Фродо. — Но еще не сейчас. Я пойду с тобой, как обещал. И снова обещаю. Но не сейчас. Сейчас опасно. Я спасу тебя, но ты мне должен верить.

— Верить хозяину, зачем? — насторожился Горлум. — Зачем не сразу идти? Куда подевался другой, скверный, грубый хоббит? Где он спрятался?

— Там, наверху, — сказал Фродо, махнув рукой в сторону водопада. — Я без него не пойду. Пошли, надо к нему вернуться. — Ему было тошно. Слишком похоже на обман. Едва ли, конечно, Фарамир велит убить Горлума, но связать, разумеется, свяжет: и, уж конечно, это будет предательством в глазах несчастного, завязанного предателя. Как ему потом объяснишь, разве он поверит, что Фродо спас ему жизнь и иначе спасти ее не мог? Как тут быть? Невозможно угодить и нашим, и вашим, а все ж таки надо попытаться. — Идем! — сказал он. — А то Прелесть рассердится. Мы вернемся вверх по реке. Пойдем, пойдем, иди вперед!

Горлум пополз по краю пруда, недоверчиво пригнувшись, остановился и поднял голову.

— Здесь кто-то есть! — шепнул он. — Не хоббит, нет. — И вдруг отпрянул назад. Выпученные глаза его зажглись зеленым огнем. — Хозяин, хозяин! — засипел он. — Злой! Скверный! Ненависстный изменник!

Он заплевался; хваткие длинные белые пальцы метнулись к горлу Фродо.

Но позади выросла большая темная фигура Анборна; крепкая рука обхватила загривок Горлума и пригвоздила его к земле. Он чуть не вывернулся: мокрый, юркий и скользкий, как угорь, кусачий и царапучий, как кот. Но из темноты появились еще два человека.

— А ну, смирно! — сказал один из них. — Сейчас так истыкаем стрелами — за ежа сойдешь. Смирно, говорю!

Горлум обмяк, заскулил и захныкал. Его связали туго-натуго.

— Осторожнее же! — сказал Фродо. — Силу-то соразмеряйте, не делайте ему больно, пожалуйста, и он присмирееет. Смеагорл! Они не обидят тебя. Я пойду с тобой, и все будет хорошо, жизнью своей ручаюсь. Верь хозяину!

Горлум обернулся и плюнул в него. Воины нахлобучили ему мешок на голову, подняли и понесли.

Фродо шел за ними, расстроенный и угнетенный. Пролезли в расщелину и по длинным лестницам и переходам возвратились в пещеру. Пылали два-три факела. Воины шевелились во сне. Сэм был уже там; он недобрым взглядом посмотрел на мяклый сверток.

— Попался голубчик? — спросил он у Фродо.

— Да. Нет, его не ловили: я его подманил, а он мне поверил на слово. Я просил его так не связывать. Надеюсь, он цел остался, но мне тошно и стыдно.

— Мне тоже, — угрюмо вздохнул Сэм. — С этой мразью пакости не оберешься.

Воин жестом пригласил их в закуток. Фарамир сидел в кресле; в нише над его головой снова зажгли лампаду. Он указал хоббитам на скамейки.

— Принесите вина гостям, — велел он. — И давайте сюда пленника.

Вино принесли; потом Анборн притащил Горлума. Он сдернул мешок с его

головы и поставил его на ноги, а сам встал сзади — придерживать. Горлум подслеповато моргал, пряча злобищу за набрякшими веками. Выглядел он жалко донельзя: с него стекала вода, от него воняло рыбой (одну рыбину он сжимал в руке), жидкие космы облепили костистый лоб, точно водоросли; под носом висели сопли.

— Развяжите нас! Развяжите нас! — молил он. — Нам болестно, болестно от гадкой веревки, мы ничего плохого не сделали!

— Ничего? — спросил Фарамир, пристально разглядывая омерзительную тварь; в лице его не было ни гнева, ни жалости, ни удивления. — Так-таки ничего? Ты ничем не заслужил ни такого обращения, ни более тяжелой кары? Ну, об этом, по счастью, не мне судить. Этой ночью, однако, ты заслужил смерть, ибо ценою жизни ловится рыбка в нашем пруду.

Горлум выронил рыбину.

— Мы не хотим рыбки, — сказал он.

— Да не в рыбке дело, — сказал Фарамир. — Смерти повинен всякий, кто издали посмотрит на пруд. Я пощадил тебя пока лишь потому, что за тебя просил Фродо: он говорит, будто чем-то тебе обязан. Но решаю здесь я. И мне ты скажешь, как тебя зовут, откуда ты взялся, куда идешь и какое твое занятие.

— Мы сгинули, нас нет, — простонал Горлум. — Нас никак не зовут, нету у нас занятия, нет Прелессти, нет ничего. Все пусто. И пустой живот: мы голодные, да, мы голодные. Две мерзкие рыбки, костлявые, гадкие рыбки, и нам говорят: ссмерть. Столько в них мудрости, столько справедливости!

— Мудрости, пожалуй, немного, — сказал Фарамир. — Но поступим по справедливости, как велит нам наша малая мудрость. Освободи его, Фродо.

Фарамир извлек кинжальчик из ножен у пояса и протянул его Фродо. Горлум завизжал в смертельном ужасе и шлепнулся на пол.

— Ну же, Смеагорл! — сказал Фродо. — Ты должен верить мне. Я тебя не оставлю. Отвечай, если можешь, по всей правде. Увидишь, плохо не будет.

Он разрезал тугие путы на кистях и лодыжках Горлума и поднял его стоймя.

— Подойди! — приказал Фарамир. — Смотри мне в глаза! Ты знаешь, как называется это место? Ты бывал здесь прежде?

Горлум медленно, нехотя поднял тусклые глаза и встретил ясный и твердый взгляд воина Гондора. Стояло молчание; потом Горлум уронил голову и осел на карачки, мелко дрожа.

— Мы не знаем, как называется, и знать не хотим, — проскулил он. — Никогда мы здесь не были; никогда сюда не возвратимся.

— В душе у тебя сплошь запертые двери и наглухо закрытые окна, и черно там, как в подвале, — сказал Фарамир. — Но сейчас, я вижу, ты говоришь правду. Тем лучше для тебя. Какой же клятвой поклянешься ты никогда сюда не возвращаться и ни словом, ни знаком не выдать разведанный путь?

— Хозяин знает какой, — сказал Горлум, покосившись на Фродо. — Да, он знает. Мы поклянемся хозяину, если он нас спасет. Мы поклянемся Ею, да ссс. — Он извивался у ног Фродо. — Спаси нас, добренький хозяин! — хныкал он. — Смеагорл поклянется Прелестью, принесет страшную клятву. Он не возвратится, он ни за что никому не выдаст, нет, никогда! Нет, прелесть, ни за что!

— Ты ему веришь? — спросил Фарамир.

— Да, — сказал Фродо. — И тебе придется либо поверить, либо исполнить закон вашей страны. Большого ты не дождешься. Но я обещал, что если он подойдет ко мне, то останется жив, и обманывать мне не пристало.

Фарамир посидел в раздумье.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Препоручаю тебя твоему хозяину Фродо, сыну Дрого. Пусть он объявит, как поступит с тобой!

— Однако же, государь, — сказал Фродо, поклонившись, — ты сам еще не объявил свое решение касательно поименованного Фродо, и, пока оно неизвестно, оный хоббит не может ни строить планы, ни распоряжаться судьбою спутников. Твой приговор был отложен на завтра; и вот завтра настало.

— Что ж, изрекаю свой приговор, — сказал Фарамир. — Итак, Фродо, властью, дарованной мне, объявляю, что ты волен пребывать в древних пределах Гондора где тебе заблагорассудится, и лишь в сие место не изволь являться, не быв зван, ни один, ниже с кем бы то ни было. Приговор сей действителен отныне год и один день, а затем теряет силу свою, буде ты не явишься до истечения указанного срока в Минас-Тирит и не предстанешь пред очи Наместника и Градоправителя. А явишься — я испрошу его дозволения продлить право твое пожизненно. Покамест же всякий, кого ты примешь на поруки, тем самым принимается под мою заступу, под щит Гондора. Удовлетворен ли ты?

Фродо низко поклонился.

— Удовлетворен, — сказал он. — И прошу считать меня преданным слугою, если преданность моя имеет достоинство в глазах высокого правителя.

— Имеет, и немалое, — сказал Фарамир. — Итак, берешь ли ты ответчика Смеагорла на поруки?

— Беру на поруки ответчика Смеагорла, — произнес Фродо.

Сэм шумно вздохнул, но не по поводу избыточных церемоний — нет, он, как истый хоббит, всецело их одобрял и лишь сожалел, что поклонов и словес было маловато, в Хоббитании за месяц бы не управились.

— Помни же, — сказал Фарамир, обращаясь к Горлуму, — что тебе вынесен смертный приговор, но, пока ты состоишь при Фродо, от нас тебе ничего не грозит. Однако, встретив тебя без него, любой гондорец немедля приведет приговор в исполнение. И да постигнет тебя скорая и злая смерть, будь то в Гондоре или за его пределами, если ты обманешь доверие хозяина. Теперь отвечай мне: куда вы идете? Он говорит, что ты был его провожатым. Куда же ты вел его?

Горлум не отвечал.

— Отмолчаться не удастся, — сказал Фарамир. — Отвечай или приговор мой станет жестче!

Но Горлум и тут не ответил.

— Я отвечу за него, — сказал Фродо. — Он привел нас, как я просил, к Черным Воротам; но Ворота были заперты.

— Отпертых ворот в этой стране нет, — сказал Фарамир.

— Увидев это, мы свернули в сторону и пошли южной дорогой, — продолжал Фродо, — ибо он сказал, что там есть или может отыскаться тропа близ Минас-Итила.

— Минас-Моргула, — поправил Фарамир.

— В точности я не понял, — сказал Фродо, — но, кажется, к северу от старой крепости уходит высоко в горы тропка, ведет к темному переходу, а с той сто-

роны из расщелины вниз на равнину... и так далее.

— А ты знаешь, как называется этот темный переход? — спросил Фарамир.

— Нет, — сказал Фродо.

— Он называется Кирит-Унгол.

Горлум с присвистом втянул воздух и забормотал себе под нос.

— Так или не так? — обратился к нему Фарамир.

— Нет! — отрезал Горлум и вдруг завопил, точно его ткнули кинжалом: — Да, да, мы слышали это название: зачем нам его знать? Хозяин сказал, ему нужно пройти, и, раз проход есть, мы постараемся. Больше нигде пройти нельзя, нет.

— Больше нигде? — спросил Фарамир. — А ты откуда знаешь? Никто не обходил рубежи черного государства. — Он долго и задумчиво смотрел на Горлума и наконец сказал: — Забери его отсюда, Анборн. Помягче с ним, но глаз не спускай. А ты, Смеагорл, не вздумай нырнуть в озеро: там очень острые скалы и смерть постигнет тебя раньше времени. Уходи и возьми свою рыбину!

Горлум приниженно потащился к выходу; Анборн пошел следом, по знаку Фарамира задернув занавеску.

— Фродо, по-моему, ты поступаешь безрассудно, — сказал Фарамир. — По-моему, не надо тебе с ним идти. Порченная это тварь.

— Ну, не совсем порченная, — возразил Фродо.

— Может быть, и не совсем, — согласился Фарамир, — но злоба изгрызла его насквозь. Он вас до добра не доведет. Расстанься с ним, я дам ему пропуск, а лучше провожатого до любого пограничья Гондора.

— Он не согласится, — сказал Фродо. — Он потащится за мной, как уж давно таскается. И я подтвердил обещание взять его на поруки и пойти, куда он сказал. Ты ведь не хочешь склонить меня к вероломству?

— Нет, — сказал Фарамир. — Но у меня сердце не на месте. Конечно, одно дело — нарушить слово самому, другое — советовать это другу, который вслепую бредет по краю пропасти. Ну да если он все равно за тобой увяжется, то лучше уж пусть будет на глазах. Однако ж не думаю, что ты должен идти с ним через Кирит-Унгол, о котором он говорит далеко не все, что знает: это яснее ясного. Не ходи через Кирит-Унгол!

— А куда мне идти? — сказал Фродо. — Назад к Черным Воротам, сдаваться стражникам? Почему тебя так пугает название, что ты знаешь об этом переходе?

— Ничего достоверного, — сказал Фарамир. — В наши дни гондорцы не заходят восточнее большака, а уж мы, кто помоложе, и подавно там не были и близко не подходили к Изгарным горам. Старинные слухи да древние сказания — больше положиться не на что. Но в памяти людской переход над Минас-Моргулом таит безымянный ужас. Когда говорят «Кирит-Унгол», наши старцы и знатоки преданий бледнеют и смолкают.

Долину Минас-Моргула мы потеряли давным-давно, и чудовищной стала она, еще когда изгнанный Враг не возвратился, а Итилия большей частью пребывала под нашей державой. Как ты знаешь, там некогда высилась могучая, дивная, горделивая крепость Минас-Итил, сестра-близнец нынешней столицы. Но ее захватили шайки бесчисленных головорезов, прежних наймитов Врага, которые разбойничали в тех краях после его низвержения. Говорят, их

предводителями были нуменорцы, поработанные злом, владельцы властительных Колец, пожранные ими и превратившиеся в живые призраки, жуткие и лютые. Они сделали Минас-Итил своим обиталищем и объяли тленом ее и окрестную долину. Казалось, крепость пуста, но это лишь казалось, ибо нежить царила в разрушенных стенах: Девять Кольценосцев, которые по возвращении их Владыки, тайно приуготованном, безмерно усилились, и Девять Всадников выехали из обители ужаса, и мы не смогли им противостоять. Не подходи к их полой твердыне. Тебя выследят: неживые не спят и не гаснут их безглазые глазницы. Не ходи этим путем!

— А каким прикажешь идти? — спросил Фродо. — Ты же не можешь, сам говоришь, довести меня до гор и перевести через них. Мне нужно за горы, я дал на Совете торжественное обещание найти туда путь или погибнуть. А если я убоюсь страшной участи и пойду на попятный, куда я направлюсь? К эльфам? К людям? Не в Гондор же нести залог лиходейства, ополоумивший твоего брата? Какие чары опутают тогда Минас-Тирит? Хочешь, чтобы два Минас-Моргула, как два черепа, скалились друг на друга через мертвенную пустыню?

— Нет, этого я не хочу, — сказал Фарамир.

— А что тогда прикажешь мне делать?

— Не знаю. Только мучительно мне мысль, что ты идешь на смерть или на пытку. И вряд ли Митрандир избрал бы этот путь.

— Но Митрандира нет, и я должен сам избирать путь, какой найдется. А искать некогда.

— Роковое решение и безнадежная затея, — сказал Фарамир. — Но послушай меня хоть в этом: берегись своего провожатого, Смеагорла. У него на совести не одно убийство: я это вижу как на ладони. — Он вздохнул. — Ну что ж, вот мы и расстаемся, Фродо, сын Дрого. Тебе ни к чему слова утешенья, и едва ли суждено нам с тобой свидеться на земле. Будь благословен — и ты, и весь твой народ. Немного отдохни, пока вам соберут в дорогу припасов.

Охотно послушал бы я, как этот ползучий Смеагорл завладел тем залогом, о котором шла речь, и как он утратил его, но сейчас тебе не до рассказов. А если ты все же вернешься к живым из смертного мрака, то мы сядем с тобою на солнце у белой стены, будем с улыбкой повествовать о минувших невзгодах — тогда расскажешь и об этом. Но до той несбыточной поры или до иных, нездешних времен, незримых даже в глубине всевидящих Камней Нуменора, — прощай!

Он встал, низко поклонился Фродо и, отдернув занавес, вышел в пещеру.

Глава VII К развилку дорог

Фродо и Сэм вернулись на свои постели и долеживали молча, а люди кругом вставали и возвращались к дневным заботам. Вскоре им принесли умыться, потом проводили к столику, накрытому на троих, где уже сидел Фарамир. Он целые сутки не спал, даже не прилег отдохнуть после битвы, но словно бы и не утомился.

Позавтракали и сразу поднялись из-за стола.

— Голодать в пути не след, — сказал Фарамир, — а припас ваш скудный, и я велел уложить вам в котомки понемногу дорожной снеди. Водой Итилия бога-

та, только не пейте из рек и ручьев, протекающих через Имлад-Моргул, Неживую Логовину. И вот еще что: мои разведчики и дозорные все возвратились, даже те, кто ходил к Мораннону. И все доносят, что край пуст — никого на дорогах, нигде ни звука: ни шагов, ни рога, ни тетивы. Черная страна, да не будет она названа, замерла. Понятно, что это предвещает: вот-вот грянет великая буря. Поторопитесь! Если вы готовы, пойдёмте, скоро уж солнце выглянет из-за вечной тени Изгарных гор.

Хоббитам принесли потяжелевшие котомки и два крепких посоха: полированные, с железным наконечником и резной рукоятью с продернутой ременной косицей.

— Мне нечем одарить вас на прощанье, — сказал Фарамир, — возьмите хоть посохи. Пригодятся и на бездорожье, и в горах: с такими ходят горцы Эред-Нимрайса, а эти обрезаны вам по росту и заново подбиты. Они из добротной древесины *лебетрона*, излюбленной гондорскими столярами, и есть поверье, будто волшебное это дерево помогает найти, что ищешь, и благополучно вернуться. Да сохранит волшебство свою светлую силу в сумраке зла!

Хоббиты низко поклонились.

— О радушный хозяин, — сказал Фродо, — мне предрекал Полуэльф Элронд, что на пути мы встретим нежданных и негаданных помощников. Но поистине я не ждал и не чаял встретить такое радушие; оно несказанно утешило меня в моей скорби.

Приготовились к отходу. В каком-то закоулке отыскали и привели Горлума, и он был не такой разнесчастный, как давеча, только жался к Фродо и избегал взгляда Фарамира.

— Вашему проводнику мы завяжем глаза, — сказал Фарамир, — но ты и слуга твой Сэммиум свободны от этой повинности.

Когда подошли к Горлуму с повязкой, он завизжал, увернулся и схватился за Фродо, а тот сказал:

— Завяжите глаза всем троим, мне первому; может, он тогда поймет, что его не хотят обидеть.

Так и сделали; из пещеры Хеннет-Аннуна провели их переходами и лестницами, и в лицо им пахнул свежий, душистый утренний воздух. Еще немного прошли вслепую, спустились под гору, и голос Фарамира приказал снять повязки.

Над их головой покачивались ветви, перешептывалась листва; рокот водопадов смолк, они остались за длинным южным склоном холма, отделившим их от реки. На западе лес сквозил, как над обрывом на краю света.

— Здесь нам расходиться, — сказал Фарамир. — Послушайте меня и пока не сворачивайте к востоку. Ступайте прямо: много миль пройдете под покровом леса. Справа за опушкой спуск в широкую долину, местами обрывистый, местами пологий. Держитесь у края леса, поближе к этим склонам. Поначалу, я думаю, вам и дневной свет не помеха: земля объята ложным покоем и зло затаилось. Воспользуйтесь этим!

Он обнял хоббитов, по гондорскому прощальному обыкновению положил им руки на плечи и, склонившись, поцеловал в лоб.

— Ступайте же, и добро да будет вашей обороной! — сказал он.

Они поклонились земным поклоном. Он, не оборачиваясь, пошел к дру-

жинникам, дожидавшимся поодаль. Во мгновение ока все три зеленых воина исчезли, затерялись в лесу, и пусто было там, где сейчас только стоял Фарамир, словно все, что случилось, было во сне.

Фродо вздохнул и повернулся лицом к югу. Для пущего неуважения Горлум копошился во мху под корневищем.

— Убралиссь наконец-то? — спросил Горлум. — Мерзкие, злые людишки! У Смеагорла шейнька еще болит, да, да-ссс. Пойдем скорее!

— Да, пошли, — сказал Фродо. — Но чем бранить тех, кто сжалился над тобой, лучше бы помолчал!

— Добренький хозяин! — сказал Горлум. — Нельзя уж и пошутить Смеагорлу. Он всех всегда сразу прощает, да-да, и хозяину простил его обманцы. Такой добренький хозяин, такой послушенький Смеагорл!

Фродо и Сэм смолчали, вскинули за плечи котомки, взяли посохи и двинулись в путь по итильскому лесу.

Дважды за день они отдохнули и поели Фарамировой снеди: сухих фруктов и солонины — запас многодневный, а хлеба ровно столько, чтоб не зачерствел. Горлум от еды отказался.

Солнце взошло, невидимкой проплыло по небесам и вот уж садилось, расструив золотистый свет по западной окраине леса, а они все шли и шли в прохладном зеленом сумраке, в глухой тишине. Все птицы либо улетели, либо онемели.

В молчаливом лесу быстро смеркло, и они заночевали, притомившись: семь лиг, не меньше, прошли от Хеннет-Аннуна. Фродо разлегся на мшистой подстилке возле старого дерева и спал всю ночь без просыпу, зато Сэм рядом с ним то и дело поднимал голову, но Горлума было не видать — он как улизнул сразу, так и не показываясь: может, забился в какую дыру, а может, живоглотничал; вернулся он с первым лучом и разбудил спутников.

— Вставать надо, вставать! — сказал он. — Еще далеко идти, на юг и потом на восток. Хоббитам лучше поспешить!

День прошел, как и накануне, только безмолвие углублялось; воздух отяжелел, и парило под деревьями. Казалось, вот-вот зарокочет гром. Горлум останавливался, принюхивался, бормотал под нос и торопил их.

На третьем дневном переходе, уже под вечер, лес поредел, деревья покрупнели. Среди полян угрюмо и важно раскинули ветви огромные падубы, между ними высились дряхлые лишайистые ясени, могучие дубы пустили буро-зеленую поросль. В траве на прогалинах пестрели цветочки ветреницы и чистотела, белые и голубые, свернувшиеся на ночь; из заплесневелых россыпей листовых лесных гиацинтов пробивались глянцевиные молодые ростки. Нигде ни зверя, ни птицы, но Горлум испугался открытых мест, и они, пригибаясь, перебежали из тени в тень.

Уже в полумраке вышли они на опушку и уселись под старым шишковатым дубом, чьи змеистые корни торчали над сыпучим обрывом. Перед ними расстилалась тусклая глубокая долина; на дальней ее стороне снова густел и тянулся на юг серо-голубой лес в дымчатом полумраке.

Справа, далеко на западе, розовели в закатных огнях кряжи Белогорья. Слева застыла тьма: там возвышались утесистые стены Мордора, и туда, сужаясь

от Великой Реки, вклинивалась долина. По дну ее бежал поток, и его ледяной голос нарушал глухое безмолвие; подле него беловатой лентой вилась дорога, теряясь в исчерна-серой мгле, не тронутой ни отблеском заката. Фродо почувствовалось, будто он различает у берега Андуина как бы на плаву в тумане верхушки и шпили высоких разрушенных башен. Он обернулся к Горлуму.

— Ты знаешь, где мы сейчас?

— Да, хозяин. Это опасные места. Дорога от Лунной Башни к развалинам города на берегу реки. Мерзкие развалины, там полным-полно врагов. Не надо было слушать людей. Хоббиты далеко отошли от тропы. Сейчас нужно идти на восток, туда, наверх, — он махнул жилистой рукой в сторону мрачных гор. — А по дороге идти нельзя, нет-нет! Ее посылают стеречь страшных людей из Башни.

Фродо поглядел на дорогу. Она, безлюдная и пустынная, вела в туман, к заброшенным руинам. Но было зловещее чувство, будто по ней и в самом деле проходят существа, незримые глазу. Фродо, зябко передернувшись, снова взглянул на дальние шпили, тонувшие в сумерках, и словно заново услышал леденящий плеск реки, голос Моргулдуина, отравленного потока из логовины призраков.

— Как же нам быть? — сказал он. — Шли мы долго, прошли много. Может быть, пока не будем выходить из леса, спрячемся где-нибудь и переночуем?

— Незачем прятаться в темноте, — сказал Горлум. — Днем пусть прячутся хоббиты, да, днем.

— Да ладно тебе! — сказал Сэм. — Отдохнуть-то все равно надо, хоть до полуночи, а потом уж потащимся в темноте, коли ты и правда дорогу знаешь.

Горлум нехотя согласился, и они побрели вслед за ним назад по бугристой опушке, забирая к востоку. Он опасался ночевать на земле так близко от страшной дороги, и они надумали забраться в развилину огромного падуба, под густую сень пучка ветвей: устроились скрытно и уютно, а уж темно было хоть глаз выколи. Фродо и Сэм глотнули воды и поели хлеба с сушеными фруктами; Горлум тут же свернулся и заснул. Хоббиты глаз не смыкали.

Проснулся Горлум, должно быть, немного за полночь: они вдруг увидели два бледных, мерцающих огня. Он вслушался и принюхался; хоббиты давно заметили, что так он определял время ночью.

— Мы отдохнули? Мы хорошо поспали? — спросил он. — Тогда пошли.

— Не отдохнули и не поспали, — проворчал Сэм. — Надо, так идем.

Горлум спрыгнул с дерева сразу на карачки, хоббиты медленно слезли. Он повел их вверх по склону на восток. Стемнело так, что они чуть не наталкивались на деревья. Идти в темноте по буеракам было трудновато, но Горлума это не смущало. Он вел их сквозь кустарник и заросли куманики, огибал глубокие овраги; иногда они спускались в темные кустистые ложбинки и выбирались оттуда, а восточные скаты становились все круче. Оглянувшись на первом привале, они увидели, что лес остался далеко внизу, он лежал огромной тенью, словно сгустившаяся темнота. Темень еще гуще напознала с востока, и меркли без следа крохотные мутные звездочки. Потом из-за длинной тучи выглянула заходящая луна в мутно-желтой поволоке.

Наконец Горлум обернулся к хоббитам.

— Скоро день, — сказал он. — Надо хоббитцам поторопиться. Здесь днем

нельзя на открытых местах, совсем нельзя. Скорейньки!

Он пошел быстрее, и они еле поспевали за ним. Началась большая круча, заросшая утесником, черникой и низким терном; то и дело открывались обугленные прогалы, следы недавнего огня. Наверху утесник рос сплошняком: высокий, старый и тощий понизу, он густо ветвился и осыпан был желтыми искорками-цветками с легким пряным запахом. Хоббиты, почти не пригибаясь, шли между шиповатых кустов по колкой мшистой подстилке.

Остановились на дальнем склоне горбатого холма и залезли отдохнуть в терновую заросль: глубокую рытвину прикрывали оплетенные вереском иссохшие узловатые ветви-стропила, кровлей служили весенние побеги и юная листва. Они полежали в этом терновом чертоге. Устали так, что и есть не хотелось, выглядывали из-под навеса и дожидались дня.

Но день не наступил: разлился мертвенно-бурый сумрак. На востоке под низкой тучей трепетало багровое марево — не рассветное, нет. Из-за бугристого всхолмья супились кручи Эфель-Дуата, стена ночного мрака, а над нею черные зазубренные гребни и угловатые вершины в багровой подсветке. Справа громоздился еще чернее высокий отрог, выдаваясь на запад.

— В какую нам сторону? — спросил Фродо. — Там что, за этим кряжем, логовина Моргула?

— А чего примериваться? — сказал Сэм. — Дальше-то пока не пойдем, все-таки день, какой ни на есть.

— Может быть, пока и не пойдем, может быть, и нет, — сказал Горлум. — Но идти надо скорей — и поскорее к Развилку, да, к Развилку. Хозяин правильно подумал — нам туда.

Багровое марево над Мордором угасло, а сумрак густел: чадное облако поднялось на востоке и проползло над ними. Фродо и Сэм поели и легли, но Горлум мельтешился. Есть он не стал, отпил воды и выполз из рытвины, а потом и вовсе исчез.

— Мышкует небось, — сказал Сэм и зевнул. Был его черед спать, и сон его тут же сморил. Ему снилось, что он возле Торбы-на-Круче и чего-то он такое ищет на огороде, но тяжело навьючен и чуть землю носом не бороздит. Там все почему-то заросло и как-то запаршивело: сплошные репы да купыри, аж до нижней изгороди. «Работенки невпроворот, а я, как на грех, уставши, — приговаривал он и вдруг вспомнил, что ему надо. — Да трубку же!» — сказал он и проснулся.

— Вот дубина! — обругал он себя, открыв глаза и раздумывая, с чего бы это он валяется под забором. Потом сообразил, что трубку искать не надо — она в котомке, а табаку-то нет — и что он за сотни миль от Торбы. Он сел: было темным-темно. Ишь, хозяин додумался: не будить его до самого вечера! — Это вы совсем не спали, сударь? — строго сказал он. — Времени-то сколько? Вроде уж поздно.

— Нет, не поздно, — сказал Фродо. — Просто день становится все темнее. А так-то и за полдень, поди, еще не перевалило, и проспал ты не больше трех часов.

— Интересные дела, — сказал Сэм. — Это что ж, буря собирается? Такой бури небось еще и на свете не бывало. Не худо бы забраться куда и поглубже, а то вон веточками прикрылись. — Он прислушался. — Что это, гром, барабаны

или так просто тарахтит?

— Не знаю, — сказал Фродо. — Уж давно затарахтело. То будто земля дрожит, а то словно кровь стучит в ушах.

Сэм огляделся.

— А где Горлум? — спросил он. — Неужто не приходил?

— Нет, — сказал Фродо. — Ни слуху ни духу.

— Ну, невелика потеря, — сказал Сэм. — Такой кучей дерьма я еще никогда не запасался в дорогу. Это надо же — сто миль провисеть на шее, а потом пропасть, как раз когда в тебе есть нужда, хотя какая в нем нужда — это еще вопрос.

— Ты все-таки не забывай Болота, — сказал Фродо. — Надеюсь, ничего с ним не стряслось.

— А я надеюсь, что он ничего не затевает или хотя бы не угодил, как говорится, в хорошие лапы, а то нам крутенько придется.

Опять прокатилось громыханье, гулче и ближе. Земля под ними задрожала.

— Куда уж круче, — сказал Фродо. — Вот, наверно, и конец нашему путешествию.

— Может, и так, — согласился Сэм, — только мой Жихарь говорил: «Поколь жив, все жив» — и добавлял на придачу: «А не помрешь, так и есть захочется». Вы перекусите, сударь, потом на боковую.

«Хошь — день, а не хошь — как хошь», — говорил себе Сэм, выглядывая из под тернового укрытия; бурая мгла превращалась в бесцветный и непроницаемый туман. Стояла холодная духота. Фродо спал беспокойно, ворочался и метался, бормотал во сне. Дважды Сэму послышалось имя Гэндальфа. Время тянулось по-страшному. Наконец Сэм услышал за спиной шипенье и, обернувшись, увидел Горлума на карачках; глаза его сверкали.

— Вставайте, вставайте! Вставайте, сони! — зашептал он. — Вставайте быстренько! Нельзя мешкать, нисколько нельзя. Надо идти, надо выходить сейчас. Мешкать нельзя!

Сэм недоуменно взглянул на него: перепугался, что ли, или так гоношится?

— Прямо сейчас? Чего это ты вскинулся? Еще не время. Еще и полдничать-то не время: в порядочных домах даже на стол собирать не начали.

— Глупости! — засипел Горлум. — Мы не в порядочных домах. Время уходит, время бежит, потом будет поздно. Мешкать нельзя! Надо идти! Вставай, хозяин, вставай!

Он потряс за плечо Фродо, и Фродо, внезапно разбуженный, сел и перехватил его руку. Горлум вырвался и попятился.

— Без всяких глупостей, — процедил он. — Надо идти. Нельзя мешкать!

Объяснений они от него не добились, не сказал он и где был и с чего так заторопился. Донельзя подозрительно все это было Сэму, но Фродо вникать не хотел. Он вздохнул, вскинул котомку и, видно, готов был брести невесть куда, в густую темень.

Со всей осторожностью вывел их Горлум на гору, прячась, где только возможно, и перебегая открытые места; но едва ли и самый зоркий зверь углядел бы хоббитов в капюшонах и эльфийских плащах, да и бесшумны они были, как сущие хоббиты: ни веточка не хрустнула, ни былинка не прошелестела.

Час или около того они молча шли гуськом в сумраке и полной тишине, лишь изредка погромыхивали то ли раскаты грома, то ли барабаны в горах. Они спускались, забирая все южнее, насколько позволяли буераки. Невдалеке темной стеной возникла купа деревьев. Подобравшись ближе, они увидели, что деревья огромные и очень старые, но все же величавые, хотя обугленные их вершины были обломаны, будто в них была молния — но ни она, ни свирепая буря не смогли стубить их или выдрать из земли вековые корни.

— Развилка, да, — прошептал Горлум, молчавший от самой рытвины. — Нам его не миновать.

Свернув на восток, он повел их в гору, и вдруг перед глазами открылась Южная дорога, извивавшаяся у горных подножий и исчезающая меж деревьев.

— Иначе не пройти, — шепнул Горлум. — За дорогой тропок нет, ни тропочки. Надо дойти до Развилка. Мешкать нельзя! Только ни слова!

Скрытно, будто разведчики во вражеском стане, сползли они вниз к дороге и по-кошачьи крались у западной обочины, подле серого парапета, сами серее камней. И вошли в древесную колоннаду, как в разрушенный дворец под темным пологом небес; и, словно арки, зияли промежутки меж исполинскими стволами. Посреди колоннады крестом расходились четыре дороги: одна вела назад, к Мораннону, другая — на дальний юг; справа вздымалась дорога из древнего Остилиата: она пересекала тракт и уходила на восток, в темноту; туда и лежал их путь.

На миг остановившись в страхе, Фродо вдруг заметил, что кругом посветлело и отблесками дальнего света озарилось лицо Сэма. Он обратил взгляд к прямой, как тугая лента, дороге книзу, на Остилиат. Далеко над скорбным Гондором, одетым тенью, солнце выглянуло из-под медленной лавины туч, и огнистое крыло заката простерлось к еще не оскверненному Морю. И осветилась огромная сидячая фигура, величественная, под стать Каменным Гигантам на Андуйне. Обветренная тысячелетиями, она была покалечена и изуродована недавно. Голову отломали, на место ее в насмешку водрузили валун: грубо намалеванная рожа с одним красным глазом во лбу ухмылялась во весь рот. Колени, высокий трон и постамент были исписаны руганью и разрисованы мерзостными мордорскими иероглифами.

И вдруг Фродо увидел в последних солнечных лучах голову старого государя, брошенную у дороги.

— Гляди, Сэм! — крикнул он, от изумления снова обретя дар речи. — Гляди! Он в короне!

Глаза были выбиты и обколота каменная борода, но на высоком суровом челе явился серебряно-золотой венец. Повелика в белых звездочках благоговейно увила голову поверженного государя, а желтые цветы жив-травы, заячьей капусты осыпали его каменные волосы.

— Не вечно им побеждать! — сказал Фродо.

Но солнечные блики уже пропали, а солнце погасло, как разбитая лампа, и ночная темень стала еще чернее.

Король на распутье. Даррелл Свит

Глава VIII Близ Кирит-Унгола

Горлум дергал Фродо за плащ и трясся от страха и нетерпения.

— Идти, идти надо, — шипел он. — Здесь нельзя стоять. И мешкать нельзя!

Фродо нехотя повернулся спиной к западу и следом за своим провожатым вышел из кольца деревьев дорогой, уводящей в горы. Сперва она тоже вела прямо, но скоро отклонилась на юг, к огромному каменному утесу, виденному с холма; проступая сквозь темноту, он грозно придвинулся к ним. Дорога заползла в его тень и, огибая отвесное подножие, подалась к востоку и круто пошла в гору.

У Фродо и Сэма было так тяжело на сердце, что они перестали заглядывать в будущее, и страх отпустил их. Фродо брел, свесив голову: ноша опять тяготила его. Как только они свернули с Развилка, этот гнет, почти забытый в Итили, усиливался с каждой минутой. Изнывая от крутизны дороги под ногами, он устало поднял взгляд — и увидел ее, в точности как говорил Горлум, прямо над собой: крепость Кольценосцев. Его отшатнуло к парапету.

Длинная долина тeneвым клином вдавалась в горы. По ту ее сторону, на высоком уступе, точно на черных коленях Эфель-Дуата, высились башня и стены Минас-Моргула. Над темной землей застыло темное небо, а крепость светилась, но не тем оправленным в мрамор лунным сияньем, каким лучились некогда стены Минас-Итила, озаряя окрестные горы. Теперь ее свет был болезненномутным, лунно-белесым; она источала его, точно смрадное гниение, светилась, как гниющий труп, не освещая ничего. В стенах и башне зияли черные оконные дыры, а купол был извернуто скруглен: мертвец, казалось, косится с ухмылкой. Три спутника замерли и съежились, глядя как замороженные. Горлум опомнился первым. Он молча тянул их за плащи и чуть не тащил

вперед. Каждый шаг был мучителен, время растянулось, и тошнотворно медленно ступала нога.

Так они добрались до белого моста. Дорога, слабо мерцая, пересекала поток посреди долины и подбиралась извивами к воротам — черной пасти в северной стене. По берегам протянулись плоские низины, туманные луга в беловатых цветах. Они светились по-своему, красивые и жуткие, точно увиденные в страшном сне, и разливали гниловато-кладбищенский запах. Мост вел от луга к лугу; изваяния стояли при входе, искусные подобию людей и зверей, бредовые искажения земных обликов. Вода струилась беззвучно; клубясь, овеивали мост ее мертвеннохолодные отравные испарения. У Фродо закружилась голова и в глазах померкло; вдруг, словно незримая сила одолела его волю, он заторопился, заковылял вперед, вытянув руки; голова его моталась. Сэм с Горлумом оба кинулись за ним. Сэм подхватил хозяина: тот споткнулся и чуть не упал у самого входа на мост.

— Не сюда! Нет, только не сюда! — прошептал Горлум, но его шипенье сквозь зубы свистом прорезало безмолвие, и он в ужасе бросился наземь.

— Пойдите, сударь! — выдохнул Сэм в самое ухо Фродо. — Назад, назад! Нам не сюда, на этот раз я с Горлумом согласен.

Фродо провел рукой по лбу и оторвал взгляд от крепости на возвышенье. Светящаяся башня притягивала его, и он боролся с мучительным, тягостным желанием стремглав побежать к воротам по мерцающей дороге. Наконец он кое-как пересилил тягу, но Кольцо опять рвануло его на мост, точно за ошейник; глаза его, когда он отвернулся, внезапно ослепли, и перед ним сомкнулась темнота.

Горлум отполз, как насмерть перепуганный пес, и уже почти исчез во мгле. Сэм, поддерживая и направляя шаги спотыкавшегося хозяина, торопился за ним.

Недалеко от берега реки в придорожной стене был пролом, за ним оказалась узенькая тропка, сперва тоже слабо мерцавшая, но, миновав луга с кладбищенскими цветочками, она потускнела и почернела, извиваясь и уходя все выше в гору, к северной окраине долины. Хоббиты брели по ней рядышком; Горлум исчезал впереди и возвращался, маня их знаками. Глаза его горели бледно-зеленым огнем — может, отражали гниlostное свечение Моргула, а может, сами зажглись. Мертвечинный свет и черные башенные глазницы Фродо и Сэм все время чувствовали за спиной, испуганно озираясь и насильно возвращая взгляд к невидной тропе. Они еле тащились, и лишь когда поднялись выше смрадных испарений отравленного потока, дышать стало легче и в голове прояснилось; но теперь набрякли свинцом руки и ноги, будто они всю ночь ворочали камни или выплыли против сильного течения. Наконец идти дальше сделалось совсем невмоготу.

Фродо остановился и присел на камень. Они были на вершине голого утеса; дальше тропка кружила над обрывом, взползала на кручу и пропадала в темноте.

— Мне бы немного отдохнуть, Сэм, — прошептал Фродо. — Как тяжело висит оно на шее, дружище Сэм, о, как тяжело. Далеко я его не пронесу. И все равно надо сперва отдохнуть, а то недолго и сверзиться. — И он указал на пропасть.

— Шшшш! Шшш! — шипел Горлум, быстро вернувшись к ним. — Шшш! —

Он прижимал палец к губам и качал головой, потянул Фродо за рукав и указал ему на тропку, но Фродо и шевельнуться не мог.

— Нет, погоди, — сказал он, — нет, погоди.

Неимоверная усталость сковала его, как заколдовала.

— Нет, надо отдохнуть, — проговорил он.

От страха и трепета Горлум опять заговорил — из-под руки, как бы тая свой еле слышный шепот от невидимых ушей:

— Только не здесь, нет. Здесь нельзя отдыхать. Дураки! Глаза нас видят. С моста нас увидят. Идем скорей. Наверх, наверх! Скорей!

— Идемте, сударь, — сказал Сэм. — Опять он прав. Не место здесь отдыхать.

— Ладно, — сказал Фродо тусклым голосом, точно в полусне. — Попробую.

И он устало поднялся на ноги.

Но было поздно. Утес под ними содрогнулся. Тяжкое громыханье, гораздо гулче прежнего, прокатилось по долине и отдалось в горах. Вдруг небо на северо-востоке озарила чудовищная огневая вспышка, и низкие тучи окрасились багрянцем. В оцепенелой, залитой мертвенной тенью бледной долине красный свет показался невыносимо яростным и ослепительным. Пламя Горгорота взметнуло к небу хребетные гребни, как зазубренные клинки. И загрохотал гром.

Минас-Моргул отозвался: ударили в небеса лиловые молнии, вспарывая тучи синеватым пламенем. Земля застонала, и дикий вопль раздался из крепости: в нем слышались хриплые крики точно бы хищных птиц и бешеное ржанье ярящихся в испуге лошадей, но все заглушал леденящий, пронзительный вой, ставший недоступным слуху и трепещущий в воздухе. Хоббитов приподняло и швырнуло оземь, они зажали уши руками.

Вой сменился долгим злобно-унылым визгом, и, когда все смолкло, Фродо медленно поднял голову. По ту сторону узкой долины почти вровень с его глазами высились стены смертоносной крепости и зияли ее ворота — отверстая зубастая пасть. Они были распахнуты настежь, и оттуда выходило войско.

Все воинство было в черном, под стать ночи. Из-за восковых стен по светящимся плитам выступали ряд за рядом, быстро и молчаливо, черные ратники, и не было им конца. Впереди в едином сомкнутом строю ехала конница, и во главе ее — всадник и конь крупнее всех остальных, и всадник на черном коне был в черном плаще и латах, и лишь поверх его опущенного капюшона мерцал замогильным светом шлем — или, быть может, венец. Он подъезжал к мосту, и Фродо не мог ни сморгнуть, ни отвести от него широко раскрытых глаз. Так это же Предводитель Девятерых Кольценосцев возвращался на землю во главе несметного воинства? Да, это был он, тот самый костистый король-мертвец, чья ледяная рука пронзила Хранителя Кольца смертельным клинком. И старая рана страшно заныла, и холод подобрался к сердцу Фродо.

И когда он застыл, пригвожденный ужасом и зачарованный, Всадник внезапно остановился у самого моста, а за ним стало все войско. Тишина омертвела. Должно быть, главарь призраков расслышал зов Кольца и на миг смутился, почуяв в своей долине присутствие иной мощи. Венчанная мертвенным блеском черная голова поворачивалась, проницая темень невидимыми очами. Фродо оцепенел, как птичка при виде подползшей змеи, и почувствовал во сто крат сильнее, чем бывало прежде, властный приказ надеть Кольцо. Од-

нако теперь он ничуть не хотел подчиниться. Он знал, что Кольцо выдаст его и что ему не под силу тягаться с Моргульским властителем — пока не под силу. Скованный смертным страхом, он испытывал гнетущее принуждение извне; ответного побуждения не было. Его рука пошевелилась — Фродо, томимый предчувствием, безвольно наблюдал со стороны, словно читая жуткую повесть, — и поползла к цепочке на шее. Наконец воля Фродо проснулась и подвела руку к какому-то предмету, спрятанному у сердца, холодному, твердому, — и ладонь его сжала фиал Галадриэли, забытый и как бы ненужный до этой роковой минуты. И всякая мысль о Кольце покинула его; он вздохнул и опустил голову.

В тот же миг Повелитель призраков тронул коня и вступил на мост; мрачное полчище двинулось за ним. Может статься, незримый его взор обманули эльфийские накидки, а окрепнувший духом, независимый маленький враг стал незаметным. К тому же он торопился. Урочный час пробил, и по мановению своего Властелина он обрушивался войной на Запад.

И он промчался зловещей тенью вниз по извилистой Дороге, а по мосту все проходил за строем строй. Со дней Исильдуровых не выступало такой рати из долины Минас-Итила; никогда еще не осаждало Андуинские броды столь свирепое и могучее воинство; и однако же это было лишь одно, и не самое несметное, из полчищ, которые изрыгнул Мордор.

Фродо шевельнулся, и вдруг мысли его обратились к Фарамиру. «Вот буря и грянула, — подумал он. — Стальная туча мчится на Оспилицат. Успеет ли Фарамир переправиться? Он предвидел это, но все же — не застанут ли его врасплох? Броды гондорцы не удержат: кто сможет противостоять Первому из Девятерых Всадников? А вслед ему не замедлят и другие несметные рати. Я опоздал. Все пропало. Я замешкался в пути. Все погибло. Если даже я исполню поручение, все равно об этом никто никогда не узнает. Кто останется в живых, кому рассказать? Все было зря, все напрасно». Обессиленный от горя, он заплакал, а Моргульское войско все шло и шло по мосту.

Потом откуда-то издалека, словно бы в Хоббитании ранним солнечным утром, когда пора было просыпаться и растворялись двери, послышался голос Сэма: «Проснитесь, сударь! Проснитесь» — и, если бы голос прибавил: «Завтрак уже на столе», он бы ничуть не удивился. Вот приставучий Сэм!

— Очнитесь, сударь! — повторял он. — Они прошли.

Лязгнули, закрываясь, ворота Минас-Моргула. Последний строй копейщиков утонул в дорожной мгле. Башня еще скалилась мертвенной ухмылкой, но на глазах тускнела, и крепость окутывалась сумрачной тенью, воцарялось прежнее безмолвие, и по-прежнему глядели изо всех черных окон недреманные очи.

— Очнитесь, сударь! Они умотали, и нам тоже надо живенько сматывать удочки. Тут караулит глазастая нежить, того и гляди, увидят, и они-то тебя да, а ты-то их нет, извините, ежели непонятно, мне и самому не очень. Но тут портчи на месте, и мигом тебя накроют. Пойдемте, сударь!

Фродо поднял голову и встал на ноги. Отчаяние осталось, но бессилие он одолел. Он даже угрюмо улыбнулся: наперекор всему вдруг стало яснее ясного, что ему надо из последних сил выполнять свой долг, а узнают ли об этом Фарамир, Арагорн, Элронд, Галадриэль или Гэндальф — дело десятое. Он держал

в одной руке посох, в другой — фиал; заметив, что ясный свет уже струится из-под его пальцев, он спрятал фиал обратно и прижал его к сердцу. Потом, отвернувшись от Моргульской крепости — сереющего пятна в темной логовине, — он изготовился в путь.

Видимо, Горлум бросил хоббитов и уполз наверх, в темень, когда открылись ворота Минас-Моргула. Теперь он приполз обратно: зубы его клацали, длинные пальцы дрожали.

— Дурачки! Глупыши! — шипел он. — Нельзя мешкать! Пусть они не думают, что опасность миновала, нет. Не мешкайте!

Не отвечая, они пошли за ним по краю пропасти: это было жутковато даже после всех пережитых ужасов, но вскоре тропа свернула за выступ скалы и нырнула в узкий пролом — должно быть, к первой лестнице из обещанных Горлумом. Там было своей протянутой руки не видно, и только сверху светились два бледных огонька: Горлум повернул к ним голову.

— Оссторожней! — шепнул он. — Тут ступеньки, много-много ступенек. Надо очень оссторожно!

И опять не соврал: хотя Фродо и Сэму полегчало — все ж таки стены с обеих сторон, — но лестница была почти отвесная, и чем выше карабкались они по ней, тем сильнее оттягивал черный провал позади. Ступеньки были узкие, неровные, ненадежные: стертые и скользкие, а некоторые просто осыпались под ногами. Хоббиты лезли и лезли, хватаясь непослушными, онемелыми пальцами за верхние ступеньки и заставляя сгибаться и разгибаться ноющие колени; а лестница все глубже врезалась в утес, и все выше вздымались стены над головой.

Наконец, когда руки-ноги отказали, вверху снова зажглись горлумские глаза.

— Поднялись, — прошептал он. — Первая лестница кончилась. Высоко вскарабкались умненькие хоббитцы, очень высоко. Еще немножечко ступенечек, и все.

Пошатываясь и тяжело пыхтя, Сэм, а за ним Фродо вылезли на последнюю ступеньку и принялись растирать ступни и колени. Они были в начале темного перехода, который тоже вел наверх, но уже не так круто и без ступенек. Горлум не дал им толком передохнуть.

— Дальше будет другая лестница, — сказал он. — Гораздо длиньше. Взберемся по ней, тогда и отдохнете. Здесь еще рано.

Сэм застонал.

— Длинньше, говоришь? — переспросил он.

— Да-да, длиньше, — сказал Горлум. — Но легче. Хоббиты карабкались по Прямой лестнице. Сейчас начнется Витая лестница.

— А там что? — спросил Сэм.

— Там посмотрим, — тихо проговорил Горлум. — О да, там мы посмотрим!

— Ты вроде говорил, что дальше проход? — сказал Сэм. — Темный-темный проход?

— Да-да, там длинный проход под скалой, — сказал Горлум. — Но хоббитцы сначала отдохнут. Если они сейчас взберутся по лестнице, все будет хорошо, это уже самый верх. Почти самый верх, если они сумеют взобраться, да-ссс.

Фродо вздрогнул. Карабкаясь, он вспотел, а теперь ему стало зябко и одежда липла к телу: коридор продувал сквозняк с невидимых высот. Он поднялся и встряхнулся.

— Пошли, что ли! — сказал он. — Здесь не посидишь: дует.

Долгонько тащились переходом, а холодный сквозняк пронимал до костей и постепенно превращался в свистящий ветер. Видно, горы злобствовали, отдувая чужаков от своих каменных тайн и стараясь их сдунуть назад, в черный провал. Наконец стена справа исчезла: значит, все-таки вышли наружу, хотя светлее почти не стало. Мрачные громады обволакивала густая серая тень. Под низкими тучами вспыхивали красноватые зарницы, и на миг становились видны высокие пики спереди и по сторонам, точно подпорки провисающих небес. Они поднялись на много сот футов и вышли на широкий уступ: слева скала, справа бездна.

Провожатый Горлум жался к скале. Карабкаться вверх было пока что не надо, но пробираться в темноте по растрескавшемуся уступу, заваленному обломками, приходилось чуть что не ощупью. Сколько часов прошло с тех пор, как они вступили в Моргульскую долину, ни Сэм, ни Фродо гадать не пробовали. Бесконечная ночь бесконечно тянулась.

Впереди снова выросла стена, и опять они попали на лестницу, передохнули и принялись карабкаться. Подъем был долгий и изнурительный, но хоть в гору эта лестница не врезалась: она вилась змеей по скалистому откосу. Когда ступеньки шли краем черной пропасти, Фродо увидел внизу огромное ущелье, которым кончалась логовина. В страшной глубине чуть мерцала светляком призрачная тропа от мертвой крепости к Безымянному Перевалу. Фродо поспешно отвел глаза.

А тропка-лестница петляла, вползала по уступам и наконец вывела их в боковое ущелье к вершинам Эфель-Дуата, отклонившись от мертвяцкого пути на перевал. По обе стороны смутно виднелись щербатые зубья, заломы и пики, а между ними чернели трещины и впадины: несчетные зимы жестоко изгрызли бессолнечный хребет. Красный свет в небесах разгорелся: может быть, это кровавое утро заглядывало в горную тень, а может, Саурон яростнее прежнего терзал огнем Горгорот. Подняв глаза, Фродо увидел еще далеко впереди конец пути — вершинный гребень в красноватом небе, рассеченный тесной между двумя черными выступами: на обоих торчали рогами острые каменные наросты.

Он остановился и присмотрелся. Левый рог был потоньше и повыше и сочился красным светом: быть может, небо в скважине. Но нет, это была черная башня у прохода. Он тронул Сэма за рукав и указал на башню.

— Здрасьте пожалста, — сказал Сэм и повернулся к Горлуму. — Стало быть, твой тайный проход все-таки стерегут? — рявкнул он. — И ты, поди, не очень удивился?

— Здесь стерегут все ходы-выходы, — огрызнулся Горлум. — А как же! Но где-то же надо хоббитцам пройти. Здесь, может, меньше стерегут. Попробуйте, вдруг они все ушли на войну, попробуйте!

— И попробуем, — буркнул Сэм. — Ладно, дотуда еще далеко, а досюда тоже было не близко, да потом твой переход. Вы бы, сударь, отдохнули. Уж не знаю, день сейчас или ночь, но сколько мы часов на ногах!

— Да, отдохнуть не мешает, — согласился Фродо. — Спрячемся где-нибудь от ветра и соберемся с силами — напоследок.

Ему и правда казалось, что напоследок. Какие страхи ждут их за горами и как уж там быть — это своим чередом, до этого далеко. Пока что перед ними неодолимая преграда и неусыпная стража. Зашли в тупик, и назад ходу нет, а как-нибудь проскочим — там пойдет как по маслу: так казалось ему в тот темный час возле Кирит-Унгола, когда он, изнемогая, брел по сумрачному ущелью.

Нашли глубокую расселину между утесами: Фродо и Сэм забрались подальше, Горлум скорячился при входе. Хоббиты устроили себе роскошную трапезу, последнюю, думали они, внемордорскую, а может, и последнюю в жизни. Поели снеди из Гондора, преломили эльфийский дорожный хлебец, выпили воды — вернее сказать, смочили губы, да и то скудно.

— Где бы это нам водой разжиться? — сказал Сэм. — Ведь, наверно, и здесь, не пивши, не проживешь? Орки пьют или как?

— Пьют, — сказал Фродо. — Давай лучше про это не говорить. Их питье не для нас.

— Тогда тем более воды надо набрать, — сказал Сэм. — Только где здесь ее возьмешь: ни ручейка я не слышал. Правда, Фарамир все равно сказал, чтоб мы моргульской воды не пили.

— Ну, уж если на то пошло, он сказал «не пейте из рек и ручьев, протекающих через Имлад-Моргул», — сказал Фродо, — а мы уже выбрались из ихней долины и если набредем на родник, то пожалуйста.

— Береженого судьба бережет, — сказал Сэм, — ну разве что подыхать буду от жажды. Дурные места, хоть и выбрались. — Он сопнул носом. — А кажись, подванивает, чуete? Чудная какая-то вонь, затхлая, что ли. Ох, не нравится мне это.

— Да мне здесь все не нравится, — сказал Фродо, — ни ветры, ни камни, ни тропки, ни реки. Земля, вода и воздух — все уродское. Но что поделаться, сюда и шли.

— Это верно, — сказал Сэм. — Знали бы, куда идем, нипочем бы здесь не оказались. Но это, наверно, всегда так бывает. К примеру, те же подвиги в старых песнях и сказках: я раньше-то говорил — приключения. Я думал, разные там герои ходят ищут их на свою шею: ну как же, а то жить скучно, развлечься-то охота, извините, конечно, за выражение. Но не про то, оказывается, сказки-то, ежели взять из них самые стоящие. С виду оно так, будто сказочные люди взяли да и попали в сказку, вот как вы сказали, сюда и шли. А они небось вроде нас: могли бы и не пойти или пойти на попятный двор. Которые не пошли — про тех мы не знаем, что с ними дальше было, потому что сказки-то не про них. Сказки про тех, кто пошли — и пришли вовсе не туда, куда им хотелось, а если все хорошо и кончилось, то это как посмотреть. Вот господин Бильбо — вернулся домой, стал жить да поживать, и все ему стало не так. Опять же хорошо, конечно, попасть в сказку с хорошим концом, да сказки-то эти, может, не самые хорошие! А мы, интересно, в какую сказку попали?

— Интересно, — согласился Фродо. — Вот уж не знаю. В настоящей сказке этого и знать нельзя. Возьми любое сказание из тех, какие ты любишь. Ты-то знаешь или хоть догадываешься, что это за сказка — с хорошим или печаль-

ным концом, а герою это невдомек. И тебе ни к чему, чтобы он догадался.

— Конечно, сударь, ни к чему. Тот же Берен — он и думать не думал добывать Сильмарилл из железной короны, а пришлось ему топтать в Тонгородрим, местечко почище этого. Но про него сказка длинная-длинная, там тебе и радость, и горе под конец, а конец вовсе и не конец — Сильмарилл-то, если разобраться, потом попал к Эарендилу. Ух ты, сударь, да я же ни сном ни духом! Да у нас же — да у вас же ответ этого Сильмарилла в той хрусталине, что вам подарила Владычица! Вот тебе на — мы, оказывается, в той же сказке! Никуда она не делась, а я-то думал! Неужто такие сказки — или, может, сказания — никогда не кончаются?

— Нет, они не кончаются, — сказал Фродо. — Они меняют героев — те приходят и уходят, совершив свое. И мы тоже раньше или позже уйдем — похоже, что раньше.

— Уйдем, отдохнем и отоспимся, — сказал Сэм и невесело рассмеялся. — А я ведь серьезно, сударь. Не как-нибудь там, а обыкновенно отдохнем, выпьемся толком, с утра я в сад пойду работать. Мне ведь на самом-то деле только этого и надо, а геройствовать да богатырствовать — это пусть другие, куда мне. А вообще-то интересно, попадем мы в сказку или песню? Ну да, конечно, мы и сейчас, но я не о том, а знаете: все чтоб словами рассказано, вечерком у камина, или еще лучше — прочитано вслух из большой такой книжицы с красными и черными буквицами, через много-много лет. Отец рассядется и скажет: «А ну-ка, почитаем про Фродо и про Кольцо!» А сын ему: «Ой, давай, папа, это же моя любимая история! А Фродо был какой храбрый, правда, папа?» — «Да, малыш, он самый знаменитый на свете хоббит, а это тебе не баран чихнул!»

— Это точно, что не баран, — сказал Фродо и звонко, от всей души рассмеялся. С тех пор как Саурон явился в Средиземье, здесь такого не слыхивали. И Сэму показалось, будто слушают все камни и все высокие скалы. Но Фродо было не до них: он рассмеялся еще раз. — Ну Сэм, — сказал он, — развеселил ты меня так, точно я эту историю сам прочел. Но что же ты ни словом не обмолвился про чуть не самого главного героя, про Сэммиума Неустрашимого? «Пап, я хочу еще про Сэма. Пап, а почему он так мало разговаривает? Я хочу, чтоб еще разговаривал, он смешно говорит! А ведь Фродо без Сэма никуда бы не добрался, правда, папа?»

— Ну вот, сударь, — протянул Сэм. — Я серьезно, а вы насмешки строите.

— Я тоже серьезно, — возразил Фродо, — серьезней некуда. Только мы с тобой оба проскочили через конец: а по правде-то застряли мы на самом страшном месте, и, наверное, найдется такой, кто скажет: «Папа, закрой книжку, не надо, не читай дальше».

— Ну, не знаю, — сказал Сэм, — мои бы дети такого не сказали. А потом, коли все прополоть да обтяпать, как оно в сказке и полагается, так это хоть Горлума туда вставляй: там-то он не то, что под боком. Да он же вроде любил двести лет назад сказки послушать. Вот как он сам думает — герой он или злодей?

— Эй, Горлум! — позвал он. — Хотишь быть героем... да куда же он опять подевался?

Его не оказалось ни на прежнем месте, ни поблизости. Их снеди он есть не стал; как повелось, глотнул водички, а потом вроде бы свернулся калачиком.

Прежде хоть было понятно, куда он пропадает — ходит на добычу, кушенькать-то ему надо; но вот и сейчас умотал, пока они разговаривали. Здесь-то какая добыча?

— Чего-то он тишком мухлюет, — сказал Сэм, — не разбери-поймешь. Кого ему здесь ловить, чего копать? Камень, что ли, вкусный нашел? Мха и того с фонарем не сыщешь!

— Да оставь ты его в покое, — сказал Фродо. — Без него мы бы в жизни и близко не добрались. Каков есть, таков есть, ловчит — значит ловчит.

— Все равно, мне спокойнее, когда он вертится на глазах, — сказал Сэм. — А коль он ловчит, так тем более. Помните, как он тень на плетень наводил: не знаю, мол, не то стерегут, не то нет. А башня вот она — либо она пустая, либо там полным-полно орков или кто у них здесь в сторожах. Может, он за ними и отправился?

— Да нет, не думаю, — сказал Фродо. — Если даже он что и затевает — а похоже на то, — ни орки, ни другие рабы Врага тут ни при чем. Зачем бы он столько дожидался, суетился, волок нас сюда? Он и сам этого края смертельно боится. Сто раз мог он нас выдать с тех пор, как мы встретились. Нет, уж ежели он что выкинет, то выкинет на свой манер, тихохонько.

— Как есть вы правы, сударь, — сказал Сэм. — Ну, прыгать от радости я пока погожу — меня-то он хоть сейчас продаст с потрохами, да еще приплатит, чтоб купили. Но я и забыл — а Прелесть-то! Нет, с самого начала у него на лбу было написано: «Отдайте Прелесть бедненькому Смеагорлу!» И коли он что замышляет, так только в этих видах. Но зачем он сюда нас приволок — нет, спросите что-нибудь попроще.

— Да он, поди, и сам не знает зачем, — сказал Фродо. — Вряд ли какой-нибудь замысел удержится в его худой голове. Я думаю, он просто бережет, как может, свою Прелесть от Врага: ведь если Тот ее заполучит, то и Горлуму крышка. Ну а уж заодно выжидает удобного случая.

— Ну да, как я и говорил — Липучка и Вонючка, — сказал Сэм. — Но чем ближе к вражеской земле, тем больше вони от Липучки. Вот помяните мое слово — если дойдет до дела, до его хваленного перехода, он свою Прелесть так, за здорово живешь, не отпустит.

— Это еще дожить надо, — сказал Фродо.

— Вот чтоб дожить, и надо ушами не хлопать, — сказал Сэм. — Прохлопаем, засопим в две дырочки, а Вонючка уж тут как тут. Это я себе говорю, а вы-то, хозяин, как раз вздремните, порадуйте меня, только ляжьте поближе. Я вас буду стеречь: вот давайте я вас обниму, и спите себе — кто к вам протянет лапы, тому ваш Сэм живо голову откусит.

— Спать! — сказал Фродо и вздохнул, точно странник в пустыне при виде прохладно-зеленого миража. — Смотри-ка, а я ведь и вправду даже здесь смогу заснуть.

— Вот и спите, хозяин! Положите голову ко мне на колени и спите!

Так и нашел их Горлум через несколько часов, когда он вернулся по тропке из мрака ползком да трусливой побужкой. Сэм полусидел, прислонившись щекой к плечу и глубоко, ровно дышал. Погруженный в сон Фродо лежал головой у него на коленях, его бледный лоб прикрывала смуглая Сэмова рука, другая покоилась на груди хозяина. Лица у обоих были ясные.

Горлум поглядел на них, и его голодное, изможденное лицо вдруг озарилось странным выражением. Хищный блеск в глазах погас; они сделались тусклыми и блеклыми, старыми и усталыми. Его передернуло, точно от боли, и он отвернулся, глянул в сторону перевала и покачал головой едва ли не укоризненно. Потом подошел, протянул дрожащую руку и бережно коснулся колена Фродо — так бережно, словно погладил. Если бы спящие могли его видеть, в этот миг он показался бы им старым-престарым хоббитом, который заждался смерти, потерял всех друзей и близких и едва-едва помнил свежие луга и звонкие ручьи своей юности, — измученным, жалким, несчастным старцем.

Но от его прикосновения Фродо шевельнулся и тихо вскрикнул во сне, а Сэм тут же открыл глаза и первым делом увидел Горлума, который «тянул лапы к хозяину»: так ему показалось.

— Эй ты! — сурово сказал он. — Чего тебе надо?

— Ничего, ничего, — тихо отозвался Горлум. — Добренький хозяин!

— Добренький-то добренький, — сказал Сэм. — А ты чего мухлюешь, старый злыдень, где ты пропал?

Горлум отпрянул, и зеленые щелки засветились из-под его тяжелых век. Он был вылитый паук — на карачках, сгорбился, втянул голову, глаза так и торчали из глазниц. Невозвратный миг прошел, словно его и не было.

— Мухлюешь, мухлюешь! — зашипел он. — Хоббиты всегда такие вежливенькие, да-ссс. Сславненькие хоббитцы! Смеагорл привел их к тайному проходу, о нем никто-никто не знает. Он устал, ему пить хочется, да, очень хочется пить, а он ходит, рыщет, тропки ищет — вернется, и ему говорят: *мухлюешь, мухлюешь*. Хорошенькие у него друзья, да, моя прелесть, очень хорошенькие.

Сэм немного устыдился, но доверчивей не стал.

— Ну прости, — сказал он. — Ты уж прости, со сна еще и не то скажешь, а спать-то мне ох не надо бы, вот я и сгрубил малость. Хозяин вон как устал, я ему говорю: вздремните, мол, я постерегу, а оно вишь ты как вышло. Прости. А пропал-то где?

— Мухлевал, — сказал Горлум, и глаза его налились зеленым мерцанием.

— Ну как знаешь, — сказал Сэм, — тебе виднее. Не так уж я небось и ошибся. Ладно, теперь нам надо как-нибудь втроем смухлевать. Сколько времени-то? Еще сегодня или уже завтра?

— Уже завтра, — сказал Горлум. — Уже завтра было, когда хоббиты заснули. Спать здесь нельзя, спать опасно — и бедненький Смеагорл стережет их и мухлюет.

— Вот прицепился к словечку, — сказал Сэм. — Хватит тебе. Бужу хозяина. — Он бережно отвел волосы со лба Фродо и, склонившись к нему, тихо проговорил: — Проснитесь, сударь! Проснитесь!

Фродо пошевелился, открыл глаза и улыбнулся, увидев над собой лицо Сэма.

— Не рано будишь, а, Сэм? — спросил он. — Темно ведь еще!

— Да здесь всегда темно, — сказал Сэм. — Горлум вернулся, сударь, и говорит, что нынче уже завтра, надо идти. Постараемся напоследок-то.

Фродо глубоко вздохнул и сел.

— Да, напоследок! — сказал он. — Привет, Смеагорл! Нашел себе что-нибудь

поесть? Отдохнул?

— Смеагорлу некогда есть и отдыхать, — сказал Горлум. — Он мухлюет, он мухляк.

Сэм цокнул языком, но сдержался.

— Не обзывай сам себя, Смеагорл, — сказал Фродо. — Это очень неразумно, даже если заслуженно.

— Смеагорл сам себя не обзывает, — сказал Горлум. — Его обзывает ласковый господин Сэммиум, такой умненький хоббит.

Фродо поглядел на Сэма.

— Да, сударь, — сказал Сэм. — Было дело: я чего-то всполошился со сна, а он тут как тут. Я попросил у него прощенья, но, похоже, зря.

— Нашли время ссориться, — сказал Фродо. — Вот ты и довел меня до места, Смеагорл. Дальше ведь мы и сами пройдем, верно? Куда идти, понятно, перевал на виду, и если там нет ничего мудреного, то ты свое дело сделал, исполнил, что обещал, и ты свободен: иди куда знаешь, только не к вражеским слугам, ешь, отдыхай. Будет тебе и награда — не от меня, так от тех, кто меня помнит.

— Нет, нет, еще нет, — заскулил Горлум. — Пройдут они дальше сами? Нет еще, не пройдут. Переход трудный. Смеагорлу нужно идти с ними: ни поесть, ни поспать, ничего ему нельзя. Пока еще нет.

Глава IX Логово Шелоб

Может, и правда был день, как сказал Горлум, но хоббиты ничего дневного не заметили: только небо подернулось дымной мутью, чернота расплзлась по расселинам и нагорную глушь окутывал пепельнобурый сумрак. Хоббиты бок о бок шли за Горлумом по дну ущелья между обветренными, обглоданными каменными глыбинами и столбами, похожими на идолица. Стояла тишина. Впереди, за милю или около того, серел отвесный срез огромного утеса. Он приблизился и заслонил небо и землю высокой черной стеною, подножие которой затенял сумрак. Сэм потянул носом воздух.

— Уф! Ну и вонища! — сказал он. — С ног валит.

Углубились в сумрак: посреди стены зияло отверстие пещеры.

— Вот сюда, — тихо произнес Горлум. — Здесь начинается переход.

Он не назвал его, а имя ему было Торек-Унгол, Логово Шелоб. Оттуда смердело; и это был не тощий смрад трупного гниения, как на Моргульских лугах, а густое зловоние, точно от чудовищной свалки нечистот.

— Иначе никак не пройти, Смеагорл? — спросил Фродо.

— Нет-нет, только здесь, — отозвался тот. — Теперь нам всем надо сюда.

— А ты неужто лазил в эту дыру? — спросил Сэм. — Наш пострел везде поспел! Ну да, тебе небось любая вонь нипочем.

Глаза Горлума злобно блеснули.

— Он не знает, что нам почем, правда, прелесть? Нет, он совсем не знает. Проссто Смеагорл очень терпеливый, да-ссс. Он лазил, да, он проходил насквозь, да-да, насквозь. Иного пути нет.

— А чего так воняет? — сказал Сэм. — Вроде как — тьфу, даже говорить противно. Наверняка здесь орки гадят, и лет за сто так поднакопилось золота, что и лопатой не разгребешь.

— Орки не орки, — сказал Фродо, — а раз нет иного пути, то нам сюда.

Они перевели дыхание и полезли в пещеру. Через несколько шагов их поглотил непроглядный мрак. В такую темень Фродо и Сэм после Мории не попадали, а эта была, пожалуй, еще чернее и гуще. Там, в Мории, все-таки и поддувало, и эхо слышалось, и чувствовался подгорный простор. Здесь воздух был недвижимый, тяжелый, затхлый; он мертвил звуки. Это была черная отрыжка кромешной тьмы, она не только слепила глаза, но отшибала память о цветах и очертаньях, изгоняла самый призрак света. Вечная ночь вечно пребудет, и нет ничего, кроме ночи.

Оставалось только осязать, и болезненно чутки стали пальцы на вытянутых вперед руках и осторожно ступающие ступни. Стены были, к их удивлению, гладкие, пол ровный, наклонный им навстречу; иногда попадалась ступенька-другая. Проход был такой широкий, что хоббиты, которые шли ощупью по стенам и старались держаться рядом, почти сразу потеряли друг друга.

Горлум пошел вперед и был, должно быть, за несколько шагов — поначалу они еще слышали его шипенье и пыхтенье, но вскоре притупились все их чувства: пресекся слух и онемели пальцы, и они пробирались вперед лишь потому, что раз заставили себя войти, то не возвращаться же, а впереди все-таки должен быть какой-то выход.

Может быть, и вскоре — время тоже растворилось во тьме — Сэм на ощупь обнаружил справа скважину, из которой не так воняло; ему даже померещилось какое-то дуновенье, но он побрел дальше.

— Здесь не один проход, — шепнул он с невероятным усилием. — Вот где оркам-то жить да радоваться!

Потом, сперва он по правую руку, потом Фродо по левую, миновали три или четыре таких скважины, пошире и поуже; но проход не ветвился, он вел прямо и прямо, вверх по уклону. Да что ж ему никак нет конца, сколько еще можно это терпеть, сколько станет сил терпеть? Чем выше, тем гуще становилось зловоние, а из-за спертого черного смрада напирало что-то куда страшнее и чернее. Какое-то висячее вервие липкими щупальцами цепляло их за головы; зловоние все усиливалось, и стало так, будто из пяти чувств им оставлено одно обоняние — и только затем, чтобы их мучить. Час, два или три часа — сколько они уже шли? Да какие часы — дни, а может, и недели. Сэм оторвался от своей стены, нашел руку Фродо, и рука в руке пошли они дальше.

Фродо чуть не провалился влево, в пустоту; скважина была гораздо шире, чем попадались до сих пор, и оттуда несло таким смрадом и такой страшной злобицей, что он едва не потерял сознание. Сэм тоже споткнулся и упал ничком. Одолевая тошнотный ужас, Фродо схватил его за руку.

— Вставай! — прохрипел он без голоса. — Это отсюда и вонь, и гибель. Вперед! Быстрее!

Собрав остатки сил и решимости, он вздернул Сэма на ноги и ринулся вперед. Сэм, шатаясь ковылял рядом — шаг, два шага, три, — наконец шесть шагов: то ли они миновали невидимую скважину, то ли еще что, но идти вдруг стало чуть-чуть легче, словно приослабла беспощадная хватка, и они побрели, по-прежнему взявшись за руки.

Но проход раздвоился, а может, растроился, расчленился, и в темноте не понять было, какой из них шире, какой ведет прямее: левый, правый? Как выбрать? — а выберешь неверно, выберешь верную смерть.

— Куда Горлум-то пошел? — задыхаясь, проговорил Сэм. — Чего ж он нас не дождал?

— Смеагорл! — попробовал позвать Фродо. — Смеагорл! — Но голос его увяз в гортани, и зов замер, едва сорвавшись с губ. Ответа не было — ни эха, ни шепотка.

— В этот раз насовсем удрал, — пробурчал Сэм. — Довел до места, спасибочки: сюда, видать, и вел. Горлум! Попадешься — голову оторву!

Ощупью, спотыкаясь на каждом шагу, они наконец обнаружили, что левый проход — тупиковый, может быть, изначально, а может, его завалило.

— Здесь мы не пройдем, — шепнул Фродо. — Значит, и выбора нет — только другой проход, если он там один, и будь что будет.

— Скорее обратно! — пропыхтел Сэм. — Тут не горлумством пахнет. На нас кто-то глядит.

Другим проходом они не пробежали и двух саженей, как сзади послышалось невыносимо жуткое в плотном беззвучье урчанье, бульканье — и долгий, шипящий присвист. Они в ужасе обернулись, но видно пока ничего не было. Хоббиты окаменели в ожидании неведомой напасти.

— Это ловушка! — сказал наконец Сэм, взялся за рукоять меча и вспомнил могильную мглу, из которой он был добыт. «Эх, сюда бы сейчас старину Тома!» — подумал он. Но Том был далеко, а он стоял в непроглядной черноте, и гневное, темное отчаянье сжимало его сердце; вдруг в нем самом забрезжил, потом зажегся свет такой нестерпимо яркий, будто солнце брызнуло в глаза, полуослепшие от подвального сумрака. Свет расцвел: зеленый, золотой, серебряный, огненно-белый. Вдали, как на эльфийской картинке, он увидел Владычицу Галадриэль на траве Лориэна, и в руках ее были дары. *Тебя, Хранитель*, — услышал он далекий, но внятный голос, — *я одариваю последним*.

Ближе раздались шипенье, хлюпанье и тихий скрип с прищелком — точно что-то суставчато-членистое медленно шевелилось во тьме, источая смрад.

— Хозяин, хозяин! — крикнул Сэм, обретая голос. — Подарок Владычицы! Звездинка! Помните, она сказала, в темноте будет светить. Да звездинка же!

— Звездинка? — пробормотал Фродо в недоумении, как бы сквозь сон. — Ах да! Как же я забыл о ней? *Чем чернее тьма, тем ярче он светит!* Вот она тьма, и да возгорится свет!

Медленно вынул он из-за пазухи фиал Галадриэли и поднял его над головой. Он замерцал слабо, как восходящая звездочка в туманной мгле, потом ярко блеснул, разгоняя мрак, наконец разгорелся ясным серебряным пламенем — и вспыхнул неугасимый светильник, словно сошел к ним закатной тропой сам Эарендил с Сильмариллом на челе. Темнота расступалась, а серебряный огонь сиял в хрустале и осыпал руку Фродо ослепительно белыми искрами.

Фродо изумленно глядел на чудесный дар, который так долго носил с собой как драгоценную и милую безделушку. В дороге он редко вспоминал о фиале — вот вспомнил в Моргульской долине — и не вынимал его: вдруг засветится и выдаст.

— *Айя Эарендил Эленион Анкалима!* — воскликнул он, не ведая, что значат и откуда взялись эти слова, ибо иной голос говорил его устами, голос ясный и звонкий, пронизавший смрадную тьму.

Но много злодейства таят глубокие полости Средиземья — могучего, древнего, ночного злодейства. Исчадие мрака, Она слышала этот эльфийский возглас в незапамятные времена, слышала и не убоялась его, не убоялась и теперь. И Фродо почуял ее крошечную, черную злобу и мертвящий взгляд. Невдалеке, между ними и скважиной, от которой их отшатнуло, явились из темени два больших многоглазых пучка, и скопища пустых глаз отразили и распылили ясный свет звездинки; смертоносным белесым огнем налились они изнутри, огнем ненасытной и беспросветной злобы. Чудовищны и омерзительны были эти паучьи — и вовсе не паучьи — глаза, налитые злорадством при виде беспомощных, затравленных жертв.

Фродо и Сэм пятились, не в силах оторвать взгляда от многоочитого ужаса; а пучки глаз приближались. Дрогнула рука Фродо, он медленно опустил светильник. Цепенящее злорадство приугасло, глаза хотели позабавиться предсмертной суетней жертв — и жертвы повернулись и побежали. Через плечо Фродо, чуть не плача от страха, увидел, что глаза скачками движутся следом. И смрад объял его как смерть.

— Стой! Стой! — выкрикнул он. — От них не убежишь!

Глаза медленно близились.

— Галадриэль! — воскликнул он и с мужеством отчаяния снова воздел светильник над головой. Глаза застыли и опять приугасли, словно бы в некоем сомнении. И сердце Фродо воспламенилось гневом и гордостью, и он — безоглядно, безрассудно, отважно, — перехватив светильник в левую руку, правой обнажил меч. Острый, надежный клинок заблестал в серебряном свете, полыхая голубым пламенем. Высоко подняв эльфийскую звезду и выставив сверкающее острие, Фродо Торбинс, маленький хоббит из маленькой Хоббитании, твердым шагом пошел навстречу паучьим глазам.

Они еще потускнели; сомненье в них усилилось, и они попятнулись от ненавистного и небывалого света, надвигающегося на них. Ни солнце, ни луна, ни звезды не проникали в логово; но вот звезда спустилась в каменные недра и близилась, и глаза отпрянули и медленно погасли; мелькнула тенью огромная невидимая туша. Они скрылись.

— Хозяин, хозяин! — кричал Сэм. Он не отставал от Фродо с обнаженным мечом наготове. — Ура и слава нам! Ну, эльфы если б об этом прослышали, как пить дать сочинили бы песню. Может, я как-нибудь уцелею, все расскажу им и сам эту песню послушаю. Но дальше, сударь, не ходите! Не надо в ихнюю берлогу! Улепетнем поскорее из этой вонючей дыры!

И они пошли по проходу дальше, а после и побежали: там был крутой подъем, и с каждым шагом смрад логова слабел; сердце забилося ровнее, и сами собой двигались ноги. Но полуслепая злоба хватки не разжала: она таилась где-то позади, а может, рядом, и по-прежнему грозила смертью. Наконец-то повеял холодный, разреженный воздух. Вот он, другой конец прохода. Задыхаясь от тоски по небу над головой, они кинулись к выходу — и снова, отброшенные назад, поднялись на ноги.

Выход был прегражден, но не камнем, а чем-то пружинисто-податливым, однако неодолимым. Воздух снаружи сочился, свет — ничуть. Они снова ринулись напролом и опять были отброшены.

Возвысив светильник, Фродо пригляделся и увидел серую завесу, которую

не проницало и даже не освещало сиянье звездинки, точно это была тень бессветная и для света неприступная. Во всю ширину и сверху донизу проход затянула огромная сеть, по-паучьи тщательно и очень плотно сплетенная, а паутина была толщиной с веревку. Сэм мрачно рассмеялся.

— Паутинка! — сказал он. — Всего-то навсего? Но каков паук! Долой ее, руби ее!

И он с размаху рубанул мечом, но паутину не рассек. Она спружинила, как тетива, свернув клинок плашмя и отбросив руку с мечом. Три раза изо всей силы рубанул Сэм, и наконец одна-единственная паутинка перерубилась, свилась и свистнула в воздухе, задев Сэмову руку: он вскрикнул от боли, сделал шаг назад и поднес руку к губам — подуть.

— Ну, этак мы за неделю не управимся, — сказал он. — Что будем делать? Как там глаза — не появились?

— Да нет, не видно, — сказал Фродо. — Но меня их взгляд не отпускает; не взгляд, а может, помысел — они быстро что-нибудь надумают. Как только светильник ослабеет или угаснет, они явятся тут же.

— Ну, влипли все-таки! — горько сказал Сэм, но гнев его превозмогал усталость и отчаяние. — Чисто комары в марле. Чтоб этот Горлум лопнул! Фарамир обещал ему скорую и злую смерть, так вот чтоб поскорее!

— Нам-то что с этого, — сказал Фродо. — погоди еще! Попробуем Терном — все-таки эльфийский клинок, а в темных ущельях Белерианда, где его отковали, водилась паутинка в этом роде. А ты постереги и в случае чего оттони Глаза. Вот возьми звездинку, не бойся. Держи ее повыше и смотри в оба!

Фродо подступил к плотной серой сети, полоснул по ней между узлами широким взмахом меча и быстро отскочил. Блистающий голубой клинок прорезал паутину, как лезвие косы — траву: веревки-паутинки взметнулись, скукожились и обвисли. Для начала было неплохо.

Фродо рубил и рубил, пока не рассек всю паутину, сколько хватало руки. Свисавшее сверху охвостье покачивалось на ветру. Вырвались из ловушки!

— Пойдем! — крикнул Фродо. — Скорей! Скорей!

Его обуяла дикая радость спасенья из самых зубов смерти. Голова у него кружилась, как от стакана крепкого вина. Он с криком выскочил наружу.

После зловонного мрака черная страна показалась ему светлым краем. Дым поднялся и немного поредел; угрюмый день подходил к концу, и померкли в сумерках красные зарницы Мордора. Но Фродо чувствовал себя как при свете утренней надежды. Он у вершины стены, еще чуть выше — и вот Кирит-Унгол, щербина в черном гребне между каменными рогами. Рывок, перебежка — и на той стороне!

— Вон перевал, Сэм! — крикнул он, сам не замечая, до чего пронзительно-высоким и звонким стал его голос, освобожденный от смрадного удушья. — Туда, к перевалу! Бежим, бежим — мы проскочим, не успеют остановить!

Сэм бежал за ним со всех ног, но и на радостях не терял осторожности и озирался — не покажутся ли Глаза из-под черной арки прохода, да, чего доброго, не только глаза, а вся туша, страх подумать, кинется вдогонку. Плохо они с хозяином знали Шелоб. Из ее логова был не один выход.

Истари жила она здесь, исчадьe зла в паучьем облике; подобные ей обита-

ли в древней западной Стране Эльфов, которую поглотило море: с такою бился Берен в Горах Ужасов в Дориафе, а спустившись с гор, увидел танец Лучиэнь при лунном свете на зеленом лугу, среди цветущего болиголова. Как Шелоб спаслась из гибнущего края и появилась в Мордоре, сказания молчат, да и маловато сказаний дошло до нас от Темных Времен. Но была она здесь задолго до Саурона, прежде чем был заложен первый камень в основание Барад-Дура; служила она одной себе, пила кровь эльфов и людей, пухла и жирела, помышляя все о новых и новых кровавых трапезах, выплетая теневые тенета для всего мира: ибо все живое было ее еще не съеденной пищей и тьма была ее блевотиной. Ее бесчисленные порожденья, убудки ее же отпрысков, растерзанных ею после совокупленья, расползлись по горам и долам, от Эфель-Дуата до восточных всхолмий, Дул-Гулдура и Лихолесья. Но кто мог сравниться с нею, с Великой Шелоб, последним детищем Унголиант, прощальным ее подарком несчастному миру?

Несколько лет назад с нею встретился Горлум-Смеагорл, превеликий лазун по всем черным захолустьям, и тогда, во дни былые, он поклонился ей, и преклонился перед нею, и напился отравой ее злобы на все свои странствия, став недоступен свету и раскаянию. И он пообещал доставлять ей жертвы. Но вожденья у них были разные. Ей не было дела до дворцов и колец — ни до иных творений ума и рук: она жаждала лишь умертвить всех и вся и упиться соком их жизни, раздуться так, чтоб ее не вмещали горы, чтоб темнота сделалась ей тесна.

Но до этого было далеко, а меж тем как власть Саурона возрастала и в пределах царства его не стало места свету и жизни, она крепко изголодалась: и внизу, в долине, сплошь мертвецы, и в Логово не забредали ни эльфы, ни люди, одни несчастные орки. Жесткая, грубая пища. Но есть-то надо, и сколько ни прокладывали они окольные ходы мимо нее от башни и перевала, все равно попадались в ее липкие тенета. Но она стосковалась по лакомому кусочку, и Горлум сдержал обещание.

«Посмотрим, посмотрим, — частенько говорил он себе, когда злобища снедала его на опасном пути от Привражья до Моргульской долины, — там посмотрим. Случись так, что она выбросит кости и тряпье, — и мы найдем ее, мы ее заполучим, нашу Прелесть, подарочек бедненькому Смеагорлу, который приводит вкусенькую пищу. И мы сбережем Прелесть, в точности как поклялись, да-sss, унесем ее, а уж потом — потом мы Ей покажем. Мы сквитаемся с Нею, моя прелесть. Мы потом со всеми сквитаемся!»

И пряча эти мысли в темных закоулках души, надеясь утаить их от Нее, явился он к Ней снова с низким поклоном, покуда спутники его безмятежно спали.

А что до Саурона, то Саурон знал, где ютится Шелоб. Ему была приятна ее голодная и неукротимая злоба; приятна и полезна — лучшего стража для древнего перевала, пожалуй, и он бы не сыскал. Орки — рабы сподручные, но уж кого-кого, а орков у него хватало. Пусть Шелоб кормится ими в ожидании лучших времен: и дешево и сердито. И как иной раз подбрасывает вкуснятинки кошке (*кошечкой своей* он называл Ее, но Она и его презирала), так Саурон прикармливал Ее узниками после пыток; их запускали к Ней в логово, а потом доносили ему о Ее забавах.

И так они жили, оба довольные собой, и не опасались ничьего нападения и

гнева, не предвидя конца своей обоюдной ненависти ко всему миру. Никогда еще ни одна жертва не вырвалась из тенет и когтей Шелоб, и тем страшней было нынче ее голодное бешенство.

А бедняга Сэм ничего не знал об этой чудовищной злобе; он лишь с возрастающим страхом чуял незримую и смертельную угрозу, такую властную, что и бежать ему было не вмоготу, ноги подкашивались.

Ужас не отпускал, а впереди, на перевале, были враги, а хозяин беспечно — где у него голова? — бежал им навстречу. От черной пещеры и от густого мрака под скалою слева он обратил взгляд вперед и встревожился еще больше. Обнаженный меч в руке Фродо полыхал голубым пламенем, а башенное окно краснелось, хотя зарницы Мордора погасли.

— Орки! — пробурчал он. — Проскочишь тут, как же. Полно и орков, и прочей нечисти.

И, привычно таясь, укрыл ладонью драгоценный светильник; рука его налилась теплым светом живой крови, и он сунул фиал в нагрудный карман и запахнул плащ. Надо было спешить: хозяин отбежал порядком, шагов уже за двадцать мелькал его серый плащ, — того гляди, потеряется из виду во мгле.

Едва лишь Сэм спрятал светильник, как вылезла Она. Впереди, слева, из черной тени под скалой, точно из глубины страшного сна, появилась невыносимо омерзительная тварь. Была она как паук, но крупнее всякого зверя, и свирепее с виду, ибо страшно глядели ее беспощадные глаза, будто бы посрамленные и побежденные. Не тут-то было: заново светились бледной яростью многоглазые пучки. Рогатая голова торчала на толстом шейном стебле, а тулово ее огромным раздутым мешком моталось между восьми коленчатых ног — сверху черное, в синеватых пятнах и подтеках, а брюхо белесое, тугое и вонючее. Шишковатые суставы возвышались над серощетинистой спиной; и на каждой ноге клешня.

Протиснув хлюпающее тулово и сложенные, поджатые конечности сквозь верхний выход из логова, она ужасающе быстро побежала вприпрыжку, поскрипывая суставами. Она была между хозяином и Сэмом: то ли она не заметила его, то ли от него, от нынешнего хранителя светильника, и увернулась, чтоб уж никак не упустить одну жертву — Фродо, у которого теперь не было фиала и который бежал со всех ног, ничего не видя за собой. Но куда быстрее бежала Шелоб: догонит в три прыжка, ахнув, прикинул Сэм и на остатке дыхания завопил:

— Обернитесь! Обернитесь, сударь! Я сейчас... — но крик его прервался.

Рот ему заткнула длиннопалая липкая рука, другая обхватила его шею; ему сделали подножку, и он повалился навзничь, кому-то в самые лапы.

— Попался! — засипел Горлум ему в ухо. — Наконец-то он нам попался, да ссс, скверненький хоббит. Мы задушим этого, а Ей достанется другой. Мы его не тронем, это Ей, Шелоб, а Смеагорл сдержит клятву, совсем-совсем не тронет хозяина. Ему достанешься ты, сскверный, мерзкий мухляк! — Он плюнул на затылок Сэму.

Взбешенный предательством и нежданной помехой, когда хозяин вот-вот погибнет, Сэм оказался неистово силен, чего вовсе не ждал Горлум от этого глупого увальня, каким он его считал. Сам Горлум не вывертывался бы столь

яростно и проворно. Сэм сдернул со рта его руку, пригнулся, напрягся, рванулся и чуть не высвободил шею. В его правой руке был меч, а на левой висел в кожаной петле Фарамиров посох. Он силился извернуться и достать Горлума клинком, но тот мгновенно зажал его кисть как в тиски и выкручивал ее, пока Сэм не вскрикнул от боли и не обронил меч, а хватка на его горле все крепла.

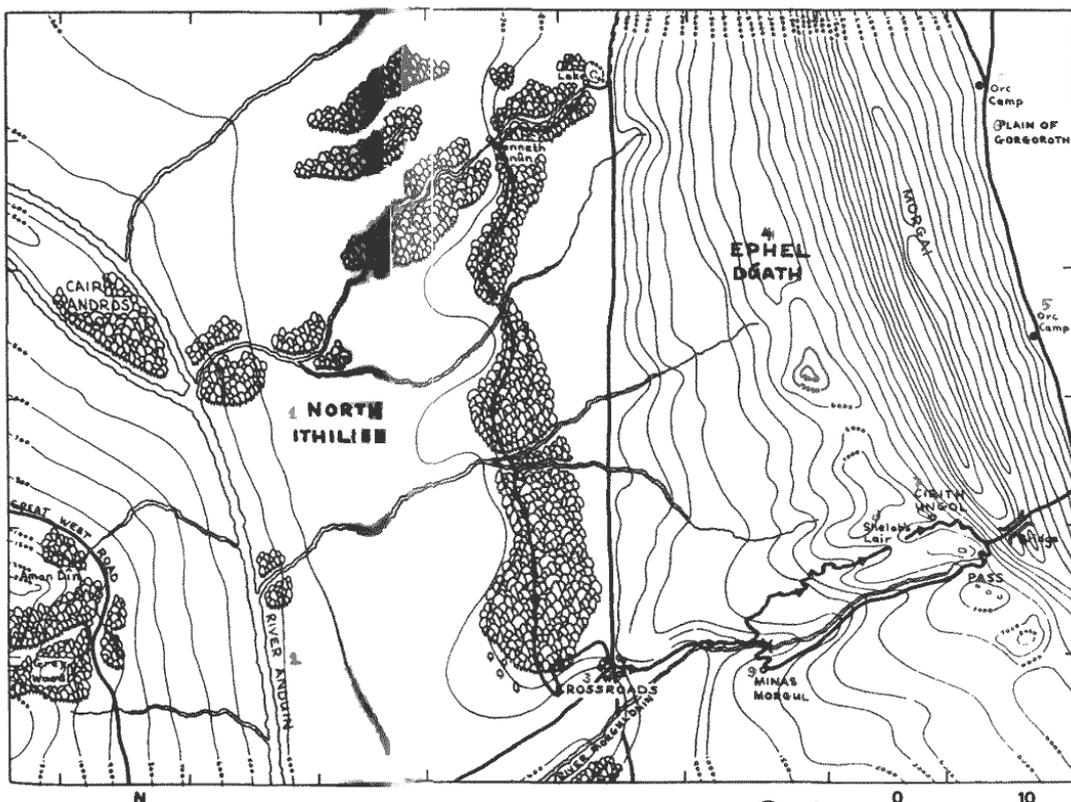
Тогда Сэм, собравшись с силами, изловчился, выгнулся, уперся ногами в землю и резко, что было мочи, откинулся назад.

Даже этот простой прием застал Горлума врасплох. Он шлепнулся наземь, Сэм сверху; дюжий хоббит здорово наподдал ему в живот, и Горлум, злобно зашипев, на миг приотпустил шею, по-прежнему стискивая и не пуская к мечу правую руку. Сэм рванулся вперед, крутнулся, высвободил шею, поднялся на ноги, откинул как можно дальше повисшего на руке Горлума и наотмашь хватил его подвернувшимся посохом ниже локтя.

Горлум оторвался от него с диким и жалобным визгом, а Сэм, не меняя руки, съездил его посохом покрепче — жаль, по спине, а не по голове: увернулся, гадина. Посох треснул и разломился, но Горлум уже получил свое. Он всегда нападал сзади с неизменным успехом, но на этот раз его подвела собственная злоба: надо было сперва схватить врага за горло обеими руками, а уж потом злорадствовать. Как он все хорошо придумал и как все испортилось, когда этот скверный свет вдруг зажегся в темноте. А теперь он оказался лицом к лицу с разъяренным врагом, почти равным ему силою. Да он и не умел драться по-настоящему. Свистнул поднятый с земли меч — Горлум завизжал еще жалобнее, плюхнулся на карачки, прыгнул лягушкой и метнулся к пещере.

Сэм кинулся за ним с мечом в руке: на миг забылось все, кроме неистовой ярости и жажды убить Горлума, но, когда в лицо ему дохнул черный смрад, он молниеносно вспомнил, что Фродо — во власти чудища; вспомнил, повернулся и со всех ног помчался по тропе, громко призывая хозяина. Но было поздно. Тут Горлум преуспел.

1. Северная Итилия
2. Андуйн, или Великая Река
3. Развилок
4. Изгарные горы, или Эфель-Дуат
5. Лагерь орков
6. равнина Горгорота
7. Кирит-Унгол
8. Логово Шелоб
9. Минас-Моргул, или Крепость Темных Сил

Глава X

Выбор Сэммиума Скромби

Фродо лежал ничком на камне, и гнусная тварь склонилась над ним, занятая поверженной жертвой; криков Сэма она не услышала и не заметила его, пока он не подбежал вплотную — и увидел, что Фродо плотно обмотан паутиной от лодыжек до плеч; чудище уже поднимало передними ногами и поволокло его спеленутое тело.

Рядом лежал и поблескивал эльфийский клинок, выпавший из его руки. Сэм не раздумывал, что ему делать: ни верности, ни храбрости, ни гнева ему было не занимать. Он подскочил с яростным криком, схватил в левую руку меч хозяина и ринулся в бой. Странное это было зрелище, небывалое в животном мире: бешеный зверек всего-то с двумя острыми клыками кидается отбивать тело собрата у глубины в чешуйчатой шкуре-броню.

А она уже наслаждалась предвкушеньем кровавой трапезы, но, услышав его писк, медленно обратила к нему пучки глаз, налитые убийственной злобой. И прежде чем она поняла, что с такой яростью не встречалась еще никогда за все несчетные годы своей паучьей жизни, острый как бритва меч уже отсек ей клешню, а другой, еще острее, вонзился в многоглазую гроздь, и она померкла.

Жалкий звереныш спрятался под нею, укрылся от ее жала и клешней. Над ним висело зловонное, гнойнопрозрачное брюхо, и он, задыхаясь от смрада, наотмашь полоснул по нему эльфийским клинком.

Но Шелоб была не чета драконам: у нее уязвимы были только глаза. Шкура ее обросла чешуей из окаменелых нечистот, а изнутриросло много слоев гнуса. Широкой раной вспорол ее меч, но пронзить этот гнусный панцирь не смогли бы ни Берен, ни Турин, ни эльфийским, ни гномским оружием. Безвредно вспоротая, она вскинула тяжкое брюхо высоко над головой Сэма. Рана пенилась и сочилась ядовитым гноем. И, широко расставив ноги, она с мстительной силой обрушила брюхо на Сэма, но поторопилась: он устоял на ногах, обронил свой клинок и направил острием вверх эльфийский, держа его обеими руками; и Шелоб в смертельном ожесточенье нанизалась на стальной терн так глубоко, как не вонзил бы его ни один богатырь. Тем глубже вонзался он, чем тяжелей и беспощадней придавливало Сэма к земле зловонное брюхо.

Такой страшной боли Шелоб не знавала за все века своего безмятежного злодейства. Ни могучим воинам древнего Гондора, ни остервенелым, затравленным огромным оркам не удавалось даже задеть ее возлюбленную ею самой плоть. Дрожь сотрясла ее. Снова вскинув брюхо, спасаясь от боли, она далеко отпрыгнула на задергавшихся членистых ногах.

Сэм упал на колени у головы Фродо в полуобмороке от воницы, по-прежнему сжимая меч в обеих руках. Сквозь туман перед глазами он смутно различал лицо Фродо и силился овладеть собой, не поддаваться дурноте. Медленно поднял он голову и увидел Ее за несколько шагов. Многоглазый пучок страшно смотрел на него; другой потух и подтекал зеленоватой жижей; с клюва свисала струйка отравленной слюны. Она раскорячилась, припав брюхом к земле, ноги ее вздрагивали, напрягаясь перед прыжком — сшибить с ног и ужалить насмерть, не просто отравить, одурманить и уволочь, а убить и растерзать.

Шелоб. Братья Хильдебрандт

А Сэм стоял на четвереньках, видел свою смерть в Ее взгляде — и вдруг словно услышал голос издалека, и нашарил левой рукой на груди холодный, твердый и надежный в этом призрачно-зыбком мире подарок Галадриэли.

— Галадриэль! — тихо проговорил он, и зазвенели дальние голоса эльфов под звездным пологом в лесу любимой Хоббитании, зазвучали их слышанные сквозь сон песни и нежная музыка в Каминном зале дворца Элронда.

Гилтониэль А Элберет!

И ожил голос в его пересохшей гортани, и он воскликнул на незнакомом ему языке:

*А Элберет Гилтониэль
о менель палан-дириэль,
ле наллон си дингурутос!
А тиро нин, Фануилос!*

И поднялся на ноги хоббит Сэммиум, сын Хэмбриджа.

— Иди-ка сюда, мразь! — крикнул он. — Ты ранила моего хозяина, гадина, и тебе несдобровать. Мы пойдем дальше, но сперва разделаемся с тобой! Иди-ка сюда, а то тебе еще мало!

И словно возжженный его неукротимым духом, светильник в его руке запламенел, как светоч, засиял, как светило, пронизывая мутную тьму ослепительно яркими лучами. Невиданный огонь с поднебесья опалил Шелоб, как молния; лучи жгли раненый глаз нестерпимой болью; другой, показалось Ей, ослеп. Она шлепнулась на спину, беспомощно суча длинными коленчатыми ногами, заслоняясь от жгучего, терзающего света, потом отвернула изувеченную голову, перекадилась и поползла на брюхе, подтягивая ноги, цепляясь

клевнями за камни, к черной дыре, к спасительному логову.

Сэм наступал; он шатался, как пьяный, но шел на Нее. Она заторопилась прочь, мерзко, трусливо дрожа и колыхаясь, обгаживая камни желто-зеленой слизью, и втиснулась в проход, а Сэм успел еще рубануть по Ее ногам, вползавшим за Нею. И упал без памяти.

Шелоб удалилась; а что было с Нею дальше, долго ли безвылазно пролежала Она в своей берлоге, зализывая и залечивая раны спасительной темнотой, отрачивая пучковатые глаза, когда озлобленный, смертоносный голод выгнал ее из Логова и где она снова раскинула свои тенета в Изгарных горах — об этом наша хроника умалчивает.

Сэм остался один. В густеющих черных сумерках проклятой страны он очнулся и устало пополз назад, к хозяину.

— Хозяин, дорогой хозяин, — проговорил он, но Фродо не отзывался. Когда он летел со всех ног без оглядки, радуясь освобождению, Шелоб огромным прыжком подскочила сзади и вонзила жало ему в шею. Теперь он лежал бледный, бесчувственный, неподвижный.

— Хозяин, дорогой хозяин! — снова позвал Сэм и долго-долго тщетно ждал ответа.

Он быстро, ловко и бережно разрезал путы и приложил ухо к груди, потом ко рту Фродо, но сердце не билось, губы отвердели. Он растирал ему охлажденные руки и ноги, трогал ледяной лоб.

— Фродо, господин Фродо, сударь! — звал он. — Не оставляйте меня одного! Это ваш Сэм, откликнитесь! Не надо, не уходите без меня! Проснитесь, сударь! Господин Фродо, милый, дорогой, проснитесь! Проснитесь, пожалуйста!

Потом его охватил гнев, и он бегал вокруг тела хозяина, пронзая воздух, рубя камни, выкрикивая проклятья. Потом склонился над Фродо и долго смотрел на его бледный лик на черных камнях. И вдруг он вспомнил, что ему пришло в голову в Зеркале Галадриэли: мертвенно-бледный Фродо крепко спит у черной скалы. Это он тогда подумал, что крепко спит, а на самом деле...

— Он умер! — сказал Сэм. — Он не спит, он умер!

И от этих его слов точно яд разошелся в холодеющей крови, и лицо Фродо стало исчерна-зеленоватым.

И черное отчаяние овладело им, и он склонился к земле и укрыл голову капюшоном, сердце его оцепенело от горя, и он лишился чувств.

Схлынула темнота, и Сэм очнулся в тумане; но протянулись минуты или часы — этого он не знал. Он лежал на том же месте, и так же лежал возле него мертвый хозяин. Горы не обрушились, камни не искрошились.

— Что мне делать, делать-то чего? — проговорил он. — Неужто же мы с ним зря всю дорогу... — И ему припомнились собственные слова, сказанные еще в начале пути, не очень тогда понятные ему самому: *Я ведь обязательно вам пригожусь — и не здесь, не в Хоббитании... если вы понимаете, про что я толкую.* — А что я могу сделать? Оставить его мертвое тело на камнях и бежать домой? Или идти дальше? Дальше? — повторил он, вдруг задумавшись и испугавшись. — Как это — дальше? Мне, значит, идти дальше, а его что же, бросить?

И он заплакал и подошел к Фродо, прибрал его тело, и скрестил его холодные руки на груди, и обернул его плащом, и положил с одной стороны свой

меч, а с другой — Фарамиров посох.

— Если мне надо идти дальше, — сказал он, — то придется, сударь, уж извините, взять ваш меч, а вам я оставлю этот, он лежал возле старого мертвого короля в Могильниках; и пусть вам останется ваша мифрильная кольчуга, подарок господина Бильбо. И вот еще ваша звездинка, сударь, — вы мне ее одолжили, и она мне очень еще понадобится, темень-то никуда не делась, и мне от нее никуда не деться. Куда уж мне такие подарки, да и не мне она была подарена, Владычица вам ее дала, но она-то как раз, может, и поймет. А вы-то хоть понимаете, сударь? Раз мне надо дальше.

Ну не мог он идти дальше, никак не мог. Он опустился на колени, взял мертвую руку и не мог ее отпустить. Шло время, а он все стоял на коленях, держал холодную руку и не мог решиться.

Да, решимости не хватало, а надо было пускаться в одинокий путь — затем, чтоб отомстить. Он не остановится, пройдет любыми тропами, исходит все Средиземье, есть-пить не будет, пока не настигнет и не убьет Горлума. Но ведь не за этим он пошел с хозяином, да ради этого не стоит и покидать его тело. Убийством его не вернешь. Его ничем не вернешь. Тогда уж лучше умереть рядом с ним: тоже одинокий путь, уводящий из жизни.

Он поглядел на ярко-голубой клинок и подумал о пути назад краем черного обрыва в никуда. Мстить или не мстить — не все ли равно? Нет, не за этим он шел за тридевять земель.

— Ну а что ж тогда? — воскликнул он снова. — Что же мне делать? — И ответ пришел сам собой, простой и жестокий: обещал пригодиться — пригодись, исполни за него. Вот он, твой путь — тоже одинокий и самый страшный.

— Это как? Мне, одному, идти, что ли, к Роковой Расселине? — Он задрожал, но тут-то и пришла решимость. — Как так? Это *мне-то*, мне у него забрать Кольцо? Совет поручил Кольцо ему.

И опять не замедлил ответ: «Совет поручил ему Кольцо и дал спутников, чтоб они помогли выполнить поручение. Ты — последний из Хранителей: вот и выполняй, за тебя некому».

— Зачем так надо, чтоб я был последним! — простонал он. — Сюда бы старину Гэндальфа или кого из прочих... И как мне одному решать? Я ж непременно маху дам! Чего мне выставляться-то, какой из меня Хранитель Кольца?

«Ты не выставляешься: тебя выставила судьба. А что, мол, ты в Хранители не годишься, так не больно-то годились и господин Фродо, да что говорить, господин Бильбо и тот... Они ж не сами себя выбирали, а так получилось».

— Словом, хочешь не хочешь, а надо решать самому. Осрамлюсь, конечно, но это уж как водится: чтобы Сэм Скромби да не сел в лужу?

Будем думать: ну вот, найдут нас здесь, господина Фродо то есть, и эта Штуковина, что на нем, достанется Врагу. Тут нам всем и конец — конец Лориэну, Раздолу, а Хоббитании уж и подавно. Ишь, думать наладился — думать-то времени нет. Война началась, и Враг, видать, берет верх. Обрато с Кольцом не проберешься: да и с кем советоваться, у кого спрашиваться? Нет уж, либо сиди жди, пока тебя ужокошат над телом хозяина, а Штуковину отнесут Кому не надо, либо забирай Колечко и бери ноги в руки. — Он глубоко вздохнул. — Вот так, и больше ничегошеньки не надумаешь!

Он склонился над Фродо, отстегнул брошь у подбородка, засунул руку ему

под рубашку, а другой рукою приподнял мертвую голову, поцеловал холодный лоб и бережно снял цепочку с шеи. И опустил голову хозяина на камень; застывший лик не изменился, и тут уж все стало понятней понятного: да, Фродо умер и поручение его больше не касается.

— Прощай, хозяин, прощай, дорогой мой! — тихо молвил он. — Прости своего Сэма. Он вернется сюда непременно, вот только доделает, ежели получится, твое дело. И уж больше не разлучимся. А покуда покойся с миром: авось не доберутся до тебя вражеские стервятники! Может, Владычица услышит меня и соблаговолит исполнить одно-единственное мое желание — устроит так, чтоб я возвратился и нашел тебя. Прощай!

Он склонил голову, продел ее в цепочку — и согнулся под тяжестью Кольца, словно на шею ему повесили огромный камень. Но мало-помалу, то ли привыкая к тягости, то ли обретая новые силы, он распрямился, с трудом встал на ноги и понял, что идти сможет и ношу унесет. При свете Фиала он еще раз поглядел на своего хозяина — а Фиал светился тихо, будто ранняя звезда летним вечером, и мягко озарял лицо Фродо, строгое, бледное и по-эльфийски красивое: смертная тень сошла с него. Горько утешенный на прощанье, Сэм отвернулся, спрятал светильник и побрел в сгустившуюся темень.

Идти было недалеко: сотня сажений, не больше, от прохода до Ущелины. Тропа и в сумерках виднелась — широкая, исхоженная, она отлого поднималась в гору между сближавшихся скал и превратилась в длинную лестницу с плоскими, стертymi ступенями. Черная сторожевая башня угрюмо высилась прямо над ним, мигая красным глазом. Он скрылся в тени у ее подножия: вот и лестнице конец, а вон и Ущелина.

— Решенного не перерешать, — твердил он сам себе, а все же, хоть вроде бы решил и по совести, но сердце его противилось каждому шагу. — Неверно, что ль, я рассудил? — пробормотал он. — А как же надо было?

У самого гребня громоздились отвесные скалы, и, прежде чем углубиться в проход между ними и выйти к тропе, ведущей вниз во Вражьи края, Сэм обернулся и постоял неподвижно, пытаясь отделаться от мучительных сомнений и глядя вниз, на каменную пустыню, где разбилась вдребезги его жизнь. Черной точкой виднелся проход в Логово; правее сажений так на тридцать остался лежать Фродо; там словно бы метались какие-то отсветы, а может, это слезы застлали ему глаза.

— Одно у меня желание, больше нет, — вздохнул он, — только б вернуться и найти его! — И он нехотя — да и ноги не слушались — сделал несколько шагов к перевалу.

Всего несколько шагов; еще несколько — и начнется спуск, и те страшные утесы скроются с глаз его, может быть, навсегда. Но внезапно послышались крики и гомон. Он застыл: точно, орки, и спереди, и позади. Тяжелый топот, грубые окрики: откуда-то, слева, что ли, приближались они к Ущелине — должно быть, вышли из башни. И сзади тоже — топот и окрики. Он обернулся: факельные огоньки плясали у подножия утесов, появлялись из прохода. Вот наконец и погоня. Недаром башня мигала красным глазом. Он угодил между двух огней.

Впереди уж совсем близко мелькали отсветы факелов и слышался лязг ста-

ли. Через минуту они подойдут к гребню — и ему крышка. Долго он больно раздумывал, и, видать, понапрасну. Куда ж ему деваться, как спастись, главное — спасти Кольцо? Кольцо. Не колеблясь и не размышляя, он вытащил цепку, взял Кольцо в руку. Передовой орк возник в Ущелине прямо перед ним, и он надел Кольцо.

Все переменялось, и за один миг пролетел словно бы час. Слух его обострился, а зрение помутилось, но иначе, чем в Логове Шелоб. Кругом стало не черно, а серо, и он был один в зыбкой мгле, как маленькая черная-пречерная скала, а Кольцо, тяготившее его левую руку, жарко сверкало золотом. Он себя невидимкой не чувствовал: наоборот, ему чудилось, будто его видно отовсюду, и всевидящее Око, он знал, жадно ищет его. Надсадный хруст камней был ему слышен, и мертвенный лепет воды в Моргульской долине, и хлюпающие стенанья Шелоб, заблудившейся в собственном логове, и стоны узников из башенных подземелий, и крики орков, выходящих из Логова, и оглушительный галдеж и топотня пришельцев из-за гребня. Он прижался к скале, а они промчались мимо, как вереница уродливых теней, мерзкие призраки в брызгах бледных огоньков. Он съезжился, отыскивая ощупью укромную выбоину.

И прислушался. Орки из перехода и эти, с башни, завидели друг друга — шум и гам удвоились. Он отчетливо слышал тех и других и понимал их речь. То ли, надевши Кольцо, начинаешь понимать все языки, то ли язык рабов Саурона, его изготовителя, — словом, все было понятно, он как бы сам себе переводил. Видно, мощь Кольца возросла стократ неподалеку от горнила, где оно было отковано; но уж чего-чего, а мужества оно не придавало — Сэм думал лишь о том, где бы спрятаться и переждать суматоху, а пока напряженно вслушивался. Где орки встретились, этого он не знал, но говорили точно у него под ухом.

— Видали? Горбаг! Чего это ты приперся — воевать надоело?

— Приказ, мордоплюй! Ты-то, Шаграт, зачем задницу приволок? Повоевать захотелось?

— Здесь я приказываю, я здесь начальник, а ты придержи язык. Чего нашли?

— Ни хрена.

— Гей! Гой! Эге-гей! — Галдеж перебил начальственную беседу. Нижние орки что-то обнаружили и забегали. Подбегали остальные.

— Го-го-го! Тут что-то валяется прямо на дороге. Лазутчик, лазутчик! — Сипло завизжали рога, все перекрикивали друг друга.

В холодном ужасе Сэм очнулся от напавшей на него трусости. Нашли хозяина, гады. Что они с ним сделают? Слыхивал он такие рассказы, что аж кровь замерзала в жилах. Ну нет — он вскочил на ноги. Пропадай все пропадом, грош цена всем его доводам; сомненья и страхи как рукой сняло. Он твердо понял, где его место: рядом с хозяином, живым или мертвым, а почему да зачем — неважно. И он сбежал по лестнице и помчался тропею к Фродо.

«Сколько их там? — думал он. — Из башни тридцать-сорок, не меньше, да снизу столько же, а то и побольше. И сколько ж я их успею перебить? Голубой клинок они заметят и раньше ли, позже ли одолеют меня. Хорошо бы когда-нибудь сложили песню: «Как Сэммиум погиб на перевале, защищая тело

хозяина». Да нет, какая песня. Кольцо найдется, и песен больше не будет. Что ж, нет так нет, а мое место — возле господина Фродо. Должны они это понять — и Элронд, и Совет, и все они, великие и мудрые: просчитались они. Из меня Хранителя не выйдет — я только вместе с господином Фродо».

Что-то орков не видать в этой мути. Прежде он как-то перемогался, а теперь вдруг разом устал так, что впору копыта отбрасывать. Не бежит, а еле тащится, и тропе конца нет. Да куда же они все подевались — вот проклятый туман!

Ага, вон они! Еще далеко, ух ты, как далеко. Столпились, а некоторые рыцут кругом, следы вынюхивают. Он силился побежать.

— Ну давай, давай, Сэм! — торопил он себя. — А то опять прохлопаешь, что тогда? — Он нащупал рукоять меча. Сейчас он его выдернет из ножен и...

Дико загалдели, заржали, загоготали, поднимая тело с земли:

— Раз-два, взяли! Эй ты, рыло! Оп! Оп!

И начальственный окрик:

— Шагом марш, поровнее! Напрямую к Нижним Воротам! Сегодня Она, похоже, не вылезет. — И целая свора сорвалась с места. Четверо посредине несли тело на плечах. — Го-гой!

Всё: убежали, унесли тело Фродо, теперь уж их не догнать; но он не останавливался. Орки исчезли в проходе: четверка с телом впереди, задние устроили толчею. Сэм подоспел — и обнажил меч, полыхнувший голубым пламенем, но его никто не заметил, и последний орк скрылся в зияющей дыре.

Он постоял, держась за сердце, и немного отдышался. Потом отер рукавом с лица копоть, пот и слезы.

— Гадина проклятая! — сказал он и нырнул в смрадную темноту.

Теперь темнота была не такая черная: просто он из туманной мглы окунулся в густой туман. Усталость его возрастала, но и упорства прибавилось. Вроде бы и невдалеке плясали огоньки факелов, но, как он ни спешил, догнать их не удавалось. Орки — ходоки быстрые, а уж этот-то переход они знали назубок: как ни страшились они Шелоб, а иного пути, кроме самых окольных и запретных, от Мертвой Крепости до сторожевой башни не было. Когда проделали главный проход и зачем вырубили тот круглый отсек, где Она облюбовала берлогу, — этого никто не знал, но обходных туннельчиков наделали видимо-невидимо: бегать-то мимо Шелоб приходилось по сто раз на дню. Нынче бежать было недалеко — потайным боковым ходом к подбашенной скале. Полные злорадного ликования — не без добычи! — на бегу они чисто по-оркски орали и переругивались. Сэм слышал их грубые голоса, точно ржавый скрежет в мертвенном воздухе: громче и ближе всех говорили между собой два вожака, замыкавшие шествие.

— Унял бы ты своих долбаков, Шаграт, — буркнул один. — Вот щас Шелоб как выскочит!

— Не воняй, Горбаг! Твои не меньше галдят! — огрызнулся другой. — Дай ребятам подурачиться. Шелоб нынче квелая, авось не выскочит. На гвоздь Она, что ли, напоролась, не знаю, и утешать не побегу. Видал, как все запако-

щено аж до поганой Ее берлоги? Да коли сто раз сошло, сойдет и в сто первый, пусть их поржут. Опять же везуха: в Лугбурзе будут довольны.

— Сказанул: в Лугбурзе! С чего бы это: подумаешь, какой-то эльфийский недомерок. Особо опасный, что ль?

— Не знаю, глазами поглядеть надо.

— А-а-а! Сам, стало быть, не знаешь, в чем дело, из-за чего сыр-бор? Ну да, у них там наверху все тайны да секреты, где нам, дуракам. А я тебе по секрету вот что скажу: на самом верху те же портачи сидят, даже еще хуже.

— Ч-ш, Горбаг! — Шаграт так понизил голос, что и болезненно чуткий слух Сэма едва улавливал слова. — Портачи-то они портачи, а глаза и уши у них повсюду, и мои огольцы всегда на стреме, было б что доносить. А они там сротозейничали, это точно. Недаром назгулы, сам говоришь, места себе не находят, в Лугбурзе тоже переполох. Что-то у них чуть не сорвалось.

— Чуть не сорвалось, говоришь? — хохотнул Горбаг.

— Ладно, ладно, — сказал Шаграт, — поговорим потом. Тут щас будет один закоулок: парни пусть идут, а мы присядем потолкуем.

Факелы куда-то исчезали. Прокатился гул, раздался глухой удар. Сэм подбежал — оказалось, орки ушли тупиковым проходом.

Его загораживал огромный камень, но они как-то, видать, его отодвинули и задвинули: голоса их доносились с той стороны. Орки убегали в каменную глубь, к своей башне, — и уносили на поругание тело Фродо, а Сэм, хоть ты тресни, не мог даже следовать за ними. Он потыкался в каменную глыбу, попробовал ворохнуть ее, кидался на нее всем телом, но она не поддавалась. И снова, вроде бы совсем неподалеку, слышались голоса вожаков, и он наострил уши: вдруг что-нибудь разузнает? Кстати, же, Горбаг, должно быть, снизу, из Минас-Моргула, будет выходить, а он и прошмыгнет.

— Не-а, не знаю, — сказал голос Горбага. — Обычно-то приказы поступают быстрее, чем птица долетит. А как — не знаю, да лишнего и не надо знать. Бррр! С этими назгулами не захочешь, а обделаешься. Глянут на тебя — будто шкуру сдирают: раз-два, и отправят освежеванного вялиться на том свету. А Самому они лучше братьев родных, так что терпи да молчи в тряпочку. Нет, я тебе скажу, в крепости служить — не шутка.

— Ты бы здесь послужил, погулял бы в обнимку с Шелоб, — сказал Шаграт.

— Она мне тоже без надобности: податься бы куда-нибудь, где ни их, ни Ее. Да куда же подашься: война, разве что после.

— Война, говорят, хорошо идет.

— Они скажут, — хмыкнул Горбаг. — Поживем — увидим. Но если и правда все утряхается, то заживем попросторнее. Как думаешь? Может, подберем с десяток лихих парней, дадим тягу да поищем, где поразжиться есть чем, а командиров нет?

— Эх! — сказал Шаграт. — А что, потрянем стариной?

— Ну, — сказал Горбаг. — Это мы потом, а сейчас тут что-то не то, нюхом чую. Я тебе говорю, Большие Шишки, — он перешел почти на шепот, — ну, самые большие, где-то напортачили. «Чуть не сорвалось»! То-то и оно, что сорвалось! А мы — бегай поднимай. Бедняга наш брат Урукхай — только бы им дыры нашими задницами затыкать! Пользуются, что враги любят нас не больше, чем Самого, и что ежели Ему, то и нам копец. Погоди-ка: ты когда приказ-то получил?

— Да с час назад, мы почти сразу и встретились. Сказано было: *Назгул тревожится. Берегись лазутчиков на Лестницах. Стражу везде удвоить. К лестницам выставить дозор.* Я скомандовал — и побежали.

— Скверное дело, — сказал Горбаг. — Видишь ли — наши Безмолвные Соглядатаи встревожились пораньше назгула, дня два назад, это я точно знаю. А с дозором меня послали только вчера и в Лутбурз не сразу доложили: то да се, гром и молния, Главный Назгул выступает с войском. Говорят, из Лутбурза вообще велели не соваться с пустяками.

— Ну да, и Око здесь не шарило, — сказал Шаграт. — Говорят, на западе большие бои.

— Это само собой, — проворчал Горбаг. — А враги тем временем пробрались по Лестницам. Ты-то, между прочим, где был? Особого распоряжения дожидался? Кто за тебя должен стеречь верхнее ущелье и переход?

— Заткнись, ты! Ишь, командир нашелся; не учи ученого. Мы и так всю ночь глаз не смыкали. Тут чудные дела творились.

— Что за чудные дела?

— Да уж чудные: свет мелькал, крики слышались. Но Шелоб-то тоже не дремала. Парни видели Ее с Мозгляком.

— Какой еще Мозгляк?

— Поглядел бы ты на него: черненький такой вшиварь, сам как паучок или замороженный лягушонок. Он здесь и раньше бывал. Первый раз явился не откуда-нибудь, а из Лутбурза, понял, несколько лет назад, и нам велено было задержек ему не чинить. И с тех пор разок-другой вскарабкался по Лестницам, но мы его не трогали, будто и не замечаем: он как-то поладил с Ее Милостью. Видать, Она просто на тощий кус не позарилась — на приказы-то сверху Ей сто раз плевать ядовитой слюной. Ну, вы там в долине хороши сторожа: он сюда уж сутки как пробрался. Вчера под вечер его видели. А потом докладывают мне, что Ее Милость забавляется, я думаю — ну и на здоровье, другое дело — когда приказ вышел. Верно, думаю, Мозгляк Ей какую-нибудь живую кровянку притащил, а может, от вас доставили подарочек — пленного или кого там. Я Ей забавляться никогда не мешаю — Ей помешаешь, как же! — а мимо Нее все равно никому ходу нет.

— «Ходу нет, ходу нет!» Ты гляделки-то разуй! Говорю тебе: что-то стряслось, нюхом чую. Кто уж там пожаловал по Лестницам, не знаю, только он протырился, понял? Раскромсал ее паутинку и вылез из Логова. Это тебе не хухры-мухры!

— Ну он же от Нее не ушел, верно?

— Не ушел? Кто не ушел? Этот замухрышка? Да если б он был один, давно уж вылеживался бы в Ее кладовочке на верхней полочке, а ты бы его у Нее спрашивал, потому как в Лутбурзе шутить не любят. Считаю, тебе повезло. Только он не один был!

Тут Сэм стал слушать внимательнее и прижался ухом к камню.

— Кто его освободил-то, а, Шаграт? Да тот же самый, что раскромсал паутину. Сам, что ль, не понимаешь? А кто подколот Ея Милость? Опять же он. А где он? Ну где он, Шаграт?

Шаграт промолчал.

— Ты шевели, шевели мозгами — нет своих, займи на время, дело-то нешуточное! Никогда и никто еще до Шелоб иголкой не дотянулся, не хуже меня

ты это знаешь. Старушку-то жалеть не будем, хрен с Ней; но ты сообрази сам: тут у тебя шастает всем мятежникам мятежник, с недобрых времен Великой Осады таких и в заводе не было. В общем, что-то сорвалось.

— Ну и что это за мятежник, по-твоему?

— Да по всему видать, мил друг Шаграт, что это огромный богатырь, наверняка эльф, с эльфийским мечом — это точно, да и секира небось при нем; он тут орудует у тебя под боком, а ты хайлом мух ловишь! Что говорить, чудные дела! — Горбаг сплюнул. Сэм мрачно усмехнулся, узнав себя в описании.

— Да ну тебя в Моргул, вечно ты тоску нагоняешь, — сказал Шаграт. — Вольно тебе выдумывать, а может, все гораздо проще объясняется. Короче, дозорных я всюду выставил, и, если их даже двое, разбираться будем по одному. Погляжу как следует на того, который нам попался, а там и подумаю, что дальше делать.

— А я тебе говорю, что на замухрышку можешь заранее плюнуть, — сказал Горбаг. — Он тут вообще сбоку припека. Да тот великан с острым мечом и возиться-то с ним не стал, бросил подыхать: эльфы, они такие.

— Посмотрим. Айда, а то заговорились. Пошли разбираться с пленным.

— Чего ты с ним делать-то собираешься? Ты не забудь — это мои молодцы нашли его. Если потрошить, то чур мы первые.

— Легче, легче, — заворчал Шаграт. — Нечего тут, у меня приказ, и нарушать его никому не позволено — наши с тобой головы первые полетят. *Всякого* пойманного нарушителя заточить в башню. Раздеть донага. Составить полную опись одежды, оружия и всего, что при нем найдено — письма, кольца, любые безделушки: опись немедля переправить в Лугбурз, и *только* в Лугбурз. Пленника под страхом смертной казни для всех и каждого пальцем не трогать и беречь пуще глаза, покамест Сам за ним не пришлет или не явится. Инструкции ясные, мое дело их выполнять от точки до точки.

— А донага раздеть — это как? — спросил Горбаг. — Уж заодно-то, может, зубки повыдергать, ногти, волосики, а?

— Ни-ни, и не мечтай. В Лугбурз без никаких, целого и невредимого.

— Ну, это дудки, — расхохотался Горбаг. — Чего дохлятину-то беречь? Жмуриков у них, что ли, в Лугбурзе не хватает? Сварить бы его на ужин, и дело с концом.

— Болван! — рявкнул Шаграт. — Язык у тебя без костей, а ты бы лучше послушал тех, кто смыслит побольше твоего. Смотри, вот сам попадешь на ужин к Шелоб. Дохлятина! Много ты понимаешь про Ее Милость! Если Она пеленает — значит, мясо заготавливает, а дохлятины Она не жрет и тухлой кровянки не пьет. Не мертвый он вовсе!

Сэма шатнуло; он вцепился в камень. Ему показалось, будто черное Логово переворачивается вверх дном. От потрясения он чуть не лишился чувств, но превозмог дурноту, ясно услышав свой внутренний голос: «Дуралей ты, он же не мертвый, и в сердце своем ты это знал. Голова твоя, Сэммиум, садовая, ты ее лучше в карман спрячь. Беда с тобой та, что ты потерял надежду, а лучше сказать, с самого начала ни на что не надеялся. Теперь-то как быть?» Пока никак, пока всем телом вжаться в холодный камень и слушать, слушать, слушать гнусные голоса орков.

— Эх ты, тютя! — сказал Шаграт. — У Нее же разные яды на разные случаи. Когда Она охотится, то ужалит в шею, упакует мягонькое мясо в кокон, а уж

потом лакомится помаленьку. Помнишь старину Уфтхака? Он вдруг запропал: день его нет, два нет, на третий идем — а он висит в уголочке живехонек и пялит зенки. Ну, мы и хохотали! Может, Она его подвесила и забыла, но мы его так висеть и оставили — охота была с Нею связываться! Нет, этот вшиваречек через часик-другой очухается: ну, потошнит его, а так хоть бы что, это уж в Лугбурзе его на части разберут. Память у него, конечно, малость отшибет: невдомек ему будет, где он да что такое с ним приключилось.

— И что его ожидает! — захохотал Горбаг. — Ладно, это мы ему порасскажем, раз больше ничего нельзя. В лугбурзских хоробах он вряд ли бывал, надо его подготовить, а то испугается с непривычки. А что, забава не хуже другой. Пошли!

— А я тебе говорю, забавляться не будем, — пробурчал Шаграт. — Если он в уме повредится, то все мы, считай, мертвецы.

— Ладно, ладно, не пукай! Я бы на твоём месте обложил другого, здоровяка, а пока чего даже и в Лугбурз не докладывал бы. Там ведь косо посмотрят, что ты изловил котенка и упустил кота.

Голоса стихли, и шаги удалились. Сэм оправился от потрясения и пришел в бешеную ярость.

— Ну и сглупил же я! — кричал он. — Так я и знал! Теперь он у них, у гадов, у мерзавцев! Одно тебе надо было помнить: никогда, ни под каким видом не оставляй хозяина, и все тут! И не мудрить! Ох, хоть бы мне это простилось! А теперь надо пробраться к нему — как хочешь, хоть из кожи вон!

Он снова обнажил меч и рукоятью выстукивал камень: тот отзывался глухим гулом, но клинок запылал ярко-ярко, и при свете его Сэм с изумленьем увидел, что перед ним не просто камень, а каменная дверь в полтора его роста. Между дверью и аркой оставался узкий лаз; дверь небось была от Шелоб и запиралась с той стороны хитрым засовом или крюком, для Нее недосягаемым. Сэм подпрыгнул, схватился за верх двери, подтянулся, просунулся в лаз, перевалился, тут же вскочил и побежал со всех ног со сверкающим клинком в руке по извилистому проходу. Узнав, что хозяин жив, он и думать забыл о своей усталости. Впереди ничего было не видно: уж больно петлял проход, но орков он, должно быть, догонял — два голоса послышались совсем рядом.

— Как сказал, так и сделаю, — сердито отрезал Шаграт. — Запру его в потайной каморке на самом верху.

— Зачем это? — буркнул Горбаг. — У тебя что, внизу нет надежных застенков?

— Сказал же, подальше от вашего брата, — отвечал Шаграт. — Понял? Его нельзя трогать, а я не всем своим парням доверяю, твоим-то и подавно, да и тебе не очень — мало ли, приспичит тебе позабавиться. Я за него в ответе и тебя к нему близко не подпущу, разве что под моим присмотром. Говорю: на самый верх, там до него никто не доберется.

— Никто? — крикнул Сэм. — А про эльфийского-то богатыря у вас под бокм забыли!

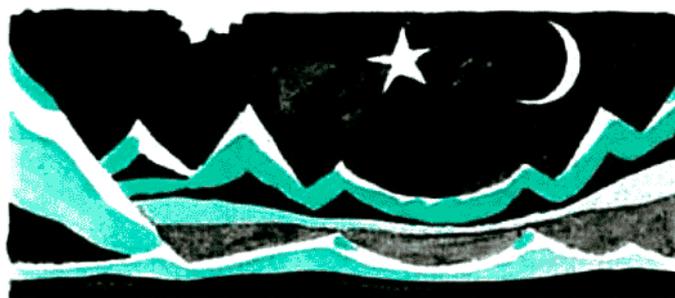
И он выпрыгнул из-за последнего поворота, но Кольцо, что ли, обмануло его — уж очень их было хорошо слышно — или проход такой опять же хитрый, только они оказались довольно далеко: два черных приземистых уroda

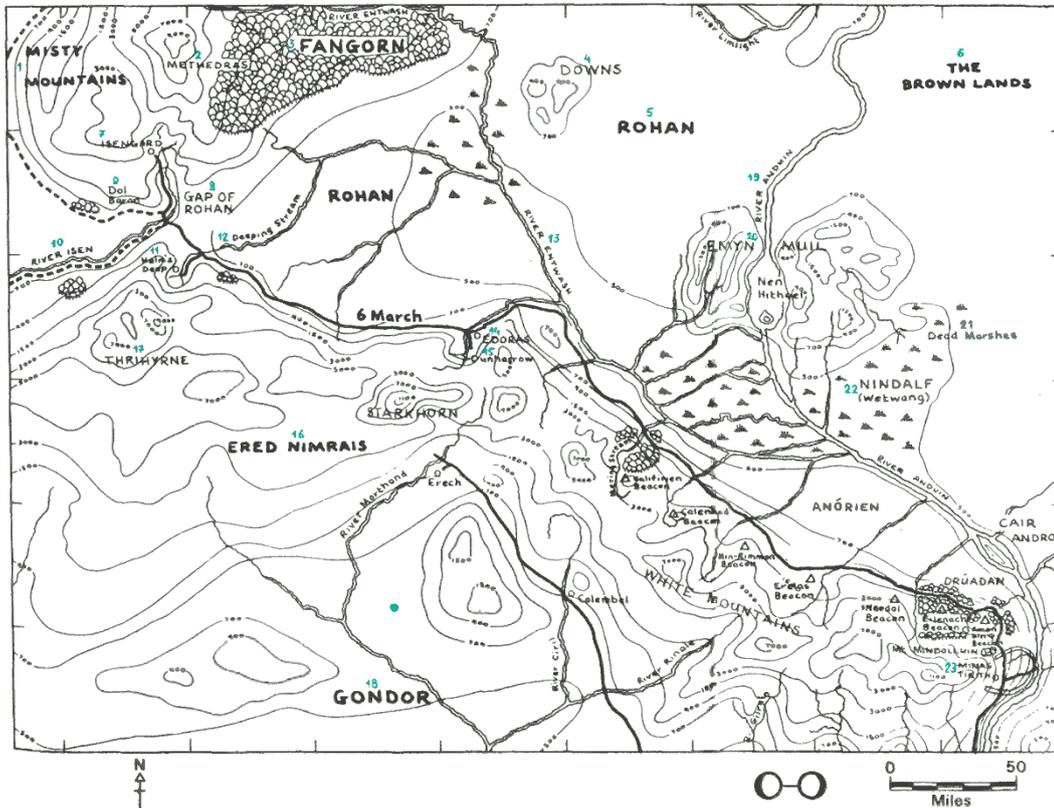
на фоне багрового неба. Они поднимались по каменному скату к широко распахнутым двустворчатым воротам в нижние, а то и подвальные помещения башни — ее могучего рога даже и видно не было. Орки со своей ношей уже давно зашли в ворота; Горбаг и Шаграт были от них за два шага.

Хриплый хор грянул песню; затрубили рога, ударили в гонги, заорали на все голоса. Горбаг и Шаграт переступили порог.

Сэм кричал и махал сверкающим Терном, но его голосок тонул в несусветном гаме. Никто его не заметил.

Гулко захлопнулись огромные ворота. С лязгом задвинулись тяжелые железные засовы. Сэм с разгону ударился о шиповатую бронзовую обшивку и без чувств упал наземь. Он остался один снаружи, в темноте. Фродо был жив и живым попал в руки Врага.

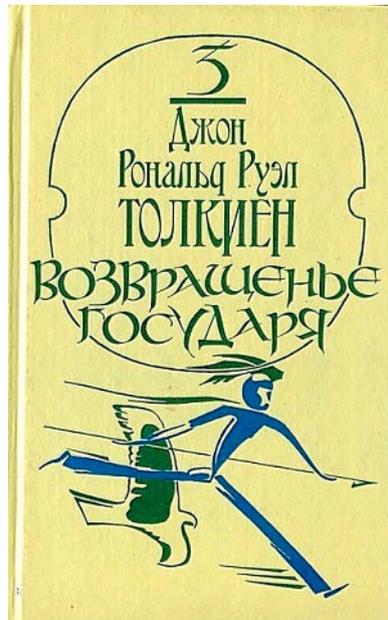
1. Мглистые горы
2. Метхедрас
3. Фангори, или Великий Лес
4. Южное нагорье
5. Ристания, или Мустангрим
6. Бурье Равнины, или Бувьятье
7. Изенгард
8. Врата Ристании
9. Дол-Бран
10. р. Изен
11. Хельмово ущелье
12. р. Ущелица
13. р. Онтава
14. Эдорас
15. Дунхергская теснина
16. Эред-Нимрайс, или Белые горы
17. г. Трайгирн
18. Гондор
19. Андуин, или Великая Река
20. Приречное взгорье, или Привражье
21. Мертвецкие Болота
22. Нэндальф, или Болонь
23. Минас-Тирит

Возвращение государя

Введение The Return of the King London 1954

Текст и оформление воспроизведены по книге:

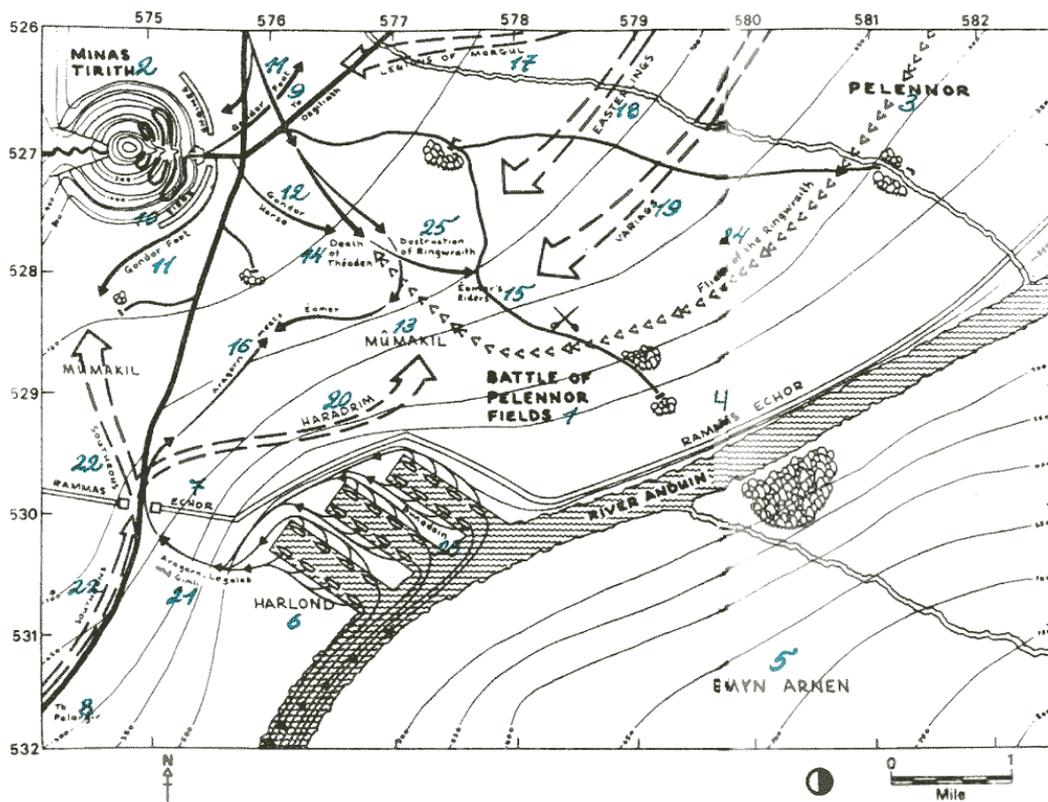

© Перевод на русский язык издательство «Радуга», 1992

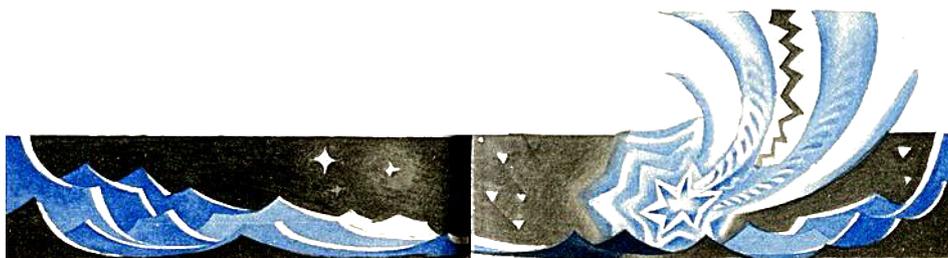
Перевод В. Муравьева

Оформление художника Э. Зарянского

Заключительная часть летопись сказочной трилогии «Властелин колец». Читатель узнает о последней битве светлых и тёмных сил, о дальнейшей судьбе Фродо, Сэма, Арагорна и других героев.

1. Битва на Пеленнорской равнине
2. Минас-Тирит
3. Пеленнор
4. р. Андуин
5. горы Эмин-Арнен
6. Харлондская гавань
7. Раммас-Экор
8. на Пеларгир
9. на Остиаиат
10. осадные машины
11. гондорская пехота
12. гондорская конница
13. мумаки
14. смерть Теодена
15. конники Эомера
16. встреча Арагорна и Эомера
17. моргульские легионы
18. вастаки
19. воряги
20. хородримсы
21. Арагорн, Леголас и Гимли
22. южане
23. дунадансы
24. полет Кольценосца
25. гибель Кольценосца

Книга 5

*Шесть тысяч копьеносцев мчались через Санлендинг
К могучей твердыне Мундбург у горы Миндоллуин,
К столице Государей, из-за Моря приплывших,
Теперь осажденной врагами и окруженной огнем.*

Глава I

Минас-Тирит

Пин выглянул у Гэндальфа из-за пазухи — и не понял, проснулся он или спит по-прежнему, видит быстротечный сон, в который погрузился, когда Светозар ударил галопом. Пробегала мимо та же темень, и ветер гулко свистел в ушах. Виднелись одни лишь переливчатые звезды; справа заслоняли небеса темные громады. Он стал было сонно соображать, где они и сколько уже проехали, но память его мутилась и расплывалась.

Сперва, он помнил, мчались во весь опор; на рассвете блеснули тусклым золотом купола, и они приехали в какой-то тихий город, и огромный пустой дворец стоял на холме. Едва они там укрылись, как опять налетела крылатая тень, и люди растерялись от ужаса. Но потом Гэндальф с ним ласково говорил, а он спал где-то в уголочке, спал устало и беспокойно, и слышал сквозь сон, как ходили туда-сюда люди и Гэндальф отдавал приказы. А потом они снова мчались и мчались, скакали в ночи. Вторая это была — нет, уже третья ночь, как он заглянул в Камень. Он вспомнил этот ужас, вспомнил, проснулся и задрожал, а расшумевшийся ветер грозил на все голоса.

Небо вспыхнуло желтым сиянием из-за черных кряжей, а Пин съежился в комочек: куда это, в какие неведомые края завез его Гэндальф? Он протер глаза и увидел, что луна одолела восточные тени, почти что полная луна. Значит, ночь в самом начале, и долог еще путь под темным небом. Он шевельнулся и заговорил.

— Это мы где, Гэндальф? — спросил он.

— Заехали в пределы Гондора, — отвечал тот. — Пока что в Анориэне.

И дальше скакали молча, а потом Пин вскрикнул, дернув Гэндальфа за рукав:

— Смотри-ка, смотри! Огонь же, красный огонь! Тут что, драконы? А вон еще!

Вместо ответа Гэндальф воззвал к коню:

— Поспешим, Светозар! Близки последние сроки. Видишь, Гондор зажигает маяки, вестники бедствия. Война нагрянула. Вон зажегся Амон-Дин, вспыхну-

ло пламя на Эйленахе, и огни побежали к западу: Нардол, Эрелас, Мин-Риммон, Кэленхад, — а вот полыхнул Галифириэн у ристанийской границы!

Но Светозар перешел с галопа на шаг, поднял голову и звонко заржал. Послышалось ответное ржанье и перестук копыт: из темноты вынырнули три всадника, пронеслись на запад и исчезли, точно растаяли в лунном сиянии. А Светозар напрягся, прынул — и ночной ветер снова загудел в ушах.

Сквозь дремоту Пин краем уха слушал, что рассказывает Гэндальф о гондорских обычаях — о том, как наместник повелел воздвигнуть маяки по обоим отрогам горной цепи, а у маяков учредил подставы, где всегда держат наготове сменных лошадей для гонцов, отправленных на север, в Ристанию, или на юг, в Бельфалас.

— Давно уж северные маяки не зажигались, — сказал он, — а прежде-то Гондору в них и нужды не было, хватало Семи Каменьев.

Пин вздрогнул и заерзал.

— Спи себе, не пугайся! — велел ему Гэндальф. — Это Фродо надо идти в Мордор, а ты едешь в Минас-Тирит, в надежнейшую крепость: нынче надежней нигде нету. Если уж Гондор не устоит, если Враг завладеет Кольцом, то и в Хоббитании не укроешься.

— Хорош утешитель, — спросонья выговорил Пин. Но, и засыпая, все же увидел осиянные луной белые вершины, плывущие над облаками. И подумал: а где же все-таки Фродо, может, он уже в Мордоре или его в живых нет; откуда ему было знать, что тогда-то и Фродо глядел издалека на ту же самую предрассветную луну.

Голоса разбудили Пина. Вот и еще сутки прочь: день в укрытии, ночь на коне. Светало, стелился холодный туман. Поблескивали потные бока Светозара, но в горделивой его осанке не было ни признака усталости. Кругом стояли высокие люди в плащах до пят, а за ними виднелась полуразрушенная стена, которую, должно быть, поспешно отстраивали, и в этот ранний предрассветный час отовсюду слышался стук молотков, скрежет лопат и скрип колес. В мутной мгле пылали факелы, горели светильники. Гэндальф разговаривал с теми, кто преграждал им путь, и Пин, прислушавшись, понял, что речь идет о нем.

— Да нет, ты-то ладно, Митрандир, — говорил Главный, — тебя мы знаем. А ты знаешь заветные слова, и Семь Врат открыты перед тобой. Езжай себе. Но вот спутник твой — он кто? Гном, что ли, с северных гор? Нам, как бы сказать, нынче ни к чему чужестранцы, разве что придет мощная подмога — из тех, кого мы опять-таки знаем и кому верим.

— Я поручусь за него перед престолом Денэтора, — отвечал Гэндальф. — И не судите о нем по росту. Если хочешь знать, Ингольд, так и битв, и опасностей ему выпало на долю куда больше твоего, хоть он и вдвое тебя меньше; мы с ним приехали от Изенгарда, вы еще услышите, что там было. Устал он очень, а то бы я его разбудил. Зовут его Перегрин, и не всякий из вас равен доблестью этому мужу.

— Этому мужу? — изумился Ингольд, и остальные рассмеялись.

— Какому еще мужу! — воскликнул Пин, совсем проснувшись. — Скажет тоже, мужу! Я никакой не муж, а хоббит, и вовсе не доблестный, разве что иной раз не сплоховал. Чего вам Гэндальф голову морочит!

— Такие слова и впрямь под стать доблестному мужу, — задумчиво прого-

ворил Ингольд. — А хоббит — это кто?

— Хоббит — это невысоклик, — объяснил Гэндальф. — Нет-нет, — прибавил он, окинув взглядом изумленные лица, — прорицанье было не о нем. Это не тот, но один из них.

— Хоть и не тот, но его спутник, — заявил Пин. — И Боромир из вашего города тоже был с нами, он спас меня в северных снегах, и как раз меня он защищал и отбивался от целого полчища, когда его застрелили.

— Будет! — вмешался Гэндальф. — Эту скорбную весть должен прежде услышать отец Боромира.

— Скорбная весть предугадана, — сказал Ингольд, — ибо недавно были диковинные знаменья. Езжайте же, спешите! Свидетелю участи наследника престола Минас-Тирита нет задержки — будь то человек или...

— Или хоббит, — докончил Пин. — Мало проку от моего свидетельства, я могу лишь поведать вашему властителю о доблести Боромира, я у него в долгу.

— Добро пожаловать! — сказал Ингольд, и люди расступились перед Светозаром: в стене был узкий проход. — Подай Денэтору и всем нам мудрый совет, Митрандир! — крикнул он вслед. — А то ведь говорят, будто ты не советчик, а горевестник, ибо вести твои всегда скорбные и грозные!

— Потому что являюсь я в години бедствий, — отозвался Гэндальф, — являюсь, когда нужна моя помощь. Вам же совет мой таков: поздно уже чинить пеленнорскую стену. Буря вот-вот налетит, и надейтесь лишь на свою стойкость, а выстояте — будет вам и иная надежда. Не все мои вести — скорбные. Отложите лопаты и точите мечи!

— Да мы к вечеру управимся, — возразил Ингольд. — Стена вся отстроена, только здесь и осталось: мы же не ждем врагов со стороны Ристании. А что ристанийцы? Как думаешь, откликнутся, прискачут на зов?

— Прискачут, дайте срок. Пока что они заслонили вас от удара в спину. Ждите врагов отовсюду, с любой стороны, днем и ночью! Когда б не Гэндальф-горевестник, на вас бы сейчас обрушились вражьи полчища из разгромленной Ристании. И почему знать, что еще будет. Прощайте, и глядите в оба!

И Гэндальф выехал на раздолье за Раммас-Экором — так называли гондорцы дальние укрепления, воздвигнутые, когда враг захватил Итилию. Десять с лишним лиг тянулись они от северных горных отрогов к южным, вокруг Пеленнорских пажитей — богатых, пышных угодий на пологом правобережье Андуина. На северо-востоке от стены до Великих Врат было дальше всего — лиги четыре. Здесь Минас-Тирит отгородился от приречных низин могучей крепью, и недаром: сюда, к заставе с двумя сторожевыми башнями, вела меж стен по насыпи большая дорога от бродов и мостов Остилиата. А на юго-востоке стена отстояла от города всего лишь на лигу, минуя Эмин-Арнен — Королевскую Грядку на том берегу, в южной Итилии, — Андуин круто сворачивал к западу, и укрепления высились над берегом Реки, над пристанями Харлондской гавани, где швартовались корабли и барки с подвластных Гондору андуинских низовий и с приморья.

Изобильны были городские окрестности: тучные пашни и фруктовые сады, усадьбы с житницами и сушильнями, овчарнями и коровниками; в зелени струились с гор к Андуину бесчисленные речушки. Правда, земледельцев и

скотоводов было здесь немного: большей частью гондорцы обитали в своем семистенном граде, или же по высокогорным долинам Лоссарнаха, или еще дальше к югу, в прекрасном Лебеннине, который орошают пять буйных потоков. Суровые жители южных предгорий считались исконными гондорцами, хоть и были они — приземистые и смуглые — потомками неизвестного племени, поселившегося там в незапамятные века, еще до того, как Морем приплыли короли. И многолюдна была южная окраина Гондора — Бельфалас, где правил родовитый князь Имраиль; замок его Дол-Амрот стоял у самого Моря. Тамошние уроженцы были рослые, статные, сероглазые.

...Они ехали, и небо светлело; Пин привстал и огляделся. Слева стелилась мгла, сгущаясь в темень на востоке, а справа уходила на запад горная цепь, такая обрывистая, точно при сотворении мира могучая Река обрезала и отодвинула ее, образовав широкую долину, ристалище грядущих битв. И, выступая из тени, возникла перед ними, как и обещал Гэндальф, крайняя вершина — гигант Миндоллуин, изборожденный лиловыми рубцами, обративший к рассвету белеющее взлобье. На его уступе, как на огромном выставленном колене, воздвигся Несокрушимый Град, могучая и древняя семистенная крепость — казалось, и не построенная, а изваянная сказочными исполинами из тверди земной.

Пин изумленно смотрел, как серые стены белели и розовели с рассветом; потом солнце вдруг выглянуло из сумрака и ярко озарило каменный лик города. И Пин вскрикнул, ибо над верхней стеной засверкала в небесах жемчужным блеском Эктелионова башня, и шпиль ее сиял, словно хрустальный; белые стяги реяли на утреннем ветру, и высоко-высоко серебряными голосами запели трубы.

* * *

Так, с первыми лучами солнца, Гэндальф и Перегрин подъехали к Великим Вратам столицы Гондора, и чугунные створы раскрылись перед ними.

— Митрандир! Митрандир! — восклицали стражи. — Значит, буря вот-вот налетит!

— Она уже налетела, — объявил Гэндальф. — Я примчался на ее крылах. Дорогу! Я тороплюсь к вашему повелителю Денэтору, покуда он еще государит. Будь что будет, но прежнему Гондору уж не бывать. Дорогу, сказал я!

Стража послушно расступилась; не спросили ни о чем, хотя изумленно взирали на хоббита, восседавшего впереди, и на великолепного коня. Лошадей тут видывали редко, а если уж всадник проезжал по улице — значит, спешил с неотложным государевым поручением. И поплыла молва: «Этот конь не иначе как от самого ристанийского конунга! Может статья, мустангримцы не замедлят с подмогой?» А Светозар, горделиво вскинув голову, двинулся навстречу длинным извилистым путем.

Ибо в семь ярусов был выстроен Минас-Тирит, врезан в гору на семи уровнях и окружен семью стенами. Нижние Великие Врата внешней стены обращены были на восток, следующие — на четверть окружности к югу, третьи — на столько же к северу, и так до седьмых ворот. Мощный подъем к цитадели сворачивал то налево, то направо — и, проходя над Великими Вратами, вся-

кий раз пронизывал сводчатым туннелем исполинскую скалу, разделявшую надвое все ярусы, кроме первого. Прихотью изначального творения, довершенной трудами древних мастеров, скала, которая вздымалась за нижней площадью, была устремлена к востоку, точно корабельный форштевень. И с парапета седьмой стены можно было, как с палубы, увидеть на семисотфутовой глубине Великие Врата. Подобно им, глядели на восток ворота цитадели; к ним поднимался сквозь толщу скалы длинный проход, озаренный светильниками. И не было из города иного пути к Вышнему двору и Фонтанной площади у стройной Белой Башни в пятьдесят сажен высоту; на шпиле ее, в тысяче футов над равниной, развевалось знамя наместников Гондора.

Воистину неприступна была эта крепость, не по зубам никакому супостату, доколе оставались у нее защитники; разве что враги зашли бы с тыла и взобрались по кручам Миндоллуина к узкому перешейку между горой и крепостью на высоте пятой стены. Но перешеек был надежно укреплен и огражден по краю западного ущелья; а в пустынной седловине, в склепах и усыпальницах, покоились прежние властители Гондора, князья и наместники.

Пин никак не мог надивиться на огромный белокаменный град: такого, думал он, и во сне не увидишь, что там Изенгард перед этой могучей твердыней! Да и по красоте не сравнить. На самом же деле город хирел год от года, и народу обитало здесь вполовину меньше прежнего, а и прежде было не тесно. Что ни улица, проезжали они мимо дворцов и хором, где над дверями и арками ворот были искусно высечены древние рунические надписи — как догадывался Пин, имена и прозвания былых владельцев; но теперь там царила тишина, никто не всходил по широким ступеням, ничей голос не раздавался в опустелых покоях, ничье лицо не являлось в ослепших окнах.

Минас Тирит. Алан Ли

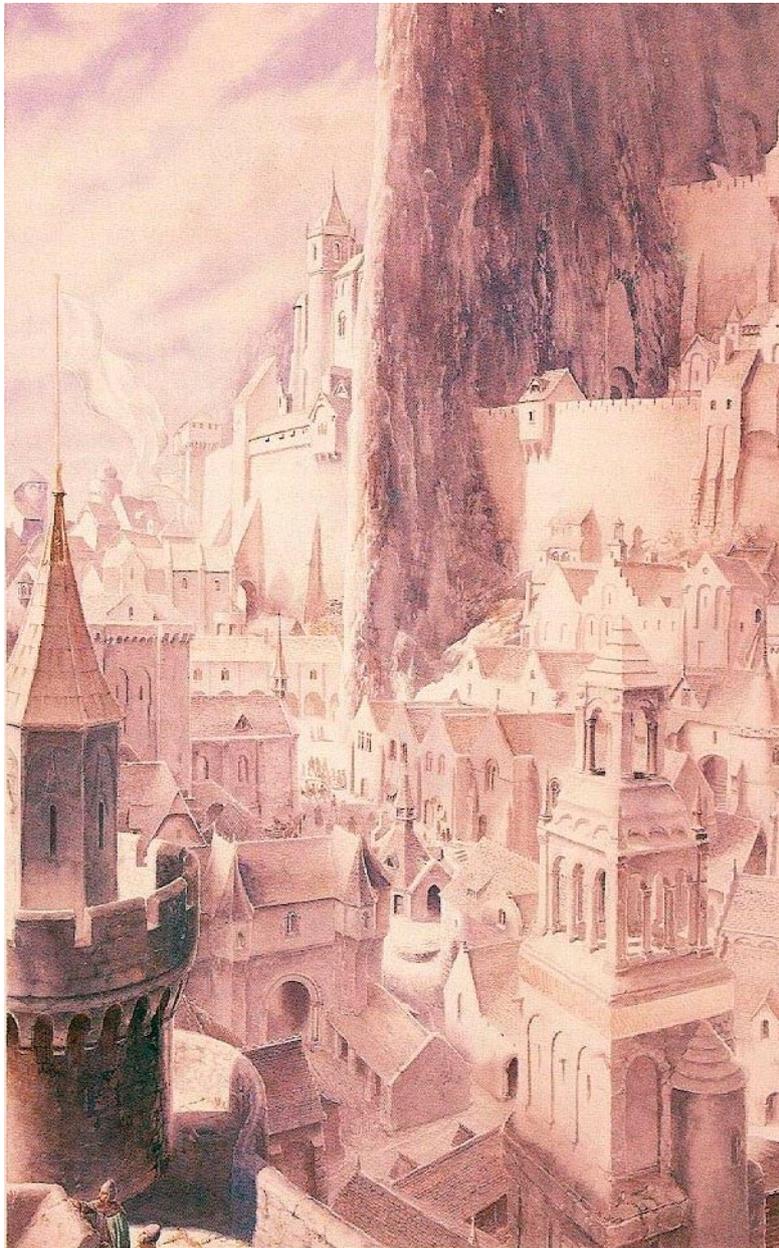
Наконец они выехали из туннеля к седьмым воротам, и теплое солнце, сиявшее из-за Реки, озарявшее Фродо в перелесках Итилии, засверкало на гладких стенах и мощных колоннах, и ярко блеснул замковый камень большой арки: изваяние главы в короне. Гэндальф спешил, ибо всадников в цитадель не пускали, и Светозар по тихому слову хозяина позволил увести себя прочь.

Стражи у ворот были в черных плащах и причудливых шлемах с венцами и тесными наланитниками, украшенными сверху светлыми крылами чаек; шлемы лучились ясным блеском, ибо отковали их из *мифрила* в давние дни могущества Гондора. На плащах было выткано дерево в белоснежном цвете, а над ним — серебряная корона и звездная россыпь. Это облачение дружинников Элендила во всем Гондоре носили одни лишь стражи цитадели, охранявшие Фонтанный Двор, где некогда росло Белое Дерево.

Здесь им почему-то вовсе не удивились, а молча пропустили без всяких расспросов, и Гэндальф быстро зашагал по белым плитам двора. Поодаль на ярко-зеленом лугу искрился фонтан в лучах утреннего солнца, и поникло над водой иссохшее дерево, скорбно роняя капли с голых обломков ветвей в прозрачное озерцо.

Поспешая за Гэндальфом, Пин оглянулся на дерево и подумал, какое оно печальное и как странно, что оно торчит здесь — а кругом все так ухоженно.

Семь звезд, семь камней и белое древо.

Он припомнил эти слова, которые бормотал Гэндальф, и вслед за ним очутился на крыльце сверкающей башни, миновал безмолвных стражей и вступил под высокие своды, в гулкую полутьму. Они шли по длинному пустому залу, и Гэндальф тихо наставлял Пина:

— Держи язык на привязи, сударь мой Перегрин! Сейчас не время для хоббитских прибауток. Это тебе не добродушный старец Теоден. Денэтор — человек совсем иного склада, гордый и хитроумный, высокородный и могущественный властитель, хоть князем и не именуется. Говорить он будет больше с тобой, чем со мной, и выпросит тебя обо всем, что ты знаешь о сыне его Боромире. Он очень — пожалуй, даже слишком — любил старшего сына, любил еще и потому, что тот был ни в чем на него не похож. Но любовь не помешает ему взять тебя в оборот — смотри не проболтайся! Не говори ничего лишнего, а пуце всего помалкивай о поручении Фродо. Об этом я скажу в свое время. И постарайся как можно реже упоминать об Арагорне.

— А почему? Бродяжник-то чем плох? — шепотом возмутился Пин. — Он ведь сюда и шел? Да он все равно же явится за нами следом!

— Явится-то он явится, — подтвердил Гэндальф. — Но явится оттуда, отку-

да его никто не ждет, даже Денэтор. Вот пусть и не ждет, так оно лучше. И не пристало нам возвещать его приход.

Гэндальф остановился перед высокими дверями, облицованными вороненой сталью.

— У меня, любезнейший Пин, и минуты лишней нет, чтобы вдавливать тебе историю Гондора; лучше бы ты ее поучил, чем разорять гнезда и гонять лодыря в хоббитанских лесах. Слушай, что тебе говорят! И посуди сам: очень это будет кстати — принести властителю весть о гибели его наследника и заодно сообщить, что, мол, власти твоей конец, вот-вот явится законный Государь? Уразумел?

— Госуда-арь? — изумился Пин.

— Да, — отрезал Гэндальф. — Хватит тебе уже хлопать ушами, возмись-ка за ум!

И он постучал в двери.

Двери растворились словно бы сами собой, и Пин увидел огромный чертог с узкими стрельчатыми окнами по обеим сторонам, за черномраморными колоннадами. Пышные капители украшали узорная листва и диковинные звериные морды; высокий мозаичный свод отливал тусклым золотом. Ни занавесей, ни гобеленов, ни деревянной утвари; меж колонн застыли суровые изваяния.

Они напоминали андуинских Каменных Гигантов, и не без трепета Пин окинул взглядом длинные ряды статуй давным-давно умерших Государей Гондора. В дальнем конце чертога, на многоступенчатом возвышении, стоял трон под мраморным навесом в виде увенчанного короной шлема, а позади поблескивал самоцветами стенной горельеф — дерево в цвету. Но трон был пуст. На широкой нижней ступени в незатейливом черном каменном кресле сидел, опустив взор, древний старец. В руке он держал белый жезл с золотым набалдашником. Он не взглянул им навстречу, и они медленно приблизились; остановившись шага за три от подножной скамейки, Гэндальф молвил:

— Привет тебе, властитель и наместник Минас-Тирита, Денэтор, сын Эктелиона! В этот роковой час я принес тебе вести и готов подать совет.

Старец поднял голову. Пин увидел строгое и надменное точеное лицо, длинный нос с горбинкой и запавшие темные глаза; и вовсе не Боромир вспомнился ему, а скорее Арагорн.

— Час поистине роковой, — отозвался старец, — твой излюбленный час, Митрандир. Да, судя по всему, Гондор на краю бездны, однако сейчас мне мое горе горше общей судьбины. Говорят, ты привез свидетеля гибели моего сына. Это он и есть?

— Да, это он и есть, — подтвердил Гэндальф. — Их было двое, свидетелей. Другой — с Теоденом Ристанийским; может, еще и явится. Оба невысоклики, но прорицанье было не о них.

— О них или нет, но самое слово это, — угрюмо сказал Денэтор, — язвит мой слух с тех пор, как Совет наш смутило темное прорицанье и Боромир очертя голову кинулся невесть куда, навстречу своей гибели. О сын мой, как худо нам без тебя! Фарамира надо было отправить.

— Фарамир и вызывался, — возразил Гэндальф. — Горюешь — горюй, но и в горе будь справедлив. Боромир сам пожелал идти и настоял на своем. Власт-

ный и своевольный, он прекословья не терпел. Много лиг я прошел с ним бок о бок, и мне довелось его распознать. Ты, однако же, упомянул о его гибели. Стало быть, тебя уже оповестили об этом?

— Вот оно — оповещение, — молвил Денэтор, отложив жезл и поднявши с колен в обеих руках обломки турьего рога, оправленного серебром.

— Это же рог Боромира, он его всегда носил! — воскликнул Пин.

— Верно, — сказал Денэтор. — А прежде я носил его, как всякий старший сын в нашем роду еще со времен последнего князя, когда Ворондил, отец наместника Мардила, охотился на диких быков Араува в дальних рунских степях. Тринадцать дней назад я расслышал его смутный зов от северных пределов княжества, и вот Великая Река принесла мне осколки рога: больше уж он не затрубит. — Денэтор умолк, и настала тяжкая тишина. Но вдруг он вперил взор в Пина. — Что скажешь на это ты, невысоклик?

— Тринадцать, тринадцать дней назад, — залепетал тот. — Пожалуй что и так, правда тринадцать. И я был рядом с ним, когда он трубил в рог. Но подмога не явилась. Только орки набежали.

— Вот оно как, — протянул Денэтор, пристально глядя в лицо Пину. — Ты был рядом с ним? Расскажи, расскажи! Почему же не явилась подмога? И как случилось, что ты спасся, а он погиб, он, могучий витязь, не одолел оркскую погань?

Пин вспыхнул и позабыл робость.

— Величайшего витязя можно убить одной стрелой, — сказал он, — а Боромира пронзили едва ли не десятью. Помню, как он, прислонившись к дереву, выдергивал из груди черноперую стрелу. А потом я упал без сознания, и меня взяли в плен. Больше я его не видел, больше ничего не знаю. Но память его мне дорога и доблесть памятна. Он погиб, спасая нас — меня и друга моего, родича Мериадока: нас подстерегли в лесу солдаты Черного Властелина; и пусть он погиб и не выручил нас, я все равно благодарен ему до конца жизни.

Пин поглядел в глаза властительному старцу и сам вдруг загордился, обиженный презрительным, высокомерным голосом.

— И то сказать, что там какой-то хоббит у трона повелителя людей; подумаешь, невысоклик из северной Хоббитании — ну и пожалуйста, а я все равно плачу мой долг: примите мою жизнь.

Пин откинул полу плаща, извлек меч из ножен и положил его к ногам Денэтора.

Бледная улыбка, словно луч холодного солнца, зимою блеснувшего ввечеру, озарила лицо старика; он склонил голову и протянул руку, отложив обломки рога.

— Дай мне твое оружие! — сказал он.

Пин поднял меч и протянул его вперед рукоятью.

— Откуда он у тебя? — спросил Денэтор. — Давным-давно был он откован. Тысячу лет назад, а клинок нашей севернойковки, так ли, невысоклик?

— Он из могильников к северу от нашей страны, — сказал Пин. — Там, в могильниках, теперь одни только умертвия, и я о них говорить лучше не буду.

— Да ты, я вижу, нагляделся чудес на своем недолгом веку, — покачал головой Денэтор, — недаром говорится, что человека сразу не разглядишь — а невысоклика тем более. Что ж, принимаю твою жизнь. Ты за словом в карман не лезешь, а говоришь учтиво, хоть и необычно, не по-нашему звучит твоя

речь. Учтивые, а паче того преданные приближенные нам очень нужны будут в грядущие дни. Итак, приноси клятву!

— Возьми меч за рукоять, — сказал Гэндальф, — и повторяй клятву за своим государем, коль уж ты принял решение.

— Я принял решение, — подтвердил Пин.

Старец возложил меч себе на колени, Пин взялся за рукоять и размеренно повторил вслед за Денэтором:

— Сим присягаю верно служить Гондору и государю наместнику великого княжества, клянусь по слову его молвить и молчать, исполнять и пресекать, являться и уходить — в годину изобилия или нужды, мира или войны, в радостный или же смертный час, отныне и навечно, ежели государь мой не отретит меня от клятвы, или смерть меня от нее не избавит, или же не рухнет мироздание. Так говорю я, Перегрин, сын Паладина, невысоклик из Хоббитании.

— Слушаю и принимаю клятву я, Денэтор, сын Эктелиона, наместник Великого Князя, властелин Гондора, и не забуду клятвы твоей: да будет ей в награжденье: любовь за верность, почести за доблесть и расплата за клятвопреступление.

И Пин принял свой меч и вложил его в ножны.

— Так вот, — сказал Денэтор, — слушай первое мое веление: говори без утайки! Расскажи все, как было, и не утай ничего о сыне моем Боромире. Садись и начинай рассказ!

С этими словами он ударил в серебряный гонг возле подножной скамейки, и выступили из ниш по обе стороны дверей прежде незримые служители.

— Принесите вина, еды и сиденья для гостей, — распорядился Денэтор, — и пусть целый час никто нас не тревожит... Больше часа я не смогу вам уделить, — сказал он Гэндальфу. — Меня ждут неотложные дела — однако же ладно, немного подождут. С тобой-то мы еще, наверно, поговорим ближе к вечеру.

— Надеюсь, даже раньше, — отозвался Гэндальф. — Я ведь не затем скакал сюда от Изенгарда, вперегонки с ветром, чтобы доставить тебе нового, необычайно учтивого и, паче того, преданного служителя. А что Теоден победил в смертельной битве, что Изенгард низвергнут, что я преломил жезл Сарумана — эти вести для тебя не важны?

— Важны, разумеется. Но я уже знаю обо всем этом — знаю достаточно, столько, сколько надо, дабы по-прежнему противостоять грозе с востока.

Он обратил свои темные глаза на Гэндальфа, и Пин заметил сходство двух властительных старцев и почувал их обоюдную неприязнь: взоры их были точно тлеющие уголья, готовые вот-вот полыхнуть пламенем.

И Денэтор был с виду куда больше похож на могучего чародея, нежели Гэндальф: величавее, горделивее, благообразнее — и старше. Однако же вопреки зрению иным чувством Пин ощущал, что Гэндальф и могущественнее, и мудрее, а истинное величье его до поры сокрыто. И он древнее, намного древнее. «А сколько же ему правда лет?» — подумал Пин и удивился: почему-то такой вопрос ему никогда на ум не приходил. Чего-то там Древень толковал насчет магов, но это было словно бы и не про Гэндальфа. Кто же такой Гэндальф, на самом-то деле? Когда, в какие незапамятные времена явился он в Средиземье, когда суждено ему покинуть этот мир? Очнувшись от раздумий, Пин увидел,

что Денэтор с Гэндальфом по-прежнему смотрят друг на друга, будто читают в глазах. Первым отвел взгляд Денэтор.

— Да, да, — сказал он, — хотя Зрячих Камней, говорят, больше нет на свете, однако властителям Гондора зоркости по-прежнему не занимать, и многими путями доходят до них вести. Но садитесь же!

* * *

Поставили кресло, скамеечку и столик, принесли на подносе чеканный серебряный кувшин с кубками и белые хлебцы. Пин присел, не сводя глаз с престарелого наместника. То ли ему показалось, то ли правда, упомянув о Камнях, Денэтор искоса сверкнул на него взором?

— Ну что ж, рассказывай, верноподданный мой, — с милостивой усмешкой молвил Денэтор. — Ибо поистине дорого для меня каждое слово того, с кем был столь дружен мой сын.

Пин запомнил навеки этот долгий час в пустынном чертоге под пронзительным оком наместника Гондора, который непрестанно задавал ему трудные, опасные вопросы; а рядом к тому же был Гэндальф, он смотрел, слушал и (Пина не обманешь) еле сдерживал гнев и нетерпенье.

Час наконец истек, Денэтор ударил в гонг, и Пин был еле живой. «Да ведь еще не больше девяти, — подумал он. — Эх, съесть бы сейчас три, что ли, завтрака!»

— Отведите гостя нашего Митрандира в жилище, уготованное для него, — велел Денэтор, — вместе с его спутником, если тот пожелает покамест оставаться с ним. Да будет, однако же, известно, что он теперь у меня в услужении: зовется он Перегрин, сын Паладина, скажите ему первые пропуска. И передайте военачальникам — пусть ожидают меня у дверей на исходе третьего часа.

И ты, государь мой Митрандир, прибудь к этому часу, а впредь являйся, когда тебе угодно. Во всякое время тебя пропустят ко мне, кроме кратких часов моего сна. Не гневись на стариковскую дурость и приходи утешить меня!

— На стариковскую дурость? — переспросил Гэндальф. — Нет, государь, из ума ты не выжил, для тебя это было бы смерти подобно. Как хитро заслоняешься ты своим горем! Думаешь, я не понял, почему ты целый час расспрашивал свидетеля, которому известно куда меньше моего?

— Вот и хорошо, если понял, — заметил Денэтор. — Безрассуден гордец, пренебрегающий в трудный час помощью и советом; но ты помогаешь и советуешь лишь со своим потаенным умыслом. А властелину Гондора негоже служить чужим целям, сколь угодно достойным. И нынче нет в этом мире цели превыше спасения Гондора, а Гондором правлю я, и никто иной, доколе не явится его законнейший повелитель.

— Законнейший, говоришь, повелитель доколе не явится? — подхватил Гэндальф. — Именно так, государь мой наместник, ты поистине призван сберечь доверенное тебе княжество в ожиданье неведомых сроков. И в этом деле ты получишь всякую помощь, какой пожелаешь. Но я скажу тебе вот что: я не правитель Гондора и не властвую иными краями, ни великими, ни малыми. Однако же в нынешнем мире я в ответе за все, что достойно спасения. И коль уж на то пошло, пусть даже Гондор падет, я исполню свой долг, если, ко-

гда схлынет мрак, уцелеет хоть что-то от земной красоты, если будут для кого-то расти цветы и вызревать плоды. Ведь я тоже наместник. Этого ты не знал?

Он повернулся и удалился из чертога, а Пин бежал рядом.

По дороге Гэндальф ни разу не взглянул на Пина, ни словом с ним не обмолвился. Их проводили к дверям и через Фонтанный Двор в проулок, стесненный высокими каменными строениями. Они свернули несколько раз и очутились перед домом у северной стены цитадели, неподалеку от перешейка. Широкая мраморная лестница вела на второй этаж: они вошли в светлый и просторный покой. Солнце струилось сквозь золотистые занавеси. Мебели всего и было что столик, два стула и скамейка, да по обеим сторонам, в нишах, застеленные кровати, а возле них кувшины с водой и умывальные тазы. Три узких высоких окна выходили на север, и в дальней дали, за подернутой туманом излучиной Андуина, виднелось, должно быть, Привражье, а еще дальше — водопады Рэроса. Пин взобрался на скамью, а то подоконник мешал смотреть.

— Гэндальф, ты на меня, что ли, сердисься? — спросил он, когда за их прожатым затворилась дверь. — Я очень старался.

— Старался, старался! — вдруг рассмеявшись, сказал Гэндальф; он подошел к окну, стал рядом с Пином и обнял его за плечи.

Пин удивленно заглянул ему в лицо: он ли это смеялся так весело и беспечно? Нет, не может быть: вид у старого мага был горестный и озабоченный, и, лишь взглядевшись, Пин почувствовал за этим великую радость — такое сокрытое веселье, что, пожалуй, выплеснись оно наружу, расхохоталось бы и целое царство.

— Да, — сказал маг, — ты и правда старался, и, надеюсь, не скоро ты снова попадешь в такой переplet — малютка меж двух устрашающих старцев. Но как ты ни старался, Пин, а властитель Гондора вытянул из тебя больше, чем ты полагаешь. Ты же не смог утаить, что вовсе не Боромир вел ваш Отряд от Мории, а некий знатный витязь, который направлялся в Минас-Тирит, и при нем был прославленный меч. В Гондоре памятны предания дней былых, а Денэтор, провожая мыслью Боромира, немало раздумывал над прорицанием и доискивался до смысла слов «Проклятие Исильдура».

Он вообще не чета нынешним людям, Пин: случилось так, что если не по крови, то по духу он — истый потомок нуменорцев; таков же и младший сын его Фарамир, в отличие от Боромира, хоть тот и был любимцем. Он прозорлив. Он умеет распознавать людей, даже и заочно. Провести его нелегко, лучше не пробуй.

Так что держись, ты накрепко связан клятвою. Не знаю, как это взбрело тебе на ум, — наверно, сердце подсказало. Но это было ко времени, да и нельзя гасить благородный порыв трезвым остереженьем. Ты его тронул, а пожалуй что, и польстил ему. Во всяком случае, ты волен теперь разгуливать по Минас-Тириту, когда позволит служба. А служба отнюдь не всегда позволит: ты теперь его подданный и он о тебе не забудет. Будь осмотрительнее!

Он смолк и вздохнул.

— Что проку загадывать на завтра? День ото дня будет все страшнее, и ничего предотвратить я не могу. Игра идет, фигуры движутся. Вот только не видно одной из главных фигур — Фарамира, теперешнего наследника Денэтора.

Должно быть, в городе его нет, но мне и спрашивать-то было некогда и не у кого. Мне надо идти, Пин, на совет военачальников и там разузнать все, что можно. Игру ведет Враг, и он себя ждать не заставит. И пешки играют наравне с фигурами: увидишь сам, Перегрин, сын Паладина, воин Гондора. Точи свой клинок!

В дверях Гэндальф обернулся.

— Я спешу, Пин, — сказал он. — У меня к тебе просьба. Надеюсь, ты не очень устал, но все равно погоди отдохнуть, сперва сходи проведай Светозара, как его там поместили. Его, конечно, не обидят, народ здесь понятливый и добрый, но к лошадям непривычный.

С этими словами Гэндальф вышел, и звонко ударил колокол на цитадельной башне. Чистый серебряный звон прозвучал трижды: три часа минуло с восхода солнца.

Пин спустился по лестнице, вышел на улицу и огляделся. Тепло и ясно сияло солнце; башни и высокие дома отбрасывали на запад длинные четкие тени. В лазури высился белый пик одетого снегами Миндоллуина. Ратники проходили по улицам — наверно, сменялись на часах.

— По-нашему сейчас девять утра, — вслух сказал Пин сам себе. — Весна, солнышко — сиди да завтракай у открытого окна. А что, позавтракать куда как не мешало бы и здесь! Да нет, эти-то уж небось поели. А когда они обедают, интересно, и где?

По узкой улочке от Фонтанного Двора навстречу шел человек в черно-белом, и Пин решил с горя обратиться хотя бы к нему, но тот и сам подошел.

— Ты — невысоклик Перегрин? — осведомился он. — Мне сказали, что ты присягнул на верность нашему государю и державе. Здравствуй! — Он протянул руку, и Пин пожал ее. — Меня зовут Берегонд, сын Боранора. Нынче утром я свободен, и меня послали сообщить тебе пропуска и рассказать обо всем, что тебе должно и дозволено знать. Я тоже надеюсь узнать от тебя о многом, ибо прежде невысокликов в наших краях не бывало, мы лишь краем уха слышали про них. К тому же ты — приятель Митрандира. А с ним ты хорошо знаком?

— Да как сказать, — отозвался Пин. — За глаза-то я с ним знаком от колыбели, хоть это и недолго; а теперь довелось вот постранствовать вместе. Вроде как из большой книги читал страницу-другую. И однако же мало таких, кто знаком с ним лучше. Из нашего отряда, пожалуй, только Арагорн знал его по-настоящему.

— Арагорн? — переспросил Берегонд. — А кто он такой?

— Ну, — Пин замялся, — ну, был с нами один такой человек. По-моему, он сейчас в Ристании.

— Да, я слышал, что ты прямиком из Ристании. И о ней тоже я хотел бы тебя порасспросить: надежды у нас мало, но какая есть, почти вся на ристанийцев. Впрочем, мне ведь поручено первым делом ответить на твои вопросы. Спрашивай, сударь мой Перегрин!

— Дело в том, — отважился Пин, — что у меня сейчас, по правде говоря, один вопрос на языке вертится — как насчет завтрака или там подзакусить? Ну, то есть когда у вас вообще едят, где, положим, харчевня: есть, наверное, где-нибудь? Или трактир, может, какой? Я что-то по дороге ни одного не заметил, а уж так надеялся с устатку хлебнуть пивка — не в глушь ведь заехал, а в

город, да еще какой!

Берегонд сурово взглянул на него.

— Сразу виден бывалый солдат, — сказал он. — Говорят, солдат в походе только и думает, где ему доведется поесть-попить следующий раз: знаю понаслышке, сам я в дальних походах не бывал. Так у тебя, значит, сегодня еще маковой росинки во рту не было?

— Ну, из учтивости можно сказать, что была, — признался Пин. — Выпил я кубок вина и съел пару хлебцев: ваш государь нас угощал, но зато же и допрашивал меня битый час, тут поневоле проголодаешься.

Берегонд рассмеялся.

— Как у нас говорится, и малорослый едок за столом витязь. Ты, однако ж, утолил утренний голод не хуже любого стража цитадели, да еще и с немалым почетом. Мы же в крепости, мы ее охраняем, а время военное. Встаем до зари, перекусываем на рассвете и расходимся по своим постам. Погоди отчаиваться! — опять-таки со смехом воскликнул он, заметив унылую гримасу на лице Пина. — Кому пришлось труднее прочих, тем можно утром и лишний раз подкрепиться. Потом — полдничаем, кто в полдень, кто попозже, а главная общая трапеза, какое ни на есть застолье — в закатный час или около того. Пойдем! Пройдемся немного, что-нибудь да раздобудем, устроимся на парапете, будем есть-пить и любоваться: вон утро какое выдалось.

— Погодите-ка! — краснея, сказал Пин. — От жадности или от голода — думайте, как хотите, — но я совсем было позабыл вот о чем. Гэндальф, по-вашему Митрандир, просил меня проведать его коня Светозара, лучшего скакуна Ристании, любимца конунга — хоть он и подарил его Митрандиру в награду за великие заслуги. Митрандир в нем души не чает, и если в городе вашем чтут нового хозяина Светозара, то окружите коня почетом и заботой — словом, будьте к нему, если можно, добрей, чем к голодному хоббиту.

— К хоббиту? — переспросил Берегонд.

— Да, так мы себя называем, — сказал Пин.

— Спасибо, буду знать, — сказал Берегонд. — Пока же замечу, что у чужестранца иной раз не худо поучиться учтивости и у хоббита — красноречию. Пойдем же! Ты познакомишь меня с этим дивным конем. Я люблю животных, — правда, здесь, в нашей каменной твердыне, мы их редко видим; но мои-то предки жили в горных долинах, а прежде того в Итилии. Не вешай нос, мы только наведемся — и оттуда сразу в кладовую.

Светозара устроили на славу — в отличных конюшнях на шестом ярусе за стенами цитадели, возле жилища для государевых гонцов, которых всегда держали наготове на случай неотложных поручений Денэтора или высших военачальников. Сейчас ни в стойлах не было лошадей, ни в жилище — гонцов: всех разослали.

Светозар встретил Пина ржанием и повернул к нему голову.

— Доброе утро! — сказал Пин. — Гэндальф, как сможет, придет: его задержали. Он шлет тебе привет, а мне велено узнать, всем ли ты доволен, хорошо ли отдыхается после многотрудного пути.

Светозар встряхнул гривой и топнул копытом. Берегонду он, однако же, позволил потрепать себя по холке и огладить могучие бока.

— Да он, можно подумать, застоялся, а не отдыхает после многотрудного

пути, — сказал Берегонд. — Что за богатырская статья! А где его сбруя? Вот уж, наверно, богатая и пышная!

— Нет такой богатой и пышной, чтоб ему подошла, — отвечал Пин. — Да и к чему она? Если седок ему по нраву — никакая сбруя не нужна, а если нет — не помогут ни седло, ни подпруги, ни узда, ни удила. До свиданья, Светозар! Потерпи немного, скоро в битву.

Светозар воздел голову и заржал так, что содрогнулась конюшня, а они заткнули уши. И удалились, подсыпав зерна в ясли.

— Теперь пойдем к нашим яслям, — сказал Берегонд; они с Пином вернулись в цитадель, подошли к северным дверям башни и спустились по длинной прохладной лестнице в широкий коридор со светильниками. В ряду низеньких дверей по правую руку одна была открыта. — Это наша ротная кладовая и раздаточная, — сказал Берегонд. — Привет, Таргон! — крикнул он в дверь. — Рановато вроде, но со мной тут новобранец, принят по приказу государя. Он изголодался в долгом пути, и нынче утром ему несладко пришлось. Сыщи уж там какой ни на есть снеди!

Им дали хлеба, масла, сыра и яблок, запасенных осенью — сморщенных, но душистых и сладких, — дали кожаную флягу свежего пива, деревянные миски и кубки. Все это они сложили в корзину и выбрались наверх, на солнышко. Берегонд повел Пина к восточному выступу парапета, где под бойницей была каменная скамья. Далеко видны были озаренные утренним светом просторы.

Они ели, пили и разговаривали о Гондоре, о здешних делах и обычаях, потом о Хоббитании и прочих неведомых здесь краях, которые Пину привелось повидать. Они говорили, а Берегонд изумлялся все больше и больше и все растерянее смотрел на хоббита, который то сидел на скамье, болтая короткими ножками, то вставал на цыпочки и выглядывал в бойницу.

— Не скрою от тебя, сударь мой Перегрин, — молвил Берегонд, — что ты показался мне с виду ни дать ни взять девятилетним мальчишкой, а ты между тем столько претерпел опасностей и столько навидался чудес, что хватило бы и нашему седобородому старцу. Я-то подумал, что нашему государю угодно было обзавестись пажом, какие бывали, говорят, в старину у королей. Но теперь вижу, что дело обстоит совсем иначе, и ты уж не взыщи за глупость мою.

— Чего там, — сказал Пин. — Да ты не так уж и ошибся. По-нашему-то я сущий мальчишка и «войду в возраст», как говорят у нас в Хоббитании, только через четыре года. И вообще не обо мне речь. Давай лучше показывай и объясняй.

Солнце уже поднялось высоко, и туманы в низине рассеялись. Последние клочья рваными облаками проносились в небе, и на резком, порывистом восточном ветру бились и трепетали белые стяги цитадели. За пять лиг от них и дальше, сколько хватал глаз, серела и блистала огромная излучина Великой Реки, выгнутая к востоку с северо-запада; устремляясь затем на юг, Река терялась в зыблущейся дымке, а до Моря оставалось еще добрых пятьдесят лиг.

Весь Пеленнор был виден как на ладони: россыпь огражденных усадеб, амбаров, коровников, хотя нигде не паслись ни коровы, ни другой скот. Вдоль и поперек пересекали зеленые пажити большие и малые дороги, и вереницы повозок тянулись к Великим Вратам, а оттуда навстречу им катила повозка за повозкой. Изредка подъезжали вскачь верховые, спешивались и торопились в

город. Поток от ворот направлялся по тракту, который круто сворачивал на юг и, уходя от извива реки, вскоре исчезал из виду у горных подножий. Тракт был просторный, гладко вымощенный; за восточной его обочиной вдоль дамбы проходила широкая зеленая дорожка для верховых. По ней мчались туда и сюда всадники, а тракт, казалось, был запружен людским месивом. Потом Пин пригляделся и увидел, что на тракте царил строгий порядок: там двигались в три ряда — один быстрее, конские упряжки; другой помедленнее, воловьи, с громоздкими разноцветными фургонами; и у западной обочины, медленнее всех, люди, впрягшиеся в тележки.

— Уходят в долины Тумладена и Лоссарнаха, в горные селенья или еще дальше — в Лебеннин, — сказал Берегонд. — Старики и женщины с детьми; это последние обозы. К полудню надо, чтобы на целую лигу дорога от города была свободна. Таков приказ, а что поделаешь! — Он вздохнул. — Не многие встретятся из тех, что разлучились. Детей у нас тут всегда было маловато, а теперь остались только мальчишки постарше, которых и силком не вывезешь, — вроде моего сына; ну ладно, может, на что и сгодятся.

Они помолчали. Пин тревожно глядел на восток, будто ожидая, что оттуда вот-вот появятся черные полчища орков.

— А там что? — спросил он, указывая на середину огромной излучины Андуйна. — Там другой город, да?

— Был там другой город, — отвечал Берегонд, — столица Гондора; наш-то Минас-Тирит — всего-навсего сторожевая крепость. Там, за Андуйном, развалины Осгилиата, который давным-давно захватили и сожгли враги. Мы, правда, отбили его у них, когда еще Денэтор был молодой, но обживать не стали, а сделали там передовую заставу и отстроили мост, чтобы перебрасывать подкрепления. Но из Минас-Моргула нагрянули Лютые Всадники.

— Черные Всадники? — переспросил Пин, широко раскрыв потемневшие глаза: ему припомнились давнишние ужасы.

— Да, они были черные, — подтвердил Берегонд, — и я вижу, ты знаешь их не только понаслышке, хоть и не упоминал об этом в своих рассказах.

— Нет, не понаслышке, — тихо откликнулся Пин, — только я сейчас лучше не буду говорить о них, а то близко, уж очень близко тут...

Он осекся и поглядел за реку: там простерлась необъятная и зловеющая черная тень. Может, это замыкали оком темные горы, щербатые гребни которых расплылись в туманной дали, а может, стеной склубились тучи, и за ними чернел непроглядный мрак. И казалось, этот мрак на глазах расплзался и разрастался, медленно и неотвратимо заполняя солнечные просторы.

— Близко от Мордора? — спокойно закончил Берегонд. — Да, он тут недалеко. Называть его мы избегаем, но живем, сколько себя помню, в его сумрачной тени: она то рдеет и отдаляется, то сгущается и нависает. Сейчас она чернее черного и разрослась — оттого и мы в страхе и тревоге. А Лютые Всадники — они год назад или около того обрушились на переправу, и много там погибло лучших наших воинов. Тогда Боромир отогнал их и освободил западный берег — до сих пор мы удерживаем почти половину Осгилиата. Пока удерживаем. Но они со дня на день снова нагрянут. Там, наверно, война и начнется, оттуда будет главный удар.

— А когда начнется? — спросил Пин. — Думаешь, со дня на день? Я ночью видел, как зажигались маяки и вестники скакали: Гэндальф сказал — это, мол,

знак, что война началась. Он спешил, как на пожар. А теперь снова вроде как тихо.

— У Врага все готово — вот и тихо, — сказал Берегонд. — Как, представь себе, нырять в воздух в грудь набирает.

— Маяки-то почему вчера зажгли?

— Поздновато было бы слать за помощью, когда уж тебя обложили, — усмехнулся Берегонд. — Я, правда, не знаю, как там рассудил государь и прочие начальники. К ним стекаются все вести. А наш властитель Денэтор видит дальше других, видит и недоступное взору. По ночам он, говорят, восходит на башню, сидит там в верхнем покое и проникает мыслью в грядущее; иногда он даже прозревает замыслы Врага и схватывается с ним. Потому-то он так и постарел прежде времени. Ну, и к тому же Фарамира услали в набег за Реку: может, от него прибыл вестник.

Но я так думаю, что маяки зажгли после вчерашних вестей из Лебеннина. Умбарские пираты скопили в устьях Андуйна огромный флот. Они давно уж не боятся Гондора и стакнулись с Врагом, а теперь и выступили с ним заодно. Для нас это страшный удар: не жди, значит, особой подмоги из Лебеннина и Бельфаласа, не придут многие тысячи опытных воинов. Нам только и остается, что мечтать о северной, ристанийской подмоге и радоваться твоим известиям о тамошних победах.

Однако же, — он помедлил, встал и повел взглядом с севера на восток и на юг, — после изенгардского предательства стало яснее ясного, что сеть сплетена громадная и раскинута широко. Бои на переправе, набеги из Итили и Анориэна, засады, стычки — это все было так, прощупыванье. А теперь начинается подготовленная война — и вовсе не только против нас, что тут важничать, — война великая, всемирная. Говорят, неладно на востоке, за Внутренним Морем; в Лихолесье и на севере тоже худые дела; тем более — на юге, в Хороде. Нынче у всех одна судьбина, Тень нависла надо всеми — и либо выстоять, либо сгинуть.

Но нам, сударь Перегрин, и правда честь особая, нас Черный Властелин ненавидит пуще всех остальных — с незапамятных пор, от заморских времен. Очень он крепко по нам ударит. Потому-то и Митрандир прискакал сюда во весь опор. Ведь если мы сгинем, то кто выстоит? Как полагаешь, сударь Перегрин, выстоим, есть надежда?

Пин не ответил. Он поглядел на мощные стены, на гордые башни и реющие стяги, на солнце высоко в небе, а потом на восток, на ползучий сумрак, и вспомнил о всепроникающей Тени, об орках, кишачих в лесах и на горах, об изенгардской измене, о птицах-соглядатаях, о Черных Всадниках, разъезжающих по Хоббитании, и о крылатом страшилище, о назгуле. Дрожь охватила его, и всякая надежда пропала. В этот миг померкло солнце, словно заслоненное черным крылом. И ему послышался из поднебесных далей жуткий вопль — глухой, неистовый и леденящий. Он съезжился и прижался к стене.

— В чем дело? — спросил Берегонд. — Тоже что-то почуял?

— Д-да, — выговорил Пин. — Кажется, мы погибли, а это — роковой знак, Лютый Всадник в небесах.

— Да, роковой знак, — подтвердил Берегонд. — Видно, Минас-Тирит обречен. Ночь будет непроглядная. У меня аж кровь в жилах стынет.

Они сидели понурившись и молчали. Потом Пин вскинул глаза и увидел, что солнце сияет, как прежде, и стяги полощутся на ветру. Он встряхнулся.

— Миновало, — сказал он. — Нет, я еще все-таки не отчаялся. Гэндальф, казалось, погиб, а вот вернулся и теперь с нами. Пусть даже и на одной ноге, а все-таки выстоим; на худой конец выстоим и на коленях!

— Вот это верно! — воскликнул Берегонд, поднявшись и расхаживая взад-вперед. — Нет уж, оно хоть и все когда-нибудь прахом пойдет, но Гондор покамест уцелеет. Ну, возьмут Минас-Тирит, навалив трупья вровень со стенами, так ведь есть еще и другие крепости! Есть тайные ходы и горные убежища. И надежду сбережем, и память — не здесь, так где-нибудь в зеленой укромной ложбине.

— Да ладно, лишь бы скорее хоть как-нибудь все это кончилось, — вздохнул Пин. — Какой из меня воин, я и думать-то боюсь о сраженьях, а уж думать, что вот-вот придется сражаться, — это хуже некуда. Ох и длинный же нынче день, и ведь он еще только начался! Ну что бы нам не цепенеть и медлить, а ударить первыми! В Ристании небось тоже бы ждали-ждали, кабы не Гэндальф.

— Э, да ты на большую мозоль наступил! — усмехнулся Берегонд. — Погоди, погоди, вот вернется Фарамир. Он храбрец, каких мало, настоящий храбрец, хоть у нас и думают, что ежели кто умудрен не по летам и знает наперечет старинные песни и сказанья, то он, дескать, и воин никудышный, и воевода курам на смех. Это про Фарамира-то! Да, он не такой, как Боромир, не такой отчаянный рубака, но решимости у него на двоих хватит. Только вот решаться-то на что? Не штурмовать же эти... эти вон ихние горы! Силы не те, ну и ждем, пока нападут. А уж тогда поглядим! — И он хлопнул по рукояти длинного меча.

Пин взглянул на него: высокий, горделивый, как все здешние; и глаза блестят, не терпится в сечу. «Меня-то куда несет? — горько подумал он и смолчал. — Вот еще выискался меченосец! Как Гэндальф говорит — пешка? Ну да, пешка, только не на своем месте».

Так они разговаривали, а тем временем солнце взошло в зенит, грянули колокола, и оживилась цитадель: все, кроме часовых, отправились трапезовать.

— Ну что, пошли? — предложил Берегонд. — Пока чего — побудешь с нами. Мало ли куда тебя потом определят; может, будешь состоять при государе. А пока давай приходи. И приводи с собой кого захочешь.

— Да я-то приду, — сказал Пин. — Только приводить мне с собой некого. Лучший мой друг остался в Ристании, мне и поговорить не с кем, не с кем и пошутить. Может, и правда мне к вам? Ты ведь начальник, возьми меня к себе, замолви словечко, а?

— Нет, нет, — рассмеялся Берегонд. — Никакой я не начальник. Я всего-навсего рядовой третьей роты крепостной охраны. Однако же, сударь мой Перегрин, крепостная стража у нас в большом почете, не только в городе, но и повсюду.

— Ну и будьте в почете, — отмахнулся Пин. — А меня покамест отведи-ка обратно, и ежели Гэндальфа там нет, то я, пожалуйста, куда хотите — ваш почетный гость.

Гэндальфа не было, вестей от него тоже, и Берегонд повел Пина знакомиться с третьей ротой. Пина так привечали, что и Берегонда чуть не на руках носили. А в крепости уже пошли разговоры насчет спутника Митрандира, как они втроем с властителем беседовали битый час; и само собой придумалось, что с севера явился невысоклицкий князь, ведет на подмогу Гондору пять тысяч клинков. Говорили, что вот прискачут ристанийские конники, а у каждого за спиной воин-невысоклик, доблестный-предоблестный, даром что малорослый.

Пин смущенно опровергал эти обнадеживающие рассказы, но от новообретенного княжеского титула отделаться никак не мог: как же не князь — и с Боромиром был в дружбе, и Денэтор его обласкал. Его благодарили, что он изволил пожаловать, ловили каждое его слово, расспрашивали о дальних краях, щедро потчевали пивом и нехитрой снедью. А Пин изо всех сил старался следовать совету Гэндальфа — «быть осмотрительным» и не распускать язык на хоббитский манер.

Наконец Берегонд поднялся.

— Ну, пока до свидания! — сказал он. — Я до заката на часах, все прочие вроде бы тоже. А ты, чтоб не скучать одному, возьми себе провожатого повеселее — да хоть моего сына, то-то он обрадуется! Он паренек неплохой. Если задумаешь — спускайся в нижний ярус, спросишь там, как пройти к Старой гостинице на Рат-Келердайн, Улице Фонарщиков. И найдешь его — он с ребятами, какие остались в городе. Ступайте с ним к Великим Вратам, там будет на что посмотреть.

С этими словами он удалился; вскоре разошлись и остальные. Было по-прежнему солнечно, но в воздухе стояла дымка, и парило не по-мартовски: конечно, юг, а все же слишком. Пина клонило ко сну, возвращаться в пустое жилье не хотелось, и он решил прогуляться по городу. Он прихватил кой-какие лакомые кусочки для Светозара; тот снизошел к его приношению, хотя, по всему виду, был сыт. И Пин отправился вниз извилистым путем.

Все встречные глазели на него и вслед ему — торжественно приветствовали, как принято в Гондоре, склоняя голову и прижимая обе ладони к сердцу, а потом за спиной слышались возгласы: выходите, мол, посмотреть, вот он невысоклицкий князь, спутник Митрандира! Кричали одно и то же на всеобщем и на незнакомом языке, Пин сообразил, что по-здешнему его величают «Эрнил-и-Ферианнат», — похоже, этот нелепый титул пристал к нему крепко.

Он потерял счет сквозным аркам, мощеным проулкам, ровным улицам и наконец спустился в самый пространнейший первый ярус. Там ему показали, где Улица Фонарщиков, широкая, ведущая к Великим Вратам. Он отыскал Старую гостиницу, серое обветренное каменное строение о двух флигелях; узкая лужайка тянулась перед многооконным домом с колоннадой и крыльцом. Между колоннами играли мальчишки, и Пин остановился поглядеть на них: покамест он нигде в Минас-Тирите детей не видел. Вскоре один из них его заметил, с криком сбежал по ступеням на траву и выскочил на улицу; целая ватага мчалась за ним. Он стал перед Пином и обмерил его взглядом.

— Привет! — сказал парнишка. — А ты откуда такой? Вроде нездешний.

— Вообще-то нездешний, — признал Пин, — но теперь уж я гондорский воин.

— Ладно тебе! — рассмеялся тот. — Тогда мы все здесь воины. Тебе сколько лет и как тебя зовут? Мне уже десять, а ростом я скоро буду в пять футов. Я и сейчас-то выше тебя. Ну, правда, отец у меня страж цитадели и почти самый из них высокий. А твой кто отец?

— На какой вопрос тебе сперва ответить? — спросил Пин. — Отец мой — земледelec из деревни Беяки, что возле Кролов в Хоббитании. Мне скоро двадцать девять: тут я тебя обогнал. А росту во мне четыре фута, и больше я уж не вырасту, разве что вширь раздамся.

— Двадцать девять! — протянул паренек и присвистнул. — Да ты, значит, уже старый, прямо как мой дядя Йорлас. Только я все равно, — заодно прибавил он, — если захочу, поставлю тебя вверх тормашками или положу на лопатки.

— Может, поставишь, а может, и положишь, — смеясь, подтвердил Пин, — но только если я этого захочу. А может, я сам тебя поставлю да положу: мы в наших краях тоже не дураки подрасться. И у нас, знаешь ли, я считаюсь очень даже большим и сильным, так что меня покуда никто не пробовал поставить вверх тормашками. Если ты вдруг попробуешь, то мне, чего доброго, придется тебя укокошить. Вот подрастешь — и не будешь опрометчиво судить по внешности: тебе небось показалось, что перед тобой этакий увалень-недомерок, которого неплохо бы вздуть; а на самом-то деле я ужасный, злющий, кровожадный невысоклик! — И Пин скроил такую страшную рожу, что парнишка попятился, но тут же прынул вперед, сжав кулаки и сверкнув глазами. — Ну, ну! — захохотал Пин. — Опять-таки опрометчиво верить чужакам на слово, мало ли что они о себе скажут! Нет, я не кровожадный. А ты, чем задираться, сначала бы назвался — вежливей будет.

Мальчик горделиво выпрямился.

— Я — Бергил, сын стража цитадели Берегонда, — сказал он.

— Оно и видно, — кивнул Пин, — ты вылитый отец. А я как раз от него.

— Чего ж ты сразу не сказал? — И Бергил вдруг приуныл. — Он, что ли, передумал и хочет меня отослать с девчонками? Не может быть, уже ушел последний обоз!

— Погоди пугаться, все не так страшно, — сказал Пин. — Пока что тебе велено не ставить меня вверх тормашками, а составить мне компанию и показать ваш город. А я зато расскажу тебе про далекие страны.

Бергил обрадованно захлопал в ладоши.

— Все, значит, в порядке, ура! — воскликнул он. — Тогда пошли! Мы как раз собирались к Вратам, побежали туда!

— А зачем туда бежать?

— Да ведь сегодня еще до захода солнца должны подойти союзные дружины! Пошли, пошли, сам все увидишь.

* * *

Бергил оказался парень хоть куда, а Пину без Мерри ох как не хватало приятеля; они мигом сдружились, болтали и перешучивались наперебой, шли по улицам рука об руку и никакого внимания не обращали на любопытные взгляды со всех сторон. Народ толпой валил к Великим Вратам; Пин назвался и сказал пропуск, а часовой пропустил их обоих, к полному восхищению Бер-

гила.

— Вот это да! — сказал он. — А то ведь нам больше не позволяют выходить за ворота без взрослых. Ну, теперь наглядимся!

Люди стояли по обочинам тракта и заполнили огромную мощеную площадь, где сходились воедино дороги к Минас-Тириту. Все глядели на юг, и вскоре послышались возгласы:

— Пыль, пыль на дороге! Идут!

Пин с Бергилом исхитрились протиснуться в первые ряды. Невдалеке зацепили рога, и, словно встречный ветер, поднялся приветственный гул. Потом грянули трубы, и толпа разразилась дружным кличем.

— Форлонг! Форлонг! — услышал Пин.

— Это что значит? — спросил он.

— Ну как, это же старина Форлонг, Брюхан Форлонг из Лоссарнаха! — отозвался Бергил. — Там мой дед живет. Ура! Вон он сам, наш первейший друг, старина Форлонг!

Колонну возглавлял плечистый и утробистый седобородый старик на могучем коне, в кольчуге и черном шлеме, с огромным копьем. За ним гордо выступали запыленные пешие ратники, пониже ростом и смуглее гондорцев из Минас-Тирита. Лица их были суровы, на плече тяжелые бердыши.

— Форлонг! — кричали кругом. — Верный, доблестный друг! Ура, Форлонг!

Но когда лоссарнахские воины прошли, раздался ропот:

— Как мало их, всего две сотни! А мы-то надеялись, что будет тысячи две. Должно быть, пираты на них наседают: девять десятых остались обороняться. Ну что ж, у нас каждый боец на счету.

Так проходила к Вратам под клики толпы рать за ратью: окраины Гондора послали своих сынов в грозный час на выручку столице. Но все прислали меньше, чем здесь надеялись, куда меньше, чем надо бы. Прошагали уроженцы долины Рингло во главе с тамошним княжичем Дерворином: триста человек. С Мортхондского нагорья, из Темноводной долины — статный Дуингир с сыновьями Дуилином и Деруфином и пятьсот лучников. С Анфаласа, с далекой Береговины — длинная вереница охотников, пастухов, поселян, вооруженных чем попало; лишь их правитель Голасгил с домочадцами были при боевом доспехе. Десяток-другой угрюмых горцев без предводителя — из Ламедона. Рыбаки с Этхира, от устьев Андуйна — сотня с лишним, другие остались на кораблях. Гирлуин Белокурый с Изумрудных Холмов Пиннат-Гелина привел три сотни крепких ратников в зеленом. И наконец, горделивей всех, — Имраиль, владетель Дол-Амрота, родич самого наместника: золотистые стяги с изображением Корабля и Серебряного Лебедя реяли над конною дружиной; за всадниками на серых конях выступали в пешем строю семьсот витязей, статных, сероглазых и темноволосых, — они прошли с песней.

Вот и все, и трех тысяч не набралось. А больше ждать было некого. Возгласы, песни и мерная поступь стихли за Вратами. Толпа еще немного помедлила, не расходясь. Пыль повисла в воздухе: ветер улегся и стояла духота. Наступил закатный час; багровое солнце скрылось за Миндоллуином. Вечерняя тень пала на столицу Гондора.

Пин поднял взгляд и увидел грязно-серое небо, будто над ними нависла дымная, пепельная туча, и еле пробивался сквозь нее сумеречный свет. Толь-

ко запад еще пламенел, и черная громада Миндоллуина, казалось, была осыпана тлеющими головнями и угольями.

— Так ясно начался день и так мрачно кончается! — проговорил он, забыв о мальчишке рядом с ним.

— Кончится еще мрачнее, коли не поспеем до сигнальных колоколов, — отозвался Бергил. — Пойдем-ка, пойдем! Слышишь, трубят, сейчас закрывать будут!

Они вернулись в город последними; Врата за ними сразу же закрыли, и, когда они шли по Улице Фонарщиков, башенные колокола торжественно перекликались. Теплились окна; из домов и казарм у крепостной стены доносилось пение.

— Ладно, расходимся, — сказал Бергил. — Передай привет отцу, скажи: спасибо, мол, приятель что надо. Ты приходи завтра пораньше. Может, даже лучше, чтоб войны не было, мы бы и без нее обошлись. Съездили бы к дедушке в Лоссарнах, там весной знаешь как здорово, в лесу и на полях полно цветов. Нет, правда, вот возьмем и съездим. Где им одолеть нашего государя, и отец мой их всех перебьет. До скорого свидания!

Они расстались, и Пин заторопился обратно в цитадель. Путь был неблизкий, он вспотел и вконец оголодал. Сгустилась темная и душная беззвездная ночь. К вечерней трапезе он, конечно, опоздал, но его все ж таки накормили, Берегонд ему обрадовался, уселся рядом и расспрашивал про сына. Наевшись, Пин немного отдохнул и попрощался: очень ему было не по себе, хотелось скорее увидеть Гэндальфа.

— Сам-то найдешь дорогу? — спросил его Берегонд, выведя к северной стене цитадели, к скамье, на которой они сидели днем. — Ночь хоть глаз выколи, а приказано всюду гасить огни, фонарей на стенах не зажигать. Тебе же велено рано поутру явиться к властителю Денэтору. Да, вряд ли тебя припишут к нашей третьей роте. Ну что ж, приведется — так свидимся. Прощай, покойной ночи!

В покое было темно, лишь ночник горел на столике. Гэндальф не приходил, и Пину было все тоскливее. Он взобрался на скамейку и выглянул в окно, точно ткнулся носом в чернильную лужу. Он уныло слез, опустил штору и отправился спать. Сначала лежал и прислушивался, ждал Гэндальфа, потом кое-как уснул.

Среди ночи его разбудил свет: Гэндальф явился и расхаживал взад-вперед — тень его металась по занавеске. На столе горели свечи и лежали свитки. Маг вздохнул, и Пин расслышал его бормотанье:

— Да что же это до сих пор нет Фарамира?

— Э-гей! — позвал Пин, раздвинув постельные занавеси. — Я уж думал, ты обо мне вообще позабыл. Спасибо хоть вернулся. Ну и длинный нынче выдался день!

— Ночь зато будет короткая, — отрезал Гэндальф. — Я затем и вернулся, чтобы поразмыслить без помех. А ты давай спи: скоро ли еще доведется поспать в постели. На рассвете нам с тобой надо к Денэтору. Да и не на рассвете, а когда позовут. Навалилась темнота, и рассвета не будет.

Глава II

Шествие серой дружины

Гэндальф ускакал, и уже стих в ночи стук копыт Светозара, когда Мерри прибежал обратно к Арагорну с легоньким узелком: вещевого мешок его остался в Парт-Галене и все свои нынешние пожитки он выловил или подобрал на развалинах Изенгарда. Хазуфел был оседлан, Леголас и Гимли стояли подле своего коня.

— Четверо, значит, остались из нашего Отряда, — сказал Арагорн. — Ну что ж, вчетвером так вчетвером — только не одни, а вместе с конунгом, он сейчас выезжает. Крылатая тень его встревожила, и он хочет укрыться в горах еще до утренней зари.

— Укрыться в горах, а потом? — спросил Леголас.

— А потом — не знаю, — задумчиво отвечал Арагорн. — Конунг-то поедет в Эдорас, там он через четыре дня назначил войсковой сбор. Там его, вероятно, достигнут недобрые вести, и оттуда ристанийцы поспешат к Минас-Тириту. Не знаю — это я не про них, а про себя и про тех, кто пойдет за мною...

— Я пойду за тобою! — воскликнул Леголас.

— И я не отстану! — подхватил Гимли.

— Да нет, не так все просто, — сказал Арагорн. — Глаза мне застилает мрак. Вроде бы и мне нужно в Минас-Тирит, только другой, неведомой дорогой. Верно, близится урочный час.

— Вы меня-то прихватите! — попросил Мерри. — Я понимаю, толку от меня покамест не было, и все равно — не бросать же меня, как поклажу: лежи, мол, коли не надобна! Ведь конникам ристанийским я уж и вовсе не нужен, хотя, правда, конунг обещал, что усадит меня за трапезой рядом с собою, а я буду рассказывать ему про Хоббитанию.

— Да, Мерри, — сказал Арагорн, — вот тебе с ним пожалуй что по пути. Только не очень-то надейся на отдых и трапезу. Боюсь, не скоро воссядет Теоден на троне у себя в Медусельде! Многим надеждам суждено увянуть в эту горестную весну.

Вскоре двадцать четыре всадника — Гимли сидел за Леголасом, Мерри перед Арагорном — помчались сквозь ночную темень. Едва они миновали курганы у Изенских бродов, как прискакал конник из замыкающих.

— Государь, — сказал он конунгу, — за нами погоня. Я их учуял, еще когда мы подошли к реке. Теперь точно: нагонят, скачут вовсю.

Теоден приказал остановиться. Конники развернулись и взялись за копья. Арагорн спешил, опустил Мерри наземь и, обнажив меч, стал у стремени конунга. Эомер с оруженосцем поскакали подтягивать задних. Мерри лишний раз подумал, что он как есть ненужная поклажа, вот сейчас будет сеча, а ему что делать? Всего-то их горсточка, всех перебьют, а он, положим, как-нибудь улизнет в темноте — и что же, шататься потом по диким, бескрайним ристанийским степям? «Нет уж», — решил он, обнажая меч и затянув пояс.

Луна заходила, ее заслоняло огромное летучее облако, но, вдруг открывшись, она засияла вновь. И тут они услышали топот, и со стороны переправы возникли, надвигаясь, темные фигуры всадников. Лунный свет поблескивал на жалах копий. Еще не видно было, сколько их там, но уж наверняка не меньше, чем в свите конунга.

Когда они приблизились шагов на пятьдесят, Эомер громко крикнул:

— Стой! Стой! Кто разъезжает в Ристании?

Погоня вмиг застыла на месте. В тишине один из всадников спешил и медленно двинулся вперед. Он поднял руку в знак мира, ладонь белела в лунном свете. Но ристанийцы держали копья наперевес. Шагов за десять от них он остановился: высокая черная тень точно вырастала из земли. И прозвучал ясный голос:

— В Ристании? Ты сказал — в Ристании? Мы это рады слышать. Мы издали торопились в Ристанию.

— Теперь торопиться вам некуда, — объявил Эомер. — Переехавши броды, вы на ристанийской земле: здесь властвует конунг Теоден и лишь с его позволения можно здесь разъезжать. Кто ты такой? И почему вы торопились?

— Я — Гальбарад Дунадан, северный Следопыт, — отвечал тот. — Мы ищем Арагорна, сына Арахорна: мы прослышали, будто он в Ристании.

— И вы его отыскали! — воскликнул Арагорн. Он кинул поводья Мерри, выбежал вперед, и они обнялись с пришельцем. — Ты ли это, Гальбарад! Вот уж нечаянная радость!

Мерри облегченно вздохнул. Он-то был уверен, что это недобитый Саруман исхитрился перехватить конунга с малой свитой; но, видно, если и придется сложить голову, защищая Теодена, то не сейчас, а когда-нибудь потом. Он сунул меч в ножны.

— Все в порядке, — сказал Арагорн, воротившись. — Это мои родичи, они из дальнего края, где я прожил многие годы. Гальбарад скажет нам, почему они вдруг явились и сколько их тут.

— Нас тридцать, — сказал Гальбарад. — Все наши, кого удалось скликнуть, да еще братья Элладан и Элроир: они едут на брань вместе с нами. А мы собрались в путь сразу же, едва получили твой вызов.

— Вызов? — переспросил Арагорн. — Я взывал к вам лишь в мыслях. Думал я о вас, правда, часто, и нынче даже больше обычного; но вызова послать не мог. Впрочем, это все потом. Мы в опасности, медлить нельзя. Скачем вместе, если позволит конунг.

— В добрый час! — молвил обрадованный Теоден. — Если твои родичи под стать тебе, государь мой Арагорн, то тридцать таких витязей — это целое войско!

Поскакали дальше; Арагорн ехал с дунаданцами, и, когда они обменялись новостями с севера и с юга, Элроир сказал ему:

— Отец мой велел передать тебе: *Каждый час на счету*. Если рискуешь опоздать, вспомни о Стезе Мертвецов.

— У меня всегда был каждый час на счету, — сказал Арагорн, — и вечно их не хватало. Но велик должен быть риск опоздать, чтобы я двинулся этим путем.

— Как решишь, так и будет, — отозвался Элроир. — Ночью на дороге об этом толковать не стоит.

И Арагорн сказал Гальбараду:

— Что это ты везешь, родич? — ибо он заметил, что в руке у него не копье, а длинный шест, словно бы древко знамени; шест был натуго обмотан темной тканью и перетянут ремнями.

— Это прислала тебе Дева Раздола, — отвечал Гальбарад. — Втайне и с дав-

них пор она трудилась над этим. И велела тебе сказать: *На счету каждый час. Либо наши надежды сбудутся, либо всем надеждам конец. Я все исполнила в срок, по-задуманному. Прощай же до лучших времен, Эльфийский Берилл!* Такие были ее слова.

На это Арагорн молвил:

— Теперь я знаю, что ты привез. Побереги это для меня еще немного!

Он обернулся к северу, взглянул на яркие, крупные звезды — и потом за всю ночь не сказал ни слова.

Под серым предрассветным небом они наконец выехали из Ущельного излога и добрались до Горнбурга. Надо было хоть немного передохнуть и рассудить, что их ждет.

Мерри спал как сурок; его разбудили Леголас и Гимли.

— Солнце стоит в небе, — сказал Леголас. — И все давно уж на ногах, кроме тебя, лежебока ты этакий. Вставай, а то и к шапочному разбору не поспеешь!

— Три дня назад здесь была страшная битва, — сказал Гимли, — и я Леголасу чуть не проиграл, но выиграл все-таки, угробил одного лишнего орка! Пойдем покажу, где это было! Да, Мерри, а какие тут пещеры! Сходим в пещеры, давай, а, Леголас?

— Нет, нет, не надо, — сказал эльф. — Кто ж второпях любитесь чудесами! Условились ведь мы с тобой — коли переживем лихие дни, то и отправимся туда вместе. А сейчас полдень на носу, общая трапеза и вроде бы снова в дорогу.

Мерри зевнул и потянулся. Спал он всего ничего, усталость не прошла, и тоска одолевала пуще прежнего. Пина теперь не было, не с кем словом перемолвиться, а кругом все спешат, и каждый знает куда — один он дурак дураком.

— Арагорн-то хотя бы где? — спросил он.

— Он наверху, на башне, — отвечал Леголас. — Отдыхать не отдыхал, какое там, и глаз-то не сомкнул. Пошел наверх — ему, мол, поразмыслить надо; и Гальбарад с ним. Трудные у него, видать, мысли: мрачные сомнения, тяжкие заботы.

— Темный они вообще-то народ, эти пришельцы, — сказал Гимли. — Витязи, конечно, на подбор, могучие, статные, ристанийцы рядом с ними сущие дети, а они суровые такие, обветренные, что твои скалы, — ну, наподобие Арагорна, и уж слова лишнего от них не услышишь.

— На Арагорна они похожи, это ты верно, — подтвердил Леголас. — Такие же молчаливые, но если скажут слово, то учтивые, как и он. А братья-то — ну, Элладан и Элроир? Эти и одеты поярче, и держатся по-другому: шутка сказать, сыновья Элронда, не откуда-нибудь, из Раздола!

— Чего это они вдруг приехали, не знаешь? — спросил Мерри. Он наконец оделся, накинул на плечи серый плащ, и все они втроем вышли к разрушенным воротам крепости.

— Позвали их, вот и приехали, сам же слышал, — отозвался Гимли. — Говорят, в Раздоле послышался голос: *Арагорн ждет родичей. Дунаданцы, спешите в Ристанию!* — а уж откуда и кто их позвал, это неизвестно. Гэндальф, наверно, кто же еще.

— Нет, не Гэндальф, это Галадриэль, — возразил Леголас. — Она же, пом-

нишь, устами Гэндальфа возвещала прибытие Серой Дружины?

— Да, это ты в точку попал, — согласился Гимли. — Она это, она, Владычица Зачарованного Леса! Вот уж кто читает в сердцах и выполняет заветные желания! А мы с тобой дураки, Леголас, — что ж мы не позвали своих-то на помощь?

Леголас, стоя у ворот, обратил свои ясные глаза на север и на восток, и лицо его омрачилось.

— Наши не придут, — сказал он. — Что им ехать на войну за тридевять земель, когда война у них на пороге?

Они еще немного погуляли, обсуждая происшествия давешней битвы, потом вышли через разрушенные ворота, миновали свежие могильники у дороги, выбрались на Хельмову Гать и поглядели на излог. Уже воздвиглась Мертвая гора, черная, высокая, обложенная камнями, а кругом были видны следы гворнов, истоптавших траву, избороздивших землю. Дунландцы и защитники Горнбурга вместе восстанавливали Гать, разравнивали поле, возводили заново стены и насыпали валы; повсюду царило странное спокойствие — казалось, долина отдыхала после налетевшей бури. Они повернули назад, чтобы успеть к полуденной трапезе.

Завидев их, конунг поздравил Мерри и усадил его рядом.

— Здесь, конечно, не то, что в златоверхих чертогах Эдораса, — сказал он. — Да и друга твоего нет с нами, а он бы не помешал. Однако за высоким столом в Медусельде мы воссядем еще не скоро: если и доберемся туда, боюсь, нам будет не до пиროванья. Впрочем, что загадывать! Ешь и пей на здоровье, заодно и побеседуем. И поедешь со мною.

— Я — с тобою? — обрадовался и восхитился Мерри. — Вот здорово-то! — Он был как никогда благодарен за теплые слова. — А то я как-то, — запинаясь, выговорил он, — только у всех под ногами путаюсь, неужели совсем уж ни на что не пригожусь?

— Пригодишься, — заверил его Теоден. — Для тебя подыскали отличного пони местной породы: на горных тропах как раз такой нужен, не отстанет. Мы ведь в Эдорас горами поедем, через Дунхерг, где меня ждет Эовин. Хочешь быть моим оруженосцем? Эомер, доспех для него найдется?

— Оружейня здесь небогатая, государь, — отвечал Эомер. — Легонький шлем на его голову, пожалуй, подберем; но кольчугу и меч по росту — едва ли.

— А меч у меня и так есть, — сказал Мерри, вскочив на ноги и выхватив из черных ножен яркий клинок. Тронутый чуть не до слез лаской старого конунга, он внезапно опустил на одно колено, взял его руку и поцеловал. — Конунг Теоден, — воскликнул он, — позволь Мериадоку из Хоббитании присягнуть тебе на верность! Можно, я возложу свой меч тебе на колени?

— С радостью позволяю, — отвечал Теоден и в свою очередь возложил длинные старческие пальцы на темно-русую голову хоббита. — Встань же, Мериадок, — отныне ты наш оруженосец и страж Медусельда. Прими свой меч — да послужит он на благо Ристании!

— Теперь ты мне вместо отца, — сказал Мерри.

— Боюсь, ненадолго, — отозвался Теоден.

За трапезой шел общий разговор; наконец Эомер сказал:

— Скоро уж пора нам ехать, государь. Прикажешь ли трубить в рога? Но где же Арагорн? Он так и не вышел к столу.

— Готовьтесь выезжать, — велел Теоден, — и оповестите Арагорна, что время на исходе.

Конунг с Мерри и охраною вышли из ворот Горнбурга на просторный луг, где строились воины; многие уже сидели на конях. В крепости конунг оставил лишь небольшой гарнизон; прочие все до единого отправлялись в Эдорас, на войсковой сбор. Уже отъехал ночью отряд в тысячу копий, но и сейчас с конунгом было около пятисот, большей частью вестфольдцы.

Поодаль сомкнулся конный строй молчаливых Следопытов с копьями, луками и мечами, в темно-серых плащах; капюшоны закрывали их шлемы и лица. Кони у них были могучие, статные и шерстистые; и без седока стоял приведенный с севера конь Арагорна, по имени Рогерин. Ни золото, ни самоцветы не украшали их доспехи и сбруи, не было ни гербов, ни значков, только на левом плече у каждого звездой лучилась серебряная брошь — застежка плаща.

Конунг сел на своего Белогрива, Мерри взобрался на стоявшего рядом пони, звали его Стибба. Вскоре из ворот вышли Эомер с Арагорном и Гальбарад, который нес обмотанный черной тканью шест, а за ними еще двое — ни молодые, ни старые. Сыновья Элронда были до того похожи, что и не различишь: оба темноволосые и сероглазые, сияющие эльфийской красой; оба в блестящих кольчугах и серебристых плащах. Следом шли Леголас и Гимли. Но Мерри не мог отвести глаз от угрюмого, землистого, усталого лица Арагорна: он за одну ночь словно бы состарился на много лет.

— Я в большой тревоге, государь, — сказал он, остановившись у стремени конунга. — Дурные вести дошли до меня: нам грозит новая, неожиданная беда. Я долго размышлял, и сдается мне, что надо менять планы. Скажи, Теоден: ты ведь держишь путь в Дунхерг — сколько времени он займет?

— Уже час пополудни, — отозвался Эомер. — На третьи сутки к вечеру, должно быть, доедем до Укрывища. Полнолуние будет накануне; сбор конунг назначил еще через день. Быстрее не успеют съехаться со всей Ристании.

— Стало быть, через три дня, — задумчиво проговорил Арагорн, — войсковой сбор только начнется. Да, быстрее не выйдет, спешка тут ни к чему. — Он поднял глаза, и лицо его прояснилось, точно он окончательно принял трудное решение. — Тогда, государь, с твоего позволения, пути наши расходятся. У нас с родичами своя дорога, и поедем мы теперь в открытую. Мне больше незачем таиться. Поедем на восток кратчайшим путем, а дальше — Стезей Мертвецов.

— Стезей Мертвецов! — повторил Теоден, вздрогнув. — Что ты говоришь?

Эомер изумленно взглянул на Арагорна, и Мерри показалось, что конники, которые расслышали эти слова, стали белее мела.

— Если и правда есть такая стезя, — продолжал Теоден, — то она начинается за воротами близ Дунхерга, но там никто еще не бывал.

— Увы, Арагорн, друг мой! — горестно молвил Эомер. — А я-то надеялся, что мы с тобой будем биться бок о бок. Но если жребий влечет тебя на Стезю Мертвецов, то мы расстаемся и едва ли увидимся на этом свете.

— Другой мне дороги нет, — отвечал Арагорн. — И все же, Эомер, на поле брани мы, быть может, еще и встретимся, прорубившись друг к другу сквозь все полчища Мордора.

— Поступай как знаешь, государь мой Арагорн, — сказал Теоден. — Видно,

и правда таков твой жребий — идти нехоженными путями. Как ни горько мне с тобой расставаться, как ни тягостно, однако нас ждут горные тропы и медлить больше нельзя. Прощай!

— Прощай, государь! — сказал Арагорн. — Скачи навстречу великой славе! Прощай и ты, Мерри! В хороших руках ты остаешься, я и надеяться не смел на такое, когда мы гнались за орками до Фангорна. Леголас и Гимли, наверно, и теперь последуют за мною; но мы тебя не забудем.

— До свидания! — проговорил Мерри. Других слов у него не нашлось. Он чувствовал себя совсем крохотным; его смущали и угнетали услышанные мрачные речи. Эх, сюда бы сейчас неунывающего Пина! Конники стояли наготове, лошади перебирали ногами: скорей бы в путь — и дело с концом.

Теоден обратился к Эомеру, тот поднял руку и громко отдал приказ; конники тронулись. Они миновали Гать, выехали из Ущельного излога и круто свернули к востоку, тропую, которая с милю вилась у подножий, а потом уводила на юг и исчезала в горах. Арагорн выехал на Гать и провожал ристанийцев взглядом, пока излог не скрыл их из виду.

— Вот уехали трое близких моему сердцу, — сказал он Гальбаряду, — и едва ли не ближе других этот малыш. Он не знает, что его ждет; но если б и знал, все равно бы поехал.

— Да, о малышах-хоббитанцах не по росту судить, — заметил Гальбаряд. — Вовсе им невдомек, какими трудами охраняли мы их границы, но мне это ничуть не обидно.

— А теперь наши судьбы сплелись воедино, — сказал Арагорн. — Но что поделать, приходится разлучаться. Ладно, мне надо перекусить, да в дорогу. Пойдемте, Леголас и Гимли! Поговорим за едой.

Они вместе вернулись в Горнбург. Однако за столом Арагорн хранил молчание, и друзья переглядывались.

— Говори же! — сказал наконец Леголас. — Говори, может, полегчает, светлее станет на сердце! Что случилось с тех пор, как мы приехали на мгlistом рассвете в эту хмурую крепость?

— Я выдержал битву куда более жестокую, чем на стенах этой хмурой крепости, — отвечал Арагорн. — Я глядел в Ортханкский камень, друзья мои.

— Ты глядел в эту проклятую колдовскую штуковину? — вскричал Гимли с ужасом и недоумением. — Он... Враг у тебя что-нибудь выведал? Ведь даже Гэндальф и тот не отважился на такой поединок, а ты...

— Ты забываешь, с кем говоришь, — сурово осек его Арагорн, и глаза его блеснули. — Не при тебе ли я во всеуслышание назвался у ворот Эдораса? Что, по-твоему, я мог ему выдать? Нет, Гимли, — уже мягче продолжал он, и тень сбежала с его лица, видна была лишь безмерная усталость, точно после многих бессонных ночей, исполненных тяжкого труда. — Нет, друзья мои, я законный владелец Камня, вправе и в силах воспользоваться им: так я рассудил. Право мое неоспоримо. И сил хватило — правда, еле-еле.

Он глубоко вздохнул.

— Да, жестокий был поединок, все никак не приду в себя. Я не сказал ему ни слова, но сумел подчинить Камень своей воле. От одного этого он придет в неистовство. И я предстал перед ним. Да, сударь мой Гимли, Враг видел меня, но не в том обличье, в каком ты видишь меня сейчас. Если я оказал ему услугу, дело плохо; но думаю, что оказал дурную услугу. Он был, по-моему, страш-

но поражен тем, что я объявился среди живых, ибо доньше он обо мне не знал. Под окнами Ортханка на меня не обратили внимания, благо я был в ристанийском доспехе; но уж Саурон-то не забыл Исильдура и меча Элендила. И вот, как раз когда начинают сбываться его черные замыслы, вдруг он воочию видит наследника Исильдура и тот самый меч: я обнажил перед ним заново откованный клинок. А он все же не так силен, чтоб ничего не опасаться, — нет, его еще гложут сомнения.

— Ну, сил-то ему не занимать, — возразил Гимли, — и тем быстрее он нанесет удар.

— Быстрее вовсе не значит вернее, — сказал Арагорн. — И настала пора опережать Врага, а не дожидаться его ударов. Друзья мои, когда я овладел Камнем, мне многое открылось. Беда нагрянула на Гондор с юга, и защитников Минас-Тирита вдвое поубавилось. Если мы с этой бедою немедля не упрямимся, то город погибнет, не выстоит и десяти дней.

— Значит, погибнет, — сказал Гимли. — Кого посылать на подмогу и как туда поспеть вовремя?

— Посылать на подмогу некого, стало быть, надо ехать самому, — сказал Арагорн. — И есть лишь один путь, которым можно поспеть к Морю вовремя, пока еще не все потеряно. Это — Стезя Мертвецов.

— Стезя Мертвецов! — повторил Гимли. — Жутковатое название — и слух ристанийцев оно, как я заметил, не тешит. Ну а живым-то можно проехать этой Стезей и не сгинуть? И что толку, если проедем, — нас же всего горстка против несметных полчищ Мордора!

— Живые по этой дороге не ездили, мустангримцы такого не упомнят, — сказал Арагорн. — Она закрыта для живых. Однако наследник Исильдура в эту черную годину может и проехать, если отважится. Слушайте! Сыновья Элронда из Раздола, премудрого знатока преданий, передали мне слова отца: *Пусть Арагорн припомнит речь провидца, пусть помнит о Стезе Мертвецов.*

— А что за речь провидца? — спросил Леголас.

— Вот что изрек провидец Мальбет во дни Арведуи, последнего властителя Форноста:

*Простерлась черная тень над землей,
На запад стремится крылатый мрак.
Содрогается град; подступает враг
К заветным гробницам. И встают мертвецы,
Ибо клятвопреступникам вышел срок,
Ибо их созывает гремучий рог,
С вершины Эрека вновь затрубив.
Кто протрубит? Кто призовет
Из могильной мглы забытый народ?
Потомок того, кто был предан встарь,
Возвратится с севера Государь
Темным путем, Стезей Мертвецов.*

— Что темным путем — это понятно, — сказал Гимли, — но в остальном стихи уж очень темные.

— Остальное станет понятно, если поедешь со мной темным путем, — сказал Арагорн. — Сам бы я его не избрал, но, видно, предуказанного не миновать. А вы решайте сами, хватит ли у вас мужества и сил, чтобы одолеть

неодолимый страх и вынести непосильные тяготы — может стать, себе на беду.

— Я пойду за тобою даже Стезей Мертвецов, куда бы она ни привела, — сказал Гимли.

— И я тоже, — сказал Леголас, — я мертвецов не боюсь.

— Хорошо бы этот забытый народ не забыл ратного дела, — сказал Гимли, — а то не к чему их и тревожить.

— Это мы узнаем, если доберемся живыми до вершины Эрека, — сказал Арагорн. — Ведь они поклялись сражаться с Сауроном и нарушили клятву; чтобы исполнить ее ныне, надо сразиться. На вершине Эрека Исильдур водрузил черный камень, который, по преданию, привез из Нуменора. И в начале его правления князь горцев присягнул на верность Гондору возле этого камня. Когда же Черный Властелин объявился в Средиземье и вновь стал могуч и страшен, Исильдур призвал горцев на великую брань, а они отказались воевать, ибо втайне предали Саурону еще во Вторую Эпоху, в проклятые времена его владычества.

И тогда Исильдур сказал их князю: «Твое княжение да будет последним. И если Запад восторжествует над твоим Черным Владыкою, то вот, я налагаю проклятие на тебя и на весь твой народ: вы не узнаете покоя, доколе не исполните клятву. Ибо войне этой суждено длиться несчетные годы, и в конце ее снова призовут вас на брань». И они бежали от гнева Исильдура и не посмели выступить на стороне Саурона; укрылись в горах, отъединились от соседей и мало-помалу вымерли в своих каменистых пустошах. Но умершие не опочили; их замогильное бденье оцепенило ужасом окрестности Эрека. Туда и лежит мой путь, раз от живых мне помощи не будет. Вперед! — воскликнул он, поднявшись и обнажив меч, ярко блеснувший в сумрачном зале. — Я еду Стезей Мертвецов к Эрекскому камню. Кто отважится на это — за мною!

Леголас и Гимли промолчали и вышли следом за ним из ворот, к безмолвному и недвижному строю всадников в капюшонах. Они сели на своего коня, Арагорн вскочил на Рогерина. Гальбарад затрубил в большой рог, гулкое эхо огласило Хельмово ущелье, и Дружина вихрем пронеслась по излогу; ей во след изумленно глядели с Гати и крепостных стен.

* * *

Теоден пробирался горными тропами, а Серая Дружина мчалась по степи и на другой день уже подъезжала к Эдорасу. Едва передохнув, отправились дальше, в горы — и в сумерках достигли Дунхерга.

Царевна Эовин радостно приветствовала их; таких могучих витязей, как дунаданцы и сыновья Элронда, она в жизни не видела, но взгляд ее все время устремлялся на Арагорна. За ужином они беседовали, и ей было рассказано обо всем, что случилось после отъезда Теодена из столицы: лишь обрывочные вести дошли до нее. Теперь она услышала о битве у Хельмовой Крепи, о полном разгроме врага, о том, как конунг повел в последний бой своих всадников, — и глаза ее засияли.

Наконец она сказала:

— Государи мои, вам пора отдохнуть с дороги. Нынче, наспех, я предложу вам скромный ночлег. Наутро же мы приготовим более достойные вас покои.

Но Арагорн сказал:

— Нет, царица, не заботься об этом. Нам нужно всего лишь переночевать и позавтракать. Я очень тороплюсь, и на рассвете мы выезжаем.

— Тогда спасибо тебе, государь, — с улыбкой молвила она, — что ты, свернув с пути, проехал столько миль, чтобы порадовать добрыми вестями отшельницу Эовин.

— Ради такой отшельницы дальняя дорога не в тягость, — сказал Арагорн, — однако же, царица, с пути я бы сюда не свернул.

— Значит, государь, — отозвалась она, и в голосе ее слышна была печаль, — ты сбился с пути, потому что из Дунхергской долины нет выхода ни на восток, ни на юг — тебе надо вернуться обратно.

— Нет, царица, — сказал он, — с пути я не сбился: я странствовал в здешних краях задолго до того, как ты родилась им на украшение. Есть выход из этой долины, он-то мне и нужен. Отсюда на юг ведет Стезя Мертвецов.

Она замерла, будто громом пораженная; лицо ее побелело, она глядела ему в глаза и молчала, и молчали все кругом.

— Арагорн, — наконец молвила она, — неужели ты торопишься на встречу гибели? Лишь гибель ждет тебя на этом пути. Там нет проходу живым.

— Меня, может статься, пропустят, — сказал Арагорн. — Так или иначе, я попробую пройти. Другие дороги мне не годятся.

— Но это безумие, — сказала она. — С тобою славные, доблестные витязи, и не в смертную тень ты их должен вести, а на бой, на поле брани. Молю тебя, останься, ты поедешь с моим братом, на радость всему ристанийскому войску, в знак великой надежды.

— Нет, царица, это не безумие, — отвечал он, — этот путь преуказан издревле. Кто идет со мною — идет по доброй воле; кто захочет остаться и ехать на бой вместе с ристанийцами — пусть остается. Но я пойду Стезей Мертвецов, даже в одиночку.

Больше сказано ничего не было, и в молчании завершилась трапеза; но Эовин не сводила глаз с Арагорна, и мука была в ее глазах. Наконец все поднялись из-за стола, пожелали ей доброй ночи, поблагодарили за радушие и отправились спать.

Арагорна поместили с Леголасом и Гимли; у шатра окликнула его царица Эовин. Он обернулся и увидел словно бы легкое сиянье в ночном сумраке: на ней было белое платье и светились ее глаза.

— Арагорн, — сказала она, — зачем ты едешь этим гиблым путем?

— Затем, что иначе нельзя, — отвечал он. — Только так я, быть может, сумею опередить Саурона. Я ведь не ищу гибели, Эовин. Будь моя воля, я гулял бы сейчас на севере по светлым тропинкам Раздола.

Она помолчала, обдумывая последние его слова. Потом вдруг положила руку ему на плечо.

— Ты суров и тверд, — сказала она. — Таким, как ты, суждена слава. — И снова примолкла. — Государь, — решила она наконец, — если таков преуказанный тебе путь, то позволь мне ехать с тобою. Мне опротивело прятаться и скрываться, я хочу испытать себя в смертном бою.

— Ты должна оставаться со своим народом, — ответил он.

— Только и слышу, что я кому-то что-то должна! — воскликнула Эовин. — Разве я не из рода Эорла? Воительница я или нянька? Долгие годы я опекала

немощного старца. Теперь он, кажется, встал на ноги — а мне все равно нельзя жить по своей воле?

— Этого почти никому нельзя, — ответил он. — И не ты ли, царевна, приняла теперь на себя попечение о своем народе, покуда не воротится конунг? Если б это доверили не тебе, а военачальнику или сенешалю, ты думаешь, он мог бы оставить свой пост, как бы ему все ни опротивело?

— Значит, так всегда и будет? — горько спросила она. — Ратники будут уезжать на войну и добывать бранную славу, а мне — оставаться, хозяйничать и потом их встречать, заботиться о еде и постелях, так?

— Может статься, и встречать будет некого, — сказал он. — Настанет темное время безвестной доблести: никто не узнает о подвигах последних защитников родимого крова. Но безвестные подвиги ничуть не менее доблестны.

— Ты твердишь одно и то же, — отвечала она, — женщина, говоришь ты, радей о доме своем. А когда воины погибнут славной смертью — стори вместе с домом, погибшим он больше не нужен. Но я не служанка, я — царевна из рода Эорла. Я езжу верхом и владею клинком не хуже любого воина. И я не боюсь ни боли, ни смерти.

— А чего ты боишься, царевна? — спросил он.

— Боюсь золоченой клетки, — сказала она. — Боюсь привыкнуть к домашнему заточенью, состариться и расстаться с мечтами о великих подвигах.

— Как же ты отговаривала меня идти избранной дорогой, потому что она опасна?

— Я ведь тебя, а не себя отговаривала, — сказала она. — И я призывала тебя не избегать опасности, а ехать на битву, добывать мечом славу и победу. Просто я не хотела, чтобы сгинули попусту благородство и великая отвага!

— Я тоже этого не хочу, — сказал он. — Потому и говорю тебе, царевна: оставайся! Нечего тебе делать на юге.

— Другим — тем, кто пойдет за тобою, — тоже нечего там делать. Они пойдут потому, что не хотят с тобой разлучаться, потому, что любят тебя.

Сказав так, она повернулась и исчезла в темноте.

* * *

В небе забрезжил рассвет, но солнце еще не выглянуло из-за высоких восточных хребтов. Дружина сидела верхами, и Арагорн собрался было вскочить в седло, когда царевна Эовин, в ратном доспехе и при мече, вышла попрощаться с ними. Она несла чашу с вином; пригубив ее, пожелала она воинам доброго пути и передала чашу Арагорну, который, прежде чем допить вино, молвил:

— Прощай, царевна Ристании! Я пью во славу дома конунгов, пью за тебя и за весь ваш народ. Скажи своему брату, что мы еще, может, и свидимся, проравшись сквозь тьму!

Гимли и Леголасу показалось, что она беззвучно заплакала: скорбь исказила ее гордое и строгое лицо. И она проговорила:

— Арагорн, ты едешь, куда сказал?

— Еду, — отвечал он.

— И не позволишь мне ехать с вами, как я просила тебя?

— Нет, царевна, — сказал он. — Нельзя тебе ехать без позволения конунга

или твоего брата, а они будут лишь завтра. У меня же на счету каждый час, каждая минута на счету. Прощай!

Тогда она упала на колени и воскликнула:

— Я тебя умоляю!

— Нет, царевна, — сказал он, взяв ее за руку и поднимая с колен; потом поцеловал ей руку, вспрыгнул в седло и тронул коня, больше не оглядываясь. Лишь тем, кто знал его близко и ехал рядом, понятно было, как тяжело у него на сердце.

А Эовин стояла, неподвижная, точно изваяние, сжав опущенные руки; стояла и смотрела, как они уходят в черную тень Двиморберга, Горы Призраков, к Вратам мертвого края. Когда всадники пропали из виду, она повернулась и неверным шагом, как бы вслепую, отправилась к себе в шатер. Никто из ее подданных не видел этого расставанья: они попрятались в страхе и ждали, пока рассветет и уедут безрассудные чужаки.

И люди говорили:

— Это эльфийцы. Пусть себе едут в гиблый край, коли им суждено там сгинуть. У нас своего горя хватает.

Ехали в предрассветной мгле; восходящее солнце заслонял сумрачный гребень Горы Призраков. Извилистая дорога меж двумя рядами древних стоячих камней привела их в бор Димхолт, преддверие страшного края. Под сенью черных деревьев, где даже Леголасу было не по себе, открылась падь, и посреди тропы роковою вехой возник громадный столп.

— Что-то у меня кровь леденеет, — заметил Гимли, но никто не отозвался, и звук его голоса поглотила сырая хвойная подстилка.

Кони один за другим останавливались перед зловещим столпом; всадники спешили и повели их под уздцы в обход по крутому склону к подножию Горы, туда, где в отвесной скале зияли Врата, словно жерло ночи. Над широкой аркою смутно виднелась тайнопись и загадочные рисунки, и Врата источали серый туман, будто смертную тоску. Дружина оцепенела; лишь у царевича эльфов Леголаса не дрогнуло сердце — он не страшился человеческих призраков.

— За этими Вратами, — сказал Гальбарад, — таится моя смерть. Я пойду ей навстречу, но кони туда не пойдут.

— Мы должны пройти, значит, пройдут и кони, — отвечал Арагорн. — За Вратами мертвенная тьма, а за нею — дальняя дорога, и каждый час промедленья приближает торжество Саурона. Вперед!

И Арагорн пошел первым; вдохновленные его могучей волей, следовали за ним дунаданцы, а кони их так любили своих хозяев, что не убоялись даже замогильного ужаса, ибо надежны были сердца людей, которые их вели. Только Арод, ристанийский конь, стоял весь в поту и дрожал — горестно было смотреть на него. Но Леголас закрыл ему ладонями глаза, напел в уши ласковые, тихие слова — и конь послушно пошел за своим седоком. Перед Вратами остался один лишь гном Гимли. Колени его дрожали, и он стыдил сам себя.

— Вот уж неслыханное дело! — сказал он. — Эльф спускается под землю, а гном боится!

И он ринулся вперед, волоча непослушные, как свинцом налитые ноги; тьма обрушилась на него и ослепила Гимли, сына Глоина, который, бывало,

бесстрашно спускался в любые подземелья.

Арагорн запасся в Дунхерге факелами и нес огонь впереди; Элладан, вознося факел, замыкал шествие, а за ним, спотыкаясь, брел Гимли. Ему видны были только тусклые факельные огни; но едва Дружина приостанавливалась, как слух его полнился ропотом и отзвуками голосов, невнятной молвью на неведомом языке.

Дружина шла и шла, и помехи ей не было, а гному становилось все страшнее — он-то знал, что вспять повернуть нельзя, что позади, в темноте, толпится незримое сонмище. Страшно тянулось время; и то, что Гимли наконец увидел, он очень не любил вспоминать. Вроде бы шли они по широкому проходу, но стены внезапно исчезли, и перед ними разверзлась пустота. Ужас давил его так, что ноги подкашивались на каждом шагу. Слева что-то блеснуло во мраке, и факел Арагорна приблизился. Должно быть, Арагорн вернулся поглядеть, что там блестит.

— Неужели ему не страшно? — пробормотал гном. — В любой другой пещере Гимли, сын Глоина, первым побежал бы на блеск золота. Но здесь — не надо! Пусть лежит!

И все же он подошел — и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а Элладан держит оба факела. Перед ними простерся скелет богатыря. Боевой доспех уцелел: кольчуга была золоченая, а воздух в пещере такой сухой, что чуть не скрипел на зубах. Золотом и гранатами изукрашен был пояс; череп в шлеме с золотой насечкой ничком уткнулся в песок. При факелах стало видно, что скелет лежит у стены пещеры, возле закрытой каменной двери, впившись в щели костяными пальцами. Рядом валялись обломки зазубренного меча: наверно, он отчаянно рубил камень, пока хватало сил.

Арагорн не прикоснулся к останкам; он молча разглядывал их, потом поднялся и вздохнул.

— До скончания веков не расцветут над ним цветы *симбельмейна*, — проговорил он. — Девять и еще семь могильников давным-давно заросли травой, и все эти несчетные годы он пролежал здесь, у дверей, которых не смог открыть. Куда ведут эти двери? Что он искал за ними? Этого никто никогда не узнает... И мне об этом знать незачем! — возгласил он, обращаясь к шелестящей темноте позади. — Храните свои клады и тайны Проклятых Времен! А нам надо спешить. Пропустите нас и ступайте следом! Я призываю вас всех к Эрекскому камню!

Вместо ответа настало бездонное молчанье, пострашнее зловещего шелеста; потом повеяло холодом, факелы вспыхнули, угасли, и зажечь их снова не удалось. Что было дальше и сколько часов это длилось, Гимли толком не помнил. Дружина шла вперед, а он кое-как поспевал за остальными, спасаясь от ужаса, который, казалось, вот-вот обессилит его, настигая шелестами, шорохами, призрачным звуком несчетных шагов. Он спотыкался, падал, под конец полз на четвереньках и чувствовал, что больше не может: либо впереди найдется выход и спасенье, либо уж будь что будет — он бросится назад на растерзание ужасу.

Вдруг он услышал журчанье воды, такое отчетливо-звонкое, точно где-то прокатился камень, пробудив от дурного сна. Становилось светлее, и вот Дру-

жина вышла из-под высокой сводчатой арки; ручей бежал рядом, а впереди круто уходила вниз дорога между отвесными скалами, упирающимися в небеса. Ущелье было такое узкое и глубокое, что небо казалось темным и мерцали мелкие звезды. Однако же Гимли узнал потом, что день был тот самый, когда они вышли из Дунхерга, до заката оставалось еще два часа, а могли миновать и годы; и вышел он будто бы совсем в иной мир.

* * *

Дружинники снова ехали вереницей, и Гимли сидел позади Леголаса. Смеркалось, сгущались синие сумерки; и ужас шел по пятам. Леголас обернулся, и Гимли увидел прямо перед собой блистающие глаза эльфа. За ними ехал Элладан, замыкающий, но не последний на этой наклонной дороге.

— Мертвые следуют за нами, — сказал Леголас. — Я вижу тени всадников, тусклые стяги, как клочья тумана, копья, точно заиндевелый кустарник. Они следуют за нами.

— Да, мертвецы не отстают. Они откликнулись на зов, — сказал Элладан.

Наконец Дружина вышла из ущелья — внезапно, как сквозь трещину в стене; они очутились над высокогорной долиной и слышали переплеск потока, низвергавшегося водопадами.

— Куда это нас занесло? — спросил Гимли, и Элладан отвечал ему:

— Пониже истоков длинной студеной реки, которая впадает в морской залив, омывающий стены Дол-Амрота. Мортхонд зовется она — Черноводная; теперь ты, наверно, не спросишь почему.

Широким изгибом Мортхондская долина охватывала крутогорье с юга. Травянистые склоны в этот сумеречный час подернуло серой пеленой; далеко внизу мигали огоньки селений. Долина была плодородная и многолюдная.

Арагорн, не оборачиваясь, крикнул во весь голос:

— Друзья, забудьте об усталости! Пустите коней вскачь! Нам нужно прежде полуночи быть у Эрекского камня, а до него еще далеко.

И они без оглядки промчались косогором к мосту через реку, набиравшую ширину, и дальше вниз по дороге в долину.

Повсюду гасили огни и запирали двери, а те, кто был в поле, крича от ужаса, метались, точно испуганное зверье. В полутьме разносился общий крик:

— Полчище мертвых! На нас идет полчище мертвых!

Звонили колокола, все разбегались и прятались, а Серая Дружина неслась во весь опор, покуда кони не начали спотыкаться. И перед самой полуночью, в черной, как бы пещерной тьме они все-таки доскакали до Эрекского камня.

С незапамятных пор витал смертный страх над горою Эрек и окрестными пустошами. На вершине ее торчал черный камень, круглый, как огромный шар, наполовину вкопанный в землю и все же высотой в человеческий рост. Был он нездешнего вида, словно упал с небес, как думали иные; те же, кто помнил предания Запада, говорили, что вывез его из руин Нуменора и вкопал на горе сам Исильдур. Жители долины не смели приближаться к нему, да поблизости никто и не жил: рассказывали, что в недобрую годину вокруг камня собирается и ропщет сонмище привидений.

Дружина остановилась у камня; царила мертвенная ночная тишь. Арагорн

взял у Элроира серебряный рог, затрубил в него — и всем послышались глухие ответные раскаты, дальним эхом из пещерных глубин. Больше ничего слышно не было, но чуялось, что гору обступило большое войско; и дохнул леденящий ветер. Арагорн спешился, стал подле камня и громовым голосом спросил:

— Клятвопреступники, зачем вы пришли?

И кто-то в ночи отозвался, как бы издалека:

— Чтобы исполнить клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн молвил:

— Настал ваш час! Вы последуете за мною в Пеларгир-на-Андуине, и, когда тамошний край будет избавлен от Сауроновой нечисти, я сниму с вас заклятие, и вы обретете покой навечно. Ибо я — Элессар, наследник великого князя гондорского Исильдура.

И он повелел Гальбарладу развернуть и водрузить знамя, которое тот привез из Раздола; затрепетало черное полотнище, и в темноте не видно было, что на нем выткано. Дружина заночевала возле камня, но почти никому не спалось в безмолвном окружении призраков.

С первыми лучами бледного рассвета Арагорн повел свою Дружину в далекий и многотрудный поход без отдыха и промедленья: такой был лишь ему по силам, и его непреклонная воля поддерживала остальных. Подобных тягот не вынес бы никто из смертных — но вынесли северные витязи-дунаданцы, и с ними был гном Гимли и Леголас из рода эльфов.

Они прошли в Ламедон Тарлангским перевалом; за ними по пятам мчалось призрачное воинство, а страшная весть о нем летела впереди, и, когда они въезжали в Калембель-на-Кириле, кровавый закат озарял их со спины, из-за хребта Пиннат-Гелина. В городе не было ни души, переправа через Кирил не охранялась, ибо многие ушли на войну, а прочие бежали в горы, прослышав о нашествии полчища мертвых. Наутро рассвета не было, и Серая Дружина исчезла с глаз людских во тьме, нахлынувшей из Мордора; а мертвецы спешили следом.

Глава III Войсковой сбор

Все пути сходились теперь на востоке, на рубеже грядущей войны — там, где сгущалась грозная Темь. И когда Пин стоял у столичных Великих Врат, провожая взглядом золотистые стяги владетеля Дол-Амрота, дружина конунга Ристании спускалась с гор к Укрывищу.

День угасал. Длинные тени тянулись перед конниками. Темнота вползала в густой, перешептывающийся ельник, облакавший горные кручи. Конунг ехал медленно, он утомился за день. Вскоре тропа, обогнув выступ огромного утеса, углубилась в тихий лесной сумрак. Вниз, вниз и вниз двигались они длинной извилистой вереницей. Ближе ко дну ущелья уже совсем свечерело. Солнце зашло, и сумеречная мгла окутала водопады.

Весь день виднелся далеко внизу бурливый поток, сбегавший с высокого перевала, клопоча в своем узком русле между скалистыми откосами в сосновом убранстве; и вот он был перед ними, готовый вырваться на приволье из каменных теснин. Конники ехали берегом — и вдруг им открылась Дунхергская долина, оглашенная вечерним гулом воды. Кипучая Снеговая, усиленная

притоком, мчалась, обдавая пеной каменистое ложе, к Эдорасу, к зеленым холмам и равнинам. Справа, у края широкой долины, вздымал заоблачные взлобья могучий Старкгорн, и его иззубренная вершина в шапке вечных снегов сияла в высоте; черно-синие тени ложились на нее с востока, и багровыми пятнами ее осыпал закат.

Мерри изумленно озирает этот неведомый край, о котором столько понаслышался в долгом пути. Небес тут не было: вглядывайся не вглядывайся в туманную пелену поверху, увидишь только громоздящиеся склоны, утес за утесом, и хмурые ущелья, подернутые дымкой. Он сонно вслушивался в шум воды, в смутный шепот деревьев, в треск расседающегося камня — и чувствовал огромное молчанье, ожидающее, пока все эти шумы стихнут. Ему вообще-то нравились горы, а лучше сказать — нравилось, как они возникают за обочиной рассказов о дальних странах; но теперь его придавила несусветная тяжесть неправдашнего Средиземья, и больше всего на свете он хотел бы оказаться у себя, возле камина, в уютной комнатушке.

Он очень устал: ехали-то они медленно, однако же почти не отдыхали. Три долгих, томительных дня трясся он по тропам вверх и вниз, через перевалы, длинными долинами и звенящими бесчисленными бродами. Ежели дорога была пошире, он ехал рядом с конунгом, не замечая, что многие конники усмехались, глядя на это соседство: хоббит на лохматеньком сером пони и повелитель Ристании на большом белом коне. А он разговаривал с Теоденом, рассказывал ему о себе, о своих и прочие хоббитанские байки, потом слушал рассказы о Мустангриме и о подвигах ристанийских витязей. Но чаще всего, как и нынче, Мерри ехал сам по себе, за конунгом, говорить было не с кем, и он вслушивался в медленную звучную речь ристанийцев, доносившуюся сзади. Многие слова он вроде бы узнавал, только звучали они и звонче, и протяжнее, а вместе никак не складывались. Иногда чей-нибудь ясный голос заводил песню, и у Мерри взывало сердце, хоть он и не понимал, о чем поется.

Очень ему было все-таки одиноко, особенно теперь, на закате дня. Он думал, куда же в этом непонятном мире подевался Пин, где Арагорн, Леголас и Гимли. И внезапным холодом полоснула мысль: а Сэм с Фродо — они-то где? «Совсем я про них забыл, — укорил он себя. — Они же из всех нас главные, я и пошел-то им в помощь, и вот теперь они за сотни миль, спасибо еще, если живы». Он испуганно поежился.

— Вот и Укрывище! — молвил Эомер. — Близок конец пути.

Кони стали. Через узкую горловину ущелья, как сквозь высокое окно, едва-едва был виден крутой спуск в меркнувшую долину. Внизу, возле реки, вспыхивал и угасал крохотный огонек.

— Да, конец пути близок, — подтвердил Теоден, — и это — начало нового пути. Прошлой ночью было полнолуние, а наутро я поеду в Эдорас, на войсковой сбор.

— Прими мой совет, — негромко сказал Эомер, — возвратись потом сюда, пережди здесь победу или поражение.

— Нет, — усмехнулся Теоден, — нет, сын мой, ибо так я буду тебя называть, ты уж не будь советником наподобие Гнилоуста! — Он выпрямился в седле и оглянулся на длинный строй ратников, терявшийся в сумерках. — Давно я не

водил вас в поход, многие дни стеснились в годы, но теперь-то я клюку отбросил. Коли нас победят, что мне толку скрываться в горах? А коли мы победим, то не страшно мне и погибнуть, исполнив свой долг до конца. Однако ж будет об этом. Нынче я ночую в Укрывище, и есть еще у нас хотя бы один мирный вечер. Едем!

Уже почти стемнело, когда они спустились. Снеговая протекла у западного края долины, и вскоре тропа привела их к броду, где вода бурлила среди камней. Брод охраняли; воины выпрыгивали из-за темных скал и, завидев их, радостно возглашали:

— Конунг Теоден! Конунг Теоден! Властитель Ристании возвратился!

Протяжно затрубил рог, и гулким эхом отозвалась долина. За рекой зажигались огни.

И вдруг с высот дружно грянули трубы: казалось, они поют под единым сводом, и слитный трубный гром раскатился по каменным склонам.

Так возвратился с победою властитель Мустангрима в Дунхерг, в свое высокогорное Укрывище. Последняя рать Ристании была в сборе; проведав о приближении конунга, воеводы встретили его у переправы, как и велел Гэндальф. Впереди ехал Дунгир, здешний правитель.

— Государь, — сказал он, — три дня назад на рассвете примчался с запада в Эдорас Светозар, и Гэндальф несказанно обрадовал нас вестью о твоей победе. Но он приказал от лица твоего поторопить сбор. А затем нагрянул крылатый Призрак.

— Крылатый Призрак? — повторил Теоден. — Мы тоже видели его, но посреди ночи, еще когда Гэндальф был с нами.

— Может статься, вы его и видели, государь, — сказал Дунгир. — Он ли был тогда или другой, но исчадьем мрака, подобьем чудовищной птицы явился он в то утро над Эдорасом, и страх объял всех до единого. Ибо он снизился к Медусельду, почти до самого купола, и раздался вопль, оледенивший сердца. Тогда-то Гэндальф и посоветовал нам не собираться на равнине, а встретить тебя здесь, в горном Укрывище. И не зажигать ни костров, ни факелов помимо крайней нужды — так мы и сделали, потому что повелительны были его слова и мы слышали в них твое веление. Здесь, над долиною, чудища не появлялись.

— Вы рассудили верно, — сказал Теоден. — Я сейчас еду в Укрывище, и прежде, чем отойду ко сну, надо мне встретиться с воеводами и сенешалями. Созовите их у меня как можно скорее!

Теперь дорога вела напрямик на восток — по долине, где она была шириною не более полумили. Кругом лежали поля и травяные сумеречно-серые луга, и за дальним краем ложбины Мерри увидел утесистый отрог Старкгорна, некогда разрезанный рекой.

Равнина была заполнена людьми. Они толпились у дороги, приветственными кликами встречая конунга и западных ратников; а поодаль виднелись ряды палаток и шатров, стояли за частоколами кони и стройно было составлено оружие: копья торчали, как древесная поросль. Сумерки застилали многолюдный лагерь, с гор веяло ночной прохладой, однако же фонари не горели и не пылали костры. Расхаживали часовые в длинных плащах.

Сколько же их тут собралось, ристанийцев? — задумался Мерри. В сгущавшейся тьме на глазок было не прикинуть, но вроде бы большое, многотысячное войско. А пока он вертел головой, дружина конунга оказалась возле огромной скалы у восточного края долины; дорога вдруг пошла в гору, и Мерри изумленно поднял взгляд. Таких дорог он еще не видывал: верно, люди проложили ее во времена совсем уж незапамятные. Змеею вилась она вверх, врезаясь в отвесную скалу. Крутая, точно лестница, она открывала обзор то спереди, то сзади. Лошади этот подъем кое-как одолевали; можно было втащить и повозки, но никакой враг ниоткуда не смог бы обойти защитников, разве что с воздуха. На каждом повороте дороги высились грубые изваяния: человекоподобные фигуры сидели, поджав ноги и сложив толстые руки на пухлых животах. Черты лица у многих с годами стерлись, лишь черные глазные дыры взирали на мимоезжих. Конники их вниманием не удостаивали. Назывались они Пукколы, колдовской силы не имели, страха никому не внушали; и Мерри провожал изумленным и почти что жалостным взглядом эти выступавшие из сумрака фигуры.

Потом он глянул назад и увидел, что взобрался уже высоко, и все равно в тумане видно было, как снизу идут конники — нескончаемой вереницей идут и расходятся по лагерю. Лишь конунг с приближенными ехали вверх, в Укрывице.

Наконец они выехали на край обрыва, а дорога вела все вверх, крутым склоном к скалистой расселине, а за нею расстилалась долина. Звалась она Фириэнфельд — широкая это была и красивая долина, травянистая, поросшая вереском, над бурным ложем Снеговой, по южным склонам Старкгорна и северным отлогам зубчатого хребта Ирензаги; туда-то и направлялись конники, и перед ними вздымался Двиморберг, Гора Призраков с ее одетыми мрачным сосняком кручами. Долину пересекал двойной ряд неуклюжих каменных вех; дорога между ними уходила в сумрак и пропадала среди сосен. Отважься кто-нибудь по ней поехать — он вскоре оказался бы в лесной мгле Димхолта, увидел бы зловещий столп и зияющие Запретные Врата.

Таков был угрюмый Дунхерг, сооруженный древним людским племенем, о котором ни песни, ни сказания не сохранили памяти. И неведомо было, что воздвигали древние строители — то ли город, то ли тайный храм, то ли царскую усыпальницу. Трудились они в Темные Века, задолго до того, как приплыли корабли к западным берегам и дунаданцы основали Гондор, и давным-давно сгинул этот народ, одни лишь Пукколы упрямо сидели на изгибах дороги.

Мерри взглянул на каменные зубья, на их неровный строй: они исчернели и выветрились, те покосились, другие упали, третьи надломились или искрошились — ни дать ни взять голодный старческий оскал. Он подумал, зачем бы им тут торчать, и понадеялся, что конунг не поедет между ними в густеющую темень. Потом он различил по обеим сторонам дороги множество палаток и навесов, но расположены они были поодаль от сумрачного леса и даже теснились к обрыву. Большая часть лагеря находилась справа, где Фириэнфельд распластался вширь, а слева палаток было поменьше, и среди них высился шатер. Оттуда выехал навстречу им конник, и они свернули с дороги.

Конник приблизился, и Мерри увидел, что это женщина — длинные перевитые волосы ее блистали в сумерках, но она была в шлеме, одета в кольчугу,

опоясана мечом.

— Привет тебе, властитель Мустангрима! — воскликнула она. — Всем сердцем радуюсь твоему возвращению.

— Нерадостный у тебя голос, Эовин, — молвил конунг. — Ты чем-то опечалена?

— Нет, все идет как должно, — отвечала она и вправду глухим голосом, словно преодолевая слезы; да едва ли, подумал Мерри, вон у нее какое суровое лицо. — Все как должно. Конечно, людям тяжело было в одночасье собираться в дальний путь и покидать родные дома. Многие горько роптали — давно уж не звучал призыв на брань среди наших зеленых равнин, — но непокорства не было. Ополчение, как видишь, в сборе. И ночлег твой готов: я наслышана о вашей победе и знала, когда тебя ждать.

— А, стало быть, Арагорн приехал! — воскликнул Эомер. — Он еще здесь?

— Нет, здесь его нету, — сказала Эовин, отвернувшись и глядя на сумрачные вершины, южные и восточные.

— А где же он? — спросил Эомер.

— Не знаю, — сказала она. — Он прискакал ночью и уехал вчера на рассвете, солнце еще не встало из-за гор. И где он теперь — не знаю.

— Ты горевала, дочь, — снова сказал Теоден. — О чем твоя печаль? Была ли, скажи, речь о той дороге? — И он указал на чернеющий путь между каменных вех к Двиморбергу. — Была ли речь о Стезе Мертвецов?

— Да, государь, — ответила Эовин. — Он ушел в смертную тьму, из которой нет возврата. Я не сумела его отговорить. И где он теперь — не знаю.

— Значит, пути наши разошлись, — сказал Эомер. — Он сгинул во тьме, и биться мы будем без него, обделенные надеждой.

Медленно, в безмолвии проехали они наверх травянистым вересковым лугом и спешили возле шатра конунга. Все было для всех приготовлено, а о Мерри позаботились особо: для него разбили палатку возле огромного шатра. Там он и сидел один-одинешенек, и мимо него проходили люди — на совет к конунгу. Темнело все больше, западные вершины высились в звездных венцах, и непроглядная тьма застилала восток. Уже почти исчезли из виду каменные зубья, но за ними из ночной мглы проступала черная громада Двиморберга.

— Что еще за Стезя Мертвецов? — тихо разговаривал Мерри сам с собой. — Какая такая Стезя? Да, а вот я-то один остался не при деле из всего нашего Отряда. Всех судьба разбросала: Гэндальф с Пином отправились воевать на востоке, Сэм и Фродо — в Мордор, а Бродяжник, Леголас и Гимли уехали Стезей Мертвецов. Наверно, скоро выпадет и мой черед. Знать бы хоть, о чем они там совещаются, что надумал конунг. А то я ведь теперь с ним повязан — куда он, туда и я.

Невеселые мысли шли ему на ум, а вдобавок он еще вдруг ужасно проголодался и решил выйти поглядеть, неужто же он один здесь такой голодный. Но в это время грянула труба, и его, оруженосца конунга, вызвали прислуживать государю за столом.

* * *

В глубине шатра, за узорчатыми занавесями, были разостланы шкуры, и за низеньким столом сидели Теоден, Эомер и Эовин, а с ними Дунгир, правитель Укрывища. Мерри занял свое место позади конунга, но вскоре тот, очнувшись от глубокой задумчивости, с улыбкой обернулся к нему.

— Иди сюда, сударь мой Мериадок! — сказал он. — Негоже тебе стоять. Покуда мы пребываем в моих владениях, ты будешь сидеть возле меня и тешить мне сердце своими рассказами.

Хоббита усадили на скамью по левую руку от конунга, но до рассказов дело не дошло. Трапеза была молчаливая, слова роняли скупю; наконец Мерри собрался с духом и все-таки задал вопрос, вертевшийся у него на языке.

— Уже дважды, государь, слышал я о Стезе Мертвецов, — сказал он. — Что это за Стезя? И куда отправился этой Стезью Бродяж... то есть Арагорн?

Конунг лишь вздохнул, и тщетно Мерри ждал ответа; потом Эомер сказал:

— Куда он отправился, нам, увы, неизвестно. А Стезя Мертвецов... ты сам нынче ехал по ней. Нет, не ищи в моих словах зловещего смысла! Просто дорога наверх, с которой мы свернули, ведет через Димхолт к Запретным Вратам. А что за ними — никто не знает.

— Да, этого не знает никто, — подтвердил Теоден. — Лишь древние, полузабытые преданья хранят об этом неясную память. В нашем роду, в роду Эорла, отцы искони рассказывали их сыновьям, и если правдивы старинные были, то за Вратами под Двиморбергом лежит тайный путь в горные недра. Но к Вратам и подступиться никто не смеет с тех пор, как вошел в них Бальдор, сын Брего. Брего устроил празднество в честь воздвиженья Медусельда, и Бальдор, осушив лишний рог вина, сторяча поклялся проникнуть в тайну Горы Призраков. Навеки пропал он с глаз людских, и остался без наследника высокий престол в златоверхом дворце.

Говорят в народе, что покойники Темных Веков крепко стерегут от живых проход к своим сокровенным чертогам, а бывает, они выходят наружу и призрачными тенями спускаются вниз по дороге. Тогда жители Укрывища в страхе запирают двери и завешивают окна. Но мертвецы появляются редко — лишь в тревожные и кровавые времена.

— Из Укрывища доносят, — тихо промолвила Эовин, — что недавно, в безлунную ночь, на гору въехало большое войско в диковинных доспехах. Откуда оно взялось, никто не знает: воины промчались меж каменных вех к Двиморбергу, словно их там заждались.

— Да Арагорн-то зачем туда поехал? — не унимался Мерри. — Неужели совсем уж неизвестно?

— Разве что тебе, его другу, от него самого известно что-нибудь, о чем не ведаем мы, — отозвался Эомер. — А если нет — никто из живых тебе ответа не даст.

— Совсе не таким запомнила я его, когда впервые увидела во дворце, — сказала Эовин. — Он постарел и посуровел. И был точно одержимый: казалось, ему слышен замогильный зов.

— Может статья, и был слышен, — сказал Теоден, — сердце мое чует, что мы с ним больше не свидимся. И все же ему, прирожденному властителю, должно быть, уготован высокий жребий. Утешься, дочь, — я вижу, ты горько скорбишь о нашем госте, — утешься, ибо рассказывают, что, когда эорлинги явились с севера и поднялись к истокам Снеговой, примечая места для буду-

щих крепостей, Брего и сын его Бальдор проехали за Укрывище сквозь Димхолт и достигли черных Врат. Возле них сидел древний-древний старец, высокий и царственный, безмолвный и недвижимый — точь-в-точь обветшалый истукан. Так и рассудили Брего с Бальдором и хотели было проехать мимо, но вдруг раздался голос будто из-под земли — старец, к их изумленью, молвил на всеобщем языке: *Путь закрыт.*

Они остановились, взглянули на старца и увидели, что он еще жив, но к ним он взора не обратил. *Путь закрыт*, повторил голос. *Он проложен теми, кто давно уже мертв, и мертвецы устерегут его, покуда не исполнятся сроки. Путь закрыт.*

А когда исполнятся сроки? — спросил Бальдор, но ответа не дождался: старец замятво рухнул ничком. И с тех пор мы больше ничего не проведали о призрачных стражах горных недр. Однако же, может статься, ныне сроки исполнились, и Арагорну путь откроется.

— Как узнать, не входя во Врата, откроется путь или нет? — сказал Эомер. — А я туда не пошел бы, даже если б стоял один против всех полчищ Мордора и больше некуда было податься. Что за напасть, какая одержимость одолела витязя из витязей в нынешний роковой час! Неужели мало кругом нечисти, что надо искать ее под землей? Война вот-вот грянет, а он...

Эомер смолк: снаружи послышался шум, кто-то выкликнул имя Теодена и стража его расспрашивала.

* * *

Вскоре начальник стражи отвел завесу шатра.

— Государь, — сказал он, — из Гондора прибыл посланец. Просит немедля допустить его к тебе.

— Пусть войдет! — велел Теоден.

Вошел высокий ратник, и Мерри едва не вскрикнул: на миг ему почудилось, будто перед ними вживе предстал Боромир. Приглядевшись, он увидел, что это, конечно же, незнакомец, но и вправду очень похожий на Боромира — рослый, статный, сероглазый. На нем был темно-зеленый плащ конника поверх мелкосетчатой кольчуги, с венца шлема мерцала серебряная звездочка. В руке он держал черноперую стрелу с зазубренным и обгаренным стальным наконечником.

Став на одно колено, он протянул стрелу конунгу.

— Привет тебе, властитель Мустангрима, исконный наш друг и верный соратник! — молвил он. — Я, Хиргон, посланец Денэтора, вручаю тебе это знамение войны. Великая беда грозит Гондору. Никогда прежде мустангримцы не отказывали нам в подмоге, но на сей раз Денэтор просит вас собрать все ваши силы и явиться как можно скорее — иначе Гондор падет!

— Багряная Стрела! — проговорил Теоден, принимая ее дрогнувшей рукой; весть была хоть и заведомая, но оттого не менее грозная. — На моем веку Багряной Стрелы в Ристанию ни разу не присылали! Неужто на нас вся надежда? А как мыслит Денэтор — велики ли наши силы и скоро ли мы сможем явиться?

— Про то тебе лучше знать, государь, — сказал Хиргон. — Но наверно, на днях Гондор будет окружен, и коли не хватит у тебя сил прорвать мощную

осаду, то государь Денэтор велел сказать тебе, что лучше бы ристанийскому воинству стоять на стенах, чем лечь под стенами!

— Разве не знает он, что нам привычнее биться верхом в поле, и еще — что народ наш рассеян по горам, долам и равнинам и наших конников мигом не соберешь? Верно ли, Хиргон, что повелитель Минас-Тирита знает всегда больше, чем говорит? Ибо мы, как видишь, уже в сборе, весть твоя не застала нас врасплох. У нас побывал Гэндалф Серый, и мы изготавились ехать на восток, на великую битву.

— Ведает обо всем этом властодержец Денэтор или нет — мне знать не дано, — отвечал Хиргон. — Мой государь не шлет вам повелений, он просит вас во имя старой дружбы и во исполнение давних клятв, ради собственного спасения свершить все, что в ваших силах. Нам доносят, что многие восточные цари привели свои рати под начало Мордора. От северных краев до равнины Дагорлада разгорается пожар войны. С юга идут хородримцы, все наше побережье настороже, и невелика будет нам подмога оттуда. Поспешите же! Ведь у стен Минас-Тирита решится общая судьба, и если там мы врага не сдержим, то черный потоп захлестнет цветущие равнины Ристании и даже здесь, в горах, никто не укроется.

— Мрачные известия, — сказал Теоден, — хотя новостями их не назовешь. Впрочем, скажи Денэтору, что, если бы Ристании и не грозила опасность, мы все равно пришли бы к нему на подмогу. Но битвы с предателем Саруманом были кровопролитны, а ведь надо еще позаботиться о северных и восточных границах — сам же говоришь, что война надвигается отовсюду. У Черного Властелина достанет войска и Минас-Тирит обложить, и обрушиться на нас с севера, перейти Андуйн за Каменными Гигантами.

Чересчур осмотрительны мы все же не будем. И не промедлим. Наутро назначен смотр, после него сразу выступаем. Будь все иначе, я отправил бы наперехват врагу десять тысяч конных копьеносцев. Боюсь, придется послать меньше — нельзя же оставить крепости вовсе без охраны. Но шесть тысяч с лишком поедут за мной — скажи Денэтору, что нынче войско поведет в Гондор сам конунг, и будь что будет. Надо лишь, чтобы дальняя дорога не обессилила людей и коней, поэтому с завтрашнего утра минет не меньше недели, прежде чем вы услышите с севера боевой клич сынов Эорла.

— Неделя! — воскликнул Хиргон. — Что ж, тебе виднее. Однако через семь дней вы, похоже, прискачете к разрушенным стенам — ну, хотя бы помешаете оркам и чернолицым пировать в Белой Крепости.

— На худой конец хоть пировать помешаем, — сказал Теоден. — Но будет: я приехал с поля брани, одолев долгий путь, и изрядно утомился. Оставайся в лагере на ночь. Утром увидишь ристанийское ополчение, и зрелище это тебя взбодрит, а отдых укрепит твои силы. Утро вечера мудренее: за ночь думы проясняются.

С этими словами конунг встал; за ним поднялись остальные.

— Ступайте отдыхать, — сказал он, — покойной вам ночи. И тебя, сударь мой Мериадок, на сегодня отпускаю. Зато поутру, чуть свет, будь готов явиться ко мне.

— Явлюсь по первому зову, — сказал Мерри, — и, если надо будет, готов ехать с тобою даже Стезей Мертвецов.

— Остерегайся зловещих слов! — покачал головой конунг. — Быть может, не одна дорога заслуживает этого имени. Но я тебя с собою в дорогу не звал. Доброй ночи!

— Нет уж, не останусь я здесь дожидаться их возвращения! — твердил себе Мерри. — Ни за что не останусь, ни за что! — И, повторяя это на разные лады, он наконец заснул в своей палатке.

Разбудил его дружинник, трясая за плечо.

— Проснись, проснись, господин хольбитла! — звал он, и Мерри вдруг очнулся от глубокого сна и сел на постели. «Темно-то еще как», — подумал он. И спросил:

— Что случилось?

— Конунг ждет тебя.

— Да ведь еще солнце не взошло, — удивился Мерри.

— Нет, господин хольбитла, не взошло и сегодня не взойдет. Такая напозла темь, будто солнце и вовсе погасло. Но встанет ли солнце, нет ли, а время идет своим ходом. Поторопись!

Наспех одевшись, Мерри выглянул из палатки. В потемках, в мутно-бурой мгле, все виделось черным и серым, нигде ни единой тени; царило мертвящее затишье. Сплошная хмарь затянула небеса, лишь далеко на западе чуть брезжило из-под низкого рваного края тучи, как бы сквозь крюковатые пальцы. Тяжко нависал слепой и темный небосвод, и меркли последние дальние отсветы.

Потом Мерри заметил, что кругом стоят серолицые люди, угрюмо или испуганно поглядывая вверх и вполголоса переговариваясь. Он сильно приуныл и пробрался к шатру конунга. Хиргон был уже там, рядом с ним стоял другой голец, одетый так же и похожий на него, только пониже и плечистее. Когда Мерри вошел, он говорил конунгу:

— Из Мордора надвинулась она, государь. Вчера поползла, на закате. С Истфольдского всхолмья видел я, как она поднялась и потом нагоняла меня, застилая небо и угашая звезды. Весь край отсюда до Изгарных гор объят темнотой, и сумрак сгущается. Видно, война уже началась.

Настало молчанье, и наконец конунг вымолвил:

— Да, чему быть, того не миновать: значит, вот-вот она грянет, великая битва наших дней, и многое сгубит она безвозвратно. Что ж, теперь хоть нет нужды скрываться. Поскачем во весь опор напрямик по равнине. Смотр начинаем сейчас, опоздавших ждать не будем. Достанет ли припасов там у вас в Минас-Тирите? А то ведь быстро ехать можно лишь налегке, взяв самую малость воды и съестного.

— Припасов достанет с избытком, — отвечал Хиргон. — Берите как можно меньше и скачите как можно быстрее!

— Созывай герольдов, Зомер, — сказал Теоден. — Строиться к походу!

Зомер вышел; вскоре в Укрывище зазвучали трубы, и десятки других откликнулись снизу, но трубное пенье уже не казалось Мерри, как накануне, зычным и властным хором. Глухое и сиплое, зловещее завывание тонуло в душевной мгле.

Конунг обратился к Мерри.

— Я еду на войну, сударь мой Мериадок, — сказал он. — Через час-другой отправляемся в путь. Ты свободен от моей службы, но приязни моей не теряешь. Оставайся здесь и, если угодно тебе, послужи царице Эовин — она будет править вместо меня.

— Да как же так, государь, — запинаясь, произнес Мерри. — Я ведь принес клятву на мече! Нет, конунг Теоден, не свободен я от твоей службы. Да и друзья мои все поехали на битву, стыдно было бы мне здесь отсиживаться.

— Но мы поедем на больших, быстрых скакунах, — сказал Теоден. — Ты с таким не справишься, одной отваги для этого мало.

— Тогда привяжите меня к седлу или как-нибудь там к стремяни, — упорствовал Мерри. — Бежать-то уж больно далеко, но раз нельзя ехать, давайте я побегу — только вот ноги, наверно, собью и опоздаю недели на две.

— Чем так, я тебя лучше бы довез на Белогриве, — усмехнулся Теоден. — Ладно, ездай со мною в Эдорас, поглядишь на Медусельд — сперва мы туда отправимся. Да пока что и Стибба не оплошает: настоящая скачка начнется потом, на равнине.

Тут поднялась Эовин.

— Пойдем, Мериадок! — сказала она. — Пойдем, примеришь доспех, что я тебе подобрала. — Они вышли вместе. — Всего одна просьба была ко мне у Арагорна, — продолжала Эовин, когда они шли между шатрами, — он попросил снарядить тебя на битву. Надеюсь, ты останешься доволен, и уверена, что доспех тебе непременно пригодится.

Она подвела Мерри к одной из палаток для стражи конунга, и оружничий вынес оттуда маленький шлем, круглый щит и прочее снаряжение.

— Кольчуги по твоему росту не нашлось, — сказала Эовин, — и выковать на тебя панцирь уже не успеем; зато вот тебе плотная кожаная куртка, ремень и кинжал. Меч у тебя есть.

Мерри поклонился, и царица подала ему щит чуть поменьше того, какой в свое время получил Гимли, с белым конем на зеленом поле.

— Облачайся в доспех, — сказала она, — и да сослужит он тебе добрую службу! Прощай же, Мериадок! Но быть может, мы с тобой еще встретимся.

В густеющем сумраке строилось ристанийское ополчение у восточной дороги. Тревога сжимала сердца, и многих терзал страх. Но крепки духом были ристанийцы и преданы своему государю: даже в Укрывище, где приютили женщин, детей и стариков из Эдораса, почти не было слышно ни рыданий, ни ропота. Грозную судьбу встречали молча, лицом к лицу.

Пролетели два часа, и вот уж Теоден сидел на своем белом коне; шерсть Белогрива серебрилась в потемках. Высок и величав был всадник, хотя из-под шишака его ниспадали на плечи седые пряди; и понурые ратники бодрились, взирая на своего бесстрашного и непреклонного вождя.

На широких лугах возле шумной реки стояли строй за строем без малого пятьдесят пять сотен конников в полном вооружении; и еще несколько сот воинов при запасных конях с легкой поклажей. Одиноко запела труба. Конунг поднял руку, и двинулась молчаливая рать Мустангрима. Впереди ехали двенадцать телохранителей конунга, прославленные витязи; за ними сам Теоден и Эомер одесную. Они распростились с Эовин наверху, в Укрывище, и горька

была память прощания, но думы их устремлялись вперед. Затем ехали посланцы Гондора и Мерри на своем пони, а следом — еще двенадцать телохранителей. Ехали мимо длинного строя конников; суровы и недвижны были их лица. Уж почти миновали строй, как вдруг один из конников повернул голову и пристально поглядел на хоббита. «Совсем еще юноша, — подумал Мерри, встретив его взгляд, — невысокий, худощавый». Он уловил отсвет ясных серых глаз и вздрогнул, внезапно поняв, что в лице этом нет надежды, что его затеняет смерть.

Серая дорога вела вдоль берега Снеговой, бурлящей в камнях; мимо селений Ундерхерга и Обернана, где скорбные женские лица выглядывали из темных дверей; войско не провожали в путь ни рога, ни арфы, ни поющие голоса. Так начался великий поход на восток, о котором слагали песни многие поколения ристанийцев.

*Из темного Дунхерга в тусклое утро
 Вывел сын Тенгела свою последнюю рать
 И достиг Эдораса, но царственные чертоги,
 Старинные, златоверхие, были застланы мглой.
 Здесь, в обители предков, он распростился с народом,
 Со своим свободным народом и с очагом своим.
 Простился с высоким троном и с благословенным кровом,
 Под которым он пировал в былые светлые дни.
 И дальше поехал конунг, по пятам за ним гнался ужас,
 Впереди ожидал рок. Но он присягал на верность,
 Он принес нерушимую клятву, и он исполнил ее.
 Теоден ехал дальше. Пять дней и ночей
 Мчались эорлинги вперед восточным путем
 Через Фольд и Фенмарк, через Фириэнвуд.
 Шесть тысяч копьеносцев мчались через Санлендинг
 К могучей твердыне Мундбург у горы Миндоллуин,
 К столице Государей, из-за Моря приплывших,
 Теперь осажденной врагами и окруженной огнем.
 Судьба торопила их, и темнота поглотила,
 Поглотила коней и конников, и стук уходящих копыт
 Заглох в тишине: так нам поведали песни.*

Когда конунг приехал в Эдорас, Медусельд и правда был застлан мглой, хотя полдень едва наступил. Задержался он здесь ненадолго, и к войску его прикнули десятков шесть всадников, опоздавших на сбор. После короткой трапезы он велел готовиться в путь и ласково простился со своим оруженосцем. Но Мерри еще напоследок попробовал умолить его.

— Я ведь тебе объяснил: такой поход Стибба не осилит, — сказал Теоден. — И к тому же сам посуди, сударь мой Мериадок: пусть ты и при мече и не по росту отважен, но что тебе делать в таком бою, какой нас ждет под стенами гондорской столицы?

— Мало ли, тут не угадаешь, — возразил Мерри. — И зачем тогда, государь, ты взял меня в оруженосцы — не затем разве, чтобы в битве я был рядом с тобой? И чем помянут меня в песнях, коли я буду все время оставаться неприканным?

— Взял я тебя в оруженосцы, чтоб с тобой ничего не стряслось, — отвечал Теоден. — Чтоб ты был под рукой. А в походе ты будешь лишним бременем. Случись битва у моих ворот, может статься, в песнях и помянули бы твои по-

двиги; но до Мундбурга, где правит Денэтор, больше ста двух лиг. Это мое последнее слово.

Мерри поклонился и уныло побрел прочь, оглядывая ряды воинов. Все уже стояли наготове: потуже затягивали пояса, проверяли подпруги, ласкали коней; иные тревожно косились на почернелое небо. Кто-то незаметно подошел к хоббиту и шепнул ему на ухо:

— У нас говорят: «Упорному и стена не препона», я это на себе проверил. — Мерри поднял глаза и увидел юношу, которого заметил поутру. — А ты, по лицу видно, хочешь ехать вслед за государем.

— Да, хочу, — подтвердил Мерри.

— Вот и поедешь со мной, — сказал конник. — Я посажу тебя впереди, укрою плащом — а там отъедем подальше, и еще стемнеет. Ты упорен — так будь же по-твоему. Ни с кем больше не говори, поехали!

— Очень, очень тебе благодарен! — пролепетал Мерри. — Благодарю тебя, господин... прости, не знаю твоего имени.

— Не знаешь? — тихо сказал конник. — Что ж, называй меня Дернхельмом.

Так и случилось, что, когда конунг выехал в поход, впереди ратника Дернхельма на большом сером скакуне Вихроноге сидел хоббит Мериадок, и коня он не тяготил, потому что Дернхельм был легкий седок, хотя сложен крепко и ловок на диво.

Они углублялись во тьму. Заночевали в зарослях ивняка, за двенадцать лиг к востоку от Эдораса, у слияния Снеговой и Онтавы. Потом ехали через Фольд и через Фенмарк, мимо больших дубрав по всхолмьям, осененным черной громадой Галифириэна на гондорский границе, а слева клубились болотные туманы над устьями Онтавы. Тут их настигли вести о войне на севере: одинокие, отчаянные беглецы рассказывали, что с востока вторглись полчища орков, что враги заполонили Ристанийскую степь.

— Вперед! Вперед! — приказал Эомер. — Сворачивать поздно, а онтавские болота защитят нас с фланга. Прибавим ходу. Вперед!

И конунг Теоден покинул Ристанию; войско его мчалось по извилистой нескончаемой дороге, и справа возникали вершины: Кэленхад, Мин-Риммон, Эрелас, Нардол. Но маяки на них не горели. Угрюмый край объяла страшная тишь; впереди сгущалась темнота, и надежда угасала в сердцах.

Глава IV

Нашествие на Гондор

Пина разбудил Гэндалф. Теплились зажженные свечи, окна застила тусклая муть, и было душно, как перед грозой, — вот-вот громыхнет.

— Сколько времени-то? — зевая, спросил Пин.

— Третий час, — отвечал Гэндалф. — Пора вставать, теперь твое дело служивое. Градоправитель вызывает тебя — верно, распорядиться хочет.

— И завтраком накормит?

— Нет! Вот твой завтрак, и до полудня больше ничего не жди. Кормить будут впроголодь, привыкай.

Пин уныло поглядел на ломоть хлеба и совсем уж какой-то маленький кусочек масла, на чашку с жидким молоком.

— И зачем ты меня сюда привез? — вздохнул он.

— Прекрасно знаешь зачем, — отрезал Гэндальф. — Чтоб ты больше ничего не натворил, а коли здесь тебе не нравится, не взыщи: сам виноват.

Пин прикусил язык.

И вот он уже шагнул рядом с Гэндальфом по длинному холодному залу к дверям Башенного чертога. Денэтор сидел так неподвижно, словно затаился в сером сумраке. «Ну, точь-в-точь старый паук, — подумал Пин, — похоже, он и не шелохнулся со вчерашнего». Гэндальфу был подан знак садиться, а Пин остался стоять — его даже взглядом не удостоили. Но вскоре он услышал обращенные к нему слова:

— Ну как, господин Перегрин, надеюсь, вчера ты успел порезвиться и оглядеться? Боюсь только, стол у нас нынче скудный, ты не к такому привык.

Пину показалось, будто, что ни скажи, что ни сделай, об этом немедля узнает Градоправитель, для которого и мысли чужие тоже не тайна. И он промолчал.

— К чему же мне тебя приставить?

— Я думал, государь, об этом ты сам мне скажешь.

— Скажу, когда узнаю, на что ты годен, — обещал Денэтор. — И наверно, узнаю скорее, если ты будешь при мне. Служитель моих покоев отпросился в передовую дружину, и ты его покуда заменишь. Будешь мне прислуживать, будешь моим нарочным, будешь занимать меня беседой между делами войны и совета. Ты петь умеешь?

— Умею, — сказал Пин. — Ну, то есть умею, судя по-нашему. Только ведь наши песенки не годятся для здешних высоких чертогов, и не идут они к нынешним временам, государь. У нас ведь что самое страшное? Ливень да буран. И поем-то мы обычно о чем-нибудь смешном, песни у нас застольные.

— А почему ж ты думаешь, что такие ваши песни не к месту и не ко времени? Разве нам, обуянным чудовищной Тенью, не отрадно услышать отзвуки веселья с дальней и светлой стороны? Недаром, стало быть, охраняли мы ваши, да и все другие края, не уповая ни на чью благодарность.

Пин очень огорчился. Вот только этого не хватало — распевай перед властителем Минас-Тирита хоббитские куплеты, тем более смешные, в которых уж кто-кто, а он-то знал толк. Но покамест обошлось. Не было ему велено распевать куплеты. Денэтор обратился к Гэндальфу, расспрашивал его про Мустангрим, про тамошние державные дела и про Эомера, племянника конунга. А Пин знай себе дивился: откуда это здешнему государю столько известно про дальние страны — сам-то небось давным-давно не бывал дальше границы.

Наконец Денэтор махнул Пину рукой — иди, мол, пока что не нужен.

— Ступай в оружейную, — сказал он. — И оденься, как подобает башенному стражу. Там все для тебя готово, вчера я распорядился.

И точно, все было готово: Пин облачился в причудливый черно-серебряный наряд. Сыскали ему и кольчугу — наверно, из вороненой стали, а с виду вроде гагатовую; шлем с высоким венцом украшен был по бокам черными крылышками, а посередине — серебряной звездочкой. Поверх кольчуги полагалась черная накидка, на которой серебром было выткано Дерево. Прежние его одежды свернули и унесли; серый лориэнский плащ, правда, оставили, однако носить его на службе не велели. И стал он теперь, на чужой взгляд, сущим Эрнил-и-Ферианнатом, невысоклицким князем, как его именовали гондорцы; и

было ему очень не по себе. Да и сумрак нагнетал уныние.

Тянулся беспросветный день. От бессолнечного утра до вечера чадные потемки над Гондором еще отяготели, дышалось трудно, теснило грудь. Высоко в небесах ползла на запад огромная тяжкая туча: она пожирала свет, ее гнал ветер войны; а внизу стояло удушье, будто вся долина Андуина ожидала неистовой бури.

В одиннадцатом часу его наконец ненадолго отпустили; Пин вышел из башни и отправился поесть-попить, авось дадут, а заодно встряхнуться — не по нутру ему пришлась нудная дворцовая служба. В столовой он встретил Берегонда — тот как раз вернулся из-за пеленнорских рубежей, от сторожевых башен. Пин позвал его прогуляться к парапету: измаяли его каменные мешки и даже высокие своды цитадели давили нестерпимо. Они уселись рядом возле бойницы, глядевшей на восток, — той самой, где они угощались и беседовали накануне.

Был закатный час, но неоглядная пелена уже простерлась далеко на запад, и, лишь уходя за Море, солнце едва успело пронизать ее прощальными лучами; они-то, на радость Фродо, и озарили у развилки голову поверженного государя. Но на Пеленнорские пажити в тени Миндоллуина не пал ни единый отблеск; там застоялась бурая мгла.

Пину казалось, что сидел он здесь много-много лет назад, в какие-то полужабытые времена, когда был еще хоббитом, беспечным странником, которому все невзгоды нипочем. Нынче он стал маленьким воином, защитником белокаменного града от великой беды, в мрачном и чинном убранстве башенного стража.

В другое время и в другом месте Пин, может, и возгордился бы таким убранством, но сейчас он понимал, что дело его нешуточное, что в жизни его и смерти волен суровый властитель, а гибель висит над головой. Кольчуга обременяла его, шлем сдавливал виски. Накидку он снял и бросил на скамью. Усталыми глазами окинул он темневшие внизу поля, зевнул и горько вздохнул.

— Что, устал за день? — спросил Берегонд.

— Еще бы не устал, — сказал Пин, — с ног падаю от безделья. Час за часом околачивался у дверей своего господина, пока он принимал Гэндальфа, князя Имраиля и прочих важных особ. А ведь я, знаешь ли, Берегонд, совсем не привык прислуживать за столом, щелкая зубами от голода. Хоббиты этому не обучены. Ты, конечно, скажешь, зато, мол, честь какая! Да проку-то что в этой чести? Да если на то пошло, что проку даже есть-пить в этих ползучих потемках! А тебе не темновато? Смотри, не воздух, а какое-то бурое месиво! И часто у вас ветер с востока нагоняет такие туманы?

— Да нет, — сказал Берегонд, — погода тут ни при чем. Это вражьи козни: не иначе как из недр Огненной горы валит этот гнусный чад — он и душу мутит, и рассудок туманит, а Врагу того и надо. Скорее бы Фарамир воротился! Только вот вернется ли он из-за Реки, из тамошней кромешной тьмы?

— Н-да, — сказал Пин. — Гэндальф тоже за него тревожится. Он, по-моему, сильно огорчился, что Фарамира нет в городе. Сам-то он, кстати, куда подевался? Ушел с совета еще до полуденной трапезы, хмурый-прехмурый: видно, ничего доброго не ожидал.

Внезапно оба онемели на полуслове, беспомощно цепenea. Пин съежился, прижав ладони к ушам, Берегонд, который, говоря о Фарамире, стоял у бойницы, там и застыл, всматриваясь в темень глазами, полными ужаса. Пин знал этот надрывный вопль, он слышал его когда-то в Хоббитании, на Болотище; но здесь он звучал куда громче и яростнее, отравляя сердце безысходным отчаянием. Наконец Берегонд с усилием заговорил.

— Явились! — сказал он. — Наберись мужества и посмотри! Вон они, эти лютые твари.

Пин нехотя влез на скамью и глянул между зубцами. Покрытый мглою лежал Пеленнор, и едва угадывалась вдали Великая Река. А над землею, вполвысоты стен, кружили, точно жуткие ночные тени, пять подобий птиц, мерзкие, как стервятники, но больше всякого орла, и смерть витала с ними. Они пронеслись поблизости, почти на выстрел от стен, улетали к реке и возвращались.

— Черные Всадники! — проговорил Пин. — Черные Всадники в небесах! Погоди-ка, Берегонд! — вдруг воскликнул он. — Они же явно что-то высматривают! Гляди, как они кружат, потом кидаются вниз, и все вон там! А видишь, там по земле что-то движется? Маленькие темные фигурки... ну да, верховые — четверо или пятеро. Ой, опять! Гэндальф! Гэндальф, спаси нас!

Разнесся, нарастая, новый пронзительный вопль, и он отпрянул от стены, задыхаясь, как затравленный зверек. Но потом далеко внизу прерывисто, едва слышно запела труба, и звук ее стих на высокой протяжной ноте.

— Фарамир! Это Фарамир! Это его сигнал! — воскликнул Берегонд. — Вот смельчак! Но как же он доскачет до ворот, если эти летучие гады умеют не только пугать? Смотри ты, скачут, уже не так и далеко! Эх, лошади шарахнулись! Сбросили седоков... те поднялись... бегут! Нет, один еще в седле, возвращается к своим. Наверняка это он, Фарамир, — ему и люди, и кони покорны. Ах ты, гнусная тварь, налетела, кидается! Да на подмогу же, на подмогу! Чего они там? Фарамир!

Берегонд одним прыжком исчез во мраке. А Пин устыдился: что ж он тут корчится от страха, когда Берегонд без оглядки поспешил выручать вождя? Он снова заглянул в бойницу — и увидел, как вспыхнула на севере серебряно-белая звездочка, вспыхнула и покатила на сумрачные поля. Да нет, не покатила, она мчалась быстрее стрелы, разгораясь все ярче и нагоняя четверых воинов, бегущих к Вратам. Пину почудилось, будто ее бледный свет разгоняет вязкие тени, все ближе была она, и загудело в крепостных стенах эхо могучего возгласа.

— Гэндальф! — отозвался Пин. — Гэндальф! Когда уж надеяться не на что, он тут как тут! Вперед! Вперед, Белый Всадник! Гэндальф, Гэндальф! — кричал он во всю мочь, невесть зачем и кому, как зритель на скачках.

Но и кружащие черные тени заметили нового всадника, и одна из них ринулась к нему, а всадник, видимо, поднял руку — и полыхнула белая молния. Назгул с исступленным воем метнулся прочь; за ним свернули четыре остальных — и витками умчались на восток, скрывшись в нависшей туче; и Пеленнорские пажити, казалось, чуть-чуть посветлели.

Пин следил, как верховой и Белый Всадник съехались и ожидали пеших. Подоспели ратники из города, и вскоре толпу не стало видно со стены — наверно, зашли во Врата. Пин рассудил, что они немедля поднимутся в Башню, к

наместнику, и скорее побежал встречать их у входа в цитадель. Там уже собралось много народу — из тех, кто наблюдал со стен погоню и нечаянное спасение.

Ждать пришлось недолго: с ближних улиц послышался многоголосый приветственный гул, возглашали имена Фарамира и Митрандира. Пин увидел факелы и двух всадников, продвигавшихся в окруженье толпы: один был в белом, но потускнел, сияние его угасло или сокрылось; второй, темный, ехал опустив голову. Они спешили, препоручив конюхам Светозара и другого коня, и подошли к часовому у ворот: Гэндальф твердым шагом, серая хламида за плечами, с грозным отсветом в глазах; спутник его, в зеленом, медленно и немного пошатываясь, как смертельно усталый или раненый. Пин протеснился вперед, когда они подходили к фонарю под аркой, и, увидев бледное лицо Фарамира, затаил дыхание. Видно было, что он перенес смертный ужас и муку — перенес, преодолел и остался самим собой. Он задержался перемолвиться словом с часовым, спокойный и властный, а Пин глядел на него и думал, как он похож на своего брата Боромира, который Пину сразу же, еще в Раздолье, очень понравился и величавой осанкой, и ласковым обращением. Но Фарамир совсем иначе тронул его сердце — такого чувства он еще не испытывал. В нем было высокое благородство, напоминавшее Арагорна, ну, может, менее высокое, зато ближе и понятнее: властитель иного склада, других времен, он все же наследовал и древнюю мудрость, и древнюю скорбь. Недаром так любовно говорил о нем Берегонд. За таким хоть в огонь — и пойдут, и Пин пошел бы за ним даже в гибельную тень черных крыл.

— Фарамир! — звонко выкрикнул он. — Фарамир! — И Фарамир, расслышав странный голосок среди общих кликов, обернулся, увидел его и замер от изумления.

— Откуда ты взялся? — проговорил он. — Невысоклик, в наряде башенного стража! Откуда?..

На это ответил, шагнув к ним, Гэндальф.

— Со своей родины, из невысоклицкого края, — сказал он. — А привез его я. Пошли, пошли: дел впереди много, речей тоже, а ты еле живой. Он пойдет с нами. Да ему и надо с нами — совсем я забыл, и он, видно, тоже: хорош гусь, давно уж должен бы стоять возле своего повелителя. Идем, Пин, не отставай!

* * *

И они пришли в отдаленный дворцовый покой. Там близ жаровни с угольями расставлены были сиденья, принесли вино. Пин как бы невидимкой оказался за спиною Денэтора и забыл о своей усталости, жадно ловя каждое слово.

Фарамир преломил белый хлеб, пригубил вино и сел по левую руку отца; справа, поодаль, сидел Гэндальф в высоком резном кресле и сначала едва ли не дремал. Потому что Фарамир сначала поведал о том, как исполнено поручение десятидневной давности: рассказывал, что творится в Итилии, о передвиженьях войск Врага и его пособников, о придорожной битве, в которой истреблен был отряд хородримцев с громадным боевым зверем, — словом, вернулся с рубежа военачальник и, как водится, доносит государю про пограничные стычки, про заботы и тревоги, вчера еще насущные, а нынче ничтожные.

Затем Фарамир вдруг посмотрел на Пина.

— А теперь о делах диковинных, — сказал он. — Из северных сказаний к нам на юг явился не один лишь этот невысоклик.

Тут Гэндальф выпрямился, стиснув поручни кресла, но ни слова не промолвил и осадил взглядом Пина — в самую пору, тот едва не вскрикнул. Денэтор покосился на них и медленно кивнул — дескать, ему и так все понятно. Слушали молча, недвижно, и неторопливо рассказывал Фарамир, большей частью обращаясь к Гэндальфу и порою переводя глаза на Пина: припоминал, должно быть, тех двоих.

Фарамир рассказывал, как ему подвернулся Фродо со слугою, как те переночевали в Хеннет-Аннуне, и Пин заметил, что руки Гэндальфа дрожат, сжимая резные подлокотники. Руки были мучнисто-белые и очень дряхлые; Пин глядел на них и с ужасом понимал, что Гэндальф, сам Гэндальф не только встревожен, а прямо-таки испугался. Стояла затхлая духота. Фарамир закончил рассказ о проводках путников, которые решились идти к Кирит-Унголу; он смолк, покачал головой и вздохнул. Гэндальф вскочил на ноги.

— К Кирит-Унголу? Через Моргульскую долину? — повторил он. — Когда это было, когда? Когда ты с ними расстался? Сколько им ходу до этой гиблой долины?

— Расстался я с ними третьего дня утром, — отвечал Фарамир. — Идти им до Моргулдуина было пятнадцать лиг — это если напрямик на юг; а оттуда пять с лишком лиг на восток до проклятой башни. Раньше, чем сегодня, они дойти никак не могли, а может, и сейчас еще в пути. Я понял твои опасенья: нет, не из-за них нахлынула темень. Она поползла вчера вечером и за ночь окутала всю Итилию. У Врага все давным-давно расчислено, и он начал наступление день в день, час в час; наши путники тут ни при чем.

Гэндальф мерил пол шагами.

— Позавчера утром, почти три дня назад! А где вы распрощались, далеко отсюда?

— Птичьего полета лиг двадцать пять, — отозвался Фарамир. — Но я не мог вернуться скорее. Еще ввечеру мы стояли дозором на Каир-Андресе, это такой длинный речной островок, там у нас северная застава, а кони были на этом берегу, четыре коня. Когда надвинулась темень, я понял, что мешкать не след, взял с собою троих дружинников, а прочих послал укрепить отряд на осгилиатской переправе. Надеюсь, я верно распорядился? — Он посмотрел на отца.

— Верно ли? — воскликнул Денэтор, и глаза его засверкали. — Зачем ты меня об этом спрашиваешь? Люди были у тебя под началом. Разве ты привык советовать со мной? Держишься ты почтительно, однако поступаешь всегда по-своему, не спрашивая моего совета. Вот и сейчас стелил мягко, но я-то видел, что ты глаз не сводишь с Митрандира — мол, не проговорился ли о чем невзначай? Давно уж он прибрал тебя к рукам.

Сын мой, твой отец стар, но из ума еще не выжил. Я, как прежде, слышу и вижу все — и легко разгадываю твои недомолвки и умолчания. Мало что можно от меня утаить. Ах, был бы жив Боромир!

— Видно, ты недоволен мною, отец, — спокойно сказал Фарамир, — и мне жаль, что, не ведая, как бы ты рассудил, я должен был сам принять столь важное решение.

— А то бы решил иначе? — насмешливо спросил Денэтор. — Наверняка по-

ступил бы так же, я тебя знаю. Ты взял за образец властителей древности и стараешься выглядеть, как они, — величественным и благородным, милостивым и великодушным. Что ж, так и подобает потомку высокого рода, доколе он правит с миром. Но в роковую минуту за великодушные можно поплатиться жизнью.

— Да будет так, — сказал Фарамир.

— Так и будет! — вскричал Денэтор. — И не только своей жизнью, любезный мой Фарамир: погибнет и твой отец, и твой народ, за который ты в ответе — теперь, когда нет Боромира.

— Ты хотел бы, — спросил Фарамир, — чтобы он был на моем месте?

— Конечно, хотел бы, — сказал Денэтор. — Боромир был предан мне, а не заезжему чародею. Уж он бы не забыл об отце, не отшвырнул бы подарок судьбы! Он принес бы мне этот великий дар.

— Прошу тебя, отец, — наконец не сдержался Фарамир, — прошу тебя, припомни, отчего в Итилии нынче вместо него оказался я. В свое время, и не так уж давно это было, решение принял ты: волею Градоправителя отправился в путь Боромир.

— Не подбавляй горечи в мою и без того горькую чашу, — сказал Денэтор. — Много бессонных ночей я вкушаю из нее отраву — и думаю: неужто осадок будет еще горше? Вот он и осадок. Что ж ты наделал! Ах, если бы оно досталось мне!

— Утешься! — сказал Гэндальф. — Не досталось бы оно тебе, Боромир не отдал бы его. Он умер смертью храбрых, мир его праху! Но ты обманываешься: он взял бы то, о чем ты говоришь, на погибель себе. Он стал бы его владельцем, и, если б вернулся, ты не узнал бы сына.

Твердо и холодно поглядел на него Денэтор.

— Должно быть, с тем было не так легко управиться? — тихо сказал он. — Я отец Боромира, и я ручаюсь, что он бы принес его мне. Ты, Митрандир, может, и мудр, но не перемудрил ли ты сам себя? Есть ведь иная мудрость, превыше чародейских ков и опрометчивых решений. И я сопричастен ей больше, нежели ты думаешь.

— В чем же твоя мудрость? — спросил Гэндальф.

— Хотя бы в том, что я вижу, чего делать нельзя. Нельзя его использовать — это опасно. Но в нынешний грозный час отдать его безмозглomu невысоклику и отправить в руки к Врагу, как сделал ты и следом за тобою мой младший сын, — это безумие.

— А как поступил бы наместник Денэтор?

— По-своему. Но ни за что не отправил бы его наудачу, безрассудно обрекая нас на злейшую гибель, если Враг вернет свое всемогущество. Нет, его надо было схоронить, упрятать в темной, потаенной глубине. И не трогать, сказал я, не трогать помимо крайней нужды. Чтоб Тот не мог до него добраться, не перебив нас всех — а тогда пусть торжествует над мертвецами.

— Ты, государь, как обычно, помышляешь об одном Гондоре, — сказал Гэндальф. — Есть ведь другие края и другие народы, да и времени твоя смерть не остановит. А мне... мне жаль даже его послушных рабов.

— Кто поможет другим народам, если Гондор падет? — возразил Денэтор. — Будь оно сейчас укрыто в подземельях моей цитадели, мы не трепетали бы в потемках, ожидая неведомых ужасов, и был бы у нас совет, а не перебранка.

Думаешь, такое искушение мне не по силам? Плохо ты меня знаешь.

— И все же думаю, что не по силам, — сказал Гэндальф. — Если б я так не думал, я просто прислал бы *его* сюда тебе на хранение, и дело с концом. А послушав тебя, скажу: Боромир и тот внушал мне больше доверия. Погоди, не гневись! Себе я тоже ничуть не доверяю, я отказался принять *его* в дар. Ты силен духом, Денэтор, и пока еще властен над собой, хоть и не во всем, но *оно* сильнее тебя. Схорони ты *его* в горной глубине под Миндоллуином, *оно* и оттуда испепелило бы твой рассудок, ибо велика *его* мощь в наступающей тьме, велика и еще растет с приближением тех, кто чернее тьмы.

Горящие глаза Денэтора были устремлены на Гэндальфа, и Пин вновь ощутил, как скрестились их взгляды, на этот раз сущие клинки, — казалось, даже искры вспыхивали. Ему стало страшно: чего доброго, гром грянет. Но Денэтор вдруг откинулся в кресле, и взор его потух. Он пожал плечами.

— Если бы я! Если бы ты! — сказал он. — Пустые речи начинаются с «если». *Оно* исчезло во тьме, со временем узнаем, что случилось с *ним* и что ожидает нас. Очень скоро узнаем... А пока что будем воевать с Врагом кто как умеет, доколе хватит надежды; потом хватило бы мужества умереть свободными. — Он обернулся к Фарамиру: — Крепка ли рать в Осгилиате?

— Мала, — сказал Фарамир. — Я, как ты помнишь, выслал им на подмогу свою итилийскую дружину.

— Еще надо послать людей, — сказал Денэтор. — Туда обрушится первый удар. Им бы нужен воевода понадежнее.

— Не только им, везде нужен, — сказал Фарамир и вздохнул. — Как тяжело думать о брате, которого я тоже любил! — Он поднялся. — Позволь мне идти, отец? — И, шатнувшись, оперся на отцовское кресло.

— Я вижу, ты устал, — сказал Денэтор. — Мне говорили, что ты примчался издалека и лютые призраки кружили над тобой.

— Не будем вспоминать об этом! — сказал Фарамир.

— Так не будем же, — подтвердил Денэтор. — Иди отдыхай, сколько время позволит. Завтра придется еще труднее.

Все трое удалились из покоя Градоправителя — и то сказать, времени на отдых оставалось немного. В беззвездной темноте Гэндальф с Пином, который нес маленький фонарь, брели к своему жилищу. По дороге ни тот, ни другой не промолвил ни слова, и, лишь притворив дверь, Пин робко тронул руку Гэндальфа.

— Скажи мне, — попросил он, — хоть какая-то надежда есть? Я про Фродо, ну, и про нас тоже, но сперва про него.

Гэндальф положил руку на голову Пина.

— Особой надежды никогда не было, — ответил он. — Только безрассудная, это Денэтор верно сказал И когда я услышал про Кирит-Унгол... — Он осекся и подошел к окну, будто хотел проникнуть взглядом сквозь мрак на востоке. — Кирит-Унгол! — пробормотал он. — Зачем они туда пошли, хотел бы я знать? — Он обернулся. — При этих словах, Пин, у меня дыханье перехватило. А вот подумавши, сдается мне, что вести Фарамира не так уж безнадежны. Сомнения нет: когда Враг начал войну, как наметил, Фродо ему еще не попался. Стало быть, теперь он день за днем будет шарить Багровым Оком по сторонам, за пределами Мордора. Но знаешь ли, Пин, я издали чую, что он поспешил и

даже, как ни странно, испугался. Что-то все же случилось, что-то его встревожило...

Гэндальф задумался.

— Может быть, — проговорил он. — Может быть, дружок, и твоя дурость пригодилась. Погоди-ка: пять, кажется, дней назад он узнал, что мы разделились с Саруманом и завладели палантиром. Ну и что? Толку от него никакого, да тайком от Врага в Камень и не поглядишь. Ага! Уж не Арагорн ли? Время его пришло. А сила в нем, Пин, непомерная, и он тверже алмаза — отважный и решительный, хладнокровный и дерзновенный. Да, наверно, он. Должно быть, он поглядел в Камень, предстал перед Врагом и назвался — затем и назвался, чтоб Тот... Видимо, так. Но мы не узнаем, так или нет, пока не прискачут ристанийские конники — лишь бы не опоздали. Да, страшные ждут нас дни. Скорее на боковую!

— Только... — замялся Пин.

— Что «только»? — строго спросил Гэндальф. — Вот «только» этот вопрос — и все.

— Горлум-то при чем? — сказал Пин. — Как это могло случиться, что они идут с ним, что он у них провожатый? И Фарамиру это место, куда он их повел, нравится не больше твоего. В чем же дело?

— Чего не знаю, того не знаю, — отозвался Гэндальф. — Сердце мне подсказывало, что Фродо с Горлумом непременно встретятся: к добру ли, к худу ли — как обернется. Про Кирит-Унгол нынче больше ни слова. Предательства я боюсь, предательства: предаст их эта жалкая тварь. Но будь что будет. Может стать, предатель проведет самого себя и невольно совершит благое дело. Иной раз бывает и так. Доброй ночи!

Утро потонуло в бурных сумерках, и гондорцы, накануне обнадеженные появлением Фарамира, снова пали духом. Крылатые призраки не показывались, но высоко над городом то и дело разносился отдаленный вопль; слышав его, одни на миг цепенели, другие, послабее, плакали от ужаса.

А Фарамир опять уехал.

— Передохнул бы хоть немного, — ворчали ратники. — Государь не жалеет своего сына: он воюет за двоих — за себя и за того, который не вернется.

И многие, глядя на север, вопрошали:

— Где же все-таки ристанийские конники?

Уехал Фарамир не по своей воле. Военный совет возглавлял Градоправитель, и был он в этот день неуступчив. Совет собрался рано утром. Общий глас присудил, что из-за угрозы с юга войска у них мало и отразить нашествие не удастся, разве что подойдут ристанийцы. Пока их нет, надо всех ратников собрать в городе и разместить по стенам.

— Однако, — возразил Денэтор, — нельзя же без боя покидать Раммас-Экор, великую крепь, раз уж мы ее такими трудами отстроили. И нельзя позволять им переправиться без урона. Войско для осады им нужно огромное, не смогут они переправить его ни к северу от Каир-Андроса — там болота, ни на юге — там Андуин широк, у них лодок не хватит. Стало быть, они пойдут на Осгилиат — как и прежде, когда Боромир их отразил.

— Тогда это был просто-напросто набег, — заметил Фарамир. — А нынче, если даже мы их положим десятерых на одного нашего — что им этот урон! Си-

лы уж очень неравные: для них и тысяча не в счет, а для нас и сотня — огромная потеря. Да при отступлении к городу от крепости нам и вовсе несдобровать — могут отрезать и тогда перебьют всех до единого.

— А Каир-Андрос? — добавил князь Имраиль. — Оборонять Остилиат — значит удерживать и этот островок, но слева-то он не прикрыт! Мустангримцы, может, подспеют, а может, и нет. Фарамир говорит, за Черными Воротами собралось бесчисленное воинство. Они могут выставить не одну рать и ударить с разных сторон.

— Волков бояться — в лес не ходить, — сказал Денэтор. — Есть дружина на Каир-Андросе — вот пусть и удерживают остров. Повторяю: нельзя сдавать пеленнорскую крепь и переправу без боя, и хорошо бы нашелся воевода, у которого хватит отваги исполнить приказ государя.

Воеводы молчали. Наконец Фарамир сказал:

— Не мне перечить тебе, государь. И кому, как не мне, попытаться заменить Боромира. Итак, ты велишь мне отстаивать переправу и крепь?

— Да, велю, — подтвердил Денэтор.

— Тогда прощай! — сказал Фарамир. — Но ежели я вернусь, смени гнев на милость!

— Смотря с чем ты вернешься, — отозвался Денэтор.

Фарамира провожал Гэндальф и сказал ему на прощанье:

— Ты все-таки побереги себя, не кидайся в сечу на верную смерть. Война войной, а здесь, в городе, без тебя не обойтись. И отец твой любит тебя, Фарамир, он еще вспомнит об этом. Возвращайся же!

И вот Фарамир снова уехал, взяв с собой небольшой отряд добровольцев. В Минас-Тирите со стен вглядывались во мрак, застилавший руины древней столицы, и гадали, что там происходит, ибо видно ничего не было. А другие по-прежнему смотрели на север и высчитывали, далеко ли до них скакать Теодену Ристанийскому.

— Но он ведь придет на подмогу? Не изменит старинному союзу? — спрашивали они.

— Придет, — говорил Гэндальф, — даже если запоздает с подмогой. Но посудите сами: не раньше чем два дня назад вручили ему Багряную Стрелу, а от Эдораса до Минас-Тирита многие десятки миль.

Лишь к ночи примчался гонец с переправы; он сказал, что несметная рать вышла из Минас-Моргула и близится к Остилиату, а с нею полчища рослых, свирепых хородримцев.

— Ведет ее, как встарь, — оповестил гонец, — Черный Повелитель Призраков, и смертный ужас предшествует ему.

Эти зловещие слова были последними, какие Пин услышал в свой третий день в Минас-Тирите. Почти всем было не до сна: мало оставалось надежды, что Фарамир отобьет или задержит врагов.

На следующий день темнота хоть больше и не сгущалась, но еще тяжелей давила на сердце, и страх не отпускал. Дурные вести не замедлили. Вражеская рать переправилась через Андуин. Сдерживая натиск, Фарамир отступал к пеленнорской крепости, к сторожевым башням, но врагов было десятеро на одного.

— Туго нам придется по эту сторону крепости, — сказал гонец. — От них не оторваться, идут по пятам. На переправе их много побили, но куда меньше, чем надо бы. Они хорошо подготовились: понастроили втайне на восточном берегу уймищу плотов и паромов. Воды было не видать — кишмя кишели. Но страшней всего Черный Главарь: один слух о нем цепенит самых стойких бойцов. Враги и те страшатся его пуще злой смерти, потому и лезут как очумелые.

— Тогда мое место там, а не здесь, — сказал Гэндальф и немедля умчался, исчезнув в темной дали серебристым промельком. И всю эту ночь Пин одиноко стоял на стене и глядел меж зубцов на восток.

Едва в сумраке — словно в насмешку — прозвонил утренний колокол, как за мутным простором Пеленнора показались огни — где-то там, у крепости. Тревожные возгласы караульных призывали к оружию всех ратников в городе. Красные вспышки зачастили, и в душной мгле прокатился глухой грохот.

— Штурмуют крепость! — слышалось кругом. — Пропламывают стены! Сейчас прорвутся!

— Фарамир-то где? — в смятенье воскликнул Берегонд. — Не погиб же он, не может этого быть!

Первые вести доставил Гэндальф. Он приехал ближе к полудню с горсткою всадников, сопровождая повозки, забитые ранеными — не многих удалось вынести из боя у сторожевых башен. Гэндальф сразу же поднялся к Денэтору. Градоправитель сидел теперь в высокой палате над тронным чертогом Белой Башни, и Пин был при нем; Денэтор переводил взгляд с тусклых северных окон на южные, с южных — на восточные, словно его черные горящие глаза проницали завесы обступившей тьмы. Но чаще всего смотрел он все же на север, а иногда и прислушивался, точно до ушей его силою некоей древней вооружбы мог донестись топот копыт с далеких равнин.

— Фарамир вернулся? — спросил он.

— Нет, — отвечал Гэндальф. — Но когда я его покинул, он был еще цел и невредим. Он остался с тыловым отрядом — прикрывать отступление через Пеленнор, только вряд ли они продержатся. Грозный у них противник — тот самый, кого я опасался.

— Неужели... неужели явился сам Черный Властелин? — в ужасе вскрикнул Пин, забыв о дворцовых приличиях.

— Нет, господин Перегрин, пока еще не явился! — с горьким смехом ответил ему Денэтор. — Он явится торжествовать надо мною, когда все будет кончено. А до поры до времени шлет воевать других. Так, сударь мой невысоклик, делают все великие владыки, не обделенные мудростью. Иначе зачем бы сидел я здесь на башне, наблюдал, размышлял, выжидал и жертвовал сыновьями? Мечом я владеть не разучился.

Он встал и запахнул свое длинное темное облачение, и под ним, к изумлению Пина, оказалась кольчуга и длинный двуручный меч в черно-серебряных ножнах.

— Уж много лет я даже и сплю в доспехе, — молвил он, — чтоб не давать поблажки старческому телу.

— Словом, для начала владыка Барад-Дура послал на тебя самого могучего из подвластных ему царственных мертвецов, и тот уже завладел твоей дальней крепью, — сказал Гэндальф. — Тысячу лет назад он был государем Ангма-

ра — чародей, кольценосец, главарь назгулов, Саураново черное жало ужаса и отчаяния.

— Что ж, Митрандир, вот тебе и достойный противник, — сказал Денэтор. — А я и без тебя давно знаю, кто возглавляет воинство Черной Твердыни. Ты затем и вернулся, чтоб мне об этом сказать? Или просто сбежал с поля боя, потому что сражаться с ним тебе не по силам?

Пин вздрогнул, испугавшись, что Гэндальф разгневется, но испуг его был напрасен.

— Может быть, и не по силам, — тихо проговорил Гэндальф. — Мы еще силами не мерились. Если верно древнее прорицанье, ему суждено сгнать не от руки мужа, но судьба его сокрыта от мудрецов. Да и сам этот Повелитель Ужасов, к слову сказать, еще не явился. В полном согласии с мудростью, о которой ты говорил, он гонит перед собой полчища обезумевших рабов.

Нет, я всего лишь охранял раненых, которых еще можно исцелить и вернуть в строй; Раммас-Экор повсюду взрывают и таранят, и скоро моргульское войско хлынет лавиной. С тем я и вернулся, чтобы сказать тебе: вот-вот битва переметнется на Пажити. Надо собрать на вылазку верховых ратников, на них вся наша надежда, потому что вражеской конницы мало: еще не подошла.

— У нас ее тоже мало. Вот бы подросли сейчас ристанийцы! — сказал Денэтор.

— Прежде сюда пожалуют гости иного разбора, — сказал Гэндальф. — Беглецы с Каир-Андроса уже бьются там, у крепости. Остров захвачен. Второе войско вышло из Черных Врат и надвинулось с северо-запада.

— Видно, недаром винят тебя, Митрандир, в пристрастии к дурным вестям, — заметил Денэтор. — Но мне ты новостей не принес: я все это знаю со вчерашнего вечера. И о вылазке я уже подумал. Спустимся вниз.

Время шло, и вскоре со стен стало видно отступление передовых дружин. Сперва появились разрозненные кучки измученных, израненных людей; иные брели спотыкаясь, иные бежали сломя голову. На востоке все вспыхивали огоньки и точно ползли по равнине. Загорались дома и амбары. Потом потянулись огненные ручьи, извиваясь в сумраке и сливаясь на широкой дороге от городских ворот к Остилиату.

— Идут, — переговаривались люди. — Заставу взяли. Лезут сквозь проломы крепости! Похоже, с факелами. А где же наши?

Надвигался вечер, потемки густели, и даже самые зоркие воины ничего не видели с крепостных стен: только множилось пожары и длинные огненные ручьи текли все быстрее. Наконец за милю от города показалась толпа, а может, отряд: не бежали, а шли, сохраняя подобие строя. Со стен глядели затаив дыхание.

— Наверняка Фарамир, — говорили они. — Ему и люди, и кони покорны. Дойдут, вот увидите.

Дойти оставалось не более четверти мили. Вслед за пешим отрядом из сумрака вынырнули конники тылового прикрытия — их уцелело десятка два. Они развернулись и снова ринулись навстречу огненным струям. И вдруг раздался яростный, оглушительный рев. Тучей налетели вражеские всадники.

Струи слились в огневой поток — толпа за толпой валили орки с факелами, озверелые южане с красными знаменами; все они дико орали, обгоняя, окружая отступающих. Но даже их ор заглушили пронзительные вопли из темного поднебесья: крылатые призраки, назгулы, устремились вниз — убивать.

Строй смешался, объятые ужасом люди метались, бросали оружие, кричали, падали наземь.

И тогда протрубила труба со стен цитадели: Денэтор наконец-то разрешил вылазку. Этого сигнала дожидались воины, притаившиеся у Врат и под стенами, — все верховые, какие были в городе. Они разом прыгнули вперед и помчались во весь опор с боевым кличем, лавой охватывая врага. Ответный клич послышался сверху, когда оттуда увидели, что впереди всех летят витязи Дол-Амрота и над ними реет голубой с серебряным лебедем стяг князя Имраиля.

— Амрот на выручку Гондору! — кричали со стен. — Амрот и Фарамир!

Они обрушились на врага по обе стороны отступающего отряда, и, опередив их, ураганом пронесся серебряно-белый всадник с воздетой рукой и лучезарным светочем.

Назгулы удалились, и стих озлобленный вой; еще не явился их Главарь, гаситель белого огня. Воинство Мордора, хищно накинувшееся на добычу, было захвачено врасплох — и, точно костер от вихря, разлетелось россыпью искр.

Гондорские дружины оборотились и с победным кличем ударили на преследователей. Охотники стали дичью, отступление — атакой. Поле покрылось трупами орков и хородримцев; шипели, гасли и смердели брошенные факелы. А всадники мчались вперед, рубя и топча.

Но Денэтор наступленья не замышлял. Хотя врага остановили и отбросили, с востока по-прежнему надвигались многотысячные полчища. И снова запела труба, отзывая вылазку. Конница Гондора остановилась. Под ее защитой отступавшие выстроились, мерно зашагали к городу и вступили во Врата с гордо поднятыми головами; и ратники Минас-Тирита приветствовали их, гордясь и печалясь, ибо многих не доставало. Фарамир потерял больше трети своих воинов. А где же он сам?

Он прибыл, когда прошагали дружины и въехала в город конница, последними — витязи под стягом Дол-Амрота; князь Имраиль вез на руках с поля брани тело своего родича, Фарамира, сына Денэтора.

— Фарамир! Фарамир! — кричали на улицах, и крики прерывались рыданиями. Но он был недвижим и безмолвен; длинным извилистым путем провезли его в цитадель, к отцу. Шарахнувшись от Белого Всадника, один из назгулов успел метнуть смертоносный дротик, и Фарамир, который бился один на один с конным вожаком хородримцев, грянулся оземь. Лишь безудержный натиск витязей Дол-Амрота спас его от уже занесенных багровых мечей хородримцев.

Князь Имраиль внес Фарамира в Белую Башню и молвил:

— Твой сын воротился, государь, свершив великие подвиги, — и рассказал о том, чему был свидетелем. Но Денэтор не слушал его, он молча поднялся и взглянул сыну в лицо. Затем он велел приготовить постель в чертоге, возложить на нее Фарамира и всем удалиться. Сам же направился в тайный покой у вершины Башни; и многие видели этой ночью, как в узких окнах загорелся и мерцал слабый свет, вспыхнул напоследок и угас. И вновь спустился Денэтор, подошел к распростертому Фарамиру и безмолвно сел возле него; се-

рым было лицо Правителя, мертвенней, чем у его сына.

* * *

Враги осадили город, плотно обложили его со всех сторон, Раммас-Экор был разрушен и захвачен весь Пеленнор. Последние вести принесли защитники северной заставы — те, кто успел добежать прежде, чем заперли Врата. Это был остаток стражи, охранявшей путь из Анориэна и Ристании. Воинов привел Ингольд, тот самый, что впустил Гэндальфа с Пином неполных пять дней назад, когда в небе еще светило солнце и утро лучилось надеждой.

— Про мустангримцев ничего не известно, — сказал он. — Нет, из Ристании никто не подойдет. А подойдут — тем хуже для них. Их опередили: едва донесли нам, что новое войско из-за реки идет на Каир-Андрос, а войско уж тут как тут. Тьма-тьмущая: многие тысячи здоровенных орков с Оком на щитах и шлемах и еще больше людей, каких мы прежде не видели. Невысокие, угрюмые и кряжистые, бородатые, как гномы, с бердышами. Наверно, из какого-нибудь дикого края на востоке. Северную дорогу перекрыли, и большая рать ушла в Анориэн. Нет, мустангримцам не пройти.

Врата были заперты. Ночь напролет слушали караульные на стенах, как внизу разбойничают враги: выжигают поля и рощи, добивают раненых, рубят на куски мертвецов. Впотьмах было не разобрать, сколько еще полчищ подошло из-за реки, но в утренних сумерках увидели, что их даже больше, чем страх подсказывал ночью. От конца до края копошилась почерневшая равнина, и, сколько хватал глаз, во мгле повсюду густо, как поганки с мухоморами, выросли солдатские палатки, черные и темно-красные.

Деловито, по-муравьиному, сновали везде орки — и копали, копали рвы за рвами, огромным кольцом охватывая город, чуть дальше полета стрелы. Каждый вырытый ров вдруг наливался огнем, и неведомо было, откуда огонь этот брался, каким ухищреньем или колдовством он горел и не гас. Весь день прокапывались огненные рвы, а осажденные глядели со стен, не в силах этому помешать. Как только ров загорался, подъезжали фургоны, подходили новые сотни орков и быстро сооружали за огненными прикрытиями громадные катапульты. В городе таких не было; какие были, до рвов не достреливали.

Однако сперва осажденные посмеивались: не очень-то пугали их эти махины. Высокие и мощные стены города воздвигли несравненные строители, изгнанники-нуменорцы, еще во всей силе и славе своей. Как в Ортханке, черная каменная гладь была неуязвима для огня и стали, а чтобы проломить стену, надо было сотрясти и расколоть ее земную основу.

— Нет, — говорили гондорцы, — даже если Тот и сам явится, в город он не войдет, покуда мы живы.

Иные же возражали:

— Покуда мы живы? А долго ли живы будем? У него есть оружие, перед которым от начала дней ни одна крепость не устояла. Голод. Все дороги перекрыты. И ристанийцы не придут.

Но из катапульт не стали попусту обстреливать несокрушимую стену. Не разбойному атаману, не оркскому вожаку поручено было разделаться со злейшим врагом Мордора. Властная рука и злодейский расчет правили осадой. На-

ладили огромные катапульты — с криками, бранью, со скрипом канатов и лебедок, — и сразу полетели в город поверх стенных зубцов в первый ярус неизвестные снаряды: глухо и тяжело бухались они оземь — и, на диво гондорцам, разрывались, брызжа огнем. Так переметнули колдовской неугасимый огонь за стену, и скоро все, кроме дозорных, кинулись тушить разраставшиеся пожары. А на них градом посыпались совсем другие, небольшие ядра. Они раскатывались по улицам и переулкам за воротами — и, увидев, что это за ядра, суровые воины вскрикивали и плакали, не стыдясь. Ибо враги швыряли в город отрубленные головы погибших в Осгилиате, в боях за Раммас-Экор, на Пеленорских пажитях. Страшен был их вид — сплюснутые, расшибленные, иссеченные, с гнусным клеймом Недреманного Ока на лбу, и все же в них угадывались знакомые, дорогие черты, сведенные смертной мукой. Вглядывались, вспоминали и узнавали тех, кто еще недавно горделиво шагал в строю, распахивал поля, приезжал на праздник из зеленых горных долин.

Понапрасну грозили со стен кулаками скопищу кровожадных врагов. Что им были эти проклятья? Да они не понимали западных наречий, сами же словно бы не говорили, а рычали, каркали, клокотали и завывали. Впрочем, скоро даже на проклятья ни у кого не стало духу: чем морить осажденных голодом, Владыка Барад-Дура предпочел действовать побыстрее — донять их ужасом и отчаянием.

Снова налетели назгулы, и страшнее стали их пронзительные вопли — отзвуки смертоносной злобы торжествующего Черного Властелина. Они кружили над городом, как стервятники в ожидании мертвечины. На глаза не показывались, на выстрел не подлетали, но везде и всюду слышался их леденящий вой, теперь уже вовсе нестерпимый. Даже закаленные воины кидались ничком, словно прячась от нависшей угрозы, а если и оставались стоять, то роняли оружие из обессилевших рук, чернота наполнила им душу, и они уж не думали о сраженьях, им хотелось лишь уползти, где-нибудь укрыться и скорее умереть.

А Фарамир лежал в чертоге Белой Башни, и лихорадка сжигала его: кто-то сказал, что он умирает, и «умирает» повторяли ратники на стенах и на улицах. Подле него сидел отец, сидел и молчал, не сводя с него глаз и совсем забыв о делах войны.

Наверно, даже в лапах у орков Пину было все-таки легче. Он должен был находиться при государе, и находился, хотя тот его вроде бы не замечал, а он стоял час за часом у дверей неосвященного чертога, кое-как справляясь с мучительным страхом. Иногда он поглядывал на Денэтора, и ему казалось, что гордый Правитель дряхлеет на глазах, точно его непреклонную волю сломили и угасал его суровый разум. Может, скорбь тяготила его, а может, раскаяние. Первый раз в жизни катились слезы по его щекам, и было это ужаснее всякого гнева.

— Не плачь, государь, — пролепетал Пин. — Быть может, он еще поправится. Ты у Гэндальфа спрашивал?

— Молчи ты про своего чародея! — сказал Денэтор. — Его безрассудство нас погубило. Враг завладел ты знаешь чем, и теперь мощь его возросла стократ: ему ведомы все наши мысли, и что ни делай — один конец.

А я послал сына — без ободренья и напутствия — на бесполезную гибель, и

вот он лежит, с отравой в крови. Нет, нет, пусть их дальше воюют, как хотят, род мой прерван, я последний наместник Гондора. Пусть правят простолюдины, пусть жалкие остатки некогда великого народа прячутся в горах, покуда их всех не выловят.

За дверями слышались голоса — призывали Градоправителя.

— Нет, я не спущусь, — сказал он. — Мое место возле моего сына. Вдруг он еще промолвит что-нибудь перед смертью. Он умирает. А вы повинуйтесь кому угодно — хоть Серому Сумасброду, которому теперь тоже надеяться не на что. Я останусь здесь.

Вот и пришлось Гэндальфу возглавить оборону столицы Гондора в роковой для нее час. Там, где он появлялся, сердца живила надежда и отступал страх перед крылатыми призраками. Без усталости расхаживал он от цитадели до Врат, проходил по стенам от северных до южных башен; и с ним был владелец Дол-Амрота в сверкающей кольчуге. Ибо он и витязи его сохраняли мужество, как истые потомки нуменорцев. Любуясь им, воины перешептывались:

— Видно, правду молвят древние преданья: эльфийская кровь течет в их жилах, недаром же когда-то обитала там Нимродэль со своим народом.

И кто-нибудь запевал «Песнь о Нимродэли» или другую песню, сложенную в долине Андуйна в давнишние времена.

Однако же Гэндальф и князь Имраиль уходили, и опять свирепый вой пронзал слух и леденил сердце, и слабела отвага воинов Гондора. Так минул исполненный ужаса сумрачный день и медленно сгустилась зловещая ночная тьма. В первом ярусе бушевали пожары, тушить их было некому, и многим защитникам наружной стены отступление было отрезано. Вернее сказать — немногим, потому что осталось их мало, большая часть уже перебралась за вторые ворота.

А вдалеке, на переправе, быстро навели мосты, и целый день шли по ним войска с обозами. Наконец к полуночи все было готово для приступа, и первые тысячи повалили через огненные рвы по оставленным для них хитрым проходам. Они подошли на выстрел густою толпой, давя и тесня друг друга. Огни высвечивали их, и промахнуться было трудно, тем более что Гондор издревле славился своими лучниками. Но редко летели стрелы, и, все еще скрытый позади, военачальник Мордора убедился, что дух осажденных сломлен, и двинул войско на приступ. Медленно подвозили во тьме огромные осадные башни, выстроенные в Осгилиате.

И снова явились посыльные к дверям чертога: им непременно был нужен Правитель, и Пин их впустил. Денэтор отвел глаза от лица Фарамира и молча поглядел на них.

— Весь нижний ярус в огне, государь, — доложили ему. — Какие будут твои приказанья? Ты ведь по-прежнему наш повелитель, ты наместник Гондора. Иные говорят: Митрандир-де им не указ — и бегут со стен, покидал посты.

— Зачем? Зачем они бегут, дурачье? — проговорил Денэтор. — Строят — и отмучаются, все равно ж гореть. Возвращайтесь в огонь! А я? Я взойду на свой погребальный костер. Да, да, на костер! Ни Денэтору, ни Фарамиру нет места в усыпальнице предков. Нет им посмертного ложа. Не суждено упокоиться веч-

ным сном их умащенным телам! Нет, мы обратимся в пепел, как цари древнейших времен, когда еще не приплыл с Запада ни один корабль. Все конечно: Запад побежден. Идите и гибните в огне!

Посыльные вышли молча, не отдав поклона государю. А Денэтор отпустил жаркую руку Фарамира и поднялся.

— Огонь пожирает его, — скорбно молвил он, — изнутри палит его пламя, уже спалило. — И, подойдя к Пину, взглянул на него сверху вниз. — Прощай! — сказал он. — Прощай, Перегрин, сын Паладина! Недолгой была твоя служба, и она подходит к концу. Конец наступит скоро, но я отпускаю тебя сейчас. Иди, умирай, как тебе вздумается. Умирай, с кем и где тебе угодно; ступай, ищи своего чародея, чье слабоумье обрекло тебя на смерть. Позови моих слуг и уходи. Прощай!

— Я не стану прощаться с тобой, государь, — сказал Пин, преклоняя колени. И вдруг в нем точно проснулся хоббит: он вскочил на ноги и поглядел в глаза самовластному старцу. — С твоего позволения я отлучусь, государь, — сказал он, — мне и правда очень бы надо повидаться с Гэндальфом. Только он вовсе не слабоумный; и коли он умирать не собрался, то и я еще погожу. А пока ты жив, я не свободен от своей клятвы и твоей службы. И если враги возьмут цитадель, я надеюсь сражаться рядом с тобой и, может быть, заслужить дарованный мне почет.

— Поступай как знаешь, сударь мой невысоклик, — отозвался Денэтор. — Я сказал: моя жизнь кончена. Позови слуг!

И он снова подошел к Фарамиру.

Пин привел слуг — шестерых рослых молодцев при оружии; вид у них был оробелый. Но Денэтор спокойно велел им укрыть Фарамира потеплее и взять ложе на плечи. Они повиновались: подняли ложе и вынесли его из чертога, шагая медленно и мерно, чтобы не потревожить умирающего. Денэтор следовал за ними, тяжело опираясь на свой жезл; скорбное шествие замыкал Пин.

Они вышли из Белой Башни во тьму; нависшую тучу озаряли снизу багровые отсветы пожаров. Пересекая широкий двор, они по слову Денэтора замерли возле иссохшего Древа.

Лишь отдаленный шум битвы нарушал тишину, и, разбиваясь о темную гладь озера, печально звенели капли с поникших голых ветвей. Они миновали ворота цитадели; часовой глядел на них с тревожным изумленьем. Свернули на запад и наконец подошли к двери в задней стене шестого яруса. Дверь называлась Фен-Холлен, Запертая, ибо отпирали ее только на время похорон и не было здесь входа никому, кроме наместника да служителей усыпален в их мрачном облаченье. За дверью дорога извилинами спускалась к уступу над пропастью, к гробницам былых властителей Гондора.

Возле двери был маленький домик, и оттуда вышел перепуганный привратник с фонарем. Повинуясь государю, он отпер дверь, и она беззвучно распахнулась. У него забрали фонарь и двинулись вниз темным, извилистым путем между древними стенами и многоколонной оградой, еле видной в колеблющемся свете. Глухо отдавались их медленные шаги; они спускались все ниже, ниже и наконец вышли на Улицу Безмолвия, Рат-Динен, к тусклым куполам, пустынным склепам и статуям царственных мертвецов; в Усыпальне Наместников они опустили свою ношу.

Пин, беспокойно озираясь, увидел, что пришли они в просторный сводчатый склеп; и, словно огромные завесы, по стенам колыхались тени вместе со слабым фонарным огоньком. Смутно видны были ряды мраморных столов, на каждом возлежал покойник, скрестив руки и навеки откинувшись к твердому изголовью. Вблизи пустовал один широкий стол. По знаку Денэтора на него положили Фарамира, и отец лег рядом с сыном под общее покрывало, а слуги стояли подле них, потупившись, точно плакальщики у смертного одра.

— Здесь мы и будем ждать, — тихо молвил Денэтор. — За умастителем не посылайте, а принесите сухих поленьев и обложите нас ими. Облейте поленья маслом, приготовьте факел. Когда я велю, подожжете. И больше ни слова. Прощайте!

— С твоего позволения, государь! — проговорил Пин, повернулся и в ужасе бросился вон из душного склепа. «Несчастный Фарамир! — думал он. — Надо скорее найти Гэндальфа. Ну, несчастный Фарамир! Его бы лечить, а не оплакивать. Ох ты, где же я Гэндальфа-то найду? Небось он в самом пекле, и уж наверняка ему не до безумцев и не до умирающих».

У дверей он обратился к слуге, который стал на часы.

— Господин ваш не в себе, — сказал он. — Вы слишком-то не торопитесь! Главное — с огнем погодите, пока Фарамир жив. Гэндальф придет — разберется.

— Кто правитель Минас-Тирита? — отозвался тот. — Государь наш Денэтор или Серый Скиталец?

— По-моему, Серый Скиталец либо никто, — сказал Пин и со всех ног помчался вверх петляющей дорогой, проскочил в открытую Запертую Дверь мимо пораженного привратника и не останавливался до самой цитадели. Часовой окликнул его, и он узнал голос Берегонда:

— Куда ты бежишь, господин Перегрин?

— Ищу Митрандира, — отвечал Пин.

— По порученью государя, наверно, — сказал Берегонд, — и негоже тебя задерживать, но все-таки скажи в двух словах: что происходит? Куда отправился государь? Я только что заступил на пост, и мне сказали, будто Фарамира пронесли в Запертой Двери, а Денэтор шел позади.

— Пронесли, — подтвердил Пин. — Они сейчас внизу, в Усыпальне.

Берегонд склонил голову, чтобы скрыть слезы.

— Я слышал, что он умирает, — сказал он. — Значит, умер.

— Да нет, — сказал Пин, — пока не умер. Я даже думаю, его еще можно спасти. Только знаешь ли, Берегонд, город-то еще держится, а Градоправитель сдался. — И он наспех рассказал о речах и поступках Денэтора. — Мне надо сейчас отыскать Гэндальфа.

— Здесь не отыщешь, разве что внизу.

— Я знаю. Государь отпустил меня. Слушай, Берегонд, ты, если что, попробуй вмешайся, а то просто ужас берет.

— Стражам цитадели строго-настрого запрещено отлучаться с постов иначе как по приказу самого государя.

— Ну, если тебе этот запрет важнее, чем жизнь Фарамира... — сказал Пин. — Да и какие там запреты-приказы, когда государь обезумел. Словом, я бегу. Жив буду — вернусь.

И он помчался вниз по улицам к наружной стене. Навстречу ему бежали

опаленные пожаром люди; кое-кто останавливался и окликал коротышку в облаченье стража, но он ни разу не обернулся. Наконец он миновал вторые ворота, за которыми от стены до стены разливалось и полыхало пламя. Но почему-то было тихо: ни шума битвы, ни криков, ни лязга оружия. И вдруг раздался жуткий громовой возглас, а за ним тяжкий удар с оглушительным эхом. У Пина тряслись поджилки от нестерпимого ужаса, но он все же выглянул из-за угла на широкую внутреннюю площадь перед Великими Вратами. Выглянул — и на миг оцепенел. Он нашел Гэндальфа, и отпрянул назад, и забился в темный угол.

С полуночи продолжался общий приступ. Гремели барабаны. С севера и с юга стены сплошь осаждало многотысячное воинство. Повсюду в багровом полусвете двигались огромные, как дома, звери: это хородримские мумаки подвозили из-за огненных рвов осадные башни и стенобитные орудия. Наступали нестройно и гибли толпами; предводитель осады гнал рабов на смерть лишь затем, чтобы прощупать оборону и рассредоточить силы гондорцев. Настоящий удар он замышлял обрушить на Врата, мощные, чугунные, надежно скрепленные сталью; их защищали несокрушимые башни и бастионы, но все же они были ключом, единственным уязвимым местом неприступной твердыни.

Громче зарокотали барабаны. Взметнулись огненные языки. Осадные машины ползли по полю, и между ними покачивался на толстых цепях громадный таран, больше сотни футов длиной. Долго ковали его в темных кузнях Мордора; страховидная оконечина из вороненой стали являла подобие волчьей морды с ощеренной пастью, и на ней были начертаны колдовские, разрывные письмена. Именовался он Гронд, в память о древнем Молоте Преисподней. Везли его гигантские звери, с боков толпились орки, а позади тяжело шагали горные тролли.

Но у Врат кипела битва: там стояли накрепко витязи Дол-Амрота и лучшие из лучших минастиритцев. Тучей летели стрелы и дротики, осадные башни валились или вспыхивали, как факелы. По обе стороны ворот громоздились обломки и мертвые тела, однако же новые и новые толпы лезли вперед, словно одержимые.

Гронд подползал. Его кожух не загорался, огромные звери, тащившие его, то и дело вскидывались и бросались в стороны, топча бесчисленных орков, но убитых отшвыривали, и толпы снова смыкались.

Гронд подползал все ближе. Бешено загремели барабаны, и над горами трупов чудовищным виденьем возник высокий всадник в черном плаще с опущенным капюшоном. Медленно двигался он вперед, попирая трупы, и стрелы бессильно падали вокруг. Он поднял кверху длинный тусклый меч. Великий ужас объял всех — осажденных и осаждающих, и воины роняли оружие. На миг все стихло.

Опять загрохотали барабаны. Чешуйчатые лапищи рывком подтянули Гронд к воротам и с размаху ударили в них. Казалось, гром из поднебесья раскатился по городу. Но чугунные створы и стальные столбы выдержали удар.

Тогда Черный Предводитель привстал в стремени и громогласно выкрикнул заклятье на неведомом языке; жуткие слова его надрывали души и раскалывали камень.

Трижды возопил он, трижды грянул таран, и третий удар внезапно сокрушил Врата Гондора. Точно какая-то колдовская сила разломил их надвое — блеснула жгучая молния, и чугунные осколки усеяли плиты.

Главарь назгулов въезжал в город. За спиной надвигавшегося черного вестника смерти полыхало багровое зарево. Главарь назгулов въезжал под своды, куда от века не ступала вражеская нога, — и защитники Минас-Тирита опрометью разбежались.

Лишь один не отступил перед ним. На площади за Вратами безмолвно дожидался неподвижный всадник — Гэндальф на Светозаре: во всем Средиземье только этот конь мог вынести смертный ужас, подвластный Саурону, и он стоял, точно каменное изваянье Рат-Динена.

— Сюда тебе входа нет, — промолвил Гэндальф, и огромная тень застыла. — Возвращайся в бездну, тебе уготованную. Ступай назад, и да поглотит крошечная тьма тебя вместе с твоим Владыкою. Прочь отсюда!

Черный Всадник откинул капюшон, и — о диво! — был он в короне, но без головы, лишь красные языки пламени вздымались между могучими плечами. И незримые уста изрыгнули злорадный хохот.

— Глупый старик! — сказал он. — Глупый старик! Нынче мой час. Не узнал в лицо свою смерть? Умри же, захлебываясь проклятьями!

Он высоко поднял меч, и огонь сбежал по клинку.

Гэндальф не шелохнулся. И в этот самый миг где-то в городском дворике прокричал петух — звонко и заливисто, ничего не ведая ни о войне, ни о колдовских чарах, — прокричал, приветствуя утро, разгоравшееся высоко в небесах над сумраком побоища.

И будто в ответ петушьему крику издали затрубили рога, рога, рога. Смутное эхо огласило темные склоны Миндоллуина. А большие северные рога трубили все яростней. Мустангримцы подросли на выручку.

Глава V Поход мустангримцев

Мерри лежал на земле, закутавшись в одеяло, и удивлялся, как это сокрытые мраком деревья шелестят в безветренной духоте. Потом он поднял голову и снова услышал отдаленный рокот барабанов на лесистых холмах и горных уступах. Барабаны внезапно стихали и опять рокотали то дальше, то ближе. Неужели часовые их не слышат?

Было темно, хоть глаз выколи, но он знал, что кругом полным-полно конников. Пахло конским потом, лошади переступали с ноги на ногу и ударяли копытами в хвойную подстилку. Войско заночевало в сосняке близ Эйленаха, высокой горы посреди Друаданского леса, через который проходил главный тракт восточного Анориэна.

Хоть Мерри и устал, но ему не спалось. Они ехали уже целых четверо суток, и густевшие потемки все больше угнетали его. Он уж и сам не понимал, чего он так рвался ехать, когда ему не то что можно, а даже велено было остаться. Не хватало еще, чтобы старый конунг узнал об ослушанье и разгневался. Но это вряд ли. Дернхельм, похоже, договорился с сенешалем Эльфхельмом, начальником зоред. Ни сенешаль, ни воины его Мерри в упор не видели и не

отвечали, если он заговаривал с ними. Дескать, навьючил Дернхельм зряшную поклажу — ну и ладно. А Дернхельм за все время ни с кем ни словом не перемолвился. Мерри чувствовал себя никчемной мелюзгой, и было ему очень тоскливо. А вдобавок и тревожно: войско оказалось в тупике. Дальняя крепь Минас-Тирита была от них за день езды. Выслали дозорных: одни не вернулись, другие примчались и сообщили, что дорога занята врагами, большая рать стала лагерем в трех милях к западу от маячной горы Амон-Дин, отряды идут по тракту, до передовых лиги три. Орки рыщут по придорожным холмам. Конунг с Эомером держали ночной совет.

Мерри жаждал с кем-нибудь поговорить; он вспомнил о Пине и еще пуще огорчился. Бедняга Пин, один-одинешенек в осажденном каменном городе: ужас, да и только. Мерри захотелось стать рослым витязем вроде Эомера, затрубить в какой-нибудь, что ли, рог и галопом помчаться на выручку Пину. Он сел и снова прислушался к рокоту барабанов, теперь уж совсем поблизости. Вскоре стали слышны негромкие голоса, мелькнули между деревьями полуприкрытые фонари. Конники зашевелились во мраке.

Высокий человек споткнулся об него и обругал проклятые сосновые корни. Мерри узнал по голосу сенешаля Эльфхельма.

— Я не сосновый корень, господин, — сказал он, — и даже не вьюк с поклажей, а всего-навсего ушибленный хоббит. Извиняться не надо, лучше скажи мне, что там такое стряслось.

— Пока ничего такого, спасибо растреклятому мороку, — отвечал Эльфхельм. — Но государь приказал всем нам быть наготове: тронемся в одночасье.

— Значит, враги наступают? — испуганно спросил Мерри. — Это их барабаны? Я уж подумал, мне мерещится, а то никто будто и не слышит.

— Да нет, нет, — сказал Эльфхельм, — враги на дороге, а не в горах. Ты слышишь барабаны лешаков, лесных дикарей: так они переговариваются издали. Живут они в Друаданском лесу, вроде бы с древних времен, немного осталось их, и таятся они хитро, точно дикие звери. Обычно-то им дела нет до войн Гондора или Ристании, но сейчас их встревожила темень и нашествие орков: испугались, что вернутся Темные Века — оно ведь и похоже на то. Хорошо хоть нам они не враги: стрелы у них отравленные и в лесу с ними не потягаешься. Предлагают помочь Теодену: как раз их вождя повели к нему. Вот с фонарями-то шли. Ну и будет с тебя — я и сам больше ничего не знаю. Все, я пошел выполнять приказ. А ты, вьюк не вьюк, а давай-ка вьючься!

И он исчез в темноте. Мерри очень не понравились хитрые дикари и отравленные стрелы: он и так-то не знал, куда деваться от страха. Дождаться было совсем невтерпеж, лучше уж точно знать, что тебя ждет. Он вскочил на ноги и крадучись пустился вдогонку за последним фонарем.

Конунгу разбили палатку на поляне, под раскидистым деревом. Большой, прикрытый сверху фонарь висел на ветке, и в тусклом свете его видны были Теоден с Эомером, а перед ними сидел на корточках человечина, шишковатый, как старый пенёк, и, точно чахлый мох, свисал с его мясистого подбородка реденький клочок волос. Коренастый, пузатый, толсторукий и коротконогий, в травяной юбочке. Мерри показалось, что он где-то его уже видел, и вдруг ему припомнились Пукколы в Дунхерге. Ну да, то ли один из тамошних болванчи-

ков ожил, то ли явился дальний-предальний потомок тех людей, которых изобразили забытые умельцы давних веков.

Мерри подобрался поближе, но пока что все молчали, и наконец заговорил дикарь: должно быть, его о чем-то спросили и он раздумывал. Голос его был низкий, гортанный, но, к удивлению Мерри, говорил он на всеобщем языке, хотя поначалу запинаясь и примешивал к речи диковинные слова.

— Нет, отец коневодов, — сказал он, — мы не воины, мы охотники. Мы стреляем *горгуны* в лесу, орколюды мы очень не любим. И тебе *горгуны* враги. Потому будем тебе помогать. Дикий народ далеко слышит, далеко видит, знает все тропы. Дикий народ давно-давно здесь живет, раньше, чем сделались камень-дома, раньше, чем из воды вылезали высокие люди.

— Да нам-то в помощь нужны воины, — сказал Эомер. — А от тебя и твоих какая же помощь?

— Помощь узнавать, — отвечал дикарь. — Мы глядим и все видим, смотрим с высоких гор. Камень-город трудно стоит, хода-выхода нет. Кругом огонь горит, теперь внутри горит пожар. Ты хочешь туда? Тебе надо быстро скочить. Большой лошадиной дорогой скочить нельзя, там *горгуны* и дальние люди оттуда. — Он махнул на восток узловатой короткой рукой. — Много-много, ваших много не столько.

— Откуда ты знаешь, что их больше? — недоверчиво спросил Эомер.

Ничего не выразилось ни на плоском лице, ни в темных глазах дикаря, но голос его зазвучал угрюмо.

— Мы — дикари, дикий, вольный народ, мы не глупый ребенок, — с обидой сказал он. — Я великий вождь Ган-бури-Ган. Я считаю звезды на небе, листья на ветках, людей в темноте. Ваших воинов десять раз и еще пять раз по сорок десятков. Их воинов больше. Будете биться долго, и кто кого одолеет? А вокруг камень-города много-много еще.

— Увы! Все это верно, — сказал Теоден. — И наши разведчики доносят, что дорогу преградили рвами и понатыкали кольев. С налету их смять не удастся.

— Все равно медлить нельзя, — сказал Эомер. — Мундбург в огне!

— Дайте молвить слово Ган-бури-Гану! — сказал дикарь. — Он знает другие дороги и поведет вас там, где нет рвов, где не ходят *горгуны*, только наш народ и дикие звери. Люди из камень-домов давно, когда были сильные, сделали много дорог. Они резали горы, как охотники дичину. Народ говорит, наверно, они кушали камни. Через Друадан к Мин-Риммону ездили большие повозки. Давно-давно не ездят и дорогу забыли. Мы одни помним: вон там она идет на гору, за горой прячется в траве, деревья ее прячут, а она обходит Риммон и мимо Дина ведет вниз, к большой лошадиной дороге. Мы вас проведем туда, а вы перебейте всех *горгунов* и прогоните дурную темноту ярким железом, и дикий народ будет тихо жить дальше в своих диких лесах.

Эомер переговорил с конунгом на ристанийском языке, и наконец Теоден обратился к дикарю.

— Ладно, пойдем в обход, — сказал он. — Оставляем большое войско у себя в тылу, но что из этого? Если каменный город падет, мы не вернемся. А выстоит, победим — худо придется оркам, отрезанным от своих. Тебя же, Ган-бури-Ган, мы щедро одарим и станем твоими верными друзьями.

— Мертвые не одаряют живых и в друзья им не годятся, — отвечал дикарь. — Если темнота вас не съест, тогда после не мешайте диким людям бро-

дить, где хотят, по лесам и не гоняйте их, как диких зверей. Не бойтесь, Ган-бури-Ган в ловушку не заведет. Он пойдет рядом с отцом коневодов, обманет — убейте.

— Да будет так! — скрепил Теоден.

— А когда мы выйдем на большую дорогу? — спросил Эомер. — Раз вы поведете нас, придется ехать шагом, и путь, наверно, узкий.

— Дикий народ ходит быстрым шагом, — сказал Ган. — По Каменоломной долине, — он махнул рукою на юг, — можно ехать четыре лошади в ряд; в конце и в начале путь узкий. Нашего ходу отсюда до Амон-Дина как от рассвета до полудня.

— Стало быть, передовые доедут за семь часов, — сказал Эомер, — а задние, пожалуй, часов за десять. Мало ли что может нас задержать, да и войско сильно растянется; потом, на дороге, всех не сразу построишь. Теперь-то который час?

— Кто его знает, — сказал Теоден. — Темень стоит беспросветная.

— Темень стоит, ночь проходит, — сказал Ган. — Когда солнце глаза не видят, кожа его чует. Уже оно выше Восточных гор. В небесных полях совсем светло.

— Тогда надо поскорее выступать, — сказал Эомер. — Сегодня-то никак не поспеем, но хоть к завтраму.

Мерри не стал дослушивать, тишком улизнул и побежал собираться. Ну вот, завтра уже и битва, в которой, похоже, немногим суждено уцелеть. Но он снова подумал о Пине, о пожаре в Минас-Тирите — и кое-как совладал со страхом.

День прошел спокойно: ни засад, ни дозоров на пути не обнаружилось. Обок охраняли войско дикари-охотники, и мимо них мышь бы не прошмыгнула, не то что вражеские лазутчики. Чем ближе к осажденному городу, тем сумрачней сгущалась мгла, и вереницею смутных теней казались люди и кони. У каждой колонны был провожатый, а старый вождь шел рядом с конунгом. Поначалу двигались медленно: нелегко было всадникам с лошадьми в поводу спускаться по заросшим косогорам в Каменоломную долину. Уже под вечер передовые углубились в серую чащобу близ восточного склона Амон-Дина, в огромное ущелье, за которым расходились кряжи на запад и на восток. Сквозь это ущелье когда-то была проложена широкая дорога, выводившая на главный аноризнский тракт, но люди уже много веков здесь не ездили; деревья хозяйничали по-своему, и дорога заросла, исчезла под горами лежалой листвы и валежника. Однако же чащоба эта была последним укрытием ристанийского войска: впереди простиралась ровная долина, а на юго-востоке высились скалистые хребты и, будто опираясь на них, воздвигся гигант Миндоллуин во всей своей каменной мощи.

Первая колонна остановилась, и, когда задние подтянулись и вышли ущельем из Каменоломной долины, в глубине серой чащобы разбили лагерь. Конунг призвал воевод на совет. Эомер хотел было выслать дозорных, но старый вождь Ган покачал головой.

— Не посылай своих коневодов, не надо, — сказал он. — В дурной темноте видно мало, лешаки уже все увидели. Скоро придут и мне расскажут.

Воеводы явились; потом, откуда ни возьмись, вынырнули Пукколы, точь-в-

точь похожие на старого Гана: они, один за другим, говорили с ним на чудном, гортанном наречии. Ган выслушал их и обратился к конунгу:

— Лешаки рассказали. Говорят: позади опасно, стерегись! За час ходу, за Динном, — он указал на запад, на черневший маяк, — стоят чужелюды, большое войско. А впереди никого нет, пустая дорога до каменного вала. Там опять много. *Горгуны* ломают новый каменный вал огненным громом и железными черными дубинками. Не боятся и кругом не смотрят. Думают, заняли все-все дороги! — И у старого Гана заклокотало в горле: верно, он так смеялся.

— Добрые вести! — сказал Эомер. — Это просвет во мраке. Порой лиходея своя же злоба слепит. Напустили темень — будь она неладна! — и помогли нам укрыться. Теперь громят Гондор, чтоб не оставить камня на камне, — и сокрушили преграду, которой я больше всего опасался. Нас бы надолго задержали у дальней крепости. А теперь мы ее с ходу одолеем, дотуда бы добраться!

— И еще раз спасибо тебе, Ган-бури-Ган, лесной человек, — молвил Теоден. — Спасибо на доброй вести и на доброй службе. Доброй вам охоты!

— Вы знай убивать *горгуны*! Бейте орколюды! Слова не надо лесному народу! — отвечал Ган. — Прогоните ярким железом дурную, вонючую темноту!

— Затем и явились мы в здешние края, — сказал конунг. — Поглядим завтра, чья возьмет.

Ган-бури-Ган присел и коснулся земли шишковатым лбом в знак прощания. Потом, встав на ноги, он вдруг насторожился, будто что-то унюхал. Глаза его сверкнули.

— Свежий ветер задувает! — крикнул он, и все дикари вмиг исчезли во мгле, как нелепое наваждение. Только барабаны опять глухо зарокотали на востоке, теперь, однако, ристанийцам и в голову не приходило опасаться брюханов-лешаков.

— Дальше обойдемся без провожатых, — сказал Эльфхельм, — в мирное время наши здесь ездили. Я, к примеру, ездил не раз и не два. Сейчас вот выедем на дорогу, она свернет к югу, и семь, не больше, лиг останется до пеленорской крепости. Обочины дороги травянистые: тут, бывало, вестники Гондора мчались во весь опор. И мы проедем быстро, без лишнего шума.

— Нас ждет жестокая сеча, и надо собраться с силами, — сказал Эомер. — Давайте-ка отдохнем здесь и тронемся ночью; у крепости будем к рассвету, ежели рассветет, а нет — ударим на врага по знаку государя, потемки не помеха.

Конунг одобрил его совет, и воеводы разошлись. Но Эльфхельм вскоре возвратился.

— Мы разведали окрестности, государь, — сказал он. — Кругом и правда ни души, нашли у дороги двух убитых всадников вместе с конями.

— Вот как? — сказал Эомер. — Ну и что же?

— Видишь ли, государь, убитые-то эти — посланцы Гондора. Один из них вроде бы Хиргон — в руке Багряная Стрела, а головы нету. И вот еще что: убили их, по всему судя, когда они скакали *на запад*. Должно быть, увидели, что враги уже осадили крепь, и повернули коней. Было это два дня назад: кони небось свежие, с подстав, как у них водится. Доехать до города и вернуться они бы не успели.

— Нет, никак бы не успели! — сказал Теоден. — Значит, Денэтор про нас ничего не знает и вряд ли нас ждет.

— Хоть поздно, да годно, и лучше поздно, чем никогда, — молвил Эомер. —

Может быть, на этот раз старинные присловья окажутся вернее верного. ◆◆

Глубокой ночью ристанийское войско в молчанье двигалось по обочинам дороги, огибавшей подножия Миндоллуина. Далеко впереди, на краю темного небосклона, багровело зарево, и черными громадами выступали из сумрака утесистые склоны великой горы. До Пеленнора было уже недалеко, и близился предрассветный час. Конунг ехал в первой колонне, окруженный своей дружиной. За ними следовал зоред Эльфхельма, но Мерри заметил, что Дернхельм старается незаметно пробраться в темноте поближе к передовым, и наконец они примкнули к страже Теодена. Конники приостановились, Мерри услышал негромкие голоса. Воротились дозорные: они доскакали почти до самой стены.

— Везде пылает огонь, государь, — доложил один из них конунгу. — И город горит, и Пажити; войско, похоже, огромное. Но почти всех увели к стенам, на приступ. А какие остались здесь, рушат крепь и по сторонам не смотрят.

— Ты помнишь, что сказал тот лешак, государь? — спросил другой ратник. — Меня зовут Видфара, в мирные дни я жил на равнине и тоже чутьем не обделен, привык чутя ветер. А ветер меняется: повеяло с юга, чуть-чуть припахивает морем. Словом, утро сулит рассвет, и, когда мы минуем крепь, чадная темень рассеется!

— Если правдива твоя весть, Видфара, то да сбережет тебя судьба нынче и на многие годы! — сказал Теоден. Он обратился к ближним дружинникам и молвил так звучно, что его услышали воины первого зореда: — Конники Ристании, сыны Эорла, настает роковой час! Перед вами море огня и вражеское войско, а дома ваши остались далеко позади. Но хоть и суждено вам сражаться в чужом краю, добытая в бою слава будет вашей вовеки. Исполните клятву верности государю и родине, исполните обет нерушимой дружбы!

Ратники ударили копьями о щиты.

— Эомер, сын мой! Ты поведешь первый зоред следом за дружиной и хоругвью конунга, — сказал Теоден. — Эльфхельм, за крепью отойдешь направо, а ты, Гримблад, — налево. Остальные полки пусть держатся за этими тремя согласно боевому разуменью. Громите скопища врага. Больше пока ничего не придумаешь: мы ведь не знаем, что творится на Пажитях. Вперед, и да сгинет мрак!

И конники помчались вскачь: Видфара хоть и обещал рассвет, но покамест было темным-темно. Мерри сидел позади Дернхельма, уцепившись за него левой рукой, а правой пытаюсь проверить, легко ли ходит меч в ножнах. Теперь-то он понимал, до чего был прав старый конунг, когда говорил ему: «Что тебе делать в таком бою, сударь мой Мериадок?» «Разве что мешать всаднику, — подумал он, — и как-нибудь усидеть верхом, а то ведь стопчут — не заметят!»

Проскакать оставалось всего-навсего лигу, и проскакали ее, по разумению Мерри, чересчур уж быстро. Послышались дикие вопли, лязг оружия, и снова все стихло. Орков на стене и правда было немного: застали их врасплох и мигом перебили. Перед развалинами северных ворот Раммас-Экора конунг оставил коня. Первый зоред подтянулся. Мерри с Дернхельмом подъехали еще

ближе к конунгу, хотя их полк отошел далеко вправо. Слева, на востоке, конники Гримблада стали у широкого пролома в стене.

Мерри выглянул из-за спины Дернхельма. Миль за десять от них бушевал пожар в стенах Минас-Тирита, и огромным огненным серпом отрезали город от Пажитей пылающие рвы. Равнину покрывала душная мгла — ни просвета, ни ветерка.

Молчаливая рать Мустангрима выдвинулась за крепь — медленно и неодолимо, как проникает прилив сквозь рассевавшуюся плотину, будто бы столь надежную. Но Черный Предводитель безоглядно сокрушал твердыню Гондора, и тревожные вести с тыла еще не дошли до него.

Конунг повел свою рать на восток, в обход огненных рвов и вражеских войск. Обошли удачно и скрытно, однако же Теоден медлил. Наконец он снова остановился. Город стал виден вблизи. Тянуло гарью и трупным смрадом. Лошади фыркали и прядали ушами. Но конунг недвижно сидел на своем Белогриве и взирал на гибнущий Минас-Тирит; казалось, он был охвачен смятением и ужасом — и дряхло понурился под бременем лет. Мучительный страх и сомнения точно передались Мерри. Сердце его стеснилось. Время как будто замерло. Они запоздали, а поздно — хуже, чем никогда! Вот-вот Теоден попятится, склонив седую голову, повернет коня, поведет войско прятаться в горах.

Внезапно Мерри почувал: что-то переменялось. Ветер дунул ему в лицо! И забрезжил рассвет. Далеко-далеко на юге посерели, за клубились, раздвинулись тучи: за ними вставало утро. Но тут полыхнуло так, будто молния вырвалась из-под земли и расколола город. Слепящая вспышка на миг озарила черно-белую крепость, серебряным клинком в высоте сверкнула башня. Потом темень сомкнулась и земля вздрогнула от тяжкого сокрушительного грохота.

Но, услышав его, согбенный конунг вдруг распрямился и снова стал высоким, статным всадником. Он поднялся в стремях и ясным, неслыханно звонким голосом воскликнул:

*Оружие к бою, конники Теодена!
Вперед, в лютую сечу, в свирепый огонь!
Копья наперевес и под удар щиты!
Мечами добудем день, на клинках принесем рассвет!
На бой, на смертный бой, на битву за Гондор!*

Затем он выхватил большой рог у знаменосца Гутлафа и протрубил так зычно, что рог раскололся надвое. Отозвались рога во всем ристанийском войске, будто гром прокатился по равнине и загрохотал в горах.

На бой, на смертный бой, на битву за Гондор!

Конунг что-то крикнул Белогриву, тот сорвался с места и опередил плеснущую по ветру хоругвь с Белым Конем на зеленом поле. За ним понеслись дружинники, немного поотстав. Следом скакал Эомер с белым конским хвостом на шлеме. Его зоред мчался, точно пенный бурун, но Белогрив летел далеко впереди. Грозно сиял лик Теодена: видно, в нем возгорелась неистовая отвага предков, и на белом своем коне он был подобен древнему небожителю, великому ОрOME в битве Валаров с Морготом, на ранней заре Средиземья.

Его золотой щит засверкал, словно солнце, и ярким зеленым пламенем занялась трава у белых ног скакуна. Ибо настало утро, и дул ветер с Моря, разго-

няя черную мглу, и полчища Мордора дрогнули, объятые ужасом; орки бросались врассыпную и гибли на копьях и под копытами разъяренных коней. А воины Ристании в один голос запели; они пели, разя врага в упоении битвы, и песнь их, страшная и прекрасная, ласкала слух осажденных.

Глава VI Битва на Пеленнорской равнине

Но не оркскому вожаку, не разбойному атаману поручено было проверить Гондор. Тьма разредилась прежде срока, назначенного Властелином, — судьба в этот раз обманула, и мир вышел из повиновения. Победа была упущена, выскользнула из-под рук. Но руки не утратили силы, и по-прежнему страшен и могуч был предводитель осады — король, кольценосец, главарь назгулов: велика была его власть. Он отступил от ворот и исчез.

Конунг Ристании Теоден выехал на дорогу между рекой и Вратами и обернулся к городу, который был за милю от него. Он осадил скакуна, ища взором недобитых врагов; его окружила дружина, и Дернхельм был в их числе. По правую руку, ближе к стенам, Эльфхельмовы конники ломали осадные машины, рубили, кололи и загоняли орков в огненные рвы. Северную половину Пеленнора почти всю отбили, там горели палатки, орки метались и бежали к реке, точно зверье от охотников, а ристанийцы рубили их направо и налево. Однако же осадное войско стояло густо, как прежде, и заслоняло ворота. И там врагов была тьма-тьмущая, и с юга подходили все новые и новые полчища. Хородримцы занимали дорогу, всадники их съезжались под стягом вождя. А вождь поглядел вперед и увидел в рассветном сиянии хоругвь конунга, увидел, что конунг с малой дружиной далеко оторвался от своих. Темнокожий исполин взъярился, издал боевой клич — и над лавиной всадников, понесшихся к зеленой хоругви с Белым Конем, развернулось алое знамя с черным змием, и холодным блеском заиграли обнаженные ятаганы.

Но Теоден не замешкался: он молвил слово Белогриву и мустангримцы с места в карьер помчались навстречу врагам. Сшиблись на всем скаку; и, хотя северян было гораздо меньше, сердца их пламенели неистовой отвагой и без промаха разили длинные копья. Точно клин лесного пожара, врезались они в гущу врагов, и Теоден, сын Тенгела, пронзив копьем вождя южан, выхватил меч, перерубил древко знамени и рассек до седла знаменосца. Бессильно поникло полотнище с черным змием, а уцелевшие хородримцы бросились бежать без оглядки.

Но увы! Когда конунг торжествовал победу, его золотой щит померк, затмились утренние небеса и сумрачно стало вокруг. Лошади ржали и метались, сбрасывая седоков, а те, стеная, приникали к земле.

— Ко мне! Ко мне! — крикнул Теоден. — Не страшитесь злой тьмы, эорлинги!

Но Белогрив в ужасе вздыбился, высоко вскинув копыта, протяжно заржал и рухнул на бок, сраженный черным дротиком. Рухнул — и придавил конунга.

Тяжкой тучею сверху надвинулась тень. О диво! Это была крылатая тварь: птица не птица — чересчур велика и голая, с огромными когтистыми пере-

пончатыми крыльями; гнилой смрад испускала она. Исчадье сгинувшего мира; ее предки давным-давно пережили свое время, угнездившись где-нибудь на льдистых подлунных высях неведомых гор, и там плодились их гнусные последыши, на радость новым лиходеям. Черный Владыка отыскал эту тварь, щедро выкармливал ее падалью, покуда она не стала больше самой огромной птицы, и отдал ее своему прислужнику. Все ниже и ниже спускалась она и наконец, сложив перепончатые крылья и хрипло каркая, опустилась на мертвого Белогрива, вонзила в него когти и вытянула длинную голую шею.

Могуч и страшен был ее седок в черной мантии и стальной короне; из пустоты над его плечами мертвенно светился взор главаря назгулов. Еще прежде, чем рассеялась тьма, он призвал свое крылатое чудище и теперь вернулся на поле брани, обращая надежду в отчаяние и победу в погибель. Он взмахнул черною булавой.

Однако не все покинули поверженного Теодена. Кругом лежали мертвые витязи-гридни; других далеко умчали испуганные кони. Но один остался: юный Дернхельм, чья преданность превозмогла страх. Он стоял и плакал, ибо любил государя, как отца. Мерри удержался на коне во время атаки и был цел и невредим, хотя, когда налетел призрак, Вихроног сбросил обоих седоков и теперь носился по равнине. Мерри по-звериному отполз на четвереньках, задыхаясь от слепящего ужаса.

«Оруженосец конунга! Оруженосец конунга! — зывала его совесть. — Ты должен защитить его. Помнишь, сам говорил: “Теперь ты мне вместо отца”?» Но его обмякшее тело лишь бессильно содрогалось. Он не смел ни поднять голову, ни открыть глаза, и вдруг из черной, непроглядной тьмы слышал он голос Дернхельма, только голос был будто и не его, но все же очень знакомый:

— Убирайся, гнусный вурдалак, поганая нежить! Оставь погибших в покое!

И другой, леденящий голос отозвался:

— Не спорь с назгулом о его добыче! А то не видать тебе смерти в свой черед: он унесет тебя в замогильные обиталища, в крошечную тьму, где плоть твою сложат мухи, а душонку будет вечно терзать взор Недреманного Ока!

Лязгнул меч, покидая ножны.

— Грози, чем хочешь: я все равно сражусь с тобой.

— Ты — со мной сразишься? Глупец! Ни один смертный муж мне не страшен.

И тут Мерри услышал совсем уж неожиданный звук. Казалось, Дернхельм рассмеялся, и сталью зазвенел его чистый голос.

— А я не смертный муж! Перед тобой женщина. Я — Эовин, дочь Эомунда, и я спорю с тобой о своем государе и родиче. Берегись, если ты не бессмертен! Я зарублю тебя, черная нежить, если ты тронешь его.

Крылатая гадина зашипела и рывкнула на нее, но Кольценосец безмолвствовал, точно вдруг усомнился в себе. А Мерри был так удивлен, что страх его приотпустил. Он открыл глаза и, понемногу прозревая, увидел за десяток шагов чудище в черной мгле и на спине его жуткую тень главаря назгулов. По левую руку, поодаль от Мерри, стояла та, кого он называл Дернхельмом. Теперь на ней не было шлема, и золотистые пряди рассыпались по плечам. Сурово и прямо глядели ее светло-серые глаза, но по щекам катились слезы. В руке она держала меч и заслонялась щитом от мертвящего взора призрака.

Да, это была Эовин, это был Дернхельм. Мерри припомнилось юное лицо,

которое он увидел при выезде из Дунхерга: лицо без проблеска надежды, затененное смертью. Он и жалел ее, и восхищался ею, и в нем пробудилась упорная хоббитская храбрость. Он сжал кулаки. Нельзя, чтоб она погибла — такая прекрасная, такая отважная! А уж если суждено ей погибнуть...

Враг не смотрел на него, но он опасался шелохнуться: как бы не пригвоздил его к земле ужасный взгляд. И пополз медленно-медленно, однако же для Черного Главаря он был что червяк в грязи — тому надо было жестоко расправиться с дерзкой противницей.

Внезапно чудище простерло крылья, источая зловоние. Оно снова взвилось высоко в воздух и с воплем ринулось вниз, на Эовин, выставив зубастый клюв и когти.

Но ни на шаг не попятилась она — ристанийская дева-воительница из рода конунгов, гибкая, как булатный клинок, блистающая грозной красотой. Свистнул острый меч и единым махом разрубил вытянутую шею; отсеченная голова камнем брякнулась оземь. Эовин отпрянула назад, и рухнуло перед нею безглавое чудище, корчась и распластав широкие крылья. Черная мгла рассеялась; златокудрую царевну ярко озарило солнце.

Из праха вырос, воздвигся Черный Всадник, с остервенелым криком обрушил он булаву на ее щит, и щит разлетелся вдребезги, и обвисла сломанная рука, колени ее подогнулись. А назгул навис, словно туча; сверкнули его глаза, и он занес булаву для смертельного удара.

Но вдруг он шатнулся, испустив крик боли, — и удар пришелся мимо, булава угодила в землю. Ибо меч хоббита прорезал сзади черный плащ и вонзился пониже кольчуги в подколенную жилу.

— Эовин! Эовин! — крикнул Мерри. И она из последних сил выпрямилась и взмахнула мечом, как бы отсекая корону от мантии, от могучих, склоненных над нею плеч. Меч раскололся, как стеклянный. Корона, звякнув, откатилась. Эовин ничком упала на труп поверженного врага... но пусты были плащ и кольчуга. Груда тряпья и железа осталась на земле; неистовый вопль стал протяжным, стихающим воем, ветер унес его, и вой захлебнулся вдали, и на земле его больше не слышали.

А хоббит Мериадок стоял среди мертвых тел и мигал на свету, будто совенок; слезы слепили его, и как в тумане видел он лучистые волосы недвижно простертой Эовин, потом посмотрел на лицо конунга, погибшего в час победы. Белогрив в предсмертных судорогах высвободил седока, но прежде невольно погубил его.

Мерри склонился и поднес к губам его руку. И вдруг Теоден открыл незамутненные глаза и с трудом, но твердо вымолвил:

— Прощай, господин хольбитла! Настал мой черед отойти к праотцам. Надеюсь, я не посрамил их памяти. И черного змия низверг я своей рукой. Рассвет был хмурый, день яснее, и будет золотой закат!

Мерри слова не шли на язык, и он опять заплакал.

— Прости, государь, — проговорил он, — прости, я нарушил твое веление — и только и смог, что оплакать нашу вечную разлуку.

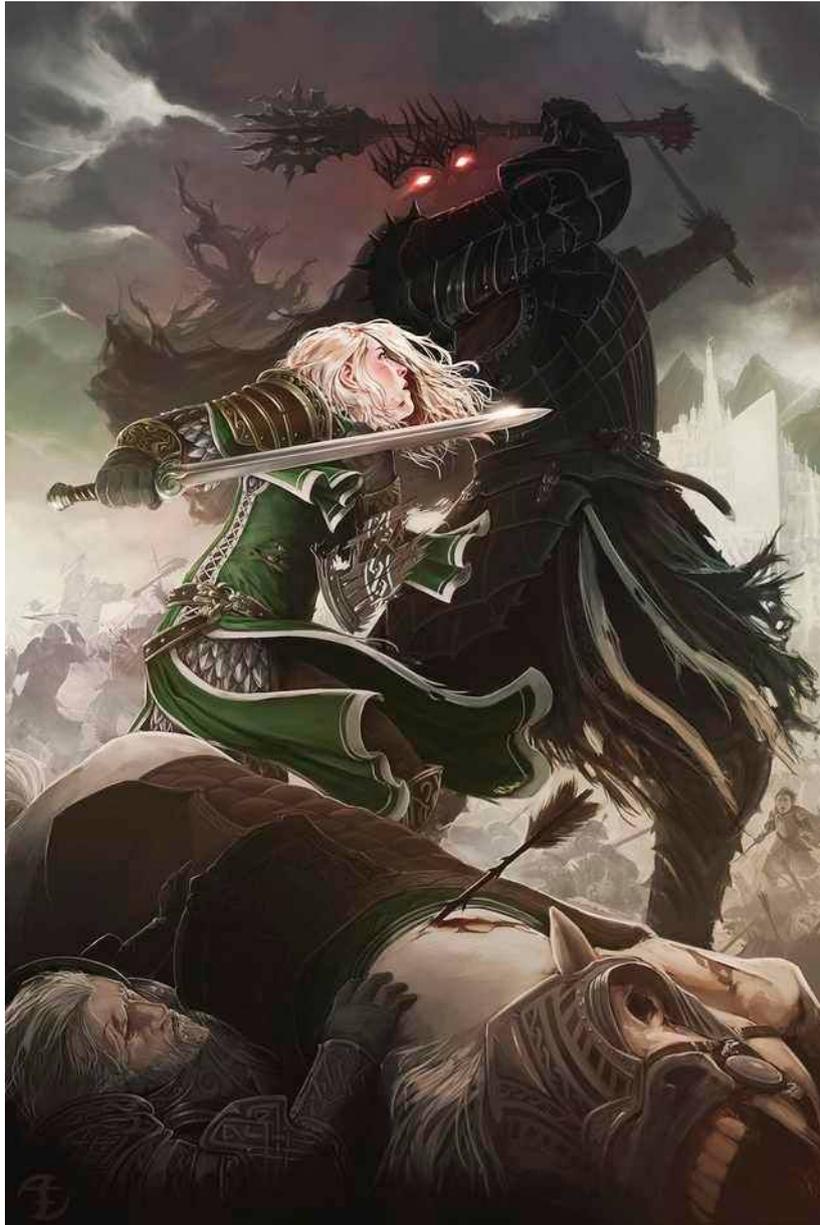
Старый конунг улыбнулся.

— Не печалься. Верность в вину не ставят. Живи и радуйся, а как станешь на покое дымить своей трубкой, припомни меня. Не приведется, увы, нам пи-

ровать в Медусельде, как я тебе обещал, и не расскажешь ты мне про ваше ученье о травах... — Он смолк и смежил веки. Мерри подался к нему, боясь дышать, и наконец услышал: — Где Эомер? Глаза мои застилает тьма, надо бы повидать его перед смертью. Ему быть конунгом. И пусть передаст мой прощальный привет Эовин. Она... она ведь не хотела со мной расставаться, и вот мы больше не свидимся, а она была мне милее дочери.

— Государь, государь, — начал было Мерри, запинаясь, — она... ее... — Но в это время послышались крики и топот и кругом затрубили рога. Мерри огляделся: он и думать забыл о сражении, ему казалось, будто много часов назад конунг помчался к победе и гибели, а было это совсем недавно. И он увидел, что стоит посреди поля брани, где вот-вот разыграется новая битва.

Эовин и Назгул. Адам Шамперт

От Реки по дороге спешили свежие рати врага, из-под стен подходили моргульские полчища, с юга надвигалась пехота и конница хородримцев, и за ними шествовали огромные мумаки с боевыми башнями на спинах. А с севера приближался развернутый конный строй во главе с Эомером в хвостатом шлеме; он вновь собрал, сомкнул и повел в бой ристанийское войско. Все до единого вышли из города гондорские ратники, впереди их развевалось знамя

Дол-Амрота с серебряным лебедем, и враг бежал от ворот.

«А где же Гэндальф? — мелькнуло в голове у Мерри. — Он разве не здесь? Неужели он не мог спасти Эовин и конунга?»

Но тут к ним подскакали Эомер и гридни конунга — те, что уцелели и со- владали с конями. Изумленно смотрели они на мертвое чудище; лошади пяти- лись от него. Эомер спрыгнул с седла, подошел к телу Теодена и замер, оше- ломленный горем.

Один из витязей поднял хоругвь, разжав мертвую руку знаменосца Гутла- фа. Теоден медленно открыл глаза, увидел хоругвь и сделал знак передать ее Эомеру.

— Привет тебе, конунг Ристании! — молвил он. — Иди, побеждай! И про- стись за меня с Эовин!

Так он и умер, не ведая, что Эовин лежит возле него. Воины плакали, вос- клицая:

— Конунг Теоден! Конунг Теоден!

И сказал им Эомер:

*Не предавайтесь скорби! В битве погиб великий,
Погиб, как подобает. Когда насыплем курган,
Тогда будет время плача. Сейчас нас зовет брань!*

Но он и сам, говоря это, плакал.

— Пусть останутся с ним его гридни, — сказал он, — и с почетом отнесут его тело к городу. Других тоже отнесите.

Он окинул взглядом убитых, припоминая их поименно, и увидел среди них сестру свою Эовин, и узнал ее. Он вздрогнул, точно стрела пронзила ему серд- це; смертельно бледный, оледенев от ярости и муки, он слова не мог вымол- вить. И свет перед ним затмился.

— Эовин, Эовин! — воскликнул он наконец. — Эовин, как ты здесь оказа- лась? Что это — безумие или чародейство? Смерть, смерть, смерть! Смерть вы- пала нам!

И, не созывая воевод, не дожидаясь гондорцев, он вскочил на коня, помчал- ся назад к войску и затрубил атаку. Над полем разнесся его громогласный клич:

— Смерть! Вперед, на гибель, разите без пощады!

И войско двинулось, но мустангримцы больше не пели. «Смерть!» — в один голос грянули воины, и конная лавина, устремившись на юг, с грохотом про- неслась мимо убитого конунга.

А хоббит Мериадок все стоял и смигивал слезы, и никто с ним не загово- рил, никто его даже не заметил. Он отер глаза, наклонился за своим зеленым шитом, который вручила ему Эовин, и повесил его на спину. И поискал взгля- дом оброненный меч: когда он нанес удар, рука его отнялась и теперь висела как плеть. Да, вот оно, его оружие... но что это? Клинок меча дымился, будто ветка на костре, и Мерри смотрел, как он стал тонкою светлой струйкой, а по- том и вовсе исчез.

Таков был конец меча из Могильников, откованного на древнем Западе. И возрадовался бы тот оружейник Великого Северного княжества, что трудился над ним в незапамятные времена, ибо не было тогда у дунаданцев злее врага, чем ангмарский король-ведьмак, ставший Главным Назгулом. Иной клинок,

пусть и в самой могучей руке, был бы ему нипочем, а этот жестоко ранил, вонзившись в призрачную плоть и разрушив лиходейское заклятие.

Плащи были настелены на древки копий; на эти носилки гридни возложили конунга. Эовин бережно подняли и понесли за ним. Но других убитых пришлось оставить на поле, ибо там погибли семь витязей, и среди них — первейший из гридней, Деорвин. Их отнесли подальше от вражеских трупов и мерзкой падали, оградив частоколом копий. Когда же отгремела битва, гридни воротились, развели костер и спалили смрадную тушу, а над могилой Белогрива насыпали холм и поставили камень с надписью по-гондорски и по-ристанийски:

*Был верен конунгу конь Белогрив
И с ним погиб, его погубив.*

Высокой и пышной травой порос этот холм, а на месте сожжения чудища навсегда осталась черная проплешина.

Медленно и уныло брел Мерри подле носилок, и не было ему дела до сражения. Он очень устал, руку грызла боль, все тело сотрясал озноб. Дождевая туча налетела с Моря: казалось, небеса оплакивают Эовин и Теодена, роняя серые слезы на пылающий город. Сквозь мутную пелену Мерри увидел, что к ним приближаются гондорские всадники. Имраиль, владетель Дол-Амрота, подъехал и осадил коня.

— Что у вас за ноша, ристанийцы? — крикнул он.

— Мы несем конунга Теодена, — отвечали ему. — Он пал в бою. А войско ведет конунг Эомер — узнаешь его по белому чупруну на шлеме.

Имраиль спешился и скорбно преклонил колена у носилок, чувствуя воителя, чья доблесть спасла Гондор в роковой час. Поднявшись, он взглянул на Эовин и изумился.

— Но ведь это женщина? — сказал он. — Неужто жены и мужи Ристании бьются ныне бок о бок?

— Нет! — отвечали ему. — Одна лишь царица Эовин, сестра Эомера, была с нами, и горе нам, что мы об этом не знали.

И князь подивился красоте мертвенно-бледной Эовин и, склонившись над нею, тронул ее руку.

— Ристанийцы! — вскричал он. — Нет ли меж вами лекарей? Она ранена, и, быть может, смертельно, однако, мнится мне, еще жива.

Он поднес к ее холодным губам свой налатник — и слегка замутилась сверкающая сталь.

— Торопитесь! — сказал он и отправил конника в город за помощью. А сам в знак прощанья низко поклонился павшим и, вскочив на коня, умчался в бой.

Все яростней разгоралась битва на Пеленнорской равнине, и далеко был слышен грозный гул сраженья: неистово кричали люди и бешено ржали кони, трубили рога, гремели трубы, ревели разъяренные мумаки. У южной стены города пешее гондорское воинство билось с моргульцами — их полку прибыло. Конница вся поскакала на восток, на помощь Эомеру: и Гурин Высокий,

Хранитель ключей Минас-Тирита, и владетель Лоссарнаха, и Гирлуин с Изумрудных Холмов, и князь Имраиль со своими витязями.

А Эомеру помощь была нужнее нужного: опрометью, безоглядно бросил он войско в атаку, и неистовый натиск пропал попусту. Ристанийцы с налету врезались в ряды южан, разогнали конницу и разметали пехоту. Но от мумаков лошади шарахались, и громадные звери стояли, несокрушимые, словно башни, а хородримцы заново собирались вокруг них. Одних южан было втрое больше, чем всех ристанийцев, и подходили новые полчища из Осгилиата — запасные карательные войска, которые ожидали повеления вождя грабить взятый Минас-Тирит и опустошать Гондор. Вождя прикончили, но теперь начальствовал управитель Моргула Госмог: он-то и погнал их в бой. Были тут бородачи с бердышами, и дикари-воряги из Кханда, и темнокожие воины в багряных плащах, и черные троллюди с юга — белоглазые, с длинными красными языками. Одни устремились в тыл ристанийцев, другие — на запад, чтобы перекрыть путь подмоге.

И как раз когда счастье изменило Гондору и его соратникам, когда снова померкла надежда, с городских стен слышались крики. Время было полуденное, дул порывистый ветер, дождь унесло на север, и сияло солнце. В ясной дали взорам сторожевых предстало страшное зрелище.

За излучиной Харлонда Андуйн тек напрямик, широко и плавно, и корабли бывали видны за несколько лиг. На этот раз городские стражи в ужасе и смятении увидели темную армаду на блестящей Реке: галеры и другие большие гребные суда шли под раздутыми ветром черными парусами.

— Умбарские пираты! — кричали люди. — Умбарские пираты! Смотрите! Плывут умбарские пираты! Значит, Бельфалас взят, захвачены устья, и Лебеннин во власти врага. Пираты плывут сюда! Это приговор судьбы!

И без приказа — приказы отдавать было некому — кинулись к колоколам и ударили в набат; трубы затрубили сигнал к отступлению.

— Бегите к стенам! — кричали сверху. — К стенам бегите! Скорее спасайтесь в город, пока вас всех не перебили!

И ветер, который подгонял корабли, относил их призывы в сторону.

Но что там набат, что тревожные клики! Мустангримцы и сами уже увидели черные паруса. Эомер был за милю от Харлонда, с гавани наступали взбодрившиеся хородримцы, и вражеская рать уже отрезала его от дружины Дол-Амрота. Он поглядел на Реку, и надежда умерла в его сердце, и он проклял прежде благословенный ветер. А воинство Мордора с воплями дикой радости ринулось вперед.

Суров стал взор Эомера; гнев его больше не пьянил. По знаку его затрубили рога, призывая ристанийцев сплотиться вокруг хоругви конунга: он решил биться до последнего, спешившись и оградившись стеною щитов, и свершить на Пеленнорской равнине подвиги, достойные песен, хоть и некому будет воспеть последнего конунга Ристании. Он въехал на зеленый холм и там водрузил хоругвь; и Белый Конь, казалось, поскакал на ветру.

*Выехав из тумана, из тьмы навстречу рассвету,
Пел я солнечным утром, обнажая свой меч.
Теперь надежде конец, и сердце мое точно рана.
Остались нам ярость, и гибель, и кровавый закат!*

Такие сказал он стихи, сказал — и рассмеялся. Ибо вновь охватило его упоение битвы: он был еще невредим, был молод, и был он конунг, достойный своего воинственного народа. С веселым смехом отчаяния он снова взглянул на черную армаду, грозя ей мечом.

Взглянул — и вдруг изумился и вне себя от радости высоко подбросил меч, блеснувший на солнце; поймал его и запел. И все посмотрели на Реку: над передним кораблем взвилось черное знамя, а корабль повернул к Харлонду, и ветер расплеснул полотнище. На знамени было Белое Дерево, как и на стягах Гондора, но вокруг его кроны семь звезд, а поверх — венец. Такого знамени, знамени Элендила, уже тысячи лет не видел никто. А звезды лучились на солнце, ибо жемчугом вышила их Арвен, дочь Элронда, и ярко блистал в полуденном свете венец из мифрила с золотом.

Так явился Арагорн, сын Арахорна, Элессар, наследник Элендила: он прошел Стезей Мертвецов и с попутным ветром приплыл в свое княжество Гондор от морских берегов. Ристанийцы заливались радостным смехом и потрясали мечами; в ликующем городе гремели трубы и звонили колокола. А мордорские полчища растерянно взирали, как — по волшебству, не иначе — на черных пиратских кораблях Умбара подплывают враги Властелина, и в ужасе понимали, что настала неминуемая гибель, что участь их решена.

Гондорские дружины ударили с запада на троллюдов, варгов и орков, ненавидящих солнце. Конники Эомера устремили копья на юг, и бежали от них хордримцы, угодив между молотом и наковальней. Ибо на Харлондские пристани прыгали воины за воинами и с ходу бросались в бой. Был среди них Леголас, был Гимли, крутивший секирой, и Гальбарад-знаменосец, и Элладан с Элроиром, и суровые витязи, северные Следопыты, а следом — тысячи ратников из Лебеннина, Ламедона и с гондорского приморья. Но впереди всех мчался Арагорн — на лбу его сиял алмазом венец Элендила, в руке сверкал меч, нареченный Андрилом: издревле он звался Нарсил, был сломан в бою и теперь, перекованный заново, пламенел грозно, как встарь.

И съехались посреди поля брани Эомер с Арагорном; они соскочили с коней, оперлись на мечи и радостно взглянули друг на друга.

— Вот мы и встретились, прорубившись сквозь полчища Мордора, — сказал Арагорн. — Помнишь, я предсказывал тебе это в Горнбурге?

— Да, предсказывал, — отозвался Эомер, — однако надежда обманчива, а я не ведал, что ты прозреваешь грядущее. Но вдвойне благословенна нежданная помощь, и никогда еще не было встречи отрадней. — И они крепко пожали друг другу руки. — В самую пору встретились мы, — прибавил Эомер. — Еще бы немного, и ты запоздал. Нас постигли горестные утраты.

— Что ж, сперва расплатимся, поговорим потом! — сказал Арагорн, и они поехали в битву бок о бок.

* * *

Сражаться пришлось еще долго, и жестокое было сражение: суровые, отважные южане дрались отчаянно, да и дюжие воины-бородачи с востока пощады не просили. У обгорелых усадеб и амбаров, на холмах и пригорках, за стенами и в открытом поле — повсюду скапливались они и везде отбивались, куда хватало сил; бои не утихали до самого вечера.

Наконец солнце скрылось за Миндоллуином, и все небо запылало: точно окровавились горные склоны, огненно-красной стала Река и закатный багрянец разлился по траве Пеленнорской равнины. К этому часу закончилась великая битва за Гондор, и в пределах Раммас-Экора не осталось ни одного живого недруга. Перебиты были все; беглецов догоняли и приканчивали, а другие тонули в алой пене андуинских волн. Может, кому и удалось добраться до Моргула или до Мордора, но хородримской земли достигли лишь отдаленные слухи о беспощадной карающей деснице Гондора.

Арагорн, Эомер и Имраиль ехали к городским воротам, все трое утомленные до изнеможения. И все трое невредимые: то ли судьба их оберегала, то ли богатырская сила и воинское уменье; правда, редкий недруг дерзал сразиться с ними, от их гнева бежали, как от огня. А раненых и изувеченных было множество, и многие пали в этой битве. Изрубили бердышами Форлонга: он пеший бился в одиночку с толпою врагов; Дуилина с Мортхонда и брата его растоптали мумаки, когда мортхондские лучники стреляли чудовищам в глаза. Не вернулся к себе на Изумрудные Холмы Гирлуин Белокурый, воевода Гримблад не вернулся в Гримдол, и в свой северный край не вернулся Гальбарад Следопыт. Жестокая это была сеча, и никто не счел павших — вождей и простых воинов, прославленных и безымянных. И спустя много лет вот как пел ристанийский сказитель о могилах у Мундбурга:

*Затрубили рога в предгорьях перед рассветом,
Засверкали мечи на великой южной равнине,
В Каменную страну примчались быстрые кони,
Точно утренний ветер. И завязалась битва.
Теоден, сын Тенгела, пал среди первых.
Не вернулся могучий вождь ристанийского ополченья
К своим золотым чертогам, в свои зеленые степи,
В северные просторы. Гардинг и Гутлаф,
Дунгир, и Деорвин, и доблестный Гримблад,
Гирфара и Герубранд, Хорн и дружинник Фастред —
Все они пали, сражаясь в чужедальнем краю,
И лежат в могилах у Мундбурга, засыпаны тяжелой землею,
А рядом лежат их соратники, гондорские вожди.
Гирлуин Белокурый не принес победную весть
На холмы побережья; и к своим цветущим долинам,
В свой Лоссарнах не вернулся старый вояка Форлонг.
Высокорослые лучники, Деруфин с Дуилином,
Не возвратятся к Мортхонду, что приосенен горами,
Не заглянут в темные воды своей родимой реки.
Смерть собирала жатву утром и на закате,
Острым серпом срезая ратников и воевод.
Спят они беспробудно, и на холмах могильных
Колышутся тучные травы у Великой Реки.
Струит она серые воды, точно серые слезы,
Они серебром отливают, а тогда были точно кровь,
И волны ее клубились и брызгали алою пеной,
И маяками горели на закате вершины гор.
Красная пала роса в тот вечер на Пеленнор.*

Глава VII Погребальный костер

Призрак исчез, и зияли пустые Врата, но Гэндальф оставался неподвижен. А Пин вскочил на ноги: его словно отпустило, и он стоял, внимая звонкой перекличке рогов, и сердце его, казалось, вот-вот разорвется от радости. До конца своей жизни он замирал со слезами на глазах, заслышав издали звук рога. Но вдруг он вспомнил, зачем прибежал, и кинулся вперед. В это время Гэндальф шевельнулся, что-то сказал Светозару и поехал к Вратам.

— Гэндальф, Гэндальф! — закричал Пин, и Светозар стал.

— Ты что тут делаешь? — сказал Гэндальф. — Не знаешь разве здешнего закона — стражам в черно-серебряном запрещено отлучаться из цитадели без позволения Градоправителя!

— А он позволил, — сказал Пин. — Он меня прогнал. Только вот как бы там ни случилось чего-нибудь ужасного. По-моему, правитель не в своем уме. Боюсь, он и себя убьет, и Фарамира. Может, ты его как-нибудь вразумишь?

Гэндальф посмотрел в пролом ворот: с поля все громче доносился шум битвы.

— Мне надо туда, — сказал он. — Черный Всадник, того и гляди, вернется, и беды не миновать. Нет у меня времени.

— Но Фарамир-то! — вскрикнул Пин. — Он же не умер, а его сожгут заживо, если никто не помешает!

— Сожгут заживо? — повторил Гэндальф. — Что еще за новости? Быстрее выкладывай!

— Денэтор отправился в Усыпальню, — заторопился Пин, — и с ним понесли Фарамира, и он сказал, что все мы сгинем в огне, а он дожидаться не будет, пусть приготовят костер и сожгут его вместе с Фарамиром. И послал за поляньями и маслом. Я сказал Берегонду, но он вряд ли уйдет с поста, он на часах. Да и куда ему против Денэтора? — Пин выложил все вперемешку и трогал дрожащей рукой Гэндальфа за колено. — Ты не можешь спасти Фарамира?

— Наверно, могу, — сказал Гэндальф, — но пока я буду его спасать, боюсь, погибнут другие. Что ж, пошли — тут никто больше, пожалуй, не сумеет помочь. Но помощь моя наверняка худо обернется. Да, от лиходейской порчи никакие стены не защитят. Враг проникает изнутри.

Приняв решение, он не мешкал: подхватил Пина, посадил его перед собой и переговорил со Светозаром. Они поскакали вверх по улицам Минас-Тирита, а гул за спиною нарастал. Повсюду люди, очнувшись от ужаса и отчаяния, хватали оружие и кричали друг другу: «Мустангримцы пришли!» Слышались команды, ратники строились и спешили к разбитым Вратам.

Им встретился князь Имраиль, он их окликнул:

— Куда же ты, Митрандир? Мустангримцы уже сражаются на гондорской равнине! Нам надо собрать все силы!

— Выводи ратников всех до единого, — сказал Гэндальф. — И не теряй ни минуты. Я буду, как только смогу, но сейчас у меня неотложное дело к Градоправителю. Прими войско под начало!

На высоте, близ цитадели, в лицо им подул ветер, вдали забрезжило утро, и озарился южный небосклон. Но им от этого было мало радости: они предчувствовали недоброе и боялись опоздать.

— Темень рассеивается, — сказал Гэндальф, — но город все еще в сумраке.

У ворот цитадели стража не оказалось.

— Ага, Берегонд пошел туда, — сказал Пин, и у него полегчало на сердце. Они свернули на дорогу к Запертой Двери. Дверь была распахнута настежь, привратник лежал убитый: должно быть, у него отобрали ключи.

— То-то Враг порадует! — сказал Гэндальф. — Ему как раз такие дела по нутру: свой разит своего и оба по-своему верны долгу.

Он спешился и отослал Светозара в конюшню.

— Друг мой, — сказал он, — нам бы с тобою давно надо скакать в поле, да вот пришлось задержаться. Я скоро позову тебя!

Они вошли в дверь и спустились крутой извилистой дорогой. Светало, высокие колонны и статуи казались шествием привидений.

Внезапно тишину нарушили крики и звон мечей — такого здесь, в священной обители покоя, не бывало никогда со времен построения города. Наконец они вышли на Рат-Динен и поспешили к Усыпальне Наместников: ее высокий купол смутно виднелся в полумраке.

— Стойте! Стойте! — крикнул Гэндальф, подбегая к каменному крыльцу. — Остановитесь, безумцы!

На верхней ступени Берегонд в черно-серебряном облачении стража цитадели отражал слуг Денэтора с факелами и мечами в руках. Двоих он уже зарубил, и кровь их обагрила крыльцо Усыпальни; остальные, нападавая, выкрикивали проклятья мятежнику и предателю.

И Гэндальф с Пином услышали из склепа голос Денэтора.

— Скорее, скорее! В чем там дело? Убейте изменника! Без меня, что ли, не справитесь? — И дверь, которую Берегонд придерживал левой рукой, распахнулась; появился Градоправитель, величественный и грозный, с обнаженным мечом. Глаза его сверкали.

Но взбежал по ступеням Гэндальф, и казалось, будто вспыхнула ослепительно белая молния; слуги попятнулись, заслоняя глаза. Он гневно воздел руку, и занесенный меч Денэтора отлетел и упал позади, в могильной тени, а сам Денэтор изумленно отступил на шаг.

— Это как же, государь мой? — спросил маг. — Живым не место в склепах. И почему здесь блещут мечи, когда все ратники выходят на поле боя? Или Враг уже здесь, пробрался на Рат-Динен?

— С каких это пор повелитель Гондора в ответе перед тобой? — отозвался Денэтор. — Может, и слуги мои мне неподвластны?

— Подвластны-то они подвластны, — сказал Гэндальф. — Но если тобою владеют безумье и злоба, то власть твою можно и оспорить. Где твой сын Фарамир?

— Лежит в Усыпальне, — сказал Денэтор, — и его сжигает огонь, огонь палит его изнутри. И все мы скоро сторим. Запад обречен: его пожрет великий огонь и всему конец. Останется лишь пепел! Пепел и дым разнесет ветер!

И Гэндальф увидел, что наместник Гондора поистине утратил рассудок; опасаясь за Фарамира, он двинулся вперед, и Берегонд с Пином шли следом за ним, а Денэтор отступал до самого стола. Фарамир по-прежнему лежал в лихорадочном забытии. Под столом и вокруг него громоздились поленья, обильно политые маслом, и маслом были облиты одежды Фарамира и покрывало. Тогда Гэндальф явил сокрытую в нем силу, подобно тому как являл он свою светоносную власть, откинув серую хламиду. Он вскочил на грудь поленьев, легко поднял Фарамира, прыгнул вниз и понес его к дверям. А Фарамир засто-

нал, в бреду призывая отца.

Денэтор словно очнулся, огонь погас в его глазах, полились слезы, и он промолвил:

— Не отнимай у меня сына! Он зовет меня.

— Да, он зовет тебя, — сказал Гэндальф, — но подойти к нему тебе нельзя. Он ищет целительной помощи на пороге небытия — не знаю, найдет ли. А тебе надлежит сражаться за свой осажденный город, выйти навстречу смерти. И сам ты все это знаешь.

— Нет, ему уже не помочь, — сказал Денэтор. — И сражаться незачем. Чего ради растягивать ненужную жизнь? Не лучше ли умереть вместе, с ним заодно?

— Не волен ты, наместник, преуказывать день и час своей смерти, — отвечал ему Гэндальф. — Одни лишь владыки древности, покорствуя темным силам, назначали этот час и, одержимые гордыней и отчаянием, убивали себя, а заодно и родню, чтоб легче было умирать.

И Гэндальф вынес Фарамира из склепа и положил его на ложе, на котором его принесли: оно стояло у сводчатых дверей. Денэтор вышел вслед за ним и, содрогаясь, глядел на распростертого сына, не отрывая глаз от его лица. Все замерли, все молчали в ожидании слова правителя, а он колебался.

— Пойдем же! — сказал Гэндальф. — Пойдем, нас давно ждут. Ты нужен на поле брани.

И вдруг Денэтор расхохотался. Он выпрямился, высокий и горделивый, быстрыми шагами отошел к мраморному столу, взял свое подголовье, вынес его к дверям, раскутал — и все увидели, что в руках у него *палантин*. Он поднял его, и камень озарил огненным светом впалое лицо правителя: казалось, оно высечено из гранита, жесткое, надменное и устрашающее. И снова зажглись его глаза.

— Гордыней, говоришь, и отчаянием! — воскликнул он. — Ты, верно, думаешь, что окна Белой Башни — незрячие бельма? Откуда знать тебе, Серый Глупец, сколь много я отсюда вижу? Надежды твои — от неведенья. Иди исцеляй полумертвых! Иди сражайся с победителями! Все понапрасну. Ну, может, и одержите вы победу в сраженье — на день-другой. Но удар, занесенный над вами, не отразить. Лишь один малый коготок протянулся к Минас-Тириту. Несчетны воинства Востока. И даже сейчас ты сдуру радуешься ветру, который влечет вверх по Андуину армаду под черными парусами. Запад обречен! И тем, кто не хочет умереть в рабстве, надо скорей расставаться с жизнью.

— Такие речи на руку Врагу и взаправду сулят ему победу, — сказал Гэндальф.

— Что ж, тешься надеждой! — захохотал Денэтор. — Я вижу тебя насквозь, Митрандир! Ты надеешься править вместо меня, хочешь исподтишка подчинить себе престолы Севера, Юга и Запада. Но все твои замыслы я разгадал. Думаешь, я не знаю, что ты строго-настрога велел этому вот невысоклику держать язык за зубами? Что ты приставил его шпионить за мной у меня во дворце? Однако же я выведал у него всю подноготную про всех твоих спутников. Так-то! Ты, значит, левой рукою подставлял меня, точно щит, заслоняясь от Мордора, а правой манил сюда северного Следопыта, чтобы посадить его на великокняжеский престол!

Нет, Митрандир, или Гэндальф, или как тебя там! Я — наместник, постав-

ленный потомком Анариона, и негоже мне становиться слабоумным прислужником какого-то выскочки. Если даже он и впрямь наследник, то всего лишь дальний наследник Исильдура. Что мне до этого последыша захудалого рода, давным-давно лишённого власти и достоинства?

— А будь воля твоя, чего бы ты хотел? — спросил Гэндальф.

— Я хочу, чтобы все и дальше оставалось так, как было при мне, — отвечал Денэтор, — как было исстари, со времен моих далеких предков: хочу править Гондором в мире и покое — и чтобы мне наследовал сын, который будет сам себе хозяином, а не подголоском чародея. Если же мне в этом отказано судьбою, то я не хочу *ничего* — ни униженной жизни, ни умаленной любви, ни попорченной чести.

— Не пойму я, как это возвращенье законного Государя унижает, умаляет и бесчестит верного наместника, — сказал Гэндальф. — Да и сын твой пока что жив — ты не вправе решать за него.

При этих словах глаза Денэтора запылали пуще прежнего: он взял камень под мышку, выхватил кинжал и шагнул к ложу. Но Берегонд бросился вперед и заслонил Фарамира.

— Ах, вот как! — воскликнул Денэтор. — Мало тебе украсть у меня половину сыновней любви, ты еще и слуг моих соблазнил, и теперь у меня нет сына. Но в одном ты не властен мне помешать: я умру, как должно!.. Ко мне! — приказал он слугам. — Ко мне, кто из вас не предатели!

И двое из них взбежали к нему по ступеням. Он выхватил факел у первого и ринулся назад, в склеп. Гэндальф не успел остановить его: поленья с треском вспыхнули, взвилось и загудело пламя.

А Денэтор одним прыжком вскочил на стол, поднял свой жезл, лежавший в изножье, и преломил его о колено. Потом он швырнул обломки в костер, поклонился — и лег навзничь, обеими руками прижимая к груди *палантир*. Говорят, если кому случалось потом заглянуть в этот Зрячий Камень и если не был он наделен особой властью подчинять себе палантиры, то видел в нем лишь скрюченные старческие руки, обугливающиеся в огне.

Негодую и скорбя, Гэндальф отступил и затворил двери. Он молча стоял в раздумье у порога: все слушали завыванье пламени, доносившееся из склепа. Потом раздался страшный выкрик, и больше на земле Денэтора не видели и не слышали.

* * *

— Таков был конец Денэтора, сына Эктелиона, — промолвил Гэндальф и обернулся к Берегонду и к застывшим в ужасе слугам. — И вместе с ним навеки уходит в прошлое тот Гондор, в котором вы жили: к добру ли, к худу ли это, но дни его сочтены. Здесь пролилась кровь, но вы отриньте всякую злобу и не помышляйте о мести: вашей вины в том нет, это лиходейские козни. Даже верность присяге может оказаться пагубной, запутать в хитрых сетях Врага. Подумайте вы, верные слуги своего господина, слепо ему повиновавшиеся: ведь если бы не предательство Берегонда, то Фарамир, верховный начальник стражи Белой Башни, сгорел бы вместе с отцом.

Унесите погибших товарищей с этой злосчастной улицы Безмолвия. А мы отнесем Фарамира, ныне наместника Гондора, туда, где он, быть может, очнет-

ся или уснет навеки.

И Гэндальф с Берегондом подняли ложе и понесли его прочь от склепов, к Палатам Врачеванья, а Пин, понурившись, брел следом. Но слуги Правителя стояли как вкопанные, не в силах оторвать глаз от Усыпальни. Когда Гэндальф и спутники его миновали Рат-Динен, послышался гулкий треск. Обернувшись, они увидели, что купол склепа расселся, извергая клубы дыма. С грохотом обрушилась каменная гряда в бушующий огонь, но пламя не утасло, и языки его плясали и взвивались посреди развалин. Лишь тогда слуги встрепенулись и, подняв трупы, поспешили вслед за Гэндальфом.

* * *

У Фен-Холлена Берегонд скорбно поглядел на убитого привратника.

— Никогда себе этого не прощу, — сказал он. — Но я себя не помнил от спешки, а он даже слушать не стал и обнажил меч.

И, вынув ключ, отобранный у мертвеца, он затворил и запер дверь.

— Ключ теперь надо отдать государю нашему Фарамиру, — сказал он.

— Пока что его заменяет правитель Дол-Амрота, — сказал Гэндальф, — но он при войске, и здесь распорядиться буду я. Оставь ключ у себя и храни его, пока в городе не наладят порядок.

Наконец они вышли на верхние ярусы и в еще неверном утреннем свете направились к Палатам Врачеванья, красивым особнякам, где прежде лечили тяжелобольных, а теперь — опасно и смертельно раненных. Они находились недалеко от ворот цитадели, в шестом ярусе у южной стены, и возле них были сад и роща — для Минас-Тирита диво дивное. Хозяйничали там женщины, которым позволили остаться в городе, ибо они помогали врачевать и были хорошими сиделками.

Когда Гэндальф с Берегондом поставили ложе у главного входа в Палаты, с поля битвы, из-за нижних Врат, вдруг послышался, раздирая уши, иступленный, пронзительный вопль; ветер унес его, и он стих где-то в поднебесье. Вопль был ужасен, и все трое на миг замерли, но, когда он отзвучал, они вздохнули полной грудью, как не дышалось ни разу после нашествия тьмы с востока, и засияло утро, и солнце пробилось сквозь тучи.

* * *

Но лицо Гэндальфа было сурово и печально, он велел Берегонду с Пином отнести Фарамира в Палаты, а сам взошел на ближнюю стену; словно белое изваянье, стоял он, озаренный солнцем, и всматривался в даль. Его взгляду, не по-земному зоркому, открылось все, что произошло; и когда Эомер, оставив войско, подъехал и спешил к простертым телам, Гэндальф тяжело вздохнул, завернулся в плащ и спустился со стены. Берегонд и Пин вскоре вышли; он задумчиво дожидался их у дверей.

Они поглядели на него, и наконец он прервал молчанье.

— Друзья мои! — сказал он. — Ты, защитник столицы Гондора, и ты, маленький житель западного края! Великий подвиг свершился ценою великого горя. Плакать нам или радоваться? Мы и надеяться не смели, что лютый наш недруг сгинет; но этот неистовый вопль возвестил о его гибели. Однако же

и нас постигла тяжкая утрата. Я мог отвратить ее, когда б не безумие Денэтора. Нет, от Врага в крепостях не укроешься. Но теперь-то я знаю, как ему удалось проникнуть в глубь самой мощной крепости.

Я давно догадался, что здесь, в Белой Башне, сокрыт хотя бы один из Семи Зрячих Камней, и напрасно наместники мнили, будто это великая тайна. До поры до времени у Денэтора хватало мудрости не трогать палантир, не соперничать с Сауроном: он трезво ценил свои силы. Но с годами мудрости у него поубавилось, и, когда над Гондором нависла угроза, он, должно быть, в Камень заглянул — и заглядывал и обманывался, и боюсь, после ухода Боромира заглядывал слишком часто. Барад-Дур не мог подчинить его своей злой воле, но видел он только то, что ему позволялось видеть. Узнавал он немало, и многое очень кстати, однако зрелище великой мощи Мордора довело его до отчаянья и подточило рассудок.

— Теперь-то я понимаю, а тогда как испугался! — воскликнул Пин, содрогнувшись при этом воспоминании. — Он тогда вышел из чертога, где лежал Фарамир, и вернулся не скоро, а я подумал, какой он совсем другой — дряхлый, надломленный.

— Когда Фарамира внесли в Башню, многие у нас часом позже видели, как вдруг засветилось верхнее окно Башни, — сказал Берегонд. — Но такое и раньше бывало, и слух шел давно, что правитель порою единоборствует с Врагом.

— Верны, стало быть, мои догадки, — сказал Гэндальф. — Вот так и проник Саурон в Минас-Тирит, и сумел меня задержать. Придется мне здесь пока и остаться: вслед за Фарамиром принесут других раненых.

Надо спуститься к воротам и встретить их. Горестно мне то, что увидел я на равнине, и как бы ни стало еще горестнее. Пойдем со мною, Пин! А ты, Берегонд, иди в цитадель и доложи своему начальнику обо всем, что случилось. Стражем Белой Башни, боюсь, тебе уж не быть; скажи ему, однако ж, что, если он не против, я ему советую послать тебя в Палаты Врачеванья — здесь тоже нужна охрана и нужно будет выхаживать правителя Гондора. Если он очнется, хорошо бы ты был рядом, ибо ты, и никто другой, спас его от огненной смерти. Ступай! Я скоро вернусь.

И он пошел с Пином вниз по улице; в это время брызнули серые дождевые струи, смирив пожары. Дымное облако застлало город.

Глава VIII Палаты врачеванья

Глаза Мерри застилала слезы и туманила усталость, когда впереди показались разбитые ворота Минас-Тирита. Он пробирался между грудями мертвых тел и обломков, не замечая их. Носился дым, воняло гарью; догорали и тлели башни в огненных рвах вместе с трупами людей и орков и останками громадных зверей из южного края, которых закидали камнями или застрелили, целясь в глаза, храбрые лучники Мортхонда. Дождь кончился, сверкало солнце, однако же город был окутан понизу дымным смрадом.

Люди выходили из города, расчищали поле, закапывали отбросы битвы. Прибыли паланкины: Эовин бережно возложили на подушки, а тело конунга укрыли златотканым покровом. Впереди шли факельщики, и бледный в солнечном свете огонь метался по ветру.

Так внесли Теодена и Эовин в столицу Гондора, и все встречные склоня-

лись, обнажив головы. Прошли сквозь дым и пепел первых ярусов и стали подниматься по нескончаемым каменным улицам. Мерри казалось, что так всегда и будет, что его затягивает безысходное сновидение, что так ему будто и надо идти, идти и идти к неведомому концу, где никакая память не поможет.

Далеко-далеко еще раз мелькнули и исчезли факельные огни; он брел в темноте и думал: «Этот узкий путь ведет в могилу, там и отдохну». Но вдруг его мертвящий сон нарушил живой голос:

— Мерри, ну наконец-то! Нашелся все-таки!

Он поднял взгляд, и туман немного рассеялся. Перед ним стоял Пин! Узкая улочка, их двое, и никого больше. Он протер глаза.

— Где конунг? — сказал он. — И где Эовин? — Он споткнулся, присел на крыльцо и снова заплакал.

— Они там, в цитадели, — сказал Пин. — Я уж подумал, ты заснул на ходу и забрел невесть куда. Мы когда увидели, что тебя нет, Гэндальф послал меня: ищи, говорит, без него не возвращайся. Ну, Мерри, ну, старина! Да как же я рад тебя видеть! Но ты на ногах едва держишься, а я языком болтаю. погоди, тебе плохо, ты раненый?

— Да нет, — сказал Мерри. — Вроде бы и не раненый. Только, понимаешь, Пин, правая рука отнялась, как я его ударил. И меч истлел, будто веточка.

Пин тревожно глядел на него.

— Слушай, пойдём-ка, да побыстрее, — сказал он. — Не унесу я тебя, а жаль: ходок из тебя неважный. Тебе вообще-то и ходить нельзя, но ты уж прости. Такие дела в городе, просто ужас что творится — мудрено ли ненароком упустить из виду раненого хоббита.

— Иной раз не худо, ежели тебя упустят из виду, — сказал Мерри. — Меня как раз из виду упустил... нет, нет, об этом не надо. Помоги, Пин! Рука совсем оледенела, и темень перед глазами.

— Ты обопрись на меня, дружище! — сказал Пин. — Пойдем, пойдём! Потихонечку, шаг за шагом. Тут недалеко.

— До кладбища, что ли, недалеко? — осведомился Мерри.

— До какого там кладбища! — сказал Пин веселым голосом, чуть не плача от страха и жалости. — Нет, мы пойдём в Палаты Врачеванья.

* * *

Они вышли из проулка между высокими домами и стеной четвертого яруса на главную улицу, ведущую к цитадели. Шли они, и то сказать, шаг за шагом: Мерри шатался и бормотал, как во сне.

«Не доведу я его, — подумал Пин. — Хоть бы кто помог! Не оставлять же его посреди улицы».

И тут — вот чудеса! — сзади послышался топоток, и выскочил мальчишка; это был Бергил, сын Берегонда.

— Привет, Бергил! — крикнул Пин. — Куда спешишь? Я вижу ты жив-здоров, на радость отцу!

— Я на посылках у врачевателей, — отозвался Бергил. — Некогда мне с тобой.

— Да и беги себе! — сказал Пин. — Только скажи им там, что раненый хоб-

бит — ну, периан, вроде меня — кой-как доплелся с поля брани, а дальше идти не может. Митрандиру, если он там, скажи, он обрадуется.

И Бергил убежал.

«Здесь и подожду», — подумал Пин. Он опустил Мерри на мостовую в солнечном месте и уселся возле него, положив его голову себе на колени. Потом ощупал его с ног до головы и взял его руки в свои. Правая рука была ледяная.

Очень скоро явился не кто-нибудь, а сам Гэндальф. Он склонился над Мерри, погладил его по лбу, потом бережно поднял.

— Его надо было встречать с почестями, — сказал он. — Да, я в вас не обманулся, и, если бы Элронд меня не послушал, не пустил бы вас обоих в поход, куда печальней был бы нынешний день. — Он вздохнул. — Однако же вот и еще один раненый у меня на руках, а битва кто знает, чем кончится.

* * *

В Палатах Врачеванья за Фарамиром, Эовин и Мериадоком ухаживали как нельзя лучше. Ибо хотя многие древние науки и искусства были утрачены, гондорские лекари по-прежнему не знали себе равных: они умело заживляли всевозможные раны и целили все болезни, какими люди хворали в здешних краях, от Минас-Тирита до Моря. Только от старости не лечили: от нее средства найдено не было, да и жить стали гондорцы немногим дольше прочих. Редкие из них, не одряхлев, доживали до ста лет — разве что чистокровные потомки самых старинных родов. А нынче искуснейшие врачеватели стали в тупик перед новым тяжким недугом, который назван был Черной Немочью, ибо его причиняли назгулы. Пораженные этим недугом засыпали все крепче и крепче и во сне цепенели и умирали. Этот недуг, как видно, и поразил доставленных в Палаты невысоклика и ристанийскую царевну: их сразу признали безнадежными. Правда, они, когда день прояснился, заговорили сквозь сон, и сиделки ловили каждое их слово — вдруг скажут что-нибудь нужное. Однако по мере того, как солнце клонилось к западу, они все глубже впадали в забытие, и серая тень напозала на их лица. А Фарамира трясла лихорадка, не отпуская ни на миг.

Гэндальф ходил от постели к постели; сиделки ему обо всем докладывали. Так миновал день: великая битва под стенами города разгоралась и затихала, слухи были путаные и тревожные, а маг все ухаживал за ранеными, не решаясь оставить их; наконец небо окрасил алый закат, и отсвет его озарил серые лица. Казалось, они чуть-чуть порозовели, но это был лишь призрак надежды.

Старейшая из оставшихся женщин, знахарка Йорета, взглянула на прекрасное лицо умирающего Фарамира и заплакала, ибо все любили его. И сказала сквозь слезы:

— Да неужели же он умрет! Ах, если бы Государь воротился к нам в Гондор — были же когда-то у нас Государи! Есть ведь старинное речение: «В руках Государя целебная сила». Так и распознается истинный Государь.

А Гэндальф, который стоял рядом, промолвил:

— Золотые твои слова, Йорета, долго их будут помнить! Ибо они вселяют надежду: а вдруг и правда Государь воротится в Гондор? До тебя не дошли диковинные слухи?

— Мало ли чего говорят, а кричат еще больше, мне слушать недосуг, — ска-

зала она. — Лишь бы эти разбойники до нас не добрались, не потревожили раненых!

И Гэндальф поспешно ушел, а закат догорал, и угасали огненные груды на равнине, и спускались пепельно-серые сумерки.

Солнце заходило, и у городских ворот съехались Арагорн, Эомер и Имраиль; с ними были воеводы и витязи. И Арагорн сказал:

— Смотрите, какой огненный закат! Это знамение великих перемен: прежнее становится прошлым. Однако же этим городом и подвластным ему краем многие сотни лет правили наместники, и не след мне въезжать в Минас-Тирит самозванцем, побуждая к розни и кривотолкам. Нет, не войду я в свой город и не объявлюсь, доколе идет война с Мордором, исход которой неведом. Шатры мои поставят близ ворот, и здесь я буду дожидаться приглашения Градоправителя.

Но Эомер возразил:

— Ты же поднял знамя великих князей, ты явился в венце Элендила! И теперь хочешь посеять сомнения?

— Нет, — сказал Арагорн. — Просто мое время еще не пришло, я не хочу раздоров перед лицом Врага.

И тогда сказал князь Имраиль:

— Мудро ты рассудил, Государь, говорю тебе как родич Денэтора. Он старец гордый и своевольный, и темны его думы с тех пор, как погиб его сын. Однако негоже тебе и оставаться нищим у дверей.

— Почему же нищим? — сказал Арагорн. — Пока что я — северный Следопыт, а мы не привыкли ночевать в каменных домах.

И он велел свернуть знамя и снял алмазный венец, отдав его на хранение сыновьям Элронда.

Вдвоем поехали в город Имраиль с Эомером, и шумная толпа провожала их по улицам до ворот цитадели. Они вошли в тронный чертог Белой Башни, ожидая увидеть наместника. Но кресло его было пусто, а у ступеней трона под балдахином покоился Теоден, конунг ристанийский; двенадцать светильников горели вокруг, и стояли двенадцать витязей, ристанийских и гондорских. Балдахин был бело-зеленый, а конунг укрыт по грудь златотканым покровом. На груди его лежал обнаженный меч, а в ногах щит. И, подобно солнечным бликам на струях фонтана, играли отсветы факелов на густых седицах; лицо у старого конунга было прекрасное и юное, но просветленное покоем, юности недоступным; казалось, он всего лишь уснул.

Они постояли в молчании, и потом Имраиль спросил:

— А где же наместник? И где Митрандир?

Один из стражей ответил ему:

— Наместник Гондора в Палатах Врачеванья.

И тогда спросил Эомер:

— А где моя сестра, царевна Эовин? Ей должно покоиться рядом с конунгом, и подобают ей равные почести. Куда ее отнесли?

И отозвался Имраиль:

— Там, близ городских ворот, царевна Эовин была еще жива. Ты разве не знал об этом?

В сердце Эомера вспыхнула надежда, а вместе с нею такая мучительная тревога, что он, ни слова не говоря, повернулся и быстро вышел из Башни. Имраиль следовал за ним. Смеркалось, на небе высыпали звезды. У дверей Палат Врачеванья они встретили Гэндальфа, и с ним был некто в сером плаще. Они отдали магу поклон и обратились к нему:

— Мы ищем наместника, нам сказали, он здесь. Неужели он ранен? А царица Эовин — где она, ты не знаешь?

И Гэндальф отвечал им:

— Царица здесь, и она жива, хоть и близка к смерти. Фарамир, как вы знаете, ранен отравленным дротиком, и теперь он наместник Гондора, ибо Денэтора нет в живых и прах его испепелен.

Они внимали ему скорбно и удивленно. И сказал Имраиль:

— Не в радость нам стала победа: она куплена горькой ценой, коли нынче Гондор с Ристанией лишились своих государей. Эомер будет править мустангримцами, но как же Минас-Тирит? Не послать ли за Государем Арагорном?

— Он уже пришел, — сказал человек в плаще.

И выступил вперед; свет фонаря над дверями озарил его, и они узнали Арагорна, надевшего лориэнский плащ поверх кольчуги. Венца на нем не было, но брошь, подарок Галадриэли, осталась у него на груди.

— Я пришел сюда по слову Гэндальфа, — сказал он. — Но сейчас я не более и не менее, чем вождь арнорских дунаданцев; препоручаю Град Имраиллю, покуда не очнется Фарамир. И советую ему в главном довериться Гэндальфу — да будет он нашим общим правителем в эти грозные дни.

Все были согласны, и Гэндальф сказал:

— Не будем же медлить у дверей, время не ждет. Пойдемте! Для раненых нет надежды помимо Арагорна. Ибо сказала гондорская знахарка Иорета: *В руках Государя целебная сила, и так распознается истинный Государь.*

Арагорн вошел первым; за дверями стояли двое часовых в облачении стражей цитадели — один рослый, другой сущий мальчик. При виде Арагорна он подскочил и вскрикнул от радости и удивленья:

— Бродяжник! Вот это да! Я ведь сразу понял, что там, на черных кораблях, ты и плывешь, а кому же еще! А все орут: «Пираты! Пираты!» — разве их перекричишь? Как это у тебя получилось-то?

Арагорн рассмеялся и пожал хоббиту руку.

— Рад тебя видеть! — сказал он. — Погоди, потом расскажу.

А Имраиль сказал Эомеру:

— Подобаает ли так говорить с Государем? Впрочем, может статься, он будет царствовать под другим именем!

Арагорн услышал его и сказал, обернувшись:

— Да, имя будет другое, ибо по-древнему я зовусь *Элессар*, Эльфийский Берилл, и еще *Энвинъятар*, Обновитель. — И он явил взорам зеленый самоцвет, блеснувший у него на груди. — Однако если мне суждено основать царственный дом — что ж, так и быть, я нарекусь Бродяжником. Не так уж страшно это и звучит на языке былых времен: буду я зваться *Телконтаром* и завещаю это имя наследникам.

Они прошли в Палаты, и по пути Гэндальф поведал о подвиге Эовин и Мериадока.

— Долгие часы, — сказал он, — склонялся я над ними, внимая бессвязным речам, пока их не затянула предсмертная темнота. Правда, я и раньше многое увидел издали.

Арагорн сперва подошел к Фарамиру, потом к Эовин и Мерри. Он осмотрел их, поглядел на бескровные лица и тяжело вздохнул.

— Не знаю, сумею ли я помочь и хватит ли у меня сил, — сказал он. — Сделаю все, что смогу. Элронда бы сюда, старейшего из дунаданцев, он великий целитель.

Видя, как он устал и удручен, Эомер спросил:

— Может, тебе сначала отдохнуть или немного подкрепиться?

Но Арагорн ответил:

— Нет, для этих троих время истекает; для Фарамира как бы уже не истекло. Тут медлить нельзя.

И он обратился к Иорете:

— Запасены у вас в Палатах снадобья и целебные травы?

— Конечно, ваша милость, — сказала она, — только маловато осталось, разве напасешься. Да и где их сейчас взять, повсюду безобразия, огонь, пожары, посыльных раз-два и обчелся, и куда их посылать, дороги-то перекрыты! Уж, право, не помню, когда был подвоз из Лоссарнаха. Справляемся с тем, что есть, но, может, чего и недостает, сами посмотрите.

— Посмотрю, — сказал Арагорн. — Больше всего недостает у нас времени на разговоры. *Целема* у вас есть?

— Может быть, и есть, не знаю, сударь, — отвечала она, — но название мне незнакомо. Сейчас позову нашего травоведа: он знает все старинные названия.

— По-простому ее в Гондоре, кажется, называют *княженицей*, — сказал Арагорн. — Ну?

— Ах, вот вы о чем! — сказала Иорета. — Сразу бы назвали как следует, я бы сразу вам и ответила. Нет, этой травы у нас нет, я совершенно уверена. Ну что вы, тем более нет в ней и никакой целебной силы, травка и травка, только что листья большие: бывало, мы с сестрами набредали на нее в лесу, и я говорила: «Это надо же, княженица — вот уж назвали, не пойму отчего: была бы я княгиней, не такие бы травы росли у меня в саду!» Духовитая, правда, если ее растереть. Духовитая, может, не то слово; у нее такой, знаете, живительный запах.

— Вот-вот, живительный, — сказал Арагорн. — И если вы, сударыня, взаправду любите правителя своего Фарамира, то без лишних слов и так же быстро, как они у вас вылетают, обыщите весь город и добудьте мне княженицы, хоть один листок.

— А если в городе ее нет, — добавил Гэндальф, — придется мне ехать в Лоссарнах с Иоретой: сестер ее навещать не будем, а княженицу найдем. Вот сядет она на Светозара — поймет, что значит «быстрее».

* * *

Иорета ушла, и Арагорн велел женщинам вскипятить воды. Потом взял руку Фарамира и потрогал его лоб, обильно увлажненный холодной испариной. Но Фарамир не шелохнулся, он уже почти не дышал.

— Отходит, — сказал Арагорн, повернувшись к Гэндальфу. — И не в ране

его беда. Погляди, рана подживает. Если бы его поразил дротик назгула, он бы умер прошлой ночью. Наверно, дротик был хородримский. Кто его выдернул? Его сохранили?

— Выдернул я, — сказал Имраиль, — и рану я перевязывал. А дротик выбросил, хранить его мне и в голову не пришло, не до того было. Теперь я вспоминаю: да, обыкновенный хородримский дротик. Но я-то подумал, что его метнули сверху — с чего бы иначе Фарамир так занемог? Рана была неглубокая. В чем же тогда, по-твоему, дело?

— Смертельная усталость, душа не на месте из-за отца. Тут еще рана, а главное — Черная Немочь, — сказал Арагорн. — Он противился ей с железным упорством: ведь мертвенная тень нависала над ним задолго до битвы у крепости. Ну, и одолела все-таки Немочь, когда он бился из последних сил. Да, похоже, что я опоздал!

Тут явился травовед.

— Ваша милость изволили спрашивать *княженицу*, как ее называют в народе, — сказал он, — иначе говоря, *ацэлас*, или *целему*, которая звалась по-валинорски...

— Именно ее я изволил спрашивать, — перебил Арагорн, — и неважно, где она звалась *ацеа аранион*, а где *княженицей*; есть она у вас?

— С вашего позволения, сударь! — сказал тот. — Я вижу, ваша милость не только воитель, но и знаток древних сказаний. Но увы, сударь, нет у нас в Палатах Врачеванья упомянутой травы, ведь мы здесь пользуем лишь тяжелобольных или тяжелораненых. Между тем упомянутая трава особой целебной силы не имеет, она лишь очищает воздух, источая легкое благоухание, ну, пожалуй, еще бодрит немного. Не судить же о ней по старинным стишкам, которые, может статься, помнит и наша добрая Йорета:

*Если похолодеет день,
Если смерть подступит, как тень,
Спасенье в целеме — она
Поможет тебе одна
И, дана Государя рукой,
Дарует целебный покой.*

Смысла в них, сами изволите видеть, ни на грош, но мало ли что застревает в памяти старух знахарок. Впрочем, кое-кто — верно, тоже по старой памяти — пользуется настоем целемы головную боль.

— Именем Государя заклинаю, — воскликнул Гэндальф, — пройдите скорее по домам: быть может, у какого-нибудь не столь многомудрого старца она и правда сыщется!

Арагорн опустился на колени у ложа Фарамира, положил руку ему на лоб — и те, кто был в палате, стали свидетелями тяжкого боренья. Лицо Арагорна посерело от усталости, время от времени он призывал Фарамира, но зов его звучал все тише, как бы издали, будто он уходил в какую-то темную узкую долину, искал того, кто там заблудился.

Впопыхах прибежал Бергил с шестью длинными листьями в тряпице.

— Вот княженица, сударь, — сказал он, — только не очень-то свежая, недели уж две как сорвана. Такая годится или нет? — И, поглядев на Фарамира, он

расплакался.

— Сгодится и такая, — сказал Арагорн, улыбаясь ему. — Кажется, худшее позади. Оставайся в палате и приободришься!

Он взял два длинных листа, подышал на них, растер в ладонях — и в палате повеяло живительной свежестью, точно самый воздух заискрился и затрепетал. Затем он опустил листья в принесенную чашу с кипятком, и у всех посветлело на душе: пахнуло росистым утром в том лазурном краю, о котором даже сиянье земной весны — лишь бледное напоминанье. Арагорн легко поднялся на ноги и с улыбкой в глазах поднес чашу к бледному лицу Фарамира.

— Ну и ну! Кто бы мог подумать? — обратилась Йорета к сиделке. — Травка-то, оказывается, не простая. Мне вспомнился Имлот-Мелуи — я ведь там выросла, и розы там такие, хоть Государя ими венчай.

Вдруг Фарамир пошевелился, открыл глаза, увидел склоненного над ним Арагорна — и взгляд его засветился радостью узнаванья, и он тихо промолвил:

— Государь, ты вызвал меня из тьмы. Приказывай — я повинуюсь.

— Очнись и бодрствуй, не блуждай более в сумраке, — сказал ему Арагорн. — Перемогай усталость, отдохни, подкрепишься и жди моего прихода.

— Исполню все, как велишь, — отвечал Фарамир. — Государь воротился в Гондор, и с ним одоление немочей!

— Так до свидания же! — сказал Арагорн. — Я пойду к другим раненым.

И он вышел из палаты с Имраилем и Гэндальфом, а Берегонд и сын его остались возле Фарамира, они себя не помнили от счастья. Пин пошел за Гэндальфом и, притворяя дверь, услышал возглас Йореты:

— Государь! Нет, вы слышали? А я что говорила? Я же сказала: «В руках Государя целебная сила».

И вскоре по городу разнеслась молва, что в Минас-Тирит явился Государь, что он не только воитель, но и целитель.

Подойдя к Эовин, Арагорн сказал:

— Страшный удар был ей нанесен, и жестокое она получила увечье. Но сломанную руку перевязали искусно, и рука срастется — стало бы сил выжить. Перебита левая рука, однако смертью грозит ей правая — та, в которой был меч. Она хоть и цела, но омертвела.

Злой рок выпал царевне: чтобы сразиться с таким могучим и ужасным противником, надо быть тверже стали, иначе непомерное усилие стубит тебя самого. А она вступила в гибельный поединок — она, прекрасная дева, украшение царственного рода. И мнится мне, что она искала испытанья превыше сил. Когда я впервые увидел ее, я был поражен: она сияла, как лилия, стройная и горделивая, но не хрупкая, а точно выкованная из стали эльфийскими искусниками. Или, может быть, подобная оледенелому цветку, скорбно-пленительному и обреченному смерти. Ведь скорбь снедала ее давно, не так ли, Эомер?

— Дивлюсь я, Государь, что ты обратился ко мне, — отвечал тот. — Я ничуть не виню тебя, ты и здесь безупречен; однако же сестра моя Эовин, покуда не довелось ей увидеть тебя, вовсе не была подобна оледенелому цветку. Мы разделяли с нею тревоги и заботы в те злосчастные времена, когда Гнилоуст правил именем конунга; конечно, ей приходилось горевать. Но скорбь ее не

снедала!

— Друг мой, — сказал ему Гэндальф, — ты разъезжал на любимом коне по ристанийским полям и сражался с врагами, а она, хоть и родилась женщиной, не уступит тебе ни отвагой, ни силою духа. И однако же она осуждена была ухаживать за стариком, которого любила, как отца, и видеть, как он впадает в жалкое слабоумие. Незавидной, наверно, казалась ей участь клюки дряхлого старца, а такова и была ее участь.

Ты думаешь, Гнилоуст отравлял только слух Теодена? «Слабоумный выродок! Твой Дом Эорла — навозный хлев, где пьяные головорезы вповалку храпят на блевотине, а их вшивое отродье ползает среди шелудивых псов!» Помнишь эти слова? Их произнес Саруман, наставник Гнилоуста. О, конечно, Гнилоуст выражался хитрее и осмотрительнее. А сестра твоя молчала из любви к тебе, из преданности долгу — иначе с губ ее могли бы сорваться очень жестокие речи. Но кто знает, какие слова повторяла она в одиночестве, в глухие ночные часы, когда вся жизнь ее казалась ей загубленной, а дворец — темницей или золоченой клеткой?

Эомер промолчал, глядя на сестру и заново перебирая в памяти прошедшие годы. Арагорн же сказал:

— Я знаю, о чем ты говоришь, Эомер. И поверь мне, горестно и мучительно видеть любовь, которой из-за тебя суждено остаться безответной. Тоска грызла мое сердце, когда я оставил опечаленную царевну в Дунхерге и ступил на Стезю Мертвецов; и на страшном этом пути страшнее всего мне было за нее. Но все-таки скажу тебе, Эомер, что тебя она любит по-настоящему, знает и любит, а я лишь пробудил в ней взлелеянные мечты о славе, о подвигах, о дальних краях.

Быть может, я и смогу вернуть ее из долины мрака. Но что ее ждет здесь — надежда, забвение или отчаяние, этого я не знаю. Если отчаяние, то она все равно умрет, его исцелить я не властен. Увы! Неужели она исчахнет, оваянная славой!

Арагорн склонился и поглядел ей в лицо, и оно было белее лилии, холоднее снега, тверже каменного изваяния. Но он поцеловал ее в лоб и тихо промолвил:

— Эовин, дочь Эомунда, очнись! Враг твой повержен!

Сперва она не шелохнулась, потом задышала глубоко и ровно, и грудь ее вздымалась под белым полотном покрывала. И снова Арагорн растер два листа целемы, опустил их в кипяток и настоем увлажнил ее чело и правую руку, безжизненную и оцепенелую.

То ли Арагорн и вправду владел забытым волшебством древнего Запада, то ли неслышный отзвук сказанного о царевне Эовин таинственно смешался с парами дивного настоя, только вдруг в окно дохнуло свежестью, и дуновенье было столь первозданно чистое, словно ветер повеял со снеговых вершин, изпод звезд или с дальних серебристых берегов, омытых пенным прибоем.

— Очнись, Эовин, ристанийская царевна! — повторил Арагорн и взял ее правую руку, чуть-чуть потеплевшую. — Очнись! Призрак исчез, и темнота рассеялась как дым. — Он передал ее руку Эомеру и отступил назад. — Позови ее! — сказал он и вышел из палаты.

— Эовин, Эовин! — позвал Эомер, сглатывая слезы. А она открыла глаза и молвила:

— Эомер! Какая радость! А я слышала, будто тебя убили. Нет, нет, это шептали злые голоса во сне. И долго я спала?

— Нет, сестра, спала ты недолго, — ответил Эомер. — Не думай больше об этом!

— Я почему-то страшно устала, — сказала она. — Мне надо, наверно, немного отдохнуть. Одно скажи: что конунг? Нет! Молчи, я знаю, это уж не сон. Он умер, и он предвидел свою смерть.

— Он умер, да, — сказал Эомер, — и последним словом его было твое имя, ибо он любил тебя больше дочери. Окруженный великими почестями, он покоится в тронном чертоге, в крепости гондорских владык.

— Печально мне это слышать, — сказала она, — печально и все же радостно. Смела ли я надеяться, что Дом Эорла воспрянет, в те черные дни, когда он был жалок, точно убогий хлев? А что с оруженосцем конунга, с тем невысокликом? Эомер, он доблестен и достоин быть витязем Ристании!

— Он здесь, в соседней палате, сейчас я к нему пойду, — сказал Гэндальф. — Эомер побудет с тобой, но не заводите речи о войне и о вашем горе: тебе сперва надо поправиться. Да возвратятся к тебе поскорее силы вместе с надеждой!

— Силы? — повторила Эовин. — Силы, может, и возвратятся, и найдется для меня оседланный конь из-под убитого всадника: война ведь не кончена. Но надежда? На что мне надеяться?

* * *

Гэндальф с Пином пришли в палату, где лежал Мерри, и застали Арагорна у его постели.

— Мерри, бедняга! — крикнул Пин и кинулся к другу. Тот выглядел куда хуже прежнего: серое лицо осунулось и постарело, и Пин с ужасом подумал, а вдруг он умрет?

— Не волнуйся, — успокоил его Арагорн. — Вовремя удалось отозвать его из мрака. Он очень устал, он подавлен горем и, подобно царевне Эовин, поднял руку на смертоносца. Но скоро он придет в себя: он крепок духом и унынье ему чуждо. Горе его не забудется, но оно не омрачит, а умудрит его.

И Арагорн возложил руку на голову Мерри, погладил его густые каштановые кудри, тронул веки и позвал по имени. Когда же палату наполнило благоуханье целемы — казалось, пахнуло фруктовым садом и солнечным вересковым полем в гуденье пчел, — Мерри вдруг очнулся и сказал:

— Я голодный. А сколько времени?

— Ужинать поздновато, — отозвался Пин. — Но я, пожалуй, сбегая принесу тебе чего-нибудь на ужин, авось дадут.

— Дадут, дадут, — заверил Гэндальф. — Чего бы ни пожелал этот ристанийский конник, ему тут же принесут, весь Минас-Тирит обрыщут, лишь бы нашлось. Он здесь в большом почете.

— Вот и хорошо! — сказал Мерри. — Стало быть, поужинаю, а потом выкурю трубочку. — Лицо его затуманилось. — Нет, не выкурю трубочку. Вообще, наверно, больше курить не буду.

— Это почему? — поинтересовался Пин.

— Да как бы тебе объяснить, — медленно произнес Мерри. — Он ведь умер, вот и весь сказ. Сейчас мне сразу все припомнилось. Он сказал перед самой

смертью, мол, жаль ему, что не придется послушать про наше ученье о травах. И теперь я, если закурю, стану о нем думать: помнишь, Пин, как он подъехал к воротам Изенгарда, какой был учтивый.

— Что ж, закуривай и думай о нем! — сказал Арагорн. — Вспоминай о его доброте и учтивости, о том, что он был великий воитель, о том, как он сдержал клятву верности и в свое последнее утро вывел ристанийское войско из мрака навстречу ясному рассвету. Недолго ты служил ему, но память об этом озарит твою жизнь до конца дней.

Мерри улыбнулся.

— Ладно, — сказал он, — не откажи мне, Бродяжник, в зелье и трубке, а я покурю и подумаю. У меня у самого в котомке было отличное зелье из Сарумановых запасов, да куда эта котомка подевалась в бою — леший ее знает.

— Сударь мой Мериадок, — отвечал ему Арагорн, — если ты думаешь, что я проскакал через горы и все гондорское княжество, расчистив путь огнем и мечом, затем, чтобы поднести табачку нерадивому солдату, бросившему снаряжение на поле боя, то ты сильно ошибаешься. За неимением котомки попроси позвать здешнего травоведа. Он объяснит, что в траве, которая тебе вдруг понадобилась, никакой пользы, насколько он знает, нет, но что зовется она попростому *западное зелье*, а по-ученому *галенас*, приведет и еще с десяток названий на самых редких языках, припомнит какие-нибудь полузабытые стишки, смысла в которых он не видит. И наконец с прискорбием сообщит, что таковой травы в Палатах Врачеванья не запасено. С тем ты и останешься размышлять об истории языков Средиземья. Вот и я тебя оставляю — поразмышляй. А то я в такой постели не спал после Дунхерга и не ел со вчерашнего вечера. Мерри схватил и поцеловал его руку.

— Извини, пожалуйста, — сказал он. — Иди скорей есть и спать! Навязались же мы еще в Пригорье на твою голову. Но, понимаешь, наш брат хоббит, коли дело серьезное, нарочно мелет вздор, лишь бы не пустить петуха. Когда не до шуток, у нас нужные слова не находятся.

— Прекрасно я это знаю, а то бы и сам иначе с тобой разговаривал, — сказал Арагорн. — Да цветет Хоббитания во веки веков! — Он вышел, поцеловав Мерри, и Гэндальф последовал за ним.

Пин остался в палате.

— Нет, такого, как он, на всем свете не сыщешь! — сказал он. — Кроме, конечно, Гэндальфа: да они небось родственники. Лопух ты лопух: котомка твоя вон она, ты ее притащил за плечами. Он говорил и на нее поглядывал. Да и у меня зелья на двоих-то хватит. На вот тебе, чтоб не рыться: то самое, из Длиннохвостья. Набивай трубку, а я сбегая насчет еды. Вернусь — поболтаем на свой манер. Ух! Все ж таки нам, Кролам и Брендизайкам, непривычно жить на этих высотах: уж больно все возвышенно.

— Да, — сказал Мерри. — Оно конечно, непривычно — может, как-нибудь притерпимся? Но вот в чем дело, Пин: мы теперь знаем, что эти высоты есть, и поднимаем к ним взгляд. Хорошо, конечно, любить то, что тебе и так дано, с чего-то все начинается, и укорениться надо, благо земля у нас в Хоббитании тучная. Но в жизни-то, оказывается, есть высоты и глубины: какой-нибудь старик садовник про них ведать не ведает, но потому и садовничает, что его оберегают вышние силы и те, кто с ними в согласии. Я рад, что я это хоть

немного понял. Одного не понимаю — чего это меня понесло? Где там твоё зелье? И достань-ка ты все-таки из мешка мою трубку, вдруг да она цела.

Арагорн и Гэндальф отправились к Смотрителю Палат и велели ему ни под каким видом еще много дней не выпускать Эовин и Фарамира и не спускать с них глаз.

— Царевна Эовин, — сказал Арагорн, — скоро пожелает ехать в поход — так или иначе задержите ее хотя бы дней на десять.

— Что до Фарамира, — сказал Гэндальф, — то не сегодня завтра он узнает, что его отец умер. Но про безумие Денэтора он знать не должен, пока не исцелится вполне и не будет занят по горло. Берегонду и *перуану*-стражнику я скажу, чтоб они держали язык за зубами, но все-таки надо за ними присматривать.

— А насчет *перуана* Мериадока, того, что ранен, распоряжений не будет? — осведомился Смотритель.

— Он, наверно, уже завтра вскочит с постели, — сказал Арагорн. — Ладно уж, пусть немного погуляет с друзьями.

— Диковинный народец, — понимающе кивнул Смотритель. — Вот ведь крепыши какие!

У входа в Палаты собрались люди — поглядеть на Арагорна, и толпа следовала за ним; когда же он отужинал, его обступили с просьбами вылечить раненых, увечных или тех, кого поразила Черная Немочь. Арагорн послал за сыновьями Элронда, и вместе они занимались врачеванием до глубокой ночи. Весь город облетел слух: «Поистине явился Государь». И его нарекли Эльфийским Бериллом, ибо зеленый самоцвет сиял у него на груди; так и случилось, что предсказанное ему при рождении имя избрал для него сам народ.

Наконец, донельзя утомленный, он завернулся в плащ, тайком вышел из города и перед рассветом заснул у себя в шатре. А утром над шпилем Белой Башни развевалось знамя Дол-Амрота, голубое с белым кораблем, подобным лебедю; люди смотрели на него и думали — неужто приснилось им явление Государя?

Глава IX На последнем совете

Наутро по светлому небу плыли высокие, легкие облака; веял западный ветер. Леголас и Гимли встали рано и отпросились в город повидаться с Мерри и Пином.

— Спасибо хоть они живы, — проворчал Гимли, — а то все-таки обидно было бы: ну и набегались же мы по их милости!

Эльф и гном рука об руку вошли в Минас-Тирит, и встречные дивились таким невиданным и непохожим спутникам: прекраснолицый, легконогий Леголас звонко распевал утреннюю эльфийскую песню, а Гимли чинно вышагивал, поглаживая бороду и озираясь.

— Вот здесь недурная кладка и камень хорош, — говорил он, разглядывая стены, — а там вон никуда не годится, и улицы проложены без понятия. Когда Арагорн взойдет на престол, пришлем ему сюда наших подгорных каменщиков, и они так ему отделают город, что любо-дорого будет посмотреть.

— Садов им здесь не хватает, — заметил Леголас. — Что ж так: один голый

камень, а живой зелени почти нету. Если Арагорн взойдет на престол, наши лесные эльфы насадят здесь вечнозеленые деревья и разведут певчих птиц.

Наконец они явились к князю Имраилю, и Леголас, взглянув на него, низко поклонился, ибо распознал в нем потомка эльфов.

— Привет тебе, господин! — сказал он. — Давным-давно покинула Нимрод-эль лориэнские леса, однако же, как я вижу, не все, кто был с нею, уплыли на запад из Амротской гавани.

— Да, многие остались, если верить нашим преданьям, — сказал князь, — но с незапамятных времен не забредали сюда наши дивные сородичи. Глазам не верю: эльф в Минас-Тирите, в годину войны и бедствий! Что тебя сюда привело?

— Я — один из тех Девяти, что вышли из Имладриса во главе с Митрандиром, — сказал Леголас. — А это гном, мой друг; мы приплыли с Государем Арагорном. Нам хотелось бы видеть наших друзей и спутников Мериадока и Перегрина. Говорят, они на твоём попечении.

— Да, вы их найдете в Палатах Врачеванья, я сам вас туда провожу, — сказал Имраиль.

— Лучше дай нам провожатого, господин, — сказал Леголас. — Ибо Арагорн просил передать тебе, что он более не хочет появляться в городе, однако вам нужно безотлагательно держать военный совет, и он призывает тебя вместе с Эомером Ристанийским к себе в шатер. Митрандир уже там.

— Мы не промедлим, — сказал Имраиль, и они учтиво раскланялись.

— Величавый государь и доблестный военачальник, — сказал Леголас гному. — Если и теперь, во времена увяданья, есть в Гондоре такие правители, то каков же был Гондор во славе своей!

— Да, древние строения добротней, — сказал Гимли. — Так и все дела людские — весной им мешает мороз, летом — засуха, и обещанное никогда не сбывается.

— Зато вызревает нежданный посев, — возразил Леголас. — Из праха и тлена внезапно вздымается свежая поросль — там, где ее и не чаяли. Нет, Гимли, людские свершенья долговечнее наших.

— И однако несбыточны людские мечтанья, — заметил гном.

— На это эльфы ответа не знают, — сказал Леголас.

Посланец князя отвел их в Палаты Врачеванья; они нашли своих друзей в саду, и отрадна была их встреча. Они гуляли и беседовали, наслаждаясь недолгим отдыхом и ясным покоем ветреного утра. Когда Мерри притомился, они устроились на стене, к которой примыкала больничная роща. Широкий Андун, блистая под солнцем, катил свои волны к югу и терялся — даже от острого взора Леголаса — в зеленоватой дымке, застилавшей широкие долины Лебенина и Южной Итилии.

И Леголас умолк, вглядываясь в солнечную даль; он увидел над Рекою стаю белых птиц и воскликнул:

— Смотрите, чайки! Далеко же они залетели! Они изумляют меня и тревожат мне сердце. Впервые я их увидел и услышал в Пеларгире, во время битвы за корабли: они вились над нами и кричали. И я тогда замер, позабыв о сражении, ибо их протяжные крики были вестями с Моря. Моря, увы, я так и не ви-

дел, но у всякого эльфа дремлет в душе тоска по Морю, и опасно ее пробуждать. И из-за чаек я теперь не узнаю покоя под сенью буков и вязов.

— Скажешь тоже! — возразил Гимли. — И в Средиземье глазам раздолье, а дела — непочатый край. Если все эльфы потянутся к гаваням, поскучнееет жизнь у тех, кому уезжать некуда.

— Ужас как станет скучно! — сказал Мерри. — Нет уж, Леголас, ты держись подальше от гаваней. И людям вы нужны, и нам тоже; да что говорить, нужны и гномам — умным, конечно, вроде Гимли. И всегда будете нужны, если только все не погибнут, а теперь я надеюсь, что нет. Хотя, похоже, это были еще цветочки, а ягодки впереди: что-то конца не видно проклятой войне.

— Да не каркай ты! — воскликнул Пин. — Солнце, как видишь, на небе, и денек-другой мы еще пробудем вместе. Меня вот любопытство разбирает. Нука, Гимли! Вы уже сто раз за утро успели помянуть свой поход с Бродяжником, а толком ничего не рассказали.

— Солнце-то солнцем, — сказал Гимли, — да лучше бы, наверно, и не вспоминать об этом походе, не ворошить темноту. Знал бы я, как оно будет, нипочем и близко не подошел бы к Стезе Мертвецов.

— К Стезе Мертвецов? — переспросил Пин. — Арагорн про нее обмолвился, а я думаю — о чем это он? Так что, развяжешь язык?

— Очень уж не хочется, — сказал Гимли. — Тем более что на этой Стезе я опозорился: я, Гимли, сын Глоина, мнил себя выносливее всякого человека, а под землей — отважнее всякого эльфа. Оказалось, что мнил понапрасну — я осилил путь лишь по воле Арагорна.

— И из любви к нему, — добавил Леголас. — Его все любят — каждый на свой лад. Ледяная мустангримская дева и та полюбила. Мы покинули Дунхерг, Мерри, в предрассветный час накануне вашего прибытия, и народ там был в таком страхе, что никто нас и не провожал, кроме царевны Эовин — как она, выздоравливает? Печальные были проводы, я очень огорчился.

— Увы! — сказал Гимли. — А я никого от страха не замечал. Нет, не стану я про все это рассказывать.

И он замолк, точно воды в рот набрал; но Пин и Мерри не отставали, и наконец Леголас молвил:

— Так и быть, давайте уж я расскажу. Мне вспоминать не страшно: ничуть не испугали меня человеческие призраки. Напротив, они показались мне жалкими и бессильными.

И он коротко поведал им о зачарованной пещерной дороге, о сборище теней у горы Эрек и о переходе длиною в девяносто три лиги до Пеларгира-на-Андуине.

— Четверо с лишним суток ехали мы от Черного Камня, — сказал он. — И поверите ли? Чем гуще чернела тьма, насланная из Мордора, тем больше я проникался надеждой — ибо в этом сумраке Призрачное Воинство словно окрепло и стало куда ужаснее с виду. Воинство мчалось за нами, и пешие не отставали от конных. Ни звука не было слышно, лишь мерцали тысячи глаз. На Ламедонском нагорье они нас нагнали, окружили как бы холодным облаком и пролетели бы мимо, но Арагорн их остановил и велел им следовать позади.

«Даже привидения повинуются ему, — подумал я. — Что ж, может статься, они и сослужат нам службу!»

Лишь в первый день рассвело, потом уж рассветов не было; мы пересекли Кирил и Рингло и на третий день подъехали к Лингиру за устьем Гилраина. Там ламедонцы отбивались от свирепых пиратов и южан, приплывших вверх по реке. Но и защитники города, и враги — все побросали оружие и разбежались, крича, что на них напал сам Король Мертвецов. Один только Ангбор, правитель Ламедона, сохранил мужество и предстал перед Арагорном, а тот велел ему собрать ополчение и следовать за нами, не страшась Серого Воинства.

«Наследник Исильдура зовет вас к оружию», — сказал он.

И мы пересекли Гилраин, рассеивая полчища союзников Мордора; наконец решено было передохнуть, однако вскоре Арагорн вскочил на ноги с возгласом: «Вставайте! Минас-Тирит уже осажден. Боюсь, он падет, если мы не поспеем на выручку!» И мы сели на коней среди ночи и во весь опор помчались по Лебеннинской равнине.

Леголас прервался, вздохнул и, обратив взгляд к югу, тихо запел:

*Живым серебром струятся Келос и Эруи
В зеленых лугах Лебеннина!
Высокие травы колышутся. Ветром повеяло с Моря,
И колеблются белые лилии.
Колокольчиками золотыми
Звенят, звенят на рассвете мэллос и альфирин
В зеленых лугах Лебеннина.
Если ветром повеяло с Моря!*

В наших песнях эти луга всегда зеленеют, но тогда они виделись пустошью, серою пустошью под черными небесами. И по этим широким лугам, топчя траву и цветы, мы день и ночь гнали врагов до самого устья Великой Реки.

Там я почувал, что мы совсем близко от Моря: перед нами простерлась темная водная гладь и стаи морских птиц оглашали кликами берега. О возгласы быстрых чаек! Предрекала ведь мне Владычица, что я покой потеряю — вот и потерял.

— А я этих чаек даже и не заметил, — сказал Гимли, — я ждал большого сраженья. Там ведь стояла главная армада Умбара, пятьдесят больших кораблей, а малых и не счесть. Беглецы, которых мы гнали, уже достигли гавани и напустили там страху. Корабли побольше снимались с якоря и уходили вниз по Реке или к другому берегу, а поменьше — вспыхивали, как факелы. Но хордримцы, зная, что отступить некуда, со свирепым отчаянием изготовились к бою, а когда увидели нас, разразились хохотом. Еще бы — нас три десятка, а их видимо-невидимо.

Но Арагорн остановил коня и громовым голосом крикнул: «Теперь вперед! Заклинаю вас Черным Камнем!» И внезапно Призрачное Воинство, до того скрывавшееся позади, обрушилось серой волной, сметая все на своем пути. Я услышал дальние крики, глухо затрубили рога, прокатился смутный многоголосый гул — будто донеслось эхо давным-давно минувшей битвы. Мелькали тусклые клинки; может, они и рубили, не знаю, только незачем было рубить, мертвые побеждают страхом. Никто не устоял.

Они хлынули на корабли у причалов и метнулись по воде к тем, что стояли на якорях: моряки и воины, обезумев от ужаса, прыгали за борт; остались лишь рабы, прикованные к веслам. Мы промчались к берегу сквозь толпы бе-

гущих врагов, разметав их, как вороха листьев. На каждый большой корабль Арагорн отправил одного из своих северян: они освобождали и увещевали пленных гребцов-гондорцев.

Еще до исхода этого темного дня врагов не осталось и в помине: одни потонули, другие без оглядки удирали восвояси. То-то я подивился, как исчадия ужаса и тьмы сокрушили злодейские козни Мордора. Враг побит его же оружием!

— Было чему дивиться, — подтвердил Леголас. — А я тогда, глядя на Арагорна, подумал, каким великим, страшным и всемогущим властелином стал бы он, присвоив Кольцо. Недаром в Мордоре так его испугались. Но чистота души превосходит разумение Саурона; Арагорн разве не потомок Лучиэни? Это род без страха и упрека, таким он и пребудет во веки веков.

— Гномы так далеко не заглядывают, — сказал Гимли. — Но воистину властителен был в тот день Арагорн. Захватив черную армаду, он взошел на мостик огромного корабля и велел трубить во все трубы, брошенные врагом. Призрачное Воинство выстроилось на берегу и стояло в безмолвии, почти что невидимое, только взоры их горели красными отсветами пылающих кораблей. И Арагорн, обратившись к мертвецам, громогласно молвил:

«Внимайте наследнику Исильдура! Вы исполнили клятву, которую преступили. Возвращайтесь в свой край и более не тревожьте тамошних жителей. Покойтесь с миром!»

И тогда Князь Мертвецов выступил вперед, преломил копьё и уронил обломки. Потом низко поклонился, повернулся — и все Серое Воинство вмиг умчалось, исчезло, словно туман, рассеянный ветром. А я будто очнулся от сна.

В ту ночь мы отдыхали, а другие работали не покладая рук. Ибо мы освободили тысячи пленников-гондорцев, галерных рабов, а вскоре потянулись толпы из Лебеннина и с дельты, и Ангбор Ламедонский привел всю свою конницу. Мертвецов больше не было, страх отпустил, и люди стекались помогать нам и посмотреть на наследника Исильдура — молва о нем проложила огненный след в ночи.

Ну, вот почти что и конец нашей повести. Вечером и ночью корабли готовили к отплытию, набирали моряков, отбирали ратников; утром отплыли. Кажется, как уж давно это было, а всего-то позавчера утром, на шестой день похода из Дунхерга. Но Арагорн все тревожился, как бы не опоздать.

«От Пеларгира до Харлондских пристаней сорок две лиги, — говорил он. — И если мы завтра не приплывем в Харлонд, все пропало».

Добровольцы сели на весла и гребли изо всех сил, но поначалу мы плыли медленно: против течения все-таки, в низовьях оно, правда, не быстрое, да ветра, как назло, не было никакого. Я уж совсем приуныл — победить победили, а что толку? — но тут Леголас вдруг рассмеялся.

«Выше бороду, отпрыск Дарина! — сказал он. — Говорят ведь: как будешь к пропасти катиться, надежда заново родится». С чего бы ей заново родиться — этого он объяснять не стал. Ночью было не темнее, чем днем, только тоскливо до смерти; далеко на севере в тучах играло зарево, и Арагорн сказал: «Минас-Тирит горит».

А к полуночи надежда и впрямь заново родилась. Моряки с дельты поглядывали на юг и говорили, что пахнет свежим ветром с Моря. В глухой час под-

няли паруса, плыли мы все скорее, и на рассвете засверкала пена у водорезов. А дальше вы знаете: в солнечный полдень мы примчались с попутным ветром и развернули боевое знамя. Великий это был день в незабвенный час, что бы ни случилось после.

— Что ни случится после, подвиги не тускнеют, — сказал Леголас. — Поход Стезей Мертвецов — это был подвиг, и он не потеряет величия, даже если Гондор опустеет и обезлюдет.

— Увы, похоже на то, — сказал Гимли. — Очень угрюмые лица у Гэндальфа и Арагорна. Вот бы узнать, о чем они там в шатре совещаются! Я, как и Мерри, не чаю конца проклятой войне. Но как бы то ни было, я готов сражаться и дальше ради чести гномов Одинокой Горы.

— А я — за эльфов Дремучего Леса, — сказал Леголас, — и ради любви к Государю Белого Древа.

Друзья замолчали и долго еще сидели на высокой стене, раздумывая каждый о своем; между тем вожди совещались.

Расставшись с Леголасом и Гимли, князь Имраиль немедленно послал за Эоме-ром; они спустились по улицам притихшего Града и вышли на равнину, где Арагорн разбил шатер недалеко от места гибели конунга Теодена. И Арагорн, и Гэндальф, и сыновья Элронда их уже дожидались.

— Государи мои, — сказал Гэндальф, — вот что сказал перед смертью наместник Гондора: «Может быть, и одержите вы победу у стен Минас-Тирита, но удар, занесенный над вами, не отразить». Он говорил это в отчаянии, и все же слова его правдивы.

Зрячие Камни не лгут, и заставить их лгать не под силу даже властелину Барад-Дура. Он может, пересилив противника, отвести ему глаза или придать увиденному ложный смысл. Однако, разумеется же, Денэтор взаправду и воочию видел несчетные полчища Мордора, растущие день ото дня.

У нас едва хватило сил отбиться от первого нашествия. Скоро будет новое, куда страшнее. На победу надежды нет, в этом Денэтор прав. Все равно — оставаться ли здесь и выдерживать, истекая кровью, осаду за осадой или погибнуть в неравной битве за Рекой. Можно лишь выбирать из двух зол меньшее; и, конечно, благоразумнее запереться в своих крепостях и хоть ненадолго, но отсрочить всеобщую гибель.

— Стало быть, ты советуешь укрыться в Минас-Тирите, Дол-Амроте, Дунхерге и сидеть там, как дети в песочных замках во время прилива? — спросил Имраиль.

— Такой совет недорого стоит, — отвечал Гэндальф. — Разве мало отсиживались вы при Денэторе? Нет! Я сказал, что благоразумнее, но я вас не призываю к благоразумию. Я сказал, что на победу надежды нет, однако мы можем и победить — только не оружием. Дело решит Кольцо Всевластья — залог незыблемости Барад-Дура и великое упование Саурана.

Вы, государи мои, знаете о Кольце достаточно, чтобы понять то, что я говорю. От него зависит и наша судьба, и судьба Саурана. Если он им вновь завладеет, то тщетна ваша доблесть: победа его будет молниеносной и сокрушительной, такой сокрушительной, что он безраздельно воцарится в этом мире — должно быть, до конца времен. Если же Кольцо будет уничтожено, то Саурон сгинет — и сгинет столь бесследно, что до конца времен, должно быть, не

восстанет. Ибо он утратит всю силу, которой владел изначально, и разрушится все, что было создано его властью, а он пребудет во тьме кромешной безобразным исчадием мрака, будет грызть самого себя от бессилия воплотиться. И великое зло исчезнет из мира.

Неминуемо явится в мир иное зло, может статься, еще большее: ведь Саурон всего лишь прислужник, предуготовитель. Но это уж не наша забота: мы не призваны улучшать мир и в ответе лишь за то время, в которое нам довелось жить, — нам должно выпалывать зловредные сорняки и оставить потомкам чистые пахотные поля. Оставить им в наследство хорошую погоду мы не можем.

Саурон знает, что ему грозит, и знает, что его потерянное сокровище нашлось. Он только не знает, где оно, — будем надеяться, что не знает. Поэтому его и гложут сомнения. Ведь иным из нас под силу совладать с Кольцом. Это он тоже знает. Я верно понял, Арагорн, что ты показался ему в Ортханкском палантире?

— Да, перед самым выездом из Горнбурга, — подтвердил Арагорн. — Я рассудил, что время пришло, что затем и попал этот Камень ко мне в руки. Тогда было десять дней, как Хранитель пошел на восток от Рэроса, и Око Саурона — так я подумал — надо бы отвлечь за пределы Мордора. А то его в Черной Башне давно уж никто не тревожил. Но знал бы я, как он всполошится и как быстро двинет готовое войско, я бы, может, и поостерегся. Чуть не опоздал я к вам на выручку.

— Но как же так? — спросил Эомер. — Ты говоришь, Гэндальф, все пропало, если он завладеет Кольцом. Почему же он нас не боится, если думает, что Кольцо у нас?

— Он в этом не вполне уверен, — отвечал Гэндальф, — и не привык дожидаться, как мы, покуда враг нападет. Кольцом, он знает, враз не овладеешь, и владелец у него может быть лишь один; стало быть, нам не миновать раздоров. Кому оно достанется, тот перебьет соперников. А Кольцо его предаст и возвратится к Саурону.

Он следит за нами, он многое видит и слышит. Повсюду летают его дозорные-назгулы. Перед рассветом пролетали они над Пеленнором, хотя почти никто из усталых и сонных ратников их не увидел. Тревожные замечает он знаки: Меч, которым отрублен был его палец вместе с Кольцом, выкован заново; ветер переменился, развеял тучи, пригнал корабли, и огромное войско нежданно-негаданно разбито наголову, а вдобавок погиб его могучий предводитель.

Он с каждым часом укрепляется в своих подозрениях. Око его устремлено на нас, все прочее он минует невидящим взором. И мы должны приковать его Око к себе. В этом вся наша надежда. Так что совет мой вот каков. Кольца у нас нет: мудро это было или безрассудно, однако оно отослано с тем, чтобы его уничтожить, иначе оно уничтожит нас. А без Кольца мы не сможем одолеть Саурона. Но Око его не должно прозреть истинную опасность. Своей отвагой победы мы не достигнем, но удача Хранителя — почти невероятная — все же зависит от нашей отваги.

Как Арагорн начал, так и надо продолжать, не давая Саурону времени оглянуться. Надо, чтобы он собрал все силы для решающего удара, чтобы стянул к Черным Вратам все свое воинство и Мордор остался бы без охраны. Надо

немедля выступить в поход. Мы должны послужить для него приманкой, и приманкой неподдельной. Он пойдет на приманку, он жадно схватит ее: подумает, что наша поспешность — признак гордыни нового хозяина Кольца. Он скажет себе: «Ах, вот как! Быстро же он высунулся, только чересчур уж осмелел. Пусть-ка подойдет поближе — и угодит в ловушку. Тут-то я его и прикончу, и то, на что он покусился, станет моим навеки».

Мы должны попасться в его ловушку — намеренно и безоглядно, не надеясь остаться в живых. Ибо, вернее всего, нам придется погибнуть в битве вдали от родной земли; если даже и будет низвергнут Барад-Дур, мы этого не увидим. Но такая уж нам выпала участь. И не лучше ли это, чем покорно дожидаться гибели — ее мы все равно не избежим — и, умирая, зная, что грядущего века не будет?

Воцарилось молчание. Наконец Арагорн сказал:

— Пути назад я не вижу. Мы у края пропасти, и надежда сродни отчаянию. А колебаться — значит упасть наверняка. Пусть все прислушаются к совету Гэндальфа: он давно уж ведет борьбу с Сауроном и нынче решается ее исход. Если б не Гэндальф, спасти было бы уже нечего. Впрочем, я никого не хочу неволить. Каждый пусть выбирает сам.

И Элроир сказал:

— Для этого мы и явились с севера, и наш отец Элронд советует то же, что Гэндальф. Мы не отступим.

— Что до меня, — сказал Эомер, — то я мало смыслю в этих сложных делах, но мне и так все ясно. Я знаю одно: мой друг Арагорн выручил из беды меня и весь мой народ и, коли ему теперь нужна моя помощь, я пойду с ним куда угодно.

— Ну а я, — сказал Имраиль, — признаю себя вассалом Государя Арагорна, хоть он пока и не взошел на престол. Воля его для меня закон. Я тоже пойду с ним. Однако ж он сам назначил меня наместником Гондора, и мне надлежит прежде всего позаботиться о гондорцах. Немного благоразумия все-таки не помешает. Надо предусмотреть и тот и другой исход. Если возможно, что мы победим, если есть на это хоть малейшая надежда, то Гондор нуждается в защите. Не хотелось бы мне вернуться с победой в разрушенный город и разоренную страну. Между тем я знаю от мустангримцев, что с севера нам грозит большое войско.

— Это верно, — сказал Гэндальф. — Но у меня и в мыслях не было оставить город без защиты. Нам нужна не очень многочисленная рать: мы ее поведем не на приступ Мордора, а затем, чтобы погибнуть в сражении. И выйти надо не сегодня завтра. Я как раз хотел спросить: сколько ратников мы сможем собрать в поход через два дня, не больше? Ведь это должны быть стойкие воины, и притом добровольцы, которые знают, на что идут.

— Все еле держатся в седлах, — сказал Эомер, — и почти все изранены. Так скоро я вряд ли и две тысячи наберу — ведь надо и здесь оставить не меньше.

— Войска у нас больше, чем кажется, — сказал Арагорн. — С юга идут подкрепления — ратники береговой охраны. Два дня назад я отправил из Пеларгира через Лоссарнах четыре тысячи; их ведет бесстрашный Ангбор. Если мы тронемся в путь через два дня, то они будут на подходе. Тысячи три отправлено вверх по Реке на кораблях, баркасах и лодках; ветер все еще попутный, и в Харлонд уже приплыли несколько кораблей. Словом, я думаю, мы соберем ты-

сяч семь пехоты и конницы, а защитников города прибавится по сравнению с началом осады.

— Врата разрушены, — сказал Имраиль. — Кто сумеет их восстановить, нет у нас таких мастеров!

— В Эреборе, в Подгорном Царстве Даина, такие мастера есть, — сказал Арагорн. — И если сбудутся наши надежды, то я со временем попрошу Гимли, сына Глоина, привести сюда самых искусных гномов. Но люди надежней ворот, и никакие Врата не устоят перед вражеским натиском, если у них не останется защитников.

На этом кончился совет вождей; решено было, что послезавтра утром семь тысяч воинов, если столько наберется, двинутся в поход — большей частью пеших воинов, ибо путь их лежал через неизведанный, дикий край. Арагорн обещал набрать две тысячи ратников из тех, что приплыли с ним от устья Андуина. Имраилью же надлежало выставить три с половиной тысячи, Эомеру — пятьсот мустангримцев в пешем строю, сам же он поведет отборную дружину из пятисот конников, и будут еще пятьсот, в том числе сыны Элронда, дунаданцы и витязи из Дол-Амрота, — общим счетом шесть тысяч пеших и тысяча конных. Но большую часть мустангримских всадников, три тысячи под началом Эльфхельма, отсылали на Западный Тракт против вражеского воинства в Аноризне. И следовало немедля отправить дозоры на север и на восток — за Осгилиат, к дороге на Минас-Моргул.

Они разочли и распределили войска, наметили и обсудили пути их продвиженья — и вдруг Имраиль громко рассмеялся.

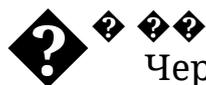
— Право же, — воскликнул он, — хороша шутка, за всю историю Гондора смешнее не бывало: семи тысяч воинов и для передового отряда маловато, а мы их поведем к воротам неприступной крепости. Ни дать ни взять мальчишка грозит витязю в броне игрушечным луком с тростинкой-стрелой! Ты же сам говоришь, Митрандир, что Черный Властелин все видит и все знает, — может, он не насторожится, а лишь усмехнется и раздавит нас одним мизинцем, как назойливую осу?

— Нет, он попробует поймать осу и вырвать у нее жало, — сказал Гэндальф. — И есть среди нас такие, что стоят доброй тысячи витязей в броне. Думаю, ему будет не до смеху.

— Нам тоже, — сказал Арагорн. — Может, оно и смешно, да смеяться что-то не тянет. Настает роковой час: мы свой выбор сделали, очередь за судьбой. — Он обнажил и поднял кверху Андрил; солнце зажгло клинок. — Не быть тебе в ножнах до конца последней битвы, — промолвил он.

Глава X

Ворота отворяются

Через два дня отборное войско западных стран выстраивалось на Пеннорской равнине. Орки и вастаки вторглись было из Аноризна, мустангримцы их встретили и без особого труда разгромили, отбросив за Реку, на Каир-Андрос. Защитников Минас-Тирита стало куда больше прежнего, со дня на день ждали подкреплений с юга. Разведчики воротились и доложили, что вражеских застав на восточных дорогах нет, никого нет до самого перекрестка, до поверженной статуи древнего государя. Путь навстречу гибели был свободен.

Леголас и Гимли, уж конечно, не отстали от Арагорна с Гэндальфом, возглавлявших передовой отряд, в котором были и дунаданцы, и сыновья Элронда. Как ни просил Мерри, его в поход не взяли.

— Ну где ж тебе ехать? — говорил Арагорн. — Да ты не печалься, ты уже свое совершил, это никогда не забудется. Перегрин пойдет с нами и постоит за Хоббитанию; он хоть и молодец молодцом, но до тебя ему далековато. Смерти искать не надо, она над всеми висит. Мы, должно быть, погибнем первыми у ворот Мордора, а ты в свой черед — здесь или где придется. Прощай!

И Мерри, тоскливо понурившись, глядел, как строятся дружины. Рядом стоял Бергил: он тоже был до слез огорчен тем, что отец его, до времени разжалованный из крепостной стражи, ведет отряд простых воинов. Среди них был и Пин, ратник Минас-Тирита; и Мерри смотрел и смотрел на маленькую фигурку в строю высоких гондорцев.

Наконец грянули трубы, и войско двинулось. Дружина за дружиною, рать за ратью уходили они на восток. И скрылись вдаль, на дороге к плотине, а Мерри стоял и смотрел им вслед. Последний раз блеснуло утреннее солнце на шлемах и жалах копий, но никак не мог он уйти — стоял, повесив голову, и больно сжималось сердце. Очень ему стало одиноко. Все друзья ушли во мрак, нависавший с востока, и свидеться с ними надежды не было почти никакой.

И словно пробужденная отчаянием, боль оледенила правую руку; он ослабел, зашатался, и солнечный свет поблек. Но тут Бергил тронул его за плечо.

— Пойдем, господин периан! — сказал он. — Я вижу, тебе плохо. Ничего, я доведу тебя до Палат. И ты не бойся, они вернутся! наших минастиритцев никто никогда не одолеет: один Берегонд из крепостной стражи стоит десятерых, а теперь с нами Государь Элессар!

К полудню вошли они в Осгилиат. Там уже вовсю хозяйничали мастеровые — чинили паромы и наплавные мосты, которые враги второпях не успели разрушить, отстраивали и заполняли склады; быстро возводили укрепления на восточном берегу Реки.

Они миновали развалины древней столицы и за Великой Рекой поднимались по той длинной прямой дороге, которая некогда соединяла Крепость Заходящего Солнца с Крепостью Восходящей Луны, превратившейся в Минас-Моргул, Моргул, страшилище околдованной долины. Остановились на ночлег в пяти милях за Осгилиатом, но передовые конники доехали до Развилка и древесной колоннады. Повсюду царило безмолвие: враги не показывались, не перекликались, ни одной стрелы не вылетело из-за скал или из придорожных зарослей, однако все чуяли, что земля настороже, что за ними следит каждый камень и дерево, каждый листок и былинка. Темень отступила, далеко на западе горел закат, озаряя долину Андуина, и розовели в ясном небе снеговые вершины гор. А Эфель-Дуат окутывал обычный зловещий сумрак.

Арагорн выслал от Развилка трубачей на все четыре стороны, и под звуки труб герольды возглашали: «Властители Гондора возвратились на свои исконные земли!» Валун с мерзостной рожей сбросили с плеч изваяния и раскололи на куски, на прежнее место водрузили голову каменного государя в золотисто-белом венце из жив-травы и повилики, со статуи смыли и счистили гнусные оркские каракули.

Имраиль предложил взять Минас-Моргул приступом и уничтожить эту злодейскую твердыню.

— К тому же, — сказал он, — не вернее ли будет вторгнуться в Мордор через тамошний перевал, чем идти к неприступным северным воротам?

Но Гэндальф отговорил его: Моргульская долина по-прежнему грозила ужасом и безумием, да и Фарамир рассказывал, что Фродо направлялся сюда, — а если так, то Око Мордора нужно отвлечь в иную сторону. Наутро, когда войско подтянулось, решено было оставить у Развилка большой отряд на случай вылазки через перевал или подхода новых полчищ с юга. Отрядили большей частью лучников — здешних, итилийских, — и они рассыпались по склонам и перелескам. Гэндальф и Арагорн подъехали с конным отрядом к устью долины и поглядели на темную, пустующую крепость: орков и прочую мордорскую нечисть истребили у стен Минас-Тирита, а назгулы были в отлучке. Но в удушливом воздухе долины застоялся запах смерти. Они разрушили колдовской мост, запалили ядовитые луга и уехали.

На третий день похода войско двинулось по северной дороге: от Развилка до Мораннона было сто с лишним миль и путь этот не сулил ничего доброго. Они шли не таясь, но осторожно: вперед были высланы конные дозоры, направо и налево — пешие. С востока угрюмо нависали Изгарные горы; их книзу пологие, изборожденные склоны оцетинились темными зарослями. Погода была по-прежнему ясная, и дул западный ветер; но Эфель-Дуат, как всегда, устилала густые туманы, а за гребнем клубились и тучей висели дымы.

Время от времени по приказу Гэндальфа трубили в трубы и герольды возглашали: «Властители Гондора возвратились! Покидайте эти земли или сдавайтесь на милость победителя!» А Имраиль сказал:

— Не о властителях Гондора возвещайте, но о Государе Элессаре. Ибо это правда, хоть он еще и не вступил на царство. Пусть Враг почаще слышит его имя!

И трижды на день герольды объявляли о возвращенье Государя Элессара. Но глухое молчание было им ответом.

Враги не показывались, но все — от военачальников до последнего ратника — были угрюмы и озабоченны, и с каждой милей темнее и темнее становилось на душе. К концу второго дня похода от Развилка наконец обнаружили и враги: целая орда вастаков и орков устроила засаду в том самом месте, где Фарамир подстерег хородримцев. Дорога там шла глубоким ущельем, расщепленным отрогом Эфель-Дуата. Но дозорные — итильские Следопыты под началом Маблунга — не сплеховали, и засаду взяли в клещи. Конники обошли ее слева и с тылу и перебили почти всех, уцелевшие скрылись в Изгарных горах.

Но военачальники не слишком радовались легкой победе.

— Это подставка, — сказал Арагорн, — должно быть, затем, чтобы мы уверились в слабости врага и не вздумали отступить. Это они нас заманивают.

В тот вечер над ними появились назгулы и сопровождали войско. Летали они высоко, и видел их лишь Леголас, однако тени стали гуще, и солнце потускнело. Хотя Кольценосцы пока не снижались и воплей не издавали, все же страх цепенил сердца.

Близился конец безнадежного похода. На четвертый день пути от Развилка — на шестой от Минас-Тирита — они вышли к загаженной пустоши у ворот, преграждавших теснину Кирит-Горгор. На северо-западе до самого При-

вражья простирались болота и голая степь. Так жутко было в этом безжизненном краю, что многие ратники, обессиленные страхом, не могли ни ехать, ни идти дальше.

Жалостливо, без всякого гнева поглядел Арагорн на молодых табунщиков из далекого Вестфольда, на землепашцев из Лоссарнаха; с детства привыкли они страшиться Мордора, но это было для них лишь зловещее имя, не больше — их простая жизнь текла своим чередом. А теперь словно ужасный сон сбывался наяву, и невдомек им было, что это за война и какими судьбами их сюда занесло.

— Идите! — сказал Арагорн. — Но в бегство не обращайтесь, поберегите воинскую честь. А чтобы потом вас не мучил стыд, вот вам задание по силам. Держите путь на юго-запад, на Каир-Андрос. Должно быть, он занят врагами — отбейте его и там уже стойте насмерть, во имя Гондора и Ристании!

Одних устыдило его суровое милосердие, и они, подавив страх, вернулись в свои дружины; другие же были рады избежать позора, а может, еще и отличиться в бою — те ушли к юго-западу. Войско убавилось — ведь у Развилка тоже осталось немало. Государи западных стран вели к Черным Воротам несокрушимого Мордора менее шести тысяч воинов.

Они продвигались медленно, ежечасно ожидая нападения, и держались как можно плотнее — высылать дозоры было теперь уже незачем. Истек пятый день пути от Моргульской долины; они устроили последний привал и развели костры из скудного сушняка и вереска. Никому не спалось, кругом шныряли и рыскали еле видимые неведомые твари и слышался волчий вой. Ветер стих, и воздух словно застыл. Ночь была безоблачная, и уже четверо суток минуло с новолунья, но бледный молодой месяц заволакивало мутной пеленою: земля дымилась.

Похолодало. К утру подул, крепчая, северный ветер. Ночные лазутчики исчезли, и пустошь казалась мертвенней прежнего. На севере среди зловонных ямин виднелись груды золы, щебня и шлака, кучи выжженной земли и засохшей грязи — всего, что изрыгал Мордор. А на юге, уже вблизи, возвышались громадные утесы Кирит-Горгора — с Черными Воротами между ними и башнями по бокам. На последнем переходе, накануне, войско свернуло в сторону со старой дороги, подальше от бдительных глаз бесчисленной стражи, и теперь они подходили к Мораннону с северо-запада, тем же путем, что и Фродо.

Гигантские чугунные створы Черных Ворот под массивной аркой были наглухо сомкнуты, на зубчатых стенах никого не видать. Царило чуткое безмолвие. Они уперлись в тупик и теперь стояли, растерянные и продрогшие, в сером свете раннего утра перед могучими башнями и стенами, которые не прошибли бы никакие тараны, даже если б они у них были. Любой их приступ шутя отбила бы горстка защитников, а черному воинству на горах возле Мораннона, верно, и счету не было, да и в ущелье небось таились несметные полчища врагов страшнее, чем орки. Они подняли глаза и увидели, что назгулы слетелись к башням — Клыкам Мордора — и кружат над ними как стервятники, кружат и выжидают. Враг почему-то медлил.

А им надо было волей-неволей доигрывать роль до конца. Арагорн расположил войско на двух больших холмах, где земля слезалась со щебнем: орки

нагромоздили их за многие годы. От Мордора их отделяла рвом широкая ложбина; на дне ее среди зыбкой дымящейся слякоти чернели вонючие лужи. Когда всех построили, вожди отправились к Черным Воротам с большой конной свитой, с герольдами и трубачами. Во главе их ехал Гэндальф, за ним Арагорн и сыновья Элронда, Эомер Ристанийский и Имраиль. Леголаса, Гимли и Перегрина они тоже взяли с собой, чтобы все народы — противники Мордора были свидетелями переговоров.

Они подъехали к Мораннону, развернули знамя и затрубили в трубы; герольды выступили вперед и возгласили:

— Выходите на переговоры! Пусть выйдет сам Властелин Сумрачного Края! Он подлежит наказанию, ибо злодейски напал на Гондор и захватил чужие земли. Великий князь Гондора требует, чтобы он во искупление содеянного навсегда покинул свой престол. Выходите!

Долго длилось ответное молчанье: ни звука, ни крика не донеслось со стен и из-за ворот. Но Саурон уже все рассчитал, и ему вздумалось сперва жестоко поиграть с мышками, а потом захлопнуть мышеловку. И когда вожди собирались повернуть назад, тишину внезапно нарушил грохот огромных барабанов, будто горный обвал; оглушительно взревели рога, сотрясая камни под ногами. Наконец с лязгом распахнулась дверь посередине Черных Ворот, и оттуда вышло посольство Барад-Дура.

Возглавлял его рослый всадник на черном коне, если только это был конь — громадный, уродливый, вместо морды жуткая маска, похожая на лошадиный череп, пышущий огнем из глазниц и ноздрей. Всадник в черном плаще и высоком черном шлеме был не Кольценосец, а живой человек — Подручник Владыки Барад-Дура. Имени его сказания не сохранили. Он и сам его забыл и говорил о себе: «Я — глашатай Саурона». Говорят, он был потомком тех предателей рода людского, которые назывались Черными Нуменорцами: они перебрались в Средиземье во времена полновластного владычества Саурона и предались ему, соблазнившись чернокнижной наукой. А он, безымянный, стал приспешником Черного Властелина, когда Тот вернулся в Мордор из Лихолесья. Коварство его пришлось по нраву хозяину, он вошел к нему в доверие и приобщился чародейству; и орки страшились его жестокости.

За ним следовал десяток-другой охранников в черных доспехах, несли черное знамя с багровым Недреманным Оком. Спешившись в нескольких шагах от западных вождей, Глашатай Саурона смерил их взглядом одного за другим и расхохотался.

— Это кто же из вашей шайки достоин говорить со мной? — спросил он. — Кто способен понимать мои слова? Уж наверно, не ты! — с презрительной ухмылкой обратился он к Арагорну. — Нацепил эльфийскую стекляшку, окружил себя сбродом и думает, что он государь! Да у любого разбойничьего атамана свита почище твоей!

Арагорн ничего не ответил, лишь устремил на него пристальный взгляд, глаза в глаза, и вскоре, хотя Арагорн стоял неподвижно и не касался оружия, тот задрожал и попятился, будто на него замахнулись.

— Я герольд и посланец, меня трогать нельзя! — крикнул он.

— Да, это у нас не принято, — сказал Гэндальф. — Но у нас и посланцы не столь дерзки на язык. Впрочем, тебе никто не угрожал: пока ты герольд и посланец, можешь нас не бояться. Но если хозяин твой не образумится, тогда те-

бе несдобровать, как и прочим его холопам.

— Ах, вот как! — сказал Глашатай. — Стало быть, ты у них главный, седая борода? Наслышаны мы о том, как ты бродишь по свету и всюду строишь козни, ловко уходя от расплаты. Но на этот раз, господин Гэндальф, ты зарвался — и скоро узнаешь, что бывает с теми, кто злоумышляет на Великого Саурона. У меня есть трофеи, которые велено тебе показать — тебе прежде всех, если ты осмелишься подойти.

Он сделал знак охраннику, и тот поднес ему черный сверток. Глашатай развернул его и, к изумленью и смятению вождей, показал им сперва короткий меч Сэма, затем серый плащ с эльфийской брошью, наконец, мифрильную кольчугу Фродо и его изорванную одежду. В глазах у них потемнело, и казалось, замерло все вокруг: надеяться больше было не на что. Пин, стоявший за князем Имраилем, рванулся вперед с горестным криком.

— Спокойно! — сказал Гэндальф, оттянув его на прежнее место, а Глашатай расхохотался.

— Да у тебя целый выводок этих недомерков! — воскликнул он. — Не знаю, зачем они тебе нужны, но глупей, чем засылать их в Мордор, ты придумать ничего не мог. Однако ж спасибо крысенку: ему, как видно, эти трофеи знакомы. Теперь, может статься, и ты не будешь хитрить.

— Мне хитрить незачем, — отозвался Гэндальф. — Да, мне они тоже знакомы, я о них знаю все, в отличие от тебя, гнусный подголосок Саурона. Не знаю только, зачем ты их принес.

— Гномья кольчуга, эльфийский плащ, кинжал с погибшего Запада и крысеныш-лазутчик из Хоббитании — да, да, нам все известно! Заговор обреченных — и он раскрыт. Осталось лишь узнать, дорого ли ты ценишь пойманного лазутчика. Если дорого — то живее шевели своим убогим умишком. Саурон лазутчиков не любит, и судьба его теперь зависит от вас.

Никто ему не ответил, но он видел их посерелые лица и полные ужаса глаза и снова захохотал, почуяв, что не ошибся.

— Ну-ну! — сказал он. — Видно, вы его дорого цените. Или ты дал ему важное поручение? Поручения он не выполнил. И теперь его ждет нескончаемая, многолетняя пытка — мы хорошо умеем пытать в застенках Великой Башни: медленно, страшно, мучительно. А может, пытка и кончится — мы вывернем его наизнанку, покажем тебе, и ты сам увидишь, что наделал. Да, так оно и будет, если ты не примешь условия моего Властелина.

— Назови условия, — спокойно проговорил Гэндальф, но те, кто стоял рядом, видели муку в его лице, и он показался им древним, согбенным старцем, которого наконец сломила судьба. Никто не сомневался, что любые условия будут приняты.

— Условия таковы, — сказал посланец, с ухмылкой оглядывая их. — Гондор и его обманутые союзники немедля уведут весь свой жалкий сброд за Андуйн, поклявшись, что впредь никогда не поднимут и не замыслият поднять оружие против Великого Саурона. Все земли к востоку от Андуйна отныне и во веки веков принадлежат Саурону. Жители правобережья до Мглистых гор и Врат Ристании станут данниками Мордора и не будут носить оружия, но править своими делами им не возбраняется. Они обязуются лишь отстроить Изенгард, преступно разрушенный ими, и отдать его Саурону. Туда он поставит наместника, достойного доверия более, нежели Саруман.

Глаза выдавали умысел: он-то и будет наместником и приберет к рукам все прочие страны Запада. Будущий владыка говорил со своими рабами.

Но Гэндальф сказал:

— Не дорого ли вы просите за жизнь одного слуги? В обмен на нее твой хозяин хочет без единого боя выиграть добрый десяток войн! Должно быть, после разгрома на гондорской равнине он предпочитает не воевать, а торговаться? Но если бы мы и ценили этого пленника так высоко, где залог, что Саурон, у которого в чести подлость и вероломство, нас не обманет? Приведите пленника, верните его нам — тогда и поговорим.

Гэндальф следил за ним, затаив дыхание, как за противником в смертельном поединке, — и ему показалось, что Глашатай на миг растерялся, но тут же снова презрительно захохотал.

— Как ты смеешь оскорблять недоверием Глашатая Саурона! — крикнул он. — Залог тебе нужен? Саурон не дает залогов. Вы ищете его милости? Сперва заслужите ее. Исполняйте его условия, иначе ничего не получите!

— Не получим, так сами возьмем! — Внезапно Гэндальф скинул плащ — и, казалось, яркий клинок засверкал в полумраке. Он воздел руку, и черный посланец попятился; Гэндальф, шагнув, отобрал у него кольчугу, плащ и меч. — Это мы возьмем в память о нашем друге! — объявил он. — А что до твоих условий, то мы их все отвергаем, убирайся, все сказано, ты больше не герольд и не посланец. Еще слово — и ты умрешь. Не затем пришли мы сюда, чтобы попусту перекоряться с лживым вырожденком Сауроном или с его презренным холопом. Убирайся!

Посланец Мордора больше не смеялся. Черты его дико исказились: он был ошеломлен, точно готовый к прыжку зверь, которому вдруг ткнули в морду горящим факелом. Злоба душила его, пена выступила на губах, и в горле клотало от сдавленного бешенства. Но он видел перед собой суровые лица и беспощадные глаза врагов, и страх пересилил ярость. Он издал громкий возглас, повернулся, вскочил на свое чудище — и мордорское посольство побежало вслед за ним к Кирит-Горгору. На бегу они трубили в рога, должно быть подавая условный сигнал. И не успели они добежать до ворот, как Саурон хлопнул мышеловку.

Прогрохотали барабаны, взметнулись языки пламени. Огромные створы Черных Ворот широко распахнулись, и воинство Мордора хлынуло неудержимым железным потоком.

Гэндальф и все остальные вспрыгнули на коней и поскакали к своим под злорадный хохот и вопли. Поднимая облака пыли, выдвинулись полчища вастаков, дотоле скрытые позади дальней башни, за сумрачным отрогом Эред-Литуи. По обе стороны Мораннона спускались с гор бесчисленные орки. Вскоре серые холмы стали островками в бушующем море: врагов было в десятки раз больше, чем ратников Запада. Саурон схватил приманку стальными челюстями.

Арагорн распорядился как можно быстрее. Над холмом, где были они с Гэндальфом, реяло дивное, гордое знамя с Белым Древом в кольце звезд. На другом холме развевались рядом знамена Ристании и Дол-Амрота, Белый Конь и Серебряный Лебедь. Каждый холм живой стеной окружали воины, и ряды их оцетинились жалами копий и клинками мечей. Впереди всех, готовясь при-

нять на себя первый удар и самый жестокий натиск, стояли слева сыновья Элронда с дунаданцами, а справа князь Имраиль, могучие витязи Дол-Амрота и дружина стражей Белой Башни.

Дул ветер, гремели трубы, и свистали стрелы, но солнце, светившее с юга, застилало смрадные дымы, и оно померкло в тумане, стало дальним и мутно-багровым, словно клонилось к закату, возвещая конец света. Из дымной мглы вынырнули назгулы; смертный ужас вселяли их леденящие вопли, и последний проблеск надежды угас.

Пин едва не завыл от горя, услышав, как Гэндальф обрек Фродо на вечную пытку; теперь, он немного опомнился и стоял возле Берегонда в первых рядах, вместе с витязями Имраиля. Жизнь ему опостылела, и он хотел, чтобы его убили поскорее.

— Жалко, Мерри со мною нет, — услышал он свой собственный голос и, глядя на приближавшихся врагов, торопился додумать: «Ну-ну, выходит, бедняга Денэтор был не так уж неправ. Мы могли бы умереть вместе с Мерри, раз все равно умирать. А вот приходится врозь; желаю ему легкой смерти. Что ж, а теперь надо не осрамиться».

Он обнажил меч и поглядел на сплетение красных и золотых узоров: нумерские руны проступили на клинке огненной вязью. «На этот случай его и выковали, — подумал он. — Эх, нельзя было рубануть этого гада Глашатая, тогда бы мы с Мерри примерно сравнялись. Ну ладно, рубану кого-нибудь из этих черных скотов. Жаль, не видать мне больше ясного солнца и зеленой травы!»

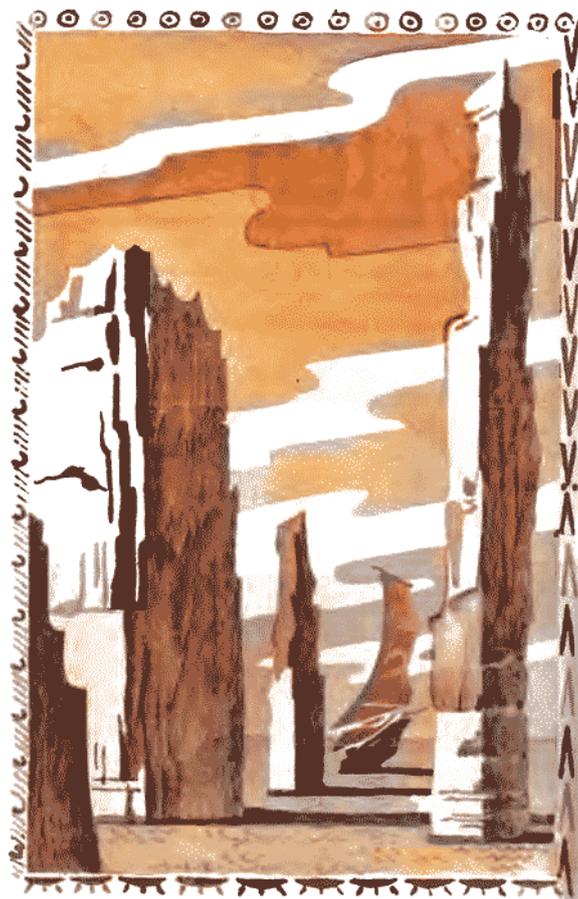
В это самое время на них обрушился первый натиск. Орки завязли в слякотной ложбине перед холмами, остановились и выпустили тучу стрел. А сквозь их толпу, давя упавших, шагали, рыча, как звери, горные тролли из Горгорота: высокие, выше людей, и кряжистые, в плотной чешуйчатой броне — или, может, это шкура у них такая? — с круглыми черными щитами, с громадными молотами в узловатых лапищах. Лужи и слякоть были им ни по чем, с ревом ворвались они в ряды гондорцев, круша шлемы и черепа, дробя щиты, обламывая руки — тяжело и мерно, точно ковали податливое железо. Страшный удар свалил с ног Берегонда, и огромный тролль-вожак нагнулся к нему, протянув когтистую лапу: эти свирепые твари выгрызали горло у повергнутых наземь.

Пин ударил его мечом снизу: древний узорный клинок пронзил чешую и глубоко впился в брюхо тролля. Хлынула черная, густая кровь. Тролль пошатнулся и всей тяжестью рухнул на Пина, придавив его, точно скала. Захлебываясь зловонной жижей, теряя сознание от нестерпимой боли, Пин успел напоследок подумать: «Ну вот, все и кончилось довольно-таки плоховато», и мысль эта, как ни странно, была веселая: конец, значит, страхам, терзаньям и горестям. В предсмертном затмении слышались ему голоса, как будто из другого, забытого мира:

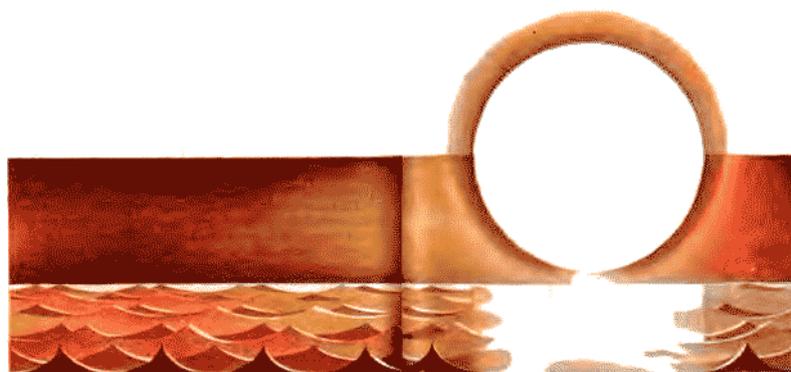
— Орлы! Орлы летят!

На краю беспмятства подумалось: «Бильбо! Ах да, это из той, давнишней сказки. А моей сказке конец. Прощайте!»

И глухая тьма поглотила его.

Корабль, серокрылый корабль!
Слышишь ли дальние зовы,
Уплывших прежде меня призывные голоса?
Прощайте, прощайте, густые мои леса,
Иссякли дни на земле, и века начинаются снова.

Глава I Башня на перевале

Сэм с трудом поднялся на ноги и никак не мог понять, куда его занесло, по-

том вдруг вспомнил и чуть не заплакал с горя. Ну да, это он здесь, в беспроектной тьме у подбашенной скалы, у закрытых бронзовых ворот оркской крепости. Наверно, он о них сгоряча расшибся, а уж сколько пролежал, это не ему знать. Тогда-то он прямо горел, подавай врагов, да побольше, а теперь озяб и съежился. Он подобрался к створам и приложил к ним ухо.

Издали послышался вроде бы оркский галдеж, потом он смолк, и все утихло. Голова уж очень болела, и мелькали вспышки перед глазами, но он встряхнулся, надо было подумать — дальше-то что же? Думай не думай, а ворота заперты, не проберешься, когда-нибудь, конечно, откроют, да ждать-то некогда, каждый час на счету. А что ему делать, это он понимал: ну как, выручать хозяина, коли получится, а нет — погибать самому.

— Погибать так погибать, дело нехитрое, — мрачно сказал он сам себе, вложил Терн в ножны и отошел от бронзовых ворот.

Медленно, ощупью брел он назад по темному проходу — эльфийский фиал засветить поопасился — и по пути все ж таки раздумывал, соображал, что случилось с тех пор, как они пошли от Развилка. Времени-то сколько прошло? А кто его знает сколько: если нынче не сегодня, значит, завтра, дням все равно счет потерян. В такой темноте что один день, что другой, тут и себя потеряешь — не найдешь.

— Может, хоть они нас вспоминают, — сказал он. — А сами-то как? И где? Там, что ли? — Он махнул рукой, куда пришлось, а пришлось на юг, он ведь к югу вышел из логова Шелоб: на юг, а не на запад. А на западе близился к полудню четырнадцатый мартовский день по хоббитскому счислению, и Арагорн вел черную армаду от Пеларгира, Мерри ехал с мустангримцами по Каменоломной долине, в Минас-Тирите бушевали пожары, и Пин испугался безумного взора Денэтора. Но за страхами и заботами они друзей не забывали и все время думали о Фродо и Сэме. Думать думали, а помочь никак не могли, никто теперь не смог бы помочь Сэммиуму, сыну Хэмбриджа: он был один-одинешенек.

Он вернулся к каменной двери-перегородке, поискал и не нашел ни засова, ни запора, опять протиснулся в лаз между дверью и сводом и ловко упал на руки. Потом прокрался к выходу из логова Шелоб, где обрывки ее рассеченной паутины мотались на холодном ветру — очень даже холодным показался он Сэму после вонючей духоты, но зато и бодрящим. Он осторожно вылез наружу.

Было по-страшному тихо. И темновато — ну, вроде как в пасмурные сумерки. Дымные, тяжелые тучи, снизу окрашенные мутным багрянцем, клубились над Мордором и уползали на запад.

Сэм взглянул на оркскую башню, и вдруг ее узкие окна зажглись, точно красные зрачки. «Сигнал, что ли, какой», — подумал он, и страх перед орками, подавленный было гневом и отчаянием, овладел им снова. Путь-то у него был, как видно, один: надо искать главный вход в эту треклятую башню — только вот колени подгибались и дрожь не отпускала. Он отвел глаза от башни, от каменных рогов Ущелины и, волоча непослушные ноги, медленно-медленно, вслушиваясь в каждый шорох, вглядываясь в тени под скалами, пошел обратным путем мимо того места, где лежал Фродо и до сих пор воняло гноем Шелоб, потом навверх, до самого гребня, где он надевал Кольцо и пропускал мимо

орков Шаграта.

Умные ноги дальше идти отказывались, и он решил все-таки посидеть подумать. Ну да, вот сейчас он перейдет за этот гребень, шагнет — и очутится в Мордоре, а оттуда пути назад нету. Сам не зная зачем, он вытянул Кольцо и надел его. И сразу же на него обрушилась непомерная тяжесть, и злобное Око Мордора загорелось совсем вблизи, во сто крат ярче прежнего: оно пронизывало темень, которою само же окуталось и которая теперь мешала Властелину избавиться от тревог и сомнений.

Как и в тот раз, обострился слух и помутилось зрение, выпуская из виду здешнее, земное. Побледнели, словно потонули в тумане, утесы, зато донеслись kloкочущие стенания Шелоб, и совсем уж четко, резко, чуть что не рядом, слышались яростные крики и лязг оружия. Он вскочил на ноги, прижался ухом к скале и порадовался, что невидим: вот-вот нагрянут орки. Так ему, во всяком случае, показалось. А потом он понял, что зря показалось: просто уж очень громкими были ихние крики из башни, верхний рог которой торчал прямо над ним, за левой кромкой Ущелины.

Сэм встряхнулся и снова прикинул, что делать дальше. Как-то оно худо: похоже, орки совсем озверели, наплевали на все приказы и теперь мучают Фродо, а может, уже и на куски его изрубили. Он снова прислушался: вдруг забрезжила какая-то надежда. Это уж точно — в башне дерутся, орки передрались. Шаграт и Горбаг чего-то не поделили. Надежда была крошечная, но ему и этого хватило. А мало ли, а вдруг? Что там все остальное, сильнее всего была любовь к Фродо, и он забыл о себе и воскликнул:

— Господин Фродо, сударь, иду, иду!

И побежал за гребень невозвратной тропой. Она свернула налево, потом круто вниз. Сэм вошел в Мордор.

Он снял Кольцо, нутром почуяв опасность, но снял всего лишь затем, чтобы лучше было видно.

— Оглядеться-то надо как следует, — пробормотал он. — Не все же в тумане блуждать!

Увидел он суровую, истерзанную и скудную страну. Он стоял на вершине высочайшего гребня Изгарных гор, над крутым откосом и темной котловиной; по ту сторону котловины тянулся хребет пониже, острые скалы торчали, как черные зубья, в огневеющем небе. Это был Моргвей, внутренняя горная ограда. Далеко за нею, за озером тьмы, усеянной огоньками, светилось багровое зарево и столбами вставал дым, внизу темно-красный; он сливался поверху в черную тучу, и тяжкий свод нависал над зачумленным краем.

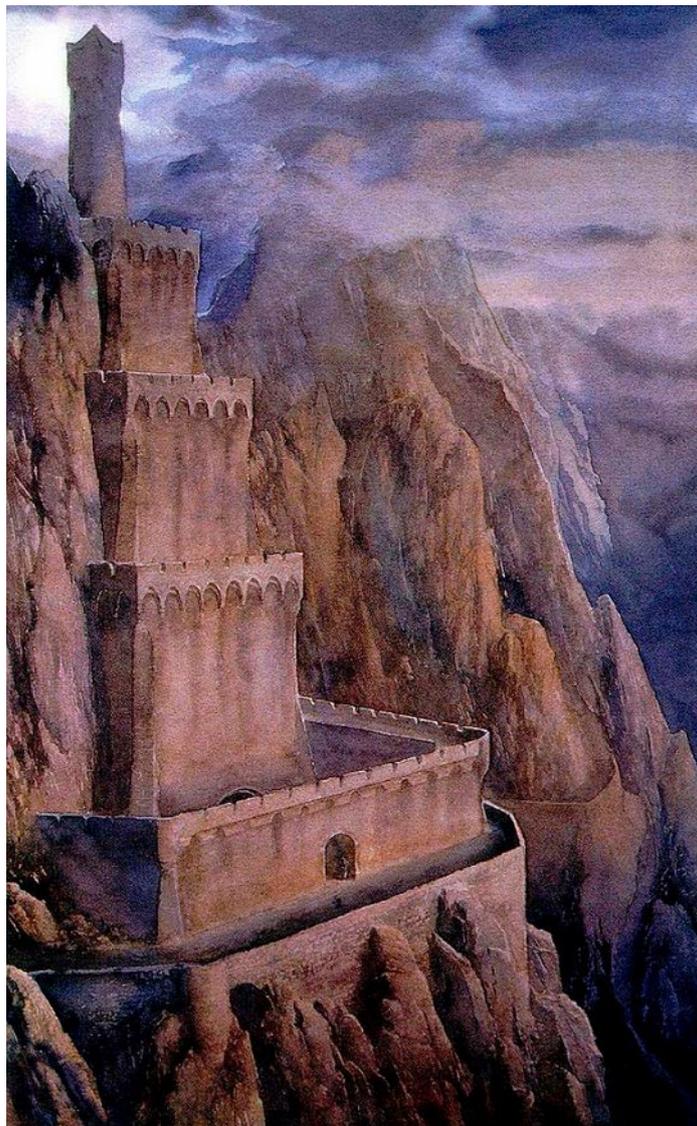
Сэм глядел на Ородруин, на Огненную гору. Высилась ее остроконечная пепельная вершина, близ подножия полыхали горнила, и расселины по склонам извергали бурные потоки магмы: одни струились, плеща огнем, по протокам к Барад-Дуру, другие, висясь, достигали каменистой равнины и там застывали подобьями сплюснутых драконов, выползших из-под земли. Багровое озаренье кузни Мордора было невидимо с запада, из-за Эфель-Дуата, а Сэму оно слепило глаза, и голые скалы Моргвея были словно окровавлены.

Сэм взглянул налево — и ужаснулся, увидев башню на Кирит-Унголе во всем ее сокрытом могуществе. Рог над гребнем Изгарных был всего лишь ее верхним отростком, а с востока в ней было три яруса; и ее бастионы, внизу

огромные, кверху все уже и уже, обращены были на северо- и юго-восток. Кладка была на диво искусная. Нижний ярус и дворик, футов за двести под ногами Сэма, были обнесены зубчатой стеною с воротами на широкую дорогу, парапет которой тянулся по самому краю пропасти. Потом дорога сворачивала на юг и крутыми излучинами уходила во тьму, к торному пути с Моргульского перевала. Между зубьями Моргвея, равниною Горгорота путь этот приводил в Барад-Дур. Узенькая тропа, где стоял Сэм, ступенчатыми сходами спускалась на дорогу под стеною близ башенных ворот.

Глядя на башню, Сэм как-то вдруг сообразил, что эта твердыня изначально служила не Мордору, а против Мордора. В самом деле, ее воздвигли гондорцы для защиты Итилии — давным-давно, когда Последний Союз победил Саурона, а в Сумрачном Краю еще бродили остатки его недобитого воинства.

Кирит-Унгол. Алан Ли

Но как было с Наркостом и Каркостом, башнями-клыками у Мораннона, так и здесь. Обманув нерадивую охрану, Главарь Кольценосцев захватил твердыню, и многие века владела ею черная нечисть. Еще нужнее стала эта башня, когда Саурон возвратился: верных слуг у него почти не было, а запуганных рабов не след выпускать из Мордора. Если же сюда попытается тайком проникнуть враг — обойдет Минас-Моргул и ускользнет от Шелоб, — то его встретит неусыпная стража.

Яснее ясного было Сэму, что никак не проберешься вниз мимо сотен бдительных глаз, никак не минуешь ворота. И все равно недалеко уйдешь по дороге, которую стерегут пуще зеницы ока. Как ни прячься в черной тени от багровых отсветов, от орков не спрячешься, они в темноте видят не хуже кошек. И это бы ладно — так ведь ему же надо было не удирать и не прятаться, а соваться в самые ворота.

«Кольцо? Да Кольцо-то, — подумал он с ужасом, — опаснее всякого врага». Заполыхала вдали треклятая гора, и ноша его так и налилась тяжестью. Видно, вблизи от горнил, где Кольцо было некогда выковано, таинственная власть его возрастала, и могучая нужна была сила, чтобы с ним совладать. Сэм не трогал Кольцо, оно висело у него на шее; однако ему чудилось, что он вырос и преобразился, что не сам он, а величественный его призрак вступает в пределы Мордора. И обманчивый выбор вставал перед ним: либо отказаться от Кольца и обречь себя на муку, либо же стать его владельцем и бросить вызов Тому, сокрытому в черной башне за морем сумрака. Кольцо искушало его, подтачивало волю, расшатывало рассудок. Мечтания овладевали им: он точно воочию видел, как Сэммиум Смелый, герой из героев, грозно шагает по темной равнине к Барад-Дуру, воздев пламенеющий меч, и со всех сторон стекаются войска на его зов. И рассеиваются тучи, блещет яркое солнце, а Горгорот превращается в цветущий, плодоносный сад. Стоит ему лишь надеть Кольцо, сказать: Оно — мое, и мечтания сбудутся наяву.

В этом тяжком испытании ему помогла выстоять любовь к хозяину, но, кроме того, в нем крепко сидел простой хоббитский здравый смысл: в глубине души он твердо знал, что такое бремя ему не по силам, пусть даже видения и не совсем обманные. Хватит с него и собственного сада, незачем превращать в свой сад целое царство; есть у него свои руки — и ладно, а чужими руками нечего жар загребать.

— И чего я сам себе голову морочу? — пробурчал он. — Да он меня как увидит, так и сцапает, я и пикнуть не успею. А он увидит, и скоренько, ежели я здесь, в Мордоре, вздумаю надеть Кольцо. Словом, как ни кинь, все клин. Это ж надо: в самый раз бы мне пробраться невидимкой — а Кольцо не тронь. Мало того, оно дальше — больше будет мне мешать, вот навязалась обуза! Ну и что же делать?

Это Сэм просто так спрашивал: он знал, что надо побыстрее идти к воротам. Он пожал плечами, встряхнул головой, как бы отгоняя видения, и стал медленно спускаться, делаясь меньше и меньше: через сотню шагов он снова превратился в маленького, перепуганного хоббита. Из башни слышны были без всякого Кольца крики, лязг оружия, да и не только из башни — похоже, дрались во дворе.

Сэм наполовину спустился, когда из темных ворот на дорогу, озаренную багровым светом, выскочили два орка. По счастью, бежали они не к нему и недалеко убежали, а свалившись, не двигались. Должно быть, их подстрелили из бойницы или со двора. Сэм осторожно продвигался, левым боком прижимаясь к стене; он взглянул вверх: да нет, не взобраться, куда там. Тридцать футов гладкого-прегладкого камня — ни трещинки, ни выступа — до гребня стены, нависавшего перевернутыми ступеньками. Только через воро-

та.

Он крался к воротам и соображал, сколько орков в башне у Шаграта, сколько привел Горбаг и с чего они разодрались. В Логове с Шагратом было около сорока, а с Горбагом, пожалуй, вдвое больше, но Шаграт не всех же вывел из башни. А поцапались, конечно, из-за Фродо, из-за добычи. Сэм даже остановился: он сразу все понял, точно увидел своими глазами. Мифрильная кольчуга! Ну конечно же — раздели Фродо, увидели кольчугу, и Горбаг наложил на нее лапу: они ведь его первые нашли! И выходит так, что жизнь Фродо висит на волоске, ее охраняет лишь приказ из Черной Башни, а если они послушаются...

— Ну же, ты, негодный слизняк! — закричал сам на себя Сэм. — Беги скорей!

Он выхватил Терн и ринулся к открытым воротам. Однако у входа под арку его что-то задержало, в точности как паутина Шелоб, только невидимая. Вроде бы проход свободен, а не пройдешь — и все тут. Он огляделся и по обеим сторонам прохода в тени увидел Соглядатаев.

Это были две фигуры на тронах, у каждой по три тулова и три головы, обращенные вперед, назад и поперек прохода. Головы как у стервятников, на коленях когтистые лапы. Высеченные из камня, недвижимые, они, однако, следили — зорко, злобно, цепко — и распознавали врагов. Видимый или невидимый — никто их не мог миновать. Они и впускали — и не выпускали.

Сэм изо всех сил рванулся вперед — и больно ушибся лицом и грудью. Тогда с отчаянной смелостью — больше ему просто ничего на ум не пришло — он вынул из-за пазухи фиал Галадриэли и поднял его над головой. Светильник вспыхнул, разгорелся серебряной звездой — и отступили тени из-под темной арки, а Соглядатаи, выхваченные из тьмы во всем своем жутком уродстве, казалось, заново оцепенели. Черные камни-глаза блеснули леденящей ненавистью. Сэм даже вздрогнул; но блеск угас, и он почувал их страх.

Когда же он проскочил мимо, пряча фиал на груди, за ним как железный засов задвинулся: опомнились, будут стеречь еще строже. И испустили дикий, пронзительный вопль — эхом загудели высокие стены. Сверху, отозвавшись, резко ударил колокол.

— Готово дело! — сказал Сэм. — Позвонил у парадного! Ну, давайте сюда, где вы там! — крикнул он. — Скажите своему Шаграту, что огромный богатырь-эльф тут как тут, и эльфийский меч при нем!

Ответа не было, и Сэм пошел вперед; в руке его сверкал ярко-голубой Терн. Темным-темно было во дворе, но он видел, что всюду валялись мертвецы. Возле его ног скорчились два лучника с ножами в спинах. Трупы за трупами, по одиночке, изрубленные или подстреленные, по двое, резали, душили, кусали — и издохли, вцепившись друг в друга. По скользким камням струилась черная кровь.

Доспехи, заметил Сэм, у одних были с Багровым Оком, у других — с Луной, оскаленной, как череп; он, впрочем, приглядываться не стал. Большая дверь у подножия башни была приоткрыта, на пороге лежал здоровенный орк. Сэм перепрыгнул через него и зашел внутрь, растерянно озираясь.

Дальний конец широкого, гулкого коридора, тускло освещенного торчавшими по стенам факелами, терялся в сумраке. По обе стороны виднелись две-

ри и проходы, и всюду было пусто; лежали два или три трупа. Сэм помнил из разговора вожаков, что Фродо, живого или мертвого, надо искать «в потайной камерке на самом верху» — но проискать можно было и целый день.

— Наверно, где-нибудь в той стороне, — пробормотал Сэм. — Башня вроде как наискось построена, прислонена к горе. Ладно, вперед, не в темень же соваться.

Он шел по коридору все медленнее и медленнее, еле волоча ноги. Ему опять стало очень страшно. Тишину нарушал только звук его осторожных шагов, которые эхо превращало в шлепки огромных рук по каменным плитам. Мертвые тела, пустота, сырые стены, при свете факелов точно сочившиеся кровью, смерть за каждой дверью и в темных простенках, да еще неотвязная память о чудовищах, поджидавших его у ворот, — словом, немудрено было и оробеть. Но ему даже хотелось, чтоб на него скорей напали — один-два орка, не больше, — лучше все-таки драться, чем трястись со страху. Он старался думать о Фродо, который лежит где-то в этой жуткой башне, связанный, раненый или мертвый. И не останавливался.

Ряды факелов кончились, он добрел почти до самых дверей в конце коридора — это, верно, и были задние ворота башни, только теперь изнутри. И вдруг откуда-то сверху донесся безумный сдавленный крик. Он замер и услышал топот: кто-то быстро сбегал по гулкой лестнице.

Удержать свою руку было не под силу, она невольно схватилась за цепочку с Кольцом. Но не успел Сэм надеть его, как из темного прохода справа выскочил орк и вслепую побежал прямо на него. Шагов за шесть, подняв голову, он заметил Сэма, а тот уже слышал его пыхтенье и видел воспаленные, выпученные глаза. Орк в ужасе остановился: перед ним был вовсе не маленький перепуганный хоббит с мечом в дрожащей руке, а огромная безмолвная фигура в сером облачении, заслонявшая неверный факельный свет; в одной руке у пришельца был меч, яростным блеском выжигавший глаза, другую он держал на груди, скрывая неведомую, властную, убийственную угрозу.

Орк съезжился, дико завопил и метнулся обратно в проход. А Сэм взбодрился, как щенок, нежданно-негаданно испугавший большого пса, и погнался за ним с победным криком:

— Ага! Видал эльфийского богатыря! Вот он я. А ну, показывай дорогу на самый верх, а то шкуру спущу!

Но ловкий и сытый орк был у себя дома, а голодный, изможденный Сэм спотыкался на каждом шагу, взбегая по высоким ступенькам крутой винтовой лестницы. Он запыхался; вскоре орк скрылся из виду, и все глуше доносился сверху его топот; правда, время от времени он подвывал от ужаса, и эхо гудело на лестнице. Но потом все стихло.

Сэм поднимался дальше. Он чувал, что он на верном пути, и сил у него прибыло.

— Ну-ну! — сказал он сам себе, как следует упрятав кольцо и подтянув пояс. — Если они все будут так шарахаться от меня при виде Терна, то, может, я с ними как-нибудь и управлюсь. Вообще-то похоже, что Шаграт, Горбаг и их молодцы славно поработали за меня. Кроме этого трусливого ублюдка, никого и в живых, кажется, не осталось.

Сказал — и словно ударился лбом о каменную стену. А вдруг и в самом деле — никого в живых?.. Чей это был отчаянный крик?

— Фродо, Фродо! Хозяин! — воскликнул он, давясь слезами. — Что мне делать, если они вас убили? Иду, все равно иду — эх, кабы не опоздать!

Выше и выше вела лестница, которую изредка освещали факелы на поворотах или над зияющими проходами в верхние ярусы. Сэм принялся считать ступеньки, досчитал до двухсот и сбился. Шел он крадучись: вроде бы сверху слышались голоса. Видно, ублюдок-то был не один.

И когда ноги уже не гнулись, а дышать стало совсем невмочь, лестница кончилась. Он остановился (голоса были слышны отчетливо и близко) и осмотрелся. Он был на плоской крыше третьего яруса, на круглой площадке шириною футов шестьдесят, с низким парапетом. Лестница выходила посредине площадки в сводчатую комнатку шатром: низкие дверные проемы глядели на восток и на запад. На востоке, далеко внизу, простиралась темная пустыня Мордора, полыхал Ородруин. Из кипящих недр яростней прежнего извергались огненные потоки — такие раскаленные, что даже здесь, за много миль, верхушку башни озарял багровый свет. Впрочем — Сэм поглядел на запад, — это была не верхушка, а дворик у подножия верхней сторожевой башни, того самого рога над горным гребнем. Оконная прорезь светилась. Дверь в башню — футов за тридцать от Сэма — была отворена, и оттуда, из черноты, и слышались голоса.

Сэм не стал прислушиваться; он вышел из восточной дверцы и окинул взглядом площадку — да, здесь, видать, была главная драка. Мертвецы лежали грудами, повсюду валялись отрубленные головы, руки, ноги. Застоялся смертный смрад. Вдруг кто-то рявкнул, кого-то ударили, раздался злобный крик, и Сэм кинулся назад, к лестнице. Орк заорал, и это был голос Шаграта: резкий, сиплый, начальственный.

— Ты что, Снага, очумел, как это ты не пойдешь? Да я тебя, гаденыша! Думаешь, я ранен, так и можно отбрехаться? Иди-ка сюда, я тебе глаза выдавлю, как Радбугу — слышал, он вопил? Вот подойдут парни, я с тобой разберусь: скормлю тебя Шелоб!

— Не подойдет никто, ты прежде сдохнешь, — угрюмо отвечал Снага. — Два раза уж сказал тебе: моргульская сволочь перекрыла ворота, из наших никто не выбрался. Проскочили Лагдуф и Музгаш — и тех подстрелили. Говорю же: я сам из окошка видел. А всем остальным — каюк.

— Вот, значит, ты и пойдешь. Мне все равно надо быть здесь; к тому же Горбаг, подлюга, ранил меня, чтоб ему сгнить в Черной Яме! — Шаграт разразился долгой и гнусной руганью. — Пока я его душил, он, вонючка, успел меня ножом пырнуть. Иди давай, живьем ведь слопаю. Надо скорее обо всем доложить в Лугбурз, а то угодим в Черную Яму. Да, да, с тобой на пару, не отвертишься, не отсидишься!

— Не пойду я на лестницу, — буркнул Снага, — плевать я хотел, что ты начальник. Хрен тебе! И не хватайся за нож, получишь стрелу в брюхо. Да и начальником тебе не бывать, когда Там узнают, что ты натворил. Моргульцев-гнид правильно всех перебили, но вы же и долбаки с Горбатом: сцепились из-за добычи!

— А ну, заткнись! — рявкнул Шаграт. — У меня был ясный приказ, а Горбаг хотел захватить кольчужку.

— Ты тоже хорош: сразу пошел выпендриваться — я, мол, здесь хозяин! У него в голове-то было побольше твоего: он тебе сколько повторял, что главно-

го шпиона мы не видели, а ты уши затыкал. И сейчас как глухой — говорят тебе, прав был Горбаг. Главный этот у нас под боком ходит — не то эльф-кровопийца, не то поганый тарк⁴². Сюда он идет, говорю же тебе. Колокол слышал? Он прорвался мимо Соглядатаев: тарки это умеют. И гнался за мной по лестнице. Покуда он здесь, не пойду я вниз. Будь ты хоть сам назгул, не пойду.

— Ах, ты так? — взревел Шаграт. — Туда не пойдешь, сюда не желаешь? А когда он придет, удерешь и бросишь меня? Нет, не выйдет! Сперва я из тебя кишки с дерьмом вытряхну!

Из башенной двери выскочил орк небольшого роста, а за ним гнался дюжий Шаграт, скрючившись и загребая ручищами чуть не до полу: одна, окровавленная, болталась, а в другой он держал большой черный сверток.

Прячась за лестничной дверцей, Сэм увидел в багровом свете его злобную морду, изорванную когтями, испятнанную кровью, с ощеренных клыков капала слюна.

Шаграт гонялся за Снагой по дворику, а тот ускользал, увертывался — наконец с визгом нырнул обратно в башню и скрылся. Из восточной дверцы Сэм видел, как Шаграт стал у парапета, задыхаясь, сжимая и разжимая когти на левой, свисавшей лапе. Он опустил сверток на пол, вытащил длинный красный нож и сплюнул на него. Потом перегнулся через парапет, разглядывая нижний двор, и зычно заорал раз-другой, но ответа не было.

Вдруг Сэм с изумленьем заметил, как один из распростертых мертвецов зашевелился, пополз, ухватил сверток за спиной склоненного над парапетом Шаграта и, шатаясь, поднялся на ноги. В другой руке у него был обломок копья с широким плоским наконечником; он занес его для удара, но в последний миг зашипел — от боли или от злобы. Шаграт отпрянул по-змеиному, извернулся — и вонзил нож в горло врагу.

— Здорово, Горбаг! — крикнул он. — Ты что, не сдох? Ладно, сейчас помогу!

Вскочив на рухнувшее тело, он бешено топтал и пинал его, нагибался, колотил и кромсал ножом, наконец закинул голову и испустил надсадный ликующий вопль. Потом облизал нож, взял его в зубы, поднял сверток и заковылял к ближней лестничной дверце.

Раздумывать не приходилось. Сэм, конечно, мог выскочить в другую дверцу, но вряд ли незаметно, а затевать с этим выродком игру в прятки — дело дохлое. Наверно, он поступил правильнее всего: с криком выпрыгнул навстречу Шаграту. Теперь он Кольцо в руке не сжимал, но оно никуда не делось, и всякий мордорский раб чуял его страшную власть и смертельную угрозу. Нестерпимо сверкал Терн — отблеском звезд эльфийского края, страшнее которого для орков ничего нет. И наконец Шаграт не мог драться, не выпустив сверток. Он пригнулся, зарычал и оскалил клыки. Потом отпрыгнул в сторону и, когда Сэм на него бросился, выставил тяжелый сверток, словно щит, ткнув им врага в лицо. Сэм отшатнулся и опомниться не успел, как Шаграт уже сбегал по лестнице.

Сэм с проклятьем кинулся за ним, но быстро остыл. Он подумал о Фродо, о том, что другой орк вернулся в сторожевую башню. Опять надо было выбирать, не мешкая. Если Шаграт удерет, то скоро вернется с подмогой. Но если бежать за ним — тот, другой, может такое вытворить... Шаграта еще поди догони, а догонишь — кто кого убьет. Сэм повернулся и взбежал наверх.

— Опять небось маху дал, — вздохнул он. — Но будь что будет, сперва добе-

русью до этой каморки на верхотуре.

А Шаграт тем временем сбежал по лестнице, пересек двор и выскочил из ворот со своей драгоценной ношей. Знал бы Сэм, сколько скорби вызовет его бегство, он бы, может, еще подумал. Но он думал только о том, где ему искать Фродо. Он с оглядкой подошел к башенной двери и сунулся внутрь: вроде бы совсем темно, но потом глаза привыкли, и он завидел справа тусклый свет — из прохода к узкой винтовой лестнице у стены. Оттуда сверху мерцал факел.

Сэм стал осторожно подниматься. Факел оказался над дверью слева, напротив оконной прорези, обращенной на запад: это небось и было то красное окно, которое они с Фродо увидели, выйдя из Логова. Сэм прошмыгнул мимо двери и поспешил на третий этаж, каждый миг опасаясь, что сзади схватят его за горло. Снова прорезь, теперь на восток, и опять факел над дверью напротив. Дверь была открыта: темный коридор скудно освещали отблески факела и багрового зарева за окном. Но лестница кончилась, и Сэм прокрался в коридор. С двух сторон были низкие двери; обе заперты. Ниоткуда ни звука.

— Добрался, нечего сказать, — пробормотал Сэм, — было зачем добираться! Но это вроде бы не самая верхотура. А дальше-то куда?

Он сбежал на второй этаж, попробовал дверь. Заперта. Он снова взбежал наверх, пот лил с него ручьем. Каждая минута была дорога, и минута за минутой уходили попусту. Он уж и думать забыл про Шаграта, Снагу и всех прочих орков; он не чаял найти хозяина, посмотреть ему в лицо, потрогать его за руку.

И наконец, усталый и разбитый, он сел на ступеньку пониже третьего этажа и уронил голову на руки. Стояла жуткая тишина. Факел, догорая, затрепал и погас; темнота, как волна, захлестнула его с головой. И вдруг, себе на удивление, Сэм, у которого не осталось надежды и не было сил горевать, тихонько запел, повинувшись тайной подсказке сердца.

Его слабый, дрожащий голосок был еле слышен в черной холодной башне; никакой орк не принял бы это жалобное пение полуживого хоббита за звонкую песнь эльфийского воина. Он тихонько напевал детские песенки Хоббитании, стихи господина Бильбо — напевал все, что приходило в голову и напоминало родные края. Внезапно сил у него прибавилось, голос окреп, и сами собой сочинились слова, как простенький мотив:

*Там солнце льет свои лучи
На вешние сады,
Цветут луга, журчат ручьи,
В лесах поют дрозды.
А может, льется звездный свет,
И я бы увидал,
Как тихо светится в листве
Жемчужная звезда.*

*А здесь темно, и ни души,
В углах таится смерть.
Но выше сумрачных вершин
Сияющая твердь.
Лучится ласковая синь,
Блестает звездный свод —
Ведь он прочнее всех твердынь,
И темнота пройдет.*

— Но выше сумрачных вершин, — затянул он снова — и замолк. Ему словно бы отозвался чей-то слабый голос. Да нет, показалось: ничего не слышать. А потом стало слышать, только не голос, а шаги. Тихо отворилась дверь в верхнем коридоре, заскрипели петли. Сэм съежился, затаив дыхание. Дверь хлопнула, и злобный голос орка прогнусил:

— Ну ты, гаденыш, там, наверху! Только пискни еще, я тебе так пискну! Понял?

Ответа не было.

— То-то, — буркнул Снага. — А все-таки слазаю посмотрю, чего это ты распищался.

Снова скрипнули петли, и Сэм, выглядывая из-за косяка, увидел в дверях полосу света и фигуру орка: он, кажется, нес лестницу. Сэма осенило: каморка-то не иначе как над коридором, а вход в нее через люк. Снага приставил лестницу, взлез к потолку и загремел засовом. И снова послышался мерзостный, гнусавый голос:

— Тихо лежать, пока цел! А цел ты пробудешь недолго — тебе что, невтерпеж? Хлебало заткнуть! Вот получи на память!

Свистнув, хлестнула плеть. Сэм затрясся от ярости и в три прыжка взлетел на лестницу, по-кошачьи бесшумно. Люк был посредине большой круглой комнаты. На цепях свисал красный светильник, чернело высокое и узкое западное окно. У стены под окном кто-то лежал, возле него черной тенью раскрылся орк. Он снова занес плетку, но ударить не успел.

Сэм с криком подскочил к нему, орк быстро обернулся, и яростно сверкнувший Терн отсек ему правую руку. Взыв от боли и страха, он озверело бросился на Сэма, увернулся от меча, сшиб его с ног и упал сам. Послышался вопль и глухой удар. Мгновенно поднявшись и отпрыгнув, Сэм понял, что орк запнулся о лестницу и свалился вниз головой в люк. Сэм тут же забыл о нем, подбежав к фигурке, скорчившейся на полу. Это был Фродо.

* * *

Он лежал нагишом — как видно, без чувств — на куче грязного тряпья, рукой заслоняя голову; бок был исполосован плетью.

— Фродо! Господин Фродо, хозяин мой дорогой! — кричал Сэм, заливаясь слезами. — Это я, это Сэм!

Он прижал его голову к своей груди. Фродо открыл глаза.

— Опять я сплю? — проговорил он. — Что ж, спасибо за такой сон.

— Нет, хозяин, это вовсе не сон, — сказал Сэм. — Это наяву. Это я вас нашел.

— Да не может быть, — сказал Фродо, хватая его за плечи. — Только что здесь был орк с плетью, и он превратился в Сэма! Значит, я и тогда не спал, когда слышал пение снизу и стал подпевать? Это ты пел?

— Кто ж, как не я, сударь. Я уж совсем, можно сказать, отчаялся. Ищу, ищу, а вы не находитесь.

— Вот я и нашелся, Сэм, дорогой ты мой Сэм, — сказал Фродо и снова, закрыв глаза, откинул голову на ласковые руки Сэма, как ребенок, чьи ночные страхи прогнали любимый голос и касание.

Так бы сидеть да радоваться, но Сэм понимал, что радоваться рано. Найти-то он хозяина нашел, а теперь надо было его спасать. Он поцеловал Фродо в

лоб.

— Просыпайтесь, просыпайтесь, господин Фродо! — позвал он, стараясь, чтобы голос его звучал повеселей — как в Торбе, когда он раздвигал занавеси летним утром.

Фродо вздохнул и сел.

— А где это мы? Как я здесь оказался? — спросил он.

— Все расскажу, только сперва давайте окажемся подальше отсюда, — сказал Сэм. — Короче говоря, мы с вами на самом верху той башни, что видели, когда вышли из Логова, перед тем, как вас сцапали орки. А давно ли это было — не знаю. День да ночь — сутки прочь, не больше.

— Только-то? — сказал Фродо. — По мне, так целая неделя прошла. Да, да, потом расскажешь, если будет случай. Меня сшибло с ног, верно? И я точно провалился в темноту, мне чудились всякие ужасы, а когда очнулся — увидел ужасы наяву. Кругом были орки, они вливали мне в горло какую-то жгучую гадость, и голова прояснилась, только болела, и руки-ноги не двигались. Раздели меня догола — все-все отобрали, — и двое огромных зверюг принялись меня допрашивать, и конца этому не было; я думал, с ума сойду, а они стояли надо мною, грозили, измывались, поплевывали на свои ножи. Век не забуду их когтей и огненных глазищ!

— Не станете вспоминать, так, может, и забудете, сударь, — сказал Сэм. — Главное дело — ноги отсюда поскорее унести, а то увидимся с кем не надо. Вы идти-то сможете?

— Смогу, — сказал Фродо, медленно распрямляясь. — Я ведь не ранен, Сэм. Только трудно как-то двигаться и вот здесь побаливает. — Он приложил руку к шее над левым плечом.

Красный свет заливал его с головы до пят, будто облекал пламенем. Он прошелся по комнате.

— Да вроде уже получше! — сказал он, немного повеселев. — Я и шелохнуться боялся, когда лежал тут один и все время заходил караульщик. Потом поднялся дикий ор и началась драка. Кажется, эти двое зверюг повздорили из-за меня и добычи. Ужас что творилось! А когда все стихло, стало еще страшней.

— Да, они, видать, крепко повздорили, — подтвердил Сэм. — Здесь этой сволочи собралось сотни две. Многовато на одного Сэма Скромби. Но они, спасибо, не стали дожидаться, пока я их всех уюкошу, и сами между собой разобрались. Это нам с вами здорово повезло, не худо бы и песню сочинить, да уж очень длинная получится песня, отложим на потом. Сейчас-то что делать будем? В здешних местах, сударь, хоть и темновато, но гольшом расхаживать не принято.

— Они все забрали, Сэм, — отозвался Фродо. — Все до последней нитки. Ты понимаешь? Все! — И он снова тяжело опустился на пол, свесив голову, будто и сам только что это понял и его придавило отчаяние. — Все пропало, Сэм. Если мы даже отсюда выберемся, спасенья нам нет. Одни эльфы могут спастись, и не в Средиземье, а далеко-далеко за Морем. Да еще и там — спасутся ли?..

— Нет, сударь, не все они забрали. И еще не все пропало. Я снял его с вас, уж извините великодушно. И оно цело — висит у меня на шее, сущий камень, я вам скажу! — Сэм полез за пазуху. — Теперь небось надо его вам на шею перевесить.

Сэму вовсе не хотелось отдавать Кольцо — ну куда хозяину таскать такую тяжесть!

— Оно у тебя? — ахнул Фродо. — Здесь, у тебя? Вот чудо-то! — И вдруг, вскочив на ноги и протягивая дрожащую руку, выкрикнул каким-то чужим голосом: — Давай его сюда! Сейчас же отдавай! Оно не твое!

— Конечно, сударь, — удивленно сказал Сэм. — Берите! — Он нехотя вынул Кольцо и снял цепочку через голову. — Только ведь мы, как бы сказать, в Мордоре: вот выберемся из башни, сами увидите Огненную гору и все такое прочее. Кольцо ого-го как потяжелело, и с ним здесь, похоже, шутки плохи. Может, будем его нести по очереди?

— Нет, нет! — крикнул Фродо, выхватив Кольцо с цепочкой у него из рук. — Нет, и думать не смей, проклятый ворюга!

Он, задыхаясь, смотрел на Сэма с испугом и ненавистью. Потом вдруг, сжав Кольцо в кулаке, точно сам себя услышал. Он провел рукою по лбу: голова по-прежнему болела, но жуткое виденье исчезло, а привиделось ему совсем как наяву, что Сэм снова обратился в орка, в гнусную маленькую тварь с горящими глазками, со слюнявой оскаленной пастью и жадно вцепился в его сокровище. Теперь он увидел, что Сэм стоит перед ним на коленях и горько плачет от мучительной обиды.

— О Сэм! — воскликнул Фродо. — Что я сказал! Что со мной! Прости меня! И это тебе вместо благодарности. Страшная власть у этого Кольца. Лучше бы его никогда, никогда не нашли. Но ты пойми, Сэм, я взялся нести эту ношу, и тут уж ничего не поделаешь. Это моя судьба, и даже ты не можешь ее разделить.

— Ладно, чего там, сударь, — сказал Сэм, утирая глаза рукавом. — Все понятно. Разделить не могу, а помочь попробую — первым делом скоренько вывести вас отсюда, тут место гиблое. Стало быть, надо вам одеться и подкрепиться. Одеть я вас как-нибудь одену: по-мордорски, раз уж нас занесло в Мордор. Да и выбирать не из чего. Так что, боюсь, придется вам, сударь, нарядиться орком; мне, конечно, тоже — за компанию и для порядку. Покамест вот — наденьте!

Сэм снял свой серый плащ и накинул его на плечи Фродо. Потом положил котомку на пол и вынул из ножен Терн: клинок его едва искрился.

— Поглядите, сударь! — сказал он. — Нет, не всё они забрали. Терн я у вас одолжил, а звездинку Владычицы вы, помните, сами мне дали. Очень пригодились. Если можно, сударь, одолжите их еще ненадолго — я схожу на добычу. А вы покуда пройдитесь, разомните ноги. Я быстро — здесь недалеко.

— Только осторожно, Сэм! — сказал Фродо. — И правда, побыстрее! Вдруг где-нибудь еще прячутся недобитые орки.

— Стало быть, добьем, — сказал Сэм. Он скользнул в люк и вниз по лестнице, но через минуту голова его снова появилась, а рука зашвырнула длинный нож.

— Возьмите-ка на всякий случай, — сказал он. — Подох этот — который вас плетью стегал. Шею сломал, уж очень торопился. А вы вот что, сударь: лестницу сможете сами втянуть? И не спускайте ее, пока я не позову. Я скажу «Элберет» — эльфийское имя, ни один орк его не знает.

Фродо немного посидел, невольно вспоминая пережитые ужасы и вздрагивая при каждом шорохе. Потом он встал, запахнулся в эльфийский плащ и,

чтобы отогнать черные мысли, принялся кругами расхаживать по своей темнице и обшаривать все углы.

Ждать пришлось недолго, хоть со страху и показалось, что больше часу; голос Сэма тихо позвал снизу: «Элберет, Элберет». Фродо спустил в люк легкую лестницу. Сэм поднялся, пыхтя, с большим узлом на голове и брякнул его об пол.

— Ну, сударь, чур не мешкать! — сказал он. — Да, снаряди тут попробуй нашего брата невысоклика. Ладно, уж как-нибудь обойдемся, а то некогда. Орки все мертвые, ничего такого я не заметил, но что-то мне, понимаете, не по себе, вроде как под надзором. Может, оно и кажется, только боюсь, ох шныряет по близости летучий мертвяк, а в небе черно, не разглядишь.

Он развязал узел. Фродо поежился от омерзения, но делать и правда было нечего — либо как ни на есть одевайся, либо ходи голый. Он натянул длинные косматые штаны из козлиной, что ли, шкуры и засаленную кожаную рубаху, а поверх нее — частую кольчугу, для среднего орка короткую, для Фродо длинную и тяжеловатую. Потом затянул пояс, на котором висел короткий широкий тесак. Шлемов Сэм притащил пяток на выбор, и один из них Фродо подошел: черная шапка из железных ободьев, обтянутых кожей, со злобным Красным Оком, намалеванным над клювастым наносником.

— Моргульские доспехи, с молодчиков Горбага, нам бы лучше сгодились, да они и подобротнее, — сказал Сэм, — только с их пометками в Мордоре, наверно, лучше не разгуливать, после здешней-то бойни. Ну, сударь, вот вы и одеты — этакий складненький орк, с вашего позволения... да нет, не совсем, вам бы еще маску, руки подлиннее и ноги врастопырку. А мы, пожалуй, сверху прикроемся. Теперь готово дело. Щит подберете по дороге.

— А ты как же, Сэм? — спросил Фродо. — За компанию и для порядку?

— Да я, сударь, тут между делом пораскинул мозгами, — сказал Сэм. — Оставлять-то мою одежду нельзя, а куда мы ее денем? Неужто мне поверх нее напяливать оркский доспех? Нет, опять же прикроемся сверху.

Он опустил на колени и бережно свернул эльфийский плащ: сверточек получился малюсенький. Сэм припрятал его в котомку, закинул котомку за плечи, надел оркский шлем и завернулся в черный плащ.

— Вот так сойдет! — сказал он. — Теперь вроде бы гожусь вам в компанию. Пошли, пошли!

— Только не бегом, Сэм, — сказал Фродо с грустной улыбкой. — Да, а ты разузнал, как там с трактирами по дороге? Или вообще забыл про еду и питье?

— Батюшки, а ведь забыл! — присвистнул Сэм. — Вы тоже, сударь, хороши: напомнили и я сразу захотел есть и пить! Давно уж во рту маковой росинки не было — покуда я вас искал. Но не так уж плохи наши дела: когда я последний раз шарил в котомке, там и хлебцев, и Фарамировой снеди оставалось недели на две — на одного, правда, едока, и то в обрез. С водой хуже, — может, во фляге и есть еще глоток, но уж второго нет, это точно. На двоих маловато. А орки что — не едят и не пьют? Только дышат гнилым воздухом и лопают отраву?

— Нет, Сэм, они едят и пьют. Злодейству творить не дано, оно может лишь издеваться и уродовать. И орки — не его творение, это просто порченые твари, а стало быть, живут, как все живые. Пьют гнилую воду, едят гнилое мясо, если ничем другим не разживутся, но отравы не лопают. Меня они кормили и пои-

ли, так что я рядом с тобой именинник. И наверняка где-нибудь здесь и еда, и питье есть.

— Только времени-то нет разыскивать, — вздохнул Сэм.

— Ладно, ладно, дела наши даже лучше, чем ты думаешь! — сказал Фродо. — Пока ты ходил на добычу, я тоже кое-что промыслил: свою котомку среди тряпья. Они ее, конечно, распотрошили, да путлибы им, видать, были еще противней, чем Горлуму. Побросали их, потоптали, но я собрал все до крохи, и порядком набралось — думаю, почти столько же, сколько у тебя. Вот только Фарамирову снедь они забрали и флягу изрезали в клочья.

— Такие, значит, пироги, — сказал Сэм. — С голоду пока что не помрем. Без воды, правда, худо нам придется. Но пошли, пошли, сударь, а то нам и целое озеро будет без надобности!

— Нет уж, Сэм, пока ты не перекусишь, я с места не двинусь, — сказал Фродо. — Возьми-ка вот хлебец и допей глоток из своей фляги! Худо нам придется так и так, и нечего беречь глоток на завтра. Может, и завтра-то никакого не будет.

Наконец они спустились, задраив люк, и Сэм положил лестницу в коридоре подле скрюченного трупа орка. В малой башне было темно, а крышу все еще озаряли отсветы зарева над Ородруином, хоть оно и потускнело. Они подобрали щиты полегче и ступили на главную лестницу.

Гулко отдавались их шаги. Круглая комната, где они встретились, теперь казалась чуть не домом родным, а здесь даже обернуться было страшно. Может, и не осталось никого в живых во всей башне на Кирит-Унголе, но тишина стояла зловещая до ужаса.

Подошли к дверям во двор, и перед ними встала невидимым и плотным заносом черная злоба Соглядатаев — безмолвных чудищ по сторонам багровеющих ворот. Побрели через двор между мертвыми телами, идти было все труднее. Неподалеку от арки остановились, пошатываясь, оцепененные тяжелой болью.

Фродо бессильно повалился на камни.

— Дальше не могу, Сэм, — выговорил он коснеющим языком. — Кажется, вот-вот умру. Не знаю, что это на меня накатило.

— Дело понятное, сударь. Главное — крепитесь! Тут ворота малость заколдованные. Но я сюда через них прошел, и я не я буду, если не выйду. Я на них управу знаю. Ну-ка!

Он вынул звездинку Галадриэли, и в честь его мужества, в награду немудрящей хоббитской верности светильник ослепительно вспыхнул в заскоруждой руке Сэма, словно молнией осявав сумрачный двор, и сияние не угасало.

— Гилтониэль, о Элберет! — выкликнул Сэм: ему вдруг вспомнилась Хоббитания и песня эльфов, от которой шарахнулся в лес Черный Всадник.

— Аийя эленион анкалима!⁴³ — воскликнул позади него Фродо.

И чары вдруг распались, точно лопнувшая цепь; Фродо и Сэм, спотыкаясь, стремглав пробежали в ворота, мимо Соглядатаев, злобно сверкнувших мертвыми глазами. Раздался треск: замковый камень арки грянулся оземь, чуть не придавив беглецов, и, рассыпаясь, обрушилась стена над воротами. Хоббиты уцелели чудом. Ударил колокол, и дико взвыли Соглядатаи. Эхом отозвались темные небеса: оттуда коршуном устремилась вниз крылатая тень и жуткий

воплъ ее, казалось, разрывал тучи.

Глава II В сумрачном краю

Сэм едва успел спрятать на груди светильник.

— Бежим, сударь! — крикнул он. — Нет, не туда! Там под стеной обрыв. За мной бегите!

И они побежали прямо по дороге. Шагов через пятьдесят их скрыл спасительный выступ; кое-как отдышались, прижимаясь спиной к утесу. От разрушенной арки доносились сверлящие вопли назгула, и скалы вздрагивали.

Ужас погнал их дальше, за поворотом снова надо было перебежать на виду. Мельком увидели они черную тень над стеною — и юркнули в ущелье, на крутой спуск к Моргульской дороге. Вскоре очутились на перекрестке — никого нигде, но, конечно, вот-вот примчатся со всех сторон на яростный зов назгула.

— Плохо наше дело, Сэм, — сказал Фродо. — Были б мы орки, бежали бы к башне, а мы куда? Сразу нас сцапают. Нельзя по дороге.

— Нельзя-то нельзя, да куда деваться? — сказал Сэм. — Мы же летать не умеем.

Сбоку, над черною котловиной, громоздились утесистые восточные склоны Эфель-Дуата. За перекрестком дорога опять ныряла и выводила на висячий мост над пропастью, к ущельям и кручам Моргвея. Фродо и Сэм опрометью кинулись по мосту; уже далеко позади, на уступе, высилась башня Кирит-Унгола, поблескивавшая каменной чешуей. Внезапно вновь ударил колокол и загремел, не смолкая. Затрубили рога. Из-за моста донеслись ответные крики. Меркнущие отсветы Огненной горы в котловину не проникали, и пока никого не было видно, только все ближе слышался грохот кованых сапог и топот копыт.

— Живо, Сэм! С моста вниз! — крикнул Фродо. Они перелезли через перила. По счастью, склоны Моргвея уже подступили к дороге, и зев пропасти остался позади, но прыгать все равно надо было в темноту, наудачу.

— Эх, где наша не пропадала, — сказал Сэм. — На всякий случай прощайте, сударь!

Он прыгнул, Фродо за ним, и тут же над головой у них на мост ворвались всадники и толпа орков. Но Сэм чуть не расхохотался. Не в бездну упали они, не на острые невидимые скалы, а футов через двенадцать с треском врезались в гущу — это надо же! — терновника. И Сэм лежал тихо-тихо, зализывая расцарапанную руку.

Когда шум погони стих, он осмелился шепнуть:

— Ну, сударь, не знал я, что в Мордоре что-нибудь растет, но уж коли растет, то это самое оно. Ничего себе колючки, чуть не в два пальца длиной! Как они меня насквозь не проткнули. Дурак я, что не надел кольчуги.

— Да от этой оркской кольчуги никакого толку, — отозвался Фродо. — Они и рубаху пропороли.

Насилу выдрались из зарослей: жесткие, как проволока, кусты вцеплялись, точно когтями. Плащи их были изорваны в клочья.

— Спускаемся вниз, Сэм, — прошептал Фродо, — к самому дну котловины, и сразу свернем на север.

За пределами Мордора наступало утро, и над покровом мглы всходило солнце из-за восточного края Средиземья; но здесь ночная темнота еще сгустилась. Тлела пригасшая Гора. Прежде обагренные скалы почернели. Восточный ветер, который дул с той поры, когда хоббиты были еще в Итилии, теперь улегся. Медленно, с трудом пробирались они на ощупь, спотыкаясь и падая, по камням, грудам хвороста, сквозь колючие заросли, все вниз и вниз.

Наконец, выбившись из сил и обливаясь потом, они уселись рядом возле огромного валуна.

— За кружку воды я бы самому Шаграту лапу пожал, — сказал Сэм.

— Насчет воды лучше помалкивай! — посоветовал Фродо. — Не береги душу.

Он устало вытянулся и надолго замолчал: дурнота одолевала его. Потом он, к изумлению своему, обнаружил, что Сэм крепко спит.

— Сэм, ты проснись! — позвал Фродо. — Идти надо! Передохнули — и будет.

Сэм вскочил на ноги.

— Ой, батюшки! — сказал он. — Вздремнул ненароком. Давненько, сударь, я толком не спал, вот глаза и слиплись.

Фродо пошел впереди, стараясь держать путь на север среди камней, загромодивших сухое русло. Но вскоре он остановился.

— Да нет, Сэм, — сказал он. — Вот как хочешь, не получится. То есть я это про оркскую кольчугу. Может, в другой раз, а сейчас — нет. Мне и моя-то, мифрильная, бывала тяжеловата. А эта куда тяжелее. Да и что от нее проку? Мы ведь не с боем будем пробиваться.

— А без драки-то, может, и не обойдемся, — возразил Сэм. — Ножом в спину ткнут, стрела невзначай попадет, мало ли. Да и Горлум, коли на то пошло, где-то рядом ошивается. Не, неохота мне думать, что у вас одна защита — кожаная рубаха!

— Сэм, дорогой ты мой, — сказал Фродо, — я устал, я с ног падаю, я совсем уж ни на что не надеюсь. И все равно надо, понимаешь, надо тащиться к Огненной горе — хоть на брюхе. Хватит с меня Кольца. А это лишнее, это меня давит. Но ты не подумай, я понимаю, каково тебе было копаться среди мертвецов, отыскивать ее для меня..

— Да это, сударь, вздор, делов-то! Я вас на спине донесу, было б куда. Пес с ней, с кольчугой!

Фродо скинул плащ, снял кольчугу, отбросил ее в сторону и поежился.

— Потеплее бы что-нибудь, — сказал он. — То ли холодно стало, то ли я простудился.

— А возьмите-ка, вы, сударь, мой плащ, — сказал Сэм. — Он скинул котомку с плеч и вытащил оттуда сверточек. — Честное слово, неплохо получится! Закутайтесь поплотнее в эту оркскую хламиду, затянитесь поясом, а сверху вот накиньте. Орк из вас теперь липовый, ну да ладно, зато согреетесь, а пожалуй что оно и безопаснее. Как-никак сама Владычица руку приложила.

Фродо застегнул брошь.

— Да, гораздо легче стало! — сказал он. — И в ногах силы прибавилось. Только темень как тисками сжимает. Знаешь, Сэм, в башне я лежал и вспоминал Брендидуим, Лесной Угол, реку возле мельницы в Норгорде. А теперь ничего не вспоминается.

— Здрасьте, сударь, теперь уж не я, а вы на воду намекаете! — сказал

Сэм. — Могла бы Владычица нас увидеть или услышать, я сказал бы ей: «Ваше Сиятельство, нам нужны только свет и вода, чистая вода и дневной свет, а камней никаких, прощенья просим, и даром не надо». Но далеко отсюда Лориэн.

Сэм со вздохом махнул рукой в сторону Изгарных гор — черноты в непроглядном небе.

Через сотню шагов Фродо опять остановился.

— Черный Всадник кружит над нами, — сказал он. — Что другое, а это я чувствую. Переждем.

Они залезли под огромный валун, сидели лицом к западу и молчали. Потом Фродо облегченно вздохнул:

— Улетел.

Они выбрались — и обомлели от удивления. По левую руку, на юге, небо склон посерел и стала видна в высоте крутоверхая горная цепь. За нею разливался свет, и мгла отступала к северу: казалось, в небесах идет битва. Тучи Мордора клубились и редели, рассеиваясь клочьями под напором ветра из мира живых; чадный туман втягивался назад, в глубь Сумрачного Края. И как сквозь грязное тюремное окно сочились бледные утренние лучи.

— Гляньте, сударь! — сказал Сэм. — Нет, вы гляньте! Ветер переменился. Похоже, не все у него, лиходея, ладится. Темень-то разметало. Эх, знать бы, как оно там.

Это было утро пятнадцатого марта, солнце поднималось из восточного сумрака над Андуином, дул юго-западный ветер. Теоден лежал при смерти на Пеленнорской равнине.

Ширилась полоса света над гребнями Эфель-Дуата, и вдруг хоббиты увидели пятнышко в ясном небе; вблизи оно стало черной тенью, а тень врезалась в сумрак и промчалась высоко над головой. Послышался протяжный, надсадный вопль назгула, но вопль их почему-то не испугал: была в нем тоскливая злоба и весть о своей гибели. Главарь Кольценосцев исчез с лица земли.

— А я что говорил? Где-то обмишулился лиходей! — воскликнул Сэм. — «Война хорошо идет!» — говорил Шаграт, а Горбаг хмыкал, и, видно, недаром. Может, не так уж все и худо, а, сударь? Может, будем надеяться?

— Да нет, Сэм, нам с тобою надеяться не на что, — вздохнул Фродо. — Это все за горами, за долами. И мы идем не на запад, а на восток. Я очень устал, Сэм, и Кольцо все тяжелее. И перед глазами у меня словно огненное колесо.

Сэм снова поник. Он тревожно взглянул на хозяина и взял его за руку.

— Пойдемте, сударь! — сказал он. — Все ж таки посветлело, идти будет легче, хоть и опаснее. Чуток пройдем, потом полежим отдохнем. Съешьте-ка вы эльфийского хлебушка, подкрепитесь.

Они разломали путлиб на двоих и побрели дальше, старательно жуя пересохшими ртами. Темноту сменил серый полумрак; впереди, по дну глубокой, отлого поднимавшейся к северу котловины тянулось пустое каменистое русло. У обрывистых подножий Эфель-Дуата вилась торная тропа. Они могли свернуть на нее еще с Моргульской дороги, перед мостом: спустились бы длинными лестницами, выбитыми в скалах. Здесь ходили дозоры и бегали гонцы в малые крепости между Кирит-Унголом и тесниной Изенмаута, желез-

ными челюстями Карак-Ангрена.

Опасно было идти этой ближней тропой, зато легче, а Фродо знал, что ему не под силу пробираться валунами или по ущельям Моргвея. К тому же и погоня, наверно, будет сперва искать их не здесь, а на восточной дороге или западных перевалах. Отойдут они подальше от башни, попробуют выбраться из котловины на восток, а там... а там всему конец. Они пересекли сухое русло и пошли по оркской тропе. Над нею нависали скалы, так что сверху бояться было вроде бы нечего, но тропа то и дело петляла, и у каждого поворота брались они за рукояти мечей.

Светлей не становилось: Ородруин по-прежнему изрыгал тяжкие дымные облака, не уступавшие ветру. Мощный столп поднимался в надветренную высь и расползался, нависая огромным туманным куполом. Они брели уже час с лишним — и вдруг оба замерли, не веря своим ушам. Наконец поверили: слышалось журчанье воды. Слева, из узкой, точно прорубленной в черном утесе канавки, струились, должно быть, остатки душистой дождевой влаги, скопленной над солнечным Морем и впустую окропившей скалистую ограду бесплодного края. Струйка лилась на тропу, и крохотный ручеек сбегал под откос, теряясь среди голых камней.

Сэм кинулся к струйке.

— Непременно скажу Владычице, если увижу ее! — воскликнул он. — Свет — пожалуйста, а вот и вода! — Он замялся. — Позвольте, сударь, прежде я напьюсь.

— Пей на здоровье, только нам и вдвоем места хватит.

— Да я не про то, — сказал Сэм. — Просто ежели от этой водички сразу ноги протянешь, так уж давайте испробуем на мне.

— Ах, ты вот о чем. Нет, Сэм, пробовать будем вдвоем — вдруг да обоим повезет. Глотнем для начала самую капельку — а ну как она ледяная, моргульская!

Вода была вовсе не ледяная, но прохладная, с неприятным привкусом — маслянистая и горьковатая. То есть это бы дома им так показалось, а здесь они этой водой нахвалиться не могли и пили без опаски.

Напились вволю, и Сэм наполнил флягу. Фродо полегчало; они прошли несколько миль, и тропа стала шире, а справа появилось грубое подобие стены. Должно быть, где-то неподалеку был лагерь орков.

— Сворачиваем, Сэм, — сказал Фродо. — На восток надо сворачивать. — Он вздохнул и окинул взглядом сумрачные гребни за котловиной. — Авось хватит у меня сил туда перебраться, а там забьемся в какую-нибудь ложбинку и отдохнем.

На четвереньках спустились по осыпи к руслу — и набрали, как ни странно, на темные лужи: видно, ручеек был не один. И еще не все омертвело у западных склонов Моргвея. Убогие, искореженные и хваткие растения упорно цеплялись за жизнь. В ущельях как бы тайком росли кривобокие карликовые деревца, жесткие серые пучки травы выбивались из-под камней, чахлый мох облеплял валуны, и повсюду стелился, извивался, торчал дикий терновник-чемыш, щетинясь длинными и острыми, порой крюковатыми колючками. Шуршали и шелестели жухлые прошлогодние листья; полуоткрытые почки изъедены были червями. Жужжали и жалили мухи — рыжие, серые и чер-

ные с красными пятнышками, точно орки; над зарослями толклись тучи голодного комарья.

— Оркские доспехи тут не помогут, — сказал Сэм, отмахиваясь обеими руками. — Мне бы оркскую шкуру!

Фродо совсем выбился из сил. Они карабкались вверх узким уступчатым ущельем, и до гребня было еще очень далеко.

— Я отдохну, Сэм, и попробую уснуть, — сказал Фродо. Он поглядел вокруг, но среди голых скал и зверьку было бы негде укрыться. Наконец они пристроились под терновым кустом, каким-то чудом выросшим на обрыве.

Путлибы они решили поберечь про черный день и съели половину Фарамировой снеди из котомки Сэма: сушеные яблоки и кусочек солонины. Отпили из фляги по глотку-другому воды. Вообще-то они напились в котловине, но воздух в Мордоре был точно прогорклый, и все время пересыхало во рту. Сэм подумал о воде — и сразу приуныл: ведь с Моргвея надо было спускаться на выжженную равнину Горгорота.

— Давайте-ка спите, сударь, — сказал он. — Вон опять темнеет, на этот раз вроде по вечернему случаю.

Фродо уснул прежде, чем он успел договорить. Не поддаваясь усталости, Сэм взял руку Фродо и сидел молча до глубокой темноты. Потом, чтобы не заснуть, выполз из-под тернового укрытия и прислушался. Похрустывало, потрескивало, поскрипывало, но ни голосов, ни шагов. Ночное небо на западе за Эфель-Дуатом еще светилось. В разрыве туч над черным пиком засияла звезда. Глядя на нее из прокаженной страны, Сэм залюбовался ее красотой — и словно очнулся. Чистым, ясным лучом озарило его душу, и он подумал, что владычеству мрака раньше или позже придет конец, что светлый и прекрасный мир не подвластен злу. В башне он пел об этом скорее от безнадежности, потому что печалился о себе. А теперь он вдруг стал спокоен и за свою судьбу, и даже за судьбу хозяина. Он заполз обратно под колючий полог, улегся рядом с Фродо и, забыв всякий страх, крепко и безмятежно уснул.

Проснулись они рука в руке. Сэм отоспался неплохо; Фродо тяжело вздыхал. В его тревожных снах бушевало пламя, и пробудился он с той же тревогой. Но все же отдых его освежил; надо было тащить свою ношу дальше. Время было, похоже, дневное, а сколько проспали, столько проспали; перекусили, глотнули воды и, карабаясь вверх по ущелью, добрались до осыпей и обвалов, где уже ничего не росло и мрачно возвышались впереди голые, гладкие каменные зубья.

Наконец одолели и эти отвесные кручи, последнюю сотню футов ползли над пропастью, цепляясь за каждый выступ. Отыскали расселину между черными утесами — и очутились на краю внутренней ограды Мордора. Под обрывом тысячи в полторы футов простиралась, теряясь во мгле, пустошь Горгорота. Порывистый западный ветер угонял и рассеивал громадные тучи, но здесь, на унылой равнине, царил мертвенный полусвет. Дымы выползали из трещин, стелились по земле, оседали во всякой впадине.

По-прежнему далеко, миль за сорок, Роковая гора, пепелистая у подножий, высоко вздымала могучую вершину, окутанную клубами дыма. Ее недра не дышали огнем, она дремотно тлела, грозная и страшная, как сонное чудище. А за нею тяжелой черной тучей нависла тень, скрывавшая Барад-Дур, воздвигну-

тый на дальнем отроге северной ограды Мордора, хребта Эред-Литуи. Недреманное Око не блуждало; Черный Властелин погрузился в раздумье над тревожными, смутными вестями: он увидел сверкающий меч и суровый царственный лик и на время забыл обо всем остальном. Поэтому и сгустился угольно-черный мрак вокруг исполинской многобашенной, многовратной твердыни.

Фродо и Сэм оглядывали ненавистную страну с изумленьем и трепетом. Между ними и дымящимся вулканом, к северу и к югу от него все казалось гиблой, выжженной пустыней. Как это здешний Властелин содержит и чем кормит своих бесчисленных рабов и несметные полчища? А полчища были и вправду несметные. Подножия Моргвея облепили лагеря, палаточные и глинобитные. Прямо под обрывом был один из самых больших. Он раскинулся на целую милю, точно гнездилище мерзких насекомых; ровно, как по линейке, стояли ряды казарменных барачков и длинных складских сараев. И лагерь, и широкая дорога на юго-восток к Моргулу кишмя кишели солдатами.

— Как-то мне вся эта петрушка не нравится, — сказал Сэм. — Я бы даже сказал, дохлое наше дело — ну, правда, где столько народу, там должны быть какие-нибудь колодцы, уж не говорю, что еды навалом. Ведь это, как я понимаю, вовсе не орки, а люди.

Они с Фродо, конечно, ничего не знали об огромных рабских плантациях далеко на юге этого обширного края — за дымным вулканом, возле горько-соленых вод озера Нурнен; не знали о том, что по большим дорогам с юга и востока, из покорившихся Мордору стран днем и ночью тянутся вереницы груженых повозок и гонят толпы рабов. Здесь, на севере, были копи и кузни, здесь готовилась давно задуманная война, и сюда Черный Властелин подвёл войско за войском, точно двигал шашки на доске. Сперва он прощупал противника на западной границе; теперь перебросил силы и стягивал все новые полчища к Кирит-Горгору, чтобы раздавить дерзких врагов. И если к тому же он хотел закрыть все подступы к Ородруину, то это удалось ему как нельзя лучше.

— Ну ладно! — продолжал Сэм. — Может, у них и вдоволь еды и питья, но нам-то что с этого? Тут ведь и вниз никак не спустишься. А если все-таки ухитримся, то как мимо них пробраться к горе, хотел бы я знать?

— Что ж делать, попробуем, — сказал Фродо. — Я ничего другого и не ожидал. Разве можно было надеяться, что мы проберемся к горе? Я и сейчас на это не надеюсь, но пути назад для меня нет. Пока что надо как можно дольше не угодить им в лапы. Пойдем мы, пожалуй, на север, где равнина поуже, и поглядим, что там делается.

— Я и так знаю, что там делается, — сказал Сэм. — Где равнина поуже, там орки и люди сбились в кучу; там небось яблоку негде упасть. Сами увидите, сударь.

— Увижу, если живы будем, — сказал Фродо и отвернулся.

* * *

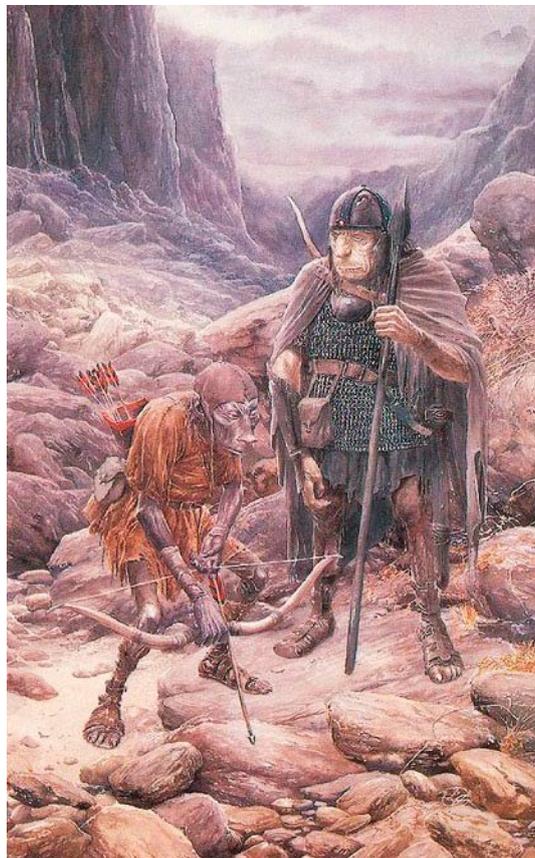
Ни гребнем, ни возле гребня овражистого Моргвея пройти было никак нельзя; они спустились по тому же ущелью обратно в котловину и побрели среди камней, опасаясь вернуться на западную оркскую тропу. Через ми-

лю-другую они, притаившись в выбоине скалы, разглядывали на той стороне котловины лагерь орков, близ которого свернули накануне: грубую стену, глинобитные казармы, черное жерло пещеры. Там никого не было видно, и все же хоббиты крались, как мыши, от куста к кусту, благо обе стороны сухого русла густо обросли терновником.

Прокрались две-три мили, и лагерь орков скрылся из виду; но едва они перевели дыхание, как слышали громкие, грубые голоса и юркнули за раскидистый бурый куст. Голоса звучали все ближе, показались два орка. Один — в драном порыжелом плаще, с луком из рогов — был низкорослый и темнокожий, наверно, мелкой, сыскной породы; он принюхивался, раздувая широкие ноздри. За ним шел солдат-здоровила вроде молодчиков Шаграта в доспехах, меченных Оком; в руке у него было короткое копье с широким наконечником, за спиной — лук и колчан. Само собой, они переругивались — и, конечно, на всеобщем языке, иначе бы не поняли друг друга из-за разницы наречий.

Гоблины орки. Алан Ли

Шагов за двадцать от куста, под которым спрятались хоббиты, орк-сыщик остановился.

— Все! — твякнул он. — Я пошел домой. — Он показал назад, на оркский лагерь. — Даже нос заболел камни без толку нюхать. Из-за тебя след потеряли. Говорил я тебе, в горы он ведет, а ты — низом, низом.

— Что, утерлась твоя сопливая нюхалка? — хохотнул здоровила. — Глазами лучше смотри, чем носом землю рыть!

— Ну, и много ты углядел своими лупетками? — огрызнулся другой. — Долбак! Ты ж даже не знаешь, кого ищешь!

— Не вяжись! Что положено, то я и знаю! Сперва сказали — ищите эльфа в блестящем доспехе, потом — ищите гнома, теперь говорят — урукхайцы

взбунтовались и разбежались; ищите, говорят, а там видно будет кого.

— Тьфу! — плюнул сыщик. — Трехнулись они там от большого ума. Ну, им мозги вправят, да заодно и шкуру снимут, если правда, что я слышал: что башню взяли приступом, три сотни ублюдков вроде тебя искрошили, а пленник смылся. Эх вы, вояки-забияки! И на войне, говорят, тоже обделались.

— Кто говорит? — заорал здоровила.

— Чего орешь-то? Нет, что ли?

— Да за такие слова я тебя, бунтовщика, в лепешку расшибу! Заткнись, понял?

— Ладно, не разоряйся! — сказал сыщик. — Я-то заткнусь, мне что, могу и про себя думать. А вот ты лучше скажи, при чем тут этот хмырь болотный? Черный, с перепончатыми лапами?

— Откуда я знаю? Может, и ни при чем. Тоже небось лазутчик, чтоб ему околеть! Дал он от нас деру, а тут приказ — мигом доставить живым.

— Хорошо б его поскорей сцапали да разняли по косточкам, — скрипнул зубами сыщик. — Он, падло, меня со следу сбил: мало того, что увел кольчугу, еще и натоптал вокруг.

— Да, кабы не кольчуга, был бы он мертвяк мертвяком, — похвастался здоровила. — Я тогда еще не знал, что его живьем требуют, и с полсотни шагов впиндюрил ему стрелу в спину; отскочила, а он только ходу прибавил.

— Иди врать! Промазал ты, и все, — сказал сыщик. — Стрелять не умеешь, бегаешь, как жаба, а сыщики за вас отдувайся. Ну тебя знаешь куда! — И он побежал прочь.

— Назад, зараза! — рявкнул солдат. — А то доложу!

— Кому это ты доложишь, не Шаграту ли своему драгоценному? Хрена, он откомандовался.

— Доложу твое имя и номер бляхи назгулу, — пообещал солдат свистящим шепотом. — Недалеко ходить, он теперь у нас в башне главный.

— Ах ты, сучий потрох, доносчик недоделанный! — завопил сыщик с ужасом и злобой. — Нагадит, а потом бежит продавать своих! Иди, иди к вонючему Визгуну, он тебе повытянет жилы, если его самого прежде не ухлопают. Первого-то, слышно, уже прикончили, а?

Здоровила кинулся на него с копьем, но сыщик отскочил за камень и всадил ему в глаз стрелу; грузный орк тяжело рухнул навзничь. А невеличка припустился через котловину — и был таков.

Хоббиты сидели молча, не двигаясь. Наконец Сэм шевельнулся.

— Чистая работа, — сказал он. — Ну и дружный же народец в Мордоре — да этак они за нас поддела сделают!

— Тише, Сэм, — шепнул Фродо. — Они, может, не одни были. Нам здорово повезло — погоня-то шла по пятам. Но в Мордоре, это верно, все такие дружные, от Барад-Дура до окраин. Хотя орки всегда грызлись между собой, припомни любое сказание. Только ты на их грызню не слишком надейся. Друг с другом они живут по-волчьи, а нас ненавидят всех до единого смертной ненавистью. Попадись мы на глаза этим двоим, они тут же бросили бы грызться — и начали бы снова над нашими мертвыми телами.

Помолчали-помолчали, и Сэм спросил, теперь уже шепотом:

— А насчет хмыря-то болотного слышали, сударь? Я же говорил вам, что

наш Горлум жив-живехонек, помните?

— Помню. Я тогда удивился, откуда ты знаешь, — сказал Фродо. — Ну, давай выкладывай! Я думаю, нам отсюда лучше не вылезать, пока не стемнеет. Вот и расскажи, откуда знаешь, и про все остальное расскажи. Только постарайся потише.

— Да уж постараюсь, — обещал Сэм, — хотя, как подумаю про Вонючку этого, во всю глотку охота орать.

Тусклый мордорский вечер давно уж померк, настала глухая, беззвездная ночь, а хоббиты все сидели под терновым кустом, и Сэм в коротких словах рассказывал на ухо Фродо про подлость Горлума, про гадину Шелоб и про то, как он пошел за орками. Дослушав, Фродо ничего не сказал, только крепко пожал Сэму руку. И зашевелился.

— Ну что ж, посидели, и хватит, — сказал он. — Теперь уж нас сцапают накрепко — и кончится эта мука, эти дурацкие прятки, тем более все понапрасну. — Он встал. — Ух, как темно, а светильник Владычицы не зажжешь. Ты, Сэм, побереги его пока что для меня. Я его и взять-то у тебя не могу: куда его деть? В руке, что ли, держать — так побредем ведь ощупью, тут обе руки нужны. Да, еще Терн — Терн ты возьми себе, Сэм. У меня есть оркский кинжал, но вряд ли мне еще понадобится оружие.

Трудно и опасно было идти ночью по каменистому бездорожью; однако же хоббиты медленно, спотыкаясь на каждом шагу, пробирались восточной окраиной котловины. И когда серый рассвет сполз по западным склонам Моргвея — за горами давно уже прояснился день, — они нашли, куда спрятаться, и спали по очереди. Сэм, просыпаясь, задумывался: есть-то все-таки надо, никуда не денешься. И когда наконец Фродо проснулся как следует и сказал, что, мол, хорошо бы чего-нибудь поесть и пошли дальше, Сэм рискнул задать вопрос, который давно уж вертелся у него на языке:

— Прошу прощения, сударь, а вы как думаете, сколько нам еще идти?

— Да никак я не думаю, Сэм, — ответил Фродо. — В Раздоле мне, помнится, показывали карту Мордора, составленную задолго до того, как Враг стал здесь хозяином; но что-то она у меня в памяти расплывается. Отчетливо помню, что есть такое место, где сходятся отроги северной и западной цепи. От моста, что возле башни, лиг⁴⁵ двадцать. Там бы и свернуть на восток, но от Горы-то мы будем дальше, будем, пожалуй, за все шестьдесят миль. Мы с тобой прошли от моста двенадцать с лишком лиг. Как ни старайся, а не дойдем до Горы раньше чем через неделю. И знаешь, Сэм, ведь чем ближе к Ородруину, тем Оно тяжелей на шее, а значит, и пойдем медленнее.

— Ну, как я и думал, — грустно сказал Сэм. — Так вот, сударь, о воде уж не говоря, есть придется поменьше — или хоть сейчас прибавим ходу, быстренько выберемся из этой проклятой котловины. А то ведь еще позавтракаем — и все, одни эльфийские хлебцы остались.

— Я попробую, постараюсь побыстрее, — тяжело вздохнул Фродо. — Ладно, перекусили и пойдем, чего уж там.

Еще не совсем стемнело, но они пустились в путь и брели всю ночь, оскользаясь, натыкаясь на камни, пробираясь сквозь колючие заросли; раза три-четыре понемногу отдыхали. Едва лишь серый свет забрезжил у края небоскло-

на, они снова укрылись в тени под нависшей скалой.

Однако на этот раз светало по-новому: сильный западный ветер разгулялся в высоте и откинул дымный полог над Мордором. Миля за милей открывались перед глазами хоббитов. Котловина сходила на нет, превращаясь в борозду под обрывами Эфель-Дуата, а неприступные кручи Моргвея придвинулись и еще угрюмее заслоняли Горгорот. Сухое русло кончалось изломами скал высокого, голого, как стены, отрога, навстречу которому с севера, от туманных вершин Эред-Литуи, протянулась зубчатая гряда. Между ними было узкое ущелье: Карак-Ангрен, Изенмаут, а за ущельем — глубокая падь Удуна, туннели и оружейни до самого Мораннона, до Черных Ворот Сумрачного Края. Туда властелин его поспешно стягивал войска, чтобы сокрушить западное ополчение. Горы были сплошь застроены башнями и крепостями, пылали сторожевые огни. Ущелье преграждал земляной вал, и через глубокий ров был перекинут один мост.

Милях в десяти к северу у вершины горного узла высился старинный гондорский замок Дуртханг, ныне ставший одной из оркских крепостей вокруг Удуна. От него спускалась извилистая дорога, серевшая в утренних лучах; за милю-другую от хоббитов она сворачивала на восток и вела по уступу голого отрога в низину и дальше на Изенмаут.

Как видно, зря они так далеко прошли на север; правда, на дымной равнине Горгорота не было заметно ни лагерей, ни движущихся войск, но уж там-то их наверняка углядят тысячеглазые крепости Карак-Ангрена.

— Все, Сэм, деваться нам некуда, — сказал Фродо. — Впереди оркская башня, и никак не миновать дороги от нее вниз — разве что повернем обратно. Пути на запад нет, и на восток не спустишься.

— По дороге так по дороге, сударь, — отозвался Сэм. — А вдруг нам повезет — если в Мордоре кому-нибудь везет. Чем идти назад или шастать по горам, лучше прямо к оркам в лапы, на даровые хлеба — свои-то не сегодня завтра кончатся. Попробуем — может, проскочим!

— Ладно, Сэм, — сказал Фродо. — Веди, коли тебя надежда не покинула. У меня ее не осталось. Но «проскочим» — не то слово, Сэм. Я за тобой потащусь.

— Потащимся вместе, сударь, только сперва надо вам поесть и вздремнуть. Ну-ка, чего там у нас осталось в закромах?

Он протянул Фродо флягу и, подумавши, выделил ему добавочный хлебец; потом снял плащ и сделал из него какую ни на есть подушку. Утомленный Фродо спорить не стал, да он и не заметил, что допил из фляги последнюю каплю и позавтракал за двоих. Когда Фродо уснул, Сэм склонился к нему, прислушался к его дыханию и взгляделся в лицо — осунувшееся, изрезанное морщинами и все же во сне спокойное и ясное.

— Ну, хозяин, была не была! — пробормотал Сэм. — Придется мне вас оставить на часок-другой — авось опять-таки повезет. Без воды мы далеко не уйдем.

Сэм выполз из-под скалы и, таясь, как заправский хоббит, перебежал между камнями. Он спустился в русло и пошел на север, к тем скалам, с которых должно быть, поток некогда низвергался водопадом. Теперь там было сухо и стояла тишь, но Сэм прислушивался долго и упорно. Наконец уловив слабое журчанье, он вскарабкался по скалам и обнаружил темный ручеек, стекавший по откосу в лужицу и затем пропадавший в голых камнях.

Сэм опробовал воду, кивнул, от души напился и наполнил фляжку. Он обернулся, взглянул на скалу, под которой спал Фродо, — и вдруг увидел, что возле нее шмыгнула какая-то черная тень. Сэм чуть не вскрикнул — и помчался вниз, прыгая по камням. Тень — или тварь — больше не показывалась, но уж Сэм точно знал, что это за тварь, и ему не терпелось ее придушить. Однако она его учуяла, метнулась прочь и исчезла за краем восточной пропасти.

— Пронести-то пронесло, — буркнул Сэм, — да едва не задело. Мало нам ста тысяч орков, так еще эта Вонючка! Да что же они его не подстрелили?

Фродо он будить пожалел, но сам не смыкал глаз, пока они не стали слипаться. Чужая, что вот-вот заснет, он тихо тронул хозяина за плечо.

— Похоже, сударь, что Горлум опять шныряет кругом, — сказал он. — Если это не он, значит, Горлум раздвоился. Я пошел по воду — смотрю, он к вам подбирается. Так что на пару нам спать неладно, а я, с вашего позволения, очень уж носом клюю.

— Да что ты, Сэм! — сказал Фродо. — Ложись, отсыпайся пока чего. Но Горлум — это не беда, лишь бы не орки. И он нас им не выдаст, разве что сам попадетсЯ: тогда, конечно, выпытают.

— Он и без них сумеет убить и ограбить, — проворчал Сэм. — Смотрите в оба, сударь! Вот фляга с водой — пейте на здоровье. Мы ее потом по дороге наполним.

И Сэм заснул как убитый.

Когда он проснулся, уже снова темнело. Фродо сидел, прислонившись к стене, и спал. Фляга была пуста. Горлума не видеть и не слышать.

В Мордор вернулась тьма, и яростно пламенели сторожевые огни на горах, когда хоббиты двинулись в путь — наудачу, очертя голову. Завернули к ручейку и оттуда выкарабкались по откосам на дорогу: до Изенмаута было добрых двадцать миль. Узковатая дорога — ни ограды, ни парапета — шла над обрывом, который скоро стал бездонной пропастью. Хоббиты замерли — нет, шагов ниоткуда не слышать — и что было сил припустились прочь от замка, на восток.

Остановились миль через двенадцать; миновали крутой северный изгиб, и большой кусок дороги пропал из виду. Оттого-то все и приключилось. Они чуть-чуть отдохнули и пошли дальше, но почти сразу услышали то самое, что больше всего боялись услышать: мерный топот солдатских сапог. Он донесся издалека, однако уже мелькали отсветы факелов из-за поворота. Орки наверняка шли быстро, убежать от них по дороге нечего было и думать.

— Вот и попались мы, Сэм, — сказал Фродо. — Нет, видно, в Мордоре никому не везет.

Он взглянул на гладкий, как темное зеркало, отвесный утес: древние строители военных дорог знали свое дело. Потом перебежал дорогу и стал у края сумрачной пропасти.

— Попались наконец! — Он вернулся, сел к стене и уронил голову на грудь.

— Похоже на то, — сказал Сэм. — Делать нечего, подождем — увидим, что будет.

И он уселся рядом с Фродо под утесом.

Ждать пришлось недолго: орки не шли, а бежали рысцой. В первых шеренгах несли факелы, их огненно-красные языки извивались во тьме все ближе.

Сэм тоже склонил голову, чтобы скрыть лицо, и заслони́л их ноги щитами.

«Второпях-то, — подумал он, — может, и пробегут мимо двух усталых солдат!»

Казалось, так оно и будет. Орки бежали, мотаясь и пыхтя, свесив головы; это Черный Властелин гнал на войну мелких тварей, и забот у них было две: скорей бы добраться и не отведа́ть плети. Но с боков взад-вперед пробегали два огромных свирепых урукхайца, покрикивая и щелкая бичами. Уже далеко впереди были факельщики, и Сэм затаил дыхание. Осталось меньше половины отряда. И вдруг погонщик заметил, что какие-то двое сидят у дороги. Взметнулся бич, и грубый голос гаркнул:

— Эй, вы! А ну, встать!

Хоббиты смолчали, и он остановил отряд.

— Живо в строй, слизняки! — заорал он. — Лентяйничать вздумали? — Он шагнул к ним и даже в темноте различил отметины на щитах. — Ага, дезертиры? Стрекача хотели задать? Все ваши давно в Удуне, со вчерашнего вечера! Приказ не вам, что ли, объявляли? В строй, да поживее, а то бляхи отберу и доложу!

Они встали и, скрючившись, хромя, как солдаты, сбившие ноги, поплелись в хвост отряда.

— Нет, нет, не выйдет! — рявкнул погонщик. — На три шеренги вперед! И не отставать, я проверю, тогда все!

Длинный бич просвистел над их головами, потом громко хлопнул, сопровождая команду: «С места бегом марш!»

Бедняга Сэм и без того-то еле на ногах держался, а Фродо был как под пыткой или в страшном сне. Он стиснул зубы: лишь бы ни о чем не думать, бежать, бежать во что бы то ни стало. Он задыхался от потной вонищи орков, его мучила жажда. Конца этому не было видно, и он сверх всяких сил старался дышать ровнее и быстро передвигать ноги, а думать о том, куда он бежит и что его ждет, не смел. Ускользнуть — какое там! То и дело погонщик приотставал поиздеваться над ними.

— Шевелись, шевелись! — хохотал он, хлеща их по ногам. — Не можешь так — значит, хошь кнута! Бодрее, слизнячки! Получайте в задаток — а в лагере доберете за опоздание сполна. И поделом. Забыли, что вы на войне? Ничего, вам напомнят!

В Мордоре. Джон Хоу

* * *

Пробежали несколько миль, и дорога отлогим склоном спустилась на равнину. Силы у Фродо кончились, воля отказывала. Он дергался и спотыкался; Сэм кое-как помогал ему, хоть и сам бежал из последних сил — откуда они взялись? И готовился к смерти: хозяин вот-вот упадет без чувств, все откроется и всему конец, все было зря. «Но уж этого-то погоняю я прикончу как пить дать», — подумал он.

Он уже взялся за меч, но тут им выпало нежданное облегчение. Отряд подбегал к ущелью Карак-Ангрена. Неподалеку от предмостных ворот сходились три дороги: западная, южная и восточная, от Барад-Дура. По всем дорогам двигались войска, ибо западное ополчение наступало и Черный Властелин спе-

шил стянуть все силы в Удун. На перекрестке, куда не достигал свет сторожевых огней с земляного вала, несколько отрядов набежали друг на друга. Все старались пролезть вперед, толкались и переругивались. Погонщики орали, махали бичами, но без драки дело не обошлось, и залязгали обнаженные клинки. Латники-урукхайцы из Барад-Дура смяли и отбросили их отряд.

Измученный, полумертвый от усталости Сэм словно очнулся и случая не упустил, повалившись наземь и потянув за робой Фродо. Об них спотыкались и с руганью падали орки. Ползком, потом на четвереньках хоббиты выбрались из свалки и ухитрились незаметно нырнуть за дальнюю обочину дороги, за высокий парапет, служивший путеводным знаком войскам ночью и в тумане. Вдобавок и дорога возвышалась над равниной на несколько футов.

Они лежали, затаившись: где было искать укрытия в такой темноте? Но Сэм понимал, что надо хотя бы отползти подальше от дороги и от факелов.

— Сударь, сударь! — шепнул он. — Еще немного, а уж там полежите.

Последним отчаянным усилием Фродо приподнялся на локтях и прополз футов с полсотни, скатившись в неглубокую ямину, которая точно поджидала их. И распростерся без чувств.

Глава III Роковая гора

Сэм скинул оркское отрепье и устроил хозяину подушку, а потом укрылся вместе с ним серым лориэнским плащом, живо припомнив дальний эльфийский край; а что, подумал он, может, тамошняя ткань каким-нибудь волшебством и спрячет их здесь, в этом царстве дикого страха. Драка кончилась, крики стихли, — верно, все зашли в Изенмаут. А про них в суматохе и неразберихе, надо думать, пока что позабыли. Сэм глотнул воды, заставил глотнуть сонного Фродо и, когда хозяин немного пришел в себя, сунул ему в

рот драгоценный путлиб — целый хлебец! — и присмотрел, чтобы хлебец был съеден толком. Устали они так, что было уж не до страха, лишь бы отдохнуть. Но спали беспокойно: холодила пропотевшая одежда, кусались жесткие камни; хоббиты вздрагивали и ворочались. Холод, шелестя, наползал от черных ворот, через Кирит-Горгор.

Утром опять посерело — все еще дул в высоту западный ветер, но здесь, на камнях, за черными заслонами Сумрачного Края, кругом было мертвенно и холодным удушьем стеснился воздух. Сэм выглянул из ямины: плоскую равнину подернуло тусклым сумраком. Дороги поблизости пустовали, но Сэм опасался бдительных стражей на стенах Изенмаута, всего-то футах в семистах к северу. А на юго-востоке, точно черная тень, воздвиглась Роковая гора. Она изрыгала клубы дыма: верхние уходили ввысь и плыли на восток, а те, что сползали по склонам, исподволь заволакивали равнину. Угрюмыми серыми призраками высились в северной дали вершины Эред-Литуи, а за ними туман хоронил другие вершины, черные в черном небе. Сэм на всякий случай прикинул, сколько докуда, хотя уж им-то было понятно, куда идти.

— Все, сколько их есть, пятьдесят миль, не будь я хоббит, — угрюмо пробормотал он, глядя на курящуюся Гору, — и неделю идти, ни днем не меньше: господина Фродо небось не поторопишь.

Он покачал головой, задумался, и на ум взбрела новая черная мысль. Прежде он ни на миг не отчаивался: туда-то оно туда, а потом все-таки обратно. Но тут ему вдруг открылась горькая истина: до цели они, может, как-нибудь и доберутся, хотя вряд ли, но потом делу конец, куда деваться — некуда, и есть тоже нечего. Нет, куда ни кинь, а делу крышка.

«Вот, оказывается, на что я подрядился, — думал Сэм. — Дело-то, стало быть, маленькое — помочь господину Фродо погибнуть и сгинуть вместе с ним, а что? Так — значит, так. Только вот жалко, не увижу я больше Приречья, Розы Кроттон с ее братишками, не увижу своего Жихаря, Бархатку не увижу, эх! Вряд ли Гэндальф отправил господина Фродо на погибель, на жестокую смерть, да нет, едва ли. Как его шарахнули в Мории, так и пошло вкривь и вкось. Вот незадача-то: он бы обязательно что-нибудь придумал».

Но Сэм хотя и терял всякую надежду — то есть казалось, что он ее теряет, — а обретал новые силы: суровой, почти угрюмой сделалась его добродушная хоббитская физиономия, а сам он стал тверже камня и крепче всякой стали и знал, что справится с тоской и усталостью, что уж как-нибудь да пройдет нескончаемый выжженный путь.

Новыми глазами окинул он окрестность, раздумывая, как идти дальше. Посветлело; он, к удивлению своему, увидел, что равнина вовсе не гладкая, а вся изрытая. Да что там, весь Горгорот изъязвлен был ямами — ну, точно в грязь попали горстью камушков и камней. Вокруг огромных ям торчали каменья, и расселины от них ползли во все стороны. Здесь можно было перебираться из ямины в ямину и не попасться на глаза, разве что уж очень присмотрятся. Оно конечно, если силы при тебе и торопиться некуда. А для голодных, которые с ног падают, для тех, кому еще идти и идти, зрелище это очень печальное. Так-то раздумывая, и спустился Сэм к хозяину. Будить его не пришлось: Фродо лежал на спине с открытыми глазами и глядел в туманные небеса.

— Стало быть, что же, сударь, — сказал Сэм. — Я тут огляделся и подумал. На дорогах никого не видно, и надо нам пока чего драпать. Вы как?

— Я так, — сказал Фродо. — Я должен.

И снова они побрели, а вернее, поползли от ямины к ямине, прячась, где удавалось, и все время с оглядкой. До поры их точно преследовала восточная дорога, но потом она вильнула в сторону и угорьем ушла в темень. Ни людей, ни орков не было на ее серых излучинах; Властелин перебросил почти все войска на север, а сам еще плотнее окутал мраком свою твердыню. Видно, смутил его враждебный ветер, изодравший полог чадного тумана, и встревожили вести о дерзких лазутчиках, которые все-таки проникли в Мордор.

Хоббиты одолели милю-другую. Фродо едва тащился: нет уж, где ему эдак-то, ползком и пригибаячись, таясь и перебегая, — нет, эдак они далеко не уйдут.

— Пойдемте-ка, сударь, на дорогу, пока светло, — сказал Сэм. — Может, опять нас кривая выведет! Она, конечно, чуть было не завела, да в последний миг поднатужилась. А по дороге-то мы хоть несколько миль запросто пройдем.

Сэм и представить себе не мог, как это опасно; однако ж Фродо, измученному тяжелой ношей и смертельной тоской, было уже почти все равно. Они вскарабкались на насыпь и побрели по утопанной дороге, ведущей в Барад-Дур. Но уж везло так везло, и до вечера дорога была пустынна; когда же настали сумерки, они снова укрылись на темной равнине. В Мордоре царило зловещее затишье, ибо Западное ополчение миновало Развилку, и бушевал пожар на мертвенных лугах Имлад-Моргула. Туда и устремлялось Всевидящее Око.

Тянулись дни; Фродо нес Кольцо на юг, и на север двигались стяги обреченного воинства. С каждым шагом убывали силы одиноких путников. Днем врагов на дороге не было; по ночам, когда хоббиты прятались в ямах близ обочины и беспокойно дремали, иногда слышались крики, топот сапог, стук копыт и храп нещадно погоняемого коня. Это все их не очень пугало, куда страшней была тяжелая, смертоносная и бессонная злоба всемогущего Властелина, скрывшего во мраке свой черный трон. Все ближе и грозней надвигалась она, точно стена крошечной тьмы на краю мирозданья.

Настала самая жуткая ночь; Западное ополчение дошло до выжженной земли, а два обессиленных путника изнемогали от беспросветного отчаяния. Четверо суток назад спаслись они от орков, но минувшие дни и ночи слились в сплошной темный морок. За весь последний день Фродо не вымолвил ни слова; он брел, согнувшись и спотыкаясь, не разбирая пути. Сэм понимал, что хозяину тяжелее, что всему виною Кольцо, которое пригнетало его к земле и не давало ему ни минуты покоя. Он с тревогой замечал, как Фродо то и дело поднимает левую руку, будто защищаясь от удара или заслоняя полуослепшие глаза от ужасного, ищущего их Ока. А иногда правая рука ползла по груди, хватая цепочку, и медленно опускалась — пока что воля одолевала искушение.

Быстро смеркалось; Фродо сидел, склонив голову между колен, плечи обвисли, руки упирались в землю, и судорожно подергивались пальцы. Сэм горестно смотрел на него, покуда их не скрыла друг от друга непроглядная темнота. Слова на язык не шли, и он вернулся к своим невеселым мыслям. Усталый, измученный страхом, из сил он, однако, не выбился. Конечно, думал он, оба они давно протянули бы ноги, кабы не эльфийские хлебцы. Есть-то, конечно, все равно хотелось — ох, не отказался бы Сэм от каравай хлеба на придачу

к сковороде жаркого! — но, когда ешь одни путлибы, так оно, может, и лучше. И то сказать, они придавали духу, и окрепшее тело подчинялось власти, какой не дано смертным. Думалось же ему о том, что по дороге дальше идти нельзя — она уводила во мрак, — а Гора возвышалась справа, на юге; пора было сворачивать. Только путь до нее далекий, и все по голой, дымящейся, обгорелой земле.

— Воды надо, воды! — пробормотал Сэм. Он крепился, как мог; язык распух и, казалось, не помещался в пересохшем рту; но все равно воды оставалось немного, меньше половины фляги, а идти еще дня два-три. Фляга давно бы опустела, если б они не отважились выйти на оркскую дорогу: там изредка попадались каменные водоскопы — затем, наверно, чтобы войска не погибли от жажды среди выжженной равнины. В одном из них на дне была вода — затхлая, загаженная орками, но на худой конец стодилась и такая. Однако с тех пор прошли сутки, и больше воды не сыщешь.

Наконец, ни до чего не додумавшись и отложив заботы на завтра, Сэм забылся прерывистым сном. Ему мерещились злобно мигающие огоньки, какие-то ползучие тени, слышались звериные шорохи и мучительные крики; он вздрагивал, открывал глаза: никого и ничего, глухая темень. Только один раз, когда он, дико озираясь, вскочил на ноги, уже вроде бы наяву привиделись бледные огоньки-глаза — мелькнули и тут же погасли.

Медленно, как бы нехотя отступила тревожная ночь. Тускло забрезжило утро; здесь, невдалеке от Горы, землю обволакивал дымный туман, тень завесы, которой окутался Властелин Черной Башни. Фродо неподвижно лежал на спине. Сэму очень не хотелось его будить, но он знал, что придется, что он-то и должен помочь хозяину собраться с силами. Он склонился к Фродо, погладил его по лбу и сказал ему на ухо:

— Просыпайтесь, хозяин! Опять нам пора в путь.

И Фродо вскочил на ноги, будто колокол грянул над ним, поглядел на юг, увидел Гору за пустошью и снова поник.

— Нет, Сэм, не дойду я, — сказал он. — Тяжело мне очень, ужас как тяжело.

Еще прежде чем рот раскрыть, Сэм знал, что скажет не то, что слова его зряшные, что лучше бы он смолчал, но уж очень было жалко хозяина.

— Давайте, сударь, я его немного понесу, — сказал он. — Понесу, сколько хватит сил, а вы пока отдохнете.

Глаза Фродо яростно сверкнули.

— Отойди! Не тронь меня! — крикнул он. — Оно мое, говорю тебе. Прочь! — И рука его потянулась к кинжалу. Через миг он печально промолвил: — Нет, нет, Сэм. Ты пойми, ты должен понять. Это моя ноша, я не могу избавиться от нее, даже на время. Дорогой мой Сэм, ты раз мне помог, но больше это не выйдет. Я не могу отдать его тебе, я с ума сойду, если ты его коснешься.

— Я понимаю, — кивнул Сэм. — Но я вот что надумал, сударь: избавимся-ка мы от всякой лишней тяжести. Мы же теперь пойдём напрямик. — И он указал на Гору. — Что нам больше не нужно, можно здесь бросить.

Фродо снова взглянул на Гору.

— Да, — сказал он, — коли так, то нам почти ничего не нужно. Сейчас — почти, а там и вовсе ничего.

Он отшвырнул оркский щит и шлем. Потом снял серый плащ, отстегнул тя-

желый пояс с тесаком, уронил его наземь и сорвал с себя черные лохмотья.

— Вот так, — сказал он, — побыл я орком, и хватит. И не хочу я никакого оружия, ни нашего, ни ихнего. Попадусь так попадусь.

Сэм тоже освободился от оркского доспеха и разобрал свою котомку. Жалко было до слез — сколько он все это протащил и как все пригодилось! Но когда дело дошло до кухонной утвари — тут уж полились слезы.

— Тушеного кролика помните, сударь? — всхлипнул он. — А тот пригорок, где нас нашел господин Фарамир и где я видел олифанта?

— Нет, Сэм, не помню, — сказал Фродо. — То есть я знаю, что все это было, но представить себе этого не могу. Я не помню вкуса яблок или воды, не помню, как веет ветер, какие бывают деревья, цветы и травы, ни звезд, ни луны не помню. Я голый, Сэм, в темноте, лишь огненное колесо передо мной. Его я вижу с открытыми и закрытыми глазами, а все остальное исчезло, будто стерлось.

Сэм подошел и поцеловал ему руку.

— Вот управимся с ним — и сразу потом отдохнете, — неловко проговорил он, не зная, что сказать. «Словами делу не поможешь, — сказал он себе, собирая выброшенные вещи: не оставлять же здесь, на виду, мало ли кому они попадутся на глаза? — Вонючка-то, слышно, кольчугу подобрал, но уж меч ему шиш. Он и так, без меча, зверюга страшная. И чтобы он, гадина, кастрюльки мои хоть пальцем тронул?»

Он оттащил весь тюк к дымящейся расселине и сбросил его вниз. Загремели кастрюльки, и это уж, честное слово, было слишком — хоть сейчас умирай.

Он вернулся к Фродо, отрезал кусок эльфийской веревки на опояску хозяину — плащ тем более тоже эльфийский. Еще много осталось веревки, он бережно ее свернул и положил обратно в котомку. Веревка, эльфийские хлебцы с крошечком да фляга. Терн висел у него на поясе, и еще в кармане рубашки были фиал Галадриэли и маленькая шкатулка, ему самому подаренная.

Наконец они обернулись лицом к Горе и тронулись в путь, уже не прячась — лишь бы дойти, а там посмотрим. Хоть здесь и следили все за всеми, но вряд ли бы кто их заметил — разве что вблизи. Из всех бесчисленных рабов Черного Властелина одни лишь назгулы могли бы учуять этих маленьких и неотступных врагов, пробравшихся в глубь запретной страны. Но назгулы на своих чернокрылых чудищах были далеко: Властелин послал их следить за ополчением Запада, и Око Барад-Дура было обращено туда же.

Через Горгорот. Тед Несмит

Сэму в этот день показалось, что к хозяину пришло второе дыхание: им, конечно, полегчало без оркских доспехов, но уж не настолько. Они сразу пошли куда быстрее, чем рассчитывал Сэм, а шли-то по непроходимой, неровной пустоши. Гора придвигалась как бы сама собой. Но к концу дня — а тусклый свет стал меркнуть рано — Фродо снова ссутулился и что ни шаг спотыкался: похоже, растратил весь остаток сил.

На последнем привале он, едва опустившись наземь, выговорил: «Пить хочу, Сэм» — и больше не сказал ни слова. Сэм дал ему воды; последний глоток бултыхался во фляге. Сам он даже губы не смочил, и, когда мордорская темень стусутилась, он только и думал что о воде. Припоминались речки, ручьи, родники в солнечных крапинах, в зеленой ивовой тени, вода журчала и брызга-

ла, а он изнемогал, глядя на нее ослепшими от темноты глазами. Ноги его вязли в прохладном иле на приреченском пруду, он был там с дружками Кроттонами — Джолли, Томом, Нибсом и сестричкой их Розой. «Но это ведь давно было, — вздохнул он, — и далеко до них отсюда. Может, и вернусь назад, но сперва надо на Гору». Ему не спалось, и затеялся спор с самим собой.

— Ну что ж, сказать не соврать, для начала неплохо, — утвердил он. — Прошли чуть не полпути. Еще денек — и доберемся.

Больше сказать было нечего.

— Ты не дури, Сэм Скромби, — услышал он собственный голос. — Он если и встанет, так на четвереньки, а еще один день, как сегодня, — ты что? Куда ты денешься, когда он допьет воду, когда ты скормишь ему все путлибы?

— Куда мне деваться, пойду куда надо.

— Куда это?

— На Гору, куда же еще.

— Ну а там, Сэм Скромби, а там что? Ну, ты дойдешь, а что будешь делать? Сам-то он ничего не сделает.

Сэм огорчился: он не знал, что делать, — ну то есть напрочь не знал. Фродо не объяснил ему, и Сэм так примерно представлял, что Кольцо надо вроде бы бросить в огонь.

— Ага, в Роковую Расселину, — пробормотал он, припомнив слова Гэндальфа, что ли. — Может, хозяин знает, как ее найти, я-то не знаю.

— То-то и оно-то! — ответил ему его собственный голос. — Чепуха это все, зря, сам же он говорит. А ты выходишь дурак дураком — чего-то надеешься, зачем-то тужишься. Был бы поумнее — давно бы лежал, спал и на все наплевал. Убьют тебя — это спасибо, как бы хуже не было. Ложись-ка, братец, спать,

ну их в болото. До вершины все равно не доберешься.

— Доберусь, кости дотащу, а прочее так и ладно, — сказал Сэм. — И господина Фродо, уж будьте уверены, до места доставлю, хоть тресну. Кончай разговоры!

Но тут земля под ним задрожала от глубинного, подземного грохота. Плеснул, озарив тучи, красный язык пламени. Гора тоже спала беспокойно.

* * *

Остаток пути до Ородруина был сплошной невыносимой пыткой. Тело разламывало, горло у Сэма так пересохло, что пришлось голодать — не глоталось. Шли в полутьме: Гора дымила, а к тому же, как видно, собиралась страшная гроза, и на юго-востоке в темных небесах вспыхивали молнии. Воздух был чадный, дышать больно и трудно, голова кружилась, мутилось в глазах. Они то и дело падали, из последних сил поднимались и брели дальше. Гора приближалась, и вот, с трудом подняв головы, они увидели нависшую над ними тяжкую громаду: груды пепла и шлака, выжженные скалы. За откосами высились, исчезая в тучах, крутобокая вершина. Прежде чем мутный сумрак сменился ночной темнотой, они добрались до самого подножия.

Фродо, задыхаясь, повалился наземь. Сэм уселся подле него. Он очень устал, но, как ни странно, ему полегчало и голова прояснилась. Больше не о чем было спорить с самим собой. Что бы там ни подсказывало отчаяние, он сделал выбор — не на жизнь, а на смерть. Его даже в сон не клонило: не до сна, надо быть начеку. Все ужасы и опасности сошлись воедино, и завтра их судьбу решит последний рывок — к спасению или к гибели.

Только вот наступит ли завтра? Казалось, время замерло, и цепенел один и тот же глухой час. «Наверно, — подумал Сэм, — Тот снова наслал темноту, и теперь утра не жди». Он потрогал Фродо за руку, холодную и дрожащую. Озяб хозяин.

— Эх, зря я одеяло выкинул, — пробурчал Сэм. Он улегся рядом с Фродо, крепче прижал его к себе и все-таки уснул. И в обнимку спали они, когда занялся тусклый рассвет последнего дня их пути. Западный ветер стих накануне, крепчая, подул северный, и лучи незримого солнца просочились в тень, где лежали хоббиты.

— Ну что ж! Значит, последний рывок! — сказал Сэм, поднимаясь на ноги. Он склонился над Фродо и ласково разбудил его. Фродо застонал; собрав все силы, он встал — и тут же повалился на колени. С трудом он поднял глаза, увидел сумрачные склоны Роковой горы и пополз на четвереньках.

Сэм глядел на хозяина, и сердце его обливалось кровью, но сухи были воспаленные глаза.

— Сказал же, что хоть тресну, на себе его понесу, пока ноги держат, — пробормотал он, — и понесу!.. Вот что, сударь! — сказал он. — Нельзя мне нести его — это пусть, но вас-то вместе с ним можно? Ну-ка, садитесь! Садитесь, дорогой хозяин! Сэм вас подвезет, вы только скажите куда!

Сэм усадил Фродо на закорки, выпрямился и очень удивился — было вовсе не так уж тяжело. Он думал, что и хозяина-то едва поднимет, а уж растреклятое Кольцо их обоих пригнет к земле. Нет, ничего подобного. То ли Фродо со-

всем исхудал от страданий, кинжальной раны, паучьего яда, горестей, страха и жизни впроголодь, то ли сил у Сэма вдруг под конец прибавилось, но Фродо показался ему легче хоббитят, которых он, бывало, катал на спине по свежескошенному лугу. Он глубоко вздохнул и пустился в путь.

Они подошли к подножию Горы с северо-запада: здесь ее серые, растрескавшиеся откосы были довольно пологими. Фродо не сказал, куда идти, а Сэм допытываться не стал — решил подняться как можно выше, брести, пока не свалится. Он поднимался и поднимался, огибая кручи, падал ничком, вставал, наконец полз, как улитка с тяжелой раковиной на спине. Когда упорство иссякло, а руки и ноги перестали слушаться, он бережно уложил хозяина на землю.

Фродо открыл глаза и перевел дыхание. На высоте дышать было легче: чадные туманы остались у подножия.

— Спасибо тебе, Сэм, — хрипло прошептал он. — Нам еще далеко?

— Не знаю, — сказал Сэм, — я ведь не знаю, куда нам.

Он оглянулся, потом посмотрел наверх: однако они уже высоко забрались. Издали одинокая и грозная Гора казалась выше, а на самом деле была гораздо ниже, чем перевал Эфель-Дуата. Неровное угорье тысячи на три футов громоздилось над широкой подошвой, и еще на полстолько возвышался срединный конус, точно огромная труба с обломанным верхом — зубчатым кратером. Но Сэм одолел больше половины угорья, и далеко внизу дымилась сумрачная равнина Горгорота. Он снова поднял глаза — и вскрикнул бы, если б не пересохшая глотка: наверху, за обломками скал и буграми застывшей лавы, ясно была видна не то тропа, не то дорога. Она подымалась с запада и обвивала Гору, восходя к восточному подножию конуса.

Сэм не видел, как к ней пройти, он стоял под обрывом, но понятно было, что если вскарабкаться наверх, то ее не минуешь. И снова затеплилась надежда. «А что, — подумал он, — на Гору-то, пожалуй, и взлезем. Прямо как нарочно для меня ее проложили! — сказал он сам себе. — Не было бы ее здесь, я бы, чего доброго, под конец сдал».

Проложили ее, конечно, вовсе не для Сэма. Ему и невдомек было, что он смотрит на Сауранову дорогу от Барад-Дура к Саммат-Науру, Негасимым Горнилам. От огромных западных ворот Черной Башни она вела по исполинскому железному мосту, протянувшемуся через глубокий ров и на целую лигу над равниной, между двумя клубящимися безднами, а потом по насыпи к восточному склону Горы. Охватив ее во всю ширину с юга на север, дорога поднималась к верхнему конусу, посредине которого были черные двери, обращенные на восток, прямо напротив Зрячего Окна сумрачной твердыни Саурона. Дорогу то и дело сметали огненные потоки и загромождала застывшая лава, но бесчисленные орки отстраивали ее и расчищали.

Сэм печально вздохнул. Дорога-то вон она, да как до нее добраться по этим кручам: спину он, похоже, перетрудил. Он растянулся на земле рядом с Фродо. Оба молчали. Понемногу становилось светлее. И вдруг непонятное беспокойство охватило Сэма, словно его позвали: «Скорей, скорей, а то будет поздно!» Он кое-как поднялся на ноги. Наверно, зов услышал и Фродо, который перевернулся и подтянул колени.

— Я поползу, Сэм, — выдохнул он.

Фут за футом ползли они вверх по обрыву, как два серых жучка, и наконец очутились на дороге — широкой, утоптанной, усыпанной щебенкой и золой.

Фродо выкарабкался на нее и медленно обернулся к востоку. Вдалеке черным пологом от небес до земли висела тьма; может, налетел ветер, а может, что-то встревожило Саурона, но завеса всколыхнулась и на миг приоткрыла чернейшую громаду верхней башни Барад-Дура с витыми шпилями и железной короной. Сверкнуло окно в поднебесье, метнулся на север красный луч — Огненное Око пронизывало мрак; потом завеса сомкнулась, и жуткое видение исчезло. Око не их искало, оно было обращено туда, где стояли у ворот ополченцы Запада, где им была уготована жестокая гибель; но в этот страшный миг и Фродо заглянул смерти в лицо. Рука его судорожно искала цепочку.

Сэм опустился возле него на колени. Фродо едва слышно прошептал:

— Помоги мне, Сэм! Сэм, помоги! Удержи мою руку, у меня нету сил.

Сэм сложил руки хозяина ладонь к ладони, поцеловал их и бережно сжал. Ему вдруг подумалось: «Выследил. Ну все, теперь держись. Попался наш Сэммиум Скромби».

Но он упрямо поднял Фродо, взвалил его на спину, ухватив за руки, склонил голову и побрел вверх по дороге. Идти было труднее, чем казалось снизу. К счастью, огненные потоки, которые Гора извергала, когда Сэм глядел на нее с Кирит-Унгола, сбежали по южному и западному склонам, на северо-востоке дорога уцелела, хотя кое-где осыпалась и растрескалась. Она поднималась ко-согором к востоку, потом круто сворачивала назад, на излучине прорезая огромный камень, некогда извергнутый вулканом. Пыхтя под ношей, Сэм выбрался из ущелины и краем глаза увидел, что сверху, со скалы, на него падает черный обломок.

Он не успел увернуться, упал ничком и ободрал себе руки, не выпуская рук хозяина. Тут он понял, что случилось; над его головой послышался ненавистный голос.

— Сскверный хозяин! — просипел он. — Сскверный хозяин нас обманул, обманул Смеагорла, *горлум*. Нельзя ссюда идти. Нельзя обижать Прелессть. Отдайте ее нам, пусть она будет у Смеагорла, у нас!

Эндишиль на горе. Тед Несмит

Сэм разом поднялся и обнажил меч, но от меча толку не было. Горлум и Фродо катались по земле. Горлум рвал хозяина когтями, добираясь до Кольца. Наверно, только это и могло воспламенить угасшую волю и остывшее сердце Фродо: посягнули на его единственное сокровище. Он отбивался с яростью, изумившей Сэма, да и Горлума тоже. Но все равно неизвестно, чем бы это кончилось, будь Горлум таков, как прежде. Однако его тоже извели мучительные скитанья, вечный голод и жажда, нестерпимый ужас и алчная, гложащая тоска. От него и остались-то кожа да кости, только глаза горели по-прежнему, но не было сил под стать дикой злобе. Фродо отшвырнул его и, весь дрожа, выпрямился.

— Прочь, прочь! — воскликнул он, прижимая руку к груди и ухватив Кольцо, скрытое под кожаной рубахой. — Прочь с дороги, ползучая мелюзга! С тобой все кончено. Ни убить, ни предать меня ты больше не сможешь.

Внезапно, так же как у скал Привражья, Сэм увидел обоих совсем иначе. Полумертвая, побежденная и поверженная, но все еще злобная и жадная тварь извивалась у ног сурового властелина в белом одеянье. На груди его сверкал огненный круг, и оттуда исходил повелительный голос.

— Пошел прочь, не приближайся ко мне! Если ты меня еще коснешься, будешь низвергнут в Роковую Расселину, в негасимый огонь.

Прибитая тварь попятилась, в моргающих глазах ее был ужас — и все та же ненасытная тоска.

Виденье рассеялось, и Сэм увидел, что Фродо стоит, тяжело дыша и держа руку у груди, а Горлум раскорячился на коленях, упершись в землю перепончатыми лапами.

— Берегитесь! — крикнул Сэм. — Он прыгнет на вас! — Он подступил, взмахнув мечом. — Быстрее, хозяин! — проговорил он. — Идите, идите! Время на исходе. Я с ним тут разберусь. Идите!

Фродо взглянул на него, словно бы издалека.

— Да, мне надо идти, — сказал он. — Прощай, Сэм! Теперь и правда конец всему. На Роковой горе слово скажет судьба. Прощай!

Он повернулся и медленно пошел вверх по дороге.

— Ну вот! — сказал Сэм. — Наконец-то я с тобой разделаюсь! — И он прыгнул с мечом наготове. Но Горлум не стал ни нападать, ни убегать; он лег на брюхо и заскулил.

— Не надо нас убивать! — хныкал он. — Не надо колоть нас скверным холодным железом. Дайте нам еще немного пожить, совсем немножечко. Смерть, смерть, нам осталась одна смерть. Прелесть сгинет, и мы рассыпемся в прах, да-сс, в прах. — Он зарылся в золу длинными костистыми пальцами. — Рассыпемся! — простонал он.

У Сэма дрогнула рука. Он был в гневе, он помнил, сколько зла принес этот

гад. Его, предателя и убийцу, обязательно надо было заколоть: сто раз заслужил, да и как иначе от него уберешься? Но в глубине души Сэм знал, что не сделает этого, не убьет он жалкого, простертого в пыли, лишённого всего на свете пропадающего мерзавца. Он сам, хоть и недолго, был хранителем Кольца и смутно догадывался, как мучается иссохший от вожделения Горлум, поработанный Кольцом. Только у Сэма не было слов, чтобы все это выразить.

— Да чтоб ты окошел, мразь вонючая! — сказал он. — Убирайся! Проваливай! Ни на грош я тебе не верю, и все равно — проваливай! А то вот заколю тебя, да-сс, скверным холодным железом.

Горлум привстал на четвереньки, попятился, потом повернулся задом и, спасаясь от пинка Сэма, пустился бежать. Сэм тут же забыл о нем, на дороге Фродо уже не было видно, и он изо всех сил заторопился наверх. Если б он оглянулся, то увидел бы, что Горлум крадется позади, черной тенью скользя меж камней, и дико сверкают его безумные глаза.

Дорога шла наверх. Она опять круто свернула к востоку, потом сквозь утес вывела к черным дверям пещеры, дверям Саммат-Наура. Далеко на юге в дымном тумане виднелось солнце, зловещее, мутно-багровое, и простерся кругом сумрачный, онемелый, мертвенный Мордор, словно в ожидании страшной грозы. Сэм подошел и заглянул в пещеру. Жаркая темнота трепетала от рокота горных недр.

— Фродо! Хозяин! — позвал он, но ответа не было. Он постоял немного — сердце колотилось от нестерпимого ужаса — и зашел внутрь. Тень юркнула за ним.

Сперва ничего не было видно. В отчаянии он вынул звездинку Галадриэли, но холодный фиал едва-едва засветился в его дрожащей руке. Он был в сердце владений Саурона, у горнила его древней мощи, величайшей в Средиземье, и здесь властвовала тьма. Он опасливо шагнул раз-другой, вдруг впереди полыхнуло, и кровавым отблеском озарились высокие черные своды. Сэм увидел, что он в длинной пещере. Пол и стены рассекала широкая скважина, то наливаясь огнем, то затухая, и мерно рокотал вулкан, точно в глубине его работали могучие машины.

Снова полыхнула расселина, и на краю огненной бездны в багровом свете стал виден Фродо — он стоял, прямой и неподвижный, как черное изваяние.

— Хозяин! — вскрикнул Сэм.

И Фродо молвил звучным и властным, совсем незнакомым Сэму голосом, заглушившим гулы Роковой горы, раскатившимся под сводами пещеры:

— Я пришел. Но мне угодно поступить по-иному, чем было задумано. Чужой замысел я отвергаю. Кольцо — мое!

Он надел Кольцо на палец и исчез. Сэм захлебнулся отчаянным криком; сильный удар в спину сбил его с ног, отбросил в сторону, он расшиб голову о каменный пол и лишился чувств, а черная тень перепрыгнула через него. И еще многое случилось в этот миг.

Когда в Саммат-Наура, в самом сердце сумрачного края, объявился новый хозяин Кольца, повелитель Барад-Дура вздрогнул, и содрогнулась его твердыня от горных подножий до венчавшей ее железной короны. Внезапно опомнился Черный Властелин, и Око его, пронизывая сумрак, воззрилось через равнину в черное жерло пещеры — заветной пещеры владыки Мордора. Будто

при взблеске молнии увидел он, как глупо просчитался, и понял все расчеты своих врагов. Ярость его взметнулась, как пламя, и черной тучей склубился удушливый страх. Ибо он знал, что в этот роковой миг участь его висит на волоске.

Он отрешился от всех своих козней, от хитросплетений страха и обмана, от войн и завоеваний, и зашаталось все его необъятное царство, ужаснулись рабы, дрогнули полчища, и вожди, которых вела к победе единая воля, растерянно опустили оружие. Они были забыты. Все помыслы их повелителя обратились к Роковой горе. По зову его взвились и отлетели с поля битвы Кольценоscopy-назгулы, и крылатые вихри вперегонки помчались к Ородруину.

Сэм поднялся. Голова кружилась, глаза заливала кровь. Отерши ее, он увидел странное и жуткое зрелище. У края бездны Горлум схватился с невидимкой. Он извивался то возле самой скважины, то поодаль, падал, вскакивал, снова падал. И не говорил ни слова, только злобно сипел.

Огонь заклокотал в глубине, дохнуло палящим жаром, багровый свет залил пещеру. Вдруг длинные руки Горлума протянулись ко рту, блеснули и щелкнули острые белые клыки. Фродо вскрикнул — и появился, стоя на коленях у огненной скважины. А Горлум бешено плясал, воздев кверху Кольцо с откушенным пальцем. Кольцо сверкало ярче солнца.

— Прелесть, прелесть, прелесть! — ликовал Горлум. — Моя прелесть! О моя прелесть!

И, пожирая глазами свою сияющую добычу, он остушился, качнулся на краю бездны и с воплем упал в нее; из глубины донесся вой «Пре-е-лесть!» — и Горлума не стало.

Вулкан взревел, пламя вырвалось из расселины под самые своды пещеры. Гул превратился в тяжкий грохот, и Гора задрожала. Сэм кинулся к Фродо, подхватил его на руки и побежал к дверям. За черным порогом Саммат-Наура, с вершины Горы его взору предстал весь Мордор, и он окаменел от изумленья и ужаса.

На месте Барад-Дура крутился смерч, и посредине заверти виднелись башни выше гор и зубчатые стены, воздвигнутые на могучих кряжах над глубокими ущельями, площади и безглазые громады темниц, стальные и алмазные ворота — и все это исчезло. Падали башни, и обваливались горы, в прах рассыпались стены, дым и пары сползались огромными клубами, и мутный вал, вздымаясь до небес, вскипел и обрушился на равнину. Прокатился гул, нарастая, раздражаясь ревом и грохотом. Земля потрескалась. Ородруин содрогнулся, и его расколота вершина извергла пламенный поток. Грянул гром, запылали молнии, хлестнул темный ливень. И в середину огненного месива, вспарывая тучи надрывным воем, вонзились, как черные стрелы, примчавшиеся Кольценоscopy, вспыхнули, истлели и сгнули.

— Да, это и вправду конец, Сэм Скромби, — промолвил голос рядом с ним. Он обернулся и увидел Фродо, бледного, изможденного и спокойного. В глазах его не было ни смертной натуги, ни безумия, ни страха. Бремя с него свалилось, и он глядел, как в Хоббитании, в былые светлые дни.

— Хозяин! — воскликнул Сэм и упал на колени. Он забыл, что рушится мир, и сердце его переполнило радость. Нет больше страшной ноши, хозяин спа-

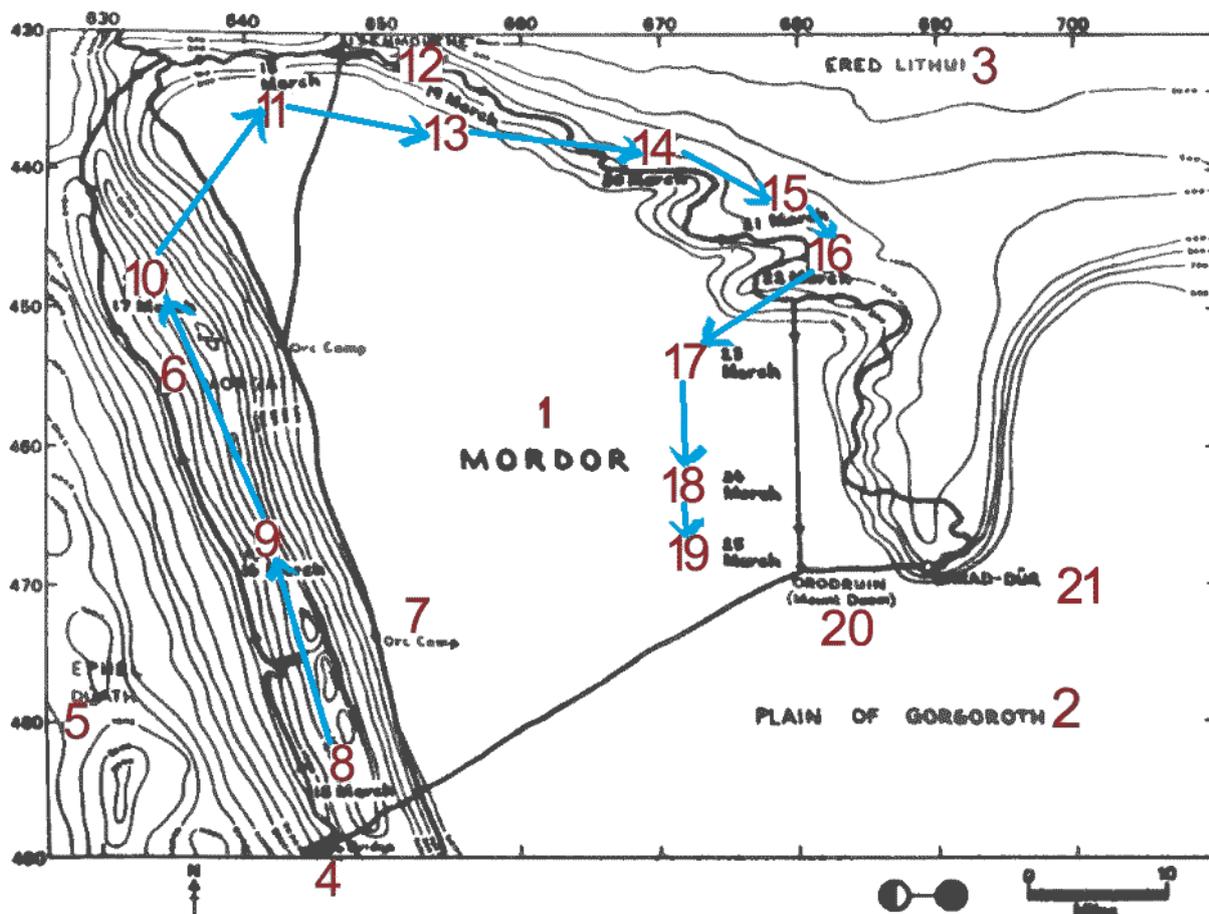
сен, он снова стал самим собой, он освободился! И тут Сэм заметил его искаленную, окровавленную руку. — Бедная рука! — всхлипнул он. — И главное, нечем перевязать, да и лекарств никаких нет. Пусть бы лучше откусил у меня целую руку. Но с него теперь не спросишь, от него, поди, и пепла не осталось.

— Да, — сказал Фродо. — А помнишь, Гэндальф говорил: *Погодите, может, Горлум еще зачем-то понадобится.* И понадобился: ведь сам бы я не смог уничтожить Кольцо, и все было б напрасно, хоть мы и достигли цели. Не надо поминать его лихом! Поручение выполнено, и я больше всего рад, что ты со мной. Вот и конец нашей сказке, Сэм.

Путь Фродо и Сэма к Ородруину

1. Мордор, 2. равнина Горгорота, 3. горы Эред-Литуи, 4. мост, 5. горы Эфель-Луат, 6. Моргвей, 7. лагерь орков, 8 — 15 марта, 9 — 16 марта, 10 — 17 марта, 11 — 18 марта, 12. Изенмаут, 13 — 19 марта, 14 — 20 марта, 15 — 21 марта, 16 — 22 марта, 17 — 23 марта, 18 — 24 марта, 19 — 25 марта, 20. Ородруин, или Роковая гора, 21. Барад-Дур

Глава IV На Кормалленском поле

Кругом бушевали полчища Мордора. Западное войско тонуло в безбрежном море. Тускло светило багровое солнце, но и его затмевали крылья назгулов, смертною тенью реявшие над землей. Арагорн, безмолвный и строгий, стоял у знамени с думою то ли о прежних днях, то ли о дальних краях; и глаза его сверкали, как звезды, разгоревшиеся во тьме. На вершине холма стоял бело-снежный Гэндальф, и тени обегали его. Вал за валом откатывался от холмов, но все сильнее и сокрушительней был натиск Мордора, все громче яростные крики и бешеный лязг стали.

Вдруг встрепенулся Гэндальф, будто ему что-то привиделось, и обратил взгляд на север, к бледным и чистым небесам. Он вскинул руки и громогласно

воскликнул, заглушая битвенный гул:

— Орлы летят! Орлы летят!

И недоуменно уставились на небо мордорские рабы, холопы и наемники.

А в небе явились Гвайгир Ветробой и брат его Быстрокрыл, величайшие орлы северного края, могущественнейшие потомки пращуря Торондора, который свил гнездо у неприступных вершин Окраинных гор — когда Средиземье еще справляло праздник юности. И за ними двоими мчались стройные вереницы родичей, орлов северных гор: мчались с попутным ветром. Из поднебесья они обрушились на назгулов, и вихрем прошумели их широкие крылья.

Но назгулы, взметнувшись, скрылись во мраке Мордора, заслышав неистовый зов из Черной Башни; и в этот миг дрогнули полчища Мордора, внезапно утратив напор, — и замер их грубый хохот, и руки их затряслись, роняя оружие. Власть, которая гнала их вперед, которая полнила их ненавистью и бешенством, заколебалась, единая воля ослабла, и в глазах врагов они увидели свою смерть.

А ополченцы Запада радостно вскрикнули, ибо в глубине тьмы просияла им новая надежда. И с осажденных холмов ринулись сомкнутым строем гондорские ратники, ристанийские конники и северные витязи, врезаясь, врубаясь в смятенные вражеские орды. Но Гэндальф снова воздел руки и звучно возгласил:

— Стойте, воины Запада! Помедлите! Бьет роковой час!

Еще не отзвучал его голос, как земля страшно содрогнулась. Над башнями Черных Ворот, над вершинами сумрачных гор взметнулась в небеса необъятная темень, пронизанная огнем. Стеная, дрожала земля. Клыки Мордора шатнулись, закачались — и рухнули; рассыпались в прах могучие бастионы, и низверглись ворота; издали глухо, потом все громче и громче слышался тяжкий гул, превращаясь в раскатистый оглушительный грохот.

— Царствование Саурана кончилось! — молвил Гэндальф. — Хранитель Кольца исполнил поручение.

Ополченцы Запада взглянули на юг: в Мордоре чернее черных туч воздвиглась огромная Тень, увенчанная молниями. Казалось, на миг она заслонила небеса и царила над миром — и протянула к врагам грозную длань, страшную и бессильную, ибо дунул навстречу Тени суровый ветер, и она, расползаясь, исчезла; и все стихло.

Ополченцы склонили головы, а подняв глаза, с изумленьем увидели, что вражеские полчища редуют, великая рать Мордора рассеивается, как пыль на ветру. Когда гибнет потаенное и разбухшее существо, которое изнутри муравейника заправляет этой копошащейся кучей, муравьи разбегаются кто куда и мрут, жалкие и беспомощные; так разбегались и твари Саурана — орки, тролли и зачарованные звери: одни убивали себя, другие прятались по ямам или с воем убегали напропалую, чтобы укрыться в прежнем безбрежном мраке и где-нибудь тихо издохнуть. А вастаки и южане из Руна и Хорода, закоренелые в злодействе, давние, свирепые и неукротимые ненавистники Запада, увидели суровое величие своих заклятых врагов, поняли, что битва проиграна, и сомкнули строй, готовясь умереть в бою. Однако же многие их сородичи толпами бежали на восток или бросали оружие и сдавались на милость побе-

дителя.

Гэндальф предоставил Арагорну и другим вождям довершать сражение; сам же он воззвал с вершины холма — и к нему спустился великий орел Гвайгир Ветробой.

— Дважды вынес ты меня из беды, друг мой Гвайгир, — сказал Гэндальф. — Помоги же, прошу тебя, в третий и последний раз. Я не буду тебе в тягость более, чем тогда, в полете с Зиракзигила, где отгорела моя прежняя жизнь.

— Я донесу тебя, коли надо, на край света, — отвечал Гвайгир, — будь ты хоть каменный.

— Летим же, — сказал Гэндальф. — Возьми с собой брата и еще одного орла — такого, что не отстанет. Ибо надо нам обогнать любой ветер и опередить назгулов.

— Северный ветер могуч, но мы переборем его, — обещал Гвайгир. И с Гэндальфом на спине он помчался на юг, а за ним летели Быстрокрыл и юный Менельдор. Над Удуном и Горгоротом летели они, над бурлящими руинами, а впереди полыхала Роковая гора.

— Как я рад, что ты со мною, Сэм, — сказал Фродо. — Ну вот и конец нашей сказке.

— Конечно, я с вами, хозяин, еще бы нет, — отозвался Сэм, бережно прижимая к груди искалеченную руку Фродо. — И вы со мною, а как же. Да, вроде кончилось наше путешествие. Только что же это выходит — шли, шли, пришли, а теперь ложись да помирай? Как-то это, сами понимаете, не по-нашему, сударь.

— Что поделаешь, Сэм, — сказал Фродо. — Так оно и бывает. Всем надеждам приходит конец, и нам вместе с ними. Еще чуть-чуть — и все. Где уж нам уцелеть в этом страшном крушении!

— Что верно, то верно, сударь, а все-таки давайте хотя бы отойдем подальше от этой, как ее, Роковой, что ли, Расселины. Ноги-то у нас пока не отнялись? Пошли, сударь, благо дорога еще цела!

— Ладно, Сэм, пошли. Куда ты, туда и я, — согласился Фродо; они встали, и побрели по извилистой дороге, и едва свернули вниз, к дрожащему подножию, как Саммат-Наур изрыгнул огромный клуб густого дыма. Конус вулкана расселся, и кипящий поток магмы, грохоча, понесся по восточному склону.

Путь был отрезан. Фродо и Сэм теряли последние силы. Кое-как добрались они до груды золы близ подножия, но уж оттуда деваться было некуда. Груда эта была островком, который вот-вот сгинет в корчах Ородруина. Кругом разверзалась земля и вздымались столбы дыма. Гора в содроганьях истекала магмой, и медленно ползли на них пологими склонами огненные потоки, наползали со всех сторон. Густо сыпал горячий пепел.

Они стояли бок о бок, и Сэм не выпускал руку хозяина, нежно поглаживая ее. Он вздохнул.

— А что, неплохая была сказка, сударь? — сказал он. — Эх, послушать бы ее! Скажут как-нибудь так: внимайте *Повести о девятипалом Фродо и о Кольце Всевластья!* — и все притихнут, вроде как мы, когда слушали в Раздоле *Повесть об одноруком Берене и Волшебном Сильмарилле*. Да, вот бы послушать! К тому же не мы первые, не мы последние, дальше ведь тоже что-нибудь да будет.

Так он говорил наперекор предсмертному страху, а глаза его устремлялись к северу, туда, где ветер далеко-далеко прояснял небо, ураганными порывами разгоняя тяжкие тучи.

И зорким орлиным оком увидел их обогнавший ветер Гвайгир, кружа над Ородруином и гордо одолевая смертоносные вихри, увидел две крохотные фигурки, стоявшие на холмике рука об руку; а вокруг, трясясь, разверзалась земля и разливалось огненное море. И в тот самый миг, как он их увидел и устремился к ним, они упали: то ли стало совсем невмочь, то ли задушил чад, то ли, наконец отчаявшись, они скрыли глаза от смерти.

Они лежали рядом; и ринулись вниз Гвайгир Ветробой и брат его Быстрокрыл, а за ними смелый Менельдор. И в смутном забытьи, ни живы ни мертвы, странники были исторгнуты из темени и огня.

Орлы прилетели. Майк Уэлан

Сэм очнулся в мягкой постели; над ним покачивались разлапистые ветви бука, и сквозь юную листву пробивался зелено-золотой солнечный свет. Веяло душистой свежестью.

Запах-то этот он вмиг распознал: запах был итилийский. «Батюшки! — подумал он. — Вот уж заспался-то!» Он перенесся в тот день, когда разводил костерок под солнечным пригорком, а все остальное забылось. Он потянулся и глубоко вздохнул.

— Чего только не приснится! — пробормотал он. — Надо же, спасибо хоть проснулся!

Он сел в постели и увидел, что рядом с ним лежит Фродо — лежит и спит,

закинув руку за голову, а другую — правую — положив на покрывало. И среднего пальца на правой руке не было.

Нахлынула память, и Сэм вскрикнул:

— Да нет, какой там сон! Где ж это мы очутились?

И тихо промолвил голос над ним:

— Вы теперь в Итилии, под охраною Государя, и Государь ожидает вас.

И перед ним возник Гэндальф в белом облачении; белоснежную его бороду освещало переливчатое солнце.

— Ну, сударь мой Сэммиум, как твои дела? — сказал он.

А Сэм откинулся на спину, разинул рот и покамест, от радости и удивления, не знал, что и ответить. Потом наконец выговорил:

— Гэндальф! А я-то думал, тебя давным-давно в живых нет! Хотя и меня тоже вроде бы в живых быть не должно. Всех ужасов, что ли, будто и не было? Да что вообще случилось?

— Рассеялась Тень, нависавшая над миром, — сказал Гэндальф и засмеялся, и смех его был как музыка, точно ручей зазвенел по иссохшей земле, и Сэм долго-долго слышал этот живительный смех. Он услышал в нем радость, нескончаемую и звонкую, звонче знакомых радостей. И расплакался. Слезы его пролились, словно весенний дождь, после которого ярче сияет солнце; он засмеялся и, смеясь, вскочил с постели.

— Как мои дела? — воскликнул он. — Да я уж и не знаю, как мои, а вообще-то, вообще... — он раскинул руки, — ну, как бывает весна после зимы, как теплое солнце зовет листья из почек, как вдруг затрубили все трубы и заиграли все арфы! — Он запнулся и взглянул на хозяина. — А господин Фродо — он что? Руку ему испортили — это надо же! Ну ладно, хоть прочее все цело. Вот уж кому туго пришлось!

— Прочее все цело, Сэм, — сказал Фродо, смеясь и усаживаясь в постели. — Соня ты, Сэм, и я, глядя на тебя, уснул, даром что проснулся спозаранку. А теперь уж чуть не полдень.

— Полдень? — повторил Сэм, задумавшись. — Какого дня полдень?

— Нынче полдень четырнадцатого дня новой эры, — сказал Гэндальф, — или, если угодно, восьмого апреля по хоббитанскому счислению. А в Гондоре с двадцать пятого марта новая эра — со дня, когда сгинул Саурон, а вас спасли из огня и доставили к Государю. Он вас вылечил и теперь ожидает вас. С ним будете нынче трапезовать. Одевайтесь, я вас к нему поведу.

— К нему? — сказал Сэм. — А что это за Государь?

— Великий князь гондорский и властитель всех западных земель, — отвечал Гэндальф. — Он возвратился и принимает под державу свою все древнее царство. Скоро поедет короноваться, только вас дожидается.

— Надевать-то нам что? — спросил Сэм, глядя на кучу старого рваного тряпья — их бывшие одежды, лежавшие у изножия постелей.

— Наденете, что было на вас, когда вы шли в Мордор, — отвечал Гэндальф. — Храниться как святыня будет, Фродо, даже твое оркское отрепье. Здесь, в западных странах, а стало быть, и во всем Средиземье, оно станет краше шелков и атласов, почетней любого убранства. Но мы потом подыщем вам другую одежду.

Он простер к ним руки, и заблестал тихий свет.

— Как, неужели? — воскликнул Фродо. — Это у тебя...

— Да, здесь оба ваших сокровища. Сэм их сберег, и они были найдены. Дары владычицы Галадриэли: твой светильник, Фродо, и твоя шкатулка, Сэм. Радуйтесь — вот они.

Хоббиты неспешно умылись и оделись, слегка подзакусили — и не отставали от Гэндальфа. Из буковой рощи вышли они на продолговатый, залитый солнцем луг, окаймленный стройными темнолиственными деревьями в алых цветах. Откуда-то сзади слышался рокот водопада, а впереди между цветущих берегов бежал светлый поток, скрывавшийся в роще за дальней окраиной луга, где деревья, стеснившись, потом расступились и образовали аллею, и снова мерцала вдали бегущая вода.

А за рощей они так и замерли, увидев строй витязей в сверкающих кольчугах и рослых черно-серебряных стражей; и все они склонились перед ними. Один из стражей затрубил в длинную трубу, а они шли и шли светлой просекой возле звенящего потока. И вышли на зеленый простор; вдали серебрилась в легкой дымке широкая река и виден был длинный лесистый остров, у берегов которого стояли бесчисленные корабли. А поле обступило войско, блистая ровными рядами. Когда хоббиты приблизились, сверкнули обнаженные мечи, грянули о щиты копыя, запели рога и фанфары, и воскликнули люди многотысячным голосом:

*Да здравствуют невысоклики! Хвала им превыше хвал!
Куйо и Перийан аннан! Агларни перианнат!
Восхвалим же их великой хвалой — Фродо и Сэммиума!
Даур а Бергаэль, Конин эн Аннун! Эглерио!
Честь им и хвала!
Эглерио!
А лайта те, лайта те! Андаве лаитувальмет!
Честь и хвала!
Кормаколиндор, а лайта тариэнна!
Восхвалим же их, восхвалим Хранителей Кольца!*

Фродо и Сэм покраснелись, глаза их сияли изумленьем; выйдя на поле, они увидели, что посредине гудящего войска были воздвигнуты, дерн на дерне, три высоких трона. За троном направо реяло бело-зеленое знамя, и на нем скачущий конь; налево, на голубом знамени, плыл кораблем в дальнее море серебряный лебедь; а над самым высоким тронном на огромном плещущем черном знамени сияло белое цветущее древо, осененное короной с семью блистающими звездами. На троне сидел витязь, облаченный в броню, и громадный меч лежал у него на коленях, а голова его была не покрыта. Они подошли, и он встал; и они узнали его, хоть он и изменился: лицо у него было горделивое и радостное, царственное лицо повелителя, и был он по-прежнему темноволосый и сероглазый.

Фродо кинулся ему навстречу, и Сэм ненамного отстал.

— Ну, дела! — крикнул он. — Бродяжник, он самый, не будь я хоббит!

— Да, он самый, — отвечал Арагорн. — Далекая, видишь, оказалась дорога от Пригорья, где я тебе не понравился! Да, трудновато нам всем пришлось, но тебе-то, пожалуй, труднее всех.

И затем, к изумлению и великому смущению Сэма, он преклонил перед ним колено, а потом взял их за руки — Фродо за правую, Сэма за левую — и по-

вел к трону; посадил, обернулся к воинству и вождям и промолвил громче громкого:

— Воздайте им великую хвалу!

А когда отзвучал, разнесся и смолк восторженный клик, Сэм был поражен пуще прежнего и счастлив, как никогда, ибо выступил вперед гондорский песнопевец и, преклонив колена, испросил позволения пропеть новую, небывалую песнь. Но прежде сказал он:

— Внимайте! Внимайте, доблестные витязи, вожди и воины, князи и правители; вы, воители Гондора, и вы, конники Ристании; вы, сыны Элронда, и северные дунаданцы; вы, эльф и гном, и вы, великодушные уроженцы Хоббитании, и весь свободный народ Запада — внимайте и слушайте. Ибо я спою вам о девятипалом Фродо и о Кольце Всевластья.

Не веря своим ушам, Сэм звонко и радостно рассмеялся, вскочил и воскликнул:

— О чудеса из чудес и слава небывалая! Да я и мечтать не смел, чтобы такое сбылось!

И все воины тоже смеялись и плакали; над смехом их и плачем вознесся чистый, ясный голос песнопевца — звончатый, серебряный, золотой. Звенела эльфийская речь, звучали наречия Запада, сладостный напев блаженно ранил сердца, и гореванье сливалось с восторгом, и блаженным хмелем пьянили слезы.

Наконец, когда солнце склонилось за полдень и протянулись тени деревьев, песнопевец закончил песнь.

— Воздайте ж им великую хвалу! — воскликнул он и опустился на колени. Встал Арагорн, заволновалось войско, и все пошли к накрытым столам, пошли провожать пиршеством разгоревшийся день.

Фродо и Сэма отвели в шатер; они сняли истасканную, грязную одежду; ее бережно свернули и унесли, и новое нарядное платье было дано им взамен. Пришел Гэндальф, держа в руках, к удивлению Фродо, северный меч, эльфийский плащ и мифрильную кольчугу — все, что забрали орки в Мордоре. А Сэму он принес позолоченную кольчугу и почищенный, заштопанный плащ; и положил перед ними оба меча.

— Никакого меча мне больше не нужно, — сказал Фродо.

— Нынче вечером придется быть при мече, — отозвался Гэндальф.

Фродо взял прежний кинжал Сэма, который в Кирит-Унголе сочли его оружием.

— А Терн — тебе, Сэм, — сказал он.

— Нет, хозяин! Вы его получили от господина Бильбо вместе с этой серебряной кольчугой; он бы сильно удивился, если б вы меч кому-нибудь отдали.

Фродо уступил, и Гэндальф, словно оруженосец, преклонил колена, опоясал его и Сэма мечами и надел им на головы серебряные венцы.

Так облаченные, явились они на великое пиршество — к главному столу возле Гэндальфа, конунга Эомера Ристанийского, князя Имраиля и других военачальников Западного ополчения; и тут же были Гимли и Леголас.

Постояли в молчании, обратившись лицом к западу; затем явились два отрока-виночерпия, должно быть оруженосцы: один в черно-серебряном облачении стража цитадели Минас-Тирита, другой в бело-зеленом. Сэм подивился,

как это такие мальцы затесались среди могучих витязей, но, когда они подошли ближе, протер глаза и воскликнул:

— Смотрите-ка, сударь! Ну и дела! Да это же Пин, то бишь, прошу прощения, господин Перегрин Крол, и господин Мерри! Ну и выросли же они! Батюшки! Видно, не нам одним есть чего порассказать!

— Нет, Сэм, не вам одним, — сказал Пин, радостно ему улыбаясь. — И уж как мы станем рассказывать, так вы только держитесь — погодите, вот кончится пир. А пока что возьмите в оборот Гэндальфа, он теперь вовсе не такой скрытный, хотя больше смеется, чем говорит. Нам с Мерри недосуг — как вы, может, заметили, мы при деле, мы — витязи Гондора и Ристании.

Долго длился веселый пир; когда же солнце закатилось и поплыла луна над андуинскими туманами, проливая сиянье сквозь трепетную листву, Фродо и Сэм сидели под шелестящими деревьями благоуханной Итили и далеко за полночь не могли наговориться с Мерри, Пином и Гэндальфом, с Леголасом и Гимли. Им рассказывали и рассказывали обо всем, что случилось без них с остальными Хранителями после злополучного дня на Парт-Галене близ водопадов Рэроса; и не было конца их расспросам и повести друзей.

Орки, говорящие деревья, зеленая нескончаемая равнина, блистающие пещеры, белые замки и златоверхие чертоги, жестокие сраженья и огромные корабли под парусами — словом, у Сэма голова пошла кругом. И все же, внимая рассказам о чудесах, он нет-нет да и оглядывал Пина и Мерри, наконец не выдержал, поднял Фродо и стал с ними мериться спина к спине. Потом почесал в затылке.

— Да вроде не положено вам расти в ваши-то годы! — сказал он. — А вы дюйма на три вымахали, гном буду!

— До гнома тебе далеко, — отозвался Гимли. — Чего тут удивляться — их же поили из онтских источников, а это тебе не пиво лакать!

— Из онтских источников? — переспросил Сэм. — Все у вас онты да онты, а что за онты — в толк не возьму. Ну ладно, недельку-другую еще поговорим, глядишь, все и само разъяснится.

— Вот-вот, недельку-другую, — поддержал Пин. — Дойдем до Минас-Тири-та и запрем Фродо в башне — пусть записывает, не отлынивает. А то забудет потом половину, и старина Бильбо ужас как огорчится.

Наконец Гэндальф поднялся.

— В руках Государя целебная сила, оно так, дорогие друзья, — сказал он. — Но вы побывали в когтях у смерти, оттуда он и вызволил вас, напрягши все силы, прежде чем вы погрузились в тихий сон забвенья. И хотя спали вы долго и, похоже, отоспались, пора опять вам укладываться.

— Сэму-то и Фродо само собой, — заметил Гимли, — но и тебе, Пин, тоже. Ты мне милей брата родного — еще бы, так уж я по твоей милости набегался, век не забуду. И не забуду, как отыскал тебя на холме после битвы. Кабы не гном Гимли, быть бы тебе в земле. Зато я теперь ни с чем не спутаю хоббитскую подошву — только она и виднелась в груди тел. Отвалил я здоровенную тушу, которая тебя придавила, смотрю — а ты как есть мертвый. Я чуть себе бороду не вырвал от досады. А теперь ты всего-то день как на ногах — давай, пошел спать. Я тоже пойду.

— А я, — сказал Леголас, — пойду бродить по здешнему прекрасному лесу, то-то отдохну. Если позволит царь Трандуил, я приведу сюда лесных эльфов — тех, кому захочется пойти со мной, — и край ваш станет еще краше. Надолго ли? Ненадолго: на месяц, на целую жизнь, на человеческий век. Но здесь течет Андуин и катит свои волны к Морю. В Море!

*В Море, в морской простор! Чайки кричат и реют,
И белопенный прибой набегаёт быстрее и быстрее.
На западе, в ясной дали, закатное солнце алеет.
Корабль, серокрылый корабль! Слышишь ли дальние зовы,
Уплывших прежде меня призывные голоса?
Прощайте, прощайте, густые мои леса,
Иссякли дни на земле, и века начинаются снова.
А я уплыву за моря и берега достигну иного.
Там длинные волны лижут Последние Берега,
На Забытом острове слышен солнечный птичий гам —
В Эресее, предвечно эльфийской, куда нет доступа людям,
Где листопада нет и где мы навеки пребудем.*

И с этой песней Леголас спустился под гору.

Все разошлись, а Фродо и Сэм отправились спать. Проснулись — и в глаза им глянуло тихое, ласковое утро, и потянулся душистый итилийский апрель. Кормалленское поле, где расположилось войско, было неподалеку от Хеннет-Аннуна, и по ночам доносился до них гул водопадов и клокотанье потока в скалистой теснине, откуда он разливался по цветущим лугам и впадал в Андуин возле острова Каир-Андрос. Хоббиты уходили далеко, прогуливались по знакомым местам, и Сэм все мечтал, что где-нибудь на лесной поляне или в укромной ложбине вдруг да увидит снова хоть одним глазком громадного слона. А когда ему сказали, что под стенами Минас-Тирита их было хоть отбавляй, но всех перебили и сожгли, Сэм не на шутку огорчился.

— Да оно понятно, сразу там и здесь не будешь, — сказал он. — Но похоже, мне здорово не повезло.

Между тем войско готовилось двинуться назад, к Минас-Тириту. Проходила усталость, залечивались раны. Ведь еще пришлось добивать и рассеивать заблудшие остатки южан и вастаков. Вернулись наконец и те, кого послали в Мордор — разрушать северные крепости.

Но вот приблизился месяц май, и вожди Западного ополчения взошли на корабли вслед за своими воинами, а корабли поплыли от Каир-Андроса вниз по Андуину к Остигиату; там они задержались и днем позже появились у зеленых полей Пеленнора, у белых башен близ подножия высокого Миндоллуина, возле гондорской столицы, последнего оплота Запада, оплота, выстоявшего в огне и мраке на заре новых дней.

И среди поля раскинули они шатры свои и разбили палатки в ожидании первомайского утра: с восходом солнца Государь войдет в свою столицу.

Глава V

Наместник и государь

Столица Гондора жила в смятении и страхе. Чистое небо и ясное солнце будто смеялись над людьми, которым уповать было не на что, которые

каждое утро ожидали роковых вестей. Градоправитель их сгинул в огне, прах ристанийского конунга лежал неуспокоенный в цитадели, новый же Государь, явившийся ночью, наутро исчез — говорят, уехал воевать со всевластными силами тьмы и ужаса, а разве их одолеет чья бы то ни было мощь и доблесть? Тщетно ждали они вестей. Знали только, что войска свернули от Моргульской долины на север, скрылись в черной тени омертвелых гор — и больше не при- слали ни одного гонца с угрюмого востока, ни слуху ни духу от них не было.

Всего через два дня после ухода войска царевна Эовин велела сиделкам принести ее облачение и уговоров слушать не пожелала; ей помогли одеться, возложили больную руку на холщовую перевязь и проводили к Смотрителю Палат Врачеванья.

— Сударь, — сказала она, — на сердце у меня беспокойно, и не могу я больше изнывать от праздности.

— Царевна, — возразил Смотритель, — ты еще далеко не излечилась, а мне строго-настрого велено довести дело до конца с особым тщанием. Еще семь дней — так мне сказали — ты не должна была вставать с постели. Прошу тебя, иди обратно в свой покой.

— Я излечилась, — сказала она, — от телесного недуга, левая рука только плоха, а это пустяки. Но недуг одолеет меня снова, если мне будет нечего де- лать. Неужели нет вестей с войны? Я спрашивала у сиделок — они не знают.

— Вестей нет, — отвечал Смотритель, — известно лишь, что войско наше очистило Моргульскую долину и двинулось дальше. Во главе его, говорят, наш новый полководец с севера. Это великий воин, а вдобавок целитель; никогда бы не подумал, что рука целителя может владеть мечом. У нас в Гондоре все иначе; правда, если верить древним сказаньям, бывало и так. Однако же мно- гие века мы, целители, лишь врачевали раны, нанесенные мечом. Хотя и без этих ран дела бы нам хватило: сколько в мире болезней и немощей, а тут еще войны и всякие сражения.

— Да нет, господин Смотритель, во всякой войне один — зачинщик, другой же воюет поневоле, — возразила Эовин. — Но кто за меч не берется, от меча и погибнет. Ты что, хотел бы, чтобы народ Гондора собирал травы, пока Черный Властелин собирает войска? А бывает, что исцеленье вовсе не нужно. Иной раз лучше умереть в битве, принять жестокую смерть. Я бы ее и выбрала, будь мой выбор.

Смотритель поглядел на нее. Высокая и стройная, со сверкающими глазами на бледном лице, она сжала в кулак здоровую руку и повернулась к окну, вы- ходившему на восток. Он вздохнул и покачал головой. Наконец она снова об- ратилась к нему.

— Что толку бездельничать! — сказала она. — Кто у вас в городе главный?

— Право, не знаю, царевна, — замялся он. — Не по моей это части. Над му- стангримцами, которые остались, начальствует их Сенешаль, городом ведает наш Хранитель ключей Турин. А вообще-то правитель, новый наместник, у нас, само собой, Фарамир.

— Где его искать?

— Искать его не надо, царевна, он здесь, в Палатах. Он был тяжело ранен, теперь поправляется. Только я вот не знаю...

— Может, ты меня к нему отведешь? Тогда и узнаешь.

* * *

Фарамир одиноко прогуливался по саду возле Палат Врачеванья; под теплыми лучами солнца его тело понемногу оживало, но на душе было тяжело, и он то и дело подходил к восточной стене. Обернувшись на зов Смотрителя, он увидел Эовин и вздрогнул от жалости — так печально было ее измученное лицо.

— Государь, — сказал Смотритель, — это ристанийская царица Эовин. Она сражалась вместе с конунгом, была жестоко ранена и оставлена на моем попечении. Но моим попечением она недовольна и хочет говорить с Градоправителем.

— Не ошибись, государь, — сказала Эовин. — Я не жаловаться пришла. В Палатах все как нельзя лучше — для тех, кто хочет излечиться. Мне же тягостны праздность, безделье, заточение. Я искала смерти в бою и не нашла ее, но ведь война не кончилась...

По знаку Фарамира Смотритель с поклоном удалился.

— Чем я могу помочь тебе, царица? — спросил Фарамир. — Как видишь, я тоже узник наших врачей.

Он снова взглянул на нее: его всегда глубоко трогала чужая скорбь, а она была прекрасна в своей горе, и прелесть ее пронзала сердце. Она подняла глаза и встретила тихий, нежный взгляд; однако же Эовин, возвращенная среди воинов, увидела и поняла, что перед ней стоит витязь, равного которому не сыщешь во всей Ристании.

— Чего же ты хочешь, царица? — повторил он. — Говори; что в моей власти, я все сделаю.

— Я бы хотела, чтоб ты велел Смотрителю отпустить меня, — сказала она, и хотя слова ее по-прежнему звучали горделиво, но голос дрогнул, и она усомнилась в себе — впервые в жизни. Она подумала, что этот высокий воин, ласковый и суровый, принимает ее за несчастного, заблудшего ребенка, и неужели же ей не хватит твердости довести безнадежное дело до конца?

— Не пристало мне указывать Смотрителю, я и сам ему повинуюсь, — отвечал Фарамир. — И в городе я пока что не хозяин. Но будь я даже полноправным наместником, по части лечения последнее слово остается за лекарем, а как же иначе?

— Но я не хочу лечиться, — сказала она. — Я хочу воевать вместе с братом, с Эомером, и погибнуть, как конунг Теоден. Он ведь погиб — и обрел вечный почет и покой.

— Если тебе это уже по силам, царица, все равно поздно догонять наше войско, — сказал Фарамир. — Гибель в бою, наверно, ждет нас всех, волей-неволей. И ты встретишь смерть достойнее и доблестнее, до поры до времени покорившись врачеванию. Нам выпало на долю ожидать, и надо ожидать терпеливо.

Она ничего не ответила, но лицо ее немного смягчилось, будто жестокий мороз отступил перед первым слабым дуновением весны. Слеза набухла и скатилась по щеке, блеснув дождевой каплей. И гордая голова поникла. Потом она вполголоса промолвила, как бы и не к нему обращаясь:

— Мне велено еще целых семь дней оставаться в постели. А окно мое выходит не на восток.

Говорила она, словно обиженная девочка, и, как ни жаль ее было, Фарамир все же улыбнулся.

— Окно твое — не на восток? — повторил он. — Ну, это поправимо. Что другое, а это в моей власти: я скажу Смотрителю, он распорядится. Лечись послушно, царица, и не оставайся в постели, а гуляй, сколько хочешь, по солнечному саду, отсюда и гляди на восток, не забрезжит ли там надежда. Да и мне будет легче, если ты иной раз поговоришь со мною или хотя бы пройдешься рядом.

Она подняла голову, снова взглянула ему в глаза, и ее бледные щеки порозовели.

— Отчего будет легче тебе, государь? — спросила она. — И разговаривать я ни с кем не хочу.

— Сказать тебе напрямик?

— Скажи.

— Так вот, Эовин, ристанийская царица, знай, что ты прекрасна. Много дивных и ярких цветов у нас в долинах, а красавиц еще больше, но доньше не видел я в Гондоре ни цветка, ни красавицы прекрасней тебя — прекрасней и печальней. Быть может, через несколько дней нашу землю поглотит мрак, и останется лишь погибнуть как должно; но пока не угаснет солнце, мне будет отраднее видеть тебя. Ведь и ты, и я побывали в запредельной тьме, и одна и та же рука спасла нас от злой смерти.

— Увы, государь, это все не обо мне! — поспешно возразила она. — Тьма еще висит надо мной. И в целители я не гожусь. Мои загрубелые руки привычны лишь к щиту и мечу. Однако спасибо тебе и на том, что для меня открылись двери палаты. Буду с позволения наместника Гондора гулять по саду.

Она откланялась, а Фарамир долго еще бродил по саду и чаще глядел на Палаты, чем на восточную стену.

Возвратившись к себе, он призвал Смотрителя, и тот рассказал ему все, что знал о ристанийской царице.

— Впрочем, государь, — закончил он, — ты гораздо больше узнаешь от невысоклика из соседней палаты: он был в охране конунга и, говорят, защищал царицу на поле боя.

Мерри вызвали к Фарамиру, и весь день провели они в беседе; многое узнал Фарамир, еще больше разгадал за словами, и куда понятней прежнего стали ему горечь и тоска племянницы конунга Ристании. Ясным вечером Фарамир и Мерри гуляли в саду, но Эовин из Палат не выходила.

Зато поутру Фарамир увидел ее на стене, в белоснежном одеянии. Он окликнул ее, она спустилась, и они гуляли по траве или сидели под раскидистыми деревьями — то молча, то тихо беседуя. Так было и на другой, и на третий день; и Смотритель глядел на них из окна и радовался, ибо все надежнее было их исцеленье. Время, конечно, смутное, зловещее время, но хотя бы эти двое его подопечных явно выздоравливали.

На пятый день царица Эовин снова стояла с Фарамиром на городской стене, и оба глядели вдаль. Вестей по-прежнему не было, в городе царил уныние. Да и погода изменилась: резко похолодало, поднявшийся в ночи ветер дул с севера, метался и завывал над серыми, тусклыми просторами.

Они были тепло одеты, в плащах с подбоем; у Эовин поверх плаща — тем-

но-синяя мантия с серебряными звездами у подола и на груди. Мантию велел принести Фарамир; он сам накинул ее на плечи Эовин и украдкой любовался прекрасной и величавой царевной. Мантию эту носила его мать, Финдуиль Амротская, которая умерла безвременно, и память младшего сына хранила ее полузабытое очарование и свое первое жестокое горе. Он решил, что мантия под стать печальной красоте Эовин.

Но ей было холодно в звездчатой мантии, и она неотрывно глядела на север, туда, где бушевал ветер и где далеко-далеко приоткрылось бледное, чистое небо.

— Что хочешь ты разглядеть, Эовин? — спросил Фарамир.

— Черные Ворота там ведь, правда? — отозвалась она. — Наверно, он к ним подошел. Семь уже дней, как он уехал.

— Да, семь дней, — подтвердил Фарамир. — И прости меня, но я скажу тебе, что эти семь дней нежданно одарили меня радостью и болью, каких я еще не знал. Радостью — оттого что я увидел и вижу тебя, болью — потому что сто-крат потемнел для меня нависший сумрак. Эовин, меня стала страшить грядущая гибель, я боюсь утратить то, что обрел.

— Утратить то, что ты обрел, государь? — переспросила она, строго и жалостливо взглянув на него. — Не знаю, что в наши дни удалось тебе обрести и что ты боишься потерять. Нет уж, друг мой, ни слова об этом! Давай-ка помолчим! Я стою у края пропасти, черная бездна у меня под ногами, а вспыхнет ли свет позади — не знаю, и не могу оглянуться. Я жду приговора судьбы.

— Да, мы все ждем приговора судьбы, — сказал Фарамир.

И больше не было сказано ни слова, а ветер стих, и померкло солнце, город онемел, и долина смолкла: не слышно было ни птиц, ни шелеста листьев, ни даже дыханья. Сердца их, казалось, замерли, и время застыло.

А их руки нечаянно встретились и сплелись, и они об этом не ведали. Они стояли и ждали, сами не зная чего. И вскоре почудилось им, будто за дальними гребнями вскинулся до небес в полыхании молний вал темноты, готовый поглотить весь мир, задрожала земля и содрогнулись стены Минас-Тирита. Потом весь край точно вздохнул, и обмершие их сердца снова забились.

— Совсем как в Нуменоре, — сказал Фарамир и удивился своим словам.

— В Нуменоре? — переспросила Эовин.

— Да, — отвечал Фарамир, — в Нуменоре, когда сгинула Западная империя: черная волна поднялась выше гор, захлестнула цветущие долины, смыла все на свете и настала великая неизбывная темнота. Мне это часто снится.

— Ты, значит, думаешь, что настает великая темнота? — спросила Эовин. — Темнота неизбывная?

И она вдруг прильнула к нему.

— Нет, — сказал Фарамир, заглянув ей в лицо. — Это мне просто привиделось. А что произошло — пока не знаю. Рассудок подсказывает, что на мир обрушилось неодолимое зло, что настали последние времена. Но сердце с ним не согласно: и дышится легче, и надежда вместе с радостью пробудилась вопреки рассудку. Эовин, Эовин, Белая Дева Ристании, в этот час да отступит от нас всякая тьма!

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

Так стояли они на стене Минас-Тирита, и порывистый ветер развеивал и смешивал черные и золотые пряди. Тень уползла, открылось солнце, и брыз-

нул свет; воды Андуина засверкали серебром, и во всех домах столицы запели от радости, сами не зная почему.

Эовин и Фарамир. Тед Несмит

Но не успело еще полуденное солнце склониться к западу, как прилетел огромный Орел с вестями от Ополченья. А вести его были превыше всех надежд, и он возглашал:

*Пойте, ликуйте, о люди Закатной Твердыни!⁴⁵
Ибо Царству Саурона положен конец
И низвергнута Вражья Крепость.
Пойте и веселитесь, защитники стольного града!
Ибо вы сберегли отчизну,*

*А в пролом на месте Черных Ворот
Вошел с победою ваш Государь,
И меч его ярче молний.*

*Пойте же все вы, сыны и дочери Запада!
Ибо ваш Государь возвратился
И пребудет впредь во владеньях своих
На древнем своем престоле.*

*И увядшее Древо вновь расцветет,
И начнется времени новый отсчет
Возле солнечной Белой Башни.
Пойте же, радуйтесь, люди!*

И на всех улицах и площадях люди пели и радовались.

И потянулись золотистые дни: весна и лето слились воедино и зацвели по-

летнему гондорские луга и поля. Прискакали вестники с Каир-Андроса, и столица украшалась, готовясь встречать Государя. Мерри вызвали к войску, и он уехал с обозом в Остилиат, где ждал его корабль на Каир-Андрос. Фарамир не поехал: исцелившись, он взял в свои руки бразды правленья, пусть и не надолго, но дела не ждали, недаром же он был пока что наместник.

И Эовин осталась в Минас-Тирите, хотя брат просил ее явиться к торжествам на Кормалленском поле. Фарамир был этим слегка удивлен; впрочем, они почти не виделись, он был занят с утра до вечера, а она не покидала Палат Врачеванья, только бродила по саду, — и снова стала бледная и печальная, одна во всем городе. Смотритель Палат встревожился и доложил об этом Фарамиру.

Тогда Фарамир явился к Палатам, нашел ее — и снова стояли они рядом на городской стене. И Фарамир сказал:

— Эовин, почему ты осталась в городе, почему не поехала на Кормаллен за Каир-Андросом, на торжества, где тебя ждут?

Она ответила:

— А ты сам не догадываешься, почему?

Он сказал:

— Могут быть две причины, только не знаю, какая из них истинная.

— Ты попроще говори, — сказала она. — Не люблю загадок!

— Ну что ж, царевна, объясню попроще, коли хочешь, — сказал он. — Либо ты не поехала потому, что всего лишь брат твой позвал тебя и тебе не хотелось видеть Арагорна, потомка и наследника Элендила, чье торжество для тебя не в радость. Либо же потому, что я туда не поехал, а ты успела привыкнуть ко мне. Может статься, от того и от этого, и сама ты не знаешь отчего. Скажи, Эовин, ты любишь меня или этой любви тебе не надо?

— Пусть бы меня лучше любил другой, — отозвалась она. — А жалости мне и вовсе ничьей не надо.

— Это я знаю, — сказал он. — Ты искала любви Государя нашего Арагорна. Да, он могуч и велик, и ты мечтала разделить его славу, вознестись вместе с ним над земным уделом. Точно юный воин, влюбилась ты в полководца. Да, высоко вознесла его судьба, и он достоин этого, как никто другой. Но когда он взамен любви предложил тебе пониманье и жалость, ты отвергла то и другое и предпочла умереть в бою. Погляди на меня, Эовин!

Долгим взглядом посмотрела Эовин на Фарамира, а тот промолвил:

— Эовин, не гнушайся жалостью, это дар благородного сердца! А мой тебе дар — иной, хоть он и сродни жалости. Ты — царевна-воительница, и слава твоя не померкнет вовеки; но ты, дорогая, прекраснее всех на свете, и даже эльфийская речь бессильна описать твою красоту. И я тебя люблю. Прежде меня тронуло твое горе, нынче же знаю: будь ты как угодно весела и беспечна, будь ты даже беспечальной княжной гондорской, все равно я любил бы тебя. Ты не любишь меня, Эовин?

Сердце ее дрогнуло, и увиделось все по-иному, будто вдруг минула зима и разлился солнечный свет.

— Да не может быть! — сказала она. — Я стою на стене Минас-Анора, Крепости Заходящего Солнца, и нет больше душной тьмы! Я, кажется, очнулась: я не хочу состязаться с нашими конниками и петь наши песни о радости убийственной брани. Лучше я стану целительницей, буду беречь живое, лелеять

все, что растет, и растет не на погибель. — Она снова взглянула на Фарамира. — И я не хочу быть княгиней, — сказала она.

И Фарамир весело рассмеялся.

— Это хорошо, что не хочешь, — сказал он, — потому что и я не князь. Однако же я возьму замуж Белую Деву Ристании, ежели будет на то ее воля. Настанут иные, счастливые дни, и мы будем жить за рекою, в Итилии, в цветущем саду. Еще бы: каким она станет садом, на радость моей царевне!

— Так что же, витязь Гондора, из-за тебя мне разлучаться с Ристанией? — спросила она. — А твои чванные гондорцы будут говорить: «Хорош у нас правитель, нечего сказать: взял себе в жены ристанийскую наездницу! Неужели не мог подыскать получше, из нуменорского рода?»

— Пусть говорят, что хотят, — сказал Фарамир. Он обнял ее и поцеловал у всех на виду — но какое им было дело до того, кто их видит? А видели многие и смотрели, как они, осиянные солнцем, спустились со стен и пошли рука об руку к Палатам Врачеванья.

И Фарамир сказал Смотрителю Палат:

— Эовин, царевна ристанийская, вполне излечилась.

— Хорошо, — сказал Смотритель, — я отпускаю царевну из Палат с напутствием: да не постигнет ее никакая иная хворь! И препоручаю наместнику Гондора, доколе не вернется брат ее, конунг.

Но Эовин сказала:

— А теперь я не хочу уходить, я останусь. Мне хорошо в этих Палатах, и я найду себе дело.

И она оставалась в Палатах до возвращения конунга Эомера.

Приготавливались к торжественной встрече, со всех концов Гондора стекался народ в Минас-Тирит, ибо весть о возвращенье Государя разнеслась от Мин-Риммона до Пиннат-Гелина, достигнув самых отдаленных морских побережий, и все, кто мог, поспешили в столицу. Снова стало здесь много женщин и милых детей, вернувшихся домой с охапками цветов, а из Дол-Амрота явились арфисты, лучшие арфисты в стране, пришли и те, кто играл на виолах, на флейтах, на серебряных рогах, не заставили себя ждать и звонкоголосые певцы из лебеннинских долин.

Наконец наступил вечер, когда со стен стали видны войсковые шатры на равнине, и всю ночь в городе повсюду горели огни. Никто не ложился спать, ждали рассвета. Ясным утром взошло солнце над восточными вершинами, теперь уже не омраченными, и зазвонили все колокола, взвились все флаги, трепеща на ветру. А над Белой Башней заплескалось знамя Наместников, ярко-серебряное, как снег, озаренный солнцем; не было на нем ни герба, ни девиза, и последний раз реяло оно над Гондором.

Ополчение Запада подходило к столице, и люди смотрели со стен, как движутся строй за строем, сверкая в рассветных лучах и переливаясь серебряным блеском. Войско вышло на Воротный Тракт и остановилось за семьсот футов до стен. Ворот не было, однако вход в город преграждала цепь, и ее стерегли черно-серебряные стражники с обнаженными мечами. Перед цепью стояли наместник Государя Фарамир, Турин, Хранитель ключей, и прочие воеводы, а также ристанийская царевна Эовин со своим сенешалем Эльфхельмом и другими витязями Мустангрима; а по обе стороны разбитых Ворот толпились го-

рожане в разноцветных одеяниях, с охапками цветов.

Образовалась широкая площадь перед стенами Минас-Тирита, ограждали ее витязи и солдаты Гондора и Мустангрима, горожане Минас-Тирита и жители ближних стран. Все стихли, когда от войска отделился строй серо-серебряных дунаданцев, во главе которых шествовал Государь Арагорн. Он был в черной кольчуге, препоясан серебряным поясом, и ниспадала с плеч его белая мантия, у горла застегнутая зеленым самоцветом, отблескивавшим издали; голова его была не покрыта, и сияла во лбу звезда в серебряном венце. С ним были Эомер Ристанийский, князь Имраиль, Гэндальф, весь белоснежный, и еще какие-то четыре малыша.

— Нет, дорогая кузина! Не мальчишки это! — сказала Иорета своей родственнице из Имлот-Мелуи, которая стояла рядом с нею. — Это *перианы* из дальней страны невысокликов, они там, говорят, князья не хуже наших. Уж я-то знаю, я одного периана лечила в Палатах. Даром что они ростом не вышли, зато доблестью с кем хочешь померятся. Ты представляешь, кузина, такой коротыш со своим оруженосцем, вдвоем они пробрались в Сумрачный Край, напали на Черного Властелина, а потом взяли да и подожгли его чародейский замок, хочешь верь, хочешь не верь. Врать не стану, сама не видела, в городе говорят. Вот это, наверно, тот самый, что рядом с Государем нашим Элессаром, Эльфийским Бериллом. Говорят, они друзья неразлучные. А наш Государь Элессар — этот вообще чудо из чудес; ну строговат, конечно, зато уж сердце золотое, и главное — врачует наложением рук, ты подумай! Это из-за меня и открылось; я говорю: «В руках, — говорю, — Государя целебная сила», ну и догадались его позвать. Митрандир мне прямо так и сказал: «Золотые, — говорит, — слова твои, Иорета, долго их будут помнить!» — а потом...

Но Иорета не успела досказать своей деревенской родственнице, что было потом: грянула труба и вся площадь смолкла. Из Ворот выступил Фарамир с Хранителем ключей Турином, а за ними — четверо стражников цитадели в высоких шлемах и полном доспехе; они несли окованный серебром ларец черного дерева, именуемого *лебетрон*.

Сошлись посредине площади, Фарамир преклонил колена и молвил:

— Итак, последний наместник Гондора слагает с себя полномочия! — И он протянул Арагорну белый жезл; тот принял его и немедля возвратил со словами:

— Не кончено твое служение, оно вновь возлагается на тебя и на потомков твоих, доколе продлится моя династия. Исполняй свои обязанности!

Тогда Фарамир поднялся с колен и звонко возгласил:

— Народ и войско, внимайте слову наместника гондорского! Перед вами — законный наследник великокняжеского престола, пустовавшего почти тысячу лет. Он Арагорн, сын Арахорна, вождь дунаданцев Арнора, предводитель Западного ополчения, северный венценосец, владетель Перекованного Меча, побеждавший в битвах, исцелявший неизлечимых; он Эльфийский Берилл, государь Элессар из рода великого князя Арнора Валандила, сына Исильдура, сына Элендила Нуменорского. Как скажете, должно ли ему войти в наш Град и властвовать нашей страной?

И далеко раскатилось громогласное «да!».

А Иорета объяснила родственнице:

— Видишь ли, кузина, это просто такая у нас торжественная церемония, без

нее нельзя, а вообще-то он уже входил в город, я же тебе рассказываю: явился в Палаты и говорит мне... — Но тут ей пришлось замолчать, потому что заговорил Фарамир:

— О народ Гондора, согласно преданиям, издревле заведено, чтобы на Государя нашего возлагал корону его отец перед своей кончиной; если же этого не случилось, то наследник должен один отправиться в Усыпальни и принять корону из рук покойного. Нынче мы принуждены отступить от обычая, и я, по праву наместника, повелел доставить сюда из Рат-Динена корону последнего из великих князей Эарнура, который правил нашими далекими предками.

Стражи приблизились, Фарамир открыл ларец и вознес в обеих руках древнюю корону. Она была похожа на шлемы стражей цитадели, только выше и не черная, а ярко-белая, с жемчужно-серебряными подобьями крыльев чаек: ведь нуменорцы приплыли из-за Моря. Венец сверкал семью алмазами, а сверху пламенел еще один, самый крупный.

Арагорн принял корону, поднял ее над головой и вымолвил:

— *Эт Эарелло Эндоренна утулиен. Синоме маруван ар Хильдиньяр тенн Амбар-метта!*

Таковы были слова Элендила, когда он примчался по Морю на крыльях ветров: «Великое Море вернуло наш род в Средиземье. И здесь пребудут мои потомки до скончанья веков».

Однако, на удивленье народу, Арагорн корону не надел, а вернул ее Фарамиру, сказав:

— Дабы почтить тех, чьими трудами и доблестью возвращено мне мое исконное наследие, да поднесет мне корону Хранитель Кольца и да коронует меня Митрандир, если он на то согласен, ибо все свершилось при свете его замыслов, и это — его победа.

И Фродо выступил вперед, принял корону от Фарамира и отдал ее Гэндальфу; Арагорн преклонил колена, а Гэндальф надел корону ему на голову и молвил:

— Наступают времена Государевы, и да будет держава его благословенна, доколе властвуют над миром Валары!

Когда же Арагорн поднялся с колен, все замерли, словно впервые узрели его. Он возвышался как древний нуменорский властитель из тех, что приплыли по Морю; казалось, за плечами его несчетные годы, и все же он был в цвете лет; мудростью сияло его чело, могучи были его целительные длани, и свет снизошел на него свыше.

И Фарамир воскликнул:

— Вот он, наш Государь!

Вмиг загремели все трубы, и Великий Князь Элессар подошел к цепи, а Турин, Хранитель ключей, откинул ее; под звуки арф, виол и флейт, под звонкое многоголосое пение Государь шествовал по улицам, устланным цветами, дошел до цитадели и вступил в нее; и расплеснулось в вышине знамя с Древом и звездами, и настало царствование Государя Элессара, о котором сложено столько песен.

И город сделался краше, чем был, по преданиям, изначально: повсюду выросли деревья и заструились фонтаны, воздвиглись заново Врата из мифрила и узорочной стали, улицы вымостили беломраморными плитами; подземные гномы украшали город, и полюбили его лесные эльфы; обветшалые дома от-

строили лучше прежнего, и не стало ни слепых окон, ни пустых дворов, везде жили мужчины и женщины и звенели детские голоса; завершилась Третья Эпоха, и новое время сохранило память и свет минувшего.

Первые дни после коронования Государь восседал на троне в великокняжеском чертоге и вершил неотложные дела. Явились к нему посольства разных стран и народов с юга и с востока, от границ Лихолесья и с Дунланда, что к западу от Мглистых гор. Государь даровал прощенье вастакам, которые сдались на милость победителя: их всех отпустили; заключен был мир с хорондримцами, а освобожденным рабам Мордора отдали приозерье Нурнена. Многие ратники удостоились похвалы и награды, и наконец пред Великим Князем предстал Берегонд в сопровождении начальника цитадельной стражи.

И сказано было ответчику на суде Государевом:

— Берегонд, ты обагрил кровью ступени Усыпальни, а это, как ведомо тебе, тягчайшее преступление. К тому же ты покинул свой пост без позволения государя или начальника. Такие провинности издревле караются смертью. Слушай же мой приговор.

Вина твоя отпускается за доблесть в бою, но более всего за то, что ты преступил закон и устав из-за любви к государю своему Фарамиру. Однако стражем цитадели впредь тебе не быть, и должно изгнать тебя из Минас-Тирита.

Смертельно побледнел Берегонд, сердце его сжалось, и он понурил голову. И молвил Великий Князь:

— Да будет так! И ставлю тебя начальником над Белой Дружиной, охраною Фарамира, Владетеля итилийского. Живи же в почете и с миром на Эмин-Арнене, служи и дальше тому, для кого ты пожертвовал больше чем жизнью, чтобы спасти его от злой гибели.

И тогда Берегонд понял, сколь справедлив и милосерд Государь; опустившись на колени, он поцеловал ему руку и удалился, радостный и спокойный. Арагорн же, как было сказано, отдал Фарамиру в вечное владение Итилию и в придачу к ней нагорье Эмин-Арнен, невдалеке от столицы.

— Ибо Минас-Итил в Моргульской долине, — сказал Арагорн, — будет снесен до основанья, и когда-нибудь долина очистится, но пока что многие годы жить там нельзя.

Когда же явился к Государю Эомер Ристанийский, они обнялись, и Арагорн сказал:

— Не оскорблю тебя ни восхваленьем, ни воздаяньем: мы ведь с тобою братья. В добрый час примчался с севера Эорл, и благословен был наш союз, как никакой другой; ни единожды не отступились от него ни вы, ни мы и не отступимся вовеки. Нынче, как сами знаете, славный конунг Теоден покоится у нас в Усыпальне, и коли вы захотите, там и пребудет, среди властителей Гондора. Или же, по желанию вашему, мы перевезем тело его в Мустангрим, где он возляжет рядом с предками.

И отвечив Эомер:

— С того дня, как возник ты предо мною в зеленой степной траве, я полюбил тебя, и полюбил навсегда. Но сейчас должно мне отвести войско в Ристанию и устроить мирную жизнь на первых порах. А за конунгом, павшим в бою, мы в свое время вернемся; пусть он дотоле покоится в гондорской Усыпальне.

И сказала Эовин Фарамиру:

— Мне надо вернуться в свою страну, еще раз взглянуть на нее и помочь брату в его трудах; когда же тот, кого я столь долго почитала отцом, обретет вечный покой близ Эдораса, я приеду к тебе.

* * *

Так и прошли дни ликования; восьмого мая конники Ристании изготовились и отъехали Северным Трактом, а с ними отбыли и сыновья Элронда. От городских ворот до стен Пеленнора по обе стороны тракта толпились люди, пришедшие проводить союзников с прощальной благодарностью. Затем жители дальних окраин Гондора отправились домой праздновать победу, а в городе всем хватало работы — возводить заново или перестраивать то, что разрушила война и запятнала Темь.

Хоббиты, а с ними Леголас и Гимли остались в Минас-Тирите: Арагорн просил Хранителей пока что держаться вместе.

— Все на свете кончается, — сказал он, — однако же немного погодите: не все еще кончилось из того, в чем мы с вами были соучастниками. Близится день, для меня давным-давно долгожданный, и, когда он настанет, я хочу, чтобы любимые друзья были рядом.

Но о том, что это за день, он не обмолвился.

Бывшие Хранители Кольца жили вместе в роскошном доме, и Гэндальф никуда не девался; а уж гуляли они, где им вздумается. И Фродо как-то сказал Гэндальфу:

— Ты-то хоть знаешь, какой такой день, о котором говорит Арагорн? А то, конечно, хорошо нам здесь и торопиться вроде бы некуда; только дни-то уходят, а Бильбо ждет, да и в Хоббитанию пора бы все-таки вернуться.

— Ну, насчет Бильбо, — сказал Гэндальф, — так он ждет того самого дня и отлично знает, отчего тебя нет. А что дни уходят, это верно, однако на дворе май, лето все еще не слишком близко; и, хотя многое на свете, кажется, изменилось с началом нового века, все же деревья и травы живут по своему счету, у них и года не прошло, как вы расстались.

— Видал, Пин, — сказал Фродо, — вот ты говорил, будто Гэндальф, мол, стал словоохотлив, не то что раньше! Да это он, я так понимаю, было дело, слегка подустал. Теперь он снова Гэндальф как Гэндальф.

А Гэндальф сказал:

— Все-то всегда хотят знать заранее, что поставят на стол; но те, кто готовят трапезу, болтать не любят: чем неожиданней, тем радостней. Арагорн, кстати сказать, и сам ждет знака.

В один прекрасный день Гэндальф как в воду канул, и хоббиты с Леголасом и Гимли только руками разводили. А Гэндальф еще ночью увел Арагорна далеко за стены, к южному подножию Миндоллуина; там отыскалась давным-давно забытая тропа, по которой некогда восходили на гору лишь Великие Князья, уединяясь для размышления и созерцания. По кручам поднялись они к возвышенному плато у самой кромки вечных снегов, стали над пропастью за Минас-Тиритом и огляделись, благо уже рассвело. Далеко внизу видны были городские башни, точно белоснежные стебли, озаренные утренним солнцем; и как сад простиралась долина Великой Реки, а Изгарные горы по-

дернула золотистая дымка. На севере смутно серело Приречное Взгорье, и дальней звездой мерцал вспененный Рэрос; широкая серебряная лента Андуйна тянулась на юг, к Пеларгиру, туда, где край небес сиял отсветом Моря.

И Гэндальф сказал:

— Вот оно, твое нынешнее царство, а станет оно несравненно больше. Третья Эпоха кончилась, наступают иные времена, и тебе суждено определить их начало, сохранив все, что можно сохранить. Многие удалось спасти — и многое уйдет безвозвратно: более не властны в Средиземье Три Эльфийских Кольца. Все земли, какие ты видишь, и те, что лежат за ними, заселят люди, ибо настал черед их владычеству, а Первенцы Времен рассеются, сгинут или уплывут.

— Это я знаю, дорогой мой друг, — сказал Арагорн, — но ты-то останешься моим советником?

— Ненадолго, — отозвался Гэндальф. — Я — из Третьей, ушедшей Эпохи. Я был главным противником Саурона, и мое дело сделано. Пора мне уходить. Теперь в ответе за Средиземье ты и твои сородичи.

— Но ведь я скоро умру, — сказал Арагорн. — Я всего лишь смертный, и хотя нам, прямым потомкам нуменорцев, обычно сужден долгий век, но и он скоротечен: когда состарятся те, кто сейчас в материнском чреве, я тоже буду стариком. Что тогда случится с Гондором и со всеми теми, для кого станет столицей Минас-Тирит? Дерево в Фонтанном Дворе по-прежнему иссохшее, ни почки нет на нем. Увижу ли я верный залог обновления?

— Отведи глаза от цветущего края и взгляни на голые холодные скалы! — велел Гэндальф.

Арагорн повернулся, окинул взором кремнистый склон под снеговой шапкой и, всмотревшись, увидел посреди пустоши одинокое деревце. Он взобрался к нему: да, деревце, едва ли трехфутовое, возле оснеженной наледи. Уже распустились листочки, продолговатые, тонко выточенные, темно-зеленые с серебристым исподом; у верхушки искрилось, словно снег под солнцем, маленькое белое соцветие.

И Арагорн воскликнул:

— *Йе! Утувьенес!* Я нашел его! Это же отпрыск Древнейшего Древа! Но как он здесь оказался? Он не старше семи лет!

Гэндальф подошел, взглянул и молвил:

— Воистину так: это сеянец прекрасного Нимлота, порожденного Галатилионом, отпрыском многоименного Телперииона, Древнейшего из Дерев. А как он оказался здесь в урочный час — этого нам знать не дано. Однако же именно здесь было древнее святилище, и, должно быть, семя Нимлота зарыли в землю еще до того, как прервался род Великих Князей и иссохло Белое Дерево. Преданья говорят, что плодоносит оно редко, но семя его сохраняет животворную силу многие века и никому не ведомо, когда оно прорастет. Запомни мои слова: если вызреет его плод, все до единого семени должны быть посажены, чтобы Дерево не вымерло. Да, тысячу лет пролежало оно, сокрытое в земле, подобно тому как потомки Элендила таились в северных краях. Но род Нимлота куда древнее твоего, Государь Элессар.

Арагорн бережно потрогал деревце, а оно на диво легко отделилось от земли, и все корни его остались в целости, и Арагорн отнес его во двор цитадели. Иссохшее дерево выкопали с великим почетом и не предали огню, но отнесли

покоиться на Рат-Динен. А на месте его, у фонтана, Арагорн посадил юное деревце, и оно принялось как нельзя лучше; к началу июня оно было все в цвету.

— Залог верный, — молвил Арагорн, — и, стало быть, недалек лучший день моей жизни.

И он выставил на стены дозорных.

* * *

За день до солнцеворота примчались в столицу гонцы с гор Амон-Дин и возвестили о том, что в Гондор явилась с севера конная дружина эльфов, что они уже возле стен Пеленнора. И сказал Арагорн:

— Наконец-то! Пусть город готовится к великому празднеству!

В канун солнцеворота, под вечер, когда в сапфирном небе на востоке зажигались светлые звезды, а запад еще золотил закат и веяло душистой прохладой, северные гости приблизились к воротам Минас-Тирита. Впереди ехали Элроир и Элладан с серебряным стягом, затем — Всеславур, Эрестор и все домочадцы Элронда, и следом — владыки Кветлориэна, Галадриэль и Келеборн на белых конях, во главе эльфийской свиты, облаченной в серые плащи, с самоцветами в волосах; шествие замыкал властительный Элронд, равно прославленный между людей и эльфов, и в руке у него был скипетр Ануминаса, древней столицы Арнора. А рядом с ним на сером иноходце ехала дочь его Арвен, эльфийская Вечерняя Звезда.

Алмазным блеском лучился ее венец; казалось, вечер заново озарило нежное сияние ее благоуханной прелести, и, задыхаясь от восторга, Фродо обратился к Гэндальфу:

— Наконец-то я понимаю, чего мы дожидались. И дождались. Теперь мы не только дню будем радоваться, ночь тоже станет прекрасной и благодатной. Кончились наши страхи!

Государь приветствовал своих гостей, и они спешили; Элронд отдал ему скипетр и соединил руку своей дочери с рукой Арагорна; шествие двинулось вверх по улицам, и все небо расцвело звездами. Так Арагорн, Великий Князь Элессар, обручился с Арвен Ундомиэль в великокняжеском граде накануне солнцеворота, и кончилась их долгая разлука, и сбылись их ожидания.

Глава VI Расставания

Дни празднества миновали: пора было и честь знать, домой отправляться. Фродо пошел к Государю; они с княгиней Арвен сидели у фонтана, возле цветущего Древа, она играла на лютне и пела старинную валинорскую песню. Оба они были ему рады, оба встали навстречу, и Арагорн сказал:

— Ты, верно, домой собрался, Фродо. Что ж, всякому деревцу родная земля слаще, но ты уж помни, дорогой друг, что теперь твоя родина — весь Западный Край и везде ты желанный гость. Правда, доньше твой народ не был прославлен в величавых преданьях, зато теперь прославится больше, чем иные погибшие царства.

— Да и то сказать, тянет меня в Хоббитанию, — отозвался Фродо. — Но все же сначала надо бы в Раздол. Если кого не хватало в эти радостные дни, так

это Бильбо; я очень огорчился, что его не было среди домочадцев Элронда.

— Чему тут огорчаться или удивляться, Хранитель? — спросила Арвен. — Ты же знаешь, какова страшная сила Кольца, которое ты истребил. Все, что ни сделано этой силою, все распалось. А твой родич владел Кольцом дольше, чем ты, очень долго владел. Даже по-вашему он уже древний старик и ждет тебя, а ему путешествовать больше невмочь.

— Тем скорее надо мне ехать к нему, — сказал Фродо.

— Поедешь через семь дней, — сказал Арагорн. — Мы ведь далеко тебя проводим, до самой Ристании. Дня через три вернется Эомер — за телом Теодена, и мы поедем вместе с ним: что надо, то надо. Кстати же, подтверждается тебе завет Фарамира: ты вправе быть в пределах Гондора, когда и где тебе угодно, с любыми спутниками. Хотел бы я вознаградить тебя за твои подвиги, однако же нет для тебя достойной награды, бери, что хочешь, а почести тебе в нашей земле всегда будут княжеские.

Но княгиня Арвен сказала:

— Есть для тебя награда. Недаром же я дочь Элронда. Когда он отправится в Гавань, я не пойду с ним: как и Лучиэнь, я выбрала смертную долю, и выбор мой столь же горек и столь же отраден. Ты, Хранитель, если пожелаешь, займешь мое место. Быть может, раны твои нестерпимо зануют или надавит страшным бременем память — что ж, тогда плыви на Запад, где и раны твои исцелятся, и усталость исчезнет. Вот возьми — и носи на память об Элессаре и Арвен, чью участь решила твоя судьба!

И она сняла кулон на серебряной цепочке — жемчужину, впитавшую звездный блеск, — и надела его на шею Фродо.

— Это поможет тебе, — сказала она. — Защитит от наплыва тьмы и ужаса.

* * *

Через три дня, как и было сказано, конунг Эомер Ристанийский подъехал к Вратам во главе эорета из лучших витязей Мустангрима. Его встретили с должным почетом, и за праздничной трапезой в Меретронде, Обеденном Чертоге, он был поражен красотой обеих государынь. После трапезы он не пошел отдыхать, а попросил, нельзя ли вызвать к нему гнома Гимли.

Когда же Гимли явился, Эомер ему сказал:

— Гимли, сын Глоина, секира у тебя под рукой?

— Нет, государь, — сказал Гимли, — но за нею в случае чего недолго и сходить.

— Сам рассудишь, — сказал Эомер. — Помнится, вышла у нас размолвка насчет Владычицы Златолесья, и покамест размолвка не улажена. Так вот, нынче я видел Владычицу воочию.

— Ну и что же, государь, — спросил Гимли, — что ты скажешь теперь?

— Увы! — отвечал Эомер. — Не могу признать ее первой красавицей.

— Тогда я пошел за секирой, — сказал Гимли.

— Но сперва позволь хоть немного оправдаться, — сказал Эомер. — Видел бы я ее раньше, где других никого не было, я бы сказал все твои слова и к ним бы еще добавил. Но теперь скажу иначе: первейшая красавица у нас — великая княгиня Арвен, Вечерняя Звезда, и если кто не согласен, то я сам вызываю его на бой. Так что, послать за мечом?

Гимли низко склонил голову.

— Нет, государь, со мной у тебя не будет поединка, — сказал он. — Ты выбрал закатную прелесть, меня же пленила утренняя. И сердце мое говорит, что утро — не наша участь, что мы видим утро в последний раз.

Настал наконец прощальный день; великолепный кортеж отъезжал на север. Великий Князь Гондора и конунг Мустангрима спустились в Усыпальни, и из гробниц Рат-Динена вынесли на золотых носилках конунга Теодена и пронесли его к воротам притихшего города. Носилки возложили на высокую колесницу, окруженную ристанийскими конниками, и знамя Ристании реяло впереди. Оруженосец Теодена Мерри ехал на колеснице, берег доспех конунга.

Всем Хранителям подобрали коней по росту; Фродо и Сэммиум оказались по правую руку Арагорна, слева был Гэндальф на Светозаре, Пин — в отряде цитадельных стражников Гондора, а Леголас и Гимли ехали где случится, вдвоем на своем Ароде.

Были тут и княгиня Арвен, и Келеборн с Галадриэлью, а с ними вся их эльфийская свита; Элронд с сыновьями, князя Дол-Амрота и владетели итилийские; много было вельмож и воевод. Никогда еще так не провожали ристанийцев из Гондора, и с великой свитой отправился Теоден, сын Тенгела, в дом своих предков.

Неспешно и бестревожно доехали они до Аноризна, до лесистых склонов Амон-Дина, и нагорье встретило их как бы барабанным гулом, хотя на глаза никто не показывался. По велению Арагорна затрубили трубы, и глашатаи объявили:

— Внемлите слову Великого Князя Элессара! Друаданский лес отдается навечно во владение Ган-бури-Гану и его народу! Отныне без их позволения да не ступит сюда ничья нога!

В ответ прогрехотали и стихли барабаны.

На шестнадцатый день пути колесница с останками конунга Теодена, проехав по зеленым ристанийским полям, достигла Эдораса. Золотой чертог был пышно разубран и ярко освещен, и такого пиршества, как поминальное, не бывало здесь от основания дворца. Хоронили Теодена через три дня, в гробницу его положили в полном доспехе, а при нем его оружие и множество драгоценной утвари. Над гробницей насыпали высокий курган и обложили его дерном в белых звездочках цветов-поминальников. Теперь с восточной стороны Кладбищенской дороги стало восемь курганов.

И дружинники конунга на белых конях поехали вокруг нового могильника и завели песнь о Теодене, сыне Тенгела, которую сочинил менестрель конунга Глеовин; с тех пор он песен больше не сочинял. Медленное пение словно завораживало тех, кто не знал здешнего наречия, у ристанийцев же просветлели глаза, им послышался с севера топот и громовой клич Эорла, разнесшийся над сечей в долине Келебранты. Воспевались деяния конунгов, и рог Хельма трубил в горах; но потом надвинулась Великая Тьма, и поднял войско конунг Теоден, и помчался сквозь мрак в огонь — и погиб, сражаясь, в час, когда поутру нежданное солнце прорвало затмение и озарило вершину Миндоллуина.

*Из черного сумрака он помчался навстречу рассвету
И пел, обнажая яркий, как солнце, меч.*

*Надежду воспламенил он и с надеждой погиб,
Вознесишься над смертью, над ужасом и над судьбой,
Он утратил бrenную жизнь и обрел нетленную славу.*

А Мерри стоял у подножия зеленого кургана и плакал; когда же песнь отзвучала, он горестно воскликнул:

— Конунг Теоден, о, конунг Теоден! О, как ненадолго ты заменил мне отца! Прощай!

Завершилось погребение, утих женский плач, конунга Теодена оставили в могиле вкушать вечный покой, и люди снова собрались в золотом чертоге для великого пиршества и дабы отринуть печаль, ибо Теоден сполна прожил свой земной срок и умер как герой, не посрамив царственных предков. Согласно обычаям, настал черед памятной чаши в честь всех ушедших владык Мустангрима — и тогда выступила вперед царица ристанийская Эовин, золотая как солнце и белая словно снег; она поднесла Эомеру полную до краев чашу.

И встал менестрель, и поднялся на учитель преданий: они назвали все имена мустангримских властителей в должном порядке: Отрок Зорл, Брего, строитель дворца, Алдор, брат злосчастного Бальдора, Фреа и Фреавин, Голдвин, Деор и Грам, а тако ж и Хельм, укpывшийся в Хельмовом ушелье, когда враги заплонили Ристанию; его курган был последним из девяти на западе. И воспоследовал песенный перечень конунгов, похороненных с восточной стороны: Фреалаф, племянник Хельма, Леофа, Вальда, Фолька и Фольквин; Фенгел, Тенгел и сын его Теоден. Когда же был назван последний, Эомер осушил чашу и повелел виночерпиям чаши наполнить, и поднялись все, возгласивши:

— Живи и здравствуй, Эомер, конунг Мустангрима!

Под конец встал сам Эомер, молвив:

— Пиршество наше — погребальное, мы провожаем в последний путь конунга Теодена, но да озарится оно радостной вестью, и больше всех был бы рад ей покойный конунг, ибо сестру мою Эовин он любил как родную дочь. Слушайте ж, гости, доселе здесь небывалые, пришельцы из дальних краев! Фарамир, наместник Гондора, Владетель итилийский, просит руки Эовин, царевны Ристании, и она ничуть тому не противится. Итак, оглашаю их помолвку, все будьте свидетелями.

Фарамир и Эовин выступили вперед рука об руку, и зазвенели в честь их заздравные чаши.

— Ну что ж, — сказал Эомер, — теперь союз Ристании с Гондором скреплен заново, и я этому радуюсь больше всех.

— Не поспешил же ты, Эомер, — сказал Арагорн, — отдавая Гондору драгоценнейшее, что есть в твоём царстве!

А Эовин взглянула в глаза Арагорну и сказала:

— Пожелай мне счастья, Государь мой и мой исцелитель!

А он отвечал:

— Я желал тебе счастья с тех пор, как тебя увидел. Нынче же счастье твоё — великая отрада моему сердцу.

Закончилась тризна, и собрались в путь гости конунга Эомера. Уезжали Арагорн со своими витязями, эльфы Лориэна и Раздола; Фарамир и Имраиль

остались в Эдорасе; осталась и Арвен, распростившись с братьями. Как прощалась она с отцом, никто не видел: они ушли в горы и долго-долго беседовали, горько было их расставанье на веки вечные.

Перед самым отъездом Эовин с Эомером пришли к Мерри, и на прощанье было ему сказано:

— Счастливого тебе пути, Мериадок из Хоббитании, Виночерпий Мустангрима! Поскорее наведайся к нам, мы будем тебе рады!

И сказал Эомер:

— Соблюдая обычаи древности, надо было бы за твои подвиги на поле у Мундбурга так нагрузить твою повозку, чтобы ее лошади с места не стронули; но ты ведь не хочешь ничего взять, кроме оружия и доспехов, которые и так твои. Что ж, будь по-твоему, ибо я и вправду не знаю даров, тебя достойных. Но сестра все же просит тебя принять хотя бы это — в память о ратнике Держельме и о раскатах ристанийских рогов на том незабвенном рассвете.

И Эовин протянула Мерри древний серебряный рог на зеленой перевязи, маленький, но изукрашенный искусной резьбой: вереница скачущих всадников вилась от мундштука к раструбу и загадочные руны были начертаны на серебре.

— Это наше семейное сокровище, — сказала Эовин. — Работа гномов, из того, что награбил Ската — был такой дракон. Когда же его убили, наши и гномы поссорились за добычу. Рог этот привез с севера Отрок Эорл. Он нагоняет страх на врагов и веселит сердца друзей, и друзьям всюду слышен его призыв.

Мерри принял подарок: как было отказаться? — и поцеловал руку Эовин. Все трое обнялись и расстались в надежде на встречу.

* * *

Словом, все были готовы: выпили прощальные чаши, выслушали добрые напутствия, да и сами не остались в долгу. Гости отправились к Хельмову ущелью и там отдыхали два дня. Леголас что обещал Гимли, то и исполнил — пошел с ним в Блισταющие Пещеры; по возвращении эльф помалкивал, сказал только, что пусть говорит Гимли, у него слова найдутся.

— Уж в словесной-то битве никогда еще гном не побеждал эльфа, это первый раз, — добавил он. — Ну ладно, вот попадем в Фангорн, авось сравняемся!

Из Ущельного излога они выехали к Изенгарду и увидели, как поработали онты. Стены они все снесли, камни убрали, и был внутри Изенгарда пышный фруктовый сад, бежала сквозь него быстрая река, а посреди сияло озеро, и в нем отражалась башня Ортханка в своей нерушимой чернокаменной броне.

Путники немного посидели на месте прежних изенгардских ворот; там, будто часовые, стояли два высоких дерева, а за ними открывалась зеленая аллея к Ортханку; они смотрели и дивились, как много можно сделать за недолгое время, и ни живой души рядом не было. Однако же скоро послышалось: «Кгум-кгум, кхум-кхум!» — и в аллее появился Древень, а рядом с ним Скорошень.

— Привет гостям Ортханкского Сада! — молвил он. — Мне сказали, что вы тут неподалеку объявились, но я работал в долине, много еще работы. Вы там, правда, как я слышал, на юге и на востоке тоже не дремали, хорошо поработали, очень даже хорошо.

И Древень похвалил их, обстоятельно перечислив все происшествия: он, оказывается, обо всем знал. Наконец он замолк и долго смотрел на Гэндальфа.

— Ну, ну, — сказал он, — говорил же я, что ты из магов маг. Славно ты потрудился — и под конец одолел Врага. Теперь-то куда едешь? И сюда с чем заглянул?

— Заглянул посмотреть, что ты поделываешь, друг мой, — сказал Гэндальф, — и еще затем, чтобы вас поблагодарить. Без вас бы нам не справиться.

— Кгум, ну что же, оно, пожалуй, верно, — подтвердил Древень, — онты, и то сказать, лицом в грязь не ударили. Насчет этого, кгум, древоубийцы, который торчал здесь в башне, — само собой. Тут ведь еще набежали, числа им не было, *бурарум*, эти, как их, подлогазые-косорукие-кривоногие-жесткосердные-озверелые-непотребные-кровожадные, *моримайте-синкахонда*, кгум, ну, вы народ торопливый, а их длинное имя выросло за долгие годы мучений, какие мы претерпели от этих, по-вашему, просто мерзостных орков; так вот, пришли они из-за Реки, и с севера, и отовсюду вокруг Лаурелиндоренана, туда-то они не могли, слава Вышним, пробраться.

И он поклонился Владыке и Владычице Лориэна.

— Вот, значит, они, гнусь такая, очень удивились, что мы здесь, они про нас даже и не слышали, хотя про нас и всякий хороший народ тоже не слышал. А эти нас едва ли запомнят, живых-то немного осталось, а какие остались, те потонули в Реке — большей частью. Но вам-то повезло, потому что, не будь нас здесь, степной царь-конунг недалеко бы уехал, а уехал бы — возвращаться было бы некуда.

— Что другое, а это мы знаем, — сказал Арагорн, — и никогда не забудем этого ни в Минас-Тирите, ни в Эдорасе.

— Ну, *никогда* — это слово длинное даже для меня, — отозвался Древень. — Ты хочешь сказать — до тех пор, покуда пребудут ваши царства, но жизнь онтов куда дольше.

— Начинается новая жизнь, — сказал Гэндальф, — теперь и такое может случиться, что царства людские переживут тебя, друг мой Фангорн. Ты мне лучше вот что скажи: помнишь, о чем я тебя просил? Саруман-то что? Ортханк ему не надоел? Вряд ли ему нравится глядеть из окон, что ты тут устраиваешь.

Древень хитро посмотрел на Гэндальфа; очень уж хитро, как показалось Мерри.

— Ага! — сказал он. — Я как раз и думаю — может, ты спросишь. Не надоел ли ему Ортханк? Еще как надоел, но не столько Ортханк, сколько мой голос. Кгуумм! Уж я его усовещивал — может, и длинно, если судить по-вашему.

— Как же он терпел? Ты, что ли, сам заходил в Ортханк? — спросил Гэндальф.

— Я-то? Кгу-ум, нет уж, я в Ортханк не заходил, — отозвался Древень. — Это он подходил к окну и слушал, откуда же ему еще было набраться новостей, хотя новости ему очень не нравились. Он их слушал в оба уха, и уж я позаботился, чтобы он все услышал. И прибавил к новостям много такого, что ему полезно послушать. Он чуть не на стену лез. Торопыга, что говорить. Оттого и сгинул.

— Я вот замечаю, друг мой Фангорн, что ты говоришь как бы невзначай в прошедшем времени: «слушал, лез, сгинул». Это как? Он что, умер?

— Да вроде бы пока что не умер, — сказал Древень. — Только вот нет его. Ну да, уже семь дней, как нет. Я его выпустил. От него мало что осталось, когда он уходил, а уж от этого его гаденыша — едва одна тень. Ты мне вот что, ты не говори мне, Гэндальф, что я, мол, обещался его стеречь. Обещал-то я обещал, но с тех пор мало ли что случилось. Он у меня до поры и сидел, чтобы чего не натворил. Ты-то лучше меня знаешь, что я пуще всего не люблю держать всякую живность взаперти, а нет надобности — так и не надо. Пускай себе змея ползает, коли в клыках у нее нет яду!

— Да, это ты, пожалуй, прав, — сказал Гэндальф, — только у этой змеи, боюсь, яд остался. Голос у него ядовитый, и ты, Древень, какой ни на есть мудрый, а поддался на его уговоры, он ведь знает, как тебе польстить. Ладно уж, нет его, с тем и пошел он к лешему. Только вот башня-то Ортханка все-таки принадлежит князю. Ну разве что она ему покамест не понадобится.

— Это мы посмотрим, — сказал Арагорн, — пусть онты и дальше здесь распоряжаются, лишь бы глядели за Ортханком: сюда никто не войдет?

— Заперта башня, — сказал Древень. — Я велел Саруману ее запереть и отдать мне ключи. Они у Скоростеня.

Скоростень склонился, точно дерево под ветром, и вручил Арагорну два черных узорчатых ключа на стальном кольце.

— Еще раз тебе спасибо, — сказал Арагорн, — и до свидания. Лес твой пусть растет мирно и пышно. А когда зарастет равнина, хватит тебе места к западу от гор, где ты, бывало, бродил.

Древень опечалился.

— Леса-то вырастут, — сказал он. — Вырастут, разрастутся. А онты — нет. Где у нас малыши?

— Зато ищи теперь за своими пределами, — сказал Арагорн. — Ведь края на востоке открыты, теперь тебе никто не мешает.

Но Древень грустно покачал головой.

— Далеконько туда идти, в незнакомые края, — сказал он. — И уж очень там много людей развелось! Заговорился я, правда, простите! Может, вы отдохнете, побудете у нас? Через Фангорн можно поехать — путь-то короче.

И он поглядел на Келеборна и Галадриэль.

Но, кроме Леголаса, все торопились домой — на юг или на запад.

— Ладно, Гимли, пошли! — сказал Леголас. — С позволения самого Фангорна я таки навещу все здешние низины и погляжу на деревья, каких нигде больше нет в Средиземье. И ты, Гимли, никуда не денешься, уговор дороже денег: сперва напрямик через Фангорн в Лихолесье, а там и до вас рукой подать.

Гимли согласился, хотя, похоже, без всякой радости.

— Ну, вот и конец нашему содружеству Хранителей! — сказал Арагорн. — И все же надеюсь, что вы не замедлите вернуться в наши края — и вернетесь с великой подмогой.

— Вернемся, ежели нас отпустят, — сказал Гимли. — Прощайте, стало быть, милые мои хоббиты! Сделайте одолжение, возвращайтесь домой целы и невредимы, а то что же мне из-за вас беспокоиться! Будет вам весточка, будьте уверены, да еще, глядишь, и увидимся; боюсь только, не все соберемся.

Древень попрощался со всеми поочередно и трижды поклонился Келеборну и Галадриэли — неторопливо поклонился и очень уважительно.

— Давно уж, давненько мы не виделись, стволы и камни не упомнят. Да

уж, — сказал он, — а *ванимар, ванималион ностари!* Оно вроде бы и грустно, что только под конец привелось свидеться. Да, весь мир нынче меняется: вода не та, земля другая да и воздух какой-то не такой. Ну ладно, повидались все-таки напоследок, а больше-то, наверно, и не увидимся.

— Пожалуй что и так, о Старейший, — отозвался Келеборн.

Но Галадриэль сказала:

— Нет, в теперешнем Средиземье мы не увидимся, пока не всплывут из морской пучины затонувшие земли Белерианда. А тогда, может статься, и встретим новую весну в ивняках Тасаринена. До нескорого свидания!

Мерри и Пин прощались со старым онтом последними, и он повеселел, глядя на них.

— Ну что, резвые мои малыши, — пророкотал он, — а не испить ли нам с вами водицы на дорожку?

— Мы с удовольствием, — в один голос сказали они, и Древень повел их в древесную сень, где стояла большая каменная корчага; он с краями наполнил три кубка, и хоббиты не спеша пили; пил и онт, не сводя с них огромных таинственных глаз.

— Вот, пожалуй, с вас и хватит, — лукаво заметил он. — Ишь ведь как выросли с прошлого-то раза!

Они рассмеялись и осушили кубки.

— Ладно, пока прощайте, — сказал Древень. — И если дойдет до вас какая молва про онтиц — пришлите мне весточку.

Он помахал всем своей ручицей и скрылся среди деревьев.

* * *

Теперь они поехали быстрее, направляясь к Вратам Ристании, и распрощались с Арагорном близ того места, где Пин сунул нос в ортханкский *палантир*. Хоббиты приуныли: сколько довелось им пройти с Арагорном, из скольких бед он их выручил!

— Эх, нам бы теперь палантир, чтоб видеться и разговаривать с далекими друзьями! — вздохнул Пин.

— Для этого годится только один, — сказал Арагорн. — В Зрячем камне Минас-Тирита ты ничего не углядишь, а что увидишь — не поймешь. Ортханкский же палантир нужен Государю, чтобы озирать свои владения и не терять из виду своих подданных. Ты, кстати, не забывай, Перегрин Крол, что ты — гондорский витязь. Даю тебе бессрочный отпуск, но в любой день могу снова призвать тебя в строй. И помните, дорогие мои друзья-хоббиты, что северные земли тоже мне подвластны и что раньше или позже я туда наведаюсь.

Затем Арагорн простился с Келеборном и Галадриэлью; и Владычица сказала ему.

— Эльфийский Берилл, мрак рассеялся, и все надежды твои сбылись. Живи же счастливо!

— Прощай, родич! — сказал Келеборн. — Да не постигнет тебя моя судьба, да пребудет царство твое в целостности и сохранности!

Час был вечерний, и когда они, отъехав с милю, обернулись, то увидели Государя Элессара и его витязей в лучах закатного солнца: червонным золотом сверкали сбруи и пламенела белая мантия Арагорна; он воздел руку, и ярким

прощальным блеском вспыхнул зеленый берилл.

* * *

Вслед за излучиной Изена они свернули на запад и выехали через Врата Ристании в Дунланд, на Сирые Равнины. Дунландцы разбежались и прятались при виде эльфов, хотя эльфы сюда забредали редко. Путники же на туземцев внимания не обращали: напасть не осмелятся, а припасов у них было вдоволь. Ехали они снова не спеша, разбивали шатры когда и где вздумается.

На шестой день после разлуки с Арагорном проезжали редколесье у западных подножий Мглистых гор. К закату выехали на опушку — и нагнали старика с посохом, в грязновато-белых, не то серых лохмотьях; за ним тащился другой нищеврод, стена и причитая.

— Да это ты, Саруман! — сказал Гэндальф. — Куда путь держишь?

— Тебе-то что? — отозвался тот. — Хочешь, как прежде, мне указывать, не нарадовался моей беде?

— Ответы сам знаешь, — сказал Гэндальф. — И указывать тебе не хочу, и беде твоей не радуюсь. Близится конец моим заботам: нынче обо всем печется Государь. Дождался бы ты его в Ортханке — удостоверился бы в его мудрости и милосердии.

— Хорошо хоть успел уйти вовремя, — сказал Саруман, — пусть подавится своей мудростью и милосердием. Так и быть, отвечу на твой вопрос: я выбираю из его государства.

— И опять ты избрал неверный путь, — заметил Гэндальф. — Эдак ты никуда не выберешься. Значит, помощь нашу ты отвергаешь? Ибо она тебе предлагается.

— Помощь? Мне? — процедил Саруман. — Нет уж, чем так улыбаться, ты лучше скалься. И Владычице я не верю: она всегда ненавидела меня и строила козни тебе на пользу. Да и сейчас, наверно, повела вас этим путем, чтобы любоваться на мое унижение. Знал бы я, что вы за мной гонитесь, не пришлось бы вам злорадствовать.

— Саруман, — сказала Галадриэль, — есть у нас дела и заботы поважнее, чем гоняться за тобой. Тебе просто-напросто повезло: в последний раз осенила тебя удача.

— Если и точно в последний, то я этому рад, — отозвался Саруман, — больше, стало быть, не осенит, вот и спасибо. Мои удачи все позади, а ваших мне не надо. Да и так ли уж вы удачливы? — И глаза его злобно засветились. — Езжайте, езжайте! — напутствовал он. — Я недаром был книжником столько долгих веков. Вы обречены, вы своими руками погубили себя. В скитаньях я буду тешиться мыслью, что, разрушив мой дом, вы низвергли свой собственный. И что же это будет за корабль, который унесет вас в безбрежный океан? — ядовито спросил он. — Это будет серый корабль, полный призраков. — И он разразился скрипучим, зловецким смехом. — Вставай, дурак! — крикнул он своему спутнику, который съездившись сидел на земле, и ударил его посохом. — Пошевеливайся! Нам с этой знатью не по пути, придется сворачивать. Живей, а то ни корки хлеба не дам на ужин!

Сгорбленный нищий с кряхтеньем поднялся на ноги, хныча:

— Бедный, бедный старый Грима! Бьют его и ругают, ругают и бьют. Да

будь он проклят! Ох, как же мне уйти от него!

— Уходи — и все тут! — сказал Гэндальф.

Но Гнилоуст вскинул на Гэндальфа выцветшие глаза, вздрогнул от ужаса и заковылял вслед за Саруманом. Возле хоббитов Саруман остановился и ненавистно поглядел на них; те глядели жалостливо.

— Ах, и мелюзга тоже явилась потешаться над нищим! — сказал он. — А может, милостыньку подадите? Вон какие вы сытенькие, разодетые, все-то у вас есть, и отменного табачку небось тоже хватает. Знаем, знаем, откуда он у вас. Отсыпьте щепотку бедняге нищевроду, а?

— Я бы с радостью, но у меня нет, — сказал Фродо.

— Погоди-ка, — сказал Мерри, — у меня немного осталось, возьми вот. — Он спешился, пошарил в седельной сумке и протянул Саруману кожаный кисет. — Сколько там есть, все твое. Кури на здоровье — это с развалин Изенгарда!

— Мой это, мой табак, за него уплачено с лихвой! — воскликнул Саруман, хватая кисет. — Всего лишь подачка — уж вы там, конечно, награбились всласть. Что ж, спасибо и на том: вор, как говорится, на возврат не тороват. Поделом же вам будет, когда в Южном уделе вы увидите то, что увидите! Да поразит ваши земли табачный недород на многие годы!

— Спасибо на добром слове! — сказал Мерри. — Только уж тогда изволь вернуть кисет, он не твой, я протаскал его за тридевять земель. Пересыпь зелье в свою тряпицу!

— Вор на вора наскочил, — сказал Саруман, повернулся спиной к Мерри, пнул Гнилоуста и направился в лес.

— Ничего себе! — сказал Пин. — Оказывается, мы же и воры! А что нас подстерегли, изувечили и протащили по всей Ристании — это как?

— Да-а! — заметил Сэм. — *Уплачено*, он сказал. С какой это лихвой, хотел бы я знать? И совсем уж мне не по нутру его обещанье насчет Южного удела. Ох, пора нам возвращаться.

— Еще бы не пора, — сказал Фродо. — Однако ж не раньше, чем повидаемся с Бильбо. Будь что будет, а я все-таки сперва съезжу в Раздол.

— И правильно сделаешь, — сказал Гэндальф. — Да, а Саруман, похоже, увы, уж ни на что доброе не годится: сгнил на корню. Только, боюсь, Древень ошибся: как-нибудь напакостить он еще вполне в силах.

На другой день выехали на безлюдные, пышно заросшие долины северного Дунланда. Подступил сентябрь: дни золотились, серебрились ночи, и засверкала перед ними река Лебедянь у старинной переправы к востоку от водопадов, обрушивавших поток в низины. Далеко на западе сквозь дымку виднелись заводы и островки; река вилась, вилась и сливалась с Сероструем — там, в необъятных зарослях камыша, гнездились лебединые стаи.

Они заночевали на невысоком холме; просиял рассвет, и взорам их открылась отуманенная Остранна, а на востоке утреннее солнце озарило заоблачные вершины Карадраса, Келебдора и Фануиндхола. Неподалеку были Ворота Мории.

Здесь они задержались на неделю, растягивая еще одно печальное расставание: Келеборну и Галадриэли со свитой пора было сворачивать на восток, к Багровым Воротам, Черноречному Каскаду и Серебрянке — в Лориэн. Они возвращались западным, кружным путем, чтобы наговориться с Гэндальфом и

Элрондом, и казалось, не будет конца их беседе. Хоббиты видели десятый сон, а они сидели под звездным небом и вспоминали минувшие века, бывшие радости и невзгоды или же обсуждали грядущее. Если бы случился тут путник, он бы ничего не увидел и не услышал: разве что заметил бы серые изваянья, памятники былых времен, затерянные в необитаемой земле. Ибо они были недвижимы и безмолвны, не отягощенные словами думы их сливались воедино, и глаза то излучали, то отражали тихое сиянье.

Но наконец все было сказано, и они снова расстались — до той недалекой поры, как выпадет срок Трех Эльфийских Колец. Владыки Лориэна и свита их в серых плащах поехали к горному склону, мешаясь с тенями, исчезая среди камней. Остальные же, чей путь лежал в Раздол, сидели на холме и смотрели им вслед — в густеющем тумане вспыхнула звезда, и мгла сомкнулась. Фродо понял: это Галадриэль помахала рукой им на прощанье.

Сэм отвернулся и вздохнул:

— Эх, кабы еще разок побывать в Лориэне!

Долго ли, коротко ли, но однажды вечером въехали они на вересковое всхолмье — и вдруг, как всегда неожиданно, увидели далеко внизу, в долине, светящийся дворец Элронда. Они спустились, проехали по мосту к воротам — и дворец засиял, и зазвенели приветственные песни.

Прежде всего, не поевши, не умывшись и даже не сняв плащей, хоббиты кинулись искать Бильбо — и нашли его в собственной комнатухе, замусоренной бумажным хламом, обломками перьев и огрызками карандашей. Сам он сидел в сторонке, в кресле у пылающего камина. Он был старей-престарей, очень спокойный и сонный.

Когда они ввалились, Бильбо поднял голову и приоткрыл глаза.

— А, привет, привет! — сказал он. — Уже вернулись? Между прочим, завтра мой день рождения. Здорово вы подгадали! А знаете ли, что мне стукнет сто двадцать девять? Ежели еще годок протяну, сравняюсь со Старым Кролом. Хорошо бы оставить его, ну, поживем — увидим.

Отпраздновали день рождения, и четверо хоббитов до поры до времени остались в Раздоле. День за днем просиживали они в комнатухе Бильбо, откуда он спускался лишь ради трапезы. На этот счет он был точен как часы: сон слетал с него мгновенно. Рассевшись у камина, они по очереди повествовали ему о своих странствиях и приключениях. Сперва он притворялся, будто записывает, но то и дело начинал клевать носом, а очнувшись, говорил:

— Ну и чудеса! Даже не верится! Про что бишь вы рассказывали?

Они припоминали, на каком месте он заснул, и рассказ повторялся. Не пришлось повторять только рассказ о коронации и свадьбе Арагорна: это он выслушал, не смыкая глаз.

— Ну, меня, конечно, чуть не силком тащили на эту свадьбу, — сказал он. — И я ее давно дожидался. Но как нарочно — впору выезжать, а тут дела, дела, бросай все, поди укладывайся, нет уж.

Прошло недели две, Фродо, взглянув поутру в окошко, увидел, что ночью был мороз: паутинки осеребрились. Стало быть, время ехать, надо прощаться с Бильбо. После дивного, невиданного лета наступила тихая и ясная осень, но в октябре все равно хлынут дожди и задуют ветры. А от Раздола до Хоббита-

нии путь не близкий. Да и не в погоде, конечно, было дело: просто он вдруг почувал, что больше медлить никак нельзя. Сэм тоже растревожился, как раз накануне он сказал:

— Вот ведь, сударь, где мы только не побывали, всякого навидались, а здесь все равно какое-то главное, что ли, место. Тут всего, понимаете, есть понемногу: и тебе Хоббитания, и Златолесье, и Гондор с княжескими дворцами, гостиницами, лугами, полями и горами — словом, чего душа пожелает. И все-таки не пора ли нам отсюда, а? По правде говоря, Жихарь мой у меня, хоть ты что, из головы нейдет.

— Да, Сэм, всего-всего здесь есть понемногу, только нет Моря, — отвечал Фродо и повторил про себя: «Только Моря нет».

В тот день Фродо переговорил с Элрондом, и решено было, что они отправятся в путь наутро. И Гэндальф сказал, им на радость:

— Поеду-ка я с вами, хотя бы до Пригорья: мне с Наркиссом надо повидаться.

На ночь глядя они пошли прощаться с Бильбо.

— Ну, раз надо, так надо, — сказал он. — Жаль, конечно: тоскливо мне будет без вас, я уж привык, что вы тут неподалеку. Но что-то меня все время в сон клонит.

И он подарил Фродо свою мифрильную кольчугу и Терн, забыв, что он их давно уж ему подарил, а потом отдал ему на придачу три книги преданий и песен, плод многолетнего труда; листы были тесно исписаны его мелким почерком, и на малиновых обложках красовались ярлыки: «Перевод с эльфийского Б. Т.». Сэму он вручил мешочек с золотом.

— Едва ли не все, что осталось из-под Смауга, — сказал он. — Коли жениться надумаешь — вот оно и кстати.

Сэм покраснел.

— А вам, голубчикам, мне подарить нечего, — обратился Бильбо к Мерри и Пину. — Примите-ка в подарок добрый совет.

Добрых советов он надавал кучу с лишним и завершил свою долгую речь по-хоббитски.

— Вы только не очень-то высывайтесь, а то, чего доброго, получите по носу! И растете вы чересчур: больно дорого вам станет обуваться-одеваться.

— Сам-то ты решил ведь обогнать Старого Крола, — сказал Пин. — Вот и мы хотим натянуть нос Бандобрасу Быкобору.

Бильбо рассмеялся и вынул из кармана две тонко расписанные по серебру трубки с жемчужными мундштуками.

— Эльфийская работа, но я же теперь не курю, — вздохнул он. — Как затынетесь, вспоминайте обо мне! — Он отдал трубки, клюнул носом, а проснувшись, спросил: — Так мы о чем? А, ну да, мы раздаем подарки. Кстати же сказать, Фродо: помнится, я тебе подарил колечко, оно как?

— Бильбо, милый, я его, прости, потерял, — сказал Фродо. — Вернее сказать, избавился от него.

— Это жалко! — сказал Бильбо. — Я бы на него, пожалуй, взглянул разок-другой. Хотя нет, что же я путаю! Ты ведь затем и пошел, чтоб от него избавиться, верно или неверно? Спуталась тут, такая вообще каша: и тебе Арагорн со всем прочим, и Светлый Совет, Гондор, конники, хородримцы, вастаки, олифанты — да, Сэм, ты не врешь, правда одного такого видел? — пещеры,

башни, золотые деревья, у кого хочешь голова пойдет кругом.

Да, видать, я как-то уж совсем напрямиком вернулся. А все Гэндальф, он мог бы мне показать то да се. Правда, ежели бы я задержался, не поспел бы к распродаже — вот бы уж натерпелся. Ну, теперь-то что: сиди да слушай вас в свое удовольствие, как вы тоже не осрамитесь. Камелек горит и греет, кормят очень-очень вкусно, и эльфы в случае чего тут как тут. А что мне еще надо?

*От самых от дверей ведет
Дорога вдаль и вдаль.
Но кто по ней куда пойдет
И кто куда когда придет —
Уж не моя печаль.*

*Кто хочет, пусть выходит в путь —
Зовет его закат.
А мне пора с пути свернуть,
Пора в трактире отдохнуть,
Соснуть у камелька.*

Последние слова Бильбо не то что пропел, а просто пробормотал, уронил голову на грудь и крепко заснул.

Стуцались вечерние сумерки, все ярче пылал камин; они смотрели на уснувшего Бильбо, на его спокойную улыбку. Сэм окинул взглядом комнату, поглядел, как тени пляшут по стенам, и тихо сказал:

— Ох, господин Фродо, не больно-то он много написал с тех самых пор. И нашу повесть вряд ли напишет.

Бильбо приоткрыл один глаз, будто услышал, и поудобней уселся в кресле.

— Ну так-таки клонит и клонит в сон, — сказал он. — А уж ежели писать, так писать стихи, что ли. Фродо, друг ты мой любезный, ты как, не откажешься немножко навести у меня порядок? Ну, прибери бумажки, заметки, дневник мой и, пожалуй что, возьми-ка ты все это с собой, а? У меня, понимаешь, как-то не было времени разобраться. Сэм тебе поможет, как сумеет, а ежели что получится, приезжай, я прогляжу. Придираться, честное слово, не буду.

— Конечно же! — сказал Фродо. — И, само собой, скоро вернусь: нынче это не путь, а прогулка. Государь позаботится, при нем все дороги станут безопасны.

— Вот и спасибо тебе, милый ты мой! — сказал Бильбо. — Облегчил ты мою душу.

И немедля заснул крепче прежнего.

На другой день Гэндальф и хоббиты прощались с Бильбо у него в комнате: на холод он выходить не хотел; потом попрощались с Элрондом и со всеми его домочадцами.

Когда Фродо стоял на пороге, Элронд пожелал ему счастливого пути и тихо сказал после напутствия:

— Тебе, Фродо, наверно, незачем сюда возвращаться, разве что не сегодня завтра. А в это самое время года, когда золотые листья еще не опадают, встретишь Бильбо в лесах Хоббитании. И я с ним буду.

Таковы были прощальные слова Элронда, и один Фродо их услышал и за-

ПОМНИЛ.

Глава VII Домой

Теперь их путь лежал напрямик на запад, через Пригорье в Хоббитанию. Им не терпелось снова увидеть родные края, но ехали поначалу медленно: Фродо занемог. У Бруиненской переправы он застыл как вкопанный, и глаза его мертвенно потускнели. За этот день он не сказал ни слова; было шестое октября.

— Плохо тебе, Фродо? — тихо спросил Гэндальф, подъехав к нему.

— Да, плоховато, — отозвался Фродо. — Раненое плечо онемело, и кругом точно смерклося. Нынче с тех пор ровно год.

— Увы, иную рану можно залечить, но не исцелить, — вздохнул Гэндальф.

— Моя, наверно, из таких, — сказал Фродо. — Боюсь, для меня нет возврата: доберусь до Хоббитании, а она совсем другая, потому что я уже не тот. Я отравлен и изувечен: клинок назгула, жало Шелоб, зубы Горлума... и меня изнурило тяжкое, неизбывное бремя. Где ж найду я покой?

Гэндальф промолчал.

А назавтра к вечеру боль унялась, тоска отступила, и Фродо стал опять весел, будто и вовсе забыл о давешнем черном удушье. Незаметно летели дни; они подолгу отдыхали в лесах, разубранных поредевшей багряно-желтой листвой, пронизанных осенним солнцем. Наконец подъехали к Заверти; вечерело, и черная тень горы, казалось, преграждала путь. Фродо попросил их поторопиться и, не взглянув на гору, проскакал сквозь тень, опустив голову и закутавшись в плащ. В эту ночь погода изменилась: налетел холодный и буйный западный ветер с дождем и желтые листья метались вокруг, как стаи встревоженных птиц. А в Четборе деревья уж почти оголились, и Пригорье заслонила мутная дождевая завеса.

Сыро и ветрено было вечером двадцать восьмого октября, когда пятеро путников въехали по косогору к Южным Воротам Пригорья. Ворота были накрепко заперты, дождь хлестал в лицо, и хмурилось из-под плывущих туч низкое серое небо. Хоббиты слегка приуныли: все-таки не заслужили они такой уж неприветливой встречи.

Кричали, стучали — наконец вышел привратник со здоровенной дубиной. Он опасливо, подозрительно присматривался к ним; потом разглядел Гэндальфа и признал в его спутниках хоббитов — правда, каких-то диковинных. Тогда он просветлел и кинулся отпирать ворота.

— Заезжайте, заезжайте! — сказал он. — Новостей у вас, конечно, куча, у нас тоже, словцом бы перекинуться, да куда там: холодно, льет, собачья, вообще, погода. Вот Лаврик — это уж само собой — приютит вас в «Гарцующем пони», там обо всем расскажете и наслушаетесь.

— А ты зайдешь туда попозже, узнаешь все скопом и кучу сверх того, так, что ли? — рассмеялся Гэндальф. — Как там у вас поживает Горри?

Привратник насупился.

— Горри у нас не поживает, — буркнул он. — Вы Лавра спросите, он вам обо всем расскажет. Словом, добрый вечер!

— Тебе того же! — пожелали они, проезжая, и заметили, что за оградой у

дороги построили длинный сарай. Оттуда выходили люди — набралась целая толпа — и глазели на них из-за забора. Проехали мимо дома Бита Осинника: вся изгородь заросла и порушилась, окна заколочены.

— Ты что же, Сэм, так-таки и укукошил его тогда огрызком яблока? — поинтересовался Пин.

— Да нет, господин Перегрин, это, как бы сказать, вряд ли, — задумчиво произнес Сэм. — Небось живехонек; а вот как-то моя лошадушка, мой поник. Надо же ведь, сбежал. И как не сбежать: волки воют, а жить охота...

Подъехали к крыльцу «Гарцующего пони» — а там вроде бы все было как всегда, и светились нижние окна из-за багровых штор. Они подергали звонок, дверь приотворилась, выглянул Ноб, увидел их под фонарем и заорал:

— Господин Наркисс! Сударь! Они воротились!

— Ах, воротились? Ну, я им сейчас покажу! — Это послышался голос Наркисса, и сам он тут же появился с дубинкой в руке. Но, увидевши их, застыл, и яростная гримаса на лице его сменилась изумленным восторгом. — Ах ты, Ноб, ах ты, дуралей шерстолапый! — крикнул он. — Ты что, старых друзей не узнаешь, не называешь? Всполошил меня без толку, олух, а сам знаешь, какие нынче времена! Батюшки, ну и ну! И откуда же вы такие? Да я уж с вами навсегда распрощался, хорошенькое дело, ушли в пустошь с Бродяжником, ай да ай, а кругом, понимаешь ли, всякие Черные рыщут. Ну как же я рад вас всех видеть, и Гэндальфа в особицу. Да заходите же, заходите! Комнаты что, те же самые? Свободны ваши комнаты; да и то сказать, все почти комнаты нынче свободны, чего уж там, сами увидите. Насчет ужина сейчас постараемся, мигом, только вот у меня с прислугой-то нынче... Эй ты, Ноб-телепень! Скажи Бобу... ну да, забыл, Боб теперь со своими ночует на всякий случай. Одним словом, Ноб, эй ты, чтобы развели лошадей по стойлам: ну да, ты-то, Гэндальф, своего сам отведешь, а то кого он послушается. Красавец, я тогда еще говорил, что какой красавец, да вы заходите! Заходите и будьте как дома!

Наркисс вроде бы и сыпал словами по-прежнему, и так же деловито суетился. Однако же постояльцев у него, может, и совсем не было, тишина несуразная; только из Общей залы доносились немногие приглушенные голоса. Лавр нес две свечи, и виднелось его лицо — увядшее и угрюмое, не то что прежде.

Они шли за ним по коридору к тем комнатам, что занимали в страшную ночь год с лишним назад. Им было грустно: старина Лавр недоговаривал, а дела-то у него, видно, шли плоховато. Но они пока что помалкивали, ждали, что будет дальше.

И дождались: господин Наркисс собственной персоной явился к ним после ужина проверить, все ли хорошо. А все было очень даже неплохо: как там дела ни шли, а пиво и съестное в «Пони» хуже не стали.

— Нынче вечером в Общую залу я вас, само собой разумеется, не буду приглашать, — сказал он. — Вы же устали, а там и народу-то сегодня совсем немного — бывает. Но коли вы мне уделите бы с полчаса перед сном, ну так, для разговору, оно бы и неплохо, да и заснется лучше.

— Вот-вот, — сказал Гэндальф, — тебя-то мы и ждали. За нас не волнуйся, мы не так чтоб уж слишком утомились, потихоньку ехали. Правда, промокли, продрогли и проголодались, но это, спасибо тебе, позади. Присаживайся! Нам бы немного трубочного зелья, мы бы тебя расцеловали.

— С чем плохо, с тем плохо, — причмокнул Наркисс. — Большая нехватка, у нас теперь только и есть, что сами растим, а это пустяк пустяком. Из Хоббитании нынче ни тебе листика. Ну, я уж покопаюсь в закромах-то, авось найдет-ся.

Нашлась пачка неразрезанного табака, пятерым курильщикам на день-два.

— Южнолинчский, — сказал Наркисс. — Это у нас самый лучший, но куда ему до южноудельского, я и всегда так говорил, хотя вообще-то Пригорье ничуть не хуже Хоббитании, я, конечно, извиняюсь.

Его усадили в большое кресло у камина, Гэндальф сел напротив, а хоббиты между ними на табуреточках. Разговаривали они отнюдь не полчаса, и уж новостей господину Наркиссу хватило с избытком; впрочем, и он в долгу не остался. От их рассказов Лавр попросту опешил: ни о чем подобном он в жизни не слыхивал и лишь твердил как заклинание: «Да не может быть!» — на разные лады.

— Да что вы говорите, господин Торбинс — или, простите, господин Накручинс? Все-то у меня в голове перекру... перепуталось. Да вы шутить изволите, господин Гэндальф? Батюшки-светы, ушам не верю! И это в наши-то времена? Ай-яй-яй!

Наконец настал его черед: ему тоже было о чем порассказать. Оказывается, хозяйничал он с горем пополам — да что там, честно говоря, все из рук вон плохо.

— К Пригорью никто нынче и близко не подъезжает, — сказал он. — А пригоряне сидят по домам, замкнувши ворота на двойные запоры. А все почему: все из-за тех чужаков, из-за отребья, которое — может, помните? — понабежало в Пригорье Неторным Путем год назад. Потом их стало как собак нерезанных. Всякие там были, конечно, были и бедолаги обездоленные, но все больше народ опасный, ворье и головорезы. И ведь у нас в Пригорье — это у нас-то в Пригорье! — поверите ли, до драки дошло. Честное, скажу вам, слово, дрались не по-здешнему, а сколько народу убили, и убили до смерти. Да вы же мне не поверите!

— Поверю, поверю, — сказал Гэндальф. — Много ли народу погибло?

— Трое и двое, — отвечал Наркисс, разумея отдельно людей и хоббитов. — Убили беднягу Мэта Бересклета, Разли Яблочка и коротыша Тама Деловика из-за Горы, а заодно, представьте себе, Вилла Горби с дальних склонов и даже одного Накручинса с Пажитей — вот такие были мужики, очень их не хватает. А Бит Осинник и Горри Козельник, который стерег Западные Ворота, — эти переметнулись и с теми убежали: скажу вам по секрету, они-то их наверняка и впустили. В смысле когда была драка, в ту ночь. Потому что им еще раньше было сказано: давай отсюда — и пинка на прощанье, ну как то есть раньше, еще до Нового года, а драка была, точно говорю, в новом году, как раз снегу навалило.

Ну и пусть бы их, ладно, живут себе и живут с лиходеями, где там они живут — в Арчете или в северной пустоши. Прямо как не сейчас, а тыщу лет назад, расскажи — не поверят. В общем, по дороге не проедешь ни туда, ни сюда, и все на всякий случай спозаранку запираются. А вдоль ограды, конечно, ходят сторожа, и возле ворот стоят заставы — это по ночам-то.

— Скажите пожалуйста, а нас никто не тронул, — удивился Пин. — И ехали мы медленно, и не остерегались. Ничего себе, а мы-то думали, что все безобра-

зия позади.

— Ох, господин Перегрин, не позади они, а впереди, — вздохнул Наркисс, — вот ведь беда-то. Это, знаете, немудрено, что они к вам не подступились. Еще бы: тут тебе и мечи, шлемы, и щиты, и вообще. Впору бежать да прятаться: я и то малость струхнул, как вас увидел.

Так вот оно что! Дивятся-то вовсе не чудесному их возвращению, а их диковинному виду. Сами они привыкли к воинам в ратном доспехе, и невдомек им было, что из-под их плащей сверкали кольчуги, на головах были причудливые гондорские и ристанийские шлемы, щиты украшены яркими гербами и что у себя дома они выглядели опасными чужестранцами. А тут еще Гэндальф в белом облачении и шитой серебром синей мантии, с длинным мечом Ярристом у бедра, верхом на огромном сером коне.

Гэндальф рассмеялся.

— Ну-ну, — сказал он, — если они попрытались от нас пятерых, то видывали мы врагов и пострашнее. Стало быть, нынче-то ночью можете спать спокойно.

— Да вы же сегодня здесь, а завтра там, — вздохнул Наркисс. — Чего ж бы, конечно, лучше, коли б вы у нас погостили. Мы ведь к таким делам непривычные; опять-таки, говорят, и Следопыты эти все куда-то подевались. Правду сказать, в долгу мы перед ними, зря языки чесали. Да и не только грабители нас донимают: с ними мы бы еще, может, как-нибудь управились. Волки зимой завывали у самой ограды. А в лесах завелись какие-то черные твари, привиденья не привиденья, про них и подумать-то страшно, аж зубы клацают. Короче, живем лучше некуда, извините за прямоту.

— Да, хорошего мало, — согласился Гэндальф. — В этот год в Средиземье едва ли не всем худо пришлось. Но теперь прочь унынье, Лавр! Общая беда вас лишь краем задела, и я очень рад, что не прихлопнула, а могла. Настают, однако же, иные, добрые времена — таких, может стать, ты и не упомнишь. Следопыты возвратились, мы ехали вместе с ними. Главное же, любезный мой Лавр, — Государь вернулся на трон, и он вас в обиду не даст, скоро сам увидишь. Скоро Неторный Путь станет торным, поскачут гонцы во все концы, а уж на север тем более, в Глухомани изведут нечисть, да и самой Глухомани не будет, распашут ее пришельцы.

Наркисс недоверчиво покачал головой.

— Проезжих побольше — это я не против, ежели приличный народ, — сказал он. — Только всякого там разбойного сброда с нас хватит. И вообще чужакам нечего ни в Пригорье соваться, ни возле Пригорья болтаться. Нам лишь бы жить не мешали. А то, знаете, набегут невесть какие невесть откуда, начнут — да не селиться, шляться будут, и Глухомань-то всю загадят.

— Не тревожься, Лавр, жить вам не помешают, — сказал Гэндальф. — От Изена до Сероструя, от Брендидуима до юго-западных побережий могут расселиться целые народы, и все равно ближние к вам селенья будут за несколько суток езды. И за сотню миль отсюда к северу, там, где нынче совсем заглох Неторный Путь, прежде много жило людей — и на Северном Нагорье, и на берегах Тусклоозера.

— Это где же, у Покойницкой Гати, что ли? — еще недоверчивее спросил Наркисс. — Да там, говорят, кругом привиденья. Разбойник и тот забрести туда побоится.

— Следопыты не боятся туда забредать, — сказал Гэндальф. — Покойницкая Гать, говоришь? Да, я знаю, давненько так именуются у вас тамошние развалины; а на самом деле, Лавр, это Форност-Эраин, Северн Великокняжеский. И недалек тот день, когда нынешний Государь отправится туда, чтобы воздвигнуть заново древнюю столицу Арнора. Ну и пышная же свита проедет через Пригорье!

— А что, оно, пожалуй бы, и неплохо, — заколебался господин Наркисс. — Может, и дела чуток поправятся. Если только он, этот ваш Государь, не станет наводить в Пригорье свои порядки.

— Не станет, — пообещал Гэндальф. — Ему и ваши порядки сгодятся.

— Ну да? — озадаченно усомнился Наркисс. — Хотя и то сказать, что ему наши порядки: сидит себе сотни за три миль от нас на высоком троне в огромном замке и попивает вино — из золотой небось чаши. Какое ему дело до моего «Пони» или до моего пива? Кстати скажу, пиво-то у меня хорошее, еще даже лучше прежнего, над ним Гэндальф прошлой осенью поколдовал, и с тех пор все пьют не нахвалятся. Уж такое спасибо, уж такое утешенье!

— Ишь ты, даже лучше прежнего, — заметил Сэм. — А он-то говорит, у вас пиво всегда было отличное.

— Кто говорит, Государь?

— Он самый. Бродяжник, главарь Следопытов. А до вас это разве еще не дошло?

Тут наконец дошло: на широком лице господина Наркисса изобразилось несказанное изумление — глаза округлились, рот разинулся до ушей, и он крякнул.

— Бродяжник, ну и ну! — выговорил он, когда снова обрел речь. — На троне, в короне и с золотой чашей! Батюшки, это что ж теперь будет?

— В Пригорье-то уж точно будет даже лучше, чем было, — сказал Гэндальф.

— Да вроде бы так, будем надеяться, — более или менее согласился Наркисс. — Ну что, хорошо поговорили, давным-предавном не случилось мне вести такой приятной беседы. Теперь в самый раз соснуть, тем более, прямо скажу, будто у меня от сердца чуть-чуть отлегло. Надо, конечно, головой как следует подумать, но это уж я утром, на свежую голову. Словом, кто куда, а я спать, да и вам, поди, давно уж пора на боковую. Эй, Ноб! — крикнул он, приоткрыв дверь. — Эй ты, Ноб-телепень! Эй, Ноб! — снова крикнул он и вдруг хлопнул себя по лбу. — Что-то я вроде вспомнил, только забыл что.

— Может, снова письмо какое забыли отдать, господин Наркисс? — лукаво осведомился Мерри.

— Посовеститесь, господин Брендизайк, нашли что вспоминать! Ну вот, сбили вы меня. О чем бишь я? Ноб, на конюшню, ага! Мне чужого не надо, а что ваше, то ваше. Помните — лошадей свели, а вы купили пони у Бита Осинника, помните? Так здесь он, ваш пони, сам собой прибежал, а уж откуда — это вы лучше моего знаете. Лохматый был, что твой бродячий пес, и тощий, как вешалка, но живехонек. Ноб его выходил.

— Ну да? Мой Билл! — закричал Сэм. — Эх и везучий же я, что там Жихарь ни говори! Раз-два, и еще одно желание исполнилось. Да где же он?

И Сэм лег спать не раньше, чем наговорился в конюшне с Биллом.

В Пригорье они на денек задержались, и уж вечером-то у господина Нар-

кисса дела шли как нельзя лучше. Любопытство превозмогло все страхи, и в Общей зале яблоку негде было упасть. По долгу учтивости вышли туда и наши хоббиты; их, разумеется, закидали вопросами. Народ в Пригорье был памятный, и все наперебой интересовались, написал ли Фродо обещанную книгу.

— Еще нет, — отвечал он. — Но заметок набралась уйма, вот вернусь домой, разберусь.

Он пообещал непременно описать удивительные события в Пригорье, чтоб книга была поживее, а то что там, подумаешь, какие-то дальние, маловажные, южные дела, скукота!

Потом кто-то из молодых попросил приезжих что-нибудь спеть, но тут гомон мигом стих, и на него цыкнули: мол, на этот раз уж как-нибудь обойдемся в нашей Общей зале без чародейских штук!

День прошел спокойно, ночью было тихо, и рано утром они собрались в дорогу: погода стояла по-прежнему дождливая, к ночи хорошо бы приехать в Хоббитанию, а путь лежал неблизкий.

Гостей провожали всем скопом, и впервые за год пригоряне повеселели; изумленно замирали те, кто еще не видел наших путников в походном снаряжении: Гэндальфа с пушистой длинной белой бородой, который словно светился, и синяя мантия его казалась облаком в солнечных лучах; и четырех хоббитов, похожих на витязей-странников из полузабытых сказаний. Накануне многие посмеивались, слушая байки про нового Государя, но теперь им подумалось, что, пожалуй, нет дыма без огня.

— Ну что ж, дорога, как говорится, вам скатертью, счастливо до дому добраться! — напутствовал их господин Наркисс. — Забыл сказать, ходят слухи, будто и в Хоббитании не все ладно, чего-то там творится не разбери-поймешь. Знаете ведь: своя беда чужую из головы гонит. Уж не взыщите, тем более вы, с вашего позволения, вернулись совсем не такие, какими уехали, и, похоже, в случае чего сумеете за себя постоять. Вы там как пить дать порядок наведете. Еще раз доброго пути! Наезжайте почаще — здесь вам всегда будут рады!

Распрощались, поехали, миновали Западные Ворота и оказались на дороге в Хоббитанию. Пони Билл трусил с очень довольным видом возле Сэма, даром что нагружен был, как и в тот раз, изрядно.

— Что же такое стряслось в Хоббитании, на что намекал Наркисс? — задумчиво проговорил Фродо.

— Догадываюсь, — буркнул Сэм. — То самое небось, что я видел в колдовском Зеркале: деревья порубили, Жихаря моего из дому выгнали. Замешкались мы в дороге, вот что я вам скажу.

— В Южном уделе тоже, видать, неладно, — сказал Мерри. — Куда подевалось все трубочное зелье?

— Что бы ни стряслось, — объявил Пин, — одно ясно: заправляет всем этим делом Лотто, это уж будьте уверены.

— Лотто — он, конечно, Лотто и есть, — сказал Гэндальф. — Но заправляет не он, про Сарумана-то вы забыли. А он давным-давно присматривался к Хоббитании, задолго до Саурона.

— Подумаешь, ты же с нами, — сказал Мерри. — В два счета разберемся.

— Пока что я с вами, да, — подтвердил Гэндальф, — но ненадолго. В Хоббитанию я с вами не поеду. Разбирайтесь сами: вроде бы уж должны были при-

выкнуть. А вам что, до сих пор непонятно? Повторяю: мои времена кончились и не мое теперь дело — наводить порядок или помогать тем, кто его наводит. Кстати же, дорогие мои друзья, никакая помощь вам не нужна, сами справитесь. Вы не только подросли, но и очень выросли. Вы стали солью земли, и я больше ни за кого из вас не опасюсь.

Словом, я вас вот-вот покину. Я хочу толком поговорить с Бомбадиллом, а то за две тысячи лет как-то не удосужился. Говорят, кому на месте не сидится, тот добра не наживет. Я на месте не сидел, отдыха не знал, а он жил себе и жил в своих лесных угодьях. Вот и посмотрим, посравним: нам есть что рассказать друг другу.

Там, где год с лишним назад Бомбадилл вывел их на Тракт, они остановились и огляделись, будто ожидаючи снова его увидеть: а вдруг он — мало ли — каким-нибудь чудом их встречает? Но не было Бомбадила; сырая мгла окутала Могильники, и за пологом тумана укрылся Вековечный Лес.

Фродо грустно смотрел на отуманенный юг.

— Вот бы кого хотелось повидать, — проговорил он. — Как-то он там?

— Да он как всегда, не беспокойся, — ответил Гэндальф. — Веселый и беззаботный, что ему наши тревоги и радости, разве про онтов порасспросил бы. Захочешь — съезди потом, навести его. А сейчас я бы на твоём месте поторопился, не то ведь, чего доброго, запрут ворота на Брендидуимском мосту.

— Никаких там ворот на мосту нет, — сказал Мерри, — и ты это не хуже моего знаешь. Вот ежели на юг, в Забрендию, — там да, есть ворота, но уж кого-кого, а меня там пропустят в любое время дня и ночи!

— Ты хочешь сказать, что на мосту ворот не было, — возразил Гэндальф. — Приедешь — посмотришь, вдруг да окажутся. И в Забрендии тоже не так все просто. Ничего, авось справитесь. Прощайте, милые мои друзья! Еще не навсегда, но надолго прощайте!

Светозар огромным прыжком перескочил с Тракта на зеленую дамбу; Гэндальф направил его, и он помчался к Могильникам быстрее северного ветра.

— Вот и пожалуйста, было нас четверо, четверо и осталось, — сказал Мерри. — Другие все исчезли, как приснились.

— Не знаю, не знаю, — сказал Фродо. — Я, наоборот, будто снова заснул.

Глава VIII Оскверненная Хоббитания

Уже смеркалось, когда продрогшие и усталые путники подъехали наконец к Брендидуимскому мосту. С обоих концов преграждали его высокие ворота, плотно сбитые из толстых, заостренных кольев. На том берегу реки появились неказистые двухэтажные дома с редкими, тусклыми прорезями окон; хоббиты таких отроду не строили.

Они колотили в ворота и звали хоть кого-нибудь, но сперва никто не отзывался, а потом, к их великому изумлению, затрубил рог, и тусклые окна разом погасли. Из темноты раздался крик:

— Кто такие? Убирайтесь, а то схлопочете! Не видите, что ли, объявление: *От заката до рассвета проход строго воспрещен!*

— Как же мы увидим объявление в темноте, дурья твоя башка? — закричал в ответ Сэм. — А увидел бы я, что хоббитом нет ночью прохода домой, да еще в

такую собачью погоду, — сорвал бы твое объявление, и все тут.

Хлопнул ставень, и хоббиты с фонарями гурьбой высыпали из домика слева от моста. Они отперли дальние ворота и грозно двинулись вперед, но, разглядев путников, немного оробели.

— Ну-ну, смелее, — сказал Мерри, он узнал одного из них. — Эй ты, Хоб Колоток, протри глаза! Не видишь, что ли, я Мерри Брендизайк, а ну-ка, объясняй, что у вас здесь за почешиха и чего тебя сюда занесло. Ты же, по-моему, всегда стерег Отпорную Городьбу.

— Батюшки! И вправду господин Мерри, да еще с головы до ног в железе! А как же все говорили, будто вы сгинули в Вековечном Лесу? Вот уж рад видеть вас живым-здоровым!

— А рад, так и нечего глазеть из-за ворот, давай отпирай!

— Извините, господин Мерри, отпирать не велено.

— Кто не велел?

— Не велел Генералиссимус из Торбы-на-Круче.

— Генералиссимус из Торбы? Лотто, что ли? — спросил Фродо.

— Вроде бы так, господин Фродо, только приказано называть его просто «Генералиссимус».

— Вот как! — сказал Фродо. — Ну, спасибо хоть, он теперь не Торбинс. Но все же нам, его бывшей родне, придется немного понизить его в чине.

Хоббиты испуганно притихли, точно уши прижали.

— Вы не очень-то разговаривайте, — сказал один из них. — Он прознает — вам же будет хуже. Тоже расшумелись: сейчас как проснется Большой Начальник!

— Пусть просыпается, мы у него надолго отобьем охоту спать, — сказал Мерри. — Это, стало быть, ваш новоявленный Генералиссимус нанимает бандитов из Глухомани? Ну, мы, кажется, малость запоздали.

Он соскочил с пони, увидел при свете фонарей объявление, сорвал его и перебросил через ворота. Сторожа попятнулись от ворот подальше.

— Иди сюда, Пин! — сказал он. — Вдвоем шутя справимся.

Мерри с Пином вскарабкались на ворота, и сторожа еще отбежали. Опять затрубил рог. В доме побольше, справа от моста, распахнулись двери, и в свете показался ражий детина.

— Это что такое! — рявкнул он, шествуя по мосту. — В ворота ломитесь? А ну, живо убирайтесь, пока я вам ручки-ножки не поотрываю!

Сверкнули обнаженные мечи, и он остановился.

— Вот что, Осинник, — сказал Мерри, — если ты мигом не отопрешь двери, ох и худо тебе придется. Я тебя крепенько пощекочу. Отпирай и уматывай без оглядки, чтоб духу твоего здесь больше не было, бандитская харя.

Бит Осинник хмуρο подошел к воротам и отомкнул замок.

— Давай сюда ключ! — велел Мерри. Но Осинник швырнул ключ ему в голову и пустился бежать. Вдруг его так лягнули, что он дико взвыл, кубарем покатился в темноту и навеки исчез из памяти народа Хоббитании.

— Ай да мы, — сказал Сэм, похлопав по крупу расторопного Билла.

— Большого Начальника спровадили, — сказал Мерри. — Спроведем и Генералиссимуса, дайте срок. Сейчас нам пора ужинать и спать, а раз уж вы сдурно снесли Предмостный трактир и выстроили эти сараи, то ночевать будем у вас, показывайте где.

— Прощенья просим, господин Мерри, — залепетал Хоб, — это нынче не положено.

— Что не положено?

— Принимать гостей без разрешения, кушать сверх пайка и тому, в общем, подобное.

— Ничего не понимаю, — удивился Мерри. — Недород, что ли, у нас? Странно, такое было чудесное лето, да и весна...

— Да нет, на погоду не жалуемся, — сказал Хоб. — И урожаем собрали хороший, а потом все как в воду кануло. Тут, надо думать, «учетчики» и «раздатчики» постарались: шныряли, обмеряли, взвешивали и куда-то для пущей сохранности увозили. Учета было много, а раздачи, можно сказать, никакой.

— Ой, да ну вас! — сказал Пин, зевая. — Хватит мне голову на ночь глядя морочить. обойдемся без ваших пайков, своими припасами. Было бы где прилечь — в сарае так в сарае, и не такое видывали.

Хоббиты-караульчики мешкали и переминались: видно, страшновато им было нарушать распоряжения, да разве поспоришь с такими настойчивыми гостями? Вдобавок у всех у них длинные ножики, а двое — здоровяки невиданные. Фродо велел запереть ворота — на всякий случай, а вдруг из-за реки нагрянут бандиты. Затем все четверо пошли в хоббитскую караульню устраиваться на ночь. Нижнее, общее помещение было голо и убого, с жалким очажком, где и огонь-то как следует не разведешь. В верхних комнатках ровными двухъярусными рядами стояли узкие жесткие койки; на всех стенах — запреты и предписания, которые Пин тут же посрывал. Пива не было и в помине, пайки скудные на удивление, но гости щедро поделились с хозяевами содержимым своих котомок, так что ужин вышел отменный, а Пин нарушил Правило № 4 и извел все завтрашнее дровяное довольствие.

— Ну, теперь, может, покурим, а вы толком расскажете нам, что у вас делается? — предложил он.

— Трубочного зелья нам не положено, — сказал Хоб. — Большим Начальникам самим не хватает. Запасы, говорят, кончились, на складах пусто. Слышно было, его целыми обозами вывозили куда-то из Южного удела через Сарнский Брод, это еще прошлой осенью, вы как раз тогда уехали. Да, правду сказать, и раньше по-тихому сплавливали. Ведь у Лотто в Южном уделе...

— Придержи язык, Колоток! — наперебой загалдели его сотоварищи. — Сам знаешь, что бывает за такие разговоры. Дойдет до Генералиссимуса — и всем нам несдобровать.

— Как до него дойдет, если не через вас же? — огрызнулся Хоб.

— Ладно, ладно! — сказал Сэм. — Поболтали, и будет, я уже наслушался. Встречают с дрекольем, ни тебе пива, ни курева, одни предписания да оркские разговорчики. Я-то надеялся отдохнуть в родных местах, но с вами, как погляжу, канители не оберешься. Пойдем хоть отоспимся с дороги!

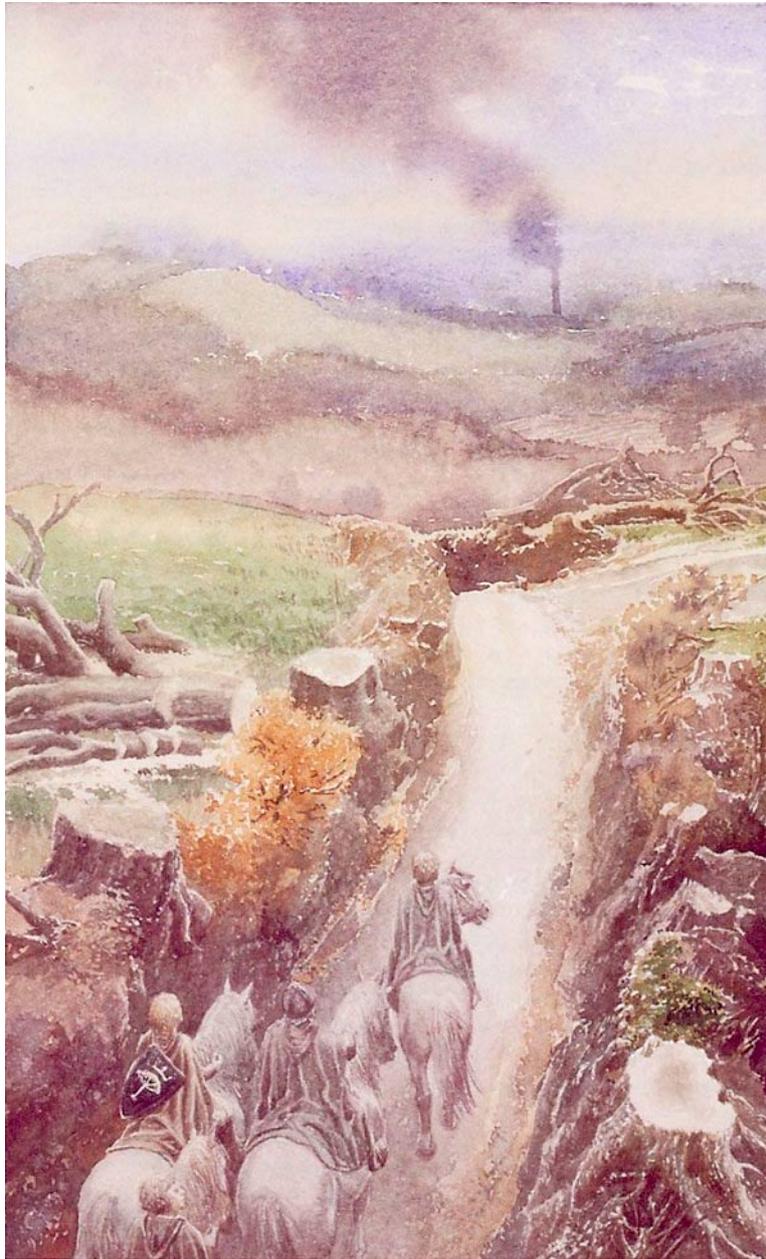
Генералиссимус и вправду прознал о них быстро. От моста до Торбы-на-Круче было добрых сорок миль, но кто-то успел живенько обернуться, и Фродо с друзьями в этом скоро убедились.

Они собирались было сперва отправиться в Кроличью Балку и пожить там с неделю в свое удовольствие, но после теплой встречи на мосту и ночевки в караульне решили ехать напрямик в Норгорд. Наутро они выехали на боль-

шую дорогу и пустили лошадок рысью. Ветер улегся, серело беспросветное небо, кругом царило унылое затишье: ну что ж, первое ноября, поздняя осень. Но почему-то отовсюду несло гарью, ползли дымы, и огромное мутное облако висело над Лесным Углом.

Возвращение. Алан Ли

Под вечер вдали показались Лягушатники, придорожное село за двадцать две мили от моста. Там они думали переночевать в славном трактире «Плавающее бревно», однако въезд в село преграждал шлагбаум, а к нему был прибит фанерный щит с надписью: *Проезда нет*. За шлагбаумом сгрудились десятка три ширрифов с жердями в руках и с перьями на шляпах. Глядели они сурово и испуганно.

— В чем дело? — спросил Фродо, сдерживая смех.

— Дело в том, господин Торбинс, — объявил предводитель ширрифов, у которого из шляпы торчали два пера, — что вы арестованы за Проникновение в Ворота, Срывание Предписаний, Нападение на Сторожа, Самовольный и Злонамеренный Ночлег в казенном здании и Угощение Караульных с целью подкупа оных.

— А еще за что? — осведомился Фродо.

— Для начала и этого хватит, — отрезал предводитель.

— Почему ж, я на всякий случай добавлю, — сказал Сэм. — За Обругание Генералиссимуса последними словами, за Намерение съездить ему по прыщавой роже и Называние вас, ширрифов, шутами гороховыми.

— Сударь, сударь, одумайтесь. Согласно личному приказу Генералиссимуса вы обязаны немедля и без малейшего сопротивления проследовать под нашим конвоем в Приречье, где будете сданы с рук на руки охранцам. Когда Генералиссимус вынесет приговор по вашему делу, тогда и вам, может быть, дадут слово. И если вы не хотите провести остаток жизни в Исправнорах, то мой вам совет — прикусите языки.

Фродо с друзьями так и покатались со смеху, а ширрифы растерянно переглядывались.

— Ну что ты чепуху мелешь! — сказал Фродо. — Я поеду куда мне надо и когда захочу. Надо мне пока что в Торбу-на-Круче, а если вы за мной увяжете — это уж ваше дело.

— Ладно, господин Торбинс, — сказал предводитель, поднимая шлагбаум. — Вы только не забывайте, что я вас арестовал.

— Не забуду, — пообещал Фродо. — Никогда не забуду. Но простить — может быть, и прощу. А пока вот что: ночевать я буду здесь, и сделайте милость, проводите нас к «Плавучему бревну».

— Никак невозможно, господин Торбинс. Трактир навсегда закрыт. Не угодно ли переночевать в ширрифском участке, он на другом конце села.

— Почему бы и нет, — сказал Фродо. — Ведите, мы поедем за вами.

Сэм оглядывал ширрифов и наконец высмотрел знакомого.

— Эй, Пит Норочкинс, иди-ка сюда! — позвал он. — У меня к тебе разговор.

Ширриф Норочкинс опасливо обернулся на предводителя (тот глядел волком, но смолчал), поотстал и пошел рядом со спешившимся Сэмом.

— Слушай ты, Питенец! — сказал Сэм. — Ты сам норгордский, голова на плечах вроде есть, что же ты, рехнулся? Как можно, подумай хотя бы, арестовать господина Фродо? Да, кстати, а трактир почему закрыт?

— Трактиры все позакрывали, — отозвался Пит. — Генералиссимус пива не пьет и другим не велит. Будто бы поэтому. Правда, пиво-то и сейчас варят, но только для Больших Начальников. Еще он не любит, чтобы народ шлялся туда-сюда; теперь, если кому куда нужно, он сперва идет в ширрифский участок и объясняет зачем.

— Да как же тебе не стыдно таким паскудством заниматься? — укорил его Сэм. — Ты ведь, помнится, и сам был не дурак хлебнуть пивка — в какой трактир ни зайди, а ты уж там, при исполнении обязанностей, стойку подпираешь.

— Я бы и сейчас подпирал, Сэм, да стоек нету. Чем ругать меня, рассуди, а что я могу поделать? Ты же знаешь, я пошел в ширрифы семь лет назад, когда обо всем таком и слуху не было. А я хотел расхаживать по нашим краям, на людей посмотреть, новости узнавать, выведывать, где пиво лучше. Теперь-то — конечно...

— Ну так брось ширрифствовать, раз пошла такая трезвость, — посоветовал Сэм.

— А это не положено, — вздохнул Пит.

— Еще разок-другой услышу «не положено» — и, честное слово, рассержусь, — сказал Сэм.

— Вот и рассердился бы, — вполголоса проговорил Пит. — А кабы мы все разом рассердились, так, может, и толк бы вышел. Да нет, Сэм, по правде говоря, куда там: повсюду эти Большие Начальники, громилы Генералиссимуса. Чуть кто из нас заартачится — его сразу волокут в Исправноры. Первого взяли старину Пончика, Вила Тополапа, голову нашего, а за ним уж и не сочтешь, тем более с конца сентября сажают пачками. Теперь еще и бьют смертным боем.

— Как же вы с ними заодно? — сердито спросил Сэм. — Кто вас послал в Лягушатники?

— Да нас-то никто не слал. Мы здесь безотлучно в ширрифском участке, мы теперь Первый Восточно-удельский Отряд. Ширрифов набрали уж сотен пять, а нужно еще вдвое — следить за исполнением Предписаний. Вербуют все больше за шиворот, но есть и доброхоты. Вот ведь даже у нас в Хоббитании нашлись любители совать нос в чужие дела и растарабарывать на пустом месте. Хуже: кое-кто и вовсе стал подлазом, ищейкой Генералиссимуса и его Больших Начальников.

— Ага! Вот, значит, как он о нас проведал!

— Ну. Почты у нас теперь нет, а Срочная почтовая служба осталась: бегуны на подставах. Один такой прибежал ночью из Белокурска с «тайным донесением», а другой — у нас — отслушал и побежал дальше. Днем получили мы распоряжение арестовать вас и доставить не сразу в Исправноры, а сперва в Приречье. Верно, Генералиссимус хочет с вами повидаться.

— Я бы на его месте не торопился повидаться с господином Фродо, — сказал Сэм.

Ширрифский участок в Лягушатниках был еще гаже Предмостной караульни. Этаж там был один, такие же щелястые окна; дом из необожженного кирпича, сложен кое-как. Внутри — сыро и мерзко; поужинали они за длинным дощатым столом, не чищенным много недель. За таким столом только и есть такую еду, какую им дали. Но как-никак ночлег. До Приречья оставалось восемнадцать миль, и тронулись они в путь к десяти утра. Они бы и раньше выехали, да уж очень было приятно позлить предводителя ширрифов, который топтал от нетерпения. Западный ветер задул на север, стало холоднее, но тучи расступились.

Довольно смешная процессия покидала село; правда, селяне, которые вышли поглядеть на возмутителей спокойствия, не знали, можно или нельзя смеяться. Конвоировать их отрядили дюжину ширрифов; Мерри велел им идти впереди, а четверо арестантов ехали следом. Пин, Сэм и Мерри сидели вразвалочку, хохотали, галдели и распевали песни; ширрифы вышагивали с важным и строгим видом. Фродо молчал, опечаленный и задумчивый.

Возле последнего дома кряжистый старикан подстригал изгородь.

— Ого-го! — хохотнул он. — Это кто же кого арестовал?

К нему тут же метнулись два ширрифа.

— Эй ты, предводитель! — сказал Мерри. — Ну-ка, верни своих малых обратно в строй, а то я помогу!

Повинуясь окрику предводителя, хоббиты-ширрифы угрюмо поплелись назад.

— Ну а теперь ходу! — распорядился Мерри, и пони перешли на легкую рысь, так что и конвою пришлось наддать. Выглянуло солнце, и, хотя по-прежнему веял холодный ветер, разгоряченные ширрифы истекали потом.

Их, однако же, хватило лишь до Трехудельного Камня, на четырнадцать миль с передышкой в полдень. Было три часа. Ширрифы изголодались, ноги их не слушались, и бежать дальше совсем уж не было смысла.

— Пожалуйста, идите своим шагом! — сказал Мерри. — А мы поедем.

— До свидания, Питенец! — крикнул Сэм. — Встретимся у «Зеленого дракона», если ты дорогу туда не забыл. Возьми ноги в руки!

— Как себя ведете, арестованные! — укорил их предводитель ширрифов. — Порядок нарушаете: ну, потом на меня не пеняйте.

— Погоди, еще не так нарушим, — пообещал Пин, — а на тебя, уж ладно, не попеняем.

Они зарысили дальше, и солнце исчезало вдаль за Светлым нагорьем, когда перед их глазами открылось Приречье, раскинулась озерная гладь. Фродо и Сэм застыли в горестном изумлении. Оба они были здешние, и, хотя навидались всякого, зрелище поругания родного края оказалось горше всего на свете. Памятные, любимые дома как смело; кое-где чернели пожарища. Старинные и уютные хоббитские жилища на северном берегу, верно, остались без хозяев, и садики, спускавшиеся к самому озеру, густо заросли сорняками. Между Озерным побережьем и Норгордской дорогой громоздились уродливые новостройки. Прежде там была тополевая аллея — не осталось ни деревца. А дальше, на пути к Торбе, торчала громадная кирпичная труба, изрыгавшая клубы черного дыма.

Сэма бросило в дрожь.

— Господин Фродо, позвольте, я поеду вперед! — крикнул он. — Все разведу и узнаю, как там мой Жихарь.

— Не пори горячку, Сэм, — сказал Мерри. — Нас ведь хотели сдать в Приречье с рук на руки шайке бандитов. Надо сперва здесь у кого-нибудь толком разузнать, что почем.

Но узнавать было не у кого: Приречье встретило их запертыми воротами и темными, незрячими окнами. Непривычно это было до жути, но вскоре все разъяснилось. «Зеленый дракон» — последний дом на выезде в Норгорд — стоял заброшенный, с выбитыми стеклами, и там их поджидали охранцы. Шесть здоровенных малых, косоглазых и желтолицых, привалились к стене трактира.

— Все как на подбор вроде того приятеля Бита Осинника в Пригорье, — сказал Сэм.

— Я таких навидался в Изенгарде, — буркнул Мерри.

В руках охранцы держали дубинки, на поясе у каждого висел рог, но больше вроде бы никакого оружия у них не было. Они словно бы нехотя отошли от стены и преградили хоббитам дорогу.

— Это куда же вы намылились? — спросил самый дюжий и с виду самый злобный из них. — Слезайте, приехали. Ширрифы-то ваши драгоценные — где

они?

— Поспешают не торопясь, — сказал Мерри. — Ножки у них устали. Мы их здесь обещали подождать.

— Едрена вошь, а я что говорил? — обратился главарь к своим. — Говорил же я Шаркичу: ну ее, мелюзгу, к ляду! Наши парни давно бы уже их приволокли.

— Так-таки и приволокли бы? — сказал Мерри. — Вряд ли. Раньше, правда, подонки по нашему краю не разгуливали, но и теперь вы у нас не загоститесь.

— Чего ты сказал — *подонки*? — переспросил тот. — Ну, ты даешь! Разговорчивый больно, ничего, заговоришь по-другому. Что-то, я гляжу, мелюзга у нас обнаглела. Вы не больно-то надейтесь на добродушие Вождя. Шаркич на своем посту, и Вождь сделает, как Шаркич велит.

— А как он велит? — спокойно спросил Фродо.

— Порядок надо навести, чтобы все вы себя помнили, — сказал охранец. — И уж кто-кто, а Шаркич наведет порядок: большой кровью наведет, ежели будете шебаршиться. С вами надо покруче, вам нужен другой Вождь, и будет другой — еще до Нового года. Вот тогда вы у нас попляшете, крысеняточки.

— Очень было вас интересно послушать, — вежливо заметил Фродо. — Я как раз собираюсь навестить господина Лотто, может, ему тоже будет интересно?

Охранец расхохотался.

— Лотто, говоришь? Да он все и так знает, не беспокойся. И будет слушаться Шаркича как миленький, а то его и убрать недолго. Понял? А ежели вы, мелочь пузастая, полезете за него заступаться, мы вас под землю загоним. Понял?

— Понял, — сказал Фродо. — Для начала я понял, что вы тут живете на отшибе и новостей не знаете. Ты с юга, что ли? Так на юге теперь совсем все иначе. С бандитами вроде тебя не сегодня завтра покончат. Черный Замок разрушен, в Гондоре Государь на троне, и нынче ваш хозяин — всего-навсего жалкий нищий, мы его повстречали. Изенгардские разбойники перебиты, и скоро по знакомому тебе Неторному Пути прискачут посланцы Государя.

Охранец смерил его взглядом и широко ухмыльнулся.

— Жалкий нищий! — передразнил он. — Да ну? Давай, давай, нахальничай, вшивареночек, покуда хвостик не прищепили. А мы покуда обдерем вас, жирненьких: вы на покое здорово отъелись! И на посланцев твоего Государя, — он щелкнул пальцами перед носом Фродо, — плевать я хотел! Какие еще посланцы? Вот увижу хоть одного — тогда и разберемся.

Тут Пин не выдержал. Ему припомнилось Кормалленское поле; и после всего этого какой-то косоглазый ублюдок смеет называть Хранителя Кольца вшивареночком? Он откинул плащ, выхватил меч — и блеснул черно-серебряный доспех стража цитадели Гондора.

— Я Государев посланец! — сказал он. — Перед тобой, мерзавец, друг Великого Князя, знаменитый рыцарь Западного воинства. А ты болван и негодяй. На колени — и моли о прощении, пока не постигла тебя участь убитого мной тролля!

Клинок засверкал в лучах закатного солнца. Мерри и Сэм обнажили мечи и подъехали поближе; Фродо не шевельнулся. Охранцы подались назад. Они привыкли запугивать мирных пригорян и лупцевать добродушных хоббитов,

а суровые и бесстрашные воины со сверкающими мечами — такого они в жизни не видели. Да и голоса приезжих звучали вовсе не по-здешнему. Словом, было отчего струсить.

— Прочь отсюда! — сказал Мерри. — И чтобы духу вашего здесь не было, а то...

Трое хоббитов тронули пони, и охранцы пустились бежать по Норгордской дороге; на бегу они трубили.

— Да, ничего не скажешь, вовремя мы подгадали, — заметил Мерри.

— Если не запоздали. Может, уже и поздно, не спасем дурака Лотто. Олух несчастный, неужто ж ему погибать, — сказал Фродо.

— Как это — Лотто не спасем? Да ты в своем ли уме? — поразился Пин. — Скажи лучше — покончим с Лотто!

— Похоже, ты, Пин, не слишком нынешние дела понимаешь, — сказал Фродо. — Лотто не только не виновник, он даже не зачинщик всего этого безобразия. Ну, дурак он, конечно, злобный дурак, в том его и беда. А подручные взяли верх: они и отбирают, и грабят, и бесчинствуют его именем. Он заключенный, узник в Торбе-на-Круче. И наверно, перепуган до смерти. Хорошо бы его все-таки вызволить.

— Ничего себе! — сказал Пин. — Это надо же, в страшном сне не присниться — драться у нас в Хоббитании с бандитской сволочью и со всякими там оркскими ублюдками, а зачем? — чтобы вызволять Лотто Чирея!

— Драться? — повторил Фродо. — Да, пожалуй что, драки не миновать. Помните только, что хоббитов убивать нельзя, хоть они и на стороне Генералиссимуса; я не о тех, кто просто струсил, а если они даже и взаправду переметнулись, ну что поделаешь. Нет, в Хоббитании никогда друг друга не убивали, и не нам вводить такой обычай. Лучше бы вообще никого не убивать — ну, попробуйте, удержитесь!

— Это уж дудки, — возразил Мерри, — дойдет дело до драки, так не захочешь, а убьешь. И ты, дорогой мой Фродо, извини, конечно, ни аханьем, ни оханьем не спасешь ни Лотто, ни Хоббитанию.

— Н-да, — сказал Пин. — Другой раз с ними потруднее будет. Это мы их нахрапом прогнали. Не зря, поди, они трубили — небось созывали своих. Соберется десятка два — сразу так осмелеют, только держись! Нам бы где-нибудь на ночь укрыться: мы хоть и при оружии, а всего-то нас четверо.

— А вот чего, — сказал Сэм. — Поехали-ка мы на Южную околицу, к старому Тому Кроттону! Уж он труса не спразднует, и сыновья у него крепкие ребята, кстати же говоря — мои дружки.

— Нет! — покачал головой Мерри. — Укрываться на ночь не согласен. Все, я вижу, только и делают, что укрываются, хотят отсидеться, а это бандитам как раз на руку. Нагрянут целой оравой, окружают нас и возьмут измором либо выкурят. Нет, надо действовать немедленно.

— Немедля — это как? — спросил Пин.

— Да поднимать мятеж! — сказал Мерри. — Поставить на ноги всю Хоббитанию! Ведь новые порядки поперек горла всем, кроме двух, ну, трех негодяев да двух десятков олухов, которые не прочь поважничать и знать не желают, чем дело пахнет. Хоббиты вообще чересчур привыкли благоденствовать, потому и растерялись. А только поднеси уголек — и вспыхнет, что твоя скирда: подручные Генералиссимуса это нутром чувуют. Чтоб земля у них под нога-

ми не загорелась, надо мигом расправиться с нами, так что времени у нас в самый обрез. Сэм, ты и правда скачи-ка к усадьбе Кроттона. Хоббит он матерый, все его уважают. Давай, давай! А я пока потрублю в ристанийский рог — ох, они здесь такой музыки в жизни своей не слышали!

Они отъехали к сельской площади, Сэм свернул на юг и галопом помчал по проулку к дому Кроттонов. Внезапно и звонко запел рог, надрывая вечернюю тишь. Раскаты его огласили холмы и поле, и призыв был такой властный, что Сэм чуть не поскакал назад. Пони вздыбился и заржал.

— Ладно, Билли, ладно! — крикнул Сэм. — Скоро вернемся.

А Мерри тем временем затрубил иначе, и разнесся по дальней окрестности старинный трубный клич Забрэндии:

ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ! НАПАСТЬ! ПОЖАР! ВРАГИ!

ПОЖАР! ВРАГИ! ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ! ГОРИМ!

Сэм слышал позади шум, гам и хлопанье дверей. Впереди в сумерках вспыхивали окна, лаяли собаки, разносился топот. У конца проулка он чуть не наехал на фермера Кроттона и трех его сыновей: Малыша Тома, Джолли и Ника — бежали они со всех ног, каждый с топором, и встали стеною.

— Не, ребята, он не из тех! — услышал Сэм. — По росту вроде бы хоббит, только одет не по-нашему. Эй! — крикнул фермер. — Ты кто, и почему такой шум подняли?

— Да я Сэм, Сэм Скромби. Я вернулся!

Старик Том Кроттон подошел и пригляделся.

— Ишь ты! — сказал он. — Голос какой был, такой остался, и мордovorот не хуже прежнего. Как есть Сэм. Но прости, уж извини, я бы тебя на улице не признал. Сразу видать, из чужих краев. А говорили, тебя и в живых нет.

— Это все вранье! — сказал Сэм. — И я живой, и господин Фродо тоже. Он здесь, неподалеку, со своими друзьями, оттого и шум. Они Хоббитанию берут за жабры. Хотим разделаться с бандитской сволочью и уж заодно с Генералиссимусом. Начали, посмотрим, как будет.

— Хорошо будет! — обрадовался фермер Кроттон. — Ну, хоть началось наконец! У меня весь год руки чесались, да народишко у нас квелый. А тут, понимаешь, жена, да еще ведь и Розочка. С этих мерзавцев станется и женщин обидеть. Ладно, ребята, бегом марш! Приречье начало! Уж мы-то не отстанем!

— А госпожа Кроттон и Розочка? — спросил Сэм. — Их ведь одних оставлять не годится.

— С ними Нибс остался. Ну, ты пойдй помоги ему, коли время есть, — ухмыльнулся фермер Кроттон. И побежал на площадь вслед за сыновьями.

А Сэм поспешил к их дому. За широким двором на крыльце возле большой круглой двери он увидел госпожу Кроттон и Розочку, а перед ними — Нибса с вилами.

— Не пугайтесь, это я, — крикнул Сэм, подъехав к крыльцу. — Я, Сэм Скромби! И не пырни меня вилами, Нибс, все равно не проткнешь, на мне кольчуга!

Он соскочил с пони и взбежал по ступенькам. Они молча, растерянно смотрели на него.

— Добрый вечер, госпожа Кроттон! — сказал он. — Привет, Розочка!

— Привет и тебе, Сэм! — отозвалась Розочка. — Где это ты пропадал? Были слухи, что тебя и в живых нет, но я-то тебя с весны дожидаюсь. Ты, правда, не

очень торопился, а?

— И то сказать, — смущенно признался Сэм. — Зато теперь очень тороплюсь. Мы тут с этими охранцами разбираемся, мне нужно обратно к господину Фродо. Я просто подумал — дай-ка заеду узнаю, как там поживает госпожа Кроттон, ну и Розочка тоже.

— Спасибо, поживаем как живется, ничего себе, — сказала госпожа Кроттон. — Ну вот только что эти, как их, откуда они только взялись, жить мешают.

— Ты давай езжай, куда собрался! — сказала Розочка. — А то: господин Фродо да господин Фродо, а как припекло, так сразу в кусты?

Этого уж Сэм вынести не мог. Тут либо объясняться целую неделю, либо смолчать. Он спустился с крыльца и сел на своего пони. Но не успел он отъехать, как Розочка спорхнула по ступеням и сказала ему:

— Сэм, ты прямо загляденье! Ну езжай, езжай, я не к тому. Только все-таки себя-то побереги, уж пожалуйста. И скорей-скорей возвращайся, как разберетесь с этими охранцами!

Когда Сэм вернулся на площадь, вся деревня была на ногах. Молодежь само собой, но кроме нее собралось больше сотни крепких, надежных хоббитов с топорами, молотами, длинными ножами и тяжелыми дубинками. У иных были и луки. Подходили с ближних хуторов.

Кому-то пришло в голову разжечь большой костер — так, для красоты, а еще потому, что это строго-настрого запретил Генералиссимус. Костер разгорался все ярче и ярче. По приказанию Мерри деревню с обеих сторон перегородили. С востока не очень; оттуда явились наконец отставшие ширриффы, изумленно поглядели, что делается, чуть пораздумали, посрывали свои перья и замешались в толпу. Однако нашлись и такие, кто побежал к начальству.

Фродо, Пин и Мерри толковали с Томом Кроттоном; вокруг них стояла радостная толпа.

— Ну а дальше чего? — спрашивал старик Кроттон.

— Дальше не знаю, — говорил Фродо. — Охранцев вообще-то много или нет?

— А пес их разберет, — в сердцах сказал Кроттон. — Шляются, гадят и уходят. Полсотни их, что ли, с лишком живет в бараках у Норгорда. Эти приходят, грабят, или, по-нынешнему, «реквизируют», когда им вздумается. У ихнего Вождя человек двадцать точно. Он в Торбе-на-Круче... может, и не там, не знаю, но сюда не вылезал. Неделю-другую его никто не видел, туда ведь не подступишься.

— В Норгорде они все собрались? — спросил Пин.

— То-то и оно, что нет, — сказал Кроттон. — В Длиннохвостье и возле Сарнского Брода много, я слышал, их болтается, да и в Лесном Углу тоже. И возле Главного Перекрестка ихние бараки. А около Исправнор — это у них так теперь называются наши землеройские норы — их считай — не перечтешь. Во всей Хоббитании сотни три наберется, но вряд ли больше. Возьмемся — одолевем.

— Как у них с оружием? — спросил Мерри.

— Какое ни на есть: кнуты, ножи и дубинки, этого им хватало, а другого мы покамест не видели, — отвечал фермер Кроттон. — Но ежели дойдет до насто-

ящей драки — небось у них там и еще чего-нибудь найдется, луки-то уж точно. Двух-трех наших они подстрелили.

— Слыхал, Фродо? — повернулся к нему Мерри. — Я же говорю, драки не миновать. Но заметь: убитым они открыли счет.

— Ну, не совсем-то, — замялся старый Кроттон. — Стрелять мы первые начали, Кролы то есть. Папаша ваш, господин Перегрин, Лотто этого на дух не переносит и прямо сразу сказал, что ежели кому-нибудь зачем-нибудь нужен какой бы то ни было генералиссимус, то он у нас и так есть — законный Хоббитан, а не какой-то выскочка. Лотто послал целую ватагу Больших Начальников усмирять его, да куда там! В Зеленых Холмах глубокие норы, рядом Преогромные Смиалы; какая же Громадина полезет туда на свою голову?! Им и вообще Кролы велели убираться подобру-поздорову и носа близко не казать. Те не послушались, и Кролы троих подстрелили — за разбой и грабеж. Бандиты, конечно, озлобились и нынче в оба глаза стерегут Укролье: ни туда, ни оттуда никому ходу нет.

— Ай да Кролы! — воскликнул Пин. — Ну теперь-то надо кому-нибудь туда пробраться, и кому, как не мне, я-то Смиалы знаю как свои пять пальцев. Кто со мной в Кролы?

Он отобрал с полдюжины охотников; все верхами на пони.

— До скорого свидания! — крикнул он. — Всего-то здесь полем миль четырнадцать! Ждите к утру: приведу вам крольское ополчение.

Они скрылись в густеющих сумерках; толпа радостно голосила им вослед, а Мерри протрубил в рог.

— И все-таки, — упорно повторил Фродо, — лучше бы никого не убивать, даже охранцев, разве что придется поневоле.

— Еще бы не придется! — сказал Мерри. — Они как раз к нам, того и гляди, пожалуют из Норгорда, и боюсь, что не для переговоров. Попробуем обойтись миром, но приготовимся к худшему. У меня есть свой план.

— Вот и ладно, — сказал Фродо. — Давай распоряжайся.

В это время подбежали хоббиты-дозорные с Норгордской дороги.

— Идут! — объяснили они. — Двадцать с лишним. И еще двое побежали на запад.

— Это они к Перекрестку, — пояснил Кроттон, — за подкреплением. Ну, до туда добрых пятнадцать миль, да и оттуда не меньше. Пока подождем огорчаться.

Мерри пошел отдавать приказы. Фермер Кроттон отправил по домам женщин, детей и прочую молодежь; остались и укрылись за плетнями только хоббиты постарше, все с оружием. Едва улица опустела, как послышались громкие голоса и тяжелая поступь. Громилы подошли гурьбою и при виде наспех поставленного хлипкого шлагбаума дружно расхохотались. Уж в двадцатером-то они чувствовали себя полными хозяевами в этой маленькой, уютненькой стране.

Хоббиты подняли шлагбаум и расступились.

— То-то! — издевались каратели. — И живо бегите в постельки, пока вас не высекли.

Они прошли по улице, крича:

— Все гасите свет! По домам и на улицу не высовываться, а то заберем сразу полсотни заложников в Исправноры. Живее, живее! Доигрались, вывели

Вождя из терпенья!

На крики их никто внимания не обращал, а за ними смыкалась и бесшумно следовала толпа. У костра на площади стоял один-одинешенек фермер Кроттон и грел руки.

— Ты кто такой и чего это ты здесь делаешь? — гаркнул главарь шайки.

Фермер Кроттон медленно поднял на него глаза.

— А я как раз тебя хотел о том же спросить, — сказал он. — Чего это вы приперлись в чужую страну? Вас сюда никто не приглашал.

— Зато мы тебя пригласим! — загоготал главарь. — Хватай его, ребята! Волоките его в Исправноры и по дороге научите вежливости!

К фермеру шагнули двое — и точно споткнулись. Толпа вдруг грозно загудела: оказалось, что Кроттон вовсе не один. Со всех сторон в темноте за отсветами пламени стояли хоббиты. Было их сотни две, и все с оружием.

Мерри выступил вперед.

— Мы сегодня с тобой уже виделись, — сказал он главарю, — и сказано было тебе: сюда больше не соваться. Не расслышал? Так слушай теперь: вы на свету, под прицелом лучников. Только пальцем кого-нибудь троньте — тут вам и конец. А ну, бросай все оружие, какое есть!

Главарь огляделся: да, их окружили. Но он не струсил — как-никак, с ним было двадцать дюжих молодцов. Плоховато он знал хоббитов, поэтому сдуру и решил, что уж назад в Норгорд они пробьются шутя.

— Бей их, ребята! — крикнул он. — Бей насмерть!

С длинным ножом в левой руке и с дубинкой в правой он кинулся на Мерри, преграждавшего им путь, — пришибить его, приколоть, а там дело пойдет! — и рухнул, пронзенный четырьмя стрелами.

Этого вполне хватило: прочие охранцы побросали оружие, были обысканы, связаны гуртом и отведены в пустой сарай, ими же в свое время построенный. Там им уже порознь связали руки и ноги, заперли сарай и поставили караул. Труп главаря оттащили на пустырь и закопали.

— Раз-два и готово, а? — сказал Кроттон. — Говорил же я, что мы их запросто одолеем: надо только начать и кончить. Да, вовремя же вы подроспели, господин Мерри.

— Начать-то мы начали, но еще далеко не кончили, — возразил Мерри. — Ежели верно, что их три сотни, то мы пока и одну десятую не уделали. Однако ж стемнело; подождем-ка мы до утра, а там уж попотчуем гостей и сами наведаемся к Генералиссимусу.

— Почему же не сейчас? — спросил Сэм. — Еще не поздно вовсе, едва за шесть! Мне невтерпеж повидаться с моим Жихарем. Вы, господин Кроттон, не знаете, как он вообще-то поживает?

— Да не то чтоб уж совсем плохо, Сэм, — сказал фермер. — Исторбинку-то срыли, и он, конечно, сильно огорчился. Теперь живет в новом доме — из тех, которые Начальники построили, пока еще чего-то делали, не только грабили и жгли; дом-то недалеко, за милю от того конца Приречья. Он и ко мне захаживает, коли выдастся случай, и я его малость подкармливаю, а то их, бедняг, держат там впроголодь. Принимать и кормить гостей, конечно, настрого запрещено, да что мне их Предписанья! Я бы и поселил его у себя, только ведь наверняка отыскали бы, и тогда нам обоим один путь — в Исправноры.

— От души вам спасибо, господин Кроттон, по гроб у вас в долгу, — сказал

Сэм. — Тем более надо за ним съездить, а то этот Вождь на пару с Шаркичем еще до утра, пожалуй, что-нибудь вытворят.

— Будь по-твоему, Сэм, — сказал Кроттон. — Возьми с собой паренька-другого, езжайте и привезите его ко мне домой. Только в объезд старого Норгорда-на-Озере. Да вот мой Джолли тебя проводит.

* * *

Сэм уехал. Мерри выставил дозоры вокруг села и ночные караулы к шлагбаумам. Потом они с Фродо отправились к фермеру Кроттону; сидели со всей его семьей в теплой кухне, отвечали на учтивые расспросы о своих странствиях. Впрочем, спрашивали не очень и слушали вполуха — еще бы, ведь куда важнее были дела хоббитанские.

— Начал все это паскудство Чирей — такое уж у него прозвище, — приступил фермер Кроттон, — и началось это, уж извините, господин Фродо, когда вы уехали гулять по чужим краям. Чирей вроде как в уме повредился: ему, видно, хотелось прибрать все на свете к рукам и стать самым-самым главным. Глядь — а он уже нахапал выше головы и подряд скупает мельницы, пивоварни, трактиры, фермы и плантации трубочного зелья; откуда только деньги-щи берутся? Пескунсову-то мельницу, к слову, он откупил еще прежде, чем вы ему Торбу по дешевке продали.

Конечно, начал он не на пустом месте: папаша оставил ему большие земли в Южном уделе, и он, видать, расторговался трубочным зельем, год или два уже втихомолку сбывал на сторону лучшие сорта. А к концу прошлого года — что там зелье! — целые обозы со всякой всячиной в открытую потянулись на юг. Тут зима подошла, то да се, а мы знай себе ушами хлопаем: куда все подевалось? Потом народ малость осерчал, только ему-то хоть бы что: понаехали здоровущие повозки, а в них — Громадины, все больше бандитские рожи. Едут и едут; одни погрузятся — и обратно, другие остаются. Мы проморгаться не успели, смотрим — ан они уж везде, по всей Хоббитании рубят деревья, копают ямины, строят дома не то сараи; где хотят, там и строят. Поначалу Чирей так-сяк возмещал урон и убытки, а потом и думать забыл, куда! Их вся власть, отдавай да помалкивай, а пикнешь — последнее отберут.

Кой-какой шумок все же случился. Голова наш, старина Вил, пошел в Торбу заявить протест, да не добрался он до Торбы. Охранцы перехватили его по дороге и доставили в землеройские Исправноры, — верно, и сейчас он там сидит. Так что вскорости после Нового года головы у нас не стало, и Чирей велел называть себя Генеральным Ширрифом, а потом и просто Генералиссимусом.

И давай начальствовать; если же кто, говоря по-ихнему, «проявлял враждебность», тот живо оказывался, где и Вил Тополап. Словом, дальше — хуже. Курева никакого, только для Больших Начальников; пива Генералиссимус не велит пить никому, одни начальники его пьют, а трактиры все позакрывались; в закромах шаром покати, зато Предписаний навалом. Припрятал что-нибудь — твое счастье, да и то как сказать: бандиты через день приходят с обыском и забирают все подчистую «в целях разверстки» — это значит, чтобы им все, а нам ничего. Оставляют, правда, свалку отбросов у ширрифских участков: ешь, мол, на здоровье, авось не вытошнит. Но уж когда явился Шаркич — тут хоть ложись и помирай.

— Что еще за Шаркич? — спросил Мерри. — Нам этим Шаркичем грозил один бандит.

— Он, видно, из них, бандитов, наиглавнейший, — отвечал Кроттон. — Мы как раз отработались — ну, к концу сентября, — тут о нем слухи и поползи. Никто его в глаза не видел, знаем только, что живет он в Торбе-на-Круче и что он теперь главнее Генералиссимуса. Охранцы у него под рукой ходят, а он им: круши, жги, ломай! Теперь и убивать тоже велит. Вот уж, как говорится, хоть бы дурного толку — нет, и того незаметно, все без толку. Рубят деревья, чтоб срубить, жгут дома, абы сжечь, — и ничего, ну совсем ничего не строят.

Про Пескунса послушайте. Чирей как перебрался в Торбу, так сразу снес его мельницу. И пригнал толпу чумазных Громадин: они, дескать, построят новую, огромную, и колес там будет невпроворот, и все правильно, по-чужеземному. Один дурак Тод обрадовался и теперь обтирает колеса, где его папаша был мельник и сам себе хозяин. У Чирея-то было что на уме: а ну, давай молоть поскорее да побольше — так он говорил. И понастроил мельниц вроде этой. Только ведь, ежели молоть, надо, чтоб зерно было, а зерна как не стало, так и нет. Ну, с тех пор как Шаркич явился, зерна и не надо. Они там только трах-бах и пых-пых: пускают вонючий дым; ночью-то в Норгорде, поди, и не уснешь. И гадят — нарочно, что ли, не понять; загадили Нижнее Озеро, а там и до Брендидуима недалеко. В общем, ежели кому надо, чтобы Хоббитания стала пустыней, то все оно правильно. Вряд ли дурак Чирей это устраивает, тут не без Шаркича.

— Верно, верно! — вставил Малыш Том. — Да чего говорить, они же забрали мамашу Чирея, старуху Любелию, которую вот уж никто не любил, только сыночек. Норгордские видели и слышали: однажды она, знаете, идет вниз по улице со своим зонтиком, а навстречу ей охранцы — пыхтят, волокут огромную телегу.

«Это вы куда же?» — она спрашивает.

«В Торбу-на-Круче», — ей отвечают.

«Зачем?» — она говорит.

«Для Шаркича сарай строить», — это ей-то.

«А кто ж это вам позволил?» — она удивляется.

«Шаркич велел, — ей говорят. — А ну, с дороги, старая карга!»

«Я вам покажу Шаркича, ворюги паршивые!» — это она-то, и как накинется на главного, в глаз ему норовит своим зонтиком; но не достает, он вдвое выше. Взяли ее, конечно; уволокли в Исправноры, на возраст не посмотрели. Они туда много кого уволокли получше ее, однако ничего не скажешь, в грязь лицом не ударила, не то что некоторые.

Посреди разговора вошел Сэм вместе со своим Жихарем. Старик Скромби почти не постарел, только слышать стал хуже.

— Добрый вечер, господин Торбинс! — возгласил он. — Рад вас видеть в добром здравии, приятно, что вернулись. Только извините, грубо скажу, не по делу вы уезжали. Это же надо — продать Торбу-на-Круче, и кому? Вот оно где и началось безобразие. Вы там разгуливали в чужих краях, загоняли на горы каких-то черномазых — если, конечно, верить Сэму, хотя, зачем вы их туда загоняли, я у него не допытался. А тут пока чего — набежали какие-то сукины дети, срыли нашу Исторбинку, и картошки мои пошли псу под хвост!

— Вы уж извините, что так получилось, господин Скромби, — сказал Фродо. — Но я, видите, вернулся и уж постараюсь привести что можно в порядок.

— Золотые ваши слова! — объявил Жихарь. — Сразу видно, что господин Фродо — хоббит породистый, не то что иные-прочие, каким и фамилию-то эту незачем трепать, извините за простоту. Да, а что мой Сэм — вы им, стало быть, довольны и вел он себя как следует?

— Более чем доволен, господин Скромби, — отвечал Фродо. — Поверите ли, он теперь знаменит во всем Средиземье, и о нем слагают песни от Моря досюда и за Великой Рекой.

Сэм покраснел и благодарно взглянул на Фродо, потому что глазки Розочки сияли и лицо ее озарилось нежной улыбкой.

— Верится, что и говорить, с трудом, — сказал Жихарь, — зато сразу видно, что мотался парень невесть где. У него же вроде жилетка была — куда она подевалась? А то ведь железа на себя сколько ни напяль — в голове не прибавится, даром что брюхо блестит.

Спозаранку чада, домочадцы и все гости фермера Кроттона были на ногах. Ночь прошла спокойно, однако впереди ничего хорошего не ожидали: тревожный будет денек.

— Возле Торбы-то охранцев вроде бы не осталось, — сказал Кроттон, — а с Перекрестка, того и гляди, все пожалуют скопом.

Позавтракали, и прискакал гонец из Укролья, веселый, радостный.

— Хоббитан у нас и тех, кто не спал, разбудил, — сказал он, — пожар, да и только. Охранцы, которые остались живы, все побежали на юг, наперехват. А все остальные, сколько их там набралось, едут в ополчении господина Перегрина.

Другая новость была похуже. Мерри, который всю ночь глаз не сомкнул, явился часам к десяти.

— Большой отряд за четыре примерно мили, — сказал он. — С Перекрестка, и по дороге поднабрали. Их сотня с лишним, идут и жгут. Вот гады!

— Да, эти уж точно не для разговора, эти идут убивать нашего брата, — заметил фермер Кроттон. — Если из Кролов не подоспеют ко времени, то лучше нам спрятаться и стрелять без лишних слов. Да, господин Фродо, хочешь не хочешь, придется подраться.

Но из Кролов подоспели ко времени. Пин уже въезжал в село во главе сотни отборных ополченцев из Укрольных Низин и с Зеленых Холмов. Теперь у Мерри хватало взрослых ратников, чтобы разделаться с охранцами. Разведчики доложили, что бегут они плотной толпой: знают небось, что округа охвачена мятежом, и хотят поскорее загасить и беспощадно вытоптать очаг мятежа в Приречье. Злобищи-то у них хватало, но в военном деле главари, видать, ничего не смыслили: ни застав у них не было, ни дозоров. Мерри быстро раскинул умом.

Охранцы протоптали по Восточному Тракту и с ходу свернули на Приречный, на склон, где по обочинам дороги высились крутые откосы с живыми изгородями поверху. За поворотом, футов за шестьсот от Тракта, пути дальше не было, его преграждали навороченные в три роста телеги. А вверху, за откосами, стеной стояли хоббиты. Позади другие хоббиты мигом нагромоздили телеги, спрятанные в поле; отступления тоже не получалось. И сверху прозвучал

голос.

— Вы, простите, попали в засаду, — сказал Мерри. — Как и ваши приятели из Норгорда: один мертвый, другие сидят под стражей. А ну, бросай оружие! Потом двадцать шагов назад и сесть, не двигаться! А кто двинется — тут ему и конец!

Но на этот раз охранцев было не так-то легко испугать. Были такие, что повиновались, но их быстро призвали к порядку. Человек двадцать или около того кинулись назад, на баррикаду. Шестерых подстрелили, остальные прорвались, убили двух хоббитов и разбежались в разные стороны — должно быть, к Лесному Углу.

— Далеко не убегут, — сказал Пин. — Смертники — у нас там полным-полно стрелков.

Двое упали на бегу. Мерри затрубил в рог, и ему ответили рога со всех сторон.

А тех, кто остался на дороге, зажатых с четырех сторон, было еще человек восемьдесят, они бросались на откосы, ломались через баррикады. Многих подстрелили, многих порубили топорами. Но самые сильные и злобные рвались на запад и бились насмерть. Убили многих и едва не прорвались; но тут подоспели с восточной стороны Мерри с Пином, и Мерри зарубил главаря, огромного косоглазого ублюдка оркской породы. Потом он оттянул ополченцев, и остальные охранцы стали живой мишенью широкого круга лучников.

Наконец-то все кончилось. Семьдесят или около того лежали мертвые, с дюжину взяли пленными. Полегло девятнадцать хоббитов; ранено было около тридцати. Мертвых бандитов свалили на телеги, отвезли к песчаным карьерам и там закопали — на Битвенной Свалке, как она стала потом называться. Убитых хоббитов похоронили в общей могиле на склоне холма; позднее там воздвигли надгробный камень и насадили рощу. Так завершилась битва у Приречья в 1419 году, последняя битва в Хоббитании; предыдущая была в 1147-м, в Северном Уделе, на Зеленополье. А новая битва, хоть и не очень кровопролитная, все же заняла целую главу в Алой Книге: имена всех ее участников образовали Великий Список, который заучивали наизусть летописцы Хоббитании. С тех самых пор дела у Кроттонов пошли в гору, да еще как! Но Кроттоны Кроттонами, а все Списки возглавляли имена главных полководцев: Мериадока и Перегринна.

Фродо был в гуще боя, но меча ни разу не обнажил; он лишь уговаривал хоббитов не поддаваться гневу и щадить врагов, бросивших оружие. Когда битва кончилась и всем разъяснили, что делать дальше, они с Мерри, Пином и Сэмом вернулись к Кроттонам. Пополдничали, и Фродо сказал, вздохнув:

— Ну что ж, поедем разбираться с Генералиссимусом.

— Вот-вот, чем скорее, тем лучше, — сказал Мерри. — Только ты там не очень-то нежничай. Ведь охранцы — его подручные, и он все-таки в ответе за их дела.

Фермер Кроттон отрядил с ними две дюжины крепких молодцов.

— Оно конечно, вроде бы и не осталось охранцев в Торбе, — сказал он, — да мало ли.

Сопровождение было пешее. Фродо, Сэм, Мерри и Пин ехали впереди.

И стало им грустно, как никогда в жизни. Все выше торчала перед ними огромная труба; а подъехав к старой приозерной деревне, они увидели сарай

по обе стороны дороги и новую мельницу, унылую и мерзкую: большое кирпичное строение, которое оседлало реку и извергало в нее дымные и смрадные отходы. Все деревья вдоль Приречного Тракта были срублены.

Они переехали мост, взглянули на Кручу и ахнули. Что там Сэм ни увидел в Зеркале, это было хуже. Древний Амбар к западу от Тракта снесли; на его месте стояли кривобокие, измазанные дегтем сараи. Каштаны повырубили. Откосы изрыли, живые изгороди обломали. На голом, вытоптанном поле не было ни травинки, только сгрудились телеги и фургоны. Исторбинка зияла песчаным карьером; громоздились груды щебня. Торба и не видна была за черными двухэтажными бараками.

— Срубили, гады! — воскликнул Сэм. — Праздничное Дерево срубили! — Он показал туда, где восемнадцать лет назад Бильбо произнес Прощальную речь, а теперь лежал, раскинувшись, гниющий древесный труп. Это было уж слишком — и Сэм заплакал.

Но его всхлипы прервал громкий смех. На низкую мельничную ограду тяжело облокотился здоровенный хоббит, чумазый и засаленный.

— Чего, Сэмчик, не нравится? — хохотнул он. — Ну, так ты и всегда был сопливец. А я-то думал, ты отвалил куда-то там такое на корабле, плывешь и уплываешь, как ты, помнится, языком трепал. Зачем обратно-то приперся? Мы тут, в Хоббитании, работаем, понял, дело делаем.

— Оно и видно, — сказал Сэм. — Умыться некогда, надо брюхом забор обтирать. Только вы учтите, сударь Пескунс, что я вернулся сводить счета, а будете зубы скалить — посчитаемся и с вами: ох и дорогонько это вам обойдется!

— Иди ты знаешь куда! — сплюнул через забор Тод Пескунс. — Попробуй тронь меня: мы с Вождем друзья. Вот он тебя, это да, тронет, чтоб ты тут не нахальничал.

— Да оставь ты дурака в покое, Сэм! — сказал Фродо. — Надеюсь, таких порченных, как он, раз-два и обчелся, иначе плохо наше дело. Вот он, настоящий-то вред, хуже всего остального разорения.

— Эх, Пескунс, Пескунс, мурло ты неумытое, — сказал Мерри. — А вдобавок и правда дурак дураком: протри глаза-то! Мы как раз и едем к твоему приятелю-вождю — за ушко его да на солнышко. А с Большими Начальниками ты, я вижу, забыл попрощаться.

Тод застыл с разинутым ртом, увидев, как из-за моста по знаку Мерри выступил отряд ополченцев. Он побежал на мельницу, схватил рог и громко затрубил.

— Не надрывайся! — насмешливо крикнул Мерри. — Без тебя обойдется!

Он поднял свой серебряный рог, и звонкий, повелительный призыв разнесся по круче; из землянок, сараев, нор и развалин послышались ответные крики хоббитов, и немалая толпа, шумная и радостная, повалила вслед за отрядом к Торбе.

Наверху все остановились; вперед пошли Фродо с друзьями: наконец-то они вернулись в знакомый, любимый дом. Сада не стало; на месте его выросли, теснясь у окон на запад, хибары и сараи, заслонявшие белый свет. Повсюду расплзались мусорные кучи. Дверь была вся исцарапана, цепка звонка мертвенно свисала: напрасно ее дергали, понапрасну стучались. Наконец дверь толкнули, она отпахнулась. Их обдало холодной, тухлой, нежилой вонью: похоже, дом был пуст.

— Куда же подевался этот собачий Лотто? — сказал Мерри. Они обошли все комнаты: ни живой души, одни крысы с мышами. — Может, скажем, пусть обыщут все сараи?

— Да это хуже Мордора! — воскликнул Сэм. — Гораздо хуже, коли на то пошло. Говорят: каково на дому, таково и самому, и вот он, наш дом, загаженный и оскверненный, точно память обманула!

— Да-да, это нашествие Мордора, — подтвердил Фродо. — Мордорская мертвечина. Саруман плодил мертвечину, а это и была главная заповедь Властелина Мордора, хотя сам-то маг думал, что он всех перехитрил. И одураченный им Лотто исполнял ту же заповедь.

Мерри огляделся — сердито, с отвращением.

— Пойдемте отсюда! — сказал он. — Знал бы я, сколько он пакостей натворит, я бы ему свой кисет в глотку забил!

— Еще бы, еще бы! Но ведь не знал и не забил, так что позвольте приветствовать вас на дому!

В дверях стоял сам Саруман, сытый, довольный, весело и злобно сверкали его глаза.

Тут-то Фродо и осенило.

— Шаркич! — вскричал он.

Саруман расхохотался.

— Что, имечко уже прослышали? Так мои подданные, помнится, называли меня в Изенгарде. Видно, любили.⁴⁶ Но какая встреча: вы меня разве не ожидали здесь увидеть?

— Не ожидали, — сказал Фродо. — А могли бы догадаться, что здесь и увидим. Гэндальф нас предупредил, что мелкое паскудство исподтишка тебе еще по силам.

— Вполне, вполне, — сказал Саруман. — И не такое уж мелкое. Ох и забавно же было смотреть на вас, чванливых недомерков, затесавшихся в свиту новоявленных властителей мира: как же вы пыжились от самодовольства! И думали, что вышли сухими из воды, что заберетесь обратно в свои конурки и заживете как ни в чем не бывало. Подумаешь, замок Сарумана! Его можно разрушить, хозяина выгнать, а ваш дом — ваша крепость. В случае чего Гэндальф вас в обиду не даст.

И Саруман опять расхохотался.

— Это Гэндальф-то! Да вы отслужили ему — и все, какое ему теперь дело до вас? Нет, вы, треща без умолку, потащились за ним окольным путем, далеко в объезд своей странишки. Ну, я и подумал, что раз вы такое дурачье, то надо вас немного опередить и как следует проучить. Времени оказалось маловато, да и людей тоже, а то бы моего урока вам на всю жизнь хватило. Но ничего, может, и хватит, я тут у вас хорошо похозяйничал. Как утешительно мне будет вспоминать, что хоть на вас я выместил свои обиды!

— Если тебе осталось только этим утешаться, то мне тебя жаль, — сказал Фродо. — Боюсь, пустое это утешение. Уходи сейчас же и навсегда!

Хоббиты видели, как Саруман вышел из хибары; угрюмой толпой надвинулись они к дверям Торбы и отозвались на слова Фродо гневными возгласами:

— Не отпускай его! Его надо убить. Он злодей и кровопийца. Убьем его!

Саруман с усмешкой окинул взглядом враждебные лица.

— Убейте, попробуйте, храбренькие хоббитцы; вас, убийц, я вижу, много скопилось. — Он выпрямился во весь рост, и черные глаза его грозно сверкнули. — Только не думайте, что я, обездоленный, лишился всей своей колдовской силы. Кто тронет меня — умрет страшной смертью. А если кровь моя обагрит землю Хоббитании, земля ваша навеки станет бесплодной.

Хоббиты попятились. Но Фродо молвил:

— Да не верьте вы ему! Никакой колдовской силы у него нет, лишь голос его обманывает и завораживает тех, кто поддастся. Но убивать его я не позволю. Не надо мстить за месть — только зла в мире прибудет. Саруман, уходи немедленно!

— Гниль! Эй ты, Гниль! — крикнул Саруман, и из ближней хибары выполз на четвереньках Гнилоуст — точь-в-точь побитый пес. — В дорогу, Гниль! — приказал Саруман. — Тут опять явились эти красавчики-господинчики, они нас выгоняют. Пошли!

Гнилоуст поплелся за Саруманом. А Саруман поравнялся с Фродо, в руке его блеснул кинжал, и он нанес страшный, молниеносный удар. Но клинок скользнул по скрытой мифрильной кольчуге и обломился. С десятков хоббитов, и первым из них Сэм, кинулись вперед и швырнули наземь незадачливого убийцу. Сэм обнажил меч.

— Нет, Сэм! — сказал Фродо. — Все равно убивать его не надо. И уж тем более нельзя убивать, когда он в черной злобе. Ведь он был когда-то велик, он из тех, на кого мы не смеем поднимать руку. Теперь он падший, однако ж не нам судить его: как знать, может, он еще возвеличится.

Саруман встал; он пристально поглядел на Фродо — с почтительным изумлением и глубокой ненавистью.

— Да, ты и вправду вырос, невысоклик, — сказал он. — Да, да, ты очень даже вырос. Ты стал мудрым — и жестоким. Теперь из-за тебя в моей мести нет утешенья, и милосердие твое мне горше всего на свете. Ненавижу тебя и твое милосердие! Что ж, я уйду и тебя больше не потревожу. Но не жди, не пожелаю тебе на прощанье ни здоровья, ни долгих лет жизни. Ни того, ни другого тебе не будет. Впрочем, тут уж не я виною. Я лишь предсказываю.

Он пошел прочь, и хоббиты расступались перед ним, побелевшими пальцами сжимая оружие. Гнилоуст помедлил и последовал за ним.

— Гнилоуст! — сказал Фродо. — У тебя, может статься, путь иной. Мне ты никакого зла не причинил. Отдохнешь, отъешься, окрепнешь — и, пожалуйста, иди своей дорогой.

Гнилоуст остановился и жалко взглянул на него, почти что готовый остаться. Саруман обернулся.

— Не причинил зла? — хихикнул он. — Какое там зло! Даже ночью он вылезает только затем, чтобы поглядеть на звезды. Тут кто-то, кажется, спрашивал, куда подевался Лотто? Ты ведь знаешь, Гниль, куда он подевался? Ну-ка, расскажи!

— Нет, нет! — съежившись, захныкал Гнилоуст.

— Да ладно, чего там, — сказал Саруман. — Это он, Гниль, прикончил вашего Генералиссимуса, вашего разлюбезненького Вождя. Что, Гниль, неправда? Правда! Заколол его, я так думаю, во сне. А потом закопал, хотя вряд ли: Гниль у нас всегда такой голодненький. Нет, ну что вы, куда вам с ним. Оставьте эту мразь мне.

Диким бешенством загорелись красные глаза Гнилоуста.

— Ты мне сказал это сделать, ты меня заставил, — прошипел он.

— А ты, Гниль, всегда делаешь, что тебе велит Шаркич, а? — расхохотался Саруман. — Так вот, Шаркич тебе говорит: за мной!

Он пнул Гнилоуста — тот все еще был на четвереньках — в лицо, повернулся и пошел. Но тут случилось нежданное: Гнилоуст вдруг вскочил, выхватил запрятанный нож, бросился, рыча, как собака, на спину Саруману, откинул ему голову, перерезал горло и с визгом побежал по улице. Фродо не успел и слова выговорить, как три стрелы пронзили Гнилоуста, и он упал замертво.

Все испугались, когда вокруг Саруманова трупа склубился серый туман и стал медленным дымом, точно от большого костра, и поднялся огромный мгlistый облик, возникший над Кручей. Он заколебался, устремляясь на запад, но с запада подул холодный ветер, и облик стал смутным, а потом развеялся.

Фродо глядел на мертвое тело с жалостью и ужасом, и вдруг труп съежился, обнаружив тысячелетнюю смерть: дряблое лицо стало клочьями иссохшей плоти на оскаленном черепе. Он укрыл мертвеца его грязным изорванным плащом и отвернулся.

— Хорошенький конец, — сказал Сэм. — Да нет, конец-то плохой, и лучше бы мне его не видеть, но, как говорится, спасибо — распрощались.

— По-моему, война кончилась, — сказал Мерри.

— Надеюсь, что так, — вздохнул Фродо. — И где она кончилась — у дверей Торбы! Вот уж не думал, не гадал.

— Скажете тоже — кончилась, — проворчал Сэм. — Такого наворотили — за сто лет не разгребешь.

Глава IX Серебристая гавань

Работы, конечно, было много, но все же не на сто лет, как опасался Сэм. На другой день после битвы Фродо поехал в Землеройск освободить узников Исправнор. Одним из первых освободили беднягу Фредегара Боббера, теперь уж вовсе не Толстика. Его зацапали, когда охранцы душили дымом повстанческий отряд, который он перевел из Барсуковин в Скары, на скалистые холмы.

— Пошел бы с нами, Фредик, может, так бы и не похудел, — сказал Пин, когда Фредегара выносили наружу — ноги его не держали.

Тот приоткрыл один глаз и героически улыбнулся.

— Кто этот громогласный молодой великан? — прошептал он. — Уж не бывший ли малыш Пин? Где же ты теперь купишь шляпу своего размера?

Потом вызволили Любелию. Она, бедняжка, совсем одряхлела и отощала, но все равно, когда ее вывели из темной, тесной камеры, сказала, что пойдет сама, и вышла со своим зонтиком, опершись на руку Фродо. Ее встретили такие крики и восторги, что она расплакалась и уехала вся в слезах. Ей такое было непривычно: ее отродясь не жаловали. Весть об убийстве Лотто ее едва не доконала, и уехала она не в Торбу: Торбу она возвратила Фродо, а сама отправилась к родне, к Толстобрюхам из Крепкотука.

Несчастливая старуха умерла по весне — как-никак, ей перевалило за сто, — и Фродо был изумлен и тронут, узнав, что она завещала свои сбережения и все

капиталы Лотто ему, на устройство бездомных хоббитов. Так что вековая распря кончилась.

Старина Вил Тополап просидел в Исправнорах дольше всех остальных, и, хотя кормили его не так уж плохо, ему надо было долго отъедаться, чтобы снова стать похожим на Голову Хоббитании; и Фродо согласился побыть Головой, покуда господин Тополап не поправится как следует. На этом начальственном посту он только и сделал, что распустил ширрифов, оставив их сколько надо и наказав им заниматься своими делами и не лезть в чужие.

Пин и Мерри взялись очистить Хоббитанию от охранцев и быстро в этом преуспели. Прослышав о битве у Приречья, бандиты шайками бежали с юга за пределы края; их подгоняли вездесущие отряды Хоббитана. Еще до Нового года последних упрямецев окружили в лесах и тех, кто сдался и уцелел, проводили к границе.

Тем временем стране возвращали хоббитский вид, и Сэм был по горло занят. Когда надо, хоббиты трудолюбивее пчел. От мала до велика все были при деле: понадобились и мягкие проворные детские ручонки, и жилистые, измозоленные старческие. К *Просечню*⁴⁷ от ширрифских участков и других строений охранцев Шаркича ни кирпичика не осталось и ни один не пропал; многие старые норы зачинили и утеплили. Обнаружились огромные склады съестного и пивных бочек — в сараях, амбарах, а больше всего — в Смиалах Землеройска и каменоломнях Скар, так что Просечень отпраздновали на славу — вот уж чего не ожидали!

В Норгорде еще не успели снести новую мельницу, а уже принялись расчищать Торбу и Кручу, возводить заново Исторбинку. Песчаный карьер заровняли, разбили на его месте садик, вырыли новые норы на южной стороне Кручи и отделали их кирпичом. Жихарь опять поселился в норе номер 3 и говаривал во всеуслышание:

— Ветер — он одно сдует, другое нанесет, это уж точно. И все хорошо, что кончается еще лучше!

Думали, как назвать новый проулок: может, Боевые Сады, а может, Главнейшие Смиалы. Хоббитский здравый смысл, как всегда, взял верх: назвали его *Новый проулок*. И только в Приречье, опасно шутя, называли его Могилей Шаркича.

Главный урон был в деревьях — их, по приказанию Шаркича, рубили где ни попадя, и теперь Сэм хватался за голову, ходил и тосковал. Это ведь сразу не исправишь: разве что праправнуки, думал он, увидят Хоббитанию, какой она была.

И вдруг однажды — за прочими-то делами у него память словно отшибло — он вспомнил о шкатулке Галадриэли. Поискал, нашел эту шкатулку и принес показать ее другим Путешественникам (их теперь только так называли) — что они посоветуют.

— А я все думал, когда-то ты о ней вспомнишь, — сказал Фродо. — Открой!

Внутри оказалась серая пыль и крохотное семечко, вроде бы орешек в серебре.

— Ну, и чего теперь делать? — спросил Сэм.

— Ты, пожалуй что, кинь все это на ветер в какой-нибудь ветреный день, — посоветовал Пин, — а там посмотрим, что будет.

— На что смотреть-то? — не понял Сэм.

— Ну, или выбери участок, высыпь там, попробуй, что получится, — сказал Мерри.

— Наверняка ведь Владычица не для меня одного это дала, — возразил Сэм, — тем более — у всех беда.

— Ты у нас садовод, Сэм, — сказал Фродо, — вот и распорядись подарком как лучше да бережливее. В этой горсточке, наверно, каждая пылинка на вес золота.

И Сэм посадил побеги и сыпнул пыли повсюду, где истребили самые красивые и любимые деревья. Он исходил вдоль и поперек всю Хоббитанию, а первым делом, понятно, Приречье и Норгорд — но тут уж никто не обижался. Когда же мягкой серой пыли осталось совсем немного, он пошел к Трехудельному Камню, который был примерно посередине края, и рассеял остаток на все четыре стороны с благодарственным словом. Серебристый орешек он посадил на Общинном лугу, на месте бывшего Праздничного Дерева: что вырастет, то вырастет. Всю-то зиму он вел себя терпеливей некуда: хаживал, конечно, посмотреть, как оно растет, но уж совсем редко, не каждый день.

Ну а весной началось такое... Саженцы его пошли в рост, словно подгоняя время, двадцать лет за год. На Общинном лугу не выросло, а вырвалось из-под земли юное деревце дивной прелести, с серебряной корою и продолговатыми листьями; к апрелю его усыпали золотистые цветы. Да, это был *мэллорн*, и вся округа сходилась на него любоваться. Потом, в грядущие годы, когда красота его стала неопишуемой, приходили издалека — шутка ли, один лишь *мэллорн* к западу от Мглистых гор и к востоку от Моря, и чуть ли не самый красивый на свете.

Был 1420 год сказочно погожий: ласково светило солнце, мягко, вовремя и щедро струились дожди, а к тому же и воздух был медвяный, и на всем лежал тихий отсвет той красоты, какой в Средиземье, где лето лишь мельком блещет, никогда не бывало. Все дети, рожденные или зачатые в тот год — а в тот год что ни день зачинали или родили, — были крепыши и красавцы на подбор, и большей частью золотоволосые, среди хоббитов невидаль. Все уродилось так обильно, что хоббитята едва не купались в клубнике со сливками, а потом сидели на лужайках под сливами и ели до отвала, складывая косточки горками, точно завоеватели черепа, и отползали к другому дереву. Никто не хворал, все были веселы и довольны, кроме разве что косцов — уж больно пышная выросла трава.

В Южном уделе лозы увешали налитые гроздья, «трубочное зелье» насилу собрали, и зерна было столько, что амбары ломились. А на севере уродился такой ядреный ячмень, что тогдашнее пиво поминали добрым словом еще и лет через двадцать. Какой-нибудь старикан, пропустивши после многотрудного дня пинту-другую, со вздохом ставил кружку и говорил:

— Ну, пиво! Не хуже, чем в четыреста двадцатом!

Сперва Сэм жил у Кроттонов вместе с Фродо, но, когда закончили Новый проулок, он переселился к Жихарю — надо же было присматривать за уборкой и отстройкой Торбы. Это само собой, а вдобавок он разъезжал по всему краю как — хочешь не хочешь — главный лесничий. В начале марта его не

было дома, и он не знал, что Фродо занемог. Фермер Кроттон тринадцатого числа между делом зашел к нему в комнату: Фродо лежал откинувшись, судорожно сжимая цепочку с жемчужиной, и был, как видно, в бреду.

— Навсегда оно сгнуло, навеки, — повторял он. — Теперь везде темно и пусто.

Однако же приступ прошел, и, когда Сэм двадцать пятого вернулся, Фродо был какой обычно и ничего ему о себе не рассказал. Между тем Торбу привели в порядок, Мерри и Пин приехали из Кроличьей Балки и привезли всю мебель и утварь, так что уютная нора выглядела почти что по-прежнему.

Когда наконец все было готово, Фродо сказал:

— А ты, Сэм, когда ко мне переберешься?

Сэм замялся.

— Да нет, спешить-то некуда, — сказал Фродо. — Но Жихарь ведь тут, рядом, да и вдова Буркот его чуть не на руках носит.

— Понимаете ли, господин Фродо... — сказал Сэм и покраснел как маков цвет.

— Нет, пока не понимаю.

— Розочка же, ну Роза Кроттон, — объяснил Сэм. — Ей, бедняжке, оказывается, вовсе не понравилось, что я с вами поехал; ну, я-то с ней тогда еще не разговаривал напрямик, вот она и промолчала. А какие же с ней разговоры, когда сперва надо было, сами знаете, дело сделать. Теперь вот я говорю ей: так, мол, и так, а она: «Да уж, — говорит, — год с лишним прошлялся, пора бы и за ум взяться». — «Прошлялся? — говорю. — Ну, это уж ты слишком». Но ее тоже можно понять. И я, как говорится, прямо-таки на две части разрываюсь.

— Теперь понял, — сказал Фродо. — Ты хочешь жениться, а меня не бросать? Сэм, дорогой, все проще простого! Женись хоть завтра — и переезжайте с Розочкой в Торбу. Разводите семью: чего другого, а места хватит.

Так и порешили. Весною 1420 года Сэм Скромби женился на Розе Кроттон (в ту весну что ни день были свадьбы), и молодые поселились в Торбе. Сэм считал себя счастливым, а Фродо знал, что счастливчик-то он, потому что во всей Хоббитании ни за кем так заботливо не ухаживали. Когда все наладилось и всюду разобрались, он зажил тише некуда: писал, переписывал и перебирал заметки. На Вольной Ярмарке он сложил с себя полномочия Заместителя Головы; Головою снова стал старина Вил Тополап и очередные семь лет восседал во главе стола на всех празднествах.

Мерри с Пином для начала пожили в Кроличьей Балке, то и дело наведываясь в Торбу. Они разъезжали по Хоббитании в своих невиданных нарядах, рассказывали были и небылицы, распевали песни, устраивали пирушки — и прославились повсеместно. Их называли «вельможными», но отнюдь не в укор: радовали глаз их сверкающие кольчуги и узорчатые щиты, радовали слух их песни и залиvistый смех. На диво рослые и статные, в остальном они мало изменились: разве что стали еще приветливее, шутливее и веселее.

А Фродо и Сэм одевались, как прежде, и лишь в непогоду их видели в длинных и легких серых плащах, застегнутых у горла изумительными брошами, а господин Фродо всегда носил на шее цепочку с крупной жемчужиной, к которой часто притрагивался.

...Все шло как по маслу, от хорошего к лучшему; Сэм с головой погрузился в

счастливые хлопоты и чуть сам себе не завидовал. Ничем бы год не омрачился, если б не смутная тревога за хозяина. Фродо как-то незаметно выпал из хоббитской жизни, и Сэм не без грусти замечал, что не очень-то его и чтут в родном краю. Почти никому не было дела до его приключений и подвигов; вот господина Мериадока и господина Перегринна — тех действительно уважали, теми не уставали восхищаться. Очень высоко ставили и Сэма, но он об этом не знал. А осенью пробежала тень былых скорбей.

Однажды вечером Сэм заглянул в кабинет к хозяину; тот, казалось, был сам не свой — бледен как смерть, и запавшие глаза устремлены в незримую даль.

— Что случилось, господин Фродо? — воскликнул Сэм.

— Я ранен, — глухо ответил Фродо, — ранен глубоко, и нет мне исцеленья.

Но и этот приступ быстро миновал; на другой день он словно и забыл о вчерашнем. Зато Сэму припомнилось, что дело-то было шестого октября: ровно два года назад ложбину у вершины Заверти затопила темень.

Время шло; настал 1421 год. В марте Фродо опять было плохо, но он перемогся тайком, чтоб не беспокоить Сэма: его первенец родился двадцать пятого. Счастливый отец торжественно записал эту дату и явился к хозяину.

— Тут такое дело, сударь, — сказал он, — я к вам за советом. Мы с Розочкой решили назвать его Фродо, с вашего позволения; а это вовсе не *он*, а *она*. Я не жалею, тем более уж такая красавица — по счастью, не в меня, а в Розочку. Но вот как нам теперь быть?

— А ты следуй старому обычаю, Сэм, — сказал Фродо? — Назови именем цветка: у тебя, кстати, и жена Роза. Добрая половина хоббитанок носит цветочные имена — чего же лучше?

— Это вы, наверно, правы, сударь, — согласился Сэм. — В наших странствиях я слышался красивых имен, но уж больно они, знаете, роскошные, нельзя их изо дня в день трепать. Жихарь, он что говорит? «Ты, — говорит, — давай подбери имя покороче, чтоб укорачивать не пришлось». Ну а ежели цветочное, тогда ладно, пусть и длинное: надо подыскать очень красивый цветок. От нее и сейчас-то глаз не оторвешь, а потом ведь она еще краше станет.

Фродо немного подумал.

— Не хочешь ли, Сэм, назвать ее *Эланор* — помнишь, такие зимние золотистые цветочки на лугах Кветлориэна?

— В самую точку, сударь! — с восторгом сказал Сэм. — Ну прямо как по мерке.

Малышке Эланор исполнилось шесть месяцев, и ранняя осень стояла на дворе, когда Фродо позвал Сэма к себе в кабинет.

— В четверг день рождения Бильбо, Сэм, — сказал он. — Все, перегнал он Старого Крола: сто тридцать один ему стукнет.

— И правда! — сказал Сэм. — Вот молодец-то!

— Знаешь, Сэм, — сказал Фродо, — ты пойдика поговори с Розой — как она, не отпустит ли тебя со мной. Ненадолго, конечно, и недалеко, пусть не волнуется, — грустно прибавил он.

— Сами понимаете, сударь, — отозвался Сэм.

— Чего тут не понимать. Ладно, хоть немного проводишь. Ну все-таки отпросись у Розы недели на две и скажи ей, что вернешься цел и невредим, я ручаюсь.

приснилось.

Смеркалось, и впереди, на востоке, мерцали звезды, когда они проехали мимо разбитого молнией дуба и углубились в заросли орешника. Сэм помалкивал: перед ним проплывали воспоминания. Но вскоре он услышал, как Фродо тихо-тихо напевает старую походную песню, только слова были какие-то другие:

*Быть может, вовсе не во сне
Возникнет дверь в глухой стене
И растворится предо мной,
Приоткрывая мир иной.
И лунный луч когда-нибудь,
Как тайный знак, укажет путь.*

И точно в ответ с низкой дороги в долине послышалось пение:

*А Элберет Гилтониэль
Сереврен ренна мириэль
А мэрель эглер Эленнас!
Гилтониэль! О Элберет!
Сиянье в синем храме!
Мы помним твой предвечный свет
За дальними морями!⁴⁸*

Фродо и Сэм остановились в мягкой лесной тени и молча ожидали, пока подплывет к ним по дороге перламутровое облако, превращаясь в смутный конный строй.

Стал виден Гаральд, засияли прекрасные лица эльфов, и среди них Сэм с изумленьем увидел Элронда и Галадриэль. Элронд был в серой мантии и алмазном венце; в руке он держал серебряную арфу, и на пальце его блистало золотое кольцо с крупным сапфиром — Кольцо Вилья, главнейшее из Трех Эльфийских. Галадриэль ехала на белом коне, и ее белоснежное одеяние казалось мгlistой поволокой луны, излучающей тихий свет. Бриллиант в ее мифрильном кольце вспыхивал, как звезда в морозную ночь, — это было Кольцо Нэнья, властное над водами. А следом на маленьком сером пони трусил, сонно кивая, не кто иной, как Бильбо Торбинс.

Величаво и ласково приветствовал их Элронд, а Галадриэль улыбнулась им.

— Ну что же, Сэммиум, — сказала она, — я прослышала и теперь сама вижу, что подарком моим ты распорядился отлично. Теперь Хоббитания станет еще чудесней — а может стать, даже любимей, чем прежде.

Сэм низко поклонился ей, но слов не нашел. Он как-то забыл, что Владычица прекраснее всех на земле.

Тут Бильбо проснулся и разлепил глаза.

— А, Фродо! — сказал он. — Ну вот, нынче и перегнал я Старого Крола. Это, стало быть, решено. А теперь можно и в дальний путь. Ты что, с нами?

— Да, и я с вами, — сказал Фродо. — Нынче уходят все, сопричастные Кольцам.

— Да вы куда же, хозяин? — воскликнул Сэм, наконец понимая, что происходит.

— В Гавань, Сэм, — отозвался Фродо.

— И меня бросаете.

— Нет, Сэм, не бросаю. Проводи меня до Гавани. Ты ведь тоже носил Кольцо, хоть и недолго. Придет, наверно, и твой черед. Ты не очень печалься, Сэм. Хватит тебе разрываться надвое. Много еще лет ты будешь крепче крепкого, твердыней из твердынь. Поживешь, порадуешься — да и поработаешь на славу.

— Да ведь это что же, — сказал Сэм со слезами на глазах. — Я-то думал, вы тоже будете многие годы радоваться. И Хоббитания расцветет, а вы же ради нее...

— Я вроде бы и сам так думал. Но понимаешь, Сэм, я страшно, глубоко ранен. Я хотел спасти Хоббитанию — и вот она спасена, только не для меня. Кто-то ведь должен погибнуть, чтоб не погибли все: не утратив, не сохранишь. Ты останешься за меня: я завещаю тебе свою несбывшуюся жизнь на придачу к твоей собственной. Есть у тебя Роза и Эланор, будут Фродо и Розочка, Мериадок, Лютик и Перегрин; будут, наверно, и еще, но этих я словно вижу. Руки твои и твой здравый смысл будут нужны везде. Тебя, конечно, будут выбирать Головой Хоббитании, куда тебе это вконец не надоеет; ты станешь знаменитейшим садоводом, будешь читать хоббитам Алую Книгу, хранить память о былых временах и напоминать о том, как едва не стряслась Великая Беда, — пусть еще больше любят наш милый край. Ты проживешь долгий и счастливый век, исполняя то, что предназначено тебе в нашей Повести.

А пока что поехали со мной!

Уплывали за Море Элронд и Галадриэль, ибо кончилась Третья Эпоха и с нею могущество древних Колец, стихли песни, иссякли сказания трех тысячелетий. Вышние эльфы покидали Средиземье, и среди них, окруженные радостным почетом, ехали Сэм, Фродо и Бильбо, пока лишь печалась, еще не тоскуя.

Вечером и ночью ехали они по Хоббитании, и никто их не видел, кроме диких зверей; случайный путник замечал проблеск между деревьев, тени, скользнувшие по траве, а луна плыла и плыла на запад. Кончилась Хоббитания; мимо южных отрогов Светлого нагорья они выехали к западным холмам и к Башням, увидели безбрежную морскую гладь, и показался Митлонд — Серебристая Гавань в узком заливе Люн.

У ворот Гавани встретил их Корабел Сэрдан — высокий, длиннобородый и седой как лунь; глаза его струили звездный свет. Он окинул их взглядом, поклонился и молвил:

— К отплытию все готово.

Сэрдан повел их к Морю, к огромному кораблю; а на набережной, у причала, стоял высокий серебристый конь и рядом с ним кто-то, весь в белом. Он обернулся, шагнул навстречу — и Фродо увидел, что Гэндальф больше не скрывает Третье Эльфийское Кольцо Нарья, сверкавшее рубиновым блеском. И все обрадовались: это значило, что Гэндальф поплывет вместе с ними.

Но горестно стало на сердце у Сэма: он подумал, что, как ни скорбно расставание, стократ печальнее будет долгий и одинокий обратный путь. Он стоял и смотрел, как эльфы всходили на борт белого корабля; вдруг послышался цокот копыт — и Мерри с Пином остановили возле причала взмыленных коней. И Пин рассмеялся сквозь слезы.

— Опять ты хотел удрать от нас, Фродо, и опять у тебя не вышло, — сказал он. — Чуть-чуть бы еще — и все, но ведь чуть-чуть не считается. На этот раз выдал тебя не Сэм, а сам Гэндальф.

— Да, — подтвердил Гэндальф, — потому что лучше вам ехать назад втроем. Ну что же, дорогие мои, здесь, на морском берегу, настал конец нашему земному содружеству. Мир с вами! Не говорю: не плачьте, бывают и отрадные слезы.

Фродо расцеловался с Мерри и Пином, потом — с Сэмом и взошел на борт. Подняли паруса, дунул ветер; корабль медленно двинулся по длинному заливу. Ясный свет фиала Галадриэли, который Фродо держал в поднятой руке, стал слабым мерцанием и потерялся во мгле. Корабль вышел в открытое море, ушел на запад, и в сырой, дождливой ночи Фродо почувал нежное благоухание и услышал песенный отзвук за громадами вод. И точно во сне, виденном в доме Бомбадила, серый полог дождя превратился в серебряный занавес; занавес раздвинулся, и он увидел светлый берег и дальний зеленый край, осиянный зарею.

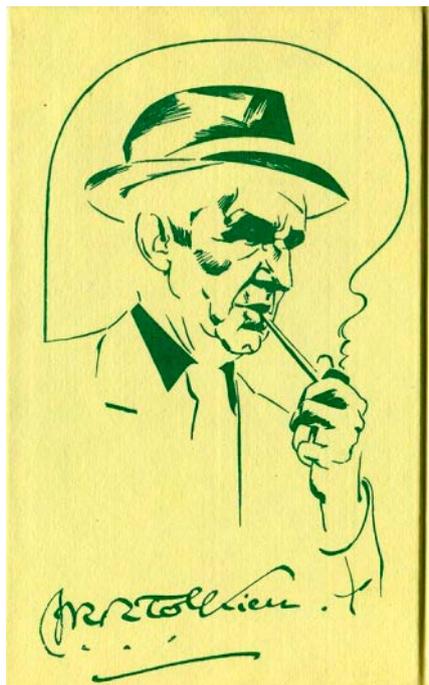
Но для Сэма, который стоял на берегу, тьма не разомкнулась; он глядел, как серые волны далеко на западе смывают легкую тень корабля. Простоял он далеко за полночь, слушал вздохи и ропот прибоя, уныло вторило его сердце этому мерному шуму. Рядом с ним в молчанье стояли Мерри и Пин.

Наконец все трое повернулись и, уже не оглядываясь, медленно поехали назад; ни слова не было сказано по дороге в Хоббитанию, но все же не так уж труден оказался дальний путь втроем.

Наконец они спустились с холмов и выехали на Восточный Тракт; оттуда Мерри и Пин свернули к Забрэндии — и вскоре издалека послышалось их веселое пение. А Сэм взял путь на Приречье и подъехал к Круче, когда закат уже угасал. Прощальные бледно-золотистые лучи озарили Торбу, светившуюся изнутри; его ожидали, и ужин был готов. Роза встретила его, подвинула кресло к камину и усадила ему на колени малышку Эланор. Он глубоко вздохнул.

— Ну, вот я и вернулся, — сказал он.

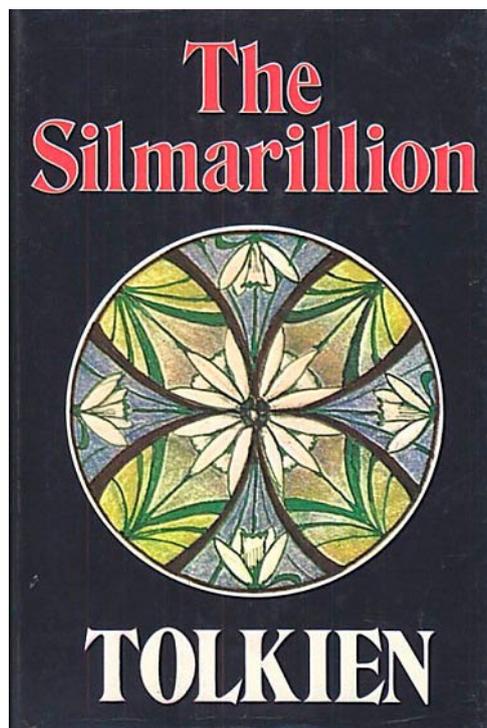

Сильмариллион

The Silmarillion

Обложка первого издания

©George Allen & Unwin, 1977

Текст и элементы оформления воспроизведены по изданию:

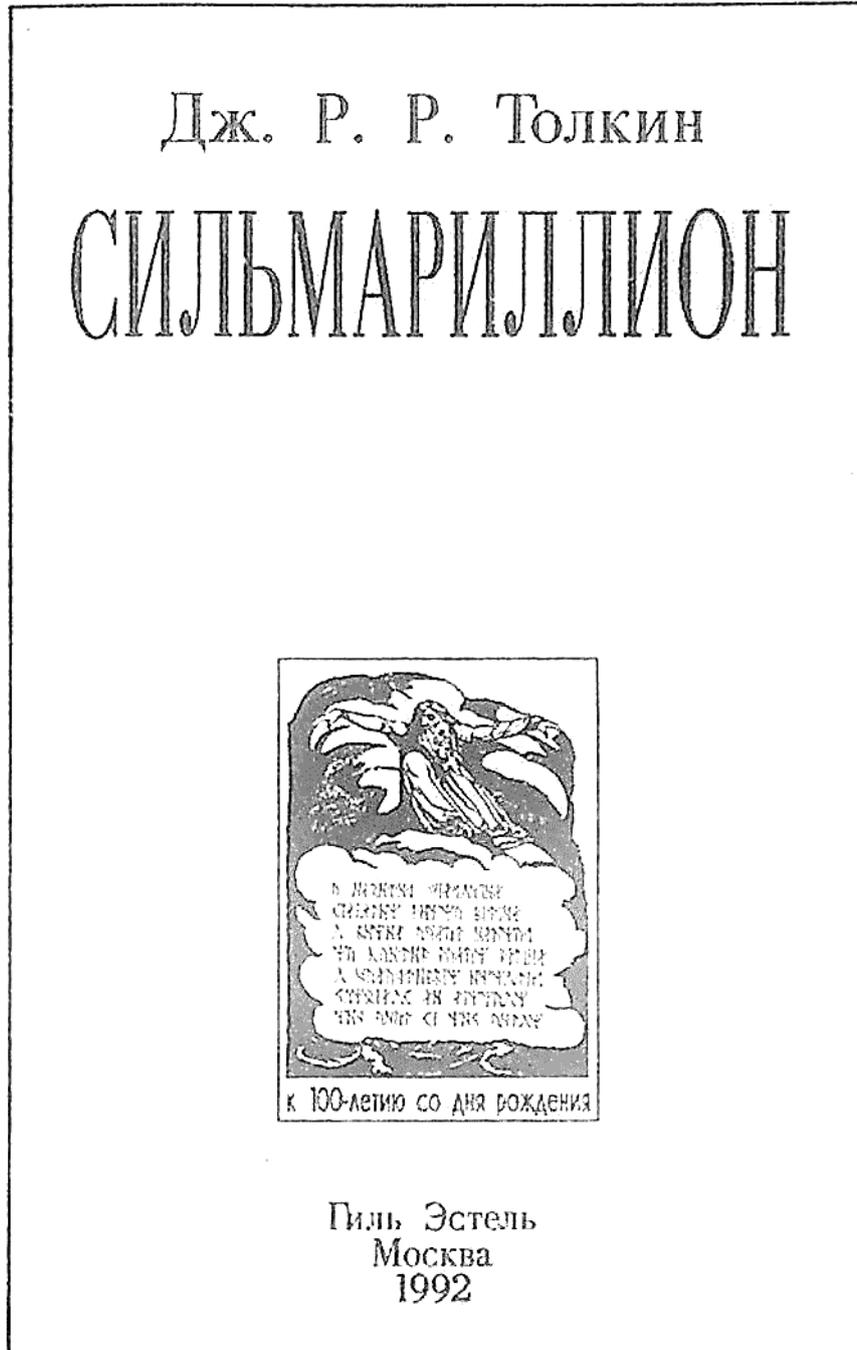

Сильмариллион⁴⁹ эпос нолдоров

© Издательство Гиль Эстель, 1992

перевод Н. Эстель

Автор оформления издания не указан

В создании компиляции "Сильмариллион" также использованы элементы оформления и иллюстрации из издания:

Сильмариллион Статьи и письма

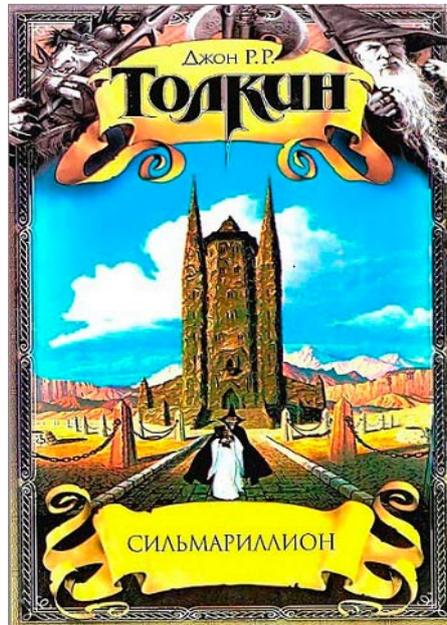
Литературно-художественное издание

©Москва: Издательство АСТ, 2003

©Санкт-Петербург: Издательство Terra Fantastica, 2003

Переводчик не указан [(в качестве заготовки явно использован и изуродован текст Н. Эстель 1992 года)]

Художник не указан [(Яна Ашмарина)]

В оформлении обложки использована работа Грега и Тима Гильденбрандтов

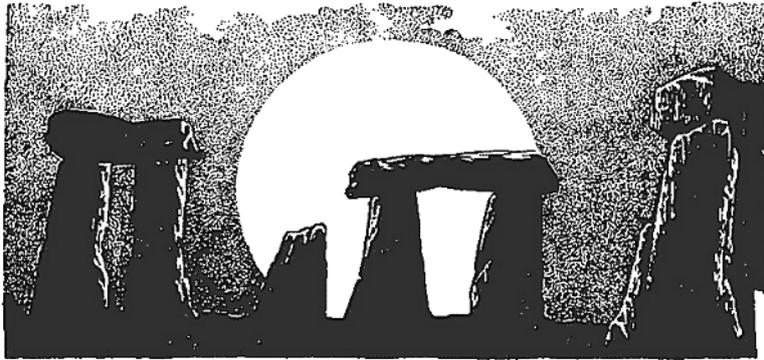

Главное, становое произведение Джона Р. Р. Толкиена, из которого выросла вся остальная вселенная Средиземья. Созданию Сильмариллиона он посвятил более пятидесяти лет своей жизни. Вымышленный эпос вымышленного народа (эльфов нолдоров) построен по той же схеме, что и реально существующие народные эпосы: от сотворения

мира к деяниям богов, полубогов и героев.
 Представленный здесь перевод Н. Эстель **образца 1992 года** удивительно поэтичен, и является, пожалуй, лучшим из бытующих ныне.

Айнулиндалэ

Музыка айнуров

Бл Эру, Единый, что в Арде зовется *Илуватар*: и первыми создал он айнуров, Священных, что были плодом его дум: и они были с ним прежде, чем было создано что-либо другое. И он говорил с ними, предлагая им музыкальные темы: и они пели перед ним, и он радовался. Но долгое время каждый из них пел отдельно или по двое-трое вместе, а прочие внимали: ибо каждый понимал лишь ту часть разума Илуватара, из коей вышел: и плохо понимали они своих братьев. Однако, внимая, они начинали понимать друг друга более глубоко, и их единство и гармония росли.

И пришло время, когда Илуватар созвал всех айнуров и задал им мощную тему, открыв им вещи огромней и удивительнее всего, что являл прежде: и величие начала ее и блеск конца так поразили айнуров, что они в безмолвии склонились пред Илуватаром.

И тогда сказал им Илуватар:

— Я желаю, чтобы из этой темы, что я задал вам, вы все вместе создали Великую Музыку. И, так как я зажег вас от Неугасимого Пламени, вы явите теперь силы свои в развитии этой темы — каждый, как думается и желается ему. А я буду сидеть и внимать, и радоваться, что через вас великая краса придет в песню.

И тогда голоса айнуров, подобные арфам и лютням, скрипкам и трубам, виолам и органам, и бесчисленным поющим хорам, начали обращать тему Илуватара в великую музыку: и звук бесконечно чередующихся и сплетенных в гармонии мелодий уходил за грань слышимого, поднимался ввысь и падал в глубины — и чертоги Илуватара наполнились и переполнились, и музыка, и отзвуки музыки хлынули в Ничто, и оно уже не было Ничем. Никогда не создавали айнуры музыки, подобной этой, хотя и говорят, что более великая музыка будет сотворена пред Илуватаром хорами айнуров и Детей Илуватара после Конца Дней. Тогда темы Илуватара будут сыграны верно и обретут Бытие в миг, когда зазвучат, ибо каждый тогда узнает свою цель, и каждый будет по-

нимать каждого, и Илуватар даст их думам тайный пламень, ибо будет доволен.

А сейчас Илуватар сидел и внимал, и долгое время все нравилось ему, ибо в музыке не было фальши. Но тема развивалась — и в душу Мелькора запало искушение вплести в нее мелодии собственных дум, что были противны теме Илуватара; ибо так мыслил он возвысить силу и блеск партии, назначенной ему. Ибо более всех айнуров был одарен Мелькор мудростью и силой, владея частицами открытого каждому из его братьев. Часто уходил он один в Ничто, ища Негасимое Пламя; ибо горячая жажда дать Бытие собственным творениям владела им: и казалось ему, что Илуватар не спешит обращать Ничто в Нечто, и нетерпение охватывало его при виде пустоты. Однако Пламени он не нашел, ибо Пламя было у Илуватара. Но, оставаясь один, Мелькор обрел думы, непохожие на думы собратьев.

Некоторые из этих помыслов и вплел он теперь в свою музыку — и сейчас же вокруг него начался разлад, и многие, что пели рядом с ним, сникли, разум их смутился, и мелодии стихли; а некоторые стали вторить его музыке и изменили свои помыслы. Тогда Диссонанс Мелькора разросся, и прежние мелодии потонули в море бурлящих звуков, но Илуватар все сидел и внимал, покуда не стало казаться, что трон его высится в сердце ярящейся бури, точно темные волны борются друг с другом в бесконечном неутихающем гневе.

Тогда восстал Илуватар — и увидели айнуры, что он улыбается; он поднял левую руку — и среди бури началась новая тема, похожая и непохожая на прежнюю, и она обрела силу и новую красоту. Но Диссонанс Мелькора вновь поднялся в волнении и шуме и заспорил с ней, и опять началась война звуков, яростнее прежнего, пока большинство айнуров не смешалось и не перестало петь — и Мелькор не одержал верх. Тогда Илуватар поднялся снова, и его лицо было суровым; он поднял правую руку — и среди смятения родилась третья тема, не похожая на другие. Ибо сначала казалась она тихой и нежной, чистой капелью ласковых звуков в прозрачной мелодии; но ее нельзя было заглушить, и она вбирала в себя силу и глубину. И, наконец, стало казаться, что две музыки звучат одновременно пред троном Илуватара, и были они совершенно различны. Одна была широка, глубока и прекрасна, но медленна и исполнена неизмеримой скорби, из которой и исходила главная ее красота. Другая достигла теперь единства в себе самой, но была она громкой, блестящей, пустой и бесконечно повторяющейся, но гармонии в ней все же было мало — скорее, звенящий унисон множества труб, резкий и неприятный — и составленный всего из нескольких нот. И он тщился заглушить другую музыку неистовством своего голоса — но самые победные звуки его вплетались, захваченные ею, в ее скорбный узор.

В высший миг этой борьбы, когда чертоги Илуватара сотряслись, и трепет пронесся по дотоле недвижимому безмолвию. Илуватар поднялся в третий раз, и ужасен был его лик. Он поднял обе руки — и единым аккордом, глубже Бездны, выше Сводов Небес, пронзительнее света глаз Илуватара, Музыка обрвалась.

И молвил тогда Илуватар:

— Могучи айнуры, и самый могучий из них — Мелькор; но должно знать ему — и всем айнурам — что я есмь Илуватар. То, о чем вы пели, я покажу вам, чтобы знали вы, что сделали. А ты, Мелькор, увидишь, что нет темы, ис-

токи коей не лежали бы во мне, равно как никто не может изменить музыки мне назло. Ибо тот, кто попытается сделать это, окажется лишь моим инструментом в создании вещей более дивных, чем он сам мог бы представить себе.

Тогда айнуры устрашились, и не поняли они обращенных к ним слов; а Мелькор исполнился стыда, из которого произошел скрытый гнев. Илуватар же поднялся и вышел из дивных мест, что сотворил для айнуров; и айнуры последовали за ним.

И когда они вышли в Ничто, молвил им Илуватар:

— Узрите свою Музыку!

И он явил им видение, одарив Зрячестью; и они увидели пред собой новый Мир, шар в Пустоте, который был укреплен там, но не рожден из нее. И когда они смотрели и дивились. Мир этот начал раскрывать им свою историю, и мнилось, что он живет и растет. И через некое время — айнуры же молчали — Илуватар вновь сказал им:

— Узрите свою Музыку! Это ваше пение; и каждый из вас отыщет там, среди того, что я явил вам, вещи, которые, казалось ему, он сам придумал или развил. А ты, Мелькор, откроешь все тайные помыслы своего разума и поймешь, что они лишь часть целого и данники его славы.

И о многом другом поведал в то время айнурам Илуватар, и они помнят его речи и знают, что каждый из них вложил в созданную им музыку: потому айнурам известно многое, что было, есть и будет, и немногое сокрыто от них. Есть, однако, то, чего они провидеть не могут — ни в одиночку, ни советуясь друг с другом; ибо никому, кроме себя самого, не раскрывает Илуватар всех своих замыслов, и в каждую эпоху появляются вещи новые и непредвиденные, так как они не исходят из прошлого. И потому, когда видение Мира раскрывалось пред айнурам, они увидали в нем вещи, о коих не думали. И с удивлением узрели они приход Детей Илуватара, и жилище, что было приготовлено для них: и поняли, что сами, творя Музыку, были заняты сотворением этого дома — и однако не знали, что в музыке их лежит цель превыше собственной красоты. Ибо Дети Илуватара были задуманы им одним: они пришли с третьей темой, их не было в теме, которую задал вначале Илуватар, и никто из айнуров не участвовал в их создании. Но тем более полюбили их айнуры, увидав создания странные и вольные, не похожие на них самих, в коих дух Илуватара открылся по-новому и явил еще одну каплю его мудрости, которая иначе была бы сокрыта даже от айнуров.

Дети Илуватара — это Эльфы и Люди, Перворожденные и Пришедшие Следом. Среди всех чудес Мира, его обширных пространств и чертогов, его кружащихся огней, Илуватар избрал им место для жилья в Глуби Времени и между бесчисленных звезд. И место это могло показаться песчинкой тем, кто видит лишь величие айнуров, и не видит их внушающей трепет пронизательности; или тем, кто видит лишь бесконечные просторы Мира, что еще создают айнуры, и не видит точной соразмерности, с коей все создано. Но когда узрели айнуры в видении это жилище и увидели Детей Илуватара, пробуждающихся там, — многие из самых могучих преклонили все думы и страсти свои к тому месту. И главой их был Мелькор — так же, как вначале он был величайшим из айнуров, создавших Музыку. И он лгал — вначале даже себе самому — что хочет отправиться туда и привести все в порядок к приходу Детей Илуватара, смилив ледяные и знойные бури. Но превыше всего желал он подчинить себе

Эльфов и Людей, завидуя дарам, коими обещал одарить их Илуватар; и он жаждал иметь слуг и подданных, и зваться Властелином, и господствовать над душой и волей других.

Прочие же айнуры смотрели на жилище, помещенное среди пространств Мира, которое Эльфы зовут Арда — Земля; и души их ликовали, и глаза, видя многоцветье ее покровов, наполнились радостью; внимая же реву моря, ощутили они великий непокой. И видели они ветра и воздух, и все, из чего сделана Арда — железо и камень, серебро и золото, и прочие вещества; но более всего восхитила их вода. И, как говорят Эльфы, в воде осталось жить эхо Музыки айнуров; а потому многие Дети Илуватара готовы бесконечно внимать голосам моря — и, однако, не ведают, чему внемлют.

К воде обратил все свои помыслы айнур, коего Эльфы зовут Ульмо — тот, кто по воле Илуватара был самым сведущим в музыке. А к воздуху и ветрам обратился Манвэ, благороднейший из айнуров. Об устройстве Земли мыслил Ауле, коему Илуватар дал мастерства и знаний не менее чем Мелькору; но радость и гордость Ауле — в творчестве и в сотворенной вещи, а не в обладании и господстве: и потому он дарит, а не копит, и свободен от забот, все время переходя от уже сделанного к новой работе.

И молвил Илуватар, обращаясь к Ульмо:

— Ужели не видишь ты, как там, в этом малом краю, в Глуби Времен Мелькор объявил войну твоим владениям? Он придумал жестокий, убийственный холод — и все же не разрушил красоты твоих источников и чистых озер. Взгляни же на снег и коварную работу мороза! Мелькор создал зной и необоримое пламя — и не иссушил твоего желанья, не заглушил музыки моря. Взгляни же на высоту и величие облаков и вечно меняющиеся туманы: услышь, как падает на землю дождь! В этих облаках ты приблизишься к Манвэ — другу, столь любимому тобой.

И отвечал Ульмо:

— Воистину, Вода стала теперь прекрасней, чем представлялась моей душе, и в самых тайных думах не видел я снежинок, и в музыке своей не пел о дожде. Я попрошу Манвэ, чтобы мы с ним всегда вместе слагали песни и радовали тебя.

Так Манвэ и Ульмо с самого начала были союзниками и всегда верно служили помыслам Илуватара.

Но как раз когда Ульмо говорил, а айнуры любовались видением, оно пропало и скрылось от их взоров: и показалось им, что в этот миг они познали нечто новое — Тьму, которая прежде являлась им лишь в думах. Но они были очарованы красотой видения и поглощены раскрывшимся пред ними Миром, что обретал в нем Бытие, и души их были заполнены им; ибо история не завершилась, и круги времени не замкнулись, когда видение исчезло. И говорят, что погасло оно прежде, чем наступило Владычество Людей и увядание Первороденных: потому, хотя Музыка породила все. Валары не видели Поздних Эпох и Конца Мира.

Тут беспокойство охватило айнуров; но Илуватар воззвал к ним и сказал так:

— Мне ведома жажда ваших душ, чтобы то, что вы видели, было на самом деле, не только лишь в ваших помыслах. Потому говорю я: **Эа!** Пусть все это **Будет!** И я вкладываю в Ничто Негасимый Пламень, и он станет сердцем Ми-

ра, Что Будет; и те из вас, кто пожелает, смогут спуститься туда.

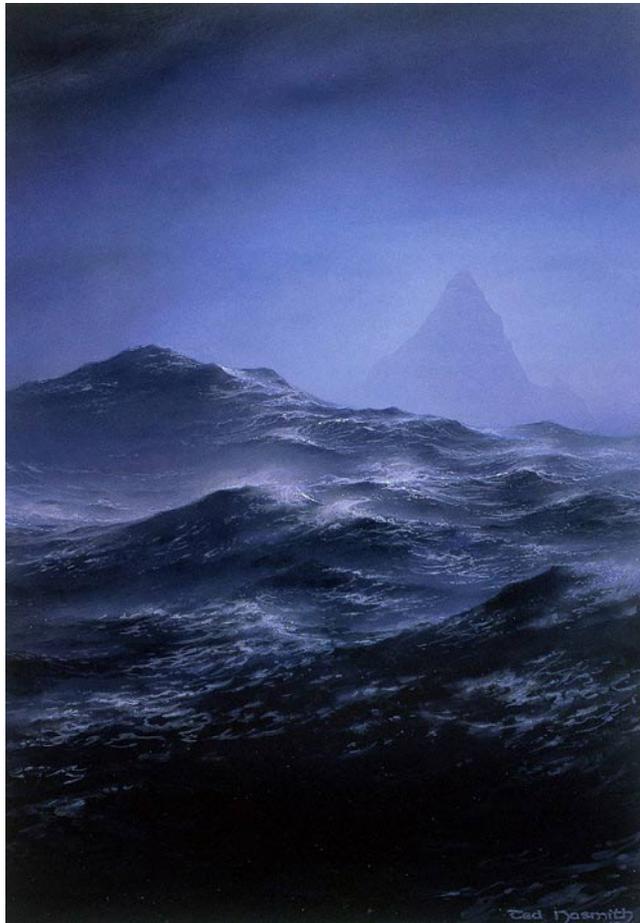
И внезапно айнуры узрели вдали свет, будто облако с сердцем живого пламени: и поняли они, что это не видение, но что Илуватар создал новое: Эа, Мир Сущий.

Так и случилось, что некоторые айнуры по-прежнему живут с Илуватаром за гранью Мира; а иные — и среди них самые могучие и прекрасные — распорщались с Илуватаром и спустились в Эа. Но Илуватар поставил условием — или, быть может, к этому призвала их любовь — что сила их впредь должна находиться в Мире и быть связанной с ним вечно, покуда он существует, дабы они были его жизнью, а он — их. Потому и зовутся они **Вáларами** — Стихиями или Силами Мира.

Когда же Валары пришли в Эа, то поразились и растерялись, ибо не было там ничего, что узрели они в видении, и все было предначально и бесформенно — и повсюду царила тьма.

Тед Несмит. Белегаэр (Арда)

Ибо Великая Музыка была лишь ростком и цветением мысли в Чертогах безвременья, а Видение — лишь прозрением; а сейчас они пришли в начало Времен; и поняли Валары, что мир лишь предначертан и предпёт, и им дóлжно создать его. Так начались их великие труды в пустотах неизмеримых и неизведанных и в веках бессчетных и позабытых, покуда в Глуби Времен и среди обширных чертогов Эа не пришел час и место, где было сотворено жилище Детей Илуватара. Главными в этой работе были Манвэ и Ульмо, и Ауле; но Мелькор тоже был там и с самого начала вмешивался во все, что делалось, переиначивая это, если мог, на свой лад; и он разжег великие огни. И когда юная Земля была полна пламени, Мелькор возжаждал ее и сказал прочим Ва-

ларам:

— Это будет мое царство; я объявляю его своим!

Манвэ был братом Мелькора в думах Илуватара и главным инструментом второй темы, что поднял Илуватар против Диссонанса Мелькора; и он призвал к себе многих духов, великих и малых, и они спустились в поля Арды и помогли Манвэ, дабы Мелькор не помешал их трудам и Земля, вместо цветения, не иссохла. И сказал Манвэ Мелькору:

— Царство это не будет твоим, ибо другие трудились здесь не менее твоего.

И началась борьба между Мелькором и прочими Валарами; и Мелькор на время отступил и ушел в иные области Мира, и делал там, что хотел; но жажда Царствия Земного не оставила его сердца.

Теперь Валары облеклись в плоть; и так как их привела в Мир любовь к Детям Илуватара, они приняли обличье, которое узрели в Видении Илуватара — лишь более могучее и прекрасное. Кроме того, в облике своем они исходят больше от знаний Зримого Мира, чем от Мира, каков он есть; и они не нуждаются в плоти — только лишь как мы в платье, однако мы можем ходить обнаженными и не испытывать неудобств. Так и Валары могут, если хотят, ходить неодетыми, и тогда даже Эльдары не видят их, будь они хотя бы и рядом. Одеваясь же, иные Валары принимают облик мужчин, а некоторые — женщин; ибо таково различие их характеров, данное им изначально, и оно лишь выражается в выборе каждого, как у нас мужчины и женщины узнаются по платью, но не созданы им. Но обличья, что принимают Стихии, не всегда подобны королям и королевам Детей Илуватара: ибо изредка они облакаются в собственные думы, являясь в образах величественных и наводящих трепет.

Валары привели с собой много соратников, кое-кто из которых слабее, а кое-кто почти равен им по могуществу, и они вместе трудились над сотворением Земли и усмирением ее бурь. Тогда узрел Мелькор, что сделано, и что Валары стихиями бродят по Земле, облекшись в одежды Зримого Мира, прекрасные и блаженные, и что Земля на радость им стала садом, ибо все ее бури укрощены. Тут ненависть разгорелась в нем сильнее прежнего; и он также принял зримый облик, но по его нраву и злобе, что кипела в нем, был тот облик ужасен и темен. И он низвергся на Арду в величии и мощи больших, нежели у любого Валара, подобный горе, что, стоя в море, главою пронизывает тучи, увенчанный огнем и дымом; и свет глаз Мелькора был пламенем, что опалило зноем и пронзало холодом.

Так началась первая битва Валаров с Мелькором за владение Ардой; но о тех бурях эльфы знают немного. Ибо то, что было рассказано здесь, исходит от самих Валаров, с которыми **Эльдэлиэ** беседовали и у которых учились в Валяноре. Однако говорилось среди Эльдаров, что Валары всегда стремились, вопреки Мелькору, править Землей и подготовить ее к приходу Детей Илуватара; и они создавали земли, а Мелькор разрушал их; выкапывали долины — Мелькор вздымал их вверх; воздвигали горы — Мелькор низвергал их в землю; заполняли моря — Мелькор иссушал их; и не было ничему ни покоя, ни мира, ибо едва начинали Валары какой-нибудь труд. Мелькор разрушал содеянное или портил его. И все же труды их были не совсем напрасны; и хотя ни в одном деле их воля и помыслы не осуществились полностью, и все имеет иной облик, чем казалось вначале Валарам — тем не менее, хоть и медленно, Земля обрела вид и почву. Так наконец в Глуби Времени и среди бесчисленных

звезд было создано жилище Детей Илуватара.

Валаквента

Рассказ о валарах и майарах, как о них повествуют Книги Знаний эльдаров

◆ начале Эру, Единый, что у эльфов зовется Илуватар, создал айнуров; и они сотворили пред ним Великую Музыку. В этой Музыке начался Мир; ибо Илуватар сделал зримой песнь айнуров, и они узрели ее светом во тьме. И многие из них были зачарованы красотой видения и историей Мира, что развернулась пред их взором. А потому Илуватар дал Видению Бытие и поместил его среди Пустоты, и вложил Тайный Пламень в сердце Мира; и Мир был наречен Эа.

Тогда те айнуры, кто желал того, восстали и пришли в Мир в Начале Времени; и делом их было трудами своими воплотить видение, им явленное. Долго трудились они в просторах Эа, которые шире всего, что могут представить эльфы и люди, пока в урочный час не создали Арды, Царства Земного. Тогда они облачились в одежды Земли, сошли на нее и поселились там.

О валарах

еличайших среди духов Арды эльфы называют Валарами, Стихиями Арды — люди часто звали их богами. Владык валаров семь; и вал, владычиц валаров, также семь. Вот как звались они на языке эльфов Валинора — ибо эльфы Белёрианда звали их иначе, а люди дали им свои, очеловеченные имена. Владыки валаров звались (в надлежащем порядке): Манвэ, Ульмо, Ауле, Оромэ, Мэндос, Лориэн и Тұлкас; а владычицы именовались: Вárда, Йавáнна, Ниэнна, Эстэ, Вáйрэ, Вáна и Нэсса. Мелькор более не считается валаром, и имя его не произносится на Земле.

Манвэ и Мелькор были братьями в думах Илуватара. Самым могучим из тех айнуров, что пришли в Мир, был изначально Мелькор; но Манвэ был ближе Илуватару и яснее понимал его. Ему было предназначено стать первым из всех владык; Владыкой Арды и правителем всего, что живет там. В Арде ему милее всего ветра, облака и все токи воздуха — от высот до глубин, от верхних границ Покрывала Арды до ветерков, шуршащих в траве. За это он прозван Сулимо — Веятель, Владыка Дыхания Арды. Он любит всех быстрокрылых птиц, и они покорны его воле.

Супруга Манвэ — Варда, Владычица Звезд, которая знает все уголки Эа. Красота ее слишком велика, дабы говорить о том словами эльфов или людей; ибо свет Илуватара сияет в ее лице. Ее сила и радость — в свете. Из глубин Эа примчалась она на помощь Манвэ; ибо знала Мелькора еще до создания Музыки и отвергла его, а он ненавидел ее и боялся более всех, кого создал Эру. Манвэ и Варда разлучаются редко и всегда живут в Валиноре. Чертоги их над Вечными

Снегами, на Ойолóссэ, вершине Тани́квэтиль, высочайшей горы Земли. Когда Манвэ восходит на трон и озирает Мир, то, если Варда подле него, он видит дальше всех — сквозь туманы, и тьму, и лиги морей. И если Манвэ с Вардой, она слышит яснее всех — голоса, что звучат на востоке и на западе, в долинах и холмах, и в темных теснинах, что сотворил на Земле Мелькор. Из всех духов Мира эльфы более всего любят и почитают Варду. Они зовут ее Эльберет и взывают к ней из мглы Средиземья, и возносят ей песни при восходе звезд.

Ульмо — владыка Вод. Он одинок. Он нигде не живет подолгу, но передвигается по своей воле по всем глубинам — на земле и под землей. По могуществу он уступает лишь Манвэ и до сотворения Валинóра был его ближайшим другом; но после редко появлялся на советах валаров — только если обсуждались вещи великой важности. Ибо он думает обо всей Арде и не нуждается в месте для отдыха. Кроме того, он не любит ходить по Земле и редко облекается плотью, как то делают иные духи. Если Дети Эру видят Ульмо — они исполняются великого страха; ибо явление Морского Царя ужасно, он подобен огромной волне, что шагает на сушу в темном пенногребном шлеме и кольчуге, мерцающей серебром и мглистой зеленью. Громки трубы Манвэ, но голос Ульмо глубок, как глубины океана, которые доступны лишь ему.

Тем не менее Ульмо любит эльфов и людей и никогда не отворачивался от них — даже когда над ними тяготел гнев валаров. По временам он невидимо приходит к берегам Средиземья или углубляется далеко в пределы земли по заливам моря, и играет там на своих больших рогах Улумúри, сделанных из белых раковин; и у тех, кто слышал эту музыку, она всегда звучит в душе, и тоска по морю не покидает их. Но чаще Ульмо говорит с теми, кто живет в Средиземье, голосами, звучащими песней вод. Ибо все моря, озера, реки, ручьи и родники подвластны ему; так что эльфы говорят, что дух Ульмо течет во всех жилах Земли. Так к Ульмо приходят вести — даже в самые глубины — обо всех нуждах и печалях Арды, которые иначе были бы сокрыты от Манвэ.

Ауле по могуществу немного уступает Ульмо. Он владеет всеми веществами, из которых сотворена Арда. В начале начал он сделал многое в содружестве с Манвэ и Ульмо; и облик всех земель — творение его рук. Он кузнец и знаток всех ремесел, и искусен во всем — как малом, так и великом. Все драгоценные камни созданы им, и дивное золото, и величественные стены гор, и глубокие чаши морей. Нóлдоры учились у него и переняли многое; он всегда был им другом. Мелькор завидовал ему, и между ними была долгая борьба, когда Мелькор портил и разрушал все, что создавал Ауле, и Ауле устал восстанавливать и исправлять беспорядок Мелькора. Оба они желали создавать вещи новые и никем не предвиденные, и любили восхваление своего мастерства. Но Ауле оставался верным Эру и подчинял все свои труды его воле; и не завидовал другим, но искал и давал советы — а Мелькор истощал свой дух в ненависти и злобе, и не смог создать ничего, кроме подражания замыслам других, а их творения он разрушал, если мог.

Подруга Ауле — Йаванна, Дарительница Плодов. Она любит все, что растет на Земле, и хранит в памяти все бесчисленные формы живого: от деревьев, подобных башням, в лесах предначальных эпох до мха на камнях или крохотных растеньиц болот. Среди владычиц валаров лишь Варду почитают больше Йаванны. В облике женщины она высока и одета в зеленое; но по временам она принимает другие обличья. Кое-кто видел ее стоящей, как дерево, короно-

ванное Солнцем; со всех ветвей его на нагую землю капала золотая роса, и земля зеленела ростками: а корни дерева омывали воды Ульмо, и ветра Манвэ шептались с листвой. Кементáри, Королевой Земли зовется она на языке эльфов.

Феанту́ри, владыки душ, братья и чаще всего зовутся Мандос и Лориэн. Однако на самом деле это названия мест, где они живут, а их настоящие имена На́мо и Ирмо.

Намо — старший — живет в Мандосе, на западе Валинора. Он — владетель Палат Мертвых и собиратель душ погибших. Он ничего не забывает; и ему известно все, что будет — кроме того, что осталось в воле Илуватара. Он — Глашатай Судеб Валаров; но объявляет свои пророчества и приговоры лишь по велению Манвэ.

Его подруга — Вайрэ — Ткачиха, что вплетает все, когда-либо происшедшее, в свои ткани, и чертоги Мандоса, которые все ширятся с уходом веков, увешаны ими.

Ирмо — Младший — господин видений и снов. Его сады в Лориэне, в земле валаров — прекраснейшем из мест.

Ласковая Эстэ, целительница ран и усталости — подруга Ирмо. Серы ее одежды; дар ее — отдых. Днем она не ходит, но спит на затененном деревьями острове в озере Лóреллин. Из источников Ирмо и Эстэ все, кто живет в Валиноре, черпают бодрость; и часто сами валары приходят в Лориэн и находят там отдых и облегчение от бремени Арды.

Сильнее Эстэ — Ниэнна, сестра Феантури; она одинока. Она знакома с печалью и скорбит по каждой ране, что нанес Арде Мелькор. Скорбь ее велика, как звучащая Музыка, которую ее песня обратила в плач задолго до конца, и звук рыданий вплелся в темы Мира еще до его начала. Но Ниэнна скорбит не в одиночестве; и те, кто внимает ей, познают жалость и учатся терпению и надежде. Чертоги Ниэнны на западе Валинора, на границах Мира; и редко приходит она в город Валимар, где царит радость, но охотнее идет она в чертоги Мандоса, что рядом с ее собственными; и те, кто ждет в Мандосе, взывают к ней, ибо она приносит силу духа и обращает скорбь в мудрость. Окна ее дома глядят за стены Мира.

Самый сильный и удалой из валаров — Тулкас, прозванный Аста́льдо, Доблестный. Он последним явился на Арду, чтобы помочь валарам в первых битвах с Мелькором. Тулкас любит борьбу и состязания в силе; верхом он не ездит, ибо и пешим может обогнать любого. Он неутомим. Волосы и борода у него золотистые, а тело — медно-красное, и его оружие — руки. Его не заботит ни прошлое, ни будущее, и он плохой советчик — но верный друг.

Подруга Тулкаса — Нэсса, сестра Оромэ, легконогая и гибкая. Она любит оленей, и они следуют за ней, бродящей в дебрях. Но Нэсса опережает их, быстрая, как стрела, с ветром в волосах. Еще она любит танцы и танцует в Валимаре, на полянах, поросших вечнозеленой травой.

Оромэ — могучий владыка. Он менее силен, чем Тулкас, но более страшен в гневе. Тулкас всегда смеется, и в состязании, и в брани, он смеялся даже пред ликом Мелькора в битвах, сотрясших Мир прежде рождения эльфов. Оромэ любит земли Средиземья, он неохотно покидал их и последним пришел в Валинор; в древности он часто переходил восточные хребты и возвращался со своей свитой к его холмам и степям. Он охотник на чудищ и лихих тварей, и

любит собак и коней; еще он любит деревья и прозван за то Алдарон (а сіндары зовут его Тáурон) — Владыка Лесов. Коня его зовут Нáхар, он белый на солнце и серебром сияет в ночи. Звук Валарóмы, его большого рога, подобен молнии, рассекающей тучи. Громче всех рогов свиты Оромэ звучит он в лесах, что вырастила Йаванна; ибо Оромэ и его охотники истребляют там лиходейских тварей Мелькора. Подруга Оромэ — Вана, Вечноюная младшая сестра Йаванны. Цветы прорастают там, где она проходит, и расцветают, если она взглянет на них; и все птицы поют встречу ей.

Таковы имена валаров и вал; здесь кратко рассказано об их нраве и внешности — какими их видели в Амане эльдары. Но, хоть обличье, в котором являлись валары Детям Илуватара, прекрасно и благородно — оно лишь тень их истинной красоты и мощи. И если здесь рассказана лишь малая толика того, что некогда знали эльдары — это ничто в сравнении со знаниями валаров, уходящими в глубины и века, для нас невысказанные. Девятеро из них были самыми могучими и почитаемыми: но один отделился от них, и осталось Восемь — Аратáры, Главные Стихии Арды: Манвэ и Варда, Ульмо, Йаванна и Ауле, Мандос, Ниэнна и Оромэ. Хотя Манвэ и стоит над ними, отвечая за них перед Эру, в могуществе Аратары равны и намного превосходят других — валаров ли, *ма́йаров* или иных духов, которых Илуватар послал в Эа.

О майарах

валарами пришли другие, менее могучие духи, чье бытие также началось до начала Мира. Это **ма́йары** — подданные валаров, их слуги и помощники. Число их неизвестно эльфам, и немногие имеют имена в языках Детей Илуватара; ибо — хоть в Амане это и не так — в Средиземье майары редко являлись в зримом обличье.

Главным среди майаров Валинора, чьи имена упоминаются в хрониках Предначальной Эпохи, являются Ильмарэ, *ма́йа*, приближенная Варды, и Эонвэ, знаменосец и вестник Манвэ, непревзойденный во владении оружием. Однако, самыми известными среди Детей Илуватара были всегда Оссэ и Уйнэн.

Оссэ — вассал Ульмо и господин морей, что омывают берега Средиземья. Он не уходит в глубины, а любит побережье и острова, и радуется ветрам Манвэ; ибо наслаждается бурей и хохочет средь рева волн. Его подруга — Уйнэн, Владычица Морей, чьи распущенные волосы струятся во всех поднебесных водах. Она любит все, что живет в соленой воде, и все, что растет там; к ней взывают моряки, ибо она может успокоить волны, смилив буйство Оссэ. Нуменорцы долго жили под ее защитой и почитали ее наравне с валарами.

Мелькор ненавидел Море, ибо не мог покорить его. Говорят, что при сотворении Арды ему удалось переманить Оссэ на свою сторону, посулив ему владения и могущество Ульмо, если он будет служить ему. Так и случилось, что в давние дни начались в Море великие бури, разрушавшие берега. Но Уйнэн, по просьбе Ауле, смирила Оссэ и привела его пред очи Ульмо; и он был прощен, и вернулся к сеньору, которому с тех пор оставался верен. Правда, неистовство не покинуло его, и иногда он ярится по своей воле, без приказа Ульмо. Потому те, кто живет у моря или ходит на кораблях, любят Оссэ, но не верят ему.

Мэлиан звали майю, что служила и Ване, и Эстэ; она долго жила в Лориэне и ухаживала за деревьями, что цветут в садах Ирмо, прежде чем пришла в Средиземье. Соловьи пели вокруг нее, куда бы она ни шла.

Мудрейший из майаров — Олорин. Он тоже жил в Лориэне, но часто уходил в чертоги Ниэнны и научился у нее жалости и терпению.

О Мелиан многое сказано в **Квэнта Сильмариллион**. Но об Олорине эта повесть не говорит ничего; ибо хотя он любил эльфов и бродил среди них незримо, они не знают, откуда приходят дивные видения и мудрость, которые вкладывал он в их души. Позже Олорин был другом всех Детей Илуватара и сочувствовал их бедам; и те, кто внимал ему, пробуждались от отчаяния и отбрасывали думы о тьме.

О врагах

оследним стоит имя Мелькора. Того, Кто Восстал в Мощи. Но этого имени он лишился, и нолдоры, более всех эльфов пострадавшие от его злобы, прозвали его Морготом, Черным Врагом Мира. Великая сила была дана ему Илуватаром, и он был сверстником Манвэ. У него было понемногу от могущества и знаний всех валаров, но он обернул свои силы на злые цели и растратил их в неистовстве и тиранстве. Ибо он домогался Арды и всего, что было на ней, возжелав трона Манвэ и господства над владениями равных себе.

От величия он пал через высокомерие до презрения ко всем, кроме себя самого — и стал духом пустым и безжалостным. Понимание он обратил на тонкое извращение всего, что хотел использовать — и сделался бесстыдным лжецом. Начал он с жажды Света, но когда не смог завладеть им единолично, низвергся сквозь огонь и ярость во Тьму. И тьмою пользовался он более всего в своих лиходейских трудах на Арде, и наполнил ее страхом для всех живущих.

Однако, столь велика была мощь его бунта, что в давние века он соперничал с Манвэ и всеми валарами и долгие годы властвовал над большей частью Земли. Но он был не один. Ибо многих майаров привлек его блеск во дни его величия, и они остались верны ему во тьме; а других он после сманил к себе на службу ложью или предательством. Ужаснейшими из этих духов были **валарáукары**, Огненные Бичи, что в Средиземье звались **бáлрогами**, демонами страха.

Среди тех его слуг, чьи имена известны, величайшим был дух, которого эльдары звали **Саурóн** или Гортхаур Жестокий. В начале он был одним из майаров Ауле и остался велик по меркам своего народа. Во всех делах Мелькора Моргота, в его огромных трудах и хитросплетениях коварства участвовал Саурон; он был немногим слабее своего господина и долго служил другому, а не себе. Но прошли годы — он восстал, как тень Моргота и призрак его злобы, и сошел за ним следом по разрушительному пути в Ничто.

Квента Сильмариллион◆◆

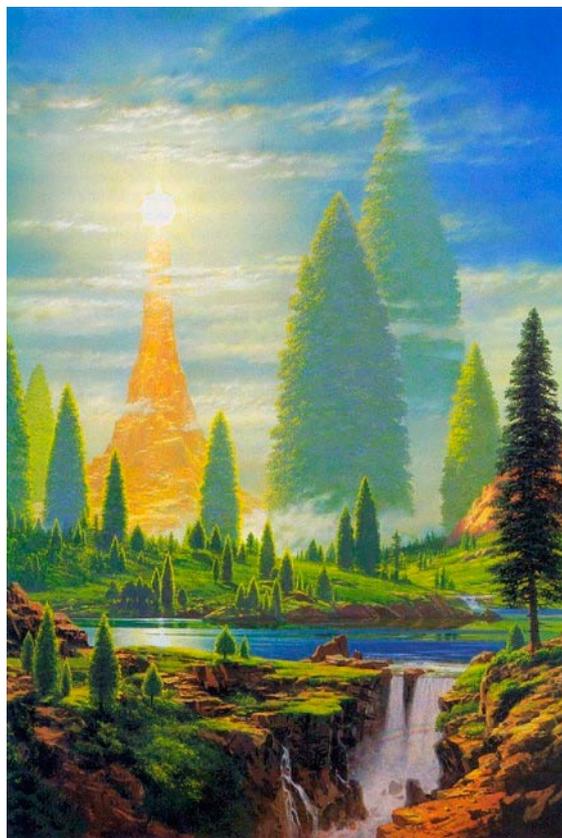
Повесть о Сильмарилах

Глава 1
О начале дней

Удрые говорят, что Первая Война началась до того, как творение Арды было завершено, и прежде, чем появилось что-нибудь, что росло бы на почве земли или бродило по ней; и долгое время Мелькор одерживал верх. Но в разгар войны на помощь валарам, услышав в глуби Небес о битвах в Малом Владении, пришел дух великой силы и смелости; и Арда наполнилась раскатами его хохота. Так явился Тулкас Сильный, чья ярость проходит, как ураган, гоня пред собой тучи и тьму; и Мелькор отступил перед его гневом и смехом, и покинул Арду, и долгие годы там царил мир. А Тулкас остался и стал одним из валаров Царства Земного; Мелькор уже томился во Внемировой Тьме, и ненависть его навеки была отдана Тулкасу.

В те времена валары приводили в порядок моря, и земли, и горы, и Йаванна посеяла наконец семена, которые давно создала. И когда огни были погашены или погребены под первобытными горами, возникла нужда в свете — и Ауле по просьбе Йаванны сделал два мощных светильника для освещения Средиземья, сотворенного им среди окружающих морей. Потом Варда наполнила светильники, а Манвэ благословил их, и валары укрепили их на высоких столпах, выше всех гор поздних эпох. Один светильник они подняли близ севера Средиземья и назвали его Иллуин; а второй был поднят на юге и назван Ормал; и сияние Светилен Валаров струилось над Землей, и все было освещено, и всюду царил неизменный день.

Тогда семена, что посеяла Йаванна, стали быстро прорасти и тянуться к свету, и поднялось множество растений, великих и малых — мхи и папоротники, травы и деревья, чьи вершины, будто горы, коронованы облаками, а корни погружены в зеленый сумрак. И пришли звери, и поселились на травянистых равнинах, в озерах и реках, и в тени лесов. Однако ни один цветок не цвел еще, и ни одна птица не пела — они ждали своего часа на груди Йаванны; но все бурно росло, и пышнее всего — в центральных областях Земли, где свет обоих Светилен смешивался. И там, на острове Альмарен, посреди Великого Озера, было первое жилище валаров, когда все было юным, и зелень казалась прекрасной созданным ее: и долго они жили в покое. И случилось так, что когда валары отдыхали от трудов и смотрели, как растет и развивается все, что они создали и что начали. Манвэ задал великий пир: и все валары со своими свитами отправились туда. Но Ауле и Тулкас были утомлены, ибо искусность Ауле и сила Тулкаса приходили на помощь всем во время трудов. А Мелькор знал обо всем, что творилось, ибо даже тогда имел тайных друзей и соглядатаев среди майаров; и вдали, во тьме он исполнился ненависти, ибо завидовал свершенному его братьями, коих он жаждал подчинить себе. Поэтому он призвал к себе духов из пустошей Эа, которых ранее привлек к себе на службу и считал, что силен. И теперь, видя, что время его близко, он вновь подобрался к Арде и взглянул на нее сверху, и красота Вешней Земли еще более разожгла его ненависть.

А валары собрались на Альмарене — и потому, что не боялись зла; и свет Иллуина был ярк, не увидели на севере тени, что отбрасывал Мелькор; ибо он стал темен, как Ночь Пустоты. И поется в песнях, что на пиру Вешней Земли Тулкас взял в жены Нэссу, сестру Оромэ, и она плясала перед валарами на зеленой траве Альмарена.

Потом Тулкас, усталый и спокойный, уснул — и Мелькор решил, что пришел его час. Потому он со своим войском перешел через Стены Ночи и явился

в Средиземье, на его дальний север; и валары не узнали о том.

Мелькор же начал рыть и строить в глубинах Земли, под темными горами, где лучи Иллуина были холодны и тусклы, могучую крепость. Эта твердыня звалась Утумно. И, хотя валары пока не знали о ней, злоба Мелькора и вредоносные пары его ненависти уже изливались оттуда — и Весна Арды затмилась. Зелень заболела и сохла, реки заросли тростником, а озера забил ил — и сделались болота, смрадные и ядовитые, где множились мухи; а леса стали темны и опасны, и страх поселился в них; и звери превратились в чудищ, рогатых и клыкастых, и оросили кровью землю. Тогда поняли валары, что Мелькор трудится снова, и начали искать его укывище. А Мелькор, веря в несокрушимость Утумно и мощь своих слуг, начал войну и первым нанес удар, когда валары не были еще готовы — подступил к Иллуину и Ормалу, повалил столпы и разбил Светильни. При низвержении столпов земли разрушились, и моря вышли из берегов; а когда разбились Светильни — губительное пламя потекло по земле. И облик Арды, и равновесие ее вод и земель нарушилось, так что изначальные замыслы валаров были искажены и впоследствии не восстановились.

В смятении и во тьме Мелькор спасся, хотя великий ужас объял его; ибо над ревом морей могучим ветром слышал он глас Манвэ, и земля дрожала под ногами Тулкаса. Но Тулкас не нагнал Мелькора, и тот укрылся в Утумно и затаился там. И в то время валары не смогли захватить его, ибо большая часть их сил ушла на усмирение морей и на спасение того, что можно было еще спасти из их трудов; а после они боялись расщепить Землю, ибо знали, что на ней будет жилище Детей Илуватаря, время прихода коих сокрыто от валаров.

Так окончилась Весна Арды. Жилище валаров на Альмарене было сровнено с землей, и у них не стало пристанища на Земле, а потому они ушли из Средиземья и отправились в землю Аман, самую западную из всех земель и пределах Мира, чьи западные берега омывают Внешний Океан, который альфы зовут Эккайя, океан, окружающий Царство Земное, Сколь велик тот океан, не ведомо никому, кроме валаров; а за ним стоят Стены Ночи. А восточный берег Амана омывает Белегаэр. Великое Западное Море; и так как Мелькор вернулся в Средиземье и не был еще побежден, валары укрепили свое жилище и воздвигли на берегах моря Пелоры Горы Амана, высочайшие на Земле. И выше всех высот Пелоров была вершина, на которой воссел на троне Манве. Эльфы зовут ту священную гору Таниквэтиль, и Ойолоссэ — Нетускнеющая Белизна, и Элэррина — Коронованная Звездами, и многими другими именами. А синдары на своем языке нарекли ее Амон Уйлос. Из чертогов на Таниквэтиль Манна и Варда озирают Землю до самого восточного ее края.

За стенами Пелоров валары основали свое владение, что зовется **Валинором**; там были их дома, сады и крепости. В этом укрепленном краю валары собрали свет и то прекрасное, что сумели спасти от разрушения; и многое еще более прекрасное было создано заново, и Валинор стал более красив, чем Средиземье во дни Весны Арды и благословен, ибо бессмертие жило в нем, и ничто не увядало и не сохло в том краю, цветы и листья были незапятнаны, а живущие не старели и не болели: ибо в самых камнях и водах жил благой дух.

А когда Валинор был создан, а жилища валаров построены, они возвели за

горами, в центре равнины свой город — Вáлмар Многозвенный. Перед его западными воротами был зеленый курган — Эзéллохар, что зовется еще Корол-лáйрэ; и Йаванна благословила его и долго сидела на зеленой траве и пела Песнь Веления, в которую вложила все думы о том, что растет на земле. А Ниэнна молчала и орошала курган слезами. В то время валары собрались вместе послушать песнь Йаванны и молча сидели на тронах совета в Маханаксáре, Кольце Судьбы, близ золотых врат Валмара, и Йаванна Кементари пела пред ними, а они смотрели.

И вот, на вершине кургана пробилась два гибких ростка; и молчание в тот час объяло весь мир, и не было других звуков, кроме песни Йаванны. Под звуки этой песни ростки вытянулись и стали высоки и прекрасны, и зацвели: так пришли в Мир Два Дерева Валинора. Из всего, что создано Йаванной, они наиболее известны, и все предания Предначальной Эпохи переплетены с их судьбой.

У одного дерева листья были темнозеленые, а снизу сияли серебром, и с каждого из бесчисленных цветов стекала серебристая свет-роса, а землю под деревом пестрили тени трепещущих листьев. Листва другого была нежно-зеленой, как у молодой березы, и каждый лист окаймляло мерцающее золото. Цветы свешивались с его ветвей гроздьями желтого пламени, и каждый цветок был подобен блестящему рогу, изливающему на землю золотой дождь. И от дерева исходили тепло и яркий свет. Первое дерево звалось в Валиноре Тэ́льпéрионом, и Сýльпионом, и Нýнквэлотэ, и многими другими именами; а второе — Лáурелин, и Мáлиналда, и Кúлуриэн.

За семь часов каждое дерево разгоралось и угасало; и каждое начинало сиять вновь за час до того, как тускнело другое. Потому в Валиноре дважды в день наступал дивный час, когда свет обоих деревьев был слаб и их золотистые и серебряные лучи смешивались. Тэ́льперион был старшим из деревьев и первым достиг полного роста и цветения; и первый час его сияния — серебристо-белый рассвет — валары не внесли в счет часов, а назвали Часом Открытия и отсчитывают от него века своего правления в Валиноре. Потому в шестой час Первого Дня — и всех последующих дней до Затмения Валинора — Тэ́льперион умерял свой блеск; а на двенадцатый — Лаурелин свое цветение. И каждый день валаров в Амáne состоял из двенадцати часов и кончался со вторым смещением цветов, когда Лаурелин угасал, а Тэ́льперион разгорался, но свет, что стекал с деревьев, жил долго, покуда не растворялся в воздухе или не впитывался в почву. И свет-росу Тэ́льпериона и дождь Лаурелина Варда собирала в большие чаши, подобные сияющим озерам, что для всей земли валаров стали источниками воды и света. Так начались Благие Дни Валинора — и Счет Времени.

Шли века, и приближалось время, назначенное Илуватаром для прихода Перворожденных — а Средиземье лежало в сумерках под звездами, что создала Варда в забытые годы ее трудов в Эа. И во тьме жил Мелькор, и часто бродил там в обличьях могучих и ужасных, и владел горами и безднами, и повелевал огнем и морозом, и всем, что было в то время жестокого, неистового и страшного.

Валары же отдали любовь и заботу землям за Пелорами и редко переходили горы и являлись в Средиземье. В сердце Благословенного Края был чертог

Ауле, и там он трудился без отдыха, ибо во всем, что создали в той земле, он играл главную роль, и явно и тайно сделал множество вещей прекрасных и удивительных. От него исходят науки о Земле и обо всем, что есть в ней; знания тех, кто сам не творит, а лишь стремится понять сущее; и знания всех умельцев — ткачей, деревообделочников и металлургов; даже землепашцев и садоводов, хотя тем, кто возделывает землю и растит плоды, покровительствует также подруга Ауле, Йаванна Кементари. Именно Ауле прозван другом нолдоров, ибо они многому научились у него и стали искуснейшими из эльфов; и, по-своему пользуясь тем, чем одарил их Илуватар, многое прибавили к тому, чему научились — любили языки и письма, вышивки, рисунки и ваяние. Нолдоры первыми научились создавать драгоценные камни; а самыми дивными из камней были Сильмарили — но они сгинули. Но Манвэ, самый могучий и благой из валаров, не забывал в своих думах Покинутую Землю. Ибо трон его утвержден на вершине Таниквэтиль, высочайшей горы Мира, что стоит на границе моря. Духи в облике воронов и орлов то и дело влетают в чертоги Манвэ и вылетают из них; взор их видит глубины морей и пронзает толщу гор, проникая в тайные бездны. Так ему приносили вести обо всем, что творилось в Арде; кое-что, однако, было сокрыто от глаз Манвэ и его слуг, ибо там, где восседал, объят черной думой, Мелькор, царила непроглядная тьма.

Манвэ не думает о собственной славе и не стремится угнетать, но правит в мире. Больше прочих эльфов любит он ваниаров, и от него они научились песням и стихосложению, ибо поэзия — любовь Манвэ, а песня — его музыка. Одежды у него голубые, и голубым огнем сияют глаза, а скипетр его — из сапфиров, которые сотворили нолдоры; он — наместник Илуватара. Король мира валаров, эльфов и людей и главный защитник его от лиха Мелькора. Супруга его — Варда, прекраснейшая, та, что на языке синдаров зовется Эльберет, Королева Валаров, Создательница Звезд; и с ними — великое множество благих духов.

А Ульмо был один и не жил в Валиноре, но приходил туда, и то лишь, когда наступала нужда в Великом Совете; с сотворения Арды обитал он во Внешнем Океане, и по сей день живет там. Он направляет течение всех вод, правит приливами, реками и вешним половодьем, росой и дождем, где бы они ни выпадали. В глубинах создает он музыку прекрасную и грозную; и отзвук ее в веселии и скорби струится по всем жилам мира; ибо, если весел фонтан, взлетающий к солнцу, питающие его ключи бьют из колодцев скорби у корней Земли. Тэлеры многому научились от Ульмо, и потому в музыке их звучат и печаль, и радость. С ним в Арду пришел Салмар, сделавший Рога Ульмо, музыку которых не может забыть никто из слышавших ее; а также Оссэ и Уйнэн, которым он отдал во владения Внутренние Моря, и много других духов. И так, могуществом Ульмо, даже во тьме Мелькора жизнь продолжала струиться по тайным жилам, и Земля не умерла; и для тех, кто терялся во мраке и блуждал вдали от света валаров, слух Ульмо всегда был открыт; он никогда не отворачивался от Средиземья, и, какие бы беды и перемены ни случались после, он не переставал думать о нем и не перестанет до конца дней.

И в эти годы тьмы Йаванна также не хотела забывать о Покинутых Землях; ибо все, что растет, дорого ей, и она скорбела о делах, начатых в Средиземье и испорченных Мелькором. Посему, покинув дом Ауле и цветущие луга Валинора, она иногда приходила и исцеляла нанесенные Мелькором раны; и вернув-

шись, всегда убеждала валаров начать войну против его лиходейской власти, войну, которую следует завершить до прихода Перворожденных. И укротитель зверей Оромэ тоже порой наезжал в неосвященные леса; он являлся туда могучим охотником с копьем и луком, уничтожал чудищ и других жутких тварей, подвластных Мелькору, и его белый конь Нахар серебром сиял в сумерках. Тогда дремлющая земля дрожала под ударами золотых копыт, и во тьме Мира Оромэ трубил над равнинами Арды в свой рог Валарому; и эхом отзывались горы, и призраки зла бежали, и сам Мелькор содрогался в Утумно, предвидя грядущий гнев. Но едва Оромэ уезжал — прислужники Мелькора собирались вновь, и земля наполнилась лихом и тьмою.

Теперь все сказано об устройстве Земли и ее правителях в Начале Дней, прежде чем мир стал таким, каким узнали его Дети Илуватара. Ибо Дети Илуватара — это эльфы и люди, и поскольку никто из айнуров не понял до конца той темы Илуватара, с которой Дети пришли в Музыку — никто из духов не дерзнул добавить что-либо к их облику. Потому валары стали скорее старшими братьями и наставниками этим народам, чем их господами. И если когда-либо в отношениях с эльфами и людьми айнурам приходилось прибегать к принуждению — это редко оборачивалось добром, какими бы добрыми ни были цели. Больше всего айнуры общались с эльфами, ибо Илуватар создал их по нраву весьма близкими айнурам, хотя и не столь могучими и прекрасными; дары же его людям странны.

Ибо говорят, что после ухода валаров наступило молчание, и около века Илуватар сидел один, погруженный в думы. Потом он заговорил и молвил так:

— Зрите, как люблю я Землю, что станет домом для Квэнди и Атанов! Квэнди будут прекраснейшими из всех живых существ, они получат, познают и создадут более красоты, чем все мои Дети, и будут жить в великом блаженстве. Атанам же дам я иной дар.

И повелел он, дабы души людей за Гранью Мира искали и не находили покоя; но им будут даны силы самим устраивать свою жизнь среди стихий и путей мира — тогда как судьбы других существ предопределила Музыка Айнуров; и все их дела — в познании и трудах — будут завершены, и мир будет принадлежать последним и младшим.

Но Илуватар знал, что люди, оказавшись в бурях мировых стихий, будут часто сбиваться с пути и не смогут полностью использовать дарованного им; и сказал он:

— Окажется в свое время, что все, что бы ни совершали они, служило в конце концов к славе моих трудов.

Эльфы, однако, знают, что люди часто печалят Манвэ, которому открыты многие думы Илуватара; ибо эльфам кажется, что из всех айнуров люди больше всего напоминают Мелькора, хотя он всегда боялся и ненавидел их — даже тех, кто служил ему.

Одним из этих Даров Свободы является то, что люди лишь малое время живут живой жизнью, и не привязаны к Миру, а после смерти уходят — куда, эльфам неведомо. Эльфы же остаются до конца дней, и потому их любовь к Земле и всему миру более ясна и горька — и с годами все горше. Ибо эльфы не умирают, пока жив мир, если не убиты или не истомлены скорбью (а они под-

вержены этим мнимым смертям); и годы не уносят их сил, просто некоторые устают от десятков тысячелетий жизни. А умерев, они собираются в чертогах Мандоса в Валиноре, откуда могут в свое время возвратиться. Но сыновья Людей умирают по-настоящему и покидают мир; потому они зовутся Гостями или Скитальцами. Смерть — их судьба, дар Илуватара, которому с течением времени позавидуют даже Стихии. Но Мелькор извратил его и смешал с мраком, и обратил добро во зло, а надежду в страх. Однако, давным-давно, в Валиноре валары открыли эльфам, что люди вступят во Второй Хор Айнуров; тогда как мыслей своих об эльфах Илуватар не являл никому.

Глава 2 Об Ауле и Йаванне

Овоят, что изначально гномы были созданы Ауле во тьме Средиземья; ибо столь сильно желал Ауле прихода Детей, чтобы иметь учеников, коим мог бы передать свои знания и ремесла, что не по силам ему было ждать исполнения замыслов Илуватара. И Ауле сотворил гномов — такими, каковы они и сегодня, потому что облик Детей, которые должны были прийти, был неведом ему, и потому, что власть Мелькора все еще тяготела на Землей; и оттого желал Ауле, чтоб они были сильны и неутомимы. Но, боясь, что прочие валары осудят его работу, он делал ее втайне и создал Семерых Праотцев Гномов в подгорном чертоге в Средиземье.

Но Илуватару ведомо все, и в тот самый час, когда труд Ауле был окончен, и он, радостный, стал учить гномов языку, что придумал для них, Илуватар обратился к нему; и в молчании внимал ему Ауле. И голос Илуватара молвил ему:

— Зачем сотворил ты это? Зачем пытался создать то, что превыше твоих сил и твоей власти? Ибо ты получил от меня в дар лишь свое собственное бытие и ничего более; а потому создания рук твоих и разума твоего могут жить лишь этим бытием, двигаясь, когда ты пожелаешь, чтоб они двигались, в другое же время — застывая. Этого ли хотел ты?

Тогда Ауле отвечал:

— Не этого хотел я. Я желал существ иных, чем я сам, чтоб любить и учить их, чтобы и они могли зреть красоту Эа, которой ты дал бытие. Ибо казалось мне, что в Арде много места и много созданий могло бы жить на ней — однако она почти пуста и бесплодна. И в нетерпении своем я впал в безумие. Однако, жажда творить живет в моем сердце с того мига, как ты создал меня; а дитя, мало понимающее промыслы отца своего, может играть, подражая его делам — и однако, не думать о насмешке. Но что сделать мне теперь, чтобы ты более не гневался на меня? Как дитя отцу, я предлагаю тебе эти создания — дело рук, сотворенных тобой. Делай с ними, что пожелаешь. Но не лучше ли мне уничтожить самонадеянно созданное?

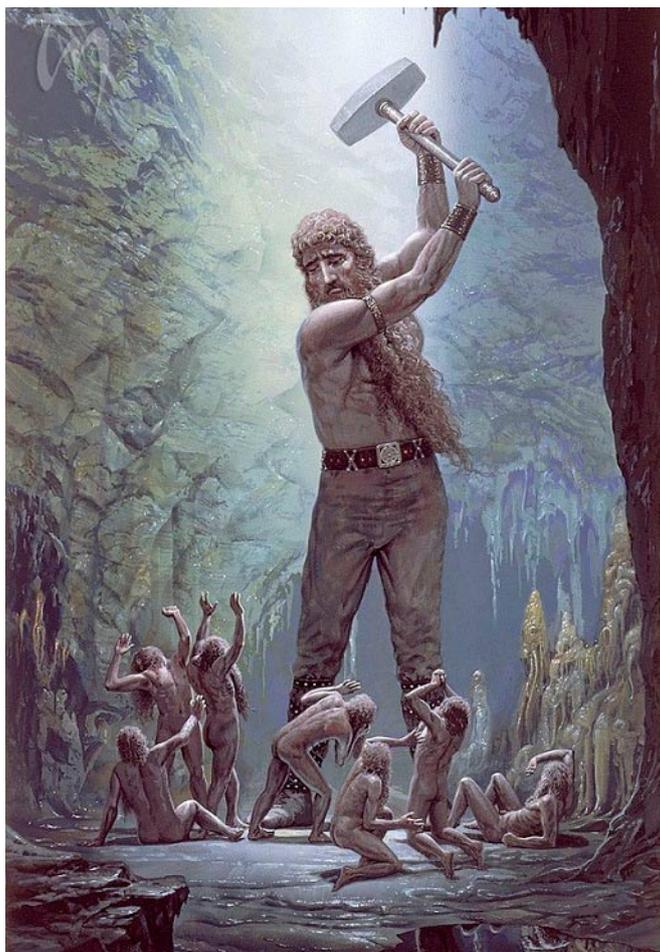
И Ауле схватил огромный молот, чтобы разбить гномов, и он плакал. Но Илуватар увидел смирение Ауле и сжалился над ним; и гномы испугались и увернулись от молота; и, склонив головы, взмолились о милосердии. Тогда голос Илуватара молвил Ауле:

— Дар твой я принял в тот миг, когда он был мне предложен. Разве не ви-

дишь ты, что создания эти живут теперь собственной жизнью и говорят собственными голосами? Иначе они не уклонились бы от твоего удара.

Ауле готовится разбить своих детей. Тед Несмит

Тогда Ауле отбросил молот и возрадовался, и возблагодарил Илуватара, говоря:

— Да благословит Эру мой труд и примет его!

Но Илуватар заговорил снова и сказал так:

— Как дал я Бытие думам айнуиров в начале Мира, так теперь принял я твое желание и нашел ему место там; но никак иначе не принимаю я твоего труда, и так как ты создал его, пусть он будет. Но не потерплю я, дабы эти существа пришли прежде, чем Перворожденные моей мечты, и не награжу нетерпения. Спать им отныне во тьме под камнями и не выйти из-под них, покуда на Земле не пробудится Перворожденные; а до тех пор ты и они станете ждать — хоть ожидание и будет долгим. Но когда придет время — и я пробужу их, и они станут детьми тебе; и часты будут раздоры меж детьми твоими и моими: детьми моего милосердия и детьми моих дум.

Тогда Ауле взял Семерых Праотцев Гномов и отвел их в дальние и темные места, и уложил на покой, а после вернулся в Валинор и ждал — долгие годы.

Поскольку гномы должны были явиться во дни владычества Мелькора — Ауле сделал их очень сильными и выносливыми. Они тверды, как камень, стойки, скоры на дружбу и вражду, и выносят тяжкий труд, голод и телесные раны лучше, чем все иные владеющие даром речи народы; живут они долго, много дольше людей — но не вечно. Среди эльфов Средиземья бытовало поверье, что умерев, гномы возвращаются в земной камень, из коего созданы; од-

нако сами гномы говорят другое. Они верят, что Ауле Создатель, которого они зовут М́ахал, заботится о них и собирает в Мандосе, в отдельном чертоге, и что в древности он открыл их Праотцам, что пред Концом Мира Илуватар благословит гномов и даст им место среди Детей. Тогда делом их будет служить Ауле и помогать ему в восстановлении Арды после Последней Битвы. Еще говорят, что Семь Праотцев Гномов возвращаются в жизнь в своих потомках и снова обретают свои древние имена; самым почитаемым из них в поздние Эпохи был Дарин, отец народа, дружившего с эльфами — царствовал он в Казад-Думе.

Когда Ауле трудился над созданием гномов, он хранил свой труд в тайне от прочих валаров; однако, в конце концов открылся Йаванне и поведал ей обо всем, что случилось. И Йавакна сказала ему:

— Эру милостив. Я вижу, сердце твое радуется, и оно право — ибо ты получил не одно лишь прощение, но и дар. Однако, так как ты таил от меня свои замыслы до их исполнения, дети твои не будут любить того, что люблю я. Им, как и тебе — их отцу — будет милее дело их рук. Они будут копать в земле — и не замечать того, что растет и живет на ней. Не одно дерево ранят удары их безжалостного железа.

Но Ауле отвечал:

— Это будет справедливо и для Детей Илуватара; ибо они станут есть и станут строить. И, хотя создания твои ценны сами по себе и были бы ценны, даже если б никто иной не должен был явиться в мир, однако, Эру даст превосходство Детям, и они будут пользоваться всем, что есть в Арде — хотя, по промыслу Эру, не без почтения и благодарности.

— Если только Мелькор не затемнит их сердца. — молвила Йаванна. И она не успокоилась, но печалилась сердцем, боясь того, что может случиться в Средиземье в грядущие дни. Потому она пошла к Манвэ и не предала Ауле, но сказала так:

— Владыка Арды, верно ли, как Ауле сказал мне, что Дети, когда придут, получат верх над созданиями моих рук, чтобы делать с ними, что хотят?

— Это так. — отвечал Манвэ. — Но почему спрашиваешь ты о том?

Йаванна умолкла и заглянула в себя.

— Сердце мое тревожат думы о грядущих днях, — наконец молвила она. — Все, что создано мной, дорого мне. Не довольно ли, что Мелькор извратил столь многое? Ужели никто из моих созданий не будет свободен от владычества других?

— Если бы на то была твоя воля — кого бы ты охранила? — спросил Манвэ. — Из подвластных тебе кто милей всего?

— Все милы по-своему, — сказал Йаванна. — И каждый помогает оценить других. Но **кэлвар** могут бежать или защитить себя, а **блвар** — те, что растут — не могут, а из них более всего милы мне деревья. Растут они долго, а умирать станут быстро, и если только не будут богато плодоносить, мало кто пожалеет об их гибели. Я провижу это в думах своих. Если бы деревья могли говорить от имени всего, что растет, и карать тех, кто чинит им зло!..

— Странна твоя дума, — заметил Манвэ.

— Однако, так было в Песни, — возразила Йаванна. — Ибо покуда ты был в небесах и вместе с Ульмо создавал тучи и проливал дождь, я вздымала ветви

дерев, чтобы пить его, и некоторые пели для Илуватара среди ветров и ливней.

Тогда Манвэ умолк, и думы Йаванны, что вложила она в его сердце, все росли — и переполняли его; и это увидел Илуватар. И показалось Манвэ, что вокруг него вновь звучит Песнь, и он заметил в ней множество вещей, которые, хотя он слышал их прежде, остались незамеченны им. И, наконец, Видение открылось вновь, но теперь оно было бледно, ибо он сам был в нем — и, однако, видел, что все держится рукою Илуватара; но вот рука проникла внутрь — и из нее вышли многие дива, что были прежде сокрыты в думах айнуров.

Тогда Манвэ очнулся и сошел к Йаванне на Эзеллохар, и сел рядом с ней под Двумя Древами. И молвил:

— О Кементари. Эру сказал свое слово: “Ужели думает кто-то из валаров, что я не слышал **всей** Песни, до слабейшего звука слабейшего голоса? Знайте же: когда Дети проснутся, сбудутся думы Йаванны, и издалека соберутся духи, и поселятся в некоторых **кэлвар** и **олвар** — и их будут почитать и бояться их праведного гнева. На время: покуда Перворожденные сильны, а Пришедшие Следом — юны“. Но разве ты забыла, Кементари, что думы твои не всегда пелись одни? Разве не встречались твои думы с моими и не обретали крыльев, подобно птицам, парящим под облаками? Это также было замечено Илуватаром — и, прежде чем пробудятся Дети, в Мир придут Орлы Западных Владык.

Тогда Йаванна возрадовалась и встала; и, протянув к небесам руки, воскликнула:

— Высоко поднимутся деревья Кементари, чтобы Орлы могли поселиться там!

Но Манвэ тоже встал, и, казалось, стоит он на такой высоте, что голос его точно спускается к Йаванне с тропинок ветров.

— Нет. — промолвил он. — лишь деревья Ауле будут достаточно высоки. В горах станут гнездиться Орлы и внимать голосам тех, кто взывает к нам. Но в лесах будут бродить Пастыри Древл.

Тут Манвэ и Йаванна расстались, и Йаванна вернулась к Ауле: он был в своей кузне, выливал в форму расплавленный металл.

— Эру щедр, — молвила она. — Теперь пусть остерегутся твои дети! Ибо отныне в лесах будет жить сила, чей разбуженный гнев станет великой опасностью для них.

— И все же им понадобится дерево, — сказал Ауле и вернулся к горну.

Глава 3

О приходе эльфов и пленении Мелькора

Олгие века жили валары в блаженстве в свете Древл за Горами Амана — Средиземье же лежало в сумерках под мерцанием звезд. Пока горели Светильни, все пошло в рост, но теперь не росло, ибо всюду опять была тьма. Однако древнейшие из живых существ уже пробудились: в морях — гигантские водоросли, на земле — тени огромных деревьев; а в долинах и окутанных мраком холмах таились темные твари — древние и сильные. В те поля и леса не приходил никто из валаров, кроме Йаванны и Оромэ. И Йаванна бродила в сумер-

ках, печалась, потому что рост и цветение Весны Арды окончились. И она погрузила в сон многое из того, что проснулось Весной — дабы создания ее не старились, а ждали пробуждения в грядущие века.

Но на севере Мелькор собирал силы — не спал, наблюдал и трудился; и появились лиходейские твари, и темные дремлющие леса наполнились чудовищами и призраками ужаса. А в Утумно он собрал своих демонов — тех духов, что предались ему во дни величия и стали подобны ему в падении; сердца их были из пламени, но обличье — тьма, и ужас несли они с собою: у них были огненные бичи. Позже в Средиземье их звали балрогами. И Мелькор породил во тьме много других чудищ разных форм и видов, что долго тревожили мир; и границы его владений в Средиземье все далее продвигались на юг.

А еще Мелькор выстроил крепость с оружейнями близ северо-западных берегов Моря — отбивать любой штурм, какой мог быть начат валарами. Командовал той крепостью Саурон, наместник Мелькора; а звалась она Ангбанд.

Однажды валары держали совет, ибо обеспокоили их вести, принесенные Йаванной и Оромэ из Покинутых Земель; и Йаванна вышла вперед и, обратясь к валарам, молвила так:

— О повелители Арды. Видение Илуватара было кратким и быстро исчезло, так что, быть может, мы не сумеем точно исчислить в бегущей череде дней Назначенный Час. Однако будьте уверены: Час близится и в этот век исполнятся наши надежды и Дети пробудятся. Так ужели оставим мы земли, где им жить, бесплодными и полными лиха? Ужели будут они бродить во тьме, когда мы радуемся свету? Ужели будут звать Властелином Мелькора, когда Манвэ восседает на Таниквэтиль?

И Тулкас вскричал:

— Нет? Давайте скорее начнем войну! Разве не довольно отдохнули мы от борьбы, разве не восстановились наши силы? Неужто один всегда будет противостоят всем?

Но, по велению Манвэ, заговорил Мандос и молвил так:

— Истинно, в этот век придут Дети Илуватара, но они еще не пришли. Более того, суждено, чтобы Перворожденные пробудились во тьме и первым их взглядом был взгляд на звезды. Яркий свет погубит их. К Варде станут взывать они в нужде.

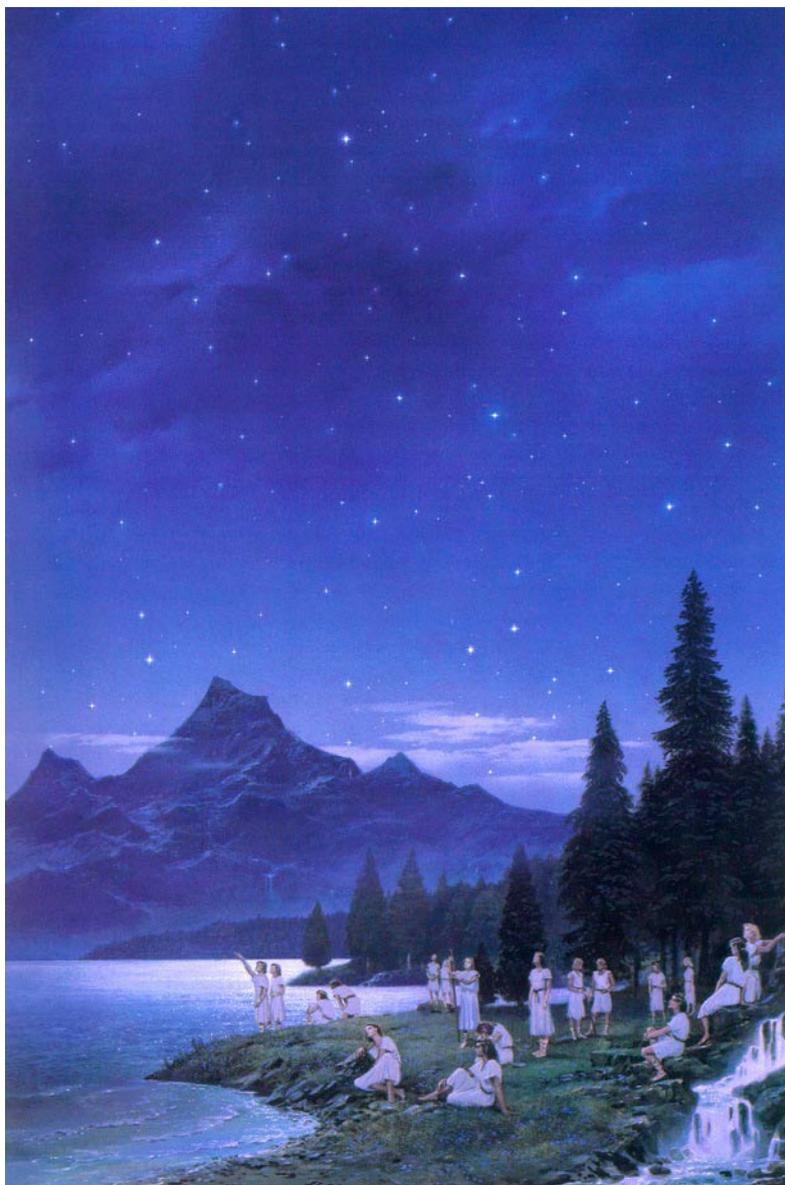
Тогда Варда ушла с совета и, взглянув с высот Таниквэтиль, узрела тьму Средиземья и бессчетные звезды над ним — далекие и тусклые. И она начала великий труд, величайшее из всех дел валаров со дня их прихода в Арду. Она взяла серебряную росу Тэлпериона и создала из нее новые яркие звезды к приходу Перворожденных: потому-то Варда, чье древнее прозвание было Тинталлэ, Возжигательница, звалась эльфами Элентари, Королева Звезд. Кáрниль и Лúиниль, Нэнар и Лúмбар, Алькваринквэ и Элеммирэ сотворила она в то время, и множество других дивных звезд собрала вместе и поместила маяками в небесах Арды: Вильварин, Тэлумендиль, Сóронумэ и Анарриму; и Мэнэльмакар с его сверкающим поясом поднялся, как предвестник Последней Битвы, что будет в Конце Дней. А высоко над севером, вызовом Мелькору, возложила Варда венец из семи ярких звезд — Вáлакирку, Серп Валаров и знак рока.

Говорят, что в тот самый час, когда Варда окончила свои труды (а были они долги), когда Мэнэльмакар впервые шагнул в небо, и синий пламень Хэллуина вспыхнул в тумане над гранью Мира — в тот самый час пробудились Дети

Земли, Перворожденные Илуватара. У озаренного звездами озера Куйвиэнэн, Вод Пробуждения, очнулись они ото сна; и пока они — еще в молчании — жили у Куйвиэнэн, глаза их видели звезды, и звездный свет стал им милее всего, и впоследствии более всех валаров почитали они Варду.

У озера Куивизенен. Тед Несмит

В возмущениях Мира облик земель и морей ломался и восстанавливался: реки не сохранили своих русел, а горы — своих твердынь; и к Куйвиэнэн возврата нет. Но говорят эльфы, что лежит оно далеко на северо-востоке Средиземья и некогда было заливом Хёлкара — Внутреннего Моря; а море то образовалось на месте столпа Иллуин, низвергнутого Мелькором. Многие воды стекали туда с восточных возвышенностей, и первыми звуками, которые услышали эльфы, были плеск и журчание бегущих струй.

Долго жили они в первом своем доме под звездами и в удивлении бродили по Земле; и они начали говорить и давать имена всему, что видели. Себя они называли **Квэнди** — “те, что говорят”, ибо не встречали еще других существ, обладавших даром речи или пения.

И случилось, что Оромэ, охотясь, заехал на восток и, у берегов Хелкара, свернул к северу, под тень Орокарни — Гор Востока. Тут Нахар внезапно заржал и остановился, а Оромэ в удивлении сидел молча, и казалось ему, что в

тиши подзвездных земель доносится издали песня.

Так валары нашли наконец — как будто случайно — тех, кого столь долго ждали. И Оромэ, взглянув на эльфов, исполнился изумления, словно они были созданиями странными, дивным и непредвиденными: ибо так всегда будет с валарами. Что ни предпето в Музыке или предсказано в Видении, — для тех, кто пришел в Эа, каждая новая вещь будет чем-то неожиданным и непредвиденным.

Изначально Старшие Дети Илуватара были сильнее и выше, чем стали теперь; но не более прекрасны, ибо, хотя красота квэнди во дни их юности была превыше красоты всего, созданного Илуватаром, она не уменьшилась с годами, а жизнь на Земле, печаль и мудрость обогатили ее. И Оромэ полюбил квэнди, и нарек их на их же наречии **эльдарами**, народом звезд; но имя это потом носили лишь те, кто последовал за ним по западному пути.

Однако многие квэнди испугались его появления — то было дело рук Мелькора. Ибо, послезнанием Мудрые поняли, что Мелькор, будучи всегда настороже, первым узнал о пробуждении квэнди и послал призраков и духов зла следить за ними и подстергать их. Так и вышло, что если эльфы поодиночке или даже по нескольку вместе уходили далеко от озера, они пропадали и никогда не возвращались; и квэнди говорили, что это Охотник поймал их. И в самых древних эльфийских песнях, память о которых все еще жива на Западе, поется о призрачных тенях, что бродили в холмах вокруг Куйвиэнэн и затмевали звезды; и о черном Всаднике на диком коне, который преследовал ушедших, чтобы схватить и пожрать их. Мелькор так ненавидел и боялся Оромэ, что рассылал своих прислужников в его обличье и распускал лживые слухи о нем, чтобы квэнди отшатнулись от Оромэ, если им доведется встретиться.

Так и вышло, что когда Нахар заржал, и Оромэ на самом деле появился среди них, некоторые из квэнди спрятались, а другие убежали и потерялись. Но те, кто были мужественны и остались, быстро увидели, что Великий Всадник — не призрак из Тьмы: ибо светом Амана сияло его лицо, и благороднейшие из эльфов потянулись к нему.

А о тех несчастных, кого захватил Мелькор, мало что известно доподлинно. Ибо кто из живущих спускался в подземелья Утумно или проникал во тьму Мелькоровых дум?.. Однако Мудрые в Эрессэа считали неоспоримым, что квэнди, попавшие в лапы к Мелькору, были ввергнуты им в узилище; и там постепенно, чарами и жестокостью он извратил и поработил их; так, в ненависти своей, вывел он в насмешку и подражание эльфам жуткий народ — орков, злейших их врагов. Ибо орки живут и множатся, как Дети Илуватара; а Мелькор после своего восстания во время Айнулиндалэ не мог создавать ничего живого — хотя бы внешне живого; так говорят Мудрые. И глубоко в темных сердцах орков живет ненависть к Господину, которому они служат из страха — создателю их убожества. Это, быть может, было самое отвратительное из дел Мелькора — и самое противное Илуватару.

Оромэ побыл немного среди квэнди — и быстро поскакал назад, через землю и море, в Валинор, и принес весть в Валмар; и поведал он о тенях, что тревожат Куйвиэнэн. Тогда валары обрадовались — и все же сомненья тревожили их; и они долго спорили, что предпринять, чтобы оградить квэнди от мрака Мелькора. А Оромэ сразу вернулся в Средиземье и жил среди эльфов.

Манвэ долго сидел в раздумье на Таниквэтнль и искал совета Илуватара. А

потом, спустившись в Валмар, созвал валаров в Кольцо Судьбы; и даже Ульмо явился туда из Внешнего Океана.

Тогда Манвэ сказал валарам:

— Вот совет, что вложил в мое сердце Илуватар: мы должны снова овладеть Ардой, чего бы это ни стоило, и избавить квэнди от мрака Мелькора.

Тулкас возрадовался, но Ауле опечалился, провидя раны, которые могут быть нанесены миру в этой борьбе. А валары приготовились, и выступили из Амана на войну — штурмовать крепости Мелькора и уничтожить их. Никогда не забывал Мелькор, что война эта была развязана во имя эльфов и что они стали причиной его поражения. Однако эльфы не принимали участия в тех делах и мало что знали о могучей коннице Запада, воевавшей Север в начале их дней.

Первое сражение Мелькора с валарами произошло на северо-западе Средиземья, и весь тот край был сильно разрушен. Но первую победу войска Запада одержали быстро, и прислужники Мелькора бежали пред ними в Утумно. Тогда валары перешли Средиземье и выставили стражу вокруг Куйвнэнэн; и позже квэнди мало что знали о Великой Битве — лишь тряслась и стонала земля у них под ногами, волны захлестывали берег, да полыхали на севере зарницы, словно сполохи гигантских пожаров. Долгой и трудной была осада Утумно, и много сражений, о которых до эльфов дошли лишь слухи, произошло перед ее воротами. В то время облик Средиземья изменился; и Великое Море, что отделяет его от Амана, расширилось и углубилось: оно взломало берега и образовало глубокий, идущий на юг залив. И много меньших заливов образовалось между Великим Заливом и Хёлкараксэ далеко на севере, где Средиземье и Аман сближаются друг с другом. Самый крупный из этих заливов был Бáлар; в него со вновь поднявшихся северных нагорий — Дóртониона и гор, окружавших Хйфлум — текла могучая река Сйрион. Все земли на дальнем севере пришли в те дни в запустение; ибо там была вырыта Утумно, и ее подземелья заполняли огонь и рати прислужников Мелькора.

Но в конце концов врата Утумно пали, крыши с подземелий были сорваны, и Мелькор укрылся в самой глубокой из ям. Тогда вперед вышел Тулкас, как сильнейший из валаров, и схватился с Мелькором, и, одолев, повергнул его ниц. И Мелькор был взят в плен, и связан цепью Ангайнор, которую отковал Ауле; и на долгие века мир обрел покой.

Однако валары не обшарили всех бездн и пещер, хитроумно скрытых под бастионами Ангбанда и Утумно. Много лиходейских тварей таилось там, а иные были рассеяны, бежали во тьму и скитались в пустошах мира, дожидаясь более лихих времен; и Саурана валары не нашли.

А когда битва закончилась, и поднявшиеся на севере великие тучи затмили звезды, валары доставили Мелькора — руки и ноги его были скованы, а глаза завязаны — назад, в Валинор; и он был поставлен в Кольцо Судьбы, и там, лежа ниц у ног Манвэ, молил о прощении. Но мольба его была отвергнута, и он был брошен в темницу Мандоса, откуда не спастись никому — ни валару, ни эльфу, ни смертному; обширны и крепки чертоги, что построены на западе Амана. Там Мелькор был обречен жить три долгих века, прежде, чем его будут судить снова — или — дозволят вновь молить о прощении.

Потом валары вновь собрались на совет, и спор разделил их. Ибо одни — главой их был Ульмо — стояли за то, что квэнди должно оставить бродить в

Средиземье по своей воле — и преобразовать земли, как позволят им их умение и искусность. Но большая часть валаров боялась за квэнди в опасностях мира, среди неверных подзвездных сумерек; и кроме того, они были очарованы красотой эльфов и жаждали их дружбы. А потому в конце концов валары призвали эльфов в Валинор — вечно жить у колен Стихий в свете Древ; и Мандос нарушил молчание, сказав: "Так суждено". От этого призыва впоследствии произошли многие горести.

Но эльфы вначале не пожелали внять призыву, ибо до тех пор видели валаров — всех, кроме Оромэ — лишь в гневе, когда те шли на войну; и были исполнены страха. Посему Оромэ вновь послали к ним, и он избрал из квэнди послы, которые отправились бы в Валинор и говорили за свои племена; то были Ингвэ, Фйнвэ и Эльвэ, кои после стали королями. И придя в Валинор, они исполнились благоговения пред величием и мощью валаров, возжаждали света и красоты древ. Потом Оромэ доставил их назад, к Кувиэйиэн, и они говорили перед своим народом, и советовали внять призыву валаров и переселиться на Запад.

Так произошло первое разделение Эльфов. Ибо племя Ингвэ и большая часть племен Фйнвэ и Эльвэ поколебались, слушая рассказ вождей, и пожелали уйти и следовать за Оромэ; и после они были известны как **эльдары** — имя это дал им Оромэ. Но многие отказались от призыва, предпочтя звездный свет и просторы Средиземья рассказу о Древах: это были **Авари**, Отказавшиеся, в то время они отделились от эльдаров — и не встречались, покуда не минуло много веков.

Эльдары готовились покинуть свои первые жилища на востоке; они образовали три дружины. Меньшую — и первую, что вышла в путь — вел Ингвэ, величайший владыка эльфов. Он вошел в Валинор и сидит у ног Стихий, и все эльфы чтят его имя; но он не возвращался назад и никогда не оглядывался на Средиземье. Его народ — **ваниары**, Дивные Эльфы: их более всего любят Манвэ и Варда, и немногие из людей говорили с ними.

За ними шли **нолдоры** — род Фйнвэ. Это Премудрые Эльфы, друзья Ауле: о них сложено множество песен, ибо в древности они много трудились и тяжело бились в северных землях.

После всех двигалось самое многочисленное племя, звались они тэлери, Последние, ибо мешкали в пути и не совсем еще решились покинуть сумерки ради света Валинора. Более всего они любили воду, и те из них, что пришли в конце концов к западным берегам, были зачарованы морем. Потому в Амане они стали зваться Морскими Эльфами, **фáлмари**, ибо играли и пели близ бушующих волн. У тэлери было два вождя — ибо число их велико — Эльвэ Сýнголло (что значит Серебристый Плащ) и его брат Ольвэ.

Таковы три рода **эльдáлиэ**, пришедшие на Заокраинный Запад во дни Древ и нареченные потому **ка́лаквэнди** — Эльфами Света. Были, однако, и другие эльфы, что вышли в путь на запад, но потерялись в дороге, свернули в сторону или остались на берегах Средкземья — большей частью, как говорилось потом, тэлери. Они жили у моря и бродили в лесах и горах, однако сердца их были обращены к Западу. Этих эльфов калаквэнди зовут **умáниарами**, ибо они никогда не бывали в Амане; но как их, так и авари называют еще **мóриквэнди**, Эльфами Сумерек, ибо те не видели Света, что был до Солнца и Луны.

Говорят, что когда племена эльдалиэ уходили от Куйвиэнэн, Оромэ ехал во

главе их на своем золотокопьем коне Нахаре; и, обогнув с севера море Хелкар, они повернули к западу. Перед ними на севере темно клубились над разореньем войны черные тучи, и звезды там были затенены. Тогда кое-кто испугался и отступил, и повернул назад — и позабыт ныне.

Долог и медлен был поход Эльдаров на запад, ибо бессчетны лиги Средиземья и утомительно бездорожье. Да и сами эльдары не хотели спешить, ибо дивились всему, что видели, и многие земли и реки звали их к себе; и, хотя все по-прежнему желали продолжать путь, многие скорее страшились конца похода, чем надеялись на него. Потому, когда бы ни уезжал Оромэ, отвлеченный по временам другими делами — они останавливались и не шли дальше, покуда он не возвращался к ним. И вот, после долгих лет такого похода, эльдары как-то миновали лес и вышли к огромной реке, шире всех, какие они до сих пор видели. А за ней вставали горы, чьи острые пики, казалось, пронзали чертоги звезд. Река эта, говорят, впоследствии была названа Андуйн Великий и стала рубежом западных земель Средиземья. А горы те были хребет Хифаэглир, Оплот Тьмы на границе Эриадора; в те дни, однако, он был страшнее и выше — его воздвиг Мелькор, дабы помешать путешествиям Оромэ. Тэлери долго жили на восточном берегу реки и пожелали остаться там, но ваниары и нолдоры перешли реку, и Оромэ повел их к горным перевалам. И когда Оромэ скрылся из глаз, тэлери взглянули на мрачные вершины — и устрашились.

Тогда восстал один из дружины Ольвэ, что всегда шла позади; звали его Ленвэ. Он отрекся от западного пути и увел некоторых за собой на юг, вниз по реке — и долгие годы их родичи ничего не знали о них. То были **нандоры**; они сделались сторонним народом, непохожим на сородичей — разве что так же любили воды и жили всегда у водоемов и бегущих ручьев. Они знали и любили все живое — зверя и птицу, траву и дерево — более прочих эльфов. В последующие годы Дэнэтор, сын Ленвэ, снова повернул к западу и, незадолго до восхода Луны, привел часть этого народа через горы в Белерианд.

Наконец ваниары и нолдоры перевалили Эред Лу́ин — Синие Горы, отделявшие Эриадор от Крайнего Запада Средиземья; те земли эльфы звали Белериандом; и первые отряды перешли Долину Сириона между Дрэнгистом и заливом Балар. Но когда они узрели море, страх объял их, и многие отступили в леса и нагорья Белерианда. Тогда Оромэ оставил их и вернулся в Валинор спросить совета Манвэ.

А дружина тэлери перешла Мглистые Горы, и пересекла дебри Эриадора, подгоняемая своим вождем Эльвэ Синголло, ибо он хотел вернуться в Валинор — к Свету, который видел, и не хотел разлучаться с нолдорами, с вождем которых, Финвэ, был в большой дружбе. Так, спустя много лет, тэлери тоже перевалили Эред Луин и вступили в восточные земли Белерианда. Там они остановились и некоторое время жили за рекой Гэлион.

Глава 4 О Тинголе и Мелиан

елиан была майя из народа валаров. Она жила в садах Лориэна, и не было среди его обитателей никого более прекрасного, более мудрого и искусного в Заклинательных Песнях, чем Мелиан. Говорят, валары оставляли свои тру-

ды, а птицы Валинора — щебет, что колокола Валмара стихали, а фонтаны переставали струиться, когда в час смешения света Мелиан пела в Лориэне. Ее повсюду сопровождали соловьи, и она научила их петь; она любила глубокую тень больших деревьев. До создания Мира она были из рода самой Йаванны: и в то время, когда квэнди пробудились у вод Куйвиэнэн, она оставила Валинор и пришла в Покинутые Земли, и безмолвие Предрассветного Средиземья наполнилось ее голосом и пением ее птиц.

Как уже говорилось, когда поход тэлери близился к концу, они надолго поселились в Белерианде, за рекой Гэлион; а многие нолдоры находились тогда в лесах, позже названных Нэльдореф и Рэгион. Эльвэ, вождь тэлери, часто ходил через лес к селениям нолдоров, навещать своего друга Финвэ; однажды случилось ему проходить одному под звездами по роще Нан Эльмот — и вдруг он услышал пение соловьев, и застыл, очарованный; и далеко, за голосами **лómэлинди**, услышал он голос Мелиан — и сердце его исполнилось изумления и страсти. И он забыл свой народ, и все свои замыслы, и, войдя за птицами под сень деревьев, углубился в Нан Эльмот — и заблудился. Но в конце концов он вышел на поляну, открытую звездам; там стояла Мелиан. И из тьмы взглянул он на нее, и светом Амана сияло ее лицо.

Она не сказала ни слова; но, исполняясь любви, Эльвэ приблизился и взял ее за руку — и чары поразили его, и бесчисленные годы стояли они так, и звезды кружились над ними, и деревья Нан Эльмота стали высоки, а тень их — густа, прежде чем они молвили хоть слово.

Потому-то народ Эльвэ, искавший своего вождя, не нашел его, и Ольвэ принял на себя правление тэлери и, как рассказывали потом, увел их. Эльвэ Синголло никогда более не приходил через Море в Валинор, и Мелиан не возвращалась туда, пока они правили вместе; но через нее влилась в эльфов и людей струя духа айнуров — тех, кто прежде Эа был с Илуватаром. В последующие дни Эльвэ стал прославленным вождем; народом его были эльфы Белерианда — **сіндары**, Сумеречные Эльфы, а сам он звался Владыка Серебристый Плащ. Элу Тингол на языке той земли.

А Мелиан была его Владычицей, более мудрой, чем любое дитя Средиземья; и их тайные чертоги, что звались Мэнегрот. Тысяча Пещер, были в Дóриафе. Огромное могущество дала Мелиан Тинголу, который был велик среди эльдаров; ибо из всех синдаров он один видел собственными глазами Древа во дни цветения и, хотя был владыкой уманиаров, он причислен не к мориквэнди, а к Эльфам Света.

И от любви Тингола и Мелиан пришла в мир прекраснейшая из всех детей Илуватара, что были, есть и когда-то будут.

Глава 5

Эльдамар и принцы эльдалиэ

Ришло время, и дружины ваниаров и нолдоров подошли к самым западным берегам Внешних земель. В древние времена, после Битвы Стихий, берега эти заворачивали на запад, покуда — на самом севере Арды — узкий пролив не отделял их от Амана, где лежал Валинор; но весь тот пролив был, из-за лютых морозов Мелькора, забит вздыбленным льдом. А потому Оромэ не повел

дружины эльдалиэ на дальний север, но увлек их в прекрасные земли вкруг реки Сирион, что после были наречены Белериандом; а те берега, с которых эльдары впервые, в страхе и удивлении взглянули на Море, отделял от Гор Амана широкий, глубокий и темный океан.

И Ульмо, по решенью валаров, пришел к берегам Средиземья и заговорил там с Эльдарами, что ожидали, глядя на темные волны; и благодаря речам его и музыке, что играл он на своих рогах из раковин, их страх перед Морем обратился в тягу к нему. Тогда Ульмо вырвал с корнем остров, стоявший со времен падения Иллуина посреди моря, вдали от всех берегов; и с помощью своих слуг он сдвинул тот остров, как могучий корабль, и пригнал его в залив Балар, куда стремится свои воды Сирион. Тогда ваниары и нолдоры ступили на остров и были перевезены через море, и достигли наконец побережья у подножия Гор Амана; они вошли в Валинор, и были встречены с радостью. Но восточная коса острова застряла на мелководье близ устья Сириона, отломилась и осталась в заливе; так, говорят, возник остров Балар, к которому после часто являлся Оссэ.

Но тэлери все еще оставались в Средиземье, ибо жили в восточном Белерианде вдали от моря, и не слышали призывов Ульмо; и многие искали своего вождя Эльвэ и не хотели уходить без него. Но узнав, что Ингвэ и Финвэ со своими народами ушли, многие тэлери двинулись к побережью Белерианда и после жили близ устья реки Сирион, тоскуя по ушедшим друзьям; и они избрали своим вождем Ольвэ, брата Эльвэ. Долго оставались они у западных берегов моря, а Оссэ и Уйнэн приходили к ним, и подружились с ними; и Оссэ наставлял их, сидя на скале у берега, и от него научились они мореходству и песням морей. И вышло так, что тэлери, которые изначально любили воду и были лучшими певцами среди эльфов, поддались очарованию морем, и песни их наполнил отзвук прибоя.

Минуло много лет — и Ульмо внял мольбам нолдоров и Финвэ, их владыки, что скорбели от долгой разлуки с тэлери и умоляли его перевезти их в Аман, если они того пожелают. И воистину многие тэлери желали теперь этого: но велика была печаль Оссэ, когда Ульмо вернулся к берегам Белерианда, чтобы унести их в Валинор, ибо его заботой были моря Средиземья и берега Внешних Земель, и он был огорчен, что голоса тэлери не зазвучат более в его владениях. Некоторых он уговорил остаться — то были **фáлафримы**, Береговые Эльфы, что в последующие дни жили в гаванях Бритомбар и Эгларест, первые мореходы Средиземья. Вождем их был Цирдан Корабел.

Родичи и друзья Эльвэ Синголло тоже остались в Средиземье, по-прежнему разыскивая его, хотя и рады были бы уйти в Валинор, к свету Древ, если б Ульмо и Ольвэ пожелали бы задержаться. Но Ольвэ стремился уйти; и в конце концов большинство тэлери взошло на остров, и Ульмо повлек их прочь. Так друзья Эльвэ остались одни, и назвали себя Эглаф — Позабытый Народ. Они жили большей частью в лесах и холмах Белерианда, а не у моря, наполнявшего их скорбью; но тоска по Амону всегда жила в их сердце.

Но когда Эльвэ очнулся от долгого забвения, они с Мелиан вышли из Нан Эльмота и жили с тех пор в сердце этого края. И хотя велико было его желание вновь увидеть блеск Древ, в лице Мелиан он зрел свет Амана, как в незамутимом зеркале, и свет этот дарил ему покой. Народ его в радости собрался вокруг него и дивился: ибо Эльве, хоть и был прежде прекрасен и благороден, ныне

походил он на владыку майаров — высочайший из Детей Илуватара, с глазами, как лунное серебро; и высокая судьба ожидала его.

А Оссэ последовал за дружиной Ольвэ и, когда они входили в залив Эльдармар (что значит Дом Эльфов), воззвал к ним: и они узнали его голос и взмолились к Ульмо, прося прекратить плавание. И Ульмо внял их просьбе, и по его велению Оссэ остановил остров и укоренил его в основании моря. Ульмо сделал это тем охотней, что он понимал души тэлери и на Совете Валаров был против призыва, считая, что квэнди лучше оставаться в Средиземье.

Мало радости было валарам в том, что он сделал; и Финвэ опечалился, когда тэлери не пришли, а пуще — когда узнал, что Эльвэ покинут и что им никогда не увидеться, кроме, как в чертогах Мандоса. Но Остров не двигался более и стоял одиноко в заливе Эльдармарском; и был он назван Тол Эрессэа, Одинокий Остров. Там тэлери жили, как им желалось — под звездами небес и все же близ Амана и бессмертного берега. Этим долгим житьем врозь объясняется отличие языка Одинокого Острова от языка ваниаров и нолдоров.

Им валары дали земли и место, чтобы жить. Даже среди сияющих цветов в древосветных садах Валинора жаждали они видеть порой звезды; а потому в гигантской стене Пелоров был сделан проход, и там, в глубокой долине, что сбегала к морю, эльдары подняли высокий зеленый холм: звался он Түна. С запада на него падал свет Дерев, и тень его всегда лежала на востоке: и на восток смотрел он — на Эльдармарский залив, и Одинокий Остров, и Тенистые Моря. Тогда сквозь Калакүрию. Ущелье Света, вырвался свет Благословенного Края, расцветившая темные волны серебром и золотом, и коснулся Одинокого Острова, и его западный берег стал прекрасен и зелен. Там распустились первые цветы, расцветшие восточнее Гор Амана.

На вершине Туны поднялись белые стены и террасы Түриона — города эльфов: и высочайшей из башен того города был Маяк Ингвэ, Міндон Эльдэлиэва, чей серебряный фонарь виден далеко в туманах моря. Немногие смертные зрели его тонкий луч. Ваниары и нолдоры долго жили в братстве в Тирионе. А так как изо всех творений в Валиноре более всего любили они белое Дерево, Йаванна сотворила для них дерево, подобное Тэлпериюну; только оно не светило собственным светом. Галафүлион звалось оно на языке синдаров. Это дерево посадили в садах у подножья Миндона, и там оно цвело, и было наречено Цэлеборном: говорят, от него произошел Нймлот, Белое Дерево Нуменора.

Манвэ и Варда более всего любили ваниаров, Дивных Эльфов; а нолдоры были милы Ауле, и он со своим народом часто приходил к ним; и знания и искусство нолдоров стали поистине велики — но тем больше была их жажда знания, и во многом они вскоре превзошли учителей. Язык их был изменчив, ибо они любили слова и всегда стремились найти наиболее подходящие названия всему, что знали или задумывали. Случилось так, что каменщики дома Финвэ, добывая в горах камень (ибо более всего любили строить высокие башни), впервые нашли алмазы — и добыли их бесчисленное множество; и они изобрели инструменты, чтобы обрабатывать их, придавая неповторимые формы. Они не копили алмазы, но спокойно дарили, и трудами их богател Валинор.

Нолдоры впоследствии вернулись в Средиземье, и в повести этой говорит-

ся большей частью об их делах; посему здесь надо сказать об именах и родстве принцев нолдоров — в той форме, в которой эти имена произносились эльфами Белерианда.

Финвэ был королем нолдоров. Сыновья Финвэ были Феанор, Фінголфин и Финарфин; но матерью Феанора была Мíриэль Сэриндэ, тогда как матерью Финголфина и Финарфина — Индис из ваниаров.

Феанор был искуснейшим из братьев в речах и мастерстве; дух его пылал огнем. Финголфин был сильнейшим, самым стойким и доблестным; Финарфин — самым прекрасным и мудрым; впоследствии он сдружился с сыновьями Ольвэ, вождя тэлери, и взял в жены Э́рвен, деву-лебедь из Альквалондэ, дочь Ольвэ.

У Феанора было семеро сыновей: Мáэдрос Высокий, Ма́глор-Песнопевец, чей голос разносился далеко над морем и сушей; Цéлегорм Прекрасный и Кáрантир Темный; Кúруфин Искусник, унаследовавший мастерство отца в рукотворном ремесле; и младшие — Амрод и Амрас, близнецы, схожие лицом и духом. Позже, в Средиземье, они стали великими охотниками; охотником был и Целегорм, в Валиноре друживший с Оромэ и часто следовавший за пением рога валара.

Сыновьями Финголфина были Фінгон, впоследствии верховный король нолдоров на севере мира, и Тúrгон, владыка Гóндолина; их сестрой была Арэдэль Светлая. По счету эльдаров она была младше братьев и, когда достигла полного расцвета, стала прекрасна, высока и сильна и полюбила верховую езду и охоту в лесах. Там она часто бывала с сыновьями Феанора, своей родней; но сердце ее не принадлежало никому. Ар-Фейниэлью звалась она. Белой Девой Нолдоров, ибо была бледна, хоть и с темными волосами, и одевалась всегда в белое с серебром.

Сыновьями Финарфина были Фінрод Верный (позже прозванный Фéлагундом, Владыкой пещер), Ородреф, Ангрод и Аэгнор; эти четверо так крепко дружили с сыновьями Финголфина, словно те были их родными братьями. Сестра их, Галáдриэль, считалась прекраснейшей из всего рода Финвэ; волосы ее сияли золотом, будто впитали свет Лаурелина.

Здесь должно рассказать, что тэлери пришли, наконец, в Аман. Долгие века жили они на Тол Эрессэа; но постепенно души их стали тянуться к свету, что струился через море к Одинокому Острову. Они разрывались между любовью к музыке волн и желанием вновь увидеть своих родичей и узреть величие Валинора; и в конце концов жажда света победила. Потому Ульмо, покорный воле валаров, послал к ним Оссэ, их друга, и тот, хоть и скорбя, обучил их искусству кораблестроения; и когда корабли были построены, Оссэ принес им, как прощальный дар, множество крепкокрылых лебедей. Те лебеди повлекли белые корабли тэлери через волнистое море — и так, последними пришли они в Аман, к берегам Эльдамара.

Переселение тэлери в Аман. Тед Несмит

Там и жили они, и если хотели, могли любоваться светом Древ, гулять по золотым мостовым Валмара или всходить по хрустальной лестнице Тириона на зеленую Туну; но чаще всего они бороздили на своих быстрых судах воды Залива или бродили по берегу в пенных волнах, и волосы их искрились в свете, плывшем из-за гор. Нолдоры дали им много камней — опалов, алмазов и

бледного хрусталя, и они усыпали ими берег и дно озер: дивным было побережье Элендэ в те дни. И много жемчуга добыли они себе из моря, и из жемчуга были их чертоги, и дворец Ольвэ в Альквалондэ, Лебязьей Гавани, озаренной множеством светилен. Ибо то был город тэлери и гавань для их судов; а суда тэлери строили подобными лебедям, с клювами из золота и глазами из черного янтаря. Вратами той гавани служила арка, промытая морем в живом утесе; лежала она на границе Эльдамара, к северу от Калакирии, где свет звезд был ярок и чист.

Шли века — и любовь ваниаров к земле валаров и свету Древ росла, и они ушли из Тириона на Туне, и обитали с тех пор на горе Манвэ или на равнинах и в лесах Валинора, и отделились от нолдоров. В душах нолдоров жила память о звездах Средиземья, и они жили в Калакирии и в горах и долинах, куда достигал шум западного моря; и хотя многие из них бродили по землям валаров, совершая дальние походы в поисках тайн земли и вод, и всего живого, — именно в те дни сблизились народы Туны и Альквалондэ. Королем Тириона был Финвэ, а Альквалондэ — Ольвэ; но владыкой всех эльфов от веку считался Ингвэ. Впоследствии он жил на Таниквэтиль, у ног Манвэ.

Феанор и его сыновья редко жили подолгу в одном месте, но бродили по Валинору, подходя даже к границам Бессветия и холодным берегам Внешнего Моря в поисках непознанного. Часто были они гостями в чертогах Ауле; но Целегорм охотнее заходил в дом Оромэ и там получил великое знание о зверях и птицах, и ведомы ему были их наречия. Ибо все живые создания, что есть или были в Арде, кроме только лиходейских тварей Мелькора, жили тогда в Амане; и было там много прочих существ, невиданных в Средиземье — и которых теперь уж не будет в нем, ибо мир изменился.

Глава 6

О Феаноре и освобождении Мелькора

Теперь Три Народа Эльдаров собрались, наконец в Валиноре, а Мелькор был скован. Наступил полдень Благословенного Края во всей полноте его величия и блаженства, долгий в Повести Лет, но слишком краткий в воспоминани-

ях. В те дни эльдары достигли полного расцвета тела и духа, и нолдоры преуспевали во всех ремеслах и знаниях; и долгие годы были заполнены их радостным трудом. Именно тогда впервые задумались они о письменах, и вскоре Румиль из Тириона изобрел знаки, годные для запечатления речей и песен — одни для изображения на камне или металле, другие — для письма пером или кистью.

В это время в Эльдамаре, в доме короля Тириона на вершине Туны, родился старший и самый любимый сын Финвэ. Нарекли его Куруфинвэ, но мать назвала его Феанор — Пламенный Дух: и под этим именем вошел он в сказания нолдоров.

Имя его матери было Мириэль, прозванная Сериндэ, ибо никто из нолдоров не умел ткать и шить чудесней ее; руки ее были искусны в самой изящной и мелкой работе. Великой и радостной была любовь Мириэль и Финвэ, ибо зародилась в Благословенном Краю и в Благие Дни. Но рождение сына истощило тело и дух Мириэли, и после его рождения она возжаждала освобождения от бремени жизни. И, дав имя сыну, сказала Финвэ: "Никогда более мне не понести дитя: ибо силы, что должны были дать жизнь многим, вошли в Феанора." Тогда Финвэ опечалился, ибо нолдоры были еще юны, и он хотел породить много детей в блаженстве Амана: и сказал он: "Неужели нет исцеления в Амане? Здесь любой усталый найдет отдохновение." Но Мириэль чахла день ото дня, и Финвэ испросил совета у Манвэ, и Манвэ поручил ее заботам Ирмо в Лориэне. Расставаясь с ней (ненадолго, как он надеялся), Финвэ печалился, ибо несчастьем казалось ему, что мать должна уйти и не увидит детства своего сына.

— Это воистину несчастье, — молвила Мириэль, — и я плакала бы, не будь я столь истомлена. Но не вини меня в том — как и во всем, что может случиться после.

Потом она ушла в сады Лориэна и легла там на сон; и хотя казалась спящей, дух ее покинул тело и в безмолвии отошел в чертоги Мандоса. Девы Эсте ухаживали за телом Мириэли, и оно оставалось нетленным; но она не ожила. Финвэ жил в скорби; и часто приходил он в сады Лориэна и, сидя под серебристыми ивами у тела жены, взывал к ней. Но она все не пробуждалась; и, единственный во все Блаженном Краю, он был лишен радости. И, спустя годы, он перестал ходить в Лориэн.

Всю свою любовь отдал он сыну; а Феанор рос быстро, словно тайный огонь пылал в нем. Был он высок, прекрасен лицом и властен; в достижении своих целей — нетерпелив и тверд; взгляд пронзительно ясен, волосы — чернее воронова крыла. Немногим удавалось изменить его решения советом, и никому — силой. Из всех нолдоров — и до, и после него — он был самым хитроумным и искусным. В юности, улучшив труд Румиля, он изобрел письмена, названные его именем — ими после того всегда пользовались эльдары; именно он, первым из нолдоров, открыл, как делать рукотворные драгоценные камни, что были крупнее и краше камней земли. Первые камни, сделанные Феанором, были бесцветны, но, попадая в лучи звезд, искрились голубым и серебряным пламенем, ярче огня Хеллуина; и другие кристаллы создал он — в них отдаленно, но ясно виднелись разные вещи, будто орлы Манвэ сверху рассматривали их. Редко отдыхали разум и руки Феанора.

В ранней юности он женился на Нёрданэли, дочери великого кузнеца Мах-

тана, изо всех кузнецов нолдоров более всего любимого Ауле; и многому научился Феанор у Махтана в сотворении вещей из металла и камня. Воля у Нерданэли тоже была тверда, но она обладала большим терпением и желала понимать сердца, но не покорять их; и сперва она сдерживала Феанора, когда пламень его духа разгорался слишком жарко, но его дальнейшие дела опечалили ее, и они отдалились друг от друга. Семерых сыновей родила она Феанору. Кое-кто из них унаследовал ее характер, но не все.

И случилось так, что Финвэ взял себе вторую жену — Индис Ясную. Она была ваниа, близкая родственница Ингвэ Владычному, золотоволосая и статная, ни в чем не схожая с Мириэлью. Финвэ очень любил ее и снова был радостен. Но тень Мириэль не покинула ни дома Финвэ, ни его сердца: и более всех любил он Феанора.

Женитьба отца не обрадовала Феанора; и мало любви питал он к Индис и к Финголфину и Финарфину, ее сыновьям. Он жил отдельно от них, исследуя земли Амана или занимаясь науками и ремеслами. В тех несчастьях, которые произошли после, многие усматривали плоды разлада в доме Финвэ, считая, что если б Финвэ пережил утрату и удовольствовался рождением одного могучего сына, путь Феанора стал бы иным, и великое лихо было бы отведено: ибо скорбь и уособица в доме Финвэ запечатлены в памяти эльфов-нолдоров. Но дети Индис и их дети были велики и славны, и не будь их, история эльдаров потускнела бы.

В то самое время, когда Феанор и другие мастера нолдоров работали в свое удовольствие, не видя конца трудам, а сыновья Индис росли и мужали, Полдень Валинора близился к закату. Ибо, по решению Манвэ, Мелькор триста лет был заключен в темнице Мандоса.

Наконец, как и обещал Манвэ, он был вновь приведен пред троны валаров. Тогда взглянул Мелькор на их величие и благость, и зависть была в его сердце; и взглянул он на Детей Илуватара, что сидели у ног Стихий, и ненависть наполнила его; и взглянул он на блеск и богатство алмазов — и возжелал их; но скрыл свои помыслы и отложил месть.

Перед Вратами Валмара Мелькор простерся у ног Манвэ и молил о прощении, обещая всюду, где только сможет, помогать трудам валаров — даже если он будет последним в Валиноре. Более же всего станет он трудиться над исцелением ран, что некогда нанес миру. И Ниэнна вторила его мольбам; но Мандос молчал.

Тут Манвэ даровал Мелькору прощение: но валары не желали, чтобы он сразу ушел из-под их присмотра и приговорили, что жить ему в стенах Валмара. Но прекрасны казались в те дни все дела Мелькора, и валарам, и эльдарами помогал он трудом и советом, когда бы ни обратились к нему за помощью; а потому с течением времени ему дозволили вольно бродить по краю, и мнилось Манвэ, что лихо Мелькора излечилось. Ибо сам Манвэ был свободен от лиха и не мог распознать его; да и помнил он, что изначально, в думах Илуватара Мелькор был подобен ему; и он не прозревал всех глубин Мелькорова сердца и не знал, что вся любовь навеки оставила его. Но Ульмо не был обманут, и Тулкас медленно гневался — забывал он еще медленней. Но они подчинились суду Манвэ: те, кто защищает Право от бунтовщика, не должны бунтовать.

Надо сказать, что в душе своей Мелькор более всего ненавидел эльдаров,

потому что они были прекрасны и радостны, а еще потому, что в них он видел причину вознесения валаров — и собственного низвержения. Тем больше любви выказывал он им, искал их дружбы и сулил им помощь как знаниями, так и делом — какой бы великий труд они ни замыслили. Ваниары никогда не доверяли ему, ибо жили в свете Древ и были ясны; на тэлери он сам не обращал внимания, сочтя их слишком слабыми для исполнения его замыслов. Но нолдоры с радостью приняли тайное знание, которое он явил им; и кое-кто внимал речам, которых лучше бы никогда не слышать. Мелькор, вправду, объявлял потом, что и Феанор многому тайно учился у него, и что он наставлял его в величайшем из трудов; но он лгал в вожделении и злобе, ибо никто из эльдалиэ не ненавидел Мелькора больше, чем Феанор, сын Финвэ, первый, кто назвал его Морготом; и хотя запутался он в тенетах Мелькоровой ненависти к валарам — никогда Феанор не беседовал с ним и не слушал его советов. Ибо Феанора влекло лишь пламя его собственной души, он трудился в одиночку и спору; и не искал ни совета, ни помощи ни у кого в Аманы — ни у великих, ни у малых, кроме — и то недолго — Нерданэли Мудрой, своей жены.

Глава 7

О Сильмарилях и непокое нолдоров

Те времена были созданы самые знаменитые из творений эльфов. Ибо к Феанору, достигшему высот мастерства, пришел новый замысел — или, быть может, призрак близкого рока посетил его; и задумался он, как сохранить нетленным свет Деревьев — славу Благословенного Края. Тогда начал он долгий и тайный труд, собрал все свои знания, мастерство и искусность рук — и наконец сотворил Сильмарили.

По виду были они подобны огромным алмазам. Но до тех пор, покуда не вернется Феанор, что погиб до создания Солнца и томится теперь в Чертогах Ожидания, а не живет среди своих родичей; покуда не померкнет Солнце, и Луна не сойдет с небосвода — не станет известно, из чего они сотворены. Вещество то похоже на кристаллы бриллиантов — но крепче адаманта, так что никакой силе в Арде не замутить и не уничтожить его. Но кристаллы те оказались для Сильмарилей лишь тем, чем является тело для Детей Илуватара: пристанищем внутреннего огня, что сокрыто в нем и в то же время в нем разлито, и дает ему жизнь, а внутренним огнем Сильмарилей Феанор сделал благой свет Дерев, что все еще живет в них, хоть сами Древа давно исчахли и не сияют более. Потому, даже во тьме глубочайшей сокровищницы Сильмарили сверкают сами, подобные звездам Варды. И, однако, словно живые существа, они любят свет, вбирают его — и возвращают лучами более прекрасными, чем прежде.

Все, кто жил в Аманы, дивились творению Феанора и восторгались им. И Варда благословила Сильмарили, так что после никогда ни смертная плоть, ни нечистые руки, ни лихо не могли коснуться их, чтобы не обжечься и не иссохнуть: а Мандос предрек, что судьбы Арды — земли, моря и воздуха заключены в них. Очень скоро душа Феанора стала неразрывно связана с этими творениями его рук.

Тогда Мелькор возжелал Сильмарили, и одно лишь воспоминание об их си-

янии огнем жгло его сердце. С этого времени, подстегиваемый вожделием, все более нетерпеливо искал он способа уничтожить Феанора и навек поссорить валаров и эльфов; но он искусно прятал свои мысли, а наружность его все еще скрывала злобу. Долго трудился он, и медлен и бесплоден был поначалу тот труд. Но тот, кто сеет ложь, в конце соберет богатый урожай и вскоре сможет отдохнуть от трудов — пока другие будут сеять и жать за него. И Мелькор всегда находил уши, что внимали ему, и языки, что повторяли услышанное; и ложь его переходила от друга к другу, как тайна, знание которой доказывало мудрость говорившего. Жестоко поплатились нолдоры в грядущие дни за глупость и доверчивость.

Когда Мелькор увидел, что многие потянулись к нему, он стал часто появляться среди них, и в его благостные речи вплетались иные — столь искусно, что многие, кто слышал их, могли бы поклясться, что то были их собственные думы. Он пробуждал в душах нолдоров видения огромных владений на востоке, которыми они правили бы по собственной воле, в дружбе и могуществе. И поползли слухи, что валары привели эльдаров в Аман из зависти, боясь, что красота квэнди и искусность, данная им Илуватаром, станут слишком велики, и, если эльфы умножатся и расселятся в просторах Арды, они перестанут подчиняться валарам.

Кроме того, в те дни, хотя валарам было известно о грядущем приходе людей, эльфы о них ничего не знали, ибо Манвэ не открыл им этого. Мелькор же, видя, как молчание Манвэ можно обратить во зло, тайно поведал эльфам о Смертных. Однако, он мало знал о людях, ибо, захваченный собственной темой в Музыке, почти не обращал внимания на Третью Тему Илуватара; но теперь среди эльфов прошел слух, что Манвэ держит их в плену, дабы люди могли прийти и занять их место в Средиземье; ибо валары поняли, что сумеют легче покорить этот коротко живущий и более слабый народ, обманом лишив эльфов наследства Илуватара. Не было в этом правды, и никогда валары не желали подчинить себе людей: но многие эльфы поверили — или почти поверили — лиходейским словам.

Так, прежде чем валары узнали о том, мир Валинора был отравлен. Нолдоры стали роптать против них, и многие исполнились гордыни, позабыв о том, сколько умений и знаний получили они в дар от валаров. Ярче же всего вспыхнуло новое пламя жажды свободы и больших владений в страстной душе Феанора; и Мелькор втайне смеялся над ними, ибо именно к этому была направлена его ложь, потому что он ненавидел Феанора и вожделем Сильмарили. Но их ему было не достать; ибо, хотя Феанор и носил камни на празднествах, и они сияли у него на челе, в другое время они хранились под стражей, запертые в глубоких подвалах сокровищницы Тириона. Ибо Феанор сильно любил Сильмарили и не показывал их свет никому, кроме отца и своих семерых сыновей; редко вспоминал он теперь, что свет тот не принадлежит ему.

Высокими принцами были Феанор и Финголфин, старшие сыновья Финвэ, и все почитали их в Аманы: но теперь они исполнились гордыни и завидовали правам и положению друг друга. Тут Мелькор пустил в ход новую ложь и до Феанора дошли слухи, что Финголфин и его сыновья замыслили свергнуть Финвэ и обманом лишить власти старший род Феанора, и с дозволения валаров занять их место; ибо не по нраву валарам, что Сильмарили заперты в Тирионе, а не отданы им во владение. А Финголфину и Финарфину было сказано:

“Остерегайтесь! Не питает любви гордый сын Мириэли к сыновьям Индис. Сейчас он возвысился и держит отца в своих руках. Недолго осталось ждать, покуда он изгонит вас с Туны!”

И когда Мелькор узрел, что пламя его лжи разгорается и гнев и гордость проснулись в нолдорах, он завел с ними речь об оружии; и нолдоры начали ковать мечи, топоры и копья. Делали они и щиты, изображая на них гербы многих семей и родов, что соперничали друг с другом. Ими они хвалились, а об ином оружии молчали, ибо каждый считал, что лишь один был предупрежден. И Феанор выстроил тайную кузню, о которой не знал даже Мелькор, и закалил там острые мечи для себя и своих сыновей, и отковал высокие шлемы с алыми гребнями. Горько раскаивался Махтан в том дне, когда открыл мужу Нерданэли секреты работы с металлом, перенятые у Ауле.

Так ложью, слухами и вероломными советами Мелькор склонил нолдоров к распрям; и от их ссор пришел в конце концов закат благих дней Валинора и иссяк его древний блеск. Ибо Феанор теперь открыто бунтовал против валаров, объявляя, что уйдет из Валинора, вернется во внешний мир и избавит нолдоров от рабства — тех, кто пойдет с ним.

Великое смятение началось в Тирионе, и Финвэ встревожился, и созвал двор на совет. А Финголфин поспешил во дворец и, встав перед троном, сказал:

— Король и отец, ужели не усмиришь ты гордыню нашего брата Куруфинвэ, называемого — и не напрасно — Пламенным Духом? По какому праву говорит он за весь наш народ, будто он — король? Ты — и никто иной говорил некогда с квэнди, советуя им внять призыву валаров и идти в Аман. Ты — и никто другой вел нолдоров трудным и долгим путем через опасности Средиземья к свету Эльдамара. Если сейчас ты не раскаиваешься в своих речах — по крайней мере два твоих сына будут чтить их.

В тот самый миг, когда Финголфин произнес эти слова, в залу шагнул Феанор — в полном вооружении: на голове высокий шлем, у пояса долгий меч.

— Так я и знал, — сказал он. — Мой сводный братец опередил меня — как в этом деле, так и в других. — Потом, повернувшись к Финголфину, он обнажил меч и крикнул: — Убирайся и займи место, положенное тебе!

Финголфин поклонился Финвэ и, не сказав ни слова Феанору, даже не взглянув на него, вышел из залы. Но Феанор последовал за ним и у дверей королевского дворца остановил его; приставив острое сияющего меча к груди Финголфина, он процедил:

— Смотри, братец! Этот клинок острее твоего языка. Попробуй еще хоть раз занять мое место в помыслах и любви отца — и, быть может, он избавит нолдоров от того, кто жаждет стать господином рабов.

Слова эти слышали многие, ибо дом Финвэ был на большой площади у подножия Миндона; но Финголфин снова ничего не ответил и, молча пройдя через толпу, пошел искать своего брата Финарфина.

Непокой нолдоров не был тайной для валаров, но корень его скрывался во тьме; а потому, так как Феанор первым возроптал против них, они рассудили, что, хотя гордыня обуяла всех нолдоров, зачинщиком всего был он, движимый своеволием и надменностью. И Манвэ скорбел, но взирал молча. Эльдары по своей воле пришли в земли валаров и вольны были остаться или уйти; и пусть валары считали уход глупостью — они не могли помешать этому. Но

сейчас на дела Феанора нельзя было просто взирать: валары были в смятении и гневе. Феанора призвали предстать у Врат Валмара и ответить за свои слова и дела. Туда были призваны также все те, кто хоть как-то связан с этими делами или знал хоть что-нибудь; и Феанору, стоявшему перед Мандосом в Кольце Судьбы, велено было отвечать на заданные ему вопросы. Тогда, наконец, обнажился корень смуты, и злобное хитроумие Мелькора стало явным; и Тулкас тут же покинул Совет, чтобы наложить на него руки и вновь привести на суд. Но и Феанор был признан виновным, ибо это он нарушил мир Валинора и поднял меч на родича: и Мандос сказал ему:

— Ты говорил о рабстве. Если б то было рабство, ты не смог бы избежать его, ибо Манвэ — владыка всей Арды, не одного Амана. А это дело незаконно, в Амане свершилось оно или нет. И посему приговор таков: на двенадцать лет должен ты оставить Тирион, где грозил брату. За это время посоветуйся с собой и вспомни, кто ты и что ты. А после этих лет деянье твое должно быть забыто и не помянуто более — если другие простят тебя.

— Я прощу моего брата, — молвил тогда Финголфин. Но Феанор не ответил и молча стоял перед валарами. Потом повернулся, покинул Совет и ушел из Валмара.

С ним в изгнание отправились его семь сыновей, и возвели они на севере Валинора, в горах, твердыню и сокровищницу; и там, в Форменосе грудями лежали оружие и драгоценные камни, Сильмарили же были заперты в железной палате. Туда из любви к сыну пришел также король Финвэ; а Финголфин в Тирионе правил нолдорами. Так ложь Мелькора, казалось, обернулась правдой, хотя произошло это из-за деяний Феанора; и рознь, что посеял Мелькор, осталась и долго жила после меж сыновей Финголфина и Феанора.

Мелькор, узнав, что его замыслы раскрыты, укрылся в горах и облаком переплывал с места на место; и Тулкас напрасно искал его и народу Валинора казалось, что свет Дерев померк, а все тени в Амане удлиннились и почернели.

Говорят, что долгое время Мелькора не видели в Валиноре и ничего не слышали о нем, пока он нежданно не явился в Форменос и не вызвал Феанора к воротам для беседы. Хитроумно доказывал он свою притворную дружбу, убеждая его вернуться к мысли о бегстве из тенет валаров.

— Ты видишь, как я был прав, — говорил он, — и как ты несправедливо наказан. Но если душа Феанора по-прежнему свободна и отважна, как его речи в Тирионе — я помогу ему и унесу далеко от тесной этой земли. Разве сам я не валар? Валар, и больший, чем гордо восседающие в Валиноре: и я всегда был другом нолдоров — самого искусного и доблестного народа Арды.

Сердце Феанора было ожесточено унижением перед Мандосом, и он молча смотрел на Мелькора, размышляя, можно ли доверять ему настолько, чтобы принять его помощь и бежать. Мелькор же, видя, что Феанор колеблется, и зная, что душа его в рабстве у Сильмарилей, закончил так:

— Твердыня твоя крепка и хорошо охраняется, но не надейся, что во владениях валаров какая-нибудь сокровищница спасет Сильмарили!

Но его хитроумие на сей раз обернулось против него же; слова его коснулись самого сокровенного и пробудили пламя более жаркое, чем он рассчитывал; и взгляд Феанора прожег благородное обличье Мелькора, пронзил покровы его дум и узрел его неумную жажду обладания Сильмарилиями. Тут ненависть превзошла страх Феанора, он проклял Мелькора и прогнал его прочь,

крича:

— Убирайся от моих врат, ты, тюремная крыса Мандоса! — и с этими словами захлопнул ворота перед самым могучим из живущих в Эа.

И Мелькор ушел с позором, ибо опасность грозила ему и он знал, что не пришло еще время мстить; но сердце его почернело от гнева. А Финвэ исполнился великого страха и послал гонцов в Валмар.

Валары сидели в Кольце Совета у своих врат, страшась удлинившихся теней, когда прибыли гонцы из Форменоса. Оромэ и Тулкас вскочили — но едва они собрались в погоню, как из Эльдамара примчались вестники: Мелькор пронесся через Калакирию, и эльфы видели с Туны, как он мчался, разгневанный, подобный грозовой туче. А оттуда, сказали они, он повернул к северу, ибо тэлери в Альквалондэ видели его тень, что накрыла их гавань и унеслась к Араману.

Там Мелькор ушел из Валинора, и Два Древа долго сияли незамутненно, и земли полнились светом. Но напрасно ждали валары вестей о враге: и тучей, отдаленной, но неумолимо растущей, гонимой все ближе неспешным северным ветром наплывало на живших в Амানে сомнение — и радость увядала, и страх неведомого, но близкого лиха вползал в сердце.

Глава 8 О Затмении Валинора

Огда Манвэ услышал, куда направился Мелькор, показалось ему несомненным, что тот замыслил укрыться в старых своих твердынях на севере Средиземья; и Оромэ и Тулкас поспешили на север, чтобы, если удастся, перехватить его — но не нашли ни следа, ни слуха о нем за берегами тэлери, в незаселенных пустошах, что лежали близ Льда. Потому стража на северных границах Амана была удвоена, — но напрасно, ибо прежде, чем началась погоня, Мелькор повернул назад и тайно перенесся далеко на юг. Он все еще был одним из валаров и мог изменять облик или ходить без покровов, как его братья; хотя близилось время, когда он лишится этой возможности навсегда.

Так, невидимым, пришел он наконец в мглистый Аватар. Край этот, лежавший к югу от Эльдамарского залива, узкой полосой протянулся у подножия восточных Пелоров, и его долгий и мрачный берег был темен и неизведан. Там, между отвесными горными стенами и черным холодным морем, залегли самые глубокие и непроглядные тени в мире; и там, в Аватаре, в тайне и неизвестности жила в своем логове Унголианта. Эльдары не знают, откуда она взялась, но кое-кто говорит, что бессчётными веками раньше, когда Мелькор впервые с завистью взглянул на Владения Манвэ, ее породила тьма, окружающая Арду, и она была одной из тех, кого Мелькор растлил и привлек к себе на службу. Но она отреклась от своего Господина, желая быть хозяйкой своих вожделений, высасывая все, дабы насытить свою пустоту; и она бежала на юг — спаслась от валаров и охотников Оромэ, потому что их бдительность была направлена к северу, а на юг они долгое время не обращали внимания. Так она подобралась к свету Благославленного Края, ибо жаждала света и ненавидела его.

Она жила в глубоком ущелье, приняв облик чудовищного паука, и плела в

расселинах черную паутину. В нее ловила она весь свет, какой могла — и вновь исторгала его темными сетями удушающей мглы, покуда свет не перестал проникать в ее логово; и она голодала.

Итак, Мелькор пришел в Аватар и нашел Унголианту; и снова принял облик, какой носил тираном в Утумно — Владыки Тьмы, высокого и ужасного. В этом облике он остался навек. Там, в черных тенях, которых не мог прозреть даже Манвэ со своего высокого-трона, Мелькор с Унголиантой измыслили месть. Поняв замысел Мелькора, Унголианта разрывалась между жаждой и великим страхом; ибо не желала она испытывать мощь владык и оставлять свое укровище ради опасностей Амана. А потому Мелькор сказал ей: “Делай, как я велю. И если, когда все исполнится, голод твой не уймется, я дам тебе все, что вожделение твое сможет пожелать. Дам полной горстью.”

Он поклялся легко, как клялся всегда; и смеялся в глубине души. Так старый вор соблазняет новичка.

Перед выступлением Унголианта окутала себя и Мелькора покровом тьмы: Бессветием, которого не прозреть ничьим глазам, ибо оно — пустота. Потом медленно стала плести сети — вервие за вервием, с обрыва на обрыв, со скалы на утес, все выше и выше — покуда не добралась наконец до вершины Хиарментира, высочайшего пика в той области мира, далеко на юге от великой Таниквэтиль. За тем краем валары не следили; западнее Пелоров земли были пусты и сумрачны, а восточнее гор, кроме позабытого Аватара, лежало лишь безбрежное море.

Но сейчас на вершине горы залегла Унголианта; она сотворила лестницу из сплетенного вервия и сбросила вниз и Мелькор поднялся и встал рядом с ней на вершине, глядя на Хранимый Край. Под ними лежали леса Оромэ, а западнее золотилась высокая пшеница полей Йаванны, и мерцали травы ее пастбищ. Но Мелькор взглянул на север — и увидел вдали сияющую равнину, где серебряные крыши Валмара блистали в смешенье лучей Тэльперииона и Лаурелина. Тут Мелькор громко захохотал и помчался вниз по долгим западным склонам, и Унголианта неслась рядом, тьмою своей прикрывая их обоих.

А надо сказать, что то было время праздника, и Мелькор знал это. Хотя все времена года во власти валаров, и в Валиноре нет ни зимы, ни смерти, жили они, тем не менее, в Арде, а это лишь малая песчинка в Чертогах Эа, чья жизнь — Время, вечно текущее от первой ноты до последнего хора Эру. И, поскольку валары любили тогда облачатся, как в платье, в обличье Детей Эру — так сказано в Айнулиндалэ — равно они ели и пили, и собирали плоды Йаванны, выросшие на Земле, сотворенной ими по воле Эру.

Потому Йаванна установила время цветения и созревания всего, что росло в Валиноре: и каждый раз, в начале сбора плодов, Манвэ устраивал великое празднество во славу Эру, когда все народы Валинора пели и веселились на Таниквэтиль. Теперь был тот самый час, и Манвэ объявил праздник более пышный, чем все бывшие со времени прихода эльдаров в Аман. Ибо, хотя бегство Мелькора предвещало грядущие труды и печали, и воистину никто не мог сказать, какие еще раны могут быть нанесены Арде, прежде чем его одолеют снова — в то время Манвэ решил исцелить лихо, родившееся среди нолдоров; и все были приглашены в его чертоги на Таниквэтиль, дабы отбросить там рознь, что легла между их принцами, и навсегда позабыть об уловках Врага.

Были там и ваниары, и нолдоры Тириона, и майары собрались вместе, и валары облачились в красу и величие: они пели пред Манвэ и Вардой в их высоких чертогах и плясали на зеленых склонах Горы, обращенной к Древам. В тот день улицы Валмара были пусты, а лестницы Тириона тихи; и земли дремали в мире. Лишь тэлери за горами по-прежнему пели на берегах моря: ибо времена года мало трогали их, они не задумывались ни о заботах Правителей Арды, ни о Тени, что пала на Валинор — ведь покуда она не коснулась их.

И лишь одно омрачило замысел Манвэ. Феанор пришел, ибо ему — единственному — Манвэ повелел прийти, но ни Финвэ, ни кто иной из нолдоров Форменоса не явился. Ибо сказал Финвэ: “Покуда сын мой Феанор в изгнании и не может войти в Тирион, я считаю себя лишенным трона и не стану встречаться с моим народом”. А Феанор не надел праздничных одеяний — ни вышивок, ни серебра, ни золота, ни драгоценных камней не было на нем: и он лишил валаров и эльдаров света Сильмарилей, оставив их запертыми в Форменосе, в железной палате. Тем не менее он встретился с Финголфином пред троном Манвэ, и был дружелюбен — на словах: а Финголфин предал забвению обнаженный меч, и протянул руку, говоря так:

— Что я обещал — то и делаю. Я прощаю тебя и не помню обид. — Феанор молча пожал ему руку, но Финголфин промолвил:

— Полу-брат по крови, истинным братом по духу буду я. Ты станешь вести, а я следовать. И да не разделят нас впредь никакие печали!

— Я слышал твое Слово. — отвечал Феанор. — Быть по сему. — Но смысл их речей был темен для них самих.

Говорят, что в тот самый час, когда Феанор и Финголфин стояли пред Манвэ, настало смешенье света, когда сияли оба Древа, и безмолвный Валмар был залит золотым и серебряным блеском. И в тот самый час Мелькор и Унголианта пронеслись по-над полями Валинора, подобные тени или облаку тьмы, что ветер гонит над залитой солнцем землей: и опустились у зеленого холма Эзеллохар. Тут Бессветие Унголианты поднялось до корней Древя, и Мелькор вступил на холм: и черным копьем он пронзил оба Древа, нанеся им страшные раны, и сок их лился, как кровь, и орошал Землю. Унголианта же слизывала его, а потом стала переходить от Древа к Древу, погружая черный хобот в их раны, пока не осушила их: и яд Смерти, что жил в Унголианте, вошел в их тела и ветви, в крону и корни, и они умерли. А ее все томила жажда, и, подползши к Прудам Варды, она вышила их до дна: пока же Унголианта пила, она выдыхала испаренья столь черные, и рост ее стал столь огромен, а облик так ужасен, что Мелькор устрасился.

Так великая тьма пала на Валинор. О делах того дня много сказано в Алдудэниэ, Плаче по Древам, что сложен ваниаром Элеммирэ и известен всем эльдарам. Однако, ни песня, ни повесть не передаст всей скорби и всего ужаса, что настали тогда. Свет погас, но наставшая Тьма была больше, чем просто потеря света. В тот час родилась Тьма, что казалась не пустотой, а живой тварью — ибо она явилась вне Света и владела мощью проникать взор, входить в сердце и душу и покорять волю.

Варда взглянула с Таниквэтиль и узрела Тень, воздвигшуюся внезапно бастиями мрака: Валмар погрузился в глубокое море ночи. Вскоре Благая Гора стояла одна — последний остров в затонувшем мире. Песни смолкли. В Валиноре царила тишь, ниоткуда не доносилось ни звука, лишь издали, из-за гор,

сквозь ущелье приносил ветер рыдания тэлери, подобные леденящим воплям чаек. Ибо с востока потянуло холодом, и глубинные туманы моря накатывались на стены берегов.

Но Манвэ с высокого трона обозревал дали, и взор его — единственный — проницал ночь, покуда не узрил Тьму темнее тьмы, которой не мог пронизать, огромную, но далекую, быстро мчащуюся на север; и понял Манвэ, что Мелькор приходил и ушел.

Тогда началась погоня: землю сотрясали кони воинства Оромэ, и огонь, что высекли копыта Нахара, был первым светом, вернувшимся в Валинор. Но едва достигнув Тучи Унголианты, всадники валаров ослепли, растерялись, рассеялись и поскакали, сами не зная куда; и глас Валаромы затих и смолк. А Тулкас словно запутался в черных тенетах ночи — силы оставили его, и он бессильными ударами осыпал воздух. Когда же Туча ушла, стало поздно: Мелькор наслаждался мстостью и ушел неведомо куда.

Глава 9 Об исходе нолдоров

Решло время — и великая толпа собралась вокруг Кольца Судьбы; и валары восседали во тьме, ибо была ночь. Но звезды Варды сияли теперь в небесах, и воздух очистился, ибо ветры Манвэ разогнали испарения смерти и отбросили назад морские туманы. И поднялась Йаванна, и встала на Эзеллохаре, Зеленом Кургане, ныне пустом и черном; и она возложила руки на Древа, но те были темны и мертвы, и какой бы ветви ни коснулась она — ветвь ломалась и безжизненно падала к ее ногам. Тогда поднялся многоголосый плач: и казалось скорбевшим, что они осушили до дна чашу горя, налитую для них Мелькором. Но это было не так.

Йаванна обратилась к валарам:

— Свет Древ ушел и живет ныне лишь в Сильмарилиях Феанора. Провидцем оказался он! Даже для самых могучих под властью Илузатара существует труд, что может быть сделан лишь раз. Свету Древ подарила жизнь я, и никогда более в Эа не сотворю подобного. Однако, имей я хоть каплю того света, я смогла бы вернуть жизнь Древам, прежде чем корни их изменятся необратимо: и тогда раны наши затянутся и злоба Мелькора будет посрамлена.

Тогда спросил Манвэ:

— Слышал ли ты. Феанор, сын Финвэ, речи Йаванны? Дашь ли ты, о чем она проект?

Долго молчали все, но Феанор не ответил. И вскричал тогда Тулкас:

— Говори, о нолдор, да или нет! Но кто откажет Йаванне? Не из ее ли трудов вышел свет Сильмарилей?

Но Ауле Создатель возразил:

— Не спеши! Мы просим о большем, чем ты думаешь. Дайте ему время — и покой, чтобы решить.

Тут заговорил Феанор — и горечь была в его словах:

— Для малых, как и для великих, есть дела, сотворить кои они могут лишь единожды; и в этих делах живет их дух. Возможно, я смогу расщепить свои алмазы, но никогда не сотворю я подобных им; и если разобью их, то разобью

свою душу и умру — первым из эльдаров в Амане.

— Не первым, — молвил Мандос, но его слов не поняли; и снова упала тишь, пока Феанор размышлял во тьме. Ему казалось, что он окружен кольцом врагов; ему вспоминались речи Мелькора, что Сильмарили не будут сохранены, завладей ими валары. "Или он не валар," — говорил он себе, — "или не читает в их душах? Вор выдает воров!" — и он горько вскричал:

— По своей воле я не сделаю этого! Если же валары принудят меня — я увижу наверняка, что Мелькор им сродни.

— Ты сказал, — произнес Мандос.

И встала Ниэнна, и вошла на Эзеллохар, и, отбросив серый капюшон, слезами омыла грязь Унголианты; и пела она, скорбя о жестокости мира и об Искажении Арды.

Но когда Ниэнна рыдала, явились посланники — нолдоры из Форменоса, неся лихие вести. Они поведали, как слепящая Тьма нахлынула на север, и в сердце той Тьмы шла сила, коей не было имени, и Тьма изливалась из нее. А еще там был Мелькор, он подступил к дому Феанора и у дверей его сразил короля нолдоров Финвэ, пролив первую в Благом Краю кровь; ибо Финвэ — единственный — не бежал пред ужасом Тьмы. И еще сказали посланцы: Мелькор разрушил твердыню Форменоса, забрав все камни, что хранились там; и Сильмарили сгинули.

Тут встал Феанор и, подняв руку, пред лицом Манвэ проклял Мелькора и нарек его **Мóрготом**, Черным Врагом Мира: и лишь этим именем звали его впредь эльдары. Проклял он также и призыв Манвэ, и час, когда он, Феанор, вступил на Таниквэтиль, решив в безумии гнева и скорби, что будь он в Форменосе, сил его хватило бы на большее, чем тоже погибнуть, как замыслил Мелькор. А после того Феанор вышел из Кольца Судьбы и бежал в ночь, ибо отец был ему дороже Света Валинора; да и кто из сыновей эльфов или людей меньше ценил своих отцов?

Многие сострадали муке Феанора, но то, что он утратил, утратил не он один; и Йаванна плакала на кургане в страхе, что Тьма на века поглотит последние лучи Света Валинора. Ибо, хотя валары не осознали еще полностью, что случилось, они видели, что Мелькор призвал себе помощь из-за пределов Арды; Сильмарили сгинули, и, казалось, уже все равно, ответил ли Феанор Йаванне "нет" или "да". Однако, скажи он вначале, до того, как пришли вести из Форменоса, "да" — быть может, после деянья его были бы иными. Ныне же рок навис над нолдорами.

А в это время Моргот, уйдя от погони валаров, явился в пустоши Арамана. Земли эти лежат на севере, меж Пелорами и Великим Морем, как Аватар на юге; но Араман обширнее; меж берегом и морем раскинулись пустынные равнины, где царит холод — и чем ближе ко Льду, тем холоднее. В спешке пронеслись Моргот и Унголианта через этот край и, миновав великую мглу Ойомурэ, вышли к Хелкараксэ, где пролив меж Араманом и Средиземьем заполнял вздыбленный лед; Враг пересек его и вернулся на север Внешних Земель. Вместе двинулись они дальше, ибо Моргот не мог избавиться от Унголианты, ее туча все еще окружала его, и все ее глаза были устремлены на него; и так пришли они в земли, что лежат к северу от залива Дрэнгист. Теперь Моргот был близко к развалинам Ангбанда, своей древней западной твердыни. Унголиан-

та, почуяв его надежду и поняв, что здесь он попытается ускользнуть от нее, остановила его, требуя, чтобы он отдал обещанное.

— Черносердый! — молвила она. — Я исполнила твою просьбу. Но я еще не насытилась.

— Чего же еще хочешь ты? — спросил Моргот. — Ужели весь мир должен уйти в твоё брюхо? Я не давал обета скормить его тебе. Владыка его — я.

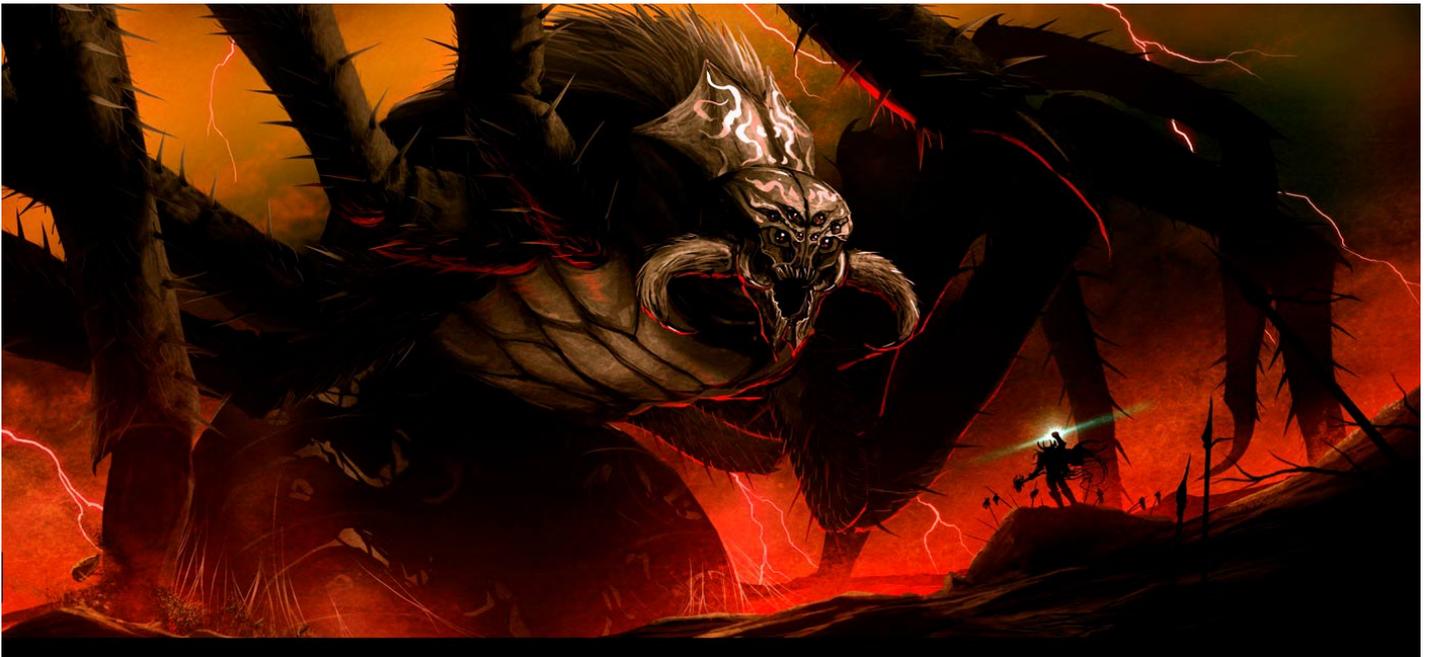
— Так много мне не надо, — отвечала Унголианта. — Но ты забрал из Форменоса великие сокровища; я хочу получить их. Полной горстью ты насыплешь их.

И Моргот был принужден отдать ей камни, что нес с собой — по одному; с великой неохотой делал он это, а она пожирала их, и их красота навеки покидала мир. Все огромней и темнее делалась Унголианта, но жажда ее была ненасытна.

— Лишь левой рукой давал ты, — сказала она. — Открой теперь правую.

В правой руке Моргот держал Сильмарили — и, хоть и запертые в хрустальном ларце, они начали уже жечь его, и ладонь его терзала мука: но он ни за что не разжал бы ее.

— Нет! — ответил он. — Ты получила свое. Ибо лишь благодаря силе, что я вложил в тебя, сумела ты исполнить дело. Более ты не нужна мне. Этих творений ты не получишь. Они — мои навеки.

Но Унголианта сильно выросла, а он уменьшился, так как сила уходила из него; и она восстала на него; туча ее сомкнулась над ним и она окутала его липкой паутиной. Тут Моргот испустил ужасающий вопль, что отозвался в горах. Потому и зовется этот край Ламмоф — отзвуки его голоса навсегда поселились в нем, и каждый громкий крик в том краю пробуждает их, и все побережье до самых гор полнится воплями яростной муки. Крик Моргота был самым страшным и громким из всех, звучавших когда-либо на севере мира: горы тряслись, земля дрогнула, скалы треснули и разошлись. Глубоко и далеко был слышен этот крик. Под развалинами чертогов Ангбанда, в безднах, куда в спешке не заглянули валары, все еще таились балроги, дожидаясь возвращения своего Властелина; теперь они проснулись и, перенесясь через Хифлум, огненным смерчем примчались в Ламмоф. Пламенными мечами они разбили

сети Унголианты, она отступила и обратилась в бегство, испустив черный дым, укрывший ее; и, бежав с севера, она пробралась в Белерианд и поселилась у подножья Эред Горгорофа, в темной долине, что после, из-за порожденного Унголиантой страха, звалась Нан Дунгорфеб, Долиной Ужасной Смерти. Ибо там, со времен разрушения Ангбанда, жили мерзкие твари в том же паучьем обличье; и она сочеталась с ними, а потом пожирала; и даже когда сама Унголианта сгинула неведомо куда, потомство ее жило там и плело свои мерзкие сети. О судьбе Унголианты не говорит ни одно предание. Однако, кое-кто считает, что она давным-давно исчезла, в неутолимом своем голоде пожрав самое себя.

Так страхи Йаванны, что Сильмарили будут поглощены Тьмой и канут в ничто, не сбылись; но они остались во власти Моргота. А он, освободившись, вновь собрал всех своих слуг, каких только мог найти, и пришел в развалины Ангбанда. Он заново отрыл обширные подземелья и казематы, а над воротами поднял трехглавые пики Тánгородрима, темный дым всегда клубился вокруг них. Там бесцветными стали воинства его тварей и демонов, а раса орков, порожденная прежде, росла и множилась во чреве Земли. И Тьма темнее тьмы простерлась над Белериандом, и темна повесть тех лет; Моргот же отковал в Ангбанде железную корону, и нарек себя Королем Мира, в знак чего вставил в свою корону Сильмарили. Руки его были сожжены дочерна прикосновением к тем благим алмазам, и черными остались они навек: и никогда не оставляла его боль от ожогов, и вечна была его ярость от той боли. Никогда не снимал он короны, хоть вес ее и был ему тяжким бременем. Никогда не покидал он глубинных залов своей твердыни, направляя войска с северного своего трона; лишь раз тайно покинул он свои северные владения. И лишь раз за время своего владычества брал он в руки оружие.

Ибо теперь ненависть глодала его куда сильнее, чем во дни Утумно, когда гордыня его еще не была умалена, и ныне во владычество над своими прислужниками, в возжигание в них жажды зла вкладывал он свой дух. Тем не менее, величие его, как одного из валаров, до времени оставалось при нем, хоть и обращенное в ужас, и пред ликом его все, кроме самых могущественных, низвергались в темную бездну страха.

Когда стало известно, что Моргот бежал из Валинора и погоня была напрасной, валары долго сидели в раздумье среди тьмы в Кольце Судьбы, и майары и ваниары, рыдая, стояли вокруг; нолдоры же большей частью вернулись в Тирион и оплакивали свой затмившийся дивный город. Через погруженную во мрак Калакирию с темных морей вплывали туманы и окутывали его башни, и фонарь Миндона тускло светил во тьме.

Потом вдруг в городе появился Феанор и призвал всех во двор короля на вершине Туны, но изгнание, к которому он был приговорен, все еще лежало на нем, и он восстал против валаров. А потому быстро собралась большая толпа — послушать, что он скажет; и холм, и все лестницы и улицы, что вели на него, были залиты светом факелов. Феанор владел искусством красноречия, и язык его давал ему огромную власть над душами, когда он хотел того; и в ту ночь сказал он нолдорам Слово, что запомнилось им навек. Пламенна и ужасна была его речь, исполненная гордыни и ярости; и, внимая ей, нолдоры теряли разум. Большую часть своего гнева и ненависти обрушил он на Моргота; и

все же почти все его речи выросли из лжи Моргота; но Феанор обезумел от скорби по убитому отцу и от потери Сильмарилей. Он требовал владычества над всеми нолдорами — раз Финвэ умер — и отвергал установленное валарами.

— Почему, о нолдоры, — вопрошал он, — почему должны мы и дальше служить алчным валарам, которые не могут уберечь от Врага ни нас, ни свои собственные владения? И хотя теперь Он их враг, не одной ли они с ним крови? Месть зовет меня отсюда — но не будь даже ее, я не стал бы жить в одних краях с родней убийцы моего отца и похитителя моих сокровищ, однако не единственный я храбрец в народе отважных. Или не все вы лишились короля? И чего еще не лишились вы, запертые в теснине между горами и морем?

Прежде здесь был свет, в котором валары отказали Средиземью, но теперь тьма уравнила все. Будем ли мы вечно скорбеть здесь — сумеречный народ, задавленный мглою — роняя напрасные слезы в неблагоприятное море? Или вернемся в свой дом? Сладки воды Куйвиэнэн под незамутненными звездами, и широки земли, что простерлись вокруг него. Обширные страны лежат там и ждут нас — тех, кто в глупости своей забыл их. Идем к ним! Пусть трусы сторожат город!

Долго говорил он так, все время убеждая нолдоров следовать за ним и доблестью своей, пока не поздно, завоевать свободу и великие владения на востоке; он вторил лжи Мелькора, что валары обманули их и будут держать в плену, дабы люди могли править Средиземьем. Многие эльдары тогда впервые услышали о Пришедших Следом.

— Пусть трудна дорога, — говорил он, — дивным будет конец ее! Проститесь с оковами! Но проститесь и с беззаботностью! Проститесь со слабыми! Проститесь с сокровищами! Мы создадим большие! Идите налегке; но несите с собой мечи! Ибо нам идти дальше, чем Оромэ, терпеть дольше, чем Тулкасу: мы никогда не откажемся от погони. За Морготом — до края Земли! Мы будем воевать и ненавидеть. Но когда победим и вернем Сильмарили — тогда мы и только мы будем владыками непорочного Света и господами блаженства и красоты Арды. Ни один народ не превзойдет нас!

Тут Феанор поклялся ужасной клятвой. Сыновья бросились к нему и, стоя бок о бок, дали тот же обет; и кроваво блестели в мерцании факелов клинки их обнаженных мечей. Этой клятвы никто не может нарушить и никто не может освободить от нее: именов Илуватара клялись они, призывая на свою голову Извечный Мрак, если не сдержат обета; и Манвэ в безумии поминали они, и Варду, и благую гору Таниквэтиль, клянясь ненавидеть и преследовать Стихию Мира, демона, эльфа или нерожденного еще человека, или иную тварь, большую или малую, добрую или злую, когда бы ни пришла она в мир — любого, кто завладеет, или получит, или попытается укрыть от Феанора или его наследников Сильмарили.

Клятва Феанора. Тед Несмит

Так говорили Маэдрос, Маглор и Целегорм, Куруфин и Карантир, Амрод и Амрас — принцы нолдоров; и многие утрастились, слыша ужасные речи. Ибо данная так клятва не может быть нарушена и будет преследовать давшего ее до конца света. Посему Финголфин и его сын Тургон воспротивились Феанору — и родились злые слова, и снова гнев прилил к остриям мечей. Но вот, ти-

хо, как всегда, заговорил Финарфин — он старался успокоить нолдоров, заставить их остановиться и задуматься, пока не содеяно то, чего не изменишь; и так же говорил один из его сыновей Ородреф. Финрод был на стороне своего друга Тургона; а Галадриэль, единственная женщина нолдоров, стоявшая в тот день, высока и доблестна, среди спорящих принцев, желала идти в поход. Она не давала клятвы, но слова Феанора о Средиземье зажгли ее сердце, ибо ей страстно хотелось узреть безграничные просторы и править в них — в собственном владении и по собственной воле. То же думал и сын Финголфина Фингон: ему тоже запали в душу слова Феанора, хотя самого Феанора он не любил; а за Фингоном, как всегда, пошли Ангрод и Аэгнор, сыновья Финарфина. Однако они хранили спокойствие и не говорили против отцов.

Наконец, после долгих споров, Феанор взял верх и зажег большую часть собравшихся нолдоров жаждой увидеть новые и дивные земли. Потому, когда Финарфин вновь стал призывать помешкаться и задуматься, поднялся громкий крик: “Нет, идем, идем тотчас!” И Феанор и его сыновья сразу начали готовиться к уходу.

Немногое видели впереди те, кто решился вступить на темный этот путь. Однако все было сделано в величайшей спешке: Феанор влек их вперед, боясь, что сердца их остынут и слова его пропадут втуне; и, как бы ни были горды его речи, он помнил о мощи валаров. Но из Валинора не приходило вестей, и Манвэ безмолствовал. Он не хотел ни препятствовать Феанору, ни запрещать ему действовать. Ибо валары заботились о том, чтобы не причинить эльдарам зла и не удерживать никого из них против воли. Сейчас они наблюдали и ждали, ибо не верилось им, что Феанор сможет подчинить всех нолдоров своей воле.

И впрямь, когда Феанор взялся готовить нолдоров к выступлению, начались раздоры. Ибо, хотя Феанор и подвинул их на уход, далеко не все согласны были признавать его королем. Куда большая любовь была отдана Финголфину и его сыновьям — и его двор, и множество жителей Тириона отказались подчиниться Феанору, даже если и пойдут с ним; так что в конце концов нолдоры выступили двумя воинствами. Феанор и его сторонники шли впереди, но воинство Финголфина было больше; сам он шел против воли, по просьбе своего сына Фингона, и еще потому, что не хотел оставлять свой народ, страстно желавший уйти, на произвол поспешных решений Феанора. И он помнил о

своих словах перед троном Манвэ. Вместе с Финголфином — по тем же причинам — шел Финарфин; но уходил он очень неохотно. Из всех нолдоров Валинора, ставших теперь поистине многочисленным народом, едва десятая часть отказалась отправиться в путь: кое-кто из любви к валарам (прежде всего к Ауле), кое-кто из любви к Тириону и дивным творениям своих рук — но никто из страха перед грозными опасностями пути.

Но едва пропела труба, и Феанор вышел из врат Тириона, посланец от Манвэ принес его Слово:

“Глупости Феанора могу я противопоставить лишь совет. Не уходите! Настал недобрый час, и путь ваш ведет к скорби, коей вам не дано провидеть. В этом походе валары не станут помогать вам; но не станут они и удерживать вас, ибо знайте: как вольны вы были прийти сюда, так вольны и уйти. Ты же, Феанор, сын Финвэ, клятвой своей изгнал себя сам. В гневе не распознал ты лжи Мелькора. Он валар, сказал ты. Тогда клятва твоя неисполнима, ибо никого из валаров не одолеть тебе — ни теперь и никогда впредь в чертогах Эа, пусть даже Эру, коего ты призывал, сделает тебя втрое сильнее, чем ты есть”.

Но рассмеялся Феанор и, обращаясь не к вестнику, а к нолдорам, сказал:

— Так! Значит, сей доблестный народ отпустит наследника своего короля в изгнание одного, лишь с сыновьями, сам же вернется в оковы? Но если кто и пойдет со мной — вот что скажу я им: вам предрекли скорбь? Но мы познали ее в Амানে. В Амানে низверглись мы от блаженства к скорби. Попытаемся же теперь взойти через скорбь к радости; или хотя бы к свободе.

Потом, обратясь к посланцу, воскликнул:

— Так скажи Манвэ Сулимо, Высокому Королю Арды: Если Феанор не сможет низвергнуть Моргота, он, во всяком случае, не станет откладывать погони и медлить, скорбя. И, быть может, Эру вложил в меня пламя куда большее, нежели ведаешь ты. Таковую рану нанесу я Врагу Валаров, что даже могучие в Кольце Судьбы удивятся, узнав о том. О, да, в конце они пойдут за мною. Прощайте!

В тот час голос Феанора был столь могуч и властен, что даже вестник валаров поклонился ему, словно получил достойный ответ, и удалился. Нолдоры продолжали путь, и род Феанора, торопясь, вел их вперед вдоль берегов Элендэ. Не единожды обращался их взор назад, к Тириону на зеленой Туне. Медленнее и не так охотно двигалось сзади воинство Финголфина. Первым шел Фингон, а в конце Финарфин, и Финрод, и многие благороднейшие и мудрейшие нолдоры; и часто оглядывались они, дабы увидеть дивный город свой, покуда фонарь Миндон Эльдалиэва не исчез в ночи. Они уносили оттуда больше воспоминаний о блаженстве, нежели все другие, и кое-кто даже захватил с собою некоторые сделанные там вещи — утешение и бремя в пути.

Феанор вел нолдоров на север, ибо намеревал преследовать Моргота. Кроме того, Туна у подножия Таниквэтиль лежала у самой границы Арды и Великое Море было там неизмеримо широко, тогда как на севере, где пустыни Арамана и берега Средиземья сближались, разделяющие их воды становились уже. Но разум Феанора остыл, и понял он, хоть и поздно, что всему их огромному воинству никогда не преодолеть долгих лиг до севера и не пересечь морей, кроме как на судах; однако постройка столь большого флота заняла бы слишком много времени, будь даже нолдоры искушены в этом ремесле. Потому он решил принудить тэлери, всегдашних друзей нолдоров, присоединиться к

ним; и в бунтарстве своем думал, что так можно преуменьшить блаженство Валинора и приумножить силы для борьбы с Морготом. И он поспешил в Альквалондэ, и там держал перед тэлери ту же, что и в Тирионе, речь.

Но тэлери не тронули его слова. Они печалились об уходе своих родичей и давних друзей и скорее стали бы отговаривать их, чем помогать. И не стали бы они ни отдавать корабли, ни помогать строить их против воли валаров. Что до самих тэлери — они не желали иного дома, кроме берегов Эльдамара, и иного владыки, кроме Ольвэ, короля Альквалондэ. Он же никогда не внимал Морготу и не звал его в свои земли, и верил, что Ульмо и прочие валары залечат раны, нанесенные Морготом, и что за ночью снова придет рассвет.

Тогда Феанор разгневался, ибо все еще боялся задержки; и в сердцах объявил он Ольвэ:

— Вы отрекаетесь от дружбы с нами в час нужды, однако вы рады были получить нашу помощь, когда — робкие, неумелые, к тому же почти нищие — явились на этот берег. В прибрежных норах ютились бы вы по сей день, если бы нолдоры не высекли вашей гавани и не трудились на ваших стенах.

Но отвечал Ольвэ:

— Мы не отрекаемся от дружбы. Однако дело друга — разубедить заблудшего. А когда нолдоры приветили нас и помогли нам, иные звучали речи: „В землях Амана жить нам вечно, как братьям, чьи дома стоят рядом.“ Что же до кораблей — не вы дали их нам. Не у нолдоров научились мы этому искусству, но у Владык Моря. И белое дерево обрабатывали мы своими руками, а белые паруса ткали наши жены и дочери. А потому мы не отдадим и не продадим корабли ни другу, ни союзнику. Ибо говорю тебе, Феанор, сын Финвэ: они для нас то же, что камни для нолдоров — труд наших душ, подобного коему нам не совершить.

Затем Феанор оставил его и в мрачных думах сидел под стенами Альквалондэ, покуда не собралось его воинство. Тогда рассудил он, что сил у него довольно, и, войдя в Лебязью Гавань, послал воинов на стоявшие у причалов корабли, дабы взять их силой. Но тэлери дали ему отпор и сбросили многих нолдоров в море. Тогда обнажились мечи, и началась жестокая сеча на судах и на освещенных светильнями набережных и причалах Гавани, и даже на высокой арке ее врат. Трижды отбрасывали от кораблей воинов Феанора, и много было убитых с обеих сторон; но тут авангард нолдоров поддержал Фингон и передовые отряды воинства Финголфина, которые, подоспев и обнаружив, что идет бой и родичи их погибают, кинулись в битву прежде, чем узнали, что было причиной розни; кое-кто решил даже, что тэлери хотят помешать исходу нолдоров по велению валаров.

Резня в Альквалондэ. Тед Несмит

Так тэлери были в конце концов побеждены, и большинство мореходов, живших в Альквалондэ — лиходейски убиты. Ибо нолдоры стали отчаянны и яростны, а тэлери были слабее и вооружены лишь легкими луками. И нолдоры взошли на их корабли, и сели на весла, и поплыли вдоль берегов на север. И Ольвэ воззвал к Оссэ — но тот не явился, ибо не позволили валары силой задерживать нолдоров; но Уйнэн оплакивала погибших мореходов-тэлери — и море в гневе поднялось на убийц, и многие корабли разбились, а все, кто был на них — потонули. О Резне в Альквалондэ много сказано в **Нёлдолантэ**, Паде-

нии нолдоров — плаче, что перед смертью своей сложил Маглор.

И все же большинство нолдоров уцелело, и, когда буря кончилась, они двинулись прежним путем, кто по морю, кто по земле; но путь был долог, и чем дальше, тем трудней становился он. Долго шли они в непроглядной ночи, куда не пришли наконец к северным пределам Благословенного Края — холодным гористым пустошам Арамана. Там они увидели вдруг стоящую на высокой скале темную фигуру; она смотрела на берег. Говорят, что то был не просто посланец Манвэ, а сам Мандос. И услышали нолдоры громкий голос, мрачный и устрашающий, что велел им остановиться и слушать. Тогда все застыли — и над воинствами нолдоров из конца в конец разнеслись медленные, тяжкие слова пророческого проклятия, названного позднее Пророчеством Севера и Жребием нолдоров. Многие было предсказано в темной речи — многое, чего нолдоры не понимали, пока беды не настигли их; но все услышали проклятье, наложенное на тех, кто не остановится и не отправится за прощением к валарам.

“Слезы бесчисленные прольете вы; и валары оградят от вас Валинор, и исторгнут вас, дабы даже эхо ваших рыданий не перешло гор. Гнев валаров лежит на доме Феанора, и он ляжет на всякого, кто последует за ним, и настигнет их, на западе ли, на востоке ли. Клятва станет вести их — и предавать, и извратит самое сокровище, добыть которое они поклялись. Все начатое ими в добре завершится лихом; и произойдет то от предательства брата братом и от боязни предательства. Изгоями станут они навек.

Несправедливо пролили вы кровь своих братьев и запятнали землю Амана. За кровь вы заплатите кровью и будете жить вне Амана под завесой Смерти. Ибо, хотя промыслом Эру вам не суждено умирать в Эа, и никакой болезни не одолеть вас, вы можете быть сражены и сражены будете — оружием, муками и скорбью; и ваши неприютные души придут тогда в Мандос. Долго вам жить

там, и тосковать по телам, и не найти сочувствия, хотя бы все, кого вы погубили, просили за вас. Те же, кто останется в Средиземье и не придет к Мандосу, устанут от мира, как от тяжкого бремени, истомятся и станут теньями печали для юного народа, что придет позже.

Таково Слово валаров”.

Тогда многие устрашились; но Феанор укрепил свой дух и молвил:

— Мы поклялись, и не шутя. Клятву эту мы сдержим. Нас пугали многими лихами, и предательством — в первую голову; об одном лишь сказано не было: что нас погубит испуг, трусость или боязнь трусости. Потому говорю я, что мы пойдем вперед, и предрекаю: дела, свершенные нами, будут воспеты в песнях — и не забыты до последних дней Арды.

Но Финарфин в тот час презрел поход и возвратился назад, исполнен печали и гнева на дом Феанора, ибо был в родстве с Ольвэ Альквалондским: и многие из его народа шли с ним, в скорби повернув вспять, покуда не узрели вновь дальний луч Миндона на Туне, все еще горевшего в ночи, и не вернулись, наконец, в Валинор. Там они получили прощение валаров, и Финарфину было доверено править остатками нолдоров в Благословенном Краю. Но сыновья его не пошли с ним, ибо не хотели покинуть сыновей Финголфина; и все Финголфиново воинство по-прежнему двигалось вперед, влекомое узами родства, волей Феанора и страхом встретиться лицом к лицу с валарами; ибо не все они невинными вышли из Резни. К тому же, Фингон и Тургон были отважны и пламенны душой и не хотели отказываться от дела, которое начали, а хотели идти до конца, пусть и горького — если ему суждено быть горьким. Так что главное воинство шло и шло — и вскоре предсказанное лихо начало сбываться.

К тому времени нолдоры зашли далеко на север Арды; они увидели первые клыки льда, плававшие в море, и поняли, что приблизились к Хелкараксэ. Ибо между Аманом, что на севере изгибался к востоку, и Эндором (что значит “Средиземье”) был узкий пролив, сквозь который стылые воды Окружающего Моря и волны Белегаэра неслись вместе; там висели густые туманы и смертнохолодная мгла, а море забило обломки льда и ледовые горы. Таков был Хелкараксэ; и до сих пор никто, кроме валаров и Унголианты, не осмеливался пройти им.

Потому Феанор остановился, и нолдоры стали думать, как им идти дальше. Но они жестоко страдали от холодов и липких туманов, которых не могли пронзить лучи звезд; многие — особенно среди воинства Финголфина — жалели, что вышли в путь, и начали роптать, проклиная Феанора и называя его причиной всех бед эльдаров. А Феанор, зная все это, посоветовался со своими сыновьями; лишь два способа нашли они, чтоб уйти из Арамана и попасть в Эндор; по льду или на судах. Но Хелкараксэ считали непроходимым, а кораблей было слишком мало. Много их погибло в долгом походе, а оставшихся не хватило бы, чтобы перевезти все воинства сразу; однако никто не хотел дожидаться на западном берегу, пока другие будут переправляться: страх предательства уже жил среди нолдоров.

И вот Феанор и его сыновья замыслили захватить все корабли и отплыть внезапно; ибо они командовали флотом со дня битвы в Гавани, и на судах были лишь те, кто бился там и был предан Феанору. И как будто на его зов, ветер подул с северо-запада — и Феанор с теми, кого считал верными себе, тайно

взошел на корабль и вышел в море, оставив Финголфина в Арамане. И, так как пролив был узок, он, держа на восток и чуть-чуть на юг, пересек его без потерь и первым из нолдоров вновь ступил на берега Средиземья; высадился же Феанор в устье залива, что звался Дрэнгист и глубоко врезался в Дор-Ломин.

И когда они высадились. Маэдрос — старший его сын и в былые дни, прежде чем ложь Мелькора разделила их, друг Фингона, спросил Феанора:

— Кого из гребцов и на каких судах пошлешь ты теперь назад, и кого им перевезти первыми? Фингона Отважного?

Тут захохотал Феанор, как безумный.

— Никого и ничего! — вскричал он. — То, что бросил я, не потеря — ненужный груз в пути, не более. Пусть те, что проклинали мое имя, клянут его и впредь, пусть возвращаются в тенета валаров. Пусть горят корабли!

Тогда Маэдрос отошел и — один — стоял в стороне. А Феанор велел поджечь белые корабли тэлери. Так, в месте, называвшемся Лосгар, при входе в залив Дрэнгист, погибли прекраснейшие из лодий, когда-либо бороздивших моря — их поглотило пламя, яростное и ужасное. И Финголфин и его спутники увидели издалека алый свет, отблеск пожара на небе — и поняли, что преданы. Таковы были первые плоды Резни и Жребия Нолдоров.

Тут Финголфин, видя, что Феанор бросил его погибать в Арамане, либо со стыдом возвращаться в Валинор, исполнился горечи: но теперь, как никогда прежде, хотелось ему любым путем достигнуть Средиземья и вновь встретиться с Феанором. И вот долго он и его народ шли, терпя нужду, но чем труднее был путь — тем храбрей и выносливей становились они, ибо были могучим племенем — старшие бессмертные дети Эру Илуватара, вышедшие из Благословенного Края и не познавшие еще усталости Земли. Огонь их душ был юн, и, ведомые Финголфином, его сыновьями, Финродом и Галадриэлью, они отважились идти по жестокому Северу и, не найдя иного пути, ступили на вздыбленный лед Хелкараксэ. Немногие деянья нолдоров в грядущем превзошли в тягостях и скорби этот отчаянный переход. Там погибла жена Тургона Эленвэ, и многие другие эльфы: и когда Финголфин ступил на Внешние Земли, воинство его истаяло. Мало любви питали к Феанору те, кто шел за его братом, и чьи трубы услышало Средиземье при первом восходе Луны.

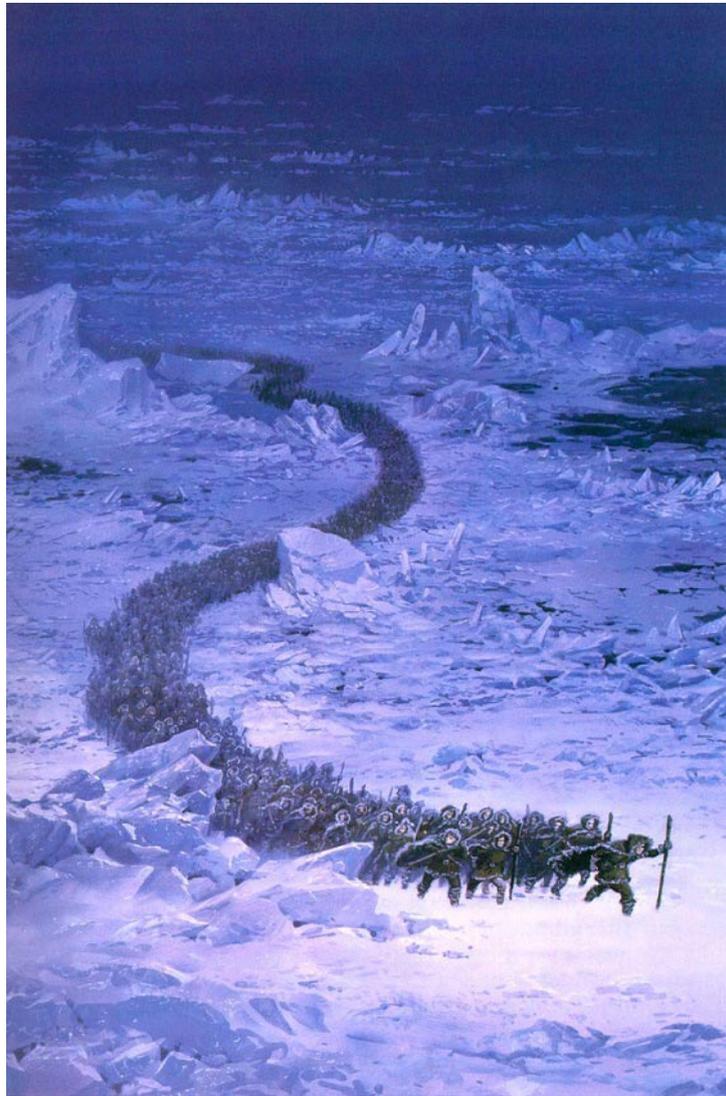

На вздыбленном льду. Тед Несмит

Глава 10 О синдарах

ак уже говорилось, власть Эльвэ и Мелиан упрочилась в Средиземье, и все эльфы Белерианда, от мореходов Цирдана до бродячих охотников с Синих Гор за рекой Гэлион, признавали Эльвэ своим владыкой; Элу Тинголом звался он, Король Серебряный Плащ на языке своего народа. А народ его звался **синдарами**, Сумеречными Эльфами озаренного звездами Белерианда; и хотя были они мориквэнди, под владычеством Тингола, учась у Мелиан, они стали прекраснейшим и самым мудрым и умелым народом Средиземья. В конце первого века Пленения Мелькора, когда земля жила в мире, и благодать Вали-

нора была в расцвете, в мир пришла Лутизэн, единственное дитя Тингола и Мелиан. Хотя большая часть Средиземья дремала во Сне Йаванны, в Белерианде, под властью Мелиан, царили жизнь и радость, и ясные звезды пылали подобно серебряным кострам; там, в рощах Нэльдорефа, родилась Лутизэн, и белые цветы **нифредилия** взошли ей навстречу, как звезды земли.

Случилось так, что во второй век Пленения Мелькора гномы перевалили Эред Луин — Синие Горы — и пришли в Белерианд. Они называли себя **Кáзад**, а синдары звали их **наугримами**, Низкорослым Народом, и **гóнхирримами**, Господами Камня. Самые древние поселения наугримов были далеко на востоке, но они высекли для себя, как то было у них в обычае, величественные чертоги и твердыни в восточных склонах Эред Луина; звались те города на их языке Габлигатхól и Тумунзахáр; севернее, на большой горе Дóлмед был Габлигатхол, который эльфы на своем языке звали Бéлегост, Велиград; а южнее был высечен Тумунзахар, называвшийся эльфами Нóгрод, Пещеры Гномов. Величайшей из всех твердынь гномов было Подгорное Царство, Казад-Дум или, на языке эльфов, Хáдходронд, что во дни своего затмения звалось Морией; но оно было далеко, за просторами Эриадора, в Мглистом Хребте, и до эльфов доходили лишь слухи о нем от гномов Синих Гор.

Из Ногрода и Белегоста гномы пришли в Белерианд; и эльфы изумились, ибо считали себя единственными существами в Средиземье, владевшими речью и ремеслом, и думали, что вокруг живут лишь звери да птицы. Но они не

могли понять ни слова из языка наугримов, казавшегося им медленным и неприятным; и немногие из эльфов достигли в нем совершенства. Гномы, однако, учились легко и охотнее перенимали чужой язык, нежели обучали чужаков своему. Мало кто из эльфов бывал в Ногроде и Белегосте, кроме Эола из Нан Эльмота и его сына Маэглина; но гномы приходили в Белерианд и проложили широкий тракт, что, пройдя под склонами горы Долмед, бежал вдоль реки Аскар и пересекал Гэлион у Сарн Атрада, Каменистого Брода, где впоследствии была битва. Дружба между наугримами и эльфами всегда была холодна, хотя и, весьма выгодна тем и другим; но в те времена взаимные обиды еще не разделили их, и король Тингол привечал гномов. Но из всех людей и эльфов наугримы впоследствии более всего дружили с нолдорами, потому что те любили Ауле и преклонялись перед ним; а самоцветы нолдоров ценились наугримами более всех богатств.

Во тьме Арды гномы создавали уже свои творения; ибо с самых первых дней Праотцы их были удивительно искусны в работе с металлом и камнем; но в те древние времена они больше любили работать с железом и бронзой, чем с серебром и золотом.

А надо сказать, что Мелиан, как все майары, владела даром провидения: и когда второй век Пленения Мелькора был на исходе, она открыла Тинголу, что Мир Арды не будет длиться вечно. Потому он задумался, как построить себе королевские чертоги — укрепить их, если вправду лихо проснется в Средиземье; и обратился за помощью и советом к гномам Белегоста. Те отозвались охотно, ибо не устали еще и любили новые дела. И хотя гномы всегда требовали награды за свой труд, был он им в радость или нет, на сей раз они сочли себя вознагражденными сполна. Ибо Мелиан многому научила их, а Тингол одарил жемчугом. Жемчуг дал ему Цирдан, ибо его было великое множество на отмелях Балара; но наугримы не видели прежде ничего подобного и высоко оценили дар. Одна жемчужина была размером с голубиное яйцо и блистала, как звездный свет на пене морской; звалась она Нймфелос, и царь гномов Белегоста ценил ее превыше горы сокровищ.

Но эльфы тоже трудились там и вместе с гномами — каждый по-своему — запечатлели видения Мелиан, дивные и прекрасные образы Валинора Заморского. Колонны Менегрота были подобны букам Оромэ — крона, ветви и ствол — и освещались золотыми светильнями. Соловьи пели там, как в садах Лориэна; фонтаны были из серебра, бассейны из мрамора, а полы — из многоцветного камня. Высеченные фигуры зверей и птиц бежали по стенам, карабкались на колонны или смотрели с усыпанных цветами ветвей. И с течением лет Мелиан и ее девы заполнили залы ткаными коврами, где можно было прочесть о делах валаров и о многом, что случилось в Арде с ее основания, и — смутно — о том, что грядет. То было прекраснейшее из королевских жилищ к востоку от моря.

А когда строительство Менегрота было завершено, и во владениях Тингола и Мелиан царил покой, наугримы время от времени переходили горы и бродили по их землям; но никогда не появлялись они в Фаласе, ибо ненавидели шум моря и боялись его вида. В Белерианд не приходило других вестей и слухов из внешнего мира.

Но когда пошел третий век Пленения Мелькора, гномы забеспокоились и обратились к королю Тинголу, говоря, что валары не выкорчевали всего се-

верного лиха, и теперь остатки его порождений, долго плодившиеся во тьме, появляются снова. “Жуткие твари бродят к востоку от гор, — говорили они, — и ваши древние родичи, что живут там, бегут с равнин в холмы.”

А вскоре лиходейские твари через горные перевалы или сумрачные южные леса начали проникать в Белерианд. То были волки — или существа в волчьем обличье — и другие порождения тьмы; были среди них и орки, позже разорившие Белерианд. Но покуда они, немногочисленные и слабые, лишь разведывали путь, дожидаясь возвращения своего господина. Откуда они пришли и кто они — эльфы тогда не знали, полагая, что это, должно быть, авари, одичавшие в глуши. Догадка эта, как говорят, близка к истине.

Потом Тингол задумался об оружии, которое прежде не было нужно его народу: сначала оружие это ковали ему наугримы, большие мастера в этом деле — и самыми искусными среди них были кузнецы Ногрода, первым из которых — и непревзойденным — считался Тэльхар. Наугримы издревле были народом воинственным и могли яростно биться со всяким, кто обидит их — будь то прислужники Мелькора, эльдары, авари и даже, нередко, их родичи, гномы других городов. Кузнечному делу синдары скоро выучились у них: однако, в закалке стали — единственном мастерстве — гномов не могли превзойти даже нолдоры, и в плетении кольчуг, доспехов, придуманных кузнецами Белегоста, работа их не имела себе равных.

Так синдары хорошо вооружились и изгнали всех лиходейских тварей, и снова стали жить в мире; но в оружейнях Тингола хранились топоры, копья и мечи, высокие шлемы и длинные рубахи из сверкающей стали; ибо доспехи гномов не ржавели и всегда блестели, как новые. И в грядущие дни это оказалось весьма полезным Тинголу.

Как уже было сказано, некий Ленвэ из воинства Ольвэ отказался от похода эльдаров в те дни, когда талери стояли на берегах Великой реки, на границах западных земель Средиземья. Мало что известно о скитаниях **нандоров**, которых он увел вниз по Андуйну; кое-кто из них, говорят, веками жил в лесах Долины Великой реки, кое-кто пришел в конце концов к ее устью и поселился у Моря, а третьи, перейдя Эред Нймрайс, Белые Горы, снова пришли на север — в дебри Эриадора меж Эред Лунном и дальним Мглистым Хребтом. А надо сказать, что они были лесным народом и не знали оружия из стали; потому приход лихих тварей с севера, как рассказали наугримы в Менегроте королю Тинголу, наполнил их великим страхом. Посему Дэнэтор, сын Ленвэ, прослышав о мощи и величии Тингола и о мире в его владениях, собрал всех, кого смог сыскать из бродячего своего племени, и перевел их через горы в Белерианд. Там они были встречены Тинголом — с радостью, как потерянные и вновь обретенные родичи — и поселились в Оссирианде, Краю Семи Рек.

О долгих годах мира, что последовали за приходом Дэнэтора, известно немного. Говорят, что в те дни Даэрон Песнопевец, самый ученый из мужей в королевстве Тингола, изобрел Руны; и наугримы, приходившие к Тинголу, выучили их и радовались изобретению, оценив искусство Даэрона куда выше, чем синдары — его собственный народ. Наугримы перенесли **Кирт** через горы и сделали достоянием многих народов; однако сами синдары до Войны мало пользовались ими, и многое, что хранилось в памяти, погибло при разорении Дориафа. Но мало рассказывали о блаженстве и радости жизни в Дориафе, по-

куда он не погиб; так творения прекрасные и дивные, пока они существуют и радуют взор, говорят сами о себе, и лишь когда они в опасности или гибнут, о них слагают песни.

В Белерианде тех дней бродили эльфы, струились реки, сияли звезды и благоухали ночные цветы; и краса Мелиан была подобна полдню, а краса Лутиэн — вешнему рассвету. В Белерианде король Тингол на своем троне казался владыкой майаров, чья мощь отдыхает, чья радость разлита в воздухе, которым дышат все, а думы проникают с высот до глубин. В Белерианд время от времени все еще наезжал Оромэ Великий, ветром проносясь над горами, и звук его рога разносился на лиги подзвездных земель, и эльфы трепетали из-за величья его облика и грома копыт Нахара; но когда голос Валаромы отдавался в горах, они знали, что все лихо бежит без оглядки.

Но пришло время, когда конец блаженства был близок, и полдень Валинора близился к закату. Ибо, как говорилось уже и известно всем, потому что о том повествуют Книги Знаний и поют песни, Мелькор убил Древа Валаров с помощью Унголианты, бежал и вернулся в Средиземье. Далеко на севере произошла битва между Морготом и Унголиантой; и вопль Моргота пронесся над Белериандом, и все народы содрогнулись от страха; ибо, хоть и не знали они, что этот вопль предвещает, но словно слышали вестника смерти. А вскоре Унголианта бежала с севера и явилась во владения короля Тингола, и ужас Тьмы окружал ее; но сила Мелиан остановила ее, и она не вошла в Нэльдореф, но долго жила в тени скал, которыми обрывается на юге плато Дортонион. И те горы стали известны как Эред Горгороф, Горы Ужаса, и никто не осмеливался подниматься туда или проходить близко; жизнь и свет там были погублены, а воды — отравлены. Моргот же, как было сказано, вернулся в Ангбанд, и вновь отстроил его, и возвел над его вратами курящиеся пики Тангородрима; и врата Моргота были лишь в ста пятидесяти лигах от моста Менегрота; далеко — и все же слишком близко.

А надо сказать, что орки, которые множились во тьме под землей, стали сильны и жестоки, и их властелин наполнил их жаждой разрушения и убийства; и они под покровом туч, посланных для этого Морготом, излились из врат Ангбанда и бесшумно перешли северные горы. Оттуда — внезапно — огромное войско вторглось в Белерианд и ударило по королю Тинголу. А в его обширных владениях многие эльфы вольно бродили в дебрях или жили отдельно маленькими родами. Многочисленен народ был лишь в сердце края, близ Менегрота, да еще вдоль Фаласа, в землях мореходов. Но орки обошли Менегрот с двух сторон — и разорили земли меж Кэлоном и Гэлионом на востоке и равнины меж Сирионом и Нарогом на западе; и Тингол был отсечен от Цирдана в Эгларесте. Тогда Тингол воззвал к Дэнэтору; и эльфы, вооружась, пришли из Рэгиона за Арос и из Оссирианда, — и бились в первой битве из Войн Белерианда. Восточная орда орков была зажата меж ратями синдаров севернее Андрама, на полпути между Аросом и Гэлионом, и наголову разбита, а те, кто вырвался из тисков и бежал на север, пали под топорами наугримов, вышедших из-под горы Долмед; едва ли кто-то из них вернулся в Ангбанд.

Но за победу эльфы заплатили дорогой ценой. Ибо вооружены были эльфы Оссирианда легко, не то что орки, обутые в железо, с железными щитами и длинными копьями; и Дэнэтор был отсечен и окружен на холме Амон Эреб.

Там пал он, и все его близкие родичи — прежде, чем войско Тингола подоспело им на помощь. И, хотя гибель Дэнэтора была отомщена Тинголом, который обрушился на арьергард орков и уложил их всех, нандоры горько оплакали его смерть и никогда больше не избирали себе короля. После битвы кое-кто вернулся в Оссирианд, и их рассказы наполнили оставшихся нандоров таким страхом, что впредь они никогда не появлялись открыто, но держались осторожно и скрытно; и они стали зваться **лайквэнди**, Зелеными Эльфами — по одежде цвета весенней листвы. Но многие ушли на север, в огражденные владения Тингола, и смешались с его народом.

Когда же Тингол возвратился в Менегрот, он узнал, что на западе орочья орда победила, и Цирдан оттеснен к морю. Потому он собрал весь народ, какой только мог прийти на его зов, в Нэльдорефе и Рэгионе, и Мелиан оградила своей силой весь тот край — вокруг него встала будто стена из теней и чар — завеса Мелиан, сквозь которую никто не мог пройти против воли ее или Тингола, если только он не превосходил в мощи майю Мелиан. И эти укрытые земли, что долго звались Эгладором, стали называться Дóриафом, огражденным королевством, Землей Завесы. Внутри ее был бдительный мир, снаружи — опасности и великий страх, и прислужники Моргота бродили свободно повсюду, кроме окруженных стенами гаваней Фаласа.

Но близки уже были события, коих не провидел никто в Средиземье — ни Моргот в своих подземельях, ни Мелиан в Менегроте; ибо после гибели Древ из Амана не приходило вестей — ни с вестником, ни с духом, ни с видением или сном. В это самое время Феанор на белых кораблях тэлери пристал в заливе Дрэнгист и сжег корабли в Лостаре.

Глава 11 О Солнце, Луне и Сокрытии Валинора

а рассказывают, что после бегства Мелькора валары долго сидели недвижно на своих тронах в Кольце Судьбы, но не бездействовали, как в глупости своей заявил Феанор. Ибо валары могут создать многое трудом мысли, а не рук, и без слов, в молчании советоваться друг с другом. Так безмолствовали они во тьме Валинора, уносясь мыслями назад, к началу Эа, и вперед — к Концу; но ни могущество, ни мудрость не умеряли их горя. И больше, чем о смерти Древ, скорбели они о падении Феанора — об одном из самых лиходейских дел Мелькора. Ибо Феанор был создан самым доблестным, выносливым, прекрасным и умным, самым умелым, сильным и искусным среди Детей Илуватара. Лишь Манвэ доступно было представить себе дивные творения, которые мог бы создать он к вящей славе Арды: и, по словам ваниаров, которые бодрствовали вместе с валарами, когда посланцы передали Манвэ ответ Феанора, Владыка Арды зарыдал и склонил голову; но при последних словах Феанора — что в конце концов дела нолдоров навеки войдут в песни — он поднял голову, словно услышав отдаленный глас, и молвил:

— Быть по сему! Дорого будут оплачены те песни — но тем прекраснее прозвучат они. Ибо иной награды не ждать. Так, как и говорил нам Эру, краса, до толе невиданная, явится в Эа, и лихо обратится во благо.

— И все же останется лихом, — сказал Мандос. — Скоро Феанор придет ко мне.

Но когда валары узнали, что нолдоры на самом деле ушли из Амана и вернулись в Средиземье, они поднялись и начали воплощать в жизнь замыслы, что родились в их думах, дабы излечить причиненное Морготом зло. И повелел Манвэ Йаванне и Ниэнне приложить все силы ко возвращению и исцелению; и все могущество двух вал обратилось на Древа. Но слезы Ниэнны не могли залечить их смертельных ран: и долго Йаванна пела одна во тьме. Однако в миг, когда надежда угасла и песнь умолкла, у Тэлперiona на безлистой ветви родился огромный серебряный цветок, а у Лаурелина — единственный золотой плод, и Йаванна взяла их; и тогда Древа умерли, и их безжизненные остовы по сей день стоят в Валиноре в память о погибшей радости. А цветок и плод Йаванна передала Ауле, и Манвэ благословил их, и Ауле со своим народом создал лодьи-сосуды, чтобы хранили их, пропуская сияние — так повествует Нарсйлион, Песнь о Солнце и Луне. Эти лодьи валары отдали Варде, ибо надлежало им стать светочами небес, более яркими, чем древние звезды, так как будут они ближе к Арде; и она дала им силу пересекать низшие области Ильмэна, и повелела им свершать назначенный путь над Краем Земли с запада на восток и возвращаться назад.

Все это валары совершали, думая о лежащих во тьме землях Арды; решили они осветить Средиземье и тем воспрепятствовать Мелькору. Ибо они помнили об авари, что остались у вод пробуждения, и не хотели до конца оставлять изгоев-нолдоров; и к тому же Манвэ знал, что близок час прихода людей. И говорят, что как некогда валары пошли войной на Мелькора во имя квэнди, так теперь отказались они от нее во имя **хильдоров**, Пришедших Следом, младших Детей Илуватара. Ибо столь тяжки были раны, нанесенные Средиземью в войне против Утумно, что опасались валары нанести еще более страшные, в то время как хильдоры будут смертны и слабее квэнди, слишком слабы, чтобы вынести бури и ужас. Кроме того, не открыто Манвэ, где явятся люди — на севере, юге или востоке. Потому валары выслали в небеса свет, но укрепили землю, где жили.

Исиль Сияющий звали в древности ваниары Луну — цветок Тэлперiona; и Анаром, Златым Огнем нарекли они Солнце, плод Лаурелина. Нолдоры звали их еще Ра́на — Бродяга и Ва́са, Дух Огня, что пробуждается и пожирает: ибо Солнце было создано как знак пробуждения и увядания эльфов, а Луна леляла их воспоминания.

Дева, избранная валарами из майаров править ладьей Солнца, звалась Ариэн; а лунный остров должен был направлять Тйлион. Во дни Дерев Ариэн в садах Ваны ухаживала за золотыми цветами и поила их росой Лаурелина; Тйлион же ездил охотником в дружине Оромэ, и лук его был из серебра. Он любил серебро и когда хотел отдохнуть, покидал леса Оромэ, уходил в Лориэн и дремал у озер Эстэ в мерцании лучей Тэлперiona; и он попросил дозволения вечно ухаживать за последним Серебряным Цветком. Дева Ариэн была более могуча, чем он, и ее избрали, потому что она не боялась жара Лаурелина и не обжигалась, будучи изначально духом огня, которого Мелькор не смог ни обмануть, ни привлечь к себе на службу. Даже эльдаров слепил взгляд сияющих глаз Ариэн; и, уйдя из Валинора, она сбросила облик — одеяние, которое, по-

добно валарам, носила там, и стала обнаженным пламенем, ужасающим в полноте своего блеска.

Исиль был готов первым и первым поднялся во владения звезд, и стал старшим из новых светочей, как Тэлперион — старшим из Древ. Тогда, в озаренном луной мире проснулось и шевельнулось многое, что ждало своего часа во сне Йаванны. Прислужники Моргота исполнились потрясения, но эльфы Внешних Земель с восторгом смотрели вверх; и как раз когда Луна, рассеяв мглу, поднялась на западе, Финголфин протрубил в серебряные трубы и начал переход в Средиземье, и тени его воинства, длинные и черные, бежали впереди.

Тилион пересек небо семь раз и был на краю востока, когда ладья Ариэн вышла в путь. Анар поднялся в блеске, и первый восход Солнца, подобно гигантскому пожару, озарил пики Пелоров; тучи, застилавшие Средиземье, вспыхнули, и послышался плеск множества водопадов. Тут Моргот пришел в смятение, укрылся в глубочайшем чертоге Ангбанда и отозвал с Земли своих слуг, мглой и облаками тьмы укрыв свое обиталище от света Дневной Звезды.

По замыслу Варды, обе ладьи должны плавать в Ильмэне, и всегда розно, а не вместе; каждая должна была проходить из Валинора на восток и возвращаться — одна отплывать с запада тогда же, когда другая — с востока. Так первый новый день, подобный дням Дерев, начался с часа смещения света, когда Ариэн и Тилион, плывя своими путями, разминулись над центром Земли. Но Тилион был бродягой и ни сохранял скорости, ни держался назначенного пути; он стремился приблизиться к Ариэн, ибо ее блеск и краса влекли его, хотя пламя Анара обжигало его, и остров Луны затемнялся.

Потому, из-за бродяжничества Тилиона, а более того — по просьбе Лориэна и Эстэ, которые сказали, что сон и отдых покинули Землю, а звезды сокрыты, Варда изменила свое решение, и назначила время, когда в мире по-прежнему будут тень и полусвет. Потому Анар какое-то время отдыхал в Валиноре, прильнув к прохладной груди Внешнего Моря; и Вечер, время угасания и отдыха Солнца, был часом наиярчайшего света и радости в Амане. Но вскоре слуги Ульмо уносили Солнце в глубину и оно спешило пройти под Землей, незримо явиться на восток и там вновь взойти на небо, чтобы ночь не затягивалась и лихо не бродило под Луной. Однако, Анар согревал воды Внешнего Моря, и они мерцали цветным огнем, и после ухода Ариэн в Валиноре какое-то время был свет. Но когда она проходила под землей, зарево меркло, и Валинор погружался во тьму, и особенно скорбели тогда валары о гибели Лаурелина. На рассвете тени Охранных Гор тяжело ложились на Благословенный Край.

Варда повелела Луне ходить так же и, проходя под Землей, вставать на востоке, но лишь когда Солнце сойдет с небес. Однако скорость Тилиона непостоянна, и его, как прежде, влечет к Ариэн; так что часто можно видеть над Землей обоих, а иногда случается, что Тилион приближается к ней настолько, что тень его пересекает ее сияние, и наступает тьма среди дня.

Потому, с тех пор и до Изменения Мира, валары считали дни с восхода до заката Анара. Ибо Тилион редко мешкал в Валиноре — чаще всего он быстро проносился над западными землями, над Аватаром, Араманом или Валинором, с разбегу кидался в бездну под Внешним Морем и пролагал там путь среди гротов и пещер у корней Арды. Там он часто бродил подолгу и возвращался поздно.

И все же, после долгой Ночи свет Валинора был ярче и прекрасней, чем в Средиземье: ибо там отдыхало Солнце, и небесные огни в том краю были ближе к Земле. Но ни Солнцу, ни Луне не воскресить было памяти о древнем свете, что исходил от Древ, прежде, чем яд Унголианты коснулся их. Тот свет живет ныне лишь в Сильмариллях.

Моргот же ненавидел новые светила и был какое-то время смущен этим внезапным ударом валаров. Потому он напал на Тилиона, наслав на него духов тьмы, и они бились в Ильмэне, под путями звезд; но Тилион победил. Ариэн же Моргот боялся великим страхом, но не рисковал приближаться к ней, так как силы его истоцились; ибо злоба его возрастала, и он изрыгал лихо, порождая ложь и лиходейских тварей — и мощь его переходила в них и рассеялась, а он сам делался все более прикованным к земле и не желал покидать своих темных твердынь. Мглою укрыл он себя и своих прислужников от Ариэн, чьего взгляда не мог вынести, и края близ его обиталища окутывали туманы и тучи.

Но нападение на Тилиона смутило валаров — они испугались, что злоба и хитроумие Моргота могут обратиться против них. Не желая идти на него войной в Средиземье, они, тем не менее помнили разрушение Альмарена, и решили, что судьба эта не должна постигнуть Валинор. Потому они заново укрепили свои земли и подняли горы на востоке, севере и юге на ужасную высоту, и сделали их отвесными. Внешние склоны были темными и гладкими, без уступов и трещин, они спадали гигантскими обрывами, стеклянными стенами и возносились башнями, увенчанными сияющим льдом. Бессонный дозор стоял на них, и не было в них ни одного прохода, кроме Калакирии; этот проход валары не закрыли ради эльдаров, сохранивших верность, и в городе Тирионе, на зеленом холме, в глубоком ущелье Финарфин правил оставшимися нолдорами. Ибо все эльфы, даже ваниары и их вождь Ингвэ, должны по временам вдыхать свежий воздух и ветер, что прилетает из-за моря, из края, где они родились; да и не хотели валары совсем отделять тэлери от их родни. Но они воздвигли в Калакирии множество крепких башен со стражами, а при выходе ущелья в долину Валмара встало лагерем большое войско — и ни птице, ни эльфу, ни человеку, ни любой другой твари из Средиземья не миновать его.

А еще в то время — песни зовут его **Нурталэ Валинóрэва**, Сокрытие Валинора — были созданы Зачарованные Острова, и моря вокруг них наполнились тенями и смятением. Острова эти протянулись подобно сети через Мглистые Моря с севера на юг, и плывущему на запад должно было перед Тол Эрессэа, Одиноким Островом, миновать их. Но едва ли могла какая-либо ладья проплыть меж ними, ибо вечно с угрозой вздыхали там волны, разбиваясь об окутанные туманами скалы. И сонливость охватывала мореходов в тумане, и великая усталость, и не хотелось им плыть дальше; те же, кто ступал на острова, попадали в тенета, и спать им до Изменения Мира. Так и случилось, что, как предсказал в Арамане Мандос, Благословенный Край был закрыт для нолдоров; и из множества вестников, что отплывали позже на запад, никто не пришел в Валинор — кроме одного, самого могучего морехода, воспетого в песнях.

Глава 12 О людях

алары сидели теперь покойно за своими горами: дав Средиземью свет, они надолго оставили его, и власть Моргота не оспаривалась никем, кроме нолдоров. Если кто и думал об Изгоях, то лишь Ульмо, — тот, кому приносила вести вода.

С этого времени начался счет годам Солнца. Короче были они долгих Лет Дерев Валинора. В то время воздух Средиземья стал тяжек от дыханья роста и увядания, и все сменялось и старело быстрее. Пришла Вторая Весна Арды — жизни тесно было на земле и в водах, и эльдары множились, и Белерианд лежал прекрасен и зелен под новым солнцем.

При первом восходе солнца, на востоке Средиземья, в краю Хильдориэн проснулись Младшие Дети Илуватара. Но впервые солнце взошло на западе, и глаза людей обратились туда, и ноги их, когда они бродили по Земле, чаще всего несли их на запад. Эльдары звали их **átани**, Вторые; а еще **хильдоры**, Пришедшие Следом, и многими другими именами: **апанóнары** — Послерожденные, **э́нгвары** — Болезненные, и **фíримары** — Смертные; называли они их и Захватчиками, и Чужаками, и Непостижимыми, Носящими в Себе Проклятье, Тяжкорукими, Боящимися Ночи, Детьми Солнца. В преданиях Предначальной Эпохи о людях сказано мало — лишь об Отцах Людей, **атанáтарах**, в первые годы Солнца и Луны пришедших на север мира. Никто из валаров не явился в Хильдориэн, дабы наставить людей или призвать их в Валинор; и люди не так любили валаров, как боялись их, и не понимали замыслов Стихий, будучи отчуждены от них в борьбе с миром. Ульмо, тем не менее, думал о людях; и его послания часто приходили к ним с рекой или дождем. Но они и сейчас не понимают таких вещей — а в те годы, до смешения с эльфами, и во все ничего в них не понимали. Потому они любили воду, и песня струй трога-ла их души, но смысл ее оставался темен. Однако, говорят, вскоре они встретили Эльфов Ночи и подружились с ними. И в детстве своем люди стали товарищами и учениками этого древнего народа, эльфов-странников, никогда не стремившихся в Валинор, а о валарах знавших лишь понаслышке.

Моргот вернулся в Средиземье незадолго до того, и власть его еще не распространилась; да и внезапное явление двух новых светил сдерживало его. В холмах и лугах не таилась опасность; и новые растения, рожденные много лет назад в думках Йаванны, и посеянные во тьме, пошли в рост и зацвели. На запад, север и юг направляли свой путь дети людей, и радость их была радостью утра, когда каждый лист еще зелен, а роса не просохла.

Но рассвет краток, а день часто нарушает его обещания; и близилось время великих северных войн, когда нолдоры и люди вышли на бой с полчищами Моргота Бауглира — и были разбиты. К этому концу неуклонно вели их и хитроумная ложь Моргота, что он сеял издревле среди своих врагов, и проклятье за резню в Альквалондэ, и клятва Феанора. Лишь малая толика рассказана здесь о деяньях тех дней — и более всего сказано о Сильмарилях и нолдорах и о тех Смертных, что оказались замешаны в их судьбе. В те дни люди и эльфы были внешне похожи и одинаково сильны, но эльфы искуснее, мудрее и красивей; и те, кто жил в Валиноре и видел Стихий, настолько же превосходили

Сумеречных Эльфов, насколько те превосходили Смертных. Лишь в Дориафе, королевой которого была Мелиан из рода валаров, приблизились синдары к калаквэнди Благословенного Края.

Бессмертными были эльфы, и мудрость их прибывала с веками, и ни недуг, ни скорбь не несли им смерти. Тела их, правда, принадлежали Земле, и их можно было уничтожить; и в те дни они были более схожи с телами людей, ибо пламенный дух эльфов, что с течением времени сжигает их изнутри, недолго еще жил в них. Но люди были слабее, оружие и неудачи легче убивали их, а исцелялись они хуже, они старели и умирали. Что происходит с их душами после смерти — эльфы не знают. Кое-кто говорит, что они также приходят в чертоги Мандоса; но их чертог ожидания не тот, что у эльфов, и по воле Илуватара лишь Мандос — не считая Манвэ — знает, куда уходят они, собравшись в безмолвных палатах на берегу Внешнего Моря. Никто не возвращался из жилищ мертвых, кроме Берена, сына Барахира, чья рука коснулась Сильмарилля; но он после того не встречался со Смертными. Быть может, после смерти люди уходят из воли валаров, и не все предпето в Музыкае Айнуров.

Позже, когда победа Моргота, как он и замышлял, разделила людей и эльфов, те эльфы, что остались в Средиземье, начали слабеть, и люди захватили свет Солнца, а квэнди бродили при свете луны и звезд по пустынным землям и островам, уйдя в леса и пещеры и став лишь воспоминаниями и тенями — кроме тех, кто время от времени отплывал на Запад и навеки покидал Средиземье. Но в начале лет эльфы и люди были союзниками и почитали друг друга родичами, и были среди людей такие, кто постигал мудрость эльдаров и становился величием и доблестью подобен вождям нолдоров. И славу и красоту эльфов, и их судьбу по праву делят потомки людей и эльфов — Эарендиль и Эльвинг, и сын их Эльронд.

Глава 13 О возвращении нолдоров

а уже говорилось, Феанор и его сыновья первыми из изгоев пришли в Средиземье и высадились на пустоши Ламмоф, что значит Великое Эхо, на внешних берегах залива Дрэнгист. И едва нолдоры ступили на берег, кличи их были подхвачены холмами и умножились, голосами бесчисленного могучего войска наполнив берега Севера. И гул пламени, пожиравшего корабли в Лосгаре, унесся в море гневным ревом великой бури, и все, кто слышал его, исполнились изумления.

Сполохи того пожараща видел не только Финголфин, брошенный Феанором в Арамане, но и орки, и другие соглядатаи Моргота. Ни одно предание не говорит, какие думы родились в душе Моргота при вести, что Феанор, его злейший враг, привел с запада войско. Но едва ли он испугался, ибо не верил тогда еще в силу нолдорских мечей; а вскоре стало ясно, что он замыслил сбросить их в море.

Под холодными звездами перед восходом луны воинство Феанора двинулось наверх по долгому заливу Дрэнгист, что пронзал Эред Ломин — Зычные Горы — и вошло в обширные земли Хифлума; и в конце концов подошли они к длинному озеру Мифрим и разбили лагерь на северном берегу его, в краю,

носившем то же название. Но орды Моргота, пробужденные шумом в Ламмофе и пожаром в Лосгаре, просочились через перевалы Эред Вэтрина, Теневого Хребта, и обрушились на Феанора внезапно, прежде чем лагерь успели укрепить, как должно. И там, в седых полях Мифрима разыгралась Вторая Битва Войн Белерианда, Дагор-ну-Гиляиф зовется она, Битва-под-Звездами, ибо луна тогда еще не взошла; и она прославлена в песнях. Нолдоры, немногочисленные и захваченные врасплох, тем не менее быстро победили: свет Амана не погас еще в их очах, они были сильны и скоры, гнев их гибелен, а мечи — длинные и смертоносны. Орки бежали пред ними, их выбили из Мифрима с большими потерями и гнали через Теневой Хребет до великой равнины Ард-Гáлен, что лежит к северу от Дортониона. Там армии Моргота, что проникли в долину Сириона и осаждали Цирдана в Фаласских гаванях, двинулись на помощь оркам — и тоже были разбиты. Ибо сын Феанора Целегорм, прознав о них, устроил засаду и, обрушившись на врага с холмов близ Эйфель Сириона, оттеснил орков в топи Сэрех. Воистину, дурные вести пришли в Ангбанд, и Моргота охватило смятение. Десять дней длилась битва, и из всего воинства, подготовленного им для завоевания Белерианда, возвратилась лишь жалкая горстка.

Однако, хоть до поры Моргот и не знал этого, была у него причина для величайшей радости. Ибо Феанор, в гневе своем на Врага, не остановился, но продолжал гнать остатки орков, думая добраться так до самого Моргота. И он хохотал, играя мечом, радуясь, что не отступил перед гневом валаров и трудностями пути и узрел час мести. Ничего не знал он об Ангбанде и о тех огромных силах, что столь быстро собрал Моргот; но хоть и знал — его бы это не удержало: ибо он далеко опередил свое войско; и, увидя это, прислужники Моргота повернули назад, и на помощь им вышли из Ангбанда балроги. Там, близ пределов Дор-Даэдэлофа, края Моргота. Феанор с немногими друзьями был окружен. Бился он долго и неустрашимо, хотя был объят огнем и изранен; но в конце концов его поверг Готмог, предводитель балрогов, которого после сразил в Гондолине Эктелион. Там Феанор и погиб бы, не приди ему в это время на помощь сыновья с войском. Балроги оставили его и отступили в Ангбанд.

Сыновья же подняли отца и понесли к Мифриму. Но когда подошли к Эйфель Сириону и готовы были ступить на тропу, ведущую к перевалу, чтобы перейти горы, Феанор велел остановиться: раны его были смертельны, и он знал, что час его близок. И, бросив последний взгляд со склонов Эред Вэтрина, он узрел вдали пики Тангородрима, мощнейшей из твердынь Средиземья, и осознал в прозрении смерти, что никогда не достанет у нолдоров силы сокрушить их; но трижды проклял он имя Моргота и оставил сыновьям завет хранить клятву и отомстить за отца. Затем он умер; но нет у него ни могилы, ни гробницы, ибо столь пламенным был его дух, что, едва он отлетел — тело Феанора стало золой и развеялось, как дым; и подобие его никогда не появлялось в Арде, а дух не покидал чертогов Мандоса. Так закончил жизнь величайший из нолдоров, чьи дела принесли им огромную славу и гибельнейшую беду.

А надо сказать, что в Мифриме жили Сумеречные Эльфы, народ Белерианда, перешедший горы, и нолдоры встретились с ними радостно, как с давно потерянными родичами. Но беседовать между собой им сперва было трудно, ибо в долгой разлуке языки калаквэнди Валинора и мориквэнди Белерианда

стали очень различны. От эльфов Мифрима узнали нолдоры о могуществе Элу Тингола, короля Дориафа, и завесе чар, что ограждала его владения; а вести о великих деяньях на севере дошли до Менегрота и гаваней Бритомбар и Эгларест. И тогда все эльфы Белерианда исполнились изумления и надежды на могучих родичей, нежданно вернувшихся с Запада в час нужды; и верилось им вначале, что нолдоры пришли, как посланцы валаров, чтобы освободить их.

Но в самый час смерти Феанора к его сыновьям явился посол Моргота с признанием поражения и предложением условий — вплоть до возвращения Сильмариля. Тогда Маэдрос Высокий, старший из сыновей, стал убеждать братьев притвориться, что они согласны на переговоры, и поехать в назначенное место. Но нолдоры были не честней Моргота. Потому оба посольства прибыли с силами большими, чем было договорено; но Моргот прислал больше войска, и там были балроги. Товарищей Маэдроса перебили, а его самого — по приказу Моргота — захватили живым и отвели в Ангбанд.

Тогда братья Маэдроса отступили и укрепили большой лагерь в Хифлуме; но Моргот взял Маэдроса заложником и прислал сказать, что не освободит его, покуда нолдоры не откажутся от войны и не возвратятся на Запад — или не уйдут из Белерианда далеко на юг. Но сыновья Феанора знали, что Моргот обманет их и не отпустит Маэдроса, что бы они ни сделали: к тому же они были связаны клятвой и не могли прекратить войны против Врага. А потому Моргот повесил Маэдроса на утесах Тангородоима, приковав его к скале за кисть правой руки.

А до лагеря в Хифлуме дошли слухи о походе Финголфина и тех, кто вслед за ним перешел Взыбленный Лед — было это, когда мир в удивлении замер перед восходом Луны. А когда воинство Финголфина явилось в Мифрим, Солнце, пылая, взошло на западе; и Финголфин развернул голубые и серебряные стяги, велел протрубить в рога — и цветы расцветали под их шагающими ногами, и века звезд кончились. С восходом великого светоча прислужники Моргота бежали в Ангбанд, и Финголфин без помех миновал укрепления Дор-Даэдэлофа, покуда враги его прятались под землей. А после эльфы ударили в ворота Ангбанда, и вызов труб сотряс башни Тангородоима; и Маэдрос услышал его в муках своих — и громко закричал, но голос его потерялся в каменном эхе.

Но Финголфин, будучи иного нрава, чем Феанор, и помня о коварстве Моргота, отступил от Дор-Даэдэлофа и повернул назад к Мифриму, ибо получил вести, что там найдет сыновей Феанора, к тому же он хотел укрыться за щитом Теневых Гор, пока народ его будет отдыхать и набираться сил. Ибо Финголфин видел мощь Ангбанда и не считал, что он падет от одного лишь звука труб. Поэтому, придя наконец в Мифрим, он встал лагерем у северных берегов озера. Никакой любви не было в сердцах тех, кто шел за Финголфином, к дому Феанора, ибо великие муки испытали выжившие во Льду, а Финголфин считал сыновей соучастниками отца. Тут возникла опасность схватки между воинствами; но, хотя и огромны были их потери в пути, спутников Финголфина и Финрода, сына Финарфина, оказалось все же больше, чем сторонников Феанора — те отступили и перенесли лагерь на южный берег; и озеро разделило их. Многие в войске Феанора сожалели о пожарище в Лосгаре и были исполнены изумления перед мужеством, что провело друзей, ими отвергнутых, через

Льды Севера; и они с радостью приветили бы их, но не осмелились — от стыда.

Так, из-за проклятия, наложенного на них, нолдоры ничего не достигли, пока Моргот сомневался и страх света был еще нов оркам и сковывал их. Но Моргот очнулся от дум и рассмеялся, видя рознь между своими врагами. В глубинах Ангбанда сотворил он густой дым и мгlistый туман, и они изверглись с курящихся пиков железных Гор — и далеко в Мифрима увидели, что чистый воздух первых рассветов замутился. С востока налетел ветер и понес мглу на Хифлум, затмевая новое Солнце: и она опустилась, клубясь, в лугах и ущельях и ядом и ужасом наполнила воды Мифрима.

Тогда Фингон Отважный, сын Финголфина, решил исцелить вражду, разделившую нолдоров, прежде чем Враг их будет готов к войне; ибо земли Севера содрогались от грома подземных кузней Моргота. Давным-давно, в благости Валинора, прежде, чем с Моргота сняли оковы и ложь разделила нолдоров, Фингон был близким другом Маэдроса; и, хоть он и не знал еще, что Маэдрос не забыл о нем при сожжении кораблей, мысль о прежней дружбе терзала сердце Фингона. Потому он решился на дело, справедливо почитаемое высочайшим из сотворенного принцами нолдоров: один, ни с кем не посоветовавшись, отправился на поиски Маэдроса. Самая тьма, порожденная Морготом, помогла ему — он невидимо пробрался в твердыню своих врагов. Высоко на склоны Тангородрима поднялся он и в отчаяньи оглядывал пустынные земли; но не нашел ни ущелья, ни трещины, по которым мог бы попасть в крепость Моргота. Тогда, бросая вызов оркам, что все еще прятались в темных подземельях, Фингон взял арфу и запел песнь Валинора, сложенную нолдорами в древности, когда вражда еще не разделяла сынов Финвэ; и голос его зазвенел в мрачных теснинах, дотоле не слыхавших ничего, кроме воплей страха и скорби.

Так нашел Фингон того, кого искал. Потому что внезапно вверху, отдаленной и слабой, песню подхватили, и голос окликнул его. То, забыв о муке, пел Маэдрс. Но Фингон, вскарабкавшись к подножию скалы, на которой висел его родич, не смог подняться выше; и рыдал он, видя жестокое дело Моргота. А Маэдрос, страдая без надежд, молил Фингона убить его; тогда Фингон наложил тетиву и согнул лук и, не видя иного выхода, воззвал к Манвэ, говоря: "О ты, кому милы все птицы, направь же теперь это оперенное древко и возврати хоть каплю жалости нолдорам в их нужде!

Ответ пришел тотчас. Ибо Манвэ, кому милы все птицы и кому они приносят на Таниквэтиль вести из Средиземья, создал расу Орлов, повелев им жить в скалах Севера и следить за Морготом: Манвэ еще жалел эльфов-изгнанников. И о многом, что творилось в те дни, приносили Орлы вести печальному слуху Манвэ. Теперь же, в миг, когда Фингон натянул тетиву, с заоблачных высот слетел вниз Торондор, Владыка Орлов, мощнейший среди птиц, и его простертые крылья были размахом в тридцать футов. Остановив руку Фингона, он поднял его и поднес к отвесной скале, где висел Маэдрос. Но Фингон не мог ни разжать зачарованную петлю на его кисти, ни разрубить ее, ни вырвать из камня. Тогда Маэдрос в муках вновь стал молить родича убить его; но Фингон отрубил ему руку выше кисти, и Торондор отнес их назад в Мифрим.

Там Маэдрос со временем исцелился, ибо пламень жизни ярко горел в нем и силы его были силами древнего мира, силами возвращенных в Валиноре. Тело его оправилось и выздоровело, но тень мук осталась в душе: и меч в левой руке косил врагов больше, чем некогда в правой. Фингон подвигом своим заслужил огромную известность и все нолдоры славили его; и ненависть между домами Финголфина и Феанора была предана забвению. Ибо Маэдрос просил прощения за Араман и отказался от прав на владычество над нолдорами, сказав Финголфину: «Если бы никакие беды не разделили нас, принцев — правление, по справедливости, пришло бы к тебе, старейшему в роде Финвэ и одному из самых мудрых». Но не все его братья в душе согласились с ним.

Так, как и предсказывал Мандос, наследники Феанора стали зваться Отлученными, ибо верховное владычество и в Эленде, и в Белерианде перешло от них, старших, к дому Финголфина, также и из-за потери Сильмарилей, но нолдоры, вновь объединившись, выставили стражу на границах Дор-Даэдэлофа, и Ангбанд был осажден с запада, юга и востока; и они разослали повсюду гонцов — исследовать пределы Белерианда и вступать в союзы с народами, жившими там.

А надо сказать, что короля Тингола не обрадовал приход с Запада стольких могучих принцев, жаждущих новых земель. И он не открыл своего царства и не поднял с его границ завесы чар, ибо, мудрый мудростью Мелиан, не верил,

что Моргота удастся сдержатъ надолго. Единственными нолдорами, входившими в Дориаф, были принцы дома Финарфина — родичи короля Тингола, дети Эарвен из Альквалондэ, дочери Ольвэ.

Первым из Изгоев, пришедших в Дориаф, был Ангрод, сын Финарфина — он явился гонцом своего брата Финрода и долго говорил с королем Тинголом, рассказывая ему о делах нолдоров на севере, об их числе и силе. Но, будучи верен и мудр душой и почитая все вины прощенными, он ни словом не обмолвился ни о резне, ни о том, почему нолдоры стали изгнанниками, ни о клятве Феанора. Король выслушал речи Ангрода и, прежде чем тот ушел, сказал ему: "Передай от меня тем, кто послал тебя. В Хифлуме могут жить нолдоры и в нагорьях Дортониона, и в землях восточнее Дориафа, что пусты и дики; но в других местах много моего народа, и я не потерплю, чтобы их лишили свободы или изгнали из жилищ. Посему думайте, о принцы с Запада, как держать себя! Ибо я Владыка Белерианда, и слово мое услышат все, кто живет в нем. В Дориаф не войдет никто, кроме тех, кого я приглашу как гостей или кто станет взывать ко мне в нужде".

Властители нолдоров держали совет в Мифриме, и туда из Дориафа пришел Ангрод, неся послание короля Тингола. Холодным показался нолдорам его привет, и сыновья Феанора пылали гневом; но Маэдрос засмеялся. "Тот и король, кто может охранить свое, иначе титул его ничего не стоит, — сказал он. — Тингол лишь отдал нам земли, куда не может дотянуться сам. Воистину, одним Дориафом правил бы он сейчас, не приди сюда нолдоры. А посему пусть правит Дориафом и радуется, что соседи его — сыновья Финвэ, а не орки Моргота, с которыми мы покончили. Во всех других местах будет так, как сочтем нужным мы".

Но Карантир, который не любил сыновей Финарфина и был самым резким и вспыльчивым из братьев, вскричал: "Более того! Не позволяй сыновьям Финарфина вольно разъезжать повсюду и болтать с этим Темным Эльфом в его пещере! Кто сделал их нашими глашатаями? И хотя они и вошли уже в Белерианд — не худо бы им помнить, что, пусть мать их иной крови, но отец был принцем нолдоров. Не слишком ли быстро забыли они это?"

Тут Ангрод рассердился и покинул Совет. Маэдрос оборвал и устыдил Карантира, но большинство нолдоров с обеих сторон, слыша эти слова, встревожились в душе, опасаясь свирепого нрава сыновей Феанора, который, казалось, всегда будет прорываться в резком слове или гневливости. Но Маэдрос смирил братьев, они оставили совет и вскоре покинули Мифрим, уйдя за Арос, на восток, в обширные земли вокруг холма Химринг. Впоследствии область эта стала зваться Пределом Маэдроса, ибо севернее не было ни гор, ни реки, чтобы ослабить натиск Ангбанда.

Там Маэдрос с братьями несли стражу, собирая весь народ, что шел к ним, и лишь в нужде общаясь со своей западной родней. Говорят, что измыслил это сам Маэдрос, дабы уменьшить опасность усобицы и еще потому, что страстно желал вызвать на себя главный удар; сам он оставался в дружбе с сыновьями Финголфина и Финарфина и время от времени сходил к ним на общие советы. Однако и он был связан клятвой, хотя до поры до времени она спала.

Народ Карантира поселился дальше на востоке — в верховьях Гэлиона, вокруг озера Хелеворн под горой Рэрир и к югу от нее. Они поднимались на высоты Эред Луина и с удивлением вглядывались в восточные земли, ибо пу-

стынным и диким лежало пред ними Средиземье. Так и вышло, что народ Карантира наткнулся на гномов, которые после нападения Моргота и прихода нолдоров перестали ходить в Белерианд. Но, хотя оба народа ценили мастерство и охотно обучались, они не любили друг друга. Гномы были скрытны и легко обижались, Карантир же бывал горяч и вряд ли скрывал презрение к безобразию наугримов, а его народ вторил своему владыке. Тем не менее, так как оба народа ненавидели Моргота и боялись его, они заключили союз, который принес обоим немалые выгоды: наугримы в те дни владели многими тайнами мастерства, кузнецы и кузни Ногрода и Белегоста славились среди всех гномьих родов — а когда гномы начали снова наведываться в Белерианд, все их пути проходили через земли Карантира, а все их изделия — через его руки, и таким образом он изрядно обогатился.

Когда с первого восхода солнца минуло двадцать лет, Финголфин, владыка нолдоров, устроил великий праздник; было то весной, у подножия Теневого Хребта, близ озера Иврина, откуда берет начало быстрый Нарог, где луга, защищенные горами от северных ветров, зелены и прекрасны. Долго помнилась радость того празднества в грядущие годы скорби; и было оно названо Мерет Адэртад — Праздник Воссоединения. Туда пришли многие вожди и эльфы Финголфина и Финрода, а из сыновей Феанора — Маэдрос и Маглор с воинами восточного Предела; пришло также множество Сумеречных Эльфов: лесные странники Белерианда и народ Гаваней с их владыкой Цирданом. Пришли даже Лесные Эльфы из Оссирианда, Края Семи Рек под дальней стеной Синих Гор; но из Дорияфа явились лишь два вестника, Маблунг и Даэрон, с приветом от короля.

Во дни Мерет Адэртада много держалось советов и много было принесено клятв в дружбе и союзничестве; и рассказывают, что на том празднестве даже нолдоры говорили на Сумеречном языке, так как быстро выучили наречие Белерианда, а синдарам язык Валинора давался с трудом. Нолдоры были веселы и полны надежд, и многим тогда казалось, что справедливы речи Феанора, призывавшие их искать дружбы и владений в Средиземье; и действительно, за тем последовали долгие годы мира, когда мечи нолдоров защищали Белерианд от ударов Моргота, и сила того таилась за воротами Ангбанда. В те дни веселье царило под новыми Луною и Солнцем, и все вокруг радовалось; но на севере по-прежнему клубилась Завеса Тьмы.

Прошло еще тридцать лет — и сын Финголфина Тургон покинул Нэвраст, где жил тогда, и отыскал своего друга Финрода на острове Тол Сирион; и они вместе отправились на юг вдоль реки, так как устали от северных гор; и вот, за Полусветным Озерьем близ вод Сириона их застигла ночь, и они легли на берегу его под вешними звездами. Ульмо же, поднявшись по реке, погрузил их в глубокий сон и тяжкие грезы; непокой снов остался с ними и после пробуждения, но они ничего не сказали друг другу, ибо воспоминания были смутны, и каждый думал, что Ульмо послал весть ему одному. Но всегда были они в тревоге, и сомненья в грядущем терзали их, и они часто бродили одни в нехоженых землях, ища повсюду тайные урочища, ибо казалось каждому, что ему велено подготовиться к дням лиха и основать твердыни, дабы Моргот, выйдя из Ангбанда, не сокрушил северных воинств.

А надо сказать, что время от времени Финрод и его сестра Галадриэль го-

стили у своего родича Тингола в Дориафе. Финрод дивился мощи и величию Менегрота, его сокровищницам, оружейням и многоколонным залам из камня; и пришла ему мысль построить просторные подгорные чертоги за всегда охраняемыми воротами в каком-нибудь глубоком и никому не ведомом месте. Поэтому он открылся Тинголу, поведав ему о своих снах. И Тингол рассказал ему об узком ущелье Нарога и пещерах под Большим Фарофом в крутом западном берегу, а когда Финрод уходил — дал ему проводников, чтобы отвести его в то место, о котором еще мало кто знал. Так пришел Финрод в Гроты Нарога и стал строить там залы и оружейни по образу твердынь Менегрота; и крепость эта была названа Наргофронд. В этих трудах Финрода помогали гномы Синих Гор; и их хорошо одарили, ибо Финрод принес из Тириона больше сокровищ, чем любой принц нолдоров. В те времена было сделано для него и Наугламир, Ожерелье Гномов, самое прославленное гномье изделие Предначальной Эпохи. На его золотой основе сияли бессчетные самоцветы Валинора, сила же, заключенная в нем, делала его невесомым для того, кто его носил, и на любой шее лежало оно изящно и красиво.

Там, в Наргофронде, и поселился со своим народом Финрод, и гномы дали ему прозвище Фелагунд, Властитель Пещер; имя это он носил до самой смерти. Но Финрод Фелагунд был не первым, кто обитал в пещерах у реки Нарог.

Галадриэль не ушла с ним в Наргофронд, ибо в Дориафе жил Целеборн, родич Тингола, и они полюбили друг друга. Поэтому она осталась в Потаенном Королевстве, с Мелиан, и многое узнала от нее о Средиземье.

Тургон же помнил город на холме, Тирион Прекрасный с его маяком и древом, а потому не нашел, что искал, и, возвратившись в Нэвраст, покойно сидел в Виниамаре близ берега моря. И на следующий год Ульмо сам явился ему и повелел вновь идти одному в Долину Сириона; Тургон отправился в путь и, ведомый Ульмо, отыскал потаенную долину Тумладэн в Окружных Горах, в центре которой стоял каменный холм. О той долине он до поры никому не сказал, но еще раз вернулся в Нэвраст и начал на тайных советах создавать план города, подобного Тириону на Туне, по которому в изгнании томилась его душа.

А тем временем Моргот, поверив донесениям соглядатаев о том, что владыки нолдоров странствуют по Белерианду, не помышляя о войне, устроил испытание сил и бдительности своих врагов. Еще раз, внезапно, двинулась его мощь: содрогнулись земли севера, и из трещин вырвался огонь, и Железные Горы изрыгнули пламя; и орки двинулись через Ард-Гален. Оттуда они ринулись на западе вниз по Сириону, а на востоке — через земли Маглора, в ущелье меж холмами Маэдроса и отрогами Синих Гор, но Финголфин и Маэдрос не дремали, и покуда другие выслеживали отдельные банды орков, что проникли в Белерианд и творили в нем лихо, они с двух сторон обрушились на главное войско, штурмовавшее Дортонион; победили прислужников Моргота, обратили их в бегство и наголову разбили, уничтожив всех до единого у самых врат Ангбанда. Такова была третья великая битва в Войнах Белерианда, которую называли потом Дагор Аглареб, Достославной Битвой.

Это была победа — но и предостережение; и принцы вняли ему, и после упрочили свой союз, укрепили и усилили заставы, начав осаду Ангбанда, длившуюся почти четыреста лет. Долгие годы после Дагор Аглареб никто из слуг Моргота не осмеливался выйти за врата Ангбанда, страшась владык нол-

доров; и Финголфин похвалялся, что если не будет среди них предательства, Моргот никогда не скроется от союзных эльдаров и не захватит их врасплох. Однако нолдоры не могли ни взять Ангбанд, ни вернуть Сильмарили, и в годы Осады война никогда полностью не прекращалась, ибо Моргот создавал новые лиха и время от времени испытывал силу своих врагов. К тому же, кольцо вокруг твердыни Моргота никогда полностью не замыкалось — Железные Горы, из огромной морщинистой стены которых выдавались пики Тангородри-ма, защищали крепость с обеих сторон, а снег и лед делали их неприступными для нолдоров. Поэтому с тыла, на севере, Моргот не имел врагов, и его шпионы время от времени пользовались тем путем и окольными тропами пробирались в Белерианд. И, более всего желая сеять страх и рознь меж эльдарами, он велел оркам захватывать живыми и доставлять связанными в Ангбанд всех, кого удастся схватить; и иных эльдаров он так запугал одной жутью своего взгляда, что им не нужно было цепей — они жили в постоянном страхе пред ним и исполняли его волю, где только могли. Так Моргот узнал о многом из того, что случилось после бунта Феанора, и он радовался, ибо видел семена разлада меж своих врагов.

Пробежала почти сотня лет с Дагор Аглареб — и Моргот замыслил захватить Финголфина врасплох, а так как знал о бдительности Маэдроса, то послал войско на снежный север, и оно повернуло на запад, а после — на юг и спустилось к берегам залива Дрэнгист, тем путем, которым Финголфин шел со Вздыбленного Льда. Так проникли они в Хифлум с запада, но их вовремя выследили, и Фингон ударил на них в горах близ устья залива, и большинство орков было сброшено в море. Бой тот не числится среди великих битв, ибо орков было немного, и лишь часть народа Хифлума билась там. А после настал долгий мир, и Ангбанд не нападал открыто, ибо Моргот понял, что оркам без поддержки не выстоять против нолдоров; и он стал искать новых путей.

И вот, после еще ста лет, из врат Ангбанда выполз в ночь Глаурунг, первый из огненных драконов Севера. Он был еще юн и не достиг полной длины, ибо долга и медленна жизнь драконов, но эльфы в смятении бежали пред ним к Эред Вэтрину и Дортониону; и он опустошил степи Ард-Галена. Тогда Фингон, принц Хифлума, выехал против него с лучниками; окружив дракона, они засыпали его стрелами, и Глаурунг не мог вынести этого, ибо доспех его не был еще достаточно крепок, — он бежал в Ангбанд и долгие годы не выползал оттуда. Фингон прославился, а нолдоры радовались, ибо немногие провидели в этой новой твари грядущую опасность. Моргот, однако, был недоволен, что Глаурунг раскрыл себя раньше времени; и после его поражения настал Долгий Мир, длившийся почти двести лет. В то время случались лишь стычки на границах, и Белерианд процветал и богател. За оградой своих северных воинств нолдоры строили жилища и крепости, и много дивного было сделано в те дни, и сложены стихи, и повести, и книги знаний. В многих землях нолдоры и синдары стали смешиваться в единый народ и говорили на одном языке, хотя различия меж ними оставались: нолдоры были крепче телом и духом, более стойкие воины, прозорливы и мудры; они строили из камня и любили горные склоны и просторы степей. А синдары лучше играли и пели, и голоса у них были красивей — но не красивей, чем у сына Феанора Маглора — и они любили леса и берега рек; некоторые же Сумеречные Эльфы все еще бродили, нигде

не задерживаясь подолгу, и пели на ходу.

Глава 14 О Белерианде и владениях в нем

Здесь рассказано, каков был в древности облик земель на севере и западе Средиземья, куда пришли нолдоры, а также, каким образом держали владыки эльдаров свои земли, и о союзе против Моргота после Дагор Аглареб, Третьей Битвы в Войнах Белерианда.

На севере мира Мелькор в прошедшие века воздвиг Эред Энгрин, Железные Горы — ограду своей цитадели Утумно; и они стояли на границах областей вечного холода, огромной дугой изогнувшись с запада на восток, за стенами Эред Энгрина, на западе, там, где они вновь сворачивали на север, Мелькор построил другую крепость как защиту от возможного нападения из Валинора; и когда он возвратился в Средиземье, то, как уже говорилось, поселился в бесконечных подземельях Ангбанда, Железной Темницы, ибо в Войне Стихий валары, торопясь низвергнуть его и его твердыню Утумно, не разрушили до конца Ангбанд и не обыскали его глубин. Под Эред Энгрином Мелькор прорыл ход на южную сторону гор, прикрыв выход мощными воротами. А над воротами и за ними — до самых гор — поднял громовые пики Тангородрима, сотворенные из золы и шлака его подземных кузней и земли, что осталась после прорытия хода. Пики те были черны, наги и немыслимо величественны, а вершины их курились мгlistым и смрадным дымом, затемняя северное небо. От врат Ангбанда на много лиг к югу простиралась пыльная пустошь. Ард-Гален, но после восхода Солнца она поросла пышной травой, и, пока Ангбанд был осажден, а его врата захлопнуты, зелень покрыла даже ямы и обломки скал перед дверьми преисподней.

К западу от Тангородрима лежит Хйсиломэ, Туманный Край, ибо так назвали его нолдоры на своем языке из-за мглы, насланной на него Морготом во времена их первой стоянки, на языке живущих там синдаров он зовется Хифлум. В дни Осады Ангбанда это были прекрасные земли, хотя воздух там холоден, а зима сурова. С запада они ограждались Эред Ломином, Зычными Горами, шедшими близ моря; а с востока и юга — большой петлей Эред Вэтрина, Теневого Хребта, что глядит на Ард-Гален и пойму Сириона.

Хифлум держали Финголфин и его сын Фингон, и большая часть народа Финголфина жила в Мифриме, по берегам великого озера, Фингону же был дан Дор-Ломин, что западнее Мифримского Кряжа. Но главная Крепость нолдоров была у Эйфель Сириона на востоке Эред Вэтрина, где они бдительно стерегли Ард-Гален; и конница по степи добегала до самой тени Тангородрима, ибо кони множились быстро, а трава Ард-Галена была высокой и сочной. Предки тех коней пришли из Валинора и были отданы Финголфину Маэдром как вира за потери, ибо их кораблями привезли в Лосгар.

К западу от Дор-Ломина, за Зычными Горами, что южнее залива Дрэнгист уходят в глубь суши, лежит Нэвраст, Сей Берег на языке синдаров. Имя это носили сначала все земли к югу от залива, а после — лишь те, что лежат меж Дрэнгистом и горой Тарас. Там много лет правил Тургон Мудрый, сын Финголфи-

на; владения его ограничивали море, Эред Ломин и холмы, продолжающие стену Эред Вэтрина от Иврина до стоявшей на мысу горы Тарас. Иные считали, что Нэвраст принадлежит скорее Белерианду, чем Хифлуму, ибо то теплый край, увлажняющийся дыханием моря и прикрытый от холодных северных ветров, что продували Хифлум. Нэвраст — пустынный край, окруженный горами, и рек там нет, но в центре его лежало большое озеро без берегов, окруженное болотами, Линаэвен. Птичье, звалось оно, потому что множество птиц гнезилось там, из тех, кто любят высокий тростник и мелкие заводи. Когда пришли нолдоры, в Нэврасте жили Сумеречные Эльфы — близ берега моря и особенно на юго-западе, ибо в минувшие дни сюда любили приходить Оссэ и Ульмо. Весь этот народ признал Тургона своим владыкой, и вскоре синдары и нолдоры там смешались; и Тургон долго жил у подножья горы Тарас, у берега моря, во дворце, нареченном Виниамир.

К югу от Ард-Гален протянулось на шестьдесят лиг с запада на восток великое нагорье, прозванное Дортонион. Его покрывал сосновый бор, особенно густой по северному и западному краю. Пологие склоны подымались с равнины к высокой суровой земле, где бесчисленные озера лежали у подножий холмов, чьи вершины вздымались выше пиков Эред-Вэтрина; но на юге, там, где нагорье смотрело на Дориаф, оно внезапно обрывалось зловещими пропастями. С северных склонов Дортониона любовались степями Ард-Галена сыновья Финарфина Ангрод и Аэгнор — вассалы своего брата Финрода, владыки Наргофронда. Народ их был малочислен, ибо земли те довольно пустынные, а великое нагорье считалось преградой, взять которую Морготу будет нелегко.

Между Дортонионом и Теневым Хребтом тянулась узкая долина, крутые склоны которой поросли соснами; но сама долина была зеленой, ибо Великий Сирион тек сквозь нее, торопясь в Белерианд. Теснину Сириона держал Финрод и выстроил на острове посреди реки могучую сторожевую крепость Минас-Тириф; но, когда был создан Наргофронд, передал эту твердыню своему брату Ородрефу.

А великий и дивный край Белерианд лежал по обе стороны от воспетого в песнях Сириона, что брал начало из Эйфель Сириона и струился по краю Ард-Гален, покуда не прорывался сквозь ущелье, становясь все полноводнее от питающих его горных рек. Оттуда он тек на юг, собирая воды многих притоков, покуда, пробежав 130 лиг, могучим потоком не достигал широкого песчаного устья в заливе Балар. И, по течению Сириона, лежали справа, в Западном Белерианде леса Брэфилия меж Сирионом и Тэйглином, а дальше — край Наргофронд меж Тэйглином и Нарогом. Река же Нарог брала начало в водопадах Иврина на южных склонах Дор-Ломина и текла отсюда восемьдесят лиг, чтобы влиться в Сирион в Нан-Татрене, Краю Ив. Южнее Нан-Татрена была малонаселенная область заливных лугов, усыпанных цветами, а за ними лежали болота с островками камыша вдоль рукавов Сириона и пески его дельты, где не жил никто, кроме морских птиц.

Наргофронд протянулся также и к западу от Нарога до реки Нэннинг, что встречалась с морем у Эглареста; и Финрод стал владыкой всех эльфов Белерианда между Сирионом и морем — если не считать Фаласа. Там жили те синдары, что любили еще корабли, и владыкой их считался Цирдан-Корабел. Однако, Цирдан и Финрод были друзьями и союзниками, и с помощью нолдоров гавани Бритомбар и Эгларест отстроились заново. За их высокими стенами рас-

цветели прекрасные города и пристани с набережными и пирсами из камня. На мысу к западу от Эглареста Финрод воздвиг башню Б́арад-Н́имрас — дабы следить за западным морем, хоть в этом, как выяснилось позднее, и не было нужды, ибо Моргот никогда не пытался ни строить корабли, ни воевать на море. Все его слуги чурались воды, и ни один своей охотой не приблизился бы к морю, кроме как в крайней нужде. С помощью эльфов Гаваней кое-кто из народа Наргофронда построил новые корабли и отправился на них исследовать большой остров Балар, задумав устроить там последнее прибежище, если придет лихо; но им не суждено было поселиться там.

Таким образом, держава Финрода была самой большой, хотя сам он — младший среди великих владык нолдоров — после Финголфина, Фингона и Маэдроса. Но Финголфин считался Верховным Владыкой нолдоров, а Фингон первым после него, хоть владели они лишь севером Хифлума; однако народ их был самым стойким и доблестным; его более всех боялись орки и ненавидел Моргот.

Слева по течению Сириона лежал Восточный Белерианд, протянувшийся в самом широком месте на сотню лиг от Сириона до Гэлиона и границ Оссирианда. И первым, между Сирионом и М́индебом, у подножий Ќриссаэгрима, где гнездились орлы, лежал пустынный край Д́имбар. Между М́индебом и верховьями Эсгáлдуина лежали ничейные земли Нан-Дунгорфеб; край тот полнился страхом, ибо с одной стороны сила Мелиан ограждала северный предел Дориафа, а с другой гибельными обрывами ниспадали с высот Дортониона Эред Горгороф — Горы Ужаса. Туда, как было сказано раньше, бежала от бичей балрогов Унголианта, и там она жила какое-то время, наполняя ущелья смертоносной мглой; там и ныне, когда она сгинула, таились ее мерзкие отродья, плетя лиходейские сети, и ручьи, что сбегали с Эред Горгорофа, были ядовиты, так как стоило лишь пригубить ту воду, и душа окутывалась мраком безумия и отчаяния. Все живое избегало тех мест, и нолдоры проходили через Нан-Дунгорфеб только в великой нужде, да и то по тропе, что теснилась к границам Дориафа, подальше от зловещих холмов. Тропа эта была проложена давным-давно, прежде чем Моргот вернулся в Средиземье; и если кто-нибудь проходил по ней, то оказывался восточнее Эсгалдуин, где во время Осады стоял еще каменный мост Иант-Й́аур. По нему путник переходил в Дор-Д́инен, Безмолвный Край, и, миновав Ароссиях (что означает Брод Ароса), попадал к северным границам Белерианда, где жили сыновья Феанора.

На юге лежали охраняемые леса Дориафа — владения Потаенного Короля Тингола, в чью державу против его воли не мог проникнуть никто. Ее северную — и меньшую часть, лес Нэльдореф, ограничивала с востока река Эсгалдуин, что сворачивала на запад в самом центре края; а между Аросом и Эсгалдуином, там, где он поворачивал к Сириону, были Пещеры Менегрота; и весь Дориаф лежал восточнее Сириона, кроме узкой полоски леса между слиянием Сириона и Тэйглина и Полусветным Озерьем. Народ Дориафа звал тот лес Н́иврим или Западный Предел; там росли дубы-великаны, и его также прикрывала Завеса Мелиан, так что часть Сириона, который она, почитая Ульмо, любила, был под властью Тингола.

На юго-западе Дориафа, где Арос сливается с Сирионом, по обе стороны реки, лежали большие озера и топи — и река замедляла там свой бег, дробясь множеством рукавов. Эта область звалась Аэлин-Уиал, Полусветное Озерье,

ибо его окутывали туманы, и чары Дориафа лежали на нем. Северная часть Белерианда спускалась на юг к этому месту, а дальше простиралась ровно, и течение реки замедлялось. Но южнее Аэлин-Уиал земли обрывались внезапно и круто; и нижние луга Сириона отделялись бесконечной цепью холмов, бегущих от Эглареста за Нарог на западе до Амон-Эреба на востоке, откуда был виден Гэлион. Нарог прорезал эти холмы глубоким ущельем и тек по перекатам, но водопадов на нем не было, и на западном его берегу вздымались лесистые нагорья Тáур-эн-Фáрофа. На западной стороне того ущелья, где маленькая пенная речка спадает в Нарог с Большого Фарофа, Финрод основал Наргорфронд. А лигах в двадцати пяти восточнее ущелья Наргофронда Сирион могучим водопадом низвергался с севера в Озерье — и вдруг уходил под землю, в подземные ложа, пробитые силой его струй; снова он возникал тремя лигами южнее — и, шумя и дымясь, вырывался из-под скальных арок у подножия холмистой гряды; место это звалось Врата Сириона.

Тот порог, называвшийся Андрам, то есть Долгая Стена, тянулся из Наргофронда в Восточный Белерианд, к Рáмдалу, Концу Стены. Но на востоке крутизна его умерялась, потому что долина Гэлиона неуклонно понижалась к югу, и Гэлион, не имея в своем русле порогов, тек всегда быстрее Сириона. Между Рамдалом и Сирионом стояла одинокая гора, очень высокая и с пологими склонами; она казалась больше, чем есть, потому что стояла одна. Гору эту звали Амон-Эреб. На Амон-Эреб умер Денэтор, владыка нандоров, живших в Оссирианде, что пришел на помощь Тинголу в дни, когда орки Моргота впервые явились с оружием и уничтожили осиянный звездами мир Белерианд; на этой горе после великого поражения жил Маэдрос. А южнее Андрама, между Сирионом и Гэлионом, земли поросли густыми и дикими чащами, где не жил никто, лишь изредка забредали Темные Эльфы; звались те чащобы Тáур-им-Дúинаф, Лес-между-Реками.

Гэлион был большой рекой; он брал начало из двух ключей и делился в верховьях на два рукава — Малый Гэлион, что тек из-под Холма Химринг, и Большой Гэлион, что тек из-под горы Рэрир. От слияния рукавов он пробежал к югу сорок лиг, прежде чем встречал свои притоки; а до встречи с морем он был вдвое длинней Сириона, хотя не столь широк и полноводен, так как в Хифлуме и Дортонионе, откуда питаются воды Сириона, выпадает больше дождей, чем на востоке. От Эред Луина в Гэлион текло шесть притоков — Аскар (позднее названный Ратлóриэль), Тáлос, Лéголин, Брýльтор, Дúильвэн и Адурант, все быстрые и порожистые реки, бегущие с гор: и между Аскарком на севере. Адурантом на юге, Гэлионом и Эред Лунном лежал дальний зеленый Оссирианд, Край Семи Рек. Адурант же в среднем течении разделялся, а потом сливался вновь; и остров, омываемый его водами, звался Тол-Гáлен, Остров Трав. Там по возвращении жили Берен и Лутиэн.

В Оссирианде жили Зеленые Эльфы, жили под защитой своих рек, ибо после Сириона Ульмо любил Гэлион больше всех вод западного мира. Сродство эльфов Оссирианда с лесом было столь велико, что путник мог пройти их владения из конца в конец — и не увидеть ни одного из них. Весною и летом они одевались в зеленое, а звуки их песен долетали даже на другой берег Гэлиона; потому нолдоры и называли ту землю Линдон — земля музыки, а горы нарекли Эред Линдон, ибо впервые увидели их из Оссирианда.

К востоку от Дортониона границы Белерианда были наиболее доступны нападению — одни лишь невысокие холмы ограждали с севера долину Гэлиона. В тех краях, вдоль Предела Маэдроса и за ним жили сыновья Феанора со своими народами; и всадники их часто пересекали обширную северную равнину к востоку от Ард-Галена — пустынный и дикий Лóтланн — на случай, если бы Моргот попытался вторгнуться в Восточный Белерианд. Главная цитадель Маэдроса стояла на холме Химринг — Вечнознобном. Был он широким, безлесным, с плоской вершиной, и много меньших холмов окружало его. Химринг и Дортонион разделялись перевалом, особенно крутым с западной стороны — то был перевал Аглон, вход в Дориаф; резкий ветер всегда дул в него с севера. Целегорм и Куруфин укрепили Аглон и держали большим войском — как и все земли Химлада между Аросом, что брал начало в Дортонионе, и его притоком Кэлоном, что тек из-под Химринга.

Область меж рукавами Гэлиона опекал Маглор, и было там место, где холмы разрывались; именно тем путем перед Третьей Битвой орки проникли в Восточный Белерианд. Поэтому нолдоры держали на равнине большую конницу, а народ Карантира укрепил горы к востоку от Маглоровых Врат. Там от хребта Эред Линдон отходили на запад гора Рэрир и много меньших вершин; а меж Рэриром и Эред Линдоном лежало озеро, со всех сторон, кроме южной, затененное горами. То было озеро Хелеворн, глубокое и темное, и рядом с ним жил Карантир; нолдоры же звали весь большой край между Гэлионом, горами, Рэриром и рекой Аскар — Таргэлион, что означало Земля-за-Гэлионом, или Дор Карантир, Земля Карантира. Именно там нолдоры впервые встретили гномов. А Таргэлион прежде звался Сумеречными Эльфами — Талат Рунен, Восточная Долина.

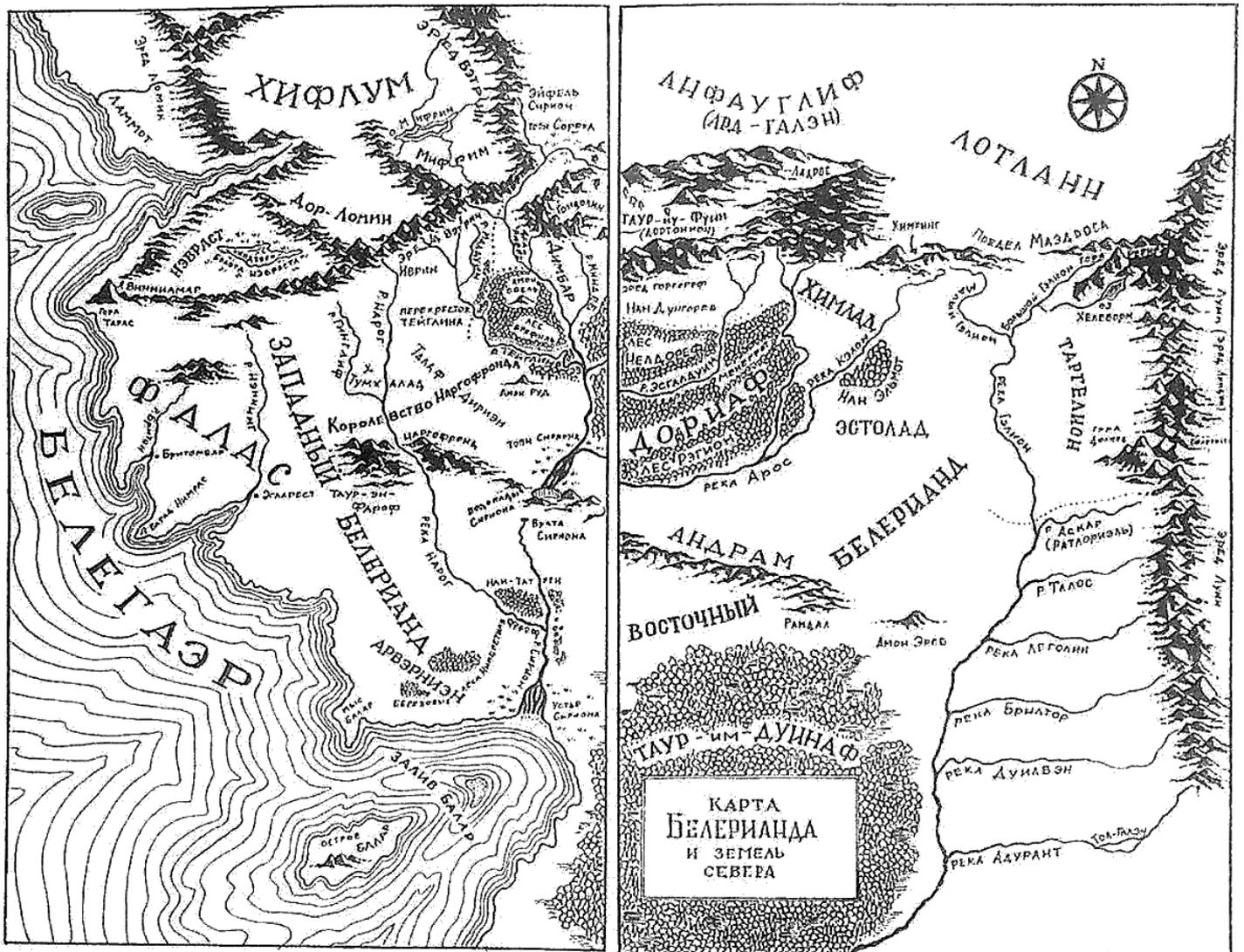
Карта Белерианда и земель севера

Таким образом, сыновья Феанора под водительством Маэдроса были владыками Восточного Белерианда, но народы их жили в то время большей частью в северных его землях, а на юг ездили только чтобы поохотиться в зеленых дубравах. Жили, однако, на юге Амрод и Амрас, во время Осады редко появлявшиеся на севере; туда же по временам наезжали и другие эльфийские владыки, даже издалека, ибо были те земли хоть и дики, но красивы. Чаще всего появлялся Финрод Фелагунд, любитель странствий — он заходил даже в Оссирианд, и Зеленые Эльфы дарили его своей дружбой. Но никто из нолдоров, пока владения их были целы, не пересекал Эред Линдон; и в Белерианд почти не доходило вестей о том, что творится в восточных землях.

Глава 15 О нолдорах в Белерианде

Же говорилось о том, как, ведомый Ульмо, Тургон из Нэвраста нашел тайную долину Тумладэн; та долина (как стало известно позже) лежала к востоку от верховьев Сириона, в кольце гор, высоких и крутых, и ни одна живая тварь не забредала туда — лишь залетали орлы Торондора. Но был там глубинный путь, пробитый в подгорной тьме водами, что стремились к струям Сириона; и Тургон отыскал тот путь и вышел на зеленую равнину меж гор, и

увидел остров-холм твердого камня — долина в древние дни была озером. Тут понял Тургон, что нашел место, о котором грезил, и решил построить там прекрасный город в память о Тирионе на Туне; однако он возвратился в Нэвраст и жил там покойно, хотя мысли его и были все время преклонены к исполнению мечты.

И вот, после Дагор Аглареб непокой, что Ульмо вложил в сердце Тургона, возвратился к нему, и он собрал самых стойких и умелых из своего народа и тайно повел их в скрытую долину, и там начали они строить город, который замыслил Тургон; они выставили стражу вокруг долины, и никто не мог узнать об их трудах, и чары Ульмо, струящиеся в Сирионе, защищали их. Тургон, однако, жил большей частью в Нэврасте, пока наконец, через пятьдесят два года тайных трудов, город не был построен. Говорят, что Тургон хотел назвать его на языке эльфов Валинора Ондолиндэ, Утес Поющей Воды, ибо холм украшали фонтаны; но в наречии синдаров имя его изменилось и превратилось в Гондолин, Тайный Утес. Тургон готовился уйти из Нэвраста и покинуть чертоги в Виниамаре у моря; и Ульмо вновь явился к нему, и говорил с ним. И сказал так: “Теперь ты пойдешь наконец в Гондолин, Тургон; я же утвержу свою власть в долине Сириона и во всех окрестных водах, так что никто не заметит твоего пути, как никто не отыщет тайного хода против воли твоей. Дольше всех держав эльдалиэ будет противостоять Морготу Гондолин. Но не давай чрезмерной любви к делу рук твоих и к мечтам твоим овладеть тобой, и помни, что истинная надежда нолдоров лежит на Западе и грядет из-за Моря”.

И предостерег Ульмо Тургона, что и на нем лежит Жребий Мандоса, который Ульмо не в силах отвести. “А потому, — сказал он. — может случиться, что проклятие нолдоров отыщет тебя до срока, и измена родится в стенах твоих. Тогда им будет грозить огонь. Но, если опасность эта станет воистину близка — придет из Нэвраста некто и упредит тебя, и через него над гибелью и пламенем родится надежда Людей и Эльфов. Посему оставь в этом доме меч и доспех, дабы в грядущие дни он мог найти их: по ним ты узнаешь его и не обманешься”. И Ульмо объяснил Тургону, каковы должны быть оставляемые здесь шлем, кольчуга и меч.

Потом Ульмо вернулся в море, а Тургон выслал вперед весь свой народ, почти треть нолдоров, последовавших за Финголфином, и еще большее число синдаров: тайно уходили они отряд за отрядом, прячась под сенью Эред Вэтрина, и незамеченными приходили в Гондолин, и никто не знал, куда они делись. Последним поднялся Тургон, тихо прошел со своим двором сквозь холмы, миновал горные врата — и они захлопнулись за ним.

И после долгие годы никто не проходил там — одни только Хúрин и Хúор: и никогда не выступало оттуда воинство Тургона — до Года Скорби и Слез, более трехсот и пятидесяти лет спустя. Но за кругом гор народ Тургона рос и процветал, и росло в неутомимых трудах их мастерство, так что Гондолин на Амон Гвáреф стал воистину прекрасен и достоин равняться даже с Тирионом Заморским. Высоки и белы были стены его, гладки лестницы, величественна, стройна и мощна Башня Владыки. Там, играя, сияли фонтаны, а во дворах Тургона стояли изваяния Дерев древности, исполненные с эльфийским мастерством самим Тургоном; то Дерево, что он сделал из золота, звалось Глiнгал, другое же, с цветами из серебра — Бельфиль. Но прекраснее всех див Гондолина была Идриль, дочь Тургона, прозванная Среброножка, чьи волосы были, как золото Лаурелина перед приходом Мелькора. Так в блаженстве долго жил Тургон; Нэвраст же опустел и оставался пустым до самого разорения Белерианда.

Покуда тайно возводился город Гондолин, Финрод Фелагунд трудился в недрах Наргофронда; сестра же его Галадриэль жила, как было сказано прежде, в царстве Тингола, в Дорияфе. Порой Мелиан беседовала с нею о Валиноре и блаженстве прежних дней; но за темный час гибели Древ Галадриэль не заходила, а всегда умолкала. И вот однажды Мелиан сказала: “Какое-то горе постигло тебя и твоих родичей. Это я понимаю, но все остальное от меня скрыто — ибо ни зреньем, ни мыслью не могу я увидеть то, что произошло или происходит на Западе: тенью накрыты земли Амана, и тень легла на воды морские. Почему ты скрываешь что-то от меня?”

— Потому, что горе это миновало, — отвечала Галадриэль, — и я хочу радоваться здесь, а не тревожить радость воспоминаниями. Ведь, возможно, еще много горя ждет впереди, хоть сейчас и сияет надежда.

Тут Мелиан взглянула ей в глаза и молвила так:

— Не верю я, что нолдоры пришли посланцами валаров, как говорилось вначале, хоть и явились они в час нашей нужды. Ибо никогда не поминают они валаров, а их верховные владыки не принесли Тинголу вести ни от Манвэ, ни от Ульмо, ни даже от Ольвэ — королевского брата — и его народа, что ушел за море. За что, о Галадриэль, был высокий народ нолдоров изгнан из Амана? Или какое-то лихо лежит на сынах Феанора, что они столь надменны

и люты? Не близка ли я к правде?

— Близка, — сказала Галадриэль, — разве что мы не были изгнаны, а ушли по своей воле и против воли валаров. А вела нас через великие опасности и гнев валаров одна цель: отмстить Морготу и отобрать похищенное им.

И Галадриэль поведала Мелиан о Сильмарилиях и убийстве короля Финвэ в Форменосе: но ни словом не обмолвилась она ни о Клятве, ни о Резне, ни о сожжении кораблей в Лосгаре. Мелиан, однако, сказала:

— О многом теперь рассказала ты мне — и все же я прозреваю большее. Ты опустила завесу на долгий путь из Тириона, но видится мне там зло, о котором Тингол ради безопасности своей должен знать.

— Возможно, — вздохнула Галадриэль. — Но не от меня.

И Мелиан более не говорила с ней об этом, но открыла Тинголу все, что узнала о Сильмарилиях.

— Великое это дело, — сказала она, — поистине, более великое, нежели мнится самим нолдорам. Ибо Свет Амана и судьба Арды заключены ныне в этих творениях Феанора; и предрекаю я — никакими усилиями эльдаров не обрести их вновь, и прежде чем их вырвут у Моргота, мир будет разрушен в грядущих битвах. Узнай же: они сгубили Феанора, полагаю, еще много других, но первой из смертей, что принесли они и еще принесут, была смерть Финвэ, твоего друга. Моргот убил его пред тем, как бежать из Амана.

Долго молчал Тингол, исполнен прозрений и скорби, но наконец промолвил:

— Ныне ясен мне исход нолдоров с Запада, которому прежде я много дивился. Не на помощь к нам пришли они — это лишь случай — ибо тех, кто остался в Средиземье, валары, до смертельной нужды, предоставили их судьбе. Мстить и возвращать утраченное пришли нолдоры. Но тем более верными союзниками против Моргота будут они, ибо можно отныне не опасаться, что они заключат с ним союз.

Однако Мелиан возразила:

— Истинно, что пришли они за мезтью — но не только. Остерегайся сынов Феанора! Тень гнева валаров лежит на них; они сотворили лихо в Амане и причинили зло своей родне. Рознь меж принцами нолдоров лишь усыплена.

И ответил Тингол:

— Что мне до того? О Феаноре я лишь слышал — и в рассказах тех он истинно велик. О сынах его слышал я мало приятного; однако, похоже, они — злейшие враги нашего врага.

— Их мечи и советы могут быть обоюдоострыми, — молвила Мелиан, и больше они не говорили об этом.

Вскоре, однако, поползли шепотки среди синдаров о делах нолдоров до их прихода в Белерианд. Очевидно, откуда исходили они, и лихая правда оказалась раздута и отравлена ложью; но синдары были еще доверчивы и беспечны, и (как можно догадаться) Моргот именно их избрал для своих первых злобных нападков, ибо они еще не знали его. Цирдан же, услышав эти мрачные рассказы, обеспокоился, ибо был мудр и быстро понял, что правда они или ложь, но распущены эти слухи по злобе; хотя злобу эту он считал исходящей от принцев нолдоров — от зависти их домов друг к другу. Потому он послал к Тинголу гонца с вестями обо все услышанном.

Случилось так, что в это время сыновья Финарфина вновь гостили у Тингола, так как хотели повидаться с сестрой своей Галадриэлью. И Тингол, опечаленный, в гневе сказал Финроду:

— Зло причинил ты мне, родич, скрыв от меня столь важные события. Ибо теперь я узнал о всех лиходейских деяниях нолдоров.

Финрод же отвечал:

— Какое зло причинил я тебе, владыка? И какие лиходейства нолдоров, совершенные в твоих владениях, печалят тебя? Ни твоей родне, ни твоему народу они не чинили зла — и не замыслили его.

— Я дивлюсь тебе, сын Эарвен, — промолвил Тингол. — Ты явился ко двору родича с руками, обогранными кровью родичей твоей матери — и не ищешь оправдания, не просишь прощенья!

Велики были боль и страдание Финрода, но он молчал, ибо не мог защититься иначе, кроме как обвинив других принцев нолдоров; этого же он не хотел делать перед Тинголом. Но в душе Ангрода вспыхнуло вновь воспоминание о злых словах Карантира и он вскричал:

— Владыка, я не знаю, что за ложь и откуда услышал ты, но на наших руках нет крови! Невинновыми пришли мы, и лишь в глупости можно упрекнуть нас — что внимали речам беспощадного Феанора и потеряли от них разум, как от вина. Мы не творили зла по пути, но сами много страдали и простили эти страдания. За это названы мы твоими наушниками и предателями нолдоров: несправедно, как ты знаешь, ибо мы из верности молчали перед тобой и тем заслужили твой гнев. Но теперь этих вин не носить нам и ты узнаешь правду!

И тут Ангрод без жалости рассказал о сыновьях Феанора, поведав о крови в Альквалондэ, Пророчестве Мандоса и сожжении кораблей в Лосгаре. И воскликнул:

— Почему должны мы, выжившие на Вздыбленном Льду, носить имя убийц и предателей?

— Однако и на вас лежит тень Мандоса. — сказала Мелиан.

А Тингол долго молчал, прежде чем заговорить вновь.

— Уходите! — велел он наконец. — Сердце мое пылает. Позже вы возвратитесь, если пожелаете, ибо я не затворю дверей перед вами, о родичи, попавшие в лиходейскую ловушку, которой не могли избежать. С Финголфином и его народом я также останусь в дружбе, ибо стократ оплатили они содеянное ими зло. И в ненависти нашей к Стихии, что породила все это зло, наша рознь должна быть забыта. Но внимайте моим словам! Отныне никогда не должен звучать в моих ушах язык тех, кто убивал моих родичей в Альквалондэ. И во всей моей державе не прозвучит он явно, пока длится мое владычество. Да услышат все синдары мое повеление — не говорить на языке нолдоров и не отвечать ему. Те же, кто им воспользуется, будут считаться братоубийцами и предателями нераскаянными.

С тяжелым сердцем сыновья Финарфина покинули Менегрот, видя, как сбываются слова Мандоса, не вырваться из тени, что накрыла его дом. И случилось так, как велел Тингол, ибо синдары слышали его слова и во всем Белериане отказались от языка нолдоров, и чурались тех, кто вслух говорил на нем; а Изгой приняли язык синдаров для своих повседневных нужд, и Высокое Наречие Запада звучало лишь среди владык нолдоров. Однако повсюду, где

жил тот народ, наречие это осталось языком знаний.

Наргофронд был наконец достроен (а Тургон жил еще в чертогах Виниамара), и сыны Финарфина собрались туда на пир; и Галадриэль прибыла из Дориафа и какое-то время жила в Наргофронде. А король Финрод Фелагунд не имел жены, и Галадриэль спросила его, долго ли еще будет так. И прозрение снизошло на Финрода, и ответил он так;

— Дам и я обет, и должен быть свободен, чтобы исполнить его и уйти во тьму. А от моих владений не останется ничего, что мог бы наследовать сын.

Говорят, однако, что тогда еще столь холодный расчет не правил им: ибо возлюбленной его была Амариэ из ваниаров, а она не последовала за ним в изгнание.

Глава 16 О Маэглине

Арэдэль Ар-Фейниэль, Белая Дева нолдоров, дочь Финголфина, жила в Нэвросте со своим братом Тургоном и ушла с ним в Тайное Королевство. Но она устала от охраняемого града Гондолина, чем дальше, тем больше желая вновь скакать по зеленым лугам и бродить в лесах, как было привычно ей в Валиноре; и когда со времени окончания постройки Гондолина минуло две сотни лет, она обратилась к Тургону с просьбой позволить ей уйти. Тургон не хотел соглашаться на это и долго отказывался, но наконец сдался и сказал так:

— Ступай, если желаешь, хоть сердце мое и противится этому: я провижу, что злом обернется это для нас обоих.

Но уйдешь ты лишь навестить нашего брата Фингона, те же, кого я пошлю с тобой, возвратятся оттуда в Гондолин.

Арэдэль, однако, возразила:

— Я сестра твоя, а не слуга, и ты не запретишь мне идти, куда я хочу. Если же отказываешь мне в свите — я уйду одна.

— Я не отказываю тебе ни в чем, что имею, — отвечал Тургон. — Однако, я желаю, чтобы никто из знающих дорогу сюда, не жил вне этих стен. И если я верю тебе, сестра моя — я не верю, что другие тоже смогут уследить за своими речами.

И Тургон велел троим из своей свиты сопровождать Арэдэль и, если они сумеют уговорить ее, отвезти ее к Фингону, в Хифлум.

— Будьте бдительны! — добавил он. — Ибо, хотя Моргота еще сдерживают на севере, есть много опасностей в Средиземье, о коих сестра ничего не знает.

Потом Арэдэль выехала из Гондолина, и с ее отъездом стало тяжело на сердце Тургона.

А она, подъехав к броду Бритиах на реке Сирион, сказала спутникам:

— Повернем теперь на юг, а не на север, ибо я не желаю ехать в Хифлум: сердце мое жаждет отыскать моих давних друзей, сыновей Феанора.

И так как переубедить ее не удалось, они повернули на юг и попытались войти в Дориаф. Но стражи не впустили их, ибо Тингол не потерпел бы, чтобы нолдоры — кроме его родичей из рода Финарфина — проникли за Завесу, и менее всего друзья сыновей Феанора. Потому стражи границ сказали Арэдэли: “В земли Целегорма, куда стремишься ты, дева, ты не сможешь проехать через

владения Тингола: придется тебе объехать Завесу Мелиан с севера или с юга. Быстрейший путь — по тропе, что ведет на восток от Бритиаха через Димбар и вдоль северных границ Дориафа, пока не минует Моста через Эсгалдуин и не приведет в земли за Холмом Химринг. Там, как нам известно, и живут Целегорм и Куруфин, и, возможно, ты отыщешь их. Но путь этот опасен".

Тогда Арэдэль повернула назад и отыскала полный угрозы тракт меж зловещими долинами Эред Горгорофа и северными границами Дориафа. И, попав в жуткий край Нан-Дунгорфеб, всадники заплутали в тенях. Арэдэль отбилась от спутников и потерялась. Они долго и напрасно искали ее, боясь, что она попала в ловушку или напилась из здешних ядовитых ключей; но жуткие порождения Унголианты, что жили в ущельях, растревоженные, погнались за ними, и они едва спаслись. Когда же они возвратились. Гондолин узнал печальнейшую весть, и Тургон долго сидел один, молча переживая скорбь и гнев.

Между тем Арэдэль, безуспешно проискав спутников, поспекала дальше, ибо была, как все дети Финвэ, бесстрашна и тверда духом; она продолжала путь и, переправляясь через Эсгалдуин и Арос, попала в Химлад, между Аросом и Кэлоном, где в те дни, до прорыва Осады Ангбанда, жили Целегорм и Куруфин. В то время они отсутствовали — ускакали с Карантиром на восток, в Таргэлион; но народ Целегорма встретил ее с почетом и просил остаться у них и дожидаться возвращения их властелина. Там она какое-то время жила спокойно и радовалась, вольно бродя по лесам, но время шло, Целегорм не возвращался — и непокой вновь овладел ею, и она стала уезжать все дальше, ища новых троп и нетоптанных полян. И однажды, в конце года, Арэдэль отправилась на юг Химлада, переправилась через Кэлон и, не успев понять, что случилось, заблудилась в Нан-Эльмоте.

В этой роще в дальние годы, когда молоды были деревья, в сумерках Средиземья бродила Мелиан, и чары жили в нем до сих пор. Но теперь деревья Нан-Эльмота были самыми высокими и темными во всем Белерианде, и солнце никогда не заглядывало туда; и там жил Эол, прозванный Темным Эльфом. Некогда он был родичем Тингола, но ему было неуютно и беспокойно в Дориафе, и когда Завеса Мелиан накрыла лес Рэгион, где он жил, Эол бежал оттуда в Нан-Эльмот. Там и жил он в глубокой тьме, любя ночь и подзвездные сумерки. Нолдоров он сторонился, виня их в возвращении Моргота и нарушении покоя Белерианда; зато гномов любил больше, чем все эльфы древности. От него гномы узнавали о многом, что происходило в землях Эльдаров.

А надо сказать, что, приходя в Белерианд с Синих гор, гномы пользовались двумя дорогами через Восточный Белерианд, и северный путь, ведя к Аросским Бродам, проходил мимо Нан-Эльмота; там Эол встречал наугримов и беседовал с ними. Когда же дружба их упрочилась, он время от времени уходил в глубинные крепости Ногрод и Белегост и гостевал там. Много узнал он о работе с металлами и достиг в ней большой искусности; и он создал металл, прочный, как гномья сталь, но столь ковкий, что мог делаться тонким и гибким — и все же отводил любое копье или стрелу. Эол назвал его — **гáлворн**, ибо был он черен и блестящ, как гагат; и куда бы ни отправлялся Эол, он неизменно облачался в доспехи из галворна. И все же Эол, хоть и ссутуленный трудами в кузне, был не гном, но статный эльф из славного рода тэлери, с лицом благородным, хотя и мрачным; взор его проницал тени и мрак, и случилось

так, что он увидел Арэдэль Ар-Фейниэль, когда она брела по опушке Нан-Эльмота, подобная белой искре среди темных земель. Дивно прекрасной показалась она ему, и он возжелал ее; и опутал он ее чарами так, что она не могла найти дороги назад и подходила все ближе к его жилищу в сердце леса. Там была его кузня, и его темные чертоги, и его слуги, скрытные и безмолвные, как их господин. И когда Арэдэль, утомленная дорогой, подошла наконец к его дверям, он явился ей и, приветствовав, ввел ее в дом. Там она и осталась, ибо Эол взял ее в жены, и прошло немало времени, прежде чем родичи вновь услышали о ней.

Эол приветствует Арэдэль. Тед Несмит

Нигде не сказано, что Арэдэль совсем не желала этого или что жизнь в Нан-Эльмоте все годы была ей ненавистна. Ибо, хоть по велению Эола ей и приходилось избегать солнца, они часто гуляли вместе под бледной луной; либо она одна шла, куда хотела — Эол запретил ей только искать сыновей Феанора и других нолдоров. И во мраке Нан-Эльмота Арэдэль родила ему сына и в душе дала ему имя на запретном языке нолдоров — Ломион, Сын Сумерек. А отец никак не называл сына, пока ему не исполнилось двенадцати лет: тогда Эол нарек его Мээглин — Островзор, ибо увидел, что глаза сына более зорки, чем его собственные, а мысль способна проникать в тайны душ, скрытые словесным туманом.

Когда Мээглин вырос, он оказался нолдор лицом и телом — но характером

и духом сын своего отца. Говорил он мало, кроме как о делах, близко его трогавших, и тогда голос его наливался силой, способной подвигать тех, кто его слушал, и низвергать тех, кто ему противостоял. Был он высок и черноволос; кожа у него была белая, а глаза темные, но зоркие и лучистые, как у нолдоров. Часто ходил он с Эолом в города гномов на востоке Эред Линдона и охотно учился у них всему, чему они могли научить, в особенности же — искусству отыскивать в горах рудные жилы.

Говорят, однако, что Маэглин больше любил мать и, если Эол бывал в отлучке, подолгу сидел с ней, слушая ее рассказы о родичах, их делах в Эльдамаре, о мощи и доблести принцев дома Финголфина. Все это лелеял он в сердце, более же всего то, что слышал о Тургоне и о том, что у него нет наследника; ибо жена Тургона Эленвэ погибла при переходе Хелькараксэ, и единственным его ребенком была Идриль Целебриндал.

Эти разговоры зажгли в душе Арэдэль желание вновь увидеть родных, и удивительным показалось ей, что она могла устать от света Гондолина и сверкания Фонтанов на солнце, и зеленых лугов Тумладэна под ветреным небом весны; кроме того, она слишком часто оставалась одна во мраке, когда ее сын и муж уходили вдвоем. Из этих же рассказов выросли и первые ссоры между Маэглином и Эолом. Ибо ни за что на свете не открыла бы Маэглину мать, где живет Тургон, и он выжидал, надеясь выпытать у нее тайну или прочесть незащищенную мысль; но прежде хотел он взглянуть на нолдоров и поговорить с сыновьями Феанора, своими родичами, что жили неподалеку. Однако когда он поведал о своих желаниях Эолу, отец разгневался.

— Ты из дома Эола, сын мой, а не из голодримов, — сказал он. — Все эти земли — земли тэлери, а я не стану якшаться с убийцами нашей родни, пришельцами и захватчиками, и не потерплю, чтобы мой сын якшался с ними. В этом ты должен повиноваться мне, или я закую тебя в цепи.

Ничего не ответил Маэглин, остался безмолвен и холоден; но никогда уже не ходил с Эолом, и Эол не доверял ему.

Вышло так, что на Венец Лета гномы, как то было у них в обычае, пригласили Эола на празднества в Ногрод; и он уехал. Теперь Маэглин и его мать могли какое-то время бродить, где хотят, и часто они, томясь по солнечному свету, подъезжали к опушкам леса; и в сердце Маэглина зрело желание покинуть Нан-Эльмот навеки. Потому-то и сказал он Арэдэли: “Госпожа, давай уйдем, покуда есть время! На что надеяться нам — мне и тебе — в этом лесу? Здесь мы в оковах, мне же просто нечего делать, ибо я научился всему, что знает мой отец и что соизволили открыть наугримы. Не отправимся ли мы в Гондолин? Ты будешь моим проводником, а я твоей стражей!” Тут Арэдэль обрадовалась и с гордостью взглянула на сына; и, сказав слугам, что едут искать сыновей Феанора, они уехали и прискакали к северной опушке Нан-Эльмота. Там они переправились через Кэлон в земли Химлада, — а потом дальше к Бродам Ароса и на запад, вдоль границ Дориафа.

А Эол возвратился с востока быстрее, нежели предполагал Маэглин, и обнаружил, что жена его и сын два дня как бежали; и так велик был его гнев, что он помчался за ними при свете дня. Но, въехав в Химлад, он сдержал ярость и скакал осторожно, помня об опасности, ибо Целегорм и Куруфин отнюдь не любили Эола, а Куруфин к тому же был вспыльчивого нрава. Но разведчики Аглона видели, как Маэглин и Арэдэль проскакли к Аросу, и Куруфин, поняв,

что творится странное, вышел из Аглона и встал лагерем возле Бродов, и не успел Эол пересечь Химлад, как всадники Куруфина подстерегли его и отвезли к своему владыке.

Тогда Куруфин обратился к Эолу:

— Куда едешь ты по моим землям. Темный Эльф? Неотложное дело, должно быть, погнало в путь днем такого солнцenenавистника?

И Эол, понимая, что ему грозит, сдержал резкие слова, что поднялись в его душе.

— Мне стало известно, Владыка Куруфин, — отвечал он, — что мой сын и моя жена, Белая Дева Нолдоров, отправились навестить тебя, покуда я был в отлучке; и мне показалось необходимым присоединиться к ним в этой поездке.

Тут засмеялся Куруфин и сказал:

— Будь с ними ты, быть может, они встретили бы здесь прием не столь теплый, как надеялись. Но это неважно, ибо ехали они не сюда. Двух дней не прошло, как они миновали Ароссиях, а оттуда быстро помчались к западу. Кажется, ты пытаешься обмануть меня, если только сам не был обманут.

И Эол ответил:

— Тогда, Владыка, вероятно, ты дозволишь мне уехать и разузнать правду.

— Ты получишь мое дозволение — но не мою любовь, — молвил Куруфин. — Чем быстрее покинешь ты мои земли, тем больше обрадуешь меня.

Тогда Эол вскочил в седло, говоря:

— Отрадно, Владыка Куруфин, встретить родича, столь доброго в нужде. Я вспомню об этом, когда вернусь.

— Впредь не щеголяй передо мною именем своей жены. — отвечал Куруфин, мрачно взглянув на него, — ибо те, кто похищают дочерей нолдоров и женятся на них без дара и дозволения, не становятся родней их родне. Я дал тебе дозволение уехать. Пользуйся этим и убирайся. На сей раз, по законам эльдаров, я не могу убить тебя. И вот еще какой совет добавлю я: возвращайся в свое жилище во тьме Нан-Эльмота, ибо сердце упреждает меня, что если отправишься ты вдогон за теми, кто более не любит тебя, никогда тебе туда не вернуться.

И Эол поспешно отъехал, и ненависть ко всем нолдорам переполняла его, ибо он понял, что Маэглин и Арэдэль бежали в Гондолин. Влекомый гневом и стыдом унижения, он переправился через Броды Ароса и погнал коня по пути, которым раньше скакали те двое; но, хотя они не знали, что их преследуют, а его скакун был очень быстр, Эол ни разу не увидел их до самого Бритиаха, где они оставили коней. Там злая судьба предала их; кони громко заржали, и скакун Эола, услышав зов, поспешил к ним; и Эол увидел издали белое одеяние Арэдэли и заметил, каким путем она шла, отыскивая тайную тропу в горы.

А Маэглин и Арэдэль подошли к Внешним Вратам Гондолина, и Темные Стражи под горами радостно встретили ее; и, миновав Семь Врат, она взошла с Маэглином на Амон-Гвареф — к Тургону. Там король с удивлением выслушал ее повесть; и с приятнью смотрел он на племянника своего Маэглина, видя, что тот достоин зваться принцем нолдоров.

— Воистину рад я, что Ар-Фейниэль воротилась в Гондолин, — молвил он. — И теперь мой град вновь будет прекрасен — более, чем когда я считал ее пропавшей. Маэглину же в моей державе будут воздаваться высочайшие по-

чести.

Тут Маэглин поклонился и признал Тургона своим владыкой и королем, и дал обет исполнять всегда его волю; но после он стоял молча и смотрел, ибо пышность и краса Гондолина превосходили все, что представлялось ему по рассказам матери; и мощь города и его воинов поразили юношу, и многие творения, невиданные и дивные. Однако, ничто не притягивало его взора сильнее, чем Идриль, дочь короля, сидевшая подле отца, ибо волосы ее были золотыми, как у всех ваниаров, родичей ее матери, и она казалась Маэглину солнцем, озарявшим королевский чертог.

Тем временем Эол, последовав за Арэдэлью, нашел Сухую Реку и тайную тропу, и, крадясь по руслу, был схвачен стражей и допрошен. Слыша, что он называет Арэдэль женой, Стражи удивились и послали в город быстрого гонца; и он явился во дворец короля.

— Владыка! — воскликнул он. — Стража схватила пленника, подкравшегося к Темным Вратам. Он зовет себя Эолом: это эльф, он мрачен и темноволос, и синдар по крови, однако он заявил, что Владычица Арэдэль — его жена, и требует, чтобы его привели к тебе. Гнев его велик, и усмирить его трудно; но мы не убили его, как велит твой закон.

— Увы! — вздохнула Арэдэль. — Эол последовал за нами, как я и боялась. Но делал он это с осторожностью: мы не видели и не слышали погони, когда вступали на Тайную Тропу. — Она обратилась к гонцу: — Все это правда. Он Эол, а я его жена, и он отец моего сына. Не убивайте его, а ведите сюда, на суд короля — если будет на то королевская воля.

Так и было сделано. Эола привели в чертог Тургон, и он встал пред высоким тронем, гордый и мрачный. Хотя он не меньше сына дивился тому, что видел, это еще больше наполняло его душу гневом и ненавистью к нолдорам, но Тургон встретил его с почетом, поднялся и взял его за руку.

— Добро пожаловать, родич — ибо родичем я считаю тебя. Здесь будешь ты жить в довольстве, но ты должен поселиться в моих владениях и не покидать их, ибо таков мой закон, что всякий, нашедший дорогу сюда, не может уйти.

Но Эол отдернул руку.

— Я не признаю твоего закона, — сказал он, — ни у тебя, ни у твоей родни нет прав владеть этой землей и накладывать запреты — здесь ли, там ли. Это земли тэлери, в которые вы принесли войну и непокой, гордыню и несправедливость. Мне нет дела до твоих тайн, и не шпионить за тобой пришел я, но потребовать свое: жену и сына. Однако, если на сестру свою Арэдэль ты имеешь права и не хочешь ее отпустить — пусть она остается; пусть птица вернется в клетку, где скоро захворает опять, как хворала прежде. Но не то — Маэглин. Сына моего ты у меня не отнимешь. Идем, Маэглин, сын Эола! Отец приказывает тебе. Покинь дом врагов и убийц его родни — или будь проклят!

Маэглин, однако, смолчал.

Тут Тургон воссел на трон, сжимая судебный жезл, и голос его был суров:

— Я не стану спорить с тобой, Темный Эльф. Лишь мечи нолдоров защищают твои бессолнечные леса. Свободой бродить в них ты обязан моей родне; если бы не они — давным-давно был бы ты рабом в подземельях Ангбанда. А здесь король — я. И, хочешь ты того или нет, — воля моя здесь закон. Лишь один выбор есть у тебя: поселиться здесь или здесь умереть. И тот же — для твоего сына.

Тогда Эол взглянул в глаза короля Тургона и не смутился, но долго молчал и не шевелился, пока мертвая тишь не окутала зал: и Арэдэль испугалась, ибо знала, что он опасен. Вдруг, быстрый, как змея, он выхватил кинжал, что скрывал под плащом, и метнул его в Маэглина, крича:

— Смерть выбираю я — за себя и за сына! Ты не получишь того, что принадлежит мне!

Но Арэдэль бросилась под клинок, и он вошел ей в плечо, Эола же скрутили и увели, пока прочие хлопотали вокруг Арэдэли. Но Маэглин, глядя на отца, не проронил ни слова.

Было решено, что на другой день Эол вновь предстанет перед королевским судом; и Арэдэль и Идриль молили Тургона о милости. Но вечером, хотя рана и казалось легкой, Арэдэли стало хуже; она лишилась чувств и ночью умерла: лезвие кинжала было отравлено, хотя никто не знал этого, пока не стало поздно.

И потому, когда Эол предстал перед Тургоном, он не нашел милости; и его повели на Карагдур, уступ на черной скале с северной стороны Гондолинского холма, чтобы сбросить с отвесных стен города. И Маэглин стоял там и молчал. Но перед смертью Эол крикнул:

— Ты отказался от отца и его родни, сын-лиходей! Да обратятся здесь в прах все твои надежды, и да погибнешь ты тою же смертью, что и я!

Эола сбрасывают со скалы. Тед Несмит

Тут Эола столкнули с Карагдура, и он погиб, и все в Гондолине сочли это справедливым; однако Идриль была потрясена и с тех пор не доверяла новоявленному родичу. А Маэглин процветал и стал величайшим из гондолинцев, и все прославляли его, Тургон же высоко ценил: ибо, если Маэглин легко и быстро обучался, чему мог, многому мог он и научить. Он собрал вокруг себя всех, кто имел склонность к кузнечному и горному делу; и, обыскав Эхориаф (что значит Окружные Горы), нашел богатые залежи разных металлов. Более всего ценил он твердое железо ангабарских копей на севере Эхориафа и оттуда добывал металл, пригодный для стали, так что оружие гондолинцев делалось все острее и крепче, и в грядущие дни это сослужило им добрую службу. Маэглин был мудрым и осторожным советником, а в нужде — стойким и доблестным воином. Это увиделось после, когда в год Нирнаэф Арноэдиад Тургон выступил на север, на помощь Фингону. Маэглин не остался в Гондолине наместником короля, но пошел на войну и бился рядом с Тургоном, показав себя яростным и бесстрашным в бою.

Итак, казалось, судьба улыбалась Маэглину, ставшему одним из самых могучих среди принцев нолдоров, а по славе — вторым в их державах. Однако он был замкнут, и хотя не все шло так, как ему хотелось, он сносил это молча, скрывая свои мысли, так что немногие могли прочесть их, но Идриль Целебриандал — могла. Ибо с первых дней в Гондолине жила в его сердце все время растущая печаль, что лишала его радости: он любил красу Идриль и желал ее — безнадежно. У эльдаров не было принято, чтобы столь близкие родичи вступали в брак, да и никто прежде не хотел этого. И, как бы там ни было, Идриль совсем не любила Маэглина, а зная его мечты о ней — и не могла полюбить. Ибо эта любовь казалась ей странным извращением, как впоследствии казалась всем эльдарам — лихим плодом Резни, через который тень прокля-

тия Мандоса пала на последнюю надежду нолдоров. Но годы текли, Маэглин глядел на Идриль — и ждал, и любовь в его сердце становилась тьмой. И тем более старался он настаивать на своем в других делах, не отвергая никакого труда или бремени, если мог таким образом стать сильнее.

Вот что случилось в Гондолине: и среди благости той державы, в сиянии ее славы было посеяно темное семя зла.

Глава 17 О том, как люди пришли на Запад

Огда со времени прихода нолдоров в Белерианд минуло свыше трех сотен лет, во дни Долгого Мира Финрод Фелагунд поехал как-то на восток от Сириона — поохотиться с Маглором и Маэдросом, сынами Феанора.

Но, устав от гоньбы, он отправился один к хребту Эред Линдон, чьи вершины сияли вдали, и, вступив на Гномий Тракт, переправился через Кэлион у брода Сарн Атрад, свернул к югу у верховьев Аскара и вошел в северный Оссирианд.

В долине у подножий гор, ниже истоков Талоса он под вечер увидел огни и услышал далекое пенье. Это удивило его, ибо Зеленые Эльфы, населявшие

этот край, не жгли костров и не пели ночью. Сперва он опасался, что это орда орков миновала северных стражей, но подойдя ближе, понял, что ошибся: языка певцов он никогда прежде не слышал — он был не гномий и не орочий. Тогда Фелагунд, безмолвно стоя в ночной тени деревьев, со склона заглянул в лагерь — и увидел там неведомый народ.

То был клан Беора Старого, как звали его позднее, вождя Людей. После долгих лет скитаний он наконец привел соплеменников с востока к Синим Горам, они перевалили хребет — и первыми из людей пришли в Белерианд. Они пели, радуясь и веря, что спасены ото всех опасностей и пришли наконец в край, где нет страха.

Долго смотрел на них Фелагунд, и любовь к ним шевельнулась в его сердце; однако, он оставался под укрытием леса, пока они все не заснули. Тогда он прошел между спящими и, сев подле умирающего костра, где никто не нес стражи, поднял отложенную Беором грубую арфу — и полилась музыка, которой никогда не слышали люди, ибо в пустынных землях у них не было в этом других учителей, кроме Эльфов Тьмы.

И люди проснулись и слушали, как поет и играет Фелагунд, и думал каждый, что ему снится дивный сон, пока не замечал, что его товарищи тоже не спят; но пока Фелагунд играл, они молчали и не шевелились — столь прекрасной казалась музыка и столь дивной песня. Мудры были слова эльфийского владыки, и мудрость вливалась в души тех, кто внимал ему: ибо то, о чем он пел — сотворение Арды и блаженство Амана за мглой Моря — ясными видениями проходило перед их взором, и его эльфийская речь отзывалась в душе каждого так, как было тому доступно.

Так и вышло, что Люди прозвали короля Фелагунда, первого из встреченных ими эльдаров — Ном, что на их языке значит Мудрость, и после звали весь его народ Нóминами, Мудрыми. Они думали вначале, что Фелагунд — один из валаров, которые, по слухам, живут далеко на Западе: это и было (говорят некоторые) причиной их похода. Но Фелагунд жил среди них и учил их истинным знаниям, и они полюбили его и почитали своим властителем, и после были всегда верны дому Финарфина.

А надо сказать, что из всех народов эльдары наиболее искусны в языках; к тому же Фелагунд обнаружил, что может читать в умах людей те мысли, которые они хотели выразить словами, так что речь их легко было понять. Говорят также, что те люди давно, еще на востоке встречались с Темными Эльфами и неплохо выучили их язык; а так как все наречия квэнди одного корня, язык Беора и его народа во многом походил на эльфийский. Так что очень скоро Фелагунд мог говорить с Беором; и пока он жил среди людей, Финрод и Беор часто беседовали. Однако когда Финрод расспрашивал Беора о пробуждении людей и об их блужданиях, Беор мало что мог поведать ему; действительно, известно ему было немного, ибо праотцы его племени почти не рассказывали преданий о прошлом, и память их молчала. “Тьма лежит за нами, — молвил Беор, — мы же обратились к ней спиной и не желаем возвращаться туда даже в мыслях. Сердца наши обращены к Западу, и мы верим, что найдем Свет“.

Позднее, однако, эльдары говорили, что когда люди пробудились на восходе солнца в Хильдориэн, за ними следили соглядатаи Моргота, и весть эта быстро дошла до него; дело же это показалось ему столь важным, что он само-

лично покинул Ангбанд и отправился в Средиземье, передоверив ведение войны Саурону. О том, что творил он с людьми, эльдары в то время ничего не знали, да и позже узнали немного; однако то, что на сердца людей легла тьма (как легла на души нолдоров тень Резни и Проклятия Мандоса), они прозрели даже в людях из племен Друзей Эльфов, которых узнали первыми. Извратить либо уничтожить все новое и прекрасное, что ни появлялось на свет, всегда было главным желанием Моргота; несомненно, что ту же цель преследовал он и на сей раз: страхом и ложью сделать людей врагами эльдаров и повести их с востока войной на Белерианд. Однако, замысел этот созрел долго и никогда не был полностью осуществлен, ибо (как говорят) людей вначале было слишком мало, в то время как Моргот опасался растущей мощи и объединения эльдаров и вернулся в Ангбанд, оставляя в Средиземье лишь несколько слуг, да и то не слишком хитрых и могущественных.

Фелагунд узнал от Беора, что были также и другие люди, похожие на него; они тоже отправились на запад. "Прочие мои соплеменники, — сказал он, — перешли Горы и ныне бродят неподалеку отсюда: халадины же — племя, чье наречие отлично от нашего — все еще стоят в долинах у восточных отрогов, ожидая вестей, чтобы двигаться дальше. Есть еще и другие люди, чье наречие сходно с нашим; с ними мы встречались время от времени. Они шли перед нами по дороге на запад, но мы обогнали их, ибо племя это многочисленно, держатся же они вместе и движутся медленно; ведет их вождь, которого они называют Марах".

Зеленые Эльфы Оссирианда были обеспокоены появлением людей и, узнав, что среди пришельцев рыцарь-эльдар, послали к Фелагунду.

— Господин, — сказали послы, — если ты властвуешь над этими существами, вели им вернуться туда, откуда они явились, или пойти куда-нибудь еще. Мы не желаем, чтоб чужаки нарушали наш покой в этих землях. К тому же, это племя лесорубов и охотников, потому мы не можем быть им друзьями, и если они не уйдут, мы им не дадим покоя".

Тогда, по совету Фелагунда, Беор собрал своих разбредшихся сородичей, и они переправились через Гэлион и поселились во владениях Амрода и Амраса, на восточном берегу Нэлона, к югу от Нан-Эльмота, недалеко от границ Дориафа; и позднее этот край назвали Эстолад, то есть Стойбище. Однако, когда по прошествии года Фелагунд захотел вернуться в свои владения, Беор испросил дозволения сопровождать его и до конца своей жизни оставался на службе у короля Фелагунда. Так он получил свое имя — Беор; прежде его звали Бйлан, "Беор" же в наречии его соплеменников означало "вассал". Править своим племенем он доверил старшему сыну Бáрану и уже не вернулся в Эстолад.

Вскоре после ухода Фелагунда появились в Белерианде иные люди, о которых поминал Беор. Вначале пришли халадины; однако, столкнувшись с недружелюбностью Зеленых Эльфов, они повернули на север и поселились в Таргэлионе, в землях Карантира, сына Феанора; там они некоторое время жили в мире, а подданные Карантира не обращали на них внимания. На следующий год спустилось с гор племя, ведомое Марахом; были то люди рослые и воинственные, шли стройными дружинами, и эльфы Оссирианда скрылись, боясь их тронуть. Марах, однако узнав, что племя Беора живет в зеленом и плодородном краю, прошел по Гномьему Тракту и поселился к юго-западу от селе-

ний Барана, сына Беора; между этими двумя племенами была великая дружба. Сам Фелагунд часто навещал людей, и многие другие эльфы с западных земель, нолдоры и синдары, приходили в Эстолад, желая увидеть **аданов**, чей приход был предсказан издревле. В провидении их явления, в Валиноре людям было дано имя **Атáни**, Вторые, в наречии же Белерианда это имя превратилось в **Эдайн** или **Адáны**, и называли так только три племени Друзей Эльфов.

Финголфин, как подобало королю всех нолдоров, послал им дружественных послов; и тогда многие молодые и отважные аданы поступили на службу к королям и владыкам эльдаров. Среди них был Мáлах, сын Мáраха, он четырнадцать лет жил в Хифлуме, научился языку эльфов и получил прозвание Арадан.

Недолго аданы довольствовались жизнью в Эстоладе, ибо многие все еще желали идти на запад, только не знали дороги. Перед ними лежал огражденный Дорияф, а к югу — Сирион с его непроходимым топями, потому главы трех высших родов нолдоров, надеясь на силу сынов людских, объявили, что всякий адан, буде он пожелает, может поселиться среди их подданных. Таким образом началось переселение аданов; вначале их было немного, но потом целые семьи и роды покидали Эстолад, так что лет через пятьдесят во владениях королей появились многие тысячи аданов. Большинство их избирало длинный северный тракт, пока еще дороги не стали им знакомы. Племя Беора пришло в Дортонион и поселилось в землях, где правил род Финарфина. Племя Арадана (Марах, его отец, оставался в Эстоладе до самой своей смерти) большей частью направилось на запад, и многие осели в Хифлуме; однако Мáгор, сын Арадана, и с ним другие, переправились через Сирион в Белерианд и некоторое время жили в долинах у северных отрогов Эред Вэтрина.

Рассказывают, что обо всех этих делах никто, кроме Финрода Фелагунда, не посоветовался с Владыкой Тинголом, и он был недоволен, во-первых, по этой причине, а во-вторых, оттого, что еще задолго до того, как разошлись первые слухи, его тревожили сны о приходе людей. Посему он велел, чтобы люди селились лишь на севере и чтобы принцы, которым они служат, отвечали за все их проступки; и молвил он так: “Пока властвую я в Дорияфе, ни один человек не войдет сюда, будь то даже отпрыск рода Беора, что служит славному Фелагунду“. Мелиан тогда промолчала, но позднее сказала Галадриэли: “Близятся великие события. И явится человек из дома Беора, кого не остановит Завеса Мелиан, ибо он будет послан роком, что сильнее меня; и песни о том, что случится, будут жить и тогда, когда изменится облик всего Средиземья”.

Много людей, однако, осталось в Эстоладе, и долго еще жило там смешанное племя, пока гибель Белерианда не захватила их или не вынудила бежать назад, на восток. Кроме стариков, считавших, что дни их странствий кончены, были еще те, кто хотел сам распорядиться своей судьбой, кто опасался эльдаров и света их глаз; и среди аданов начался разброд, в котором явно была видна рука Моргота, ибо достоверно известно, что он знал о приходе людей в Белерианд и о растущей их дружбе с эльфами.

Вели недовольных Берег из рода Беора и Амлах, один из правнуков Мараха, и они говорили открыто: “Мы пустились в далекий путь, чтобы избежать опасностей Средиземья и спастись от обитающих там злых тварей: ибо слышали мы, что на Западе Свет. Теперь же мы узнаем, что Свет за Морем. Мы не

можем прийти туда, где в блаженстве обитают все Божества. Все, кроме одного; ибо вот пред нами Черный Властелин и эльдары, мудрые, но жестокие, беспрестанно воюющие с ним. Говорят, что он обитает на севере, а там боль и смерть, от которых мы бежали. Мы не пойдем туда."

Был тогда созван большой совет людей, и собралось их много. И так Друзья Эльфов отвечали Берегу:

— Истинно, от Черного Владыки исходит все зло, от которого мы бежали; но он жаждет власти над всем Средиземьем, и есть ли уголок, куда мы могли бы бежать и где он нас не настигнет — покуда его не уничтожат или по крайней мере не возьмут в осаду? Лишь доблесть эльдаров сдерживает его, и, быть может, лишь для того, чтоб помочь им, провидение привело нас в этот край."

Берег на то сказал:

— Пусть это заботит эльдаров! Наша жизнь слишком коротка.

И встал тогда некто, показавшийся всем Амлахом, сыном Имлаха, и бросил злобные слова, потрясшие всех, кто внимал ему:

— Все это лишь эльфийские хитрости, басни, сплетенные, чтобы обмануть левоверных пришельцев. Море безбрежно. Света на Западе нет. Блуждающий огонек эльфов довел вас до края света. Кто из вас видел хоть тень Божества? Кто узрел на севере Черного Владыку? Это эльдары жаждут завладеть Средиземьем! Жадность побудила их копать в земле, и это разгневало существа, обитающие в ее глубинах: то же делали они раньше, и то же будут делать впредь. Пусть орки живут на своей земле, а мы будем жить на своей. Места в мире достаточно, если только эльдары не помешают нам!"

Внимавшие ему на мгновение оцепенели, и тень ужаса пала на них; и решили они уйти из владений эльдаров. Позднее, однако, явился меж ними Амлах и отрицал, что присутствовал при этом споре или что говорил нечто подобное, и сомнения и растерянность овладели людьми. И говорили Друзья Эльфов: "Теперь-то вы верите? Черный Властелин существует, и его подсылщичики и соглядатаи таятся среди нас, ибо он боится нас и той силы, которую мы можем дать его врагам".

И все же многие отвечали: "Скорее он ненавидит нас и тем больше будет ненавидеть, чем дольше мы будем жить здесь, мешаясь в его вражду с владыками эльдаров и ничего не получая от этого". Потому многие из тех, кто еще оставался в Эстоладе, решились уйти, и Берег увел на юг тысячу людей из племени Беора, и предания молчат о них. Амлах, однако раскаялся, говоря так: "У меня теперь своя вражда с Владыкой Лжи, и продлится она до конца моей жизни"; он отправился на север и поступил на службу к Маэдросу. Те же его соплеменники, кто был на стороне Берега, избрали себе нового вождя, через горы вернулись в Эриадор и теперь забыты.

Между тем халадины жили в Таргэлионе и были счастливы. Моргот, однако, видя, что обманом и ложью ему не удалось рассорить людей и эльфов, взъярился и решил причинить людям столько зла, сколько сможет. Потому он выслал отряд орков, которые, направляясь на восток, проскользнули сквозь осадное кольцо, перебрались назад через Эред Линдон по Гномьему Тракту и в южных лесах владений Карантира напали на халадинов.

У халадинов не было вождя, и жили они не все вместе, а небольшими селениями, расположенными далеко друг от друга и управлявшимися каждое по своим законам; их трудно было собрать вместе. Был среди них, однако, чело-

век по имени Хальдад, бесстрашный и властный; он собрал всех смельчаков, каких мог найти, и отступил в угол, образованный слиянием Аскара и Гэлиона, и там от берега до берега построил крепкую загородь; за нее они отвели всех детей и женщин, кого удалось спасти. Там и отбивались они, пока не кончились припасы.

У Хальдада были дети-близнецы, дочь Халет и сын Хальдар; и оба сражались доблестно, ибо Халет была женщиной с душой и силой воина. Однако, в конце концов Хальдад погиб в вылазке против орков, а Хальдар, пытавшийся спасти его тело от участи стать их кровавой пищей, пал рядом с ним. Тогда Халет собрала соплеменников, хоть они и отчаялись, и многие бросались в реки и тонули. Однако, семью днями позже, когда орки бросились на последний приступ, и почти разрушили загородь, вдруг запели трубы, и с севера с войском пришел Карантир и загнал орков в реку.

Милостиво взирал на людей Карантир и оказал Халет великий почет; и предложил ей возместить гибель отца и брата. И, узрев доблесть аданов, молвил ей:

— Если вы пожелаете переселиться севернее, то будут у вас собственные владения, а также дружба и защита эльдаров.

Халет, однако, была горда и не желала, чтобы ею правили и направляли, и большинство халадинов были с нею согласны. Потому она поблагодарила Карантира, но ответила ему так:

— Лишь одного хочу я сейчас, господин, — покинуть тени гор и уйти на запад, куда ушли уже прочие наши сородичи.

И потому, когда халадины собрали уцелевших, что скрывались от орков в делях, и все то имущество, что осталось в их сожженных селениях, они избрали Халет предводительницей племени, и она увела их в Эстолад, где они и жили некоторое время.

Они, однако, оставались нелюдимы, и с тех пор люди и эльфы знали их как племя Халет. Халет правила ими до конца дней своих, но мужа у ней не было, и главенство потом перешло к Хальдану, сыну ее брата Хальдара. Вскоре, однако, Халет пожелала вновь двинуться на запад, и хотя большинство ее сородичей было против этого, она все же повела их; шли они без помощи и совета эльдаров и, переправясь через Кэлон и Арос, очутились в опасных краях меж Горами Ужаса и Завесой Мелиан. Тогда этот край еще не был так затемнен, как позднее, но вряд ли смертный мог найти там дорогу без чужой помощи, и лишь силой воли своей сумела Халет заставить сородичей пройти, с лишениями и потерями, эти земли. Наконец они переправились через Бритиах, и многие горько сожалели о том, что пустились в путь: однако возврата не было. Потому в новых землях они вернулись, насколько могли, к старой жизни: жили они вольными селениями в лесах Талат Дирнэн, за Тэйглином, а кое-кто забредал и на земли Наргофронда. Прочие, однако, любили Владычицу Халет и готовы были следовать за нею, куда бы она ни пошла, и жить под ее властью: тех она привела в лес Брефиль, что меж Тэйглином и Сирионом. Туда в наступившие позже недобрые времена вернулись многие из разрозненного ее племени.

Брефиль был объявлен Тинголом частью его владений, хотя и находился вне Завесы Мелиан: и Владыка никогда не дозволил бы Халет селиться там, но Фелагунд, которого Тингол дарил своей дружбой, услышав обо всем, что случи-

лось с племенем Халет, испросил для нее такую милость: она будет вольно жить в Брефиле, но с тем, чтобы ее племя защищало Перекрестье Тэйглина от всех врагов эльдаров и не допускало орков в эти леса. Халет на то отвечала: "Где отец мой Хальдад и брат мой Хальдар? Если король Дориафа опасается дружбы между Халет и пожирателями ее родичей, то мысли эльдаров для людей непостижимы." И до самой смерти Халет жила в Брефиле, а когда умерла, соплеменники воздвигли над нею в глуби леса зеленый курган Тур Харета, Могила Владычицы, а в наречии синдаров — Хауд-эн-Арвен.

Итак, аданы жили на землях эльдаров, здесь и там, иные бродили вольно, иные селились родами или небольшими племенами; большинство их вскоре выучило язык Сумеречных Эльфов — как потому, что это было наречие, на котором они общались, так и потому, что многие жаждали перенять эльфийские науки. Однако, по прошествии некоторого времени, владыки эльфов, понимая, что не годится людям и эльфам жить вместе безо всякого порядка и что у людей должны быть правители одной с ними крови, отделили земли, где люди могли жить своей жизнью, и назначили вождей, что должны держать эти земли. Эти люди были союзниками эльдаров в войне, но шли в бой под водительством своих владык. Однако, многие аданы находили удовольствие в дружбе с эльфами и жили среди них так долго, как только могли; юноши же часто поступали на службу к королям.

Хадор Лóриндол, сын Хáтола, сын Магора, сына Малаха Арадана в юности поступил на службу к Финголфину и был любим им. Потому Финголфин даровал ему право владеть Дор-Ломином, и в той земле Хадор собрал бóльшую часть своих соплеменников и стал самым могущественным вождем аданов. В доме его говорили лишь на языке эльфов; однако прежнее наречие людей не было забыто, и из него позднее образовался язык Нуменора. В Дортонионе же править племенем Беора и Лáдросом дано было Бóромиру, сыну Бóрона, который был внуком Беора Старого.

Сыновьями Хадора были Гáлдор и Гúндор; а сыновьями Галдора — Хúрин и Хúор; сыном же Хурина был Тúрин Погибель Глаурунга, сыном Хуора — Тúор, отец Эарендила Благословенного. Сыном Боромира был Брэгор, отец Брэголаса и Бáрахира, а сыновей Бреголаса звали Бáрагунд и Бéлегунд. Дочерью Барагунда была Мórвен, мать Турина, а дочерью Белегунда — Рíан, мать Туора.

Сыном же Барахира был Бэрен Однорукий, что завоевал любовь дочери Тингола Лутиэн и воскрес из мертвых; от них произошла Эльвинг, жена Эарендила, и все будущие короли Нуменора.

Все они были уловлены в тенета Проклятия Нолдоров и совершили великие деяния, которые и поныне памятны эльдарам среди преданий о древних владыках. В те дни сила людей объединилась с мощью нолдоров, и надежда воспряла, и Моргот был взят в осаду, ибо подданные Хадора, закаленные и легко переносившие холод и долгий путь, не боялись время от времени заходить далеко на север и там следили за передвижениями Врага. Три Дома росли и множились, самым же великим среди них был род Хадора Златовласа, вассала эльфийских владык. Люди его племени были сильны и рослы, разумны, храбры и преданны, быстро гневались и охотно смеялись — могучие дети Илуватара на заре человечества. Большею частью они были золотоволосы и синеглазы; но не Турин, чьей матерью была Морвен из рода Беора. Люди этого рода, темноволосые и сероглазые, изо всех людей более всего походили на нолдоров

и были ими более всего любимы; ибо у них был острый ум и ловкие руки, они быстро понимали и долго помнили и были склонны скорее к жалости, нежели к смеху. Люди лесного племени Халет ходили на них, только меньше ростом и не такие жадные к знаниям. Говорили они мало и не любили больших сборищ: большей частью предпочитали одиночество, бродя вольно в зелени лесов, в то время как чудеса земель эльдаров были неведомы им. Однако в краях Запада век их был короток, а дни горьки.

Годы аданов, по людскому счету, удлинились после их прихода в Белерианд; и все же в конце концов Беор Старый умер, прожив на свете девяносто три года, из них сорок четыре он служил Фелагунду. Когда же он умер, сраженный не раной и не болезнью, но возрастом, эльдары впервые узрели быстрое увядание людей и смерть от усталости, которой они не знали в себе. Беор, однако, отрекся от жизни по своей воле и отошел в мире; и много дивились эльдары странному людскому жребию, ибо самые их сокровенные знания не говорили о чем-то подобном и конец людской был сокрыт от них.

И все же древние аданы скоро научились у Эльдаров всем знаниям и искусствам, какие только могли перенять, и сыны их обрели искусность и мудрость, превзойдя всех прочих людей, что еще обитали за горами, на востоке, не видели эльдаров и не смотрели в лица тех, кто зрел свет Валинора.

Глава 18

О разорении Белерианда и гибели Финголфина

Инголфин, Владыка Севера и верховный король нолдоров, видя, что народ его многочислен и силен, а союзные ему люди доблестны, вновь задумал атаку на Ангбанд, ибо знал, что не жить им в безопасности, пока не замкнуто кольцо Осады и Моргот волен создавать в своих подземных копиях творения зла, коих никто не может предугадать, пока сам он не раскроет тайны. Мудрость этого решения была соразмерна знанию Финголфина: ибо нолдоры не постигли еще всего могущества Моргота, не поняли они также, что их борьба с ним, борьба без помощи — безнадежна, поторопятся они или промедлят. Однако, земли нолдоров были прекрасны, владения их обширны, и большинство нолдоров довольствовались тем, что есть, считая, что счастье продлится вечно, и не желая вступать в битву, которая для многих была бы губительна, чем бы она ни завершилась, победой или поражением. Потому они не склонны были прислушиваться к словам Финголфина, и менее всех в то время — сыновья Феанора. Среди принцев нолдоров лишь Ангрод и Аэгнор были с ним одного мнения, ибо оттуда, где жили они, виден был Тангородрим, и, опасность, исходившая от Моргота, была для них слишком зрима. Таким образом замыслы Финголфина окончились ничем, и еще некоторое время страна жила в мире.

Но когда не вошло еще в пору зрелости шестое поколение людей со времен Беора и Марах — было это через четыреста пятьдесят лет после прихода Финголфина — лихо, которого он так опасался, стало явью, и оказалось оно еще более внезапно и ужасно, нежели предполагал он в самых черных своих мыслях. Ибо Моргот долго втайне копил силы, и долго росла его злоба, и ненависть к нолдорам становилась все ожесточеннее: жаждал он не только покон-

чить со своими врагами, но и разорить и опустошить земли, которыми они владели и которые украшали. Говорят, что ненависть его взяла верх над разумом, ибо найди он в себе терпение подождать дольше, и нолдоры погибли бы окончательно. Однако он, со своей стороны, недооценил эльфов, а людей и вовсе не счел достойными внимания.

И настала зима, когда ночи темны и безлунны, и равнина Ард-Гален простерлась во мраке под льдистыми звездами, от горных крепостей нолдоров до подножий Тангородрима неярко пылали сторожевые костры, и стражей было немного, и немногие бодрствовали в станах всадников Хифлума. И внезапно из Тангородрима вырвались реки пламени, что бежали быстрее балрогов, и затопили они всю равнину; и Железные Горы изрыгнули ядовитые испарения, наполнившие воздух, и были они смертельны. Так погиб Ард-Гален, и огонь пожрал его травы, и стал он выжженной пустошью, покрытой удушающей пылью, бесплодной и голой. С тех пор изменилось его имя, и был он наречен Анфáуглиф, Удушающая Пыль. Там лежало непогребенным множество обугленных костей, ибо многие нолдоры, кто не успел бежать в горы и был захвачен врасплох огнем, погибли в пламени. Горы Дортониона и Эред Вэтрин сдержали натиск огненных потоков, но леса на их склонах, обращенных к Ангбанду, были сожжены, и дым посеял панику среди защитников. Так началась четвертая из великих битв — Дáгор Брýголлах, Битва Внезапного Пламени.

Впереди этого огня шел Глаурунг Золотой, пращур драконов, во всей своей мощи, а за ним следовали балроги, и по их следам катились волны орков, и было их больше, чем доселе видели или представить себе могли нолдоры. Все эти силы обрушились на укрепления нолдоров и прорвали Осаду Ангбанда, и всюду, где только могли отыскать, убивали нолдоров и их союзников, Сумеречных Эльфов и людей. Многие могущественные враги Моргота были в первые дни этой битвы разбиты, рассеяны и лишены возможности собрать силы. Война с тех пор не прекращалась в Белерианде, но считается, что Битва Внезапного Пламени кончилась с наступлением весны, когда натиск Моргота ослаб.

Так пришла к концу Осада Ангбанда, и враги Моргота были разрознены и разъединены друг с другом. Сумеречные Эльфы большей частью бежали на юг и отказались от войны на Севере; многие были приняты в Дорияфе, и в то время королевство Тингола возвысилось, а могущество его возросло, ибо чары Мелиан хранили его границы, и зло не могло проникнуть в пределы скрытого королевства. Иные нашли убежище в приморских твердынях и в Наргофронде, некоторые же сокрылись в Оссирианде или, перейдя горы, бродили бесприютно по диким землям. И слух о войне и о конце Осады достиг людей на востоке Средиземья.

Сыновья Финарфина, Ангрод и Аэгнор, приняли на себя главный удар Моргота и погибли; рядом с ними пал Бреголас, глава рода Беора. Барахир же, брат Бреголаса, бился западнее, недалеко от ущелья Сириона. Там спешивший с юга король Финрод Фелагунд был отрезан от своего войска и с небольшой свитой окружен в топи Серех; и он был бы убит или захвачен в плен, не подоспей Барахир с храбрейшими своими воинами и не огради его стеной из копий; и, потеряв многих, они пробились из битвы. Так спасся Фелагунд и вернулся в подземную крепость Наргофронд; но перед тем он поклялся в вечной дружбе с Барахиром и прирек свою помощь в любой нужде ему и его родичам, и в знак

этой клятвы дал Барахиру свое кольцо. Барахир теперь был по праву главой рода Беора; и он вернулся в Дортонион, но очень многие его соплеменники покинули свои дома и нашли убежище в твердынях Хифлума.

Так велик оказался натиск Моргота, что Финголфин и Фингон не могли прийти на помощь сыновьям Финарфина; войска Хифлума были отброшены с большими потерями к крепостям Эред Вэтрина и там с трудом отбивались от орков. У стен Эйфель Сириона погиб, прикрывая отступление господина своего Финголфина, Хадор Златовлас — было ему тогда шестьдесят лет — и при нем, пробитый множеством стрел, пал его младший сын Гундор; и эльфы оплакивали их. Тогда Галдор Высокий принял власть своего отца. Благодаря высоте и неприступности теневого Хребта, выстоявшего перед огнем, а также мужеству людей и эльфов севера, превзойти которого были не в силах ни орки, ни балроги, Хифлум остался непокоренным и по-прежнему угрожал флангу наступления Моргота; но море врагов отрезало Финголфина от его родичей.

Ибо ход войны был неблагоприятен для сыновей Феанора, и под натиском Моргота пали почти все восточные рубежи. Ущелье Аглон было в руках врага, хоть и досталось ему дорогой ценой; Целегорм же и Куруфин, потерпев поражение, бежали на юг и вдоль западных границ Дориафа пришли в Наргофронд, найдя приют у Финрода Фелагунда. Так что их воины увеличили силы Наргофронда, хотя, как показало будущее, лучше бы им остаться на востоке со своими сородичами. Маэдрос совершал чудеса храбрости, и орки бежали пред ним, ибо с тех пор, как его пытали в Тангородрине, дух его был подобен ослепительно белому пламени, и казался он возрожденным из мертвых. Так твердыня на Холме Химринг не была захвачена, и многие оставшиеся в живых храбрецы из Дортониона и с восточных рубежей присоединился к Маэдросу. Ненадолго овладел он вновь ущельем Аглон, так что орки этой дорогой не могли пройти в Белерианд. Но они сокрушили витязей Лотланна, сородичей Феанора, ибо туда пришел Глаурунг и прополз в Маглоровы Врата, и истребил все живое меж рукавами Гэлиона. Орки захватили также крепость на западных склонах горы Рэрир и опустошили Таргэлион, владения Карантира, и осквернили озеро Хэлеворн. Затем они, сея огонь и ужас, переправились через Гэлион и ворвались в Восточный Белерианд. Маглор присоединился к Маэдросу на Химринге, Карантир же бежал и с остатками своего народа пристал к разрозненным дружинам охотников Амрода и Амраса; вместе они отступили на юг, к Рамдалу. На Амон Эреб они установили стражу и собрали воинов; Зеленые Эльфы помогали им, и орки не прорвались ни в Оссирианд, ни в Таур-им-Дуинаф, ни в дебри юга.

Пришли в Хифлум вести о том, что Дортонион пал, и сыновья Финарфина потерпели поражение, а сыновья Феанора лишились своих владений. Так — почудилось Финголфину — узрел он совершенное крушение нолдоров и невозможную гибель их родов; и вот, исполняясь гнева и отчаяния, оседлал он могучего своего коня Рохаллора и поскакал один вперед, и никто не мог удержать его. Подобно вихрю, взметавшему пепел, пересек он Дор-ну-Фауглиф, и всякий, кто видел его приближение, бежал, пораженный, думая, что то сам Оромэ; столь бешеная ярость была в нем, что глаза его сверкали, как у валаров. Так он оказался один у врат Ангбанда и затрубил в рог, и ударил в бронзовые врата, вызывая Моргота на единоборство. И Моргот вышел.

В последний раз в этих войнах перешагнул он порог своей твердыни, и го-

ворят, принял вызов не по своей воле; ибо, хоть и был он могущественнее всех в этом мире, ему, единственному из валаров, ведом был страх. Но не мог он отказать от вызова в присутствии своих военачальников, ибо громогласное пение рога Финголфина сотрясало горы, и звук его, чистый и ясный, проник в глубины Ангбанда; и Финголфин назвал Моргота трусом и повелителем рабов. Потому и вышел Моргот, покинув нехотя свой подземный трон, и звук его шагов был подобен грому, доносившемуся из недр земных. Он был закован в черные доспехи и возвышался над королем, как башня, увенчанная короной, а его громадный черный щит, не имевший герба, простирался подобно грозовой туче. Финголфин же пред ним сиял, как звезда, потому что его доспехи были покрыты серебром, а голубой щит изукрашен кристаллами, и он выхватил свой меч, льдисто сверкавший Рингиль.

И вот Моргот занес над ним Гронд, Молот Подземного Мира, и обрушил его, как удар грома. Но Финголфин отскочил, а Гронд своей тяжестью расколол землю, и расщелина извергла дымный пламень. Много раз пытался Моргот поразить Финголфина, но тот избегал удара, проносясь подобно молнии меж черных туч. Семь раз ранил он Моргота, и семь раз Моргот испускал крик боли, слышав который, орды Ангбанда в ужасе падали ниц, и эхо прокатывалось по северным землям.

Но вот силы короля истожились, и Моргот нанес ему удар щитом. Трижды Финголфин падал на колени и трижды поднимался вновь, в изломанном шлеме и разбитым щитом. Но земля под его ногами была вся изрыта и покрыта трещинами, и вот он, оступившись, упал под ноги Моргота, и Моргот поставил на его шею левую ногу; тяжесть ее была подобна тяжести рухнувшей горы, однако Финголфин последним, безнадежным ударом вонзил Рингиль в ногу Моргота, и черная кровь хлынула, дымясь, в расщелины, оставшиеся от ударов Гронда.

Моргот сражает Финголфина. Тед Несмит

Так пал Финголфин, верховный король нолдоров, самый доблестный и величавый из древних эльфийских владык. Орки не похвалялись исходом единоборства у врат; не сложили песен о нем эльфы, ибо слишком велика была их скорбь. И все же повесть о нем осталась в памяти, ибо Торондор, Владыка Орлов, принес вести в Гондолин и Хифлум. Моргот хотел швырнуть тело короля волкам, но из своих владений на Криссаэгриме примчался Торондор и, бросившись на Моргота, изодрал ему лицо. Шум его крыльев подобен был голосу ветров, которыми повелевает Манвэ; и, схватив тело своими мощными когтями, он взмыл, недостижимый для стрел и копий орков, и унес короля прочь. Он положил его тело на вершине горы, что возвышалась с севера над скрытой долиной Гондолина; и Тургон, придя туда, возвел погребальный курган над своим отцом. Ни один орк не осмеливался с тех пор пройти мимо горы Финголфина либо приблизиться к его могиле, пока не свершился рок Гондолина и не зародилось предательство в народе его. Моргот же с тех пор стал хром на одну ногу, и раны его не залечивались, а на лице остался шрам от когтей Торондора.

Велика была скорбь в Хифлуме, когда стало известно о гибели Финголфина; и в печали Фингон принял главенство в доме Финголфина и верховное владычество над нолдорами: юного же своего сына Эрэйниона (прозванного позднее

Гиль-Галадом) он отослал в Гавани.

Власть Моргота простерлась на северные земли, но Барахир не покинул Дортониона и сражался с врагами за каждую пядь своей земли. Потому Моргот нещадно преследовал его соплеменников, и немногие уцелели; и лес на северных холмах Дортониона мало-помалу стал средоточием смертного ужаса и черных чар, так что даже орки не осмеливались войти в его пределы, разве что подгоняемые крайней нуждой. Этот лес был назван Дэльдуват, или Таур-ну-Фуин. Лес Ночного Мрака. Деревья, выросшие там, где прошел огонь, были черны и мрачны, и корни их сплетались, шаря во тьме, как лапы чудовищ; и те, кто бродил меж них, теряли свой путь и слепли, и призраки ужаса мучили их и сводили с ума. И так безнадежно казалось дело Барахира, что жена его, Эмельдир Мужественное Сердце (которой под стать было скорее сражаться бок о бок со своим мужем и сыном, нежели спасаться бегством) собрала всех еще уцелевших женщин и детей, вооружила тех, кто способен был носить оружие, и неверными тропами повела их через горы, и так, терпя лишения и бедствия, они наконец пришли в Брефиль. Многие остались среди халадинов, иные же, перейдя горы, достигли Дор-Ломина, где обитало племя Галдо-

ра, сына Хадора; среди них были Риан, дочь Белегунда, и Морвен, называемая еще Эледвен. Эльфийское Сияние, дочь Барагунда. Но никто не видел больше мужчин, которых они оставили, ибо те гибли один за другим, и вот лишь двенадцать воинов осталось у Барахира, Берен, его сын, и Барагунд и Белегунд, его племянники, сыновья Бреголаса, а также девять преданных слуг его рода, чьи имена долго еще хранила память нолдоров. Были то Радруин, и Дайруин, Дигнир и Рагнор, Гилдор и Горлим Злосчастный, Артад, и Урталь, и Хитальдир Юный. Изгнанниками стали они, ватагой отчаянных, что не могли ни бежать, ни сдаться, потому что жилища их были разрушены, а жены и дети убиты, бежали, либо попали в рабство. Ни вестей, ни подмоги не пришло из Хифлума, а за Барахиром и его воинами охотились, как за дикими зверями, и они ушли на пустынное плоскогорье неподалеку от леса и бродили там среди озер и каменных торфяников, вдали от соглядатаев и чар Моргота. Вереск служил им постелью, а крышей — туманное небо.

Почти два года прошло после Дагор Браголлах, а нолдоры все еще держали западное ущелье у истоков Сириона, ибо сила Ульмо была сокрыта в этой воде, а Минас-Тириф сдерживал натиск орков. Но вот после гибели Фингольфина Саурон, сильнейший и ужаснейший среди слуг Моргота, в наречии синдаров именовавшийся Гортаур, вышел против Ородрефа, возглавлявшего твердыню на Тол-Сирион. Саурон был чародеем, обладавшим зловещей силой, властелином теней и призраков, подлым в своей мудрости и жестоким в силе, извращавшим все, к чему он ни прикасался, всех, кем он правил, повелителем волколаков и оборотней; владычество его означало муку. Он взял Минас-Тириф, наслав черную тучу страха на его защитников, и Ородреф был выбит из крепости и бежал в Наргофронд. Саурон превратил Минас-Тириф в сторожевую крепость Моргота, твердыню зла и средоточие опасности; и прекрасный остров Тол-Сирион стал проклят и получил имя Тол-ин-Гаурхот — Остров Оборотней. Ни одно живое существо не могло пройти долиной, не будучи замеченным Сауроном. Таким образом западное ущелье оказалось в руках Моргота, и ужас наводнил равнины и леса Белерианда. За пределами Хифлума Моргот нещадно преследовал своих врагов, отыскивал их укрытия и одну за другой захватывал крепости. Орки, осмелев, бродили повсюду, от Сириона на западе до Нэлона на востоке; они взяли в кольцо Дориаф и несли с собой разорение, так что звери и птицы бежали от них, и безмолвие и запустение двигались с севера. Многих нолдоров и синдаров орки захватили в плен и обратили в рабов в Ангбанде, принуждая служить Морготу знанием и искусством. Моргот рассылал шпионов и соглядатаев под чужими обличьями, и обманна была их речь; они лживо сулили сокровища и хитроумными словами сеяли страх и зависть среди племен и народов, обвиняя в жадности их владык и вождей и говоря о предательстве. И лжи этой часто верили, ибо таково было проклятье Резни в Альквалондэ; в темные времена во лжи этой была часть правды, ибо сердца и мысли эльфов Белерианда затемнились страхом и отчаянием. Более всего, однако, опасались нолдоры предательства своих же сородичей, бывших в рабстве в Ангбанде, так как Моргот часто использовал их для своих черных целей, притворно давая им свободу; однако воля их была его волей, и где бы они ни бродили, они возвращались к нему. Так что если кому из его пленников и удавалось бежать взаправду и вернуться к своим сородичам, их встречали враждебно, и они бродили в одиночестве, отчаявшиеся изгои.

Моргот притворно жалел людей, которые прислушивались к его словам, говоря им, что беды их произошли лишь от службы их мятежным нолдорам, но буде они покинут мятежников, то под властью Истинного Владыки обретут почет и подлинную награду за мужество. Немногие из Трех Родов Аданов, однако, внимали ему, даже если их пытали в Ангбанде. Потому Моргот преследовал их с особенной ненавистью; и он отправил своих посланцев по ту сторону гор.

Говорят, что в это время впервые появились в Белерианде Смуглолицые. Иные из них уже были тайно подданными Моргота и прибыли на его зов; не все, однако, ибо повсюду шел слух о Белерианде, его землях и водах, о сражениях и богатствах; и где бы ни бродили в те дни люди, пути их вели на запад. Смуглолицые были невысокого роста и плотного телосложения, с длинными сильными руками; кожа их была изжелта-смуглой, а глаза и волосы черны. У них было много племен, и иные предпочитали эльфам гномов. Однако Маэдрос, зная слабость нолдоров и аданов, в то время как подземелья Ангбанда, казалось, содержали силы неистощимые и всегда возобновляемые, — заключил союз с пришельцами и одарил дружбой их главных вождей, Бора и Ульфанга. И Моргот рад был этому, ибо это совпадало с его тайными замыслами. Сыновья Бора были Бóрлад, Бóрлах и Бóртанд; они служили Маэдросу и Маглору и остались верны им, обманув надежды Моргота. Сыновья Ульфанга Черного были Ульфаст, Ульварт и Ульдор Проклятый; они служили Карантиру, принеся ему клятву верности, и предали его.

Аданы и вастаки относились друг к другу без особой приязни и встречались редко — пришельцы обосновались в Восточном Белерианде, племя Хадора было отрезано в Хифлуме, а род Беора почти уничтожен. Племя Халет вначале не было затронуто северной войной, потому что обитало южнее, в лесу Брефиль; но когда вторглись орки, воины племени вступили в сражение, ибо были мужественны и не могли так легко отдать врагам любимые ими леса. Среди поражений этого времени славные свершения халадинов помнились долго, ибо после того, как был взят Минас-Тириф, орки прошли через западное ущелье и опустошили бы земли чуть ли не до устья Сириона; но Хальмир, вождь халадинов, послал вестника к Тинголу, потому что дружил с эльфами, охранявшими рубежи Дориафа. Тогда Белег Могучий Лук, предводитель разведчиков Дориафа, привел в Брефиль большой отряд синдаров, вооруженных боевыми секирами; и, выйдя из лесных дебрей, Хальмир и Белег захватили орков врасплох и разбили их. Так в этих местах прегражден был путь черной волне с севера, и еще многие годы спустя орки не осмеливались переправляться через Тэйглин. Племя Халет осталось в лесу Брефиль и жило в непрочном мире, Наргофронд же, охраняемый им, получил передышку и собирал силы.

В то время сыновья Галдора из Дор-Ломина Хурин и Хуор жили среди халадинов, ибо были в родстве с ними, эти два рода объединились в годы перед Дагор Браголлах, когда Галдор, сын Хадора Златовласа, взял в жены Хáрет, дочь Хальмира, вождя халадинов, а Хальдир, брат Харет стал мужем Глóрэдэль, сестры Галдора. Так что, согласно тогдашним обычаям людей, сыновья Галдора были воспитаны Хальдиром, братом их матери; и оба они были в той битве с орками, даже Хуор, которого невозможно было удержать, хоть и было ему всего тринадцать. Но они оказались в отряде, который был отрезан и оттеснен

к броду Бритиах, и там были бы схвачены или убиты, если б в водах Сириона не была еще сильна власть Ульмо. Туман поднялся от реки и скрыл юношей, и они через Бритиах бежали в Димбар, и бродили меж холмов под отвесными стенами Криссаэгрима, пока не заблудились в обманных этих местах и не знали, как вернуться. Там увидел их Торондор и послал на помощь двух своих орлов; и орлы перенесли их через Окружные Горы в тайную долину Тумладэн, в сокрытый город Гондолин, которого доселе не видел ни один смертный.

Тургон, владыка Гондолина, узнав, кто они такие, принял их дружелюбно, ибо от вод Сириона, с Моря дошли до него видения, посланные Ульмо, Властелином Вод; они предостерегали Тургона о надвигающейся беде и советовали ему отнестись с добром к потомкам Хадора, ибо с их стороны придет помощь. Почти год гостили Хурин и Хуор в доме Тургона, и тогда, говорят, Хурин перенял многое из искусства эльфов и постиг многие замыслы и цели короля. Ибо Тургону пришлось по душе сыновья Галдора, и он часто говорил с ними и желал навсегда оставить их при себе, ибо любил их, а не только из-за закона, по которому всякий чужеземец, будь он эльфом или человеком, если он нашел дорогу в сокрытое королевство и увидел город, не мог покинуть его, куда король не снимет запрета и потаенное племя не выйдет на свет.

Но Хурин и Хуор хотели вернуться к своим сородичам и разделить с ними все войны и бедствия, что выпали на их долю, и сказал Хурин Тургону:

— Государь, мы лишь смертные люди, а не эльдары. Они могут долгие годы терпеливо ждать, пока не наступит день битвы с врагом; но наше время кратко, а надежды и силы быстро иссякают. Кроме того, мы не сами отыскали путь в Гондолин и до сих пор не знаем наверняка, где стоит этот город; удивленные и испуганные, были мы принесены сюда по воздуху, и глаза наши, по счастью, закрывала пелена.

Тогда Тургон согласился исполнить его просьбу и сказал так:

— Вы покинете мои владения тем же путем, каким появились в них, если будет на то воля Торондора. Печалит меня эта разлука, но, может быть, очень скоро — по счету эльдаров — мы свидимся вновь.

Однако Маэглин, сын сестры короля, обладавший немалой властью в Гондолине, вовсе не печалился их уходу; он завидовал тому, что король к ним расположен, ибо не терпел людей, какого бы происхождения они ни были; и сказал он Хурину:

— Великодушие короля больше, нежели ты можешь себе представить, да и закон сейчас не так суров, как прежде; иначе бы не было у тебя иного выбора, как только остаться здесь до конца дней своих.

Хурин отвечал ему:

— Великодушие короля и впрямь велико, но если слова нашего недостаточно, мы дадим тебе клятву.

И братья поклялись никогда не открывать замыслов короля и сохранить в тайне все, что они видели в его владениях. Затем они удалились, и орлы, прилетев ночью, унесли их и пред рассветом доставили в Дор-Ломин.

Соплеменники рады были видеть их, ибо весть пришла из Брефиля, что они сгинули; но даже отцу своему не открыли они, где были, сказав лишь, что орлы спасли их в диких землях и принесли домой. Галдор, однако, возразил:

— Так вы провели этот год в делях? Или орлы приютили вас в своих гнездах? У вас были пропитание и одежда, и вернулись вы похожими более на

юных принцев, чем на бродяг.

И Хурин ответил:

— Будь же доволен и тем, что мы вернулись, ибо стало это возможным лишь потому, что мы дали клятву молчать.

Галдор более не спрашивал их ни о чем, но и он, и многие другие угадали истину, и в свое время слух о странной судьбе Хурина и Хуора достиг ушей слуг Моргота.

Когда Тургон узнал, что осадное кольцо вокруг Ангбанда разорвано, он не позволил ни одному своему воину выйти в битву, ибо считал, что хоть и могуществен Гондолин, время раскрыть его тайну еще не пришло. Считал он также, что конец Осады означает начало гибели нолдоров — если только им не придут на помощь; и вот он тайно отправил отряды гондолинцев к устью Сириона и на остров Балар. Там они строили корабли и по приказанию Тургона отплывали на Заокраинный Запад, чтобы отыскать Валинор и молить у валаров прощения и помощи; и просили они морских птиц указывать им путь. Но моря были бескрайни и пустынно, чародейские тени сомкнулись над ними, и Валинор сокрылся. Потому никто из посланцев Тургона не достиг Запада, многие сгнули и немногие вернулись; рок же Гондолина был близок к свершению.

Слух обо всем этом достиг Моргота, и он, несмотря на свои победы, забеспокоился и пожелал получить известия о Тургоне и Фелагунде. Ибо о них он не знал ничего, хоть они и были живы; и опасался Моргот, что они могут объединиться против него. Он знал лишь, как называется Наргофронд, но не знал ни где он находится, ни каковы его силы; о Гондолине же ему вовсе ничего не было известно, и мысль о Тургоне тревожила его куда больше. Потому он выслал в Белерианд новых соглядатаев; главные же силы орков призвал назад, в Ангбанд, ибо понимал, что не может начать последнюю, победную битву, не собрав свежих сил; понимал он также, что недооценил как мужество нолдоров, так и воинскую доблесть сражавшихся рядом с ним людей. Хоть и велики были его победы в Дагор Бреголлах и в последующие годы, хоть и тяжек был урон, нанесенный его врагам — его потери были не меньше; и хотя в руках его были Дортонион и Ущелье Сириона, эльдары, опомнясь от первой растерянности, начали вновь отвоевывать то, что они потеряли. Потому юг Белерианда на несколько кратких лет обрел подобие мира; но кузни Ангбанда трудились без устали.

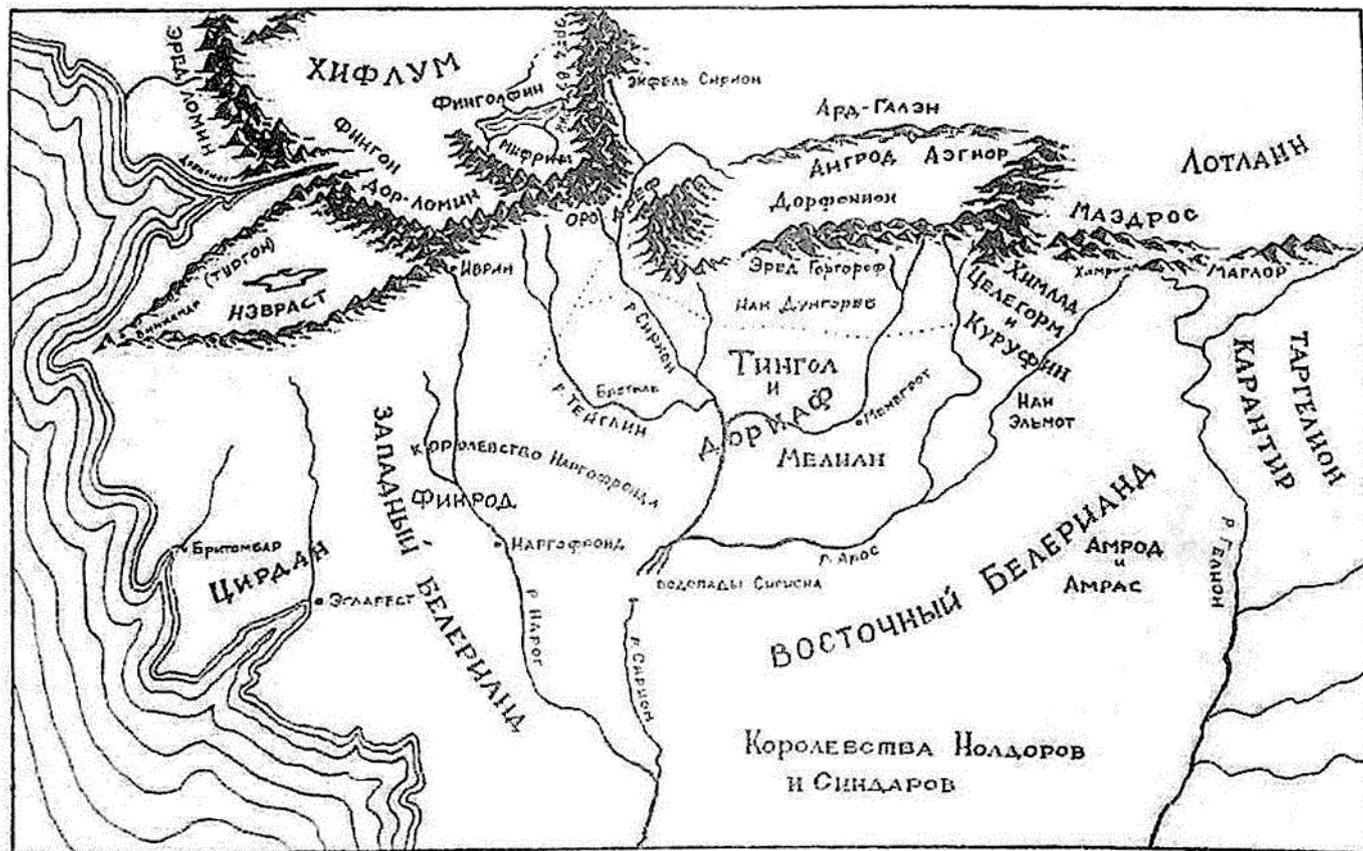
Когда прошло семь лет после Четвертой Битвы, Моргот вновь начал войну и послал многочисленные войска против Хифлума. Яростной была битва на тропах Теневого Хребта, и в осаде Эйфель Сириона был убит стрелой Галдор Высокий, владыка Дор-Ломина. Он защищал эту крепость именем Верховного Владыки Фингона; и там же незадолго до того погиб его отец Хадор Лориндол. Хурин, сын Галдора, тогда только еще вступил в пору зрелости, но был крепок телом и духом; и он, перебив множество орков, отбросил их от Эред Вэтрина и преследовал в песках Анфауглифа.

Но король Фингон вынужден был отбиваться от двинувшихся с севера войск Ангбанда, и битва завязалась на самых равнинах Хифлума. Силы были неравны; но в залив Дрэнгист вошел флот Цирдана, и в урочный час эльфы Фаласа обрушились с запада на войско Моргота. Орки были разбиты и бежали, а победа досталась эльдарам, и конные лучники преследовали врагов даже

в железных Горах.

Королевства нолдоров и синдаров

Впоследствии Хурин, сын Галдора возглавил род Хадора в Дор-Ломине и служил Фингону. Хурин был не таким рослым, как его отец, дед или будущий сын, но зато вынослив и неутомим, быстр и гибок, подобно сородичам его матери, Харет из племени халадинов. Его женой была Морвен Эледвен, дочь Барагунда из рода Беора, та, что бежала из Дортониона вместе с Риан, дочерью Белегунда, и Эмельдир, матерью Берена. В то же время — об этом будет рассказано позже — изгнанники Дортониона были разбиты, и лишь Берен, сын Барахира, чудом избежав гибели, пробрался в Дориаф.

Глава 19 О Берене и Люттиэн

Реди повестей о разорении и скорби, что дошли до нас из тьмы тех дней, есть такие, в которых сквозь рыдания проступает радость, а под тенью смерти таится бессмертный свет. Из них более всего любима эльфами повесть о Берене и Луттиэн. Об этих двоих была сложена песнь под названием **Лэйтиан** — Освобождение из Рабства, которая длиной своей превосходит все, кроме одной, песни о предначальном мире; здесь же эта история пересказана в нескольких кратких словах.

Уже сказано было, что Барахир не покинул Дортонион, и Моргот нещадно преследовал его, пока у него не осталось лишь двенадцать спутников. На юге к лесам Дортониона примыкали гористые вересковые пустоши, а на востоке от них лежало озеро Тарн Аэлуин, чьи берега поросли диким вереском; и все

эти земли были бездорожны и дики, потому что даже в дни Долгого Мира никто не жил там. Но воды Тарн Аэлуин почитались высоко, ибо днем они были ясны и сини, а ночами в них отражались звезды; говорили, что сама Мелиан освятила их некогда. Туда отступили Барахир и его спутники и там устроили себе обиталище, и Моргот не мог их найти. Но слухи о деяниях Барахира и его воинов расходились повсюду; и вот Моргот велел Саурону отыскать их и уничтожить.

На берегах озера Тарн Аэлуин. Тед Несмит

Среди спутников Барахира был Горлим, сын Ангрима. Жену его звали Эйлинель, и велика была их любовь, пока не грянула беда. Однажды Горлим, вернувшись с порубежных стычек, увидел, что дом его разграблен и пуст, а жена исчезла: и не знал он, убили ее или увели в рабство. Тогда он ушел к Барахиру и среди его воинов был самым отчаянным и жестоким; но сомнение грызло его сердце, ибо думал он, что Эйлинель, быть может, жива. Порой он тайно уходил один и приходил к своему дому, что все еще стоял среди равнин и роц, которые когда-то принадлежали ему; и это стало известно слугам Моргота.

Однажды осенью, в сумерках Горлим пришел туда, а когда подошел к дому, то почудилось, что в окне мелькнул свет, и, подкравшись, он заглянул в окно. Он увидел Эйлинель, и лицо ее было измождено голодом и страданиями, и слышался ему голос, сетовавший на то, что он покинул ее. Горлим громко крикнул; и в то же мгновение порыв ветра задул огонь; завыли волки, и на плечи его легли тяжкие руки ищеек Саурона. Так был схвачен Горлим; его приволокли в лагерь и пытали, чтобы вызнать, где скрывается Барахир и какими путями бродит. Но Горлим ничего не сказал. Тогда обещали ему, что если он покорится, то его освободят и вернут ему Эйлинель; и, измучась болью и тоской по жене, он дрогнул. Тогда его немедленно доставили к Саурону, и Саурон сказал: "Я слышал, что ты хочешь поторговаться со мной, какова же твоя цена?"

И Горлим ответил, что хочет обрести Эйлинель и быть освобожденным вместе с нею; ибо думал, что она, как и он, в плену.

Рассмеялся тогда Саурон: “Уж слишком ничтожна цена для столь замечательного предательства! Что ж, пусть будет так. Говори!”

Горлим попытался было отступить, но, утраченный взглядом Саурона, он в конце концов рассказал все, что знал. И захохотал Саурон, и, измытаясь над Горлимом, открыл ему, что видел он лишь призрак, сотворенный чарами, чтобы заманить его в ловушку; ибо Эйлинель давно мертва. “Тем не менее я исполню твою просьбу, — сказал Саурон, — ты будешь освобожден и отправишься к Эйлинель.” И он предал Горлима мучительной смерти.

Так было обнаружено укрытие Барахира, и Моргот сплел вокруг него свои тенета; и орки, напав на рассвете, застали дортонионцев врасплох и убили всех, кроме одного. Ибо Берен, сын Барахира, был послан своим отцом исполнять опасное дело — следить за тайными тропами Врага; и когда захватили лагерь изгнанников, Берен был далеко. Но когда спал он, застигнутый ночью в лесу, ему привиделось, что стервятники густо, как листья, облепили обнаженные деревья над озером, и с клювов их каплет кровь. Затем Берен увидел во сне фигуру, что приблизилась к нему по воде, и была это тень Горлима. Призрак объявил ему о своем предательстве и смерти и умолял поспешить, чтобы предостеречь отца.

Тогда Берен пробудился и бежал всю ночь, и на второе утро был в лагере изгнанников. Но когда он приблизился к лагерю, стервятники поднялись с земли и расселись на деревьях, окружавших Тарн Аэлуин, и закаркали, насмехаясь.

Похоронил Берен тело отца своего, и возвел над ним курган из камней, и над его могилой поклялся отомстить. Вначале он пошел по следу орков, что убили его отца и сородичей, и к ночи отыскал их стан у истока Ривиля, недалеко от топи Серех; будучи умелым следопытом, он незаметно подкрался к их костру. Там предводитель орков похвалялся своими делами и показывал руку Барахира, которую он отрубил, дабы доказать Саурону, что все исполнено; а на мертвом пальце было кольцо Фелагунда. Тогда Берен спрыгнул со скалы, что была за их спинами, убил предводителя и, вырвав руку с кольцом, бежал, хранимый судьбой; ужас объял орков, и их стрелы не попали в цель.

Свыше четырех лет после того скитался Берен одиноким изгнанником в Дортонионе. Он стал другом зверей и птиц, и они помогали ему и не предавали; и с тех пор он не ел мяса и не убил ни одно живое существо, если только оно не служило Морготу. Он боялся не смерти, а плена, но благодаря безрассудной своей отваге избежал и гибели, и оков, и слухи о его отчаянных подвигах одиночки разошлись по всему Белерианду, дойдя даже до Дориафа. Наконец Моргот назначил за его голову награду не меньшую, чем за голову Фингона, верховного короля нолдоров; но орки скорее бежали без памяти, заслышав о его приближении, нежели пытались схватить его. Потому Моргот, чтобы изловить Берена, выслал войско под водительством Саурона; и вел с собой Саурон волколаков, свирепых зверей, в чьи тела были им заключены злые духи.

Зло заполнило этот край, и все, что было там доброго, бежало: и Берену пришлось так тяжело, что в конце концов он принужден был покинуть Дортонион. Снежной зимой оставил он родину и могилу своего отца и, поднявшись высоко в Горы Ужаса, увидал вдали Дориаф. Тогда запала в его сердце мысль, что он должен достичь Потаенного Королевства, куда не ступала еще нога смертного.

Страшен был путь на юг. Отвесны склоны Эред Горгорофа, а у подножья их клубится мрак, что рожден еще до рожденья Луны. За ними лежала пустыня Дунгорфеб, где сталкивались чары Саурана и могущество Мелиан; ужас и безумие наполняли эту землю. Там обитали пауки из мерзкого племени Унголианты и плели незримые сети, которых ничто живое не могло избежать; там бродили чудища, появившиеся еще в долгой тьме, предшествовавшей восходу Солнца, и выслеживали добычу множеством глаз. Не было в этой земле, населенной призраками, пропитания ни для людей, ни для эльфов, а была лишь смерть. Этот путь не последнее место занял позднее среди свершений Берена, но он никому не рассказывал о нем, чтобы ужас тех дней вновь не затемнил сердце; и никто не знает, как отыскал он дорогу и прошел по тропам, на которые не осмеливался ступить ни эльф, ни человек, до самых рубежей Дориафа. Как и предсказывала Мелиан, он преодолел лабиринты, сплетенные ее волшебством, ибо велика была его судьба.

Говорится в **Лэйтиан**, что Берен пришел в Дориаф нетвердым шагом, посевший и сгорбленный под тяжестью многих лет лишений — так тяжел был его путь. Но, бродя в разгаре лета по лесам Нэльдорефа, он повстречал Лутиэн, дочь Тингола и Мелиан, когда в вечерний час, при восходе луны, танцевала она на неувядающих травах прибрежных полян Эсгалдуина. Тогда память о перенесенных муках покинула его, и он был очарован, ибо Лутиэн была прекраснейшей среди Детей Илуватара. Ее одеяние было синим, как ясное небо, а глаза темны, как звездная ночь: плащ усеян золотыми цветами, волосы же черны, как ночные тени. Свету, играющему на листьях древ, пеню чистых вод, звездам, встающим над туманной землей, подобна была ее красота, а в лице ее был сияющий свет.

Но она исчезла, а Берен потерял дар речи, словно заклятье было наложено на него; и он долго бродил в лесах, подобно дикому зверю, разыскивая ее. В душе он называл ее Тинувизэль, что означало Соловей, дитя Сумерек в наречии Сумеречных Эльфов, ибо другого имени он не знал для нее. Он видел ее издалека, словно лист на осеннем ветру, словно звезду над зимней вершиной; но незримые цепи сковывали его.

Наступила весна, и как-то на заре Лутиэн танцевала на зеленом холме и вдруг запела. Ее песня пронзала сердце, подобно песне жаворонка, что взлетает над воротами ночи и рассыпает трель свою среди гаснущих звезд, видя, как из-за пределов мира встает солнце. Песня Лутиэн разбила оковы зимы, и заговорили скованные морозом воды, а там, где ступала дева, проросли цветы.

Вешняя Лутиэн. Тед Несмит

Тогда заклятье безмолвия спало с Берена, и он громко закричал, называя ее Тинувизэль; и лесное эхо вторило ему. Лутиэн замерла, изумленная, и не убежала, и Берен подошел к ней. Но едва она взглянула на него, жребий ее свершился, и она полюбила Берена. Однако, она выскользнула из его объятий и исчезла в наступающем рассвете. Тогда Берен рухнул без чувств, словно сраженный молнией, и погрузился в сон, как в бездонную черную пропасть; и был он холоден, как камень, а сердце его опустело. И в мысленных своих скитаниях он бродил наощупь, подобно внезапно ослепшему, что протягивает руки, пытаясь обрести потерянный свет. Так он начал платить болью за судьбу, что была дана ему, и суждено ему было обрести свет — Лутиэн; и, будучи бес-

смертной, она поделила с ним смерть, будучи свободной, приняла его оковы, и большей боли, чем познанная ею, не ведал ни один эльдар.

Хоть он и не надеялся на это, она пришла к нему туда, где он пребывал во тьме, и в давние времена, в Потаенном Королевстве Лутиэн вложила свою руку в руку Берена. Потом она часто приходила к нему, и они бродили в лесах, скрываясь ото всех; прошла весна, наступило лето, и большего счастья не знал никто из детей Илуватара, хоть и краткий был им отмерен срок.

Даэрон Песнопевец также любил Лутиэн; он вызнал, что она встречается с Береном, и предал их королю. Безмерно был разгневан Тингол, ибо любил Лутиэн превыше всего на свете, считая недостойными ее всех эльфийских владык; что до смертных, он их даже не брал на службу. Потому он с печалью и изумлением заговорил с Лутиэн, но она не промолвила ни слова, покуда Тингол не поклялся не убивать Берена и не заключать в темницу. И все же он послал своих слуг, приказав взять его и доставить в Менегрот как преступника; однако Лутиэн, упредив их, сама привела Берена к трону Тингола, словно он был почетным гостем.

С презрением взглянул на Берена Тингол, Мелиан же хранила молчание. Король промолвил:

— Кто ты, что осмелился по-воровски прокрасться сюда и без дозволения приблизиться к моему трону?

Берен молчал, охваченный трепетом, ибо велики были пышность Менегрота и величие Тингола. Тогда заговорила Лутиэн:

— Это Берен, сын Барахира, вождя людей и могущественного врага Моргота, чьи деяния воспеты даже эльфами.

— Пусть говорит Берен! — велел Тингол. — Чего ты ищешь здесь, несчастный смертный, и что заставило тебя покинуть родину и прийти в мои владения, которые закрыты для таких, как ты? Можешь ли ты отыскать способ избежать сурового наказания за свою дерзость и глупость?

Тогда Берен поднял голову и увидел глаза Лутиэн, а потом перевел взгляд на Мелиан, и почудилось ему, что слова рождаются сами собой. Страх покинул его, и проснулась в нем гордость древнейшего человеческого рода; и сказал он:

— Сюда, о король, через опасности, что и немногим эльфам по плечу, вела меня судьба. И здесь нашел я не то, что искал, но чем, найдя, хочу владеть вечно. Ибо сокровище это превышает золота и серебра и драгоценнее алмазов. Ни камню, ни железу, ни огню Моргота, ни всему могуществу эльфийских владык не сокрыть от меня того, что я жажду. Ибо Лутиэн, дочь твоя — прекраснейшая среди Детей Мира.

Тишина воцарилась в чертоге, ибо те кто там был, потрясенные и испуганные, ждали, что Берен будет убит на месте. Тингол, однако, медленно проговорил:

— Этими словами ты заслужил смерть, и она последовала бы немедля, не дай я поспешной клятвы, о которой сожалею сейчас, о низкорожденный смертный, выучившийся во владениях Моргота ползать украдкой, подобно его рабам и соглядатаям.

Берен отвечал:

— Заслужил я смерть или нет, я приму ее от тебя: не приму лишь этих слов — “низкорожденный”, “соглядатай”, “раб”. Клянусь кольцом Фелагунда, что было дано моему отцу на поле битвы на Севере, мой род не заслужил подобных имен ни от одного эльфа, будь он хоть трижды король.

Горды были его слова, и все взгляды устремились на кольцо, ибо он высоко поднял его, и засверкали изумруды, сотворенные нолдорами в Валиноре. Было это кольцо сделано в виде двух змей с изумрудными глазами, и их головы словно венчала корона из золотых цветов: одна змея защищала корону, другая пожирала. Это был знак Финарфина и его рода. Тогда Мелиан склонилась к Тинголу и шепотом посоветовала ему смирить свой гнев. “Ибо, — прибавила она, — не от твоей руки погибнет Берен; предназначен ему долгий и вольный путь, но судьба его связана с твоей. Будь осторожен!”

Ничего не сказал Тингол, взглянул на Лутиэн и подумал так: “Злосчастны люди, ничтожны и недолговечны их вожди; и один из них посмеет протянуть руку к моей дочери и остаться в живых?!” И промолвил:

— Я вижу кольцо, о сын Барахира, и понимаю, что ты горд и высокого мнения о своей мощи. Недостаточно, однако, подвигов отца, даже если б он служил мне, чтобы получить дочь Тингола и Мелиан. Внемли же! И я желаю скрытого сокровища. Ибо камень, железо и огонь Моргота хранят то, чем я хотел бы владеть вопреки воле всех эльфийских владык. Ты сам сказал, что подобные препятствия не смутят тебя. Ступай же! Принеси мне в руке своей Сильмариль из короны Моргота, и тогда Лутиэн, буде она пожелает, отдаст тебе свою руку. Тогда получишь ты мое сокровище, и хотя в Сильмарилиях заключена судьба Арды, ты не можешь не признать мою щедрость.

Так он вызвал к жизни рок Дориафа и попал в сети Проклятья Мандоса. Те же, кто слышал его слова, поняли, что Тингол не нарушил своей клятвы и все

же обрек Берена на смерть; ибо знали они, что вся мощь нолдоров еще тех времен, когда не была прорвана Осада, не смогла достичь того, чтобы хоть издалека увидеть сияние Феаноровых Сильмарилей. Ибо они были вправлены в Железную Корону и ценились в Ангбанде превыше всего; их хранили балроги и бесчисленные мечи, прочные затворы и неприступные стены, а более всего — черное могущество Моргота.

Берен же рассмеялся:

— Недорого ценят эльфийские владыки своих дочерей! — воскликнул он. — Они готовы продать их за драгоценные камни, за рукотворные украшения. Но если, о Тингол, такова твоя воля, я исполню ее. И когда мы встретимся вновь, в руке моей будет Сильмариль, вырванный из Железной Coronы; ибо не в последний раз видишь ты Берена, сына Барахира!

Затем он взглянул в глаза Мелиан, которая не произнесла ни слова, простился с Лутиэн Тинувиэль и, поклонившись Тинголу и Мелиан, отстранил стоявших рядом с ним стражей и в одиночестве покинул Менегрот.

И тогда сказала Тинголу Мелиан:

— Ты поступил хитроумно, о король! Но если глаза мои не потеряли еще способности видеть дальше прочих, исполнит ли Берен свое дело или нет, это равно принесет тебе несчастье. Либо ты, либо твоя дочь обречены — тобой же. А судьба Дориафа сплелась сейчас с судьбой более могущественного королевства.

Тингол, однако, ответил:

— Ни человеку, ни эльфу не продам я тех, кого люблю и ценю превыше всех сокровищ. А если бы оставалась хоть тень надежды, что Берен когда-либо вернется живым в Менегрот, он не увидел бы больше дневного света, несмотря на мою клятву.

Лутиэн же хранила молчание, и с тех пор не слышно было ее песен в Дориафе. Тишина нависла тучей над лесами, и удлинились тени в королевстве Тингола.

Сказано в **Лэйтиан**, что Берен беспрепятственно ушел из Дориафа и пришел к Полусветному Озерью и Топи Сириона; там поднялся он на холмы над водопадами Сирион, где река, грохоча, скрывалась под землей. Оттуда он взглянул на запад и сквозь дожди и туманы, окутавшие холмы, увидел Талат Дирнэн, Хранимую Равнину, простиравшуюся меж Сирионом и Нарогом; вдали же разглядел он нагорье Таур-эн-Фароф, вздымавшееся над Наргофрондом. И вот Берен, не ведая, что делать и на что надеяться, повернул туда.

На всей этой равнине беспрестанно несли дозор эльфы Наргофронда; каждый холм на краях ее был увенчан тайными башнями, в лесах и полях, искусно скрываясь, бродили лучники. Стрелы их несли смерть и всегда попадали в цель, и ни одно живое существо не могло прокрасться там без их ведома. Поэтому, едва появился Берен, они уже знали о нем, и смерть его была близка. Однако, зная об опасности, он шел, высоко подняв кольцо Фелагунда; и, хотя благодаря искусности охотников, не видно было ни души, Берен знал, что за ним следят и то и дело кричал: "Я Берен, сын Барахира, друга Фелагунда. Отведите меня к королю!"

Поэтому охотники не убили его, но, собравшись вместе, заступили ему дорогу и велели остановиться. Однако, увидев кольцо, они склонились перед ним, хоть вид его был невзрачен и изможден; и повели его на северо-восток,

идя по ночам, дабы не выдать своих тайных троп. В то время не было ни брода, ни моста через буйный Нарог, но севернее, где в Нарог впадал Гинглиф, течение было слабее, и, переправясь там, эльфы повернули вновь на юг и при свете луны привели Берена к черным вратам потаенных чертогов.

Так явился Берен к королю Финроду Фелагунду, и Фелагунд узнал его; он не нуждался в кольце, чтобы вспомнить о роде Беора и о Барахира. Затворив двери, они сели, и Берен поведал о гибели Барахира и о том, что случилось с ним самим в Дориафе; и разрыдался он, вспомнив Лутиэн и недолгое их счастье. С изумлением и тревогой слушал его Фелагунд и понял, что, как когда-то предсказывал он Галадриэли, данная им клятва теперь ведет его к смерти. С тяжелым сердцем сказал он Берену:

— Ясно мне, что Тингол лишь желает твоей гибели, но, сдается, рок превышает его цель, и вновь ожила клятва Феанора. Ибо на Сильмарили наложено заклятие ненависти, и тот, кто хотя бы выскажет желание обладать ими, пробудит могучие силы; а сыновья Феанора скорее низвергнут в прах все эльфийские королевства, чем дозvoлят, чтобы кто-нибудь другой завладел Сильмарилем, ибо ими движет Клятва. Ныне в чертогах моих живут Целегорм и Куруфин, и хотя здесь король — я, сын Финарфина, в моих владениях они обрели большую силу, к тому же с ними много их сородичей. В нужде они вели себя как друзья, но боюсь, что если цель твоя будет объявлена, ты не найдешь у них ни любви, ни сочувствия. Однако клятва обязывает меня, и все мы в тенетах рока.

После этого король Фелагунд обратился к своим подданным, напомнив им о деяниях Барахира и о своей клятве, и объявил, что обязан помочь сыну Барахира, и попросил помощи у своих военачальников. Тогда встал среди толпы Целегорм и, выхватив меч, воскликнул:

— Друг или враг, демон или Моргот, эльф или человек, или иная живая тварь — ни закон, ни любовь, ни союз черных сил, ни могущество валаров, ни любые чары не спасут от ненависти сыновей Феанора того, кто завладеет Сильмарилем! Ибо, пока существует мир, лишь мы имеем право на Сильмарили.

Долго держал он речь, и была в ней такая же сила, как в тех словах, которыми много лет назад, в Тирионе его отец призывал нолдоров к мятежу. А потом говорил Куруфин, и хоть речь его была более спокойна, но обладала не меньшей силой и вызывала в воображении эльфов видение войны и гибели Наргофронда. Такой ужас посеял он в их сердцах, что никогда более до самого появления Турина ни один эльф из этого королевства не вышел в открытую битву; из засад, чародейством и отравленными дротиками преследовали они всех пришельцев, позабыв об узах родства. Так низко пали они, отринув величие и свободу предков, и тень легла на их земли.

Сейчас же они роптали, что сын Финарфина — не валар, чтобы повелевать ими, и отвернулись от него. Однако Проклятие Мандоса сделало свое дело, и у братьев зародились черные мысли: они решили отправить Фелагунда в одиночку на верную смерть, а самим захватить трон Наргофронда, ибо они были из древнейшего рода нолдорских принцев.

Фелагунд же, видя, что покинут всеми, снял серебряный венец Наргофронда и бросил к своим ногам, воскликнув:

— Нарушайте вы данную мне присягу, я же клятвы своей не нарушу! Одна-

ко, если среди вас остался хоть кто-то, на кого не пала еще тень общего нашего рока, то спутники для меня найдутся, и я не уйду нищим, которого вышвыривают за ворота.

Рядом с ним стояли десять воинов, и предводитель их, по имени Эдрахиль, шагнув вперед, поднял венец и попросил дозволения передать его наместнику до возвращения Фелагунда.

— Что бы ни было, — сказал он, — для меня и для них ты — король.

Тогда Фелагунд передал венец брату своему Ородрефу, чтобы тот правил вместе него. Целегорм и Куруфин не сказали ни слова, но, усмехнувшись, покинули чертог.

Осенним вечером с десятью спутниками Финрод и Берен вышли из Наргофронда. Они поднялись по берегу Нарога до самых его истоков у водопада Иврин. У подножья Теневого Хребта они наткнулись на шайку орков и под покровом тьмы в их же становище выбили всех до единого и забрали их доспехи. Искусством своим Фелагунд придал себе и спутникам облик орков, и под этими личинами они направились дальше на север и смело вошли в западный проход между хребтом Эред Вэтрин и нагорьями Таур-ну-Фуин. Но Саурон в своей башне узнал об их продвижении, и сомнение овладело им, ибо шли они в спешке и даже не задержались, чтобы сообщить о своих делах, как обязаны были делать это все проходившие здесь слуги Моргота.

Потому он выслал отряд, чтобы перехватить их и доставить к нему.

Так произошел знаменитый ныне поединок между Сауроном и Фелагундом. Ибо Фелагунд состязался с Сауроном в песнях могущества, а могущество короля было велико; но и Саурон обладал силой, о которой так сказано в Лэйтиан:

*Звучала песня лиходейских чар.
Пронзая и срывая все покровы.
Сзывая всех, к предательству готовых.
Но Финрод встал и вопреки судьбе
О стойкости запел и о борьбе.
О силе, что сражает силы зла,
Хранимых тайнах, коим нет числа.
О вере, о свободе, о спасенье.
Об измененье и пребраженье.
Узилищах, что двери распахнут.
Цепях разбитых, что, звеня, падут.
Так с песней песнь сходилась, как в бою.
И Фелагунд, слабея, пел свою,
И вот вся мощь эльфийских светлых чар
Влилась в его напев, как щедрый дар.
И птичий щебет услышали все
Над Наргофрондом в утренней росе.
Дышало тяжело Море вдалеке.
На грани Круга Мира, на песке,
Песке жемчужном у далеких скал.
Что свет Дерев когда-то озарял.
И вдруг, сгустившись, за клубилась мгла
Над Валинором, там, где кровь текла.
У берега Моря, у белейших врат.
Где острый меч на брата поднял брат.
И нолдоры, озлобясь, увели*

*Добытые резнею корабли.
И свет погас. И ветер застонал.
И волк завыл. И ворон закричал.
Сковал заливы тяжкий грохот льда.
Несчастный раб в Темнице зарыдал.
Гром раскатился, полыхнул огонь —
И рухнул Финрод, чарами сражен.*

Саурон сорвал с них личины, и они предстали пред ним нагие и дрожащие от страха. Но, хотя Саурон открыл, каких они племен, имена их и цели остались ему неведомы.

Он бросил их в глубокую, черную и безмолвную яму и грозил жестоко умертвить всех, пока один из них не скажет правды. Время от времени видели они, как во тьме загорались два глаза, и волколак пожирал одного из них. Но никто не предал своего господина.

* * *

В то время, когда Саурон вверг Берена в узилище, бремя ужаса легло на сердце Лутиэн; и, придя за советом к Мелиан, она узнала, что Берен заключен в темнице Тол-ин-Гаурхота без надежды на спасение. И вот Лутиэн, зная, что никто иной на земле не придет ему на помощь, решила бежать из Дориафа, дабы самой помочь любимому; но она доверилась Даэруну, а он вновь предал ее. Тингол изумился и ужаснулся; а так как он не хотел лишать Лутиэн дневного света, ибо тогда она бы истаяла, и все же желал удержать ее, он велел построить жилище, из которого она не сможет бежать. Неподалеку от врат Менегрота росло самое большое дерево в Нэльдорэфе — буквом лесе, что составлял северную половину королевства. Этот огромный бук прозывался Хирилорн, и было у него три ствола, равных по обхвату, высоких и с гладкой корой; ветви на них росли только на головокружительной высоте. Там, высоко меж стволов Хирилорна, был выстроен дом, и в нем поселили Лутиэн. Лестницы оттуда были убраны и строго охранялись — кроме тех случаев, когда слуги Тингола поднимались наверх, чтобы доставить ей все необходимое.

В **Лэйтиан** повествуется о том, как бежала Лутиэн из дома на Хирилорне. Она пустила в ход чары и сделала так, что волосы ее выросли до необычайной длины; и из них она сплела черный плащ, который, как тень, сокрыл ее красоту; а в нем было заключено заклятие сна. Из оставшихся прядей она сплела веревку и спустила ее из окна; и когда конец веревки закачался над головами стражников, сидевших под деревом, их объял необоримый сон. Тогда Лутиэн выбралась из своей темницы и, закутанная в плащ, подобный тени, избегнув чужих глаз, покинула Дориаф.

Лутиэн бежит из Дориафа. Тед Несмит

Случилось так, что Целегорм и Куруфин выехали поохотиться на Хранимой Равнине, а сделали они так потому, что Саурон, мучимый подозрениями, выслал в эльфийские земли множество волков. И вот Целегорм и Куруфин отправились в путь, взяв с собой псов; надеялись они также до возвращения разузнать что-либо о Финроде Фелагунде. Вожаком псов-волкодавов, что сопровождали Целегорма, был Хуан. Он не родился в Средиземье, но прибыл из Благо-

словенного Края, ибо сам Оромэ некогда в Валиноре подарил его Целегорму, и там он следовал за пением рога своего господина, пока не пришло лихо. Хуан последовал за Целегормом и в изгнание и остался Берен ему; но и на него пал Жребий Нолдоров, и ему суждено было погибнуть, но не прежде, чем вступит он в единоборство с сильнейшим из волков, какие когда-либо населяли мир.

Хуан-то и обнаружил Лутиэн, когда Целегорм и Куруфин остановились на отдых у западных рубежей Дориафа, а она пробиралась меж деревьев, подобно тени, застигнутой солнечным светом; ибо ничто живое не могло укрыться от его взора и нюха, никакая магия не могла помешать ему, и он не спал ни днем, ни ночью. Он привел Лутиэн к Целегорму, и она, зная, что тот — принц нолдоров и враг Моргота, обрадовалась и, сбросив плащ, назвала себя. Так велика была ее внезапно заблеставшая под лучами солнца красота, что Целегорм мгновенно влюбился в нее; но заговорил он с ней учтиво и пообещал, что поможет ей, если сейчас она поедет с ним в Наргофронд. Однако ни словом не обмолвился он ни о том, что знает Берена, и цель его, ни о том, что это близко его касается.

Так они, прервав охоту, вернулись в Наргофронд, и так была обманута Лутиэн, ибо братья отняли у нее плащ и держали взаперти и не позволяли ни выходить за ворота, ни говорить с кем-либо, кроме них самих. Надеясь, что пленным Берену и Финроду Фелагунду не дождаться помощи, они решили обречь короля на смерть, завладеть Лутиэн и вынудить Тингола отдать ее в жены Целегорму. Тогда они расширили бы пределы своей власти и стали бы могущественнейшими среди принцев нолдоров. А они не хотели ни добывать силой либо хитростью Сильмарилей, ни позволять другим делать это, пока под началом у них не будет силы всех эльфийских владений. Ородреф не мог противостоять им, потому что они склонили на свою сторону сердца жителей Наргофронда; и вот Целегорм отправил гонцов к Тинголу, требуя его согласия.

Пес Хуан, однако, был честен душой, а Лутиэн с первой встречи полюби-

лась ему, и ее плен печалил его. Потому он часто приходил в ее покой, а ночами лежал перед ее дверью, ибо чуял, что лихо пробралось в Наргофронд. Будучи одинока, Лутиэн часто говорила с ним о Берене, который был другом всех зверей и птиц, не служивших Морготу, и Хуан понимал все, ибо ему доступна была речь любого живого существа, обладавшего голосом; самому же ему лишь трижды в жизни дозволено было заговорить.

Хуан и придумал, как помочь Лутиэн. Однажды ночью он принес ей ее плащ и тогда заговорил впервые, советуя ей, как надо поступать. Потом он тайными тропами вывел ее из Наргофронда, и они вместе направились на север; и Хуан, забыв о гордости, дозволил Лутиэн ехать на нем верхом, как порой ездили орки на волках. Мчались они быстро, ибо Хуан был скор и неутомим.

Лутиэн сбегает на Хуане. Тед Несмит

Тем временем Фелагунд и Берен томились в узилище Саурона, и все их спутники уже погибли, но Саурон намеревался оставить Фелагунда напоследок, ибо чуял в нем могущественного и мудрого нолдора и решил, что именно в нем заключается тайна их похода. Однако, когда волк пришел за Береном, Фелагунд напряг силы и разорвал свои путы, и, схватившись с волколаком, убил его руками и зубами, но сам был смертельно ранен. И сказал он Берену: «Я уйду на долгий отдых в чертогах Мандоса за краем моря и горами Амана. Много веков пройдет, прежде чем я вновь явлюсь среди нолдоров, и уж верно,

второй раз, в жизни или в смерти, мы не свидимся никогда, ибо разные судьбы у наших народов. Прощай!" И он умер во тьме, в Тол-ин-Гаурхоте, чья величественная башня им же и была возведена. Так исполнил свою клятву король Финрод Фелагунд, благороднейший и более всех любимый из рода Финвэ, и Берен в отчаянии скорбел над ним.

В тот час явилась Лутиэн и, встав на мосту, что вел на остров Саурона, запела песнь, которой не могли сдержать каменные стены. Берен услышал ее, и показалось ему, что это сон, ибо звезды засияли над ним, и в ветвях запели соловьи. И в ответ он спел песню-вызов, которую сложил, воспевая Серп Валаоров, Семь Звезд, что Варда поместила над северными землями в знак того, что Моргот будет низвергнут. Затем силы покинули его, и он погрузился во тьму.

Но Лутиэн услышала его голос и пропела песню еще большей силы. Завыли волки, и остров содрогнулся. Саурон стоял в башне, погруженный в свои черные думы, но, заслышав голос ее, усмехнулся, ибо знал, что это дочь Мелиан. Слава о красоте и дивном пении Лутиэн давно уже вышла за пределы Дориафа, и решил он захватить ее в плен и отдать Морготу, ибо награда была бы щедра.

И вот он послал на мост волка, но Хуан безмолвно убил его. Одного за другим посылал волков Саурон, и одного за другим душил их Хуан. Тогда Саурон выслал Дрэглуина, страшного зверя, закосневшего во зле, вождя и повелителя всех волколаков Ангбанда. Он был могуч, и долго длилась жестокая схватка меж Хуаном и Дрэглуином. Наконец Дрэглуин вырвался и, прибежав в башню, издох у ног Саурона, но, издыхая, прохрипел своему господину: "Хуан здесь!" Саурону, как и многим, было ведомо, какая судьба предназначена псу из Валинора, и решил он, что ему-то и суждено исполнить предсказание. Тогда принял он облик волколака, сильнее всех, что когда-либо существовали в мире, и сам вышел на мост.

Так велик был ужас от его приближения, что Хуан метнулся прочь. Тогда Саурон прыгнул на Лутиэн, и от мерзкого дыхания и злобы, горевшей в его глазах, она лишилась чувств. Но, падая, она развернула перед его глазами свой черный плащ, и Саурон, еще в прыжке, замешкался, ощутив мимолетную дремоту. И тогда Хуан прыгнул. Так началась схватка Хуана с Волком-Сауроном, и вой вперемешку с лаем отдавался эхом в горах; и стражи на склонах Эред Вэтрин, на другой стороне долины, услышали эти звуки и пришли в смятение.

Но ни чары, ни заклятья, ни, клык, ни яд, ни искусность демона, ни сила зверя не могли одолеть Хуана из Валинора; он вцепился в горло врага и поверг его наземь. Начал тогда Саурон менять облик, из волка став змеей, а потом приняв свой обычный вид, но не мог избавиться от хватки Хуана иначе, как только покинув совершенно свое тело. Едва его отвратительный дух оставил свое пристанище, Лутиэн приблизилась к нему и сказала, что он будет лишен своей телесной оболочки, а его тень вернется, дрожа, к Морготу, "и там, — прибавила она. — ты, призрачный, будешь вечно мучиться под пыткой его презрения, если только не отдашь мне власти над этой крепостью".

Тогда Саурон покорился, и остров и все, что было на нем, оказались под властью Лутиэн. Хуан выпустил Саурона, и тот мгновенно принял облик летучей мыши-кровососа, подобно черной туче заслонив луну, и полетел, роняя из горла на деревья капли крови, и прилетев в Таур-ну-Фуин, остался там, напол-

нив лес ужасом.

Хуан побеждает Сауона. Тед Несмит

Лутиэн же, стоя на мосту, объявила о своей власти, и пало заклятие, скреп- лявшее камни, рухнули ворота и стены темниц, вышли рабы и узники, смятен- ные, заслоняя глаза от лунного света, ибо слишком долго были они во тьме Са- урона. Но Берена не было среди них. Долго искали его на острове Лутиэн и Ху- ан, и наконец Лутиэн нашла — скорбящим у тела Фелагунда. Так велико было его горе, что он лежал недвижно и не слышал ее шагов. Тогда, думая что он умер, Лутиэн обхватила его руками и впала в черное забытье. Но тут Берен, вернувшись к свету из глубин отчаянья, поднял ее, и они вновь взглянули друг на друга; и рассвет, поднявшийся над черными холмами, озарил их.

Они погребли тело Фелагунда на вершине холма, на острове, который вновь был чист; и зеленая могила Финрода, сына Финарфина, благороднейше- го из эльфийских владык, оставалась нетронутой до тех пор, пока весь этот край не изменил облик и не опустился, разоренный, на дно морское. Финрод же, вместе с отцом своим Финарфином бродит в лесах Эльдамара.

Вновь Берен и Лутиэн Тинувиэль были вместе и вольно бродили в лесах, и радость на время вернулась к ним; и хотя наступила зима, они от нее не стра- дали, ибо там, где ступала Лутиэн, распускались цветы, и птицы пели над за- снеженными холмами. Верный же Хуан вернулся к господину своему Целегор- му, но прежней любви уже не было между ними.

В Наргофронде царило смятение, ибо туда вернулись эльфы, что были прежде в плену на острове Сауона, и поднялся ропот, заглушить которого не смогли речи Целегорма. Горько оплакивали наргофрондцы гибель короля сво- его Фелагунда, говоря, что дева осмелилась совершить то, на что не отважи- лись сыновья Феанора; многие, однако, прозревали, что не страх был причи- ной поступков Целегорма и Куруфина, но предательство. Потому сердца жите- лей Наргофронда освободились от их власти и обратились вновь к дому Фи- нарфина; и они повиновались Ородрефу. Но он не позволил им, как хотели иные, убить братьев, ибо если пролилась бы кровь родичей, еще более проч- ными стали бы тенета Проклятия Мандоса. Однако в пределах Наргофронда не было для Целегорма ни пищи, ни крова, и поклялся Ородреф, что с этих пор не бывать дружбе меж Наргофрондом и сыновьями Феанора.

“Пусть так!” — процедил Целегорм, и глаза его угрожающе сверкнули; Куру- фин же усмехнулся. Потом они вскочили на коней и умчались вихрем на по- иски своих родичей, живших на востоке. Но никто не последовал за ними, да- же их соплеменники, ибо все понимали, что проклятье лежит на братьях, и зло следует за ними по пятам. А Целебримбор, сын Куруфина, отрекся от ли-

хих дел своего отца и остался в Наргофронде; но Хуан по-прежнему бежал за конем Целегорма, своего господина.

Они поскакали на запад, ибо спешили и намеревались проехать через Димбар и вдоль северных рубежей Дориафа, чтобы как можно скорее достичь Химринга, где обитал их брат Маэдрос; так как земли эти лежали близко от Дориафа, и недалеко были Нан-Дунгорфоб и угрозные горы Ужаса, они надеялись быстро пересечь их.

Говорят, что Берен и Лутиэн, бродя вдвоем, пришли в лес Брефиль и оказались близко от границ Дориафа. Тогда вспомнил Берен о своей клятве и, вопреки сердцу, решил теперь, когда Лутиэн в безопасности и вблизи от родных мест, вновь отправиться в путь. Но она не хотела расставаться с ним и сказала так: “Перед тобою, Берен, два пути — либо ты откажешься от своей цели и клятвы и будешь скитаться по земле, либо сдержишь слово и бросишь вызов Темной Силе, восседающей на северном троне. Но какую бы дорогу ты ни выбрал, я пойду за тобою, и судьба у нас будет одна.”

В то время, как они шли, беседуя об этом и ни на что иное не обращая внимания, лесом проезжали Целегорм и Куруфин и узнали их издалека. Целегорм развернул коня и погнался на Берена, чтобы сбить его с ног, Куруфин же, свернув, наклонился и втащил Лутиэн на седло, ибо был умелым и сильным всадником. Но Берен увернулся от Целегорма и вскочил на всем скаку на мчавшегося мимо коня Куруфина; и с тех пор прыжок Берена прославлен среди людей и эльфов. Он вцепился в горло Куруфина, рванул его назад, и они вместе свалились на траву. Конь взвился на дыбы, сбросил Лутиэн, и она упала.

Прыжок Берена. Тед Несмит

Берен душил Куруфина, но ему самому грозила смерть, ибо Целегорм на скаку замахнулся на него копьем. В этот миг Хуан отсекся от службы Целегорму и бросился на него, так что конь заметался и не мог приблизиться к Берену, опасаясь громадного пса. Целегорм проклял и пса, и коня, но Хуан был непреклонен. Лутиэн поднялась и крикнула, веля Берену не убивать Куруфина; однако Берен отнял у него оружие и доспехи, а также кинжал Ангрисст. Этот кинжал был сделан Тэльхаром из Ногрода и висел без ножен у пояса Куруфина; он разрубал железо, как дерево. Потом Берен, подняв Куруфина, отшвырнул его прочь и велел возвращаться к благородным своим соплеменникам, которые, может быть, научат его обращать свою доблесть на более достойные цели. “Твоего коня я оставлю для Лутиэн, — добавил он, — и он дол-

жен быть счастливы, что освободился от такого хозяина. “

Тогда Куруфин проклял Берена. “Скачи же! — крикнул он. — Спешите к мучительной и скорой смерти!” Целегорм посадил его на своего коня, и братья сделали вид, что уезжают; Берен же отвернулся, не слушая их. Тогда Куруфин, объятый стыдом и злобой, схватил лук Целегорма и выстрелил на скаку, целясь в Лутиэн. Хуан, прыгнув, поймал стрелу на лету, но Куруфин вновь спустил тетиву, и тогда Берен заслонил Лутиэн, и стрела вонзилась ему в грудь.

Говорят, что Хуан долго гнал сыновей Феанора, и они бежали в страхе; и вернувшись, он принес Лутиэн из чащи целебную траву. Той травой она остановила кровь, текшую из раны Берена, и искусством и любовью своей исцелила его; и так наконец они вернулись в Дориаф. Там Берен разрывался меж любовью и клятвой, и, однажды, зная, что Лутиэн теперь в безопасности, встал до рассвета, вверил ее заботам Хуана и в великой тоске ушел, пока она спала еще на траве.

Он вновь поскакал на север, к ущелью Сириона, так быстро, как только мог, и, достигнув края Таур-ну-Фуин, увидел за пустыней Анфауглиф вершины Тангородрима. Там он отпустил коня Куруфина и велел ему покинуть земли ужаса и рабства и вольным скакать по зеленой траве в прибрежных лугах Сириона. Потом, оставшись один и в предверии смертельной опасности он сложил Песнь Расставания, в которой воспел Лутиэн и небесный свет, ибо думал, что навеки расстается и со светом, и с любовью. Вот строки этой песни:

*Прощайте, светлая земля и светлый небосклон,
Благословенные навек с прекрасных тех времен,
Когда твой облик озарял тьму северных земель.
Когда ступала ты по ним, моя Тинувиэль!
Немеем смертный менестрель пред вечною красой.
Пусть рухнет в бездну целый мир — бессмертен образ твой.
Пусть время вспять, как русла рек, швырнет небесный гнев,
Восстанешь ты из тьмы времен, забвение презрев.
Есть в этом мире тьма и свет, равнины и моря,
Громады гор и очи звезд, что в небесах горят,
Но камень, свет, звезда, трава лишь для того и есть,
Чтоб Лутиэн хотя б на миг существовала здесь!*

Он пел громко, не заботясь о том, что его могут услышать, ибо был в отчаянии и не заботился о спасении.

И все его услышали и запели в ответ: была то Лутиэн, что, нежданная, держала путь по диким землям. Ибо Хуан, вновь давший согласие нести ее на себе, мчался с ней по следу Берена. Долго размышлял он, как облегчить опасность, нависшую на теми двумя, кого он так любил. И вот, когда они вновь спешили на север, он свернул к острову Саурона и там разыскал жуткие личины волка Драуглуина и летучей мыши Тхурингвэтиль. Она была посланницей Саурона и имела обыкновение летать в Ангбанд в облике летучей мыши-кровососа. На сочленениях ее громадных крыльев были железные когти. В этих мерзких личинах Хуан и Лутиэн пробирались через Таур-ну-Фуин, и все живое бежало перед ними.

Берен, видя их приближение, был смятен и поражен, ибо ясно слышал голос Тинувиэль решил, что это призрак, насланный, чтобы поймать его в ловушку. Но они остановились и сбросили свои обличья, и Лутиэн подбежала

к нему. Так повстречались вновь Берен и Лутиэн меж делями и пустыней. Мгновение Берен был счастлив, но потом принялся вновь уговаривать Лутиэн вернуться.

— Будь трижды проклята моя клятва Тинголу! — воскликнул он. — Лучше бы он казнил меня в Менегроте, чем я привел бы тебя под тень Моргота.

Тогда Хуан заговорил во второй раз и так молвил Берену:

— Не в твоих силах ныне избавить Лутиэн от смертной тени, ибо она любовью своей на это обречена. Ты мог бы отречься от клятвы и увести ее в изгнание, до конца дней своих скитаясь в поисках покоя. Если же не отречешься, то Лутиэн либо умрет в одиночестве, либо вместе с тобой бросит вызов року — вызов отчаянный, но не безнадежный. Больше ничего посоветовать я не могу, не могу также идти с вами далее. Сердце мое, однако, предсказывает, что добытое вами у Врат я увижу собственными глазами. Прочее темно для меня; но, быть может, наши дороги приведут в Дориаф, и мы увидимся прежде, чем наступит конец.

Тогда понял Берен, что невозможно отделить Лутиэн от рока, что тяготеет над ними обоими, и более не переубеждал ее. По совету Хуана он магией Лутиэн облачился в шкуру Драуглуина, а она — в крылатую оболочку Тхурингвэтиль. Как две капли воды был Берен похож на волколака, только глаза его сияли сурово и ясно; и ужас метнулся в них, когда он увидел рядом с собой летучую мышь, закутанную в складчатые крылья. Затем, испустив вой, он прыгнул с холма, а летучая мышь, описав круг, взмыла над ним.

Берен и Лутиэн в личинах лихдейских тварей Моргота. Тед Несмит

Избежав всех опасностей, покрытые пылью долгого и тяжкого пути, при-

шли они наконец в мрачную долину, что лежала пред Вратами Ангбанда. Черные бездны разверзались рядом с дорогой, и из них выползали призраки в виде извивающихся змей. По обе стороны ее возвышались скалы, подобные крепостным стенам, а на скалах сидели стервятники, испуская злые вопли. Пред ними были неприступные Врата — громадная черная арка, опиравшаяся на подножия гор: над ней высились поднебесные скалы.

Смятение овладело ими, ибо был у Врат страж, о котором не слышали прежде. Слухи о неведомых замыслах эльфийских владык достигли Моргота, да и лай Хуана, громадного боевого пса, некогда спущенного с привязи валарами, эхом разносился в дебрях. Тогда Моргот вспомнил о жребии, предначертанном Хуану и избрал одного из детенышей племени Драуглуина, из рук своих кормил его сырым мясом и утвердил свою власть над ним. Волк рос быстро и вскоре уже не мог поместиться в логове, но лежал, громадный и вечно голодный, у ног Моргота. Там огонь и мука преисподней вошли в него, и родился в нем дух уничтожения, всепожирающий и мучимый, могучий и злобный. В преданиях тех дней он звался Кархарот, Красная Утроба и Анфáуглир, Жадная Пасть. И велел ему Моргот лежать бессонно пред Вратами Ангбанда, пока не придет Хуан.

Кархарот издалека учуял путников, и сомнения охватили его, ибо в Ангбанд давно уже дошли вести о смерти Драуглуина. Потому, когда они приблизились, он не дал им войти, но грозно двинулся на них, чуя в этих двоих какую-то странность. И тут в Лутиэн пробудилась некая сила, унаследованная от Стихий, и, сбросив свою отвратительную оболочку, она выступила вперед, ничтожно малая пред мощью Кархарота, но сияющая и грозная. Подняв руку, она велела ему уснуть и молвила так: “О на горе рожденный дух, пади же в черное забытье и не вспоминай на время об ужасном своем жребии.” И Кархарот рухнул, словно пораженный молнией.

Тогда Берен и Лутиэн прошли через Врата и спустились по бесконечным лестницам; и вдвоем совершили они величайшее деяние, на которое когда-либо решался человек или эльф. Ибо они явились пред тронем Моргота, в наиболее подземнейший его чертог, что был возведен на ужасе, озарен пламенем и заполнен орудиями пыток и смерти. Там Берен в образе волка подполз к подножию трона; с Лутиэн же волей Моргота личина была сорвана, и он взглянул на нее. Этот взгляд не устрасил ее, и она назвала ему свое имя и вызвалась, подобно менестрелю, спеть пред ним. Тогда Моргот, видя ее красоту, возымел в мыслях недобрую страсть, и родился в сердце его замысел, чернее которого не бывало там с тех пор, как он бежал из Валинора. Так он был одурочен собственным же злом, ибо, глядя на нее, на миг упустил ее из виду и наслаждался тайно своими мыслями. Внезапно Лутиэн ускользнула от его взора и, сокрывшись от тьмы, запела песню такой исключительной красоты и слепящей силы, что Моргот невольно внимал; и слепота поразила его, и он напрасно вращал глазами, стремясь отыскать ее взглядом.

Все его прислужники погрузились в сон, сникли и погасли все огни; лишь Сильмарили в короне Моргота внезапно вспыхнули сияющим белым пламенем; и под тяжестью камней и короны голова его склонилась, словно была в них вся тяжесть мира, его волнений, страхов и желаний, превозмочь которую не в силах была даже воля Моргота. Тогда Лутиэн, подхватив свою крылатую оболочку, взмыла в воздух, и голос ее хлынул подобно дождю, изливавшемуся

в бездонные черные омуты. Она набросила свой плащ на глаза Моргота и навела на него сон, черный, как Внемировая Тьма, где он бродил когда-то. И вот он рухнул, подобно сорвавшейся с гор лавине, и, с грохотом скатившись со ступеней трона, распростерся на дне преисподней. Железная корона с громким стуком скатилась с его головы. Все замерло.

Мертвым зверем лежал на земле Берен; но Лутиэн, коснувшись его рукой, пробудила его, и он сбросил волчий облик. Затем он вынул из ножен кинжал Ангрис и вырезал из железных тисков Сильмариль.

Берен сжал камень в кулаке, и сияние заструилось сквозь живую плоть, и рука его стала подобна зажженному светильнику; Сильмариль же покорился его прикосновению и не ожег его. Тогда Берену пришло на ум, что он мог бы исполнить более, чем поклялся, и унести из Ангбанда все три Камня Феанора; но не таков был жребий Сильмарилей. Ангрис сломался, и осколок его, отлетев, задел щеку Моргота. Он застонал и шевельнулся, и все войска Ангбанда дрогнули во сне.

Страх охватил тогда Берена и Лутиэн, и они бежали, забыв об осторожности и не сменив облика, желая лишь только еще раз увидеть свет. Никто не пытался ни задержать, ни преследовать их, но Врата для них были закрыты, ибо Кархарот пробудился и в гневе стоял у порога Ангбанда. Прежде чем бегущие могли его заметить, он увидел их и прыгнул.

Лутиэн была обессилена и не успела усмирить волка. Но Берен метнулся вперед, заслонив ее, и в правой руке он держал Сильмариль. Кархарот замер, и страх на мгновение охватил его. “Беги, — вскричал Берен, — беги, сокройся, ибо вот огонь, что пожрет тебя и все творения зла!”

Но Кархарот взглянул на камень и не утрашился, и при виде пылающего огня в нем пробудился ненасытный дух; и вот, разинув пасть, он сжал в челюстях кулак Берена и откусил его. Мгновенно его внутренности наполнились мучительным пламенем, и Сильмариль опалил его мерзкую плоть. С воем он бросился прочь, и эхо вторило его воплям, мечась в горах, окружавших привратную долину. Так ужасен был он в безумье своем, что все твари Моргота, обитавшие в этой долине, или находившиеся на дорогах, что вели в нее, бежали прочь, ибо он убивал все живое, что встречалось на его пути, и вырвался с Севера, неся разорение миру. Из всех бедствий, что когда-либо, до падения Ангбанда, выпадали Белерианду, ужаснейшим было безумие Кархарота, ибо вызвано оно было мощью Сильмарилия.

Берен же лежал без чувств у грозных Врат, и смерть его была близка, ибо клыки волка источали яд. Лутиэн губами высосала яд и собрала слабеющие силы, чтобы остановить кровь, хлеставшую из ужасной раны. Но за спиной ее, в глубинах Ангбанда послышался грозный ропот. Пробуждались орды Моргота.

Казалось, что вот так, отчаянием и гибелью, закончится поход за Сильмарилиями; но в этот час над краем долины показались три могучие птицы, что мчались на север, обгоняя ветер. Слух о скитаниях и нуждах Берена достиг всех зверей и птиц, да и Хуан просил всех, кто ни встретит его в нужде, прийти ему на помощь. Высоко над владениями Моргота парили Торондор и его витязи и, увидев безумие волка и близкую гибель Берена, они примчались именно тогда, когда мощь Ангбанда вырвалась из тенет сна.

Орлы подхватили Берена и Лутиэн и унесли высоко под облака. Под ними

загрохотал гром, взметнулись молнии и содрогнулись горы. Огонь и дым исторглись из Тангородрима, и пылающие громы разлетелись далеко, неся гибель землям, и трепетали холмы в Хифлуме. Торондор же держал путь высоко над землей, по путям поднебесным, где всегда сияет обнаженное солнце, и бродит луна среди ясных звезд. Так пролетели они над Дор-ну-Фауглифом, и над Таур-ну-Фуином, и над сокрытой долиной Тумладэн. Не было ни облаков, ни тумана, и Лутиэн, взглянув вниз, увидела под собой подобное белому свету, исходящему из глубин зеленого камня, сиянье Гондолина Дивного, где правил Тургон. Но она рыдала, думая, что Берен обречен; он не открыл глаз, не произнес ни слова и ничего не знал об этом полете. Наконец орлы принесли их в Дориаф и спустились в ту самую лощину, откуда некогда в отчаянии ушел тайно Берен, покинув спящую Лутиэн.

Там орлы положили рядом Берена и Лутиэн и вернулись на вершины Криссаэгрима, в свои высокогорные гнезда; к Лутиэн же явился Хуан, и они вдвоем выхаживали Берена, как прежде, когда она излечивала его от раны, нанесенной Куруфином. Эта рана, однако, была тяжела, и в ней остался яд. Долго Берен был недвижим, и дух его блуждал у темных смертных рубежей, постоянно испытывая муку, которая гнала его от видения к видению. И вдруг, когда надежды Лутиэн почти иссякли, он очнулся и увидел над собой листья, заслонявшие небо, и услышал под листьями нежно и тихо певшую рядом с ним Лутиэн Тинувиэль. И снова была весна.

Впоследствии Берен был прозван Эрхамиион, что означает Однорукий; страдание запечатлелось в его чертах. И все же он был возвращен к жизни любовью Лутиэн, и восстал, и вновь они вдвоем бродили в лесах. Не спешили они уходить из этих мест, что казались им дивно прекрасны. Лутиэн и вовсе желала вечно бродить и не возвращаться, забыв свой дом и род и все величие эльфийских владений; был вначале счастлив и Берен, но не мог он забыть о клятве вернуться в Менегрот, да и не хотел навеки разлучить Лутиэн с Тинголом. Ибо он Берен был закону людей, считая опасным противиться воле отца, разве только в крайней нужде; казалось ему также неподходящим, чтобы Лутиэн, столь царственная и прекрасная, жила всегда в лесу, подобно грубым и невежественным людям-охотникам, чтобы она была лишена крова, почета и тех дивных вещей, что составляют наслаждение владычиц эльдаров. Потому он вскоре переубедил ее, и они покинули неприютные земля, и Берен вошел в Дориаф, ведя Лутиэн домой. Того хотела их судьба.

Недобрые дни настали в Дориафе. С тех пор, как исчезла Лутиэн, скорбь и безмолвие завладели им. Долго разыскивали ее — и все напрасно. Говорят, что именно тогда пустился в скитания Даэрон Песнопевец, и больше никто его не видал. Это он, прежде чем Берен пришел в Дориаф, создавал для Лутиэн песни и музыку для танцев; он любил ее и все свои мысли о ней воплотил в своей музыке. Он стал величайшим певцом к востоку от Моря, и имя его называли даже прежде имени Маглора, сына Феанора. В бесплодных поисках Лутиэн он прошел страшными тропами и, перевалив через горы, пришел на восток Средиземья, и там много веков над темными водами слагал он плачи о Лутиэн, дочери Тингола, прекрасней которой не было в мире.

В то время Тингол обратился за советом к Мелиан, но она отказала ему, прибавив, что рок, разбуженный им, должен довершить свое дело, ему же остается ждать. Но вот прослышал Тингол, что Лутиэн оказалась далеко от До-

риафа, ибо пришли к нему вестники от Целегорма и сообщили, что Фелагунд и Берен мертвы, а Лутиэн находится в Наргофронде, и Целегорм хочет взять ее в жены. Разгневался Тингол и выслал соглядатаев, замышляя войну с Наргофрондом; и так узнал он, что Лутиэн вновь бежала и что Целегорм и Куруфин изгнаны из Наргофронда. Тогда он заколебался, ибо сил его было недостаточно, чтобы сражаться с семью сыновьями Феанора; но он послал в Химринг, дабы потребовать помощи в поисках Лутиэн, раз уж Целегорм ни отослал ее в дом ее отца, ни смог охранить ее.

Но на севере его владений посланцы встретились с внезапной и грозной опасностью — нападением Кархарота, Волка Ангбанда. В безумии своем примчался он с севера, рыская в поисках добычи, пересек Таур-ну-Фуин в восточной его части и ворвался в верховья Эсгалдуина, подобный всепожирающему огню. Ничто не могло удержать его, и мощь Мелиан на рубежах Дориафа не остановила его, ибо гнала его судьба, да еще Сильмариль, который нес он в себе себе же на муку. Так явился он в нетронутые леса Дориафа, и все бежали в страхе. Из всех посланцев уцелел лишь Маблунг, королевский военачальник; и он принес Тинголу страшные вести.

В тот черный час вернулись Берен и Луткэн, и вести об их приходе, опережая их, вихрем ворвались в наполненные скорбью жилища. Они пришли к воротам Менегрота, и множество народа сопровождало их. Тогда Берен привел Лутиэн к трону Тингола, отца ее, и тот взглянул изумленно на Берена, коего почитал умершим; но не было в его сердце любви к Берену из-за несчастий, которые тот навлек на Дориаф. Берен же преклонил пред ним колена и молвил:

— Вот я вернулся, как и обещал. Я хочу получить то, что было обещано.

И ответил Тингол:

— Что же твой поход и твоя клятва?

— Все исполнено. — сказал Берен. — Сильмариль сейчас в моей руке.

— Покажи! — велел Тингол.

И Берен протянул к нему левую руку, медленно разжав пальцы — но была она пуста. Тогда вскинул он правую руку: и с тех пор называл себя Кáмлост, Пустая Рука.

Тогда Тингол смягчился, и Берен сел слева у подножия его трона, а Лутиэн справа; и они поведали с начала до конца всю историю Похода за Сильмарилем, а все слушали и дивились. И показалось тогда Тинголу, что человек этот непохож на прочих смертных и велик в Царстве Земном; любовь же Лутиэн — дело дивное и небывалое; и понял он, что ничья сила в мире не может противостоять их судьбе.

И он сдался, и пред троном отца Лутиэн Берен взял ее в жены.

И все же радость в Дориафе, вызванная возвращением Лутиэн, была омрачена, ибо, узнав причину безумия Кархарота, все ужаснулись еще более, поняв, что эту опасность питает грозная мощь священного камня, и тяжело будет одолеть ее. Берен же, услышав о нападении Волка, узрел, что Цель его еще не достигнута.

И так как день ото дня Кархарот все более приближался к Менегроту, решено было готовить Охоту на Волка, опаснейшую из всех охот, о которых повествуют предания. На эту охоту вышли Хуан, Пес Валинора, Маблунг Тяжкая Рука, Белег Могучий Лук, а также Берен Однорукий и Тингол, Владыка Дориафа.

Они выехали на рассвете и переправились через Эсгалдуин; Лутиэн же осталась позади, у врат Менегрота. Черная тень накрыла ее, и почудилось ей, что солнце угасло и потемнело.

Охотники повернули на север, потом на восток; и, следуя по течению реки, в сумрачной долине на северном ее берегу, где Эсгалдуин грохотал водопадом по каменным ступеням, отыскивали Кархарота. Он лакал воду у подножия водопада, утоляя неистребимую жажду, и подвывал; и так они поняли, что он здесь. Он же, почуяв их приближение, не стал нападать сразу. Злобная хитрость пробудилась в его сердце, где боль на мгновение была усыплена сладкой водой Эсгалдуина; и пока они приближались, он нырнул в густой кустарник и затаился там, Охотники же расставили вокруг стражу и выжидали, а тени в лесу росли.

Берен стоял рядом с Тинголом, и вдруг увидели они, что Хуана нет с ними, затем из зарослей донесся громкий лай — Хуан, потеряв терпение и желая увидеть волка, один отправился поднять его из укрытия. Кархарот, однако, ускользнул от него и, пробравшись через колючие заросли, внезапно прыгнул на Тингола. Берен бросился на него с копьем, но Кархарот выбил копье и, повалив Берена, вонзил зубы в его грудь. В это мгновение Хуан прыгнул из зарослей на спину Волка, и они покатались в яростной схватке; и не бывало в мире подобного поединка пса с волком, ибо в лае Хуана слышны были голоса рогов Оромэ и гнев валаров; в вое же Кархарота были ненависть Моргота и злоба, что беспощаднее стальных клыков; и от шума схватки камни раскололись, обрушились и преградили путь водопаду. Они бились до смерти, но Тингол не видел этого, ибо стоял на коленях перед тяжело раненым Береном.

Хуан бросается на Кархарота. Тед Несмит.

И убил Хуан Кархарота, но в сей час, в густых лесах Дориафа исполнилось давнее предначертание, и был он смертельно ранен, и яд Моргота проник в него. Тогда он пришел и, рухнув рядом с Береном, заговорил в третий раз и

пред смертью простился с Береном. Тот ничего не сказал, лишь положил руку на голову пса, и так они расстались.

Тут явились Маблунг и Белег, спеша на помощь Тинголу, но когда увидели они, что случилось, то отбросили копья и зарыдали. Затем Маблунг взял нож и вспорол брюхо Волка; внутренности его были словно выжжены огнем, но рука Берена, сжимавшая Сильмариль, осталась нетленной. Когда, однако, Маблунг коснулся ее, рука рассыпалась в прах, и обнажился Сильмариль, и сиянье его наполнило окружавший их темный лес. С трепетом, не мешкая, взял Маблунг камень и вложил в ладонь Берена; и Берен, коснувшись Сильмарила, встал, и высоко поднял его, и просил Тингола принять его. "Достигнута Цель Похода, и жребий мой свершился", — молвил он и более не произнес ни слова.

На носилках несли они Берена Камлоста, сына Барахира, и рядом с ним лежал пес Хуан; и к ночи вернулись они в Менегрот. Они шли медленно, и у носилок пылали факелы; и у подножья бука Хирилорн встретила их Лутиэн. Она обняла и поцеловала Берена и велела ждать ее за Западным Морем; и Берен взглянул в ее глаза, прежде чем дух покинул его. Свет звезд померк, и в миг тот тьма снизошла на Лутиэн Тинувиэль. Так окончился Поход за Сильмарилем; но песнь **Лэйтиан** — Освобождение от Оков на этом не кончается.

Ибо волей Лутиэн дух Берена ожидал ее в чертогах Мандоса, не желая покинуть мир, пока Лутиэн не придет проститься с ним на мрачные берега Внешнего Моря, откуда смертные уходят, чтобы никогда не вернуться. Дух же Лутиэн погрузился во тьму и покинул ее тело; и оно подобно было цветку, что срезан внезапно и лежит на траве, еще не успев увянуть.

Поседел тогда Тингол, словно вступил в зимние годы старости Смертных. Лутиэн же явилась во владения Мандоса, где вдали от западных чертогов, на краю мира предназначено быть эльдарам; там ожидающие сидят в тени своих мыслей. Но красота ее превосходила их красоту, а печаль была глубже их печали; и она преклонила колени пред Мандосом и запела.

И была эта песнь прекраснее всех, что когда-либо слагались в мире, и печальней всего, что когда-либо слышал мир. Неизменная и вечная, поныне звучит она в Валиноре, за пределами мира, и внимая ей, скорбят валары. Ибо Лутиэн сплела воедино две темы — печаль эльдаров и скорбь людей, Двух Племен, что были сотворены Илуватаром, чтобы обитать в Арде, Царстве Земном под бесчисленными звездами. Когда же она преклонила колени пред Мандосом, ее слезы пролились на стопы его, как дождь на камни, и дрогнул Мандос, чего не случалось с ним прежде и не случится никогда впредь.

Потому он призвал Берена, и, как предсказывала Лутиэн в час его смерти, они встретились вновь по ту сторону Моря. Но не властен был Мандос возвращать в пределы Мира умерших людей; не мог он также изменять судьбы Детей Илуватара. Потому он пришел к Манвэ, Владыке Валаров, что правит миром именем Илуватара; и Манвэ в поисках совета погрузился в сокровенные глубины своего разума, где открылась ему воля Илуватара.

Лутиэн дан был выбор. За труды свои и муки она могла быть освобождена из-под власти Мандоса, уйти в Валимар и жить там среди валаров до конца мира, забыв все печали, что были ею познаны в жизни. Туда Берен не мог прийти, ибо валарам не дано было лишить его Смерти — дара Илуватара людям. Либо же она могла вернуться в Средиземье, взяв с собою Берена, и снова жить там; но кратки были бы их жизнь и радость. Тогда она стала бы смерт-

ной и вместе с Береном умерла бы вторично; навсегда ушла бы она из мира, и память о ее красоте осталась бы только в песнях.

Эту судьбу она и избрала, покинув Благословенный Край и отрекшись от родства с теми, кто жил там; и какое бы горе ни подстерегало Берена и Лутиэн, судьбы их были соединены, и один путь увел их за пределы мира. И случилось так, что Лутиэн, единственная из эльдаров, действительно умерла и покинула мир. Однако выбор ее объединил Два Племени; и она стала родоначальницей многих, в ком эльдары даже сейчас, хоть мир изменился, видят подобие возлюбленной ими Лутиэн, которую они потеряли.

Глава 20

О Пятой Битве: Нирнаэт Арноэдиад

а рассказывают, что Берен и Лутиэн вернулись вместе в северные земли Средиземья и некоторое время обитали там вместе как живые мужчина и женщина; свой же облик приняли они в Дориафе. Те, кто видел их, радовались и в то же время ужасались; и Лутиэн пришла в Менегрот и касаньем своей руки исцелила зимнюю старость Тингола. Но Мелиан взглянула ей в глаза и прочла начертанную в них судьбу, и отвернулась, ибо знала, что они разлучены отныне до конца мира; и не было в сей миг скорби и потери тяжелее, чем скорбь майи Мелиан. Затем Берен и Лутиэн ушли вдвоем, не боясь ни голода, ни жажды; они переправились через Гэлион, пришли в Оссирианд и долго жили там на Тол Гален, Зеленом Острове посреди Адуранта, пока не затихли все слухи о них. Позднее эльдары называли этот край Дор Фирн-и-Гуинар, Земля Живущих Мертвых: там-то и пришел на свет Диор Аранэль Прекрасный, что потом стал известен как Диор Элухиль, что значит Наследник Тингола. Ни один смертный не говорил с тех пор с Береном, сыном Барахира; и никто не видел, как Берен и Лутиэн покинули сей мир, и никто не возвел кургана над могилой, где неведомо когда упокоились их тела.

В те дни Маэдрос, сын Феанора, воспрял духом, узнав, что Моргот не так уж непобедим: ибо по всему Белерианду воспевались в песнях подвиги Берена и Лутиэн. Но Моргот уничтожит их всех поодиночке, если только они вновь не объединятся и не создадут новый союз; и вот начал Маэдрос воплощать свои замыслы и объединять эльдаров для новых побед; и созданный им союз был назван Союзом Маэдроса.

Однако клятва Феанора и лихие дела, сотворенные ею, повредили замыслу Маэдроса, и он получил меньше помощи, чем мог надеяться. Из-за Целегорма и Куруфина Ородреф не вышел бы в бой по призыву любого из сыновей Феанора, да и эльфы Наргофронда все еще надеялись защитить свою сокрытую твердыню тайной и скрытностью. Потому оттуда явился лишь небольшой отряд, ведомый Гвйндором, сыном Гуйлина, доблестным принцем; против воли Ородрефа ушел он на северную войну, ибо скорбел о брате своем Гэльмире, сгинувшем в Дагор Браголлах. Они взяли герб дома Финголфина и шли в бой под знаменами Фингона: и из них лишь один вернулся назад.

Мало чем помог и Дориаф. Ибо Маэдрос и его братья, будучи связаны клятвой, отправили послов к Тинголу и высокомерно напомнили ему о своем праве, требуя либо Сильмариль, либо войну. Мелиан советовала Тинголу усту-

пить, но речи сыновей Феанора были надменны и угрожающи, и Тингол разгневался, вспомнив о мучениях Лутиэн и крови Берена, коими был завоеван камень вопреки злодейству Целегорма и Куруфина. Да и чем дольше смотрел он каждодневно на Сильмариль, тем больше желал вечно владеть им: ибо такова была власть камня. Потому он отправил послов назад с презрительными словами. Маэдрос ничего не ответил, ибо уже замыслил военный союз и объединение всех эльдаров; но Целегорм и Куруфин открыто клялись убить Тингола и изничтожить его народ, буде они после войны вернутся с победой, а Сильмариль не отдадут по доброй воле. Тогда Тингол укрепил рубежи своих владений и не вышел на войну, и никто не явился из Дорияфа, кроме Маблунга и Белега, ибо не могли они не принять участия в столь великих деяниях. Им Тингол дозволил уйти, но с условием, что они не будут служить сыновьям Феанора; и они присоединились к войску Фингона.

Помогли зато Маэдросу наугримы — и воинской силой, и оружием; и много работы было в те дни у кузнецов Награда и Белегоста. И собрал Маэдрос всех своих братьев и все племена, что поддерживали их; собрались люди из племен Бора и Ульфанга и обучались воинскому ремеслу, и призвали с Востока еще многих своих сородичей. Сверх того Фингон, всегдашний друг Маэдроса, заключил союз с Химрингом, и на западе, в Хифлуме нолдоры и люди из рода Хадора готовились к войне. В лесу Брефиль Хальмир, вождь племени Халет, собирал своих воинов, и они точили боевые секиры, но Хальмир умер прежде, чем началась война, и племенем правил сын его Хальдир. Пришли вести и в Гондолин, к Тургону, потаенному владыке.

Однако Маэдросу пришлось до срока испытать свои силы, еще до того, как осуществились все его замыслы, и хотя все северные земли были очищены от орков, и даже Дортонион на время освобожден, но Морготу стало известно о замыслах эльдаров и Друзей Эльфов, и он сделал все, чтобы охранить себя. Он послал к ним множество соглядатаев и предателей, и им было тем легче, что вероломные люди, заключившие союз с Морготом, хорошо знали тайны сыновей Феанора.

И вот Маэдрос, собрав все, какие только мог, силы эльдаров, людей и гномов, решил с востока и запада двинуться на Ангбанд; замышлял он открыто, с развернутыми стягами пройти через Анфаутглиф. Когда же, по его замыслу, он выманит войска Моргота из укрытий, из ущелий Хифлума выйдет Фингон; они рассчитывали, что таким образом силы Моргота попадут как бы между молотом и наковальней и будут сокрушены. Сигналом к этому должен был послужить огонь большой сигнальной башни в Дортонионе.

В назначенный день, на рассвете Сердца Лета, трубы эльдаров приветствовали восход солнца; и на востоке взмыл стяг сыновей Феанора, а на западе — стяг Фингона, верховного короля нолдоров. Со стен Эйфель Сириона смотрел Фингон на долины и леса к востоку от Эред Вэтрина — там было расставлено его воинство, сокрытое от глаз врага; но он знал, что оно велико. Ибо собирались там все нолдоры Хифлума, и с ними эльфы Фаласа и отряд Гвиндора из Наргофронда, было там и много воинов людей: по правую руку стояло доблестное воинство Дор-Ломина и вожди его, Хурин и брат его Хуор; и к ним присоединилось множество лесных людей.

Затем Фингон обратил взгляд на Тангородрим — его скрывала черная туча, и черный дым подымался вверх; и понял он, что восстал гнев Моргота и что

вызов их принят. Тень сомнения легла на сердце Фингона, и он взглянул на восток, надеясь острым зрением эльфа различить пепел Анфауглифа, вздымающийся из-под ног воинства Маэдроса. Не ведал он, что мешкает Маэдрос, обманутый вероломным Ульдором Проклятым, который ложно предостерег его о нападении из Ангбанда.

Но вдруг несомый ветром клич пролетел с юга от долины к долине, и люди и эльфы изумленно и радостно закричали в ответ. Ибо Тургон, непризванный и неожиданный, открыл завесу над Гондолином и вышел с десятью тысячами воинов в сверкающих доспехах, с длинными мечами и лесом копий. И когда услышал Фингон отдаленный, но громкий голос труб брата своего Тургона, тень исчезла из сердца его, а дух воспрял: и вскричал он: **“Утулиэ’н аурэ! Аийа Эльдалиэ ар Атанатари, утулиэ’н аурэ! День пришел! Узрите, народы эльдаров и Отцы Людей, день пришел!”** И все, кто слышал его могучий голос, эхом отдававшийся в горах, ответили криком: **“Ауга и ломэ! Исчезает тьма!”**

Тогда Моргот, которому были ведомы многие замыслы и дела врагов его, решил, что настал его час, и веря, что его вероломные слуги удержали Маэдроса и предотвратили объединение воинств, выслал на Хифлум силы несметные (и все же бывшие лишь ничтожной частью того, что припас он в тот день); одеты в черные доспехи, они не обнажили клинков, и потому покинули уже пески Анфауглифа, когда их приближение было замечено.

Тогда загорелись сердца нолдоров, и их военачальники хотели ударить на врагов на равнине: но Хурин был против этого и молил остерегаться вероломства Моргота, сила которого была всегда большей, нежели казалось, а цель — иной, чем та, которую он явно преследовал, И хотя сигнала о приближении Маэдроса все не слышали, а в войске росло нетерпение, Хурин настоял на том, чтобы дожидаться сигнала, и пусть себе орки разобьются о скалы, пытаясь до них добраться.

Но военачальнику западного войска Моргота велено было любой ценой добиться, чтоб Фингон спустился с гор. Потому он вел войско вперед, покуда его передовые отряды не растянулись перед Сирионом от стен Эйфель Сириона до топи Серех, где впадает в Сирион Ривиль: и сторожевые заставы Фингона видели уже глаза своих врагов. Но ответа на вызов не было, и притихли орки, взглянув на безмолвные стены и горы, таящие угрозу. Тогда военачальник Моргота выслал всадников — якобы для переговоров: они подъехали под самые внешние укрепления Барад Эйфеля. С собой они везли Гэльмира, сына Гуилина, витязя из Наргофронда, что был захвачен в плен при Дагор Браголлах: и его ослепили. Затем посланцы Ангбанда выставили его напоказ, крича: “У нас дома такого добра много, только если хотите их застать, поторапливайтесь: когда вы вернемся, сделаем с ними то же самое.” И они отрубили Гэльмиру руки и ноги, а напоследок голову — и все это на глазах у эльфов; и бросили его.

На беду здесь, на укреплениях, стоял Гвиндор из Наргофронда, брат Гэльмира. Гнев его превратился в безумие, он вскочил на коня, и многие последовали за ним; они нагнали и убили посланцев и врезались в гущу вражеского войска. Видя это, загорелись все войска нолдоров; Фингон одел свой белый шлем, и затрубили его трубы; и внезапно с гор обрушилось все воинство Хифлума. Сверканье обнаженных мечей нолдоров подобно было пламени, объявшему тростник: и натиск их оказался так неожидан и яростен, что едва не пошли

прахом все замыслы Моргота. Ранее чем войско, посланное им на запад, получило подкрепление, оно было отброшено, и стяги Фингона пересекли Анфауглиф и взмыли пред стенами Ангбанда. Впереди всех шли Гвиндор и эльфы Наргофронда, и даже сейчас их трудно было сдержать: и они прорвались через ворота и перебили стражу на самих лестницах Ангбанда; и Моргот затрепетал на своем подземном троне, слыша, как ломаются в его двери. Но там они попали в западню и все погибли, кроме Гвиндора, которого взяли живым; Фингон же не мог прийти им на помощь. Из множества тайных ходов в Тангородрине выслал Моргот свои главные силы, которые прежде, выжидая, скрывал; и Фингон с большими потерями был отброшен от стен.

Тогда на равнине Анфауглиф, на четвертый день войны началась битва Нирнаэф Арноэдиад, Бессчетные Слезы: ибо никакая песня и никакое предание не могут вместить всей ее скорби. Воинство Фингона отступало через пески, и в арьергарде его погиб Хальдир, вождь халадинов; с ним пало много людей из Брефиля, и никогда они не вернулись в свои леса. На пятый же день, с наступлением ночи, когда до Эред Вэтрина было еще далеко, орки окружили войско Хифлума; бились до рассвета, а кольцо все сжималось. Надежда пришла, когда поутру услышали они пенье труб Тургона, ведущего воинство Гондолина; ибо Тургон стоял южнее, охраняя теснину Сириона, и удержал большинство своих воинов от опрометчивой атаки. Сейчас он торопился на помощь брату; гондолинцы были сильны и одеты в кольчуги, и ряды их сверкали под солнцем, как стальная река.

Фаланга стражи короля пробилась через ряды орков, и Тургон прорубил себе дорогу к брату: и радостной, говорят, была встреча в сердце битвы Тургона с Хурином, что сражался бок о бок с Фингоном. Тогда возродилась надежда в сердцах эльфов; и именно в этот миг стали слышны трубы Маэдроса, шедшего с востока: и воинство сыновей Феанора ударило по врагу с тыла. Говорят, что в тот день эльдары могли бы даже и победить, окажись все их союзные войска верными: ибо орки дрогнули, и натиск их ослаб, а иные уже готовы были бежать. Однако в то время, когда передовые отряды войск Маэдроса обрушились на орков, Моргот выслал свои последние силы, и Ангбанд опустел. Вышли волки, несшие всадников, балроги и драконы, и Глаурунг, праотец драконов. Велики были ныне мощь и ужас Великого Червя, и эльфы и люди дрогнули пред ним; он прошел меж воинствами Маэдроса и Фингона и разделил их.

Однако осуществить замыслы Моргота не суждено было ни волку, ни балрогу, ни дракону, а только людскому предательству. В этот час открылось злодейство Ульфанга. Многие вастаки бежали прочь, ибо сердца их были наполнены страхом и ложью; сыновья же Ульфанга, перейдя внезапно на сторону Моргота, напали сзади на сыновей Феанора и в замешательстве, ими же созданном, пробились к самому стягу Маэдроса. Но не получили они награды, обещанной Морготом, ибо Маглор убил Ульдора Проклятого, а сыновья Бора убили Ульфаста и Ульварта, прежде чем погибли сами. Подросли, однако новые силы людей-предателей, которые Ульдор собрал и укрыл в восточных холмах, и воинство Маэдроса было атаковано с трех сторон и разбито, и в беспорядке бежало. Но судьба хранила сыновей Феанора, и хотя все они были ранены, ни один не погиб; они пробились друг к другу и, собрав вокруг себя уцелевших нолдоров и наугримов, прорубили себе путь из битвы и отступали на восток, пока не достигли горы Долмэд.

Из всего восточного воинства дольше всех держались гномы Белегоста и тем стяжали великую славу. Ибо наугримы переносили огонь куда легче, чем эльфы и люди, да к тому же у них было в обычае носить боевые маски, и это помогло им выстоять против драконов. Не будь гномов, Глаурунг и его выводок уничтожили бы всех уцелевших нолдоров. Гномы же окружили дракона со всех сторон, и даже его прочный доспех не был надежной защитой от ударов их огромных секир и когда Глаурунг в ярости сбил с ног Азагхала, царя Белегоста и прополз по нему, Азагхал последним усилием вонзил кинжал ему в брюхо и ранил его и Глаурунг бежал с поля битвы, а за ним в смятении устремились все твари Моргота. Тогда гномы подняли тело Азагхала и унесли его прочь: медленно ступая, пели они погребальную песнь, словно это были похороны в их собственной стране, и не обращали более внимания на врагов; и никто не осмелился задержать их.

А в битве на западе Фингон и Тургон сражались против войска, втрое превосходившего все оставшиеся у них силы. Явился Готмог, предводитель балрогов и военачальник Ангбанда, и вогнал черный клин между войсками эльфов, окружив короля Фингона и отбросив Тургона и Хурина к топи Серех. Затем он двинулся на Фингона. Страшен был этот поединок. Вся стража Фингона погибла, и он остался один, и сражался с Готмогом, покуда другой балрог, подкравшись сзади, не хлестнул его огненным бичом. Тогда Готмог зарубил Фингона черной секирой, и белый пламень вырвался из разрубленного шлема короля. Так пал Фингон, Верховный Владыка нолдоров, и тело его вбили в песок булавами, и серебряно-голубой стяг втоптали в лужу его же крови.

Фингон и Готмог. Те́д Несмит

Битва была проиграна, но Хурин и Хуор, и те, кто уцелел еще из рода Хадора, вместе с Тургоном, владыкой Гондолина, еще держались; и Моргот не мог захватить Теснину Сириона. Тогда Хурин обратился к Тургону: "Уходи, о король, покуда есть еще время! Ибо в тебе заключена последняя надежда эльдаров, и пока существует Гондолин, Моргот не забудет, что такое страх."

Но отвечал Тургон:

— Недолго еще будет сокрыт Гондолин, а будучи обнаружен, неизбежно падет.

И молвил тогда Хуор:

— Но если он продержится хоть немного, из рода твоего явится надежда для эльфов и людей. Говорю тебе это, владыка, в предсмертный свой час: хоть сейчас мы расстанемся навеки, и никогда не увидеть мне больше белых стен твоего града, от тебя и от меня взойдет новая звезда. Прощай!

Маэглин же, сын сестры Тургона, стоявший рядом, слышал эти слова и запомнил их: но не сказал ничего.

Тогда Тургон последовал совету Хурина и Хуора, и, собрав всех, кто уцелел из воинства Гондолина, а также всех воинов Фингона, каких можно было собрать, отступил к Теснине Сириона; его военачальники, Эктэлион и Глорфиндэль, прикрывали войско справа и слева, так что ни один враг не мог обойти их. Люди Дор-Ломина, как хотели того Хурин и Хуор, шли в арьергарде, ибо не желали покидать северные земли и решили, раз уж не суждено вернуться в свои жилища, сражаться здесь насмерть. Так искуплено было предательство Ульдора; и изо всех подвигов, свершенных праотцами людей ради эльдаров,

более всего славен последний бой людей Дор-Ломина.

И так Тургон, прикрываемый Хурином и Хуором, переправился через Сирион, исчез в горах и скрылся от глаз Моргота. Братья же собрали вокруг себя остатки людей из рода Хадора и шаг за шагом отступали, пока не достигли топи Серех, и путь преградил им Ривиль. Там они стали и не уступали более.

Тогда все войска Ангбанда обрушились на них и запрудили реку телами своих мертвецов, и окружили остатки воинства Хифлума, как прилив окружает скалу. Там, когда в шестой раз закатилось солнце и удлинилась тень Эред Вэтрина, пал Хуор, сраженный в глаз отравленной стрелой, а рядом с ним легли все доблестные воины рода Хадора; и орки отрубили их головы и сложили из них курган, золотом блиставший в лучах заката.

Дольше всех продержался лишь Хурин. Он отшвырнул свой щит и бился двуручной секирой; и предание гласит, что секира дымилась от черной крови троллей-телохранителей Готмога, пока не истлела; и всякий раз, убивая, Хурин кричал: **“Ауре энтулува! День настанет вновь!”** Семижды десять раз звучал этот клич, но в конце концов Хурин, по велению Моргота, был схвачен живым, ибо орки вцепились в него, и руки их не падали даже когда он обрубал их, и орков все прибывало, так что Хурин наконец рухнул, погребенный под ними, тогда Готмог связал его и, осыпая насмешками, уволок в Ангбанд.

Так, когда солнце закатилось за море, окончилась битва Нирнаэф Арноэднад. Ночь пала на Хифлум, и с запада налетела буря.

Велико было торжество Моргота, и все исполнилось так, как он и замышлял, ибо люди убивали людей и предавали эльфов, и страх и ненависть разде-

лили тех, кто мог бы объединиться против него. С того дня эльфы охладели ко всем людям, не считая только Трех Родов Аданов.

Владений Фингона более не существовало; сыновья же Феанора бродили, как листья, несомые ветром, войска их были рассеяны, союз распался, и они жили в лесах у подножия Эред Луина, смешавшись с Зелеными Эльфами Оссирианда, лишённые былой славы и былого величия. В Брефиле, под защитой лесов, все еще обитали немногочисленные халадины, и вождем их был Хándир, сын Хальдира, но в Хифлум не вернулся никто, ни из воинства Фингона, ни из витязей Хадора; не дошли и вести о судьбе их вождей. Зато Моргот послал туда верных ему вастаков, отказав им в богатых землях Белерианда, которых они домогались; он загнал их в Хифлум и запретил покидать его. Такова была награда им за то, что предали Маэдраса — грабить и изводить стариков, детей и женщин племени Хадора. Уцелевшие эльдары Хифлума были угнаны в северные копи и трудились там в рабстве; немногим удалось избежать его и скрыться в горах и чащах.

Орки и волки бродили беспрепятственно по всему Северу и заходили все дальше на юг, в Белерианд, добираясь до самого Нан-Татрена, Края Ив, и границ Оссирианда; и не было спасения никому ни в лесу, ни в поле.

Дориаф, правда, уцелел, да и чертоги Наргофронда остались сокрытыми; но Моргота они мало тревожили, то ли потому, что он почти ничего не знал о них, то ли потому, что в черных его замыслах час их еще не пробил. Многие бежали сейчас в Гавани и нашли убежище в стенах твердынь Цирдана, а мореходы между тем, плавая вдоль побережья, донимали врага молниеносными вылазками. Однако на следующий год, с приходом зимы Моргот послал войска через Хифлум и Нэвраст; они спустились вниз по Бритону и Нэннингу, опустошили весь Фалас и взяли в осаду Бритомбар и Эгларест. С собою они привели кузнецов, копателей и огнеделов, а те смастерили осадные орудия, и как доблестно ни сражались защитники, стены в конце концов рухнули. Гавани были разорены, башня Барад Нимрас обрушена, а подданные Цирдана большей частью убиты либо уведены в рабство. Многие, однако, взошли на корабль и спаслись морем: и среди них Эрейнион Гиль-Галад, сын Фингона, которого отец отослал в Гавани после Дагор Браголлах. С Цирданом уплыли они на юг, на остров Балар и там находили убежище все, кто ни приплывал туда; держали они также клочок земли в устье Сириона, и множество быстрых и легких кораблей было спрятано там в зарослях и в прибрежных водах, где тростники густы, как леса.

Когда Тургон узнал об этом, он вновь послал гонцов к устью Сириона и попросил помощи у Цирдана Корабела. По его просьбе выстроил Цирдан семь быстрых кораблей, и они отплыли на запад; но не пришли вести на Балар ни об одном из них, кроме последнего. Корабль этот долго скитался в море и, возвращаясь, погиб в буре у самых берегов Средиземья; но одного морехода Ульмо спас от гнева Оссэ и волны выбросили его на берег в Нэврасте. Звался он Вóронвэ и был одним из тех, кого Тургон отправил гонцами из Гондолина.

Теперь в мыслях Моргота постоянно был Тургон, ибо из всех его врагов уцелел именно тот, кого он более всего желал пленить, либо уничтожить. Мысль эта тревожила Моргота и отравляла сладость победы, ибо Тургон из могущественного дома Финголфина был сейчас по праву королем всех нолдоров; к тому же Моргот боялся и ненавидел потомков Финголфина, ибо им покрови-

тельствовал Ульмо, его враг, а еще из-за ран, что нанес ему своим мечом Финголфин. Из всех его родичей более всего опасался Моргот Тургона, ибо приметил его еще в Валиноре, и когда бы тот ни оказывался рядом, тень падала на сердце Моргота, предостерегая, что в некие, пока еще сокрытые времена Тургон станет причиной его падения.

И вот к Морготу привели Хурина, ибо Моргот знал о его дружбе с владыкой Гондолина; но Хурин не подчинился ему, а лишь насмеялся. Тогда проклял Моргот Хурина и Морвен и все их потомство, и прирек им темный и горестный жребий, и, выведя Хурина из темницы, усадил его в каменное кресло на одной из вершин Тангородрима. Волей Моргота он был прикован к этому креслу; и Моргот вновь проклял его и молвил так: "Сиди же и любуйся краями, где лихо и отчаяние падут на тех, кто любим тобою. Ты осмелился насмеяться надо мной и подвергать сомнению могущество Мелькора, Властелина судеб Арды. Так узри же взором моим, услышь моим слухом; и не сойти тебе с этого места, пока все не придет к горестному своему концу."

Моргот и Хурин. Тед Несмит

Так и случилось; но никто не слышал, чтобы Хурин когда-либо молил у Моргота смерти, либо пощады себе и роду своему.

По велению Моргота орки, немало потрудившись, собрали тела всех, кто пал в великой битве, их оружие и доспехи и сложили посредине Анфауглифа огромный курган, он был виден издалека. Хáуд-эн-Ндэнгин, Курган Убитых нарекли его эльфы, и Хáуд-эн-Нирнаэф, Курган Слез. Но среди пустыни, сотворенной Морготом, над курганом этим проросла и поднялась трава, и с тех пор ни одна тварь Моргота не осмеливалась бродить по земле, в которой рассылались в прах мечи эльдаров и аданов.

Хауд-эн-Нирнаэф. Тед Несмит

Глава 21 О Турине Турамбаре

Иан, дочь Белегунда, стала женой Хуора, сына Галдора; случилось это за два месяца до того, как он с братом своим Хурином ушел на Нирнаэф Арноэдиад. Когда супруг ее сгинул, она бежала в дебри; Сумеречные Эльфы Мифри-ма пришли ей на помощь и, когда родился ее сын Туор, приняли его на воспитание. Сама же Риан ушла из Хифлума и, придя к Хауд-эн-Ндэнгин, легла там и умерла.

Морвен, дочь Барагунда, была женой Хурина, владыки Дор Ломина; а сыном их был Турин, родившийся в тот год, когда Берен Эрхамион в лесу Нэльдор-реф встретил Лутиэн. Была у них также дочь по имени Лáлайф, что означает Смех, и брат ее, Турин, любил ее; но когда Лалайф сравнялось три года, в Хифлум пришло поветрие, порожденное лихим ветром из Ангбанда, и она умерла.

После Нирнаэф Арноэдиад Морвен по-прежнему жила в Дор-Ломине, ибо Турину было всего восемь лет, и она вновь ждала дитя. Недобрые настали дни; вастаки, захватившие Хифлум, презирали уцелевших людей из племени Хадора, всячески их притесняли, отбирали добро и земли и обращали в рабство де-

тей. Но таковы были красота и величие владычицы Дор-Ломина, что вастаки боялись ее и не осмивались наложить руку на нее, либо ее домочадцев, меж собою они шептались, что она опасная чародейка, искушенная в магии, и что она в стоворе с эльфами. Всё же теперь она была бедна, и никто не помогал ей, лишь Аэрин, родственница Хурина, которую насильно взяли в жёны вастак Бродда, тайно поддерживала ее; и Морвен опасалась, что Турина отберут от нее и обратят в рабство. Потому ей пришло на ум тайно отослать его и молить короля Тингола дать ему приют, ибо Берен, сын Барахира, был роlichem ее отца и, сверх того, другом Хурина задолго до того, как пришла беда. И вот осенью Года Скорби и Слез Морвен отправила через горы Турина с двумя старыми слугами, повелев им, если то будет возможно, отыскать дорогу во владения Тингола. Так начала сплетаться судьба Турина, о которой с начала до конца повествует песнь, называемая **“Нарн-и-Хин-Хурин”**. самое длинное из всех преданий, повествующих о тех днях. Здесь эта история пересказана кратко, ибо связана с судьбой Сильмарилей и эльфов; названа она Повестью о Печали, ибо воистину скорбна, и в ней раскрылись самые лихие дела Моргота Бауглира.

В начале года Морвен произвела на свет дитя, дочь Хурина, и назвала ее Нйэнор, что означает Скорбь. Турин же и его спутники, преодолев множество опасностей, достигли наконец рубежей Дориафа; там повстречал их Белег Могучий Лук, глава пограничных стражей короля Тингола: он же привел их в Менегрот. Тингол принял Турина и даже сам усыновил его из почтения к Хурину Стойкому; ибо иначе относился он теперь к родам Друзей Эльфов. Затем на север, в Хифлум отправились гонцы, прося Морвен покинуть Дор-Ломин и вместе с ними вернуться в Дориаф; но она все еще не желала оставить дом, где жила вместе с Хурином. А когда эльфы уходили, она отослала с ними шлем, называемый Дракон Дор-Ломина, величайшую святыню рода Хадора.

Турин в Дориафе рос красивым и могучим, но была явственна в нем печаль. Девять лет прожил он во владениях Тингола, и за это время печаль его утихла, ибо время от времени гонцы Тингола навещали Хифлум и приносили оттуда добрые вести о Морвен и Нйэнор. Но настал день, когда посланцы не вернулись с севера, и Тингол более никого не посылал. Тогда страх за сестру и мать овладел Туринном, и, ожесточась сердцем, он пришел к королю и попросил меч и доспехи, надев Дракон Дор-Ломина, он ушел сражаться на рубежах Дориафа и стал соратником Белега Куталиона.

Прошло три года, и Турин вернулся в Менегрот; он пришел из дебрей нечестанный, в изношенной одежде и иссеченных доспехах. В Дориафе же был некий нандор, доверенный советник короля. Звали его Саэрос, У него давно уже вызывал зависть тот почет, которым был окружён Турин, приемный сын Тингола. И, сидя за столом напротив Турина, Саэрос начал насмехаться над ним, говоря: “Если мужчины из Хифлума так дики и необузданны, то каковы же их женщины? Неужели они бродят, как дикие лани, прикрывшись лишь волосами?” Турин в величайшем гневе схватил чашу и швырнул в Саэроса, и ранил его.

Саэрос подстерег его: но Турин одолел его и нагим погнал по лесу, как затравленного зверя. Саэрос же, в страхе убегая от него, свалился в расщелину, где бурлил поток, и тело его разбилось о камни. Подоспели спутники Турина и увидели, что случилось, а среди них был Маблунг; он велел Турину вернуться

с ними в Менегрот и ждать королевского суда, прося милосердия Тингола. Но Турин, считая себя уже преступником и боясь быть схваченным, отказался выполнить приказ Маблунга и поспешил прочь: он прошел Завесу Мелиан и оказался в лесах к западу от Сириона. Там он присоединился в шайке бездомных смельчаков, каких много в те дни скрывалось в делях; они обращали оружие против всякого, кто встречался им на пути, будь то эльф, человек или орк.

Однако, когда Тинголу все рассказали и разъяснили, он простил Турина, считая его несправедливо обиженным. В то время с северных рубежей вернулся Белег Куталион и, разыскивая Турина, пришел в Менегрот; и сказал Тингол Белегу: "Тяжко мне, о Куталион, ибо я усыновил сына Хурина, и моим сыном он останется, пока Хурин не вернется за ним из тьмы. Я не хочу, чтоб кто-нибудь сказал, что Турин несправедливо изгнан, и его возвращение я приму с радостью, ибо люблю его."

И ответил Белег:

— Я отыщу Турина и, если смогу, приведу его в Менегрот, ибо также люблю его.

Затем Белег покинул Менегрот и долго бродил по Белерианду, подвергаясь множеству опасностей и тщетно разыскивая Турина.

Турин между тем жил среди изгоев и стал их предводителем: он называл себя Нэйтан, что значит Оскорбленный. Они скрытно обитали в лесах к югу от Тэйглина, и когда прошел год со времени побега Турина из Дориафа, Белег как-то ночью наткнулся на их логовище. Случилось так, что Турин в то время не было в лагере, а разбойники схватили Белега, связали и обошлись с ним довольно круто, боясь, что он соглядатай владыки Дориафа. Вернулся Турин и увидел, что они натворили, и стыд за их лихие и необузданные деяния овладел им: он освободил Белега, и они возродили давнюю дружбу, и Турин поклялся впредь не воевать ни с кем и не грабить никого, кроме прислужников Ангбанда.

Белег поведал Турину о прощении короля Тингола и всеми силами пытался убедить его вернуться в Дориаф, говоря, что на северных рубежах королевства нужны его сила и доблесть.

— С недавних пор, — сказал он, — орки нашли путь из Таур-ну-Фуина; они проложили тропу через Теснину Анах.

— Я ее не помню. — молвил Турин.

— Так далеко от границ мы никогда не заходили, — отвечал Белег. — Но ведь ты видел вдали пики Криссаэгрима, а восточнее — мрачные склоны Горгорофа. Анах лежит меж ними, выше истоков Миндеба: дорога эта трудна и опасна, и все же множество орков проходит ею ныне, и Димбар, всегда такой мирный, под властью Черной Руки, и нет покоя людям Брефиля. Мы нужны там.

Но Турин в гордыне своей отказался от прощения короля, и слова Белега ничего не могли изменить. В свою очередь, он просил Белега остаться с ним в землях западнее Сириона, но этого Белег не хотел и ответил так:

— Ты упрям и неподатлив, Турин. Буду упрям и я. Если ты и вправду хочешь, чтобы Могучий Лук был с тобою, ищи меня в Димбаре, ибо я возвращаюсь туда.

На следующий день Белег отправился в путь, а Турин проводил его на расстояние полета стрелы от лагеря, но не сказал ничего. "Итак, мы прощаемся,

сын Хурина? — спросил Белег. Тогда Турин взглянул на запад и увидел вдали громадную вершину Амон Руд и, не ведая, что предстоит ему, он ответил:

— Ты сказал — ищи меня в Димбаре. А я говорю — ищи меня на Амон Руд! Иначе мы сейчас простимся навсегда."

И затем они расстались, по-прежнему друзьями, но в печали.

Белег вернулся в Тысячу Пещер и, представ перед Тинголом и Мелиан, рассказал им обо всем, утаив только, как дурно обошлись с ним спутники Турина. И Тингол сказал со вздохом:

— Что же еще должен я сделать для Турина?

— Отпусти меня, повелитель, — промолвил Белег — и я буду, как сумею, беречь и направлять его; и ни один человек не посмеет сказать, что слова эльфа ничего не стоят. Да и не хочу я, чтобы достойный стал ничтожеством в дебрях.

Тогда Тингол дозволил Белегу идти туда, куда он пожелает, и добавил:

— Белег Куталион! За многие свои свершения заслужил ты мою благодарность, и то, что ты разыскал моего приемного сына — не последнее среди них. Мы расстаемся, проси же все, что захочешь, и я не откажу тебе!

— Тогда, — сказал Белег, — я прошу хороший меч, ибо орки сейчас приходят слишком часто и подбираются слишком близко, дабы можно было отбиться от них с одним луком, а мой нынешний меч не берет их доспехов.

— Бери, — ответил Тингол — бери любой, кроме Аранрута, моего собственного меча.

Тогда Белег выбрал Англахель; и был то достойный меч, названный так потому, что выкован из железа, упавшего с неба подобно сверкающей звезде: он разрубал все железо, добытое из земли. Был лишь один меч в Средиземье, что мог сравниться с ним. О том мече в нашей истории нет ни слова, хотя был он скован из того же металла и тем же мастером; а мастер тем был Эол Темный Эльф, взявший в жены Арэдэль, сестру Тургона. Он отдал Англахель — о чем пожалел после — Тинголу как плату за дозволение жить в Нан Эльмоте, но брат меча Ангуирэль остался у него и был позднее похищен сыном его Маэглином.

Но когда Тингол протянул Белегу рукоятью вперед Англахель, Мелиан взглянула на клинок и промолвила:

— В этом мече таится лихо. Черная душа его создателя все еще обитает в нем. Он не полюбит руку, которой будет служить: и недолго будет он при тебе.

— И все же, пока я смогу, я буду владеть им — отвечал Белег.

— Иной дар дам тебе я, Куталион, — продолжала Мелиан, — дар, что поможет в дебрях тебе, а также тем, кого ты изберешь.

И она подала ему **лембасы** — дорожный хлеб эльфов — обернутые в серебряные листья; узелки же нитей, которыми был обвязан сверток, были запечатаны белого воска печатью королевы в виде цветка Тэлпериона; ибо, согласно обычаям эльдаров, лишь королева могла хранить и давать лембасы. Никаким иным даром не могла Мелиан выказать большее благоволение к Турину, ибо эльдары никогда прежде не позволяли людям испробовать этого хлеба; да и после это случалось редко.

С этими дарами Белег ушел из Менегрота и вернулся на северные рубежи, где стояли его шатры, где сражались его друзья. Орков изгнали из Димбара, и Англахель возрадовался, покидая ножны, но когда наступила зима и бои утихли, соратники Белега потеряли его из виду, и никогда более он не вернулся к

ним.

Когда Белег покинул разбойников и ушел в Дориаф, Турин увел шайку на запад из долины Сириона, ибо надоела им жизнь в постоянной тревоге и в страхе перед погоней, и они хотели более безопасного укывища. И случилось так, что однажды под вечер они наткнулись на троих гномов, которые при виде их бросились наутек, но один из них отстал, его схватили и швырнули оземь, а кто-то из разбойников вскинул лук и пустил стрелу вдогонку остальным, растворившимся в сумерках. Гном, которого они схватили, прозывался Мим, он молил Турина сохранить ему жизнь и клялся взамен провести их в потайные пещеры, куда без его помощи никто не мог найти дороги. Турин сжалился над Мимом и пощадил его.

— Где же твой дом? — спросил он.

Мим отвечал:

— Высоко над землей, на большой горе жилище Мима: Амон Руд называется она с тех пор, как эльфы поменяли все имена.

Турин умолк и долго смотрел на гнома, и наконец молвил:

— Веди нас туда.

На следующий день они вышли вслед за Мимом к Амон Руд. Эта гора стояла на краю вересковых пустошей, что тянулись меж долинами Сириона и Нарога: высоко над вереском возносила она главу, но крутая серая вершина была оголена, если не считать алых **серегонов**, покрывавших камни. В то мгновение, когда Турин и его сотоварищи подошли ближе, заходящее солнце пробилось сквозь тучи и осветило вершину — а серегоны были в полном цвету. И сказал один из них: “На вершине кровь.”

Но Мим потайными тропами провел их вверх по обрывистым склонам Амон Руд; у входа в пещеру он поклонился Турину и молвил: “Войди же в Бар-эн-Данвэд, Жилище-Выкуп, ибо так оно будет зваться отныне.”

Турин со товарищи идут к Амон-руд. Тед Несмит

Другой гном, неся огонь, вышел навстречу ему, они обменялись какими-то словами и опрометью бросились во тьму пещеры: Турин же пошел следом и дошел до дальнего покоя, освещенного тусклыми светильнями. Там он увидел Мима, стоявшего на коленях перед каменной лежанкой у стены; и Мим рвал на себе бороду и причитал, беспрестанно выкрикивая одно и то же имя, а на лежанке вытянулся третий гном. Войдя, Турин встал рядом с Мимом и предложил ему свою помощь. Мим взглянул на него и ответил: “Ты ничем не можешь помочь. Это сын мой Кхим, он смертельно ранен стрелой. Он умер на закате. Так сказал мне сын мой Ибун.”

Тогда жалость родилась в сердце Турина.

— Увы! — воскликнул он. — Я, как сумею, расплачусь за эту стрелу. Отныне дом этот и впрямь будет называться Бар-эн-Данвэд, и если когда-нибудь мне случится разбогатеть, я в знак скорби заплачу за твоего сына виру золотом, хоть оно и не развеселит больше твоего сердца.

Мим поднялся и долго смотрел на Турина.

— Я слышу тебя, — проговорил он, — речь твоя — речь древнего гномьего царя, и это изумляет меня. Теперь сердце мое успокоено, хоть и не весело; и ты можешь жить здесь, если захочешь, ибо я уплачу свой выкуп.

Так Турин стал жить в потаенном жилище Мима на Амон Руд; часто бро-

дил он по траве перед входом в пещеру и смотрел на восток, на запад и на север. На севере видел он лес Брефиль, обвивавший зеленью Амон Обель; и туда неизменно устремлялся его взор, хоть он и не знал, почему, ибо душа его скорее тянулась к северо-западу, где, во многих лигах отсюда, казалось ему, различал он Теневой Хребет, родные его горы. Вечерами же смотрел он на запад, в закат, где красное солнце опускалось в туман над дальними берегами, где утонула в тнях долина Нарога.

В то время Турин много разговаривал с Мимом и, сидя наедине с ним, слушал его мудрые речи и рассказы о его жизни. Мим вел род от тех гномов, что в давние дни были изгнаны из гномьих городов на востоке: задолго до возвращения Моргота забрели они в Белерианд. Они стали меньше ростом и утеряти

многое из кузнечного мастерства, и, привыкнув жить украдкой, ходили согнувшись и крадучись. До того, как на запад пришли через горы гномы Ногрода и Белегоста, эльфы Белерианда не знали, что это за существа, и охотились за ними, но потом оставили в покое, прозвав **Ноэгит Нибин**, что в наречии синдаров означает Малые Гномы, то есть карлики. Карлики никого не любили, кроме себя, и, если они боялись и ненавидели орков, то эльдаров ненавидели не меньше, в особенности Изгоев: ибо нолдоры, говорили они, украли их земли и жилища. Задолго до того, как прибыл из-за Моря король Финрод Фелангунд, они нашли пещеры Наргофронда и начали рыть там ходы; да и под вершиной Амон Руд, Лысой Горы, неспешные руки карликов за долгие прожитые там годы пробивали и углубляли пещеры, не тревожимые Сумеречными Эльфами лесов. Но в конце концов они выродились и в Средиземье вымерли все, кроме Мима и его двоих сыновей; а Мим был стар даже по гномьему счету, стар и забыт. В его чертогах праздны были кузни и ржавели секиры, а память о карликах сохранилась лишь в древнейших преданиях Дориафа и Наргофронда.

Пришла середина зимы, и выпал снег, обильней которого не видали прежде в речных долинах; и Амон Руд вся была засыпана снегом: говорили, что зимы становятся тем суровей, чем более возрастает могущество Ангбанда. Лишь самые крепкие телом осмеливались тогда выходить из дому; иные заболели, и всех мучил голод. Но вот как-то, в тусклых сумерках зимнего дня, внезапно явился меж изгоями человек — как почудилось им — огромного роста, в белом плаще с капюшоном; ни говоря ни слова, подошел он к огню. Когда же люди в страхе вскочили, он расхохотался и отбросил капюшон, а под плащом у него был большой сверток; и так при свете огня Турин вновь узрел Белега Куталиона.

Так Белег еще раз вернулся к Турину, и радостной была их встреча. С собою принес он из Димбара шлем Дракон Дор-Ломина, надеясь, что тем подвигнет Турина на большее, нежели прозябать в дебрях жожаком ничтожно малого отряда. Но Турин все не желал вернуться в Дориаф, и Белег, уступив своей любви попреки разуму, остался с ним; в то время много сделал он для блага Туриновой шайки. Он лечил больных и раненых и давал им лембасы Мелиан, и они излечились скоро, ибо, хотя Сумеречные Эльфы и уступали в мастерстве и премудрости Изгоям из Валинора, в Средиземье их мудрость была для людей недостижима. А так как Белег был силен и вынослив, зорек и прозорлив, он стяжал себе великий почет среди разбойников; но ненависть Мима к эльфу, незванно явившемуся в Бар-эн-Данвэд, все росла, и часто он вместе с сыном своим Ибуном, ни с кем не обмолвясь словом, сидел в самых темных закоулках своего жилища. Турин, однако, мало внимания обращал сейчас на гнома, а когда закончилась зима и пришла весна, нашлись у них дела более важные.

Кто познает замыслы Моргота? В чьих силах постигнуть пределы мысли того, кто прежде был Мелькором, могущественным айнуром Великой Песни, а ныне Черным Властелином восседает на черном троне Севера, в лиходействе своем взвешивая все вести, что стекаются к нему, и провидя мысли и дела врагов своих более глубоко, нежели опасаются мудрейшие из них — всех, кроме владычицы Мелиан? Часто тянулась к ней мысль Моргота — и сбивалась со следа.

И вновь пришла в движение мощь Ангбанда; и словно длинные пальцы

слепо шарящей руки, передовые отряды его войска нащупывали пути в Белерианд. Они пришли через Анах, и был захвачен Димбар, а с ним все северные рубежи Дориафа. Пришли они по древней дороге, что вела через длинную Теснину Сириона, мимо острова, на котором стояла Минас-Тириф, крепость Финрода, а затем через земли между Мálдуином и Сирионом и по краю Брефиля к Перекрестью Тэйглина. Оттуда путь вел на Хранимую Равнину, но орки не углублялись в те края, ибо обитал там в дебрях незримый ужас, и с вершины красной горы следили за ними зоркие глаза, о которых они не ведали. Ибо Турин вновь надел шлем Хадора, и по всему Белерианду, под лесными кронами и над речными водами, летел слух, что Шлем и Лук, бесследно сгинувшие в Димбаре, восстали вновь. Многие из тех, что скитались тогда, не предводительствуемые никем и лишённые всего, но неустрашенные, воспряв духом, искали Двоих Вождей. В то время земля между Тэйглином и западной границей Дориафа была названа Дор Кúартол, Край Лука и Шлема; Турин же взял себе новое имя — Гóртол, Шлем, наводящий Ужас, и сердце его вновь разыграло. В Менегроте, в подземных чертогах Наргофронда и даже в сокрытом королевстве Гондолин узнали о славных деяниях Двоих Вождей; знали о них и в Ангбанде. И смеялся Моргот, ибо благодаря Дракону сын Хурина был вновь открыт ему; и вскоре соглядатаи окружили Амон Руд.

На исходе года карлик Мим и сын его Ибун покинули Бар-эн-Данвэд, дабы собрать в лесу коренья для зимних припасов, и были схвачены орками. Тогда Мим вторично посулил провести своих врагов тайными тропами к своему жилищу; и все же он пытался отсрочить исполнение своего обещания и потребовал не убивать Гортола. На это вожак орков со смехом ответил Миму: "Само собой. Турина, сына Хурина, мы не убьём."

Так был предан Бар-эн-Данвэд, и орки явились туда в ночи, ведомые Мимом. Многие сотоварищи Турина были убиты во сне, но иные по внутренней лестнице поднялись на вершину горы и сражались там, и все полегли, и кровь их омыла серегоны, что росли на камнях. А на бившегося Турина набросили сеть, и он запутался в ней, его скрутили и уволокли.

И вот, когда все стихло, Мим выполз из темного закоулка; солнце вставало над туманами Сириона, а он стоял на вершине, среди мертвецов. Чувал он, однако, что не все они мертвы, ибо взгляд его встретился с другим взглядом — то был эльф Белег. С давней ненавистью шагнул Мим к Белегу и схватил меч Англахель, что лежал под телом одного из павших рядом с Белегом, но тут Белег, вскочив, вырвал у него меч и замахнулся на гнома, и Мим, вопя от ужаса, бежал с вершины. Белег же кричал ему вслед: "Отмщение рода Хадора достигнет тебя!"

Тяжелы были раны Белега, но был он могуч меж эльфов Средиземья, и к тому же искусный целитель. Потому он не умер, и силы мало-помалу возвращались к нему; искал он среди мертвых Турина, дабы достойно похоронить его. Но не нашел и понял, что сын Хурина жив и уведен в Ангбанд.

Почти без надежды Белег покинул Амон Руд и по следу орков пошел на север, к Перекрестью Тэйглина, затем переправясь через Бритиах, двинулся через Димбар к теснине Анах. Он почти нагнал орков, ибо те не спешили, охотясь по пути и не опасаясь погони, так как шли на север; а Белег даже в страшных дебрях Таур-ну-Фуина не свернул с пути, ибо не было в Средиземье более искусного следопыта. И вот, как-то ночью, пробираясь по гиблому этому краю,

он наткнулся на неизвестного, что спал у корней огромного сухого дерева; и остановясь перед спящим, Белег увидел, что это эльф. Тогда он заговорил с ним и дал ему лембасы, и спросил, что привело его в это страшное место; и тот назвался Гвиндором, сыном Гуилина.

С болью взирал на него Белег, ибо был теперь Гвиндор лишь согбенной и жуткой тенью себя прежнего — витязя Наргофронда, в Нирнаэф Арноэдиад подскакавшего с неистовой храбростью к самым вратам Ангбанда и там плененного. Не всех пленных нолдоров Моргот предавал смерти, так как были они искусны в кузнечном деле и в добывании руд и самоцветов; не убили и Гвиндора, но заставили трудиться в копиях Севера. Тайными штольнями, ведомыми лишь им, эльфы-рудокопы могли иногда бежать; и вот Белег обнаружил Гвиндора, когда тот, обессиленный, заблудился на неверных тропах Таур-ну-Фуина.

И поведал ему Гвиндор, что когда лежал, прячась меж деревьев, то увидел большой отряд орков, двигавшихся на север, и сопровождали их волки; а ещё среди них был человек со скованными руками, и орки подгоняли его бичами. "Был он высок, — говорил Гвиндор, — высок, как люди с туманных холмов Хифлума." Тут Белег открыл ему, что привело в Таур-ну-Фуин его самого, и Гвиндор пытался отговорить его, твердя, что он лишь разделит с Турином уготовленные тому муки. Но не хотел Белег отречься от Турина и, сам отчаявшийся, возжег надежду в сердце Гвиндора; вместе двинулись они по следам орков, и вскоре вышли из леса на крутые склоны, что сбегали к бесплодным дюнам Анфауглифа. Там, когда видны уже стали вершины Тангородрима, на закате дня в пустынной лощине орки разбили лагерь и, расставив вокруг волков-стражей, предались развлечениям. С запада надвигалась буря, и в то время, когда Белег и Гвиндор подкрадывались к лощине, над Теневым Хребтом полыхнула зарница.

Когда весь лагерь уснул, Белег взял лук и в темноте по одному бесшумно перебил всех волков-стражей. Тогда, рискуя жизнью, они пробрались в лагерь и отыскали Турина, скованного по рукам и ногам и привязанного к сухому дереву; вокруг него в стволе торчали ножи, что метали в него орки, и был он бесчувствен, погруженный в бессильный сон. Но Белег и Гвиндор рассекли узы и, подняв его, вынесли из лощины; однако смогли донести его лишь до ближних зарослей терновника. Там они опустили его на землю: а буря была уже близка. Белег вынул меч свой Англахель и рассек им оковы Турина, но рок в этот день взял верх, ибо клинок соскользнул, рассекая цепи, и ранил Турина в ногу. Тот внезапно пробудился, охваченный гневом и страхом, и, увидев, что над ним склонился некто с обнаженным мечом, вскочил, громко крича, ибо решил, что орки вновь явились пытаться его: и схватившись с ним в сумерках, Турин выхватил Англахель и сразил Белега Куталиона, приняв его за врага.

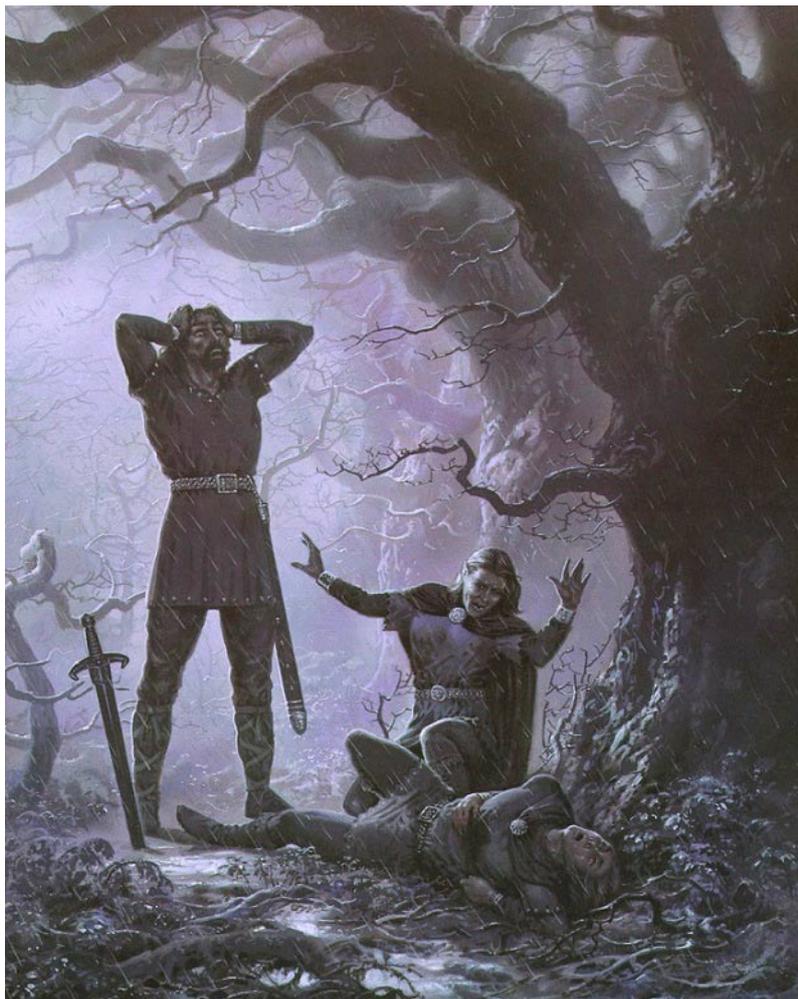
Но в тот миг, когда Турин стоял свободный и готовый дорого продать свою жизнь в схватке с вымышленным врагом, в вышине вспыхнула молния, и при свете ее он увидел у ног своих лицо Белега. И застыл Турин, окаменев и онемев, взирая на ужасную эту смерть, сознавая, что натворил: и так страшно было его лицо, озаренное молниями, что сверкали вокруг, что Гвиндор скорчился на земле, не смея поднять глаз. А внизу, в лощине пробудились орки, и лагерь закипел, ибо испугались они грома, пришедшего с запада, считая, что он наслан их великими Заморскими Врагами. Потом поднялся ветер, и обрушил-

ся дождь, и потоки хлынули с высот Таур-ну-Фуина, но сколько Гвиндор ни взывал к Турину, предостерегая его об опасности, тот не отвечал, лишь без движения и слез сидел среди бури над телом Белега.

Когда настало утро, буря умчалась на восток через Лотланн, и взошло осеннее солнце, жаркое и ясное, но считая, что Турин уже далеко отсюда, и следы его смыты дождем, орки ушли поспешно, не обременяя себя долгими поисками, и Гвиндор видел издали, как шагают они по курящимся пескам Анфауглифа. Так и вернулись они к Морготу, оставив позади сына Хурина, что, обезумев, сидел на склонах Таур-ну-Фуина, отягощенный бременем более тяжким, чем их оковы.

Убийство Белега. Тед Несмит

Тогда Гвиндор велел Турину, чтобы он помог ему в погребении Белега; и тот встал, как во сне, и вместе опустили они Белега в неглубокую могилу, а рядом с ним положили его большой лук Бельфрондинг, сделанный из черного тиса. Но злосчастный меч Англахель Гвиндор оставил, сказав, что пусть он лучше мстит прислужникам Моргота, чем лежит, бесполезный, в земле; забрал он также лембасы Мелиан, дабы подкрепить силы в дебрях.

Так погиб Белег Могучий Лук, вернейший из друзей, искуснейший из всех, обитавших когда-либо в Давние Дни в лесах Белерианда; погиб от руки того, кого он любил больше всех на свете; и горесть эта запечатлелась на лице Турина и не исчезла более никогда. Но в эльфе из Наргофронда возродились отвага и сила, и, покинув Таур-ну-Фуин, он увел Турина прочь. Ни разу, пока брели они по бесконечным и горестным тропам, Турин не молвил слова, и шел

без цели и желания, в то время как год подходил к концу, и зима явилась в северные края. Но Гвиндор всегда был при нем, храня и направляя; и так они, следуя на запад, переправились через Сирион и пришли наконец к Эйфель Иврину, источнику у подножья Теневого Хребта, из которого рождается Нарог. И там Гвиндор молвил Турину: "Пробудись, о Турин, сын Хурина Талиона! Неизменный смех звенит над озером Иврин. Его питают кристальные, неутомимо бьющие источники, и хранит его воды от осквернения Ульмо, Владыка Вод, что сотворил в незапамятные времена его красоту." Тогда Турин опустился на колени и испил воды; и внезапно рухнул оземь, и потоком хлынули слезы, и он был излечен от безумия.

И сложил он песнь по Белегу, назвав ее **Лаэр Ку Белег**, Песнь о Великом Луке, и громко пел ее, невзирая на опасность. Гвиндор же вложил в его руки меч Англахель, и узнал Турин, что меч этот могуч и тяжек; но клинок его был черен и мрачен, а края затупились. И молвил Гвиндор: "Станный это клинок, и подобного ему не видел я в Средиземье. Он даже скорбит о Белеге, подобно тебе. Но утешься: ибо я возвращаюсь в Наргофронд, где правит род Финарфина, и ты пойдешь со мною, и будешь исцелен и обновлен."

— Кто ты? — спросил Турин.

— Бродячий эльф, беглый раб из Ангбанда, которого встретил и утешил Белег, — отвечал Гвиндор. — Некогда же был я Гвиндором, сыном Гуилина, витязем Наргофронда, пока не ушел на Нирнаэф Арноэдиад и не стал рабом в Ангбанде.

— А видел ли ты Хурина, сына Галдора, воителя из Дор-Ломина? — спросил Турин.

— Я не видел его, — сказал Гвиндор, — но слух идет по всему Ангбанду, что он все еще не покорился Морготу и что Моргот проклял его и весь его род.

— Этому я охотно верю, — молвил Турин.

Встали они и, покинув Эйфель Иврин, шли на юг вдоль берегов Нарога, пока не перехватили их разведчики-эльфы и не доставили как пленников в потаенную твердыню. Так Турин пришел в Наргофронд.

Соплеменники не признали вначале Гвиндора, что ушел юным и стройным, а вернувшись, казался похожим на смертного преклонных лет, по причине пережитых им мук и лишений; но Фіндуилас, дочь короля Ородрефа узнала и приветствовала его, ибо любила его еще до Нирнаэф; Гвиндор же так пленен был ее красотой, что назвал ее Фаэльврин, Солнечный Блик на Водах Иврина. Ради Гвиндора Турину дозволено было войти с ним в Наргофронд, и он жил там в почете. Но когда Гвиндор хотел назвать его имя, Турин остановил его, говоря: "Я — **Агарваэн**, сын **Умарта** (что означает Запятнанный кровью, сын Обреченного), лесной охотник", — и эльфы Наргофронда не спрашивали его более.

Вскоре Турин оказался в большой милости у Ородрефа, и сердца почти всех жителей Наргофронда обратились к нему, ибо он был юн и лишь сейчас достиг полной зрелости; и на вид истинный сын Морвен Эледвен, темноволосый и светлокожий, с серыми глазами и лицом прекраснее, чем у всех смертных, живших в Давние Дни. Речь его и обращение носили печать древнего королевства Дорияф, и даже среди эльфов его можно было принять за нолдора высокого рода; потому многие называли его Аданэдэль, Человек-Эльф. Искусные

оружейники Наргофронда перековали для него меч Англахель, и хотя остался он навеки черен, края клинка сияли бледным огнем; и назвал его Турин — Гуртанг, Смертное Железо. Так велики были искусность и опытность Турина в стычках на рубежах Наргофронда, что сам он вскоре стал известен под именем Мórмегиль, Черный Меч; и говорили эльфы: "Мормегиль не может быть убит, разве что по несчастной случайности или от недоброй стрелы." Потому они дали ему для защиты гномьи доспехи; он же как-то, будучи мрачно настроен, отыскал в арсеналах гномью же позолоченную маску, и перед битвой надевал ее; и враги бежали пред ним.

Тогда сердце Финдуилас отворотилось от Гвиндора, и, против воли ее, любовь ее была отдана Турину; но Турин не понимал, что происходит. И опечалилось раненое сердце Финдуилас, и стала она бледной и молчаливой. Гвиндора же одолевали мрачные мысли, и как-то он обратился к Финдуилас: "Дева из рода Финарфина, да не разделит нас скорбь; ибо хотя Моргот и разрушил мою жизнь, я все еще люблю тебя. Ступай, куда ведет тебя любовь, но берегись! Не годится, чтоб Старшие Дети Илуватара сочетались браком с Младшими — век их краток, и они скоро уходят, покидая нас в извечном вдовстве. Не примет и рок этого брака: лишь один-два раза, по причине, недоступной нашему пониманию, может случиться обратное. Но человек этот — не Берен. Велик его жребий, и это открыто всем, кто ни взглянет на него, велик, но и черен. Страшись разделить его! Если же это случится, твоя же любовь предаст тебя горести и смерти. Ибо внемли! Хоть он и воистину — **Агарваэн**, сын **Умарта**, настоящее имя его — Турин, сын Хурина, того самого, кого Моргот заключил в Ангбанде и чей род он проклял. Не сомневайся в могуществе Моргота Бауглира! Или не запечатлелось оно во мне?"

Долго сидела, задумавшись, Финдуилас, и наконец промолвила:

— Турин, сын Хурина не любит меня и не полюбит никогда.

Когда же Турин узнал от Финдуилас о том, что произошло, он разгневался и сказал Гвиндору:

— Я любил тебя, ибо ты охранил меня и помог мне. Но сейчас, друг, ты причинил мне зло, открыв мое истинное имя и призвав на меня рок, от которого я, было, сокрылся.

Но отвечал Гвиндор:

— Рок твой не в твоём имени, а в тебе самом.

Когда Ородрефу стало известно, что Мормегиль на деле — сын Хурина, он окружил его великим почетом, и Турин обрел власть в Наргофронде. Но не по душе ему было, как ведут войну его жители — засадами и стрелами, пущенными исподтишка, он жаждал смелых ударов и открытых битв; а его мнение обретало для короля все больший вес. В те дни эльфы Наргофронда отреклись от своей осторожности и вышли в открытый бой; были собраны большие запасы оружия, и по совету Турина нолдоры выстроили большой мост через Нарог от самых врат Фелагунда, чтобы их войска могли быстро переправляться через реку. Тогда-то прислужники Ангбанда были изгнаны из всех земель между Нарогом и Сирионом на востоке и до Нэннинга и пустынного Фаласа на западе; и хотя Гвиндор на королевских советах всегда говорил против Турина, считая опасными его замыслы, он впал в немилость, и никто не считался с ним, ибо силы его стали ничтожны, и он не был больше первым в сражениях. Так Наргофронд стал открыт ненависти и гневу Моргота; и все же, по просьбе Ту-

рина, о его истинном имени молчали, и, хотя слава о его деяниях достигла Дориафа и слуха Тингола, молва твердила лишь о Черном Мече Наргофронда.

* * *

В то время, время краткого мира и робкой надежды, когда свершения Мормегиля ослабили власть Моргота к западу от Сириона, Морвен с дочерью своей Ниэнор бежала наконец из Дор-Ломина и отважилась на долгий путь во владения Тингола. Там ждало ее новое горе, ибо она узнала, что Турин ушел и что с тех пор, как Дракон исчез из земель к западу от Сириона, в Дориафе не приходило вестей о нем; однако Морвен и Ниэнор остались в Дориафе гостями Тингола и Мелиан и жили в почете.

Когда прошло четыре сотни и девяносто пять лет после восхода Луны, случилось так, что весной того года пришли в Наргофронд два эльфа, звали их Гэльмир и Армьнас; были они из племени Ангрода, но после Дагор Браголлах жили на юге, у Цирдана Корабела. Из дальнего своего пути принесли они весть, что под склонами Эред Вэтрина и в Теснине Сириона собираются стаи орков и лихих тварей; поведали они также, что Ульмо явился к Цирдану, предупредил его о великой опасности, надвигающейся на Наргофронд.

— Внемли Владыке Вод! — сказали они королю. — Вот что поведал он Цирдану Корабелу: "Северное лихо осквернило источники, питающие Сирион, и власть моя ускользает из пальцев текучих вод. Но грядет еще худшее. И потому передай владыке Наргофронда — пусть замкнет врата твердыни и не покидает ее. Пусть бросит камень гордыни своей в бурлящую реку, дабы крадущееся лихо не отыскало врата."

Ородрефа встревожили темные речи посланцев, но Турин ни за какие сокровища мира не стал бы внимать им и менее всего стерпел бы, чтоб был разрушен огромный мост, ибо стал неуступчив и горд и хотел, чтобы все шло так, как он желает.

Вскоре после того погиб Хандир, вождь халадинов и владыка Брефиля, орки вторглись в его земли, и Хандир дал им бой, но люди Брефиля потерпели поражение и были отброшены в леса. А осенью того же года Моргот, дождавшись своего часа, двинул на племя Нарога самое большое войско из всех, что собирал когда-либо и Глаурунг Урулоки прополз через Анфауглиф и свершил великое лихо в северных долинах Сириона. Под сенью Эред Вэтрин осквернил он Эйфель Иврин, а затем ворвался во владения Наргофронда и выжег Талат Дирнэн, Хранимую Равнину меж Нарогом и Тэйглином.

Тогда вышли витязи Наргофронда, и велик и страшен был в тот день Турин, и воспряли сердца воинов, когда выехал он, по правую руку от Ородрефа. Однако войско Моргота было более многочисленно, нежели сообщали разведчики, и никто, кроме Турина, защищенного гномьей маской, не мог выстоять против Глаурунга, и эльфы были смяты орками и отброшены в долину Тумхалад, что меж Гинглифом и Нарогом; и там они были окружены. В тот день пала гордость Наргофронда и все его войско; и в разгаре битвы пал Ородреф, и Гвиндор, сын Гуилина был смертельно ранен. Но Турин пришел ему на помощь, и враги бежали пред ним; и он вынес Гвиндора из битвы и, скрывшись в лесу, положил его на траву.

Турин спасает Гвиндора. Тед Несмит

Тогда молвил Гвиндор Турину: "Помощь за помощь! Но моя была роковой, а твоя бесполезна, ибо тело мое искалечено так, что не может быть исцелено, и должен я покинуть Средиземье. И хотя я люблю тебя, сын Хурина, я проклинаю тот день, когда увел тебя от орков. Если б не твоя гордыня и не твоя воинственность, я остался бы жив и любим, да и Наргофронд, пусть на время, стоял бы. Теперь же, если любишь меня — уйди! Поспешив в Наргофронд и спаси Финдуилас. Вот мое последнее слово: она одна стоит меж тобою и твоим проклятием. Если ты потеряешь ее, оно найдет тебя. Прощай!"

И Турин поспешил в Наргофронд, по пути собирая уцелевших воинов; шли они, и сильный ветер срывал листву с деревьев, ибо осень сменялась зимой. Но орды орков и дракон Глаурунг оказались там раньше их и явились внезапно, прежде, чем стражи узнали о том, что случилось в долине Тумхалад. Страшную службу сослужил в тот день мост через Нарог, широкий и прочный, ибо враг перешел по нему глубокую реку, и огнедышащий Глаурунг пришел к Вратам Фелагунда, и разрушил их, и вошел.

Когда подоспел Турин, ужасное разорение Наргофронда уже почти свершилось. Орки перебили или рассеяли всех, кто еще держал оружие, и уже обшаривали чертоги и палаты, грабя и разоряя; тех женщин и девушек, что не были сожжены или убиты, они сгоняли на террасах перед домами, дабы увести их в рабство к Морготу. Среди этого горя и разора шел Турин, и никто не мог и не хотел преградить ему путь, хоть он убивал всех, кто ему ни попадался, и шел к мосту, пробивая себе дорогу к пленникам.

Был он сейчас один, ибо те немногие, кто следовал за ним, бежали прочь. В этот миг из распахнутых врат выполз Глаурунг и лег меж Туриним и мостом. И молвил он, побуждаемый жившим в нем лиходейским духом: "Привет тебе, о сын Хурина! Что за радостная встреча!"

Турин шагнул к нему, и вспыхнуло пламенем острие Гуртанга; но Глаурунг, упреждая удар, широко раскрыл свои немигающие глаза и воззрился на Турина. Бесстрашным взглядом ответил ему Турин, поднимая меч; но в тот же миг обездвиживающие чары драконьих глаз одолели его, и он замер. Долго стоял он, словно высеченный из камня; и кроме них двоих, безмолвных, не было ни

души перед вратами Наргофронда. И вновь заговорил Глаурунг, насмехаясь над Турином: “Черны же все твои пути, сын Хурина! Неблагодарный приемщик, разбойник, убийца друга, похититель чужой любви, тиран Наргофронда, губительно храбрый вождь, бросивший своих родичей на произвол судьбы. В нужде и нищете, рабынями живут в Дор-Ломине твои мать и сестра. Ты одет, как принц, они же ходят в лохмотьях; они призывают тебя, но ты о том не тревожишься. Счастлив будет отец твой узнать, каков у него сын; а уже он-то непременно узнает” — И Турин, зачарованный Глаурунгом, внимал его речам и видел себя в кривом зеркале лиха и ужаснулся, тому, что увидел.

И пока стоял он, цепenea под взглядом дракона, погруженный в мучительные мысли, орки с согнанными вместе пленниками прошли мимо Турина и перешли мост. Среди них была Финдуилас, и она звала Турина, но Глаурунг не отпустил его, пока крик ее и плач пленников не стихли на северном тракте, и долго еще звучал этот крик в ушах Турина.

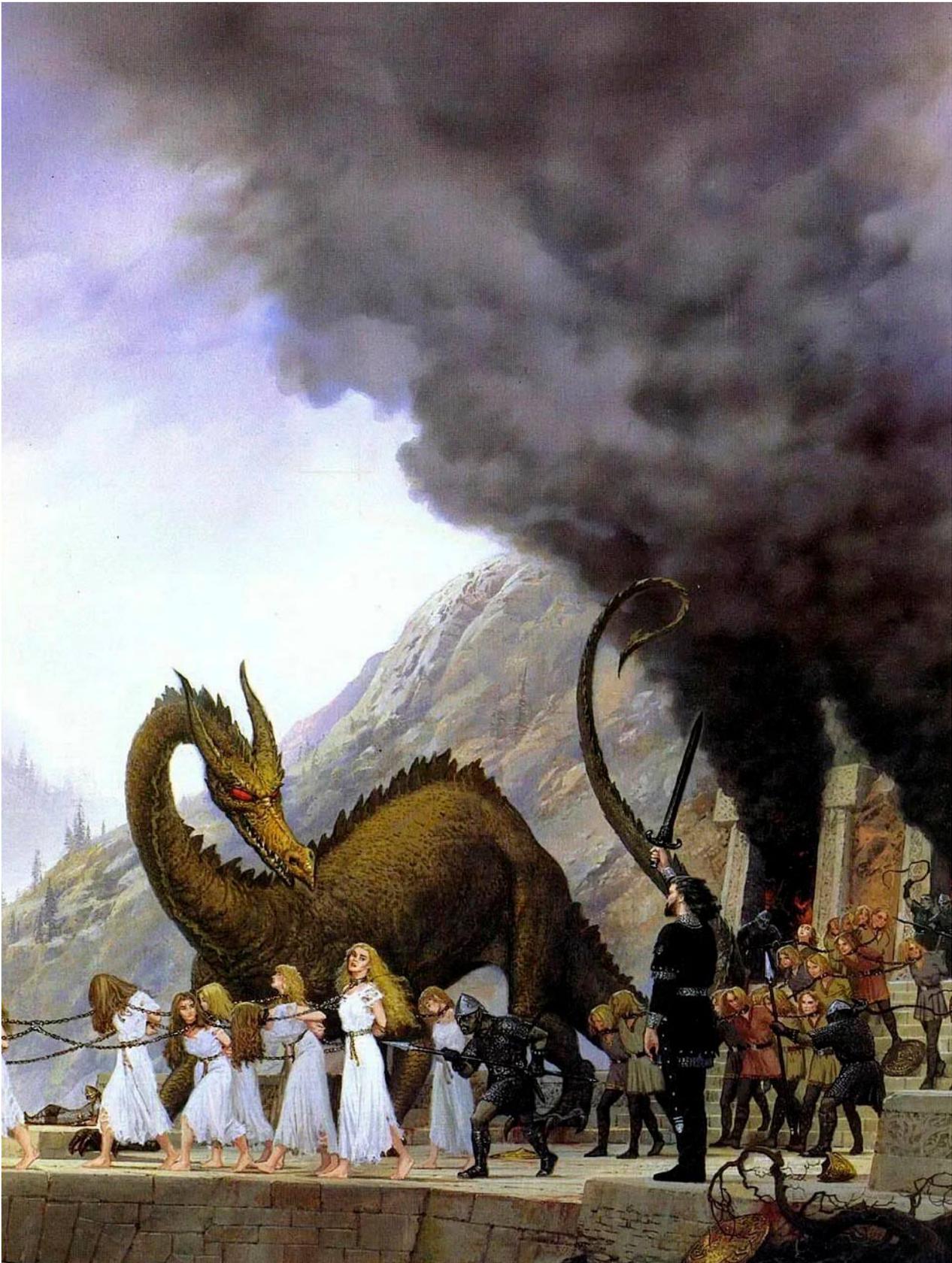
И вдруг Глаурунг отвел взгляд и замер, выжидая; а Турин медленно шевельнулся, словно очнувшись от тяжкого сна. Придя в себя, он с криком бросился на дракона. Но лишь рассмеялся Глаурунг: “Если уж так хочется тебе умереть, так и быть, я тебе помогу! Но поможет ли это Морвен и Ниэнор? Ты не внял зову эльфийской девы. Отречешься ли ты также и от кровных уз? — Но Турин, выхватил меч, целясь в глаза дракона, и тогда Глаурунг, изогнувшись, поднялся над ним и молвил так: “О нет! В конце концов ты храбр, храбрее тебя я не встречал. Лгут бесстыдно те, кто говорит, что племя мое не почитает доблести врага. Внемли же! Я дарую тебе свободу. Ступай! И если уцелеет эльф либо человек, дабы сложить повесть об этих днях, презрением помянет он тебя, буде ты истратишь понапрасну этот дар.”

И Турин, все ещё под властью драконовых чар, поверил речам Глаурунга о том, что якобы пред ним враг, способный к милосердию и, повернув прочь, поспешил к мосту. Глаурунг же, в злобе своей, крикнул вслед ему: “Торопись же в Дор-Ломин, сын Хурина! Не то тебя снова опередят орки. Если же пойдешь ты за Финдуилас и хоть на миг помедлишь, никогда больше не увидишь ты Морвен и никогда в жизни не увидишь сестру свою Ниэнор и они проклянут тебя!”

Финдуилас ведут мимо Турина в Наргофронде

Но Турин повернул на север, и вновь рассмеялся Глаурунг, ибо исполнил приказ своего Господина. Затем он, вернувшись к развлечениям,дохнул огнем и сжег все вокруг. Однако, тех орков, что занимались грабежом, он прогнал и отнял у них все награбленное; затем разрушил мост и сбросил остатки его в пенный Нарог. Обезопасив себя таким образом, он собрал в самом дальнем чертоге Наргофронда сокровища Фелагунда, улегся на эту груды и отдыхал.

Турин же в спешке шел по пустынным ныне землям меж Нарогом и Тэйглином, а навстречу ему спешила Суровая Зима, ибо снег в том году выпал прежде, чем кончилась осень, а весна была поздняя и холодная. И непрестанно слышался ему в пути со всех сторон голос Финдуилас, звавшей его по имени, и муки его были велики; но сердце его горело от лжи Глаурунга, и видя мысленно орков, поджигающих дом Хурина или пытающих Морвен и Ниэнор, ни разу не свернул он с пути.

И вот, изможденный спешкой и долгой дорогой — ибо он прошел без отдыха более сорока лиг — с первым льдом пришел Турин к водам Иврина, где был некогда исцелен. Но озеро стало замерзшей грязью, и не мог он больше испить из него.

Так по суровым северным снегам пришел он на перевалы, что вели в Дор-Ломин, и вновь увидел край своего детства. Стал тот край пустынен и негостеприимен; и Морвен не было там, опустел ее дом, разрушенный и продрогший, и ни одна живая душа не обитала там. Потому Турин ушел оттуда и явился в

дом вастака Бродды, что взял в жены Аэрии, родственницу Хурина, и там от старого слуги узнал он, что Морвен давно уже нет в Дор-Ломине, ибо она и Нкэнор бежали, и никто не знает, куда.

Тогда Турин прорвался в зал, где пировал Бродда, схватил его, вынул меч и потребовал, чтобы ему сказали, куда девалась Морвен; и Аэрин объявила ему, что она ушла в Дориаф на поиски сына. "Ибо, — молвила она, — край тогда был свободен от лиха благодаря Черному Мечу с юга, который ныне, говорят, пал." Прозрел тогда Турин, и рухнули последние узы заклатья Глаурунга; и от боли и гнева на ложь, которой он поверил, а также от ненависти к притеснителям Морвен, черное бешенство овладело им, и он убил Бродду, а также многих вастаков, что гостили там. Затем он бежал, и за ним гнались, но те люди племени Хадора, что уцелели и знали тропы в делях, помогли ему, и с ними бежал он в метель и добрался до прибежища изгоев в южных горах Дор-Ломина. Так Турин вновь покинул свою родину и вернулся в долину Сириона. Горько было у него на сердце, ибо он принес в Дор-Ломин лишь большую беду для уцелевших своих соплеменников, и они рады были, что он ушел; утешало его лишь то, что доблесть Черного Меча проложила Морвен путь в Дориаф. И сказал он себе так: "Не всем, стало быть, принесли зло мои деяния. А куда же еще я мог бы отправить своих родных, даже если бы явился ранее? Ибо Завеса Мелиан рухнет лишь вместе с последней надеждой. Нет, пусть все остается так, как есть: ибо где бы я ни появился, тень следует за мной неотлучно. Да охранит их Мелиан! Я же оставлю их в мире, пока еще не затененном."

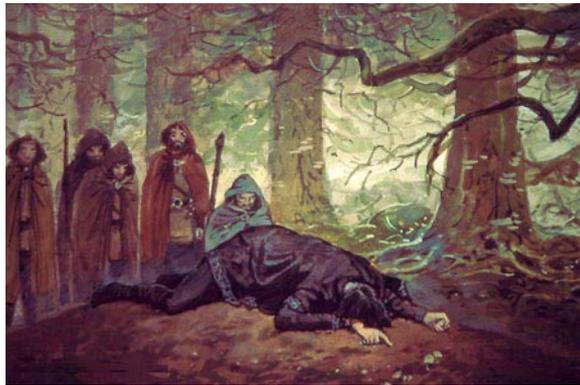
Спустившись с Эред Вэтрина, Турин тщетно искал Финдуилас и бродил в лесах у подножия гор, одичавший и чуткий, как зверь; он обшарил все дороги, что вели на север к Теснине Сириона. Но он опоздал — ветер развеял все следы, а зима довершила его дело. Но вот как-то к югу от Тэйглина Турин наткнулся на людей Брефиля, что были окружены орками, и спас их, ибо не могли орки выстоять пред Гуртангом. Он назвался Лесным Дикарем, и люди умоляли его поселиться с ними, но отвечал он, что не исполнил еще своего дела — отыскать Финдуилас, дочь Ородрефа Наргофрондского. И тогда Дорлас, предводитель лесных людей, поведал горестную историю ее смерти. Ибо люди Брефиля как-то на Перекрестье Тэйглина напали на орков, ведших пленников из Наргофронда, надеясь спасти несчастных: но орки тотчас же жестоко умертвили всех пленных; Финдуилас же они пригвоздили к дереву копьём. Так умерла она, вымолвив напоследок: "Скажите Мормегилю, что Финдуилас здесь." Потому ее погребли в кургане неподалеку отсюда и нарекли это место Хауд-эн-Эллет, Могила Эльфийской девы.

Турин велел им провести его туда и, увидев курган, впал в черное отчаяние, подобное смерти. Дорлас же по черному мечу, слава о коем дошла даже в глушь Брефиля, а также по тому, что Турин искал дочь короля, понял, что Дикарь этот на деле Мормегиль из Наргофронда, который по слухам был не кто иной, как сын Хурина из Дор-Ломина. Потому лесные люди подняли Турина и принесли в свои хижины. Хижины эти размещались в лесу, на холме, обнесенном крепкой изгородью, называлось это место Эфель Брандир на Амон Обель; ибо племя Халет уменьшилось из-за войн, а Брандир, сын Хандира, что ныне правил ими, был человек мягкого нрава, да к тому же хромым с детства, и верил он, что не битва, а скрытность спасет их от мощи Севера. Потому весть, принесенная Дорласом, чрезвычайно испугала Брандира, а когда взгля-

нул он на Турина, лежавшего на носилках, тень предчувствия омрачила его сердце. Тем не менее, тронутый горем Турина, он взял его в свою хижину и долго лечил, ибо искусен был во врачевании. С началом весны Турин исцелился от тьмы и выздоровел; и воспрял он духом, и подумал, что мог бы остаться в Брефиле, сокрытый ото всех, и избавиться от тени рока, забыв о прошлом. Потому он взял себе новое имя — Турáмбар, что в Высоком наречии эльфов означает Властелин Судьбы, и просил лесных людей забыть о том, что он чужой им и некогда носил иное имя. Все же не мог он совсем отречься от воинских дел, ибо не смирился с тем, что орки могли появиться на Перекрестье Тэйглина, либо шнырять у Хауд-эн-Эллета; и стало то место для орков средоточием страха, так что они избегали его. Однако Турин отложил свой меч и вооружился луком и стрелами.

Турин у могилы Финдуилас. Тед Несмит

Новые вести о Наргофронде пришли в Дориаф, ибо те, кто уцелел после разгрома и разорения и пережил в дебрях Суровую Зиму, в поисках убежища явились к Тинголу; и стражи провели их к королю. Иные говорили, что все враги отступили на север, иные — что Глаурунг по-прежнему обитает в чертогах Наргофронда; одни твердили, что Мормегиль жив, другие — что он обратился в камень под чарами дракона. Но все в один голос говорили, будто бы многим в Наргофронде еще до конца его было известно, что Мормегиль на деле был Туринном, сыном Хурина из Дор-Ломина. Морвен была вне себя от горя и, вопреки совету Мелиан, одна отправилась в дебри, дабы разыскать сына или хотя бы верные вести о нем. Тингол послал за ней Маблунга с отрядом закаленных воинов, чтоб отыскали и сберегли ее, а также разузнали все, что можно. Ниэнор, однако, приказано было остаться. Но в ней жил бесстрашный дух ее рода, и вот, в недобрый час, надеясь, что Морвен вернется, если увидит, что дочь ее готова разделять с ней опасность, Ниэнор оделась в мужской наряд и воином Тингола отправилась в злосчастный этот поход.

Они отыскали Морвен на берегу Сириона, и Маблунг умолял ее вернуться в Менегрот; но казалась она словно не от мира сего, и невозможно было ее переубедить. Тогда же обнаружили Ниэнор, и, несмотря на веление Морвен, она отказалась вернуться; и пришлось Маблунгу провести их к потайным переправам на Полусветном Озерье, и они переправились через Сирион. И вот, после трех дней пути, пришли они к Амон Этир, Холму Разведчиков, который много лет назад с великими трудами воздвигли в одной лиге от врат Наргофронда по велению Фелагунда. Затем Маблунг оставил нескольких всадников с Морвен и Ниэнор, запретив им двигаться дальше. Сам же, не увидя с холма

ни одного признака врагов, со своими разведчиками бесшумно спустился к Нарогу.

Но Глаурунгу ведомо было все, что они предприняли, и вот он, пылая гневом, спустился к реке и лег в нее; поднялся пар и мерзкий дым и ослепил Маблунга и его спутников, а Глаурунг тем временем переполз через Нарог.

Видя приближение дракона, воины, оставшиеся на Амон Этире, хотели увести Морвен и Ниэнор, и бежать с ними назад, на восток, но ветер окутал их плотным туманом, а кони обезумели от драконьего зловония, и не слушали узды, и метались то туда, то сюда; так что многие всадники до смерти разбились о деревья, а других кони унесли невесть куда. Так обе женщины сгнули, и ни одна весть о Морвен не достигала с тех пор Дориафа. Конь Ниэнор сбросил ее, но она не была ранена и вернулась к Амон Этиру, чтобы там дожидаться Маблунга; так она выбралась из тумана на солнечный свет и, обратившись к западу, взглянула прямо в глаза Глаурунга, чья голова лежала на гребне горы.

Некоторое время воля Ниэнор противилась воле дракона, но тот пустил в ход свои чары и, узнав, кто она, вынудил ее не отводить взгляд, и наложил на нее заклятье безмерной тьмы и забвенья, так что она не помнила ни того, что было с ней прежде, ни названий всему, что существует в мире; и многие дни не могла она ни видеть, ни слышать, ни пошевелиться по своей воле. Тогда Глаурунг оставил ее на Амон Этире и вернулся в Наргофронд.

Маблунг, который отважно исследовал чертоги Фелагунда, покинутые драконом, по возвращении Глаурунга скрылся и вернулся на Амон Этир. Когда он взобрался на вершину, солнце уже зашло, и наступила ночь, и не нашел он никого, кроме Ниэнор, застывшей под звездным небом, как одинокое изваяние. Ни слова ни сказала она, ни звука не слышала, но следовала за ним, когда он брал ее за руку. И Маблунг, опечаленный, увел ее прочь, хотя и казалось это ему напрасным, ибо оба они, оставшись без помощи, были обречены.

Но их отыскивали трое спутников Маблунга, и все они медленно двинулись на северо-восток, за Сирион, к рубежам Дориафа, к охраняемому мосту там, где в Сирион впадал Эсталдуин. Чем ближе подходили они к Дориафу, тем быстрее восстанавливались силы Ниэнор; но она все еще ничего не видела и не слышала и шла, как слепая, туда, куда ее вели. Когда же наконец подошли к рубежам Дориафа, она сомкнула свои широко раскрытые глаза и уснула; эльфы уложили ее на землю и сами заснули, забыв об осторожности, ибо были крайне измождены. Тогда напали на них орки, что частенько бродили у рубежей Дориафа, подбираясь настолько близко, насколько хватало смелости. В этот миг к Ниэнор вернулись слух и зрение, вопли орков пробудили ее, она в ужасе вскочила и убежала прежде, чем они успели приблизиться к ней.

Орки бросились в погоню, а эльфы погнались за орками и перебили их прежде, чем те успели причинить ей зло; но Ниэнор бежала от них. Словно обезумев от страха, мчалась она быстрее, чем дикий олень, и в беге изодрала свои одежды и осталась нагой; она скрылась в северной стороне, и эльфы потеряли ее из виду, и хотя долго искали ее, но не нашли ни ее следов, ни ее самой. Отчаявшись, Маблунг вернулся в Дориаф и поведал о случившемся. Опечалились Тингол и Мелиан; Маблунг же ушел прочь и долго искал вестей о Морвен и Ниэнор, но тщетно.

Ниэнор же бежала в дебрях, пока не иссякли силы; тогда она пала оземь и

заснула, а когда пробудилась, было солнечное утро, и она радовалась свету, словно видела его впервые, и все, что ни попадалось ей на глаза, казалось новым и незнакомым, ибо она ничему не знала названия. Она не помнила ничего, что было прежде, кроме тьмы и тени ужаса; и потому бродила чутко, словно загнанный зверь, и изголодалась, так как пищи у нее не было, а она не умела добывать ее. Она добралась до Перекрестья Тэйглина и прошла его, ища убежища под могучими деревьями Брефиля, ибо была в вечном страхе, и сдавалось ей, будто тьма, от которой она бежала, вновь овладеет ею.

С юга пришла громыхавшая буря, и в ужасе рухнула Ниэнор у кургана Хад-эн-Эллет, и затыкала уши, чтобы не слышать грома; а дождь хлестал ее и промочил насквозь, и лежала она, как умирающий зверь. Там и нашел ее Турамбар, что пришел к Перекрестью Тэйглина, услышав, что будто бы поблизости бродят орки; и когда при взблеске молнии увидел он мертвую — как почудилось ему — девушку на могиле Финдуилас, то был потрясен до глубины души. Но лесные люди подняли девушку, а Турамбар укрыл ее своим плащом, и они унесли ее в ближайшую хижину, обогрели и накормили. Едва взглянув на Турамбара, она успокоилась, ибо показалось ей, что нашла она нечто, искомое во тьме, и не должна с ним расставаться. Однако, когда он спросил ее об имени, роде и несчастье, приключившимся с нею, девушка забеспокоилась, как дитя, сознающее, что от него требует нечто, но не могущее понять, что именно, и разрыдалась. Потому молвил Турамбар: “Не тревожься. Рассказ твой подождет. Я же дам тебе имя и назову тебя Ниниэль, Дева-Слеза.” Услышав это имя, она покачала головой, но повторила: “Ниниэль.”

Турин находит Ниэнор. Тед Несмит

Было то первое слово, которое произнесла она с тех пор, как пало на нее заклятье тьмы, и таким на веки вечные осталось ее имя в памяти лесных людей.

На следующий день ее понесли в Эфель Брандир; но когда пришли они к Димросту, Дождливой Лестнице, где текущий поток Целеброса бежал к Тэйглину, на нее напала великая дрожь, отчего это место позднее было названо Нэн Гириф, Содрогающаяся Вода. Не успела Ниниэль оказаться в жилище лесных людей на Амон Обеле, как ее начала бить лихорадка; долго лежала она так, и женщины Брефиля ухаживали за ней и, словно ребенка, учили языку. С приходом осени искусство Брандира исцелило ее, и она могла говорить, но не помнила ничего, что случилось с ней до того, как Турамбар нашел ее на кургане Хауд-эн-Эллет. Брандир полюбил ее но сердце Ниниэль отдано было Турамбару.

В то время орки не тревожили лесных людей, Турамбар не воевал, и мир царил в Брефиле. Сердце Турамбара обратилось к Ниниэль и он просил ее стать его женой, но в тот раз она попросила отсрочки, хоть и любила его. Ибо Брандир предчувствовал недоброе, сам не ведая, что и пытался удержать Ниниэль, скорее ради ее же пользы, нежели из ревности и открыл он ей, что Турамбар не кто иной, как Турин, сын Хурина, и хотя Ниниэль не знала этого имени, тень омрачила ее сердце.

Однако, когда прошло три года после падения Наргофронда, Турамбар вновь попросил руки Ниниэль и объявил, что либо он станет ее мужем, либо уйдет воевать. Тогда Ниниэль с радостью дала согласие, и в день Венца Лета они стали мужем и женой, и лесные люди устроили великое празднество. Однако, в конце года Глаурунг выслал против Брефиля орков из своих владений, Турамбар же бездействовал, ибо дал слово Ниниэль, что не пойдет воевать, пока враг не подступит к самым жилищам. Но лесные люди оказались в беде, и Дорлас упрекнул Турамбара, что он не помогает народу, который назвал своим. Тогда встал Турамбар и вновь извлек из ножен свой черный меч, и собрал дружину людей Брефиля, и они разбили орков наголову. Но Глаурунг узнал, что в Брефиле объявился Черный Меч, и призадумался над этой вестью, замышляя новое лихо.

Весной следующего года Ниниэль понесла под сердцем ребенка и стала бледна и печальна; и в то же время в Эфель Брандир пришли первые вести о том, что Глаурунг покинул Наргофронд. Тогда Турамбар выслал разведчиков, ибо ныне он распоряжался так, как считал нужным, и мало кто внимал Брандиру. Ближе к лету Глаурунг приполз к рубежам Брефиля и залег у западного берега Тэйглина, и великий страх объял лесное племя, ибо всем стало ясно, что Большой Червь не проползет мимо, возвращаясь в Ангбанд, как наделись прежде, а нападет и разорит их земли. Обратились за советом к Турамбару, и он сказал, что бессмысленно выходить против Глаурунга даже со всей их силой, ибо одолеть его можно лишь хитростью и везением. И сказал он также, что сам отыщет дракона, а всем прочим велел оставаться в Эфель Брандире и готовиться к бегству. Ибо, если Глаурунг победит, он прежде всего отправится разорять жилища лесных людей, а они не смогут выстоять против него, если же они разбегутся, то многие смогут спастись, ибо Глаурунг ненадолго задержится в Брефиле и скоро вернется в Наргофронд.

Тогда же спросил Турамбар, кто желает разделить с ним опасность, но ни-

кто не вызвался, кроме Дорласа. Тогда Дорлас осыпал упреками соплеменников и с презрением помянул Брандира, что не мог быть достойным наследником рода Халет; так Брандир был опозорен перед своим племенем, и горечью исполнилось его сердце. Однако Хунтор, родич Брандира, вызвался пойти за него. Затем Турамбар простился с Ниниэль; ею овладели страх и недобрые предчувствия, и печальным вышло их расставание; и вот Турамбар и его два спутника вышли в путь и направились к Нэн Гирифу.

Ниниэль же, будучи не в силах унять свой страх и не желая ждать в Эфель вестей о Турамбаре, отправилась за ним, и большой отряд сопровождал ее. Брандир при этом пришел в ещё больший ужас и попытался отговорить ее и ее спутников от бессмысленного этого поступка, но они не вняли ему. Тогда отрекся он от своей власти и от любви к людям, презревшим его и, поскольку ничего у него не осталось, кроме любви к Ниниэль, он опоясался мечом и последовал за нею; но из-за хромоты отстал. Турамбар же на закате пришел к Нэн Гирифу и там узнал, что Глаурунг залег на краю отвесного берега Тэйглина и, как видно, тронется с места с наступлением ночи. Турамбар тогда сказал, что вести это добрые, ибо дракон лежал у Кáбед-эн-Араса, где река протекала в глубокой и узкой расщелине которую мог перескочить загнанный охотниками олень, и подумал Турамбар, что дракон, как видно, попытается перебраться через расщелину. И решил он в сумерках пробраться туда, под покровом ночи спуститься в расщелину и переправиться через бурный поток, а затем взобраться на откос и подкрасться незаметно к дракону.

Так и сделали; но когда во тьме подошли они к Тэйлину, Дорлас пал духом и не решился на опасную переправу, а повернул назад и сокрылся в чаще, отягченный стыдом. Турамбар и Хунтор, тем не менее, переправились благополучно, ибо рев воды заглушал все прочие звуки, да и Глаурунг спал. К полуночи, однако, дракон пробудился и с великим шумом и грохотом переволок через расщелину переднюю часть тулова и начал подтягивать брюхо. Турамбар и Хунтор, спеша подняться наверх к Глаурунгу, едва не погибли от жара и вони, а с высоты, от движения дракона, рухнул камень, ударил Хунтора по голове и сбросил в поток. Так встретил свою смерть не последний храбрец из рода Хадет.

Тогда Турамбар собрал всю свою волю и мужество, один вскарабкался по склону и добрался до дракона. Выхватил он Гуртанг и со всею мощью своих мускулов и своей ненависти вонзил его в мягкое брюхо Червя по самую рукоять. Глаурунг же, почувяв смертную боль, взметнул вверх свое тулово, рухнул, как мост, поперек расщелины и лежал так, извиваясь в предсмертных корчах. Он выжег и сравнял с землей все вокруг, но наконец огонь его угас и он замер.

Турин убивает Глаурунга. Тед Несмит

А надо сказать, что корчи Глаурунга вырвали Гуртанг из руки Турамбара, и меч остался в брюхе дракона. Посему Турамбар вновь пересек поток, желая вернуть меч и взглянуть на врага, и увидел, что дракон лежит на боку, вытянувшись во всю длину, а из брюха его торчит рукоять Гуртанга. Тогда Турамбар схватил рукоять, наступил ногой на брюхо и вскричал, насмехаясь над речами дракона а Наргофронде: "Привет тебе, о Червь Моргота! Что за радостная встреча! Издохни же и пусть мрак поглотит тебя. Так отмщен Турин, сын Хурина!"

Затем он выдернул меч, но из раны хлынула струя черной крови и ядом обожгла его руку. А потом Глаурунг открыл глаза и взглянул на Турамбара с такой злобой, что взгляд поразил того, как удар; и удар тот и боль от яда погрузили его в черное забытие, и он лежал, как мертвый, накрыв меч своим телом.

Вопли Глаурунга эхом разнеслись в чаше и достигли людей, что ждали у Нэн Гирифа, и когда дозорные увидели издали разрушения и пожар, сотворенные драконом, то сочли, что он победил и уничтожает тех, кто вступил с ним в бой. Ниниэль же сидела, дрожа, у падающей воды, и при звуке голоса Глаурунга тьма объяла ее вновь, так что она не могла тронуться с места по собственной воле.

Так и нашел ее Брандир, когда, шатаясь от усталости, добрал наконец до Нэн Гирифа; и когда услышал он, что дракон переполз через реку и уничтожил своих врагов, сердце его в жалости потянулось к Ниниэль. Он, однако, подумал: "Турамбар мертв, но Ниниэль жива. Может быть, сейчас она пойдёт со мной, а я уведу ее от дракона, и мы вместе спасемся." И вот он встал пред Ниниэль и молвил: "Идем! Пора. Если хочешь, я поведу тебя." Он взял ее за руку, и она безмолвно поднялась и пошла за ним; и никто в темноте не видел, как они ушли.

Но когда они спустились по тропе к Перекрестью, поднялась луна и сумеречным светом озарила землю; и спросила Ниниэль: "Разве это наш путь?" Брандир же отвечал, что не знает иного пути, кроме как бежать что есть сил от Глаурунга и спастись в дебрях. Но молвила Ниниэль: "Черный Меч был моим возлюбленным и супругом. Я иду лишь для того, чтоб отыскать его. Что еще мог ты подумать?" И она быстро пошла вперед, обогнав Брандира. Так дошла она до Перекрестья Тэйглина и в ослепительном свете луны узрела Хауд-эн-Эллет; и великий ужас овладел ею. Тогда она с криком повернула прочь и, сбросив плащ, побежала на юг вдоль реки, и белые ее одежды сверкали в свете луны.

Брандир с холма увидел ее и повернул, чтобы пересечь ей дорогу, но все же

она, опередив его, пришла к трупу Глаурунга у Кабед-эн-Араса. Там увидела она дракона, но даже не взглянула на него, ибо рядом лежал человек; и она подбежала к Турамбару, зовя его по имени, но он был недвижим. Увидев, что рука его обожжена, Ниниэль омыла его слезами и перевязала, оторвав кусок ткани от своего одеяния, затем поцеловала Турамбара и вновь позвала, дабы пробудить. И тогда пред смертью очнулся Глаурунг и с последним вздохом проговорил: "Привет тебя, о Ниэнор, дочь Хурина. На краю смерти мы встретились вновь. Радуйся же: ты наконец отыскала своего брата. Вот он — голово-рез, предающий врагов, не верящий друзьям, проклетие своего рода. Турин, сын Хурина! Но худшее его деяние ты носишь в себе."

Ниэнор находит Турина. Елена Куканова

Затем Глаурунг издох, и его лиходейские чары не были более властны над Ниниэль, и вспомнила она все, что было в ее жизни. Глядя на Турамбара, вскричала она: "Прощай же, о дважды любимый! А Турин Турамбар, турун ам-бартанен! Властелин Судьбы, сраженный судьбою! О счастье умереть!" Тогда Брандир, что стоял, потрясенный услышанным, у трупа Глаурунга, бросился к ней, но она, обезумев от ужаса и муки, подбежала к краю Кабед-эн-Араса, прыгнула вниз и исчезла в бурлящей воде.

Брандир взглянул с обрыва и отшатнулся в ужасе; и хотя не хотел больше жить, не мог он искать смерти в ревушем этом потоке. С тех пор ни один человек не смотрел более вниз с высоты Кабед-эн-Араса, ни зверь, ни птица не появлялись там, не росло ни одно дерево; и назвали то место Кабед Наэрамарт, Прыжок лихого Рока.

Брандир же пошел назад, к Нэн Гирифу, дабы сообщить своим соплеменникам, что произошло; в чаще он встретил Дорласа и убил его; и была то первая и последняя кровь, которую он пролил. Затем он вернулся к Нэн Гирифу и люди, увидев его, закричали: "Видел ли ты Ниниэль? Ее нигде нет."

И отвечал Брандир: "Ниниэль больше нет. Дракон мертв, и мертв Турамбар, и это добрая весть." Тогда возроптали люди, твердя, что он обезумел; но молвил Брандир; "Внемлите же! Нежная Ниниэль также мертва. Она бросилась в Тэйглин, не желая более жить, ибо узнала, что прежде чем погрузиться в без-

дну забвения, была она Ниэнор, дочерью Хурина из Дор-Ломина, а Турамбар, Турин, сын Хурина, был ее братом."

И в то мгновение, когда он смолк, а люди зарыдали, Турин вживе явился среди них. Ибо едва издох дракон, беспамятство покинуло Турина и он впал в глубокий сон усталого человека. Однако, ночной холод пробудил его, а рукоять Гуртанга впиалась в бок, и он очнулся. Увидел Турин, что кто-то перевязал ему руку, и удивился, что тем не менее его оставили лежать на голой земле; он познал и, не услышав ответа, пошел искать помощи, ибо был измучен и слаб.

Однако, когда люди увидели его, то отшатнулись в страхе, думая, что пред ними призрак, он же сказал:

"Возрадуйтесь, ибо Дракон мертв, а я жив. Но отчего презрели вы мой совет навстречу опасности? И где Ниниэль? Я хочу видеть ее. Нальюсь, вы не привели ее с собой?"

Тогда Брандир сказал ему, что это было именно так и что Ниниэль мертва. Но жена Дорласа воскликнула: "Господин, да ведь он безумен! Он пришел сюда, говоря, что ты мертв и что это добрая весть. Но ведь ты жив!"

Разгневался Турамбар, решив, что все, что бы ни сказал и не сделал Брандир, было сказано и сделано из ненависти к нему, Турамбару, и к Ниниэль и из зависти к их любви; и он гневно заговорил с Брандиром, называя его Косолапым. Тогда Брандир рассказал все, что слышал, твердя, что Ниниэль — Ниэнор, дочь Хурина, и повторил последние слова Глаурунга, назвав Турамбара проклятием его рода и всех, кто дал ему приют.

И взъярился Турамбар, слыша в этих словах поступь рока, что преследовал его, и обвинил Брандира в том, что тот привел Ниниэль к смерти и обнародовал ложь Глаурунга, если только не сам измыслил ее. Затем он проклял Брандира и убил его; и бежал от людей, скрывшись в чаще. Но вскоре безумье покинуло его, он пришел к Хауд-эн-Эллету, сел там и тяжело задумался над всем, что совершил; и воззвал к Финдуилас, прося у нее совета, ибо не знал, что хуже для него — идти в Дориаф, чтобы отыскать родных, или навсегда забыть их и искать смерти в бою.

И когда он сидел так, от перекрестья Тэйглина подошел отряд Сумеречных Эльфов, который вел Маблунг; он узнал Турина и приветствовал, искренне радуясь, что видит его живым, ибо знал, что Глаурунг направился в Брефиль, а там, по слухам, обитал ныне Черный Меч Наргофронда, потому Маблунг и пришел туда, желая остеречь Турина и, буде то понадобится, помочь ему; но молвил Турин: "Ты опоздал. Дракон мертв."

Изумились эльфы и вознесли ему великую хвалу; но Турин остался равнодушен и сказал: "Лишь одного прошу я: поведайте мне, что с моими родными, ибо узнал я в Дор-Ломине, что они ушли в Потаенное Королевство."

Ужаснулся Маблунг, но вынужден был рассказать Турину, как сгинула Морвен и как Ниэнор была заклета немотой и забвением, как скрылась она от них у рубежей Дориафа и бежала на север. Так узнал Турин, что рок настиг его и что несправедно он убил Брандира; и что сбылись слова Глаурунга. И расхохотался он, как безумный, вскричав: "Вот воистину горькая шутка!" Велел он Маблунгу вернуться в Дориаф и принести туда его проклятье. "Проклятье вам и вашему походу! — крикнул он. — Вот все, что было нужно. Теперь приходит ночь."

И Турин бежал от них быстро, как ветер, а они дивились, не зная, что за безумие овладело им, и последовали за ним. Турин, однако, обогнал их; он пришел к Кабед-эн-Арасу и услышал рев воды, и увидел, что листья опали с деревьев, словно настала зима. Там он вынул меч, последнее, что у него оставалось, и молвил: "Привет тебе, о Гуртанг! Не ведаешь ты ни верности, ни господина, кроме лишь руки, что вздымает тебя. Нет крови, от которой ты откажешься. Возьмешь ли ты кровь Турина Турамбара, дашь ли мне скорую смерть?"

И зазвенел ответно ледяной голос клинка:

— О да, я с радостью отведаю твоей крови, чтоб забыть вкус крови Белега, моего господина, и Брандира, убитого несправедно. Я дам тебе скорую смерть.

Тогда Турин воткнул меч рукоятью в землю и бросился грудью на острие Гуртанга: и черный клинок убил его. Тут подоспели Маблунг и прочие эльфы и узрели труп Глаурунга и тело Турина, и опечалились; когда же явились туда люди Брефиля, и узнали эльфы причину безумия и смерти Турина, они ужаснулись, и Маблунг промолвил с горечью: "Я также причастен к проклятью Детей Хурина и вестью своей убил того, кого так любил."

Затем они подняли Турина и увидали, что Гуртанг распался на две части. Эльфы и люди собрали большую грудю хвороста, развели огромный костер и сожгли Дракона, и он обратился в пепел. Турина же положили на вершине кургана, где он погиб, и с ним легли в могилу обломки Гуртанга. А когда все было сделано, эльфы пропели погребальный плач по Детям Хурина и возложили над могилой огромный серый камень, и было на нем выбито рунами Дориафа:

Турин Турамбар
Дагнир Глаурунга

Турин Турамбар
Дагнир Глаурунга

А ниже они приписали:
Ниэнор Ниниэль

Ниниэль Ниниэль

Но ее не было в той могиле, и никто никогда не узнает, куда унесли ее холодные воды Тейглина.

Глава 22 О гибели Дориафа

Так завершилась история Турина Турамбара; но Моргот, однако, не дремал и не уставал творить лихо, и его счеты с родом Хадора еще не были сведены. Злоба его против этого рода была неутолима, хотя Хурин и находился в его власти, а Морвен, обезумев от горя, бродила в дебрях.

Горька была доля Хурина, ибо все, что узнавал Моргот об исполнении своих лиходейских замыслов, становилось известным и Хурину; только ложь перемешана с правдой, и все, что ни было доброго, скрывалось, либо искажа-

лось. Любыми путями Моргот старался очернить то, что свершили Тингол и Мелиан, ибо ненавидел их и боялся. Потому, когда он решил, что время пришло, то освободил Хурина из оков, позволяя ему идти туда, куда он пожелает: Моргот утверждал, что им движет жалость к окончательно поверженному врагу. Он, однако, лгал, ибо цель его была в том, чтобы ненависть Хурина к людям и эльфам стала еще сильнее. И хотя Хурин не слишком доверял словам Моргота, зная доподлинно, что тот не ведает жалости, он принял свободу и ушел в горе, еще более усугубленном речами Черного Властелина: как раз исполнился год со дня смерти его сына Турина. Двадцать и восемь лет был Хурин пленником в Ангбанде, и вид его стал суров и мрачен. У него были длинные седые волосы и борода, но держался он прямо, лишь опирался на черный посох; и был опоясан мечом. Так пришел он в Хифлум, и услышали вожаки вастаков, что через пески Анфауглифа прошел конный отряд черных солдат из Ангбанда, и что с ними шел старик, окруженный большим почетом. Посему вастаки не схватили Хурина, но позволили ему беспрепятственно бродить в тех краях, и поступили мудро, ибо уцелевшие соплеменники Хурина избегали его, сочтя, что он пришел из Ангбанда другом и союзником Моргота.

Так освобождение наполнило сердце Хурина еще большей горечью. Он покинул Хифлум и поднялся в горы. Там узрел он вдалеке, меж туч, вершины Криссаэгрима и вспомнил Тургона, и возжелал вернуться в потаенное королевство Гондолин. И вот спустился он с Эред Вэтрина, не ведая, что за каждым его шагом следят Морготовы твари; переправясь бродом Бритиах, что на Сирионе, пришел он в Димбар и очутился у мрачного подножья Эхориата. Весь этот край был холоден и пуст; и безнадежно озирался Хурин, стоя у огромного каменного водопада, под отвесной скальной стеной; не знал он, что только это и осталось от древней Дороги Спасения: Иссохшая Река была перекрыта, а сводчатые ворота обрушены. Тогда Хурин взглянул в серое небо, надеясь, что снова, как некогда в юности, узрит там орлов, но увидал лишь тени, гонимые ветром с востока, и тучи, клубящиеся вокруг недоступных пиков; и услышал лишь свист и шипение ветра среди камней.

Однако великие орлы были сейчас вдвое настороже и отлично разглядели далеко внизу Хурина, затерявшегося в сумеречной дымке; и сам Торондор немедля отнес эту весть Тургону, ибо счел ее важной. Тургон же молвил: "Неужто Моргот спит? Вы обознались."

— О нет, — возразил Торондор. — Если б Орлы Манвэ могли так ошибаться, давно бы уже, о король, тайна твоя была бы раскрыта.

— Значит, речи твои сулят лихо, — отвечал Тургон, ибо это может означать лишь одно. Даже Хурин склонился пред волей Моргота. Сердце мое закрыто.

Торондор удалился, а Тургон долго сидел, задумавшись, и смутился, припомнив деяния Хурина из Дор-Ломина; сердце его открылось, и он послал к орлам с просьбой сыскать Хурина и, буде то возможно, принести его в Гондолин. Но было поздно, и никогда больше не увидели они его, при свете ли дня, во тьме ли.

Ибо Хурин стоял в отчаянье пред безмолвными скалами Эхориата, и заходящее солнце, пробившись сквозь тучи, окрасило алым его седые волосы. Тогда он громко закричал, не боясь, что его услышат, и проклял безжалостный край; и вот, встав на краю пропасти, воззвал он громко, глядя туда, где был Гондолин; "Тургон, о Тургон, припомни Топи Серех! О Тургон, неужто не слы-

шишь ты меня в потаенных своих чертогах?" Но ни звука не было в ответ, лишь ветер свистел в иссохших травах. "Вот так же свистел он тогда на рассвете в Топях!" — молвил Хурин, и в этот миг солнце село за Теневым Хребтом, тьма объяла его, ветер стих, и безмолвны стали пустынные земли.

Были, однако, уши, что слышали слова Хурина, и вскоре весть о том дошла на север, к Черному Трону, и усмехнулся Моргот, ибо знал теперь достоверно, где находятся владения Тургона, хоть и ни один его соглядатай не смог до сих пор, благодаря орлам, пробраться в край за Окружные Горы. Таково было первое лихо, причиненное освобождением Хурина.

Когда опустилась тьма, Хурин сошел со скалы и забылся тяжелым горьким сном. Но во сне услышал он рыдания Морвен и голос ее, звавший его по имени; и показалось Хурину, что голос исходит из Брефиля. С наступлением дня пробудился он, встал и двинулся назад, к Бритиаху; и пройдя по краю Брефиля, к ночи пришел к Перекрестью Тэйглина. Ночные стражи видели его, но ужас овладел ими, ибо решили они, что видят призрак из древнего кургана, что бродит, окутанный тьмой; посему Хурина не задержали, и он пришел наконец туда, где был сожжен Глаурунг, и увидел высокий камень, стоявший на краю Кабед Наэрамарта.

Хурин, однако, не смотрел на камень, ибо слишком хорошо знал, что там выбито; и увидел он, что не один здесь. В тени камня, склоня голову на колени, сидела женщина; и в то время, как Хурин молча стоял над нею, она отбросила капюшон и открыла лицо. Была она седой и старой, но внезапно взгляд ее встретился со взглядом Хурина, и он узнал ее; ибо, хоть глаза ее были безумны и полны страха, в них все еще сиял свет, за который в былые годы ее звали Эледвен, самой прекрасной и гордой среди смертных женщин Древности.

— Наконец-то ты пришел, — молвила она. — Я слишком долго ждала.

— Путь был темен, — отвечал он. — Я пришел, когда смог.

— Слишком поздно, — сказала Морвен. — Они погибли.

— Знаю, — сказал он. — Но ты-то жива.

— Жизнь моя на исходе, — молвила Морвен. — Уйдет солнце, уйду и я. Времени осталось мало, поведай же мне — как отыскала она его?

Хурин и Морвен на могиле сына. Тед Несмит

Хурин, однако, ничего не ответил ей, и так они сидели у камня и более не произнесли ни слова; когда же зашло солнце, Морвен вздохнула, сжала его руку и замерла, и Хурин понял, что она мертва. Он взглянул на нее в сумерках, и ему почудилось, что следы горя и тяжких лишений исчезли с ее лица. "Она ушла непобежденной", — молвил Хурин, закрыл ей глаза и сидел при ней, недвижимый, пока опускалась ночь. Ревели воды в теснине Кабед Наэрамарта, но он ничего не слышал и не ощущал, ибо сердце в нем окаменело. Но налетел ледяной ветер и швырнул в лицо обжигающим дождем; и пробудился Хурин, и гнев черной тучей поднялся в нем, затмевая разум, так что лишь одного желал он ныне — отомстить за беды его и его родных; обвинял же он в горе своем всех, кто когда-либо имел с ним дело. Встал он и сделал для Морвен могилу над Набед Наэрамаргом, с западной стороны камня; на камне же он высек следующие слова: "Здесь лежит также Морвен Эледвен."

Говорят, что арфист и провидец из Брефиля Глёрхуин сложил песню, в которой поется, что Камень Горести никогда не будет осквернен Морготом и не

будет опрокинут, даже если море покроет всю землю; так и случилось позднее, и Тол Морвен все еще стоит вдали от новых берегов, что были сотворены в дни гнева валаров. Но Хурина там нет, ибо судьба вела его дальше, а Тень следовала за ним по пятам.

Хурин переправился через Тэйглин и направился на юг по древнему тракту, что вел в Наргофронд; далеко на востоке зрел он вершину Амон Руд и знал, что произошло там. Вскоре достиг он берега Нарога и переправился через бурную реку по камням обрушенного моста, как незадолго до него сделал это Маблунг из Дориафа; и вот он, опираясь на посох, стоял перед разбитыми Вратами Фелагунда.

Надо сказать, что после ухода Глаурунга карлик Мим пришел в Наргофронд и пробрался в разоренные чертоги; он завладел ими и сидел там, перебирая золото и драгоценности, просеивая их сквозь пальцы, ибо никто не пришел бы сюда ограбить его — из боязни духа Глаурунга и самой его памяти. Но вот некто явился и встал у порога, и вышел Мим, и спросил, что ему надобно. Хурин же молвил: "Кто ты, что не дозволяешь мне войти в дом Финрода Фелагунда?"

И отвечал карлик:

— Я — Мим, и прежде чем горделивцы заявили сюда из-за Моря, гномы обитали в чертогах Нулуккиздина. Я лишь вернул себе то, что и так мое: ибо я последний из моего племени.

— Недолго же будешь ты наслаждаться своим наследством, ибо я — Хурин, сын Галдора, вернувшийся из Ангбанда, а сыном моим был Турин Турамбар, которого ты, быть может, еще не забыл: именно он убил дракона Глаурунга, разорившего чертоги, где ты ныне сидишь; и не думай, что неведомо мне, кем предан Дракон Дор-Ломина.

Тогда Мим в великом страхе начал молить Хурина, дабы тот взял все, что ни пожелает, только бы сохранил ему жизнь, но Хурин не внял его мольбам и убил его пред вратами Наргофронда. Затем он вошел в мрачное место, где, рас-

сыпанные по полу, в разоре и мраке лежали сокровища Валинора; и говорят, что, когда Хурин покинул развалины Наргофронда и вновь оказался под открытым небом, из всех этих несметных сокровищ он нес с собой лишь одно.

Потом Хурин отправился на восток и пришел к Полусветному Озерью, что у водопадов Сириона; там перехватили его эльфы, охранявшие западные рубежи Дориафа, и доставили в Менегрот, к королю Тинголу. С изумлением и горечью взирал Тингол на сурового и старого человека, узнавая в нем Хурина Талиона, пленника Моргота, но приветствовал он Хурина учтиво и оказал ему всяческий почет. Хурин же ничего не отвечал королю, но выхватил из-под плаща то, что принес с собою из Наргофронда; и было это не что иное, как Наугламир, Ожерелье Гномов, созданное некогда для Финрода Фелагунда мастерами Ногрода и Белегоста, самое знаменитое их творение в Давние Дни: Финрод ценил его выше всех сокровищ Наргофронда. И это ожерелье бросил Хурин к ногам Тингола с безумной и горестной речью.

— Прими же плату за то, что так хорошо позаботился ты о моей жене и детях! — вскричал он. — Вот Наугламир, чье имя известно многим эльфам и людям: я принес его тебе из тьмы Наргофронда, где оставил его родич твой Финрод, уходя в путь с Береном, сыном Барахира, дабы исполнить веление Тингола из Дориафа!

Тингол взглянул на сокровище и признал в нем Наугламир, и слишком хорошо понял, что замыслил Хурин, однако, исполненный скорби, он сдержал свой гнев и стерпел презрение Хурина. И тогда молвила Мелиан:

— О Хурин Талион, Моргот оплел тебя чарами, ибо тот, кто взирает на мир глазами Врага, желая или не желая того, видит все искаженным. Долго время сын твой Турин жил в чертогах Менегрота, любимый и почитаемый, как сын короля; отнюдь не по воле короля, либо моей, не вернулся он в Дориаф. А после того жена твоя и дочь были приняты здесь с почетом и добросердием; и мы сделали все, что могли, дабы отговорить Морвен от путешествия в Наргофронд. С голоса Моргота обвиняешь ты ныне своих друзей.

Услыхав эти слова Мелиан, замер Хурин и долго смотрел в глаза владычицы: и здесь, в Менегроте, защищенный от Тьмы Врага Завесой Мелиан, он узнал наконец правду обо всем, что было свершено, и испил до дна чашу горечи, что отмерил ему Моргот Бауглир. Ни слова более не молвил он о прошлом, но, склонясь, поднял Наугламир, что лежал у подножия трона Тингола, и протянул его королю с такими словами:

— Прими же, о господин, Ожерелье Гномов как дар от ничего не имеющего и как память о Хурине из Дор-Ломина. Ибо рок мой свершился, и Моргот достиг своей цели: но я более не раб ему.

Затем он покинул Тысячу Пещер, и все, кто видел его, отступали пред ним, и никто не пытался воспрепятствовать ему и тем паче вызнать, куда он ушел. Говорят, однако, что Хурин, лишенный цели и желаний, не хотел больше жить и бросился в море; и так встретил свой конец самый могучий витязь смертных людей.

Когда Хурин покинул Менегрот, Тингол долго сидел в молчании, глядя на бесценное сокровище, что лежало на его коленях, и пришла ему мысль, что ожерелье надо переделать и вправить в него Сильмариль. Ибо во все минувшие годы думы Тингола непрестанно обращались к творению Феанора и прилепились к нему; и не желал он, чтобы Сильмариль лежал взаперти даже в са-

мой потаенной его сокровищнице, а желал, чтобы тот был с ним всегда, в бодрствовании и во сне.

В те дни гномы еще приходили в Белерианд из подземных крепостей в Эред Линдоне; переправясь через Гэлион у Сарн Атрада. Каменного Брода, они по древнему тракту приходили в Дориаф, ибо их мастерство в работе с металлом и камнем было огромно, и чертоги Менегрота нуждались в их искусстве. Однако, теперь они являлись не малыми отрядами, как прежде, но большими, хорошо вооруженными дружинами — для защиты в опасных землях меж Аросом и Гэлионом; и жили они тогда в Менегроте в палатах, особо для них устроенных. Незадолго до того пришли в Дориаф искусные мастера из Ногрода; король призвал их и изъявил желание, дабы они, если им достанет искусности, перековали Наугламир и вплели в него Сильмариль. Тогда увидали гномы творение своих предков и в изумленье воззрились на сияющий алмаз Феанора и исполнились великой жаждой овладеть сокровищами и унести их в подгорные свои жилища. Однако они скрыли свои мысли и принялись за работу.

Долог был их труд; и часто Тингол спускался один в их глубинные кузни и сидел меж ними, пока они трудились. Прошло время — и желанье его исполнилось, и два величайших творения эльфов и гномов соединились в одном; велика была его красота, ибо бесчисленные самоцветы Наугламира отражали переливчатыми искрами свет срединного Сильмарилля. Тогда Тингол, бывший один среди гномов, попытался взять Наугламир и застегнуть его у себя на шее; но гномы мгновенно выхватили у него ожерелье и потребовали, чтоб Тингол отдал его им, говоря: “По какому праву эльфийский царь хочет взять себе Наугламир, сотворенный нашими предками для ныне мертвого Финрода Фелэгунда? Оно не досталось бы царю, если б не Хурин, человек из Дор-Ломина, что, как вор, завладел им во тьме Наргофронда.” Тингол, однако, прозрел их души и понял, что, вождедея Сильмариль, они лишь ищут праведного покрова для истинных своих намерений; и, исполнен гордыни и гнева, он не придавал значенья опасности, но с презрением бросил им: “Как смеете вы, отродье нечистого племени, требовать что-то от меня, Элу Тингола, Владыки Белерианда, чья жизнь зародилась у вод Куйвиэнэн за бессчетные годы до того, как пробудились ничтожные предки сплюснутого народца?” И, горделиво возвышаясь меж ними, он позорящими словами велел им убираться из Дориафа безо всякой платы.

От речей короля вождеделение гномов обратилось в гнев; они тесно обступили Тингола, и подняли на него оружие, и убили на месте. Так погиб в подземельях Менегрота Эльвэ Синголло, Владыка Дориафа, единственный из Детей Илуватара, вступивший в брак с айной; и последний взгляд того, кто, один среди Забытых Эльфов, лицезрел свет Древ Валинора, был устремлен на Сильмариль.

Гномы убивают короля синдаров Тингола. Неизвестный автор

Затем гномы, взяв с собой Наугламир, выбрались из Менегрота и через Рэгион бежали на восток. Однако, вести в лесу расходились быстро, и немногие из этой дружины переправились через Арос, ибо в то время, как они пробирались к восточному тракту, их догнали и предали смерти; Наугламир же был отобран и с великой скорбью принесен владычице Мелиан. Но двое убийц

Тингола избегли кары и вернулись в конце концов в свой подгорный город в далеких Синих Горах; и там, в Ногроде рассказали они не то, что было на самом деле, утверждая, что гномы были перебиты в Дориафе по велению эльфийского царя, который таким образом хотел лишить их заслуженного вознаграждения. Велики были гнев и горе гномов Ногрода из-за смерти своих сородичей и искусных мастеров; они рвали на себе бороды и причитали; и долго сидели, мысля о мести. Говорят, что они просили помощи в Белегосте, но им было отказано, и гномы Белегоста пытались вразумить их, но тщетно: и вскоре большое войско вышло из Ногрода и, переправясь через Гэлион, двинулись на запад, к Дориафу.

* * *

Тяжко изменился Дориаф. Мелиан долго сидела, безмолвная, у тела владыки Тингола, и мысль ее возвращалась в осененные звездами годы, к первой встрече их в былые дни, среди пения соловьев Нан-Эльмота; и знала она, что ее разлука с Тинголом предвещает еще более тяжкую разлуку и что рок Дориафа близок к свершению. Ибо Мелиан была из божественного племени валаоров — майа, обладавшая мудростью и могуществом; однако из любви к Эльвэ Синголло она приняла облик Старших Детей Илуватара и в союзе том стала скована плотскими оковами Арды. В этом облике она родила Тинголу Лутиэн Тинувиэль, и в этом же облике обрела власть над веществом Арды; и долгое время Завеса Мелиан хранила Дориаф от лиха. Теперь же Тингол был мертв, и дух его ушел в чертоги Мандоса; а с его смертью изменилась и Мелиан. В то время власть ее ушла из лесов Нэльдорефа и Рэгиона, иным голосом говорила зачарованная река Эсгалдуин, и Дориаф стал беззащитен перед врагом.

Мелиан не сказала ни слова никому, кроме Маблунга, ему же велела беречь Сильмариль и послать спешно весть в Оссирианд, Берену и Лутиэн; а за-

тем она исчезла из Средиземья и ушла за западное море, в край валаров, дабы усыпить свою скорбь в садах Лориэна, откуда она и пришла когда-то; и предания молчат о ней.

Так и вышло, что войско наугримов, переправясь через Арос, незамеченным вошло в леса Дориафа; и никто не мог остановить их, ибо были они многочисленны и жестоки, а военачальники Сумеречных Эльфов охвачены отчаяньем и сомненьем, бродили бесцельно тут и там. Гномы же перешли через огромный мост и ворвались в Менегрот; и там произошло самое горькое из печальных деяний Древности. Ибо была битва в Тысяче Пещер, и многие эльфы и гномы погибли в ней; и посейчас она не забыта. Но гномы победили, и чертоги Тингола были разорены и разграблены. Маблунг Сильнорукий пал перед дверями сокровищницы, где хранился Наугламир; и Сильмариль был взят.

В то время Берен и Лутиэн жили еще на Тол Галене, Зеленом Острове, что на реке Адурант, самой южной из тех, что сбегает с Эред Линдона, чтобы слиться с Гэлионом; сын их, Диор Элухиль взял в жены Нймлот, родственницу Целеборна, принца из Дориафа и супруга Галадриэль. Сыновьями Диора и Нймлот были Элуред и Элурин; родилась у них также дочь, которую звали Эльвинг, что означает Звездные Брызги, ибо пришла она в мир в ночи, под звездами, чей свет мерцал в брызгах водопада Лантир Ламат, у дома ее отца.

Прошел слух меж эльфов Оссирианда, что большое и хорошо вооруженное войско гномов спустилось с гор и переправилось через Гэлион у Каменного Брода. Вести эти достигли также Берена и Лутиэн; и тогда же пришел к ним посланец из Дориафа и поведал обо всем, что случилось. Тогда Берен покинул Тол Гален и призвал к себе сына своего Диора, и они отправились на север, к реке Аскар, а с ними шли многие Зеленые Эльфы Оссирианда.

И когда гномы Ногрода, с истаявшим войском возвращаясь из Дориафа, вновь пришли к Сарн Атраду, на них напал незримый враг; они взбирались по берегу Гэлиона, отягощенные богатствами Дориафа, когда внезапно весь лес наполнился пеньем эльфийских рогов, и со всех сторон полетели стрелы и дротики. Много гномов было убито в первой стычке, но некоторые, уйдя от засады и объединясь, бежали на восток, к горам. Однако, когда шли они по пологим склонам горы Долмэд, появились Пастыри Древ и загнали гномов в сумрачные чащи на склонах Эред Линдона, и, говорят, ни один гном не вышел оттуда к высокогорным перевалам, что ведут к их жилищам.

В той битве у Сарн Атрада Берен сражался в последний раз и своей рукой убил царя Ногрода и сорвал с него Ожерелье Гномов; но тот, умирая, наложил проклятье на все добытые сокровища. С изумлением взирал Берен на алмаз Феанора, который сам некогда высек из железной короны Моргота и который ныне, благодаря искусству гномов, лучился меж золота и самоцветов; и омыл Берен ожерелье в водах реки. Когда же все кончилось, сокровища Дориафа были опущены в реку Аскар, и с тех пор носила она новое имя — Ратлóриэль, или Златоструйная. Наугламир же Верен сохранил и вернулся с ним на Тол Гален. Ненамного облегчило скорбь Лутиэн то, что были убиты царь Ногрода и множество прочих гномов; но говорят и в песнях поют о том, что Лутиэн, носившая ожерелье с бессмертным алмазом, была прекрасней и величественней всех, кто когда-либо обитал вне пределов Валинора; и на недолгое время Земля Живущих Мертвых стала подобна владениям валаров, и не было с тех пор

края более прекрасного, обильного и исполненного света.

Диор же, наследник Тингола, простился с Береном и Лутиэн и, покинув Лантир Ламат, с женой своей Нимлот пришел в Менегрот и поселился там; с ними были их юные сыны Элуред и Элурин и дочь Эльвинг. С радостью приняли их синдары и восстали из мрака скорби о гибели владыки и своих сородичей, и об уходе Мелиан; и Диор Элухиль взошел на престол, дабы возродить величье и славу королевства Дориаф.

Был осенний вечер, и, когда стемнело, некто постучал во врата Менегрота, требуя, чтобы его провели к королю. Был то предводитель Зеленых Эльфов, прибывший из Оссирианда, и привратники привели его в палату, где сидел в одиночестве Диор; там он молча вручил королю шкатулку и удалился. В шкатулке лежало Ожерелье Гномов, в которое был вплетен Сильмариль; и, узрев его, понял Диор, что это значило — Берен Эрхамион и Лутиэн Тинувиэль умерли безвозвратно и, как все смертные люди, ушли за пределы мира.

Долго смотрел Диор на Сильмариль, который его отец и мать в безнадежном походе добыли из-под жуткой власти Моргота; и тяжело скорбел он о том, что слишком рано пришла к ним смерть. Мудрые, однако, говорят, что Сильмариль ускорил их конец, ибо пламень красоты Лутиэн, носившей его, был слишком ярок для смертных земель.

Затем Диор встал и застегнул на своей шее Наугламир; и теперь уже он казался прекраснейшим из детей мира, сын трех племен — аданов, эльдаров и майаров Благословенного Края.

Среди рассеянных эльфов Белерианда прошел слух, что Диор, наследник Тингола, носит Наугламир, и все говорили: "Сильмариль Феанора вновь пылает в лесах Дориафа", и клятва сынов Феанора вновь пробудилась ото сна. Ибо, пока Лутиэн носила Ожерелье Гномов, ни один эльф не осмеливался бы выступить против нее; но сейчас семеро, услышав о возрождении Дориафа и о величии Диора, оставили скитания, собрались вместе и послали к Диору, требуя свое.

Диор, однако, ничего не ответил сыновьям Феанора, и Целегорм подстрекал братьев напасть на Дориаф. И вот они явились внезапно в середине зимы, и бились с Диором в Тысяче Пещер; и так случилась вторая братоубийственная резня среди эльфов. Там от руки Диора погиб Целегорм; там же пали Куруфин и мрачный Карантир; но и Диор был убит, и погибла жена его Нимлот; а жестокие слуги Целегорма схватили юных сынов Диора и бросили их умирать от голода в лесу. Маэдрос воистину сожалел об этом деянии и долго искал их в лесах Дориафа, но поиски его были напрасны, и о судьбе Элуреда и Элурина не говорит ни одно предание.

Так был разорен Дориаф и не возродился более. Однако, сыновья Феанора не завладели тем, что искали, ибо уцелевшие бежали от них, и была с ними дочь Диора, Эльвинг; они спаслись и, неся с собой Сильмариль, пришли в назначенный час на берег моря, к устью Сириона.

Глава 23

О Туоре и падении Гондолина

Же говорилось, что Хуор, брат Хурина, был убит в битве Бессчетных Слез; а зимой того же года жена его Риан в дебрях Мифрима родила сына; назвали его Туором, и его взял на воспитание Аннаэль из Сумеречных Эльфов, что жили еще в тех холмах. Когда Туору исполнилось шестнадцать, эльфы решили покинуть пещеры Андрофа, где жили они до сих пор, и тайно пробраться на далекий юг, в Сирионские Гавани; однако, прежде чем они успели бежать, на них напали орки и вастаки. Туор был взят в плен и стал рабом Лоргана, вождя вастаков Хифлума. Три года сносил он рабство, но на исходе этого срока бежал, вернулся в пещеры Андрофа и жил там один; и причинил он вастакам столько вреда, что Лорган назначил награду за его голову.

И когда Туор прожил так, одиноким изгнанником, четыре года, Ульмо вложил в его душу желание покинуть край отцов, ибо избрал его исполнителем своих замыслов; и вновь, покинув пещеры Андрофа, Туор прошел на запад, через Дор Ломин и отыскал Аннон-ин-Гэлид, Врата Нолдоров, что возвел народ Тургона, еще когда жил в Нэврасте; оттуда сумрачный ход вел под горами в Цйриф Нйинних, Радужную Расселину, по которой бурлящая вода стекала в западное море. Потому-то побег Туора из Хифлума не был замечен ни человеком, ни орком, и ни единое слово о том не достигло ушей Моргота.

Туор же пришел в Нэвраст, и вид Белегаэра зачаровал его; и с тех пор голос Великого Моря и тоска по нему навеки заполнили его слух и сердце; и навечно овладел им непокой, который привел его в конце пути в глубины владений Ульмо.

В одиночестве жил Туор в Нэврасте, а меж тем проходило лето, и Рок Наргофронда близился к свершению; когда же пришла осень, Туор увидал семерых огромных лебедей, летевших на юг, и счел это знаком того, что слишком долго медлил, и последовал за ними вдоль берега. Так пришел он к заброшенным чертогам Виниамара, что у подножья горы Тарас, и вошел туда, и отыскал там щит и кольчугу, меч и шлем, что некогда оставил там Тургон по велению Ульмо. Туор облачился в эти доспехи и спустился к морю.

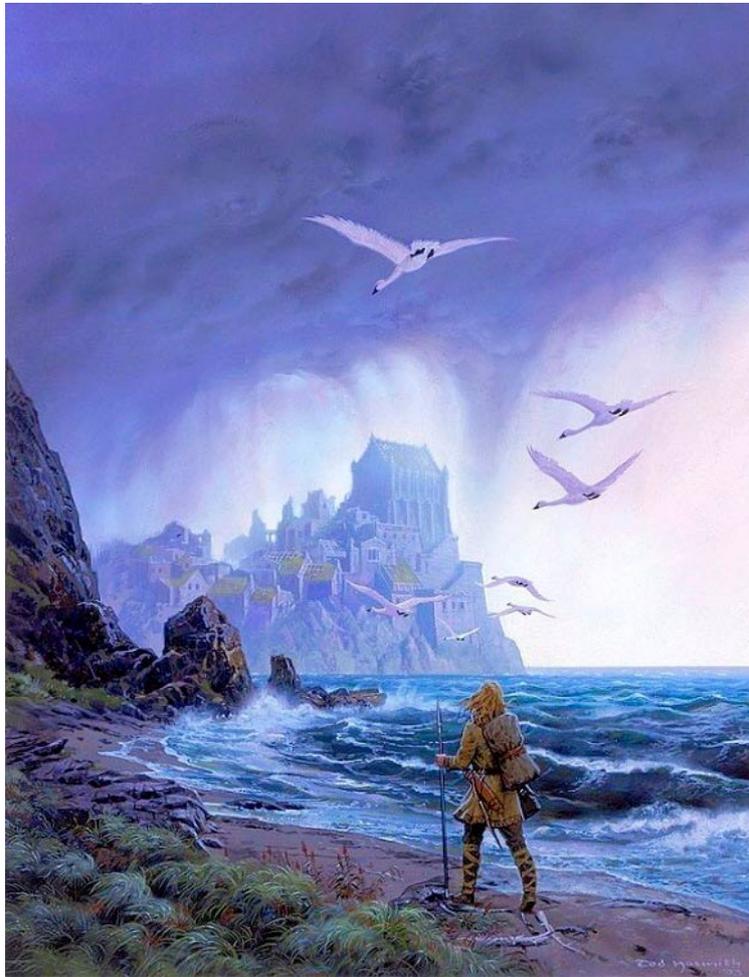

Туор идёт в Виниамир. Тед Несмит

Тут налетела с запада великая буря, а из нее восстал в мощи своей Ульмо, Владыка Вод и заговорил с Туором, что стоял на берегу. И велел ему Ульмо уйти отсюда и отыскать потаенное королевство Гондолин; и дал он Туору огромный плащ, дабы скрыться от глаз врагов.

Туор и Ульмо. Алан Ли

Утром же, когда буря стихла, Туор встретил на берегу эльфа, стоявшего под стенами Виниамара: был то Вóронвэ, сын Аранвэ, из Гондолина, отплывший на последнем корабле из тех, что Тургон посылал на запад. Когда корабль этот, возвращаясь из бескрайнего океана, затонул во время бури у самых берегов Средиземья, Ульмо взял из всех мореходов Воронвэ и выбросил его на берег неподалеку от Виниамара. Узнав о велении, которое получил Туор от Владыки Вод, Воронвэ изумился и дал согласие провести его к потаенным вратам Гондолина. Потому они вместе вышли в путь, и Суровая Зима застигла их, когда они тайно пробирались на восток под зубцами Теневого Хребта.

Наконец, пришли они к озеру Иврин и узрели с грустью разрушения, причиненные здесь драконом Глаурунгом; когда же смотрели они на разор, то увидели вдруг человека, что спешил на Север; был он высок, одет в черное и опоясан черным мечом. Однако они не знали ни кто он, ни что приключилось на юге; человек миновал их, и они не окликнули его.

И вот, ведомые силой, что даровал им Ульмо, пришли они к потаенным вратам Гондолина и, пройдя подземным ходом, достигли внутренних врат и были там взяты стражей. Затем их привели в огромную расселину Орфальк Эхор, прегражденную семью вратами, и там предстали они пред Эктелионом, Владыкой Источников, стражем главных врат, что венчали горную тропу; и там Туор сбросил свой плащ, и доспехи из Виниамара подтвердили, что он истинно послан Ульмо. Затем Туор взглянул на прекрасную долину Тумладэн, изумрудом мерцавшую среди сомкнувшихся гор; и узрел он вдали, на скалистой вершине Амон Гварэфа Гондолин Великий, град семи имен, чей блеск и слава воспеты всеми эльфами Внешних земель. По велению Эктелиона на

привратных башнях затрубили трубы, и эхо отозвалось в горах; и издалека ясно прозвучал ответный голос труб с белоснежных стен, что окрасила алым цветом подымавшаяся над равниной заря.

Туор приходит в сокрытый город Гондолин. Тед Несмит

И было так, что сын Хуора пересек Тумладэн и пришел к вратам Гондолина; он был проведен по широким ступенчатым улицам города и приведен к Королевской Башне, и узрел там изображения Древ Валинора. Затем Туор предстал перед Тургоном, сыном Финголфина, верховным королем нолдоров, и по правую руку от короля стоял сын его сестры Маэглин, по левую же руку сидела дочь Тургона, Идриль Целебриндал; и все, кто внимал Туору, не верили, что это и вправду Смертный, ибо устами его в этот час вещал Ульмо, Владыка Вод. Он предостерег Тургона, что Жребий Мандоса близок к свершению, и недалек тот час, когда сгинет все, сотворенное нолдорами; и велел ему покинуть возведенный им прекрасный и мощный город и по Сириону спуститься к Морю.

Долго размышлял Тургон над советами Ульмо, и на память ему пришли слова, сказанные некогда в Виниамаре: "Не люби слишком сильно творения

рук твоих и замыслы души твоей; и помни, что истинная надежда нолдоров лежит на западе и придет из-за Моря." Но гордыня Тургона стала велика, а Гондолин — прекрасен, как Тирион Эльфийский; и все еще верил Тургон в потаенную и неодолимую мощь Гондолина, пусть бы даже валар отрицал это; к тому же после Нирнаэф Арноэдиад жители города не желали более ни разделять злосчастья прочих эльфов и людей, ни, тем более, через ужасы и опасности возвращаться на запад. Сокрытые среди своих непроходимых и зачарованных гор, они не принимали никого, пусть даже он бежал, преследуемый ненавистью Моргота. Вести из внешних земель доходили до них слабыми отголосками и мало их трогали. Соглядатаи Моргота тщетно искали их, и место их обитания было лишь слухом, тайной, которую никто не мог разгадать. Маэглин на королевских советах всегда возражал Туору, и слова его были тем более вески, что звучали в лад с мыслями Тургона; и в конце концов Тургон презрел веление Ульмо и отказался следовать его совету. Однако, в предостережении валара услышал он вновь слова, прозвучавшие много лет назад, перед уходом нолдоров, на берегах Арамана; и страх предательства пробудился в сердце Тургона. А потому в те дни был завален самый ход к тайным воротам в Окружных Горах. И с тех пор никто, пока стоял Гондолин, по военному ли, мирному ли делу, не выходил из того града. Торондор, Владыка Орлов, принес вести о падении Наргофронда, а потом о гибели Тингола и его наследника Диора, и о разорении Дориафа; но Тургон замкнул свой слух для горестных вестей извне и объявил, что никогда не выйдет в бой под знаменами кого-либо из сыновей Феанора; народу же своему он навеки запретил переходить горы.

И Туор остался в Гондолине, ибо был пленен его красотой и блеском, равно как и мудростью его жителей; стал он крепок статью и умом, и глубоко искушен в познаниях эльфов-изгоев. И сердце Идриль было отдано ему, а его — ей; тайная же ненависть Маэглина все росла, ибо ничего так не желал он, как обладать Идриль, единственной наследницей владыки Гондолина. Однако, так высоко стоял Туор в милости короля, что, когда он прожил в Гондолине семь лет, Тургон не отказал ему даже в руке своей дочери; ибо, хоть и не внял ко-

роль велению Ульмо, но провидел, что судьба нолдоров связана с посланцем валара; не забыл он также слов, сказанных Хуором перед тем, как войско Гондолина отступило с поля Битвы Бессчетных Слез.

Был устроен великий и радостный пир, ибо Туор завоевал сердца всех, кроме Маэглина и его тайных приверженцев; и так был заключен второй союз Людей и Эльфов.

Весною следующего года в Гондолине родился Эарендиль Эльфид, сын Туора и Идриль Целебриндал: было это на пятьсот третий год прихода нолдоров в Средиземье. Необыкновенной красотой отличался Эарендиль, лик его словно сиял неземным светом: сочетались в нем краса и мудрость эльдаров и сила и мужество людей древности; и так же, как у Туора, отца его, слух и душу Эарендила наполнял голос Моря.

Тогда дни Гондолина текли еще в мире и радости; и никто не знал, что край, где лежало Потаенное Королевство, был обнаружен Морготом, когда Хурин, стоя у пустынного подножья Окружных Гор и, не находя пути, в отчаянии воззвал к Тургону. Потому мысль Моргота неустанно обращалась к гористому краю между Анахом и верховьями Сириона, где никогда не бывали его прислужники; и до сих пор еще ни один соглядатай и ни одна Морготова тварь не пробрались туда, ибо орлы не дремали, и Моргот поневоле медлил с исполнением своих замыслов. Однако Идриль Целебриндал была мудра и прозорлива, и сердце ее наполнилось тревогой, и предчувствие, словно туча, затмевало ее душу. И велела она тогда подготовить тайный ход, что вел бы из города под землю и выводил на равнину далеко за стены, к северу от Амон Гварэфа; и устроила она так, что никто почти не знал об этом деле, так что ни один слух не достиг ушей Маэглина.

В то время, когда Эарендиль был еще юн, Маэглин как-то пропал. Ибо он, как уже было сказано, любил превыше всех ремесел горное дело и добычу металлов; он предводительствовал эльфами, которые трудились в дальних горах, отыскивая металлы, чтоб ковать все, что нужно для войны и мира. Однако Маэглин часто с небольшой свитой выходил за кольцо гор, и король не ведал, что его запрет нарушен; и вышло так, как хотела судьба — Маэглин был схвачен орками и доставлен в Ангбанд. Не был Маэглин ни слаб, ни труслив, но пытки, которыми ему грозили, сломили его дух, и он купил себе жизнь и свободу, открыв Морготу, где находится Гондолин и откуда можно напасть на него. Истинно велика была радость Моргота, и он посулил Маэглину, что сделает его владыкой Гондолина и своим вассалом, и отдаст ему Идриль Целебриндал, когда город будет взят; и, воистину, желание обладать Идриль и ненависть к Туору тем легче привели Маэглина к предательству, постыднее которого не случалось в Древние Дни. Моргот, однако, отослал его назад, в Гондолин, чтоб никто не заподозрил предательства и чтобы Маэглин, когда настанет урочный час, помог нападению изнутри: так и жил он в чертогах короля, с улыбкой на лице и злобой в сердце, а тьма между тем все более стучалась в душе Идриль.

И вот, в год, когда Эарендилю исполнилось семь, Моргот накопил силы и выслал на Гондолин балрогов, орков и волков; а с ними шли драконы Глаурунгова семени, и были они теперь многочисленны и ужасны. Воинство Моргота перевалило северные горы там, где вершины были всего выше, а бдительность слабее, и явились ночью, во время празднества, когда весь народ Гондо-

лина собрался на стены, чтобы дожидаться восхода солнца и пропеть гимны в его честь, ибо наутро был великий праздник, называвшийся Врата Лета. Но не на востоке, а на севере увенчал горы алый свет, и никто не пытался остановить натиск врагов, пока не подошли они под самые стены и город не оказался в безнадежной осаде. О деяниях, отчаянных и доблестных, что были свершены тогда высокородными вождями и их воинами, да и самим Тургоном, повествуется в "**Падении Гондолина**"; о том, как слуги Тургона защищали его башню, пока она не рухнула: и величественны были ее падение и гибель Тургона под обломками.

Туор хотел спасти Идриль от разора, что царил в городе, но Маэглин захватил ее и Эарендиля; но Туор на стенах бился с Маэглином и сбросил его вниз; и тело Маэглина трижды ударилось о скалистые отроги Амон Гварэфа, прежде чем кануть в бушевавшие внизу огненные волны. Затем Туор и Идриль собрали в беспорядке пожаров столько уцелевших гондолинцев, сколько могли, и вывели их по тайной тропе, приготовленной Идриль; а военачальники Ангбанда не знали об этой тропе и не мыслили, чтоб беглецы избрали путь на север, в самые высокие и ближние к Ангбанду горы. Дым пожарищ и пар чудесных фонтанов Гондолина, гибнувших в пламени северных драконов, горестным туманом покрыли долину Тумладэн, и таким образом был сокрыт побег Туора и его спутников, ибо от конца хода до подножья гор был еще долгий путь по открытому месту. Так дошли они до гор и подымались на склоны в отчаянии, скорбные и несчастные, ибо на высоте царили страх и холод, а среди них было много раненых, детей и женщин.

Исход обречённых. Тед Несмит

Было там ужасное ущелье, называвшееся Цíриф Торонаф, Ущелье Орлов, где под сенью высочайших пиков вилась узкая тропа; справа от нее стеной громоздились отвесные скалы, а слева рушился в пустоту жуткий водопад. Вытянувшись цепочкой, шли беглецы по этой тропе, когда вдруг напали на них орки (ибо Моргот разослал стражей по всем окрестным горам); и с ними был балрог. Положение гондолинцев было ужасно, и едва ли спасла бы их доб-

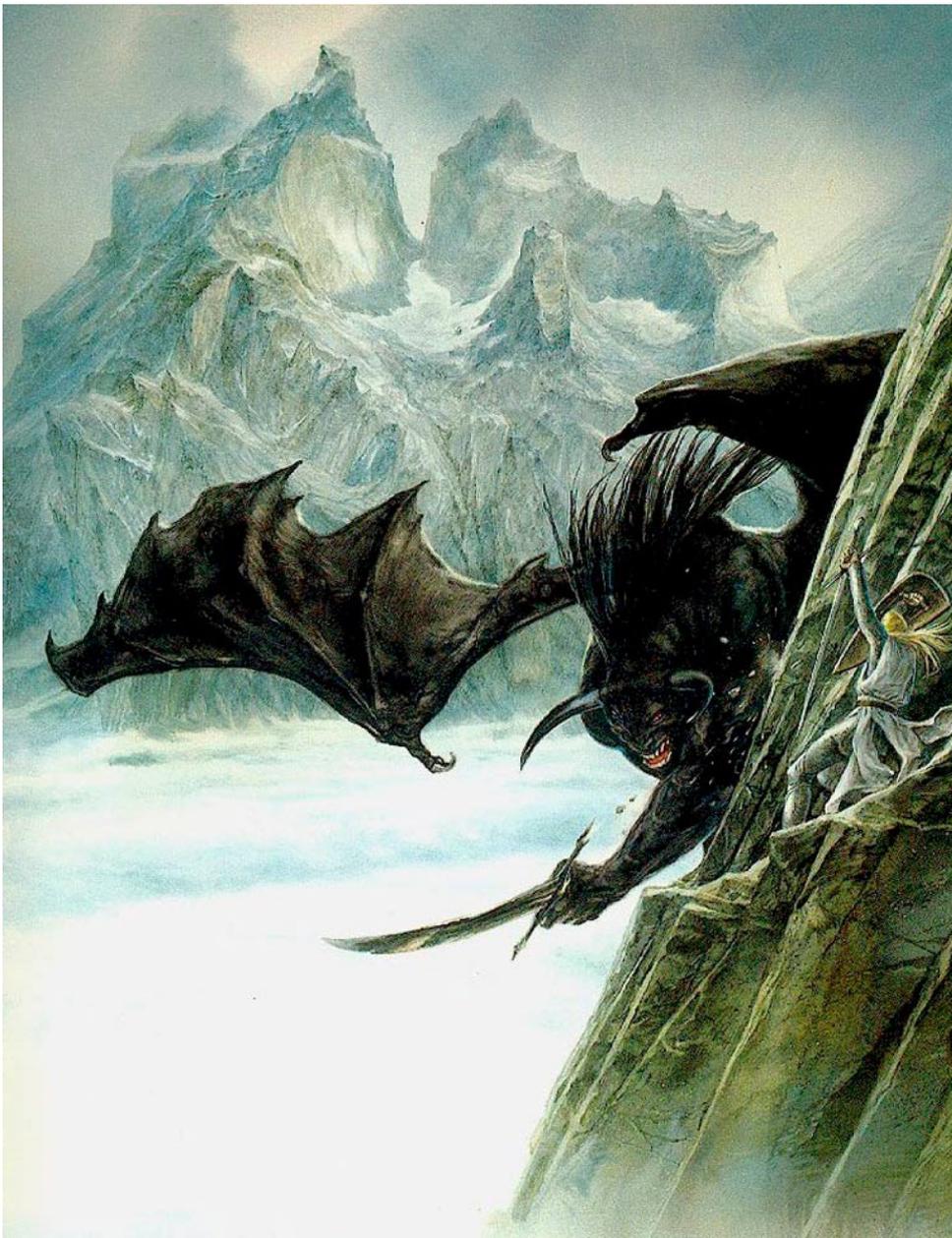
лесть златовласого Глорфиндэля, вождя рода Золотого Цветка Гондолина, не приди им вовремя на помощь Торондор.

Много песен пропето о поединке Глорфиндэля с балрогом на вершине скалы: оба они рухнули в бездну и разбились насмерть. Орлы, однако, подлетев, с высоты ринулись на орков и отогнали их, вопящих, назад; и все орки были перебиты либо сброшены в пропасть, так что слух о побеге из Гондолина долго еще не достигал ушей Моргота. Затем Торондор поднял из бездны тело Глорфиндэля, и сородичи погребли его близ тропы, под курганом из камней; там выросла зеленая трава, и золотые цветы цвели на нем средь нагих скал, пока не изменился мир.

Глорфиндель и балрог. Джон Хоу

Так уцелевшие гондолинцы, ведомые Туором, перешли горы и спустились в долину Сириона; и, пробираясь на юг по труднопроходимым и опасным тропам, пришли они в Нан-Татрен, Край Ив; ибо власть Ульмо все еще была в водах великой реки и хранила их. Там они отдохнули, исцелясь от ран и усталости, но печаль их ничто не могло исцелить. И устроили они поминальное

празднество в память о Гондолине и эльфах, погибших вместе с ним, о девах, женах и королевских воинах; и под ивами Нан-Татрена, на исходе года много песен спели они о милом их сердцам Глорфиндэле. Тогда же Туор сложил для сына своего Эарендила песню, повествовавшую о явлении Ульмо, Владыки Вод, на берегах Нэвраста; и тоска по морю вновь пробудилась в сердце Туора и его сына. Потому Идриль и Туор покинули Нан-Татрен и спустились по реке на юг, к морю; там они поселились в устье Сириона, и их сородичи присоединились к Эльвинг, дочери Диора и ее спутникам, что бежали туда незадолго до этих событий. Когда же Балара достиг слух о падении Гондолина и гибели Тургона, Эрейнион Гиль-Галад, сын Фингона, был провозглашен верховным королем нолдоров в Средиземье.

Моргот же считал свое торжество полным, и не заботили его ни сыны Феанора, ни их клятва, которая никогда не вредила ему, но оборачивалась наилучшей помощью; и в черных своих мыслях смеялся он, нисколько не сожалея о потере одного Сильмариля, ибо думал, что благодаря тому остатки племен эльдаров исчезнут из Средиземья и более не потревожат его. Если он и знал о поселениях в устье Сириона, то не подавал виду, дожидаясь своего часа, когда начнут действовать клятва и ложь. И все же близ вод Сириона и моря multiplied эльфийский народ, пришельцы из Дориафа и Гондолина; с Балара приплывали к ним мореходы Цирдана, да и сами они ощутили тягу к морским волнам и стали строить корабли, селясь все ближе к побережью Арвэрниэн, под сенью длани Ульмо.

Говорят, в те дни Ульмо из глубин моря поднялся в Валинор и говорил там с валарами о злосчастьях эльфов, и призвал простить их и спасти от всевозрастающей мощи Моргота, и отвоевать Сильмарили, в коих одних блистал ныне свет Благих Дней, когда Два Древа еще озаряли Валинор, но Манвэ не шелохнулся; и какое преданье поведаёт о сокровенных глубинах его души? Мудрые говорили, что час еще не пробил и что лишь тот, кто будет взывать от имени и эльфов, и людей, прося прощенья их проступкам и милосердия к их бедам — лишь тот сможет склонить к ним сердца Стихий: от клятвы же Феанора даже сам Манвэ не в силах, быть может, освободить, пока она не будет исполнена и сыновья Феанора не обретут Сильмарили, на коих объявили они жестокое свое право. Ибо свет, сиявший в Сильмарилях, сотворен самими валарами.

Прошло время, и Туор ощутил, что старость подкрадывается к нему, и всегдашняя тоска по морю еще больше овладела его сердцем. Потому он построил огромный корабль и назвал его Эаррámэ, Крыло Моря; вместе с Идриль Целебриндал отплыл он на Запад, к закату, и ни одна песня, ни одно предание более не поминают о нем. Но впоследствии пели о том, что Туор, один из всех Смертных Людей, был причислен к древней расе и соединен с любимыми им нолдорами; и судьба его отделена от судьбы людей.

Глава 24

О путешествии Эарендила и Войне Гнева

Ресветлый Эарендиль был вождем народа, жившего в устье Сириона; он взял в жены прекрасную Эльвинг, и она родила ему Эльронда и Эльроса, что зовутся Эльфидами. Однако Эарендиль не ведал покоя, и плавания вдоль берегов Ближних Земель не утоляли его беспокойства. Два стремленья родились в его сердце, сплетаясь в тоску об открытом море: он желал отыскать Туора и Идриль, которые так и не вернулись; замыслил он также найти последний берег и, прежде чем настигнет его смерть, принести на Запад, валарам, послание от эльфов и людей, что склонит их сердца к состраданию бедам Средиземья.

Эарендиль близко сдружился с Цирданом Корабелом, который обитал на острове Балар с теми своими соплеменниками, что спаслись после гибели гаваней Бритомбара и Эглареста. С помощью Цирдана выстроил Эарендиль **Вингилот**, Пеноцвет, прекрасней которого не воспето. Весла его были золотые, борта сложены из белых берез, срубленных в Нймбрефиле, а паруса пылали, словно серебряная луна. Песнь об Эарендиле много повествует о его приключениях в глубинах моря и в неизведанных землях, во многих водах и на многих островах; Эльвинг, однако, не было с ним, ибо она, печалась, ждала его в устье Сириона.

Вингилот. Тед Несмит

Эарендиль не нашел ни Туора, ни Идриль; и к берегам Валинора не приблизился он в этом плавании, побежденный тенями и чарами, отброшенный враждебными ветрами; и вот наконец, истосковавшись по Эльвинг, он повернул домой, к берегам Белерианда. Сердце велело ему торопиться, ибо сны навеяли страх; и ветра, с которыми он так яростно прежде сражался, несли его теперь назад, стремительные как мысль.

Когда Маэдрос впервые услышал о том, что Эльвинг спаслась и, владея Сильмарилем, живет в устье Сириона, он сдержал себя, памятуя о свершенном в Дориафе. Но потом сознание того, что клятва не исполнена, вновь стало мучить его и братьев, и, сойдя со своих скитальческих троп, они отправили в Гавань посланья дружественные, но повелительные. Однако Эльвинг и ее сородичи не могли отдать Сильмариля, который добыл Берен и носила Лутиэн и из-за которого был убит Диор Прекрасный; менее всего могли они сделать это, пока вождь их Эарендиль был в Море, ибо верили, что в Сильмариле заключено исцеление и благословение, снисходящее на их жилища и корабли. И так случилась последняя и самая жестокая резня меж эльфами; была то третья великая беда, причиненная проклятой клятвой.

Ибо уцелевшие сыновья Феанора внезапно напали на изгнанников из Гондолина и беглецов из Дориафа и перебили их. Многие сородичи сыновей Феанора в той битве сражались на их стороне, другие же взбунтовались и погибли, защищая Эльвинг от своих же вождей — таковы были страданье и смятение в те дни в душах Эльдаров; однако Маэдрос и Маглор победили, хоть и они одни остались в живых из сынов Феанора, ибо Амрод и Амрас были убиты. Слишком поздно пришли на помощь эльфам Сириона корабли Цирдана и верховного короля Гиль-Галада; сгинули и Эльвинг, и ее сыновья. Те поселенцы, кто уцелел в битве, присоединились к Гиль-Галаду и с ним приплыли на Балар; и рассказывали они, что Эльронд и Эльрос взяты в плен, Эльвинг же с Сильмарилем на груди бросилась в море.

Так Маэдрос и Маглор не завладели камнем; но он не сгинул. Ибо Ульмо вынес Эльвинг из волн и обратил в большую белую птицу, а Сильмариль сиял звездой у нее на груди, когда летела она над водой, разыскивая возлюбленного своего Эарендила. Эарендиль же в ночи, стоя у штурвала своего корабля, узрел ее белым облачком над морем, бледным пламенем на крылах бури. И рассказывают песни о том, как пала она из воздуха на палубу Вингилота, лишась чувств, полумертвая от стремительного полета, и Эарендиль прижал ее к своей груди; утром же он в изумленье узрел свою жену в ее истинном облике, спавшую рядом с ним, и ее волосы рассыпались по его лицу.

Велика была скорбь Эарендила и Эльвинг о разорении гаваней Сириона и пленении сыновей: опасались они, что те будут убиты; но так не случилось. Ибо Маглор пожалел Эльронда и Эльроса и обращался с ними ласково, и меж ними возникла приязнь, как ни странно это казалось; но душа Маглора была измучена и иссушена тяготой страшной клятвы.

Для Эарендила, однако, не осталось надежд в Средиземье, и в отчаянье он вновь повернул прочь и не возвратился домой, но поплыл опять в Валинор, и с ним была Эльвинг. Часто стоял он теперь на носу Вингилота, а на челе его сиял Сильмариль, и сияние становилось тем ярче, чем далее плыли они на за-

пад. И говорят мудрецы, что именно мощью священного этого алмаза они наконец приплыли в воды, что не знали иных кораблей, кроме кораблей тэлери: они достигли Зачарованных Островов и избежали их чар, они приплыли в Затененные Моря и избегли их теней, они узрели Тол Эрессэа, Одинокий Остров, но не остановились; и вот они бросили якорь в заливе Эльдамар, и тэлери увидели корабль, приплывший с востока, и изумились, узрев издалека свет Сильмарилля — а был он велик. Так Эарендиль первым из живых людей приплыл к бессмертным берегам; и он обратился к Эльвинг и прочим своим спутникам — были то три морехода, проплывшие с ним все моря, звали их Фáлатар, Эреллонт и Аэрандир. И сказал им Эарендиль:

— Никто, кроме меня, не ступит на эту землю, ибо на него падет гнев валаров. Лишь я приму эту опасность во имя Двух Племен.

Эльвинг, однако, отвечала:

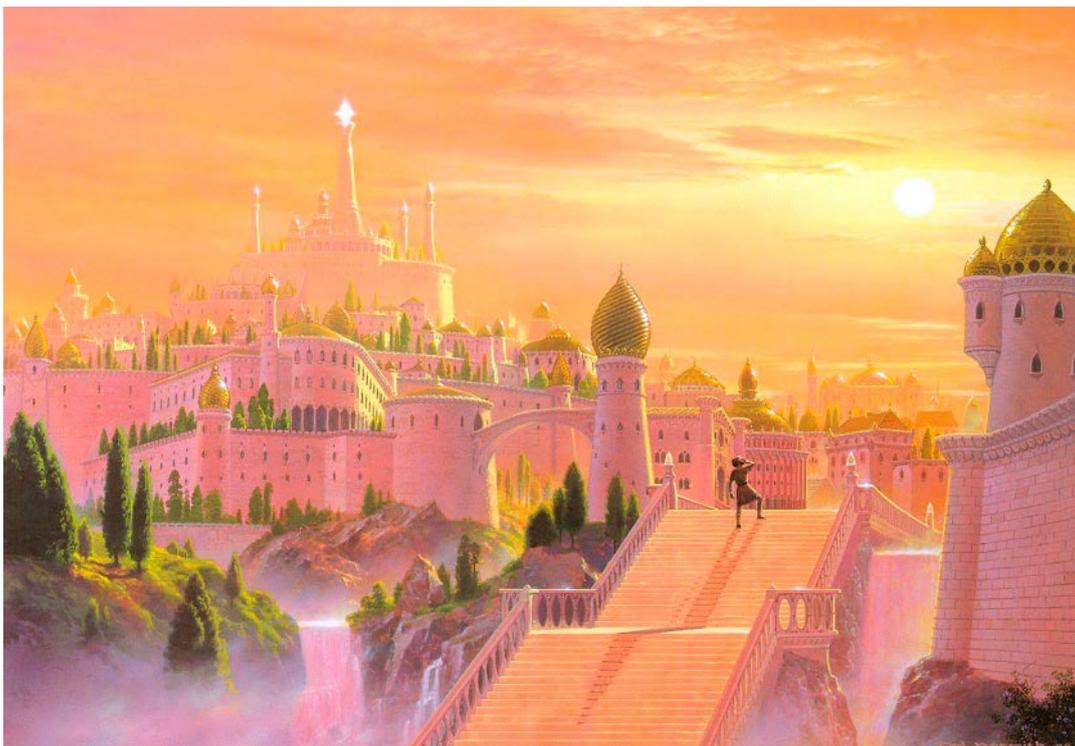
— Стало быть, наши пути будут разделены навеки; но все грозящие тебе опасности приму и я.

И она спрыгнула в белую пену и подбежала к нему; но печалился Эарендиль, ибо опасался гнева Западных Владык на пришельца из Средиземья, что осмелился пересечь границу Амана. Там они простились со своими спутниками и расстались с ними навеки.

Тогда Эарендиль молвил Эльвинг: “Жди меня здесь, ибо лишь один может явиться с посланием, которое суждено нести мне”. И он двинулся один в глубь края, и вошел в Калакирию, и она показалась ему безмолвной и пустынной, ибо, как некогда Моргот и Унголианта, так ныне Эарендиль появился во время празднества, и почти все эльфы ушли в Валимар, либо собрались в чертогах Манвэ на Таниквэтиле, и лишь немногие остались нести стражу на стенах Тириона.

Эарендиль приходит в Тирион. Тед Несмит

Были, однако, такие, что узрели его и свет, который он нес; и поспешили в Валимар. Эарендиль же взошел на зеленый холм Туну, но никого не было там;

он пришел на улицы Тириона и увидел, что они опустели, и тяжело стало у него на сердце, ибо он опасался, что неведомая беда приключилась с Благословенной Землей. Он шел опустевшими дорогами Тириона, и пыль оседала на его одежды, а была то алмазная пыль, и он весь сиял и блистал, поднимаясь по длинным белоснежным лестницам. И он громко воззвал на многих наречиях людей и эльфов, но никто не ответил ему. И в отчаянии Эарендиль повернул к морю, но не успел ступить на дорогу, ведущую к берегу, как некто, встав на вершине холма, обратился к нему громким голосом:

— Привет тебе, Эарендиль, славнейший из мореходов, долгожданный и пришедший нежданно, из отчаянья принесший надежду! Привет тебе, Эарендиль, несущий свет предсолнечный и предлунный! Величье Детей Земных, звезда во тьме, алмаз заката и сиянье рассвета!

То был голос Эонвэ, герольда Манвэ: он явился из Валимара и призвал Эарендилю предстать пред Стихиями Арды. И Эарендиль пришел в чертоги Валимара, и никогда не ступал больше по смертным землям. Тогда собрались валары и призвали из глубин моря Ульмо; и Эарендиль встал перед ними и передал им послание Двух Племен. Прощенья просил он нолдорам и сострадания их неисчислимым горестям, милосердия людям и эльфам и помощи в их нужде. И мольба его не была отринута.

Говорят эльфы, что, когда Эарендиль ушел за женой своей. Эльвинг, Мандос заговорил о его судьбе и молвил так: “Или Смертный ступит на Бессмертные Земли и останется жив?” И отвечал ему Ульмо:

— Для того он был рожден в мир. И скажи мне, разве он не Эарендиль, не сын Туора из рода Хадора, не сын Идриль, дочери Тургона из рода эльфа Финвэ?

Мандос возразил:

— Также и нолдор, по воле своей ушедший в изгнание, не вправе вернуться сюда.

Умолкли они, и промолвил Манвэ:

— Право суда за мной. Опасность, которой осмелился подвергнуться Эарендиль из любви к Двум Племенам, не должна пасть ни на него, ни на жену его Эльвинг, которая осмелилась на то же из любви к нему, но никогда не ступать им боле по Внешним Землям, меж людей и эльфов. И решение мое таково: Эарендилю и Эльвинг, а также сынам их будет дано право избрать, судьбу какого народа они пожелают разделить.

Между тем Эарендилю долго не было, и Эльвинг стало боязно и одиноко; и, бродя вдоль берега моря, пришла она в гавань Альквалондэ, где стоял флот тэлери. Там тэлери дружески приняли ее, а она поведала им о Дориафе, Гондолине и злосчастьях Белерианда, и они дивились и печалились; и Эарендиль, воротясь, нашел ее в Лебединой Гавани. Очень скоро, однако, они были призваны в Валимар, и там объявили им волю Старейшины.

Тогда Эарендиль молвил Эльвинг: “Выбирай ты, ибо я устал от мира.” И Эльвинг, памятуя о Лутиэн, избрала судьбу Перворожденных Детей Илуватара, а Эарендиль подчинился ее выбору, хоть сердце его и тянулось больше к людям и племени его отца. Тогда, по велению Манвэ, Эонвэ явился на берег Амана, где ожидали вестей спутники Эарендилю; взял он ладью и посадил в нее троих мореходов, валары же даровали сильный ветер и направили их на восток. А Вингилот валары благословили и перенесли через Валимар на край-

ною окончечность мира; он прошел во Врата Ночи и навсегда был поднят в небесный океан.

Стал этот корабль невыразимо прекрасен и наполнен живым светом, чистым и ясным, а на носу его сидел Эарендиль Мореход, сверкая пылью эльфийских алмазов, и на челе его блистал Сильмариль. Далеко заплывал на этом корабле Эарендиль, даже в беззвездные бездны, но чаще видели его утром, либо вечером — мерцавшим в лучах рассвета или заката, когда возвращался он в Валинор из своих путешествий за пределы мира.

В тех путешествиях Эльвинг не сопровождала его, ибо не могла она перенести ледяной и бездорожной бездны и любила более землю и сладостные ветра, что веют с холма и моря. Потому для нее была возведена белая башня на северном краю Разделяющих Морей; там иногда отдыхали морские птицы. Говорят, что Эльвинг научилась птичьему языку, ибо в их облике существовала когда-то; и птицы научили ее летать, а крылья у ней были белоснежные и серебристо-серые. Временами, когда Эарендиль, возвращаясь, приближался к Арде, она летела навстречу, как некогда, спасшись из волн морских. Тогда самые зоркие эльфы из тех, что жили на Одиноком Острове, видели ее, подобную блистающей белой птице, чье оперенье розовело, когда она радостно парила, приветствуя возвращение Вингилота в гавань.

Когда же впервые выплыл Вингилот в небесные моря, он взошел нежданно, мерцающий и ясный, и племена Средиземья узрели его и много дивились, и сочли это знамением, и нарекли его Гиль-Эстэль, Звезда Надежды.

И когда увидали вечером новую эту звезду, молвил Маэдрос Маглору, своему брату:

— Не Сильмариль ли сияет ныне на западе?

Маглор же отвечал:

— Если и вправду Сильмариль, что на наших глазах сгинул в море, возродился теперь властью валаров, то нам должно возрадоваться, ибо блеск его теперь виден всем и все же недоступен злу.

Эльфы смотрели в небо и не отчаивались более; а Морготом овладело сомнение.

Говорят, однако, что Моргот не ждал удара с Запада; ибо столь велика стала его гордыня, что казалось ему, будто никто уже не осмелится вступить с ним в открытое единоборство. Более того, полагал он, что навсегда уже отвратил Западных Владык от нолдоров и что, умиротворенные в своем блаженном царстве, не обратят они более взора к его владениям во внешнем мире; ибо ему, не знающему милосердия, милосердные деяния изначально странны и непостижимы. Однако войско валаров готовилось к битве; и под белыми стягами шли ваниары, племя Ингвэ, а также те нолдоры, что никогда не покидали Валинор: вёл их Финарфин, сын Финвэ. Немногие тэлери пожелали, однако, идти на войну, ибо помнили резню в Лебязьей Гавани и похищение кораблей; но они вняли Эльвинг, что была дочерью Диора Элухиля и приходилась родней им, и послали корабли с мореходами, дабы переправить воинство Валинора за море, на восток. Однако они оставались на своих судах, и ни один из тэлери не ступил на Внешние Земли.

* * *

Немногое сохранили преданья о походе воинства валаров на север Средиземья, ибо не было там ни одного эльфа из тех, кто жил и страдал на Внешних Землях и кто сложил о тех днях повествования, известные до сих пор; о том, как это все происходило, узнали они намного позже, от своих сородичей в Амане. И все же мощь валаров явилась с запада, и голос труб Эонвэ заполнил небо; казалось, что вспыхнул Белерианд от сверкания их доспехов, ибо воины валаров обликом были юны, прекрасны и грозны, и горы звенели под их шагами.

Битва воинств Запада и Севера названа Великой Битвой или Войной Гнева. В ту битву вышла вся мощь владений Моргота, и были те силы столь огромны и многочисленны, что Анфауглиф не мог вместить их: и весь Север объяло пламя войны.

Но это не спасло Моргота. Балроги были уничтожены, и лишь малое число их бежало и скрылось в недоступных пещерах у самых корней земли; а бесчисленные легионы орков гибли, как солома в огне, либо были сметены, как сухие листья огненным ветром. Немногие уцелели, дабы после тревожить мир. Те Друзья Эльфов, Праотцы Людей, что еще были живы, сражались на стороне валаров; и в те дни были отмщены Барагунд и Барахир, Галдор и Гундор, Хуор и Хурин, и многие другие вожди. Но множество людей из племени Ульдора, либо прочие пришельцы с востока, присоединились к Врагу: и эльфы этого не забыли.

Видя, что войска его разбиты и мощь низвергнута, Моргот пал духом и не осмелился сам выйти в бой. Однако он обрушил на своих врагов последнее оружие, что еще у него оставалось, и из бездн Ангбанда изверглись не виданные прежде крылатые драконы: так внезапен и гибелен был полет этой ужасной стаи, что воинство валаров отступило, ибо появление драконов сопровождалось великим громом, молниями и огневой бурей.

Но примчался, пылая белоснежным пламенем, Эарендиль, а вокруг Вингилота летели все большие небесные птицы, и вел их Торондор; и была битва в воздухе весь день и всю темную ночь. Перед рассветом Эарендиль сразил Анкалагона Черного, самого сильного во всем драконьем войске, и низверг его с небес; а тот, падая, рухнул на пики Тангородрима и в предсмертном биении сокрушил их. Затем вошло солнце, и воинство валаров стало одолевать, и почти все драконы были перебиты; и разрушились все темницы Моргота, и крыши с них были сорваны, и мощь валаров проникла в глубь земли.

Анкалагон против Эарендила. Даниэль Пилла

Моргот был побежден, и доблести не нашлось в нем. Он бежал в глубочайшую из своих копей и просил милосердия и мира, но был обезножен и низвергнут на лицо свое. Тогда его сковали цепью Ангайнор, которую он носил некогда, а железную его корону, разбив, обратили в ошейник, и голова его склонилась на колени. И те два Сильмариля, что были еще у Моргота, вынули из его короны, и они сияли, незапятнанные, под небесами. И Эонвэ взял их и берег.

Так пришел конец власти Ангбанда на Севере, и царство зла было изничтожено, а из глубоких темниц вышло множество рабов, уже не надеявшихся когда-либо увидеть дневной свет; и открылся их взору измененный мир. Ибо столь велика оказалась ярость сражавшихся, что северная часть западного

мира раскололась, и в трещины с ревом врывалось море, и было сотрясение и великий грохот; реки же сгнули, либо потекли по новым руслам, долины поднялись, а горы опустились: и Сириона более не существовало.

Тогда Эонвэ, как герольд Старейшины, призвал эльфов Белерианда покинуть Средиземье. Однако Маэдрос и Маглор не вняли ему и готовились, хоть и с горечью и проклятиями, сделать отчаянную попытку исполнить свою клятву: ибо, буде им откажут, они готовы были биться за Сильмариль даже с победоносным воинством валаров, даже если б оказались одни против всего света. И потому они послали к Эонвэ, требуя отдать алмазы, которые некогда сотворил их отец Феанор и которые были у него похищены Морготом.

Эонвэ, однако, отвечал, что право на творение своего отца, которым когда-то обладали сыны Феанора, ныне утеряно ими, ибо они, ослепленные клятвой, натворили немало жестокостей, и, что самое тяжкое, убили Диора и разорили Гавани. Свет Сильмарилей уйдет теперь на Запад, откуда он пришел; Маэдрос же и Маглор должны вернуться в Валинор и там ждать суда валаров, по чьему лишь велению может Эонвэ отдать камни. Маглор искренне желал подчиниться, ибо в сердце его жила печаль, и сказал он:

— Клятва не утверждает, что мы не можем ждать, а в Валиноре, быть может, все будет прощено и забыто, и мы обретем мирно то, что нам принадлежит.

Маэдрос, однако, отвечал, что если они вернутся в Аман, лишены милости валаров, то их клятва по-прежнему будет тяготеть над ними, но исполнение ее окажется невозможно, и добавил;

— Кто может знать, какая страшная судьба ждет нас, если мы не подчиним-

ся Стихиям в их же владениях, или вознамеримся вновь привести войну в их священное царство?

Однако Маглор все еще колебался и говорил так:

— Но если сами Манвэ и Варда откажут в исполнении клятвы, что была произнесена с их именами, разве не потеряет она силу?

Маэдрос же ответил:

— Но достигнут ли наши голоса Илуватара за Кругами Мира? А ведь именно Илуватаром поклялись мы в своем безумии и призвали на себя Вечную Тьму, если не сдержим слова. Кто же освободит нас?

— Если некому освободить нас, — молвил Маглор, — то сдержим мы клятву или нарушим, Вечная Тьма — наш удел; но меньшее зло совершим мы, нарушив ее.

Однако в конце концов он сдался на уговоры Маэдроса, и вместе они придумали, как заполучить Сильмарили. Они изменили облик, и ночью проникли в лагерь Эонвэ, и прокрались туда, где хранились Сильмарили; и они перебили стражей и захватили камни. Тогда весь лагерь поднялся против них, и они приготовились дорого продать свою жизнь. Однако Эонвэ не позволил убивать сыновей Феанора, и они, невредимые, бежали прочь. Каждый из них взял Сильмариль, ибо решили они: “Если один камень для нас потерян, и остались лишь два, и лишь мы двое живы из всех наших братьев, то ясно, что судьба предназначила нам разделить наследство нашего отца.”

Но камень сжигал длань Маэдроса невыносимой болью; и понял он, что правду говорил Эонвэ: право его на Сильмариль потеряло силу и клятва была напрасна. В муке и отчаянии бросился он в зияющую пропасть, что дышала огнем, и так встретил свой конец, а Сильмариль, что был с ним, сокрылся в недрах земных.

О Маглоре же говорят, что он не мог снести боли, которую причинял ему Сильмариль, и в конце концов бросил его в Море, и с тех пор всегда бродил вдоль берегов, слагая над волнами скорбные песни. Ибо Маглор был лучшим песнопевцем древности, не считая лишь Даэрона из Дориафа, но он никогда не вернулся к эльфам. Так Сильмарили нашли себе пристанища: один в небесной выси, один в огненном сердце мира и один в глубинах вод.

В те дни на побережье западного моря строилось великое множество кораблей. На тех кораблях эльдары уплывали на запад, чтобы никогда уже не вернуться в те края, где они страдали и воевали. Возвращались ваниары под белыми своими стягами, и были с почестями приняты в Валиноре; однако радость их была неполной, ибо они вернулись без Сильмарилей, отнятых у Морготы; и знали они, что нельзя эти камни ни отыскать, ни собрать вместе, пока мир не будет разрушен и пересоздан вновь.

Когда же приплыли они на запад, эльфы Белерианда поселились на Тол Эрессэа, Одиноким Острове, что был обращен на запад и на восток: оттуда могли они прийти и в Валинор. Им вновь дарованы были любовь Манвэ и прощенье валаров; и тэлери забыли свою древнюю скорбь, и проклятие потеряло силу.

Однако не все эльдары пожелали покинуть Внешние Земли, где они так долго жили и страдали; многие из них бесчисленные годы провели в Средиземье. Среди них были Цирдан Корабел и Целеборн из Дориафа, и жена его Галадриэль, что одна осталась из тех, кто вел нолдоров-изгоев в Белерианд. В Средизе-

мье жил также и Гиль-Галад, верховный король, а с ним Эльронд Эльфид, избравший, как было ему дозволено, судьбу эльдаров; брат же его Эльрос, избрал людской жребий. И от этих двух братьев пошли люди, в чьих жилах струилась кровь Перворожденных, смешанная с кровью божественных духов, бывших прежде сотворения Арды: ибо были они сыновьями Эльвинг, дочери Диора, сына Лутиэн, рожденной от Тингола и Мелиан; Эарендиль же, их отец, был сыном Идриль Целебриндал, дочери Тургона Гондолинского.

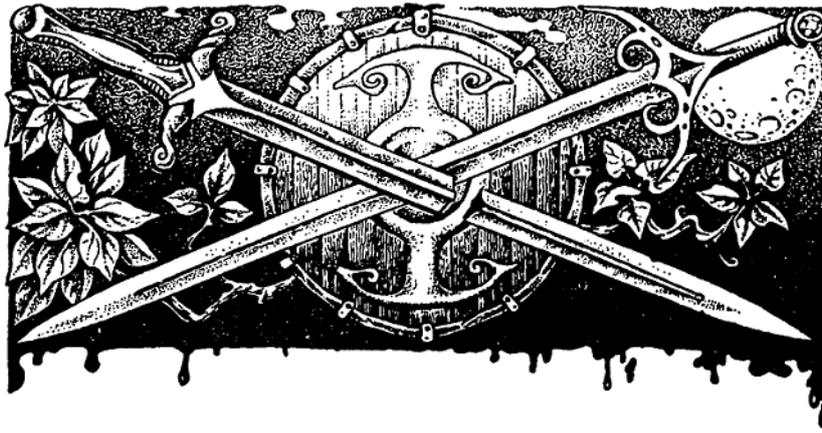
Самого же Моргота валары извергли через Врата Ночи за Стены Мира, в Безвременную Бездну; и стража встала навеки на тех стенах, и Эарендиль хранит грань небес. Однако, ложь, что Мелькор, могучий и проклятый, Моргот Бауглир, Стихия Ужаса и Ненависти, посеял в сердцах эльфов и людей — та ложь есть семя бессмертное и неуничтожимое; вновь и вновь прорастает оно и приносит черные плоды ныне и в далеком будущем.

Так кончается СИЛЬМАРИЛЛИОН. И если с прекрасных высот мир пришел к разоренью и тьме, то такова издревле судьба Арды Искаженной; а изменится ли что-нибудь и придет ли конец Искажению, знают, быть может, лишь Манвэ и Варда; но они никому не открыли того, и не сказано о том в пророчествах Мандоса.

Акаллабет

Падение Нуменора

а ссказывают эльдары, что люди пришли в мир, когда на нем лежала Тень Моргота, и скоро подпали под его владычество, ибо он засылал к ним своих слуг, и внимали люди его хитроумным и лихим речам, и поклонялись Тьме, хоть и боялись ее. Были, однако, такие, что отреклись от зла, покинули земли своих сородичей и ушли на Запад, ибо дошел до них слух, что есть на Западе свет, коего не затмить Тени. Ненависть прислужников Моргота преследовала их, и путь их был долог и труден; но все же пришли они в земли, обращенные к Морю, и в дни Войны за Камни появились в Белерианде. **Эдайн** — «аданы» — назвали их на языке синдаров; они стали друзьями и союзниками эльдаров и в войне против Моргота совершили деяния великой храбрости.

От них по отцовской линии происходил Эарендиль Ясный; в «Песни об Эарендиле» повествуется, как в те дни, когда победа Моргота была почти полной, Эарендиль выстроил корабль Вингилот, а на языке людей — Ротинзиль, и поплыл в моря, где никто до него не плавал, чтобы отыскать Валинор; ибо желал он поведать Силам о несчастьях Двух Народов, дабы смилостивились над ними валары и послали им помощь в крайней нужде. И потому эльфы и люди называют его Эарендиль Благословенный, ибо после долгих трудов и многих опасностей он достиг своей цели, и из Валинора явилось войско Западных Владык. Эарендиль, однако, больше не вернулся в края, которые так любил.

В Великой Битве, когда был низвергнут Моргот и разрушен Тангородрим, из всех людских племен лишь аданы сражались на стороне валаров, множество же прочих людей билось за Моргота. После победы Западных Владык те приверженные злу люди, что уцелели в битве, бежали назад, на восток, где в неводеланных землях, в дикости и беззаконии все еще бродили их соплеменники, отвергая равно призывы валаров и посулы Моргота. И вот люди-лиходеи явились среди них и опутали тенью страха; и те избрали их королями. Тогда отвернулись на время валары от людей Средиземья, что отвергли их призывы и избрали своими владыками приверженцев Моргота; и люди жили во тьме, мучимые лихими существами, что сотворил Моргот во дни своего владычества, — демонами, драконами, бесформенными тварями и нечистыми орками, кои созданы в насмешку над Детьми Илуватара. И люди были несчаст-

НЫ.

Манвэ же низверг Моргота в бездну за гранью Мира; и покуда Владыки Запада восседают на своих тронах, не вернуться Морготу в мир в зримом облике. Но семена, что посеял он, давали побеги и разрастались, принося лихие плоды, стоило только кому-то позаботиться об этом. Ибо воля его оставалась и вела его слуг, подвигая их вечно противостоять валарам и убивать тех, кто им повиновался. Владыки Запада видели это и знали. И потому, когда Моргот был низвергнут, держали они совет о грядущих веках. Эльдаров призвали они вернуться на Запад, и те, кто внял их призыву, поселились на острове Тол Эрессеа. Есть там гавань, нареченная Аваллонэ, ибо ближе всех она к Валинору, и когда мореход, одолев бескрайнее Море, подплывает к Бессмертным Землям, первое, что предстает его взору, — башня Аваллонэ. Праотцам людей из Трех Верных Родов также была дана щедрая награда. Эонвэ явился среди них и учил их, и были им дарованы мудрость, и власть среди них, и век более долгий, чем у прочих смертных. И отворил для аданов землю, не принадлежащую ни Валинору, ни Средиземью, ибо от обоих краев отделяло ее Море, однако она была ближе к Валинору. Оссе поднял ее из глубин морских, Ауле придал ей облик, а Йаванна украсила ее; эльдары же принесли туда цветы и фонтаны с Эрессэа. Землю ту валары нарекли Андор — Дарованная Земля: а на западе ярко блистала Звезда Эарендиля, знаменуя, что все готово, и ведя за море; и дивились люди, узрев серебристое пламя на тропях Солнца.

И вот аданы, следуя за Звездой, подняли паруса и вышли в море; валары же надолго утомили пучину и ниспослали ясное солнце и попутный ветер: и воды сверкали, как стекло, отражая небеса, а белейшая пена хлопьями снега взмывала из-под форштевней. Звезда же Ротинзиль сияла так, что и днем люди видели, как мерцает она на западном небосклоне, а в ясной ночи она и во все затмевала все прочие звезды. И вот, держа путь по ней, аданы в конце концов преодолели бескрайнее море и узрели издалека предназначенный им край Андор — Дарованную Землю, что блистала в золотом сиянии. Они сошли на берег, и предстала им страна дивно прекрасная и плодородная; и они возрадовались. И нарекли страну эту Элэнна, что означает Обращенная к Звездам: а также Анадунэ, Западный Край, а на языке Высших Эльфов — Нуменорэ.

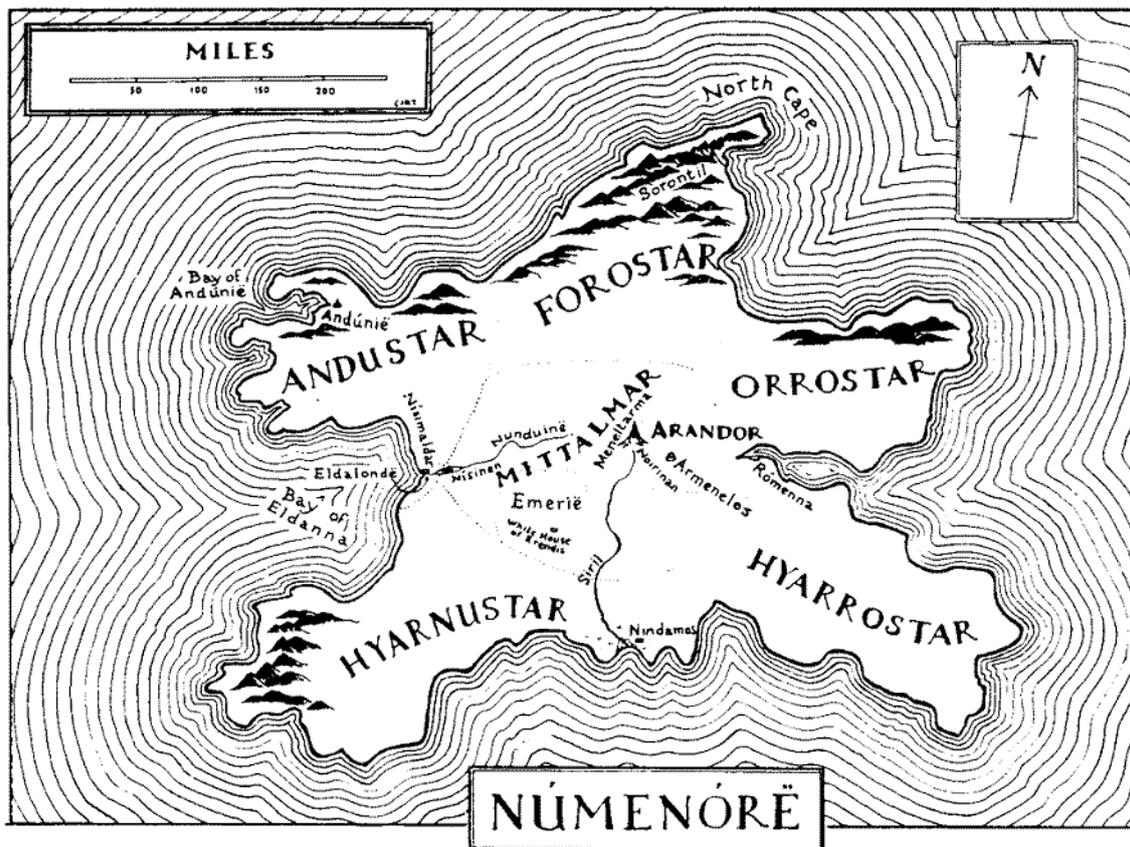
Так было положено начало народу, который на языке Сумеречных Эльфов звался дунаданами — то были нуменорцы, Царственное Племя. Но и они не избежали смертного жребия, предначертанного людям Илуватаром, и остались смертны, хотя их век удлинился, и болезни им были неведомы, пока тень не пала на них. Они были мудры и величественны и во многом походили более на Перворожденных, чем на прочих людей: ростом были высоки, выше самых рослых жителей Средиземья, а глаза их сияли ярче звезд. Однако же число их увеличивалось медленно, ибо хоть сыновья и дочери красотой превосходили родителей, но дети рождались редко.

В древности столица и главная гавань Нуменора находилась на западном побережье и звалась Андуние, ибо была обращена к западу. Посреди же этого края высилась громадная и крутая гора — называли ее Мэнэльтарма, Поднебесная Колонна, а на вершине ее было святилище Эру, открытое всем ветрам, и других храмов и капищ в Нуменоре не было. У подножья горы были возведены усыпальницы королей, а неподалеку на холме высился прекраснейший в мире город Армэнэлос, и там стояли башня и крепость, возведенные Эльросом,

сыном Эарендила, что по велению валаров стал первым королем дунаданов.

Единственная известная карта Нуменора

Эльрос и брат его Эльронд происходили из Трех Родов Аданов, но в их жилах текла и кровь эльдаров и валаров, ибо прародительницами их были Идриль Гондолинская и Лутиэн, дочь Мелиан. Не в силах валаров отнять дар смерти, данный людям Илуватаром, однако Эру даровал им право рассудить, как поступать с Эльфидами; и решили валары, что сынам Эарендила будет дано самим избирать себе судьбу. И вот Эльронд избрал жребий Перворожденных, и ему был дарован их век. Эльросу же, ставшему королем людей, дана была долгая жизнь, во много раз дольше, чем у людей Средиземья; и все его потомки, и члены королевского дома жили долго даже по нуменорскому счету. Эльрос прожил пятьсот лет, а из них четыреста лет и десять правил нуменорцами.

Так шли годы, и пока в Средиземье угасали свет и мудрость, дунаданцы жили под защитой валаров и в дружбе с эльдарами, и росли духом и телом. Ибо, хоть и бытовало еще среди них людское наречие, их короли и лэйрды говорили на языках эльдаров, который выучили еще в дни союза в Белерианде, так что связи их с эльдарами Эрессэа и запада Средиземья не обрывались. Дунаданские же мудрецы знали и высокое наречие Благословенного Края, на котором издревле звучали легенды и песни: создали они книги и хроники, и в них записали все дивное и мудрое, что было в Нуменоре в годы его расцвета, а ныне предано забвению. Таким образом, у всех нуменорских владык, кроме их собственных имен, были еще и эльфийские, то же было и с дивными городами, возведенными в Нуменоре и на берегах Ближних Земель.

Дунаданцы стали весьма искусны в ремеслах, так что, пожелай они — легко бы превзошли в военном умении и оружейном деле лихих владык Средизе-

мья; но они были мирным народом. Превыше всего ценили они кораблестроение и мореходное искусство и стали мореходами, каких уже не будет с тех пор, как мир умалился; и путешествия по бескрайним морям были первой утехой и лучшим приключением для этого неутомимого племени в благородные дни его юности.

Однако владыки Валинора запретили нуменорцам заплывать на запад на расстояние, когда берега Нуменора уже исчезают из вида; и долгое время дунаданы подчинялись этому запрету, хоть и не понимали его замысла. Замысел же Манвэ был таков, что нуменорцы не должны ни пытаться достичь Благословенного Края, ни желать превзойти пределы своего величия, буде их обольстит бессмертие валаров и эльдаров и края, где царит вечность.

Ибо в те дни Валинор все еще находился в зримом мире, и дозволил Илуватар валарам создать в Арде жилище себе, как память о том, каким мог быть мир, если бы не тень Моргота. Это хорошо знали нуменорцы; временами же, когда воздух был и чист и прозрачен, а солнце стояло на востоке, они видели далеко на западе снежно-белое сияние прибрежного города, его гавань и башню. Нуменорцы в те дни были необычайно зорки, но лишь самый острый взор мог различить это видение — с вершины ли Мэнэльтармы, с высокой ли мачты корабля, что отплыл от западного берега на дозволенное ему расстояние. Ибо не осмеливались дунаданы нарушать Запрет Западных Владык. Мудрецы, однако, знали, что это не Валинор, Благословенный Край, а лишь Аваллонэ, гавань эльдаров на Эрессэа, самая восточная в Бессмертных Землях. Оттуда в ладьях без весел, белыми птицами летящих из закатных краев, приплывали иногда Перворожденные. Везли они в Нуменор множество даров — поющих птиц, благоуханные цветы и целебные травы. Привезли они и семя Целеборна, Белого Древа, что высилось посреди Эрессэа; оно же, в свою очередь, произошло из семени Галафилиона, Древа Туны, подобия Тэльперииона, которое Йаванна даровала эльдарам в Благословенном Краю. И вот Древо росло и цвело при дворе короля в Армэнэлосе: Нимлот звалось оно и ввечеру расцветало, и ночь наполнялась его благоуханием.

Так было, что из-за Запрета Валаров дунаданы в те дни плавали не на запад, а на восток, от темного Севера до жаркого Юга, и далее на юг, в Запредельную Тьму; заплывали они и во внутренние моря, и проходили на кораблях вдоль Средиземья, и с высоких палуб зрили на востоке Врата Утра. Приплывали дунаданы к берегам Великих Земель и сокрушались над покинутым Средиземьем; и вот, в Темные Годы людей, владыки Нуменора вновь пришли на западные побережья, и никто не осмелился им противостать. Ибо люди той Эпохи, осененные Тенью, стали слабы и боязливы. Нуменорцы явились среди них и многому их научили. Принесли они ячмень и вино и обучили людей сеять семена и возвращать злаки, рубить и тесать лес, а также помогли обустроить их жизнь, насколько это было возможно в краях скорой смерти и скупого блаженства.

Счастливей стала жизнь людей Средиземья, и вот уже тут и там на западном побережье отступили глухие леса, а люди освободились от власти выкормышей Моргота и перестали бояться тьмы. Они чтили память высоких Морских Владык, и когда те ушли, нарекли их богами, надеясь на их возвращение; ибо в те времена не жили подолгу в Средиземье и не возводили там своих поселений.

Плыли они на восток, но сердца их вечно были обращены к Западу.

С годами тоска эта становилась все сильнее; и возмечтали нуменорцы о бессмертном городе, что виден был лишь издали; и овладело ими желание жить вечно и избежать смерти и конца земных радостей; и, вместе с мощью и величием, рос их непокой. Ибо хоть и продлили валары жизнь дунаданов, не могли они оградить их от неизбежного увядания, и даже короли семени Эарендила в конце концов умирали; и краткой была их жизнь в глазах эльдаров. Так пала тень на Нуменор, и, возможно, была в том воля Моргота, что все еще жила в мире. И вот начали нуменорцы роптать, вначале в мыслях, а потом и открыто, против жребия людского, а более всего — против Запрета, что закрыл для них пути на Запад.

И так говорили они меж собою: “Отчего это Владыки Запада восседают в вечном покое, мы же обречены умирать и уходить неведомо куда, покидая свои жилища и все, что сотворено нами? А ведь эльдары не ведают смерти, даже те, кто бунтовал против валаров. Ныне мы покорили все моря, и нет вод столь широких и бурных, что не были бы подвластны нашим кораблям — отчего бы не отправиться нам в Аваллонэ, не навестить наших друзей?”

Иные же добавляли: “Почему бы не приплыть нам в Аман, не испробовать хоть на день блаженства валаров? Или мы не могущественней прочих народов Арды?”

Эльдары передали валарам эти речи, и опечалился Манвэ, видя, как тучи сгущаются над полднем Нуменора. И послал он гонцов к дунаданам, и они открыто говорили с королем и всеми, кто желал их слушать, об устройстве и судьбе мира.

— Жребий Мира. — говорили они, — может изменить лишь тот, кто его сотворил. И даже если, избегнув в пути все ловушки и западни, вы достигли бы Амана, Благословенного Края, малая была бы от того вам польза. Ибо не земля Манвэ дарит бессмертие ее обитателям, но обитающие в ней Бессмертные освящают ее; и вы лишь скорее исчахли бы и сгорели, как мотыльки во всепожирающем пламени.

Но ответил король:

— Разве не жив еще пращур мой Эарендиль? Или он не обитает в Амানে?

На это они сказали:

— Тебе ведомо, что у него иной жребий, и причислен он к Перворожденным, не ведающим смерти; но судьба его такова, что ему нет возврата в смертные земли. Ты же и твой народ — не Перворожденные, но Смертные, сотворенные Илуватаром. Ныне же, сдается, вы пожелали обрести блага обоих племен, плавать в Валинор, когда вам вздумается, и возвращаться домой, когда захотите. Это невозможно. Не в силах валаров отнять дары Илуватара. Эльдары, говорите вы, не понесли наказания, и даже мятежники не смертны. Но для них это не наказание и не награда, а лишь суть их бытия. Они навеки связаны с этим миром и, пока он существует, не могут его покинуть, ибо его жизнь — это их жизнь. Вы же, твердите вы, наказаны за бунт людей, в котором приняли малое участие, и потому смертны. Но изначально смерть для вас — не наказание. Умирая, вы покидаете сей мир, и ничто, в надежде ли, в усталости, не связывает вас с ним. Должно ли нам завидовать друг другу?

И отвечали нуменорцы так:

— Отчего бы нам и не завидовать валарам или хотя бы Бессмертным? От

нас требуют слепой веры и безнадежной надежды, и не ведаем мы, что нас ждет впереди. А ведь мы также любим Землю и не желаем терять ее навсегда.

И сказали тогда Посланцы:

— Истинно, что замыслы Илуватара касательно людей неведомы валарам: не открыл он также всего, что грядет. Верно лишь то, что дом ваш не здесь и не в Амане, и нигде в пределах Кругов Мира. Жребий же людей был изначально даром Илуватара. Бедой он стал лишь оттого, что под тенью Моргота казалось людям, что они окружены ужасавшей их безмерной тьмой; а иные стали горды и алчны, и не сдавались, пока не лишались жизни. Нам, что несут растущую с каждым годом ношу лет, это недоступно: но если беда эта, как говорите вы, вновь тревожит вас, верно, Тень возродилась снова и стущается в ваших сердцах. И хотя вы — дунаданы, благороднейшие среди людей, в древности избегшие Тени и храбро против нее сражавшиеся, мы говорим вам — берегитесь! Воле Эру нельзя прекословить, и валары искренне молят вас держаться веры, к которой вас призывают, даже если она и стала сковывающей вас цепью. Надейтесь же, что когда-нибудь принесет плоды даже самое малое ваше желание. Любовь к Арде посеял в ваших сердцах Илуватар, а он ничего не свершает бесцельно. И все же пройдут эпохи и сменятся многие поколения людей, прежде чем замысел его станет ведом; и откроется он вам, а не валарам.

Случилось все это во дни, когда правили Тар-Кириатан Кораблестроитель и сын его Тар-Атанамир; были то гордые и алчные люди, и они наложили дань на жителей Средиземья, более отбирая, нежели отдавая. Это к Тар-Атанамиру явились Посланцы: а был он тринадцатым по счету королем, и в дни его правления Нуменор насчитывал уже две тысячи лет и наслаждался расцветом если не могущества, то величия. Атанамир, однако, был недоволен речами Посланцев и не внял им; а его примеру последовало большинство его подданных, ибо желали они избежать смерти уже на своем веку, не дожидаясь призрачной надежды. Атанамир жил долго и цеплялся за жизнь уже тогда, когда она не приносила никакой радости: был он первым нуменорцем, что поступил так, отказавшись уйти добровольно, прежде чем потеряет доблесть и разум, и передать правление сыну в расцвете сил своих. Ибо было в обычае владык Нуменора жениться поздно для долгого их века и умирать, оставляя власть своим сыновьям, когда они обретут зрелость тела и духа.

И вот стал королем Тар-Анкалимон, сын Атанамира, а мыслил он так же, как его отец, и в годы его правления народ Нуменора разделился. С одной стороны было большинство — те, кто называл себя Людьями Короля; и были они горды, и отвернулись от валаров и эльдаров. Иные — их было меньше — звались Элендیلی, Друзья Эльфов, ибо хоть и оставались они верными королю рода Эльроса, но желали и сохранить дружбу с Эльдарами, и вняли посланию Западных Владык. Но даже они, звавшие себя Верными, кое в чем разделяли заблуждения своих соплеменников, и мысли о смерти преследовали их.

Так угасало блаженство Западного Края; но мощь его и блеск все возрастали. Ибо короли и их подданные не отреклись еще от премудрости, и если более не любили валаров, то, по крайней мере, боялись их. Не осмеливались они открыто нарушать Запрет и заплывать дальше дозволенного. Лишь на восток направляли они свои гордые корабли. Однако ужас смерти все более затемнял их сердца, и они, как могли, отдаляли его: они начали возводить для своих

мертвецов громадные гробницы; мудрецы же неустанно искали тайну бессмертия или, по меньшей мере, долголетия. Однако они лишь научились в совершенстве сохранять нетленной мертвую плоть, и вот весь край наполнился безмолвными усыпальницами, где в священном мраке таилась смерть. Живые же все более страстно предавались наслаждению, выдумывая все новые роскошества и забавы; в годы правления потомков Тар-Анкалимона обычай приносить Эру первые плоды был забыт, и нечасто уже приходили люди в Святыню на вершине Мэнэльтармы, в сердце страны.

В те времена нуменорцы основали на западном побережье древних земель первые большие поселения; ибо их родной край казался им тесен, и не находили они там ни радости, ни покоя, а поскольку Запад был недоступен, они возжелали богатств и власти над Средиземьем. Возвели они надежные гавани и мощные крепости и во множестве поселились там; но из помощников и наставников превратились в господ и собирателей дани. На крыльях ветров уплывали на восток их корабли и возвращались груженными доверху, так что могущество и богатство нуменорских королей все росли: и они пили, и веселились, и с головы до ног одевались в золото и серебро.

Малое касательство имели ко всему этому Друзья Эльфов. Лишь они приплывали теперь на север, во владения Гиль-Галада, храня верность дружбе и помогая ему в борьбе с Сауроном; их гавань, Пеларгир, была выстроена в устье Андуина Великого, а Люди Короля заплывали далеко на юг; и память о твердынях и княжествах, что они основали там, надолго сохранилась в людских преданиях.

Летописи гласят, что в ту Эпоху в Средиземье вновь явился Саурон, и окреп, и обратился вновь ко злу, в котором взрастил его Моргот и служба Морготу, возвысился сам. Уже в дни правления Тар-Минастира, одиннадцатого нуменорского короля, Саурон укрепил Мордор и возвел там твердыню Барад-Дур, и с тех пор всегда стремился к владычеству над Средиземьем, дабы стать королем над королями и божеством над людьми. Саурон ненавидел нуменорцев за свершения их праотцев, за их древний союз с эльфами и служение валарам; не забыл он также и помощь, которую послал Гиль-Галаду Тар-Минастир в дни, когда было выковано Кольцо и в Эриадоре вспыхнула война между эльфами и Сауроном. Ныне же узнал он, что мощь и величие нуменорских владык возросли, и еще больше возненавидел их; и боялся он, что им вздумается захватить его земли и лишит его власти над восточными краями. Долгое время, однако, Саурон не решался бросить вызов Морским Владыкам, и отступил от побережья.

Но коварен был Саурон, и говорят, что среди тех, кого поработил он Девятью Кольцами, были могучие витязи-нуменорцы. И когда вошли в силу **Ула́йары** — Призраки Кольца, его верные слуги, а внушаемый им ужас и власть его над людьми стали воистину безграничны, он осмелился протянуть руку к прибрежным твердыням нуменорцев.

В те дни Тень все шире простирала крыла над Нуменором, а срок жизни королей из рода Эльроса — из-за мятежности их — становился все короче, но тем больше ожесточались души их против валаров. Деятнадцатый король принял скипетр своих предков и взошел на престол под именем Адунахóра, Владыки Запада, отрекшись от эльфийских наречий и запретив говорить на них в

его присутствии. И все же в Летописи Королей, по древнему обычаю, который короли нарушать опасались, покуда не воцарилось лихо, он был записан в наречии Высших Эльфов — Хэрунүмен. Знаком величайшей гордыни казалось Верным именовать себя титулом валаров и сердца их разрывались между верностью роду Эльроса и почитанием Стихий. Но худшее ждало их впереди. Ибо Ар-Гимильзор, двадцать второй король, был заклятым врагом Верных. В дни его правления Белое Древо было заброшено и начало увядать; он совершенно запретил говорить по-эльфийски, и наказывал тех, кто встречал корабли с Эрессэа, все еще приходившие к западным берегам страны.

Элендили большей частью жили на западе Нуменора; но Ар-Гимильзор велел всем Верным, что были ему известны, покинуть западные земли и переселиться на восток; и там они жили под надзором. Главное поселение Верных было возле гавани Ромэнна; оттуда многие из них отплывали на север Средиземья, где во владениях Гиль-Галада звучала еще речь эльдаров. Короли знали об этом, но большого значения не придавали, поскольку Элендили уплывали и не возвращались; короли же хотели покончить с дружбой меж своими подданными и Эльдарами Эрессэа, которых звали Прихвостнями Валаров — таким образом надеялись они скрыть свои дела и замыслы от Западных Владык. Однако, все, что они ни творили, становилось известно Манвэ; и отвернулись валары от королей Нуменора, и отказали им в совете и помощи; и не приплывали больше из закатных морей корабли Эрессэа, и опустели гавани Андуниэ.

После королевского рода более всех почитались в Нуменоре владетели Андуниэ, ибо в их жилах текла кровь Эльроса — они происходили от Сильмарийэн, дочери Тар-Элендила, четвертого короля Нуменора. Владетели были верны королям и чтили их, и были всегда среди ближних советников трона. Тем не менее они сыздавна хранили любовь к эльдарам и почтение к валарам: а когда Тень начала расти, они, как могли, поддерживали Верных. Долгое время, однако, они не обнаруживали себя, а старались только смягчить сердца венценосцев мудрыми советами.

Дева Инзильбэт славилась своей красотой: матерью ее была Линдориэ, сестра Эарендура, что владела Андуниэ в дни правления Ар-Сакальтора, отца Ар-Гимильзора. Гимильзор взял ее в жены, хоть она, Верная в душе благодаря наставлениям матери, и противилась этому; но короли и их сыновья были горды и не привыкли к отказам. Не было любви меж Ар-Гимильзором и его королевой, не любили друг друга и их сыновья. Старший, Инзиладун, телом и душой походил на мать; младший же, Гимильхад, был вылитый отец и даже превосходил его в гордыни и корыстолюбии. Если б то позволяли законы, Ар-Гимильзор куда охотнее отдал бы трон младшему сыну в обход старшего.

Когда же Инзиладун вступил на трон, он принял, как бывало прежде, эльфийское имя, назвавшись Тар-Палантир, ибо зорки были и глаз его, и сердце, и даже те, кто ненавидел, опасались речей провидца. Он на время даровал покой Верным и возродил обычай приношений в Святыню Эру на Мэнэльтарме, отринутый Ар-Гимильзором. Вновь велел он заботиться о Белом Древе и предрек, что, буде погибнет Древо, сгинет и королевский род. Но слишком запоздалым было его раскаяние, дабы утишить гнев валаров, пробужденный той мятежностью его предков, о коей большая часть его подданных и не сожалела. Гимильхад же был силен и бесцеремонен; он возглавил тех, кто звали себя Людьями Короля, и противостоял брату во всем так открыто, как только осме-

ливался, а еще более — тайно. Так тенью пала печаль на дни Тар-Палантира, и часто он бывал на западе, поднимаясь в древнюю башню на горе Оромет, что возле Андуниз, и оттуда жадно смотрел на запад, быть может, надеясь увидеть парус. Но не приплывали больше корабли с Запада в Нуменор, и туман сокрыл Аваллонэ.

Гимильхад умер, не дожив двух лет до двухсотлетнего возраста (а для рода Эльроса даже во времена упадка это была ранняя смерть), но покоя королю это не принесло. Фаразон, сын Гимильхада, вырос даже более мятежным, алчным и властолюбивым, нежели его отец. Часто отправлялся он за пределы Нуменора, возглавляя войско в тех войнах, что вели нуменорцы на берегах Средиземья, дабы утвердить свое владычество над людьми; и так стяжал он славу великого воителя на суше и на море. Потому, когда, услышав о смерти своего отца, он вернулся в Нуменор, многие стали на его сторону, ибо он привез с собою сокровища и щедро — в то время — раздавал их.

Исчавнув от горя, умер Тар-Палантир. Сына у него не было, а лишь дочь, названная им на языке эльфов Мириэль; и к ней по праву и закону Нуменора перешел трон. Но Фаразон взял Мириэль в жены против ее воли, сотворив тем зло, а еще большее зло было в том, что обычай Нуменора даже в королевском доме не позволял заключать браки между родичами более близкими, чем дети двоюродных сестер и братьев. А когда брак был заключен, Фаразон захватил власть и стал править под именем Ар-Фаразона (Тар-Калиона по-эльфийски); имя же королевы он сменил на Ар-Зимрафэль.

Среди всех, кто когда-либо, с самого основания Нуменора, восседал на троне Морских Владык, не было короля более могущественного и исполненного гордыни, нежели Ар-Фаразон; а правили до того Нуменором двадцать и три короля и королевы, что уснули последним сном на золотых ложах, в подземных усыпальницах на Мэнэльтарме.

И восседая в блеске своей мощи на резного камня троне в Армэнэлосе, он лелеял мрачные мысли о войне. Ибо еще в Средиземье узнал он о мощи королевства Саурона и о ненависти его к Западному Краю. Ныне же возвращались с востока флотоводцы и военачальники и говорили, что с тех пор, как Ар-Фаразон покинул Средиземье, Саурон поднял голову и наносит немалый урон прибрежным крепостям, что он объявил себя королем людей и целью своей положил сбросить нуменорцев в Море и, буде то исполнимо, даже разорить Нуменор.

Страшно разгневался Ар-Фаразон, услышав такие вести, и возжелал он всей душой того, о чем мечтал втайне так долго — безграничного могущества и безмерной власти. И решил он, не советуясь ни с валарами, ни с чьей-либо мудростью, кроме своей собственной, что сам провозгласит себя королем людей и вынудит Саурона стать его данником и слугой — ибо в гордыне своей считал, что не было, нет и не будет владыки, который бы мог тягаться с потомком Эарендила. Потому велел Ар-Фаразон сковать великое множество оружия и, выстроив много боевых кораблей, оснастил их этим оружием; и, когда все было готово, во главе своего войска отплыл на восток.

Увидели люди в закатном небе пылающие кроваво-алым золотом паруса, и страх охватил жителей побережья, и они бежали прочь. Флот же пришел в место, что называлось Умбар — там стояла могучая твердыня и гавань нуменорцев. Безмолвны и пустынные были окрестные земли, когда Морской Владыка

шествовал по Средиземью. Семь дней шел он с трубами и знаменами и увидел холм; он взошел на вершину и там раскинул шатер и поставил трон, и воссел на него, а шатры его войска, голубые, белые и золотые, окружили его, словно море огромных цветов. И послал он герольдов, и велел Саурону явиться и принести ему ленную клятву.

И Саурон явился. Пришел из могучей своей крепости Барад-Дур и даже словом не обмолвился о войне. Ибо видел он, что мощь и величие Морских Владык превышают все слухи о них, так что Саурон не мог и надеяться, что самые могущественные его слуги сравнятся с ними; и понял Саурон, что не пришло еще время утвердить свою власть над дунаданами. А уж он-то владел искусством добиваться хитростью того, чего не мог добиться силой. Потому он униженно склонился пред Ар-Фаразоном и сладко заговорил с ним; и дивились люди — так мудра и прекрасна казалась им его речь.

Но Ар-Фаразон еще не был обманут, и пришла ему в голову мысль, что ради прочности ленной клятвы разумно было бы доставить Саурона в Нуменор, и пусть он живет там заложником за себя и за всех своих прислужников в Средиземье. Неохотно принял Саурон это решение, но в душе ликовал, ибо таковы же были его желания. И вот Саурон пересек море и узрел Нуменор, и город Армэнэлос в пышности его расцвета, и был потрясен; но тем более исполнилось его сердце зависти и ненависти.

Так однако был он хитроумен и сладкоречив, так сильна была его скрытая воля, что и трех лет не прошло, а он уже стал ближайшим тайным советником короля, ибо сладкий мед лести стекал с его языка, и было ему ведомо многое, недоступное еще людям. И видя, в каком он почете у короля, все советники преклонялись перед ним — все, кроме Амандиля, владетеля Андунизэ. Постепенно край изменялся, и встревожились Друзья Эльфов, и многие бежали в страхе: тех же, кто остались, хоть они и звали себя Верными, их враги нарекли мятежниками. Ибо ныне, владея слухом людей, Саурон хитроумно искажил все, чему учили валары; говорил он, что в мире, на востоке и даже на западе есть множество морей и земель, ждущих завоевания, где лежат втуне несметные сокровища. Если же они и достигнут края мира, за ним лежит лишь Древняя Тьма. “Из нее же был сотворен мир. Ибо лишь Тьма божественна, и Властелин Ее в силах дарить своим верным слугам новые миры, так что могуществу их не будет предела.”

— Кто же Властелин Тьмы? — спросил Ар-Фаразон.

И тогда, запершись вдвоем с королем, Саурон заговорил с ним и солгал, говоря:

— Властелин Тьмы — это тот, чье имя не произносится ныне: ибо валары обманули вас, представив вместо него Эру, близкий призрак, сотворенный их злодейством, дабы заставить людей служить себе. Истинный их повелитель еще возвысится и освободит вас от этого призрака; имя же его Мелькор, Владыка Суцего, Дарующий Свободу, и он даст вам куда больше силы.

Так Ар-Фаразон обратился к почитанию Тьмы и Мелькора, Владыки Ее — вначале тайно, а затем открыто, при подданных своих; и они большей частью последовали за ним. Но, как уже говорилось прежде, в Ромэнне и окрест нее все еще оставались Верные, жили они и в других концах страны. Вождями их, у которых искали они поддержки и утешения, были Амандиль, советник короля, и сын его Элендиль, чьи сыновья Исильдур и Анарион были, по нуменор-

скому счету, еще молоды. Амандиль и Элендиль были великими флотоводцами, и в жилах их текла кровь Эльроса Тар-Миниатура, хоть они и не принадлежали к правящему дому, что владел в Армэнэлосе короной и тронном. В дни юности Амандиль был близок Фаразону и, хотя считался Другом Эльфов, оставался в совете до появления Саурона. Тогда Амандиля удалили, ибо Саурон никого так не ненавидел в Нуменоре, как его. Но был Амандиль так высокороден и искусен в морском бою, что многие люди чтили его, как и прежде, и ни король, ни Саурон покуда не осмеливались тронуть его.

И вот Амандиль удалился в Ромэнну, и всех, кого считал верными, тайно призвал туда: ибо предвидел он, что лихо разрастется, и все Друзья Эльфов окажутся в великой опасности. Так оно вскоре и случилось. Мэнэльтарма в те дни была совершенно заброшена, и хотя даже Саурон не осмеливался осквернить священное место, король под страхом смертной казни запретил кому-либо всходить туда, тем более Верным, что еще чтили Илуватара. Саурон же подбивал короля срубить Белое Дерево, Нимлот Дивный, что рос при королевском дворе — память об эльдаргах и свете Валинора.

Долго король не соглашался, ибо верил в пророчество Тар-Палантира, что с Древом связана судьба королевского рода. Так в недомыслии своем тот, кто ненавидел эльдаров и валаров, безуспешно пытался укрыться под сенью бывшего союза. Когда же Амандиль услышал о лиходейском замысле Саурона, он ужаснулся, зная, что Саурон в конце концов настоит на своем. Тогда призвал он Элендиля и его сыновей и напомнил им предание о Древах Валинора; и промолчал Исильдур, а ночью ушел и свершил то, за что позднее стяжал великую славу. Ибо он в одиночку, изменив обличье, пробрался в Армэнэлос, в королевские чертоги, вход куда Верным был воспрещен; и пришел туда, где росло Дерево — а подходить к нему запрещалось велением Саурона, и его доверенные стражи днем и ночью стерегли Дерево. В то время Нимлот потемнел и не цвел более — пришла его осенняя пора, да и зима была уже недалеко; и вот Исильдур прокрался мимо стражи, сорвал с Древа плод и хотел было скрыться. Но тут поднялась тревога, на Исильдура напали, и он мечом прорубил себе дорогу, получив при том множество ран, и бежал: а так как был он переодет, никто не узнал посмевшегося коснуться Древа. Исильдур же с трудом добрался до Ромэнны и, прежде чем силы покинули его, передал плод в руки Амандиля. Затем плод был посажен в землю, и Амандиль благословил его; и вот появился росток и весной вытянулся в побег. Когда же раскрылся на нем первый лист, Исильдур, что лежал уже при смерти, ожил, и раны не тревожили его более.

Вовремя было сделано это дело, ибо после того случая король уступил Саурону и погубил Белое Дерево, тем самым отрекшись окончательно от союза, заключенного его предками. По велению Саурона на холме посреди золотого Армэнэлоса, нуменорского града, выстроили огромный храм; был он круглый и на высоком цоколе в тысячу футов шириною: стены — пятьдесят футов толщиной, и пятьсот футов высотой, а венчал их громадный купол. Купол этот покрыли серебром, и он так блистал в лучах солнца, что был виден издали; но очень скоро свет его померк, а серебро почернело. Ибо посреди храма, на алтаре пылал огонь, а в самой вершине купола была башенка, из которой поднимался дым. Первое же пламя на алтаре Саурон напитал мертвым телом Нимлота, и огонь с треском пожрал Дерево; и немало дивились люди, ибо дым, рож-

денный тем костром, семь дней стоял тучей надо всем краем, прежде чем неспешно уплыл на запад.

С тех пор огонь не угасал и дым не таял, ибо мощь Саурона все возрастала, а в храме этом люди предавали людей мучительной смерти, принося кровавые жертвы Мелькору, дабы он избавил их от Смерти. Жертвы они избирали большей частью среди Верных, однако никогда открыто не обвиняли их в непочитании Мелькора, Дарующего Свободу, но скорее в том, что они ненавидят короля и хотят взбунтоваться, или что они замышляют против своих сородичей, действуя ядом и ложью. Эти обвинения были чаще всего облыжны; но ведь время было ужасное, а ненависть рождает ненависть.

И все-таки Смерть не покинула страну, а являлась все чаще, все скорее и во все более ужасных обличьях. Ибо, если в прежние времена люди медленно старились и, устав от мира, засыпали вечным сном, то ныне безумье и слабость овладели ими; но по-прежнему боялись они умирать и уходить во тьму, во владение избранного ими же властелина; и, умирая, проклинали самих себя. В те дни люди по самому пустячному поводу хватались за оружие и убивали друг друга, ибо стали скоры на гнев; к тому же Саурон, бродя по краю, стравливал людей, так что они проклинали короля и властителей, и всякого, кто владел чем-то, чего не было у них; а стоявшие у власти жестоко мстили.

Тем не менее долго чудилось нуменорцам, что они процветают, и если счастья у них не прибавилось, то прибыло богатства и мощи. Ибо трудами и заботами Саурона их имущество множилось, и появлялись все более хитрые устройства, и строились все новые корабли. Могучими и оружными приплывали нуменорцы в Средиземье — уже не дарители и не вожди, но жестокие завоеватели. Они хватали людей Средиземья и обращали их в рабство, и присваивали себе их добро, и многих жестоко умерщвляли на алтарях. Ибо в твердых своих возвели нуменорцы храмы и гробницы; и люди боялись их, и память о добрых королях прежних дней померкла, затмившись жуткими повествованиями.

Так Ар-Фаразон, Владыка Звездной Земли, стал могущественнейшим тираном из всех, что когда-либо попирали землю со времен Моргота; но на деле именем его правил Саурон. Но годы шли, и король почувал приближение смерти, и гнев и страх овладели им. Настал час, приход которого Саурон предвидел и которого ждал. И сказал Саурон королю, что сила его ныне столь велика, что он может повелевать всем на свете и не подчиняться ничьим велениям и запретам.

И добавил он:

— Валары завладели краем, где нет смерти; и лгут они, скрывая эту землю от вас — из алчности или из страха, что Владыки Людей изгонят их из бессмертного края и сами будут править миром. И хотя, несомненно, дар вечной жизни не для всех, а лишь для мужей достойных, могучих и высокородных — вопиюще несправедливо, что дара этого лишен Король Королей Ар-Фаразон, могущественнейший сын Земли, с кем может сравниться лишь Манвэ, да и тот едва ли. Но великие владыки не подчиняются запретам и берут себе то, что им принадлежит.

И Ар-Фаразон, одурманенный и преследуемый тенью смерти — ибо жизнь его шла к концу — внимал Саурону и в сердце своем лелеял мысль о войне с валарами. Долгое время хранил он этот замысел в тайне, но не от всех можно

было его скрыть. Узнал Амандиль о намерениях короля и ужаснулся, ибо знал, что люди не могут победить валаров и что если не преградить путь этой войне, мир погибнет. Призвал он тогда сына своего Элендила и молвил так:

— Дни темны, и нет надежды людям, ибо Верных слишком мало. И потому решился я предпринять то же, что некогда предпринял предок наш Зарендиль — поплыть на Запад, презрев все запреты, отыскать валаров, и, быть может, самого Манвэ, и молить его о помощи, пока еще не все потеряно...

— Но не значит ли это предать короля? — спросил Элендиль. — Ты ведь знаешь, что нас называют предателями и соглядателями, но до сего дня это было ложью.

Отвечал Амандиль:

— Если б думал я, что Манвэ нуждается в таком посланце, я предал бы короля. Ибо есть лишь один обет верности, от которого никто не может отречься. Но я буду лишь молить о милости для людей и об освобождении их от Саурона-обманщика, ибо хоть немногие из них все еще верны. Что до Запрета, уж лучше я буду наказан, чем весь мой народ погрязнет в грехе.

— Но что будет, отец, с твоими родичами, если станет известно, что ты свершил?

— Никто ничего не узнает, — сказал Амандиль. — Я сохраню свой поход в тайне и поплыву на восток, куда каждый день отплывают из наших гаваней корабли, а затем, если позволят то ветер и удача, я поверну севернее или южнее и поплыву к своей цели. Тебе же, мой сын, и тем, кто идет за тобой, я дам такой совет: снарядите корабли и соберите на них все, что дорого вашему сердцу; когда же все будет готово, приди в гавань Ромэнны ипусти слух, что в урочный час ты последуешь за мной на восток. Амандиль не столь дорог ныне нашему венценосному родичу, дабы печалиться, если мы уплывем, пусть даже и навсегда. Нельзя только показать, что ты хочешь взять с собою много народа, ибо это обеспокоит короля — ведь он затевает войну, в которой ему понадобятся все силы. Найди же тех Верных, что еще тверды в своей вере и, буде они захотят того, пусть тайно присоединятся к тебе и поступают так, как ты.

— Что же я должен делать? — спросил Элендиль.

— Не вмешиваться в войну и ждать, — отвечал Амандиль.

— Более я ничего не могу сказать, пока не вернусь. Вероятнее всего, тебе придется бежать из Звездной Земли, и ни одна звезда не укажет тебе пути; ибо край этот осквернен злом. Тогда потеряешь ты все, что тебе дорого, при жизни испытаешь смерть, пустившись на поиски края, что приютит тебя в изгнании. Где же он — на западе ли, на востоке — ведомо лишь валарам.

Затем Амандиль простился со своими домочадцами, словно готовился к смерти.

— Ибо, — говорил он, — может случиться так, что вы никогда меня не увидите, и я не смогу явить вам знака, подобного тому, что явил некогда Зарендиль. И все же будьте наготове, ибо конец того мира, который мы знаем, уже близок.

Говорят, что Амандиль отплыл ночью, в утлом суденышке, и направился вначале на восток, а потом повернул на запад. С ним было трое близких слуг, и ни слова, ни знака не дошло от них в сей мир, и никто не знает, какова была их судьба. Нельзя было вторично спасти мир посольством, подобным посольству Зарендила, и нелегко было искупить измену Нуменора.

Элендиль же сделал все так, как велел отец, и поставил свои корабли у восточного побережья; и Верные привели туда своих жен и детей, принесли свое добро и родовые святыни. Было там много дивных волшебных вещей, что создавали нуменорцы в дни своей мудрости — кубки, и драгоценности, и свитки, исписанные алыми письменами на черном. Были там и Семь Камней, дар эльфов; а на корабле Исильдура хранилось юное Древо, отпрыск Нимлота Дивного. Так Элендиль, не вступая в лихие дела того времени, ждал своего часа и искал знака, но его не было. Часто втайне приходил он на западное побережье и вглядывался в морской простор, ибо любил отца, и скорбь и отчаяние владели им. Но ничего не узрел Элендиль, кроме флотилий Ар-Фаразона, что собирались в западных гаванях.

В былые времена в Нуменоре сама погода неизменно благоприятствовала людям: дожди выпадали щедро и в нужный час, солнечный жар то усиливался, то слабел, и с моря дули ласковые ветры. А западный ветер, казалось, нес едва уловимый, но нежный и волнующий аромат — аромат цветов, что вечно цветут на бессмертных лугах и которым не знают названия в смертных землях. Ныне же все изменилось: небосвод потемнел, то и дело налетали бури с дождем и градом и яростные ветры; и все чаще величественные нуменорские корабли покидали гавани и не возвращались, хотя беды такой не случалось прежде со времен восхода Звезды. И случалось так, что с запада являлась вечерами туча, видом похожая на орла, чьи крылья простирались на север и на юг; медленно надвигалась она, гася закат, и тогда на Нуменор падала крошечная тьма. А иной орел нес на крылах зарницы, и меж тучей и морем металось громовое эхо.

И ужасались люди. “Узрите Орлов Западного Владыки! — кричали они. — Орлы Манвэ приближаются к Нуменору” — И падали ниц.

Многие тогда, пусть на время, каялись, но иные ожесточались сердцем и грозили небу кулаками, крича: “Западные Владыки замышляют против нас. Они ударили первыми. А потом ударим мы!” Слова эти были произнесены королем, но вымыслил их Саурон.

Но молнии били все чаще и поражали людей на улицах городов и в полях; и огненная стрела ударила в купол Храма и рассекла его надвое, и он корчился в пламени. Но сам Храм уцелел, Саурон же стоял на башенке, пренебрегая молнией, и остался невредим; и в тот час люди нарекли его богом и во всем подчинялись ему. Потому и не внял никто последнему знамени. Ибо земля под их ногами сотрясалась, и ворчанье подземного грома смешивалось с ревом моря, и вершина Мэнэльтармы исторгала дым. Но тем спешнее вооружался Ар-Фаразон.

К тому времени флот нуменорцев затмил море у западного берега, и был он подобен архипелагу из тысячи островов; мачты кораблей высились горным лесом, а паруса громоздились тучами; и золотом и чернью пылали стяги. Все ждало лишь слова Ар-Фаразона; Саурон же удалился во внутренний круг Храма, и туда привели жертвы, дабы сжечь их.

Тогда со стороны заката явились Орлы Западных Владык, летя в боевом строю, край которого терялся вдали, недоступный глазу: и все шире простирались их крылья, заслоняя небо. Запад за ними пылал багровым огнем, и они сверкали, будто озаренные пламенем великого гнева; и весь Нуменор словно осветился раскаленными углями огромного костра; и люди взглянули друг на

друга, и почудилось им, что лица их красны от гнева.

Ожесточилось сердце Ар-Фаразона, и взошел он на борт могущественнейшего своего корабля, "Алькарондаса", "Морской Твердыни". Был он многовельный и многомачтовый, весь золоченый и черненый, и на нем возвышался трон Ар-Фаразона. И облачился Ар-Фаразон в доспехи, и возложил венец, и велел поднять королевский стяг, и подал знак к отплытию; и пение труб Нуменора заглушило раскаты грома.

Так нуменорская армада вышла сражаться с мощью Запада; ветер был слаб, но у них было в достатке и весел, и рабов в трюмах. Зашло солнце, и настала небывалая тишь. Тьма окутала землю, и море застыло, и весь мир замер в преддверии того, что грядет. Медленно сокрылся флот из глаз дозорных в гаванях, и смерились его огни, и ночь поглотила его, а наутро он был уже далеко. Мощный ветер налетел с востока и умчал корабли; и так нарушили они Запрет Валаров и вошли в запретные воды, неся войну Бессмертным, дабы отвождать у них вечную жизнь в Кругах Мира.

Флот Ар-Фаразона между тем пересек море и минул Аваллонэ и весь остров Эрессэа, и опечалились эльдары, ибо свет восходящего солнца затмился нуменорскими парусами. И вот Ар-Фаразон достиг Амана, Благословенного Края, и приплыл к берегам Валинора; и по-прежнему стояла мертвая тишь, и судьба мира повисла на волоске. И в последний миг Ар-Фаразон заколебался и едва не повернул назад. Дрогнуло его сердце, когда взглянул он на безмолвные берега и узрел сияние Таниквэтиля, что белее снега и холоднее смерти, безмолвное, неизменное и ужасное, как отблеск света Илуватара. Но гордыня была сильнее, и Ар-Фаразон покинул корабль, и ступил на берег, возглашая, что край этот принадлежит ему, если только никто не выйдет оспорить его права. И войско нуменорцев стало лагерем у Туны, где нашли убежище эльдары.

И тогда Манвэ с вершины Горы воззвал к Илуватару, и в тот миг валары отказались от власти над Ардой. И явил Илуватар свою мощь, и изменил облик мира; и разверзлась в море бездна меж Нуменором и Бессмертными Землями, и хлынула в бездну вода, и рев и пена этого потока достигли небес, и мир содрогнулся. И бездна та поглотила весь нуменорский флот, и он сгинул. Король же Ар-Фаразон и смертные витязи, что ступили на землю Амана, были погребены под обрушившимися скалами; говорят, что так и томятся они в заточении в Пещерах Забвения, пока не грянет Последняя Битва и День Рока.

Аман и Эрессэа ушли из мира и с тех пор недоступны людям. Андор же, Дарованная Земля, Царственный Нуменор, Эленна Звезды Эарендиля — земля эта погибла. Ибо она оказалась, на восточном краю чудовищной расселины, и ее основание рухнуло, и она погрузилась во тьму, и ее нет более. И нет ныне в мире места, где хранилась бы память о днях, не затененных лихом. Ибо Илуватар простер к западу от Средиземья Безбрежные Моря, а к востоку Бесконечные Пустыни, и сотворил новые моря и новые земли; но мир умалился и обеднел, ибо Валинор и Эрессэа ушли в края недостижимые.

Рок этот, неожиданный людьми, свершился на тридцать девятый день после отплытия флота. Мэнэльтарма извергла внезапный пламень, и налетел чудовищный вихрь, и земля сотряслась, и небо заколебалось, и горы сдвинулись с места, и Нуменор погрузился в пучину, и с ним все дети его, жены и девы, и горделивые дамы; и все его сады, чертоги, башни и гробницы; все богатства, ткани и драгоценности, все картины, резьбы и статуи, и вся мудрость его —

все исчезло навеки. И самой последней, венчаная пеной, ледяная, громадная, прозрачная и зеленая волна, покрывая весь край, приняла в объятия свои королеву Тар-Мириэль, что была прекраснее и серебра, и жемчуга, и слоновой кости. Слишком поздно пыталась она подняться по крутым тропам Мэнэльтармы к заброшенной святыне: воды поглотили ее и ее последний плач захлебнулся в реве ветра.

Верно то или нет, что Амандиль истинно приплыл в Валинор, и Манвэ и Варда вняли его мольбе, но милостью валаров Элендиль, его сыны и их спутники уцелели в гибельный тот день. Ибо Элендиль остался в Ромэнне, не вняв велению короля, собиравшего войско и, скрывшись от воинов Саурона, что явились схватить его и ввергнуть в пламень Храма, он взошел на корабль и стоял недалеко от берега, выжидая. Земля охранила его от чудовищного отлива, когда море хлынуло в бездну, а потом защитила от первого яростного натиска бури. Но когда всепожирающий вал обрушился на землю и настал час гибели Нуменора, казалось, что корабли Элендила сейчас перевернутся; и воистину, он счел бы куда меньшим несчастьем погибнуть, ибо никакая смертная боль не могла быть ужасней гибельной муки того дня; но тут налетел с запада бешеный ветер, какого прежде не видели люди, подхватил корабли и далеко отшвырнул их; и изорвал паруса, и изломал мачты, разметав несчастных людей по морю, словно соломинки.

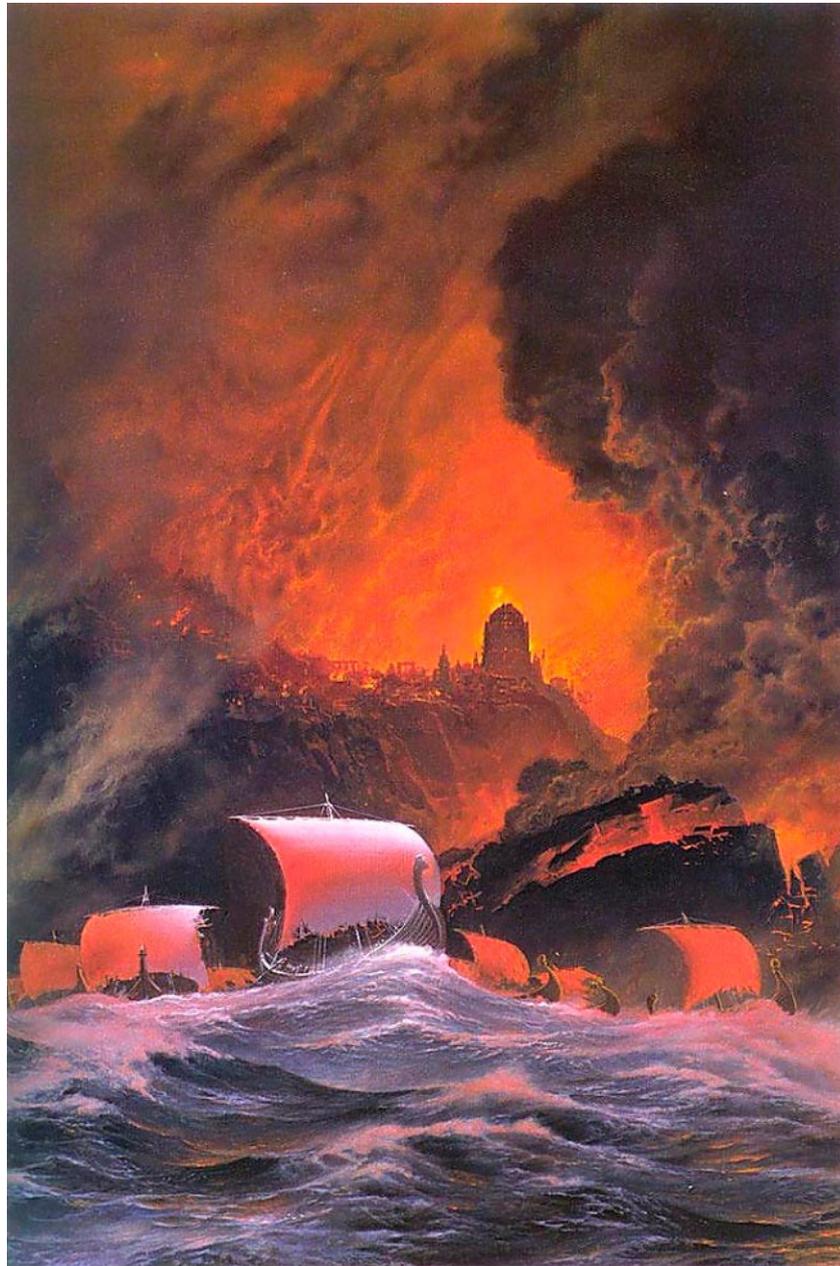

Элендиль с сыновьями покидает гибнущий Нуменор. Тед Несмит

Было там девять кораблей: четыре корабля Элендила, три — Исильдура и два — Анариона; и они бежали пред черной бурей, из сумерек рока во мрак мира. Под ними в неистовом гневe разверзались воды, и волны вздымались горами, венчаными пеной, и пенные их вершины вонзались в небо меж обрывков туч; и через много дней море выбросило корабли на берег Средиземья. В те дни все берега и прибрежные земли западного края претерпели изменения и разрушения, ибо море вторглось на землю, и рухнули берега; и старые острова затонули, а новые воздвиглись из волн; и осыпались горы, а реки потекли по новым руслам.

Позднее Элендиль и его сыновья основали в Средиземье королевства; и хотя их мудрость и мастерство были лишь тенью бывшего до прихода Саурона в Нуменор, велики казались они невежественным людям того мира. И много повествуют иные предания о свершеньях потомков Элендила в грядущей эпохе и об их борьбе с Сауроном, что еще не была завершена.

Ибо сам Саурон ужаснулся гневу валаров и жребию, что пал волей Эру на земли и воды. Меньшего ждал он, надеясь лишь на гибель нуменорцев и их гордого владыки. И Саурон, восседая на черном троне посреди Храма, смеялся, услышав боевой клич труб Ар-Фаразона; и вновь рассмеялся он, услышав грохот бури; когда же в третий раз смеялся он своим мыслям, думая о том, как избавясь от аданов, будет он править миром — в разгаре веселья он был схвачен и вместе с тронem и Храмом низвергнут в бездну. Но Саурон не был смертен, и, хотя он лишился облика, в коем содеял столь великое лихо — так что никогда уже не мог являться прекрасным в глазах людей — дух его взмыл из пучины, черным ветром перелетел море и вернулся в Средиземье, в Мордор, бывший его обиталищем. Там он вновь поселился в Барад-Дуре и жил, безмолвный и мрачный, пока не сотворил себе новый облик, воплощение зла и нена-

висти; и немногие могли снести взгляд Ока Саурона Ужасного.

Но этого нет в повести о падении Нуменора — о том поведано все. И даже название того края сгнуло, и люди не поминали более ни Эленны, ни Андора — Отнятого Дара, ни Нуменора на грани Мира; но говорили изгнанники на прибрежных землях, в тоске сердец своих обращаясь к западу, о **Мар-ну-Фáлмар**, сокрывшейся под волнами, об **Акаллабет**, Падшей Земле, в наречии эльфов **Аталáнтэ**.

* * *

Многие Изгнанники верили, что вершина Мэнэльтармы, Поднебесной Колонны, не затонула навечно, но вновь поднялась из моря одиноким островом, затерянным среди волн: ибо было то священное место, и даже во дни Саурона никто не осквернил его. И иные потомки Эарендила позднее искали тот остров, ибо говорили мудрые, что в древности самый зоркий глаз мог разглядеть с Мэнэльтармы сияние Бессмертного Края. Ибо даже после падения сердца дунаданов все еще были обращены к западу, и хотя им ведомо было, что мир изменился, говорили они: "Аваллонэ исчез с Земли, и Амана более нет, и во мра-

ке нынешнего мира их не сыскать. Но они были и есть в истинном бытии и в том облике мира, каким он был изначально задуман."

Ибо верили дунаданы, что даже смертный (будь над ним благословение) может искать иных времен, нежели жизненный срок их тел; и вечно желали они спастись от тени изгнания и хоть как-то узреть бессмертный свет; ибо горькая мысль о смерти гнала их в море. И потому их славные мореходы бороздили пустынные моря, надеясь отыскать остров Мэнэльтарма и узреть там видение былого. Но они ничего не нашли. Как бы далеко ни заплывали они, им встречались лишь новые земли, похожие на старые и так же подверженные смерти. Те же, кто заплывал дальше всех, всего лишь огибали Землю и, усталые, возвращались туда, откуда уплыли: и говорили они: "Все пути ныне замкнулись в кольцо".

И так в последующие дни посредством путешествий, а также изучения звезд, владыки людей узнали, что мир действительно стал круглым; и все же эльдарам было дано, буде они пожелают, достигнуть Древнего Запада и Аваллонэ, И потому людские мудрецы говорили, что Прямой Путь все еще существует для тех, кому дано найти его. И учили они, что, пока увядает новый мир, древний путь и тропа памяти о Западе все еще ведут, прорезая, словно невидимый мост, Слои Дыхания и Полета, которые искривились, когда стал круглым мир, и, пересекая Ильмэн, где живое не может существовать, приводит к Тол Эрессэа, Одинокому Острову, а быть может и в Валинор, где все еще обитают валары, следя, как идет своим чередом история мира. И рассказывали на побережье предания о мореходах, сгинувших в пучине, что по милости судьбы или благоволенью валаров взошли на Прямой Путь и узрели, как под ними умаляется лик земли, и пришли к озаренным огнями пристаням Аваллонэ, а быть может, и к последним отмелям на краю Амана и, прежде чем умереть, узрели Белую Гору, дивную и грозную.

О Кольцах Власти и Третьей эпохе

Повесть, завершающая предания Предначальной и Второй Эпох

Был некогда майар Саурон, которого синдары Белерианда звали Гортхаур. В начале Арды Мелькор склонил его к себе на службу, и он стал самым могучим и верным слугою Врага — и самым опасным, ибо мог принимать любое обличье и долгое время казаться прекрасным и благородным, обманывая всех, кроме самых проницательных.

Когда рухнул Тангородрим и Моргот был низвергнут, Саурон принял благородный облик и изъявил покорность Эонвэ, герольду Манвэ, и отрекся от лихих своих деяний. И говорят иные, что вначале это не была ложь, что Саурон воистину раскаялся, уstraшенный падением Моргота и безмерным гневом Западных Владык. Но не во власти Эонвэ было даровать прощение равным себе, и он велел Саурону вернуться в Аман и там ждать решения Манвэ. Устыдился тогда Саурон и не пожелал возвращаться униженным и, быть может, получить из рук валаров веление долго служить им, доказывая свою добрую волю; слишком велика была его власть под рукой Моргота, чтобы сейчас терпеть и покоряться. И потому, когда Эонвэ удалился, Саурон скрылся в Средиземье и вновь обратился ко злу, ибо узлы, что наложил на него Моргот, были чересчур крепки.

В Великой Битве и в сотрясениях от падения Тангородрима беспрестанно содрогалась земля, и Белерианд был разорен и расколот; и многие земли на севере и западе сокрылись под волнами Великого Моря. На востоке, в Оссирианде, разломились горы Эред Луин, и глубокий этот разлом, в который хлынуло море, пролег на юг, образовав залив. В тот залив, стремясь по новому руслу, впадала река Синяя, и потому он позднее был назван Синим Заливом. Весь этот край нолдоры когда-то называли Линдон, и то же имя он носил позднее; и многие эльдары все еще жили там, томясь и все же не желая покинуть Средиземье, где они так долго сражались и трудились. Королем их был Гиль-Гэлад, сын Фингона, и при нем находился Эльронд Эльфид, сын Эарендила Морехода и брат Эльроса, первого короля Нуменора.

На берегах Синего залива эльфы возвели гавань и назвали ее Мифлонд; там стояло множество кораблей, ибо пристань была хороша. Из Серебристой Гавани вновь и вновь отплывали эльдары, спасаясь от тьмы земных дней; ибо милостью валаров Перворожденные все еще могли отыскать Прямой Путь и, буде они пожелают, вернуться к своим сородичам на Эрессэа и в Валиноре, за пределами окружных морей.

Были иные эльдары, что в ту Эпоху перешли Эред Луин и оказались в Эриадоре. Поступили так большей частью уцелевшие тэлери из Дориафа и Оссирианда; они основали свои королевства среди Лесных Эльфов, в горах и лесах, далеко от моря, к которому, тем не менее, всегда стремились душой. Лишь в Эрегионе, который люди называли Падубь, эльфы племени нолдоров основали свое королевство к востоку от Эред Линдон. Эрегион был недалеко от велико-

го царства гномов, называвшегося Казад-Дум; эльфы звали его Хадходронд, а позднее — Мория. Из Ост-ин-Эдила, города эльфов, дорога вела к западным вратам Казад-Дума, ибо между эльфами и гномами зародилась, к обоюдной выгоде, небывалая прежде дружба. В Эрегионе кузнецы Гвайт-и-Мирдайн, Племени Камнеделов, превзошли искусностью всех когда-либо бывших творцов, кроме самого Феанора; и воистину первым искусником среди них был Целебримбор, сын Куруфина, что отрекся от деяний своего отца и, как повествует **Квэнта Сильмарилион**, после изгнания Целегорма и Куруфина остался в Наргофронде.

Много лет повсюду в Средиземье царил мир; и все же край большей частью был пустынен и дик, не считая тех мест, где поселились пришельцы из Белерианда. Правда, там, как и в прежние бесчисленные годы, жили во множестве эльфы, вольно бродя по бескрайним просторам, вдали от Моря; но то были авари, для которых история Белерианда была лишь слухом, а Валинор — малознакомым именем. А на юге и далеко на востоке множились люди; и большинство их обратилось ко злу, ибо Саурон не дремал.

Видя дикость и запустение мира, Саурон мысленно говорил себе, что валары, свергнув Моргота, вновь забыли о Средиземье; и гордыня его воспряла. С ненавистью взирал он на эльдаров; нуменорцев же, приплывших в то время к берегам Средиземья, он боялся, но долго еще скрывал свои чувства и таил черные замыслы, зарождавшиеся в его сердце.

Из всех земных племен легче всего было ему склонить к себе людей; однако он долго пытался обольстить эльфов, ибо знал, что Перворожденные более могущественны; и вот Саурон в облике все еще дивном и мудром бродил меж них тут и там. Только в Линдон не являлся он, ибо Гиль-Галад и Эльронд не верили ни словам его, ни прекрасной личине, и хотя не знали, кто он на самом деле, не позволяли ему приходить в их владения. В других же краях эльфы радостно встречали этого гостя, и немногие внимали гонцам из Линдона, призывавшим быть настороже; ибо Саурон называл себя Аннатар, Даритель, и дружба с ним вначале была им весьма полезна. И он говорил им так: “Увы, вот слабость сильных! Могуч король Гиль-Галад, искусен и мудр владыка Эльронд, и все же не помогают они моим трудам. Неужели не мечтают они узреть иные края столь же счастливыми, как их собственные земли? Неужели Средиземье навек останется сумрачным и пустынным, в то время как эльфы могли бы сделать его таким же прекрасным, как Эрессэа или даже Валинор? Если уж вы могли вернуться в Аман и не вернулись, то, полагаю, вы любите Средиземье так же, как люблю его я. Так разве не должны мы вместе трудиться на благо его и всех эльфийских племен, что бродят в этих краях, непричастные к высоте той мощи и знания, которые даны побывавшим за Морем?”

Охотней всего внимали речам Саурона в Эрегионе, ибо жившие там нолдоры неустанно горели желанием совершенствовать искусность и тонкость своих творений. Сверх того, не было в их сердцах мира с тех пор, как они отказались вернуться на Запад, ибо желали они жить в Средиземье, которое истинно любили, и в то же время разделять счастливое блаженство уплывших за Море. Потому они внимали Саурону и многому научились от него, ибо мудрость его была велика. В те дни кузнецы Ост-ин-Эдила превзошли все прежние свои творения: они воплотили свой замысел и создали Кольца Власти. Но

Саурон направлял их труды и знал все, что было ими создано, ибо желал он опутать эльфов и подчинить их себе.

Много колец создали эльфы; Саурон же тайно сотворил Единое, что повелевало всеми прочими кольцами, и мощь их была связана с его мощью, и существовала до тех пор, покуда существовало Оно. Много силы и воли своей вложил Саурон в Единое Кольцо, ибо мощь эльфийских колец была велика, и кольцо, что правит ими, должно обладать небывалым могуществом; а сковал его Саурон на Огненной Горе в Стране Мрака. И покуда Кольцо находилось при нем, ему были открыты все деянья, свершенные с помощью младших колец, и мог он зреть самые мысли тех, кто владел этими кольцами, и управлять ими.

Но не так-то легко провести эльфов. Едва надел Саурон на палец Единое Кольцо, как они уже знали о том и прозрели, что Саурон жаждет поработить их самих и все их творения. И, исполняясь страха и гнева, эльфы скрыли свои кольца. Саурон же, узнав, что выдал себя и что эльфы не были обмануты, пришел в ярость и объявил им войну, требуя, чтобы все кольца были отданы ему, ибо без его мастерства и совета никогда не смогли бы их сделать эльфийские мастера. Но эльфы бежали пред ним; и три кольца им удалось спасти и сохранить.

То были Три Кольца, созданные позже прочих, и они обладали величайшей силой. Звались они Нарья, Нэнья и Вилья — Кольца Огня, Воды и Воздуха, украшенные рубином, адамантом и сапфиром: и Саурон желал овладеть ими больше, чем всеми прочими эльфийскими кольцами, ибо те, кто хранил их, могли отвратить распад, что несет время, и отсрочить увядание мира. Но Саурону те кольца были недоступны, ибо их передали в руки Мудрых, которые скрыли их и никогда не использовали открыто, пока Саурон владел Единым Кольцом. И потому Три Кольца остались незапятнанными, ибо были выкованы одним Целебримбором, и Саурон не коснулся их; но все же и они были подвластны Единому.

С тех пор война между эльфами и Сауроном никогда не затихала; и Эрегион пришел в запустение, и Целебримбор погиб, и врата Мории захлопнулись. В те дни Эльронд Эльфид основал твердыню Имладрис, что люди называли Светлояром; и твердыня та простояла долго. Но Саурон захватил все прочие Кольца Власти и передал их прочим народам Средиземья, надеясь таким образом привести под свою руку всех, кто жаждал тайной силы, не дарованной изначально его расе. Семь колец он отдал гномам; людям же — целых девять, ибо они в том деле, как и во многих других, охотней всего шли ему навстречу. Те же кольца, что были подвластны Саурону, он извратил, и было это тем легче, что он приложил руку к их созданию; и легло на них проклятие, и предавали они тех, кто ими владел. Гномы оказались слишком неподатливы и упрямы, чтоб их можно было покорить; они не терпели над собою чужой власти, и трудно было проникнуть в их сердца и обратить их ко тьме. Кольца они использовали лишь для того, чтобы добывать богатства; но в душах их зародились скорый гнев и всепоглощающая жажда золота, и много лиха принесло это впоследствии, к вящей выгоде Саурона. Говорят, что каждой из Семи Сокровищниц гномьих царей древности положило начало золотое кольцо; но все эти сокровищницы давным-давно разграблены, драконы разорили их, и иные кольца сгинули в драконьем пламени, а иные Саурону удалось вернуть.

Людей куда легче было уловить в сети. Те, кто владел Девятью Кольцами, обрели могущество, стали королями, витязями и чародеями древности. Стяжали они славу и великое богатство, но все это добро обернулось лихом. Кажется, они обрели бессмертие, но постепенно жизнь становилась им непереносима. Пожелай они — могли бы бродить незримиыми, недоступными глазу существ поднебесного мира, и зреть миры, непостижимые смертными; но слишком часто зрили они лишь призраки и ловушки, сотворенные Сауроном. И один за другим, раньше или позже — что зависело от их природной силы и от того, добро или зло двигало ими с самого начала — они становились рабами своих колец и подпадали под власть Единого Кольца — кольца Саурана. И стали они навеки невидимы, доступны лишь взгляду того, кто владел Верховным Кольцом, и сошли в мир теней. Назгулами стали они, Призраками Кольца, ужаснейшими слугами Врага; тьма следовала за ними, и крик их был голос смерти.

Алчность и гордыня Саурана возросли непомерно, и решил он стать господином всего, что ни есть в Средиземье, уничтожить эльфов и, буде то возможно, привести к гибели Нуменор. Не терпел он ничьей воли и ничьего соперничества, и именовал себя Владыкой Земли. Он все еще в силах был носить личину и при желании мог вводить в заблуждение людей, являясь им в обличье мудром и прекрасном. Но правил он чаще силой и страхом, если то ему было выгодно, и те, кто видел, как тень его растет над миром, прозвали его Черным Властелином и именовали Врагом; и собрал он под руку свою всех лихих тварей, что уцелели на земле или под землей еще со дней владычества Моргота; орки подчинялись ему и множились, как саранча. Так начались Черные Годы, которые эльфы называют Днями Бегства. В то время многие эльфы Средиземья бежали в Линдон, и оттуда уплывали за Море, чтобы никогда уже не вернуться; а многие погибли от руки Саурана и его прислужников. Но в Линдоне власть Гиль-Галада была непоколебима, и Саурон не осмеливался пока ни перейти Эред Луин, ни напасть на Гавани; к тому же, Гиль-Галаду помогали нуменорцы. Во всех прочих краях правил Саурон, и те, кто желал свободы, скрывались в горах и чащах, и жили там в вечном страхе. На юге и на востоке почти все люди были подвластны Саурону, и стали сильны в те дни, и возвели города с каменными стенами, и были многочисленны и жестоки в бою, и вооружены железом. Саурон был для них владыкой и божеством и вызывал у них безмерный ужас, ибо обиталище его было обнесено огнем.

Но вот наконец натиск Саурана на западные края был — на время — приостановлен. Ибо, как о том рассказывается в Акаллабет, Саурон был вызван на единоборство владыкой Нуменора. Так велики в те дни расцвета были мощь и слава нуменорцев, что слуги Саурана не могли выстоять против них, и тогда Саурон, надеясь достигнуть хитростью того, чего не добыть силой, на время покинул Средиземье и отправился в Нуменор пленником короля Тар-Калиона. И там обитал он, покуда чарами своими не извратил души почти всех нуменорцев и не подтолкнул их к войне с валарами — и не привел тем самым Нуменор к падению, исполнив заветное свое желание. Но падение это было куда ужаснее, нежели предвидел Саурон, ибо забыл он, какова во гневе мощь Западных Владык. Мир раскололся, и Нуменор опустился на дно, и моря сомкнулись над ним, и сам Саурон низвергся в бездну. Но дух его воспрял и на крыльях черного ветра умчался в Средиземье в поисках пристанища. Там обнару-

жил он, что власть Гиль-Галада за эти годы возросла и ныне простиралась на север и на запад, за Мглистый Хребет и Великую Реку, до самых границ Великого Зеленолесья, приближаясь к тем твердыням, где он некогда обитал в безопасности. Тогда Саурон удалился в свою крепость в Черном Краю и там лелеял замыслы о войне.

Рассказывается в **Акаллабет**, что в то время нуменорцы, спасшиеся от гибели, бежали на восток. Вел их Элендиль Статный, и с ним сыновья его, Исильдур и Анарион. Были они родичами короля и потомками Эльроса, но не желали внимать Саурону и отказались воевать с Западными Владыками. Собрав на свои корабли всех, кто остался верен валарам, покинули они берега Нуменора прежде, чем он погиб. Могучи были те люди, и крепки их корабли, но буря оказалась сильнее, и водяные горы вздымали их к облакам, и, словно морские птицы, опустились они на земли Средиземья.

Элендила волны принесли к берегам Линдона, и там был он дружески принят Гиль-Галадом. Затем Элендиль переправился через реку Синюю и у подножия Эред Луин основал свое королевство, и подданные его селились по всему Эриадору, на берегах Синей и Берендуина; столицей же королевства был город Аннуминас, что на озере Нэнуиал. Жили нуменорцы и в Фórноте, что на Северном Нагорье, и в Кардолане, и на холмах Рудáура; возвели они башни на Эмин Бэрайде и Амон Суле, и, хотя ныне в тех краях лишь могильники да руины, башни Эмин Бэрайда все еще глядят на море.

Исильдура и Анариона буря отнесла к югу, и после долгих скитаний привели они корабли в устье Великой Реки — Андуина, что бежит из Рованиона к западному морю, впадая в залив Бельфалас; там основали они королевство, позднее названное Гóндор, а северное королевство звалось Арнор. Давным-давно, во дни своего могущества, нуменорские мореходы возвели в устье Андуина укрепленную гавань, невзирая на близость Черного Края, где властвовал Саурон. Позднее в ту гавань приплывали лишь Верные нуменорцы, и потому край этот населяли большей частью родичи Друзей Эльфов и подданные Элендила: потому они радостно встретили его сыновей. Столицей южных владений был Остгилиаф, рассекаемый надвое Великой Рекой; нуменорцы построили через нее большой мост, на котором стояли башни и дивного вида дома, и длинные лодьи подымались от моря к причалам города. По обе стороны от реки были возведены и иные твердыни: Минас Ифил, Крепость Восходящей Луны — восточнее, на отроге Гор Тьмы, как угроза Мордору; и Минас Анор, Крепость Заходящего Солнца — на западе, у подножья горы Миндоллуин, как щит от диких жителей равнин. В Минас Ифиле жил Исильдур, в Минас Аноре — Анарион; королевство они поделили между собою, и троны их стояли рядом в Высоком Чертоге Остгилиафа. Нуменорцы в Гондоре жили большей частью в этих городах, но возвели также в том краю за годы своего могущества много дивных и мощных твердынь — у Аргонафа, близ Агларонда и Эреха: а в каменном кольце Ангреноста, что зовется людьми Исенгард, под их руками поднялась к небу незыблемая игла Ортханка.

Множество дивных сокровищ и небывалых творений привезли из Нуменора Изгнанники, но главнейшей драгоценностью были Семь Камней и Белое Древо. Древо то было проращено из плода Нимлота Дивного, что когда-то рос в королевских хоробах, в Армэнэлосе, и был сожжен Сауроном. Нимлот же, в свою очередь, происходил от Тирионского Древа, которое было подобием

Древнейшего Древа, Тэлпериона Белого, возвращенного Йаванной в землях валаров. Древо, память об эльдарах и свете Валинора, было посажено в Минас Ифиле, перед дворцом Исильдура, ибо это он спас плод от гибели; Камни же были разделены.

Три Камня взял Элендил, и по два — его сыновья. Камни Элендила помещены были в башне на Эмин Бэрайд, на Амон Суле и в Аннуминасе. Камни же сыновей его находились в Минас Ифиле и Минас Аноре, а также в Ортханке и Остилиафе. Были эти Камни такого свойства, что всякий, кто глядел в них, мог видеть нечто, отдаленное в пространстве и во времени. Большею частью Камень открывал то, что близко было другому, родственному Камню, ибо все они были связаны меж собой; однако тот, кто был могуч волей и духом, мог научиться направлять свой взор туда, куда желалось ему. Так узнавали нуменорцы о том, что хотели сокрыть их враги, и ничто не могло от них укрыться во дни их могущества.

Говорят, что башни Эмин Бэрайда возведены были не Изгнанниками, но самим Гиль-Галадом — для друга его Элендила; и Всевидящий Камень Эмин Бэрайда помещен был в Элостирионе — высочайшей из башен. Часто, когда тоска овладевала Элендилем, он отправлялся туда и долго вглядывался в бесконечные морские просторы; и многие верят, что иногда мог он даже узреть вдали башни Аваллонэ, что на Эрессэа — там обитал и обитает ныне Верховный Камень. Камни эти были подарены Эльдарами отцу Элендила — Амандилю, дабы поддержать Верных Нуменорцев в тяжкие для них дни, когда эльфы не могли уже больше приплывать в край, затемненный Сауроном. Камни звались палантыры, что означает “видящие издалека”, но те из них, что были когда-то привезены в Средиземье, сгинули бесследно.

Так Изгнанники основали свои королевства Арнор и Гондор; но прошли годы — и стало ясно, что их враг, Саурон, вернулся в Средиземье. Говорят, что он тайно пробрался в давнее свое владение, Мордор, что за стеной Эфель Дуафа — Гор Тьмы: а был тот край у восточных границ Гондора. В Мордоре, в долине Горгороф возведена была огромная и мощная твердыня. Барад-Дур, Черный Замок; там была и Огненная Гора, что эльфы прозвали Ородруин. Недаром же Саурон в незапамятные времена поселился там — он использовал огонь, извергавшийся из сердца земли, для своего чародейского ремесла; и там, посреди Мордора, выковал он Кольцо Всевластья. Ныне же бродил он во тьме, покуда не сотворил себе нового облика; и была та личина ужасна, ибо прежнее благородное обличье навеки покинуло его, когда он низвергся в бездну во время гибели Нуменора. Вновь надел Саурон Единое Кольцо и облекся в мощь; и немногие, даже самые могучие люди и эльфы могли вынести пышущий злобой взгляд Ока Саурона.

Саурон готовился к войне с эльдарами и дунаданами, и Огненная Гора пробудилась вновь. Узрев же издалека дым Ородруина и поняв, что Саурон вернулся, нуменорцы нарекли эту гору Амон Амарт — Роковая Гора. И собрал Саурон несметное войско подвластных ему, что жили на юге и на востоке; было среди них немало высокорожденных нуменорцев. Ибо когда еще Саурон пребывал в Нуменоре, многие жители того края обратились ко злу. Потому те, кто уплывал тогда на восток и закладывал на побережье крепости и города, все почти склонялись перед его волей и с той же охотой служили ему в Средизе-

мье. Опасаясь, однако, мощи Гиль-Галада, те высокородные изменники и могучие лиходеи поселялись далеко на юге; но были среди них двое, Хэрумор и Фуинур, повелевавшие харадримцами, многочисленным и свирепым племенем, что жило в пустынных землях к югу от Мордора, за устьем Андюина.

И вот когда Саурон решил, что час его настал, он повел бесчисленное войско на новое королевство — Гондор, и захватил Минас Ифиль, и уничтожил Белое Дерево, посаженное Исильдуром. Но сам Исильдур избегнул смерти и, увозя с собою семя Белого Древа, с женою и сыновьями спустился на корабле по Андюину, и поплыл искать помощи у Элендила. Анарион между тем защищал Остилиаф от Врага и даже на время отбросил его к горам; но Саурон вновь собирал силы, и Анарион знал, что, если не придет помощь, королевство его долго не продержится.

Элендиль и Гиль-Галад вместе долго держали совет, ибо понимали, что Саурон наберет небывалую силу и разгромит своих врагов поодиночке, если только они не объединятся против него. А потому заключили они Союз, что зовется Последним, и двинулись на восток, в Средиземье, собирая многочисленное войско людей и эльфов; ненадолго остановились они в Имладрисе. Говорят, что никогда прежде не видели в Средиземье более прекрасного и лучше вооруженного войска и что больших сил не собирали с тех пор, как воинство валаров двинулось на Тангородрим.

Выйдя из Имладриса, по многочисленным тропам перешли они Мглистый Хребет, спустились вниз по течению Андюина и наконец повстречались с войском Саурона на Дагорлад, Ратном Поле, что лежит у самых врат Черной Страны. Все живое разделилось в тот день на два лагеря, и существа одного племени, даже звери и птицы, сражались на обеих сторонах — все, кроме эльфов. Лишь они не разделились и шли все под знаменами Гиль-Галада. Гномы сражались и за тех, и за других; но племя Дарина Морийского билось против Саурона.

Воинство Гиль-Галада и Элендила победило, ибо мощь эльфов в те дни была еще велика, а нуменорцы были могучи, статны и ужасны в гневе. Никто не мог выстоять против Айглоса, копья Гиль-Галада; а пред мечом Элендила трепетали и орки, и люди, ибо меч тот сиял светом луны и солнца и звался Нарсиль.

Затем Гиль-Галад и Элендиль вступили в Мордор и осадили твердыню Саурона. Семь лет длилась осада, и многие погибли от огня, стрел и дротиков Врага, ибо Саурон постоянно устраивал вылазки. Там, на плато Горгороф пал Анарион, сын Элендила, и с ним многие воины. Но вот кольцо осады стянулось так, что Саурон принужден был сам выйти в бой; он сражался в поединке с Гиль-Галадом и Элендилем, и оба они погибли; и когда пал Элендиль, меч его переломился под ним. Но и Саурон был повергнут, и Исильдур обломком Нарсилья отрубил с руки Врага палец с Кольцом Всевластья, и взял это кольцо себе. Так Саурон на время был покорен, и покинул свое тело, и дух его бежал прочь и сокрылся в дебрях; долго еще после того не обретал он зримого облика.

Так, после Древних Дней и Черных Лет, началась Третья Эпоха Мира; и в те времена жили еще надежда и память о радости; и долго еще Белое Дерево Эльдаров цвело в королевских хоробах, ибо прежде, чем покинуть Гондор, Исильдур посадил спасенный сеянец в крепости Анор, в память о своем брате. Слуги

Саурана были разгромлены наголову и рассеяны — но не уничтожены; и хотя многие люди отвернулись от зла и пришли под руку наследников Элендила, но были и те, кто в душе своей помнил Саурана и ненавидел западные королевства. Черный Замок сравнивали с землей, но корни его остались, и это не было забыто. Правда, нуменорцы неусыпно сторожили Мордор, но мало кто осмеливался там поселиться — всех пугала память о Сауроне и Огненная Гора, возвышавшаяся у Барад-Дура; и пепел покрывал бесплодное плато Горгороф. Множество эльфов, нуменорцев и иных людей — их союзников — погибло в битве и при осаде; и не было больше Элендила Статного и верховного короля Гиль-Галада. Никогда больше не собиралось такое войско и никогда больше не заключался такой союз, ибо после гибели Элендила люди и эльфы отделились друг от друга.

Даже Мудрые не знали тогда, что стало с Кольцом Всевластия; однако, оно не было уничтожено. Ибо Исильдур не отдал его стоявшим рядом Эльронду и Цирдану. Они советовали Исильдуру бросить Кольцо в пламя близкого Ородруина, дабы оно сгнуло, а мощь Саурана ослабла и он навеки остался бы зловещей тенью в дебрях. Но отказался Исильдур принять этот совет и молвил так: "Пусть то будет вира за смерть отца моего и брата. И разве не я нанес Врагу смертельный удар?" К тому же, Кольцо казалось ему небывало дивным на вид, и не мог он снести, чтоб его уничтожили. Потому, взяв Кольцо с собой, он вернулся вначале в Минас Анор и посадил там Белое Древо в память о брате своем Анарионе. Вскоре Исильдур оставил править Гондором Мэнэльдила, сына своего брата (Кольцо он унес, рассудив, что оно будет передаваться по наследству в его роде) и двинулся на север тем путем, которым пришел Элендиль; он отказался от южного королевства, ибо намеревался править владениями своего отца в Эриадоре, вдали от тени Черного Края.

Но Исильдур был застигнут врасплох бандой орков, что таилась в засаде близ Мглистого Хребта; орки неожиданно напали на стан отряда меж Зеленолесьем и Великой Рекой, у Лоэг Нинглорон, Ирисной Низины — Исильдур был столь беспечен, что не выставил стражи, считая, что все враги его побеждены. Там полегли почти все воины Исильдура, и среди них три его старших сына, Элендур, Аратан и Кирион; но жену и младшего сына Исильдур, отправляясь на войну, оставил в Имладрисе. Сам Исильдур бежал с помощью Кольца; оно делало невидимым того, кто его надевал; но орки преследовали его по запаху и стреляли, покуда он не добежал до Реки и не бросился в воду. Тут Кольцо предало его и отомстило за своего создателя: когда Исильдур плыл, оно соскользнуло с его пальца и исчезло в воде. Орки увидели Исильдура, боровшегося с течением, и выпустили в него множество стрел; и так пришел его конец. Лишь трое воинов его после долгих скитаний пришли из-за гор, и одним из них был Охтар, оруженосец Исильдура, которому были даны на хранение обломки меча Элендила.

Так в надлежащее время, в Имладрисе, Нарсиль был передан Валандилю, наследнику Исильдура; но клинок был сломан, свет его затмился, и меч не был перекован. И Владыка Эльронд предсказал, что этого не произойдет, пока не отыщется Кольцо Власти и не вернется Саурон; но и люди, и эльфы надеялись, что этого не случится.

Валандиль поселился в Аннуминасе, но подданных у него стало куда меньше; и нуменорцев, и людей Эриадора, вместе взятых, не хватало, чтобы засе-

лить край и держать все крепости, возведенные Элендклем; слишком много их пало на Дагорладе, в Мордоре и в Ирисной Низине. И во время правления Эарендура, седьмого короля после Валэндиля, земли людей Западного Края, северных дунаданов, разделились на мелкие княжества и владения, и враги уничтожили их одно за другим. За долгие годы число дунаданов сильно сократилось, и могущество их сгинуло, оставив лишь зеленые курганы в зеленой траве. Стали они наконец странным племенем, потаенно бродившим в делях, и прочие люди не знали, ни где их дома, ни куда их ведут дороги, лишь в Имладрисе, в доме Эльронда, помнили еще, кто были их предки. Но обломки меча поколение за поколением хранились наследниками Исильдура; и род этот не прервался.

На юге королевство Гондор просуществовало долго, и долгое время мощь его росла, пока не сравнялась с мощью и величием Нуменора до его падения. Возводили гондорцы высокие башни и крепости, и гавани со множеством кораблей; и крылатый Венец Королей приводил в трепет племена многих стран и наречий. Много лет росло перед дворцом короля в Минас Аноре Белое Дерево, отпрыск деревца, привезенного Исильдуром по бурным волнам из Нуменора; а то деревце произошло от семени, привезенного из Аваллонэ, а то семя — из Валинора Полдневного, в те дни, когда мир был еще юн.

Но вот под тяжестью быстро текущих лет Средиземья Гондор начал увядать, и род Мэнэльдиля, сына Анариона, пресекся. Ибо кровь нуменорцев мешалась с кровью прочих людей, и их мудрость и могущество умаялись, а срок жизни сократился; и Мордор стерегли уже не так бдительно. А в дни правления Тэлемнара, двадцать третьего из рода Мэнэльдиля, черный восточный ветер принес поветрие, и умерли король и его дети, а с ними множество гондорцев. Дозорные крепости на границах Мордора были покинуты, и Минас Ифиль опустел; и вновь лихо скрытно вошло в пределы Черного Края, и словно ледяной ветер оживил дыханием пепел Горгорофа, ибо черные тени собрались там.

Говорят, что были то **Ула́йры**, которых Саурон называл назгулами. Девять Призраков Кольца, что долго скрывались, а ныне вернулись, дабы проложить путь своему Господину, ибо он опять набирал силу.

В дни правления Эарниля Призраки Кольца нанесли первый удар — ночью по перевалом Теневых Гор вышли они из Мордора и захватили Минас Ифиль; и столь ужасна стала та крепость под их владычеством, что никто не осмеливался даже взглянуть на нее. Позднее она была названа Минас Моргул, Крепость Злых Чар; и Минас Моргул вечно враждовала с лежавшей на западе Минас Анор. В то время Остилиаф, в котором вымерли почти все жители, превратился в руины, населенные призраками. Но Минас Анор жила и получила новое имя — Минас Тириф, Крепость-Страж, ибо там короли велели возвести белую башню, высокую и прекрасную, и взору ее доступны были многие края. Неизменно горделив и могуч был этот город, и в нем все еще цвело пред королевским дворцом Белое Дерево; и остатки нуменорцев все еще защищали брод через Реку от ужасов Минас Моргула и от всех врагов Запада — орков, чудищ и лихих людей; и земли за их спиной, к западу от Андуина, были заслонены от войны и разора.

Минас Тириф продолжал существовать и тогда, когда пришел конец правлению Эарнура, сына Эарниля, последнего короля Гондора. Это он один поска-

кал к воротам Минас Моргула, чтобы ответить на вызов Черного Чародея; и они встретились в поединке, но Эарнур был предан назгулами, и схвачен живым, и доставлен в чудовищную твердыню, и никто из живущих больше его не видел. Эарнур не оставил наследника, но когда королевский род пресекся, городом и все сокращавшимся королевством правили наместники из рода Мёрдила Верного. Пришли роандийцы, всадники Севера, и поселились в зеленом Рóханде, что прежде звался Каленардоном и был частью владений Гондора; и роандийцы помогали Князьям-Наместникам в войнах. А на севере, за порогами Рауроса и Вратами Аргонаф были и иные защитники, силы более древние, о которых люди знали мало и против которых не рисковали выступить порождения зла, покуда в надлежащее время не вернулся вновь их темный владыка Саурон. И пока не пришло то время, ни разу со времен Эарниля не осмеливались назгулы пересекать Реку или покидать свою твердыню в обличье, зримом для людей.

Во все время Третьей Эпохи, после гибели Гиль-Галада владыка Эльронд жил в Имладрисе и собрал там множество эльфов и прочих, могучих и мудрых сынов всех племен, населявших Средиземье. Долгие годы, пока одно поколение людей сменялось другим, хранил он память о былом и прекрасном; и дом Эльронда был прибежищем для усталых и подавленных, сокровищницей добрых советов, искусств и мудрости. В этом доме, в юности и в зрелые годы находили приют наследники Исильдура, ибо были в родстве с самим Эльрондом, а еще потому, что в мудрости своей знал он, что из этого рода произойдет некто, кому суждено свершить великие дела в последние дни той Эпохи. До того же времени обломки меча Элендила были отданы на хранение Эльронду, когда дни дунаданов затмились, и они стали племенем скитальцев.

В Эриадоре Имладрис был главным поселением Высших Эльфов, но в Серебристой Гавани, в Линдоне жили также и остатки народа Гиль-Галада. Порою они забредали в Эриадор, но большей частью жили у моря, строя и лелея эльфийские корабли, на которых отплывали на Заокраинный Запад первоорожденные, уставшие от мира. Цирдан Корабел был владыкой Гавани.

О Трех Кольцах, что эльфы сохранили нетронутыми, среди Мудрых не говорили открыто, и даже не все эльдары знали, где они хранятся. Но после низвержения Саурона чары их трудились неустанно, и там, где были они, жила радость и ничто не было отмечено горестной печатью времени. И потому еще прежде, чем кончилась Третья Эпоха, эльфы знали, что Сапфир хранился у Эльронда, в дивной долине Светлояр, в доме, над которым ярче всего сияли звезды; в то время как Адамант был в Лóриэне, краю владычицы Галадриэль. Была она королевой лесных эльфов, супругой Цэлеборна из Дориафа; сама же происходила из племени нолдоров и помнила День Валинора, что был прежде иных дней. Но Красное Кольцо осталось сокрытым до самого конца, и никто, кроме Эльронда, Галадриэли и Цирдана, не знал, кому оно отдано.

Так и было, что в двух владениях в Средиземье на протяжении всей Эпохи хранились неумаленными блаженство и красота эльфов — в Имладрисе и в Лотлориэне, потаенном краю между Келебрантом и Андуином, где на деревьях цвели золотые цветы, и ни орки, ни лихие твари не осмеливались забрести туда. Но многие эльфы предсказывали, что буде Саурон явится вновь и, найдет ли он потерянное Кольцо Всевластья или оно будет найдено его врага-

ми и уничтожено — в любом случае сила Трех Колец сгинет, и все, что создано ими, увянет, настанут сумерки эльфов и начнется Владычество Людей.

Так оно позднее и случилось — Одно, Семь и Девять были уничтожены, а Три ушли, и с ними кончилась Третья Эпоха, и завершились предания об Эльдах в Средиземье. То были Годы Увядания, и последний расцвет эльфов в землях к востоку от Моря сменился суровой зимой. А в то время нолдоры, прекраснейшие и могущественнейшие дети мира, еще бродили по Ближним Землям, и звуки их наречия еще доступны были людскому слуху. Множество творений, дивных и странных, оставалось еще в мире; но и немало было лихого и жуткого: орки, тролли, драконы и хищные твари; в лесах бродили неведомые и мудрые создания; гномы трудились в горах, терпеливым искусством творя из металла и камня вещи, которым не было равных. Но близилось Владычество Людей, и все менялось, пока наконец не явился вновь в Лихолесье Темный Властелин.

В древности лес этот звался Великим Зеленолесьем, и его чертоги, поляны и прогалины полнились зверьем и сладкоголосыми птицами: там, под сенью вязов и буков были владения короля Трандуиля. Но через много лет, когда прошла почти треть этой эпохи, с юга в лес пробралась тьма, и ужас бродил по затемненным полянам; рыскали хищные звери, и злобные жестокие твари раскинули свои тенета.

Тогда лес изменил название и стал зваться Лихолесьем, ибо там и в ясный день царила недобрая мгла, и редко кто осмеливался пройти через лес, разве что на севере, где народ Трандуиля все еще сдерживал лихо. Немногие знали, откуда все это шло, и даже Мудрые долго не ведали правды. То была тень Саурона и знак его возвращения.

В то время, когда первые тени легли на Лихолесье, на западе Средиземья появились Истари, которых люди называли магами. Никто не знал тогда, откуда они взялись, кроме Цирдана, владыки Гаваней, и лишь Эльронду и Галадриэли открыл он, что пришли они из-за Моря. И позднее рассказывали эльфы, что были то посланцы Западных Владык, отправленные для того, чтобы, буде Саурон воспрянет вновь, противостоят ему, а также побуждать к доблестным деяниям людей, эльфов и прочие существа доброй воли. Являлись они в облике людей, древних годами, но бодрых, и мало менялись со временем, медленно старились, хотя великие заботы отягощали их; были они весьма мудры и могучи духом. Долгое время странствовали они меж людей и эльфов, но водили дружбу со зверями и птицами: и народы Средиземья дали им множество имен, ибо истинных своих имен они не открыли. Главными среди них были те, кого эльфы звали Мифрандир и Кúрунир, а северяне — Гэндальф и Саруман. Курунир был самым старшим и пришел первым, а за ним следовали Мифрандир и Радагаст, и прочие **Истари**, что ушли на восток Средиземья, и преданья молчат о них. Радагаст был другом всем зверям и птицам; Курунир же большей частью жил меж людей, и был он красноречив и искушен в кузнечном ремесле. Мифрандир ближе прочих был к Эльронду и эльфам. Он исходил в скитаньях Север и Запад, но ни в одной стране не жил подолгу; а Курунир отправился на восток и, вернувшись, поселился в Ортханке, в Круге Исенгарда, что возвели нуменорцы во дни своего могущества.

Бдительнее прочих был Мифрандир, и его более других встревожила тьма, заполнявшая Лихолесье, ибо хотя многие считали, что тьма эта принесена

Призраками Кольца, опасался он, что на деле это первый знак возвращения Саурона. Мифрандир явился в Дол Гулдур, и Чародей бежал пред ним, и на долгие годы утвердился бдительный мир. Но в конце концов Тень вернулась, и мощь ее возросла; и в то время впервые был собран Совет Мудрых, что зовется Белым Советом. Были там Эльронд, Галадриэль и Цирдан, и прочие высоко-родные эльдары, а также Мифрандир и Курунир. И Курунира (Сарумана Белого) избрали главой Совета, ибо он глубоко изучил прошлые деяния Саурона. Правда, Галадриэль желала, чтобы Совет возглавил Мифрандир, и это пробудило зависть в Сарумане, ибо гордыня его и жажда власти возросли непомерно. Мифрандир, однако, отказался, не желая иметь ни обязанностей, ни обязательств, кроме как перед теми, кто послал его; и не мог он осесть в одном месте либо подчиняться чьим-то приказаниям. Саруман же занялся изучением Колец Власти, их создания и истории.

Тень все росла, и тяжело становилось на душе у Эльронда и Мифрандира. И потому однажды Мифрандир, подвергаясь великой опасности, вновь отправился в Дол Гулдур, спустился в темницы Чародея и открыл, что опасения его не напрасны, и счастливо ушел оттуда невредимым. Возвратился он к Эльронду и сказал ему так: "Увы! Догадка наша верна. Это не один из Улайров, как полагали многие. Это сам Саурон, что вновь обрел зримый облик и набирает силу; он опять собирает под власть свою все Кольца и ищет вестей о Едином, а также о потомках Исильдура, если таковые живут еще на земле."

И отвечал ему Эльронд: "В тот час, когда Исильдур завладел Кольцом и не пожелал отказаться от него, рок судил, что Саурон вернется."

"Но Единое Кольцо сгинуло, — молвил Мифрандир, — пока Оно не отыщется, мы сможем обуздать Врага, если только соберем все силы и не станем мешкать."

Тогда созвали Белый Совет: и Мифрандир побуждал их к немедленным действиям, но Курунир выступил против него и советовал по-прежнему выжидать и наблюдать.

"Ибо, — говорил он, — не верю я, что Единое когда-нибудь сыщется вновь в Средиземье. Оно кануло в Андуин, и давно уже, думаю я, вода унесла Его в Море. Там Ему и покоиться до конца дней, покуда не разрушится мир и не иссякнут воды."

И потому тогда решили ничего не предпринимать, хотя у Эльронда было беспокойно на душе, и он сказал Мифрандиру: "Предчувствую я, что Единое Кольцо все же сыщется, и вновь разгорится война, и в этой войне придет конец Эпохи. Воистину, отойдет она во тьме, если только некий странный случай, недоступный взору моему, не спасет нас."

"Много странного случается в мире, — отвечал Мифрандир. — и бывает, что, когда Мудрые оказываются бессильны, помощь приходит от слабых."

Так беспокойство охватило Мудрых; но никто не прозрел еще, что Курунир обратился ко тьме и в душе уже стал предателем — ибо желал он отыскать Великое Кольцо и самому завладеть им, чтоб весь мир подчинился его воле. Слишком долго он, надеясь победить Саурона, углублялся в его замыслы, и ныне не столько ненавидел его деяния, сколько завидовал ему как сопернику. И рассудил Саруман, что Кольцо, собственность Саурона, начнет стремиться к своему Господину, буде он вновь объявит себя: но если его изгонят, Кольцо останется сокрытым. Потому он желал играть с опасностью и позволить Сау-

рону на время укрепиться, надеясь искусством своим обойти и друзей, и Врага, когда явится Кольцо.

Саруман велел следить за Ирисной Низиной и вскоре обнаружил, что шпионы Дол Гулдур рыскают в тех местах по течению Реки. Так понял он, что и Саурон знает о том, как погиб Исильдур, и в страхе вернулся в Исенгард и укрепил его; и все более углублялся он в тайны Колец Власти и искусство их сотворения. Но ничего не сказал он об этом в Совете, надеясь первым отыскать вести о Кольце. Он собрал великое множество соглядатаев, среди них были и птицы, ибо Радагаст помогал ему, нисколько не разделяя его предательства и считая, что это лишь часть обычного слежения за Врагом.

Но тьма в Лихолесье все разрасталась, и из всех темных закутков мира лихие твари стягивались в Дол Гулдур; одна воля объединяла их, и их злоба была нацелена против эльфов и уцелевших нуменорцев. Потому был снова созван Совет, и много говорили там о тайнах Колец; а Мифрандир обратился к Совету: "Нет нужды отыскивать Кольцо, ибо покуда оно существует в мире и не уничтожено — до тех пор будет существовать и сила, породившая его, и Саурон будет копить силы и не терять надежды. Могущество эльфов и Друзей Эльфов давно уже не то, что прежде. Скоро уже он и без Великого Кольца превзойдет вас в мощи: ибо Девять ему подвластны, а Три из Семерых он уже получил. Нам нельзя промедлить с ударом!"

На сей раз Курунир был с ним согласен, надеясь, что Саурона выбьют из Дол Гулдур, который слишком близко от Ирисной Низины, и у Врага не будет времени продолжать там поиски. Потому — в последний раз — он помог Совету; они собрали все силы, ударили на Дол Гулдур и выбили Саурона из его твердыни, и на недолгое время Лихолесье вновь объединилось.

Но удар этот запоздал. Ибо Черный Властелин предвидел его и загодя подготовился; и **Улайры**, Девять Слуг его, шли пред ним, расчищая ему путь. Так что его бегство было притворным, и он скоро вернулся — вернулся в Мордор, прежде чем Мудрые смогли помешать ему, и вновь поднял к небу черные башни Барад-Дура. В тот год Белый Совет собирался в последний раз, и Курунир удалился в Исенгард и ни с кем больше не держал совета, кроме себя.

Множились орки, а далеко на юге и на востоке вооружались дикари. И тогда, среди нарастающего страха и слухов о войне сбылось пророчество Эльронда, и Единое Кольцо отыскалось вновь — волей случая столь странного, что и Мифрандир не мог предвидеть его; оно осталось сокрытым и от Саурона, и от Курунира, Ибо задолго до того, как они начали поиски Кольца, оно покинуло Андуйн, и еще в те годы, когда в Гондоре правили короли, нашло его существо из племени рыбаков-полуросликов, живших близ Реки. Вместе с этим существом Кольцо исчезло в сумрачном укывище у самых корней Мглистых Гор. Там оно и обитало, покуда в год удара на Дол Гулдур не отыскал его странник, под землей бежавший от орков; и с ним Кольцо отправилось далеко, в страну **перианов**, Малого Народца, полуросликов, живших на западе Эриадора. До того дня они почти не занимали людей и эльфов, и ни Саурон., ни Мудрые — кроме Мифрандира — не находили им место в своих помыслах.

Благодаря удаче и своей бдительности Мифрандир первым узнал о Кольце, опередив Саурона. Но им владели сомнения — как поступить? Слишком велика была лиходейская мощь Кольца, чтобы кто-то из Мудрых мог владеть им, если только он, подобно Куруниру, не желал стать тираном и новым Черным

Властелином; но нельзя было вечно скрывать Кольцо от Саурана, и всего искусства эльфов не хватило бы, чтобы его уничтожить. Потому с помощью северных дунаданов Мифрандир бдительно хранил край перианов и ждал своего часа. Но слуги Саурана были вездесущи, и вскоре Враг услышал о Едином Кольце, вожделенном им более всего на свете, и выслал назгулов добыть его. Тогда вспыхнула война, и Третья Эпоха, начавшись битвой с Сауроном, такой же битвой и закончилась.

Те же, кто видел деянья тех дней, деянья невиданные и доблестные, рассказывали повсюду предание о Войне за Кольцо и о том, как она закончилась победой нежданной, и все же задолго до того предвиденной в скорби. Поведаем здесь, как на Севере явился наследник Исильдура и принял обломки меча Элендила, и они были перекованы в Имладрисе; и вышел он на войну, великий витязь и вождь людей. То был Арагорн, сын Арафорна, тридцать девятый потомок Исильдура по прямой линии, более схожий с Элендилем, чем все его предки. Была битва в Роханде, и пал изменник Курунир, и был разрушен Исенгард; сошлись два войска под стенами Гондора, и канул во тьму Владыка Моргула, Полководец Саурана; и наследник Исильдура повел войско Запада к Черным Вратам Мордора.

В той последней битве был Мифрандир, и сыны Эльронда, и князь Роханда, и витязи Гондора, и наследник Исильдура с северными дунаданами. Там грозили им поражение и гибель, и вся доблесть их чуть было не пропала втуне, ибо Саурон был слишком силен.

Но в тот час сбылось предсказанное Мифрандиром, и когда Мудрые оказались бессильны, помощь пришла из рук слабых. Ибо, как поется отныне во множестве песен, перианы, Малый Народец, обитатели холмов и лужаек, принесли им спасение.

Фродо Полурослик, с одобрения Мифрандира, принял на себя бремя и один, со слугой, прошел через тьму и опасность, достиг, вопреки Саурону, самой Роквой Горы и там вверх Кольцо в то Пламя, в котором оно родилось; так Кольцо было уничтожено и сгнуло лихо его.

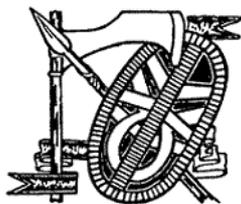
Тогда пал Саурон, и был разгромлен, и сгинул, обратясь в бессильный и злобный призрак: рухнули башни Барад-Дура, и от грохота их падения содрогнулись многие земли. Так пришел мир, и настала на земле новая Весна; и наследник Исильдура был коронован королем Арнора и Гондора, и укрепилась мощь дунаданов, и возродилось их величие. В Минас Аноре вновь зацвело Белое Древо, ибо Мифрандир отыскал его саженец в снегах Миндоллуина, что высился, сверкая белизной, над Гондором; и пока то древо жило, память о Древних Днях хранилась в сердцах королей.

Все это было достигнуто большей частью благодаря бдительности и мудрости Мифрандира, и в последние дни Эпохи он явился могучим и чтимым владыкой и, облекшись в белое, вышел в битву. Но куда не пришло ему время уходить, никто не узнал, что был он хранителем Красного Кольца Огня. Вначале кольцо это было доверено Цирдану, владыке Гаваней; но он передал его Мифрамдиру, ибо знал, откуда тот пришел и куда вернется.

“Прими это Кольцо. — молвил он, — ибо тяжки будут труды твои и заботы, но оно поддержит тебя во всем и защитит от усталости. Ибо это Кольцо Огня, и, быть может, с его помощью в этом остывающем мире ты воспламенишь

сердца древней доблестью. Что до меня, сердце мое с Морем, и я буду жить на сумеречных берегах, храня Гавани, покуда не отплывет последний корабль. Тогда я буду ждать тебя."

Белым был этот корабль, длинным и стройным, и долго ждал он конца, о котором говорил Цирдан. Когда же все было свершено, и наследник Искльдура принял власть над людьми, и владычество над Западом перешло к нему — тогда стало ясно, что кончилась мощь Трех Колец, и мир для Перворожденных стал седым и дряхлым. В то время последние нолдоры отплыли из Гаваней и навсегда покинули Средиземье. Последними же прибыли к Морю хранители Трех Колец, и владыка Эльронд взошел на корабль, приготовленный Цирданом. На исходе осени покинули они Мифлонд и плыли, покуда не сомкнулись за ними моря Замокнутого Мира, и ветра круглого небосвода больше были им не страшны — вознесясь в высоту над туманами мира, достигли они Древнего Запада, и конец пришел эльдарам в слове и в песне.

Неоконченные предания Истари (Маги)

“**Маг**” — перевод с языка квэнья слова “*истар*” (на синдарине — “*итрон*”) — это одни из членов “Братства” (так это называлось), проявлявший значительные познания в истории и сущности мира. Перевод этот, хоть и соответствует во многом значению слова “*истар*”, близкого к слову “мудрый”, не совсем удачен, так как **Истари** во многом отличаются от магов и волшебников поздних сказок; входившие в *Хэрен Истарион* — Братство Магов — принадлежали Третьей Эпохе и с ней ушли, и никто, кроме, может быть, Эльронда, Цирдана и Галадриэли, не знал, кто они и откуда явились,

Люди, знавшие их, вначале считали их тоже людьми, только после тайного и долгого труда овладевшими знанием и искусствами. Впервые они появились в Средиземье в году примерно тысячном Третьей Эпохи, но долгое время сохраняли обычную наружность людей, древних годами, но крепких телом, бродяг и путешественников, собиравших сведения о Средиземье и о тех, кто населял его, но не открывавших никому своих дум и целей. В то время люди видели их редко и мало обращали на них внимания. Но когда призрак Саурона начал расти и снова обрел плоть, они стали действовать, искать способы борьбы с надвигающейся Тьмой и напоминать людям и эльфам о грозной опасности. Тогда широко распространились слухи об их внезапных появлениях и исчезновениях, о вмешательстве в разные дела, и люди узнали, что они не умирают, а только становятся старше на вид, в то время как люди умирали один за другим. Потому их начали бояться, хоть и любя, и сочли их эльфами (с которыми маги и вправду часто общались).

Однако они не были эльфами, ибо Истари пришли из-за Моря, с Заокраинного Запада, хотя долгое время это было известно лишь Цирдану, Хранителю Третьего Кольца и владыке Серебристой Гавани, который видел, как высаживались они на побережье Западных Земель. Они были посланниками Западных Владык, валаров, которые не забывали о Средиземье. Когда призрак Сау-

рона возродился, они сделали все, чтобы противостоять ему. С согласия Эру валары послали тех, кто был одного с ними рода, но заключив их в тела людей — настоящие, а не призрачные, подвластные земной боли, страху и усталости, способные страдать от голода и жажды и даже погибнуть; хотя благодаря своему высокому духу они не умирали и лишь медленно старились под тяжестью лет и трудов. Валары поступили так, желая избежать древних ошибок, особенно, когда они пытались охранить и выделить эльдаров, являясь им в полном блеске своего могущества и славы. Теперешним их посланникам было запрещено раскрывать свое величие или стремиться завладеть умами людей и эльфов, открыто проявляя свою силу: но велено было, являясь в образе простом и слабом, советами и убеждением вести эльфов и людей к добру и стремиться объединить в любви и согласии всех тех, кого Саурон — явись он снова — пытался бы совратить и подчинить себе.

Сколько их было в Братстве, точно неизвестно, но из тех, что пришли на север Средиземья (где больше было надежды, ибо там обитали уцелевшие дунаданы и большинство эльдаров) известны пятеро. Тот, кто прибыл первым, отличался благородной осанкой и наружностью: одет он был в белое, волосы — цвета воронова крыла, а голос зачаровывал. Он был искушен в ремеслах, и все, даже эльдары, признавали его главой Братства. Были и другие — двое в лазурных одеяниях и один в буром, как земля. Последним явился тот, кто казался невзрачнее прочих — ниже ростом и на вид более древний, седовласый и одетый в серое, он опирался на посох. Но Цирдан прозрел в нем величайший дух и величайшую мудрость. Он приветствовал его почтительно и отдал ему Третье Кольцо — Нарья, Кольцо Огня. И сказал:

— Великие труды и опасности ждут тебя. И, чтобы не показался тебе твой долг слишком тяжким — возьми это Кольцо — и оно поможет тебе. Оно было доверено мне лишь для того, чтобы сохранить тайну, и здесь, на западном побережье, оно праздно. Теперь же оно должно послужить более благородной цели: воспламенению мужества в сердцах.

Серый Посланец принял Кольцо и хранил его, но Белый Посланец (искушенный в разгадывании тайн) вскоре узнал об этом даре и позавидовал ему. И это стало причиной его скрытой ненависти, которая потом стала явной.

Позднее Белый Посланец стал известен среди эльфов как *Курунир*, "Искусник", на языке северян — Саруман. Но это было уже после того, как он вернулся из многих странствий и поселился в Гондоре. О Синих Посланцах немного ведомо на Западе: их называли "Синие Маги", *Итрин Луин*. Они ушли на восток вместе с Куруниром, но не вернулись; и неизвестно, остались ли они на востоке в целях, им самим лишь ведомым, погибли или были захвачены Сауроном и стали его слугами. Быть может также, подобно Саруману, потерпели они поражение, хотя, конечно, не так, как он. Говорят, что они были основателями и зачинателями тайных культов и "магических" обычаев, которые пережили падение Саурона. Все вышеперечисленное можно считать достоверным, ибо, как это ни странно, Истари, будучи воплощены в людские тела, могли, подобно людям и эльфам, сойти с истинного пути и предаться злу, забывая добро в поисках могущества, способного воплотить их замыслы.

Действительно, находясь в образе людей, Истари вынуждены были многому учиться заново и не сразу; и хотя они сознавали, откуда явились, память о Благословенной Земле была лишь прекрасным и далеким видением, к которо-

му они стремились безмерно (пока оставались верны своему предназначению). Так, вынося по доброй воле муки изгнания и коварство Саурона, они исправляли черноту времени.

В сущности, из всех Истари только один остался верным долгу до конца, и был то пришедший последним. Радагаст, четвертый, полюбил животных и птиц и, покинув людей и эльфов, проводил свои дни среди диких тварей Средиземья. Отсюда он получил свое имя, которое на древнем нуменорском наречии означает, как говорят, "любящий зверей". А **Курунир Лан**, Саруман Белый, пал, забыв о своем высоком долге. Возгордившись и возжелав власти, стремясь вытеснить волю Саурона и утвердить свою, он попал в ловушку к Черному Властелину, еще более могущественному, чем он.

Тот, кто пришел последним, был назван эльфами **Митрандиром**. "Серый Странник" нигде не жил постоянно и не искал ни богатства, ни прислужников, но бродил по западным землям от Гондора до Ангмара, от Линдона до Лориэна, помогая в случае нужды всем их обитателям. Пылкост был его дух (и кольцо Нарья еще больше усилило эту пылкость), ибо он, враг Саурона, противостоял огню пожирающему и разрушающему огнем животворным и питающим надежду; однако и радость его, и быстрый гнев скрывали серые, как пепел, покровы. Лишь те, кто хорошо знал его, прозревали в нем скрытый пламень. Он мог быть весел и снисходителен к простодушной юности, но скор на резкие слова для глупости; он не был горд, не искал ни власти, ни восхвалений и был любим всеми теми, кто сам не знает гордыни. Чаще всего он бродил пешком, опираясь на посох — поэтому северяне звали его **Гэндальф**, "Эльф с жезлом", ибо считали его (ошибочно) эльфом, особенно после того, как он показал им всякие магические чудеса, особо увлекаясь огненными фокусами; делал он это лишь для веселья и удовольствия, не желая, чтобы кто-то благоговел перед ним и из страха следовал его советам.

В другом месте рассказано, как, по мере того, как росло могущество Саурона, Митрандир тоже возвышался и раскрывал свою мощь; как, став вождем и вдохновителем войны против Саурона, наконец победил, завершив бессонными трудами своими то, что было задумано валарами под водительством Эру. Сказано, однако, что в конце своего пути он тяжело страдал, был убит и возродился из небытия на краткое время; тогда он облачился в белое и воплотил в себе сияющее пламя (без крайней необходимости не вырывающееся наружу).

И вот, когда главный долг был выполнен и сгинул Саурон, Митрандир навсегда отплыл за Море. В то время, как Курунир был низвергнут и унижен и в конце концов погиб от руки презренного раба; дух его улетел, куда было суждено, и в Средиземье — бестелесным либо в каком-то воплощении — не вернулся никогда.

Еще говорят о совете Валаров, созванном Манве, на котором было решено отправить в Средиземье трех посланников.

— Кто же пойдет? Должно быть им равными Саурону, но придется отказаться от могущества и облечь себя в плоть, чтобы казаться равными людям и эльфам и тем заслужить их доверие. Это будет опасно для них, ибо умалит их мудрость и знание, но подвергнет их всем заботам и тяготам, рождаемым плотью.

Лишь двое вышли вперед: Курумо, избранный Ауле, и Алатар, посланный Ороме. Тогда Манве спросил, где Олорин. А Олорин, только что вернувшийся

из путешествия, одетый в серое, сидел в отдалении; он спросил, что хочет от него Манве. Манве ответил, что Олорин должен стать посланником в Средиземье. Но Олорин возразил, что он слишком слаб, чтоб исполнить поручение, и что он боится Саурана. "Тем больше причин ему идти, — был ответ Манве, — и стать третьим". Тогда Варда, подняв глаза, сказала: "Не третьим", и Курумо запомнил эти слова.

Курумо, чтоб угодить Йаванне, супруге Ауле, взял с собой Айвендила, а Алатар взял Палландо, поскольку был ему другом.

Говорят также, что Олорин был советчиком Ирмо, и в сердцах тех, кто внимал ему, рождались мысли о том прекрасном, что могло быть сотворено для украшения Арды; что Олорин был другом и приверженцем оставшихся эльдаров, потому Манве выбрал его. Но говорят и другое. Многие "верные" считали Олорина, которого звали Гэндальфом, последним воплощением самого Манвэ — перед тем, как он окончательно удалился на сторожевую башню Таниквэтиля.

В Летописи Эпох сказано, что появился Гэндальф на Западе на заре одиннадцатого столетия Третьей Эпохи, примерно в то время, когда стали заметны первые признаки возрождения Врага — появились и множились лихие твари. Однако он редко упоминается в хрониках и летописях второго тысячелетия Третьей Эпохи. Он долго бродил в разных обличиях, не вмешиваясь в дела и события, подыскивая союзников для борьбы с Сауроном. Эльфы прозвали его **Митрандиром**, "Серым Странником", гномы — **Таркуном**, "Человеком с посохом", люди Юга — **Инканусом**, Севера — **Гэндальфом**, на Востоке же он не бывал.

Север — это северо-западные области Средиземья, в которых большинство обитателей были и остались неразвращенными Морготом и Сауроном. В этих краях упорнее было сопротивление лиходейским тварям, насланным Врагом, и Саурону — слуге Его, когда он возродился. На востоке рубежом этого края была река Карнен — там, где она сливается с Кельдуином, далее к Нурнен и южнее, к древним границам Гондора. Первоначально не исключался и Мордор, позднее захваченный Сауроном, хотя находился далеко от его прежних владений на Востоке, но был задуман им как угроза Западу и нуменорцам. Север простирается с запада на восток, от Синего залива до Нурнена и с севера на юг, от Карн Дума до южных границ древнего Гондора с Харадом. Дальше Нурнена Гэндальф не заходил никогда.

Первое время Гэндальф появлялся на Юге, в землях, что лежат южнее Гондора, которые гондорцы называли просто Харад — Юг. Население его еще могло быть вовлечено с союз против Врага. Но чаще бывал он на северо-западе, в Линдоне, Эриадоре и в Долинах Андуина, заключив союз с Эльрондом и северными дунаданцами — Следопытами. Гондор меньше интересовал его по той причине, по которой привлекал Сарумана: Гондор был средоточием власти и знания, а правители его издревле, неизменно — врагами Саурана. Королевство создавалось и росло как угроза Саурону и могло существовать только до тех пор, пока в нем оставалось войско, способное сопротивляться врагу. Немногое мог сделать Гэндальф, чтобы указывать или советовать гордым властителям, и лишь на закате их власти, когда казалось, что все потеряно, связь между ними и Гэндальфом укрепились. Имя Инканус не происходит ни из эльфийских языков, ни из существующих ныне наречий северян. В Хоббита-

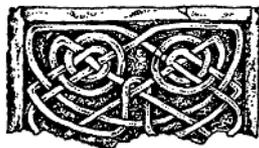
новой Книге сказано, что это приспособленная к квэнья форма слова из языка харадримцев, означающего попросту "Северный шпион" — *Инка Нус*.

* * *

Говорят также о королеве Берутиэль. Одинокая, бесчестная, она была нелюбимой женой Тараннона, двенадцатого короля Гондора (830–913 г.г. Третьей Эпохи), первого из "Королей-корабелов". Он принял трон с именем Фластура — "Властителя Побережий" и был первым королем, оставшимся бездетным. Берутиэль жила в королевском дворце в Осгилиафе, ненавидя звуки и запахи моря и дворец, что построил Тараннон у Пеларгира на арках, чьи подножия уходили в глубину вод Этир Андуйна: она не терпела ярких цветов и изысканных украшений, носила только черное с серебром и жила в ничем не обставленных покоях, а в садах дворца под кипарисами и тисами стояли странные изваяния.

У нее было девять черных кошек и одна белая — ее рабыни, с которыми она беседовала, либо читала их мысли: черных она посылала разузнавать тайны Гондора, так что ей было ведомо все, что люди хотели бы скрыть: а белую кошку она отправляла следить за черными. Ни один человек в Гондоре не осмелился бы поднять на них руку, все боялись их, а увидев — проклинали.

Имя ее было вычеркнуто из хроники королей, *"но память людская не кончается на книгах, и кошки королевы Берутиэль навсегда остались в речи людей"*. Король Тараннон посадил ее одну на корабль вместе с кошками и с северным ветром отправил корабль в Море. Последний раз этот корабль видели, когда он проплывал под убывающей луной: на вершине мачты его сидела кошка, а другая — на носу, как носовое украшение.

Приложения

Словарь имен и названий

А

АВАЛЛОНЭ — гавань и город эльдаров на Тол — Эрессеа.

АВАРИ — имя, данное эльфам, отказавшимся присоединиться к походу на запад от Куйвиэнен.

АВАТАР — пустынный край на берегу Амана, к югу от залива Эльдамар, между Пелорами и Морем; там Мелькор встретил Унголианту.

АГАРВАЭН — «Запятнанный Кровью», прозвище Турина, которое он дал себе, придя в Наргофронд.

АГЛОН — перевал между Дортонионом и горами к западу от Химринга.

АДАНЕДЕЛЬ — «Человек — Эльф», имя, данное Турину жителями Наргофронда.

АДАНЫ — «Вторые», название людей в Сумеречном Наречии; в Белерианде так называли людей из Трех Домов Друзей Эльфов.

АДУНАХОР — «Владыка Запада», имя, принятое 19-м королем Нуменора — вопреки традиции — на адунаике (нуменорском наречии).

АДРАНТ — шестой, самый южный приток Гелиона в Оссирианде.

АЗАГХАЛ — король гномов Белегоста; в Нирнаэт Арноэдиад ранил Глаурунга и сам был убит им.

АЙГЛОС — см. АЭГЛОС.

АЙНУЛИНДАЛЭ — «Песнь айнуров», название рассказа о сотворении Мира, сочиненного предположительно Румилем из Тириона.

АЙНУРЫ — первые существа, сотворенные Илуватаром прежде, чем был сотворен Эа.

АКАЛЛАБЕТ — «Падшая Земля», название Нуменора после его гибели, а также название рассказа о гибели Нуменора.

АЛЬДАРОН — «Владыка Лесов», одно из имен валара Оромэ на языке квенья.

АЛЬДУДЭНИЕ — «Плач по двум Древам», сочиненный ваниаром Элеммире.

АЛЬКАРИНКВЭ — «Блистательная», название звезды.

АЛЬКАРОНДАС — корабль Ар-Фаразона, на котором он отплыл в Аман, на войну с валарами.

АЛЬМАРЕН — первое жилище валаров в Арде, до нападения Моргота — остров в гигантском озере посреди Средиземья.

АМАН — Благословенный Край, земли на Западе, за Великим Морем, где жили валары, покинув Альмарен.

АМАНДИЛЬ — последний владетель Андуниз в Нуменоре, потомок Элроса и отец Элендила; уплыл на поиски Валинора и не вернулся.

АМАНИАРЫ — эльфы Амана.

АМАРИЭ — эльфийская дева из племени ваниаров, возлюбленная Финрода Фелагунда, которая осталась в Валиноре.

АМЛАХ — сын Имлаха, сына Мараха, вождь недовольных в Эстоладе; позднее служил Маэдросу.

АМОН АМАРТ — «Роковая Гора», имя, данное Ородруину после возвращения Саурона из Нуменора.

АМОН ГВАРЭФ — холм посреди долины Тумладэн, на котором был возве-

ден Гон долин.

АМОН ОБЕЛЬ — холм посреди леса Брефиль, где была построена Эфе ль Брандир.

АМОН РУД — одинокая гора в землях к югу от Брефиля: там жил карлик Мим и скрывалась шайка Турина.

АМОН СУЛ — «Гора Ветров» в королевстве Арнор (во «Властелине Колец» — Заверть).

АМОН УЙЛОС — название Ойолоссэо на синдарине.

АМОН ЭРЕБ — гора между Рамдалом и рекой Гэлион в Восточном Белерианде.

АМОН ЭТИР — холм, насыпанный Фелагундом к востоку от врат Наргофронда.

АМРАС и **АМРОД** — близнецы, младшие сыновья Феанора; оба погибли в нападении на подданных Эарендила в устье Сириона.

АНАДУНЭ — «Западный Край», название Нуменора на адунаике.

АНАР — квенийское название Солнца.

АНАРИОН — младший сын Элендила, спасшийся с отцом и братом после гибели Нуменора и вместе с Исильдуром основавший в Средиземье королевство Гондор; владел Минас — Анором; погиб при осаде Барад Дура.

АНАРРИМА — «Солнечная Сеть», название созвездия.

АНАХ — теснина между Криссаэгримом и западными склонами Эред — Горгорот.

АНГАЙНОР — цепь, изготовленная Ауле, которой был дважды скован Моргот.

АНГБАНД — большая крепость — темница Моргота на северо — западе Средиземья. Разрушена войском валаров в Великой Битве.

АНГЛАХЕЛЬ — меч, выкованный из небесного железа Эолом; был им отдан Тинголу, который отдал его Белегу; затем достался Турину; перекованный, был назван Гуртанг.

АНГРЕНОСТ — «Железная Крепость», нуменорская крепость в долине Нан-Курунир у восточного окончания Мглистых Гор. Была отдана во владение Куруниру. Называлась также Изенгард.

АНГРИМ — отец Горлима Злосчастливого.

АНГРИСТ — «Рубящий Железо», кинжал работы Телхара из Ногрода; Берен отобрал его у Куруфина и высек им Сильмарил из венца Моргота.

АНГРОД — третий сын Финарфина; см. АЭГНОР.

АНГУИРЭЛЬ — меч Эола, сделанный из того же металла, что и Англахель.

АНГХАБАР — копи в Окружных Горах, недалеко от Гондолина.

АНДОР — «Дарованная Земля»; см. НУМЕНОР.

АНДРАМ — порог, тянувшийся от Наргофронда в Восточный Белерианд.

АНДРОТ — пещеры в горах Митрима, где Туора воспитывали Сумеречные Эльфы.

АНДУИН — Великая Река к востоку от Мглистого Хребта, начинавшаяся на севере и впадавшая в залив Белфалас.

АНДУНИЭ — город и гавань на западном побережье Нуменора; его владельцами были предки Элендила.

АНКАЛАГОН — величайший из крылатых драконов Моргота; убит Эарендиллом.

АННАЭЛЬ — Сумеречный Эльф из Митрима, приемный отец Туора.

АННАТАР — «Даритель», имя, которое дал себе Саурон во Второй Эпохе, появляясь в дивном обличье среди эльфов.

АННОН-ИН-ГЕЛИД — «Врата Нолдоров», вход в пещеру, по которой текла река под западными горами Дор — Ломина; пещера вела к Кирит — Нинних.

АННУМИНАС — «Башня Запада», древняя столица королей Арнора близ озера Ненуиал.

АНОР — синдарское название Солнца.

АНФАУГЛИР — прозвище волка Кархарота.

АНФАУГЛИФ — или ДОР-НУ-ФАУГЛИФ, название долины Ард — Гален после опустошения ее Морготом в Битве Внезапного Пламени.

АПАНОНАРЫ — «Послерожденные», эльфийское название людей.

АР-ГИМИЛЬЗОР — 22-й король Нуменора, преследователь Верных.

АР-ЗИМРАФЕЛЬ — см. МИРИЭЛЬ (2).

АР-САКАЛЬТОР — отец Ар-Гимильзора.

АР-ФАРАЗОН — Золотоликий, последний, 24-й король Нуменора; квенийское имя Тар — Калион. Взял в плен Саурона и был склонен им ко злу. Объявил войну валарам.

АР-ФЕЙНИЕЛЬ — см. АРЕДЭЛЬ.

АРАГОРН — 39-й потомок Исильдура по прямой линии, король воссоединенного королевства Арнора и Гондора после Войны за Кольцо, супруг Арвен, дочери Эльронда. Назывался также наследником Исильдура.

АРАДАН — синдаринское имя Малаха, сына Мараха.

АРАМАН — пустынные земли на побережье Амана, между Пелорами и Морем, протянувшиеся на север, к Хелкараксе.

АРАНВЭ — эльф из Гондолина, отец Воронвэ.

АРАНЕЛЬ — прозвание Диора, наследника Тингола.

АРАНРУТ — «Гнев Короля», меч Тингола. Уцелел после гибели Дориафа и принадлежал королям Нуменора.

АРАТАН — второй сын Исильдура, вместе с ним погибший в Ирисной Низине.

АРАТАРЫ — «Высшие», наименование восьми высших валаров.

АРАФОРН — отец Арагорна.

АРВЕРНИЕН — побережье к северу от устья Сириона.

АРГОНАТ — «Врата Королей», громадные каменные статуи Исильдура и Анариона, стоявшие на берегах Андуйна, на северной границе Гондора.

АРД-ГАЛЕН — большая травянистая равнина к северу от Дортониона.

АРДА — название Земли, Королевства Манвэ.

АРИЭН — майя, избранная валарами, чтобы вести солнечную ладью.

АРМИНАС — см. ГЕЛМИР (2).

АРМЭНЭЛОС — город королей Нуменора.

АРНОР — «Земля Короля», северное королевство нуменорцев в Средиземье, основанное Элендилом после его спасения.

АРОС — река, с юга обегавшая Дориаф.

АРОССИАХ — брод на Аросе, недалеко от северо — восточной границы Дориафа.

АРТАД — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

АРЭДЭЛЬ — прозванная Ар-Фейниэль, сестра Тургона Гондолинского; в

Нан-Эльмоте попала во власть Эола и родила ему сына Маэглина.

АСКАР — самый северный приток Гелиона в Оссирианде; позднее назывался Ратлоризэл.

АСТАЛЬДО — «Доблестный», прозвание валара Тулкаса.

АТАЛАНТЭ — перевод на квенья слова АКАЛЛАБЕТ

АТАНАТАРИ — «Отцы Людей».

АТАНИ — «Вторые», название людей на языке квенья.

АУЛЕ — валар из аратаров, кузнец и ремесленник, супруг Йаванны, создатель гномов.

АЭГЛОС, АЙГЛОС — копье Гил — Гэлада.

АЭГНОР — четвертый сын Финарфина, вместе с братом Ангродом владел северными склонами Дортониона. Оба убиты в Дагор Браголлах.

АЭЛИН-УИАЛ — Полусветные Воды, озеро при впадении Ароса в Сирион.

АЭРАНДИР — один из трех спутников Эарендила.

АЭРИН — родственница Хурина, жившая в Дор-Ломине; была насильно взята в жены изменником Броддой; помогала Морвен.

Б

БАЛАН — имя Беора Старого до того, как он пошел на службу к Финроду.

БАЛАР — большой залив на юге Белерианда, в который впадал Сирион, а также остров, где после Нирнаэт Арноэдиад жили Цирдан и Гиль-Галад.

БАЛРОГИ — демоны огня, служившие Морготу; они же ВАЛАРАУКАРЫ.

БАР-ЭН-ДАНВЕД — «Жилище Выкупа», так назвал Мим свое жилище на Эмон-Руд, отдавая его Турину.

БАРАГУНД — отец Морвен, жены Хурина; племянник Барахира и один из его спутников в Дортонионе.

БАРАД-ДУР — «Черная Башня», замок Саурона в Мордоре.

БАРАД-НИМРАС — «Белая Башня», построенная Финродом на мысу к западу от Эглареста.

БАРАД-ЭЙТЕЛЬ — крепость нолдоров при Эйтель Сирион.

БАРАН — старший сын Беора Старого.

БАРАХИР — отец Берена; спас Финрода в Дагор Браголлах и получил от него кольцо; убит в Дортонионе. Его кольцо стало реликвией дома Исильдура.

БАУГЛИР — «Душитель», прозвище Моргота.

БЕЛЕГ — искусный лучник и командир пограничной стражи Дориафа по прозвищу Куталион; друг и соратник Турина, был им убит по несчастной случайности.

БЕЛЕГАЭР — «Великое Море» на западе между Средиземьем и Аманом. Называлось также Море, Западное Море.

БЕЛЕГОСТ — Велиград, один из двух гномьих городов в Синих Горах, он же Габилгатхол.

БЕЛЕГУНД — отец Риан, жены Хуора, племянник Барахира и один из спутников его в Дортонионе.

БЕЛЕРИАНД — вначале так назывались земли близ устья Сириона, обращенные к острову Балар; позднее это название распространилось на все древнее северо — западное побережье Средиземья южнее залива Дренгист, все внутренние земли южнее Хитлума и к востоку до Синих Гор. Сирион разделял Белерианд на Западный и Восточный.

БЕЛОЕ ДРЕВО — см. ТЭЛПЕРИОН, ГАЛАФИЛИОН, НИМЛОТ(1).

БЕЛЫЙ СОВЕТ — Совет Мудрых, созданный в Третьей Эпохе для противодействия Саурону.

БЕЛЬФАЛАС — южное побережье Гондора, обращенное к одноименному заливу.

БЕЛЬФИЛЬ — изображение Тэлперииона, сделанное Тургоном в Гондолине.

БЕЛЬФРОНДИНГ — имя лука Белега, похороненного вместе с ним.

БЕОР — прозван Старым. Вождь первых людей, пришедших в Белерианд; вассал Финрода, основатель Дома Беора.

БЕРЕГ — внук Барана, сына Беора Старого, вождь недовольных в Эстоладе; вернулся в Эриадор.

БЕРЕН — сын Барахира; высек Сильмариль из венца Моргота — выкуп за Лутиэн, дочь Тингола; убит Кархаротом; вернулся из мертвых и жил с Лутиэн на Тол Галене в Оссирианде. Прадед Эльронда и Эльроса, предок нуменорских королей.

БЕРЕНДУИН — “Коричневая Река”, в Эриадоре, впадает в Море на юге Сивних Гор (во Властелине Колец хоббиты называли ее Брендибуим).

БЕССМЕРТНЫЕ ЗЕМЛИ — Аман и Эрессэа.

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ КРАЙ — см. АМАН.

БОЛЬШОЙ ГЭЛИОН — одна из двух рек, образующих при слиянии Гэлион; брала начало на горе Рэрир.

БОЛЬШОЙ ФАРОФ — см. ТАУР-ЭН-ФАРОФ.

БОРГИЛЬ — “Звезда-Кулак”, название красной звезды.

БОРЛАД — один из сыновей Бора, вместе с братьями погиб в Нирнаэф Арноэдиад.

БОРЛАХ — сын Бора; см. БОРЛАД.

БОРОМИР — правнук Беора Старого, дед Барахира, отца Берена; первый владыка Ладроса.

БОРОН — отец БОРОМИРА.

БОРТХАНД — сын Бора.

БРАНДИР — по прозвищу Хромой, правил племенем Халет после смерти своего отца Хандира; любил Ниэнор; убит Турином.

БРЕГОЛАС — отец Барагунда и Белегунда; убит в Дагор Браголлах.

БРЕГОР — отец Барахира и Бреголаса.

БРЕФИЛЬ — лес между реками Тейглии и Сирион, где жили халадины.

БРИЛЬТОР — четвертый приток Гэлиона в Оссирианде.

БРИТИАХ — брод через Сирион севернее леса Брефиль.

БРИТОМБАР — северная из гаваней Фаласа.

БРИТОН — река, впадавшая в Море у Бритомбара.

БРОДДА — изменник, убитый в Хитлуме Турином.

БРОДЫ АРОСА — см. АРОССИАХ.

В

ВАЙРЭ — вала, супруга Намо Мандоса.

ВАЛАКИРКА — «Серп валаров», название созвездия из семи ярких звезд (Большая Медведица).

ВАЛАНДИЛЬ — младший сын Исильдура и третий король Арнора.

ВАЛАРОМА — рог валара Оромэ.

ВАЛАРЫ — айнуры, пришедшие в Эа; Мир Суций, в начале времен правители и хранители Арды.

ВАЛИМАР, ВАЛМАР — город валаров в Валиноре.

ВАЛИНОР — край валаров в Амане за горами Пелорами.

ВАНА — Вечноюная, вала, сестра Йаванны и супруга Оромэ.

ВАНИАРЫ — первая дружина эльфов на пути из Куйвиэнен; ее вел Ингвэ.

ВАРДА — первая среди вал, супруга Манвэ, Создательница Звезд.

ВАСА — так нолдоры называли Солнце.

ВЕЛИГРАД — см. БЕЛЕГОСТ.

ВЕЛИКАЯ РЕКА — см. АНДУИН.

ВЕЛИКОЕ ЗЕЛЕНОЛЕСЬЕ — громадный лес к востоку от Мглистых Гор, позднее названный Лихолесьем.

ВЕНЕЦ ЛЕТА — праздник летнего солнцестояния.

ВЕРНЫЕ — см. ЭЛЕНДИЛИ.

ВИЛЬВАРИН — «Бабочка», название созвездия, вероятно, Кассиопеи.

ВИЛЬЯ — одно из Трех Колец эльфов, Кольцо Воздуха, Синее Кольцо (с сапфиром); хранилось Гил — Гэладом, затем Элрондом.

ВИНГИЛОТ — «Пенный Цветок», имя корабля Эарендила.

ВИНИАМАР — жилище Тургона в Неврасте.

ВЛАДЫКА ВОД — см. УЛЬМО.

ВЛАДЫЧИЦА ДОР-ЛОМИНА — см. МОРВЕН.

ВНЕШНЕЕ МОРЕ — см. ЭККАЙА.

ВОЛК АНГБАНДА — см. КАРХАРОТ.

ВОРОНВЭ — эльф из Гондолина, мореход. Ему единственному удалось выжить. Все остальные моряки — а Тургон отправил на Запад семь кораблей — погибли.

ВРАГ — так называли Моргота, а затем Саурана.

ВРАТА ЛЕТА — праздник в Гондолине, в канун которого город подвергся нападению Моргота.

ВРАТА КОРОЛЕЙ — см. АРГОНАТ.

ВРАТА НОЛДОРОВ — см. АННОН-ИН-ГЕЛИД.

ВСЕВИДЯЩИЕ КАМНИ — см. ПАЛАНТИРЫ.

ВТОРЫЕ — название людей.

ВЫСШИЕ ЭЛЬФЫ — см. ЭЛЬДАРЫ.

Г

ГАБИЛГАТХОЛ — см. БЕЛЕГОСТ.

ГАВАНИ —

1. Бритомбар и Эгларест.

2. Гавани в устье Сириона.

ГАЛАДРИЭЛЬ — дочь Финарфина и сестра Фннрода; была среди главных мятежников — нолдоров; стала женой Келеборна из Дориафа и с ним правила Лотлориэном; хранила Нэнья — Кольцо Воды.

ГАЛАФИЛИОН — Белое Древо Тириона, подобие Тельперииона, сотворенное Йаванной для ваниаров и нолдоров.

ГАЛДОР — прозванный Высоким, сын Хадора Лориндола, после него владел Дор-Ломином; отец Хурина и Хуора; убит у Эйтель-Сирион.

ГАЛВОРН — «черный блеск», металл, созданный Эолом.

ГВАЙТ-И-МИРДАЙН — название братства камнеделов Эрегиона, возглавляемого Келебримбором.

ГВИНДОР — эльф из Наргофронда, брат Гэльмира; был рабом в Ангбанде, но

бежал и помог Белегу найти Турина; привел Турина в Наргофронд; убит в битве при Тумхаладе.

ГИЛЬ-ГАЛАД — имя, под которым был известен Эрейнион, сын Фингона. После смерти Тургона стал последним верховным королем нолдоров в Средиземье; в начале Второй Эпохи поселился в Линдоне; вместе с Элендилом возглавил Последний Союз и погиб в сражении с Сауроном.

ГИЛЬ-ЭСТЕЛЬ — "Звезда Надежды" — синдаринское название звезды — Эарендила, несущего Сильмариль на своём корабле Вингилот.

ГИЛЬДОР — один из двенадцати спутников Барахира.

ГИЛЬФОНИЭЛЬ — «Возжигательница Звезд», одно из обращений эльфов к Варде.

ГИМИЛЬХАД — младший сын Ар-Гимильзора, отец Ар-Фаразона.

ГИНГЛИФ — река в Западном Белерианде, впадавшая в Нарог выше Наргофронда.

ГЛИНГАЛ — подобие Лаурелина, созданное Тургоном в Гондолине.

ГЛИРХУИН — певец из Брефиля.

ГЛОРФИНДЕЛЬ — «Золотоволосый», эльф из Гондолина, погибший в единоборстве с балрогом при бегстве из города.

ГЛОРЭДЭЛЬ — дочь Хадора Лориндола, сестра Галдора; жена Хальдира Бретильского.

ГНОМИЙ ТРАКТ — тракт, что вел в Белерианд из городов Ногрода и Белегоста и пересекал Гелион у брода Сарн-Атрад.

ГНОМЫ — племя, по легендам, сотворенное Ауле, рудокопы и рудознатцы, искусные камнерезы, ювелиры и кузнецы. Были немногочисленны и медленно размножались; говорили, что, умирая, они превращаются в камень. Вспыльчивы, алчны, упрямы, но всегда воевали с Врагом. В Предначальную Эпоху, кроме главного гномьего царства Кхазад-Дум, существовали еще города в Эред-Линдон — Ногрод и Белегост; позднее гномы селились под Эребором и Железистым Кряжем.

ГНОМЬЕ ЦАРСТВО — см. КАЗАД-ДУМ.

ГНОМЬИ ПЕЩЕРЫ — см. НОГРОД.

ГОД СКОРБИ И СЛЕЗ — год битвы Нирнаэт Арноэдиад.

ГОЛОДРИМЫ — синдаринское название нолдоров.

ГОНДОЛИН — потаенный город короля Тургона в Окружных Горах.

ГОНДОР — южное нуменорское королевство в Средиземье, основанное Исильдуром и Анарионом.

ГОНХИРРИМЫ — «Владыки Камня», синдаринское название гномов.

ГОРГОРОТ — плато в Мордоре, между Горами Тьмы и Изгарными Горами.

ГОРЛИМ ЗЛОСЧАСТНЫЙ — один из двенадцати спутников Барахира; околдованный призраком своей жены Эйлинэль, выдал Саурону местонахождение Барахира.

ГОРТХАУР — см. САУРОН.

ГОРТОЛ — прозвище Турина, когда он был одним из Двоих Вождей в Дор-Куартоле.

ГОРЫ АМАНА — см. ПЕЛОРЫ.

ГОРЫ ВОСТОКА — см. ОРОКАРНИ.

ГОРЫ ТЬМЫ — см. ЭФЕЛЬ-ДУАТ

ГОРЫ УЖАСА — см. ЭРЕД-ГОРГОРОТ.

ГОТМОГ — вождь балрогов, военачальник Ангбанда, убийца Феанора, Фингона, Эктелиона.

ГРОНД — молот Моргота, которым он сражался с Финголфином; назывался еще Молот Подземного Мира.

ГУИЛИН — эльф из Наргофронда, отец Гелмира и Гвиндора.

ГУНДОР — младший сын Хадора Лориндола, вместе с ним погибший у Эйтель — Сириона.

ГУРТАНГ — «Смертное Железо», имя меча Англахель после того, как он был перекован в Наргофронде.

ГЕЛИОН — большая река Восточного Белерианда, начинавшаяся на Химринге и горе Рерир; питаясь реками Оссирианда, впадала в Море.

ГЕЛЬМИР —

1. Эльф из Наргофронда, брат Гвиндора; взятый в плен в Дагор Браголлах, был замучен перед Эйтель-Сирионом в начале Нирнаэт Арноэдиад.

2. Эльф из подданных Ангрода, который пришел с Арминасом в Наргофронд, чтобы предостеречь а.

ГЭНДАЛЬФ — имя МИФРАНДИРА на языке северян.

Д

ДАГНИР — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

ДАГНИР ГЛАУРУНГА — «Проклятие Глаурунга», надпись на могиле Турина.

ДАГОР АГЛАРЕБ — третья из великих битв в войнах Белерианда, с которой началась Осада Ангбанда; означает «Достославная Битва».

ДАГОР БРАГОЛЛАХ — «Битва Внезапного Пламени», четвертая великая битва в войнах Белерианда.

ДАГОРЛАД — «Ратное Поле», поле битвы к северу от Мордора, где в конце Второй Эпохи Саурон бился с войсками Последнего Союза.

ДАГОР-НУИН-ГИЛИАФ — «Битва-под-Звездами», вторая великая битва в войнах Белерианда, происшедшая в Митриме, после высадки Феанора, еще до появления Луны.

ДАЙРУИН — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

ДАР ИЛУВАТАРА ЛЮДЯМ — смерть, уход из Круга Мира.

ДАРИН — царь гномов Кхзад-Дума.

ДАЭРОН ПЕСНОПЕВЕЦ — певец и главный мудрец короля Тингола, создатель рун Кирт; был влюблен в Лутиэн и дважды предал ее.

ДАЭРОНОВЫ РУНЫ — см. КИРТ.

ДВА ДРЕВА — Белое и Золотое, созданные Йаванной и освещавшие Валинор; уничтожены Морготом и Унголиантой.

ДВА ПЛЕМЕНИ — эльфы и люди.

ДЕТИ ИЛУВАТАРА, ДЕТИ ЭРУ — эльфы и люди.

ДИМБАР — земля между реками Сирион и Миндеб.

ДИМРОСТ — «Дождливая Лестница», водопад на Келебросе, в лесу Брефиль. Позднее звался Нэн Гириф.

ДИОР — по прозванию Аранель и Элухиль, сын Берена и Лутиэн, отец Эльвинг, матери Эльронда и Эльроса; после смерти Тингола правил Дориафом; убит в Менегроте сыновьями Феанора.

ДНИ БЕГСТВА — см. ЧЕРНЫЕ ГОДЫ.

ДОЛ ГУЛДУР — крепость Чародея (Саурона) в южном Лихолесье в Третью Эпоху.

ДОЛМЭД — высокая гора в Эред-Луин, недалеко от гномьих городов Ногрода и Белегоста.

ДОР ДАЭДЭЛОФ — край на севере, которым владел Моргот.

ДОР ДИНЕН — пустынный край меж верховьями Эсгалдуина и Ароса.

ДОР КАРАНТИР — см. ТАРГЭЛИОН.

ДОР-КУАРТОЛ — «Земля Лука и Шлема», край, который защищали Белег и Турин из своего жилища на Эмон — Руд.

ДОР-ЛОМИН — край на юге Хифлума, принадлежавший Фингону и данный им во владение Дому Хадора; там жили Хурин и Морвен.

ДОР-НУ-ФАУГЛИФ — второе название Анфауглита.

ДОР ФИРН-И-ГУИНАР — «Земля Живущих Мертвых», название места в Оссирианде, где после возвращения жили Берен и Лутиэн

ДОРИАФ — «Огражденный Край», королевство Тингола и Мелиан в лесах Нэльдореф и Рэгион, огражденное Завесой Мелиан.

ДОРЛАС — халадин из Брефиля; с Турином и Гунтором отправился на бой с Глаурунгом, но струсил; убит Брандиром Хромым.

ДОРТОНИОН — лесистое плоскогорье на северной границе Белерианда.

ДРАКОНИЙ ШЛЕМ ДОР-ЛОМИНА — родовая святыня Дома Хадора, шлем, который носил Турин; назывался также Шлем Хадора.

ДРАКОНЫ — пресмыкающиеся огнедышащие твари, выведенные, по всей вероятности, Морготом; их праотцем считался Глаурунг, а первым крылатым драконом был Анкалагон. Были непомерно алчны и обладали гипнотическим даром.

ДРАУГЛУИН — гигантский волколак, убитый Хуаном на Тол-ин-Гаурхоте; в его облике Берен пробрался в Ангбанд.

ДРУЗЬЯ ЭЛЬФОВ — люди из Трех Домов — Беора, Халет и Хадора, то есть аданы; так же в Нуменоре называли Верных.

ДРЭНГИСТ — длинный и узкий залив, вдававшийся в Эред — Ломин; западная граница Хитлума.

ДУИЛЬВЕН — пятый приток Гелиона в Оссирианде.

ДУНАДАНЫ — см. НУМЕНОРЦЫ.

ДЭЛЬДУВАТ — «Тень ужаса и мрака», одно из позднейших названий Дортониона.

ДЭНЭТОР — сын Ленвэ; вождь нандоров, приведший их в Белерианд; пал на Эмон-Эреб в первой битве Белерианда.

Ж

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕНЕЦ — корона Моргота, в которую были вставлены Сильмарилы.

З

ЗАБЫТЫЙ НАРОД — см. ЭГЛАФ.

ЗАПАДНЫЕ ВЛАДЫКИ — одно из названий валаров.

ЗАЧАРОВАННЫЕ ОСТРОВА — острова, созданные валарами в Великом Море, к востоку от Тол-Эрессеа во времена Сокрытия Валинора.

ЗЕЛЕННЫЕ ЭЛЬФЫ — см. ЛАЙКВЕНДИ.

ЗЕМЛЯ ЖИВУЩИХ МЕРТВЫХ — см. ДОР ФИРН-И-ГУИНАР.

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВО — см. ЛАУРЕЛИН.

И

ИАНТ ЙАУР — Мост через Эсгалдуин на северной границе Дориафа.

ИБУН — один из сыновей Мима Карлика.

ИВРИН — озеро и водопад у подножия Эред — Ветрин, где начиналась река Нарог.

ИДРИЛЬ — по прозванию Целебриндал или Среброножка, дочь Тургона и Эленве; жена Туора и мать Эарендила; вместе с Туором уплыла на Запад.

ИЗГОИ — прозвание нолдоров, ушедших в Средиземье.

ИЛЛУИН — один из Светильников валаров, созданных Ауле. Стоял в северной части Средиземья, был обрушен Морготом. На его месте образовалось море Хелкар.

ИЛУВАТАР — Отец Всего, создатель Эа — Мира Сущего; он же Эру — Единый.

ИЛЬМАРИН — чертоги Манвэ и Варды на Таникветиле.

ИЛЬМАРЭ — майа, приближенная Варды.

ИЛЬМЕН — область неба, в которой находятся звезды.

ИМЛАДРИС — Раздол, владение Элронда в долине, в Мглистых Горах.

ИМЛАХ — отец Амлаха.

ИНГВЭ — вождь ваниаров; в Амানে жил на Таникветиле и считался Верховным Королем всех эльфов.

ИНДИС — эльфа из ваниаров, родственница Ингвэ и вторая жена Финвэ, мать Финголфина и Финарфина.

ИНЗИЛАДУН — старший сын Ар-Гимильзора и Инзилбет, позднее принял имя Тар-Палантира.

ИНЗИЛБЕТ — жена Ар-Гимильзора, из рода владетелей Андунизэ.

ИРИСНАЯ НИЗИНА — или Лоэг Нинглорон, громадные заросли камыша и ирисов на берегу и в прибрежной воде Андуина, где был убит Исильдур и потеряно Единое Кольцо.

ИРМО — валар, один из Феантури, называвшийся также Лориэн — по месту обитания.

ИСЕНГАРД — см. АНГРЕНОСТ.

ИСИЛЬ — квенийское название Луны.

ИСИЛЬДУР — старший сын Элендила; вместе с отцом и братом Анарионом спасся после гибели Нуменора и основал нуменорские королевства в Средиземье; владел Минас-Итилем; сорвал Единое Кольцо с руки Саурона; убит орками в Ирисной Низине.

ИСТАРИ — маги, майары, посланные в Третью Эпоху из Амана для противостояния Саурону.

Й

ЙАВАННА — вала из аратаров; супруга Ауле; звалась также Кементари и покровительствовала всему, что живет и растет.

К

КАБЕД НАЭРАМАРТ — см. КАБЕД-ЭН-АРАС.

КАБЕД-ЭН-АРАС — место на обрывистом берегу Тэйглина, где Турин убил Глаурунга и откуда бросилась Ниэнор; после ее смерти было названо Кабед Наэрамарт — «Прыжок Ужасной Судьбы».

КАЗАД — самоназвание гномов.

КАЗАД-ДУМ — громадное подгорное королевство гномов Даринова племени в Мглистых Горах; эльфы называли его Хадходронд.

КАЛАКВЕНДИ — Эльфы Света, Высшие Эльфы, которые жили в Амানে.

КАЛАКИРИЯ — ущелье в горах Пелорах, где был зеленый холм Туна.

КАЛЕНАРДОН — название Рохана, когда он еще был провинцией Гондора.

КАМЕНИСТЫЙ БРОД — см. САРН АТРАД.

КАМЛОСТ — «Пустая Рука», прозвание Берена.

КАРАГДУР — уступ на северном склоне Эмон Гвареф, откуда был сброшен Эол.

КАРАНТИР — четвертый сын Феанора, прозванный Мрачным; самый суровый и гневливый из братьев; правил в Таргэлионе; погиб при нападении на Дориаф.

КАРДОЛАН — край на юге Эриадора, часть королевства Арнор.

КАРНИЛЬ — «Красная Звезда», имя звезды.

КАРХАРОТ — он же АНФАУГЛИР, гигантский волк Ангбанда; откусил руку Берена, сжимавшую Сильмариль; убит Хуаном в Дориафе.

КВЕНДИ — «Говорящие», самоназвание всех эльфийских племен.

КВЭНТА СИЛЬМАРИЛЛИОН — «История Сильмариллов».

КВЭНЬЯ — древнее наречие эльфов, сложившееся в Валиноре; в Средиземье его принесли нолдоры, но в повседневной жизни оно не употреблялось, став языком науки, искусства и магии.

КЕЛЕБРАНТ — Серебрянка, река, вытекавшая из озера Зеркального, протекавшая через Лориэн и впадавшая в Андуин.

КЕМЕНТАРИ — «Земная Королева», титул Йаванны.

КИРИОН — третий сын Исильдура, погибший вместе с ним в Ирисной Низине.

КИРИФ НИННИАХ — ущелье, по которому Туор пришел к Западному Моря; см. АННОН-ИН-ГЕЛИД.

КИРИФ ТОРОНАФ — перевал в горах к северу от Гондолина, где Глорфиндель сражался с балрогом.

КИРТ — руны, созданные Даэроном из Дориафа; назывались также Даэроновы Руны.

КОЛЬЦА ВЛАСТИ — волшебные кольца, выкованные эльфами Эрегиона по наущению Саурона, а также Единое Кольцо, выкованное им самим.

КОЛЬЦО СУДЬБЫ — см. МАХАНАКСАР.

КОРОЛЛАЙРЭ — «Зеленый Холм» в Валиноре, на котором росли Два Древа; назывался также Эзеллохар.

КРАСНОЕ КОЛЬЦО — см. НАРЬЯ.

КРИССАЭГРИМ — горы к югу от Гондолина, где были гнездовья Торондора, Владыки Орлов.

КУЙВИЭНЕН — озеро на северо — востоке Средиземья, где проснулись эльфы и где нашел их Оромэ; в переводе означает «Воды Пробуждения».

КУЛУРИЭН — «Красно-золотой» — одно из имен Лаурелина.

КУРУНИР — он же Саруман Белый, глава Истари и Совета Мудрых; пытался завладеть Кольцом Всевластия; подпал под власть Саурона и погиб бесславно.

КУРУФИН — пятый сын Феанора, прозванный Искусником, отец Келебримбора; его история — см. КЕЛЕГОРМ.

КУРУФИНВЭ — «Острый Ум», см. ФЕАНОР.

КУТАЛИОН — «Могучий Лук», см. БЕЛЕГ.

КХИМ — сын Мима Карлика, убитый одним из людей Турина.

КЭЛОН — река, текущая на юг с Холма Химринг, приток Ароса.

КЭЛЬВАР — эльфийское слово, обозначающее животных, то есть «движущиеся живые существа».

Л

ЛАДРОС — земли на северо — востоке Дортониона, пожалованные нолдорскими королями людям из Дома Беора.

ЛАЙКВЭНДИ — «Зеленые Эльфы», название нандоров Оссирианда.

ЛАЛАЙФ — прозвание дочери Хурина, умершей в детстве.

ЛАММОФ — край к северу от залива Дренгист, где Моргот сражался с Унголиантой.

ЛАНТИР ЛАМАФ — водопад, у которого было жилище Диора в Оссирианде.

ЛАУРЭЛИН — «Золотозвездная», Золотое Древо Валинора; называлось также Малиналда, Кулуриэн.

ЛАЭР КУ БЕЛЕГ — название песни, сложенной Турином у Эйтель — Иврин в память о Белеге Куталионе.

ЛЕБЕДИНАЯ ГАВАНЬ — Альквалондэ.

ЛЕГОЛИН — третий из притоков Гелиона в Оссирианде.

ЛЕДЯНЫЕ ЧЕЛЮСТИ — см. ХЕЛКАРАКСЭ.

ЛЕМБАС — синдаринское название дорожного хлеба эльфов.

ЛЕНВЭ — вождь эльфов из отряда тэлери, которые отказались переходить Мглистые Горы; отец Дэнэтора.

ЛЕСНОЙ ДИКАРЬ — так назвал себя Турин при встрече с людьми Брефиля.

ЛЕСНЫЕ ЭЛЬФЫ — видимо, происходили от нандоров, живших в верховьях Андуина; населяли Великую Зеленую Пущу.

ЛИНАЭВЕН — «Птичье Озеро» в Неврасте.

ЛИНДОН — название Оссирианда в Предначальной Эпохе; позднее так назывались все земли к западу от Синих Гор, что еще оставались над водой.

ЛИНДОРИЭ — мать Инзилбет.

ЛИХОЛЕСЬЕ — см. ВЕЛИКОЕ ЗЕЛЕНОЛЕСЬЕ.

ЛОМИОН — «Сын Сумерек»; см. МАЭГЛИН.

ЛОРГАН — вождь смуглолицых, после Нирнаэф Арноэдиад захвативших Хифлум; у него в рабстве был Туор.

ЛОРЕЛЛИН — озеро в Лориэне (1), где днем отдыхает вала Эсте.

ЛОРИЭН —

1. Название садов и жилища вала Ирмо, которого иногда называли так же.

2. Край между Келебрантом и Андуином, которым правили Галадриэль и Целеборн.

ЛОРИНДОЛ — «Златовлас»; см. ХАДОР.

ЛОСГАР — место в устье залива Дрэнгист, где после высадки по приказу Феанора были сожжены корабли.

ЛОТЛАНН — большая пустынная равнина к северу от Предела Маэдроса.

ЛОЭГ НИНГЛОРОН — см. ИРИСНАЯ НИЗИНА.

ЛУИНИЛЬ — «Голубая Звезда», имя звезды.

ЛУМБАР — имя звезды.

ЛУТИЭН ТИНУВИЭЛЬ — «Дева-Цветок», «Соловей»; дочь короля Тингола и Майи Мелиан, которая помогла Берену добыть Сильмариль; вернула Берена из мертвых и, став его женой, избрала судьбу смертных.

ЛЕЙТИАН — «Освобождение от Оков»; название баллады о Берене и Лути-

ЭН.

ЛЮДИ — Дети Илуватара, аданы и т. д., создания Эру, пробудившиеся в Хильдориэне, на дальнем востоке Средиземья, при первом восходе Солнца. По замыслу Илуватара, они смертны, то есть не возрождаются в этом Круге Мира. Ближе всего к эльфам были Три Дома аданов, разделившие Жребий нолдоров.

ЛЮДИ КОРОЛЯ — нуменорцы, враждебные эльдарам и Верным.

М

МАГИ — см. ИСТАРИ.

МАГЛОР — второй сын Феанора, певец; владел землей, называвшейся Маглорovy Врата; в конце Предначальной Эпохи вместе с Маэдросом похитил Сильмарилы, взял один из них и бросил в Море.

МАГЛОРОВЫ ВРАТА — край между северными рукавами Гэлиона, где не было холмов, защищающих от удара с Севера.

МАГОР — сын Малаха Арадана, уведший людей племени Мараха к подножиям Эред-Вэтрин.

МАЙАРЫ — айнуры, ступенью ниже валаров.

МАЛАХ — сын Мараха, прозванный эльфами Арадан, Король.

МАЛДУИН — приток Тейглина.

МАЛИНАЛДА — «Золотое Древо», см. ЛАУРЭЛИН.

МАЛЫЙ ГЭЛИОН — одна из двух рек, образовывавших Гелион; брала начало на Холме Химринг.

МАНВЭ — глава валаров, называвшийся также Сулимо, Старейшина, Правитель Арды.

МАНДОС — место обитания в Амানে валара Намо, которого обычно так и звали

МАРАХ — вождь третьего племени людей, пришедших в Белерианд; предок Хадора Лориндола.

МАРДИЛЬ — прозванный Верным, первый Князь — Наместник Гондора.

МАР-НУ-ФАЛМАР — «Земля-под-Волнами», название Нуменора после того, как он затонул.

МАХАЛ — так гномы называли Ауле.

МАХАНАКСАР — Кольцо Судьбы у врат Валмара, в котором были троны валаров и куда они собирались для совета.

МАХТАН — искусный кузнец — нолдор, отец Нерданэли, жены Феанора.

МАЭГЛИН — сын Эола и Арэдэль, родившийся в Нан Эльмоте; мать звала его Ломион; предал Гондолин Морготу и был убит Туором.

МАЭДРОС — старший сын Феанора, звавшийся Высоким; Фингон спас его в Тангородрими; владел Холмом Химринг и землями вокруг; создал Союз Маэдроса, которому пришел конец в Нирнаэф Арноэдиад; в конце Предначальной Эпохи унес с собой один из Сильмарилей и с ним погиб.

МГЛИСТЫЕ ГОРЫ — горная гряда, с севера на юг пролежавшая через Средиземье.

МЕЛИАН — майа, покинувшая Валинор ради Средиземья; супруга Тингола и мать Лутиэн; создала вокруг Дориафа зачарованную Завесу Мелиан.

МЕЛЬКОР — мятежный валар, по происхождению могущественнейший из них, прародитель зла; позднее назывался Моргот Бауглир, Черный Властелин, Враг.

МЕНЕГРОТ — потаенные чертоги Тингола и Мелиан у реки Эсгалдуин в До-

риафе; в переводе означает «Тысяча Пещер».

МЕРЭФ АДЭРТАД — Праздник Воссоединения, устроенный Финголфином у озера Иврин.

МИМ — карлик, в чьем жилище на Эмон — Руд жил Турин со своей шайкой; предал Турина оркам; убит Хурином в Наргофронде.

МИНАС АНОР — Крепость Восходящего Солнца, город Анариона у подножия горы Миндоллуин.

МИНАС ИФИЛЬ — Крепость Восходящей Луны, город Исильдура на склоне Эфель Дуафа.

МИНАС МОРГУЛ — Крепость Злых Чар, название Минас Ифиль после того, как она была захвачена назгулами.

МИНАС ТИРИФ — Крепость-Страж:

1. Крепость, выстроенная Финродом на острове Тол Сирион.

2. Название Минас Анор после захвата Врагом Минас Ифиль.

МИНДЕБ — приток Сириона между Димбаром и лесом Нэльдореф.

МИНДОЛЛУИН — гора, у подножия которой был возведен Минас Анор.

МИНДОН ЭЛЬДАЛИЭВА — башня Ингвэ в Тирионе; называлась также просто Миндон.

МИРИЭЛЬ —

1. Первая жена Финвэ, мать Феанора; умерла после рождения сына. Прозывалась Сериндэ.

2. Дочь Тар-Палантира, которую насильно взял в жены Ар-Фаразон. Носила имя Ар-Зимрафель или Тар-Мириэль.

МИФЛОНД — гавани эльфов на берегу Синего залива; назывались Серебристыми Гаванями или просто Гаванями.

МИФРАНДИР — «Серебристый Странник», один из истари (магов); был Хранителем Красного Кольца. Северяне звали его Гэндальф, а его имя в Валиноре было Олорин.

МИФРИМ — большое озеро на востоке Хифлума, а также земли вокруг озера и горы, на западе отделявшие Мифрим от Дор-Ломина.

МОРВЕН — дочь Барагунда, жена Хурина и мать Турина и Ниэнор; звалась Эледвен и Владычица Дор-Ломина.

МОРГОТ — «Черный Враг», имя, которое дал Мелькору Феанор после похищения Сильмарилей.

МОРДОР — Черный Край, владения Саурона к востоку от Эфель Дуаф.

МОРИКВЕНДИ — «Эльфы Тьмы», см. ТЕМНЫЕ ЭЛЬФЫ.

МОРИЯ — «Черная Бездна», см. КАЗАД-ДУМ.

МОРМЕГИЛЬ — «Черный Меч», имя, данное Турину в Наргофронде.

МОСТ ЧЕРЕЗ ЭСГАЛДУИН — см. ИАНТ ЙАУР.

МУДРЫЕ — маги и величайшие эльдары Средиземья; см. БЕЛЫЙ СОВЕТ.

МЭНЭЛЬ — высшее небо, область звезд.

МЭНЭЛЬМАКАР — Небесный Меченосец, созвездие Ориона.

МЭНЭЛЬДИЛЬ — сын Анариона, король Гондора.

МЭНЭЛЬТАРМА — «Небесная Колонна», гора посреди Нуменора; на ее вершине была святыня Эру.

Н

НАЗГУЛЫ — см. ПРИЗРАКИ КОЛЬЦА.

НАМО — валар, один из аратаров, обычно назывался Мандос, владетель Па-

лат Мертвых.

НАН ДУНГОРФЕБ — долина между Эред Горгороф и Завесой Мелиан.

НАН-ТАТРЕН — Край Ив, долина при впадении Нарога в Сирион.

НАН ЭЛЬМОТ — лес к востоку от Кэллона, где Эльвэ встретил Мелиан; позднее там жил Эол.

НАНДОРЫ — эльфы, которые остались с Ленвэ в верховьях Андуина; часть их Денетор привел в Оссирианд.

НАРГОФРОНД — подземная твердыня у реки Нарог, созданная Финродом и разрушенная Глаурунгом, а также владения Финрода к востоку и северу от Нарога.

НАРН И ХИН ХУРИН — Повесть о Детях Хурина, приписываемая поэту Дирхавелю, человеку, жившему в Сирионских Гаванях во времена Эарендила и погибшему при нападении сыновей Феанора.

НАРОГ — самая крупная река Западного Белерианда, вытекавшая из — под Эред Вэтрин у Иврина и впадавшая в Сирион в Нан-Татрене.

НАРСИЛЬ — меч Элендила, выкованный Тэльхаром из Ногрода; сломался, когда погиб Элендила, и обломки хранились в Имладрисе; был перекован для Арагорна и назван Андуриль.

НАРСИЛИОН — название песни о Луне и Солнце.

НАРЬЯ — одно из Трех Колец эльфов, Кольцо Огня, или Красное Кольцо; его хранил Цирдан, а потом передал Мифрандиру.

НАУГЛАМИР — Ожерелье Гномов, сделанное для Финрода; Хурин принес его из Наргофронда Тинголу; в него был вставлен Сильмариль.

НАУГРИМЫ — синдарийское название гномов.

НАХАР — конь валара Оромэ.

НЕРДАНЭЛЬ — по прозвищу Мудрая, дочь Махтана — кузнеца и жена Феанора.

НИВРИМ — часть Дориафа на западном берегу Сириона.

НИМБРЕФИЛЬ — березовые леса в Арверниен, на юге Белерианда.

НИМЛОТ —

1. Белое Древо Нуменора, плод которого был похищен Исильдуром и вырос в Белое Древо Минас Ифиля; сожжено по велению Саурана.

2. Эльфа из Дориафа, жена Диора и мать Элуредда, Элурина и Эльвинг; погибла при нападении сыновей Феанора на Дориаф.

НИМФЕЛОС — крупная жемчужина, которую Тингол подарил царю Белегоста.

НИНИЭЛЬ — «Дева-Слеза», имя, которое Турин дал своей сестре Ниэнор.

НИНКВЭЛОТЭ — «Белый Цветок», одно из имен Тэлпериона.

НИРНАЭФ АРНОЭДИАД — «Бессчетные Слезы», имя, данное Пятой Битве в войнах Белерианда.

НИФРЕДИЛЬ — белый цветок, расцветший в Дориафе, когда родилась Лутиэн; эти цветы росли также на Керин Амрос в Лориэне.

НИЭННА — вала, входившая в число аратаров; владычица скорби и плача, сестра Мандоса и Лориэна.

НИЭНОР НИНИЭЛЬ — дочь Хурина и Морвен, сестра Турина; околдованная Глаурунгом, стала женой Турина в Брефиле; бросилась в Тэйглин.

НОГРОД — один из двух гномьих городов в Синих Горах; гномы называли его Тумунзахар.

НОЛДОЛАНТЭ — «Падение Нолдоров», плач, сочиненный Маглором.

НОЛДОРЫ — Премудрые Эльфы, второй отряд эльдаров, вышедший от Куйвиэнен под предводительством Финвэ.

НОМ, НОМИН — «Мудрый», «Мудрые»; имена, которые люди Беора дали Финроду и его соплеменникам.

НОЭГИТ НИБИН — карлики, родственное гномам племя, жившее в пещерах у Нарога до прихода нолдоров.

НУЛУККИЗДИН — гномье название Наргофронда.

НУМЕНОР — Западный Край; остров, созданный валарами для аданов после окончания Предначальной Эпохи; звался также Анадунэ, Андор, Эленна, Звездная Земля.

НУМЕНОРЦЫ — жители Нуменора, которые назывались еще дунаданами — «людьми Запада».

НУРТАЛЭ ВАЛИНОРЭВА — «Сокрытие Валинора», произошедшее после ухода нолдоров, когда валары закрыли для мятежников путь на Запад.

НЭВРАСТ — край к западу от Дор — Ломина, где жил Тургон до того, как ушел в Гондолин.

НЭЙТАН — «Несправедливо Обиженный», имя, которое Турин дал себе среди отверженных.

НЭЛЬДОРЕФ — большой буковый лес, северная часть Дориафа.

НЭН ГИРИФ — «Содрогающаяся Вода», см. ДИМРОСТ.

НЭНАР — имя звезды.

НЭННИНГ — река в Западном Белерианде, впадавшая в Море у Эглареста.

НЭНУИАЛ — «Озеро Сумерек» в Эриадоре, из которого вытекала река Берендуин и возле которого был построен Аннуминас.

НЭНЬЯ — одно из Трех Колец эльдаров, Белое Кольцо с адамантом, Кольцо Воды, хранимое Галадриэлью.

НЭССА — вала, сестра Оромэ и супруга Тулкаса.

ОДИНОКИЙ ОСТРОВ — см. ТОЛ ЭРЕССЕА.

ОЖЕРЕЛЬЕ ГНОМОВ — см. НАУГЛАМИР.

ОЙЛОССЭ — «Вечноснежная», так эльдары обычно называли Таникветиль.

ОЙОМУРЭ — туманный край недалеко от Хелкараксэ.

ОКРУЖНОЕ МОРЕ — см. ЭККАЙА.

ОКРУЖНЫЕ ГОРЫ — см. ЭККОРИАФ.

ОЛОРИН — см. МИФРАНДИР.

ОЛЬВАР — эльфийское слово, обозначающее растения.

ОЛЬВЭ — вместе с братом Эльвэ вел отряд тэleri на Запад; владыка Альквалондэ, отец Эарвен, жены Финарфина.

ОРКИ — творения Моргота, предположительно искаженные и извращенные авари; уродливы, злобны, враги красоты и порядка, поедатели падали и каннибалы.

ОРЛЫ МАНВЭ — гигантские орлы, гнездившиеся в Криссаэгриме; исполняли веления Манвэ.

ОРМАЛ — Светильник валаров, стоявший на юге Средиземья.

ОРОДРЕФ — второй сын Финарфина, держал крепость Минас Тириф на Тол Сирионе; после смерти Финрода был королем Наргофронда; отец Финдуилас;

погиб в битве при Тумхаладе.

ОРОДРУИН — Огненная Гора в Мордоре, где Саурон сковал Кольцо Всевластья; называлась также Амон Амарт — Роковая Гора.

ОРОКАРНИ — горы на востоке Средиземья.

ОРОМЭ — валар из аратаров, охотник; вел эльфов от Куйвиенен; супруг Ваны.

ОРОМЭТ — гора недалеко от гавани Андуние на западе Нуменора, на которой была построена башня Тар-Минастира.

ОРТХАНК — нуменорская башня в Кольце Исенгарда.

ОРФАЛЬК ЭХОР — расселина в Окружных Горах, ведшая в Гондолин.

ОСГИЛИАФ — «Звездная Цитадель», главный город древнего Гондора, расположенный по обоим берегам Андуйна.

ОССЭ — майар, вассал Ульмо, владыка морей; друг тэлери.

ОССИРИАНД — Край Семи Рек, где протекали Гелион и шесть его притоков; там жили Зеленые Эльфы.

ОСТ-ИН-ЭДИЛЬ — эльфийский город в Эрегионе.

ОТЛУЧЕННЫЕ — прозвание Дома Феанора.

ОХРАННЫЕ ГОРЫ — см. ПЕЛОРЫ.

ОХТАР — оруженосец Исильдура, принесший в Имладрис обломки меча Элендила.

П

ПАДУБЬ — см. ЭРЕГИОН.

ПАЛАНТИРЫ — «Видящие Издалека», семь Всевидящих Камней, которые привезли из Нуменора Элендиль и его сыновья; были сделаны в Амани Феанором.

ПАСТЫРИ ДРЕВ — энты

ПЕЛАРГИР — нуменорская гавань и город в дельте Андуйна; позднее принадлежал Гондору.

ПЕЛОРЫ — они же Горы Аманы, Охранные Горы; возведены валарами после разрушения их жилища на Альмарене; тянулись с севера на юг по восточному побережью Аманы.

ПЕРВОРОЖДЕННЫЕ — см. ЭЛЬФЫ.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ ТЭЙГЛИНА — в юго-западной части леса Брефиль, где старый тракт, шедший на юг от Теснины Сириона, пересекал Тейглин.

ПЕРИАНЫ — Полурослики.

ПЛЕМЯ ХАЛЕТ — см. ХАЛАДИНЫ.

ПОДГОРНОЕ ЦАРСТВО — см. КАЗАД-ДУМ.

ПОКИНУТЫЕ ЗЕМЛИ — см. СРЕДИЗЕМЬЕ.

ПОЛУСВЕТНЫЕ ВОДЫ — см. АЭЛИН-УИАЛ.

ПОСЛЕДНИЙ СОЮЗ — союз, заключенный в конце Второй Эпохи между Элендилем и Гиль-Галадом против Саурона.

ПОТАЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО — см. Дориаф.

ПРИЗРАКИ КОЛЬЦА — они же назгулы, улайры; рабы Девяти Колец и слуги Саурона.

ПРОРОЧЕСТВО СЕВЕРА — Жребий нолдоров, произнесенный Мандосом на берегу Арамана.

ПРЯМОЙ ПУТЬ — тропа над Морем, ведущая на Истинный Запад, которой эльфы могли воспользоваться после гибели Нуменора.

Р

РАГНОР — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

РАДАГАСТ — один из истари (магов).

РАДРУИН — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

РАЗДЕЛЯЮЩИЕ МОРЯ — моря между Аманом и Средиземьем.

РАМДАЛ — восточный конец Андрама.

РАНА — «Бродяга», нолдорское имя Луны.

РАТЛОРИЭЛЬ — новое название Аскара после того, как в нем были утоплены сокровища Дориафа.

РАТНОЕ ПОЛЕ — см. **ДАГОРЛАД**.

РАУРОС — большой водопад на реке Андуин.

РЕЗНЯ — убийство тэлери нолдорами в Альквалондэ.

РИАН — дочь Белегунда, жена Хуора и мать Туора; после гибели Хуора умерла с горя у Хауд-эн-Ндэнгин.

РИВИЛЬ — ручей, сбегавший на севере с Дортониона и впадавший в Сирион в Топях Серех..

РИНГВИЛЬ — ручей, впадавший в Нарог у Наргофронда.

РИНГИЛЬ — «Льдистая Звезда», меч Финголфина.

РОАНДИИЦЫ — жители Роханда, вассального Гондору.

РОВАНИОН — Глухоманье, пустынный край к востоку от Мглистых Гор.

РОКОВАЯ ГОРА — см. **ОРОДРУИН**.

РОМЭННА — гавань на восточном побережье Нуменора.

РОТИНЗИЛЬ — название Вингилота на адунаике.

РОХАЛЛОР — конь Финголфина.

РОХАН — «Земля Коней»; новое название большой травянистой равнины Каленардон после того, как она была отдана во владение роандийцам.

РУДАУР — край на северо — западе Эриадора.

РУМИЛЬ — нолдорский мудрец из Тириона, изобретатель первых рун.

РЭГИОН — густой лес, покрывающий южную часть Дориафа.

РЭРИР — гора к северу от озера Хелеворн, где начинался большой из двух рукавов Гелиона.

С

САЛМАР — майар, пришедший в Арду с Ульмо, создатель Улумури.

САРН АТРАД — Каменистый Брод, где Гномий Тракт пересекал Гэлион.

САРУМАН — так северяне называли Курунира.

САУРОН — он же Гортхаур; майар Ауле, позднее могущественнейший слуга Моргота, после его падения стал Черным Властелином; отковал Кольцо Всевластья и сгинул, когда оно было уничтожено.

САЗРОС — нандор, один из советников Тингола; оскорбил Турина в Менегроте и погиб, преследуемый им.

СЕМЬ ПРАОТЦЕВ ГНОМОВ — семь гномов, первыми созданные Ауле.

СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ — см. **МИФЛОНД**.

СЕРЕБРИСТЫЙ ПЛАЩ — см. **ТИНГОЛ**.

СЕРЕГОН — «кровь камня», растение с темно — красными цветами, росшее на Амон Руд.

СЕРЕХ — топи на севере Теснины Сириона, где река Ривиль, стекая с Дортониона, впадала в Сирион.

СЕРИНДЭ — «Вышивальщица»; см. **МИРИЭЛЬ** (1).

СЕРП ВАЛАРОВ — см. ВАЛАКИРКА.

СИЛЬМАРИЭН — дочь Тар-Элендила, четвертого короля Нуменора; мать первого владетеля Андунизэ.

СИЛЬМАРИЛИ — три алмаза, сотворенные Феанором и наполненные светом Двух Древ; были похищены Морготом. С ними связана вся история Предначальной Эпохи.

СИНГОЛЛО — см. ТИНГОЛ.

СИНДАРИН — наречие Белерианда, произошедшее от эльфийского праязыка, но сильно отличавшееся от квенья.

СИНДАРЫ — Сумеречные Эльфы; тэлери, жившие в Белерианде (кроме Зеленых Эльфов).

СИНЕЕ КОЛЬЦО — см. ВИЛЬЯ.

СИННИЕ ГОРЫ — см. ЭРЕД ЛУИН.

СИНИЙ ЗАЛИВ — залив на западе Эриадора; в месте, где в залив впадала река Синяя, был построен Мифлонд.

СИНЯЯ РЕКА — река в Эриадоре, впадавшая в Синий Залив.

СИРИОН — громадная река, протекавшая с севера на юг и разделявшая Западный и Восточный Белерианд.

СМУГЛОЛИЦЫЕ — люди с Востока, в Белерианде появились после Дагор Браголлах и сражались на обеих сторонах в Нирнаэф Арноэдиад.

СОВЕТ МУДРЫХ — см. БЕЛЫЙ СОВЕТ.

СОРОНУМЭ — название созвездия.

СОЮЗ МАЭДРОСА — союз, созданный Маэдросом для борьбы с Морготом и распавшийся при Нирнаэф Арноэдиад.

СРЕДИЗЕМЬЕ — земли к востоку от Великого моря; назывались также Покинутые Земли, Внешние Земли, Великие Земли, Эндор, Эннор.

СТАРЕЙШИНА — см. МАНВЭ.

СУМЕРЕЧНОЕ НАРЕЧИЕ — синдарин.

СУМЕРЕЧНЫЕ ЭЛЬФЫ — см. СИНДАРЫ.

СУХАЯ РЕКА — река, некогда протекавшая под Окружными Горами из озера, на месте которого возникла долина Тумладен.

СЫНОВЬЯ ФЕАНОРА — Маэдрос, Маглор, Келегорм, Карантир, Куруфин, Амрод, Амрас.

Т

ТАЙНЫЙ ПЛАМЕНЬ — Суть Жизни Мира, хранимая Илуватаром.

ТАЛАТ ДИРНЕН — Хранимая Равнина на севере Наргофронда.

ТАЛАТ РУНЕН — прежнее название Таргэлиона.

ТАЛИОН — см. ХУРИН.

ТАЛОС — второй из притоков Гэлиона в Оссирианде.

ТАНГОРОДРИМ — горная цепь, возведенная Морготом перед Ангбандом; обрушена в Великой Битве в конце Предначальной Эпохи.

ТАНИКВЭТИЛЬ — самая высокая гора Пелоров и всей Арды; на вершине ее находится Ильмарин; другие имена — Ойолоссе, Амон Уилос.

ТАР-АНКАЛИМОН — четырнадцатый король Нуменора, при котором нуменорцы разделились на две враждующие партии.

ТАР-АТАНАМИР — тринадцатый король Нуменора, к которому явились посланцы валаров.

ТАР-КАЛИОН — см. АР-ФАРАЗОН.

ТАР-КИРИАТАН — по прозвищу Корабел, двенадцатый король Нуменора.

ТАР-МИНАСТИР — одиннадцатый король Нуменора, который помог Гиль-Галаду в борьбе с Сауроном.

ТАР-МИНИАТУР — см. ЭЛЬРОС.

ТАР-МИРИЭЛЬ — см. МИРИЭЛЬ (2).

ТАР-ПАЛАНТИР — двадцать третий король Нуменора, отрекшийся от деяний своих предшественников; отец Мириэль (2); см. ИНЗИЛАДУН.

ТАР-ЭЛЕНДИЛЬ — четвертый король Нуменора, отец Сильмариэн.

ТАРАС — гора на оконечности Нэвраста; у ее подножия был Виниамар, прежнее жилище Тургона.

ТАРГЭЛИОН — «Край за Гэлионом», между горой Рерир и рекой Аскар, где жил Карантир; назывался также Дор Карантир — «Земля Карантира».

ТАРН АЭЛУИЛ — озеро в Дортонионе, у которого погибли Барахир и его спутники.

ТАУР-ИМ-ДУИНАТ — «Лес-между-Реками», название дикого края южнее Андрама, между Сирионом и Гэлионом.

ТАУР-НУ-ФУИН — позднейшее название Дортониона.

ТАУРОН — «Владыка Лесов», имя Оромэ среди синдаров.

ТАУР-ЭН-ФАРОФ — лесистые нагорья на западном берегу реки Нарог выше Наргофронда; назывались также Большой Фароф.

ТЕЛЕМНАР — двадцать шестой король Гондора.

ТЕЛУМЕНДИЛЬ — имя созвездия.

ТЕМНЫЕ ЭЛЬФЫ — Мориквенди; в Амане так назывались все эльфы, не переплывавшие Великое Море. Во времена изгнания нолдоров так называли всех прочих эльфов, кроме нолдоров и синдаров (смешивая мориквенди и авари).

ТЕНЕВОЙ ХРЕБЕТ — см. ЭРЭД ВЕТРИН.

ТЕНЬ — иносказательное название Черной Власти.

ТИЛИОН — майар, управляющий Луной.

ТИНГОЛ (СИНГОЛЛО) — имя, под которым Эльвэ, брат Ольвэ, был (известен в Белерианде; означает «Серебристый Плащ». Вместе с Мелиан правил в Дориафе и был владыкой всех синдаров Белерианда. Отец Лутиэн. По воле случая на него пало Проклятие Нолдоров, и его убили гномы — из-за Сильмариля.

ТИНТАЛЛЭ — «Возжигательница Звезд», имя Варды.

ТИНУВИЭЛЬ — см. Лутиэн.

ТИРИОН — город эльфов на холме Туна в Амане.

ТОЛ ГАЛЕН — Зеленый Остров посреди реки Адурент, где, вернувшись из мертвых, жили Берен и Лутиэн.

ТОЛ-ИН-ГАУРХОТ — см. ТОЛ СИРИОН.

ТОЛ МОРВЕН — остров в море после затопления Белерианда, на котором стоял могильный камень Турина, Низнор и Морвен.

ТОЛ СИРИОН — остров посреди реки в Теснине Сириона, на котором Финрод построил Минас Тириф; был захвачен Сауроном и назван Тол-ин-Гаурхот — Остров Волколаков.

ТОЛ ЭРЕССЭА — Одинокий Остров, куда Ульмо перевез через океан ваниров и нолдоров, а позднее тэлери и который остался в заливе Эльдамар. Тэлери жили там, пока не переселились в Альквалондэ; после окончания Предначальной Эпохи там жили многие нолдоры и синдары.

ТОРОНДОР — владыка Орлов, гнездившихся в Криссаэгриме.

ТРАНДУИЛЬ — синдар, король Лесных Эльфов северной Зеленой Пущи.

ТУЛКАС — валар, последним пришедший в Арду; звался также Астальдо — Доблестный.

ТУМЛАДЭН — потаенная долина в Окружных Горах, посреди которой стоял город Гондолин.

ТУМУНЗАХАР — см. НОГРОД.

ТУМХАЛАД — долина в краю меж деками Гинглиф и Нарог, где было разбито войско Наргофронда.

ТУНА — зеленый холм в Калакирии, на котором стоял Тирион.

ТУОР — сын Хуора и Риан; усыновлен эльфами Мифрима; принес в Гондолин послание Ульмо; муж Идриль и отец Эарендиля; спасся после гибели Гондолина; на корабле Эарраме уплыл на Запад.

ТУР ХАРЕТА — Хауд-эн-Арвен.

ТУРАМБАР — «Властелин Судьбы», имя, принятое Турином в Брефиле.

ТУРГОН — прозванный Мудрым; второй сын Финголфина; жил в Нэвросте, потом возвел Гондолин; погиб вместе с городом; отец Идриль.

ТУРИН — сын Хурина Талиона и Морвен Эледвен; был доблестным воином, но над ним тяготело проклятие Моргота. Им был убит Глаурунг.

ТХУРИНГВЭТИЛЬ — посланница Саурона в облике гигантской летучей мыши; в ее обличье Лутиэн пробралась в Дорияф.

ТЫСЯЧА ПЕЩЕР — см. МЕНЕГРОТ.

ТЭЙГЛИН — приток Сириона, начинавшийся в Эред Ветрин и протекавший на юге леса Брефиль.

ТЭЛЕРИ — третий и самый большой из отрядов эльфов, вышедших на запад; вожди — Эльвэ и Ольвэ; тэлери, не покинувшие Средиземья, разделялись на синдаров и нандоров.

ТЭЛПЕРИОН — Белое Древо, старшее из Двух Древ Валинора; называлось также Сильпион, Нинквэлотэ.

ТЭЛЬХАР — самый знаменитый кузнец Ногрода, создатель Ангриста и Нарсила.

У

УЙНЭН — майя, владычица Морей, супруга Оссе.

УЛАЙРЫ — см. ПРИЗРАКИ КОЛЬЦА.

УЛУМУРИ — огромные поющие рога — раковины, сделанные для Ульмо майаром Салмаром.

УЛЬВАРТ — сын Ульфанга Черного, убитый сыновьями Бора в Нирнаэф Арноэдиад.

УЛЬДОР — по прозванию Проклятый, сын Ульфанга Черного, убит Маглом в Нирнаэф Арноэдиад.

УЛЬМО — валар из аратаров, звался Владыка Вод и Морской Король.

УЛЬФАНГ ЧЕРНЫЙ — вождь Смуглолицых, со своими тремя сыновьями служивший Карантиру и предавший его в Нирнаэф Арноэдиад.

УЛЬФАСТ — сын Ульфанга Черного, убит сыновьями Бора в Нирнаэф Арноэдиад.

УМАНИАРЫ — эльфы, не бывшие в Амане.

УМБАР — большая природная гавань и крепость нуменорцев к югу от залива Бельфалас.

УНГОЛИАНТА — гигантская паучиха; вместе с Морготом убила Два Древа.

УРТЭЛЬ — один из двенадцати спутников Барахира в Дортонионе.

УТУМНО — первая большая цитадель Мелькора на севере Средиземья, разрушенная валарами.

ФАЭЛИВРИН — «Солнечный Блик на Водах Иврита»; см. ФИНДУИЛАС.

ФЕАНОР — старший сын Финвэ, единственный сын Мириэль (1), сводный брат Финголфина и Финарфина. Его прежнее имя было Куруфинвэ; «Феанор» означает «Пламенный Дух». Вдохновитель мятежа нолдоров; создатель Сильмарилей и Феаноровых Рун; погиб в Мифриме при Дагор-ну-ин-Гиляф.

ФЕАНТУРИ — «Владыки Духа», валары Намо и Ирмо.

ФЕЛАГУНД — прозвище Финрода.

ФИНАРФИН — младший сын Финвэ и Индис; остался в Амানে после Исхода нолдоров и правил теми, кто остался в Тирионе. Он и его потомки были золотоволосы.

ФИНВЭ — вождь нолдоров в походе на запад от Куйвиэнен, король нолдоров в Амানে; отец Феанора, Финголфина и Финарфина, убит Морготом в Форменосе.

ФИНГОЛФИН — старший сын Финвэ и Индис, верховный король нолдоров в Белерианде, жил в Хифлуме. Убит Морготом в единоборстве.

ФИНГОН — старший сын Финголфина, прозванный Доблестным; спас Маэдраса в Тангородрими; после смерти отца был верховным королем нолдоров; убит Готмогом в Нирнаэф Арноэдиад.

ФИНДУИЛАС — дочь Ородрефа, которую любил Гвиндор и назвал Фаэливрин; любила Турина; была убита орками у Перекрестья Тэйглина.

ФИНРОД — старший сын Финарфина, прозванный Верным и Другом Людей; основатель и король Наргофронда, сопровождал Берена и погиб, защищая его, в темнице Тол-ин-Гаурхота.

ФИРИМАРЫ — Смертные, так эльфы называли людей.

ФОРМЕНОС — крепость Феанора и его сыновей на севере Валинора, построенная после изгнания Феанора из Туны.

ФОРНОСТ — нуменорский город на Северных Нагорьях в Эриадоре.

ФРОДО — хафлинг, Хранитель Кольца Всевластья.

ФУИНУР — нуменорец — изменник, возвысившийся среди харадримцев в конце Второй Эпохи.

Х

ХАДОР — прозванный Лориндол, владыка Дор Ломина и вассал Финголфина, отец Галдора; погиб при Эйфель Сирион.

ХАДХОДРОНД — см. КАЗАД — ДУМ.

ХАЛАДИНЫ — второе племя людей, пришедших в Белерианд; позднее назывались племя Халет; жили в лесу Брефиль.

ХАЛЕТ — звалась Владычицей Халет, увела халадинов из Таргэлиона в земли к западу от Сириона.

ХАЛЬДАД — вождь халадинов, командовал ими в сражении с орками в Таргэлионе и погиб; отец Халет.

ХАЛЬДАН — сын Хальдара, вождь халадинов после смерти Халет.

ХАЛЬДАР — сын Хальдада и брат Халет; погиб вместе с отцом.

ХАЛЬДИР — сын Хальмира Бретильского, супруг Глорэдэль; убит в Нирнаэф Арноэдиад.

ХАЛЬМИР — вождь халадинов, сын Хальдана; вместе с Белегом разбил орков, проникших через теснину Сириона после Дагор Браголлах.

ХАНДИР — сын Хальдира и Глорэдэль, отец Брандира Хромого; вождь халадинов после смерти Хальдира; погиб в Брефиле, в сражении с орками.

ХАРАДРИМЦЫ — жители Харада, земель к югу от Мордора.

ХАРЕТ — дочь Хальмира Брефильского, жена Галдора и мать Хурина и Хуора.

ХАТАЛЬДИР ЮНЫЙ — один из двенадцати спутников Барахира.

ХАТОЛ — отец Хадора Лориндола.

ХАУД-ЭН-АРВЕН — «Могилы Владычицы», погребальный курган Халет в лесу Брефиль.

ХАУД-ЭН-НДЭНГИН — «Курган Мертвецов» в пустыне Анфауглиф, сложенный из тел людей и эльфов, погибших в Нирнаэф Арноэдиад. Назывался также Хауд-эн-Нирнаэф.

ХАУД-ЭН-ЭЛЛЕТ — курган, в котором погребли Финдуилас близ Перекрестья Тэйглина.

ХЕЛЕВОРН — «Черное Стекло», озеро на севере Таргелиона, близ горы Рэрир, где жил Карантир.

ХЕЛКАР — внутреннее море на северо-востоке Средиземья, на месте которого стоял столп Светильника Иллуин; озеро Куйвиэнен считалось заливом этого моря.

ХЕЛКАРАКСЭ — пролив между Араманом и Средиземьем, назывался также Вздыбленный Лед и Ледяные Челюсти.

ХЕЛЛУИН — звезда Сириус.

ХИАРМЭНТИР — самая высокая гора на юге Валинора.

ХИЛЬДОРИЭН — край на востоке Средиземья, где пробудились первые люди.

ХИЛЬДОРЫ — Пришедшие Следом, эльфийское название людей.

ХИМЛАД — край к югу от Аглона, где жили Целегорм и Куруфин.

ХИМРИНГ — огромный холм на западе от Маглоровых Врат, где была твердыня Маэдраса.

ХИРИЛОРН — огромный бук в Дориафе, где была заключена Лутиэн.

ХИСИЛОМЭ — см. ХИФЛУМ.

ХИФЛУМ — край, с юга и востока окаймленный Эред Ветрин, а с запада — Эред Ломин; квэнийское название Хисиломэ.

ХИФАЭГЛИР — Мглистый Хребет.

ХРАНИМАЯ РАВНИНА — см. ТАЛАТ ДИРНЕН.

ХРАНИМЫЙ КРАЙ — название Валинора.

ХУАН — громадный пес — волкодав из Валинора, которого Оромэ подарил Целегорму; друг и помощник Берена и Лутиэн; погиб в схватке с Кархаротом.

ХУНТОР — халадин из Брефиля, сопровождавший Турина на бой с Глаурунгом; был убит упавшим камнем.

ХУРИН ТАЛИОН — сын Галдора из Дор-Ломина, муж Морвен и отец Турина и Ниэнор; был с Хуором в Гондолине; в Нирнаэф Арноэдиад попал в плен к Морготу; был освобожден; принес Тинголу Наутламир.

ХЭРУМОР — нуменорец — предатель, возвысившийся среди харадримцев в конце Второй Эпохи.

ХЭРУНУМЕН — см. АР АДУНАХОР.

Ц

ЦЕЛЕБОРН — "Серебряное Древо":

1. Имя древа на Тол Эрессэа, отпрыска Галафилиона.

2. Эльф из Дориафа, — родич Тингола и супруг Галадриэли.

ЦЕЛЕБРИМБОР — сын Куруфина, после изгнания отца оставшийся в Наргофронде: во Второй Эпохе — искуснейший из камнеделов Эрегиона, создатель Трех Колец эльфов: убит Сауроном.

ЦЕЛЕБРИНДАЛ — см. ИДРИЛЬ.

ЦЕЛЕБРОС — речка в лесу Брефиль, впадавшая в Тэйглин у Перекрестья.

ЦЕЛЕГОРМ — третий сын Феанора, прозванный Красивым: до Дагор Браголлах вместе с братом Куруфином владел Химладом; потом они жили в Наргофронде; держали в плену Лутиэн, Хозяин Хуана. Убит Диором в Менегроте.

ЦИРДАН — эльф из тэлери, владыка Фаласа; после разорения Гаваней бежал с Гиль-Галадом на остров Балар; во Второй и Третьей Эпохе владел Серебристой Гаванью; передал Мифрандиру кольцо Нарья.

Ч

ЧЕРНЫЕ ГОДЫ — годы владычества Саурана во Второй Эпохе, которые эльфы называли Днями Бегства.

ЧЕРНЫЙ ВЛАСТЕЛИН — так называли Моргота, а позднее Саурана.

ЧЕРНЫЙ МЕЧ — см. МОРМЕГИЛЬ.

ЧЕРТОГИ ОЖИДАНИЯ — Чертоги Мандоса, где умершие ждут своей участи.

Э

ЭА — Мир Суций; слово Илуватара, с которого началось существование мира.

ЭАРВЕН — дочь Ольвэ, владыки Альквалондэ, жена Финарфина, мать Финрода, Ородрефа, Ангрода, Аэгнора и Галадриэль.

ЭАРЕНДИЛЬ — прозванный Полуэльф, Благословенный, Ясный, Мореход; сын Туора и Идриль; спасся после гибели Гондолина; стал мужем Эльвинг и жил близ устья Сириона; с нею отплыл в Аман и просил помощи валаров против Моргота; вознесен на небеса вместе с кораблем Вингилотом и Сильмарилем.

ЭАРЕНДУР —

1. Владетель Андуииэ в Нуменоре.

2. Десятый король Арнора.

ЭАРНИЛЬ — тридцать второй король Гондора.

ЭАРНУР — сын Эарнила, последний король Гондора, с которым пресеклась линия Анариона.

ЭАРРАМЕ — «Крыло Моря», название корабля Туора.

ЭГЛАДОР — прежнее название Дориафа.

ЭГЛАРЕСТ — южная гавань Фаласа на побережье Белерианда.

ЭГЛАФ — Забытый Народ; так называли себя тэлери, оставшиеся в Белерианде, чтобы отыскать Эльвэ Тингола.

ЭДРАХИЛЬ — предводитель эльфов Наргофронда, которые пошли за Финродом и Береном и погибли в темницах Тол-ин-Гаурхота.

ЭЗЕЛЛОХАР — см. КОРОЛЛАЙРЭ.

ЭЙЛИНЭЛЬ — жена Горлима Злосчастливого.

ЭЙФЕЛЬ ИВРИН — исток реки Нарог у Эред Ветрин.

ЭЙФЕЛЬ СИРИОН — исток Сириона на восточных склонах Эред Ветрин, где

была крепость Финголфина и Фингона.

ЭККАЙА — Внешнее Море, окружающее Арду; также — Внешний Океан, Окружное Море.

ЭКТЕЛИОН — Владыка Источников, воин из Гондолина, который во время падения города убил Готмога и пал сам.

ЭЛЕДВЕН — «Эльфийское Сияние»; см. МОРВЕН.

ЭЛЕММИРЕ —

1. Имя звезды.

2. Ваниар, создатель Алдудэниэ.

ЭЛЕНВЕ — жена Тургона, погибшая при переходе через Хелкараксэ.

ЭЛЕНДИЛЬ — прозванный Высоким; сын Амандиля, последнего владельца Андуниз, потомка Эарендиля и Эльвинг, с сыновьями Исильдуром и Анарионом бежал после гибели Нуменора и основал в Средиземье нуменорские королевства; вместе с Гиль-Галадом погиб в битве с Сауроном.

ЭЛЕНДИЛИ — Верные; имя, данное нуменорцам, которые остались верны эльдарам и валарам.

ЭЛЕНДУР — старший сын Исильдура, погибший в Ирисной Низине.

ЭЛЕНДЭ — то же, что ЭЛЬДАМАР.

ЭЛЕННА — см. НУМЕНОР.

ЭЛЕНТАРИ — «Королева Звезд», одно из имен Варды.

ЭЛЕРРИНА — «Увенчанная Звездами», одно из имен Таникветиль.

ЭЛОСТИРИОН — самая высокая из башен Эмин Берайда, в которой хранился палантир.

ЭЛУ — синдаринский вариант имени ЭЛЬВЭ.

ЭЛУРЕД и **ЭЛУРИН** — сыновья Диора, стигнувшие при падении Дориафа.

ЭЛУХИЛЬ — «Наследник Элу»; см. ДИОР.

ЭЛЬБЕРЕТ — «Звездная Королева», имя Варды на синдарине.

ЭЛЬВИНГ — дочь Диора, спасшаяся из Дориафа с Сильмарилем; жена Эарендиля, с ним уплыла на Запад; мать Эльронда и Эльроса.

ЭЛЬВЭ — брат Ольвэ, один из вождей похода на Запад; очарованный Мелиан, остался в Белерианде и был известен под именем Тингола;

ЭЛЬДАЛИЭ — то же, что ЭЛЬДАРЫ.

ЭЛЬДАМАР — край в Амানে, где жили эльфы, залив того же названия.

ЭЛЬДАРЫ — согласно легенде, имя, которое Оромэ дал всем эльфам, но обычно означало лишь эльфов трех племен (нолдоры, ваниары, тэлери), вышедших в поход от Куйвиэнен, независимо от того, пришли они в Аман или нет. Эльфы Амана звались еще тарэльдары — Высшие Эльфы, и Эльфы Света — калаквэнди. Имя означало «Звездный Народ».

ЭЛЬРОНД ЭЛЬФИД — сын Эарендиля и Эльвинг, в конце Предначальной Эпохи избравший судьбу Перворожденных и оставшийся в Средиземье до конца Третьей Эпохи; владыка Имладриса и Хранитель Вильи, Кольца Воздуха, полученного им от Гиль-Галада; отец Арвен, Элладана и Элроира.

ЭЛЬРОС — сын Эарендила и Эльвинг, избравший людскую судьбу; первый король Нуменора под именем Тар-Миниатур.

ЭЛЬФЫ — Перворожденные, Старшие Дети Эру, первыми пришедшие в мир. Считалось, что эльфы бессмертны; они жили долго и были вечно юны, а умирая, не уходили из Круга Мира, но возрождались.

ЭМЕЛЬДИР — жена Барахира, по прозванию Мужественное Сердце; после

Дагор Браголлах вывела из Дортониона детей и женщин Дома Беора.

ЭМИН БЭРАЙД — Башенные Холмы на западе Эриадора.

ЭНГВАРЫ — Слабые, так эльфы называли людей.

ЭНДОР — см. СРЕДИЗЕМЬЕ.

ЭОЛ — по прозванию Темный Эльф, искусный кузнец, живший в Нан — Эльмоте; взял в жены Аредэль, сестру Тургона; дружил с гномами; сковал мечи Ангуирель и Англахель; отец Маэглина; казнен в Гондолине.

ЭОНВЭ — один из могущественнейших майаров, вестник Манвэ; в конце Предначальной Эпохи вел войско валаров против Моргота.

ЭРЕГИОН — Холлин, нолдорское владение у западного подножия Мглистых Гор, где во Второй Эпохе были выкованы Три Кольца.

ЭРЕД ВЕТРИН — Теневой Хребет, с запада окаймлявший Дор-ну-Фауглиф и разделявший Хифлум и Западный Белерианд.

ЭРЕД ГОРГОРОФ — Горы Ужаса к северу от Нан Дунгорфеб.

ЭРЕД ЛИНДОН — «Горы Поющей Земли», второе название Эред Луин.

ЭРЕД ЛОМИН — Зычные Горы, с запада ограждавшие Хифлум.

ЭРЕД ЛУИН — Синие Горы, после гибели Белерианда стали северо-западным приморским горным хребтом Средиземья.

ЭРЕД ЭНГРИН — Железные Горы далеко на севере, где были владения Моргота.

ЭРЕЙНИОН — «Потомок Королей», прежнее имя Гиль-Галада.

ЭРЕЛЛОНТ — один из трех мореходов, спутников Эарендила.

ЭРЕХ — гора на западе Гондора, где стоял Камень Исильдура.

ЭРИАДОР — земли между Мглистыми и Синими Горами, где было королевство Арнор.

ЭРУ — Единый, Илуватар.

ЭРХАМИОН — «Однорукий»; см. БЕРЕН.

ЭСГАЛДУИН — река в Дориафе, которая разделяла леса Нэльдореф и Рэгион; впадала в Сирион.

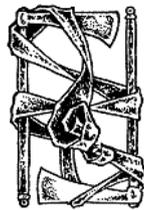
ЭСТЭ — вала, супруга Ирмо Лориэна.

ЭСТОЛАД — край к югу от Нан-Эльмота, где жили люди из племен Беора и Мараха после того, как пришли в Белерианд.

ЭФЕЛЬ БРАНДИР — поселения людей в Бретиле, на Амон-Обель.

ЭФЕЛЬ ДУАФ — Горы Тьмы, хребет между Гондором и Мордором.

ЭХОРИАФ — Окружные Горы вокруг долины, в которой лежал Гондолин.

Словарь квенийских и синдаринских элементов в именах и названиях

А

А ГЛАР — «слава, роскошь, великолепие» в ДАГОР АГЛАРЕБ, АГЛАРОНД. Квэнийская форма АЛКАР характеризуется перестановкой согласных; синдаринскому АГЛАРЕБ соответствует АЛКАРИНКВЭ. Корень — КАЛ — "

АДАН — мн. ч. ЭДАЙН: в АДАНЭДЭЛЬ. АРАДАН, ДУНАДАН. Значение см. СЛОВАРЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ, АДАНЫ.

АЙНА — “святой” в АЙНУР, АЙНУЛИНДАЛЭ.

АЛДА — “дерево” (квэнья) в АЛДАРОН. АЛДУДЭНИЕ. МАЛИНАЛДА: соответствует синдаринскому ГАЛАД (в КАР АС ГАЛАДОН, ГАЛАДРИМЫ).

АЛЬКВА — “лебедь” (синдаринское АЛЬФ) в АЛЬКВА-ЛОНДЭ; от того же корня АЛАК — “порыв, движение” — АНКАЛАГОН.

АМАРТ — “рок” в АМОН АМАРТ, К АБЕД НАЭР АМАРТ, УМАРТ и в синдаринской форме одного из прозвищ Турина — ТУР АМАРТ — “Властелин Судьбы”. Квэнийская форма слова встречается в ТУР АМБАР.

АМОН — “холм, гора”: синдаринское слово, являющееся первым элементом многих названий: мн. ч. ЭМИН в ЭМИН БЭРАЙД.

АН(Д) — “длинный” в АНДРАМ, АНДУИН.

АНГА — “железо”, синдаринский вариант АНГ — в АНГАЙНОР. АНГБАНД, АНГХАБАР, АНГЛАХЕЛЬ, АНГРИСТ, АНГРОД, АНГУИРЭЛЬ. ГУРТАНГ.

АНДУНЭ — “закат, запад” в АНДУНИЭ: синдаринское АННУН см. в АННУМИНАС. ХЕННЕТ АННУН. Древний корень этого слова НДУ — “опускаться” присутствует также в квэнийском НУМЕН — “закат, запад” и в синдаринском ДУН — “запад”: ср. ДУНАДАНЫ. Слово АДУН в адунаике происходит из эльфийских языков.

АНГРЕН — “железный” в АНГРЕНОСТ: мн. ч. ЭНГРИН в ЭРЕД ЭНГРИН.

АННА — “челюсти” в АНКАЛАГОН.

АННА — “дар” в АННАТАР, МЕЛИАН. ЙАВАННА: тот же корень в АН ДОР.

АННОН — “большая дверь, ворота”, мн. ч. ЭННИН: в АННОН-ИН-ГЭЛИД; ср. МОР АННОН — “Черные врата” и СИР АННОН — “Привратная Река”.

АР — “рядом, снаружи” (кроме того, в квэнья АР — “и”) в АРМАН — “Вне Амана”: ср. АРНОЭДИАД — “Бессчетные Слезы”.

АР(А) — “высокий, благородный, царственный”, элемент, появляющийся во многих именах: АР АДАН, АРЭДЭЛЬ, АРГОНАФ, АРНОР и т. д. Расширенный корень АРАТ-появляется в АРАТАР и в АРАТО — “вождь, выдающийся”, напр. АНГРОД из АНГ АРАТО, ФИПРОД из ФИНАРАТО: также АРАН — “король” в АРАНРУТ, мн. ч. ЭРЕЙН в ЭРЕЙНИОН. Префикс “ар” — в именах нуменорских королей — того же происхождения.

АТАР — “отец” в АТАНАТАРИ, ИЛУВАТАР.

АЭЛИН — “озеро, пруд” в АЭЛИН-УИАЛ: ср. ЛИН (1).

Б

БАНД — “темница” в АНГБАНД: от первоначального МБАНДО — квэнийская форма которого употреблена в слове МАНДОС (АНГБАНД = АНГАМАНДО).

БАР — “жилище” в БАР-ЭН-ДАНВЕД. Древнее слово МБАР (МАР — в квэнья, БАР — в синдарине) означало и отдельный дом, и местообитание целых народов, а потому появлялось во многих названиях: ДИМБАР, БРИТОМБАР, ЭЛЬДАМАР. ВАЛИМАР. ВИНИАМАР, МАР-НУ-ФАЛ-МАР, МАРДИЛЬ — имя первого Князя-Наместника Гондо-ра, означавшее “Верный Дому” (Королей).

БАРАД — “башня, крепость” в БАРАД-ДУР, БАР АД ЭЙФЕЛЬ, БАРАД НИМРАС: мн. ч. в ЭМИН БЭРАЙД.

БЕЛЕГ — “могучий” в БЕЛЕГ, БЕЛЕГАЭР. БЕЛЕГОСТ, ЛАЭР КУ БЕЛЕГ.

БРАГОЛ — “внезапный” в ДАГОР БРАГОЛЛАХ. БРЕФИЛЬ — означает, вероятно, “серебряная береза”: ср. НИМБРЕФИЛЬ, березовые леса в Арверниэн, и ФИМБРЕФИЛЬ, имя энтийки.

БРИТ — “песок” в БРИТИАХ. БРИТОМБАР. БРИТОН. ВАЛ — “власть, могуще-

ство" в ВАЛАР, ВАЛАКИРКА, ВАЛАРОМА, ВАЛАРАУКАР, ВАЛАКВЭНТА, ВАЛИМАР, ВАЛИНОР. Первоначальный корень — БАЛ — сохранился в синдаринском БАЛАН, мн. ч. БЭЛАЙН "валары" и в БАЛРОГ.

В

ВЕН — "дева", традиционное окончание женских имен, напр., ЭАРВЕН, МОРВЕН.

ВИНГ — "пена, брызги" в ЭЛЬВИНГ, ВИНГИЛОТ.

Г

ГАУР — "волколак" (от корня НГВАУ — "выть") в ТОЛ-ИН-ГАУРХОТ.

ГАЭР — "море" в БЕЛЕГАЭР (и в ГАЭРИС, синдаринском имени ОССЭ). Происходит, вероятно, от корня ГАЙА — ужас, трепет, то есть это название морю было дано эльфами, когда они увидели его впервые.

ГВАЙТ — "народ, племя" в ГВАЙТ-И-МИРДАЙН: ср. ЭНЕДВАЙТ — "Срединный Народ".

ГВАТ, ВАТ — "тень" в ДЭЛЬДУВАТ. ГВАТЛО. Производные формы в ЭРЕД ВЭТРИН. ТХУРИНГВЭТИЛЬ. (Это синдаринское слово означало тусклый свет, а не тени, отбрасываемые предметами — для них было слово МОР-ХАЙНТ).

ГИЛЬ — "звезда" в ДАГОР-НУИН-ГИЛИАФ. ОСГИЛИ-АФ (ГИЛИАФ — "множество звезд"): ГИЛЬ-ЭСТЭЛЬ, ГИЛЬ-ГАЛАД.

ГИРИФ — "содрогающийся" в НЭН ГИРИФ.

ГЛИН — "блеск" (применительно к глазам) в МАЭГЛИН. ГОЛОД — синдаринская форма квэнийского НОЛДО: см.

ГУЛ. Мн. ч. ГОЛОДРИМ и ГЭЛИД (в АННОН-ИН-ГЭЛИД).

ГОНД — "камень" в ГОНДОЛИН, ГОНДОР, ГОННХИРРИМ, АРГОНАФ, СЕРЕГОН. Название для потаенного города Тургон первоначально взял из квэнийского наречия (ОНДО = ГОНД и ЛИНДЭ — "петь") — ОНДОЛИНДЭ: но в легендах была более известна синдаринская форма названия — ГОНДОЛИН (ГОНД-ДОЛЕН — "Потаенный Камень").

ГОР — "ужас, страх" в ГОРТАУР, ГОРТОЛ: слово ГОРОФ того же значения вместе в ГОР встречается в ГОРГОРОФ.

ГРОТ (ГРОД) — "пещера, подземное жилище" в МЕНЕГ-РОТ, НОГРОД.

ГУЛ — "чары" в ДОЛ ГУЛДУР, МИН АС МОРГУЛ. Это слово происходит от того же корня, что и НГОЛ-, появляющееся в НОЛДОР; ср. квэнийское НОЛЭ — "мудрость, знание". Однако, синдаринская форма использовалась чаще с явно отрицательным оттенком, в сочетании МОРГУЛ — "черные чары".

Д

ДАГОР — "битва": корень НДАК-, ср. ХАУД-ЭН-НДЭ-НГИН. Другое производное — ДАГНИР (ДАГНИР ГЛАУРУНГА — "Погибель Глаурунга").

ДАЭ — "тень" в ДОР ДАЭДЭЛОФ и, вероятно, в ДАЭРОН. ДИН — "безмолвный" в ДОР ДИНЕН; ср. РАТ ДИНЕН и АМОН ДИН в Гондоре.

ДОЛ "голова" в ЛОРИНДОЛ; часто применялось для названия гор и холмов — ДОЛ ГУЛДУР, ДОЛМЭД, МИНДОЛЛУИН (также НАРДОЛ, маяк в Гондоре. и ФАНУИ ДОЛ, гора Мглистого Хребта).

ДОР — "земля" (суша), производное от НДОР-, встречается во многих синдаринских названиях: ДОРИАФ, ДОРТОНИОН. ЭРИАДОР. МОРДОР, и т. д. В квэнья корень часто смешивался с НОРЭ "народ, племя": вначале ВАЛИНОР означало попросту "племя валаров", а "земля валаров" — это ВАЛ АН ДОР; так же НУМЕНОРЭ означает "племя запада", а "земля запада" — НУМЕНДОР. Квэнийское ЭН-

ДОР произошло от ЭНЕД — “середина” и НДОР; в синдарине это ЭННОР (ср. ЭННОРАФ в песне “А ЭЛЬБЕРЕТ ГИЛЬФОНИЭЛЬ”).

ДРАУГ — “волк” в ДРАУГЛУИН.

ДУ — “ночь, тьма” в ДЭЛЬДУВАТ, ЭФЕЛЬ ДУАФ. Производное от древнего ДОМЭ, квэнийский вариант ЛОМЭ: таким образом, синдаринское ДУЛИН — “соловей” соответствует ЛОМЭЛИНДИ.

ДУИН — “длинная река” в АНДУИН, БЕРЕНДУИН, ЭСГАЛДУИН, МАЛДУИН, ТАУР-ИМ-ДУИНАФ.

ДУР — “черный” в БАРАД-ДУР, КАРАГДУР, ДОЛ ГУЛДУР, а также ДУРТАНГ (замок в Мордоре).

ДЭЛЬ — “ужас” в ДЭЛЬДУВАТ; ДЭЛОФ — “отвращение” в ДОР ДАЭДЭЛОФ.

И

ИА — “бездна” в МОРИА.

ИАНТ — “мост” в ИАНТ ЙАУР.

ИАФ — “изгородь” в ДОРИАФ.

ИЛУВЭ — “весь, целый” в ИЛУВАТАР.

ИЛЬМ — корень, появляющийся в ИЛЬМЭН, ИЛЬМАРЭ, а также ИЛЬМАРИН — “Небесное Жилище”.

Й

ЙАВЭ — “плод” (квэнья) в ЙАВАННА: ср. ЙАВАННИЭ — квэнийское название сентября, и ЙАВИЭ — осень.

ЙАУР — “древний” в ИАНТ ЙАУР; ср. эльфийское имя Тома Бомбадила ЙАРВАЙН.

К

КАЛ- (ГАЛ-) — этот корень со значением “сиять” встречается в КАЛАКИРИЯ, КАЛАКВЭНДИ, ТАР-КА-ЛИОН; ГАЛВОРН, ГИЛЬ-ГАЛАД, ГАЛАДРИЭЛЬ. Последние два имени не имеют никакой связи с синдаринским ГАЛАД “дерево”. Квэнийское имя Галадриэли — АЛ(А)ТИ-РИЭЛЬ от АЛАТА “сияние” и РИЭЛЬ “увенчанная дева”. КАЛЕН (ГАЛЕН) “зеленый” этимологически скорее означает “ясный, светлый” и происходит от этого же корня; см. также АГЛАР.

КАЛЕН (ГАЛЕН) — обычное синдаринское слово “зеленый” в АРД-ГАЛЕН, ТОЛ ГАЛЕН, КАЛЕНАРДОН: также в ПАРФ ГАЛЕН “Зеленая Лужайка”, ПИННАФ ГЭЛИН “Зеленые Холмы”.

КАМ (от КАМБА) — “рука”, обозначение руки, сложенной в форме чаши для принятия какого-либо предмета в КАМЛОСТ, ЭРХАМИОН.

КАНО — “вождь”, от этого квэнийского слова происходит второй элемент имен ФИНГОН и ТУРГОН.

КАРАК — этот корень просматривается в квэнийском К АРКА — “клык”, синдаринская форма которого КАРХ использована в КАРХАРОТ и КАРХОСТ — “Крепость-Клык” в Моранноне. Ср. КАРАГДУР, КАРАХ АНГРЕН и ХЕЛКАРАКСЭ.

КАРАН — “красный”, квэнийское КАРНЭ в КАРАНТИР, КАРНИЛЬ, ОРОКАРНИ: также в КАРАДРАС — от КАРАН-РАСС — “Красный Пик” и КАРНИМИРИЭ — “красные алмазы”, рябина в песне Древобрада. Перевод КАРАХАРОТ как “Красная Пасть”, вероятно, связан с этим корнем.

КВЭН- (КВЭТ-) — “говорить, сказать” в КВЭНДИ, КВЭНЬЯ, ВАЛАКВЭНТА. В синдарине сочетание КВ сменяется на П или Б; напр., ПЕДО в надписи на Вратах Мории соответствует квэнийскому корню КВЭТ-; слово во фразе Гэндалфа ЛАСТО БЭТ ЛАММЕН — “внемли моим словам” соответствуют квэнийскому

КВЭТТА.

КЕЛЕБ — “серебро” (квэнийское ТЕЛЕП. ТЭЛПЕ, как в ТЭЛПЕРИОН). Первоначально звук, с которого начиналось слово, был чем-то близким к глухому смягченному “Т”, и поэтому в переводе на русский язык имена и названия с этим звуком, происходящие из Предначальной Эпохи, написаны через “Ц”, чтобы наиболее точно передать звук (см. ‘Неоконченные предания Нуменора и Средиземья’). Позднее этот звук в синдарине перешел в К. Корень КЕЛЕБ встречается в КЕЛЕБРАНТ. Корень ЦЕЛЕБ — в ЦЕЛЕБОРН, ЦЕЛЕБРОС, ЦЕЛЕБРИМВОР — “Горсть Серебра”. ЦЕЛЕБРИНДАЛ — “Среброножка”. ЦЕЛЕБРИН — “серебряный”, но не “сделанный из серебра”. БОР — ПАУР (квэнийское КВАРЭ — “кулак”), ДАЛ (ТАЛ) — “нога”.

КЕЛЬ — “убегать”, “течь” (о воде) в КЭЛОН: от ЭТ-КЕЛЕ “источник” произошло квэнийское ЭХТЕЛЕ и синдаринское ЭЙФЕЛЬ, где видна обычная перестановка согласных.

КЕМЕН — “земля” (почва) в КЕМЕНТАРИ: квэнийское слово, антоним слова МЭНЭЛЬ “небеса”.

КИР — “резать, рубить” в КАЛАКИРИЯ, КИРТ, АНГЕРТАС, КИРИФ (НИННИАХ. ТОРОНАФ). От значения “быстро проходить сквозь” произошло квэнийское КИРИ А — “корабль с острым носом”; то же значение в именах ЦИРДАН (см. объяснение в КЕЛЕБ). ТАР-КИРИ-АТАН и, без сомнения, в имени сына Исильдура — КИРИОН.

КОРОН — “курган” в КОРОЛЛАЙРЭ (называлось также КОРОН ОЙОЛАЙРЭ, где последнее слово означало “вечно летний”, ср. ОЙОЛОССЭ): ср. также КЕРИН АМРОС — курган в Лотлориэне.

КУ — “лук” в КУТАЛИОН, ДОР КУАРТОЛ, ЛАЭР КУ БЕЛЕГ.

КУЙВИЭ — “пробуждение” в КУЙВИЭНЭН (синдаринское НЭН ЭХУИ). Другие производные оттого же корня — ДОР ФИРН-И-ГУИНАР, КОЙРЭ — “первый день весны”, в синдарине ЭХУИР, и КОЙМАС, “хлеб жизни” — квэнийское название для ЛЕМБАС.

КУЛ — “красно-золотой” в КУЛУРИЭН.

КУРУ — “ум, хитрость, искусность” в КУРУФИНВЭ, КУРУНИР.

Л

ЛАД — “долина” в ДАГОРЛАД, ХИМЛАД; ИМЛАД — “узкая долина с крутыми склонами” в ИМЛАДРИС (ср. также ИМЛАД МОРГУЛ в Эфель Дуаф).

ЛАУРЭ — “золото” (цвета золота, а не из него) в ЛАУРЭЛИН: синдаринские формы этого слова в ГЛОРЭДЭЛЬ, ГЛОРФИНДЭЛЬ, ЛОЭГ НИНГЛОРОН, РАТЛОРИЭЛЬ.

ЛАХ — “вспышка пламени” в ДАГОР БРАГОЛЛАХ и, вероятно, в АНГЛАХЕЛЬ (мече, сделанном из метеоритного железа).

ЛИН (1) — “озеро, болото” в ЛИНАЭВЭН (включающем АЭВ (квэнийское АЙ-ВЭ) — “небольшая птица”). ТЭЙГЛИН; ср. АЭЛИН.

ЛИН (2) — этот корень, означающий “петь, издавать музыкальный звук”, встречается в АЙНУЛИНДАЛЭ. ЛАУРЭЛИН, ЛИНДАР. ЭРЕД ЛИНДОН, ЛОМЭЛИНДИ.

ЛИФ — “пепел” в АНФАУГЛИФ, ДОР-НУ-ФАУГЛИФ, также в ЭРЕД ЛИФУИ — Изгарные Горы и ЛИФЛАД — Равнина Пепла.

ЛОК — “петля, изгиб” в УРУЛОКИ (квэнийское (Х)ЛОКЭ — “земля”, синдаринское ЛУГ).

ЛОМ — “эхо” в ДОР-ЛОМИН, ЭРЕД ЛОМИН: родственные слова — ЛАММОФ, ЛАНТИР ЛАМАФ.

ЛОМЭ — “сумерки” в ЛОМИОН, ЛОМЭЛИНДИ; см. ДУ-.

ЛОНДЭ — “тавань” в АЛЬКВАЛОНДЭ, ср. синдаринскую форму ЛОНД (ЛОНН) в МИФЛОНД.

ЛОС — “снег” в ОЙОЛОССЭ (квэнийское ОЙО — “вечно” и ЛОССЭ — “снег, снежно-белый”): синдаринское ЛОСС в АМОН УЙЛОС и АЭГЛОС.

ЛОТ — “цветок” в ЛОТЛОРИЭН, НИМЛОТ; квэнийское ЛОТЭ в НИНКВЭЛОТЭ, ВИНГИЛОТЭ.

М

МАЭГ — “острый, пронзающий” (квэнийское МАЙКА) в МАЭГЛИН.

МАЛ- “золотой” в МАЛДУИН, МАЛИН АЛДА: также в МАЛЛОРН и в “ЛУГА КОРМ АЛ ЛЕН”, что означает “золотой круг” и было названо по росшим там деревьям КУЛУМАЛДА (см. КУЛ-).

МАН- “добрый, благословенный, неизвращенный” в АМАН, МАНВЭ: производные от АМАН — АМАНДИЛЬ, АРАМАН, УМАНИАР.

МЕЛ- “любовь” в МЕДИАН (от МЕЛИАННА — “милый дар”); тот же корень виден в синдаринском слове МЕЛЛОН — “друг*” в надписи на Вратах Мории.

МЕН — “дорога*” в НУМЕН, ХИАРМЕН, РОМЕН, ФОРМЕН.

МЕРЕФ — “праздник” в МЕРЕФ АДЭРТАД: также в МЕРЕФРОНД — “Праздничный Чертог” в Минас Тирифе.

МИНАС — “башня, крепость” в АННУМИНАС, МИНАС АНОР, МИНАС ТИРИФ, и т. д. Тот же корень появляется в словах, обозначающих уединенно стоящие предметы, напр. МИНДОЛЛУИН, МИНДОН: вероятно, родственен квэнийскому МИНИА — “первый”; ср. ТАР-МИНИАТУР — имя первого короля Нуменора.

МИР — “алмаз, драгоценность” (в квэнья — МИРЭ) в ЭЛЕМИРЭ, ГВАЙТ-И-МИРДАЙН, МИРИЭЛЬ, НАУГЛА-МИР. ТАР-АТАНАМИР.

МИФ — “серебристо-серый” в МИФЛОНД, МИФРАН-ДИР, МИФРИМ: написание ради благозвучия слегка изменено в МИТЭЙФЕЛЬ.

МОР — “темный, черный” в МОРДОР, МОРГОТ, МОРИА, МОРИКВЭНДИ, МОР-МЕГИЛЬ, МОРВЕН и т. д.

МОТ — “сумерки” в НАН ЭЛЬМОТ.

Н

НАН(Д) — “долина” в НАН ДУНГОРФЕБ. НАН ЭЛЬМОТ. НАН ТАТРЕН.

НАР — “огонь” в НАРСИЛЬ, НАРЬЯ; присутствует также в первоначальной форме имени АЭГНОР (АЙКАНАРО — “Острый Огонь” или “Яростный Огонь”) и ФЕАНОР (ФЕАНОРО — “Огненный Дух”). Синдаринская форма НАУР употреблена в САММАТ НАУР — “Палаты Огня” в Ородруине. От того же древнего корня (А)НАР произошло название Солнца — квэнийское АНАР (см. АНАРИОН) и синдаринское АНОР (см. МИНАС АНОР, АНОРИЭН).

НАУГ — “тном” в НАУГРИМ; см. также НОГРОД. Родственно ему синдаринское название карликов НОЭГИТ НИБИН (“тном” — НОГОТ, мн. ч. НОЭГИТ и НОГОТРИМ).

— **(Н)ДИЛЬ** — весьма частое окончание личных имен — АМАНДИЛЬ, ЭЛЕНДИЛЬ и т. д.: означало “преданность”, “бескорыстную любовь”.

— **(Н)ДУР** — в таких именах, как ЭАРЕНДУР, ЭАРНУР, означало то же, что — (Н)ДИЛЬ.

НИМ — “белый” (от первоначального НИМФ, НИМП) в НИМБРЕФИЛЬ. НИМ-

ЛОТ, НИМФЕЛОС, НИФРЕДИЛЬ (НИФРЕД — “бледный”). БАРАД НИМРАС, ЭРЕД НИ-МРАЙС. Квэнийская форма — НИНКВЭЛОТЭ, так что НИНКВЭЛОТЭ — НИМЛОТ. Ср. также ТАНИКВЭТИЛЬ.

НЭЛЬДОР — “бук” в НЭЛЬДОРЭФ: однако, скорее всего, это было первоначальное название ХИРИЛОРНА — “бук с тремя стволами” (НЭЛЬДЭ — “три” и ОРН).

О

ОРН — “дерево” в ЦЕЛЕБОРН, ХИРИЛОРН; ср. ФАНГОРН — “Древобрад” и МЭЛЛОРН. мн. ч. МЭЛЛИРН.

ОРОД — “гора” в ОРОДРУИН, ТАНГОРОДРИМ. ОРО-КАРНИ, ОРОМЭТ. Мн. ч. ЭРЕД в ЭРЕД ЭНГРИН и т. д.

ОС(Т) — “крепость” в АНГРЕНОСТ, БЕЛЕГОСТ, ФОР-МЕНОС, ФОРНОСТ. МАНДОС, НАРГОФРОНД (от НА-РОГ-ОСТ-РОНД) ОС(Т)ГИЛИАФ, ОСТ-ИН-ЭДИЛЬ.

П

ПАЛАН — “далеко и всюду” (квэнья) в ПАЛАНТИР, ТАР-ПАЛАНТИР.

ПЕЛ — “вокруг, окружать” в ПЕЛАРГИР, ПЕЛОРЫ и в ПЕЛЕННОР — “Огражденная Земля” в Минае Тирифе; а также в ЭФЕЛЬ БРАНДИР, ЭФЕЛЬ ДУАФ (где ЭФЕЛЬ происходит от ЭТ-ПЕЛ — “внешняя ограда”).

Р

РАМ — “стена” (квэнийское РАМБА) в АНДРАМ, РАМДАЛ: также РАММАС ЭХОР — стена вокруг полей Пеленнора в Минае Тирифе.

РА(Э)Н — “бродить, странствовать” в РАНА — Луна и в МИФРАНДИР, АЭРАНДИР; также в названии реки ГИЛЬРАЭН в Гондоре.

РАНТ — “поток” в названиях рек АДУРАНТ (где АДУ — “двойной”). КЕЛЕБРАНТ (Серебрянка).

РАС — “рог, пик” в БАРАД НИМРАС, также в КАРАДРАС — “Багровый Рог” и МЭТЭДРАС — “Последний Пик” в Мглистых Горах: мн. ч. РАЙС в ЭРЕД НИМРАЙС.

РАУКО — “демон” в ВАЛАРАУКАР: в синдарине РАУГ, РОГ в БАЛРОГ.

РИЛЬ — “сияние, сверкание” в ИДРИЛЬ. СИЛЬМАРИЛЬ; также в АНДУРИЛЬ (меч Арагорна) и МИФРИЛЬ (морийское серебро). Квэнийская форма имени ИДРИЛЬ, ИТАРИЛЛЭ (или ИТАРИЛДЭ), от корня ИТА — “искра”.

РИМ — “большое количество, племя” (квэнийское РИМБЭ). использовалось обычно для образования собирательного множественного числа: ГОЛОДРИМ, МИФРИМ, НАУГРИМ, ТАНГОРОДРИМ и т. д.

РИНГ — “холод, лед” в РИНГИЛЬ, РИГВИЛЬ, ХИМ-РИНГ и т. д.: также в названии реки в Гондоре РИНГЛО и в РИНГАРЭ, квэнийском названии декабря.

РИС — “рубить, резать”; часто смешивается с корнем КРИС-, имеющим подобное значение (производное от корня КИР — см.) отсюда АНГРИСТ, ОРКРИСТ, КРИС-САЭГРИМ, ИМЛАДРИС.

РОМ — корень, обозначающий звук трубы, рога: используется в ОРОМЭ и ВАЛАРОМА.

РОМЕН — “восход, восток” (квэнья) в РОМЕННА. Того же происхождения синдаринские слова РУН и АМРУН (в ТАЛАТ РУНЕН) — “восход, восток”.

РОНД — обозначает куполообразную или аркообразную крышу, а также зал, чертог с такой крышей, напр. НАРГОФРОНД, ХАДХОДРОНД, АГЛАРОНД. Может употребляться применительно к небесам, напр. ЭЛЬРОНД — “Звездный Купол”.

РОС — “пена, брызги” в ЦЕЛЕБРОС, ЭЛЬРОС, РАУРОС: также КАЙР АНДРОС — остров на Андуине.

РОХ — “конь” (квэнийское РОККО) в РОХАЛЛОР, РОХАН (от РОХАНД — “Земля Коней”), РОХИРРИМ: также в РОХЭРИН — “Конь Владычицы” (см. ХЭРУ), имя коня, который был подарен Арагорну Арвен.

РУИН — “красное пламя” (квэнийское РУНИА) в ОРОДРУИН.

РУТ — “тнев” в АРАНРУТ.

С

САРН — “мелкий камень” в САРН АТРАД и САРН ГЕБИР (Брод САРН на Брендидуиме — частичный перевод): ГЕБИР — от КЕБЕР “пик, выступ”, мн. ч. КЕБИР). Производное — СЕРИИ, река в Гондоре.

СЕРЕГ — “кровь” в СЕРЕГОН (квэнийское СЕРКЭ).

СИЛЬ (ФИЛЬ) — “сиять (белым или серебристым светом)” в БЕЛЬФИЛЬ, ГАЛАФИЛИОН, СИЛЬПИОН; также в квэнийском ИСИЛЬ и синдаринском ИФИЛЬ — Луна (отсюда ИСИЛЬДУР, НАРСИЛЬ. МИНАС ИФИЛЬ, ИФИ-ЛИЕН). Квэнийское СИЛЬМАРИЛИ происходит, вероятно, от СИЛИМА, названия, которое Феанор дал веществу, из коего они были созданы.

СИР — “река” от корня СИР- “течь”, в ОССИРИАНД (где первый элемент происходит от числительного “семь” — ОТСО в квэнья и ОДО в синдарине), СИРИОН: также в СИРАННОН — “Привратная Река” в Мории, и СИРИФ — “текущий” (как ТИРИФ — “стерегущий” от ТИР), река в Гондоре. С замещением “С” на “Х” в середине слов этот корень встречается в МИНХИРИАФ — “Между Реками”. НАНДУХИРИОН — “долина тенистой реки” и в ЭТИР АНДУИН — “устье или дельта” Андуина, от ЭТ-СИР.

СУЛ — “ветер” в АМОН СУЛ. СУЛИМО; ср. СУЛИМЭ, квэнийское название марта.

Т

ТАЛ (ДАЛ) — “нога” в ЦЕЛЕБРИНДАЛ и в значении “конец” в РАМДАЛ.

ТАЛАТ — “ровная земля, равнина” в ТАЛАТ ДИРНЕН, ТАЛАТ РУНЕН.

ТАЛИОН — “сильный, нестигаемый” в КУТАЛИОН, ТАЛИОН.

ТАНГ — “подавление, насилие” в ТАНГОРОДРИМ и также в ДУРТАНГ (замок в Мордоре). Квэнийское САНГА означает “давить, душить”, отсюда имя человека в Гондоре САНГАХИАНО.

ТАР (1) — “высший” (квэнийское ТАРА), префикс квэнийских имен нумерских королей: женский род ТАРИ — “высшая” в ЭЛЕНТАРИ. КЕМЕНТАРИ. Ср. ТАРМА — “столп” в МЭНЭЛЬТАРМА.

ТАР (ТАРА) (2) — “через” в САРН АТРАД, ТАРГЭЛИОН; также в ТАРБАД (от ТАРА-ПАТА — “перекресток”), где древний тракт из Арнора в Гондор пересекал Блекму.

ТАТАР — “ива”: прилагательное ТАТREN в НАН-ТАТ-REN: квэнийское ТАСАРЭ в ТАСАРИНАН, НАН ТАСА-РИОН (то же, что Нан-Татрен).

ТАУР (1) — “лес” (квэнийское ТАУРЭ) в ТАУРОН, ТАУР-ИМ-ДУИНАФ, ТАУР-НУ-ФУИН.

ТАУР (2) — “отвратительный” в САУРОН (от ТАУРОН), ГОРТАУР.

ТИЛЬ — “острие, рог” в ТАНИКВЭТИЛЬ, ТИЛИОН (“Рогатый”), также в КЕЛЕБДИЛЬ — “серебристый пик”, гора в Мглистых Горах.

ТИН — “искра” (квэнийское ТИНТА — “порождать искры”, ТИНВЭ — “искра”) в ТИНТАЛЛЭ, также в ТИНДОМЭ — “звездные сумерки”, отсюда ТИНДОМ-

ЭРЭЛЬ — “дочь сумерек”, поэтическое название соловья (синдаринское ТИНУ-ВИЭЛЬ). Тот же корень присутствует в син даринском ИФИЛЬДИН — “лунозвезд”, вещества, из которого были сделаны надписи на Вратах Мории.

ТИН(Д) — “серый, серебристо-серый” в ТИНГОЛ: квэнийский вариант СИНДА в словах СИНДАРЫ, СИНГОЛЛО (от СИНДАКОЛЛО, где КОЛЛО — “плащ”).

ТИР — “смотреть, сторожить” в МИНАС ТИРИФ, ПАЛАНТИРИ, ТАР-ПАЛАНТИР, ТИРИОН.

ТОЛ (1) — “остров.” (отвесно поднимающийся из моря или реки) в ТОЛ ЭРЕССЭА. ТОЛ ГАЛЕН и т. д.

ТОЛ (2) — “шлем” в ДОР КУАРТОЛ, ГОРТОЛ.

ТОН — “сосна” в ДОРТОНИОН.

ТОРОН — “орел” в ТОРОНДОР (квэнийское СОРОН-ТАР), КИРИФ ТОРОНАФ. Квэнийская форма предположительно присутствует в названии созвездия СОРО-НУМЭ.

ТУМ — “долина” в ТУМХАЛАД, ТУМЛАДЭН: ср. слово, употребленное Древобрадом — ТУМБ АЛЕМОРНА — “черная глубокая долина”. Ср. также УТУМНО, синдаринское УДУН (Гэндальф в Мории называет балрога — “Пламя Удуна”) название, которое использовалось впоследствии для обозначения межгорной долины в Мордоре, между Моранноном и Лыдистоустьем.

ТУР — “власть, могущество” в ТУРАМБАР, ТУРГОН, ТУРИН, ФЕАНТУРИ, ТАРМИНИАТУР.

ТЭЛЬ — “конец, последний” в ТЭЛЕРИ.

У

УИАЛ — “сумерки” в АЭЛИН-УИАЛ, НЭНУИАЛ.

УР — “жара, жаркий” в УРУЛОКИ: ср. УРИМЭ и УРУИ, квэнийское и синдаринское названия августа. Родственное слово — квэнийское АУРЭ “свет солнца, день” (см. клич Фингона перед Нирнаэф Арноэдиад). синдаринское АУР (или варинат ОР, использующийся в качестве префикса в названиях дней недели).

Ф

ФАЛАС — “берег, побережье” (квэнийское ФАЛАССЭ) в ФАЛАС, БЕЛЬФАЛАС, также АНФАЛАС в Гондоре. Ср. также ФАЛАФРИМЫ, ФАЛАТАР. Другое производное от этого корня — квэнийское ФАЛМА — “волна”: отсюда МАР-НУ-ФАЛМАР, ФАЛМАРИ.

ФАРОФ — происходит от корня, означающего “охота, погоня”; в балладе ЛЭЙТИАН название “Нагорья Охотников” носит ТАУР-ЭН-ФАРОФ.

ФАУГ — “зев” в АНФАУГЛИР, АНФАУГЛИФ, ДОР-НУ-ФАУГЛИФ.

ФЕА — “дух” в ФЕАНОР, ФЕАНТУРИ.

ФИН — “волосы” в ФИНДУИЛАС, ФИНГОН, ФИНРОД, ГЛОРФИНДЭЛЬ.

ФОРМЕН — “север” (квэнья) в ФОРМЕНОС: синдаринская форма ФОРН (также ФОР, ФОРОД) в ФОРНОСТ.

ФУИН — “мрак, тьма” (квэнийское ХУИНЭ) в ФУИНУР, ТАУР-НУ-ФУИН.

Х

ХАДХОД — в ХАДХОДРОНД попытка передать звуками синдарина гномье НАЗАД (ХАДХОДРОНД К АЗ АД-ДУМ).

ХАУД — “могильный курган” в ХАУД-ЭН-АРВЕН, ХАУД-ЭН-ЭЛЛЕТ и т. д.

ХЕЛЕК — “лед” в ХЕЛКАР, ХЕЛКАРАКСЭ (в квэнья “ледяной, льдистый” — ХЕЛКА). Но в ХЕЛЕВОРН употреблено синдаринское ХЕЛЕД — “стекло”, заим-

ствованное из гномьего языка, где оно звучит как КЕЛЕД (ср. КЕЛЕД-ЗАРАМ — “Зеркальное”): ХЕЛЕВОРН означает “черное стекло” (ср. ГАЛВОРН).

ХИАРМЕН — “юг” (квэнья) в ХИАРМЕНТИР: син-даринская форма — ХАР, ХАРН, ХАРАД.

ХИЛЬ — “следовать” в ХИЛЬДОР. ХИЛЬДОРИЭН, ЭЛУХИЛЬ.

ХИМ — “холод” в ХИМЛАД (и, вероятно, в ХИМРИНГ). ХИНИ — “дети” в ЭРУ-ХИНИ — “Дети Эру”: НАРН И ХИН ХУРИН.

ХИФ — “туман” в ХИФАЭГЛИР, ХИФЛУМ (также в НЭН ХИФОЭЛЬ, озеро в Андуине). ХИФЛУМ — синдаринская форма квэнийского названия ХИСИЛОМЭ, которое нолдо-ры дали этому краю (квэнийское ХИСИЭ — “туман” см. в ХИСИМЭ, названии ноября).

ХОТ — “племя, орда” (почти всегда с отрицательным оттенком) в ТОЛ-ИН-ГАУРХОТ: также в ЛОСС(Х)ОТ. Снежные Люди Форохеля, и ГЛАМХОТ — “шумная орда”, синдаринское название орков.

ХЭРУ — “вождь, владыка” в ХЭРУМОР, ХЭРУНУМЕН; синдаринское ХИР в ГОННХИРРИМ. РОХИРРИМ. БА-РАХИР: ХИРИЛ — “владычица” — в ХИРИЛОРН.

Ц

ЦЕЛЕБ — см. КЕЛЕБ.

Э

ЭАР — “море” (квэнья) в ЭАРЕНДИЛЬ, ЭАРРАМЭ и др. Синдаринское слово ГАЭР происходит, вероятно, от того же корня.

ЭДЭЛЬ — “эльф” (синдарин) в АДАНЭДЭЛЬ, АРЭДЭЛЬ, ГЛОРЭДЭЛЬ. ОСТ-ИН-ЭДИЛЬ: также в ПЕРЭДИЛЬ — полуэльфы, эльфиды.

ЭЙФЕЛЬ — “источник” в ЭЙФЕЛЬ ИВРИН, ЭЙФЕЛЬ СИРИОН, БАРАД ЭЙФЕЛЬ, а также в МИТЭЙФЕЛЬ, названии реки в Эриадоре. См. КЕЛЬ.

ЭЛЬ, ЭЛЕН — “звезда”. Согласно легенде, “ЭЛЕ” означало примитивное восклицание типа “гляди!”, вырвавшееся у эльфов, когда они впервые увидели звезды. От этого корня произошли слова ЭЛЬ, ЭЛЕН — “звезда” и ЭЛЬДА, ЭЛЕНА “звездный”. О позднейшем использовании слова ЭЛЬДАР см. “Словарь имен и названий”. Син-даринским эквивалентом слову ЭЛЬДА было ЭДЭЛЬ (мн. ч. ЭДИЛЬ), но более соответствует слово ЭЛЕД, встречающееся в ЭЛЕДВЕН.

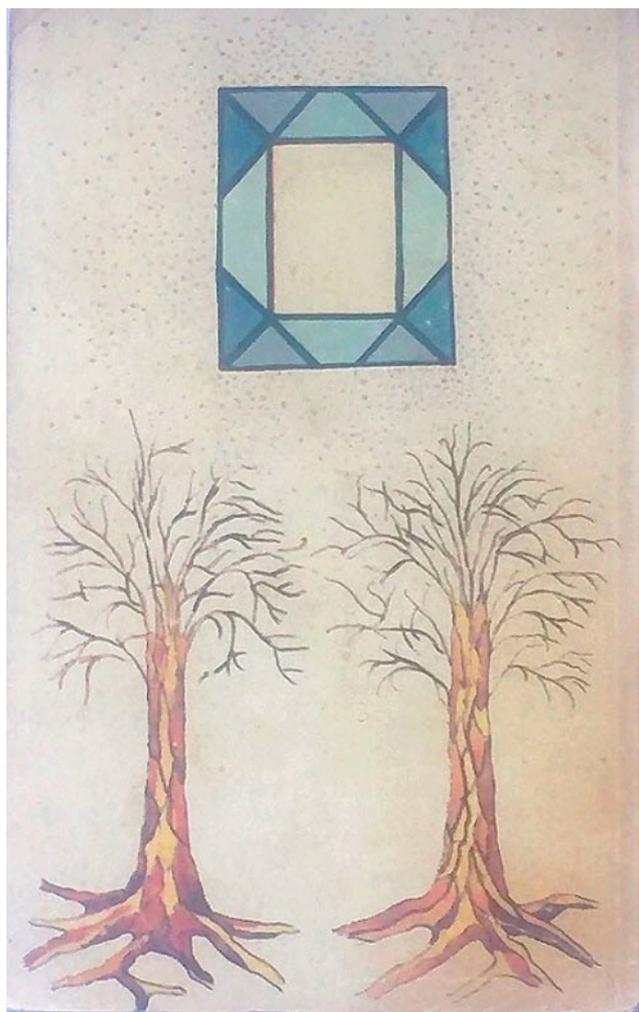
ЭР — “один, одинокий, единый” — в АМОН ЭРЕБ (ср. ЭРЕБОР “Одинокая Гора”), ЭРХАМИОН, ЭРЕССЭА. ЭРУ.

ЭРЕГ — “Падубь” в ЭРЕГИОН, РЭГИОН. См. Словарь.

ЭСГАЛ — “тайный” в ЭСГАЛДУИН.

ЭХОР — в ЭХОРИАФ “Окружные Горы”, ОРФАЛЬК ЭХОР: ср. РАММАС ЭХОР — “Большая Окружная Стена” вокруг полей Пеленнора в Минас Тириффе.

ʻĪ t̄m̄ȳh̄ w̄t̄h̄n̄īt̄
 ʻĒb̄ȳm̄ p̄n̄m̄ī m̄ȳīt̄
 ʻm̄n̄t̄ w̄t̄n̄ t̄n̄h̄
 m̄ī d̄īȳr̄n̄ p̄t̄n̄ m̄ȳīt̄
 ʻw̄t̄b̄ȳm̄m̄n̄ n̄m̄ȳh̄
 h̄n̄īt̄t̄ ʻī t̄n̄m̄h̄n̄
 m̄h̄ ʻīn̄ ʻī m̄h̄ ʻīȳn̄

Сказание об Арагорне и Арвен⁵⁰

П еревод Андрея Горелика
◆◆◆◆

Арадор был дедом Короля. Сын Арадора Араторн искал руки Гильраэн Прекрасной, дочери Дираэла, который сам был потомком Аранарта. Дираэл не соглашался на этот брак, ибо Гильраэн была молода и не достигла еще того возраста, когда Дунаданы выдавали своих дочерей замуж.

— И пусть Араторн отважен, — говорил Дираэл, — пусть он достиг совершеннолетия и станет вождем раньше, чем предполагают люди, сердце говорит мне, что жизнь его будет коротка.

Но Иворвен, жена Дираэла, тоже обладавшая даром предвидения, отвечала: — Тем больше нужно спешить! Тень грядущей грозы легла на наши дни; великие дела близятся. Если эти двое поженятся теперь, для нашего народа может родиться надежда, если же нет, ее не будет вовсе.

И случилось так, что Арадор был убит горными троллями в Хладногорье к северу от Раздола лишь через год после свадьбы Араторна и Гильраэн, и Араторн стал Вождем Дунаданов. На следующий год Гильраэн родила ему сына, нареченного Арагорном. Когда Арагорну было всего два года, Араторн отправился с сынами Элронда на битву с орками, и орчья стрела пронзила ему глаз; по меркам его народа жизнь Араторна была действительно коротка, ибо пал он лишь шестидесяти лет от роду.

Тогда Арагорн, ставший Наследником Исилдура, был принят с матерью в дом Элронда в Раздоле; Элронд стал ему отцом и полюбил как сына. Однако все звали Арагорна Эстель, что значит — "Надежда"; истинное же имя и происхождение его по приказу Элронда хранились в тайне, ибо Мудрые узнали в то время, что Враг ищет Наследника Исилдура, если есть еще такой на земле.

Когда же Эстель был двадцати лет от роду, случилось так, что он возвратился в Раздол после великих деяний в отряде сынов Элронда; Элронд посмотрел на него и был рад, ибо увидел, что тот красив, благороден и рано вошел в зрелость, хоть и предстояло ему еще возмужать и обрести величие духа. Потому-то в тот день Элронд и назвал его истинным именем, открыл, кто он и чей сын, и передал ему наследные ценности его рода.

— Это — кольцо Барахира, — сказал он, — знак дальнего нашего родства; а вот обломки Нарсила. С ними ты сможешь совершить много великих дел, ибо я предсказываю, что жизнь твоя будет дольше срока, отведенного людям, если несчастья не случится с тобой и ты выдержишь испытание. Но испытание это будет долгим и трудным. Скипетр Аннуминаса я оставляю пока у себя, ибо тебе еще предстоит заслужить его.

На следующий день в час заката Арагорн гулял один в лесу; сердце его радовалось, и он пел, ибо был полон надежд и мир казался ему прекрасным. Внезапно он увидел девушку, идущую по траве меж белых стволов берез; и он замолчал, изумленный, думая, что заснул или же обрел дар эльфийских менестрелей, которые могли воплощать то, о чем пели, перед глазами слушателей, ибо Арагорн пел часть Баллады о Лутиэнь, повествующую о встрече Лутиэнь и Берена в лесу Нелдорета. И — о чудо! — здесь, в Раздоле, перед ним шла Лутиэнь в серебряно-голубой мантии, прекрасная, как эльфийские сумерки; порывы ветра разведали ее темные волосы, самоцветы звездами горели во лбу.

Мгновение Арагорн молча смотрел на нее, но потом, испугавшись, что она исчезнет и он никогда больше не увидит ее, воскликнул: "Тинувиэль, Тинувиэль!" — точно как Берен в стародавние времена Предначальных Дней.

Однако девушка обернулась к нему и сказала, улыбнувшись:

— Кто ты? И почему зовешь меня этим именем?

А он отвечал:

— Потому что я решил, что ты действительно Луттиэнь Тинувиэль, о которой я пел. Но если ты и не она, то очень похожа.

— Так говорят многие, — молвила она. — И хоть меня зовут по-другому, моя судьба, быть может, будет похожа на рок дочери Тингола. Но кто же ты?

— Меня звали Эстель, — отвечал он, — однако я — Арагорн, сын Араторна, Наследник Исилдура, Повелитель Дунаданов, — но, не договорив еще, понял он, что мала цена всей этой высокой родословной, которой он так гордился и которая была теперь ничтожна перед прелестью ее и величием.

Она же весело засмеялась и сказала:

— Так мы дальние родственники. Я — Арвен, дочь Элронда, и зовусь еще Ундомиэлью.

— Часто бывает, — сказал тогда Арагорн, — что в опасные времена люди прячут свое главное сокровище, но я удивляюсь Элронду и твоим братьям, ибо, хоть и живу в этом доме с детства, не слышал о тебе ни слова. Ведь не держал же тебя отец взаперти?

— Нет, — отвечала она, устремив взор на горы, белеющие на востоке. — Я просто жила некоторое время в стране родни моей матери, в далеком Лотлориэне, а сейчас вернулась навестить отца. Много лет минуло с тех пор, как я в последний раз была в Имладрисе.

Удивился этому Арагорн, ибо она казалась не старше его, прожившего лишь двадцать лет в этом мире.

— Не удивляйся! — сказала Арвен, читая у него в глазах. — Детям Элронда дана жизнь Эльдаров.

И Арагорн был смущен, ибо увидел в ее глазах эльфийский свет и многолетнюю мудрость; но с того часа он полюбил Арвен Ундомиэль, дочь Элронда.

После этого Арагорн долго был молчалив, и его мать поняла: что-то странное происходит с ним; наконец он ответил на ее вопросы и рассказал о встрече в лесных сумерках.

— Сын мой, — сказала Гильраэн, — твоя цель слишком высока даже для потомка многих королей. Ибо эта госпожа — благороднейшая и прекраснейшая на земле. Да и не может смертный сочетаться с эльфами узами брака.

— Однако мы родственники, если только правдивы предания моих праотцев, — отвечал Арагорн.

— Они правдивы, — сказала Гильраэн, — но то было давным-давно и в другую эпоху этого мира — задолго до увядания нашего народа. И потому я боюсь; ибо без покровительства господина Элронда род Исилдура придет скоро к концу. Но не думаю, что Элронд будет покровительствовать в этом деле.

— Тогда горьки будут дни мои, и один обречен я скитаться в глуши, — сказал Арагорн.

— Воистину такова судьба твоя, — отвечала Гильраэн, но, хоть и обладала, как весь ее род, даром предвиденья, не сказала сыну ничего больше о своих предчувствиях и никому не говорила о том, что поведал он ей.

Однако Элронд видел многое и читал во многих сердцах. Поэтому однажды, еще до конца года, он позвал к себе Арагорна и сказал:

— Выслушай меня, Арагорн, Араторнов сын, Повелитель Дунаданов! Великая судьба уготована тебе: или возвыситься над всеми твоими предками со времен Элендила, или пасть во тьму вместе с остатком твоего рода. Многие годы испытаний лежат перед тобой. И не будет у тебя жены, и ни одна женщина не будет связана с тобой словом, пока не придет твое время и ты не окажешься достойным его.

На это Арагорн сказал, обеспокоенный:

— Уж не говорила ли об этом моя мать?

— Конечно же, нет, — отвечал Элронд. — Тебя выдали собственные глаза. Но я говорил не только о моей дочери. Ты не будешь обручен и с дочерью рода человеческого. Что же до Арвен Прекрасной, Госпожи Имладриса и Лориэна, Вечерней Звезды нашего народа, то ее происхождение куда выше твоего, и она жила на свете столь долго, что ты для нее — лишь малый росток рядом со стройным высоким деревом. Она — слишком высоко над тобой. Думаю, так она это и понимает. Но даже если не так, и ее сердце обратится к тебе, мне будет горестна судьба, на которую мы обречены.

— Какая судьба? — спросил Арагорн.

— Пока я живу здесь, у нее будет юность Элдаров, — отвечал Элронд, — а когда уйду, она пойдет за мной — если захочет.

— Понял я теперь, — сказал Арагорн, — что загляделся на сокровище не менее ценное, чем сокровище Тингола, что возжелал некогда Берен. Такова уж моя судьба. — И тут внезапно провидение его народа пришло к нему, и он продолжал:

— Но господин Элронд! Ныне годы твоей жизни бегут быстро, и недалек тот час, когда твои дети станут перед выбором: с тобой ли разлучиться или со Средиземьем.

— Воистину, — отвечал Элронд. — Тот час недалек — для нас; для людей же минет еще много долгих лет. Но Арвен, моей возлюбленной дочери, не придется выбирать, если ты, Арагорн, Араторнов сын, не встанешь между нами и не принесешь кому-то — мне или себе — неизмерную горечь расставания. Ты не понимаешь еще, чего от меня требуешь. — Он вздохнул и, помолчав, продолжал, печально глядя на юношу. — Но будь что будет. Не стоит говорить об этом, пока не минет долгий, долгий срок. Мгла сгущается, и много зла придет в этот мир.

Тогда Арагорн с любовью простился с Элрондом и на следующий день, сказав "прощай" матери, дому Элронда и Арвен, отправился в глушь. Тридцать лет сражался он там против Саурона; и он стал другом Гэндалфа Мага, от которого постиг много мудрости. Множество опасных путешествий совершил с ним Арагорн, но шли годы, и все чаще он странствовал один. Трудны и длинны были пути его, и облик его был суров, когда он не улыбался; однако он выглядел человеком, достойным почестей, королем-изгнанником, если не скрывал этого. Ибо он странствовал во многих обликах и прославился под многими именами. Он скакал в войске рохирримцев и сражался за Повелителя Гондора на земле и на море; но в час победы он исчезал для Людей Запада и уходил в одиночку далеко на Восток и глубоко на Юг, постигая там сердца людей, злые и добрые, и раскрывая заговоры прислужников Саурона.

Так он стал наконец самым стойким из живущих людей, искусным в их искусствах и умудренным в их знаниях, и, однако же, — выше их, ибо он был по-эльфийски мудр, а когда глаза его загорались огнем, огонь этот немногие могли вынести. Судьба сделала лицо Арагорна печальным и суровым, но надежда таилась глубоко в его сердце, и радость порой пробивалась из него, как ключ из скалы.

Случилось так, что, когда Арагорну было сорок девять лет, он вернулся из страшных краев на темных рубежах Мордора, где Саурон поселился вновь и лелеял теперь свою злобу. Арагорн устал и желал возвратиться в Раздол, чтобы отдохнуть немного перед странствиями в дальние страны; по пути он подошел к Лориэну и был приглашен в эту скрытую землю Владычицей Галадриэлью.

И, хоть он и не ведал того, Арвен Ундомиэль вновь жила там у родни своей матери. Немного изменилась она, ибо годы смертных проходили мимо нее; но лицо ее стало печальным и редко теперь был слышен ее смех. Арагорн же был в расцвете духовных и телесных сил; Галадриэль велела ему сбросить походное одеяние, облачила его в серебряное и в белое и дала серый эльфийский плащ, а во лбу у него горел теперь самоцвет. И похож он был не на Человека, а, скорее, на Эльфийского властителя с Островов Запада. Случилось так, что Арвен первая узрела его после долгой разлуки; и когда он шел к ней под усыпанными золотыми цветами деревьями Карас-Галадона, ее выбор был сделан и судьба предрешена.

Недолго гуляли они вместе по полянам Лотлориэна — настало время расставания. И вечером, в день летнего солнцестояния, Арагорн, сын Араторна, и Арвен, дочь Элронда, поднялись на прекрасный холм Керин-Амрот и бродили там босиком по вечноживой траве, а эланор и нифредиль стелились им под ноги. И там, на холме, взглядевшись во Тьму на востоке и в Сумерки на западе, они поклялись друг другу в верности и были счастливы.

Арагон и Арвен. Мэгг Стюарт

И сказала Арвен:

— Темна Тьма, но сердце мое наполнено радостью, ибо ты, Эстель, будешь среди тех великих, чья доблесть рассеет ее.

И отвечал Арагорн:

— Увы! Не дано мне предвидеть этого. Но твоя надежда — моя надежда. Тьму отвергаю я полностью. Но и Сумерки, госпожа, не для меня; ибо я смертен, и если ты будешь верна мне, Вечерняя Звезда, ты тоже отринешь Сумерки.

Долго стояла она, недвижна, как белое дерево, и сказала наконец:

— Я буду верна тебе, Дунадан, и уйду от Сумерек. Но там — земля моего народа и древний дом моих предков.

Ибо Арвен нежно любила своего отца.

Когда Элронд узнал о решении дочери, он не проронил ни слова, хотя сердце его горевало и непросто было ему вынести судьбу, которой он давно опасался. Но когда Арагорн вновь появился в Раздоле, Элронд послал за ним и сказал:

— Сын мой, пришли годы, когда надежда поблекла, и я не властен видеть грядущее. А теперь между нами пролегла тень. Быть может, так уж мне пред-

начертано: своей потерей восстановить царствование людей. И потому, хоть я и люблю тебя, но говорю: Арвен Ундомиэль не отдаст своей жизни за меньшее. Она не будет невестой Человека, меньшего, чем Король Гондора и Арнора. И даже наша победа принесет мне тогда лишь печаль и расставание, но тебе — надежду на краткую радость. Увы, сын мой! Боюсь, тяжел будет для Арвен Рок Человеческий.

Больше они не говорили об этом; Арагорн же вновь отправился в глушь — к ждавшим его страшным опасностям и тяжким трудам. И пока на мир опускалась тень и страх расплзался по Средиземью, а мощь Саурона росла и башни Барад-Дура поднимались все выше и выше, Арвен оставалась в Раздоле и в

мыслях следила за дальними странствиями Арагорна. В надежде создала она для него великое королевское знамя, открыто поднять которое мог лишь провозгласивший себя Властителем Нуменорцев и Наследником Элендила.

Через несколько лет Гильраэн с разрешения Элронда вернулась к своему народу в Эриадор и жила там одна; она редко видела сына, скитавшегося в дальних странах. Но однажды, когда Арагорн вернулся на Север, он пришел к ней, и она сказала:

— Наша разлука будет последней, Эстель, сын мой. Годы забот состарили меня, как обычного человека, и больше я не могу противостоять тьме нашего времени, сгущающейся над Средиземьем. Скоро я покину его.

Арагорн попытался успокоить ее, говоря:

— Однако же может быть свет за тьмой; и если так, ты увидишь его и возрадуешься.

Но она отвечала ему таким *линнодом*:

*Онэн и-Эстель Эдайн, у-хебин эстел аним*⁵¹,

и Арагорн ушел с тяжелым сердцем. Гильраэн умерла еще до весны.

А время все близилось к Войне Кольца; об этом же поведано в других сказаниях: как открылся непредвиденный способ низвергнуть Саурона и как сбылась безнадежная надежда. И случилось, что, когда поражение казалось уже неизбежным, Арагорн прибыл с моря и развернул знамя Арвен в Битве на Полях Пеленнора; в тот день он был провозглашен королем. Тогда наконец, когда все было сделано, он вступил в наследование своим отцам и принял корону Гондора и скипетр Арнора; и в день летнего солнцестояния года падения Саурона он получил руку Арвен Ундомиэль, и они сочетались браком в городе Королей.

Так завершилась Третья Эпоха — победою и надеждою; но самой горестной из печалей этой Эпохи было расставание Элронда и Арвен, разлученных Морем и неодолимой судьбой. Когда Великое Кольцо было уничтожено, а Три других потеряли силу, Элронд ощутил великую усталость и покинул Средиземье — чтобы никогда уже не вернуться. А Арвен стала смертной, однако ей было суждено жить, пока не потеряет она все, что получила.

Королевою Эльфов и Людей прожила она с Арагорном сто двадцать лет в великой славе и блаженстве; но вот Арагорн почувствовал приближение старости и понял, что пришли к концу отпущенные ему годы, хоть и долгими они были. Сказал тогда Арагорн Арвен:

— О Госпожа Вечерняя Звезда, прекраснейшая и возлюбленнейшая в этом мире! Моя жизнь увядает. Вспомни! Мы собирали, мы тратили, и вот близится время расплаты.

Давно предвидела это Арвен и поняла его сразу; и однако же горе охватило ее.

— Значит, государь, ты до срока покидаешь свой народ? — спросила она.

— Не до срока, — отвечал он. — Ибо если я не уйду теперь, то буду вынужден сделать это вскоре. А Элдарион, наш сын, уже достиг зрелости и может стать королем.

И после этих слов Арагорн вошел в Дом Королей на Улице Молчания и возлег на ложе, приготовленное для него. Там он простился с Элдарионом и передал ему крылатую корону Гондора и скипетр Арнора; затем все оставили его, а

Арвен встала у его ложа. И вся ее мудрость и знатное происхождение не смогли сдержать мольбы к нему остаться еще немного. Ее дни не томили ее. Так вкусила она горечь взятой на себя смертности.

— Госпожа Ундомиэль, — сказал Арагорн, — воистину труден этот час, но ведь он был предрешен в день, когда мы встретились под белыми березами в саду Элронда, где теперь никого не встретишь. И на холме Керин-Амроте, отвергнув и Тьму, и Сумерки, приняли мы эту судьбу. Подумай же, о возлюбленная, действительно ли ты хочешь, чтобы я ждал, покуда не иссохну и не упаду со своего высокого трона, беспомощный и потерявший рассудок. Нет, госпожа, я — последний из Нуменорцев и последний Король Предначальных Дней; мне дана не только жизнь длиною втрое против людей Средиземья, но и милость уйти по желанию и вернуть дар. Теперь я засну.

Я не утешаю тебя, ибо такая боль безутешна на кругах этого мира. Но последний выбор — перед тобой: раскаяться в своем решении — и уйти в Пристанища, и унести на Запад память о прожитых нами днях, которая будет там вечноцветущей, но всего лишь памятью; или же покориться Року Человеческому.

— О нет, возлюбленный государь, — отвечала она, — этот выбор давно сделан. Нет теперь корабля, который мог бы унести меня туда, и я воистину должна покориться Року Человеческому, хочу я этого или нет, — гибели и молчанию. Но послушай, Король Нуменорцев: только теперь поняла я историю твоего народа и его падения. Я смеялась над ними, презренными безумцами, но теперь мне жаль их. Ибо если воистину, как говорят Эльдары, таков дар Единого Людям, его горько принять.

— Похоже, это так, — отвечал он, — но не будем повержены последним испытанием мы, издавна отвергшие Тьму и Кольцо. В печали разлучаемся мы, но не в отчаянии. Ибо, пойми! — мы не прикованы навечно к кругам этого мира, и за ними есть больше, чем память. Прощай!

— Эстель, Эстель! — вскричала она, и, поцеловав ей руку, Арагорн погрузился в сон. Великая красота раскрылась тогда в нем, и в изумлении смотрели на него люди, ибо видели слитые воедино красу юности, доблесть зрелости и мудрость и величие его лет. И долго лежал он там, образ великолепия Королей Человеческих, в славе, незатемненной до конца света.

А Арвен вышла из Дома; сияние глаз ее потухло, и людям казалось, что она стала печальной и холодной, как наступление беззвездной зимней ночи. Затем она простилась с Элдарионом, с дочерьми и со всеми, кого любила, и покинув город Минас-Тирит, отправилась в земли Лориэна и жила там одна под увядающими деревьями до прихода зимы. Галадриэль ушла, и Келеборн тоже ушел, и земля молчала.

Там наконец, когда опадали листья мэллорна, но весна еще не настала, она прилегла отдохнуть на Керин-Амроте; и там будет ее зеленая могила, покуда мир не изменится, и пришедшие после люди не забудут окончательно дни ее жизни, и эланор с нифредилью не перестанут цвести на востоке от Моря.

Так завершается это сказание, как дошло оно до нас с Юга, и с кончиной Вечерней Звезды ничего больше не будет сказано в этой книге о тех стародавних днях...

1

Предполагая, что данное слово будет восприниматься в древнем своем значении, которое сохранялось вплоть до Спенсера, — и чума на Уилла Шекспира с его треклятыми паутинками. — *Прим. авт.*

[^^^]

2

С самого начала (*лат.*)

[^^^]

3

Хотя думал о них немало. — Прим. авт.

[^^^]

4

В основе своей, я полагаю, она посвящена проблеме соотношения Искусства (и Вторичного творчества) и Первичной Реальности. — *Прим. авт.*

[^^^]

5

Только не в Прародителе Зла; его Падение относится к сфере вторичной реальности, так что эльфы (воплощение вторичной реальности *par excellence* [в основном, главным образом — (*лат.*)]) стали ему непримиримыми врагами; на них обращалась его жажда и ненависть и они же оказались уязвимы для его лжи. Их Падение — это собственничество и (в меньшей степени) искажение своего искусства и превращение его в средство обретения власти. — *Прим. авт.*

[^^^]

6

Если говорить о символическом или аллегорическом значении, Свет — настолько основополагающий символ в природе вселенной, что проанализировать его вряд ли возможно. Свет Валинора (источник коего — свет до падения) — это свет искусства, не отъединенного от разума, что провидит явления как на научном (или философском) плане, так и на плане образном (или плане вторичного творчества) и «говорит, что это хорошо» — поскольку пре красно. Свет Солнца (или Луны) был взят от Дерев лишь после того, как их осквернило Зло. — *Прим. авт.*

[^^^]

7

Разумеется, в реальности это значит только то, что мои «эльфы» — лишь воплощение или репрезентация некоей части человеческой природы, но в легендах так не скажешь. — *Прим. авт.*

[^ ^^]

8

На самом деле эта история существует в виде довольно длинной поэмы; прозаический пересказ в «Сильмариллионе» является лишь сокращенным ее вариантом — *Прим. авт.*

[^^^]

9

Имя его как таковое заимствовано из древнеанглийского языка: слово *earendel*, «луч света», иногда употребляется по отношению к утренней звезде; имя это сопряжено с разветвленными мифологическими ассоциациями (сегодня по большей части непонятными). Но это — всего лишь «нотка эрудиции». На самом деле его имя на эльфийском языке означает «великий мореход», или «любящий море». — *Прим. авт.*

[^ ^^]

10

Это название Льюис позаимствовал у меня и упрямо его использует, причем пишет с ошибкой: «Нуминор». Нуменорэ на «эльфийском» означает просто-напросто «Западная земля», или «Земля Запада»; это название никак не связано с нупен (мистический) или *νοῦμενον*! — *Прим. Авт.*

[^^^]

11

В данном случае и далее по тексту письма таково написание оригинала.

[^^^]

12

По всей видимости, опечатка в тексте. Вместо предлога «near» (рядом) уместен был бы предлог «under» (здесь — под властью (Эльронда))

[^^^]

13

Слово *power* в английском языке крайне многозначно: в текстах Толкина оно употребляется по отношению к Валар (*Powers of Arda* — Власти Арды), по отношению к Кольцам (*Rings of Power* — Кольца Власти), и в качестве абстрактной категории «власть» или «сила», как правило, с ярко выраженным негативным оттенком.

[^^^]

14

Перевод И. Комаровой

[^^^]

15

Эльронд в этих историях символизирует древнюю мудрость, а Дом его олицетворяет собою Знание — благоговейное сохранение в памяти всех преданий о добре, мудрости и красоте. Это место не *действия*, но *размышления*. Таким образом, через Имладрис пролегает путь ко всем деяниям или «приключениям». Он может оказаться по дороге (как в «Хоббите»); однако порою необходимость велит уходить оттуда совершенно неожиданным маршрутом. Так, по воле обстоятельств, во «Властелине Колец», укрывшись у Эльронда от неотвратимого преследования уже явленного зла, герой отправляется в абсолютно новом направлении: дабы бросить злу вызов у его истока. — *Прим. авт.*

[^^^]

16

Средний век (лат.)

[^^^]

17

Подразумевается (становится очевидно позже, в случае с хоббитами, которые какое-то время владели Кольцом), что каждый «народ» от природы наделен сроком жизни, соответствующим его биологической и духовной сути. *Увеличить* его качественно или количественно на самом деле нельзя; так что продление во времени подобно тому, как если бы проволока натягивалась все ту же или «масло намазывалось все тоньше» — и становится невыносимой пыткой. — *Прим. авт.*

[^^^]

18

Лишь в промежутке между «Хоббитом» и продолжением к нему обнаруживается, что Некромант — это *Саурон Redivivus* [воскресший (лат.)], стремительно набирающий силу и обретающий зримый облик. Обманув бдительность, он возвращается в Мордор и в Темную Башню. — *Прим. авт.*

[^^^]

19

Конечно же, на самом деле предполагается, что хоббиты — одна из ветвей именно *человеческой* расы (не эльфы и не гномы): так что обе разновидности могут жить бок о бок (как в Бри) и зовутся просто-напросто Рослый Народ и Малый Народ. Они абсолютно лишены сверхчеловеческих способностей, однако представлены как более близкие к «природе» (к почве, ко всему живому, к растениям и животным) и совершенно невероятным для людей образом свободны от честолюбия и жадности до богатства. Они сделаны *маленькими* (чуть выше половины человеческого роста, однако с течением лет становятся все меньше) отчасти для того, чтобы изобразить ничтожность человека простого, лишённого воображения, ограниченного, — хотя и без крохотности или беспощадности Свифта, и главным образом, чтобы продемонстрировать в существах физически крайне слабых, ошеломляющий и неожиданный героизм человека заурядного «в трудный час». — *Прим. авт.*

[^^^]

20

Назначение и природа «Магов» нигде в подробностях не объясняются. Само их название (*Wizards*), соотносимое с английским *Wise*, «Мудрый», — английский перевод соответствующего эльфийского слова и используется по всему тексту как принципиально иное, нежели Чародей (*Sorcerer*) или Колдун (*Magician*). В итоге выясняется, что в контексте данных преданий Маги, так сказать, выступают приближенным эквивалентом ангелов, ангелов-хранителей. Их силы направлены главным образом на поддержание врагов зла, дабы те воспользовались своей собственной сообразительностью и доблестью, объединились и выстояли. Они неизменно являются в обликах старцев и мудрецов, и хотя (присланные владыками Истинного Запада) в мире они и сами подвержены страданиям, сидят и стареют они крайне медленно. Гандалф, чье предназначение как раз и заключается в том, чтобы приглядывать за делами человеческими (за людьми и хоббитами), фигурирует во всех преданиях. — *Прим. авт.*

[^^^]

21

Враждебность (даже неиспорченных) гномов и эльфов, мотив, возникающий столь часто, заимствован из легенд Первой эпохи; Копи Мории, войны гномов и орков (гоблинов, солдат Темного Властелина) — это уже Вторая эпоха и начало Третьей. — *Прим. авт.*

[^^^]

22

Имя Эовин (*Eowyn*), как и прочие роханские имена и названия — англосаксонского происхождения; др. — англ. «всадница, радующаяся лошадям», от *eoh* (боевой конь) + *wyn* (радость, удовольствие) («Справочник имен и названий во «Властелине Колец»). В Приложении Е к ВК специально оговаривается, что гласный *у* в роханских (и синдарских) словах читается как в древнеанглийском ([*ʊ*]). Однако этот звук в древнеанглийском часто редуцировался до [*i*] (о чем свидетельствуют альтернативные написания типа *symbol/simbet*). В русскоязычной традиции такие германские корни (когда основа, содержащая *у* — вторая, т. е. ударение на ней второстепенное, как в случае с *Eowyn*, *symbolmune*) принято транслитерировать через «и» (напр. *Aethelfryth* — Этельфрид(а), и т. п.).

[^^^]

23

Сам писатель, отвечая на вопрос о своей фамилии, всегда подчёркивал, что произносить её нужно в немецкой, а не в английской транскрипции. То есть не "Толкин", а "Толкиен".

Информация эта вполне известна и общедоступна; доведена до сведения читающей публики уже в предисловии к первой книге эпопеи — "Хранители" 1982 года издания. Но неправильное произношение "Толкин", используемое с начала безграмотных "диких" 90-х годов, увы, устоялось в массовом сознании, о чём теперь можно только сожалеть.

В данной компиляции фамилия великого сказочника исправлена во всех текстах и приведена к правильному произношению. — *Примечание составителя.*

[^^^]

24

Здесь в сокращенном виде воспроизводится предисловие к изданию «Хоббита» 1987 года, приуроченному к пятидесятилетней годовщине публикации книги.

[^^^]

25

Письмо к К. Бредертону от 16 июля 1964 г. — *Прим. перев.*

[^^^]

26

«Знакомая» — это Элейн Гриффитс, а «одна сотрудница издательства» — Сьюзен Дагналл. Эта история пересказывается в «Биографии» Х. Карпентера, стр. 281–282. Там же приводится рецензия на книгу, написанная Рейнером Анвином (в возрасте 10 лет).

[^^^]

27

Первая половина цитаты приводится по: Карпентер, Х. Дж. Р. Р. Толкиен: Биография. Пер. А. Хромовой. М.: Эксмо-Пресс, 2002.

[^^^]

28

Речь идет об английском юбилейном издании «Хоббита» 1987 г. — Прим. перевод.

[^^^]

29

Ричард Хьюз написал Стэнли Анвину по поводу «Хоббита»: «Единственная загвоздка, как мне кажется, состоит в том, что многие родители... побоятся читать отдельные эпизоды детям перед сном, посчитав их слишком страшными».

[^^^]

30

Аллюзия на гл. XII «Хоббита». Автор хочет сказать, что испытал примерно те же ощущения, что Бильбо — при виде сокровищ Смауга: «Сказать, что у Бильбо перехватило дыхание, значит не сказать ничего. Люди забыли слова, способные передать его чувства, вместе с языком, который переняли у эльфов во дни, когда мир был полон чудес». — *Прим. перев.*

[^^^]

31

В первом тираже цветные иллюстрации отсутствовали. Мой отец остался очень доволен четырьмя цветными оттисками, хотя и сожалел, что «картинка с Орлом» (иллюстрация к первой фразе главы VII «Необычный кров») не вошла, — сожалел «по той простой причине, что мне ужасно хотелось посмотреть на нее в напечатанном виде». Она содержится в первом американском издании (в котором опущена иллюстрация «Бильбо приходит к хижинам эльфов-плотогонов») и в конце концов была включена в британское издание 1978 г.

[^^^]

32

В английском фольклоре — существа, похожие на людей, но безобразные, злобные, живут в пещерах, в подземных туннелях.

[^^^]

33

Как и в старой России, праздник середины лета, 24 июня.

[^^^]

34

Английская мера ёмкости; равна 0,57 литра.

[^^^]

35

Перевод И. Комаровой

[^^^]

36

Пер. И. Гриншпуна.

[^^^]

37

Здесь и дальше стихи в переводе Г. Усовой.

[^^^]

38

Веревка, которой шлюпка привязывается к судну или пристани.

[^^^]

39

Согласно летописям Гондора, это был Аргелеб Второй, двадцатый князь северной династии, которая завершилась через триста лет княжением Арведуи. — *Примеч. автора.*

[^ ^^]

40

Таким образом, год Третьей эпохи в исчислении эльфов и людей узнается путем прибавления 1600 к хоббитской дате. — *Примеч. автора.*

[^^^]

41

Согласно хоббитскому календарю, во всех месяцах по тридцать дней.

[^^^]

42

На оркском наречии — гондорец. — *Примеч. автора.*

[^^^]

43

О Владычица звезд! — титулование Элберет Гилтониэли на верхнеэльфийском языке. — *Примеч. автора.*

[^^^]

44

Напоминаем: лига — около трех миль, точнее — 2,736. — *Примеч. ред.*

[^^^]

45

Минас-Тирит издревле назывался Минас-Анор, что значит Крепость Заходящего Солнца. — *Примеч. пер.*

[^^^]

46

Оркское слово «шарку» значит «старик». — *Примеч. автора.*

[^^^]

47

Прилипки (2–4 июля) знаменовали у хоббитов середину лета и года; Просе-
чень (30 декабря — 1 января) — середину зимы и конец года. — *Примеч. пер.*

[^^^]

48

Стихи в переводе А. Кистяковского.

[^^^]

49

Непонятно, кто в начале двухтысячных изуродовал перевод Н. Эстель 1992 года. Вряд ли это была она сама. Недаром Эстель не указана в издании АСТ 2003 года, как переводчик. Сравнив оба перевода, для данной публикации я без сомнений предпочёл вариант 1992 года, поскольку он звучит гораздо достойнее. О степени же ублюдочности (вероятно, большей своей частью сплагиченного, а меньшей, просто перелопаченного и переделанного под знаменем "соответствия оригиналу") текста издательства АСТ 2003, читатель может судить на одном простом и очень наглядном примере: "**Пришедшие Следом**" (1992) в АСТовском варианте перевода (2003) звучит как "**Последьши**". Ну, спасибо, хоть не "опарьши". — *Прим. сост.*

[^^^]

50

Поскольку без рассказа о любви и смерти Арагорна и Арвен история Средиземья выглядит незаконченной, то данное сказание, найденное в архивах профессора Толкиена и подготовленное к печати его сыном, включено в этот сборник; пусть не как замковый камень, но как последний кирпич в кладке здания великолепного дворца одной из самых знаменитых серий высокой фэнтези. — *Прим. сост.*

[^^^]

51

Я дала Надежду Дунаданам, не оставив надежды себе.

[^^^]